

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА СЕДЬМАЯ
Томъ 12 и 13.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННагО И ДОПОЛНЕННагО ИЗДАНИЯ

- подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительнаго члена Императорскаго географическаго общества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И №.
Большая Подълческая, № 39.
1899.

Рисунки дозволены цензурою.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XII.

Западная Африка: Атлантическіе Архипелаги. — Сенегамбія и
Западный Суданъ.

Переводъ подъ редакціей С. И. Зыкова,
дѣйствительного члена Императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подьяческая, 39.

Оглавлениe седьмой книги.

Томъ XII.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА: АТЛАНТИЧЕСКИЕ, АРХИПЕЛАГИ.—СЕНЕГАМБИЯ И ЗАПАДНЫЙ СУДАНЬ.

	стр.	
ГЛАВА I.		ГЛАВА VI.
Атлантические архипелаги-Сенегамбия и Западный Судань...	1	Золотой берегъ и бассейнъ Вольты, Фанти и Ашанти...
1. Атлантида.....	1	стр. 403
2. Азорская Атлантика.....	5	
3. Азорские острова.....	21	
4. Архипелагъ Мадера.....	61	
5. Канарский Архипелагъ.....	81	
6. Архипелагъ Зеленаго Мыса.....	140	
ГЛАВА II.		ГЛАВА VII.
Сенегамбия.....	167	Невольничий берегъ Того, Пого, Ажуда, Барагри, Лагосъ, Дагомей, Горуба.....
1. Общий видъ страны.....	167	стр. 443
2. Бассейнъ Сенегала и Фута-Джаллонъ.....	183	
3. Гамбія.....	287	
4. Казаманка.....	301	
5. Гвинея: португальская владѣнія въ Сенегамбіи.....	310	
6. Южныя рѣки.....	329	
ГЛАВА III.		ГЛАВА VIII.
Сиерра-Леоне	345	Бассейнъ Нигера.....
		1. Общий обзоръ.....
ГЛАВА IV.		487
Либерія.....	365	2. Верхній Нигерь.....
		511
ГЛАВА V.		3. Средній Нигерь: Томбукту, туареги и
Берегъ Слоновой Кости, Большой Бассамъ, Ассини.....	391	сонгай.....
		594
		4. Гаусса.....
		548
		5. Бенуэ, нижній Нигерь, Бонни и Старый Калабаръ.....
		578
ГЛАВА IX.		
Бассейнъ озера Чадъ	618	
1. Общий обзоръ.....	618	
2. Уадай.....	637	
3. Канемъ.....	645	
4. Борну.....	654	
5. Багирми.....	675	

ТОМЪ XIII.

**ЮЖНАЯ АФРИКА: ЮЖНЫЙ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАНЬ.—КАМЕРУНЬ.—
ГАБОНЬ.—КОНГО.—АНГОЛА.—ДА-МАРА.—ЛИМПОПО.—КУ-БАНГА.—МОЗАМ-
БИКЬ.—ЗАНЗИВАРЬ.**

ГЛАВА I.

	стр.	стр.	
Южный Атлантический океанъ и острова			
1. Гвинейское море.....	1	4. Страна бе-чуановъ.....	499
2. Африканские острова южного Атланти- ческого океана; Тринидадъ-д'Акунья	8	5. Истоки Оранжевой рѣки. Край племени ба-сую.....	511
3. Островъ Св. Елены.....	15	6. Кафрарія.....	515
4. Островъ Вознесенія	24	7. Наталь.....	524
5. Острова Гвинейского залива.....	30	8. Страна зулусовъ (Zulu-Land).....	537
		9. Оранжевая республика (Orange Vry- staat).....	543
		10. Трансвааль, или Южно-Африканская республика (Zuid-Afrikaansche Republiek)	550
		11. Бухта Делагоа, владѣнія Португалии къ югу отъ р. Лимпопо.....	565

ГЛАВА II.

Камерунъ	45
-----------------------	----

ГЛАВА III.

Габонія	81
1. Испанская, французская и португальская владѣнія.....	81

ГЛАВА IV.

Конго	139
1. Общий взглядъ.....	139
2. Бассейны Луа-Пузы и Луа-Лабы.....	200
3. Область озеръ Танганьика и Мута Н'зинге	211
4. Берега Конго, отъ озера Ланджи до слия- нія съ У-Бангі.....	228
5. Бассейнъ Уэллэ, страны племенъ монбу- ту и ніамъ-ніамъ.....	240
6. Французская территорія Конго.....	255
7. Бассейнъ р. Кассан.....	268
8. Бассейнъ Куанго.....	287
9. Низовья рѣки Конго.....	291

ГЛАВА V.

Анго отъ рѣки Конго до рѣки Ку- нэнэ	307
---	-----

ГЛАВА VI.

Страны Дама-ра и Нама-Куа	383
1. Области между рѣками Кунэнэ и Оран- жевой.....	383

ГЛАВА VII.

Бассейны рѣкъ Оранжевой и Лим- попо	409
1. Общий взглядъ.....	409
2. Капская колонія.....	455
3. Западная территорія Гри-Куа.....	489

	стр.
4. Страна бе-чуановъ.....	499
5. Истоки Оранжевой рѣки. Край племени ба-сую.....	511
6. Кафрарія.....	515
7. Наталь.....	524
8. Страна зулусовъ (Zulu-Land).....	537
9. Оранжевая республика (Orange Vry- staat).....	543
10. Трансвааль, или Южно-Африканская республика (Zuid-Afrikaansche Republiek)	550
11. Бухта Делагоа, владѣнія Португалии къ югу отъ р. Лимпопо.....	565

ГЛАВА VIII.

Иносамбана, Сафала, страна Газа	567
Португальская владѣнія между рѣками Лимпопо и Замбезе	567

ГЛАВА IX.

Бассейны рѣкъ Замбезе и Ку- Банго	583
1. Общий взглядъ	583
2. Народы, обитающіе по берегамъ Ку- Банги, Нгами и верхней Замбези, королев- ство Ба-Роце	607
3. Страна племени ма-тебелэ и населеніе на среднемъ течении Замбези	615
4. Бассейнъ озера Нъялса и рѣки Ширэ	624
5. Низовья Замбези и Квеллангане	630

ГЛАВА X.

Мозамбикъ	633
Отъ Замбези до Ро-Вума	633

ГЛАВА XI.

Занзибаръ	653
Германский протекторатъ въ Восточной Африкѣ	653

ГЛАВА XII.

Килима - Нджаро, Кенія, берега Момбаза и Малинди	687
---	-----

ГЛАВА XIII.

Страна сомалей и восточныхъ галласовъ	732
--	-----

въ миоахъ и преданіяхъ¹⁾). Но есть также писатели, которые принимаютъ разсказъ Платона въ главныхъ его чертахъ и склоняются въ пользу того мнѣнія, что дѣйствительно нѣкогда существовала отдельная континентальная масса, занимавшая большую часть океаническаго бассейна къ западу отъ Атласа, и что этотъ материкъ скрылся подъ водой въ современномъ геологическомъ періодѣ, въ эпоху, когда цивилизованныя націи оспаривали другъ у друга господство въ бассейнѣ Средиземнаго моря²⁾). Однако, эта гипотеза, изъ которой поэты сдѣлали родъ литературнаго общаго мѣста, не оправдывается никакими фактическими указаніями. Переворотъ, измѣняющій «въ одну ночь» равновѣсіе суши и моря, внезапное превращеніе цѣлаго континента въ «огромную площадь морскаго дна» не могли бы, конечно, совершиться безъ того, чтобы отъ этого не произошло страшныхъ потрясеній, особенно, если вѣрно, какъ позволяютъ думать изслѣдованія Крюммеля, что вѣсь материковъ, отъ ихъ подводнаго основанія до вершины, въ точности равень вѣсу океановъ и морей. Самая значительная перемѣна, о которыхъ разсказываютъ лѣтописи относительно этихъ океаническихъ пространствъ, представляются ничтожными въ сравненіи съ такимъ переворотомъ, какъ проvalъ обширнаго континента. Простыя колебанія почвы, мѣстная изліянія лавы, изверженія пепла, появленіе на поверхности моря вулканическихъ шлаковъ, возвышающихся въ видѣ островныхъ горокъ,—все это явленія маловажныя въ жизни планеты.

Но если Атлантида не существовала, какъ отдельная земля, въ текущемъ геологическомъ періодѣ, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что предшествующіе вѣка, слишкомъ за «девять тысячъ лѣтъ» до Платона, дѣйствительно видѣли особый континентъ въ этой части земной поверхности. Правда, механика еще не указала способа изучать непосредственно горныя породы океаническаго дна, и приборы, употребляемые для измѣренія глубины моря, приносятъ лишь кое-какіе образчики этихъ породъ, заключенные въ отложеніяхъ мѣловатаго ила; но противоположные берега Атлантики и выступающая изъ нея земли своимъ расположениемъ и ископаемыми органическими остатками своихъ пластовъ даютъ прямой отвѣтъ на многие вопросы, съ которыми обращаются къ пимъ геологии. Такъ, если между двумя противолежащими материками въ какомъ-либо мѣстѣ соответствующіе слои, принадлежащіе по совокупности своихъ формаций къ одному и тому же періоду въ исторіи земли, представляютъ, однако, значительная различія въ отношеніи

¹⁾ Bory de Saint-Vincent, „Essais sur les Isles Fortunées“; — d'Avezac, „îles de l'Afrique“.

²⁾ Paul Gaffarel, „L'Atlantide“ Revue de Géographie, 1880.

животнаго царства, то отсюда заключаютъ, что лабораторіи морскаго дна, гдѣ отлагались эти слои, были раздѣлены выступавшими изъ-подъ воды землями; съ другой стороны, большое сходство или даже тождество между ископаемыми организмами двухъ удаленныхъ одна отъ другой земель доказываетъ, что соответствующіе пласты соединялись перешейками или материками. Благодаря этимъ сравнительнымъ изслѣдованіямъ, можно утверждать, что въ тѣ времена, когда совершалось наслоненіе обломковъ и остатковъ всякаго рода, составляющихъ различные ярусы юрской формаций, моря Америки и Старого Свѣта не были, какъ нынѣ, соединены между собою глубокой впадиной Атлантическаго океана¹⁾). Ихъ раздѣляль въ ту эпоху цѣлый континентъ, занимавшій пространство, гдѣ теперь находятся морскія пучины, измѣняемыя лотомъ кораблей, которые укладываютъ телеграфные кабели на днѣ океана. Точно также существованіе одинаковой органической жизни въ міоценовыхъ слояхъ Небраски и въ пластахъ тѣхъ же вѣковъ въ Европѣ доказываетъ, что эти страны, flora и fauna которыхъ нынѣ такъ много разнится, были нѣкогда соединены между собой непрерывнымъ пространствомъ суши²⁾). Сколько разъ, въ исторіи Земли, измѣнялся подобнымъ образомъ рельефъ материковъ, представляющихъ временные, переходныя формы, которые появляются и исчезаютъ, какъ облака на небѣ!

Какія колебанія уровня испытывали, со временемъ юрскаго періода, земли, поперемѣнно то выступавшія изъ моря, то снова погружавшіяся въ его нѣдра,—мы не знаемъ. Можетъ быть, Азорскіе и Канарскіе острова, Мадера, архипелагъ Зеленаго Мыса составляютъ лишь остатки материковой массы, нѣкогда господствовавшей надъ этими областями океана. По крайней мѣрѣ расположение ихъ такое, какое имѣли бы горы, разставленныя въ видѣ бордюра, вдоль полукругового морскаго берега; они расположены по правильной дугѣ, въ томъ же направленіи, какъ гряды Центральныхъ Андовъ Перу и Боливії и какъ вулканическія горы Сѣверной Америки. отъ горы св. Иліи до горы Шаста, въ Калифорніи. Архипелаги Атлантики почти сплошь состоятъ изъ огненныхъ породъ и изъ горъ съ кратерами, подобно краевымъ цѣпямъ американскаго континента: если справедлива гипотеза, по которой жерла вулкановъ открываются на линіяхъ излома, образуемыхъ морскими берегами, то Азорскіе и Канарскіе острова, Мадера и архипелагъ Зеленаго Мыса расположены, вѣроятно, по окраинѣ древняго берега—берега геологической Атлантиды. Къ тому же эти земли

¹⁾ Marcou, „Fosses du Jura“; — Neumayr, „Geographische Verbreitung der Jura-Formation“.

²⁾ Unger, „Die versunkene Insel Atlantis“.

очень сходны между собой по образованію и составляютъ какъ-бы особую семью между различными областями земного шара.

Эти атлантическіе архипелаги географически не принадлежать къ африканскому материку, какъ это можно подумать при взглѣдѣ на карту. Хотя Мадера, Канарскіе острова, архипелагъ Зеленаго Мыса находятся въ очень близкомъ разстояніи отъ континентальнаго берега Африки, но между этими соседними землями глубины моря, которая до недавняго времени предполагали незначительными, оказываются, напротивъ, много превышающими 1.000 метровъ, и контрасты флоры и фауны доказываютъ совершение разніе между названными островами и африканскимъ материикомъ. Во многихъ отношеніяхъ эти архипелаги составляютъ посредствующую область между тремя частями свѣта. По климату и естественнымъ произведеніямъ Азорскіе острова, Мадера, даже Канарскіе острова имѣютъ болѣе близкую связь съ Европой, чѣмъ съ массивнымъ африканскимъ материикомъ; по своимъ первымъ извѣстнымъ обитателямъ Канарскіе острова оставляли часть берберскаго міра, т. е. сѣверной Африки; наконецъ, многіе растительные виды, привнесенные голѣстремомъ, происходятъ съ американскаго континента. Съ исторической точки зрѣнія, названные архипелаги тоже были естественными посредниками и служили пристанями для открытія Нового Свѣта. Въ настоящее время островъ Санть-Винцентъ, въ архипелагѣ Зеленаго Мыса, является главнымъ мѣстомъ остановки между западной Европой и Бразиліей, а наиболѣе населенныя земли Азорскихъ и Канарскихъ острововъ составляютъ своего рода сады акклиматизаціи для растеній, ввозимыхъ черезъ Атлантический океанъ съ одного континента на другой.

II. Азорская Атлантика.

Океаническое пространство, посреди которого возвышаются Азорскіе острова, должно бы быть специально называемо Атлантикой, такъ какъ оно лежитъ къ западу отъ Атласа и Геркулесовыхъ Воротъ, посыпанныхъ древними мореплавателями; но этому имени «Атлантика», или «море Атласа», постепенно придавали болѣе широкое значеніе и наконецъ стали применять его ко всей впадинѣ, раздѣляющей Старый и Новый Свѣтъ, отъ сѣвернаго Ледовитаго океана до антарктическихъ земель и льдовъ. Если не существуетъ точныхъ естественныхъ дѣленій въ континентальныхъ масахъ, по причинѣ постепенныхъ переходовъ рельефа почвы, геологического строенія, климата, то тѣмъ болѣе трудно провести демаркаціонныя линіи черезъ океанъ: соотвѣтственно движению солнца по эклиптицѣ, порядокъ вѣ-

тровъ и течеиій безпрестанно измѣняется; времена года перемѣщаются поочередно съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ; вѣчно подвижныя воды моря, направляющіяся поперемѣнно то въ ту, то въ другую сторону, перемѣшиваютъ географическіе поясы въ своихъ безконечныхъ странствованіяхъ. Поэтому нѣть возможности определить, где кончаются сѣверные области океана и начинаются моря умѣренной зоны. Приходится ограничиться указаніемъ въ общихъ чертахъ, какъ на раздѣльный поясъ, на относительно узкую часть Атлантики, заключающуюся между подводнымъ пьедесталомъ западной Европы и Ньюфаундлендской мелью: это такъ называемое «Телеграфное» плоскогорье, первая часть океана, гдѣ глубины были методически измѣрямы, въ виду укладки кабелей, передающихъ новости изъ одного міра въ другой. Эта область океана, средняя глубина которой около 4.000 метровъ, представляетъ замѣчательную правильность въ рельефѣ своего ложа, имѣющаго очень пологіе скаты и ровное дно на обширныхъ пространствахъ.

Морской бассейнъ, находящійся на югѣ отъ Телеграфного плато, и который можно назвать Азорской Атлантикой, по имени ближайшаго къ его центральной части архипелага, довольно точно ограниченъ съ южной стороны поясомъ меньшей ширинѣ, заключающимся между Африкой и Южной Америкой: линія, проведенная отъ архипелага Биссагост до мыса Санть-Рокъ, черезъ два островка св. Павла и Фернандо-де-Норонья, имѣетъ менѣе 2.900 километр. длины, и въ этомъ раздѣльномъ поясѣ воды менѣе глубоки, чѣмъ въ соседнихъ частяхъ океана, лежащихъ южнѣе и сѣвернѣе. Въ цѣломъ Азорская Атлантика имѣть форму сплюснутаго полумѣсяца, выпуклая сторона котораго, обращенная на западъ, окаймлена Соединенными Штатами С. Америки, Антильскими островами, берегами Гвіаны и Бразиліи, а внутренняя вогнутая дуга очерчена побережьемъ Африки, отъ Гибралтарскаго пролива до мыса Пальма. Въ этой части океана дно представляетъ гораздо болѣе неровностей, чѣмъ въ сѣверной Атлантицѣ, къ югу отъ Гренландіи и Исландіи. Не только острова и островки, ихъ пьедесталы и окружающая мель прерываютъ океаническія пропасти между Африкой и Антильскими островами, но въ этой области существуютъ, кромѣ того, многочисленныя подводныя горы, вѣроятно, вулканическаго происхожденія, какъ и выступающіе изъ-подъ воды архипелаги. Особенно часто встречались эти подводные архипелаги, при измѣрени глубины моря, на сѣверѣ и на западѣ отъ Азорскихъ острововъ: внезапное понижение уровня океана на 1.000 метровъ обнаружило бы существование многочисленныхъ острововъ, изъ которыхъ одни разсѣяны спора-

дическими группами между Телеграфнымъ на-
горьемъ и Азорскими островами, другіе ти-
нутся непрерывной цѣпью къ западу отъ этого
архипелага на пространствѣ 15 градусовъ дол-
готы, по направлению къ Ньюфаундлендской
мели. Однако, большинство мелей и банокъ,
показанныхъ на старыхъ картахъ,—наприм.
банки св. Марии и Кутузова, къ югу отъ Азор-
скихъ острововъ,—не найдены новѣйшими
измѣрителями глубины: сотрясенія моря, смер-
чи, стаи китообразныхъ, плавающія груды
пемзы часто вводили въ заблужденіе моряковъ,
предполагавшихъ существованіе рифовъ въ та-
кихъ мѣстахъ, гдѣ лотъ опускается на 4.000
или 5.000 метровъ, не доставая дна. Рѣзкія
перемѣны цвета морской воды, изъ зеленаго
въ синій, изъ синяго въ черный, наблюдаются
въ Азорской Атлантицѣ, обыкновенно соотвѣт-
ствуютъ разницамъ въ глубинѣ: таково, по
крайней мѣрѣ, совпаденіе, поразившее член-
новъ экспедиціи корабля «Talisman» въ одной
части Азорской Атлантики, гдѣ дно очень не-
ровное; тамъ четыре промѣра дали послѣдо-
вательно: 888, 175, 240 и 1.495 метровъ¹⁾.
Впрочемъ, тѣ же самые ученые, замѣтивъ во
время плаванія между Канарскими островами
и архипелагомъ Зеленаго Мыса, что вода
имѣеть грязно-зеленый цветъ, заключили, что
тутъ должно быть «мелко»; произведенныя
ими измѣренія показали, что средняя глубина
моря въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 2.000 ме-
тровъ²⁾. Это явленіе измѣненій цвета въ мор-
ской водѣ физики объясняютъ различно. По
Тойнби, море имѣеть вообще зеленый цветъ,
когда поверхность его холодная и когда атмо-
сферный воздухъ влаженъ. Съ другой стороны,
наблюденія экспедиціи корабля «Gazelle» при-
вели къ выводу, что контрастъ лазурной воды
съ зеленоватой происходитъ отъ различной
степени солености: синяя вода отличается
наибольшей плотностью.

Методического изслѣдованія Азорской Атлан-
тики пока еще не имѣется, и немногія мѣста,
гдѣ произведено измѣрение глубины, раздѣлены
огромными пробѣлами въ тысячу и болѣе ки-
лометровъ. Единственная часть океана, гдѣ
рельефъ морского дна вполнѣ извѣстенъ,—это
плоскогорье, на которомъ уложены телеграф-
ные кабели изъ западной Европы въ Соеди-
ненные Штаты; къ югу отъ этого плато, про-
дѣленные пути кораблей, послыавшихся специаль-
но для научныхъ изслѣдований, раздѣлены
большими промежутками. Корабли «Challenger»,
«Magenta» и гораздо раньше ихъ «Venus» про-
шли море наискось между Азорскими острова-
ми и берегами Бразилии; «Gazelle», «Saratoga»,
«Dolphin» пересѣкли восточную часть этого
океана, отъ Мадеры до острововъ Зеленаго

Мыса; «Talisman», «Gettysburg» изслѣдовали
преимущественно морскія пространства въ
сосѣдствѣ острововъ, тогда какъ промѣры съ
корабля «Silverton» производились единствен-
но для укладки кабеля между архипелагомъ
Зеленаго Мыса и португальскими владѣніями
сосѣднаго прибрежья. Противъ американскихъ
береговъ, между Ньюфаундлендомъ и Бермуд-
скими островами, между этой группой, Флори-
дой и Багамскимъ архипелагомъ, «Blake» и
многіе другіе корабли отмѣтили свой путь
сдѣланными тамъ опредѣленіями глубины. Со-
вокупность этихъ измѣреній не даетъ еще до-
статочнаго материала для составленія подроб-
ной карты морскаго дна: наибольшая часть
батометрическихъ кривыхъ можетъ быть на-
черчена лишь съ помощью догадокъ, болѣе или
менѣе правдоподобныхъ: этимъ и объясняется
большое разногласіе между различными карта-
ми, хотя составители ихъ располагали элемен-
тами, доставленными одними и тѣми же про-
мѣрами. Дальнѣйшія изысканія позволятъ по-
степенно уменьшать долю неизвѣстнаго: уклад-
ка подводнаго телеграфа между Португаліей и
Азорскими островами, затѣмъ другія изслѣдо-
ванія, промышленныя и научныя, будутъ сбли-
жать цифры, данныя батометромъ, и такимъ
образомъ, мало-по-малу, рельефъ ложа Атлан-
тики обрисуется предъ нами въ своей истинной
формѣ. Уже на нѣкоторыхъ пунктахъ были
предприняты новые измѣренія съ цѣлью про-
вѣрки прежнихъ наблюдений. Такъ, простран-
ство между архипелагомъ Зеленаго Мыса и
островами Биссагосъ было промѣreno два
раза, и вторая операция, выполненная болѣе
щатально и съ лучшими измѣрительными при-
борами, чѣмъ первая, дала для этихъ водъ болѣе
значительная глубины, въ сравненіи съ
показанными на прежнихъ картахъ³⁾; точно
также «Talisman» исправилъ многія изъ цифръ,
полученныхъ ранѣе «Challenger»омъ. Прежде,
когда для измѣренія глубины употребляли про-
стой лотъ, безъ просверленного ядра, отпадаю-
щаго при ударѣ конца о дно, случалось, что
опускаемая въ море веревка сматывалась не-
определенно долго, а между тѣмъ наблюдатель
не ощущалъ,透过 сотрясеніе руки, прикос-
новенія прибора къ дну, и тогда исчисленная
глубина выходила гораздо больше настоящей,
примѣромъ чего могутъ служить глубины, най-
денныя Денгамомъ и Паркеромъ въ бразиль-
ской Атлантицѣ. Теперь наблюдатель подвер-
гается другому риску: при употребленіи нынѣш-
наго усовершенствованного аппарата, случай-
ные толчки, произведенные какимъ-нибудь
трениемъ, движениемъ корабля, проходомъ боль-
шаго животнаго, способны ввести въ заблужде-
ніе измѣрителя, который легко можетъ принять
такой толчокъ за ударъ о поверхность дна,

¹⁾ Perier, „Explorations sous-marines“.

²⁾ Parfait et Vincent, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“, 1883—1884, № 2.

³⁾ Ernesto de Vasconcelhos, рукописные замѣтки.

вследствие чего определенные имъ глубины будуть ниже действительныхъ.

Средняя толщина жидкой массы, вычисленная Крюммелемъ для всей долины Атлантиче-

ности) мелями, составляетъ, въ центрѣ Атлантики, попечерный порогъ въ громадной долинѣ океана, то на продолженіи этой оси выступающихъ изъ моря и подводныхъ горъ находится

Мысъ Сантъ-Лоренцо на Мадерѣ.

скаго океана, равняется 3.681 метру. Для бассейна Азорскихъ водь она, вѣроятно, не сколько значительнѣе. Если Азорскій архипелагъ, продолжающійся въ западномъ направленіи высокими (т. е. лежащими близко отъ поверх-

одна изъ самыхъ глубокихъ известныхъ намъ пропастей Атлантики: обширная океаническая котловина, къ югу отъ Ньюфаундлендской мели, осталась бы еще подъ водой, если бы уровень моря вдругъ понизился на 6.000 метровъ. Дру-

гая пропасть лежить почти въ непосредственномъ сосѣдствѣ Аントильскихъ острововъ: въ этихъ водахъ, въ 157 километрахъ къ сѣверу отъ острова св. Фомы, лотъ «Challenger'a» открылъ впадину глубиной въ 7.091 метръ, такъ что думали, что это самое глубокое мѣсто въ Атлантическомъ океанѣ; но послѣ того километровъ на сто западнѣе измѣрительный приборъ, спущенный съ корабля «Blake», досталь дно лишь на разстояніи 7.887 метр. отъ морской поверхности. Около восточной части бассейна, въ моряхъ, окружающихъ острова Зеленаго Мыса, и даже между этимъ архипелагомъ и африканскимъ континентомъ, встрѣчаются обширныя пространства дна, гдѣ глубина превышаетъ 5.000 метровъ. Въ цѣломъ, Азорская Атлантика имѣть форму двойной долины, одна вѣтвь которой огибаетъ Африку, а другая омываетъ африканскія земли, будучи отдѣлена отъ первой длиннымъ подводнымъ хребтомъ, который тянется отъ юго-западной стороны Азорскаго архипелага по направлению къ Гвіанѣ. Этотъ «хребеть», или «порогъ Дельфина», какъ его называли англійскіе географы, продолжается ли, въ южной Атлантицѣ, къ другому порогу, къ «порогу Челленджера», непрерывнымъ хребтомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Соединительнаго»? Сдѣланные до сихъ поръ промѣры еще не довольно многочисленны, чтобы можно было утверждать это съ увѣренностью, хотя такой соединительный хребеть уже начертанъ на большинствѣ батометрическихъ картъ океана.

За исключеніемъ сосѣднихъ съ островами морскихъ пространствъ, гдѣ встрѣчаются коралловыя мели, вещества, выносимыя батометромъ со дна океана, состоять главнымъ образомъ изъ ила, представляющаго мало разнообразія. Въ менѣе глубокихъ водахъ, натуралистъ можетъ еще распознать остатки глобигеринъ и другихъ микроскопическихъ животныхъ; но въ пропастяхъ глубиною въ 3.000 метровъ или болѣе обломки раковинъ до такой степени измѣльчены и измѣнены огромнымъ давленіемъ, подъ которымъ онѣ находились, что нѣть возможности различить смѣшанные остатки организмовъ: все слѣпилось въ однообразный иль, по составу похожій на мѣлъ; еще ниже характеристической осадокъ дна океана составляетъ красная глина¹⁾). Члены экспедиціи «Талисмана» наблюдали въ иль морскаго дна три различные окраски: красновато-желтую—у береговъ Марокко, зеленую—въ сосѣдствѣ Сенегала и бѣлую—на окружности Азорскихъ острововъ²⁾). Такъ образуются пласты, подобные тѣмъ слоямъ, изъ которыхъ состоять выступившія изъ-подъ воды горныя породы, принадлежащія къ послѣдовательнымъ періодамъ планетной исторіи Земли. Въ большей части этихъ

отложеній ила, добытыхъ лотомъ со дна Азорской Атлантики, находятся обломки вулканическаго происхожденія, особенно пемза (вулканическая пѣна). Эти обломки происходятъ, вѣроятно, изъ центровъ изверженія, образуемыхъ архипелагами, такъ какъ всего чаще они встрѣчаются около острововъ съ кратерами. Методическое изслѣдованіе морскаго дна позволить опредѣлить съ точностью тѣ области, гдѣ открывались отверстія вулкановъ. Кромѣ продуктовъ эруптивнаго происхожденія, «Талисманъ» извлекъ изъ глубины отъ 4.000 до 5.000 метровъ образчики различныхъ горныхъ породъ, гранита, гнейса, сланцевъ, известняковъ и песчаниковъ. Углубленія этихъ породъ были по большей части заполнены бѣловатой грязью, состоящей преимущественно изъ глобигеринъ³⁾).

Въ этихъ тропическихъ моряхъ понижение температуры съ увеличеніемъ глубины совершается правильно, какъ и въ сѣверныхъ областяхъ океана. На поверхности вода, подвергаясь безпрестанно мѣняющемуся вліянію времени года и атмосферныхъ теченій, обнаруживаетъ въ своей температурѣ соответствующія перемѣны: сѣверо-восточные пассатные вѣтры охлаждаютъ, береговые бризы нагреваютъ ее: въ среднемъ, температуры года колеблются въ Азорской Атлантицѣ около 20 градусовъ, но иногда поднимаются до 25° и 28°, а опускаются до 16° и ниже. Вліяніе виѣшнихъ дѣятелей климата быстро ослабѣваетъ подъ поверхностнымъ слоемъ водъ: на глубинѣ 110 метровъ термометръ не обнаруживаетъ уже колебаній температуры, происходящихъ отъ чередованія тепла и холода въ наружной атмосфѣрѣ. Въ этомъ тонкомъ поверхностномъ слоѣ водъ пониженіе температуры идетъ всего быстрѣ. Такъ, въ 333 километрахъ къ югу отъ острововъ Зеленаго Мыса, термометръ, показывавшій 25°, 56 на поверхности моря, опустился до 12°, 33 на глубинѣ 91 метра. Ниже уменьшеніе температуры совершается крайне медленно, а въ глубинѣ морскихъ пропастей разность составляетъ всего нѣсколько десятыхъ долей градуса на сотни метровъ толщины. Результаты 212 измѣреній, произведенныхъ экспедиціей «Талисмана», дали для глубины въ 1.000 метровъ температуру немного менѣе 10 градусовъ, то-есть на 15 градусовъ менѣе температуры поверхностныхъ водъ; на глубинѣ 3.500 метровъ она равна 3 градусамъ, а въ сосѣдствѣ дна приближается къ нулю, который для соленой воды не есть еще точка замерзанія. Въ части Атлантическаго океана, заключающейся между Азорскими островами и архипелагомъ Зеленаго мыса, неизмѣнная температура воды, покоящейся на морскомъ ложѣ, равна 1°, 78; сѣвернѣе, около Бискайскаго за-

¹⁾ Parfait et Vincent, цитированный мемуаръ.

²⁾, Vonquѣ, „Académie des Sciences de Paris“, 5 авг 1886.

³⁾ Perrier, „Explorations sous-marines“.

лива, вода немного теплѣе; въ западныхъ областяхъ Атлантики, около Антильскихъ и Бермудскихъ острововъ и особенно на югѣ, подъ экваторомъ, температура воды еще ниже: здѣсь найдена наименьшая температура, какая до сихъ порь наблюдалась въ Атлантическихъ глубинахъ, именно 0°,22 Цельзія.

Замѣчательно, что воды Азорской Атлантики теплѣе водъ экваторіального бассейна того же океана. Если рассматривать жидкую массу одинаковой толщины въ 2.850 метровъ въ этихъ двухъ океанскихъ областяхъ, то оказывается, что средняя разность температуры между соответственными слоями составляетъ 2°,5 въ пользу сѣверныхъ водъ до 40-го градуса широты. Это явленіе, на первый взглядъ противорѣчащее законамъ физики земного шара, должно быть приписано вліянію морскихъ теченій. Въ то время, какъ часть океана, заключающаяся между Антильскими островами на западѣ, Канарскими островами и архипелагомъ Зеленаго мыса на востокѣ, относительно спокойна и нагрѣвается на солнцѣ, какъ въ шириномъ котлѣ, воды экваторіального бассейна въ значительной части обновляются на поверхности водами, притекающими изъ сѣверной Атлантики, которые прошли съ сѣвера на югъ вдоль всего африканского побережья; въ глубинахъ океаническаго ложа движутся холодныя воды, постоянно приливающія изъ антарктическихъ областей моря и текущія по дну Западной Атлантики и Антильскихъ острововъ. По наблюденіямъ экспедиціи «Челленджера» и «Газели», поясъ встрѣчи антарктическихъ водъ дна находится на юго-западѣ отъ Азорскихъ острововъ, между 36° и 37° широты. Такимъ образомъ, термическій экваторъ морскаго дна, указываемый глубокими слоями, менѣе холодными, чѣмъ боковые слои съ сѣверной и южной стороны, отодвинуты далеко за экваторъ геометрическій: онъ пересѣкаетъ наискоскъ Азорскую Атлантику, на разстояніи по крайней мѣрѣ 2.000 километровъ отъ равноденственной линіи. Въ океанскихъ пучинахъ, также какъ и на поверхности материковъ, зона равновѣсія между климатами сѣвера и юга находится въ сѣверномъ полушаріи.

Каковы бы, впрочемъ, ни были разницы температуры въ глубокихъ слояхъ, фактъ постепеннаго уменьшенія тепла отъ поверхности ко дну, до 1°,5 выше нуля или даже до еще болѣе низкой температуры, составляетъ нормальное явленіе во всѣхъ частяхъ всемирного океана. Нельзя того же сказать про замкнутый почти бассейнъ Средиземного моря, которое получаетъ изъ сосѣднаго океана только поверхностныя воды, имѣющія всегда температуру болѣе 12 или 13 градусовъ. Извѣстно, какія слѣдствія вывелъ французскій астрономъ Фэ (Fayet) изъ того факта, что вода на днѣ океана почти такъ же холодна, какъ ледь. Под-

вергаясь изъ вѣка въ вѣкъ, впродолженіи длиннаго ряда геологическихъ periodовъ, этому охлаждающему вліянію жидкой массы, скалы морскаго ложа охладились и сами до нѣкоторой глубины; они сжимаются, ихъ толщина и плотность возрастаютъ: при равномъ объемѣ они приобрѣтаютъ больший вѣсъ сравнительно съ материковыми горными породами, и, следовательно, эти послѣднія, по мнѣнію названнаго ученаго, оказываются меньшее относительное вліяніе на качанія маятника ¹⁾.

По системѣ своихъ вѣтровъ Азорская Атлантика дѣлится на два пояса: на сѣверѣ поясъ воздушныхъ теченій, движущихся отъ запада къ востоку,— это зона Европы; на югѣ поясъ пассатовъ,— это собственно океанская зона. Кромѣ того, береговая область Африки также отличается особымъ движениемъ воздуха, такъ какъ сосѣдство материка ниспровѣргаетъ всю систему для образованія сугочныхъ бризъ и муссоновъ. Азорскіе острова лежать почти на границѣ между пассатами и контръ-пассатами, которые, спустившись изъ верхнихъ областей атмосферы, становятся вѣтрами юго-западными и западными: воздушная теченія, направляющіяся къ берегамъ Иберіи, Франціи, Британскихъ острововъ, берутъ начало въ этой центральной части морскаго бассейна. Многочисленныя изслѣдованія, произведенныя Бро (Brawlt) относительно направленія и силы вѣтровъ въ сѣверной Атлантицѣ, доказали, что воды вокругъ острова Флореса, одной изъ двухъ западныхъ земель Азорскаго архипелага, представляютъ лѣтомъ настоящій центръ атмосфернаго вращенія: это единственная область Атлантическаго океана, где сѣверные вѣтры дуютъ такъ же часто, какъ и южные, и где западные воздушные токи уравновѣшиваются съ токами восточными. Къ востоку отъ этихъ водъ, господствующіе вѣтры дуютъ съ сѣвера; къ западу они приходятъ съ юга; на сѣверѣ, главное ихъ направленіе съ запада на востокъ; на югѣ— направленіе обратное: такимъ образомъ вокругъ этой области, какъ около центра, вращается весь атмосферный океанъ Азорской Атлантики. Понятно поэтому, какое важное значеніе будетъ имѣть для метеорологовъ Европы подводный кабель, существующій вскорѣ соединить Азорскіе острова со всей сѣстью европейскихъ обсерваторій: по укладкѣ этого кабеля, на островѣ Флоресъ, въ самой точкѣ пересѣченія большихъ воздушныхъ токовъ, будетъ помѣщаться главная метеорологическая станція, откуда будутъ сообщать по телеграфу, за нѣсколько дней впередъ, предсказанія вѣроятной погоды въ западной Европѣ. Въ первой системѣ Старого Свѣта телографныя щупальцы Азорскаго архипелага будутъ самымъ чувствительнымъ органомъ осозанія.

¹⁾ „Revue Scientifique“ 20 f閅vier 1886.

Нормальное движение ветровъ въ Азорской оторые, поднявшись вертикально въ поясъ экваториального затишья, движутся на северъ по направлению къ полюсу, постепенно опускаясь къ поверхности планеты. На Пикъ-де-Тейде, въ архипелагѣ Канарскихъ острововъ, промежуточный поясъ между пассатами и возвратными ветрами лѣтомъ поднимается, зимой опускается на верхнихъ скатахъ горы, и астрономъ Піацци Сміть нѣсколько разъ измѣрилъ точнымъ образомъ толщину нижняго слоя ветровъ, движущагося отъ северо-востока къ юго-западу; но Пикъ-де-Тейде составляетъ лишь островокъ въ воздушномъ океанѣ, и до сихъ поръ еще не изучали, съ той же точки зрѣнія, горы Мадеры, горы архипелага Зеленаго Мыса и часто наблюдаемыя вереницы облаковъ, плавающихъ по небу въ обратномъ направленіи съ правильными ветрами.

Система морскихъ течений азорской Атлантики известна въ общихъ чертахъ, какъ и система ветровъ; но и тутъ многое остается еще невыясненнымъ, многие факты и явленія еще недостаточно подробно изучены. Прослѣдить воды во всѣхъ ихъ круговоротахъ тѣмъ труднѣе, что нѣкоторыя течения движутся слишкомъ медленно, чтобы можно было измѣрять ихъ непосредственно; о нихъ узнаютъ только чрезъ посредство термометра, когда ихъ температура разнится отъ температуры окружающей жидкой массы. Такъ, въ глубинахъ экваториальныхъ морей обнаружили существование течения, исходящаго изъ антарктическихъ морей и достигающаго почти Азорскихъ острововъ; точно также, благодаря термометру, удалось прослѣдить, въ тѣхъ же областяхъ океана, движение холодныхъ массъ жидкости, текущихъ изъ северныхъ морей. Но почти на всемъ протяженіи центрального бассейна Атлантическаго океана воды обладаютъ скоростью, которая измѣряется сотнями метровъ и даже километрами въ часъ.

Въ цѣломъ, часть океана, заключающаяся между Телеграфнымъ плоскогорьемъ и экваторомъ, между западнымъ берегомъ Африки и Антильскими островами, занята обширнымъ водоворотомъ, воды которого пребываютъ въ непрерывномъ круговоротѣ движеніи, постоянно побуждаемыя тѣми же силами. Отъ береговъ Сенегамбіи теченіе, слѣдовавшее вдоль африканского материка, направляется черезъ Атлантический океанъ къ Антильскимъ островамъ; затѣмъ одна часть его проплываетъ въ Караписское море, а другая, слѣдующая по вѣнчайшей сторонѣ Багамскихъ острововъ, присоединяется къ американскому гольфстрѣму, чтобы сопровождать его въ движеніи на северо-востокъ и дальше на востокъ. Площадь водъ, текущая обратно отъ Америки къ Старому Свѣту, изливается въ Азорское море; затѣмъ, въ сѣсѣдствѣ береговъ Португалии и Марокко, она поворачиваетъ на югъ, завершая такимъ образомъ исполненій

¹⁾ Littré, „Dictionnaire de la langue française“.

²⁾ Toynbee, „Meteorological Committee“, 1877.

круговоротъ водъ океана, почти параллельное движение проходящихъ надъ ними воздушныхъ массъ, отличается отъ по-сѣдняго только меньшей скоростью и случайными уклоненіями отъ нормального пути, вслѣдствіе препятствій, противополагаемыхъ высокими берегами, островами или материальными; впрочемъ, поверхностная часть водъ непосредственно подвержена дѣйствію вѣтра и движется въ одну съ, нимъ сторону: она становится зыбью подъ влияніемъ сильного воздушного тока, мелкой рабью подъ влияніемъ легкаго вѣтерка. Проехавшіе вѣтры производятъ на водную площадь лишь мимолетное впечатлѣніе, и дѣйствіе ихъ не проникаетъ въ глубину; правильные же воздушные токи, каковы пассаты, дѣйствуя непрерывно изъ вѣка въ вѣкъ, должны съ теченіемъ времени распространяться по всей толщѣ жидкой массы и, если не опредѣлять общее движение этой массы, то по крайней мѣрѣ способствовать ему въ значительной степени. До недавняго времени происхожденіе экваторіального теченія, направляющагося отъ востока къ западу, обратно движению самой планеты, приписывали обращенію земли около оси, такъ какъ при этомъ вращеніи жидкая масса океанской оболочки, какъ части болѣе подвижныя, должны отставать; подобно тому и попеченные течения объяснялись излишкомъ скорости планетнаго вращенія, пріобрѣтаемой водами въ экваторіальныхъ широтахъ. По мнѣнию Мири, первональной причиной движенія морскихъ водъ слѣдуетъ считать центробѣжную силу планеты, болѣе значительную на экваторѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ земной поверхности. Какъ бы то ни было, различія въ степени солнености и теплоты между жидкими слоями несомнѣнно способствуютъ ходу теченія; но вызываемыя ими движенія могутъ быть обнаружены лишь при помоши очень тонкихъ наблюдений, производимыхъ систематически впродолженіи длиннаго ряда лѣтъ.

Средняя скорость главныхъ теченій Азорской Атлантики не привышаетъ километра въ часъ, т. е. въ сорокъ разъ менѣе средней скорости вѣтра, пробѣгающаго надъ поверхностью водъ: въ восточной части экваторіального теченія, направляющагося отъ востока къ западу, движущаяся жидкая масса проходить отъ 26 до 30 километровъ въ сутки. Въ центральныхъ частяхъ океанскаго бассейна, а именно въ морѣ Водорослей, теченіе замедляется; напротивъ, въ сосѣдствѣ прибрежья и въ проливахъ между островами оно ускоряется. Хотя слабое, движеніе пассатныхъ водъ, вмѣстѣ съ правильными вѣтрами, оказываетъ большую помощь кораблямъ, отправляющимся въ Новый Свѣтъ, и не будь этой движущейся морской дороги, Колумбъ, вѣроятно, никогда не добрался бы до Санть-Сальва-

дора. И въ нынѣшнее время по милости этихъ теченій нерѣдко случалось, что парусные суда приставали къ берегамъ Америки, тогда какъ экипажъ ихъ имѣлъ въ виду попасть на острова, или проникнуть въ южную Атлантику. Нѣть ничего невѣроятнаго, что и въ древности бывали подобные случаи, когда корабли, пускавшіеся въ океанъ, незамѣтно для себя уклонялись отъ избраннаго пути, а слѣдовательно, нѣть ничего невѣроятнаго и въ томъ, что такие невольные эмигранты изъ Старого Свѣта, напримѣръ, фанікійе, задолго до европейцевъ, основывали колоніи въ Америкѣ¹); но мы не имѣмъ ни одного положительного свидѣтельства, которое бы подтверждало эти догадки относительно отдаленныхъ эпохъ, тогда какъ въ новомъ періодѣ указываютъ многочисленные примѣры судовъ, увлеченныхъ на западъ пассатными вѣтрами и теченіями. Такъ, унесенный теченіемъ, Альваресъ Кабраль открылъ, въ 1500 году, Бразилию, держа путь въ Индію Віера-и-Клавихо разсказываетъ, что одна барка, оторванная вѣтромъ у деревни о. Ланцаротъ, была выброшена волнами на берега Венесуэлы. Въ 1731 году другая барка, нагруженная винами, покинула островъ Тенерифъ, чтобы отправиться на другую землю Канарскаго архипелага: отброшенная бурей на западъ, она послѣ долгаго странствованія очутилась въ Америкѣ и пристала къ берегу въ Испанскомъ портѣ, на островѣ Тринидадъ; экипажъ, имѣя запасъ провизіи только на пять или на шесть дней, приужденъ былъ довольствоваться виномъ, вмѣсто всякой пищи²). Одинъ судья съ острова Терсейра, возвращаясь изъ поѣздки на островъ св. Георгія, былъ унесенъ въ Бразилию, откуда вернулся домой черезъ Лиссабонъ³).

«Челленджеръ», «Талисманъ», «Маджен-та» и другіе корабли, недавно производившіе научныя изслѣдованія въ Атлантическомъ океанѣ, вывезли изъ своихъ экспедицій не только множество драгоценныхъ наблюдений, относящихся къ морскимъ глубинамъ, свойству дна, температурѣ и движению жидкихъ слоевъ, но, кромѣ того, натуралисты, входившіе въ составъ этихъ экспедицій, занимались особенно изученіемъ организмовъ, населяющихъ эти моря и собрали обширную жатву. Бассейнъ Азорской Атлантики, гдѣ температура воды выше, чѣмъ въ экваторіальныхъ моряхъ, отличается изумительнымъ богатствомъ животной жизни; иѣ-которыя пространства океана, особенно въ сосѣдствѣ Канарскихъ острововъ, буквально кишатъ живыми существами, такъ что вода кажется одушевленной: мириады тварей всевоз-

¹⁾ Onfroy de Thoron, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1881.

²⁾ Romanet du Caillaud, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 3 mars 1886.

³⁾ Fouqué, „Revue des Deux Mondes“, 1 janvier 1873.

можныхъ формъ и цветовъ, темныхъ или прозрачныхъ, блестящихъ или почти невидимыхъ, движутся у поверхности моря, освѣщаемой яркими лучами солнца; дельфины, акулы, предшествуемыя «лоцманами» (papagates ductor), безчисленныя породы рыбъ быстро пробѣгаютъ водная пространства; изъ каждой волны взвиваются на воздухъ долгоиры, или летучія рыбы, и падаютъ обратно въ слѣдующую волну, гдѣ ихъ часто поджидаетъ уже пасть какого-нибудь хищника; аргонавты, или «португальские корабли», носятся по волнамъ, словно барки съ бѣлымъ парусомъ. Подъ фауной верхнихъ слоевъ, которая перемѣщается соотвѣтственно временамъ года, поднимаясь лѣтомъ на сѣверъ, спускаясь зимой къ югу, натуралисты изучаютъ теперь вторую фауну, площадь которой гораздо обширнѣе, благодаря однобразію температуры, преобладающему въ глубокой водѣ. Какіе крики радостнаго удивленія часто встрѣчали на палубѣ корабля появленіе сѣтей, вытащенныхъ съ глубины двухъ или трехъ тысячъ метровъ, съ богатой добычей диковинныхъ животныхъ, никогда еще не виданныхъ человѣкомъ!

Какъ сказалъ Гумбольдтъ почти сто лѣтъ тому назадъ, море есть по преимуществу театръ животной жизни, растенія же существуютъ тамъ только на скалистыхъ берегахъ острововъ и на окраинахъ материковъ, такъ что они принадлежать собственно къ твердой землѣ, по крайней мѣрѣ своими корнями. Однако, Азорская Атлантика имѣть также свою особенную, чисто морскую флору: это скопленія пловучихъ растеній, саргассъ, на которыхъ прежде смотрѣли, какъ на остатокъ Атлантиды, какъ на луга водорослей, всплывшіе на поверхность, въ то время, какъ самый континентъ погрузился на дно океана¹⁾. По виѣшнему виду, эти саргассы, или морской виноградъ (*fucus natans, sagassum basciferum*), съ ихъ развѣтляющимся стеблемъ, боковыми перепонками въ формѣ зубчатыхъ листьевъ, и плавательными воздушными пузырями, напоминающими ягоды, совершенно походятъ на сухопутныя растенія высшей организаціи; тѣмъ не менѣе, это, несомнѣнно, водоросли, такія же, какъ водоросли прибрежья, и до сихъ поръ у нихъ не могли открыть органовъ воспроизведенія. Эти растенія не обломки фукусовъ (какъ думали прежде), захватываемыхъ волнами на берегахъ Антильскихъ острововъ и американского материка, чтобы отдать ихъ потомъ на произволъ теченія, которое заставляетъ ихъ кружиться безъ конца въ обширномъ круговоротѣ экваторіальныхъ водъ. Какъ показали наблюденія Мейена (въ 1830 г.), подтвержденныя впослѣдствіи подроб-

ными изслѣдованіями Лепса²⁾, саргасса ягодоносная—растеніе океанское, рождающееся въ тѣхъ самыхъ водахъ, гдѣ его встрѣчаютъ корабли. Кожура, находящаяся около середины водоросли, достигшей полного развитія, указываетъ точку, откуда отдѣлилась болѣе молодая вѣтвь, которая, въ свою очередь, раздѣлится на новые отростки. Такъ образуются не луга—praderias,—какъ ихъ называли первые мореплаватели, а полосы водорослей, слѣдующія одна за другой, въ видѣ острововъ и архипелаговъ длиной въ нѣсколько метровъ, иногда даже площадью въ нѣсколько гектаровъ³⁾. Контуры этихъ пловучихъ острововъ безпрестанно менятся подъ вліяніемъ вѣтра и волненія: проходящіе корабли безъ труда разсѣкаютъ ихъ, такъ какъ водоросли образуютъ лишь поверхностный слой и нигдѣ не представляютъ мощнаго скопленія изъ многихъ послѣдовательныхъ рядовъ. Къ востоку отъ Азорскихъ острововъ эти растенія не встрѣчаются. Области моря, гдѣ саргассовая водоросль скучены въ наибольшемъ количествѣ, простираются къ западу и юго-западу отъ этого архипелага, на протяженіи болѣе 15 градусовъ въ обоихъ направленіяхъ—съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ: это обширное пространство обнимаетъ около трехъ миллионовъ квадратныхъ километровъ. Далѣе на западъ, въ сосѣдствѣ Антильскихъ острововъ, другое «Саргассовое море», менѣе обширное, чѣмъ Азорское море Водорослей, состоять изъ болѣе рѣдкихъ травянистыхъ островковъ, отрывки которыхъ, плывущіе длинными вереницами, увлекаются теченіемъ въ Караibское море, черезъ проливы, раздѣляющіе Антильские острова.

Острова морской «зелени» имѣютъ свою фауну, подобно земнымъ островамъ. Всѣ ягоды саргассовыхъ водорослей инкрустированы бѣлыми полизонами. Рыбы, скрывающіяся въ тѣнѣ водорослей, или въ ихъ пучкахъ, одѣли ливрею растеній-покровителей, такъ что даже натуралистъ съ трудомъ можетъ различить ихъ между водорослями, у которыхъ темно-зеленый цвѣтъ перемѣшанъ съ бѣлымъ и желтымъ. Одна порода рыбъ, *antennarius marmoratus*, или рукоплавка крапчатая, которую сначала принимали за безформенный отрывокъ фокуса, длиной отъ 4 до 10 сантиметровъ, создана скорѣе для хожденія, чѣмъ для плаванія: по странному совпаденію, плавники ея, указывающіе уже на организацію членовъ, свойственную четвероногимъ, оканчиваются настоящими пальцами, а передніе плавники имѣютъ даже форму руки, съ локтемъ, предплечьемъ и кистью⁴⁾; при помощи липкихъ нитей она строить себѣ

¹⁾ „Annales Hydrographiques“, 1857;—„Bulletin de la Societ  de G ographie de Paris“, sept. 1865.

²⁾ Wyville Thomsom, цитированное сочиненіе;—Giglioli e Issei „Pelagos“.

³⁾ Perrier, цитиров. сочиненіе.

⁴⁾ Baynal, „Histoire politique et philosophique des deux Indes“.

гнѣзда въ водоросляхъ. Вся фауна Саргассового моря, состоящая изъ рыбъ, раковъ и моллюсковъ, заключаетъ около шестидесяти видовъ. Азорцамъ выгодно было бы завести рыболовыя тони въ этихъ поляхъ пловучихъ водорослей; кромѣ того, они нашли бы тамъ неистощимые запасы удобрений для увеличения производительной силы своихъ садовъ, и могли бы также добывать юдь, бромъ и другія химическая вещества¹⁾.

III. Азорскіе острова.

Азорскіе или Акорскіе, т. е. «Ястребиные», острова имѣютъ наиболѣе океаническій характеръ между архипелагами Атлантики. Выступая изъ морскихъ пучинъ до четырехъ и болѣе километровъ глубины, они расположены, своей крайней восточной землей, островомъ Санть-Мигуэль, въ 1.380 километрахъ къ западу отъ португальского мыса Рока и въ 1.550 километрахъ отъ мыса Кантинъ, крайняго западного выступа Марокко. Еще болѣе значительныя пространства отдѣляютъ ихъ отъ Нового Свѣта: отъ крайняго сѣверо-западнаго острова, Корво, до ближайшаго выступа американскихъ земель, мыса Рэст на Ньюфаундлендѣ, разстояніе около 1.800 километровъ; оно составляетъ 4.000 километровъ до острова св. Ёомы въ сѣверо-восточномъ углу Антильскаго архипелага, и 3.000 километровъ до группы Бермудскихъ острововъ, которые можно считать принадлежащими къ Америкѣ, хотя они лежатъ въ глубокихъ моряхъ. Раздѣленные на три группы неравной величины, Азорскіе острова занимаютъ часть моря около трехъ градусовъ по широтѣ и болѣе шести градусовъ по долготѣ; но на этомъ пространствѣ въ 200.000 квадратныхъ километровъ выступающія изъ подъ воды земли составляютъ ничтожную долю: проходы между островами такъ широки, что рѣдко можно разглядѣть съ одного берега другой. По степени населенности эти острова превосходятъ свою метрополію, Португалію, такъ какъ на нихъ насчитывается, среднимъ числомъ, свыше 100 жителей на квадратномъ километрѣ, а между тѣмъ есть мѣстности, на высокихъ склонахъ горъ и вулканическихъ жерлахъ, непригодныя ни для какой культуры и совершенно необитаемыя. Пространство архипелага: 2.388 квадратныхъ километровъ; населеніе, по послѣдней переписи (1890 г.): 255.594 души. Густота населенія: 107 жителей на 1 квадратный километръ.

Съ половины XIV столѣтія, за восемьдесятъ лѣтъ до первого посѣщенія архипелага португальцами, Азорскіе острова были уже хорошо

извѣстны мореходамъ Средиземнаго моря, пускавшимся въ опасныя воды «Темнаго моря». «Медицейскій» портуланъ во Флоренціи, относящейся къ 1351 году, представляетъ намъ всю эту группу острововъ, начертанныхъ съ большою точностью, за исключеніемъ развѣ того, что они ориентированы съ сѣвера на югъ, а не съ сѣверо-запада на востокъ, какъ бы слѣдовало. Два острова сохранили даже итальянское имя, слегка измѣненное: самый дальний отъ Европы, называвшійся прежде *Insula Corvis Marinis*, и теперь носить то же прозвище, переведенное съ латинскаго на португальскій языкъ, *Ilha do Corgo* или «островъ Ворона»; другой островъ, *San-Zorze*, открытый, какъ показываетъ это название, генуэзцами, получилъ впослѣдствіи испанское имя *San-Jorge* (св. Георгія)¹⁾. Въ 1431 году португальскіе моряки, производя систематическое обслѣдованіе океана, которое составило ихъ славу въ великой вѣкъ морскихъ экспедицій, впервые осмотрѣли нѣкоторыя азорскія земли: то были скалы, *Formigas*, между островами св. Михаила и св. Маріи. Въ слѣдующемъ году мореплаватель Гонсало Велью Кабраль вернулся въ эти воды: онъ открылъ островъ *Santa-Maria* (св. Маріи), который и былъ пожалованъ ему въ ленъ португальскимъ королемъ дономъ Генрихомъ. Затѣмъ, двѣнадцать лѣтъ спустя, тотъ же мореплаватель присталъ къ Санть-Мигуэлю, главному острову, который онъ тоже получилъ въ вассальное владѣніе: восточная группа острововъ, Кабрера, или *las Cabras*, какъ она называлась въ старинныхъ портуланахъ, была окончательно включена въ географическій инвентарь. Прошло еще двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ послѣдній изъ девяти Азорскихъ острововъ былъ окончательно обслѣданъ, черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ посѣщенія его итальянскими мореплавателями.

Острова эти, хотя разсѣянные на обширномъ пространствѣ океана, имѣютъ между собой много общихъ чертъ. Всѣ они гористы, увенчаны вершинами съ кратеромъ, откуда выливалась лава, и ограничены со стороны моря утесами изъ вулканическихъ шлаковъ, черными массами грознаго вида. Всѣ состоятъ единственно изъ пепла, шлака и лавы, за исключениемъ острова *Santa-Maria*, на юго-восточной оконечности архипелага, гдѣ встрѣчаются слои известняка, привадлежащіе къ міоценовому периоду. Географический архипелагъ дѣлится на три обособленныя группы. Самая большая изъ нихъ по протяженію—восточная, хотя она заключаетъ въ себѣ только два острова, Санть-Мигуэль и *Santa-Maria*, и скалы *Formigas*, которыхъ можно рассматривать какъ вершины острова, пьедесталъ котораго находится подъ

¹⁾ Lepsius, цитир. менуаръ;—Paul Gaffarel, „Bulletin de la Société de Géographie“, décembre 1872.

1) D'Arvezac, „Notice des d間couvertes au moyen âge dans l'océan Atlantique“;—Oskar Peschel, „Geschichte der Entdeckungen“.

водой. Къ центральной группѣ принадлежать пять острововъ: Терсейра, по имени котораго иногда называли весь архипелагъ, Грасіоза, Санть-Жорже, Пико и Файаль. Что касается западной группы, менѣйшей изъ всѣхъ по пространству, населенности и исторической важности, то она состоить всего изъ двухъ острововъ — Флореса и Корво. Это единственная часть архипелага, гдѣ высоты представляютъ расположение съ сѣвера на югъ; на всѣхъ другихъ его островахъ направление горныхъ цѣпей — съ западо-сѣверо-запада на востоко-юго-востокъ¹⁾; самые острова вытянуты къ тѣмъ же точкамъ горизонта. Разсмотривая на картѣ

всѣ три группы, легко замѣтить, что Азорскія земли расположены по тремъ параллельнымъ линіямъ, равно отстоящимъ и направленнымъ также съ западо-сѣверо-запада на востоко-юго-востокъ. Первая изъ этихъ линій проходитъ черезъ Грасіозу, Терсейру и Санть-Мигуэль; вторая, средняя, соединяетъ Корво съ скалами Формигасъ черезъ длинный островъ св. Георгія; наконецъ, южная цѣпь острововъ заключаетъ въ себѣ Флоресъ, Файаль, Пико, Санта-Марія. Приводимъ здѣсь точные цифры пространства отдельныхъ острововъ архипелага и высоты ихъ главныхъ горъ.

А з о р с к і е о с т р о в а .

Группы.	Пространство.	Самые высокія горы, по Видалю.
Восточная.	Санта-Марія	Пико-Альта 570 метр.
	Санть-Мигуэль	Пико-да-Вара 1.089 *
	Терсейра	Кальдейра-да-Санта-Барбара 1.067 *
Центральная.	Грасіоза	Край Кальдейры 411 *
	Санть-Жорже	Пико-да-Эсперанца 951 *
	Пико	Пико 2.320 *
	Файаль	Край Кальдейры 1.021 *
Западная.	Флоресъ	Морро-Гранде 942 *
	Корво	Край Кальдейры 777 *

Причину правильного расположения этихъ вулканическихъ острововъ, можетъ-быть, нужно искать въ направленіи изверженій, происходившихъ всегда на линейныхъ трещинахъ морского дна. Лавы Азорскаго архипелага гораздо моложе лавъ Мадеры и Канарскихъ острововъ: между ними не видать такихъ, появленіе которыхъ могло бы быть отнесено ко временамъ, предшествовавшимъ міоценовому періоду, т. е. той эпохѣ, когда отлагались известковые пласты острова Св. Маріи. Въ настоящее время вулканическая дѣятельность, если не совсѣмъ угасла, то по крайней мѣрѣ затихла на обѣихъ оконечностяхъ архипелага, съ одной стороны на Санта-Марія и въ восточной части Санть-

Мигуэля, съ другой—въ группѣ Флоресъ и Корво; но внутренній очагъ еще горитъ подъ центральными островами, особенно подъ вулканомъ о. Пико, и еще дѣятельнѣе подъ западной частью о. Санть-Мигуэля. Въ этой области въ теченіе четырехъ столѣтій, составляющихъ весь историческій періодъ Азорскаго архипелага, имѣли мѣсто самыя страшныя катастрофы, изверженія и землетрясенія.

Лѣтописи отмѣтили слѣдующія, болѣе или менѣе значительныя, проявленія вулканической дѣятельности на Азорскихъ островахъ, начиная съ первыхъ временъ колонизаціи, съ пятнадцатаго столѣтія до нашихъ дней:

Санть-Мигуэль.	Терсейра.	Санть-Жорже.
1444 г. Изверженіе.		
1522 *		
1563 *		
1630 *		
1638 > Морское изверженіе.	1614 г. Землетрясеніе.	1580 г. Изверженіе.
1652 > Изверженіе.		1691 > Морское изверженіе.
1656 > Землетрясеніе.		
1720 *		
1755 *		
1773 *		
1810 *		
1818 > Морское изверженіе.	1719 > Морское изверженіе.	1757 > Морское изверженіе.
1852 > Землетрясеніе.	1761 > Изверженіе.	1808 > Изверженіе.
1882 *		
1884 *		
Пико.	Файаль.	
1572 г. Изверженіе.	1672 г. Изверженіе.	
1718 *		
1720 *		

На Терсейрѣ есть признаки поднятія почвы: берега этого острова, хотя сплошь состоящіе

изъ вулканическихъ породъ, покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камнями кристаллическаго и осадочнаго образованія, гранитами, кварцами, сланцами, известняками и песчаниками. Эти

¹⁾ G. Hartung, „Die Azoren“.

чуждые обломки, очевидно, были отлагаемы на нижней береговой полосѣ, у самаго моря, но теперь они разбросаны довольно далеко внутри острова (до 800 и 900 метровъ разстоянія отъ

Большая глубина съсѣднихъ морей не позволяетъ видѣть въ нихъ обломки, оторванные отъ подводныхъ скалъ, остатковъ древней Атлантиды; при томъ же эти камни не приту-

Островъ Св. Мигуэль

берега) и въ такомъ множествѣ, что крестьяне употребляютъ ихъ, вмѣстѣ съ разсыпанными по полямъ глыбами лавы, для постройки оградъ. На островѣ Св. Маріи тоже встрѣчаются кое-гдѣ обломки гнейса. Откуда взялись эти камни?

плены, не округлены, какъ галька, долго катаемая волнами; они сохранили по большей части выступы реберъ и чистоту излома. Гартунгъ полагаетъ, что эти каменные глыбы были принесены сюда въ теченіе ледяного пе-

ріода. Въ то время, когда въ Америкѣ, подъ той же широтой, ледники отлагали свои морены, отдалыя льдины, унесенные морскимъ теченіемъ, задерживались у береговъ Терсейры и другихъ Азорскихъ острововъ, и, раставшись, оставляли тамъ камни, которыми были нагружены.

Всѣ острова Азорскаго архипелага пользуются ровнымъ и здоровымъ климатомъ, который бы былъ вполнѣ хорошъ, если бы не вѣтры, дующіе съ большой силой на этихъ горныхъ скатахъ, высящихся среди Атлантическаго океана. Несмотря на рѣзкія перемѣны вѣтра, колебанія температуры весьма незначительны, и времена года смѣняются безъ замѣтнаго перехода. Особенно осень восхищаетъ иностранца своей ровной температурой; но лѣсные пейзажи въ эту пору года ве представляютъ здѣсь того разнообразія красокъ, какое мы видимъ въ Европѣ и еще болѣе въ Сѣверной Америкѣ: климатическая перемѣна совершаются на этихъ островахъ слишкомъ медленно, чтобы могли отражаться на листѣ деревьевъ внезапной простоянковой движеніи питающихъ соковъ. Разность температуры между временами года не превышаетъ восьми градусовъ; между мѣсяцами отклоненіе болѣе значительно; но между самыи теплымъ и самыи холоднымъ днемъ въ году одинъ наблюдатель (Бетанкуръ) констатировалъ въ Гортѣ разницу болѣе 25 градусовъ, именно отъ 31° до $5,9^{\circ}$.

Температуры временъ года на Азорскихъ островахъ¹⁾:

	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.	Средняя годовая.
Пonta - Дельгада (о. Санть-Мигуэль).	$16^{\circ},8$	$20^{\circ},7$	$19^{\circ},4$	$13^{\circ},1$	$17^{\circ},7$
Горта (о. Файаль).	$15^{\circ},8$	$21^{\circ},3$	$18^{\circ},8$	$13^{\circ},5$	$17^{\circ},3$

Крайнія температуры:

Пonta-Дельгада: самый холодный мѣсяцъ— $12^{\circ},3$, самый теплый— $22^{\circ},7$, разность— $10^{\circ},4$; Горта: самый холодный мѣсяцъ— $13^{\circ},2$, самый теплый— $23^{\circ},6$, разность— $10^{\circ},4$.

Климатическая перемѣна происходитъ главнымъ образомъ отъ направленія вѣтра, такъ какъ Азорскіе острова находятся почти въ промежуточномъ поясѣ между пассатами и контрь - пассатами (возвратными вѣтрами). Когда атмосферное теченіе приходитъ съ юга, оно несетъ теплый и влажный воздухъ; напротивъ, вѣтеръ, дующій съ сѣвера, всегда бываетъ холодный и сухой: отсюда значительный контрастъ между двумя противоположными склонами острововъ—тѣмъ, который омыается воздухомъ и дождемъ южного происхожденія, и тѣмъ, который обращенъ къ сѣвернымъ вѣтрамъ. Вообще климатическая условія на Азорскихъ островахъ опредѣляются не столько широтой, сколько положеніемъ мѣста относитель-

но странъ горизонта и направленія господствующихъ вѣтровъ¹⁾.

Въ общемъ азорскій климатъ представляетъ нечто среднее между климатомъ Лиссабона и Малаги и климатомъ Мадеры. Этотъ послѣдній островъ и Файаль имѣютъ почти одинаковую годовую температуру (разница не превышаетъ одного градуса); но разность между температурой лѣта и зимы на Азорскихъ островахъ относительно довольно значительна. Въ этомъ архипелагѣ, лежащемъ на пять градусовъ ближе къ полюсу, зима холоднѣе, а лѣто теплѣе, чѣмъ на Мадерѣ, хотя на Азорскихъ островахъ никогда не бываетъ такой жары, какъ на материкѣ Португалии подъ той же широтой: климатъ этихъ острововъ представляетъ болѣе значительная крайности тепла и холода, чѣмъ климатъ Мадеры, и гораздо менѣе пріятелъ для иностранцевъ. Въ Азорскомъ архипелагѣ снѣгъ рѣдко можно увидѣть въ нижнихъ долинахъ; но зимнія грозы часто сопровождаются градомъ, и горы иногда по нѣсколько часовъ остаются подъ бѣлымъ покровомъ. На высокихъ хребтахъ по временамъ бываютъ морозы, и Мореле разсказываетъ, что на островѣ Санть-Мигуэль, случалось, находили замерзшихъ людей на плоскогорьяхъ, лежащихъ на высотѣ около 1.000 метровъ надъ уровнемъ моря: рѣзкий, пронизывающій вѣтеръ и сырой воздухъ дѣлаютъ стужу гораздо болѣе чувствительной путникамъ, пускающимся черезъ эти суровыя выси. Дожди, приносимые большими океанскими вѣтрами, очень обильны, по крайней мѣрѣ вдвое обильнѣе, чѣмъ на Мадерѣ. По наблюденіямъ Бетанкура, въ Гортѣ дождливыхъ дней бываетъ, среднимъ числомъ, 196, и кромѣ того, 8 дней съ градомъ; годовой слой выпадающей дождевой воды опредѣляется въ 1,510 метра. Дожди бываютъ здѣсь во всякую пору года, но преимущественно зимой, при западныхъ вѣтрахъ, и во многихъ мѣстахъ склоны азорскихъ горъ, особенно на откосахъ изъ пемзы, покрываются, несмотря на большую покатость, мхомъ, обыкновеннымъ и торфянымъ (*Sphagnum*), слои которого напоминаютъ торфиники Ирландіи; слои лавной дресвы (*Lapilli*), разлагаясь отъ дѣйствія влажности, превращаются въ тѣсто, гдѣ ноги животныхъ вязнутъ, какъ въ глине. Количество дождевой воды уменьшается въ архипелагѣ отъ запада къ востоку; Санта-Маріа, самый восточный изъ Азорскихъ острововъ, получаетъ, сравнительно съ другими, наименѣе атмосферныхъ осадковъ.

Обилье водяныхъ паровъ такъ велико на верхніхъ склонахъ горъ, что очень часто, даже въ самое сухое время года, облака скапливаются на вершинахъ и совершенно закрываютъ ихъ отъ взоровъ; передъ заходомъ солнца облач-

¹⁾ Hartung (температуры показаны по наблюденіямъ Буллара, Бойда, Блента и Бетанкура).

¹⁾ Arruda Furtado, „Materiaes para o estudo antropologico dos povos açorianos“.

ная завѣса на горахъ спускается ниже. Изъ боязни сырости, островитяне, за исключениемъ самыхъ бѣдныхъ, живутъ только въ верхнихъ этажахъ; нижній этажъ служить конюшней,

плечи. Изъ вѣтровъ самые страшные—западные. Юго-западный вѣтеръ получилъ ироническое прозвище *carpinteiro*, т. е. «плотникъ»,— такъ онъ искусенъ въ ломкѣ судовъ; часто

Озеро Сетъ-Цидадеасъ.

погребомъ, кладовой. Чтобы защитить себя отъ дожда и солнечныхъ ударовъ, которые вообще очень опасны въ сырыхъ климатахъ, поселяне большинства острововъ носятъ родъ суконного капюшона, закрывающаго голову и

случалось, что рыболовные и мелкія каботажные суда, плавающія между островами, были угоняены бурей до самаго Лиссабона.

Самородная flora Азорскихъ острововъ, въ сравненіи съ флорой Мадеры и Канарскихъ

острововъ, очень бѣдна. Ватсонъ насчитываетъ во всемъ архипелагѣ только 396 явно-брючныхъ и 75 тайноб्रючныхъ растеній (по Зейберту, 437 цветковыхъ и 139 безцвѣтковыхъ), принадлежащихъ по большей части къ европейскимъ видамъ: пропорція послѣднихъ составляетъ около трехъ четвертей, по Зейберту и Гартунгу,—около четырехъ пятыхъ. Многіе изъ растущихъ здѣсь видовъ встрѣчаются также и на другихъ атлантическихъ архипелагахъ, или въ Африкѣ, или въ Новомъ Свѣтѣ; насчитывали всего только около пятидесяти растеній, исключительно свойственныхъ Азорскому архипелагу; между ними есть одна порода вишни, теперь очень рѣдкая, которая, вѣроятно, исчезла бы, если бы ее не культивировали въ садахъ. Это значительное преобладаніе европейской флоры служить доводомъ въ пользу мнѣнія ученыхъ, которые считаютъ этотъ архипелагъ географически принадлежащимъ къ нашей части свѣта; отсюда название *Western Islands*, «Западные острова», которое английские моряки даютъ Азорскимъ островамъ, какъ европейскимъ землямъ, лежащимъ далѣе другихъ къ западу отъ материка. Если бы, какъ думали прежде нѣкоторые натуралисты, заселеніе острововъ растительными и животными видами объяснялось единственно наносами вѣтровъ и теченій, то Азорскіе острова должны бы были представлять характеръ преимущественно американскій, такъ какъ воды, идущія отъ Багамскихъ острововъ и изъ канала Флориды, движутся прямо къ этому архипелагу, и господствующій вѣтеръ дуетъ въ томъ же направленіи. Между тѣмъ, хотя сѣмена и лѣсъ изъ Америки часто приносятся моремъ на берега Азорскихъ острововъ, среди флоры этого архипелага насчитываются не болѣе четырехъ американскихъ видовъ, тогда какъ число европейскихъ растеній доходитъ почти до четырехсотъ. Что касается туземныхъ видовъ архипелага, то почти всѣ они приближаются къ европейскимъ типамъ, такъ что является вопросъ, не есть ли это простая разновидности, постепенно преобразовавшіяся. Впрочемъ, нельзя съ достовѣрностью сказать, который именно, между растеніями, общими Европѣ и Азорскимъ островамъ, были выведены изъ архипелага, намѣренно или невнимательно, и которыхъ, несомнѣнно, составляютъ часть первобытной флоры острововъ и обязаны своимъ происхожденіемъ сходству климатовъ¹⁾.

Туземная флора Азорскихъ острововъ заключала въ себѣ всего только пять деревьевъ да пять или шесть кустарниковъ, и всѣ эти древесные виды уступаютъ по размѣрамъ сроднымъ растеніямъ, живущимъ на Мадерѣ и на Канарскихъ островахъ. Пальмы, характеристическая

деревья тропическихъ областей, отсутствовали въ Азорскомъ архипелагѣ. Преобладающія на этихъ островахъ растительныя формы—злаки (*Gramineae*), ситовниковые (*Cyperaceae*), тростниковые (*Juncaceae*),—все растенія, свойственная влажному климату; затѣмъ здѣсь встрѣчается много папоротниковъ, хотя всѣ они выходцы изъ другихъ странъ; наконецъ, торфяные мхи, покрывающіе горы вершины, образуютъ своей губчатой массой естественные водохранилища, задерживающія дождевую воду и питаящія ручьи своими неизсякаемыми струйками. Густой газонъ, какъ въ западной Европѣ, разстилается зеленымъ ковромъ по обезлѣсеннымъ скатамъ горъ, и вмѣстѣ съ другими, похожими на наши, растительными формами, придаетъ всей флорѣ и странѣ европейскій видъ: нигдѣ не видно степей африканского типа, какія встрѣчаются на Ланкаротѣ, Фуарте-вентурѣ и другихъ Канарскихъ островахъ.

Въ эпоху прибытія европейцевъ склоны горъ были покрыты лѣсомъ. Островъ Файаль, т. е. «Буковый лѣсъ», обязанъ своимъ именемъ лѣсамъ, состоявшимъ изъ деревьевъ, которыми мореходы смыкали съ букомъ; на самомъ дѣлѣ это были различные породы мирики (*Mugica faya*). Острова Грасіоза (Прелестная), Флоресъ (Цвѣтущий) получили эти названія за красоту ихъ растительности. Еще въ началѣ этого столѣтія на Флоресѣ существовали великолѣпные тисовые лѣса, принадлежавшіе къ доходамъ королевы; но эти могучія деревья давно вырублены; во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще видны огромные пни, исчезнувшіе подъ растительностью торфяныхъ мховъ; другіе были частью залиты лавами. Дѣвственные чащи, виднѣющіеся кое-гдѣ на скатахъ вулкановъ, состоять изъ низкой курчавой растительности, среди которой тамъ и сямъ выступаютъ кучки болѣе высокаго кустарника. Замѣчательнѣйшая деревянистыя растенія азорскихъ горъ, кромѣ мирики,—«канарскій лавръ» и одинъ видъ можжевельника (*Juniperus oxycedrus*, можжевельникъ испанскій или красноягодный), который туземцы величаютъ кедромъ; обыкновенно этотъ можжевельникъ, единственній представитель хвойныхъ на Азорскихъ островахъ, растетъ въ обществѣ древовидныхъ вересковъ и мирсинъ (*Myrsinace*, ягодникъ африканскій), растеній африканскаго происхожденія, сѣмена которыхъ занесены сюда птицами, лакомыми до ягодъ. Лишенныя большихъ деревьевъ, верхняя облака острововъ имѣютъ по большей части монотонный и печальный видъ: надо спуститься въ овраги, чтобы опять найти живописную и разнообразную растительность. Но если деревья почти вѣдѣ исчезли съ полей и равнинъ, то по крайней мѣрѣ зелень разстилается сплошнымъ ковромъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ архипелага, гдѣ шлаки, покрывающіе почву, не отличаются

¹⁾ Watson;—Seubert;—Hartung;—Morelet.

тврдостью металла¹). По мѣрѣ разложенія камня, появляются послѣдовательно растенія все болѣе и болѣе высокой организаціи; простыяrudиментарныя волокна, лишай, мхи, лакмусовый ягель, папоротники подготовляют почву, затѣмъ показываются злаки, и—земля готова для культуры.

Благодаря ровному и влажному климату, почва архипелага какъ нельзя болѣе пригодна для опытовъ акклиматизаціи. Нѣкоторыя изъ чужеземныхъ растеній не привились только потому, что воздухъ на этихъ островахъ через чурь насыщенъ парами; другія оттого, что имъ необходима замѣтная перемѣна временъ года; такъ, наприм., сирень чахнетъ въ этомъ слишкомъ ровномъ климатѣ и въ концѣ концовъ умираетъ. Но очень многие виды тропическихъ и умѣренныхъ странъ Австраліи, Старого и Нового Свѣта отлично растутъ въ этихъ естественныхъ теплицахъ Азорскихъ острововъ: отсюда любовь богатыхъ азорцевъ къ садамъ и паркамъ. Въ нѣсколько лѣтъ посаженные деревья, тополи, эвкалипты, казуарины, достигаютъ 10 и 20 метровъ высоты; но какъ бы ни разросся стволъ, какъ бы широко ни раскинулись вѣтви, рѣдко бываетъ, чтобы азорскія деревья могли соперничать по высотѣ со своими родичами, живущими въ Европѣ и на Канарскихъ островахъ²). Въ садахъ Файала и Санть-Мигуэля туземный деревца и кустарники замѣнены массивами, гдѣ дубы, буки, липы Европы растутъ въ перемежку съ кипарисомъ Луизіаны, съ тюльпанникомъ Виргиніи, съ араукаріей Бразилии, съ кедрами Ливана и Гималаевъ, съ камфорнымъ деревомъ Японіи, съ акаціей Австраліи и съ пальмами Старого и Нового Свѣта; поля окружены живыми изгородями изъ горгоній, мирсинъ, мягкостѣменниковъ (pittosporum). Фруктовыя деревья, культурные растенія, происходящія изъ плодовыхъ садовъ и полей Португалии, бананы, *enseite* Эзіопіи, овладѣваютъ береговой полосой, тогда какъ сорные травы, занесенные изъ Европы, оттесняютъ къ высотамъ и забиваютъ старыя азорскія растенія. Одинъ видъ терновника, встрѣчающійся только на Азорскихъ островахъ, отступаетъ передъ своимъ европейскимъ родичемъ, который любить расти въ сосѣдствѣ домовъ, по краямъ дорогъ, и постепенно подвигается впередъ съ каждой новой распашкой. Кроме того, были предпринимаемы прямые опыты разведенія растительности на пустопорожнихъ земляхъ и на высокихъ склонахъ горъ. Островъ Санть-Мигуэль весь обращенъ въ садъ акклиматизаціи; около тысячи древесныхъ породъ были натурализованы, и тѣ изъ нихъ, которыхъ вполнѣ привились, разведены сотнями тысячъ и даже миллионами особей. Всего лучше

¹⁾ Arthur Morelet, „Notice sur l'histoire naturelle des Açores“.

²⁾ Hartung, цитированное сочинение.

Географія Реклю. т. XII.

акклиматизировалась приморская сосна (*Pinus maritimus*, иначе французская или итальянская сосна), та самая, которая растетъ въ южной Франціи; она образовала цѣлые лѣса, и всѣ, кому случится снова посетить Азорскіе острова послѣ долгаго отсутствія, уже издали замѣчатъ, что видъ горъ совершиенно измѣнился противъ прежнаго времени. Изъ другихъ лѣсныхъ породъ, съ успѣхомъ разведенныхъ, наибольшую цѣнность въ экономическомъ отношеніи представляютъ криптомерія (японское дерево), эвкалипты, акація, кипарис и дубъ. Тогда какъ прежде подълочное дерево составляло такую рѣдкость, что отправители апельсиновъ принуждены были выписывать изъ Лиссабона доски на ящики для упаковки товара, теперь, благодаря успѣшному разведенію вновь древесной растительности, существуютъ большія лѣсныя богатства, и надѣются, что это насажденіе лѣсовъ будетъ имѣть благодѣтельный послѣдствія также для санитарного состоянія острововъ и урегулированія ключевыхъ и вообще текучихъ водъ.

Природная фауна Азорскаго архипелага гораздо бѣднѣе, чѣмъ его флора. Въ эпоху прибытія первыхъ европейскихъ мореплавателей она не заключала ни одного вида позвоночныхъ, исключая птицъ; впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, одна порода летучей мыши, существующая также въ сѣверной Европѣ, принадлежитъ будто бы къ туземнымъ животнымъ архипелага; но и та, можетъ-быть, была привезена изъ Фландріи бельгійскими колонистами, переселившимися сюда въ шестнадцатомъ столѣтіи. Кроликъ, хорекъ африканскій (*mustela furo*) были введены человѣкомъ; ласка (*mustela vulgaris*), черная крыса, гнѣздящаяся въ деревьяхъ, сѣрая крыса и мышь проникли сюда на корабляхъ, конечно, безъ вѣдома экипажа. На Азорскихъ островахъ насчитываются десятка три птицъ, проводящихъ тутъ круглый годъ или прилетающихъ на временное пребываніе, и всѣ эти виды—европейскіе или по крайней мѣрѣ атлантическіе, за исключеніемъ, можетъ-быть, одной породы выорка (*fringilla*) и буревѣстника (*thalassidroma*, т. е. морской бѣгунъ), птицы американского происхожденія, которая не боится перелетать океанъ; зеленая канарейка была прежде очень обыкновенна, но ее изгнали, какъ большую опустошительницу полей. Птица, давшая имя архипелагу,—сарычъ, говоритъ Артуръ Морел, а не ястребъ или коршунъ, какъ можно бы думать по этому названію *áçor*; впрочемъ, нужно замѣтить, что вообще мало такихъ видовъ, ими которыхъ сохранило свое точное значеніе при переходѣ изъ Португалии въ ея атлантическія владѣнія. Пресмыкающіяся отсутствуютъ въ азорской фаунѣ; только два вида ящерицы водятся на островѣ Грасіоза, но полагаютъ, что они были привезены въ недавнюю эпоху, можетъ-быть, съ Мадеры, такъ какъ

во время путешествия Друэ они были очень рѣдки, а двадцать лѣтъ спустя уже повсемѣстно распространились¹⁾). Лягушка, которая быстро размножилась, тоже чужеземка; жаба, привезенная изъ Соединенныхъ Штатовъ, не могла приспособиться къ здѣшнему климату. Изъ Африки иногда налетали тучи саранчи и пожирали жатву. Изъ прѣноводныхъ рыбъ угорь, золотой чебакъ живутъ въ ручьяхъ и даже въ ихъ истокахъ, выше каскадовъ, прерывающихъ течение рѣчки: вѣроятно, икринки золотой рыбки были занесены водяными птицами. Что же касается класса мягкотѣлыхъ, то Мореле и Друэ не нашли въ архипелагѣ рѣчныхъ моллюсковъ; между сухопутными моллюсками, въ числѣ шестидесяти девяти, около половины видовъ не существуютъ нигдѣ, кромѣ Азорскихъ острововъ; они представляютъ собою, вмѣстѣ съ шестью породами жестокрылыхъ насѣкомыхъ, почти всю первобытную фауну архипелага²⁾). Есть ли это жалкіе остатки фауны древней Атлантиды, или скромные представители серии чисто азорской, самородной, какъ животный міръ Черепашныхъ (Галапагость) и другихъ океанійскихъ острововъ? Впрочемъ, не было бы ничего удивительного въ томъ, что флора и фауна древняго атлантическаго континента совершенно исчезли, хотя бы даже части твердой земли всегда оставались надъ водой въ томъ мѣстѣ, где нынѣ находятся Азорскіе острова, ибо изліянія лавы, изверженія пепла, провалы, взрывы должны были часто передѣлывать породы растеній и животныхъ, вмѣстѣ съ почвой, которая ихъ носила. Морскія раковины даже на берегахъ очень рѣдки: во многихъ мѣстахъ побережья можно пройти нѣсколько лѣе, не встрѣтить ни одной раковины³⁾). Что касается большой морской фауны, то она представлена главнымъ образомъ китообразными дельфинами (морскія свиньи, сапуны), кашалотами. Американскіе китоловы, преслѣдующіе кашалота *physeter macrocephalus*, прежде собирались въ большомъ числѣ въ азорскихъ водахъ; но это животное становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ: средний уловъ его около ста пятидесяти головъ въ годъ.

Во времія первыхъ посѣщеній Азорскаго архипелага итальянскими и португальскими мореплавателями эти океанскіе острова, бѣдные растительными и животными видами, не были обитаемы человѣкомъ. Піонерами колоніи, основанной на о. Санть-Мигуалѣ, въ 1444 г., Гонсало Вельо Кабралемъ, были «нѣсколько мавровъ», на долю которыхъ досталось, такъ сказать, испробовать климатъ и ресурсы края для португальцевъ, слѣдовавшихъ за ними. Впослѣдствіи, когда лены острововъ были раз-

даны крупнымъ землевладѣльцамъ, эти посѣщеніе ввели, вмѣстѣ съ бѣлыми землевладѣльцами, известное число чернокожихъ невольниковъ, кровь которыхъ вошла, хотя въ очень малой дозѣ, въ круговоращательный потокъ азорскаго населенія. Евреи, изгнанные изъ Португалии въ шестнадцатомъ столѣтіи, тоже были обречены на рабство и раздѣлены по разнымъ округамъ Санть-Мигуэля. Фламандскіе колонисты, привезенные на центральные острова, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, концессіонеромъ ванъ-Гуэртеръ, тестемъ космографа Мартина Бегайма, дали даже свое имя,—«Фламандскіе острова»,—всему архипелагу, при чемъ Файаль получилъ специально название Новой Фландріи. Въ 1622 году еще можно было встрѣтить въ Азорскомъ архипелагѣ нидерландскія семейства, съ отличительными чертами ихъ расы, но уже говорившія только по-португальски; даже родовое имя у нихъ было переведено на языкъ новаго отечества: таковы, напримѣръ, ванъ-деръ-Гегенъ, сдѣлавшіеся подъ именемъ да-Сильва, столь обыкновеннымъ въ португальской землѣ, богатыми землевладѣльцами на островѣ св. Георгія¹⁾). Подобно этимъ фламандцамъ, другіе иностранцы разныхъ націй, спасшіеся во времія кораблекрушенія, сдѣлались родоначальниками во многихъ поселеніяхъ, гдѣ имъ дали пріютъ. Такимъ образомъ, раса въ этомъ архипелагѣ очень смѣшная; однако, въ цѣломъ азорцы португальского происхожденія настолько преобладаютъ, что можно пренебречь другими элементами.

Но сами эти португальцы—откуда они пришли въ большинствѣ? Документы, относящіеся къ колонизаціи края, не говорятъ этого, а признаки, извлекаемые изъ физического склада, исторіи, діалектовъ, народныхъ пѣсенъ, мѣстныхъ нравовъ, противорѣчивы и различно объясняются антропологами: одни, вмѣстѣ съ Теофіло Брага, который самъ азорецъ, считаютъ островитянъ Санть-Мигуэля потомками сѣверныхъ португальцевъ, изъ провинціи Минью; другие, вмѣстѣ съ Лейте-де-Васконсельосъ, выскаживаются за алгарвекое происхожденіе, отыскивая предковъ нынѣшнихъ жителей архипелага на южной оконечности португальского пояса Иберіи. Какъ бы то ни было, азорцы не представляютъ однороднаго типа; напротивъ, въ этомъ отношеніи замѣчается величайшее разнообразіе. Въ среднемъ, они небольшаго роста (164 миллиметра) и не могутъ похвалиться красотой: ротъ большой и съ толстыми губами, носъ нескладный; черты лица, особенно у женщинъ, имѣютъ что-то неправильное и недоконченное. Черепа у однихъ широкіе, у другихъ узкие, значительно менѣе, чѣмъ у континентальныхъ европейцевъ; въ этомъ частномъ случаѣ можно смѣло сказать, что менѣе

¹⁾ Fouque, цитированный мемуаръ;—Walker, „The Acores“.

²⁾ Godman, „Natural History of the Azores“.

³⁾ Drouet, „Mollusques marins des îles Acores“.

¹⁾ Goblet d'Alviella, „Patria Belgica“, III.

объемъ вмѣстилица мозга соотвѣтствуетъ меньшему интеллектуальному развитію, хотя лучшіе представители расы поддерживаютъ въ литературѣ и наукахъ за азорцами почетное мѣсто между ихъ соотечественниками на материкѣ Европы. По формѣ черепа и совокупности физическихъ признаковъ, азорцы удивительно напоминаютъ кельтскій типъ оверньятовъ и нижне-бретонцевъ, какъ его описали Брука и другіе французскіе антропологи ¹⁾). Кельтскіе элементы всего лучше представлены въ португальскомъ населеніи Азорскихъ острововъ. По замѣчательному совпаденію, деревни на о.

для нихъ, чѣмъ для ученыхъ,—которые по крайней мѣрѣ объясняютъ его при помощи различныхъ гипотезъ,—способствуетъ поддержанію въ нихъ того чувства страха, которое, какъ говорятъ теологи, есть начало премудрости; народныя пѣсни азорцевъ свидѣтельствуютъ объ ужасѣ, вызываемомъ этимъ явленіемъ. При каждомъ колебаніи почвы жители толпой устремляются въ церкви. Аrruda Furtado разсказываетъ, что однажды во время аграрнаго возмущенія произошло землетрясеніе, разрушившее нѣсколько домовъ въ деревнѣ Повоасао; устрашенные поселяне попадали на колѣни на

Женщины съ острововъ Файяля и С. Мигуэля.

Сантъ-Мигуэлъ, жители которой отличаются произношеніемъ на французскій ладъ иѣкоторыхъ слоговъ, носитъ имя Бретаніи (Bretanha), какъ полуостровъ Арморики. Дialectъ о. св. Маріи всего болѣе отличается отъ другихъ на-рѣчий своими архаическими выраженіями ²⁾.

Хотя не фанатики по натурѣ, азорцы, однако, очень религіозны, и землетрясеніе, это грозное явленіе природы, еще менѣе понятное

улицахъ, испуская вопли раскаянія и прося прощенія у помѣщиковъ. Чудотворныя иконы привлекаютъ толпы богомольцевъ, и храмы, гдѣ онѣ находятся, обогащаются отъ обильныхъ приношеній: *Ecce Homo* («Се Человѣкъ», изображеніе Иисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ) одного монастыря въ Понта-Дельгада славится своими чудесами во всемъ архипелагѣ, даже въ Португалии и въ Бразилии; даже мавры, говорить хроника, присылали дары азорскому Спасителю. Не смотря на религіозную ревность азорцевъ, мы не находимъ у нихъ такого множества разнообразныхъ сувѣрій, какъ въ мет-

¹⁾ Arruda Furtado, „Materiaes para o estudo anthropologico dos povos Acorianos“.

²⁾ Hunt, „Journal of the Geographical Society of London“, 1840.

рополії, чѣдъ объясняется, по мнѣнию Фуртадо, монотонностью ихъ жизни и однообразiemъ окружающихъ ихъ пейзажей: бѣдность флоры и фауны, отсутствіе древнихъ памятниковъ, прошлое безъ исторій—вотъ причины скучности ихъ воображенія. То, что они унаследовали отъ своихъ предковъ, португальцевъ, глубоко засѣло въ ихъ умѣ, но собственное ихъ развитіе шломедленнѣе, чѣмъ развитіе ихъ соотечественниковъ на континентѣ. Однако, въ послѣднее время у азорцевъ совершаются быстрая перемѣна въ понятіяхъ о внѣшнемъ мѣрѣ: если прежде, еще не такъ давно, они жили совершенно особнякомъ, въ сторонѣ отъ большаго свѣта, то китоловный промыселъ и эмиграція развили у нихъ охоту къ путешествіямъ: теперь между ними можно встрѣтить тысячи такихъ, которые побывали на своемъ вѣку въ Португалии, въ Бразиліи, на Антильскихъ или на Сандвичевыхъ островахъ, даже въ арктическихъ моряхъ; едва-ли найдется другое островное населеніе, которое бы заключало въ себѣ такую большую пропорцію людей, совершившихъ кругосвѣтное путешествіе.

У сельскихъ жителей Санть-Мигуэля и другихъ острововъ браки почти всегда устраиваются по расчету, а не по взаимной склонности. Нѣкоторые слѣды прежнаго затворничества женщинъ сохранились еще во внутреннемъ расположениіи домовъ и особенно въ одеждѣ: закутанныя въ длинныя мантіи или плащи, азорки пробираются по улицѣ, точно призраки. Многія еще носятъ капюшонъ, крылья котораго сближаются напереди, оставляя лишь узкое отверстіе, въ которое особы можетъ выглядывать, не будучи сама видимой. Въ западной части Санть-Мигуэля жена не имѣетъ права идти рядомъ съ мужемъ, когда они отправляются въ гости или къ бѣднѣ: она въ почтительномъ отдаленіи слѣдуетъ за своимъ господиномъ, который шествуетъ величаво, на нѣсколько шаговъ впереди. Прежде дамы средняго класса не могли даже выходить за покупками; они принимали торговцевъ на дому и покидали свой гинекей только для того, чтобы идти въ церковь; было даже въ обычай, что, при видѣ идущаго на встрѣчу мужчины, женщины отворачивались къ стѣнѣ, чтобы избѣжать взгляда посторонняго.

Возрастаніе населенія идетъ очень быстро, благодаря постоянному перевѣсу рожденій надъ смертными случаями. Семьи очень многочисленны, и пропорція дѣтей, умирающихъ въ раннемъ возрастѣ, относительно весьма не велика; однако, переживаніе слабыхъ, говорить, влечетъ за собой нѣкоторое ухудшеніе расы, и теперь на островахъ будто-бы не встрѣтишь людей, которые по физической силѣ и крѣпости тѣлосложенія могли бы сравняться съ крестьянами португальской провинціи Минью. Нѣкоторыя эпидеміи появляются и здѣсь по

временамъ. Хроники говорять о «морахъ», которые, вмѣстѣ съ мавританскими пиратами, опустошили народившіяся колоніи. Въ настоящее время въ архипелагѣ разгуливаютъ гастроическая и тифозная лихорадки, но топографическое распределеніе его городовъ и деревень уже само по себѣ ослабляетъ дѣйствіе этихъ болѣзней. За исключеніемъ немногихъ мѣстъ, где призывъ торговли вызвалъ къ жизни болѣе или менѣе скученныя поселенія, остальные жилища слѣдуютъ одно за другимъ, въ видѣ длинныхъ улицъ, по окружности острововъ, и такимъ образомъ, всѣ эти жилища выставлены благодѣтельному вліянію морской бризы. Медикъ Булларъ констатировалъ только два случая чахотки между своими больными ¹⁾). Пища крестьянина самая простая, но питательная; азорцы—большіе Ѣдоки хлѣба, который они пекутъ изъ маисовой муки: имъ надо его, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ два килограмма (почти пять фунтовъ) въ день на человѣка, и они употребляютъ хлѣбъ со всѣми другими своими явствами, овощами, рыбой, плодами. «Все ѿшь съ хлѣбомъ—будешь здоровъ», говорить ихъ пословица.

Земли, несмотря на то, что онѣ очень плодородны и воздѣланы на всѣй окружности острововъ до высоты 500 метровъ, недостаточны для прокормленія увеличивающагося населенія. Причина этого недостатка продовольствія должна быть приписана главнымъ образомъ неравномѣрному распределенію земельной собственности; во время путешествія Гонта, въ 1840 г., число земельныхъ собственниковъ составляло лишь тридцать шестую часть общей цифры взрослыхъ жителей ²⁾). Хотя законъ отмѣнилъ маораты, но старинное феодальное дѣленіе въ большей части сохранилось до сихъ поръ: островъ Санть-Мигуэль почти весь принадлежитъ десятку крупныхъ помѣщиковъ, какъ въ первыя времена колонизаціи; многія имѣнія обнимаютъ широкую полосу земли, простирающуюся отъ береговыхъ утесовъ до конусовъ вулкановъ. Фермеры, правда, пользуются наслѣдственнымъ правомъ оставаться на обрабатываемой землѣ и продавать сдѣланнныя имъ на ней улучшенія; но налогъ, который они должны платить владѣльцю, составляетъ значительную часть, иногда половину годового дохода. Мелкія земельные владѣнія немногочисленны, а крѣпостные пошлины и другие судебные расходы, сопряженные съ переходомъ недвижимаго имущества въ другія руки, уничтожаютъ дѣйствительную егоѣнность для мелкаго сельскаго хозяина, который въ концѣ концовъ видитъ себя обездоленнымъ въ пользу какого-нибудь законника или разбогатѣв-

¹⁾ Bullar, "Winter in the Azores".

²⁾ Hunt, "Journal of the Geographical Society of London".

шаго эмигранта, вернувшегося из Бразилии¹⁾). Оттого почти во всех семействах часть молодежи уходит искать счастья в чужой стороне: годовая цифра эмигрантов колеблется от двух до трех тысяч; итог суммъ, ежегодно посыпаемыхъ этими выходцами своимъ роднымъ, исчисляютъ въ миллионъ франковъ. Въ десятилетіе съ 1872 до 1882 года изъ Понта-дельгадского округа эмигрировало 15.473 человѣка²⁾). Образовались даже пароходные общества специально съ цѣлью эксплоатировать это эмиграционное движение и регулярно направлять въ разные края. Къ первымъ спрапамъ, выбраннымъ азорскими переселенцами, къ Бразилии, Соединеннымъ Штатамъ и африканскимъ владѣніямъ Португалии, въ послѣднее время прибавились еще Сандвичевы острова. Съ половины настоящаго столѣтія было нѣсколько случалось, что азорскіе матросы съ китоловныхъ судовъ дезертировали, чтобы поселиться въ Гавайѣ; но настоящій потокъ эмиграціи начался только въ 1879 году, послѣ бѣдствія, которому подверглись апельсинные плантации. Въ концѣ 1880 г. португальская колонія Гавайи состояла изъ 1.493 душъ, въ томъ числѣ 813 уроженцевъ Азорскихъ острововъ, 420 съ о. Мадеры и 120 изъ архипелага Зеленаго Мыса; затѣмъ въ 1882 году изъ одного только округа Понта-Дельгада слишкомъ двѣ тысячи азорцевъ переселилось на Сандвичевы острова; въ 1884 г. въ этомъ океанійскомъ архипелагѣ насчитывали уже 9.377 португальцевъ, большую частью азорскихъ выходцевъ. Особенно молодые люди бѣгутъ съ Азорскихъ острововъ, чтобы избавиться отъ военной службы и скучной гарнизонной жизни въ какой-нибудь крѣпости Португалии. Въ силу недавно изданного закона, мальчики, имѣющіе болѣе четырнадцати лѣтъ отъ рода, обязаны вносить при отѣзѣдвѣ сумму, необходимую для найма, въ случаѣ надобности, замѣстителя; но законъ этотъ часто обходится.

Земледѣліе составляетъ главный промыселъ азорцевъ. Орудія, употребляемыя пахарями, очень примитивны, а бороны даже напоминаютъ времена каменнаго вѣка: это просто-на-просто деревянный брускъ, усаженный на нижней сторонѣ остроконечными кусками лавы. Но почва необычайно плодородна и возвращаетъ самъ двадцать и болѣе посѣянное зерно. Землевладѣльцы рѣдко находятся въ отсутствіи изъ своихъ имѣній, какъ это обыкновенно дѣлаютъ крупные помѣщики въ другихъ странахъ; они постоянно живутъ на островѣ и принимаютъ на себя всѣ заботы и хлопоты по отдаче принадлежащихъ имъ земельныхъ угодий въ аренду; во многихъ мѣстностяхъ Санть-Мигуэля не найдешь пяди земли, лежащей

безъ употребленія; даже вершины скалъ, ка- жущіяся неприступными, и тѣ застѣнны ины- момъ. Шпеница очень хорошо растетъ на островѣ св. Маріи, но на островѣ св. Михаила она быстро вырождается; кроме того, воздѣлываются бобы, фасоль, сладкій картофель (пататы) и ямсъ или инъямъ, которые служатъ не только для народнаго продовольствія, но также для приготовленія спирта и водки. Всѣ роды культуры даютъ обильные урожаи, и съвообо- ротъ во многихъ мѣстахъ установленъ такимъ образомъ, что собираются двѣ жатвы въ году; однако, продукты, вообще говоря, не такъ хо- роши, какъ на континентѣ и въ другихъ атлан- тическихъ архипелагахъ.

Лакмусовый ягель, лишай, растущій на скалахъ, который прежде употребляли въ боль- шомъ количествѣ для окраски тканей, былъ первымъ прибыльнымъ товаромъ отпускной торговли; онъ составлялъ моноцолію казны, какъ доходъ, предназначенный специально на «булавки» королевы, и продавался по очень хорошей цѣнѣ. Культура пастели также обогащала Торсейру и другіе острова въ первое время колонизаціи; сахарный тростникъ былъ источникомъ благосостоянія для Виллафранки Виноградники до половины настоящаго столѣтія, когда большая часть ихъ была истреблена грибкомъ *oedium*, доставляли довольно посред- ственное бѣлое вино, небогатое сахаромъ, но обильное; затѣмъ апельсинные плантациіи замѣнили виноградники и такъ успѣшио, что Санть-Мигуэль отправлялъ въ Лондонъ ежегодно до 250 миллионовъ апельсиновъ, цѣнностью почти на 3 миллиона франковъ; но апельсинные деревья были поражены «течью» или «слезой» (*lacrima*), затѣмъ другими болѣзнями, и тор- говля этимъ продуктомъ сократилась на три четверти и даже болѣе противъ прежняго вре- мени. Такъ, наприм., въ 1885 г. съ о. Санть-Мигуэля было вывезено только 131.141 ящикъ т. е. 50 миллионовъ апельсинъ. Новозеландскій ленъ (*phormium tenax*), неизвѣстно съ какого времени произрастающій на этихъ островахъ, даже на самыхъ бесплодныхъ земляхъ, утилизируется теперь мѣстными ткачами. Ананасы, разводимые въ теплицахъ, превосходнаго ка- чества и находятъ очень выгодный сбытъ. Съ 1878 года азорцы занимаются также, и съ успѣхомъ, культурой чая: одна плантация за- ключала въ 1885 г. до 27.000 чайныхъ дере- вьевъ. Но важнѣйший продуктъ сельскаго хозяйства составляетъ все-таки кукуруза, и каждый годъ, несмотря на огромное потреб- леніе внутри страны, значительное количество этого хлѣба вывозится за границу. Что касается земледѣльческаго населения, то оно крайне бѣдствуетъ, несмотря на плодородіе обраба- тываемой имъ почвы; въ обыкновенное время поденная плата сельскихъ рабочихъ колеблется между 85 сантимами и полутора

¹⁾ Arruda Furtado, цитир. мемуаръ.

²⁾ Arruda Furtado.

франками, и только въ страдную пору доходить до 3 франковъ¹⁾.

Въ прежнее время остронитие носили одежду исключительно изъ тканей туземного производства, но дешевизна иностранныхъ суконъ и бумажныхъ матерій почти совершенно убила мѣстную промышленность. Фабрикъ и заводы въ собственномъ смыслѣ на островахъ не имѣются, есть только нѣсколько мельницъ, кожевень и сыроварень; азорцы, не занимающіеся земледѣльемъ, почти всѣ промышляютъ торговлей. Движеніе торгового обмѣна возрастаєтъ съ каждымъ десятилетіемъ: оно почти удесетирилось въ періодъ съ 1830 по 1880 годъ; однако съ этого времени болѣзнь апельсиновыхъ деревьевъ имѣла слѣдствіемъ уменьшеніе торговой дѣятельности, которая теперь понемногу оправливается отъ пережитаго кризиса.

Санта-Марія, ближайший къ Португалии и къ Мадерѣ островъ Азорскаго архипелага, — одинъ изъ самыхъ малыхъ и наименѣе населенныхъ; но прежде онъ, повидимому, имѣлъ болѣе значительные размѣры, судя по тому, что его морской пьедесталъ, размытый волнами, которая нагоняетъ страшный западный вѣтеръ, тянется на довольно большое разстояніе на сѣверо-западной сторонѣ острова. Километрахъ въ сорока къ сѣверо-востоку отъ острова св. Маріи, скалы Формигасъ и Формигонъ, «муравьи карлики, окружающіе муравья-великанъ», тоже не что иное, какъ остатки бывшаго островка, длиною около 10 километровъ. Но если море разрушило часть основанія, на которой покончилась Санта-Марія, то этотъ островъ увеличился съ другой стороны, благодаря поднятію подводной ея части: слѣды прежнихъ береговъ видны на окружности острова до 90 метровъ высоты. Кажется, эта западная оконечность Азорскаго архипелага давно уже не подвергалась вулканическимъ изверженіямъ или вспышкамъ: ни въ одномъ изъ кратеровъ острова не замѣтно шлаковъ недавняго происхожденія, а вылившіеся прежде потоки лавы вывѣтились, частію даже покрылись перегноемъ и растительностью. Санта-Марія отличается отъ другихъ Азорскихъ острововъ присутствіемъ слоевъ известняка, который образовался подъ водой до поднятія береговъ; эти отложения, относящіеся къ концу міоценовой эпохи, дѣятельно разрабатываются обжигальщиками извести, которые отправляютъ добываемый продуктъ въ городъ Понта-Дельгада, на островъ Санть-Мигуэль; красная глина, находящаяся на островѣ Санта-Марія, идетъ на приготовленіе пущланы²⁾.

Главное поселеніе острова св. Маріи, Вилла-до-Порта, или «городъ Порта», не заслужи-

ваетъ этого имени: его бухточка, простая вырѣзка южнаго берега, открыта западнымъ и южнымъ вѣтрамъ; стоянка въ ней неудобна, и часто корабли принуждены бросать якорь въ рейдѣ, готовые бѣжать при первомъ тревожномъ сигналѣ. Санта-Марія — одинъ изъ тѣхъ острововъ, которымъ приходилось всего болѣе терпѣть отъ набѣговъ пиратовъ, алжирскихъ и французскихъ, въ шестнадцатомъ столѣтіи. Въ сухіе годы ему грозить недородъ, иногда голодовка.

Санть-Мигуэль, самый большой и наиболѣе населенный изъ Азорскихъ острововъ (онъ заключаетъ почти половину общаго числа жителей архипелага), состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ отдаленныхъ земель, промежуточъ между которыми было заполнено цѣлымъ рядомъ изверженій. Множество вулканическихъ конусовъ, издали напоминающихъ своей формой рядъ кротовыхъ горокъ, занимаютъ это промежуточное пространство, надъ каменистой равниной, образованной потоками лавы, которые вылились съ двухъ первоначальныхъ острововъ. Вулканический пепель, перемѣшанный съ обломками этихъ лавъ и видоизмѣненный дѣйствиемъ дождей, далъ слой плодороднѣйшей земли, которая сдѣлалась земледѣльческой областью Санть-Мигуэля: въ этой мѣстности и сконцентрировалось огромное большинство населения³⁾.

Надъ восточной частью Санть-Мигуэля, которая походитъ на о. св. Маріи видомъ своихъ изрытыхъ скатовъ и вывѣтившихъ лавъ, господствуетъ высшая вершина острова, Пико-да-Вара, бывшій вулканъ, ни разу не приходившій въ дѣйствіе со временемъ прибытія въ край поселенцевъ; въ лѣсахъ, покрывающихъ склоны этой горы, попрятались первые африканцы, оставленные на островѣ, въ 1444 году, когда сильные сотрясенія колебали западныя земли, при чемъ нѣкоторыя вершины горъ были обращены въ пепель и взлетѣли на воздухъ. Къ западу отъ Пико-да-Вара, неправильная цѣпь мѣстами прерывающаяся равнинами въ формѣ цирковъ. Одна изъ нихъ, открывающаяся на южной покатости острова, носить название долины «Печей», das Furnas; отсюда выходитъ ручей, называемый «Горячей рѣкой», Ribeira Quente, спускающейся къ морю узкой долиной, почва которой утилизируется для производства скороспѣлыхъ плодовъ. На пространствѣ около 400 метровъ во всѣхъ направленіяхъ земля изрыта безчисленными отверстіями, изъ которыхъ вылетаютъ струи воды и паровъ. Нѣкоторыя ямки имѣютъ діаметръ не больше, чѣмъ у иголки: это по мѣстному названію, «глазки», olhos, откуда выходятъ капельки воды и пузырьки воздуха; самый обильный ключъ, извѣ-

¹⁾ Arruda Furtado, цитиров. сочиненіе.

²⁾ G. Hartung, цитированное сочиненіе.

³⁾ Fouqué, „Voyages g  ologiques aux Acores“, „Revue des Deux Mondes“, 1873.

стный подъ именемъ «котла», *caldeira*, бѣть изъ земли въ видѣ широкаго сноса, взлетающаго на высоту одного метра надъ уровнемъ бассейна; одно отверстіе, прозванное «пастью ада», выбрасываетъ съ шумомъ кружасиця струи газа, тѣмъ болѣе густыя и безпорядочныя, чѣмъ болѣе волнуется виѣшняя атмосфера. Изъ окружающихъ скаль, побѣлѣвшихъ отъ дѣйствія кислотъ, вытекаетъ дымящаяся вода, и даже въ самомъ ложѣ ручья существуютъ горячіе ключи, присутствіе которыхъ обнаруживается кипѣніемъ воды и выдѣленіемъ пара на поверхности. Температура этихъ водъ, изъ которыхъ иныхъ утилизируются въ водолечебныхъ заведеніяхъ, представляетъ большое различіе, смотря по обилию водныхъ площадей и свойству каналовъ, посредствомъ которыхъ подземная вода выходитъ наружу: нѣкоторые источники имѣютъ температуру 98 градусовъ, т. е. почти достигающую точки кипѣнія; другіе, напротивъ, едва заслуживаютъ названія теплыхъ водъ, такъ какъ температура ихъ не превышаетъ 22 градусовъ; такая же разница замѣчается между различными ключами и въ отношеніи минерализаціи. За послѣднія три столѣтія долина Печей почти никакъ не измѣнилась по виѣшнему виду: единственная перемѣна, происходящая въ этой долинѣ,— обвалы, въ томъ или другомъ мѣстѣ, скаль, распадающихся отъ дѣйствія фумаролъ, да постепенное отложение толстыхъ слоевъ кремнезема, въ которыхъ окаменѣваютъ растенія: иногда большія деревья превращаются такимъ образомъ въ камень.

Горячіе ключи и фумароллы встрѣчаются во множествѣ и въ остальной части острова, где они расположены по прямой линіи, отъ востоково-юго-востока къ западо-сѣверо-западу, въ томъ же направленіи, какъ и самая ось архипелага. Санть-Мигуэль богатъ также озерами, бывшими кратерами, которые нѣкогда извергали горячую лаву, а теперь наполнены дождевой водой. Одно изъ этихъ озеръ занимаетъ овальную впадину непосредственно къ западу отъ долины Печей;сосѣднее озеро, имѣвшее 5 километровъ въ окружности и болѣе 30 метровъ глубины, было совершенно засыпано пепломъ во время изверженія 1563 года: теперь оно такъ и называется «Сухое озеро», *Lagoa Seca*. Километрахъ въ десяти оттуда, озеро Конгро (*Lagoa do Congro*) наполняетъ кратеръ, крутыя стѣны которого вздымаются за 90 метровъ надъ уровнемъ воды. Далѣе, другое альшийское озеро, называемое «Огненнымъ», *Lagoa do Fogo*, помѣстилось въ жерлѣ, разверзшемся въ 1563 году. Высокая гора, *Volcao*, или «Вулканъ» по преимуществу, исчезла вся цѣликомъ, улетучилась, превращенная въ пепель и куски пемзы, ниспадавшіе на островъ и на океанъ: ручьи, засыпанные дождемъ раскаленной пыли, перестали течь на щѣляя двѣ недѣли; каравеллы,

плававшія на разстояніи 400 километровъ отъ Санть-Мигуэля, были покрыты по всей палубѣ пепломъ и лишь съ большимъ трудомъ могли пролагать себѣ путь въ морѣ сквозь сплошной слой пемзы; говорить даже, что вулканическая пыль была доносима вѣтромъ до самой Португаліи. Когда черная туча, скрывавшая театръ изверженія, разсѣялась, островитяне увидѣли, что профиль гребня совершенно измѣнился. Къ западу отъ Огненнаго озера хребетъ острова представляеть наиболѣе глубокую выемку; большая дорога, идущая съ одного склона на другой, между Понта-Дельгада и Рибейра-Гранде, переходитъ порогъ на высотѣ 210 метровъ, поднимаясь съ одной стороны, понижаясь съ другой, безъ крутыхъ всходовъ и спусковъ.

Западная оконечность острова Санть-Мигуэль почти вся занята большимъ круглымъ кратеромъ замѣчательно правильной формы. Края его по всей окружности, длиной около 15 километровъ, иззубрены дѣйствіемъ дождей, и нѣсколько вулканическихъ конусовъ, разставленныхъ черезъ извѣстные промежутки, господствуютъ надъ обширнымъ амфитеатромъ: самый высокій изъ нихъ, Пикъ Креста, *Pico da Cruz*, на юго-востокѣ, достигаетъ 846 метровъ; водная площадь, наполняющая дно большаго кратера, лежитъ всего только на высотѣ 264 метровъ. Существуетъ легенда, что это жерло разверзлось въ 1484 году, т. е. въ тотъ самый годъ, когда первые жители были оставлены на островѣ Кабралемъ; однако, геологическое изученіе кратера не подтверждаетъ этого рассказа туземцевъ, внушенного, очевидно, любовью къ чудесному. Точно также слѣдуетъ смотрѣть какъ на плодъ народнаго воображенія на самое имя «*Caldeira das Sete Cidades*», «Котель Семи Городовъ», данное этому обширному амфитеатру вулканическаго происхожденія: безъ сомнѣнія, жители острова думали, что здѣсь, на днѣ водъ, покоятся, поглощенные разверзшейся землей «Семь городовъ» Антилии, основанныхъ семью легендарными епископами, бѣжавшими изъ Португаліи во время нашествія мавровъ. Наибольшая глубина подводной части кратера превышаетъ 106 метровъ: съ этой глубины, вѣроятно, и вылеталъ нѣкогда пепель при изверженіяхъ. Зеленая водная площадь «Большаго озера», *Lagoa Grande*, занимаетъ сѣверную впадину Кальдѣры, но узкая коса, едва выступающая наружу, отдѣляетъ ее отъ другой водной площади, «Лазурнаго озера», *Lagoa Azul*, которое простирается до основанія лѣсистыхъ откосовъ, въ южной части амфитеатра. Живописная деревня разсыпала свои домики по скатамъ до самой перегородки, раздѣляющей два озера, и четыре вулкана съ кратеромъ высится въ разныхъ частяхъ котловины. Каждый изъ двухъ южныхъ вулкановъ содержитъ маленькое озеро

на дне своей верхней чаши. Говорятъ, что глубокія галлереи, откуда жидкая лава изливалась прямо въ море, проходилъ сквозь всютолицу стѣны «Семи городовъ»¹⁾.

Въ сосѣдствѣ этой котловины «Семи городовъ», у острова Санть-Мигуэля уже въ историческія времена не разъ появлялись новые подводные вулканы. Такъ, близъ южнаго берега, противъ порта Виллафранка, въ морѣ виденъ кратеръ замѣчательно правильной формы, внутри котораго мелкія суда находятъ безопаснѣе убѣжище во время бури; но эпоха появленія этого подводнаго вулкана неизвѣстна. Первое изверженіе, которое азорцы наблюдали въ открытомъ морѣ, относится къ 1638 году. Тогда изъ нѣдра океана, къ юго-западу отъ мыса Феррапіа, вылетѣлъ столбъ пепла, по выражению хроники «такой высокій, какъ три башни, поставленныя одна на другую», и мало-по-малу изъ-подъ воды выступилъ черноватый конусъ; но этотъ новорожденный островъ просуществовалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: первыя зимнія бури разрушили его, и отъ вулкана осталась только высокая, лежащая близко отъ поверхности, мель. Къ юго-западу отъ того мѣста, где стоялъ этотъ эфемерный островъ, въ 1811 году появился другой—занеменитый Сабрина, названный такъ по имени англійскаго фрегата, экипажъ котораго оставался въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль очевидцемъ этого морскаго изверженія. Столбы пепла и шлаковъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ черезъ извѣстные промежутки, поднимались гораздо выше утесовъ сосѣдняго берега, на 200 метровъ и болѣе; облако паровъ, облегавшее верхнюю часть колонны обломковъ, кружилось въ воздухѣ, какъ исполнинское колесо; молніи пронизывали по всѣмъ направленіямъ темную массу вертящихся облаковъ; смерчи, двигавшіеся наклонно отъ дѣйствія вѣтра, вздымали огромныя волны вокругъ центральнаго изверженія. На четвертый день показалась черная полоса берега Сабрины, которую можно было принять за высунувшуюся спину какого-то чудовища; по прошествии трехъ часовъ островъ имѣлъ уже 6 метровъ высоты и принялъ форму разорваннаго кратера, около 450 метровъ въ окружности, откуда во время отлива вода выливалась въ видѣ кипящей рѣки, а при слѣдующемъ приливѣ море снова наполняло опорожненную лагуну острова. Шестнадцать дней спустя послѣ начала изверженія вулканическій конусъ достигъ максимума своихъ размѣровъ: 75 метровъ въ высину и 1.850 метровъ въ окружности. Рассказываютъ—правда, голословно,—будто англичане поспѣшили водрузить свой флагъ на новорожденной землѣ, обрадовавшись счастливому случаю, который давалъ имъ мѣсто для сооруженія крѣпости въ центрѣ

океана; но составленный изъ такого рыхлаго и непрочнаго материала, какъ пепель и шлакъ, этотъ будущій новый Гибралтаръ не могъ противостоять удару волнъ и мало-по-малу исчезъ подъ водой: вскорѣ послѣ того лодка находила глубину въ 28 метровъ въ томъ мѣстѣ, где появлялся островъ Сабрина¹⁾.

Первое поселеніе португальскихъ и «мавританскихъ» эмигрантовъ на южномъ берегу Санть-Мигуэля носить просто имя Ровоацоа, т. е. «Деревня». Его смѣнила, въ качествѣ главнаго города, Виллафранка, расположенная тоже на южномъ берегу, при рейдѣ, который защищаютъ отъ западныхъ вѣтровъ вулканическій островокъ и перешеекъ изъ мелей, соединяющій его съ прибрежьемъ. Но въ 1522 году этотъ городъ былъ совершенно разрушенъ изверженiemъ: потоки земли и ила, спустившись лавинами съ горъ, лежащихъ на сѣверѣ, хлынули на Виллафранку и поглотили ее, вмѣстѣ съ пятью тысячами жителей; другое «земляные потопы», говорятъ лѣтописцы, ринулись на разные другие пункты побережья и выдвинулись въ море въ видѣ мысовъ.

Виллафранка, родина знаменитаго путешественника Бенто - де - Гоэзъ, проникшаго въ центръ Азіи въ началѣ семнадцатаго столѣтія, снова сдѣлалась многолюднымъ городомъ и ведетъ непосредственно торговлю съ Англіей. Но на степень столицы возвысился другой городъ—Пonta-Дельгада (Длинный Мысъ), лежащий западнѣе, за большимъ мѣстечкомъ Алагоа, и на томъ же южномъ берегу: это четвертый городъ Португаліи по числу жителей. Выступъ берега, отъ котораго онъ получилъ свое имя, нѣсколько защищалъ его рейдъ отъ ярости западныхъ вѣтровъ, но эта защита была недостаточна для кораблей, посѣщающихъ понтадельгадскій портъ; въ среднѣмъ насчитывали пятьдесятъ дней въ году, когда прекращалось всякое сообщеніе между судами и твердой землей. Поэтому въ шестицѣтихъ годахъ, въ эпоху большаго развитія торговли апельсинами, приступили къ постройкѣ жете, длиной въ 850 метровъ, защищающаго портъ съ южной стороны и загибающагося на востокѣ своимъ конечнымъ моломъ: эта плотина защититъ якорную стоянку отъ всѣхъ вѣтровъ, и сотни судовъ найдутъ мѣсто въ портѣ. Больше половины вѣнчайшей торговли Азорскихъ острововъ ведется черезъ Понтадельгаду (такъ въ 1883 г., въ этомъ портѣ перебывало 322 судна, общей вмѣстимостью 165.765 тоннъ; цѣнность торговли съ другими странами, кроме Португаліи, составила 3.410.000 франковъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—лучшій городъ острова по обширности опоясывающихъ его садовъ и воздѣланныхъ полей; благодаря удобнымъ путямъ

¹⁾ V. T. Walker, „The Azores“.

¹⁾ Webster, „Description of the Island of Saint-Michael“; —Hartung, цитированное сочиненіе.

сообщенія, онъ служить складочнымъ пунктомъ для произведеній сѣверной покатости острова, гдѣ находится второй по важности городъ Санть-Мигуэля — Рибейра-Гранде. Маленькое

вовъ, въ 1720 году на морѣ родился островной вулканъ, болѣе высокій и болѣе живучій, чѣмъ вулканы, появившіеся въ водахъ Санть-Мигуэля; однако, составленный изъ такихъ же не-

Островъ Мадера съ сѣверной стороны.

поселеніе Копелласъ, на сѣверномъ берегу, замѣчательно какъ любимое дачное мѣсто богатыхъ азорцевъ.

Между Санть-Мигуэлемъ и Терсейрой, но гораздо ближе къ послѣднему изъ этихъ остро-

прочныхъ материаловъ, онъ тоже въ концѣ концовъ исчезъ, и теперь, какъ показали промѣры морскаго дна, не существуетъ даже мели на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ конусъ вулканическаго испла. Въ 1867 г., по другой

сторону острова Терсейра, близъ деревни Серпета, занимающей его западную оконечность, образовалась новая подводная горка изъ вулканическихъ шлаковъ, не доходившая, впрочемъ, до поверхности моря. Цѣлые мѣсяцы передъ тѣмъ почва часто колебалась; иногда насчитывали по пятидесяти и болѣе сотрясений въ день, и нѣкоторыя были настолько сильны, что опрокидывали дома: обитатели этого округа Терсейры жили все это время лагеремъ въ садахъ. Наконецъ, желтовато-зеленый цвѣтъ моря, кипѣніе его водъ, сильные взрывы возвѣстили образованіе подводного вулкана; затѣмъ жители увидѣли выходившіе изъ моря столбы воды и пара, которые поднимались на высоту нѣсколькихъ сотъ метровъ и разсыпывались въ воздушномъ пространствѣ, въ видѣ блѣдоватыхъ облаковъ; ракеты шлаковъ и камней пестрили жидкіе столбы своими черными чертами и падали обратно въ клокотавшія волны. Пары вылетали изъ моря многочисленными фонтанами на эллиптическомъ пространствѣ около 5 километровъ длиной, и километровъ на двадцать кругомъ вода была окрашена въ желтый, въ зеленый, въ красный цвѣтъ отъ присутствія солей желѣза въ растворѣ. Изверженіе продолжалось семь дней, затѣмъ поверхность моря приняла свой обычный видъ, и подземный вулканъ мало-по-малу понизился ¹⁾.

Островъ Терсейра, или «Третій», имѣющій овальную форму, состоитъ собственно изъ двухъ острововъ, какъ и Санть-Мигуэль. Средняя и восточная часть, съ ея «Котломъ» (Caldeira), и западная часть, доминируемая «Большимъ Котломъ» (Caldeira) св. Варвары, принадлежать къ различнымъ періодамъ образованія. «Котель»—это циркъ около 10 километровъ въ окружности, обставленный вулканами съ кратеромъ и сплошь заросшій густымъ кустарникомъ. Съ краевъ котловины Санта-Барбара, болѣе высокихъ, виденъ весь островъ, какъ на ладони, а вдали, по направлению отъ запада къ югу, развертывается вся панорама центральныхъ острововъ архипелага; въ ясную погоду можно даже различить, на юго-востокѣ, неопределенный очертанія Санть-Мигуэля. Послѣднее изверженіе, имѣвшее мѣсто внутри Терсейры, относится къ 1761 году: лавы, вылившіеся въ то время, еще слишкомъ плотны, чтобы можно было обратить ихъ въ пахатную землю: уже издали можно замѣтить эти красноватыя каменистые рѣки, не имѣющія другой растительности, кромѣ фиговыхъ деревьевъ. Единственный остатокъ дѣятельности, сохранившейся во внутреннемъ очагѣ, обнаруживается выдѣленіемъ газа и водяного пара температуры 90 градусовъ: вокругъ этихъ фумаролъ отлагаются кристаллы сѣры, что дало поводъ назвать эту мѣстность, расположенную въ центрѣ остро-

острова, «Сѣрыми печами» (Furnas d'Enxofre). Подъ застывшими потоками лавы прежнихъ изверженій часто находили большія деревья, принадлежащія, впрочемъ, къ тѣмъ же породамъ, какъ и представители нынѣшней флоры: въ старину туземцы считали эти окаменѣлые деревья остатками Ноева кончега ¹⁾.

Нѣкоторые изъ древнихъ потоковъ лавы на Терсейрѣ замѣчательны крайне жидкимъ состояніемъ, въ которомъ они должны были находиться при выходѣ изъ трещинъ почвы. Слѣдствіемъ такого ихъ состоянія было то, что подъ верхней корой лавы, охладившейся отъ соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ, расплавленная масса продолжала свое движеніе, и послѣ истеченія оставила за собой пустое пространство внутри потока. Такъ образовались галлерей, которая тянется на сотни метровъ въ толщи застывшей лавы. Очень интересное зрѣлище представляютъ эти длинные коридоры подъ скалами, украшенные сталактитами изъ черныхъ кристалловъ. Во многихъ мѣстахъ вода, защищенная отъ испаренія, скапливается тамъ въ видѣ маленькихъ резервуаровъ, куда женщины приходятъ наполнять свои кувшины. Одна изъ галлерей, оканчивающаяся близъ города Ангра, служить русломъ ручью, воды которого приводятъ въ движеніе колеса нѣсколькихъ мельницъ ²⁾.

Противъ южного берега Терсейры въ морѣ видны остатки древняго конуса изверженія, раздѣленнаго теперь ударомъ волнъ на два островка, извѣстные подъ именемъ скалъ Кабрасъ. Другой вулканъ подводного происхожденія существуетъ до сихъ поръ, соединенный съ самымъ берегомъ: это Морро-до-Бразиль, высящійся къ западу отъ порта Ангра. Стѣны его, состоящія изъ пепла, смѣшанного съ обломками морскихъ раковинъ, образуютъ разноцѣпный туфъ, которому атмосферные дѣятельности придали на вершинѣ форму зубцовъ и остроконечныхъ пирамидъ; на всей приморской окраинѣ основаніе горы изсѣчено глубокими гrotами, гдѣ гнѣздаются голуби и морскія ласточки. На вершинѣ «Бразильской горы», получившей это название отъ красильного дерева, которое тамъ прежде росло, находится котловина около 3 километровъ въ окружности, заключающая два кратера неодинакового уровня, дно которыхъ теперь обращено подъ пашни.

Фортъ, построенный на склонахъ вулкана, защищаетъ Ангру, главный городъ Терсейры, бывшій нѣкогда официальной столицей Азорскихъ острововъ; и теперь еще здѣсь имѣетьсь пребываніе командующій военными силами архипелага. Уступая Пента-Дельгадѣ по размѣрамъ, Ангра представляетъ болѣе монументальный видъ. Ее прозвали «городомъ церквей»,—

¹⁾ Ibid., «A description of the Azores or Western Islands»

²⁾ Fouque, цитирован. мемуаръ.

¹⁾ Fouque, цитирован. мемуаръ.

такъ многочисленны здѣсь храмы и монастыри; въ официальныхъ документахъ она носить пышный титулъ *Angta do Heroismo*, т. е. «Бухта Героизма», присвоенный ей въ память сопротивленія, которое она оказала десантному войску, присланному до въ-Мигулемъ въ 1829 году: войско это тщетно пыталось овладѣть батареями города Прайя, расположенного при безопасной бухточкѣ, на восточной оконечности острова. Осаждающіе должны были поспѣшно сѣсть обратно на корабли, и Терсейра сдѣлалась опорной точкой военныхъ силъ, которая постепенно отвоевали Азорскіе острова, затѣмъ Португалію и наконецъ вступили, въ 1833 году, торжествующими побѣдителями въ Лиссабонъ, чтобы провозгласить тамъ королевой донну Марію да-Глоріа.

На островѣ Терсейра бывали также аграрные возмущенія, вслѣдствіе захвата общинныхъ земель крупными землевладѣльцами¹⁾.

Островъ Грасіоза, т. е. «Прелестный», не заслуживаетъ болѣе этого названія по своей растительности. Это одна изъ тѣхъ азорскихъ земель, гдѣ жители особенно усердно потрудились надъ истребленіемъ существовавшихъ прежде лѣсныхъ богатствъ; но они тщательно воздѣлываютъ ее, а города ея, Санта-Круцъ и Прайя, оба на сѣверномъ берегу, имѣютъ кое-какую промышленность. Прежде населеніе занималось тканьемъ полотенъ и шерстяныхъ матерій, которая находили сбытъ за границу и вывозились даже въ Бразилію; но теперь, конечно, немыслима никакая конкуренція между островкомъ, затеряннымъ среди безпредѣльного океана, и мануфактурными городами Европы и Америки. Въ настоящее время главный промыселъ Грасіозы — производство кирпича, который дѣлаютъ изъ красной глины, происходящей отъ разложенія лавы. Пуццоланы, цементы, огнеупорная глина, продукты, которые можно изготавлять миллиардами тоннъ, эксплуатируя вулканы Азорскихъ острововъ,—таковы, вѣроятно, будущія богатства этого океанскаго архипелага.

Со временемъ прибытия португальцевъ, на Грасіозѣ не было изверженій, даже значительныхъ землетрясений рѣдко случались; одинъ теплый минеральный источникъ, смѣшивающій свою струю дымящейся воды съ морской волной, да фумароллы углекислоты и сѣристаго водорода, наполняющія этими газами естественный гротъ на днѣ восточной кальдеры,—вотъ единственный вѣнчанія проявленія вулканической дѣятельности. Посѣтители не всегда могутъ безопасно спускаться въ эту пещеру съ испорченнымъ воздухомъ, дно которой занято маленькимъ озеромъ теплой воды. Гартунгъ объясняетъ происхожденіе этой пустоты внутри скалы огромными пузырями газа, которые про-

бивались сквозь лаву, бывшую еще въ жидкомъ состояніи.

Санть-Жорже (о. св. Георгія), центральный островъ средней группы и всего архипелага, отличается отъ другихъ азорскихъ земель формой и рельефомъ. Длинный и узкій, онъ расположены по линіи, точно совпадающей съ общей осью Азорской системы, и цѣль его горъ, которая тянется на пространствѣ около 50 километровъ, не заключаетъ ни одного конуса или купола, выдолбленного на верхушкѣ въ видѣ глубокой котловины; на немъ нѣтъ даже кратера въ собственномъ смыслѣ. Восточная часть этого острова, которая была первая колонизирована фланандскими выходцами подъ предводительствомъ ванъ-Гуэртера, пребываетъ теперь въ состояніи покоя, тогда какъ западная, гдѣ находится главный городъ, Веллась, защищенный отъ западнаго вѣтра высокимъ мысомъ, подвержена еще частымъ сотрясеніямъ. Колебанія почвы, говорятъ, чаше всего ощущаются здѣсь къ концу осени. По преданіямъ, собраннымъ Бойдомъ, подводные вулканы уже трижды появлялись у западной оконечности острова—въ 1691, въ 1720 и въ 1757 годахъ: въ этомъ послѣднемъ году восемнадцать островковъ выступили на поверхность моря, но вскорѣ опять исчезли, уступая разрушительному дѣйствию волнъ. Въ эпоху цвѣтущаго состоянія азорскихъ виноградниковъ островъ св. Георгія производилъ лучшія вина въ архипелагѣ; въ наши дни жители его занимаются преимущественно скотоводствомъ и отправляютъ значительное количество скота за границу.

Колоссальная конусообразная гора, «Пикъ» по преимуществу, вздымающаяся на 2.320 метровъ надъ центральной группой Азорскаго архипелага, имѣть такой величественный видъ, что островъ, на которомъ она стоитъ, не получиль даже особаго имени: простой пьедесталь исполнинскаго вулкана, хотя его овальная окружность развертывается на пространствѣ 120 километровъ, онъ никогда не назывался иначе, какъ именемъ Пико, принадлежащимъ собственно поддерживаемой имъ горѣ. Съ обѣихъ сторонъ острова почва постепенно повышается къ Пику, очень полого на восточной, болѣе круто на западной покатости. У собственно основанія вулкана наклонъ становится значительнѣе, и правильный конусъ вершины такъ выпрямляется, что когда смотришь снизу, стѣнки кажутся почти вертикальными; оттого «Пикъ» часто сравнивали съ громадной башней, поднимающейся выше пояса облаковъ. Издали, въ ясную погоду, можно различить на вершинѣ горы конечный конусъ, описываемый кратеромъ, и на верхнихъ склонахъ придаточные конусы, выдвинутые послѣдовательными изверженіями. Впрочемъ, очень рѣдко представляется возможность разсмотрѣть вулканъ во всѣхъ деталяхъ его архитектуры: почти всегда,

¹⁾ Walker, цитированное сочиненіе.

во всякое время года, онъ окутанъ туманомъ; вершина его еще рѣже бываетъ видна мореплавателямъ, чѣмъ вершина Тенерифскаго пика. Но цѣлымъ мѣсяцамъ она остается закрытой облаками, и даже лѣтомъ, въ самую жаркую пору, снѣгъ, защищаемый парами отъ лучей солнца, держится въ трещинахъ скалы. Немногимъ изъ предпринимающихъ восхожденіе на Пикъ удается дождаться такого счастливаго момента, когда для нихъ разступится густая завѣса облаковъ, и достигнуть краевъ кратера, прежде чѣмъ спустится занавѣсъ надъ панорамой острововъ архипелага, разсыпанныхъ по синей поверхности океана. Обыкновенно уже на высотѣ 1.200 метровъ по склонамъ, разстиляется вокругъ Пика нижній слой облачного покрова; когда пассаты дуютъ на уровни моря, контрь-пассаты проходятъ въ верхнихъ областахъ атмосферы; раздѣльный поясъ между вѣтрами обозначается слоемъ паровъ, который на Азорскомъ Пикѣ всегда лежитъ ниже, чѣмъ на Пикѣ де-Тейде, въ группѣ Канарскихъ острововъ, потому что подъ болѣе сѣверной широтой возвратные вѣтры уже значительно спустились къ морю. Скопленія паровъ, окружающія Пикъ, разлагая поверхностьную часть скалъ, способствуютъ образованію глинистой почвы, очень благопріятной для произрастанія травъ.

Со времени португальской оккупации здѣсь бывали сильныя изверженія, но ни одно изъ нихъ не происходило въ конечномъ кратерѣ, труба котораго выпускаетъ лишь легкій столбъ пара, смѣшанного съ углекислотой и сѣристымъ водородомъ. Изверженіе 1572 года, кажется, отличалось отъ всѣхъ другихъ вулканическихъ пожаровъ азорскаго міра необыкновенной силой своихъ огней: колоссальный маякъ, зажженный самой природой, освѣщалъ весь архипелагъ, превращая ночь въ день; свѣтъ его отражался даже въ водахъ Санть-Мигуэля, отстоящаго на 250 километровъ. Подобно Терсейру и Грасіозѣ, Пико въ большей части состоѣть изъ лавъ, которая изливалась въ совершенно жидкому состояніи и текла по скатамъ горы извилистыми кривыми; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются подземныя галлерей, образовавшіяся вслѣдствіе истеченія ручья лавы, и пещеры, происшедшія отъ огромныхъ пузырей газа, наполнявшихъ расплавленную массу. Почти на всей окружности Пико, также какъ въ Сициліи вокругъ Этны, дождевые воды исчезаютъ въ пепль и пористой лавѣ, чтобы течь подземными ручьями; они снова выходятъ на поверхность только у самого мора, попремѣнно скрываются приливомъ и открывается отливомъ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьянки ходить на море полоскать бѣлье въ часы отлива, когда показываются подземные источники, бьющіе ключемъ поверхъ соленой воды¹).

¹⁾ Morelet, "Notice sur l'histoire naturelle des Açores".

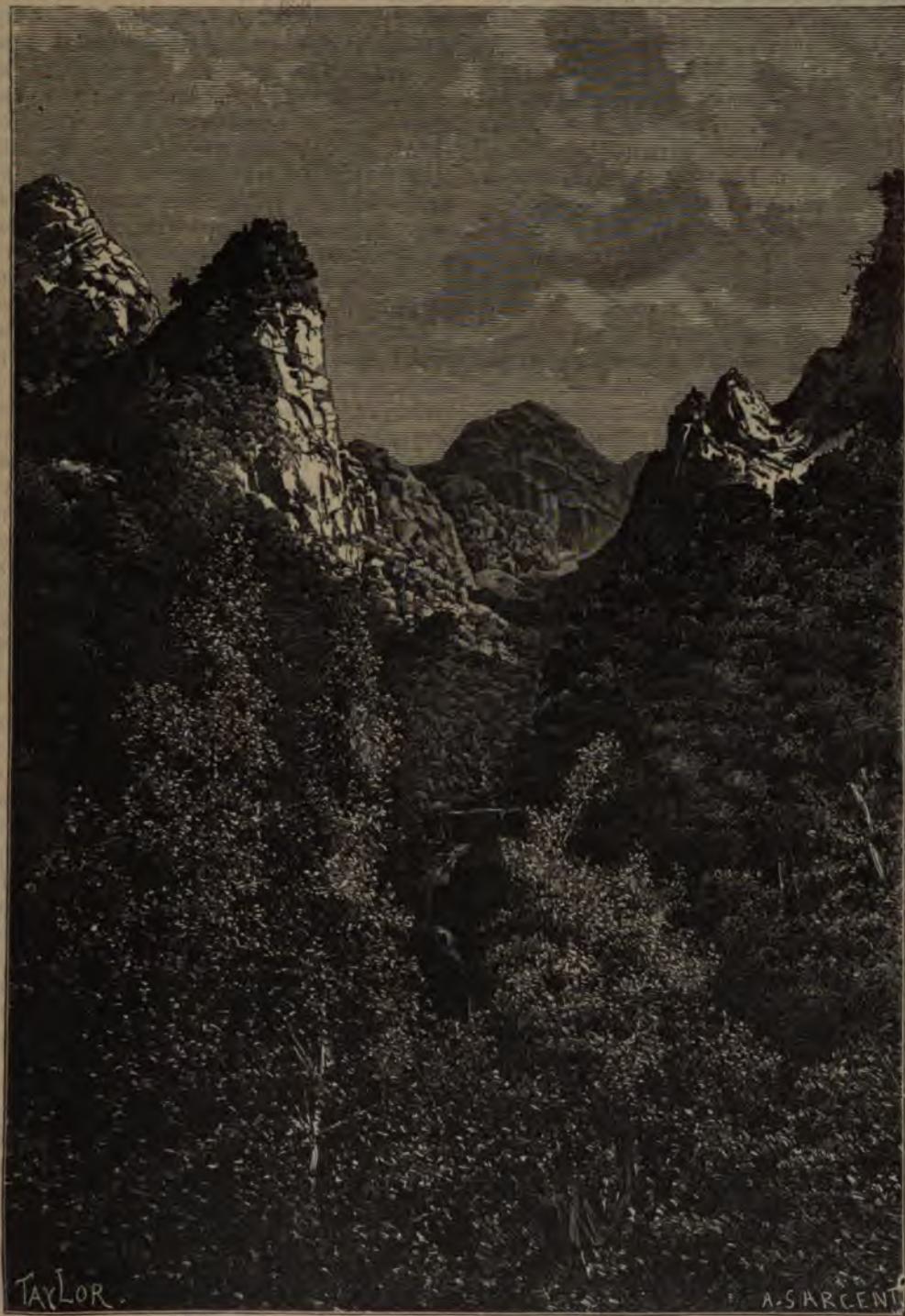
Несмотря на естественную влажность климата и обилие дождей, жители Пико вынуждены устраивать цистерны, чтобы имѣть достаточный запасъ прѣсной воды.

Хотя по пространству Пико гораздо больше своего сосѣда, острова Файаль, по цифре населенія онъ лишь немногимъ превосходитъ этотъ послѣдній. Рассказываютъ, что первые колонисты, поселившіеся на Файаль, не осмѣливались переплыть проливъ, отдѣлявшій ихъ отъ Пико: видѣть грозной горы пугалъ ихъ, точно видѣть сказочнаго великана. Тѣмъ не менѣе островъ вскорѣ былъ раздѣленъ на большія имѣнія: богатые Файальскіе рѣды завладѣли плодородными землями противоположнаго берега и поселили тамъ земледѣльцевъ на условіи отдавать помѣщику извѣстную долю урожая. Благодаря культурѣ винограда, эти обширныя имѣнія на Пико сдѣлались для ихъ владѣльцевъ источникомъ обогащенія. Въ 1852 году производство вина, походившаго на мадеру, простипалось слишкомъ до 130.000 гектолитровъ (1.058.000 ведеръ); въ слѣдующемъ году грибокъ *oidium* сократилъ сборъ на одну пятую, а нѣсколько лѣтъ спустя виноградныя лозы годились только для топки печей. Съ тѣхъ поръ нѣкоторые виноградники были вновь захвачены для культуры: въ нихъ насадили фиғовыя и абрикосовыя деревья, плоды которыхъ идутъ на приготовленіе водки; жители занимаются также огородничествомъ, отчасти скотоводствомъ (стада пасутся на горныхъ лугахъ); но въ общемъ производительность Пико, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговля Файяля значительно уменьшилась. Населеніе этого обѣднѣвшаго острова давало и даетъ наибольшій контингентъ эмигрантовъ, сравнительно съ другими Азорскими островами. Лагенсъ, столица острова, — бѣдный городокъ, расположенный на южномъ берегу, при лагунѣ, которую подумываютъ обратить въ портъ. Самые красивыя дома на Пико — это тѣ, которые жители Файяля построили противъ своего острова, чтобы проводить тамъ лѣтніе мѣсяцы, на берегу моря, вдали отъ мучителей-москитовъ.

Географически островъ Файаль можетъ быть рассматриваемъ какъ часть острова Пико; онъ отдѣленъ отъ послѣдняго лишь небольшимъ проливомъ, глубина котораго не достигаетъ и 100 метровъ: туфовый островокъ, изгрызенный волнами, возвышаетъ свои качающіяся башни между этими двумя островами. Файаль, т. е. «Буковый лѣсъ», не имѣть болѣе деревьевъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое имя; теперь мирику, принятую первыми мореплавателями за букъ, можно встрѣтить еще, «какъ въ послѣднемъ убѣжище», только въ центральной котловинѣ острова, въ жерлѣ, имѣющемъ около 400 метровъ глубины и болѣе 6 километровъ въ окружности; стѣны этого огромнаго цирка, состоящія изъ лавы, раздѣлены на правильные

контрфорсы глубокими разъединами, рѣзко выдѣляющимися, въ видѣ черныхъ полосъ, на зеленомъ фонѣ растительности. На днѣ кратера

и промышленные между населеніемъ архипелага: кромѣ земледѣлія, они занимаются ткачествомъ, а женщины выдѣлываютъ для ино-

TAYLOR.

A. S. ARGENI

Видъ на Мадеръ со стороны С. Джордже.

видѣется маленькое озеро. Изъ всѣхъ Азорскихъ острововъ Файяль наиболѣе воздѣланъ и производить лучшіе плоды, апельсины, абрикосы, бананы; жители его самые трудолюбивые

странцевъ тысячу мелкихъ вещицъ, между прочимъ, очень хорошенькия кружева изъ волосковъ алоэ.

Горта, или Хорта, столица острова и сопер-

ница Понта-Дельгады по виѣшней торговлѣ, расположена въ прелестной мѣстности, въ виду Пика и у выхода плодоносной долины «Фламандцевъ», названной такъ по первымъ, поселившимся здѣсь, колонистамъ, между которыми находился Мартинъ Бегаймъ, знаменитый космографъ изъ Нюренберга. Трудно сказать—обязана ли Гортъ своимъ именемъ ея основателю, фламандцу ванъ-Гуэртеру, или ее прозвали «Садомъ» (*Horta*) за плодородіе окружающей мѣстности. Какъ бы то ни было, между азорскими городами нѣть ни одного, который бы превосходилъ столицу Файяля разнообразiemъ флоры, туземной и экзотической, который могъ бы похвальиться такими прекрасными тѣнистыми садами и рощами, гдѣ собраны деревья Европы, Америки и Австралии. Благодаря обилию овощей и другихъ продуктовъ на рынкѣ Гортъ, она сдѣлалась обычнымъ сборнымъ мѣстомъ американскихъ китолововъ, посѣщающихъ эти воды; изъ молочныхъ продуктовъ особенно славится своимъ превосходнымъ качествомъ масло, которое вывозится отсюда даже въ Лиссабонъ. Движеніе судоходства въ портѣ Гортъ выразилось въ 1882 г. слѣдующими цифрами:

156 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью — 43.598 тоннъ; 67 пароходовъ — 98.403 тоннъ; всего: 223 судна, вмѣстим.—142.001 тонна.

Гортъ обладаетъ лучшей во всемъ архипелагѣ якорной стоянкой. Самая масса острова защищаетъ ее отъ западныхъ вѣтровъ, наиболѣе опасныхъ въ Азорскомъ морѣ; на востокѣ Пико, на сѣверо-востокѣ Санть-Жорже закрываютъ ее также отъ волненія и бурь; наконецъ на югѣ, двѣ вулканическія горки, соединенные съ о. Файяль узкими перешейками, отражаютъ волны, набѣгающія съ юга. Одна изъ этихъ горокъ носить имя «Горблой» (*Queimado*), другая, *monte Agua*, т. е. «Орлиная гора», или *v r nhe Guia*, т. е. «Путеводитель»,—названная такъ, безъ сомнѣнія, потому, что указываетъ кораблямъ входъ въ рейдъ,—обращена къ морю разорваннымъ краемъ кратера, куда проникаютъ волны: этотъ портъ, прозванный «Котломъ ада», хорошо защищенъ туфовыми стѣнками и служить мѣстомъ убѣжища для мелкихъ судовъ во время бури и сильного волненія. Недавно построенный волноразбиватель опирается о «Горблой» гору и продолжается на югъ отъ якорной стоянки Гортъ; онъ прикрываетъ гавань площадью въ 12 гектаровъ.

Флоресъ и Корво, отдѣленные отъ другихъ Азорскихъ острововъ морскимъ пространствомъ около 250 километровъ, а другъ отъ друга проливомъ въ 18 километр. шириной и болѣе 1.500 метровъ глубины, составляютъ какъ бы особый мірокъ. Сношенія между этими двумя островами и восточными группами рѣдки, развѣ только сношенія по дѣламъ управления съ Гортой, главнымъ городомъ провинціи; впрот-

чемъ, жители Флореса и Корво, отважные моряки, ведутъ торговлю непосредственно съ Португаліей и Бразиліей, и многіе изъ нихъ поступаютъ матросами на американскія китобойные суда. Коровы на о. Корво, разновидность, происшедшая отъ алгарвской породы, едва-ли не самая маленькая во всемъ свѣтѣ: самая крупная изъ нихъ ростомъ не выше 90 сантиметровъ, т. е. величиной съ большую собаку; впрочемъ, онѣ замѣчательно пропорционально сложены ⁴⁾). По ихъ климату, теплому, но сырому и вѣтряному, два названные острова могутъ считаться по преимуществу азорскими землями: дожди тамъ обильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, бури внесли въ растительный уборъ ярче зеленѣть; густые ковры дерна и мяха задерживаютъ воду на высотахъ и выпускаютъ ее лишь маленькими струйками, текущими во всякое время года. Флоресъ, хотя обезлѣсенный, остается все-таки «Цѣѣущимъ» островомъ: скаты и долины его необычайно плодородны. Разнообразіе растительныхъ видовъ тѣмъ болѣе замѣтно на Флоресѣ, что этотъ островъ, а также и Корво въ меньшей степени, отличаются отъ другихъ Азорскихъ острововъ болѣе неровнымъ рельефомъ. Всѣ склоны горъ изрѣзаны глубокими долинами, которыхъ правильно расходятся отъ центра острова къ приморской окружности. Причина тому—древность лавъ, изъ которыхъ состоятъ эти два западные члена Азорского архипелага: такъ какъ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ не было новыхъ изліяній лавы, которые бы разливались поверхъ существующихъ застывшихъ потоковъ, то дожди постепенно вырыли въ толще этихъ послѣднихъ широкія долины, гдѣ нѣкогда росли густые лѣса, а нынѣ раскинулись богатыя плантации и тучныя нивы. Лѣтописи Флореса и Корво не упоминаютъ ни одного изверженія, ни одного сильнаго землетрясенія. Въ кратерахъ нѣть болѣе фумаролъ, теперь въ нихъ встрѣтишь только поросли кустарника, пастбища, маленькая озера. Большая кальдѣра на Корво, занимающая половину острова, имѣетъ наиболѣе правильную форму изъ всѣхъ вулканическихъ котловинъ Азорского архипелага: это овалъ, около 7 километровъ въ окружности, съ краями отъ 600 до 700 метровъ высоты, перерѣзанными во многихъ мѣстахъ оврагами, которые съ одной стороны расходятся по направлению къ морю, съ другой сходятся у внутренняго озера. Туземцы говорятъ, что дно этого кратера представляетъ въ миниатюрѣ земли архипелага.

Когда-то въ давнее время,—такъ гласить одна легенда, вѣроятно, арабскаго происхожденія, сообщаемая португальскимъ писателемъ де-Гоэсъ,—на одномъ изъ мысовъ сѣверо-запад-

⁴⁾ Drouet, „Sur terre et sur mer“;—G. Hartung, античное сочиненіе.

ной оконечности острова Корво, господствующихъ въ одно и то же время надъ кратеромъ и надъ океаномъ, стояла изсѣченная изъ камня статуя всадника на конѣ. Воздвигнутая древними мореплавателями, которые завѣщали свою науку грядущимъ народамъ, каменная фигура простирала правую руку къ заходящему солнцу, показывая дорогу въ Америку: «Ищите въ той сторонѣ,—казалось, говорила она,—по слѣдамъ солнца, и вы найдете другую половину мира». Можно ли придумать болѣе грандиозное представлѣніе идеи человѣческой солидарности, проходящей черезъ всѣ вѣка? Материки западнаго полушарія погрузились въ мракъ забвія, но на крайнемъ выступѣ океанійскихъ земель каменный человѣкъ ждалъ изъ вѣка въ вѣкъ прохода какого-нибудь заблудившагося корабля, чтобы указать ему путь къ потерянной части свѣта. Такъ новая эпоха должна была примкнуть, какъ слѣдующее звено, къ цѣпи древнихъ временъ.»

Азорскіе острова, соединенные, по управлѣнію, съ Португалией, какъ составная часть королевства, дѣлятся на три округа, подраздѣленные на 22 concelhos и 125 общинъ. Каждый округъ управляется выборнымъ колоніальнымъ совѣтомъ и областнымъ гражданскимъ правлѣніемъ, зависящимъ непосредственно отъ метрополіи. Этотъ архипелагъ посыпаетъ въ Кортесы восемь депутатовъ, изъ нихъ четыре отъ Понта-Дельгада и по два отъ каждого изъ остальныхъ округовъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распределеніе острововъ по округамъ, а также число жителей отдельныхъ острововъ и главныхъ городовъ:

Округи.	Острова.	Населеніе Средн. чис. въ 1881 г. жит. на 1 душъ. кв. км.			
		6.045	58	165.169	163
Понта-Дельгада.	Санта-Марія.	6.045	58	44.340	77
	Санть-Мигуэль.	165.169	163	13.296	289
Ангра.	Терсейра	44.340	77	16.630	160
	Грасіоза.	13.296	289	24.000	145
Горта.	св. Георгія.	16.630	160	28.921	63
	Файаль.	24.000	145	9.000	188
	Пико.	28.921	63	1.500	83
	Флоресть.	9.000	188		
	Корво.	1.500	83		

По переписи 1890 г., населеніе Азорскихъ острововъ опредѣлилось въ 256.000 душъ.

Главные города: Понта-Дельгада (о. Санть-Мигуэль) — 17.135 жит.; Рибейра-Гранде — 11.800 жит., Алагоа — 10.765 жит.; Ангра-до-Героисмо (о. Терсейра), — 11.070 ж.; Горта (о. Файаль) — 7.570 жит.

IV. Архипелагъ Мадера.

Группа острововъ и островковъ, находящаяся въ Атлантицѣ въ 850 километрахъ къ юго-востоку отъ азорскаго острова св. Маріи, зани-

має очень маленькое пространство въ безпредѣльномъ протяженіи морей. Мадера, главный островъ, и сестриня земельки имѣютъ всѣ вмѣстѣ площадь, далеко не достигающую тысячи квадр. километровъ. Однако, населеніе на этой океанической землѣ относительно очень густое; по сравненію съ размѣрами, Мадера имѣеть почти вчетверо больше жителей, чѣмъ ея метрополія Португалия.

Пространство и населеніе Мадерскаго архипелага:

Пространство — 815 кв. килом.; населеніе (1890 г.) — 134.040 душъ; километрическое населеніе — 164 жителя.

Хотя по климату менѣе европейская, чѣмъ Азорскіе острова, Мадера болѣе близка къ Европѣ по разстоянію. Отъ Фунчала до Сагреса, наблюдательного пункта, откуда инфантъ донъ-Генрихъ устремлялъ пристальные взоры на южный горизонтъ, всего только 900 километровъ, то-есть два дня плаванія на пароходѣ. Африканскій берегъ еще ближе: до мыса Кантинъ, въ Марокко, 700 километровъ, а до двухъ Канарскихъ острововъ, Пальмы и Тенерифа, нѣть даже полныхъ 450 километровъ. Со всѣхъ сторонъ Мадера окружена глубокими водами, гдѣ лотъ спускается слишкомъ на 4.000 метровъ, не доставая морскаго ложа; однако, въ цѣломъ дно представляетъ наиболѣе значительные выступы со стороны Европы. Въ этомъ направленіи даже встрѣчаются мели, лежащиа близко отъ поверхности водъ; высокая мель Геттисбургъ, недавно открытая, находится подъ слоемъ воды толщиной всего только 62 метра. Эта мель изъ ярко-розового коралла, отстоящая на 250 километровъ отъ крайнаго мыса португальскаго берега, составляетъ вершину большой подводной земли, которая развѣтвляется на два удлиненныхъ полуострова, продолжаясь, съ одной стороны, къ Мадерѣ, а съ другой къ Азорскому архипелагу, мелью Жозефины, покрытой слоемъ воды толщиной въ 154 метра.

Мадера — одинъ изъ тѣхъ острововъ Атлантиды, которые уже нѣсколько разъ появлялись и исчезали, какъ тѣнь. Не есть ли это Джезиретъ-эль Ганамъ, или «Островъ Мелкаго Скота», который, будто бы, былъ открытъ арабскими мореплавателями ранѣе двѣнадцатаго столѣтія, и не слѣдуетъ ли видѣть въ Порто-Санто Джезиретъ-этъ-Туръ, т. е. «Птичій островъ»? На многихъ старинныхъ итальянскихъ картахъ, начиная съ карты братьевъ Пицциані, относящейся къ 1367 году, Мадерская группа обозначена какъ архипелагъ «Счастливыхъ острововъ св. Брандама». Но уже въ 1351 году медицейскій портулапъ описываетъ Мадеру подъ тѣмъ самымъ именемъ, которое она носить до сего дня, т. е. подъ именемъ «Лѣсистаго острова» (Madeira по-португальски значить «лѣсъ»), — по-итальянски Isola di

Legnante;— да и другіе острова архипелага показаны въ этомъ портуланѣ съ ихъ нынѣшними названіями ¹⁾). Тѣмъ не менѣе, точныя знанія итальянскихъ мореплавателей недолго были общимъ достояніемъ другихъ народовъ; Мадера оставалась неизвѣстной морякамъ Запада, или по крайней мѣрѣ сохранившееся смутное понятіе объ ея существованіи мало-по-малу превратилось въ легенду. Кажется, говорить одинъ авторъ, что «столь очаровательный островъ не могъ быть открытъ никѣмъ, кромѣ Амура», и такимъ образомъ возникла прикрашенная однѣмъ португальскимъ писателемъ исторія влюбленной англійской парочки, которая, будто бы, бѣжала изъ Бристольскаго порта и была выброшена бурей на берега Мадеры.

Какъ бы то ни было, окончательное внесеніе этого архипелага въ географический инвентарь восходитъ не далѣе 1418 или 1419 года. По словамъ Барроса, историка эпохи португальскихъ морскихъ изслѣдований, кавалеры Гонсалvezъ Зарко и Тристанъ Вазъ Тексейра, «еще не привыкшіе плавать въ открытомъ морѣ», были отброшены бурей далеко отъ африканского берега, вдоль которого они слѣдовали по направлению къ мысу Бохадоръ, и случайно пристали къ Порто Санто, «Святому Порту» или «Порту Спасенія». По возвращеніи въ Португалію, они получили отъ дона-Генриха порученіе колонизовать новый островъ, и, по прибытіи туда, вскорѣ примѣтили черное пятно, видимое съ Порто Санто на юго-западномъ горизонте: Мадера, «Лѣсистый островъ», былъ наконецъ открытъ. Свидѣтельство современниковъ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что слава отысканія Мадерскаго архипелага принадлежитъ португальскимъ мореплавателямъ; но какова бы ни была въ этомъ открытии и присвоеніи океаническихъ земель доля простаго случая и доля положительного знанія, трудно допустить, чтобы существованіе этого архипелага было неизвѣстно инфанту дону-Генриху, такъ какъ имена, данныхыя островамъ португальцами, были тѣ самыя, подъ которыми они уже ранѣе обозначены на итальянскихъ картахъ.

Главный островъ архипелага, Мадера, настолько превосходитъ другія земли этой группы пространствомъ, населенностью и богатствомъ, что въ обыкновенной рѣчи не принимаютъ въ разсчетъ второстепенныхъ острововъ: о Мадерѣ всегда говорить въ единственномъ числѣ, какъ будто она совершенно изолирована въ океанѣ. Ориентированный почти съ востока на западъ, этотъ островъ протянулся въ длину слишкомъ на полградуса, а въ самой широкой его части, отъ сѣвернаго мыса св. Геор-

гія (Санть-Жорже) до южнаго мыса св. Креста (Санть-Крупъ), разстояніе по прямой линіи составляетъ 23 километра; площадь его опредѣляютъ въ 700 квадр. километровъ. Массивная и гористая на всемъ своемъ протяженіи, состоящая изъ огненныхъ породъ, выброшенныхъ подводными изверженіями, Мадера изрѣзана на окружности очень глубокими долинами, свидѣтельствующими о древности лавъ: базальты и трахиты, залегающіе на конгломератѣ изъ вулканическихъ обломковъ, называемомъ *vinoso* (виносный) по причинѣ цѣлита, и перерѣзанные во всѣхъ направленіяхъ взбросами (*dykes*) извергнутыхъ веществъ ¹⁾), были изрыты дождями и ручьями до глубины въ сколькихъ сотъ метровъ отъ первоначальной поверхности. На островѣ не видно явственнаго кратера; даже на кручахъ не встрѣтишь уже острыхъ шлаковъ; выступы и остроконечныя верхушки скалъ округлились или покрылись слоемъ растительной земли. Несмотря на контрастъ пропастей и высокихъ стѣнъ, цѣлое прияло мягкія и красивыя очертанія, даже тамъ, где камень не прикрытъ зеленою кустарника или большихъ деревьевъ. Нѣтъ никакихъ признаковъ, указывающихъ на существованіе остатка вулканической дѣятельности; даже землетрясенія здѣсь очень рѣдки.

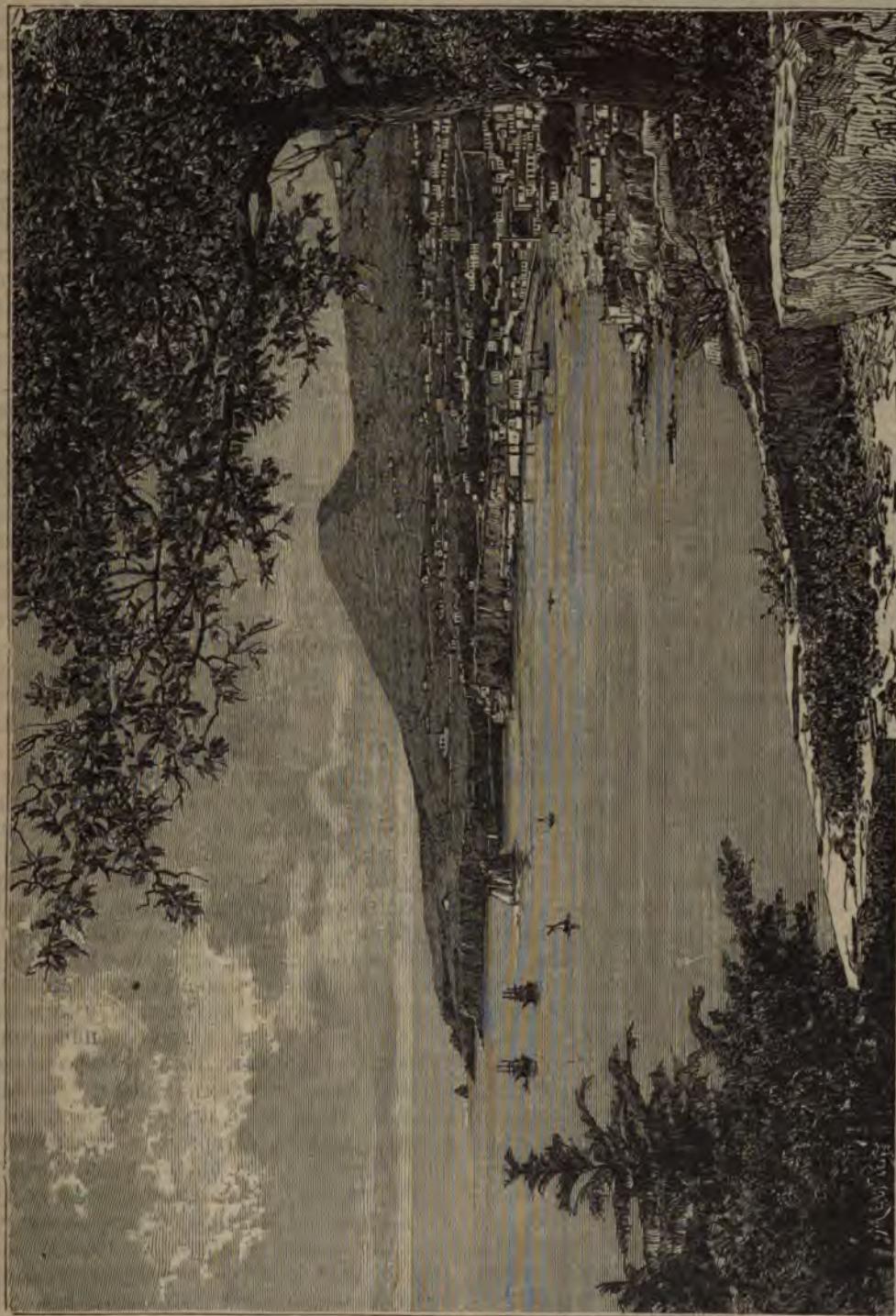
Вдоль всего острова тянется высокій хребеть, расширяясь мѣстами въ плоскогорья, затѣмъ стуживаюсь и образуя сierры. Боковые овраги, раздѣленные глубокими барранками (оврагами), оканчиваются на берегу моря крутыми мысами, утесами изъ столбчатыхъ базальтовъ и разноцѣнныхъ туфовъ, коричневыхъ, красныхъ и желтыхъ. Около середины южнаго берега, вершина мыса Жирано достигаетъ 640 метровъ высоты, въ разстояніи менѣе 800 метровъ отъ моря. Общий гребень острова гораздо ближе къ сѣверному берегу, и скатъ съ этой стороны гораздо круче; общий видъ природы имѣть болѣе дикій характеръ, высокіе мысы болѣе круто обрываются, выступы берега далѣе вытянулись въ море, не загибаясь, однако, такъ чтобы образовать естественные порты: островъ Мадера не представляетъ ни одной гавани, где корабли могли бы во всякомъ времени находить безопаснѣе пристанище. По мнѣнию Осvalда Гера, Мадера выступила изъ иѣдръ океана въ четвертичную эпоху: къ этому вѣкамъ планеты, кажется, принадлежать слои окаменѣлыхъ растеній, открытые на сѣверной покатости, и громадныя кучи наземныхъ раковинъ, высыпавшіяся, словно стѣны, у восточной оконечности острова, на мысѣ св. Лаврентія. Морскія ископаемыя, найденные на высотѣ 380 метровъ, относятся къ третичному періоду ²⁾). Уокеръ

¹⁾ Starkie Gardner, „Quarterly Journal of the Geological Society“, aug. 1882

²⁾ „Nouveaux M moires de la Soci t  Helv tique des Sciences Naturelles“, Zurich, 1868.

(Walker) приводить нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе объ отступлѣніи моря на Фунчальскомъ берегу, и которые, по его мнѣнію, указываютъ на недавніе поднятія почвы.

вильную форму, этотъ срединный хребетъ достигаетъ слишкомъ 1.200 метровъ высоты, заѣмъ онъ расширяется и образуетъ обширное плоскогорье около 15 километровъ въ окруж-

Городъ Фунчаль.

По Циглеру, средняя высота Мадеры, если разматривать островъ какъ массу съ горизонтальной поверхностью, равна 811 метрамъ; но центральная горная цѣнь гораздо выше. Въ западной своей части, имѣющей очень непра-

ности, ограниченное крутыми обрывами: это Paul da Serra или «Горное болото», высокая ланда, впадины которой представляютъ кое-гдѣ болотистыя пространства, напоминающія англійскимъ туристамъ moors (болота) ихъ

родины. Къ востоку отъ Пазуль-да-Серра, узкий гребень, сильно разорванный водами, продолжается между глубокими долинами; здѣсь находится высшая точка острова, пикъ Руиво или «Красная гора», высотой 1.847 метровъ, господствующая надъ обширнымъ циркомъ, Curral das Freiras, окруженнымъ съ трехъ сторонъ крутыми стѣнами въ 500 метровъ высоты: это, можетъ-быть, и есть древний центральный кратеръ, постепенно расширившійся вслѣдствіе размывающаго дѣйствія горныхъ потоковъ. Разрушенная стѣна изъ лавы соединяетъ Красную гору съ неровнымъ плато, господствующимъ надъ Фунчальской бухтой. Эта высокая терраса—послѣдняя часть гребня, превышающая 1.000 метровъ; далѣе на востокъ горная цѣнь быстро понижается, островъ съуживается, и восточная оконечность Мадеры представляетъ собою нѣчто въ родѣ скелета, разрѣзанного на полуострова, затѣмъ на островки и отдельные скалы, выступающія надъ водой; здѣсь есть болѣе или менѣе защищенные бухточки, гдѣ суда могли бы стоять на якорѣ съ наименьшей опасностью. На берегу маленькой бухты Мачико, открывающейся около основанія этого скелетообразнаго полуострова, находится, по словамъ легенды, могила англичанина и его возлюбленной, которые будто бы первые высадились на этотъ островъ, загнанные бурей.

Кругой утесъ св. Лаврентія, крайній восточный мысъ Мадеры, видимый мореплавателямъ съ далекаго разстоянія, продолжается въ морѣ острокомъ, затѣмъ подводной мелью, которая сперва тянется на востокъ, потомъ поворачиваетъ къ югу. Лотъ находить въ этихъ водахъ незначительныя глубины, отъ 100 до 150 метровъ; одинъ выступъ дна только на 84 метра не доходитъ до поверхности. Наконецъ, къ юго-востоку отъ Мадеры морское дно выступаетъ наружу, чтобы образовать нѣсколько отдельныхъ скаль и три узкихъ острова, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ видѣ сабельныхъ клиновъ, приставленныхъ конецъ къ концу: это «Пустынныя острова», Desertas, которые долго вполнѣ заслуживали такое название, но на которыхъ теперь живеть нѣсколько сотъ рыбаковъ и пастуховъ; въ долинахъ Большаго Пустыннаго острова, Deserta Grande, жители занимаются также хлѣбошашествомъ. Что касается острова Понта-Санто, лежащаго километрахъ въ пятидесяти къ сѣверо-востоку отъ Мадеры, то онъ рѣзко отличается отъ послѣдняго рельефомъ поверхности: между этими двумя островами лотъ находить глубины до 2.140 метровъ. Гораздо менѣе гористый, чѣмъ Мадера, Порто - Санто состоить въ дѣйствительности изъ двухъ массивовъ вулканическаго происхожденія—сѣвернаго, болѣе крутаго и высокаго, и южнаго, образованнаго изъ небольшихъ отдельно стоящихъ кряжей; по сре-

динѣ между двумя массивами разстилается песчаная равнина, гдѣ простились главныя поселенія острова.

Это океанская группа острововъ, лежащая между 32 и 33 градусами широтами, т. е. почти на трети разстоянія отъ экватора до сѣвернаго полюса, есть одна изъ тѣхъ мѣстностей земнаго шара, которая славится теплымъ и приятнымъ климатомъ. Когда говорятъ о райскомъ уголкѣ, о «счастливомъ островѣ», имя Мадеры первое представляется нашему уму. Хотя метеорологическія наблюденія производились почти единственно въ главномъ городѣ острововъ, Фунчалѣ, занимающемъ особенно благопріятное положеніе (онъ расположенъ на берегу, обращенному на полдень и хорошо защищенному съ сѣвера), однако, можно сказать обо всемъ архипелагѣ, что климатъ его отличается замѣчательной равномѣрностью температуры. Средняя температура Фунчала, лежащаго на 5 градусовъ широты южнѣе Понта-Дельгады и Файяля (въ группѣ Азорскихъ острововъ), естественно, нѣсколько выше средней температуры этихъ острововъ; но годовая разность температуръ здѣсь гораздо меньше. Зима на Мадерѣ теплѣе, а лѣто менѣе знонно; между самыми теплыми мѣсяцемъ, августомъ, и самыми холодными, февралемъ, разность температуры не составляетъ даже 7 градусовъ стоградуснаго термометра.

Температура въ Фунчалѣ, по Миттернейеру:

Годъ— $18^{\circ},3$ Ц.; весна— $16^{\circ},9$; лѣто— $20^{\circ},9$; осень— $19^{\circ},6$; зима— $15^{\circ},8$; августъ— $22^{\circ},2$; февраль— $15^{\circ},4$; разность— $6^{\circ},8$.

Эта замѣчательная равномѣрность температуры происходитъ не только отъ морскаго положенія Мадеры, но также отъ годового равнѣсія вѣтровъ: въ теплое время года, т. е. впродолженіи восьми мѣсяцевъ, съ февраля по сентябрь, преобладаютъ пассаты, сѣвѣжіе воздушные токи, идущіе съ сѣверо-востока; зимой же господствуютъ западные вѣтры. Впрочемъ, отклоненія отъ нормального направленія очень часты въ этихъ водахъ, находящихся въ среднемъ поясѣ между тропическими и умеренными морями. Такъ, сѣверо-западные вѣтры, подъ влияніемъ близкаго сосѣдства Сахары, очень часто отклоняются къ востоку и переходятъ въ сѣверные и сѣверо-восточные. Иногда также вѣтеръ африканской пустыни, ширококо, называемый здѣсь *lesle*, дуетъ съ востока къ Мадерѣ, но онъ обыкновенно довольно слабъ и непродолжителенъ. Ежедневно ходъ общихъ атмосферныхъ теченій видоизмѣняется ритмическимъ движениемъ бризъ—материковой, *terral*, спускающейся съ горъ Мадеры къ океану, и морской, *imbate*, дующей съ моря къ землѣ. Часто перемѣна бризъ совершается до полудня, вслѣдствіе чего самый теплый часъ бываетъ ранѣе половины дня, такъ какъ морской воздухъ тотчасъ же

освѣжаетъ атмосферу. Замѣчено, что изъ вѣтровъ наименѣе благопріятенъ для растительности западный: на всѣхъ берегахъ и склонахъ горъ, вполнѣ открытыхъ этому вѣтру, деревья болѣе рѣдки, мельче и бѣлѣе листвой¹).

Дожди, выпадающие иногда въ видѣ сильныхъ ливней, приносятъ не южные вѣты, а преимущественно пассаты, отклоненные отъ своего нормального направлениія и преобразовавшіеся въ сѣверныя и сѣверо-западныя воздушныя теченія. Самый сырой мѣсяцъ—декабрь, а самый сухой—августъ, но нѣтъ ни одного времени года, когда бы совершенно не было дождей; при томъ выпаденіе атмосферныхъ осадковъ значительно разнится по годамъ. Въ среднемъ, въ Фунчаль не насчитываются даже сотни дождливыхъ дней, что составляетъ около половины того числа, какое приходится на долю Азорскихъ острововъ; количество выпадающей дождевой воды здѣсь тоже почти вдвое меньше, чѣмъ въ Гортѣ, на острокъ Файаль, какъ показываютъ слѣдующія цифры, выведенныя изъ наблюдений:

Дней съ дождемъ въ Фунчалѣ, по Миттер-
майеру—93; количество дождевой воды, по
Гейнскену—0,742 метра.

Поэтому жители Мадеры заботливо собираютъ, для орошения полей и садовъ, дождевые воды, а также воды, происходящія отъ таянія снѣга на высотахъ острова, и перехватываютъ обильные источники при помощи водопроводовъ или левадъ (levadas), которые проходятъ въ видѣ галлерей въ горахъ и огибаютъ кручи надъ долинами. Высокія вершины Мадеры почти всегда, по утрамъ и вечерамъ, окутаны густымъ туманомъ, который способствуетъ питанію источниковъ.

Несмотря на меньшее протяжение сравнительно с азорскими землями, группа островов Мадеры имѣть гораздо болѣе разнообразную флору, безъ сомнѣнія, по причинѣ большей близости къ двумъ обширнымъ материальмъ, Европѣ и Африкѣ, а также благодаря болѣе теплому и ровному климату, который благопріятствуетъ произрастанію какъ тропическихъ видовъ, такъ и растеній умѣренного пояса. Мадера — это большой ботанический садъ, где перемѣшаны двѣ флоры. Къ семи стамъ видамъ, составлявшимъ растительный нарядъ острова во время прибытія португальцевъ въ край, съ тѣхъ поръ прибавились тысячи другихъ растеній, введенныхъ человѣкомъ, либо невольно съ предметами ввоза, либо намѣренно для культуры земледѣльческихъ или промышленныхъ, или для украшенія садовъ; «фіалка растетъ здѣсь подъ тѣнью банановъ; земляника созреваетъ у подножія мимозъ»²); рядомъ съ пальмами стоятъ сосны;

древесные породы, сооствѣтствующія одна другой въ различныхъ климатахъ, какъ, напримѣръ, африканская гуава и европейская груша, встрѣчаются здѣсь за одной и той же изгородью. Благодаря нѣкоторымъ туземнымъ растеніямъ и особенно экзотическимъ видамъ, введеннымъ со временемъ колонизации, флора Мадеры многими чертами напоминаетъ растительность тропическихъ странъ Африки и Нового Свѣта; но въ цѣломъ она сохранила свою европейскую физіономію. Изъ семисотъ растений, между которыми 527, по всейѣроятности, эндемическихъ, 357 принадлежатъ Европѣ, тогда какъ только около тридцати имѣютъ происхожденіе, приписываемое тропической флорѣ Стараго и Нового Свѣта. Что касается туземныхъ видовъ, свойственныхъ Мадерѣ или общихъ двумъ или нѣсколькимъ архипелагамъ Атлантики, то наибольшее сходство флоры замѣчается между двумя сосѣдними архипелагами — Мадерой и Канарскими островами: оттого нѣкоторые натуралисты, Уэббъ, Бертело, Балль, дали совокупности этихъ двухъ группъ имя Макаронезіи, въ память древнегреческаго названія «острова Блаженныхъ». Со временемъ третичнаго периода мадерская флора мало перемѣнилась, какъ показали изслѣдованія Освальда Гера надъ ископаемыми растеніями горы св. Георгія, въ сѣверной части острова. Въ ту эпоху лавръ-тиль, древовидный верескъ, миртъ и родственные виды были, какъ и въ наши дни, характерическими растеніями Мадеры ¹). Очень любопытное явленіе для ботаники представляетъ контрастъ, замѣчаемый между флорой собственно Мадеры и флорой Порто-Санто и Пустынныхъ острововъ: въ этой послѣдней встрѣчаются африканскія, азіатскія и американскія растенія, которыхъ нѣть на сосѣдней землѣ того же архипелага ²).

Въ растительномъ царствѣ Мадеры произошли большія перемѣны: если тысячи новыхъ растеній были введены человѣкомъ, то съ другой стороны, вѣроятно, многие изъ туземныхъ видовъ исчезли. Съ первыхъ же дней португальской оккупации началось обезлѣсеніе главнаго острова. Гонсалвѣстъ Зарко, открыватель, которому былъ пожалованъ въ ленъ весь Фунчальскій округъ, пустилъ огонь въ лѣсную чащу, покрывавшую мѣстность, намѣченную для будущаго города, и пожарь распростра-нился далеко внутрь острова, угрожая спалить самихъ поджигателей. Алоисъ-де-Кадамосто разсказываетъ, со словъ самого Зарко, что поселенцы, чтобы уйти отъ пламени, принуждены были бѣжать на барки, или броситься въ море, гдѣ они провели двое сутокъ безъ пищи, стоя по горло въ водѣ. Нѣсколько лѣтъ,

⁴⁾ L. M. Ziegler, „Petermann's Mittheilungen“, 1856. IV.

²⁾ Bowdich, "Excursions in Madeira and Porto-Santo".

¹⁾ Oswald Heer, цитированный мемуаръ.

²⁾ „Ausland“, 1870, № 8.

говорить Фруктуозо, огонь распространялся съ горы на гору. На зеленѣвшихъ недавно склонахъ остался только слой золы, и когда выростъ молоднякъ, онъ уже состоялъ не изъ тѣхъ породъ, какъ истребленные первобытные лѣса. Островъ Порто-Санто, нѣкогда сплошь покрытый деревьями разныхъ породъ, между прочимъ, драконовыми деревомъ, которое давало прекрасный матеріа́ль для выдѣлки щитовъ и для постройки судовъ, и плоды котораго шли въ кормъ свиньямъ, былъ еще болѣе выпустошенъ, чѣмъ Мадера, и даже мелкій кустарникъ сдѣлался тамъ такою рѣдкостью, что жителямъ приходится употреблять въ видѣ топлива коровий калъ. Драконово дерево, порода по преимуществу макаронезійская, исчезло на о. Порто-Санто съ 1828 года; на Мадерѣ оно стало очень рѣдкимъ, и почти всегда умираетъ, не принося плодовъ; такимъ образомъ этому замѣчательному дереву грозитъ скорое исчезновеніе. Во всѣхъ низкихъ частяхъ острововъ, за исключеніемъ мѣстъ, где почва состоитъ изъ голаго камня, культура замѣнила прежнюю растительность: на Мадерѣ поля и сады поднимаются, въ среднемъ, до высоты 750 метровъ. Это предѣлъ земледѣлія для растеній умѣренного пояса, тогда какъ виды тропической зоны, кактусы и бананы, останавливаются уже на высотѣ 250 метровъ. Надъ этими двумя концентрическими полосами площадь лавровъ и вересковъ продолжается до высоты 1.600 метровъ; здѣсь-то и встрѣчается тиль, *oreodaphne foetens*, большой лавръ, который дровосѣки не могутъ срубить въ одиѣ разъ по причинѣ зловонія, распространяемаго сокомъ дерева. Выше, вершины возвышенности принадлежать къ холодному поясу, къ поясу черники и другихъ растеній, свойственныхъ горамъ Европы; луговые пространства встрѣчаются гораздо рѣже и покрыты менѣе густой травой, чѣмъ на дождливыхъ Азорскихъ островахъ. Различные зоны растительности опоясываютъ горы Мадеры косвенно, такъ какъ верхній предѣлъ ихъ поднимается выше на скатахъ, выставленныхъ на югъ, чѣмъ на откосахъ, обращенныхъ къ сѣверу. Иное растеніе, отлично уживающееся на одномъ склонѣ, чахнетъ на противоположной покатости той же горы.

Туземная фауна архипелага очень бѣдна видами. Ящерица, летучая мышь, одна птица, пчела, кузнецикъ, сверчокъ, паукъ, который не ткетъ паутину и ловить мухъ, чаруя ихъ, подобно тому, какъ змѣя чаруетъ лягушекъ, затѣмъ нѣсколько раковинъ, насыпомъ, и въ соѣднѣхъ моряхъ, рыбы и черепахи—вотъ и вся доля Мадеры въ зоологической географіи. Между земными моллюсками, въ числѣ 176, насчитываютъ 38 европейскихъ формъ, но на каждомъ изъ острововъ архипелага есть известное число видовъ, принадлежащихъ ему исключи-

тельно: на Мадерѣ такихъ видовъ 61, на Порто-Санто 44, на Пустынныхъ островахъ 10¹). Всѣ четвероногія, населяющія нынѣ эти острова, были введены человѣкомъ, даже тѣ, которыхъ опустошаютъ его поля и сады, кролики и крысы. По своей морской фаунѣ, Мадера принадлежитъ къ области европейскихъ водъ. Натуралисты нашли въ этомъ архипелагѣ гораздо менѣе видовъ экваторіальной Атлантики, чѣмъ можно было ожидать по географической широтѣ. По Лове, ихтиологическая фауна Мадеры имѣеть существенно лузитанскій характеръ; она занимаетъ середину между соответственными фаунами Великобританіи и Средиземного моря.

Населеніе Мадеры, какъ и населеніе Азорскихъ острововъ, — очень смѣшанного происхожденія. Предводитель первыхъ поселенцевъ, Перестрелло, былъ итальянецъ; евреи, мавры приходили искать убѣжища на островѣ; негры были привозимы сюда, какъ невольники; англичане, владѣвшіе Мадерой въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, оставили послѣ себя многочисленныя семейства; и наконецъ, съ того времени, какъ островъ очутился на большой дорогѣ океанскаго пароходства, здѣсь поселилось много иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе, господствующая раса, португальцы, постепенно поглощаетъ эти разнородные элементы; почти всѣ жители Мадеры имѣютъ черные глаза, густые и темные волосы, почти у всѣхъ цвѣтъ лица смуглый, во многихъ семействахъ даже слишкомъ смуглый, такъ что его приписываютъ вліянію скрещеній съ африканцами²). Какъ гласить португальская пословица, примѣняемая къ обитателямъ Мадеры: «Um, dois, trez, filho de Inglez;—Um, dois, tres, filho de mulato», т. е. каждый третій—либо сынъ англичанина, либо сынъ мулата³). Между здѣшними островитянами рѣдко встрѣтишь, развѣ только въ деревнѣ, дѣйствительно красивыхъ, но очень много такихъ, которые производятъ пріятное впечатлѣніе здоровымъ видомъ, стройностью и грацией движений; какъ мужчины, такъ и женщины вообще отличаются замѣчательной гибкостью членовъ. Иностранцы удивляются силѣ носильщиковъ паланкина, которые съ тяжелой ношей безъ отдыха шагаютъ цѣлые часы по дикимъ горнымъ тропинкамъ, гдѣ крутые подъемы чередуются съ обрывистыми спусками; не менѣе изумительна неутомимость арьеросовъ (*aggeiros*), которые сопровождаютъ пѣшкомъ своего отданнаго вѣймы коня, всегда поспѣшивъ за всадникомъ, хотя бы онъѣхалъ рысью или скакалъ въ галопъ. Подобно португальцамъ, своимъ предкамъ, мадерцы вѣобще отличаются большой вѣжливостью и привѣтливостью, мяг-

¹⁾ Vernon Wollaston, "Testacea Atlantica".

²⁾ Rudolf Schultze, "Die Insel Madeira".

³⁾ Th. Braga, "O Povo Portuguez".

кимъ и веселымъ нравомъ; преступленія здѣсь очень рѣдки.

Возрастаніе народонаселенія идетъ быстро. Съ 16.000 въ началѣ шестнадцатаго вѣка ¹⁾, число жителей, по Форстеру, возрасло до 64.000 къ 1768 году; оно достигло уже 100.000 около 1825 года; въ настоящее время цифра его превышаетъ 135.000: следовательно, въ столѣтій періодъ населеніе болѣе чѣмъ удвоилось; въ среднемъ, число рожденій перевышиваетъ на 1500 — 2000 число смертныхъ случаевъ. Тѣмъ не менѣе бѣдственное экономическое по-

вь этомъ благодатномъ климатѣ, довольно распространены въ краѣ: ракитизмъ, золотуха, искривленія и уродливости здѣсь вовсе не рѣдкость; чахотка, отъ которой богатые иностранцы приѣзжаютъ сюда лѣчиться, тоже похищается не мало жертвъ среди туземнаго населенія; даже проказа встрѣчается на островѣ, какъ и въ его метрополіи. Наконецъ, въ среднемъ словіи Мадеры, какъ и у португальской буржуазіи, довольно часто замѣчается наклонность къ излишней полнотѣ. Оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній недугъ, можно сказать,

Драконово дерево на островѣ Тенерифѣ.

ложеніе, вызванное тѣми или другими причинами, часто влекло за собой временное уменьшеніе народонаселенія; такъ, въ 1839, въ 1847 годахъ болѣзнь картофеля сопровождалась недостаткомъ продовольствія, и число жителей сократилось слишкомъ на десять тысячъ, изъ которыхъ часть была скошена смертью, а другая часть искала выхода въ эмиграцію. Болѣзнь винограда имѣла еще болѣе губительный послѣдствія, и когда, въ 1856 г., сюда проникла холера, около десяти тысячъ человѣкъ погибли, отдавные крайней нуждой и истощеніемъ во власть этого страшнаго бича. Многія болѣзни, которымъ, казалось бы, совсѣмъ не мѣсто

что бѣдственное матеріальное положеніе есть главный источникъ болѣзней, удручающихъ населеніе Мадеры. Хотя жители этого прекраснаго острова отличаются похвальной умѣренностью и трезвостью, такъ что между ними очень рѣдко увидишь пьяного, и хотя они питаются здоровой пищей, состоящей главнымъ образомъ изъ кукурузы, инъяма, сладкихъ патать, картофеля, съ прибавкой съѣдобныхъ корней, плодовъ и рыбы, но, къ сожалѣнію, пища эта не всегда бываетъ у нихъ въ достаточномъ количествѣ. Что касается жилищъ, то это по большей части темныя и сырья пещеры, состоящія изъ каменныхъ стѣнъ, пристроенныхъ къ скалѣ: оттого женщины, проводящія большую часть дня въ этихъ логови-

¹⁾ Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

шахъ (мужчины ходятъ на работы виѣ дома), чаще страдаютъ болѣзнями, происходящими отъ недостатка воздуха и свѣта. Женщины эмигрируютъ гораздо рѣже мужчинъ, и когда послѣдніе уходятъ искать лучшей доли на чужой сторонѣ, онъ остается въ безпомощномъ положеніи и принуждены кормиться мѣрскимъ подаяніемъ; число женщинъ всегда тысячами пре- восходитъ число мужчинъ въ общей цифре населенія. Въ четверть столѣтія, протекшую съ 1835 года по 1859 годъ, во время которой бывали большиe неурожаи, болѣе пятидесяти тысячъ мадерцевъ покинули край, чтобы переселиться на англійскіе Антильскіе острова, въ Демерару или въ Бразилію; они имѣютъ колоніи также на Мысѣ Доброй Надежды и на Сандвичевыхъ островахъ. Очень много эмигрантовъ погибаетъ, но тысячи изъ нихъ основали на чужбинѣ преуспѣвающія предпріятія, торговыя или промышленныя¹⁾.

Порядокъ землевладѣнія, преобладающей на Мадерѣ, тотъ же самый, какъ и на Азорскихъ островахъ. Хотя земля стала свободной съ 1863 г., однако, почва и вода левадъ все еще принадлежать потомкамъ прежнихъ феодаловъ или *morgados*²⁾; что касается фермера или «ко-лонна», то онъ имѣть право собственности на все, что растетъ на землѣ, и на все, что имъ построено на ней, словомъ на все обзаведеніе, *bemfeitoria*; хозяинъ не можетъ экспроприировать арендатора, не уплативъ ему стоимости культуры и всѣхъ хозяйственныхъ улучшеній. Арендаторъ сдѣлался въ дѣйствительности со-владѣльцемъ, и можетъ продать свою *bemfeitoria*, не спрашивая согласія у помѣщика. Теоретически аренда, платимая имъ землевладѣльцу, представляетъ половину урожая, но на практикѣ она вообще меньше, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не достигаетъ даже четверти сбора плодовъ.

Первой значительной культурой на Мадерѣ было воздѣлываніе сахарного тростника, пересаженного сюда, по приказанію инфантіи дона Генриха, изъ Сициліи; сахарная промышленность, постепенно развиваясь, достигла цвѣту- щаго состоянія, такъ что въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія мадерскіе плантаторы имѣли около сотни заводовъ и ежегодно поставляли на всемирный рынокъ количество сахара, исчисляемое слишкомъ въ четыре съ половиной миллиона килограммовъ³⁾. Но сахарная промышленность продолжала свое движение вокругъ свѣта. Бразилія, сдѣлавшись, въ свою очередь, страной, производящей сахаръ, благодаря отсадкамъ тростника, полученнымъ ею съ Мадеры, разорила конкуренціей островъ, которому была обязана своимъ благосостояніемъ.

¹⁾ Mittermeyer; — Schultze; — Mantegazza, „Un hiver à Madère“.

²⁾ Carlos de Mello, рукописные замѣтки.

³⁾ Carlos de Mello, рукописные замѣтки.

емъ; мадерскіе плантаторы должны были искать другаго продукта, который могъ бы находить выгодный сбытъ заграницу. Виноградъ, введенный съ о. Кандіи въ пятнадцатомъ столѣтіи, распространился мало-по-малу на Мадерѣ, и успѣхи винодѣлія превзошли всѣ ожиданія: мадерское вино, представляемое высшими сортами: «мальвазіей» и «сухой мадерой», сдѣлалось однимъ изъ самыхъ изысканныхъ напитковъ. «Четыре вещи на Мадерѣ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, говорила мѣстная пословица: вода, вино, сахаръ, пшеница». Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія виноградарства и винодѣлія, около двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, ежегодное производство достигало 120.000 гектолитровъ, представлявшихъ цѣнность въ 12 миллионовъ франковъ; но сборъ винограда годъ отъ году становился все менѣе, и въ 1852 году грибокъ *oidium*, уже истребившій виноградники архипелага Зеленаго Мыса и Канарскихъ острововъ, про-брался и на Мадеру. Катастрофа разразилась внезапно и повлекла за собой страшное разореніе. Едва только успѣли съ большимъ трудомъ, послѣ десяти или двѣнадцати лѣт-наго прогула, возстановить опустошенныя виноградники въ нѣкоторыхъ привилегированыхъ мѣстахъ, какъ появился исквый бичъ, филлоксера, поразившая какъ разъ тѣ части острова, гдѣ получаются лучшіе сорты вина. Однако, виноградари упорно ведутъ борьбу съ этимъ врагомъ, и островъ продолжаетъ вывозить вино, которое мѣшаютъ либо съ обычновенными португальскими бѣлыми винами, либо съ сидромъ, или даже съ сокомъ сахарного тростника. Виноградъ растетъ особенно въ окрестностяхъ Фунчала и у входа южныхъ овраговъ; онъ довольно рѣдокъ на сѣверномъ скатѣ, гдѣ виноградная лоза вѣтается по вѣтвямъ каштановъ. Въ 1884 г., отпускъ вина съ о. Мадеры составлялъ 16.121 гектолитръ, на сумму 3.303.900 франковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Мадера лишилась своего главнаго земледѣльческаго богатства, ея сельскіе хозяева стали болѣе, чѣмъ прежде, разнообразить культуры, и въ настоящее времѧ, благодаря легкости сообщенія, островъ снабжаетъ своими рано поспѣвающими плодами лиссабонскій рынокъ. Онъ поставляетъ въ столицу великколѣпные бананы, сахарный тростникъ и другія произведения субтропического пояса; благодаря желѣзнымъ дорогамъ, эта торговля могла бы возрастать неопределенно отъ окраины къ внутреннимъ мѣстностямъ континента: Мадера могла бы сдѣлаться, при свободѣ торговли, южнымъ садомъ для всей западной Европы. Во всѣхъ магазинахъ Лиссабона, гдѣ продаются фрукты и ранніе овощи съ Мадеры, выставлены также произведения островной промышленности, кружева, вышивки, искусственные цветы, соломенные шляпы,

циновки, плетеные кресла, рѣзьба по дереву, имѣть еще одинъ прибыльный «промыселъ», наборная работа и множество разныхъ другихъ издѣлій, требующихъ вкуса и ловкости ныхъ и здоровыхъ, пріѣзжающихъ искать рукъ. Въ деревняхъ на Мадерѣ эти работы исцѣленія отъ недуговъ или приятнаго время-

Санта-Круцъ на Тенерифѣ.

поручаются преимущественно женщинамъ и слабосильнымъ, неспособнымъ къ земледѣльческому труду мужчинамъ.

Извѣстно, что этотъ островъ, какъ Швейцарія и зимніе города средиземного побережья,

препровожденія въ его чудномъ климатѣ. Правда, многіе изъ этихъ гостей находять здѣсь вѣчный покой, такъ что Мадеру прозвали даже «однимъ изъ кладбищъ Лондона»; но, какъ справедливо замѣчаетъ Тьерсе-

лень¹⁾), «виновата въ этомъ не та земля, куда безнадежно больной приходитъ умирать, а та, гдѣ онъ прежде жилъ». Число посѣтителей мѣняется по годамъ, въ зависимости отъ капризовъ моды и превратностей положенія дѣль, но въ среднемъ можно считать въ пятьсотъ человѣкъ цифру иностранцевъ (по большей части англичанъ), проводящихъ зиму въ Фунчалѣ, и въ 2.500.000 франковъ сумму барышей, которые торгово-промышленный люд Мадеры извлекаетъ изъ этихъ визитовъ. Положеніе острова на дорогѣ пароходовъ, совершающихъ рейсы вдоль африканского берега, съ заходомъ въ попутные порты, также способствуетъ увеличенію торгового значенія Мадеры постояннымъ приливомъ и отливомъ пассажировъ; почти ежедневно какой-нибудь пакетботъ выпускаетъ въ Фунчалѣ толпу любопытныхъ, желающихъ провести нѣсколько часовъ или дней на этой благодатной землѣ. Въ послѣдніе годы Мадера сдѣлалась также санитарной станціей для европейцевъ, чиновниковъ или солдатъ, проживающихъ по обязанности службы на африканскомъ побережью, въ Сенегамбіи, въ Сіерра-Леоне, въ Либеріи: они прѣѣжаютъ подыскать свѣжимъ морскимъ воздухомъ и наслаждаться прохладой на томъ самомъ островѣ, куда люди сѣвера явлеются погрѣться на южномъ солнцѣ.

Движеніе торговаго мореходства на Фунчальскомъ рейдѣ въ 1892 году, по приходу судовъ:

Пароходовъ—606, вмѣстим. 1.060.517 тоннъ; парусныхъ судовъ—86, вмѣстим. 23.972 тонн.

Цѣнность торговаго обмѣна на Мадерѣ въ 1885 году составляла 10.644.000 франковъ.

Присутствіе большаго числа забѣжихъ иностранцевъ, которые обогащаютъ островъ, способствуя устройству хорошихъ путей сообщенія и украшенію садовъ, не могло не отразиться также и на самой физиономіи города, служащаго имъ мѣстопребываніемъ. Благодаря этимъ гостямъ, Фунчаль, т. е. «Укропъ», главный и единственный городъ Мадеры (въ 1890 г. въ немъ насчитывали 19.000 жителей), принялъ красивый и опрятный видъ, окружилъ себя променадами и прелестными виллами, разсыпанными по склонамъ и вершинамъ окрестныхъ высотъ. Расположенный на берегу рейда, открытого на югъ, впрочемъ, достаточно глубокаго для большихъ кораблей и нѣсколько защищенаго съ юго-запада укрепленнымъ островкомъ (который въ 1768 г. былъ бомбардированъ Кукомъ), Фунчаль до сихъ поръ не могъ похвалиться счастливымъ торговымъ положеніемъ; но онъ скоро приобрѣтетъ выгоды такого положенія, благодаря постройкѣ плотины, соединяющей островокъ съ прибрежемъ и прикрывающей портъ отъ вѣтровъ съ моря. Кромѣ того, Фунчаль имѣть за собой басно-

словное плодородіе окружающихъ садовъ и плантаций, живописную долину Сокорридоѣ и великолѣпный амфитеатръ воздѣланныхъ холмовъ, доминируемыхъ полукругомъ горъ, откуда ручьи спускаются на городъ рядомъ сходящихся овраговъ. Складочный пунктъ для всѣхъ богатствъ острова, Фунчаль есть вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстопребываніе трехъ главныхъ учебныхъ заведеній архипелага—лицея, семинарии и медико-хирургического факультета, служащаго подготовительной стадіей къ коимбрскому университету. Школы Фуачала посѣщаются довольно большимъ числомъ учащихся, но въ остальной части архипелага образованіе еще мало распространено: болѣе половины мадерскаго населенія совершенно незнакомо съ грамотой. Въ 1885 году на Мадерѣ насчитывалось 111 учебныхъ заведеній, съ 3.042 воспитанниками. Послѣ португальского, самый распространенный языкъ—англійскій, языкъ большинства гостей и забѣжихъ моряковъ.

Порто-Санто, разоренный «арендными контрактами», которые обеспечивали землевладѣльцу половину всего урожая, имѣть теперь не болѣе 1.800 жителей. Тѣмъ не менѣе, главное его поселеніе, Балейра, величаетъ себя городомъ.

Мадерскій архипелагъ, также какъ группа Азорскихъ острововъ, составляетъ нераздѣльную часть королевства Португаліи: онъ образуетъ особую провинцію, называемую по имени Фунчала, ея главнаго города, со времени прибытия первыхъ колонистовъ.

Морскія скалы Сельвагенъ, хотя географически принадлежащія къ группѣ Канарскихъ острововъ, причисляются къ Мадерѣ, отъ которой онѣ отдѣлены пространствомъ въ 300 километровъ. Это пустынные островки, владѣніе, не имѣющее никакой цѣны, на которое предъявляетъ право собственности одна изъ фунчальскихъ фамилій. Большой Питонъ (остроконечная гора), съ пирамидальной вершиной, имѣеть болѣе восьми километровъ въ окружности, и южный скатъ его покрытъ лугами, на которыхъ еще не такъ давно паслись стада. Пробѣжіе моряки переловили весь скотъ, и теперь на островѣ остались только кролики да чайки *sagarras*: охотники приходятъ время отъ времени производить побоища между мириадами птицъ, которыхъ перья, жиръ и даже мясо въ соленомъ видѣ продаются на рынкѣ Фунчала. Малый Питонъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи къ юго-западу отъ главнаго островка, соединенъ съ нимъ цѣпью болѣе мелкихъ островковъ, вокругъ которыхъ разсыпаны подводные рифы. Необходимо было бы осѣщать маякомъ эти опасныя воды.

¹⁾ „Journal d'un Baleinier“.

V. Канарский Архипелагъ.

Эта группа океанскихъ земель, гораздо болѣе близкая къ материку, чѣмъ другіе Атлантические острова (расстояніе между островомъ Фуэртевентура и крайнимъ выступомъ африканского побережья всего только 107 километровъ), была извѣстна уже съ первыхъ временъ исторіи. Это тѣ самые «острова Блаженныхъ», о которыхъ говорятъ греческие поэты, острова, гдѣ герои наслаждались вѣчной жизнью, въ восхитительномъ климатѣ, гдѣ невѣдомы были ни холода, ни бури. Но ни одинъ тогдашній географъ не могъ указать точное мѣстоположеніе этихъ «Счастливыхъ острововъ», которые въ умѣ древнихъ смѣшивались со всѣми атлантическими землями, лежащими въ великой «рѣкѣ Океанѣ» по ту сторону Воротъ Геркулеса. Финикияне, конечно, знали эти острова, говорить Страбонъ, но они держали въ секрѣтѣ свои открытія, и даже въ периплѣ кареагенянина Ганнона упоминаются только прибрежные острова, въ которыхъ невозможно признать Канарского архипелага, если только не предположить, что Тенерифѣ есть та «страна Благоуханій», откуда изливались къ морю пылающіе потоки, и гдѣ высилась огромная гора, названная мореплавателями «Колесницей боговъ». Однако, по мнѣнію Франсуа Ленормана, имя Юнонія, которымъ Птоломей обозначаетъ одинъ изъ острововъ, доказываетъ, что кареагеняне имѣли тамъ поселенія, такъ какъ ихъ главную богиню, Таннѣ, греки и римляне уподобляли Юнонѣ. Древнѣйшіе дошедши до насъ документы, пытающіеся опредѣлить точное мѣстоположеніе Счастливыхъ острововъ, относятся къ эпохѣ римского могущества, и Плиній, сообщая свидѣтельство иберийскихъ мореплавателей, передаваемое иѣкимъ Статиемъ Себозомъ, первый далъ одному изъ этихъ острововъ имя Canaria, которое осталось за нимъ донынѣ, и которое теперь распространили на всю группу. По мнѣнію Федерба, это имя архипелага происходитъ отъ берберского названія Канаръ или Ганаръ, которое прежде было присвоено побережью континента, лежащему въ сосѣдствѣ Канарскихъ острововъ. Уолофы и теперь еще называютъ Ганаромъ страну, простирающуюся на сѣверъ отъ Сенегала¹). Нужно замѣтить также, что Птоломей даетъ имя Canaria одному изъ западныхъ мысовъ Африки, а Плиній перечисляетъ племена канарцевъ между населеніями, живущими вокругъ Атласскихъ горъ,

Изъ острововъ, упоминаемыхъ древними пи-

¹⁾) "Revue d'Anthropologie" I, 1874; "Revue Africaine" 1874; — Webb et Berthelet, "Histoire naturelle des Canaries"; — Thomassay, "Relations de la France avec l'empire du Maroc".

сателями, только два могутъ быть отождествлены по самому ихъ имени—Canaria, нынѣ La Grande Canaria, «Большой Канарскій островъ», и Nivaria, или «Сѣжный», безъ сомнѣнія, тотъ островъ, гдѣ высится покрытый снѣгомъ пикъ де-Тейде. Такъ какъ этотъ послѣдній островъ названъ самымъ отдаленнымъ отъ Геркулесовыхъ Воротъ, то можно думать,—если не предполагать перестановки въ указанномъ порядкѣ,—что три западныхъ острова, Гомера, Пальма и Ферро, остались неизвѣстны древнимъ²); другіе, упоминаемые ими острова, нужно искать въ группѣ, обнимающей Лансаротъ, Фуэртевентуру и сосѣднѣе маленькие архипелаги. Многіе островки, простыя скалы, были забыты въ ихъ номенклатурѣ; впрочемъ, и теперь, для краткости, обыкновенно называются только семь большихъ канарскихъ земель, хотя, вмѣстѣ съ группой Сельвагенъ, архипелагъ Счастливыхъ острововъ заключаетъ шестнадцать отдельныхъ земель. Арабскій писатель Эбрази перечисляетъ семнадцать острововъ «извѣстныхъ людямъ» въ Темномъ морѣ, простирающемся на западъ отъ Африки; но по его описанію невозможно догадаться, о какихъ именно островахъ онъ говоритъ. Тѣмъ не менѣе общее мнѣніе ученыхъ таково, что арабы не только знали острова Халидатъ или «Вѣчные», но что они даже жили рядомъ съ берберами на восточныхъ островахъ этого архипелага. Ибнъ-Сайдъ, писатель тринацдцатаго вѣка, говоритъ, что «двурогій» Александръ поставилъ на островахъ Халидатъ столбы съ такой надписью: «Ни шагу далѣе!» Однако, тотъ же географъ разсказываетъ подробно о путешествіи мореплавателя Ибнъ-Фатимы на югъ отъ мыса Бохадоръ и его крушениіи на Аргунинской мели³). Одинъ изъ новѣйшихъ португальскихъ изслѣдователей, Маседо, старается, напротивъ, доказать, что арабы не знали о существованіи Канарскихъ острововъ, и что ихъ географы ограничивались повтореніемъ, въ искаженномъ видѣ, текстовъ древнихъ авторовъ, относящихся къ островамъ Блаженныхъ³).

Въ то время, какъ португальские моряки,—которые виослѣдствіи такъ прославили свое отечество морскими открытиями или изслѣдованіями и первые объѣхали вокругъ свѣта,—еще только дѣлали попытки пробраться вдоль африканского берега и обогнуть его мысы, Канарскіе острова, лежащіе къ югу отъ мыса Нуиъ и въ открытомъ морѣ, вдали отъ побережья, давно уже посѣщались мореплавателями другихъ націй. До сѣмьыхъ предпріятій корм-

¹⁾ D' Avezac, "Iles de l'Afrique".

²⁾ Reinaud; — Santarem, "Recherches sur la priorit  de la d couverte des pays situ s sur le c t  occidental de l'Afrique".

³⁾ "Memoria en que se pertende provar que os Arabes nao conhecerao as Canarias".

чаго Жиль-Эаннесь португальцы не отваживались переходить мыс Нунъ, «Нѣть», противопоставленное имъ природой: они только въ 1436 году впервые обогнули мыс Бохадоръ и подводные камни, которыми онъ продолжается на нѣсколько миль въ морѣ, тогда какъ генуэзцы уже въ концѣ тринадцатаго столѣтія знали Канарскіе острова, и одинъ изъ этихъ острововъ, Ланзаротъ, былъ даже занятъ однимъ изъ ихъ согражданъ. «Медицейскій портуланъ» констатируетъ это территоріальное пріобрѣтеніе генуэзцевъ; съ другой стороны, Петрапарка, родившійся въ 1304 году, сообщаетъ намъ, что уже за «пѣлый человѣческій вѣкъ до него» генуэзская флотилія доходила до Канарскихъ острововъ. Ланзаротъ, самый сѣверный изъ семи большихъ острововъ, названъ такъ по имени генуэзскаго завоевателя, нормандскаго происхождения, Ланселота Малоазеля или *Lanseloto Malocello* (*Lanzaroto Marocello*), родъ котораго былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ въ Генуэзской республикѣ съ начала двѣнадцатаго до конца шестнадцатаго столѣтія¹⁾). Въ 1402 году, когда нормандцы Бетанкура заняли островъ Ланзаротъ, они нашли тамъ «ung vieil chasteau que Lancelot Maloessel avoit jadis fait faire, selon ce que l'on dit» (старый замокъ, построенный, какъ говорятъ, Ланселотомъ Малоэзель)²⁾

Въ четырнадцатомъ столѣтіи Канарскіе острова были часто посѣщаемы европейцами, пиратами или потерпѣвшими кораблекрушеніе, и съ 1351 года портуланы представляютъ точное начертаніе архипелага, съ тѣми же именами острововъ, которыя они носятъ и теперь, за исключеніемъ Тенерифа, который назывался «Адскимъ островомъ», по причинѣ его огнедышащей горы. Европейскіе короли начали осаждивать другъ у друга эти океанскія земли, и въ 1344 году папа Климентъ VI подарилъ ихъ одному изъ своихъ протеже, инфанту Луису-дe-ла-Серда, которому онъ далъ титулъ «принца Фортуны»; но новый монархъ не имѣлъ достаточныхъ ресурсовъ, чтобы вступить во владѣніе пожалованнѣмъ ему королевствомъ. Всѣ экспедиціи, предпринимавшіяся въ эти воды, даже экспедиція, совершиенная въ 1341 году подъ предводительствомъ двухъ итальянцевъ, Анджюлино ди-Таггія и Николози ди-Рекко, для короля португальскаго Афонсо IV, носили характеръ разбойничихъ походженій, имѣвшихъ цѣлью грабежъ, а не завоеваніе. Какъ говорить хроника «Канарца»: «Lancelot souloit estre moult peupl  de gens; mais les Espagnols et autres corsaires de mer les ont par maintes fois pris et men s en servaige» (Ланселотъ имѣлъ много жителей, но испанцы и другіе корсары много разъ забирали ихъ и

уводили въ неволю). Овладѣніе архипелагомъ началось только съ 1402 года, когда нормандецъ Жанъ де-Бетанкуръ высадился на островъ Ланзаротъ во главѣ пятидесяти человѣкъ. Онъ былъ хорошо принятъ населеніемъ, впрочемъ, очень рѣдкимъ; но внутренніе раздоры, недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, безплодная экспедиція на Fuerteventura, вѣроятно, низвели бы и эту попытку, какъ всѣ предыдущія, на степень простаго набѣга пиратовъ, если бы Бетанкуръ не догадался предложить верховную власть надъ своими будущими завоеваніями королю кастильскому, въ обмѣнъ на помощь людьми и деньгами. Благодаря этой поддержкѣ, нормандцамъ удалось овладѣть Fuerteventурой (въ 1404 году), затѣмъ островомъ Ферро (въ 1405 году); но нападенія ихъ на другіе острова были отражены, и только о. Гомера былъ присоединенъ преемникомъ Бетанкура къ владѣніямъ европейцевъ: нужно было, чтобы король Испанскій декретировалъ присоединеніе архипелага, какъ непосредственной провинціи своего государства, и взять въ свои руки дѣло завоеванія посылокъ настоящихъ армій, чтобы восторжествовать, наконецъ, надъ мужественнымъ сопротивленіемъ туземцевъ. Въ 1493 году, годъ спустя послѣ открытия Нового Свѣта, Пальма и Гранъ-Канарія были окончательно завоеваны; затѣмъ въ 1497 г. *tempcays*, или царьки, Тенерифа, за которыми долго гонялись, какъ за дикими звѣрями, были изловлены, подвергнуты обряду крещенія и приведены въ триумфъ къ королю кастильскому, для забавы двора. Завоеваніе продолжалось около ста лѣтъ.

Но его не считали законченнымъ. Цѣлью вѣка воображенію моряковъ чудились отдаленные острова, обрисовывающіеся въ видѣ облаковъ на горизонте Темного моря; благочестивыя легенды рассказывали про чудеса, которые будто бы тамъ совершились, портуланы изображали эти земли въ точномъ начертаніи; некоторые мореплаватели увѣрили даже, что видѣли ихъ собственными глазами, показывали съ торжествомъ вѣтки и плоды, принесенные оттуда теченіемъ: оставалось только опредѣлить географическое положеніе этихъ невѣдомыхъ земель по широтѣ и долготѣ и официально взять ихъ во владѣніе именемъ какого-нибудь государя. Въ 1519 г., двадцать два года спустя послѣ окончательного завоеванія Тенерифа, король португальскій уступилъ по трактату своему испанскому брату островъ, еще «не найденный», но который, какъ были увѣнены, непремѣнно долженъ быть гдѣ-нибудь къ западу отъ Канарскаго архипелага. Въ 1526 г. была отправлена, въ указанныя воды, первая экспедиція на поиски восьмаго острова. Искомаго острова не нашли, но никто не смѣлъ отрицать его существование, въ виду единогласныхъ свидѣтельствъ. Въ 1570 г., послѣ

¹⁾ D'Avezac, цитированное сочиненіе.

²⁾ Jean de Béthencourt, „Le Canarién“, publi  par Gabriel Gravier.

тицательного слѣдствія, во время котораго было допрошено болѣе сотни свидѣтелей, отправились новые искатели, но были не болѣе счастливы, чѣмъ ихъ предшественники; затѣмъ въ

направленіи; наконецъ, съ той же цѣлью посылались въ Атлантику тайныя экспедиціи разными спекуляторами, которыхъ соблазняла мысль о сокровищахъ, могущихъ оказаться на

Пикъ-де-Тейде на о. Тенерифъ.

1604 и 1721 годахъ испанское правительство опять снаряжало—и такъ же безуспѣшно—корабли для обслѣдованія тѣхъ областей моря. Съ своей стороны, португальцы съ Азорскаго архипелага тоже производили поиски въ этомъ

новой землѣ¹⁾). Описанія вида искомаго восьмаго острова, даваемыя моряками Пальмы и Гомера, были такъ опредѣленны и согласны,

¹⁾ Walker, „The Azores or Western Islands“.

что сомнение продолжало существовать послѣ каждого безуспешного поиска. Такъ какъ абрисы этой земли, сдѣланные видѣвшими ее въ туманной дали, всѣ одинаково представляли профиль, подобный профилю о. Пальмы, то наконецъ пришли къ заключенію, что островъ, показывающійся на дальнемъ горизонтѣ, есть не что иное, какъ миражъ, происходящій отъ преломленія лучей свѣта въ влажномъ воздухѣ, приносимомъ западными вѣтрами¹); при томъ же, въ виду того, что отнынѣ море изслѣдуется во всѣхъ направленіяхъ, продолжать поиски этого острова было бы безполезно. А между тѣмъ легенда о немъ все еще существуетъ, и представители, правда, немногочисленные, религіи себастіанистовъ, ожидающіе возвращенія инфанта, павшаго на полѣ битвы при Альказарѣ-эль-Кебирѣ, надѣются, что одновременно съ его приходомъ и «не найденный» островъ выступитъ изъ водъ моря.

Такимъ образомъ испанское правительство должно было довольствоваться доставшемся ему въ удѣль группой семи острововъ, которые, впрочемъ, принадлежать къ числу замѣтнейшихъ мѣстностей земного шара и могли бы быть также одной изъ богатѣйшихъ странъ въ свѣтѣ. Составляя провинцію королевства, на равныхъ правахъ съ его континентальными провинціями, «Счастливые острова» довольно бѣдны, за исключеніемъ нѣсколькихъ привилегированныхъ пунктовъ, и сравнительно съ пространствомъ мало населены. При одинаковой населенности съ Мадерой, они должны бы имѣть миллионы жителей, но имѣютъ ихъ только около трехсотъ тысячъ, въ пять или шесть разъ больше, какъ полагаютъ, чѣмъ сколько имѣли въ ту эпоху, когда европейцы пришли просить у островитянъ гостепріимства, которое имѣло радушно оказано, и за которое они отплатили такой черной неблагодарностью.

Пространство и населеніе Канарскихъ острововъ: 7.273 квадр. километр., 291.625 жит. (по переписи 31 дек. 1887 г.); въ среднемъ, 40 жит. на 1 кв. километръ.

Канарскіе острова не представляютъ въ своемъ расположениѣ какого-нибудь правильнаго порядка. Въ цѣломъ они, правда, образуютъ дугу круга, обращенную выпуклостью къ югу, но острова Гомера и Ферро лежать въѣ кривой. Въ составѣ архипелага входятъ двѣ обособленны группы: на востокѣ, Ланзаротѣ и Фуэртевентурѣ, съ сосѣдними островами; на западѣ—остальные пять большихъ острововъ. Первая группа состоитъ изъ земель, параллельныхъ побережью материка, вторая, напротивъ, расположена по оси, перпендикулярной къ берегу. Два восточныхъ острова стоять на общемъ пьедесталѣ подводного нагорья: это острова-

близнецы, тогда какъ другія земли Канарскаго архипелага выступаютъ изъ глубокаго моря, раздѣленныя пучинами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лоть опускается на 200 метровъ, не доставая дна. Наконецъ, острова Ланзаротѣ и Фуэртевентура отличаются незначительнымъ горнымъ рельефомъ, въ сравненіи съ землями, лежащими далѣ въ открытомъ морѣ: на этихъ двухъ островахъ есть даже настоящія равнины и степи, какъ на сосѣднемъ материкѣ, отъ котораго они отдѣлены рукавомъ моря.

Пространство и рельефъ (высшія точки) Канарскихъ острововъ, по Оливѣ, Арлетту, Видалю, Фритшу, Гартунгу:

Пространство: о. Ланзаротѣ и сосѣдн. островки—741; о. Фуэртевентура—1.722; о. Гранъ-Канарія—1.376; о. Тенерифъ—1.946; о. Гомера—378; о. Пальма—726; о. Ферро—278 кв. километровъ.

Высшія точки: Монте-Фамара—684 метр.; Орекасъ-дель-Аско—860; Позо-де-ла-Ніеве—1.898; Пико-де-Тейде—3.715; Гаражонаі—1.340; Пико-де-ла-Круцъ—2.356; Альто-де-Мальпасъ—1.512 метр.

Впрочемъ, несмотря на различіе рельефа, всѣ острова архипелага, какъ восточные, такъ и западные,—вулканическаго происхожденія, и почти на всей окружности усажены мысами, образовавшимися изъ застывшихъ потоковъ лавы: словно желѣзныя стѣны окружаютъ острова грознымъ оплотомъ. Не-эруптивныя горныя породы, встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ островахъ, первичныя формациіи, или осадочные образования, играютъ въ архитектурѣ Канарскаго архипелага гораздо менѣе важную роль, чѣмъ пласти огненнаго происхожденія.

Самый видъ острововъ свидѣтельствуетъ о древности большинства трахитовъ, базальтовъ или обсидіановъ, извергнутыхъ изъ нѣдѣръ земли. На западныхъ островахъ почти на всей окружности скаты горъ изрѣзаны глубокими оврагами (барранками), вырытыми въ теченіе вѣковъ ручьями въ толщѣ скалы, такъ что теперь трудно распознать первоначальную форму огненныхъ рѣкъ, нѣкогда вылившихся изъ вулкановъ; во многихъ мѣстахъ самые кратеры исчезли. Центральный островъ, Гранъ-Канарія (Большая Канарія), гдѣ въ историческая времена не было ни одного изверженія, изъ всѣхъ земель архипелага наиболѣе глубоко изрытъ атмосферными дѣятелями, обтесавшими его скалы, какъ скульпторъ оболваниваетъ глыбу мрамора. Внутри этого острова отъ дѣйствія дождей образовались обширные цирки, а обломки размытой почвы унесены въ море: количество материаловъ, которое горы потеряли съ эпохи ихъ образования, представляетъ значительную часть первоначального островного массива. Отсутствіе фумаролъ и горячихъ ключей также служитъ доказательствомъ болѣе древняго происхожденія канарскихъ вулка-

¹) A. von Humboldt, „Voyage aux Régions Equinoxiales“.

новь, сравнительно съ азорскими, столь богатыми фонтанами газа и кипящей воды.

Подземные очаги этого архипелага рѣдко пробуждаются, и древніе, повидимому, не слыхали о вспышкахъ на островахъ Блаженныхъ, если только пожаръ, о которомъ упоминается въ периплѣ Ганнона, не относится къ изверженію пика де-Тейде,—что, впрочемъ, комментаторы считаютъ невѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, въ Канарскомъ архипелагѣ со временемъ нового открытия его бывали большія изливанія лавы, и сильныя колебанія почвы не разъ потрясли города, лежащіе вблизи вулкановъ; но эти явленія были наблюдаемы только на трехъ островахъ—Лансаротѣ, Пальмѣ и Тенерифѣ. Приводимъ здѣсь извѣстные случаи значительного проявленія вулканической дѣятельности на этихъ трехъ островахъ, съ конца четырнадцатаго столѣтія.

На Тенерифѣ: съ 1385 по 1399 г., въ 1430, 1440, 1444 (?), 1492, съ 1604 по 1605 г. и въ 1798 г.—изверженія, и съ 1704 по 1706 г.—землетрясенія. На Лансаротѣ: съ 1730 по 1736 г. и въ 1824—25 гг.—изверженія. На Пальмѣ: въ 1558, 1646 и 1677 гг.—изверженія.

Лѣтописи не упоминаютъ объ эфемерныхъ островахъ изъ шлака и пепла, въ родѣ тѣхъ подводныхъ горокъ, которыя появлялись въ сосѣдствѣ Азорскихъ острововъ. Разъ только, именно во время ряда изверженій, продолжавшихся шесть лѣтъ (съ 1730 по 1736 г.) въ западной части Лансарота, изъ моря вылетали, у самаго берега, огненные фонтаны и столбы пара, затѣмъ изъ-подъ воды выступили шлаковые конусы и, постепенно увеличиваясь, примкнули, въ видѣ мыса, къ побережью острова ¹⁾. Груды пепла, выброшенного кратерами, превратили въ озеро морскую бухту Жанубіо ²⁾.

Канарскіе острова, лежащіе южнѣ Мадеры и ближе къ африканскому матерiku, имѣютъ климатъ болѣе теплый и нѣсколько менѣе ровный, сравнительно съ португальскимъ островомъ. Годовая колебанія температуры здѣсь значительнѣе, не только на восточныхъ островахъ, близкихъ къ Сахарѣ и причастныхъ въ извѣстной мѣрѣ къ ея климату, но и въ западной группѣ, центръ которой составляетъ Тенерифъ. Вотъ среднія температуры временемъ года въ городахъ Санта-Круцъ (по Эсколару) и Пуэрто-де-Ортава (по Гонеггеру), на островѣ Тенерифѣ, въ градусахъ стоградуснаго термометра:

	Годова.	Весна.	Лѣто.	Осень.
Санта-Круцъ	21°,7	20°,5	24°,8	23°,4
Пуэрто-де-Ортава . . .	20°,15	18°,96	23°,53	21°,38

¹⁾ A. von Humboldt, цитированное сочиненіе; — Leopold von Buch, „Physikalische Beschreibung der Kanarischen Inseln“.

²⁾ Arlett, „Journal of the R. Geographical Society“, 1836.

	Зима.	Самый теплый	Самый холод-	Раз-
	мѣсяцъ.	мѣсяцъ (январь).	ный (июль).	ность.
Санта-Круцъ	18°,1	26°,1	17°,7	8°,04
Пуэрто-де-				
Ортава.	16°,75	23°,60 (авг.)	16°,20	7°,4

На Канарскихъ островахъ нѣтъ зимы въ europейскомъ смыслѣ слова, такъ какъ температура этого времени года здѣсь выше, чѣмъ среднія годовая температура въ Южной Италии; однако, самый холодный день имѣеть температуру 8 градусовъ Ц.; но лѣто иногда бываетъ слишкомъ жарко для europейцевъ, особенно на восточныхъ островахъ: восточный т. е. сахарскій вѣтеръ появляется здѣсь гораздо чаще, чѣмъ на Мадерѣ, и когда онъ дуетъ, принося сухой, насыщенный пылью воздухъ, растительность блекнетъ, земля трескается, люди и животныя изнемогаютъ; иногда онъ нагоняетъ тучи саранчи; въ 1588 г. эти живыя облака были принесены вѣтромъ даже на Тенерифѣ ¹⁾. Въ лѣтописяхъ Лансарота и Фуэртевентуры приведены примѣры, когда сахарскіе вѣтры, особенно юго-восточные, имѣли слѣдствіемъ страшныя голодовки и обезлюдинѣніе острововъ. Но въ западной группѣ поперемѣнное движеніе бризъ, поворачивающихъ вмѣстѣ съ солнцемъ, умѣряетъ жары, и гибельное дѣйствіе восточнаго вѣтра рѣдко даетъ себя чувствовать.

Канарскіе острова получаютъ сравнительно меньшее количество атмосферныхъ осадковъ, чѣмъ Мадера и особенно чѣмъ Азорскій архипелагъ; иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ здѣсь ждутъ хорошаго ливня, который бы освѣжилъ атмосферу; въ среднемъ, насчитываютъ въ году 300 дней безъ дождя. Правильные дожди начинаются обыкновенно къ концу ноября и продолжаются два мѣсяца: приносимые вѣтрами «снизу», т. е. западными, они прекращаются вмѣстѣ съ этими воздушными теченіями. Образованіе облаковъ и выпаденіе дождей бываютъ также и въ другія времена года, особенно весной, когда въ этихъ водахъ встрѣчаются вѣтры, имѣющіе разную температуру; зимой встрѣча воздушныхъ теченій порождаетъ такъ называемые «торнадосы», мѣстные циклоны, которые производятъ сильное волненіе на морѣ и подвергаютъ опасности застигнутыя врасплохъ суда; особенно памятенъ торнадо 1826 года, который былъ причиной нѣсколькихъ кораблекрушений и опустошилъ деревни и культуры. Но большия циклоны, образующіеся въ Антильскомъ морѣ, никогда не проходятъ надъ канарскими водами. Въ сухое время года, совпадающее съ лѣтомъ, съ апрѣля по октябрь, вся атмосфера нижнихъ слоевъ движется сплошной массой въ направленіи отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Такъ правильно и не-

¹⁾ Bory de Saint-Vincent, „Essais sur les îles Fortunées“.

прерывно въ этомъ періодѣ года въяніе пас- юга, поднимаясь по горнымъ скатамъ. Гум- больдтъ въ доказательство этого нормального расположенія вѣтровъ одинъ надъ другимъ приводить примѣръ двухъ мельницъ, которыхъ почти всегда работали въ одно время, при чѣмъ крылья одной приводились въ движение съверо-западнымъ, а крылья другой южнымъ вѣтромъ. Встрѣчаясь на этой плоской возвышенности, какъ на «полѣ битвы», говорить Піацци Смитъ, воздушныя теченія осаждаются свои пары, и именно влажности воздуха городъ Лагуна обязанъ болѣе дѣятельной растительностью, въ сравненіи съ сосѣдними склонами, выставленными дѣйствію одного лишь атмосфернаго тока; на крышахъ его домовъ растетъ кустами *sempervirens urbicium*, котораго нигдѣ не уви-дишь на жилищахъ, стоящихъ ниже¹⁾). Такимъ образомъ жители Тенерифа и другихъ гори-стыхъ острововъ могутъ по произволу менять климатъ, изучать и выбирать температуру и влажность, какая имъ желательны. Благодаря этой привилегіи, которой пользуются Канарскіе острова, какъ санитарная станція, число больныхъ иностранцевъ, пріѣжающихъ сюда искаль исцѣленія отъ недуговъ, или по крайней мѣрѣ продленія жизни, становится съ каждымъ го-домъ все значительнѣе. Весьма, вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ эти острова пре-взойдутъ Мадеру годовымъ числомъ посѣтите-лей, хотя туземцы, опасаясь заразы, не осо-бенно рады этимъ гостямъ. Канарскіе острова, правда, имѣютъ ту невыгоду, что они болѣе удалены отъ Европы; но зато они ближе ко всѣмъ поселеніямъ африканскаго побережья, пребываніе въ которыхъ такъ опасно для европе-йскихъ эмигрантовъ; кромѣ того, здѣсь посѣ-тителю не грозить такая скука, какъ на Ма-дерѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя словно въ боль-шой тюрьмѣ: благодаря пару, поѣздки съ острова на островъ не представляютъ теперь никакого затрудненія; и наконецъ, самая при-рода является здѣсь въ болѣе грандіозномъ видѣ.

На высокихъ равнинахъ и склонахъ канар-скихъ горъ влажность значительна, чѣмъ на берегу моря, благодаря тренію воздушныхъ слоевъ, движущихся въ противоположныхъ направленіяхъ. Такъ, на бокахъ пика де-Тейде слой облаковъ, занимающій среднее положеніе между пассатами и контръ-пассатами, подни-мается или опускается, смотря по высотѣ зоны соприкасанія; онъ часто разрывается на поло-сы, распадается на облачки и безпрестанно меняетъ форму и видъ,—увеличивается отъ присоединенія облаковъ, прибывающихъ съ съверо-востока, выдѣляетъ изъ себя островки, увлекаемые воздушнымъ теченіемъ на югъ, но никогда не разсѣвается, постоянно окружая пикъ своей кольцеобразной массой, часто отдѣ-ленной отъ морскихъ облаковъ широкимъ раз-рывомъ. Можно измѣрять каждый день толщи-ну массы паровъ, приносимой пассатами²⁾; въ среднемъ, нижня сторона облачного слоя находится на высотѣ отъ 1.200 до 2.000 метровъ лѣтомъ и отъ 500 до 700 метровъ зи-мой: на этой-то высотѣ, ниже увлажненныхъ склоновъ, и вытекаютъ ключи, перехватывае-мые жителями побережья, которые проводять ихъ подземными галлереями въ свои зеленія. На островѣ Тенерифѣ можно наблюдать три лежащія одна надъ другой воздушныя площади: контръ-пассатъ, пассатъ и морскую бризу. Го-родъ Лагуна расположенъ на плоскогорье, вы-ставленномъ съверо-восточному пассату, кото-рый въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе отраженія отъ горъ, превращается въ съверо-западный вѣ-теръ; съ другой стороны, одна часть города подвержена дѣйствію бризы, которая дуетъ съ

юга, поднимаясь по горнымъ скатамъ. Гум-больдтъ въ доказательство этого нормального расположенія вѣтровъ одинъ надъ другимъ приводить примѣръ двухъ мельницъ, которыхъ почти всегда работали въ одно время, при чѣмъ крылья одной приводились въ движение съверо-западнымъ, а крылья другой южнымъ вѣтромъ. Встрѣчаясь на этой плоской возвышенности, какъ на «полѣ битвы», говорить Піацци Смитъ, воздушныя теченія осаждаются свои пары, и именно влажности воздуха городъ Лагуна обязанъ болѣе дѣятельной растительностью, въ сравненіи съсосѣдними склонами, выставленными дѣйствію одного лишь атмосфернаго тока; на крышахъ его домовъ растетъ кустами *sempervirens urbicium*, котораго нигдѣ не уви-дишь на жилищахъ, стоящихъ ниже¹⁾). Такимъ образомъ жители Тенерифа и другихъ гори-стыхъ острововъ могутъ по произволу менять климатъ, изучать и выбирать температуру и влажность, какая имъ желательны. Благодаря этой привилегіи, которой пользуются Канарскіе острова, какъ санитарная станція, число больныхъ иностранцевъ, пріѣжающихъ сюда искаль исцѣленія отъ недуговъ, или по крайней мѣрѣ продленія жизни, становится съ каждымъ го-домъ все значительнѣе. Весьма, вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ эти острова пре-взойдутъ Мадеру годовымъ числомъ посѣтите-лей, хотя туземцы, опасаясь заразы, не осо-бенно рады этимъ гостямъ. Канарскіе острова, правда, имѣютъ ту невыгоду, что они болѣе удалены отъ Европы; но зато они ближе ко всѣмъ поселеніямъ африканскаго побережья, пребываніе въ которыхъ такъ опасно для европе-йскихъ эмигрантовъ; кромѣ того, здѣсь посѣ-тителю не грозить такая скука, какъ на Ма-дерѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя словно въ боль-шой тюрьмѣ: благодаря пару, поѣздки съ острова на островъ не представляютъ теперь никакого затрудненія; и наконецъ, самая при-рода является здѣсь въ болѣе грандіозномъ видѣ.

Менѣе обильно орошаляемые атмосферной влагой, чѣмъ Мадера и особенно чѣмъ Азор-ская группа, Канарскіе острова не имѣютъ та-ко зеленѣющаго наряда, какъ съверные архи-пелаги; они представляютъ болѣе тусклый видъ, а мѣстами почва ихъ даже совершенно без-плодна. Въ сосѣдствѣ побережья растительность почти совсѣмъ исчезаетъ въ общемъ колоритѣ мѣстности: преобладающія здѣсь мясистыя ра-стенія синеватыхъ оттѣнковъ сливаются съ вулканическими туфами³⁾). На восточныхъ островахъ, Ланзоротѣ и Фуэртевентурѣ, не видно болѣе ни лѣсовъ, ни большихъ площадей общежительныхъ растеній: общій видъ страны принялъ уже характеръ степи. Но западные

¹⁾ Von Fritsch, „Petermann's Mittheilungen“, Ergänzungsheft, 22.

²⁾ Piazzi Smyth, „Teneriffe“.

³⁾ Humboldt;—L. von Buch, цитированное сочиненіе.

³⁾ Grisebach, „La Végétation du Globe“, traduit par Tchihatchef.

острова по крайней мѣрѣ сохранили кое-гдѣ
блочки лѣса; всѣхъ богаче большими деревьями
островъ Пальма, самый западный и наиболѣе
щедро орошаемый дождями.

тело, заключаетъ въ себѣ около тысячи видовъ,
то-есть вдвое больше, чѣмъ сколько ихъ имѣть
азорская флора. Впрочемъ, неизвѣстно въ точ-
ности, какая именно часть здѣшней флоры

Островъ С. Винсентъ. Порт-Гранде.

Если Канарскіе острова не имѣютъ такого же растительного богатства по числу особей, то они значительно превосходятъ другіе архипелаги количествомъ видовъ. Инвентарь канарской флоры, составленный Уэббомъ и Бер-

должна считаться строго канарской, такъ какъ даже до прибытія европейцевъ туземцы берберы видоизмѣняли мѣстную флору, принося растенія съ сосѣднаго материка. Испанцы помогали этому перевороту въ островной флорѣ

гораздо более энергическимъ образомъ,—съ одной стороны истребленіемъ лѣсовъ, съ другой—непосредственнымъ введеніемъ новыхъ видовъ и земледѣльческой культурой. До высоты 975 метровъ окружность острововъ распахана везде, гдѣ скаты не слишкомъ круты для обработки плугомъ. Безъ сомнѣнія, многие изъ самородныхъ канарскихъ видовъ исчезли; съ другой стороны, экзотическая растенія тысячами вошли въ сады и на поля Канарскихъ острововъ. Изъ специально канарскихъ видовъ особенно два приводятъ въ восхищеніе художника стройностью, красотой и гармонией формъ: это колокольчикъ съ оранжевыми цветками и золотистый папоротникъ (*ceterach augeum*), съ величественной стрѣлкой и отливающими золотомъ вѣйами. «Древніе не преминули бы, если бы онъ былъ имъ извѣстенъ, присоединить золотистый папоротникъ къ аканту и плюшу для украшенія вазъ и амфоръ»¹⁾. Канарские острова дали Европѣ нѣкоторые великолѣпные цветы, серебряники (*cineraria*) и одинъ изъ красивѣйшихъ златоцвѣтовъ.

Несмотря на близкое сосѣдство съ Африкой, эти острова, подобно Мадерѣ и Азорскому архипелагу, принадлежать къ растительной области Европы. Флора ихъ на двѣ трети состоитъ изъ европейскихъ видовъ, да и специально канарскія растенія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ физіономію, близко подходящую къ европейскимъ типамъ, такъ что невольно является вопросъ, не есть ли это представители видовъ, составлявшихъ часть континентальной флоры въ предшествовавшую геологическую эпоху. Но на двухъ восточныхъ островахъ и въ нижней части другихъ острововъ, до высоты отъ 400 до 800 метровъ, смотря по положенію мѣстности, господствуетъ флора ливійского характера, соответствующая африканской температурѣ: это поясъ мясистыхъ растеній, кактусообразныхъ молочаевъ и также, благодаря натурализации, поясъ пальмъ, смоковницъ и банановъ. На юго-западной покатости Большого Канарского острова (Гранъ-Канарія) есть одна долина, Венегура, гдѣ молочай, или *tabaibas*, величиной съ фиговое дерево, растутъ обширными лѣсами; въ нижней части долины господствуетъ молочай канарскій (*euphorbia canariensis*), уродливый, искривленный, усаженный колючками и высыпающій изъ разрывовъ смертоносный ядъ; выше растетъ молочай бальзаміній (*euphorbia balsamifera*), съ безвреднымъ молокомъ: питательный сокъ иногда такъ обиленъ въ этомъ растеніи, что достаточно ударить палкой по его блестящей и туго натянутой кожѣ, чтобы брызнула фонтанъ молока до двухъ или трехъ метровъ высотой. Драконово дерево (*dracaena*

draco), названное такъ за его странную форму и за вытекающій изъ него красный сокъ²⁾), тоже составляетъ одно изъ характеристическихъ растеній африканской зоны Канарскихъ острововъ. Гигантская разновидность этого растенія прославлена описаніями Гумбольдта: припомнимъ драконникъ въ Оротавѣ (на о. Тенерифѣ), стволъ котораго имѣлъ слишкомъ 14 метровъ (около 20 аршинъ) въ обхватѣ на высотѣ человѣческаго роста, и который вады-малъ на 20 метровъ канделябръ своихъ вѣтвей, оканчивавшихся букетами листьевъ, соединенныхъ въ одинъ обширный зонтикъ. Это исполнинское дерево, которое туземцы называли современникомъ сотворенія міра, и въ которомъ Гумбольдтъ удивлялся «вѣчной молодости природы», не существуетъ болѣе: оно уже въ эпоху завоеванія архипелага было пустое внутри, и душло его служило часовней испанцамъ, послѣ того какъ прежде было храмомъ для гуанчей. Что касается канарской пальмы, къ которой теперь присоединено финиковое дерево, то она не даетъ съѣдобныхъ плодовъ; но на о. Гомера изъ нея добываютъ сиропъ, вкусомъ нѣсколько похожій на вино. Канарскіе острова имѣли также свою смоковницу; но плоды ея, найденные въ могилахъ, были гораздо мельче плодовъ вынѣшнихъ деревьевъ, принадлежащихъ къ испанскимъ разновидностямъ³⁾.

Европейская зона Канарскихъ острововъ, характеризуемая преимущественно лаврами и натурализованными деревьями, каковы дубъ и каштанъ, простирается на среднихъ скатахъ западныхъ острововъ. Лавровые лѣса почти совершенно исчезли на Тенерифѣ и Большой Канаріи; но островъ Гомера, болѣе богатый текущими водами, обладаетъ еще великколѣпными лаврами въ своихъ центральныхъ частяхъ. Надъ лаврами и зоной кустарника, гдѣ господствуютъ ладанники (*cistus*), какъ на островахъ Средиземнаго моря, тянется поясъ сосны, представленный главнымъ образомъ на Пальмѣ, гдѣ во множествѣ растетъ также канарскій кедръ (*juniperus cedrus*), нынѣ очень рѣдкій на Тенерифѣ и другихъ островахъ архипелага. Канарская сосна—одно изъ замѣчательнѣйшихъ хвойныхъ деревъ, такъ какъ по своимъ признакамъ она занимаетъ середину между европейскими и американскими видами: на первые она походитъ плодами, на вторые—иглами. Вѣѣ этихъ острововъ ее находять только въ исконаемомъ состояніи въ верхнихъ міоценовыхъ пластахъ, въ провинціи Мурсіи.

Надъ этими нижними поясами растительности, вершина пика де-Тейде, прорѣзывающая облака пассатовъ, поднимается въ область обратного воздушнаго теченія и сама по себѣ

¹⁾ Bolle, „Zeitschrift der Gesellschaft fr Erdkunde“, Berlin, 1864.

²⁾ Bory de Saint-Vincent, цитированное сочиненіе.
³⁾ Christ, „Eine Frhlingsfahrt nach den Canarischen Inseln“.

составляетъ особую зону, заключающую десятка два растений, не встрѣчающихся нигдѣ, кромѣ Канарскихъ острововъ. При восхожденіи на пикъ по сѣверо-восточному склону, на высотѣ 1.200 метровъ встрѣчаешь послѣдніе лавры, разсѣянныя среди мелкаго кустарника; дальше слѣдуютъ верески, сначала въ перемежку съ папоротникомъ, затѣмъ занимающіе сплошь всѣ скаты горы. Надъ верескомъ, на высотѣ 2.000 метровъ, почва принадлежитъ дрокамъ и другимъ среднимъ видамъ. Господствующимъ растеніемъ въ этой высокой области верхнихъ долинъ, *sabadas*, является особый видъ спарта (*spartocytisus pubigenus*), сохранившій свое арабское имя *rtemes* подъ испанской формой *retama*, и не встрѣчающій ни въ какой другой странѣ. Среди черныхъ и желтоватыхъ вулканическихъ камней разсыпны зеленѣющіе букеты ретамы, покрывающіе весной мотыльковыми цветами нѣжнаго бѣлого цвета, съ розовыми прожилками и распространяющими запахъ, нѣсколько напоминающій запахъ акаций: стручки ея, похожіе на стручки дРОКА, раскрываются, подобно послѣднимъ, съ трескомъ въ моментъ созреванія. До сихъ поръ известны четыре вида животныхъ, существование которыхъ связано съ этимъ канарскимъ растениемъ, и которые тоже встрѣчаются только въ каньидахъ пика де-Тейде: крохотная улитка ползаетъ на нижней части стеблей ретамы; мотылекъ изъ рода ликена (*Polyommatus*) и фадена (ночная бабочка) сосутъ нектарь ея цветковъ; маленькая птичка, *fringilla teydeana*, впрочемъ, очень рѣдкая, порхаетъ по ея цветкамъ и питается ея семенами; кромѣ того, одинъ паукъ, живущій также въ другихъ частяхъ острова, любить протягивать свои сѣти между букетами ретамы¹⁾. Здѣсь, повидимому, прекращается органическая жизнь на склонахъ горы; однако, на верхнемъ конусѣ натуралистъ находить еще фіалку блѣдно-голубаго цвета, пріютившуюся между камнями и теплоокутанную длинными мохнатыми листьями²⁾; прежде это растеніе считали специально канарскимъ, но оно встрѣчается также на высокихъ горахъ Океаніи. Со временемъ Гумбольдта, пребываніе котораго на Тенерифѣ, хотя и кратковременное, составило одну изъ важныхъ эпохъ въ исторіи географіи, часто старались точно разграничить ярусы растительности на склонахъ пика де-Тейде: можно увеличивать или уменьшать число этихъ ярусовъ, проводить на разныхъ высотахъ раздѣльные черты, смотря по тѣмъ или другимъ характеристическимъ растеніямъ, которыхъ будуть выбраны для этого разграничения; но самымъ правильнымъ дѣленіемъ слѣдуетъ признать то, которое соотвѣтствуетъ условіямъ окружающего неба. Влажный слой атмосферы

отмѣчаетъ три яруса—ниже, внутри и выше облаковъ: отъ уровня моря до высоты 700 метровъ, отъ 700 до 1.600 метровъ, и отъ 1.600 метровъ до вершины пика³⁾. Населенный и воздѣланный поясъ, ниже облаковъ и горы, или *cumbre*, дѣлится естественно на два второстепенныхъ яруса—*cuesta*, или береговая полоса, и *medianas*, или средніе склоны⁴⁾. Fauna Канарскихъ острововъ привила европейскую физіономію, благодаря натурализаціи домашнихъ и чужеядныхъ видовъ, но по низшимъ организмамъ она представляетъ самобытный характеръ. Бургина доказалъ, что канарскіе моллюски составляютъ самостоятельную фауну, имѣющую лишь отдаленную связь съ фауной Берберіи; однако, они гораздо ближе стоять къ средиземнымъ, чѣмъ къ африканскимъ формамъ. Такъ же какъ на Азорскихъ островахъ и на Мадерѣ, змѣй здѣсь совсѣмъ нѣтъ, но водятся большія туземныя ящерицы, тысяченожки, скорпионы. Между многочисленными видами птицъ есть нѣсколько отличныхъ отъ европейскихъ, какъ, напримѣръ, красная куропатка, мясо которой высоко цѣнится гастрономами, и канарейка, сдѣлавшаяся столь обыкновенной въ Европѣ. Новыя условия среды, жизнь въ неволѣ, пища, климатъ, скрещиванія совершили преобразили канарейку: опереніе ея изъ зеленаго стало желтымъ, пѣніе тоже измѣнилось⁵⁾. Что касается млекопитающихъ, найденныхъ европейцами по прибытии въ архипелагъ, то неизвѣстно, принадлежать ли эти животныя къ самородной фаунѣ острововъ, или они были введены берберами, населявшими страну; во всякомъ случаѣ они составляютъ особыя разновидности. Плиній разсказываетъ, что здѣсь водились огромныя собаки особыя породы, отъ которыхъ и самые острова получили название Канарскихъ, т. е. «Собачьихъ» (отъ латинскаго *canis*—собака), и что однажды два такихъ пса были приведены къ царю Юбѣ Младшему. Когда европейцы прибыли въ край, они не нашли тамъ собакъ; введенныя же ими собаки образовали особыя разновидности. На о. Лансаротѣ онѣ походять на водолаза; собаки другихъ острововъ, хотя не особенно крупной породы, но сильныя животныя, занимающія середину между гончей и овчаркой⁶⁾. Домашнія козы Канарскихъ острововъ въ числѣ около шестидесяти тысячъ, отличаются отъ западно-европейскихъ; онѣ крученѣ, проворнѣ, смѣло лазаютъ по скаламъ, какъ серны, и очень привязчивы къ пастуху. Голова канарской козы, съ ласково смотрящими глазами, напоминаетъ голову газели. Здѣшнія

¹⁾ Webb et Berthelot;—Christ, цитированы сочиненія.

²⁾ Minutoli, "Die Canarischen Inseln".

³⁾ Adanson;—Bogu de Saint Vincent;—Humboldt.

⁴⁾ Perrier, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Perrier, "Explorations sous-marines".

⁶⁾ Piazzi Smyth, "Teneriffe".

коzy необыкновенно молочны, и молоко ихъ превосходного вкуса, благодаря ароматическимъ растеніямъ, которыми онъ питается¹⁾. Кромѣ того, на островкѣ Монтанья-Клара, близъ Ланзарота, и въ южной части Fuэртевентуры водятся дикия коzy. Верблюды также фигурируютъ въ числѣ представителей канарской фауны, по крайней мѣрѣ на восточныхъ островахъ, отъ Ланзарота до Большой Канаріи, и по силѣ и выносливости нисколько не уступаютъ своимъ родичамъ другихъ странъ. Не извѣстно, когда именно онъ былъ введенъ въ архипелагъ, и нѣть положительныхъ доказательствъ, который давали бы право приписывать, какъ это дѣлаетъ Гумбольдтъ, честь этого приобрѣтенія Бетанкуру. Судя по большому числу берберскихъ словъ, относящихся, въ Африкѣ, къ верблюду, нѣть необходимости предполагать, что туареги и ихъ сплеменники канарійцы²⁾ получили это домашнее животное отъ арабовъ. По всей вѣроятности, оно было привезено въ архипелагъ берберами.

Морская фауна Канарскихъ острововъ, рассматриваемая въ ея совокупности, принадлежитъ скорѣе Европѣ, чѣмъ Африкѣ: большинство ея видовъ испанскіе и средиземные, и даже британскія формы имѣются въ ней многочисленныхъ представителей. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Канарскіе острова могутъ считаться африканскимъ архипелагомъ только по географической широтѣ. Ихтиологическая фауна этихъ острововъ заключаетъ въ себѣ также многіе американскіе виды, не встрѣчающіеся у береговъ сосѣднаго материка. Воды, окружающія Канарскіе острова, принадлежатъ къ самымъ населеннымъ пространствамъ океана, и рыболовный суда сотнями скопляются здѣсь во всякое время года, не уменьшая замѣтно кишашей массы животной жизни. Главный предметъ рыбной ловли составляетъ одинъ видъ трески, качествомъ не уступающей нью-фаундлендской. При другихъ условіяхъ, рыболовный промыселъ могъ бы быть болѣе успешнымъ и прибыльнымъ, но соленіе производится небрежно, и рыба почти не имѣеть сбыта за границу. До сихъ поръ продукты водъ канарскаго моря служили только для мѣстнаго продовольствія.

Канарскіе острова обитаемы съ незапамятныхъ временъ. Типы послѣдовательныхъ эпохъ каменного вѣка вполнѣ представлены въ этомъ архипелагѣ: здѣсь находять множество предметовъ, аналогичныхъ съ остатками человѣческаго искусства, встрѣчающимися въ пластиахъ Европы и Америки,— каменные топоры, палицы, глиняную посуду, ткани; но стрѣла изъ кремня еще ни разу не попадалась. Мѣст-

ный изслѣдователь Чиль-и-Наранхо, усердно отыскивающій слѣды древней цивилизациіи въ своеемъ островномъ отечествѣ, объясняетъ этотъ пробѣлъ въ коллекціи доисторического оружія отсутствіемъ дикихъ животныхъ на островахъ: туземцы, богатые стадами домашнаго скота, не имѣли надобности въ стрѣлахъ для охоты на лѣснаго звѣра. При изученіи массы собранныхъ предметовъ каменного вѣка, наблюдателя поражаютъ успѣхи, которые дѣлала изъ поколѣнія въ поколѣніе первобытная раса въ искусствѣ и промышленности; но какого бы совершенства въ ремеслахъ ни достигали эти аборигены, они всегда работали свои лучшія произведения только для людей благородныхъ: въ одномъ и томъ же гротѣ рядомъ съ одеждой изъ тонкой матеріи, съ утварью, превосходно отдѣланной, украшенной іероглифами и рисунками, находить грубыя ткани и аляповатые сосуды изъ необожженой глины. Такъ обнаруживается аристократическое устройство древне-канарскаго общества¹⁾). Обработка металловъ не была извѣстна островитянамъ: что бы ни говорилъ Азурара, у нихъ не нашли ни орудій изъ желѣза, ни украшеній изъ золота и серебра. Солидная постройка погребальныхъ склеповъ Тенерифа, искусная кладка камней въ зданіяхъ Ланзарота, Fuэртевентуры и Большой Канаріи, удобное расположение комнатъ въ жилищахъ, картины, рисованные охрой,— все это свидѣтельствуетъ о высокой степени цивилизациіи, которой канарійцы достигли уже въ эпоху, предшествовавшую исторії. Священники, участвовавшіе въ экспедиціи Бетанкура, рассказываютъ, что они видѣли на о. Fuэртевентура «les plus forts chasteaux, que l'on puisse trouver nulle part» (такіе крѣпкіе замки, какихъ нигдѣ не встрѣтишь). Идолы, фигуры и орнаменты, нарисованные на вазахъ, имѣютъ много сходства съ типами, которые представляютъ египетскіе памятники.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ архипелага—въ гротѣ Бельмако, на стровѣ Пальма²⁾, на одномъ утесѣ восточнаго берега острова Ферро³⁾, на островѣ Большой Канаріи⁴⁾—открыли древнія надписи, буквы которыхъ имѣютъ форму, близко подходящую къ знакамъ ливійской азбуки. По крайней мѣрѣ, онѣ служатъ доказательствомъ того, что существовали сношения между островитянами и берберскими народами материка, хотя у первыхъ въ эпоху прибытія Бетанкура уже не было судовъ; въ этомъ отношеніи промышленность канарійцевъ представляла регрессъ. Сходство буквъ придаетъ также большую вѣроятность гипотезѣ, допускающей арабизованное берберское проис-

¹⁾ Chil y Naranjo, „Estudios de las Islas Canarias“.

²⁾ Von Fritsch, цитированное сочиненіе.

³⁾ Berthelot, —Faidherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, февр. 1875; нояр. 1876.

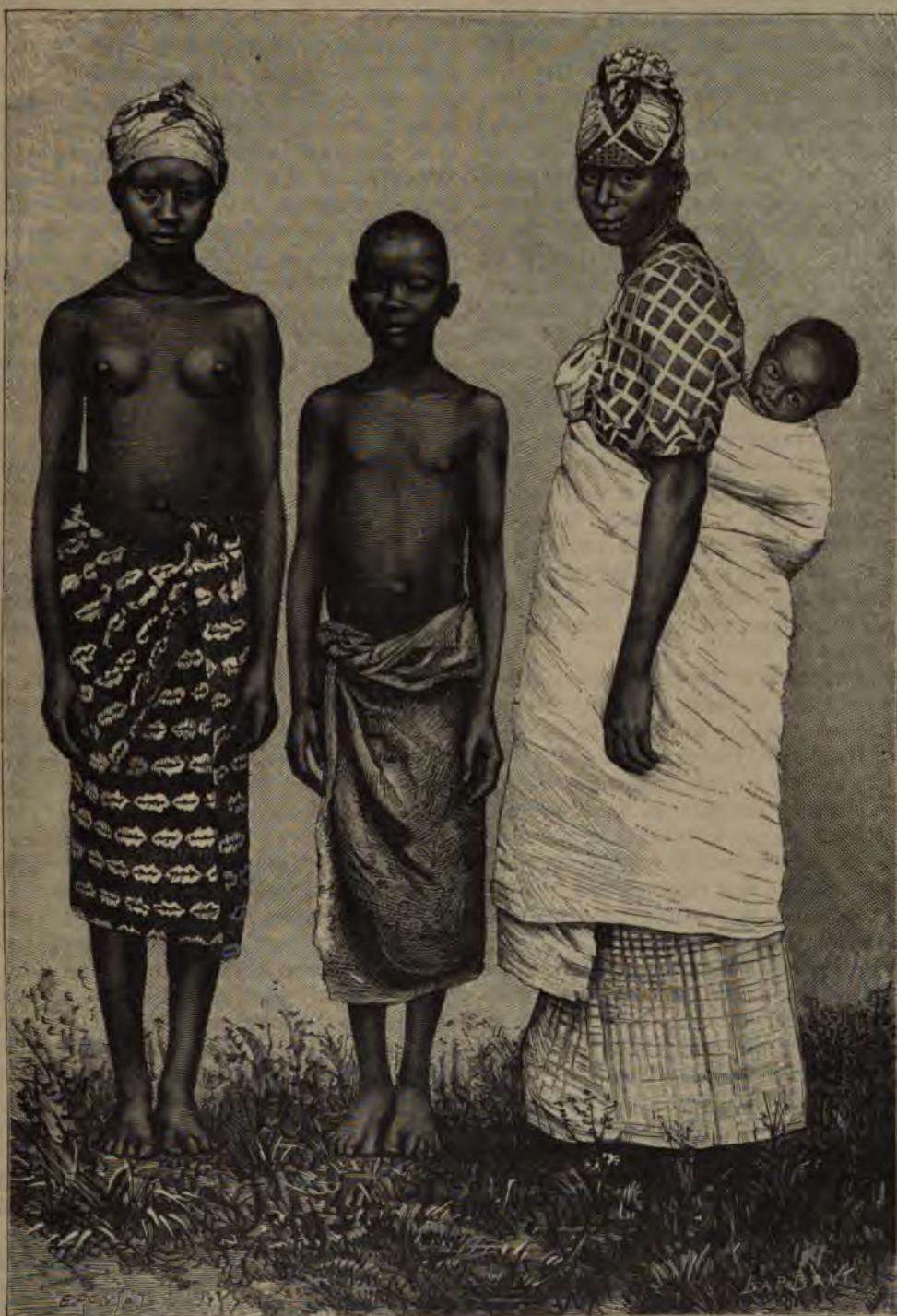
⁴⁾ Chil y Naranjo, цитированное сочиненіе.

¹⁾ B. Langkavel, „Globus“, Juli 1883; Christ, цитированное сочиненіе.

²⁾ Faidherbe, „Revue Africaine“, № 61, janv. 1867.

хожденіе для населенія архипелага, тѣмъ болѣе, что слова различныхъ нарѣчий, собраныя, въ числѣ около тысячи, Уэббомъ и Бер-

тождественно съ именемъ могущественнаго племени бени-гауара; бимбачи (*bimbachos*) острова Ферро напоминаютъ своимъ названіемъ

Типы жителей Порто-Гранде.

тело, и имена собственныя, сохраненные историками,—несомнѣнно берберскія и представляютъ нѣкоторыя аналогіи съ арабскимъ языкомъ. Такъ, прежнее имя Пальмы, Бенегоаръ,

племя бенъ-баширъ; на Тенерифѣ многія имена собственныя начинаются членомъ *аль* и существительнымъ *бенъ*, какъ въ земляхъ сѣмитическаго языка. Большинство этнографовъ въ-

дять въ древнихъ канаріцахъ «одну изъ благороднѣйшихъ отраслей берберской расы», хотя нашлись и такие ученые, которые подозрѣваютъ въ нихъ кельтовъ, басковъ, даже вандаловъ, и на этомъ основаніи готовы предъявить притязаніе на архипелагъ, какъ на будущую провинцію германской имперіи¹). Изученіе череповъ и костяковъ, предпринятое современными антропологами, доказало, что населеніе архипелага принадлежало къ различнымъ расамъ, но въ то же время подтвердило первыя гипотезы въ пользу восточного происхожденія большаго числа жителей. На о. Фуэртевентура, на полуостровѣ Ислета въ Большой Канаріи и въ южной части этого острова, а также на островахъ Ферро и Пальма, типъ черепа существенно сиро-арабскій: оказывается почти совершенное тождество между этими канаріцами, алжирскими арабами и египетскими феллахами²). По мнѣнію Верно, архипелагъ распадался на три этнографическихъ группы: восточную, обнимавшую острова Лансароть и Фуэртевентура и полуостровъ Ислета; центральную, т. е. острова Тенерифъ и Гомера, гдѣ жители не были знакомы съ искусствомъ обжиганія глиняной посуды и шлифованія каменныхъ топоровъ; и южную, состоявшую изъ двухъ острововъ—Ферро и Пальма.

Обыкновенно всѣхъ древнихъ канаріцевъ называютъ общимъ именемъ гуанчей, которое, кажется, принадлежало, въ формѣ «винчени» и «гуанчинетъ», только обитателямъ Тенерифа. Какъ сотни другихъ народныхъ именъ, и это имя значило «люди»: въ глазахъ гуанчей ихъ маленькая раса составляла все человѣчество. По свидѣтельству современниковъ, эти берberы, бѣлые или смуглые, всѣ длинноголовые (долихокефалы), долгорукіе и долгононгіе, отличались отъ арабовъ болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, менѣе продолговатымъ лицомъ, менѣе отбинутымъ назадъ лбомъ, болѣе широкимъ и короткимъ носомъ, болѣе толстыми губами. Глаза у нихъ были большие и черные, брови густыя, волосы тонкіе, гладкие или волнистые. Общее выраженіе лица было пріятное и открытое, соотвѣтствовавшее ихъ характеру, довѣрчивому, веселому и ласковому. Изумительно проворные и «большіе скакуны, прыгавшіе со скалы на скалу, какъ дикия козы», они были «не менѣе сильны и ловки въ метаніи камней», и обладали такой силой рукъ, что двумя или тремя ударами кулака разбивали въ дребезги щитъ. Ходили они голые или прикрытые легкимъ одѣяніемъ изъ травъ или козьихъ шкуръ; но чтобы сдѣлать кожу нечувствительной къ перемѣнамъ температуры, они намазывали тѣло саломъ и сокомъ

нѣкоторыхъ растений; кромѣ того, всѣ они, мужчины и женщины, разрисовывали себя красной, зеленої, желтой краской, «умѣя такими цветами выражать свои особенные привязанности»¹).

Относительно брака обычай существенно развились отъ острова къ острову. На Лансаротѣ существовала поліандрия, по словамъ священниковъ экспедиціи Бетанкура: большинство женщинъ имѣли по три мужа, чередовавшихся въ качествѣ супруговъ и въ качествѣ служителей. На островѣ Гомера законы гостепріимства требовали обмѣна между женой хозяина и женой странника. На Тенерифѣ моногамія была закономъ; гуанчи очень почитали женщинъ: за всякое обидное слово, сказанное лицу женского пола, виновный подвергался наказанию; вооруженный мужчина, оказавшій неуваженіе женщинѣ, предавался смерти. Бракъ не могъ быть заключенъ безъ свободнаго согласія невѣсты, и право развода принадлежало одинаково обоимъ супругамъ. На островѣ Гранъ-Канарія новобрачные принадлежали сначала главному жрецу и господамъ²). На томъ же островѣ женщина, приставленная въ крестный матери, брызгала водой на голову новорожденаго и произносила при этомъ какія-то таинственные слова: въ силу этой церемоніи, magnada дѣлалась членомъ семейства, въ которомъ принимала ребенка, и никто изъ мущинъ ея новой родни не могъ вступать съ ней въ бракъ. Въ этомъ отношеніи католический ритуалъ оказался почти не разнящимся отъ ритуала туземцевъ: изъ древняго обычая завоеваніе сдѣлало таинство.

Гуанчи Тенерифа и берberы другихъ Канарскихъ острововъ, вообще очень религіозные, чтили духовъ горъ, источниковъ, облачковъ и обращались къ нимъ съ молитвами, но не приносили имъ кровавыхъ жертвъ; можетъ быть, были также магометане на Лансаротѣ, такъ какъ одинъ изъ царьковъ, по словамъ нормандскихъ священниковъ, былъ «сарацинъ». Во время засухъ гуанчи водили свои стада овецъ на священные мѣста и тамъ разлучали ягнятъ съ матками, чтобы смягчить бога жалобнымъ блеяніемъ. При наступлении религіозныхъ праздниковъ заключалось всеобщее перемирие, прекращавшее междуусобія и даже частные раздоры: всѣ становились друзьями. Жрецы и жрицы пользовались большимъ почетомъ, и на островѣ Гранъ-Канарія *файканъ*—слово, въ которомъ нѣкоторые ученые признали арабскіе «факи» или «факиръ»,—предсѣдательствовалъ на большихъ торжествахъ; власть его уравновѣшивала власть *гуанартема*, политического главы. Дѣвы, посвятившія себя на служеніе божеству, нѣчто въ

¹⁾ Franz von Löhner, „Los Germanos en Canaria“.

²⁾ Verneau, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris“, 1881.

¹⁾ Aloys de Cadamosto, édition Jaen Temporal, 1556.

²⁾ Cadamosto;—Thevet;—Bernaldez etc.

родъ римскихъ весталокъ, жили въ священныхъ домахъ. Строгіе блюстители обычая, туземцы практиковали поединокъ, судь посредствомъ испытания ядомъ, и признавали право убѣжища.

На нѣкоторыхъ островахъ власть главъ племени была неограничена; въ другихъ мѣстахъ мелкій ленінія владѣнія соединялись въ союзы или федераціи. На о. Тенерифѣ всѣ земли принадлежали царькамъ, *mentsu*, которые уступили ихъ въ пожизненное пользованіе подданнѣмъ. Благородные, очень гордившіеся своимъ происхожденіемъ, разсказывали, что ихъ предокъ былъ созданъ раньше предка бѣдныхъ, и что послѣднему заповѣдано служить ему и его потомству. Они считали унизительнымъ всякий ручной трудъ; особенно имъ запрещалось проливать кровь животныхъ, хотя на полѣ битвы они могли ставить себѣ въ заслугу пролитіе человѣческой крови; плѣнныхъ испанцевъ они назначали въ мясники и живодеры. Однако, они не составляли замкнутой касты: всякий племінѣй, или «стриженый», могъ вступать въ ихъ ряды, благодаря какому-нибудь подвигу или милости высокопоставленной особы; жрецъ въ публичномъ собраніи совершилъ обрядъ допущенія его въ среду благородныхъ. Власть начальниковъ была ограничена верховнымъ съвѣтомъ, который обсуждалъ государственные дѣла, судилъ и каралъ преступниковъ. Самоубийство было въ чести на островѣ Гранъ-Канарія: когда ленникъ вступалъ во владѣніе своимъ помѣщѣемъ, всегда находился охотникъ пожертвовать своею жизнью ради такого торжественного случая. «Бѣдняга, — говорить одинъ старинный путешественникъ, —бросался въ прошастъ, гдѣ и разбивался въ дребезги; въ благодарность за такое самопожертвованіе господинъ обязанъ знатно почтить и щедро одарить родныхъ усопшаго»¹⁾.

На островѣ Пальма иногда старики сами требовали, чтобы ихъ оставили умирать однихъ. Откланившись роднымъ и знакомымъ, старикъ, рѣшившій отправиться на вѣчный покой, произносилъ слова: *Vaca guare*, «хочу умереть», и его переносили въ погребальный гротъ, на ложе изъ звѣриныхъ шкуръ; подлѣ него ставили кувшинъ съ молокомъ, и всѣ удалялись, чтобы болѣе не возвращаться²⁾. Способы погребенія разнѣлись, смотря по островамъ. На полуостровѣ Ислета, въ Большой Канаріи, покойниковъ зарывали въ могилы и закладывали сверху камнями. На Тенерифѣ изъ древнихъ погребальныхъ пещеръ и склеповъ, покрытыхъ растительной землей, извлекли множество набальзамированныхъ мумій, вполне сохранившихся; это были усыпальницы богатыхъ людей. Муміи лежать на спинѣ, съ вы-

тянутыми вдоль тѣла руками, и тщательно завернуты въ кожу, сшитыя удивительно тонко, при помощи иголокъ изъ кости или рыбьихъ костей; способы бальзамированія, повидимому, имѣли много сходства съ тѣми, которые употреблялись древними египтянами. Возлѣ каждой муміи находились *latrôle*, или толстая палка, очевидно, предназначенная служить опорой покойнику во время долгаго странствія, и сосудъ съ медомъ, оставленный ему для пропитанія.

Съ шестнадцатаго столѣтія коренные жители, гуанчи Тенерифа, берберы другихъ острововъ, перестали существовать, какъ сплоченная въ одно цѣлое нація. Слишкомъ полтора вѣка они храбро отражали нападенія пиратовъ и завоевателей, хотя не имѣли другаго оружія, кроме камней, дубинокъ да дротиковъ, слегка обожженныхъ, для крѣпости, или оканчивающихся острымъ рогомъ; ихъ не могли бы одолѣть, если бы не догадались употребить противъ туземцевъ, еще независимыхъ, островитинъ, уже покоренныхъ. Они милостию поступали съ плѣнными, часто даже возвращали имъ свободу; но имъ самимъ не давали пощады: плѣнъ или смерть — такова была роковая альтернатива для гуанчей, которые попадали въ руки христіанъ; въ 1345 г. король Аффонсо IV въ письмѣ къ папѣ Клименту VI разсказываетъ, что его солдаты «забрали людей, скотъ и разное имущество и съ великой радостью привезли въ его королевство»¹⁾. Въ 1393 г. севильскіе корсары захватили Лансаротскаго царя съ женой и 170 подданныхъ. Когда Бетанкуръ и Гадифферъ, въ сопровождѣніи канарскихъ толмачей, проданныхъ имъ пиратами, овладѣли Лансаротомъ, на островѣ осталось не болѣе трехсотъ жителей, которымъ надавали кучу обѣщаній, «но, разумѣется, не исполнили ни одного»²⁾. Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія, Гранъ-Канарія и Тенерифъ, еще независимые, имѣли вмѣстѣ населеніе, исчисляемое въ 23.000 душъ³⁾. Во время завоеванія, которое продолжалось слишкомъ тридцать лѣтъ, большинство жителей были убиты или увезены въ Испанію, чтобы быть проданными на рынкахъ Севиля или Кадикса; многіе сами покончили съ собой, чтобы не пережить потерю своей свободы. Кроме того, страшная болѣзнь, называемая *modorra*, «солнечная хворь», истребила большое число оставшихся туземцевъ; это была одна изъ «чумъ» или «черныхъ смертей», въ родѣ мора, который въ недавнее время извелъ столько народцевъ Америки и Океаніи. Уцѣлѣвшіе остатки гуанчей, крещеные въ христіанскую вѣру, смѣшились съ испанскимъ населеніемъ и утратили

¹⁾ „Navigations d’Aloys de Cadamosto“.

²⁾ Viera y Clavijo; — Webb et Berthelot.

¹⁾ Reynald, „Annales“; — d’Avezac; — Webb et Berthelot; — Borges de Figueiredo, etc.

²⁾ „Le Canarien“.

³⁾ Aloys de Cadamost, цитированное сочинение.

свой языкъ и нравы. Послѣдніе потомки послѣдняго тенерифскаго короля, Бенкомо, постриглись въ монахи и умерли въ 1828 г. при мадридскомъ дворѣ.

Но если нація гуанчей не имѣеть болѣе независимаго существованія, то кровь ея не пропала безслѣдно. Отъ брачныхъ союзовъ первыхъ испанскихъ поселенцевъ съ туземными женщинами родилось смѣшанное населеніе, которое донынѣ существуетъ, съ своими отличительными чертами, во многихъ частяхъ острововъ. Атавизмъ и среда возрождаютъ гуанчей среди канарскихъ испанцевъ. Народъ архипелага такой же добродушный, какъ были его берберскіе предки, по выраженію одного стариннаго писателя, «преисполненные естественныхъ добродѣтелей и честной простоты»¹⁾. Болтливые, довѣрчивые, веселые, незлобивые, вкрадчивые и хитрые, очень смиренные и кроткие, хотя страстные охотники до пѣтушиныхъ боевъ, не обидчивые и не поддающіеся ложному чувству чести, но очень храбрые при случаѣ, большие любители цѣвѣтовъ и пѣнія, нынѣшніе канарійцы имѣютъ свой особенный характеръ, рѣзко отличающій ихъ отъ испанцевъ. Всего лучше можно узнать оригиналный типъ на островахъ Пальма, Гомера, Ферро и въ южныхъ частяхъ Большой Канарии и Тенерифа. Въ Гюймарѣ, въ Часиѣ у поселянъ сохранилось еще большинство обычавъ, описанныхъ Эспинозой, сто лѣтъ спустя послѣ завоеванія. Нѣкоторыя слова туземнаго языка все еще употребляются для обозначенія растеній, насѣкомыхъ, орудій; фамильные имена остались гуанчскія. Туземцы и теперь употребляютъ такія же земледѣльческія орудія и посуду, какія были у ихъ предковъ. Масло они сбиваютъ все тѣмъ же способомъ, наливая молоко въ бурдюкъ, который двое перебрасываютъ другъ другу. Рыбу ловятъ тоже дѣдовскимъ обычаемъ, отравляя союмъ молочая лужи, остающіяся на берегу послѣ отлива. Ихъ пляски, крики радости тѣ же самые, какъ у древніхъ гуанчей; они все такъ же, какъ это дѣжалось встарину, бросаютъ хлѣбныя зерна въ лицо новобрачнымъ, чтобы принести имъ счастье. Национальное блюдо, *gofio*, печеніе изъ муки разныxъ зерновыхъ хлѣбовъ, и теперь то же самое, которое находить въ усыпальницахъ гуанчей. Корень папоротника, размолотый въ муку, замѣнялъ, да и нынѣ замѣняетъ, гофіо въ періоды неурожая²⁾.

Европейскіе элементы разнообразно перемѣшались на этихъ островахъ. Нормандцы и гасконцы, пришедшіе съ Бетанкуромъ и Гадифферомъ, были слишкомъ малочисленны, чтобы не потеряться въ постоянно усиливав-

шемсямъ приливѣ испанского населенія, гдѣ, по-видимому, преобладаетъ андалузская кровь; удивительно только то обстоятельство, что на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, въ Португалии, въ Бразилии и во всѣхъ испанскихъ и португальскихъ владѣніяхъ встрѣчается множество семействъ, носящихъ фамилію Бетанкуръ, различно пишущуюся: если всѣ эти роды дѣйствительно происходятъ отъ нормандскаго завоевателя или отъ его родственника и преемника Масиота Бетанкуръ, то по женской линіи они, очевидно, имѣютъ берберское происхожденіе, и существованіе ихъ свидѣтельствуетъ о живучести туземной крови, несмотря на кажущееся исчезновеніе расы. Въ составъ островного населенія вошло также нѣкоторое число мавровъ, привезенныхъ въ Большую Канарію послѣ окончательного завоеванія края. На Тенерифѣ ирландскіе эмигранты, переселившіеся вслѣдствіе религіознаго преслѣдованія, сдѣлались родоначальниками многочисленныхъ семействъ, и до сихъ поръ еще, говорить, можно узнать ирландскія физіономіи между жителями Оротавы. Что касается острова Пальмы, гдѣ побоища сдѣлали большие проблемы въ мѣстномъ населеніи въ теченіе второй половины пятнадцатаго столѣтія, то часть опустѣвшихъ деревень была заселена промышленными семьями, привезенными изъ Фландріи. Эти пришельцы не замедлили слиться съ испанцами и даже перевели свои фамиліи на кастильскій языкъ; такъ, напримѣръ, Гренберги преобразились въ Монтеверде¹⁾. Несмотря на разнородность происхожденія, канарійцы, сохранившіе спокойное мужество своихъ берберскихъ предковъ, сдѣлались горячими испанскими патріотами. Всѣ нападенія на ихъ укрѣпленные города были отражены съ успѣхомъ. Французскіе гугеноты, варварійцы, англійскіе пираты, даже цѣлый голландскій флотъ, состоявшій изъ 70 кораблей, тщетно пробовали свои силы то противъ Большой Канарии, то противъ Тенерифа; Нельсонъ пытался, въ 1797 году, взять Санта-Круцъ, но кончилось тѣмъ, что потерялъ тамъ одинъ корабль и одну изъ своихъ рукъ²⁾.

Земледѣліе и рыболовство — единственныя промыслы канарійцевъ. Прежде эти острова поставляли Европѣ «лучшій извѣстный въ то время сахаръ»; потомъ виноградарство и винодѣліе достигли значительного развитія въ архипелагѣ (въ періодъ съ 1814 по 1824 г. среднее годовое производство винъ, по Узбубу и Бертело, составляло 191.676 гектолитровъ, изъ которыхъ 111.440 приходилось на долю Тенерифа); но грибокъ *oidium* разорилъ канарскіе виноградники даже ранѣе мадерскихъ. Тогда

¹⁾ Bergeron, „Traité des Navigations“.

²⁾ Webb et Berthelet, цитированное сочиненіе.

¹⁾ P茅got - Ogier, „Description des îles Canaries“; Goblet d'Alviela, „Patria Belgica“, III.

²⁾ Andres Rebuelta, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“, set. 1885.

плантаторы должны были искать другого продукта, могущаго быть предметомъ отпускной торговли, и занялись главнымъ образомъ культурой кошенильного кактуса. Драгоценное наскокое впервые было введено на Канарскихъ островахъ въ 1825 году; однако, годовой сборъ оставался незначительнымъ до 1852 г., когда начали употреблять гуано для ускоренія роста кактуса. Еще въ 1860 г. монополія торговли кошенилью принадлежала республикѣ Гондурасъ; но всколько лѣтъ спустя производство кошенили на Канарскихъ островахъ уже въ четыре или пять разъ превосходило производство ея во всемъ остальномъ свѣтѣ, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Производство кошенили въ 1870 г.:

Мексика — 112.000; Гондурасъ — 252.000; Канарскіе острова — 1.568.000; въ 1871 г. — 2.212.000 килограммъ.

Для распространенія кошенильныхъ плантацій вырубили много лѣсовъ на Тенерифѣ и Большой Канаріи; но кошениль, прежде имѣвшая капитальную цѣнность для красильной промышленности, въ послѣднее время почти совершенно замѣнена анилиномъ и ализариномъ, хотя она все еще представляетъ значительную долю вѣнчайшей торговли архипелага; за время съ 1880 по 1884 г. общая цѣнность торговли Канарскихъ острововъ равнялась 93.670.000 франк., изъ которыхъ 32 миллиона приходилось на долю вывоза кошенили, что составляло, среднимъ числомъ, слишкомъ 6 миллионовъ въ годъ. Въ виду уменьшенія спроса на кошениль, канарскимъ плантаторамъ опять пришлось искать какой-нибудь новой, болѣе прибыльной отрасли земледѣльческой промышленности. Уже въ 1862 г. сдѣланы были въ разныхъ мѣстахъ опыты разведенія табака, которые удались какъ нельзя лучше, особенно на островѣ Пальма и въ окрестностяхъ Тельде, на островѣ Гранъ-Канарія; въ настоящее время канарскія сигары цѣнятся почти такъ же высоко, какъ гаванская. Что касается пищевыхъ растеній, то послѣ зерновыхъ хлѣбовъ въ архипелагѣ всего болѣе воздѣлываются лукъ и картофель, изъ которыхъ послѣдній былъ введенъ непосредственно изъ Перу въ началѣ семнадцатаго столѣтія¹⁾; грузы этихъ продуктовъ отправляются отсюда на острова Кубу и Пуэрто-Рико на баркахъ съ латинскими парусами, совершающихъ переходъ черезъ океанъ обыкновенно въ восемь или десять дней. Картофель и лукъ! Не такихъ произведеній можно было ожидать отъ острова Блаженныхъ!²⁾ Апельсины, которымъ Бори-де-Сень-Венсанть даже приписывалъ, впрочемъ, ошибочно, происхожденіе съ этихъ Счастливыхъ острововъ,

отличаются здѣсь превосходнымъ качествомъ, но почти не вывозятся за границу.

Земледѣльческое производство недостаточно для постоянно увеличивающагося населенія, и хотя жизнь не дорога на Канарскихъ островахъ, благодаря существованію порто-франко, тѣмъ не менѣе большое число молодыхъ людей уходитъ искать счастья въ чужихъ краяхъ; этимъ и объясняется значительный численный перевѣсъ женского пола надъ мужскимъ, обнаруженный народной переписью 1877 года: мужчинъ насчитали тогда 130.000, тогда какъ число женщинъ простиралось до 150.000 (по переписи 1887 г.: мужчинъ — 130.781; женщинъ — 160.844). Акклиматизація, говорить, трудно дается этимъ канарскимъ эмигрантамъ: привыкшіе къ теплому и ровному климату своей родины, они легко подвергаются заболѣваніямъ на чужбинѣ. Большинство отправляется въ Гавану, откуда некоторые, наживъ тамъ состояніе, возвращаются домой подъ именемъ «Indios», означающимъ, въ глазахъ ихъ соотечественниковъ, что они обладаютъ всѣми сокровищами Индіи. Когда Луизіана принадлежала Испаніи, съ 1763 до 1800 года, канарійцы эмигрировали туда тысячами; но въ этой странѣ, где работы производились главнымъ образомъ руками невольниковъ, бѣлые, унижавшіеся до ручного труда, были въ большомъ презрѣніи. Почти всѣ эти эмигранты, известные у кореннаго населенія подъ именемъ Isleños или Islingues, то-есть «островитянъ», селились въ низменностяхъ морскаго прибрежья, среди лѣсовъ, саванъ и болотъ. Многія изъ этихъ колоній сохранились тамъ донынѣ, не сливаясь съ другими жителями Луизіанскаго штата.

Группа Канарскихъ острововъ начинается на сѣверо-востокѣ выступающими изъ моря скалами и островками. Первый островъ, Алегранза, сохранившій еще въ испанской формѣ генуэзское имя (Allegrezza), которымъ онъ означался на картахъ четырнадцатаго столѣтія, не заслуживаетъ этого названія (alegranza значитъ «веселье»): это—каменистая бесплодная земля, состоящая изъ пепла и лавъ, надъ которой господствуетъ гора съ кратеромъ или «котломъ» (caldera), края котораго имѣютъ 286 метровъ высоты. Маякъ, стоящий на восточномъ берегу, освѣщаетъ воды вокругъ этой первой канарской скалы, все населеніе которой состоять изъ одной семьи, промышляющей собираниемъ орсели (лакмусовый ягель) и ловлей птицъ. Нѣсколько южнѣе высится конусообразная скала Монтанья-Клара (выс. 84 метра), которая прежде была покрыта кое-какой чахлой растительностью, но и ту истребили рыболовы, пустивши палы. Островокъ Грасіоса (Graciosa), носящий то же имя, какъ одинъ изъ Азорскихъ, отдѣленъ отъ Ланзарота

¹⁾ Leopold v. Buch, цитированное сочиненіе.

²⁾ Christ, Frühlingsreise in den Canarischen Inseln;— Parfait, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“, 1882, II.

только каналомъ, называемымъ эль-Рио, т. е. «Рѣкой», по причинѣ его незначительной ширины: это бытъ бы отличный портъ, если бы берега его могли бытъ обитаемы; но одинъ берегъ представляетъ дюнъ, а другой — утесъ. Островокъ этотъ нѣкогда бытъ покрытъ лѣсомъ, который владѣлецъ опустошилъ, даже безъ особыхъ выгода для себя, и съ той поры сахарскіе восточные вѣтры намели кучи песку на большой части острова. Ланзаротъ также подвергается захватамъ со стороны дюнъ. То же самое воздушное теченіе, которое посыпаетъ пескомъ «Прелестный» острівъ, обходить на сѣверѣ горы главнаго острова и гонить передъ собой движущіяся бугры, которые черезъ проломъ въ цѣпи высотъ проникаютъ почти до южнаго берега¹⁾. Почва Ланзарота повсюду состоять изъ песка или вулканическаго пепла и шлаковъ; на склонахъ горъ не видно ни одного дерева, даже источники рѣдки, и острівниты должны довольствоваться водой изъ цистернъ и колодцевъ, гдѣ скопляется жидкость, во многихъ мѣстахъ солоноватая и негодная для питья.

Горы Ланзарота образуютъ правильную цѣнь только въ сѣверной части острова. Конечный береговой утесъ, называемый мысомъ Фаріонесь (Punta de Fariones), продолжается вдоль западнаго берега кругой стѣной, Риско-де-Фамара, надъ которой господствуютъ на востокѣ вулканическіе конусы Корона, Элешосъ и Монте-Фамара, самая высокая гора Ланзарота. Восточный скатъ цѣпи понижается полого къ морю, а южное его продолженіе, расширяясь въ видѣ террасъ, обставленныхъ боковыми конусами, оканчивается недалеко отъ центра острова крутыми обрывами. Къ востоку отъ вулкана Корона, въ застывшихъ потокахъ лавы открываются колодцы и воронки, круглые или эллиптическіе, глубиной отъ 10 до 20 метровъ. Чрезъ эти воронкообразные углубленія, гдѣ кружатся мириады дикихъ голубей, можно спуститься въ подземныя галлерей, образовавшіяся, какъ и на Азорскихъ островахъ, вслѣдствіе быстраго истеченія лавы, находившейся въ чрезвычайно разжиженномъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько такихъ галлерей, сообщающихся между собой посредствомъ шахтъ, прошедшіхъ отъ провала, расположены ярусами одинъ надъ другими, и одна изъ нихъ тянется на целую версту; нигдѣ во всемъ свѣтѣ, кроме развѣ Сандвичевыхъ острововъ, натуралисты не встрѣчали болѣе обширнаго собранія вулканическихъ пещеръ²⁾. Часто эти подземные дворцы, говорить Куава-де-лосъ-Вердесъ, служили убѣжищемъ жителямъ Ланзарота и ихъ стадамъ во время набѣговъ берберскихъ пиратовъ.

¹⁾ Chil y Narango, цитированное сочиненіе.

²⁾ Von Fritsch, „Reisebilder von den Kanarischen Inseln“.

Средняя часть острова не представляетъ горного гребня. Это просто низкій порогъ, гдѣ съ одной стороны движется полоса песка, а съ другой — вылились рѣки лавы, и на этомъ порогѣ разсѣяны въ беспорядкѣ конусы вулкановъ. Самая высокая изъ вершинъ центральной области, Монтанья-Бланка (Бѣлая гора), великолѣпній наблюдательный пунктъ въ 600 метровъ высоты, составляетъ исходную точку, если не цѣпи въ собственномъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ хребта, на которомъ расположены рядъ бугровъ изъ вулканическихъ шлаковъ и конусовъ съ кратеромъ, идущій по направлению съ сѣверо-востока на юго-западъ: къ западу отъ этого хребта равнинны покрыты чернымъ, какъ уголь, пепломъ, среди которого тамъ и сямъ возвышаются черные конусы, точно закоптѣлые фабричныя трубы. Можно составить себѣ понятіе о видѣ этихъ мѣстностей по названіямъ Playa Quemada, или «Горѣлый берегъ», которое дали части юго-восточнаго побережья, и Monte del Fuego, или «Огненная гора», которое носить амфитеатръ вулкановъ близъ берега, обращенного къ океану. Въ этихъ горахъ, называемыхъ также Темапфайя, открылись трещины, откуда вылились потоки 1730 и слѣдующихъ годовъ, «сначала быстрые, какъ вода, потомъ медленные, какъ медъ».

Во время этого ряда страшныхъ изверженій тридцать вулканическихъ конусовъ выступили изъ моря лавы¹⁾; почти треть острова была залита потокомъ камней, обращенныхъ въ жидкое состояніе. Гребень Огненной горы издали блестѣтъ разными цветами, краснымъ, бѣлымъ, желтымъ, происходящими отъ выдѣленія кислоты. Когда идетъ дождь, вершина горы окружена туманомъ: падающія капли воды тотчасъ же превращаются въ пары. Вотъ уже полтора вѣка въ этой трубѣ вулкана сохраняется высокая температура: кусочки дерева, брошенные въ трещины, быстро воспламеняются. Внизу на застывшихъ потокахъ лавы, покрытыхъ желтоватымъ лишаемъ, видны остатки бассейновъ, гдѣ расплавленная вещества кипѣли, какъ въ котлѣ: пузыри газа вздымали поверхность, образуя тамъ и сямъ круглые отдушини, или *horritos*, въ которыхъ пастухи иногда укрываются отъ бури. Среди переплетающихся потоковъ лавы высятся вулканы, изъ которыхъ въ 1824 году были огненные фонтаны, а затѣмъ вылились потоки грязи, распространявши сильное зловоніе. Въ шлакахъ и грязи иногда находить кирпичи, обломки разрушенныхъ деревень.

Городъ Санть-Мигуэль-де-Тегизе, или просто Тегиза, бывшая столица Ланзарота, до сихъ поръ носить имя, которое ему даль, въ честь своей жены туземки, основатель Macio de Be-

¹⁾ Leopold von Buch, „Physikalische Beschreibung der Kanarischen Inseln“; — Georg Hartung, „Neue Denkschriften der Allgemeinen Schweizerischen Gesellschaft“, 1857.

танкуръ, преемникъ «короля Канарскихъ острововъ». Расположенный почти въ центрѣ острова, въ безводной мѣстности, Санть-Мигуэль утратилъ свое значеніе: торговое движение пе-

былъ достаточно глубокъ: цѣль островковъ и рифовъ, о которые разбиваются волны, закрываетъ эту якорную стоянку отъ всѣхъ опасныхъ вѣтровъ. Посредниками въ торговлѣ его

Видъ на берегу Бакуэ.

решло въ новую столицу, Аррезифе, построенную по серединѣ восточнаго берега, между двумя портами, совершенно защищенными. Особенно съверный, Пуэрто-де-Наосъ, представлять бы всѣ желаемыя удобства, если бы

съ Могадоромъ и съ другими островами являются англичане; въ ненастное время года, портъ служить сборнымъ мѣстомъ для барокъ всего прибрежья: если рыболовные промыслы у африканскаго берега дѣйствительно получать

важное значение, которое имъ предсказываютъ, то развитіе ихъ несомнѣнно послужить къ выгодѣ этого портоваго города, да и весь островъ Ланзаротъ можетъ тогда разсчитывать на увеличеніе населенія и материального благосостоянія. Въ 1880 г. въ рыболовномъ промыслѣ у сахарскаго берега участвовало 29 судовъ, въ томъ числѣ 18 съ о. Гранъ-Канарія и 11 съ о. Ланзарота; трески ежегодно ловится, среднимъ числомъ, около 300.000 штукъ, въсомъ въ 6.500 тоннъ. Въ настоящее время Ланзаротъ имѣть только половину той цифры жителей, которая должна бы приходиться на его долю соотвѣтственно населенности другихъ острововъ, и за исключеніемъ хорошо орошающей долины Ариа (Haria), надъ которой господствуютъ высокія сѣверныя вершины, и гдѣ аррецифскіе ногоціанты выстроили свои дачи и развели сады, онъ нигдѣ не представляетъ хорошо воздѣланныхъ пространствъ; въ нѣкоторыя злополучные годы всѣ листья были пожираемы саранчей. Вообще Ланзаротъ теперь уже не тотъ «хорошій островокъ» (bonne petite île), о которомъ говорятъ историографы Бетанкура. Въ этой странѣ, похожей почти на пустыню, верблюды, исполняющій обязанности и верховаго, и выночного животнаго, долженъ чувствовать себя какъ въ настоящемъ отечествѣ. Однако, даже самыя безплодныя, повидимому, земли питають фигоное дерево и хорошо родятъ горохъ: самая лучшая почва — вулканическій пепель, въ которомъ влажность сохраняется на незначительной глубинѣ подъ поверхностью. Благодаря изверженіямъ, залившимъ и засыпавшимъ обширная имѣнія первоначальныхъ владѣльцевъ, большое число жителей получили возможность овладѣть лавами и пепломъ и обратить ихъ въ культурную землю¹⁾, такъ какъ по обычному праву шейры (застывшіе потоки лавы) принадлежать первому занявшему мѣсто, кто бы ни былъ собственникъ первоначальной почвы.

Замокъ Рубиконъ, построенный завоевателемъ Ланзарота, не существуетъ болѣе, но имя его осталось за южной оконечностью острова.

Островъ Фуэртевентура, или Эрбанія, какъ его прежде называли туземцы, отдѣленъ отъ Ланзарота лишь каналомъ шириной отъ 10 до 12 километровъ, гдѣ лоть вездѣ достаетъ дно на глубинѣ менѣе 200 метровъ. У южнаго входа въ этотъ проливъ, называемый Бокайна, возлѣ берега Фуэртевентуры, лежитъ Волчій островъ, *isla de Lobos*, получившій такое название отъ морскихъ волковъ, нѣкогда населявшихъ окружающія воды, но давно уже окончательно истребленныхъ рыболовами. Это не что иное, какъ большую частію разрушен-

ный кратеръ, окруженный застывшими потоками лавы и песчаными буграми. Дюны подвигаются въ море съ двухъ сторонъ маленькаго пролива, въ десять или двѣнадцать метровъ глубины, отдѣляющаго Фуэртевентуру отъ Волчіаго острова, такъ что послѣдній, по всей вѣроятности, рано или поздно превратится въ полуостровъ. Этотъ Волчій островъ, единственнымъ постояннымъ жителемъ котораго является сторожъ при маякѣ, отданъ въ аренду одному владѣльцю стадъ, который иногда гоняетъ туда скотъ и самъ прїѣзжаетъ охотиться на морскихъ чаекъ.

Также какъ Ланзаротъ, Фуэртевентура представляетъ печальный, безжизненный видъ: лѣсовъ совсѣмъ нѣть, только въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ долинахъ есть лѣски тамариска, да вокругъ селеній группы финиковыхъ и кокосовыхъ пальмъ, или массивы фиgovыхъ и миндалевыхъ деревьевъ. Однако, Фуэртевентура богаче своего сосѣда водой,—здѣсь встрѣчаются даже настоящіе ручьи, которые, впрочемъ, становятся солоноватыми уже до впаденія въ море: горныя породы на Фуэртевентуру менѣе водопроницаемы, чѣмъ на Ланзаротѣ, и дождевые воды не исчезаютъ здѣсь такъ быстро въ почвѣ. Несмотря на это преимущество, несмотря на плодородіе ея долинъ, прославленное въ одной канарской пословицѣ, древняя Эрбанія теперь, вѣроятно, менѣе населена, чѣмъ была въ эпоху завоеванія. Хотя по величинѣ Фуэртевентура, имѣющій слишкомъ 100 километровъ въ длину, по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, занимаетъ второе мѣсто между Канарскими островами, уступая одному только Тенерибу, но жителей на немъ менѣе, чѣмъ въ многолюдныхъ городахъ архипелага; въ 1887 году населеніе его составляло всего только около шести душъ на квадратный километръ. Главная причина этой рѣдкой населенности—средоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ; не смотря на отмѣну майоратовъ, болѣе половины острова принадлежитъ одной фамиліи, извѣстной подъ именемъ «Полковниковъ», и цѣлая феодальная іерархія, ма-жордомовъ, управляющихъ и приказчиковъ завѣдываетъ раздачей земельныхъ участковъ и сборомъ арендной платы или доли урожая. Южный полуостровъ Жандіа, образующій какъ бы отдѣльный островъ пространствомъ въ 180 квадр. километровъ, принадлежитъ одному арендатору, на земляхъ котораго, въ 1884 г., насчитывалось всего только 67 жителей¹⁾.

Сѣверная часть острова представляетъ почти только пески да горки изъ вулканическихъ шлаковъ; но почва постепенно повышается и образуетъ срединный хребеть, очень неправильный, который тянется съ сѣверо-востока

¹⁾ Berthelot;—L. von Buch;—Hartung;—V. Fritsch;—Chil y Naranjo.

²⁾ Von Fritsch, цитированъ сочиненіе.

на юго-западъ, по направлению оси острова. Хребетъ этотъ состоитъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, сіенитовъ, діоритовъ, діабазовъ, среди которыхъ тамъ и сямъ встрѣчаются пласти известняковъ и глинистыхъ сланцевъ. По обѣ стороны цѣпи выступили конусы съ кратерами, и вылившіеся изъ нихъ потоки лавы наполняютъ долины. Срединная цѣпь оканчивается горами Кардонъ, соединяющими съ гористымъ полуостровомъ Жандіа посредствомъ хребта изъ базальтовъ и известняковъ, покрытыхъ песками. Этотъ соединительный хребетъ въ началѣ имѣеть незначительную высоту, около 100 метровъ, но затѣмъ вдругъ круто поднимается и образуетъ стѣну въ 800 метровъ, господствующую надъ западнымъ моремъ¹⁾). Прежде, въ давнія времена, главная земля отдѣлялась отъ своего южного полуострова стѣной циклопической постройки: кое-какіе остатки этого сооруженія сохранились до сихъ поръ, и песчаный хребетъ все еще носить название «Перешейка Стѣны» (*Istmo de la Pared*). «Бѣлыя дюны» (*Matas Blancas*), слѣдующія одна за другой на этой косѣ, состоять изъ обломковъ раковинъ, въ которыхъ нога вязнетъ, какъ въ снѣгу; рѣдкія растенія, кое-гдѣ показывающіяся среди песковъ, усыпаны раковинами. Во внутренности дюны корни мало по малу обращаются въ окаменѣлое состояніе, пропитываясь известковыми веществами, и принимаютъ видъ, напоминающій вѣти коралла. Въ тѣхъ мѣстахъ, где вѣтеръ сдулъ песчаные бугры, обнаживъ первоначальную почву, поверхность усыана «яйцами дюнъ», известковыми оболочками въ два или три сантиметра длины, слѣпленными осой-каменщикомъ²⁾). Среди песковъ бродятъ верблюды, пощипывая траву, растущую въ долинахъ между дюнами. На югѣ, въ ущельяхъ уединенного массива Хандіа, надъ которымъ господствуетъ самая высокая вершина Фуэртевентуры, двуглавая гора, называемая *Orejas del Asno* («Уши осла»), живутъ еще стада дикихъ козъ, за которыми охотники гоняются какъ за серной.

Подобно Тегуизѣ на о. Ланзаротѣ, Бетанкурія на о. Фуэртевентура утратила званіе главнаго города, въ которое она была возведена ея основателемъ Бетанкуромъ. Расположенный въ очаровательной долинѣ, спускающейся къ западному берегу, этотъ бѣлый городокъ, обсыпанный пальмами, составляетъ прелестный контрастъ съ красной почвой и зеленѣющими садами окрестностей. Теперь роль столицы играетъ Пуэрто-де-Кабрасъ, главное мѣстечко побережья, обращенного къ африканскому материку. Самыя значительныя группы населенія, Касильясъ-дель-Анхель, Ампуйента,

Антигуа, Агуа де-Бузайесь, Туинехе, находятся въ въ центральной части острова, въ плодоносныхъ долинахъ, которая граничитъ съ крутыми горами и полями лавы, справедливо прозванными *Mal pais* («худая мѣстность»).

Большая Канарія (*Gran Canaria*), островъ, давшій свое имя всему архипелагу и расположенный почти въ географическомъ центрѣ его, никакъ не походить на два восточныхъ острова по рельефу поверхности; онъ не имѣеть ни длинныхъ хребтовъ, ни уединенныхъ массивовъ или отдаленныхъ вулкановъ, разбросанныхъ среди равнинъ, и состоять изъ одной большой горы, пологаго конуса, поднимающагося изъ нѣдра глубокаго моря. «Большимъ» или «великимъ» этотъ островъ, говорить, былъ названъ Бетанкуромъ не за его размѣры, такъ какъ по величинѣ онъ занимаетъ лишь третье мѣсто между Канарскими островами, но въ честь храбрости его жителей¹⁾). Усаженный по окраинѣ мысами, выступами предгорій центральной горы, онъ имѣеть почти круглую форму, но представляетъ гораздо больше вырѣзокъ на сѣверо-западѣ, чѣмъ въ остальной части своей окружности. Съ этой стороны, также какъ на другихъ земляхъ Канарского архипелага и на Мадерѣ, берега представляютъ, очень крутые утесы, подточеннѣе волнами: очевидно, съ этой стороны процессъ размыванія совершился съ наибольшей энергией. Если сѣверо-западное побережье получило такія очертанія, какъ это весьма вѣроятно, отъ дѣйствія морскихъ теченій, то слѣдуетъ заключить, вмѣстѣ съ Фритшемъ, что послѣднія направлялись почти прямо съ востока на западъ: эта гипотеза согласовалась бы съ существованіемъ древней Атлантиды, которая своей массой должна была отклонять къ югу воды голѣстрема.

Какъ бы то ни было, Большая Канарія представляетъ какъ бы резюме другихъ острововъ по разнообразію своихъ геологическихъ явлений и по красотѣ своихъ пейзажей; она имѣеть «кальдеры», какъ Пальма, дикия барранки и каскады, какъ Гомера, потоки лавы и дюны, какъ Ланзаротъ, сосновые лѣса, какъ Ферро и Тенерифъ, и, кромѣ того, различные роды культуры, заботливо поддерживаемые водопроводами, начатки промышленности и довольно значительную торговлю. Гранъ-Канарія относительно болѣе населена, чѣмъ остальной архипелагъ, хотя около половины гористой поверхности не можетъ быть подвергнуто обработкѣ для цѣлей земледѣлія.

Центральный пикъ, называемый Позо-дela-Нієве («Колодезь снѣга»), высотой около 2.000 метровъ, поднимается почти въ геометрической срединѣ острова: такое имя дали ему,

¹⁾ Arlett, „Journal of the R. Geographical Society“, 1836;—Hartung, etc.

²⁾ Von Fritsch, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ Abreu Galindo;—G. Glas, „History of the Discovery and Conquest of the Canary Islands“.

вѣроятно, по причинѣ ледниковъ, лежащихъ въ углубленіяхъ вершины. Но этотъ пикъ есть лишь небольшой конусъ, поставленный на пьедесталь въ формѣ купола, который нѣкогда занималъ весь центръ острова, и отъ которого остались еще обширные обломки. На этомъ высокомъ сводѣ, или *cintre*, стоять нѣсколько другихъ остроконечныхъ вершинъ, «Скалы» Рокедель-Сансильо, Роке-де-ла-Кумбре, Роке-де-Бентайга, скала Нубло, монолитъ въ 112 метровъ. Воды, берущія начало на этихъ высотахъ, глубоко источили горныя породы: ручьи, по большей части текущіе круглый годъ до самаго моря, изрыли гору на сотни метровъ ниже первоначального уровня, образовавъ огромные рвы, глубокія, почти неприступныя ущелья. На двухъ склонахъ, юго-западномъ и западномъ, верхніе горные потоки одного и того же рѣчного бассейна, работая сообща въ дѣлѣ размыванія, въ концѣ концовъ выдолбили въ горѣ громадные цирки, гдѣ могли бы собираться цѣлые народы.

Юго-восточная «кальдера», Тиражана, гдѣ бѣглые негры нѣкогда образовали маленькую республику, начинается непосредственно у подножія главного конуса острова, Позо-де-ла-Ніеве, и достигаетъ глубины болѣе 1.200 метровъ прежде, чѣмъ соединить свои воды, которыя изливаются въ море черезъ узкую трещину Гальегосъ. Восточная стѣна пропасти не имѣеть проломовъ, и потому приходится спускаться по головокружительнымъ тропинкамъ, извиающимся на каменныхъ бокахъ горы; западная стѣна, частью обрушившаяся, представляетъ два широкія отверстія къ южной и юго-западной сторонѣ острова. Восточный циркъ, называемый «Кальдера - де - Техеда», имѣеть овальнуу форму гораздо болѣе правильную, чѣмъ Тиражана, и стѣны этого колоссального амфитеатра не представляютъ ни одного обвала на всей его окружности, длиною около 35 километровъ. Съ краевъ пропасти можно окинуть взоромъ весь исполнинскій эллинъ, съ его сѣтью сходящихся ручьевъ, съ его лѣсистыми кряжами и разбросанными деревнями. На окружающихъ плоскогорьяхъ сохранились кое-гдѣ сосновые лѣски, остатки лѣсовъ, покрывавшихъ прежде всѣ высокія части острова.

Кромѣ этихъ обширныхъ цирковъ, образовавшихся путемъ размыванія, Большая Канарія имѣеть другія жерла или котловины, проишедшія отъ вулканическихъ изверженій. Такова, къ востоку отъ Кумбре, Кальдера-дэ-лосъ-Мартелесь, въ которой ручей писпадаетъ каскадомъ; такова же близъ пластовъ третичныхъ конгломератовъ, занимающихъ сѣверо-восточную область острова, Кальдера-дэ-Бандама, круглый кратеръ поразительно правильной формы, заключающій внутри постройки фермы, рощицы и поля; Леопольдъ фонъ-Бухъ

сравниваетъ эту кальдеру, глубиною въ 230 метровъ, съ озеромъ Альбано, въ горахъ Лациума. Недалеко отъ этого кратера находится другое вулканическое устье, Сима-де-Гивамаръ, засыпанное лишь на половину; осталась еще «бездонная» труба, гдѣ падающіе камни, отскакивая отъ одной стѣны къ другой, вызываютъ многократное эхо. Изъ лавъ, встрѣчающихся на Большой Канаріи, самыми новыми, кажется, слѣдуетъ считать лавы Ислеты, маленькой островной группы вулкановъ, которую песчаный перешеекъ Гуанартеме соединяетъ съ сѣверо-восточнымъ угломъ большаго острова. Песокъ этой узкой плотины, обсаженной тамарисками, состоитъ главнымъ образомъ изъ обломковъ раковинъ и политалямій, постепенно сливающихся въ зернистый известнякъ, къ которому присоединяются съ той и другой стороны сростки съ морскихъ береговъ: изъ этихъ известковыхъ песчаниковъ новѣйшаго образования, съ черными крапинками, происходящими отъ вулканическаго песка, приготовляютъ превосходные камни для фильтровъ, употребляемыхъ во всѣхъ канарскихъ домахъ. Въ эпоху завоеванія Гуанартемскій перешеекъ едва выступалъ изъ-подъ воды; въ дни большаго прилива онъ былъ еще затопляемъ¹⁾. На сѣверо-западной сторонѣ полуострова Ислета базальтовыя колоннады и мостовыя напоминаютъ «Шоссе гигантовъ» путешественникамъ, видѣвшимъ берега Ирландіи.

Ласъ-Пальмасъ столица острова и самый большой городъ Канарскаго архипелага, расположенный недалеко отъ этого песчанаго перешейка, у выхода глубокой барранки Гуинигуада, и на террасахъ изъ конгломерата, обрывающихся крутыми утесами; прелестныя группы пальмъ оправдываютъ данное ему имя Las Palmeras. Верхняя часть города населена чиновниками; нижніе кварталы заняты торговымъ людомъ; на западной сторонѣ, на выступѣ горы, стоитъ «Королевскій замокъ» (Castillo del Rey), главная крѣпость острова. Въ цѣломъ, Ласъ-Пальмасъ, съ его бѣлыми низкими домами съ плоскими крышами, похожими на неровныя ступеньки громадной лѣстницы, представляетъ видъ почти арабскаго города. Въ сосѣднихъ скалахъ многочисленныя пещеры и теперь еще служать жилищемъ человѣку, какъ во времена берберовъ. Водопроводъ доставляетъ въ Ласъ-Пальмасъ чистую воду съ горныхъ вершинъ; колесныя дороги соединяютъ городъ съ окружающими мѣстечками.

Ласъ-Пальмасъ имѣеть только пристань; портъ его находится въ трехъ километрахъ сѣвериѣ, между полуостровомъ Шледа и перешейкомъ Гуанартеме: это Пуэрто-дэ-ла-Луцъ («Портъ свѣта»), получившій такое название, безъ сомнѣнія, отъ маяка, освѣщающаго под-

¹⁾ Verneau, „Société d'Anthropologie de Paris“, 3 по-дескабрѣ 1881.

ходы къ рейду. До недавняго времени эта гавань была мало защищена, и когда дули восточные вѣтры, суда принуждены были сниматься съ якоря и идти искать другаго, болѣе надежнаго,

опасно ставовиться на якорь передъ набережными порта «Свѣта»¹). И теперь уже въ этотъ портъ ежемѣсячно приходитъ по нѣскольку десятковъ пароходовъ для обновленія запасовъ

Слияне Бафинга съ Бакуа.

убѣжища. Строющійся теперь молъ, длиною около 1.450 метровъ, опирающійся о скалы Ислеты и продолжающійся на югъ глубинами въ 16 метровъ, позволить скоро самымъ большимъ кораблямъ во всякое время года без-

каменного угля. На берегу уже выросъ цѣлый городокъ; привилегія безпошлиниаго ввоза товаровъ, которою пользуется Гранъ-Кана-

¹) Andrès Rebuelta, цитированное сочиненіе.

рия, безъ всякаго сомнінія, привлечетъ сюда много кораблей, которые теперь останавливаются въ портахъ Мадеры и Санть-Винцента.

Ласъ-Пальмасъ не только торговый городъ,— онъ имѣть также кое-какую промышленность, учебныя заведенія, коллекціи археологическія и естественно-историческія: это научный и литературный центръ архипелага; нѣкогда онъ былъ также мѣстопребываніемъ трибунала инквизиціи. Каѳедральный соборъ, построенный въ стилѣ испанского Возрожденія, самое красивое зданіе Канарскихъ острововъ, господствуетъ надъ верхней частью города. Въ окрестностяхъ разсѣяны многочисленныя виллы, въ долинахъ и на выступахъ горъ. Какъ санитарная станція для иностраннаго посѣтителей, «городъ Пальмъ» представляетъ большія удобства; кроме того, по близости имѣются минеральная воды, въ Терорѣ, Фиргасѣ и въ другихъ мѣстахъ сосѣдней области. Одинъ изъ этихъ минеральныхъ источниковъ находится между Ласъ-Пальмасъ и портомъ Лудъ, въ Сант-Каталина.

Тельде, лежащій къ югу отъ Ласъ-Пальмасъ, на одной изъ террасъ восточнаго берега,—второй городъ острова по степени важности; апельсинныя рощи съ великколѣпными плодами, фруктовые и другіе сады образуютъ вокругъ этого города благоухающій поясъ зелени. Къ западу отъ Ласъ-Пальмасъ, городки Арухасъ, Фиргасъ, Тероръ, лѣнятся по сѣвернымъ скатамъ острова. Близъ сѣверо-западнаго угла Большой Канаріи, въ сосѣдствѣ маленькаго порта Сардинасъ находится старинный городъ Гальдаръ, бывшая резиденція берберскихъ властителей. Даѣ, у выхода дикаго оврага, спускающагося съ сѣверо-западнаго склона Кумбре, раскинулось мѣстечко Агаэто, дополненіемъ которому служить морская пристань, Пуэрто - де - ласъ - Ніесесь («Снѣжный портъ»), посѣщаемая каботажными судами. На западѣ острова, самое многолюдное поселеніе—Альдеа-де-Сант-Николао, или просто Альдеа, расположенная у выхода оврага, который береть начало въ амфитеатрѣ горъ Техеда. На югѣ видны только слѣды древняго берберскаго города Аргинегинъ, гдѣ Уэббъ и Бертело нашли развалины четырехсотъ домовъ.

Многочисленныя селенія разсѣяны въ горныхъ циркахъ Большой Канаріи и на высокихъ склонахъ вершинъ Кумбре. Самая высокая изъ этихъ деревень, Артенара, пріотиласъ на высотѣ 1.219 метровъ, въ самой стѣнѣ цирка Техеда. Одна только сельская церковь выглядываетъ на свѣтъ Божій: всѣ жилища вырыты въ буроватомъ туфѣ горы; скамейки, полки для посуды высѣчены въ скалѣ; поль устланъ циновками изъ пальмовыхъ листьевъ, которыхъ замѣняютъ обитателямъ столъ во время обѣда. Почти всѣ троглодиты Артенаріи—угольщики; во многихъ мѣстахъ склоны горъ,

нѣкогда покрытые тѣнистымъ лѣсомъ, совершенно опустошены этими пещерными жителями.

Тенерифъ, Тонерфізъ, или «Бѣлая Гора» (по объясненію нѣкоторыхъ этимологовъ)— самый большой островъ архипелага, въ то же время это та изъ канарскихъ земель, которую жадно ищетъ взоръ мореплавателя, чтобы увидать пикъ де-Тейде, грозную «Адскую гору», откуда по временамъ вытекали огненные потоки лавы, изливавшіеся въ море изъ-за облаковъ. Немногіе изъ океанскихъ маяковъ могутъ сравниться съ этимъ величественнымъ конусомъ, бѣлый или блѣдно-голубой профиль котораго отчетливо выдѣляется на темно-синемъ фонѣ неба. Каменный колосъ виденъ въ морѣ съ разстоянія 200 и даже 300 километровъ; но какъ часто онъ прячется отъ взоровъ, упорно окутывая себя густымъ поясомъ паровъ! Когда облака раскроются и черезъ разрывъ вдругъ выглянетъ голова гиганта, обрисовывающаяся высоко на небѣ, пораженному зрителю кажется, что онъ видитъ явленіе какого-нибудь античнаго бога.

Островъ Тенерифъ по своему строенію не отличается такимъ единствомъ, какъ Большая Канарія: онъ состоитъ въ дѣйствительности изъ трехъ массивовъ, различающихся между собой внутреннимъ видомъ и возрастомъ. Сѣверо-восточную часть острова образуютъ вулканическія горы Анаага, изрѣзанныя, разорванныя во всѣхъ направленіяхъ и изгрызанныя при основаніи водами моря, которая сдѣлали глубокія вырѣзки въ линіи побережья: это массивъ очень древняго происхожденія. Западный уголъ Тенерифа также состоитъ изъ уединеннаго массива горъ, сьерры Тено, которая выдвинулась въ предшествовавшемъ геологическомъ періодѣ, и основаніе которой размыто волнами. Между этими двумя массивами высится исполинскій конусъ новаго вулкана, который по величинѣ превосходитъ другія горныя системы и соединяется съ ними посредствомъ потоковъ лавы и промежуточныхъ вулкановъ. Это соединеніе трехъ островныхъ массъ послѣдовательныхъ эпохъ придало совокупности Тенерифа очерченія, непохожія на контуры другихъ вулканическихъ острововъ, образовавшихся въ одинъ приемъ, въ одинъ періодъ. Такъ, Гранъ-Канарія, Гомера и многіе другие острова того же происхожденія, разсѣянныя въ океанѣ, имѣютъ почти круглую форму, тогда какъ Тенерифъ изображаетъ собой неправильный треугольникъ, одинъ уголъ котораго принадлежить новѣйшему массиву, а два остальныхъ угла состоятъныи древними массивами: Тенерифъ—это, Тринакрія, какъ Сицилія, земля Этны. Наибольшая часть острова состоять изъ вулканическаго пепла и шлака, изъ каменистыхъ кручь и откосовъ; но онъ имѣть также прелестныя

долины (впрочемъ, только на съверной покатости, обращенной къ пасматнымъ вѣтрамъ) и нѣсколько горныхъ цирковъ, великолѣпная растительность которыхъ составляетъ яркій контрастъ съ темными стѣнами лавы. Благодаря этимъ богатымъ оазисамъ зелени, и несмотря на то, что главныя отрасли производства, вина и кошениль, приносятъ теперь мало дохода, Тенерифъ можетъ прокармливать относительно значительное населеніе, составляющее болѣе трети общаго числа жителей архипелага.

Горы полуострова, которыя начинаются на съверо-восточной оконечности Тенерифа, близь мыса или «фронтонъ» Анага, освѣщаемаго теперь первокласснымъ маякомъ, не образуютъ правильной цѣпи; каменистыя вершины, изъ которыхъ одна достигаетъ 1.027 метровъ, слѣдуетъ одва за другой по направлению отъ востока къ западу до плоскогорья Лагуна, черезъ которое проходитъ, на высотѣ 560 метровъ, главная дорога острова, соединяющая города Санта-Круцъ и Оротава. Монтаныя Анага—самыя лѣсистыя горы на всемъ островѣ, особенно съверные ихъ скаты; ихъ живописныя долины, окруженныя крутыми склонами чернаго, краснаго, желтаго или стального цвѣта, спускаются съ высотъ къ бухтамъ прибрежья. Горы эти круто обрываются къ съверо-востоку отъ террасы Лагуна. На юго-западѣ средній хребетъ острова снова выступаетъ и образуетъ настоящую цѣпь, надъ которой господствуютъ скалы Гумаръ. Далѣе, глубокая брешь прерываетъ хребетъ, затѣмъ продолженіемъ его является вулканъ, который поднялся въ 1705 г., изливъ на восточной сторонѣ потокъ лавы, доходящій почти до самаго моря.

Гора эта составляетъ начало ограды, которая тянется полукругомъ съ восточной и южной стороны пика де-Тейде, представляя, только въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, тотъ же видъ, какъ стѣна Соммы вокругъ Везувія, самое большое образованіе этого рода, какое намъ известно, на земной поверхности. Этотъ хребетъ, въ формѣ полукруга, длиной около 55 километровъ, имѣть слишкомъ 2.000 метровъ высоты, а нѣкоторыя изъ его вершинъ, Азулехость, Гуахарра, переходатъ за 2.700 метровъ. Вогнутый скатъ цѣпи, обращенный къ пику де-Тейде, господствуетъ надъ плоской возвышенностью, состоящей изъ лавъ и шлаковъ и лежащей, въ среднемъ, на 300 метровъ ниже, тогда какъ съ наружной стороны всѣ узкия и глубокія вырѣзки гребня, отъ которыхъ онъ получилъ название *Circo de las Cañadas*, образуютъ глубокія барранки (овраги), спускающіяся къ морю въ видѣ расходящихся линій. Одна изъ этихъ барранокъ, называемая «Адскимъ ущельемъ», представляетъ какъ бы разрѣзъ, высѣченный въ толщѣ горы; скученно растущіе драконники выдѣляются блѣдно-зеленою линіей въ темной трещинѣ, имѣющей окол-

300 метровъ глубины. Западная оконечность стѣны Каньядѣ теряется въ *mal pais*, т. е. хаосѣ лавъ, усыпанныхъ вулканами, гдѣ гуанчи сушили трупы умершихъ. Здѣсь, въ сосѣдствѣ главнаго пика, высится гора Чагорра (2.475 метровъ); далѣе, къ западу, конусы такъ многочисленны, что промежуточныя аллеи изъ лавы и пепла образуютъ обширный лабиринтъ. Виѣшній край массива, надъ горами Тено, оканчивается «Красной горой», *Montaña Roja*, откуда въ 1706 г. вылился потокъ лавы. Такимъ образомъ застывшіе потоки лавы относительно недавняго происхожденія обозначаютъ двѣ оконечности ограды, окружающей пѣдесталъ конусообразной горы, которая у гуанчей называлась Эчайде, а нынѣ известна подъ именемъ Пикъ-де-Тейде. На одномъ изъ плечъ этого колосса, на пикѣ Альта-Виста (3.261 метръ), астрономъ Піацци-Смітъ устроилъ, въ 1856 г., свою обсерваторію, высоко надъ облаками, скрывавшими отъ наблюдателя землю и море, но зато, такъ сказать, на самомъ небѣ, въ виду яркихъ звѣздъ, бросающихъ съ удивительной отчетливостью свой золотой лучь на черный фонъ ночи.

Долгое время пикъ де-Тейде считали самой высокой горой въ свѣтѣ: Лемерь повторялъ это еще въ 1695 г.; Никольсь приписывалъ канарскому колоссу «добрыхъ пятнадцать лье высоты». Съ тѣхъ поръ, какъ Эденъ, примѣръ котораго вскорѣ нашелъ многочисленныхъ подражателей, совершилъ восхожденіе на Тенерифскій пикъ, въ 1713 г., стало известно, что вершина его не достигаетъ даже одного лье надъ уровнемъ моря; но, тѣмъ не менѣе, это, безспорно, одна изъ самыхъ величественныхъ горъ, поднимающихся надъ поверхностью океана. Между вулканами эта гора занимаетъ первое мѣсто по своей высотѣ и уединенности по среди первоначального кратера: закраина стараго жерла представляется теперь, въ сравненіи съ исполинскимъ конусомъ, лишь едва выпуклымъ рубцомъ, окаймляющимъ окружность его основанія. Пикъ де-Тейде—это «гора, поставленная на другую гору». Онъ поднимается на 1.700 метровъ надъ окружающимъ его циркомъ изъ обломковъ, и съ высоты этого конуса всѣ другія горы Тенерифа кажутся простыми чертами, проведенными на разноцвѣтной части острова, который со всѣхъ сторонъ ограниченъ синевой моря. Понятенъ тотъ культь, который посвящали этому каменному колоссу прежніе обитатели острова, гуанчи: они клялись именемъ Эчайде, и не было клятвы болѣе страшной: не сдержавшій слова, даннаго подъ этой клятвой, обрекался въ жертву адскимъ богамъ, Гуайотѣ, духу зла, имѣвшему резиденцію на днѣ кратера. При восхожденіи на Тейде, по склонамъ, обращеннымъ къ зеленѣющему Оротавскому амфитеатру горъ, вулканъ кажется все выше и выше, опо мѣрѣ подъема по уступамъ основанія; когда

пройдешь поясь каштановъ, затѣмъ поясь сосны и лавра, и, вступивъ въ область ракитника, достигнешь, наконецъ, вершины плато, тогда только открывается взорамъ во всемъ своемъ величию верхний конусъ, на цѣлыхъ 500 метровъ превосходящій по высотѣ Везувій. Чередующіяся полосы бѣлой пемзы, красныхъ шлаковъ, черныхъ лавъ, снизу казавшіяся полосами лѣса, указываютъ на послѣдовательный изверженія; цѣлый рядъ вѣковъ покоятся на этой колоссальной грудѣ вулканическихъ обломковъ. На югѣ обширный кратеръ Старого Пика, Pico Viejo (3.136 метровъ), еще наполненъ застывшими шлаками и предстаиваетъ видъ исполнинскаго котла, ежеминутно готоваго выплыть черезъ край. Хотя большія изверженія изъ пика де-Тейде очень рѣдки — среднимъ числомъ, одно изверженіе въ столѣтіе, — однако, остатокъ деятельности постоянно сохранялся въ этомъ вулканѣ. Стѣнки маленькаго кратера и вершины покрыты бѣлосѣйнымъ налетомъ, изъ подъ котораго вылетаютъ струи пара, температурой отъ 84 до 86 градусовъ Цельзія, смѣшанныя съ сѣрнистыми газами и съ углекислотой, но въ очень маломъ количествѣ, такъ что рѣдко слышится видѣть цѣлое облако, выходящее изъ отверстія пика. Благодаря защитѣ, представляющей стѣнками кратера, этихъ слабыхъ паровъ достаточно, чтобы сообщить довольно высокую температуру верхней впадинѣ горы; вступая въ эту воронку, послѣ долгаго восхожденія по дикимъ и пустыннымъ склонамъ, покрытымъ шлаками, путешественникъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что онъ попалъ въ какой-то особый кипящій жизнью мірокъ, гдѣ неустанно жужжать мухи и пчелы, гдѣ порхаютъ ласточки и горные вьюрки. Нѣсколько фумаролль, расположенныхъ при основаніи конуса, тоже служатъ отдушинами, черезъ которыхъ внутренность очага освобождается отъ излишка паровъ. Этимъ клапанамъ дали мѣстное название *narizes*: это «ноздри» спящаго гиганта¹). Струи газа рѣдко бываются настолько обильны, чтобы расплывть снѣгъ, покрывающій конусъ зимой: одинъ гротъ, называемый Cueva del Yelo («Ледяная пещера»), ежегодно наполняется снѣгомъ и льдомъ, которымъ отсюда и запасаются жители Оротавы. Ниже пика снѣгъ рѣдко бываетъ виденъ; впрочемъ, съ февраля по апрель бѣлые полосы показываются иногда до высоты 1.600 метровъ.

Столица Тенерифа, Санта-Круцъ (на языкѣ гуанчей Аньяза), соперница главнаго города Большой Канаріи по цифре населенія и размѣрамъ торговли, расположена, какъ и Ласъ-Пальмасъ, на восточномъ берегу острова и недалеко отъ сѣверной его оконечности. Маленький портъ Санта-Круца защищенъ отъ южныхъ вѣтровъ моломъ, который ежегодно продолжаютъ на нѣ-

сколько метровъ; съ сѣверо-западной стороны надъ городомъ господствуютъ укрѣпленія, впрочемъ, не очень грозны. Городъ Лагуна, построенный на вершинѣ плоскогорья, къ западу отъ Санта-Круца, не имѣть уже того озерка, отъ котораго получилъ свое имя; истребленіе лѣсовъ повлекло за собой уменьшеніе количества дождей и росы, вслѣдствіе чего иссыкли источники, питавшіе этотъ бассейнъ²). Вообще Лагуна пришелъ въ упадокъ; прежде онъ имѣть университетъ, монастыри его, населенные многочисленной братіей, славились богатствомъ; теперь жизнь покинула его, и многія изъ старинныхъ зданій обратились въ развалины. Но окрестныя мѣстечки, называемыя *Rodeos* (т. е. «вновь распаханные земли»), процветаютъ, окруженыя плодороднѣйшими и наиболѣе воздѣланными полями на всемъ островѣ. Не менѣе цветущи и живописны селенія въ горахъ Анага, обращенные къ пасатнымъ вѣтрамъ. Особенно деревня Таганана, съ ея зеленѣющими садами, разведенными на крутыхъ утесахъ, вокругъ двухъ темныхъ скалъ фонолита, въ формѣ колоннъ, поражаетъ своимъ прелестнымъ видомъ и суровой красотой окружающаго амфитеатра горъ: это — «жемчужина Тенерифа». Здесь находять растенія мадерской флоры, не встрѣчающіяся ни въ какой другой части архипелага³).

Къ западу отъ Лагуны, на большой Оротавской дорогѣ, главной артеріи острова, слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько многолюдныхъ мѣстечекъ, среди плодовыхъ садовъ и огородовъ, гдѣ воздѣливаются пататы, картофель, лукъ: Такоронте, гдѣ замѣчательенъ музей мѣстныхъ древностей, содержащий большое число гуанческихъ мумій, вмѣстѣ съ стариннымъ оружіемъ и орудіями; Саузаль, вокругъ котораго разрабатываются ломки лавы; Матанца («сча»), имя которой напоминаетъ избіеніе восьмисотъ человѣкъ, испанцевъ и дружественныхъ имъ туземцевъ; Викторія, гдѣ *adelantado* (удалецъ) Луго отмстилъ, въ 1495 г., за пораженіе, нанесенное ему въ предыдущемъ году; Санта-Урсула, откуда надо только подняться на хребеть, чтобы увидѣть во всемъ ея великолѣпіи обширную Оротавскую долину, окруженнуя черными склонами, монтаньстами (горками) или пепельными конусами, называемыми *los Hijos*, т. е. «Сыны Тейде», и доминирующую снѣговыми конусами пика. Со временеми путешествія Гумбольдта долина эта утратила прежнюю красоту, такъ какъ лѣса были вырублены, чтобы очистить мѣсто подъ плантации кактуса.

Оротава, прежде Араталала, бывшая столица Таоро или Тагорора, то-есть Амфіктіоніи королевствъ острова⁴), расположена среди зеленѣющаго цирка, въ пяти километрахъ отъ мо-

¹⁾ Leopold von Buch, цитированное сочиненіе.

²⁾ Christ, цитированное сочиненіе.

³⁾ Webb et Berthelet, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Humboldt;—Piazzi Smyth;—von Fritsch, etc.

ря, въ гористой мѣстности, гдѣ по скатамъ лѣпятся ярусами дома, массивы деревьевъ, пышные цветники. Внизу города, вдоль дороги къ порту, тянется обширный ботанический садъ, съ тѣнистыми аллеями, «дарованный наці», въ концѣ прошлого столѣтія, и съ того времени прославленный изслѣдованіями ученыхъ натуралистовъ; въ этомъ саду собраны всѣ представители туземной флоры и около двухъ тысячъ экзотическихъ видовъ. Оротава—любимое лѣтнее мѣсто пребываніе богатыхъ канарцевъ, которыхъ принадлежать прекрасны земли на сѣверной покатости острова, и которые на зиму спускаются либо въ Пуэрто, либо въ Санта-Круцъ. Во время процвѣтанія виноградниковъ, производившихъ знаменитый вина мальвазію и канарское, «Пуэрто» де-Оротава, носящий неточное название, такъ какъ онъ имѣть лишь открытый рейдъ, былъ посредникомъ очень дѣятельной торговли. Прежде на сѣверномъ берегу Тенерифа существовалъ хороший портъ, при городѣ Гарачико, лежавшемъ къ западу отъ Оротавы. Въ 1645 году водяная лавина, образовавшаяся вслѣдствіе необыкновено обильныхъ дождей, разрушила этотъ городъ; онъ послѣ того вновь отстроился, но въ 1706 г., во время изверженія Красной горы (Монтанья Бермеха), потокъ черныхъ и синихъ шлаковъ, имѣющій форму ледника, вылился въ эту часть моря, и отъ «Пуэрто-Рико» (Богатый портъ) осталась лишь бухточка, слишкомъ тѣсная для судовъ. Недалеко оттуда, Иcodъ-де-лосъ-Винкосъ, тоже пришедший въ упадокъ городъ, даетъ пристанище нѣсколькимъ баланселламъ въ проломѣ береговыхъ утесовъ. Одна сосѣдняя пещера, еще не изслѣдованная въ ея глубинахъ, проникаетъ далеко внутрь горы; туземцы думаютъ, что она сообщается съ конечнымъ кратеромъ пика посредствомъ галерей длиной не менѣе 14 километровъ. Въ застывшихъ потокахъ встрѣчается много пустотъ, оставшихся послѣ деревьевъ, которыхъ были увлечены расплавленной лавой и, медленно сгорая, превратились въ пепель¹⁾.

Къ востоку отъ цѣпи Каньядъ, на восточной покатости острова, городъ Гуимаръ занимаетъ сходное съ Оротавой положеніе—въ зеленѣющемъ циркѣ, окруженному высокими склонами и потоками лавы, откуда жители спускаются къ морю по крутымъ тропинкамъ. Въ окрестностяхъ этого города находятся обширнѣйшіе погребальные гроты древнихъ обитателей острова, *las Cuevas de los Reyes*, или «Царскія пещеры». Почти всѣ селенія построены на террасахъ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ уровнемъ моря. Самое высокое изъ нихъ, Часна, называемое также Вилафлоръ, лежитъ на высотѣ 1.300 метровъ, между двумя глубокими барранками, на южномъ скатѣ цѣпи

Каньядъ. Въ этой области острова, удаленной отъ городовъ Санта-Круцъ и Оротава и трудно доступной по причинѣ каменистой, изрѣзанной трещинами, почвы откосовъ, поселяне, происшедшіе отъ смѣшанія испанцевъ съ гуанчами, живутъ почти совершенно независимой жизнью, и номинальные владѣльцы земли не осмѣливаются заглядывать къ нимъ.

Островъ Гомера, сохранившій свое берберское имя, отдѣленъ отъ Тенерифа проливомъ въ 28 километровъ ширины. Представляя какъ бы миниатюру Большой Канаріи, этотъ островъ, подобно послѣдней, образованъ изъ одного только вулканическаго конуса, остроконечная вершина которого возвышается въ центрѣ фигуры, а основаніе, изрѣзанное бухточками, имѣть форму почти правильного круга. Такъ же, какъ Гранъ-Канаріа, онъ состоять изъ купола древнихъ лавъ, кратеры которого по большей части изгладились, и въ которомъ воды вырыли глубокія барранки и цирки, откуда ручьи выходятъ узкими и крутыми дефилеями. Подобно главному острову, Гомера подтачивается волнами преимущественно съ западной стороны, и въ то время, какъ береговыя скалы его, обращенные къ Тенерифу, поднимаются надъ уровнемъ моря, въ среднемъ, только на сотню метровъ, утесы, смотрящіе на Ферро, достигаютъ шестисотъ метровъ высоты. Въ сравненіи съ протяженіемъ, Гомера сохранилъ болѣе обширные лѣса, чѣмъ Гранъ-Канаріа; орошеніе на немъ тоже обильнѣе. Онъ могъ бы прокормить болѣе густое населеніе; въ дѣятельности же среднее число жителей, приходящееся на одинъ квадратный километръ, здѣсь меныше, чѣмъ на главномъ островѣ: это объясняется тѣмъ, что ни на одномъ изъ Канарскихъ острововъ феодальный порядокъ землевладѣнія не удержался въ такихъ стѣнительныхъ формахъ, какъ на Гомерѣ.

Самый высокій пикъ Гомеры, называемый Альто-де-Гараховой, вздымаєтъ свои остроконечныя вершины на южной окраинѣ центрального плоскогорья: на этомъ краю, круты скаты спускаются уступами до самаго моря, тогда какъ со всѣхъ другихъ сторонъ лѣсистый куполь представляеть лишь незначительный уклонъ. Сводъ горы понижается нечувствительно къ сѣверо-востоку и къ западу: съ этой стороны онъ оканчивается огромной плитой или площадкой, словно высѣченной руками человѣка и которую туземцы называютъ, по ея виду, Форталеза («крепость»): морякъ Видаль, составляя карту острова, какимъ онъ представляется съ моря, въ самомъ дѣлѣ думалъ, что эта гора покрыта укрѣплѣніями. Другой выдающійся пунктъ плоскогорья, на сѣверѣ отъ Гарахоная,—это кратеръ совершенно правильной формы, гладкое дно котораго, лежащее посрединѣ острова, служить по-

¹⁾ Von Fritsch, цитированное сочиненіе.

лемъ маневровъ для милиционеровъ, созываемыхъ изъ всѣхъ поселеній Гомеры. Другіе пики представляютъ собою лишь выступы хребтовъ, окружающихъ промежуточные цирки и окаймляющихъ береговые утесы. Одна изъ этихъ стѣнъ, у подошвы которой, въ 600 метрахъ ниже ея гребня, разбиваются волны, прозвана островитянами «Скалой Америки», Risco de America: имъ кажется, что съ этого утеса они видятъ въ морѣ тотъ путь, которымъ слѣдовалъ Колумбъ, когда онъ отплылъ съ ихъ острова на поиски Нового Свѣта; извѣстно, что три каравеллы, составлявшія его флотилію, останавливались на роздѣлѣ въ портѣ Санть-Себастіанъ передъ тѣмъ, какъ пуститься черезъ океанъ.

Изъ всѣхъ Канарскихъ острововъ Гомера—самый богатый каскадами, благодаря обилию проточныхъ водъ и большой высотѣ утесовъ. Близь Чипуде, самаго высокаго селенія острова (1.100 метровъ), ручеекъ, ниспадающій съ высоты 200 метровъ въ ущелье Аргага, превращается сначала въ водяную пыль, затѣмъ снова собирается въ безчисленныя струйки, скользящія по скатамъ скалы. На сѣверномъ берегу, водоиздѣль Агула настолько обиленъ, что онъ ясно виденъ съ Тенерифа, съ разстояніемъ 37 километровъ, блестящій, какъ хрустальная игла на изумрудномъ фонѣ. Лѣса на Гомерѣ, мѣстами выпустишіе угольщиками, состоятъ главнымъ образомъ изъ лавровъ; Фритшъ встрѣчалъ деревья, имѣвшія слишкомъ 30 метровъ (14 саженъ) въ вышину; подъ этими могучими лаврами такъ же пріятно идти, какъ подъ тѣнью букона въ лучшихъ лѣсахъ западной Европы. Кустарникъ состоитъ преимущественно изъ мирики (*mirica faya*), какъ на Азорскихъ островахъ, и вереска и другихъ деревецъ. Тамъ и самъ отдѣльные лавры, можжевельники высоко поднимаются надъ переплетающимися вѣтвями густой кустарниковой поросли.

Санть-Себастіанъ, главный городъ, лежитъ недалеко отъ восточного угла Гомеры, на берегу хорошо защищенной бухты, которая нѣкогда была сборнымъ пунктомъ для галіоновъ изъ Акапулко, теперь же принимаетъ только гоаletты и барки, такъ какъ большія суда съ трудомъ могутъ дѣлать въ ней эволюціи. Санть-Себастіанъ силошь окружены садами, а загородные домики, разбросанные по окрестностямъ, обсажены финиковыми пальмами, давющими превосходные плоды. На сѣверѣ острова, циркъ, справедливо названный «Чудной долиной», Valle Negra, заключаетъ въ себѣ болѣе десяти тысячъ пальмовыхъ деревьевъ, съ которыхъ собираютъ вѣтки съ цветками и плодами, или пользуются ихъ продуктами для приготовленія пальмового вина и меда, а также для плетенія циновокъ. Между другими Канарскими островами нѣть ни одного, где бы пальмы были

такъ многочисленны и такъ хорошо утилизировались, какъ на Гомерѣ.

Островъ Пальма, не менѣе Тенерифа славящійся грандіозностью своихъ видовъ, состоить, подобно этому послѣднему, изъ отрывковъ, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ. Сѣверная часть, почти круглая, какъ массивъ пика де-Тейде, представляетъ собою уединенный куполь, въ которомъ вырыта огромная кальдера, или котловина, самый удивительный примѣръ образованія этого рода, какой только существуетъ на земномъ шарѣ. Южная половина острова, треугольной формы и болѣе новаго происхожденія, состоить изъ отдѣльной цѣни вулкановъ, которая тянется по направлению меридіана и соединяется съ сѣвернымъ массивомъ посредствомъ узкаго порога, называемаго Кумбре, или «Вершиной». Нѣкоторыя мѣстности Пальмы, обильно орошамы, отличаются изумительнымъ плодородіемъ; кроме того, островъ имѣеть и другіе ресурсы, доставляемые ему строевыми лѣсами и рыболовными промыслами; по плотности населенія, это одинъ изъ первыхъ между Канарскими островами, и жители его едва-ли не самые красивые во всемъ архипелагѣ. Женщины Пальмы, смуглыя, сильныя, съ блестящими глазами, свѣжимъ цветомъ лица, кажутся настоящими красавицами, въ сравненіи съ ихъ блѣдными сестрами, уроженками Гранъ-Канаріи, что бы ни говорила общераспространенная въ архипелагѣ пословица, восхваляющая тенерифскихъ мужчинъ и больше—канарскихъ женщинъ¹). Красивый костюмъ, платье съ обшивкой яркихъ цветовъ, блѣлъ передникъ, кисейная вуаль—еще болѣе возвышаетъ красоту дѣушекъ Пальмы²).

Самая высокія вершины острова, пики дѣлосъ—Мучачосъ (Мальчиковъ), де-ла-Круцъ (Креста), дель-Зедро (Кедра), стоять на хребтѣ, вѣнчающемъ, въ видѣ полукруга, куполь сѣверной части Пальмы. Выпуклый виѣній скатъ этихъ горъ, обращенный къ окружности острова, представляетъ крутые откосы, изрѣзанные глубокими оврагами, спускающимися почти по прямой линіи къ морю. Но съ внутренней стороны въ полукругѣ горъ вдругъ открывается огромное жерло около 15 километровъ въ окружности: это Кальдера. Стѣны пропасти круто спускаются до глубины 1.200 метровъ, затѣмъ отъ основанія ихъ идутъ пологіе скаты пастбищъ. Сверху видъ этой громадной бездонной котловины вызываетъ головокруженіе; но когда смотришь снизу, развертывающаяся передъ взорами картина производить чарующее впечатлѣніе яркимъ контрастомъ колосального амфитеатра, съ разноцветными скалами, и разбросанными на его

¹) Christ,—Webb et Berthelot.

²) Sequel, цитиров. мемуаръ.

обширномъ днѣ прелестныхъ пейзажей, лѣсковъ и зеленѣющихъ холмовъ, ручьевъ и фонтановъ, каскадовъ, блистающихъ между камнями и теряющихся подъ вѣтвями деревьевъ,

скала въ формѣ обелиска, называвшаяся Идафе, у подножія которой они собирались въ торжественные дни. При этомъ они вопрошали скалу хоромъ: «Упадешь ли ты, Идафе, упа-

Баобабъ на берегу Котубадинта.

водопроводовъ, извижающихся вокругъ предгорий, окаймленныхъ воздѣланными полями и плантациями. Въ центрѣ этого чуднаго храма туземцы Бенегоара,—прежнее имя острова,— поклонялись своему божеству. Тамъ стоитъ

дешь ли?»—«Принесите ей дары»,—возвѣщалъ какой-то голосъ, — «и она постоить еще». Тогда вѣрующіе предлагали ей свои приношенія, сопровождая ихъ молитвами. По понятіямъ бенегоарцевъ, устойчивость скалы Идафе, безъ *

сомнѣнія, соотвѣтствовала долговѣчности ихъ расы, можетъ быть, даже долговѣчности острова и всего свѣта.

Обильныя воды Кальдеры, соединяющаися въ юго-западномъ углу амфитеатра, выходятъ черезъ узкую барранку ласъ-Ангустіасъ («ть-сины»), открывающуюся въ конгломератахъ, на глубинѣ 300 метровъ, и изливаются въ море между двухъ мысовъ. Линія морскаго дна съ глубинами до 200 метровъ дѣлаеть въ этомъ мѣстѣ большой изгибъ и выдвигается въ море далеко отъ берега, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ объ огромномъ количествѣ твердыхъ частицъ, унесенныхъ потокомъ Ангустіасъ изъ цирка Кальдеры¹⁾. Все это воронкообразное углубленіе было опорожнено водами; вулканические шлаки и пепель были смѣты почти на два километра въ толщину, и работа размыванія продолжалась до обнаженія первичныхъ горныхъ породъ, діабазовъ и порфировъ, составляющихъ ядро острова. Таково почти единогласное мнѣніе геологовъ: гипотеза кратеровъ поднятія, высказанная Леопольдомъ фонъ-Бухомъ, который за типъ подобного кратера взялъ именно котловину Пальмы, усматривая на всей окружности этой пропасти слѣды разорванныхъ и приподнятыхъ пластовъ,—гипотеза эта существуетъ теперь только въ исторіи науки. Кальдера дѣйствительно представляетъ слѣды поднятія, но только поднятія другаго рода. Въ слояхъ конгломерата, черезъ которые проходитъ ручей оврага Ангустіасъ, морская ископаемая перемѣшана съ обломками вулкана, изъ чего слѣдуетъ заключить, что основаніе острова было погружено въ море въ предшествующую эпоху, затѣмъ выступило на поверхность, вмѣстѣ съ своей подводной дельтой.

Черезъ порогъ Кумбре, соединяющій двѣ горныя системы, сѣверную и южную, теперь проложена, на высотѣ слишкомъ 1.400 метровъ, прекрасная колесная дорога, служащая средствомъ сообщенія между главными населенными пунктами обоихъ склоновъ. Этотъ переваль, хотя онъ лежитъ почти подъ тропической широтой, до постройки дороги не всегда былъ удобопроходимымъ, и многочисленные кресты, поставленные вдоль его тропинокъ, указываютъ мѣста, где погибли люди, застигнутые сильнымъ бураномъ; прежде путнику, направлявшемуся черезъ переваль, обыкновенно желали «благополучной вершины», *bien la cumbre*. На этой вершинѣ контрастъ поразительный,—контрастъ не столько между видомъ двухъ противоположныхъ склоновъ, сколько между видомъ неба съ той и другой стороны. Здѣсь происходитъ борьба двухъ климатовъ: на восточной сторонѣ дуютъ пассаты, приносящи массу па-

ровъ; на западной—небо почти всегда ясно, и взоръ свободно простирается вдали по синимъ водамъ океана; густыя облака пытаются перейти черезъ гребень, но тотчасъ же разрываются на тысячи клочковъ, плаваютъ нѣсколько минутъ, затѣмъ расходятся въ атмосферѣ: это—непрерывная битва, въ которой солнце всегда является побѣдителемъ. Западная покатость, характеризуемая чистымъ, безоблачнымъ небомъ, носить название Банда, т. е. «полоса» засухъ.

Въ южной горной цѣпи острова, отличающейся замѣчательной правильностью формъ, высшую точку составляетъ центральный пикъ Вергойо, поднимающійся слишкомъ на 2.000 метровъ; многочисленные потоки черной лавы спускаются съ боковъ горъ, и на обоихъ скатахъ усыпаны конусами съ кратеромъ. Сосновые лѣса покрываютъ еще большую часть этого горнаго хребта, несмотря на безпечность жителей, усердно опустошающихъ свой островъ; по счастію, корни срубленныхъ деревъ пускаютъ изъ себя новые ростки, и лѣсъ самъ собой возобновляется вездѣ, гдѣ оголенная почва не была снесена атмосферными дѣятелями. Около южной оконечности цѣпи, называемой Фузакаленте, или «Кипящій ключъ», на самомъ берегу моря бѣть значительный источникъ, Чарко Верде («зеленая лужа»), скрывающійся подъ водой въ часы прилива и снова открывающійся въ часы отлива: это единственный изъ многочисленныхъ минеральныхъ источниковъ Пальмы, которымъ пользуются больные. Недалеко оттуда находится источникъ углекислоты, изливающійся изъ «Собачьяго грота», въ родѣ того, какій существуетъ въ окрестностяхъ Неаполя.

Высота главныхъ вершинъ Пальмы (по Видалю):

Пико де-лосъ-Мучачосъ—2.345 метровъ; пико де-ла-Круцъ—2.358; пико дель-Зедро—2.278; пико Вергойо—2.010 метровъ.

Столица острова, Санта-Круцъ де-ла-Пальма, лежитъ на восточномъ берегу, при заливѣ, обращенномъ къ другимъ землямъ архипелага; въ этомъ городкѣ сосредоточивается торговля и промышленность островитянъ; его верфи ежегодно спускаютъ нѣсколько новыхъ судовъ. Послѣ Санта-Круцъ, самая многолюдная мѣстечки—Мазо и Лосъ-Саузесь, на той же покатости острова, и Лосъ-Льянось, въ области Банда. Близъ мѣстечка Лосъ-Саузесь находится пещера, приобрѣвшая большую известность, благодаря сохранившимся на ея стѣнахъ іероглифамъ и берберскимъ надписямъ.

Островъ Ферро (Ferro или Hierro—«Желѣзный»), самый малый и наименѣе населенный изъ Канарскихъ острововъ, есть въ то же время наиболѣе океаническая земля этого архипелага: далѣе корабль не встрѣчаетъ

¹⁾ Von Fritsch, цитированное сочиненіе.

острововъ вплоть до архипелага Зеленаго Мыса, лежащаго на разстояніи 1.450 километровъ. Туземцы называли этотъ островъ именемъ Эзеро, значеніе котораго толкуется различно, но которое, вѣроятно, имѣть не тотъ смыслъ, какъ испанское название. Рѣдко посѣщаемый, островъ Ферро не представляетъ путешественникамъ необходимыхъ удобствъ и ресурсовъ; въ земледѣльческой культурѣ его введены лишь самые обыкновенные виды подтропическихъ растеній; на немъ нѣтъ ни банановъ, ни апельсиновъ, да и пальмы рѣдки; бѣдность въ деревняхъ очень велика. Но не смотря на свое обездоленное положеніе, здѣшніе жители, говорятъ, самые гостепримные и любезные изъ всѣхъ канарскихъ островитянъ. Земельная собственность здѣсь болѣе раздроблена, чѣмъ на другихъ островахъ, хотя номинально вся земля принадлежитъ одному феодальному владельцу. Многочисленныя фермы его, окруженыя смоковницами, дающими превосходные плоды, разсѣяны во всѣхъ частяхъ острова. Жители Ферро, Негреос, пребываютъ почти въ такомъ же изолированномъ состояніи, какъ и прежніе обитатели острова до прибытія испанцевъ: въ 1862 году они не имѣли ни одного большаго судна, а рыболовная флотилія ихъ состояла только изъ шести барокъ.

По фигурѣ Ферро не походитъ на большинство вулканическихъ острововъ. Очертанія его береговъ изображаютъ треугольникъ, обращенный вершиной къ Тенерифу, а основаніемъ къ открытому морю; но возвышенная часть острова представляетъ странный рельефъ. На сѣверо-западѣ она образуетъ вырѣзку въ видѣ полукруга, обрамленную крутымъ утесомъ, отѣломъ кратера, совершенно правильной формы: съ одной стороны, этотъ базальтовый утесъ оканчивается остроконечнымъ мысомъ и выступающими изъ моря скалами Сальморе, съ другой закругленнымъ мысомъ Пунта-де-ла-Дегеса, куда теченія часто приносятъ водоросли, обломки судовъ, плоды изъ Америки. Около середины своего протяженія этотъ утесъ, нѣкогда струившійся огненно-жидкими лавами, застывшими въ своеемъ паденіи, возвышается слишкомъ на 1.400 метровъ надъ поверхностью океана. На восточной сторонѣ, плоскогорье,частію покрытое лѣсомъ, также образуетъ выемку въ формѣ полумѣсяца, но меньшаго диаметра сравнительно съ предыдущей. Недалеко отъ этой выемки, въ мѣстности, называемой los Letreros («Надписи»), найдены древнія надписи и сложенные камни, похожіе на менгиры¹⁾. Многочисленныя кратеры и горячіе ключи разсѣяны въ различныхъ частяхъ острова. Говорятъ, что еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія пары поднимались изъ одного

кратера, въ центральной части острова, но Фритиль тщетно изслѣдовалъ тамъ почву, въ надеждѣ отыскать какое-нибудь слѣды этихъ фумаролль. Напрасно мы стали бы искать какихъ-нибудь слѣдовъ знаменитаго лавра, стоявшаго въ окрестностяхъ города Вальверде, на вершинѣ оврага, и замѣчательнаго тѣмъ, что подавшіеся вдоль оврага морскіе пары, скучаясь на вѣтвяхъ огромнаго дерева, струились по листьямъ и капали въ видѣ дождя²⁾. Это явленіе скученія паровъ на листѣ, довольно обильныхъ, чтобы наполнить водой цистерны, было до такой степени преувеличено народнымъ воображеніемъ, что утверждали, будто это священное дерево въ состояніи напоить восемь тысячъ человѣкъ и сто тысячъ головъ скота. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія этотъ дожденоносный лавръ существовалъ еще, но, потерявъ листья, онъ утратилъ вмѣсть съ тѣмъ и свои чудодѣйственные свойства; неизвѣстно, когда именно онъ былъ срубленъ. «Желѣзный» островъ сохранилъ еще кое-гдѣ лѣса, сосновые и драконовые. На скалахъ Сальморе водится одинъ видъ ящерицъ, называемый туземцами «хамелеономъ» и, вѣроятно, соотвѣтствующій тѣмъ ящерицамъ «величиной съ кошку и отвратительнымъ», о которыхъ говорятъ священники экспедиціи Бентакура.

Вальверде, главный городъ острова Ферро, лежитъ недалеко отъ сѣверной его оконечности; онъ построенъ на высотѣ 650 метровъ и сообщается сѣтью тропинокъ съ своей пристанью Пуэрто-де-Ферро, маленькой бухтой на восточномъ берегу; въ сосѣднихъ пещерахъ найдены въ большомъ числѣ муміи древніхъ бимбачей, или бенъ-башировъ. У здѣшніхъ пастуховъ до сихъ поръ сохранилась пляска предковъ, прерываемая прыжками и сопровождаемая звѣздными пѣвцами.

Островъ Ферро, какъ извѣстно, прославился своимъ меридіаномъ, служившимъ исходной точкой для счета градусовъ долготы. Древніе греки, географическая знанія которыхъ не шли далѣе «Счастливыхъ острововъ», естественно, должны были помѣстить свой первый меридіанъ въ этихъ крайнихъ областяхъ извѣстного тогда свѣта: тамъ, по ихъ понятіямъ, находились предѣлы міра. Когда эти предѣлы были раздвинуты, нѣкоторые географы приняли за нуль долготы западные острова Азорскаго архипелага. Меркаторъ выбралъ островъ Корво, гдѣ въ то время проходилъ магнитный меридіанъ³⁾. Но греческая традиція долго еще преобладала, и большинство картографовъ проводило начальную полуденную линію черезъ Тенерифъ; на конецъ, рѣшенiemъ, принятymъ въ 1634 году, по

¹⁾ Le Canarien; — Abreia Galindo; — Claude Duret, „Histoire des plantes et herbes esmerveillables et miraculeuses“.

²⁾ Vaugondy, „Histoire de la Géographie“; — Oscar. Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

³⁾ Sabin Berthelot, „Bulletin de la Société de Géographie“, fêvr. 1875.

совѣту знаменитѣйшихъ математиковъ, меридианъ острова Ферро былъ официально признанъ во Франціи, какъ начальный градусъ долготы. Однако, этотъ выборъ сдѣланъ былъ не на основаніи точныхъ измѣрений, но въ силу того предположенія, что Желѣзный островъ лежитъ точно подъ 20-мъ градусомъ къ западу отъ Парижа, а всѣ исчислениа дѣлались относительно положенія этого города. Фулье въ 1724 г., и позднѣе Лакайль, Верденъ, Борда, Пенгрэ пытались опредѣлить точнымъ образомъ меридианъ этого острова, но ихъ вычисленія дали результаты, значительно разнившіеся между собой. Теперь извѣстно, что первоначальное предположеніе было ошибочно: островъ Ферро лежитъ не точно 20-ю градусами западнѣе Парижа, и, слѣдовательно, меридианъ, носящий его имя, не касается его; онъ проходитъ восточнѣе, въ открытомъ морѣ, на разстояніи 20 слишкомъ километровъ отъ острова. Хотя нѣмецкіе географы до послѣдняго времени остались вѣрны этому меридиану, но онъ уже не употребляется для начертанія картъ, какъ исходный пунктъ долготъ.

Канарскіе острова составляютъ провинцію Испаніи, посылающую шесть депутатовъ въ Кортесы и представленную въ сенатѣ двумя или тремя нотаблями. Санта-Круцъ на Тенерифѣ служитъ резиденціей гражданскаго губернатора и генералъ-капитана острововъ, а Ласъ-Пальмасъ есть мѣстопребываніе высшаго суда. Торговля освобождена отъ таможенныхъ пошлинъ; она платить лишь сборъ въ размѣрѣ одной тысячной съ цѣны привозимыхъ товаровъ и незначительный налогъ съ вина и табаку. Каждый изъ острововъ поставляетъ небольшой контингентъ солдатъ.

Архипелахъ дѣлится на 93 *ayuntamientos* или общины, изъ которыхъ двадцать носятъ титулъ городовъ. Слѣдующая таблица показываетъ цифры населенія Канарскихъ острововъ и главныхъ городскихъ общинъ:

ОСТРОВА.	Народонаселеніе въ 1887 г. Число жит. на 1 кв. килом.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА.	Населеніе по городахъ, общинахъ
Лансаротъ	16.409 20	Арресифе	3.025
Фуэртевентура	10.166 67	Пуэрто-де-Кабрасъ	520
Гранъ - Ка-нариа	95 415 57	Ласъ-Пальмасъ	20.756
Тенерифъ	109.417 54	Тельде	9.403
Гомера	14 140 38	Арукасъ	7.984
Пальма	39.605 55	Гвіа	5.164
Ферро	5.897 20	Гальдаръ	5.078
		Санта-Круцъ	16.110
		Лагуна	11.406
		Оротава	8.876
		Икодъ-де-лосъ-Винкосъ	5.555
		Санть-Себастіанъ	2.861
		Санта-Круцъ-де-ла-Пальма	6.695
		Лосъ-Льяносъ	5.919
		Вальверде	5.421

VI. Архипелагъ Зеленаго Мыса.

Эти острова Атлантики носятъ совершенно неподходящее имя, не оправдываемое ни географическимъ ихъ положеніемъ, ниатурой ихъ горныхъ породъ, ни исторіей ихъ открытия. Отъ Африканскаго мыса того же имени они отстоять на 465 километровъ и отдѣлены отъ него морскими пучинами, глубина которыхъ превышаетъ 4.000 метровъ: это несомнѣнно земли океанскія, а не отрывки соединяго материка. Мысъ Зеленый былъ извѣстенъ за долго до того времени, когда первые мореплаватели достигли юго-восточной группы архипелага. Съ той эпохи, т. е. впродолженіи болѣе четырехсотъ лѣтъ, первоначальное название сохранилось до настоящей минуты, и всемогущій обычай не позволяетъ замѣнить его другимъ. Ничто также не оправдывало бы употребленіе имени «Горгады», или «острова Горгонъ», которое было предложено нѣкоторыми географами, такъ какъ текстъ Плинія, относящейся къ этимъ землямъ, едва-ли можетъ быть примѣненъ къ архипелагу, лежащему на такомъ большомъ разстояніи отъ берега Африки, вдоль которой плавали древніе мореходы. Испанцы одно время называли этотъ архипелагъ островами св. Іакова, а голландцы Солнечными островами. На картѣ кормчаго Хуана де-ла Коса они названы островами Антонія, по имени одного изъ первыхъ открывателей ¹⁾.

Вопросъ объ открытии этихъ острововъ возбуждалъ много споровъ. По мнѣнію Маджора ²⁾, Диего Гомесъ первый высадился на эти океанскія земли, но текстъ, такъ истолкованный англійскимъ ученымъ, другими комментаторами понимается иначе. Въ своихъ «Плаваніяхъ» венеціанскій купецъ Кадамосто приписываетъ себѣ и одному генуэзцу, по имени Узодимаре, честь открытия, въ 1456 г., острововъ Бона-Виста и соединенныхъ земель, и несмотря на нѣкоторыя противорѣчія въ его разсказѣ, который, впрочемъ, различно воспроизведенъ въ разныхъ изданіяхъ его книги, довольно вѣроятно, что слава, на которую онъ претендуетъ, дѣйствительно принадлежала ему. Четыре года спустя, въ 1460 году, итальянецъ Антоніо ди-Ноли, состоявшій на португальской службѣ, снова посѣтилъ архипелагъ; въ одинъ день онъ обнаружилъ существованіе трехъ острововъ: Майо, св. Іакова и Фого, причемъ послѣднему далъ имя св. Филиппа. Неизвѣстно въ точности, какъ и когда были найдены и изслѣдованы другіе острова Зеленаго Мыса; но, безъ всякаго сомнѣнія, дѣло это совершилось быстро, такъ какъ концессіонеры открытыхъ частей архипелага, конечно, не за-

¹⁾ J. Codine, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1873.

²⁾ „The Life of Prince Henry of Portugal“.

медини снарядить суда на поиски соседнихъ земель. Однако, только два острова, св. Иакова и Фого, имѣли маленькия колоніи сорокъ лѣтъ спустя послѣ путешествія Антоніо ди-Ноли; другіе острова лишь въ XVI вѣкѣ заселились португальскими колонистами и неграми, привезенными съ соседнаго материка¹⁾; на Соляномъ же островѣ постоянные жители появились только въ настоящемъ столѣтіи, а нѣкоторые островки и до сихъ порь остаются необитаемыми. Въ сравненіи съ пространствомъ архипелага число его жителей незначительно, что впрочемъ, объясняется недостаткомъ воды.

Пространство и народонаселеніе острововъ Зеленаго мыса:

Площадь—3.851 кв. километр.; 111.000 жителей (1885 г.); въ среднемъ, 29 жителей на 1 кв. километръ.

Архипелагъ распадается на нѣсколько неправильныхъ группъ, расположенныхъ по большей кривой, протяженiemъ около 500 километровъ, обращенной своей выпуклостью къ африканскому матерiku. Эта кривая начинается на сѣверо-западѣ островомъ св. Антонія, который по размѣрамъ уступаетъ только одной изъ остальныхъ земель архипелага. Острова, которыми о. св. Антонія продолжается на юго-востокѣ, Санть-Винценте, Санта-Люсіа, островки Бранко и Рazo, островъ св. Николая, холмы и горы которыхъ расположены въ видѣ прямолинейной цѣпи, составляютъ особыу группу: издали они кажутся мореплавателямъ однимъ островомъ, изрѣзаннымъ глубокими бухтами. Острова Соляной и Бона-Виста, продолжающіеся на юго-западѣ мелью Жуантъ-Лейтанъ, образуютъ отдельную группу, на восточной оконечности полукруга острововъ; на конецъ, южная часть этого полукруга заключаетъ въ себѣ острова Майо, св. Иакова и двѣ крайнія земли, Фого и Брава, съ нѣсколькими островками. Всѣ сѣверные острова, въ томъ числѣ Саль (Соляной) и Бона-Виста, называются Barlovento, или «Острова на вѣтре»; четыре южныхъ земли составляютъ рядъ Sotavento, т. е. «Острововъ подъ вѣтромъ».

Острова Зеленаго мыса, повидимому, принадлежать къ болѣе древнему періоду образованія, чѣмъ архипелаги Канарскихъ и Азорскихъ острововъ, имѣющихъ почти исключительно вулканическое происхожденіе. Правда, на всѣхъ островахъ Зеленаго мыса есть кратеры и эруптивныя породы; два изъ нихъ, именно острова св. Антонія и Фого, состоять даже единственно изъ вулканическаго пепла и лавы; но на другихъ земляхъ встрѣчаются также кристаллическія породы, гранитъ, сіенитъ и камень, называемый фойитъ, по имени горы Фойа, въ Альгарвіи; на островахъ

Зеленаго мыса находять также прекрасные метаморфические мраморы и осадочные породы. Особенно островъ Майо замѣчателенъ относительно большимъ протяженiemъ невулканическихъ формаций: этотъ фактъ свидѣтельствуетъ въ пользу существованія континентальной массы, Атлантиды, занимавшей нѣкогда эти области океана²⁾). Острова Зеленаго мыса отличаются также отъ Канарскихъ и Азорскихъ состояніемъ покоя, въ которомъ пребываетъ ихъ внутренній очагъ лавы. За исключеніемъ Фого, ни на одномъ изъ этихъ острововъ не проявлялась вулканическая дѣятельность со времени открытия архипелага; даже землетрясенія здесь очень рѣдки: сильные подземные удары бывали только на островѣ Брава, на юго-западной оконечности полуокруга острововъ.

Нѣкоторые изъ острововъ Зеленаго мыса изобилуютъ желѣзной рудой; именно въ южной группѣ титанистый желѣзнякъ, необычайно богатый содержаніемъ металла, является въ формѣ чернаго песку, покрывающаго берега океана; онъ встрѣчается тамъ въ такихъ огромныхъ количествахъ, что въ тѣ часы дня, когда солнечные лучи падаютъ на берегъ, даже негры не могутъ ступить на него,—до такой степени раскаленъ этотъ металлический песокъ. Безчисленное множество кораблей могло бы нагружаться здесь рудой, разсыпанной прямо на поверхности земли.

Также какъ въ другихъ атлантическихъ архипелагахъ, средняя температура на островахъ Зеленаго мыса, уравниваемая влажніемъ омывающихъ ихъ водъ океана, менѣе высока, чѣмъ на африканскомъ континентѣ подъ тою же широтой. На обсерваторіи въ Прайа, на островѣ св. Иакова, она оказалась, въ 1877 г., равной 23°,74, а разность между двумя крайними температурами, наблюдавшимися въ этомъ году, составляла семнадцать градусовъ по Цельзію (самый жаркій день, 9 сентября: 33°; самый холодный день, 13 декабря: 16°)²⁾. Эта значительная разница объясняется относительнымъ сосѣдствомъ африканской земли и влажніемъ восточного вѣтра. Вообще, климатъ этихъ острововъ зависитъ, почти во всѣхъ его условіяхъ, отъ колебанія атмосферныхъ теченій: температура, влажность, здоровость воздуха—измѣняются вмѣстѣ съ направленіемъ бриза. Когда дуютъ сѣверо-восточные пассаты, т. е. впродолженіи двухъ третей года, съ октября по май, небо бываетъ ясно, только на горизонте всегда скопляется туманъ, скрывающій на половину солнце при восходѣ. Затѣмъ, когда движение дневнаго свѣтила по эклиптике увлекаетъ за собой на сѣверъ всю систему атмосферныхъ токовъ, острова Зеленаго Мыса по-

¹⁾ Lopes de Lima, „Essays sobre a statistica das Passagens portugueras no Ultramar“, livro I.

²⁾ Doelter, „Ueber die Capverden nach dem Rio Grande“.

²⁾ A. Picquie, „Revue Maritime et Coloniale“ 1881.

падаютъ въ поясъ дождей, и впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, съ юна по сентябрь, почну ихъ орошаютъ обильные ливни, «столь же необходимы жителямъ острововъ, какъ воды благодѣтельного Нила необходимы феллахамъ Египта».

Но такъ какъ эти острова не образуютъ сплошнаго барьера, подобно высотамъ соѣдняго материка, то они не всегда задерживаютъ дождевыя облака на проходѣ; грозы не разражаются въ архипелагѣ съ такою же правильностью, какъ на твердой землѣ подъ тѣми же широтами, и въ иные годы количество дождей бываетъ такъ незначительно, что выпавшей атмосферной воды недостаточно для всхода посѣяннаго зерна: тогда наступаетъ голодовка, болѣе или менѣе сильно опустошающая ряды населенія. Случается также, что пассатные вѣты уклоняются отъ своего обыкновеннаго пути и перестаютъ дуть съ моря, откуда приносятъ прохладу; они переходятъ на материки, и тогда дуновеніе ихъ становится жгучимъ, какъ бы выходящимъ изъ раскаленной печи: это гарматтанъ арабовъ, называемый островитянами просто *lesie*, т. е. «восточнымъ вѣтромъ».

Во время перехода черезъ пустыню вѣты увлекаютъ съ собой большое количество пыли, которая падаетъ на острова, въ видѣ мельчайшаго дождя. Часто паруса судовъ, смоченные утренней росой, задерживаются на себѣ эту тонкую пыль. Просыпаясь утромъ, моряки не мало дивятся при видѣ своихъ парусовъ, пожелтѣвшихъ за ночь. Эти пыльные дожди могутъ падать во всякое время года, приносимые материиковыми вѣтрами; однако, путешественникъ Тойнби говорить, что ему не случалось видѣть ихъ въ августѣ и сентябрѣ, въ сезонъ штилей, неправильныхъ вѣтровъ и ливней, приносимыхъ съ моря. Почти всегда выпаденіе желтаго или краснаго песка имѣеть мѣсто въ поясѣ Атлантики, заключающемся между девятымъ и шестнадцатымъ градусами сѣверной широты до разстоянія 2.000 километровъ отъ Африканскаго побережья. Архипелагъ Зеленаго Мыса лежитъ внутри этой полосы сухихъ дождей, тогда какъ на Мадерѣ подобная явленія очень рѣдки; нѣсколько чаще бываютъ онѣ на восточныхъ Канарскихъ островахъ, особенно на Фуэртевентурѣ, но все же настолько рѣдки, что тамъ на нихъ смотрятъ какъ на своего рода чудо. Въ тысячу километровъ къ югу отъ острововъ Зеленаго Мыса эти дожди составляютъ совершенно исключительный случай. Просматривая корабельные журналы почти 1.200 судовъ, проходившихъ въ поясѣ непельныхъ дождей, за время съ 1854 до 1871 года, Гельманъ констатировалъ, что распространеніе пыли въ воздухѣ продолжается иногда нѣсколько дней и что пыльныя облака занимаютъ площадь

около 300.000 кв. километровъ. Понятно, что въ теченіе вѣковъ цѣлыхъ горы должны изнашиваться и улетучиваться вслѣдствіе поставки такого огромнаго количества измельченнаго камня, чѣмъ и объясняется нынѣшній видъ нѣкоторыхъ *hamad* Сахарской пустыни, которая на огромныхъ пространствахъ представляютъ лишь гладкій камень, дочиста выметенный восточнымъ вѣтромъ. Извѣстно, что Эренбергъ, путемъ наблюденія микроскопическихъ животныхъ, содержащихъ въ подобныхъ «сухихъ» дождяхъ, обнаружилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, южно-американское происхожденіе пепла: фактъ этотъ объясняется существованіемъ возвратныхъ воздушныхъ течений, проходящихъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, надъ пассатами; но главная масса этой пыли, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ изъ африканскихъ пустынь. Даже въ ясную погоду отдаленные предметы почти всегда кажутся колеблющимися, что Дарвинъ приписываетъ тончайшимъ твердымъ частицамъ, носящимся въ воздухѣ.

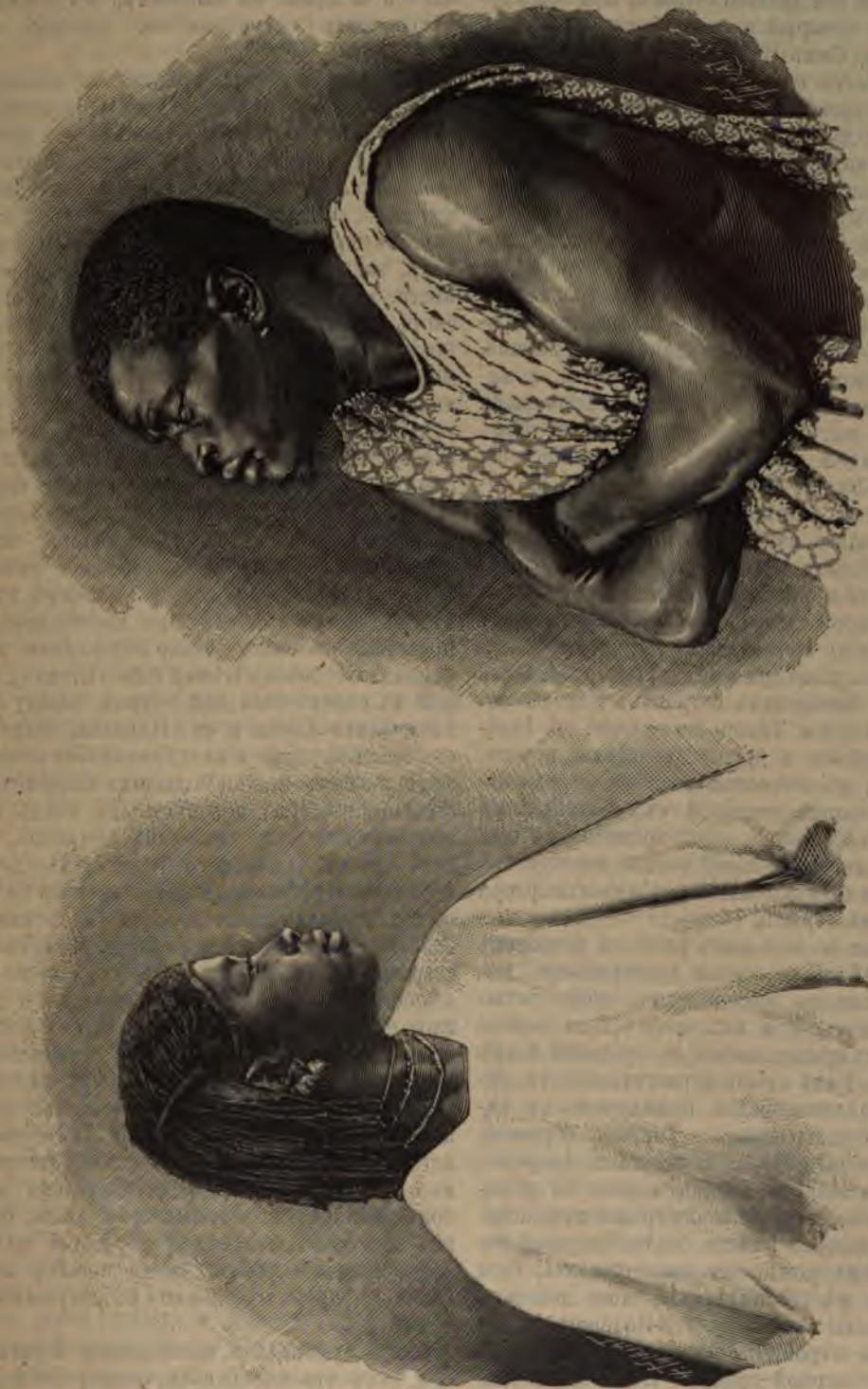
Амплитуда морскихъ приливовъ на берегахъ архипелага измѣняется отъ одного до двухъ метровъ, и въ движеніяхъ водъ замѣчаются большія неправильности, вслѣдствіе столкновенія течений въ устьяхъ проливовъ. Въ то время, какъ между мысомъ Зеленымъ и архипелагомъ того же имени жидкая масса движется въ цѣломъ съ сѣвера на югъ, воды, приходящія отъ Канарскихъ острововъ, направляются, въ среднемъ, къ юго-западу, то-есть къ каналамъ, раздѣляющимъ острова «на вѣтры», св. Антонія, св. Викентія и св. Николая. На противъ, южнѣ этихъ острововъ воды движутся къ юго-востоку, со скоростью отъ 300 до 600 метровъ въ часъ; наконецъ, за цѣпью «Подвѣтренныхъ» острововъ, онѣ снова принимаютъ нормальное направление, то-есть съ сѣвера на югъ, съ средней часовой скоростью въ 1,650 метровъ. Встрѣча течений производить иногда *tarezias*, или маскареты, повышающіе, безъ видимой причины, морской уровень на пять или на шесть метровъ. Особенно часто наблюдали это явленіе въ бухтахъ острова св. Николая и въ портѣ Сальрей, на о. Бона-Виста¹⁾.

Съ точки зреенія санитарной, общія условия климата этого архипелага во многихъ мѣстахъ измѣняются, вслѣдствіе существованія болотныхъ береговъ и лагунъ; такъ на побережье острова св. Іакова, прозваннаго «смертоноснымъ», и другихъ острововъ, господствуютъ *carrapiradas*, или диссентеріи, и болотныя лихорадки, тогда какъ островъ св. Антонія, напротивъ, отличается замѣчательно здоровымъ климатомъ. Отъ самихъ островитянъ зависить, въ

¹⁾ Joaquim da Silva Caetano, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882.

извѣстной мѣрѣ, улучшить или ухудшить климатъ; обезлѣсеніемъ склоновъ они, несомнѣнно, усилили неблагопріятныя условія: скудная растительность все болѣе и болѣе выщипывает-

быстро растутъ на скатахъ горъ, какъ показали результаты сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ насажденій. Кромѣ того, нѣкоторые острова, вадимающіе свои вершины на тысячу

Типы племени йолоффовъ.

ся зубомъ козъ и, вслѣдствіе того, стокъ водъ, и безъ того уже столь рѣдкихъ, становится еще болѣе неправильнымъ. Едва выпадетъ дождь, какъ временные ручьи тотчасъ же уносятъ драгоценную влагу въ море. Впрочемъ, деревья

или на двѣ тысячи метровъ надъ уровнемъ океана, представляютъ въ своихъ верхнихъ долинахъ мѣстности, благопріятныя для устройства санитарныхъ станцій.

Специальная flora острововъ Зеленаго Мыса

еще не была изучена такъ же тщательно, какъ флора другихъ атлантическихъ архипелаговъ. Причина тому — большая отдаленность отъ Европы и трудности, которыми обставлена путешествие въ эти дальниа страны. При томъ же островъ, на который высаживаются почти всѣ иностранцы, Санть-Винцентъ,—самый бѣдный растительностью изъ всѣхъ земель архипелага: на этомъ островѣ есть цѣлые округи, гдѣ не увидишь ни деревца, ни былинки, гдѣ почва сплошь состоитъ изъ голаго камня и вулканическаго пепла. Хотя одна изъ горъ Санть-Винцента носить имя Монте-Верде (Зеленая гора), но вся растительность ея, состоящая изъ кустарника, сводится къ вѣсколькоимъ тамарискамъ: въ 1880 году на островѣ было только два большихъ дерева, да и тѣ чужеземнаго происхожденія,—эвкалипты и финиковая пальма, не приносившая плодовъ¹⁾). Молочай и маленькая лавенда съ круглыми сѣроватыми листьями — вотъ и весь растительный уборъ этой пустынной земли. Три другихъ острова, Саль, Бона-Виста, Майо, имѣютъ такой же голый видъ; но гористыя земли, особенно острова св. Антонія и св. Іакова, представляютъ во многихъ мѣстахъ зеленѣющія долины, благодаря введенію африканскихъ растеній. Кажется, нѣть ни одного дерева, которое бы по своему происхожденію принадлежало архипелагу Зеленаго Мыса: даже драконникъ, говорять, былъ ввезенъ съ Канарскихъ острововъ или съ сѣдняго материка. Теперь на островѣ св. Іакова есть баобабы и другія древесныя породы Сенегамбіи; но, несмотря на свое положеніе подъ одинаковой широтой съ Антильскими островами и Суданомъ, этотъ архипелагъ нигдѣ не представляется въ своей растительности той пышности и блеска, какими отличается флора тропическихъ странъ.

Извѣстныя до сихъ поръ растенія острововъ Зеленаго Мыса, не считая культурныхъ, недавно ввезенныхъ, составляютъ около четырехсотъ видовъ²⁾), и изъ этого числа только шестая часть принадлежитъ къ туземной флорѣ архипелага. Типъ здѣшней растительности, существенно атлантический, примыкаетъ къ типамъ умѣреннаго пояса. Такимъ образомъ острова Зеленаго Мыса, также какъ Азорскіе, Канарскіе и Мадера, являются какъ бы передвижными къ сѣверу, съточки зреѣнія ихъ растительности, которая имѣеть болѣе сѣверный характеръ, чѣмъ можно бы было ожидать, судя по широтѣ мѣста. Канарскіе типы довольно многочисленны въ архипелагѣ Зеленаго Мыса, особенно на островѣ св. Антонія и на другихъ островахъ сѣверной группы. Но большинство чужеземныхъ растеній—африканского континентальнаго происхожденія. Въ этомъ отноше-

нія острова Зеленаго Мыса отличаются отъ Канарскихъ, гдѣ экзотическая flora предсталяетъ большую частью европейскій типъ. Впрочемъ, нѣкоторые средиземные виды встрѣчаются и здесь на высотахъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ острововъ св. Антонія и св. Іакова.

Самобытная фауна архипелага заключаетъ лишь небольшое число видовъ. Обезьяны, живущія только на двухъ островахъ, св. Іакова и Брава, принадлежать къ виду *cercopithecus sabaensis*, свойственному африканскому материкову; дикие кабаны, встрѣчающіеся въ лѣсныхъ чащахъ первого изъ сейчасъ названныхъ острововъ, также не составляютъ особой разновидности, а всѣ другія млекопитающія, домашній скотъ и вредныя животныя, какъ кролики и крысы, были ввезены европейцами. Цесарка, мясо которой туземцы не употребляютъ въ пищу, чрезвычайно распространена, а чайки тучами кружатся надъ берегами и подводными скалами: нѣкоторые островки покрыты толстыми слоями гуano, составляющими богатый запасъ удобрѣнія для земледѣльцевъ сосѣднихъ острововъ. Уолластонъ утверждаетъ, что на островахъ Зеленаго Мыса водятся змѣи, но туземцы отрицаютъ это, и Дельтеръ тщетно искалъ этихъ гадовъ; мѣръ пресмыкающихся представленъ здѣсь только ящерицами и гекконами. Островокъ Бѣлый (*ilheo Branco*), лежащий въ сѣверо-западной группѣ, между островами Санта-Люція и св. Николая, отличается отъ всѣхъ другихъ земель архипелага особенной фауной. Тамъ нашли большихъ ящерицъ (*ta-croscincus coctei*), неизвѣстныхъ нигдѣ, кроме этого островка, и питающихся травой, а не насѣкомыми, какъ ихъ родичи въ другихъ странахъ. Пуффины, птицы, открытые на Бранко членами экспедиціи корабля «Талисманъ»¹⁾), также составляютъ новый видъ. Можетъ-быть, современемъ на этомъ островѣ, еще не вполнѣ обслѣдованномъ, будутъ найдены и другія животныя формы, свойственные ему исключительно. Во всякомъ случаѣ, существование двухъ особенныхъ, оригинальныхъ видовъ въ микрокосмѣ Бѣлого островка составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ естественной исторіи. Эта вулканическая скала, затерянная въ океанѣ, была ли, предпочтительно передъ болѣе обширными землями архипелага, однимъ изъ центровъ жизненной формациіи, или она представляетъ собою, среди новыхъ земель, обломокъ древняго, давно исчезнувшаго материка?

Моря архипелага чрезвычайно богаты рыбой, такъ что иногда сѣти, закинутыя на мель, кишащую живыми существами, за одинъ разъ вытаскиваютъ тысячи особей; почти столь же

¹⁾ C. Doelter, цитированное сочиненіе.

²⁾ Schmidt, „Beiträge zur Flora der Cap-Verdishesen Inseln“; Grisebach, „Végétation du Globe“.

¹⁾ Peigier, „Les explorations sous-marines“;—Parfait, Bulletin de la Société de Géographie de Bocherville, 1883, № 2.

значительно количество организмовъ и въ глубинахъ: такъ, наприм., съ глубины 60 метровъ верша «Талисмана» принесла до тысячи рыбъ и около двухъ тысячъ креветокъ разныхъ породъ. Вообще рыбное богатство этихъ острововъ такъ велико, что его съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе мѣстнаго населенія и на поддержаніе обширной отпускной торговли; но рыболовы должны тщательно сортировать добычу и выбрасывать обратно въ море ядовитыя породы рыбы, которыхъ очень много въ этихъ тропическихъ моряхъ, и между которыми есть очень опасный¹⁾). Острова Зеленаго Мыса отличаются отъ Азорскихъ изумительнымъ богатствомъ своей береговой фауны ракообразныхъ, брюхоногихъ моллюсковъ и раковинъ. Коралль, относительно которого еще не такъ давно господствовало мнѣніе, будто онъ существуетъ только въ Средиземномъ морѣ, и который въ послѣднее время найденъ былъ въ разныхъ частяхъ океана, находится также и на берегахъ острововъ Зеленаго Мыса; рядомъ съ краснымъ каралломъ (*corallium rubrum*), точно такимъ же, какъ сицилійскій, здѣсь живеть другой видъ, *platemocorallium Johnsoni*, бѣлый полипъ, названный такъ изслѣдователями съ корабля «Challenger»²⁾). Ловлей каралла, сдѣлавшейся нынѣ однимъ изъ важныхъ промысловъ края, занимаются неаполитанцы, поселившіеся на островѣ св. Іакова.

По словамъ легенды, португальцы нашли двухъ чернокожихъ туземцевъ, когда высадились на островъ св. Іакова³⁾; Фейхо тоже разсказываетъ, будто негры племени уолофъ, спасаясь бѣгствомъ отъ своихъ враговъ, переплыли море, благодаря течениямъ и бризѣ, и заселили главный островъ. Такое дальнее плаваніе было бы истиннымъ чудомъ, потому что у уолофовъ никогда не бывало никакихъ судовъ, кроме открытыхъ лодокъ, а вѣты и течение въ этихъ водахъ слѣдуютъ въ южномъ направлѣніи; но ни одинъ изъ хроникеровъ, современниковъ открытия этого архипелага, не говорить о жителяхъ, будто бы найденныхъ на Санть-Яго или на другихъ островахъ. Нѣсколько человѣкъ вольныхъ португальцевъ и африканцы-невольники—таковы были первые поселенцы въ архипелагѣ Зеленаго Мыса.

Первые «концессіонеры», которымъ эти острова были пожалованы въ ленное владѣніе, явились сюда, въ 1461 году, въ сопровожденіи нѣсколькоихъ семей добровольныхъ переселенцевъ изъ провинцій Алемтехо и Алгарвіи; но главная масса пришлага люда, поселившагося первоначально на Санть-Яго и на Фого, состояла изъ уолофовъ, фелуповъ, балантовъ, папель и другихъ негровъ, изловленныхъ на со-

сѣднемъ континентѣ. Въ 1469 году торгъ невольниками былъ предоставленъ декретомъ короля Аффонсо V въ исключительную монополію феодальнымъ владѣльцамъ архипелага, вслѣдствіе чего сосѣднее побережье сдѣлалось для этихъ владѣльцевъ территоріей для охоты на человѣка, куда ониѣ здили запасаться невольниками для своихъ плантацій⁴⁾). Вербовка работниковъ была, между прочимъ, причиной того, что конторы португальской Сенегамбіи до самаго послѣдняго времени находились въ административной зависимости отъ архипелага Зеленаго Мыса.

Тропическая жара, отдаленность отъ метрополіи, униженіе труда употребленіемъ на работы невольниковъ и ссыльныхъ, препятствовали развитію собственно португальской иммиграціи въ архипелагѣ, и въ теченіе четырехъ столѣтій, прошедшихъ со временемъ его открытія, единственные бѣлые, являвшіеся на острова, пріѣзжали туда въ качествѣ чиновниковъ и господь. Народонаселеніе архипелага въ 1879 г. этнографически распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

«Сыновъ страны» 92.108; португальцевъ всякоаго племени, европейскихъ и африканскихъ—6.968; иностранцевъ—241.

Заселеніе совершилось преимущественно африканскимъ элементомъ, но смѣщеніе соединило обѣ расы. Населеніе острововъ почти сплошь состоять изъ цвѣтныхъ людей. Чезрѣз брачные союзы бѣлые смѣшались съ «сынами страны», и чернокожіе, благодаря естественному дѣйствію подбора, который особенно благопріятствуетъ бракамъ дѣвицъ-брюнетокъ съ молодыми людьми болѣе свѣтлого цвѣта, постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, приблизились къ бѣлому типу; случается, однако, что вслѣдствіе атавизма нѣкоторые члены смѣшанныхъ семействъ имѣютъ видъ настоящихъ негровъ. Вообще говоря, у островитянъ Зеленаго Мыса, черты лица правильныя, носъ прямой, съ умѣреннымъ горбомъ, волоса слегка курчавые, лицевой уголъ очень открытый. Мужчины отличаются высокимъ ростомъ и гордой осанкой; женщины, по крайней мѣрѣ на Санто-Антоніо, стройны и красивы. Впрочемъ въ этомъ отношеніи замѣчается большая разница между жителями различныхъ острововъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать неравномѣрному смѣщенію крови, различію климата, болѣе или менѣе сильному вліянію европейской цивилизаціи и роду занятій, каковы рыбная ловля, земледѣліе и торговля.

Въ урожайные и вообще благополучные годы народонаселеніе архипелага быстро возрастаѣтъ; перевѣсь рожденій надъ смертными случаями ежегодно составляетъ болѣе тысячи. Въ тридцатилѣтній періодъ, съ 1844 по

¹⁾ Edouard Heckel, „Journal officiel de la RÃ©publique franÃ§aise“, 17 septembre 1878.

²⁾ Perrier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Doepler, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Lopes de Lima, цитированное сочиненіе.

1879 г., население увеличилось более чѣмъ на трети: съ 60.000 цифра жителей поднялась до 100.000. Но сколько разъ засуха и неурожай влекли за собой страшная голодовки! Часто впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ голодная смерть похищала больше человѣческихъ существъ, чѣмъ сколько ихъ нарождалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Голодовка, господствовавшая на островѣ св. Іакова съ 1770 по 1773 годъ, по словамъ Фейхо, унесла въ могилу двѣ трети жителей. Голодовка, продолжавшаяся съ 1831 по 1833 годъ, слѣдовательно, уже въ эпоху, когда эмиграція и привозъ сѣстныхъ припасовъ были гораздо легче, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, погубила, тѣмъ не менѣе, пятую часть остромитянъ. Голодовки 1846, 1864 и 1865 годовъ тоже произвели значительное опустошеніе въ рядахъ населения: всякий разъ, когда ожидаемые дожди не приходятся освѣжить почву, передъ остромитянами встаетъ грозный призракъ голода. Демографическая колебанія, произведенныя эпидеміями, были почти столь же значительны, какъ и убыль населения, причиненная голодовками. Такъ, холера, которая пронеслась, какъ всепожирающее пламя, надъ островомъ св. Николая, оставила за собой нѣсколько поселеній совершенно опустѣвшихъ; трупы умершихъ по нѣскольку дней валялись безъ погребенія на улицахъ города, и до сихъ поръ еще показываютъ дома, въ которыхъ всѣ обитатели вымерли отъ холеры, и которые стоятъ пустыми со времени эпидеміи.

Всѣ туземцы архипелага Зеленаго Мыса называютъ себя католиками и считаются та-ковыми: обрядъ крещенія ввелъ ихъ въ лоно церкви. Каждый островъ имѣтъ свои храмы и свое духовенство, состоящее по большей части изъ цвѣтныхъ людей, которымъ туземцы отдаютъ предпочтеніе за то, что цвѣтные пастыри не стѣсняютъ ихъ въ исполненіи языческихъ обрядовъ, занесенныхъ изъ Африки. И теперь еще многие изъ остромитянъ вѣрятъ, что колдуны, *feiticeiros*, могутъ дѣлаться невидимками, отравлять воздухъ и источники, поражать болѣзнями растенія, животныхъ и людей. Противъ ихъ фатальной силы прибегаютъ къ помощи «знахарей», *cirandeiros*, иногда болѣе страшныхъ, чѣмъ сами колдуны. На Санть-Винцентѣ все болѣе и болѣе прививаются европейскія понятія и нравы, но на другихъ островахъ, особенно на Санть-Яго, гдѣ негры менѣе смѣшаны съ бѣлымъ элементомъ, сохранились еще многие обычай Африки. Такъ, напримѣръ, новобрачная принимаетъ къ себѣ супруга лишь послѣ притворнаго завоеванія ея силой: молодой трижды подползаетъ къ брачному дому, но каждый разъ принужденъ ретироваться послѣ притворной битвы; въ четвертый разъ онъ, наконецъ, одерживаетъ верхъ, обращаетъ въ бѣгство всѣхъ защитниковъ не-

вѣсты, и побѣду его торжествуютъ радостными криками, стрѣльбой, бросаниемъ петардъ, музыкой и пляской. На похоронахъ, особенно, когда смерть приписывается штукамъ колдуна, соблюдаются традиціонныя церемоніи *guisa*: впереди погребальной процессіи шествуетъ кортежъ плакальщиковъ; женщины рвутъ на себѣ волосы, мужчины бьютъ въ барабаны; затѣмъ прославляются добродѣтели покойника на похоронномъ шествіи. Въ домѣ, посѣщенномъ смертью, впродолженіи одной или нѣсколькихъ недѣль послѣ погребенія, каждую ночь раздается барабанный бой въ память усопшаго.

Также какъ въ другихъ атлантическихъ архипелагахъ, на островахъ Зеленаго Мыса преобладаетъ крупная земельная собственность: за исключеніемъ Дикаго острова (Брава), земледѣлецъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обрабатываетъ свою собственную почву. Многія имѣнія такъ велики, что владѣлецъ не знаетъ даже границъ своихъ земель и тѣмъ болѣе не можетъ вести на нихъ хозяйство. Обширныя пространства лежатъ безъ употребленія, вдали отъ всякаго жилья. Впрочемъ, есть еще много имѣній, владѣльцы которыхъ не въ состояніи доказать документами принадлежность имъ земли: ихъ право собственности основано единственно на преданіи. Цѣлая треть Санть-Яго, самаго большаго и населеннаго изъ острововъ этого архипелага, принадлежитъ одному лицу, у которого насчитывается до трехъ тысячъ арендаторовъ и работниковъ; всѣ ирригационныя воды монополизированы крупными имѣніями. Впрочемъ, право владѣнія земельной собственностью, которое въ силу новыхъ, недавно изданныхъ узаконеній, можетъ быть свободно передаваемо, не составляетъ привилегіи бѣлой расы; путемъ наслѣдованія эта собственность постепенно перешла отъ первыхъ бѣлыхъ концессіонеровъ къ ихъ потомкамъ смѣшанной породы, такъ что теперь земли архипелага большою частю принадлежатъ цвѣтнымъ людямъ, сыновьямъ или внукамъ матерей-невольницъ. Хотя рѣшительныя мѣры, направленныя къ отмѣнѣ рабства, относятся къ сравнительно недавнему времени, къ концу пятидесятыхъ годовъ этого столѣтія, а послѣдний невольникъ острововъ исчезъ только въ 1876 г., между остромитянами существуетъ полное соціальное равенство. Нѣкоторое число осужденныхъ или *degradados* (лишенныхъ правъ состоянія) по приговорамъ уголовнаго суда присыпается изъ метрополіи въ архипелагъ, за исключеніемъ острова св. Винцента: въ 1878 году такихъ ссыльныхъ насчитывалось около сотни.

Въ первыя времена оккупациіи, острова утилизировались только для цѣлей скотоводства. Скотъ,пущенный на подножный кормъ, коровы, овцы, козы, свиньи,—быстро размножался, особенно козы, которые даютъ при-

плодъ до трехъ разъ въ годъ, каждый разъ по два ио или три дѣтеныша. Первые поселенцы, какъ невольники, такъ и свободные люди, не знали другаго занятія, кромѣ какъ пасти стада да охотиться на одичавшихъ животныхъ, что- шестнадцатаго столѣтія, ихъ уже начинаютъ обратно вывозить, для продажи, на соседній континентъ. Эти лошади, незнакомыя съ подковами, забираются по скаламъ, какъ козы, вѣрнымъ и неутомимымъ шагомъ. Ослы, про-

Типы тукулеровъ.

бы запастились шкурами и мясомъ, которое они разрѣзывали на длинныя пластинки и сушили на солнцѣ. Лошади, первоначально привезенныя изъ земли Мандинговъ, быстро размножались здѣсь, какъ и прочій скотъ, и съ половины

исходящіе изъ Португаліи, походятъ на своихъ родичей въ метрополіи и употребляются почти исключительно для перевозки товаровъ. До большаго неурожая 1831—33 г. въ гористыхъ мѣстностяхъ острововъ бродили дикіе ослы,

которыхъ охотники ловили для продажи плантаторамъ Антильскихъ острововъ; но во время голодовки на нихъ стали охотиться, какъ на дичь, а тѣ, которые не были съѣдены, погибли отъ жажды, и такимъ образомъ порода ихъ была окончательно истреблена. Кролики, введенныя на островъ св. Іакова и причинявшия много вреда посѣвамъ, тоже подверглись преслѣдованію, продолжавшемуся до полнаго ихъ истребленія. Въ это послѣднее время скотоводство снова получило важное значеніе въ ряду промысловъ архипелага, особенно на островахъ св. Антонія и св. Николая, снабжающихъ корабли бойнымъ скотомъ.

При видѣ оголенныхъ горъ Санть-Винцента, гдѣ высаживается большинство путешественниковъ, эти послѣдніе могутъ подумать, что почва острововъ Зеленаго Мыса совершенно бесплодна, и что никакое земледѣліе на нихъ невозможно. Но такое заключеніе было бы ошибочно: напротивъ, какъ только выпадутъ дожди, земля покрывается растительностью, а вулканические обломки и пепель, изъ которыхъ состоитъ здѣшняя почва, отлично родятъ и сообщаютъ всѣмъ произведеніямъ превосходныя качества. Однако, земледѣлія въ прямомъ смыслѣ до недавнаго времени почти не существовало, и главный предметъ сбора составлялъ орсель, красильный мохъ, растущій на скалахъ: онъ давалъ португальской казнѣ, какъ правительственная регалія, ежегодный доходъ въ суммѣ около полумилліона франковъ. Между земледѣльческими произведеніями главную роль играютъ, разумѣется, тѣ, которые служатъ для продовольствія жителей: маніокъ, кукуруза, турецкіе бобы; но островитяне занимаются также культурой растеній для вывоза за границу. Такъ, островъ Фого производить «троическое вино»; островъ св. Антонія поставляетъ на всемирный рынокъ кофе, который по качеству считается однимъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ (въ 1879 г. отпускъ кофе составлялъ 112.975 килограммовъ); табакъ, производимый первымъ изъ сейчасъ названныхъ острововъ, тоже высоко цѣняется; также и сахарный тростникъ даетъ превосходный продуктъ. Первое мѣсто между промышленными растеніями, воздѣлываемыми на островахъ Зеленаго Мыса, особенно на островѣ св. Іакова, занимаетъ одно изъ молочайныхъ, *jatropha curcas* (рвотный орѣшникъ черный), обыкновенно называемое *rigueira*, или «врачебница», за его сильно-дѣйствующія свойства. Европейская фармакопея отказалась отъ употребленія этого лѣкарственного снадобья, какъ средства, представляющаго большую опасность отравленія: теперь употребляютъ только для промышленныхъ цѣлей сѣмена и масло ятрофы. Чтобы получить экономическая свѣчи, туземцы панизываютъ эти сѣмена на соломенку. Архипелаг Зеленаго Мыса является почти един-

ственнымъ производителемъ зеренъ рвотнаго орѣшника, которымъ составляютъ, по цѣнности, около половины всей его отпускной торговли; такъ, общій вывозъ въ экономическомъ 1879—80 г.: 1.650.000 франк.; вывозъ сѣмянъ ятрофы: 800.000 франк.; количество ятрофы, вывезенное въ 1878—79 году: 4.653 тонны.

Ятрофа растетъ на самыхъ бесплодныхъ земляхъ, что представляетъ немаловажную выгода въ странѣ, гдѣ недостатокъ дождевой воды часто влечетъ за собой недородъ другихъ посѣвовъ¹⁾; очевидно, слѣдовало бы засѣять этимъ неприхотливымъ и прибыльнымъ растеніемъ всѣ невоздѣланныя пространства, а между тѣмъ общая площадь плантаций ятрофы не превышала 34 гектаровъ въ 1880 году. Понятно, что земледѣліе не можетъ дѣлать быстрыхъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ еще недавно распашка не дозволялась большинствомъ помѣщиковъ, какъ вредящая, будто бы, плодородію почвы.

Промышленность въ собственномъ смыслѣ мало развита въ этомъ архипелагѣ; нѣкоторое значеніе имѣютъ только на островѣ св. Николая—производство бумажныхъ матерій, сбываемыхъ негритянскимъ населеніемъ сосѣдняго материка, и на Дикомъ островѣ (Брава)—тканье шерстяныхъ одѣялъ, которая распускаются нарасхватъ, и плетеные кружевы. Но островитяне отличаются коммерческимъ духомъ; каждое селеніе имѣетъ свои лавки, и между отдѣльными островами существуютъ постоянныя торговыя сношенія. Земледѣльческие острова посыпаютъ свои произведенія другимъ землямъ архипелага; Бона-Виста, Саль, Майо отправляютъ въ другія части архипелага соль, песчаникъ, козы кожі; островъ св. Антоніо снабжаетъ лѣсомъ и водой своего сосѣда, островъ Санть-Винцента. Что касается международной торговли, то она почти вся сосредоточена въ Порто-Гранде, на островѣ св. Винцента. Черезъ этотъ пунктъ архипелагъ присоединяется къ торговому и умственному движению всего свѣта: черезъ Порто-Гранде проникаетъ къ чернокожимъ островитянамъ европейская культура.

Санто-Антоніо, большой островъ почти правильной четырехугольной формы, которымъ начинается на сѣверо-западѣ полуругъ островъ Зеленаго Мыса, можно назвать привилегированной землей архипелага. Образуя высокий хребетъ горъ, ось котораго направлена съ сѣверо-востока на юго-западъ, онъ обращенъ своимъ сѣверо-западнымъ фасомъ къ пассатнымъ вѣтрамъ, которые въ этихъ областяхъ почти всегда отклоняются къ материку: оттого эта покатость получаетъ достаточную долю атмосферной влаги, такъ какъ облака скопляются

¹⁾ Henrique d'Arpoare, „Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa“, 1882.

съ этой стороны горъ въ значительномъ количествѣ. Растительность въ долинахъ очень обильна; населеніе, численность котораго, впрочемъ, быстро возрастаетъ, могло бы удвоиться или утроиться безъ истощенія земледѣльческихъ ресурсовъ страны; если голодовка 1831—33 годовъ похитила такъ много жертвъ, то это потому, что верхнія, хорошо орошенныя долины тогда были еще не воздѣланы. Но другая покатость острова, лежащая не на пути влажныхъ вѣтровъ, почти совершенно лишена зелени: тамъ повсюду видишь только черные камни, красную глину да бѣлую пемзу, похожую издали на полосы снѣга. Конусы съ кратерами, разсыпанные во всѣхъ частяхъ острова, такъ же многочисленны, какъ горки изверженія на склонахъ Эtnы: съ палубы корабля, плывущаго изъ Европы, когда онъ огибаетъ сѣверо-восточный мысъ островъ св. Антонія, чтобы войти въ портъ Сантъ-Винцента, видно болѣе двадцати вулкановъ, стоящихъ на этомъ мысу. Самая высокая гора острова—«Пикъ Короны» (Toro da Coroa), на вершинѣ котораго тоже открывается кратеръ, на высотѣ 2.253 метровъ (по морскимъ картамъ) и которымъ оканчивается на западѣ становой хребетъ. Бока горной цѣпи изрѣзаны глубокими оврагами, и западнымъ своимъ скатомъ Пикъ Короны спускается прямо къ морю; но на востокѣ и на югѣ онъ господствуетъ надъ обширнымъ плоскогорьемъ (средняя высота 1.630 метровъ), гдѣ во множествѣ разсыпанны вулканическіе конусы, то по одиночкѣ, то группами или рядами одни въ видѣ «котла», круглого или овального, съ цѣльными краями, другіе съ кратеромъ, разломаннымъ съ одной стороны. Даже съ главной вершины, откуда взоръ обнимаетъ всю эту толпу вулкановъ, невозможно сосчитать ихъ числа,—такъ тѣсно скучены они на этомъ плато изверженія. Геологъ Дельтеръ полагаетъ, что эта высокая равнина есть не что иное, какъ бывшее дно кратера: Пикъ Короны—это второй Везувій внутри своей обширной кругообразной Соммы, отъ которой еще сохранилась разорванная окружность; изверженія совершили измѣнили первоначальный видъ гигантскаго вулкана¹⁾.

Колонизація на этомъ островѣ, самомъ отдаленному отъ материка, началась сравнительно поздно, и на первыхъ порахъ ограничивалась введеніемъ невольниковъ. Первые европейскіе поселенцы появились здѣсь только въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; въ числѣ ихъ были и канарійцы, которые съ полнымъ успѣхомъ сдѣлали попытку посѣва пшеницы на высокихъ склонахъ горъ. Съ 1780 года невольники на Санто-Антоніо были объявлены свободными, но декретъ объ этомъ остался мертвой буквой, такъ какъ никто не

обращалъ на него вниманія, и честь фактической амансипаціи негровъ принадлежитъ уже другому поколѣнію²⁾). Чистые негры очень рѣдки на этомъ островѣ: почти все его населеніе состоитъ изъ цвѣтныхъ людей, между которыми встрѣчаются субъекты съ очень темной кожей, но съ блокурыми волосами и голубыми глазами³⁾). Женщины, по словамъ Дельтера, имѣютъ большой численный перевѣсъ надъ мужчинами въ расѣ населенія св. Антонія. Жители этого острова группируются въ нѣсколькихъ селеніяхъ прибрежья, преимущественно въ долинахъ сѣверо-восточного берега и въ городкѣ Рибейра-Гранде, который тщетно пытались взять, въ 1711 году, французы подъ начальствомъ Дюге-Труэнза. На сосѣднихъ горахъ, между 900 и 1.200 метрами высоты, въ новѣйшее время начали разводить хинное дерево, и этотъ опытъ удался какъ нельзя лучше; въ 1882 году, нарождающейся хинный лѣсъ содержалъ уже около тысячи деревьевъ³⁾.

Островъ Санть-Винцентъ, или св. Викентія, географически составляетъ какъ бы часть Санто-Антоніо. Закрытый этой болѣе обширной и болѣе высокой землей, онъ почти круглый годъ не видитъ дождя, а иногда на немъ господствуетъ полнѣйшая засуха: на всемъ островѣ существуетъ только одинъ или два скучныхъ источника и только одна долина, где возможна хоть какая-нибудь земледѣльческая культура. Неудивительно поэтому, что въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ столѣтій со временеми открытия архипелага португальцами не было сдѣлано ни одной попытки заселенія этого острова; только въ 1795 году здѣсь поселились первые колонисты, да и то не по собственному желанію: это были негры-невольники и бѣлые ссыльные; въ 1829 году населеніе острова доходило до 120 человѣкъ. Однако, не безъизвѣстно было, что Санть-Винцентъ обладаетъ лучшимъ въ архипелагѣ портомъ: это бывшій кратеръ, въ которомъ волны пробили западную стѣну; онъ совершенно защищенъ отъ вѣтровъ западнаго, южнаго и восточнаго, а массивный высокій островъ св. Антонія прикрываетъ его отъ вѣтровъ сѣвернаго и сѣверо-западнаго; сильные штормы, врывающіеся въ проливъ, проносятся въ открытомъ морѣ, не проникая въ портъ.

Будущая торговая важность острова св. Викентія была предвидѣна уже въ 1851 году, когда одинъ англійскій нѣгоціантъ устроилъ тамъ складъ угля для проходящихъ пароходовъ. На восточномъ берегу порта стоитъ маленький городокъ, который хотѣли было возвести на степень столицы архипелага,—Миндэлло, болѣе известный подъ именемъ Порто-Гранде,

¹⁾ Travassos Valdez, „Africa occidental“.

²⁾ Lopes de Lima, цитированное сочиненіе.

³⁾ Manuel Bordalo Pinheiro, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1883.

или подъ именемъ самого острова. Это очень печальный городъ, безъ деревьевъ, безъ фонтановъ и ключей, такъ что жители принуждены пить дистиллированную морскую воду и прѣсную воду, привозимую на баркахъ съ острова св. Антона; но здѣсь сосредоточивается теперь почти вся торговля архипелага Зеленаго Мыса, и океанскіе пароходы сотнями заходятъ въ портъ Санть-Винцента возобновлять запасы угля. Въ 1880 г. уже пятнадцать компаний трансатлантическаго пароходства посылали свои суда попутно въ этотъ портъ. Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя, относящіяся къ размѣрамъ виѣшней торговли архипелага въ движенію судоходства въ Порто-Гранде:

Обороты заграничной (специальной) торговли архипелага въ 1896 году:

Привозъ—9.000.000 франковъ; вывозъ—2.250.000 франковъ.

Движеніе судоходства въ Порто-Гранде (Минделло) въ 1880 г.:

1.084 парохода, 392 парусн. судна, 440 кабот. суд., 670 берег. ланчей; общій тоннажъ—1.560.000 тоннъ.

Первое мѣсто во виѣшней торговлѣ архипелага Зеленаго Мыса, принадлежавшее прежде Соединеннымъ Штатамъ, теперь занимаютъ англичане, привозящіе уголь въ портъ Санть-Винцента: хотя арматоры этого острова обладаютъ нѣсколькими кораблями, однако участіе Португалии въ торговомъ обмѣнѣ ея собственной колоніи гораздо меньше, чѣмъ участіе другихъ націй. Минделло—городъ международный, гдѣ господствуетъ англійскій языки: число иностранцевъ, перебывающихъ въ немъ въ теченіе года, въ двадцать разъ превышаетъ цифру мѣстнаго населенія (высадившихся пассажировъ въ 1880 г.: 76.000). Санть-Винцентъ есть также промежуточная станція подводного телеграфа между Лиссабономъ и Фернамбуко.

Къ востоку отъ этого острова, сборнаго пункта пароходовъ Атлантики, слѣдуютъ одинъ за другимъ островъ Санта-Люція, гдѣ можно встрѣтить только пастуховъ, кочующихъ со своими стадами, затѣмъ пустынныя скалы—островки Бранко (Бѣлый) и Рazo (Гладкій). Далѣе идетъ большая земля св. Николая, которая уже около половины прошлаго столѣтія была «густо населена». Въ апоху первой народной переписи, сообщаемой ея лѣтописями, въ 1774 году, она имѣла 13.500 жителей, больше, чѣмъ сколько имѣеть ихъ въ наше время. Немногіе острова испытывали столько бѣдствій, какъ Савъ-Николау, бѣдствій, слѣдовавшихъ одно за другимъ,—голодовка, желтая лихорадка, холера. Цифра населенія этого острова значительно колебалась, въ зависимости отъ ряда лѣтъ благополучныхъ или несчастливыхъ; въ нормальное время рождаемость много превышаетъ смертность.

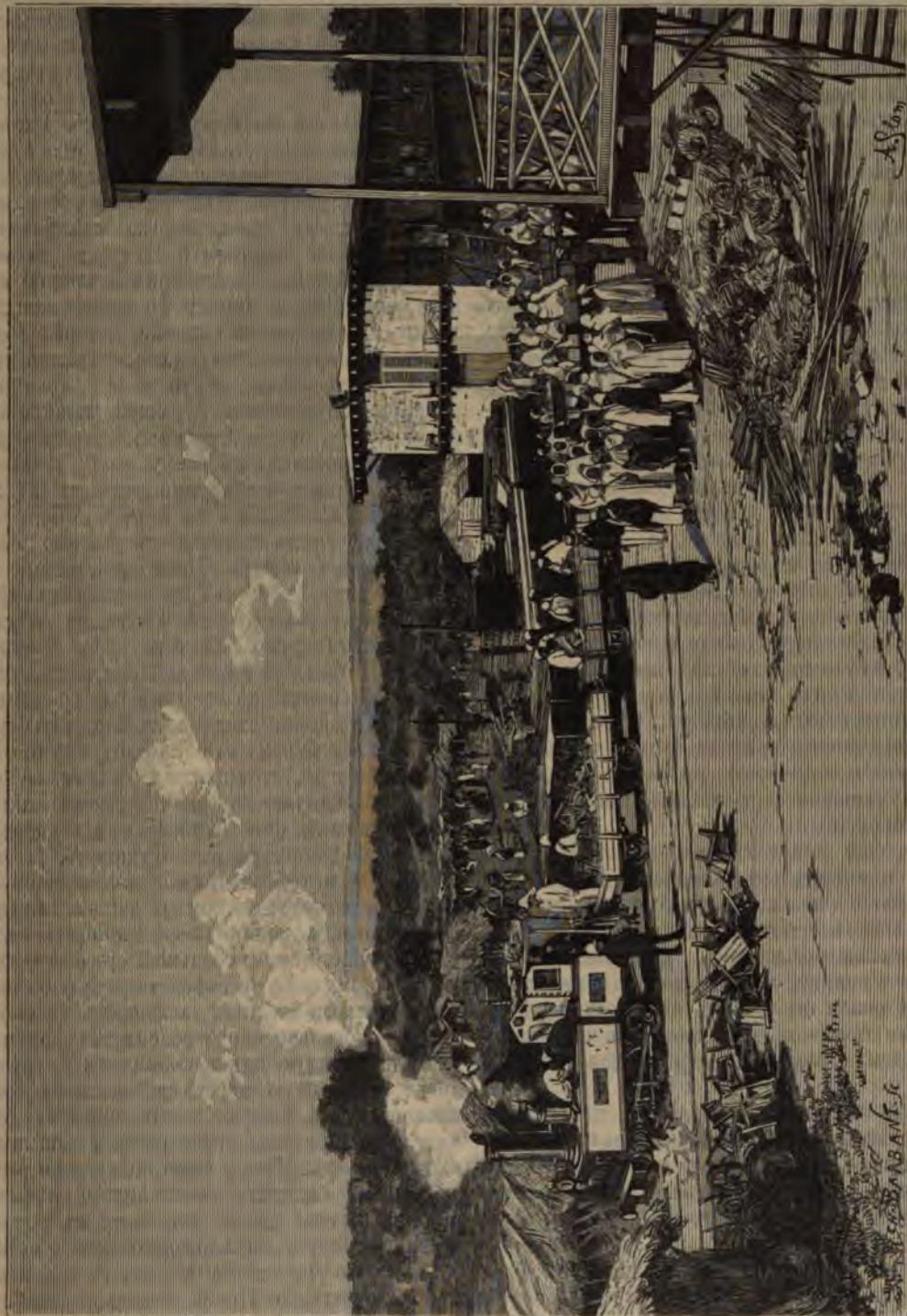
Островъ св. Николая имѣеть форму неправильного полумѣсяца, выставившаго одинъ изъ своихъ роговъ на востокъ, другой на югъ. Подобно всѣмъ островамъ Зеленаго Мыса, онъ усеянъ вулканическими скалами, отдельными конусами или сплошными формациами. Самая высокая вершина, Монте-Гордо, поднимающаяся на 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря (на 300 метровъ выше горъ Санть-Винцента), находится въ сѣверной части острова. Это центръ всего архипелага, такъ какъ съ верхней площадки горы, куда легко взобраться, даже на конѣ, можно, въ ясную погоду, обнять взоромъ весь кругъ острововъ, отъ Санто-Антоніо до вулкана Фого: ни съ какого другаго пункта архипелага не открывается взорамъ подобная панорама¹⁾. На южномъ склонѣ горы Гордо бѣть обильный ключъ, но воды его, еще не перехваченные, теряются въ вулканическихъ шлакахъ. Точно также многіе другие источники острова пропадаютъ безъ пользы, оттого, что къ нимъ нѣтъ доступа по неимѣнію дорогъ. Недостаткомъ путей сообщенія объясняется также и тотъ фактъ, что мелкія каботажныя суда обѣгаютъ бухты здѣшняго побережья: въ большей части этихъ бухточекъ не найдешь ни лодки, ни жилья на берегахъ. Первый главный пунктъ этого острова находился на оконечности южнаго мыса, при портѣ Лала; но со временемъ присоединенія Португалии къ королевству Филиппа II испанскаго онъ былъ покинутъ и замѣненъ вынѣшнимъ городомъ, называемымъ Рибейра-Брава, или «Дикая рѣчка», отъ ручья, впадающаго въ юго-восточную бухту острова. Несмотря на то, что въ этой части прибрежья иногда свирѣпствуютъ лихорадки, почти половина жителей острова скучена въ Рибейра-Брава: этотъ послѣдній сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ архипелага и, благодаря своему центральному положенію, былъ выбранъ въ 1867 г. какъ мѣстопребываніе лицей, высшаго учебнаго заведенія провинціи. Рибейра-Брава—самый дѣятельный каботажный портъ для внутренней торговли архипелага; онъ вывозитъ кукурузу, маніокъ, сахаръ; производство же кофе, прежде весьма значительное, теперь совершенно прекратилось. Непосредственно съ Лиссабономъ не существуетъ никакихъ торговыхъ сношеній. Почти все мануфактурные издѣлія и иностранные товары получаются изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ Англіи черезъ островъ Санть-Винцентъ.

Два острова, составляющіе восточную группу архипелага Зеленаго Мыса, Соляной (ilha de Sal) и Бона-Виста, имѣютъ почти сахарскій климатъ и очень рѣдко населены. Первый изъ нихъ, хотя занимающій пространство около

¹⁾ Joaquim da Silva Caetano, „Boletim de Sociedade de Geografia de Lisboa“, № 5, 1882.

300 километровъ, оставался незаселеннымъ со временем открытия до 1807 г.: только въ этомъ году нѣсколько невольниковъ съ Бона-Виста были посланы со стадами на Соляной островъ.

«льдами, вѣнчающими Алпы», привлекло, наконецъ, спекуляторовъ; выкопали цистерны для собирания дождевой воды, и вокругъ мѣста добыванія соли возникли промышленные колоніи.

Станція Кайась.

Колонизація въ собственномъ смыслѣ началась лишь съ 1830 года. Недостатокъ прѣсной воды былъ до этого времени главнымъ препятствиемъ къ заселенію острова, но превосходное качество и обилие соли, пласты которой сравнивали съ

Желѣзная дорога, построенная въ 1835 году, отъ главной салины къ морю, была первымъ рельсовымъ путемъ на португальской территории; вагончики съ парусами, подталкиваемые правильнымъ вѣтромъ, дующимъ въ этихъ стра-

нахъ, спускаются къ морскому берегу, откуда приводятся обратно на мѣсто грузки при помощи муловъ или бечевой. Вывозъ соли въ 1879 году составлялъ 22.680 тоннъ.

Островъ Санть-Кристоваль, называемый съ конца пятиадцатаго столѣтія Бона-Виста, не заслуживаетъ своего имени: какъ и Соляной островъ, онъ не высокъ; деревья на немъ рѣдки, пески, «пришедши изъ Сахары», какъ говорятъ туземцы, образуютъ рядъ дюнъ; нѣть ни рѣчекъ, ни ручьевъ; и наконецъ, самые подходы, усыпанные подводными камнями, опасны для судовъ. Впрочемъ, населеніе острова никогда не было многочисленно: Первые концессіонеры пустили сюда скотъ, среди которого ежегодно производилось избиеніе извѣстнаго количества головъ; скотоводство, хотя скотъ ѳдѣль мелкій и тощій, составляетъ и до сихъ поръ, вмѣстѣ съ разработкой соляныхъ копей, главный промыселъ островитянъ. Главный городъ, Сальрей, во всякой другой странѣ приобрѣть бы важное значеніе, такъ какъ суда находить ѡдѣль безопасное пристанище, защищенное отъ всѣхъ вѣтровъ полуостровомъ и островкомъ. Лопесь-де-Лима предлагалъ помѣстить ѡдѣль столицу архипелага; это въ самомъ дѣлѣ—наиболѣе центральная позиція, какую только можно выбрать. Бона-Виста изъ всѣхъ острововъ Зеленаго Мыса имѣть въ средѣ своего населенія сравнительно наибольшее число бѣлыхъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ и пополняются ряды чиновниковъ, служащихъ и таможенныхъ досмотрщиковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ американскіе корабли не приходятъ больше на этотъ островъ за грузами соли, населеніе его уменьшилось, и соляные промыслы частью заброшены.

Майо, еще менѣе населенный, чѣмъ Бона-Виста, и поверхность котораго почти вездѣ представляетъ пески, глину, голые камни, служить мѣстомъ ссылки; жители его, негры, занимаются скотоводствомъ, разработкой прибрежныхъ салинъ, ловлей рыбы въ бухточкахъ; оги рисковали бы умереть съ голода, если бы сѣйственные припасы не привозились имъ съ сѣйней земли, большаго острова Санть-Яго.

Самый обширный и наиболѣе населенный изъ острововъ Зеленаго Мыса, Санть-Яго или «св. Іакова», счастливо отличается отъ трехъ восточныхъ острововъ архипелага плодородiemъ и хорошей обработкой его долинъ: кукуруза, фасоль, рисъ, инъямъ, бананы, апельсины, сахаръ—таковы главныя произведения этой благодатной земли. Поверхность острова гориста, и около средины его стоитъ Пико-да-Антоніа—или Антоніо, въ память мореплавателя, открывшаго островъ,—полуразрушенный вулканъ высотой около 1.800 метровъ, круто спускающійся къ югу. Впрочемъ, какъ показали промѣры, сдѣланные для укладки телеграфного

кабеля, скать острова еще круче подъ водой, чѣмъ въ выступающей изъ моря части; на разстояніи семи съ небольшимъ километровъ отъ берега лотъ достаетъ дно морское лишь на глубинѣ 2.350 метровъ¹). Часть лавъ Санть-Яго—подводнаго происхожденія: между веществами, извергнутыми вулканами, находятся слои бѣловатого известияка, смѣшанного съ черной лавой²).

Отъ прежней столицы острова св. Іакова и всего архипелага осталось только имя Рибейра-Гранде. Мѣстоположеніе ея представляло большия неудобства, хотя она стояла на берегу каменистаго ложа, иногда смачиваемаго дождями, отъ которого и получила название «Большой Рѣки». Выставленная полной силы полуденного зноя, никогда не освѣжаемая прохладными сѣверными вѣтрами, которые задерживаются внутренними горами, открытая вреднымъ испареніямъ окружающей низменной равнины, не имѣвшая хорошей, защищенной отъ волненія, якорной стоянки, Рибейра-Гранде была, вдобавокъ ко всему этому, легко доступна непріятельскому нападенію: въ 1712 г. французы высадились на берегъ, взяли крѣпость приступомъ и почти совершенно разрушили самый городъ. Несмотря, однако, на этотъ погромъ, Рибейра-Гранде сохранила официальный титулъ столицы и служила резиденціей губернатору до 1770 года, когда главнымъ городомъ была назначена Вилла-да-Прайя, тоже нездоровая, но съ тѣхъ поръ ассенированная. Эта новая столица, лежащая на берегу полукруглой бухты, гдѣ иногда, именно при южномъ вѣтрѣ, стоянка для судовъ не безопаснa, раскинула свои низкіе, пестрѣющіе яркими красками, дома на площади изъ древнихъ лавъ, выливавшихся изъ вулкановъ, высотой около 200 метр., которые ограничиваютъ сѣверный горизонтъ; двѣ крутыя дороги, высѣченныя въ скалѣ, поднимаются съ берега къ городу. Прайя имѣть небольшой музей естественной исторіи, даже метеорологическую обсерваторію, и, какъ столица, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ довольно многочисленную колонію бѣлыхъ, состоящую изъ чиновниковъ и другихъ лицъ; но главную массу ея населенія составляютъ негры, которые частію сохранили отличительные признаки своей расы и свои первобытные нравы. Между ними еще можно встрѣтить много бывшихъ невольниковъ, припоминающихъ годы своей молодости въ родномъ племени. Часто возбуждался вопросъ о переведѣ главнаго управлѣнія острова въ какой-либо другой городъ; но Прайя имѣть за себя преимущество совершившагося факта и выгоды, которая ей даетъ положеніе на главномъ островѣ, заключающемъ двѣ пятыхъ всего населенія.

¹⁾ Ernesto de Vasconcellos, рукописныя замѣтки.

²⁾ Charles Darwin, „Volcanic Islands“.

левія архипелага и доставляющемъ двѣ трети его произведеній; въ 1885 г. въ этомъ городѣ издавалось шесть газетъ. Прайя—станція острововъ Зеленаго Мыса, черезъ которую Сен-Луи и Сенегамбія соединены съ телеграфной сѣтью Европы и Новаго Свѣта.

Движеніе судоходства въ портѣ Прайя въ 1880 году: прибыло 362 судна, въ томъ числѣ 61 пароходъ, вмѣстим. 71.685 тоннъ; вышло: 326 судовъ, въ томъ числѣ 61 пароходъ, вмѣстим. 68.213 тоннъ; всего: 688 судовъ, изъ нихъ 122 парохода, вмѣстим. 139.898 тоннъ.

Въ сосѣдствѣ съ берегами Прайя, именно около Рибейра - Гранде, находятся главныя ловли коралловъ, которую занимаются итальянцы, переселившіеся изъ Бареджіо. Итальянская колонія въ Прайя насчитываетъ въ своей средѣ болѣе двухсотъ лицъ.

Островъ Фого, или «Огненный», слѣдующій за Санть-Яго въ ряду «Подвѣтренныхъ» острововъ, представляетъ округленную форму, свойственную землѣмъ, которыя, какъ Грань-Канарія и Гомера, состоять изъ одного только массива изверженія: подобно этимъ двумъ канарскимъ островамъ, онъ имѣть немного выемчатые края на западѣ, то-есть на той сторонѣ, откуда приходитъ самыя сильныя бури, и въ центрѣ его, на плато изъ лавы, стоитъ самая высокая вершина, вулканъ Фого. Кратеръ этой горы, около 5 километровъ въ окружности, вписанъ въ другой кратеръ, какъ пикъ де-Тейде въ полукругъ Каньядѣ: по Видалю и Меджу, высота верхняго пика Фого 2.976 метровъ. Онъ виденъ съ разстоянія до полутораста километровъ въ морѣ.

Этотъ островъ, первоначально наименованый мореплавателемъ Антоніо-ди-Ноли островомъ св. Филиппа, только въ 1680 году получилъ отъ испуганныхъ жителей название «Огненнаго», Ilha do Fogo: землетрясеніе, затѣмъ изверженія вулкана нагнали такой страхъ на колонистовъ, что многіе изъ нихъ уѣзжали на Дикий Островъ. Бюффонъ разсказываетъ даже, хотя это невѣрно, что въ то время островъ св. Филиппа былъ совершенно покинутъ населеніемъ¹⁾). Такъ же страшны были послѣдующіе вулканические пожары на Фого, особенно изверженія 1785 и 1799 годовъ, когда вылились огромные потоки лавы, доходившіе до самаго моря, такъ что въ тѣхъ мѣстахъ даже измѣнилась форма побережья: одинъ изъ этихъ потоковъ, называемый Рельва, залилъ долину, которая была покрыта великолѣпными плантациями; впрочемъ, вслѣдствіе вывѣтривания шлаковъ, поверхность его, въ свою очередь, постепенно покрылась слоемъ растительной земли, которая теперь производить лучшій въ архипелагѣ табакъ²⁾. Остатокъ дѣятельности

сохранился въ вулканѣ до 1816 года, когда дымъ окончательно исчезъ, и молодые люди могли спуститься во внутренность кратера, для собирания сѣры. Но если жителямъ Фого не случилось болѣе въ этомъ столѣтіи терпѣть отъ землетрясеній и вулканическихъ изверженій, то они чаще другихъ островитянъ Зеленаго Мыса страдали отъ засухъ и неурожаевъ. Говорятъ, что во время голодовки 1834 года населеніе уменьшилось почти на двѣ трети: цифра его, передъ тѣмъ превышавшая 16.000, спустилась до 5.615 душъ; однако, плодородіе вулканическаго пепла такъ велико, и произведенія, которыя онъ даетъ, имѣютъ такую высокую цѣну, что послѣ каждого подобнаго бѣдствія пробѣлы, оставленные имъ въ рядахъ населенія, пополняются, и пострадавшія плантациіи замѣняются новыми. Послѣ Санть-Яго и Санто-Антоніо, Фого — самый многолюдный островъ архипелага, и бѣлые, по большей части потомки переселенцевъ съ Мадеры, составляютъ здѣсь относительно многочисленную колонію. Главный городъ его, Санть-Филиппе, лежитъ при открытомъ рейдѣ на юго-западномъ берегу, напротивъ острова Брава.

Этотъ послѣдній давно уже не заслуживаетъ своего имени «Дикий островъ». Самый здоровый по климату, наилучше воздѣланный, самыи пріятный во всемъ архипелагѣ, онъ теперь, напротивъ, часто называется «Раемъ острововъ Зеленаго Мыса», въ противоположность четыремъ «Адамъ» — островамъ Санть-Винцентъ, Саль, Бона-Виста и Майо. Португальские концессіонеры въ первые два вѣка оккупации совершенно пренебрегали Дикимъ островомъ, и потому населеніе его до новѣйшаго времени состояло лишь изъ бѣглыхъ негровъ, пришедшихъ съ другихъ острововъ и существовавшихъ рыбной ловлей и скотоводствомъ. Бѣдствіе, постигшее Фого въ 1860 г., вдругъ значительно увеличило число жителей его сосѣда; но никто изъ новыхъ колонистовъ не присвоилъ себѣ монополію землевладѣнія. Брава не имѣла сюзерена, отдающаго въ аренду ту или другую часть своего имѣнія. Каждый селился здѣсь въ качествѣ собственника и каждый имѣлъ свой земельный участокъ; благодаря этому, островъ, впрочемъ, не очень гористый и пригодный для земледѣльческой культуры на всемъ своемъ протяженіи, сдѣлался садомъ архипелага, и большинство его обитателей живутъ въ довольствѣ. Ихъ хорошенъкіе домики весело блестятъ сквозь зелень садовъ.

Жители острова Брава отличаются отъ жителей Фого болѣе высокимъ ростомъ, болѣе бѣлымъ цветомъ кожи и чертами, напоминающими черты козы, за что и получили соответственное прозвище въ наимѣншку. Это неутомимые работники, не только по культурѣ почвы, но также по рыбной ловлѣ и судоходству. Американцы,

¹⁾ „Preuves de la Théorie de la Terre“.

²⁾ Lopes de Lima, цитированное сочиненіе.

избравши этот островъ за центръ своихъ рыболовныхъ промысловъ въ архипелагѣ Зеленаго Мыса, вербуютъ здѣсь свои экипажи, и потому между этими островитянами не мало людей бывалыхъ, обѣхавшихъ добрую часть свѣта. Многіе эмигрируютъ также въ португальскія владѣнія континентальной Африки. Портъ Дикаго острова, Фурна, хорошо защищенный, но очень маленький, находится на восточномъ берегу, противъ рейда острова Фого; главный населенный пунктъ—городокъ Санть-Жуанъ-Батиста (св. Иоанна Крестителя), куда чиновники съ другихъ острововъ часто приѣзжаютъ на дачный сезонъ или для поправленія здоровья.

Къ сѣверу отъ Брава лежать два необитаемыхъ островка, называемые «Сухими», ilheos Seccos.

Острова Зеленаго Мыса, численность ихъ населенія (1885 г.) и главные города:

	Кв. кил.	Число жит.	Главные города.
Санто - Антоніо (св. Антонія)..	720	18.351	Рибейра-Гранде (4.500 жит.).
Санть - Вісентъ (св. Вікентія).	207	7.342	Мінделло (4.200 жит.).
Санть - Николау (св. Николая).	375,5	8.815	Рибейра - Брава (4.000 жит.).
Саль (Соляной).	233	990	Сальрей.
Бона-Виста....	593	3.096	
Майо.....	206	1.837	
Сантъ-Яго (св. Іакова).....	967	45.488	Прайя (12.000 ж.).
Фого(Огненный)	443	16.004	Санть-Филиппе.
Брава (Дикій)..	55	9.013	Санть-Жуанъ-Ба- тиста.

Въ административномъ отношеніи архипелагъ Зеленаго Мыса дѣлится на два округа: «острова на Вѣтре» и «острова подъ Вѣтромъ», заключающіе вмѣстѣ 11 *concelhos* и 29 *freguesias*, т. е. «приходовъ» или общинъ. Консельо, первая совѣщательная единица, представлена выборнымъ муниципалитетомъ, во главѣ котораго стоитъ мэръ, или *administrador*, назначаемый правительствомъ. Провинциальный совѣтъ, въ составъ котораго входятъ только два члена, избираемыхъ муниципіями, функционируетъ наряду съ генераль-губернаторомъ провинціи; кроме того, при послѣднемъ состоять финансовая палата и совѣтъ главнаго управления, образованный изъ завѣдующихъ отдѣльными отраслями администраціи. Главный начальникъ края, назначаемый королемъ, соединяетъ въ своемъ лицѣ гражданскую и военную власть; въ его отсутствіе, должность его исправляетъ генеральный секретарь. Каждый консельо имѣетъ свой судъ первой инстанціи; апелляціонныхъ же судовъ только два: одинъ—на островѣ св. Антонія, другой—на островѣ св. Іакова.

Хотя отдаленное колоніальное владѣніе, архипелагъ Зеленаго Мыса представленъ въ лиссабонскихъ Кортесахъ двумя депутатами, избираемыми ограниченной подачей голосовъ въ двухъ округахъ провинціи.

Глава II

Сенегамбія.

I. Общий видъ страны.

Къ югу отъ сахарской области естественные границы Судана обозначены не точной линіей, но поясомъ небольшой ширины, окаймляющимъ сѣверный берегъ Сенегала, затѣмъ берегъ Джолибы или Нигера до Томбукту: здѣсь совершается переходъ отъ климата засухъ къ климату дождей, и этимъ контрастамъ соответствуютъ различія въ видѣ местности, во флорѣ и фаунѣ, въ происхожденіи, нравахъ и учрежденіяхъ жителей. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, Сенегамбія ясно ограничена долиной Сенегала и окраиной плоскихъ возвышеностей, отмѣчающихъ геологическую границу Сахары. Линія рѣки, хотя проникающая всего только на

тысячу километровъ внутрь страны, есть одна изъ характеристическихъ чертъ чернаго континента: здѣсь начинается настоящая Африка, отдаленная пустыней отъ той средиземной Африки, которую можно назвать промежуточной областью между двумя частями свѣта, сѣверной и южной. Сенегаль составляетъ раздѣльный поясъ между народами: на правомъ берегу его останавливаются берберы и арабы, на лѣвомъ—негритянскія населенія. Вообще можно сказать, что эта рѣка обозначаетъ исходный пунктъ попечечной линіи, проходящей между страной смуглыхъ и страной черныхъ людей.

На востокѣ и югѣ Сенегамбія не имѣетъ точныхъ границъ: съ этихъ сторонъ перемѣнны совершаются нечувствительно, и географическія черты недовольно ярко обрисовываются. Рель-

ефъ водораздѣла между притоками Сенегала и Нигера дотого незначителенъ, что, переходя оть одной рѣки къ другой, не замѣчаешь перемѣнъ въ видѣ мѣстности. Съ другой стороны,

между моремъ, Сенегаломъ, верхней Джолибой, Рокель и порогомъ, раздѣляющимъ истоки двухъ послѣднихъ рѣкъ, представляетъ нѣкоторое географическое единство, благодаря гор-

Горея Фортъ и "дебаркаціеръ

ряды и группы высотъ, появляющихся въ южной Сенегамбіи, продолжаются на юго-востокъ до Либеріи и берега Слоновой кости, параллельно океанскому прибрежью. Однако, пространство овальной формы, заключающееся

вому массиву Фута-Джаллонъ, который занимаетъ его центръ, и откуда воды текуть по расходящимся долинамъ, къ рѣкамъ окружности. Эта область, которой можно дать, въ самомъ обширномъ его значеніи, имя Сенегамбіи,

включая сюда сахарскую покатость Сенегала и даже некоторые бассейны безъ истечения, имѣющіе скать къ югу, занимаетъ площадь, исчисляемую приблизительно въ 700.000 кв. километровъ. Что касается народонаселенія этой страны, то мы не имѣемъ еще достаточно надежныхъ данныхъ, чтобы опредѣлить его цифру съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ. Сдѣланныя до сихъ поръ приблизительныя исчисленія сильно расходятся между собою. Миссіонеръ Барръсъ полагаетъ, что цифра четырнадцать миллионовъ очень близко подходитъ къ истинѣ¹⁾). Въ этомъ случаѣ населенность составляла бы около двадцати жителей на одинъ квадр. километръ,—пропорція ничтожная для плодородной и обильно орошающей территории, гдѣ рождаемость весьма значительна и гдѣ населеніе возрастаетъ чрезвычайно быстро, когда страна избавлена отъ бѣдствій войны. Однако, если не довольствоваться гуртовыми оцѣнками и къ специальной статистикѣ европейскихъ владѣній прибавить болѣе или менѣе точныя данные, заимствованные изъ разсказовъ путешественниковъ, то окажется, что народонаселеніе Сенегамбіи гораздо меньше той цифры, которую можно было предполагать при видѣ нѣкоторыхъ многолюдныхъ селеній морского побережья.

Народонаселеніе Сенегамбіи, по официальнымъ статистикамъ и приблизительнымъ исчисленіямъ путешественниковъ:

Французскій Сенегалъ, на с. отъ Гамбіи, въ 1879 г.—190.160 жителей. Трапца, Бракна, Дуашъ, по Федербу—185.000 ж. Другіе ма-
вры—40.000 ж. Каарта, Гидимаха—300.000 ж. Французскій Суданъ, выше Медины, по Бай-
олю—40.000 ж. Фута-Джаллонъ, по Нуаро—
600.000 ж. Фута и Гойя, по Жакмару—
184.420 ж. Джaloфъ, Ферло, Бонду—250.000 ж. Хассо, Бамбукъ, Джаллонъ-Дугу—280.000 ж. Англійскія владѣнія на Гамбіи—14.500 ж. Независимыя государства въ бассейнѣ Гамбіи—
200.000 ж. Бассейнъ Казаманки (2.300, по переписи 1879 г.)—60.000 ж. Португальская Гвинея—150.000 ж. Южныя рѣки (467, по переписи 1879 г.)—100.000 жит. Всего—
2.594.080 жителей.

Болѣе пяти столѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ европейцы по наслышкѣ и по собственному наблюденію познакомились съ Сенегамбіей. Не говоря уже о перицѣ Ганнона, ни о плаваніи майорканца Яго Феррера, ходившаго въ 1346 году на поиски «Золотой рѣки»²⁾), ни о путешествіяхъ, совершенныхъ діенскими мореплавателями³⁾ въ 1364 г. и позднѣе, достовѣрно известно, что венецианцы, благодаря своимъ

дружественнымъ отношеніямъ съ Тунисомъ и его караванами, знали уже въ пятнадцатомъ столѣтіи имя Томбукту и другихъ городовъ Судана: на одной каталанской карте 1375 года показаны населенные страны, простирающіяся на югъ отъ пустыни. Особенно два имени пріобрѣли громкую известность. Гинія (Ginya, Ginea, Ghenni, Ginea, Guinoye), городъ, богатый золотомъ, который большинство географовъ отождествляли съ Дженне, и «Золотая рѣка», какъ называли Сенегаль. Достигнуть «Гини», открыть «Золотую рѣку»—составляло предметъ честолюбія тогдашнихъ мореплавателей. Бетанкуръ, завоеватель восточныхъ Канарскихъ острововъ, «разсчитывалъ открыть дорогу къ «Золотой рѣкѣ» въ полутораста французскихъ лье отъ мыса Бугедерь». Но окончательное изслѣдованіе этихъ таинственныхъ странъ началось только полвѣка спустя.

Въ 1434 году португалецъ Жиль-Эаннесъ перешелъ, наконецъ, опасные подводные камни мыса Бохадоръ, а въ 1443 году Нуно-Тристану обогнуль мысъ Бланко и прошелъ вдоль берега на 25 лье южнѣ этого мыса. Онъ привезъ оттуда нѣсколькоихъ несчастныхъ рыбаковъ, захваченныхъ на островахъ Аргуниъ, и одного вида этихъ невольниковъ достаточно было, чтобы возбудить сильное рвение къ географическимъ изслѣдованіямъ у догадливыхъ купцовъ, которые упрекали инфанта донъ-Генриха за огромныя суммы, потраченныя на бесполезныя путешествія вдоль пустынного берега. Цѣлая флотилія отправилась изъ португальского города Лагоса, въ 1444 г., на Аргунинскій архипелагъ, и операциіи ея увенчались полнымъ успѣхомъ, къ великой выгодѣ судовладѣльцевъ: «Господу Богу, Мэдовоздателю добрыхъ дѣлъ, угодно было вознаградить мореплавателей за многія напасти, испытанныя въ служеніи Ему, даровавъ имъ, наконецъ, немногого торжества, славы за ихъ труды и возмѣстивъ понесенные ими расходы, ибо они овладѣли добычей въ сто шестьдесятъ пять головъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей»⁴⁾). Но въ слѣдующемъ году португальские негроторговцы были менѣе счастливы. Гонсало-де-Синтра, попавъ съ судномъ на мель, былъ внезапно атакованъ туземцами и убитъ, вмѣстѣ со своими спутниками.

Годъ 1445-й составляетъ одну изъ славныхъ датъ вѣка географическихъ открытій. Одинъ мореплаватель, имя которого различно передается современными писателями, Динизъ Диасъ или Динизъ Фернандеъ, миновалъ песчаные или каменистые берега Сахары, перешелъ за первую группу пальмъ, растущихъ на берегу, къ югу отъ пустыни; затѣмъ, пройдя въ открытомъ морѣ мимо бара Сенегала, обогнуль мысъ, составляющій крайній выступъ афри-

¹⁾ Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa", 1882.

²⁾ D'Avezac;—Codine;—Granier, etc.

³⁾ "Nouvelles Annales des Voyages", mai 1846.

⁴⁾ Azurara, "Chronica de Guiné".

канского материка съ западной стороны: это мысъ Зеленый, на которомъ дѣйствительно есть кое-какая зелень и за которымъ начинается тропическая область большихъ вѣтвистыхъ деревьевъ, обвитыхъ ліанами. Такъ была опровергнута ложная аристотелевская теорія, сильно обезкураживавшая предыдущихъ мореплавателей, по которой предполагалась, что на югъ міра, подъ знойными лучами солнца, сжигающими почву, невозможно никакое прозябаніе растеній, никакое развитіе жизни, что тамъ не существуетъ ни людей, ни животныхъ. Съ этого времени было доказано сходство климата въ обоихъ полушаріяхъ¹⁾.

Одна изъ двадцати шести каравелль, отплывшихъ въ 1445 г. изъ Португалии къ берегамъ Африки, открыла устье Санаги, Золотой рѣки, которую въ то же время принимали за рукавъ египетского Нила. Въ слѣдующемъ году Нуно-Тристану, тотъ самый, который, передъ тѣмъ первый обогнула мысъ Бланко, проникъ на югъ отъ острова, называемаго именемъ, въ рѣчку, где былъ внезапно окружены туземцами и нашелъ смерть почти со всѣми своими спутниками: это, по всей вѣроятности, была та рѣка, которая впослѣдствіи получила название Rio-Нуно или Rio-Нуньецъ. Альваро Фернандесъ подвинулся въ томъ же году до мѣстности, лежащей въ сосѣдствѣ Сиerra-Леоне, которая была перейдена только пятнадцать лѣтъ спустя. Въ три года все сенегамбійское побережье было обслѣдовано и большинство рѣчныхъ устьевъ осмотрѣно, но, благодаря практиковавшейся охотѣ на человѣка, экспедиціи внутрь страны были сопряжены съ большой опасностью. Однако, съ теченiemъ времени, на иѣкоторыхъ пунктахъ установились правильныя торговыя сношенія: въ благопріятныхъ мѣстахъ были учреждены конторы, построены фермы; съ начала пятнадцатаго столѣтія португальцы подвинулись на сѣверъ Сенегала до Адрара и завязали торговыя сношенія съ жителями Уадана, находящагося въ шестистахъ километрахъ къ востоку отъ ихъ Аргунинской колоніи.

Съ семнадцатаго столѣтія голландцы, англичане, французы оспариваютъ у первыхъ завоевателей обладаніе сенегамбійскимъ побережьемъ, и нѣгоціанты этихъ различныхъ націй мало-по-малу проникаютъ внутрь материка. Но географическое изслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ началось только съ Андре Брю, директора «французской компаніи на Сенегалѣ», въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Онъ проникъ въ область верхняго Сенегала выше впаденія притока Фалеме и, кромѣ того, послалъ чѣсколькоихъ изслѣдователей въ мѣстности, прилегающія къ этой рѣкѣ: монахъ Аполлинарій послѣ

тиль страну золота въ Бамбуки, а другой изслѣдователь, Компаньонъ, обошелъ ее во всѣхъ направленихъ: карта, составленная послѣднимъ по пройденнымъ имъ путямъ и приложенная къ сочиненію Лабата, содержитъ иѣ-которые подробности, которыхъ еще не были проверены путешественниками настоящаго столѣтія и не встрѣчаются на ихъ картахъ¹⁾. Рибо, въ 1786 году, обслѣдовалъ слабо населенные мѣстности, отдѣляющія Гамбію отъ сѣверной дуги Сенегала; въ то же время другіе путешественники посѣтили область Гамбіи; затѣмъ Мунго-Паркъ, по порученію лондонской African Association, этой родонаачальницы современныхъ географическихъ обществъ, совершилъ, въ 1795 году, свою первую экспедицію въ тѣ края, которая привела его отъ поморья къ берегамъ Нигера, откуда онъ вернулся на Гамбію съ купеческимъ караваномъ. Въ 1818 году, Молліенъ первый проникъ въ центральный массивъ всей этой области, въ горы Фута-Джалонъ, воды которыхъ спускаются на востокъ къ Нигеру, на сѣверъ къ Сенегалу, на западъ и на югъ къ Гамбіи, Rio-Гранде, Скарси и Рокель. Со временемъ этого памятнаго путешествія страна была пройдена во всѣхъ направленихъ: особенно французы, натуралисты, моряки или солдаты, покрыли ее цѣлой сѣтью своихъ маршрутовъ. Въ то время, какъ моряки, Браузекъ и другіе, изучили лиманы прибрежныя, офицеры или чиновники, изъ французовъ или туземцевъ, какъ Пане, Аліунъ-Саль, Бузель-Мохдадъ, Венсанъ, Солелье, объѣхали степи на сѣверѣ отъ Сенегала и связали съ сахарскими оазисами и даже съ Марокко сѣть линий изслѣдованія, начертанныхъ пройденными путями въ Сенегамбіи; Мажъ и Кентеяль проникли на востокъ въ бассейнъ Нигера и поднялись далеко по направлению къ Томбуку. Затѣмъ, въ 1880 году, экспедиція Галліни была исходнымъ пунктомъ обширной системы географическихъ изученій, сопровождавшихъ дѣло завоеванія въ области между Сенегаломъ и Нигеромъ. Во всей полосѣ, соединяющей Сен-Луи съ Бамаку, на Нигерѣ, за предварительнымъ осмотромъ слѣдовали точные работы по нивелировкѣ мѣстности: иѣ-которые части Сенегала представлены на новѣйшихъ картахъ съ такими же деталями, какъ страны Европы. И здѣсь, также какъ въ Алжирѣ, въ Египтѣ, на Мысѣ Доброй Надежды и на всѣхъ пунктахъ африканского поморья, где европейские поселенцы образовали дѣятельные общины, наука продолжаетъ медленно, но вѣрно, свое дѣло завоеванія:

Массивъ горъ Фута-Джалонъ дѣлаетъ изъ Сенегамбіи географическое цѣлое, собирая дожди, образующіе Сенегаль, Гамбію, Казаманку, Гебу, Rio-Гранде, Нуњецъ, Понго, Скарси,

¹⁾ Oscar Feschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

¹⁾ „Nouvelle relation de l'Afrique occidentale“.

и примѣшивая къ водамъ этихъ рѣкъ плодородные наносы. Онъ составляетъ, слѣдовательно, одну изъ главныхъ чертъ въ образованіи западной Африки, и нѣть ничего удивительнаго, что первые путешественники преувеличили его размѣры. Ламберъ, посѣтившій эти горы въ 1860 г., опредѣлилъ въ 3.000 метровъ высоту Сунт-ду-мали (Судумали), одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ, поднимающихся около середины цѣпіи, основываясь на словахъ одного изъ своихъ спутниковъ, туземцевъ племени фула, разсказывавшаго, будто высокія вершины Фута-Джаллона бывають покрыты снѣгомъ въ сезонъ дождей; онъ думалъ даже, что выдающіяся точки массива достигаютъ 4.000 метровъ, то есть приписывалъ имъ высоту, почти равную высотѣ пирамидъ єгипетской горы Сименъ, находящейся на другой сторонѣ континента¹⁾.

Однакож Ламберъ не дѣлалъ точныхъ измѣрений, а извѣстно, какъ легко ошибиться въ гористой странѣ, особенно тамъ, где отсутствіе тропинокъ удвоиваетъ утомительность восхожденія. Лѣтъ десять передъ тѣмъ, Геккартъ, которому указывали на гору Миминіа, километрахъ въ пятидесяти къ западу отъ плато Лабе, какъ на самую высокую вершину массива, и который тоже слышалъ разсказы о «блѣдыхъ дождяхъ», будто бы покрывающихъ верхніе скаты, взошелъ на этотъ пикъ въ пять часовъ времени, но не нашелъ на его макушкѣ, где растетъ нѣсколько чахлыхъ деревьевъ, никакихъ слѣдовъ снѣга²⁾). Если бы горы Фута-Джаллонъ имѣли высоту, хоть немного приближающуюся къ цифре, указанной Ламберомъ, то вершины ихъ были бы примѣтны съ нижней Фалеме и съ средней Гамбіи, а между тѣмъ онѣ не видны еще съ разстоянія 150 километровъ. При томъ же болѣе новые путешественники, Байоль, Нуаро, Оливье, Гaborio, Ансальди, ничего не говорятъ о такихъ большихъ высотахъ. Самый высокій перевалъ, перѣдѣній Оливье, недалеко отъ истоковъ Какримы, лежитъ на высотѣ 1.027 метровъ. Байоль и Нуаро достигли высоты 1.400 метровъ, у деревни Богама, расположенной въ центральномъ массивѣ горъ, недалеко отъ Судумали. Надъ гребнемъ, где сгруппировались хижины этой деревушки, высится еще другія горы, изрѣзанныя въ формѣ башень и обелисковъ и пріютившія поселки на каждомъ выступѣ своихъ склоновъ. Вѣроятная ихъ высота около 2.000 метровъ, по оцѣнкѣ португальского купца Симонса³⁾, или даже менѣе, по мнѣнію французскихъ изслѣдователей; что касается

средней высоты, то она, кажется, не превышаетъ 1.200 метровъ.

По описаніямъ путешественниковъ, рядъ высотъ, начинающійся у береговъ Сенегала въ Бонду, принимаетъ характеръ горной цѣпіи только около большаго поворота Гамбіи. Въ цѣломъ эта высокая гористая область тянется по направлению съ сѣвера на югъ, съ легкимъ изгибомъ къ востоку. Длина ея около 300 километровъ; но за истоками сенегальского Бафинга, где высота пороговъ, повидимому, не превышаетъ 800 метровъ, эта цѣпь продолжается на юго-востокѣ другими, еще не изслѣдованными, горами, которая, въ свою очередь, примыкаютъ къ горамъ, высотой отъ 1.000 до 1.350 метровъ, господствующими надъ истоками Нигера. Въ предѣлахъ Сенегамбіи разсматриваемая горная цѣпь крутымъ склономъ обращена къ рѣкамъ Гамбіи и Фалеме, т. е. на востокъ, тогда какъ пологій скатъ ея спускается на западъ, вытягивая свои предгорья и террасы къ морскому побережью. Большая часть массива состоитъ изъ довольно ровныхъ плато, или баоваль, высокихъ равнинъ, усыпанныхъ большими камнями и оканчивающихся крутыми откосами. Эти плоскія возвышенности опираются на вѣнчаніе уступы, спускающіеся, въ видѣ лѣстницъ, къ береговымъ равнинамъ и раздѣленные на неравные отрывки рѣками, которые вырыли себѣ тамъ глубокіе и узкіе проходы; послѣдняя терраса, идущая параллельно побережью, возвышается въ среднемъ на 300 метровъ надъ низменными равнинами.

Фута-Джаллонъ, центральный массивъ всей сенегамбійской области, представляетъ ядро изъ кристаллическихъ породъ, окруженное болѣе новыми формаций. Большинство путешественниковъ, проходившихъ черезъ него, говорятъ, что онѣ состоять изъ гранита, гнейса, «первичныхъ песчаниковъ». На сѣверѣ этотъ кристаллическій и сланцевый массивъ продолжается высотами, разрѣзанными дѣйствиемъ дождевой воды на отдѣльные массивы; на сѣверо-востокѣ и на востокѣ отъ него тянутся другія горы съ параллельными гребнями: Тамбура, въ Бамбуке, вздымающая свои голыя, почти неприступныя стѣны надъ зеленѣющими равнинами, и высоты Кеніеба, имѣющія форму усѣченныхъ конусовъ. Второстепенная цѣпь изрѣзаны долинами, пески и глина которыхъ содержать золотые блестки, оторванные отъ первичныхъ породъ: въ этихъ-то сланцевыхъ формаций съ золотоносными наносами верхніе притоки Сенегала и вырыли свои сходящіеся долины. Между Бафингомъ и Бахоемъ, двумя главными вѣтвями Сенегала, скалы, образующія хребты, параллельные Нигеру и обращенные къ этой рѣкѣ крутымъ склономъ, состоять изъ песчаниковъ, залегающихъ горизонтальными пластами, надъ которыми тамъ и сямъ высится, въ видѣ гранитныхъ ци-

¹⁾ "Tour du Monde", 1861, 1-er Semestre.

²⁾ "Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale".

³⁾ Doepter, "Ueber die Capverden nach dem Rio Grande und Fatah-Djallon".

таделей, каменные глыбы, роговой обманки, кварца и полевого шпата¹). Даже на съверѣ оть Сенегала, до песковъ Сахары, ряды холмовъ и террасы состоять изъ формаций той же эпохи. Въ Каартѣ сахарскіе утесы, откуда вытекаютъ временные притоки Сенегала, имѣютъ среднюю высоту оть 300 до 320 метровъ, и холмы этой страны состоять изъ пластовъ синеватаго шифера, прикрытыхъ слоями латерита. На западѣ высоты расположены болѣе правильно: они образуютъ массивы, которые тянутся въ видѣ ряда цѣпей, ориентированныхъ по большей части съ сѣверо-востока на юго-западъ. Рельефъ страны имѣеть такой видъ, какъ будто почва была вспахана гигантскимъ плугомъ, оставившимъ между бороздами параллельные гряды, крутой скат которыхъ обращенъ къ востоку, а пологий къ западу. Западный хребетъ, Халиппъ-Анагимъ, поднимается на 400 метровъ: это сѣверо-западная стѣна сенегальского бассейна²).

Къ западу оть гнейсовъ и сланцевъ, составляющихъ остовъ Сенегамбіи, простираются пласти желѣзистаго песчаника или латерита, охристой массы, образовавшейся изъ разложения болѣе древнихъ горныхъ породъ: весь поясъ сенегальского прибрежья занятъ этими формациями, повсюду, где рѣки и морскіе приливы не отложили своихъ наносовъ. Растительность разнообразно видоизмѣняетъ эти пласти, въ которыхъ тамъ и сямъ встречаются узловатости, указывающія, повидимому, на медленное геологическое дѣйствіе со стороны корней и корешковъ. Чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ большую пропорцію желѣза содержать эти охристые песчаники; во многихъ мѣстахъ можно подумать, что почва покрыта желѣзными обломками, какъ вокругъ желѣзодѣлательного завода.

Сенегамбійское побережье представляетъ двѣ части, различающіяся геологической исторіей и вицѣніемъ видомъ. Оно дѣлится на три пояса, ясно разграниченные: отъ мыса Бѣлаго до мыса Зеленаго, отъ мыса Зеленаго до мыса Краснаго (Рохо) и отъ мыса Краснаго до острова Шербро. Если рассматривать въ цѣломъ кривую, развертывающуюся отъ мыса Бѣлаго до мыса Зеленаго, на протяженіи около 850 километровъ, то легко замѣтить, что вся эта часть африканского побережья, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ оть Сенегала, отличается единствомъ геологической формы и строенія. Между двумя названными мысами, почти на равное разстояніе выдвинутыми къ западу, берегъ, окаймленный высокими дюнами, изгибаются по правильной линіи; только на сѣверѣ побережье, разрушенное размывающимъ дѣй-

¹) Alexis Demaffey, „Afrique explorée et civilisée“, 1883.

²) Bourrel, „Revue Maritime et Coloniale“, 1861; — Lenz, „Timbuktu“.

ствіемъ водъ, замѣнила песчаная мель, по которой набѣгаютъ длинныя волны морскаго прибоя, а на югѣ наносы Сенегала, отлагавшіеся въ нормальной кривизны береговъ, образовали выщуклый сегментъ, длиной въ 200 километровъ, при средней ширинѣ около двадцати километровъ. Внутри материка, къ востоку отъ кордона дюнъ, окаймляющаго побережье, мы находимъ съ той и съ другой стороны сходныя формации: на сѣверѣ оть сенегальского аллювія, по направлению къ пустынѣ, также какъ и на югѣ, по направлению къ Гамбіи, почва состоитъ изъ желѣзистыхъ слоевъ латерита. Кроме того, оба мыса, Бѣлагий и Зеленый, представляютъ маленькие массивы, повидимому, образовавшіеся въ одну и ту же эпоху¹): это какъ бы пilonы, правильно расположенные по бокамъ морскаго берега собственного Сенегала.

Часть побережья, заключающаяся между мысами Зеленымъ и Краснымъ, короче сенегальского берега: разстояніе отъ одного мыса до другаго 275 километровъ, по прямой линіи; но въ цѣломъ эта береговая полоса представляеть кривую, обращенную вогнутостью къ востоку. Первоначальное очертаніе, обнаруживаемое песчаными стрѣлками и подводными барами передъ заливообразными устьями, отличается замѣчательной правильностью; впрочемъ, побережье глубоко изрѣзано морскими воронками, куда изливаются рѣки, и пласти желѣзистаго песчаника на обширныхъ пространствахъ покрыты слоемъ аллювіальныхъ отложенийъ. Что касается береговой полосы между мысомъ Краснымъ и островомъ Шербро, то она совершенно утратила правильную форму; полоса эта изрѣзана морскими волнами на безчисленное множество бухтъ и бухточекъ разной величины, и въ сопѣствѣ береговъ море усыпано островами и подводными камнями: только при помощи линіи промѣровъ въ открытомъ морѣ противъ побережья можно опредѣлить край пьедестала, на которомъ поконится континентъ, и который, вѣроятно, нѣкогда былъ берегомъ твердой земли; подводный обрывъ, обозначающій край пьедестала, и у подножія котораго находять глубины въ 1.000 и 2.000 метровъ, очерченъ такъ же правильно на западѣ отъ архипелага Биссагосъ, какъ и на широтѣ Сахары. При томъ же вдоль береговъ южной Сенегамбіи полосы земли, наносы и латериты, не отличаются отъ формаций, изъ которыхъ состоитъ побережье на сѣверѣ отъ мыса Краснаго.

Какъ объяснить происхожденіе этихъ странныхъ вырѣзокъ на окраинѣ материка, и гдѣ искать причину разрушенія первоначальной почвы, превращенной въ архипелаги и песчаныя мели? Изученіе этой страны, называемой «Рѣками Юга», показываетъ, что изрѣзанная часть сенегамбійскихъ береговъ въ точности

¹) Lenz, „Petermann's Mittheilungen“, 1882, Heft. I.

соответствует по широтѣ хребту горъ Фута-Джаллонъ: линія наибольшаго паденія между высотами этой цѣни и изсѣченіями побережья обозначена рѣчными долинами и ихъ продолженіями—морскими лиманами. При внимательномъ разсмотрѣніи карты нельзя не замѣтить, несмотря на недостаточную полноту ея, существованія причинной связи между этими двумя параллельными географическими чертами—горами и изсѣченіями морского берега. Рѣки, спускающіяся съ массива Фута-Джаллонъ, вырыли долины и способствовали въ извѣстной мѣрѣ образованію лимановъ или заливообразныхъ устьевъ; но не слѣдует ли допустить, что въ этой работѣ изсѣченія береговъ участвовалъ, кромѣ рѣкъ, еще другой геологической дѣятель, именно—ледники? Правда, нынѣшний климатъ этихъ странъ совсѣмъ не похожъ на тотъ, при которомъ могло бы происходить изліяніе рѣкъ въ равнинѣ Сенегамбіи, но вѣдь африканскій берегъ находится въ этомъ отношеніи въ такихъ же точно условіяхъ, какъ побережье Бразилии и Новой Гранады, гдѣ, однако, Агассицомъ и другими изслѣдователями были констатированы слѣды ледяного периода. Чѣмъ другимъ, какъ не движениемъ древнихъ ледниковъ, можно объяснить происхожденіе эратическихъ камней гранита, находимыхъ въ песчаниковыхъ равнинахъ Сиerra-Леоне? Этимъ ледянымъ потокамъ, по всей вѣроятности, и должна быть приписана работа разрушенія, отодвинувшая сенегальскій берегъ на сотню километровъ внутрь материка.

Занимая около 12 градусовъ по широтѣ и заключая въ своихъ предѣлахъ горныя цѣпіи, главныя вершины которыхъ достигаютъ 1.800 метровъ высоты, территорія Сенегамбіи естественно должна представлять много разнообразія въ флорѣ и фаунѣ, принадлежащихъ при томъ же къ двумъ различнымъ областямъ—области степей, сопредѣльныхъ Сахарѣ, и области большихъ лѣсовъ Нигриціи. Точно также и съ этнографической точки зрѣнія Сенегамбія являеть большіе контрасты. Населеніе ея не имѣеть ни политического единства, ни соціальной связи. Оно принадлежитъ къ различнымъ расамъ и распадается на множество государствъ и союзовъ, королевствъ, республикъ, централизованныхъ или федеративныхъ, религіозныхъ общинъ, бродачихъ племенъ, группъ семействъ, разсѣевающихся или перемѣшивающихся одна съ другой. Центральную часть страны, массивъ Фута-Джалонъ, занимаютъ главнымъ образомъ фулы, люди бронзового цвѣта, которыхъ отличаютъ отъ негровъ въ собственномъ смыслѣ; вокругъ нихъ, на морскомъ побережье и на верхнихъ притокахъ Сенегала и Гамбіи, живутъ негритянскія племена, тогда какъ берберскіе народцы, болѣе или менѣе смѣшанные, кочуютъ въ мѣстно-

стяхъ, лежащихъ къ съверу отъ Сенегала. Появление европейскихъ купцовъ создало новые центры притяженія для этихъ разнородныхъ населеній и повлекло за собой перемѣны въ ихъ группировкѣ и союзахъ; затѣмъ правительства западной Европы въ интересахъ своихъ подданныхъ, завязавшихъ торговыя спосиженія въ тѣхъ краяхъ, пріобрѣли силой или путемъ купли территоріи, прилегающей къ мѣновымъ рынкамъ. Такъ, Португалія, первая по времени своихъ завоеваній, владѣть архипелагомъ Биссагосъ и частью состѣяного побережья, составляющей остатокъ прежнихъ обширныхъ владѣній, простиравшихся неопределенно въ глубь Судана. Англія основала свои факторіи и конторы при устьи Гамбіи и во многихъ мѣстахъ по течению этой рѣки. Франція забрала гораздо болѣе обширную территорію. Вся часть морскаго побережья, простирающаяся отъ мыса Бланко до рѣки Салумъ, т. е. береговая линія длиной въ 750 километровъ, и перерѣзанная рѣками полоса, заключающаяся между Rio-Нуньецъ и Меллакоре, т. е. пространство около 250 километровъ, принадлежать къ французской Сенегамбіи; между этими двумя большими береговыми областями бассейнъ Казаманки образуетъ энклаву, тоже причисляемую къ владѣніямъ Франціи. Внутри континента владѣнія этой державы, обозначенные, точно вѣхами, рядомъ фортовъ, простираются по прямой линіи на тысячу слишкомъ километровъ отъ Зеленаго Мыса; они продолжаются на востокъ за истоки Сенегала, проходять черезъ водораздѣльные пороги къ Нигеру и даже достигаютъ этой рѣки, которая служить условной границей на значительной части ея течения. Наконецъ, въ силу трактата, недавно заключеннаго съ португальскимъ правительствомъ, массивъ Фута-Джаллонъ, если не присоединенъ къ французской колоніальной территоріи, то, по крайней мѣрѣ, напередъ намѣченъ какъ земля, существующая состоять подъ «протекторатомъ». Подобнымъ же образомъ верхній бассейнъ Джолибы, по конвенціи съ Великобританіей, предоставленъ Франціи, какъ территорія будущаго расширѣнія ея сузеренной власти.

Но все это только вѣшнія политическая перемѣны, и хотя многие писатели говорятъ еще о мнимой неподвижности чернокожихъ, будто бы неспособныхъ къ ученью, къ усвоенію новыхъ родовъ промышленности и восприятію идей, отличныхъ отъ понятій ихъ предковъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что въ массѣ этихъ народовъ совершаются большие перевороты, глубоко измѣняющіе ихъ соціальное состояніе. Постепенное движеніе завоевательныхъ расъ отъ востока къ западу продолжаются съ неослабывающей силой. Мандинги распространялись въ предѣлы области населеній поморья, фулы подвинулись еще да-

хѣ, и ихъ авангардные квартирмейстеры при-
были уже на устья рѣкъ. Мусульманская про-
паганда сопровождаетъ этническія перемѣн-
нія и даже предшествуетъ имъ; многіе чер-

болѣе смутный, менѣе догматическій и менѣе
суровый, чѣмъ у арабовъ. Нравы, промыслы,
образъ жизни видоизмѣняются вмѣстѣ съ пе-
редвиженіями, смышеніемъ расъ, основаніемъ

Деревня Бафулабэ.

ные народы, у которыхъ фулы представлены лишь нѣсколькими торговцами, уже причи-
сяютъ себя къ послѣдователямъ ислама, ко-
торый, впрочемъ, у большинства новообра-
щенныхъ принимаетъ мистический характеръ,

новыхъ государствъ, религіозными обраще-
ніями. И въ то время какъ эти далеко и глу-
боко захватывающія перемѣны совершаются
внутри страны, иностранные негоціанты, по-
селяющіеся въ пунктахъ морского прибрежья,

уравновѣшивая на западѣ напоръ съ востока, со стороны мандинговъ и фуловъ, оказываютъ своимъ торговыми сношеними все болѣе и болѣе усиливающееся воздействиѣ на туземные населенія. Предметъ мѣстной торговли теперь уже другой: они болѣе не покупаютъ человѣческий товаръ, какъ это дѣлали ихъ предшественники впродолженіи почти четырехъ столѣтій. Теперь они спрашиваютъ продукты сбора и земледѣлія: вмѣсто того, чтобы ловить негра, какъ было прежде, они покупаютъ у него произведенія его промышленности. Войны, возбужденныя работторговцами, постепенно угасли.

Несомнѣнно, достигнутъ уже большой прогрессъ; уничтоженіе торга неграми составляетъ событіе громадной важности, способствующее обновленію Африки: бѣлые и чёрные не смотрятъ уже другъ на друга какъ на людоѣдовъ; но отвѣтственность за совершенные ужасы не изглажена. Если европейскіе торговцы теперь уже не покупаютъ людей непосредственно, они тѣмъ не менѣе продолжаютъ трудиться надъ деморализацией бывшихъ невольниковъ. Они упрекали ихъ въ жестокости, а между тѣмъ сами же вынуждали ихъ вести войну; они обвиняютъ ихъ въ пьянствѣ, лѣнотѣ, развращенности, и сами же продаютъ имъ фальсифицированную водку. Дѣйствительную цѣну совершенного дѣла надо измѣрять не годовой цифрой барышей, получаемыхъ купцами. Но выяя отношенія между расами должны произвести нечто другое. Принимая къ себѣ иностранцевъ, туземецъ, дѣляющійся съ ними родной почвой, имѣетъ полное право требовать отъ нихъ въ обмѣнѣ, чтобы они содѣйствовали увеличенію его благосостоянія, нравственности и свободы.

II. Бассейнъ Сенегала и Фута-Джаллонъ.

Поверхность областей, гдѣ, или по непосредственному владѣнію, или въ силу военного превосходства, власть принадлежитъ Франціи, можетъ быть опредѣлена приблизительно въ полмилліона квадратныхъ километровъ, что почти равняется пространству самой Франціи. Вотъ почему название «Сенегаль», которымъ до недавнаго времени обыкновенно обозначали французскую Сенегамбію, замѣнено теперь болѣе понятнымъ именемъ «французскаго Судана». Наименование «Сенегаль» оставлено за той территоріей, которая окаймляетъ рѣку того же имени въ судоходной части ея течения, отъ Сенъ-Луи до Медины; тѣмъ не менѣе эта рѣка придаетъ всей странѣ ея географическое единство: это она обращаетъ ее въ обособленное цѣлое развѣтвленіемъ своихъ притоковъ и расходящихся рукавовъ (*mari-gots*).

Эта рѣка, по имени которой, въ соединеніи съ именемъ Гамбіи, называется вся обширная страна, заключающая въ центральной своей части массивъ Фута-Джаллонъ, есть первый постоянный потокъ, достигающій моря на югѣ отъ сахарскихъ пространствъ. Отъ устья Сенегала до Умъ-эръ-Рбіа, послѣдней мароккской рѣки, не совсѣмъ пересыхающей лѣтомъ, считается приблизительно 2.200 километровъ по прямой линіи и около 3.000 километровъ по извилистой линіи морскаго побережья. Своимъ теченіемъ и сѣтью своихъ притоковъ Сенегалъ обозначаетъ сѣверный предѣлъ пояса годовыхъ и обильныхъ дождей: русло его составляетъ продолженіе извилистой линіи текущихъ водъ, образуемой на востокѣ Нигеромъ, притоками озера Цаде и главными притоками Нила, Бахръ-эль-Арабомъ и Бахръ-эль-Азакомъ. Быть-можетъ, подъ вліяніемъ смутнаго понятія объ этомъ географическомъ фактѣ—существованіи большихъ рѣкъ во всей ширинѣ пояса, лежащаго къ югу отъ великой пустыни,—о Нилѣ во всѣ времена, до прошлаго столѣтія, говорили какъ о рѣкѣ съ многочисленными рукавами, протекающими черезъ всю Африку. Въ глазахъ упоминутаго выше изслѣдователя Кадамосто, «ручей Сенега»—это въ одно и то же время Гихонъ, «рѣка Земнаго рая», Нигерь и Ниль.

По размѣрамъ своего бассейна, Сенегалъ (Джалибалиль древнихъ юлофовъ, Ведамель и «Золотая рѣка» портулановъ) — одна изъ второстепенныхъ рѣкъ африканскаго континента; онъ слѣдуетъ за Конго, Ниломъ, Джидой и Замбезе; приблизительная оценка географовъ ставить его даже ниже рѣкъ Лимпопо, Оранжевой и Джубы. Впрочемъ, различные авторы сильно расходятся въ своихъ исчисленіяхъ; такъ, фонъ-Кледенъ опредѣляетъ площадь бассейна Сенегала въ 258.795, а Шаванъ въ 440.500 квадр. километровъ. Это разногласіе происходитъ отъ того, что рѣчной водоскатъ со стороны Сахары еще не вполнѣ обслѣданъ, и въ то время, какъ одни считаютъ эту область, гдѣ текутъ временные уади, принадлежащей къ сенегальскому бассейну, другіе причисляютъ ее къ поясу странъ безъ истеченія. Принимая съ этой стороны контуры бассейна, какъ они начертаны на картахъ новѣйшихъ изслѣдователей, находимъ для всей покатости площадь около 360.000 квадр. километровъ: это почти равно двумъ третямъ поверхности Франціи. Длина теченія Сенегала, отъ истока Бафинга до бара въ Сенъ-Луи, около 1.700 километровъ. По прямой же линіи разстояніе до ближайшей морской бухты всего только 275 километровъ.

Въ обширной сѣти рѣкъ и рѣчекъ, образующихъ Сенегаль, главной вѣтвию, если не по обилію водъ, то по крайней мѣрѣ по своему направленію, совпадающему съ осью долины,

является ручей, который берет начало въ бугристой мѣстности, представляющей, однако, между холмами легко переходимые пороги. Ручей этот туземцы называютъ Бауле; впрочемъ, имя его менѣется по территоріямъ, которыхъ онъ орошаєтъ, и по населеніямъ, которые живутъ на его берегахъ: обращаясь съ вопросомъ объ имени ручья къ племенамъ фула, бамбара или малинке, путешественникъ каждый разъ услышитъ новое слово¹⁾; вообще европейскимъ картографамъ не скоро еще удастся отождествить всѣ наименования на разныхъ языкахъ, перепутывающихся въ географической именнократурѣ этой страны. Ниже истоковъ, гдѣ онъ вполнѣ извѣстенъ, Бауле орошаєтъ часть терроріи Беле-дугу, еще мало изслѣдованную; затѣмъ, повернувшись на западъ, служить границей между французскими владѣніями и землей Каарта. Въ этой части своего теченія рѣка получаетъ лишь немногие и незначительные притоки съ сѣверной щекоти, ограниченной сахарскими террасами; болѣе обильные притоки приходятъ къ ней съ юга. Важнейший изъ нихъ — Баходъ, который даетъ свое имя главному потоку ниже слиянія, и который, соединяясь съ Бафингомъ, образуетъ собственно Сенегаль. На языкѣ племени малинке слияніе Бахода, или «Бѣлой рѣки», и Бафинга, или «Черной рѣки», называется Ба-фулабе, что значитъ «Двѣ рѣки». Имя Майо-Рейо, даваемое ему фулами и тукулерами, имѣеть то же значеніе²⁾.

Подобно бассейнамъ Миссисипи, Дуная и многихъ другихъ большихъ рѣкъ, бассейнъ Сенегала тоже имѣеть рѣку горнаго происхожденія, которая, по направленію теченія и геологическому образованію бассейна, должна быть разсмотриваема какъ простой притокъ, но которую слѣдовало бы считать главной рѣкой по объему жидкой массы, вносимой ею въ общее русло. Бафингъ, притокъ, спускающійся съ горъ, беретъ начало, на высотѣ слишкомъ 750 метровъ, въ южной части массива Фута-Джаллонъ, къ югу отъ истоковъ Фалеме, Гамбіи, Ріо-Гранде. Сначала онъ течетъ на югъ, затѣмъ описываетъ большую дугу, направляющуюся на востокъ, сѣверо-востокъ и сѣверъ, образуя полу-эллипсъ съ нижнимъ теченіемъ Сенегала. Такъ какъ Бафингъ имѣеть очень сильное паденіе, болѣе 600 метровъ, между его истокомъ и слияніемъ съ Баходомъ, и такъ какъ, съ другой стороны, онъ питается дождевыми водами только впродолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году, то можно бы ожидать, что онъ совершенно пересыхаетъ въ сухое время года; но естественные запруды ложа раздѣлили его на рядъ озеръ, гдѣ вода остается почти безъ исте-

ченія между периодами разлива. Зимой потокъ переходитъ черезъ послѣдовательные ряды скалъ, затѣмъ, въ периодъ бездождя, пороги снова выступаютъ наружу, и тогда рѣка состоитъ изъ ряда расположенныхъ одинъ надъ другимъ резервуаровъ, которые соединяются лишь струйками, скользящими по камнямъ пороговъ, и защищены отъ испаренія вѣтвистыми деревьями, образующими сводъ листвы надъ ихъ водами¹⁾.

При слияніи Бахода и Бафинга Сенегаль находится еще на высотѣ 143 метровъ надъ уровнемъ океана. Русло его, заключенное между крутыхъ береговъ, высотой въ 30 и 36 метровъ, еще не вырыто до нормальной глубины и во многихъ мѣстахъ образуетъ пороги и каскады. Одинъ изъ этихъ водопадовъ, называемый Гуина, представляетъ льющуюся поверхность высотой отъ 16 до 17 метровъ, смотря по времени года, при средней ширинѣ около 500 метровъ; послѣдний водопадъ, Фелу, имѣеть такую же высоту, но воды въ этомъ мѣстѣ сильно стѣснены порогами. Рѣка, разлившаяся въ видѣ озера выше каменной преграды, могла открыть себѣ въ этой запрудѣ лишь узкие выходы; по серединѣ порога высятся двѣ остроконечныя скалы въ формѣ обелисковъ, — безстрастные черные колоссы среди вихря водъ. Ниже этого водопада, рѣка, усѣянная скалами, которая кое-гдѣ увѣличаны группами деревьевъ, находится на высотѣ 67 метровъ надъ уровнемъ моря, удаленного еще на тысячу километровъ: среднее паденіе, слѣдовательно, весьма незначительно, и суда, даже глубоко сидящія, могутъ подниматься, въ периодъ высокихъ водъ, почти до самаго водопада, до стремнинъ, надъ которыми господствуютъ величественные утесы Киппъ, высящіе одинъ противъ другого на берегахъ Сенегала.

Въ небольшомъ разстояніи ниже водопадовъ, рѣка принимаетъ въ себя главный сѣверный притокъ, Куніакари или Тараколе, длина которого отъ истока до устья по меньшей мѣрѣ 200 километровъ. Такъ какъ въ этой части своего теченія Сенегаль образуетъ границу между двумя географическими областями, пустыней и областью лѣсовъ, то вообще можно сказать, что и здѣсь притоки рѣки приходятъ съ юга. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ небольшой потокъ Куніакари, сахарского происхожденія, въ сравненіи съ рѣкой Фалеме, которая соединяется съ Сенегаломъ ниже и приноситъ ему воды, собранныя въ горахъ Фута-Джаллонъ? Этотъ притокъ, берущій начало въ сосѣдствѣ Бафинга и Гамбіи, всегда катить хоть немногіе воды въ сухое время года: перерѣзанный естественными запрудами, какъ и главный вѣтвь Сенегала, онъ также дѣлится на нѣсколько послѣдовательныхъ озерныхъ резервуа-

¹⁾ Gallieni, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1882—1883.

²⁾ H. Hecquard, „Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale“.

¹⁾ Gallieni, цитированъ, мемуаръ.

ровъ, которые регулируют стокъ воды и тѣмъ устраниютъ возможность пересыханія рѣки. Въ зимнюю пору Фалеме имѣеть не менѣе 300 метровъ въ ширину, при 8 метрахъ глубины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она соединяется съ главной рѣкой, такъ что мелкія суда могли бы подниматься на сотни километровъ вверхъ по этому притоку. Но верхняя область его, отличающаяся нездоровыемъ климатомъ и часто опустошаемая войнами, осталась неизслѣдованной на обширныхъ пространствахъ: это наименѣе извѣстная часть французскаго Судана. Путешественники, которые, впрочемъ, проходили только область истоковъ въ цѣли Фута-Джаллонъ, разно говорятъ о направленіи потоковъ. Въ то время, какъ первые изслѣдователи считаютъ рѣку Тене, вытекающую на сѣверъ отъ Бафинга, главной вѣтвью Фалеме¹⁾, новѣйшие путешественники полагаютъ, что Тене спускается на сѣверо-западъ къ Бафингу²⁾, и что истокъ Фалеме находится сѣвериѣ; но никто изъ нихъ не прошелъ по долинамъ до слянія.

Послѣ соединенія съ Фалеме, Сенегаль не получаетъ болѣе притоковъ, текущихъ круглый годъ: это объясняется тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣка, направляясь на сѣверо-западъ, выходитъ изъ пояса обильныхъ дождей и вступаетъ въ среднюю зону, которая еще не пустыня, но уже область вѣтвистыхъ деревьевъ. На югѣ, въ территоріи Ферло, почва дотого ровная, что не представляетъ ската для теченія водъ; они застаиваются въ видѣ лужъ и испаряются. Съ сѣверной стороны, благодаря отлости почвы, уади еще вырываютъ себѣ русло въ бокахъ сахарскихъ плато и спускаются по направленію къ Сенегалу, но катятъ воду до этой рѣки только въ періодъ дождей. Многие изъ этихъ временныхъ потоковъ оканчиваются даже солянными лужами, которые при большей сухости климата превратились бы въ солончаки, подобные тѣмъ, которые находятся въ Иджилѣ и въ другихъ частяхъ пустыни. Собственно Сахара не достигаетъ береговъ Сенегала. Карлъ Риттеръ въ своемъ описаніи Африки высказываетъ предположеніе, что напоръ песковъ, приносимыхъ сѣверными вѣтрами, способствовалъ отклоненію теченія Сенегала къ западу; но характеръ мѣстности на сѣверѣ рѣки, по крайней мѣрѣ выше дельты, не оправдываетъ этой догадки.

Объемъ жидкой массы, катимой рѣкою, постепенно уменьшается во время засухъ; развертываясь длинными излучинами, потокъ огибаетъ многочисленные острова, между прочимъ, длинную намывную землю Бильбасъ и островы Морфиль, или «Слоновой кости», получившій это название отъ слоновъ, которые прежде води-

лись на немъ. Многочисленные пороги заграждаютъ въ разныхъ мѣстахъ дно ложа, хотя ни одинъ изъ нихъ не имѣеть достаточной высоты, чтобы совершенно задерживать потокъ. Бездѣ ручейки, если не цѣлый водный площади, болѣе или менѣе широкія, соединяютъ послѣдовательные озерные резервуары рѣки; но когда уровень Сенегала спускается до низшаго предѣла, барки лишь съ большимъ трудомъ могутъ форсировать проходъ; прибрежные жители, когда имъ надобно попасть на другой берегъ, чтобы производить мѣну или войну, переходятъ рѣку прямо въ бродъ. Въ 1860 г., въ самый разгаръ сухаго сезона, изъ Сен-Луи была отправлена, подъ начальствомъ Браунзека, экспедиція въ Бакель водянымъ путемъ, для точнаго опредѣленія уровня рѣки и съемки на планъ наиболѣе опасныхъ проходовъ. Лодки, взятые подъ экспедицію, имѣли съ грузомъ не болѣе 60 сантиметровъ водоуглубленія; безъ груза же, осадка ихъ составляла всего только 35 сантиметр., и несмотря на то, пришлось тридцать пять разъ тащить ихъ по неровному песчаному или каменистому дну, гдѣ слой воды не превышалъ нескольки мѣтровъ; на одномъ изъ пороговъ ручеекъ имѣлъ всего пять сантиметровъ толщины. Экспедиція употребила цѣлыхъ двѣ недѣли, чтобы протащить лодки по мелямъ около Верма, въ небольшомъ разстояніи ниже Бакель: все путешествіе продолжалось 79 сутокъ¹⁾. Раффенель разсказываетъ, что въ былое время мавры имѣли обыкновеніе ставить преграду навигаціи, клади древесный стволъ поперекъ фарватера: при помощи этого средства имъ легко было обирать проѣзжихъ купцовъ. Если въ нижней части своего теченія Сенегаль болѣе глубокъ, такъ что маленькие пароходы могутъ подниматься до Мафу, выше Подора, т. е. на 306 километровъ вверхъ отъ устья, то это только благодаря тому, что морской приливъ усиливаетъ рѣчной потокъ. Нижний Сенегаль превращается въ лиманъ. Прѣсная вода, болѣе легкая, скользитъ по поверхности, тогда какъ морской потокъ, болѣе тяжелый, движется по дну рѣчного ложа и поднимается къ верховью. По мѣрѣ того, какъ продолжается засуха, соленость жидкой массы возрастаетъ, и приливная волна, которая сначала только гонитъ обратно прѣсныя воды, въ концѣ концовъ разносить соль по всему нижнему руслу на 75 километровъ отъ устья. Истеченіе Сенегала (объемъ протекающей въ единицу времени воды) въ періодъ мелководья, по приблизительному исчислению, составляетъ всего только 50 кубич. метровъ въ секунду.

Большіе дожди, которые начинаются въ маѣ въ горахъ Фута-Джаллонъ, области истоковъ

¹⁾ Lambert, „Tour du Monde“, 1861.

²⁾ Noirot, „A travers le Fouta-Djalon et le Bamouc“.

¹⁾ Braonzez, „Revue Maritime et Coloniale“, janvier — février 1861.

Бафинга и Фалеме, совершенно измѣняютъ порядокъ теченія рѣки. Воды быстро поднимаются, и впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, съ юнія-юля до октября, большіе, глубоко сидящіе наводненія уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ морю. Но сила теченія отбрасываетъ тогда морскія воды, которая въ сухое время года пробирались по дну рѣчного ложа; вода Сенегалъ

Общий видъ Медина.

пароходы могутъ подниматься вверхъ по Сенегалу до водопада Фелу: въ Бакель уровень разлива достигаетъ и даже переходитъ за 15 метровъ, въ Матамъ онъ равняется 9 или 10, въ Подорѣ 6, въ Даганѣ 4 метрамъ. Высота

гала становится совершенно прѣсной передъ Сен-Луи, она проникаетъ даже въ море, и карабли, плывущіе противъ тѣхъ береговъ, издали узнаютъ входъ рѣки по широкой желтоватой полосѣ, разстилающейся среди синихъ

впрочемъ, кажется, не оправдывается фактами, въ давнія времена Сенегаль продолжалъ свое теченіе къ юго-западу, подъ защитой цѣли Кайорскихъ дюнъ, и изливался въ заливъ Дакарь. Правда, тамъ, также какъ на сѣверѣ отъ Сенегала, дождевыя воды скопляются у основанія дюнъ, вдоль ихъ континентальнаго ската, и образуютъ цѣль *ниайе*, лужь и даже маленькихъ озеръ, похожихъ на покинутое русло рѣкі. Но эти внутреннія водныя площади недостаточно обильны, чтобы прорвать береговой кордонъ, отдѣляющій ихъ отъ моря; смотря по времени года, онѣ то увеличиваются, то уменьшаются въ протяженіи, заражая атмосферу своими болотными испареніями. Никакого слѣда рѣчного ложа не видно въ этой области: почва состоить изъ плотной глины, а въ сосѣствѣ Зеленаго мыса, массива изъ эруптивныхъ базальтовъ, на который опирается цѣль береговыхъ дюнъ, глины прикрыты желѣзистымъ конгломератомъ, содержащимъ болѣе трети чистаго металла¹⁾. На югѣ отъ остроконечнаго полуострова Зеленаго мыса морской берегъ загибается къ юго-востоку, описывая дугу, соотвѣтствующую дугѣ дюнъ Кайора. На этомъ берегу есть нѣсколько ручейковъ, которые изливаются въ море, закривляя свои устья къ югу, подобно устьямъ Сенегала; но за Гамбіей только одинъ большой лиманъ прерываетъ кривую побережья: это заливъ, усыпанный островами и защищаемый съ западной стороны длиннымъ полуостровомъ Сангомаръ, выступъ котораго имѣеть форму наконечника гарпуна; на сѣверо-восточной оконечности заливъ этотъ соединяется съ рѣкой Салумъ, судоходной на протяженіи около сотни километровъ отъ устья.

Годъ Сенегала представляетъ два периода, почти равной продолжительности,—сухой сезонъ, который соотвѣтствуетъ лѣту южнаго полушарія, съ конца ноября до начала июня, и зимній сезонъ, во время котораго солнце находится въ зенитѣ тропическихъ странъ сѣвера: это—въ одновременіе лѣта по жарѣ и зимы по обилию дождей. Въ сухое время года господствуютъ пассаты, прерываемые иногда, вблизи моря, мѣстными бризами, дующими съ сѣверо-запада и съ запада. Благодаря этимъ атмосфернымъ токамъ, равнодѣйствующая которыхъ имѣеть направленіе сѣверо-сѣверо-востокъ, благодаря также умѣряющему вліянію морскаго теченія, которое движется вдоль берега, приходя съ сѣвера,—температура на всемъ побережье относительно прохладная; она колеблется около средней въ 20 или 21 градусъ по Цельзію и никогда не поднимается до той степени, какой она достигаетъ иногда въ нѣкоторыхъ частяхъ

Франції¹). Но внутри страны сухое время года распадается на два периода, которые можно назвать тѣмъ же именемъ, какъ соотвѣтствующіе сезоны западной Европы,—зима и весна. Первый периодъ, т.-е. зима, въ самомъ дѣлѣ, отличается, если не холодной, то по крайней мѣрѣ умѣренной температурой ($25^{\circ},9$); весна, во время которой дуютъ восточные вѣтры, приносящіе раскаленный воздухъ пустыни,—самая жаркая пора ($32^{\circ},2$ Ц.), и европейскіе резиденты съ нетерпѣніемъ ждутъ наступленія зимняго сезона, который по крайней мѣрѣ принесетъ имъ относительную прохладу. Пере мены временъ года обыкновенно возвѣщаются «торнадосами», маленькими мѣстными циклонами, продолжающимися не болѣе часу, которые почти всегда начинаются на юго-востокѣ и затѣмъ описываютъ почти полный кругъ, проходя послѣдовательно черезъ востокъ, сѣверъ и западъ. Это сильные вихри, довольно опасные, когда они не сопровождаются дождемъ²⁾.

Зимній сезонъ не представляетъ того же постоянства въ своихъ явленіяхъ, какъ сухое время года; его первый и послѣдній мѣсяцы, июнь и ноябрь, имѣютъ переходный характеръ. Въ средніе четыре мѣсяца, когда сезонъ прочно установился, вѣтры всегда слабы и перемѣнчивы, средняя температура (27°) представлять лишь легкія колебанія, воздухъ насыщенъ парами, дожди и грозы часты, рѣка выступаетъ изъ береговъ и болота наполняются водой; прежде этотъ періодъ называли «высокимъ сезономъ», по причинѣ разливовъ рѣкъ³⁾. Отъ морскаго берега до внутреннихъ областей климатическая условія мало разнятся: низкія давленія атмосферы, обильные дожди, неправильные вѣтры, высокія температуры—всѣ эти явленія одинаковы въ Бакелѣ и въ Сенѣ-Луи. Впрочемъ, дожди начинаются раньше внутри страны, чѣмъ на побережье. Въ Гореѣ зимній сезонъ значительно длиннѣе, нежели въ Сенѣ-Луи; уже около половины июня штили и перемѣнны вѣтры возвѣщаютъ наступленіе дождей, а около 15 или 20 ноября вѣтры сухаго времени года разгоняютъ послѣднія облака. Въ цѣломъ, дождливый періодъ Сенегала далеко не такъ обиленъ влажностью, какъ тотъ же періодъ въ большинствѣ другихъ тропическихъ странъ. Это зависитъ отъ того, что Сенегаль находится на окраинѣ пустыни и въ извѣстной мѣрѣ причастенъ къ климату. Тогда какъ на Канарскихъ или Антильскихъ островахъ сѣверо-восточные вѣтры, т.-е. пассаты, регулярно приносятъ облака и дожди, доставляемые имъ морскими испареніями, тѣ же вѣтры, пройдя надъ пу-

¹⁾ Bordier, „Colonisation scientifique et les colonies franÃ§aises“.

²⁾ Borius, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Labarthe, „Voyage au SÃ©nÃ©gal“.

стынными пространствами Сахары, являются полуострова, открытого морскимъ вѣтрамъ, уже сухими въ предѣлы Сенегала. Въ среднемъ Сен-Луи насчитываетъ у себя только дожди обильнѣе по крайней мѣрѣ на четверть; но и тамъ они менѣе значительны, чѣмъ во

Типы племени фелуповъ.

около тридцати дождливыхъ дней въ году, и количество выпадающей тамъ впродолженіи года дождевой воды не достигаетъ даже пол-метра. Въ Горѣ, лежащей южнѣе и вблизи

Франціи, странѣ умѣренного пояса. Дожди эти выпадаютъ почти исключительно въ зимній періодъ; въ сухое время года бываютъ лишь случайные ливни, а въ мартѣ мѣсяцѣ *

ихъ никогда не наблюдали. Въ мѣстностяхъ по верхнему Сенегалу годовое количество дождей, еще не измѣренное точнымъ образомъ, повидимому, значительне, чѣмъ на морскомъ прибрежье. Въ Кита дожди сырого сезона въ 1882 г. составляли 1.274 миллиметра,—количество, втрое большее того, какое выпадаетъ въ Сенъ-Луи впродолженіи цѣлаго года ¹⁾.

	Самый холодный мѣсяцъ.	Самый теплый мѣсяцъ.	Сухой сезонъ.	Зимний сезонъ.	Годовая температ.	Дожди.
Сенъ-Луи.....	Мартъ:	19°,2	Сентябрь	28°	20°,3	23°,2 0,403 мет.
Горея.....	Февраль:	18°,9	"	27°,0	20°,6	23°,8 0,553 "
Дагава.....	Декабрь:	21°,3	Октябрь	28°,3	21°,3	23°,9 "
Бакель.....	Январь:	24°,7	Май	32°,9	29°,1	28°,7 0,550 "
Медина.....	Декабрь:	25°,2	"	36°,4	30°,1	29°,7 29°,9

Расположенная на границѣ двухъ поясовъ, Сахары и Судана, французская Сенегамбія по своей флорѣ принадлежитъ къ обѣмъ этимъ областямъ. На сѣверѣ отъ рѣки растительность сходна съ растительностью соседнихъ степей Сахары: на югѣ она принимаетъ тропическую физіономію, и разнообразіе формъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ экватору. Между растительными видами иѣкоторые свойственны исключительно Сенегамбіи, или находятся тамъ въ центрѣ ихъ области распространенія; но въ цѣломъ эти области далеко не отличаются такимъ богатствомъ флоры, какъ другія тропическія страны. Впродолженіи пяти лѣтъ ботаническихъ изслѣдованій натуралисты Ленріеръ и Перротеть собрали всего только 1.600 растительныхъ формъ,—добыча чисто-жная въ сравненіи съ необычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ флоры Индіи, Австралии, Южной Америки ²⁾). Въ Сенегалѣ встречаются даже обширныя пространства, где небольшое число растеній живутъ обособленными обществами, не заключающими въ себѣ другихъ видовъ: это саванны, покрытыя злаками. Пастухи пускаютъ по степи огонь въ сухое время года, когда прекращается движение сока въ стебляхъ; трава, спаленная преждевременно, не обугливается до корня и оставляетъ по себѣ живо, которое сильно колетъ босыя ноги путника ³⁾). Лѣса изъ большихъ деревьевъ рѣдки, благодаря этимъ паламъ и обычаю пастуховъ срубать молодыя деревца, чтобы скоту удобнѣе было доставать листву.

Подобно соотвѣтствующимъ областямъ Ну-бии, гдѣ также есть травяные степи, Сенегалъ имѣть много деревьевъ, выдѣляющихъ камедь. Акаціи покрываютъ цѣлую территорію, особенно на сѣверѣ отъ рѣки; даже на югѣ самое обыкновенное дерево—акація-адансонія, или *gouiake*: древесина ея, очень твердая, но очень тонкая, доставляетъ нужные для судостроенія кривыя балки, отличающіяся, гово-

Градъ, почти неизвѣстный въ большинствѣ тропическихъ странъ, не рѣдокъ въ Каартѣ, гдѣ его называютъ «твердой водой»; у туземцевъ онъ слыветъ драгоценнымъ цѣлебнымъ средствомъ, и чтобы подольше сохранить собранныя градины, ихъ кладутъ межъ двухъ слоевъ песку ⁴⁾). Температуры и дожди въ различныхъ мѣстахъ Сенегала ⁵⁾:

	Самый холодный мѣсяцъ.	Самый теплый мѣсяцъ.	Сухой сезонъ.	Зимний сезонъ.	Годовая температ.	Дожди.
Сенъ-Луи.....	Мартъ:	19°,2	Сентябрь	28°	20°,3	23°,2 0,403 мет.
Горея.....	Февраль:	18°,9	"	27°,0	20°,6	23°,8 0,553 "
Дагава.....	Декабрь:	21°,3	Октябрь	28°,3	21°,3	23°,9 "
Бакель.....	Январь:	24°,7	Май	32°,9	29°,1	28°,7 0,550 "
Медина.....	Декабрь:	25°,2	"	36°,4	30°,1	29°,7 29°,9

рять, большой прочностью. На побережьяхъ характеристическими деревьями, благодаря своимъ громаднымъ размѣрамъ, являются древесные представители семейства мальвовыхъ—могучій баобабъ и бавольникъ (*bombax*). Эти огромныя развесистыя массы зелени, которыя моряки примѣ чаютъ издалека на высокихъ берегахъ или склонахъ холмовъ, служить имъ маяками во время дня; таковы баобабы Зеленаго мыса, обозначенные на всѣхъ морскихъ картахъ. Именно въ Сенегалѣ баобабъ (*adansonia digitata*) и былъ изученъ Адансономъ, имя котораго сдѣ лалось ботаническимъ названіемъ этого гиганта растительного царства; но уже въ началѣ шестнадцатаго столѣтія путешественникъ Кадамосто сообщалъ объ этихъ исполненныхъ деревьяхъ, стволъ которыхъ, по его словамъ, имѣть слишкомъ сто англ. фут., въ обхватѣ. Адансонія, или баобабъ, какъ известно, даетъ «обезьяній хлѣбъ», служащій пищей также и человѣку; изъ листьевъ его также приготовляютъ разныя кушанья и салатъ. Ментѣ знаменитый, чѣмъ баобабъ, бавольникъ превосходитъ его, однако, толщиной и величиной видомъ; стволъ у него правильнѣе, вѣтви расположены болѣе симметрично; его гигантскіе наружные корни представляютъ внутри обширные покоя, которые служатъ путешественникамъ кладовыми и спальнями, и подъ сводами которыхъ происходятъ совѣщенія, или «палабры» туземцевъ ⁶⁾). Бавольникъ—дерево-фетишъ по преимуществу; во многихъ мѣстахъ считается преступленіемъ занести на него топоръ; однако, между неграми находятся смѣльчаки, утилизирующие священное дерево и выдѣлывающіе изъ его ствола большія лады, поднимающія до двадцати тоннъ (около 1.250 пуд. груза) ⁷⁾). Пушокъ его плода, слишкомъ короткій и ломкій, не годится для тканья; тузымы употребляютъ его вместо грута.

¹⁾ Anne Raffenel, „Nouveau voyage dans le pays des Nègres“.

²⁾ Bories, „Climat du Sénégâl“.

³⁾ Mage;—Oliver de Sanderval etc.

⁴⁾ Fleuroit de Langle, „Croisière d'Afrique“.

⁵⁾ Dupont, „Revue Maritime et Coloniale“, 1883.

⁶⁾ Grisebach, „Végétation du Globe“.

⁷⁾ Ricard, „Le Sénégâl, étude intime“.

Семейство пальмъ представлено на Сенегалѣ видомъ, называемымъ *gopier*, который растетъ по берегамъ рѣки, и кроны котораго, съ конечнымъ листомъ въ формѣ потира, издали указываютъ на близость селений; стволъ усаженъ шипами, защищающими его отъ животныхъ; плоды, которые дѣлать послѣ проростанія, окружены сочной и сладкой тканью, очень приятной на вкус; древесина идетъ на гидравлическія сооруженія, сваи, набережные, запруды; оттого французское правительство, при заключеніи трактата съ маврами племени трарца, выговорило себѣ право собственности на пальмы этого рода, окаймляющія берега рѣки.— Кокосовая пальма теперь довольно многочисленна на нижнемъ Сенегалѣ, но это деревья чужеземнаго происхожденія: во время путешествія Лемера, въ концѣ семнадцатаго вѣка, ихъ еще не было въ этой странѣ. Что касается финиковой пальмы, то ее не видно ниже массива Фута-Джаллонъ и выше водопада Фелу, въ наибольшемъ числѣ она живеть въ сосѣдствѣ Бакеля и сліянія Сенегала съ Фалеме, но тутъ ея южный предѣлъ. Она не встрѣчается ни на верхней Фалеме, ни въ государствахъ Гамбіи; впрочемъ, финиковая пальма Сенегала, несмотря на то, что она находится здѣсь на южной окраинѣ своей зоны произрастанія, даетъ превосходные плоды. Въ лѣсахъ нѣть растеній, приносящихъ съѣдобныя ягоды, костянки или орѣхи. На берегахъ верхняго Сенегала и Фалеме утилизируютъ только маленький красный плодъ колючей юбы, называемой уолофами *сидомъ*. Въ Каартѣ и другихъ областяхъ верхняго бассейна виноградъ растетъ дико и даже приносить довольно вкусные гроздья; но, за исключеніемъ дѣтей, никто не думаетъ собирать этотъ плодъ. Попытки ввести во Франціи сенегальскій виноградъ не увенчались успѣхомъ, и даже на родинѣ не удалось развести его посредствомъ прививки¹⁾). Лучший столярный лѣсъ даетъ кайа (*saya senegalensis*), называемая обыкновенно сенегальскимъ краснымъ деревомъ. Кромѣ растительныхъ продуктовъ, уже известныхъ торговцамъ, натуралисты насчитываютъ сотни растеній, деревянистыхъ или травянистыхъ, отъ которыхъ можно бы было утилизировать сѣмена, корни, кору, сокъ, камедь, листья или плоды. Между этими видами, которые путешественникъ, прѣѣзжающій съ сѣвера, встрѣчаетъ въ первый разъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и, кажется, наилучше эксплоатируемый съ промышленной точки зренія—*карите* или бассія (*bassia Parkii*), распушная по берегамъ Бахая, Фалеме и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, которую за маслянистое вещество, содержащееся въ ея орѣахъ (*се на языке туземцевъ, chea по-англійски*) прозвали

«маслянымъ деревомъ»; кромѣ того, бѣловатое выдѣленіе, образующееся между корой и древесиной, даетъ родъ каучука. Что касается *кола* или *гуру* (*sterculia acuminata*), орѣхи котораго, высоко цѣнныя, какъ аперитивное и укрѣпляющее средство, сообщаютъ пріятный вкусъ даже испорченной водѣ, то это дерево образуетъ большие лѣса въ области верхняго Сенегала и въ горахъ Фута-Джаллонъ; но главное мѣсто его произрастанія—это «Рѣки Юга».

По своей фаунѣ, какъ и по флорѣ, Сенегаль принадлежитъ къ двумъ сопредѣльнымъ областямъ Сахары и Судана. Въ степяхъ сѣвера и въ степяхъ территории Фута живутъ страусы, на которыхъ охотятся арабы, и которыхъ легко приручаются во многихъ деревняхъ, несмотря на опасность, которую представляетъ глупый вкусъ этого животнаго ко всему блестящему, «все равно—будутъ ли то драгоценныя камни или глаза ребенка»²⁾). Въ травяныхъ равнинахъ, усыпанныхъ группами деревьевъ и лѣсками, которые простираются на югъ отъ большаго изгиба Сенегала, по направлению къ Салуму и Гамбіи, встрѣчаются еще жирафовъ и разныя породы антилопъ. Въ хорошо орошаемыхъ и плодородныхъ областяхъ, но вдали отъ населенныхъ мѣсть, водятся стада слоновъ: въ началѣ восемнадцатаго вѣка ихъ видали большими компаниями, въ сорокъ или пятьдесятъ головъ, мирно пасущимися въ степи, или на поляхъ туземцевъ³⁾; еще въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія случалось, что слоны подходили къ самой рѣкѣ, въ сосѣдствѣ озера Паніефуль, или даже переправлялись черезъ это озеро, чтобы идти на пастьбу въ саванны нижней дельты; но вслѣдствіе того, чтобы научиться приручать это могучее и умное животное, какъ это дѣлаютъ въ Азіи, какъ дѣлали нѣкогда въ Карабагенѣ, здѣсь прилагаются старанія только къ тому, чтобы истребить его окончательно. Бегемотъ не исчезъ еще изъ водъ верхняго Сенегала и его боковыхъ потоковъ. Во всѣхъ лѣсныхъ чащахъ укрываются дикие кабаны. Изъ четверорукихъ въ области поморья встрѣчаются только сѣрыя обезьяны, въ лѣсахъ же внутренней части страны водятся во множествѣ собаколовые представители этого семейства. На берегу верхняго Бахоя, одна гора съ правильными уступами образуетъ огромную лѣстницу, каждая ступенька которой кипитъ обезьянами, сидящими на выступахъ скалы, или упѣшившимися за вѣтви деревьевъ, нависшія надъ обрывомъ горы. Мажъ говорить, что толпа павіановъ, привѣтствовавшая его бѣшенымъ лаемъ, по приблизительному разсчету, состояла по малой мѣрѣ изъ шести тысячъ особей³⁾). Павіаны живутъ маленькими республиками вблизи воздѣланныхъ мѣстно-

¹⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

²⁾ Labat, цитированное сочиненіе.

³⁾ „Voyage dans le Soudan occidental“.

стей: они большие враги земледельція, и дѣти постоянно заняты охраненіемъ полей отъ ихъ набѣговъ; впрочемъ, есть племена, около Бакеля, которыхъ утверждаютъ, что они заключили мирный трактатъ съ обезьянами, и что, благодаря этому, ихъ посѣбы обезпечены отъ всякихъ потравъ со стороны четверорукыхъ сосѣдей¹). Уинвудъ Ридъ говоритъ, что павіаны иногда бросаются толпой на барса и убиваютъ его, потерявъ большое число своихъ бойцовъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Сенегамбіи совсѣмъ нѣтъ плотоядныхъ животныхъ: такъ, напримѣръ, въ горахъ Фута-Джаллонъ ихъ не видно, тогда какъ въ Бамбукѣ, напротивъ, они водятся во множествѣ²). Левъ безгривый, но такихъ же крупныхъ размѣровъ, какъ и «господинъ» Атласа, живетъ преимущественно въ степахъ на сѣверѣ и югѣ отъ Сенегала; въ сухое время года его часто видать даже въ сѣдѣствѣ Даганы. Когда въ его страшные когти попадется быкъ, онъ пожираетъ внутренности жертвъ, затѣмъ уходить, завида приближающимся пастуховъ, которые и дѣлять между собой части добычи, оставленныя звѣремъ. Рассказываютъ, что льва убиваютъ палками, когда онъ заберется въ паркъ; люди окружаютъ его и бьютъ по ноздрямъ въ тотъ моментъ, когда онъ ищетъ выхода, затѣмъ добиваются ударами дубинъ³). Говорятъ также, на берегахъ Сенегала, какъ и въ Мавританіи, что левъ никогда не нападаетъ на женщину и всегда уступаетъ ей дорогу при встрѣчѣ⁴). Туземцы съ ужасомъ рассказываютъ о черномъ лѣвѣ Джолофской области, который, будто-бы, нападаетъ на человѣка. Ни одинъ европейскій охотникъ не видалъ еще этого страшного звѣря, но часто встрѣчаютъ другихъ хищниковъ, пантеръ, гепардовъ, тигрокотовъ и дикихъ кошекъ, рысей, гиенъ и шакаловъ. Уолофы охотятся только на мелкую дичь, на одного грызуна, похожаго на зайца, да на бурундука, напоминающаго бѣлку. Ихъ домашняя собака—животное презираемое, и для охоты ею не пользуются. Что касается привозныхъ собакъ, то они не акклиматизируются: теряютъ чутѣе, чахнутъ и издыхаютъ отъ анеміи.

Миръ птицъ очевѣдь богачъ въ сѣдѣствѣ лѣсовъ и болотъ: во французскомъ Суданѣ можно видѣть живыя драгоценности, похожія на колибри Нового Свѣта,—суманги, сверкающія золотомъ и сталью черточки, которыхъ то тутъ, то тамъ блеснутъ на мгновеніе между зеленыхъ листьевъ⁵). Воробы, которыхъ земледѣльцы окрестили общемъ именемъ «просо-ѣдовъ», представляютъ въ Сенегалѣ большое разнообразіе видовъ, и многіе изъ нихъ, сене-

гальскій воробей (*sénégali*), кардиналь, вдовка, привозятся даже въ птичники Европы за ихъ красоту. Сенегальскій попугайчикъ, тоже очень опасный врагъ сѣятелей проса, охотно пріобрѣтается въ Сен-Луи птицеторговцами. Аистъ-марабу привлекаетъ охотниковъ красотой своихъ перьевъ и нѣжностью пуха; подобно черному аисту, онъ нападаетъ на гадовъ всякаго рода, на ящерицъ-уарановъ, на ядовитыхъ змѣй, на зеленаго ужа, даже на маленькихъ удавовъ. Другой аистъ, называемый «вѣдуномъ», безъ сомнѣнія, потому, что ему приписываютъ какую-нибудь волшебную силу, какъ туземнымъ скоморохамъ, пользуется уважениемъ у всѣхъ чернокожихъ: обычай запрещаетъ убивать эту птицу. Изъ рыбъ, населяющихъ рѣку и ея боковые потоки или лагуны, замѣчателенъ электрический угорь; въ Сенегалѣ водятся два вида крокодила—«тотъ, который есть человѣкъ», и тотъ, котораго есть человѣкъ; наконецъ въ водахъ нижней сенегальской дельты, кажется, еще существуетъ раса ламантиновъ, или морскихъ коровъ.

Съ этнографической точки зрѣнія Сенегаль—тоже переходная страна; жители его представляютъ собою непосредственный контрастъ расъ, пришедшихъ съ побережья Средиземнаго моря и изъ центра Африки: арабизованные берберы и негры живутъ бокъ-о-бокъ въ этой промежуточной области между двумя поясами.

«Мавры» Сенегала, хотя они съвернаго происхожденія и прежде называли себя вассалами мароккскаго султана, не имѣютъ ничего общаго съ маврами городовъ Берберіи, кромѣ имени, языка и религіи. Названные нѣкогда этимъ именемъ португальцами, какъ и всѣ другіе магометане, сенегальскіе мавры не цивилизованные горожане, какъ хадри Мавританіи: большинство ихъ, напротивъ, ведутъ кочевой образъ жизни, переходя отъ становища къ становищу, вслѣдь за своими стадами, и охотясь въ равнинахъ на звѣря или на человѣка. Происходя отъ берберовъ зенага или азенаговъ, которые дали свое имя главной рѣкѣ страны, они скрестились съ арабами и смѣшились въ сильной степени съ покореннымыи черными населеніями: по костюму и кочевому образу жизни они походятъ на арабскія племена Алжиріи. У нихъ можно различить цѣлый рядъ типовъ, отъ типа смуглого европейца, съ широкимъ челомъ, прямымъ носомъ, тонкими губами, до типа негра, въ плоскими чертами, толстыми губами, курчавыми волосами. Впрочемъ, эти различія физическихъ признаковъ соответствуютъ въ большей части различію касть и состояній. Бѣлые, арабы или берберы, представлены въ мавританскихъ племенахъ Сенегала по преимуществу гассанами, или «конными людьми», и марабутами, или духовными лицами. Тѣ и другіе считаютъ себя гораздо выше мавровъ низшихъ касть, какъ

¹⁾ César Rocx, рукописныя замѣтки.

²⁾ Bayol, цитиров. мемуаръ.

³⁾ Gallieni, „Voyage au Soudan franÃ§ais“.

⁴⁾ Ricard, цитиров. сочиненіе.

⁵⁾ Anne Raffenel, „Voyage dans l'Afrique occidentale“.

благородные, какъ бѣлые, какъ члены господствующаго класса, какъ завоеватели и какъ исконные мусульмане; они называютъ ихъ презрительной кличкой: *ліхме*, т. е. «мясо». Гассаны обираютъ своихъ подданныхъ посредствомъ материальной силы; марабуты обогащаются на ихъ счетъ при помощи знахарства и колдовства: «помни, что марабутъ долженъ всегда получать и никогда не давать», говорилъ одинъ изъ этихъ хищниковъ путешественнику Рене-Калье. «Благодарность — добродѣтель данниковъ и рабовъ, она недостойна людей вышихъ». Порабощенные, которые одни могутъ считаться

къ сѣверу отъ нижняго Сенегала, свидѣтельствуютъ о живучести берберскихъ идіомъ между азенагами; одинъ діалектъ древнаго языка сохранился только у нѣкоторыхъ народцевъ трапца, между марабутами,¹⁾ и у народца ламтуна, принадлежащаго къ большому союзу племенъ дуаишъ. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ преобладающимъ сдѣлалось нарѣчіе арабскаго языка, называемое *бейданъ*²⁾. Каково бы, впрочемъ, ни было ихъ происхожденіе, мавры отличаются гордымъ взглядомъ и благородствомъ осанки; они неутомимы въ ходьбѣ и удивительно умѣренны въ

Типъ племени трапца.

истинно благородными, такъ какъ они происходятъ отъ первыхъ владѣльцевъ края, составляютъ массу коренного зенагскаго населения; затѣмъ ниже ихъ стоять пѣнники, почти исключительно негры разныхъ племенъ, пріобрѣтенные путемъ завоеванія или купли во всѣхъ частяхъ Судана. По приблизительному разсчету Беранже-Феро, бѣлые не превышаютъ одной двадцатой между сенегальскими маврами; къ чернокожимъ принадлежитъ половина общаго числа жителей, а остальная часть состоять изъ метисовъ, прописавшихъ отъ смѣшанія берберовъ и арабовъ съ неграми. Многія названія мѣсть, особенно въ западной части области мавровъ,

пишѣ, когда не живуть на счетъ иностранца. Такъ какъ для женщинъ дородность считается необходимымъ элементомъ красоты, то высокородные мавританки подготавливаются къ браку прохожденіемъ черезъ періодъ откармливанія: для этой цѣли ихъ посыпаютъ къ данникамъ, славящимся молокомъ своихъ стадъ. Тамъ матроны упитываются ихъ просомъ, молокомъ и масломъ, помогая массажемъ постепенному растяженію кожи. У многихъ мавританскихъ племенъ родители заботятся также о томъ, чтобы у ихъ дочерей верхніе рѣзы выдава-

¹⁾ Faidherbe, „Notice sur la colonie du Sénégal“;— Bourrel, „Revue Maritime et Coloniale“, 1861.

²⁾ Paul Solillet, „Journal officiel“, 13 avril 1879.

лись впередь, такъ чтобы приподнимали верхнюю губу и опирались на нижнюю. Какъ только первые зубы вполиѣ выйдутъ изъ своихъ луночекъ, ихъ выдергиваютъ щипцами, и когда начинаютъ расти вторые зубы, девочки, постоянно дѣйствуя пальцами и языкомъ, даютъ имъ желаемое направлениѣ¹⁾.

Какъ магометане, мавры Сенегала всегда дѣйствовали дружно противъ ненавистнаго христіанина, несмотря на взаимную внутреннюю вражду касть и племень. Французы не могли покорить ихъ, съя между ними раздоры. Несмотря на свою малочисленность сравнительно съ чернымъ населенiemъ сенегальского бассейна, они оказывали гораздо болѣе энергичное сопротивленіе нападеніямъ бѣлыхъ: впрочемъ, они были только оттѣснены, и территорія ихъ не завоевана. На войнѣ они же стоки и беспощадны. Послѣ побѣды, они остаются въ живыхъ только женщины и дѣти; оттого старики, зная заранѣе, что имъ предстоитъ насильтвенная смерть, дерутся до послѣдняго издыханія. У негровъ есть много поговорокъ, свидѣтельствующихъ о ненависти, которую они питаютъ къ мавру, ихъ угнетателю. «Палатка не укрываетъ ничего порядочнаго, кромѣ коня, который носить ее на своей спинѣ». «Если встрѣтишь на твоей дорогѣ мавра и ехидну, убей мавра». Таковы обычныя присловья уолофовъ. Впрочемъ, эта ненависть совершенно понятна, если принять въ соображеніе, что съ чернокожими плѣнниками ихъ мусульманскіе хозяева обращаются всегда суровѣе, нежели съ другими невольниками. «Надо давить народъ и держать его въ бѣдности, чтобы онъ былъ покоренъ и почтителенъ», говорить арабскіе господа²⁾. Однако, эти самыя арабамъ, столь страшныя и ненавистныя черному люду, съверная Сенегамбія въ недавнемъ прошломъ была обязана всѣмъ своимъ торговымъ движениемъ и экономическимъ значенiemъ. Безъ нихъ не было бы торгового обмѣна; иностраннымъ купцамъ никогда не удалось бы основать на берегахъ рѣки конторы и пристаней, которыхъ сдѣлались этапными пунктами на дорогѣ къ Нигеру.

Племена мавровъ дѣлятся до безконечности: скора, наслѣдство, какая-нибудь случайность служатъ поводомъ къ дробленію; брачный союзъ, мирный трактатъ, разныи другія обстоятельства могутъ сгруппировать ихъ снова. Они различаются особенно образомъ жизни: одни изъ нихъ воспитываютъ только барана, другие держать стада быковъ зебу, иные пасутъ верблюда или дрессируютъ лошадь. Естественное общее дѣленіе племенъ — это дѣленіе на «съверныхъ» мавровъ, которые никогда не покидаютъ сопредѣльная съ пустыней плоско-

горья, и «южныхъ», или гебла, которые ко- чуютъ между пристанями рѣки и внутренними становищами. Ради удобства торговыхъ сношений, французы раздѣлили кочевые племена на три главныя группы, на которыхъ и возложили коллективную отвѣтственность за соблюдение договоровъ. Эти три группы — тrarца, бракна и дуашть. Съ тѣхъ поръ, какъ имъ навязаны французы изъ Сенъ-Луи формальная конвенція, предѣлы ихъ территорій строго установлены на югѣ; теперь они могутъ переходить Сенегалъ не иначе, какъ въ качествѣ гостей и друзей. Если мавританское племя дакалифа живеть на лѣвомъ берегу рѣки, къ западу отъ озера Паніефуль¹⁾, то это потому, что оно само просило позволить ему оставаться въ краѣ, предпочитая лучше сдѣлаться данникомъ, чѣмъ подвергаться случайностямъ кочевой жизни среди враговъ или опасныхъ союзниковъ.

Негры уолофы помнятъ еще то время, когда территорія Ганара, на съверѣ нижняго Сенегала, была занята ихъ племенемъ, такъ какъ они населяли деревни и обрабатывали землю на берегахъ озера Кайорт; но сосѣдство грабителей тrarца заставило ихъ удалиться оттуда, и въ концѣ концовъ, весь край, вплоть до самыхъ воротъ города Сенъ-Луи, перешель во владѣніе мавровъ. Тrarца, переправляясь черезъ рѣку во время мелководья, кочевали въ равнинахъ, простирающихся на югъ отъ Сенегала, въ территоріяхъ Димаръ и Кайортъ; они сдѣлались сюзеренами края и угрожали самому Сенъ-Луи; однажды даже произвели атаку на одну пригородную деревню. Война, предпринятая съ цѣлью изгнанія ихъ, продолжалась три съ половиною года; наконецъ, въ 1858 г., мавры, окончательно оттѣсненные на правый берегъ, принуждены были принять условия побѣдителя. Теперь тrarца занимаютъ на Сенегалѣ береговую полосу, длиной около 100 километровъ. Даѣ, вверхъ по теченію рѣки, расположены на вдвое большемъ пространствѣ прибрежныя становища группы бракна; еще выше слѣдуютъ кочевые дуашть (Ида-у-Аишъ), захватывающія по берегамъ рѣки область почти такого же протяженія. Къ съверу отъ этихъ трехъ группъ прибрежныхъ мавританскихъ народцевъ живутъ многія другія племена арабскія и берберскія, менѣе извѣстныя французамъ, потому что купцы ихъ рѣдко приходятъ на пристани для мѣноваго торга. Таково племя уладъ-эль-хаджъ, которое въ прошломъ столѣтіи находилось въ очень частыхъ сношеніяхъ съ французскими торговцами; таковы же, живущія восточнѣе, племена уладъ-эмбарекъ и сиди-махмудъ. Мавры этихъ послѣднихъ племенъ боятся проходить черезъ земли своихъ враговъ, дуашть, отдѣляющія ихъ отъ торго-

¹⁾ Bourrel; — Paidherbe; — Ricard, etc.

²⁾ Fr. Carrère et P. Holle, „De la Sénégambie fran-çaise“.

¹⁾ Azan, „Notice sur les Onalo“.

ыхъ конторъ на Сенегалъ. Они слынутъ искусствами охотниками на страуса: на своихъ быстрыхъ коняхъ они нагоняютъ бѣгущую гигантскими шагами птицу-великану и убиваютъ ее ударами большихъ свинцовыхъ пуль, привязанныхъ къ длинному ремню, избѣгая такимъ образомъ пролитія крови, которая могла бы испортить драгоцѣнныя перья¹⁾). Верблюдъ и быкъ-зебу служатъ выручными животными у всѣхъ мавританскихъ племенъ, живущихъ вдали отъ Сенегала; но верблюдъ, подобно своему хозяину, рѣдко переходить рѣку: сезонъ дождей гибель для него. «Бѣги изъ лѣсной стороны, гдѣ вѣтъ камней: она сокращаетъ жизнь верблюдовъ и людей», гласить мѣстная пословица.

Кромѣ мавровъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, живущихъ на правомъ берегу Сенегала, особнякомъ отъ негровъ, существуетъ еще, на обоихъ берегахъ рѣки, нѣсколько народцевъ-помѣсей, довольно многочисленныхъ, чтобы образовать особыя населенія, занимающія средину между расами, отъ которыхъ они произошли. Тѣ же самыеmetis, которые, между сенегальскими маврами, извѣсты подъ именемъ харатинъ, примѣняемыя также въ Марокко и въ Сахарѣ къ людямъ смѣшанной крови, называются вообще «Rogodnes» въ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ независимыми группами; но въ другихъ мѣстахъ это наименование даютъ чистокровнымъ неграмъ, находящимся въ рабствѣ у мавровъ²⁾). Вообще въ номенклатурѣ этихъ населеній, столь разнобразно смѣшанныхъ, царитъ большая путаница. Пересякающіяся имена имѣютъ различное или противоположное происхожденіе; одни произошли отъ названія жительства, другія отъ названія первоначальной родины; одни указываютъ происхожденіе или родство, другія напоминаютъ завоеваніе или рабство; иные имена принимаются какъ титулы славы, другія—даются какъ обидныя или презрительныя клички. Даже для главныхъ расъ Сенегала и французского Судана, каковы: фула, уолофъ, сараколе, мандинги, часто очень трудно сдѣлать точное раздѣленіе. Между всѣми этими этническими элементами уолофы и сараколе, повидимому, могутъ считаться потомками населеній, если не первобытныхъ (аборигеновъ), то по крайней мѣрѣ поселившихся въ краѣ прежде другихъ расъ³⁾). Уолофъ—это сенегалецъ по преимуществу.

Территорія, занимаемая уолофами, очень обширна; она обнимаетъ почти все пространство, ограниченное рѣками: Сенегаломъ, Фалеме и Гамбіей. Естественные области, гдѣ чернокожее населеніе состоитъ исключительно

изъ уолофовъ,—Уало, Кайоръ, Баоль, Джолофъ; послѣднее название напоминаетъ имя всей уолофской націи, но оно принадлежитъ только одной изъ ея племенныхъ группъ. Два центра французского господства: Сен-Луи и Дакарь находятся въ территории уолофовъ, и вездѣ въ Сенегамбіи, гдѣ основываются военные посты, поселяется уолофская колонія, принося свой языкъ и свои обычаи. По объясненію Тотена⁴⁾, название уолофъ значить «говорящіе», изъ чего можно заключить, что чернокожіе Кайора, подобно многимъ другимъ народамъ, въ томъ числѣ арийцамъ Индіи и древнимъ грекамъ, склонны были видѣть варваровъ или «депечущихъ» во всѣхъ людяхъ, говорящихъ на другомъ, непонятномъ имъ языке. Бартъ предлагалъ для имени уолофъ другое словоизвѣстство, которое, впрочемъ, едва-ли можно признать основательнымъ: по его мнѣнію, это наименование значить «черные», въ противоположность «краснымъ» или фула.

Уолофы, действительно,—черные изъ черныхъ. Хотя они живутъ не подъ экваторомъ, однако, кожа ихъ, глянцовитая, точно покрыта лакомъ, имѣть цветъ чернаго дерева; даже губы—и тѣ черныя, только болѣе матового оттѣнка, чѣмъ кожа на лицѣ⁵⁾). Они отличаются отъ большинства другихъ негровъ поморья своимъ слабымъ прогнатизмомъ; рѣзцы у нихъ едва наклонены; растительность на бородѣ скучная, и красавая гладкая кожа почти совершенно лишена волосъ. Уолофы—народъ рослый по большей части, и какъ мужчины, такъ и женщины, обладаютъ великолѣпнымъ бюстомъ по ширинѣ и силѣ; но нижніе члены относительно слабы, икры тонки, ступни плоски, и большой палецъ на ногѣ болѣе отдѣляется, чѣмъ у бѣлыхъ. У женщинъ крестецъ сильно развитъ, что происходитъ, можетъ-быть, частію оттого, что ношеніе ребенка на спинѣ, въ концѣ-концовъ, произвело анатомическое измѣненіе, передававшееся и фиксированное путемъ наследственности⁶⁾. Преданная мать, какъ почти всѣ африканки, сенегальская уолофка всегда носитъ на себѣ своего новорожденного, привязывая его платкомъ къ бедру; когда ребенку становиться нѣсколько мѣсяцевъ, старшая сестра завладѣваетъ имъ и привязываетъ его себѣ на спину, какъ это дѣлаетъ мать, чтобы послѣдней удобнѣе было работать: тамъ постоянно увидишь дѣвочекъ, разгуливающихъ съ бутылкой на спинѣ, для того, чтобы подготовиться къ живой ношѣ, которую имъ впослѣдствіи придется таскать на себѣ⁷⁾.

Уолофскій діалектъ, отличающійся отъ всѣхъ

¹⁾ Colin, „Revue Maritime et Coloniale“, 1883.

²⁾ Berchon, „Bulletin de la Societ e d'Anthropologie“, I, 1860.

³⁾ B renger-F rand, „Les peuplades de la S n gambie“.

⁴⁾ „Revue d'Ethnographie“, 1885.

⁵⁾ Topinard, „Revue d'Anthropologie“.

⁶⁾ Tautain, цитированный мемуаръ.

⁷⁾ De Poly, „Revue Contemporaine“, 25 sept. 1885.

других африканских наречий, представляет титул приставочного языка. Корни, почти все односложные и оканчивающиеся на согласную, определяются при помощи суффиксов и представляются одинъ къ другому, оставаясь неизменными въ своихъ различныхъ значенияхъ существительного, прилагательного, глагола или наречия. Эти суффиксы до бесконечности видоизменяютъ значение словъ, позволяя, напримѣръ, спрягать глаголы въ различныхъ видахъ и залогахъ, взаимномъ, эмфатическомъ, увеличительномъ или уменьшительномъ, ускорительномъ, повторительномъ, прерывательномъ, винословномъ или обычномъ: перемѣна конечного слога указываетъ каждое изъ этихъ значений¹). Нѣкоторые корни заимствованы изъ языковъ мандинговъ и фуловъ; техническія слова—даже арабскаго происхожденія; но въ цѣломъ уолофскій языкъ довольно чистъ. Какъ общеупотребительный языкъ торговли во всей Сенегамбіи, dialectъ этотъ получилъ капитальную важность; существуетъ даже нѣсколько относящихся къ нему специальныхъ работъ, изданныхъ въ разное время во Франціи и въ Африкѣ. Нигдамъ Кость²) перечисляетъ десять книгъ,—уолофскихъ грамматикъ, краткихъ словарей или сборниковъ словъ,—которые вышли въ свѣтъ съ 1825 года. Но языкъ этотъ не имѣть еще литературы въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ уолофы сохраняютъ свои пѣсни, сказки и пословицы только устно, по памяти, и за исключениемъ тѣхъ изъ нихъ, которые посѣщали школы, не знаютъ другихъ письменныхъ знаковъ, кроме арабскихъ буквъ на бумажкахъ, служащихъ амулетами.

Сенъ-Луи—городъ по преимуществу магометанскій, а Горея—городъ католическій. Большинство уолофовъ называютъ себя мусульманами, тогда какъ живущіе въ окрестностяхъ миссионерскихъ становъ претендуютъ на имя христіанъ. Главная разница между ними та, что у первыхъ имѣются гри-гри, содержащіе стихи изъ Корана, а послѣдніе носятъ медали и нарамники. Всѣ праздники, мусульманскіе или христіанскіе, справляются уолофами съ одинаковымъ энтузіазмомъ; кроме того, многие обряды языческой старины до сихъ поръ еще привлекаютъ толпу: такъ, напримѣръ, въ Гореѣ поимка акулы, затѣмъ тасканіе ея по улицамъ напоказъ вызываетъ неописанный восторгъ и ликованіе между неграми; всѣ работы, ради такого торжественнаго случая, простоянавливаются на цѣльные часы³). Большинство уолофовъ вѣрятъ въ домового и стараются задобрить его разными приношеніями; во многихъ домахъ покровителемъ семьи считаются ящерицу и свято соблюдаютъ обычай услу-

живать ей плошкой молока. Марабуты, которыхъ старины путешественники называли «чижиками», пользуются большимъ авторитетомъ: всѣ они знаютъ арабскій языкъ, и они же держать школы.

Языческіе обряды, такъ же какъ традиціонные нравы и учрежденія, тѣмъ лучше сохранились, что уолофы сельского класса живутъ въ мѣстахъ, менѣе подверженныхъ влиянию бѣлага населения городовъ Сенъ-Луи и Горея. Въ этихъ захолустьяхъ по-прежнему существуетъ строгое дѣление на касти. Въ установившейся тамъ искони общественной іерархіи за аристократіей «свободныхъ людей» слѣдуетъ нѣчто въ родѣ полу-аристократіи, внушающей большой страхъ, такъ какъ ее считаютъ происшедшій отъ брака мертвца съ живой женщиной; затѣмъ идутъ, въ нисходящемъ порядке, ремесленники—золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы, кожевники; производители сандалій, дающіе пѣвцы или гроты, люди, занимающіеся подлыми работами, наконецъ рабы⁴). Гроты, хотя безъ нихъ не обходится никакое празднество,—люди безправные: это существа презираемыя и презрѣныя, такъ какъ ремесло ихъ, подобное ремеслу цыганъ *lautari*, или «хвалителей», въ Румыніи, состоить въ томъ, чтобы восхвалять того, кто имъ платить, прославлять недостатки и пороки патрона, какъ достоинства и добродѣти, щекотать тщеславіе лживой лестью; они живутъ въ позорѣ, но иногда возстаютъ противъ своихъ обидчиковъ, и мщеніе ихъ страшно, ибо многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ колдуны и знахари, умѣющіе, при помощи своихъ чаръ и колдований, отправить врага на тотъ свѣтъ. Бываютъ также примѣры, что гроты или гротки выдѣляются изъ толпы скомороховъ, музыкантовъ и игроковъ на тамтамѣ, чтобы сдѣлаться импровизаторами и поэтами. Въ деревняхъ внутренней Сенегамбіи гротовъ даже не хоронятъ, какъ другихъ уолофовъ: тѣла ихъ кладутъ въ дупло деревьевъ, на съѣденіе дикихъ звѣрятъ; но они будутъ имѣть, по ихъ повѣрю, свое бессмертіе, особо отъ всѣхъ другихъ людей.

Браки между мужчинами и женщинами разныхъ касти не допускаются. Полигамія въ нравахъ населенія, и жена «привязана» къ мужу, какъ она въ девушки была привязана къ своему отцу; она не имѣеть личныхъ правъ, и когда мужъ умираетъ, она переходитъ во владѣніе своего деверя: она должна даже притвориться мертвой и лежать безъ движения, пока золовка не придетъ, такъ сказать, воскресить ее, облачая ее въ траурное платье. Обычай позволяетъ еще чинить судъ надъ умершими. Передъ погребеніемъ, сосѣди

¹⁾ Boilat, "Esquisses Sénégalaïses".

²⁾ "The modern languages of Africa".

³⁾ Bérenger-Féraud, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Taotain, цитированное сочиненіе;—Boilat, —Bérenger-Féraud, etc.

собираются, чтобы хвалить или порицать покойного, прославлять его добродѣтели или оплакивать его пороки. Но на краю могилы, все равно—будеть или не будеть она орошена кровью быка или другой жертвы,—должно относиться къ усопшему не иначе, какъ съ полнымъ доброже лательствомъ. Въ нѣкоторыхъ уолофскихъ земляхъ, между прочимъ, въ территории Баоль, снимаютъ кровлю съ хижины покойника и кладутъ ее на могилу, новое жилище потерянного друга. У всѣхъ уолофовъ, идолопоклонниковъ, магометанъ и христіанъ, сохранился еще трогательный обычай: впродолженіи цѣлаго года послѣ смерти обыкновенная доля пищи покойного отдается бѣдному сосѣду или невольнику. Возвращаясь съ кладбища или изъ дома, гдѣ есть покойникъ, нужно какъ можно дольше кружить и блуждать, какъ будто науачу, чтобы сбить съ толку духа зла, которому хотѣлось бы пробраться въ другую хижину и схватить новую жертву.

Древнее королевство Кайоръ, самое большое изъ уолофскихъ государствъ, не было уничтожено французами. Державѣцъ, который всегда принимаетъ ими собственное Дамель, назначается путемъ выбора, но долженъ быть избираемъ изъ членовъ семьи, пользующейся царской прерогативой; избирателей, которые сами лично не могутъ домогаться власти, всего только четверо. При избраниі на царство Дамель (или Будумель, какъ его называютъ старинные португальские авторы) получаетъ со судъ, въ которомъ, говорять, находятся съмена всѣхъ растеній, произрастающихъ въ Кайорѣ: онъ становится чрезъ этотъ символический обрядъ господиномъ почвы, и съ этого времени отъ него зависитъ обиліе жатвы. Затѣмъ онъ удаляется на восемь дней въ священный лѣсъ, чтобы подготовиться къ своей божественной миссіи. Еще не такъ давно территорія Уало, въ которой находится городъ Сенъ-Луи, тоже состояла подъ властью царька, называвшагося «бракъ», выборъ которого принадлежалъ двумъ избирателямъ: также обязанный принести благосостояніе въ страну, къ управлению которой онъ призывался, новоизбранный «бракъ» долженъ былъ войти въ рѣку, поймать рыбу руками и показать ее народу, какъ обѣщаніе счастливыхъ уолововъ. Власть его была упразднена въ 1858 г., и территорія присоединена къ французскимъ владѣніямъ. До вышательства европейцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ уолофскія земли, Кайоръ, Уало, Баоль, Сине, Салумъ и Джолофъ, признавали надъ собой власть сюзерена, называвшагося Буръ или «Великій Уолофъ»¹⁾, которому каждый второстепенный царекъ посыпалъ, въ знакъ преданности, барабанъ; къ этому верховному

повелителю приближались не иначе, какъ ползкомъ, съ обнаженной спиной и посыпанной пылью головой²⁾).

Политическимъ и соціальнымъ перемѣнамъ, введенными въ уолофскомъ мірѣ вліяніемъ европейцевъ, соответствуютъ глубокія преобразованія въ народномъ характерѣ туземцевъ. Уолофамъ все еще ставятъ въ упрекъ ихъ привычку къ беспорядочности и нечистотности, ихъ обжорство и пьянство; ихъ описываютъ какъ большихъ дѣтей, не способныхъ остановиться на какой-либо опредѣленной мысли, живущихъ только для наслажденія и хвастовства; но что бы ни говорили, совершившіяся перемѣны коснулись не одного только костюма: уолофы Сенъ-Луи не ограничились замѣной своей широкой блузы, «бубу», панталонами и курткой,—нѣть работы, которую бы они не исполняли съ радостью, когда взываютъ къ ихъ чувству чести; нѣть подвига человѣколюбія, ради которого они не выказали бы готовности жертвовать собой, когда имъ внушать, что этого требуетъ долгъ. Когда нужно перейти баръ и съ опасностью жизни пуститься въ море среди разъяренныхъ волнъ, всѣ уолофскіе лодочники являются истинными героями, и не бывало примѣра, чтобы при кораблекрушеніи бѣлый человѣкъ былъ покинутъ черными на произволъ судьбы. Въ то время, какъ другіе негры Сенегала только подданные или сомнительные союзники европейца, уолофы Сенъ-Луи живутъ въ дружескомъ общеніи съ французами и называются себя «дѣтьми» города: они составляютъ франко-сенегальскую націю, и между ними всегда находили тысячи волонтеровъ, когда требовалось защитить тотъ или другой угрожающий пунктъ рѣки, въ Мединѣ, въ Бакелѣ, или на пристаняхъ мавровъ.

Южные сосѣди уолофовъ, сереры, родственны имъ по расѣ, и во многихъ мѣстахъ образуютъ съ ними смѣшанный населенія; въ нѣкоторыхъ округахъ они даже приняли ихъ языкъ или усвоили ихъ обычай; въ другихъ мѣстахъ они смѣшались съ мандингами, и ихъ царствующія фамиліи принадлежать въ большинствѣ къ расѣ этихъ завоевателей. Но въ цѣломъ земля чистокровныхъ сереровъ довольно точно очерчена линіей, которая слѣдуетъ по водораздѣлу между Гамбіей и Салумомъ, обнимаетъ весь бассейнъ этой послѣдней рѣки и примыкаетъ къ лагунѣ Танлія, у основанія полуострова Зеленаго Мыса; самый полуостровъ принадлежитъ къ области населеній уолофского языка. Въ этой обширной территоріи, пространствомъ около 12.000 квадр. километровъ, сереры подраздѣляются на множество народцевъ, группировка которыхъ часто менѣялась, вслѣдствіе междуусобій и завоеваній, но которые можно сое-

¹⁾ André Alvarez d'Almada, „Tratado breve dos rios de Guiné“, 1594.

²⁾ Le Maire, „Voyage aux îles Canaries, Cap-Verd, Sénégâl et Gambie“.

делить въ два большихъ отдыа: «сереры-нове», живущие въ сѣверо-западной части края, и «сереры-сине» («барбасины» у старинныхъ португальскихъ авторовъ), занимающіе всю осталную территорію; послѣдніе гораздо многочисленнѣе, и языкъ ихъ лучше изученъ¹⁾). Онъ представляеть много сходства съ уолофскимъ языкомъ и, также какъ этотъ послѣдній, состоить изъ односложныхъ корней, приставляемыхъ одинъ къ другому по тѣмъ же правиламъ. Что касается нарѣчія ионе, непонятнаго серерамъ-сине, то оно отличается своимъ словаремъ, но сходно съ другимъ діалектомъ по синтаксису. Во всемъ серерскомъ королевствѣ языкъ начальниковъ служить уолофскій діалектъ.

По преданію, сереры нѣкогда обитали въ верхнемъ бассейнѣ Казаманки, къ юго-востоку отъ нынѣшней ихъ территории; оттѣсненные, въ пятнадцатомъ столѣтіи, магометанами мандингами и фулами, они перешли Гамбію и поселились среди лѣсовъ, простирающихся въ бассейнѣ Салума: край этотъ былъ почти безлюдный, и они могли колонизовать его, разсыпавшись группами землевладѣльцевъ по лѣснымъ прогалинамъ. Изъ всѣхъ негровъ поморья сереры—самые рослые: мужчины въ два метра (около 2 арш. 13 вершк.) не рѣдкость между ними; грудь у нихъ развита соразмѣрно росту, и по тѣлосложенію они были бы настоящими геркулесами, если бы не имѣли того же недостатка, что и уолофы: ноги у нихъ нѣсколько сухопары и икры слишкомъ тонки. Немного менѣе черные, нежели уолофы, сереры отличаются отъ послѣднихъ болѣе приплюснутымъ носомъ, болѣе плоскимъ лицомъ, болѣе толстыми губами; а молодыя девушки должны еще искусственно вздувать нижнюю губу, прокалывая ее колючками растеній,—операция очень мучительная, но которой онѣ подвергаются публично, не выражая испытываемой боли никакимъ вѣвшнимъ знакомъ; девица, испустившая при этомъ крикъ, покрыла бы себѣ позоромъ, который помышдалъ бы ей найти жениха. У сереровъ, какъ и у ихъ соудѣй, за невѣсту платится выкупъ ея отцу, но она переходитъ подъ кровъ мужа лишь послѣ притворного похищенія.

Обрѣзаніе практикуется у сереровъ со времень глубокой древности либо въ возрастѣ отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ, либо по слушаю какого-нибудь большаго события, напримѣръ, вступленія на престоль новаго царька²⁾). Обрядъ этотъ вовсе не предполагаетъ обращенія въ исламъ; вѣвшнимъ знакомъ магометанина въ этихъ странахъ служить бритая голова. Постоянныя сношенія съ уолофами и за воеваніе Салума однимъ марабутомъ изъ пле-

мени фула усилило въ это послѣднее время влияніе ислама въ серерской территории; однако, главная масса населения по-прежнему придерживается языческихъ вѣрованій и обрядовъ, не потому, чтобы она отвергала ученіе Магомета, а потому, что ей нежелательно отказаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Серерь поклоняется своимъ богамъ у подножія деревьевъ; когда появляется новая луна, онъ дѣлаетъ заклинаніе духамъ воздуха и ночи¹⁾. По его вѣрованію, существуетъ два верховныхъ духа — Тахаръ, богъ справедливости, и Тіурахъ, богъ богатства²⁾: первому онъ жалуется на несправедливости близкихъ, на притѣсненія отъ сильныхъ и на колдовство слабыхъ; втораго онъ молитъ о ниспославіи успѣха его предприятиямъ, хотя бы они были беззаконны и осуждаемы добрымъ богомъ. Змѣй тоже считался высокимъ божествомъ, и часто его видѣли появляющимся въ разныхъ видахъ, даже облаченнымъ въ офицерскій мундиръ времень имперіи³⁾. Прежде ему приносили въ жертву живыхъ животныхъ, большею частію быковъ и цыплятъ; но такъ какъ вѣра ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ двѣ новыхъ религіи, магометанство и христіанство, оспариваютъ другъ у друга сереровъ, то нынѣ ограничиваются преподнесеніемъ ему отбросовъ отъ скотины, убиваемой для пищества. Впрочемъ, жертвоприношенія еще практикуются у сереровъ при погребеніи умершихъ. Также какъ у уолофовъ, тѣло переносится родными въ круглую ограду, покрытую кровлей съ хижинами покойнаго; на верхушкѣ крыши кладутъ оружіе, землемѣльческія орудія, домашнюю утварь, смотря по состоянію и полу индивидуума; ровъ и живая изгородь изъ колючихъ растеній защищаютъ это жилище смерти отъ хищныхъ животныхъ. Вблизи моря могилу выкладываютъ раковинами, а внутри страны ее покрываютъ землей. Большинство туземцевъ вѣрить въ переселеніе душъ.

Изъ всѣхъ негровъ Сенегамбіи сереры, говорять, наиболѣе склонны къ пьянству: нигдѣ не выпивается такъ много страшной «сангары», фатального напитка, въ составѣ котораго входятъ, кроме худо очищенного спирта, табакъ, перепѣ въ зернахъ и красный стручковый⁴⁾. Начальники, желая похвастать своимъ богатствомъ, выставляютъ напоказъ выдолбленную тыкву, наполненную водкой, и проводятъ все времена въ пьянствѣ; женщины даютъ сантару своимъ дѣтямъ въ одно время съ молокомъ; несчастныя дѣти растутъ тупоумными, и впослѣдствіи изъ нихъ выходятъ негодни, тѣдо,

¹⁾ D'Almada цитированъ сочиненіе.

²⁾ Pinet-Laprade, "Notice sur les Sérères", "Annuaire du Sénégal pour l'année 1865".

³⁾ L. M. Gallais, "Annales de la Propagation de la Foi", 1851.

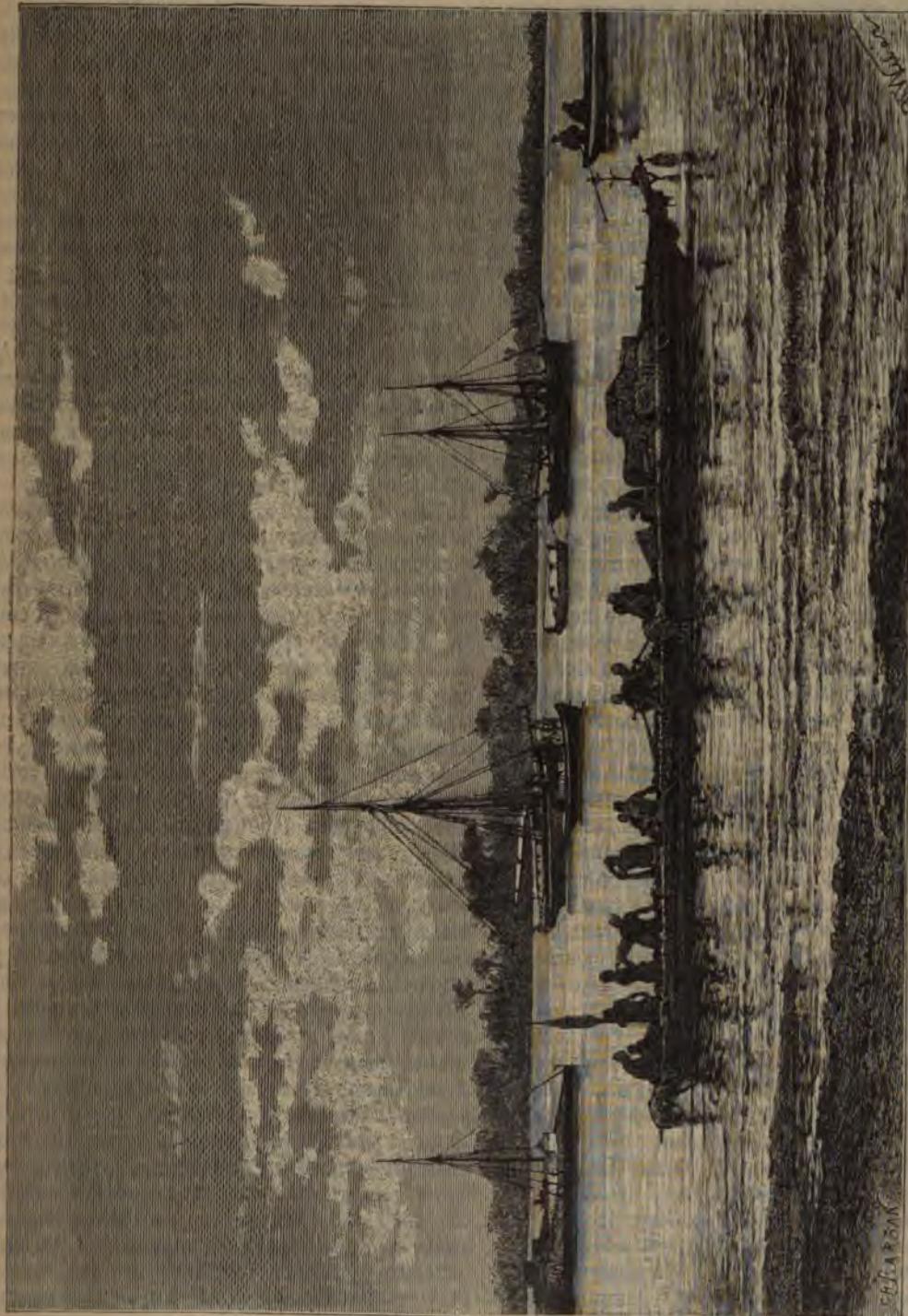
⁴⁾ Berenger-Féraud, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Faidherbe, "Etude sur la langue kéguem ou sérère-sine", "Annuaire du Sénégal pour l'année 1865".

²⁾ Fr. Cariere et P. Holle, цитированъ сочиненіе.

которые грабятъ деревни, опустошаютъ поля и плантаций, убиваютъ людей, по приказанию своихъ господъ. А между тѣмъ вначалѣ восемнадцатаго столѣтія водка еще не была извѣстна

раса подверглась нравственной порче; но та же европейская торговля, которая поставляетъ серерамъ гибельный напитокъ, покупаетъ у нихъ скотъ, земляные фисташки, хлопокъ и

Пейзажъ въ португальской Гвинеѣ

«этимъ добрымъ людямъ», и они еще не были испорчены пьянствомъ: «а это непремѣнно случится, прибавляя Брю, если бѣлые будутъ часто наѣзжать въ край¹⁾». Бѣлые явились, и

другіе продукты, и туземцы, вообще прекрасные земледѣльцы, годъ отъ году собираютъ все болѣе обильныя жатвы. Но можно надѣяться, что и здѣсь, даже въ этой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ испорченной средѣ, миръ и трудъ по-

¹⁾ Labat, цитирован. сочиненіе.— Berlioux, «André Brue».

степенно приведутъ къ поднятію нравственнаго уровня населенія. Рабства не существуетъ у сереровъ-нове, такъ какъ у нихъ никогда не было плѣнниковъ; вообще это самые честные и трудолюбивые изъ туземцевъ.

Негры, господствующіе въ областяхъ средняго Сенегала, называвшагося прежде «землей Чаламъ», вообще извѣстны подъ именемъ «сараколе» (*Saracolé, Saracolais, Saracolets, Sararekhoulé, Seracoulé, Sarekhoulé, Assouanek*, и т. д.); сами же себя они называютъ «сонинке»—слово, понимаемое въ худомъ смыслѣ на берегахъ Гамбіи: тамъ оно синонимъ чечечестивца и пьяницы ¹⁾, хотя, по объясненію нѣкоторыхъ авторовъ, истинный смыслъ его—«блѣдый человѣкъ»; но въ наши дни оно уже утратило это значение, если вообще имѣло его когда-нибудь ²⁾. Въ Гангаранѣ, между двумя главными вѣтвями Сенегала, сонинке носятъ другое наименование — гангарцевъ. Беранже-Феро рассматриваетъ ихъ какъ особую этническую группу, совершенно отличную отъ ихъ сосѣдей, мандинговъ и бамбара; Кентенъ считаетъ ихъ родственными сонгаймъ, живущимъ по среднему течению Нигера, и полагаетъ, что они слегка смѣшились съ берберами, чѣмъ, по его мнѣнію, и объясняется относительно свѣтлый оттѣнокъ ихъ кожи; но большинство этнографовъ, вслѣдь за Бартомъ, причисляетъ ихъ къ большому отдѣлу мандинговъ, занимающему область верхней Джолибы и южную Сенегамбію, на правомъ берегу Бафинга. Языки ихъ, для изученія котораго существуютъ краткіе словари и грамматическая замѣтка, содержать въ земляхъ смѣшанной расы болѣе или менѣе значительную примѣсь словъ феллатскихъ, бамбарамскихъ, мандингскихъ; Тотенъ, сравнивая этотъ языкъ съ мандингскимъ, нашелъ очевидное сходство въ корняхъ и синтаксисѣ. По ихъ преданіямъ, сонинке составляли нѣкогда большія государства на берегахъ Нигера; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ бассейнѣ Сенегала они живутъ уже съ эпохи, предшествовавшей прибытію въ этотъ край другихъ мандинговъ и бамбара.

Разсѣянные по всей Сенегамбіи маленькими группами среди другихъ народцевъ, сонинке сохранились въ наиболѣе чистомъ состояніи и скучены въ болѣе сплоченнымъ населеніи на обояхъ берегахъ Сенегала, между Бафулабе и Бакелемъ, такъ что здѣсь всего лучше наблюдать ихъ отличительные признаки расы и подрасы. Значительно малорослѣе сереровъ и уолофовъ, сонинке крупнѣе феллатовъ, которымъ, впрочемъ, уступаютъ въ граціи движений и ловкости членовъ. Цвѣтъ кожи у нихъ темно-каштановый, впадающій въ красноватый; даже самое имя «серехулле», по толкованію

Тотена, означаетъ «красныхъ людей». Прогнатизмъ лица у нихъ очень замѣтенъ: лобъ подавшійся назадъ, скулы мало выступающія, ноздри широкія и косыя, губы очень толстые, оттопыриваются наклоннымъ положеніемъ рѣзцовъ, подбородокъ отступающій назадъ, но обросший нѣсколько гуще, чѣмъ у уолофа. Шевелюра волнистая, но не курчавая; послѣ бритья, отростаетъ щеткой, а не въ видѣ «зернъ перца», какъ у уолофовъ. Большинство женщинъ заплетаютъ волосы въ формѣ каски, унизывая ихъ очень красиво бусами и кусочками янтаря, сверкающими сквозь газовый вуаль. Деревни, опрятно содержимыя, состоять по большей части изъ небольшаго числа соломенныхъ хижинъ, убранныхъ со вкусомъ; въ сосѣдствѣ земель, обитаемыхъ мандингами и бамбара, деревни рѣдко бываютъ огорожены заборами, такъ какъ властители края присвоили себѣ исключительное право укрѣплять оградами свои резиденціи. Въ центрѣ каждой деревни оставлено большое дерево, служащее форумомъ, где собирается мірской сходъ для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ.

Очень смиренные, миролюбивые, умѣющіе искусно ускользнуть отъ гнета, но безропотно покоряющіеся ему, когда его нельзя изѣгнуть, сонинке, обыкновенно, ограничиваются пассивнымъ сопротивленіемъ, которое часто удается имъ лучше, чѣмъ открытое возмущеніе; такъ, они достигли того, что сохранили независимое существованіе въ видѣ многочисленныхъ маленькихъ государствъ, монархическихъ или олигархическихъ, частію обособленныхъ, частію соединенныхъ въ федеративные союзы; но всѣ они приняли Коранъ, языкъ котораго имъ, впрочемъ, непонятенъ, и предписанія котораго они исполняютъ лишь подъ бдительнымъ окомъ марабутовъ. Магометане не особенно ревностные, если не считать временныхъ и скоро-прѣходящихъ вспышекъ религіознаго пыла, — они ходятъ караванами изъ деревни въ деревню обмѣнивать товары язычникамъ и христіанамъ, посѣщають города поморья, чтобы увидать собственными глазами диковинныя вещи, о которыхъ имъ разсказывали. Большинство изъ нихъ не питаютъ ненависти къ бѣлому человѣку и охотно вступаютъ съ нимъ въ товарищество. Многіе изъ молодыхъ людей поступаютъ на службу въ компаніи; изъ нихъ выходятъ хорошие матросы; особенно незамѣтны они въ военныхъ экспедиціяхъ, какъ опытные проводники, умѣющіе находить удобныя тропинки и пролагать дорогу черезъ лѣсныя чащи. Хорошіе земледѣльцы, страстные охотники до путешествій, соединяющіе такимъ образомъ въ себѣ качества осѣдлыхъ жителей иnomадовъ, обладающіе веселымъ и счастливымъ характеромъ, они, по видимому, предназначены сдѣлаться въ верхней области Сенегала тѣмъ же, чѣмъ сдѣла-

¹⁾ Pinet-Laparde, цитирован. мемуаръ.

²⁾ Fr. Müller, „Allgemeine Ethnographie“; — Colin, „Revue fran aise“, mai 1886.

улофы въ нижней его области, — колонными французами; имъ, по всей вѣроятности, будетъ принадлежать честь окончательно владѣнія верхней Сенегамбіей посредствомъ распространенія земледѣльческой культуры и распределенія богатствъ.

Углія негритинскія населенія верхняго Сенегала и его притоковъ, повидимому, имѣютъ аинное происхожденіе и говорять нарѣчиа болѣе или менѣе близкими къ языкамъ инговъ; тѣмъ не менѣе они представляютъ особые этническіе элементы. Таковы же, которые живутъ соединенными въ общинами въ окрестностяхъ Медины, въ територіяхъ Кассо, Гидимаха, Камера, Нанга. Черезъ браки они породнились со своимъ сѣдями сонинке, фулами, мандингами, и пинство изъ нихъ имѣть относительноную кожу, пріятныя черты лица, гибкіе члены, походкѣ и чѣто извивающеся и кошачье. У нихъ живой, но лукавый, а нравы слишкомъ легкие; въ мирное время они ведутъ оченьую жизнь. Днемъ и ночью въ ихъ деревняхъ только и слышно, что шумъ тамтама и кѣ. Благодаря своей репутациѣ веселыхъ, кассонке пользуются привилегіей поять грюотовъ и грюотокъ ко дворамъ всѣхъ юдовъ страны¹). Женщины изъ Кассо отся также законодательницами моды по причесѣ и драпировкѣ. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ матеріальный достатокъ избавляетъ необходимости полоть поля, проводятъ днѧ въ купаньї и заботахъ о туалетѣ²). У нихъ считается большой красой синій цветъ, и для получения этой окраски, онѣ проявляютъ себѣ десна при помощи маленькихъ шиповъ.

Даллонкѣ, на сѣверо-востокѣ отъ Футаджонъ, между Бафингомъ и Нигеромъ, где обитали въ горахъ Фута-Джаллонъ, по которымъ называются и до сихъ поръ, всѣхъ негровъ Сенегамбіи это племя наименее осталось вѣнѣ вліянія бѣлыхъ людей, и всѣхъ территорій ихъ земля была наименѣе цаема европейскими путешественниками. Ещерь описывается ихъ свирѣпыми варварами, одѣтыми еще въ звѣринные шкуры. Наѣдь они сливаются съ племенемъ сонинке; тѣ и сѣверо-западѣ они породнились съ ингами, которые населяютъ Бамбукъ, часть територіи Бонду, почти весь французскій Суданъ и берега Гамбіи, ихъ главную область; нець, на западѣ они измѣнились подъ вліяніемъ брачныхъ союзовъ со своими побѣдителями, фулами или фульбе, которые имѣютъ чрезвычайный перевѣсъ въ областахъ Фута-Джаллонъ и Бонду.

И послѣдніе, люди чуждой расы, отличные

отъ всѣхъ нигриційцевъ, которыми они окружены, врѣзались клиномъ между неграми поморья и неграми береговъ Джолибы. Ни въ какой части Африки они не встрѣчаются въ большемъ числѣ и въ болѣе сплоченной этнической группѣ, чѣмъ въ Сенегамбіи. Фута — это корень безчисленныхъ имёнъ, которыми ихъ обозначаютъ: фула, феллата, феланъ, феллани, феллатинъ, феллахинъ, фуладу, фулани, фульфульде, фута, пуло, пуляръ, халь-пударъ, фурба, фолей, пель и т. д.; въ Сенегалѣ они называютъ себя «пулло», какъ отдѣльное лицо, и «фульбе», какъ расу. Они разсѣяны болѣе или менѣе могущественными племенами на территоріи весьма обширной по длини, около 4.500 километровъ: на востокѣ мы находимъ ихъ въ Дарфурѣ, хотя собственно дарфурцы или фурауи не принадлежатъ къ феллатской націи; на западѣ они выдвинулись до «Рѣкъ Юга», Нуанца, Понго, Меллакоре. Если взять крайніе пункты ихъ разселенія, на сѣверѣ и на югѣ, съ одной стороны — на берегахъ Сенегала, съ другой — на берегахъ Бенуэ, то поясь, въ которомъ встрѣчаются ихъ колоніи, имѣть болѣе тысячи километровъ въ ширину. Но какъ ни обширна эта территорія, и хотя они основали въ предѣлахъ ея большія государства, какъ Гаусса и Массина, они, однако, разсѣяны очень рѣдко и во многихъ мѣстностяхъ какъ бы затерялись въ потокѣ нигриційского населенія; даже въ области французскаго Судана, специально называемой Фула-Дугу, т. е. «страной фуловъ», и которую многие авторы считали ихъ первоначальной родиной, едва встрѣтишь нѣсколько семействъ этого племени. Попадаясь вліянію самыхъ разнообразныхъ условій среды, группы ихъ представляютъ значительныя различія, отъ горъ Дарфура до горъ Фута-Джаллонъ, но при всемъ томъ они сохранили нѣкоторую расовую солидарность и признаютъ другъ друга братьями, благодаря сходству нарѣчій, преданій и нравовъ.

Тѣ изъ фуловъ, которые, повидимому, сохранили характеристическія черты расы въ наибольшей чистотѣ именно въ территоріи Бонду, отличаются краснымъ или бронзовымъ оттенкомъ кожи и по формѣ лица мало разнятся отъ берберовъ. Лицо у нихъ овальное, обрамленное вьющимися или даже гладкими волосами, носъ прямой, губы довольно тонкія: среди этого племени, особенно между женщинами, не рѣдкость встрѣтить лица, блестящія истинной красотой, какъ ее понимаютъ художники Европы, и красота эта тѣмъ болѣе обаятельна, что она сопровождается ласковостью взгляда и улыбки, граціей движений, благородствомъ осанки, хорошимъ вкусомъ въ костюмѣ и украшеніяхъ. Очень немногіе изъ фуловъ обладаютъ мощью и шириной торса, отличающими улофовъ и северовъ поморья. Форма ихъ черепа очень походить на черепъ феллаховъ Нильской дельты,

Anne Raffenel, «Nouveau voyage au pays des Nègres». Tautain, цитирован. сочиненіе.

и между фулами Сенегамбии многие женщины носят прическу, напоминающую куафюру египетскихъ статуй¹). Сходство имени (феллахинъ) и черть лица часто давало ученымъ подъять къ попыткамъ отождествления этихъ двухъ расъ²); нѣкоторые видятъ въ фулахъ «блѣыхъ зеоповъ» Птоломея; Швейнфурт считаетъ ихъ родичами племени монбутту. Что касается самихъ фуловъ, то они смотрятъ на себя, какъ на людей совершенно отличныхъ отъ негровъ. Тѣ фулы, которыхъ европейскіе путешественники встрѣчали въ бассейнахъ озера Цаде и рѣки Бенуа, называли себя не иначе, какъ «братьями» или «кузенами» блѣыхъ иностранцевъ. Въ Сенегамбии многие исследователи тоже слышали, какъ нѣкоторые фулы хвастались своимъ родствомъ съ блѣыми³); но большинство ихъ, ревностные магометане, предпочитаютъ приписывать себѣ гиміаритское или арабское происхожденіе, и марабуты выводятъ свою національную генеалогію отъ общаго предка Феллахъ-бенъ-Гиміера, «Сына краснаго человѣка» или Гиміарита. При такой родословной объясняется вмѣстѣ и происхожденіе, и цвѣтъ кожи⁴).

Еще болѣе, чѣмъ чертами лица и цвѣтомъ кожи, фулы отличаются отъ своихъ сосѣдей негровъ нравами и образомъ жизни. Менѣеnomады, чѣмъ мавры, они охотно мѣняютъ мѣсто жительства, покидаютъ даже деревни безъ намѣренія вернуться, когда того требуетъ благосостояніе ихъ стадъ. Слѣдя за своими зебу, они постепенно распространялись во всѣхъ областяхъ западной Африки. Путемъ наслѣдственного опыта они достигли того, что отлично знаютъ нравы животныхъ и умѣютъ пріобрѣсти ихъ любовь; въ военныхъ экспедиціяхъ они удивительно ловко уводятъ стада непріятеля и заставляютъ ихъ послушно слѣдовать за собой; молодые фулы, не получившиѣ быковъ въ наслѣдство, ловить чужихъ у сосѣднихъ племенъ и захваченную скотину угоняютъ далеко; такъ именно и возникли безчисленныи фульскія колоніи, разсѣянныи отъ одного до другаго конца Африки⁵). Первоначальный кульп фуловъ состоялъ, повидимому, въ обожаніи быка, и въ вынѣшнемъ ихъ магометанствѣ сохранились еще многіе обычаи, свидѣтельствующіе о древнихъ обычаяхъ. Чистота, соблюданная ими въ хлѣвахъ, имѣть въ себѣ нечто религиозное; въ области Бонду, фулы принимаютъ гостей въ паркахъ для скота, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свое почтеніе по-

сѣтителю⁶). Лошадь, кажется, не была имъ извѣстна въ ихъ первоначальномъ отечествѣ, такъ какъ слово, которымъ они обозначаютъ это животное,—берберскаго происхожденія⁷).

Между фулами-кочевниками многіе имѣютъ тотъ туповатый видъ, который сообщаетъ уединеннаю жизнь въ обществѣ животныхъ; но, взятая въ массѣ, эта раса отличается высшими умственными способностями, благородствомъ идей, поэтическимъ тономъ и возвышенностью языка: иная сказка изъ тѣхъ, что рассказываютъ по вечерамъ въ деревняхъ, свидѣтельствуетъ о такихъ высокихъ чувствахъ, что негры окружающихъ племенъ даже не поняли бы ея⁸). Впрочемъ, фулы доказываютъ свое превосходство также и тѣмъ, что учатся у своихъ сосѣдей: съ ними они сдѣлались земледѣльцами и въ нѣкоторыхъ округахъ перешли къ осѣдлой жизни, принявши за обработку почвы и продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься скотоводствомъ; почти всѣ феллатскіе метисы—прекрасные пахари. Въ промышленности и ремеслахъ фулы тоже выказываютъ большія способности и искусство. Они умѣютъ добывать желѣзную руду, очищать ее, выплавлять и ковать металлы, изъ котораго выдѣлываются земледѣльческія орудія, разные предметы домашнаго обихода, ножи, оружіе; золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера съ большимъ вкусомъ обрабатываютъ благородные металлы; плотники и каменщики строятъ прочные и удобные дома; кожевники и сапожники приготовляютъ разнообразныи издѣлія изъ кожи, въ томъ числѣ футляры для драгоцѣннаго гри-гри; наконецъ, между ткачами встрѣчаются искусственники, производящіе изъ мѣстнаго хлопка ткани, почти такія же тонкія, какъ кисея; даже богатые выучиваются шить себѣ одежду.

Какъ воины, фулы не уступаютъ никакой другой африканской расѣ. Храбрость ихъ много способствовала поддержанію ихъ господства: въ военное время всѣ здоровые мужчины выступаютъ на полѣ битвы, и въ своихъ экспедиціяхъ фулы выказываютъ немалое стратегическое искусство. Оружіе у нихъ такое же, какъ и у ихъ сосѣдей, негровъ; впрочемъ, они употребляютъ кромѣ того желѣзныи копья, съ рукояткой въ мѣдной оправѣ, какихъ мы не находимъ у другихъ народовъ; нѣкоторые экземпляры такого копья, находящіеся въ европейскихъ музеяхъ, отличаются очень красивой работой. У фуловъ есть плѣнники и невольники, употребляемые для обработки полей; но въ похвалу имъ надо сказать, что въ эпоху торга неграми они никогда не принимали, какъ нація, участія въ этой гнусной торговлѣ. Только

¹⁾ Mollion, „Voyage dans L'intérieur de l'Afrique“.—Tantain, цитированъ жемуаръ.

²⁾ Hartmann, „Nigritie“.—Knobel, „De Niger de Alten“.

³⁾ René-Caille;—Mungo-Park;—Mollie;—Raffenel;—Burton;—Hecqnard.—Bayol.

⁴⁾ Faidherbe, „Notice sur la colonie du Sénégâl“.

⁵⁾ Bayol, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1882.

⁶⁾ Anne Raffenel, цитированное сочиненіе.

⁷⁾ Faidherbe;—Girard de Rialle, „Les peuples de l'Afrique et de l'Amérique“.

⁸⁾ Béranger-Féraud, „Recueils de contes populaires de la Sénégambie“.

въ рѣдкихъ случаяхъ преступники были продаваемы, вмѣсто того, чтобы быть подвергнутыми смертной казни, да иногда фулы номады были захватываемы въ неволю на границахъ

Исторія повѣствуетъ намъ только о недавнихъ нашествіяхъ фуловъ; но гдѣ обиталъ этотъ народъ въ первыя времена ислама? Не были ли фулы первоначально коренными жи-

Долина Томинэ

территоріи; но вообще эта раса была едва представлена въ полчищахъ рабовъ Нового Свѣта: американскіе ученые могли наблюдать лишь небольшое число особей этой африканской породы¹⁾

¹⁾ H. Leighton Wilson, „Western Africa“.

Географія Реклю, т. XII.

телями Нигриціи, какъ мандинги и бамбара, и не происходить ли свѣтлый цветъ ихъ лица отъ смѣшанія съ арабами и берберами, въ сѣверныхъ областяхъ Судана? Или, можетъ-быть, они единоплеменники нубийскихъ барабра или

древнихъ египтянъ, рету, на которыхъ они походятъ многими чертами¹⁾? Или не спустились ли они съ южного склона Берберіи, вмѣстѣ съ тѣми гарамантами, которые вырезывали изображенія своихъ зебу на стѣнахъ скаль? Не должно ли искать ихъ происхожденія виѣ африканскаго континента, и не принадлежать ли они къ малайской семье²⁾, или не родственны ли индусамъ? Или, наконецъ, не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ, по одной, еще болѣе странной гипотезѣ, бѣглыхъ бродягъ, въ родѣ европейскихъ цыганъ³⁾, но имѣвшихъ совершенно другую судьбу, благодаря различію среды, такъ какъ фулы сдѣлались первыми на черномъ материкѣ, тогда какъ цыгане считаются послѣдними изъ послѣднихъ въ странахъ бѣлыхъ людей? Между самими фулами одна изъ касть, называемая лаобе или лакобе, едва отличается отъ европейскихъ цыганъ. Представители этой немногочисленной касть бродягъ отъ становища къ становищу, почти всегда оборванные, одѣтые въ рубище; они говорятъ особымъ языкомъ и, повидимому, не имѣютъ никакой религіи: они не брезгаютъ ни мясомъ змѣи, ни мясомъ дикаго кабана. Единственное ихъ ремесло—это выѣлка мисокъ и ступокъ для толченія проса. Маленькие, черные, съ курчавыми волосами, они считаются паріями у всѣхъ окружающихъ населеній⁴⁾.

Языкъ фуловъ еще не классифицированъ окончательно между нарѣчіями и говорами Африки. У нихъ два рода, не мужской и женскій, какъ въ большинствѣ языковъ, но «человѣческій» и «не-человѣческій»; прилагательные согласуются съ существительнымъ посредствомъ рифмы, и слова сочетаются одно съ другимъ по требованіямъ благозвучія. Нѣкоторыми чертами звучные діалекты фуловъ походятъ на нарѣчія окружающихъ негровъ, а по употребленію суффиксовъ приближаются къ семитическимъ говорамъ, вліянію которыхъ они, повидимому, долго подвергались. Діалекты эти содержатъ много арабскихъ словъ, особенно такихъ, который относится къ религіи и къ соціальнымъ учрежденіямъ. Миллеръ и, по слѣдамъ его, Нидгамъ Кэстъ полагаютъ, что фульские діалекты слѣдуетъ помѣстить въ особую гlosсолологическую группу, сосѣднюю съ тою, типомъ которой можетъ служить языкъ нуба, употребляемый въ Кордофанѣ. Какъ-бы то ни было, истинное ихъ мѣсто будетъ скоро известно, такъ какъ существуетъ уже нѣсколько грамматическихъ изслѣдований о различныхъ нарѣчіяхъ языка фула или пуларъ, и даже одинъ князь въ Сокото составилъ грамматику своего языка⁵⁾; однако, многочисленная кни-

ги, написанныя марабутами и содержащія сводъ законовъ национальной исторіи, всѣ составлены на арабскомъ языкѣ⁶⁾.

Какъ языкъ, такъ и историческія преданія, указываютъ на восточное происхожденіе фуловъ: они, очевидно, прошли Африку, постепенно подвигаясь съ востока на западъ; но подобно тому, какъ арабы, дойдя до Марокко, повернули назадъ въ свое мѣсто эмиграціоннаго движенія и пользуются тѣмъ большими вліяніемъ, чѣмъ дальше отодвинулись отъ Гарба внутрь континента, такъ точно и фулы вступаютъ въ путь обратнаго переселенія съ запада на востокъ; съ береговъ Сенегала вышли, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, основатели имперіи Гаусса и Массина въ бассейнѣ Нигера; точно также въ низовьяхъ рѣки начались завоеванія марабута Аль-Хаджи-Омара, который на верхнемъ Сенегалѣ долго оспаривалъ побѣду у Франціи⁷⁾.

Между сенегальскими фулами нѣкоторые, именно жители Бирго, не присоединились къ исламу, хотя обрѣзаніе составляетъ у нихъ традиціонный обычай; но огромное большинство расы давно уже приняло магометанство, и даже многіе изъ этихъ народцевъ одушевлены горячимъ рвениемъ религіозной пропаганды; торговля спиртными напитками, къ несчастью, такъ процвѣтающая въ странахъ поморья, населенныхъ язычниками, весьма незначительна въ территоріи фуловъ. Молитва играетъ важную роль въ ихъ жизни, но ихъ религіозное усердіе не сдѣлало ихъ нетерпимыми: пастухи по большей части, они отличаются тихимъ и созерцательнымъ настроениемъ. Когда путешественники Байоль и Нуаро проникли въ Фута-Джаллонъ, туземцы призывали благословеніе Аллаха на прибывающихъ иностранцевъ, а когда послѣдніе захворали, альзамы отдали приказъ служить молебны о скоромъ ихъ выздоровленіи; передъ дверью мечети были посажены два апельсиновыхъ дерева, которая получили имена французскихъ поѣтителей и служить живымъ указаніемъ времени ихъ путешествія. Ученые феллаты чужды мелочного формализма, отличающаго восточныхъ людей; они позволяютъ себѣ даже исправлять Коранъ; когда какое-нибудь место въ этой священной книгѣ кажется имъ непонятнымъ или противнымъ ихъ образу мыслей, они измѣняютъ его, чтобы согласовать его со своими религіозными мнѣніями⁸⁾. Подобно другимъ мусульманамъ, фулы допускаютъ многочисленство, но почти не примѣняютъ его на практикѣ, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ уваженія, которымъ у нихъ пользуется женщина, и отъ вліянія, которое она пріобрѣ-

¹⁾ Carl Ritter;—Mollien;—Bayol, etc.

²⁾ Gustave d'Eichthal, „Histoire et origine des Fou-lahs ou Fellans“.

³⁾ Thaly, — Ricard, цитированное сочинение.

⁴⁾ Faidherbe, „Notice sur le Sénégâl“.

⁵⁾ Needham Cust, „Modern Languages of Africa“.

⁶⁾ Bayol, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1883.

⁷⁾ Faidherbe, „Notice sur la co'one du Sénégâl“.

⁸⁾ Noirot, „A travers le Fouta-Djalon et le Bambou“.

таетъ надъ своимъ мужемъ: рѣдко случается, чтобы она позволила войти въ домъ второй супругъ. Женщина у фуловъ умѣеть завоевать себѣ мѣсто: «Пусть она вступить въ домъ рабыней, говорять уолофы,—она скоро сдѣлается въ немъ госпожей».

Образъ правленія у фуловъ не деспотический, какъ у большинства негровъ, и нѣ сосѣдей. Почти каждое государство составляетъ, съ половины прошлаго столѣтія, родъ теократической республики, глава которой, называемый «альмами», т. е. эмира-эль-мумсина, или «князь

простая формальность, въ которой номинальный глава государства не могъ бы отказать своимъ истиннымъ повелителямъ¹). Во время прибытія въ край португальцевъ, главный начальникъ фуловъ, который, повидимому, былъ весьма могущественнымъ королемъ, носилъ титулъ «Великаго Фула» (Grao Fulo); впослѣдствіи французы называли его «сиратикомъ» или «хейратикомъ», что значитъ «верховный вождь» или «императоръ». Резиденція его находилась на берегу Сенегала, въ округѣ Фальлюсь, гдѣ нынѣ главный городъ Бакель.

Типъ фула.

вѣрующихъ», осуществляетъ свою власть свѣтскаго государя и первосвященника лишь по выслушаніи мнѣнія старѣйшихъ и именитыхъ людей; въ каждой деревнѣ избирательный элементъ играетъ большую роль въ мѣстномъ управлѣніи. Въ дѣйствительности, государевомъ управляютъ богатыя фамилии. Такъ же дѣло обстоитъ и у фуловъ-metisovъ или тукулеровъ, въ области Фута: ихъ наслѣдственные начальники назначаютъ альмами и часто на очень короткое время. Авторитетъ ихъ такъ великъ, что они могутъ налагать даже смертную казнь, подъ условіемъ только, чтобы приговоръ былъ конфирмованъ альмами; но эта конфirmaція—

Жители страны Фута, и именно четырехъ при-сенегальскихъ провинцій Дамга, Фута, Торо и Димаръ, между устьемъ Фалеме и озеромъ Паніефуль, обозначаются сенегальскими французами общимъ именемъ Toucouleurs,—слово, которое иные изслѣдователи производили отъ англійскаго two colours (двуцвѣтные), потому что туземцы по большей части смуглые или мѣднаго цвѣтаmetisы, происшедши отъ смѣшенія фуловъ съ неграми и маврами. Но эта этимологія не опирается на какія-либо положительныя свѣдѣнія, доставленныя занимав-

¹) Le Maire;—Labat;—Golberry, etc.

шими край англичанами во время короткихъ периодовъ ихъ господства; при томъ уже съ шестнадцатаго столѣтія португальцы называютъ этихъ туземцевъ *Tasugores*¹⁾; следовательно, нѣтъ сомнѣнія, имъ это произошло отъ прежняго названія страны, Тукуроль, упоминаемой уже путешественникомъ Кадамосто, и смышиается съ именемъ такруровъ или такарировъ, пилигримовъ, совершающихъ путешествіе изъ западной Африки въ Мекку, и между которыми находится много сенегальскихъ хаджи²⁾). Тукулеры отличаются мусульманскимъ фанатизмомъ, и если ихъ часто описывали, по слѣдамъ Барта, какъ представителей расы фула, то это по причинѣ той важной роли, которую они играли въ исторіи Африки, благодаря своей вооруженной пропагандѣ. Между тѣмъ эти «излюбленныя дѣти Аллаха» всего менѣе имѣютъ право причислять себя къ народамъ, говорящимъ языкомъ пуларъ³⁾. Въ числѣ четырехъ или пяти сотъ тысячъ жителей страны Фута встречаются уолофы, сохранившіе свои родовыя имена, не смѣшиваясь съ фулами; другіе смѣшались съ маврами; затѣмъ есть много такихъ, которые, не претендую на феллатское происхожденіе, называютъ себя просто халь-пуларъ, т. е. «людьми языка фула»; наконецъ, племена деніанке и тородо, или вѣрнѣ торобе, принадлежащія къ смѣшанной фульской расѣ, пополняютъ свою касту посредствомъ усыновленія⁴⁾). Тотъ разсказываетъ, что когда торобе доволенъ воспитанникомъ, умѣющимъ хорошо читать стихи Корана, онъ признаетъ его своимъ соотечественникомъ и вводить его въ свою семью посредствомъ брачнаго союза; точно также вольноотпущенники причисляются къ торобе, увеличивая собою и безъ того уже значительную численную силу націи.

Умные, энергичные, честолюбивые, тукулеры внушаютъ страхъ своимъ сосѣдямъ и французскимъ резидентамъ. Обитая на лѣвомъ берегу Сенегала, какъ разъ противъ мавровъ, живущихъ на правомъ берегу, они часто препятствовали морякамъ изъ Сен-Луи подниматься вверхъ по рѣкѣ, и еслибы ихъ не раздѣляли внутренніе раздоры, доходившіе иногда до того, что враждующія племена въ своихъ междуусобіяхъ призывали на помощь французское оружіе, то европейцамъ врядъ-ли бы удалось завоевать бассейнъ Сенегала: еще недавно территорія тукулеровъ была непріятельской страной; экспедиціонные отряды проникали туда только послѣ упорной борьбы и предавъ пламени нѣсколько деревень. Только

въ 1885 г. и послѣ долгихъ усилий дипломатіи удалось связать, черезъ ихъ территорію, отъ Сальде до Бакеля, два участка телеграфа изъ Гореи въ Бамаку, на Нигеръ На сѣверѣ отъ рѣкъ Бахой и Бауле, въ территоріи Каарта, тукулерскіе завоеватели запрещаютъ теперь французамъ доступъ въ ихъ страну. Но какъ ни беспокойны эти туземцы, какъ ни опасенъ ихъ мусульманскій фанатизмъ, они тѣмъ не менѣе по своей предпримчивости и трудолюбію являются однимъ изъ самыхъ полезныхъ элементовъ населенія въ бассейнѣ Сенегала. Они охотно уходятъ на чужбину искать счастья, въ качествѣ лодочниковъ и корабеловъ: цѣлые колоніи тукулеровъ поселились на берегахъ Гамбіи и развели тамъ плантациі земляныхъ фисташекъ.

Такимъ образомъ населеніе французской Сенегамбіи состоитъ изъ весьма различныхъ элементовъ, и, благодаря положенію страны на границахъ двухъ поясовъ, расы представляютъ большое разнообразіе цвета кожи и происхожденія. На сѣверѣ отъ Сенегала обитаютъ берберы и арабы, смѣшиваемые подъ общимъ именемъ мавровъ; на югѣ фулы, сами себя называющіе «красными», врѣзываются длинной полосой народцевъ, на востокѣ — между мандингами и сонинке, со стороны моря — между уолофами и серерами. Кроме того, бамбара или бамана, главная масса которыхъ занимаетъ области Каарта и Сегу, образуютъ многочисленныя группы въ бассейнѣ верхняго Сенегала и каждая раса окружена свитой смѣшанныхъ населеній. Но какъ ни различны во многихъ отношеніяхъ племена, населяющія французскую Сенегамбію, они сходны между собой по историческому развитію и социальному устройству; они живутъ еще въ періодѣ, напоминающемъ средніе вѣка Европы. Раздѣленіе страны на множество государствъ съ безпрестанно менѣющимися границами, постоянныя войны между племенами, прерываемыя иногда религіозными перемириями, рѣзкія превратности фортуны между разбойничествомъ и королевскимъ достоинствомъ, массовая переселенія, внезапное превращеніе воздѣланныхъ мѣстностей въ пустыни, общественный строй, состоящий изъ враждебныхъ одна другой касть или по крайней мѣрѣ изъ замкнутыхъ корпораций, совмѣстное жительство въ каждомъ поселеніи людей свободныхъ и невольниковъ, пользующихся различнымъ обращеніемъ, смотря по ихъ происхожденію и роду работы, нравы королевскихъ дворовъ, гдѣ вольноотпущенники распоряжаются судьбою и жизнью подданныхъ, гдѣ подчасъ придворные шуты удачно сказаннымъ словцомъ решаютъ вопросъ о войнѣ и мире, банкеты, гдѣ скоморохи забавляютъ собраніе своими циничными пѣснями, страшныя церемоніи, гдѣ колдуны подносятъ жертвамъ кубокъ яда,—развѣ все это не рисуетъ передъ

¹⁾ D'Almada, цитированъ, сочиненіе.

²⁾ D'Avezac, „Nouveau Journal Asiatic“, IV; — Faidherbe etc.

³⁾ Berchon, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, I, 1860.

⁴⁾ Quintin; — Tautain, цитированъ, мемуаръ.

иами образъ европейскаго общества, какимъ оно было тысячу лѣтъ тому назадъ? ¹⁾

Среди этого варварскаго міра современная эпоха, съ ея новыми идеями и учреждениями, представлена горсткою европейцевъ, которые живутъ въ Сенъ-Луи, въ Гореѣ, въ Дакарѣ, посѣщающи прибрежные посты или предпринимаютъ, въ качествѣ изслѣдователей, путешествія внутрь страны. И при томъ эта небольшая группа французовъ не можетъ быть даже уподоблена миниатюрѣ европейскихъ обществъ, ибо она не заключаетъ въ себѣ всѣхъ организическихъ элементовъ націи: она состоитъ только изъ купцовъ, солдатъ и чиновниковъ; ремесленники представлены лишь работниками, вербуемыми посредствомъ конскрипціи, а земледѣльцы и вовсе отсутствуютъ. Хотя самое старое изъ французскихъ владѣній, Сенегаль всего менѣе заслуживаетъ названія «колоніи». Эта страна никогда не получала европейскихъ колонистовъ, которые бы добровольно поселились здѣсь, чтобы заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ или промысломъ; да и торговые люди являются сюда въ очень небольшомъ числѣ: въ годы самой дѣятельной торговли обыкновенно насчитывается не болѣе семи или восьми сотъ сѣверянъ, приѣхавшихъ по своей доброй волѣ. Что касается европейскихъ женщинъ, то онѣ такъ рѣдки здѣсь, что присутствіе ихъ считается своего рода геройскимъ подвигомъ.

Явленіе это объясняется тѣмъ, что переселеніе на 30 градусовъ широты ближе къ экватору составляетъ попытку въ высшей степени опасную для эмигрантовъ изъ сѣвернаго умереннаго пояса. Сухой сезонъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и прохладный, пріятенъ для европейца, если исключить тѣ дни, когда дуютъ восточные вѣты, и въ этотъ періодъ года, съ декабря до мая, французы могутъ посѣщать Сенъ-Луи безъ большой опасности для здоровья: и дѣятельно, большинство негоціантовъ выбираютъ именно этотъ сезонъ, чтобы осмотрѣть свои кантони и подготовить свои коммерческія операции; единственное, что можетъ грозить имъ, — это анемія. Въ это время года туземцы болѣе европейцевъ подвергаются риску заболѣванія, по причинѣ относительного холода, который для нихъ очень чувствителенъ при отсутствіи теплой одежды и удобныхъ жилищъ. «Опаданіе листьевъ баобаба — это смерть черныхъ», гласитъ местная пословица; но, прибавляетъ она, «распускаю листьевъ — это смерть бѣлыхъ». И точно — сырая жара гибельна для европейцевъ, не соблюдающихъ строго правилъ гигиены и не пользующихся достаточнымъ благосостояніемъ. Первые сильные дожди, падая на пористую почву латеритовъ, выгоняютъ изъ ея скважинъ воздухъ, смѣшанный съ газами разлагающихся веществъ,

такъ что съ земли иногда поднимаются зловонные, заражающіе атмосферу пары ¹⁾). Тогда госпитали быстро наполняются больными; дисентерія, болотная лихорадка похищаютъ массу людей, а у тѣхъ, кому посчастливится избѣгнуть губительнаго вліянія первого сезона дождей, организмъ уже порядкомъ ослабленъ, когда имъ предстоитъ вынести второй зимній періодъ ²⁾; упадокъ духа, тоска, скуча, а въ крѣпостихъ верхняго Сенегала и недостатокъ умственного труда отнимаютъ у больныхъ всякую нравственную опору, и они отдаютъ себя въ жертву смерти безъ сопротивленія. Къ эндемическимъ болѣзнямъ по временамъ присоединяются еще сильныя эпидеміи. Холера, гораздо болѣе опасная для чернаго населения, чѣмъ для бѣлыхъ, не разъ уже появлялась на этомъ берегу. Болѣе страшная для не акклиматизировавшихъ иностранцевъ, желтая лихорадка, свирѣпствовавшая шесть разъ съ 1830 года, убиваетъ, въ среднемъ, болѣе половины французскихъ резидентовъ при каждомъ своемъ посѣщеніи Гореи или Сенъ-Луи. Несмотря на совершившійся прогрессъ въ области общественной гигиены, послѣднія эпидеміи были наиболѣе смертоносными; средняя цифра пораженныхъ эпидеміей европейцевъ превышаетъ 80 процентовъ, и смерть уносить болѣе половины заболѣвающихъ. По Беранже-Феро, средняя смертность европейцевъ отъ желтой лихорадки выразилась слѣдующими цифрами: на 100 европейцевъ (съ 1830 по 1866 г.) — заболѣвшихъ 84, умершихъ 47. Такъ какъ во время господства повальныхъ болѣзней медицинскій персоналъ въ госпиталяхъ оказывается далеко недостаточнымъ, то не разъ приходилось выписывать изъ Франціи врачей десятками, и часто бывало, что ни одинъ изъ новоприбывшихъ не оставался цѣлъ и невредимъ. Сколько драгоценныхъ для общества и науки жизней было такимъ образомъ принесено въ жертву, и чего только нельзя надѣяться отъ человѣчества, когда видишь столькихъ молодыхъ людей, идущихъ на вѣрную смерть ради исполненія долга!

Хотя вѣкоторые опыты были довольно удачны, какъ, напримѣръ, постройка полотна желѣзной дороги изъ Дакара въ Сенъ-Луи европейскими землемѣромами (изъ 2.027 рабочихъ въ два года умерло только 25 человѣкъ) ³⁾, тѣмъ не менѣе можно сказать, вмѣстѣ съ Беранже-Феро, что «акклиматизация француза въ Сенегалѣ — пустая мечта». Пока не откроютъ вѣрныхъ средствъ противъ болотныхъ лихорадокъ и не устроятъ санаторій на плоскогорьяхъ Фута-Джаллонъ; пока не научатся побѣдоносно бороться съ желтой лихорадкой, какъ, можетъ-быть, борются съ ней въ Бра-

¹⁾ Anne Raffenel; — Peschuel-Lösche.

²⁾ Borius, „Climat du Sénegal“; — „Archives de médecine navale“, tome XXXVII.

³⁾ Bois, „Sénegal et Sondan“.

зилі предупредительными средствами по способу Домингост - Фрейреса, — до тѣхъ поръ европейцы Сенегала могутъ быть лишь временными посѣтителями, не пускающими корней въ краѣ. Статистическая таблицы движенія сенегальского народонаселенія за время съ 1843 по 1847 годъ показываютъ, что между европейцами смертность въ четыре раза превышаетъ рождаемость. Съ той эпохи положеніе дѣлъ не улучшилось, и европейское общество въ Сенъ-Луи, Дакарѣ и Суфискѣ по-прежнему должно пополнять свои ряды новыми пришельцами изъ метрополіи. И не только французы не акклиматизируются въ Сенегалѣ, но даже ихъ потомкиmetis не составляютъ еще устойчивой расы. Можно бы было думать, что впродолженіи четырехъ-вѣковаго занятія страны смѣшанное населеніе разрослось до весьма значительной цифры, такъ какъ большинство европейскихъ резидентовъ женятся, по крайней мѣрѣ временно, на туземкахъ; но этиmetis французской крови всегда были немногочисленны, увеличиваясь или уменьшаясь вмѣстѣ съ цифрой бѣлыхъ. Фактъ этотъ, безъ сомнѣнія, отчасти зависитъ отъ того, что жители смѣшанной крови, между которыми, впрочемъ, насчитываютъ много людей достойныхъ, вернулись черезъ скрещиванія въ туземное населеніе, но, главнымъ образомъ, онъ долженъ быть приписанъ тому, что новое поколѣніе, хотя родившееся въ краѣ, еще не акклиматизировалось. Статистическая свѣдѣнія о семьяхъ, тщательно собранныя нѣкоторыми медиками-антропологами, доказываютъ съ полной очевидностью, что дѣти смѣшанной крови, рожденные на берегахъ Сенегамбіи, нерѣдко умираютъ въ раннемъ возрастѣ, и что брачные союзы переживающихъ, очень часто заключаемые между близкими родственниками, бываютъ по большей части бесплодными¹⁾). Мало найдется семействъ, родъ которыхъ продолжался бы до четвертаго поколѣнія; однако, Корра констатировалъ, на основаніи восьмилѣтнихъ наблюдений, что въ этой части городского населенія Сенъ-Луи число рожденій относится къ числу смертныхъ случаевъ какъ семь къ четыремъ; тогда какъ у бѣлыхъ и черныхъ жителей города смертность превышаетъ рождаемость, у метисовъ замѣчается обратное явленіе. Каковы будутъ результаты брачныхъ союзовъ во внутреннихъ областяхъ, именно въ горахъ Фута-Джалловъ, гдѣ при иныхъ климатическихъ условіяхъ живутъ другія, отличные отъ уолофовъ, населенія? Опытъ не позволяетъ еще отвѣтить увѣренно на этотъ вопросъ. Что касается иммиграціи африканцевъ, приходящихъ изъ дальнихъ странъ, то она всегда сопровождалась сильной смертностью. Арабы и кабилы изъ Алжиріи

умираютъ на Сенегалѣ въ пропорціи столь же значительной, какъ и бѣлые. Въ отношеніи габонцевъ опытъ оказался еще болѣе печальнымъ: изъ пятидесяти переселенцевъ, пришедшихъ въ 1864 году, сорокъ восемь умерли въ первые же десять мѣсяцевъ по прибытіи въ краѣ. Перемежающаяся лихорадка, бронхитъ, чахотка и особенно воспаленіе печени — болѣзни, всего болѣе опасныя сенегамбийскимъ неграмъ¹⁾). Особый видъ проказы, такъ называемая «краснуха», сообщается иногда иммигрантамъ изъ Европы. Слѣпота—очень обыкновенный недугъ на берегахъ средняго Сенегала, а въ приморскихъ мѣстностяхъ «сонная болѣзнь» похищаетъ много жертвъ, особенно между пьяницами.

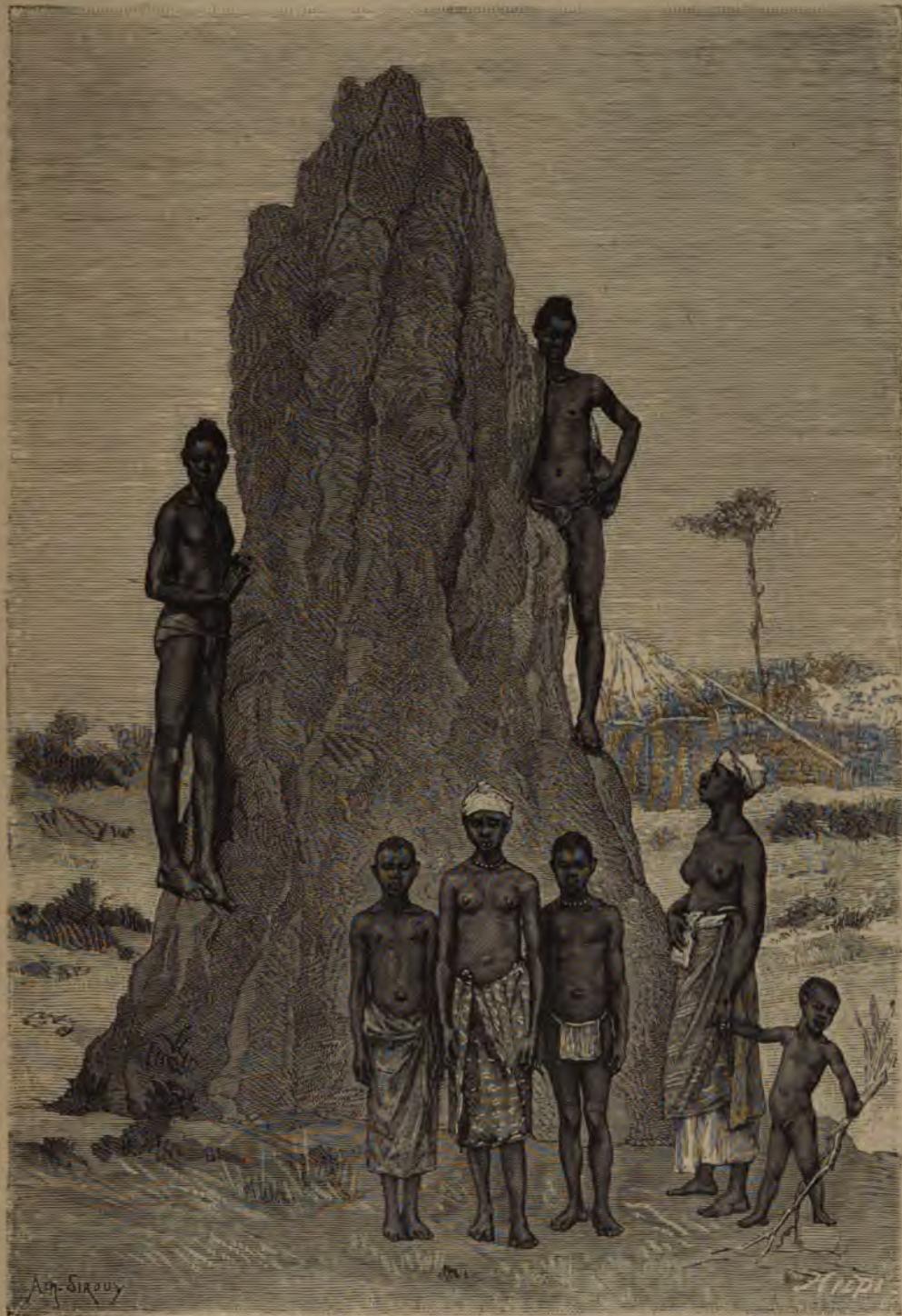
Вокругъ конторъ Сенегала не выработался креольский говоръ, подобный тому, который существуетъ на Антильскихъ островахъ и въ Лунзіанѣ. Безъ сомнѣнія, въ языкѣ негровъ вошло много французскихъ словъ, но большинство терминовъ европейскаго происхожденія составляютъ вкладъ португальцевъ и, следовательно, восходятъ къ пятнадцатому столѣтію: плетень, обмазанный глиной, вокругъ домовъ и дворовъ называется «tapade»; земляная терраса, замѣняющая собой крышу, обозначается словомъ «argamas» (плоская кровля); дама, прогуливающаяся на террасѣ, именуется «Sig-page» (госпожа), а обслуживающей ей молодой человѣкъ — «garase» (хижинникъ), или, — если онъ христіанинъ — «gourget» (лакомка). Въ Сенъ-Луи и Дакарѣ наиболѣе употребительный языкъ — уолофскій, тогда какъ во внутреннихъ областяхъ необходимо знать арабскій и пуларь, чтобы объясняться съ маврами и фулами. Впрочемъ, употребленіе французскаго языка постепенно распространяется, еще болѣе путемъ вольного обученія солдатами и лаптоis, или сенегальскими моряками, чѣмъ трудами школьнýchъ учителей. Теперь въ Сенъ-Луи существуетъ семь школъ, свѣтскихъ или содержимыхъ духовными конгрегаціями, и вдвое большее число въ остальной французской Сенегамбіи; французскимъ союзомъ (*alliance fran aise*) открыты классы даже въ Бамаку (пристань на Нигерѣ), и болѣе шестидесяти воспитанниковъ содержатся на счетъ колоніи въ учебныхъ заведеніяхъ Франціи или Алжиріи; въ 1885 году французскихъ школъ и курсовъ для взрослыхъ въ Сенегамбіи было 21, съ 1.663 учащимися. Прежде въ Сенъ-Луи существовала еще особая «школа заложниковъ», основанная для воспитанія молодыхъ негровъ, которыхъ удерживали въ видѣ обеспеченія хорошаго политического поведенія ихъ родичей. Школы, книги и журналы доставили бѣлымъ резидентамъ у туземнаго населенія имя *tubab*,

¹⁾ B renger-F raud, „Revue d'Anthropologie“ 1879, № 4.

¹⁾ Berchon, *Bulletin de la Soci t  d'Anthropologie de Paris, s ance du 18 juillet 1861*; — Bordier, *La Colonisation scientifique*.

означающее «ученаго» или «грамотея», а Сенегамбіи—имя Тубабу-дугу, т. е. «страны грамотеевъ» или «блѣыхъ»¹).

тельно возросла въ эти послѣдніе годы. Извѣстно, что въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ торговая дѣятельность концессіо-

Типы бужаго и гнѣздо муравьевъ термитовъ.

Торговля, составлившая главную побудительную причину завладѣнія Сенегаломъ, значи-

¹⁾ Pietri, "Races du Soudan occidental"; — "Les Francais au Niger".

иерныхъ компаний состояла главнымъ образомъ въ добываніи негровъ для отправки ихъ на плантациіи Санть-Домінго и другихъ Антильскихъ острововъ: въ 1682 г. «une pi e d'Inde»,

то есть негръ первого сорта, стоилъ на мѣстѣ въ Сенегалѣ не болѣе десяти ливровъ, а въ американскихъ колоніяхъ за него выручали до ста экю¹); въ обыкновенные годы вывозъ живаго товара простидался, среднимъ числомъ, до полутора тысячи головъ²). Торгъ неграми окончательно прекратился, какъ дозволенный закономъ промыселъ, только во времена реставраціи; но еще до 1848 г. мавры продолжали приводить на пристани чернокожихъ плѣнниковъ, которыхъ и продавали негроторговцамъ болѣе или менѣе открыто. Послѣ того остался одинъ только предметъ торговли—камедь, которая получается съ разныхъ видовъ акаціи, адансоніи, арабской акаціи (*agabica*), сейаль, верекъ и другихъ породъ, растущихъ въ територіи мавровъ, къ сѣверу отъ рѣки. Лѣса камедныхъ деревьевъ, или «краба», почитаются священными мѣстами, гдѣ не позволяетъ сломать ни одной вѣтки, но которые иногда составляютъ предметъ спора между разными племенами и, во время войнъ, опустошаются пожарами. Эти лѣса, изъ которыхъ иные занимаютъ площадь въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ, находятся теперь въ исключительномъ владѣніи нації тرارца, бракна и дуаштъ; но они не принадлежатъ племенамъ, какъ общая иераздѣльная собственность: главные шейхи присвоили эти лѣсныя богатства и эксплоатируютъ ихъ руками своихъ невольниковъ. Когда отъ сухихъ восточныхъ вѣтровъ кора на деревѣ потрескается и камедь выступитъ наружу, при чёмъ выдѣленіе ея усиливается отъ воздействиія чужеяднаго растенія *loranthus Senegalensis*³), мавры разбиваютъ свои палатки на опушкѣ лѣса и приступаютъ къ собираю драгоценной смолы. Это бываетъ обыкновенно около октября мѣсяца; въ декабрѣ главный сборъ уже оконченъ. Мѣновой торгъ производится съ января до марта, на рынкахъ рѣчного берега, опредѣленныхъ обычаемъ. Въ прежнее время мавры, убѣжденные, что французы не могутъ обойтись безъ ихъ камеди для своей промышленности, заставляли торговцевъ ждать себя: они являлись съ товаромъ только по полученіи приличныхъ подарковъ, превратившихъ въ настоящіе налоги, и дѣлали купцамъ всякаго рода прижимки. Теперь негоціанты, почти исключительно представители бордоскихъ торговыхъ домовъ (наприм., въ 1885 г. изъ Бордо было отправлено въ Сенегалъ 49 купеческихъ кораблей, вмѣстимостью 30.854 тоннъ, въ томъ числѣ 46 подъ французскимъ флагомъ), освободились отъ тяготѣвшихъ надъ ними торговыхъ «обычаевъ» и поборовъ, и обмѣнъ идетъ несравненно быстрѣе. За купленную камедь платятъ либо піастрами (*gourde*) или пятифранковиками, либо земледѣльскими продуктами и мануфак-

турными издѣліями—просомъ, рисомъ и сухарями, табакомъ, ружьями и боевыми припасами, различными тканями и особенно «гинеями», (кусками бумажной матеріи длиной въ 15 метровъ), которая, послѣ невольниковъ, долгое время служила денежной единицей для всей мѣновой торговли въ Сенегалѣ; «гинеи» эти происходять на одну треть изъ Пондишири, на двѣ трети изъ Бельгіи и Англіи. Въ хорошие годы количество камеди, покупаемое у мавровъ, превышаетъ три миллиона килограммовъ; оно могло бы значительно увеличиться, если бы развести плантациіи камедныхъ акацій на югъ отъ рѣки, въ области Фута, и если бы лѣса были методически эксплоатирумы.

Въ послѣдніе годы главнымъ предметомъ экспортной торговли сдѣлались земляные фисташковые орѣхи (арахиды). Вмѣстѣ съ тѣмъ совершался коренней переворотъ въ экономической жизни страны, такъ какъ на мѣсто мавровъ выступили на сцену негры въ качествѣ главныхъ производителей, и въ настоящее времѧ наиболѣе цѣнныи и полезныи продукты создаются уже земледѣльскимъ трудомъ. Вывозъ за границу этого масляничного сѣмени начался въ 1844 г., и культура его постепенно распространялась по берегамъ средняго Сенегала, въ Кайорѣ и Салумѣ. Открытие желѣзного пути изъ Сенъ-Луи въ Горею сопровождалось расчисткой, на всемъ протяженіи этой линіи, кустарниковыхъ порослей подъ плантациіи земляныхъ фисташекъ: нѣть сомнѣнія, что подобнымъ же образомъ вдоль каждой новой дороги будутъ разводимы сады, или *туганы*. Замѣна, въ оптовой торговлѣ, камеди земляными фисташками заставила негоціантовъ употреблять, для перевозки продукта мѣни, рѣчныя суда болѣе крупныхъ размѣровъ: какъ товаръ легкій и сравнительно малоцѣнныи, фисташки должны быть перевозимы болѣе значительными количествами, чтобы обеспечить купцу выгодную цѣну. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ совершившагося въ торговлѣ переворота было то, что бары становились болѣе, чѣмъ прежде, стѣснительными для отправителей туземныхъ произведеній за границу, такъ что для обхода его пришлось построить желѣзную дорогу изъ Сенъ-Луи въ Дакаръ. Съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія земляные фисташки представляютъ то важное преимущество, что они улучшаютъ почву, тогда какъ другія культурные растенія, напротивъ, истощаютъ ее; кромѣ того, листва (ботва) этого корнеплода даетъ превосходный кормъ для всѣхъ травоядныхъ животныхъ⁴). Фисташка съ верхняго Сенегала богаче содержаніемъ масла, чѣмъ фисташка изъ Кайора, но зато въ этой области она растеть на песчаной почвѣ, и для того, чтобы сорвать плодъ, сидящій на концѣ подземной части стебля, достаточно поти-

¹⁾ Berlioix, цитированное сочиненіе.

²⁾ Labarthe, цитированное сочиненіе

³⁾ Béranger-Férand, „Les Peuplades de la Sénégambie“.

⁴⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

нуть къ себѣ вѣтку; въ болѣе плотной землѣ сборъ плодовъ труда не. Что касается другихъ предметовъ заграничнаго отпуска, какъ-то: проса (восемнадцать разновидностей), риса, маиса или кукурузы, берефа или маслянистыхъ сѣмянъ дыни, воску, хлопка, каучука, кожъ, слоновой кости, страусовыхъ перьевъ, масла изъ карите, то всѣ они, взятые вмѣстѣ, представляютъ лишь незначительную цѣнность въ общей суммѣ торговыхъ оборотовъ, какъ видно изъ слѣдующихъ относящихся сюда статистическихъ данныхъ:

Движеніе торговли въ Горѣ и Сенъ-Луи: Въ 1879 г.: 33.142.781 франк.; въ 1883 г.: 47.216.466 франк. Движеніе судоходства въ 1883 г.: 1.453 судна, вмѣстимостью—260.000 тоннъ. Подъ французскимъ флагомъ: 1.300 судна, вмѣстимостью—237.000 тоннъ. Привозъ въ 1883 г.: изъ Франціи:—8.600.000 франк.; изъ французскихъ колоній:—6.800.000 франк.; изъ иностраннѣхъ государствъ:—11.300.000 франк.; земляные фисташки:—70.000.000 кило, цѣнностью около—17.500.000 франк.; камедь—2.500.000 кило, цѣнностью около 3.200.000 франк.; другіе продукты:—1.200.000 франк.

Бассія или карите, доставляющая растительное масло, могла бы также давать гуммигутъ превосходнаго качества, не уступающій соотвѣтственному продукту Зондскихъ острововъ¹⁾.

Земля почти вся находится въ рукахъ туземцевъ, которые обрабатываютъ ее болѣе тщательно и умѣло, чѣмъ это склонны думать поверхностные наблюдатели. «Тотъ не землемѣлецъ, кто находить день слишкомъ длиннымъ или свой луганъ слишкомъ малымъ»,—такова обычная поговорка у прибрежныхъ жителей верхняго Сенегала, приводимая Рикаромъ въ его путешествіи. Много земельныхъ участковъ раздано правительствомъ безвозмездно европейцамъ; но по причинѣ ихъ обширности, эти участки обращены подъ культуру лишь отчасти, несмотря на приманку значительныхъ премій. По нынѣ дѣйствующему положенію, сходному съ общимъ обычаемъ племенъ, который предоставляетъ отдѣльному лицу только пользованіе землей, всякий уступленный земельный участокъ («концессія»), если онъ не былъ эксплуатируемъ въ теченіи опредѣленнаго срока, отбирается обратно въ казну; кромѣ того, каждый «концессіонеръ» обязанъ посадить на подаренной ему землѣ известное число деревьевъ высокоствольныхъ породъ. Площадь этихъ «концессій» еще весьма незначительна (въ 1885 г. она составляла всего 2.551 гектаръ, изъ которыхъ только 558 въ культурѣ); но къ этимъ полямъ, лежащимъ на французской территории, нужно прибавить еще обширныя земли, разданыя въ Кайорѣ, преимущественно

въ сосѣдствѣ станцій жѣлѣзной дороги изъ Сенъ-Луи въ Дакаръ. Плантаторы предпочитаютъ селиться подальше отъ стѣснительнаго надзора чиновниковъ. Главная культура у нихъ—земляные фисташки, но нѣкоторые разводятъ также плантациіи кокосовой пальмы, или занимаются скотоводствомъ или воздѣльваютъ хлопчатникъ, рамію, пургеру. Почти все просо, потребное для продовольствія населенія Сенъ-Луи, получается изъ Кайора и Футы. Что касается домашнихъ животныхъ, то доставать и сохранять ихъ очень трудно. На побережье лошади и осли плохо акклиматизируются; верблюды и выночные быки Сахары быстро дѣлаются жертвой неблагопріятныхъ климатическихъ условій. Мулы лучше переносятъ климатъ береговой полосы, но они очень дороги¹⁾. Бараны успѣшно разводятся, хотя они мнѣняютъ свою шубу, похожую скорѣе на шелкъ, чѣмъ на шерсть. Но внутри страны существуютъ многія породы домашнихъ животныхъ, совершенно акклиматизировавшіяся или даже обитающія въ лѣсахъ, въ полу-дикомъ состояніи. Таковы, напримѣръ, «лѣсные быки» хасонкейской породы²⁾.

Сенегальская территорія богата рудными залежами: золотомъ, серебромъ, ртутью, мѣдью и желѣзомъ. Туземные жители областей Бонду и Бамбука съ незапамятныхъ временъ собираютъ блестки золота посредствомъ промывки кварцевыхъ песковъ рѣки Фалеме и ея притокъ. Магическая сила драгоцѣннаго металла часто привлекала иностраннѣхъ изслѣдователей, и очень можетъ быть, что португальцы уже съ пятнадцатаго столѣтія разрабатывали рудныя мѣсто рожденія Бамбука. Преданіе говоритъ, что они были перебиты туземцами³⁾; во всякомъ случаѣ название *zapatet*, употребляемое въ краѣ для обозначенія сапожниковъ, доказываетъ, что эмигранты изъ Иберіи проникали въ эти области. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка, Андре Брю построилъ двѣ крѣпостцы, «св. Іосифа» на Сенегалѣ и «св. Петра» на Фалеме, чтобы поселить своихъ торговцевъ по близости отъ страны золота, и послалъ путешественника Компаньона на поиски мѣсторожденій благороднаго металла. Компаньонъ дѣйствительно обошелъ всю рудную область Бамбука, поднялся вверхъ по долинѣ Санухоле, или «Золотой рѣки», до горы Тамбаура⁴⁾, проникнувъ далѣе, чѣмъ доходили новѣйшия изслѣдователи, за исключеніемъ Ламартини (путешествовавшаго въ 1879 г.) и привезъ изъ своихъ экспедицій очень богатые образчики

¹⁾ Colin, „Revue Francaise“, octob. 1885.

²⁾ Golberry, „Fragments d'un voyage en Afrique“;—Carlos de Mello, рукописная замѣтка.

³⁾ Korper, „Mission agricole et zootechnique“, 1885.

⁴⁾ Labat, „Nouvelle relation de l' Afrique occidentale“;—Berlioux, „Andre Brue ou l'origine de la colonie fran鏰ise du S閙gal“.

золотоносных глинъ. Послѣ него многие другие путешественники посѣтили ту же страну, съ цѣлью изученія доходности рудниковъ, но попытки непосредственной эксплоатации, подъ руководствомъ французскихъ горныхъ инженеровъ, впервые были предприняты лишь въ 1858 г. Крайне нездоровыій климатъ низменныхъ долинъ, гдѣ скопляются стоячія гніющиа воды, и гдѣ воздухъ, нагрѣваемый отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ голыхъ склоновъ, обновляется очень медленно, положилъ конецъ этимъ опытамъ, которые дали чистаго металла на сумму около 100.000 франковъ: пришлось эвакуировать страну съ остатками бѣлыхъ работниковъ и гарнизона. Послѣ того дѣлались новые попытки частными компаниями, но такъ же безуспѣшно; промыселъ промывки золотоносныхъ песковъ остался въ рукахъ туземцевъ, которые довольствуются малымъ поденнымъ заработкомъ, и которымъ не требуется никакихъ инструментовъ, кромѣ чашекъ и выдолбленныхъ тыквъ; впрочемъ, они съумѣли построить во многихъ мѣстахъ рудниковыія галлерей. Рудныія мѣсторожденія въ Буре, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Бахои, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Нигера, повидимому, богаче, чѣмъ въ Бамбукѣ, и приносятъ туземцамъ дохода около 200.000 франковъ въ годъ,—сумма значительная по мѣстнымъ условіямъ¹⁾; но эти мѣсторожденія, находящіяся въ большомъ разстояніи къ югу отъ дороги изъ Медины въ Бамаку, еще не были изучаемы европейскими горнопромышленниками. Желѣзо, вѣроятно, сдѣлается со временемъ главнымъ минеральнымъ богатствомъ верхняго Сенегала: оно составляетъ подпочву на обширныхъ протяженіяхъ, и среднее содержаніе руды варьируетъ отъ половины до двухъ третей массы. Туземцы переплавляютъ руду въ высокихъ печахъ первобытнаго устройства; когда этотъ край, нынѣ почти безлюдный, заселится и покроется сѣтью удобныхъ путей сообщенія, тогда, безъ сомнѣнія, возникнутъ настоящіе плавильные и желѣзодѣлательные заводы, располагающіе современными орудіями производства, чтобы перерабатывать руду на мѣстѣ и продавать выдѣланное желѣзо на окружающихъ рынкахъ по Сенегалу и Нигеру. Во многихъ мѣстахъ кузнецы употребляютъ въ дѣло глыбы метеорнаго желѣза²⁾.

Экспортной промышленности почти не существуетъ: за исключеніемъ нѣкоторыхъ издѣлій изъ вышитой кожи, оружія, папушей (туфель), золотыхъ и серебряныхъ украшеній,—предметовъ, вывозимыхъ по большей части въ видѣ рѣдкостей,—Сенегаль не отправляетъ въ Европу никакихъ мануфактурныхъ произведеній. Трудъ туземныхъ мастеровъ прилагается

исключительно къ производству предметовъ, потребляемыхъ въ самой странѣ. Ткачи, составляющіе самый многочисленный классъ между ремесленниками, очень искусны въ приготовленіи передниковъ, въ которыхъ бѣлая нитка изъ туземнаго хлопка, тогда какъ цвѣтныя нитки—привозныія изъ Франціи; синьи, обитательницы Сенъ-Луи, посылаютъ европейскія матеріи въ Бакель для окраски въ цвѣта, соответствующіе туземной модѣ. Растеніе ластовень (*asclepias calotropis* по-португальски *bombardeira*) даетъ волокно, употребляемое какъ матеріалъ для набивки, вмѣсто шерсти или волоса, но которое годилось бы также для производства легкихъ и прочныхъ тканей. Чернокожіе ювелиры не уступаютъ въ искусствѣ маврамъ Берберіи и мастерятъ филиграновыія издѣлія такой же тонкой работы, несмотря на то, что инструменты у нихъ еще болѣе грубые. Кузнецы дѣлаютъ кинжалы, желѣзные наконечники для копий и орудіе въ родѣ мотыги, употребляемое землепашцами. Кирпичные и известе-обжигательные заводы въ окрестностяхъ Сенъ-Луи и Дакара не въ состояніи были выдержать конкуренцію заводовъ Франціи, которые посылаютъ продукты, хотя болѣе дорогіе, но зато несравненно высшаго качества; что касается маслобоенъ, извлекающихъ масло изъ земляныхъ фисташекъ для мѣстнаго потребленія, то онѣ процвѣтаютъ, несмотря на дорогоизну топлива. Подъ руководствомъ французовъ, черные плотники на побережью строятъ очень хорошія суда, не менѣе прочныя, чѣмъ тѣ, которыя выходятъ изъ верфей Европы. Горейскіе каменщики въ большомъ спросѣ, ихъ выписываютъ даже въ англійскія колоніи Сіerra-Леоне.

Уолофы, которые по большей части владѣютъ землей въ количествѣ достаточномъ для содержанія семьи, рѣдко работаютъ, какъ поденщики; но очень многие изъ нихъ искусные ремесленники, и ихъ руками исполняются всѣ строительныія работы въ Сенъ-Луи и Дакарѣ. Собственно чернорабочіе почти всѣ изъ эмигрантовъ ткулеровъ, которые обыкновенно нанимаются на три мѣсяца и возвращаются изъ отхожаго промысла на родину съ маленькой деньгой. Рабство существуетъ у всѣхъ туземцевъ, къ какоибы расы они ни принадлежали,—къ маврамъ, фуламъ, или неграмъ. Плѣнники, называемые «дворовыми», считаются какъ бы второстепенными членами семьи хозяина, и материальное ихъ положеніе ничѣмъ не разнится отъ положеній другихъ домочадцевъ. Невольники, знающіе ремесло, плотники, каменщики, кузнецы, гончары, ткачи, тоже по большей части пользуются большой фактической свободой; отдавая хозяину извѣстную долю своихъ заработка, они свободно располагаютъ собой и даже могутъ сами владѣть рабами; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ высокихъ степеней

¹⁾ Borgnis-Desborhes, „Sénégal et Niger“.

²⁾ I. Garnier, „Le Fer“.

въ государствѣ. Что касается полевыхъ рабовъ, надъ которыми надзираютъ дворовые, вообще болѣе требовательные, чѣмъ сами хозяева, то на нихъ лежитъ вся тяжесть труда: они и работу справляютъ, и удары получаютъ. Ими можно торговать, какъ скотомъ; однако, не въ обычай отѣлываться отъ рабовъ, состарѣвшихся на службѣ въ имѣніи: продаются только недавно приобрѣтенныхъ плѣнниковъ. Невольникъ, разсѣкшій ухо свободному человѣку, все равно—взрослому или ребенку, въ наказаніе за этотъ поступокъ переходитъ, со всей своей семьей, во власть того, кому онъ нанесъувѣчье: къ этому средству обыкновенно и прибегали несчастные плѣнники, желавшіе перемѣнить господь. Путешественники Карреръ и Голь разсказываютъ объ одномъ господинѣ, въ территоії Димаръ, который слыть такимъ добрякомъ, что въ концѣ концовъ остался совсѣмъ безъ ушей; послѣ хозяина, принялись за его животныхъ¹⁾). Тѣ народцы, у которыхъ сравнительно мало рабовъ,—таковы, между прочимъ, племена тукулеровъ,—отличаются наибольшей энергией къ труду, и они-то всего болѣе содѣствуютъ соціальному преобразованію Сенегамбіи эмиграціей въ города поморья. У тукулеровъ племени деніанке трудъ въ такой чести, что самъ альмами обязанъ воздѣлывать свой луганъ, или по крайней мѣрѣ присматривать за работой своихъ служителей²⁾); въ прежнее время онъ предсѣдательствовалъ на работахъ, вооруженный, какъ передъ выходомъ на поле битвы, въ сопровожденіи толпы скомороховъ, оглашавшихъ воздухъ пѣснями и барабаннымъ боемъ³⁾). Въ предѣлахъ территоії, управляемой непосредственно представителями Франціи, рабство отмѣнено съ 1848 года, и по закону всякой плѣнникъ, ступившій на эту вольную землю, становится свободнымъ; но колоніальные права нерѣдко допускали или терпѣли нарушеніе писанаго права: иногда рабы были возвращаемы ихъ могущественнымъ господамъ, и случалось даже, что цѣлая партія невольниковъ проходили черезъ французскую территоію, не превращаясь въ свободныхъ людей⁴⁾). Между тѣмъ именно въ сосѣдствѣ поселеній европейцевъ положеніе черныхъ рабовъ наиболѣе тѣгостно, такъ какъ тамъ сравнительно высокая цѣна продуктовъ побуждаетъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ къ усиленію полевыхъ работъ⁵⁾.

Страна, составляющая политическую область «Сенегала», имѣть незначительные размѣры. Полвѣка тому назадъ она была почти незамѣт-

¹⁾ Mollien; — Caillé; — Raffenel; — Carrière et Holle; — Ricard; — Soleillet.

²⁾ Carrière et Holle, цитированное сочиненіе.

³⁾ Labat, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Victor Schoelcher, „L'Esclavage au Sénégal en 1880“; — Soleillet, „Voyage à Segou“ (въ рукописи).

⁵⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

на на картахъ: территоія, принадлежавшая Франціи, ограничивалась той мѣстностью, на которой командовали пушки крѣпостей. Если исключить два острова—рѣчной Сенъ-Луи и морской Горею, да нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ по берегамъ Сенегала, на французы вездѣ смотрѣли, какъ на проѣзжихъ чужеземцевъ, временно остановившихся въ краѣ. Созданіе колоніального владѣнія, достойнаго этого имени, и систематическое наступательное движеніе вънутрь страны начались только во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ 1854 году Федэрбъ, основатель французского владычества на Сенегалѣ, впервые приступилъ къ исполненію этой задачи: настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и силой оружія онъ успѣлъ постепенно водворить миръ на берегахъ нижняго Сенегала, обратить въ вассаловъ большинство независимыхъ царьковъ прирѣчной полосы, освободить торговлю отъ всякихъ внутреннихъ таможенъ. Крѣпость Медина, построенная въ томъ мѣстѣ, где рѣка перестаетъ быть судоходной въ періодъ разливовъ, и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ той позиціей, которую Андре Брю предлагалъ, въ началѣ восемнадцатаго вѣка, выбрать для сооруженія форта Кеню, служила Федэрбу опорной точкой для проникновенія въ верхнія долины Сенегала. Когда цѣлая армія мусульманъ разбилась о стѣны этой крѣпости, защищаемой всего какой-нибудь полсотней европейцевъ, завоеваніе было признано окончательнымъ: события, совершившіяся подъ стѣнами Медины, открыли собою новую эпоху въ политической исторіи Сенегала. «Гри-гриничес не могутъ подѣлать противъ пушекъ», говорили туземцы уже въ прошломъ столѣтіи⁶⁾.

Утвержденіе военной власти въ верхнемъ рѣчномъ бассейнѣ позволило французскимъ посланникамъ смѣлѣ явиться къ народцамъ внутренняго Сенегала. Въ 1883 году совершился другой фактъ капитальной важности въ исторіи завоеванія края. Французы овладѣли территоіей Бамаку, на Нигерѣ, и построили тамъ фортъ. Отнынѣ верхняя Джолиба соединяется, въ торговомъ отношеніи, съ моремъ не огромнымъ кругомъ своихъ текучихъ водъ, но дорогой, проложенной въ направлѣніи, прямо противоположномъ естественному скату: «движущаяся дорога» замѣнена путемъ, который начертанъ человѣкомъ и съ каждымъ годомъ будетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе важное значеніе. Въ то же время пространство территоії, выходъ которой теперь приведенъ къ Сенегалу для торгового движенія, болѣе чѣмъ удвоилось; Томбукуту, лежащему на большомъ изгибѣ Нигера, повидимому, предстоитъ современемъ быть соединеннымъ съ городомъ Сенъ-Луи, какъ съ естественной его морской

⁶⁾ Durand, „Voyage au Sénégal“.

пристанью. Въ первомъ пылу энтузиазма, вы-
званного занятіемъ поста на «рѣкѣ Черныхъ»,
предавались радужнымъ мечтамъ о дальнѣй-
шихъ приобрѣтеніяхъ въ самомъ близкомъ буд-
ущемъ: воображали, что Сенегалъ и Алжирія
скоро будутъ связаны хорошо изученными
маршрутами между всѣми пунктами, намѣчен-
ными, какъ будущія станціи желѣзной до-
роги черезъ Сахару. Надежды эти пока не
осуществились, и попытки, сдѣланные со
стороны Алжиріи, какъ извѣстно, окончились
трагически. Туареги и ихъ союзники все еще
преграждаютъ проходъ. На ливійской, соединяю-
щей Алжиръ и Сенъ-Луи, крайніе пункты,
занятые французами, Голеа въ землѣ Шаамба,
и Куликоро, на лѣвомъ берегу верхнаго Ни-
гера, еще раздѣлены пробѣломъ въ 2.450 кило-
метровъ по птичьему полету, составляющимъ
гораздо больше половины всего протяженія.
Съ той и другой стороны отважные изслѣдо-
ватели пробирались зачѣтально далѣе неза-
нятыхъ постовъ; но отъ Туата до Томбукту
пространство, на которомъ еще не можетъ
быть нанесено никакихъ прямыхъ маршрутовъ,
составляетъ не менѣе 1.300 километровъ: это
четверть общаго разстоянія между главными
городами двухъ французскихъ владѣній въ
Африкѣ,—длина равная разстоянію отъ Парижа
до Варшавы.

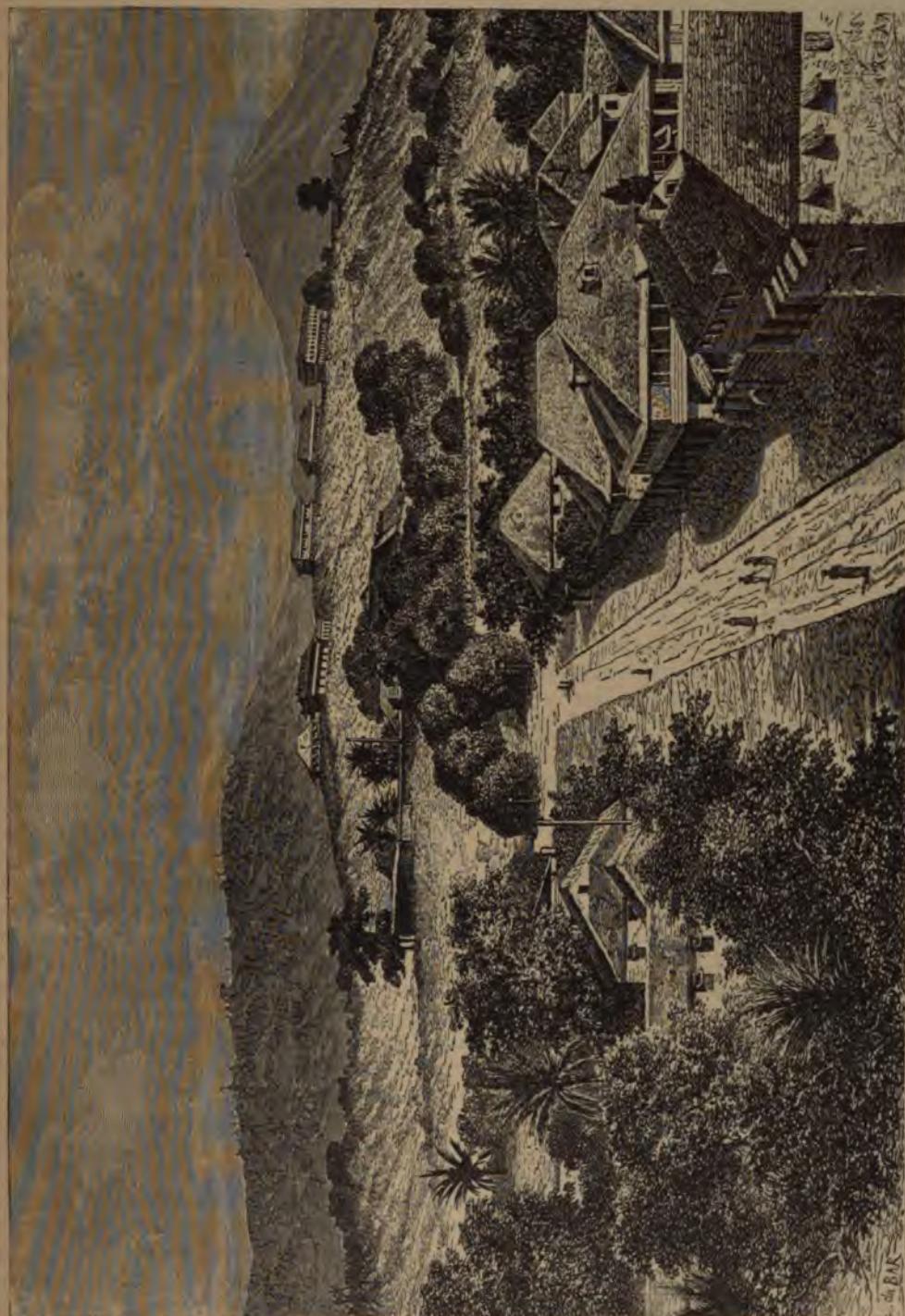
Путь Сенегала, хотя еще не соединенный
съ сосѣдними странами географически изслѣ-
дованными дорогами, есть, тѣмъ не менѣе, наилучшіе
utiлизируемый изъ всѣхъ путей, пред-
ставляемыхъ рѣками западной Африки. Описы-
вая своими истоками обширный полукругъ,
обнимающій болѣе южныя рѣки,—Гамбію, Ка-
заманку, Ріо-Гранде, Рокелль,—Сенегаль, со-
ставляетъ западную вѣтвь большой линіи тек-
ущихъ водъ, которая, черезъ Нигерь, соеди-
няется съ Бенінскимъ заливомъ; съ этой сто-
роны естественный путь вполнѣ изслѣдованъ:
онъ охватываетъ огромное континентальное
пространство, почти въ два миллиона квадр.
километровъ. Понятно, что владѣніе, дающее
доступъ въ такой обширный торговый бас-
сейнъ, имѣетъ весьма важное политическое
значеніе; но этому владѣнію недостаетъ со-
ответствующей ширинѣ, и узкая линія француз-
ской территоріи всегда подвергалась бы опас-
ности въ томъ или другомъ пунктѣ, если бы
она не охранялась съ неусыпной бдительностью
и не защищалась, въ случаѣ надобности, по-
давляющими военными силами, въ сравненіи
съ силами нападающихъ. Во многихъ мѣстахъ
эта территорія сводится лишь къ теченію рѣки
и, далѣе, къ простой дорогѣ, шириной отъ 6
до 8 метровъ, при томъ всегда прерывающейся
въ зимніе періоды. Правда, если къ округамъ,
непосредственно управляемымъ колоніальнымъ
правительствомъ, прибавить маленькия госу-
дарства, управляемыя еще по старымъ обы-

чаямъ, хотя официальна присоединенія къ
французскимъ владѣніямъ, и другія страны,
признающія по трактату верховную власть
(сюзеренитетъ) Франціи, то сенегальская тер-
риторія окажется очень обширной; но офици-
альные предѣлы имѣютъ измѣнчивое значе-
ніе. Истинныя границы мѣняются, смотря по
личному вліянію губернаторовъ и офицеровъ,
по направленію, которое избираютъ военные
отряды въ своихъ ежегодныхъ экспедиціяхъ,
и еще болѣе по силѣ притяженія, оказывае-
мого торговлей. При невозможности колониза-
ціи этихъ странъ европейскими эмигрантами,
связь политического организма можетъ быть
достигнута и поддерживается лишь доброй вол-
ей туземцевъ, удовлетвореніемъ ихъ интересовъ
и постепеннымъ развитіемъ чувства на-
ціональной солидарности. Конечно, этотъ иде-
алъ еще не осуществленъ, и если бы Франція
не помогла щедро колоніальному правитель-
ству людьми и деньгами, то положеніе скоро
сдѣлалось бы опаснымъ.

Что всего нужно въ настоящее время—это
связать Нигерь съ моремъ быстрымъ путемъ
сообщенія. До недавней эпохи въ Сенегалѣ
не было другой дороги, кроме рѣчного пути.
Извѣстно, что этотъ водный путь большую
часть года прерывается выше Подора, и пользо-
ваніе имъ часто бываетъ возможно лишь при
помощи мелкихъ судовъ, тащимыхъ бечевой,
или подвигающихся посредствомъ завоза якоря.
До сихъ поръ не существуетъ еще никакой ко-
лесной дороги, которая бы замѣнила этотъ не-
надежный путь рѣчного потока: въ 1885 году
общая длина поддерживаемыхъ дорогъ, расхо-
дящихся изъ трехъ центровъ, Сенъ-Луи, Да-
кара и Рюфиска, не превышала пятнадцати
километровъ; построенные ранѣе нѣсколько
участковъ колесныхъ путей были размыты
дождями и захвачены растительностью. Суще-
ствуетъ, правда, желѣзная дорога въ 263 кило-
метра длины, соединяющая рѣчную гавань,
Сенъ-Луи, съ приморскимъ портомъ, городомъ
Дакарь, и могущая служить прекраснымъ ба-
зисомъ для будущей сѣти путей, проникаю-
щихъ въ Суданъ; но пока еще сдѣланы только
предварительныя развѣдки, имѣющія въ виду
проведеніе первой изъ этихъ линій, направляю-
щейся на востокъ черезъ область Фута, по
водораздѣлу между Сенегаломъ и Гамбіей. Эта
проектируемая дорога какова бы она ни бы-
ла—колесная или желѣзная, имѣла бы тѣмъ
болѣе важное значеніе, что она прошла бы
отъ Сенъ-Луи до Бакеля, по хордѣ, проведен-
ной на югъ отъ большой оси, описываемой
нижнимъ течениемъ Сенегала. При общей дли-
нѣ около 500 километровъ она сократила бы
на цѣлую третью пробѣгаемое разстояніе, уве-
личивая въ то же время на 200 километровъ
ширину территоріи, присоединенной къ коло-
ниальному владѣнію. Понятно, какъ полезенъ

быть бы этот путь, доходящий до крѣпости Бакель, которая еще недавно, въ 1886 году, была атакована арміей возставшихъ мусульманъ. Если осада была снята черезъ нѣсколько

гала, а имѣть въ виду также и линіи, которыя въ будущемъ пройдутъ черезъ черный континентъ, то оказывается, что желѣзная дорога изъ Сен-Луи и Дакара въ Бакель была

Видъ Фритауна со стороны казармъ

дней, то Бакель обязанъ этимъ только счастливому стечению обстоятельствъ, которое можетъ и не повториться при новомъ нападеніи. При томъ, если ве заботиться единствено о путяхъ сообщенія, необходимыхъ для Сене-

бы именно первой частью пути, соединяющаго лучшій портъ африканского побережья съ Томбукту. Въ Африкѣ не было бы болѣе важной линіи, проникающей внутрь материка.

По непонятному избытку усердія, въ на-

чалъ восьмидесятыхъ годовъ была предпринята постройка желѣзной дороги отъ одного пункта на верхнемъ Сенегалѣ, пункта, который соединенъ съ Сенъ-Луи труднымъ для плаванія воднымъ путемъ, да и то только впродолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году. Начальная станція этой узкоколейной линіи, которая должна была имѣть 520 километровъ длины, находится въ деревнѣ Кайесь, лежащей въ 12 километрахъ ниже Медины, въ нездоровой мѣстности на лѣвомъ берегу рѣки. Работы начались въ 1881 г. и продолжались три кампании подрядъ; но значительная передержка противъ первоначальной сметы, большая смертность рабочихъ, итальянцевъ и мароканцевъ, доходившая, по официальнымъ даннымъ, до четверти наличного числа и вдобавокъ ко всему распространенное во Франціи убѣжденіе, что дѣло было неудачно задумано,—все это заставило отказатьсь отъ дальнѣйшаго осуществленія предприятия. Желѣзная дорога изъ Кайеса проведена на разстояніи 63 километровъ, до Діаму, и служить при случаѣ для перевозки войскъ и продовольствія. За этимъ пунктомъ полотно окончено на меньшемъ разстояніи, а далѣе намѣченный путь частію очищентъ отъ кустарника до Бафулабе, при сліяніи Бахоя и Банинга. По крайней мѣрѣ были проложены, подъ руководствомъ офицеровъ, двѣ по временамъ проѣзжія дороги между станціями верхняго Сенегала и Бамаку на Нигерѣ,—одна на сѣверѣ черезъ Бадумбе, Гонокори, Кита и Діо, другая на югѣ черезъ Медину и Ніагассолу. Черезъ овраги построены солидные мосты, и когда воды сдѣлаютъ какое-нибудь поврежденіе на дорогѣ, *digue* или негры-торговцы, пользующіеся ею для перевозки своихъ товаровъ, тотчасъ же извѣщаютъ объ этомъ постыхъ начальниковъ. По этой дорогѣ, между прочимъ, были перевезены, изъ Бадумбе на Нигеръ, разобранныя части и орудія канонерки, которая теперь плаваетъ по «Черной рѣкѣ», и которая, въ одно изъ своихъ путешествій, спустилась до Дафарабе, на 400 километровъ ниже Бамаку. Впрочемъ, этотъ пароходъ, которому скучно отмѣривается топливо, покупаемое, если не на вѣсъ золота, то по крайней мѣрѣ за десятерую цѣну противъ его первоначальной стоимости, не можетъ еще оказывать никакой услуги торговымъ снопленіямъ; роль его пока ограничивается тѣмъ, чтобы своимъ присутствиемъ давать больше военной силы постамъ Бамаку и Куликоро и въ особенности, чтобы увеличивать въ глазахъ негровъ престижъ завоевателей. Провозная плата отъ Сенегала до Нигера ежегодно достигаетъ, въ сложности, суммы въ нѣсколько миллионовъ франковъ: перевозка паровой шлюпки отъ одной рѣки до другой продолжалась четыре мѣсяца и обошлась почти вдвое дороже стоимости самаго судна.

Теперь гарнизоны, стоящіе на берегахъ Нигера, имѣютъ правильное сообщеніе съ городомъ Сенъ-Луи посредствомъ комбинированной службы пароходовъ, локомотивовъ, колесныхъ экипажей и пѣшеходовъ: въ сухое время года, когда пакетботъ долженъ останавливаться въ Подорѣ или въ Мофу, путешествіе между Сенъ-Луи и Бамаку продолжается 32 дня; оно сокращается на 10 сутокъ, когда «короли дыма» поднимаются до желѣзодорожной станціи Кайесь; на дорогахъ горной стороны употребляются металлическія повозки, нормальная нагрузка которыхъ отъ 500 до 800 килограммовъ, и которая, въ случаѣ надобности, можно утилизировать какъ лодки для переправы чрезъ рѣки. Кромѣ того, телеграфная линія, вполнѣ оконченная на всемъ протяженіи, связываетъ берега Нигера съ Сенъ-Луи и Дакаромъ, а также съ Франціей, посредствомъ двухъ кабелей, которые соединяются съ океанскими линіями, испанской и португальской, на островахъ Тенерифѣ и Санть-Яго. Благодаря этимъ телеграфнымъ проволокамъ, всякая опасность, грозящая постамъ верхняго бассейна, можетъ быть заранѣе извѣстна и вѣремя устранена.

Обыкновенныхъ дорогъ во французской Сенегамбіи въ 1885 г. 458 кил. Желѣзныхъ 326 кил. Телеграфныхъ сѣть, безъ подводныхъ кабелей, 2.917 кил. Телеграммъ передано въ 1883 г. 10.700. Писемъ переслано 689.258.

Во французскихъ владѣніяхъ Сенегамбіи пока существуетъ только одинъ городъ, достойный этого имени,—столица, основанная въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, въ замѣну первой кояторы, которая тоже находилась на одномъ изъ острововъ устья, называемомъ Бокко или Бокость (слово, происшедшее отъ португальского *Boca*, устье). Сенъ-Луи въ первый разъ упоминается путешественникомъ Лемеромъ, который посетилъ тѣ края въ 1682 г. По числу жителей, это важнѣйший приморскій городъ на всей береговой полосѣ, протяженіемъ около 4.000 километровъ, которая раздѣляетъ мароккійский портъ Рбатъ-Сла и Фри-таунъ въ Сіерра-Леоне. На первый взглядъ кажется страннымъ, что одинъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ африканскаго континента расположился въ мѣстѣ, столь мало благопріятномъ для морской торговли, выше бара опаснаго и постоянно мѣняющагося. Но Сенъ-Луи имѣеть ту выгоду, что онъ находится при устьѣ большой судоходной рѣки, а въ ту эпоху, когда онъ былъ основанъ, суда, производившія торговлю въ этой части Африки, имѣли водоуглубленіе гораздо меньшее, нежели нынѣшия пароходы: большинство приходившихъ тогда судовъ, могло, не дожидаясь прилива, проходить чрезъ порогъ рѣки. Кромѣ того, мѣсто, выбранное для основанія крѣпости и факторіи, было удобно въ отношеніи обороны, благодаря окружающимъ его двумъ рукавамъ рѣки: тысячный

толпы туземцевъ не могли бы затѣять нападенія на городъ, защищенный этими естественными рвами. Начальникъ племени, уступившій островъ французамъ, долгое время получалъ отъ нихъ небольшую дань, и только онъ одинъ изъ черныхъ имѣлъ право входить въ форты при сабль¹⁾.

Сенъ-Луи или Ндаръ, какъ его называютъ уолофы, занимаетъ своими правильными квадратами двѣ трети небольшаго овального острова (длиной слишкомъ 2 километра), окруженаго рукавами рѣки. Въ средней части города, называемой *crétain*, т. е. «христіанской», большинство домовъ, — чистенькие и хорошо построенные; но ближе къ оконечностямъ острова соломенные хижины съ коническими кровлями, жилища негровъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ казармами, складами, присутственными мѣстами; въ южномъ кварталѣ прежде негроторговцы устраивали свои *gallows* или сараи для содержания невольниковъ. Самая широкая изъ попечныхъ улицъ Сенъ-Луи, по серединѣ которой стоитъ губернаторскій дворецъ, оканчивается на востокѣ у плавучаго моста (длиной 650 метровъ) черезъ большой рукавъ рѣки, соединяющаго городъ съ двумя предмѣстьями, тоже островными, Соръ и Бутэвиль, гдѣ находится станція желѣзной дороги. На западѣ и съверо-западѣ три моста, длиной около сотни метровъ каждый, соединяютъ городъ Ндаръ съ негритянскими кварталами Геть-Ндаръ (т. е. «Ндарскій паркъ»), Ндаръ-Тутъ (т. е. «Малый Ндаръ») и Гохумъ-лайе, которые иногда подвергаются наводненію во время бури на морѣ. Любимое мѣсто прогулки негритантовъ Сенъ-Луи — великолѣпная аллея кокосовыхъ пальмъ, которая идетъ между двумя западными пригородами и пересѣкаетъ «Варварійскую косу» до самаго моря, всегда бушующаго. Нѣсколько виллъ, окруженныхъ садами, разсыпаны въ предмѣстяхъ, но большинство жилищъ состоитъ изъ негритянскихъ хижинъ, расположенныхъ группами по национальностямъ обитателей, — уолофовъ, фулловъ, тукулеровъ, сараколе. Геть-Ндаръ, или Малый Ндаръ, населенъ преимущественно рыболовами, очень искусными моряками, которые, въ минуту опасности, всегда вступаютъ волонтерами въ ряды лантовотовъ (чернокожихъ матросовъ).

До недавняго времени одною изъ главныхъ причинъ дурнаго санитарнаго состоянія для города Сенъ-Луи были его цистерны. Наполняемые ливнями на весь періодъ бездождя, онѣ были подвержены колебаніямъ уровня, и часто, при большой убыли воды, обломки всякаго рода и растенія, скопившіяся на днѣ, въ видѣ слизистой массы, показывались наружу, заражая воздухъ своими міазмами. Эти водохранилища

по цѣлымъ годамъ оставались безъ чистки, и когда, наконецъ, ихъ опораживали, чтобы извлечь грязь, зародыши заразныхъ болѣзней распространялись на далекое пространство. Всѣ городскія нечистоты выбрасываются въ рѣку, но послѣдняя сплавляетъ ихъ въ море только въ періодъ дождей: въ сухое время года онѣ уносятся отливомъ и приносятся обратно приливомъ, странствуя такимъ образомъ взадъ и впередъ передъ набережными Сенегала¹⁾. Для непосредственнаго полученія воды копаютъ на берегу временные колодцы, гдѣ мало-по-малу просачивается жидкость, едва замѣтно отзывающаяся соленымъ вкусомъ. Артезіанскій колодезь, который бурили на съверной сторонѣ острова, но должны были прекратить работу, не дойдя до первичной породы ниже слоя песку, давалъ солоноватую воду. Теперь, однако, достигли того, что городъ снабжается, если не вполнѣ чистой, то по крайней мѣрѣ годной для питья водой, при помощи водопровода, длиной въ 25 километровъ, который приноситъ въ Сорскій резервуаръ ежедневно около 2.000 кубич. метровъ воды, почерпаемой изъ рѣчного рукава (*sharigot*) Хассакъ; запруда не позволяетъ соленой водѣ течь обратно въ рукавъ въ сухое время года. Солиные пруды около селенія Гандіоль, недалеко отъ бара Сенегала, доставляютъ количество соли, достаточное для покрытия мѣстнаго потребленія и даже частю поступающее, какъ предметъ мѣны, въ торговлю съ областями верхняго Сенегала.

Въ видахъ оздоровленія главнаго города Сенегамбіи, предприняты также другія большия публичныя работы, какъ-то: засыпка болотъ между живыми потоками рѣки и устройство набережныхъ. Кромѣ того, въ настоящее время озабочены созданіемъ для этого города, если не порта, то по крайней мѣрѣ пристани на океанѣ: возможно было бы построить на берегу Малаго Ндара, противъ Сенъ-Луи, или съвериѣ, близъ Ндіаго, длинный, выступающій за линію прибоя, мостъ на сваяхъ, гдѣ суда могли бы приставать въ тихую погоду для спуска пассажировъ или даже выгрузки легкихъ товаровъ; такимъ образомъ были бы избѣгнуты крайне стѣснительныя неудобства, которая представляетъ барьеръ, затрудняющій входъ въ рѣку. Несмотря на такое невыгодное положеніе въ отношеніи доступа морскихъ судовъ, Сенъ-Луи уже до постройки желѣзной дороги, въ 1883 году, былъ самымъ дѣятельнымъ портомъ Сенегамбіи. Такъ, въ 1883 году обороты морской торговли его простирались, по чѣнности, до 22.935.000 франковъ (изъ этой суммы около 22.320.000 франк. приходится на долю торговаго обмѣна съ Франціей и съ французскими колоніями); движеніе судоходства въ этомъ году выразилось слѣдующими цифрами:

¹⁾ Carrière et Paul Holle „De la Sénégambie française“.

¹⁾ De Poly, „Revue Contemporaine“ 25 sept. 1885.

въ приходѣ и отходѣ было 423 груженыхъ судна, общей вмѣстимостью 94.567 тоннъ. За городской чертой Сенъ-Луи дополняется торжющими, которые устраиваютъ негры въ мѣстахъ прибытия каравановъ, далѣе огородами, которые занимаютъ промежутки между дюнами и хорошо орошамы земли по берегамъ рѣки, и, наконецъ, поясомъ батарей и фортовъ, защищающихъ предмѣстья города отъ нападеній враждебныхъ племенъ, каковы мавры и уолофы.

Къ сѣверу отъ Сенъ-Луи береговая полоса, обитаемая нѣсколькими рыбаками туземцами племенъ бу-сба, яхіа-бенъ-отмаръ, траарца, имѣть весьма малую цѣну въ движениі міровой торговли и не можетъ пріобрѣсти сколько-нибудь важнаго значенія, пока не озаботится оснаніемъ тамъ заведеній для производства рыбной ловли въ обширныхъ размѣрахъ, въ виду того, что эти воды принадлежать къ самымъ богатымъ рыбой областямъ океана: между прочимъ, тамъ ловить во множествѣ особую породу трески, отличающуюся отъ настоящей сѣверной трески (*gadus morrhua*), но не менѣе цѣнную¹⁾). Во времена, слѣдовавшія за португальскимъ завоеваніемъ, и особенно въ эпоху голландской оккупации, на побережье произвѣдалась довольно большая мѣновая торговля, такъ какъ тогда не существовало еще конторъ по берегамъ Сенегала; караваны изъ Адрара и сахарскихъ оазисовъ должны были идти прямо на морской берегъ, вместо того, чтобы нести или отправлять свои товары, какъ это дѣлается нынѣ, на сенегальские рынки, гдѣ производить обмѣнъ несравненно удобнѣе, нежели на пустынномъ морскомъ берегу, лишенному прѣсной воды и растительности. Съ 1445 года, два года спустя послѣ открытия мореплавателемъ Нуно Тристаномъ Аргунской (Аргуинской) мели, португальцы приступили къ постройкѣ укрѣпленного магазина на главномъ островѣ архипелага²⁾, и съ этого времени установились торговые сношенія между европейцами и африканскими купцами. Этотъ фортъ, стоящій на сѣверо-восточной террасѣ острова, переходилъ послѣдовательно къ испанцамъ, затѣмъ къ голландцамъ, къ англичанамъ и, энергично оспариваемый, достался, наконецъ, въ руки французовъ, въ 1678 г.; потомъ частная компанія, называвшаяся «пруссской», по причинѣ ея флага, но имѣвшая своихъ арматоровъ въ Эмденѣ и принимавшая къ себѣ на службу исключительно голландскихъ приказчиковъ, сдѣлала этотъ островъ центромъ своихъ операций по торговлѣ камедью: суда всѣхъ націй допускались туда за определенный причальный сборъ. Благодаря свободѣ торговли, Аргунъ получилъ-было важное коммерческое значеніе, но вскорѣ утратилъ его, по милости

новыхъ войнъ. Французы выгнали оттуда голландцевъ, затѣмъ и сами, въ свою очередь, были прогнаны полчищами мавровъ и должны были дважды возобновить атаку, прежде чѣмъ окончательно овладѣли позиціей¹⁾.

Всѣ эти войны отклонили торговый потокъ, и когда англичане сдѣлались временно владѣльцами Сенегала, они запретили всякую торговлю на морскомъ берегу для того, чтобы со-средоточить ее въ своихъ конторахъ на рѣкѣ. Съ прекращеніемъ торгового обмѣна была покинута и самая крѣпость, отъ которой теперь остались только фундаменты, на половину засыпанные пескомъ: въ 1860 г. путешественникъ Фулькрандъ нашелъ на террасѣ бывшаго укрѣпленія рыбачью деревушку, построенную изъ кучъ морскихъ водорослей, скрѣпленныхъ камнами, но обитатели ея только-что передѣтыми удалились, можетъ-быть, временно, на одинъ сезонъ. Съ той эпохи рутина удержала мѣновую торговлю на рѣчныхъ пристаняхъ. Трудность плаванія въ узкихъ фарватерахъ, по которымъ поперемѣнно пробѣгаютъ быстрые потоки прилива и отлива, также оправдывала покинутіе Аргунской конторы. Суда большаго водоуглубленія не могутъ приставать къ этому острову. Правда, приливъ достигаетъ въ этихъ водахъ двухъ метровъ высоты, но извилистые каналы, посредствомъ которыхъ глубокая бухта Левры (Гальго) сообщается съ Аргунскими проливами, имѣютъ въ вѣкоторыхъ мѣстахъ, при отливѣ, всего только три метра воды на порогахъ. Впереди этого спрятавшагося архипелага, къ которому нужно пробираться лабиринтомъ проходовъ, простирается обширная Аргунская банка, скопленіе подводныхъ камней, рифовъ, отмелей, поперемѣнно обнажающихся и затопляемыхъ, совокупность которыхъ занимаетъ пространство около 8.400 квадрильоновъ. Около середины виѣшняго края этой огромной мели въ 1816 году разбилась «Медуза», управляемая несчастнымъ капитаномъ, котораго тщетно умоляли перемѣнить курсъ. Между драмами на морѣ ни одна не получила большей извѣстности, чѣмъ путешествіе несчастныхъ пассажировъ «Медузы» на утломъ плоту, который волны подбрасывали, какъ мячикъ. Подобные приключения, конечно, не рѣдки на грозномъ океанѣ, но не всякое имѣть своего Жерико, который бы повѣдалъ о немъ грядущимъ поколѣніямъ.

Аргунская мель оканчивается у мыса Мирикъ, въ 160 километрахъ къ юго-юго-востоку отъ мыса Бланко: въ этомъ мѣстѣ морской берегъ не скрывается болѣе за барьеромъ подводныхъ камней, и мореплаватели могутъ сдѣлывать вдоль его на нѣкоторомъ разстояніи, имѣя путеводителемъ окаймляющую побережье

¹⁾ Albert Merle, „Revue de Géographie“, août 1886.

²⁾ Diego Gomez;—Oscar Pechel, цитирован. сочиненія.

¹⁾ Audr  Br e,—Berlioux;—Labat, цитированное сочиненіе.

цѣль высокихъ дюнь, навѣянныхъ сѣвернымъ вѣтромъ. Стройная пальма, брешь въ дюнахъ, прерываемыхъ солонцоватой равниной, указываютъ подходы къ рейду Портендику, рейду

семнадцатаго столѣтія, по имени одного начальника племени тарца, имѣлъ некоторую важность до 1857 года, такъ какъ англичане, отдавая Сенегалъ Франціи, оставили за собою

Бухта Сайпитъ близъ Фрейтоуна.

опасному, гдѣ суда должны становиться на якорь вдали отъ берега, въ открытомъ морѣ, подъ прикрытиемъ нѣсколькихъ банокъ, о которыхъ разбивается сила волнъ. Портендику, бывшій портъ «Адди», названный такъ, въ началѣ во-

право торговать на этой части побережья: когда негоціанты, ведущіе торговлю въ прирѣчныхъ пунктахъ, предлагали маврамъ неподходящую цѣну за ихъ камедь, мавры везли свой товаръ къ англичанамъ въ Портендику. Послѣ выкупа

у Великобританії этого права, въ обмѣнъ на принадлежавшую французамъ факторію Альбреда, при устьѣ Гамбіи, Портендицъ утратилъ всякое торговое значеніе. Мавры сосѣднихъ мѣстностей не имѣютъ теперь, для сбыта своихъ произведеній, другаго рынка, кромѣ города Сенъ-Луи, лежащаго на 250 километровъ южнѣ,—разстояніе небольшое дляnomadovъ, привыкшихъ къ переходу черезъ пустыню. Такимъ образомъ вся область прибрежья, заключающаяся между мысомъ Бланко и устьемъ Сенегала, можетъ быть разсмотрима какъ естественная принадлежность Сенъ-Луи, если не по климату и виду мѣстности, то по крайней мѣрѣ по торговлѣ ея населенія.

Столица Сенегала, со всѣмъ ея торговымъ, земледѣльческимъ и военнымъ механизмомъ, составляетъ только половину городскаго организма: она зависитъ отъ своего морскаго порта Горей-Дакарь. Прежде, когда по трудности сообщеній жители Сенъ-Луи должны были довольствоваться брешью, пробитой водами рѣки на бушующемъ барѣ, главный городъ этой колоніи образовалъ самъ по себѣ полное цѣлое, отъ входного порога до городскихъ набережныхъ; но во всѣ времена хорошо понимали, какъ важно было бы для будущности края связать Сенъ-Луи съ Горейскимъ заливомъ. Въ 1859 году былъ заключенъ съ Дамелемъ, или королемъ Кайора, договоръ, имѣвшій цѣлью обеспечить установленіе службы конныхъ курьеровъ вдоль берега, между Сенъ-Луи и мысомъ Зеленымъ; но такъ какъ этотъ договоръ не соблюдался, то пришлось завоевать сейчасъ названную территорію и построить три промежуточныхъ поста, Ломпуль, Мборо и Мбидженъ, въ одно и то же время крѣпости и каравансараи; по конвенціи 1861 года, весь берегъ между моремъ и «нижними», или лужами, окаймляющими дюну, былъ объявленъ французской землей. Въ 1862 г. решено было построить другую дорогу черезъ внутренній Кайоръ, и въ слѣдующемъ году уже появилась крѣпостца на попыти изъ Сенъ-Луи въ Дакаръ, вблизи резиденціи Дамеля. Наконецъ, въ 1885 году была открыта для движенія желѣзная дорога, которая соединяетъ Сенъ-Луи съ его естественнымъ портомъ на Горейскомъ заливѣ, проходя черезъ плодородную, густо населенную область Кайора. Большая деревни, похожія на города, слѣдуютъ одна за другой вдоль этого рельсоваго пути. Одно изъ главныхъ поселеній—Мпаль, окруженній полями земляной фисташки; это станція, повидимому, предназначеннія сдѣлаться будущей узловой станціей для линіи Фута и верхняго Сенегала. Деревня Луга, лежащая южнѣ, также занимаетъ выгодное положеніе, какъ соединительный пунктъ будущей желѣзной дороги внутрь материка. Идандъ, бывшая столица королевства Кайоръ, лежитъ въ самой плодородной мѣст-

ности края, недалеко отъ обширнаго пальмового лѣса, черезъ который проходить дорога. Въ сосѣдствѣ находятся холмы, на которыхъ прежде совершилась церемонія возведенія на престолъ королей. Тieсъ, тоже большая деревня, принадлежавшая нѣкогда царьку Баола, предложена какъ будущий раздѣльный пунктъ желѣзной дороги, которая проникнетъ на юго-востокъ въ долину Салума. Въ портѣ Тieсъ растетъ баобабъ, имѣющій 33 метра въ окружности при основаніи.

Горея, первая по времени факторія европейцевъ въ заливѣ того же имени, кажется, была занята сначала голландцами, которые дали ей название Goeree, по имени голландскаго острова, лежащаго у входа въ Гарингфліт¹⁾; по другой этимологіи, менѣе правдоподобной, первоначальное имя ея, котораго она, впрочемъ, вполнѣ заслуживаетъ, было Goede Reede, т. е. «Хорошій рейдъ». Прибрежныe уолофы дали ей наименование Берь, что значитъ «брюхо»; соѣдній мысъ на ихъ языѣ называется Барсагишъ. Счастливое торговое положеніе, близъ наиболѣе выдвинутаго мыса Западной Африки, на берегу лучшаго рейда, какой встрѣчаются суда на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ километровъ, и въ сосѣдствѣ «Южныхъ рѣкъ» съ плодоносными и густо населенными берегами, естественно должно было сдѣлать Горею однимъ изъ пунктовъ африканскаго поборъя, особенно горячо оспариваемыхъ кораблями западныхъ державъ. Французы отняли этотъ островъ у голландцевъ въ 1677 г., затѣмъ имѣть овладѣли англичане въ 1758 г., но черезъ нѣкоторое время уступили его, чтобы потомъ взять обратно и снова отдать въ 1814 г.; поочередно занимаемый различными владѣльцами, старинный «замокъ», высящійся на южной оконечности острова, напоминаетъ историческую превратности этой узкой скалы.

Островъ Горея, лежащий въ 2.220 метрахъ отъ Дакара, ближайшаго населеннаго пункта на берегу материка, имѣеть въ длину всего только 900 метровъ по большой оси, а площадь его не превышаетъ 36 гектаровъ. Это базальтовая скала, поднимающаяся на 35 метровъ своимъ южнымъ утесомъ и продолжающаяся на сѣверъ низменнымъ берегомъ, охватывающимъ бухточку, где останавливаются корабли. Рейдъ, имѣющій отъ 10 до 20 метровъ глубины, представляетъ прекрасное пристанище въ сухое время года; но въ зимній періодъ туда проникаетъ волненіе моря, тогда какъ въ 2 съ половиной километрахъ къ западу, за Дакарскимъ мысомъ, вода остается спокойной во всякое время года. Это и было одной изъ причинъ, почему Горея утратила значеніе,

¹⁾ Le Maire, „Voyage aux Iles Canaries, Cap-Vert, Sénégal et Gambie“.

какъ военный и большой коммерческий портъ. Та же самая причина, которая нѣкогда побудила выбрать этотъ пунктъ, какъ торговую пристань и центръ господства, заставила отказаться отъ него въ настоящее время: это—островное положеніе Гореи. Какъ островъ, она была обезопашена отъ нападеній туземцевъ, и коммерсанты могли быть спокойны за склады своихъ товаровъ; но со временемъ водворенія мира между народцами сосѣдняго побережья явилась необходимость въ гавани на материцѣ, которую можно бы было легко связать съ мѣстами производства во внутреннихъ областяхъ страны. Дакаръ представляетъ эти выгоды; оттого этотъ новый городъ и заселяется на счетъ Гореи: въ періодъ съ 1878 до 1883 года послѣдняя, несмотря на свое привилегированное положеніе въ качествѣ порто-франко, потеряла 1.280 жителей, болѣе трети своего населенія. Она сохранила свои сношенія съ Гамбіей, «Южными рѣками» и Сіерра-Леоне, откуда приходятъ преимущественно мелкія суда, пригодныя для плаванія въ лиманахъ; но резиденція начальника края, присутственныя мѣста, казармы, конторы торговыхъ компаний переведены въ Дакаръ; сюда же находятся корабли для обновленія запасовъ топлива; желѣзная дорога изъ Сенъ-Луи имѣеть свою конечную станцію въ сосѣдствѣ этого порта, и здѣсь же находится пунктъ соединенія съ подводнымъ телеграфомъ. Тѣмъ не менѣе, Дакаръ или «Тамаринъ», основанный въ 1857 году на территории маленькой уолофской республики Лебу, растетъ не такъ быстро, какъ можно бы было ожидать; мирный торговый обмѣнъ трудно мирится съ сосѣдствомъ казармъ, военныхъ управлений и вооруженныхъ кораблей. Неправильности почвы потребуютъ большихъ инженерныхъ работъ для урегулированія стока дождевой воды и созданія для построекъ прочаго основанія; кроме того, остается еще многое сдѣлать для окончательнаго устройства порта и снабженія его всѣми необходимыми приспособленіями—набережными, молами, верфями, доками и укрѣплѣніями. Приблизительныя сумты исчисляютъ миллионаами суммы, которая придется израсходовать, прежде чѣмъ Дакаръ сдѣлается благоустроеннымъ городомъ, достойнымъ быть преемникомъ Сенъ-Луи, въ качествѣ главнаго города французскихъ владѣній въ Сенегамбіи. Но кромѣ своего прекраснаго порта, онъ имѣеть еще то, чего недостаетъ нынѣшней столицѣ,—живописныя окрестности, между которыми особенно замѣчательны мысы Манюэль, выступающій, въ видѣ наконечника копья, на западной сторонѣ рейда, острова Мадлены, всегда окруженные поясомъ бѣлой пѣни, холмы (Mamelles) Зеленаго мыса, базальтовыя вершины, съ высоты которыхъ видна, какъ на ладони, стрѣлка Альмади, или «Барокъ», съ ея рядами

опасныхъ подводныхъ камней,—африканскія скалы наидалѣе выдвинутыя къ западу. На одномъ изъ этихъ холмовъ стоитъ первоклассный маякъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Горея утратила торговую монополію въ этой части Сенегала, движение судоходства въ ея гавань уменьшилось на половину: военные корабли и трансатлантические пакетботы останавливаются въ Дакарскомъ портѣ, гдѣ вода достаточно глубока, тогда какъ мелкія суда направляются, когда погода благоприятна, на востокъ къ берегамъ Рюфиска, бывшаго Ріо-Фресско португальскихъ мореплавателей, который уолофы называютъ Тангететь, а дієпскіе мореходы именовали «Французской бухтой», если только правда, что послѣдніе вели торговлю въ этой части африканскаго поморья¹⁾. Во многихъ отношеніяхъ этотъ нарождающійся городъ, уже болѣе населенный, чѣмъ Горея и Дакаръ, взятые вмѣстѣ, занимаетъ очень невыгодное положеніе: въ сосѣдствѣ его сыпучіе пески скапливаются въ видѣ дюнъ, а вода застаивается и образуетъ болота; лиманъ его лагуны вовсе не заслуживаетъ португальского названія «Свѣжей рѣки»²⁾, и жители терпать недостатокъ въ питьевой водѣ; берегъ постоянно подвергается сильному удару волнъ прибоя; но Рюфискъ имѣеть за собой важное преимущество—онъ находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога изъ Дакара въ Сенъ-Луи покидаетъ прибрежье, чтобы направиться внутрь страны, и куда сходятся дороги изъ Кайора, Баола и земель племени сереръ; здѣсь же главнымъ образомъ сосредоточена торговля земляными фисташками и сырьими кожами; болотистыя русла временныхъ потоковъ обращены въ сады, а окрестные лѣса расчищены подъ пашни. Къ несчастію, Рюфискъ и, въ меньшей степени, Дакаръ—города нездоровые: континентальные вѣтры приносятъ туда опасные міазмы, и болотныя лихорадки тамъ никогда не прекращаются; особенно садъ Ганнь между двумя названными городами, обработываемый руками штрафныхъ солдатъ, расположены въ убѣйственной мѣстности, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ болѣзни. Въ сравненіи съ двумясосѣдними городами, Горея по климату пользуется привилегированнымъ положеніемъ: лѣтніе жары тамъ умѣренѣе и воздухъ не заряженъ вредными испареніями прибрежныхъ болотъ. Горея служитъ санаторией для жителей этого берега, которые пріѣзжаютъ сюда на зимний сезонъ; здѣсь устроенъ госпиталь для больныхъ и выздоравливающихъ изъ всѣхъ владѣній поморья. Движеніе судоходства въ портахъ Гореи, Дакара и Рюфиска въ 1883 г.: 1.108 су-

¹⁾ Villaut de Bellefond,—Gabriel Gravier, „Recherches sur les navigations europ  ennes“.

²⁾ Hubler, „Bulletin de la Soci  t   de G  ographie commerciale de Bordeaux“, 2 juillet 1883.

довъ, вмѣстимостью 144.800 тоннъ; цѣнность торговаго обмѣна: 22.383.181 франкъ.

Южнѣе, вдоль морскаго берега, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько довольно дѣятельныхъ торговыихъ пунктовъ: Портюдаль, Ніаннингъ, Жоаль, бывшая столица Барбасинскаго государства. Въ шести километрахъ къ сѣверу оттуда находится главный центръ католическихъ миссій Сенегамбіи, Сенъ-Жозефъ-Ніасобиль, окруженній самыми богатыми плантациами во всей этой территории. Тамошніе тузыны хвастаютъ своимъ будто бы португальскимъ происхожденіемъ¹⁾ и называютъ себя христіанами, хотя еще не такъ давно у нихъ существовалъ обычай въ праздничные дни хоронить собаку, съ большой церемоніей и приличными случаю слезами²⁾. Фатикъ, резиденція бура, или короля земли Сине, лежитъ на рѣкѣ того же имени, притокѣ Салума: по традиції, этотъ царекъ можетъ вступить въ свою столицу не иначе, какъ приказавъ предварительно убить человѣка, чтобы принести ей счастіе. Еще въ 1876 г. этотъ ужасный обычай соблюдался, и долго можно было видѣть, привязанный къ дереву, трупъ несчастнаго, принесенного въ жертву для того, чтобы отвратить гнѣвъ боговъ³⁾. Въ бассейнѣ рѣки Салумъ, протекающей черезъ землю сереровъ, сенегальскіе купцы основали нѣсколько конторъ, куда тузыны приносятъ земляныя фисташки. Главныя факторіи на Салумѣ—Каолакъ, французская энклава, защищаемая крѣпостцей, и Фундіунъ, на лѣвомъ берегу рѣки, противъ устья Сине, притока Салума. Вся торговля этихъ конторъ производится еще моремъ и лиманомъ рѣки, въ ожиданіи, пока онъ будуть соединены съ большимъ торговымъ организмомъ Дакара и Сенъ-Луи. Нѣсколько поселковъ, построенныхъ на сваяхъ, какъ озерныя деревни древней Гельвеціи, разсыпаны на этихъ аллювіальныхъ земляхъ, среди болотистыхъ пространствъ, поперемѣнно выступающихъ изъ подъ воды и заливаемыхъ приливомъ⁴⁾.

Въ этой области торговыій поясъ вѣ очень далеко проникаетъ внутрь материка, на востокъ отъ Баола и лимана Салума. Деревни терриоріи Джолофъ, даже главная изъ нихъ, Уархоръ, слабо населены, а Ферло почти совсѣмъ безлюдное мѣсто. Дождевыя воды, падая на совершенно ровную, не имѣющую ската почву, цѣликомъ испаряются, не образуя ручьевъ, и земледѣльческая культура возможна только въ рѣдкихъ прогалинахъ кустарника; чтобы получить воду, приходится копать колодцы до 45

¹⁾ Borius, "Archives de mÃ©decine navale";—Exploration, 1-er semestre 1881.

²⁾ Le Gallais, "Annales de la Propagation de la Foi", 1851.

³⁾ "Annales de la Propagation de la Foi", t. XLVIII, 1876.

⁴⁾ Guy Grand, тотъ же сборникъ за 1881 г.

или 50 метровъ глубины. Пока отъ желѣзной дороги изъ Сенъ-Луи въ Дакаръ не будутъ проведены вѣти къ территоріямъ Фута и Бамбукъ, до тѣхъ поръ портъ при барѣ останется неизбѣжнымъ складочнымъ пунктомъ для всей торговли съ верхнимъ Сенегаломъ. Промежуточными станціями для этихъ торговыихъ сношеній естественно являются рѣчные пристани, находящіяся при устьяхъ притоковъ или въ пунктахъ прибытія каравановъ. Ришарь-Толль, или «Садъ Ричарда», теперь не болѣе какъ деревня негровъ-рыбаковъ, расположенная близъ древеснаго питомника, при устьѣ ручья Тауей (Туей), истока озера Паніефуль. Слѣдующій затѣмъ постъ Дагана, основанный въ 1821 году, почти противъ истоковъ изъ озера Кайоръ, имѣть болѣе важное значеніе въ торговомъ отношеніи; укрѣплѣніе его, окруженнѣе садами и окаймленное со стороны рѣки великколѣпными бавольниками, защищаетъ мѣстечко, населенное коммерсантами, которые покупаютъ у тузыновъ племени трарца камедь и кожа и продаютъ имъ кувшины для воды и европейскіе товары. Лежащія выше по рѣкѣ мѣстечко Газ и пристань дю-Кокъ тоже посѣщаются торговцами съ обоихъ береговъ. Развѣтвляющіеся по всѣмъ направленіямъ боковые потоки позволяютъ баркамъ проникать въ многочисленныя селенія территорій Уало и Диляръ, пользуясь то приливомъ, то теченіемъ. Приливная волна поднимается вверхъ по рѣкѣ до Подора, укрѣпленного мѣстечка, существовавшаго съ половины прошлаго столѣтія. Это—складочный пунктъ для камеди, приносимой маврами племени бракна, и главный торговый постъ между Сенъ-Луи и Бакелемъ.

Въ области средняго Сенегала важнѣйшая торговыя пристани—Аере, на рукавѣ, ограничивающемъ съ юга большой островъ Морфиль; Сальде, на главномъ рукавѣ, но у восточной оконечности того же острова; Матамъ, выше другой бифуркаціи рѣки. Эта часть рѣчнаго теченія была энергично осваиваема французы и маврами другъ у друга, и во время войнъ, поднятыхъ Хаджи-Омаромъ, тукулеры пытались преградить французскимъ судамъ проходъ по рѣкѣ, наваливая бревна между скалистыми берегами русла. Окончательно побѣжденные, эти ревностные мусульмане удалились по большей части на террасы, окаймляющія на югѣ боковые потоки Сенегала, мало доступные французскимъ судамъ¹⁾. Въ дождливое время года негры съ лѣваго берега ходятъ работать на поля мавровъ, лежащія на правомъ берегу. Умѣя выбирать удобный пунктъ на берегу, откуда теченіе несетъ ихъ на другую сторону, они переправляются черезъ рѣку сидя верхомъ на поплавкѣ изъ легкаго дерева, почти всегда изъ вѣти бавольника²⁾.

¹⁾ Gallieni, "Voyage au Soudan franÃ§ais".

²⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

Бакель, лежащий выше земли тукулеровъ, составляетъ какъ бы ворота верхняго Сенегала, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ торговыя дороги расходятся, при чёмъ одна направляется на примѣнялось ко всему верховью Сенегала. Крѣпость, сооруженная въ 1820 году и дополненная впослѣдствіи тремя фортами, построеными на близъ лежащихъ холмахъ, составляетъ.

Монровія и мысъ "Мезурадо".

востокъ, къ территоріямъ Гидимаха и Каарта, другая—на юго востокъ, къ территорії Бамбукъ, третья—на югъ, къ территорії Бонду; прежде область Бакель была известна у торговцевъ подъ именемъ Галамъ, которое, впрочемъ,

самый солидный оплотъ на верхнемъ Сенегалѣ, центръ обороны противъ нападений мусульманъ. У подножія крѣпостныхъ валовъ сгруппировались немногіе дома европейской колоніи и хижины изъ соломы и глины трехъ торго-

выхъ селеній, уолофскаго, сонинкейскаго и кас-сонкейскаго, куда приходятъ мавры дуашъ для продажи камеди; кромѣ того, въ Бакель производится значительная торговля земляными фисташками, просомъ и кукурузой; торговцы приобрѣтаютъ также на этомъ рынке, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ, золотой песокъ, слоновую кость и страусовыя перья. Бакельские купцы посылаютъ по окрестнымъ деревнямъ подручныхъ торгашей, знающихъ туземный языкъ, которые, по мѣстному выражению, ходятъ «дѣлать конторы», т. е. вымѣнивать свои ассортименты товаровъ на произведения края¹⁾). Бакель находится почти какъ разъ на этнографической границѣ между маврами, или берберами, и черными населеніями. Ниже этого пункта, правый берегъ рѣки занимаютъ мавры; выше живутъ негры, гидимаха, или «люди скалъ», родичи племени кассонке, обитающаго на лѣвомъ берегу; еще выше территорія раздѣлена между племенами сараколе, бамбара и переселенцами тукулерами. Это положеніе на поясѣ соприкасанія между нѣсколькими расами еще болѣе увеличиваетъ стратегическую важность Бакеля, и французскому гарнизону уже два раза, въ 1859 и въ 1866 годахъ, приходилось освобождать окружающую территорію, производя атаки на укрѣпленную деревню Гему, лежащую на границѣ между неграми гидимаха и маврами дуашъ.

Къ югу отъ Бакеля, мусульманское государство Бонду, феллатское королевство, восточную границу которого составляетъ теченіе Фалеме, занимаетъ едва обозначенный водораздѣль бассейновъ Сенегала и Гамбіи: здесь проходитъ, между этими двумя рѣками, главный торговый путь, которымъ слѣдовали Рюбо, Мунго-Паркъ, Грэй, Дочардъ, Раффенель и другие путешественники-исследователи. Столица королевства, Булебане, или «Городъ колодцевъ», расположена на небольшомъ притокѣ рѣки Фалеме, въ равнинѣ, надъ которой господствуютъ скалистые холмы; въ окрестностяхъ разбросаны развалины прежней столицы, а неподалеку оттуда стоитъ огромный баобабъ, подъ которымъ совершаются церемоніи коронаованія. Хотя король Бонду свѣтскій государь, а не «повелитель правовѣрныхъ», какъ алмами Фута-Джаллона, тѣмъ не менѣе всѣ его подданные обязаны исповѣдывать исламъ, и никакому язычнику не дозволяется пребываніе въ странѣ, развѣ что онъ пользуется особымъ покровительствомъ французовъ²⁾). На должностъ министра всегда назначается человѣкъ изъ народа, представитель расы, покоренныхъ фулами³⁾.

¹⁾ A. Barthelemy, „Guide du Voyageur dans la Sénégambie française“.

²⁾ H. Hesquard, „Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale“.

³⁾ Anne Raffenel, „Voyage dans l'Afrique occidentale“.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія Андре Брю построилъ двѣ крѣпости выше слиянія: Сенъ-Жозефъ (Махана), на Сенегалѣ, и Сенъ-Пьеръ, на Фалеме. Но оба эти укрѣпленія вскорѣ обратились въ развалины, — первое вслѣдствіе бунта невольниковъ, и даже неизвѣстно въ точности мѣсто, гдѣ оно находилось. Въ наши дни военный постъ нижней Фалеме, соединяющейся съ Сенегаломъ между Бакелемъ и Мединой, находится въ деревнѣ Сену-Дебу, лежащей на лѣвомъ берегу рѣки, въ километрѣ разстоянія отъ первыхъ ея пороговъ, которыми воспользовались для устройства рыбныхъ промысловъ. Южнѣ на одномъ изъ притоковъ праваго берега, другое поселеніе Кеніеба, одно время пользовалось большой извѣстностью, какъ центръ золотыхъ пріисковъ въ Бамбуке; но «золото спряталось», какъ говорятъ негры, и безуспѣшность попытокъ эксплуатации заставила забыть этотъ постъ, послѣ того, какъ изъ него былъ выведенъ гарнизонъ. Маликейцы, и спеціально женщины, сохранили за собой монополію промывки золотоносного песку въ южномъ Бамбуке и, по другую сторону Фалеме, въ небольшой территоріи Беле-дугу; они принимаются за этотъ промыселъ по окончаніи полевыхъ работъ и прежде всего стараются задобрить судьбу и вымолить себѣ удачу принесеніемъ въ жертву рыжаго козла и бѣлой курицы¹⁾). Въ небольшомъ разстояніи отъ деревни Кеніеба, на вершинѣ холма стоитъ мѣстечко Фарабана, которое въ прошломъ столѣтіи и до завоеванія края пророкомъ тукулеровъ имѣло важное значение, какъ главный городъ независимой республики. Бѣлые невольники изъ всѣхъ сопѣднихъ округовъ собирались въ крѣпкой оградѣ этого города, и благодаря своей многочисленности, плодородію своихъ садовъ, своимъ связямъ съ другими общинаами бѣлыхъ негровъ, и особенно отвагѣ и стойкости, которыхъ имѣло придавало сознаніе опасности, они успѣли создать грозное государство. Караваулы на валахъ всегда поручались наиболѣе скомпрометированнымъ, такимъ, которыхъ ожидала бы неминуемая смерть, если бы городъ былъ взятъ врасплохъ окрестными жителями. Вообще въ этой области сенегальскаго бассейна деревни, почти исключительно неселенныя манингами язычниками, наилучше сохранили еще свою республиканскую независимость и федеративную организацію. Фарабана всегда занимала и занимаетъ первое мѣсто между этими маленькими государствами Бамбука.

Городъ Кайесь, на лѣвомъ берегу Сенегала, близъ впаденія бокового потока Кунакарі, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливается большинство пароходовъ въ періодъ половодья,

¹⁾ Ernest Noirot, „A travers le Fouta-Djallon et la Bambouc“.

получилъ въ послѣднее время нѣкоторое торговое значеніе, какъ пунктъ высадки войскъ, посылаемыхъ на Нигеръ: здесь была устроена первая станція желѣзной дороги. Магазины и склады, недавно заведенные въ Кайесъ, постепенно переводятся на станцію Діаму, находящуюся въ болѣе здоровой мѣстности, въ 55 километрахъ выше, на томъ же берегу Сенегала; но главный военный постъ остался на прежнемъ мѣстѣ, въ 12 километрахъ отъ Кайеса, на берегу излучины, где река образуетъ водовороты послѣ паденія съ утесовъ Фелу. Постъ этотъ, по имени Медина, или «Городъ», прославился трехмѣсячной осадой, которую выдержалъ его маленький гарнизонъ въ 1857 году, и окончательнымъ разсѣяніемъ войскъ пророка Аль-Хаджи-Омара. Эта победа обезпечила окончательное владѣніе верхнимъ Сенегаломъ, но только двадцать лѣтъ спустя, въ 1878 году, французы открыли себѣ дорогу къ Нигеру взятиемъ укрѣпленной деревни (*tata*) Сабусире, лежащей въ 6 километрахъ выше водопада Фелу: нѣсколько тысяч туземцевъ, по большей части тукулеровъ, заперлись въ этой деревнѣ и цѣлыхъ пять часовъ отбивались отъ солдатъ¹⁾). Тамъ, на самомъ дѣлѣ, находился жизненный пунктъ новой имперіи тукулеровъ, которая отъ Сегу, какъ центра, простиравась далеко на востокъ, по обѣ стороны верхнаго сенегальскаго бассейна. Теряя среднюю линію бассейна, Бахой и Бауле, «Бѣлую реку» и «Красную реку», Хаджи-Омаръ терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ стратегическое единство своего царства: съ одной стороны, Каартъ, съ другой, Джаллонкѣ-дугу сдѣлались отрывками, отнынѣ разделенными полосой чужихъ владѣній. Торговые обороты на складахъ Мединскаго округа простирались въ 1884 г. до 5.620.000 франковъ²⁾.

Сѣверную половину этой имперіи составляеть территорія Каартъ, зависѣвшая прежде отъ королевства Кассо. Племена кассонке и діавара, потомки сонинке, бывшихъ владѣтелей страны, все еще имѣютъ численный перевѣсъ надъ всѣми другими жителями этой территоріи; затѣмъ слѣдуютъ бамбара различныхъ кастъ, которые еще въ недавнюю эпоху были господствующей націей; наконецъ, нынѣшніе власти, тукулеры, очень малочисленные въ сравненіи съ представителями другихъ расъ, обитаютъ въ укрѣпленныхъ городахъ; но, благодаря близкому сосѣдству области Фута, колоніи ихъ постоянно пополняются новыми выходцами, по большей части ревностными послѣдователями ислама. Эти магометане покидаютъ берега низовьевъ реки, чтобы удалиться отъ христіанъ; однако, они же доставляютъ на французскіе посты Сенегала наибольшій кон-

тингентъ временныхъ работниковъ, въ которыхъ нуждаются офицеры и купцы. Между новыми жителями территоріи Каартъ встрѣчается также много *dіаванду*, выходцевъ изъ Кассо и Бонду: это люди, происшедшіе отъ фуловъ и женщинъ племени сонинке, которые исполняютъ профессію гротовъ, составляя особую касту; они не могутъ быть обращаемы въ рабство, но ихъ изгоняютъ изъ родной земли¹⁾. Бамбара поручаютъ имъ присмотръ за своими стадами.

Въ Діомбохо, ближайшей къ Мединѣ провинціи страны Каартъ, главное мѣсто — укрѣпленный городъ Куніакари, бывшій нѣкогда столицей племени кассонке, и, по словамъ путешественника Солелье, имѣющій и теперь еще до 5.000 жителей; онъ занимаетъ прекрасное торговое и стратегическое положеніе, при сліяніи нѣсколькоихъ уэдовъ, образующихъ долину его имени, въ которой иногда струится вода. Къ востоку оттуда встрѣчаемъ Діала, тоже многолюдное мѣстечко, въ области Діала-фара. Мѣстечки Коге и Ніогомера, на границахъ пустыни, въ собственномъ Каартъ, были прежде королевской резиденціей; теперь ихъ смѣнилъ въ этой роли городъ Ніоро (арабы называютъ его Рхабъ), хижины котораго сотнями сгруппированы вокругъ каменныхъ стѣнъ и большихъ четыреугольныхъ башенъ дворца. Ніоро — значительный рынокъ, посѣщаемый многочисленными караванами съ верхняго Нигера, которые приходятъ туда за солью, получаемой изъ Тишита: плитки этого необходимаго продукта служатъ тамъ денежной единицей для всѣхъ другихъ товаровъ, тканей, кожи, металловъ, слоновой кости и невольниковъ; три или четыре бруска соли представляютъ цѣнность мужчины въ цѣлѣтъ лѣтъ²⁾). Почва и климатъ Ніоро очень благопріятны для разведенія европейскихъ домашнихъ животныхъ: лошадей, ословъ, крупнаго рогатаго скота, барановъ, козъ, свиней и домашней птицы; тамъ съ успѣхомъ откармливаютъ каллуновъ; туземныя утки тоже достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ³⁾; кромѣ того, на скотныхъ дворахъ держатъ цесарокъ, страусовъ и газелей. Джарра, къ сѣверо-востоку отъ Ніоро, теперь уже не «большой городъ» и не «столица мавританскаго царства Лудамарь» (Уладъ-Омаръ?), какъ во времена Мунго-Парка На юго-востокъ, но все еще въ бассейнѣ Сенегала, близъ одной изъ главныхъ вѣтвей Бауле, находится важный городъ Діангирте, населеніе котораго, во время посѣщенія его путешественникомъ Мажъ, состояло изъ 540 тукулеровъ талибе и ихъ семействъ: прежніе обитатели, бамбара, были прогнаны этими пришельцами и жили въ

¹⁾ Paul Solleillet, „Voyage à Segou“, редактирован Габриелемъ Гравье (не издано).

²⁾ Colin, цитиров. статья.

³⁾ Anne Raffenel, цитирован, сочиненіе.

¹⁾ „Annales Sénégalaises, de 1854 à 1885“.

²⁾ „Journal officiel“, 9 nov. 1884.

шести селеніяхъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ этого города.

До недавняго времени вся территорія, лежащая выше Медины въ бассейнѣ Бахоя, также причислялась номинально къ королевству Сегу, но въ дѣйствительности она состояла изъ множества независимыхъ общинъ и маленькихъ союзовъ, бамбаранскихъ и малинкайскихъ, которые тукулеры совершенно разорили, но которыми они окончательно овладѣли только на небольшомъ числѣ пунктовъ. По крайней мѣрѣ они достигли того, что превратили въ пустыню этотъ плодоносный край, гдѣ могли бы существовать миллионы людей: девятьдесятыхъ жителей были истреблены. Сельскія мѣстности различныхъ лежащихъ между рѣками Бауле и Бафингъ государства, какъ-то: Гангара и Бафинга, Га-дугу и Бирго, Фуладугу, или «земли фуловъ», потерявшей населеніе, имя которого она носить, Буре, страны золота, были совершенно опустошены, и не сколько тысячъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома жителей должны были искать убѣжища въ скалахъ и за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ. Центромъ господства тукулеровъ въ этой области былъ *tata* Мургула, главный городъ Бирго; взятіе этой крѣпости стоило французамъ большаго числа людей; надо было также стереть съ лица земли деревни Губанко, на юго-востокѣ отъ Киты, и Даба, на сѣверо-востокѣ отъ Кунду.

Бафулабе, послѣдній постъ собственно Сенегала и первый французскаго Судана, стоитъ на высотѣ 135 метровъ, напротивъ мѣста сліянія Бафинга и Бахоя; онъ построенъ въ 1879 году, какъ опорный пунктъ военныхъ операций, которыхъ должны были продолжаться въ слѣдующіе годы по направленію къ Нигеру, мѣстоположеніе его было осмотрѣно еще въ 1863 году Мажемъ и Кентеномъ, во время ихъ памятного путешествія. Станція Бафулабе сдѣлалась уже торговымъ центромъ, и вокругъ нея выросли семь деревень, окруженнѣхъ садами и плантациями банановъ; военная администрація закупаетъ здѣсь кукурузу для экспедиціонныхъ отрядовъ верхняго Нигера, а также быковъ и барановъ, пригоняемыхъ туземцами изъ земли Томора, на сѣверномъ берегу рѣки. Въ 1881 г. были основаны посты Бадумбе, на Бахоѣ, въ сотнѣ километровъ выше Бафулабе, и крѣпость Кита, на землѣ Фула-дугу, на полпути между Бафулабе и Нигеромъ. Въ 1883 году французы достигли этой рѣки, и тогда же было начато сооруженіе форта Бамаку; наконецъ, въ 1884 и 1885 годахъ построили два новыхъ укрѣпленныхъ поста между Китой и Бамаку: одинъ, Кунду, на сѣверной, другой, Ніагассола, на южной дорогѣ. Такимъ образомъ оккупационный поясъ значительно расширенъ, и теперь нигдѣ неѣть пробѣла болѣе 120 километровъ между французскими гарнизонами въ верховьяхъ рѣ-

ки. Стратегическимъ и торговымъ центромъ страны служитъ постъ Макадамъ-бугу, окруженный четырнадцатью бамбаранскими деревнями, которая обозначаютъ общимъ именемъ Кита: постъ этотъ стоитъ въ точкѣ соединенія главныхъ дорогъ, у входа въ ущелье, надъ которымъ съ западной стороны господствуетъ массивъ изъ красноватаго песчаника, оканчивающійся крутыми утесами съ уступами въ видѣ лѣстницы; остатки стѣнъ въ дефилю свидѣтельствуютъ о битвахъ, которые здѣсь происходили изъ-за обладанія этимъ проходомъ. Торговые обороты китскаго рынка въ 1884 г. простирались до 4.000.000 франковъ. Гора Кита, возвышающаяся слишкомъ на 600 метровъ надъ уровнемъ моря и на 250 метровъ надъ окружающей равниной, изъ всѣхъ высотъ Сенегала, занимаемыхъ французами, представляетъ наиболѣе благопріятныя условія для устройства санитарной станціи; основанный здѣсь домъ для выздоравливающихъ стоитъ на южной оконечности плато, открывающей взорамъ обширный горизонтъ. Обезъяны, еще недавно массами населявшія вершину плоскогорья, составляли особое государство, родъ республики, къ которой съ уваженіемъ относились всѣ негры окрестной мѣстности. Къ востоку отъ Кита видны развалины Бангасси, бывшей столицы государства Фула-дугу, посѣщенной Мунгопаркомъ.

Область Бафинга, лежащая на юго-востокѣ отъ Бамбука, есть наименѣе изслѣдованная часть Сенегамбіи; европейцамъ неизвѣстна еще дѣйствительная важность городовъ и рынковъ, имена которыхъ были сообщены туземцами. Дингира, главный городъ одного королевства тукулеровъ, состоящаго въ вассальной зависимости отъ Сегу, какъ говорятъ, обращенъ Хаджи-Омаромъ въ сильную крѣпость, способную устоять противъ всѣхъ вооруженныхъ силъ края. Тамба и Гонфуде—многолюдныя мѣстечки, тоже въ землѣ племени джаллонке. Но если средняя часть бассейна Бафинга еще неизвѣстна европейскимъ путешественникамъ, то область истоковъ достаточно знакома имъ: со временемъ путешествія Модлена ее посѣтили Геккаръ, Ламберъ, Оливье де-Сандерваль, Гудсбери, Байоль, Нуаро, Габоріо, Аисальди, и вѣтъ сомнѣнія, этотъ замѣчательный край скоро будетъ одною изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстностей Сенегамбіи, благодаря его здоровому климату, красотѣ пейзажей, разнообразію произведеній, интересу, который представляютъ его жители и особенности ихъ быта. Населеніе сгруппировано главнымъ образомъ въ верхнихъ долинахъ рѣкъ, расходящихся во всѣ стороны вокругъ центрального массива: Бафинга, Фалеме, Гамбіи, «Южныхъ рѣкъ» и Нигера.

Тимбо, главный городъ государства Фута-Джаллонъ (или Фута-Діало, по произношенію

фуловъ), лежитъ на высотѣ 758 метровъ надъ уровнемъ моря, среди группы горъ, около которой долина верхняго Бафинга описываетъ полукругъ; одинъ изъ притоковъ этой рѣки про текаетъ въ окрестностяхъ Тимбо. Эта столица имперіи совсѣмъ не похожа на большой городъ: ея конусообразныи хижинъ, на половину спря танныи въ зелени, ютятся у подошвы двухъ горъ-близнецовыхъ. Одни лишь потомки первыхъ основателей, уроженцевъ Массины, поселившіи ся въ краѣ около конца семнадцатаго или въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, пользуются правомъ постоянного жительства въ Тимбо; въ числѣ 1.500—2.440, по Гудсбери,— они живутъ въ городѣ только въ сухое время года; на зиму большинство изъ нихъ переселяются въ свои загородные домики, чтобы наблюдать за полевыми работами. Сокоторо, мѣстный Версаль, лежащи километрахъ въ десяти къ востоку отъ столицы, въ циркѣ лѣсистыхъ горъ, есть главная группа виллъ здѣшнихъ калифовъ, или альмами; около двухъ тысячъ плѣнниковъ обрабатываютъ ихъ поля ¹⁾. Дворцы, дома вельможъ, мечеть, кладбище занима ютъ болѣе трети пространства Тимбо. Мечеть, вторая въ Фута-Джаллонѣ по времени постройки, стоитъ на небольшой площади, обсаженной апельсинными деревьями, плоды которыхъ можуть срывать всякий прохожій. На прилегающемъ къ мечети кладбищѣ могилы обсыпаны густыми вѣтвями великолѣпныхъ деревьевъ, до которыхъ никогда не касался топоръ. Хотя кладбище ничѣмъ не огорожено, никто не ходитъ туда, кроме какъ во время похоронъ; всѣми уважаемая ограда его состоить лишь изъ бордюра рѣдкихъ цвѣтковъ. Въ сосѣднихъ долинахъ, самыхъ населенныхъ во всемъ государствѣ, разсѣяны большии деревни, изъ которыхъ многія по числу жителей превосходятъ саму столицу. Такова, на сѣверо-западѣ, деревня Буріа, гдѣ находится первое померанцевое дерево, посаженное въ Фута-Джаллонѣ: стволъ этого великолѣпного дерева имѣть болѣе трехъ метровъ въ окружности, а подъ вѣтвями его могутъ укрыться отъ непогоды до двухсотъ человѣкъ; у подножія дерева помѣщается могила великаго марабута Иссы или «Иисуса», передъ которой всякий всадникъ, будто самъ государь, долженъ сойти съ коня ²⁾. Сельскія мѣстности усыяны поселками—*фулласо*, обитаемыми вольными людьми, и *румде*, населенными плѣнниками. Работая шеренгами, какъ солдаты, невольники ободряются въ этомъ тяжеломъ трудѣ молодыми девушками, которыя, стоя впереди шеренги, поютъ въ тактъ и ударяютъ въ ладоши: застуны слѣдуютъ за канансомъ пѣсни. Пѣніе женщинъ, говорятъ, необходимо, чтобы отгонять злыхъ духовъ и по-

могать всходу посѣянаго зерна; оно необходимо также, чтобы веселить мужчинъ и дѣлать ихъ болѣе проворными на работѣ ³⁾.

Священный городъ Фута-Джаллона, Фугумба, группа тысячи хижинъ, лежащая въ пол сотни километровъ къ сѣверо-западу отъ Тимбо, въ долинѣ рѣки Тене, притока или верхняго Бафинга, или Фалеме, окружена такимъ густымъ поясомъ деревьевъ, что всего города нельзя видѣть ни съ одного изъ окрестныхъ холмовъ: здѣсь фулы-завоеватели воздвигли первую мечеть края, конусообразное зданіе, высоко поднимающееся надъ массой окружающихъ жилищъ; при каждой перемѣнѣ царствованія, въ этой мечети совершаются обрядъ посвященія новаго избранника въ короли Фута-Джаллона, и начальнику города присвоена честь обвертывать чалму инвеституры на головѣ альмами: ученѣйшии истолкователи Корана проходить курсъ ученія въ этомъ святомъ градѣ. Къ сѣверу отъ Фугумбы слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько важныхъ мѣстечекъ, на дорогѣ въ Бамбуку. Самое значительное изъ нихъ—Лабе, столица королевства, состоящаго въ вассальной зависимости отъ Тимбо; но большинство бѣлыхъ путешественниковъ, Геккаръ, Молленъ, Ламберъ, Байоль, Нуаро, должны были обойти это поселеніе, чтобы продолжать свой путь. Англичанинъ Гудсбери, которому удалось пройти чрезъ Лабе, и который опредѣляетъ высоту его мѣстоположенія въ 870 метровъ, говоритъ, что это мѣстечко занимаетъ большое протяженіе, такъ какъ каждый изъ четырехсотъ огороженныхъ дворовъ его заключаетъ въ себѣ нѣсколько хижинъ, представляющихъ отдельныя помѣщенія для самого домохозяина, для женщинъ и для невольниковъ. Къ сѣверу отъ Лабе находится деревня Тунтурунъ, разбросанные дома которой покрываютъ значительное пространство на высокомъ, почти безлѣсномъ плато, гдѣ берутъ начало истоки Гамбіи и Комбы, главного истока одной изъ рѣкъ португальской Гвинеи, Гебы или Ріо-Гранде. На юго-востокѣ отъ Лабе встрѣчаемъ большую деревню Сефуръ, столицу провинціи Колладе; на юго-западѣ другой областной центръ, Тимби, имѣющій слишкомъ 3.000 жителей (впрочемъ, только въ такое время года, когда нѣть полевыхъ работъ), прячется среди деревьевъ въ широкой и живописной долинѣ рѣки Какримы, которая изливается въ Атлантическій океанъ, между рѣками Понго и Меллакоре. Далѣе на сѣверѣ, въ одной изъ верхнихъ долинъ, впадающихъ въ долину Ріо-Гранде, находится городъ Туба, по словамъ Гудсбери, «самый большой» во всемъ Фута-Джаллонѣ; онъ имѣть около 800 домовъ, не считая предмѣстій, и обширную мечеть, куда воины и купцы приходятъ просить благословенія Аллаха, когда собираются въ какую-ни

¹⁾ Lambert, "Tour du Monde", 1-er semestre, 1861.

²⁾ E. Noirot, "A travers le Fouta-Djallon et le Bam-bouc".

³⁾ Olivier de Sanderval, цитированное сочиненіе

будь важную експедицію. Близь Тубы одинъ ручей ниспадаетъ каскадомъ съ высоты 50 метровъ¹⁾.

Почти всѣ дороги въ Фута-Джаллонъ—трудныя горныя тропинки; только въ южной части страны, около Тимбо, есть хорошия дороги, тщательно посыпаемыя пескомъ и обсаженыя плодовыми деревьями. Какъ извѣстно, Оливье де Сандервалю была выдана концессія на постройку желѣзной дороги въ Тимбо; тѣмъ не менѣе, альмами сказалъ путешественнику Байолю: «я не хочу, чтобы расширили наши пути сообщенія, чтобы явились сюда съ пароходами, чтобы строили желѣзныя дороги. Фута-Джаллонъ долженъ принадлежать фуламъ, какъ Франція принадлежитъ французамъ». Нѣсколько англійскихъ словъ составляютъ единственный слѣдъ вліянія европейской цивилизації. Всѣ бѣлые смѣшиваются здѣсь подъ общимъ именемъ «португейро», т. е. португальцевъ²⁾, что объясняется частыми столкновеніями, которыхъ фулы Лабе и Тубы имѣли со своими сосѣдями, поселившимися на берегахъ рекъ Геба и Ріо-Гранде; но съ этой стороны торговыхъ сношеній почти не существуетъ. Главный потокъ торговли направляется на юго-западъ, слѣдя по нормальному направленію скатости, къ Меллакоре или Сіера-Леоне. Въ 1881 году слишкомъ 1 300 человѣкъ, купцовъ и носильщиковъ, сопровождали англійскихъ посланниковъ изъ Тимбо въ Фритаунъ, съ 260 волами, навьюченными словою костью, каучукомъ и другими мѣстными продуктами. Однако, Франція—единственная европейская держава, видѣвшая у себя феллатскихъ пословъ; послы эти пріѣзжали въ Парижъ для ратификаціи договора, заключеннаго между Байолемъ и альмами.

Раздробленное на нѣсколько географическихъ бассейновъ, государство Фута-Джаллонъ и въ политическомъ отношеніи раздѣлено на двѣ соперничающія партіи, аналогичная *сонаамъ* берберскихъ племенъ: это двѣ группы «соріевъ» и «альфайевъ». Во время завоеванія страны этого дѣленія не существовало; но когда первый державецъ временно отказался отъ власти, предоставивъ вмѣсто себя царствовать одному изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, образовались двѣ королевскія фамилии, каждая со своей толпой клиентовъ и приверженцевъ; вскорѣ между честолюбивыми соперниками возгорѣлась война, и все общество было увлечено въ эту борьбу династій. Наконецъ, совѣтъ старѣшинъ, опасаясь паденія національнаго могущества, собралъ всѣхъ своихъ членовъ, безъ различія партій, и было решено, что отнынѣ политическая и религіозная власть будетъ при-

надлежать по-очередно той и другой фракціи; однако, соріи, названные такъ по имени Сори-Ахмаду, первого короля, нерѣдко удерживаютъ за собой власть дольше срока, благодаря своему численному превосходству и славной памяти основателя государства. Иногда случается, что государь изъ династіи соріа командуетъ три года, тогда какъ царствованіе его преемника изъ альфайевъ продолжается всего одинъ годъ; обыкновенно смѣна королевскаго правленія происходитъ черезъ каждые два года. «Отправиться въ деревню» въ политическомъ стилѣ края значить «уступить власть своему сопернику». Впрочемъ, никакое важное рѣшеніе не можетъ быть принято безъ предварительного совѣта съ королемъ, находящимся временно не у дѣла, и если онъ старшій по лѣтамъ, то обычай требуетъ, чтобы его мнѣнію отдавалось предпочтеніе. Два властителя по-очередно носятъ титулъ альмами: подобно древнимъ калифамъ и константинопольскому султану, они «повелители правовѣрныхъ». Члены совѣта несмѣняемы, и ихъ наследственный президентъ, *Діамбрю-діу Махуду Пуль-Пуларъ*, т. е. «Великий словоносецъ фуловъ»,—очень важная особа, почти не уступающая по авторитету самимъ альмамъ: роль его сравнивали даже съ ролью «палатныхъ мэрівъ», при лѣнивыхъ короляхъ древней Франціи; во время путешествія Байоля и Нуаро онъ владѣлъ пятью тысячами рабовъ. При каждой смѣнѣ царствующей династіи, губернаторы или правители областей должны просить о возобновленіи своихъ полномочій, принося присягу на вѣрность новому альмамъ; впрочемъ, король Лабе, почти столь же могущественный, какъ его сюзерень, часто отказывался смѣщаться, хотя онъ регулярно платить дань. Въ одномъ и томъ же семействѣ вербуются обѣ партіи: старшіе сыновья, наслѣдя отцовскія земли и прочее имущество, становятся соріями, младшіе ихъ братья дѣлаются мараутами и альфайами; другіе эмигрируютъ, уходить искать счастья въ качествѣ пастуховъ или обирателей каравановъ¹⁾. Дѣленіе на соріевъ и альфайевъ кажется фудамъ дотого естественнымъ, что они даже чужестранныя націи классифицируютъ по этимъ двумъ группамъ: такъ, французы у нихъ называются соріями, а англичанъ они причисляютъ къ партіи альфайевъ²⁾.

Правильность въ периодической смѣнѣ власти свидѣтельствуетъ о большомъ вліяніи, которымъ пользуются могущественные роды: собственно эти роды и правятъ государствомъ, подъ именемъ личностей, по-очередно возвѣдающихъ на престолъ; каждый разъ, когда представится болѣе или менѣе важное дѣло, именитые люди,

¹⁾ Blue Book, C. 365. Gouldsbury, „Expedition to the Upper Gambia“; „Petermann's Mittheilungen“, 1882, Heft 8.

²⁾ Olivier de Sanderval, „De l'Atlantique au Niger par le Feutah-Djallon“.

¹⁾ Jean Bayol, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1882.

²⁾ H. Hecquard, „Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale“.

туземные ногабли, собираются на совѣтъ, и о принятомъ ими рѣшени сообщаютъ альмами. Точно такъ же они управляютъ и провинціями, нами, какъ естественное слѣдствіе периодического чередованія партій. Перемѣнъ царствованія въ Фута-Джаллонѣ соотвѣтствуетъ подоб-

Типы племени кру.

хотя непосредственно и не пользуются властью. Единство видовъ, или по крайней мѣрѣ интересовъ, преобладаетъ во всей администраціи, въ управлении государствомъ, провинціями, дерев-

ная же перемѣна въ каждомъ отдѣль странѣ. Альмами выбираетъ изъ своей партіи всѣхъ второстепенныхъ начальниковъ, которые, платя определенную дань, непосредственно пользуют-

ся властью во все продолжение царствования сюзерена; они творят судьи, и почти всегда въ послѣдней инстанціи, хотя апелляція къ высшему начальству не воспрещается; они же набирают войска въ случаѣ войны, чтобы представить ихъ въ распоряженіе альмами.

Такъ велика сила законовъ въ этой странѣ, что всякий обвиняемый, потребованный судьями, отправляется добровольно въ мѣсто вызова, безъ судебныхъ приставовъ или жандармовъ, даже когда его жизнь въ опасности. Обыкновенные воры наказываются кнутомъ, болѣе важная кража влечетъ за собою потерю кисти руки; рецидивистамъ отсѣкаютъ вторую руку, затѣмъ ноги. Убийца, даже неисправимый пьяница¹⁾ приговаривается къ смертной казни; несчастные сами себѣ роютъ могилу и ложатся туда, чтобы убѣдиться, что она достаточной длины²⁾.

Государство дѣлится на тринадцать *diayalovъ*, или провинцій, изъ которыхъ болѣе обширныя подраздѣляются еще на полу-провинціи. Каждое изъ этихъ дѣленій организовано по тому же образцу, какъ и государство: каждая провинція имѣть двухъ начальниковъ, управляющихъ при содѣйствіи сорѣта, и каждая деревня—двухъ старшинъ, при которыхъ также состоить сельскій совѣтъ изъ почетнѣйшихъ жителей. Изъ потомковъ прежнихъ владѣтелей края, джаллонке, тѣ, которые не обращены въ исламъ, платить подать скотомъ. Другіе занимаются низшими ремеслами и составляютъ особыя касты, какъ, напримѣръ, гріотовъ или кузнецовыхъ, тогда какъ многіе изъ нихъ, сдѣлавшись фулами, благодаря смѣшаннѣмъ бракамъ, сливаются съ остальнымъ населеніемъ. На западѣ различныя племена, живущія въ предѣловъ собственно Фута-Джаллона, какъ народцы территории Хабу и Ландуманъ, платить дань феллатскимъ губернаторамъ ближайшихъ провинцій. Доходы правительства состоять изъ десятины съ урожая, изъ пошлинъ, взимаемыхъ съ каравановъ, изъ дани, платимой покоренными населеніями, и изъ пятой части добычи, захваченной на войнѣ.

Владѣнія Сенегамбіи связаны съ Франціей чрезъ посредство, съ одной стороны, выборныхъ представителей, съ другой—администраторовъ, назначаемыхъ центральной властью. Къ уполномоченнымъ мѣстного населенія, которыхъ назначаютъ избиратели полноправныхъ общинъ, черные и бѣлые, безъ различія цвѣта кожи, принадлежать шестнадцать членовъ генерального совѣта, десять отъ округа Сенъ-Луи, шесть отъ округа Гореи, и депутатъ, посыпаемый въ палату депутатовъ метрополіи.

Главный начальникъ французской Западной

Африки, облеченный очень широкой властью и носящий титулъ генералъ-губернатора, имѣеть пребываніе въ Сенъ-Луи. Территорія «Южныхъ рѣкъ», или собственно французская Гвинея, владѣнія на берегу Слоновой кости и французскій Суданъ состоять подъ управлениемъ губернаторовъ. Эти представители центральной власти очень часто мѣняются: нездоровы климатъ, тоска по родинѣ и честолюбіе чиновниковъ, политическая перемѣна въ метрополіи—имѣютъ слѣдствіемъ частое обновленіе персонала сенегальской администраціи. Съ 1850 по 1886 годъ, въ періодѣ тридцати шести лѣтъ, въ Сенегалѣ смѣнилось семнадцать губернаторовъ, утвержденныхъ или временно исправлявшихъ должность, такъ что средняя продолжительность пребыванія составляетъ два года. Колоніальный совѣтъ, состоящій изъ высшихъ должностныхъ лицъ и именитыхъ гражданъ, помогаетъ губернатору и вице-губернатору въ приготовленіи декретовъ и изученіи всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ въ виду нужды и пользы края. Генеральный совѣтъ (*conseil g  n  ral*) занимается бюджетными вопросами и вотируетъ ежегодно сумму около 300.000 франковъ на начальная школы и на отправление казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ среднесуточные заведенія метрополіи. Бюджетъ Сенегала въ 1892 г.: приходъ—1.196.985 франк., расходъ—2.356.301 франк.; но всѣ расходы по содержанію сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ падаютъ на бюджетъ метрополіи; чрезвычайные расходы на постройку дорогъ для фады на мулахъ, желѣзныхъ путей и крѣпостей, тоже покрываются изъ средствъ французской казны (ежегодная прибавка къ колоніальному бюджету Сенегала, даваемая Франціей, составляетъ 12^{1/2}, миллионовъ франк.). Пятифранковикъ, или піастръ *«gourde»*, сдѣлался денежной единицей Сенегала, но жители внутреннихъ областей не знаютъ ни мѣръ, ни вѣсовъ, официально употребляемыхъ во Франціи.

Военные силы сенегальской колоніи, состоящія подъ начальствомъ полковника, имѣющаго пребываніе въ Сенъ-Луи, очень незначительны въ сравненіи съ огромнымъ протяженіемъ территорій, где происходятъ ихъ передвиженія и где онѣ занимаютъ не менѣе тридцати пяти укрѣпленныхъ постовъ, отъ Сенъ-Луи до Нигера и отъ Подора до рѣки Меллакоре. Нѣкоторыя изъ этихъ укрѣплений имѣютъ довольно многочисленные гарнизоны: таковы Бакель, наблюдающей за землями мавровъ; Medina, командающая входомъ въ горную страну, при начальствѣ судоходства по Сенегалу; Кита, расположенная въ центрѣ мелкихъ мандингскихъ государствъ, недавно присоединенныхъ къ владѣніямъ Франціи. Оттого численность войска, которое можетъ быть выставлено въ поле, крайне незначительна: ни одна изъ

¹⁾ Gouldsbury, цитированное сочиненіе.

²⁾ Noirot, *«Bulletin de la Soci  t   de G  ographie d'Anvers»*, 1886.

экспедиционныхъ колоннъ, которыя совершили завоевание территории, заключающейся между верхнимъ Сенегаломъ и Нигеромъ, не имѣла въ своихъ рядахъ болѣе 750 человѣкъ. Совокупность военныхъ силъ состоитъ изъ пяти ротъ морской пѣхоты и двухъ батальоновъ сенегальскихъ стрѣлковъ, въ составѣ девяти ротъ; команда штрафныхъ нижнихъ чиновъ дополняетъ пѣхотную дивизию. Артиллерія состоитъ всего изъ двухъ морскихъ батарей, роты сенегальскихъ кондукторовъ и нѣсколькихъ рабочихъ при арсеналѣ; къ этому надо прибавить еще чернокожихъ матросовъ (*laptots*), которыхъ могутъ доставить вѣстовые суда флота, какъ десантное войско. Въ этой маленькой сенегальской арміи кавалерія представлена эскадрономъ спаги, офицеры котораго набраны изъ разныхъ полковъ Франціи; изъ нижнихъ чиновъ—бѣлые почти все старые солдаты, вновь поступившіе на службу; между чернокожими, по большей части изъ племенъ Тукулеровъ и Бамбара, есть много такихъ, которые были выкуплены изъ рабства, чтобы быть зачисленными въ армію, и которыхъ отпускаютъ на волю по выслугѣ ими опредѣленного срока ¹⁾; прежде невольники, выкупленные правительствомъ, должны были прослужить четырнадцать лѣтъ, чтобы получить свободу ²⁾; теперь для добровольцевъ установленъ шестилѣтній срокъ службы ³⁾. Нормальная продолжительность пребыванія въ Сенегалѣ для войскъ, переводимыхъ изъ Франціи или Алжира, составляетъ два года.

Оборонительная флотилія состоитъ подъ командой капитана 2-го ранга. Кромѣ того, существуетъ небольшой колоніальный флотъ, къ которому принадлежать пароходы, совершающіе рейсы вдоль морскаго берега, затѣмъ бусирныя и транспортныя суда, плавающія по рѣкѣ Сенегалу. Чернокожіе матросы, или *laptots*, нанимаются въ службу только на одинъ годъ; они могутъ достигнуть чина квартермистра и даже штурмана: тогда ихъ называютъ «рѣчными капитанами». Лоцманъ, проводящій суда черезъ баръ, назывался прежде *Jean-Barre*.

Колоніальная магистратура состоитъ изъ двухъ окружныхъ судовъ, въ Сенъ-Луи и въ Гореѣ, и изъ апелляционного суда. На-ряду съ этими общими судебными учрежденіями засѣдаютъ въ Сенъ-Луи кади, назначаемый губернаторомъ, и мусульманскій трибуналъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ тамсиръ, или главный «марабутъ», и который вѣдаетъ дѣла о наслѣдствѣ и бракахъ, руководствуясь въ своихъ решеніяхъ текстомъ Корана и преданіемъ ислама. Начальники постовъ, особенно очень удаленныхъ отъ Сенъ-Луи, облечены большой

¹⁾ R. Soleillet, цитированное сочиненіе.

²⁾ Anne Raffenel, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Victor Schoelcher, „L'Esclavage au Sénégal“.

дикреціонной властью и судять обыкновенно по мѣстнымъ обычаямъ; дѣла же обѣ уголовныхъ преступленіяхъ они обязаны представлять на разсмотрѣніе судебныхъ установленій главнаго города. Въ принципѣ въ Сенегалѣ дѣйствуетъ гражданскій кодексъ, обнародованній въ первый разъ въ 1830 году, но, какъ видно, довольно безуспешно, потому что въ 1855 году онъ былъ вновь опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Множества, хотя оно дозволено, не существуетъ фактически ни въ Сенъ-Луи, ни въ Гореѣ. Еще не такъ давно временные браки между бѣлыми и туземными синьянами, называемыя «браками по сенегальской модѣ», были признаваемы какъ закономъ, такъ и общественнымъ мнѣніемъ, и дѣти, родившіяся отъ такого брака, пользовались правами наслѣдованія. Въ началѣ настоящаго столѣтія было даже въ обычѣ, чтобы на свадебномъ обѣдѣ этихъ брачныхъ союзовъ предсѣдательствовалъ католическій священникъ ¹⁾. Вѣрность синьянъ всегда была примѣрная. Рассказываютъ, что, при отѣздѣ мужа во Францію, жена подбирала горсть песку, на который онъ ступилъ, садясь на корабль, и завертывала этотъ песокъ въ кусокъ холста, который съ благоговѣніемъ помѣщала въ ногахъ своей кровати ²⁾.

Французская Сенегамбія дѣлится на территоріи неправильной формы, представляющія большое различіе въ отношеніи порядка управленія. Часть африканской почвы, где введено еходное съ метрополіей устройство, заключаетъ въ себѣ только четыре вполнѣ правильныхъ городскихъ общины.—Сенъ-Луи, Горею, Дакарь, Рюфискъ,—управляемыя муниципальными совѣтами и выборными мэрами.

Города Сенегала и французского Судана ³⁾, съ цифровой ихъ населеніемъ:

Сенъ-Луи—19.000 жит.; Дагала (1885 г.)—5.275; Рюфискъ—7.000; Жоаль (1885 г.)—2.370; Дакарь—6.000; Горея—2.000; Бакель—1.800; Ниагассола (1885 г.)—1.200.

Территоріи, состоящія «въ непосредственномъ владѣнії», къ которымъ принадлежать крѣпости, посты и конторы, вмѣстѣ съ ихъ округами, на побережье, на рѣкѣ и внутри страны, считаются французской землей, и колоніальная администрація, собственница почвы, можетъ продавать или уступать ее въ пользованіе кому пожелаетъ. Территоріи «присоединенія»

¹⁾ Paul Soleillet, цитированное сочиненіе.

²⁾ Léonard Durand, „Voyage au Sénégal“.

³⁾ Именемъ „французскій Суданъ“ обозначается лежащая къ востоку отъ колоніи Сенегалъ и *Rivières du Sud* часть франц. владѣній въ сѣверо-западной Африкѣ, обнимающая округа: Бакель, Каїстъ и Медиа, Бафулабе и Батумбе, Кита и Бунду, Ниагассола, Баммако, Сикири, съ нѣсколькими государствами „подъ протекторатомъ“ (государство Самори, Фута-Джаллонъ и др.). Пространство всей этой области исчисляютъ въ 1.231.500 кв. килом., а населеніе—въ 8.000.000 душъ. Р. д.

ненная», не входящая въ составъ французскихъ владѣній въ собственномъ смыслѣ, управляются не колониальнымъ правительствомъ, а туземными начальниками, либо назначенными губернаторомъ, либо наследственными или избранными народомъ и утвержденными въ этомъ званіи сюзеренной державой; послѣдняя сохранила за собой право раздавать въ оброкъ пустопорожнія земли въ присоединенныхъ областахъ за извѣстную поземельную подать. Что касается территории, состоящихъ подъ «протекторатомъ», то онъ поступили подъ покровительство Франціи въ силу особыхъ конвенцій, различающихся по территоріямъ и различно опредѣляющихъ выгоды, предоставляемыя французской торговлѣ, въ обмѣнъ за гарантію владѣнія, обеспечивающую ихъ вождямъ или начальникамъ; въ договорахъ, заключенныхъ съ 1879 г., колониальное правительство выговорило себѣ право приобрѣтать въ полную собственность участки земли, необходимые для постройки укрѣпленій, факторій, дорогъ, рельсовыхъ путей. Обыкновенно въ договорахъ опредѣляется также размѣръ податей и пошлины, которая будуть взимаемы туземными властями съ земли, сельскихъ произведеній и товаровъ, въ среднемъ 3 процента со стоимости,—но Франціи не присвоенъ сборъ какихъ бы то ни было налоговъ. Наконецъ, нѣкоторыя изъ туземныхъ государствъ или земель, сопредѣльныхъ съ французской территоріей и странами присоединенными, или состоящими подъ протекторатомъ, связаны договорами о торговлѣ и дружбѣ, которые обеспечиваютъ французскому правительству исключительная привилегіи. Въ многихъ отношеніяхъ политический режимъ страны напоминаетъ старый порядокъ феодальной Европы. Нужно замѣтить, что въ своихъ сношеніяхъ съ туземцами, къ какой бы расѣ они ни принадлежали, къ фуламъ, неграмъ или маврамъ, колониальная администрація всегда поощряла поддержаніе или установление монархического строя; она никогда не вступаетъ въ переговоры съ вольными, самоуправляющимися общинами, или народо-правствами: она признаетъ или ставитъ единоличныхъ начальниковъ въ каждой территоріи присоединенной, или состоящей подъ ея протекторатомъ. Кромѣ того, вмѣшательство французовъ въ дѣла туземцевъ имѣло то косвенное слѣдствіе, что оно остановило успѣхи ислама, распространеніе котораго до того времени шло съ неудержимой силой. Наиболѣе ревностные проповѣдники магометанской вѣры, мавры и особенно тукулеры страны Фута, были главными врагами Франціи. Напесенное имъ военное пораженіе положило конецъ и ихъ религіозной пропагандѣ. Мандинги Бамбука, сеперы Кайора, которымъ неизбѣжно грозило бы обращеніе въ исламъ, если бы ихъ не избавило отъ этого сосѣдство французовъ, сохра-

нили свои языческие обычая, хотя въ сильноизмѣненномъ видѣ; бамbara страны Беде-дугу и сосѣднихъ земель, которые уже назывались мусульманами, теперь не имѣютъ болѣе надобности притворяться проникнутыми религіозной ревностью, которая не въ ихъ традиціяхъ.

Граница сенегальской территоріи еще не опредѣлена точно въ сѣверной ея оконечности, на берегу Мавровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ семнадцатаго столѣтія жалованными грамотами и королевскими эдиктами 1681, 1685 и 1696 годовъ была усташлена «Компанія Сенегала» вся область поморья, простирающаяся на сѣверъ отъ устья этой рѣки до Бѣлаго мыса. Рыболовные промыслы и другія заведенія основывались на разныхъ пунктахъ континентальнаго берега и Аргунискаго архипелага; географы, между прочимъ, д'Анвиль и де-л'Іль, единогласно обозначали, какъ территорію сенегальской компаніи, всю береговую полосу, присвоенную ей жалованными грамотами. Трактатъ 1814 года возвратилъ Франціи все безъ исключенія, чѣмъ она прежде владѣла въ области африканскаго континента. Казалось бы поэтому, что въ силу историческихъ документовъ стрѣлка мыса Бланко должна составлять точную границу французского Сенегала; между тѣмъ недавно основана испанская факторія на берегу бухты Леврье, или «Борзой собаки»—по-испански *baña del Galgo*,—которая защищена на западѣ полуостровомъ названнаго мыса. До настоящей минуты этотъ вопросъ о границахъ между владѣніями двухъ державъ еще не разрѣшенъ. Но каково бы ни было предстоящее решеніе его, несомнѣнно, что морской берегъ, окаймленный дюнами, который тянется на сѣверъ отъ сенегальской дельты, составляетъ естественную принадлежность прирѣчныхъ странъ, такъ какъ на немъ кочуютъ племена, имѣющія обыкновенно пребываніе въ сосѣдствѣ Сенегала и установившія на берегахъ этой рѣки свои главные торжи.

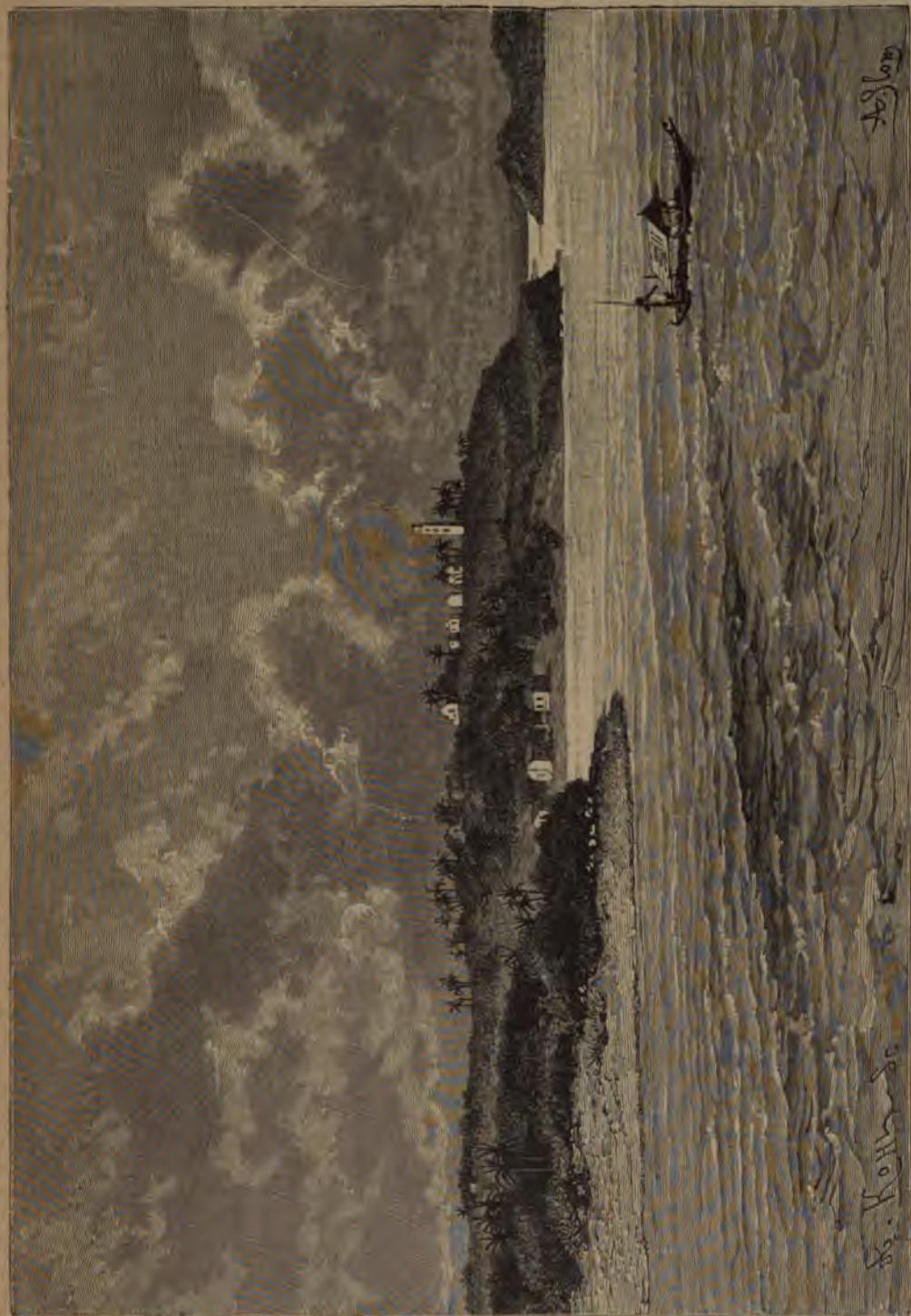
Слѣдующая таблица содержитъ списокъ французскихъ административныхъ дѣленій и вассальныхъ территорій въ Сѣверной Сенегамбіи. Каждый округъ управляется военнымъ или гражданскимъ начальникомъ, который облечень такой же властью, какъ французскіе префекты, и которому подчинены начальники кантоновъ, военныхъ постовъ и туземныхъ деревень.

Территоріи, состоящія въ непосредственномъ владѣніи:

Первый округъ (Сенг-Луи).

Уѣздъ Сенг-Луи. Кантоны: Сенг-Луи, Тубе, Ндіаго, Диала-харъ, Гандонъ, Хаттеть, Мпаль, Гандіоль, Мерингенъ, Россъ. Уѣздъ Дагана,

или Уало. Кантонъ: Хума, Ндіанге, Ндаръ. Уездъ Портюаль, Уездъ Жоаль. Уездъ Подоръ. Уездъ Сальде. Уездъ Бакель. Уездъ Каолакъ (Салумъ) находится въ округѣ Южныхъ рекъ. Уездъ Медина. Военные посты: Сену-дебу,

Пальмовый мысъ.

Бафулабе, Бадумбе, Кигта, Кунду, Ніагассола, Бамаку, Куликоро.

Второй округъ (Дакаръ).
Уездъ Дакаръ. Уездъ Рюфискъ, раздѣленный на 2 кантонна. Уездъ Мбиджемъ, раздѣленный на 2

Территоріи присоединенные: Сѣверный Кайоръ, Торо, Димаръ.

Территоріи, состоящія подъ протекторатомъ: Кайоръ, Ндіамбуръ, Сине, Салумъ, Баоль, Джолофъ, Димаръ, Боссеа (Дамга), Ло и Ирлабе въ Фута, Кассо, Бонду, Бамбукъ,

Гюой, Тамбаура, Диабе-дугу, Южный Беледугу. Земли на верхнемъ Бахоѣ и по берегамъ Нигера: Гангараантъ, Га-дугу, Мандингъ, Банингъ, Діо, Даба, Сѣверный Беле-дугу, Фадугу, Дамфари и пр.

Территорія, связанныя договорами: Хамера, Гидимаха, страны Трарца, Бракна, Уладъ-Эли, Дуашть; Фута-Джаллонъ.

III. Гамбія.

Рѣка Гамбія, отъ которой Сенегамбійская территорія получила половину своего имени, на первый взглядъ представляется важнѣйшимъ потокомъ всей западной Африки, какъ дорога, проникающая внутрь чернаго материка. Въ самомъ дѣлѣ, эта рѣка, которую первые путешественники называли Гамброй, имѣеть надъ Сенегаломъ то преимущество, что она гораздо доступнѣе судамъ. Лиманъ ея открывается въ море менѣе бурное, баръ ея болѣе глубокъ, и корабли съ осадкой до 3 метровъ могутъ во всякое время проходить черезъ этотъ порогъ. Берега ея плодороднѣе береговъ Сенегала, и земледѣльческая культура можетъ быть ведена тамъ такъ же успѣшно въ сухой періодъ года, какъ и послѣ наводненій. Она судоходна во время мелководья до болѣе восточной долготы. Наконецъ,—и это главное ея преимущество,—она открываетъ болѣе прямой путь къ Бамбуку, то-есть къ странѣ золата и къ плодоноснымъ долинамъ горной цѣпи Фута-Джаллонъ, населеннымъ трудолюбивой расой фуловъ; Гамбія представляетъ хорду огромной дуги, описываемой теченіемъ Сенегала.

Уже въ 1618 г. Томпсонъ, отправившись на поиски золота въ Томбукту, поднимался вверхъ по Гамбіи до земли Тенда, недалеко отъ горъ Фута-Джаллонъ; но онъ былъ убитъ въ пути, или его собственными людьми, или португальцами. Два года спустя Джобсонъ слѣдовалъ той же дорогой, и позднѣе многие другіе изслѣдователи доходили до скаль Барра-Кунда. Всѣ подтвердили, что теченіе этой рѣки представляетъ кратчайшій путь въ области верхняго Сенегала и въ страны золота, Бамбуку и Буре. Впрочемъ, тогда полагали, что Гамбія есть не что иное, какъ рукавъ сенегальскаго «Нигера». На картѣ Раффенеля Гамбія соединяется съ Сенегаломъ, и подобно Молліену, этотъ знаменитый изслѣдователь, переправляясь черезъ Нерико, думалъ, что видѣть передъ собой соединительный потокъ между этими двумя рѣками. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Митчинсонъ, утверждаетъ, что въ періодъ дождей всегда существуетъ сообщеніе изъ Сенегала въ Нигерь¹⁾; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что

между этими двумя судоходными путями волокъ не длиненъ. Несмотря на выгоды, представляемыя Гамбіей, европейцы, посѣщающіе эту рѣку, уже въ течевіе четырехъ столѣтій, почти не проявили своей дѣятельности въ этомъ краю; по торговому и политическому значенію этой африканской потокъ стоитъ гораздо ниже рѣки, впадающей при Сенъ-Луи. Причину тому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ климатѣ, убѣйственномъ для европейцевъ Сѣвера. На берегахъ Гамбіи англичане, шотландцы не тѣ люди, какими мы видимъ ихъ на берегахъ Мерсеса или Клайда. Надо также принять въ разсчетъ различіе прибрежныхъ населеній Сенегала и Гамбіи, соответствующее различію климата и почвы. Гамбія не имѣеть, въ легкодоступной части своего бассейна, ни способныхъ къ торговлѣ мавровъ, ни трудолюбивыхъ и неутомимыхъ въ работѣ ткулеровъ.

Область истечения у Гамбіи не соразмѣрна длины ея теченія. Отъ истока, въ горахъ Фута-Джаллонъ, до устья, при городѣ Батурстѣ, ея извилистое русло тянется на пространствѣ около 1.200 километровъ; но среднюю ширину области истечения нельзя считать болѣе 60 километр.; а всю площадь бассейна—болѣе 50.000 квадр. километровъ. Въ южныхъ округахъ, которые не были опустошены мусульманами, населеніе довольно густое, по сообщеніямъ путешественниковъ. Не считая жителей южнаго Бонду и Фута-Джаллона, составляющихъ особое государство, союзное съ Франціей, число гамбійцевъ разныхъ національностей, мандинговъ и сереровъ, по всей вѣроятности, превышаетъ двѣсти тысячъ¹⁾. Около пятнадцати тысячъ изъ нихъ обитаютъ въ англійскихъ территоріяхъ, на островахъ и полуостровахъ рѣки: совокупность этихъ европейскихъ владѣній, визначительныхъ энклавъ въ обширномъ протяженіи бассейна, составляетъ не болѣе 179 квадр. километровъ.

Изъ всѣхъ рѣкъ, берущихъ начало въ горной цѣпи Фута-Джаллонъ, Гамбія получаетъ наибольшую массу воды: почти весь названный массивъ принадлежитъ къ этому рѣчному бассейну. На востокѣ, главная вѣтвь Гамбіи окружаетъ самыя высокія области горной страны; на западѣ и сѣверо-западѣ, избытокъ дождей уносится также одною изъ верхнѣхъ вѣтвей Гамбіи, называемою англичанами Грей-риверъ («Сѣрая рѣка»). Фалеме, Бафингъ и другія рѣки, принадлежащи къ сенегальской системѣ, зарождаются въ южной части массива, менѣе высокой, чѣмъ центральная область, а рѣки, направляющіеся прямо къ морю, на югѣ отъ бассейна Гамбіи, Геба, Ріо-Гранде, Кассини, Какрима, получаютъ питание ихъ водами только съ юго-западнаго ската горъ. Что

¹⁾ Hutchinson, „The Expiring Continent, A narrative of travel in Senegambia“.

¹⁾ Africanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

касается Нигера, или Джолибы, то онъ береть свою долю избытка дождей, выпадающихъ на центральный массивъ Сенегамбіи, посредствомъ небольшихъ боковыхъ притоковъ. Истоки Гамбіи, доселе посыщенные Геккаромъ, Байолемъ и Нуаро, находятся на съверѣ отъ Лабе, самаго значительного города Фута-Джаллона, въ 10 километрахъ оть большой деревни Туттурунъ. Посреди одного *баовала*, травяного плато, усыпанного каменными глыбами, лежить, окруженная деревьями, груда камней желѣзника, изъ которой пробивается тонкая струйка воды, текущая маленьками каскадами: это и есть главный истокъ Диммы,—имя, которымъ фулы обозначаютъ Гамбію до ея устья. Усиленная шестью ручьями, берущими начало на томъ же плато, Димма становится порядочной рѣкой, катящей свои воды во всякое время года; соседняя деревня называется Оре-Димма, т. е. «Голова Диммы». Въ 1.500 метрахъ къ съверу оть первого бассейна Гамбіи прачется въ тѣни большихъ деревьевъ маленький резервуаръ прозрачной воды, откуда вытекаетъ другой ручей: это истокъ Комбы, главной вѣтви рѣки, которая направляется прямо въ море, и въ которой предполагаютъ Ріо-Гранде. Плоскогорье, откуда изливаются эти двѣ рѣки, имѣть около 1.150 метровъ высоты.

Гамбія течеть сначала на протяженіи слишкомъ 200 километровъ на востокъ оть горъ Фута-Джаллона, затѣмъ огибаетъ эти горы на съверной ихъ оконечности, и, переходя изъ ущелья въ ущелье, достигаетъ, наконецъ, западной покатости Сенегамбіи. Въ Сила-кунда, выше послѣдней проходимой ею горной тѣсниной, рѣка, средняя ширина которой 300 метровъ, течеть на высотѣ 171 метра; ей остается только пройти большую равнину, описывая многочисленныя излучины; вообще Гамбія—самая извилистая рѣка западной Африки. Кое-гдѣ скалы прерываютъ ей русло и образуютъ естественные запруды, препятствующія судоходству: таковы пороги Барра-кунда, на разстояній около 450 километровъ оть устья; Мактъ-Доннель поднимался на баркѣ вверхъ по рѣкѣ на 170 километровъ. Суда, не глубоко сидящія въ водѣ, могли бы доходить до водопада Барра-кунда въ периодъ мелководья, самое благопріятное время, по причинѣ слабаго течения; но обыкновенно морскія суда останавливаются гораздо ниже, у острова Мактъ-Карти, лежащаго въ 280 километрахъ оть устья: до этого мѣста распространяется по рѣкѣ морской приливъ въ периодъ бездождя. Въ зимній сезонъ рѣчное теченіе опять береть верхъ и не позволяетъ приливной волнѣ проникать на большое разстояніе вверхъ оть устья. Средній объемъ протекающей воды для Гамбіи еще не былъ вычисленъ; извѣстно, однако, что, относительно, принимая во вниманіе величину бассейна, онъ значительно превышаетъ нормаль-

ный дебитъ Сенегала. Въ бассейнѣ Гамбіи дожди сильнѣе и чаще; юль, августъ и сентябрь—тамъ очень сырье мѣсяцы; такъ, напримѣръ, 9 августа 1861 года выпалъ ливень, образовавшій впродолженіи сутокъ слой воды толщиной слишкомъ въ 23 сантиметра¹⁾; въ томъ же году наблюдали еще два дожда въ 9 сантиметровъ каждый.

Несмотря на большую массу прѣсной воды, приносимую верхнимъ теченіемъ, нижняя Гамбія не похожа на рѣку: это—лиманъ, заливъ солоноватой или соленої воды. Выше устья берега ея разступаются слишкомъ на 10 километровъ, въ самомъ же устьѣ водная площадь имѣть только 4 километра въ ширину, при средней глубинѣ 20 метровъ. Въ этомъ мѣстѣ самые большия корабли могутъ легко дѣлать свои эволюціи; баръ находится километрахъ въ двадцати оттуда, въ открытомъ морѣ: это—широкій порогъ, покрытый слоемъ воды толщиной около 9 метровъ въ часы отлива; смотря по времени года, приливъ повышается на 2 или на 3 метра уровень лимана и залива. Многочисленные извилистые каналы проникаютъ далеко внутрь материка и развѣтвляются съ главной водной площадью тицистой Гамбіи: одинъ изъ этихъ побочныхъ потоковъ, извишающійся посреди наносныхъ земель къ западу оть главнаго входа, называется по-англійски Ойстеръ-крикъ, или «Устричный ручей». Самое имя его говорить, что это не рѣчное устье, а потокъ морской воды, ибо, по изслѣдованіямъ фонъ-Бера, устрицы могутъ развиваться только въ водѣ, содержащей прѣмѣръ соли въ количествѣ 18 на 1.000; эти моллюски образуютъ обширныя мели на пескахъ и прицѣпляются въ видѣ гроздьевъ къ корнямъ ризофоръ. Страшныя акулы населяютъ воды Ойстеръ-крика, такъ что купаться тамъ очень опасно. На съверѣ, другое извилистые потоки, проходящіе черезъ лѣса, впадаютъ въ лиманъ Салума.

По берегамъ Гамбіи земля проглядываетъ только черезъ рѣдкіе пробылы въ живой изгороди корнепусковъ; но, миновавъ эту полосу прибрежной растительности и область лагунъ и болотъ, вступаешь въ прелестную, слегка волнистую мѣстность, усыпанную густыми деревьями и пышными букетами зелени, которые давали путешественникамъ поводъ сравнивать многія африканскія страны съ англійскими парками. Прибрежныя равнини Гамбіи гораздо богаче лѣсами въ сравненіи съ равнинами Сенегала; они представляютъ большее разнообразіе древесныхъ породъ, между которыми особенно замѣчательны баобабы, разные виды пальмъ и знаменитое масляное дерево; во многихъ мѣстахъ лѣса прерываются саваннами, гдѣ злаки достигаютъ 6 метровъ (около 8 съ

¹⁾ Richard Burton, „Wanderings in West Africa“.

половиной аршинъ) высоты. На островѣ Сентъ-Мери растетъ кустами четочникъ (*abrus regecatorius*), изъ семейства бобовыхъ, названный такъ за его сѣмена, красныя и черныя, которыя по виду похожи на кораллъ, и изъ которыхъ дѣлаютъ ожерелья и четки. Но что это за растеніе изъ семейства пандановыхъ, таинственное фандіане, плоды которого, по словамъ туземцевъ, воспламеняются сами собой въ періодъ созревавія и обезпечиваютъ постоянное счастье тому, кто сорветъ ихъ¹⁾? Дикие звѣри еще царятъ въ лѣсахъ, неподалеку отъ англійскихъ поселеній; львы бродятъ около деревень, и на болотистыхъ тропахъ глубокіе слѣды напоминаютъ о проходѣ слона. Въ концѣ шестнадцатаго вѣка Гамбія занимала первое мѣсто между реками Африки по размѣрамъ вывоза слоновой кости; часто суда встрѣчали цѣлые стада слоновъ, переплывавшихъ съ одного берега на другой²⁾. Въ самой рѣкѣ и въ боковыхъ ея потокахъ и лагунахъ водятся также крокодилы и бегемоты.

Разныя племена населяютъ бассейнъ Гамбіи; но внизъ по рѣкѣ отъ мѣста обитанія горныхъ фуловъ и порабощенныхъ ими джаллонке, большинство гамбійцевъ принадлежать къ сунданской группѣ мандинговъ: въ этой области, на западной отлогости горъ, эта раса наиболѣе сильно представлена; впрочемъ, переходя далеко за предѣлы бассейна Гамбіи, она проникаетъ въ бассейнъ Сенегала по направлению къ Бакелю или Бафулабе и овладѣла многими территоріями въ поясѣ Южныхъ рѣкъ. Самое обыкновенное имя ея въ нѣкоторыхъ частяхъ Сенегамбіи—Мали'нке, «Люди Мали»; оно напоминаетъ имперію Мали или Мелле, которая обнимала верхній бассейнъ Нигера въ ту эпоху, когда португальцы вступили въ сношенія съ жителями внутренней Африки; въ память о былой славѣ имія Мали получило смыслъ «благороднаго». Даже послѣ того, какъ царство мандинговъ было разрушено сонгхайами, императоръ, или *манса*, долго еще пользовался благоговѣйнымъ уваженіемъ у своихъ бывшихъ подданныхъ на Гамбіи, и имя его произносилось не иначе, какъ съ низкимъ поклономъ³⁾. По ихъ преданіямъ, манде или мандинге (манде-нго или манде-нга), уроженцы востока, прибыли въ край въ шестнадцатомъ столѣтіи, оттѣснивъ коренное населеніе и уничтоживъ его национальную связь: такимъ образомъ, въ португальской Гвинеѣ и на южномъ побережье первоначальная нація распалась на множество мелкихъ народцевъ, безъ всякаго этническаго единства. Завоевательное движеніе мандинговъ продолжается понынѣ во всей области поморья: они проникаютъ даже на сѣверъ, въ

страну сереровъ, гдѣ царствующія фамиліи принадлежать къ ихъ расѣ. Правда, что, подвигаясь впередъ съ одной стороны, они теряютъ почву съ другой; на западѣ они оттѣсняютъ населеніе прибрежья, но на востокѣ ихъ самихъ одолѣваютъ фулы, которые все далѣе проникаютъ въ ихъ области⁴⁾. Въ 1862 г. мандингскіе «марабуты», называвшіеся прежде «биксиринаами» (*bushgreens*), разрушили сотни языческихъ деревень и даже «городовъ», существовавшихъ на правомъ берегу Гамбіи; жители, обозначаемые презрительнымъ наименованіемъ «сонинке», которое здесь не имѣть никакого этническаго значенія, должны были перемѣнить вѣру, то-есть научиться преклоняться утромъ и вечеромъ передъ дневнымъ свѣтиломъ⁵⁾.

Мандинги различно описываются путешественниками, чтѣ объясняется смѣшаніемъ этого племени съ другими населеніями, негритинскими или феллатскими, контрастомъ мѣстностей, различiemъ образа жизни и рода занятій. На берегахъ Гамбіи, мандинги являются ясно охарактеризованными неграми, нѣсколько свѣтлѣ уолофовъ, съ волосами менѣе курчавыми, но съ рѣзами, сидящими болѣе косо, и съ челюстями болѣе выдающимися; носъ у нихъ широкій, какъ бы приплюснутый у основанія, и оканчивается зияющими ноздрями, отверстія которыхъ образуютъ два параллельныхъ овала. Въ цѣломъ, физиономія ихъ не имѣть того отпечатка добродушія и ласковости, какой представляеть физиономія большинства негровъ; выраженіе лица у нихъ строгое, почти суровое; однако, они отличаются нѣжной сыновней привязанностью: «прибѣй меня, но не кляни мою матерь!» гласить одна изъ ихъ пословицъ, часто приводимая путешественниками, начиная съ Мунго-Парка. Вообще, мандинги хорошо сложены, и икры у нихъ толще, чѣмъ у уолофовъ. Языкъ ихъ, распадающейся на множество нарѣчий и говоровъ, не имѣть письменности, хотя по умственнымъ способностямъ и любознательности, мандинги уступаютъ только фуламъ. Такъ какъ почти всѣ мандинги приняли магометанскую вѣру, то тѣ изъ нихъ, которые получаютъ образованіе, обучаются по Корану, и потому пишутъ свои амулетки по-арабски; впрочемъ, христіанскіе миссіонеры составили мандингскія грамматики и, въ отношеніи классификаціи, помѣстили этотъ языкъ рядомъ съ уолофскимъ, въ группу идіомъ съ суффиксами. Обильно одаренные воображеніемъ, мандинги обладаютъ богатой сокровищницей сказокъ, басенъ и апологовъ: ихъ гроты славятся изобрѣтательностью и поэтическимъ вдохновеніемъ, часто также боль-

¹⁾ Anne Raffenel, „Nouveau voyage au pays des Nègres“.

²⁾ D'Almada; —Jobson, цитированное сочиненіе.

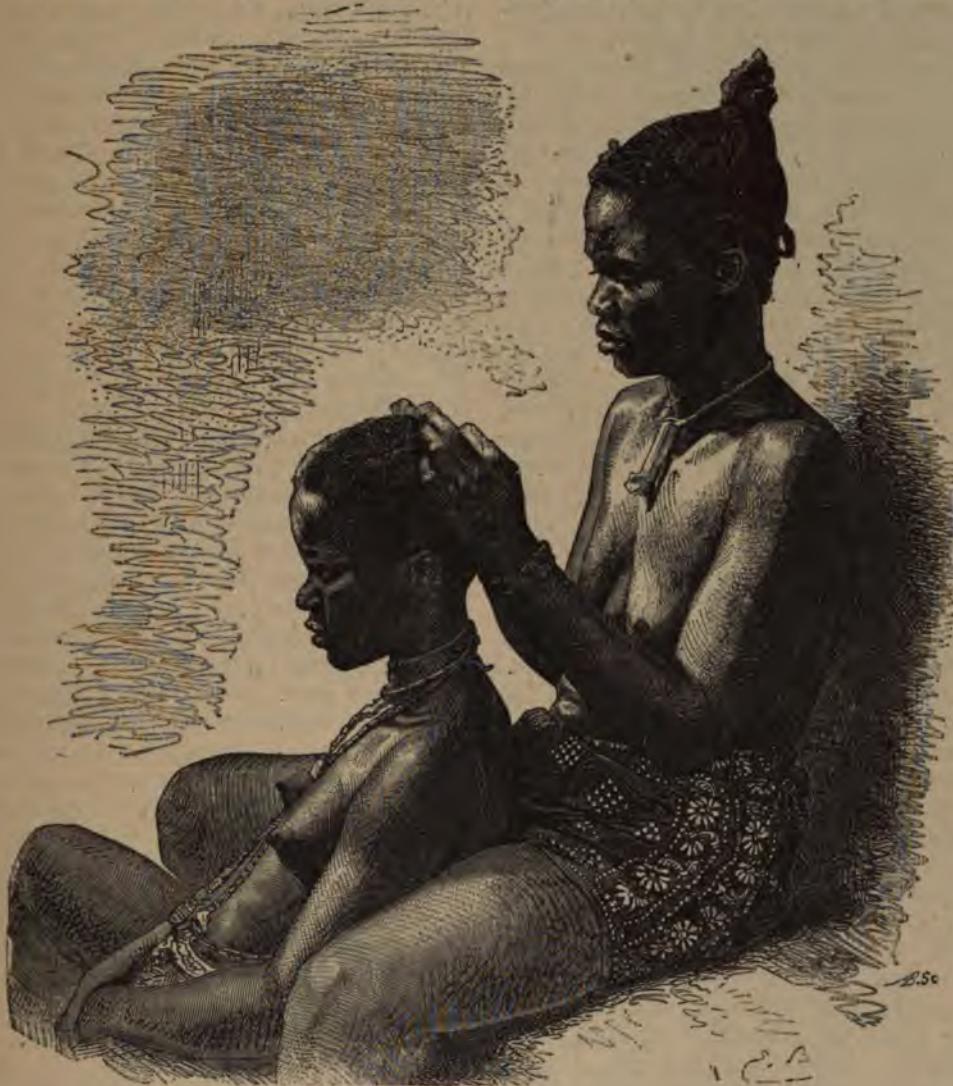
³⁾ D'Almada, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Africanus Horton, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Bérenger-Feraud, „Les Peuplades de la Sénégambie“.

шимъ искусствомъ по части фокусовъ¹⁾). Какъ музыканты, мандинги занимаютъ первое мѣсто между западными африканцами; не говоря уже о тамтамъ разныхъ видовъ и желѣзныхъ тарелкахъ, употребляемыхъ и у ихъ сосѣдей, они играютъ также на скрипкѣ, на гитарѣ, на дірѣ; правда, инструменты эти у нихъ гораздо грубѣе европейскихъ и состоятъ только изъ

мандинговъ-язычниковъ, живущихъ на Гамбіи, англичане впервые встрѣтили *момбо-джомбо*, деревенскихъ судей, облеченныхъ властью устрашать и карать нарушителей обычая. Въ прежнее время это действительно была страшная власть. Одѣтые въ костюмъ изъ травы и листьевъ, какъ растенія, выросшія изъ земли, съ раскрытои въ видѣ пасти тыковой, вмѣсто

Женщины племени гранъ-бассамъ.

кишечныхъ струнъ, дерева и куска кожи, изображающаго деку; но туземные музыканты умѣютъ извлекать изъ нихъ очень гармоническіе звуки и играютъ съ большимъ вкусомъ. Любимый ихъ инструментъ, называемый балофономъ, есть родъ цитры изъ тонкихъ деревянныхъ реекъ, натянутыхъ на рамку надъ выдолбленной тыковой и издающихъ звуки подъ быстрыми ударами деревянного молотка. У

головы, момбо-джомбо часто замучивали караемыхъ до смерти или до сумасшествія желѣзомъ или ядомъ; они произносили проклятія, осуждали на опасныя испытанія; потомъ роль ихъ свелась къ наказанію невѣрныхъ женъ побоями и къ наблюденію за мальчиками и дѣвочками послѣ обряда обрѣзанія, практикуемаго надъ обоими полами; теперь они снизошли на степень простыхъ шутовъ, надъ которыми потѣшаются дѣти²⁾). Можетъ-быть, чудовищный

¹⁾ Tautain, „Ethnologie et Ethnographie des Peuples du Sénégal“.

²⁾ Mungo-Park; — Gray and Dochart; — Raffenel; — Marche; — Coffinieres de Nordeck, etc.

парядъ этихъ кудесниковъ и ввель въ заблужденіе путешественника Джобсона, который разсказываетъ о черной расѣ, имѣющей большія, висящія на груди, губы, владѣльцы которыхъ должны часто натирать ихъ солью, чтобы предохранить отъ гниенія.

Обитатели завоеванной земли, мандинги за болтливо укрѣплюютъ свои деревни изъ опасенія подвергнуться нападенію со стороны покоренныхъ коренныхъ жителей; впрочемъ, во многихъ мѣстахъ они раздробились на маленькия государствства, не имѣющія между собой федеративной связи. Существуетъ множество деревень, гдѣ обращеніе въ исламъ имѣло слѣдствіемъ создание двухъ враждебныхъ властей: свѣтскій предводитель, еще на половину язычникъ, имѣетъ соперника въ лицѣ духовнаго «альмами», и подданные тоже принимаютъ участіе въ ссорахъ властителей. Мандинги—хорошіе земледѣльцы, но особенно въ торговлѣ проявляются ихъ замѣчательныя способности. Беранже-Феро сравниваетъ ихъ съ сараколе, которыхъ тоже прозвали «евреями» западной Африки; но въ то время, какъ сараколе занимаются главнымъ образомъ корабелничествомъ, разноской мелкаго товара по деревнямъ, мандинги ведутъ крупную торговлю: они перевозятъ свои товары изъ страны въ страну; караваны ихъ встрѣтишь повсюду отъ Сиерра-Леоне до Томбукту, отъ Сенегала до Нижняго Нигера. Какъ путешественники, они приобрѣли между африканскими народами гораздо большую известность, чѣмъ какую, казалось бы, допускаетъ ихъ численная сила. Во всей западной Африкѣ¹⁾ это главные миссионеры ислама; своимъ безкорыстнымъ рвеніемъ въ пропагандѣ они рѣзко отличаются отъ арабскихъ купцовъ восточной Африки, которые умышленно воздерживаются отъ всякихъ попытокъ къ обращенію туземцевъ, такъ какъ это обращеніе лишаетъ ихъ возможности добывать невольниковъ. Но не однимъ только религіознымъ прозелитизмомъ мандингскіе путешественники имѣютъ капитальное вліяніе въ эволюціи африканского общества; они имѣютъ съ тѣмъ разносить новости, распространяютъ новые идеи; они являются такимъ образомъ миссіонерами науки, разсказывая своимъ соплеменникамъ про чудеса современной индустріи, которая они видѣли у европейцевъ прибрежья.

Эти послѣдніе относительно немногочисленны въ Гамбіи, и вліяніе ихъ здѣсь менѣе ощущительно, чѣмъ въ Сенегалѣ. Въ иные годы насчитывается не болѣе двухъ десятковъ штатскихъ европейцевъ въ этой «колоніи», да и изъ тѣхъ большинство спѣшатъ уѣхать передъ наступленіемъ зимняго сезона. Бѣлые офицеры гарнизона не долго остаются на этихъ зараженныхъ берегахъ; рѣдкій чиновникъ живеть въ краѣ достаточно продолжительное время, чтобы интересоваться положеніемъ населеній,

съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, и внести какую-нибудь послѣдовательность въ свои труды. Желтая лихорадка, диссентерія, болотная зараза—главныя причины смертности для бѣлыхъ; оспа похищаетъ преимущественно чернокожихъ солдатъ, привезенныхыхъ съ Антильскихъ острововъ, также и чахотка быстро подтачиваетъ ихъ здоровье; констатировано, что негры съ о. Ямайки не лучше переносятъ климатъ Гамбіи, чѣмъ бѣлые, прибывши съ Британскихъ острововъ. Цѣлые батальоны постепенно вымирали впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; часто случалось, въ фатальные годы, что всякое заболеваніе имѣло смертельный исходъ черезъ нѣсколько часовъ или дней; въ среднемъ смертность между солдатами составляла 480 на 1.000¹⁾.

Движеніе населенія въ Батурстѣ въ 1884 г.:
Бѣлые: родилось—0, умерло—14; помѣси: родилось—8, умерло—10; негры: родилось—194, умерло—713; всего—202 родившихся, 737 умершихъ.

Смѣшанное населеніе, какъ и въ Сенегамбіи, незначительно; мѣстная статистика насчитываетъ только нѣсколько тысячъ «крооловъ», не опредѣляя, однако, точнаго смысла, въ какомъ должно быть понимаемо это слово. Что такое эти креолы? акклиматизировавшіесяmetis или черные резиденты? По мнѣнію Гортона, это—уолофы-католики, пришедши изъ Гореи и Рюфиска и разнообразно смѣшившіеся съ европейцами, мандингами и фулами. Если не считать чиновниковъ и представителей крупной торговли, эти уолофы составляли еще недавно вліятельнѣйшую часть населенія и владѣли самыми красивыми домами въ Батурстѣ; но въ послѣднее время сюда переселилось много вольноотпущенниковъ съ Нигера, съ Невольничаго берега, изъ Сиerra-Леоне; протестанты по большей части, эти новые пришельцы держатся особнякомъ отъ уолофовъ и являются ихъ конкурентами, особенно въ мелкой торговлѣ, и благодаря бережливости ихъ женъ, постепенно завладѣваютъ богатствами края.

Населеніе англійскихъ владѣній, въ Гамбіи по религіямъ (1892 г.):

Магометанъ—5.000; язычниковъ—5.000; протестантовъ разныхъ sectъ и католиковъ—около 3.700.

Почти всѣ рыболовы въ этой территории принадлежать къ племени лебу, уолофовъ съ полуострова Зеленаго Мыса. Въ землѣ Баръ, лежащей противъ Батурста, «португальцы»—то есть люди смѣшанной крови, придерживающіеся нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ, были довольно многочисленны въ прошломъ столѣтіи.

¹⁾ L. Berthelon, „Revue de Géographie“, томъ V 1879—1880.

Заключенные между французскими владѣніями Сенегамбіи и «рѣками Юга», английскія факторіи имѣютъ лишь второстепенную важность, а совокупность ихъ торговыхъ операций, по куплѣ и продажѣ, не превышаетъ 4 миллионовъ франковъ. Хотя Гамбія представляетъ кратчайшій естественный путь къ внутреннимъ нагорьямъ и верхнему Сенегалу, однако, она сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ глухаго закоулка: сношенія между народцами верховья и рынками низовья очень рѣдки. При томъ же торговля, главную статью которой, съ половины настоящаго столѣтія, составляютъ земляные фисташки, находится большей частью въ рукахъ французскихъ негоціантовъ, и перевѣсъ ихъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе увеличится, если договоры, заключенные между французскимъ правительствомъ и государствомъ Фута-Джаллонъ, получать дѣйствительное значеніе, и если будетъ построена, какъ это уже предлагали, желѣзная дорога изъ Рюфиска въ Каолакъ. Тогда Гамбія въ политическомъ и торговомъ отношеніи оказалась бы окруженнѣй территоріями, подчиненными сюзеренной власти Франціи, очутилась бы, по выражению Митчинсона¹⁾, «какъ мышь въ пасти кошки». Даже въ части ея бассейна, находящейся въ области горъ, предварительная конвенція обезпечили французскимъ коммерсантамъ привилегированное положеніе; такъ, въ 1881 году Сентъ-Луи пріобрѣлъ сюзеренную власть надъ Беле-дугу, маленькой провинціей гамбійскаго ската, лежащей въ томъ мѣстѣ, где двѣ рѣки, Гамбія и Фалеме, богаты золотоносными притоками, находятся одна отъ другой въ разстояніи всего только пятидесяти километровъ. Чтобы прекратить это странное политическое состояніе, при которомъ англичане несутъ расходы по содержанію колоній, тогда какъ торговыми выгодами пользуются негоціанты Бордо и Марселя, между двумя державами неразъ уже заходила рѣчь объ обмѣнѣ Гамбіи на французскую территорію африканского берега близъ Сиerra-Леоне или Кэпъ-Коста. Въ случаѣ осуществленія этой сдѣлки, побережье Салума было бы соединено политически съ побережьемъ Казаманки.

Столица английскихъ владѣній была основана въ 1816 году, на островѣ Сентъ-Мери, составляющемъ южную оконечность материка, при входѣ въ Гамбію. Названный сначала Леопольдомъ, потомъ переименованный въ Батурстъ, городъ былъ построенъ довольно красиво; дома, казармы сооружены солидно; мѣсто выбрано очень удобное для торговли, такъ какъ фарватеръ идетъ въглѣ самаго мыса, и корабли могутъ становиться на якорь въ непосредственномъ сосѣдствѣ берега, гдѣ глубина воды отъ

20 до 25 метровъ; но, къ сожалѣнію, мѣстность эта одна изъ самыхъ нездоровыихъ: трудно было выбрать болѣе опасное мѣстоположеніе. Островъ Сентъ-Мери окруженъ и перерѣзанъ воинчими лагунами, повсюду встрѣчаются лужи, остатки бывшихъ наводненій; на глубинѣ одного метра вездѣ находять солоноватую воду, и берега такъ ненадежны, что запрещено брать песокъ на берегу, изъ опасенія, чтобы теченіе не воспользовалось этимъ для размыванія береговой полосы: однажды была такимъ образомъ унесена потокомъ часть городскаго кладбища. Тѣмъ не менѣе, однако, слишкомъ три тысячи жителей, почти исключительно юлы или фелуны, то-есть негры-поморы, мандинги, сереры и уолофы, скучены въ домахъ и хижинахъ этого города, осаждаемаго водами. Англійское правительство платить еще небольшую ежегодную дань вождю мандингскаго народца Комбо, который занимаетъ побережье къ югу отъ колоніи до устья Казаманки. Санаторія Батурста находится тоже въ территоріи Комбо, въ двѣнадцати километрахъ къ западу отъ города, на мысѣ Сентъ-Мери, близъ деревни Баку (по-англійски Bacow). Въ этомъ мѣстѣ морской берегъ возвышается, въ видѣ утеса, метровъ на пятнадцать надъ уровнемъ водъ; растительность осѣнена здѣсь пальмами, встрѣчающими также во всѣхъ здоровыхъ станціяхъ страны, и морская бриза, которую англичане въ шутку называютъ «докторомъ», дуетъ съ большой силой въ первые часы дня, унося вредныя испаренія, поднимающіяся съ болотъ Гамбіи. Неоднократно предлагали перевести столицу на мысъ Сентъ-Мери, но отъ этого удерживаетъ то обстоятельство, что якорная стоянка тамъ неудобна, и подходы къ берегу заграждены песчаными мелями.

Виѣшня торговля Гамбіи въ 1895 г.: привозъ — 97.000, вывозъ — 94.000 фунт. стерлинг.

Движеніе судоходства (общая вмѣстимость пришедшихъ и отшедшихъ судовъ), не считая каботажа, въ 1895 г.: 339.000 тонн.

На сѣверо-востокѣ отъ Батурста, батареи форта Булленъ, расположенный на стрѣлкѣ Барра, командуютъ сѣвернымъ входомъ Гамбіи. Вся эта часть побережья, окаймленная лѣсомъ корнепушковъ (ризофоръ), принадлежитъ, по трактату, Великобританіи на протяженіи одной морской мили въ ширину; но съ этой стороны англійское правительство не взимаетъ пошлинъ, и товары вывозятся отсюда, безпошлино, во французскіе порты Сенегала. Принадлежащая Англіи полоса земли начинается у потока Джимакъ, километрахъ въ пятнадцати къ сѣверу отъ форта Булленъ, и слѣдуетъ вверхъ по правому берегу Гамбіи до Джиллифри (Jillifri, Gilfrai), деревни мандинговъ, близъ которой находилась главная факторія англичанъ до основанія города Батурста. Этотъ торговый постъ, Альбреда, все еще имѣеть нѣкоторое

¹⁾ „The Expiring Continent“.

значение, а прежде имѣть, кромѣ того, большую стратегическую цѣну, благодаря пушкѣ форта Джемсъ, стоящаго въ этомъ мѣстѣ, посреди фарватера Гамбіи, въ 33 километрахъ выше Батурста: всѣ посѣтители рѣки должны были останавливаться передъ этой крѣпостью. Въ 1698 г. Андре Брю основалъ французскую контору въ Альбреда, и пость этотъ, занимающій четыреугольникъ въ 157 метровъ длины въ сторонѣ, принадлежалъ Франціи до половины настоящаго столѣтія, когда онъ былъ отданъ Англіи въ обмѣнъ за Портендицъ, на берегу Мавровъ. Альбреда извѣстенъ въ мірѣ ботаниковъ своей великолѣпной смоковницей, состоящей изъ нѣсколькихъ соединенныхъ деревъ, имѣющихъ вмѣстѣ 40 метровъ въ окружности. Французы владѣли въ Гамбіи еще другой факторіей, Жережъ (Nereges), построенной на одномъ изъ южныхъ притоковъ рѣки, выше крѣпости Джемсъ. Въ 1700 г. Андре Брю отправился изъ Жережа, чтобы пройти черезъ полуостровъ, отдѣляющій Гамбію отъ Казаманки¹⁾; только черезъ полтораста лѣтъ послѣ него другой изслѣдователь, Геккаръ, совершилъ то же путешествіе, пройдя немнога далѣе внутри материка.

Нѣсколько постовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ вверхъ по течению Гамбіи. Элефантъ-Айлендъ (Слоновій островъ), островокъ на главномъ изгибѣ низовья, ниже большой деревни Ямина, служить складочнымъ мѣстомъ для произведеній территорії Диара; но гораздо важиѣ другая островная факторія, Джорджъ-таунъ, на острѣвѣ Макъ-Карти, куда свозится наибольшая часть мѣстныхъ продуктовъ, собираемыхъ торговцами въ земляхъ Ніані и Уллі, на сѣверной, и Діамару и Тумане, на южной сторонѣ рѣки. На Гамбіи островъ Макъ-Карти соотвѣтствуетъ форту Бакель на Сенегалѣ; тоже укрѣпленный, онъ занятъ не гарнизономъ, а малочисленнымъ полицейскимъ постомъ, послѣднимъ изъ учрежденныхъ англичанами на Гамбіи. Впрочемъ, они проникаютъ и далѣе, въ качествѣ купцовъ и путешественниковъ: километрахъ въ сорока отъ названаго острова, вверхъ по течению, находятся развалины деревни Пизанія, исходнаго пункта, выбранаго Мунго-Паркомъ во время его первого путешествія, въ 1796 году. Еще выше по рѣкѣ, къ югу отъ развалинъ Медины, бывшей столицы мандингского государства Уллі, находится маленькая пристань Фатта-тенда (нѣкогда постъ негроторговцевъ), относительно которой часто поднимался вопросъ о постоянной оккупации, въ виду того, что пунктъ этотъ лежитъ въ округѣ, откуда вывозятся лучшія земляные фисташки. Барки могутъ во всякое время подниматься до пристани Ярбу-тенда, находящейся немного выше по рѣкѣ.

¹⁾ Labat, „Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale“;—Berlioux, „André Brûe“.

Одна изъ территорій, лежащихъ на югѣ, около истоковъ Казаманки, носить имя Кантора, напоминающее рынокъ Канторъ, о которомъ первые португальскіе историки говорятъ, какъ о торговомъ центрѣ, по важности равномъ Томбукту; всю страну по теченію Гамбіи они называли королевствомъ Канторъ или Конторъ²⁾). Во время путешествія Гудсбери, въ 1879 году, не оставалось уже ни одного селенія въ краѣ: все было опустошено соединенными силами фуловъ Бонду и Лабе, и большинство жителей были уведены въ неволю. Выше пороговъ Барра-Кунда, купцы обыкновенно слѣдуютъ уже сухимъ путемъ, направляясь въ Бонду и Бамбукъ; впрочемъ, далѣе по рѣкѣ встрѣчаемъ еще двѣ большихъ деревни—Джалла-кота и Бади, обѣ съ пристанью. Мѣстечко Баду, лежащее на сѣверѣ Фута-Джаллона, въ томъ мѣстѣ, где Гамбія, мѣняя направление, приближавшее ее къ Сенегалу, поворачиваетъ на западъ, къ морю, утратило важное значение, которое оно имѣло нѣкогда, какъ торговый пунктъ. Недалеко оттуда показываютъ на скалѣ два слѣда ногъ человѣка и быка. Въ этомъ мѣстѣ, по преданію, проходили первые феллатскіе эмигранты, идя на завоеваніе страны Фута-Джаллонт.²⁾.

Гамбія находится подъ непосредственнымъ управлениемъ Великобританіи только съ 1821 г.: до того времени факторіи управлялись концессіонерной компаніей. Доходы англійской колонії, источникомъ которыхъ, почти единственнымъ, служатъ таможенные сборы, простираются, въ среднемъ, до 625.000 франковъ (бюджетъ Гамбіи въ 1895 г.: приходъ—21.000, расходы—29.000 фунт. стерлинг). Колонія эта не имѣтъ государственного долга; изъ остатковъ бюджета были, между прочимъ, ассигнованы средства для важной по результатамъ экспедиціи Гудсбери. Съ 1870 года англичане больше не держать войска на Гамбіи; полиція состоитъ изъ ста одиннадцати человѣкъ, почти исключительно сіерра-леонцевъ, подъ командой europейца. Отрядъ волонтеровъ, на который возложена защита территоріи, не имѣлъ еще случая собираться для военныхъ дѣйствій; когда вспыхнетъ война между племенами, колоніальное правительство провозглашаетъ свой нейтралитетъ, но воюющія стороны никогда не забываютъ, что англійскія конторы и суда—для нихъ неприкословенная собственность. Всѣ учебныя заведенія имѣютъ конфессиональный характеръ—протестантскія, католическія или магометанскія и, какъ таковыя, не зависятъ отъ свѣтской власти; тѣмъ не менѣе, большинство дѣтей ходить въ школу, за исключеніемъ только сезона мѣновой торговли: тогда они сопровождаются своихъ родителей въ конторы.

¹⁾ D'Almada, цитированное сочиненіе.

²⁾ Ernest Neigot, цитированное сочиненіе.

IV. Казаманка.

Рѣка Казаманка или Казаманса, названная такъ отъ *mansy*, или царька, народца Касса¹), въ цѣломъ, гораздо болѣе походить на лиманъ, нежели на рѣку. Истоки ея, зарождающіеся у подошвы террасы области Хабу, еще не были посѣщены путешественниками, но они несомнѣнно находятся не болѣе какъ въ 300 километрахъ отъ устья по прямой линіи, потому что далѣе страна, пройденная изслѣдователемъ Гудсбери, въ 1881 году, принадлежитъ уже къ бассейну Гамбіи. Стиснутый, на сѣверѣ и югѣ, между двухъ параллельныхъ впадинъ, гдѣ текутъ Гамбія и Rio-Кашео, бассейнъ Казаманки, вѣроятно, занимаетъ площадь не болѣе 15.000 квадратн. километровъ. Что касается народонаселенія этой территории, то до сихъ поръ правильная народная перепись была произведена, именно въ 1879 году, только въ двухъ постахъ, занимаемыхъ французами, гдѣ оказалось 2.500 жителей; во всемъ краѣ приблизительно насчитываютъ около ста тысяч душъ.

Уже съ половины шестнадцатаго столѣтія португальцы вели торговлю въ бассейнѣ Казаманки; они знали даже внутри его торговые пути, пользуясь которыми могли добираться до Салума по боковымъ потокамъ и волокамъ: многія слова ихъ языка, встрѣчающіяся во всѣхъ нарѣчіяхъ туземнаго населенія, свидѣтельствуютъ о вліяніи, которое они имѣли нѣкогда въ этой странѣ. Однако, такъ какъ главный предметъ ихъ торговли составляли невольники, то португальцамъ не безопасно было дѣлать экскурсіи за черту своихъ укрѣпленныхъ постовъ, и такъ какъ мѣстность вокругъ ихъ поселенія мало-по-малу обращалась въ пустое пространство, то они должны были часто перемѣщать свои факторіи.

Англичане тоже основали нѣсколько факторій на берегахъ Казамансы, но они не покупали земель у окружающихъ племенъ Французы сдѣлали свое первое территоріальное приобрѣтеніе въ устьѣ этой рѣки въ 1828 году; впрочемъ, уступленная имъ земля,—островъ Джоге, лежащий на сѣверной сторонѣ устья,—не получила никакого поселенія; въ 1836 и 1837 годахъ они заняли два острова, командующіе на югѣ входомъ въ лиманъ, Карабанъ и Гимберингъ, и основали постъ Седіу, въ томъ мѣстѣ, выше которого уже не поднимаются гоэлетты. Съ той поры многочисленные договоры, заключенные съ прибрежными племенами, обезпечили за французами сюзеренитетъ или владѣніе почти надъ всей территоріей бассейна, и въ 1886 году конвенція съ Пор-

тугаліей опредѣлила точнымъ образомъ, между Казаманкой и Rio-Кашео, раздѣльную черту двухъ политическихъ областей, французской и португальской. Факторія Зигиншоръ, единственный остатокъ бывшаго лузитанскаго владычества въ бассейнѣ Казаманки, была уступлена французамъ, и съ восточной стороны области, присвоенная виртуально Франціи, продолжается черезъ неизслѣдованный пустынныи территоріи Фирду и Хабу къ верхней Гамбіи и Фалеме; такимъ образомъ Казаманка считается политически соединенной съ бассейномъ верхняго Сенегала.

Седіу, крайній пунктъ морскаго судоходства, находится въ 175 километрахъ отъ моря, а между тѣмъ средняя ширина рѣки тамъ по меньшей мѣрѣ два съ половиной километра; правда, что вода тамъ очень не глубока, и хозяева барокъ, имѣющихъ осадку менѣе двухъ метровъ, всегда подвигаются впередъ съ лотомъ въ руки, или слѣдуютъ фарватеромъ, обозначеннымъ древесными вѣтвями, воткнутыми черезъ известные промежутки въ дно рѣки; выше Седіу барки поднимаются еще на сотню километровъ, до деревни Колибанта. Ниже Седіу, Казаманка принимаетъ въ себя одинъ только большой притокъ—рѣку Сонгрогу (вѣроятно, Санть-Грекоріо португальцевъ), которая вытекаетъ изъ болотистой мѣстности, прилегающей къ бассейну Гамбіи: это торговый путь, который на старыхъ картахъ ошибочно изображали въ видѣ канала, идущаго непрерывно отъ рѣки до рѣки¹), тогда какъ въ дѣйствительности онъ дополняется волокомъ, гдѣ товары переносятся на спинѣ людей отъ судна до судна. Ниже сліянія съ Сонгрогу, имѣющаго въ періодъ половодья около 4 верстъ въ ширину, боковые потоки или рукава (*marigots*) все болѣе и болѣе умножаются и образуютъ обширную судоходную сѣть въ нѣсколько сотъ километровъ, мѣняющуюся съ временеми года и въ разные годы, увеличивающую приливомъ и уменьшающую отливомъ дважды въ сутки: вода въ лиманѣ соленая до Зигиншора и даже нѣсколько выше, на пространствѣ 75 километровъ отъ устья. Въ нижней части дельты безчисленныя развѣтвленія образуютъ лабиринтъ каналовъ, соединяющійся, съ одной стороны, съ лиманомъ Гамбіи, съ другой—съ лиманомъ Rio-Кашео; но если съ внутренней стороны твердая земля вся изрѣзана этими извилистыми водами, то морской берегъ вполнѣ сохранилъ свою правильность: онъ тянется почти по прямой линіи отъ мыса Сентъ-Мери до мыса Рого, гдѣ начинаются тѣ причудливыя изъченія берега, которыми характеризуется все побережье португальской Гвинеи. Баръ Казаманки, прерывающей эту

¹) *Hyacinthe Hecquard*, „Voyage en Afrique“.

¹) A. Vallon, „Revue Maritime et Coloniale“, nov. 1862.

правильную линию берега, не глубокъ; толщина покрывающаго его слоя воды не превышаетъ двухъ метровъ въ часы отлива, и существующиye три протока черезъ порогъ часто мѣняютъ мѣсто. Обширные лѣса по берегамъ рѣки изобилуютъ мелкой дичью, но хищныe звѣри тамъ рѣдки.

Въ верхней части бассейна, хабун'ке, или «люди земли Хабу», и мандинги, называемые также сузи (*Saussayes* у старинныхъ авторовъ), составляютъ господствующее населеніе: они населяютъ Фирду, въ области истоковъ, въ земель подвластныхъ Франціи, а въ территории, состоящей подъ ея протекторатомъ, обитаютъ, на сѣверной сторонѣ рѣки, въ провинціяхъ Пакао, Будіе, Яссинъ, и на южной—въ провинціяхъ Брассу, Бальмаду и Суна. Въ своемъ завоевательномъ движениіи они вытеснили встрѣчавшееся на пути коренное населеніе, но, наконецъ, натолкнулись на французовъ, и пораженіе, нанесенное имъ послѣдними въ нѣсколькихъ стычкахъ, заставило ихъ покориться. Съ этого времени насильственное давленіе, происходившее съ востока на западъ, пріостановилось; мандинги перестали тѣснить негровъ поморья, также какъ и сами не подвергаются болѣе нашествію со стороны феллатовъ, жителей внутреннихъ областей; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и насильственные обращенія въ исламъ въ территоії Казаманки. Мандинги этой страны не создали монархического государства; они распадаются на маленькая олигархическая республики, управляемыя двумя сановниками, алькати (кади или аль-кадь), военнымъ предводителемъ, и альмами, духовнымъ главой. Рядомъ съ мандингами существуютъ другія общины, слѣдовавшия за ними въ ихъ переселеніи: это пастухи феллаты, живущіе отдельными деревнями (*була-кунда*), и земледѣльцы сараколе. Эти послѣдніе основали многочисленныя колоніи въ сосѣдствѣ французскихъ постовъ и охотно берутъ себѣ въ жены бѣглыхъ рабынь, смѣшиваясь такимъ образомъ съ туземнымъ населеніемъ. Дѣти, рожденные отъ этихъ брачныхъ союзовъ, не могутъ покидать край до своего совершеннолѣтія, тѣкъ какъ иначе, въ случаѣ поимки ихъ бывшими господами матери, они были бы задерживаемы, какъ невольники¹⁾). Даже лахобе, эти сенегальскіе цыгане, пришли слѣдомъ за фулами и мандингами въ земли по теченію Казаманки²⁾.

Въ нѣкоторыхъ округахъ страны водворились другіе завоеватели—баланты, пришедшіе съ береговъ Гебы, изъ португальской Гвинеи. Прежде они переходили Казаманку, чтобы опустошать селенія другихъ негровъ; такъ, ими были обращены въ пустыни нѣкоторыя

частіи провинцій Будіе и Яссинъ; но теперь они уже не смѣютъ вторгаться за рѣку, и ихъ общины, наиболѣе выдвинутыя къ сѣверу, при томъ подчиненны французскому протекторату, расположены по лѣвому берегу Казаманки, книзу отъ поста Седиу. Прежніе обитатели края, баньюны, оттѣснены далѣе къ низовью, по обѣ стороны рѣки, но на южномъ берегу, это племя, стиснутое между балантами на востокѣ и фелупами на западѣ, сводится къ нѣсколькимъ семействамъ, въ значительной степени смѣшаннымъ съ португальской кровью. На сѣверной сторонѣ Казаманки баньюны все еще составляютъ господствующее населеніе, а по берегамъ Сонгрогу селенія ихъ распространены до Гамбіи. Одно изъ ихъ племенъ, касса или кассанга, дало свое имя самой рѣкѣ, и до сихъ поръ еще показываютъ, на лѣвомъ берегу, остатки бывшей столицы Биркамъ, разрушенной балантами. Жители деревни Длагну, лежащей ниже по теченію, почти противъ устья притока Сонгрогу, по словамъ путешественника Валлонъ, хранятъ, какъ драгоценность, золотой скіпетръ своихъ прежнихъ королей; въ самой рѣкѣ груда камней указываетъ мѣсто, где происходилъ обрядъ коронованія касса-мансы. Хотя гордашіе своимъ быльмъ могуществомъ, баньюны не стѣмѣли, однако, сохранить своихъ владѣній: иногда они дрались съ ожесточеніемъ, запицав свою землю отъ вражескаго нашествія, но часто уступали ее безъ борьбы или покорялись побѣдителямъ, сливаясь съ ними въ смѣшанное населеніе и подчиняясь новымъ обычаямъ. Въ провинціяхъ Будіе и Яссинъ они сдѣлались мандингами по нравамъ, религіи и языку. Рабовъ у нихъ нѣть, что должно принести неуваженію къ человѣческой свободѣ, а сознанію своей политической слабости: овладѣвъ пѣнниками, они спѣшатъ продать ихъ, изъ опасенія, чтобы болѣе сильный непріятель не отнялъ у нихъ эту живую добычу¹⁾.

Отличные земледѣльцы, баньюны сѣютъ рисъ и земляные фисташки (арахиды) и обмѣниваютъ свои произведения на соль, ружья и порохъ. Они очень честны, никогда не воруютъ и оставляютъ свои хаты открытыми, предоставивъ находящіеся внутри жилища сѣстры припасы въ распоряженіе всякаго прохожаго. Когда путешественникъ забудетъ что-нибудь въ ихъ деревнѣ, они заботливо берегутъ забытую вещь, чтобы возвратить ее при случаѣ.

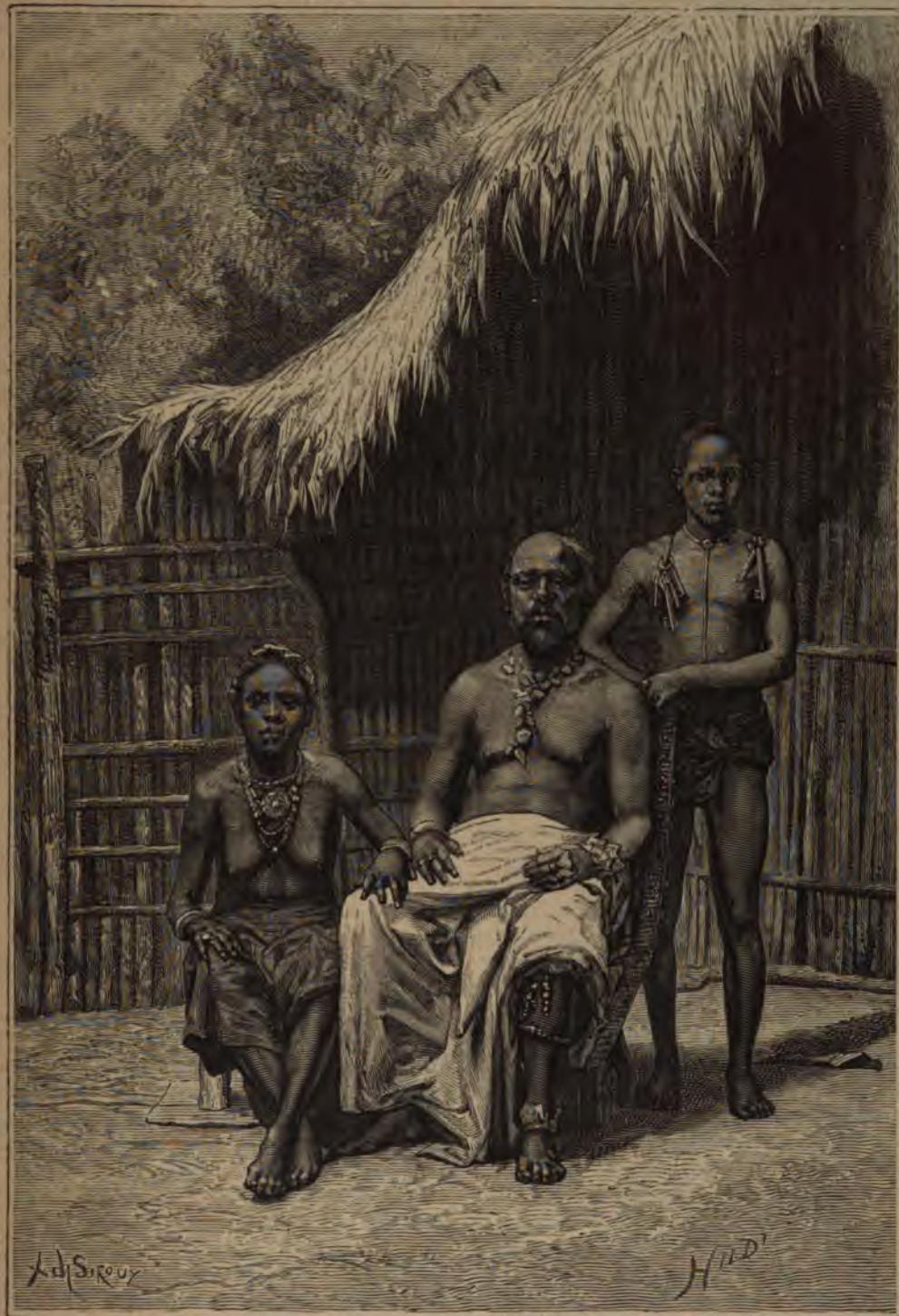
Баньюны—средняго роста, гораздо ниже улофовъ и сереровъ, но выше фелуповъ; голова ихъ кажется относительно огромной, по причинѣ очень широкаго лица, съ большимъ ртомъ и сильно приплюснутымъ носомъ. Какъ

¹⁾ A. Vallen, цитиров. статья.

²⁾ H. Nesquard, цитиров. статья.

¹⁾ Hamon;—Bretenger-Féraud, „Peuplades de la S閙閤ambie“.

нѣкоторые американскіе народы, они могли ють себѣ зубы въ формѣ острія, какъ большии быть названы *ogejones*, т. е. «длиноухими», шинство негровъ побережья до Бенинскаго потому что у нихъ въ обычай протыкать мочку залива; очень тщеславные, они носятъ, въ

Король Ассини.

ушей въ нѣсколькоихъ мѣстахъ и въ отверстіе вставлять куски бамбука, которые вытягиваютъ хрищъ, такъ что нижній конецъ уха виситъ на плечѣ; кромѣ того, они подшилива-

видъ украшеній, мѣдные браслеты на рукахъ и ногахъ, мѣдныя пуговицы на передникѣ и головномъ уборѣ. Въ тѣхъ округахъ, где башни еще не смѣшаны съ другими племенами,

они остались анимистами и не имѣют другого культа, кромѣ колдовства: они покупают григри у магометанскихъ марабутовъ, крестики у португальскихъ патеровъ и подвергаютъ испытанию ядомъ подозрѣваемыхъ въ наведеніи порчи на скотину или людей; въ темную ночь момбо-джомбо, болѣе грозный, чѣмъ его коллега у мандинговъ, можетъ-быть, человѣкъ, можетъ-быть, богъ, произносить глухимъ голосомъ имя несчастнаго, обреченаго на страшную пытку. Древнія формы матріархальнаго быта еще господствуютъ у баньюновъ, какъ почти у всѣхъ народцевъ прибрежья: благородное званіе, имущественные права передаются по наслѣдству черезъ женщинъ, и послѣднія наравнѣ съ мужчинами обсуждаютъ общественный дѣлъ въ сельскихъ совѣтахъ, гдѣ часто имѣютъ рѣшающее влияніе. Первый, занявший землю, гдѣ основывается новая деревня, становится по праву ея главой иносить красный колпакъ, символъ его власти; земля облагораживаетъ владѣющаго ею, но онъ не можетъ продать ее: она должна оставаться въ его родѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Береговыя населенія, тѣснѣмы завоевателями, получили у португальцевъ общее имя «фелупъ», и действительно они болѣе или менѣе сходны между собой по нарѣчіямъ и нравамъ; но эти населенія утратили всякую национальную связь: насилиственно разсѣянныя и, вѣроятно, спустившіяся на болѣе низкую ступень цивилизациіи сравнительно съ прежнимъ временемъ, они распались на множество отдѣльныхъ народцевъ, изъ которыхъ каждый имѣть особое имя и живеть особыномъ на своемъ островѣ или полуостровѣ, отдѣленный отъ другихъ народцевъ рѣкой, проливомъ или лагуной. На сѣверѣ, вблизи моря, находимъ племена аямать, юла, кабиль или каронъ; восточнѣе, но тоже къ сѣверу отъ Казаманки, обитаютъ джигуши или джугуты, фогни, каймуты и тѣ фелупы, въ области рѣки Сонгрогу, которыхъ за ихъ большія стада крупнаго рогатаго скота португальцы прозвали «вакасами» (Vacas—коровы); на южной сторонѣ рѣки, территории, изрѣзанныя боковыми потоками (*marigots*), заняты банджарами, фулунами, байотами: эти послѣдніе по языку наиболѣе отличаются отъ всѣхъ другихъ фелуповъ; они очень малорослы, ниже ростомъ даже своихъ сосѣдей баньюновъ. Отъ своей прежней, болѣе высокой культуры, большинство фелуповъ сохранили искусство строить дома относительно большие и комфорtabельные; это—хаты изъ глины, очень прочныя, долго выдерживающія разрушительное дѣйствіе непогодъ, и раздѣленная внутренними перегородками на нѣсколько покоевъ. Фелупы праваго берега умѣютъ дѣлать изъ ствола бавольника большія и красивыя пироги и сами мастерятъ стрѣлы, дротики, прямые шпаги,

которыми ловко владѣютъ. Между народцами соціальная связь очень ослаблена: они составляютъ столько мелкихъ государствъ, сколько существуетъ деревень и поселковъ; семейные союзы быстро образуются и распадаются; во многихъ мѣстахъ дѣти заранѣе предназначаются къ службѣ въ домѣ вождя. По обычаю, беременные женщины, когда почувствуютъ приближеніе родовъ, должны уходить въ лѣсъ, и появляются передъ своими мужьями только нѣсколько дней спустя послѣ разрѣшенія отъ бремени. Очень боязливые, что объясняется опасностями, которыми окружено ихъ существованіе, фелупы сдѣлались предусмотрительными земледѣльцами: какъ бы ни былъ обиленъ урожай, они никогда не продаютъ излишка риса, пока не убѣдятся въ благополучномъ состояніи нового посѣва; собранное зерно по цѣлымъ мѣсяцамъ сохраняется подъ хижинами, въ кладовой,透过 которую время отъ времени пропускаютъ дымъ, чтобы предохранить запасы отъ нападенія насѣкомыхъ; оттого ихъ рисъ, всегда закоптѣлый, имѣть меньшую торговую цѣнность, чѣмъ тотъ же продуктъ сосѣднихъ племенъ баньюновъ или балантовъ, которые продаютъ свое зерно сряду послѣ его уборки¹). Земля фелуповъ покрыта пальмами, у которыхъ они атрофируютъ плоды, чтобы отвлечь всѣ соки дерева, собираемые ими для приготовленія хмѣльного напитка. За исключеніемъ вакасовъ, эти туземцы держать скотъ для принесенія его въ жертву умершимъ и справлѣнія похоронъ; они имѣютъ идею верховнаго божества, которое, по ихъ понятію, есть въ одно и то же время небо, дождь, вѣтеръ и буря. Живя подъ гнетомъ вѣчнаго страха, фелупы легко дѣлаются добычей колдуновъ; нигдѣ въ Африкѣ чародѣи не имѣютъ такой большой практики и не возбуждаютъ къ себѣ такой сильной ненависти: ихъ обвиняютъ въ томъ, что они изводятъ людей посредствомъ порчи и зелья, но часто бываетъ также, что ихъ самихъ хватаютъ и замучиваютъ до смерти. Впрочемъ, между фелупами, живущими въ сосѣдствѣ посты, гдѣ нѣгоціанты нанимаютъ ихъ для перевозки товаровъ, мало-по-малу совершаются перемѣна правовъ и учрежденій. Прежніе путешественники, Мунго-Паркъ, Биверъ, хвалили ихъ честность и вѣрность данному слову: сохранили ли они эти качества и въ наши дни?

Главный военный и торговый постъ на Казаманкѣ—Седіу, называемый также Франсес-пунда, что значить «жилице французовъ». Основанный въ 1837 г., на правомъ берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прекращается плаваніе гоалеттъ (небольшія морскія суда), онъ выросъ въ настоящій городъ, съ постройками

¹⁾ Lopes de Lima, цитированій мемуаръ.

на европейской манеръ и обширными складами для товаровъ; вокругъ него возникли деревни племени сараколе и другихъ земледѣльцевъ, обильно снабжающія городъ провизіей всякаго рода; почти всѣ европейскія породы плодовыхъ деревьевъ сть успѣхомъ культивируются въ садахъ Седіу. Гавань всегда оживлена многочисленными судами, которыя приходятъ грузиться земляными фисташками и другими произведеніями области верховья. Хотя городъ расположенъ въ низкой мѣстности, однако, маленький гарнизонъ, занимающій этотъ постъ, менѣе страдаетъ отъ лихорадки, въ сравненіи съ гарнизонами большинства другихъ военныхъ станцій Сенегамбіи; несмотря на то, населеніе Седіу въ 1884 году заключало въ себѣ только трехъ европейцевъ. Зигиншоръ, бывшій португальскій постъ, недавно уступленный Франціи, ведетъ гораздо менѣе значительную торговлю, чѣмъ Седіу; построенный на лѣвомъ берегу рѣки, ниже впаденія въ нее притока Сонгрогу, онъ занимаетъ, въ коммерческомъ отношеніи, прекрасное положеніе, и могъ бы извлекать выгоды изъ торговаго движенія, происходящаго черезъ Казаманку между бассейнами Гамбіи и Ріо-Кашео; но воздухъ въ немъ нездоровый, и отчасти по этой причинѣ, отчасти во избѣжаніе опасности, которой подвергались караваны со стороны воиновъ сосѣдняго племени баланта, купцы избрали себѣ другую дорогу, въ обходъ Зигиншора.

Въ низовѣй рѣки наиболѣе счастливое положеніе занимаетъ постъ Сенъ-Жоржъ (Св. Георгія), сравнительно мало посѣщаемый торговцами. Онъ построенъ на лѣвомъ берегу, у оконечности высокаго полуострова, осѣненнаго пальмами и другими большими деревьями; почва въ этой мѣстности плодородная, воздухъ, освѣжаемый морской бризой,— здоровый, и у подножія высокаго берега протекаетъ широкая рѣка. Немного западнѣе этого поста существуетъ непрерывное водное сообщеніе съ дланомъ Ріо-Кашео посредствомъ ряда боковыхъ потоковъ, лагунъ и болотъ, гдѣ очень легко было бы прорѣть судоходный каналъ. Болѣе многолюдная и болѣе важная по торговлѣ, станція Карабана, тоже на лѣвомъ берегу рѣки, на сѣверной оконечности острова того же имени, занимаетъ гораздо менѣе благопріятное положеніе: по климату и почвѣ ее можно сравнить съ Батурстомъ, Дома ея построены на песчаныхъ отмеляхъ, затопляемыхъ моремъ, такъ что фундаменты стоятъ въ водѣ; гнилые болота покрываютъ почву вокругъ поста, тинистыя лагуны отдѣляютъ его отъ внутреннихъ плодоносныхъ земель, и голландцы должны бросать якорь въ открытомъ морѣ. Вывозъ состоить изъ земляныхъ фисташекъ, растительного масла и пальмовыхъ орѣховъ. Въ 1883 году отпускная торговля тер-

риторіи Казаманка выразилась слѣдующими цифрами: земляныхъ фисташекъ вывезено—5.230.000 килограмм.; пальмовыхъ орѣховъ—184.000 килограмм.; каучука—54.000 килограмм.; всего на сумму 15.000.000 франковъ.

Километрахъ въ десяти къ юго-востоку отъ Карабаны, на берегу большаго бокового по-тока (marigot), находится бывшая англійская факторія Линкольнъ, теперь бѣдная деревушка Элинкинъ, населенная разноплеменнымъ сбродомъ и держащая въ страхѣ своихъ сосѣдей.

У. Гвинея: португальскія владѣнія въ Сенегамбіи.

Географическое выраженіе «Гвинея» (вѣрнѣ—Гине), подъ которымъ португальские мореплаватели понимали всю западную Африку отъ устья Сенегала до устья Оранжевой рѣки, постепенно утратило свое первоначальное значеніе: по мѣрѣ ознакомленія съ отдельными странами поморья, страны эти получали особыя названія, и теперь въ общепринятой нomenclатурѣ наименованіе «Гвинея» удержано лишь за португальскими владѣніями на западно-африканскомъ берегу, между бассейнами Казаманки и рѣки Компони. Конвенція, недавно заключенная между Португаліей и Франціей, точно ограничила эти владѣнія, не естественными чертами почвы, рѣками и горами, но градусами широты и долготы. Территорія, если не подвластная Португаліи, то по крайней мѣрѣ включенная въ сферу ея будущаго господства, отнынѣ указывается на картахъ, и мы можемъ вычислить ея пространство, хотя она еще не вездѣ обслѣдована, и многія мѣстности остаются еще совершенно неизвѣстными. Въ геометрическихъ предѣлахъ, начертанныхъ упомянутой конвенціей, поверхность Гвинеи равняется приблизительно 42.000 квадр. километровъ. Что касается площади территории, действительно занятой португальцами, то она не превышала, въ 1885 г., 69 квадр. километровъ, вмѣстѣ съ энклавой Зигиншоръ, отошедшей послѣ того къ французской Сенегамбіи, а жителей всякой расы, которые были тамъ сгруппированы, насчитывалось около десяти тысячъ. Приблизительная цифра населенія во всей ограниченной территоріи можетъ быть определена только по аналогіи съ населенностьюсосѣднихъ странъ, находящихся въ тѣхъ же климатическихъ и соціальныхъ условияхъ. Принимая во вниманіе постоянные войны между наступающими и оттѣсняемыми населеніями, добровольный или вынужденный перемѣщенія туземцевъ, вслѣдствіе столкновеній между различными народами, рѣчные наводненія, лѣс-

ные пожары,—общее число жителей Гвинеи нельзя считать больше, какъ въ 150.000 душъ. Нѣкоторые португальскіе авторы приписываютъ этой странѣ гораздо больше густое населеніе, и это неудивительно, потому что миллионы людей могли бы жить въ довольствіѣ въ этой плодородной области, обильно орошающей рѣками, текущими съ горъ Фута-Джаллонъ.

Португальская Сенегамбія вся лежитъ въ той полости африканского побережья, которую рѣки, продолжающіяся лиманами, раздѣлили на узкие полуострова, а море разрѣзalo на архипелаги, еще ограниченные съ западной стороны старой линіей берега. Эти рѣки, зарождающіяся въ высокихъ долинахъ, по большей части на востокѣ отъ франко-португальской границы, очень многоводны, въ сравненіи съ размѣрами своего бассейна, и подобно болѣе сѣвернымъ рѣкамъ, Салуму, Гамбіи, Казаманку, судоходны для мелкихъ морскихъ судовъ, которыхъ могутъ подниматься по нимъ на большое разстояніе внутрь материка, благодаря морскому приливу, проникающему въ лиманы и поддерживающему рѣчное теченіе. Крайняя сѣверная рѣка этой территории, Rio-Кашео, называемая иначе Rio-де-Фаринъ и Сант-Домингосъ, течетъ почти параллельно Казаманку, отъ которой она отдѣлена полосой слегка волнистыхъ земель, имѣющей около 40 километровъ средней ширины. Въ нижней части своего теченія лиманъ Rio-Кашео соединяется съ лиманомъ Казаманки посредствомъ сѣти болотъ и боковыхъ потоковъ (*marigots*), затѣмъ впадаетъ въ море широкимъ устьемъ, загражденнымъ песчанымъ порогомъ (*baromъ*) и примѣтнымъ издалека по высокой дюнѣ, Мата-де-Путама, называемой также Кабо-да-Мата (Мысъ дюны), покрытой большими деревьями, которыхъ сливаются въ одну сплошную массу зелени.

Рѣка Геба, къ югу отъ Rio-Кашео, береть начало, подъ именемъ Ба-Дiemба, въ неизслѣдованной мѣстности, ограничиваемой на востокѣ притоками верхней Гамбіи, и течетъ параллельно Rio-де-Фаринъ и Казаманку; но видъ рѣки она сохраняетъ только въ верхней части своего бассейна. Въ низовьяхъ на протяженіи слишкомъ 100 километровъ она образуетъ широкій лиманъ, гдѣ корабли, увлекаемые сильнымъ приливнымъ теченіемъ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ, какъ въ морскомъ заливѣ: при устьѣ Гебы разстояніе отъ берега до берега не менѣе 16 километровъ. За этимъ воронкообразнымъ лиманомъ слѣдуютъ проливы, отдѣляющіе материкъ отъ архипелага Биссао, островки и рифы которого разсыпаны противъ устья Гебы, образуя обширный и опасный лабиринтъ. Впрочемъ, боковые потоки (*marigots*) даютъ возможность судамъ выходить изъ рѣки въ море, минуя лабиринтъ архипелага. Одинъ изъ этихъ каналовъ, длиной около сотни кило-

метровъ, проходитъ между континентомъ и тремя островками Биссао, Биссисъ и Жатта: это извилистая водяная аллея, гдѣ мѣстами большія деревья, окаймляющія берега, переплетаются вѣтвями и образуютъ сводъ зелени надъ фарватеромъ, которымъ слѣдуютъ плавущія суда. Къ югу отъ Гебы, цѣлая сѣть каналовъ соединяется съ лиманомъ Rio-Гранде менѣе широкимъ, чѣмъ лиманъ Гебы, хотя рѣка притокъ, по крайней мѣрѣ, судя по начертанію, пока еще гадательному, существующихъ временныхъ картъ, представляется гораздо болѣе важной, какъ по длинѣ теченія, такъ и по числу своихъ притоковъ.

Rio-Гранде (Большая рѣка), называемая также Гиналой, есть, вѣроятно, какъ показываетъ ей имя, главная рѣка португальской Сенегамбіи. По общей догадкѣ, она береть начало на томъ же плоскогорѣ, гдѣ и Гамбія, но вмѣсто того, чтобы, подобно послѣдней, идти на востокѣ, направляется по западной покатости и течетъ подъ именемъ Комбы, постепенно усиливаемая многочисленными горными потоками, которые несутъ ей воды массива Фута-Джаллонъ, слѣдующихъ одна за другой на пространствѣ около сотни километровъ, по направленію съ сѣвера на югъ. Самый значительный изъ притоковъ Комбы, Томине, также собираетъ свои первыя воды въ сосѣдствѣ Лабе. Одинъ изъ округовъ, черезъ которые протекаетъ этотъ притокъ, изрѣзанъ такимъ множествомъ ручьевъ, что его прозвали Донголомъ, чѣмъ значитъ «область водъ». Оливье-де-Сандерваль, переходившій рѣку Томине въ сухое время года, въ 150 километрахъ отъ ея истока, опредѣлилъ количество протекающей въ секунду воды въ 10 кубич. метровъ. Въ верховьяхъ эта рѣка извивается въ широкой долинѣ, доминирующей съ той и другой стороны утесами въ 250—300 метровъ высоты, надъ которыми высятся, въ видѣ бастіоновъ, кручи гранитныхъ горъ¹⁾). Ниже, она въходитъ изъ области первичныхъ формаций и, повернувъ на сѣверъ по направленію къ Комбѣ, течетъ между стѣнъ изъ черноватаго песчаника и желѣзистаго кварца, прорѣзанныхъ, черезъ извѣстные промежутки, брешами, откуда ручьи-притоки низвергаются водопадами. Въ ложѣ рѣки тамъ и сямъ выступаютъ изъ-подъ воды большие округленные камни, которые служатъ естественными устоями для сельскихъ мостовъ, то-есть связанными пучками длинныхъ палокъ бамбука, перекинутыхъ съ камня на камень²⁾). Ниже сливія Комбы и Томине, Rio-Гранде вполнѣ заслуживаетъ имя, данное ей португальцами: это дѣйствительно «большая рѣка», какъ удостовѣряютъ путешественники Молленъ, Геккаръ, Гудсбери, переправлявшіеся

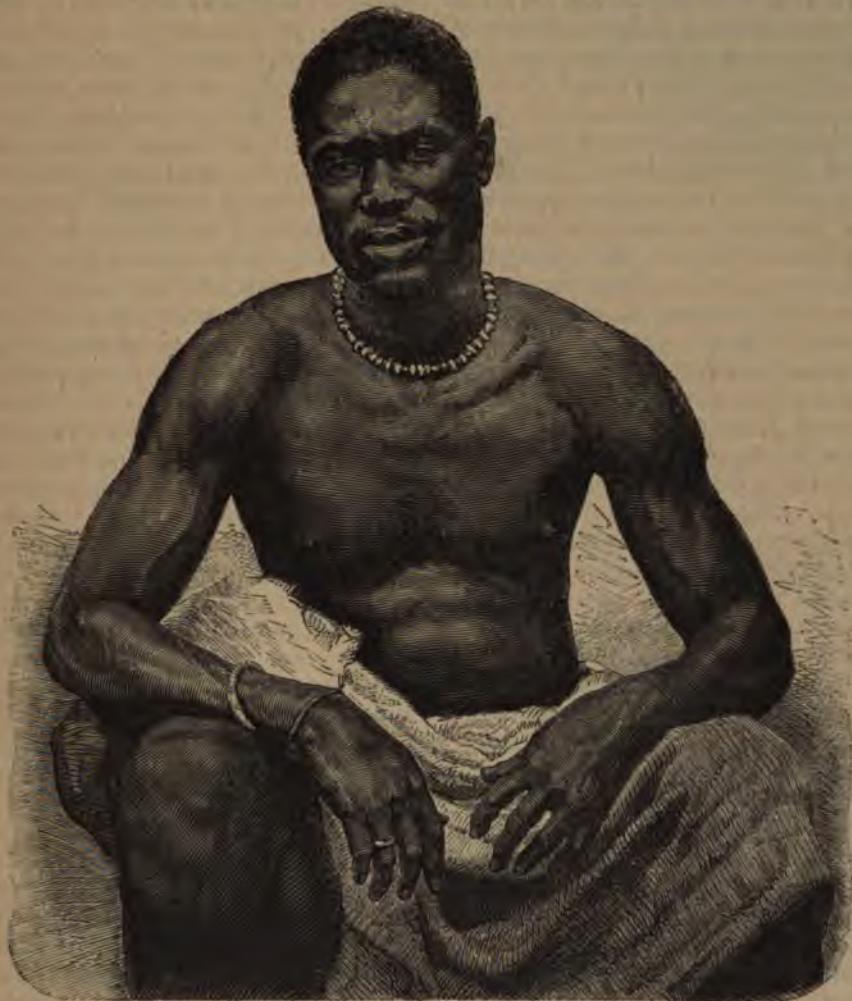
¹⁾ Lambert, *Tour du Monde*, 1861.

²⁾ Oliver de Sanderval „De l'Atlantique au Niger par le Foutah-Djalon“.

черезъ нее около вершины кривой, которую она описываетъ передъ тѣмъ, какъ перейти въ западное направлениѣ, параллельное теченію Гебы. Однако, въ этомъ мѣстѣ существуетъ значительный пробѣль въ маршрутахъ изслѣдователей. Между пунктомъ, гдѣ рѣка была переходима путешественниками, и той частью лимана Rio-Гранде, гдѣ португальцы основали свои факторіи, пространство, еще не посѣщенное европейцами, имѣеть не менѣе 150 километровъ протяженія отъ востока къ западу, и

брожается со временеми путешествія Моллена, соответствуетъ дѣйствительности, то Rio-Гранде имѣеть, отъ истока до устья, около 750 километровъ по длини теченія. Морской приливъ, поднимающійся на сотню километровъ внутрь материка, превращаетъ низовье этой рѣки въ цѣлый лабиринтъ соляныхъ marigots, окружающихъ архипелагъ ваносныхъ болотистыхъ земель, который продолжается въ морѣ острова-ми Биссагосъ.

Береговая область, въ южной части порту-

ТИПЪ ПЛЕМЕНИ АГНИ.

потому нельзя съ полной увѣренностью сказать, что Комба изливается въ лиманъ Rio-Гранде, а не поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, чтобы идти на соединеніе съ Гебой. Дельтеръ, посѣтившій береговую область, высказываетъ эту послѣднюю гипотезу, прибавляя, что прибрежные жители низовьевъ Rio-Гранде считаютъ свой лиманъ морскимъ заливомъ и ничего не слыхали о впадающей въ него прѣсноводной рѣкѣ¹). Если начертаніе карты, какъ оно изо-

галльской Гвинеи, разрѣзана на полуострова вѣсколькими потоками, имѣющими въ верховьяхъ характеръ ручьевъ, въ низовьяхъ—лиманиновъ, и текущими параллельно другъ другу съ сѣверо-востока на юго-западъ. Изъ этихъ потоковъ одинъ только заслуживаетъ название рѣки—это Кассини, названный такъ путешественникомъ Валлономъ, въ 1857 году, не по имени извѣстной династіи астрономовъ, а по имени первой деревни, которую онъ встрѣтилъ на южномъ берегу лимана. Потокъ этотъ береть начало въ 200 километрахъ отъ морскаго

¹) Ueber die Cap Verden nach dem Rio-Grande und Fatah Djallon.

берега, въ гористой мѣстности, ограниченной съ западной стороны теченіемъ рѣки Томине, и соединяется съ моремъ посредствомъ воронкообразного залива, въ которомъ самыя большия суда могутъ подниматься на 50 километровъ вверхъ отъ устья. Франко-португальская конвенція обезпечиваетъ Португалии владѣніе лиманомъ Кассини, которымъ до того времени фактически владѣли французы, благодаря своимъ факторіямъ.

Архипелагъ Биссагосъ, составлявшій прежде часть континента, отличается отъ острововъ побережья только большей шириной проливовъ, раздѣляющихъ его земли, и въ которые проникаетъ морской приливъ. Еще не обследованный во всемъ лабиринтъ его каналовъ, этотъ архипелагъ, защищенный со стороны открытаго моря опасной линіей подводныхъ камней, заключаетъ въ себѣ около тридцати острововъ, большихъ и малыхъ, не считая безконечнаго множества рифовъ; впрочемъ, число выступающихъ изъ-подъ воды земель менѣется отъ прилива до отлива. Приливная волна, достигающая высоты 4 метровъ, разлагаетъ большие острова на несколько отдельныхъ островковъ, которые снова соединяются въ периодъ отлива: такъ, островъ Каньябакъ, при низкой водѣ, увеличивается островами Поркосъ и Гумбана; острова Галлиньясь, Формоза, Понта, Корбелъя (Каравелла¹) старинныхъ писателей) соединяются съ сосѣдними землями: обширныя пространства плоскихъ береговъ, покрытыя раковинами, дважды въ сутки бываютъ сухими, а въ остальные часы превращаются въ проливы, съ чрезвычайно быстрымъ теченіемъ. Безъ опыта лоцмана, плаваніе въ этомъ лабиринтѣ каналовъ очень опасно: оттого суда, проникающія въ архипелагъ Биссагосъ, каждый вечеръ бросаютъ якорь, такъ какъ ночью невозможнно плыть среди безчисленныхъ рифовъ. Во многихъ мѣстахъ пребываніе очень вредно для здоровья, по причинѣ массы гниющей тины, которую теченія отлагають въ бухточкахъ. На южной своей окраинѣ архипелагъ Биссагосъ оканчивается уединенной скалой Алькатрасъ или «Пеликанъ»: въ самомъ дѣлѣ, несмѣтныя стаи птицъ постоянно кружатся надъ этимъ высокимъ красноватымъ камнемъ, который онѣ покрыли толстымъ бѣлымъ слоемъ гуана.

Самый значительный по величинѣ островъ, Оранго или Гарангъ, имѣеть въ большей части своего протяженія песчаную почву, съ довольно скучной растительностью, тогда какъ большинство другихъ острововъ одѣты въ пышный нарядъ изъ стройныхъ пальмъ и вѣтвистыхъ деревьевъ; баобабы называются тамъ пулламъ (полонъ, пуалонъ), по имени одного южнаго островка архипелага; издали эти гигантскія

¹) Hansen-Blangsted, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1886.

деревья, первый признакъ сосѣдства группы Биссагосъ, кажутся букетомъ, лежащимъ посреди моря. Всѣ острова низменны и вытянуты по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, то-есть по тому же направленію, по которому расположены острова и полуострова прибрежья между параллельными рѣками, спускающимися съ массива Фута-Джаллонъ и его передовыхъ плоскогорій. Первые моряки, занимавшіеся изслѣдованіемъ фарватеровъ въ проливахъ архипелага, Руссенъ¹) и Бельчеръ²), приписываютъ этимъ островамъ вулканическое происхожденіе; но, по всейѣроятности, горныя породы, принятые ими за лаву, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ пласты желѣзистой глины, подобные тѣмъ, которые встречаются на большей части западно-африканского побережья, виѣ аллювиальныхъ земель³). Острова, отрывки прежняго берега, состоять изъ тѣхъ же формаций и представляютъ тѣ же физическія черты, какъ и сосѣдній материкъ; отъ дѣйствія ли морского размыванія, или вслѣдствіе медленнаго осѣданія почвы, континентъ отступилъ передъ океаномъ, полуострова превратились въ острова, острова въ подводные камни или мели, рѣки сдѣлались лиманами, а лиманы морскими заливами. Во время этихъ вѣковыхъ преобразованій многие виды животныхъ и растеній должны были приспособляться къ условіямъ новой среды. Къ числу такихъ видовъ принадлежитъ и бегемотъ, котораго въ другихъ мѣстахъ рѣдко можно встрѣтить вдали отъ прѣсноводныхъ рѣкъ. Бельчеръ видѣлъ одинъ экземпляръ этого животнаго на юго-западномъ берегу острова Каньябакъ, въ 50 километрахъ отъ рѣкъ прибрежья: звѣрь былъ украшенъ изряднымъ количествомъ блудечекъ (раковинъ), прицѣпившихся къ его толстой кожѣ.

Климатъ португальской Гвинеи сходенъ съ климатомъ областей Гамбіи и Казаманки, съ той только разницей, что средняя годовая температура въ первой выше и зима представляетъ тамъ болѣе значительныя колебанія между крайними температурами, чѣмъ, безъ сомнѣнія, должно быть приписано близости высокой горной страны. Въ сосѣдствѣ морскаго берега термометръ иногда опускается ночью до 12 градусовъ Цельзія,—температура, которая кажется страшно холодной не только туземцамъ, но даже бѣлымъ иностранцамъ, которые у себя на родинѣ не зябли бы такъ при вѣтре со снѣгомъ. Въ три холодныхъ мѣсяца, ноябрь, декабрь и январь, высота ртутного столбика иногда измѣняется отъ 12 или 15 градусовъ, передъ восходомъ солнца, до 25, 30 и даже 44

¹) „Mémoire sur la navigation aux cotes occidentales d'Afrique“, 1827.

²) „Journal of the R. Geographical Society“, 1832.

³) Doelter;—Olivier de Sanderval, цитированное соченіе.

градусовъ, въ полуденные часы. Но въ зимний периодъ, то-есть во время лѣта южного полушарія, температура гораздо правильнѣе, хотя отъ одного до другого сезона средняя представляеть очень малую разницу; такъ, метеорологическая наблюденія дали слѣдующія цифры для температуры въ Биссао:

Самый холодный мѣсяцъ (январь)— $24^{\circ}1$; самый теплый мѣсяцъ (май)— $27^{\circ}9$; средняя годовая— $26^{\circ}1$.

Что касается высоты годового слоя дождей, то она еще не была измѣрена; извѣстно только, что количество атмосферныхъ осадковъ весьма значительно. Въ этихъ странахъ дожди выпадаютъ почти впродолженіи пяти мѣсяцевъ, съ половины мая до конца сентября; грозы часты въ это время года и сопровождаются обильными ливнями. Этимъ объясняется необычайное плодородіе почвы, столько же благопріятное произрастанію растеній, сколько опасное для здоровья человека.

Какъ ни пышна растительность Гвинеи и «рѣкъ Юга», лѣса этихъ странъ не спутаны, однако, въ непроницаемую массу, какъ дѣственныя лѣса тропическихъ областей Нового Свѣта: дерево здѣсь лучше сохраняетъ свою индивидуальность и во многихъ мѣстахъ является въ величавомъ уединеніи. Обширныя пространства, даже на островахъ Биссагосъ, заняты саваннами или «сапрінами», лугами, поросшими высокой травой или тростникомъ, среди которыхъ тѣмъ и сямъ высятся одинокіе гиганты растительного міра, гдѣ—пальма, гдѣ—баобабъ или бавольникъ. На берегахъ лимановъ растительность внутренней мѣстности закрыта чащами ризофоръ, странного вида деревьевъ, у которыхъ стволъ поддерживается помостомъ изъ воздушныхъ корней, облѣженныхъ крабами и погружающихся въ мутную воду прибрежныхъ болотъ; но за этимъ шпалеромъ корнепусковъ, на окрѣпшей землѣ, начинается настоящій лѣсъ, состоящий изъ различныхъ древесныхъ породъ. Также какъ Сѣверная Сенегамбія, Гвинея имѣетъ свои акации и пальмы *rôniers*; кромѣ того, здѣсь встрѣчаются бамбуковые чащи. Между рѣками Ріо-Гранде и Кассини обширный пальмовый лѣсъ, прерываемый тамъ и сямъ прогалинами, гдѣ уединенно растутъ бавольники, занимаетъ почти всѣ полуострова прибрежья: онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ красивой дикой финикововой пальмы (*phoenix spinosa*), одного вида *borassus*, съ широкими вѣрами листьевъ, и масличной пальмы (*elaeis guineensis*), съ ваями, разрѣзанными по краямъ на подобіе баҳромы; кокосовую пальму, которая привезена сюда изъ Америки, можно увидѣть только въ селеніяхъ. Особенно грандіозную картину представляетъ лѣсъ по берегамъ проточныхъ водъ; переплетающіяся вѣтви деревьевъ образуютъ длинныя галлерен, подъ сводами которыхъ без-

шумно скользятъ суда. Внутри земель встрѣчается «дождевое» дерево, листья котораго, распрымляющіеся ночью, собираютъ росу, особенно когда воздухъ быстро охлаждается, а утромъ роняютъ ее въ видѣ дождя. Путешественникъ Оливье-де-Сандерваль имѣлъ случай убѣдиться, находясь подъ такимъ деревомъ, что туземцы не обманули его, рассказывая о чудесныхъ свойствахъ «плакуна». Не есть ли это особый видъ лавра, какъ знаменитое дерево, существовавшее нѣкогда на островѣ Ферро?

По фаунѣ, какъ и по флорѣ, Гвинея богаче Сенегамбіи; она принадлежитъ къ поясу экваторіального Судана. Обезьяний родъ представленъ въ этой странѣ большимъ числомъ видовъ, между прочимъ, какъ говорить, и видомъ шимпанзе. Нѣкоторыя большія животныя уже исчезли: здѣсь не встрѣчаются болѣе ни жирафъ, ни зебровъ; можетъ-быть, и слонъ уже истребленъ въ бассейнахъ Гебы и Ріо-Гранде. Но бегемотъ очень распространенъ, и дикий быкъ (*bos brachyceros*) еще водится въ лѣсахъ. Леопарды бродятъ вокругъ плантацій, а кабаны населяютъ поросли кустарника. Рѣки кишатъ крокодилами, въ травѣ ползаютъ страшныя очковые змѣи (*cobras*). Птицы Гвинеи, лучше изученные, чѣмъ другія животныя этой области, представлены сотнями породъ въ музеяхъ. Нигдѣ въ тропической Африкѣ болѣе муравьевъ имѣющихъ форму пирамидъ, колоколовъ, грушъ, сталагmitовъ, твердыхъ, какъ камень; также какъ земляной червякъ, термитъ является «геологическимъ дѣятелемъ»¹). Негры Сенегамбіи относятся съ уваженіемъ къ этимъ здѣніямъ муравьевъ, нерѣдко болѣе высокими, чѣмъ ихъ собственные хаты: при расчисткѣ земли подъ пашни они остерегаются трогать муравейники, изъ боязни навлечь проклятие на свои посѣви. Каналы, лиманы прибрежья изобилуютъ рыбой: туземцы племени бужаго существуютъ исключительно рыбной ловлей, добывая средства пропитанія удочкой, сѣтью и гарпуномъ. Въ большия праздники, глава семьи, въ сопровождении своихъ разнаряженныхъ женъ, отправляется торжественной процессіей на берегъ моря и бросаетъ въ воду рисъ, медъ, вѣтки дерева-фетиша, въ даръ своему корольцу океану²).

Въ хаосѣ народцевъ, населяющихъ Гвинею, по крайней мѣрѣ шестьдесятъ группъ обозначаются особыми именами, не имѣющими по большей части никакой цѣны въ смыслѣ указанія нарасу: переселенія, союзы, завоеванія, часто измѣняютъ номенклатуру племенъ, различая на различныя или даже враждебныя фракціи народы общаго происхожденія, со-

¹) Doelter, цитированное сочиненіе.

²) Antichan, „Revue de Géographie“, nov. 1881.

единяя, или смышивая въ одну группу этнические элементы, прежде совершенно разнородные. Отсюда многочисленный противорѣчія въ рассказахъ и описаніяхъ путешественниковъ, посѣтившихъ страну въ разное время. Португальскій изслѣдователь Барросъ насчитываетъ девять¹⁾ націй, имѣющихъ, по языку, нравамъ и исторіи, общую индивидуальность, которая, впредь до болѣе точной классификаціи, позволяетъ присвоить имъ название расы. Изъ этихъ группъ народцевъ только три, біафары, папели и бужаго, всей своей численностью обитаютъ въ предѣлахъ португальскихъ владѣній Гвинеи. Фулы и мандинги—пришельцы, вторгшіеся съ востока, гдѣ ихъ племена занимаютъ большую часть Сенегамбіи и Судана; фелупы, баланты, баньюны и ихъ соплеменники брамы или бурамы (Bragmos, Brames) живутъ по берегамъ Казаманки и португальскихъ рѣкъ; наконецъ, народецъ налу населяетъ область побережья, въ бассейнахъ Ріо-Нунѣцъ и Кассини.

Чистокровные фулы или феллаты, называемые португальцами футафула, немногочисленны въ предѣлахъ португальской Гвинеи; однако, отдельные поселенія ихъ распространены почти до самой Гебы; въ 1881 году они нѣкоторое время держали въ осадѣ португальскую факторію Буба, на берегу лимана Ріо-Гранде²⁾. Но впереди собственно фуловъ террорія подвергается захватамъ со стороны смыщанныхъ племенъ «черныхъ фуловъ» (Foulos pretos), подобныхъ тукулерамъ французской Сенегамбіи; съ внутреннихъ плоскогорій эти феллаты постепенно спустились почти до самаго моря, образуя маленькия колоніи посреди другихъ населеній, или даже оттеснія ихъ, когда имѣютъ на своей сторонѣ численный перевѣсь. Большинство этихъ авангардныхъ народцевъ признаютъ верховную власть королей Футаджаллона; другіе, напротивъ, состоять изъ бѣглцовъ, старающихся сохранить свою независимость; но осѣдлый населенія поморья, тѣмъ не менѣе, смотрятъ на нихъ какъ на составную часть арміи завоевателей, и, давая имъ у себя убѣжище, держать ихъ въ подозрѣніи.

Въ своемъ нашествіи на береговыя области фулы сталкиваются съ мандингами и съ первоначальными населеніями страны, нынѣ поддерживаемыми гарнизонами европейскихъ факторій. Между этими туземными населеніями, племена баланта, занимающія наибольшую часть пространства между средней Казаманкой и лиманомъ Гебы,—вѣроятно самыя храбрыя, и французы, основавшимъ свои посты на Казаманкѣ, стоило большого труда воспрепятствовать переходу балантовъ черезъ эту рѣку, съ цѣлью захвата земель праваго берега. Баланты могли бы образовать могущественную на-

цію, если бы не были раздѣлены на множество народцевъ, часто враждебныхъ другъ другу и вообще не имѣющихъ между собой крѣпкой федративной связи. Каждая деревня составляетъ маленькое независимое государство, управляемое самимъ богатымъ родомъ. Баланта имѣютъ ясно выраженный негритянскій типъ, но большинство изъ нихъ уступаютъ уолофамъ по высотѣ роста и пропорциональности частей тѣла; конечности у нихъ нѣсколько тонки относительно туловища. Черепъ у балантовъ очень удлиненный, лобъ подавшійся назадъ, глаза маленькие и почти всегда налившиеся кровью; подобно своимъ сосѣдямъ баньюнамъ, они подпиливаютъ зубы, а женщины ихъ дѣлаютъ себѣ надѣзы на груди. Вступая въ бракъ, баланта даетъ своей женѣ передникъ, прочность котораго должна изображать прочность самого супружества: если новобрачна счастлива, она наряжается въ эту драгоценную ткань въ торжественныхъ случаяхъ и заботливо бережетъ ее до конца дней своихъ; но если мужъ не нравится ей, передникъ скоро рвется, обращается въ лохмотья, и она снова дѣляется свободной. Мертвые очень почитаются у баланта; домъ умершаго остается запертымъ, со всѣми находящимися въ немъ вещами, и не бывало примѣра, чтобы изъ него было что-нибудь похищено, хотя люди этого племени вообще не любятъ класть охулки на руку. Между всѣми обитателями Гвинеи баланты выдѣляются какъ воры, и какъ воры героические. У нихъ собственность ограждается угрозой смерти похитителю, но самая опасность дѣляетъ актъ похищенія тѣмъ болѣе достохвальнымъ, и юный членъ семьи, не умѣющій воровать, навлекаетъ на себя презрѣніе всей родни: его не будутъ считать за человѣка. Существуютъ специальные профессора для обученія этому великому искусству воровства. Въ руководителяхъ экспедицій, предпринимаемыхъ съ цѣлью грабежа, всегда избирается самый смѣлый и ловкий воръ; но если ему не повезетъ, онъ долженъ всего опасаться отъ своихъ товарищѣй; бываетъ, что его продаютъ въ рабство, въ наказаніе за неудачу. Всѣ народы этого берега, за исключеніемъ только фелуповъ, покупаютъ невольниковъ.

Племя папель или бурне населяетъ главнымъ образомъ, къ западу отъ земель народца баланта, полуостровъ, образуемый лиманами рѣкъ Кашео и Гебы. Отличительные физическіе признаки этого племени, какъ и его сосѣдей баланта, на которыхъ оно походитъ нравами и соціальными бытотъ, составляютъ: краснѣйший черный цвѣтъ кожи, удлиненный черепъ, сухопары конечности, курчавые волосы, рѣдкая борода. Женщины ихъ тоже татуируются, избирая пупъ за центръ чертимыхъ на тѣлѣ геометрическихъ фигуръ. Папели отличаются артистическими способностями: хотя оружіе и

¹⁾ Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa, 1882.

²⁾ Doelter, цитированное сочиненіе.

домашняя утварь большею частію покупается ими у мандингскихъ ремесленниковъ, но украшения на ихъ глиняной посудѣ и тыквенныхъ бутылкахъ принадлежать пхтъ собственнымъ защищая въ мѣшочкахъ, для предохраненія себя отъ всякихъ бѣдъ и напастей; однако, первоначальное ихъ название было, кажется, напеи или пепеи. Так же какъ племя баланта, эти на-

Баръ при устьѣ рѣки Вольты.

рисовальщикамъ. Будучи идолопоклонниками, они придаютъ большую цѣну амулеткамъ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, самое имя ихъ происходитъ отъ «бумажекъ» (по-португальски *paré*—бумага), которыя они носятъ,

родцы хоронятъ мертвыхъ съ большой торжественностью, иногда предоставляя имъ фамильную хижину, какъ мѣсто вѣчного покоя, но чаще зарывая ихъ въ землю и воздвигая маленький курганъ на могилѣ подъ тѣнью ба-

баба или бавольника, священного дерева; надъ тонкимъ слоемъ земли, покрывающимъ мертвое тѣло, поддерживаютъ нѣсколько днѣй костеръ для того, чтобы за дымомъ не слышенъ былъ худой запахъ. Рядомъ съ покойникомъ всегда кладутъ въ изобилии разныя яства, а иногда, при погребеніи важныхъ особъ, на могилѣ усопшаго закалываютъ всѣхъ животныхъ, которыми онъ владѣлъ, и мясо ихъ съѣдается на публичныхъ пирахъ. По словамъ португальскихъ резидентовъ, папельские царьки отправляются на тотъ свѣтъ не одни, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвъ, погребаемыхъ живыми¹⁾; во всякомъ случаѣ, эти жертвоприношенія совершились еще не такъ давно, и не далѣе, какъ въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ на похоронахъ гостямъ еще подавалось человѣческое мясо. Тѣла близнецовъ, альбиносовъ и уродовъ бросаются въ море, какъ нечистыя.

Впрочемъ, въ отношеніи нравовъ и обычаевъ нерѣдко замѣчается большое различіе даже между населеніями, живущими въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, но разделенными наслѣдственной враждой, непрерывной войной и злыми дѣлами колдовства. Такъ, нѣкоторые народцы племени біафаръ или біафада не оказываютъ никакого уваженія къ мертвымъ; они не воздвигаютъ имъ могильныхъ кургановъ, не кладутъ рядомъ съ покойникомъ ни провизіи, ни драгоцѣнныхъ вещей. Біафары—самые смиренные и миролюбивые изъ всѣхъ обитателей Гвинеи: у нихъ есть вѣчно женственное въ наружности и характерѣ; оттого они въ большомъ презрѣніи у своихъ воинственныхъ сосѣдей. Налумы (налу), слѣдующіе за біафарами въ береговой области, на югѣ отъ Ріо-Гранде, тоже отличаются нравами отъ другихъ народцевъ. Такъ, браки у нихъ экзогамические; но племя, къ которому принадлежитъ невѣста, отдаетъ ее не иначе, какъ за равное вознагражденіе. Выбирая себѣ жену среди соѣдняго народа, молодой человѣкъ обязанъ послать свою сестру въ супруги брату уводимой имъ дѣвушки, а если у него пять сестры, долженъ предложить въ обмѣнъ семь кредиторовъ одного изъ своихъ братьевъ или родственниковъ²⁾. Что касается туземцевъ племени бужаго или бижуга, которые населяютъ острова архипелага Биссагосъ, противъ лимановъ Гебы и Ріо-Гранде, и частію также полуострова прибрежья, то жители каждого острова отличаются отъ обитателей другихъ острововъ нравами, обычаями и языками.

Красавцы между неграми, очень хорошо сложенные, за исключеніемъ рукъ, которыхъ у нихъ слишкомъ длинны, бужагосы—народъ смѣлый, неустранимый, привыкающій съ дѣтства пре-

небрегать всякой физической болью. Долгое время пираты ихъ были грозой для европейцевъ. Они одни изъ всѣхъ народовъ этой области побережья смѣло пускаются въ открытое море на своихъ длинныхъ пирогахъ, сдѣланныхъ изъ ствола бавольника и украшенныхъ напереди головой чудовища, съ раскрытымъ красной пастью; въ прошломъ столѣтіи они еще не знали употребленія паруса, теперь же, хотя ихъ и называютъ «варварами изъ варваровъ», они не хуже португальскихъ моряковъ умѣютъ пользоваться силой вѣтра. Отправляясь въ военную экспедицію, бужагосы красятся охрой и украшаютъ себя перьями и разными металлическими побрякушками; въ прошломъ столѣтіи они еще сражались стрѣлами, вооруженными ядовитой рыбьей костью³⁾. Однимъ изъ первыхъ предметовъ ихъ заграничного привоза были сабельные клиники нѣмецкой фабрикаціи; когда англичанами была сдѣлана попытка колонизаціи этого архипелага, около ста лѣтъ тому назадъ, всѣ бужагосы имѣли уже мечи въ метръ длиной, носившіе на клинкѣ клеймо Золингенскихъ фабрикъ⁴⁾. Эти туземцы обладаютъ способностью схватывать сходство предметовъ и воспроизводить ихъ въ своихъ извѣніяхъ; ихъ фетиши, изображающіе людей или животныхъ, отличаются замѣчательной вѣриностью натуры и, по сравненію съ подобными издѣліями другихъ странъ западной Африки, могутъ считаться настоящими произведеніями искусства. На нѣкоторыхъ островахъ бужагосы переживаютъ еще періодъ матріархальнаго быта, по крайней мѣрѣ, по существованію у нихъ факультативной поліандрии (многомужія). Жена не переходитъ въ домъ мужа, но наоборотъ принимаетъ его въ свой домъ. Она не обязана быть вѣрной мужу и можетъ покидать совмѣстное жилище, когда угодно. Ей достаточно предупредить супруга о своей отлучкѣ; однако, она была бы встрѣчена не очень любезно, если бы вернулась домой съ пустыми руками; обыкновенно она приноситъ мѣру риса или приводить козу или корову, какъ заработокъ изъ отхожаго промысла.

Миссіонеры ислама дѣятельно ведутъ пропаганду во всѣхъ племенахъ португальской Гвинеи, и многие народцы уже обратились въ магометанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, по имени. Въ землѣ племени налумовъ мусульманскія общины слѣдуютъ она за другой до самаго моря: многочисленность ихъ объясняется близостью этой страны къ области Футаджаллонъ; въ этомъ мѣстѣ феллатамъ, выступающимъ одновременно въ роли завоевателей и религіозныхъ пропагандистовъ, стоитъ только спуститься со своихъ горъ, чтобы достиг-

¹⁾ Travassos Valdez;—de Barros;—Doelter, цитировано сочиненіе.

²⁾ De Barros, цитированная статья.

³⁾ Alvarez d'Almada, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Philip Beaver, "African memoranda on the island of Bulama".

вуть береговъ океана ¹⁾). Что касается обрѣзанія, то это общераспространенный обычай у гвинейскихъ племенъ, и, по словамъ Барроса, оно практикуется помимо какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій, какъ своего рода маконскій знакъ между людьми всякаго происхожденія и всякаго культа, анимистами, магометанами, христіанами ²⁾). Прежде, пока еще исламъ не пріобрѣлъ преобладающаго значенія и отдаленное влияніе его еще не успѣло отразиться на религіозныхъ идеяхъ необращенныхъ народцевъ, у племенъ поморья господствовалъ культь нечистой силы; имъ казалось бесполезнымъ молиться добрымъ духамъ, они старались только заклинать злыхъ демоновъ. Туземцы, у которыхъ еще сохранился этотъ обрядъ заклинанія бѣсовъ, собираются для исполненія его въ «шинѣ», т. е. священному мѣсту; такимъ мѣстомъ избирается либо берегъ рѣки или моря, либо деревенская площадь или домъ вождя племени; этотъ послѣдній окропляетъ пальмовымъ виномъ колъ, вбитый по срединѣ «шины», затѣмъ приносить въ жертву быка, козу или пѣтуха, и читаетъ предзнаменованія во внутренностяхъ и крови закланнаго животнаго; эти предвищанія всегда благопріятны, если церемонія совершена по всѣмъ правиламъ, и дьяволъ удается отъ племени. Чтобы побороть второстепенныхъ чертей, злыхъ духовъ, наводящихъ порчу на людей и скотъ и поражающихъ тѣло болѣзнями, прибегаютъ къ содѣствію колдуновъ, *жамбакон*, искусственныхъ чародѣевъ, обладающихъ непогрѣшимымъ средствомъ изгонять всякую хворь. Тѣмъ не менѣе, случается, что болѣзнь оканчивается смертью; но это не значитъ, что порча восторжествовала, а просто въ этомъ случаѣ пациентъ самъ хотѣлъ покончить съ своей настоящей жизнью, чтобы начать новую. Мало найдется людей, у которыхъ бы идея бессмертія приняла болѣе конкретную форму. Бужаго, заблудившійся въ лѣсу, или увѣденный пѣтнникомъ на чужбину, самъ накладываетъ на себя руки для того, чтобы вернуться домой ³⁾.

У этихъ народцевъ все получаетъ благопріятное или зловѣщее значеніе: деревья, камни, животные, цветы и звуки. Оттого на всѣ предметы, могущіе принести несчастіе, налагается табу. Иногда цѣлые округи подпадаютъ подъ запрещеніе, объявляются проклятыми, *malossados*, по выражению португальцевъ. Всякому, кто дерзнулъ бы проникнуть туда, грозить смертная казнь, не потому, чтобы смѣльчакъ

возбудилъ этимъ поступкомъ озлобленіе противъ себя, но потому, что онъ сломалъ бы символическую печать, наложенную чародѣями на запрещенную мѣстность. То же самое нужно сказать о лицахъ и вещахъ, сдѣлавшихся священными въ силу запрета, произнесенного колдунами. Прикосновеніе къ этимъ табуированнымъ предметамъ смертельно: оно наказуется отравленіемъ. Вообще обычай суда посредствомъ яда всего лучше сохраняется у племенъ, живущихъ по рѣкѣ Гебѣ, каковы баланта, папель и фелуппъ. Обвиняемому подаются настой коры дерева, называемаго туземцами—*там*, а французскими торговцами—*тапсопе* или *bourgane*. Дѣйствіе ядовитаго напитка не заставляетъ долго ждать себя: оно проявляется либо рвотой, которая спасаетъ невиннаго, либо корчами, которая казнить преступника ⁴⁾). Со времени появленія въ краѣ огнестрѣльного оружія ружейная пуля сдѣлалась однимъ изъ могущественнѣйшихъ фетишей: самая страшная клятва—та, которая произносится надъ пулей, зарытой въ землю. Эти варварскіе народы въ вѣчномъ страхѣ передъ неизвѣстнымъ. Но человѣческая натура не можетъ примириться съ постояннымъ страхомъ, и эти люди, до отступленія запуганные колдунами, нерѣдко предаются съ безумнымъ увлечениемъ своей излюбленной забавѣ—музыѣ и пляскѣ. Особенно біафары—неутомимые танцоры; иногда жены берутъ мужей къ себѣ на плечи и съ этимъ грузомъ скачутъ и кружатся до упаду ⁵⁾.

Бѣлыхъ иностранцевъ въ Гвинѣ очень мало, не больше полсотни; нѣсколько солдатъ, торговцы, большей частью французы, наконецъ, небольшое число ссыльныхъ, *degradados*—вотъ и всѣ представители европейской расы; однако, португальское вліяніе, дѣйствующее уже нѣсколько вѣковъ, не прошло безслѣдно для населеній прибрежья. Особенно замѣтно это вліяніе на манджахъ или мандіагахъ, папельскихъ племенахъ, живущихъ на островахъ и полуостровахъ по обѣ стороны лимана Гебы: это такъ называемые «черные португальцы», составляющіе массу рабочаго населенія вокругъ конторъ; между ними обыкновенно и набираются всѣ нужные рабочіе—лодочники, носильщики, чернорабочіе, помощники для дальнихъ экспедицій. Повидимому, смѣшанные семейства (метисы) пропорционально болѣе многочисленны въ португальскихъ владѣніяхъ, нежели въ англійской и французской территоріяхъ Сенегамбіи; въ Гвинѣ на счетыиваются тысячи *grumetes*, или черныхъ христіанъ, которые, при равенствѣ образования, ничѣмъ не отличаются отъ бѣлыхъ по общественному положенію. Еще не очень дав-

¹⁾ Béranger-Féraud, „Les Peuplades de la Sénégambie“.

²⁾ De Barros, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882;—Travassos Valdez, „Six Years of a Traveller's Life in Western Africa“.

³⁾ Lopes de Lima, „Ensaios sobre a statistica das Possessões portuguezas da Ultramar“, livro I.

⁴⁾ Hamon, „Archives des hôpitaux du Sénégal“;—Béranger-Féraud.

⁵⁾ Doelter, цитированное сочинение.

но португальские купцы бойко торговали об-разками, крестиками и четками, которые туземцы покупали у нихъ въ качествѣ амулетокъ, давая имъ въ обмѣнъ живой товаръ¹). Въ португальскихъ факторіяхъ не видно никакого слѣда бывшаго рабства, но у всѣхъ окрестныхъ народцевъ еще существуютъ невольники. Языкъ, употребляемый португальцами и груметами, есть родъ сабира, называемый *папель* по имени народца, въ сношеніяхъ съ которымъ онъ употребляется: это жаргонъ португальского происхожденія, который чѣмъ дальше отъ мѣстъ пребыванія португальцевъ, тѣмъ все болѣе удаляется отъ своего родонаучника, и къ которому примѣшиваются слова изъ различныхъ негритянскихъ нарѣчій, смотря по расамъ, господствующимъ въ той или другой мѣстности. Какъ всѣ европейскіе языки, преобразованные въ негритянскіе говоры, португальскій «папель» имѣть очень бѣдный запасъ словъ и самыйrudimentарный синтаксисъ; грамматическихъ родовъ въ немъ совсѣмъ нѣть, а времена глагола обозначаются неизмѣняемыми вспомогательными глаголами²).

Шесть или семь тысячъ жителей, непосредственно подчиненныхъ португальской администраціи, разсѣяны на обширной терроріи, по берегамъ рѣки и на островахъ. Бассейнъ рѣки Кашео заключаетъ въ себѣ только два маленькихъ поста. Одинъ изъ этихъ постовъ, городокъ Фаринъ, или «Вождь», названный такъ потому, что прежде былъ резиденціе туземнаго короля, находится въ двухъ стахъ километрахъ отъ моря, въ землѣ племени баланта; другой, Кашео, стоять на южномъ берегу лимана, который въ этомъ мѣстѣ доступенъ судамъ, имѣющимъ до 3-хъ метровъ водоу碌убленія. Биссао (Биссану), на островѣ того же цмени, командующій на съверѣ входомъ въ рѣку Гебу, былъ нѣкогда, какъ и Фаринъ, резиденціей «императора», который наводилъ страхъ на сосѣдей, благодаря своему военному флоту, состоявшему изъ барокъ, которыя выходили по сигналу барабанного боя, повторяемаго послѣдовательно изъ конца въ конецъ на всемъ архипелагѣ³). Биссао состоитъ изъ крѣпости и расположенныхъ вокругъ нея шести туземныхъ деревень, изъ которыхъ каждая имѣеть своего предводителя или царька, *regulo*, какъ его называютъ португальцы; негощанты Биссао ведутъ торговлю товарами, закупаемыми ихъ агентами въ конторахъ верховья лимана и рѣки, Фа и Геба. Болѣе важное значеніе, чѣмъ два названныхъ городскія поселенія или *concelhos*, Кашео и Биссао, имѣеть Болама, нынѣ столица Гвинеи, рези-

денція губернатора и главный гарнизонный пунктъ. Это небольшой городокъ, построенный на берегу пролива, обсыхающаго во время отлива, на одномъ изъ острововъ, лежащихъ противъ лимана Ріо-Гранде. Хотя на эту землю предъявляли притязанія португальцы, Андре Брю пробовалъ завести тамъ факторію, затѣмъ, въ 1792 году, туда высадились англичане и основали настоящую колонію земледѣльцевъ и ремесленниковъ; она состояла изъ 275 человѣкъ, въ томъ числѣ 57 женщинъ. Стычки съ туземцами бужаго, болѣзни, тоска по родинѣ, голодовки скоро уменьшили численность иностранной общины до того, что оставалось въ живыхъ нѣсколько человѣкъ, которые только благодаря возвращенію въ отчество спаслись отъ вѣрной смерти⁴). Со времени этой несчастной попытки колонизаціи Португалія и Англія постоянно оспаривали другъ у друга право на владѣніе Боламой; наконецъ, въ 1870 году Соединенные Штаты С. Америки, въ качествѣ третейскаго суды, рѣшили споръ въ пользу португальцевъ. Но посредниками въ мѣстной торговлѣ являются по преимуществу французскіе торговые дома; кромѣ земляныхъ фисташекъ или арахідъ (средній экспортъ этого продукта изъ Гвинеи составляетъ около 12.000 тоннъ, на сумму 2.400.000 франковъ), они вывозятъ отсюда кошевую камедь, «лучшую въ свѣтѣ», которая собирается въ землѣ, у подножія деревьевъ, гдѣ она лежитъ шариками, по величинѣ и наружному виду похожими на ямы (инъямъ). Островъ Болама прежде считался военной маркшей между островитянами бужаго и біафарами: необитаемый людьми, онъ сдѣлался паркомъ слоновъ, которые приходили туда сотнями въ сухое время года. Портъ Боламы, къ юго-западу отъ города, хорошо защищенъ отъ вѣтровъ. Остальная террорія этого острова и соседняя земля Галлиньясъ заняты многочисленными плантациями и полями сахарного тростника, зерновыхъ хлѣбовъ и стручковыхъ растеній. Пища жителей состоитъ главнымъ образомъ изъ риса, меда, съѣдобныхъ корней и рыбы.

Города португальской Гвинеи: Болама (Булама) — 4.000 жител. Кашео — 3.000 жител. Биссао (Биссану) (1880 г.) — 540 жител.

На лиманѣ Ріо-Гранде, представляющемъ большой внутренний портъ, доступный самымъ крупнымъ судамъ, главная португальская поселенія — Бизасма и Буба. Неподалеку отъ поселеній изъ этихъ факторій, фулы имѣли крѣпостцу Гвидали, которую португальцы недавно взяли приступомъ, чтобы избавиться отъ стѣснительногососѣдства. Далѣе, уже за чертой терроріи, принадлежащей португальцамъ, на рѣкѣ Комбѣ, ниже слиянія ея съ притокомъ

¹) Hyacinthe, Hesquard, цитированное сочиненіе.

²) Bertrand-Bocendé, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, juillet et août 1849.

³) Labat; — F. Berliouy, цитированное сочиненіе.

⁴) Philip Beaver, цитированное сочиненіе.

Томине, находится торговое местечко Каде, посещаемое мандингскими купцами. Эта провинция состоит под управлением короля Лабе, одного из главных державцев в области Фута-Джаллона, который посыпает фуловъ во всѣ деревни, въ качествѣ своихъ представителей и для сбора податей. Въ сѣдствѣ живетъ народецъ тиапи,—смиренные земледѣльцы, трепещущіе при видѣ всѣкаго воина. Они говорить особымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ языками мандинговъ и фуловъ¹⁾.

VI. Южные реки.

Вся область побережья, простирающаяся, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на протяженіи 300 километровъ по прямой линіи, между португальской Гвинеей и англійскими владѣніями Сіерра-Леоне, известна подъ именемъ «Рѣкъ Юга» (*Rivières du Sud*)²⁾. Происхожденіе этого названія объясняется тѣмъ, что въ глазахъ моряковъ и негоціантовъ устья рѣкъ, куда проникаютъ суда для мѣноваго торга съ туземцами,—единственная стоящія вниманія части территории. Они называются также эту береговую полосу «низовьемъ берега», подразумѣвая подъ его «верховьемъ» все прибрежье Сенегамбіи, лежащее на сѣверъ отъ архипелага Биссагосъ. Эта территорія «Южныхъ рѣкъ» уже съ пятнадцатаго столѣтія посещается купцами разныхъ націй: португальцы, англичане, вѣмцы, основали тамъ факторіи, но французские торговцы имѣютъ значительный перевесъ по объему коммерческихъ операций; кроме того, по новѣйшимъ конвенціямъ, за Франціей признанъ политический суверенитетъ надъ всей береговой полосой и надъ областю прилегающихъ къ ней покатостей.

Впрочемъ, эту территорію нельзя назвать колоніальнымъ владѣніемъ въ собственномъ смыслѣ: это не болѣе, какъ страна торговой эксплоатации, при томъ еще едва утилизируемая, если принять въ соображеніе баснословное плодородіе почвы и выгоды, которыхъ представлялъ бы край въ смыслѣ удобства сообщений съ долинами Фута-Джаллона и областью истоковъ Нигера. Въ настоящее время рѣки Юга даже купцами посещаются только пять мѣсяцевъ въ году. «Мѣновая кампанія», которую представители, черные и бѣлые, сенегальскихъ негоціантовъ производятъ каждый годъ въ

¹⁾ Н. Несчастъ, цитированное сочиненіе.

²⁾ Декретомъ отъ 17 дек. 1891 г. для всѣхъ французскихъ владѣній на западномъ берегу Африки между португальской Гвинеей и англійской колоніей Лагостъ установлено общее название: «Французская Гвинея», которая распадается на «Южные рѣки» владѣнія на берегу Слоновой кости и владѣнія на Бенинскомъ заливѣ. Пространство Франц. Гвинеи: 64.750 кв. километр., население: 1.200 000 душъ.

этихъ факторіяхъ, продолжается съ декабря до апреля; она обнимаетъ покупку масляничныхъ сѣянъ и другихъ произведеній приморской полосы, а также покупку «дорогихъ товаровъ», которые привозятся караванами изъ внутреннихъ мѣстностей — кунжути, каучука, камеди, воска, кожъ, золотаго песку¹⁾). Но эта страна, которую несомнѣнно ожидаетъ блестящая будущность, еще очень мало знакома европейцамъ; за исключениемъ бассейновъ рѣкъ Нуньецъ и Большой и Малой Скарсіи, она еще не была обследована путешественниками: неизвѣстно даже въ точности, какое направление принимаютъ рѣки, истоки которыхъ открыты въ горахъ Фута-Джаллона, и въ какіе лиманы они изливаются. Поэтому можно лишь гадательно опредѣлять размѣры территоріи, причисляемой къ французскимъ владѣніямъ: если принять для берегового пояса до массива Фута-Джаллона среднюю ширину въ 200 километровъ, то вся площадь этой территоріи будетъ около 60.000 квадр. километровъ. Такъ какъ туземное населеніе относительно густо на всемъ побережью, то число жителей на этой покатости можно считать по малой мѣрѣ въ 200.000 душъ; въ 1877 году насчитывали до 30.000 резидентовъ въ мѣновыхъ конторахъ и окружающихъ деревняхъ. Одни только маленькия государства Коба и Кобитай, на лиманѣ Сангареи, имѣютъ свыше 30.000 жителей²⁾.

Весь этотъ берегъ Южныхъ рѣкъ, какъ и португальская Гвинея, разрѣзанъ на полуострова, которые, благодаря многочисленнымъ притокамъ и лагунамъ, въ часы прилива обращаются въ лабиринтъ острововъ и островковъ; но лиманы здѣсь по большей части не далеко вдаются внутрь материка, такъ какъ мѣстность довольно быстро повышается къ горамъ Фута-Джаллона: едва минуешь поясъ корнепушковъ, какъ уже начинается твердая почва, прошедшія отъ разложенія желѣзистаго песчаника. Крайняя сѣверная рѣка этой области довольно многоводна: въ томъ мѣстѣ, где Ламберъ переправлялся черезъ нее, въ 1860 г., она носитъ имя Когонъ; при устьѣ туземцы, которыхъ разспрашивалъ Бельчеръ, называли ее Компони или Кампуни. Впадая въ море широкимъ лиманомъ, она развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ одинъ опоясываетъ на западѣ островъ Тристанъ, первую французскую землю въ этой части поморья. Островъ этотъ носитъ имя португальского мореплавателя Нуно Тристана, который открылъ его въ 1455 году.

Ріо Нуньецъ (Нуно по-португальски) тоже называется по имени этого морехода, который первый изъ европейцевъ проникъ въ тѣ мѣста и нашелъ тамъ смерть, въ стычкѣ съ

¹⁾ Louis Vignon, *Les Colonies fran aises*.

²⁾ Chuden, *Annalen der Hydrographie*, 1885, Heft VI.

чернокожими. Туземцы называют эту речку Какунди¹⁾; она питается многочисленными быстрыми ручьями, через которые устроены висячие мосты из лава и древесных ветвей²⁾. Rio-Нуньець, имеющий весьма важное значение для торговли, по объему воды уступает предыдущей реке (Компони): длина его течения, выше лимана, вероятно, не превышает сотни километров; истоки находятся довольно близко от водопадов, у которых прекращается судоходство, немного выше французской фактории Боке. Большая глубины, в 5 и 6 метров при отливе, начинаются в 60 километрах от моря: от этого места до лимана глубоко сидящая суда плавают безопасно; вход в реку не загражден баром, хотя там в течении настоящего столбия образовался остров, называемый Песчаным и теперь уже заросший лесом. Но приливные течения врываются с большой силой в воронку Rio-Нуньеца, имеющую 7 километров ширину в отверстии: иногда скорость воды достигает 9 километр. в час, и многочисленные остовы потерпевших крушение судов свидетельствуют об опасности, которой подвергаются, при столкновении двух встречных течений, морского и речного, парусные суда, пускающиеся без опыта лоцмана. Приливная волна поднимается в Rio-Нуньеце выше, чем в других реках этого побережья; высота ее достигает 6 и 7 метров. На обоих берегах реки листва корнепусков останавливается по совершенно правильной горизонтальной плоскости, указывающей высоту, до которой поднимается уровень воды во время прилива³⁾. Глубина Rio-Нуньеца, большое протяжение представляемого им водного пути, доступного для пароходов, земельное богатство бассейна и близость горной страны Фута-Джаллонъ указывают на эту реку, как на одну из главных дверей, ведущих во внутреннюю Африку, и Оливье де-Сандерваль предполагал выбрать именно Rio-Нуньець за исходный пункт железнодорожной дороги, на которую онъ получил от альмами всемилостивейшую концессию, но которой, вероятно, суждено осталось в формѣ проекта.

Несколько южнее Rio-Нуньеца течет, параллельно ему, другая река, Катако, с очень труднымъ входом; но первый большой потокъ, впадающий в море, находится в сотне километровъ далѣе, за треугольной стрѣлкой мыса Верга, доминируемой высокими холмами. Это река Понго (Понгосъ, Понгасъ), притоки которой берут начало в юго-западныхъ доли-

нахъ массива Фута-Джаллонъ; область среднего течения ея еще не изслѣдована, и пути притоковъ не могутъ быть точно означены на карте; даже номенклатура ихъ еще не отождествлена. Лиманъ Rio-Понго, менѣе широкий сравнительно съ лиманомъ Rio-Нуньеца, разъется на множество второстепенныхъ рукавовъ: на пространствѣ около тридцати километровъ берегъ, хотя представляющий со стороны моря непрерывную прямую линію, изрѣзанъ внутри обширной сѣтью каналовъ (marigots), образующей настоящій лабиринтъ, где суда, быстро увлекаемы течениемъ въ часы прилива, движутся подъ сводами изъ зелени. Баръ при устьѣ Rio-Понго — самый трудный въ сравненіи съ порогами другихъ рекъ Юга, и если судно угодить сразу въ узкий проходъ, оно рискуетъ быть отнесеннымъ на пески силой течения: приливная волна, достигающая здѣсь высоты 2 метровъ, поднимается вверхъ по лиману на 40 слишкомъ километровъ — разстояніе, впрочемъ, гораздо менѣе того, на которое восходитъ приливъ въ сѣверныхъ рекахъ, въ Гамбіи и Казаманкѣ. Рѣчной потокъ Понго въ периодъ половодья спускается съ большой скоростью, по 14—15 километровъ въ часъ, чтѣ повидимому, указываетъ на значительный дебитъ¹⁾.

Еще многоводнѣе, если судить по верхнему течению, река, которая, въ области Фута-Джаллонъ, носить имя Какрима или Какримана. Эта река беретъ начало въ томъ же массивѣ, откуда вытекаетъ Гамбія, Комба или Rio-Гранде, Фалеме, Бафингъ; всѣ европейцы, переходившие ее въ верховьяхъ, Калье, Ламберъ, Байоль, Нуаро, Оливье, говорятъ о ея прекрасныхъ быстрыхъ водахъ. Въ томъ месте, где послѣдний изъ названныхъ путешественниковъ переходилъ этотъ потокъ, на высотѣ 430 метровъ, объемъ протекающей воды былъ не менѣе 50 кубич. метровъ въ секунду: даже въ сухое время года ее нельзя перейти въ бродъ; но каскады и пороги дѣлаютъ ее несудоходной. Внизъ отъ этихъ водопадовъ, на протяженіи 200 километровъ по прямой линіи, течение Какримана еще не обслѣдовано, и нельзя положительно утверждать, что река Брамея, впадающая въ море на полпути между Rio-Понго и Меллакореей, въ широкий лиманъ Сангара, есть именно названная большая река, выходящая изъ горъ Фута-Джаллонъ. По рассказамъ туземцевъ, Брамея судоходна на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ километровъ для судовъ, имеющихъ до 3 метровъ водоуглубленія, но течение ея въ 60 километрахъ отъ океана прерывается цѣльмъ рядомъ опасныхъ пороговъ²⁾.

Изслѣдовать эту страну было бы тѣмъ важ-

¹⁾ Belcher, „Journal of the R. Geographical Society“, 1832

²⁾ Gray and Dochard;—Olivier de Sanderval, цитированное сочинение.

³⁾ Siegmund Israel, „Deutsche Rundschau fǖr Geographie und Statistik“, Juni 1885.

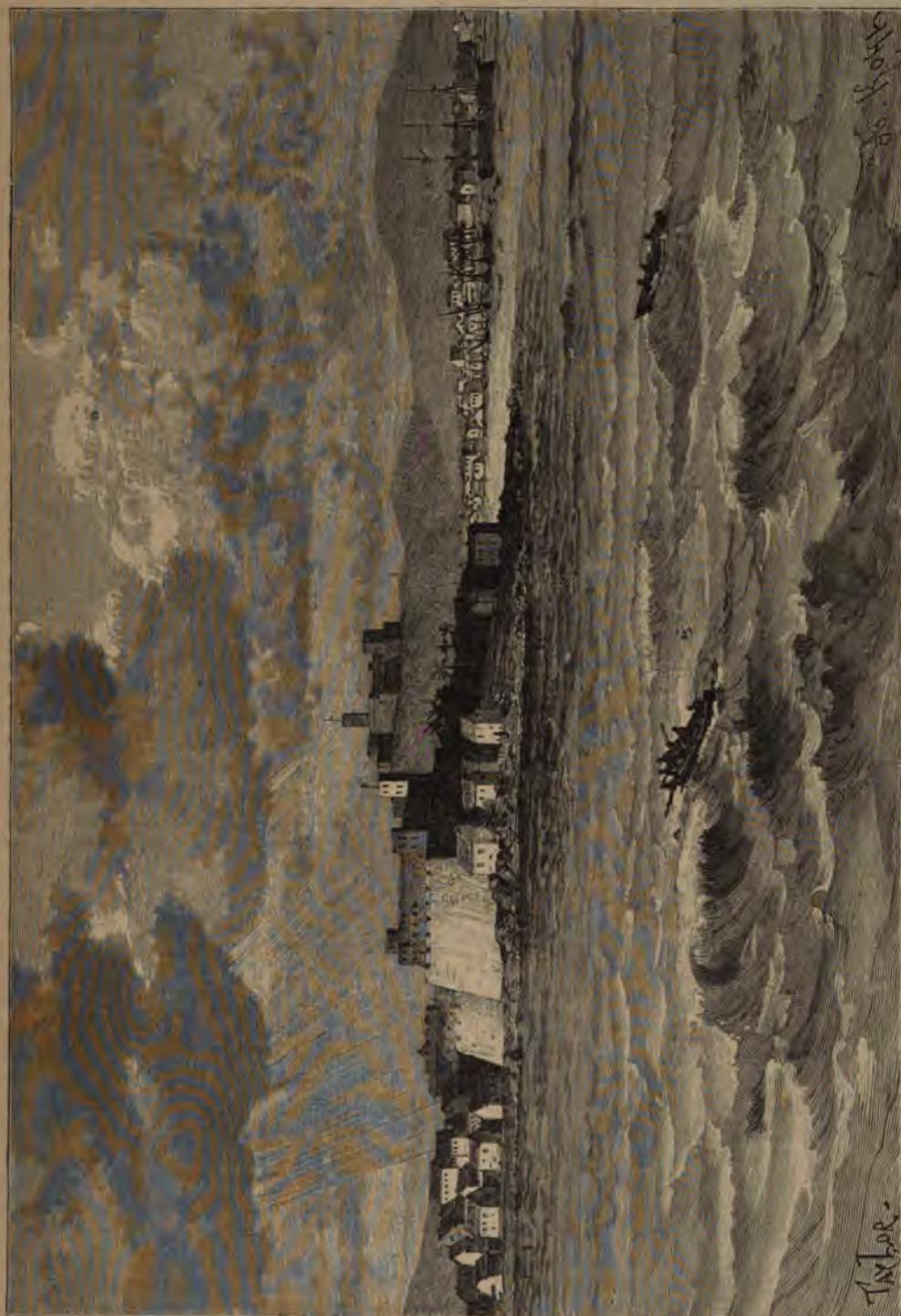
⁴⁾ Coffinéires de Nordeck, „Tour du Monde“, 1886.

⁵⁾ Chüden, цитированная статья.

нѣ, что тамъ горы и плоскогорья, спускающіяся террасами, мѣстности здоровыя, удобныя для поселенія европейцевъ, продолжаются почти до самаго моря. Высокіе хребты и вер-

мому, совершенно уединенная, высится на востокѣ отъ лимана Сангари (Сагари), въ небольшомъ отъ него разстояніи: это Какулима, «святая гора», конусообразный пикъ ко-

Одна изъ Гавани Гамбии.

шины этихъ горъ, называемыхъ Су-Су, по торой поднимается на 910 метровъ надъ саваннами обитающаго на нихъ народца, служать указателями пути кораблямъ, проходящимъ вблизи береговъ. Одна изъ вершинъ, повиди-

ли это вулканическая гора, и дѣйствительно иногда бываетъ виденъ, какъ рассказываютъ

туземцы, легкий столбъ дыма, выходящій изъ конечнаго кратера¹⁾? До сихъ поръ еще ни одному путешественнику не удалось получить разрешеніе войти на священную Какулуму. На юго-западѣ выступъ материка продолжаетъся длиннымъ полуостровомъ Конакри и островомъ Тумбо, которые выдвигаются на западъ, какъ бы для того, чтобы соединиться съ архипелагомъ Лосс. Эти послѣдніе острова, по-португальски первоначально «islas de los Idolos» — откуда и произошло нынѣшнее сокращенное имя Los — обязаны своимъ названіемъ идоламъ, которыхъ тамъ нашли первые мореплаватели. Эти земли несомнѣнно вулканическаго происхожденія. Два главныхъ острова, высотой 200 слишкомъ метровъ, расположены въ формѣ обширнаго разломаннаго кратера, по срединѣ котораго находится островокъ, имѣющій видъ центральнаго конуса. Горныя породы архипелага состоять изъ синихъ и желтоватыхъ лавъ, облегающихъ порфировыя массы²⁾.

Такъ называемая «рѣка» Меллакорея (Малекори), на югѣ отъ полуострова Конакри, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ морской лиманъ, также какъ соѣднія «рѣки», Манеа, Моребіа, Форекаріа; но она важнѣе въ торговомъ отношеніи и даетъ доступъ въ область болѣе изслѣдованную. Что касается двухъ «низовыхъ» южныхъ рѣкъ, Большой и Малой Скарсіи, которая португальцы называли *rios dos Carceres*, то это дѣйствительно рѣки, и при томъ многоводныя, особенно Малая Скарсія, несмотря на ея имя, — значительная рѣка, питаемая могучими притоками, изъ которыхъ одинъ, Фала, беретъ начало на невысокомъ порогѣ, въ сорока километрахъ отъ Нигера. Двѣ Скарсіи, спустившись съ горъ Футаджаллонъ и соѣднѣхъ высотъ, на югѣ отъ массива Тимбо, постепенно сближаются и впадаютъ въ одну и ту же бухту, устьянную островками. Ихъ низовья и соѣднѣе побережье съ 1882 года принадлежатъ Великобританіи: граница между французскими владѣніями и Сиerra-Леоне идетъ по линіи водораздѣла между Меллакореей и лиманомъ Большой Скарсіи. Соѣднѣй островокъ Матаконгъ принадлежитъ Франціи, тогда какъ архипелагъ Лоссъ составляетъ англійскую территорію.

Климатъ, флора, фауна почти одинаковы въ области рѣкъ Юга и въ сѣверной Сенегамбіи; тѣмъ не менѣе, болѣе южная широта, большая близость горъ, перемѣна ориентировки въ расположении побережья должны отражаться соответствующими измѣненіями въ климатическихъ явленіяхъ и живыхъ организмахъ. Впродолженіи дождливаго времени года, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ большихъ жаровъ, затишья чередуются съ грозами; ливни и

смерчи довольно часты: вообще разновидности атмосферы здѣсь всегда неустойчивы. Въ сезонѣ относительно холодный пассатные вѣты, въ собственномъ смыслѣ, отличаются меньшей силой и правильностью, нежели въ болѣе сѣверныхъ областяхъ моря: они чаще склоняются отъ своего нормального направленія и превращаются въ муссоны. Иногда они дуютъ здѣсь съ сѣвера на югъ, или движутся вдоль береговъ, или даже заворачиваютъ внутрь континента. Однако, около середины сезона, въ январѣ мѣсяцѣ, пассатъ, одержавъ перевѣсъ въ столкновеніи воздушныхъ токовъ, дуетъ правильно съ сѣверо-востока: это гарматтанъ, сахарскій вѣтеръ, приносящій изъ пустыни мельчайшія частицы песку; вокругъ этихъ облаковъ пыли скопляются водяные пары, и по утрамъ здѣсь господствуютъ густые туманы, въ родѣ великобританскихъ, только гораздо болѣе опасные, по причинѣ органическихъ веществъ, которыми они насыщены: это самая нездоровая пора для европейцевъ. Кроме общихъ колебаній воздушного океана, береговой поясъ представляетъ еще правильную смѣну бризъ; утромъ, атмосферный токъ спускается вмѣстѣ съ рѣками къ морю; подъ вечеръ, онъ движется обратно къ материку.

Въ лѣсахъ по рѣкѣ Нуицѣ встрѣчаются во множествѣ растенія, дающія каучукъ. Одни изъ этихъ растеній — высокостволовыя деревья, принадлежащія къ роду смоковницы, изъ которыхъ туземцы добываютъ сокъ посредствомъ надрѣзовъ; другія, разные виды *landolpha*, — чужеядныя ліаны, обвивающіяся вокругъ деревьевъ, какъ плющъ; для получения изъ нихъ сока, обыкновенно перерѣзываютъ стебель; истеченіе обильно, но разрѣзанная ліана погибаетъ¹⁾. Въ числѣ растеній, принадлежащихъ къ самородной флорѣ Южныхъ рѣкъ, находится также кофейное дерево. Кофе изъ области Ріо-Нунѣса, хорошо известный въ торговлѣ, отличается отъ мокко болѣе мелкимъ зерномъ, но почти не уступаетъ ему ароматомъ и вкусомъ; его собираютъ преимущественно въ бассейнѣ рѣки Понго; впрочемъ, культура этого драгоценнаго дерева ведется довольно небрежно. Изъ другихъ деревьевъ наиболѣе цѣнныя продукты даютъ масличная пальма *elaeis guineensis*, которая растетъ также сѣвериѣ, въ собственной Сенегамбіи, хотя не образуетъ тамъ сплошныхъ лѣсовъ: промышленный поясъ этого растенія начинается въ области рѣкъ Юга; впрочемъ, негры не умеютъ извлекать масло изъ плода: они ограничиваются собираемъ пальмовыхъ миндалей. Это дерево, съ листьями, разрѣзанными по краямъ въ видѣ баҳромы, — одна изъ самыхъ красивыхъ пальмъ; стволъ, на которомъ не тронуты

¹⁾ Vigné, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 8 jan. 1886.

²⁾ Belcher, питиров. статья.

¹⁾ Hubler, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“.

старые стебли, походить на арматуру, но, чтобы легче было лазить до вътокъ съ плодами, негры тщательно обчишаютъ большинство масличныхъ пальмъ. Дерево кола (*sterculia acuminata*) почти не встрѣчается на берегахъ Нуньеза и Понго; центръ его производства для морской торговли находится южнѣе, въ области Меллакореи. Это дерево растетъ на сухихъ и желѣзистыхъ почвахъ, но обильно орошаемыхъ дождями; стволъ его достигаетъ высоты отъ 15 до 20 метровъ (до 9 слишкомъ сажень), и на концахъ вѣтвей висятъ плоды, расположенные въ формѣ вѣнчиковъ букетами по пяти или шести штукъ. Плоды эти состоять изъ морщинистыхъ оболочекъ, заключающихъ внутри миндалины, мякоть которыхъ походитъ на мякоть каштана. Орѣхъ кола очень горекъ, но когда пожуешь его, всякая вода, какъ бы дурна она ни была, кажется пріятной на вкусъ; при помощи этого орѣха можно заглушать голодъ и жажду впродолженіи многихъ часовъ, а также гарантировать себя отъ лихорадокъ; кромѣ того, сокъ кола, смѣшанный со слюной, если имъ натереть тѣло, предохраняетъ отъ москитовъ—польза неопѣнимая на берегу болотистыхъ лагунъ. У чернокожихъ этотъ плодъ, болѣе богатый тeinомъ, чѣмъ самъ чай, считается почти универсальнымъ предупредительнымъ средствомъ, и безъ всякаго сомнѣнія, въ ихъ разсказахъ обѣ его цѣлебныхъ свойствахъ есть доля истины, которую намъ, вѣроятно, и откроетъ медицинская практика. Кола почитается священнымъ деревомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже запрещено близко подходить къ нему: дотронуться до него значило бы подвергать опасности свою жизнь. Есть двѣ разновидности этого дерева—одна съ красными, другая съ бѣлыми орѣхами. Бѣлые орѣхи, посланные вождемъ племени, служатъ символомъ дружбы, красные, напротивъ, возвѣщаютъ, что будетъ пролита кровь¹⁾.

Въ области рѣкъ Юга, какъ во всѣхъ другихъ странахъ западной Африки, наиболѣе цивилизованными населеніями являются тѣ, которые живутъ внутри материка; этнографическое давленіе происходило по направленію съ востока на западъ, и народы поморья, тѣснимы своими сосѣдами, должны были разсѣяться, утратить свою этническую связь, искать убѣжища отдалѣнными общинами на островахъ, защищаемыхъ тинистыми боковыми потоками.

Междуди племенами, вытѣсненными въ сѣверные области, главное мѣсто занимаютъ племена націи бага, отъ которыхъ вся страна получила наименование Багатай. Въ прошломъ столѣтии, Адансонъ называлъ ихъ «ваграми». Вѣроятно, по имени Верга, наидѣлъ выдвину-

таго мыса на томъ берегу; къ югу отъ этого мыса живутъ племена сапе или сумба, принадлежащія къ той же расѣ, какъ и багасы. Эти послѣдніе гораздо менѣе черны, чѣмъ большинство другихъ обитателей прибрежья: цвѣтъ кожи у нихъ желтовато-коричневый, и лицо ихъ не имѣетъ того приплюснутаго носа, тѣхъ вздутыхъ губъ, которымъ считаются отличительнымъ признакомъ чисто негритянского типа. Въ наружности этихъ туземцевъ есть одна черта, сразу бросающаяся въ глаза—это почти геометрическая горизонтальность плоскости, соединяющей шею съ подбородкомъ: словно ударъ сабли выровнялъ всю нижнюю сторону челюсти. Фетиши багасовъ воспроизводятъ, даже съ преувеличеніемъ, эту физиономическую черту. У большинства багасскихъ народцевъ мужчины имѣютъ привычку прикрывать свою наготу: они носятъ «бубу», тогда какъ у женщинъ весь костюмъ состоитъ изъ шнурка, на который нанизаны бусы, или навѣшаны тряпки, кольца, разныя украшенія изъ дерева или металла. Самый богатый носятъ кольцо въ перегородкѣ носовой полости; у всѣхъ въ мочки уха проткнуты отверстія, куда всовываются рисовые соломенки; всѣ заостряютъ зубы верхней челюсти; нѣкоторыя татуируютъ себѣ спину фигурами въ родѣ ромба, которая составляютъ продолженіе рисунковъ, изображаемыхъ прической.

Мѣстоположеніе для деревень у багасовъ выбрано вообще очень удачно. Они обыкновенно группируютъ свои хижини на возвышенномъ мѣстѣ, къ которому, однако, удобно подходить по водному пути боковыхъ потоковъ, и стараются селиться невдалекѣ отъ большихъ деревьевъ, верхушки которыхъ отвлекаютъ громовые удары отъ ихъ жилищъ. Всѣ хаты, круглые или квадратныя, получаютъ свѣтъ черезъ пустое пространство, оставляемое между глиняной стѣнкой и соломенной кровлей, поддерживаемой рядомъ столбовъ. Женщины, на которыхъ всецѣло лежитъ трудъ сооруженія этихъ зданій, начинаютъ обыкновенно съ горшечного производства. Изъ глинистаго или лагунъ, смѣшаннаго съ соломой, онѣ мастерятъ пузатые кувшины: это зернохранилища, кудасыпаются запасъ риса, достаточный для годового пропитанія семьи; затѣмъ выжидаютъ, чтобы солнце хорошошенько просушило кувшины, прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ стѣнъ, внутри которыхъ они будутъ заключены¹⁾). Мужчины занимаются главнымъ образомъ обработкой полей; они трудолюбивы, какъ и многіе другіе негры, сливущіе «неисправимыми лѣнтиями», и нравы у нихъ самые мирные. Почти во всемъ Багатай туземцы ходятъ безъ оружія, и край ихъ считается мѣстомъ неприкосновеннаго убѣжища: драться тамъ

¹⁾ Lopes de Lima;—Mollien;—Raffenel — Bayol, цитированъ сочиненія.

¹⁾ Coffinières de Nordeck, цитировъ статья.

значило бы совершить тяжкое преступление. До недавнего времени каждая багасская деревня составляла отдельное маленькое государство; французское правительство присоединило все эти государства, по крайней мере, въ бассейнѣ Rio-Нуньецъ, къ владѣнію короля налусовъ, подъ верховной властью коменданта факториа Боке.

Ландуманы, также включенные Франціей въ составъ царства короля налусовъ, живутъ по обоимъ берегамъ Нуньецъ, выше лимана. Тѣсные, какъ и другіе народы, завоевателями феллатами, они оказывали имъ энергичное сопротивленіе; но если бы не вмѣшились французы, въ качествѣ сюзереновъ страны, то и эти туземцы, вѣроятно, были бы принуждены удастися ниже, въ область болотъ; впрочемъ, они вели борьбу и съ другими своими сосѣдями. По словамъ медика Корре, ландуманы—единоплеменники багасовъ, на которыхъ они походятъ типомъ, нравами и языккомъ. Фулы-магометане проникли къ этимъ чернокожимъ, но послѣдніе остались идолопоклонниками, хотя относятся съ большими почтеніемъ къ марабутамъ, которыхъ они считаютъ чародѣями, болѣе могущественными, чѣмъ ихъ собственные. Напротивъ, налусы, народъ до некоторой степени цивилизованный, принадлежитъ уже къ обширной семье ислама. Въ землѣ ландумановъ и налусовъ, но вдали отъ рѣки, въ мѣстностяхъ, окруженныхыхъ болотами и лѣсами, живутъ другія населенія, разсѣянныя маленькими группами, какъ стада запуганныхъ животныхъ. Это потомки невольниковъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, феллатовъ или ландумановъ: по Коффиньеру, они называются «манди форе», а по Корру, «мокинь-форе» или «моке-форе», что значитъ «зарубежные люди».

Господствующій языкъ во всей области Южныхъ рѣкъ, употребляемый также и въ факторіяхъ при торговыхъ сношеніяхъ съ туземнымъ людомъ, есть нарѣчіе, которымъ говорятъ племена су-су (сусу). Эта нація занимаетъ, на обоихъ склонахъ горъ того же имени, весь поясъ, заключающійся между Большой и Малой Скарсей и Rio-Понго; она выдвинулась, въ сѣверномъ направлениѣ, даже за эту послѣднюю рѣку, и многія изъ ея племенъ смѣшились съ ландуманами и налусами: на востокѣ она соприкасается съ феллатами, на западѣ съ багасами, и во многихъ мѣстахъ распространена до самаго океана. Су-су родственны мавдингамъ и называютъ себя соплеменниками многихъ другихъ народовъ западной Африки, какъ, напримѣръ, народа сангара или санкаранъ, на верхнемъ Нигерѣ. Вследствіе многочисленныхъ переселеній, совершенныхъ ими въ разное время, народы ихъ разсыпались по обширной территории. Такъ, въ тринацатомъ столѣтіи эти су-су спустились съ

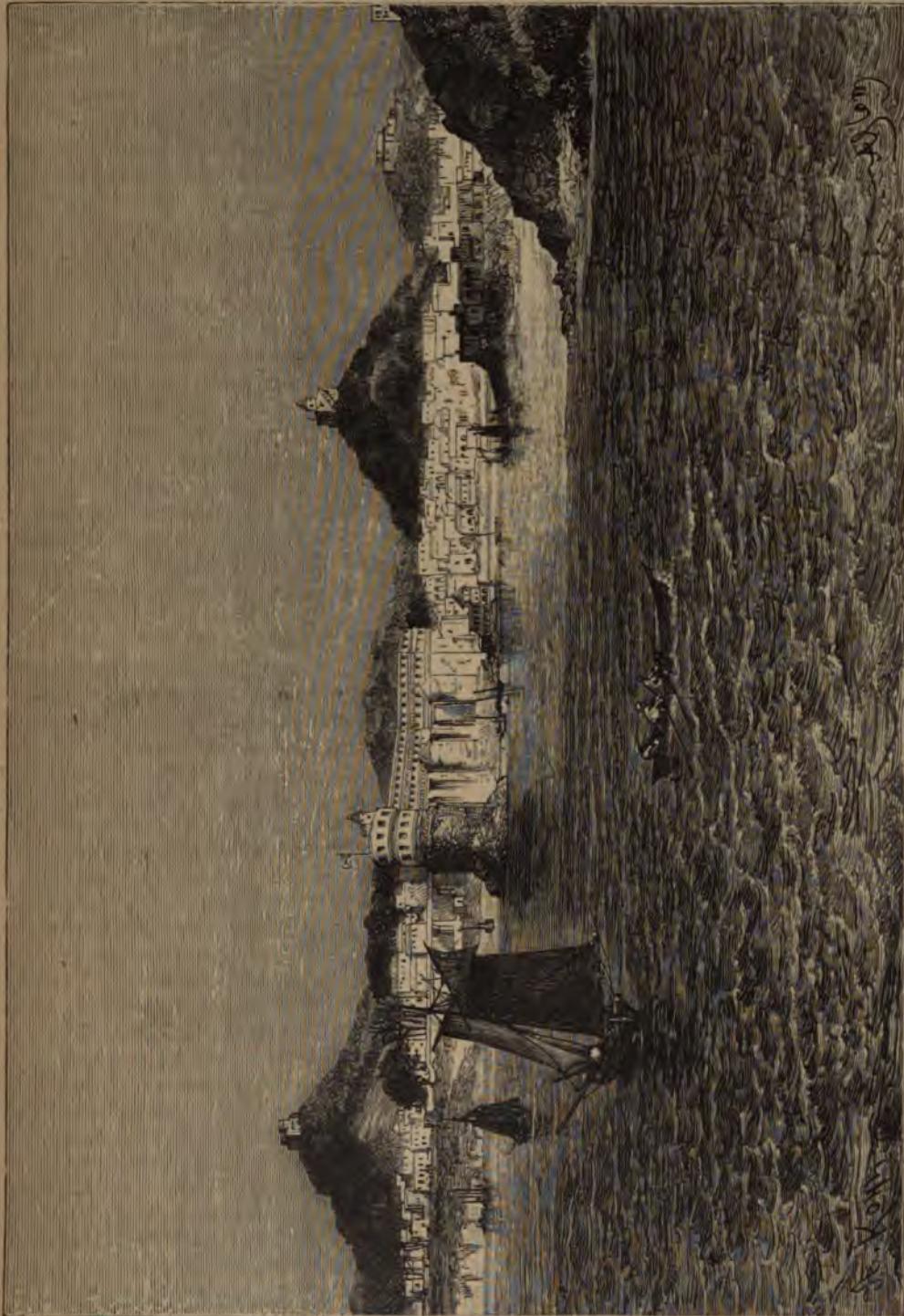
верхней Джолибы и овладѣли Томбукту; въ-которомъ позже они были прогнаны оттуда и оттеснены къ западу. Тогда они завоевали территоріи, лежащія между верхнимъ Нигеромъ и Атлантическимъ океаномъ; затѣмъ следовали переселенія запоздалыхъ, но племена не могутъ выбирать себѣ вождей между ранѣе всѣхъ прибывшими: власть принадлежитъ потомкамъ завоевателей. Вследствіе борьбы съ сосѣдями, границы ихъ владѣній часто перемѣщались: они должны были покинуть берега рѣки Нуньецъ и, уступая напору фуловъ, завоевателей, следившихъ за ними въ движении съ востока на западъ, потеряли многие округа въ области горъ. Когда французы приобрѣли политическую власть въ бассейнахъ Rio-Понго и Меллакореи, большинство царьковъ націи су-су были данниками альмами, повелителя Фута-Джаллона. Теперь маленькие государства этой націи почти независимы, такъ какъ ихъ вассальныя отношенія къ Франціи ограничиваются признаніемъ нормального протектората.

Широкоплечие, мускулистые, ловкие, но менѣе рослые сравнительно съ серерами и уолофами, туземцы племени су-су представляютъ ясно выраженный негритянскій типъ—широкое лицо, вздутыя губы, выдающіяся челюсти, но физиономія у нихъ пріятная, а женщины ихъ не лишены граціи. Онѣ очень любятъ прививаться и много занимаются туалетомъ: шевелюру раздѣляютъ на космы, заплетая ихъ съ затылка на лобъ, въ ушахъ носятъ золотыя кольца, на шеѣ коралловый ожерелья, зубы красятъ въ красный цветъ, для чего жуютъ листья одного туземнаго дерева, красятъ также ногти и ладони. Въ торжественныхъ случаяхъ онѣ прибавляютъ къ своему обычному костюму—переднику, обшитому бусами,—рубаху съ широкими рукавами, шарфъ и платокъ яркихъ цветовъ; онѣ хорошо пляшутъ, соблюдая въ движеніяхъ скромность, рѣдкую у африканокъ. Нѣкоторыя национальныя пляски, гдѣ мужчины и женщины выступаютъ визави, затѣмъ мѣняются мѣстами, составляютъ группы и слова разбиваются на пары, напоминаютъ хорографическія фигуры европейскихъ балетовъ.

Женщины су-су исполняютъ, вмѣстѣ съ невольниками, всѣ тяжелыя полевые работы. Впрочемъ, въ этомъ племени съ женщинами вообще обращаются гораздо лучше, чѣмъ съ ихъ сестрами у другихъ народцевъ, и въ послѣднемъ періодѣ беременности онѣ всегда освобождаются отъ трудной работы. Всѣ онѣ прекрасныя хозяйки и заботливо воспитываютъ своихъ дѣтей. Въ случаѣ супружескихъ споровъ въ дѣло вмѣшиваются сосѣди: совѣтъ стариковъ приказываетъ вырыть по серединѣ деревни яму глубиной по колено; мужъ становится въ яму, и два противника, вооруженные плутомъ,

стараются доказать свою правоту на спинѣ друга; благодаря выгодѣ позиціи и свободѣ движений, всѣго чаще одерживаетъ верхъ супруга. Пожилыя женщины пользуются большими почтами со стороны всѣхъ членовъ

Су-Су старыхъ дѣвь не рѣдкость—явленіе, совершенно исключительное въ африканскомъ обществѣ: это дѣвушки, отказавшія жениху, котораго имъ предлагали; свобода ихъ въ этомъ отношеніи никогда не стѣсняется. Прохожие

Капъ-Костъ.

общинѣ, и обыкновенно съ ними совѣтуются въ государственныхъ дѣлахъ; даже хоронятъ ихъ на отдаленномъ кладбищѣ¹⁾). Въ странѣ

купцы должны быть крайне осторожны въ обращеніи съ женскимъ поломъ, подъ страхомъ крупной пены или даже потери личной свободы. Тѣ изъ нихъ, которые остаются на некоторое время въ краѣ, спѣшатъ жениться,

¹⁾ Paul Vigné, "Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux", 7 juin 1886.

чтобы избегнуть ревнивыхъ подозрѣній туземцевъ¹).

Европейцевъ, посѣщающихъ страну негровъ су-су, поражаетъ ихъ необыкновенная вѣжливость въ отношеніи другъ друга. При видѣ старика, несущаго что-нибудь тяжелое, молодой человѣкъ спѣшить освободить его отъ ноши на часть дороги. Даже два незнакомца при встрѣчѣ не преминутъ спросить другъ друга о здоровье и обмѣняться пожеланіями и любезностями: видно, что это народъ, проникнутый сознаніемъ своей цивилизации и уважающій себя. Языкъ его—мягкій, немного монотонный и прѣучій, но очень гибкій и легко понимаемый: отсюда его большая польза, какъ торгового языка для всѣхъ туземцевъ страны. Онъ имѣть уже нѣкоторую литературу, словари, сборники грамматическихъ правилъ, переводы Евангелия и другихъ христіанскихъ книгъ: это мандингское нарѣчіе, въ которомъ не существуетъ рода именъ, и гдѣ слова образуются при помощи приставокъ.

Смотря по географическому положенію даннаго округа и по сопротивленію, которое его жители могутъ оказывать вліянію феллатовъ, различные народы націи су-су не въ одинаковой степени пріобщились къ мусульманскому миру. Иные изъ нихъ остались совершенными идолопоклонниками и даже не носятъ бумажекъ съ изреченіями изъ Корана въ видѣ амулетокъ; другіе и名义ально причисляютъ себя къ магометанамъ и спрятываютъ праздники рамазана; нѣкоторые, наконецъ, одушевлены уже такимъ же религіознымъ рвениемъ, какъ и соѣди фулы. Въ сосѣдствѣ европейскихъ факторій есть также племена, которыхъ носятъ крестики и наплечники и не работаютъ въ воскресенье²). Рабство существуетъ еще во всей странѣ Су-Су, и даже предпринимаются военные экспедиціи во внутренніе округи для ловли невольниковъ, которыхъ перепродаются по двѣстѣ франковъ за штуку (средня цѣна). Но, хотя рабовладѣльцы, су-су не презираютъ трудъ и ходятъ тысячами заниматься къ европейскимъ купцамъ, для переноски и нагрузки товаровъ. Большинство ремесль, кузничное, плотничное, ювелирное, предоставлены невольникамъ; впрочемъ, и между свободными су-су встречаются очень искусные мастера по части издѣлій изъ дерева и кожи; есть искусствники, умѣющіе починять европейское оружіе и строить лодки, съ килемъ, палубой и бордажемъ, поднимающейся до восьми или десяти тоннъ груза. Въ материальномъ отношеніи су-су быстро цивилизуются. На морскомъ берегу большинство ихъ носятъ уже европейскій костюмъ, блузу и штаны, ботинки и фуражку или мягкую шляпу; строятъ себѣ настоящіе дома, раздѣленные внутри на

¹⁾ Africanus Horton, „West African Countries of Peoples“.

²⁾ Siegmund Israel, цитиров. статья.

нѣсколько комнатъ, съ галлерей для вентиляціи, меблируютъ свои жилища сундуками и кроватями иностранной фабрикаціи. Со стороны моря они подвергаются вліянію бѣлыхъ, также какъ на покатости горъ они поддались вліянію фуловъ. Ихъ можно заранѣе причислить къ народамъ, которые войдутъ въ потокъ цивилизованныхъ націй¹).

Европейцевъ на берегахъ южныхъ рѣкъ мало, и большинство ихъ пребываетъ тамъ очень короткое время, такъ какъ опасности климата заставляютъ иностранцевъ спѣшить окончаніемъ дѣлъ. Вліяніе бѣлыхъ на туземное населеніе проявляется большею частію косвенно, главнымъ образомъ чрезъ посредство цвѣтныхъ сенегальцевъ и уолофскихъ купцовъ, хаты которыхъ можно вездѣ узнать по длинному бамбуковому шесту съ развѣвающимся на верхушкѣ коленкоровымъ флагомъ: во всѣхъ приморскихъ поселеніяхъ и даже во внутреннихъ городахъ европейскіе торговые дома представлены этими фурьерами цивилизациі. Но быстрое возрастаніе торговли въ этихъ областяхъ Южной Сенегамбіи несомнѣнно будетъ имѣть слѣдствіемъ увеличеніе съ каждымъ годомъ числа европейскихъ посѣтителей, особенно когда будутъ основаны станціи въ какой-нибудь здравой мѣстности, на горѣ или на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ.

Самая дальняя европейская факторія вверхъ по течению Нуиньца, въ 80 километрахъ отъ устья, находится въ живописной деревнѣ Боке, круглые домики которой, весело выглядывающіе изъ зелени, группируются по скатамъ холма, на лѣвомъ берегу рѣки; живая изгородь изъ колючихъ кактусовъ окружаетъ дома и сады. Въ центрѣ французского поста, на площади, обсаженной лимонными и апельсинными деревьями, стоитъ памятникъ, воздвигнутый въ честь Рене-Калье, который отправился отсюда, въ 1827 году, въ путешествіе къ Томбуку. Въ то время деревня эта называлась Каканди. Вслѣдствіе другой экспедиціи, которая была совершена Байолемъ и Нуаро, и тоже имѣла исходнымъ пунктомъ Бокѣ, торговля этого поста значительно возросла: негры изъ окрестныхъ мѣстностей, известные вообще подъ именемъ табураевъ, приносятъ на рынокъ земляные фисташки (арахиды), каучукъ, пальмовые орѣхи. Въ 1883 году торговые обороты въ Бокѣ простирались до 1.693.000 франковъ, изъ которыхъ 1.014.000 франковъ приходилось на долю арахидъ и 440.250 франковъ на долю каучука. Къ востоку, по дорогѣ въ Фута-Джаллонъ, слѣдуютъ одно за другимъ многолюдныя мѣстечки Бамбайя и Консокаки, оба въ очаровательной мѣстности, гдѣ чистыя

¹⁾ Binger-Ferand,—Corre,—Vigne;—Israel.

воды текутъ среди рощъ, садовъ, плантаций—кофейныхъ, банановыхъ, апельсиновыхъ, табачныхъ, вдоль живыхъ изгородей изъ придорожного молочайника. Населеніе этой здорової страны, гдѣ могли бы основываться европейскія колоніи съ шансами на успѣхъ, стоитъ изъ гостепріимныхъ фудовъ¹). Караваны, проходящіе черезъ сосѣдніе лѣса, гдѣ растетъ дикое кофейное дерево, собираютъ его плоды, иногда варварскимъ способомъ, срубая большія деревья²).

Вакарія, резиденція короля Ландумана, находится въ небольшомъ разстояніи внизъ отъ Боке, на томъ же берегу, близъ священнаго лѣса, служащаго убѣжищемъ «симонамъ», или чародѣямъ, которые умѣютъ обернуться львомъ, чтобы растерзать своихъ враговъ: это «момбоджомбо» Южныхъ рѣкъ. Еще не такъ давно на берегу рѣки, близъ Вакаріи, стоялъ «столбъ смерти», къ которому привязывали несчастныхъ осужденныхъ, отрѣзавъ имъ предварительно руки и ноги; палачи оставляли свою жертву на этомъ столбѣ до тѣхъ поръ, пока медленно подступающая волна прилива не заливала ее, если только крокодилъ или акула ранѣе того не прекращали ея страданій³). Другая столица, Касасокобули, гдѣ «король королей», вождь народа наду, держитъ свой дворъ, находится километрахъ въ двадцати ниже по рѣкѣ, почти напротивъ французского поста Бель-Эръ. Факторія англійскаго основанія, Викторія, стоитъ на правомъ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ извилистая рѣка Нуньецъ превращается въ широкій морской лиманъ.

На Ріо-Понго существуетъ много факторій главная изъ нихъ—Бофера, лежащая въ центрѣ лабиринта изобилующихъ рыбой лагунъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ таможенный постъ и станція католическихъ миссіонеровъ. Ни одна изъ конторъ этой и другихъ «низовыхъ» рѣкъ не получила настолько важнаго значенія, чтобы заслуживать имя города, кромѣ развѣ Бенти, на лѣвомъ берегу Меллакореи. Этотъ постъ, расположенный въ относительно здоровой мѣстности, служить резиденціей главнаго начальника области Южныхъ рѣкъ и занять французскимъ гарнизономъ; но въ торговлѣ здесь употребляется англійскій языкъ, распространяемый купцами Сіерре-Леоне. Торговое движеніе въ этой территоріи, по вывозу мѣстныхъ произведеній, въ 1883 году выразилось слѣдующими цифрами:

Ріо-Нуньецъ — 1.500.000 франковъ; Ріо-Понго—3.300.000; Мелла - Корея—1.000.000 франковъ.

Общая цѣнность обмѣна въ области Южныхъ рѣкъ составляла около 10.000.000 франковъ. На мысѣ Томбо, противъ архипелага Лось, основывается деревня Конакри, которая, повидимому, должна быстро заселиться, какъ пароходная пристань; вмѣстѣ съ тѣмъ, это соединительный пунктъ вѣтви морскаго телеграфа изъ Европы на Золотой берегъ и въ Габонъ. Острова Лось, которые сданы туземными начальниками въ аренду англійскимъ купцамъ, въ эти послѣдніе годы въ значительной степени утратили свое торговое значеніе.

Гла́ва III.

Сіерра — Леоне.

Откуда произошло это смѣшанное имя, на половину испанское, на-половину итальянское? Одинъ изъ хребтовъ цѣпи, господствующей надъ городомъ Фритаунъ, своими очертаніями нѣсколько напоминаетъ, какъ многія другія горы во всѣхъ странахъ мира, фигуру лежащаго льва. Не за это ли отдаленное сходство африканская гора, а вмѣстѣ съ ней и вся сосѣдняя часть поморья, Буломбель или Ромаронгъ на языке туземцевъ, получила отъ португальцевъ название Сіерра - Леонъ? Или, можетъ-быть,

Педро-де-Синтра, когда высадился на этотъ берегъ, въ 1467 году, примѣтилъ въ лѣсу льва или, вѣрѣ, леонарда, принятаго имъ за «царя звѣрей», и хотѣлъ сохранить въ имени края память объ этой встрѣчѣ? Возможно также, какъ полагаетъ Кадамосто, что это наименование обязано происхожденiemъ громовыми ударамъ, раздающимися въ горахъ прибрежья, когда вѣтеръ нагонитъ грозовые тучи. Ревъ грома бываетъ слышенъ, говорить этотъ путешественникъ, «за сорокъ или пятьдесятъ миль въ морѣ», на широтѣ берега «Serre - Lyonne».

Сдѣлавшись политическимъ терминомъ, имя Сіерра-Леоне примѣняется теперь ко всей

¹⁾ Bayol; Moirot, цитированная сочиненія.

²⁾ Bois, „Sénégal et Soudan“; — Bayol, цитированная статья.

³⁾ Olivier de Sanderval, цитирован. сочиненіе.

совокупности англійскихъ владѣній, заключающихся между французской территоріей Южныхъ рѣкъ и негрятинской колоніей Либеріей: это приблизительно та область, которую португальские мореплаватели обозначали названіемъ Митомбо¹⁾). Береговое протяженіе этого колоніального владѣнія около 350 километровъ по прямой линіи, но оно почти удвоивается безчисленными изѣченіями берега. Внутрь материка юрисдикція англичанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирается на 200 километровъ отъ берега, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ она не переходитъ за черту береговой полосы: такъ, близъ границы Либеріи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ побережьемъ Кримъ, живутъ совершенно независимыя населенія. На востокѣ территоія, предоставленная для колоніального расширенія Англіи, ограничена виртуально концессіей, которая даетъ Франціи привилегію будущихъ присоединеній въ области верхняго Нигера. Разсматривая уже какъ британское владѣніе весь бассейнъ Рокелли и бассейны другихъ рѣкъ, впадающихъ въ океанъ, до границы Либеріи, находимъ для этого пространства площадь въ 71.900 квадр. километровъ. Что касается англійской территоіи въ собственномъ смыслѣ, то она обнимаетъ только 2.900 квадр. километровъ; населеніе береговой полосы (1894 г.)—126.835 душъ. Если бы области покатости, лежащія внутри страны, были также густо населены, то число постоянныхъ жителей нужно бы считать по крайней мѣрѣ въ полутора миллиона. По Косту, одѣ только націи тимни и булломъ на островѣ Шербро заключаютъ въ себѣ 230.000 душъ. Число жителей всей покатости никакъ не менѣе полумилліона.

Побережье Сиерра-Леоне дѣлится на двѣ половины различной конфигураціи. Южная часть страны представляеть правильный берегъ съ незначительными выступами: вообще мало найдется береговыхъ контуровъ, отличающихся такой, можно сказать, геометрической точностью. Берегъ острова Шербро составляеть продолженіе берега твердой земли до остроконечного мыса Сентъ-Аннъ: на протяженіи 175 километровъ очертаніе береговъ почти никогда не уклоняется отъ прямой линіи. Правда, это правильное побережье было на-половину отдалено отъ материка морскимъ проливомъ и длинной дагуной; но тѣмъ не менѣе эта отрывистая коса ясно указываетъ первоначальный берегъ, соединяющійся подъ водой съ мысомъ Рокко, между рѣками Кашео и Казаманкой, цѣпью рифовъ и острововъ, главнымъ отрывкомъ которыхъ является архипелагъ Биссагостъ. Къ сѣверо-западу отъ острова Шербро мели продолжаются на большое разстояніе: оттого

берега Сиерра-Леоне не менѣе опасны, чѣмъ берега португальской Гвинеи, особенно въ періодъ дождей, когда тучи закрываютъ горизонтъ, и велико число судовъ, погибшихъ въ этихъ водахъ. Въ иныхъ мѣстахъ, идя вдоль Сиерра-Леонскаго побережья, кормчие должны держаться въ сотнѣ километровъ отъ континентальнаго берега.

Къ сѣверу отъ мыса Шербро морской берегъ, изрѣзанный размывающимъ дѣйствиемъ водъ, то вдается въ видѣ бухтъ и заливовъ, то выступаетъ въ видѣ мысовъ и полуострововъ. Изъ полуострововъ самый важный тотъ, который носить специально имя Сиерра-Леоне, и на сѣверной оконечности котораго находится столица англійскихъ владѣній. Говорить, во время большихъ приливовъ и обильныхъ дождей этотъ полуостровъ превращается въ островъ; двѣ лагуны, на половину отдѣляющія его отъ твердой земли, соединяются тогда въ непрерывный каналъ; даже въ сухое время года только волокъ въ нѣсколько километровъ ширины мѣшаетъ объѣхать на судахъ вокругъ Сиерра-Леонскихъ горъ. Все пространство полуострова, около 740 квадр. километровъ, занято цѣпью высотъ, съ закругленными вершинами, надъ которыми господствуетъ конусообразная гора Шуггаръ-Лофъ («Голова сахару»), поднимающаяся на 700 метровъ надъ уровнемъ моря и почти всегда окутанная облаками. На сѣверо-западѣ этотъ полуостровной массивъ оканчивается мысомъ Сиерра-Леоне, на югѣ мысомъ Шиллингъ или Фольсъ-Кенъ, который продолжается островомъ Банановъ и нѣсколькими островками. Многіе полагаютъ, что горы Сиерра-Леоне вулканическаго происхожденія, и приписываютъ остатку давленія запертыхъ газовъ землетрясенія, который не разъ были наблюдаемы въ этой мѣстности, между прочимъ, въ 1858 и 1862 годахъ; но камни, встрѣчающіеся въ окрестностяхъ города, не оправдываютъ этой гипотезы: это глыбы и плиты песчаника, какія мы видимъ и на сосѣднемъ материцѣ. По словамъ Мэтьюза, на Сиерра-Леонскомъ берегу есть много признаковъ, указывающихъ на осѣданіе почвы; такъ нѣкоторые изъ бывшихъ острововъ лимана Большой и Малой Скарсіи, теперь, будто бы, превратились въ песчаныя мели, покрытыя слоемъ воды толщиной до 4 метровъ; точно также одна мель лимана Сиерра-Леоне состояла прежде часть материка, а мѣстоположеніе крѣпости, построенной португальцами при устьѣ Ріо-Галлинасъ, нынѣ находится въ 10 километрахъ отъ берега и на глубинѣ 13 метровъ²⁾). Но проверить эти утвержденія можно было только на основаніи длиннаго ряда сравнительныхъ наблюдений.

Въ береговой полосѣ территоіи Сиерра-

¹⁾ Golberry, цитирован. сочиненіе;—Carlos de Melho, рукописныя замѣтки.

²⁾ Matthews, „A voyage to the river Sierra-Leone“.

Леоне, такъ же, какъ во всей области Сенегамбийского побережья, глинистая почва покрываетъ подпочву, состоящую изъ грубаго желѣзистаго песчаника, который легко можно бы было разрубать топоромъ, но который быстро отвердѣаетъ на воздухѣ и даетъ прекрасный строительный материалъ. На земль разсыпаны глыбы синяго гранита и другихъ кристаллическихъ породъ, почти всегда округленныя и снаружи почернѣвшія отъ дѣйствія солнца и непогоды. Туземцы, употребляющіе эти камни для построекъ, обыкновенно подвергаютъ ихъ на мѣстѣ продолжительному дѣйствію огня, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ сутокъ, затѣмъ на расширявшейся отъ нагреванія камень льють холодную воду, отчего онъ раскалывается на нѣсколько кусковъ разной величины¹⁾). Присутствіе этихъ эрратическихъ камней, происходящихъ съ отдаленныхъ горъ, естественно наводить на мысль, что эти страны тропической Африки также имѣли свой ледяній періодъ, и что изсѣченная форма побережья между мысами Рокко и Сентъ-Аннъ должна быть приписана дѣйствію ледяныхъ рѣкъ, нѣкогда спускавшихся съ массива Фута-Джаллонъ.

Многочисленныя рѣки, питаемыя обильными дождями, текутъ съ внутренней возвышенности и пересѣкаютъ территорію Сиерра-Леоне. Роккель, первая большая рѣка къ югу отъ Большой и Малой Скарсіи, береть свое начало въ той же мѣстности, гдѣ и верхніе притоки Нигера, и течетъ также въ юго-западномъ направлениіи, затѣмъ, не доходя около сотни километровъ до моря, поворачиваетъ на западъ и сливается съ широкимъ извилистымъ лиманомъ, восточнымъ рукавомъ Сиерра-Леонскаго залива. Къ югу отъ Рокелли, другая рѣка, такая же многоводная, зарождается въ нѣсколькохъ километрахъ отъ истоковъ Нигера, подъ именемъ Бансуколо, и уѣгаетъ въ западномъ направлениіи глубокими ущельями, надъ которыми господствуютъ горы, достигающія высоты тысячи метровъ и болѣе²⁾). Но какой характеръ принимаетъ эта рѣка въ низовьяхъ, какъ она течетъ черезъ дѣвственные лѣса—этого еще не знаютъ въ точности; неизвѣстно даже съ достовѣрностью, какая рѣка соотвѣтствуетъ ей въ поясѣ прибрежья—Камаранка ли, впадающая въ Бухту Лури, на югѣ отъ полуострова Сиерра-Леоне, или Багранъ (иначе Баргур), изливающейся въ воронкообразный лиманъ, на востокѣ отъ острова Шербро. Обслѣдоватъ теченіе этой рѣки тѣмъ болѣе интересно, что она верхней своей долиной представляетъ кратчайшій путь изъ Сиерра-Леоне къ истокамъ Нигера.

¹⁾ Richard Burton, "Wanderings in West-Africa";—Horton, "Climate of West Coast of Africa".

²⁾ Zweifel et Moustier, "Bulletin de la Société de Marseille", 1850.

Хотя Фритаунъ, главный городъ англійскихъ владѣній, на 450 километровъ ближе къ экватору, чѣмъ Седіу въ Казаманкѣ, средняя температура въ немъ не выше температуры этого французскаго поста; она даже немного ниже, нежели въ Боке, на Rio-Нунѣецъ, чтѣ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать положенію Фритауна на берегу океана, открытомъ свѣжимъ морскимъ вѣтрамъ. Разница между крайними температурами въ этомъ городѣ весьма незначительна: съ точки зрѣнія тепла и холода можно сказать, что въ Сиерра-Леоне нѣть временъ года; лѣто продолжается тамъ изъ года въ годь и изъ вѣка въ вѣкъ. Годовыя колебанія температуры зависятъ только отъ смынъ засухъ и дождей. Какъ показали наблюденія¹⁾:

Средняя температура въ Фритаунѣ—26,°8 Ц.; температура самаго теплаго мѣсяца (апрѣля)—28,°4 Ц.; температура самаго холднаго мѣсяца (августа)—24,°9 Ц. Атмосфера на этомъ берегу освѣжается среднимъ направленіемъ вѣтровъ, которые дуютъ преимущественно съ запада и съ юго-запада, то-есть съ океана, менѣе, тѣмъ земля, нагрѣваемаго лучами солнца; кроме того, восточные вѣтры, приходящіе съ той стороны горизонта, которую солнце прежде всего нагрѣваетъ во время дневнаго періода, вообще говоря, теплѣе западныхъ вѣтровъ, которые проходятъ черезъ воздушныя области, освѣщаемыя болѣе косвенными лучами²⁾): этимъ и объясняется относительная прохладность климата Сиерра-Леоне. При томъ же морская бриза преобладаетъ на всемъ побережью въ жаркую часть дня, то начиная съ десяти часовъ, то часомъ или двумя позднѣе. Сиерра-Леонскій берегъ находится совершенно вѣнѣ пояса правильныхъ пассатныхъ вѣтровъ: въ то время, какъ зимой, когда вся система вѣтровъ перемѣстилась къ югу, дѣйствіе пассатовъ ощущительно даже на устьяхъ Меллакореи и Большой и Малой Скарсіи, Фритаунъ остается въ поясѣ муссоновъ, штилей и неправильныхъ вѣтровъ. Гарматтанъ, который здѣсь господствуетъ впродолженіи нѣсколькихъ зимнихъ дней, въ декабрѣ и въ январѣ, дуетъ съ востока или съ востоко-юго-востока, принося съ собой тончайшую пыль пустыни. Онъ рѣдко переходитъ за поясъ прибрежья; въ этихъ водахъ его не чувствуешь уже въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега.

Дожди на берегахъ Сиерра-Леоне обильнѣ, чѣмъ во всякой другой странѣ западной Африки; но выпаденіе ихъ сильно колеблется по годамъ. Такъ, по Бойлю и Гортону, количество дождевой воды, представлявшее въ 1829 г. столбъ въ 7,72 метра высоты, не достигало даже 89 сантиметровъ въ 1858 году, такъ что

¹⁾ Hann, "Handbuch der Klimatologie".

²⁾ Horton, цитированное сочиненіе.

разность между различными годами по выпадению атмосферной влаги колеблется въ отношении единицы къ восьми. Средняя за девять лѣтъ даетъ для годового столба дождей въ Фритаунѣ высоту 3 метра 331 миллиметръ¹⁾. Приводятъ примѣры исключительныхъ дождей въ 10, въ 20 сантиметровъ въ сутки; 23 августа 1829 года общее выпаденіе за весь день было такъ велико, что, не будь истечения, оно покрыло бы почву жидкимъ слоемъ въ 40 слишкомъ сантиметровъ толщины. Во время этихъ большихъ дождей нерѣдко выпадаетъ градъ на вершинахъ горъ.

Въ среднемъ, ливни начинаются въ Сиерра-Леоне въ первыхъ числахъ мая, цѣлымъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ Сенегалѣ: обыкновенно два или три маленькихъ циклона, производимыхъ встрѣчей противныхъ вѣтровъ возвѣщаютъ правильное наступленіе периода дождей. Обилие ливней возрастаетъ изъ недѣли въ недѣлю впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, июня и июля, затѣмъ уменьшается передъ гарматтномъ. Часто, около 15 ноября, конецъ дождей возвѣщается движениемъ въ высотахъ воздушного океана, которое Гортонъ называетъ «ураганомъ въ облакахъ». Въ нижнихъ слояхъ атмосферы царствуетъ полное затишье, небо обложено пеленой черноватаго пара, нависшей на подобіе твердой массы; вдали слышится глухой гулъ, постепенно усиливающійся: это непрерывный трескъ, безъ проблесковъ молний, напоминающій грохотъ желѣзнодорожного поѣзда въ туннель. Нѣсколько внезапныхъ залповъ возвѣщаютъ конецъ перекатовъ грома, крупные капли дождя падаютъ тамъ и сямъ, затѣмъ поднимается западный вѣтеръ, и туча исчезаетъ. Сезонъ дождей кончился.

Климатъ Сиерра-Леоне одинъ изъ самыхъ убийственныхъ въ свѣтѣ, и изъ всей страны столица—наиболѣе опасное мѣсто для обитанія. Близъ города тянутся болота, еще необсохшія, и при отливѣ ихъ тинистое дно остается открытымъ. Вредная испаренія, поднимающія съ этихъ лужъ, задерживаются, какъ въ котлѣ, обширнымъ амфитеатромъ горъ, окружающихъ заливъ. Даже въ отлогихъ мѣстностяхъ свойство почвы способствуетъ, въ периодъ дождей, нездоровости климата: дождевая вода, поглощаемая желѣзистымъ песчаникомъ, быстро испаряется, и вмѣстѣ съ парамъ поднимаются міазмы; часто атмосфера сыра и удушлива, какъ воздухъ въ теплицѣ для тропическихъ растеній. Пріѣхавъ въ Сиерра-Леонскую бухту, европеецъ восхищается живописной формой горъ, великолѣпіемъ растильности, красотой залива, разѣтвляющагося въ видѣ бухточекъ и проливовъ, но онъ не можетъ отдѣлаться отъ тягостнаго впечатлѣнія, производимаго прозвищемъ края: «Могила бѣлага человека» (White man's Grave); ему припоминается также, что суда крейсеровъ, отряженныя для преслѣдованія торга невольниками, были прозваны «Эскадрой гробовъ» (Coffin squadron). Эпидеміи желтой лихорадки часто посѣщають Сиерра-Леоне, и каждый разъ эта болѣзнь похищаетъ третью или половину бѣлыхъ, которые не успѣли бѣжать во-время, или которыхъ служба или профессія заставляетъ оставаться въ краѣ; нѣкоторые медики утверждаютъ даже, что этотъ бичъ имѣетъ здѣсь эндемический характеръ, и что полуостровъ Сиерра-Леоне есть гибѣдо эпидемій, опустошающихъ иногда Сенегамбію. Смертность между английскими офицерами Фритаунского гарнизона доходитъ иногда до половины наличного состава; въ 1881 году она превысала третью для всѣхъ европейскихъ обитателей города, военныхъ и гражданскихъ, хотя большинство бѣлыхъ, въ числѣ около сотни, живутъ на свѣжемъ воздухѣ, въ хорошо провѣтриваемыхъ домахъ, на склонахъ или на вершинѣ холмовъ, и пользуются всѣми привилегіями материального благосостоянія. Они рѣдко подвергаются опасному дѣйствию утреннихъ тумановъ. Что касается чернокожаго войска, состоящаго изъ сухопутную военную силу колоніи, то смертность въ немъ много выше, чѣмъ въ гарнизонахъ Европы (въ Сиерра-Леонскомъ гарнизонѣ, среднимъ числомъ, на 1.000 человѣкъ бываетъ 740 больныхъ и отъ 29 до 30 смертныхъ случаевъ); но рѣдко случалось, чтобы эпидемія опустошала казармы. Метрическія записи показываютъ, для всего населенія, чернаго и бѣлаго, постоянное состояніе регресса, такъ какъ рождаемость каждый годъ меньше смертности. Движеніе народонаселенія въ этой «колоніи» за время съ 1871 по 1875 годъ выразилось слѣдующими цифрами: Рождаемость—3.078; смертность—4.326; перевѣсъ смертности—1.248.

Животныя, привозимыя съ сѣвера, быстро погибаютъ; даже лошади, приводимыя изъ внутреннихъ странъ, умираютъ отъ паралича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ; европейскія собаки, сопровождающія своихъ господъ, страдаютъ лихорадкой, какъ и ихъ хозяева. Выживавшія животныя подвергаются большому перемѣнамъ въ своемъ наружномъ видѣ. Ягната рождаются все съ черной головой, чѣмъ, можетъ-быть, есть возвратъ къ первоначальному типу; собаки мѣняютъ шерсть, уши у нихъ удлиняются, и они перестаютъ лаять; кошки дѣлаются сѣрыми, морда у нихъ вытягивается, лапы становятся длиннѣе¹⁾.

Туземное населеніе, господствующее внутри территоріи Сиерра-Леоне, принадлежитъ къ могущественной націи тимни (тимани, темне),

¹⁾ Hann, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Winwood Read, „The African Sketch-book“.

общую численность которой определяют въ 200.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на нѣсколько народцевъ и на столько же королевствъ, сколько существуетъ деревень. Одинъ изъ вождей этой націи и продалъ англичанамъ Сиерра-Леонскій полуостровъ, но бывшіе владѣльцы земли не всегда жили въ мирѣ съ новыми пришельцами, и въ первыя времена британской оккупации тимни не разъ атаковали англичанъ на ихъ полуостровѣ. Отброшенные на материкъ, затѣмъ испытавши, въ свою очередь, нападеніе въ своихъ собственныхъ, огороженныхъ частоколомъ, деревняхъ, они теперь уже не такъ смѣлы, какъ прежде, но все еще не покорены окончательно, и война еще смируѣтъ иногда, хотя театромъ ея служить уже не тѣ мѣста, такъ какъ племена были отгнаны на довольно большое разстояніе внутрь страны. Еще въ 1885 году одно поселеніе, находящееся недалеко отъ Ватерлоо, километрахъ въ сорока къ юго-востоку отъ Фритауна, подверглось нападенію туземцевъ: мужчины были перебиты, женщины и дѣти уведены въ неволю. Тимни населяютъ главнымъ образомъ равнину между рѣками Роккель и Малая Скарсія, но многіе народцы, носящіе разныя имена, хотя принадлежащіе къ той же націи и говорящіе нарѣчіями того же языка, живутъ виѣ этой территории. Тимні, вообще говоря, хорошо сложены, сильны, ловки, съ пріятнымъ выражениемъ лица, и тѣ изъ нихъ, которые обитають въ глухихъ мѣстностяхъ, куда еще не проникло деморализующее влияніе «цивилизованныхъ» фритаунцевъ, имѣютъ открытый взоръ, гордую осанку, мужественную руку. Это трудолюбивые землѣльцы, которые еще недавно употребляли, для обработки почвы, мотыки изъ твердаго дерева: желѣзо имѣло неизвѣстно. Они снабжаютъ Фритаунъ рисомъ, кокосовыми орѣхами, домашней птицей: каждое утро поселяне прѣѣжаютъ сотнями въ лодкахъ, везя на рынокъ свои продукты.

Языкъ этого народа, очень распространенный, какъ языкъ мѣновой торговли съ различными племенами, живущими по теченію рѣки Роккель, есть одинъ изъ наилучше изученныхъ: миссіонеры собрали народныя сказки, басни, пословицы тимніевъ; съ другой стороны, на этотъ языкъ переведены многія книги духовнаго содержанія. Одинъ изъ этихъ миссіонеровъ-лингвистовъ, Шленкеръ, далъ научно обработанную грамматику и полный словарь языка тимни, который близко подходитъ къ нарѣчію племени су-су и очень мало отличается отъ говора ландумановъ. Менѣе послѣднихъ поддающіеся магометанскому вліянію, тимни сохранили большую часть своихъ языческихъ обычаевъ, чтѣ не мѣшааетъ имъ однако выпращивать у путешественниковъ христіанскіе крестики («больсомы»), какъ они ихъ называ-

ютъ), употребляемые ими въ качествѣ предохранительного средства отъ выстрѣловъ; надъ дверью хижинъ вывѣшивается амулетка другаго рода—камень, завернутый въ ситцевый мѣшочекъ, или листокъ съ изреченіями изъ Корана. У тимніевъ есть главари, изъ которыхъ каждый обязанъ приносить сузерену, королю или королевѣ, столько рису, чтобы составилась пирамида такой же высоты, какъ самъ вассалъ. Образъ правлѣнія въ деревняхъ—монархическій, но во многихъ племенахъ должность короля сопряжена съ большой опасностью: наканунѣ избранія будущіе подданные имѣютъ право бить претендента, и иногда такъ усердно пользуются этимъ правомъ, что избранникъ умираетъ вскорѣ послѣ назначенія на королевскій постъ¹). Въ другихъ мѣстахъ вожди кандидаты, которые предполагаются пришедшими изъ Фута-Джаллона, «страны мудрости», и не имѣющими въ краѣ никакихъ друзей или протеже, которые могли бы влѣять на ихъ судьбу, обязаны скрываться впродолженіи нѣсколькихъ дней передъ церемоніей избранія и принесенія присяги. Послѣ смерти, тѣла королей, у иѣкоторыхъ народцевъ, бросаютъ въ кусты или въ рѣку.

Дѣйствительная власть принадлежитъ обществу, называемому «пурра» или «порро», которое судить какъ повелителей, такъ и подданныхъ, и въ которое могутъ вступать даже рабы, дѣлаясь такимъ образомъ равными другимъ членамъ²); это нѣчто въ родѣ масонства, подобнаго бола въ племени су-су, на Ріо-Понго³). Во всѣхъ націяхъ западной Африки существуютъ такія могущественные ассоціаціи посвященныхъ, имѣющія свой особенный языкъ, свою татуировку, свои символы,—ассоціаціи, составляющія въ государствѣ другое государство, религіозное и политическое; но наиболѣе грознымъ авторитетомъ пользуются эти товарищества у народа тимни. Когда они провозглашаютъ свой законъ, всякая война, всякие внутренніе раздоры и междуусобія должны прекращаться: наступаетъ всеобщее перемиріе, кровопролитіе приостанавливается, всякий вызовъ наказывается многодневнымъ разграбленіемъ, которое совершаются замаскированными людьми. Чужеземецъ не можетъ проходить черезъ страну иначе, какъ въ сопровожденіи члена общества пурра: послѣдній даетъ о себѣ знать своимъ сотоваріщамъ, свистя въ камышевую дудку, висящую у него на шеѣ; особенные фигуры татуировки, лозунги, символические жесты служатъ условными знаками, по которымъ члены пурры узнаютъ другъ друга; для совершеннія своихъ обрядовъ и обсужденія общихъ дѣлъ, они собира-

¹⁾ Zweifel et Moustier, „Bulletin de la Société de Géographie de Marseille“.

²⁾ Ernest Noirot, цитированное сочинение.

³⁾ Bour, „Les dépendances du Sénégal“.

ются въ лѣсахъ, подъ покровомъ ночи, и всякий посторонний, проникшій въ ихъ собраніе, предается смерти или продаются въ рабство. Колдуны играютъ важную роль въ тайныхъ обществахъ, но между могущественными чародѣями существуетъ постоянное соперничество изъ за вліянія, и не одинъ изъ нихъ былъ умерщвленъ по наговорамъ своихъ собратій, какъ злой колдунъ. Кайманы, большие хищные звѣри тоже считаются колдунаами, и когда какой-нибудь туземецъ сдѣлался добычей звѣря, деревня, где жилъ погибшій, предается пламени, чтобы отвратить злой рокъ. Когда кто-нибудь изъ людей племени умираетъ, односельцы его собираются, чтобы произвести торжественное слѣдствіе о причинахъ смерти: внимательно осматриваютъ его одежду, ногти, волоса, затѣмъ трупъ кладутъ на носилки, поддерживаются двумя мужчинами, и чародѣй, вооруженный волшебнымъ жезломъ, вопрошаетъ покойника который отвѣчаетъ подирыгиваніями и качаніями, а иногда остается неподвижнымъ, какъ бы въ нерѣшимости, особенно, когда онъ собирается назвать родственника или друга. Горе тому, на кого онъ укажетъ какъ на своего убийцу: обвиняемаго убиваютъ или продаютъ въ рабство со всей его семьей¹). Судебныя слѣдствія этого рода практикуются также у сѣверныхъ племенъ, между прочимъ, у бужаго. Тамъ трупъ умершаго несутъ женщины; подъ вліяніемъ управляющей ими тайной силы; онъ то идутъ впередъ, то пятятся назадъ, то шатаются какъ пьяные, нимало не сомнѣваясь, что во всѣхъ своихъ кривляньяхъ повинуются волѣ покойника²).

Булломы (буламы), также какъ и тимни,—близкіе сосѣди англійскаго города Фритауна, но они не соединены въ одну сплоченную націю. Напоръ могущественныхъ тимніевъ раздѣлилъ ихъ на два отрывка: сѣверныхъ булломовъ, которые живутъ, въ очень маломъ числѣ, на береговой полосѣ между Меллакореей и Сиerra-Леонскимъ лиманомъ, и южныхъ булломовъ, или мампуа, которые обитаютъ на островѣ Шербро и въ сопредѣльныхъ территоріяхъ; у короля ихъ скіпетромъ служить хвостъ слона, гости, нынѣ исчезнувшаго изъ лѣсовъ прибрежья. Языки булломовъ, вирочемъ, содержатъ въ себѣ большую примѣръ чужихъ словъ, принадлежитъ къ одному корню съ языкомъ тимніевъ, какъ это установили грамматическая изслѣдованія нѣкоторыхъ миссіонеровъ. У этихъ туземцевъ, какъ и у тимніевъ, женщины подчинены строжайшему трауру не только послѣ смерти отца или мужа, но также во всякое время, когда того захочеть матерь или «первая жена». Тогда она носить пояску на глазахъ, такъ что могутъ видѣть

только у себя подъ ногами; онъ должны иметь отдельный столъ и жить въ полномъ затворничествѣ. Часто трауръ, предписываемый первой женой другимъ супругамъ, не имѣть иной цѣли, кромѣ желанія удалить ихъ отъ мужа, и послѣдній вынужденъ выкупать ихъ свободу подарками¹).

Племя менди или менде, населяющее, къ востоку отъ мампуа, лѣсныя области, граничащи съ территоріей Либеріи, тоже говорить особымъ языкомъ, теперь выясненнымъ нѣкоторыми подготовительными работами. Самы менди отвергаютъ это имя, какъ заключающее въ себѣ понятіе о рабствѣ, и называютъ себя косса или коссу,—слово, которое, по Уинвуду Риду, значитъ «кабаны». Очень воинственные, какъ и тимни, они нерѣдко нападали послѣднимъ пораженія, либо одни, либо въ союзѣ съ англичанами. Къ сѣверо-востоку отъ тимніевъ, въ среднихъ областяхъ бассейна Малой Скарсіи, разсѣяны, по вершинамъ всѣхъ холмовъ, селенія племени лимба, тоже грозного народца, который «запираеть» дорогу или по крайней мѣрѣ затрудняетъ проходъ по ней: тропинки проложены среди рисовыхъ полей, и если выочныхъ животныхъ пощипаютъ хлѣбъ или сойдутъ немногіо въ сторону отъ проторенной тропы, то караванъ долженъ заплатить большой штрафъ или подвергается ограбленію, въ случаѣ отказа²); когда дорога «заперта», то есть, когда повѣшенъ на вѣтви дерева, простертой поперекъ тропы, мѣшочекъ, содержащий порохъ и пулю, нужно поворачивать назадъ или вступать въ бой³). Лимбасы оказываютъ большое почтеніе умершимъ, которыхъ они хоронять стоймя, въ позѣ людей, готовыхъ начать съизнова жизненное странствіе; женщины годами оплакиваютъ покойниковъ и носятъ имъ на могилку рись и воду.

Племена сафроко и коно, обитающія южнѣе, въ гористыхъ мѣстностяхъ верхнихъ бассейновъ, тоже сильно затрудняютъ сообщенія между Сиerra-Леонскимъ берегомъ и странами верхняго Нигера. Что касается галлинасовъ, которые живутъ по рѣкѣ того же имени (Галлинасы) и въ долинѣ рѣки Манна, то они до такой степени воинственны, что до недавнаго времени преграждали бѣлымъ всякий доступъ во внутреннія мѣстности. Правда, своимъ военнымъ воспитаніемъ они обязаны негро-торговцамъ, которые имѣли множество притоновъ въ лабиринѣ ихъ лимановъ и подстрекали этихъ туземцевъ къ разбойниччьимъ экспедиціямъ, чтобы покупать у нихъ плѣнниковъ по дешевой цѣнѣ. Послѣ прекращенія торга невольниками, галлинасы все-таки продолжали наслѣдственную борьбу со своими сосѣдами. племенемъ коссу на сѣверѣ и племенемъ вей

¹⁾ Golberry;—Laing;—Winterbottom;—Matthews.

²⁾ Olivier de Sanderval, „De l'Atlantique au Niger par le Foutah-Djallon“.

¹⁾ Matthews, „A voyage to the river Sierra-Leone“.

²⁾ Zweifel и Moustier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Bourg, цитированное сочиненіе.

на юго-востокѣ; они воевали даже съ «американскими» неграми Либеріи; недавно королева одного изъ ихъ могущественнѣйшихъ племенъ сдѣлалась союзницей англичанъ, и черезъ ея посредство послѣдніе приобрѣли верховную власть надъ страной. Эти галлины въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одарены большими способностями для мирныхъ трудовъ; они отличаются въ особенности своимъ артистическимъ вкусомъ: между ними встрѣчаются очень искусные золотыхъ и серебряныхъ дѣль мастера, рѣчики на деревѣ, обладающіе оригинальнымъ талантомъ. Изъ всѣхъ народовъ поморья галлины наиболѣе подвергались влиянию ислама: они находятся теперь въ переходномъ состояніи отъ анимизма къ магометанству. Впрочемъ, они приписываютъ себѣ восточное происхожденіе и составляютъ въ береговой области авангардъ мандинговъ.

Въ Сиerra-Леоне, какъ и въ Сенегамбіи, совершается постоянное давленіе отъ востока къ западу на населенія прибрежья. На сѣверо-востокѣ, племя хубу, принадлежащее къ націи фула, постепенно дѣлаетъ захваты въ области прибрежныхъ жителей Большой и Малой Скарсіи; на востокѣ мандинги и сараколе, въ качествѣ торговцевъ, тоже проникаютъ къ своимъ сосѣдямъ и распространяютъ среди нихъ болѣе высокую цивилизацию. Хубусы съ половины настоящаго столѣтія составляютъ особое государство, независимое отъ альмами Тимбо. Чтобы избѣгнуть новаго порабощенія, они переселились къ юго-западу отъ истоковъ Банинга, въ гористую страну, где берутъ начало обѣ Скарсіи; но они овладѣли этой территоріей не безъ борьбы, и до сихъ поръ еще непрерывно продолжаются столкновенія между ними и сосѣдними племенами: дѣло ислама служитъ предлогомъ для набѣговъ и грабежа. Самое имя ихъ происходитъ отъ припѣва ихъ военныхъ пѣсенъ, где всего чаще звучатъ два слога *xy, bu*: «мы любимъ пророка, соединяемые въ его любви».

Между туземными народами многіе остались язычниками и почти не отличаются отъ племенъ лимба, сафроко и коно своимъ соціальнымъ состояніемъ: таковы куранко, которые обитаютъ въ долинахъ, простирающихся на западъ отъ области тимніевъ до истоковъ Нигера. Они группируются въ олигархическія общини, признающія главарей, но въ дѣятельности управляемыя совѣтомъ старѣйшинъ; старикамъ предоставляетъся право и честь разрѣшать споры согласно обычаямъ, установлять мѣру наказанія за преступленіе, размѣръ пени за проступокъ. У этихъ туземцевъ практикуется, какъ у кавказскихъ горцевъ, обычай родовой мести: семья жертвы принадлежитъ право пролить кровь за кровь; убившій раба становится самъ рабомъ, если не заплатить полной стоимости убитаго. Цивилизованные ман-

динги съ презрѣніемъ смотрятъ на куранко и дали имъ кличу «гадкихъ чертей», которую тѣ стараются заслужить, ибо они любятъ наряжаться чудовищами, при помощи листьевъ и вѣтокъ, и бродить ночью, испуская вой и ревъ дикихъ звѣрей, съ цѣлью попугать иностранцевъ¹⁾.

Солимасы, родственные племенамъ джаллонке въ Сенегальскомъ бассейнѣ и су-су въ территоріи Южныхъ рѣкъ, цивилизованные народы куранко, хотя и они въ большомъ презрѣніи у мандинговъ и хубусовъ, какъ враги ислама. Они живутъ между хубусами и куранко, въ великолѣпной холмистой странѣ, около истоковъ Большой и Малой Скарсіи и до Джалибы; подобно своимъ сосѣдямъ, они говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ мандингскому, а при дворѣ употребляется этотъ послѣдній языкъ; своей любовью къ музыѣ и относительнымъ богатствомъ своихъ оркестровъ они тоже напоминаютъ мандинговъ Гамбіи. Какъ ихъ сородичи джаллонке, солимасы вели войны съ феллатами: ихъ большой военный барабанъ украшенъ сплошь по всему ободку бородами, отрѣзанными на трупахъ сраженныхъ хубусовъ, и подъ каждымъ пучкомъ черныхъ волосъ написано имя ихъ бывшаго владѣльца. Отъ независимости или порабощенія солимасовъ будетъ зависѣть ихъ обращеніе въ исламъ или официальное сохраненіе старого культа. Нѣсколько пораженій, испытанныхъ прежде этими туземцами, заставили ихъ облечься въ мусульманское бубу; послѣдующая побѣда позволила имъ освободиться отъ этого костюма и сохранить только передникъ, заимствованный у куранко. Тѣмъ не менѣе, солимасы—одинъ изъ наиболѣе цивилизованныхъ народовъ между западными африканцами: поля ихъ прекрасно обработаны, города содержатся въ чистотѣ и порядкѣ, повсюду видна зажиточность; кодексъ вѣжливости, чрезвычайно подробный, строго соблюдается всѣми и каждымъ; чужеземцы всегда находятъ у нихъ радушный приемъ; европейскіе путешественники, Ленгъ, Ридъ, Цвейфель и Мутье, не нахвалятъ любезнымъ гостепріимствомъ, которое имъ было оказано этими горцами-язычниками. Съ тѣхъ поръ какъ двѣ религіи стали оспаривать другъ у друга солимасовъ, послѣдніе сдѣлались очень индифферентными въ дѣлѣ вѣры; впрочемъ, они еще совершаютъ жертвоприношенія деревьямъ и духамъ. По словамъ Рида, одно озерко въ этой странѣ, близъ ея столицы, населено священными крокодилами, которымъ шаманъ каждый день приносить пищу. Каждый новый король, при своемъ вступленіи на престолъ,—какъ рассказывали Риду,—отдаетъ свою младшую дочь на съданіе этимъ чудовищамъ, въ доказательство того, что для блага

¹⁾ Zweifel и Moustier, цитированное сочиненіе.

говля получила некоторое развитие въ бассейнѣ рѣки Рокелль, благодаря этимъ неустранимымъ разносчикамъ, то крупная торговля находится въ періодѣ застоя съ тѣхъ поръ, какъ совершенное прекращеніе морскаго торга неграми положило конецъ приливу новыхъ иммигрантовъ, и какъ Фритаунъ пересталъ быть столицей всѣхъ англійскихъ владѣній въ западной Африкѣ. Политика, которой держится правительство въ отношеніи вождей туземныхъ племенъ, также имѣла крайне невыгодный послѣдствія для торговли. Вѣрные своей привычкѣ воздерживаться отъ вооруженного вмѣшательства, англичане не посыпаютъ солдатъ внутрь страны, но платятъ субсидіи начальникамъ, взявъ съ нихъ обѣщаніе держать дороги открытыми. Почти всегда эти пенсіи употребляются на покупку оружія и боевыхъ припасовъ, и между маленькими царьками то и дѣло вспыхиваютъ войны по всякому поводу: воюющіе истребляютъ пламенемъ цѣлыя деревни, опустошаютъ поля, продаютъ пленныхъ мавдингамъ, дороги закрываются, и во время такихъ междоусобій подвозъ туземныхъ продуктовъ—пальмового масла, орѣховъ кола, каучука, имбира, на фритаунскій рынокъ значительно сокращается¹⁾.

Въ 1895 г. обороты виѣшней торговли Сиерра-Леоне простирались до 879.941 (привозъ—427.337, вывозъ—452.604) фунта стерлинговъ.

Фритаунскій рейдъ, ограничиваемый на широтѣ мыса Сиерра-Леоне опасными подводными скалами Карпентера (*Carpenter's rock*), представляетъ восхитительный видъ, когда горы полуострова освободятся отъ облаковъ, скрывающихъ ихъ вершины большую часть года. Лѣсь, мѣстами расчищенный огнемъ, раздѣлился на группы величавыхъ деревьевъ, чередующіяся съ травяными полянами или порослями кустарника; на выступѣ мыса стоитъ рядъ гигантскихъ баобабовъ, служацій опознательнымъ пунктомъ судамъ, плывущимъ къ рейду; живописныя долины тамъ и сямъ прерываются цѣпью закругленныхъ холмовъ, за которыми вдали видныяются вершины Львиной горы. По берегу разбросаны дома, построенные на европейской манерѣ; въ глубинѣ, между двумя бухтами Крубои и Фура, показывается Фритаунъ, «Городъ Вольныхъ людей». Первая столица негритянской колоніи, Гранвиль, была основана въ сїсѣдней равнинѣ. Но въ 1794 году передъ этимъ городкомъ появилась французская эскадра и сожгла его: съ тѣхъ поръ не возникало новыхъ поселеній на этомъ мѣстѣ. Послѣ того выбрали неудоровую Фритаунскую бухту, вмѣсто того, чтобы перенести столицу въ какой-

нибудь пунктъ, болѣе удаленный отъ болотъ и вполнѣ открытый морскимъ бризамъ. Впрочемъ, возвышенныя части города пользуются относительно здоровымъ воздухомъ, и часто желтая лихорадка производить большія опустошенія въ нижнихъ предмѣстяхъ, не поднимаясь въ казармы, построенные на холмѣ высотой около 120 метровъ. Раскинутый на обширномъ пространствѣ (слишкомъ 10 квадр. километровъ), Фритаунъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько красивыхъ зданій, къ которымъ принадлежать церкви, школы, дворецъ губернатора, присутственная мѣста; но въ нѣкоторыхъ улицахъ на каждомъ шагу встрѣчаешь развалины, частію заросшія травой и деревьями: въ этой странѣ репутація инициативы, приобрѣтенная англійскими коммерсантами, не оправдывается. На берегахъ западной Африки Фритаунъ служить главнымъ рынкомъ для торговли живыми зверями: агенты европейскихъ звѣринцевъ прѣѣжаютъ сюда закупать змѣй, разныхъ дикихъ животныхъ, между прочимъ, даже горилль и шимпанзе. Одна изъ змѣй этой страны, называемая «плевакой», въ самомъ дѣлѣ, говорить, пускаетъ фонтанъ ядовитой слюны, очень опасной для человѣка, если брызги ея попадутъ въ глаза²⁾.

Кромѣ этого города съ 30.000-мъ населениемъ, въ британскихъ владѣніяхъ Сиерра-Леоне нѣть городскихъ поселеній въ собственномъ смыслѣ. Полуостровъ усеянъ деревнями съ англійскими именами: Абердинъ, Уильберфорсъ, Веллингтонъ, Риджентъ, Йоркъ, Гастингсъ, Ватерлоо; бывшая французская фактоія Гамбіа, на одномъ изъ острововъ рѣки Рокелль, почти совсѣмъ опустѣла. Внутри материка, Портъ-Локко получилъ нѣкоторую важность, благодаря своему положенію на рѣкѣ того же имени, впадающей въ лиманъ Рокелли. Портъ Локко, гдѣ находятся склады мандингскихъ торговцевъ, служить пристанью для судовъ, поднимающихся вверхъ по рѣкѣ, а также исходнымъ пунктомъ для экспедицій, отправляющихся въ горную страну: Гудсбери, Цвейфель и Мутье дѣлали свои приготовленія къ путешествію въ этой передовой станціи англійскихъ негоціантовъ и миссіонеровъ. На сѣверѣ, пость Камбіа есть главное населенное мѣсто визменностей по рѣкѣ Большой Скарсіи: это рынокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, окруженный прекрасно воздѣланными полями и плантациями на обширномъ пространствѣ. Напротивъ этого города, на правомъ берегу рѣки, расположено магометанско мѣстечко Биллехъ, населенное исключительно студентами, сгруппировавшимися вокругъ одного знаменитаго профессора: при этомъ ученомъ заведеніи, совершенно независимомъ отъ какого бы

¹⁾ Bluebook C. 4642, „Disturbances in the Native Territories of Sierra-Leone“.

²⁾ Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

то ни было европейского віяння, существует даже училище для дѣвицъ.

Внѣ британской территории, нѣкоторыя многолюдныя мѣстечки имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе, какъ торговые центры или столицы туземныхъ государствъ. Сумата, недалеко отъ истоковъ Большой Скарсіи, служить сборнымъ пунктомъ для каравановъ изъ Фута-Джаллона. На рѣкѣ Каббѣ, съверномъ притокѣ Малой Скарсіи, наиболѣе посѣщаемый рынокъ—мѣстечко Самайя: это столица племени тамбакка, или тамбуши, и главный этапъ каравановъ между Портъ-Локко и первымъ городомъ Фута-Джаллона, Талико, лежащимъ на юго-западной окраинѣ владѣній альмамі. Дубайя, укрѣпленный городъ, господствуетъ съ высоты своего холма надъ маленькимъ царствомъ зеленѣющихъ долинъ. Въ землѣ племени лимба важнѣйшая торговья мѣстечка—Бумба и Бумбади (извѣстныя у аягличанъ подъ именемъ Big Bumba и Little Bumba, т. е. Большой и Малой Бумбы); Кабалла—резиденція самаго могущественнаго вождя народца куранко; Фалаба—«военный городъ» племени солима. Послѣдній находится тоже въ бассейнѣ Малой Скарсіи, но въ очень близкомъ разстояніи отъ порога, ведущаго къ верхнему Нигеру: по мнѣнію путешественника Блайдена, этотъ пунктъ, благодаря незначительному уклону и правильности океанскаго ската, бытъ бы наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для постройки желѣзной дороги между полуостровомъ Сіерра-Леоне и Нигеромъ. Фалаба—цѣвѣтшій городъ, окруженный необыкновенно плодородными равнинами; всѣ выгоды соединяются въ этомъ мѣстѣ, чтобы обеспечить ему въ будущемъ первостепенную экономическую роль; населеніе его простирается до шести тысячъ человѣкъ.

Въ западныхъ областяхъ земель, состоящихъ

подъ англійскимъ протекторатомъ, вблизи Либерійской границы, нѣкоторыя деревни, впрочемъ, мало населенныя, пользуются извѣстностью, какъ мѣста палабръ между депутатами племенъ. Таковы, между прочимъ, Бахарма и Бандасума, столица королевы народца барри, въ бассейнѣ рѣки Сулимь.

Колоніальная территорія Сіерра-Леоне управляется губернаторомъ, при содѣйствіи состоящаго при немъ административнаго совѣта; губернаторъ получаетъ содержаніе изъ доходовъ колоніи, главный источникъ которыхъ составляютъ таможенные сборы. Въ 1895 г. колоніальные доходы простирались до 96.690 фунт. стерл. (въ томъ числѣ 80.453 ф. ст. таможенного сбора.) Гарнизонъ состоитъ изъ негровъ и цвѣтныхъ людей, уроженцевъ Антильскихъ острововъ, подъ командой бѣлыхъ офицеровъ, которые всѣ получаютъ болѣшое жалованье; персоналъ поліціи набирается преимущественно изъ туземцевъ племени эгба и другихъ чернокожихъ уроженцевъ области Нигера и Невольничьяго берега. Каждый полуторагодовой періодъ службы въ этой нездоровой странѣ даетъ офицерамъ право на годовой отпускъ, съ сохраненіемъ полнаго оклада содержанія; кромѣ того, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи санаторіи, какія представляютъ имъ Мадера и Канарскіе острова, и, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Сіерра-Леонскимъ полуостровомъ, Банановые острова. Нѣть ни одного парохода, направляющагося въ Европу, который не везъ бы отсюда нѣсколькихъ большихъ, уѣзжающихъ въ отпускъ на родину.

Иностранцы не могутъ приобрѣтать земельной собственности въ Сіерра-Леоне; чтобы сдѣлаться землевладѣльцами, они должны предварительно натурализоваться.

Г л а в а IV

Либерія.

«Страна Свободы» еще не исполнила всѣхъ обѣщаній, которыя были даны отъ ея имени ея основателями, и, по реакціи, большинство путешественниковъ, заглядывающихъ мимоходомъ въ тотъ или другой портъ этой республики, склонны высказывать о ней суроые отзывы, часто внушенные расовыми предразсудками. Однако, не есть ли уже капитальное событие самый фактъ образования общества, состоящаго сплошь изъ потомковъ рабовъ или

вольноотпущенниковъ и поселившагося на той самой территории, гдѣ прежде негроторговцы формировали свои партіи невольниковъ. При томъ, что бы ни говорили. Либерія, не будучи государствомъ ни болѣе слабымъ, ни менѣе благоустроеннымъ, чѣмъсосѣднія европейскія «колоніи», имѣетъ за собой по крайней мѣрѣ то преимущество, что она настоящая колонія. Обитающіе въ ней иммигранты не заѣзжіе путешественники: они поселились здѣсь на по-

стоянное жительство, и ихъ потомство продолжаетъ начатое ими дѣло. По языку, нравамъ, учрежденіямъ они тоже представляютъ европейскую культуру; но они такие же негры, какъ и туземцы, и хотя эти переселенцы въ своей аристократической спѣси «цивилизованныхъ» очень часто держатся въ сторонѣ отъ туземцевъ, тѣмъ не менѣе, они оказываютъ съ течениемъ времени значительное влияніе на племена, въ территоїи которыхъ они построили свои города. Почти всегда они жили въ мирѣ съ сосѣдами; и не столько силой оружія, сколько мирнымъ путемъ договоровъ они достигли политического господства надъ обширной страной, простирающейся въ западномъ углу чернаго континента. Впрочемъ, либерійцы вели также войны съ дикими племенами и покоряли ихъ варварскими средствами, вырубая ихъ пальмы и опустошали ихъ посѣвы¹⁾.

Въ 1815 году одинъ разбогатѣвшій негръ изъ Массачусетса привезъ въ Сіерра-Леоне человѣкъ сорокъ своихъ единоплеменниковъ, а въ слѣдующемъ году въ Америкѣ основалось переселенческое общество, поставившее себѣ задачей водвореніе освобожденныхъ негровъ на берегахъ континента, откуда были насильно увезены ихъ предки. Первая отправка освобожденныхъ невольниковъ состоялась лишь въ 1820 году, и транспортъ ихъ былъ направленъ къ берегамъ бухты Фура, въ Сіерра-Леонскомъ заливѣ. Дурно принятые англичанами, переселенцы должны были искать себѣ другаго мѣста жительства, и два года спустя ихъ маленькая группа, усиленная новоприбывшими иммигрантами, поселилась на берегу бухты, доминируемой мысомъ Мезурадо, въ 350 километрахъ къ юго-востоку отъ Фритауна. Первые шаги были очень трудны: приходилось даже оборонять вооруженной рукой первый станъ, служившій временными пріютами; но мало-по-малу территорія колонизаціи выростала, и почти каждый годъ къ владѣніямъ Либеріи прибавлялись новые полосы земли, ограниченные, по американскому способу, геометрически правильными параллельными линіями, проведенными перпендикулярно къ морскому берегу. Однако колонія не составляла еще независимаго государства: она была управляема delegatами упомянутаго американского общества, что подвергало ее частымъ дипломатическимъ затрудненіямъ, такъ какъ английскіе мореходы, производившіе торговлю на этомъ берегу, отказывались платить таможенные пошлины частной компаніи. Наконецъ, управлявшее колоніей переселенческое общество согласилось поступиться своими владѣльческими правами: сорокъ восьмой годъ, ознаменованный политическими переворотами въ

Европѣ и Азіи, былъ также свидѣтелемъ нарожденія, на африканской почвѣ, новой негритянской республики. Большинство державъ поспѣшили признать независимость Либеріи; только Соединенные Штаты Сѣверной Америки считали унигнительнымъ для своего достоинства соблюденіе этой формальной вѣжливости въ отношеніи политической общины, состоящей изъ сыновъ вольноотпущенниковъ; нужно было вспыхнуть междуусобной войнѣ въ самомъ Союзѣ и появиться прокламація президента Линcolна объ освобожденіи невольниковъ, чтобы американская республика рѣшилась, наконецъ, признать совершившейся на берегу Африки фактъ. Когда Либерія вступила въ ряды правильно организованныхъ государствъ, она заключала въ себѣ около 8.000 гражданъ и 350.000 туземцевъ. Въ 1882 году число ея гражданъ возрасло до 18.000, а приблизительная цифра всѣхъ другихъ жителей вассальныхъ земель исчислялась въ 1.050.000 душъ. Впрочемъ, изъ этой суммарной народной переписи слѣдовало бы исключить обитателей береговой полосы, заключающейся между мысомъ Манна, близъ острова Шербро, и рѣкой Манча, близъ мыса Маунтъ. По праву сильнаго сіерра-леонскіе англичане окончательно присвоили себѣ эту область, въ 1883 году, хотя республика Либерія имѣла документы на земли, приобрѣтенные ею въ разныя времена, начиная съ 1850 года. Колонизаціонная область обнимаетъ площадь въ 37 200 квадр. километровъ: прибавляя сюда всѣ территоїи, официально состоящія подъ протекторатомъ, въ силу договоровъ, заключенныхъ съ туземными народцами, даже на восточномъ склонѣ горъ, въ бассейнѣ Нигера, получимъ для всей Либерійской страны втрое болѣе обширное пространство.

Территоїя негритянской республики, какъ она нынѣ отграничена, образуетъ довольно правильный четырехугольникъ, который тяется, со стороны моря, на 630 километровъ въ длину, при средней ширинѣ 250 километр.; только на сѣверѣ земли, изслѣдованныя либерійскимъ путешественникомъ Андерсономъ, вдаются узкой полосой внутрь материка: границы, начертанные на картахъ, нигдѣ не совпадаютъ съ естественными предѣлами покатостей. Морской берегъ перерѣзанъ многочисленными рѣками, имѣющими по большей части узкій бассейнъ и текущими параллельно одна другой, съ сѣверо-востока на юго-западъ, по нормальному скату страны; во время прилива и въ періодъ рѣчныхъ разливовъ почти вся низменность, между первыми возвышеніями внутреннихъ холмовъ и дюнами побережья, бываетъ покрыта водами. Самый большой изъ этихъ потоковъ—рѣка св. Павла (Сентъ-Поль), зарождающаяся въ 300 слишкомъ километрахъ отъ моря, къ сѣверу отъ горъ Фома и къ югу отъ

¹⁾ John H. Smyth, „U. S. Consular Reports“, aug. 1885.

Лома, откуда вытекает Нигеръ. Она судна на протяжениі около тридцати километровъ для судовъ, имѣющихъ до 3 метровъ углубленія; дальше ихъ останавливаются ги, но выше этихъ пороговъ во многихъ ахъ могли бы ходить барки. Рѣка отдѣлена океана опаснымъ баромъ, и всѣ морсуга должны бросать якорь въ бухтѣ Мон-^т; другая рѣка, Мезурадо, соединяется съ св. Павла, въ общей дельтѣ, перерѣзанной боковыми потоками. Восточнѣе, на побѣдѣ, двѣ рѣки, Квеа и Джункъ, впадаютъ въ ту же бухту. Rio-Сестосъ, Сангвинъ, Кавалли или Кавалла (названная такъ угальцами потому, что она находится на гоині одного переѣзда отъ мыса Пальмъ) принадлежать къ значительнымъ рѣкамъ ублики, а Rio-Сантъ-Педро (рѣка св. Петра) является ея границу на востокѣ, уже въ части морскаго берега, которая продолжается на востокѣ до залива Біафра. Многія этихъ рѣкъ, особенно Кавалла, судоходны барокъ на пространствѣ свыше 120 километровъ отъ устья ¹⁾). Подходы къ морскимъ гамъ довольно опасны, по причинѣ многогенныхъ песчаныхъ мелей; одна только панцирная компания за десятилѣтній періодъ ени потеряла шесть своихъ судовъ между ю-Леоне и Пальмовымъ мысомъ.

льшая часть рѣкъ Либеріи отдѣлены одна другой рядами высоты, примыкающихъ къ «дингскому плоскогорью»; но эти промежуточные цѣпи извѣстны только по ихъ вермъ, видимымъ съ морскаго берега и слушимъ примѣтами для моряковъ. Почти вездѣ а низмены, окаймлены лагунами и приливи или изрѣзаны волнами на маленькие краснаго или бѣлаго цвѣта, но тамъ и встрѣчаются также высокіе мысы, об окружающіе выступы побережья. Таковъ мысъ Гора (мысъ «Горы»), выдвинувшійся въ молчаніе лѣсистаго массива, почти островного, и высокая вершина которого достигаетъ четырехъ. Мысъ Мезурадо или Монсеррадо, предыдущаго (73 метра), имѣть болѣе значение, какъ опознавательный пунктъ кораблекрушений, благодаря тому, что онъ тся на наидалѣе выдвинутомъ выступѣ побережья и указываетъ входъ въ портъ юви, главнаго города республики. За мысомъ видна внутри материка цѣпь мѣнь, достигающая 335 метровъ въ самой сїи точкѣ, называемый Столовой горой e-mountain); далѣе, къ востоку отъ бухты шая Басса, показывается вершина Табачоры (Tobacco-mountain), а внутри терри- племени кру путешественникъ Болентъ Годейе, или «Желѣзную гору», назван-

ную такъ, можетъ быть, отъ красноватаго цвѣта ея пластовъ. На сѣверѣ отъ мыса Пальмъ, въ углу континента между Атлантическимъ океаномъ и Гвинейскимъ моремъ, находится другой массивъ, состоящій изъ краснаго песчаника и достигающій, однимъ изъ своихъ гребней, высоты 332 метровъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ страны, особенно на востокѣ отъ Монровии, пробились наружу эруптивныя породы; рядъ камней этого происхожденія и образовалъ самые большие пороги на рѣкѣ св. Павла. Въ низменныхъ частяхъ, возвышающихся надъ аллювіальными пространствами, на береговыхъ холмахъ и на плоскогорьяхъ почва Либеріи состоитъ изъ красноватой глины, прикрытої желѣзистымъ песчаникомъ, также какъ въ Сиера-Леоне и въ Сенегамбіи. Мандингское нагорье, сплошь поросшее высокой травой, въ которой всадникъ исчезаетъ вмѣстѣ съ конемъ, можетъ быть безъ труда расчищаемо подъ пашни, и почва его повсюду отличается необычайнымъ плодородіемъ. Андерсонъ говоритъ, что картофель тамъ рождается вѣсомъ отъ трехъ до четырехъ килограммовъ (почти до десяти фунтовъ). Тамъ и сямъ на скатахъ плоскогорья разсыпаны глыбы гранита, иные съ полосами на бокахъ ¹⁾), — еще одно лишнее указаніе на то, что эти области экваторіальной Африки тоже имѣли свой ледяной періодъ.

Времена года въ Либеріи менѣе правильны, чѣмъ на болѣе сѣверныхъ берегахъ, чтѣ, безъ сомнѣнія, зависятъ отъ перемѣнъ въ направленіи побережья, которое одной стороной обращено къ западу, другой — къ югу. Но общее дѣление сезоновъ такое же, какъ въ Сенегамбіи; годъ и здѣсь распадается на два періода: періодъ засухи, начинающейся въ декабрѣ и продолжающейся до конца апрѣля, и періодъ дождей, который подраздѣляется на двѣ части — большую и малую зиму. Сильные ливни сlijдутъ одинъ за другимъ съ начала мая до половины августа; послѣ того стоитъ ясная погода почти до конца сентября, затѣмъ наступаютъ новые дожди, сопровождаемые внезапными штормами и составляющіе второй зимній сезонъ. Эти штормы, ruchots, какъ ихъ называли старинные авторы, приходятъ всегда съ восточной стороны, тогда какъ обыкновенные бури происходятъ безразлично изъ всѣхъ точекъ горизонта; но эти явленія въ общемъ различаются только силой вѣтра; по выражению одного писателя, «бури Либеріи походить на неудавшіеся торнадосы» ²⁾.

Хотя страна эта лежитъ въ экваторіальномъ поясѣ, между восьмымъ и четвертымъ градусами сѣв. широты, климатъ ея, однако, не такъ зноенъ, какъ могли бы опасаться европейскіе иммигранты. Средняя годовая темпе-

¹⁾ Benjamin Anderson, „Musardu“.

²⁾ Ph. de Kerhallet; — Francois, „Instructions nautiques sur la côte occidentale d'Afrique“.

ратура въ Монровії $27^{\circ},5$ Цельзія, а суточныя измѣненія заключаются въ предѣлахъ отъ двадцати пяти до тридцати градусовъ, такъ что, слѣдовательно, здѣшний климатъ соотвѣтствуетъ жаркому лѣту умѣренного пояса. Наибольшія колебанія термометра имѣютъ мѣсто въ сухое время года: тогда гарматтанъ, дующій по ночамъ, часто приносить относительную прохладу съ горъ, черезъ которыхъ лежитъ его путь, днемъ же, особенно послѣ полудня, бываетъ сильная жара. Самый теплый мѣсяцъ—январь. Почти всегда гарматтанъ сопровождается густымъ туманомъ, который обыкновенно разсѣвается утромъ, но иногда продолжается цѣлый день, какъ туманы Альбіона. Въ нормальные дни чередование береговыхъ бризъ происходитъ съ замѣчательной правильностью, словно по движению часоваго механизма. Материковая бриза дуетъ утромъ, имѣя среднее направление съ сѣвера на югъ; морская бриза господствуетъ въ послѣ-полуденное время, приходя всегда съ запада; переходъ отъ одного вѣтра къ другому иногда бываетъ раздѣленъ промежуткомъ затишья, но обыкновенно совершается медленнымъ круговорашеніемъ, либо черезъ сѣверъ, около середины сезона, либо черезъ югъ, въ началѣ и въ концѣ периода засухъ. Дожди на берегахъ Либеріи выпадаютъ рѣже, чѣмъ на берегахъ Сієрра-Леоне, и въ дождливое время года погода здѣсь менѣе ненастна; ливни менѣе обильны по мѣрѣ приближенія къ побережью: между тѣмъ какъ въ 50—75 километрахъ отъ берега бушуютъ бури, вдоль самаго берега идетъ относительно тихая полоса, гдѣ корабли обыкновенно ищутъ убѣжища, хотя при этомъ они приближаются къ области рифовъ. Морскія теченія часто менѣяютъ направление въ худое время года: тогда какъ въ нормальному своемъ движениіи воды у берега текутъ на востоко-юго-востокъ, въ дождливый периодъ они направляются къ сѣверо-западу, и скорость ихъ иногда превышаетъ два километра въ часъ.

Климатъ Либеріи считается очень опаснымъ для иммигрантовъ; впрочемъ, онъ все-таки не имѣть такой дурной славы, какъ климатъ Сієрра-Леоне. Между бѣлыми издавна укоренилось мнѣніе, что пребываніе здѣсь болѣе трехъ лѣтъ было бы фатально для europейца, и потому они всегда послѣ двухлѣтняго жительства уѣзжаютъ на полгода на родину, для возстановленія здоровья. Наименѣе нездоровья пора года—сухой периодъ; однако, европейскіе иммигранты обыкновенно предпочитаютъ относительно прохладный зимній сезонъ. Самая опасная болѣзнь—болотная зараза. Въ одной изъ формъ перемежающейся лихорадки болотной, считая себя здоровымъ, вдругъ впадаетъ въ родъ идиотизма; онъ бредить на яву и смѣется безъ причины. Большинство болѣзней имѣютъ слѣдствіемъ разложеніе крови; чтобы

выразить это физиологическое состояніе, говорятъ въ шутку, что при уколѣ иглой изъ кожи бѣлага выступаетъ капелька воды прежде появленія крови. Даже негры, переселившіеся изъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сильной степени подвержены заболѣванію болотной лихорадкой, тогда какъ коренныхъ жителей края она не трогаетъ. Водяника тоже одна изъ обыкновенныхъ болѣзней у «американскихъ» переселенцевъ; но диссентерія, столь опасная въ другихъ тропическихъ странахъ, не дѣлаетъ жертвъ въ Монровіи⁴⁾.

Флора Либеріи, принадлежащая къ области Судана, какъ и флора болѣе сѣверныхъ береговъ до Салума, почти не отличается отъ растительного царства Сієрра-Леоне; она также замѣчательна богатствомъ своей растительности, обширностью и красотой своихъ лѣсовъ; даже дюны покрываются растеніями, именно вьюнами (*convolvulus*), съ ихъ цѣвѣющими гирляндами, и маленькими пальмами (*hyphaene*), распускающими свои вѣры на высотѣ одного метра надъ землей. Кокосовая пальма, неизвѣстно когда введенная въ этой странѣ, нашла здѣсь вполнѣ подходящую для себя почву и распространилась въ дикомъ состояніи не только на морскомъ берегу, но также по берегамъ рѣкъ: что касается мангового дерева, которое негроторговцы разводили вокругъ своихъ бараковъ, то оно встрѣчается только на морскомъ берегу; по крайней мѣрѣ Бюттикеферъ нигдѣ не видѣлъ его внутри страны. Дикихъ деревьевъ, дающихъ съѣдобные плоды, здѣсь мало; впрочемъ, дерево кала свойственно также либерійской флорѣ, а въ лѣсныхъ прогалинахъ ананасовые кусты образуютъ густые заросли.

Золотымъ деревомъ для жителей Либеріи является кофейное дерево, которое растетъ дико въ лѣсахъ этой страны, и которое въ послѣднее время получило, какъ средство для возстановленія кофейныхъ плантаций, такую же экономическую цѣнность, какъ американская виноградная лоза для виноградарства. Большій кофейного дерева, *hemileia vastatrix*, причинившая столько вреда въ производящихъ кофе странахъ Старого Свѣта, на островѣ Цейлонѣ, въ Индіи, Явѣ, и нападающая также на культуры Бразилии, вынуждаетъ плантаторовъ отнынѣ покинуть первоначальный видъ этого растенія, ввезенный съ плоскогорья Габешъ и изъ Аравіи: они должны прибѣгать къ кофейному дереву Либеріи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ ихъ плантаций, которыхъ находятся на соотвѣтственной высотѣ, такъ какъ поясье проиразстанія либерійского дерева, въ среднемъ, ниже, нежели поясъ обыкновенной породы; бобы его не менѣе ароматичны, чѣмъ зеюпскій кофе, когда умѣютъ обрабатывать

⁴⁾ Winwood Read;—Büttikofer, цитиров. сочиненія.

ихъ надлежащими способами. Либерийское кофейное растеніе не деревцо, какъ аравийскій его сородичъ, а большое дерево, которое, въ

дѣственныхъ лѣсахъ западной Африки, иногда ное дерево, оно совершенно противостоитъ болѣзні *hemileia vastatrix* и растетъ во всемъ поясѣ отъ уровня моря до высоты 800 или 900 метровъ. Его веретенообразные корни

Европейский кварталъ въ Лагосѣ.

достигаетъ 12 и 13 метровъ (6 сажень) въ высину; своимъ наружнымъ видомъ оно напоминаетъ манголію. Болѣе скороспѣлое и болѣе производительное, чѣмъ обыкновенное кофей-

пробуравливаютъ почву, даже самую плотную, до значительной глубины, чтобы отыскать необходимую влагу. Оно растетъ на всякой землѣ, но предпочитаетъ глинистая и немногого крем-

нистыхъ почвы: на такихъ почвахъ оно всего обильнѣе покрываетъ ягодами и даетъ плоды высшаго качества¹⁾.

Либерія вывозить также пальмовое масло, каучукъ и красное дерево, по-англійски *s-m-wood* (*Baphia haematoxylon*), употребляемое, преимущественно во Франціи, для окраски ткачей. У языческихъ племенъ это дерево считается однимъ изъ самыхъ священныхъ: его помышають у входа въ деревни, въ чертowychъ рощахъ (*devil-bushes*), куда не могутъ проникать профаны²⁾). Самородная флора за-ключаетъ въ себѣ также «противулихорадочное дерево», листья которого, повидимому, обладаютъ свойствами хинны. Что касается культурныхъ растеній иностранного происхождения, то трудно сказать, какіе виды не могли бы быть съ усѣхъ разводимы въ этой плодородной странѣ, либо въ теплыхъ равнинахъ побережья, либо на умѣренныхъ плоскогорьяхъ територіи мандинговъ. Земляныхъ фисташекъ (арахідъ) почти не вывозятъ за границу, потому что плантациі этого растенія опустошаются грызунами и другими животными; но рѣка св. Павла уже окаймлена въ нижнемъ своемъ течениі какаовыми деревьями и сахарнымъ тростникомъ. Что касается плода, отъ котораго вся часть побережья между мысомъ Мезурадо и мысомъ Пальмъ получила название «Перечного берега» (по-французски *Côte des Graines*, или *du Poivre*, или *de la Malaguette*), то замѣчательно, что вѣнчаная торговля, прежде такъ высоко цѣнившая этотъ продуктъ, по-томъ совершенно перестала его вывозить. Это особый видъ кардамона (*amomum granaum Radisi*), съ цветками, окруженными яркими прицѣтниками, плодъ котораго, образующійся въ нижней части стебля, развивается въ багряно-красный стручекъ, наполненный черными зернами въ сочной мякоти. Послѣ утомительной ходьбы, ничто такъ не утоляетъ жажду, какъ этотъ стручковый «гинейскій перецъ», благодаря кисловатому вкусу его мякоти, рѣзко отличающемся отъ жгучаго вкуса сѣмянъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи европейская промышленность утилизировала этотъ перецъ главнымъ образомъ для приданія огня спиртнымъ напиткамъ; туземцы употребляютъ его какъ средство отъ головныхъ болей и лихорадокъ, и окуриваютъ имъ покойниковъ. Имя *malaguette* или *manigette*, данное этому «райскому сѣмепи», подало поводъ къ продолжительнымъ спорамъ, такъ какъ одинъ старинный путешественникъ, Бильо-де-Бельфонъ, указывалъ на это слово какъ на доказательство того, что этотъ край былъ открытъ діенскими мореходами. Но исторія этого термина еще неизвѣстна: Гумбольдтъ видитъ въ немъ скра-

щеніе тамульского слова *malagu*, примѣняемаго къ индійскому перцу¹⁾). Первый, употребившій это наименование для обозначенія «африканскаго перца», былъ итальянецъ Аntonio-di-Noli, который въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящемся къ 1455 году, говорить о богатствѣ этого берега золотомъ и плодомъ «тегеgeta»²⁾). Этотъ драгоцѣнный стручковый перецъ вывозится преимущественно съ устья Rio-Сестосъ.

Отличія, впрочемъ незначительныя, либерійской фауны отъ животнаго царства сосѣднихъ странъ объясняются свойствомъ почвы и распределеніемъ лѣсовъ. На Мандингскихъ плоскогорьяхъ и травяниихъ степяхъ массами бродятъ антилопы, буйволы, слоны, а вокругъ селеній пасутся на отличномъ подножномъ корку домашнія животныя, лошади, коровы, овцы и козы. Жители разводятъ двѣ конскихъ породы, крупную—большаго скакуна для парада, и мелкую—неутомимую лошадку, употребляемую для поѣздокъ и на войнѣ. Внизу, въ сырыхъ долинахъ, туземцы не имѣютъ стадъ, а лошади, приводимыя въ города прибрежья, быстро дѣлаются жертвой неблагопріятнаго климата. Слонъ прежде спускался до самаго моря, теперь же его можно встрѣтить только на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Больше бегемоты рѣдки въ Либеріи²⁾), еще рѣже мелкая разновидность этого толстокожаго, скелетъ котораго имѣется въ Парижскомъ зоологическомъ музеѣ. Ламантинъ, или манатъ, и два вида крокодила, живущіе въ рѣкахъ и лагунахъ, тоже такъ рѣдки, что нѣкоторымъ натуралистамъ, долго странствовавшимъ въ томъ краю, не удалось видѣть ихъ. Такжѣ и большіе хищники немногочисленны въ лѣсахъ: тамъ нѣть ни льва, ни гиены, а леопарды, иногда показывающіеся около фермъ,—довольно пугливыя животныя, убѣгающія при видѣ человѣка; самымъ страшнымъ звѣремъ у туземцевъ считается одинъ видъ буйвола, называемый «американцами» поморья *bush-cow* (лѣсная корова). Между обитателями лѣсовъ особенно замѣчательны шимпанзе, извѣстные у либеріцевъ подъ именемъ *baboons* (павіаны): къ нимъ относятся съ большимъ уваженіемъ и никогда не бѣгать ихъ мясо, потому что они походять на человѣка; туземецъ, умертвившій одного изъ этихъ двурукихъ, считается виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи, и, въ видѣ искупленія своей вины, онъ десять дней подрядъ приносить различныя яства на мѣсто совершеннаго убийства. Кроме того, здѣсь водятся разныя другія породы обезьянъ, которыхъ дозволяется убивать; долговхостый обезьянъ, излюбленная дичь туземцевъ, безшумно разгуливаютъ

¹⁾ Echassérianx, „Revue Française de l'étranger et des colonies“; nov. 1885.

²⁾ Büttikofer, цитиров. статья.

¹⁾ „Examen critique de l'histoire de la Géographie“.

²⁾ Santarem, „Recherches sur la Priorité de la Découverte de la côte occidentale d'Afrique“.

³⁾ C. S. Stockwell, „The Republic of Liberia“.

по верхушкамъ деревьевъ многочисленными бандами, доходящими до сотни особей. Въ частяхъ лѣса, усѣянныхъ прогалинами, встречаются многие виды антилопъ, между прочимъ, *springera*, самая маленькая изъ всѣхъ газелей: ноги у нея тоненькия, какъ палочки, а рожки не болѣе двухъ сантиметровъ въ длину. Что касается міра наѣкомыхъ, то онъ такъ богатъ, что Либерію называли «царствомъ муравьевъ». Въ Монровіи пришлось вновь отстроить цѣлые кварталы, источенные термитами ¹⁾.

Внутри страны горы и плоскогорья заняты могущественной націей мандинговъ, и здѣсь также, какъ и въ другихъ областяхъ западной Африки, эти завоеватели, пришедши съ востока, оказываются большое вліяніе, благодаря своей сравнительно болѣе высокой цивилизациі: они уже обратили въ исламъ многія изъ туземныхъ племенъ морской покатости. У основанія возвышеностей, въ бассейнѣ рѣки св. Павла, разсѣяны укрѣпленные деревни, принадлежащія воинственнымъ народцамъ песси и бусси, еще недавно пистреблявшимъ другъ друга въ безпрестанныхъ битвахъ, но отличающимся необыкновенной вѣжливостью обращенія. Каждое племя имѣть свой языкъ и особую татуировку: у однихъ—линія, проведенная отъ щеки къ подбородку, у другихъ—черта, соединяющая корень уха съ наружнымъ угломъ глаза; они подпиливаютъ себѣ зубы,—обычай, теперь не имѣющій смысла, во прежде цѣль его была та, чтобы пугать врага, скрежеща страшными пилами, готовыми растерзать его: Уинвудъ Ридъ говорить, что у этихъ народцевъ каннибальскіе пиры существовали еще въ 1870 году. Бусси—очень хороши земледѣльцы и собираютъ большое количество хлопка, который у нихъ покупаютъ иностранные негоціанты. Больше могущественныхъ и болѣе многочисленны голасы или гурасы, главная масса которыхъ обитаетъ къ западу отъ рѣки св. Павла, по берегамъ его притоковъ и соѣдніихъ рѣкъ. Это тоже воинственное племя, и ему приписываются истребленіе, почти полное, народца дехъ или девой, отъ котораго осталось лишь нѣсколько семействъ, разсѣянныхъ вокругъ плантаций поморья ²⁾. По словамъ Коста, девойскимъ нарѣчіемъ теперь говорятъ только въ пяти деревняхъ: его замѣняетъ мало-по-малу англійскій языкъ американскихъ негровъ Монровіи.

На сѣверныхъ границахъ, берега рѣки Марфы и озера Фишермэнъ населены племенами родственной мандингамъ націи веи, численность которой опредѣляютъ въ 50.000 душъ. Мирные земледѣльцы, съ которыми бѣлые путешественники, проникнутые духомъ справед-

ливости, живутъ въ добромъ согласіи, веи почти обращены въ магометанство: уѣгая отъ мандинговъ, распространителей ислама, эти племена, тѣмъ не менѣе, были настигнуты новой религіей въ равнинахъ прибрежья, где они поселились, и которая имъ приходится защищать противъ своихъ сѣверо-западныхъ сосѣдей, галлиносовъ. Языкъ веевъ—очень звучный, богатый гласными, съ суффиксами, безъ флексій; онъ хорошо изученъ различными грамматиками, особенно Келле, который собралъ пословицы, сказки и басни этого народа,—драгоценное сокровище, которое, вѣроятно, скоро будетъ имѣть только историческій интересъ, потому что англійская рѣчь мало-помалу дѣлается цивилизованнымъ языкомъ у веевъ, тогда какъ ихъ природный діалектъ вырождается въ простонародный говоръ. Съ 1834 года эта нація имѣетъ силлабическая письмена, состоящія изъ двухсотъ слишкомъ знаковъ, которые были изобрѣтены туземцемъ, по имени Доалу-Букере, принадлежащимъ къ одному изъ могущественныхъ туземныхъ родовъ: знаки пишутся отъ лѣвой руки къ правой, безъ промежутковъ между словами. Для осуществленія своей идеи, Доалу составилъ товарищество съ другими пятью молодыми людьми, своими друзьями; затѣмъ, чтобы не утратилась память изобрѣтенныхъ знаковъ, онъ ввелъ короля въ свои интересы, презентовавъ ему сотню брусковъ соли. Король, восхищенный подаркомъ, объявилъ, что новый букварь есть, вѣроятно, та священная книга, о которой магометане говорятъ, какъ о написанной самимъ Аллахомъ. Желая, чтобы его подданные сдѣлялись «грамотеями», какъ мандинги и поро, т. е. португальцы, онъ велѣлъ тотчасъ же построить большую хижину, куда его народъ, мужчины, женщины, дѣти, приходилъ учиться начертанію и чтенію новоизобрѣтенныхъ письменныхъ знаковъ. Вскорѣ цѣлая деревня школъ выросла вокругъ первоначальной хижины, и когда пожаръ уничтожилъ ее, «грамотеи» соединенными силами выстроили новую ¹⁾). Такимъ образомъ вейскій букварь не былъ простой игрой ума, и теперь еще многіе туземцы пользуются имъ для своихъ семейныхъ записокъ и для корреспонденцій. Главный изобрѣтатель вейскихъ письменъ составилъ на этомъ языѣ исторію своего народа и написалъ трактатъ о нравственности ²⁾.

Къ югу отъ рѣки св. Павла, около основанія Мандингского плоскогорья, долины населены племенемъ барлинъ, еще дикимъ. Что касается южной части Либеріи, то она занята племенемъ басса, въ землѣ того же имени, племенемъ кру, обитающимъ къ югу отъ рѣки Сину, и племенемъ гребо, поселившимся въ сосѣдствѣ

¹⁾ Bütikoefer, цитированное сочинение.

²⁾ Winwood Reade;—Benjamin Anderson, цитированное сочинение

¹⁾ Kellie, „Africa Polyglotta“.

²⁾ Bütikoefer, цитированное сочинение.

Пальмового мыса. Басса—смиренные и трудолюбивые земледельцы, въ числѣ около 50,000 душъ, снабжаютъ большую часть республики рисомъ, домашней птицей и другими жизненными припасами, производимыми въ изобилии ихъ фермами¹). Южные басса, фишмены, нифу, гребо, кру и всѣ прибрежныя племена, въ числѣ около 40.000 душъ, соединены подъ общимъ наименованиемъ «кру», болѣе известны подъ англійскими именами *Krooten* и *Krooboys*, которая слѣдовало бы писать *Crew-men* и *Crew-boys*, если правда, что это название значить «люди экипажа» (судовой команды; однако, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, одно изъ племенъ, живущее близь Сетра-Кру, носитъ еще первоначальное название «Крао», которое, вѣроятно сдѣлалось генерическимъ именемъ всѣхъ народцевъ прибрежья²). По народному преданію, крумены—уроженцы внутреннихъ странъ; ихъ сородичи, гребо, пришли, будто бы, на Пальмовый берегъ уже послѣ португальскихъ открытій. Если это дѣйствительно такъ, то нельзя не удивляться смыслености, съ которой эти люди, приведшіе изъ области горъ, съумѣли приспособиться къ своей новой средѣ: изъ пастуховъ, какими они были, они сдѣлались отличными рыболовами, какъ фишмены, прекрасными моряками, рѣдкой отваги, ловкости и присутствія духа. Море—это ихъ стихія: любо смотрѣть, какъ они лавируютъ среди буруна въ выдолбленномъ стволѣ дерева, бросаются въ воду, когда большой валь опрокинетъ ихъ пирогу, поднимаютъ и опоражниваютъ ее, все время плавая и защищаясь отъ волнъ и акуль. Еще около половины настоящаго столѣтія, крумены, какъ раса, совершенно отличались отъ старого прибрежнаго населенія, называемаго англичанами *Fishmen*, т. е. «рыболовами». Эти послѣдніе были воспитателями круменовъ, но они мало-по-малу сливаются съ ними, хотя капитаны судовъ долго принуждены были держать ихъ раздѣльно или набирать свой экипажъ исключительно въ которой-нибудь одной изъ этихъ двухъ націй. Экзогамическіе браки видоизмѣняютъ расу до безконечности. Крумены часто берутъ себѣ женъ изъ племени веи, женщины котораго между всѣми африканками этого берега выдѣляются какъ красотой, такъ и умомъ³).

Собственно крумены соединены въ сплоченную группу только на узкомъ пространствѣ берега, между рѣкой Сину и Пальмовымъ мысомъ: тамъ находятся пять ихъ значительнѣйшихъ поселеній, Кру-баръ, Литль-Кру, Сетра-Кру, Нана-Кру и Кингъ-Уильямсъ-таунъ; но виѣ этой центральной энклавы они занимаютъ мно-

гочисленныя мѣстечки на побережье, и каждый приморскій городъ имѣть особый кварталъ, Кроо-town, населенный исключительно неграми-моряками. Крумены—сильны, мускулисты, широкоплечи: это, вѣроятно, самые сильные изъ африканцевъ, между которыми такъ много народцевъ, щедро одаренныхъ природой въ отношеніи тѣлесной силы. Что касается головы, которая у круменовъ соединена съ широкими плечами по истинѣ воловьей шеи, то она представляеть обычныя черты негритянскаго типа: приплюснутый носъ, выдавшіяся скулы, немного выступающіе передніе зубы, толстыя губы, желтые глаза, часто налиты кровью: «образите себѣ, говорить одинъ путешественникъ, голову Сидена на туловищѣ Антиона». Что еще болѣе увеличиваетъ, въ оцѣнкѣ europейцевъ, безобразіе круменовъ,—это лицевая отличительная мѣтка, принятая ими и фишменами,—порѣзъ, идущій отъ вершины лба вдоль ребра носа; у нѣкоторыхъ эта черта продолжается между ноздрями и на губахъ до подбородка, чтѣ доставило имъ у англійскихъ моряковъ прозвище *Blue-Noses*, «синіе носы»; кромѣ того, щеки, грудь и разныя другія части тѣла украшены татуировками. Крумены вообще очень чистоплотны: мужчины и женщины моются теплой водой одинъ или нѣсколько разъ въ день, затѣмъ натираютъ себѣ тѣло растительнымъ масломъ, при помощи куска грубой ткани.

Въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи крумены—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ Африки. Въ одно и то же время добродушные и гордые, сознающіе свою силу, они очень свободолюбивы и никогда не позволяли поработить себя. Обитая на морскомъ берегу, посѣщаемомъ впродолженіи четырехъ вѣковъ негроторговцами, они всегда умѣли противостоять общими силами всякой попыткѣ ловли, и когда круменъ попадалъ въ неволю, онъ предпочиталъ лучше утопиться или уморить себя голодомъ, чѣмъ служить рабомъ; иногда онъ жестоко мстилъ бѣлому, прежде чѣмъ лишить себя жизни. Оттого эти туземцы всегда пользовались уваженіемъ со стороны негроторговцевъ; говорять, они для того и приняли такой безобразящій лицо отличительный знакъ, чтобы въ нихъ признавали свободныхъ людей: одна часть ихъ страны была окрещена бѣлыми именемъ «Берега злыхъ людей», безъ сомнѣнія, за то, что эти негры были такъ невѣжливы, что не давали обращать себя въ рабство безъ того, чтобы не освободиться самоубійствомъ или не отплатить жестокой местью. Впрочемъ, крумены, такъ энергично сопротивлявшися порабощенію, никогда не вели торга человѣческимъ мясомъ съ бѣлыми; рабство, правда, существовало у нихъ, но если они позволяли себѣ покупать пѣнниковъ у чужихъ племенъ, то сами никогда не продавали ихъ виѣ своихъ

¹⁾ Gurlez, „Official Report to the Senate of United States“, 1850.

²⁾ R. Burton, „Wanderings in West“.

³⁾ Widwood Reade, „African Sketch-book“.

общинъ и вообще обращались съ ними очень кротко. Фишиены не обзаводились невольницами; въ прежнія времена, по словамъ Горнея, они приносили военнопленныхъ въ жертву подъ деревомъ-фетищемъ.

Крумены составляютъ маленькия республики, въ которыхъ глава, съ наследственной властью, есть не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ министра вышнихъ сношеній, на обязанности которого лежитъ вести переговоры и вступать въ соглашенія, по общимъ дѣламъ, съ капитанами кораблей и представителями Либерийскаго государства; онъ держитъ рѣчи, даетъ и принимаетъ подарки, но не управляетъ. Общественные дѣла обсуждаются и решаются совѣтомъ старѣшинъ, которые засѣдаютъ въ общемъ домѣ, и знакомъ достоинства которыхъ служить желѣзное кольцо, носимое на ногѣ. Предсѣдатель этого совѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ духовный глава, есть хранитель национальныхъ символовъ; жилище его считается священнымъ и не прикосновеннымъ, вслѣдствіе чего всѣ бѣглецы могутъ находить тамъ безопасное убѣжище; онъ выдаетъ ихъ только послѣ того, какъ убѣдится въ ихъ виновности. На него смотрятъ какъ на лицо, обязанное специально пепись о благѣ народа: если общественное здравіе удовлетворительно, если сборъ плодовъ земныхъ обиленъ и торговля процвѣтаетъ, ему изъявляютъ за это благодарность; если же дѣла идутъ худо, его смѣщаютъ, и онъ возвращается въ толпу простыхъ гражданъ. Большинство мужчинъ въ цвѣтѣ силъ соединены въ ассоціацію для общей защиты территоріи, но никто не допускается въ это общество безъ взноса вступной платы, представляемой одной коровой. Что касается молодыхъ парней, то они считаются лишь кандидатами на честь вступленія въ национальную армію; но имъ поручаются иногда маленькия дѣла, чтобы подготовить ихъ къ будущимъ обязанностямъ. Имущество составляетъ семьюную собственность: за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ личныхъ вещей, все, чѣмъ владѣеть семья, есть ея общее достояніе и не можетъ быть отчуждаемо безъ согласія членовъ, достигшихъ зрѣлаго возраста. Земля въ принципѣ считается колективной собственностью; но каждый пахарь есть фактический владѣлецъ поля, пока онъ его обрабатываетъ: никто не можетъ отнять у него почву, расчищенную имъ подъ пашню; однако, онъ не имѣть права продать ее. Когда онъ перестаетъ пользоваться земельнымъ участкомъ, послѣдній снова поступаетъ въ общинное владѣніе.

Отличаясь очень развитымъ семейнымъ и родственнымъ чувствомъ, сильной привязанностью къ братямъ, сестрамъ, дѣтямъ и особенно къ матерямъ, такъ же, какъ большой любовью къ родному мѣсту, крумены, тѣмъ не менѣе, доставляютъ, сравнительно съ другими

африканскими народами, наибольшій контингентъ временныхъ эмигрантовъ. Мужчины этого племени, охотно предоставляя земледѣльческія работы женщинамъ и пѣнникамъ, самианимаются, съ четырнадцати или пятнадцати лѣтнаго возраста, къ иностранцамъ либо на службу въ факторіяхъ, либо въ качествѣ матросовъ, заключая условіе обыкновенно на довольно короткій срокъ. Они не любятъ связывать себя болѣе какъ на «тринадцать лунь» въ дальнія отъ африканскихъ береговъ плаванія; впрочемъ, между ними встречаются моряки, бывавшіе въ портахъ Европы и Америки или даже совершившіе кругосвѣтие плаваніе. Безъ круменовъ, торговля бѣлыхъ на берегахъ Гвианы была бы почти невозможна. Случалось, что корабли теряли весь свой экипажъ изъ европейцевъ: безъ туземныхъ матросовъ, пощаженныхъ смертью, такія суда очутились бы въ беспомощномъ положеніи, носимы по волѣ волнъ. Крумены служатъ живымъ опроверженіемъ той предвзятой идеи, будто люди жаркихъ странъ обречены на неизлечимую лѣнъ: они работаютъ съ большой энергией и неутомимостью. Оказывая должное почтеніе къ своимъ хозяевамъ и строго исполняя принятія на себя обязательства, они заботливо слѣдятъ за тѣмъ, чтобы и въ отношеніи ихъ были соблюданы выговоренные условія. Контракты о наймѣ они заключаютъ не иначе, какъ въ присутствіи начальника деревни, который всегда требуетъ, въ видѣ гарантіи, «книжку», то есть формальную бумагу, скрѣпленную подписями и печатями; даже неграмотные хранять, какъ драгоценность, всю коллекцію подписаныхъ имъ «книжекъ»¹). Крумены ведутъ также торговлю за собственный счетъ: они продаютъ морякамъ убойный скотъ, рисъ, земляные фисташки, пальмовое масло и добываютъ морскую соль, отправляемую ими внутрь материка; этимъ послѣднимъ промысломъ занимаются обыкновенно старухи, выпаривая морскую воду, чтобы извлечь изъ нея соль, которая составляетъ одну изъ главныхъ статей торговли съ внутренними мандингами. Уходя въ плаваніе, матросы-крумены берутъ съ собой главнымъ образомъ запасъ риса, который составляетъ почти исключительную ихъ пищу на кораблѣ²).

Благодаря своему беспрестанному соприкосновенію съ иностранцами, крумены сдѣлались полиглотами: ихъ діалектъ, приближающійся къ языку фантиевъ и ашантіевъ и помѣщаемый миссіонерами, подъ именемъ «мана», въ одинъ классъ съ нарѣчіями племенъ басса и гребо, все болѣе и болѣе замѣняетсяанглійской рѣчью въ соѣдствіи факторій; почти всѣ главари получили отъ своихъ товарищъ, слу-

¹) Böttikofer, цитирован. статья.

²) H. Koler, „Einige Notizen über Bonny“.

жившихъ въ матросахъ, англійскія прозвища, по большей части шутливыя, какъ, напримѣръ: *Jack-after-Supper*, *Flying-Jib*, *Two-pound-ten*. Большинство деревень также окрещены названіями на англо-негритянскомъ жаргонѣ; почти каждое большое поселеніе имѣетъ въ окрестностяхъ предмѣстье, носящее то же имя, съ приставкой словъ *half*, или «полу», и *ricantipu* (отъ португальскаго *redesepito*), или «малый». Въ отношеніи костюма крумены также находятся въ переходномъ періодѣ къ европейской модѣ: они носятъ матросскую куртку, соломенную или войлочную шляпу, а въ дождь даже бретонскую накидку (*suroit*); на сушѣ солнечный зонтикъ вошелъ во всеобщее употребленіе, даже у мужчинъ. Страстъ къ украшеніямъ сильно развита въ этомъ племени. Когда молодой круменъ возвращается изъ своихъ странствій съ маленькой, скопленной на службѣ, деньгой, тотчасъ же собирается семейный совѣтъ для обсужденія вопроса о томъ, какое сдѣлать употребленіе изъ принесенного капитала, и всегда известная часть послѣдняго откладывается для покупки агатовыхъ пуговицъ, цѣпочекъ, браслетовъ, красивыхъ матерій; молодаго человѣка женятъ, и онъ дарить своей супругѣ наряды, купленные за границей. Жизни во многихъ мѣстахъ принимаютъ европейскій видъ: въ нихъ уже можно встрѣтить англійскую меблировку, стулья, столы, ковры, поставцы для посуды. Еще вопросъ—не оказываетъ ли эта туземная нація круменовъ, взятая въ пѣломъ, для цивилизаціи африканскихъ племенъ болѣе серьезное влияніе, чѣмъ «американскіе колонисты», съ ихъ педантическими модами и заимствованными правилами жизни? Что касается бѣлаго населенія, то оно очень немногочисленно; во всей республикѣ оно состояло, въ 1884 году, изъ сорока лицъ, въ числѣ которыхъ была только одна женщина, супруга миссіонера. Цвѣтные люди называютъ себя бѣлыми и, въ качествѣ таковыхъ, стремятся къ захвату въ свои руки управлѣнія государствомъ. Борьба партій въ дѣйствительности есть борьба «цвѣтныхъ» противъ черныхъ, въ которой теперь перевѣсь на сторонѣ первыхъ.

За исключеніемъ небольшаго числа благомыслящихъ людей, поставившихъ себѣ задачей осуществленіе цѣлей нравственнаго возрожденія бывшихъ невольниковъ, для котораго была основана эта колонія, большинство *weegee*, «цивилизованныхъ» либерійцевъ, стараются увѣдомить себя въ собственномъ превосходствѣ, выказывая презрѣніе къ туземцамъ, къ этимъ «смердающимъ лѣснымъ неграмъ», *stinking bushniggers*, и держа ихъ въ состояніи униженія и рабства. Браки между «американцами» и туземными девушкиами чрезвычайно рѣдки, и «цивилизованное» населеніе пополняется только вновь прибывающими переселенцами: пре-

доставленное самому себѣ, оно должно бы было годъ отъ году уменьшаться въ численности; въ 1877 году оно возрасло вслѣдствіе значительного прилива вольно-отпущеныхъ негровъ, прѣѣхавшихъ изъ Южной Каролины. Одна маленькая колонія состоитъ исключительно изъ чернокожихъ съ Барбадскихъ острововъ¹⁾). Наконецъ, корабли привезли много негровъ съ Габона и Заира, называемыхъ общимъ именемъ «уроженцевъ Конго» и считаемыхъ въ Либеріи стоящими по умственнымъ способностямъ гораздо ниже всѣхъ другихъ чернокожихъ. Рабство, проклятое учрежденіе, подъ которымъ такъ долго страдали предки эмигрантовъ, отмѣнено только по имени. Законъ грозитъ тяжкими карами всякому покупщику невольниковъ, но онъ не воспрещаетъ наемъ батраковъ, *boys*, за которыхъ плантаторы платятъ задолжавшимъ начальникамъ внутреннихъ племенъ, и которыхъ они держать въ крѣпостномъ состояніи. Миссіонеры, относительно довольно многочисленные, основали нѣсколько становъ внутри страны, въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ невольничество, и выкупали сиротъ, которыхъ они воспитываютъ по-американски, давая выкупленному имя какого-нибудь благотворителя въ Соединенныхъ Штатахъ, который принимаетъ титулъ «отца» и уплачиваетъ издержки на образованіе своего пріемнаго сына. Пропаганда миссіонеровъ обратила въ различныя протестантскія вѣроисповѣданія туземцевъ племенъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ плантациями; негры Африки, какъ и негры Нового Свѣта, знаютъ собранія подъ открытымъ небомъ, *campmeetings*, гдѣ смышиваются молитвы, пѣсни и крики, иногда также рыданія, бѣщеная пляска, обмороки и конвульсіи.

Вѣнчанія торговля Либеріи незначительна въ сравненіи съ пространствомъ территоріи (ежегодный вывозъ — около 5 миллионовъ, ввозъ — около 3.750.000 франковъ). Прежде торговля сношенія производились главнымъ образомъ съ родиной черныхъ колонистовъ, особенно съ Филадельфией; въ настоящее время почти все движеніе торговаго обмѣна направляется къ Великобританіи и къ Гамбургу. Установленіе правильныхъ линій судоходства между Англіей и африканскимъ побережьемъ все болѣе и болѣе отвлекаетъ въ Европу торговлю этой «американской» колоніи. Жители послѣдней сами принимаютъ непосредственное участіе въ каботажномъ судоходствѣ при помощи небольшихъ судовъ (вмѣстимостью отъ 15 до 80 тоннъ), которыхъ строятся въ Монровіи. Движеніе судоходства въ портахъ Либеріи выразилось въ 1882 г. слѣдующими цифрами: всего въ приходѣ и отходѣ было 325 судовъ, съ общей вмѣстимостью 260.428 тоннъ въ томъ числѣ приходилось на долю:

¹⁾ Winwood Reade, „African Sketch-book“.

Великобританії—111 судовъ, въ 197.786 тоннъ; Германії—34 судна, въ 44.567 тоннъ; Либерії—122 судна, въ 2.013 тоннъ.

Слоновая кость, составлявшая прежде значительную статью отпускной торговли, нынѣ вывозится лишь въ очень маломъ количествѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ слонъ вынужденъ былъ удалиться во внутренне лѣса. Красильное дерево, каучукъ, пальмовое масло и сельско-хозяйственные произведения, кофе и арахиды (земляные фисташки) являются теперь главными предметами либерійского экспорта: иностранцы платятъ за нихъ мануфактурнымъ товаромъ, материалами, машинами и орудіями, писчей бумагой и въ особенности водкой и табакомъ. Большинство «американцевъ» Либерії стремятся вести земледѣльческую культуру въ обширныхъ размѣрахъ: они заводятъ плантациіи, вместо того, чтобы заниматься просто производствомъ жизненныхъ припасовъ. За исключениемъ Монровіи и другихъ портовъ, открытыхъ международной торговлѣ, торговля сношенія производится еще путемъ мѣны: деньги ходятъ только въ городахъ.

Сѣверное городское поселеніе республики, Робертспортъ, несмотря на его счастливое торговое положеніе, представляетъ еще просто поле, устьяное домами и хижинами. На всемъ побережье Либерії нѣтъ болѣе очаровательного мѣста. Съ вершины «горы Мыса» (Cape-Mount), которая господствуетъ надъ Робертспортомъ, развѣтвляясь въ юго-восточномъ направлениі на нѣсколько отроговъ, расположенныхъ на подобіе «пальцевъ руки», открывается обширный видъ на берега синяго озера Фишермэнъ, на аллювіальныя стрѣлки бара и на море, опоясывающее зеленою полупустынью полуокругомъ волнъ прибоя. Одна изъ высотъ этого полуострова, поднимающаяся надъ поясомъ лихорадокъ, была выбрана главнымъ мѣстопребываніемъ миссіонеровъ либерійского берега; но внизу материковые вѣтры приносятъ вредныя испаренія прибрежныхъ болотъ, порождающія опасная болѣзни. Робертспортъ — естественный складочный пунктъ всѣхъ рѣкъ, протекающихъ черезъ плодороднѣйшія мѣстности територіи Либерії и впадающихъ въ общий бассейнъ озера Фишермэнъ; но безпрерывныя войны, возбуждаемыя честолюбіемъ начальниковъ племенъ веи, коссо, галлинасъ, затрудняютъ мирнымъ неграмъ сбыть ихъ пальмового масла и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Въ 1882 году Робертспортъ избѣгъ осады только благодаря своевременному пріѣту милиционеровъ, посланныхъ изъ Монровіи: городокъ былъ переполненъ бѣглецами всѣхъ окружающихъ племенъ, и начиная уже ощущаться недостатокъ продовольствія въ этой обѣгованной землѣ. Городъ Мадина на потокѣ Джонни-крикъ; Бесса, названный такъ по

имени главаря, имѣющаго тамъ постоянное пребываніе; мандингскій городъ Коро, на Джапакѣ, южномъ притокѣ рѣки Морфи; Коболіа, резиденція короля «Sandfish», націи веенъ; на конецъ, на переднихъ террасахъ Мандингскаго плоскогорья, Бапоро, столица короля «Boatswain», въ землѣ Кондо,—являются, въ мирное время, естественными притоками складочного пункта на мысѣ Горы, снабжающими его мѣстными произведеніями.

Бапоро—очень дѣятельный торговый городъ: когда Андерсонъ проѣжалъ черезъ него, въ 1868 году, въ немъ насчитывалось около десяти тысячъ жителей, вмѣстѣ съ предмѣстіями. Всѣ окрестныя племена были представлены въ этой столицѣ, такъ какъ тамъ говорили на восьми языкахъ; но преобладающая роль принадлежала мандингамъ магометанамъ, крупнымъ рабовладѣльцамъ. Порабощенное населеніе составляетъ около двухъ третей всѣхъ жителей и употребляется почти исключительно для перевозки товаровъ, особенно соли, между прибрежьемъ и внутренними городами. Эти невольники терпятъ отъ своихъ господъ мусульманъ гораздо болѣе суровое обращеніе въ сравненіи съ тѣмъ, какъ обходятся съ рабами въ окружающихъ языческихъ племенахъ; въ 1866 году бапорскимъ купцамъ только съ большимъ трудомъ, и то при помощи измѣны, удалось подавить восстание своихъ пленниковъ. Они отдали женщинъ и дѣтей одному племени, которое поступило вѣроломно со своими гостями, и умертвили всѣхъ мужчинъ, а также одну храбрую женщину, поощрявшую ихъ на борьбу¹⁾. Во всѣхъ городахъ этой земли существуетъ священный прудъ, гдѣ содержатся «вооруженные рыбы», страшныя животныя, терпѣливо ожидающія урочнаго часа кормленія, когда имъ кидаются отбросы съ бойни, и тогда съ яростью оснаривающія другъ у друга добычу: всѣ онѣ покрыты шрамами. Андерсонъ полагаетъ, что не разъ бросались и человѣческія жертвы на съѣденіе этимъ чудовищамъ.

Монровія, столица республики (мандингское ея имя Дру-Коро) была названа такъ въ честь извѣстнаго президента Соединенныхъ Штатовъ Монро. Занимая почти такое же географическое положеніе, какъ Робертспортъ, она построена также при основаніи высокаго берегового мыса и у естественного выхода лимана, гдѣ соединяются нѣсколько потоковъ, перерѣзывающихъ промежуточныя низменныя земли сѣтью боковыхъ рукавовъ; но чистой воды ключей или ручьевъ въ Монровіи нѣть: жители должны употреблять для питья воду изъ цистернъ или посыпать за неї далеко внутрь материка. Городъ построенъ по-американски, то-есть съ геометрически правильной распланировкой: главныя улицы идутъ по прямой

¹⁾ Benjamin Anderson, цитированное сочиненіе.

лини съ востока на западъ, а попечечные пересѣкаютъ ихъ подъ прямымъ угломъ съ сѣвера на югъ; но дома, каменные или деревянные, не скучены въ видѣ непрерывныхъ фасадовъ: окруженные дворами и садами, обсаженные кокосовыми пальмами и манговыми деревьями, они слѣдуютъ одинъ за другимъ чрезъ извѣстные промежутки. За исключеніемъ части города, прилегающей къ набережнымъ, гдѣ соляная влажность воздуха защищаетъ зданія отъ нападеній термитовъ, повсюду видныются развалины построекъ, источенныхъ этими насѣкомыми. Улицы, слишкомъ широкія для слабаго движенія малочисленнаго городскаго населенія, во многихъ мѣстахъ поросли густой травой. Лучшіе кварталы находятся въ верхней, болѣе здоровой, части города, рядомъ съ укрѣпленіями, господствующими надъ рейдомъ.

Пароходъ, совершающій правильные рейсы изъ Монровіи на сѣверъ по притоку Стоктонъ-Крикъ до деревни Кальдвелль и оттуда вверхъ по рѣкѣ св. Павла, поддерживаетъ сообщеніе между столицей и сахарными и другими плантациами, находящимися на берегахъ этой рѣки. Всѣ поселенія въ этой мѣстности носятъ ими, заимствованное изъ географіи или исторіи Соединенныхъ Штатовъ, какъ Виргинія, Кле-Эшлендъ, Кентукки, Нью-Йоркъ. Мильсборгъ, или Мюленбургъ, какъ его называютъ нѣмецкіе міссіонеры, также имѣетъ плантации, маленькие заводы на сентъ-польскихъ порогахъ и загородные дома. Но торговый обмѣнъ съ туземнымъ населеніемъ производится не рѣчнымъ путемъ. Мандингскіе купцы, служащіе посредниками въ этой торговлѣ, не любятъ вступать въ прямые сношенія ни съ бѣлыми людьми, ни съ «американскими» неграми и всячески стараются затруднить имъ непосредственную торговлю съ областю плоскихъ возвышеностей: рѣдкій изъ этихъ купцовъ не выражается съ ненавистью или презрѣніемъ, говоря о Либерійской республикѣ. Поэтому они выбрали, какъ складочный пунктъ, мѣсто, лежащее среди болотъ, въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ рѣки св. Павла: въ эту факторію, называемую Вансвахъ, гдѣ у нихъ есть мечеть и школа, они привозятъ туземные произведенія изъ внутреннихъ мѣстностей (забираемыя потомъ носильщиками круменами) и вымѣниваютъ ихъ здѣсь на европейскіе товары. Изъ Вансваха идетъ прекрасно содержимая дорога черезъ лѣса до Бапоро, слѣдя въораздѣломъ между рѣкой св. Павла и рѣчкой Литль-Кэпъ-Маунтъ-Риверъ. У города Боджехъ, лежащаго въ сотнѣ километровъ отъ моря, эта дорога пересѣкаетъ другую, направляющуюся на юго-западъ къ озеру Фишермэнъ, чрезъ территорію Гола и чрезъ Сублумъ, не укрѣпленный городъ, гдѣ живетъ вождь націи

голосовъ. Нормальная ширина этихъ торговыхъ путей опредѣлена около 2 метровъ.

Верхнія долины рѣки св. Павла, куда до сихъ поръ проникалъ только одинъ изслѣдователь, несомнѣнно сдѣлаются современемъ одной изъ богатѣйшихъ странъ африканского континента. Онъ густо населены, и на скатахъ плоскогорья разсѣяны многочисленныя мѣстечки, окруженныя хлѣбными полями, табачными плантациами и травяными степями, гдѣ пасутся стада. Города, чрезъ которые проходилъ Бенджамінъ Андерсонъ во время своего путешествія въ 1860 году, Золу, Фессабуз, Боккаса, Зига-Пора-Зуе, въ землѣ племени бусси, и нѣкоторые другие, какъ, напримѣръ, Зу-Зу, на рѣкѣ св. Павла, имѣютъ каждый по нѣскольку тысячъ жителей; ихъ ярмарки, гдѣ почти вся розничная торговля производится женщиными, привлекаютъ массы сельскаго люда. Противъ города Зига-Пора-Зуе, окруженнаго тройной оградой, чрезъ рѣку св. Павла устроенъ висячій мостъ изъ ліанъ, привязанныхъ къ деревьямъ на томъ и другомъ берегу. Каждый городъ этой страны, извѣстной подъ именемъ Уимаръ, имѣетъ свой дѣвичій монастырь, священное мѣсто, куда въ обыкновенное время ни одинъ мужчина не можетъ проникнуть безъ того, чтобы не подвергнуться смертной казни; при чемъ самимъ затворницамъ поручаютъ нанести дерзновенному роковой ударъ. Но бываютъ праздничные дни, когда всѣ жители города приглашаются приходить дефирировать во дворъ монастыря передъ молодыми девушками, наряженными въ матеріи и драгоценныя украшения.

На восточной покатости горъ, называемыхъ Вукахъ въ этой области ихъ протяженія, земля принадлежитъ мандингамъ, и главный городъ края, Музарду или Мазаду¹⁾, лежащий на высотѣ 608 метровъ, у подошвы двухъ высокихъ холмовъ, есть столица одного изъ ихъ королевствъ: хотя пришедший въ упадокъ сравнительно съ прежнимъ цѣнущимъ состояніемъ, онъ имѣлъ около восьми тысячъ жителей въ 1869 году, и солидныя стѣны его были защищаемы многочисленнымъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ неоднократно занимаемъ той эпохи султаномъ Медины, укрѣпленнаго города, находящагося въ трехъ дниахъ пути оттуда и располагающаго сильной арміей изъ мусульманъ и язычниковъ: недавніе трактаты съ правительствомъ Либеріи восстановили мартъ и предоставили «американцамъ» Монровіи политическій суверенитетъ надъ этой страной. Мандинги, жители Музарду, носятъ треуголки, какъ бамбасы Нигера, а у ихъ супругъ преобладаетъ мода закрывать себѣ ли-

¹⁾ „Letter from the King of Masadu to the President of Liberia“, 1868.

ю. Женщины Музарду и соседнаго города Виллелаахъ-Каифаль почти всѣ имѣютъ золотыя украшения, которыя выдѣлываются изъ металла, привозимаго съ присковъ верхняго Нигера. По словамъ Андерсона, самый богатый прискѣ—Буби, лежащий въ четырехъ дниахъ ходьбы къ востоку отъ Музарду: золото тамъ находится въ видѣ блестокъ, смѣшанныхъ съ пескомъ. Край этотъ пользуется очень здоровымъ климатомъ; однако здѣсь встречаются страдающіе зобомъ, происхожденіе котораго приписываютъ дурному качеству воды.

Маленький портъ Маршаль, при устьѣ рѣки Джункъ, мало посѣщается судами, тогда какъ портъ Большой Басса, официально называемый Бокананъ, является торговымъ центромъ республики: тамъ находятся главныя конторы и пристань пароходовъ прибрежья. Насупротивъ этого порта, по другую сторону рѣки Сентъ-Джонъ, расположены городокъ Эдина. Въ этой мѣстности, на полуостровѣ Большой Басса, по мнѣнию Вильо-де-Бельфонъ, два нормандскихъ корабля основали, въ 1354 году, маленькую факторію, подъ именемъ Малаго Діеша; въ 1842 году земли по берегамъ этой бухточки были куплены отъ главарей края за счетъ Франціи, затѣмъ снова уступлены республикѣ Либерії. Портъ Гринвиль, при устьѣ рѣки Сину, гораздо менѣе посѣщается, чѣмъ Большой Басса, но въ сосѣдствѣ съ нимъ, къ востоку, находится территорія Кру, колыбель почти всѣхъ моряковъ этого побережья. Большой и Малой Буту—скалы, морскіе берега и деревни, лежащіе къ западу отъ Гринвиля,—тоже были уступлены Франціи въ 1842 году; происхожденіе этого имени Буту объясняютъ, неизвѣстно—насколько вѣрно, прежнимъ названіемъ Butteaux, которое будто бы діешскіе мореходы дали этой части африканскаго побережья¹⁾. Южнѣе открытъ для иностранной торговли новый портъ—Нифу.

На мысѣ Пальмъ, въ углу континента, пріютилось американское поселеніе, одинъ изъ будущихъ городовъ африканскаго берега: это Бамнепо туземцевъ, Гарперъ цивилизованныхъ негровъ. Главный пунктъ бывшей колоніи Мерилендъ, нынѣ соединенной съ республикой Либеріей, Гарперъ расположенъ въ одной изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей этого берега, на островномъ холмѣ, соединенномъ съ материкомъ песчаной косой: рѣдъ его прикрытъ островкомъ Русвурмъ, отдѣленнымъ отъ полуострова каналомъ, по которому могутъ проходить суда средней осадки: на этомъ островѣ туземцы прежде хоронили своихъ покойниковъ. Тамъ и сямъ выглядываютъ бѣлые дома американского городка сквозь рощи кокосовыхъ пальмъ, отъ которыхъ мысъ и получилъ свое имя, но сѣверный горизонтъ, на материкѣ, огра-

ниченъ непрерывной линіей большаго лѣса; только нѣсколько синеватыхъ чертъ, виднѣющихся надъ черной массой деревьевъ, указываютъ на отдаленные горы. Главное мѣстопребываніе протестантскихъ миссій находится къ сѣверо-востоку отъ Гарпера, на берегахъ рѣки Кавалли, и нѣсколько постовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ до Болена, начальнаго пункта рѣчнаго судоходства, лежащаго въ области золотоносныхъ песковъ, которые не разрабатываются, потому что боязь горнаго промысла требуетъ человѣческихъ жертвъ, а въ этой странѣ маленькихъ республиканскихъ конфедераций люди слишкомъ дорого цѣнятся, чтобы можно было проливать ихъ кровь¹⁾). Недалеко отъ устья рѣки Кавалли стоитъ скала, съ глубокой пещерой при основаніи: это «Камень Большаго Чорта», который пилигримы, стекающіеся со всѣхъ концовъ земли Кру, приходятъ созерцать съ благоговѣйнымъ ужасомъ, принося ему свои дары; дары эти,—кораллы, бусы, табакъ, ромъ, животныя,—кладутся у входа въ гротъ и вдругъ исчезаютъ таинственно: явственно слышатъ, говорятъ вѣрующіе, звукъ глотанія, происходящаго въ огромной пасти, когда скрытое чудовище пожираетъ приношенія своихъ поклонниковъ. Рядомъ съ камнемъ, показываютъ дерево съ искривленнымъ стволомъ: это нечестивецъ, который позволилъ себѣ смыть съ него чудомъ, видя въ немъ лишь грубый обманъ какого-нибудь жреца, спрятавшагося внутри скалы.

Города Либеріи и соседніхъ территорій, съ приблизительной цифрой ихъ населенія:

Монровія—5.000 жит.; Робертспорть—1.200; Бокананъ и Эдина—5.000; Гарперъ—3.000 жит.

Сосѣднія территоріи: Бапоро—3.000 жит.; Зига-Пора-Зуз—5.000; Фессабуз—6.000; Бокаса—7.000; Музарду—7.500; Биллела Каифаль—6.000 жит.

Государственное устройство Либеріи скопировано, почти рабски, съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, безъ малѣйшей оригинальной черты, свидѣтельствующей о различіи расы и страны. Правительство состоитъ изъ президента и вице-президента, назначаемыхъ на двухъ-лѣтній періодъ изъ среди собственниковъ, имѣющихъ не менѣе 3.000 франковъ годового дохода; къ составу избирателей принадлежатъ всѣ граждане, достигшіе 21 года. Въ случаѣ смерти, президентъ замѣщается вице-президентомъ, который въ то же время предсѣдательствуетъ въ Сенатѣ; пять статсъ-секретарей, неотвѣтственныхъ передъ палатами, составляютъ совѣтъ исполнительной власти. Конгрессъ состоитъ изъ двухъ собраній—Сената, члены котораго, въ числѣ восьми, по два отъ каждого графства, избираются на четырехлѣт-

¹⁾ Ph. de Kerhallet, „Instructions nautiques.“

¹⁾ Winwood Reade, цитированное сочинение.

ний срокъ, и палаты представителей, назначаемыхъ на два года; въ настоящее время всѣхъ депутатовъ—тринацдцать, но съ возрастаніемъ народонаселенія число ихъ будетъ увеличено. Граждане могутъ быть избираемы въ законодательное собраніе только по достижениіи тридцати-лѣтнаго возраста. Бѣлые не пользуются избирательнымъ правомъ, и до недавняго времени имъ было запрещено покупать земли; исключеніе допускается только для тѣхъ, которые натурализовались въ краѣ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, легко было обойти эту статью закона, и многие негоціанты, по большей части нѣмцы, приобрѣтали земельные участки въ Монровіи, на Пальмовомъ мысѣ и въ другихъ мѣстахъ, для устройства своихъ факторій. Законъ этотъ былъ измѣненъ, и теперь бѣлые приобрѣтаютъ землю на тѣхъ же правахъ, какъ и негры, но они не могутъ покупать ее прямо у туземцевъ; переходъ земельной собственности всегда совершается чрезъ посредство правительства¹⁾.

Органами судебнай власти, устроенной также по образцу юстиціи Соединенныхъ Штатовъ, являются окружные суды и высшая судебная палата, засѣдающая въ Монровіи. Государственная религія нѣтъ, хотя американская епископальная церковь играетъ господствующую роль, но общественное мнѣніе предписываетъ официальное почитаніе воскресенія; протестанты разныхъ сектъ, составляющіе главную массу «цивилизованнаго» населенія, требуютъ отъ мусульманъ и язычниковъ наружного соблюденія «дня субботняго»: въ этотъ день даже не палять изъ пушки въ портѣ, чтобы отдать салютъ прибывшему иностранному кораблю. Наблюдаютъ также за тѣмъ, чтобы не было завѣдомо для всѣхъ незаконнаго сожительства. Каждая деревня съ населеніемъ не менѣе 360 душъ обязана имѣть начальнуу школу; кромѣ того, существуютъ два высшихъ учебныхъ заведенія, мужское и женское. Каждый

городокъ Либеріи считаетъ за честь имѣть свое собственное литературное общество, украшенное какимъ-нибудь громкимъ титуломъ, но все богатство этихъ обществъ, въ большинствѣ случаевъ, состоить лишь изъ небольшаго числа разрозненныхъ книгъ.

Всѣ граждане, отъ шестнадцати до пятидесяти лѣтъ, обязаны нести военную службу; но эта повинность исполняется только во время войны съ туземными племенами. Совокупность милиціи составляетъ 2 бригады, заключающіе въ себѣ 5 территоріальныхъ полковъ. Что касается военнаго флота, то онъ состоитъ изъ 2 яхтъ-глѣйсеровъ. Бюджетъ Либеріи не достигаетъ даже миллиона франковъ; но государственный долгъ, навязанный республикѣ въ 1871 году нѣсколькими бессовѣстными спекуляторами, черными и бѣлыми, относительно очень великъ; если бы погасить его полностю, вмѣстѣ съ процентами, въ 1886 г., когда наступилъ срокъ уплаты займа, то онъ достигалъ бы цифры 7.900.000 франковъ. Бюджетъ 1894 г. представлялъ слѣдующія цифры:

Доходы — 875.000, расходы — 787.000; долгъ — 6.375.000 франковъ.

Либерія раздѣлена нынѣ на четыре графства: Мезурадо, Большой Басса, Сину и Мерилендъ. Эта послѣдняя провинція была до 1860 г. колоніей освобожденныхъ негровъ, составлявшей особую республику, подъ покровительствомъ одного Балтиморскаго общества; по соединеніи съ Либеріей, во главѣ ея управлениія поставленъ «суперъ-интендентъ», на котораго возложена была задача постепенно приводить ея учрежденія въ соотвѣтствіе съ учрежденіями другихъ графствъ. Подраздѣленія территоріи составляютъ такъ называемые *townships*, городскіе округи или уѣзды, ограниченные, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, геометрическими линіями: нормальная площадь тауншипа 8 англ. квадратныхъ миль или 21 съ половиною кв. километровъ.

Глава V.

Берегъ Слоновой Кости, Большой Бассамъ, Ассини.

Къ востоку отъ мыса Пальмъ, берегъ тянется въ видѣ замѣчательно правильной кривой, до мыса Трехконечнаго, отстоящаго на

620 километровъ. Большая часть этого побережья, слегка изогнутаго, известна у моряковъ подъ именемъ «берега Слоновой Кости» или «берега Бивней». Англійскіе мореплаватели называютъ его также *Leeward-coast*, т. е. «бе-

¹⁾ Wauwergawan, цитированное сочиненіе.

регъ подъ Вѣтромъ», въ отличіе оть *Windward-coast*, или «берегъ на Вѣтре», который подвергается всей силѣ морскихъ бурь. Впрочемъ, на всемъ протяженіи этой береговой полосы нѣтъ ни одной линіи естественного разграничения,—кромѣ, развѣ, каменистыхъ пригорковъ и рѣчныхъ баровъ,—которая дѣлила

часть берега, заключающаяся между рѣками Санть-Педро и Лагу, на протяженіи 200 километровъ, есть одинъ изъ рѣдкихъ сегментовъ африканскаго побережья, на который пока еще не предъявляла притязанія, какъ на колоніальное владѣніе, ни одна европейская держава: правда, жители края, принадлежащіе по боль-

Торговецъ изъ Юрубы.

бы ее на особья области, да и политическая границы намѣчены тамъ точнымъ образомъ только въ недавнее время, съ цѣлью обозначить пространство территорій, которою овладѣла Франція. Эти владѣнія, простирающіяся виртуально внутрь материка до разстоянія, еще неопределенного, представляютъ морской фронтъ около 220 километровъ; остальная

шай части къ многочисленной семье крумновъ, могутъ считаться союзниками и помощниками европейцевъ въ ихъ дѣлѣ присвоенія чернаго континента, такъ какъ эти туземцы доставляютъ прохожимъ кораблямъ лоцмановъ, матросовъ и чернорабочихъ, для прибрежнаго плаванія, для работъ на складахъ и верфяхъ. Изъ всѣхъ частей африканскаго поморья за-

падная полоса Слоноваго берега наименѣе изслѣдована. Кромѣ океанскаго берега и вершинъ холмовъ, примѣтныхъ изъ прибрежныхъ селеній, въ этой области известны только имѣна племенъ и мѣстечекъ: темная завѣса большихъ деревьевъ еще не была перейдена. А между тѣмъ мало найдется странъ, которыхъ обѣщали бы путешественникамъ болѣе интересный открытия. Непосредственно на сѣверѣ этого побережья прежде ожидали найти самые высокіе массивы горной цѣни Конгъ, которую географы чертили на картахъ, основываясь на смутныхъ разсказахъ и соображаясь съ аналогіями, представляемыми рельефомъ материиковъ; но теперь кажется болѣе вѣроятнымъ, что въ этой части африканскаго континента раздѣльный порогъ между двумя покатостями не высокъ; рѣки имѣютъ слабое паденіе и переносятъ мало гальки. Шаперъ полагаетъ, что очень легко было бы достигнуть водораздѣльной возвышенности и оттуда спуститься къ истокамъ восточной вѣтви Нигера, можетъ-быть, болѣе длинной, чѣмъ западная, по которой проходили сенегамбійскіе изслѣдователи. Этой сенегальской дорогой купцы племени бамбара ходятъ на Слоновый берегъ¹⁾). Говорить, въ трехъ или четырехъ дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ лагуны Большаго Бассама существуетъ городъ по имени Бауре, посѣщаемый «людьми на коняхъ», вѣроятно, мандингами съ верхняго Нигера²⁾). Этотъ именно путь и должны будуть избрать изслѣдователи, которые свяжутъ французскія владѣнія Ассини съ владѣніями въ Суданѣ и Сенегалѣ.

Западная часть Слоноваго берега, населеніе которой пользуется еще полной независимостью, самая возвышенная; тамъ встрѣчаются высоты, которымъ моряки даютъ название «горъ»: таковы горы Сентъ-Андре(св. Андрея), имя которого негры исковеркали въ Сассандра; самая высокая вершина ихъ достигаетъ 286 метровъ. Далѣе следуютъ гора Лангдонъ и холмы «Сестерь», имѣющіе, соответственно, 109 и 118 метровъ. Повидимому, большинство береговыхъ утесовъ, бѣлыхъ при основаніи и съ красными наслойніями въ верхней части, состоять изъ пластовъ песчаника³⁾). Нѣсколько рѣкъ впадаютъ въ море въ этой части побережья, пройдя передъ тѣмъ, по словамъ туземцевъ, черезъ большую лагуну Гле, которая тянется параллельно морскому берегу. Рѣка Лагу, избранная западной границей французскихъ владѣній, вѣроятно, имѣетъ довольно длинное теченіе и береть свое начало въ области высокихъ горъ; она катитъ большой объемъ воды и впадаетъ въ море тремя рукавами, которые раздѣлены лѣсистыми островами.

¹⁾ Fran ois de Kerhallet, „Instructions nautiques“.

²⁾ Fleuriot de Langle, „Tour du Monde“, 2 sem. 1873.

³⁾ Chaper, „Bulletin de la Soci te de G ologie de France“, 1885.

Но бары при входѣ въ эти рукава такъ опасны, что не пытаются переходить черезъ нихъ даже въ лодкѣ; туземцы, впрочемъ, смѣло пускаются черезъ пороги въ своихъ пирогахъ часто опрокидываемыхъ прибоемъ волнъ. Обрывъ подводного берега, называемаго «промѣрочнымъ плато», держится на довольно большомъ разстояніи отъ края суши, кромѣ одного мѣста противъ бухты Малаго Бассама, то-есть именно того мѣста, где находится вершина дуги, образуемой берегомъ Слоновой кости. Между двумя подводными берегами, продолжающимися пологимъ скатомъ къ открытому морю, тянется, перпендикулярно къ береговой линіи, глубокій ровъ, шириной около 2 километровъ. Въ 7.400 метрахъ отъ края твердой земли, дно въ этомъ «рѣѣ» Малаго Бассама находится на разстояніи 491 метра отъ поверхности водъ; въ разстояніи полкилометра съ небольшимъ глубина все еще не менѣе 180 метровъ; наконецъ, у самого берега находить слой воды въ 36 метровъ. Эта подводная долина напоминаетъ «Gouf» у Капъ-Бретонъ, въ углу Гасконскаго моря.

До впаденія въ море, рѣка Лагу изливается на западъ въ лагуну, усѣянную островами и отдѣленную отъ океана узкой полосой суши; но къ востоку отъ рѣки это образованіе береговыхъ стрѣлокъ или косъ, между постоянно волнующимся моремъ и гладкой скатертью внутреннихъ водъ, развивается въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ. На пространствѣ слишкомъ 220 километровъ, отъ Лагу до Тануэ, берегъ вездѣ двойной: одинъ, морской, въ видѣ узкой бѣлой полосы, почти не имѣющей изгибовъ, продолжается безъ конца съ запада на востокъ между пѣнящимися валами прибоя и зеленѣющимъ лѣсомъ, который прерывается то тутъ, то тамъ, чтобы пріютить негритянскую деревню; другой, материковый, весь изрѣзанъ бухтами и бухточками, представляющими лодочнику цѣлый лабиринтъ проходовъ, частію свободныхъ, частію заросшихъ тростникомъ, къ внутреннимъ рѣкамъ. Лагуна Эбрѣ, западная часть этой цѣпи бухтъ, отдѣленныхъ отъ океана, представляетъ обширную сѣть проливовъ, каналовъ, острововъ, островковъ и мелей, которая тянется параллельно морскому берегу на пространствѣ 120 километровъ, и въ которую впадаютъ многочисленныя рѣки и рѣчки: мелкія суда съ осадкой до 80 сантиметровъ могутъ во всякое время года безпрепятственно плавать отъ одного до другаго конца этой лагуны, которая была впервые изслѣдована на всемъ ея протяженіи морякомъ Курне. Самый многоводный изъ притоковъ Эбрѣ, рѣка Акба или Комоэ, имѣющая, если вѣрить начертанію карты, слишкомъ 400 километровъ по длини теченія, впадаетъ въ восточную половину лагуны и пробиваетъ береговой кордонъ, чтобы найти себѣ выходъ. Въ пе-

ріодъ дождей теченіе ея очень быстро, достигая, при выходѣ изъ озера, 14 и 15 километровъ въ часъ; море отъ притока ея водъ бываетъ окрашено въ желтый цвѣтъ на пространствѣ 8 километровъ отъ берега. Масса твердыхъ частицъ, приносимыхъ рѣчнымъ течениемъ, такъ засариваетъ баръ, что суда съ осадкой въ 3 метра не могутъ перейти черезъ него; но въ другое время года они проходятъ безъ труда: это устье, называемое устьемъ Большаго Бассама, представляетъ лучший входъ на всемъ побережье между Пальмовыемъ мысомъ и Бенинскимъ заливомъ. Морской приливъ, проникая черезъ это отверстіе, поднимается вверхъ по лагунѣ Эбріе, которая въ низовьѣ представляетъ соляной, въ серединѣ — слоноватый, а въ верховьѣ — прѣноводный бассейнъ; однако, прибрежные жители не пьютъ изъ него: на материковомъ берегу они берутъ воду изъ ключей и рѣчекъ, на морскомъ — копаютъ ямы въ пескѣ, гдѣ скапливается фильтрационная вода. Вверхъ по теченію Акбы европейскіе путешественники поднимались только на разстояніи нѣсколькоихъ дней плаванія; километрахъ въ сорока, близъ деревни Малый Алепе, правильное русло этой рѣки прерывается порогами и водопадами.

Менѣе, чѣмъ въ 40 километрахъ къ востоку отъ Большаго Бассама находится входъ въ озеро Ассини (Иссини старинныхъ авторовъ), похожій на предыдущій протокъ, но менѣе глубокій и болѣе извилистый: только суда, водоуглубленіе которыхъ не превышаетъ 1,60 метра, могутъ проникать въ этотъ проходъ; но внутри материка лагуны, развѣтвляющіяся на многочисленныя бухты и бухточки, представляютъ глубокіе фарватеры для судоходства; полуострова, омываемые ихъ водами, поднимаются пологими скатами, надъ которыми тамъ и сямъ господствуютъ оголенные пожаромъ вершины, откуда можно любоваться великолѣпной картиной обширнаго озера, развѣтвляющагося вокругъ выступовъ горъ. Главныя притоки этого внутренняго моря — Біа или Кинджабо, впадающая въ сѣверную бухту, и Тануа, составляющая восточную границу французскихъ владѣній и берущая начало, вѣроятно, на сѣверо-западѣ страны Ашанті. Судно *Гемъ-Ндаръ* поднималось по этой послѣдней рѣкѣ на сотню километровъ выше ея впаденія въ лагуну. Что касается рѣки Кинджабо, то изслѣдователи ея должны были остановиться у скалъ Абоизо, то-есть «Пороговъ» или «Водопадовъ», менѣе удаленныхъ отъ устья. Долины обѣихъ названныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ усыпаны золотыми пріисками, которые даютъ средства къ существованію значительному населенію искателей и промышльщиковъ, бѣдняковъ, довольствующихся маленькимъ дневнымъ заработкомъ. Блестки золота находятся въ очень вязкой глине, залегающей на днѣ долинъ; вы-

числено, что, въ среднемъ, содержаніе золота составляетъ, по пѣнности, отъ 2 до 3 франковъ на кубическій метръ. На берегу Альби, западнаго залива большой лагуны Ассини, вытекаетъ обильный источникъ горной смолы. Въ мѣстности, простирающейся пологимъ скатомъ на сѣверъ отъ озера, Шаперъ нашелъ камни и глины глетчерааго происхожденія: такимъ образомъ отъ Южныхъ рѣкъ до Золотаго берега, на пространствѣ 1.500 километровъ, встрѣчаются слѣды существованія ледникъ.

Климатъ берега Слоновой Кости отличается отъ климата Перечного берега лишь нечувствительными переходами. Годъ и здѣсь дѣлится на два дождливыхъ периода, раздѣленныхъ двумя сухими сезонами. Самая опасная для иностранцевъ пора начинается въ октябрѣ съ-веро-восточными вѣтрами, соотвѣтствующими гарматану береговъ Либеріи, но климатическая условія въ факторіи Ассини все-таки болѣе благопріятны, чѣмъ въ другихъ постахъ этого поморья. Продукты, составляющіе предметъ торговли, пальмовое масло и орѣхи, красильное дерево, камедь, арахиды, воскъ, слоновая кость, доказываютъ, что флора и фауна этой страны мало разнятся отъ органическаго міра Либеріи. Упомянутый изслѣдователь Шаперъ привезъ 37 видовъ папоротника изъ территории Ассини. Единственная большая культура, введенная въ краѣ, — это культура кофейного дерева, плантациія котораго, принадлежащая одному французскому торговому дому, находится на горныхъ скатахъ, господствующихъ надъ западнымъ берегомъ залива Альби. Туземцы питаются не рисомъ, какъ большинство жителей западнаго побережья, между Гамбіей и Пальмовыемъ мысомъ: вмѣстѣ съ ямсомъ, бананъ составляетъ главную основу ихъ пищи. Этотъ плодъ, превращенный въ тѣсто, смѣшанный съ копченой рыбой, приправленный стручковымъ перцемъ и сваренный въ пальмовомъ или фисташковомъ маслѣ, есть знаменитое национальное блюдо *футу-футу*, которое европеецъ вначалѣ ёсть съ отвращениемъ, но потомъ, когда привыкнетъ къ нему, находитъ отмѣнно вкуснымъ.

Фауна на Слоновомъ берегу та же самая, что и въ Либеріи. Шаперъ отмѣчаетъ здѣсь три вида обезьянъ, въ томъ числѣ шимпанзе. Слонъ не встрѣчается въ осѣдломъ состояніи въ области прибрежья, которая обязана ему своимъ именемъ, но плоды, до которыхъ онъ большой лакомка, привлекаютъ его въ периодъ ихъ созрѣванія въ лѣса, прилегающіе къ озерному бассейну. Что касается бегемотовъ, которые прежде охотно гостили въ здѣшніхъ лагунахъ, то въ 1880 году ихъ было только два во всей территории Ассини, а въ 1885 г. оставался только одинъ; истребленіе этого толстокожаго совершилось въ настоящемъ столѣтіи. Шаперъ видѣлъ шкуры шитоновъ (эмбѣй изъ

семейства удавовъ), впрочемъ, не очень опасныхъ, длина которыхъ превышаетъ 10 метровъ, и которые имѣютъ слишкомъ 40 сантиметровъ въ окружности по серединѣ туловища. У негровъ этой страны нѣтъ ни одного вычурнаго животнаго: вѣроятно, можно бы было употреблять вола для перевозки товаровъ; на плантаций тенерь пытаются ввести осла. Всѣ клади перевозятся по каналамъ или переносятся на головѣ негровъ: средний грузъ этихъ носильщиковъ составляетъ отъ 25 до 30 килограммовъ.

Западные народцы Слоноваго берега причисляются еще къ націи круменовъ: это глебо (глебое) или «люди св. Андрея», самые шумные и наименѣе дисциплинированные изъ ихъ расы; они принадлежать, вѣроятно, къ тому же корню, какъ и ихъ западные сосѣди греки, и даже, можетъ-быть, въ дѣйствительности это одно и то же имя. Говорять, еще не такъ давно у глебосовъ практиковалось людоѣдство¹⁾. Впрочемъ, обѣ этихъ племенахъ разсказываютъ тѣмъ болѣе необычайныя вещи, чѣмъ менѣе известно населеніе, къ которому относится разсказъ. Такъ, говорить, будто въ этихъ странахъ существуетъ народецъ, имѣющій до того ограниченный запасъ словъ, что люди его могутъ объясняться только при помощи разныхъ жестовъ и игры физиономіи, такъ что въ темнотѣ имъ невозможно понимать другъ друга²⁾. Разсказываютъ также, что на берегахъ озера Гле находятся колоніи женщинъ-фетищѣй, обреченныхъ на безбрачіе и управляемыхъ королевой, которая посредствомъ какихъ-то травъ искусственно прививаетъ себѣ слоновью проказу (*Elephantiasis*). Если, въ нарушеніе закона, родился мальчикъ въ этихъ поселеніяхъ амазонокъ, то онъ немедлено предается смерти; но девочки заботливо воспитываются, какъ предназначенные сдѣлаться, въ свою очередь, фетишами.

На востокѣ отъ племени глебо живутъ многіе другіе народцы, почти столь же мало известные и говорящіе нарѣчіями, словами которыхъ, имѣющіеся въ распоряженіи лингвистовъ, еще очень неполны, и потому истинное мѣсто этихъ діалектовъ между группой круменскихъ языковъ и группой говоровъ ашанти пока еще не опредѣлено съ точностью. Главная изъ этихъ націй, повидимому,—авеквомы или авикомы, обитающіе въ той части страны Аду, которая простирается къ западу отъ рѣки Лагу: уже болѣе двухъ столѣтій этихъ негровъ обыкновенно называютъ ква-ква, по ихъ привѣтству³⁾, которое «походить на крикъ утки»,

говорить Босманъ⁴⁾. Торговое мѣстечко Большое Лагу, расположеннное на береговой кости, къ западу отъ бара, заграждающаго входъ въ рѣку того же имени, населено неграми ква-ква. Племена, живущія далѣе къ востоку, на морскомъ побережїи и по берегамъ лагуны Эбріе, тоже известны у моряковъ подъ наимѣшливой кличкой «Джекъ-Джекъ». Можетъ-быть, это прозвище, которое въ англійскомъ языке есть синонимъ «человѣка на всѣ руки», обязано своимъ происхожденіемъ живости и юркости этихъ чернокожихъ. Очень дѣятельные, съ большой коммерческой жилкой, они служатъ посредниками внутреннимъ населеніемъ по сбыту масла, пальмовыхъ орѣховъ и другихъ продуктовъ. Ловкие *comptoir-voyageurs*, они ходятъ изъ деревни въ деревню и устраиваютъ отправку бочекъ съ масломъ на побережье, для погрузки на europейскіе корабли; отвергая сдѣйствіе французскихъ торговцевъ изъ Большаго Бассама, они ведутъ дѣла непосредственно съ капитанами судовъ. Въ 1884 году количество проданнаго ими пальмового масла исчисляли въ 5.000 тоннъ; отъ двѣнадцати до пятнадцати кораблей изъ Бристоля и Ливерпуля приходять грузиться на рейдѣ въ ихъ деревняхъ, гдѣ уже появились большия деревянные дома, не менѣе комфортабельные, чѣмъ дома ногоціантовъ въ europейскихъ факторіяхъ⁵⁾. Вокругъ лагуны Эбріе разсѣяны во множествѣ деревни и поселки: число прибрежныхъ жителей этого внутренняго моря, въ огромномъ большинствѣ занимающихся рыбной ловлей, опредѣляютъ въ 80.000 душъ; въ одномъ только селѣ Большой Бассамъ насчитывается слишкомъ полтораста пирогъ⁶⁾. Общая цифра населенія берега Слоновой кости и всей покатости до водораздѣла съ Нигеромъ никакъ не менѣе полмилліона душъ.

Племена, живущія къ сѣверу отъ французскихъ владѣній Большой Бассамъ и Ассини, принадлежать, повидимому, къ двумъ различнымъ расамъ: агни, прежніе владѣльцы края, и ошины, завоеватели, пришедшіе, по преданию, около конца прошлаго столѣтія. Агни ниже ростомъ, коренастѣе и сильнѣе; ошины, болѣе стройные, имѣютъ голову болѣе продолговатую и нижнюю челость болѣе выдающуюся⁷⁾. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ женщины ходятъ совершенно голыя, но большинство имѣютъ передникъ, который привязывается поясомъ, унизаннымъ бусами; молодыя девушки заплетаютъ волоса въ маленькие пучки, тогда какъ замужнія женщины зачесываютъ ихъ въ

¹⁾ Fleuriot de Langle, цитированное сочиненіе.

²⁾ Winwood Read, цитированное сочиненіе.

³⁾ Villault de Bellfond, „Relations des costes de l'Afrique appellées Guinée“.

⁴⁾ *Voyage de Guinée*.

⁵⁾ Notices coloniales, „Exposition universelle d'Anvers en, 1885“.

⁶⁾ I. L. de Lanessan, „L'Expansion coloniale de la France“.

⁷⁾ Hyacinthe Hecquard, „Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique Occidentale“.

формъ каски. Мужчины величаво драпируются въ большой кусокъ матеріи, состоящей изъ разноцвѣтныхъ полосъ. Чистоплотность въ большей части у этихъ туземцевъ: подобно крумевамъ, они мыются каждый день, намыливая себѣ все тѣло съ головы до ногъ; если бы количество мыла, потребляемое въ данной странѣ, служило, какъ это часто говорили, мѣриломъ цивилизации, то прибрежные жители рѣки Акба безспорно заняли бы первое мѣсто въ ряду народовъ. Для приготовленія мыла они употребляютъ пальмовое масло и золу листьевъ; кромѣ того, и европейское мыло составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ ввоза. Послѣ купанья, они слегка натираютъ себѣ все тѣло масломъ ¹⁾.

Къ какой бы расѣ они ни принадлежали, негры этой части западно-африканского по-морья отличаются необыкновеннымъ добродушемъ и безусловной честностью и благонадежностью въ дѣлахъ: всякия условія заключаются съ ними просто на словахъ, и иногда на продолжительные сроки въ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, но они всегда добросовѣстно исполняютъ принятые на себя обязательства. Въ прежнее время они относились недовѣрчиво, и не безъ основанія, къ европейскимъ кораблямъ, явившимся на ихъ берегъ; когда капитанъ судна просилъ ихъ устроить налабру, они требовали, чтобы она сначала сошель съ корабля, и, ставъ одной ногой на край туземной барки, а другой на сходняхъ своего судна, зачерпнуль пригоршнею морской воды и брызнуль нѣсколько капель ея себѣ на глаза, въ удостовѣреніе своихъ добрыхъ намѣреній ²⁾: нарушеніе этой клятвы, думали они, повлекло бы за собой потерю зрѣнія. Внутри страны «большой фетишъ» есть блюдо, наполненное водой, съ примѣсью земли: при совершенніи великой клятвы каждый обмакиваетъ руку въ грязную воду и окропляетъ ею своихъ сосѣдей; данная такимъ способомъ клятва имѣть поручителями и, въ случаѣ надобности, мстителями двѣ первоначальные стихіи, изъ которыхъ произошли все люди ³⁾.

Теперь можно безъ всякаго затрудненія пройти эту территорію изъ конца въ конецъ; только путешествие обходится здѣсь очень дорого, потому что жители каждой деревни ожидаютъ подарковъ отъ бѣлага путешественника. Уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ краѣ не было войны; однако, почти у каждого туземца есть ружье, которое, впрочемъ, употребляется почти только для холостыхъ выстрѣловъ: стрѣльба составляетъ необходимую принадлежность всякаго празднества. Исламъ не про-

никъ въ эти страны, и религіозные обряды сохранили еще чисто анимистический характеръ; но, кажется, ихъ не особенно ревностно соблюдаются. Фетиши, поставленные у входа въ деревни и на перекресткахъ дорогъ, художественно содержатся, и во многихъ мѣстахъ священные рощи, на которыхъ наложено табу, обратились въ маленькия ограды, окруженные черепами животныхъ и черепкамибитой посуды; въ иныхъ мѣстахъ даже и ограда исчезла, и храмъ-фетишъ состоитъ изъ одного камня, куска діорита, который предки благоговѣяно принесли съ сѣвера, и который теперь опирается нога прохожаго. Во время путешествія Геккара почитаніе фетишей было еще въ полной силѣ; нѣкоторые роды мяса, нѣкоторые плоды, большая часть рыбъ были подъ запретомъ (табу); каждая недѣля имѣла свой день-фетишъ, въ который нельзя было ниѣсть, ниходить черезъ текущую воду, и который употреблялся на окрашиваніе тѣла въ бѣлый и желтый цвета.

На берегахъ лагуны Ассини образовалось могущественное царство, состоящее въ вассальной зависимости отъ Франціи и управляемое вождемъ изъ племени ашанті, который имѣетъ резиденцію въ Кинджабо, городѣ съ 3.000 жителей, построеннымъ на лѣвой сторонѣ рѣки. Въ каждой деревнѣ сельскіе старшины судятъ обыкновенно проступки, но важная дѣла, гдѣ преступленіе можетъ повлечь за собою смерть виновнаго, представляются на судъ короля; адвокаты защищаютъ передъ нимъ противоположные интересы, затѣмъ, по выслушаніи стороны, произносится безапелляціонный приговоръ, опредѣляющій кару, пеню или смертную казнь. Подъ навѣсомъ «правосудія», гдѣ король предсѣдательствуетъ на судебнѣхъ преніяхъ, отрубленныя головы складываются въ пирамиды, и строго запрещено прикасаться къ этимъ знакамъ королевской власти, фетишамъ болѣе страшнымъ, чѣмъ изображенія чудовищъ, помѣщаемыя на краю дорогъ. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, основанію новой деревни всегда предшествовало человѣческое жертвоприношеніе. Выбранную жертву сначала напаивали до пьянса пальмовымъ виномъ, затѣмъ, послѣ военной пляски, сынъ вождя отрубалъ ей голову, трупъ вскрывали, и по виду внутренностей жрецъ предсказывалъ судьбу будущаго селенія ⁴⁾: подъ страхомъ умереть въ томъ же году, присутствующіе на этой церемоніи обязаны были принять участіе въ пиршественной трапезѣ, приготовленной изъ сердца, печени и внутренностей принесенного въ жертву человѣка, вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ фетишей. Царекъ владѣетъ стадомъ плѣнниковъ, и еще недавно, по поводу стариннаго обычая, требующаго кровавой ванны для королевскаго трупа, съ беспокойствомъ зада-

¹⁾ Chaper, „Le Territoire d'Assinie, Archives des missions Scientifiques“, tome XII, 1885.

²⁾ Labat, цитированъ, сочиненіе.

³⁾ „Revue Maritime et Coloniale“, tome IX;—Hovelacque, „L'Homme“, 1884.

⁴⁾ Nyasinthe Hesquard, цитированъ, сочиненіе.

вали вопросъ, не будетъ ли этотъ обычай со-
блюдаемъ посредствомъ умерщвленія этихъ не-
счастныхъ. Вторую категорію невольниковъ со-
ставляютъ несостоительные должники, сдѣлав-
шіеся временными слугами своихъ заимодав-
цевъ; эти рабы могутъ во всякое время осво-
бодиться изъ кабалы; не рѣдко они даже род-
нятся со своими господами ¹⁾.

Французскія факторіи, принадлежащи почти
всѣ одному торговому дому города Рошель, не-
многочисленны; единственная деревня, где
имѣютъ пребываніе французскіе чиновники и
агенты,—Большой Бассамъ и Ассини, та и
другая возлѣ бара того же имени, и Дабу, на
бухтѣ сѣверного берега лагуны Эбріе. Это по-
слѣднее поселеніе представляетъ собою укрѣ-

пленный постъ, который держитъ въ повиновѣ-
ніи дикое и беспокойное племя бурбури, жи-
вущее многолюдными деревнями въ сосѣдствѣ
джекъ-джековъ. Ассини, вѣроятно, сдѣлается
со временемъ оживленію пристанью, какъ
продовольственный пунктъ для внутреннихъ
золотоносныхъ мѣстностей. Онъ вывозитъ, въ
среднемъ, ежегодно пять тысячъ унцій, или
480.000 франковъ золота, и 10.000 тоннъ паль-
мового масла, цѣнностью въ полтора миллиона
франковъ ²⁾.

Французскія поселенія на берегу Слоновой
Кости въ административномъ отношеніи преж-
де зависѣли отъ Габона; теперь они присоеди-
нены къ Сенегалу, также какъ и факторіи
Невольничаго берега.

Г л а в а VI.

Золотой берегъ и бассейнъ Вольты, Фанти и Ашанти.

Эта часть африканского піоморья предста-
вляетъ, между мысомъ Пальмъ и устьями Ни-
гера, область, где европейцы водворились наи-
болѣе прочнымъ образомъ. Англичане, вла-
дѣльцы территоріи, официаlьно называемой
Cape-Coast, по имени ея бывшей столицы, за-
нимаютъ береговое пространство длиною около
600 километровъ, отъ французскихъ владѣній
Ассини до германскихъ факторій Того. Внутрь
материка колонія ихъ простирается въ одномъ
мѣстѣ на 200 километровъ отъ морскаго берега,
да и за предѣлами ея ихъ политическое влі-
яніе распространяется далеко на негритян-
скія населенія. Площадь англійской террито-
ріи Золотаго берега исчисляется въ 101.160
кв. километр., а населеніе составляетъ (1895 г.)
около 1.500.000 душъ. На сѣверѣ, королев-
ство Ашанти Гіаманъ и сопредѣльная провин-
ціи заключаютъ въ себѣ слишкомъ миллионъ
обитателей. Общая же цифра народонаселенія
покатости, спускающейся къ Золотому берегу,
можетъ быть опредѣлена приблизительно въ
три миллиона душъ. Самое имя страны объ-
ясняется то усердіе, которое проявили бѣлые въ
дѣлѣ основанія торговыхъ конторъ на этомъ
побережїи и обслѣдованія прилегающихъ къ
нему внутреннихъ областей. Страсть къ на-
живѣ побуждала купцовъ всѣхъ европейскихъ
націй устраивать факторіи для мѣны гвоздей,
иголокъ, «огненной воды» на золотой песокъ,

и большинство западныхъ державъ воздвигли
укрѣпленные посты для защиты коммерческихъ
сдѣлокъ своихъ подданныхъ: французы, бран-
денбуржцы, голландцы, датчане, португальцы
заводили поселенія на заманчивомъ Золотомъ
берегу. Англичане являются нынѣ наслѣдни-
ками всей торговой Европы въ эксплуатациі
этой богатой территоріи.

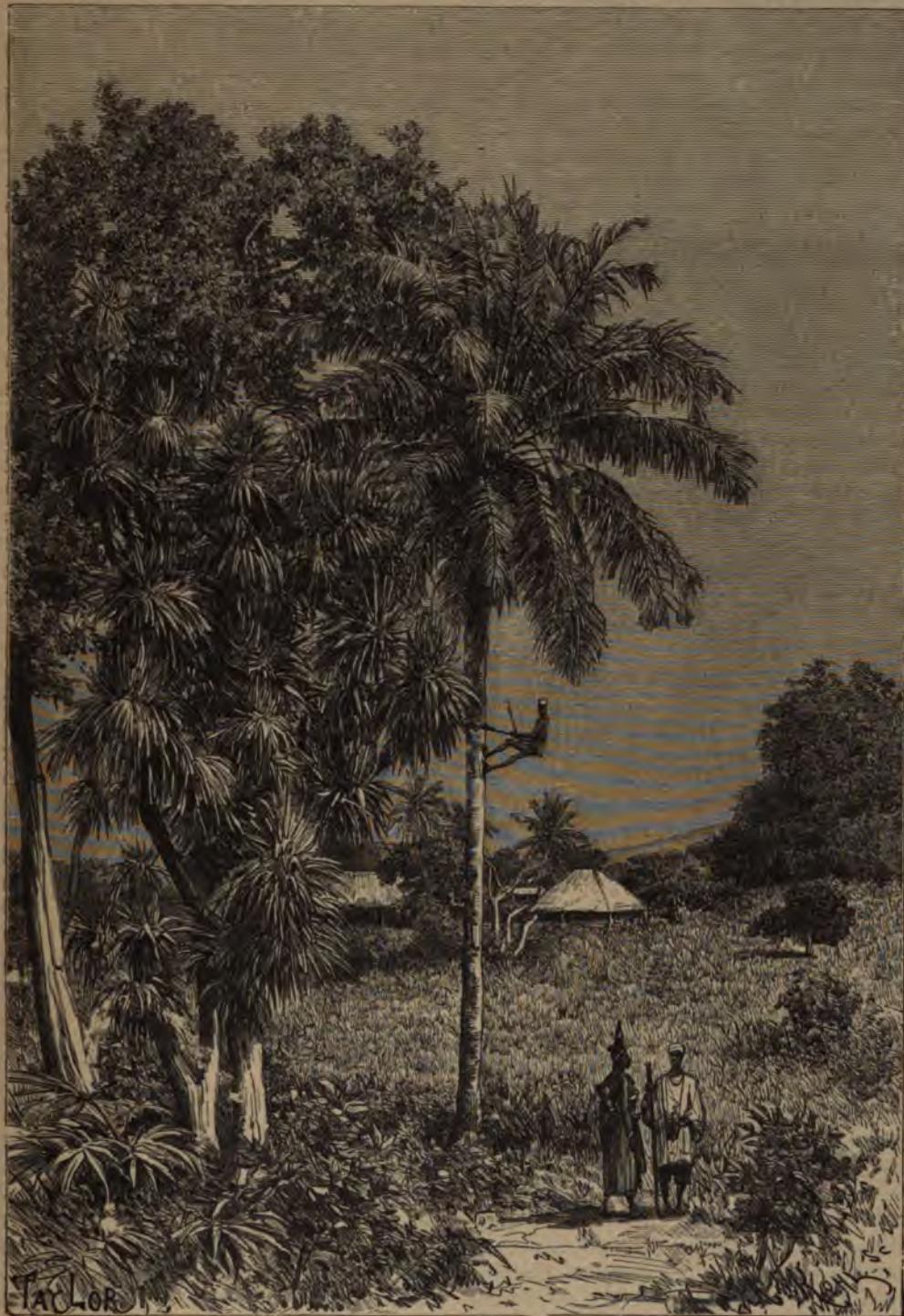
Кто были первыe негоціанты, водворивші-
ся на Золотомъ берегу? Это одинъ изъ са-
мыхъ спорныхъ вопросовъ въ исторіи географіи;
можно бы было составить цѣлуу библіо-
теку изъ записокъ и толстыхъ сочиненій,
которыя были изданы въ разное время съ
цѣлью установить первенство французовъ или
португальцевъ. Въ 1666 году путешественникъ
Вильо-де-Бельфонъ, посѣтившій западно-афри-
канское побережье до Перечнаго берега, пер-
вый сообщилъ о поселеніяхъ, основанныхъ
мореходами французскаго города Діеппа на
Золотомъ берегу, во второй половинѣ четыр-
надцатаго столѣтія. По его словамъ, діеппскіе
купцы, въ сообществѣ съ руанскими, непо-
средственно вели, съ 1364 по 1410 годъ, мѣ-
новую торговлю съ неграми этой страны: прав-
да, утверждевія его не опираются на какія-
либо положительныя доказательства, а пожаръ,
истребившій въ 1694 году публичную библіо-
теку Діеппа, лишилъ возможности проверить

¹⁾ A. Bretignière, „La France coloniale“, de M. A. Rawaud.

²⁾ Chaper, цитирован. сочиненіе.

рассказъ этого путешественника¹⁾; однако торговыя сношения между этимъ нормандскимъ разныя косвенные свидѣтельства, между прочимъ, специальное искусство, которымъ слави-

лось уже за много поколѣй до той эпохи,

Пейзажъ на Невольничемъ берегу.

лись діепскіе мастера по части рѣзбы на слоновой кости, доказываютъ, что правильныя

когда Вильо-де-Бельфонъ составилъ свой знаменитый докладъ тогдашнему министру Кольберу²⁾

¹⁾ De Santarem, „Mémoire sur la priorité de la découverte de la côte occidentale de l'Afrique“.

²⁾ Estancelin;—Vitet;—d' Avezac;—Gravier.

Золотого берега, открытія неоспоримаго, занесеннаго въ лѣтописи положительной науки¹⁾, то оно совершилось въ 1470 или 1471 году: одинъ изъ изслѣдователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носилъ фамилію Сантаремъ, прославленную въ настоящемъ столѣтіи самымъ ученымъ защитникомъ первенства португальцевъ въ дѣлѣ открытия африканскихъ береговъ. Черезъ одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ послѣ обслѣдованія побережья Сантаремомъ и Эсковаромъ, король Ioанъ II велѣлъ построить на одномъ изъ высокихъ мысовъ берега укрѣпленіе, названноее фортомъ св. Георгія; по его приказанію, транспортныя суда, сопровождавшія военные каравеллы, были затоплены, сть той цѣлью, чтобы иностранцы думали, что въ Гвинейскихъ моряхъ невозможно плаваніе ни на какихъ судахъ, кромѣ кораблей португальской конструкціи²⁾.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели другихъ націй узнали дорогу къ Золотому берегу: въ концѣ шестнадцатаго вѣка туда явились голландцы и вскорѣ прогнали португальцевъ, а затѣмъ пріобрѣли и бранденбургскія поселенія, основанныя въ 1682 году на Трехконечномъ мысѣ. Они были прогнаны, въ свою очередь, англичанами. Въ 1850 году на этомъ берегу, кромѣ англійскихъ владѣній, оставались только датскія и голландскія факторіи: первыя были выкуплены Великобританіей, а вторыя пріобрѣтены въ обмѣнѣ за отказъ отъ правъ, которыя англичане присвоили себѣ въ нѣкоторыхъ округахъ Суматры; но окончательная уступка нидерландскихъ колоній, состоявшаяся въ 1871 году, совершилась не безъ нарушенія интересовъ туземного населенія и подала поводъ къ войнѣ, которая окончилась экспедиціей противъ ашантіевъ и сожженіемъ ихъ столицы. Владѣнія Кэпъ-Кость образуютъ теперь особое государство, подъ управлениемъ англійского губернатора. Вся страна была пройдена землемѣрами и расчищателями тропинокъ, а въ смежныхъ областяхъ сѣть маршрутовъ расширяется почти съ каждымъ годомъ.

Въ цѣломъ англійская территорія Золотого берега образуетъ выступъ виѣ правильной линіи морскаго побережья. Трехконечный мысъ выдвинулъ въ видѣ полуостровнаго массива: холмы его, состоящіе изъ гранита, діоритовъ, латеритовъ, песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, конгломератовъ съ прожилками кварца, оканчиваются отвѣсными утесами; многие мысы этого краеугольного межеваго столба, разграничитывающаго двѣ большихъ удлиненныхъ бухты берега Слоновой Кости и Бенинскаго залива, поднимаются на 100 слишкомъ метровъ, а ви-

три материка, километрахъ въ двадцати отъ побережья, одна вершина достигаетъ 600 метровъ высоты. На востокѣ морской берегъ представляетъ мѣстами скалистые выступы, то голые, то поросшіе мелкимъ кустарникомъ, а въ морѣ вблизи береговъ тянется рядъ рифовъ, окаймленный полукругомъ волнъ прибоя. Большинство внутреннихъ холмовъ стоятъ уединенно или образуютъ незначительныя цѣпи, какъ массивъ Аджаманти, къ сѣверо-западу отъ Акры; но на сѣверѣ отъ этого города виднѣется куполообразная гора Дамла, первая вершина настоящей цѣпи, называемой Акванемъ и направляющейся къ сѣверо-востоку, при чемъ высота ея постепенно увеличивается. Прерываемая ущельемъ, въ которомъ проходитъ рѣка Волта, эта цѣпь продолжается далѣе въ странѣ Буссо, то-есть «Горной», къ высокимъ вершинамъ сѣвернаго Дагомея, почти не мѣня направлѣнія.

На западѣ отъ Волты къ хребтамъ Акванемъ примыкаютъ другіе массивы: таковъ рядъ горъ Оквагу, направляющейся на сѣверо-востокъ и образующій широкое плоскогорье въ 660 метровъ высоты; на югѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ, это плоскогорье понижается послѣдовательными террасами, круто обрывающими; на сѣверѣ, въ королевствѣ Оквагу, оно спускается пологимъ скатомъ къ степямъ, слабо населеннымъ. Къ западу отъ этихъ травяныхъ равнинъ, нѣсколько уединенныхъ массивовъ, поднимающихся до 500 метровъ, образуютъ край невысокаго нагорья Ашанти: таковы горы Аданси, получившія известность въ исторіи недавнихъ войнъ, потому что своими кручами и, еще болѣе, обширными лѣсами, покрывающими ихъ сплошной массой, они составляютъ естественную границу страны Ашанти, на дорогѣ изъ Кумасси въ Кэпъ-Кость, и англичане принуждены были дать сраженіе, чтобы овладѣть этимъ оплотомъ. Въ этой гористой области образовался резервуаръ воды безъ истеченія, Буссамъ-Оче или «Святое озеро», одинъ изъ «большихъ фетишъ» края; ловимую въ немъ рыбу коптятъ и отправляютъ во все концы Ашанти, завернутую въ листья банана. На сѣверѣ отъ пояса холмовъ тянутся обширныя равнинны, на которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются уединенные скалы: таковы, между прочимъ, огромные камни, которые путешественникъ Лонсдэль видѣлъ на дорогѣ изъ Кумасси въ Бонтуку, и которые своимъ величественнымъ видомъ напомнили ему скалы Гибралтара. Травяныя плато продолжаются на сѣверо-западѣ до гористыхъ странъ, еще неизслѣдованныхъ, которыхъ известны подъ мандингскимъ именемъ Конгъ или «Горы». Но къ сѣверо-востоку отъ Ашанти, въ земляхъ Салага и Дженди, рядъ высотъ, называемый Конгъ, совершенно прерывается, такъ что съ береговъ Волты можно попасть на берега Нигера, не переходя черезъ горную цѣпь.

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Géographie“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

Изъ области холмовъ и равнинъ, по которой слѣдуетъ линія водораздѣла къ востоку отъ верхняго Нигера, спускаются нѣсколькою многоvodныхъ рѣкъ. На западной сторонѣ, первый большой потокъ—рѣка Анкобра, огибающая массивъ Трехконечного мыса и впадающая въ бухту Аксимъ широкимъ устьемъ, порогъ кото-раго покрытъ слоемъ воды всего только въ 2 метра толщины. Эта рѣка береть начало на разстояніи по меньшей мѣрѣ 250 километровъ отъ моря, въ странѣ Ашанти, ограничеваемая на сѣверѣ бассейнами двухъ болѣе значительныхъ рѣкъ, Тануз и Бусумъ-Пра; затѣмъ, слѣдя сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направлениі, она протекаетъ черезъ Вассау, одну изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ мѣстностей этого поморья; имя Анкобра произошло отъ португальского названія Rio-da-Cobra, или «Змѣиная рѣка», данного ей по причинѣ многочисленныхъ извилинъ ея тече-нія¹⁾.

На востокѣ отъ мыса Трехконечного течеть Бусумъ-Пра (Бусамъ-Пра), то-есть «Святая рѣка», названная такъ потому, что она служила «священнымъ путемъ» ашантіямъ, отправлявшимся на промыселъ въ южныя области королевства; обыкновенно ее называютъ просто Пра, т. е. «Рѣка». Перейдя опасный баръ, можно подняться на баркѣ вверхъ по этой рѣкѣ на 160 километровъ отъ устья, а выше въ пирогахъ пробираются до самаго Ашанти по западнымъ ея притокамъ.

Далѣе на востокѣ, до Вольты, всѣ рѣки, впадающія въ океанъ, имѣютъ незначительную длину теченія, такъ какъ ихъ водосборный бассейнъ ограниченъ холмами и горами, при-мыкающими къ цѣпи Акванемъ. Но Вольта или Аму, изливающаяся въ море недалеко отъ восточной оконечности англійскихъ владѣній Кэпъ-Кость, — большая рѣка, быть-можетъ, самая многоводная изъ всѣхъ африканскихъ потоковъ между Гамбіей и Нигеромъ. Въ наиболѣе удаленномъ отъ устья мѣстѣ, до кото-раго доходили бѣлые путешественники, Вольта катить уже значительный объемъ воды. Мор-скія суда съ осадкой до 2 метровъ могутъ под-ниматься по ней, пять мѣсяціевъ въ году, до Медики или Амедики, въ 92 километрахъ отъ устья, немного ниже большой излучины Клонгъ; въ пирогѣ же путешественникъ Бонна добрав-ся, противъ теченія и черезъ пороги, до дѣревни Егій, пристани рынка Салага, лежащей въ 400 километрахъ отъ моря. Разливы, про-должающіеся съ юля до октября, принимаютъ огромные размѣры: въ Медикѣ они достигаютъ 14 метровъ надъ уровнемъ мелководья; выше ущелій, у города Краки, воды поднимаются на 20 метровъ (около 9½ сажень), и городъ,

стоящій полгода на высокомъ берегу, оказы-вается почти на одной поверхности съ рѣкой въ другую половину года. Въ ущельѣ Акуаму, въ 105 километрахъ отъ устья, Вольта въ одной тѣснинѣ имѣть всего только 25 ме-тровъ отъ берега до берега; пять опасныхъ пороговъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на про-тяженіи 800 метровъ, и лодки лишь съ боль-шимъ трудомъ и не безъ риска преодолѣваютъ это препятствіе; выше пороговъ вода спокойна, какъ въ озерѣ, и глубина русла достигаетъ 18 метровъ¹⁾). Въ своей нижней равнинѣ, по выходѣ изъ ущелья, рѣка разливается широко, на нѣсколько километровъ въ періодъ дождей, такъ что самая большія морскія суда могли бы свободно плавать въ ней: входъ, хотя за-трудненъ измѣнчивымъ подводнымъ баромъ, обозначенъ бакенами, которые приходится постоянно перемѣщать, смотря по времени года, пропускаетъ, однако, корабли, имѣющіе отъ пяти до шести метровъ водоуглубленія. Прежде, чѣмъ соединиться съ моремъ, рѣка образуетъ внутреннюю дельту, развѣтвляющуюся на нѣсколько рукавовъ, которые окружаютъ архипелаг Кеннеди и другіе острова. Кромѣ того, черезъ боковые входы Вольта сообщается съ береговыми лагунами, отдѣленными отъ океана лишь узкой песчаной косой, гдѣ съ шумомъ разбиваются набѣгающія съ моря волны: стрѣлка западной лагуны едва изогнута въ видѣ очень удлиненной дуги, тогда какъ береговой валъ восточной лагуны обра-зуетъ правильную, точно начерченную цирку-лемъ, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отдѣленная отъ океана этой песчаной плотиной, представляетъ настоящее внутреннее море, пространствомъ по крайней мѣрѣ въ 400 квадр. километровъ, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоскій берегъ, обращенный къ океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, гдѣ искать мысъ св. Павла, показанный на картахъ: моряки могли опредѣлить его мѣсто-положеніе лишь условно, по находящемуся тамъ лѣсу, который, впрочемъ, часто скры-вается отъ взоровъ за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигдѣ, на всемъ по-бережїи Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный рядъ параллельныхъ волнъ прибоя, послѣдовательно набѣгающихъ на берегъ, не пред-ставляетъ болѣе грознаго зрѣлища. Моряки дали ей название «баръ» или «бара», какъ порогамъ, заграждающимъ входъ въ рѣки, и волнамъ, разбивающимся на этихъ порогахъ. Калемма—это громадная водяная стѣна, вѣзы-мающаяся между открытымъ моремъ и бере-гомъ, черезъ которую самые опытные моряки

¹⁾) Guillaume Bosman, „Voyage de Guinée“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾) Bonnat, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale“, 1875.

Золотого берега, открытія неоспоримаго, занесеннаго въ лѣтописи положительной науки¹⁾, то оно совершилось въ 1470 или 1471 году: однѣ изъ изслѣдователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носилъ фамилію Сантаремъ, прославленную въ настоящемъ столѣтіи самымъ ученымъ защитникомъ первенства португальцевъ въ дѣлѣ открытія африканскихъ береговъ. Черезъ одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ послѣ обслѣдованія побережья Сантаремомъ и Эсковаромъ, король Ioаннъ II велѣлъ построить на одномъ изъ высокихъ мысовъ берега укрѣпленіе, названное фортомъ св. Георгія; по его приказанію, транспортныя суда, сопровождавшія военные каравеллы, были затоплены, съ той цѣлью, чтобы иностранцы думали, что въ Гвинейскихъ моряхъ невозможно плаваніе ни на какихъ судахъ, кромѣ кораблей португальской конструкціи²⁾.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели другихъ націй узнали дорогу къ Золотому берегу: въ концѣ шестнадцатаго вѣка туда явились голландцы и вскорѣ прогнали португальцевъ, а затѣмъ пріобрѣли и бранденбургскія поселенія, основанныя въ 1682 году на Трехконечномъ мысѣ. Они были прогнаны, въ свою очередь, англичанами. Въ 1850 году на этомъ берегу, кромѣ англійскихъ владѣній, оставались только датскія и голландскія факторіи: первыя были выкуплены Великобританіей, а вторыя пріобрѣтены въ обмѣнѣ за отказъ отъ правъ, которыя англичане присвоили себѣ въ нѣкоторыхъ округахъ Суматры; но окончательная уступка нидерландскихъ колоній, состоявшаяся въ 1871 году, совершилась не безъ нарушенія интересовъ туземного населенія и подала поводъ къ войнѣ, которая окончилась экспедиціей противъ ашантіевъ и сожженіемъ ихъ столицы. Владѣнія Кэпъ-Кость образуютъ теперь особое государство, подъ управлениемъ англійского губернатора. Вся страна была пройдена землемѣрами и расчищателями тропинокъ, а въ смежныхъ областяхъ сѣть маршрутовъ расширяется почти съ каждымъ годомъ.

Въ цѣломъ англійская территорія Золотого берега образуетъ выступъ виѣ правильной линіи морскаго побережья. Трехконечный мысъ выдвинулъся въ видѣ полуостровного массива: холмы его, состоящіе изъ гранита, діоритовъ, латеритовъ, песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, конгломератовъ съ прожилками кварца, оканчиваются отвѣсными утесами; многие мысы этого краеугольного межеваго столба, разграничитывающаго двѣ большихъ удлиненныхъ бухты берега Слоновой Кости и Бенинскаго залива, поднимаются на 100 слишкомъ метровъ, а вну-

три материка, километрахъ въ двадцати отъ побережья, одна вершина достигаетъ 600 метровъ высоты. На востокѣ морской берегъ представляетъ мѣстами скалистые выступы, то голье, то поросшіе мелкими кустарникомъ, а въ морѣ вблизи береговъ тянется рядъ рифовъ, окаймленный полукругомъ волнъ прибоя. Большинство внутреннихъ холмовъ стоятъ уединенно или образуютъ незначительныя цѣпи, какъ массивъ Аджаманти, къ сѣверо-западу отъ Акры; но на сѣверѣ отъ этого города виднѣется куполообразная гора Дамла, первая вершина настоящей цѣпи, называемой Акванемъ и направляющейся къ сѣверо-востоку, при чьемъ высота ея постепенно увеличивается. Прерываемая ущельемъ, въ которомъ проходитъ рѣка Вольта, эта цѣпь продолжается далѣе въ странѣ Буссо, то-есть «Горной», къ высокимъ вершинамъ сѣвернаго Дагомея, почти не мѣня направлѣнія.

На западѣ отъ Вольты къ хребтамъ Акванемъ примыкаютъ другіе массивы: таковъ рядъ горъ Оквагу, направляющейся на сѣверо-востокъ и образующій широкое плоскогорье въ 660 метровъ высоты; на югѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ, это плоскогорье понижается послѣдовательными террасами, круто обрывающимися; на сѣверѣ, въ королевствѣ Оквагу, оно спускается пологимъ скатомъ къ степямъ, слабо населеннымъ. Къ западу отъ этихъ травяныхъ равнинъ, нѣсколько уединенныхъ массивовъ, поднимающихся до 500 метровъ, образуютъ край невысокаго нагорья Ашанти: таковы горы Аданси, получившія известность въ исторіи недавнихъ войнъ, потому что своими кручами и, еще болѣе, обширными лѣсами, покрывающими ихъ сплошной массой, они составляютъ естественную границу страны Ашанти, на дорогѣ изъ Кумасси въ Кэпъ-Кость, и англичане принуждены были дать сраженіе, чтобы овладѣть этимъ оплотомъ. Въ этой гористой области образовался резервуаръ воды безъ истеченія, Буссамъ-Оче или «Святое озеро», одинъ изъ «большихъ фетишей» края; ловимую въ немъ рыбу коптятъ и отправляютъ во всѣ концы Ашанти, завернутую въ листья банана. На сѣверѣ отъ пояса холмовъ тянутся обширныя равнинны, на которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются уединенные скалы: таковы, между прочимъ, огромные камни, которые путешественникъ Лондаль видѣлъ на дорогѣ изъ Кумасси въ Бонтуку, и которые своимъ величественнымъ видомъ напомнили ему скалы Гибралтара. Травяныя плато продолжаются на сѣверо-западѣ до гористыхъ странъ, еще неизслѣдованныхъ, которыхъ известны подъ мандингскимъ именемъ Конгъ или «Горы». Но къ сѣверо-востоку отъ Ашанти, въ земляхъ Салага и Джанди, рядъ высотъ, называемый Конгъ, совершенно прерывается, такъ что съ береговъ Вольты можно попасть на берега Нигера, не переходя черезъ горную цѣпь.

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Géographie“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

Изъ области холмовъ и равнинъ, по которой слѣдуетъ линія водораздѣла къ востоку отъ верхняго Нигера, спускаются нѣсколькою много-водныхъ рѣкъ. На западной сторонѣ, первый большой потокъ—рѣка Анкобра, огибающая массивъ Трехконечнаго мыса и впадающая въ бухту Аксимъ широкимъ устьемъ, порогъ котораго покрытъ слоемъ воды всего только въ 2 метра толщины. Эта рѣка береть начало на разстояніи по меньшей мѣрѣ 250 километровъ отъ моря, въ странѣ Ашанти, ограничивающейся на сѣверѣ бассейнами двухъ болѣе значительныхъ рѣкъ, Тануэ и Бусумъ-Пра; затѣмъ, слѣдя сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направлениі, она протекаетъ черезъ Вассау, одну изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ мѣстностей этого поморья; имя Анкобра произошло отъ португальскаго названія Ріо-да-Кобра, или «Змѣиная рѣка», даннаго ей по причинѣ многочисленныхъ извилинъ ея теченія¹⁾.

На востокѣ отъ мыса Трехконечнаго течетъ Бусумъ-Пра (Бусамъ-Пра), то-есть «Святая рѣка», названная такъ потому, что она служила «священнымъ путемъ» ашантіямъ, отпавлявшимся на промыселъ въ южныю области королевства; обыкновенно ее называютъ просто Пра, т. е. «Рѣка». Переходъ опасный баръ, можно подняться на баркѣ вверхъ по этой рѣкѣ на 160 километровъ отъ устья, а выше въ пирогахъ пробираются до самаго Ашанти по западнымъ ея притокамъ.

Далѣе на востокѣ, до Вольты, всѣ рѣки, впадающія въ океанъ, имѣютъ незначительную длину теченія, такъ какъ ихъ водосборный бассейнъ ограниченъ холмами и горами, примыкающими къ цѣпи Аквапемъ. Но Вольта или Аму, изливающаяся въ море недалеко отъ восточной оконечности англійскихъ владѣній Кэпъ-Кость, — большая рѣка, быть-можетъ, самая многоводная изъ всѣхъ африканскихъ потоковъ между Гамбіей и Нигеромъ. Въ наиболѣе удаленномъ отъ устья мѣстѣ, до котораго доходили бѣлые путешественники, Вольта катить уже значительный объемъ воды. Морскія суда съ осадкой до 2 метровъ могутъ подниматься по ней, пять мѣсяцевъ въ году, до Медики или Амедики, въ 92 километрахъ отъ устья, немного ниже большой излучины Клонгъ; въ пирогѣ же путешественникъ Бонна добрался, противъ теченія и черезъ пороги, до деревни Егій, пристани рынка Салага, лежащей въ 400 километрахъ отъ моря. Разливъ, продолжающійся съ июля до октября, принимаютъ огромные размѣры: въ Медикѣ они достигаютъ 14 метровъ надъ уровнемъ мелководья; выше ущелій, у города Краки, воды поднимаются на 20 метровъ (около 9 $\frac{1}{3}$ сажень), и городъ,

стоящиій полгода на высокомъ берегу, оказывается почти на одной поверхности съ рѣкой въ другую половину года. Въ ущельѣ Акуаму, въ 105 километрахъ отъ устья, Вольта въ одной тѣснинѣ имѣть всего только 25 метровъ отъ берега до берега; пять опасныхъ пороговъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на протяженіи 800 метровъ, и лодки лишь съ большимъ трудомъ и не безъ риска преодолѣваютъ это препятствіе; выше пороговъ вода спокойна, какъ въ озерѣ, и глубина русла достигаетъ 18 метровъ¹⁾. Въ своей нижней равнинѣ, по выходѣ изъ ущелья, рѣка разливается широко, на нѣсколько километровъ въ періодъ дождей, такъ что самая большія морскія суда могли бы свободно плавать въ ней: входъ, хотя затрудненъ измѣнчивымъ подводнымъ баромъ, обозначенъ бакенами, которые приходится постоянно перемѣщать, смотря по времени года, пропускаетъ, однако, корабли, имѣющіе отъ пяти до шести метровъ водоуглубленія. Прежде, чѣмъ соединиться съ моремъ, рѣка образуетъ внутреннюю дельту, развѣтвляющуюся на нѣсколько рукавовъ, которые окружаютъ архипелагъ Кеннеди и другіе острова. Кроме того, черезъ боковые входы Вольта сообщается съ береговыми лагунами, отдѣленными отъ океана лишь узкой песчаной косой, гдѣ съ шумомъ разбиваются набѣгающія съ моря волны: стрѣлка западной лагуны едва изогнута въ видѣ очень удлиненной дуги, тогда какъ береговой валъ восточной лагуны образуетъ правильную, точно начертанную циркулемъ, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отдѣленная отъ океана этой песчаной плотиной, представляетъ настоящее внутреннее море, пространствомъ по крайней мѣрѣ въ 400 квадр. километровъ, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоскій берегъ, обращенный къ океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, гдѣ искать мысъ св. Павла, показанный на картахъ: моряки могли опредѣлить его мѣсто-положеніе лишь условно, по находящемуся тамъ лѣсу, который, впрочемъ, часто скрывается отъ взоровъ за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигдѣ, на всемъ побережїи Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный рядъ параллельныхъ волнъ прибоя, последовательно набѣгающихъ на берегъ, не представляетъ болѣе грознаго зрѣлища. Моряки дали ей название «баръ» или «бара», какъ порогамъ, заграждающимъ входъ въ рѣки, и волнамъ, разбивающимся на этихъ порогахъ. Калемма—это громадная водяная стѣна, вздымающаяся между открытымъ моремъ и берегомъ,透过 which the most experienced sailors pass through.

¹⁾ Guillaume Bosman, „Voyage de Guinée“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾ Bonnat, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale“, 1875.

Золотого берега, открытія неоспоримаго, занесеннаго въ лѣтописи положительной науки¹⁾), то оно совершилось въ 1470 или 1471 году: одинъ изъ изслѣдователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носилъ фамилію Сантаремъ, прославленную въ настоящемъ столѣтіи самымъ ученымъ защитникомъ первенства португальцевъ въ дѣлѣ открытія африканскихъ береговъ. Черезъ одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ послѣ обслѣдованія побережья Сантаремомъ и Эсковаромъ, король Ioаннъ II велѣлъ построить на одномъ изъ высокихъ мысовъ берега укрѣпленіе, названное фортомъ св. Георгія; по его приказанію, транспортныя суда, сопровождавшія военные каравеллы, были затоплены, съ той цѣлью, чтобы иностранцы думали, что въ Гвинейскихъ моряхъ невозможно плаваніе ни на какихъ судахъ, кромѣ кораблей португальской конструкціи²⁾.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели другихъ націй узнали дорогу къ Золотому берегу: въ концѣ шестнадцатаго вѣка туда явились голландцы и вскорѣ прогнали португальцевъ, а затѣмъ пріобрѣли и бранденбургскій поселенія, основанныя въ 1682 году на Трехконечномъ мысѣ. Они были прогнаны, въ свою очередь, англичанами. Въ 1850 году на этомъ берегу, кромѣ англійскихъ владѣній, оставались только датскія и голландскія факторіи: первыя были выкуплены Великобританіей, а вторыя пріобрѣтены въ обмѣнъ за отказъ отъ правъ, которыя англичане присвоили себѣ въ нѣкоторыхъ округахъ Суматры; но окончательная уступка нидерландскихъ колоній, состоявшаяся въ 1871 году, совершилась не безъ нарушенія интересовъ туземного населенія и подала поводъ къ войнѣ, которая окончилась экспедиціей противъ ашантіевъ и сожженіемъ ихъ столицы. Владѣнія Кэпъ-Кость образуютъ теперь особое государство, подъ управлениемъ англійского губернатора. Вся страна была пройдена землемѣрами и расчищателями тропинокъ, а въ смежныхъ областяхъ сѣть маршрутовъ расширяется почти съ каждымъ годомъ.

Въ цѣломъ англійская территорія Золотого берега образуетъ выступъ въѣправильной линіи морскаго побережья. Трехконечный мысъ выдвинулъся въ видѣ полуостровнаго массива: холмы его, состоящіе изъ гранита, діоритовъ, латеритовъ, песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, конгломератовъ съ прожилками кварца, оканчиваются отвѣсными утесами; многие мысы этого краеугольного межеваго столба, разграничитывающаго двѣ большія удлиненные бухты берега Слоновой Кости и Бенинскаго залива, поднимаются на 100 слишкомъ метровъ, а вну-

три материка, километрахъ въ дѣздцати отъ побережья, одна вершина достигаетъ 600 метровъ высоты. На востокѣ морской берегъ представляетъ мѣстами скалистые выступы, то голье, то поросшіе мелкими кустарникомъ, а въ морѣ вблизи береговъ тянется рядъ рифовъ, окаймленный полукругомъ волнъ прибоя. Большинство внутреннихъ холмовъ стоятъ уединенно или образуютъ незначительныя цѣпи, какъ массивъ Аджаманти, къ сѣверо-западу отъ Акры; но на сѣверѣ отъ этого города виднѣется куполообразная гора Дампа, первая вершина настоящей цѣпи, называемой Акванемъ и направляющейся къ сѣверо-востоку, при чемъ высота ея постепенно увеличивается. Прерываемая ущельемъ, въ которомъ проходитъ рѣка Вольта, эта цѣпь продолжается далѣе въ странѣ Буссо, то-есть «Горной», къ высокимъ вершинамъ сѣвернаго Дагомея, почти не мѣня направлѣнія.

На западѣ отъ Вольты къ хребтамъ Акванемъ примыкаютъ другіе массивы: таковъ рядъ горъ Оквагу, направляющейся на сѣверо-востокъ и образующей широкое плоскогорье въ 660 метровъ высоты; на югѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ, это плоскогорье понижается послѣдовательными террасами, круто обрывающими; на сѣверѣ, въ королевствѣ Оквагу, оно спускается пологимъ скатомъ къ степямъ, слабо населеннымъ. Къ западу отъ этихъ травяныхъ равнинъ, нѣсколько уединенныхъ массивовъ, поднимающихся до 500 метровъ, образуютъ край невысокаго нагорья Ашанти: таковы горы Аданси, получившія известность въ исторіи недавнихъ войнъ, потому что своими кручами и, еще болѣе, обширными лѣсами, покрывающими ихъ сплошной массой, они составляютъ естественную границу страны Ашанти, на дорогѣ изъ Кумасси въ Кэпъ-Кость, и англичане принуждены были дать сраженіе, чтобы овладѣть этимъ оплотомъ. Въ этой гористой области образовался резервуаръ воды безъ истеченія, Буссамъ-Оче или «Святое озеро», одинъ изъ «большихъ фетишъ» края; ловимую въ немъ рыбу коптить и отправлять во все концы Ашанти, завернутую въ листья банана. На сѣверѣ отъ пояса холмовъ тянутся обширныя равнинны, на которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются уединенные скалы: таковы, между прочимъ, огромные камни, которые путешественникъ Лонсдаль видѣлъ на дорогѣ изъ Кумасси въ Бонтуку, и которые своимъ величественнымъ видомъ напомнили ему скалы Гибралтара. Травяныя плато продолжаются на сѣверо-западѣ до гористыхъ странъ, еще неизслѣдованныхъ, которыхъ известны подъ мандингскимъ именемъ Конгъ или «Горы». Но къ сѣверо-востоку отъ Ашанти, въ земляхъ Салага и Джени, рядъ высотъ, называемый Конгъ, совершенно прерывается, такъ что съ береговъ Вольты можно попасть на берега Нигера, не переходя черезъ горную цѣпь.

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Géographie“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

Изъ области холмовъ и равнинъ, по которой слѣдуетъ линія водораздѣла къ востоку отъ верхняго Нигера, спускаются нѣсколько мно-водныхъ рѣкъ. На западной сторонѣ, первый большой потокъ—рѣка Анкобра, огибающая массивъ Трехконечнаго мыса и впадающая въ бухту Аксимъ широкимъ устьемъ, порогъ кото-раго покрытъ слоемъ воды всего только въ 2 метра толщины. Эта рѣка беретъ начало на разстояніи по меньшей мѣрѣ 250 километровъ отъ моря, въ странѣ Ашанти, ограничивающей на сѣверѣ бассейнами двухъ болѣе значитель-ныхъ рѣкъ, Тануэ и Бусумъ-Пра; затѣмъ, слѣ-дя сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направлениі, она протекаетъ черезъ Вассау, одну изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ мѣстностей этого поморья; имя Анкобра про-изшло отъ португальскаго названія Ріо-да-Кобра, или «Змѣиная рѣка», даннаго ей по причинѣ многочисленныхъ извилинъ ея тече-нія¹⁾.

На востокѣ отъ мыса Трехконечнаго течеть Бусумъ-Пра (Бусамъ-Пра), то-есть «Святая рѣка», названная такъ потому, что она слу-жила «священнымъ путемъ» ашантіямъ, отира-влявшимся на промыселъ въ южныю области королевства; обыкновенно ее называютъ про-сто Пра, т. е. «Рѣка». Перейдя опасный баръ, можно подняться на баркъ вверхъ по этой рѣкѣ на 160 километровъ отъ устья, а выше въ пирогахъ пробираются до самаго Ашанти по западнымъ ея притокамъ.

Далѣе на востокѣ, до Вольты, всѣ рѣки, впа-дающія въ океанъ, имѣютъ незначительную длину теченія, такъ какъ ихъ водосборный бассейнъ ограниченъ холмами и горами, при-мыкающими къ цѣпи Аквапемъ. Но Вольта или Аму, изливающаяся въ море недалеко отъ восточной оконечности англійскихъ владѣній Кэпъ-Кость, — большая рѣка, быть-можетъ, самая многоводная изъ всѣхъ африканскихъ потоковъ между Гамбіей и Нигеромъ. Въ наи-болѣе удаленномъ отъ устья мѣстѣ, до кото-раго доходили бѣлые путешественники, Вольта катитъ уже значительный объемъ воды. Мор-скія суда съ осадкой до 2 метровъ могутъ под-ниматься по ней, пять мѣсяцевъ въ году, до Медики или Амедики, въ 92 километрахъ отъ устья, немного ниже большої излучины Клонгъ; въ пирогѣ же путешественникъ Бонна добрал-ся, противъ теченія и черезъ пороги, до дере-вни Егій, пристани рыска Салага, лежащей въ 400 километрахъ отъ моря. Разливъ, про-должающійся съ юля до октября, принимаютъ огромные размѣры: въ Медикѣ они достигаютъ 14 метровъ надъ уровнемъ мелководья; выше ущелій, у города Краки, воды поднимаются на 20 метровъ (около 9½ саженъ), и городъ,

стоящій полгода на высокомъ берегу, оказы-вается почти на одной поверхности съ рѣкой въ другую половину года. Въ ущельѣ Акуаму, въ 105 километрахъ отъ устья, Вольта въ одной тѣснинѣ имѣть всего только 25 ме-тровъ отъ берега до берега; пять опасныхъ пороговъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на про-тяженіи 800 метровъ, и лодки лишь съ боль-шимъ трудомъ и не безъ риска преодолѣваютъ это препятствіе; выше пороговъ вода спокойна, какъ въ озерѣ, и глубина русла достигаетъ 18 метровъ¹⁾. Въ своей нижней равнинѣ, по выходѣ изъ ущелья, рѣка разливается широко, на нѣсколько километровъ въ періодъ дождей, такъ что самая большія морскія суда могли бы свободно плавать въ ней: входъ, хотя затрудняемый измѣнчивымъ подводнымъ баромъ, обозначеннымъ бакенами, которые приходится постоянно перемѣщать, смотря по времени года, пропускаетъ, однако, корабли, имѣющіе отъ пяти до шести метровъ водоуглубленія. Прежде, чѣмъ соединиться съ моремъ, рѣка образуетъ внутреннюю дельту, развѣтвляющую-ся на нѣсколько рукавовъ, которые окружаютъ архипелагъ Кеннеди и другіе острова. Кроме того, черезъ боковые входы Вольта сообщается съ береговыми лагунами, отдѣленными отъ океана лишь узкой песчаной косой, гдѣ съ шумомъ разбиваются набѣгающія съ моря волны: стрѣлка западной лагуны едва изогнута въ видѣ очень удлиненной дуги, тогда какъ береговой валъ восточной лагуны обра-зуетъ правильную, точно начерченную цирку-лемъ, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отдѣленная отъ океана этой песчаной плотиной, представляетъ настоящее внутреннее море, пространствомъ по крайней мѣрѣ въ 400 квадр. километровъ, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоскій берегъ, обращенный къ океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, гдѣ искать мысъ св. Павла, показанный на картахъ: моряки могли опредѣлить его мѣсто-положеніе лишь условно, по находящемуся тамъ лѣсу, который, впрочемъ, часто скры-вается отъ взоровъ за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигдѣ, на всемъ по-бережью Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный рядъ параллельныхъ волнъ прибоя, послѣ-довательно набѣгающихъ на берегъ, не пред-ставляетъ болѣе грознаго зрѣлища. Моряки дали ей название «баръ» или «бара», какъ порогамъ, заграждающимъ входъ въ рѣки, и волнамъ, разбивающимся на этихъ порогахъ. Калемма—это громадная водяная стѣна, взды-мающаяся между открытымъ моремъ и бере-гомъ,透过 которую самые опытные моряки

¹⁾) Guillaume Bosman, „Voyage de Guinée“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾) Bonnat, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale“, 1875.

проходить не безъ волненія. Во всякое время, даже когда море спокойно, эти волны непрерывно одна за другой съ шумомъ набѣгаютъ на берегъ: приливъ, вѣтеръ, теченіе въ огромной степени увеличиваютъ силу ихъ прибоя; иногда даже крумены не отваживаются пускаться черезъ разъяренный бурунъ въ своихъ *surfboats*, или «прибойныхъ баркахъ», лодкахъ, закругленныхъ спереди, которыми они управляютъ гребкомъ, а не весломъ. По словамъ этихъ искусствъ кормчихъ, замѣчается родь ритма въ послѣдовательности волнъ: они знаютъ напередъ, которая волна наименѣе сильно принесетъ лодку къ берегу. Съ песчанаго берега, на которомъ разбивается огромный валъ съ пѣнящимся гребнемъ, видны вдали, точно на подвижномъ холмѣ, корабли, плавно качающіеся на поверхности моря.

На Золотомъ берегу времена года смѣняются въ томъ же порядкѣ и представляютъ тѣ же явленія, какъ и въ областяхъ, лежащихъ западнѣе. И здѣсь тоже, какъ на берегу Слоновой Кости, наступленіе периода большихъ дождей, начинающагося въ марта или въ апрѣль, возвѣщается сильными торнадосами; затѣмъ вѣтеръ постепенно стихаетъ, по мѣрѣ того, какъ устанавливаются дожди; бризы, материковая и морская, въ это время очень слабы. Съ наступленіемъ сезона засухи возобновляются муссоны: тогда юго-западные вѣты съ силой ударяютъ въ берегъ, поднимая волненіе на морѣ и скрывая горизонтъ подъ туманной завѣсой; даже внутри материка часто можно видѣть туманы, ползущіе по вершинамъ горъ. Въ октябрѣ, послѣ равноденствія, наступаетъ малый сезонъ дождей, самая опасная пора для европейцевъ; затѣмъ январь и февраль опять приносятъ сухую погоду; въ это время гарматанъ дуетъ всего чаще, отодвигая бары въ море и тѣмъ облегчая судамъ входъ въ рѣки; трава желтѣеть, листья сохнутъ, воздухъ насыщается пылью. Крайняя температуры, наблюдавшаяся миссіонерами на станціи Абетифи, построенной на высотѣ 600 метровъ, въ горахъ Оквагу, были $10,8^{\circ}$ и $35,4^{\circ}$ Ц.; когда термометръ показываетъ 17 градусовъ, жители уже очень страдаютъ отъ холода; въ среднемъ, разность температуры между климатомъ береговой полосы и климатомъ гористой области составляетъ отъ трехъ съ половиной до четырехъ градусовъ.

Температура года:

	Среднія годовыя.	Самый теплый месяцъ.	Самый холо- дный мѣсяцъ.
Эльмина...	$26^{\circ},2$	$27^{\circ},6$ (мартъ),	$23^{\circ},9$ (авг.)
Христіан- сборгъ....	$26^{\circ},9$	$28^{\circ},4$ (апрѣль),	$24^{\circ},2$ "

Что касается годового количества атмосферныхъ осадковъ, то оно весьма значительно во всемъ поясѣ горъ. Рамсейеръ говорить, что иногда измѣреніе показывало 55 миллиметровъ

дождевой воды, выпавшей менѣе, чѣмъ въ три часа.

Пропорція дождей и число дождливыхъ дней въ разныхъ станціяхъ Золотаго берега ¹⁾:

		милли- метра.	дождя, дней.
Горы.	Абури.	1.084	75
	Абетифи	1 100	75
Побережье.	Христіансборгъ.	575	60
	Эльмина.	782	82

Въ общемъ климатъ Золотаго берега, хотя очень опасный для бѣлыхъ, не такъ вреденъ, какъ климатъ Сенегамбii; при томъ же европейцы, проживающіе въ краѣ въ числѣ двухъ-сотъ человѣкъ, позаботились основать санаторіи во внутреннихъ гористыхъ мѣстностяхъ.

Обиліе дождей имѣть слѣдствіемъ необычайное богатство растительности, по крайней мѣрѣ во внутреннихъ холмистыхъ областяхъ; тамъ центры населенія раздѣлены обширными лѣсами, и когда предпринимается военная экспедиція, то прежде всего посылаютъ отрядъ прорубателей для прокладыванія тропинокъ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ. Въ территоріяхъ Вассау и Данкира, деревья, называемыя «каркумъ», достигаютъ 3 метровъ въ диаметрѣ и 60 метровъ вышины; туземцы вырубаютъ бревна до 2 метровъ толщиной, безъ малѣйшей трещины ²⁾. Впрочемъ, страны, простирающіяся на сѣверъ отъ горъ Аквапемъ, не получаютъ изъ-за этой преграды атмосферную влагу въ количествѣ, достаточномъ для произростанія большихъ лѣсовъ, и покрыты травяными степями, среди которыхъ лишь изрѣдка попадаются рощицы со скучной листвой; только по берегамъ ручьевъ растутъ большія деревья, переплетаясь своими вѣтвями надъ потокомъ и образуя длинныя галлерей изъ зелени. Что касается приморскихъ холмовъ, постоянно обвѣаемыхъ солеными вѣтрами и состоящихъ изъ бесплодныхъ скаль, то тамъ встрѣчаются только чахлые, приземистыя деревца да молочайники, имѣющіе форму канделябровъ; но зато травы, кусты орхидеи блестятъ чуднымъ уборомъ цвѣтковъ, тогда какъ лѣсъ представляетъ лишь однобразную зелень древесныхъ листьевъ и папоротниковъ. Золотой берегъ—одна изъ богатѣйшихъ африканскихъ странъ по многочисленности и разнообразію пальмъ; въ лѣсахъ сѣверной его части растутъ также масличное дерево и кола, называемое въ томъ краю *бессе*.

Слонъ прежде былъ почти также распространенъ на Золотомъ берегу, какъ и на берегу Слоновой Кости. Босманъ, жившій въ Эльминѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, разсказываетъ, какъ одинъ слонъ забрѣлъ въ садъ форта, гдѣ и былъ убитъ; но въ наши

¹⁾ Riggensbach, *Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel*.

²⁾ „Blue Book“, July 1885.

дни крупные звѣри почти совсѣмъ исчезли изъ приморской области. Въ береговой полосѣ, до горныхъ пѣней Аданси, Аджаманти, Акавапемъ, охотники почти не находятъ болѣе дичи. Но за этими горами, саванны, особенно въ мѣстности, прилегающей къ пѣни Оквагу, очень богаты дикими животными—слонами, буйволами, газелями, кабанами, различными видами кошачьяго и собачьяго рода. Бегемоты и крокодилы еще водятся во множествѣ въ Вольтѣ, несмотря на пароходы бѣлыхъ, мутащіе воды рѣки. Изъ четверорукихъ, обитающихъ въ лѣсахъ, особенно замѣчательны черная обезьяна съ бѣлой бородой и обезьяна пепельного цвѣта съ длинной шелковистой шерстью, шкуры которой вывозятся въ Англію. Въ травяныхъ степяхъ міръ бабочекъ такъ же богатъ, какъ и міръ цвѣтовъ: натуралистъ Бухгольцъ во время кратковременного путешествія собралъ около семисотъ различныхъ видовъ мотыльковъ. Между тысячами разнообразныхъ насѣкомыхъ теперь находится страшная американская чика или блоха нарываная (*psulex penetrans*), привезенная изъ Бразилии освобожденными пленными: часто можно встрѣтить фантіевъ, лишившихся пальцевъ на ногахъ вслѣдствіе развитія яичекъ, вводимыхъ этими блохами подъ ногти. Муха цепе или какой-нибудь подобный ей видъ убиваетъ скотъ во многихъ частяхъ побережья ¹⁾, а опустошенія, производимыя муравьями, достигаютъ страшныхъ размѣровъ: случается, что эти насѣкомыя нападаютъ ночью на птичьи дворы и пожираютъ птицъ; иногда негры принуждены бывать покидать свои жилища, уступая мѣсто этимъ грознымъ завоевателямъ. Главный врагъ термитовъ—ящерь длинно-хвостый (*manis longicaudatus*), у которого все тѣло покрыто сплошной броней изъ крѣпкой чешуи, и который спить свернувшись въ кольцо, какъ змѣя. Для жителей края самое драгоценное животное—одинъ видъ улитки травяной, которая въ Ашанти, по словамъ путешественника Бонна, составляетъ главную пищу населенія.

Населенія Золотаго берега принадлежать къ двумъ различнымъ расамъ: побѣжденнымъ аборигенамъ и завоевателямъ. Древнѣйшіе обитатели сохранились отдельнымъ племенами въ верхнемъ бассейнѣ Вольты, и именно въ гористыхъ областяхъ: жители земли Бронгъ, къ сѣверо востоку отъ королевства ашантіевъ, известны у этихъ чернокожихъ подъ именемъ *potoso*, которое есть синонимъ слова «варвары». Большинство ихъ говорятъ нарѣчіями гуангъ, ита или другими близкими къ нимъ диалектами, происходящими отъ того же корня, какъ и языкъ завоевателей; кроме того, почти

каждый изъ этихъ туземцевъ знаетъ также языкъ своихъ политическихъ господъ, называемый оджи или га. Физическая различія этихъ двухъ расъ незначительны; въ среднемъ, аборигены болѣе сильны, болѣе коренасты, чѣмъ другіе обитатели страны. Обычаи у нихъ тоже иные. Впрочемъ, этническія различія между ними и ихъ сосѣдями мало-по-малу сглаживаются: смѣщеніе посредствомъ браковъ, общая цивилизаци, и съ одной стороны магометанская пропаганда, съ другой—англійское и протестантское вліяніе постепенно смягчаютъ первоначальные контрасты.

Кромѣ нарѣчій языка ашанті, въ странѣ существуютъ еще многіе другіе діалекты, настолько различающіеся между собой, что говорящіе ими не въ состояніи понимать другъ друга, но тѣмъ не менѣе принадлежащіе къ одной и той же глоссологической группѣ: таковъ языкъ обуту, которымъ говорять въ одномъ изъ округовъ берега Фанти, особенно въ городѣ Агуна, имя которого прежде принадлежало ко всей области, нынѣ называемой «Золотымъ Берегомъ». Таковы же языки кіерепонгъ, въ горахъ Акавапемъ, и акра или инкранъ, подраздѣляющійся на два нарѣчія, га и адамфи, которыми говорятъ болѣе ста тысячъ человѣкъ на берегу Акра и во всей провинціи Адамфи, треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ на востокѣ и сѣверѣ рѣкой Вольтой, на сѣверо-западѣ и западѣ—горной пѣнѣ Акавапемъ. На сѣверѣ королевства Ашанти языки banda, гъяманъ и конгъ также составляютъ часть той же глоссологической семьи. Языкъ ашанті и говоры одного съ нимъ происхожденія состоятъ изъ односложныхъ корней, флексіи которыхъ получаются при помощи приставокъ и суффиксовъ. Въ нарѣчіяхъ га и адамфи запасъ корней такъ малъ, что принуждены разнообразить ихъ при помощи удареній и объяснять ихъ значеніе посредствомъ какого-нибудь другаго слова. Иносказательныя выраженія, метафоры, употребляемыя ашантіями, свидѣтельствуютъ о живости воображенія и силѣ поэтическаго чувства ²⁾.

Этническая группа оджіевъ, къ которой принадлежать ашантіи или асанте, вмѣстѣ съ племенами данкира, вассавъ, акимъ, ассинъ, фанти, есть самая могущественная въ гористой области, ограничиваемой на западѣ рѣкой Тануз, на востокѣ рѣкой Вольтой. Королевство, основанное ашантіями и недавно подчинившее своей власти почти всѣ другія государства этой страны, возникло не раньше конца семнадцатаго столѣтія, когда племя, завоевательное, по словамъ однихъ, бѣжавшее отъ своихъ господъ, по словамъ другихъ, пришло сюда изъ земли, известной подъ именемъ Инта; однако, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство постоянныхъ

¹⁾ Winwood Reade; — Richard Burton, цитированное сочиненіе.

²⁾ Christaller; — Ramseyer; — Cast и др.

жителей, составляющихъ націю ашанти, проходитъ отъ негровъ, поселившихся въ краѣ за много вѣковъ до нашей эпохи; бывали виѣшнія политическая перемѣны, преобладали другія имена, но переселенческое движеніе изнутри материка къ приморской области существовало во всѣ времена съ отдаленной древности. Въ этой части Африки переселеніе совершается съ сѣвера на югъ, тогда какъ въ Сенегамбіи оно происходитъ съ востока на западъ, но исходя изъ того же центра въ Суданѣ. Оно продолжается и въ наши дни въ странѣ Ашанти; мандинги магометане очень многочисленны въ главныхъ городахъ, и даже мно-
гія государства, официально управляемыя «фетишерами», находятся теперь подъ преоб-
ладающимъ вліяніемъ ислама¹⁾.

Ашантіи—одинъ изъ самыхъ красивыхъ народовъ африканского континента: они рослы и хорошо сложены; женщины имѣютъ стройный станъ и правильные черты лица. Кожа у этихъ туземцевъ очень черная, волосы курчавые, но носъ довольно тонкій, губы не толстыя; весьма вероятно, что въ первоначальной своей родинѣ ашантіи смышивались съ арабами и берберами; они не безобразятъ себя, какъ многие изъ ихъ сосѣдей, ни татуировкой, ни порѣзами. Ашантіи отличаются большой понятливостью, прекрасной памятью и замѣчательнымъ умѣніемъ приспособляться къ средѣ. По берегамъ ручьевъ они сдѣлались землемѣльцами; въ степяхъ они пасутъ скотъ; на берегу моря и лагунъ они рыболовы и лодочники; въ городахъ—это очень дѣятельные коммерсанты, искусные ремесленники; они ткуть матеріи, дѣлаютъ глазированную глиняную посуду, куютъ желѣзо и выдѣлываютъ изъ него инструменты и оружіе, плетутъ ковры, вставляютъ въ оправу золото и драгоценные камни. Языкъ ихъ, известный подъ разными наименованіями (оджи, очи, чи, туи, и т. д.),—одинъ изъ самыхъ звучныхъ и гармоническихъ во всей Африкѣ; при томъ это также одинъ изъ наиболѣе изученныхъ африканскихъ языковъ. Уже въ 1673 году датчанинъ Мюллеръ издалъ сборникъ словъ одного нарѣчія ашантійского корня; затѣмъ нѣсколько другихъ сборниковъ того же рода были составлены въ восемнадцатомъ столѣтіи, а въ недавнее время появились научные грамматики, словари, сборники устныхъ преданій; такимъ образомъ уже имѣются необходимые элементы для начала сравнительной лингвистики между различными диалектами ашантіи за двухъ-вѣковой періодъ ихъ развитія. При дворахъ употребляется аканъ, нарѣчіе правинціи Акимъ, которая лежитъ въ углу, ограниченномъ на сѣверѣ и востокѣ горами Акра и Оквагу; однако, наиболѣе пригоднымъ для литературной роли считаются диалекты провинціи Аквапемъ,

сосѣдней съ областью Акра: на это нарѣчіе переведены священные книги, молитвы и гимны христіанъ. Диалектъ фантіевъ приморской полосы, между Акрой и Кепъ-Костомъ, отличается отъ языка ашантіи почти только произношеніемъ. До англійского вмѣшательства, эти два народа постоянно воевали между собой, хотя имъ было не безъизвѣстно ихъ первоначальное родство. По словамъ легенды, два брата, долго терпѣвшіе голодъ, нашли каждый растеніе, служившее имъ съ того времени пищей; одинъ былъ *фан*, другой—*шан*: отсюда и произошли ихъ национальные имена.

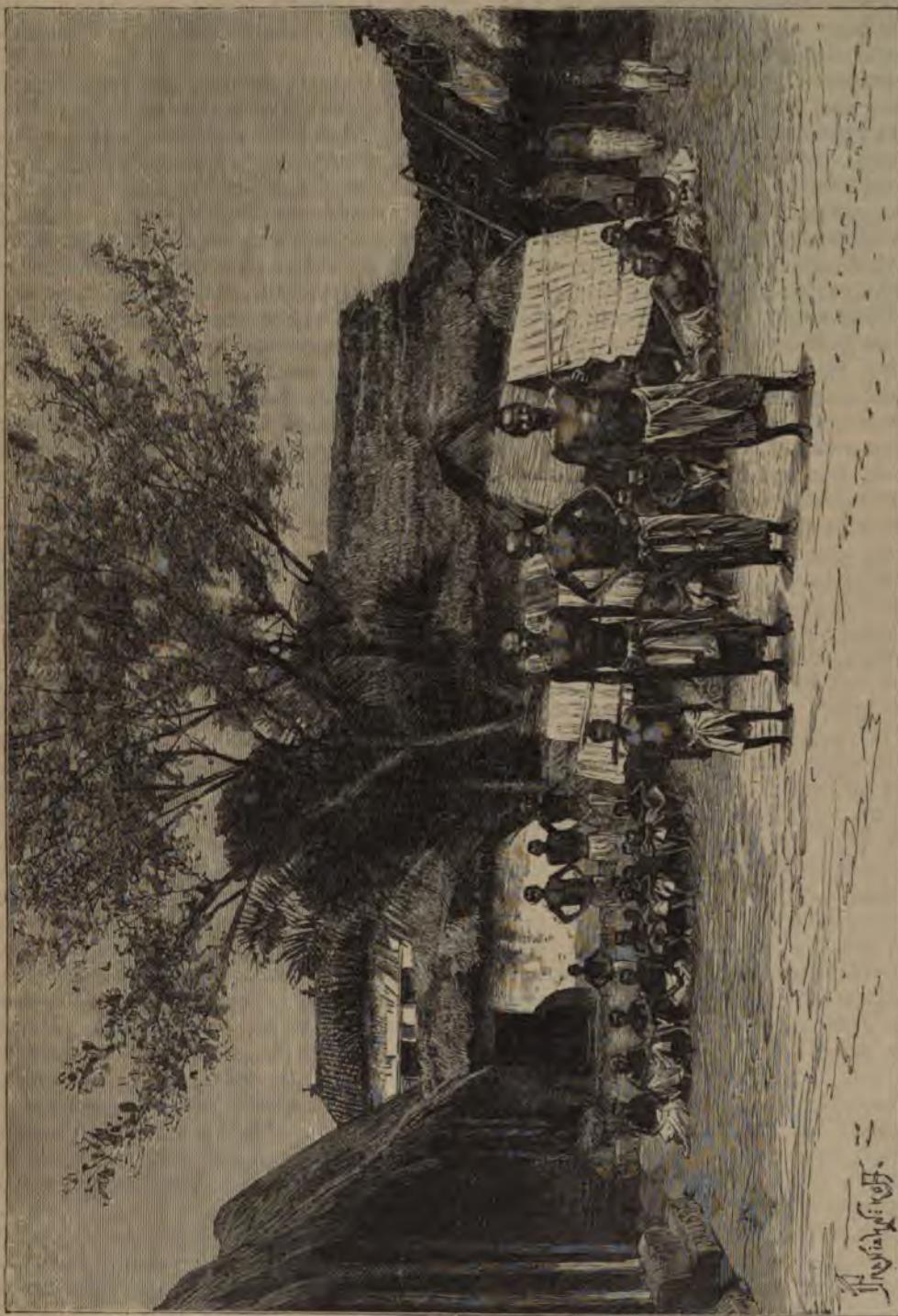
Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ашантіи—одинъ изъ самыхъ цивилизованныхъ народовъ Африки. Ихъ смыленость, искусство въ ремеслахъ, умѣніе хорошо говорить, музыкальный талантъ, проявляющійся даже настоящими концертами, храбрость въ битвахъ—таковы способности и качества, выгодно отличающія ихъ отъ многихъ сосѣдей; но, съ другой стороны, нигдѣ нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія классовъ или сословій, нигдѣ сильные міра не пользуются такими большими и уважаемыми прерогативами. Если власть по самой сущности своей стремится къ безусловному господству, то по крайней мѣрѣ на практикѣ она почти вездѣ ограничена; въ Ашантіи же общественное мнѣніе, управляемое страхомъ, не ставило никакихъ предѣловъ державному авторитету; деспотизмъ царька надъ своимъ подданными, благородныхъ надъ мужиками, начальниковъ надъ солдатами, посвященныхъ надъ профанами, мужей надъ женами, господъ надъ невольниками былъ безграничный. По своимъ звѣрскимъ законамъ и обычаямъ, это общество сдѣлалось самымъ чудовищнымъ изъ всѣхъ союзовъ людей, но оно не могло долго существовать въ этомъ видѣ: бунты и войны съ другими народами, внутренняя деморализація и виѣшнее вліяніе чужеземныхъ нравовъ, болѣе мягкихъ и болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ человѣческой личности и жизни, привели къ разложенію царства Ашантіи, къ упадку его учрежденій и постепенному измѣненію всего соціального порядка. Описанія путешественниковъ относятся къ обществу уже не существующему, но оставившему по себѣ многіе слѣды своего существования.

Король ашантіевъ похвальялся тѣмъ, что онъ царствуетъ надъ народомъ рабовъ: каждый плевокъ его подбирали съ благоговѣніемъ, на каждое чиханье его отвѣчали низкими поклонами, по правиламъ придворнаго этикета; всякое движеніе его вызывало восторгъ или страхъ. У него есть министры, которыхъ древній обычай облекаетъ правомъ *vetо* въ вопросахъ о войнѣ и налогахъ, но которые съ давнихъ поръ ограничивались ролью потакателей и куртизановъ; одинъ изъ высшихъ сановниковъ королевскаго двора—главный палачъ, который но-

¹⁾ Ramseyer, „Quatre ans chez les Achanti“.

сить, какъ знакъ своего достоинства, золотой топорикъ на орденской лентѣ. Пажи имѣютъ на себѣ оружіе-фетишъ, обезпечивающее имъ безопасность вездѣ, куда бы они ни явились:

въ особо важныхъ обстоятельствахъ онъ декретировалъ общую конфискацію частныхъ имуществъ въ пользу казны. Войско его состояло изъ всѣхъ способныхъ къ труду мужчинъ: какъ

Туземцы изъ Порто-Ново.

они пользуются правомъ грабежа; все забираемое ими становится собственностью короля. Кромѣ того, этотъ царекъ есть естественный наследникъ золота и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей, принадлежащихъ его подданнымъ, а

только раздавался барабанный бой, призывавшій на войну, каждый мужчина бралъ свое ружье, патронташъ, сумку съ провіантомъ, амулетки и устремлялся за своими начальниками, въ то время, какъ женщины, вымазавъ

себѣ тѣло бѣлой глиной, ходили процессіей по улицамъ и обыскивали дома, чтобы извлекать трусовъ или запоздавшихъ и гнать ихъ тумаками и пинками. Обычай не позволяетъ королю оставить тронъ своему сыну: власть его переходитъ къ сыну его сестры или другому рѣдственнику по женской линіи. Официальное чи-
сло королевскихъ супругъ, по Баудичу, 3.333, хотя только пять или шесть изъ нихъ живутъ въ особомъ гаремѣ; но всѣ эти жены, или вѣрнѣе рабыни, ревниво содержатся взаперти, подъ охраной евнуховъ: онѣ выходятъ изъ дома только по ночамъ. Изъ всѣхъ придворныхъ женщинъ одна только, мать короля, участвующая въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, можетъ показываться публично съ открытымъ лицомъ. Принцессы, сестры короля, имѣютъ право брать себѣ въ супруги мужчину по своему выбору, съ условіемъ, чтобы избранный оыль молодъ, красивъ и силенъ; но до недавнаго времени это была очень опасная милость, потому что если супруга или ея сынъ умирали ранѣе мужа, то послѣдній долженъ быть, какъ вѣрный рабъ, сопровождать свою госпожу или своего господина въ могилу ¹⁾). Нѣрѣдко случалось также, что люди царскаго рода были осуждаемы на смерть, но безъ пролитія крови: ихътопили въ рѣкѣ.

Начальники, вообще называемые европейцами португальскимъ именемъ сабесегес, любятъ щеголять въ красивыхъ одеждахъ, шелковыхъ халатахъ и широкихъ шароварахъ, а въ торжественныхъ случаяхъ размалевываютъ себѣ лицо яркими красками. Потомки знатныхъ фамилій одни имѣютъ право сидѣть въ присутствіи короля, какъ герцоги и пэры при дворѣ Людовика XIV; это также генералы отъ рожденія для войскъ короля. Въ сраженіяхъ они всегда держатся позади, въ сопровожденіи офицера, защищающаго ихъ зонтикомъ отъ солнца, и окруженные стражей, которая обязана убивать отстающихъ солдатъ. Они должны всегда показывать видъ равнодушія и презрѣнія къ опасности: знаменитѣйшіе полководцы любили, въ самый разгаръ битвы, развлекаться какой-нибудь игрой, поставивъ ногу на отрубленную голову непріятельского вождя; побѣденные, они не должны были переживать пораженія и сами лишали себя жизни передъ своимъ войскомъ: «лучше смерть, чѣмъ позоръ», говорить ашантійская пословица. Подобно королю, кабесеры имѣютъ большое число супругъ; у простолюдиновъ же рѣдко бываетъ больше одной жены, а солдаты по большей части остаются холостыми, благодаря тому, что равновѣсие половъ нарушено для наполненія гаремовъ знати. Нравы разрѣшаютъ самое варварское обращеніе со стороны мужа. Кабесеры могутъ продавать своихъ женъ въ рабство или обезглавливать

въз за прелюбодѣяніе; болтливая жена приговаривается къ потерѣ верхней губы; любящей подслушивать у дверей отрѣзываютъ ухо; подозрѣваемую въ колдовствѣ подвергаютъ пыткамъ. Ашантіи очень ревнивы, и обычай не позволяетъ хвалить красоту замужней женщины.

До недавнаго времени похороны были самымъ ужаснымъ событиемъ въ ашантійскомъ обществѣ. Какъ только обнаруживались признаки близкой смерти кабесера, надъ его невольниками учреждали строгій надзоръ или даже привязывали ихъ на цѣпь, чтобы они не могли ускользнуть отъ предстоящей чудовищной церемоніи. Тотчасъ послѣ послѣдняго издыханія господина, двое рабовъ приносились въ жертву, чтобы служить ему спутниками; затѣмъ, во время торжественнаго погребенія, цѣлая партія намѣченныхъ жертвъ, тѣмъ болѣе многочисленная, чѣмъ богаче или знатнѣе былъ покойникъ, шествовала въ похоронной процессіи, окруженнаго толпой женщинъ, которые кричали и плясали, раскрашенная въ кровавый цветъ. Одно магическое слово, по-видимому, могло бы спасти несчастныхъ, обреченныхъ на смерть; но завыванія толпы и барабанный бой заглушали это спасительное слово; палачи, одѣтые въ черное, оставались глухи ко всякому призыву, и чтобы задержать вопль о помилованіи, они заширяли ротъ раба либо тряпкой, либо ударомъ книжала, пронзвавшимъ ему обѣ щеки; затѣмъ, отрубали ему правую руку и отшлифовали голову. Но однихъ рабовъ недостаточно было, чтобы сопровождать важнаго начальника въ загробную жизнь: ему необходимо было, кроме того, и общество свободнаго человѣка. И вотъ одинъ изъ присутствующихъ, сраженный ударомъ сзади, падалъ рядомъ съ другими трупами, и тѣло его, еще теплое, бросалось въ могилу, которую тотчасъ же засыпали землей. Когда нужно было дать загробныхъ спутниковъ королю, то людей убивали сотнями; всѣ, служившіе ему шпионами или, какъ ихъ называли, *кра*, то-есть «душами» царька, должны были слѣдовать за тѣмъ, кого они оберегали при жизни: онѣ не могли явиться на томъ свѣтѣ иначе, какъ въ компаніи своихъ «душъ» ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ его надѣляли массой сокровищъ, которыхъ его преемники могли трогать только въ минуту опасности для государства.

Судебная расправа за преступленія, преступки или простыя нарушенія полицейскихъ правилъ, также доставляла ашантійскимъ властямъ случай проливать кровь или подвергать обвиняемыхъ пыткамъ. Разбить яйцо или пролить пальмовое масло на улицѣ Кумасси— было преступнымъ дѣяніемъ, наказуемымъ смертю. Убийцамъ прежде всего отрубали руки,

¹⁾ Winwood Reade, „African Sketch-book“.

¹⁾ Ramseyer, цитиров. сочиненіе.

и казненные, обливаясь кровью, должны были еще проплесать предсмертный танец перед королемъ: горящія головни, прикладываемыя къ ихъ ранамъ, помогали имъ дѣлать предисанные прыжки. Но преимущественно празднества давали поводъ къ большимъ избѣніямъ, сдѣлавшимся необходимымъ институтомъ въ правительственномъ механизмѣ этого государства. Особенно праздникъ сбора ямса, спроявляемый осенью, требовалъ обильного орошенія кровью: урожай вышелъ бы неудачный, если бы человѣческія существа не доставили этому пищевому растенію соковъ, необходимыхъ для поддержания цикла жизни. Въ это время года начальники провинцій обязаны были являться ко двору, и каждый изъ нихъ, вступая въ городъ, приносилъ въ жертву раба мѣстному духу. Въ каждомъ кварталѣ совершались свои жертвоприношенія; кровь лилась повсюду, плачи кружились въ бѣшеной пляскѣ, ударяя въ барабаны, украшенные черепами, а фетишеры составляли элексиръ отъ смерти, смѣшивая человѣческую кровь съ сѣменами и лѣкарственными травами. Въ ликующемъ городѣ царила распущенность: это былъ праздникъ весны, обновленія природы, праздникъ жизни и смерти.

Страхъ передъ духами, восящимися въ воздухѣ, въ водахъ, въ ночныхъ испареніяхъ, боязнь чиселъ и рядовъ, опасеніе несчастныхъ встрѣтъ—все давало поводъ къ убийствамъ у этихъ запуганныхъ населеній. Одна изъ улицъ Кумасси носила название «Никогда не пересыхающей отъ проливаемой крови»; самое имя города, по игрѣ словъ на языкѣ фантіевъ, означало: «убивайте всѣхъ!». Ребенка, родившагося въ несчастный день, тотчасъ же лишали жизни; въ некоторыхъ округахъ чаша яда была излюбленнымъ средствомъ для разрѣшенія всякихъ затрудненій; при малѣшемъ сомнѣніи фетишеры прописывали декоектъ изъ страшной коры: цѣлые деревни были почти поголовно истребляемы этимъ способомъ. Вообще жизнь человѣческая слишкомъ мало цѣнится въ этой странѣ террора и угнетенія. Самоубійства здѣсь очень часты, преимущественно между невольниками. Когда одинъ изъ этихъ несчастныхъ решится покончить съ собою, онъ сообщаетъ объ этомъ своему господину; тотъ даетъ ему бутылку водки, чтобы наполнить его до-пьяна, затѣмъ торопить его ударами дубинки; бываетъ также, что старѣшины пытаются отговорить покушающагося на самоубійство, если только онъ не произнесъ «царской клятвы», которой уже нельзя нарушить¹⁾; они убѣждаютъ его, что, умирая рабомъ, онъ и возродится рабомъ, но онъ остается твердъ въ своемъ намѣреніи и велитъ привязать себя къ дереву, чтобы его

разорвали на куски. Странно, что въ этой странѣ, гдѣ до недавняго времени смерть отъ меча или топора была нормальнымъ концомъ для столькихъ несчастныхъ, жители какъ будто стыдятся говорить о смерти и обыкновенно прибегаютъ къ перифразамъ, въ родѣ слѣдующихъ: «человѣкъ отправился; онъ ушелъ; дерево упало»). Такимъ образомъ языкъ представляетъ еще умолчаніе, свидѣтельствующее объ остаткѣуваженія къ человѣческой жизни. Нельзя не порадоваться, что съ одной стороны вліяніе европейцевъ, съ другой—вліяніе манинговъ положили конецъ этому страшному царству смерти. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ можно сказать, не боясь впасть въ ошибку, что дѣло бѣлыхъ на «черномъ континентѣ» было истинно цивилизаторскимъ, и что они въ широкой мѣрѣ способствовали нарожденію новаго міра.

До войны 1873 года, которая привела англичанъ въ Кумасси, королевство Ашанти занимало, вмѣстѣ со всѣми вассальными государствами, огромное пространство: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ оно охватывало южную оконечность горъ, и жители равнинъ Дагомбы, въ 400 километрахъ разстоянія, приносили ей дань; на югѣ ашантіи покорили данкирцевъ, своихъ бывшихъ властителей, и подвигаясь на сѣверъ отъ европейскихъ владѣній, съ одной стороны до Ассини, съ другой—до нижней Волты, они все болѣе и болѣе оттесняли къ морю союзниковъ бѣлого чужеземца. Въ одномъ мѣстѣ, около устьевъ «Священной рѣки», они достигли даже океана, и городъ Шама сдѣлался ихъ союзникомъ, почти вассаломъ. Гордые своей побѣдой надъ бѣлыми въ битвѣ при Эссе-маку, въ 1824 г., счастливые тѣмъ, что имъ удалось «пожрать мужество англичанъ», стѣвъ сердце генерала Макъ-Карти, они стали нападать даже на приморскія крѣпости, взираясь по валамъ «до самаго жерла пушки». Но въ рѣшительной войнѣ 1873 года, роковой исходъ которой, говорятъ, былъ возвѣщенъ паденiemъ большаго дерева-фетиша въ Кумасси, имъ пришлось уступить усовершенствованному оружію: на другой же день послѣ бѣгства короля наступило полное распаденіе могущественнаго царства. Всѣ вассальные провинціи вернули себѣ независимость; даже изъ ашантіевъ многіе, покинувъ свое отечество, переселились въ Данкиру, подъ англійскій протекторатъ; осталось лишь маленькое государство въ предѣлахъ территории, ограничиваемой съ юга лѣсистыми холмами Аданси. Наконецъ, простой угрозы англійскаго резидента въ Акрѣ достаточно было, чтобы заставить короля ашантіевъ передать королевѣ Великобританіи, если не самый золотой топоръ, то по крайней мѣрѣ имитацию этого «великаго

¹⁾ Brodie Cruikshank, „Eighteen years on the Gold-Coast of Africa“;—Bonnat, цитированный сборникъ.

¹⁾ Ramseyer, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1886.

фетиша», символа права смерти, которое черный царекъ имѣлъ надъ всѣмъ своимъ народомъ. По словамъ Лондсдэля, ашантійскимъ вождямъ отнынѣ невозможно было бы собрать войско, превышающее шесть тысячъ человѣкъ.

Фанти почти всегда были союзниками англичанъ, также какъ ашантіи союзниками голландцевъ. Генераль Макъ Карти, павший на полѣ битвы во главѣ отряда приморскихъ фантиевъ, сдѣлался для нихъ геніемъ-хранителемъ: самой важной ихъ клятвой была клятва его памяти, и многие изъ нихъ даютъ своимъ дѣтямъ имя Карте, какъ они выговариваютъ эту ирландскую фамилию. Соплеменники и наследственные враги ашантіевъ, фантии походятъ на нихъ характеромъ и способностями; но нравы у нихъ измѣнились, какъ и образъ правления: они составляютъ союзъ, почти республиканскій, мелкихъ государствъ. Находясь съ давнихъ поръ въ сношеніяхъ съ европейцами, они уже не спрашиваютъ свой праздникъ избѣніемъ людей, также и на похоронахъ ограничиваются принесеніемъ въ жертву какого-нибудь животнаго, козы или собаки; спутниковъ путешествія на тотъ свѣтъ они замѣняютъ подарками, матеріями, браслетами, металлическими пуговицами. Тѣмъ не менѣе кодексъ фантиевъ еще очень суровъ, и смертная казнь часто примѣняется: убийца выдается головой родственникамъ его жертвы; но онъ можетъ иногда выкупить свою жизнь уплатой пени: въ среднемъ, кровь свободного человѣка считается равнозначной семи невольникамъ. У этихъ народцевъ, нравы которыхъ вѣсколько смягчились подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ чужеземцами, богатство въ особенной чести. До недавняго времени «правосудіе» у нихъ было продажное, какъ и во многихъ другихъ странахъ міра, но вигдѣ эта продажность не выражалась въ болѣе циничной формѣ: во время судебнаго разбирательства процесса одинъ изъ тяжущихся вызывалъ противника на состязаніе, кто изъ нихъ сдѣлаетъ болѣе щедрый подарокъ старѣшинамъ, или *тайминъ*, въ доказательство правоты своего дѣла. Каждая изъ спорящихъ сторонъ выставила на площади, въ видѣ аргументовъ, рядъ бутылей и кувшиновъ съ крѣпкими напитками, и тяжба решалась въ пользу того, кто подносилъ суду болѣе обильное угощеніе. Несостоятельный должникъ считается человѣкомъ опозореннымъ и, въ случаѣ смерти, лишается похороненія: тѣло его выбрасываютъ на большую дорогу.

Несмотря на его жадность къ деньгамъ, тщеславіе, вепостоянство, фанти нравится миссионерамъ, поселившимся въ его странѣ: онъ вообще трудолюбивъ, какъ въ полевыхъ работахъ, такъ и въ рыбномъ промыслѣ; у него сильно развиты любовь къ родному мѣсту и семейная привязанность; при томъ онъ очень смыщенъ и способенъ ко вскимъ ремесламъ. Отличитель-

ный знакъ этой расы составляютъ порѣзы на скулахъ и на затылкѣ. Туземцевъ племени акимъ, на юго-восточной границѣ Ашанти, тоже легко узнать по необычайно выдающимся скуламъ, образующимъ какъ бы зачатки роговъ по обѣ стороны носа. У фантиевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, костюмъ состоитъ изъ широкаго куска матеріи, прикрѣпляемаго поясомъ и оставляющаго грудь открытой; одежда матерей расположена такъ, что сзади образуетъ *канки*, широкій турнюръ, на который помѣщается ребенокъ, какъ на сидѣніе; богатыя матроны, кроме того, имѣютъ привычку привѣшивать напереди платья брелокъ изъ серебряныхъ ключей. У каждого мужчины есть ружье, хотя это оружіе сдѣлалось безполезнымъ со временемъ окончанія войны съ ашантіями; прежде каждый фанти былъ солдатомъ и долженъ быть до самой смерти слѣдовать за своимъ капитаномъ, или *браффо*. Разсказываютъ, что въ ту эпоху, когда нація, тѣснѣмая врагами, приуждена была покинуть внутреннія области и спуститься къ морю, воины объявили, что они изберутъ въ верховные вожди того изъ благородныхъ, который принесетъ въ жертву отечеству свою правую руку: въ ту же минуту одинъ начальникъ выступилъ впередъ, протягивая руку: однимъ ударомъ меча рука была отрублена, и безрукаго вождя тотчасъ же провозгласили браффо. Родъ этого первого державца былъ почти совершенно истребленъ ашантіями. Порядокъ престолонаслѣдія въ этой фамиліи таковъ, что власть всегда переходитъ отъ дяди къ племяннику, сыну сестры, какъ у большинства другихъ африканскихъ народовъ.

Каждый городъ, каждая деревня, каждая семья имѣетъ своего фетиша; кроме того, есть национальный богъ, представляющій «господина господствующихъ, отца всѣхъ», который въ понятіи ашантіевъ и большинства приморскихъ племенъ, въ бассейнѣ Волты и на лагунахъ Невольничаго берега, сливается съ небомъ. У этихъ младенческихъ народовъ, которые все окружающее относятъ къ самимъ себѣ, каждый предметъ природы предполагается оказыватьшимъ хорошее или дурное вліяніе на судьбу отдельного лица, и эти силы должны быть вызываемы или заклинаемы магическими церемоніями. Когда какое-нибудь китообразное животное сидѣтъ на мель у берега, это—вѣрила примѣта, что странѣ грозить большая бѣда, потому что морская млекопитающая—древній народъ, поглощенный моремъ, по стремящійся снова завладѣть землей. Есть, напротивъ, рыбы, приносящія счастье: такова меч-рыба (*xiphias gladius*), у которой отшливаютъ мечевидное рыло, неоцѣнимое сокровище для семьи, которую оно будетъ защищать отъ злого рока. Деревья, растенія, скалы, ручьи также причисляются либо къ покровителямъ, либо къ врагамъ. Еще недавно, го-

ворить Босманъ, у богатыхъ вторая жена была специально посвящаема геніяхъ, и, какъ таковая, объявлялась фетищемъ.

Когда женщина забеременѣть въ первый разъ, злые духи соединяются противъ нея, и плодъ ея погибнетъ, если она не искупить его, подвергаясь публичному поруганію: оттого когда она показывается на улицѣ, въ сопровожденіи своихъ друзей, которые идутъ ходатайствовать за нее передъ фетищемъ, толпа ребятишекъ преслѣдуется ее бранными словами и комками грязи. Каждый фанти носитъ имя того дня недѣли, въ который онъ родился, такъ что во всей націи существуютъ только семь личныхъ именъ, каждое съ мужскимъ и женскимъ окончаніемъ. Прозвище, основанное на качествахъ, порокахъ, странностяхъ данного лица, или какихъ-нибудь событияхъ его жизни, обозначаетъ его болѣе точнымъ образомъ. Сматря по мѣстностямъ, къ его собственному имени прибавляютъ также, для отличія, имя отца, матери или дѣда и бабки. Образованіе не практикуется нигдѣ на Золотомъ берегу, кромѣ округа Акра, въ которомъ, кроме того, соблюдается обычай натирать новорожденныхъ землей, взятой на томъ мѣстѣ, где былъ убитъ одинъ жестокій португальскій губернаторъ¹). Свободные мужчины получаютъ нѣкоторое воспитаніе; ихъ обучаютъ военной пляскѣ, фехтованію, а также искусству, недоступному ни женщинамъ, ни рабамъ, сообщать новости со сѣднимъ деревнямъ посредствомъ барабанного боя съ дробью. Въ нѣсколько часовъ эти примитивные телефоны передаютъ вѣсти о событияхъ или призывы на сотни километровъ.

Другія племена, обитающія на морскомъ берегу и въ горахъ, представляютъ большое разнообразіе наименованій, хотя эти племена принадлежатъ по большей части къ тому же корню, какъ ашантіи и фанти, и походить на нихъ языккомъ, нравами, религіозными понятіями, политическими учрежденіями; тѣмъ не менѣе, восточные племена, акра, кробо, авуна, аготиме, крепи, отличаются отъ собственно фантиевъ большей способностью къ ремесламъ и промысламъ, большімъ мужествомъ и неустрашимостью, также какъ большей физической силой. Прежде ихъ обозначали общимъ именемъ мина или амина, которое нынѣ примѣняется къ племенамъ, живущимъ восточнѣ, на Невольничемъ берегу. Сматря по близости или отдаленности приморскихъ рынковъ, болѣе или менѣе частому посѣщенію большихъ дорогъ, присутствію или отсутствію европейскихъ миссіонеровъ, различная племена представляютъ всѣ послѣдовательные переходы отъ дикаго состоянія, описанаго португальскими миссіонерами и первыми изслѣдователями, Артюсомъ, Бильо-де-Бельфономъ, Босманомъ,

¹⁾ Bowdich;—Burton, цитиров. сочиненія.

Смитомъ, де-Марше, Барботомъ, Изертомъ, до полуцивилизованнаго быта, констатируемаго новѣйшими путешественниками.

Въ наши дни, католические и протестантскіе священнослужители, въ особенности лютеранскіе пасторы базельской миссіи, преемники моравскихъ братьевъ, прибывшихъ въ край въ 1736 году, основали многочисленныя миссіи между этими туземцами, и нѣкоторыя новые деревни населены исключительно обращенными въ христіанство неграми. Состояніе базельскихъ миссій на Золотомъ берегу 1 января 1882 года выражалось слѣдующими цифрами: 10 становъ, 50 миссіонеровъ, мужчинъ и женщинъ; 4.780 вѣрующихъ, 1.294 воспитанника. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти чернокожіе вступаютъ въ лоно христіанской церкви единственно ради земныхъ выгодъ; многие, едва успѣвъ креститься, переходятъ въ магометанскую вѣру. Впрочемъ, у негровъ Капъ-Коста и Акры возникаютъ даже новые секты, которыхъ по способу происхожденія и по догматамъ, отчасти христіанскимъ, можно сравнить съ сектой тайшигтовъ, въ китайскомъ обществѣ, и которыхъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о самобытной религіозной эволюціи. Въ земляхъ Аделе и Акабу, къ востоку отъ средняго теченія Вольты, фетиши уже потеряли кредитъ; туземные миссіонеры проповѣдуютъ тамъ новое евангеліе, «возвѣща, что у Бога родился Сынъ, и что запрещено работать въ воскресенье». Эти проповѣдники селятся въ деревень, и прозелиты группируются вокругъ нихъ²). Когда португальцы рассказывали имъ о Верховномъ Существѣ, прибрежные жители Золотаго берега видѣли въ Немъ только главнаго фетиша европейскихъ народовъ: «Не Онъ намъ доставляетъ золото, говорили они,— это даръ земли; не Онъ далъ намъ мансъ и рисъ, а нашъ трудъ; рыбу даетъ намъ море, а деревья съ плодами,— это вы, португальцы, привезли намъ ихъ»³). Этотъ чужой Богъ былъ въ ихъ понятіяхъ бѣлымъ существомъ, какъ и люди, поклоняющіеся Ему; они же, черные, могли ли взывать къ какому-нибудь другому фетишу, кроме бога ихъ цвѣта? Роковымъ образомъ имъ достался иной удѣль, чѣмъ бѣлымъ. Когда два первыхъ человѣка должны были выбирать между золотомъ и грамотой, черный взялъ металль, а бѣлый научился читать и писать: оттого онъ и сталъ сильнѣе чернаго, а Богъ его—самый могущественный изъ всѣхъ боговъ⁴).

Къ западу отъ мыса Трехконечнаго, англичане не имѣютъ ни одного сколько-нибудь значительного торгового порта. Альбани, домики

¹⁾ Hawseyer, цитиров. статья.

²⁾ Artus, „Indes Orientales“, collection de Brug.

³⁾ Guillaume Bosman, цитированное сочиненіе,—Pierre Bouche, „La Côte des Esclaves“.

которого, окруженные пальмами, построены на песчаной косѣ, между лагуной и моремъ, есть не болѣе, какъ бѣдная деревушка, часто называемая Half Assini (Полу-Ассини), по сравненію съ французской факторіей, лежащей при истокѣ озеръ. Бегіенъ, наименованный португальцами Аполлоніей, въ честь святаго, пріимѣнѣ издалека развалинами бывшей голландской крѣпости; но это просто группа хижинъ, какъ всѣ огороженные деревни, слѣдующія одна за другой на востокѣ, въ видѣ непрерывной линіи. Эта область поморья — одна изъ самыхъ многолюдныхъ мѣстностей африканскаго берега, хотя до недавняго времени здѣсь не было ни одного городского поселенія. На холмѣ, между двухъ негритянскихъ деревень, которыхъ мало-по-малу сливаются, чтобы преобразоваться въ городъ, стоитъ укрѣпленіе, первоначально португальское, затѣмъ голландское, нынѣ англійское: это — фортъ Аксимъ, построенный для того, чтобы командовать долиной Анкобры, воды которой изливаются въ море въ четырехъ километрахъ западнѣе; по другую сторону, ближе къ мысу Трехконечному, видны развалины бранденбургской крѣпости Гроссъ-Фридрихсбургъ. Аксимъ или Эсмъ, какъ его называютъ туземцы, представляетъ самое благопріятное для приставанія судовъ мѣсто на всемъ этомъ побережїѣ, благодаря двумъ островамъ, защищающимъ берегъ: одинъ, Бобовуса, окруженный подводными камнями, есть островъ-фетишъ; другой, Поке, состоящій продолженіе первого и соединяющійся съ нимъ въ часы отлива, былъ прежде мѣстомъ убѣжища для женщинъ и дѣтей во время войны. Авглійскій путешественникъ Бортонъ нашелъ тамъ орудія каменнаго вѣка: нигдѣ въ другихъ мѣстахъ этого побережья не собрали такого множества «божественныхъ топоровъ», какъ въ окрестностяхъ Аксима. Во многихъ деревняхъ эти каменные топоры вѣшаютъ на веревкѣ передъ хижинами: иногда ихъ обмазываютъ особыго рода бѣлой глиной, которую красятъ также стѣны храмовъ, и которая считается самымъ радикальнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней¹⁾.

Современемъ Аксимъ, безъ сомнѣнія, будетъ портомъ всей области, простирающейся до Конга, включая сюда Аовинъ, Сахви, Гіамамъ, — страны, еще очень мало извѣстныя. Онъ уже соединенъ съ Анкоброй хорошей дорогой, которая представляетъ наиболѣе удобный путь къ золотымъ прискамъ въ Вассау. Кромѣ того, начальникамъ племенъ предложено было расчистить лѣсныя тропинки и устроить мости черезъ ручьи, чтобы установить удобное сообщеніе между морскимъ берегомъ и постомъ Тарква, центромъ рудной области. Предполагали даже построить желѣзную дорогу въ 96 ки-

лометровъ, которая дала бы возможность перевозить тяжелыя машины, необходимыя для систематической разработки золотыхъ рудниковъ¹). Тарква, называемая англичанами столицей территории Вассау и занимаемая маленькимъ гарнизономъ, стоитъ пока только изъ казармъ, построенныхъ на холмѣ, близъ деревни, где командуетъ главный туземный начальникъ страны. Аодуа, бывшая прежде главнымъ пунктомъ края теперь обратилась въ бѣдную деревушку; значительнѣйшія поселенія находятся вокругъ рудниковъ, сданныхъ на концессію англійскимъ и французскимъ золотопромышленникамъ, съ тѣхъ поръ, какъ Боннѣлъ первый предпринялъ методическія развѣдки мѣсторожденій драгоценного металла въ территоріи Вассау, которая до того времени эксплуатировались туземными промысловальщиками золотаго песку: могила этого изслѣдователя находится въ сѣдѣствѣ Тарквы. Золото чаще всего находятъ въ гнейсѣ и другихъ первичныхъ породахъ: годовая цѣнность получаемаго металла, не считая добычи туземцевъ, составляла, въ среднемъ, за время съ 1866 по 1880 годъ 3.120.000 франковъ; кромѣ того, въ холмахъ открыты жилы серебряной, мѣдной и оловянной руды, а желѣзо и марганецъ встречаются повсюду. Золотой песокъ — единственный денежный знакъ въ этой провинціи Гвинеи, которая дала свое имя инею, старой англійской золотой монетѣ. Большинство работающихъ на пріискахъ состоитъ изъ аполлоніцевъ и круменовъ, и почти всѣ они деморализованы пороками, порождаемыми этимъ промысломъ²); въ то время, какъ область рудниковъ заселялась, перемѣна нравовъ, произведенная прибытіемъ чужеземцевъ, и оставленіе земледѣльческаго труда имѣли слѣдствіемъ страшную смертность: цѣлые деревни совершенно опустѣли. Въ этой внутренней области одно только населенное мѣсто, виѣ пріисковъ, заслуживаетъ названія города: это Мансу, лежащій почти на полпути изъ Тарквы къ устью рѣки Пра.

Крѣпость, господствующая надъ маленькой бухтой Диксковъ, къ востоку отъ мыса Трехконечнаго, имѣетъ нѣкоторую стратегическую важность, благодаря своему положенію въ сѣдѣствѣ мыса, и мимо-идущіе пароходы находить тамъ складъ угля; другія укрѣпленія, которые оспаривали другъ у друга англичане, голландцы и французы, оставили послѣ себя только развалины. Укрѣпленіе Шама было сохранено и расширено по причинѣ его положенія вблизи того мѣста, где рѣка Пра соединяется съ океаномъ. У этого пункта часто пристаютъ суда; однако, большой изгибъ, который рѣка описываетъ въ свою нижнѣмъ теченіи, заставилъ выбрать другую пристань

¹⁾ Blue Book, C. 4477, „Affairs of the Gold-Coast“.

²⁾ Bonnat;—Dahse;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

для торговли съ внутренними областями и особенно съ королевствомъ Ашанти. Такой пристанью служить нынѣ городъ Эльмина, старѣшая факторія европейцевъ на Золотомъ берегу. Французы первые поселились въ la Mine, около конца четырнадцатаго столѣтія¹⁾; затѣмъ, послѣ прекращенія діеппскими ногоціантами торговли на Золотомъ берегу, португальцы сдѣлали Эльмину своей главной крѣпостью. Впослѣдствіи этотъ городъ былъ главнымъ пунктомъ Голландскихъ владѣній на берегахъ Гвинейскаго моря. А съ 1871 года, эпохи, когда начался его упадокъ, онъ принадлежитъ Великобританіи; переставъ быть столицею края, онъ потерялъ большую часть своего населения. Два форта, Сентъ-Джоржъ и Сентъ-Джемсъ, перекрещиваются свои огни надъ городомъ, который раздѣленъ на двѣ половины узкой бухтой, образующей портъ при устьѣ и окаймленной по берегамъ садами; сѣверная часть города состоитъ изъ построекъ европейской архитектуры; на сосѣднихъ холмахъ тамъ и сямъ видныются дачи, утопающія въ зелени. Эльмина соединена хорошими каменными дорогами, съ одной стороны—съ устьемъ рѣки Пра черезъ большое мѣстечко Комменда, гдѣ діеппскіе коммерсанты тоже имѣли контору, съ другой—съ Кэпъ-Костъ-Кэстлемъ, нынѣ однимъ изъ главныхъ городовъ англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу.

Этотъ городъ, называвшійся Cabo Corso у португальцевъ, сар Corse у французовъ, получилъ свое англійское имя Cape-Coast Castle только благодаря невѣжеству моряковъ; туземцы называютъ его Игуа, Эгве, Огва, Гва. Новый городъ, заключающій въ себѣ нѣсколько домовъ британского вида, выстроился рядомъ съ «чернымъ городомъ», гдѣ живутъ скученно фанти, мѣстные уроженцы, матроны крумены, съ западныхъ береговъ, гауссаны и другіе суданцы, составляющіе гарнизонъ. Нѣсколько фортовъ высится на холмахъ, оправдывая название Castle, или «Замокъ», обыкновенно означающее городъ. Ногоціанты, поселившіеся въ Кэпъ-Костѣ, ведутъ обширную торговлю съ долиной рѣки Пра и съ королевствомъ Ашанти. Отъ этого города начинается большая дорога, продолжающаяся тропинкой, которая направляется къ верхнему бассейну и къ городу Кумасси. Этимъ путемъ, который должна была замѣнить желѣзная дорога, начатая постройкою во время войны 1873 года, но не оконченная,шли англійские завоеватели въ 1874 году, когда они преслѣдовали ашантіевъ, постоянно побѣждаемыхъ, но не перестававшихъ оказывать сопротивленіе. Деревни, встрѣчающіеся на дорогѣ въ Кумасси, почти всѣ носятъ многозначительныя и поэтическія

¹⁾ Samuel Braun;—Villault de Bellefond;—Dapper, см. d'Avezac, „Notice des Découvertes“, et Gabriel Gravier, „Recherches sur les Navigations europ  ennes“.

имена, и въ сосѣдствѣ морскаго берега построены довольно хорошо, благодаря искусству, которое приобрѣтаютъ временные эмигранты, плотники и каменщики, въ городахъ побережья. Между этими внутренними деревнями двѣ, болѣе важныя съ стратегической точки зоркія, заняты гарнизономъ изъ черныхъ солдатъ: одна, лежащая въ лѣсной прогалинѣ, на полпути отъ морскаго берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются главныя вѣтви рѣки Пра, носить имя Мансу, принадлежащее также многимъ другимъ населеннымъ пунктамъ той страны; другая, Прасу, т. е. «голова Пра», построена на рѣкѣ того же имени, ниже впаденія въ нее многоводного притока Биргимъ. Въ эту пость, который военные отчеты называютъ «ключемъ» къ странѣ Ашанти, начальники сосѣднаго королевства приходятъ спрашивать совѣта или принять приказанія представителей великого британской власти.

Кумасси—большой городъ, около 6 километровъ въ окружности, расположенный въ обширной равнинѣ, съ красноватой желѣзистой почвой, орошаемой ручьемъ, притокомъ рѣки Да, главной западной вѣтви «Священной рѣки». Хотя этотъ городъ, столица независимаго по имени королевства, есть въ дѣйствительности вассалъ Англіи, однако онъ не открываетъ широко своихъ дверей иностранцамъ: въ него впускаютъ только послѣ долгаго ожиданія и при томъ не иначе, какъ окольными дорогами сквозь лѣсныя чащи; черезъ извѣстные промежутки разставлены фетиши въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны проходить постыдители, въ видахъ устраниенія порчи отъ бѣлага человѣка; до недавняго времени это были человѣческие трупы, которые клади поперекъ дороги или привязывали къ деревьямъ, чтобы напугать чужеземца и заставить его вернуться вспять. Говорятъ, что до войны населеніе Кумасси простиравлось до 70.000 душъ. Послѣ прохода англійскаго войска, разрушенія королевскаго дворца, истребленія пожаромъ окружающихъ кварталовъ, торговля избрала себѣ другіе пути, и жители эмигрировали массами. Въ 1883 году, во время посѣщенія Кумасси путешественникомъ Лагденомъ²⁾, этотъ городъ отличался отъ окрестныхъ ашантійскихъ селеній только большимъ числомъ хижинъ. Но начиная съ слѣдующаго года произошла значительная перемѣна: торговые дороги, снова открытые для движенія, привлекли тысячи эмигрантовъ, и повсюду стали появляться новые дома, иные даже въ два этажа, на европейскій образецъ²⁾. Въ Ашанти, именно въ провинціяхъ Дадеасси и Инквата, разрабатываютъ золотоносныя залежи, составляющія продолженіе, съ юго-за-

¹⁾ „A Walk to Coomassie“, Nineteenth Century, February 1884.

²⁾ Brandon Kirby, „Proceedings of the R. Geographical Society“, vol. V, 1884.

пада на съверо-востокъ, богатой Тарквахской жилы. Въ дождливое время года золотоискатели промываютъ даже песокъ съ улицъ Кумасси¹⁾). Теперь уже не носятся тучи коршуновъ и другихъ пернатыхъ хищниковъ надъ городомъ, надъ священными рощами и надъ царскимъ некрополемъ, который прежде былъ окруженнъ трупами и орошался человѣческой кровью; впрочемъ, намѣченныя жертвы, кото-рымъ удавалось проникнуть въ святилище, были обезопашены отъ царскаго гнѣва, защищаемыя предками. Послѣднее человѣческое жертвоприношеніе, какъ кажется, имѣло мѣсто въ 1882 году, на похоронахъ тетки короля²⁾.

Въ другихъ провинціяхъ бывшаго королевства Ашанти, города продолжали процвѣтать или пришли въ упадокъ, смотря по тому, находились ли они послѣ нашествія въ состояніи мира или въ состояніи войны. Джубамъ, бывшій соперникъ Кумасси,—все еще многолюдный городъ. Кокофу, Инквантса, Мампонгъ, недавно столицы вассальныхъ государствъ, были почти совершенно опустѣвшими въ 1874 году, во время посѣщенія ихъ Брандономъ Кэрбя; городъ Беква, прежде почти столь же многолюдный, какъ Кумасси, былъ покинутъ почти всѣмъ населеніемъ въ 1885 году, вслѣдствіе свирѣпствовавшей тамъ осипенной эпидеміи. Болѣе счастливые, многіе города Акима, въ верхнихъ бассейнахъ рѣкъ Пра и Биримъ, на-селились и разбогатѣли. Инсуамъ, или Исуа-эмъ, называемый также Оба, главный городъ западнаго Акима, лежащий близъ рѣки Биримъ, сдѣлался однимъ изъ значительнѣйшихъ горо-довъ Африки; подлѣ старого города, съ кривы-ми улицами, разростается новый, съ широкими прямыми улицами, раскинувшійся вокругъ холма, на которомъ стоитъ королевскій дво-рецъ. Въ разстояніи одного километра къ югу находится другой городъ, Соадра, тоже очень населенный: на пространствѣ около 6 киломе-тровъ вокругъ Обы живетъ, вѣроятно, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ³⁾. Столица терри-торіи Акимъ-Ашанти, прежде подвластной кумассійскому царьку, Бомпата, лежитъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Пра; она смынила, въ качествѣ главнаго города провин-ціи, пришедшее теперь въ упадокъ мѣстечко Двиранса, построенное въ одной долинѣ горъ Оквагу. Врасо, на скатѣ горы, покрытомъ плантациями и господствующемъ надъ обшир-нымъ амфитеатромъ лѣсистыхъ горныхъ скло-новъ,—одинъ изъ самыхъ живописныхъ горо-довъ въ области водораздѣла между бассей-номъ Пра и бассейномъ Волты. Кумаву—тоже хорошенъкій городокъ, по частію утратившій свое прежнее значеніе: теперь это группа

¹⁾ Brandon Kirby, "Blue Book", C. 4477.

²⁾ Lonsdale, "Blue Book", C. 3336.

³⁾ Mohr, "Proceedings of the R. Geographical Soci-ety", April 1884.

отдѣльныхъ деревень и поселковъ, раздѣлен-ныхъ порослями сахарного тростника. Каждое мѣстечко этой страны имѣеть свой храмъ, гдѣ царить богъ Танио, пришедший изъ провинції Гіамантъ, на съверо-западѣ отъ Кумасси⁴⁾.

Къ востоку отъ Кэпъ-Коста, вдоль морскаго берега, слѣдуетъ одна за другой торговыя при-стани: Апамабоз, Коромантинъ, Акемфо или Сольтъ-Пондъ, т. е. «Соляной Прудъ» (на-званный такъ отъ салинъ на ея берегу), Вин-неба или Симпа. Затѣмъ, въ 150 километрахъ отъ Кэпъ-Коста, находится городъ Акра, Нкрантъ или Га, доминируемый фортомъ Джемсъ и продолжающійся на востокъ другими городскими кварталами, изъ которыхъ каждый имѣеть своего царька; одна изъ пригородныхъ деревень, близъ форта Кревкеръ, была оби-таема фетишемъ, покровителемъ бѣглыхъ не-гровъ. Не будучи официальной столицей англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу,—такъ какъ этотъ титулъ принадлежитъ съ 1875 года форту Христіансборгъ, бывшемъ датской ци-тадели, лежащей нѣсколькими километрами восточнѣ, Акра, тѣмъ не менѣе, фактически есть главный городъ «колоніи». Губернаторъ выбралъ себѣ резиденцію недалеко отъ живо-писной старинной крѣпости, частію разрушен-ной землетрясеніемъ 1862 года, которое пова-лило почти всѣ дома города. Христіансборгъ, съ его многочисленными башнями и бастіона-ми, высящимися на террасѣ, имѣеть величе-ственный видъ феодального замка; онъ заклю-чаетъ въ своихъ стѣнахъ обширныя цистерны, снабжающія водой гарнизонъ, а иногда, кромѣ того, часть города Акры и судовые экипажи порта. Миссіонеры изъ Базеля основали близъ замка техническую школу, откуда выходятъ лучшіе ремесленники на всемъ побережье меж-ду Сіerra-Леоне и Габономъ. Акра—исход-ный пунктъ многихъ дорогъ, по которымъ до недавняго времени бѣлые путешествовали на неграхъ; на нѣкоторыхъ изъ этихъ дорогъ тѣ-перь уже можно проѣхать въ экипажѣ; пого-вариваютъ о постройкѣ рельсоваго пути, кото-рый связалъ бы столицу съ городомъ Клонгъ, лежащимъ на изгибѣ Волты, въ разстояніи 80 километровъ. Подводный кабель соединяетъ станцію Акра съ всемирной телеграфной сѣтью.

Акра-Христіансборгъ обладаетъ большімъ преимуществомъ въ сравненіи съ большин-ствомъ другихъ береговыхъ городовъ: онъ расположено въ близкомъ сосѣдствѣ холмовъ и даже горъ, поднимающихся надъ поясомъ побережья, гдѣ господствуютъ лихорадки. Километрахъ въ сорока къ съверу, находится дере-вня Абури или Абуде, санитарная станція, основанная базельскими миссіонерами, на вы-

⁴⁾ Dilger, "Proceedings of the R. Geographical Soci-ety", April 1884.

сотъ около 400 метровъ, въ лѣсу, состоящемъ изъ плодовыхъ деревьевъ—апельсиннаго, мангового, кофейного, пальмового и бананового. Акропонгъ, т. е. «Городъ на горѣ», бывшая столица королевства Аквапемъ, тоже служить санаторией бѣлымъ иностранцамъ, а для чернокожихъ—это центръ школъ. Уже датчане Христіансборга имѣли загородные дома въ горахъ, когда край былъ уступленъ англичанамъ. На холмахъ и въ долинѣ Гумо (Сокумъ) съ успѣхомъ разведено нѣсколько плантаций, несмотря на вредъ, причиняемый термитами, отъ которыхъ вся эта мѣстность и получила название Акра или Нкранъ, что значитъ «Страна муравьевъ»¹⁾. Деревни восточнаго берега, слѣдующія одна за другой до устья Вольты, между пальмовыми лѣсками, Тесси, Прампрамъ, Бигъ-Нинго (Фреденсборгъ) и другія ведутъ кое-какую торговлю, но главный промыселъ ихъ жителей составляетъ рыбная ловля. Во время господства датчанъ эти селенія были защищены крѣпостцами, развалины которыхъ еще видны среди песковъ и кустарника. Вблизи одного рифа, на песчаномъ берегу, туземцы, говорятъ, часто собирали золото; однако, драгоценный металль показывался, будто бы, только во время праздника сбора ямса и по ходатайству одного могущественнаго фетиша.

Бассейнъ Вольты, главныя рѣки котораго беруть начало въ большомъ разстояніи къ сѣверу отъ англійскихъ владѣній, заключаетъ въ себѣ нѣсколько торговыхъ городовъ, куда мусульманскіе торговцы съ Нигера приходятъ покупать у негровъ драгоценныя произведенія поморья и европейскіе товары, ввозимые преимущественно черезъ Ассини и Кинджабо. Городъ Бонтуку, на рѣкѣ Тинъ, въ Гаманѣ или Гаманѣ, союзѣ семнадцати «королевствъ», былъ постѣненъ, до 1882 года, только однимъ европейскимъ путешественникомъ, Лонсдэлемъ; золотой песокъ и бумажная матерія, фабрикуемая въ этой странѣ, достигшій цвѣтущаго состоянія со времени упадка Кумасси, составляютъ главные предметы обмѣна на этомъ рынке, населенномъ болѣею частю уангарами или мандингами-магометанами. Въ пяти дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ Бонтуку, въ долинѣ Конга, основалась новая столица, Гирабо, куда еще не проникалъ ни одинъ бѣлый изслѣдователь; она находится на дорогѣ въ таинственный городъ Конгъ, лежащий въ мандингскомъ государствѣ, на водораздѣльной возвышенности между Нигеромъ и Вольтой.

Въ 1884 году Брандонъ Кэрби доходилъ до Квантампо (Кутампо), или Тиантинпо (какъ его называютъ мусульмане), города, построенаго въ песчаной равнинѣ, въ 120 километрахъ къ

сѣверу отъ Кумасси, на одномъ южномъ притокѣ Вольты: это наиболѣе посѣщаемый рынокъ въ районѣ 400 километр. Во время прохода Карби этотъ городъ имѣлъ, со включеніемъ прилага торгового люда, сорока-тысячное населеніе, состоящее изъ уроженцевъ всѣхъ странъ, отъ Сиerra-Леоне до Борну, и живущее отдѣльными общинами, каждая подъ управлениемъ собственнаго начальника; самый могущественный изъ нихъ, главарь гауссанцевъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный правитель города. Ашантіи, основатели Квантампо, тоже составляютъ общину въ общинѣ; но вслѣдствіе междуусобныхъ войнъ, опустошившихъ провинціи ихъ отечества, они оказались отруѣзанными отъ всякаго сообщенія съ Кумасси: такъ какъ на дорогу, проходящую черезъ провинцію Коранца (Шоранца), былъ наложенъ запретъ, то ни одинъ торговецъ не могъ пользоваться ею, не навлекая на себя гнѣва фетишей¹⁾. Закрытие этого торгового пути, кратчайшаго изъ дорогъ, направляющихся къ морю, отвлекло торговое движеніе къ французскому поселенію Ассини. Оттого Кэрби, командированый колоніальнымъ управлениемъ, употребилъ все свое влияніе, въ качествѣ офиціального лица, чтобы заставить снять эту блокаду съ дороги въ Кумасси и къ англійскимъ факторіямъ. Провинція Коранца, отдѣляющая городъ Квантампо отъ королевства Ашантіи, приняла въ свои предѣлы большое число переселенцевъ, бѣжавшихъ изъ южныхъ областей вслѣдствіе господствовавшихъ тамъ смутъ: достигшая цвѣтущаго состоянія, благодаря продолжительному миру, она покрылась многолюдными поселеніями, которая обогащаются вывозомъ орѣховъ кола, съ одной стороны—къ побережью, съ другой—въ области Нигера до Томбукту.

Атеобу (Атабубу), главный городъ «королевства» Бронгъ, расположенный въ прекрасной травяной равнинѣ, между ручьями, спускающимися къ Поро и Сене, притокамъ Вольты, прежде былъ очень значительнымъ городомъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ, соединенныхъ широкими аллеями, обсаженными большими деревьями; видиющіяся во многихъ мѣстахъ груды развалинъ, заросшихъ высокой травой, свидѣтельствуютъ объ опустѣніи города. Упадокъ Атеобу былъ слѣдствіемъ закрытия двухъ дорогъ, которыя соединяли этотъ городъ съ Кумасси и съ Салагой, и которыми вывозилось золото и орѣхи кола въ сѣверный Суданъ. Въ 1874 году великий жрецъ города Кракіе, главный духовный сановникъ страны, запретилъ пользованіе этими путями, чтобы отвлечь торговое движеніе къ своему городу. Десять лѣтъ спустя запреть еще существовала, но въ 1884 году была по-

¹⁾ Richard Burton, „Wanderings in West Africa“;—„Ocean Highways“, February 1874.

¹⁾ Lonsdale, цитиров. сочиненіе.

слана депутациі отъ вліятельнѣйшихъ обывателей Бронга ходатайствовать передъ верховнымъ жрецомъ о снятіи тяготѣющаго надъ дорогами табу¹⁾). Вліяніе съверной цивилизації уже сказывается въ способѣ постройки домовъ: здѣшнія жилища всѣ съ плоскими кровлями, въ родѣ туинскихъ, тогда какъ у ашантіевъ и фантіевъ хижины оканчиваются остроконечнымъ конусомъ.

Городъ Салага, посѣщенный въ 1875 году французскимъ путешественникомъ Боннѣ и послѣ того видѣнныи многими другими изѣдователями, миссіонерами и купцами, остался болѣшимъ торговымъ центромъ, хотя торговля его тоже много пострадала; прежде, когда онъ былъ извѣстенъ только по слухамъ объ его славѣ, его считали столъ же многолюднымъ, какъ Каиръ²⁾; въ 1877 году населеніе его исчисляли уже не болѣе, какъ въ 20.000 человѣкъ; восемь лѣтъ спустя Мюллеръ и Мели нашли, что оно еще уменьшилось на половину. Главная его улица, обсаженная тѣнистыми деревьями и протянувшаяся на 2 километра въ длину, представляетъ во многихъ мѣстахъ невзрачные полуразвалившіеся домишкі. Уничтоженіе торговли невольниками на сосѣднемъ побережїѣ разорило салагскихъ торговцевъ; еще въ 1877 году они платили отъ 25 до 100 франковъ за человѣка, перепродавая этотъ живой товаръ за пятерицу цѣну; теперь главные предметы торговли—скотъ, отправляемый непосредственно въ приморскія мѣстности, и орѣхи кола, покупаемые купцами съ Нигера. Въ Салагѣ люди никогда не употребляются для переноски клади, какъ въ областяхъ поморья, потому что тамъ достаточно многочисленны выючныя животныя, волы, ослы, лошади, мулы. Городъ этотъ имѣеть арабскую физіономію, въ немъ есть мечети и медрессе; главныя отрасли промышленности, ткацкое, кожевенное, ювелирное мастерства, практикуются тѣми же прѣмами, какъ въ съверной Африкѣ, и произведенія продаются на базарахъ по тѣмъ же обычаямъ. Видъ страны, почти совершенно лишенной древесной растительности, тоже напоминаетъ съверныхъ степи; горизонт ограниченъ невысокими холмами. На одномъ изъ этихъ холмовъ, въ 5 километрахъ къ юго-востоку отъ Салаги, расположена деревня Пами (Памби), резиденція царька территории Гуандіова или Нта-Фуфу. Высоту мѣстоположенія Салаги надъ уровнемъ моря опредѣляютъ въ 165 метровъ.

Въ 80 километрахъ къ съверо-востоку, тоже въ бассейнѣ одного съверного притока Вольты, находится другой международный рынокъ, Джени (Генди, Янда, Гене), столица большаго

королевства Дагомба, простирающагося на съверъ до Нигера, въ странѣ мандинговъ; прежде это государство, признававшее надъ собой верховную власть короля Ашанти, посыпало ежегодно своему сузерену, въ видѣ дани, 1.500 рабовъ. Торговые обороты въ Джени, повидимому, уменьшились по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ Салагѣ. Въ настоящее время главнымъ центромъ населенія въ области средняго теченія Вольты является городъ Кете, еще недавно бывшій только предмѣстіемъ города Кракіе (Карати, Крачи), который до сихъ поръ сохранилъ за собой рангъ столицы. Кракіе расположено въ 2 километрахъ къ юго-востоку отъ Кете, на высотѣ 60 метровъ надъ уровнемъ моря, на возвышенномъ лѣвомъ берегу главной реки, почти противъ впаденія въ нее притока Сене. Это—городъ «фетиши»; въ сосѣдней пещерѣ, осѣненной группой священныхъ деревьевъ, обитаетъ высоко-чтимый богъ, и туземцы стекаются сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы въ прошатель оракула. Верховный жрецъ храма, главное лицо въ странѣ, предсѣдательствуетъ надъ цѣлью союзомъ государствъ, который образовался со времени распаденія царства ашантіевъ. Впрочемъ, кажется, въ это послѣднее время фетиши и его представитель значительно утратили свою власть; магометане, привлекаемые торговлей, сдѣлались мало-помалу истинными господами; изыческія монархіи страны постепенно уступаютъ мѣсто мусульманскимъ аристократіямъ. Каждый городъ этой области имѣеть своего фетиша, могущество котораго возрастаетъ или ослабѣваетъ вмѣстѣ съ могуществомъ жителей, которымъ онъ покровительствуетъ. Духъ Вуропонга, имѣющій пребываніе на плоской горѣ Сіа, въ сотни километровъ къ юго-востоку отъ Кракіе,—злой богъ, которому нужна человѣческая кровь; еще недавно ему каждый годъ приносили въ жертву человѣка; бой на молитвенныхъ барабанахъ, натянутыхъ изъ обезьяньей кожи, производится посредствомъ человѣческихъ берцовыхъ костей³⁾. На съверо-востокѣ простирается обширная страна Буссо или «Горная», очень слабо населенная, главные города которой, Сіаде и Дадеасси, имѣютъ каждый какого-нибудь святаго въ качествѣ фетиша-покровителя. Говорить, три четверти населенія Буссо страдаетъ зобомъ. Въ этихъ странахъ браки совершаются не посредствомъ купли и не по приказу родителей; жены, сохранивши за собою свободу выбора, могутъ во всякое время покинуть мужа: оттого они вообще пользуются хорошимъ обращеніемъ, и мужья помогаютъ имъ даже въ домашнемъ хозяйствѣ. Молодые люди и деви не имѣютъ права одѣваться; только люди женатые носятъ

¹⁾ Ramseyer, цитиров. мемуаръ.

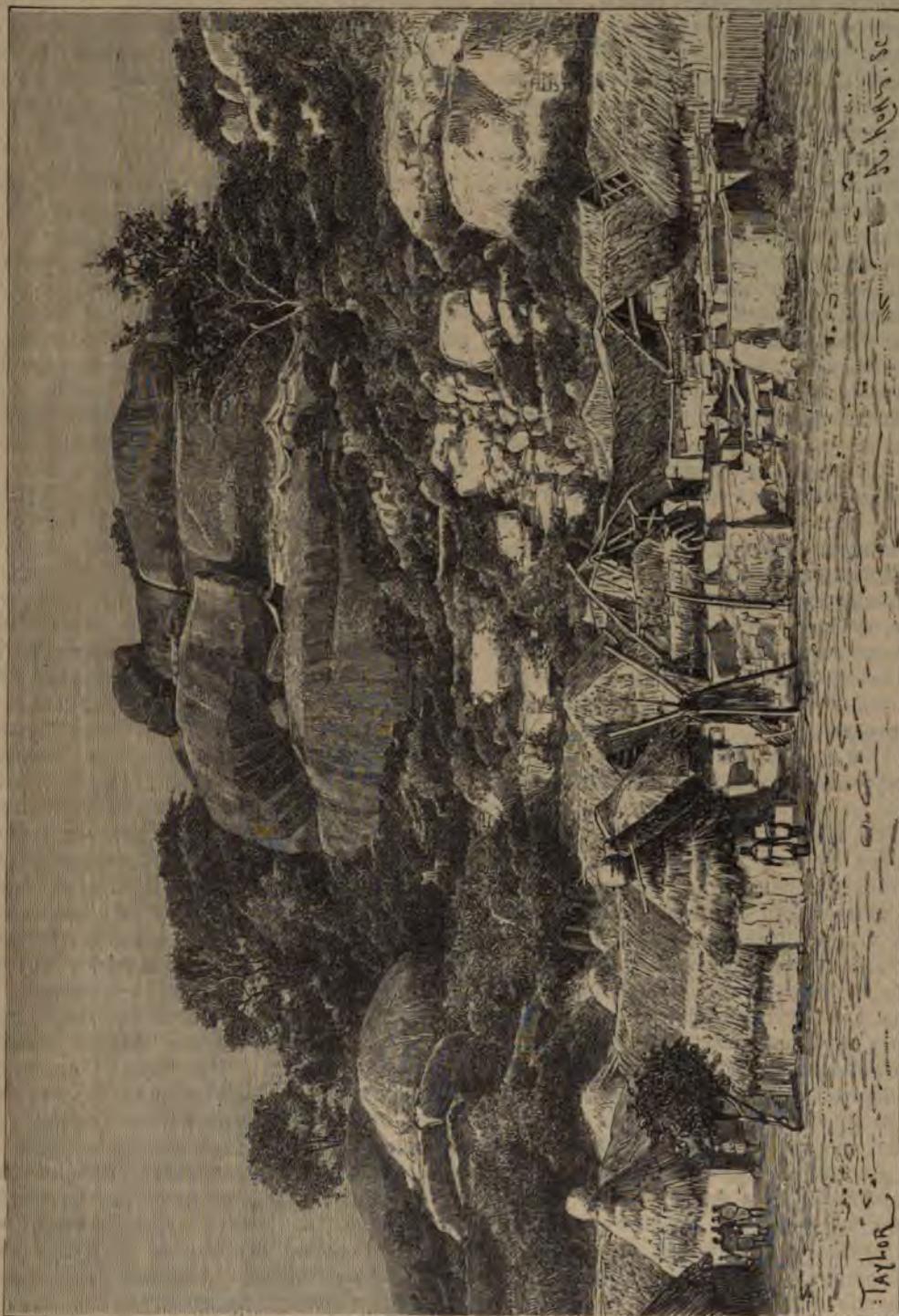
²⁾ Stanley, "Coomassie and Magdala".

³⁾ Müller et Mähly, цитирован. сочиненіе.

одежду изъ ткани или древесной коры; при разводѣ жена отбираетъ у мужа платье, которое она ему дала¹⁾.

Рѣка Афрамъ, соединяющаяся съ Вольтой

степи почти совершенно не населены; но на возвышенностіи, отдѣляющей ея бассейнъ отъ истоковъ рѣки Пра, стоять хорошенъкій городокъ Абетифи, столица королевства, которую миссіо-

Абекутская скала.

выше горныхъ ущелій, не имѣть ни одного города на своихъ берегахъ. Даже прибрежныя

горы изъ Базеля избрали центромъ своихъ становъ. Почти противъ слиянія Волты и Афрама, хотя въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія, въ гористой мѣстности раскинулся городъ Пеки, главный пунктъ конфедерациіи, въ составѣ кото-

¹⁾ "Proceedings of the R. Geographical Society", April 1886.

рой входитъ нѣсколько городовъ, какъ-то: Кландо, большой магометанскій рынокъ, Ангвое, Аватиме, тройной городъ Ануmъ, и болѣе сотни деревень на восточной покатости бассейна Вольты. Ниже, среди ущелій, показывается живописный городокъ Акуаму, бывшій прежде союзникомъ ашантіевъ, и жители котораго тоже практиковали прежде самые жестокіе «обычаи»¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ городъ Клонгъ, занимающій счень выгодное положеніе на большомъ изгибѣ судоходной рѣки, въ томъ мѣстѣ, откуда идетъ дорога на юго-западъ къ Акрѣ. Этотъ городъ имѣть нѣкоторое значеніе, какъ пристань маленькаго государства Кробо, столица котораго, Одумасси, лежить на дорогѣ въ Акру, у подножія удивленной горы, составляющей акрополь націи. Крутые, почти отвесныя стѣны этой горы поднимаются на 250 метровъ надъ уровнемъ равнинъ; только съ сѣверной стороны можно взойти на скалу по каменистой тропинкѣ. На вершинѣ пріоткрылись двѣнадцать деревень, которыхъ прежде служили убѣжищемъ женщинамъ и дѣтямъ во время войны. Почти всѣ молодыя девушки племени кробо посылаются на гору съ девяти или десяти-лѣтняго возраста и проходить тамъ шестилѣтній курсъ воспитанія, подъ руководствомъ жрецовъ и жрицъ: ни одинъ порядочный кробо не возьметъ себѣ въ жены девушку, которая не воспитывалась на священной горѣ. Гrotы, открывающіеся въ стѣнахъ этой громадной скалы, служить усыпальницами мѣстнымъ жителямъ.

Ниже этой территории Кробо, одной изъ самыхъ цвѣтушихъ областей Золотаго берега, благодаря ея торговлѣ и ея лѣсамъ масличной пальмы и каучукового дерева, слѣдуютъ, на правомъ берегу рѣки, города Батторъ, мѣсто прохода каравановъ, и Аграви, управляемый языческимъ жрецомъ. Большинство городовъ и деревень расположены на правомъ берегу, тогда какъ плантациіи находятся на лѣвомъ берегу Вольты. Приморскій портъ этой рѣки, Ада или Адда, лежить километрахъ въ десяти отъ бара, на одномъ изъ ея рукавовъ и у истока большой береговой лагуны; передовымъ портомъ его служить деревня Риверсайдъ или Адафо, построенная на песчаной косѣ между моремъ и лагуной. Нужно удивляться, что городъ, расположенный при выходѣ столъ обширной и плодоносной долины, не имѣть населенія и торгового значенія, соотвѣтствующаго величинѣ и производительности его бассейна. Причина тому частыя войны, опустошившія прирѣчныя мѣстности. Еще въ 1885 году одинъ богатый рабовладѣлецъ, бывшій прежде союзникомъ короля Ашанті въ борьбѣ съ англичанами, поднялъ племена

аніако и авуна, живущія на берегахъ лагуны, къ востоку отъ нижней Вольты, и всѣ торговые операции должны были остановиться. Чтобы удерживать въ повиновеніи беспокойнаго населенія этого побережья, колоніальное правительство учредило сильный гарнизонъ въ фортѣ Кветта или Кета, бывшей датской крѣпости Принцсенстенъ, лежащей близъ мыса св. Павла, между моремъ и прибрежной лагуной.

Населенія Золотаго берега, долго остававшіяся неподвижными въ промышленности и торговлѣ, сдѣлали большиіе успѣхи въ эти послѣдніе годы, не смотря на зловѣщія предсказанія землевладѣльцевъ поморья, рабы которыхъ были освобождены и попавшіе въ кабалу за долги, или *pawn*, отпущенны на волю, послѣ войны противъ ашантіевъ: чувство негодованія, овладѣвшее визитаторами при видѣ солдатъ, купленныхъ въ качествѣ пленниковъ, и тысячи рабынь-носильщицъ, сопровождавшихъ англійскія войска, вызвало декретъ объ отменѣ рабства; однако, свобода многихъ невольниковъ была еще въ 1882 году оспаривающа передъ судами. Со временемъ почти общихъ мѣръ по эманципації, принятыхъ въ 1874 году, чернокожіе охотнѣе работаютъ для бѣлыхъ, и площадь воздѣланныхъ земель значительно расширилась: во многихъ мѣстахъ пальмовые лѣса замѣнены правильными платанціями; обращено больше вниманія на культуру кофейного дерева и табаку; разводятся какаовое дерево и другія пищевые растенія, перенесенные изъ Америки; занимаются также производствомъ каучука, особенно въ территории Кробо, населеніе которой отличается наибольшимъ трудолюбіемъ; область племени крепи производитъ въ изобилии хлопокъ. Лошади изъ Европы и изъ страны мандинговъ, почти всегда издыхающія послѣ короткаго пребыванія въ западныхъ округахъ Золотаго берега и въ лѣсахъ поморья, хорошо уживаются въ Акрѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ. Промышленность тоже развивается, какъ и земледѣліе, благодаря многочисленнымъ мастерамъ, выходящимъ изъ техническаго училища, основанаго базельскими миссіонерами, благодаря въ особенности магометанскимъ ремесленникамъ, которыхъ можно встрѣтить водворившимися на постоянное жительство во всѣхъ прибрежныхъ городахъ Вольты, и которые въ Акрѣ населяютъ уже цѣлый кварталъ; но главная отрасль туземной промышленности, ювелирное искусство, потеряла большую часть своихъ мастеровъ-художниковъ со временемъ упадка Кумасси: теперь можно любоваться въ Англіи, въ собраніи сокровищъ, взятыхъ у короля Ашанті, замѣчательными произведеніями этихъ черныхъ ремесленниковъ, брасле-

¹⁾ Paulus Dahse, „Deutsche Geographische Blätter“, Gesellschaft in Bremen, 1882.

тами, перстнями, издѣліями изъ коралла въ золотой оправѣ, фантастическими животными, имѣющими отдаленное сходство съ древне-египетскими драгоцѣнными украшениями.

Несмотря на имя страны, важнейший предметъ ея торговли не золото: теперь главный экспортный товарь — пальмовое масло; бухточки и рѣчные устья, передъ которыми бросяютъ якорь приходящіе за грузомъ корабли, носятъ, какъ лиманы Бонни и Калабаръ, название *oil-rivers*, «масляныхъ рѣкъ». Что касается привоза, то онъ состоить преимущественно изъ бумажныхъ матерій и водки: «цивилизаци» ограничивается пока одѣваніемъ и спаиваніемъ туземцевъ.

Вывозъ пальмового масла въ 1882 г.— 4.462.700 франк., золотаго песку—1.538.800 франк.; ввозъ бумажныхъ матерій—3.221.275 франк., водки—1.673.650 франк.

Обороты виѣнной торговли англійской колоніи Золотаго берега въ 1895 году: ввозъ—23.300.000 франк.; вывозъ—21.950.000 франк.

Управление Золотымъ берегомъ, съ присоединеннымъ къ нему въ административномъ отношеніи Лагосомъ, на Невольничемъ берегу, вѣрено губернатору, который назначается королевой Великобританіи, и при которомъ состоять два совѣта, законодательный и исполнительный, составленный изъ высшихъ сановниковъ и именитыхъ купцовъ; послѣ войны съ ашантіями резиденція колоніального правительства была переведена изъ Кэпъ-Коста въ Христіанеборгъ-Акра. Каждый округъ колоніальной территории управляетъ окружнымъ начальникомъ, соединяющимъ въ своемъ лицѣ административныя и судебныя функции. Главари племенъ, которые сохранили за собой большія имѣнія, обрабатываются бывшими подданными, исполняющими барщиву, мало-по-малу преобразовываются въ мировыхъ судей: имъ позволено разрѣшать маловажные споры и тяжбы на основаніи обычая, но всѣ значительныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію англійскихъ судовъ. Военная сила, на которую опираются иноземныя власти, состоитъ главнымъ образомъ изъ фантіевъ, гауссанцевъ и круменовъ; послѣдніе вербуются преимущественно въ портѣ Лагосъ, где живетъ множество эмигрантовъ изъ всѣхъ частей западной Африки. Неоднократныя попытки набирать солдатъ въ сѣверныхъ королевствахъ, между врагами ашантіевъ, не имѣли успѣха: негры этихъ странъ отказываются переселяться въ приморскія провинціи; что касается фантіевъ, то они охотно нанимаются въ военную службу, чтобы дезертировать при первой опасности. Почти единственный источникъ доходовъ местного правительства составляютъ таможенные пошлины, взимаемыя съ товаровъ, которые ввозятся въ двадцать пять приморскихъ портовъ, открытыхъ иностранной торговлѣ;

по предварительному заявлению, суда могутъ также приставать и въ другихъ пунктахъ побережья, для принятія грузовъ. Бюджетъ колоніи Золотаго берега (1895 г.): приходъ—230.000, расходъ—265.000 фунт. стерл.

Колоніальная администрація, постепенно заступая мѣсто бывшихъ царьковъ, не измѣнила границъ присоединенныхъ государствъ, преобразованныхъ въ провинціи. Она не вмѣшивается непосредственно въ управлениe сопредѣльныхъ государствъ, но посыпаетъ туда время отъ времени визитаторовъ, совѣты которыхъ всегда исполняются. Прежде весь верхний бассейнъ Вольты составлялъ часть имперіи Ашанти, либо какъ непосредственное владѣніе, либо какъ вассальная территорія; но представители Великобританіи содѣствовали процессу политического распаденія, и въ поясъ притяженія Золотаго берега образовались многочисленныя королевства, называемыя «независимыми». Впрочемъ, въ отдаленныхъ отъ побережья областяхъ существуетъ еще нѣсколько государствъ, какъ Гаманъ, Дагомба, Буссо, не подчиненныхъ англійскому вліянію.

Слѣдующая таблица представляетъ списокъ провинцій Кэпъ-Коста и опытъ перечня окружающихъ королевствъ, съ именами главныхъ городовъ и цифрой населенія, указываемой либо народной переписью, либо приблизительными исчислѣніями.

Англійскія владѣнія на Золотомъ берегу.

Провинціи.	Главные города,
Аманахія	Альбани; Аполлонія.
Вассау	Тарква (2.000 ж.); Мавсу (1.500 ж.); Аксимъ (3.500 ж.).
Аганта	Ликсовъ (1.000 ж.).
Эльмина и Шама	Эльмина (3.000 жит.); Комменда (2.300 жит.); Шама (3.900 жит.).
Ассинъ-Данкира	Джоква.
Туфоль	
Данкира	
Ассинъ	Мансу, Прасу.
Фанти	Кэпъ-Кость (10.700 ж.); Анакабоз (4.200 ж.); Виннебахъ (3.000 ж.).
Акимъ	Бомпата, Исуаумъ; Кіеби; Бегоро.
Акра	Акра (10.000 жит.); Христіанеборгъ (6.000 жит.).
Адавгме	Ада (3.000 жит.).
Аквасемъ	Акропонгъ (3.500 жит.); Абури (6.000 жит.); Батторъ; Аграви (2.500 жит.).
Кробо	Одумасен (5.000 жит.).
Авуна	Клонгъ; Акуаму; Кветта.

Сопредѣльные государства.

Королевство Ашанти. Провинции:

Сефуи, Ивквантса, Аланси,
Дадесаси, Какофи, Дані-
асси, Веква, Джубавиаъ,
Инсута, Мампонгъ, Ку-
масси..... Кумасси (35.000 ж., по
Кэрби).
Сахви или Шауи.
Гіаманъ или Гаманъ. Про-
винція:
Моинсанъ, Гомбатъ, Соко,
Сафой и пр..... Бонтуку (7.000 ж., по
Лонсдэлю).
Коравца и Кватампо. Кватампо (35.000 ж., по
Кэрби).
Броангъ..... Атебу.
Нта-Фуфу или Гуандьова. Пами; Салага (10.000 ж.,
по Мели).

Дагомба..... Дагомба (6.000 ж., по Лон-
сдэлю).
Буссо. Провінції: Ачати,
Аделе, Куромбо или Три-
бу, Акуба..... Сіаде; Двонгъ.
Кракіе..... Кракіе (2.500 ж.); Кете
(7.500 ж., по Лонсдэлю).
Бозмъ. Провінції: Оку-
аго-Дюкоманга, Акіосо.
Борада..... О'уаго-Кодсабе..... Абетифи (4.000 ж., по
Штейнеру).
Пеки. Провінції: Нко-
ніа, Кландо, Ангвоз.
Анумъ Кландо (12.000 ж.); Пеки;
Аватиме.

Глава VII Невольничій берегъ.

Того, Пого, Ажуда, Бадагри, Лагось, Дагомей, Іоруба.

Часть африканского берега, заключающаяся между двумя сегментами аллювиальных земель, ограничиваемых устьем Вольты и дельтой Нигера, представляет типическое побережье по правильности своего външнего пляжа (плоского берега), слегка закривленного въ видѣ дуги круга и маскирующего внутренний пляжъ, отъ которого онъ отдѣленъ лагунами и притоками: море, омывающее это прибрежье, называется Бенинскимъ заливомъ. Зловѣщее имя Невольничьяго берега, которое понынѣ носить эта область поморья, обязано своимъ происхожденiemъ торговлѣ «кусками индійской матеріи», производившейся на берегахъ проклятыхъ лагунъ съ первыхъ временъ открытия этой страны португальцами до второй половины девятнадцатаго столѣтія. Нигдѣ не было такъ удобно негроторговцамъ совершать свои операции безъ всякой опаски преслѣдованія со стороны крейсеровъ. Морской берегъ въ этомъ мѣстѣ защищенъ опасными подводными камнями и грозными волнами прибоя, на плаваніе среди которыхъ могутъ отваживаться только очень искусные кормчіе; входы въ лиманы не видны съ открытаго моря, а внутреннія бухты представляютъ безчисленное множество таинственныхъ заливчиковъ, на берегахъ которыхъ, подъ вѣтвистыми деревьями, и прятались сараи, служившіе складами человѣческаго товара. Купеческие караваны, приходившіе съ береговъ Нигера, солдаты, которыхъ посылали короли Дагомея и Іорубы съ гуртами пленниковъ, не имѣли надобности пробираться къ

морю, чтобы сбыть своихъ невольниковъ: торгъ производился въ укромныхъ мѣстахъ въ тѣни лѣсовъ.

Всѣ націи западной Европы, желавшія получать свою долю драгоценнаго металла на Золотомъ берегу, хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться выгодами торговли людьми на Невольничемъ берегу, а въ послѣднія десятилѣтія существованія этого торга и бразильскіе купцы имѣли свои негроторговыя конторы на берегахъ Бенинского залива. Но до 1851 года ни одно иностранное государство, за исключениемъ Португаліи, не вступало официально во владѣніе той или другой территоріей на этомъ берегу и не осуществляло державныхъ правъ за предѣлами укрѣпленныхъ факторій своихъ купцовъ. Англія начала дѣло колоніального присвоенія захватомъ города Лагость, который она сдѣлала центромъ своихъ военныхъ операций, направленныхъ къ уничтоженію торга людьми на Невольничемъ берегу; но только въ 1861 году эта держава оформила свое право протектората покупкой земли, которая уже ранѣе была занята ея войсками. Два года спустя Франція купила территорію Порто-Ново, отъ которой она вскорѣ должна была отказаться, чтобы снова взять ее въ 1883 году. Затѣмъ, въ 1884 году, нѣмецкій военный корабль, призванный гамбургскими и бременскими негропіантами, овладѣлъ территоріей Того, прилегающей къ восточной границѣ англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу. Такимъ образомъ четыре европейскія державы,

считая Португалию, управляющую частью побережья, на которую еще предъявлялъ притязанія король дагомейскій, раздѣлили между собой Невольничій берегъ; но съ сѣверной стороны, внутри материка, владѣнія ихъ еще не имѣютъ точныхъ границъ. Очень немногіе путешественники проникали до сихъ поръ въ эти края, которые такъ долго опустошались охотниками на негровъ; только на восточной сторонѣ, въ сосѣдствѣ Нигера, пройденные различными изслѣдователями пути пересѣкаются въ видѣ рѣдкой сѣти. Естественные границы страны ясно обозначены: на западѣ — мысомъ св. Павла (Сентъ-Поль) и лагунами, питаемыми рѣкой Вольтой; на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ — рядомъ высотъ, горъ или плоскогорій, который составляетъ продолженіе горныхъ цѣпей Аквапемъ; на сѣверо-востокѣ и на востокѣ — линіей водораздѣла между притоками Нигера, и непосредственными притоками океана. Общее пространство всей этой территории, которая, вѣроятно, еще не скоро будетъ измѣрена съ точностью, можно считать приблизительно въ 155.000 квадр. километровъ. Что касается народонаселенія, то офиціальная перепись его пока еще была сдѣлана только въ англійскихъ владѣніяхъ, въ Лагосѣ и Бадагри. Въ 1881 году эта колоніальная область въ 189 квадр. километровъ имѣла слишкомъ 75.000 жителей, но это населеніе въ большинстве городское, внутренняя же мѣстности далеко не такъ плотно населены. Тѣмъ не менѣе изъ этого обнаруживается тотъ весьма важный фактъ, что приморскіе округи, прежде почти безлюдные, по причинѣ опаснаго присутствія негроторговцевъ, нынѣ оказываются, путемъ торговли, большую притягательную силу на туземцевъ странъ, простирающихся далеко къ Нигеру. Восточные округи, болѣе пощаженные войной сравнительно съ западными, очень густо населены. Три миллиона жителей — та-кова, кажется, вѣроятная цифра для всей покатости, обращенной къ Бенинскому заливу.

По даннымъ народной переписи или по приблизительнымъ и суммарнымъ исчисленіямъ, населеніе Невольничаго берега распределется между различными территоріями слѣдующимъ образомъ: Того, Малый Попо и другія нѣмецкія территории, по Целлеру — 60.000 жит.; французская территорія Агуэ и Большой Попо — 100.000 жит.; земли, смежныя съ германской территоріей — 50.000 жит.; земли, смежныя съ французской территоріей — 200.000 жит.; Маги, Дагомей, Ажуда, португальск. протекторатъ — 300.000 жит.; французская территорія Порто-Ново — 150.000 жит.; англійская территорія Бадагри и Лагость — 75.270 жит. Республика Абеокута — 200.000 жит. Другія страны этой покатости — 2.000.000 ж.

*Съ 1893 г. Дагомей присоединенъ къ владѣніямъ Франціи.

Съ моря не видно холмовъ ни въ какой части побережья: въ 20 километрахъ отъ берега матросы, держащи вахту на верхушкѣ мачты, еще не примѣчаютъ материка; только городъ Бадагри указывается «горой», то-есть лѣсомъ въ формѣ пирамиды, основаніемъ которой служить легкое возвышеніе почвы. Большия деревья рѣдки на песчаной косѣ: тамъ растеть только кустарникъ; исключеніе составляютъ подходы къ деревнямъ, гдѣ насажены кокосовыя пальмы, да и тѣ очень туго здѣсь прививаются. Дюны на этомъ берегу не образуются, безъ сомнѣнія, по причинѣ господствующихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которые подхватываютъ песокъ, приносимый волнами, и уносятъ его далеко въ море. Высоты континентальнаго рельефа начинаются лишь далеко за развѣтвляющимися озерами побережья; они состоять изъ волнобразныхъ повышеній мѣстности, поднимающихся, въ среднемъ, на 60 или 70 метровъ и примыкающихъ къ внутреннимъ нагорьямъ. Въ Дагомѣй небольшой массивъ достигаетъ 800 метровъ въ своей высшей точкѣ. На сѣверѣ почва поднимается въ видѣ настоящихъ горъ: по словамъ путешественника Скерчли, горы цѣпи Буссо, повидимому, оканчиваются въ Маги пиками, превышающими 2.000 метровъ и круто понижающимися къ сѣвернымъ степямъ, тогда какъ южный скатъ ихъ представляетъ рядъ послѣдовательныхъ террасъ: это, вѣроятно, самыя высокія горы Африки къ югу отъ Атласа и къ западу отъ Абиссиніи. Съ высоты вершины, на которую входитъ Скерчли, чтобы посмотреть восходъ солнца надъ равнинами, простирающимися къ Нигеру, англійскій изслѣдователь ясно видѣлъ горную цѣпь, продолжающуюся далеко по направлению къ Вольтѣ. Нѣкоторые изъ главныхъ массивовъ состоять изъ гранитныхъ куполовъ; другіе представляютъ пирамиды изъ столбчатыхъ базальтовъ, или нагроможденныя массы тряпповъ, похожія на крѣпости или на уединенные вулканы съ явственными кратерами. Одна долина заключаетъ въ себѣ груды обломковъ, имѣющія всѣ характеристические признаки моренъ, и въ которыхъ встречаются камни, «исчерченные льдинами»¹⁾.

Потоки, спускающіеся къ морю между Вольтой и Нигеромъ, не представляютъ сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, такъ какъ ихъ параллельные бассейны имѣютъ относительно небольшое протяженіе. Въ сухое время года большинство ихъ не достигаютъ моря; они изливаются въ береговыя лагуны, при чемъ теченіе ихъ не настолько сильно, чтобы открыть себѣ протокъ черезъ вѣшній плоскій берегъ. Но послѣ большихъ дождей излишекъ воды лагунъ въ концѣ концовъ находитъ себѣ выходъ, и то въ томъ, то въ другомъ пункѣ образуется рѣчное устье, прерывающее сплошную линію

¹⁾ Skercheley, „Dahomey as it is“.

1876 года слѣдующіе результаты ¹⁾: средняя температура— $26^{\circ}2$ Ц.; высшая (ноябрь)— $35^{\circ}2$ Ц.; низшая— $20^{\circ}5$ Ц.

Чернокожее населеніе этого поморья состо-
итъ изъ племенъ, говорящихъ различными на-
рѣчіями, но представляющіхъ, тѣмъ не менѣе,
большое сходство какъ между собой, такъ и
со своими сосѣдями на Золотомъ берегу, фан-
тами и ашантіями; кромѣ того, нѣсколько на-
родцевъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ
мина и жившихъ прежде къ западу отъ Воль-
ты, поселились республиканскими общинами
на покатости Невольничьего берега, чтобы
избавиться отъ господства кумассійского ко-
роля. Но вообще можно сказать, что вся часть
страны, заключающаяся между Вольтой и Огу-
номъ, населена народомъ эуз или азиге, по
имени которого весь край называется Эуземе,
т. е. «Земля племени эуз». Къ востоку отъ
рѣки Огунъ, по направленію къ Нигеру, терри-
торія принадлежитъ племенамъ юруба или
яриба, носящимъ также родовое имя наго.

По словамъ Шлегеля, одного изъ миссіоне-
ровъ, хорошо изучившихъ языкъ эуз, эта на-
ція, съ гlosсологической точки зренія, распа-
дается на пять рѣзко различающихся группъ.
Близкайшими сосѣдями англійскихъ владѣній
на Золотомъ берегу, къ востоку отъ Вольты,
является племя анло, называемое также англо
или англауа; по нарѣчу этого племени имѣетъ-
ся сравнительно наибольшее число текстовъ и
сборниковъ словъ. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ
отъ анло живутъ племена, говорящіе нарѣчіемъ
анфуэ: ихъ обозначаютъ вообще именемъ
крепи, различно видоизмѣняемымъ, смотря по
мѣстному произношенію и національности пу-
тешественниковъ, посѣтившихъ ихъ террито-
рію. Къ востоку отъ анло и крепи побережье
и внутренне окружъ заняты народцами, гово-
рящими діалектомъ ахуда: родовое имя ихъ
джеджи. На сѣверѣ простирается королевство
Дагомей, жители которого тоже говорятъ осо-
бымъ языкомъ. Наконецъ, крайняя сѣверная
часть покатости составляетъ гlosсологическую
область маги или махи, наиболѣе чистаго нарѣ-
чія языковъ эуз. Племена, говорящія этимъ
діалектомъ, очевидно, менѣе другихъ удалились
отъ первоначальной родины, находящейся, вѣ-
роятно, на сѣверо-востокѣ, на берегахъ Ни-
гера.

Негры группы племень эуз сходны между
собой физическимъ типомъ, также какъ и язы-
комъ. Они отличаются высокимъ ростомъ и
стройнымъ тѣлосложеніемъ; черты лица у нихъ
правильные, чѣмъ у уолофовъ, и цветъ кожи
менѣе темный, хотя они живутъ въ странѣ, го-
раздо болѣе близкой къ экватору. На берегу
рѣкъ и лимановъ, туземцы часто купаются,

особенно женщины; омовенія повторяются у
нихъ нѣсколько разъ въ день; послѣ купанья
они натираются пальмовымъ масломъ и ма-
зями и раскрашиваются себѣ тѣло въ красный
цвѣтъ порошкомъ красильного дерева; только во
время траура обычай запрещаетъ имъ мыться
и натирать тѣло масломъ: оттого плакальщи-
цамъ присвоено прозвище «неумытыхъ» ¹⁾.
Эта крайняя чистоплотность предохраняетъ
прибрежныхъ жителей отъ болѣзней кожи, со-
ставляющихъ обыкновенное явленіе у обита-
телей внутреннихъ областей. Одна изъ самыхъ
распространенныхъ здесь болѣзней—крокро,
родь проказы, очень прилипчивой, даже у до-
 машнихъ животныхъ, но легко излѣчивающей.
Какъ во всѣхъ другихъ негритянскихъ стра-
нахъ, пупочная грыжа и здесь очень обыкно-
венный недугъ. Всѣхъ иностранцевъ пора-
жаетъ также значительное число индивиду-
умовъ съ желтоватой кожей и съ рыжими во-
лосами, встрѣчающихся внутри страны; въ
этомъ фактѣ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть ско-
рѣе родь альбинизма, чѣмъ результатъ скре-
шиванія между европейцами и негритянками.
Измѣненія красящаго вещества кожи (пигмен-
та) обнаруживаются въ особенности болѣыми
 пятнами, которыя разсыпаны по всему тѣлу,
придавая ему иногда странный пестрый видъ.
Эта болѣзнь кожи не менѣе распространена у
африканскихъ племенъ эуз или азиге, чѣмъ у
«пингадосовъ» (пестрыхъ) Мексики и у негровъ
ново-гренадского побережья.

Народы западно-африканского Невольничь-
аго берега представлены также очень боль-
шимъ числомъ индивидуумовъ между неграми
и цвѣтными людьми Бразиліи, гдѣ ихъ безраз-
лично называютъ минасами: въ массѣ афри-
канцевъ, привозимыхъ негроторговцами, обще-
ственное мнѣніе всегда давало минасамъ пред-
почтеніе за ихъ силу, красоту, нравственные
качества, свободолюбивый духъ. Минасы всего
чаще боролись за свои права и основали вну-
три Бразиліи самыя цвѣтущи и наиболѣе
храбро защищаемыя республики бѣглыхъ не-
гровъ. Они же чрезъ своихъ дочерей всего
болѣе способствовали смѣшанію расъ въ пор-
тугальской Америкѣ и, впослѣдствіи, въ наи-
болѣе широкой мѣрѣ принимали участіе въ ча-
стныхъ мѣрахъ по освобожденію невольниковъ.
Многія сотни ихъ воспользовались волей, что-
бы вернуться на родину, гдѣ они занимаются
торговыемъ дѣломъ, либо какъ посредники,
либо какъ импортеры. Они успѣшико конкури-
руютъ съ европейскими купцами и чрезъ свои
семейные союзы съ туземцами все болѣе и болѣе
пріобрѣтаютъ численный перевѣсъ надъ
всѣми иностранцами; имя бразильского города
Бахіа (Санъ-Сальвадоръ), самаго важнаго въ
ихъ глазахъ ²⁾, служить имъ для обозначенія

¹⁾ Bazile Féris, „La Côte des Esclaves“, Archives de Médecine navale, 1879.

²⁾ P. Bouche, „La Côte des Esclaves“.

²⁾ B. Féris, цитированъ, мемуаръ.

вообще всѣхъ странъ, лежащихъ виѣ Африки. Безъ вмѣшательства государства, какъ въ Сиerra-Леоне, или филантропическихъ обществъ, какъ въ Либеріи, заселеніе африканскаго берега вольноотпущенными и сынами невольниковъ совершилось само собой въ этой части «чернаго континента», и результаты этой добровольной иммиграціи, повидимому, не уступаютъ результатамъ колоній, основанныхъ Англіей и американскими переселенческими компаніями. Старыя этническія дѣленія мало-малу сглаживаются подъ вліяніемъ этого новаго элемента: фамильныя имена Суза, Альмедиа, Андрада, Альбукерке, сдѣлались очень обыкновенными, распространяясь черезъ браки, и португальская рѣчь оспариваетъ у англійской роль господствующаго языка для международныхъ сношеній. На западѣ, въ соѣдствѣ городовъ Золотаго берега, говорятъ англійскимъ діалектомъ, но въ Ажудѣ преобладаетъ португальскій: этотъ послѣдній преподается тамъ въ школахъ. Въ 1730 году, когда путешественникъ Де-Марш посѣтилъ Невольничій берегъ, лузитанскій жаргонъ служилъ франкскимъ языккомъ въ «королевствѣ Ардресъ» къ сѣверу отъ Ажуды. Португальскія семейства смѣшанной крови сохранились въ краѣ съ эпохи первыхъ изслѣдований, и одинъ изъ этихъ клановъ дотого размножился, что его прозвали бессмертнымъ. Въ этихъ цвѣтныхъ семьяхъ единокровные браки, даже между братьями и сестрами отъ разныхъ матерей, составляютъ очень обыкновенное явленіе и не осуждаются общественнымъ мнѣніемъ.

Самая могущественная туземная нація изъ группы эуз или азиге—нація фоновъ, нынѣ называемыхъ даума или дагомейцами, отъ королевства, образовавшагося въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія на сѣверѣ Ажудскаго поморья. По сказанію легенды, которая, быть можетъ, не имѣть никакого историческаго основанія, это имя Дагомей или Дагоме, означающее «животь Духа», напоминаетъ одного полководца, который, давъ обѣтъ принести въ жертву Духа, своего собственнаго короля, если удастся овладѣть долго не сдававшимся непріятельскимъ городомъ, не замедлилъ исполнить это обѣданіе послѣ побѣды, вскрывъ животъ своему государю и положивъ первый камень въ струящіяся кровью внутренности¹); но другимъ авторамъ, истинное имя страны есть Дангоме, «Брюхо змѣи» и связано съ легендой о змѣѣ-фетишѣ. Дагомейцы, кичащіеся своей исторіей войнъ и завоеваній, отличаются, тѣмъ не менѣе, умомъ и быстротой усвоенія; они замѣчательно легко выучиваются иностраннымъ языкамъ; сравнительная краніологическая измѣренія Брокѣ доказали, что эти черно-

коjkie принадлежать къ народамъ, имѣющимъ наибольшій объемъ черепа¹). Формы вѣжливости въ большой части у дагомейцевъ: строгий этикетъ диктуется имъ слова, которыя нужно произнести, поклоны и колѣно-преклоненія, которыя нужно сдѣлать, смотря по степени важности встрѣченного на улицѣ лица; даже когда какая-нибудь сановная особа, не показывалась самолично, посыпаетъ вмѣсто себя, въ качествѣ представителя, свою трость, носимую невольникомъ, этотъ знакъ отличія по-всюду принимается съ большими изъявленіями почтенія; а передъ палкой короля всѣ падаютъ ницъ, все равно какъ бы появился самъ властелинъ. По приниженнosti подданныхъ, по тираніи владыкъ, королевство Дагомей совершило походить на королевство Ашанти, и во все времена государи этихъ двухъ странъ признавали другъ друга братьями и обмѣнивались пышными посольствами. Мало найдется странъ, гдѣ бы монархъ и вельможи съ большей логикой содѣйствовали укрѣплению своей власти установлениемъ символовъ и церемоніи, постоянно напоминающіе толпѣ о царскомъ величіи.

Царекъ—это богъ: власть его безпредѣльна; жизнь и достояніе его подданныхъ принадлежать ему безъ всякаго ограниченія; онъ господинъ всѣхъ живущихъ, наслѣдникъ всѣхъ умершихъ. Если драки запрещены, то это потому, что онѣ могутъ, въ случаѣ нанесенія ранъ или увѣчья, причинить вредъ живой собственности короля. Въ прежнее время дѣти съ ранняго возраста отбирались у матерей и воспитывались въ чужихъ семьяхъ вдали отъ родителей, дабы никакія узы естественной любви не привязывали подданныхъ къ кому-либо другому, кроме державнаго господина²). Какъ стоящій выше нуждъ, на которыхъ обречены простые смертные, этотъ верховный властелинъ предполагается неимѣющимъ потребности въ ёдѣ и питьѣ: оттого прежде трапезы его совершились вдали отъ всѣхъ глазъ. Онъ снисходитъ для выслушиванія просьбъ своихъ подданныхъ; но, до недавняго времени, онъ дѣлалъ это, какъ невидимый духъ; если ему благоугодно было выслушать челобитную, онъ давалъ знакъ, высовывая ногу изъ-подъ занавѣси, скрывавшей его отъ постороннихъ взоровъ. У него имѣется цѣлая армія женъ, состоящая подъ командой королевы или *дада*, которой принадлежитъ право жизни и смерти въ предѣлахъ гарема, и сыновья которой одни имѣютъ право называться королевскими принцами; сыновья, рожденные отъ другихъ женъ, пользуются только титуломъ *акови* или пажа; изъ ихъ среди выбираютъ кабесеровъ, но они подвергаются смерти, если позволять себѣ

¹) B. Féris, „La Côte des Esclaves“;—Skertchley, „Dahomey as it is“;—Hugo Zöller, „Kamerun“.

²) Topinard, „Anthropologie“.

²) Robert Norris, „Dahomey“.

упомянуть о своемъ происхождениі; женщина, которую король посыпалъ ежегодно въ подарокъ своему португальскому любимцу въ Ахадѣ, была передаваема съ рукъ на руки солдатами, разставленными на пути черезъ извѣстные промежутки, и во все продолженіе перехода ноги ея не должны были касаться земли: она прибывала на мѣсто назначенія болѣе мертвая, нежели живая. Въ несчетномъ множествѣ женщинъ, принадлежащихъ королю, иѣкоторыя состоять въ числѣ высшихъ сановниковъ государства: такова, напримѣръ, хранительница головни, о которую закуривается королевская трубка; такова же фаворитка, подающая его величеству плевальницу. Когда король соблаговолилъ призвать своихъ совѣтниковъ, его жены принимаютъ участіе въ обсужденіи дѣлъ наравнѣ съ министромъ, или первымъ министромъ, и другими государственными сановниками. Однако, толпа королевскихъ супругъ состоять просто изъ невольницъ, прачекъ, носильщицъ и кухарокъ, справляющихъ работы по веденію пышнаго хозяйства двора. Извѣстно также, что многія тысячи женщинъ, стоящія лагеремъ въ оградѣ дворца, составляютъ королевскую гвардию. Эти амазонки, отказаваясь отъ любви и брака, по собственной волѣ вступаютъ въ ряды мужчинъ и облачаются въ солдатскій костюмъ, впрочемъ очень нарядный: короткія панталоны, зеленые или красные, разноцвѣтная туника, шелковый или бархатный шарфъ, шапочка, на которой вышиты разныя фантастическія животныя. Сдѣлавшись товарищами по оружію мужчинъ, на которыхъ онѣ, впрочемъ, походятъ и формами тѣла, почти мужскими¹⁾, амазонки изъ самолюбія стараются превзойти своихъ соперниковъ храбростью, ожесточенiemъ въ бою и презрѣniemъ къ смерти. Часто также онѣ превосходятъ мужчинъ въ холодной жестокости; одна изъ ихъ ротъ состоить изъ головорѣзокъ, такъ называемыхъ «женщинъ съ бритвой», предназначеннай для отрѣзыванія головъ побѣжденнымъ царькамъ²⁾. Ихъ военные пляски отличаются такимъ ансамблемъ и точностью, что въ этомъ отношеніи съ ними не сравняться лучшій изъ нашихъ кордебалетовъ: онѣ такъ же неутомимы въ парадныхъ празднествахъ, какъ и въ битвахъ. Путешественникъ Скерчли описываетъ одну изъ этихъ военныхъ процессій съ плясками, пѣснями и жертвоприношеніями, которая продолжалась не менѣе шестнадцати часовъ.

Хотя женщины вообще пользуются большой свободой и имѣютъ право заниматься тѣми же ремеслами, исполнять тѣ же профессіи, какъ и мужчины, однако, въ бракѣ онѣ разсматриваются какъ простая собственность мужа. Полигамія составляетъ общераспространенный

обычай, и супругъ покупаетъ своихъ женъ на чистыя деньги, вслѣдствіе чего для бѣдняковъ не остается болѣе невѣсть, и король содержить для нихъ, на свой счетъ и барышъ, многочисленный корпусъ куртизанокъ. Обольстившій замужнюю женщину обязанъ выкупить ее по цѣнѣ купли, или отдать въ обмѣнѣ свою собственную жену; если онъ холостой или слишкомъ бѣденъ, чтобы уплатить слѣдующую сумму, то его продаютъ въ рабство; онъ подвергается смерти, когда оскорблена супругъ имѣеть рангъ кабесера. Часто маленькихъ людей даже не хоронятъ; тѣла ихъ выбрасываютъ въ кустарникъ, откуда они скоро исчезаютъ, дѣлаясь добычей хищныхъ звѣрей. Честь погребенія присвоена главамъ семейства и знатнымъ особамъ: въ этомъ случаѣ могила выкапывается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покойный испустилъ духъ.

Какъ у ашантіевъ и многихъ другихъ африканскихъ народовъ, въ Дагомѣ до недавняго времени существовалъ обычай приносить въ жертву мальчика или девочку подлѣ могилы усопшаго. Теперь человѣческія жертвы замѣнены козленкомъ: Либа, геній хранитель умершихъ, долженъ довольствоваться этимъ скромнымъ приношеніемъ, къ которому прибавляютъ немного муки, раковинъ, а также рому и пальмового масла, въ видѣ возліянія. Похороны кабесеровъ и особенно королей прежде сопровождались избіенiemъ массы людей: могилу обмывали человѣческой кровью; умершая персона отправлялась на тотъ свѣтъ со свитой, приличествующей ея рангу. Часто вдовы, какъ въ Индіи, являлись добровольно, чтобы слѣдовать за мужемъ въ могилу¹⁾). Привычка проливать кровь пріучила дагомейцевъ къ безграничной жестокости: путешественники подробно описываютъ избіенія, пытки, распятіе на крестѣ, расположение труповъ артистическими группами вдоль проѣзжихъ дорогъ. Одна изъ годовыхъ церемоній состояла въ наполненіи большаго резервуара, который оставляли открытымъ для желающихъ утопиться; даже подобіе людоѣства практиковалось еще недавно: поджаривали мертвичину на вертелѣ и пожирали ея еще дымящееся мясо. Кодексъ страшныхъ законовъ всегда доставлялъ въ изобилии «преступниковъ» для исполненія чудовищныхъ обычаевъ. Недаромъ невольники больше всего боялись быть проданными въ Дагомѣ: для нихъ это значило идти на вѣрную смерть.

Впрочемъ, перспектива насилиственного конца не имѣла ничего особенно ужасающаго для большинства туземцевъ. Вѣра въ бессмертіе была такъ совершенна у дагомейцевъ, что смерть казалась имъ просто переходомъ изъ временной призрачной жизни въ жизнь

¹⁾ Hugo Zöller „Kamerun“.

²⁾ Skerchley, цитированъ сочиненіе.

¹⁾ Des Marchais, „Voyage en Guinée“.

дѣйствительную и постоянную: когда король, «кузень леопарду», хотѣлъ побесѣдоватъ со своими предками, онъ собственноручно убивалъ первого встрѣчнаго, чтобы командировать его

сланцы этого рода, тяжело раненые, приля въ себя послѣ продолжительного обморока, возвращались къ королю, въ полной увѣренности, что пришли съ того свѣта. Борьба религій,

Слияне Нигера съ Бенуа.

вѣстникомъ въ дальний міръ, и семья убитаго считала себя удостоившейся особой чести тѣмъ, что ей посчастливилось доставить по-

оспаривающихъ другъ у друга завоеваніе умовъ, несомнѣнно, поведеть къ ослабленію наивныхъ вѣрованій туземцевъ, и, вслѣдствіе того, земное существованіе будетъ болѣе

уважаемо. Не изъ одного только угощднія своимъ европейскимъ союзникамъ дагомейцы перестали справлять свои большиe обычай мас-совой рѣзней, которая прежде казалась необходи-мой королю «для сохраненія монархіи»¹⁾: постепенная эволюція сама собой побуждаетъ ихъ придавать больше цѣны нынѣшней жизни.

Фетишеры, или *водуны*, такъ многочисленны въ странѣ, что даже невольничество и мас-соваia переселенія не могли уничтожить эту корпорацію, и даже по ту сторону Атлантическаго океана, именно въ Гаити, возродилась ихъ организація подъ именемъ «культа Воды»²⁾. Культь боговъ, обожаніе фетишей, напоминающихъ предковъ, или олицетворяющихъ силы природы, не соблюдаются уже съ такимъ благоговѣніемъ, какъ прежде, но при приближеніи къ священнымъ мѣстамъ, люди все еще испытываютъ религіозный страхъ. «Господинъ Духовъ», называемый также «Небомъ», «Великой Тѣнью», и представляемый въ то же время Солнцемъ, есть въ глазахъ туземцевъ существо слишкомъ высокое, чтобы можно было осмѣлиться взывать къ нему³⁾; они обращаются съ просьбами къ второстепеннымъ геніямъ, которые отражаютъ частицу его свѣта и заимствуютъ маленькую долю его власти. Въ иѣкоторыхъ городахъ обожаютъ одну безвредную змѣю, дангбе, символъ полнаго счастья и благоволенія; въ другихъ мѣстахъ патрономъ гражданъ является крокодиль, леопардъ, собака, обезьяна, или какое-нибудь другое животное. Внѣ Дагомея туземцы Ажуды, живущіе на берегу шумящаго моря, поклонялись преимущественно богу волнъ, которому было назначено пятьсотъ жертвъ; въ извѣстные дни жрецъ выходилъ на берегъ и приказывалъ валамъ прибоя прервать ихъ вѣчный шумъ. Фетишеры еще бросаютъ въ море риѣ, пальмовое масло, зерна, раковинки, чтобы утишить его яростъ, но уже перестали приносить ему человѣческую жертву, облаченную въ знаки отличія и несущую сѣдалище и знаки кабесера. Поклоняются также душамъ вельможъ, живущихъ или умершихъ, а иѣкоторые негры, исповѣдуя, только въ другой формѣ, ту же религію, какъ многие бѣлые философы, обожаютъ свою собственную душу, не тогда, «когда она спускается въ животъ», а когда она «поднимается въ голову и шевелитъ мозги»⁴⁾. Нѣть предмета, который бы не считался имѣющимъ свою душу, добрую или злую, и къ которому бы не взывали, какъ къ фетишу, чтобы вымолить его покро-

вительство или отвратить его гнѣвъ. Хри-стіанскій крестъ, завѣщанный португальскими просвѣтителями, почитается, у дагомейцевъ какъ *водунъ*, который они носятъ на груди и съ гордостью показываютъ католическимъ миссіонерамъ. Штыки, пушки тоже сдѣланы большими фетишами, и оружіе, которое европейскія державы въ разныхъ случаяхъ посылали королю дагомейскому, всегда принималось съ восторгомъ, не только потому, что оно обеспечивало победу въ битвахъ, но также и потому, что оно охраняло страну отъ волшебства, даже въ мирное время. Мусульмане въ городахъ приморья уже съ давняго времени тоже носятъ амулетки. Эти послѣдователи ислама извѣстны подъ именемъ «малайцевъ», вѣро-ятно, благодаря смыщенію съ названіемъ мали или мале, которымъ прежде обозначали мандинговъ.

Обширная территорія, заключающаяся между Дагомеемъ, Бенинскимъ заливомъ и покатостью Нигера, населена народами разныхъ наименованій, какъ то: эйо, икту, эгба, іебу и дру-гими, которые всѣ говорятъ нарѣчіями одного и того же языка юруба, состоящаго изъ соединяемыхъ односложныхъ словъ: это нагосы, называемые также юруба, какъ ихъ страна и употребляемый ими языкъ. Въ Сьерра-Леоне они вообще извѣстны подъ именемъ акусовъ, происшедшемъ отъ *аку*, ихъ обычного взаим-наго привѣтствія. Эти туземцы мало разнятся отъ своихъ сосѣдей эуз: подобно послѣднимъ, они довольно большаго роста и представляютъ обыкновенный типъ негра помора, хотя кожа у нихъ менѣе черная, скулы менѣе выдающіяся, губы менѣе толстыя; также какъ на прибрежье, простирающемся къ востоку отъ Ашанти, каждое племя отличается отъ дру-гихъ особой татуировкой, которая составляетъ настоящій «национальный гербъ», однообразный для всѣхъ членовъ извѣстнаго народца¹⁾. Всѣ путешественники описываютъ юрубовъ, какъ людей кроткихъ, добродушныхъ, вѣр-ныхъ данному слову, очень послушныхъ, наивныхъ и откровенныхъ, легко прощающихъ обиды. Въ ихъ территоріи, на всѣхъ посѣ-щаемыхъ дорогахъ устроены, черезъ извѣстные промежутки, сараи изъ листьевъ, *ароджес*, для удобства путешественниковъ; прохожий находить тамъ кровъ, воду, вино, и если желаетъ, можетъ оставить взамѣнъ нѣ-сколько раковинокъ каури (ходячая монета)²⁾. Очень общительные, юрубы почти вездѣ сгруп-пировались въ городскія поселенія, чѣмъ и объясняется многочисленность большихъ горо-довъ въ ихъ странѣ; даже земледѣльцы стараются жить въ городахъ и не боятся еже-дневныхъ долгихъ переходовъ изъ дома на

¹⁾ Borghero, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1863.

²⁾ I. E. Bouche, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Burton, „Dahome“; — I. E. Bouche, „Contemporain“, 1-er novembrie 1874.

⁴⁾ I. E. Bouche, цитиров. сочиненіе.

¹⁾ D' Avezac, „Notice sur le Pays et le peuple des Yébous“.

²⁾ I. E. Bouche, цитиров. сочиненіе.

поле и обратно. Впрочемъ, опасность, которой подвергались всѣ одиночные пахари со стороны охотниковъ на человѣка, нѣкогда столь страшныхъ въ этой области Африки, вынуждала ихъ работать группами и укрываться на ночь въ какомъ - нибудь укрѣпленномъ мѣстѣ.

Главный промыселъ юрубовъ — земледѣліе: кукуруза и ямсъ, служащіе для приготовленія почти всѣхъ туземныхъ блюдъ, всегда даютъ сборъ, вполнѣ достаточный для прокормленія многочисленнаго населенія края; кромѣ того, здѣсь воздѣлываются просо, маніокъ, сладкій картофель, горохъ, земляные фисташки, разнаго рода овощи, бананы и другіе плоды. Туземцы утилизируютъ всѣ продукты пальмъ, масличной, кокосовой и другихъ видовъ, и очень искусны въ добываніи пальмового вина изъ дерева *raphia vinifera*, на которое они лазаютъ съ поразительнымъ проворствомъ, привязывая себя къ стволу веревкой, которая имъ въ то же время служить сидѣніемъ, и которую они постепенно передвигаютъ кверху движениемъ руки. Въ этой странѣ нѣть крупныхъ землевладѣльцевъ: земля считается общей собственностью; кто пашетъ ее, тотъ и пользуется ея произведеніями; но какъ только онъ перестаетъ лично обрабатывать земельный участокъ, послѣдній снова поступаетъ въ собственность націи, и всякий желающій можетъ овладѣть имъ посредствомъ труда. Какъ ремесленники, юрубы тоже очень искусны: гончары, кузнецы, кожевники, сѣдельники, ткачи, красильщики встрѣчаются въ каждомъ городѣ; земледѣльческія орудія, употребляемыя юрубами, фабрикуются въ самой странѣ, и въ прежнее время, когда бумажный матерій Манчестера еще не заполонили рынковъ, португальцы покупали у этихъ туземцевъ холстъ, бѣлый и синій, который очень цѣнился въ Бразилії¹⁾. Даже искусство приготовленія стекла и издѣлій изъ него не совсѣмъ неизвѣстно; изъ внутреннихъ округовъ привозятъ стеклянныя кольца, синяго или зеленоватаго цвѣта, которыхъ раскупаются на расхватъ для женскаго убора²⁾. Какъ строители, юрубы отличаются между всѣми народами Африки; нѣкоторые изъ ихъ дворцовъ заключаютъ до пятидесяти комнатъ: двери, фризы веранды украшены скульптурными работами, представляющими сцены войны или охоты, фантастическихъ животныхъ, религіозные символы. Они питаютъ особое уваженіе и пристрастіе къ мебели, которую мастерятъ изъ акаціи гумминосной, потому что это дерево часто скрипитъ и трещитъ, особенно по ночамъ: подобно спиритамъ Европы и Новаго Свѣта, они вѣрять

въ стучащихъ духовъ³⁾). Искусство письма не было извѣстно этимъ неграмъ, но путешественникъ Де-Марше говоритъ, что они употребляли завязанные веревочки, узелки которыхъ имѣли то или другое значение, смотря по числу ихъ и порядку расположенія: это были своего рода письменные знаки, напоминающіе *киносы* перувіанцевъ во времена монархіи инковъ.

Подобно своимъ соображеніямъ дагомейцамъ, различные народы группы юруба повинуются наслѣдственнымъ царькамъ, но власть этихъ *обба* ограничена всемогущимъ обычаемъ, и при томъ каждый городъ имѣеть своего почти независимаго начальника, кабесера, назначаемаго королемъ и не несущаго никакого обязательства, кромѣ изъявленія вѣрности и преданности государю: это крупный вассалъ, пользующійся королевскими прерогативами. При начальникахъ и губернаторахъ состоятъ совѣты изъ именитыхъ людей, а иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, весь народъ созывался въ общія собранія. Кромѣ того, власть царька сдерживается могущественнымъ тайнымъ обществомъ *абони*, члены котораго связаны страшными клятвами: кандидаты при вступленіи въ это общество должны исполнить обрядъ колѣнопреклоненія и принятія напитка, состоящаго изъ смѣси воды съ кровью. Подъ страхомъ смерти, никто не можетъ присутствовать при совѣщаніяхъ посвященныхъ, ни проникнуть въ ихъ дома-фетишъ. Когда *абони* произнесутъ осуждающей приговоръ, они обязаны сами привести его въ исполненіе: такимъ образомъ они являются въ одно и то же время судьями и палачами.

Обычай давать спутниковъ умершимъ былъ такъ же широко распространенъ въ странѣ юрубовъ, какъ и въ западныхъ областяхъ Невольничаго берега. Король не могъ отпра- виться на тотъ свѣтъ безъ длиннаго кортежа женъ, министровъ и невольниковъ; послѣдніе были подвергаемы заключенію насилию, но лицъ высокопоставленныхъ вѣжливо приглашали лишить себя жизни: они выпивали чашу яда, поднесенную жрецомъ, и если напитокъ не производилъ желаемаго дѣйствія, имъ предоставлялось повѣситься у себя на дому. Вѣра въ привидѣнія всеобщая; оттого принимаются мельчайшія предосторожности, чтобы воспрепятствовать появлению выходцевъ съ того свѣта: оружіе воиновъ и охотниковъ зарываютъ за городскими воротами, дабы мертвѣцъ не могъ употребить его въ дѣло, если ему придется фантазія вернуться ночью къ своимъ согражданамъ. Тѣла умершихъ дѣтей выбрасываются въ лѣсъ, такъ

¹⁾ John Adams; — George Robertson; — d'Avezac, цитиров. сочиненіе.

²⁾ P. Bouche, „La Côte des Esclaves“.

³⁾ Bowen, „Adventures and Missionary Labours in the Interior of Africa“.

какъ преждевременная кончина всегда приписывается вмѣшательству злыхъ духовъ, которыхъ необходимо сбивать съ пути.

Старыя формы анимистической и натуралистической религіи юрубовъ значительно видоизмѣнились въ послѣднія четыре столѣтія, съ одной стороны подъ вліяніемъ португальцевъ, съ другой—подъ вліяніемъ фуловъ или феллата, называемыхъ здѣсь филаны, и другихъ матогометанъ. Обба-оль-Орунъ, или «царь Неба», все болѣе и болѣе смѣшивается въ понятіи туземцевъ либо съ Богомъ христіанъ, либо съ Аллахомъ мусульманъ: они даже даютъ ему имя Обба-т' Аллахъ или «господинъ Аллахъ» и сочетаютъ его разнообразно, смотря по племенамъ и ихъ отношеніямъ, съ своими национальными преданіями и рассказами миссіонеровъ; они сдѣлали изъ него «фетиша изъ хорошей глины», который создалъ людей, вдохнувъ душу въ форму изъ земли, и представляютъ его какъ великаго производителя и творца въ образѣ зми или жевчины, кормящей грудью своего младенца. Нѣкоторыя церемоніи, находимыя миссіонерами во многихъ мѣстахъ этого поморья, несомнѣнно составляютъ обряды католического происхожденія, введенныя португальцами или бразильцами. Но нынѣ религіей, постепенно одерживающей верхъ надъ старыми культурами, является та, которую проповѣдуютъ купцы, приходящіе съ береговъ Нигера. Большой национальный праздникъ теперь уже не сборъ ямса, а байрамъ, какъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Обращеніе въ магометанскую вѣру совершается тѣмъ легче, что виѣшній знакъ обрѣзанія, общій всѣмъ юрубамъ съ не запамятныхъ временъ, располагаетъ ихъ заранѣе смотрѣть на себя какъ на братьевъ проповѣдниковъ ислама.

Крайній западный отрывокъ Невольничаго берега, смежный съ англійскими владѣніями Кэпъ-Коста, составляетъ одну изъ тѣхъ колоніальныхъ территорій, которыми Германія завладѣла съ 1884 года. Это страна Того, называемая такъ по имени ея главнаго города и племени языка эуз, колонизовавшаго эту область. «За лагуной»—таково буквальное значеніе этого имени, доселѣ неизвѣстнаго, которое вдругъ пріобрѣло нѣкоторую важность въ политической номенклатурѣ. Пространство этого германскаго «протектората»—60.000 квадр. километровъ, а населеніе ея—около 2.250.000 душъ. Недавнія присоединенія внутри материка, въ земляхъ Креци и Мина, значительно расширили область торговой эксплоатациі. Минасскій городъ Адангбе, лежащий въ пятидесяти километрахъ къ сѣверу отъ моря, тоже потерялъ свою независимость. Болѣезначительный городъ, Атакпаме, находится въ сотнѣ километровъ далѣе на сѣверъ, въ шести или семи дняхъ ходьбы отъ побережья, недалеко отъ лѣсистыхъ

горъ, связывающихъ прибрежныя цѣпи нижней Вольты съ высокими вершинами Маги. Жители Атакпаме славятся какъ отважные охотники на слоновъ; они храбро защищали свою свободу противъ армій короля dagomeyskаго, и со временіемъ одержанной ими победы неоднократно вызывали на бой своего могущественнаго союза, но тотъ уже не посмѣлъ принять вызова¹⁾.

Въ отношеніи наружнаго вида замѣчается большой контрастъ между приморскими и внутренними поселеніями. Первые, гдѣ имѣютъ пребываніе представители европейскихъ торговыхъ домовъ, отличаются возмутительной неопрятностью; передъ жилищами всегда стоятъ лужи грязной воды, кучи навоза и разнаго мусора загромождаютъ тѣсныя улицы и проходы, среди селенія валяется падаль, оставляемая на сѣденье коршунамъ и другимъ хищникамъ. На противъ, деревни, лежащія на сѣверной сторонѣ лагунъ, содержатся въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ; улицы и площади аккуратно подметаются, соръ сваливается вдали отъ жилищъ въ большія ямы, засыпаемыя землей; хаты изъ красной глины, окрашенныя въ веселые цвета, имѣютъ видъ чистенькихъ домиковъ, и нѣкоторыя состоятъ изъ двухъ этажей. Храмы фетиши и судилища украшены рѣзными фризами и даже грубой живописью, изображеніями лошадей и фантастическихъ животныхъ; площадь для палабръ, освященная большими развесистыми деревомъ, всегда чиста, какъ паперь храма, и поселяне заботятся о томъ, чтобы для этихъ общественныхъ собраний было отводимо самое живописное мѣсто, откуда видъ обнималъ бы возможно болѣе обширный горизонтъ. Поля и плантации (главные предметы полеводства—кукуруза и земляные фисташки) тоже содержатся гораздо исправнѣе внутри страны, чѣмъ въ сосѣдствѣ побережья. Впрочемъ, и почва тамъ много лучше: въ то время, какъ вблизи моря преобладаетъ чистый песокъ, въ заозерныхъ мѣстностяхъ земля состоитъ изъ очень плодородной желѣзистой глины. Цоллеръ исчисляетъ въ одну двадцатую площадь почвы въ Того, занятой подъ культуру.

Главный городъ состоитъ изъ пяти деревень, построенныхъ очень близко одна къ другой и спрятавшихся въ лѣсу кокосовыхъ пальмъ; онъ расположенъ на красной террасѣ, господствующей съ сѣверной стороны надъ главной лагуной страны. Священный городъ (городъ-фетиши) королевства, Бэ, помѣщается западнѣе, недалеко отъ границы англійскихъ владѣній. Несмотря на близость его отъ морскаго берега (расстояніе не болѣе 3 километровъ), этотъ городъ до сихъ поръ былъ посѣщенъ лишь очень немногими европейцами: это потому, что для

¹⁾ I. E. Bouche, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris,” 1875.

всякаго желающаго проникнуть въ священную 1884 году, получили, въ видѣ особой милости, ограду безусловно обязательна совершенная разрѣшеніе переступить за порогъ городской нагота, такъ какъ одежда—маска тѣла, а боги ограды, сохранивъ на себѣ кальсоны, ботинки

ТИПЫ И КОСТЮМЫ ПЛЕМЕНИ БАМБАРА.

хотя, чтобы предъ ними являлись въ томъ и каску; но верховыхъ лошадей они должны образъ, какой они дали своимъ вѣрующимъ. Однако, нѣмецкіе путешественники, которые имъ пришлось пѣшкомъ совершить свой торжественный вѣзьдъ. Сосѣдняя съ Бѣ деревня,

Біассе, населена преимущественно рѣзчиками фетишем; однако, этот промысел недостаточенъ для ихъ содержания, и потому они занимаются, кроме того, фабрикаціей глиняной посуды. Смерть царьковъ Того всегда окружена въкоторой официальной тайной. Хотя всѣ знаютъ о послѣдовавшей кончинѣ, но никто не признаетъ ее явно, и проходитъ годъ и болѣе, прежде чѣмъ посадятъ нового короля на «кресло»: во все это время посольства и дары отправляются и принимаются именемъ усопшаго. Но истинный властитель въ этихъ странахъ—всемогущий обычай, и потому междуцарствіе есть лишь кажущееся.

Главный рынокъ государства Того, Ломе,—деревня новой постройки, основанная купцами, которые хотѣли избавиться отъ значительныхъ пошлины, установленныхъ англичанами на сѣднемъ берегу. Затѣмъ слѣдуютъ, въ восточномъ направленіи, Багида, называемая на нѣкоторыхъ картахъ Багдадомъ, и Порто-Сегуро («безопасный портъ»), наименованный такъ его основателями, вольноотпущенными неграми изъ бразильского округа Порто-Сегуро; эта колонія переселенцевъ изъ Нового Свѣта, известная у туземцевъ подъ именемъ Абодрангъ-по, представляетъ кучку сгруппированныхъ на берегу хижинъ, которая служить морской пристанью для столицы, лежащей при лагунѣ: она имѣла нѣкоторую важность во времена торга невольниками, отмѣненного съ 1863 года, когда стало невозможно продавать живой товарь на плантаціи Америки. Экспортъ состоить почти исключительно изъ пальмовыхъ ореховъ и масла, продуктовъ, за которые негоціанты платятъ либо наличными деньгами, либо водкой, табакомъ, порохомъ или оружиемъ, бусами и другими европейскими товарами. Внѣшняя торговля почти всецѣло находится въ рукахъ французовъ и нѣмцевъ, изъ которыхъ первые смѣнили португальскихъ, а вторые—британскихъ коммерсантовъ; кроме того, нѣкоторые негры изъ Сіерра-Леоне, Бразилии и мѣстные уроженцы тоже принимаютъ участіе въ морской торговлѣ; подвозъ товаровъ изъ внутреннихъ областей производится главнымъ образомъ чрезъ посредство женщинъ.

Обороты внѣшней торговли въ Того, въ 1895—96 г.г.: привозъ—2.607.180, вывозъ—3.014.176 марокъ.

Торговая сношенія съ за-озерной страной, безъ сомнѣнія, значительно возрастутъ, когда нынѣшнія извилистыя тропинки, по которымъ можно пробираться только гуськомъ, будутъ замѣнены хорошими дорогами; но во многихъ мѣстахъ запрещено трогать лѣсную чащу: почва—«фетишъ», и нужно, чтобы она сохранила свой нарядъ.

Прилегающее къ Того съ восточной стороны королевство Малый Попо прежде состояло подъ верховной властью Франціи, и при томъ мар-

сельскіе негоціанты изъ всѣхъ европейцевъ пользовались наибольшей долей торгового обмѣна съ его жителями. По недавно заключенному трактату, протекторатъ надъ этой страной перешелъ къ Германіи, въ обмѣнъ за нѣкоторые пункты побережья на «Южныхъ рѣкахъ». Также какъ страна Того, территорія Малый Попо или Пово, какъ ее называютъ нѣмцы, состоитъ изъ двухъ различныхъ поясовъ: береговой полосы, на которой построены торговые города и мѣстечки, и за-озерныхъ земель, гораздо гуще усѣянныхъ деревнями и лучше воздѣланныхъ, но досѣль остававшихся почти совершенно неизвѣстными бѣлому человѣку.

Малый Попо, называемый туземцами Анхой и Плавихо, — бывшій Ровао португальцевъ, упоминаемый съ конца семнадцатаго столѣтія¹⁾. Большое число его жителей ведутъ свой родъ съ Золотаго берега и говорятъ нарѣчіемъ своихъ предковъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ языкомъ ауз ихъ сосѣдей. Завися официально отъ царка Греджи, мѣстечка, лежащаго къ сѣверу, по другую сторону лагуны, Малый Попо имѣлъ, въ 1884 году, еще трехъ другихъ начальниковъ или кабесеровъ, также претендовавшихъ на титулъ державцевъ, при чьемъ у каждого изъ нихъ были свой штатъ придворныхъ и свои подданные, и каждый взималъ таможенные пошлины: французы, нѣмцы, негры, сіerra-леонскіе англичане, каждая національность выбирала того или другаго царя, чтобы платить ему пошлины, но имъ нужно было слѣдить, чтобы соперничество этихъ маленькихъ потентатовъ не превратилось въ кровопролитную войну. Несмотря на это многоначалие и конфликтъ властей, Малый Попо есть важнѣйший рынокъ побережья между Квиттой и Ажудой. Обороты его внѣшней торговли въ 1884 году, по Цбллеру, выразились слѣдующими цифрами: привозъ—1.625.000 франк.; вывозъ—2.030.000 франк. Сюзеренное правительство, Германская имперія, представлено въ территоіяхъ Того и Малый Попо только гамбургскими и бременскими купцами, поселившимися въ факторіяхъ прибрежья. Истинными властителями страны по-прежнему остаются начальники деревень и жрецы фетишемъ.

Агуз (Ажиго на языке туземцевъ), лежащий въ 9 километрахъ къ востоку отъ Малаго Попо (либо по лагунѣ, либо по береговой дорогѣ),—тоже торговый городъ, но въ особенности земледѣльческій центръ; крупная торговля не была тамъ монополизирована европейцами, хотя городъ состоять подъ политическимъ сюзеренитетомъ Франціи: преобладающая роль въ торговомъ движениі принадлежитъ неграмъ, какъ кореннымъ жителямъ, такъ и переселен-

¹⁾ Pierre Bouché, цитированное сочиненіе.

цамъ изъ Сиерра-Леоне и Бразиліи. Основанный въ 1821 году минасами, этотъ городъ сдѣлался мѣстомъ убѣжища для гонимыхъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстностей: махи, изгоняемые изъ ихъ земли dagомейцами, приходили изъ сѣверныхъ областей просить пріюта у жителей Агуа, принося съ собой своихъ национальныхъ фетишъ; съ запада сюда стекались изгнанники изъ Малаго Попо и съ Золотаго берега; съ востока сюда же переселились негры племенъ наго и эгба; затѣмъ въ 1835 году явились вольноотпущенники изъ Бразиліи, за которыми потомъ слѣдовали другіе чернокожіе «американцы». Къ мѣстнымъ идолопоклонникамъ и къ бразильскимъ христіанамъ присоединились также магометане изъ внутреннихъ странъ. Такимъ образомъ всѣ расы и религіи представлены въ этой республикѣ, ошибочно называемой королевствомъ, такъ какъ ея ка-бесеръ облечень лишь исполнительной властью: онъ долженъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ волей собранія гражданъ Вокругъ Агуа, которому не разъ приходилось оружіемъ защищать свою независимость, сгруппировалось нѣсколько другихъ маленькихъ государствъ въ республиканскую конфедерацию'); одно изъ нихъ, Абананконъ, по-французски носить название Баранкеръ.

Большой Попо или Пово, называемый самими жителями Пла,—торговый городокъ, гдѣ господствуетъ французское влияніе. Основанное также бѣглцами, мѣстечко это состоять собственно изъ группы отдельныхъ поселковъ, построенныхыхъ на островкахъ лагуны и на морскомъ берегу: бѣглецы изъ Дагомея, которые первые поселились здесь, выбирали это мѣсто по причинѣ недоступности его для ихъ преслѣдователей, такъ какъ фетиши запрещаютъ дагомейскимъ арміямъ переходить лагуну. Благодаря своему положенію у такъ называемаго «королевскаго протока», всегда открытаго впадаю моря, Большой Попо ведеть довольно значительную вѣтшнюю торговлю; такъ, въ 1884 г., по Цоллеру, торговые обороты егъ выразились слѣдующими цифрами: привозъ—1.060.000 франк.; вывозъ—1.050.000 франк., Общую цифру населенія Агуа и Большаго Попо тотъ же путешественникъ опредѣляетъ въ 120.000 человѣкъ; кромѣ того, внутрення мѣстности, которая можно считать находящимися въ сферѣ притяженія приморскихъ городовъ, имѣютъ по крайней мѣрѣ столь же значительное число жителей. Всю эту страну можно было назвать Агома, по имени рѣки, которая пересѣкаетъ ее съ сѣвера на югъ и впадаетъ въ лагуну; во время половодья теченіе ея настолько сильно, что продолжается въ лагунѣ до постояннаго протока у Большаго Попо; иногда же замѣтное движеніе водъ распространяется

въ западномъ направлениі до временнаго прохода у Малаго Попо.

Къ востоку отъ Большаго Попа начинается территорія Дагомея, охраняемая почти у самаго входа значительнымъ городомъ Глехуэ, который европейцы обозначали разными именами: Фида, Хведа, Видахъ, Уида; старинные писатели называли его *Juda*; жители его именовались «*Judaïques*», т. е. іудеями; и действительно, ихъ считали остаткомъ разсѣянныхъ по лицу земли колънъ израильскихъ; протекающая на съверѣ рѣка Аллала, настоящее имя которой — Эфра, была произведена въ Евфратъ учеными изслѣдователями ¹). По всей вѣроятности, за городомъ останется наименование Ажуда, данное ему португальцами, нѣкогда главными негро-торговцами. Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія торговли живымъ товаромъ, когда съ этого берега ежегодно вывозилось отъ шестнадцати до восемнадцати тысячъ невольниковъ, Ажуда имѣлъ около 35.000 жителей: тамошніе негры изъ всѣхъ чернокожихъ Невольничьяго берега цѣнились всего дороже, потому что были трудолюбивы и не чахли отъ грусти по утраченной семье и волѣ ²).

Ажуда состоит изъ двухъ городскихъ поселений. На съверѣ отъ моря расположены европейскія факторіи, гдѣ развѣваются разноцвѣтные флаги; собственно городъ построенъ въ 3 километрахъ съвернѣ и отдѣленъ отъ морскаго берега лагуной и болотами; далѣе простирается другая лагуна, такъ что Ажуда занимаетъ почти островное положеніе, соединяясь съ твердой землей лишь узкими перешейками. Онъ дѣлится на нѣсколько саламовъ или отдельныхъ кварталовъ, имѣющихъ каждый своего кабесера и своихъ «людей»; форты европейцевъ тоже раздѣлены на соотвѣтственные кварталы, обитатели которыхъ происходятъ въ большой части отъ бывшихъ невольниковъ; до 1867 года жители французскаго салама обязаны были справлять барщину. Поставленный подъ покровительство змѣя, Ажуда славится своимъ храмомъ фетишемъ-протекторомъ, жрицы котораго, называемыя «матерями» и «сестрами» змѣй, набираются, въ дни празднествъ, похищеніемъ молодыхъ девушекъ³); десятка три безвредныхъ питоновъ (изъ семейства удавовъ) обвиваются вокругъ колонокъ и балокъ хижины, служащей кумирней; когда они ускользнутъ, чтобы прогуляться въ городѣ, ихъ почтительно приносить обратно въ лагоду обмотанныхъ около руки или посаженныхъ въ мѣшокъ. Горе нечестивцамъ, которые умертвили бы или ранили священное животное: въ прежнее, еще недавнее, время жрецы велили бы такого нечестивца живымъ

¹⁾ Labarthe, „Voyage à la côte de Guinée.“

²⁾ Des Marchais, "Voyage en Guinée." Paris, T. J. Necker, 1822.

³⁾ Répin, „Tour du Monde,” 1863 1-er Semestre.

⁴⁾ Pierre Bouche, цитир. сочиненіе.

зарыть въ землю! Поселянинъ, нечаянно убившій змѣю во время полевыхъ работъ, обязанъ войти въ хижину, которую затѣмъ поджигаютъ, и невольный богоубийца спасается изъ горящаго дома сквозь дымъ и пламя, преслѣдуемый дакими криками толпы. Прежде деревья, окружающія Ажуду, тоже были высокочтимы фетишами, подъ тѣнь которыхъ клали больныхъ, чтобы обезпечить ихъ исцѣленіе; иностранцамъ воспрещено было рубить лѣсъ въ окрестностяхъ города¹⁾). До сихъ поръ еще сохранился одинъ изъ этихъ боговъ, великолѣпный бавольникъ, существованіе котораго, по народному повѣрю, связано съ существованіемъ самого города²⁾). Нѣкоторыя другія деревья въ Ажудѣ отличаются страннымъ видомъ: совершенно лишенны листвы, они носятъ, вместо лиственного убора, сотни летучихъ мышей или, по мѣстному названію, «летучихъ собакъ», висящихъ на вѣтвяхъ.

Ажуда принадлежитъ Дагомейскому королевству по праву завоеванія съ 1725 года; съ того времени онъ и получилъ имя Глехузъ, означающее «Ферму» и указывающее на его роль въ дѣлѣ снабженія столицы предметами продовольствія; подобно тому, и сосѣдній городъ, Ардра, былъ наименованъ «Выдолбленной Тыквой», потому что населеніе его должно было поставлять сѣстинные припасы на королевскую кухню. Егованъ, то есть «начальникъ бѣлыхъ», командающій въ Ажудѣ и «открывающій дороги» путешественникамъ, есть по рангу третья персона въ королевствѣ; но уже съ давняго времени власть его уравновѣшивалась вліяніемъ иностранцевъ. Подъ управлениемъ лица бразильского происхожденія, «капитана купцовъ», городъ сталъ почти чуждымъ Дагомею; человѣческія жертвоприношенія прекратились; перестали, какъ бывало въ прошломъ столѣтіи, сажать на коль матерей, виновныхъ въ рожденіи двойней³⁾). Въ Ажудѣ преобладаетъ португальское вліяніе; нѣкоторые дома и вся меблировка напоминаютъ Лиссабонъ. Съ тѣхъ поръ какъ англичане сняли блокаду съ береговъ Дагомея, въ 1877 году, торговля пальмовымъ масломъ, которое считается лучшимъ на всемъ этомъ побережїѣ, снова привила большие размѣры. Въ декабрѣ и январѣ рѣдѣ покрывается судами; но торговая дѣятельность стѣснена многочисленными ограниченіями; такъ, напримѣръ, запрещено вывозить какой бы то ни было предметъ, впервые введенный въ страну, и, вслѣдствіе того, считаемый собственностью короля; ни одна женщина, тоже королевская собственность, не можетъ выѣхать изъ порта. Негоціанты обязаны покидать вечеромъ свои склады на берегу, которые остаются подъ

¹⁾ Des Marchais, цитир. сочиненіе.

²⁾ B. Féris, цитиров. мемуаръ.

³⁾ Skertchley, цитиров. сочиненіе.

охраной королевскихъ офицеровъ. Виѣшній рейдъ Ажуды не надеженъ въ бурную погоду, и почти всегда на плоскомъ берегу видны выброшенные волнами обломки, а въ водахъ остовы потерпѣвшихъ крушеніе судовъ. Нигдѣ акулы не проявляютъ большей дерзости. Когда опрокинется барка, негры спасаются всплавъ, затѣмъ, добравшись до берега, начинаютъ считать свои ряды, и рѣдко бываетъ, чтобы всѣ оказывались на-лицо.

На дорогѣ въ Абомей, описанной многими европейскими путешественниками, первый этапъ — бѣдная деревушка Сави, — Ксавье (Ксаверій) у старинныхъ авторовъ, — бывшая нѣкогда столицей королевства Фида или Ажуда, государь которой, по словамъ лѣтописцевъ, могъ выставить двухсотъ-тысячную армию: все государство, говоритъ Де-Марше, казалось «какъбы однимъ огромнымъ городомъ». Теперь не видно даже развалинъ укрѣпленныхъ факторій, которыхъ были тамъ построены европейцами. Къ югу отъ Сави простираются обширныя болота; на сѣверѣ тянется поймъ лѣсовъ, шириной въ нѣсколько лѣб., изрѣдка прерываемый прогалинами, потоками и болотами. Тропинка идетъ черезъ деревню Толли, затѣмъ черезъ городъ Аллада, древній Ардра, который нѣкогда былъ, какъ и Сави, столицей имперіи и торговымъ городомъ, гдѣ европейцы имѣли свои конторы. Преданіе гласить, что этотъ городъ имѣлъ 15 километровъ въ окружности; теперь онъ не болѣе, какъ рынокъ для мѣстныхъ произведеній, хотя занимаетъ очень выгодное положеніе въ здороевой возвышенной мѣстности, въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ дорогъ; но онъ все еще считается метрополіей королевства Дагомей. Дагомейскій державецъ, который, вмѣстѣ съ другими титулами, носить также титулъ «Господина Аллады», не имѣть права воздвигнуть свой дворецъ въ Абомеѣ, пока не возсадеть на табуретъ своихъ предковъ въ священномъ градѣ. Однако, тѣ же дагомейцы совершенно разорили Алладу въ 1724 году, когда предприняли завоеваніе приморской дороги: почти всѣ жители были перебиты, и лѣсъ скоро покрылъ развалины разрушенныхъ зданій.

Естественную границу, отдѣлявшую нѣкогда королевство Аллади отъ Дагомея, составляетъ обширное болото Ко, которое европейцы обыкновенно называютъ его португальскимъ именемъ Лама, означающимъ «грязь». Болото это и теперь имѣло бы большую стратегическую важность, въ случаѣ вторженія непріятеля: безъ искусственныхъ сооруженій оно было бы непроходимо даже для легкой артиллеріи; но въ 1876 году, когда англичане готовились къ войнѣ противъ Дагомея, ихъ пароходъ, поднявшись вверхъ по рѣкѣ Веми до пристани Дугба, близъ Абомея, тѣмъ самымъ доказалъ, что десантное войско могло бы обойти

это грозное препятствие. Въ сухое время года болото Ко, или Лама, шириной отъ 10 до 12 километровъ, на дорогѣ въ Абомей, легко можетъ быть переходимо пѣшеходами; но въ періодъ дождей черезъ него можно пускаться не иначе, какъ съ достаточнымъ чи-сломъ носильщиковъ, которые иногда погружаются въ воду по самыя плечи и при каждомъ шагѣ визнутъ въ тинѣ по колѣно; посланцы короля употребляютъ тогда два дня на переходъ болота; въ 1784 году были построены мосты въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, и дорога была частію поднята; но насыпи вскорѣ осѣли и сравнялись съ поверхностью болота. Къ сѣверу отъ болота Ко начинается настоящее побережье континента; красноватая почва, усыпанная желѣзистыми камнями, поднимается въ видѣ холмовъ, скаты которыхъ покрыты лѣсками различныхъ дре-весныхъ породъ. Столица страны, по Бор-тану, стоитъ на высотѣ 325 метровъ, на террасѣ, легко доступной съ южной стороны, но къ сѣверу очень круто обрывающейся надъ сырьими равнинами, превращенными въ огороды¹⁾.

Абоме или Агбоме, то-есть «Городъ въ оградѣ», — дѣйствительно укрѣпленный го-родъ, съ монументальными воротами, обве-денный глубокими рвами и обсаженный поя-сомъ колючихъ деревьевъ. Онъ занимаетъ обширную площасть, но большая часть огороженного пространства состоитъ изъ садовъ и развалинъ; кромѣ того, собраніе невзрачныхъ домишекъ, называемое дворцомъ, имѣеть не менѣе 3 километровъ въ окружности. Стѣна этой резиденціи прежде была усажена на всемъ ея протяженіи человѣческими черепами, краснорѣчивыми свидѣтельствами коро-левскаго могущества; теперь видны только желѣзные стержни, на которые нанизывались эти гнусные трофеи. Португальскій министръ-резидентъ, представитель «покрови-тельствующей» державы, не позволяетъ болѣе избѣній, требовавшихся обычаемъ. Числен-ность населенія Абомея мѣняется, смотря по переѣздамъ двора, который имѣеть пребыва-ніе то въ официальной столицѣ, то въ дагомейскомъ Версалѣ, городѣ Кана (прежніе путешественники называли его Кана-Мина или Кальмина), лежащемъ между холмами, въ нездоровой низинѣ, гдѣ скопляются міазмы въ дождливое время года. Раскинутая на боль-шомъ пространствѣ, Кана походить скорѣе на поле, усыпанное домами, чѣмъ на городъ въ собственномъ смыслѣ; жилища скучены только въ сосѣдствѣ дворца, прежде славив-шагося, какъ и абомейская резиденція, своими кровавыми обычаями. Въ память истребленія племени эйсовъ, бывшихъ владѣльцевъ

страны, королемъ дагомейскимъ были установлены ежегодныя жертвоприношенія, гдѣ жертвы представляли расу побѣженныхъ по костюму и другимъ виѣшимъ признакамъ. Абомей и Кана соединены прекрасной дорогой, шириной въ 30 метровъ и длиной въ 12 километровъ, которая спускается изъ столицы по нечувстви-тельному скату, въ тѣни великолѣпныхъ деревьевъ; эта чудесная аллея составляетъ начало пути, который рано или поздно продол-жится до Ажуды, лежащей слишкомъ въ 100 километрахъ къ югу отъ Абомея. Большую часть дня эта дорога бываетъ заполнена водоносками королевскаго дворца, при чемъ всѣ прохожіе, какъ только услышать звонъ колокольчиковъ, повѣшеннѣхъ на шеи у этихъ женщинъ, царскихъ рабынь, обязаны поспѣшно уходить съ дороги и стать отвернувшись, пока не пройдутъ водоноски. Окрестныя поля, воздѣлываемыя для продовольствованія двора, носятъ название «сада Дагомея»; но за этими полами равнинъ почти вездѣ имѣютъ видъ пустырей, незасѣянныхъ и необработанныхъ: своими военными экспедиціями властители соз-дали пустыню вокругъ царскихъ городовъ. Въ лѣсныхъ чащахъ, по монархической фик-ціи Дагомея, царствуетъ государь-призракъ, двойникъ настоящаго короля; онъ не сущест-вуетъ, но тѣмъ не менѣе имѣеть свой дворецъ, своихъ придворныхъ и офицеровъ, своихъ ама-позокъ, свой бюджетъ: это его именемъ соби-раются налоги, совершаются покупки на деньги народа; но щедроты исходятъ отъ реального царька. Все, на что жалуется бѣдный народъ, приписывается этому химерическому королю, признательность же подданныхъ за благодѣя-нія власти обращается на дѣйствительнаго государя¹⁾.

Далѣе городскія поселенія снова появляются только на сѣверѣ отъ собственнаго Дагомея, въ провинціи Махи, населеніе которой было, впрочемъ, часто разрѣжено массовыми изгва-ніями и побоищами, съ половины восемнад-цатаго столѣтія. Дагомецы придумали сред-ство къ покоренію махіевъ, нападая на нихъ всегда передъ наступленіемъ страдной поры. Туземцы, покидая свои поля, чтобы укрыться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ на горахъ, скоро были вынуждены голодомъ просить мира и выдавать заложниковъ; но во время путе-шествія Дунканна, съ 1845 года, народецъ дасса, говорящій нарѣчіемъ, отличнымъ отъ языка махіевъ, еще сохранилъ свою независи-мость. Отъ равнины къ хребту горъ слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько городскихъ посе-деній, какъ-то: Зенгъ-Нуми, важный торговый пунктъ; Зоглогбо, жирописный городокъ, прію-тившійся на днѣ бывшаго кратера; Логозахи, въ очаровательной мѣстности, среди холмовъ,

¹⁾ Skertchley, „Dahomey as it is.“

¹⁾ Skertchley, цитиров. сочиненіе.

лесовъ и быстрыхъ потоковъ, черезъ которые перекинуты висячіе мосты; Савалу, нѣкогда столица территории махіевъ; Джаллаху, окруженный разсыпанными глыбами гранита, которыя Дунканъ сравнивалъ съ каменными столбами въ Стонгенджѣ. Эти дагомейскія Альпы, до сихъ поръ посѣщены только двумя европейскими путешественниками, которые были почти пленниками своего конвоя, отличаются отъ прилегающихъ низменныхъ равнинъ климатомъ, флорой, фауной, жителями и наружнымъ видомъ городовъ¹⁾.

Къ востоку отъ Дагомея, французы владѣютъ второй энклавой, Новымъ Портомъ (Порто-Ново), маленькимъ туземнымъ королевствомъ, которое образовалось, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, основаніемъ города Гонибону. Основатель, сынъ короля Аллады или Ардры, называлъ его также «Малой Ардрой»; у португальскихъ моряковъ этотъ городъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Порто-Ново; туземцы нынѣ называютъ его Аджаше. Пространство территории Порто-Ново, ограничивающей съ южной стороны моремъ на протяженіи около 40 километромъ, опредѣляютъ приблизительно въ 1.900 квадр. километровъ, а народонаселеніе въ 15.000 человѣкъ. Говорять, что въ этомъ числѣ, вѣроятно, преувеличенномъ, мужчины составляютъ огромное большинство²⁾; но это утвержденіе не имѣеть за себя никакихъ систематическихъ наблюдений. Послѣ бомбардированія города Порто-Ново англичанами въ 1861 году, мѣстный царекъ, два года спустя, отдалъ себѣ подъ покровительство Франціи. Городъ былъ занятъ, затѣмъ оставленъ, потомъ снова взятъ въ 1882 году французами, въ то время, когда европейскія державы спѣшили подѣлить между собой африканское поморье; также какъ Котону и другие французскіе порты на Невольничемъ берегу, Порто-Ново въ административномъ отношеніи зависить отъ Сенегала.

Порто-Ново, по числу жителей второй городъ на этомъ побережїѣ послѣ Лагоса, состоять изъ группы деревень, расположенной на сѣверномъ берегу озера, которое сообщается съ рѣками Бадагри и Лагось; кварталы его раздѣлены лѣсками, полями, болотами и необработанными землями. Въ главномъ мѣстечкѣ, близъ священныхъ воротъ, украшенныхъ грубыми изваяніями духовъ—покровителей, стоять королевскій дворецъ, который еще въ 1875 году былъ окружено обезглавленными трупами и гирляндами человѣческихъ череповъ. Порто-Ново ведеть довольно большую мѣщанскую торговлю съ городами Аггер и Сакете, лежащими къ сѣверу отъ него, и съ внутрен-

ними окрестами, до горъ и до береговъ Нигера: хотя удаленный на 300 слишкомъ километровъ отъ первыхъ устьевъ этой рѣки, «Новый Портъ» сдѣлался уже однимъ изъ экспортныхъ рынковъ центральной долины Судана³⁾. Ка-чаха, или спиртные напитки во всѣхъ видахъ, табакъ и порохъ—вотъ главныя статьи призыва; вывозъ же состоить почти только изъ пальмовыхъ ореховъ и масла и ореховъ кола, отправляемыхъ въ Бразилію. Торговое движеніе въ этомъ городѣ въ 1884 году выразилось слѣдующими цифрами: Привозъ—3.970.043 франк. Вывозъ—5.055.483 франк. Судоходство по приходу и отходу: 187 судовъ, вмѣстимостью 38.550 тоннъ. Со временемъ замиренія страны, окрестности города покрылись плантациями; туземные женщины умѣютъ ткасть прочная матерія изъ *aujolie*, или аванасовыхъ волоконъ, и собираютъ соль на морскомъ берегу, которая находитъ сбытъ во внутреннія мѣстности. Образъ правленія въ королевствѣ Порто-Ново—единственный въ своемъ родѣ по способу дѣленія властей. Есть страны, какъ, напримѣръ, Фута-Джаллонъ, гдѣ два державца царствуютъ поочередно впродолженіи периода, обнимающаго одинъ или нѣсколько годовъ. Въ Порто-Ново этотъ круговоротъ менѣе продолжителенъ: здѣсь смѣна въ отправленіи царской должности происходитъ дважды въ сутки. Дневной король, который пользуется болѣшимъ почетомъ и одинъ руководитъ управлениемъ государства, долженъ послѣ заката солнца убираться въ свой дворецъ; ночной король, напротивъ, не можетъ выходить изъ дома до наступленія сумерекъ: онъ завѣдуетъ преимущественно благочиніемъ, полицейской частью, и охраняетъ сонъ гражданъ. Каждый изъ двухъ царьковъ имѣеть право смерти надъ своимъ коллегой, если встрѣтить его на улицѣ въ моментъ междуцарствія⁴⁾. Личности слишкомъ стѣснительны, какъ предененты на титулъ начальниковъ, изгоняются изъ города и дѣлаются маленькими тиранами въ окрестностяхъ, подъ именемъ «лѣсныхъ царьковъ»⁵⁾.

Котону или Аппи, морской портъ города лагунъ, лежитъ къ юго-западу отъ Порто-Ново, на протокѣ, гдѣ сходятся судоходные каналы обширнаго озернаго лабиринта Нохуа, а также рѣка Веми, истокъ большаго болота Ко или Лама. Котону прежде принадлежалъ къ королевству Дагомей, вслѣдствіе чего Португалія, опираясь на свои привилегіи протектората, оснарявала у Франціи право владѣнія этимъ складочнымъ пунктомъ. Въ 1885 году конвенція, заключенная между двумя названными державами, окончательно укрѣпила за послѣдней изъ нихъ территоріальную

¹⁾ Médard Béraud, „La France Coloniale,” par Alfred Rambaud.

²⁾ Hugo Zöller „Kamerun”.

³⁾ Pierre Bouché, цитиров. сочиненіе.

⁴⁾ Dugan, „Travels in Western Africa”; — Skercheley, „Dahomey as it is.”

⁵⁾ Richard Burton, цитиров. сочиненіе.

уступку, сдѣланную ранѣе абомейскихъ королемъ. Двѣ деревни Афатону и Ахуансоли, находящіяся посреди озера Нохуз, на каналѣ изъ Котону въ Порто-Ново, построены на сваяхъ, какъ города озерныхъ жителей древней Швейцаріи: происхожденіе этихъ африканскихъ свайныхъ построекъ такое же, какъ и древнихъ поселеній на альпійскихъ озерахъ. Около половины прошлаго столѣтія, жители Годоме, спасаясь отъ набѣговъ дагомейцевъ, воздвигли эти хижини въ самомъ озерѣ на рядахъ свай; защищенные широкимъ проливомъ, они могли съ этого времени не бояться «абомейскаго льва», которому его фетишъ запрещаетъ переходить воду въ военныхъ доспѣхахъ; имъ нужно было опасаться засадъ только на твердой землѣ, когда они выходили на берегъ для добыванія съѣстныхъ припасовъ, или для похоронъ умершихъ. Въ этихъ озерныхъ селеніяхъ не имѣется общей эстрады для палабръ и празднествъ; мірскіе сходы происходятъ подъ открытымъ небомъ, на плоскихъ крылахъ хижинъ; каждая семья располагается на кро-влѣ своей хаты, или тожди: тамъ разглагольствуютъ деревенскіе ораторы, скачутъ и кружатся плясуны: для наблюдателя, стоящаго на берегу, необыкновенно оригинальное зрѣлище представляютъ эти черныя фигурки, прыгающія на лазурномъ фонѣ неба. Паденіе въ воду озера не имѣеть ничего опаснаго для этихъ островитянъ, болѣе привыкшихъ къ плаванью, чѣмъ къ ходьбѣ; впрочемъ, у каждого жилища имѣется лодка между сваями¹⁾). Самое имя озера, Нохуз, или «Домъ Воды», очевидно, обязано своимъ происхожденіемъ этимъ свайнымъ постройкамъ.

Бадагри, на сѣверномъ берегу Оссы, имѣющей здѣсь 500 метровъ въ ширину,— первый городъ, который встрѣчаетъ юдущій съ запада путешественникъ на англійской территорії Невольничаго берега. Какъ большинство другихъ рынковъ того побережья, городъ этотъ, дополняется группой факторій и складовъ, построенныхъ на плоскомъ берегу моря. Бадагри нѣкогда былъ столицей королевства и самымъ большимъ негроторговымъ рынкомъ на всемъ этомъ поморѣ. Ричардъ Лендеръ, который, послѣ Клаппертона, отправился изъ этого города въ свое путешествіе, для изслѣдованія Судана, разсказываетъ, что въ то время, въ 1830 году, предложеніе невольниковъ много превышало спросъ; вслѣствие чего стариковъ и немощныхъ, какъ бракъ, бросали въ воду на сѣдѣніе акуламъ. Отборныхъ негровъ берегли для жертвоприношеній: у нихъ вырывали сердце, и король, его жены, его кабесеры, наперерывъ другъ передъ другомъ, кусали эти трепещущія внутренности. Лендеръ долженъ былъ выпить въ Бадагри «чашу испытанія», чтобы

¹⁾ Borghero;— Bouche, цитиров. сочиненія.

оправдать себя отъ обвиненія въ преступленіи, но онъ успѣлъ въ время принять рвотное, парализованіе дѣйствіе яда. Къ сѣверу отъ Бадагри, въ бассейнѣ рѣки Окпара, находится независимыя королевства Адо, Покра, Океаданъ, часто подвергающіяся набѣгамъ дагомейцевъ.

Въ 65 километрахъ къ востоку отъ Бадагри, на одномъ изъ острововъ Оссы, стоитъ столица британскихъ владѣній, Лагось. Этотъ «африканскій Ливерпуль», какъ его любятъ называть тамошніе англичане, — самый богатый городъ на всемъ побережье западной Африки. Выгоды его географического положенія очень велики. Онъ лежитъ какъ разъ около середины вогнутости Бенинскаго залива и, слѣдовательно, находится въ точкѣ соединенія многочисленныхъ дорогъ, идущихъ изъ внутренней части материка. Впадающая въ лагуну судоходная рѣка Огунъ ставить Лагость въ сообщеніе съ Абеокутой, могущественнымъ внутреннимъ городомъ, и съ окружающими богатыми сельскими мѣстностями. Кромѣ того, Лагось командуется западнымъ истокомъ Оссы и черезъ эту разветвляющуюся лагуну располагаетъ тысячью дорогъ, которая представляютъ ему изливающіеся въ нее притоки; этотъ лиманъ служить даже средствомъ для движенія пароходовъ до самаго Нигера: хотя Лагось по прямой линіи отстоитъ на 350 километровъ отъ большой африканской рѣки, онъ тѣмъ не менѣе есть одно изъ ея торговыхъ устьевъ. Туземные производители въ своихъ пирогахъ, выдолбленныхъ древесныхъ стволахъ, и негоціанты въ шлюпкахъ, вмѣстимостью отъ трехъ до восьми тоннъ, подвозятъ по водамъ Оссы въ Лагось пальмовое масло, орѣхи, хлопокъ въ небольшомъ количествѣ, грузя въ обратный путь бумажная матерія Манчестера и водки Гамбурга; по берегу лагуны тянется рядъ судостроительныхъ верфей. Почти вся торговля съ Европой сосредоточена въ рукахъ англичанъ и вѣмцевъ. Торговыя сношенія съ внутренними областями производятся главнымъ образомъ чрезъ посредство мусульманъ, число которыхъ сильно возросло въ послѣднее время; въ 1865 году ихъ насчитывали всего только 1.200, а двадцать лѣтъ спустя ихъ уже было около тридцати тысячъ¹⁾; по словамъ Борттона, у нихъ было 27 мечетей въ 1880 году.

Островъ Лагось, называемый туземцами Ауни или Авани, лежитъ въ 5 километрахъ отъ моря, между рукавами лагунъ, устьемъ рѣки Огунъ и притокомъ, открывающимся на океанъ. Городъ, раскинувшись на обширномъ пространствѣ, занимаетъ западную часть этой болотистой земли, которая годъ отъ году повыш-

¹⁾ Bove, „Bollettino della Societ  Geografica italiana,” aprile 1861.

щается и увеличивается, благодаря работамъ по засыпкѣ болотъ и по укрѣпленію береговъ; но еще остается засыпать много лужъ, выкопать водосточныя канавы, построить мостъ, для соединенія Лагоса съ твердой землей. Въ такъ называемомъ «европейскомъ» городѣ, гдѣ живетъ около полутораста бѣлыхъ, окруженныхъ толпой цвѣтнаго и чернаго служащаго люда, есть нѣсколько красивыхъ зданій, построенныхыхъ на почвѣ, частію отвоеванной у водъ лагуны; его правильная набережная, съ выступающими тамъ и сямъ дамбами, тянется на южной сторонѣ острова, въ виду моря, тогда какъ негритянскіе кварталы, называемые Эко, или «Добрый прѣемъ», разсѣяны на сѣверѣ, между болотами, садами и пальмовыми рощами. Извѣстно, какое опасное препятствіе составляетъ на этомъ берегу барь для судовъ, имѣющихъ болѣе 3 метровъ водоуглубленія. Акулы, плавающія въ волнахъ прибоя, еще болѣе увеличиваютъ опасность невольнаго купанья: потерпѣвшіе кораблекрушеніе прежде рѣдко избѣгали страшнаго зуба этихъ морскихъ чудовищъ; въ иные годы число пожираемыхъ ими несчастныхъ доходило до пятидесяти; теперь передъ проходомъ судовъ бросаютъ въ воду динамитные заряды. Удивительно, почему англичане не введутъ въ африканскихъ рейдахъ плоть или катамаранъ, употребляемый индусами на опасномъ Мадрасскомъ берегу.

Обороты виѣшней торговли колоніи Лагосъ за десятилѣтіе 1885—95 г. возрасли съ 1.156.745 (ввозъ — 542.564, вывозъ — 614.181) до 1.801.410 (ввозъ — 815.815, вывозъ — 985.595) фунт. стерл.

Движеніе судоходства въ портѣ Лагосъ въ 1895 г.: общая вмѣстимость пришедшихъ и отшедшихъ судовъ — 1.290.000 тоннъ (не считая каботажа).

Деревни Пальма, Леке или Іебу, Оде—главные пристани на морскомъ берегу, загибающіеся на востокъ къ устьямъ Нигера. На берегу лагуны, простирающемся къ востоку отъ Лагоса, самый значительный городъ — Эпе; кроме того, тамъ же, по направлению къ дельтѣ, слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько многолюдныхъ мѣстечекъ, а въ лагунахъ кое-гдѣ видѣются деревни, построенные на сваяхъ, какъ озерныя селенія въ Порто-Ново. На сѣверѣ находится королевство племени іебусовъ, главный городъ котораго, Оди, лежитъ на западномъ притокѣ рѣки Ошунъ. Недавно Германія объявила-было о взятіи въ свое владѣніе округа Магинъ, въ той части побережья, которая соединяетъ поясъ береговыхъ лагунъ съ сѣстью рѣчныхъ устьевъ; но новыи конвенціи возвратили Великобританіи всѣ эти аллювіальные земли страны Йоруба. Въ лѣсу, отдѣляющемъ пристань Оди отъ лагуны Магинъ, одна обширная прогалина получила большую

извѣстность подъ именемъ Атиджере или Артижери, въ которомъ, можетъ-быть, нужно видѣть Атагару, указанную султаномъ Гауссы путешественнику Клаппертону, какъ главное торговое мѣсто приморской области: каждый девятый день негры изъ окрестныхъ мѣстностей десятками тысячъ приходять на этотъ рынокъ обмѣнивать свои произведения¹⁾). Магинъ принадлежитъ къ бывшему Бенинскому королевству, этой зачумленной странѣ, нынѣ покинутой жителями, которая нѣкогда, повидимому, пользовалась большимъ благосостояніемъ. Въ своемъ «Описаніи Африки» Дашеръ говоритъ, что король бенинскій могъ въ нѣсколько дней собрать 80.000 войска; но чтобы доказать свое могущество и снискать милость духовъ, онъ устраивалъ человѣческія жертвоприношенія, которыхъ обезлюднивали его царство; каждый день передъ нимъ убивали трехъ человѣкъ: одного при восходѣ солнца, другаго въ полдень, третьяго въ сумерки²⁾). Городъ Бенинъ, теперь бѣдная деревушка Бини, имѣлъ школы и храмы; жрецы его умѣли вырубывать «егероглифическія фигуры» и каменные изображенія, «при помоши которыхъ они разсказывали исторію своей страны»³⁾). Туземные кузнецы и теперь еще славятся своимъ искусствомъ: изъ плохаго европейскаго желѣза они выдѣлываютъ отличные инструменты и орудія⁴⁾). Путешественникъ египтологъ Бельцони умеръ на дорогѣ отъ моря въ Бенинѣ; климатъ этой области одинъ изъ самыхъ опасныхъ на Гвинейскомъ берегу.

Лагосъ, резиденція администратора англійскихъ владѣній на Невольничемъ берегу, съ 1886 года не зависитъ болѣе отъ губернатора Золотаго берега; но протекторатъ и здѣсь устроенъ по тому же образцу: англійскія поселенія защищаются гарнизонами изъ солдатъ, называемыхъ общимъ именемъ гауссау, или короче гаусса, къ какой бы расѣ они ни принадлежали; авторитетъ коронныхъ судей малопо-малу замѣняетъ власть негритянскихъ царьковъ; военные корабли перевозятъ странствующихъ представителей магистратуры изъ залива въ заливъ. Главный ресурсъ колоніального бюджета составляютъ таможенные пошлины, взимаемыя съ привозныхъ товаровъ въ Лагосѣ и на пристаняхъ побережья (бюджетъ Лагоса въ 1895 году: расходы — 144.000, доходы — 142.000 фунт. стерл.). Территорія раздѣлена на четыре округа: Лагосскій, Сѣверный, Восточный и Западный; въ послѣднемъ главный городъ — Бадагри.

Абеокута, большой республиканскій городъ

¹⁾ Clause, „Esploratore“, 1885.

²⁾ Schöna and Crowther, „Journal of an Expedition up the Niger in 1841“.

³⁾ Römer, „Nachrichten von der Küste Guinea“.

⁴⁾ P. Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

на берегахъ рѣки Огунъ,—одно изъ значительнѣйшихъ городскихъ поселеній африканскаго континента; по цифрѣ населенія онъ уступаетъ только Каиру и Александрии. Боль-

насыпь отъ 2 до 3 метровъ вышины, съ рѣдкими бойницами, обведенная спаружи рвомъ въ 3 метра ширины, заросшимъ мелкимъ кустарникомъ, образуетъ лоясъ протяженіемъ

Каскадъ Бамаку.

шинство путешественниковъ приписываютъ ему свыше 100.000 жителей, а нѣкоторые миссионеры опредѣляютъ даже въ 200.000 число людей, обитающихъ въ оградѣ столицы народа эгба. Оборонительная стѣна, простая земляная

въ 32 километра, а центральное ядро города имѣеть не менѣе 7 километровъ длины, при 3 съ половиной километрахъ ширины. Абекута представляетъ странный видъ: онъ расположенъ среди обширной волнистой рав-

нины, усыпанной гранитными скалами различной высоты; самая высокая, называемая просто «Скалою» и считаемая жителями покровительницей и защитницей ихъ города, возвышается на 90 метровъ надъ среднимъ уровнемъ равнинъ, которая сама уже лежить на 170 метровъ выше уровня моря. Разбросанные по равнинѣ каменные массы представляютъ большое разнообразіе формы; однѣ за круглены въ видѣ куполовъ, другія съуживаются кверху на подобіе обелисковъ, иные имѣютъ зубчатую вершину или тянутся въ видѣ правильной стѣны; одна походить на верхній щитъ исполнинской черепахи. Дома живописно группируются у подошвы этихъ скалъ, и купы деревьевъ своей зеленою составляютъ яркій контрастъ съ сѣроватыми стѣнками гранита. Абеокута вполнѣ заслуживаетъ свое название, означающее «Подъ скалами».

Метрополія агбасовъ—городъ новый, обвязанный своимъ происхожденіемъ постыдной торговлѣ человѣческимъ скотомъ. Подвергаясь безпрестаннымъ набѣгамъ негропромышиленниковъ, беззащитные обитатели нѣсколькоихъ деревень племени эгба рѣшили перемѣнить мѣсто жительства: покинувъ открытую равнину, они поселились, въ 1825 году, среди лабиринта гранитныхъ скалъ, и изъ этой природной крѣпости съ ускѣхомъ отражали нападенія торговцевъ невольниками. Вскорѣ всѣ обездоленные и несчастные, всѣ гонимые изъ окрестныхъ мѣстностей стали стекаться въ это уѣздище, и черезъ нѣсколько лѣтъ Абеокута сдѣлалась однимъ изъ большихъ городовъ Африки; она окружила себѣ обширной оградой, вполнѣ достаточной для отраженія нападеній недисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ полчищъ; тѣмъ не менѣе, съ той стороны, откуда нужно было всего болѣе опасаться набѣговъ, то-есть съ востока, на дорогѣ изъ Ибадана, пришлось воздвигнуть три параллельные линіи ретраншементовъ, а на западной сторонѣ построили нѣсколько оборонительныхъ верковъ, дополняющихъ городской валъ противоположнаго берега. Понятно, что городъ бѣглыхъ невольниковъ или людей, заражѣе намѣченныхъ въ рабы, долженъ приготовиться къ беспрестанной войнѣ за свою свободу, на которую рабовладѣльцы, лишившіеся этой живой собственности, смотрѣть, какъ на кражу и обиду. Такжѣ какъ Фарабана въ Бамбука, Агуэ на морскомъ берегу, Атактоне въ территоріи племени эуз и многія другія укрѣпленныя мѣста, построенные мятежниками или бѣглыми, Абеокута должна была часто защищаться отъ враговъ, но она всегда одерживала побѣду: ежегодное человѣческое жертвоприношеніе, справляемое съ большой торжественностью осажденными

жителями, было угодно богамъ¹⁾. Ибаданская войска были отброшены послѣ кровопролитной битвы; даже король дагомейскій, со своими амазонками, тщетно пытался ворваться въ ограду Абеокуты; точно также попытки присоединенія, сдѣянныя втихомолку лагосскими англичанами, не имѣли никакого успѣха.

Жители Абеокуты, соединившіеся для общей защиты, образуютъ свободную федерацію. Главный кварталь вносить имя Аке, бывшей столицы эгбасовъ; точно также другія группы домовъ имѣютъ название тѣхъ деревень, где первоначально жили эти выходцы: бывшая община перемѣстилась въ новую республику со своими привилегіями, обычаями, домашними богами; такимъ образомъ городъ состоить изъ множества (около шестидесяти) деревень, имѣющихъ каждая свои отличительныя черты, свою исторію, свое нарѣчіе, свои религіозные обряды. Мусульмане, или имале, уже представлены здѣсь тысячами колонистовъ, которыхъ терпятъ, хотя и побаиваются, видя въ нихъ авангардъ сѣверныхъ завоевателей; христіанская община тоже довольно многочисленна: вокругъ часовень, основанныхъ миссионерами, поселились сотни христіанъ, преимущественно иммигрантовъ изъ Сіerra-Леоне. Въ первые годы оставляли въ нокъ эти религіозныя станціи, но впослѣдствіи городские совѣты, усмотрѣвъ въ нихъ центры политической пропаганды, упразднили миссіи и выслали иностранныхъ проповѣдниковъ, дозволивъ, однако, крестившимся туземцамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры. Впрочемъ, недавно въ городѣ основались новые миссионерскіе станы, протестантскіе и католическіе.

Между жителями Абеокуты, самого дѣятельнаго города Йорубы, установилось нѣкоторое раздѣленіе труда: всѣ дѣти учатся какому-нибудь ремеслу; каждый глава семейства долженъ имѣть свою профессію. Въ городѣ много ткацкихъ фабрикъ и красилень; сотни рабочихъ занимаются строительными работами и имѣютъ строить дома съ колоннадами и центральнымъ дворомъ. Главный промыселъ—земледѣліе; ближайшія окрестности оставлены подъ выгонъ для скота, но за ними, въ среднемъ разстояніи отъ 8 до 30 километровъ, тянутся поясъ полей и садовъ вокругъ городской ограды. Абеокута дополняется портами на Огунѣ. Когда воды высоки, суда могутъ подниматься по рекѣ до пороговъ Аро, въ 3 километрахъ отъ города: тамъ находятся уже верфи и магазины для склада пальмового масла. При низкой водѣ суда останавливаются ниже, у моста Агбамея; наконецъ, во время мелководья, случается, что путешественники,ѣдущіе

¹⁾ Richard Burton, „Abeokuta und Cameroons Mountains“.

изъ Лагоса, не могутъ перейти по рѣкѣ за деревню Игаонъ, находящуюся въ сосѣдствѣ морскаго залива. Все разстояніе отъ Абеокуты до Лагоса 130 километровъ, тогда какъ по прямой линіи оно на цѣлую треть короче. Несомнѣнно побѣды республики надъ королемъ дагомейскимъ въ 1862 г., затѣмъ въ два слѣдующія года и въ 1883 г. обеспечили за эгбасами неоспоримое владѣніе рѣкой Огунъ и ея берегами до самаго лимана: жители Абеокуты пользуются безпрепятственно сообщеніемъ съ Лагосомъ и моремъ, но не заботятся о томъ, чтобы сдѣлать это сообщеніе болѣе удобнымъ постройкой большой проѣзжей дороги, которою, можетъ-быть, въ одинъ прекрасный день воспользовались бы и артиллерийские обозы англійскихъ генераловъ.

Первое должностное лицо республики, носящее титулъ короля, можетъ быть избираемо только въ одномъ изъ четырехъ главныхъ племенъ націи: власть его строго ограничена, на него смотрять преимущественно какъ на апелляционного судью для пересмотра приговоровъ, произнесенныхъ начальниками клановъ. Король избирается пожизненно; однако, если подвѣдомственные его юрисдикціи недовольны его рѣшеніями или его поведеніемъ, они посыпаютъ къ нему депутацію, которая приглашаетъ его удалиться отъ дѣла. Въ прежнее время ему въ такихъ случаяхъ предлагали «уснуть», и это приглашеніе всегда было исполнено: король удалялся въ свой гаремъ, и нѣсколько дней спустя узнавали, что царскій «сонъ» начался¹⁾. Вторая персона въ Абеокутѣ, первая по действительной власти,—башерунъ, или главнокомандующій войсками республики. Его львиная доля добычи въ войнахъ доставила ему большія богатства; что касается второстепенныхъ начальниковъ, то доходы ихъ состоятъ изъ заставныхъ пошлинь, взимаемыхъ съ ввозимыхъ продуктовъ у пяти городскихъ воротъ. Нѣкоторые полицейские сборы, натуральная повинности и, въ случаѣ національной опасности, налогъ, взимаемый съ каждой семьи, питають бюджетъ республики.

Ибаданъ, городъ южной Йорубы, до недавняго времени оспаривавший первенство у Абеокуты, лежитъ въ сотни километровъ къ сѣверо-востоку отъ столицы эгбасовъ, на водораздѣлѣ между покатостями Огуда и Ошуна, притоковъ приморскихъ лагунъ. Въ 1851 году, Буэнъ исчислялъ населеніе этого города въ 70.000 душъ; но съ этой эпохи миссионеры, посѣтившие его, единогласно ему даютъ свыше 100.000 жителей. Так же какъ Абеокута, Ибаданъ есть городская конфедерация деревень, заключенныхъ въ одной и той же оградѣ, но имѣющихъ каждая особое имя и общественное

¹⁾ Norris;—Bouche;—Richard Burton, цитиров. сочиненія.

устройство. Магометане въ этомъ городѣ болѣе многочисленны, чѣмъ въ соперничающей республики, хотя еще недавно тамъ совершились человѣческія жертвоприношенія¹⁾. Между этими двумя государствами бывали кровопролитныя войны, и въ одну изъ этихъ кампаній Иджайе, большой городъ, километрахъ въ тридцати къ сѣверо-западу отъ Ибадана, былъ разрушенъ до основанія. Война недавно кончилась тѣмъ, что Ибаданъ покорился.

Къ сѣверо-востоку, на боковой дорогѣ, ведущей въ Нуле чрезъ пристани Шонга или Эгга, находимъ другіе многолюдные города, столицы независимыхъ королевствъ, которыхъ все болѣе и болѣе подпадаютъ подъ вліяніе мусульманскихъ просвѣтителей, представленныхъ фелатскими воинами и гауссанскими купцами. На морской покатости страны Йоруба, главные этапы—Ойо и Отбомошо²⁾. Ойо сдѣлалася столицей королевства послѣ разрушения города Катанга фелатскими распространителями ислама, но онъ гораздо менѣе населенъ, чѣмъ былъ его предшественникъ и чѣмъ есть нынѣ его сосѣдъ Отбомошо. Этотъ послѣдній, съ площадями и улицами, обсаженными тѣнистыми деревьями, находится уже въ одной изъ долинъ возвышенности, отдѣляющей береговую рѣку отъ притоковъ Нигера: этотъ водораздѣлъ состоить изъ скаль сѣраго гранита, выступающихъ изъ красноватой и глинистой почвы, очень плодородной, и не представляетъ серьезнаго препятствія сообщеніямъ; нѣкоторые крутые утесы поднимаются на 200 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Гора Рококо, близъ восточной оконечности водораздѣла, достигаетъ почти 1.000 метровъ высоты³⁾; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не видно никакихъ выступовъ и рельефа, дорога все время извивается среди ровной мѣстности, между масличными деревьями и пальмами эланисъ⁴⁾. Со временеми Клаппертона, который первый перешелъ этотъ водораздѣльный хребетъ, послѣдній былъ посѣщенъ нѣсколькими европейскими путешественниками, но нельзя не удивляться, что эта страна относительно еще такъ мало известна. Причина тому образъ дѣйствія посредниковъ торговли, очень ревниво оберегающихъ свою монополію: не препятствуя силой проходу иностранцевъ, они создаютъ имъ на каждомъ шагу затрудненія взиманіемъ дорожной пошлины, визитами и церемоніями, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ вынуждаютъ ихъ возвращаться назадъ. Въ городахъ караульные у заставы останавливаютъ европейцевъ днемъ и заставляютъ ихъ ожидать наступленія ночи для

¹⁾ Hinderer, „Seventeen in the Joruba Country“.

²⁾ Cordioux;—Bouche;—Thomson;—Rohlfis etc.

³⁾ May, „Journal of the Geographical Society“ 1860.

⁴⁾ G. Rohlfis, „Quer durch Africa“.

входа въ городъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что злые духи могли бы проскользнуть въ ворота по ихъ слѣдамъ.

Города покатости и поморья Невольничьяго берега, населеніе которыхъ указано путешес-
твенниками въ приблизительныхъ цифрахъ:

Протекторатъ германскій: Адангбѣ (по Мане-
же)—7.500 ж., Малый Попо—5.000 ж., Того
(по Цоллеру)—2.500 ж.

Протекторатъ французскій: Порто-Ново—

30.000 ж., Агуэ (по Бушу)—5.500 ж., Баранкеръ—2.000 ж.

Дагомей и португальскій протекторатъ:
Ажуда—20.000 ж., Абомей—24.000 ж., Лого-
захи (по Дункану)—8.000 ж., Кана (по Скер-
чи)—5.000 ж.

Протекторатъ англійскій: Лагосъ—65.000 ж.,
Бадагри—10.000 ж.

Внутреннія государства: Абеокута—120.000
ж., Ибаданъ—100.000 ж., Огбомошо (по
Рольфсу)—60.000 ж.

Глава VIII.

Бассейнъ Нигера.

I. Общій обзоръ.

«Ниль Негровъ», на который такъ долгъ смотрѣли какъ на вѣтвь Нила египтянъ, и который смысливали со многими другими Нилами, между прочимъ, съ Сенегаломъ и Гамбіей, въ новѣйшее время снова получилъ свою рѣчную индивидуальность. Арабскіе караванщики, негритянскіе купцы, также какъ и европейскіе изслѣдователи, узнали, что онъ не выходитъ изъ одного истока, общаго всѣмъ другимъ болѣшимъ рѣкамъ Африки. Онъ потекъ въ географическомъ словарѣ имя Нила, но ему оставили название «рѣки Черныхъ» или Нигера, какъ потоку, бассейнъ котораго содѣржитъ наиболѣшее число жителей съ темной кожей: вообще можно сказать, что Нигриція есть бассейнъ Нигера. Кромѣ его значенія въ исторіи географіи, это имя рѣки соотвѣтствуетъ въ извѣстной мѣрѣ антропологической классификаціи, указывая область распространенія негритянской расы; но этотъ смыслъ его не оправдывается ни однимъ выраженіемъ въ различныхъ языкахъ прибрежныхъ населеній. Около середины ея теченія туареги, занимающіе оба берега внизъ отъ Томбукту, называютъ эту рѣку Эгирреу, слово, представляющее нѣкоторое сходство съ словомъ Нигеръ, и изъ котораго нѣкоторые географы сдѣлали Нигиръ, какъ бы для того, чтобы еще болѣе увеличить путаницу терминовъ; притомъ же это имя одно изъ тѣхъ, которыхъ всего менѣе примѣнимы къ большой африканской рѣкѣ на всемъ ея протаженіи, такъ какъ оно означаетъ «боковые потоки» или «маріго» и примѣняется специальнѣо къ той части рѣки, которая дѣлится на

безчисленное множество рукавовъ въ низменныхъ земляхъ. Каждый изъ прибрежныхъ народовъ обозначаетъ Нигеръ особымъ словомъ, смыслъ котораго всегда выражаетъ понятіе о могучемъ потокѣ; только арабы изъ презрѣнія къ чернокожимъ и ко всему негритянскому называютъ эту рѣку Ниль-эль-Абидъ, т. е. «Ниль Невольниковъ». Въ верхнемъ бассейнѣ главная вѣтвь носить у мандинговъ имя Джолиба (Діоли-ба, Діули-ба или Юли-ба) или Ба-ба, т. е. «Большая вода». Для прибрежныхъ жителей феллатовъ—это Маїо или «Рѣка» по преимуществу. Сангаи называютъ ее Исса или Сай; у гуассанцевъ она называется Шадерба, а у племени нифуа—Эду; наконецъ, въ нижнемъ его теченіи, тамъ, где всѣ воды бассейна соединились уже въ одно общее русло, она извѣстна подъ именемъ Куаро, которое часто примѣняется географами ко всѣй рѣкѣ.

Нигеръ занимаетъ видное мѣсто въ ряду большихъ потоковъ земной поверхности: въ Африкѣ это третья рѣка—по длини теченія, вторая—по обилію жидкой массы; въ этомъ отношеніи она уступаетъ одному Конго на Африканскомъ континентѣ, а въ другихъ частяхъ свѣта его превосходить только Амазонка, Лаплатская рѣчна система Паравана-Урагвай и Гангъ-Брахмапутра. Слѣдовательно, Нигеръ былъ бы пятой рѣкой земного шара, если разсматривать какъ принадлежащія къ одному и тому же бассейну истеченія рѣки, соединяющіяся лиманами своихъ устьевъ; но онъ долженъ быть поставленъ на третье мѣсто, если считать только тѣ потоки, воды которыхъ не смѣшиваются съ водами другихъ рѣкъ въ поясѣ прибрежья, принадлежащемъ уже отчасти къ области моря. По длини тѣ-

чения Нигеръ уступаетъ только Миссouri-Миссисипи и Нилу, а также Янгекіангу и тремъ большімъ сибирскимъ рѣкамъ; общее протяженіе его русла, отъ истока западныхъ вѣтвей до главаго устья, у протока Акасса, опредѣляютъ приблизительно въ 4.150 километровъ.

Что касается разстоянія по прямой линіи между этими двумя крайними точками, то оно составляетъ всего только 1.810 километровъ. Это объясняется тѣмъ, что рѣка, текущая сначала какъ-бы къ Средиземному морю, описываетъ большую кривую въ сѣверномъ направлѣніи и проникаетъ даже въ глубь пустыни. Площадь бассейна, гдѣ полу-окружность, начертанная теченіемъ Нигера, образуетъ среднюю линію, равняется приблизительно 2.600.000 кв. километровъ, включая сюда всѣ области Сахары, зависящія отъ этого бассейна по наклону почвы и направленію овраговъ, если не по вносу воды. Можно было бы даже разматривать какъ часть долины Нигера весь бассейнъ озера Цаде или Чадъ, съ рѣкой Шари и другими притоками. Порогъ, раздѣляющій эти двѣ гидрографические системы, очень невысокъ, и общий видъ мѣстности, кажется, указываетъ на то, что въ предшествующую геологическую эпоху существовало сообщеніе изъ одного бассейна въ другой. Весьма вѣроятно, что прежде чѣмъ пробить себѣ дорогу черезъ цѣпь береговыхъ горъ къ Гвинейскому морю, Нигеръ, задерживаемый этой преградой на югѣ, разливался въ восточномъ направлѣніи, образуя тамъ обширныя внутреннія моря, и озеро Цаде есть лишь незначительный остатокъ этихъ морей: очень можетъ быть, что въ то время «Черный Ниль» дѣйствительно соединялся съ Ниломъ Египетскимъ, переходя невысокой водораздѣльной между бассейномъ верхней Шари и «Рѣчной областью», откуда столько потоковъ спускается къ Бахръ-аль-Абаду. Поэтому, общераспространенное у нигрійцевъ преданіе о существовавшемъ нѣкогда соединеніи Ниловъ черезъ континентъ, быть-можетъ, не лишено основанія съ геологической точки зрѣнія, хотя оно несомнѣнно ошибочно въ отношеніи современного періода истории земли. Если правда, что Нигеръ отклонился къ востоку въ отдаленную эпоху, соединяясь либо съ Шари, либо даже съ Ниломъ, то Бенуэ, нынѣ главный притокъ Нигера, вѣроятно, былъ тогда самостоятельной рѣкой, прямо впадавшей въ Атлантический океанъ; впрочемъ, по объему жидкой массы онъ и теперь еще равенъ Нигеру и даже, можетъ-быть, превосходитъ его; хотя менѣе длинный, этотъ притокъ проходитъ черезъ страны, гдѣ дожди гораздо болѣе обильны.

Эта громадная территорія Нигера и Бенуэ населена очень неравномѣрно. Нѣкоторыя области безлюдны, не только на Сахарской по-катости, гдѣ нѣтъ ни воды, ни растительности,

но также и въ разныхъ другихъ странахъ, плодородная почва которыхъ была опустошена войною. Въ иныхъ мѣстностяхъ, напротивъ, населеніе очень густое; деревни близко скучены одна къ другой, города многочисленны, поля представляютъ одинъ сплошной садъ. Рассказы путешественниковъ не позволяютъ еще определить вѣроятную цифру жителей этого бассейна: по исчисленіямъ, основаннымъ на изслѣдованіяхъ путешественниковъ, Бемъ и Вагнеръ полагали, что среднее число жителей, приходящееся на одинъ квадратный километръ, въ этихъ территоріяхъ представляетъ около трети населенности, наблюдавшейся во Франціи. Если бы это было такъ, то народонаселеніе бассейна Нигера превышало бы сорокъ миллионовъ человѣкъ; однако, изъ специальныхъ описаній, кажется, нужно заключить, что общее число жителей едва-ли достигаетъ тамъ и половины этой цифры, т. е. двадцати миллионовъ.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ теченіе длиннаго исторического періода на берегахъ Нигера жили послѣдовательно народы, сильные торговлей и промышленностью. Долина этой рѣки, какъ и долина Нила, была центромъ цивилизациі, и города ея прославились во всей сѣверной части континента и даже за предѣлами Африки. Королевство Гана, имя котораго, въ формѣ Гвинеи, перешло къ большому протяженію Африканскихъ береговъ, было известно венецианскимъ купцамъ задолго до того времени, когда бѣлые путешественники успѣли проникнуть въ эту страну, и въ теченіе вѣковъ Томбукту рисовался воображенію европейскихъ народовъ въ отдаленной перспективѣ, какъ африканский Вавилонъ. Нигеръ представляетъ замѣчательный примѣръ въ подтвержденіе закона первобытныхъ цивилизаций, недавно выясненнаго Львомъ Мечниковымъ¹⁾). Какъ въ бассейнахъ Гоанъ-го, Инда, Евфрата, Нила, прибрежная населенія развивались очень неравномѣрно въ областяхъ, орошаемыхъ Нигеромъ, и въ этой жизненной конкуренціи за цивилизацию не тѣ народы, которые живутъ въ сосѣдствѣ рѣчныхъ устьевъ, достигли первые известной степени образованности. Прогрессъ былъ всего быстрѣе внутри бассейна, вдали отъ моря: тамъ только организовались национальныя группы, довольно значительныя и довольно промышленныя, чтобы получить нѣкоторую важность въ исторіи человѣчества и прославить свое имя даже въ отдаленныхъ странахъ, за предѣлами ихъ континента. Въ то время, когда образовывались націи на среднемъ Нигерѣ, покрывая рѣку вереницами своихъ барокъ, посыпая свои купеческие караваны во всѣ части сѣверной Аф-

¹⁾ „Les grands Fleuves Historiques“, „Revue Scientifique“, 1886.

рики, населения дельты оставались въ состояніи варварства и закрывали доступъ къ морю культурнымъ обитателямъ верховья. Цивилизация народовъ Нигера, существенно рѣчная, отклонялась отъ океана. Такъ ничтожно было, съ исторической точки зреиня, значеніе устьевъ Нигера, хотя и судоходныхъ, что европейцы, послѣ четырехъ вѣковъ путешествій по окраинѣ африканскаго материка, не знали, въ какомъ пунктѣ побережья изливается въ море эта громадная масса прѣсныхъ водъ; они не знали или, вѣрнѣе сказать, забыли это, потому что первые изслѣдователи изъ разспросовъ и указаний туземцевъ были знакомы съ дельтой великой рѣки: «мы поднимались по Нигеру до Бенина», говорить Бильо-де Бельфонъ¹⁾). Еще въ началѣ этого столѣтія Дюро-дѣ-Малль давалъ вѣру разсказамъ мавровъ о соединеніи двухъ Ниловъ, Нила Негровъ и Нила Египетянъ²⁾). Реннель, принимая взгляды д' Анвиля и видоизмѣння ихъ въ подробностяхъ, воображалъ, что Нигеръ теряется во внутреннемъ морѣ, которому онъ далъ имя Уангара, принадлежащее одному народу на берегахъ озера Цаде³⁾): эта гипотеза согласовалась также съ преданіемъ негровъ, которые видѣть въ этомъ внутреннемъ морѣ страны Борну расширение Нильскаго русла. Многіе географы принимали также мнѣніе Мунго-Парка, который направлялъ воды верхняго Нигера къ устью р. Конго, и главнымъ образомъ въ надеждѣ превратить это предположеніе въ достовѣрность и была предпринята, въ 1816 г., злополучная экспедиція Токки, отправившаяся вверхъ по Заирѣ, тогда какъ Педди долженъ былъ спуститься по Нигеру, на встрѣчу другому изслѣдователю. Однако, уже въ 1802 году одинъ «кабинетный» географъ, Рейхардъ, начертывалъ на картѣ истинное устье рѣки, если не истинное теченіе между сѣвернымъ Суданомъ и Гвинейскимъ моремъ, такъ какъ онъ провелъ это теченіе также черезъ внутреннее море Ангара⁴⁾). Только въ 1830 году браты Лендеръ ознакомились съ низовьемъ рѣки путемъ непосредственного изслѣдованія. Нельзя не удивляться, что столь важный географическій фактъ былъ такъ поздно открытъ. Для Нила трудно было решить вопросъ объ истокахъ, для Нигера же—вопросъ объ устьяхъ.

Изслѣдованіе Нигера европейскими географами еще не окончено. Оно началось съ Мунго-Парка, который этому дѣлу принесъ въ жертву свою жизнь. Въ 1796 году онъ дошелъ до города Сегу и увидалъ, наконецъ, передъ

собою потокъ, «столъ долго отыскиваемый, Нигеръ, величественный, блестающій на утреннемъ солнцѣ, такой же широкій, какъ Темза у Вестминстера, и медленно текущій на востокъ». Англійскій путешественникъ спустился по рѣкѣ до Силлы, въ 200 слишкомъ километрахъ ниже, затѣмъ, на обратномъ пути, слѣдовалъ вдоль берега до Бамаку, находящагося въ такомъ же разстояніи выше Сегу: такимъ образомъ разсказъ Геродота о большой рѣкѣ, текущей черезъ Африку «съ запада на востокъ», наконецъ, подтвердился. Девять лѣтъ спустя, въ 1805 году, Мунго-Паркъ предпринялъ свое второе путешествіе по Нигеру изъ той же деревни Бамаку. Онъ построилъ себѣ лодку собственными руками и плылъ по теченію в продолженіи четырехъ мѣсяцевъ; часто подвергаясь нападеніямъ прибрежныхъ жителей, онъ успѣлъ, однако, пройти большой изгибъ Нигера въ странѣ туареговъ и достигъ даже Гауссы, но при проходѣ черезъ одно узкое мѣсто между скалъ, близъ города Буссы, онъ нашелъ смерть, вмѣстѣ со своими спутниками: только одинъ невольникъ спасся, и всѣ бумаги экспедиціи погибли въ водоворотѣ. Кромѣ факта продолжительного плаванія Мунго-Парка по теченію Нигера, въ Европѣ не получили никакихъ свѣдѣній, которыхъ увеличили бы знаніе африканской географіи. Путешествіе Рене-Калье въ 1827 и 1828 годахъ имѣло капитальную важность для изслѣдованія верхняго Нигера и его восточныхъ притоковъ: съ этого времени можно было указывать на картахъ приблизительную форму рѣчного развѣтвленія выше Томбукуту; еще раньше путешествія Калье, именно въ 1826 году, Клаппертона перешель Нигеръ ниже того мѣста, гдѣ утонулъ Мунго-Паркъ. Наконецъ, въ 1830 году Ричардъ Лендеръ, спутникъ Клаппертона въ предыдущемъ путешествіи, совершилъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, плаваніе по нижнему теченію Нигера до его устья. Рѣка стала извѣстна въ ея главныхъ чертахъ: оставалось только определить точнѣе ея географическія детали. Во время путешествія братьевъ Лендеръ по нижнему Нигеру воды его долго были окутаны густымъ туманомъ, и туземцы, воображая, что рѣка испугалась при видѣ этихъ бѣлыхъ юдей, заставили иностранцевъ лечь на дно барки и прикрыли ихъ рогожей. Вотъ примѣръ тѣхъ условій, въ которыхъ всего чаще должны были производиться изслѣдованія европейцевъ на Нигерѣ.

Область верхней Джолибы была посѣщена не сколько разъ, хотя ни одному изслѣдователю не удалось напиться воды изъ главнаго истока. Въ 1832 г., Ленгъ достигъ гористой местности, въ которой зарождаются верхніе истоки, а въ 1869 году Уинвудъ Ридъ перешель Джолибу менѣе чѣмъ въ 180 километрахъ отъ ея начала. Десять лѣтъ спустя путешественники

¹⁾ Winwood Reade, „Savage Africa“, — „Petermann's Mittheilungen“, 1851.

²⁾ „Géographie physique de la mer Noire, de l'intérieur de l'Afrique et de la Méditerranée“.

³⁾ „Geographical Illustrations of Mr. Parks' Journey“.

⁴⁾ Von Zach, „Monatliche Korrespondenz“.

Цвейфель и Мутье доходили до того места, откуда виден Тембикунду, холмъ, изъ кото-
рого вытекаетъ эта священная рѣка; но духъ
водъ, представляемый главнымъ жрецомъ,
встрѣтилъ ихъ недовѣрчиво и не позволилъ
имъ идти дальше. Всего лучше известна, по-
нятно, та часть Нигера, которая служитъ ны-
нѣ границей французского Судана, на протя-
женіи около 500 километровъ, между Фалабой
и Сансандигомъ: въ нѣкоторыхъ округахъ,
прилегающихъ къ рѣкѣ, особенно въ окрестно-
стяхъ Бамаку, уже произведена точная съемка
местности, и, кромѣ того, на большомъ разсто-
яніи внизъ отъ этой деревни офицеры паро-
хода, впервые пущенного по водамъ Нигера,
нанесли на карту всѣ извилины рѣчного ру-
сла. Что касается боковыхъ вѣтвей и восточ-
ныхъ притоковъ, то они начертаны пока еще
только по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ караван-
щиками. Ниже Томбукту теченіе рѣки изобра-
жено на картахъ съ его истинными контурами,
благодаря изслѣдованию Барта, въ 1854 году;
но этотъ суммарный трудъ не былъ прощеренъ
новѣйшими путешественниками, и даже про-
странство, около 275 километровъ, между го-
родомъ Сай и городомъ Гомба, лежащимъ про-
тивъ устья рѣки Сокото, не было ни разу вновь
посѣщено бѣлыми со времени путешествія
Мунго-Парка. Что касается нижней части рѣч-
наго теченія, доступной со стороны моря, то
она хорошо известна, за исключеніемъ развѣ
второстепенныхъ вѣтвей дельты. Лердъ, въ
1832 г., Ольдфильдъ, въ 1834 г., поднимались
вверхъ по рѣкѣ; за ними слѣдовали многіе путе-
шественники, и недавно Джозефу Томсону уда-
лось, несмотря на часто неблагопріятную по-
году, совершить въ четыре мѣсяца плаваніе
туда и обратно между моремъ и Сокото. Большой
притокъ Бенузъ, открытый Бартомъ въ
1851 г., былъ обслѣданъ съ 1854 года путе-
шественникомъ Бэки до 1.100 километровъ
отъ океана. Эта счастливая экспедиція, не
стоившая ни одной человѣческой жизни, каза-
лось, должна была поощрять къ новымъ уси-
ліямъ, а между тѣмъ прошло цѣлыхъ двадцать
пять лѣтъ, прежде чѣмъ предпріятіе было возо-
бновлено. Наконецъ, въ 1879 г., пароходъ,
принадлежавшій одному миссіонерскому обще-
ству, достигъ пункта на Бенузъ, лежащаго въ
230 километрахъ выше того места, где оsta-
новился Бэки, и даже прошелъ 60 километровъ
далѣе устья Фаро, где Бартъ перепрода-
вилъ черезъ рѣку; карта береговъ была тща-
тельно составлена путешественникомъ Флеге-
лемъ, находившимся на бортѣ миссіонерскаго
парохода ¹⁾.

Со времени этого втораго путешествія бере-
га Бенузъ, также какъ и берега Нигера, вошли
въ кругъ притяженія европейской торговли,

и «Национальная Африканскія Компанія», со-
стоящая изъ англійскихъ негоціантовъ, сдѣ-
лалась почти официально сюзереномъ всѣхъ
этихъ областей, раздѣленныхъ на множество
государствъ, королевствъ или республикъ, ко-
торыя населены различными народами, отли-
чающимися другъ отъ друга расой, языкомъ
и религіей. По постановленію берлинской кон-
ференціи 1885 г., единственная европейская
державы, признанныя господствующими или
сюзеренными владельцами береговъ Нигера, суть Франція для верхней части рѣки и
Великобританія для нижняго теченія. Правда,
сдѣланы известныя оговорки, съ цѣлью обез-
печить, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, свободу
торговли: теоретически Нигерь и его притоки
будутъ открыты безъ ограниченія купеческимъ
судамъ всякой національности. Въ конвенцію
включена даже специальная статья, устанавливающая, что грунтовыя дороги, рельсовыя пути
и боковые каналы, могущіе быть устроеными
для обхода несудоходныхъ или опасныхъ
местъ на Нигерѣ и его притокахъ, будутъ
разматриваемы какъ принадлежащіе къ рѣч-
ной сѣти сообщенія, и, какъ таковы, открыты
всѣмъ торговымъ флотамъ на условіяхъ со-
вершенного равенства.

Особый интересъ представляетъ вопросъ о
началѣ этой большой африканской рѣки, бас-
сейнъ которой европейскія державы уже дѣлятъ
между собой, хотя онъ еще далеко не вполнѣ
известенъ. Хотя упомянутые выше путеше-
ственники Цвейфель и Мутье принуждены были
остановиться въ 6 километрахъ отъ истока
Нигера, но имъ все же удалось собрать доста-
точно свѣдѣній, чтобы имѣть возможность дать
намъ его описание. По слышаннымъ ими раз-
сказамъ туземцевъ, подтвердившимся отдален-
нымъ видомъ мѣстности, Темби—таково имя
главной рѣки—бьетъ ключемъ изъ живаго
камня Темби-кунду, или «Головы Темби»,
огромной, закругленной на вершинѣ, глыбы,
которая стоитъ между двухъ другихъ камен-
ныхъ массъ такой же формы, но гораздо болѣе
высокихъ; позади вырисовывается на гори-
зонтѣ синеватая цѣпь горъ. Бьющій изъ скалы
источникъ Темби тотчасъ же образуетъ руче-
екъ въ два фута ширины, быстро бѣгущій подъ
переплетающимися вѣтвями, затѣмъ впадающій
въ маленькое озеро, на которомъ лежитъ ска-
листый островокъ, осѣненный большимъ раз-
вѣсистымъ деревомъ, съ пустымъ внутри ство-
ломъ: эти скалы, это дуплистое дерево, скры-
тыя отъ постороннихъ взоровъ высокимъ ча-
стоколомъ, служатъ убѣжищемъ могуществен-
ному волшебнику, слава котораго гремитъ во
всѣхъ окрестныхъ государствахъ. По выходѣ
изъ озера, Темби шумно проходитъ черезъ
одну деревню, затѣмъ вдругъ пропадаетъ въ
трещинѣ, но въ нѣкоторомъ разстояніи ниже

¹⁾ «Petermann's Mittheilungen», 1880, IV.

селенія Неліа снова выходитъ на свѣтъ Божій. Когда народъ хочетъ призвать на помощь духа водъ, на мѣсто исчезновенія рѣки приводятъ быка и закалываютъ, мясо береть себѣ жрець, а набитое чучело жертвеннаго животнаго бросаютъ въ низвергающійся потокъ. Нѣсколько минутъ спустя чучело, послѣ подземнаго плаванія, вдругъ высовываетъ голову изъ нижняго отверстія, мотаетъ рогами вправо и влѣво, затѣмъ опять исчезаетъ, уносимое потокомъ. Это чудесное странствованіе въ нѣдрахъ земли свидѣтельствуетъ о святости водъ Темби: разсказываютъ, что ни одинъ воинъ, ни одинъ человѣкъ, пролившій кровь, не можетъ приблизиться къ этимъ водамъ; онѣ караютъ смертью виновнаго, дерзнувшаго пить ихъ, ибо влага Темби—это волшебный напитокъ, а не простая вода, какъ вода источниковъ, которые на другой сторонѣ горъ, къ западу и къ югу отъ Ломы, спускаются къ рѣкамъ Камаранкѣ и св. Павла (Сентъ-Поль). Понятно сожалѣніе, которое испытывали Цвейфель и Мутье, когда имъ вручили красный орѣхъ кола, въ знакъ того, что доступъ къ священному ключу безусловно воспрещается. Увѣренны, тѣмъ не менѣе, что совершенное ими путешествіе не будетъ забыто въ исторіи географической науки, они вырѣзали на корѣ ближайшаго дерева свои имена и дату своего прохода. Какъ жестоко было бы пораженъ одинъ изъ нихъ, если бы передъ нимъ въ эту минуту открылось его трагическое будущее, если бы онъ увидѣлъ себя, въ награду за всѣ перенесенные имъ труды и опасности, обреченнымъ, у своихъ согражданъ искать въ смерти убѣжища отъ нищеты!

Высота истока Темби надъ уровнемъ моря можетъ быть опредѣлена въ 850 метровъ, по указаніямъ двухъ названныхъ изслѣдователей. «Отецъ Джолибы» описываетъ первую кривую къ востоку, затѣмъ, слѣдя въ направлениіи почти параллельномъ меридіану, соединяется съ другимъ потокомъ, почти равнымъ ему по величинѣ, съ Фалико, и образуетъ съ нимъ «Большую Воду», въ 140 километрахъ отъ Темби-кунду. Измѣнивъ направлениѣ въ мѣстѣ слиянія, рѣка течетъ на сѣверо-востокъ, и если не считать нѣсколькихъ изгибовъ вправо и влѣво, сохраняетъ это направлениѣ до областей, лежащихъ за французскимъ Суданомъ и Сегу. Съ сосѣднихъ горъ и плоскогорій къ нему присоединяются многочисленные притоки; даже Фута-Джаллонъ, этотъ большой водораздѣльный хребетъ, посыпаетъ ему значительный притокъ, Танкиссо, называемый также Бафингъ или «Черная Рѣка», подобно главной вѣтви Сенегала; это южная граница территорій, состоящихъ подъ сузеренитетомъ Франціи. Въ этомъ мѣстѣ, отстоящемъ всего только въ 430 километрахъ отъ истока, Нигеръ уже спустился гораздо болѣе, чѣмъ на половину своего об-

щаго паденія: онъ находится здѣсь уже только на высотѣ 329 метровъ надъ уровнемъ моря, широко разливаясь въ неглубокомъ руслѣ, которое легко можно перейти въ бродъ въ сухой сезонъ; но во время наводненій рѣка выступаетъ изъ береговъ на многія сотни метровъ въ обѣ стороны, и тогда прекращается всякое сообщеніе между противоположными берегами для экспедицій, какъ военныхъ, такъ и торговыхъ. Противъ Бамаку средняя ширина рѣки полкилометра, а средняя глубина 2 метра; но многочисленные пороги, песчаныя мели или камни, преграждающіе фарватеръ, сильно затрудняютъ плаваніе: въ 8 километрахъ ниже Бамаку одна изъ этихъ естественныхъ запрудъ, рифы Сотуба, останавливаетъ пароходъ, совершающій рейсы по верхнему Нигеру, и можетъ быть переходима только при высокой водѣ, и то съ большими предосторожностями со стороны кормчаго. Въ области, гдѣ Нигеръ служить границей французскому Судану, онъ течеть вдоль самаго основанія холмовъ, составляющихъ водораздѣль между его притоками и притоками Сенегала: ручьи, получаемые имъ съ западной покатости своего бассейна, очень коротки и почти безводны въ сухое время года, тогда какъ съ восточной стороны онъ усиливается обильными рѣками.

У Сансандига, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверу, ложе ея находится всего только на 250 метровъ выше уровня океана. Нигеръ, протекая по мѣстности почти безъ ската, выигрываетъ въ ширинѣ то, чтѣ теряетъ въ скорости, и даже, какъ-бы въ нерѣшительности, какое избрать направленіе, развѣтвляется на рукава, образующіе внутреннюю дельту. До сихъ поръ одинъ только главный рукавъ, восточный, былъ обслѣданъ европейцами, Мунго-Паркомъ и Калье; западный рукавъ, называемый рѣкой Діака, ограничивается на западѣ низменнымъ островомъ Боргу, имѣющій не менѣе 200 километровъ протяженія съ юга на сѣверъ и раздѣленный безчисленными проливами на второстепенные острова. Озеро, или вѣрнѣе обширное болото Дебо, то разливающееся какъ море, то съуживающееся въ лабиринтъ потоковъ, принимаетъ въ себя воды Нигера изъ его боковыхъ рукавовъ; ниже простираются другія островные равнинны, окаймленныя съ восточной стороны главной рѣкой, которая извивается длинными излучинами въ низменныхъ земляхъ. Всі эта область Нигера проходитъ на область Бѣлаго Нила, гдѣ колеблющаяся въ выборѣ направлениѣ рѣка соединяется съ Бахръ-эль-Газаль въ обширную сѣть озеръ и измѣнчивыхъ потоковъ. Единственная разница, которую представляютъ эти двѣ африканскія рѣки въ своемъ режимѣ, происходить отъ растительности, очень обильной на берегахъ Нила, скучной на берегахъ Нигера¹⁾.

¹⁾ Josef Chavanne, „Afrika's Ströme und Flüsse“.

Этотъ послѣдній не увлекаетъ въ своемъ течениі, подобно Нилу, обширныхъ площадей травы и тростника, останавливающихъ на поворотахъ и заставляющихъ потокъ искать другихъ проходовъ: почва его береговъ плотнѣе, и растущіе на нихъ тамаринды еще болѣе скрываютъ ее сѣтью своихъ корней. Въ этой области озеръ и странствующихъ рукавовъ верхній Нигеръ или Джолиба, соединяется съ большой рѣкой, идущей на встречу съ юга, и которую можно бы было назвать «восточнымъ Нигеромъ», такъ какъ она, можетъ-быть, равна Джолибѣ по объему жидкой массы и, вѣроятно, превосходитъ ее по длини теченія: обыкновенно ей даютъ имя Бахой или «Бѣлая рѣка», какъ и одной изъ главныхъ рѣкъ Сенегала, но иногда ее называютъ также Улу-Уду. Обширный бассейнъ этой рѣки, занимающій всю сѣверную покатость горъ или плоскогорій Конгъ, отъ границъ Либеріи до предѣловъ Ашанти, еще почти совершенно не изслѣдованъ: Рене-Калье—до сихъ поръ единственный путешественникъ, перешедшій рѣки этой покатости, около середины ихъ теченія, и обслѣдовавшій главную рѣку въ нижней части ея русла. Многія изъ этихъ рѣкъ судоходны для барокъ и несутъ столь значительную массу воды, что бегемоты, «водяные слоны» и ламантини сдѣлали ихъ своимъ мѣстопребываніемъ. Тамъ, гдѣ Калье перешель Бахой (Багоа), въ 300 километрахъ, по прямой линіи, къ югу отъ Сегу, рѣка была очень широка, хотя онъ переправлялся черезъ нее не въ пе-ріодъ разлива, но теченіе было медленное. Ниже эта рѣка носитъ имя Махель-Даневель. Къ востоку отъ нея течетъ другая рѣка, Кораба, Памбине или Махель-Бодевель, которая, по словамъ Калье, въ мѣстѣ его перехода, имѣла слишкомъ 100 метровъ ширины, быстрое теченіе и среднюю глубину около 3 метровъ: онъ полагаетъ, что по ней могли бы ходить суда вмѣстимостью отъ 60 до 80 тоннъ. Соединившись на югѣ отъ Сегу Сикоро, эти двѣ рѣки текутъ параллельно Нигеру, затѣмъ, послѣ развѣтвленія на множество боковыхъ потоковъ или мариго, превращающихъ страну Дженинъ въ лабиринтъ острововъ, ихъ общее русло впадаетъ въ главную рѣку выше озера Дебо. Въ этомъ мѣстѣ, воды, широкія и очень глубокія, почти не имѣютъ течевія: запруда въ нѣсколько метровъ превратила бы сліяніе во внутреннее море; во время спада воды озерный резервуаръ разливается во всѣ стороны, частію даже обратно къ верхній рѣкѣ¹⁾.

Ниже той области, гдѣ жидкая масса двухъ Нигеровъ то соединяется въ озеро, то развѣтвляется на извилистые рукава вокругъ низменныхъ острововъ, рѣка, замедляемая пре-

пятствіями своихъ береговъ, разливается въ лабиринтъ мариго, который тянется къ югу отъ главнаго потока на 150 километровъ внутрь земель. Впродолженіи семи мѣсяцевъ въ году эта область мариго, простирающаяся на южной сторонѣ рѣки, подъ меридіаномъ Томбукту, бываетъ отрезана отъ Нигера; она представляетъ тогда отдѣльныя озера, лужи стоячей воды, засоренные каналы, мертвые рукава, камыши, наполняющіе сырья низины, но во время разлива воды главной рѣки, изливаясь по бокамъ въ углубленія почвы, превращаютъ ихъ въ сѣть живыхъ рѣкъ, и въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, небольшая гребная суда могутъ свободно плавать въ обширномъ лабиринтѣ озеръ и каналовъ, теченіе которыхъ измѣняется безъ всякой видимой правильности, смотря по силѣ и направленію вѣтровъ, обилію дождей и зною солнца. Въ этой части центральной Африки природа нѣкоторыми сторонами напоминаетъ природу Швеціи, съ ея озерами всевозможной формы, бухточками, тѣснинами, рѣками. Кое-гдѣ встречающіяся возвышенія почвы придаютъ вѣкоторое разнообразіе и живописность пейзажу. На западѣ маленькие холмы выдѣгиваются, въ видѣ мыса, между Нигеромъ и цѣпью боковыхъ потоковъ; на югѣ, тамъ и сямъ изъ пластовъ сѣрої или красноватой глины выступаютъ гранитные куполы; ровныя мѣстности имѣютъ слегка волнистую поверхность, а по окраинѣ бухточекъ, выставленныхъ дѣйствію вѣтра, расположены ряды дюнъ. Во многихъ мѣстахъ берега окаймлены тамариндами и пальмами думъ, какъ и берега сосѣдней большой рѣки; на берегахъ нѣкоторыхъ правильныхъ, словно выкопанныхъ рукой человѣка потоковъ, деревья образуютъ аллею, какъ по краямъ нашихъ каналовъ. Нѣкоторые мариго представляютъ совершенно чистые и глубокіе каналы; другіе, напротивъ, покрыты зарослями, черезъ которыхъ барки съ трудомъ прокладываютъ себѣ дорогу, и которая иногда отдѣляются въ видѣ пловучихъ острововъ, задерживающихся на поворотахъ и совершенно преграждающихъ путь судамъ: каждый годъ купцы должны измѣнить свой маршрутъ въ извилистой сѣти этого огромнаго водного лабиринта. Прибрежные жители озеръ и заливчиковъ ловятъ мас-су рыбы въ этихъ водахъ, уровень которыхъ поднимается и опускается, смотря по времени года²⁾; они умѣютъ также пользоваться испареніемъ воды для посѣва риса въ сырьихъ лощинахъ, и успѣваютъ собрать жатву до новаго наводненія. Такимъ образомъ одно и то же пространство поочередно бываетъ пашней и мѣстомъ рыбной ловли.

По выходѣ изъ этого лабиринта каналовъ,

¹⁾ Vignon, „Nouvelles Annales de Voyages“, nov. 1857.

²⁾ Heinrich Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

Нигеръ, имѣющій видъ могучаго потока въ 2 километра ширины, спускающагося на сѣверъ длинной излучиной, представляетъ рѣзкій контрастъ съ лужами и извилистыми боковыми потоками его постоянныхъ разливовъ. Но въ 25 километрахъ ниже онъ вдругъ мѣняетъ направлѣніе: остановленный южными террасами Сахары, онъ поворачиваеть на востокъ и слѣдуетъ въ этомъ направлѣніи до изгиба при Бурумѣ, на протяженіи около 400 километровъ. Различные признаки, повидимому, указываютъ на то, что иѣкогда путь рѣки отличался отъ нынѣшняго. Чтобы достигнуть своей восточной кривой, гдѣ онъ начинаетъ спускаться по скату, ведущему его прямо къ океану, Нигеръ долженъ былъ пробить скалы, задержавшіе его теченіе, да и теперь еще дающіе ему лишь очень узкій проходъ. Весьма вѣроятно, что прежде, чѣмъ открыть себѣ этотъ выходъ, рѣка, поднимавшаяся тогда до гораздо болѣе высокаго уровня, обратила въ обширное внутреннее море всю низменную область, по которой нынѣ разливаются потоки, выдѣляемые ею во время наводненій. Одинъ изъ этихъ боковыхъ потоковъ направляется на сѣверъ къ гавани Томбукту; кромѣ того, свѣдѣнія, собранныя отъ многихъ мѣстныхъ жителей путешественниками Пуйанъ и Сабатье, установили тотъ фактъ, что находящіяся сѣвернѣе Томбукту лошины, болотистыя одну часть года, лежать на продолженіи оси верхняго рѣчного теченія¹⁾). Въ это-то пониженіе почвы, вѣроятно, и изливались воды Нигера въ предшествовавшую геологическую эпоху, до того времени, когда онъ нашли себѣ выходъ къ востоку. Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что Мессаура, уездъ южной Берберіи и Туата, пользуется теперЬ этой впадиной, не для того, чтобы катить въ ней свои воды, такъ какъ онъ почти весь годъ бываетъ сухой, а только для того, чтобы развертывать тамъ извилистую ленту своего песчанаго русла. Но эта гипотеза опровергается опредѣленіями высоты, сдѣланными въ Туатѣ и въ Томбукту. По измѣреніямъ Ленца и Солелье,—впрочемъ, требующимъ пропѣрки, такъ какъ они разнятся между собой на 130 метровъ,—туатскіе—озисы уезда Мессаура лежать ниже или почти на одномъ уровнѣ съ Нигеромъ у его западнаго колѣна: въ этомъ мѣстѣ онъ течеть, по Ленцу, почти на высотѣ 230 метровъ надъ уровнемъ моря.

Въ своемъ поперечномъ ходѣ, отъ запада къ востоку, большая африканскага рѣка представляетъ сначала очень широкую долину, въ периодъ разлива наполненную во всю ширину, отъ берега до берега, движущейся водяной скатертью, а въ сухое время года пробѣгающую

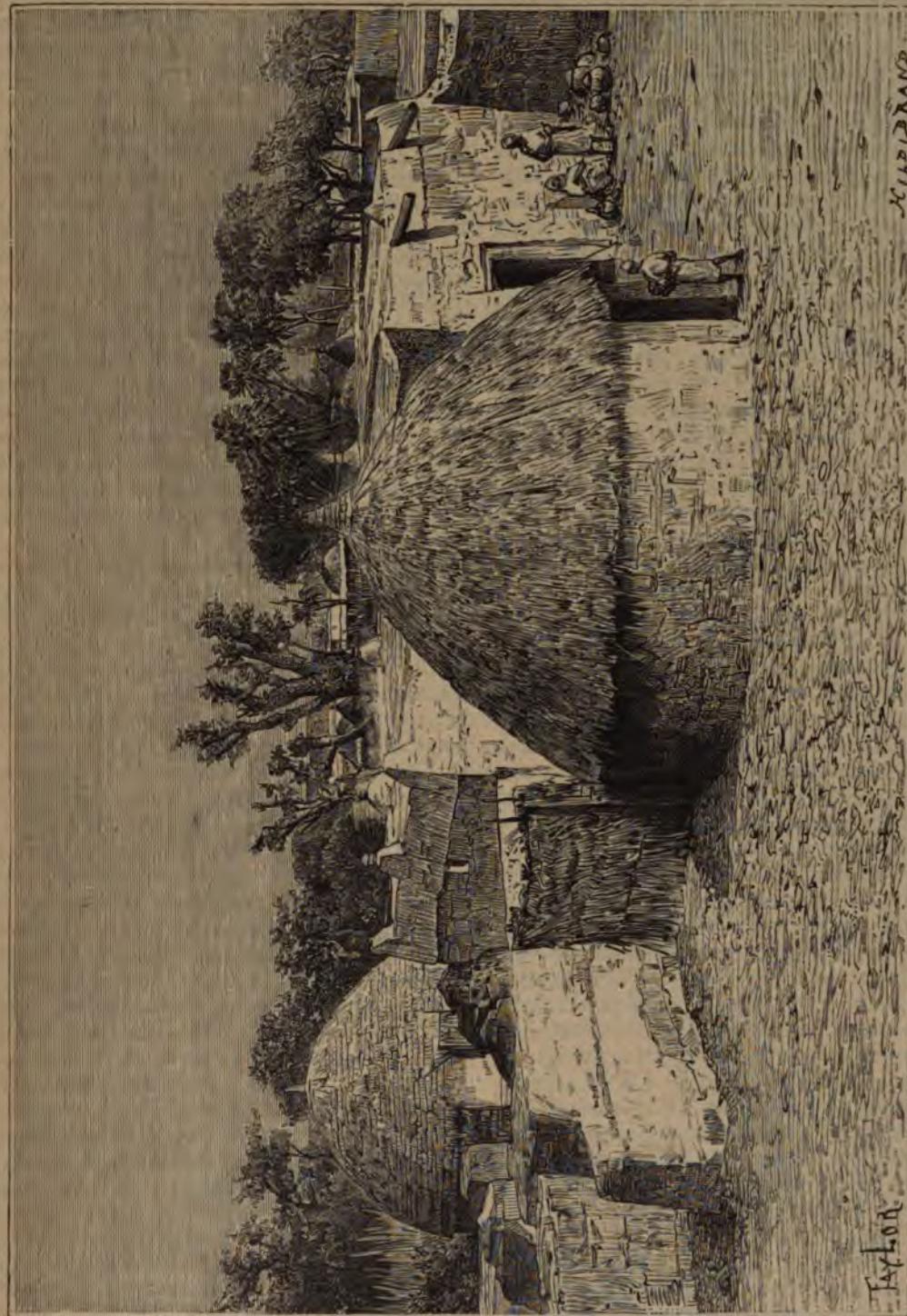
главнымъ русломъ въ 3 или 2 километра ширины, которое съ той или другой стороны окаймляютъ извилистые боковые потоки, лужи и обсохшія пространства дна, превращающіяся въ пастбища на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Воды снова собираются въ одно общее русло только въ тѣснинѣ Бамба, въ 260 километрахъ ниже порта Томбукту. Сжатая между отвѣсныхъ скалъ, рѣка имѣть не болѣе «девятысотъ до тысячи шаговъ» въ ширину; но за этимъ первымъ ущельемъ она снова расширяется, и въ той части теченія, гдѣ она достигаетъ своей крайней сѣверной широты ($17^{\circ} 45'$), она развѣтвляется на множество болотистыхъ рукавовъ. Настоящій проломъ начинается ниже, на мѣстѣ, называемомъ на туарегскомъ языке Тахонть н'Егишъ, т. е. «Скала входа»: сдвинувшіяся стѣны изъ гранита, кварца и другихъ кристаллическихъ формаций съуживаются русло; на поверхности воды тамъ и сямъ выступаютъ каменистые островки; ряды камней, пересѣкающихъ наискоскѣ рѣку, дѣлять ее на безчисленныя пѣниящихся струйки, сталкивающихся и затѣмъ смѣшивающихся въ обширные водовороты. Эти «Желѣзныя Ворота» рѣки Чернокожихъ были бы очень опасны для парохода, по крайней мѣрѣ во время мелководья; однако, лодка Мунго-Парка благополучно прошла черезъ нихъ. Въ самой узкой тѣснинѣ, называемой Тоссай, Нигеръ имѣть всего только «отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти шаговъ» ширины,—триста футовъ и 90 метровъ, какъ отмѣчено на карте Барта;—«легко перебросить камень съ одного берега на другой, а вода такъ глубока, что нельзя достать дна при помощи тонкаго ремешка, вырѣзаннаго изъ кожи большаго быка». Теченіе въ этомъ проходѣ очень быстрое, но тауреги, тѣмъ не менѣе, всегда выбираютъ это мѣсто, какъ самое узкое, когда имъ приходится перебираться черезъ рѣку съ своими стадами, перевѣрляющимися вплавь. Въ этой части своего теченія Нигеръ проходитъ внутри Сахары. Оба его берега, извѣстные подъ именемъ Аусса (левый) и Арибинда или Гурма (правый), принадлежать къ поясу пустыни; во многихъ мѣстахъ почва состоять изъ голаго камня, не прикрытаго даже тонкимъ слоемъ песку, глины или растительной земли. Зеленѣющіе острова рѣки представляютъ пріятный контрастъ съ бесплодными, лишенными всякой растительности, берегами, черными утесами или плоскими песчаными полосами, на которыхъ тянутся измѣнчивые ряды дюнъ.

Почти непосредственно ниже ущельй, въ окрестѣ Бурумъ, Нигеръ описываетъ свою большую восточную кривую и поворачиваеть на юго-востокъ по направлѣнію къ Гвинейскому морю; высокіе холмы и одна настоящая гора, Ассерхарбу, поднимающаяся близъ лѣваго берега

¹⁾ „Bulletin de la Société de Géographie d'Oran“, 1880.

издали указываютъ караванамъ мѣсто, гдѣ рѣка сворачиваетъ въ сторону, чтобы уйти изъ пустыни. Въ сотнѣ километровъ ниже Бумской излучины Нигеръ вступаетъ въ кли-

вальной долинѣ раздвигается на огромное пространство въ ширину, то онъ опять соединяются въ одинъ узкій каналъ. У подошвы песчаниковыхъ холмовъ Аисонго два рукава

СОКОТО.

матический поясъ Судана; не видно болѣе дюнь на его берегахъ; большія деревья, пальмовые рощи обсыпаютъ группы хижинъ; но теченіе рѣки все еще неправильное: воды ея то дѣлятся на чѣсколько рукавовъ, и аллю-

рѣки охватываютъ островъ, длиною около 30 километровъ, усѣянный внутри скалами въ формѣ обелисковъ, остатками каменистыхъ островковъ, которые не были совершенно смыты теченіемъ Нигера; другіе столбы песча-

ника стоять посреди ложа, и одинъ изъ проходовъ, куда попадаютъ лодки, уносимыя быстрымъ потокомъ, имѣеть видъ тріумфальныхъ воротъ: справа и слѣва поднимаются утесы въ 10 или 12 метровъ высоты, оставляя посрединѣ каналъ такой же ширины. Мунго-Паркъ благополучно прошелъ эти пороги, также какъ и слѣдующіе, называемыя Хаарскими, которые на первый взглядъ казались совершенно не-проступными для барокъ: наименѣе опасный фарватеръ—тотъ, который идетъ вдоль лѣваго берега, у подножія мыса, называемаго «Ослинымъ». Въ озерномъ бассейнѣ, образовавшемся выше пороговъ, сгруппировался цѣлый архипелагъ лѣсистыхъ острововъ. Ниже слѣдуютъ другія тѣснинны, другія запруды изъ камней, именно къ югу отъ маленькой цѣпіи холмовъ, высотой отъ 250 до 300 метровъ, сопровождающей Нигеръ по лѣвому берегу. Встрѣчающіеся мѣстами разрѣзы въ боковыхъ утесахъ указываютъ устья притоковъ, большую часть года остающихся сухими. Одинъ изъ этихъ уadowъ, впадающихъ въ Нигеръ, не принося ему воды, кромѣ какъ въ исключительные періоды, можетъ быть, не уступаетъ верхнему Нигеру по обширности своего рѣчного развѣтвленія: это Тафассасеть, берущій свое начало на южномъ склонѣ горъ Ахаггаръ, въ землѣ сѣверныхъ туареговъ; онъ соединяется съ уадомъ Тинъ, Тарабинъ и съ другими руслами, вырытыми дикими водами; даже гора Аира, гдѣ большинство овраговъ заперты въ нижней своей части, такъ какъ временные воды не обладали достаточнouю силou размыванія, даютъ начало нѣсколькимъ уадамъ, принадлежащимъ къ той же системѣ, какъ и Тафассасеть. Долина, въ которой соединяются всѣ эти рѣчные русла, носить название даллутъ Боссо: она никогда не бываетъ совсѣмъ безъ воды, потому что въ нижней своей части извивается въ области, гдѣ годовое выпаденіе дождей не можетъ быть менѣе полметра. Бартъ дважды переходилъ этотъ даллутъ, и даже въ сухое время года нашелъ тамъ болота и тоши: во многихъ мѣстахъ эта низменность образуетъ естественные рисовые поля; пальма думъ растетъ лѣсами по берегамъ долины, пользуясь влагой, просачивающейся въ пескахъ. До сихъ поръ это мѣсто сліянія даллута Боссо и Нигера не было описано ни однимъ изслѣдователемъ: оно находится въ той части рѣки, между городами Сай и Гомба, которую не посѣтилъ еще никто изъ европейцевъ, кромѣ Мунго-Парка.

Рѣка, впадающая въ Нигеръ противъ Гомбы, не уадъ, какъ даллутъ Боссо: это, благодаря обильнымъ дождямъ, выпадающимъ въ этой области Судана, постоянный потокъ, рѣка или гульби, называемая гульби и Сокото, по имени города, находящагося на ея берегахъ. Въ историческомъ отношеніи этотъ притокъ Нигера имѣеть капитальную важность,

ибо онъ составляетъ часть того «Нила», о которомъ караваны говорили какъ о непрерывномъ потокѣ, идущемъ черезъ всю Африку, отъ устьевъ Сенегала и Гамбii до настоящаго египетскаго Нила: онъ дѣйствительно пересѣкаетъ сѣверный поясъ Судана на границахъ области сахарскихъ саваннь; города его служатъ естественными этапами торговли; воды, которая караваны видѣли время отъ времени вблизи дороги, были приписываемы той же рѣкѣ, тѣмъ легче, что въ большинствѣ странъ употребляютъ одно и то же родовое имя для обозначенія различныхъ рѣкъ. Гульби Сокото береть начало въ землѣ Кацена, на западной сторонѣ водораздѣльного хребта, другой скатъ которого орошается рѣкой Iey, притокомъ озера Цаде. Въ періодъ дождей каждое русло его трудно переходимо, но въ остальное время года онъ представляетъ незначительную рѣчку. Флегель, который послѣ разлива поднимался по нижнему его теченію отъ Гомби до Бирни и Кебби, на пространствѣ около 150 километровъ, описываетъ эту рѣку какъ заваленную расгительными обломками, загроможденную тѣнистыми мелами и стволами деревьевъ; ширина ея—отъ 40 до 75 метровъ.

Ниже сліянія, богатство прибрежной растительности придаетъ великой рѣкѣ видъ совершенно отличный отъ того, который она представляетъ въ мѣстѣ своего перехода черезъ пустыню и область мелкаго кустарника и степей; травяные поля, отрываемыя отъ болотъ и боковыхъ потоковъ, спускаются длинными веерницами внизъ по течению, образуя тамъ и сямъ большиe острова, пловучie луга, которые безпрестанно мѣняютъ контуры, соединяются и расходятся. Нигеръ еще не вышелъ изъ области скаль и представляетъ большія неправильности, смотря по направлению береговыхъ высотъ: въ иныхъ мѣстахъ онъ разливается въ видѣ озера около 7 или 8 километровъ шириной, такъ что едва можно различить берега, когда плыешь по серединѣ; въ другихъ—разстояніе отъ утеса до утеса, между которыми заключена рѣка, не превышаетъ ста метровъ. Нѣсколько пороговъ, очень опасныхъ, прерываютъ теченіе: одинъ изъ нихъ, близъ города Буссы, есть, вѣроятно, тотъ самый, на которомъ разбилась лодка Мунго-Парка, въ 1806 году; лодочники, сопровождавшіе Флегеля въ 1880 году, говорили ему, что послѣ спада воды въ этомъ мѣстѣ видны остатки европейскаго судна; братья Линдерь получили отъ короля Буссы нѣсколько книгъ и другихъ документовъ, принадлежавшихъ знаменитому путешественнику. У большаго изгиба при Геба, тамъ, гдѣ Нигеръ, уклоняясь отъ прямаго пути къ океану, поворачиваетъ на юго-востокъ, чтобы идти на встрѣчу Бенуэ, посреди рѣки высится островокъ Кеза, скала въ сотни метровъ высоты, съ почти отвесными

стѣнами, окруженнай при основанії зеленою-щимъ поясомъ большихъ деревьевъ. На этой островной скалѣ живетъ жрецъ, дающій фе-тишемъ лодочникамъ, вызывающимъ къ нему о помоши. Духъ Кезы оказываетъ покровительство пловцамъ, и его невидимыя руки раздаются пищу голоднымъ^{1).}

У изгиба при Геба все препятствія прой-дены: камни русла были смыты водами, и могучій потокъ спускается ровнымъ движеніемъ. Уровень Нигера въ этомъ мѣстѣ всего только на 136 метровъ выше уровня моря, но до устья еще далеко: рекѣ остается еще пройти 750 километровъ. Океанскіе пароходы проникаютъ въ эту часть рѣчного теченія, гдѣ даже во время мелководья тинистое дно ложа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыто слоемъ воды въ двадцать метровъ; разливы же иногда прибывають къ этому жидкую массу въ 10, даже и въ 12 метровъ толщины. Притокъ лѣваго берега, выходящій изъ области Сокото, теряется въ обширной рекѣ: это Кадуна или Лифумъ, менѣе длинная, чѣмъ гульби Сокото и служащая истокомъ менѣе обширнаго бассейна, но питаемая болѣе сильными дождями и болѣе многоводная; она имѣеть 400 метровъ ширины при слияніи, и морскія суда могутъ подниматься по ней километровъ на пятьдесятъ вверхъ отъ устья^{2).}

По объему жидкой массы, Бенуэ — второй Нигеръ, по исторической же важности, какъ судоходная река, орошающая густо населен-ные страны, онъ несомнѣнно первый изъ двухъ соединяющихся могучихъ потоковъ. Бенуэ — это «Мать Водъ». Имя Чада, давае-мое ему нѣкоторыми прибрежными народами^{3),}, и которое было выбрано первыми изслѣдователями между многими его названіями, вѣро-ятно, произошло отъ смѣшенія верхняго Бенуэ съ озеромъ Чадъ: наименованія, ко-торыми прибрежные жители обозначаютъ эту восточную реку бассейна, почти все относятся къ своего рода мистическому противоположенію между этими двумя потоками, рассматриваемы-ми какъ равные, между «Черной рекой», Бенуэ, и «Бѣлой рекой», т. е. Куарой или Ни-геромъ^{4):} оттѣнки цвета смѣшивающихся водъ дѣйствительно оправдываютъ этотъ контрастъ именъ. Отличительная черта «Матери Водъ» — слабый наклонъ ея теченія^{5).} Въ то время, какъ слияніе находится на высотѣ 81 метра, верховье реки, на границѣ судоходства, л-

житъ на высотѣ не болѣе 278 метровъ; слѣдо-вательно, общее паденіе не достигаетъ даже 200 метровъ, при развернутой длине теченія около тысячи километровъ. Долина, въ кото-рой течетъ Бенуэ, представляетъ глубокую по-перечную борозду на поверхности африкан-скаго материка.

Все судоходное теченіе Бенуэ хорошо из-вѣстно, благодаря изслѣдовавшимъ Баки, Аш-крофта, Флегеля, но область его истоковъ еще не была посѣщена ни однимъ европейцемъ, и относительно этой части африканской гидро-графии существуетъ нѣсколько различныхъ гипотезъ. Замѣчательнѣшее явленіе въ ре-жимѣ верхняго Бенуэ, если вѣрны предположе-нія Фогеля, Гутчинсона и другихъ изслѣдова-телей, состоитъ въ томъ, что эта река соеди-няется непрерывной линіей судоходныхъ пото-ковъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ высокихъ водъ, съ бассейномъ Шари и озера Цаде. Бол-лота Тубури, открытая Фогелемъ, находится на высотѣ 308 метровъ; изъ этого водохрани-лища, лежащаго на водораздѣльной возвы-шенности, излишнія воды выливаются съ одной стороны на сѣверъ въ одну изъ вѣтвей Шари, реку Логонъ, съ другой на западъ въ майо, или рѣчной потокъ, называемый майо Кебби, который, кромѣ того, питаютъ ручьи, спускающіеся съ уединенныхъ группъ горъ, которыми усыпана страна Адамауа. По разска-замъ туземцевъ (сами изслѣдователи останови-лись нѣсколько ниже), майо Кебби гораздо болѣе обильный потокъ: такимъ образомъ бол-лота Тубури, какъ говорить Фогель, соста-вляютъ «питательный резервуаръ Бенуэ». Притокъ, приходящій съ юго-востока, который носитъ имя главной реки, на самомъ дѣлѣ «маленькая река», по которой, впрочемъ, можно подняться на лодкѣ; она берегъ начало въ «восьми дняхъ ходьбы», въ горахъ, лежа-ющихъ въ сосѣдствѣ Нгаундере.

Послѣ соединенія съ майо, Бенуэ становится настоящей рекой по объему жидкой массы; онъ имѣеть уже отъ 160 до 180 метровъ средней ши-рины и течетъ извилисто съ востока на западъ между грядами песчаниковыхъ горъ, подни-мающихся на нѣсколько сотъ метровъ надъ уровнемъ потока. Во многихъ мѣстахъ скалы загромождаютъ ложе реки, дѣлая невозмож-нымъ плаваніе большихъ судовъ; но много-численные притоки быстро усиливаютъ массу водъ. На сѣверѣ впадаетъ нѣсколько майо, бѣгущихъ съ горъ страны Уангара; на югѣ, съ главной рекой соединяется, посредствомъ боло-тистой дельты, притокъ Фаро или Паро: это — многоводный потокъ, съ каменистымъ ру-сломъ, который еще не былъ пройденъ вверхъ по теченію, но бассейнъ котораго заранѣе обѣщаетъ изслѣдователямъ важная окрѣпія, такъ какъ линія истоковъ этой реки, текущей съ юго-запада на сѣверо-востокъ, направлена

¹⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, Band III, 1881—1883; —Richard Lander, „Journal of the Exploration of the Niger“.

²⁾ Milum, „Proceedings of the R. Geographical So-ciety“, January 1851.

³⁾ R. Lander, цитир. сочиненіе.

⁴⁾ William Balfour Baikie, „Exploring voyages up the rivers Kwara and Benue“.

⁵⁾ Hutchinson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, May 1880.

къ вогнутости залива Біафра, къ тому мѣсту, гдѣ берегъ Африки, имѣющій передъ тѣмъ протяженіе съ запада на востокъ, поворачивается на югъ къ мысу Доброї Надежды. Тамъ, безъ сомнѣнія, современемъ откроется кратчайшая дорога отъ моря къ озеру Цаде, истинному центру африканскаго континента, и именно на этомъ пути европейцы всего болѣе имѣютъ шансовъ встрѣтить здоровыя мѣстности для основанія своихъ колоній. Горная ось, начинающаяся среди океана островомъ св. Елены и продолжающаяся въ морѣ островами Аини-Бомъ, Савъ-Томе, Принсипе, Фернанъ-до-По, а на материикѣ высокой пирамидой Камеруна, идетъ далѣе внутрь земель, гдѣ она образуетъ горы или хоссерѣ Тадимъ, затѣмъ непосредственно на западъ отъ рѣки Фаро снова является въ видѣ большой вершины, называемой Алантика, которой Бартъ присыпалъ высоту отъ 2.500 до 3.000 метровъ; хотя, по мнѣнію Флегеля, эти цифры преувеличены, но, тѣмъ не менѣе, Алантика, несомнѣнно, одна изъ кульминаціонныхъ точекъ западной Африки. Можетъ-быть, эта вершина тоже вулканъ, какъ и тѣ морскія горы, на оси которыхъ она расположена.

Немного ниже соединенія Бенузѣ и Фаро, рѣка описываетъ свою наиболѣе выдвинутую къ сѣверу излучину, затѣмъ течетъ на юго-западъ въ долинѣ, то съуживающейся, то расширяющейся, но вездѣ ограниченной на горизонтѣ холмами или горами въ видѣ цѣпей или массивовъ. Во многихъ мѣстахъ своего теченія Бенузѣ представляетъ движущуюся водяную площадь, имѣющую слишкомъ километръ разстоянія отъ берега до берега; кое-гдѣ острова раздѣляютъ его на нѣсколько рукавовъ, и также какъ на Нигерѣ, ниже рѣки Сокото, обширныя полосы пловучей травы спускаются внизъ по рѣкѣ цѣлыми архипелагами, безпрестанно мѣняющими свои очертанія. Въ мѣстѣ сліянія этихъ двухъ большихъ рѣкъ, «Черной и Бѣлой», Бенузѣ и Куара, большей изъ нихъ кажется та, которая приходитъ съ востока; но въ періодъ мелководья теченіе ея загромождено островами и мелами, образующими родъ внутренней дельты: узкий наносный полуостровъ врѣзывается длиннымъ мысомъ между двумя рѣками, подобно тому, какъ Ліонскій полуостровъ вдается между Роной и Соной; разница та, что здѣсь, вмѣсто города, видна только непроницаемая чаша растительности. Сліяніе сѣрыхъ и темныхъ водъ, разделенныхъ линіей водоворота, имѣеть видъ обширного озера, окруженного со всѣхъ сторонъ горами, во междѣ этими крутыми высотами тамъ и сямъ открываются зеленѣющія долины, и воздѣланныя земли, усеянныя городами и селеніями, окаймляютъ зубчатый кругъ береговъ. Самый высокій уровень воды имѣютъ въ августѣ и

сентябрѣ, самый низкій—въ мартѣ и апрѣлѣ. Общее количество протекающей воды было исчислено, по даннымъ еще весьма неточнымъ, въ 30.000 кубич. метровъ въ секунду.

Отъ мѣста сліянія, соединеннымъ потокамъ остается еще пройти до моря 480 километровъ. Поясъ каменныхъ формаций еще не пройденъ окончательно, надѣ рѣкой еще высится утесы огненнаго происхожденія, затѣмъ она течетъ между террасами изъ желѣзистаго песчаника, стѣны которыхъ достигаютъ мѣстами 50 метровъ высоты, постепенно понижаясь къ югу. По сторонамъ рѣки виднѣются еще кое-гдѣ послѣдніе баобабы, и характеръ растительности мало-по-малу меняется: въ области устьевъ берега неопределенного свойства, не то земля, не то вода, исчезаютъ подъ непроницаемой чашей корнепушковъ. Перемѣнѣ почвы и растительности соответствуетъ перемѣна климата: здоровая атмосфера внутреннихъ областей смѣняется удушливымъ, сырымъ воздухомъ, порождающимъ лихорадки. Еще до разстоянія 300 километровъ отъ моря рѣка получаетъ боковые притоки, но въ сотнѣ километровъ ниже уже начинаются развиленія дельты. Обширный полукругъ земель, развертывающей свой берега съ такой замѣчательной правильностью между Бенинскій бухтой и лиманомъ Брасса, не имѣть той изящной симметріи, какую представляеть кривая Нила; лабиринтъ потоковъ переплетается до бесконечности въ видѣ живыхъ и мертвыхъ водъ, озеръ и болотъ въ земляхъ, приносимыхъ изнутри континента, соединенными водами Нигера и Бенузѣ. Вычислено, что дельта, вѣнчанная сегментомъ которой имѣеть около 350 километровъ длины, занимаетъ площадь въ 25 000 квадриклиметровъ; что касается глубины наноснаго слоя, то она еще не измѣрена.

Въ настоящее время главное устье Нигера лежитъ на оси верховья: это рѣка Нунь, входъ которой находится на южной, наиздѣ выдвинутой, выпуклости всей дельты; но сколько еще второстепенныхъ устьевъ слѣдуетъ одно за другимъ по окраинѣ этихъ вновь образующихся земель! На сѣверо-западѣ одинъ изъ рукавовъ составляетъ рѣка Бенинъ, сообщившая свое имя заливу, которымъ оканчивается на востокѣ Невольничій берегъ: эта вѣтвь Нигера, прозванная португальцами Рибейра Формоза, есть та самая, которую Рейхардтъ означилъ на своей гипотетической карте какъ устье «рѣки чернокожихъ». Баръ при входѣ въ этотъ рукавъ, хотя глубина воды на немъ во время отлива превышаетъ 5 метровъ, чрезвычайно опасенъ по причинѣ сильнаго прибоя волнъ, и суда, имѣющія свыше 2 метровъ водоуглубленія, не могутъ безъ риска пускаться черезъ этотъ порогъ. Между рѣками и

Бенинъ и Нуиъ существует девять другихъ устьевъ, изъ которыхъ только одно, Rio-Форкасъ, представляетъ легкій доступъ для судовъ средняго размѣра. Устье рѣки Нуиъ, примѣтное издалека по желтоватому цвѣту воды, приносимой потокомъ въ открытое море, тоже доступно судамъ съ осадкой до 4 метровъ; но входъ въ него часто бываетъ опасенъ: во время отлива теченіе рѣки иногда движется со скоростью болѣе 8 километровъ въ часъ. Къ востоку отъ большаго устья слѣдуютъ другіе входы на разстояніи, въ среднемъ, около 15 километровъ одинъ отъ другаго; всѣ они отдѣлены отъ моря опасными барами и сообщаются съ внутренностью материка сѣтью каналовъ, судоходныхъ для барокъ. Господствующіе вѣтры въ устьяхъ Нигера дуютъ въ направленіи, прямо противоположномъ рѣчнымъ теченіямъ, и часто съ такой силой, что парусныя суда могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ. Впродолженіи десяти мѣсяцевъ въ году, и особенно съ мая по ноябрь, эти муссоны регулярно проникаютъ въ долину Нигера¹⁾). Къ концу ноября начинается періодъ *stokes*, или дымчатой мглы, сухихъ тумановъ, скрывающихъ побережье въ разстояніи нѣсколькихъ кабельтововъ: обыкновенно послѣ полудня бриза разсѣваетъ этотъ гуманъ; иногда его разгоняютъ торнадосы.

Два устья, Ново-Калабарское (New-Calabar) и Боннійское (Bonny), развѣтвляющіеся лиманы, принадлежащіе къ той же гидро-графической системѣ, разматриваются какъ часть дельты Нигера, съ которой они соединены одной вѣтвью главной рѣки и прибрежными лагунами, каналами солоноватой воды, проходящими подъ корнепусками. Но Новый-Калабарь и Бонни пытаются главнымъ образомъ водами независимой рѣки, которая береть начало на югѣ отъ Бенуа, въ гористой области, окаймляющей южную долину этой рѣки. Что касается лимана Старо-Калабарского (Old Calabar), который моряки обыкновенно причисляютъ къ дельтѣ Нигера, потому что онъ представляеть при входѣ явленія того же рода, и видъ его болотистыхъ, покрытыхъ лѣсомъ ризофоръ, береговъ ничѣмъ не разнится отъ вида западныхъ лимановъ, то это устье совершенно отлично отъ устьевъ Нигера, и ему ошибочно даютъ наименование Кросъ-Риверъ, или «Поперечной Рѣки», такъ какъ изъ этой рѣки, называемой Ойоно въ среднемъ ея теченіи, нельзя попасть въ русло Нигера. Это самостоятельный потокъ, несущій значительную массу воды; бассейнъ его получаетъ, въ среднемъ, количество дождевой воды, превышающее 2 метра въ годъ. Бекрофтъ и Кингъ, которые поднимались по

Ойоно, въ 1842 г., на протяженіи 320 километровъ, до пороговъ, по ихъ мнѣнію, непрѣходимыхъ для пароходовъ, говорятъ, что во многихъ мѣстахъ измѣренная ими ширина оказалась больше километра, и что они находили тамъ и сямъ глубины отъ 12 до 20 метровъ. Обслѣдованная часть рѣки описываетъ полный полукругъ около массива сѣнитовыхъ горъ, которымъ англійскіе путешественники даютъ высоту около 1.000 метровъ; вѣроятно, долина эта продолжается на востокъ и отдѣляеть отъ материка группу Камерунскихъ горъ, придавая имъ такимъ образомъ почти островной характеръ, такъ что онѣ въ этомъ отношеніи представляютъ сходство съ массивомъ Фернанъ-до-По. Какъ бы то ни было, низовье этой рѣки, хотя отличное отъ дельты Нигера, тѣмъ не менѣе составляетъ продолженіе ея аллювіального пояса; берега Ойоно воздѣланы такъ же и доставляютъ торговль такія же произведенія; да и въ политическомъ отношеніи они тоже состоятъ подъ верховной властью Великобританіи. Поэтому рѣку Ойоно, такъ же какъ и лежащій восточнѣе лиманъ, Rio-дель-Рей («Королевская рѣка»), можно описывать какъ часть области Куары, во всякомъ случаѣ съ большимъ основаніемъ, чѣмъ верхній Нигеръ или берега большой дуги, описываемой этой рѣкѣ въ странѣ туареговъ, въ предѣлахъ пустыни Сахары.

Въ цѣломъ бассейнъ Нигера представляеть рѣзко обособленныя дѣленія, какъ географическая, такъ и историческая. Область верховья, ограничиваемая съ юга и запада полукругомъ параллельныхъ побережью горъ, оканчивается на сѣверѣ водопрѣемнымъ бассейномъ, тамъ, где сливаются двѣ главныя вѣтви, Джолиба и Бахой. Эта область, составляющая часть суданскаго пояса, имѣть особый характеръ по своей растительности, своимъ дождямъ и режиму воды: разливы, которые происходятъ отъ ливней, выпадающихъ на южныхъ горахъ и въ массивѣ Фута-Джаллонъ, теряются въ озерахъ, болотахъ и боковыхъ потокахъ между Дженне и Кабара; тогда какъ верхняя рѣка начинаетъ расти въ іюнѣ и понижается въ декабрѣ, въ среднемъ Нигеръ, близъ Томбукту, только въ январѣ наступаетъ повышеніе уровня воды, усиливаемъ нѣсколькими запоздальми дождями. Равнымъ образомъ по исторіи своихъ населеній верхній Нигеръ, съ его феллатами, мандингами иbambarasами, задерживаемыми на сѣверѣ арабами и берберами, составляетъ особую страну; точно также, съ торговой точки зреінія, эта область имѣть свои естественные пункты сбыта не въ Гвинейскомъ морѣ, а въ сенегамбійской Атлантицѣ, по скатамъ Сенегала, Гамбіи, Rio-Гранде. Французы, которые, занявъ пость Бамаку, сдѣлались преоблада-

¹⁾ Mac Queen, „Geographical Survey of Africa“;— Hutchinson, „Narrative of the Niger, Tshadda and Binue Expedition“.

ющей державой въ этой части африканского континента, стремится даже соединить этот бассейнъ верхняго Нигера непосредственно съ Средиземнымъ моремъ проведениемъ желѣзной дороги черезъ Сахару. Что касается сѣвернаго пояса Нигера, то онъ лежитъ въ Судане; тамъ дожди не выпадаютъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы увеличивать массу воды и доставлять ей притоки, рѣка окаймлена по берегамъ лишь узкой полосой воздѣланныхъ земель, ограниченной съ юга и сѣвера пустынными пространствами. Расположенная на границѣ двухъ природъ, эта область естественно должна была сдѣлаться предметомъ спора между населеніями различныхъ правовъ: чернокожие суданцы и берберы бѣлой расы ведутъ тамъ борьбу изъ-за обладания почвой. Эти послѣдніе, представляющіе собою варварскій элементъ рядомъ съ цивилизованными гауссанцами, имѣютъ теперь перевѣсъ въ большей части территории; однако, благодаря счастливому географическому положенію нѣкоторыхъ городовъ, стоящихъ на берегу главной рѣки, въ плодородной мѣстности и въ фокусѣ соединенія торговыхъ путей, тамъ возникли большиіе рынки и центры культуры, слава о которыхъ распространилась далеко. Но населенія скучены во множествѣ только ниже этого пояса средняго Нигера, въ странахъ, орошаемыхъ годовыми дождями, где въ главный потокъ изливаются съ правой и съ лѣвой стороны постоянныи рѣки: тамъ основалось государство Гаусса, которое, вмѣстѣ со всеми вассальными областями, есть безспорно, по числу жителей самое значительное политическое тѣло африканского континента. Четвертое естественное дѣлѣвіе бассейна обнимаетъ нижнее теченіе Нигера и страны, прилегающія къ Бену: это поясье проникновенія внутрь материка для торговли съ Европой. Тамъ находятся факторіи, связывающія отнынѣ внутреннія области континента съ главными міровыми рынками и должнаствующія служить посредниками для смышенія цивилизаций.

II. Верхній Нигерь.

Область верхняго Нигера до сліянія двухъ главныхъ рѣкъ не составляетъ одного отдельнаго государства. Она населена множествомъ различныхъ племенъ, не имѣющихъ между собой этнической связи, и границы ея республикъ, округовъ и королевствъ безпрестанно меняются въ зависимости отъ переселеній, захваченія и вытѣсненія однихъ племенъ другими. Въ наши дни въ этой части Судана существуютъ три главныхъ центра политической группировки населенія.

Южное государство, основанное въ очень недавнее время, имѣть религіозное проис-

хожденіе, какъ большинство имперій, образовавшихся въ этой странѣ въ разныя эпохи, со временеми магометанскаго нашествія. Около 1875 года на Сенегалѣ разнесся слухъ о появлении нового пророка, Самбуру или Самори, который ходилъ въ Уассулу и другихъ территоріяхъ по верхнему Нигеру, вербую вѣрующихъ для священной войны и разрушая города язычниковъ. Въ 1881 году французы первые вступили съ нимъ въ непосредственный сношенія и послали къ нему одного туземнаго офицера, по имени Алакамесса, который сильно рисковалъ потерять жизнь въ этомъ опасномъ посольствѣ. Въ слѣдующемъ году произошло столкновеніе между французскимъ отрядомъ и войскомъ Самори, къ востоку отъ Нигера, у города Кеніера, которымъ этотъ махди овладѣлъ незадолго передъ тѣмъ; въ 1883 году послѣдовали новыи столкновенія, но силы противниковъ были слишкомъ неравныя, чтобы Самори не рѣшился принять миръ. Онъ признаетъ французскій протекторатъ надъ частью лѣваго берега Нигера, ниже Танкиссо или Банфинга, но укрѣпляетъ свою власть въ области верховья и надъ восточными территоріями до Уассулу и далѣе. Говорятъ, что въ этихъ странахъ совершился настоящій соціальный переворотъ со времени образования мусульманскаго царства. Еще недавно торгъ невольниками составлялъ главную торговлю края, и шайки негропромышленниковъ ходили изъ деревни въ деревню, съ цѣлью изловить нѣсколькихъ несчастныхъ, которыхъ продавали прохожимъ караванамъ. Страсть къ охотѣ на человѣка заставила отказаться отъ всякаго другаго промысла. Теперь плѣнниковъ обращаютъ въ солдатъ, они зачисляются въ полки и составляютъ солидное войско, которое учится употребленію скорострѣльного ружья и старается познакомиться съ приемами европейской тактики¹⁾). По всейѣроятности, это новое королевство расширить кругъ своихъ владѣній. Жители Сіерра-Леоне ожидаютъ, что мандингскій султанъ откроетъ себѣ дорогу къ ихъ заливу черезъ земли племенъ куранко и тимни²⁾.

По другую сторону территорій французскаго протектората, расположенныхъ вдоль лѣваго берега Нигера, простирается имперія, находящаяся нынѣ въ состояніи упадка, царство тукулерскихъ завоевателей. Извѣстно, что въ 1850 году хаджи Омаръ положилъ основаніе этому государству, овладѣвъ со своими талибе, или «вѣрующими», нѣсколькими городами страны Джаллонке. Затѣмъ онъ покорилъ нѣсколько другихъ мелкихъ государствъ на верхнемъ Сенегалѣ, и послѣ этого, считая себя уже непобѣдимымъ, пришелъ, въ 1857 году, атаковать

¹⁾ Colin, „Revue fran莽aise de l'茅tranger des colonies“, oct. 1885.

²⁾ Joseph Thomson, „Good Words“, January 1886.

французскій постъ Медину. Тутъ счастье ему измѣнило; но Омаръ, потерпѣвъ пораженіе на Сенегалѣ, направился къ Нигеру, доканчивая завоеваніе провинцій Каарта и Беледугу; Сегу

бамбараковъ и мандинговъ привели къ раздробленію государства; затѣмъ успѣхи французскихъ колониъ, проникшихъ далеко внутрь страны, раздѣлили королевство на пѣсколько

Типы племени филланн или фула

и Массина признали его власть надъ собой; армія его подвинулись до самаго Томбукту. Едва основанная, имперія тукулерскихъ талибѣ рушилась. Семейныя скоры между преемниками Омара и возстанія угнетенныхъ

отрывковъ, какъ-то: на сѣверо-западѣ—Каарта, на востокѣ—Сегу, на югѣ-западѣ—Джаллонкедугу. Отдаленность этихъ разрозненныхъ владѣній и трудность продовольствованія войскъ въ странѣ, разоренной тукулерами, которыми

многие округа обращены въ настоящую пустыню, не позволяютъ думать о возстановлении единства этой имперіи: она просуществовала не долѣе періода жизни одного поколѣнія, и теперь отъ нея остались только обломки. Недолговѣчность государствъ въ этихъ областяхъ Нигера хорошо выражена бамбарасской пословицей: «Никакой король не можетъ перейти Джолибу дважды въ своей жизни»¹⁾.

Главная масса населенія, обитающаго въ долинахъ Нигера и его притоковъ, принадлежитъ къ мандингской расѣ. Куранкосы, занимающіе область истоковъ,—соплеменники туземцевъ того же имени, живущихъ на западной оконечности горъ Лома, въ бассейнахъ рѣкъ Рокель и Камаронка. При-нигерійские куранкосы дѣлятся на множество маленькихъ, независимыхъ одно отъ другого, государствъ, изъ которыхъ каждое имѣеть своего царька, свой совѣтъ старѣшинъ, своихъ жрецовъ свои специальные обряды и которые вѣчно враждуютъ между собой, что дѣлаетъ путешествіе въ этой странѣ очень продолжительнымъ, а иногда и опаснымъ. Ихъ восточные соседи, кисси, гораздо болѣе дружелюбные къ иностранцамъ, имѣютъ обычай выдавать своихъ дочерей замужъ за кочующихъ купцовъ, мандинговъ или су-су. Будучи сами осѣдлыми, они состоятъ, благодаря этимъ родственнымъ связямъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями всѣхъ мѣстностей, между побережьемъ Сенегамбіи и горами Конгъ. Далѣе на сѣверъ, сангаrasы, жившіе прежде маленькими самостоятельными общинами, управляемыми совѣтомъ стариковъ²⁾, должны были признать надъ собой власть упомянутаго маади Самори. Эта область—страна басенъ. Англійскому путешественнику Уинвуду Риду рассказывали о туземцахъ, которые будто-бы могутъ цѣлыми часами оставаться подъ водой, на дѣрѣкѣ, и умѣютъ приручать крокодиловъ; особенно женщины умѣютъ привязывать къ себѣ этихъ чудовищъ. Миѳъ обѣ амазонкахъ, встрѣчающейся во многихъ странахъ, существуетъ также и въ этой части Африки, у народа кисси; но еще неизвѣстно, какая основа истины скрывается подъ ихъ легендами. «Въ двѣнадцати дняхъ ходѣбы отъ ихъ земли», говорятъ они, къ востоку, большой городъ Нахало населенъ исключительно женщинами. Всякій мужчина, котораго они встрѣтятъ въ городѣ или его окрестностяхъ, долженъ быть преданъ смерти: такъ требуетъ законъ; но часто случается, что забранныхъ иноземцевъ щадятъ и держатъ секретно въ плѣну; мальчики, рождающіеся изъ этихъ союзовъ между плѣнниками и свободными женщинами, безжалостно убиваются; оставляютъ жить только дѣвочекъ³⁾). Уинвудъ

Ридъ разсказываетъ также, со словъ туземцевъ, что въ землѣ Кисси женщины знаютъ искусство сообщать голубой цветъ глазамъ своихъ дѣтей, дѣлая близъ орбиты уколы, куда вводятъ какой-то порошокъ¹⁾). Наконецъ, Молліену говорили обѣ одномъ народѣ, по имени маніана, у которого будто-бы существуетъ обычай убивать больныхъ и стариковъ и употреблять въ пищу ихъ трупы, такъ что въ томъ краю человѣческое мясо продаётся на рынкѣ.

Нація уассулу, повидимому, численно самая могущественная въ области притоковъ къ востоку отъ запада Нигера: деревни тамъ стоятъ такъ близко одна отъ другой, что король передаетъ свои приказы, по словамъ туземцевъ, не имѣя надобности выходить изъ своей резиденціи: «слово его переносится стоствой молвой до крайнихъ предѣловъ государства»²⁾. Жители страны Уассулу, какъ полагаетъ Рене-Калье, принадлежатъ къ феллатской расѣ; однако, эти чернокожіе многими чертами походить на бамбарамсовъ и говорить мандингскимъ языкомъ. Сараколе, между которыми много купцовъ, тоже очень многочисленны въ этой странѣ. Города населены магометанами, тогда какъ ауссулусы поселяне относятся индифферентно къ исламу; они хорошо принимаютъ мусульманъ, какъ и всѣхъ другихъ чужеземцевъ, но отказываются подражать обрядамъ марабутовъ. Рене-Калье отзыается съ большой похвалой обѣ уассулусахъ, говоря, что это самые добродушные и гостепріимные изъ всѣхъ негровъ, которыхъ онъ встрѣчалъ: они очень вѣжливы, даже слишкомъ, такъ какъ женщины ихъ простираютъ свою любезность до того, что становятся на колѣни передъ иностранцемъ; и ихъ любопытство, хотя сильно возбужденное, никогда не переходитъ въ нескромность, какъ у мандинговъ. Истинные феллаты по заботливому уходу за скотиной, уассулусы имѣютъ великолѣпныя стада крупнаго рогатаго скота; кроме того, они разводятъ барановъ, козъ и въ небольшомъ количествѣ лошадей; вообще мало выносливые къ труду, мужчины занимаются исключительно итицеводствомъ. Очень миролюбивые по природѣ, уассулусы храбро защищаютъ свое отечество, и, по словамъ купцовъ, посѣщающихъ французскіе посты на Нигерѣ, до сихъ поръ съ успѣхомъ отражали нападенія Самори. Во время посѣщенія края путешественникомъ Рене-Калье они употребляли лукъ и стрѣлы; ружья были еще рѣдки въ той странѣ; нынѣ же нѣтъ уже ни одного негритянскаго народца, который бы не промѣнялъ стрѣлы или дротика на огнестрѣльное оружіе. Движеніе народовъ, происходящее съ неудержимой силой уже многіе вѣка отъ вос-

¹⁾ Winwood Reade, цитированное сочиненіе.

²⁾ Zweifel et Moustier, цитированное сочиненіе.

³⁾ „African Sketch Book“.

¹⁾ Gallieni, цитиров. сочиненіе.

²⁾ Pietri, „Les Francais au Niger“.

тока къ западу въ этой части африканского континента, продолжается и въ наши дни: въ 1879 году, во время путешествія двухъ изслѣдователей верхняго Нигера, Цвейфеля и Мутье, на правомъ берегу рѣки стояли лагеремъ завоеватели изъ племени гаусса, повидимому, собираясь продолжать свой побѣдонасный походъ къ области горъ.

Къ сѣверу отъ территорій Уассулу, Джалионке и колоній мандинговъ и цивилизованныхъ феллатовъ, главная масса населенія береговъ Нигера и сосѣднихъ земель состоить изъ бамбарасовъ. Эти негры, называющіе себя бамана или ба-мана, что значитъ «люди Большой Скалы»¹⁾, по ихъ преданіямъ, первоначально жили въ южныхъ горахъ и только по праву завоеванія водворились на берегахъ

ныхъ овала, обращенныхъ кнаружи». Можно сказать только, что въ среднемъ бамбарасы—негры съ очень темной кожей и курчавой шевелюрой, болѣе рослые и болѣе сильные, чѣмъ малинке, и тѣлесная красота ихъ менѣе скульптурна, нежели у уолофовъ, сереровъ и круменовъ. Они отличаются отъ своихъ сосѣдей троемъ параллельными рубцами на щекѣ, идущими отъ угла глаза до угла губъ.

Промышленность очень развита у бамбарасовъ. Какъ кузнецы, они одни изъ самыхъ искусныхъ между неграми: глиняныя трубы, служащія поддувалами, устроены очень остроумно и иногда изъ предосторожности, чтобы не лопнули, крѣпко связаны ліанами. Бамбарасы давно уже научились фабриковать порохъ, добывая селитру выщелачиваніемъ земли; они пле-

Внутренность жилища племени бамбара.

двухъ Бахоевъ, Нигера и Сенегала, въ Белодугу, Бахуну, Каартга и другихъ земляхъ, где прежде господствовали сараколе²⁾). Они принадлежать къ той же расѣ, какъ мандинги, и говорятъ языкомъ, корни которого не отличаются отъ корней нарѣчія малинке. Впрочемъ, переселенія черезъ континентъ, смѣщеніе съ другими племенами, какъ слѣдствіе завоеванія и невольничества, видоизмѣнили типъ до безконечности, и наблюдатели, смотря по тому, чрезъ какія мѣстности имъ случалось проходить, описываютъ этихъ негровъ совершенно различно: по однимъ, бамбарасть имѣть тонкія губы и орлиный носъ; по другимъ, напротивъ, ротъ у него огромный, губы толстые, оттопыренный косо лежащими рѣзцами, носъ приплюснутый, отверстіе ноздрей образуетъ два параллель-

тутъ веревки и канаты, перебрасываютъ мосты на потокахъ, строятъ широги и паромы. Дома у нихъ по большей части четыреугольные, съ плоской кровлей, снабженной желобами для стока воды и отверстиемъ для выхода дыма. При помощи разведенной золы или красной охры, глиниобитныя стѣны украшены рисунками, изображающими руки, ноги, животныхъ или геометрическія фигуры: можетъ быть, эта примитивная живопись прежде имѣла магическое значение, какъ средство для защиты жилища отъ злыхъ духовъ, нынѣ же она не имѣть иной цѣли, кромѣ удовлетворенія артистическому вкусу обитателей. Бамбарасы обладаютъ также кое-какими астрономическими познаніями и предсказываютъ погоду по виду солнца, луны и созвѣздій³⁾.

¹⁾ Binger, „Essai sur la langue bambara“.

²⁾ Bérenger-Féraud, „Les peuplades de la Sénégambie“.

³⁾ Binger, цитированное сочинение.

Также какъ уассусусы, бамбарасы смирины, гостепримны, великолужны, незлобивы. Они очень смѣшины, разговариваютъ всегда съ одушевлениемъ, съ жестами, и кричатъ всѣ вдругъ; въ праздники, которые у нихъ спрашиваются по всякому поводу, они превосходятъ другихъ туземцевъ шумными дурачествами. Въ музыкальномъ талантѣ они уступаютъ мандингамъ, но умѣютъ производить болѣе оглушительный шумъ на барабанахъ и флейтахъ; наканунѣ битвы, когда они приготовляются къ смерти, три печальные ноты прерываютъ время отъ времени веселую музыку¹). Бамбарасы славятся своей храбростью, и многие изъ нихъ продаютъ себя въ военную службу къ чужимъ вождямъ: часто случалось, что бамбарасскіе воины опустошали свое собственное отечество подъ командой французскихъ завоевателей. Между туземцами одни только бамбарасы достаточно храбры, чтобы атаковать непріятельское укрѣпленіе, но они такъ же безпощадны въ побѣдѣ, какъ кротки въ мирное время. Самая ненарушимая клятва у бамбараса—это клятва «порохомъ и ружьемъ». Эта любовь войны ради войны естественно должна была привести въ результатъ къ рабоющенію. Несмотря на свою храбрость, бамбарасы вездѣ подвластны другимъ народамъ: въ долинахъ верхняго Нигера они повинуются феллатамъ и мандингамъ; во французскомъ Суданѣ они должны подчиняться приказамъ комендантъ фортовъ; на противоположномъ берегу Нигера и въ области Каарта ихъ угнетаютъ тукулеры; только нѣсколько мелкихъ племенъ, между Каарта и Беледугу, могутъ считаться вполнѣ независимыми.

Впрочемъ, рабство, такъ сказать, въ традиціи у бамбарасовъ. Плѣнники изъ этой націи нѣкогда цѣнились гораздо выше плѣнниковъ другихъ племенъ, потому что они спокойнѣе переносили свою участъ и не думали ни о возмущеніи, ни о побѣгѣ. Съ другой стороны, между бамбарасами свободные люди легко подчиняются господству невольниковъ: въ большинствѣ мелкихъ государствъ этой страны власть находится обыкновенно въ рукахъ челяди; начальники племенъ вѣряютъ плѣнникамъ свои сокровища, свою семью, свои дѣла, командование войсками, и толпа подданныхъ безропотно повинуется подобнымъ министрамъ²). Въ Каарта при вступлении на престоль новаго царька, первымъ привѣтствовалъ его начальникъ рабовъ, раскладывавшій передъ нимъ сокровища короны, затѣмъ старшина кузнецовыхъ, бывший въ то же время «предводителемъ дворянства», обращался къ королю съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, произносилъ такія постыдныя слова: «помни прежде всего, что ты нашъ повелитель, и что наши

головы принадлежать тебѣ». Высшая каста, курбари, считающая себя въ близкомъ родствѣ съ бегемотами, имѣла всѣ права надъ торговцами изъ племени сараколе, надъ «вольными людьми» низшихъ кастъ, надъ всей толпой земледѣльцевъ, потомковъ покоренныхъ племенъ діавара и кассонке. Масса-си, или «Сѣмя Массы», т. е. потомки одного изъ прежнихъ царей, считаются благородными изъ благородныхъ: они были советниками короля и распредѣляли между собой всѣ почетнѣйшия должности; смертная казнь никогда не примѣнялась къ людямъ ихъ сословія; и даже совершившіе тяжкое преступленіе избѣгали всякаго наказанія, если имъ удавалось послѣ пронзенія приговора плюнуть на своего обвинителя. Для отличія отъ простыхъ бамбарасовъ, масса-си носили тяжелое золотое кольцо въ правомъ ухѣ, поддерживаемое косой или ремешкомъ. До нашествія тукулеровъ, сломившаго силу старыхъ обычаевъ, иногда приносили въ жертву военноплѣнныхъ на могилѣ умершаго масса-си, и закладка домовъ вѣльможъ совершалась на трупахъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, образъ правленія былъ строго монархическій: жена—«рабыня мужа», дѣти до совершеннолѣтія—невольники отца; но обыкновенно достаточно, чтобы былъ признаваемъ принципъ, на практикѣ же женщины и дѣти пользуются полной свободой: случается даже, что женщины наравнѣ съ мужчинами подаютъ свое мнѣніе на сельскихъ сходахъ. Съ домашними животными бамбарасы обращаются очень ласково, чтѣ дало арабамъ поводъ говорить, что эти чернокожіе живутъ вмѣстѣ съ собаками, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревни управляются какими-то волосатыми существами, полу-псами, полу-бамбарасами¹).

Почти всѣ баманосы или бамбарасы, по крайней мѣрѣ жители области Каарта, называютъ себя магометанами, но мало усердствуютъ въ вѣрѣ и сливутъ за кафировъ у ихъ властителей тукулеровъ: есть даже много племенъ, которыхъ, вернувшись себѣ политическую независимость, отказались отъ всѣхъ церемоній ислаама, чтобы имѣть право снова предаваться пляскамъ и запретнымъ забавамъ; въ праздники туземцы напиваются виномъ доло и ёдятъ собачье и даже шакалье мясо, хотя бы только для того, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свою ненависть къ религіи угнетателей. Такимъ образомъ магометанство, дѣлающее такие успѣхи въ другихъ странахъ Африки, теряетъ почву у бамбарасовъ, какъ и у куранкосовъ. Что касается обычай обрѣзанія, то онъ, также какъ и обычай вырыванія для молодыхъ дѣвушекъ, существовалъ уже гораздо ранѣе прибытія магометанъ въ страну; операции эти обыкновенно поручаютъ дѣлать кузнецамъ и ихъ женамъ, лю-

¹) Pietri, цитированій мемуаръ.

²) Ricard, „Le Sénégal“, étude intime.

¹) Paul Soleillet, цитированное сочиненіе.

дамъ высшей касты, которые никогда не были порабощены, и которые живутъ, яко-бы, въ постоянномъ общеніи съ духами. Тайны общества также справляютъ свои обряды въ лѣсахъ¹). Большинство бамбарасовъ имѣютъ своихъ фетишъ—корни растеній, куски материіи, пучки шерсти,—которыхъ они запираютъ въ бычачій рогъ, въ слоновый бивень, или еще чаще въ тыквенную бутылку или въ канари, большой глиняный кувшинъ. Круглая форма и желтый цветъ этого сосуда напоминаютъ творца—солнце. Иногда вокругъ сосуда, хранилища фетиша, обвивается змѣя, символъ міра безъ начала и конца. Если сосудъ порожній, къ нему подходить еще съ большимъ благоговѣніемъ: значитъ, въ немъ обитаетъ невѣдомый богъ².

Въ верхнемъ бассейнѣ Джолибы путешественники Калье, Ленгъ, Уинвудъ-Ридъ, Цвейфель и Мутье встрѣчали только деревни, убогія столицы маленькихъ государствъ. Неліа, Тантафара, въ неосредственномъ сосѣдствѣ истоковъ,—просто группы хижинъ. Да, при сліяніи главныхъ вѣтвей, образующихъ Джолибу, незначительное мѣстечко, безъ всякой торговли; Фаранна, которую посѣтилъ Ридъ, на правомъ берегу рѣки, въ 200 километрахъ отъ истока, представляетъ груду развалинъ. Политический центръ мусульманской имперіи, основанной Самори, находится нынѣ въ главной долинѣ, на берегахъ восточного притока, рѣки Жанды и въ ея боковыхъ долинахъ. Галаба, гдѣ вышеупомянутый сенегальскій офицеръ Алакамесса посѣтилъ этого завоевателя въ 1881 году, была тогда его обычной резиденціей, близъ истоковъ Жанды; въ 1885 году, Сананкоро, лежащій съверище, въ мѣстности, покрытой высокими холмами, былъ лѣтней столицей; Биссанду, ниже по рѣкѣ, былъ зимней метрополіей. Недалеко отъ этой послѣдней деревни, сдѣлавшейся временно столицей имперіи, группируются хижины главнаго города страны, Канканы, на рѣчкѣ Мило, небольшомъ восточномъ притокѣ Нигера. Населенный мандингами и саракольскими купцами, этотъ городъ монополизировалъ торговлю всей области верхняго Нигера, и караваны его ходятъ до самаго моря, въ Фритаунъ и даже внутрь Сахары, въ Тишитскій оазисъ, гдѣ они покупаютъ бруски соли, въ обменъ за невольниковъ и южныя произведенія; туземныя лошади отличаются превосходными качествами. Кинкань—очагъ магометанства въ области западнаго Нигера. Онъ часто ведетъ войну со своими

юго-восточными сосѣдями, торонами или торонгами, которыхъ считаютъ наиболѣе чистыми потомками древнихъ бамбарасовъ: горы ихъ, говорятъ, были первоначальной родиной расы, распространившейся теперь по обширной территории на съверѣ и съверо-западѣ.

Въ этихъ странахъ торговля и пропаганда ислама идутъ вмѣстѣ: мандингскіе *діулы* суть въ то же время миссионеры Аллаха и его пророка. Въ каждомъ торговомъ селѣ есть мечеть, и некоторые изъ деревень населены исключительно мусульманами. Такова Самбатикила, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Канканы, въ сосѣдствѣ земли племени торонъ; другія мѣстечки, какъ, напримѣръ, Тиме, состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ группъ хижинъ, каждая въ особой оградѣ и съ населеніемъ различнаго культа. Женщины одного бамбарасскаго племени, которое путешественникъ Калье встрѣтилъ въ сосѣдствѣ Тиме, слѣдуютъ той же модѣ въ украшеніи лица, какъ многія изъ ихъ единоплеменницъ въ принильскихъ племенахъ: они вставляютъ палочки или кружки изъ тыквенаго дерева въ отверстіе, проколотое въ губѣ, которая отъ этого выдается впередъ; безъ этого украшенія всякое женское лицо показалось бы имъ безобразнымъ. Тенгрера и Дебена—главные рынки области Бахоя, или восточнаго Нигера. Первый, какъ и Тиме,—двойной городъ, въ одно и то же время мандингскій и бамбарасскій, магометанскій и языческій; такимъ образомъ караванныя дороги, до низовьевъ Нигера и до береговъ Золотаго и Невольничьяго, усыпаны, точно вѣхами, маленькими поселеніями, имѣющими каждое свою мусульманскую общину. Тенгрера такой же оживленный рынокъ, какъ Канканъ, и служить складочнымъ мѣстомъ для брусковъ соли, привозимыхъ изъ Сахары. Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли въ этой области—орѣхи кола, получаемые изъ-за южныхъ горъ, изъ страны, которую путешественнику Рене-Калье называли именемъ Тамань: это, можетъ-быть, Гіаманъ въ верхнемъ бассейнѣ Вольты. Одна изъ главныхъ дорогъ тѣхъ краевъ проходитъ черезъ большой мандингскій городъ Конгъ, то-есть «Гора», славящійся во всѣхъ сосѣднихъ земляхъ своими богатствами въ золотѣ и матеріяхъ, въ зерновыхъ хлѣбахъ и лошадяхъ. Эти невѣдомыя бѣлому человѣку страны, вѣроятно, принадлежать къ числу самыхъ цвѣтушихъ въ Африкѣ. Путешественникъ Бонна во время своего четырехлѣтняго плены въ столицѣ ашантіевъ часто слышалъ о какомъ-то почти бѣлокожемъ народѣ, занимающемъ часть плоскогорья Конгъ. Имя филану, которымъ его называли, очевидно, примѣняется, какъ и имя филаніи, на берегахъ Нигера, къ націи той феллатской расы, которая наводняетъ своими эмигрантами и колоніями всю западную Африку. Фалаба, на правомъ берегу Джолибы, Фала-

¹) René Caille,—Paul Soleillet, цитированъ сочиненіемъ;—Collomb, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Lyon“, 1885.

²) Anne Raffenel, цитированное сочиненіе;—L. Panet, „Revue Coloniale“ 1850;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

лама, близъ лѣваго берега, обозначаютъ то мѣсто рѣки, гдѣ теченіе ея служить восточной границей французскому Судану. Заселеніе страны, безъ сомнѣнія, придастъ значительную важность этой части долины Нигера, такъ какъ адѣль Танкиссо или Бафингъ соединяется съ главной рѣкой, пройдя передъ тѣмъ черезъ территоріи Джалконе-дугу и Балейя. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ, къ западу, находятся золотоносныя розсыпи Буре, разрабатываемыя преимущественно женщинами, какъ напосыпь формацией Бамбука, ибо за исключеніемъ мандинговъ, людей безъ предразсудковъ, мужчины свободного класса считаютъ унизительнымъ этотъ родъ труда. Территорія Буре походитъ на огромное рѣшето: вся она изрыта глубокими ямами, которая по большей части утилизируются преимущественно только въ зимнюю пору, когда обилие воды дѣлаетъ возможной промысль земли¹). Обвалы въ этихъ рудникахъ довольно часты, и если обвалившаяся землей засыплетъ работавшихъ въ шахтѣ, то воображаютъ, что злой духъ хочетъ удержать ихъ при себѣ за тѣмъ, чтобы они служили ему рабами на томъ свѣтѣ, и потому остерегаются подать имъ помошь; но по прошествіи года послѣ несчастнаго случая, заваленную яму раскалываютъ; если тѣла раздавленныхъ были хорошо охраняемы отъ демоновъ добрыми духами, то вокругъ труповъ должно скопиться много золота²), въ возмѣщеніе потери, понесенной рудокопами. Туземцы въ Буре вѣрятъ также, что души умершихъ переселяются въ деревья или въ гнѣзда терmitовъ. Бѣдная деревушка Ди, гдѣ имѣть пребываніе одинъ изъ главныхъ начальниковъ Буре, была крайнимъ пунктомъ, котораго достигъ Уинвундъ Ридъ въ 1869 году, во время своего изслѣдованія верхняго Нигера. Правительство Буре, бывшаго прежде вассаломъ Сегу, а нынѣ состоящаго подъ покровительствомъ Франціи, сосредоточено въ рукахъ четырехъ знатныхъ фамилій, члены которыхъ сообща совѣщаются о дѣлахъ управлениія³). Къ востоку отъ Джолибы, главный рынокъ страны лежитъ въ сотнѣ километрахъ отъ рѣки: это—деревня Канкаре, куда торговцы приходятъ главнымъ образомъ для покупки невольниковъ и золотаго песку. Кеніера, еще недавно «очень большой и очень богатый» городъ, находившійся въ 40 километрахъ къ юго-востоку отъ Фалаба, былъ разрушенъ въ 1882 году арміей Самори, за четыре дня до прибытія маленькаго французскаго отряда, спѣшившаго на помощь осажденнымъ. Это единственный пунктъ за Нигеромъ, куда про-

никали и гдѣ дали сраженіе экспедиціонныя колонны изъ французскаго Судана.

Государство Мандингъ, названное такъ по имени его обитателей, поступившихъ подъ покровительство Франціи, заключаетъ въ себѣ нѣсколько важныхъ поселеній на лѣвомъ берегу Нигера и внутри страны, на водораздѣльной возвышенности между Нигеромъ и Сенегаломъ, лежащей очень близко къ первой изъ этихъ рѣкъ: вслѣдствіе крутизны ската на восточной покатости, воды ручьевъ бѣгутъ каскадами по песчаниковымъ скаламъ. На восточной большой рѣкѣ самое значительное мѣстечко—Кангаба; другой многолюдный городокъ, Сиби, построенный на выступѣ горы, находится внутри страны, къ западу отъ рѣчной долины. Въ этомъ мѣстѣ круглые склоны водоиздѣльного хребта между Сенегаломъ и Нигеромъ господствуютъ надъ аллювиальной равниной, имѣющей не менѣе 30 километровъ протяженія до рѣки, но утесы, изрѣзанные глубокими оврагами, по которымъ можно подняться на плоскогорье, постепенно приближаются къ берегу; они удалены отъ рѣки всего только на 3 километра выше Бамаку (Бамако), маленькаго городка, который французы избрали административнымъ центромъ своихъ владѣній на Нигерѣ. Нѣкогда это былъ многолюдный и торговый городъ: арабскіе писатели говорятъ о немъ какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Судана, и Мунго-Паркъ нашелъ тамъ одинъ изъ главнѣйшихъ этаповъ во время своихъ двухъ путешествій. Въ наши дни неправильный четырехугольникъ, около полкилометра въ сторонѣ, образующій городскую стѣну или тата Бамаку, заключаетъ внутри больше развалинъ, чѣмъ домовъ: въ 1893 году все населеніе города не превышало 800 человѣкъ. Однако, это маленькое бамбарамское государство успѣло сохранить свою независимость: ни тукулеры Ахмаду, ни мандинги-мусульмане Самори не входили туда, когда явились французы и начали работы по возведенію укрѣпленій. Въ то время равнина, среди которой стоитъ Бамаку, казалась почти необитаемой: по берегу рѣки тянулись болотистыя пространства до почернѣлыхъ стѣнъ ограды, за которыми прятались хижины туземцевъ; далѣе видно было только сплошное море высокой травы, тамъ и сямъ большія деревья, затѣмъ, на заднемъ планѣ, три уступа голаго утеса, поднимающагося въ щѣломъ на высоту 200 метровъ. Теперь эта равнина перерѣзана хорошиими дорогами, обсаженными деревьями; въ портѣ тѣснятся барки и лодки, и вновь разведенныя плантaciі образуютъ поясъ зелени вокругъ бѣлыхъ стѣнъ крѣпости. Въ 1884 году торговые обороты въ Бамаку простирались до 5.000.000 франковъ.

Первая большая деревня ниже Бамаку и сосѣднихъ пороговъ—Багнита, на правомъ бе-

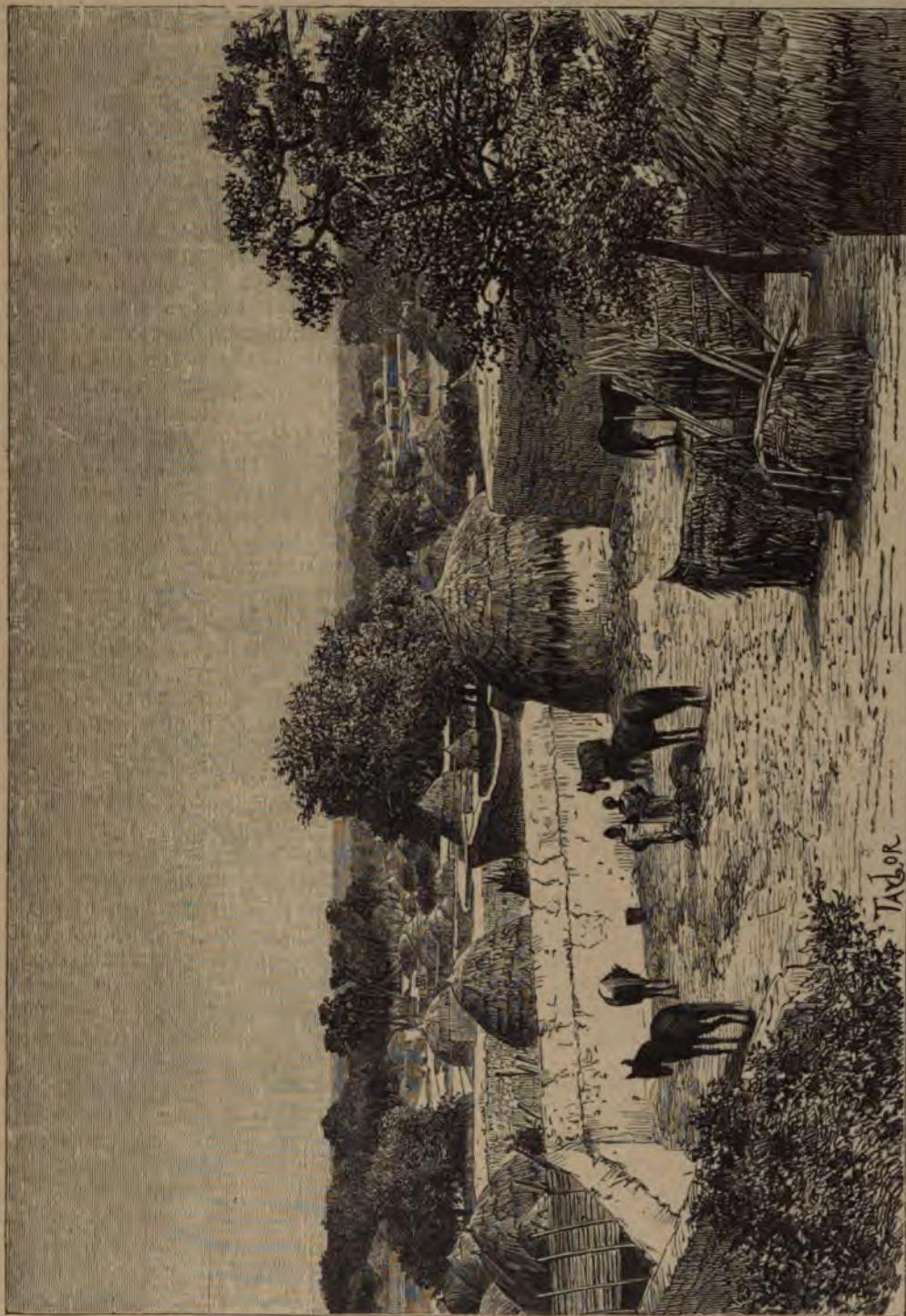
¹⁾ Faidherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1886.

²⁾ P. Soleillet, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Vallière, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 1881.

регу. Затѣмъ слѣдуетъ, на лѣвомъ берегу, Кулико, нѣкогда городъ бѣглыхъ и изгнанниковъ¹⁾. Французы учредили тамъ военный постъ, чтобы командовать сообщеніями Нигера

населена маленькими республиканскими общинами бамбараковъ, которыхъ соединились въ федерацію, чтобы общими силами сопротивляться ткулерамъ, и успѣли сохранить свою

В У Р Н О.

ТАДОР

съ землею племени белери или Беле-дугу, простирающейся на западъ, къ источникамъ сенегальского Бауле. Эта гористая область

независимость, политическую и религиозную. Кровавыми экспедиціями ткулерамъ удалось, правда, пройти черезъ территорію Беле-дугу, но не покорить ее. Благодаря сохраненію свободы, селенія белеровъ пользуются благо-

¹⁾ Gray and Dochard, „Travels in Western Africa“.

состояніемъ и окружены прекрасно воздѣланными плантациями и полями; въ послѣднее время даже основывались новые деревни на торговыхъ дорогахъ между Нигеромъ и оазисами Сахары¹), тогда какъ въ окружающихъ земляхъ встрѣчаешь по крайней мѣрѣ три разоренныхъ деревни вокругъ каждой еще населенной группы хижинъ. Лѣса въ Беледугу состоятъ по преимуществу изъ масличнаго дерева; въ саваннахъ растетъ одинъ видъ дикаго табака, которому Солелье, а также Бартъ и многие натуралисты приписываютъ африканское происхожденіе.

Ямина или Ньямина, разоренный городъ, на лѣвомъ берегу Нигера, въ сотиѣ километровъ ниже Куликоро, принадлежалъ къ империи Сегу; но въ 1884 году, во время прохода французской канонерки, жители его, бамбарасы и сараколе, прогнали тукулерскій гарнизонъ и отдались подъ покровительство Франціи. Ямина—естественный портъ всей области верхняго Беле-дугу, Фа-дугу и сосѣднихъ съ пустыней рынковъ; торговцы изъ племени сараколе настолько многочисленны здѣсь, что языкъ ихъ сдѣлался посредникомъ торговаго обмѣна, даже у бамбарасовъ и мавровъ, живущихъ въ этой странѣ. Банамба, настоящій городъ, такъ какъ въ немъ, по словамъ путешественника Мажь, насчитывается свыше 8.000 жителей, почти исключительно племени сараколе,—лежитъ километрахъ въ пятидесяти отъ рѣки, въ великолѣпной равнинѣ, усыпанной баобабами и другими деревьями; архитектура его домовъ съ плоскими крышами, надъ которыми возвышается закругленный курганъ, указываетъ уже сосѣдство мавровъ. Далѣе слѣдуютъ большія деревни и даже города на дорогахъ страны Каарты, относительно густо населенной въ этой области, которая производить просо въ количествѣ, далеко превышающемъ нужды мѣстнаго потребленія. Плоскогорія и гористыя террасы смѣняются слегка волнистыми равнинами, которые составляютъ переходъ между холмистыми мѣстностями Судана и гладкими степями, предшествующими пустынѣ.

Сегу, хотя теперь въ упадкѣ, все еще одинъ изъ большихъ прибрежныхъ городовъ Нигера. Недавно онъ былъ столицей обширной имперіи, простиравшейся отъ Каарты до Уассулу и отъ Джаллонке-дугу до Массины, на пространствѣ около 500.000 квадр. километровъ. Отрывокъ этой имперіи, въ которомъ Сегу пытѣ главное мѣсто, относительно невеликъ, но коммерческое положеніе этого города представляетъ такія выгоды, что даже развѣнчанный и опустошенный войной, онъ всегда оправится отъ разоренія и снова станетъ

центромъ населенія и торговли. Въ самомъ дѣлѣ, Сегу находится на правомъ берегу рѣки, всего въ какихъ-нибудь сорока километрахъ отъ Бахоя или восточнаго Нигера, который течеть параллельно западному Нигеру и соединяется въ этомъ мѣстѣ со всѣми своими притоками: благодаря удобству сообщенія черезъ окружающія равнину, въ Сегу сходятся всѣ дороги изъ верхнихъ нигерскихъ долинъ, отъ Фута-Джаллонъ до горныхъ цѣпей Махи, большой рынокъ Каяле, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Сегу, служить главнымъ этапомъ на дорогѣ, ведущей къ таинственному городу Конгъ. Религіозныя войны, опустошившія, съ половины настоящаго столѣтія, эти страны, точно огромный пожаръ, обращая въ пустыни области, прежде усыпанные многолюдными городами, пощадили округъ Сегу: бамбарасы и сонинке безъ сопротивленія покорились завоевателямъ тукулерамъ и тѣмъ спасли свою жизнь. Въ 1865 году, Мажь, прожившій двадцать семь мѣсяціевъ въ этой столицѣ, оцѣнивалъ въ 100.000 число жителей округа Сегу между двумя Нигерами, а изъ вычисленій, основанныхъ на распределеніи добычи, онъ вывелъ цифру въ 36.000 для населенія города Сегу и подгородныхъ деревень.

Въ дѣйствительности Сегу состоить изъ нѣсколькихъ отдаленныхъ городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по берегу рѣки на протяженіи около 15 километровъ. Первый изъ этихъ городовъ, считая отъ верховья,—Сегу-Коро, или «Старый Сегу», где еще видны остатки дворца прежнихъ бамбаросскихъ королей. Напротивъ Старого Сегу, на лѣвомъ берегу, стоитъ мѣстечко Фаракко. За Сегу-Коро на южномъ берегу слѣдуетъ Сегу-Бугу, а противъ него, на сѣверномъ берегу, расположена пригородъ Калабугу; затѣмъ идутъ Сегу-Кура, или «Новый Сегу», и растянувшіяся въ видѣ одного непрерывнаго города поселенія Дуабугу, Гупуй и Сегу-Сикоро, резиденція короля и официальная столица государства; ниже по рѣкѣ, на томъ же берегу, находится деревня Сомоно, населенная рыбаками и лодочниками племени сонинке, которые въ награду за услуги, оказанныя ими тукулерскимъ завоевателямъ, получили монополію рѣчныхъ промысловъ, и которые, кроме того, славятся какъ очень искусные каменщики²). Другойсосѣдній городъ, Дугассу, лежащий километрахъ въ тридцати къ югу, можетъ быть рассматриваемъ какъ вѣнчаній рынокъ Сегу для всѣхъ произведеній, отправляемыхъ изъ верхнихъ долинъ. По стилю своихъ зданій Сегу принадлежитъ болѣе къ Мавританіи, чѣмъ къ Судану. Его дома съ террасами опираются на широкіе столбы, украшенные арабесками и несущіе по всей окружности кон-

¹) Jean Bayol „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, d cembre 1884

²) Mage;—Solleillet, цитированъ, сочиненіе.

соли изъ глины: это почти тотъ же родъ постройки, какъ и въ Арауанскомъ оазисѣ, на дорогѣ изъ Марокко въ Томбукту. Но въ отношеніи обычаевъ торговли Сегу еще находится въ Суданѣ: тамъ считаются на раковинки каури, три тысячи которыхъ представляютъ, въ среднемъ, цѣнность пятифранковой монеты; для крупныхъ суммъ денежной единицей, реальной или фиктивной, служить невольникъ. Никакой предметъ торгового обмѣна не подверженъ такимъ быстрымъ колебаніямъ въ своемъ курсѣ, какъ невольникъ, цѣна котораго сильно мѣняется, смотря по результату войнъ, побѣдоносныхъ или фатальныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась продажа негровъ европейцамъ въ портахъ побережья, тукулеры отрубаютъ голову всѣмъ плѣнникамъ, рость которыхъ превосходитъ длину ружья; женщины и дѣти продаются въ самому краю. Султану усугубляются исключительно женщины, называемыя «корсиги», носящія на груди золотые бляхи въ формѣ кирасть; онъ выбираетъ даже офицеровъ между придворными невольницами, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ высшихъ должностей въ королевствѣ. Одна изъ родственницъ короля Сегу стоитъ во главѣ управлѣнія гинекеемъ, гдѣ воспитываются, на счетъ государства, молодыя дѣвушки, которыхъ султанъ предназначаетъ своимъ почетнымъ гостямъ¹).

Тукулеры, хотя потомки завоевателей, гордящіеся своимъ благороднымъ происхожденіемъ и чистотой своей вѣры, перестали быть господами въ Сегу. Бывъ прежде бамбарасскимъ государствомъ, это королевство снова становится таковымъ, благодаря постепенному уменьшению численности иммигрантовъ завоевателей. Хотя хаджи Омаръ привелъ съ собой нѣсколько тысячъ талибе изъ Футы, но войны и болѣзни быстро сократили ихъ число, вербовка же этихъ «вѣрныхъ» въ настоящее время очень затруднительна, вслѣдствіе отдаленности родины и возникновенія независимыхъ или враждебныхъ государствъ въ промежуточномъ поясѣ. Основаніе французскихъ военныхъ постовъ въ области верхняго Сенегала, образованіе новой маликейской имперіи завоевателя Самори, ваконецъ, возмущенія Беле-Дугу и окружающихъ территорій совершиенно изолировали тукулеровъ Сегу отъ ихъ первоначального отечества, «они живутъ точно плѣнники въ завоеванной ими странѣ²), и все болѣе и болѣе софы, или бамбарасские воины, занимаютъ мѣсто тукулерскихъ талибе въ предводительствованіи войсками и въ управлѣніи гражданскими дѣлами. Подобно тому, какъ въ Китай манджуры, такъ сказать, распускаются въ китайскомъ элементѣ, такъ точно на Нигерѣ вы-

ходцы изъ Футы теряются въ бамбарасскомъ обществѣ. Но, хотя снова перешедшее въ руки представителей націи, правительство *lam-diu-lbe*, или «повелители вѣрующихъ», не перемѣнило своего образа дѣйствій въ отношеніи народа, по-прежнему подавленного непосильнымъ бременемъ разнаго рода поборовъ: десятины, подушной подати, обычныхъ сборовъ, таможенныхъ пошлинъ и военныхъ реквизицій. Талибе и софы освобождены отъ всякихъ налоговъ.

Городъ Сансандигъ, стоящій въ 55 километрахъ ниже Сегу-Сикоро, на лѣвомъ берегу рѣки, тоже занимаетъ необходимое положеніе, какъ торговый центръ. Разрушенный недавно тукулерами, въ наказаніе за долгое сопротивленіе, онъ неминуемо долженъ оправиться и отстроиться на томъ же самомъ мѣстѣ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Крутой изгибъ, описываемый Нигромъ къ сѣверу, дѣлаетъ этотъ пунктъ мѣстомъ схожденія дорогъ изъ Сахары, и естественные рынки обмѣна между жителями саваннъ и жителями Судана находятся какъ разъ въ сосѣднемъ поясѣ, промежуточномъ между холмами и равниной. Менѣе чѣмъ въ сотнѣ километровъ къ сѣверо-западу лежитъ городъ Сегала, большой рынокъ, куда сѣверные арабы приходятъ обмѣнивать свои произведения на товары, привозимые съ юга саракольскими діудами. Далѣе на западѣ находится Дамфари, то-есть «земля Дамфа или Дампа», другой саракольскій городъ, лежащий въ точкѣ пересѣченія нѣсколькихъ дорогъ и посѣщаемый маврами племенъ уладъ-махмудъ, уладъ-тишить, уладъ-уалата, уладъ-марекъ; въ сухое время года онъ всегда окруженнъ многочисленными палатками этихъnomadovъ, группирующимся по племенамъ. Кочевники приходятъ сюда покупать просо, собираемое жителями этой области въ огромныхъ количествахъ, и отвозятъ въ территорію Эль-Ходь, гдѣ климатъ слишкомъ сухъ для культуры хлѣбныхъ растеній. Территорія Дамфари была цвѣтущей страной въ 1883 году, когда Байоль обошелъ ее и поставилъ, по договорамъ съ начальниками племенъ, подъ протекторатъ Франціи. Въ то время тамъ начинали вводить культуру земляныхъ фисташекъ (арахидъ); производимый въ краѣ табакъ издавна славится своимъ превосходнымъ качествомъ; тамошніе кузнецы пользуются репутацией искусственныхъ мастеровъ; въ большомъ селѣ Боро, окруженному хлопковыми и индиговыми плантациями, многочисленные ткацкіе станки выдѣлываютъ замѣчательная по прочности ткани и краски синія бумажная матерія, изъ которыхъ шьютъ платя, известная подъ именемъ «сегуанского бубу». Въ странѣ основывались новые деревни, служащи убѣжищемъ для бѣглцовъ изъсосѣднихъ земель, опустошаемыхъ тукулерами.

Къ сѣверу отъ Дамфы находится еще болѣе

¹) Paul Solleillet, цитированъ сочиненіе.

²) Pietri, „Les Francais au Niger“.

многолюдный и более торговый городъ—Мурдіа, лежащій въ области саваннь, гдѣ начи-наютъ показываться первые пески, хотя почва еще плодородна: семь становищъ мавровъ, со-держащихъ по меньшей мѣрѣ 1.200 душъ, окружаютъ центральное городское поселеніе, гдѣ живутъ 2.500 сараколе; кривыя улицы расположены въ видѣ базаровъ, какъ «сукі» въ Тунисѣ, и въ лавкахъ выставлены на про-дажу ковры, драгоцѣнности, вышитыя кожи, издѣлія, напоминающія мавританскую промыш-ленность. На сѣверо-западѣ, по направлению къ Каарта, простирается территорія Бахуна, составляющая часть Эль-Хода, промежуточного пояса между Сахарой и Суданомъ. Эта пере-ходная страна, принадлежавшая въ когда къ большой имперіи Ганата, затѣмъ къ царству мандинговъ, часто была оспариваема могущес-твенными сосѣдями. Арабы, бамбарамы ста-ликовались въ ней, фулы, тукулеры завоевывали ее и даже заводили тамъ постоянныя колоніи. Каждый разъ, когда они предоставлены самимъ себѣ, коренные жители края, почти всѣ сараколе или ассуаникъ—въ этнической номенклатурѣ арабовъ—группируются въ маленькие республиканские союзы; но, очень благоразумные, они рѣдко вступаютъ въ борьбу съ вторгающимся въ край непріятелемъ: они даютъ пройти грозѣ, затѣмъ снова принимаются за свои обычныя занятія—воздѣлываніе полей и вывозъ собираемыхъ съ нихъ произведеній. Столица терроріи Бахуна, Бакунитъ, лежа-щая на западѣ провинціи, въ соти километровъ отъ Ніоро, занимаетъ дно песчаной низ-менности, возлѣ глубокаго озера; надъ горо-домъ господствуютъ скалы изъ глинистаго слан-ца и террасы изъ латерита. По Ленцу, въ по-луразвалившихъ домахъ Бакунита живеть отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Между этимъ городомъ и Мурдіей сегуанскій султанъ основалъ новое торговое мѣсто, Гинье, кото-рое быстро пріобрѣло важное значеніе, благо-даря обезпеченнѣй купцамъ свободѣ отъ вся-кихъ таможенныхъ пошлинъ; осѣдлое его на-селеніе состоитъ изъ 4.000 душъ, но по вре-менамъ тамъ собирается отъ 15 до 20.000 че-ловѣкъ. Жители Гинье говорятъ бамбарамскимъ діалектомъ; однако, уолофское нарѣчіе, содер-жащее много французскихъ выражений, стрем-ится сдѣлаться тамъ торговымъ языкомъ.

Изъ Сансандига другіе пути, болѣе корот-кіе, чѣмъ пути изъ Сегала и Мурдіа, ведутъ къ землѣ мавровъ черезъ терроріи Кеніека и Калари. Одна изъ этихъ дорогъ, направляю-щаяся къ оазису Уалата, проходитъ черезъ большой городъ Гумбу (Кумба, по Барту), состоящій изъ двухъ городовъ, окруженнѣхъ каждыи стѣнами и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго лужей или дхайя; жителей въ немъ около пятнадцати или двадцати тысячъ, почти все бамбарамы, но говорящіе арабскимъ язы-

комъ; поля ихъ, засѣваемыя сорго, тянутся на-нѣсколько лѣвъ вокругъ городской ограды. Этотъ торговый городъ находится уже въ кругѣ притяженія Сенегала по торговль камедью¹⁾). Къ востоку отъ Гумбу, на прямой дорогѣ изъ Сансандига въ Томбукту, караваны проходятъ черезъ другой торговый городъ, называемый у бамбарамовъ Соколо, у арабовъ Кала, который въ средніе вѣка былъ одною изъ столицъ имперіи мандинговъ, и населеніе котораго и теперь еще, говорять, простирается до 6.000 человѣкъ; одна могущественная фа-милія шорфовъ, поселившаяся въ Соколо, напо-минаетъ о вліяніи, которымъ нѣкогда пользо-вался мароккскій султанъ въ этихъ засахар-скихъ странахъ. Другой городъ, Фара-бугу, лежащий въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Соколо, составляетъ, со стороны мавровъ, передовой постъ націи бамбарамовъ; число его-жителей также доходитъ до нѣсколькихъ ты-сячъ душъ.

Ниже Сансандига, Нигеръ течеть на про-странствѣ около сотни километровъ въ восточ-номъ направлениі. Въ этой части его теченія важнѣйшій прибрежный городъ—Сибила, сто-лица одного маленькаго бамбарамскаго государ-ства. Ниже, тамъ, гдѣ рѣка опять поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, находится Діафарабе, наи-большѣй отдаленный отъ Бамаку пунктъ, до ко-тораго доходитъ плавающій по Нигеру паро-ходъ. Въ этомъ мѣстѣ начинается уже пость развѣтвленія водъ. Одна вѣтвь, проходящая недалеко отъ священного города Діака, напра-вляется на сѣверъ къ Тененку, одному изъ большихъ рынковъ земли Бургу, и теряется далѣе въ озерѣ Дебо. Другая вѣтвь, направляю-щаяся на востокъ, и по которой пароходъ тщетно пытался пробраться черезъ камши, ведетъ къ древнему и прославленному городу Джenne, отъ имени котораго, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, основываясь на книгѣ Льва Африканца, и произошло название Гви-нея, данное португальцами столь значительной части африканскаго континента. Какъ бы то ни было, этотъ городъ, посѣщенный до сихъ порть только однимъ europейцемъ, Рене Калье, находится нынѣ въ состоянії упадка, причи-ной чему были войны, внутреннія и виѣшнія, перерывы торговли по рѣкѣ и боковымъ по-токамъ, а также, можетъ-быть, перемѣны въ рѣчномъ развѣтвленіи этой низменной области, гдѣ рѣчные рукава безпрестанно перемѣщаются. Въ 1828 году, во время прохода Калье, Джен-не уже не былъ центромъ торговаго обмѣна въ этой области Судана, и населеніе его не достигало даже десяти тысячъ душъ. Однако, онъ все еще занималъ обширное простран-ство: городская ограда имѣла по крайней мѣрѣ четыре километра въ окружности, и ея гливо-

¹⁾ Paul Solleillet, цитиров. сочиненіе.

битные стѣны, башни, величественные баобабы, осѣняющіе ворота, группы пальмъ на вос- вышеніяхъ почвы, надъ садами и рисовыми полями,—все это вмѣстѣ представляло очень живописное цѣлое. Хотя въ то время Дженне уже не былъ столицей государства, но привилегія безпошлиного привоза товаровъ, которою пользовался этотъ рынокъ, привлекала туда еще очень много чужеземцевъ, арабовъ, мандинговъ и сараколе. Фулы, завоеватели страны, господствовали тамъ надъ потомками прежнихъ владѣтелей земли, бамбаравъ, и наблюдали за строгимъ исполненіемъ мусульманского культа. Жители, славящіеся кротостью и привѣтливостью, всѣ знали арабскую грамоту и умѣли декламировать стихи Корана.

Въ этой области сланія, пробѣгаемой многочисленными судоходными потоками, города могутъ перемѣщаться безъ ущерба для своего значенія, сохраняя за собой всѣ тѣ торговыя выгоды, которая даетъ имъ соединеніе большихъ дорогъ. Покидая Дженне, какъ резиденцію, король Сего-Ахмаду выбралъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ сланія двухъ Нигеровъ, чтобы основать тамъ «во славу Божію» городъ Хамдаллахи (эль-Ламду-Лиллахи); но эта новая столица Массины—или Моассины, какъ ее всегда называли Ленцу—просуществовала недолго. Въ 1862 году ею овладѣлъ Хаджи-Омаръ; то была эпоха наибольшей славы его царствованія; обширная феллатская имперія простирадась тогда отъ пустыни до горъ, гдѣ великая рѣка беретъ свое начало; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ этотъ завоеватель былъ, въ свою очередь, замѣръ въ Хамдаллахи и погибъ вмѣстѣ со своими приверженцами. Теперь остались только развалины отъ этого главнаго города могущественнаго царства. Нынѣшняя столица Массины, Бандагара, находится недалеко отъ праваго берега Бахоя или западнаго Нигера, въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Дженне. Впрочемъ, этотъ край не имѣть политическаго единства: одинъ тукулерскій король изъ династіи Хаджи-Омара господствуетъ въ сосѣдней съ мѣстомъ сланія части страны. Феллатскіе начальники, потомки вождей, водворившихся въ Массинѣ въ 1770 году, удержались въ нѣкоторыхъ внутреннихъ городахъ; туземная населенія, бамбаравы и сонгай, также образовали отдѣльныя маленькия государства, тогда какъ на сѣверо-западной и сѣверо-восточной границахъ туареги и регенаты стараются проникнуть все далѣе въ территоріи осѣдлыхъ негровъ.

Нѣсколько торговыхъ городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на дорогахъ Массины, направляющихся изъ Дженне въ Томбукту, по обѣимъ равнинамъ, окаймляющимъ рѣку на востокѣ и западѣ. Съ восточной стороны Ніаконго, Боре, Дуэнца были упоминаемы тузем-

цами, которыхъ разспрашивалъ Бартъ, какъ значительныя городскія поселенія; съ западной стороны, городъ Бассикуну, посѣщенный Ленцомъ въ 1880 г., представляетъ теперь собраніе-сотни другой глинибитныхъ мазанокъ, сгруппировавшихся въ лѣсной прогалинѣ, но вокругъ его стѣнъ расположено обширное становище арабовъ, которые дали свой языкъ тамошнимъ жителямъ бамбаравамъ, и цѣлая «гора» обломковъ, возвышающаяся въ сосѣдствѣ. Свидѣтельствуетъ о длинномъ рядѣ поколѣній, смѣнившихся въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ, нѣсколько городовъ расположены на берегахъ рѣки или ея притоковъ, внизъ отъ Моэти или Исака, деревни, лежащей при сланіи двухъ Нигеровъ. Кона, на правомъ берегу,—наидалѣ выдвинутая къ западу колонія негровъ сонгайскаго языка. Ниже, на томъ же берегу, показывается Гурамъ, примѣтный издалека по его скалистому холму, который, на подобіе острова, возвышается среди болотъ, боковыхъ рукавовъ рѣки и аллювиальныхъ земель. На западѣ, по другую сторону озера Дебо, встрѣчаемъ большой городъ Йоару (Повару), стоящій смотря по времени года, то среди обсохшей песчаной равнини, то на болотистомъ берегу между лужъ и потоковъ. Между Йоару и Томбукту, мѣстечко Диранъ есть, повидимому, наиболѣе посѣщаемая пристань, но постоянныя войны, опустошившія эти страны со временеми нашествія тукулеровъ, имѣли слѣдствіемъ значительное сокращеніе ея торговыхъ оборотовъ. Къ главнымъ предметамъ торговли верхняго Нигера въ городахъ Массины присоединяются великолѣпныя лошади, по красотѣ и выносливости почти не уступающія варварскімъ. Въ этой части рѣчного теченія, по рассказу о путешествіяхъ Ибнъ-Батуты, въ четырнадцатомъ столѣтіи долженъ быть находиться городъ Мали, столица могущественнаго царства мандинговъ¹⁾.

III. Средній Нигерь: Томбукту, туареги и сонгай.

Эта область центральной Африки явственно ограничена, выше Томбукту и большого рѣчного изгиба, поясомъ развѣтвленія водъ разлива въ боковыхъ потокахъ обоихъ береговъ и, на югѣ сахарскихъ степей и пустынь, первымъ значительнымъ притокомъ, который рѣка получаетъ изъ равнинъ Гауссы. Наибольшая часть громаднаго пространства, обнимаемаго двумя покатостями Нигера, между Томбукту и Гомбой, необитаема или по крайней мѣрѣ имѣеть весьма малое число жителей, сравнительно съ протяженіемъ территоріи; но

¹⁾ Desborough Cooley, „Negroland of the Arabs“.

многіе округа обращены въ настоящую пустыню, не позволяютъ думать о возстановлении единства этой имперіи: она просуществовала не долѣе періода жизни одного поколѣнія, и теперь отъ нея остались только обломки. Недолговѣчность государствъ въ этихъ областяхъ Нигера хорошо выражена бамбарасской пословицей: «Никакой король не можетъ перейти Джолибу дважды въ своей жизни»¹⁾.

Главная масса населенія, обитающаго въ долинахъ Нигера и его притоковъ, принадлежитъ къ мандингской расѣ. Куранкосы, занимающіе область истоковъ,—соплеменики туземцевъ того же имени, живущихъ на западной покатости горъ Лома, въ бассейнахъ рѣкъ Рокель и Камаронка. При-нигерскіе куранкосы дѣлятся на множество маленькихъ, независимыхъ одно отъ другаго, государствъ, изъ которыхъ каждое имѣть своего царька, свой совѣтъ старѣйшинъ, своихъ жрецовъ свои специальные обряды и которыя вѣчно враждуютъ между собой, что дѣлаетъ путешествіе въ этой странѣ очень продолжительнымъ, а иногда и опаснымъ. Ихъ восточные сосѣди, кисси, гораздо болѣе дружелюбные къ иностранцамъ, имѣютъ обычай выдавать своихъ дочерей замужъ за кочующихъ купцовъ, мандинговъ или су-су. Будучи сами осѣдлыми, они состоятъ, благодаря этимъ родственнымъ связямъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями всѣхъ мѣстностей, между побережьемъ Сенегамбіи и горами Конгъ. Далѣе на сѣверъ, сангарацы, жившіе прежде маленькими самостоятельными общинами, управляемыми совѣтомъ старииковъ²⁾, должны были признать надъ собой власть упомянутаго мауди Самори. Эта область—страна басенъ. Англійскому путешественнику Уинвуду Риду рассказывали о туземцахъ, которые будто-бы могутъ цѣлыми часами оставаться подъ водой, на дѣрѣкѣ, и умѣютъ приручать крокодиловъ; особенно женщины умѣютъ привязывать къ себѣ этихъ чудовищъ. Миѳъ объ амазонкахъ, встрѣчающейся во многихъ странахъ, существуетъ также и въ этой части Африки, у народа кисси; но еще неизвѣстно, какая основа истины скрывается подъ ихъ легендами. «Въ двѣнадцати дняхъ ходьбы отъ ихъ земли», говорятъ они, къ востоку, большой городъ Нахало населенъ исключительно женщинами. Всякий мужчина, котораго онъ встрѣтить въ городѣ или его окрестностяхъ, долженъ быть преданъ смерти: такъ требуетъ законъ; но часто случается, что забранныхъ иноземцевъ щадятъ и держатъ секретно въ плѣну; мальчики, рождающіеся изъ этихъ союзовъ между плѣнниками и свободными женщинами, безжалостно убиваются; оставляютъ жить только дѣвочекъ³⁾). Уинвудъ

Ридъ разсказываетъ также, со словъ туземцевъ, что въ землѣ Кисси женщины знаютъ искусство сообщать голубой цвѣтъ глазамъ своихъ дѣтей, дѣлая близъ орбиты уколы, куда вводить какой-то порошокъ¹⁾). Наконецъ, Моллену говорили объ одномъ народѣ, по имени маніана, у которого будто-бы существуетъ обычай убивать больныхъ и старииковъ и употреблять въ пищу ихъ трупы, такъ что въ томъ краю человѣческое мясо продается на рынкѣ.

Нація уассулу, повидимому, численно самая могущественная въ области притоковъ къ востоку отъ запада Нигера: деревни тамъ стоятъ такъ близко одна отъ другой, что король передаетъ свои приказы, по словамъ туземцевъ, не имѣя надобности выходить изъ своей резиденціи: «слово его переносится стоствой молвой до крайнихъ предѣловъ государства»²⁾. Жители страны Уассулу, какъ полагаетъ Рене-Калье, принадлежатъ къ феллатской расѣ; однако, эти чернокожіе многими чертами походятъ на бамбарасовъ и говорятъ мандингскимъ языкомъ. Сараколе, между которыми много купцовъ, тоже очень многочисленны въ этой странѣ. Города населены магометанами, тогда какъ ауссулусы поселяне относятся индифферентно къ исламу; они хорошо принимаютъ мусульманъ, какъ и всѣхъ другихъ чужеземцевъ, но отказываются подражать обрядамъ марабутовъ. Рене-Калье отзыается съ большой похвалой объ уассулусахъ, говоря, что это самые добродушные и гостепріимные изъ всѣхъ негровъ, которыхъ онъ встрѣчалъ: они очень вѣжливы, даже слишкомъ, такъ какъ женщины ихъ простираютъ свою любезность до того, что становятся на колѣни передъ иностранцемъ; и ихъ любопытство, хотя сильно возбужденное, никогда не переходитъ въ нескромность, какъ у мандинговъ. Истинные феллаты по заботливому уходу за скотиной, уассулусы имѣютъ великолѣпныя стада крупнаго рогатаго скота; кроме того, они разводятъ барановъ, козъ и въ небольшомъ количествѣ лошадей; вообще мало выносливые къ труду, мужчины занимаются исключительно птицеводствомъ. Очень миролюбивые по природѣ, уассулусы храбро защищаютъ свое отечество, и, по словамъ купцовъ, посѣщающихъ французскіе посты на Нигерѣ, до сихъ поръ съ успѣхомъ отражали нападенія Самори. Во время посѣщенія края путешественникомъ Рене-Калье они употребляли лукъ и стрѣлы; ружья были еще рѣдки въ той странѣ; нынѣ же нѣть уже ни одного негритянскаго народца, который бы не промѣнялъ стрѣлы или дротика на огнестрѣльное оружіе. Движеніе народовъ, происходящее съ неудержимой силой уже многіе вѣка отъ вос-

¹⁾ Winwood Reade, цитированное сочиненіе.

²⁾ Zweifel et Moastier, цитированное сочиненіе.

³⁾ „African Sketch Book“.

¹⁾ Gallieni, цитиров. сочиненіе.

²⁾ Pietri, „Les Francais au Niger“.

тока къ западу въ этой части африканского континента, продолжается и въ наши дни: въ 1879 году, во время путешествия двухъ исследователей верхняго Нигера, Цвейфеля и Мутье, на правомъ берегу рѣки стояли лагерь завоеватели изъ племени гаусса, повидимому, собираясь продолжать свой побѣдонасный походъ къ области горъ.

Къ сѣверу отъ территорій Уассулу, Джалонке и колоній мандинговъ и цивилизованныхъ феллатовъ, главная масса населенія береговъ Нигера и сосѣднихъ земель состоить изъ бамбарасовъ. Эти негры, называющіе себя баманао или ба-мана, что значитъ «люди Большой Скалы»¹), по ихъ преданіямъ, первоначально жили въ южныхъ горахъ и только по праву завоеванія водворились на берегахъ

ныхъ овала, обращенныхъ кнаружи». Можно сказать только, что въ среднемъ бамбарасы—негры съ очень темной кожей и курчавой шевелюрой, болѣе рослые и болѣе сильные, чѣмъ малинке, и тѣлесная красота ихъ менѣе скучна; нежели у уолофовъ, сереровъ и круменновъ. Они отличаются отъ своихъ сосѣдей трети параллельными рубцами на щекѣ, идущими отъ угла глаза до угла губъ.

Промышленность очень развита у бамбарасовъ. Какъ кузнецы, они одни изъ самыхъ искусныхъ между неграми: глиняныя трубы, служащія поддувалами, устроены очень остроумно и иногда изъ предосторожности, чтобы не лопнули, крѣпко связаны ліанами. Бамбарасы давно уже научились фабриковать порохъ, добывая селитру выщелачиваніемъ земли; они пле-

Внутренность жилища племени бамбара.

двухъ Бахоевъ, Нигера и Сенегала, въ Бедугу, Бахуну, Каарту и другихъ земляхъ, где прежде господствовали сараколе²). Они принадлежать къ той же расѣ, какъ мандинги, и говорятъ языкомъ, корни которого не отличаются отъ корней нарѣчія малинке. Впрочемъ, переселенія черезъ континентъ, смѣщеніе съ другими племенами, какъ слѣдствіе завоеванія и невольничества, видоизмѣнили типъ до безкличности, и наблюдатели, смотря по тому, чрезъ какія мѣстности имъ случалось проходить, описываютъ этихъ негровъ совершенно различно: по однимъ, бамбара имѣть тонкія губы и орлиный носъ; по другимъ, напротивъ, ротъ у него огромный, губы толстые, оттопыренныя косо лежащими рѣзцами, носъ приплюснутый, «отверстіе ноздрей образуетъ два параллель-

тутъ веревки и канаты, перебрасываютъ мости на потокахъ, строять пироги и паромы. Дома у нихъ по большей части четыреугольные, съ плоской кровлей, снабженной желобами для стока воды и отверстиемъ для выхода дыма. При помощи разведенной золы или красной охры, глинянитныя стѣны украшены рисунками, изображающими руки, ноги, животныхъ или геометрическія фигуры: можетъ быть, эта примитивная живопись прежде имѣла магическое значеніе, какъ средство для защиты жилища отъ злыхъ духовъ, нынѣ же она не имѣть иной цѣли, кромѣ удовлетворенія артистическому вкусу обитателей. Бамбарасы обладаютъ также кое-какими астрономическими познаніями и предсказываютъ погоду по виду солнца, луны и созвѣздій¹).

¹⁾ Binger, „Essai sur la langue bambara“.

²⁾ Bérenger-Féraud, „Les peuplades de la Sénégambie“.

¹⁾ Binger, цитированное сочинение.

Также какъ уассусусы, бамбарасы смиры, гостепримны, великодушны, незлобивы. Они очень смѣшины, разговариваютъ всегда съ одушевленіемъ, съ жестами, и кричать всѣ вдругъ; въ праздники, которые у нихъ справляются по всякому поводу, они превосходятъ другихъ туземцевъ шумными дурачествами. Въ музыкальномъ талантѣ они уступаютъ мандингамъ, но умѣютъ производить болѣе оглушительный шумъ на барабанахъ и флейтахъ, наканунѣ битвы, когда они приготовляются къ смерти, три печальные ноты прерываютъ время отъ времени веселую музыку¹). Бамбарасы славятся своей храбростью, и многіе изъ нихъ продаютъ себя въ военную службу къ чужимъ вождямъ: часто случалось, что бамбарасскіе воины опустошали свое собственное отечество подъ командой французскихъ завоевателей. Между туземцами одни только бамбарасы достаточно храбры, чтобы атаковать непріятельское укрѣпленіе, но они такъ же безпощадны въ побѣдѣ, какъ кротки въ мирное время. Самая ненарушимая клятва у бамбараса—это клятва «порохомъ и ружьемъ». Эта любовь войны ради войны естественно должна была привести въ результатъ къ рабошенію. Несмотря на свою храбрость, бамбарасы вездѣ подвластны другимъ народамъ: въ долинахъ верхняго Нигера они повинуются феллатамъ и мандингамъ; во французскомъ Суданѣ они должны подчиняться приказамъ комендантovъ фортовъ; на противоположномъ берегу Нигера и въ области Каарта ихъ угнетаютъ тукулеры; только нѣсколько мелкихъ племенъ, между Каарта и Беледугу, могутъ считаться вполнѣ независимыми.

Впрочемъ, рабство, такъ сказать, въ традиціи у бамбарасовъ. Плѣнники изъ этой націи нѣкогда цѣнились гораздо выше плѣнниковъ другихъ племенъ, потому что они спокойнѣе переносили свою участь и не думали ни о возмущеніи, ни о побѣгѣ. Съ другой стороны, между бамбарасами свободные люди легко подчиняются господству невольниковъ: въ большинствѣ мелкихъ государствъ этой страны власть находится обыкновенно въ рукахъ че-ляди; начальники племенъ вѣроятно плѣнниками свои сокровища, свою семью, свои дѣла, командование войсками, и толпа подданныхъ безропотно повинуется подобнымъ министрамъ²). Въ Каарта при вступлении на престолъ нового царька, первымъ привѣтствовалъ его начальникъ работъ, раскладывавший передъ нимъ сокровища короны, затѣмъ старшина кузнецовъ, бывший въ то же время «предводителемъ дворянства», обращался къ королю съ рѣчью, въ которой, между прочими, произносилъ такія постыдныя слова: «помни прежде всего, что ты нашъ повелитель, и что наши

головы принадлежать тебѣ». Высшая каста, курбари, считающая себя въ близкомъ родствѣ съ бегемотами, имѣла всѣ права надъ торговцами изъ племени сараколе, надъ «вольными людьми» низшихъ кастъ, надъ всей толпой земледѣльцевъ, потомковъ покоренныхъ племенъ діавара и кассонке. Масса-си, или «Сѣмья Массы», т. е. потомки одного изъ прежнихъ царей, считаются благородными изъ благородныхъ: они были советниками короля и распредѣляли между собой всѣ почетнѣйшия должности; смертная казнь никогда не примѣнялась къ людямъ ихъ сословія; и даже совершившіе тяжкое преступленіе избѣгали всякоаго наказанія, если имъ удавалось послѣ произнесенія приговора плюнуть на своего обвинителя. Для отличія отъ простыхъ бамбарасовъ, масса-си носили тяжелое золотое кольцо въ правомъ ухѣ, поддерживаемое косой или ремешкомъ. До нашествія тукулеровъ, сломившаго силу старыхъ обычавъ, иногда приносили въ жертву военноплѣнныхъ на могилѣ умершаго масса-си, и закладка домовъ вѣльможъ совершалась на трупахъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, образъ правленія былъ строго монархическій: жена—«рабыня мужа», дѣти до совершеннолѣтія—невольники отца; но обыкновенно достаточно, чтобы быть признаваемъ принципъ, на практикѣ же женщины и дѣти пользуются полной свободой: случается даже, что женщины наравнѣ съ мужчинами подаютъ свое мнѣніе на сельскихъ сходахъ. Съ домашними животными бамбарасы обращаются очень ласково, чтѣ дало арабамъ поводъ говорить, что эти чернокожіе живутъ вмѣстѣ съ собаками, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревни управляются какими-то волосатыми существами, полу-псыами, полу-бамбарасами¹).

Почти всѣ баманосы или бамбарасы, по крайней мѣрѣ жители области Каарта, называютъ себя магометанами, но мало усердствуютъ въ вѣрѣ и сливутъ за кафировъ у ихъ властителей тукулеровъ: есть даже много племенъ, которыхъ, вернувшись себѣ политическую независимость, отказались отъ всѣхъ церемоній ислама, чтобы имѣть право снова предаваться пляскамъ и запретнымъ забавамъ; въ праздники туземцы напиваются виномъ доло и ёдятъ собачье и даже шакалье мясо, хотя бы только для того, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свою ненависть къ религіи угнетателей. Такимъ образомъ магометанство, дѣлающее такіе успѣхи въ другихъ странахъ Африки, теряетъ почву у бамбарасовъ, какъ и у куранкосовъ. Что касается обычая обрѣзанія, то онъ, также какъ и обычай вырѣзыванія для молодыхъ дѣвушекъ, существовалъ уже гораздо ранѣе прибытія магометанъ въ страну; операциіи эти обыкновенно поручаютъ дѣлать кузнецамъ и ихъ женамъ, лю-

¹) Pietri, цитированный жемуаръ.

²) Ricard, „Le Sénégal“, etude intime.

¹) Paul Soleillet, цитированное сочиненіе.

дамъ высшей касты, которые никогда не были порабощены, и которые живутъ, яко-бы, въ постоянномъ общеніи съ духами. Тайные общества также справляютъ свои обряды въ лѣсахъ¹⁾. Большинство бамбарасовъ имѣютъ своихъ фетишей—корни растеній, куски матеріи, пучки шерсти,—которыхъ они запираютъ въ бычачій рогъ, въ слоновый бивень, или еще чаще въ тыквенную бутылку или въ канари, большой глиняный кувшинъ. Круглая форма и желтый цвѣтъ этого сосуда напоминаютъ творца—солнце. Иногда вокругъ сосуда, хранилица фетиша, обвивается змѣя, символъ міра безъ начала и конца. Если сосудъ порожній, къ нему подходитъ еще съ большими благоговѣніемъ: значитъ, въ немъ обитаетъ невѣдомый богъ²⁾.

Въ верхнемъ бассейнѣ Джолибы путешественники Калье, Ленгъ, Уинвудъ-Ридъ, Цвейфель и Мутье встрѣчали только деревни, убогія столицы маленькихъ государствъ. Неліа, Тантафара, въ непосредственномъ сосѣдствѣ истоковъ,—просто группы хижинъ. Ліа, при слияніи главныхъ вѣтвей, образующихъ Джолибу, незначительное мѣстечко, безъ всякой торговли; Фаранна, которую посѣтилъ Ридъ, на правомъ берегу рѣки, въ 200 километрахъ отъ истока, представлять груду развалинъ. Политическій центръ мусульманской имперіи, основанной Самори, находится нынѣ въ главной долинѣ, на берегахъ восточного притока, рѣки Жанды и въ ея боковыхъ долинахъ. Галаба, гдѣ вышеупомянутый сенегальскій офицеръ Алакамесса посѣтилъ этого завоевателя въ 1881 году, была тогда его обычной резиденціей, близъ истоковъ Жанды; въ 1885 году, Сананкоро, лежащій сѣвернѣе, въ мѣстности, покрытой высокими холмами, былъ лѣтней столицей; Биссанду, ниже по рѣкѣ, былъ зимней метрополіей. Недалеко отъ этой послѣдовательной деревни, сдѣлавшейся временно столицей имперіи, группируются хижины главнаго города страны, Канканы, на рѣчкѣ Мило, небольшомъ восточномъ притокѣ Нигера. Населенный мандингами и саракольскими купцами, этотъ городъ monopolизировалъ торговлю всей области верхняго Нигера, и караваны его ходятъ до самаго моря, въ Фритаунъ и даже внутрь Сахары, въ Тишитскій оазисъ, гдѣ они покупаютъ бруски соли, въ обмѣнъ за невольниковъ и южныя произведенія; туземныя лошади отличаются превосходными качествами. Кинканъ—очагъ магометанства въ области западнаго Нигера. Онъ часто ведеть войну со своими

юго-восточными сосѣдями, торонами или торонгами, которыхъ считаютъ наиболѣе чистыми потомками древнихъ бамбарасовъ: горы ихъ, говорять, были первоначальной родиной расы, распространившейся теперь по обширной территории на сѣверъ и сѣверо-западъ.

Въ этихъ странахъ торговля и пропаганда ислама идутъ вмѣстѣ: мандингскіе *djouls* суть въ то же время миссионеры Аллаха и его пророка. Въ каждомъ торговомъ селѣ есть мечеть, и нѣкоторыя изъ деревень населены исключительно мусульманами. Такова Самбатикила, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Канканы, въ сосѣдствѣ земли племени торонъ; другія мѣстечки, какъ, напримѣръ, Тиме, состоятъ изъ двухъ отдельныхъ группъ хижинъ, каждая въ особой оградѣ и съ населеніемъ различнаго культа. Женщины одного бамбарасскаго племени, которое путешественникъ Калье встрѣтилъ въ сосѣдствѣ Тиме, слѣдуютъ той же модѣ въ украшеніи лица, какъ многія изъ ихъ единоплеменницъ въ принильскихъ племенахъ: они вставляютъ палочки или кружки изъ тыквенаго дерева въ отверстіе, проколотое въ губѣ, которая отъ этого выдается впередъ; безъ этого украшенія всякое женское лицо показалось бы имъ безобразнымъ. Тенгрера и Дебена—главные рынки области Бахоя, или восточнаго Нигера. Первый, какъ и Тиме,—двойной городъ, въ одно и то же время мандингскій и бамбарасскій, магометанскій и языческій; такимъ образомъ караванныя дороги, до низовьевъ Нигера и до береговъ Золотаго и Невольничьяго, устьяны, точно вѣхами, маленькими поселеніями, имѣющими каждое свою мусульманскую общину. Тенгрера такой же оживленный рынокъ, какъ Канканъ, и служить складочнымъ мѣстомъ для брусковъ соли, привозимыхъ изъ Сахары. Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли въ этой области—орѣхи кола, получаемые изъ-за южныхъ горъ, изъ страны, которую путешественнику Рене-Калье называли именемъ Таманъ: это, можетъ-быть, Гіаманъ въ верхнемъ бассейнѣ Волты. Одна изъ главныхъ дорогъ тѣхъ краевъ проходитъ черезъ большой мандингскій городъ Конгъ, то-есть «Гора», славящійся во всѣхъ сосѣднихъ земляхъ своими богатствами въ золотѣ и матеріяхъ, въ зерновыхъ хлѣбахъ и лошадяхъ. Эти невѣдомыя бѣломуровые человѣкы страны, вѣроятно, принадлежать къ числу самыхъ цвѣтушихъ въ Африкѣ. Путешественникъ Бонна во время своего четырехлѣтняго пребыванія въ столицѣ ашантіевъ часто слышалъ о какомъ-то почти бѣлокожемъ народѣ, занимающемъ часть плоскогорья Конгъ. Имя филану, которымъ его называли, очевидно, примѣняется, какъ и имя филаны, на берегахъ Нигера, къ нації той феллатской расы, которая наводнила своимъ эмигрантами и колоніями всю западную Африку. Фалаба, на правомъ берегу Джолибы, Фала-

¹⁾ René Caille;—Paul Soleillet, цитировано сочиненіе;—Colomb, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Lyon“ 1885.

²⁾ Anne Raffenel, цитированное сочиненіе;—L. Panet, „Revue Coloniale“ 1850;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

лама, близъ лѣваго берега, обозначаютъ то мѣсто рѣки, гдѣ теченіе ея служить восточной границей французскому Судану. Заселеніе страны, безъ сомнѣнія, придастъ значительную важность этой части долины Нигера, такъ какъ здѣсь Танкиссо или Бафингъ соединяется съ главной рѣкой, пройдя передъ тѣмъ черезъ территоріи Джалконе-дугу и Балейя. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ, къ западу, находятся золотоносныя розыски Буре, разрабатываемыя преимущественно женщинами, какъ наносныя формациіи Бамбука, ибо за исключеніемъ мандинговъ, людей безъ предразсудковъ, мужчины свободного класса считаютъ унизительнымъ этотъ родъ труда. Территорія Буре походитъ на огромное рѣшето: вся она изрыта глубокими ямами, которая по большей части утилизируются преимущественно только въ зимнюю пору, когда обиліе воды дѣлаетъ возможной промывку земли¹⁾. Обвалы въ этихъ рудникахъ довольно часты, и если обвалившаяся землей засыпаетъ работавшихъ въ шахтѣ, то воображаютъ, что злой духъ хочетъ удержать ихъ при себѣ за тѣмъ, чтобы они служили ему рабами на томъ свѣтѣ, и потому остерегаются подать имъ помошь; но по прошествію года послѣ несчастного случая, заваленную яму раскапываютъ; если тѣла раздавленныхъ были хорошо охраняемы отъ демоновъ добрыми духами, то вокругъ труповъ должно скопиться много золота²⁾, въ возмѣщеніе потери, понесенной рудокопами. Туземцы въ Буре вѣрятъ также, что души умершихъ переселяются въ деревья или въ гнѣзда терmitovъ. Бѣдная деревушка Ди, гдѣ имѣеть пребываніе одинъ изъ главныхъ начальниковъ Буре, была крайнимъ пунктомъ, котораго достигъ Уинвундъ Ридъ въ 1869 году, во время своего изслѣдованія верхняго Нигера. Правительство Буре, бывшаго прежде вассаломъ Сегу, а нынѣ состоящаго подъ покровительствомъ Франціи, сосредоточено въ рукахъ четырехъ знатныхъ фамилій, члены которыхъ сообща совѣщаются о дѣлахъ управлениія³⁾. Къ востоку отъ Джолибы, главный рынокъ страны лежитъ въ сотнѣ километрахъ отъ рѣки: это—деревня Канкарэ, куда торговцы приходятъ главнымъ образомъ для покупки невольниковъ и золотаго песку. Кеніера, еще недавно «очень большой и очень богатый» городъ, находившійся въ 40 километрахъ къ юго-востоку отъ Фалаба, былъ разрушенъ въ 1882 году арміей Самори, за четыре дня до прибытія маленькаго французскаго отряда, спѣшившаго на помощь осажденнымъ. Это единственный пунктъ за Нигеромъ, куда про-

никали и гдѣ дали сраженіе экспедиціонныя колонны изъ французского Судана.

Государство Мандингъ, названное такъ по имени его обитателей, поступившихъ подъ покровительство Франціи, заключаетъ въ себѣ нѣсколько важныхъ поселеній на лѣвомъ берегу Нигера и внутри страны, на водораздѣльной возвышенности между Нигеромъ и Сенегаломъ, лежащей очень близко къ первой изъ этихъ рѣкъ: вслѣдствіе крутизны ската на восточной покатости, воды ручьевъ бѣгутъ каскадами по песчаниковымъ скаламъ. На восточной большой рѣкѣ самое значительное мѣстечко—Кангаба; другой многолюдный городокъ, Сиби, построенный на выступѣ горы, находится внутри страны, къ западу отъ рѣчной долины. Въ этомъ мѣстѣ крутые склоны водораздѣльного хребта между Сенегаломъ и Нигеромъ господствуютъ надъ аллювиальной равниной, имѣющей не менѣе 30 километровъ протяженія до рѣки, но утесы, изрѣзанные глубокими оврагами, по которымъ можно подняться на плоскогорье, постепенно приближаются къ берегу; они удалены отъ рѣки всего только на 3 километра выше Бамаку (Бамако), маленькаго городка, который французы избрали административнымъ центромъ своихъ владѣній на Нигерѣ. Нѣкогда это былъ многолюдный и торговый городъ: арабскіе писатели говорятъ о немъ какъ обѣ одномъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Судана, и Мунго-Паркъ нашелъ тамъ одинъ изъ главнѣйшихъ этаповъ во время своихъ двухъ путешествій. Въ наши дни неправильный четыреугольникъ, около полкилометра въ сторонѣ, образующій городскую стѣну или тата Бамаку, заключаетъ внутри больше развалинъ, чѣмъ домовъ: въ 1893 году все населеніе города не превышало 800 человѣкъ. Однако, это маленькое бамбарасское государство успѣло сохранить свою независимость: ни тукулеры Ахмаду, ни мандинги-мусульмане Самори не входили туда, когда явились французы и начали работы по возведенію укрѣплений. Въ то время равнина, среди которой стоитъ Бамаку, казалась почти необитаемой: по берегу рѣки тянулись болотистыя пространства до почернѣлыхъ стѣнъ ограды, за которыми прятались хижины туземцевъ; далѣе видно было только сплошное море высокой травы, тамъ и сямъ большія деревья, затѣмъ, на заднемъ планѣ, три уступа голаго утеса, поднимающагося въ цѣломъ на высоту 200 метровъ. Теперь эта равнина перерѣзана хорошими дорогами, обсаженными деревьями; въ портѣ тѣснятся барки и лодки, и вновь разведенныя плантаціи образуютъ поясъ зелени вокругъ бѣлыхъ стѣнъ крѣпости. Въ 1884 году торговые обороты въ Бамаку простирались до 5.000.000 франковъ.

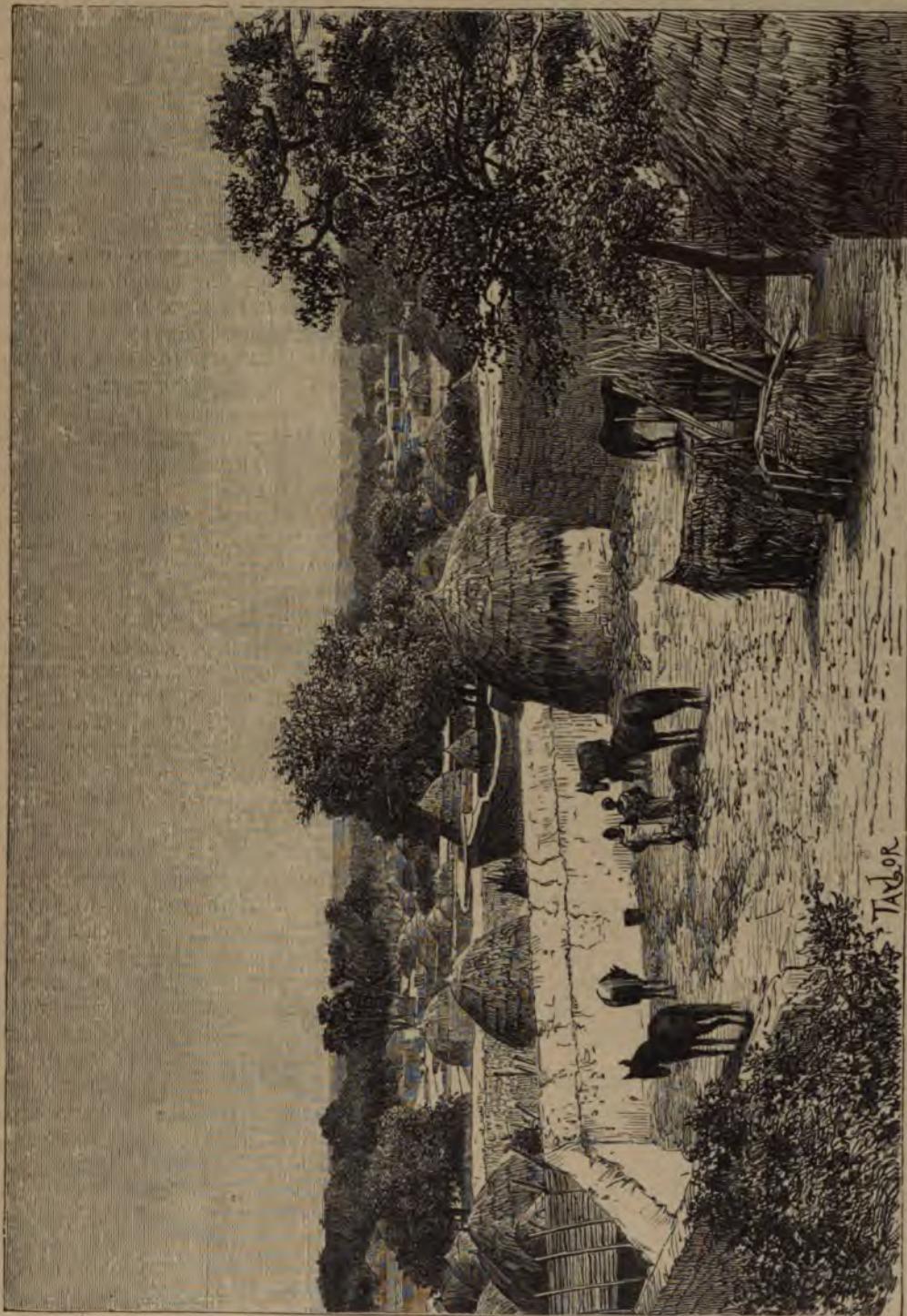
Первая большая деревня ниже Бамаку и сосѣднихъ пороговъ—Багинта, на правомъ бер-

¹⁾ Faidherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1886.

²⁾ P. Soleillet, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Vallière, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 1881.

регу. Затѣмъ слѣдуетъ, на лѣвомъ берегу, населена маленькими республиканскими общинами бамбарамъ, которыхъ соединились въ федерацію, чтобы общими силами сопротивляться тукулерамъ, и успѣли сохранить свою

ВУРНО.

съ землею племени белери или Беле-дугу, простирающейся на западъ, къ источникамъ сенегальского Бауле. Эта гористая область

независимость, политическую и религіозную. Кровавыми экспедиціями тукулерамъ удалось, правда, пройти черезъ территорію Беле-дугу, но не покорить ее. Благодаря сохраненію свободы, селенія белеровъ пользуются благо-

⁹ Gray and Dochart, „Travels in Western Africa“.

состояніемъ и окружены прекрасно воздѣланными плантациами и полями; въ послѣднее время даже основывались новые деревни на торговыхъ дорогахъ между Нигеромъ и оазисами Сахары¹), тогда какъ въ окружающихъ земляхъ встрѣчаешь по крайней мѣрѣ три разоренныхъ деревни вокругъ каждой еще населенной группы хижинъ. Лѣса въ Беледугу состоять по преимуществу изъ масличного дерева; въ саваннахъ растетъ одинъ видъ дикаго табака, которому Соделье, а также Бартъ и многие натуралисты приписываютъ африканское происхожденіе.

Ямина или Ньямина, разоренный городъ, на лѣвомъ берегу Нигера, въ сотнѣ километровъ ниже Куликоро, принадлежалъ къ имперіи Сегу; но въ 1884 году, во время прохода французской канонерки, жители его, бамбарасы и сараколе, прогнали тукулерскій гарнизонъ и отдались подъ покровительство Франціи. Ямина—естественный портъ всей области верхняго Беледугу, Фа-дугу и сосѣднихъ съ пустыней рынковъ; торговцы изъ племени сараколе настолько многочисленны здѣсь, что языки ихъ сдѣлался посредникомъ торговаго обмѣна, даже у бамбарасовъ и мавровъ, живущихъ въ этой странѣ. Банамба, настоящій городъ, такъ какъ въ немъ, по словамъ путешественника Мажъ, насчитывается свыше 8.000 жителей, почти исключительно племени сараколе,—лежитъ километрахъ въ пятидесяти отъ рѣки, въ великолѣпной равнинѣ, усыпанной баобабами и другими деревьями; архитектура его домовъ съ плоскими крышами, надь которыми возвышается закругленный курганъ, указываетъ уже сосѣдство мавровъ. Далѣе слѣдуютъ большія деревни и даже города на дорогахъ страны Каарты, относительно густо населенной въ этой области, которая производить просо въ количествѣ, далеко превышающемъ нужды мѣстнаго потребленія. Плоскогорія и гористыя террасы смѣняются слегка волнистыми равнинами, которые составляютъ переходъ между холмистыми мѣстностями Судана и гладкими степями, предшествующими пустынѣ.

Сегу, хотя теперь въ упадкѣ, все еще одинъ изъ большихъ прибрежныхъ городовъ Нигера. Недавно онъ былъ столицей обширной имперіи, простиравшейся отъ Каарты до Уассулу и отъ Джаллонке-дугу до Массины, на пространствѣ около 500.000 квадр. километровъ. Отрывокъ этой имперіи, въ которомъ Сегу нынѣ главное мѣсто, относительно невеликъ, но коммерческое положеніе этого города представляетъ такія выгоды, что даже развѣнчанный и опустошенный войной, онъ всегда оправится отъ разоренія и снова станетъ

центромъ населенія и торговли. Въ самомъ дѣлѣ, Сегу находится на правомъ берегу рѣки, всего въ какихъ-нибудь сорока километрахъ отъ Бахоя или восточнаго Нигера, который течеть параллельно западному Нигеру и соединяется въ этомъ мѣстѣ со всѣми своими притоками: благодаря удобству сообщенія черезъ окружающія равнину, въ Сегу сходятся всѣ дороги изъ верхнихъ нигерскихъ долинъ, отъ Фута-Джалловъ до горныхъ цѣпей Махи; большой рынокъ Каяе, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Сегу, служить главнымъ этапомъ на дорогѣ, ведущей къ таинственному городу Конгъ. Религіозныя войны, опустошившія, съ половины настоящаго столѣтія, эти страны, точно огромный пожаръ, обращая въ пустыни области, прежде усеянныя многолюдными городами, пощадили округъ Сегу: бамбарасы и сонинке безъ сопротивленія покорились завоевателямъ тукулерамъ и тѣмъ спасли свою жизнь. Въ 1865 году, Мажъ, прожившій двадцать семь мѣсяцевъ въ этой столицѣ, оцѣнивалъ въ 100.000 число жителей округа Сегу между двумя Нигерами, а изъ вычисленій, основаныхъ на распределеніи добычи, онъ вывелъ цифру въ 36.000 для населенія города Сегу и подгородныхъ деревень.

Въ дѣйствительности Сегу состоить изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по берегу рѣки на протяженіи около 15 километровъ. Первый изъ этихъ городовъ, считая отъ верховья,—Сегу-Коро, или «Старый Сегу», гдѣ еще видны остатки дворца прежніхъ бамбароскихъ королей. Напротивъ Старого Сегу, на лѣвомъ берегу, стоитъ мѣстечко Фаракко. За Сегу-Коро на южномъ берегу слѣдуетъ Сегу-Бугу, а противъ него, на сѣверномъ берегу, расположено пригородъ Калабугу; затѣмъ идутъ Сегу-Кура, или «Новый Сегу», и растянувшіяся въ видѣ одного непрерывнаго города поселенія Дуабугу, Гупп и Сегу-Сикоро, резиденція короля и официальная столица государства; ниже по рѣкѣ, на томъ же берегу, находится деревня Сомоно, населенная рыбаками и лодочниками племени сонинке, которые въ награду за услуги, оказанныя ими тукулерскимъ завоевателямъ, получили монополію рѣчныхъ промысловъ, и которые, кроме того, славятся какъ очень искусные каменщики²). Другойсосѣдній городъ, Дугассу, лежащий километрахъ въ тридцати къ югу, можетъ быть рассматриваемъ какъ вѣнчій рынокъ Сегу для всѣхъ произведеній, отправляемыхъ изъ верхнихъ долинъ. По стилю своихъ зданій Сегу принадлежитъ болѣе къ Мавританіи, чѣмъ къ Судану. Его дома съ террасами опираются на широкіе столбы, украшенные арабесками и несущіе по всей окружности кон-

¹⁾ Jean Bayol „Bulletin de la Soci t  de G ographie du Lille“, d cembre 1884

²⁾ Mag ;—Solleillet, цитирован. сочиненіе.

соли изъ глины: это почти тотъ же родъ постройки, какъ и въ Арауанскомъ оазисѣ, на дорогѣ изъ Марокко въ Томбукту. Но въ отношеніи обычаевъ торговли Сегу еще находится въ Суданѣ: тамъ считаютъ на раковинки каури, три тысячи которыхъ представляютъ, въ среднемъ, цѣнность пятифранковой монеты; для крупныхъ суммъ денежной единицей, реальной или фиктивной, служить невольникъ. Никакой предметъ торгового обмѣна не подверженъ такимъ быстрымъ колебаніямъ въ своемъ курсѣ, какъ невольникъ, цѣна котораго сильно мѣняется, смотря по результату войнъ, побѣдоносныхъ или фатальныхъ. Съ тѣхъ порь, какъ прекратилась продажа негровъ европейцамъ въ портахъ побережья, тукулеры отрубаютъ голову всѣмъ плѣнникамъ, ростъ которыхъ превосходитъ длину ружья; женщины и дѣти продаются въ самотѣ краѣ. Султану усугубляются исключительно женщины, называемыя «корсиги», носація на груди золотыя бляхи въ формѣ кирасть; онъ выбираетъ даже офицеровъ между придворными невольницами, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ высшихъ должностей въ королевствѣ. Одна изъ родственницъ короля Сегу стоитъ во главѣ управлениій гинекеемъ, где воспитываются, на счетъ государства, молодыя дѣвушки, которыхъ султанъ пред назначаетъ своимъ почетнымъ гостямъ¹).

Тукулеры, хотя потомки завоевателей, гордящіеся своимъ благороднымъ происхожденіемъ и чистотой своей вѣры, перестали быть господами въ Сегу. Бывъ прежде бамбарасскимъ государствомъ, это королевство снова становится таковымъ, благодаря постепенному уменьшению численности иммигрантовъ завоевателей. Хотя хаджи Омаръ привелъ съ собой нѣсколько тысячъ талибе изъ Футы, но войны и болѣзни быстро сократили ихъ число, вербовка же этихъ «вѣрныхъ» въ настоящее время очень затруднительна, вслѣдствіе отдаленности родины и возникновенія независимыхъ или враждебныхъ государствъ въ промежуточномъ поясѣ. Основаніе французскихъ военныхъ постовъ въ области верхняго Сенегала, образованіе новой маликейской имперіи завоевателя Самори, наконецъ, возмущенія Беле-Дугу и окружающихъ территорій совершенно изолировали тукулеровъ Сегу отъ ихъ первоначальнаго отечества, «они живутъ точно плѣнные въ завоеванной ими странѣ»²), и все болѣе и болѣе софы, или бамбарасскіе воины, занимаютъ мѣсто тукулерскихъ талибе въ предводительствованіи войсками и въ управлениі гражданскими дѣлами. Подобно тому, какъ въ Китаѣ манджуры, такъ сказать, распускаются въ китайскомъ элементѣ, такъ точно на Нигерѣ вы-

ходцы изъ Футы теряются въ бамбарасскомъ обществѣ. Но, хотя снова перешедшее въ руки представителей націи, правительство *лам-діумбе*, или «повелители вѣрующихъ», не перемѣнило своего образа дѣйствій въ отношеніи народа, по-прежнему подавленного непосильнымъ бременемъ разнаго рода поборовъ: десятины, подушной подати, обычныхъ сборовъ, таможенныхъ пошлинъ и военныхъ реквизицій. Талибе и софы освобождены отъ всякихъ налоговъ.

Городъ Сансандигъ, стоящий въ 55 километрахъ ниже Сегу-Сикоро, на лѣвомъ берегу рѣки, тоже занимаетъ необходимое положеніе, какъ торговый центръ. Разрушенный недавно тукулерами, въ наказаніе за долгое сопротивленіе, онъ неминуемо долженъ оправиться и отстроиться на томъ же самомъ мѣстѣ или въ близайшемъ сосѣдствѣ. Кругой изгибы, описываемый Нигеромъ къ сѣверу, дѣлаетъ этотъ пунктъ мѣстомъ схожденія дорогъ изъ Сахары, и естественные рынки обмѣна между жителями саваннъ и жителями Судана находятся какъ разъ въ сосѣднемъ поясѣ, промежуточномъ между холмами и равниной. Менѣе чѣмъ въ сотнѣ километровъ къ сѣверо-западу лежитъ городъ Сегала, большой рынокъ, куда сѣверные арабы приходятъ обмѣнивать свои произведения на товары, привозимые съ юга саракольскими діулами. Далѣе на западѣ находится Дамфари, то-есть «земля Дамфа или Дампа», другой саракольскій городъ, лежащий въ точкѣ пересѣченія нѣсколькихъ дорогъ и посѣщаемый маврами племенъ уладъ-махмудъ, уладъ-тишишъ, уладъ-уалата, уладъ-маректъ; въ сухое время года онъ всегда окружена многочисленными палатками этихъnomadovъ, группирующимся по племенамъ. Кочевники приходятъ сюда покупать просо, собираемое жителями этой области въ огромныхъ количествахъ, и отвозятъ въ территорію Эль-Ходъ, гдѣ климатъ слишкомъ сухъ для культуры хлѣбныхъ растеній. Территорія Дамфари была цвѣтущей страной въ 1883 году, когда Байоль обошелъ ее и поставилъ, по договорамъ съ начальниками племенъ, подъ протекторатъ Франціи. Въ то время тамъ начинали вводить культуру земляныхъ фисташекъ (арахід); производимый въ краѣ табакъ издавна славится своимъ превосходнымъ качествомъ; тамошніе кузнецы пользуются репутацией искусственныхъ мастеровъ; въ большомъ селѣ Боро, окруженному хлопковыми и индиговыми плантациями, многочисленные ткацкіе станки выдѣлывали замѣтныя по прочности ткани и краски синія бумажная матерія, изъ которыхъ шьютъ платя, извѣстныя подъ именемъ «сегуанского бубу». Въ странѣ основывались новые деревни, служащія убѣжищемъ для бѣглецовъ изъсосѣднихъ земель, опустошаемыхъ тукулерами.

Къ сѣверу отъ Дамфы находится еще болѣе

¹⁾ Paul Solleillet, цитирован. сочиненіе.

²⁾ Pietri, „Les Francais au Niger“.

многолюдный и болѣе торговый городъ—Мурдіа, лежащій въ области саваны, гдѣ начинаютъ показываться первые пески, хотя почва еще плодородна: семь становищъ мавровъ, содержащихъ по меньшей мѣрѣ 1.200 душъ, окружаютъ центральное городское поселеніе, гдѣ живутъ 2.500 сараколе; кривыя улицы расположены въ видѣ базаровъ, какъ «сукі» въ Тунисѣ, и въ лавкахъ выставлены на продажу ковры, драгоцѣнности, вышитая кожа, издѣлія, напоминающія мавританскую промышленность. На сѣверо-западѣ, по направлению къ Каарта, простирается территорія Бахуну, составляющая часть Эль-Хода, промежуточного пояса между Сахарой и Суданомъ. Эта переходная страна, принадлежавшая въкогда къ большой имперіи Ганата, затѣмъ къ царству мандинговъ, часто была оспариваема мугущественными сосѣдями. Арабы, бамбарасы сталкивались въ вей, фулы, тубулеры завоевывали ее и даже заводили тамъ постоянныя колоніи. Каждый разъ, когда они предоставлены самимъ себѣ, коренные жители края, почти всѣ сараколе или ассуаникъ—въ этнической номенклатурѣ арабовъ—группируются въ маленькие республиканскіе союзы; но, очень благоразумные, они рѣдко вступаютъ въ борьбу съ вторгающимися въ край непріятелемъ: они даютъ пройти грозъ, затѣмъ снова принимаются за свои обычныя занятія—воздѣлываніе полей и выводъ собираемыхъ съ нихъ произведеній. Столица территоріи Бахуну, Бакунить, лежащая на западѣ провинціи, въ сотни километровъ отъ Ніоро, занимаетъ дно песчаной низменности, возлѣ глубокаго озера; надъ городомъ господствуютъ скалы изъ глинистаго сланца и террасы изъ латерита. По Ленцу, въ полуразвалившихся домахъ Бакуниита живеть отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Между этимъ городомъ и Мурдіей сегуанскій султанъ основалъ новое торговое мѣсто, Гинье, которое быстро приобрѣло важное значеніе, благодаря обезпеченной купцамъ свободѣ отъ всякихъ таможенныхъ пошлинь; осѣдлое его населеніе состоитъ изъ 4.000 душъ, но по временамъ тамъ собирается отъ 15 до 20.000 человѣкъ. Жители Гинье говорятъ бамбарасскимъ діалектомъ; однако, уолофское нарѣчіе, содержащее много французскихъ выражений, стремится сдѣлаться тамъ торговымъ языкомъ.

Изъ Сансандига другіе пути, болѣе короткіе, чѣмъ пути изъ Сегала и Мурдіа, ведутъ къ землѣ мавровъ черезъ территоріи Кеніека и Калари. Одна изъ этихъ дорогъ, направляющаяся къ оазису Уалата, проходитъ черезъ большой городъ Гумбу (Кумба, по Барту), состоящій изъ двухъ городовъ, окруженнныхъ каждыи стѣнами и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго лужай или дхайя; жителей въ немъ около пятнадцати или двадцати тысячъ, почти все бамбарасы, но говорящіе арабскимъ язы-

комъ; поля ихъ, засѣваемыя сорго, тянутся на нѣсколько лье вокругъ городской ограды. Этотъ торговый городъ находится уже въ кругѣ притяженія Сенегала по торговлѣ камедью¹⁾). Къ востоку отъ Гумбу, на прямой дорогѣ изъ Сансандига въ Томбукутъ, караваны проходятъ черезъ другой торговый городъ, называемый у бамбарасовъ Соколо, у арабовъ Кала, который въ средніе вѣка былъ одною изъ столицъ имперіи мандинговъ, и населеніе котораго и теперь еще, говорятъ, простирается до 6.000 человѣкъ; одна могущественная фамилія шорфовъ, поселившаяся въ Соколо, напоминаетъ о вліяніи, которымъ нѣкогда пользовался мароккскій султанъ въ этихъ засахарскихъ странахъ. Другой городъ, Фара-бугу, лежащий въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Соколо, составляетъ, со стороны мавровъ, передовой постъ націи бамбарасовъ; число его жителей также доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Ниже Сансандига, Нигеръ течеть на пространствѣ около сотни километровъ въ восточномъ направлениі. Въ этой части его теченія важнѣйшій прибрежный городъ—Сибила, столица одного маленькаго бамбарасскаго государства. Ниже, тамъ, гдѣ рѣка опять поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, находится Дафарабе, наиболѣе отдаленный отъ Бамаку пунктъ, до котораго доходить плавающій по Нигеру пароходъ. Въ этомъ мѣстѣ начинается уже поясъ развѣтвленія водъ. Одна вѣтвь, проходящая недалеко отъ священнаго города Діака, направляется на сѣверъ къ Тененку, одному изъ большихъ рынковъ земли Бургу, и теряется далѣе въ озерѣ Дебо. Другая вѣтвь, направляющаяся на востокъ, и по которой пароходъ тщетно пытался пробраться черезъ камыши, ведетъ къ древнему и прославленному городу Джenne, отъ имени котораго, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, основываясь на книгу Льва Африканца, и произошло название Гвинеи, данное португальцами столь значительной части африканскаго континента. Какъ бы то ни было, этотъ городъ, посѣщенный до сихъ поръ только однимъ европейцемъ, Рене Калье, находится нынѣ въ состояніи упадка, причиной чему были войны, внутреннія и виѣннія, перерывъ торговли по рѣкѣ и боковыми потокамъ, а также, можетъ-быть, перемѣны въ рѣчномъ развѣтвленіи этой низменной области, гдѣ рѣчные рукава безпрестанно перемѣщаются. Въ 1828 году, во время прохода Калье, Дженнѣ уже не былъ центромъ торговаго обмѣна въ этой области Судана, и населеніе его не достигало даже десяти тысячъ душъ. Однако, онъ все еще занималъ обширное пространство: городская ограда имѣла по крайней мѣрѣ четыре километра въ окружности, и ея глино-

¹⁾ Paul Solleilet, цитиров. сочиненіе.

битные стѣны, башни, величественные баобабы, осѣняющіе ворота, группы пальмъ на восточнѣяхъ почвы, надъ садами и рисовыми полями,—все это вмѣстѣ представляло очень живописное цѣлос. Хотя въ то время Дженне уже не была столицей государства, но привилегія безпошлиного привоза товаровъ, которую пользовался этотъ рынокъ, привлекала туда еще очень много чужеземцевъ, арабовъ, мандинговъ и сараколе. Фулы, завоеватели страны, господствовали тамъ надъ потомками прежнихъ владѣтелей земли, бамбарасовъ, и наблюдали за строгимъ исполненiemъ мусульманского культа. Жители, славящіеся кротостью и привѣтливостью, всѣ знали арабскую грамоту и умѣли декламировать стихи Корана.

Въ этой области слянія, пробѣгаемой многочисленными судоходными потоками, города могутъ перемѣщаться безъ ущерба для своего значенія, сохранивъ за собой всѣ тѣ торговыя выгоды, которая даетъ имъ соединеніе большихъ дорогъ. Покидая Дженне, какъ резиденцію, король Сего-Ахмаду выбралъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ слянія двухъ Нигеровъ, чтобы основать тамъ «во славу Божію» городъ Хамдаллахи (эль-Ламду-Лиллахи); но эта новая столица Массины—или Моассины, какъ ее всегда называли Ленцу—просуществовала недолго. Въ 1862 году ею овладѣлъ Хаджи-Омаръ; то была эпоха наибольшей славы его царствованія; обширная феллатская имперія простиравалась тогда отъ пустыни до горъ, гдѣ великая рѣка береть свое начало; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ этотъ завоеватель былъ, въ свою очередь, за臾ть въ Хамдаллахи и погибъ вмѣстѣ со своими приверженцами. Теперь остались только развалины отъ этого главнаго города могущественнаго царства. Нынѣшняя столица Массины, Бандіагара, находится недалеко отъ праваго берега Бахоя или западнаго Нигера, въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Дженне. Впрочемъ, этотъ край не имѣть политическаго единства: одинъ тукулерскій король изъ династіи Хаджи-Омара господствуетъ въ сосѣдней съ мѣстомъ слянія части страны. Феллатскіе начальники, потомки вождей, водворившихся въ Массинѣ въ 1770 году, удержались въ нѣкоторыхъ внутреннихъ городахъ; туземный населенія, бамбарамы и сонгай, также образовали отдельныя маленькия государства, тогда какъ на сѣверо-западной и сѣверо-восточной границахъ туареги и регенаты стараются проникнуть все далѣе въ територіи осѣдлыхъ негровъ.

Нѣсколько торговыхъ городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на дорогахъ Массины, направляющихся изъ Дженне въ Томбукту, по обѣимъ равнинамъ, окаймляющимъ рѣку на востокѣ и западѣ. Съ восточной стороны Ніаконго, Боре, Дуэнца были упоминаемы тузем-

цами, которыхъ разспрашивалъ Бартъ, какъ значительная городская поселенія; съ западной стороны, городъ Бассикуну, посѣщенный Ленцомъ въ 1880 г., представляетъ теперь собраніе-сотни другой глинистыхъ мазанокъ, сгруппировавшихся въ лѣсной прогалинѣ, но вокругъ его стѣнъ расположено обширное становище арабовъ, которые дали свой языкъ тамошнимъ жителямъ бамбарамамъ, и цѣлая «гора» обломковъ, возвышающаяся въ сосѣдствѣ, свидѣтельствуетъ о длинномъ рядѣ поклонній, смѣнившихся въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ, нѣсколько городовъ расположены на берегахъ рѣки или ея притоковъ, внизъ отъ Моэти или Иссака, деревни, лежащей при слияніи двухъ Нигеровъ. Кона, на правомъ берегу,—наидалѣ выдвинутая къ западу колонія негровъ сонгайского языка. Ниже, на томъ же берегу, показывается Гурамъ, примѣтный издалека по его скалистому холму, который, на подобіе острова, возвышается среди болотъ, боковыхъ рукавовъ рѣки и аллювиальныхъ земель. На западѣ, по другую сторону озера Дебо, встрѣчаемъ большой городъ Ioару (Ловару), стоящій смотря по времени года, то среди обсохшей песчаной равнины, то на болотистомъ берегу между лужъ и потоковъ. Между Ioару и Томбукту, мѣстечко Дира есть, повидимому, наиболѣе посѣщаемая пристань, но постоянныя войны, опустошившія эти страны со временемъ нашествія тукулеровъ, имѣли слѣдствіемъ значительное сокращеніе ея торговыхъ оборотовъ. Къ главнымъ предметамъ торговли верхнаго Нигера въ городахъ Массины присоединяются великодѣйныя лошади, по красотѣ и выносливости почти не уступающія варварскімъ. Въ этой части рѣчного теченія, по разсказу о путешествіяхъ Ибнъ-Батуты, въ четырнадцатомъ столѣтіи долженъ быть находиться городъ Мали, столица могущественнаго царства мандинговъ¹⁾.

III. Средній Нигерь: Томбукту, туареги и сонгай.

Эта область центральной Африки явственно отграничена, выше Томбукту и большаго рѣчнаго изгиба, поясомъ развѣтленія водъ разлива въ боковыхъ потокахъ обоихъ береговъ и, на югѣ сахарскихъ степей и пустынь, первымъ значительнымъ притокомъ, который рѣка получаетъ изъ равнинъ Гауссы. Наибольшая часть громаднаго пространства, обнимаемаго двумя покатостями Нигера, между Томбукту и Гомбой, необитаема или по крайней мѣрѣ имѣетъ весьма малое число жителей, сравнительно съ протяженіемъ территоріи; но

¹⁾ Desborough Cooley, „Negroland of the Arabs“.

южная области бассейна, повидимому, очень густо населены во многихъ мѣстахъ: до сихъ поръ только одинъ европейскій путешественникъ, Бартъ, прошелъ эту страну, отправившись прямо изъ города Сай въ Томбукту, по хордѣ дуги, описываемой восточной кривою рѣки. Къ югу отъ обширной излучины, описываемой Нигеромъ въ области пустыни, нѣсколько горъ образуютъ естественную границу между двумя поясами: это группа, именуемая специально Тонди, или «Гора»; ее называютъ также Эль-Хаджри или горами Гомбори. Равнина, надъ которой господствуютъ эти высоты, поднимается, вѣроятно, метровъ на 500 надъ уровнемъ моря, но она представляетъ совершенно гладкую, чутъ замѣтно волнистую поверхность, и выступающая на ней скалы, высотой отъ 200 до 300 метровъ слишкомъ, производятъ контрастъ, тѣмъ болѣе поразительный. Горы Гомбори не составляютъ сплошной цѣли: это отдельные массивы, съ причудливыми контурами, бывшіе, можетъ-быть, нѣкогда островами. Нижніе скаты этихъ горъ состоять изъ откосовъ обвала, тогда какъ вершины вздымаются вертикальными углесами, имѣющими видъ колосальныхъ крѣпкихъ замковъ, съ четыреугольными башнями по бокамъ. Туземцы дѣйствительно поселились тамъ какъ въ крѣпостяхъ, представляющихъ имъ безопасное убѣжище отъ феллатскихъ завоевателей: очень миролюбивые, эти горцы спускаются со своими стадами въ лѣса акацій и саваннъ, окружающей ихъ горы, но при малѣйшемъ признакѣ опасности они исчезаютъ, и край снова принимаетъ видъ необитаемой пустыни. Нѣсколько другихъ массивовъ, менѣе высокихъ, разсѣяны по равнинамъ къ югу отъ горъ Гомбори; таковы высоты Арибинда, граниты, гнейсы, песчаники, скалы, у которыхъ вездѣ крутой скатъ обращенъ къ югу, а пологій къ сѣверу¹⁾).

Область бассейна Нигера, простирающаяся на сѣверо-западъ отъ Томбукту, по направлению къ оазисамъ Уалата и Тишитъ, населена арабами, или по крайней мѣрѣ берберами смѣшанной расы и говорящими арабскимъ языкомъ, какъ родной рѣчию. Множество арабскихъ купцовъ разѣзжаютъ даже на южной сторонѣ рѣки и встрѣчаются въ большей части деревень вплоть до самыхъ горъ Гомбори; кроме того, многіе сонгай и туареги незаконно присвоиваютъ уважаемое имя араба, чтобы придать себѣ больше вѣсу въ глазахъ туземцевъ. Къ востоку отъ меридіана Томбукту, вся Сахарская область принадлежитъ расѣ имоаговъ или имошаровъ, племена которыхъ разсѣяны на пространствѣ около 2.000 километровъ по всѣмъ направлѣніямъ,—на сѣверъ до гравицъ Алжиріи, на востокъ почти до озера Цаде или Чадъ. Всѣ имошары, живущіе въ

области Нигера, составляютъ часть союза племенъ ауэллимиденъ; нѣкоторые изъ нихъ называются тадемакка или тадемеккетъ, по имени одного города, нынѣ исчезнувшаго, который находился къ западу отъ Аирскихъ горъ, и который обыкновенно называли эсъ-Сукъ, или «Рынокъ» по преимуществу. Эти тадемакки—единоплеменники дедмаковъ, жителей Хумиріи, которые стали уже настоящими арабами по языку и нравамъ¹⁾.

Племена ауэллимиденъ и тадемакка перешли Нигерь ниже Томбукту и овладѣли зарѣчной территоріей на большомъ пространствѣ къ югу. Они не только заняли песчаныя мѣстности, полосы дюнъ и саваннъ, похожія на сахарскія пространства, но проникли также въ долины горъ Гомбори и даже южнѣе—въ плодородныя равнинныя территории Либтако; ихъ группы пользуются малѣйшимъ пробѣломъ, образующимся среди сонгайскихъ населеній, чтобы пробираться все далѣе впередь. Правда, что эти перемѣщенія къ югу имѣли слѣдствіемъ большую перемѣну въ нравахъ. За-нигерскіе туареги остались пастухами и вомадами, перенося свои жилища съ одного острова на другой, затѣмъ съ этихъ, окруженнѣхъ водой скалъ, на южный берегъ, а оттуда въ отдаленные равнинныя полуденной стороны; но очень немногіе между ними сохранили верблюда, этого вѣрнаго товарища другихъ туареговъ; ихъ домашнія животныя состоять изъ крупнаго рогатаго скота и барановъ, которые слѣдовали за ними вплавь, черезъ рукава рѣки. Во многихъ округахъ произошло скрещеніе растъ: туареги смѣшались съ чернокожими туземцами, откуда, можетъ-быть, и произошло название ирегенатенъ, или «смѣшанные», подъ которымъ у сѣверныхъ туареговъ извѣсты всѣ южныя племена въ совокупности. По языку они находятся въ переходномъ состояніи; Бартъ встрѣчалъ индивидуумовъ, которые говорили одинаково хорошо феллатскимъ, сонгайскимъ и своимъ туарегскимъ языкамъ. Тѣмъ не менѣе, между этими туарегами есть также люди белой расы, представляющіе берберскій типъ во всей его чистотѣ: у нихъ большія губы, солидная челость, прямой носъ, хорошо развитый лобъ, красивыйovalъ лица; они широкоплечи, хорошо сложены, сильны, походка ихъ легкая. Въ глазахъ europейца нѣкоторыя ирегенатскія женщины—настоящиі красавицы, съ безукоризненными формами, если не считать нѣкоторой наклонности къ ожирѣнію. Туареги этой страны, какъ и сѣверные, пытаются почти исключительно мясомъ и молокомъ; они живутъ въ палаткахъ, обтянутыхъ бараньими кожами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже носятъ кожаную одежду; лицамъ, или вуаль, которыемъ они обвертываютъ головы, и который

¹⁾ H. Barth, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ H. Daveyier, „La Tunisie“.

закрывающей нижнюю половину лица, состоит изъ полосы бумажной материи искусно подобраннаго цвета — белаго, краснаго, синяго. Так же какъ ахаггары, они дѣлятся на двѣ касты: благородныхъ, ремесло которыхъ война, и которые считаются уничижительнымъ всякий трудъ, кроме ухода за скотомъ, и клиентовъ или рабовъ, занимающихся обработкой почвы. Эти послѣдніе очень несчастны: увидя Барта, белаго человѣка, пришедшаго изъ странъ, где родится солнце, они спрашивали, не есть ли этотъ чужеземецъ тотъ мауди, возвѣщенный пророками, который освободить невольниковъ и подниметъ ихъ на степень людей.

Сонгай (сонраи, сурхан) живутъ на обоихъ берегахъ средняго Нигера, между Томбукту и сливиемъ реки Сокото; они проникаютъ далеко внутрь большаго изгиба, описываемаго Нигеромъ, и языкъ ихъ распространенъ до области озеръ и боковыхъ потоковъ ниже города Дженнене. Нынѣ утратившіе значеніе между націями Африки, сонгай имѣли нѣкогда свой періодъ господства. Восторжествовавъ надъ властителемъ мандингской имперіи Мали, сонгайскій вождь Аскія основалъ, въ 1492 году, царство, съ столицей Гого, простиравшееся далеко вверхъ и внизъ по рекѣ и въ оазисахъ пустыни: «путешественники употребляли шесть мѣсяцевъ на переходъ его владѣній». Аскія сдѣлался могущественнѣйшимъ изъ государей Африки, и чтобы отпраздновать свои побѣды, предпринялъ пилигримство въ Мекку, въ сопровожденіи своихъ вассаловъ и полутора тысячъ вооруженныхъ людей, прославился на Востокѣ своей щедростью и вывезъ оттуда ученыхъ, которые сдѣлали Гого и Томбукту центрами просвѣщенія въ странѣ негровъ. Эта обширная имперія не просуществовала и ста лѣтъ; въ 1584 году султанъ мароккскій послалъ двадцатитысячную армию изъ оазиса въ оазисъ для покоренія сонгаевъ, но трудность продовольствованія такого многочисленнаго войска помѣшила завоевателямъ достигнуть цѣли. Семь лѣтъ спустя евнухъ Джодаръ, испанецъ изъ Альмеріи, сдѣлавшійся генераломъ на службѣ у шефа Марракеша, явился во главѣ маленькаго отряда въ 3.600 человѣкъ (между которыми было много андалузцевъ), вооруженныхъ мушкетами, и противъ этихъ искусственныхъ румовъ или «стрѣлковъ» не устояли безчисленные полчища сонгайскихъ стрѣлковъ изъ лука и металлическихъ дротика. Мароккскіе румы смѣнили потомковъ Аскія въ господствѣ надъ имперіей; власть ихъ простиралась до Бахуну, Дженнене и горъ Гомбори; но скоро прекратились всѣ сношенія между ними и ихъ первоначальной родиной; они поженились на туземкахъ и образовали смѣшанныя семейства, авторитетъ которыхъ уменьшается мало-по-малу; однако, въ началѣ этого столѣтія судоходство по Нигеру,

на большое разстояніе вверхъ и внизъ отъ Томбукту, было еще въ ихъ рукахъ. Затѣмъ пришли феллатскіе завоеватели, основавшіе царство Массина, иnomады-туареги, поселившіеся на обоихъ берегахъ реки; теперь сонгай вездѣ порабощены болѣе могущественными сосѣдями, за исключеніемъ нѣсколькихъ единичныхъ округовъ, какъ, напримѣръ, область Гомбори, где они защищены естественными крѣстами изъ скалъ и прибрежными болотами Нигера, броды которыхъ извѣстны имъ однимъ.

Сонгайскій языкъ, называемый въ Томбукту киссуръ (кисонгай), еще очень распространенъ, несмотря на политический упадокъ говорящаго имъ народа; но онъ содержитъ уже большую примѣсь арабскихъ и туарегскихъ словъ; даже по синтаксису онъ приблизился къ арабскому языку. Сонгай вообще почти чернаго цвета, черты лица у нихъ тонкія и рѣзкія, обрамленная курчавой шевелюрой, но довольно длинной и легко зацепляемой въ косы; нѣкоторыя племена отличаются линиями татуировки, и въ восточныхъ областяхъ страны женщины украшаютъ себѣ лицо металлическимъ кольцомъ, продѣваемымъ въ перегородку ноздрей; по большей части онъ очень грациозно носятъ свои кувшины на лѣвомъ плечѣ. Побѣженные и гонимые, сонгай — народъ угрюмый, непривѣтливый, негостепріимный; въ своихъ долгихъ странствіяхъ Бартъ не встрѣчалъ негровъ, которые бы оказывали ему болѣе холодный приемъ. Тотъ же путешественникъ высказываетъ предположеніе, опирающееся, впрочемъ, на мѣстные преданія и на указанія арабскихъ писателей, что въ старину сонгай находились въ сношеніяхъ съ Египтомъ: съ береговъ Нила пришли къ немъ проповѣдники ислама, а въ древнія времена другіе наставники принесли имъ обычаи египетской цивилизациі, какъ, напримѣръ, обычай бальзамированія. Когда умиралъ сонгайскій король, хотя бы даже на полѣ битвы, трупъ его вскрывали и, наполнивъ медомъ, переносили въ столицу для погребенія. Способъ постройки сонгайскихъ жилищъ напоминаетъ архитектуру хатъ у многихъ народцевъ въ «Рѣчной странѣ», между Бѣлымъ Ниломъ и Бахръ-эль-Арабомъ. Нѣкоторыя жилища состоятъ изъ двухъ положенныхъ одинъ на другой срубовъ; другія имѣютъ неправильную крышу, верхушка которой наклонена надъ входнымъ отверстиемъ, какъ оконечность фригийской шапки. Подѣхижинѣ высятся житницы, почти всегда приподнятые надъ землей посредствомъ рядовъ свай: издали онъ придаются деревянѣ видъ крѣпкаго замка, усаженного круглыми башнями, съ остроконечными крышами; въ другихъ мѣстахъ эти амбары оканчиваются наверху террасами и образуютъ усѣченныя пирамиды, напоминающія голубятни египетскихъ селеній¹⁾.

¹⁾ Barth, цитирован. сочиненіе.

Тумбукту, знаменитѣйшій городъ страны сонгаевъ и всей Центральной Африки, обозначается этимъ именемъ только европейцами. По Барту, истинная сонгайская форма имени этого города—Тумбуту; туареги называютъ его Тумбютку, тогда какъ арабы единогласно говорятъ Тинь-Букту, «Колодезь» Букту. Первоначальный смыслъ слова означалъ «впадину, узкую долину между дюнами» и объясняется постройкой первыхъ зданій между смычими песками. Это—очень древнее городское поселеніе. Основаніе его приписываютъ туарегамъ и относятъ къ пятому столѣтію мусульманского лѣточисленія: болѣе вѣроятно, что онъ существовалъ уже раньше и былъ только взятъ туарегами. Другіе полагаютъ, что этиnomады грабители должны были основать городъ торгового обмѣна между областями Сахары и Суданомъ; впрочемъ, положеніе Томбукту, въ остромъ углѣ, образуемомъ рѣкой, и въ точкѣ соединенія многочисленныхъ боковыхъ потоковъ, таково, что тамъ или въ сѣдѣствѣ во все времена долженъ быть находиться значительный рынокъ. О такомъ торговомъ пункѣ говорятъ уже въ эпоху существованія королевства Гана, въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ вѣкѣ, и позднѣе въ эпоху владычества су-су.

Во время господства мандингскихъ королей Мали или Мелле, въ четырнадцатомъ столѣтіи, Томбукту былъ богатый и цвѣтущій городъ, слава о которомъ распространялась далеко, благодаря торговлѣ солью и золотомъ; даже европейцы слышали о немъ: имя Тимбучъ появляется впервые на одной каталонской карте 1373 года. Но городъ, заключавшій въ себѣ столько сокровищъ, не могъ избѣгнуть разграбленія. Туареги, затѣмъ сонгай, не разъ опустошали его въ пятнадцатомъ вѣкѣ; сто лѣтъ спустя андалузскіе мушкатеры Джодара разграбили прославленный городъ, и съ той эпохи онъ часто былъ предметомъ спора между туарегами, фулами и тукулерами. Когда послѣдніе явились въ Томбукту въ 1863 году, они нашли городъ покинутымъ арабами и туарегами; но, смотря по своей расовой или религіозной ненависти, туземцы, различно рассказываютъ европейскимъ путешественникамъ о послѣдствіяхъ этого нашествія. По словамъ однихъ, Эль-Хаджи Омаръ и его дружины спокойно возвратились въ Массину, нагруженные добычей; по разсказу другихъ, они были внезапно атакованы въ моментъ грабежа, и только немногие изъ нихъ спаслись отъ избиенія¹⁾). Какъ бы то ни было, кончилось тѣмъ, что между могущественными сосѣдями Томбукту была заключена сдѣлка, формальная или молчаливая: не будучи въ состояніи оказывать сопротивленіе,

мирный городъ не пытался закрывать бреши въ своихъ стѣнахъ; онъ платилъ дань тѣмъ и другимъ, и когда дороги были открыты, когда судоходство по рѣкѣ не задерживалось, выше или ниже, прибрежными грабителями, онъ пользовался относительнымъ благосостояніемъ, которое позволяло большинству его обитателей жить въ довольствѣ.

Населеніе Томбукту, приблизительную цифру котораго Бартъ опредѣляетъ, въ 1853 г., въ 13.000, а Ленцъ, въ 1880 г., въ 20.000 душъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ арабовъ мароккскаго происхожденія, говорящихъ диалектомъ хассаніа, какъ и арабы Сенегала¹⁾; сонгай, арабы берабишъ, туареги, люди мандингской и бамбарасскойрасы, фелата и другіе колонисты, для которыхъ общимъ языкомъ служить бамбарасский, тоже входятъ въкоторой долей въ составъ городскаго населенія; кроме того, двѣ или три семьи евреевъ, пришедшихъ съ караванами изъ мароккскихъ оазисовъ, терпимы, съ половины настоящаго столѣтія, въ этомъ мусульманскомъ городѣ. Но изъ европейцевъ лишь очень немногіе проникали въ таинственный Томбукту, хотя въ попыткахъ добраться до него не было недостатка, и хотя никакая слава не казалась болѣе высокой, чѣмъ слава подобнаго географического завоеванія. Не подлежитъ сомнѣнію, что португальскіе послы ъздили ко двору мандингскихъ королей Томбукту, но разсказъ этихъ путешественниковъ никогда не былъ опубликованъ. Впослѣдствіи многіе невольники изъ европейцевъ, либо взятые въ плѣнъ корсарами, либо матросы, захваченные вслѣдствіе кораблекрушенія, несомнѣнно были приводимы на большой центральный рынокъ области Нигера; но въ исторіи упоминаются только два изъ этихъ плѣнниковъ, одинъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, другой около ста лѣтъ позднѣе: французскій морякъ Поль Имберъ, умершій невольникомъ въ Марокко, и американецъ Адамъ, приписываемый которому разсказъ о пребываніи въ тѣхъ краяхъ не имѣть цѣни, такъ какъ наполненъ противорѣчіями, дѣлающими сомнительнымъ его происхожденіе. Наконецъ, въ 1826 году, Ленгъ достигъ Томбукту черезъ Триполи и Туатъ; но едва онъ выступилъ въ обратный путь, какъ былъ убитъ туземцами. Первый европеецъ, которому посчастливилось не только побывать въ этомъ городѣ, но и дать отчетъ о своемъ изслѣдованіи, былъ Рене Калье, посѣтивший Томбукту въ 1828 году: пилигримъ науки, бѣдникъ, одѣтый въ рубище, больной, съ трудомъ тащившійся отъ этапа до этапа, этотъ путешественникъ успѣлъ въ своеі предпріятіи только благодаря своему

¹⁾ Mage;—O. Lenz, цитиров. сочиненіе.

¹⁾ Faidherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1885, № 3.

жалкому виду, вызывавшему презрение у мужчинъ, состраданіе у женщинъ. Четверть вѣка спустя, Бартъ явился сюда подъ видомъ шерифа, пользуясь поддержкой самой могущественной фамилии въ Томбукту и располагая обширными ресурсами, доставленными британскимъ правительствомъ. Прошло еще двадцать семь лѣтъ, послѣ пребыванія Барта, прежде чѣмъ другой европейскій путешествен-

Томбукту,—такъ какъ торговля между постомъ Бамаку и низовыми прибрежными городами постоянно возрастаетъ: сдѣлавшись одною изъ державъ верхняго Нигера, Франція не можетъ не завязать непосредственныхъ торговыхъ связей съ главнымъ рынкомъ страны.

Томбукту лежитъ въ 15 километрахъ къ сѣверу отъ Нигера, на террасѣ, высоту которой опредѣляютъ въ 245 метровъ: это вы-

Эль-хаджъ Абдъ-эль-Кадеръ, посланникъ изъ Томбукту.

никъ, Ленцъ, добрался до Томбукту по дорогѣ изъ Марокко въ Сенегаль, и съ той поры ни одинъ болѣй изслѣдователь не видѣлъ этого города, заранѣе намѣченного на картахъ какъ центральная станція будущей желѣзной дороги «черезъ Сахару». Впрочемъ, есть вѣроятность, что въ близкомъ будущемъ установится правильный сношенія между французами Сенегала и этимъ важнѣйшимъ городомъ на Нигерѣ,—сношенія, начало которымъ уже положено въ 1884 году присылкой сановника изъ

ступъ хамадъ (каменистыхъ плато) пустыни. Нѣсколько лужъ или дхайя видныются въ углубленіяхъ сосѣдней равнинѣ, окруженныхъ рѣдкими мимозами и группами цальмъ: лужи эти—остатки рѣчныхъ наводненій, которыя каждые три или четыре года превращаютъ низменную мѣстность въ лабиринтъ каналовъ; въ этихъ болотахъ, куда стекаются городскія нечистоты, зарождаются злокачественные міазмы, дѣлающіе пребываніе въ Томбукту очень опаснымъ для иностранцевъ. Нѣ-

когда боковой рукавъ Нигера, доступный для большихъ судовъ, доходилъ до основанія обрывовъ террасы, и еще въ 1640 году одинъ нижній кварталъ города былъ затопленъ разливомъ водъ. Но затѣмъ этотъ потокъ постепенно засорился; теперь лодочники могутъ проникать, да и то лишь въ періодъ разлива, только въ бассейнъ Кабры или Кабары, мѣстечка, населенного сонгаями, въ числѣ около двухъ тысячъ душъ, и расположеннаго на скатахъ холма, который выступаетъ, на подобіе острова, среди наносныхъ земель и болотъ. Годовое движеніе судоходства въ гавани Кабра, по словамъ Абдъ-эль-Кадера, выражается, въ среднемъ, 50 шаландами, вмѣстимостью отъ 25 до 30 тоннъ, что составить въ сложности около 26.500 тоннъ¹). Если порть уменьшился въ размѣрахъ и значеніи, то и городъ Томбукту значительно сократился. Вступая въ него съ сѣвера, путешественникъ встрѣчаетъ обширные пустыни, покрытые кучами мусора; съ западной стороны развалины тоже занимаютъ широкій поясъ. Положеніе главной мечети почти виѣ города, тогда какъ прежде она, безъ сомнѣнія, должна была находиться въ центрѣ самаго оживленнаго квартала, также доказываетъ, что городъ много уменьшился въ протяженіи. Эта мечеть, доминируемая пирамидальной глинняной башней, есть единственное замѣчательное зданіе въ Томбукту, представляющемъ лабиринтъ домовъ съ террасами и хижинъ съ остроконечными кровлями.

Существовавшія нѣкогда рощи были вырублены, говорятъ, для постройки судовъ, во время завоеванія Томбукту мароккскими андалузцами; теперь не видно ни одного дерева въ треугольникѣ города, обращенномъ вершиной къ сѣверу; тѣмъ не менѣе, улицы всегда оживлены множествомъ птицъ, которыхъ кружатся въ воздухѣ и садятся на террасы домовъ: аистовъ, вороновъ, журавлей, соколовъ, голубей и воробьевъ. На площадяхъ и около лужъ всегда толпится масса животныхъ, вычныхъ и верховыхъ, барановъ и козъ, домашнихъ страусовъ, отличающихся отсутствиемъ пучковъ перьевъ.

Хотя пришедший нынѣ въ упадокъ, Томбукту все еще ведеть большую торговлю, и обороты его несомнѣнно возрастутъ съ возстановленіемъ мира, такъ какъ этотъ городъ находится въ точкѣ пересеченія дорогъ между западной Сахарой и Суданомъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ упомянутымъ посланникомъ эль-Хаджъ Абдъ-эль-Кадеромъ, въ Томбукту ежегодно приходитъ до 400 каравановъ, состоящихъ, каждый, среднимъ числомъ, изъ 350 верблюдовъ, то-есть всего около 140.000 верблюдовъ,

съ грузомъ до 22.400 тоннъ. Своимъ важнымъ значеніемъ этотъ центральный рынокъ обязанъ главнымъ образомъ торговлѣ плитками соли, привозимыми изъ Таудени и другихъ соляныхъ копей пустыни; именно благодаря соли, арабы и туареги сдѣлались и, несмотря на проходъ другихъ завоевателей, каждый разъ въ концѣ концовъ снова дѣлаются господами въ Томбукту. Послѣ проса, главный продуктъ, предлагаемый въ обмѣнъ за соль,—орѣхи кола, привозимые караванами изъ области Южныхъ рѣкъ, съ береговъ Рокели, даже изъ сосѣднихъ Ашанти странъ. Томбукту является также большимъ рынкомъ для краснаго товара: тамъ можно найти, хотя по довольно дорогимъ цѣнамъ, большинство мануфактурныхъ произведеній Европы. Марокко присыпаетъ сюда чай, драгоценный листъ, дающій ароматическій настой, который арабы называютъ «водой Зем-земъ», какъ святую воду изъ Мекки. Ходячей monetой въ Томбукту, какъ и во всѣхъ земляхъ по верхнему Нигеру, служить раковина каури: она смѣнила, какъ денежный знакъ, другой видъ раковины, который привозился изъ Персіи¹), и теперь, въ свою очередь, постепенно вытесняется пятифранковикомъ. Когда война запираетъ ту или другую изъ торговыхъ дорогъ, направляющихся къ Томбукту, караваны дѣлаютъ большие обходы, но торговля не прекращается: такъ, напримѣръ, торговое движеніе между Томбукту и Сенъ-Луи, вмѣсто того, чтобы слѣдовать естественнымъ путемъ, который представляютъ берега Нигера и Сенегала, должно было избрать сѣверные дороги черезъ пустыню, слѣдя правильными этапами, отъ оазиса къ оазису. Важнѣйшій городъ на этомъ пути—Уалата или Биру, рынокъ, пользовавшійся громкой славой до конца пятнадцатаго столѣтія и до сихъ порь еще соперничавшій съ Томбукту по числу жителей, по словамъ сенегальского путешественника Алунъ-Саль. У арабскихъ писателей имя Уалата часто смѣшивается съ именемъ Гана или Ганата, «столицы» земли Геневахъ: имя этой территории сдѣлалось въ Марокко синонимомъ страны Чернокожихъ, и многие авторы, какъ известно, находятъ въ этомъ имени происхожденіе слова Гвинея, употреблявшагося португальцами для обозначенія всей западной Африки²).

Промышленности въ Томбукту нѣть никакой, если не считать нѣсколькихъ ремесленниковъ, занимающихся фабрикаціей тѣхъ кожаныхъ сумокъ и мѣщечковъ для амулетокъ, которыми городъ Уалата снабжаетъ всѣ рынки Судана³); рыбаки собираются въ Нигерѣ и въ сосѣднихъ потокахъ обильные уловы рыбы, которая служитъ почти исключительной пищей

¹⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

²⁾ Desborough Cooley, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Paul Soleillet, цитирован. сочиненіе.

бѣднякамъ и невольникамъ, тогда какъ богатые презираютъ это кушанье, какъ слишкомъ обыкновенное ¹). Своими капиталами купцы Томбукту заправляютъ въ значительной мѣрѣ земледѣліемъ окружающихъ мѣстностей; они владѣютъ многочисленными фермами на берегахъ Нигера и прибрежныхъ лагунъ; имъ же принадлежать большей частию стада, пасущіяся въ окрестныхъ степяхъ и въ томъ широкомъ поясѣ Ассуада, покрытомъ лѣсами мимозъ, который ограничивается на югѣ область пустыни. Такимъ образомъ арабы и даже туареги и фулы, приходящіе на томбуктускій рынокъ требовать налогъ, являются въ дѣйствительности данниками города, въ которомъ они расхаживаютъ съ гордымъ видомъ завоевателей. Муниципальное управление въ Томбукту вѣрено *кахи* или городскому головѣ, принадлежащему къ потомству андалузскихъ «стрѣлковъ», разрушившихъ имперію сонгаевъ; но власть этого сановника подчинена контролю шейха или султана туареговъ и фамилии шорфовъ Бахай, мараутовъ, орденъ которыхъ имѣеть своихъ послѣдователей во всей Сахарѣ и даже въ Берберіи ²). Томбукту—городъ ученый, обладающій богатѣйшими книгохранилищами къ востоку отъ Гауссы, и его мусульманскіе теологи обсуждаютъ всѣ вопросы о вѣрѣ съ такой же сколастической тонкостью, какъ христіанскіе богословы среднихъ вѣковъ.

Территорія Бурумъ, на восточномъ изгибѣ большой луки Нигера, не имѣеть нынѣ большаго рынка, какъ близкая въ Томбукту излучина рѣки. Но встарину такой рынокъ существовалъ тамъ, и легенда говоритъ даже, что его посѣтилъ египетскій фараонъ, въ сопровождении цѣлой арміи. Эта легенда, вѣроятно, имѣеть подъ собой историческую основу, такъ какъ здѣсь находится ближайшая къ Египту часть Нигера, и съ этой именно стороны должны были установиться первыя непосредственныя сношенія между прибрежными жителями двухъ большихъ африканскихъ рѣкъ: въ этой мѣстности, говорять, была впервые введена культура риса въ бассейнѣ Нигера, понянѣ еще практикуемая тамошнимъ населеніемъ; здѣсь же появились первые магометане и началиась пропаганда новой религіи. По берегамъ Нигера тянулся рядъ многолюдныхъ сонгайскихъ деревень, когда въ 1843 или 1844 году пришло феллатское войско, съ цѣлью овладѣть краемъ, предлагая битву племенамъ туареговъ, собравшимся километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ Бурумскаго изгиба рѣки, но туареги не приняли сраженія и предоставили своимъ врагамъ опустошать страну: деревни были стерты съ лица земли, а остатки побѣженаго населенія уведены въ Массину.

¹⁾ Oscar Lenz, цитированное сочиненіе

²⁾ Barth;—Duveyrier;—L. Rinn, „Marabouts et Khonsaw“.

Столица имперіи сонгаевъ, Гого (Гао или Гархо), въ 100 километрахъ къ югу отъ Бурума, имѣла прежде болѣе 10 километровъ въ окружности. Она состояла изъ двухъ городовъ—языческаго, лежавшаго на западномъ берегу, и магометанскаго, построенного на восточномъ берегу, болѣе близкомъ къ Меккѣ; кромѣ того, одинъ кварталъ былъ расположенъ на островѣ, между двумя рукавами рѣки. Теперь на правомъ берегу осталось всего двѣ или три хаты; островъ представляетъ пустырь, а на лѣвомъ берегу двѣ или три сотни хижинъ, среди пальмовыхъ рощицъ, не похожи даже на деревню: это скорѣе лачуги, разбросанныя въ полѣ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ нѣкогда былъ центръ города, сохранилось еще одно древнее зданіе: это башня мечети, напоминающая башню Агадеса, въ оазисѣ Аиръ, родъ массивной пирамиды, высотой не больше 15 метровъ, съ семью уступами или террасами, каменная кладка которыхъ скрыта выступающими бревнами изъ пальмового дерева; подъ этой безформенной громадой погребенъ Хаджъ Мохамедъ Аскія, основатель эфемерной имперіи сонгаевъ. Что касается торговли бывшаго «Золотаго города», то она пришла въ такой упадокъ, что Бартъ съ трудомъ могъ найти крѣпкую барку на берегу. Неизвѣстно, гдѣ находилась болѣе ранняя столица сонгаевъ, предшествовавшая Гого, городъ Кукія, упоминаемый путешественникомъ Кадамосто подъ именемъ Коччіа; вѣроятно, она была гдѣ-нибудь неподалеку отъ мѣста, выбраннаго Аскіей для постройки своей резиденціи. Въ небольшомъ разстояніи южнѣ живетъ малочисленное феллатское племя габеросовъ, которые отличаются отъ окружающихъ сонгаевъ тѣлесной красотой и смѣшливостью; но они уже забыли свой родной языкъ и говорятъ языкомъ окружающей ихъ націи.

Ниже Гого берега рѣки почти пустынны на протяженіи около 300 километровъ. Многолюдныя деревни, вереницы барокъ, богатыя плантациіи начинаютъ показываться только вблизи городовъ-близнеціевъ Гару и Синдеръ, построенныхъ на скалистыхъ островахъ, въ одномъ архипелагѣ Нигера. По обѣ стороны рѣки равнина, шириной около 12 километровъ, усыпана жилищами и производить въ изобиліи просо для мѣстнаго потребленія и для вывоза въ землю туареговъ и въ Томбукту. Оба мѣста эти островные города заключаютъ нѣсколько тысячъ хатъ, и Бартъ оцѣнивалъ общее число ихъ жителей въ шестнадцать или восемнадцать тысячъ душъ: въ настоящее время они являются значительнѣйшимъ городскимъ поселеніемъ во всемъ верхнемъ бассейнѣ Нигера выше сланія его съ рѣкой Со-кото. Два названные города пользуются въ нѣкоторой степени политической независимостью, или, вѣрнѣе сказать, пользуются соперничествомъ двухъ сузереновъ — начальника

смѣшанныхъ туареговъ, населяющихъ окрестности, и гауссанского правителя города Сай, лежащаго съ небольшимъ въ 200 километрахъ ниже по рѣкѣ. Къ западу оть Синдера, страна на нѣкоторомъ разстояніи оть берега занята независимыми сонгаями; надо пройти черезъ ихъ территорію, чтобы достигнуть города Дорэ, столицы провинціи Либтако, принадлежащей, по крайней мѣрѣ номинально, къ гауссанскому королевству Гандо. Дорэ, городъ съ 4.000 жителей, по большей части сонгаевъ, но заключающей въ себѣ также много бѣглцовъ изъ всѣхъ окружающихъ террито-рий, опустошаемыхъ войной, замѣчательна какъ важнѣйший и наиболѣе посѣщаемый ры-нокъ области, ограничиваемой большимъ изги-бомъ Нигера. На этомъ рынке производится главнымъ образомъ обмѣнъ плитокъ соли на бумажныя матеріи и орѣхи кола; «гордость и славу этой провинціи» составляютъ ея лошади.

Городъ Сай,—сонгайское имя котораго, означающее «Рѣку», вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ торговой дорогѣ, пересѣкающей Нигерь въ этомъ пунктѣ,—есть главное мѣсто перехода черезъ рѣку ниже Бурума. Переправа, за которой наблюдаетъ «король рѣки», совершается въ баркахъ, длиной отъ 12 до 13 метровъ, искусно составленныхъ изъ двухъ выдолбленныхъ деревесныхъ стволовъ. Городъ, расположенный на низменномъ западномъ берегу, иногда затопляемомъ при сильныхъ наводненіяхъ, занимаетъ значительное пространство, около 2 километровъ въ каждой сторонѣ, но не имѣть сплошь застроенныхъ кварталовъ, представляющихъ городской ха-рактеръ; онъ состоить скорѣе изъ отдѣльныхъ деревушекъ, и всѣ его хижины, за исключеніемъ губернаторскаго дома, построены изъ ро-гожъ и тростника. Ложбина, то сухая, то на-полненная болотистой водой, смотря по време-ни года, дѣлить городъ на двѣ половины, и пальмы думъ, осяняющія его, придаютъ цѣлому довольно живописный видъ своимъ контра-стомъ съ голыми равнинами окрестностей. Сай имѣетъ важное торговое значеніе, благо-даря роли посредника, которую играетъ его рынокъ на дорогѣ изъ Сокота и Гандо въ Томбукту; кромѣ того, онъ является естествен-нымъ мѣстомъ сбыта, на великой рѣкѣ, для всей области Мосси или Море-ба, простираю-щейся къ юго-западу на сѣверной покатости горъ и плоскогорій, обозначаемыхъ мандинг-скимъ именемъ Конгъ. Народъ мосси, повиди-мому, принадлежащий къ той же расѣ, какъ и его сосѣди томбо на сѣверо-западѣ и гурма на сѣверо-востокѣ, говорить языккомъ того же происхожденія; но въ ихъ террито-рии разсѣяны многочисленныя колоніи мандинговъ и фуловъ, центры торговли и мусульманской пропаганды. Мосси—одна изъ древнѣйшихъ націй въ орошающей Нигеромъ части Африки.

Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія ихъ армія перешла эту рѣку и овладѣла городомъ Том-букту: слава о могуществѣ этого народа рас-пространилась далеко за предѣлы его страны. Португальцы слышали о немъ во время сво-ихъ первыхъ изслѣдований западно-африкан-скаго поморья, и, по описанію нѣкоторыхъ обычаевъ, вообразили, что царь той земли есть не кто иной, какъ пресловутый «попъ Иоаннъ», столь долго разыскиваемый во многихъ стра-нахъ, отъ террито-рии монголовъ до террито-рии кафровъ; были даже снаряжаемы специ-альная посольства на поиски этого царя. Ос-нователь имперіи сонгаевъ, Мухамедъ Аскія, потребовалъ отъ моссіевъ, чтобы они приняли магометанскую вѣру; но тѣ, «посовѣтовавши-сь душами своихъ предковъ», объявили, что ни за что не перемѣнять религію; этотъ отказъ навлекъ на нихъ «священную войну» со сто-роны фанатического султана, окончившуюся разрушениемъ ихъ городовъ и опустошеніемъ ихъ полей. Тѣмъ не менѣе моссіи остались въ большинствѣ язычниками; обращены въ исламъ только живущіе въ городахъ, гдѣ преобладаетъ иноземное вліяніе. Эти племена, о которыхъ Бартъ отзы-вается какъ о самой энергич-ской расѣ страны, имѣютъ федера-тивную орга-низацию: террито-рия ихъ дѣлится на множе-ство маленькихъ самоуправ-ляющихся государ-ствъ, платящихъ небольшую дань властителю Вогодо, центрального города края. Ловкіе торговцы, моссіи появляются на всѣхъ ярмар-кахъ окружающихъ земель, куда приводятъ свои сильныхъ осликовъ, навьюченныхъ орѣхами кола, кусками бумажныхъ матерій, вытканыхъ въ ихъ землѣ, и мѣдными издѣ-ліями, продуктами труда ихъ рудокоповъ и котельниковъ. Моссіевъ вездѣ легко узнать по ихъ цветнѣмъ рубахамъ и огромнымъ соло-меннымъ шляпамъ, похожимъ на шляпы каби-ловъ въ южной Берберіи.

Ниже города Сай, до сліянія съ рѣкой Сокото, Нигерь еще не былъ обслѣдованъ ни од-нимъ европейцемъ, кромѣ Мунго-Парка. Бартъ перечисляетъ много городовъ, находящихся на берегахъ или въ сосѣдствѣ рѣчного теченія, но ихъ положеніе и относительная важность еще неизвѣстны; знаютъ только, что Кирота-чи, значительный рынокъ восточного берега, лежитъ километрахъ въ тридцати къ югу отъ города Сай.

IV. Гаусса.

Часть Судана, гдѣ рѣка Сокото—главная водная артерія, и которая ограничена на сѣ-верѣ—Сахарой, на востокѣ—покатостью озера Цаде, на югѣ—отдѣляющей ее отъ Бенуэ воз-вышенностью, на западѣ—теченіемъ Нигера, составляетъ особую естественную область; это

Гаусса или Хаусса, имя которой, можетъ-быть, произошло отъ слова Аусса, имѣющаго, въ языкѣ туареговъ, смыслъ «страны по сю сто-

буть серьезныхъ препятствій для сообщенія кромѣ сѣверной ея стороны, прилегающей къ пескамъ и скаламъ, и потому нѣтъ ничего удиви-

Женщина изъ Нуپэ.

рону Нигера», въ отличіе отъ терминовъ Гур-
ма и Арибнда, означающихъ «земли по ту
сторону Нигера». Границы этой естественной
области нигдѣ не представляютъ сколько-ни-

тельного, что онѣ были перейдены во многихъ мѣ-
стахъ. Въ то время, какъ пришлые африканцы
различныхъ расъ поселились въ Гауссѣ, сами
гауссанцы заняли обширныя территории за-

предѣлами своей центральной области, и политическая границы постоянно перемѣщались, вслѣдствіе переселеній и завоеваній. Въ настоящее время Гаусса, одна изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ странъ Судана, заключающая въ себѣ много большихъ городовъ, пользуется преобладающимъ вліяніемъ на окружающую область. Она господствуетъ надъ многочисленными государствами, лежащими виѣ ея бассейна, и языкомъ ея, на который негры тѣхъ краевъ смотрятъ какъ на языкъ по преимуществу торговли и цивилизациі, распространился въ большей части Судана. Говоря о Гауссѣ, невозможно не включить въ описание ея иѣкоторая изъ соѣднѣихъ странъ, представляющая тѣ же климатическіе условія, населенные людьми той же расы и причастныя тѣмъ же политическимъ судѣбамъ. Пространство территории, которая обнимаетъ, вмѣстѣ съ собственно Гауссой, всѣ бассейны рѣкъ, соединяющихся съ главной рѣкой между гульби Сокото и Бенуа, можно считать приблизительно въ 400.000 кв. километровъ. Что касается народонаселенія этой обширной страны, то суммарныя статистики опредѣляютъ его, не подкѣпляя, однако, своихъ исчисленій никакими фактическими данными, огромной цифрой въ десять и даже въ двадцать миллионовъ душъ; но описанія Барта, Рольфса и другихъ путешественниковъ не позволяютъ допустить густоту населенія болѣе чѣмъ въ десять жителей на одинъ квадратный километръ, хотя иѣкоторая мѣстности, вокругъ городовъ Гандо, Бида, Илоринъ, населены такъ же густо, какъ самые многолюдные промышленные округи Европы. Слѣдовательно, едва ли наберется больше четырехъ миллионовъ жителей въ Гауссѣ и зависящихъ отъ нея территоріяхъ, не считая бассейна Бенуа.

На востокъ бассейнъ Нигера не отдѣленъ отъ бассейна озера Цаде правильнымъ хребтомъ, представляющимъ непрерывную, легко различаемую выпуклость рельефа. Правда, раздѣльный порогъ между этими двумя бассейнами обозначенъ болѣе явственно, чѣмъ между рѣками Шари и Бенуа, гдѣ болота и озера какъ-бы принадлежать одновременно къ двумъ покатостямъ; однако, скаты такъ мало чувствительны въ восточной Гауссѣ, что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, къ какой системѣ принадлежать проточныя воды или лужи, сохранившіяся въ сухое время года. Но водораздѣльная область усыана многочисленными скалами, гранитными обелисками и куполами, которые превращаютъ иные округи въ обширные лабиринты. Эти скалистыя мѣстности представляютъ очаровательные пейзажи. Между камнями растительная земля залегаетъ толстымъ слоемъ, на которомъ пышно развиваются пальмы и густолистыя деревья, образующія живописныя группы; поля извибаются

неправильными лентами по контурамъ пригорковъ; хижины ютятся подъ самыми утесами; есть даже города, какъ, напримѣръ, Дучи между Сокото и Каценой, которые едва примѣтны въ лабиринтѣ скалъ, обступающихъ со всѣхъ сторонъ собраніе человѣческихъ жилищъ.

Недостаточный скатъ почвы и многочисленныя впадины между скалами помѣшили правильному образованію рѣчного развѣтвленія: въ большей части страны вовсе нѣтъ ручьевъ, встрѣчаются только лужи, озера или пруды, увеличивающіеся и уменьшающіеся, появляющіеся и исчезающіе, смотря по времени года. Даже тамъ, гдѣ годовые дожди вырыли непрерывныя русла, рѣчки большую часть года, являются въ видѣ длинныхъ и узкихъ лужъ, отдѣленныхъ одна отъ другой песчаными отмелами: это такъ называемыя «кораммы», или потоки, состоящіе изъ ряда прерывающихся водныхъ площадей, обсохшіе пороги которыхъ представляютъ удобныя мѣста для привала каравановъ. Только въ нижней части бассейна, рѣка Сокото имѣть характеръ непрерывнаго потока, но воды ея, дѣниво движущіяся по каменистому ложу, недоровы для людей и животныхъ, почему тамъ пьютъ только профильтрованную воду, скоплиющуюся путемъ просачиванія на днѣ ямъ, вырытыхъ рукой человѣка въ песчаной почвѣ берега. При томъ, замѣчается огромная разница въ отношеніи количества дождей между двумя частями бассейна—той, которая прилегаетъ къ Сахарскимъ степямъ, и той, которая принадлежитъ къ поясу Судана. Переходъ отъ сухаго климата къ сырому очень рѣзокъ въ этой области Африки: на разстояніи какой-нибудь сотни километровъ отъ сѣвера къ югу, годовое обилие дождей, а вмѣстѣ съ тѣмъ богатство и разнообразіе растительности измѣняются поразительнымъ образомъ. Разность широты между Сокото и Гандо не достигаетъ даже 70 километровъ; но въ то время, какъ въ первомъ изъ этихъ городовъ, болѣе близкому къ пустынѣ, дожди рѣдки, во второмъ, напротивъ, они очень обильны: туземные наблюдатели говорили Барту, что среднимъ числомъ въ Гандо бываетъ 92 дождливыхъ дня въ году; по его мнѣнію, годовая высота дождеваго столба должна быть больше 2 метровъ въ этой части покатости Нигера. Въ сезонъ дождей путешествіе тамъ крайне затруднительно: всѣ рѣки и рѣчки выступаютъ изъ береговъ, всѣ низкія мѣста затоплены, размытыя дороги превращаются въ непроходимыя болота. Благодаря своей древесной растительности, южная часть бассейна рѣки Сокото сохраняетъ круглый годъ пріятный, ласкающій взоры видъ, тогда какъ сѣверная часть страны представляеть въ періодъ засухи самое печальное зрѣлище: во многихъ мѣстахъ кругомъ себя видишь только голую, спаленную солнцемъ саванну.

Въ обитаемыхъ округахъ Гауссы, какъ и въ Сенегалѣ, главнымъ образомъ тамарины, баобабы и бавольники своими огромными размѣрами и величественнымъ видомъ придаютъ характеръ пейзажу. Бавольникъ считался по преимуществу священнымъ деревомъ, когда жители Гауссы были еще язычниками. Особенно у воротъ городовъ вездѣ неизмѣнно встрѣчаешь это исполинское дерево: подъ нимъ совершились жертвоприношения и происходили торжественные народные собрания; его обширная корона, поднимающаяся, въ видѣ купола, надъ другими деревьями, издали указываетъ дорогу путникамъ. Три породы пальмы, господствующія на сѣверѣ Африки, но въ разныхъ областяхъ,—финиковая, думъ и делебъ, встрѣчаются здѣсь рядомъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ. Масличное дерево очень обыкновенно въ нѣкоторыхъ округахъ страны Сокото; нѣкоторые провинціи славятся также лѣсами дерева дороя (parkia), сѣмена котораго, высушеннія и распилленія, идутъ на приготовление плитокъ, похожихъ на плитки шоколада и употребляемыхъ какъ приправа къ кушаньямъ; плитки эти составляютъ предметъ весьма значительной торговли: онѣ вывозятся въ большомъ количествѣ изъ южныхъ лѣсистыхъ провинцій въ сѣверные округи, где это дерево рѣдко, и въ бассейнѣ озера Цаде, где его совсѣмъ нѣть. При лѣсныхъ порубкахъ топоръ дровосѣка всегда щадить дороя, какъ и масличное дерево. Дынное дерево (папайя), неизвѣстно когда введенное въ краѣ и, вѣроятно, чрезъ Египетъ, какъ показываетъ его название—гонда Масръ¹⁾)—можно видѣть подлѣ каждого человѣческаго жилища въ южной Гауссѣ; но бананъ, о которомъ ошибочно говорили, будто онѣ слѣдуетъ за негромъ черезъ весь Суданъ²⁾), отсутствуетъ на пространствѣ около 1.000 километровъ въ ширину, отдѣляющемъ Адамауа отъ Гандо; онѣ опять становятся очень обыкновеннымъ и даютъ превосходные плоды—въ западной полосѣ Гауссы. Рисъ составляетъ главный зерновой хлѣбъ во всемъ бассейнѣ рѣки Сокото, тогда какъ на востокѣ, въ Борну, это растеніе неизвѣстно земледѣльцамъ. Лукъ отличается превосходнымъ качествомъ и составляетъ весьма важную часть питанія туземцевъ; Бартъ разсказываетъ, что во время его продолжительного и опаснаго путешествія по Судану онѣ много разъ своимъ исѣченіемъ отъ дисентеріи обязаны были только луку и плодамъ тамаринда. Изъ промышленныхъ растеній самое распространенное—хлопчатникъ, какъ это было уже въ шестнадцатомъ столѣтіи, по рассказамъ Льва-Африканца.

Хотя междуусобныя войны и массовые

¹⁾ Barth, цитированъ. сочиненіе.

²⁾ Grisebach, „V g tation du Globe“.

истребленія жителей обезлюдили многія мѣстности Гауссы, однако, въ цѣломъ эта страна такъ заселена и покрыта плантациями, городами и мѣстечками, постоянными или временными, что большія дикия животные давно уже удалились изъ центральныхъ областей. Носорога нигдѣ не видать въ Гауссѣ; слонъ встрѣчается только въ глухихъ мѣстностяхъ, где онъ бродить значительными бандами; левъ, безгривый, какъ и аирскій, появляется иногда въ при-ишгерской полосѣ степей Сахары. Міръ птицъ представленъ вокругъ деревень миріадами голубей и горлицъ, а въ лѣсахъ различными видами съ блестящимъ опереніемъ. Стада домашнихъ животныхъ населяютъ лѣсныя прогалины и саванны. Всѣ козы—однообразно темнаго цвѣта, всѣ коровы—чистаго бѣлаго, у всѣхъ быковъ на затылкѣ жирный мѣшокъ, ниспадающій на плечо. Гауссанцы—страстные пчеловоды: ули, устраиваемые изъ вѣтвей, обыкновенно вѣшаютъ на баобабахъ. Въ низменныхъ и болотистыхъ частяхъ страны москиты составляютъ почти невыносимый бичъ, гораздо болѣе страшный, чѣмъ было бы сосѣдство лютыхъ звѣрей; но въ нѣкоторыхъ округахъ туземцы придумали довольно острѣумное средство избѣгать преслѣдованія этихъ мучителей. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своихъ хижинъ они устраиваютъ на высотѣ трехъ или четырехъ метровъ надъ уровнемъ почвы убѣжище съ конической крышей, поддерживаемое нѣсколькими столбами; днемъ этотъ тайникъ плотно закрытъ, съ наступлениемъ же ночи обитатели влѣзаютъ въ него при помощи лѣстницы, и быстро захлопнувшись дверь за собой, освобождаются, наконецъ, отъ атакъ жужжащей тучи москитовъ.

Гауссанцы называютъ себя пришельцами съ сѣвера: гоберасы или гоберауа, господствовавшіе нѣкогда въ горахъ Аира, принадлежащіе къ этой семье народовъ. Въ миѳической генеalogіи гауссанцевъ имя ихъ родоначальника, повидимому, заставляетъ предполагать для всей расы, за исключеніемъ «сыновъ Гобера», рабское происхожденіе: память о перво-одѣ первоначального свободного состоянія изгладилась даже изъ преданія. Какъ бы то ни было, страна, на которую указываютъ какъ на первоначальную родину всѣхъ гауссанцевъ, есть область водораздѣла между рѣкой Сокото и бассейномъ озера Цаде, и въ этомъ поясѣ особенно восточная покатость считается мѣстомъ ихъ происхожденія. Мало-по-малу эта раса распространилась на западъ, и гаусская семья разрослась дотого, что заключала въ себѣ семерыхъ «законныхъ» сыновъ; на каждомъ изъ нихъ лежала, по преданію, какая-нибудь специальная обязанность въ управлѣніи дѣлами: такъ, Гоберь, сѣверный гауссанецъ, долженъ быть, какъ воинъ, за-

шишать своихъ родичей; Кано обязанъ былъ красить ткани; Кацена сдѣлался купцомъ; Сегъ-Сегъ, южный гауссанецъ, поставлялъ невольниковъ. Затѣмъ семья увеличилась еще семерыми дѣтьми «незаконными», зарубежными жителями, говорящими гаусскимъ языкомъ или по крайней мѣрѣ понимающими его, но первоначальная народчія которыхъ отличались отъ этого языка. Они остались чужаками для расы и уступаютъ своимъ братьямъ въ благородствѣ: это народы, обитающіе на нижнемъ Нигерѣ и Бенуэ. Въ то время, какъ территорія собственно гауссанцевъ не превышаетъ 100.000 квадр. километровъ, область, гдѣ господствуетъ ихъ языкъ, обнимаетъ въ пять или шесть разъ большее пространство.

Гауссскій языкъ, который Ричардсонъ называлъ «суданскимъ», какъ будто это языкъ всего Судана, есть по крайней мѣрѣ наиболѣе употребительный говоръ во всей странѣ, заключающейся между Сахарой, озеромъ Паде, Гвинейскимъ моремъ и горами Конгъ: даже за предѣлами этой обширной терроторіи его употребляютъ на всѣхъ рынкахъ, совместно съ мѣстными языками; на берегахъ Средиземного моря каждый торговый городъ, Триполи, Тунисъ, Алжиръ, имѣеть свою колонію негровъ, говорящихъ гаусскимъ діалектомъ. Черезъ своихъ невольниковъ, также какъ черезъ купцовъ, нація постепенно все далѣе распространяетъ свою рѣчь: въ чужихъ земляхъ служители изъ гауссанцевъ учатъ своихъ господѣ этому цивилизованному языку по преимуществу, языкку рынковъ и королевскихъ дворовъ. Всѣ слова его составлены посредствомъ агглютинаціи при помощи приставокъ и суффиксовъ, при чемъ каждая частица сохраняетъ свое особое значеніе. По звучности, богатству словаря, простотѣ грамматической конструкціи, изящному равновѣсію фразъ, гауссскій языкъ дѣйствительно достоинъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ между языками Африки. Письменность его состоитъ почти только изъ книгъ духовнаго содержанія, словарей и сборниковъ грамматическихъ замѣтокъ, составленныхъ европейцами¹⁾; но, по свидѣтельству Шена и Краузе, гауссанцы обладаютъ также оригиналными манускриптами, написанными на туземномъ языкѣ, хотя арабскими буквами.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ, по словамъ Ричардсона, этотъ діалектъ сохранился въ Каценѣ, «гауссской Флоренціи» по мнѣнію большинства ученыхъ, его должно поставить, въ смыслѣ классификаціи, между негритянскими народчіями, вмѣстѣ съ діалектомъ канури; но онъ представляеть также большое средство съ

«хамитскими» языками сѣверныхъ областей континента.

«Семеро сыновей» націи гаусса не всѣ принадлежатъ къ исламу; нѣкоторые изъ нихъ остаются еще язычниками и оказываютъ энергическое сопротивленіе всякимъ попыткамъ насилиственного обращенія. Во время путешествія Барта сѣверные гоберасы продолжали отвергать всѣ магометанскіе обряды, да и другие гауссанцы не выказывали особенного рвения къ вѣру. Дѣло религіозной пропаганды должно быть приписано исключительно другой расѣ—фуламъ. Съ давнихъ порь представители этой расы жили въ Гауссѣ, какъ пастихи, и уже съ четырнадцатаго столѣтія, можетъ-быть, даже еще ранѣе, большинство ихъ общинъ исповѣдывали вѣру Магомета. Разсѣянныя по всей странѣ, эти общинны сдѣлались очень многочисленными; кроме того, они постоянно увеличивались притокомъ новыхъ элементовъ, такъ какъ хотя фулы, гордящіеся своимъ краснымъ или бѣлымъ цвѣтомъ кожи, отказываются выдавать своихъ дочерей замужъ за окрестныхъ негровъ, но сами они охотно женятся на негритянкахъ, и дѣти отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ считаются принадлежащими къ расѣ отца. Во многихъ мѣстахъ могущество фуловъ уже уравновѣшивало могущество собственно гауссанцевъ, но нигдѣ первые не приобрѣли еще политического господства, когда вспыхнула война: это было въ 1802 году. Одинъ шейхъ сосѣдняго съ землей Гоберь племени, дамъ-фодіе-Отманъ, убѣдилъ своихъ единоплеменниковъ организоваться въ джемаа, то-есть въ религіозную и военную общину, чтобы отбросить въ сѣверные степи своихъ угнетателей, язычниковъ гоберасовъ, и пропагандировать вѣру силой меча. Часто побѣждаемые въ борьбѣ съ неверными, но всегда возобновлявшіе эту борьбу, фулы въ концѣ концовъ восторжествовали надъ гауссанцами и основали обширную имперію, простиравшуюся до истоковъ Бенуэ.

Между такъ называемыми фулами терроторіи Сокото есть много иноплеменниковъ, принадлежащихъ къ націи завоевателей только благодаря продолжительному союзу, основанному на общности интересовъ. Таковы сисильбе или силлебау, потомки уакоре, или восточныхъ мандинговъ; они говорятъ феллатскимъ (пуларь) и гаусскимъ (гауса) языками, первоначальный же ихъ языкъ давно уже позабытъ. Различные покоренные народы тоже причисляются къ фуламъ, но лишь въ качествѣ низшихъ кастъ, какъ племя лагобе причисляется къ сенегальскимъ фуламъ. Племя согоранъ или джауамбѣ есть остатокъ одного изъ тѣхъ побѣденныхъ народовъ, которые никогда не поднимаются на степень свободныхъ людей и занимаются только презираемыми ремеслами: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ согорановъ можно

¹⁾ I. Vinson, *Dictionnaire des Sciences Anthropologiques*; — Gust. *"Modern, Languages of Africa"*.

сравнить съ цыганами по социальному положению, тогда какъ въ Сокото, гдѣ ихъ раса, смѣшавшаяся съ туарегской, составляетъ главную массу населения, большинство живетъ ремеслами и мелкой торговлей; они даже почти монополизировали кожевенную промышленность, которая была ихъ специальностью уже въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Что касается города или торобе, соплеменниковъ сенегальскихъ тукулеровъ, то они тоже считаются, между восточными фулами, своего рода аристократіей, религиозной и военной; особенно

мнѣнію, направлялось отъ запада къ востоку, а не отъ востока къ западу, какъ полагаютъ большинство другихъ писателей. Несомнѣнно то, что дальнія путешествія, окончательныя переселенія, за сотни и тысячи верстъ отъ прежняго мѣстопребыванія,—дѣло легкое и привычное для этихъ фуловъ, въ одно и тоже время паствуясь и земледѣльцевъ, которые перекочевываютъ со своими стадами съ пастбища на пастбище, проходя почти незамѣченными между осѣдлыми населеніями, но которые умѣютъ утвердиться на землѣ, когда найдутъ под-

Феллатъ изъ Сокото.—Братъ султана.

пользуются большимъ почетомъ тѣ изъ нихъ, которые получили отъ народа прозвище торобе сабуни, или «мыльные торобе», потому что эти набожные люди часто моютъ свою одежду, безукоризненная бѣлизна которой должна служить символомъ чистоты ихъ вѣры. Тукулеры Гауссы тоже люди смѣшанной расы, и по Барту, среди нихъ въ сильной степени представленъ уолофскій элементъ, какъ въ территоріи Сокото, такъ и въ Сенегалѣ. Этотъ-то фактъ, присутствіе въ Гауссѣ отчасти уолофской расы, и далъ Барту поводъ приписывать фуламъ западное происхожденіе: въ новѣйшее время ихъ эмиграціонное движеніе, по его

ходащее мѣсто, гдѣ можно остаться въ качествѣ господь. Этимъ и объясняются безпрестанныя измѣненія этнологической карты фуловъ въ Суданѣ. Если теперь уже не встрѣтишь фуловъ въ территоріи Сенегала, носящей ихъ имя Фула-дугу, то въ области Фута-Джаллонъ имѣются фулы изъ Массины, то-есть иммигранты, пришедши съ востока, тогда какъ страны Каарта и Сегу вновь заселяются тукулерами, прибывающими съ запада. Наконецъ, такруры, люди того же происхожденія, встрѣчаются земледѣльческими колоніями на всемъ пространствѣ до подошвы горъ Эгіопіи.

Кромѣ гауссанцевъ (гауссауа), различаю-

шихся происхождениемъ, но объединенныхъ языкомъ, которые составляютъ основу населения, и фуловъ (фула), приобрѣвшихъ политическое господство въ странѣ, въ Гауссѣ есть жители, принадлежащіе къ другимъ большими расамъ Африки. Такъ, въ провинціи Кебби, сонгай, подъ мѣстнымъ наименованіемъ кабауа, занимаютъ наибольшую часть треугольного пространства, заключающагося между течениемъ Нигера и оврагами, или даллуль, спускающимися изъ земли туареговъ. Эти сонгай должны были постепенно отступать къ западу подъ напоромъ гауссанцевъ и фуловъ; однако, они оказываются сопротивленіе, и во время путешествія Барта это племя находилось въ полномъ возстаніи. Туареги, очень многочисленные и въ Гауссѣ, являются сюда не цѣльными племенами, а лишь одиночными переселенцами, но большинство изъ нихъ кончаютъ тѣмъ, что покупаютъ себѣ землю и затѣмъ привлекаютъ въ край своихъ бывшихъ земляковъ: нѣкоторые округи уже перешли въ ихъ руки. Провинція Адаръ или Тадларь, почти непосредственно къ югу отъ Сокото, въ большой части берберизована по составу населения. Многіе изъ фуловъ и гауссанцевъ безъ примѣси туарегской крови носятъ «лица», или вуаль, какъ знакъ благороднаго происхожденія.

Обширная феллатская имперія, основанная Отманомъ въ началѣ XIX столѣтія, раздѣлилась на два королевства: восточное или Бурно, врѣзывающееся на западъ въ бассейнъ озера Цаде, на юго-востокѣ въ долину рѣки Бенуа, и западное или Гандо, простирающееся за Нигеръ до территоріи Мосси. Въ половинѣ столѣтія могущество фуловъ казалось сильно поколебленнымъ въ обоихъ этихъ государствахъ, такъ что Бартъ предсказывалъ скорое восстановленіе предшествующаго политического порядка. Даже въ окрестностяхъ Сокото охотники на человѣка нападали на подгородныя деревни и уводили жителей въ неволю; часто въ краѣ царствовалъ голодъ, вслѣдствіе разграбленія житницъ и угона скота. Состояніе страны съ того времени почти не измѣнилось, и многіе вассалы, между прочимъ, султанъ земли Нула, являются нынѣ гораздо болѣе могущественными владѣтелями, чѣмъ ихъ сюзерены: если имперія не рушилась, то это объясняется религіозной солидарностью, которой одушевлены мусульмане этой страны. Несмотря на свою слабость въ военномъ отношеніи, два государства Гауссы сохранили самостоятельное существование, и со временемъ замиренія края центральная провинція Гандо и Сокото замѣчательно разбогатѣли и заселились. Джозефъ Томсонъ, посѣтившій берега рѣки Сокото черезъ тридцать лѣтъ послѣ Барта, съ удивленіемъ говорить о торговой дѣятельности жителей этой страны и сравниваетъ непрерывное

движеніе на большой дорогѣ изъ Гандо въ Сокото съ движеніемъ, наблюдавшимъся вокругъ муравейника: люди и животныя толпятся точно на улицахъ большаго города; на спинѣ верблюдовъ, воловъ, лошадей и ословъ передъ глазами зрителя проходять товары Судана и базисовъ, Берберіи и Европы; элегантные всадники, въ пышномъ восточномъ одѣяніи, раздвигаютъ толпу грудью своихъ скакуновъ; туареги, вооруженные копьемъ и съ лицомъ на лицѣ, доминируютъ надъ вереницами проходящихъ съ высоты своихъ мегари. Горизонтъ окаймленъ рядомъ деревень: глазомъ ихъ можно насчитать до десятка, и всѣ онѣ такъ же многолюдны, какъ города въ другихъ мѣстахъ. Нѣть ни одного этапа, который бы не представлялъ изъ себя значительного города; даже въ населенныхъ мѣстѣ, въ чистомъ полѣ, подъ каждымъ баобабомъ или тамариандомъ простирается на открытомъ воздухѣ постоянный дворъ, гдѣ негритянки предлагаютъ путникамъ прохладительные напитки или закуски. Мечети рѣдки, и даже въ городахъ отличаются отъ простыхъ хижинъ только большими размѣрами, но по краямъ дороги сооружены въ разныхъ мѣстахъ ограды изъ камней, ориентированные въ сторону Мекки: это сельскія часовни, гдѣ прохожіе совершаютъ колѣнопреклоненія въ чась молитвы.

Города Гауссы издали имѣютъ видъ большой рощи, оттого, что у каждого жилища стоитъ большое развесистое дерево, тогда какъ въ густо населенныхъ сельскихъ округахъ, гдѣ поля засѣяны низкорослыми растеніями, не видно болѣе никакихъ остатковъ прежнихъ лѣсовъ. Частыя войны, расовые или династическая, заставили жителей окружать города стѣнами, обводить рвами, воздвигать башни у входныхъ воротъ, и особенно въ сѣверныхъ областяхъ горожане пріобрѣли большое искусство въ постройкѣ этихъ оборонительныхъ сооруженій. Городъ Куррефи, лежащий километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ Кацены, можетъ служить образцомъ въ этомъ отношеніи. Построенный въ половинѣ XIX столѣтія для поселенія восьми или девяти тысячъ человѣкъ, лишившихся кровя, вслѣдствіе разрушенія ихъ жилищъ непріятелемъ, Куррефи опирается одной стороной на гранитныя скалы; съ другихъ сторонъ онъ защищенъ тройной стѣной и двумя широкими рвами: городской валъ имѣеть всего только двое воротъ, и отверстія расположены такимъ образомъ, что непріятелю пришлось бы дѣлать длинные обходы между стѣнами, унизанными бойницами; кроме того, главнымъ воротамъ предшествуетъ вѣнчайший военный плацъ, тоже обведенный двойнымъ рвомъ.

Промышленность очень дѣятельна въ многолюдныхъ городахъ Гауссы. Раздѣленіе труда создало многочисленныя корпораціи ремесленниковъ: гончаровъ, ткачей, красильщиковъ,

портныхъ, шорниковъ, сапожниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, котельниковъ, ювелировъ, парфюмеровъ, мыловаровъ. Базары наполнены всякаго рода товаромъ; во всѣхъ улицахъ раздается немолчный шумъ рабочихъ инструментовъ, и повсюду слышенъ мѣрный голосъ школьнниковъ, читающихъ нараспѣвъ стихи Корана. Вообще трудъ въ большой части въ этихъ странахъ Нигриціи, хотя рабство тамъ еще не упразднено. Впрочемъ, число плѣнныхъ слугъ уменьшается, потому что во многихъ провинціяхъ Гауссы невольники рѣдко получаютъ разрѣшеніе жениться: они не основываютъ семействъ, и человѣческія стада вербуются путемъ неготорговыхъ экспедицій, нынѣ менѣе частыхъ, благодаря распространенію ислама. Но большинство гауссанцевъ, отличающихся веселымъ и добродушнымъ характеромъ, хорошо обращаются со своими рабами и не считаютъ себя, какъ арабы, въ силу своего происхожденія, выше тѣхъ, которые принуждены имъ служить. Что касается туареговъ, то они, напротивъ, очень заботятся о томъ, чтобы ихъ молодые невольники вступали въ бракъ и обзаводились семьей¹⁾: они заботятся о разведеніи породы и полученіи возможно большаго приплода, какъ заботились прежде негровладѣльцы въ Виргиніи и Кентукки.

Территорія Дамергу, которая, по языку и культурѣ населения, должна быть рассматриваема какъ составная часть Гауссы, принадлежитъ уже къ переходному поясу между Сахарой и Суданомъ. Тамаринды и другія большія деревья находять тамъ предѣлъ своего распространенія къ сѣверу, культура различныхъ промышленныхъ растеній Судана тоже прекращается. Поля еще орошаются правильными дождями, но выпадающая доля атмосферной влаги не каждый годъ бываетъ достаточна, и иногда жителямъ приходится терпѣть нужду, вслѣдствіе недорода. Край этотъ, населенный людьми смѣшанного происхожденія, берберскаго и негритянскаго, усыпанъ многочисленными деревнями; но Бартъ, поѣтавшій Дамергу въ 1851 году, вмѣстѣ съ Овервегомъ, не упоминаетъ ни одного города. Слишкомъ слабые, чтобы противостоять нападеніямъ окрестныхъ кочевниковъ, вольные земледѣльцы страны принуждены покупать миръ тяжелой данью, платимой асбенскому племени кель-ови, и цѣлые деревни населены невольниками. Иногда купцы, которымъ путь лежитъ черезъ эту территорію, должны соединяться въ караваны, какъ для прохода черезъ пустыню, чтобы обезопасить себя отъ нападенія окрестныхъ бродягъ.

Область Гауссы, простирающаяся къ югу отъ Дамергу, принадлежитъ къ покатости озера Цаде, а не къ бассейну Нигера; многочислен-

ныя рѣчки, изъ соединенія которыхъ, далѣе на востокѣ, образуется рѣка Іеу, берутъ начало въ этой области, благоговѣйно чтимой, какъ «святая» земля, гдѣ родились предки расы. Даура, главный городъ округа того же имени, лежащей въ 150 километрахъ къ востоко-сѣверо-востоку отъ Кацены, есть метрополія старѣйшаго изъ «Семи сыновъ» Гауссы, и до вторженія магометанства былъ центромъ языческаго культа: тамъ имѣлъ пребываніе Додо, главный богъ гауссанцевъ, котораго одинъ святымъ пророкъ ислама сразилъ въ единоборствѣ. Нѣкоторыя чудесныя явленія, составляющія наслѣдіе до-исламитскаго периода, свидѣтельствуютъ до сихъ поръ объ особенной святыни Дауры: таковъ, напримѣръ, одинъ фонтанъ, вода котораго, по словамъ туземцевъ, бываетъ обильной струей все время, пока солнце надъ горизонтомъ, но который будто бы вдругъ изсякаетъ, какъ только свѣтило дневное закатится.

На покатости внутренняго моря, ближайшій городъ къ истокамъ рѣки Іеу — Тессауа. Его можно взять за типъ большинства другихъ городскихъ поселеній Гауссы: въ то время, какъ окрестности представляютъ печальную голую равнину, городская ограда наполнена большими деревьями, подъ сѣнью которыхъ расположены хаты и плантации; скотъ щиплетъ траву на лугахъ или валяется въ лужахъ, рядомъ съ дѣтьми; домашнія птицы кружатся надъ вѣтвями деревьевъ. Населеніе состоить главнымъ образомъ изъ гоберасовъ и буссусасовъ, то-есть туареговъ-помѣсей, не имѣющихъ по большей части другаго костюма, бромъ кожанаго передника. Сосѣдніе города, Госсенако и Гассауа, также принадлежать людямъ смѣшанной расы и занимаются тѣмъ же родомъ промышленности, именно окраской тканей. Тессауа — городъ по преимуществу торговый, куда асбенцы и туареги приходятъ обмѣнивать свои товары на произведенія юга; Гассауа, напротивъ, имѣеть болѣе военный характеръ. Жители его, язычники въ большинствѣ, какъ и другіе гоберасы, должны постоянно опасаться нападеній со стороны фуловъ-мусульманъ; оттого дома, тѣснящіеся близко одинъ къ другому, окружены солидными укрѣпленіями, рвами, палисадами, выступающими башнями; вѣнчъ городской ограды нѣть ни одного предмѣстья. Баба или «набольшій» города Гассауа есть вмѣстѣ съ тѣмъ воинскій начальникъ значительной части территоріи Гоберъ.

Кацена (Катсена), главный городъ одной изъ восточныхъ провинцій Гауссы, бывшій прежде королевской резиденціей, лежитъ, какъ и Тессауа, при истокѣ ручья, спускающагося на востокъ черезъ рѣку Іеу къ озеру Цаде; но этотъ оврагъ, часто безводный, является почти непримѣтной чертой въ пейзажѣ: путешественникъ замѣчаетъ только гранитныя

¹⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

скалы, выступающія тамъ и сямъ надъ голыми, обезлѣсенными равнинами. По виду Кацена—одинъ изъ большихъ городовъ Африки; его массивная стѣна, шириной въ 9, высотой отъ 10 до 12 метровъ, имѣеть не менѣе 22 километровъ въ окружности. Она обведена широкимъ рвомъ; кромѣ того, оврагъ, гдѣ соединяются первыя воды, текущія въ рѣку Иеу, проходитъ на сѣверной сторонѣ города, защищая его отъ набѣговъ гоберасовъ и туареговъ. Но когда войдешь въ ворота Кацены, оказывается, что почти все огороженное пространство занято развалинами, садами и полями. Въ сѣверо-западной части неправильного прямоугольника ограды дома довольно тѣсно сгруппированы, такъ что образуютъ настоящій городъ; вокругъ дворца, стоящаго въ сѣверо-восточномъ углу, разсѣяно нѣсколько поселковъ. По всей вѣроятности, Кацена въ началѣ была просто собраніемъ деревень, которое привило видъ города только со временемъ сооруженія огромной, окружающей его, стѣны: каждая небольшая группа домовъноситъ еще особое название, напоминающее промыселъ ея первыхъ обитателей или какое-нибудь событие изъ мѣстной исторіи.

Въ языческую эпоху этотъ край былъ святой землей: одинъ гранитный холмъ въ окрестностяхъ Кацены служилъ мѣстомъ жертвоприношеній, которое до сихъ поръ чутъ какъ святыню, хотя теперь уже всѣ жители страны исповѣдуютъ исламъ. Съ начала шестнадцатаго столѣтія и, вѣроятно, еще ранѣе, Кацена была центромъ цивилизаціи: сюда со всѣхъ сторонъ стекались иностранцы; одинъ изъ кварталовъ города назывался «Студенческимъ». Каценскіе короли, хотя номинально считавшіеся вассалами Борну, въ дѣйствительности были независимыми владѣтелями, и власть ихъ простидалась далеко къ югу. Они оказывали энергическое сопротивленіе феллатамъ: осада столицы продолжалась цѣлыхъ семь лѣтъ, съ 1807 по 1814 годъ, и хотя жатвы, собираемыя внутри городской ограды, въ значительной мѣрѣ способствовали продовольствію жителей, но подъ конецъ насталъ страшный голодъ: коршуны, ящерицы и змѣи продавались по баснословнымъ цѣнамъ. Со временемъ взятія Кацены городское населеніе почти не превышаетъ по численности населенія сосѣдняго городка Курайе. Большинство торговаго люда покинуло этотъ здоровый край, чтобы поселиться въ подверженномъ лихорадкамъ Кано; теперь въ городѣ очень немногіе купцовъ, и почти всѣ они уангарацы, то-есть мандинги. Феллатскіе за воеватели были безпощадны къ побѣжденнымъ и старались уничтожить всѣ слѣды ихъ прежней независимости. Книги, трактовавшія объ исторіи страны, были сожжены; городъ Данкама, куда удалился государь послѣ паденія его столицы, былъ разрушенъ до основанія. Эти

развалины, находящіяся въ сорока километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Кацены, теперь заросли кустарникомъ; только гигантскій баобабъ стоитъ одиноко въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда толпились купцы и кипѣла торговая дѣятельность. Бартъ разсказываетъ, какъ онъ проходилъ, вечеромъ, черезъ мертвый городъ, въ моментъ, когда на него ложились уже большія тѣни. Спутники англійскаго изслѣдователя, все уроженцы Аира и соплеменники перебитыхъ гоберасовъ, ускоряли шагъ изъ боязни быть задѣтыми въ проходѣ витающими надъ этимъ кладбищемъ духами. Музыканты неистово били въ барабаны, чтобы отогнать злыхъ геніевъ, и проклятія, сыпавшіяся на голову варваровъ-фулловъ, сливались съ грохотомъ тамтама.

Кано, нынѣ самый значительный городъ восточной Гауссы, на покатости озера Цаде, лежитъ не у рѣки или какой-либо проточной воды; онъ занимаетъ низменную мѣстность вокругъ кругой скалы, высотой около сорока метровъ. На этой скалѣ, называемой Дала, прежде стояла крѣпость, изъ которой и образовался, въ шестнадцатомъ столѣтіи, нынѣшній городъ, въ 6 километрахъ къ западу стоять другая скала, тоже находящаяся внутри городской ограды. Подобно Каценѣ, Кано въ началѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ деревень, которые затѣмъ были обращены въ одинъ укрѣпленный городъ постройкой стѣны, имѣющей 24 километра въ окружности и заботливо поддерживаемой; въ южной части города видны остатки болѣе древняго вала, теперь застроеннаго домами. Нѣсколько прудовъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ неправильного овала, ограниченаго стѣнами; самая обширная изъ этихъ лужь, называемая Джакарой, тянется съ востока на западъ версты на три, но около середины перерѣзана перешейкомъ или «мостомъ», къ сѣверу отъ которого помѣщается большой рынокъ, и который составляетъ исходный пунктъ главныхъ улицъ, расходящихся радиусами къ воротамъ городской ограды. Эти лужи, окруженныя камышами, покрытыя на поверхности кувшинками, являются резервуарами, питающими городъ водой для питья; въ то же время онъ служить городскими клоаками, и на нихъ плаваютъ всякие отбросы и нечистоты: неудивительно, что путешественники такъ боятся Кано по причинѣ его крайне дурнаго санитарнаго состоянія. Кромѣ этихъ естественныхъ прудовъ, жители выкапываютъ ямы для извлеченія строительныхъ материаловъ, и эти ямы, наполняясь водой и всякими органическими остатками, становятся гнѣздами заразы и смерти.

Въ прошломъ столѣтіи Кано былъ еще небольшимъ мѣстечкомъ; онъ сдѣлался однимъ изъ значительныхъ городовъ Судана только послѣ паденія Кацены, когда купцы должны были перенести въ другое мѣсто центръ своихъ

торговыхъ операций. Населенный иммигрантами всякой расы, онъ занимаетъ площадь по меньшей мѣрѣ въ 25 квадр. километровъ,—неправильный овалъ, вписаный въ гораздо болѣе обширный овалъ ограды. Съ высоты скалы Дала, находящейся на сѣверной сторонѣ города, видишь внизу обширное пространство глиняныхъ домовъ съ террасами и хижинъ съ остроконечными кровлями и финиковыми пальмами, опоясанное зеленѣющими плантациями и полями. Разночлененное населеніе размѣстилось въ разныхъ частяхъ города, каждая раса въ отдельномъ кварталѣ. Канури или борнуанцы, потомки прежнихъ владѣтелей страны, обитаютъ недалеко отъ скалы Дала, въ сѣверной части Кано; гауссане, тоже очень многочисленные, занимаютъ центральные кварталы; фулы, пріобрѣвшіе, въ свою очередь, господство въ краѣ, живутъ въ южныхъ улицахъ, вокругъ лабиринтовъ построекъ, образуемыхъ дворцами губернатора и его визиря, или гададимы; наконецъ, арабскіе, купцы, между которыми есть цѣлая колонія гадамесцевъ, основали свое мѣстопребываніе въ сосѣдствѣ главнаго рынка, на сѣверной сторонѣ большаго пруда.

По важности своей торговли Кано соперничаетъ съ городомъ Кука въ Борну. Жители продаютъ бумажный матеріи, которымъ они ткутъ и красятъ сами, употребляя хлопокъ и индиго, доставляемые сельскими хозяевами окружающей мѣстности, слышащей «садомъ Судана». Вообще Кано можно назвать образцовымъ городомъ по части мелкой или кустарной промышленности. Въ каждомъ домѣ семья составляетъ самостоятельную группу, независящую ни отъ какого хозяина въ отношеніи своего труда: ежедневная работа справляется у себя на-дому, безъ принесенія въ жертву семейной жизни; оттого жители Кано, по выражению Барта, «принадлежать къ счастливѣйшимъ людямъ въ свѣтѣ»¹), и они съ полнымъ правомъ проявляютъ свою веселость постояннымъ смѣхомъ и пѣснями. Произведенія канской промышленности, бумажная ткань, башмаки и туфли, кожаные мѣшкі, отправляются за тысячи верстъ, съ одной стороны

— до озера Цаде, съ другой — до Атлантическаго океана, на сѣверъ — до Средиземного моря; когда прямое сообщеніе прервано вслѣдствіе войны, канскія матеріи, очень цѣнныя въ Томбукту, посылаются путемъ, составляющимъ огромный крюкъ, — на Ратъ, Гадамесъ, Туатъ, Эль-Арауантъ. Встрѣчая на рѣкахъ Берберіи вышитый кожаный товарь, привезенный караванами изъ Кано, невольно удивляешься искусству, съ которымъ ремесленники этого города, негры канури и гауссауа, воспроизводятъ арабскій стиль орнаментациі; можно

подумать, что видишь передъ собой изделие мавританского происхожденія. Канскіе кустари выдѣлываютъ также шелковые ткани изъ коноплѣ тамариндоваго шелкопряда,—вида неизвестнаго въ другихъ странахъ. Кано вывозить значительныя количества зерновыхъ хлѣбовъ, сборъ которыхъ всегда превышаетъ нужды мѣстнаго потребленія; взамѣнъ того, онъ покупаетъ соль изъ оазисовъ, селитру съ береговъ озера Цаде и орѣхи бола изъ областей, лежащихъ за Нигеромъ. Во время прохода Барта слоновая кость почти отсутствовала на рынкѣ Кано; что касается торговли невольниками, то она была еще очень дѣятельна: транзитъ этихъ несчастныхъ на тамошнемъ базарѣ исчислялся среднимъ числомъ въ пять тысячъ человѣкъ въ годъ; кромѣ того, много пѣдлеровъ продавалось по домамъ и въ окрестныхъ селеніяхъ, вѣнѣ надзора фиска, который взимаетъ свою долю изъ покупной цѣны.

Къ востоку отъ Кано, въ бассейнѣ, спускающемся къ Борну, многіе другіе города, населенные частью кануріями, находятся еще въ политической зависимости отъ Гауссы. Важнѣйшій изъ этихъ городовъ — Герки, лежащий недалеко отъ границы. Катагумъ, на рѣкѣ того же имени, одной изъ главныхъ вѣтвей Геу, лѣтомъ пересыхающей, — тоже значительный городъ и административный центръ провинціи. Къ западу же отъ Кано населеніе состоитъ исключительно изъ гауссанъ и фуловъ. Въ этой области, на водораздѣлѣ между Нигеромъ и озеромъ Цаде, находится живописный городъ Каммане, одинъ изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Гауссы: каждая изъ его хатъ, разсѣянныхъ между гранитными пригорками и группами пальмъ, есть ткацкая или красильная мастерская, и выдѣлываемыя тамошними кустарями бумажная матерія славится прочностью ткани и замѣчательнымъ блескомъ цвѣта. Жители Каммане умѣютъ также храбро защищать отъ враговъ свой городъ и богатыя плантации его окрестностей; они заботливо поддерживаютъ вѣнчную ограду и часто отражали нападенія гоберасовъ.

Сюри, столица Санфары, лежитъ на покатоски рѣки Сокото, въ области ея истоковъ. Это многолюдный городъ, пришедшій въ упадокъ, вслѣдствіе беспрестанныхъ войнъ, которыхъ онъ долженъ былъ вести со своимъ со-перникомъ Маради, главнымъ пунктомъ Гобера, языческимъ городомъ, сохранившимъ традиціи древней Гауссы и доблѣсть предковъ. Къ западу отъ Сюри, на дорогѣ въ Сокото, слѣдуютъ одинъ за другимъ Дучи, или городъ «Скаль», дѣйствительно затерянный въ лабиринтѣ камней, и Сансане-Аисса, или «Станъ Иисуса», одна изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей имперіи. Далѣе тянется страшный лѣсъ Гун-

¹) H. Barth, цитиров. сочиненіе.

думи, гдѣ часто враги поджидали въ засадѣ войска фуловъ. Этотъ лѣсъ, который Бартъ прошелъ дважды, имѣеть не менѣе 80 километровъ въ длину, отъ востока къ западу: путешественники обыкновенно проходять всю восточную и центральную часть его въ одинъ ночной переходъ, тѣмъ болѣе тягостный, что надо идти все время молча, тогда какъ негры привыкли развлекаться въ дорогѣ пѣснями и смѣхомъ. Алкалайа, бывшая столица Гобера, находится на сѣверной опушкѣ лѣса Гундуми, на берегу рѣки Сокото, и Конни, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ этой территории, лежитъ всего въ двухъ дняхъ ходбы, къ сѣверо-западу. Понятно, что въ подобномъ сосѣдствѣ фулы проходять черезъ этотъ лѣсъ не безъ опаски.

Вурно, резиденція короля гауссанъ, Серики-Мусульміа, т. е. «повелителя мусульманъ», занимаетъ великолѣпное положеніе на уединенной песчаниковой скалѣ, возвышающейся на 40 метр. надъ окружающими долинами; на сѣверной его сторонѣ течетъ рѣка, образуемая потоками Сюрми и Маради и принимающая далѣе имя Сокото: въ періодъ дождей почти вся мѣстность вокругъ скалы бываетъ затоплена. Заперты въ высокихъ стѣнахъ, самый городъ мало интересенъ: это куча низенькихъ домовъ и хижинъ изъ фашинника, кое-гдѣ осѣненныхъ группами дынныхъ деревьевъ и пальмъ думъ или одинокими тамариндами. Съ валовъ кругомъ видишь только голую равнину, среди которой разсыпаны рѣдкіе баобабы.

Сокото, бывший до Вурно столицей обширной феллатской имперіи, стоить, какъ и Вурно, на выступѣ песчаниковой горы надъ долиной, на дѣвѣ которой бѣжитъ живая вода. Съ восточной стороны претекаетъ рѣчка Ганди или Бакура, названная такъ по двумъ важнымъ городамъ, находящимся на ея берегахъ; немного сѣверище Сокото, этотъ потокъ соединяется съ главной рѣкой, образующейся изъ сліянія ручьевъ Гобера и сѣверной Санфары: такимъ образомъ, Сокото лежитъ въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ естественныхъ путей, направляющихся вверхъ — къ Каценѣ, Кано, Бенуэ и озеру Цаде, внизъ — къ Нигеру. Городской валъ Сокото, построенный султаномъ Белло въ началѣ настоящаго столѣтія, представляетъ совершенно правильный квадратъ, имѣющій 2.750 метровъ въ сторонѣ: карта, составленная этимъ государемъ и подаренная имъ путешественнику Клаппертону, гдѣ всѣ окружавшія земли представлены въ перспективѣ до торговаго пункта Атагара, на морскомъ берегу, свидѣтельствуетъ о важности, которую его столица имѣла въ глазахъ главы феллатскихъ вѣрюющихъ. Когда феллатское государство находилось еще въ періодѣ могущества, пространство, окруженное этой высокой стѣной, было густо населено: сто двадцать тысячъ жителей были

скучены внутри городской ограды. Четверть вѣка спустя Бартъ оцѣнивалъ только въ одну шестую этого числа населеніе Сокото; съ того времени оно еще болѣе уменьшилось, главнымъ образомъ по причинѣ очень неблагоприятныхъ санитарныхъ условій мѣстности: пропорція сѣльскихъ тамъ весьма значительна. Большинство жителей — сисильбе, мандингскаго происхожденія, искусные и трудолюбивые ремесленники, дѣлающіе честь своей расѣ превосходнымъ качествомъ своихъ произведеній, вышитыхъ кожаныхъ издѣлій, тканей, крашеныхъ матерій, оружія, инструментовъ. Однѣ бывшій невольникъ феллатъ, вернувшійся изъ Бразилии, развелъ близъ Сокото маленькую плантацию сахарного тростника и устроилъ рафинадный заводъ, — замѣчательный примѣръ вліянія, оказываемаго уже Новымъ Свѣтомъ на цивилизацію Старого. Арабскіе купцы изъ Рата и Гадамеса населяютъ отдѣльный кварталъ въ Сокото, а теперь и англійскіе негоціанты стали появляться въ этомъ большомъ рынке центральной Африки, впервые посѣщенномъ однимъ изъ ихъ соотечественниковъ, Клаппертономъ. Этотъ путешественникъ въ Сокото и умеръ, въ 1827 году; спутникъ его, Ричардъ Лендеръ, похоронилъ его въ одной подгородной деревнѣ.

Въ тридцати километрахъ къ югу отъ Сокото находится городъ Шифауа или Сифауа, окруженный исполинскими баобабами, городъ, вынѣ прішедшій въ упадокъ, но имѣющій историческое прошлое: основатель имперіи фуловъ сдѣлалъ его на первое время столицей завоеванныхъ земель. Гандо, лежащій въ 60 километрахъ далѣе, къ юго-западу, также былъ одной изъ главныхъ резиденцій Отмана, возстановителя могущества фуловъ; теперь это главный городъ западной Гауссы, со всѣми подвластными ей территоріями, до земли Мосси; но онъ признаетъ надъ собой сюзеренство Сокото, столицы восточнаго царства. Гандо расположено въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ крутыми холмами и перерѣзываемой небольшимъ притокомъ рѣки Сокото. Почва въ этой котловинѣ замѣчательно плодородна и производить въ изобилии превосходные плоды и овощи. Бананы и лукъ изъ Гандо славятся во всей Гауссѣ.

Городъ Бирни и Кебби, т. е. «крепость Кебби», построенный километрахъ въ пятидесяти къ западу отъ Гандо, на террасѣ, высотой около 80 метровъ, господствующей надъ широкой и плодоносной долиной рѣки Сокото, занималъ великолѣпное стратегическое и торговое положеніе, близъ того мѣста, гдѣ рѣка становится судоходной, и гдѣ оканчивается кратчайшій путь изъ Сая, главнаго мѣста переправы на Нигерѣ въ многолюдныи области страны Сокото. Но отъ этого укрѣпленнаго города, бывшаго столицей территории Кебби, теперь остались только стѣны: фулы разрушили его въ

1806 году и нашли, говорять, много золота и серебра подъ развалинами. Новый городъ, называемый просто Кебби, какъ и самая провинція, былъ отстроенъ въ близкомъ растояніи отъ стараго: это куча невзрачныхъ домишкъ, безъ защитныхъ деревьевъ, мѣсто убѣжища для побѣденныхъ. Здѣсь мы находимся на границѣ различныхъ народностей: на востокѣ живутъ гауссане и фулы (феллата); на западѣ — сонгай, представленные главнымъ образомъ народцемъ денди. Между этими разнородными этническими элементами часто идетъ ожесточенная борьба. Во время прохода Барта кабауа, жители Кебби, и денди, жители Дендини, поднялись противъ правительства Сокото, сельскіе округи были опустошены, и многие города подверглись разграбленію.

Дѣга, на подпритокѣ Нигера, называемомъ гульби и'Гинди, кажется, теперь самый многолюдный и важнѣйший торговый городъ страны: онъ окружено цѣльмъ кортежемъ значительныхъ городскихъ поселеній; это, такъ сказать, человѣческій улей или муравейникъ Гауссы¹⁾). По другую сторону рѣки Сокото почва менѣе плодородна, города болѣе рѣдки; въ западной части главной долины находимъ города: Тилли, Согирма, Бунса. Далѣе, въ оврагѣ, почти всегда безводномъ, спускающемся изъ сахарскихъ степей, лежить городъ Іелу, столица Дендини. Выше, на сѣверѣ, встрѣчаемъ городъ Калліуль, славящійся своими соляными промыслами. Въ сухое время года насыщенную солью землю складываютъ кучами въ большиѳ резервуары изъ соломы и камыши, или градирни, затѣмъ льютъ воду на эту землю, и стекающей черезъ скважины хвороста разсоль собирается винзу и обрабатывается посредствомъ выщариванія. Въ періодъ дождей всѣ салины покрываются на поверхности прѣсными водами, имѣющими слабое теченіе къ югу и населенными рыбой.

На правомъ берегу Нигера, противъ впаденія въ него рѣки Сокото, находимъ небольшую деревню, называемую Гомба. Ниже, какъ и въ мѣстѣ слянія, берега главной рѣки почти пустынны, главнымъ образомъ по причинѣ нездѣсного климата прибрежныхъ равнинъ, часто затопляемыхъ разливомъ водъ. Туземцы камбари, живущіе въ южной части провинціи Яури,—люди трудолюбивые, но презираемые ихъ цивилизованными сосѣдями: между ними главнымъ образомъ и набираются невольники окружающихъ городовъ; но въ некоторыхъ округахъ племена камбари энергически защищались, и несмотря на угрозы фуловъ, отказываясь обращать лицо къ храму Мекки²⁾). Въ округахъ провинціи Яури, прилегающихъ къ лѣвому берегу рѣки, всѣ хижины построены либо на сваяхъ, либо на каменныхъ столбахъ,

для предохраненія жилища отъ сырости почвы; кромѣ того, кровати у туземцевъ представляютъ собою огромныя глиняныя сооруженія, занимающія половину хижины и снабженныя въ нижней части печкой, которую топить на ночь, такъ что жилище напоминаетъ русскую баню. Несмотря, однако, на всѣ эти предосторожности, жители Яури сильно страдаютъ ревматизмомъ, и между ними много горбатыхъ и зобатыхъ: до прихода въ эту долину, гдѣ столько хворыхъ и немощныхъ, Томсонъ не встрѣчалъ горбатыхъ ни въ какой другой части Африки. Война въ значительной мѣрѣ способствовала опустошенію страны. Бывшая столица, которую братья Лендеръ называютъ Яури, тѣмъ же именемъ, какъ и все королевство, была разрушена фулами; она занимала «огромное пространство», была такъ многолюдна, какъ никакой другой городъ чернаго континента, и стѣна ея ограды имѣла «отъ двадцати до тридцати англ. миль» въ окружности. Большой торговый городъ Кульбо тоже былъ стертъ съ лица земли феллатами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ властитель Накумача, государства, граничащаго съ Яури на востокѣ, предпринялъ экспедицію въ долину Нигера для ловли невольниковъ, и во время своего похода разрушилъ четырнадцать городовъ, въ томъ числѣ могущественную Убаку, отъ которой остались однѣ стѣны¹⁾). Эта облава доставила завоевателю тысячи плѣнниковъ; но она сопровождалась истребленіемъ огромнаго множества человѣческихъ существъ, цѣльные округи были обращены въ безлюдную пустыню, и бѣглецы изъ Яури искали убѣжища во всѣхъ сосѣднихъ областяхъ, особенно на другой сторонѣ Нигера, въ территоріи Боргу. Контокора (Контагора), столица негроторговцевъ племени накуамать или бамаши, была недавно посѣщена Томсономъ во время его путешествія изъ Локоджи въ Сокото: это большой городъ, лежащий въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Нигера, въ очаровательной мѣстности, среди небольшихъ долинъ, лѣсковъ и скалъ.

Единственная часть Яури, сохранившая сравнительно густое населеніе,—это та, которая защищена водами Нигера отъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ. Въ сотнѣ километровъ ниже слянія съ рѣкой Сокото, Нигерь дѣлаетъ большою изгибъ въ южномъ направлениі, и вдоль этой излучины тянется рядъ острововъ, хорошо воздѣланыхъ и покрытыхъ селеніями. Даже цѣльный городъ, Икунгъ, пріютился на одной изъ островныхъ скалъ, и когда въ странѣ спокойно, это бойкій торговый пунктъ, рынки которого посѣщаются жителями всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Король Яури нѣкогда держалъ лагерь на лѣвомъ берегу рѣки, чтобы командовать

¹⁾ Joseph Thomson, "Good Words". 1886.

²⁾ J. Thomson, "British Association at Birmingham", 1886.

¹⁾ Flegel, "Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland", Band III, 1881—1883.

этимъ архипелагомъ. Въ 100 километрахъ ниже, городъ Бусса или Буссанъ, вблизи которого находится пороги, гдѣ погибъ Мунго-Паркъ, лежитъ въ полкилометре отъ праваго берега Нигера, въ нѣсколькоихъ лѣ къ сѣверу отъ развалинъ города того же имени. Въ 1881 году, во время прохода Флегеля, Бусса былъ столицей одного маленьаго государства, совершенно независимаго отъ фуловъ Гандо; за полстолѣтія передъ тѣмъ браты Лендеръ восхваляютъ короля Буссы, какъ «самаго уважаемаго государя западной Африки», уважаемаго не за величину его владѣній, ни за пышность его двора, но за древность его происхожденія: это былъ «первый монархъ западной Африки въ началѣ міра». Фетишъ этого короля—блѣлый слонъ, какъ въ Сіамской имперіи. Ричардъ Лендеръ разсказываетъ, что послѣ смерти Мунго-Парка жители Буссы были постигнуты сильной эпидеміей, въ которой видѣли кару небесную. «Остерегайтесь трогать блѣлыхъ», повторяли тогда всюду въ странѣ: «не то—погибнете, какъ жители Буссы»¹⁾.

Къ западу отъ маленькихъ государствъ Бусса и Во-Во простираются области страны Боргу, раздѣленная на нѣсколько королевствъ, изъ которыхъ самое могущественное—Ники. Городъ того же имени былъ «огромный», по словамъ братьевъ Лендеръ, и король его имѣлъ такую сильную армию, что фулы не осмѣливались поднимать мечь противъ него. Въ землѣ Во-Во бездѣтныя жены продаются по смерти мужа, и даже тѣ, которые на правахъ матери освобождены отъ продажи въ рабство, обязаны носить, какъ невольницы, веревку на шеѣ впродолженіи цѣлаго года траура. Можетъ-быть, прежде ихъ даже зарывали живыми вмѣстѣ съ умершимъ супругомъ. Хоронять тамъ въ сидачѣмъ положеніи, помѣщая покойника, вооруженнаго лукомъ и стрѣлами, между трупами его лошади и собаки²⁾. Къ западу отъ Боргу, одинъ англійскій путешественникъ, прибывшій изъ Дагомея, Дунканъ, проникъ, въ 1845 году, до города Адафуда, лежащаго на покатости Нигера, въ живописно-волнистой мѣстности, гдѣ почва состоитъ изъ красной земли, очень плодородной. Эта страна, населеніе которой большою частью обращено въ исламъ, усѣяна многочисленными городами, гдѣ чужеземцы принимаются торжественно почетными лицами города, которая выходятъ на встречу гостю и привѣтствуютъ его чтеніемъ нѣсколькоихъ стиховъ Корана. Дунканъ перечисляетъ многіе изъ этихъ городовъ, какъ-то: Ассафуда, Куампаписса, Кассокано, Сабакано, Каллаканди, Адафуда, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ стъ юго-востока на сѣверо-западъ, по сѣверному склону хребта Махи, и изъ которыхъ каждый имѣть

отъ шести до десяти тысячъ жителей, или даже больше. Туземцы, негры, съ широкимъ умнымъ членомъ, принадлежащіе, вѣроятно, къ той же расѣ, какъ и мосси, воспитываются очень красивыхъ лошадей, съ которыми ихъ дѣти, какъ маленькие бедуины въ Сиріи, играются съ самаго ранняго возраста. Дунканъ говоритъ также, но со словъ другихъ, а не какъ очевидецъ, что негры этой страны приручаютъ слона. Если это правда, то оказывается, что союзники караагенянъ, водившіе въ бой дрессированныхъ слоновъ, имѣютъ еще въ Африкѣ наслѣдниковъ своей науки.

Ниже пороговъ, первое значительное поселеніе, лежащее въ 100 слишкомъ километрахъ къ югу,—Гладжебо, пристань лѣваго берега, гдѣ останавливаются суда, идущія снизу, и откуда отправляются барки, построенные для плаванія черезъ пороги. Мы находимся уже въ территоріи Нуна, которая по своему положенію на обоихъ берегахъ Нигера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка наиболѣе приближается къ Лагосскому заливу, занимаетъ одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ африканской торговли. Кроме того, эта провинція представляетъ ту весьма важную выгоду, что почва въ ней почти вездѣ плодородная: красноземъ, доминируемый тамъ и сямъ песчаниковыми скалами, которыя смыкаютъ метаморфическія формациія верховья¹⁾, производить въ изобилии всѣ плоды тропического пояса. Лѣса состоятъ въ значительной части изъ масличного дерева и другихъ цѣнныхъ породъ. Провинція Нуна могла бы прокормить миллионы людей, и, действительно, въ разныя времена населеніе ея было весьма значительно, а нѣкоторые округа, пощаженные войнами, и нынѣ густо населены. Рабба, нѣкогда одно изъ самыхъ большихъ городскихъ поселеній Африки²⁾, не принадлежитъ къ числу городовъ, пощаженныхъ завоевателями. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда караваны торговцевъ невольниками основали въ Раббѣ главный складочный пунктъ для своихъ гуртовъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ негроторговые конторы морскаго берега, этотъ городъ имѣлъ свыше ста тысячъ жителей. Противъ него, на правомъ берегу Нигера, стоялъ другой обширный городъ хижинъ, Загоши, населенный лодочниками и ремесленниками, которые всѣ повиновались, какъ и прибрежные жители окрестныхъ селеній, державцу, почти всегда разъѣзжавшему по рѣкѣ, такъ что его прозвали «королемъ Темныхъ Водъ». Сокращеніе торга невольниками и завоеваніе страны фулами разорили коммерсантовъ Раббы и Загоши. Въ 1867 году, послѣ гражданской войны между нифаусами, первый изъ этихъ городовъ имѣлъ не болѣе сотни хижинъ, да и тѣ

¹⁾ R. Lander, „Records of Captain Clapperton's Expedition to Africa“.

²⁾ R. Lander, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ I. Thomson, цитирован. мемуаръ.

²⁾ Richard Lander, „Journal of an Expedition to explore the Niger“.

и безъ крыши; все остальное было истреблено пожаромъ, но вокругъ этихъ развалинъ во было ходить цѣлыми часами, не выходя пространства, которое прежде было по-то строевіями города. Въ послѣднее время ба частію оправился отъ разоренія и, вѣтно, снова пріобрѣтеть прежнюю важность, содѣя своему счастливому положенію на юѣ Нигера, у южной оконечности цѣпіи мовъ, оканчивающейся крутыми утесами берегу главной рѣки и ограничивающей на юѣ рѣчкой Гинги; среди этихъ скалъ ви-ь зазубренный кратеръ вулкана. Рабба — ѿй удобный исходный пунктъ для торговъ, направляющихся съ низовьевъ Нигера имъ путемъ къ Гандо и Сокото. На проти-ложномъ берегу пристань Шонга (*Shongalif*), лежащая въ 25 километрахъ ниже по юѣ, была выбрана англичанами, какъ глав-мѣсто выгрузки для товаровъ, идущихъ Іорубу. Черезъ этотъ пунктъ проходитъ чайшій путь между Лагосомъ и Сокото: да желѣзная дорога направится изъ глав-о англійского порта къ Нигеру, обходя низ-ныя земли дельты, она, безъ сомнѣнія, по-детъ къ этой рѣкѣ у Шонги или въ сосѣдѣ этой важной станціи. Таможенные пошли-ы взимаются въ Шонгѣ именемъ эмира тер-оріи Нуза.

Бывшая столица большого государства Уба, Катанга или Катунга, которую изъ опейцевъ посѣтили Клапшертонъ и Лендеръ, одилась на покатости Нигера, всего въ ихъ-нибудь сорока километрахъ отъ изгиба а. Она смѣнила, въ качествѣ метрополіи, сой городъ, Боху, занимавшій гораздо ше положеніе, въ плодородной и живо-ной долинѣ. Фулы почти совершенно разрушили эти города и покорили всю страну, ъки которой посыпаютъ теперь ежегодно въ Биду и Бурно. Ближайший къ рѣкѣ ѿшой городъ, Сараки, лежитъ въ 50 кило-рахъ къ югу отъ Раббы, въ гористой, но нѣ плодородной мѣстности, производящей изобилію хлопокъ, зерновые хлѣба, ямсъ и ляиные фисташки. По словамъ миссіонера по крайней мѣрѣ три четверти почвы въ ѡ области Африки находятся подъ куль-ой; въ періодъ жатвы, по извилистымъ сель-мъ дорогамъ тянутся, точно какая-нибудь цессія, длинныя вереницы крестьянъ и стынокъ, несущихъ съ полей продукты жая.

На юго-западѣ отъ Сараки, перейдя рѣчку и, притокъ Нигера, встрѣчаемъ многолюд-и городъ Илоринъ, лежащий на высотѣ до 400 метровъ, недалеко отъ водораздѣла. љдская ограда, построенная въ формѣ пра-наго многоугольника, имѣть слишкомъ километровъ въ периметрѣ; улицы широкія, ерѣзанныя площадями, окаймленными ря-

дами лавокъ, гдѣ выставлены различные то-вары Европы и Африки, вплоть до тканей, при-возимыхъ изъ Египта черезъ Куку и Каю. Ярмарки въ этомъ торговомъ центрѣ слѣдуютъ черезъ каждые пять дней,—одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ пятеричного дѣленія времени ¹⁾). Илоринъ, городъ республиканскій, основанный въ 1790 г. бѣглецами, сопѣдшимися сюда со всѣхъ концовъ Іорубы, раздѣлялся, во время посѣщенія его Лендеромъ, на двѣнадцать квар-таловъ, изъ которыхъ каждый принадлежалъ отдельному племени и былъ представленъ въ городскомъ совѣтѣ однимъ изъ своихъ старѣшинъ. Подобно Абекутѣ, вольная городская община Илоринъ сумѣла отстоять свою независимость противъ всѣхъ сосѣдей и сдѣлалась необходимой имъ своей промышленностью; теперь фулы-магометане являются тамъ пре-обладающей силой, но большинство жителей еще язычники. Когда Рольфъ посѣтилъ Илоринъ, въ 1867 г., три трупа посаженныхъ на коль людей стояли зловѣщими стражами передъ городскими воротами.

Бида, столица государства Нуза, построена не на берегу главной рѣки. Занимая центръ полуострова, ограниченаго съ юга Нигеромъ, съ запада и съвера его притокомъ Кадуной, она перерѣзана рѣчкой Лаужей, впадающей въ Баку, притокъ Нигера, судоходный въ періодъ высокихъ водъ; вокругъ города, высоту ко-тораго опредѣляютъ въ 150 метровъ, тянутся хорошо воздѣланные холмы. Бида—городъ новый, но быстро оправдавшій свое название, которое значитъ «слѣдуйте за мной!», такъ какъ, по свидѣтельству миссіонера Милумъ, посѣтившаго ее въ 1879 г., она уже имѣла въ то время около 100.000 жителей. Это крѣпость, окруженнайя валомъ, въ формѣ правильнаго четыреугольника, и широкимъ рвомъ; внутри ограды каждая группа домовъ, въ свою оче-редь, составляетъ родъ редюита, съ высокими стѣнами и узкими краивыми улицами. Городъ перерѣзанъ широкими аллеями, содержимыми въ большой чистотѣ; обширныя площади, ба-зары слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ из-вѣстные промежутки, и всѣ мечети обсажены тѣнистыми деревьями. Нифаусы, жители Биды, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: они ткуть, красятъ матеріи, вышиваютъ и куютъ желѣзо, дубятъ и вышиваютъ кожи, дѣлаютъ даже стекло и мастерятъ изъ него разныи украшенія для оружія и одежды. Эмиры строго слѣдятъ за соблюденіемъ жителями религіозныхъ обрядовъ; во всѣхъ кварталахъ учреждены школы, и почти всѣ дѣти умѣютъ читать и писать по-арабски ²⁾.

Большая рѣка Кадуна или Лавонъ (*Lafun*), соединяющаяся съ Нигеромъ между городами

¹⁾ Bowen, „Central Africa“.

²⁾ Milum, „Proceedings of the R. Geographical So- ciety“, January 1881.

Раббой и Бидой, собираетъ свои первыя воды въ провинціяхъ Кацена и Кано и протекаетъ черезъ провинцію южной Гауссы, называемую разными именами: Сегъ-Сегъ, Саріа и Со-Со. Городъ Саріа или Зарія, главное мѣсто этой террорії южныхъ гауссанъ, былъ уже посѣщенъ многими европейцами, Клаппертономъ, Ричардомъ Лендеромъ, Бэки, Маттеучи, Маскари, Штаудингеромъ; изъ зданій его заслуживаетъ вниманія главная мечеть, самый красивый мусульманскій храмъ во всей Гауссѣ. Саріа лежитъ на водораздѣлѣ между Кадуной и сѣверными рѣками, вѣроятно, на высотѣ слишкомъ тысячи метровъ надъ уровнемъ моря. Окружающая мѣстность, хорошо орошаемая, безъ всякихъ котловинъ или впадинъ, гдѣ могли бы застаиваться воды, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ во всей Африкѣ. Деревья рѣдки, но образуютъ великолѣпные массивы; пологіе скаты холмовъ покрыты лугами, гдѣ пасутся стада коровъ и барановъ; поля риса и другихъ хлѣбныхъ растеній, плантации хлопчатника и индиго занимаютъ извилистыя лощины по берегамъ ручьевъ. Особенно округъ Эгобби, къ югу отъ Саріа, показался Лендеру достойнымъ быть поставленнымъ на-ряду съ прелестѣйшими сельскими пейзажами Англіи. Городъ Эгобби, лежащій, какъ и Саріа, на сѣверномъ притокѣ рѣки Кадуны, тоже имѣетъ очень красивый видъ; правильно распланированный, онъ окружено стѣной, въ формѣ точного квадрата; улицы отличаются образцовой чистотой, въ домахъ всѣ металлическія вещи тщательно отполированы при помощи краснаго песку; тыквенные сосуды изъ Эгобби высоко цѣняются во всей странѣ за тонкую работу гравюръ, которыми они украшены снаружи, и которые по большей части изображаютъ домашнихъ животныхъ. Населеніе, между которымъ преобладаютъ фулы, сохранило особенную любовь къ скоту; земледѣліе тамъ въ чести, но пастушество—это своего рода культура, предметъ обожанія. У жителей Эгобби, какъ и у обитателей провинціи Яури, кроватями служатъ высокія лежанки, поддерживаемыя глиняными столбами ¹⁾.

Въ верхнемъ бассейнѣ главной рѣки, къ юго-востоку отъ Саріа, нѣть большихъ городовъ, но много деревень, населенныхъ—однѣ фулами—магометанами, другія—неграми-идолопоклонниками изъ племени кадо. Эти люди разной расы и разныхъ нравовъ встречаются въ торговыхъ мѣстечкахъ, то оживленныхъ, какъ столицы, то пустынныхъ, какъ окружающіе лѣса. Таковъ торжокъ Я, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Кадуны; таковъ же находящійся на разстояніи одного

дня ходьбы къ югу отъ Я, но отдѣленный отъ этого мѣстечка большими лѣсами, рынокъ Санго-Катабъ, «центръ пятисотъ маленькихъ поселковъ, лежащихъ близко одинъ отъ другаго» ¹⁾. Когда спускаешься изъ этихъ нагорныхъ селеній въ западную равнину, по которымъ протекаетъ Кадуна, уже усиленная многочисленными притоками, перемѣна растительности совершается почти внезапно: вдругъ появляются снова пальмы дебель, бананы и другія растенія нижняго пояса, совершенно отсутствующія на плоскогорьяхъ, гдѣ бродятъ феллатскіе пастухи со своими стадами.

Бирни и Гуари, или «Крѣпость» Гуари,—столица провинціи того же имени, иначе называемой Гбари, которая простирается съ сѣвера на югъ между территоріями Саріа и Яури, и которая также входитъ въ составъ королевства Яури. Клаппертонъ и Лендеръ посѣтили ее, но толькъ изъ нихъ, который пережилъ это путешествіе, упоминаетъ только имя города. Гаури ведеть непосредственно торговлю съ странами по Нигеру, на западѣ чрезъ Контокору, на юго-западѣ чрезъ городъ Беари и долину майо-Роа; на югѣ онъ торгуетъ съ Бидой по рѣкѣ Мариго, главному западному притоку Кадуны. Территорія Абуджа, къ востоку отъ Биды, тоже принадлежитъ къ вассальному государству Гуари: въ этой провинціи есть нѣсколько многолюдныхъ городовъ, между которыми первое мѣсто по важности, какъ главная приставь на Нигерѣ, занимаетъ рынокъ Эгга или Эгганъ, лежащій на берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поворачиваетъ къ югу, чтобы идти на встрѣчу Бенуѣ, и гдѣ начинаетъ появляться кокосовая пальма; тамъ говорятъ еще языкомъ страны Нуэ. Эгга—большой городъ, но, къ сожалѣнію, окруженный болотами и очень нездоровы: его дома, складочные магазины, пристани тянутся вдоль Нигера на пространствѣ 3 километровъ, и сотни барокъ снуютъ взадъ и впередъ по рѣкѣ между высокими берегами и англійскими судами. Здѣсь мы уже находимся въ сферѣ притяженія британской торговли; городъ и террорія составляютъ часть владѣнія, состоящаго подъ протекторатомъ Национальной Африканской Компаниіи, которая косвенно является представителемъ англійского правительства. Многочисленныя деревни слѣдуютъ одна за другой на обоихъ берегахъ Нигера, преимущественно на правомъ, надъ которыми господствуютъ очень высокіе горные склоны, увѣнчанные лѣсами. Главный городъ этой области, лежащій на западномъ крутомъ берегу рѣки, верстахъ въ пятидесяти ниже Эгги, извѣстенъ подъ разными именами у многочисленныхъ прибрежныхъ народцевъ Нигера; наиболѣе употребительное название его—Игбидо (Будду). Это

¹⁾) Richard Lander, „Records of Clapperton's Last Expedition to Africa“.

¹⁾) R. Lander, цитиров. сочиненіе.

столица туземцевъ племени каканда, эффонъ или шеби, которые служатъ главными посредниками въ торговлѣ между нижнимъ и среднимъ Нигеромъ: нѣкоторые изъ нихъ совершаютъ далекія путешествія въ Гауссѣ, ходятъ даже въ Аиръ и иногда вступаютъ въ прямыя торговыя сношенія съ жителями Гадамеса. Они имѣютъ обыкновеніе устраивать на рѣкѣ примѣрныя баталіи, чтобы доставить своимъ дѣтямъ случай рано ознакомиться съ опасностью¹⁾. Въ то время, какъ молодежь, иной разъ въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, разсаживается по окружности барки, дѣйствуя потеснями, взрослые стоять по серединѣ судна и стрѣляютъ черезъ головы юношей.

Города Гаусса и Нуле, приблизительная цифра населенія которыхъ указана путешественниками:

Покатость озера Цаде. Кано, по Барту, въ 1854 г.—35.000 жит., Герки—15.000 жит., Тессауа, въ 1851 г.—12.000 жит., Гассауа—10.000 жит., Кацена—7.500 жит., Катагумъ—7.000 жит., Курайе—6.500. жит.

Покатость рѣки Сокото. Сокото, въ 1886 г., по Томсону—8.000 жит., Бирни и Кебби или Кебби, по Флегелю, въ 1880 г.—22.000 жит., Вурно, въ 1886 г., по Томсону—15.000 жит., Согирма, по Флегелю, въ 1880 г.—7.500 жит., Каммане, по Барту, въ 1851 г.—7.000 жит.

Южная Гаусса, Нуэ и сѣверная Іоруба. Бида, по Милому, въ 1880 г.—90.000 жит., Илоринъ, по Рольфсу—70.000 жит., Сараки—40.000 жит., Эгга—25.000 жит., Эгобби, по Лендеру, въ 1827 г.—14.000 жит., Кантакора, по Томсону, въ 1885 г.—5.000 жит., Шонга, по Флегелю, въ 1880 г.—5.000 жит., Беари, по Лендеру, въ 1827 г.—4.000 жит.

Феллатская имперія, основанная Отманомъ въ началѣ настоящаго столѣтія, по виду сохранилась въ своихъ обширныхъ предѣлахъ; хотя раздѣленная на два королевства, Вурно и Гандо, она даже возстановила свое первоначальное единство, такъ какъ сюзеренная власть султана Вурно вполнѣ признается за-паднымъ государствомъ. Впрочемъ, совокупность территоріи состоитъ изъ отдельныхъ королевствъ, имѣющихъ каждое свою собственную организацію и связанныхъ съ султаномъ только уплатой ежегодной дани; въ горныхъ областяхъ есть даже пѣсколько энклавъ, образуемыхъ независимыми племенами, и границы этого громаднаго царства безпрестанно перемѣщаются, смотря по исходу войнъ и возстаній. Теперь власть феллатскихъ королей Гауссы значительно уменьшилась, вслѣдствіе уступокъ—собственно торговыхъ, но въ сущности вмѣстѣ съ тѣмъ и политическихъ,—сдѣланныхъ англійской компаніей въ южныхъ об-

ластиахъ на берегахъ Нигера и Бенуэ¹⁾). Доходы султановъ Гауссы должны быть весьма значительны въ сравненіи съ доходами другихъ африканскихъ царьковъ; уже Бартъ исчислялъ, въ половинѣ этого столѣтія, доходы одного только королевства Кано въ 90 миллионовъ каури, т. е. въ 180.000 франковъ: годовой налогъ въ то время составлялъ одинъ франкъ, или 500 каури, съ домохозяина. Войско, которое могли бы безъ труда собрать два эмира, владѣтели Сокото и Гандо, простирается по малой мѣрѣ до 120.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 30.000 конныхъ.

Власть государей не самодержавна. Она ограничена министрами, выборъ и атрибуціи которыхъ опредѣляются обычаемъ. Первый министръ, или галадима, всегда пользуется значительной властью; затѣмъ слѣдуютъ, по порядку важности занимаемыхъ постовъ: начальникъ конницы; командующій пѣхотными войсками; кади, онъ же и палачъ; наследникъ престола; начальникъ пѣльниковъ; министръ финансовъ. Послѣднему султанъ обыкновенно ввѣряетъ временное управление государствомъ, когда отлучается въ военную экспедицію.

Въ большинствѣ мелкихъ государствъ правительство организовано по образцу королевства Вурно. Приказы передаются отъ вассала къ вассалу до крайнихъ предѣловъ имперіи, а въ обратномъ порядкѣ восходятъ изъявленія вѣрности и уплаты дани.

У. Бенуэ, Нижний Нигерь, Бонни и старый Калабарь.

Путь нижнаго Нигера и Бенуэ, открывающій доступъ во внутреннія области Африки, повидимому, долженъ сдѣлаться современемъ важнѣйшимъ изъ всѣхъ торговыхъ трактовъ чернаго континента. Устья Нигера находятся у крайней вогнутости Гвинейскаго моря, между Бенинскимъ заливомъ и бухтой Біафра, т. е. около естественнаго пункта соединенія главныхъ маршрутовъ кораблей въ африканской южной Атлантицѣ. Въ ожиданіи того времени, когда явятся гужевые дороги, проникающія далеко въ центральныя области материка, Нижний Нигерь и Бенуэ представляютъ уже непрерывную линію пароходства на протяженіи слишкомъ 1.500 километровъ отъ моря: изъ всѣхъ большихъ африканскихъ рѣкъ одинъ только Бенуэ не имѣеть пороговъ въ своемъ

¹⁾ Султанъ Сокото заключилъ, въ 1885 и 1890 г. г., договоры съ англійской Нигерской компаніей, которой онъ, за ежегодную субсидію, предоставляетъ монополію торговли и эксплуатациіи минеральныхъ богатствъ на р. Бенуэ. По англо-французской конвенції 5 авг. 1890 г., Сокото принадлежитъ къ англійской сферѣ интересовъ.

Ред.

¹⁾ G. Rohlfs „Quer durch Africa“.

Географія Реклю. т. XII.

среднемъ течениі; тамъ же, гдѣ дальнѣйшее судоходство становится невозможнымъ по недостатку воды, пониженіе почвы продолжается къ востоку бассейномъ рѣки Шари, и всѣ собранная до сихъ порь свѣдѣнія заставляютъ предполагать существованіе удобныхъ путей сообщенія между покатостью озера Цаде или Чадъ и покатостью Нила черезъ территорию Намъ-Намъ. Такимъ образомъ большой попечный путь соединяетъ Нигеръ съ Ниломъ, и эта диагональ проходитъ черезъ нѣкоторыя изъ многолюднейшихъ и наиболѣе производительныхъ странъ Африки, оканчиваясь въ мѣстѣ происхожденія средиземной цивилизаціи.

Понятно, что обладаніе входными воротами, открывающими доступъ къ богатѣйшимъ областямъ Судана, должно представляться негопріантамъ, какъ драгоценѣйшее изъ завоеваній. Но торгъ невольниками, производившійся на сосѣднемъ морскомъ берегу болѣе дѣятельно, чѣмъ гдѣ-либо, долго былъ помѣхой всякой другой торговлѣ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ между туземными племенами; кромѣ того, въ виду опасностей, которыми грозилъ европейцамъ климатъ нижняго Нигера, мореплаватели не рѣшились переходить поясъ пустынныхъ аллювиальныхъ земель, отдѣляющей море отъ внутреннихъ населенныхъ областей. Вотъ почему до второй половины XIX вѣка, т. е. впродолженіи трехъ столѣтій со времени прибытія португальцевъ на Невольничій берегъ, европейскими купцами не было сдѣлано ни одной попытки завести торговыя дѣла на берегахъ Нигера или Бенуэ. Памятная экспедиція путешественника-изслѣдователя Бѣки, въ 1854 г., была началомъ новой эры, связавшей чисто африканскую культуру Судана съ всемирной цивилизаціей. Послѣ этой экспедиціи вѣсколько англійскихъ торговыхъ домовъ послали своихъ агентовъ въ пребрежные города нижняго Нигера, и мало-по-малу потокъ торговаго обмѣна устремился къ пристанямъ этой рѣки. Въ наши дни торговое движеніе уже регулярно направляется изъ всей области низовьевъ Нигера и Бенуэ къ Лондону и Ливерпулю. Британскіе негопріанты сдѣлались истинными сюзеренами народовъ, населяющихъ Суданское междурѣчье.

Однако, англичанамъ еще недавно приходилось дѣлиться съ другими своеї монополіей торговли въ тѣхъ краяхъ. Въ 1880 году на Нигеръ проникла первая французская экспедиція и основала нѣсколько конторъ на его берегахъ; два года спустя число французскихъ постовъ доходило уже до тридцати, такъ что почти равнялось числу англійскихъ поселеній¹⁾. Но эта конкуренція продолжалась недолго. Различныя британскія компаніи соединились въ одно могущественное общество, распола-

гавшее двадцатью пятью пароходами и капиталомъ, достаточнымъ для того, чтобы скупить всѣ факторіи французскихъ соперниковъ, и вскорѣ, несмотря на дипломатическія конвенціи, по которымъ устья Нигера въ principio открыты судамъ всѣхъ націй, торговая монополія была возстановлена въ пользу Великобританіи. Недавно одно нѣмецкое общество, воспользовавшееся результатами прекрасныхъ изслѣдований путешественника Флегеля, употребляло всѣ усилия, чтобы обезпечить за собой торговлю на Бенуэ; но начальники прибрежныхъ племенъ, уступая болѣе блестящимъ предложеніямъ англичанъ, предоставили послѣднимъ привилегію торговли. «Куда британскій консулъ поставитъ ногу, писалъ эмиръ ханства Нуза, туда и я стану»¹⁾. Позиція англійскихъ представителей, опирающихся на двѣсти слишкомъ договоровъ съ туземными царьками и народами, теперь уже никѣмъ не оспаривается, и поддержка со стороны британскаго правительства мало-по-малу превращаетъ ихъ власть въ политическое господство. Компанія не только пользуется исключительной привилегіей торговли на берегахъ рѣки, но имѣеть также право «приобрѣтать покупкой или инымъ образомъ рудники, коши и каменоломни, лѣса, рыбные промыслы и фабричныя заведенія, обрабатывать почву и возводить на ней всякаго рода постройки»; болѣе того—этой компаніи принадлежитъ политическое господство надъ «всѣми территоріями, которая уступлены ей королями, начальниками племенъ и народами въ бассейнѣ Нигера»; взамѣнъ того, она обязуется обращаться справедливо «съ націями ся территорій», уважать ихъ религию, законы, права собственности; однако, она обязана стараться о постепенномъ искорененіи рабства у туземцевъ, и никому изъ европейцевъ, поселившихся въ странѣ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, не должно быть даваемо разрѣшеніе держать невольниковъ. Силу для осуществленія этихъ державныхъ правъ даетъ англійское правительство, утвердившее это предпріятіе дарованіемъ ему офиціальной хартіи и поставившее его подъ контроль министерства колоній. Такъ возникла новая Индійская компанія, гораздо болѣе могущественная, чѣмъ было, въ началѣ своего существованія, общество купцовъ, постепенно замѣнившее Великаго Могола въ господствѣ надъ полуостровомъ Ганга. Кусокъ Африки, которымъ завладѣла Национальная компанія, имѣеть не менѣе 1.000 километровъ протяженія по берегу моря и захватываетъ по крайней мѣрѣ вдвое большее пространство вдоль рѣкъ. Она владѣеть пока только подвижной и живой частью Нигрии, образуемой рѣчнымъ течениемъ: остальное сдѣлается ей

¹⁾ Ed. Viard, „Au bas Niger“.

¹⁾ Blue Book, Continuation of C. 4052.

собственностью въ силу естественного тяготѣнія.

Около области истоковъ бассейнъ рѣки Бенуэ отдаленъ отъ бассейна озера Цаде лишь

шинъ съверной Африки. Поясъ этотъ состоить изъ множества цѣпей и массивовъ, различающихся видомъ, высотой и направленіемъ. Долины разрѣзали его на отдельные отрывки,

Пикъ Макъ-Иверъ.

едва замѣтнымъ возвышеніемъ почвы, но на съверѣ раздѣльную зону между притоками Бенуэ и Кадуны образуютъ плоскогорья, надъ которыми господствуютъ большія горы, принадлежащи къ числу самыхъ высокихъ вер-

расположенные по большей части въ направлениі съ съверо-запада на юго-востокъ; самый обильный потокъ, берущій начало въ этихъ горахъ, рѣка Габи, течетъ въ поперечной долинѣ, на съверѣ отъ самыхъ высокихъ частей

цѣни, затѣмъ подъ именемъ Гонголы, проби-
ваетъ хребетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣть
наименшую толщину и выпуклость, и затѣмъ
соединяется съ верхнимъ Бенуэ, ниже города
Толы. Такимъ образомъ, дожди, выпадающіе на
обѣихъ покатостяхъ, по крайней мѣрѣ въ вос-
точной части орографической системы, стека-
ютъ одинаково къ Бенуэ.

Въ Каламѣ и въ пограничной полосѣ Борніи
горы, вообще не высокія, выступаютъ тамъ и
самъ изъ моря зелени въ видѣ небольшихъ
конусовъ; но далѣе на западѣ, въ землѣ Баучи,
гдѣ беретъ начало рѣка Каддеръ, главный
притокъ среднаго Бенуэ, горыя вершины
снова достигаютъ значительной высоты и сое-
диняются въ могучіе массивы: это Африкан-
скія Альпы. Куполы, остроконечныи пирамиды
и обелиски или четыреугольныи глыбы съ
вертикальными стѣнками, гранитныи скалы,
серыя или темныя, принимаютъ величавыи
формы, возвышаясь надъ ущельями на 1.000—
1.500 метровъ; дремучіе, непроходимыи лѣса
покрываютъ горные скаты; опасныи тропинки
проникаютъ въ глубь ущелій, переходя черезъ
потоки, сбираясь по выступамъ скалъ. Гора
Саранда, вблизи большаго города Якоба, до-
стигаетъ 2.000 метровъ высоты; она состоитъ
изъ табличнаго гранита, террасы котораго по-
крыты лѣсами до самой вершины: своимъ ко-
ничнымъ куполомъ и могучими предгорьями,
выдвинутыми въ равнину на подобіе лапъ
льва, эта гора напомнила Рольфсу грозный
Монте-Бальдо, господствующій надъ Гард-
скимъ озеромъ. Къ западу отъ Саранды, дру-
гія гранитныи цѣпи тянутся съ юга на
югъ или съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и
только отъ перевала Гора (1.350 метровъ) на-
чинается спускъ къ пологимъ равнинамъ, гдѣ
берутъ начало верхніе притоки Кадуны.

Массивъ Саранда и сосѣднія цѣпи, по всей
вѣроятности, самыи высокіи части гористаго
рельефа между бассейномъ Нигера-Бенуэ и
впадиной озера Чадъ; впрочемъ, эта мѣстность
еще недостаточно изслѣдована, чтобы можно
было сдѣлать попытку орографического описа-
нія страны. Извѣстно, что существуютъ дру-
гія группы горъ на возвышеностяхъ между
Нигеромъ и озеромъ Чадъ. Къ сѣверу отъ мас-
сива Саранда, на половинѣ разстоянія между
городами Кано и Якоба, стоять горы Рингимъ;
на югѣ терроріи Баучи, находимъ нѣсколько
другихъ цѣпей, которыхъ продолжаются
почти до самаго Бенуэ. Съ береговъ этой рѣки
видны крутыи откосы плоскогорья, обрисовы-
вающіеся на горизонтѣ въ видѣ гребней, изъ
которыхъ самые высокіе имѣютъ около 900 ме-
тровъ возвышенія. Въ области верхніхъ при-
токовъ горные массивы вообще обозначаются
именемъ *хосере*; таковъ хосере Тинглингъ,
близъ сѣвернаго берега, похожій издали на
обширный дворецъ съ двумя флигелями, до-

минируемыми центральной башней. Путешес-
твенники-изслѣдователи дали англійскія имена
большинству горъ и холмовъ праваго берега
Бенуэ: выше города Толы, одинъ остроконеч-
ный конусъ, господствующій надъ всѣми не-
высокими холмами окрестностей, получилъ
шотландское название Макъ-Иверъ; на томъ
же берегу находится гора Форбсъ, затѣмъ
Гумбольдтъ, предгорье цѣпи Мурчисонъ, гдѣ
главная вершина носить имя Родрикъ (500 ме-
тровъ); ниже, вдоль рѣки, въ крайней южной
части ея теченія, идеть гора Эллесмиръ, но
самая высокая краевая цѣпь, которая тянется
параллельно верхнему Бенуэ, на пространствѣ
около 200 километровъ, сохранила свое афри-
канское название: это массивъ Мури, разрѣ-
занный на остроконечныи вершины и башни
странного вида; въ центрѣ его высится Тан-
гала, пикъ въ 900 метровъ. На лѣвомъ берегу
Бенуэ, горы, стоящія противъ цѣпи Мури и
почти не уступающія ей по высотѣ, тоже из-
вѣстны подъ ихъ африканскими именами—
Куана, Морину, Бакъ н'Дучи. Ниже, горы,
достигающія въ одномъ изъ своихъ пиковъ
высоты 1.500 метровъ, получили отъ англичанъ
наименование Альбемарль-рэнджъ, а вер-
шины названы покуда именами Bio, Гершеля
и другихъ астрономовъ. Въ сопѣствѣ сліянія
Бенуэ съ Нигеромъ прибрежная цѣпь низовья
первой изъ этихъ рѣкъ называется Ольдфильдъ-
рэнджъ, а горы, окружающія сліяніе, названы
лойальными британскими путешественниками
по именамъ ихъ государей или извѣстныхъ полі-
тическихъ дѣятелей и ученыхъ; только одна
гора, напоминающая своей формой величе-
ственную пирамиду итальянскаго Соракта, за-
имствовала это классическое имя.

Нагорье, раздѣляющее покатости озера
Цаде и Нигера, служить естественной грани-
цей для климатовъ и для флоры, также какъ
и географическимъ рубежомъ. Въ верхніхъ
долинахъ Саранды и сосѣднихъ горъ климатъ
сходенъ съ климатомъ южной Италіи, такъ
что тамъ можно было бы воздѣлывать всѣ ра-
стенія южной полосы умѣренного пояса: та-
кимъ образомъ, область europейскаго характера,
гдѣ переселенцы изъ нашей части свѣта нашли
бы подходящую среду, вставлена между двумя
тропическими странами, но эти страны рѣзко
отличаются одна отъ другой видомъ расти-
тельности. Съ восточной стороны простирается
область пальмы думь и финиковой, на западѣ
ростутъ пальмы дебель, масличная, кокосовая:
тамарииновъ не видно болѣе, но масляное де-
рево образуетъ большии лѣса; поля имѣютъ
уже не толь нарядъ, жители приготовляютъ
себѣ пищу изъ другихъ зеренъ и ягодъ.
Между деревьями западныхъ лѣсовъ особенно
замѣчательна линя или руна, изъ плода ко-
торой дѣлаютъ родъ меда, очень цѣнныи
туземцами, даже въ городахъ Марокко, гдѣ

онъ извѣстенъ подъ именемъ я-Мулей-Дриса¹). Изъ промышленныхъ растеній всего болѣе распространена въ бассейнѣ Бенуэ культура хлопчатника, волокно которого отличается замѣчателевой крѣпостью и блескомъ. Рольфсъ видѣлъ бумажныя ткани, которыхъ онъ принялъ было за шелковыя.

Что касается фауны, то она не предста-
вляетъ, съ той и другой стороны горъ Баучи,
контрастовъ, подобныхъ различию флоры.
Слонъ встрѣчается еще многочисленными ба-
дами въ лѣсахъ обѣихъ покатостей, но въ
верхнемъ бассейнѣ Бенуэ, говорятъ, сущест-
вуетъ два вида этого животнаго, изъ кото-
рыхъ одинъ имѣеть желтоватую шерсть²). Въ
горныхъ лѣсахъ водятся носороги и дикие буй-
волы, а въ необитаемыхъ мѣстностяхъ много
пантеръ въ каждомъ ущельѣ. Изъ другихъ
млекопитающихъ замѣчательнъ цибетъ, живот-
ное очень пугливое, такъ что его рѣдко мож-
но увидѣть, хотя онъ очень распространено
въ равнинахъ, спускающихся къ Бенуэ: объ
этомъ можно судить по значительному коли-
чество мускуса, собираемаго на вѣтвяхъ, о кото-
рыхъ звѣрекъ трется, чтобы освободиться отъ
избытка выдѣленія, наполняющаго его желѣзки;
въ Суданѣ нигдѣ не держать цибета въ клѣт-
кѣ для правильного собирания мускуса, какъ
это дѣлаютъ въ землѣ Галла. По словамъ
Рольфса, большихъ змѣй совсѣмъ неѣтъ въ
странахъ по теченію Бенуэ, да и мелкие пред-
ставители змѣйной породы очень рѣдки; пу-
тешественниковъ поражало также почти пол-
ное отсутствіе пауковъ. Самая обыкновенная
разновидность тамошнихъ терmitовъ отли-
чается отъ бѣлыхъ муравьевъ, свойственныхъ
Борну; пирамиды, которыхъ строятъ суданскій
термитъ, имѣютъ другой видъ; земля, служа-
щая материаломъ для постройки, обработана
грубо, и въ цѣломъ муравьиное зданіе пред-
ставляетъ особый стиль архитектуры.

Плодородныя равнины, орошаемыя рѣкой
Бенуэ и другими притоками нижнаго Нигера,
во многихъ мѣстахъ совершенно опустѣли.
Особенно рѣдко населеніе въ провинціяхъ,
лежащихъ къ сѣверу отъ Бенуэ и Нигера.
Причина тому—экспедиціи, которыхъ соверша-
ли фулы съ начала этого столѣтія, съ цѣлью
обращенія туземцевъ въ магометанство и граб-
ежа: въ сѣверныхъ областяхъ цѣлые насе-
ленія были истреблены, и за исключеніемъ
горныхъ окрестовъ, жителямъ которыхъ уда-
лось отстоять свою независимость, каждый гор-
одъ, каждая деревня были разрушены огнемъ
и мечемъ; немногіе пережившіе этотъ разгромъ
должны были принять исламъ. Отсюда—пораз-
ительный контрастъ между двумя берегами

рѣки: во многихъ частяхъ теченія на южномъ берегу, группы построекъ слѣдуютъ одна за другой непрерывной линіей, тогда какъ по другую сторону не видно ни одной хижинъ¹). Часто говорить, что захваты магометанства составляютъ прогрессъ для африканцевъ: если это такъ, то надо сознаться, что прогрессъ этотъ купленъ прибрежными населеніями Бенуэ очень дорогой цѣнѣ.

Между суданцами, избавившимися отъ на-
сильственного обращенія въ исламъ, благодаря
неприступности своихъ убѣжищъ, волосы, жи-
тели гористой области Якова, сохранили боль-
шую численную важность: они дали свое имя
провинціи Боло-Боло, болѣе извѣстной подъ
названіемъ Баучи. Проходя по этой «Судан-
ской Швейцаріи», повсюду видишь группы хи-
жинъ волосовъ, гнѣздающіяся на вершинѣ горъ
и предгорій: подобно кабиламъ Алжиріи, дика-
ри провинціи Баучи селятся на крутизнахъ,
защищенныхъ уже самой природой, или въ
естественныхъ оградахъ изъ скалъ, между
глыбами песчаника или гранита. Болосы
принадлежать къ наименѣе красивымъ племе-
намъ Судана: маленькие и коренастые, они
приближаются къ типу негра, характеризуе-
мому приплюснутымъ носомъ и толстыми губа-
ми, но цвѣтъ кожи у нихъ вообще свѣтлѣе,
чѣмъ у ихъ сосѣдей не-феллатской расы. Жен-
щины этого племени, почти карлицы по росту,
толстыя, безъ талии, выкупаютъ свое безо-
бразіе необыкновенно ласковымъ выра-
женіемъ лица. Волоса онѣ зачесываютъ на-
передъ, въ видѣ каски, или заплетаются въ ко-
су, складываемую вокругъ головы, въ видѣ ко-
ронь. Въ сосѣдствѣ магометанскихъ городовъ,
болосы, обращенные въ исламъ, по крайней
мѣрѣ по имени, одѣваются какъ цивилизован-
ные люди страны, только платье у нихъ ме-
няѣ широко и сшило изъ болѣе грубой мате-
ріи; но въ захолустьяхъ мужчины не имѣютъ
инаяго одѣянія, кромѣ передника, а женщины
ходять безъ всякаго костюма или носить
только вѣтку съ листьями, повѣшенную на
поясѣ; тѣмъ не менѣе руки и ноги у этихъ
маленькихъ негритянокъ украшены кольцами,
серебряными, мѣдными или желѣзными, смотря
по достаткамъ. На сѣверѣ горъ Мури идоло-
поклонники вуруку и тангала живутъ, какъ
болосы, въ состояніи наготы. Въ этихъ стра-
нахъ платье дѣлаетъ человѣка марабутомъ;
религія является какъ бы дополненіемъ
одѣжды²). Тангаласы—самое страшное изъ
племенъ немъ-немъ или емъ-емъ (ононимы
имени немъ-немъ, народа, живущаго въ верх-
немъ Уэлле), съ давнихъ поръ упоминаемыхъ
арабскими писателями, какъ людоѣды³). Фо-
гель, проходившій черезъ пхъ территорію,

¹) Ed. Viard, „Au bas Niger“.

²) Lander—Barth; —Rohlfs, цитированное сочинение.

³) Desborough Cooley, „Negrolands of the Arabs“.

¹) G. Rohlfs, цитированное сочинение.

²) H. Barth, цитированное сочинение.

убѣдился въ истинѣ этого преданія. Тангала-
сы и другіе народы націи немъ-немъ пожи-
раютъ своихъ плѣнниковъ: грудь принадле-
житъ султану, какъ самый лакомый кусокъ,
голова предоставляется женщинамъ. Но раз-
сказы о томъ, что эти каннибали поѣдаются
больныхъ, не подтвердились; напротивъ, они
ухаживаютъ за больными очень заботливо, а
умершихъ хоронятъ съ большими почестями,
въ настоящихъ катакомбахъ, входъ въ которыхъ
заложенъ камнями. Души умершихъ соеди-
няются, по вѣрованію тангаласовъ, въ одно
коллективное божество, очень почитаемое, ко-
торое называютъ Додо, и которому воздвигаютъ
храмы въ тѣни баобабовъ¹⁾.

Отъ береговъ Нигера до границъ Борну вся
покатость Бенуэ населена въ ея горныхъ ок-
ругахъ языческими народами, которые по
образу жизни походятъ на болосовъ, и каждое
племя которыхъ имѣетъ свой особый языкъ.
Пока еще ни одинъ лингвистъ не внесъ свѣта
въ этотъ хаосъ различныхъ говоровъ: известно
только, что племена фали и беле, на берегахъ
Гонголы, близъ Борну, употребляютъ нарѣчія,
родственная языку канури; другія племена,
въ сосѣдствѣ народовъ нифауа и гауссауа,
говорятъ діалектами, въ которыхъ изслѣдо-
ватели находятъ звуки и слова, близко под-
ходящіе къ цивилизованнымъ идіомамъ окру-
жающихъ областей. Эти языческие народы,
не сплоченные въ одну націю, разбросанные въ
многочисленныхъ энквалахъ, составляютъ, по
Рольфсу, треть населенія на сѣверѣ отъ Бенуэ.
Хотя презираемы горожанами мусульманами,
эти туземцы во многихъ мѣстахъ славятся
какъ искусные ремесленники, и самыя кра-
сивыя циновки, самые изящные по формѣ и
рисунку глиняные сосуды, продаваемые на
рынкахъ нижняго Нигера, выдѣлываются пле-
менами афо и басса, живущими въ сосѣдствѣ
сліянія. Религія этихъ народцевъ, принявшая
уже, по близости мусульманскихъ городовъ,
болѣе или менѣе явственный оттѣнокъ маго-
метанства, есть, въ первоначальномъ ея видѣ,
анимизмъ, представляемый фетишами, и къ
западу отъ земли Немъ-Немъ нигдѣ не замѣ-
чали ни малѣйшихъ слѣдовъ варварскаго
обычая человѣческихъ жертвоприношеній или
каннибализма.

Въ открытыхъ равнинахъ основа населенія
состоитъ главнымъ образомъ изъ гауссанцевъ,
а въ сосѣдствѣ сліянія—изъ нифауанцевъ. На
востокѣ, близъ границы Борну, есть иѣсколько
городовъ, гдѣ большинство жителей—кануріи.
Что касается фуловъ, представляющихъ собою
расу завоевателей, то они вездѣ уступаютъ по
численности туземному элементу, кромѣ нѣ-
сколькихъ разсѣянныхъ этнографическихъ ост-

рововъ, преимущественно въ травяныхъ сте-
пяхъ, гдѣ стада ихъ находятъ обильный
кормъ. Правда, что вслѣдствіе естественнаго
притяженія, всегда оказываемаго господству-
ющей расой, всѣ смѣшанные браки обращаются
на пользу фуловъ, въ смыслѣ увеличенія
ихъ численности. Многіе чернокожіе, несом-
нѣнно, принадлежащіе къ туземнымъ народ-
цамъ, причисляютъ себя, чѣмъ не менѣе, къ
фуламъ, на томъ основаніи, что брачные союзы
внесли въ ихъ жилы маленьку долю крови
завоевателей. Впрочемъ, феллатское населеніе
возрастаетъ гораздо болѣе отъ притока чуж-
дыхъ элементовъ, чѣмъ отъ избытка рожденій;
женщины этой націи, кажется, менѣе плодо-
виты, нежели негритинки; въ ихъ семьяхъ
рѣдко встрѣтишь болѣе трехъ или четырехъ
дѣтей, тогда какъ въ негритянскомъ семействѣ
ихъ обыкновенно бываетъ вдвое или даже
втрое больше¹⁾). Хотя фулы, взятые въ массѣ,
слывутъ самыми фанатическими ревнителями
ислама, однако, есть еще много племенъ этой
націи, особенно около верхняго Бенуэ, которыхъ
пребываютъ въ язычествѣ, и мужчины кото-
рыхъ пасутъ свои стада еще въ состояніи
наготы. Сразу можно замѣтить, что фулы въ
этихъ областяхъ не были цивилизующимъ эле-
ментомъ: это гауссаны и кануріи познакомили
ихъ съ искусствами и ремеслами, съ цивили-
зованными нравами, а по части костюма они
заимствовали моды сѣверныхъ мусульманъ: на
берегахъ Бенуэ у знатныхъ особъ считается
признакомъ хорошаго тона закрывать себѣ
лицо лицамомъ, какъ это дѣлаютъ туареги въ
пильныхъ пустыняхъ Сахары.

На лѣвомъ берегу Бенуэ, въ Адамауѣ, фулы
болѣе многочисленны, чѣмъ на сѣверной по-
катости бассейна, и составляютъ даже боль-
шинство въ иѣкоторыхъ округахъ. Здѣсь
ихъ всего менѣе коснулось вліяніе маго-
метанства: они еще сохранили свои перво-
бытные нравы, такъ что Рольфъ задаетъ себѣ
вопросъ, не слѣдуетъ ли искать въ этой об-
ласти колыбель ихъ расы; но осанка у нихъ
менѣе благородная и черты лица менѣе пра-
вильныя, чѣмъ у западныхъ фуловъ. Тѣ изъ
нихъ, которые называютъ себя мусульманами,
не исполняютъ обрядностей своего культа по
предписаннымъ правиламъ. Во время путе-
шествія Гутчинсона по Бенуэ ни одна изъ
прибрежныхъ феллатскихъ общинъ не имѣла
мечети. Большинство королевствъ лѣваго бер-
ега управляются султанами изъ націи фула,
окруженными колоніей завоевателей, и въ го-
родахъ господствующій языкъ—феллатскій; но
населеніе очень смѣшанное, и во многихъ
мѣстахъ именующіе себя фулами въ дѣйстви-
тельности принадлежать къ другимъ расамъ.
Въ городѣ Зибу, жители которого представля-
ютъ

¹⁾ H. Wagner, „Schilderung der Reisen und Entde-
ckungen von Ed. Vogel“.

¹⁾ H. Barth, цитированъ сочиненію.

ють поместь гауссанъ, фуловъ и другихъ этническихъ элементовъ, женщины почти всѣ отличаются гигантскимъ ростомъ и размѣрами¹⁾. Во многихъ округахъ феллатки красятъ зубы въ красный цвѣтъ сокомъ одного растенія; въ другихъ мѣстахъ они украшаютъ себѣ носъ блестящимъ мѣднымъ гвоздемъ, стержень которого загибается по дугѣ щеки и доходитъ до уха. Подобно тому, какъ въ Фута-Джаллонѣ, здѣсь города и деревни, населеніе которыхъ состоитъ изъ вольныхъ людей, окружены поселками *румде*, обитаемыми исключительно невольниками земледѣльцами. Аборигены, народы сани, була, бассама, мбумъ, фали, обозначаемые общимъ именемъ батта, были вытѣснены въ горы или лѣса и по большей части обращены въ рабство. Великолѣпный край Адамауа, идеалъ сельскихъ мѣстностей, вездѣ обрабатывается руками невольниковъ. Обитатели его, живущіе въ первобытной простотѣ, не могли ничего дать завоевателямъ, кроме самихъ себя: ихъ и взяли. Барть видѣлъ многихъ помѣщиковъ фуловъ, владѣвшихъ, каждый, болѣе, чѣмъ тысячу невольниковъ.

Ниже провинцій Адамауа и Гамарауа, где фулы въ силѣ, преобладающее населеніе на лѣвомъ берегу Бенуэ составляютъ акпасы, уакари или джуку, подраздѣляющіеся на множество племенъ, говорящихъ, каждое, особымъ нарѣчіемъ, той же семьи. Изъ этихъ различныхъ народцевъ одни, находящіеся въ соприкосновеніи съ фулами, уже цивилизовались, другие, живущіе въ глухихъ мѣстахъ, въ горахъ и лѣсахъ, пребываютъ еще въ состояніи варварства. Говорятъ, внутри страны есть еще акпасы, дѣлающіе себѣ одежду изъ листьевъ: этихъ туземцевъ сосѣди очень боятся и обвиняютъ ихъ даже въ каннибализмѣ. Въ сосѣдствѣ реки акпасы, живущіе въ городахъ, смѣшались съ фулами и сливаются съ ними въ новую расу; но поселяне, прикрепленные къ землѣ бай-бай, въ большомъ презрѣніи у фуловъ, которые смотрѣть на нихъ какъ на существа низшія. До сихъ поръ еще ни одинъ бывшій путешественникъ не проходилъ черезъ ихъ территорію, чтобы пробраться на югъ въ бассейнъ Старого Калабара, хотя разстояніе, которое нужно пройти этимъ путемъ, не превышаетъ 200 километровъ; но многіе изъ эмигрантовъ этого племени спустились къ морскому берегу и встрѣчаются даже на островѣ Фернанѣ-до-По. Народецъ миши или мичи, слѣдующій за акпасами на южномъ берегу Бенуэ, тоже занимаетъ обширную территорію, простирающуюся на югъ до бассейна Старого Калабара; нѣкоторыи изъ его племенъ, по рассказамъ негровъ мусульманъ, жителей городовъ, людоѣды и дѣлаютъ сосуды изъ головъ

своихъ враговъ, хотя, впрочемъ, до сихъ поръ неизвѣстно ни одного факта, подтверждающаго эту легенду¹⁾. Противъ мичевъ, на сѣверномъ берегу Бенуэ, живутъ разные народы, говорящіе языкомъ дома или араго, принадлежащимъ, повидимому, къ гlosсологической семье области Йоруба. Слѣдовательно, домасы образуютъ, вдали отъ своего отечества, энклаву среди населеній, отличающихся отъ нихъ языкомъ и, вѣроятно, также происхожденіемъ. По денежному знаку, служащему орудіемъ торгового обмѣна, территорія домасовъ тоже составляла до недавняго времени особую область. Когда англичане впервые проникли въ эту землю, тамъ начинали уже пользоваться, какъ денежной единицей, раковиной каури, но самой употребительной монетой была треугольная желѣзная плитка, похожая на лопатку каменщиковъ: три дюжины такихъ плитокъ представляли среднюю цѣнность невольника; желѣзо это утилизировали для выѣлки ножей и другихъ инструментовъ²⁾. Въ терраторіи Уакари мѣновой единицей служить корзина соли.

Область народа игарра или игалла тянется по лѣвому берегу нижняго Бенуэ, затѣмъ, ниже сланія его съ Нигеромъ, продолжается почти до самой дельты: на пространствѣ около 400 километровъ мореплаватель слышитъ вездѣ въ прибрежныхъ деревняхъ языкъ игаррасовъ, иначе называемыхъ апото или апуту; однако, массовая изгнанія и переселенія, вызванные войнами и голодовками, ввели во многихъ мѣстахъ иноплеменное населеніе въ терраторію игаррасовъ: тамъ и сямъ встрѣчаются колоніи фуловъ, бассовъ или гауссанъ, пришедшихъ изъ-за Бенуэ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ жители говорятъ языкомъ нуфе или йоруба, какъ на берегахъ нижняго Нигера. Внутри страны гlosсологический поясъ языка игарра простирается, вѣроятно, до мѣстностей, прилегающихъ къ рекѣ Старого Калабара; во всякомъ случаѣ это языкъ, имѣющій весьма важное значеніе по числу говорящихъ имъ и одинъ изъ идиомовъ Нигерскаго бассейна, наиболѣе изученныхъ миссионерами. На сѣверѣ и на югѣ отъ сланія двухъ большихъ рекъ находятся энклавы игбірскихъ населеній, говорящихъ особымъ языкомъ, который тоже извѣстенъ по составленнымъ изслѣдователями сборникамъ его словъ. Большинство игбіровъ жили прежде въ междурѣчье Нуپа, но грозное нашествіе фуловъ заставило ихъ бѣжать въ южныя области, где они и поселились. Напротивъ города Идды, на правомъ берегу Нигера, находится другая энклава, земля племени кукуруку, прозванного такъ потому, что въ своихъ призывающихъ крикахъ эти туземцы,

¹⁾ Hutchinson, "Narrative of the Niger, Tshadda and Biue Exploration".

²⁾ Samuel Crowther, "Journal of an Expedition up the Niger and Tshadda rivers".

³⁾ Hutchinson, цитированъ, сочиненіе.

будто-бы, подражаютъ пѣню пѣтуха¹⁾). Ихъ называютъ также икпере,—слово, вѣроятно, того же происхожденія, какъ игири.

Вліяніе магометанства проявилось у всѣхъ этихъ изыческихъ народцевъ не столько прямыми обращеніями въ исламъ, сколько постепеннымъ исчезновеніемъ старыхъ обычаевъ. Въ городахъ игарской территории идолы болѣе не выставляются торжественно въ публичномъ мѣстѣ, и теперь уже не совершаютъ человѣческихъ жертвоприношеній, какъ совершили въ былое время при погребеніи королей, для того чтобы почившій властелинъ могъ отправиться на тотъ свѣтъ въ хорошей компаніи. Если королевы нынѣ уже не обязаны слѣдовать за своими супругами въ могилу, то по крайней мѣрѣ онъ должны «умереть для свѣта», облачаясь въ рубище и красивъ носъ и губы въ густой черный цвѣтъ, чтобы придать своей физіономіи отталкивающій видъ. Государь, именующій себя Аттакомъ, то-есть «отцомъ», есть по преданію самодержавнѣйший владыка: «онъ подобенъ самому Богу», и потому долженъ соблюдать строжайшій этикетъ, дабы всѣ признавали его величество. Никогда рука его не должна дѣлать ничего служебнаго: всякий трудъ ему воспрещенъ, онъ не имѣть права поставить ногу въ лодку; онъ не можетъ выставить свою августейшую главу на дождь. Чтобы имѣть доступъ въ его жилище, нужно пройти рядъ отверстій, дотого низкихъ, что туда можно проникнуть не иначе, какъ ползкомъ.

Область языка ибо еще болѣе обширна, чѣмъ область языка игарра: она заключаетъ въ себѣ, къ западу отъ Нигера, обширную полосу въ территории Іоруба, обнимаетъ на югѣ всю вершину дельты этой рѣки и, продолжаясь на востокъ, охватываетъ бассейнъ Старого Калабара до неизѣльованныхъ еще мѣстностей. Языкъ этотъ дѣлится на множество нарѣчій, настолько различающихся одно отъ другаго, что люди различныхъ народцевъ съ нѣкоторымъ трудомъ понимаютъ другъ друга; но самое употребительное изъ нихъ то, которымъ говорить прибрежное населеніе Нигера, почему европейскіе наставники и выбрали этотъ діалектъ для своихъ сборниковъ словъ и переводовъ. Языку ибосовъ выучиваются и ихъ сосѣди, для торговыхъ сношеній въ низовьяхъ рѣки: въ прежнее время всѣхъ невольниковъ, привозимыхъ съ Нигера въ Америку, называли ибосами, каковы бы ни были ихърасы и языки. Ибосы поклоняются могущественному богу, Чуку, котораго никогда не видѣть никто изъ людей, но который бываетъ иногда слышимъ, и горе тому, кого поразить его гласть: съ этого момента несчастный лишается дара слова. Чуку живеть въ одно и то же время въ пещерѣ и

въ высихъ неба: однимъ онъ обозрѣваетъ небесныя пространства, другимъ смотрѣть въ глубины земли. Еще не такъ давно гиѣвъ его склоняли на милость принесеніемъ въ жертву непорочныхъ дѣвъ, которымъ связывали ноги и тащили по землѣ, пока несчастная не испустить духъ; затѣмъ тѣла ихъ бросали въ рѣку, на същеніе рыбамъ и крокодиламъ. У ибосовъ рожденіе двойней считалось знакомъ небеснаго гиѣва, и новорожденныхъ близнецовыхъ всегда заносили въ лѣсъ. Что касается матери, провинившейся произведеніемъ на свѣтъ двойней, то мужъ тотчасъ же прогонялъ ее отъ себя, какъ существо,вшавшее ужасъ; долгое время она должна была жить отшельницей и не имѣла болѣе права садиться рядомъ съ другими женщинами въ хижинѣ или на базарной площади. Дѣти, у которыхъ верхніе зубы прорѣзывались ранѣе нижнихъ, тоже были приносимы въ жертву богу Чуку и воздушнымъ духамъ. Тѣни умершихъ также получали приношенія, но безкровныя: имъ давали первые куски каждого кушанья, первыя зерна тыквы и первыя капли изъ сосуда²⁾). У ибосовъ соціальная дѣленія очень рѣзко обозначены, но можно подняться съ одной ступени на другую посредствомъ купли; высшее дворянство, аристократія, состоить всего только изъ нѣсколькихъ особъ, которыя, въ знакъ своего достоинства, привязываютъ себѣ къ ногѣ или заставляютъ носить передъ собой колокольчикъ, дабы звонъ его напоминаль обѣихъ славѣ всѣмъ прохожимъ. Другое дворянне меньшаго ранга даютъ о себѣ знать трубными звуками. Привѣтствовать такого благороднаго иначе, какъ его официальными титулами, значило бы нанести ему тяжкое оскорблѣніе²⁾. Впрочемъ, ихъ легко узнать, даже когда у нихъ нѣтъ ни колокольчика, ни трубы, по ихъ особенной татуировкѣ; нѣкоторые изъ нихъ разрѣзываютъ себѣ кожу на лбу и заворачиваютъ ее надъ глазами, въ видѣ козырька.

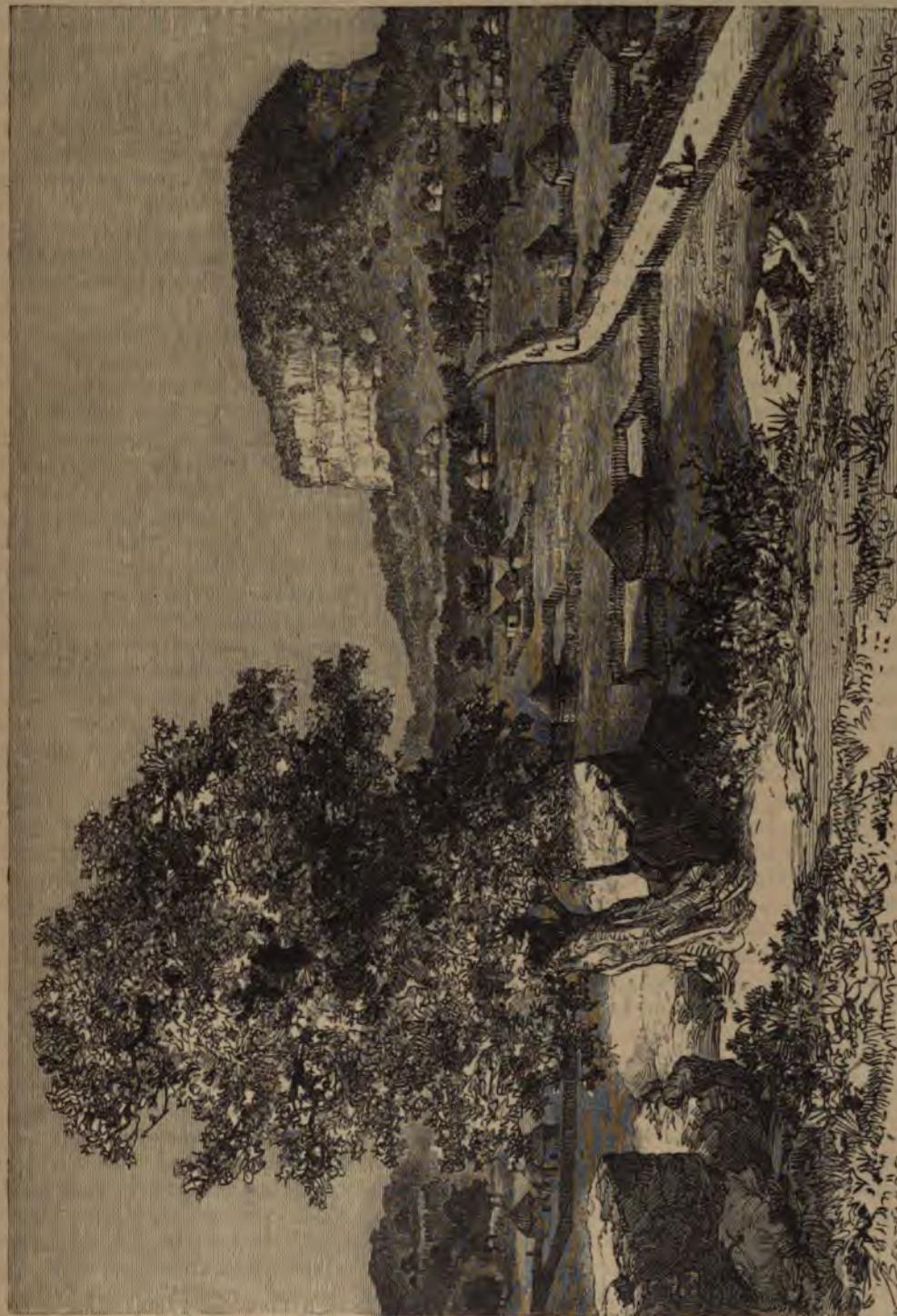
Къ югу отъ племени ибосовъ, которые играютъ преобладающую роль въ нижнемъ бассейнѣ Нигера по торговлѣ, языку, политическому вліянію, военнѣй силѣ, область дельты принадлежитъ различнымъ народцамъ, разсѣяннымъ въ лабиринтѣ болотистыхъ острововъ и почти не имѣющимъ сношеній между собой: оттого въ этой территории еще не установилось единство языка; впрочемъ, тамъ есть нѣсколько энклавъ негровъ, говорящихъ ибосскимъ діалектомъ. Въ западной части дельты, на границахъ земли Іоруба, общеупотребительный языкъ—изекири или чекери, называемый также бини или бенинскимъ. На югѣ, на обоихъ берегахъ вѣтви Нунъ, говорятъ большою частію нарѣчіемъ акасса, принадлежащимъ къ

¹⁾ H. K ler, цитированное сочиненіе.

²⁾ Samuel Crowther,—Africanus Norton, „West African Countries and Peoples“.

группъ языковъ эйо или иджу, какъ другіе діалекты побережья до лимана Бонни: немпе, употребляемый въ Брассѣ, бонни, окрика и прочіе. Кость приводить около десятка различ-

му, должна дать перевѣсь брасскому діалекту между всѣми этими нарѣчіями семи эйо; на этотъ же діалектъ мѣстные катехизаторы изглаголовъ переводятъ книги духовнаго содержа-

Видъ изъ Денза Пожа.

ныхъ названий, которыя относятся либо къ разнымъ языкамъ, либо къ простымъ разновидностямъ, говорамъ, либо, можетъ-быть, къ одному и тому же языку, называемому разными манерами. Торговая дѣятельность, повидимо-

мъ, присылаемая изъ Англіи. Въ то время, какъ новый культъ пользуется современной рѣчью, жрецы фетишѣй читаютъ свои молитвы словами, перешедшими по преданію отъ предковъ и уже непонятными для народа, подобно

тому, какъ въ католической религії латинскій языкъ сохранился въ качествѣ языка священнаго.

Негры низовьевъ Нигера не такъ черны, какъ уолофы и крумены: они скорѣе очень смуглого цвѣта, но чертами лица довольно близко подходятъ къ общеизвѣстному типу этой расы. Носъ у нихъ широкій и приплюснутый, челюсть выдвинутая впередъ, ротъ большой, губы толстые, скулы сильно выдающіяся, лобъ низкій и убѣгающій, тогда какъ назади черепъ очень развитъ; густые косматые волосы, обыкновенно убираемыя очень старательно, составляютъ рѣзкій контрастъ съ скучной растильностью бороды. Обычай татуированія вышелъ изъ употребленія и примѣняется только къ первенцамъ, которымъ дѣлаютъ на лицѣ отличительный знакъ. Обрѣзаніе, практикуемое у многихъ негритянскихъ народовъ не-мусульманъ, употребляется въ странахъ нижняго Нигера, какъ позорное клеймо, отмѣчающее невольниковъ. Въ прежнее время, также какъ у ибосовъ, рождение близнецовъ считалось большой бѣдою, карой небесной, и провинившуюся матерь предавали смерти, вмѣстѣ съ ея новорожденными. Погребенія удостоиваются только люди богатые, тѣ, которыхъ въ портахъ прибрежья величаютъ «дженльменами»; ихъ хоронять подъ порогомъ ихъ двери, при чмъ всегда оставляется сообщеніе между наружнымъ воздухомъ и мѣстомъ, где находится ротъ умершаго; въ торжественные дни, праздники или трины, лютъ ромъ въ это отверстіе, дабы покойникъ тоже принималъ участіе въ удовольствіяхъ живущихъ.

Подобно ибосамъ, народы эйо поклоняются верховному богу, который въ ихъ понятіяхъ сливается съ небомъ и проявляетъ свою власть движениемъ облаковъ, появленіемъ радуги, силой вѣтра, сверканіемъ молніи и раскатами грома. Но до этого бога слишкомъ высоко. Туземцы взяли себѣ за покровителей и друзей существа, болѣе близкія къ нимъ. Такъ, на берегахъ лимана Бонни, для этой цѣли выбрали ящерицу игуану и почитаютъ ее, какъ генія благодѣтеля, приносить ей кормъ, оберегаютъ ее отъ всякихъ бѣдъ, слѣдуютъ за ней въ лодкѣ по рѣкѣ, и спасатели вытаскиваютъ ее изъ воды и приносятъ въ рукахъ на твердую землю. Въ Новомъ Калабарѣ роль фетиша играетъ акула, и прежде каждыя семь лѣтъ ей бросали на съѣденіе живаго ребенка. Въ другихъ мѣстахъ обожаютъ обезьяну, и горе бѣльмъ, которые дерзнули бы тронуть этого четырерукаго бога: тотчасъ же всеобщая стачка прекратила бы торговлю; на дома преступниковъ наложили бы табу, и бѣльмъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ искать убѣжища на своихъ корабляхъ и заплатить большой выкупъ, чтобы добраться возстановленія мирныхъ сношеній ¹⁾.

¹⁾ Crowther,—Cust, цитирован. сочиненіе.

Когда царекъ ведеть войну съ сосѣдними населеніями, оставшіеся дома жители, мужчины, женщины и дѣти, ходятъ по улицамъ съ пѣнемъ, криками, барабаннымъ боемъ, чтобы вымолить благословеніе боговъ на предприятія своего повелителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы устрашить злыхъ духовъ, покровительствующихъ его врагамъ. Каждыя два года предпринимается очищеніе города, но не очисткой улицъ, а заклинаніемъ нечистой силы. Чародѣи, или какъ ихъ называютъ англичане, jew-jew-теп, играютъ преобладающую роль между этими племенами, какъ знахари, жрецы и проповѣдники. Они не распоряжаются болѣе жизнью подданныхъ для жертвоприношеній разгнѣваннымъ духамъ, ограничиваясь пролитіемъ крови пѣтуховъ или козъ; но какъ судьи, они часто приговариваютъ обвиняемыхъ къ испытанію либо ядомъ, либо ныряніемъ въ лиманъ, кишашій крокодилами и акулами: это тамошніе негры познакомили европейцевъ съ страшными свойствами эссере, или «калабарскаго бобра» (*Physostigma venenosum*), растенія, принадлежащаго къ семейству бобовыхъ и употребляемаго теперь въ фармакопѣи для лѣчевія глазныхъ болѣзней. Прежде въ территоріи Бонни осужденные были предаваемы смерти съ уточненной жестокостью: ихъ призывали, уже наполовину четвертованныхъ, къ двумъ столbamъ, вкопаннымъ на плоскомъ берегу, и отрубали имъ членъ за членомъ, начиная съ кисти и передней части руки; затѣмъ, когда оставалось одно туловище, его распластывали ножемъ, чтобы вырвать сердце жертвъ.

Доль морскихъ береговъ дельты населеніе существуетъ исключительно торговлей: если не считать рыбной ловли и огородничества въ малыхъ размѣрахъ, единственнымъ рессурсомъ его служить мѣна съ европейскими купцами. Оттого прибытіе корабля всегда привѣтствуется радостными криками; прежде даже не ждали, пока иностранныя суда сами покажутся на горизонте; туземцы пытались вызвать ихъ появление торжественными процессіями лодокъ, которыя выходили на баръ и бросали тамъ въ воду невольниковъ, нагруженныхъ подарками, чтобы задобрить море и углубить проходы; еще въ 1857 году это принесеніе человѣка въ жертву «богу Большой Воды» совершилось на Старо-Калабарскомъ проходѣ ¹⁾). Жители Бонни—самые ловкие коммерсанты на томъ берегу, но и восточные ихъ сосѣди, племена андони, ква, эфикъ или жители Старого Калабара, едва-ли уступаютъ имъ въ умѣніи вести торговли дѣла! Эти три группы населенія, говорящія каждая особымъ нарѣчіемъ, не принадлежатъ къ тому же корню, какъ прибрежные жители низовья Нигера и лимана Бонни: они

¹⁾ Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

составляют особую область языковъ, къ которой, вѣроятно, прибавятся многочисленныя внутреннія племена, извѣстныя пока только по имени. Языкъ эфікъ, для которого составлены краткіе словари и грамматики, есть единственный серьезно изученный языкъ той области; онъ можетъ быть разсмотриваемъ какъ посредствующее звено между нарѣчіями сѣверного и западнаго Судана и бантускими говорами, которые начинаются непосредственно на востокѣ отъ Ріо-дель-Рей, въ Камерунскихъ горахъ.

Хотя территорія Бенуэ, нижняго Нигера и соседнихъ лимановъ косвенно присоединена къ громадной Британской имперіи, однако, эти новые владѣтели представлены въ странѣ весьма незначительнымъ числомъ лицъ. Немногіе миссіонеры, да служащіе въ торговыхъ конторахъ на Бенуэ и Нигерѣ—вотъ единственныя бывшіе, обитающіе въ обширныхъ владѣніяхъ Национальной Африканской компаніи. Въ приморскихъ портахъ европейцы живутъ не на суднахъ, а на бортѣ понтоновъ, стоящихъ на якорѣ въ рейдѣ. Что касается внутреннихъ мѣстностей дельты, изрѣзанныхъ во всѣхъ направленияхъ мутными рукавами, устьянныхъ болотами и порослями тростника, то туда не рѣшаетсяѣхать на житѣе ни одинъ бѣлый, такъ какъ тамъ грозить неминуемая въ быстрая смерть. Попытки акклиматизаціи, сдѣланная европейцами на берегахъ Нигера и его притоковъ, были въ началѣ очень неудачны. Два первыхъ парохода, поднявшіеся вверхъ по рѣкѣ, въ 1832 году, имѣли экипажъ въ 49 человѣкъ, и только девятеро изъ этихъ европейцевъ остались въ живыхъ. Въ 1841 году, три другихъ судна, посланныя обществомъ негрофиловъ, потеряли 58 бѣлыхъ изъ 143 въ короткое плаваніе, продолжавшееся нѣсколько недѣль; «образцовая ферма», основанная людьми этой экспедиціи на правомъ берегу Нигера, выше сліянія, не была еще распахана, какъ смерть инициаторовъ возвратила поля дикимъ звѣрямъ. Однако, въ 1854 году, была совершена извѣстная экспедиція Бэки, вдвойнѣ памятная по присоединенію всего средняго теченія Бенуэ къ области научнаго изслѣдованія и по блестящему успѣху гигіеническихъ мѣръ, принятыхъ для охраненія здоровья экипажа во время продолжительного путешествія. Благодаря разумному употребленію вина и хинны, поддержанію духа людей пѣснями и увеселеніями, самому тщательному соблюденію чистоты на суднахъ, никто не умеръ изъ экипажа. Съ того времени бывшіе иностранцы, путешествующіе въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, имѣли передъ глазами убѣдительный примѣръ, который показывалъ имъ, какія мѣры нужно принимать для того, чтобы если не акклиматизироваться, то по крайней мѣрѣ приспособиться къ условіямъ среды.

Верхній бассейнъ Бенуэ почти весь находится въ предѣлахъ провинціи Адамауа, населенной фулами и другими вассальными націями, которая уплатой дані признаютъ верховную власть султана государства Бурно: геометрическая линія, проведенная, черезъ горы и долины, отъ пороговъ рѣки Ойондо до кривой, описываемой течениемъ Бенуэ отъ впаденія притока Фаро до города Іола, заранѣе ограничиваетъ территоріи, на которыхъ можетъ со временемъ распространяться господство Германіи. По обычному пріему европейскихъ державъ въ ихъ отношеніяхъ къ африканскимъ народамъ, онъ напередъ распредѣляютъ между собою эти народы, даже не зная ихъ⁴⁾). Изъ рассказовъ туземныхъ купцовъ извѣстны только имена важнѣйшихъ племенъ и значительнѣйшихъ городовъ. По этимъ скучнымъ свѣдѣніямъ, наиболѣе посещаемый рынокъ верховья — городъ Нгаундере, на водораздѣлѣ между истоками Бенуэ, Логона или Шари и рѣкѣ, направляющихся на югъ къ Конго, на юго-западъ къ Старому Калабару и бухтѣ Біафра. Въ той же гранитной области верхніяго бассейна есть еще два большихъ города: Чамба, на южной покатости Атлантиki, и Конча, гдѣ сахарный тростникъ растетъ въ дикомъ состояніи. По прямой линіи городъ Нгаундере, сдѣлавшійся центромъ феллатскаго господства, находится въ 200 слишкомъ километрахъ къ юго-востоку отъ Іолы, столицы провинціи Адамауа, или «двухъ Адама», названной такъ по имени ея государей; первоначальное название ея было Фумбина.

Бывшій главный городъ страны, Гуринъ, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Фаро, километрахъ въ сорока выше *таэне*, или сліянія. Къ востоку отъ мѣста соединенія водъ лежитъ городъ Рей-Буба, окруженній крѣпкой оградой, изъ чего можно заключить, что такъ называемая дикая населенія этого края достигли уже извѣстной степени цивилизаціи до нашествія фуловъ. На сѣверѣ отъ устья рѣки Фаро простирается очаровательная область Демса, съ ея хорошенъкими деревеньками, разсѣянными среди лѣсковъ и рощъ, у подошвы гранитныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и обрывающихся крутыми утесами; племя демса принадлежитъ націи басса.

Всѣ расы центральной Африки представлены на покатости Бенуэ. На дорогѣ изъ Демсы въ Борну Бартъ проходилъ даже черезъ городъ, населенный арабами племени саламатъ, называющейся Белемъ, затѣмъ черезъ другой городъ, Сарау, состоящей изъ двухъ отдаленныхъ половинъ — поселенія фуловъ, пастуховъ, земледѣльцевъ и завоевателей, и поселенія

⁴⁾ По состоявшему между Англіей и Германіей соглашенію, большая, восточная, часть Адамауи входитъ въ германскую, а меньшая, западная, часть, съ городомъ Іола, въ британскую сферу интересовъ. Р. д.

беребере или колонистовъ изъ Борну, ткачей, торговцевъ и робкихъ подданныхъ. Сѣвериѣ находимъ городъ Бадамиджо, населенный туземцами племени фали; затѣмъ на хребтѣ около 600 метровъ высоты, близъ раздѣльного перевала, лежитъ Уба, наидѣе выдвинутая колонія фулловъ въ направлении къ озеру Цаде. Во время путешествія Барта въ 1851 г., нѣкоторые дикие горцы еще оказывали сопротивленіе фулловъ: таковы обитатели горы Багеле, къ сѣверу отъ города Йола; въ 1853 г., послѣ двухмѣсячной осады, деревни, расположенные на вершинѣ горы, были взяты приступомъ, и жители ихъ обращены въ рабство.

Нынѣшняя столица провинціи Адамауа построена на берегу Бенуэ; подобно сосѣднему верховому городу Рибаго, она отдѣлена отъ рѣки болотистой равниной, которая, повидимому, прежде была дномъ озера, и по которой въ періодъ разлива извивается временный потокъ, служащій каналомъ для барокъ Йолы. Этотъ городъ, названный такъ во время основанія его по имени одного предмѣстія Кано, уже дважды мѣнялъ мѣсто. Очень обширный, онъ тянется по краю высокой террасы, съ востока на западъ, на пространствѣ по крайней мѣрѣ пяти километровъ, но не образуетъ сплошнаго массива: это рядъ оградъ, заключающихъ внутри не только жилье, но и ивы. Во дворахъ знатныхъ особъ у входа стоитъ главная хижина, попросторнѣе и повыше другихъ, служащая хозяину пріемной залой и рабочимъ кабинетомъ; у многихъ она убрана, какъ дома бамбарасовъ, разными вещами и даже картинами, обличающими нѣкоторый художественный вкусъ. Йола ведеть кое-какую торговлю, преимущественно краснымъ товаромъ, стеклянными издѣліями, солью, слоновой костью, но промышленности въ этомъ городѣ нѣть никакой, кроме желѣзной. Окружающая территорія—одна изъ лучшихъ странъ Африки по плодородію почвы, обилію воды, красотѣ мѣстности, уединенными горами и холмами. Тамъ вездѣ растетъ рисъ въ дикомъ состояніи. По мнѣнію Барта, это растеніе здѣсь туземное, а не ввезено изъ Египта, какъ прежде полагали ботаники.

Гоягола, значительная рѣка, соединяющаяся съ Бенуэ немного ниже города Йола, протекаетъ по двумъ важнымъ провинціямъ, Баучи и Каламъ, состоящимъ въ вассальной зависимости отъ государства Бурно, какъ и территорія Адамауа; въ области ея истоковъ находится и главный городъ страны. Эта «столица Баучи», Гаро и Баучи, болѣе извѣстная подъ названіемъ Якоба или Якобари, происходящимъ, можетъ-быть, отъ имени ея основателя (по Фогелю, отъ имени сосѣдняго племени якосовъ),—городъ новый, какъ и Йола: она построена въ началѣ нынѣшняго столѣтія однимъ княземъ, обращеннымъ въ магометанскую религию, ко-

торому тамошній «повелитель правовѣрныхъ» пожаловалъ въ ленъ обширную территорію, заключающуюся между Бенуэ и провинціей Кано. Городъ Якоба находится въ сѣверной части этого огромнаго помѣстья: расположенный на высотѣ около 1.000 метровъ, онъ окружено высокими горами, изъ которыхъ ивы, стоящія уединенно, имѣютъ величественный видъ; но ближайшія окрестности представляютъ дикий хаосъ гранитныхъ камней. Далѣе во всѣ стороны тянутся высоты, лѣса и воздѣланнія поля; многочисленные ручьи бѣгутъ на югъ, на востокъ, на сѣверо-востокъ, къ Гонголѣ и другимъ потокамъ Бенуэ: однако, жители извѣстную часть года терпятъ недостатокъ въ хорошей водѣ. Новый городъ быстро заселился, благодаря своему счастливому положенію вблизи пункта, где сходятся нѣсколько караванныхъ дорогъ, благодаря въ особенности обѣщаніямъ ламедо или султана, который обеспечивалъ личную неприкосновенность всѣмъ, кто будетъ признавать его власть и сюзеренство фулловъ; запрещено было обращать въ рабство всякаго вѣроизменника, кто бы онъ ни былъ—магометанинъ или язычникъ. По словамъ Рольфса, Якоба во время его прохода заключала въ своихъ стѣнахъ не менѣе 150.000 жителей, въ огромномъ большинствѣ гауссанъ: городская ограда имѣла около 20 километровъ въ окружности. Но частые разбойничіи набѣги горцевъ-язычниковъ остановили торговую дѣятельность города, и ламедо вынужденъ былъ расположить свой военный станъ вѣнѣ города, чтобы прикрыть его съ сѣверной стороны отъ нападенія аборигеновъ. Восемь лѣтъ онъ имѣлъ пребываніе въ мѣстечкѣ Тебула, въ сотнѣ километрахъ къ сѣверо-западу отъ Якобы, чтобы держать въ осадѣ горцевъ въ ихъ возвышенныхъ долинахъ, затѣмъ перенесъ свою резиденцію въ укрѣпленный лагерь Раута (Кеффи н'Раута), почти на полпути между Тебулой и столицей.

Къ сѣверо-востоку отъ Якобы, недалеко отъ праваго берега Гонголы, называемой въ этомъ мѣстѣ Гаджемъ, находится большой городъ Гомбе, столица королевства Каламъ; лѣсистые холмы, горы съ зубчатыми гребнями, группы деревьевъ, ручьи, спускающіеся каскадами черезъ луга, придаютъ этому городу очень живописный видъ. Населеніе Гомбе, хотя онъ находится въ предѣлахъ королевства Бурно, состоитъ въ большей части изъ кануріевъ: здѣсь проходитъ поясъ этнографического смѣшанія между Борну и Гауссой; что касается фулловъ, то ихъ общины разсѣяны съ той и съ другой стороны въ обѣихъ областяхъ. Канемская столица заключаетъ въ своей оградѣ не только сады, но даже пахатныя поля; впрочемъ, въ этомъ отношеніи ее превзошли двасосѣдніе города—Бурри-Бурри, на юго-западѣ, и Дуку, на востокѣ,—которые имѣютъ скорѣе

видъ парковъ, окруженныхъ стѣной и рвомъ, нежели городовъ. Въ Бурри-Бурри всѣ жители принадлежать къ племени канури; населеніе же Дуку состоять изъ смыщленія нѣсколькихъ этическихъ элементовъ. Съ высоты стѣнъ послѣдняго города, построенныхъ на краю известковаго утеса, открывается обширный видъ на богатую долину Гонголы. Поселеніе, давшее свое имя этой рѣкѣ и имѣющее нѣкоторую политическую важность, какъ таможенный и военный постъ у границы королевства Борну, лежитъ въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ города Гомбе, близъ праваго берега рѣки и недалеко отъ основанія песчаниковыхъ холмовъ, черезъ которые ведеть проходъ Бирри. На скатахъ этихъ холмовъ расположены два города, носящіе оба имя Бирри и населенные помѣсью фуловъ съ неграми; жители ихъ еще не всѣ обращены въ исламъ.

Ниже соединенія Бенуэ и Гонголы, на краевой горной цѣпи, ограничивающей съ сѣвера главную долину, находится, недалеко отъ западной ея оконечности, городъ Мури, называемый также Гамарауа, столица королевства того же имени, данника имперіи Вурно, какъ и сосѣднія государства. Большинство жителей Мури—люди феллатской расы, отличающіеся большими рвенiemъ къ мусульманской вѣрѣ и образцовой чистоплотностью. Съ судовъ, ходящихъ по Бенуэ, ясно видна, въ разстояніи 20 или 25 километровъ, эта столица, вѣнчающая своей оградой вершину высокаго мыса. Къ югу стѣ Мури, на противоположномъ берегу показывается городъ Зхиру, къ которому горы Фумбина образуютъ великолѣпный задний планъ; въ этой мѣстности начинается на берегахъ рѣки промышленная эксплоатациѣ масличной пальмы. Ниже Зхиру, Бенуэ принимаетъ въ себя значительный притокъ, рѣку Каддеру, спускающуюся съ южныхъ скатовъ массива Якоба.

Въ королевствѣ Коророфа, которое рѣка Бенуэ отдѣляетъ отъ территории Баучи ниже своего слиянія съ Каддерой, главный городъ—Букари, лежащий, какъ и столица государства Гамарауа, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Эта коророфская столица только въ 1883 году была впервые посѣщена европѣцемъ, Флегелемъ; что касается прибрежныхъ городовъ, которые служать ей пристанями, какъ то Чаро, Шабу, Иби, Аньяши, то суда изслѣдователей часто тамъ останавливались. Мѣстечко Дансофа, лежащее выше на мысѣ того же южнаго берега, прославилось на тысячу верстъ кругомъ своими свинцовыми рудниками—ошибочно называемыми сурьмяными, — которые находятся въ двухъ или трехъ дниахъ ходьбы внутри страны, и которые доставляютъ купцамъ кохсль, употребляемый женщиными, негритянками, феллатками и арабками, для окраски вѣкъ; въ рудниковыхъ галереяхъ находять так-

же драгоценныя камни. На низменныхъ берегахъ этой части Бенуэ туземцы обитаютъ по-перемѣнно, смотря по времени года, въ двоякаго рода селеніяхъ, изъ которыхъ одно состоитъ изъ обыкновенныхъ круглыхъ хижинъ, сгруппированныхъ на берегу среди деревьевъ, а другое—изъ простыхъ шалашей, торчащихъ на высокихъ сваяхъ посреди воды. Передъ наступлениемъ разлива прибрежные жители поспѣшно перебираются въ озерные деревни, которые должны служить имъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, среднимъ числомъ впродолженіи трехъ мѣсяцевъ; къ сваямъ привязаны лѣстницы, сплетенные изъ ланъ, и обитатели надводныхъ шалашей переправляются съ одного помоста на другой либо вплавь, либо въ челнокѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ длинные пловучіе мостики, выдвинутые далеко въ рѣку, которые служатъ променадомъ, гдѣ негры проводятъ цѣлые дни, наблюдая колебанія уровня разлива ¹⁾.

Рѣка Сунго, соединяющаяся съ Бенуэ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ послѣдній достигаетъ крайней южной точки своей большой кривой, обращенной выпуклостью къ югу, имѣетъ нѣсколько важныхъ городовъ въ бассейнѣ, между прочимъ, городъ Лафіа Бере-Бере, лежащей въ сотнѣ километровъ къ сѣверу отъ Бенуэ, въ мѣстности, усыпанной холмами и лѣсками. Лафіа основана колоніей иммигрантовъ изъ Борну, какъ это, впрочемъ, показываетъ и присоединеніе къ ея имени прозвища Бере-Бере, синонимъ слова канури въ нарѣчіяхъ западныхъ негровъ; название «бербертжи», «берибери», или просто «бери» или «бере», всегда примѣняются къ чернокожимъ жителямъ прибрежныхъ равнинъ озера Цаде ²⁾. Поселившіеся въ Лафіи негры канури въ концѣ прошлаго столѣтія жили въ городѣ Алабаші, лежащемъ къ сѣверо-западу, недалеко отъ Кефи Абдъ эсъ-Сенга; но имѣвъ неосторожность дать пріютъ арабамъ племени шуа, которые, благодаря знанию ихъ языка и сосѣдству своего мѣста происхожденія, могли выдавать себя за соотечественниковъ, они были вскорѣ прогнаны этими гостями и принуждены были построить себѣ новый городъ. Кеана, другой значительный городъ бассейна Сунго, находится на дорогѣ изъ Лафіи къ Бенуэ, въ сорока километрахъ къ сѣверу отъ этой рѣки. Это столица маленькаго вассального королевства, данника султана Вурно, имѣющая довольно важное значеніе, не столько какъ главный городъ государства, сколько какъ рынокъ для торговли солью, драгоценными продуктами, который добывается въ одномъ изъ окрестныхъ озеръ. Ниже слиянія, главный торговый пунктъ—большое мѣстечко Рогань-Кото, основанное

¹⁾ Baikie;—Viard, цитиров. сочиненія.

²⁾ G. Rohlfs;—Barth, цитиров. сочиненія.

бѣглецами, которые платить дань царьку Кеаны.

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько городовъ, находящихся уже въ сферѣ притяженія европейской торговли. Локо, городъ праваго берега, въ 150 километрахъ выше впаденія притока Локоджа, самый дѣятельный рынокъ въ Бенузѣ: построенный на мѣстѣ пересѣченія дорогъ, направляющихся изъ провинцій Саріа и Баучи на югъ къ бассейнамъ рекъ Бонни и Старый Калабарь, онъ представляетъ естественный центръ для подвоза товаровъ; но вывозъ его состоить главнымъ образомъ изъ слоновой кости: это важнѣйший рынокъ западной Африки по торговлѣ этимъ продуктомъ, кото-раго здѣсь ежегодно вымѣниваютъ отъ 50 до 60 тоннъ (отъ 3.050 до 3.660 пудовъ¹⁾). Западно-африканскія слоновая кость тверже и не такъ бѣла, какъ кость, вывозимая изъ Занзибара, на восточномъ берегу, но превосходитъ ее прозрачностью²⁾. Къ сѣверу отъ Локо простирается земля негровъ племени афо, ограничиваемая съ сѣверной стороны горами Анаугода и заключающая нѣсколько многолюдныхъ городовъ въ своею бассейнѣ, какъ-то: Атжуа, Удени, Акумъ; между двумя послѣдними городами видны развалины города Акора, разрушенного фулами и занимавшаго «огромное пространство». Рольфъ, проходившій черезъ эту территорію въ 1867 г., слѣдовалъ тамъ по хорошо построенной дорогѣ (ширина около 2 съ половиной метровъ), снѣдѣтельствующей о довольно высокой степени цивилизациіи, какой онъ не ожидалъ найти въ этой странѣ чернокожихъ.

На полпути между Локо и сліяніемъ Бенузѣ съ Нигеромъ находится устье Окуа или Когна, текущей изъ земли Сегъ-Сегъ и впадающей въ Бенузѣ. Въ бассейнѣ этого притока есть большой городъ, Кеффи или Кеффи Абдъ-эсъ-Сенга, названный такъ по имени его основателя, который построилъ его въ 1819 г. и заселилъ феллатами, гауссанцами-магометанами, къ которымъ впослѣдствіи присоединились афо и другіе негры-идолопоклонники изъ окрестностей. Этотъ укрѣпленный городъ, живописно расположенный на восточномъ скатѣ холма, по краямъ двухъ овраговъ, спускающихся къ плодоноснымъ равнинамъ береговъ Когна, во время прохода Рольфа пользовался цвѣтующимъ состояніемъ, благодаря торговлѣ слоновой костью, для которой онъ служилъ складочнымъ пунктомъ. Кеффи былъ главнымъ этапомъ и рынкомъ для купцовъ между Кано и низовьями Нигера; базары, происходившіе тамъ три раза въ недѣлю, отличались почти такимъ же оживленіемъ, какъ базары Кука, въ Борну. Въ этихъ областяхъ,

почти постоянно опустошаемыхъ войной, большие центры населенія часто меняются мѣсто. Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Кеффи, въ началѣ этого столѣтія встрѣчались только одинокія разбросанныя хижины, тогда какъ пользовавшейся громкой славой городъ Панда или Фенда, столица могущественнаго царства Игбира, которую долго искали европейскіе изслѣдователи, какъ предполагаемое мѣсто устья таинственнаго Нигера¹⁾), пересталъ существовать: феллатскіе завоеватели разрушили его около половины настоящаго столѣтія, и жители его разбрѣжались въ разныя стороны искать убѣжища у окрестныхъ народовъ; между прочимъ, многочисленныя колоніи были основаны ими на югѣ отъ Бенузѣ. Остатки Панды находятся въ 70 или 80 километрахъ по прямой линіи къ сѣверо-востоку отъ сліянія, въ нынѣшнемъ королевствѣ Нуза.

Въ мѣстѣ соединенія двухъ могучихъ потоковъ западной Африки не существуетъ еще ни одного большаго города; частыя истребительные войны не позволяли рѣчному судоходству принять размѣры, достаточные для того, чтобы въ этомъ пунктѣ могло возникнуть значительное городское поселеніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ англичане оцѣнили важность Бенузѣ для торговаго обмѣна, въ сосѣдствѣ сліянія появилась ихъ факторія, въ деревнѣ Локоджа. Прежде групша хижинъ, обитаемыхъ туземцами, находилась на Паттехѣ, или «Горѣ», которую британскіе изслѣдователи окрестили именемъ Стерлингъ; теперь чернокожее населеніе, состоящее частію изъ игбировъ, прогнанныхъ изъ города Панда, юится у подошвы этой горы, вокругъ складовъ пальмового масла, собираемаго для англійскихъ негоциантовъ. Британскій постъ, являющійся въ одно и то же время торговымъ пунктомъ, центромъ политического господства въ томъ краю и миссионерскимъ станомъ, лежитъ въ разстояніи около часа ходбы къ сѣверу отъ песчаныхъ мелей, которыми оканчивается стрѣлка полуострова, образуемаго двумя сливающимися реками. На юго-востокѣ, на лѣвомъ берегу Нигера, ниже соединенія водъ, деревня Игбебге тоже ведеть довольно значительную торговлю; прежде это былъ одинъ изъ главныхъ центровъ торговли неграми.

Къ югу отъ сліянія, первый значительный городъ на соединенной рекѣ и въ то же время передовой постъ магометанскихъ купцовъ—Иdda, столица королевства Ибо и резиденція «богоодобнаго» царя, требующаго отъ своихъ посѣтителей подарковъ, которые были бы «достойны его божескаго званія»²⁾). Этотъ городъ занимаетъ самое живописное мѣстоположеніе во всемъ низовье Нигера, на высо-

¹⁾ Ed. Viard, цитир. сочиненіе.

²⁾ Westendorp, „Der Elfenbeinhandel in Afrika“, Ausland, Dec. 1885.

¹⁾ Clapperton;—Leader etc.

²⁾ SchöN and Crowther, „Journal of the Expedition up the Niger in 1841“.

кемъ мысу лѣваго берега, образующемъ крытые обрывы около двадцати метровъ высоты. Выше холма Идда, прибрежная равнина Нигера разстилаются въ видѣ великолѣпнаго зеленѣющаго цирка, ограниченаго на горизонте другимъ высокимъ мысомъ, на которомъ стоитъ деревня Акокинъ; на югѣ полукругъ высотъ образуетъ такой же зеленѣющей амфитеатръ, въ которомъ извиваются рукава Нигера, окружающая острова и песчаныя мели. У самой подошвы скалы, гдѣ тѣснятся хижины Идды, протянулись въ излучинѣ рѣки два изъ этихъ острововъ въ формѣ полумѣсяца, увеличивающиеся, въ періодъ спада водь, плоскимъ песчанымъ берегомъ, который служить ярма-рочнымъ полемъ. Во времена ярмарки рѣка бываетъ запруженна барками, а песчаная отмель покрыта временными балаганами, гдѣ копошится населеніе всевозможныхъ цѣютъ и отѣнковъ кожи, отъ желтаго и краснаго до густаго чернаго, и гдѣ раздаются всѣ нарѣчія, употребляемыя въ области Нигера; франкскимъ языккомъ у этихъ разно-племенныхъ народовъ служить dialectъ гаусса.

Слѣдующій затѣмъ значительный городъ низовья, Оница, еще болѣе многолюдный, чѣмъ Идда, стоитъ не у самой рѣки, какъ столица королевства Ибо. Онъ построенъ въ трехъ верстахъ отъ лѣваго берега, на хорошо воздѣланной террасѣ, поднимающейся въ иныхъ мѣстахъ на 40 метровъ надъ низкими уровнями Нигера: груши его хижинъ разбросаны въ беспорядкѣ среди пальмового лѣса. Извилистая дорога спускается изъ города къ его предмѣстю на низменномъ берегу, гдѣ сосредоточены склады и пристани. Напротивъ, на западномъ берегу Нигера, расположилась маленькая деревня, а выше выступаетъ высокій мысъ съ крутыми откосами, на которомъ стоитъ городъ Ассаба или Ассабуа, гдѣ тоже существуютъ англійскія факторіи; еще недавно въ Ассабѣ можно было попасть въ разрядъ благородныхъ не иначе, какъ принеся духамъ человѣческую жертву¹⁾, а въ городѣ насчитывалось не менѣе 400 такихъ сановниковъ. Оница находится почти на половинѣ пути отъ мѣста сланія двухъ рѣкъ до бара Нуинъ, и благодаря своему счастливому положенію сдѣлалась важнѣйшою пристанью на всемъ теченіи Нигера; кромѣ того, она пользуется той выгодой, что посредствомъ боковыхъ потоковъ имѣеть удобное сообщеніе съ нѣкоторыми густо населенными округами на обѣихъ покатостяхъ рѣки. По своему высокому сану король Оница вынужденъ оставаться круглый годъ въ предѣлахъ своего двора: онъ долженъ быть запереться потому, что каждый выходъ его требовалъ человѣческой жерт-

вы; смягченіе нравовъ заставило его сдѣлаться затворникомъ; только разъ въ годъ, во время праздника по случаю сбора ямса, онъ вырывается изъ плѣна, чтобы повеселиться съ своимъ народомъ. На сѣверо-западѣ, городъ Адо, который называются столицей Бенинского королевства, но въ которомъ не бывалъ еще ни одинъ европейскій изслѣдователь, лежить при рѣкѣ того же имени, владающей въ Нигерь между Иддой и Оничей. На востокѣ, среди обширныхъ лѣсовъ, еще неизвѣстныхъ болому человѣку, находится Аро, городъ «Искупленія Грѣховъ», гдѣ совершаются большія закланія животныхъ, можетъ-быть, даже человѣческія жертвоприношенія, ради очищенія народа. Хожденіе на богомолье въ арскій храмъ, «гдѣ имѣеть пребываніе богъ творецъ», считается дѣломъ душеспасительнымъ¹⁾; даже мусульмане ходятъ туда, вида въ этомъ священномъ градѣ изычниковъ нѣчто въ родѣ Мекки.

Нѣсколько негритянскихъ городовъ, каждый съ рынкомъ пальмового масла, скота и лѣса для европейскихъ торговцевъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ по обоимъ берегамъ нижняго Нигера. Осомари, въ лѣсѣ кокосовыхъ пальмъ, на лѣвомъ берегу,—одна изъ наиболѣе посещаемыхъ пристаней; затѣмъ идетъ, на темъ же берегу, мѣстечко Ндони, при бифуркаціи бокового потока, направляющагося на юго-востокъ къ лиману Бонни, но которымъ рѣдко пользуются для цѣлей судоходства, по причинѣ малой глубины его русла. Въ 4 километрахъ ниже, на противоположномъ берегу, показываются дома значительного города Эбо, близъ котораго воды Нигера, въ періодъ разлива, частію изливаются на западъ, въ лабиринтъ западныхъ устьевъ дельты, къ которому принадлежать рукава Бенинъ, Эскардость, Форканость, Рамость и другіе истоки съ измѣнчивымъ теченіемъ. Ндони и Эбо, лежащіе у раздѣлевія вѣтвей, представляютъ собой скромные Мемфисы негритянскаго Нила. На западѣ, въ безконечной сѣти рукавовъ и потоковъ, деревня Уари, столица королевства того же имени, доступна со всѣхъ сторонъ по судоходнымъ путямъ, извивающимся подъ навѣсомъ лѣсовъ, но европейцы не рѣшаются проникать туда, справедливо опасаясь зловредныхъ испареній окружающихъ вонючихъ болотъ. Главная вѣтвь Нигера, Нуинъ, которую слѣдуютъ почти всѣ суда ниже города Эбо, тѣ же очень опасна, по причинѣ большой сырости воздуха; но тамъ по крайней мѣрѣ рѣчное теченіе способствуетъ до нѣкоторой степени освѣженію атмосферы, хотя, съ другой стороны, плаваніе затрудняется падающими въ рѣку стволами деревьевъ,

¹⁾ „Church Missionary Intelligencer“, June 1881.

¹⁾ Africanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

называемыми *slugs*, какъ на Миссисипи, которыя задерживаются въ руслѣ грязью, покрывающей дно. Далѣе книзу встрѣчаются маленькия деревушки, а на сосѣднихъ съ баромъ островахъ, въ английскіхъ факторіяхъ, какъ и въ деревнѣ Акасса, состоящей изъ легкихъ досчатыхъ домиковъ, живутъ только приказчики, лоцмана и грузчики. Тамъ находится центръ коммерческихъ операций англійской національной Африканской компаніи.

Лиманы дельты Нигера и Старого Калабара, находящіеся на востокѣ отъ главнаго рѣчнаго устья, известны у англичанъ подъ именемъ Oil-rivers, т. е. «Масляныхъ рѣкъ». Вывозъ этихъ областей состоить единственно изъ пальмового масла и пальмовыхъ орѣховъ, которые вымѣниваются на ружья и порохъ, на красный товарь и готовое платье, на кухонную утварь, разныя мелкія желѣзныя и мѣдныя издѣлія, инструменты всякаго рода, зеркальца, бусы и кораллы, даже статуэтки и группы. Работники-негры получаютъ заработную плату мѣдными прутиками, которые служатъ имъ мѣновой монетой.

Брассъ, первая значительная станція европейскихъ торговцевъ на востокѣ отъ Нуна, лежитъ не у самаго моря, а вдали отъ берега, въ лабиринтѣ каналовъ, посредствомъ которыхъ Нигеръ сообщается съ рѣкой Бонни. Станція эта состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ купеческихъ конторъ, за которыми тотчасъ же начинается дѣвственныій лѣсъ; собственно деревня Брассъ, именемъ которой называются также вся область, ея жители и ихъ языкъ, построена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ складовъ пальмового масла, на полянѣ, окруженнѣй лѣсомъ. Торговля Брасса уменьшилась въ эти послѣдніе годы, въ пользу негоціантовъ, основавшихъ свои конторы на берегахъ Нигера. Семья крѣпко организована у брасскихъ негровъ, но глава группы становится главой не по праву рождения: онъ въ силу избранія получаетъ права на управление общими дѣлами¹⁾.

Двойной лиманъ Бонни или Околома прежде былъ соединенъ съ лиманомъ Нового Калабара общиимъ устьемъ, которое теперь раздѣлено ново-образовавшимся островомъ. Лиманъ этотъ открываетъ широкіе торговые пути внутрь материка: въ то время, какъ съ боковыхъ потоковъ (маріго) ведеть на западъ къ Нигеру, изъ сѣверныхъ странъ спускается судоходная рѣка, представляющая купцамъ обширную область обмына, густо населенную, но еще не изслѣдованную въ большей части ея протяженія. Бонни былъ самымъ дѣятельнымъ притономъ негроторговцевъ: приблизительно опредѣляютъ въ 320.000 человѣкъ, почти

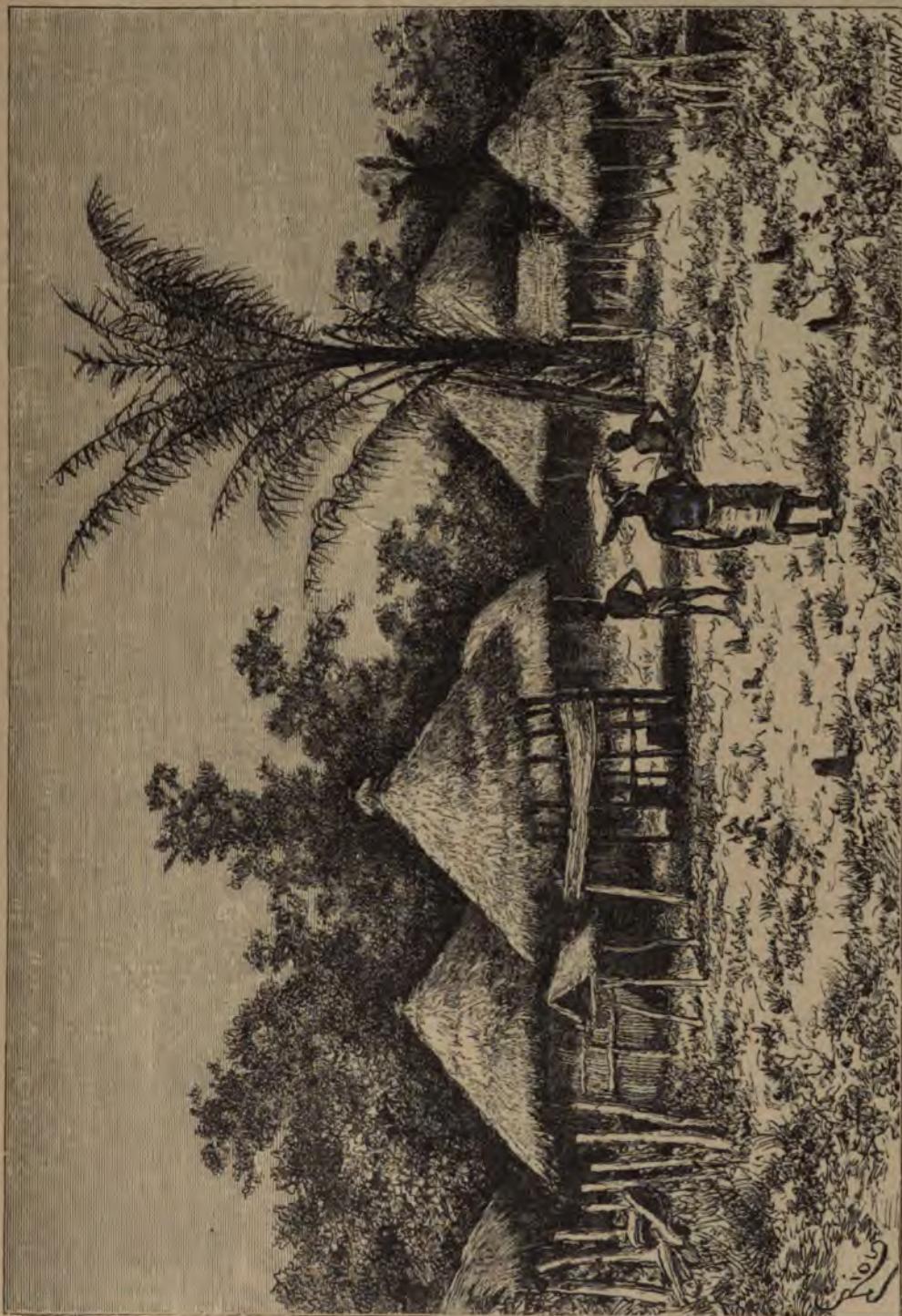
исключительно ибосовъ, число невольниковъ, проданныхъ на рынкахъ этого лимана въ первыя двадцать лѣтъ девятнадцатаго столѣтія. Отмѣненный въ 1819 году актомъ англійского парламента, торги чернокожими людьми были постепенно замѣнены торговлей пальмовымъ масломъ, и съ нѣсколькихъ десятковъ тоннъ экспортъ этого продукта возросъ, въ одномъ только Бонни, почти до двадцати тысячъ тоннъ. Главныя поселенія европейскихъ купцовъ въ лиманѣ Бонни:—Новый Калабарь, на песчаной стрѣлѣ, выдвинувшейся въ море съ западной стороны бара; Окрика, у сѣверной оконечности лимана; и Бонни-таунъ, на восточномъ низменномъ берегу этихъ внутреннихъ водъ. Населеніе Бонни, нѣкогда состоявшее почти исключительно изъ невольниковъ, впослѣдствіи освобожденныхъ, представляетъ, какъ и въ Сіerra-Леоне, пеструю смѣсь всѣхъ расъ западной Африки, такъ что употребленіе общаго языка, англійскаго, сдѣлалось почти необходимымъ; матросы крумени съ западнаго берега встрѣчаются тамъ со своими соперниками, моряками племени кабинда съ южныхъ береговъ. Всѣ расовые типы, всѣ костюмы имѣютъ своихъ представителей въ Бонни. Каждая женщина украшаетъ и разрисовываетъ себя охрой и глиной по фантазіи: «сколько головъ, столько куаффюրъ!» говорить одинъ коммерсанть изъ Бонни¹⁾. Передовая деревня поселенія Бонни носить имя Финнема, или «Кормчій», потому что въ этомъ мѣстѣ, около крайнаго выступа побережья, поселились моряки и лоцмана, проводящіе суда черезъ баръ. Англійские матросы окрестили Финнему прозвищемъ Iew-jew-town, т. е. «городъ колдуновъ», такъ какъ тамъ основали свою резиденцію туземные чародѣи. Въ прежнее время старшій лоцманъ тоже былъ колдунъ по преимуществу, и чернокожіе коммерсанты всегда обращались къ его посредничеству, чтобы онъ уговорилъ потокъ прорыть поглубже проходъ въ устьѣ рѣки. Европейскіе негоціанты, ведущіе дѣла на «Масляныхъ рѣкахъ», живутъ не на берегу, а на бортѣ *hulks*, или понтоновъ, сгруппированныхъ въ пловучій городъ: передняя часть судовъ, снабженная цинковымъ нальсомъ, наполнена всевозможными товаромъ, предметами мѣны, а корма обращена въ дома, убранные со всѣмъ комфортомъ английскіхъ отелей; на палубѣ копошится пестрый міръ животныхъ—собаки, кошки, овцы, обезьяны, разная домашняя птица. Изащицныя шлюпки, европейской конструкціи, перевозятъ негоціантовъ съ берега на понтоны; лодки туземцевъ, хотя не такія красивыя и быстроходныя, отличаются прочностью постройки и оригинальностью украшеній. Существующій въ Бонни судъ, *court of equity*, состоящій изъ капитановъ судовъ, тоже помѣщается на военномъ кораблѣ.

¹⁾ Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

¹⁾ Hermanu Koler, „Einige Notizen über Bonny“.

Не смотря на сходство именъ, Старый Ка-
лабарь (Old Calabar), который часто называ-
ютъ просто Калабаромъ, не имѣть ничего
общаго съ Новымъ Калабаромъ, кромѣ того

рискуютъ ошибиться въ выборѣ болѣе удоб-
наго входа. При устьѣ лиманъ Старого Кала-
бара имѣть отъ 18 до 19 километровъ въ
ширину, но нигдѣ нельзя окинуть взоромъ это

Жилище племени нупо.

только, что оба лежать на берегу моря и оба
ведутъ торговлю пальмовымъ масломъ. Разсто-
яниe между двумя лиманами около 120 кило-
метровъ, и эта часть прибрежья такъ хорошо
извѣстна теперь, что мореплаватели уже не

обширное водное пространство; острова и ост-
ровки, покрытые высокимъ лѣсомъ, со всѣхъ
сторонъ ограничиваются горизонтъ. Различныя
мѣстечки, называемыя общимъ именемъ «Ка-
лабарь», всѣ построены къ сѣверу отъ этого

лимана, на берегахъ рѣки Кроссъ, или Ойоно, и ея притоковъ. Дюкъ-таунъ или Атакпа, торговый городъ, передъ которымъ стоять на якорѣ понтоны (*hulks*), пловучія жилища европейцевъ, лежитъ у сѣверной оконечности большаго лимана, около соединенія впадающихъ въ него рѣчекъ. Иди далѣе на сѣверъ, встрѣчаемъ столицу территории, расположенную вблизи одного изъ бѣковыхъ потоковъ—откуда и название ея Крикъ-таунъ,—на хребтахъ и скатахъ холмовъ, которые тянутся полукругомъ надъ рѣкой; вдоль берега выстроился рядъ низенькихъ домиковъ. Улицы въ Крикъ-таунѣ прямыя и широкія, что свидѣтельствуетъ о значительномъ вліяніи, которое уже оказывается присутствіе европейцевъ на нравы туземныхъ жителей. Въ центрѣ города, въ возвышенной его части, красуются зданія при чудливой архитектурѣ, воздвигнутыя англичанами для калабарскаго короля и привезѣ. Деревня Ольдъ-таунъ (Старый городъ), остатокъ нѣкогда цвѣтущаго города, находится на полпути, на боковомъ потокѣ, ведущемъ изъ Дюкъ-тауна въ Крикъ-таунъ. Прежде это былъ торговый центръ, но английскіе купцы, желая перевести торговлю въ свои поселенія Дюкъ-тауна,—называвшагося тогда Нью-тауномъ (Новый городъ),—пригласили главныхъ жителей конкурирующаго города на палабру, устроенную на ихъ поятонахъ: едва успѣли чернокожіе гости причалить свои лодки къ кораблямъ, какъ мѣткія пули, пущенные съ борта, уложили ихъ на мѣстѣ¹⁾). Народецъ ква считается сюзереномъ Старого Калабара, и каждый годъ ему платить крупную сумму въ видѣ дани.

Эта область поморья есть одна изъ тѣхъ, гдѣ власть Великобританіи наименѣе оспаривается туземцами. Икорофіонгъ, городъ, близъ котораго путешественникъ встрѣчаетъ первыя скалы песчаника, принадлежитъ еще къ территории Калабара. Затѣмъ, выше по рѣкѣ Ойоно, слѣдуетъ городъ Умонъ, расположенный на островѣ, который нерѣдко подвергается на-

водненіямъ; городъ этотъ управляетъ языческими жрецами, и старые кровавые обычай сохранились тамъ еще въ полной силѣ. Поморы племени эфикъ поднимаются по этой рѣкѣ только до Умона, отстоящаго верстъ на сто отъ лимана: они встрѣчаютъ тамъ лодочниковъ племени акунакуна, которые живутъ близъ большаго изгиба рѣки, и главный городъ которыхъ, называемый Окурике или Акурике, находится въ цѣпи холмовъ, идущей вдоль лѣваго берега; туземцы акунакуна умѣютъ строить довольно большия лодки, поднимающая до 3 тоннъ груза. Англійское вліяніе не распространяется за Окурике въ бассейнѣ Ойоно или Кроссъ-ривера, хотя эта рѣка уже въ 1842 году была изслѣдована до самыхъ пороговъ. Выше этихъ скалъ начинаются невѣдомыя области, на которыхъ Германія уже предъявляетъ притязанія для своихъ будущихъ колоній¹).

Города бассейновъ Бенуа, Нигера и сосѣдняго поморья, съ приблизительной цифрой населенія, указываемой путешественниками:

Бассейнъ р. Бенуэ. Гуринъ—12.000 жит.; Іола, по Барту, въ 1851 г.—12.000 жит.; Баданиджо—3 000 жит.; Сарау—4.000 жит.; Рибаго—6.000 жит.; Якоба, по Флегелю—50.000 жит.; Раута, по Рольфсу, въ 1866 г.—10.000 жит.; Гомбе, по Рольфсу, въ 1866 г.—20.000 жит.; Бурри-Бурри, по Рольфсу, въ 1866 г.—5.000 жит.; Дуку, по Рольфсу, въ 1866 г.—15.000 жит.; Бирри (Верхній и Нижній), по Рольфсу, въ 1866 г.—4.500 жит.; Вукари, по Флегелю, въ 1883 г.—6.000 жит.; Атжауа, по Рольфсу, въ 1866 г.—5.000 жит.; Удени, по Рольфсу, въ 1866 г.—5.000 жит.; Акумъ, по Рольфсу, въ 1866 г.—10.000 жит.; Кефи-Абдъ-эсс-Сенга, въ 1866 г.—30 000 жит.

Нижній Нигеръ: Локоджа—3.000 жит.; Иdda, по Гловеру—10.000 жит.; Онича, по Гловеру—16.500 жит.; Эбо, по Гловеру—8.000 жит.

Лиманы побережья: Бонни (Околама)—5.000 жит.; Крикъ-таунъ (Старый Калабарь)—6.000 жит.; Умонъ, по Бекрофту—5.000 жит.; Окурике, по Эджерли—3.500 жит.

¹⁾ Clarkson, „History of the Abolition of the Slave-trade“;—Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

¹⁾ „Proceedings of the Geographical Society“, 1882;—Goldie, „Scottish Geograph. Magazine“, 1885.

Г л а в а IX.

Бассейнъ озера Чадъ.

I. Общій обзоръ.

На африканскомъ континентѣ географическій центръ составляетъ не горный хребетъ, какъ въ Азіи и Европѣ, а напротивъ—глубокая впадина, занятая, въ одной части ея простиженіемъ, болотистыми водами и связанныя общимъ рельефомъ съ странами по Нигеру и съ западной Африкой. На востокѣ и югѣ бассейнъ этотъ окружены горами и плоскими возвышенностями; на сѣверѣ и западѣ холмы и террасы тоже поднимаются въ видѣ пороговъ, не образуя, однако, амфитеатра съ непрерывными стѣнами; на юго-западѣ же открываются равнины въ видѣ широкой бреши между бассейномъ великаго озера и бассейномъ Бенуэ. Нѣсколько рекъ, въ томъ числѣ одна очень обильная, протекаютъ по этой низменности, развѣтвляясь и переплетая свои истоки съ истоками большихъ рекъ континентальной окраины. Со всѣхъ сторонъ, даже со стороны пустыни, чрезъ которую идетъ рядъ оазисовъ, эта центральная область доступна; кроме того, она относительно очень густо населена, такъ какъ самыя умѣренныя исчисленія даютъ ей свыше 70.000.000 жителей для поверхности, нѣсколько превышающей 700.000 квадр. километровъ. Благодаря плодородію почвы и богатству растительности, бассейнъ озера Чадъ (Чадъ или Цадѣ), долины и равнины, орошаляемыя рекой Шари, быть-можетъ, сдѣлаются современемъ самой цветущей частью Африканской Индіи.

Центральная область безформенного материкового организма, члены которого не функционируютъ еще въ надлежащей гармоніи, этотъ бассейнъ внутренней Африки не имѣть прямыхъ и правильныхъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ; проходятъ цѣлые годы, прежде чѣмъ отолосокъ совершившихся тамъ событий дойдетъ до Европы, и происходящія тамъ, въ глубинѣ чернаго континента, великия движенія народовъ, нашествія, массовые исходы, войны и завоеванія остаются намъ совершенно неизвѣстными. При томъ, главный путь, по которому бассейнъ озера Чадъ воспринималъ доселѣ вліяніе извнѣ, ставить его въ сообщеніе только съ восточной Африкой и съ Аравіей: это дорога черезъ Дарфуръ и Уадай, по которой арабы принесли свою религию, чуждую культуру и знакомство съ внѣшнимъ мі-

ромъ. Для этническихъ движений и для исторіи націи дорога, соединяющая бассейнъ озера Чадъ съ берегами Большаго Сирта, имѣла гораздо меньшее значеніе, но этой дорогой слѣдовали купцы средиземноморскаго побережья, и по ней шелъ въ это послѣднее время главный потокъ торгового обмѣна; оттого она болѣе извѣстна. Однако, этотъ путь, кратчайший отъ Средиземнаго моря къ центру Африки, теперь все менѣе и менѣе посѣщается, такъ какъ отнынѣ торговлы Европы открыта другая дорога, болѣе удобная, хотя гораздо болѣе длинная: въ настоящее время торговыи потокъ изъ Борну и сопредѣльныхъ странъ направляется на юго-западъ поестественному пути, представляемому двумя могучими реками, Нигеромъ и Бенуэ. Можно сказать, что въ странахъ центральной Африки произошла перемѣна фронта: прежде онѣ смотрѣли на сѣверъ, къ Средиземному морю; теперь повернулись лицомъ въ противоположную сторону, къ Бенинскому заливу. Постройка хорошей проѣзжей дороги или рельсоваго пути можетъ снова измѣнить направление торговаго потока.

Число европейскихъ изслѣдователей, посѣтившихъ бассейнъ озера Чадъ, еще не велико, и это опасное путешествіе стоило жизни многимъ изъ тѣхъ, которые отважились предпринять его. Въ 1823 году первые европейцы, Денгамъ, Клаппертонъ, Аудні, Гильманъ, Туль проникли въ Борну черезъ Фецданъ и оазисы Кавара, но двумъ изъ англійскихъ путешественниковъ не суждено было снова увидѣть родину. Послѣ того прошло болѣе четверти вѣка, прежде чѣмъ была предпринята новая экспедиція въ эту область центральной Африки. Въ 1851 году Ричардсонъ, Бартъ и Овервегъ вошли въ Борну; но первый изъ нихъ едва ступилъ на территорію племени канури, какъ паль жертвой скваченій тамъ болѣзни; въ слѣдующемъ году умеръ и Овервегъ, на берегу озера Чадъ, по которому не плавалъ ни одинъ европеецъ ни до, ни послѣ него. Фогель, посланный на смѣну Овервега въ дѣлѣ географическаго изслѣдованія тѣхъ странъ, погибъ насильственной смертью въ Уадай, а нѣсколько лѣтъ спустя другой путешественникъ, Беурманъ, тоже былъ убитъ въ Канемѣ. Настигаль, путешествовавшій въ 1871 и 1872 годахъ, былъ счастливѣе: посѣтивъ Борну, Канемъ, онъ обошелъ Боргу и Багирми, затѣмъ благополучно прослѣдовалъ черезъ Уадай и Дарфуръ.

Часть этого путешествія быда возобновлена въ 1880 году итальянцами Маттеучи и Массари, но подробности ихъ изслѣдованія извѣстны лишь по бѣглымъ замѣткамъ. Имя Кука, при- надлежащее центральному рынку Борну, есть одно изъ тѣхъ, которая всего чаще повторяють, говоря обѣ Африкѣ, и на многихъ картахъ этотъ городъ отмѣченъ уже какъ главный узловой пунктъ будущихъ трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ; но неизвѣстно даже, не перенесенъ ли онъ на другое мѣсто. Недавно въ центрѣ континента, на югъ отъ линіи водораздѣла, гдѣ беретъ начало рѣка Шари, образовалось новое государство, Конго, съ европейскимъ правительствомъ; однако, ни одному путешественнику не удалось еще перейти раздѣльный порогъ: до сихъ порь европейскіе изслѣдователи только видѣли издали горную группу Мендиѳъ, которая можетъ быть разсматриваема какъ орографический центръ африканского материка, господствующій въ одно и то же время надъ четырьмя бассейнами: Нила, Нигера, Конго и озера Чадъ. Впрочемъ, этотъ переходъ съ одной покатости на другую, попытки къ осуществленію котораго тѣмъ болѣе желательны, что въ тѣхъ возвышенныхъ областяхъ европейскіе иммигранты, вѣроятно, нашли бы благопріятныя климатическія условія, представляеть задачу въ высшей степени трудно исполнимую; нигдѣ къ иностранцу не относятся съ такой ненавистью, какъ въ верховьяхъ рѣки Шари. Преслѣдуемыя негроторговцами, населенія этой страны препятствуютъ всякимъ мирнымъ сношеніямъ: двѣ покатости, о которыхъ идетъ рѣчь, раздѣлены по-граничной полосой, гдѣ царствуетъ постоянная война.

На востокѣ отъ озера Чадъ естественную границу бассейна составляютъ горы Дарфура. Хребетъ Маррахъ образуетъ раздѣльную возвышенность между Нильской покатостью и покатостью, наклоненной къ Борну; но между этими высотами и болотистой впадиной, куда изливаются воды Шари, есть нѣсколько второстепенныхъ массивовъ, прерывающихъ однообразіе равнинъ: такова, на сѣверо-востокѣ Уадая, небольшая цѣпь Тирдзе, гребень которой тянется съ сѣвера на югъ, параллельно другой, дарфурской цѣпи того же имени. Обѣ эти цѣпи имѣютъ почти одинаковую абсолютную высоту, около 600 метровъ, и поднимаются всего лишь на 150 метровъ надъ окружающими плоскогорьями. На западѣ и на сѣверо-западѣ отъ Тирдзе почва нечувствительно понижается къ пустынѣ; нѣсколько скалистыхъ кряжей перерѣзываютъ ее, а въ промежуточныхъ серирахъ разсѣяны миллиардами тѣ странныя образования, которые такъ удивляли путешественниковъ въ пустыняхъ Египта и Ливии,—песчаныя трубки съ тонкими стѣнками, полые шары, цилиндры, пирамиды, звѣзды,

кресты и ожерелья. На юго-западѣ отъ цѣпи Тирдзе въ равнинѣ тамъ и сямъ встречаются лишь уединенные скалы, затѣмъ горный массивъ Гере, обширная естественная крѣость, населенная независимыми племенами, занимаетъ своей круглой массой большую часть западнаго Уадая: самая высокія вершины его не достигаютъ, вѣроятно, и тысячи метровъ, но склоны у него очень круты и скалы разорванныя; во многихъ мѣстахъ подходы къ этимъ горамъ, защищеннымъ съ вѣшней стороны болотами и густыми лѣсами, очень трудны, и проникнуть туда можно не иначе, какъ черезъ узкія ущелья. Недалеко отъ озера Фитри выится другая естественная твердыня—джебель Медого.

Массивъ Гере со всѣхъ сторонъ,—кромѣ сѣверной, гдѣ онъ продолжается скалистыми хребтами,—окруженъ низменными равнинами, орошамыми притоками Шари; но къ западу отъ этой рѣки снова появляются группы высотъ, расположенные по направлению съ сѣвера на югъ и образующія угольнуюежду возвышенности, отдѣляющей бассейнъ озера Чадъ отъ бассейна Бенуэ. Группы эти, извѣстныя подъ именемъ горъ Уандала, имѣютъ среднюю высоту около 800 метровъ; самая высокая вершина ихъ, Магарь, не достигаетъ, какъ и вершина массива Гере, тысячи метровъ; тѣмъ не менѣе, горы, изрѣзанные глубокими ущельями, усаженные остроконечными пиками и гребнями, представляютъ грандіозный видъ, еще болѣе возвышаемый красотой луговъ, которые полого поднимаются около ихъ основанія и по которымъ разсѣяны купы большихъ деревьевъ. Рольфъ съ трудомъ взошелъ, чрезъ высокую траву и густой кустарникъ, на переднюю гору Сремарда, хотя она поднимается всего только на 170 метровъ надъ прилегающей равниной; во время этого восхожденія онъ встрѣчалъ цѣлые шайки собакоголовыхъ обезьянъ, павановъ, которые съ ворчаніемъ убѣгали съ его дороги и прятались за большими камнями. Горы Уандала, состоящи изъ различныхъ породъ, облагающихъ гранитное ядро¹⁾, не продолжаются на западъ правильной цѣпью; тѣмъ не менѣе, водораздѣль обозначенъ выпуклостью почвы или горбомъ, который, можетъ-быть, возвышается на 200 или 250 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, и абсолютная высота котораго около 600 метровъ. Въ сосѣдствѣ водораздѣла стоять два величественныхъ массива, которые издали кажутся образующими цѣпь съ другими горами, но вблизи оказываются совершенно уединенными. Одинъ изъ нихъ, Камалле, представляеть правильный конусъ, оканчивающійся наверху столбчатой массой; другой, Мендиѳъ,

¹⁾ Dengam, "Narrative of travels in Northern and Central Africa";—Rohlfis, "Quer durch Africa".

стоящий гораздо южне, имѣть двойную вершину, достигающую 1.500 или 1.600 метровъ. Издали эти горы кажутся бѣлыми, тогда какъ, по рассказамъ туземцевъ, онъ состоять, на-противъ, изъ черноватыхъ породъ, вѣроятно, базальтовыхъ, покрывающей же ихъ бѣлый на-леть есть не что иное, какъ слой гуano, отложенный мириадами птицъ, которыхъ тучами кружатся надъ растрескавшимися склонами. Кромѣ этихъ горъ, лежащихъ вблизи раздѣльной линіи, скать, обращенный къ озеру Чадъ, представляетъ множество уединенныхъ скалъ, гранитныхъ зубцовъ, выступающихъ черезъ растительный слой до различной высоты, такъ что одни едва выступаютъ надъ кронами со-сѣднихъ деревьевъ, другіе же достигаютъ 100 и даже 150 метровъ. Большинство этихъ вы-сотъ утилизированы туземцами какъ опорные точки для защиты своихъ деревень отъ набѣговъ.

На западъ отъ этой страны, территорія Бабиръ тоже, говорятъ, не представляетъ пра-вильного водораздѣльного хребта между зам-кнутымъ бассейномъ озера Цаде и рѣчнымъ бассейномъ Нигера, но по ней разсыяны маленькие массивы, пробитые эруптивными по-родами. Въ цѣломъ скать отъ равнины Борну къ порогу, отдѣляющему ее отъ океанской по-катости, весьма незначителенъ; съ другой сто-роны, мѣстность имѣть болѣе крутой скатъ. На юго-западѣ этого государства, у города Гуджба, Рольфъ едва замѣтилъ выступъ водо-раздѣла; только встрѣчающіяся кое-гдѣ скалы известняка, краснаго песчаника, большія глыбы гранита обозначаютъ раздѣльную линію. Абсолютная высота холмовъ не превосходитъ 600 метровъ; исключение составляетъ только уединенный массивъ Фика, видимый со всѣхъ сторонъ на разстояніи нѣсколькихъ дней ходьбы; у основания этой высокой горы на-ходится озеро, наполняющее водоемъ между скалами. На сѣверѣ, въ землѣ Керри-Керри, простирается область высокихъ террасъ, пере-рѣзанныхъ глубокими ущельями, продуктомъ размыванія; затѣмъ, въ землѣ Манга мѣст-ность снова принимаетъ равнинный характеръ, и гидографический бассейнъ страны Борну проникаетъ далеко на западъ въ королевство Вурно; простыя повышенія почвы раздѣляются притоки рѣки Іеу. На сѣверѣ, границы цен-трального африканского бассейна обозначены не столько рельефомъ поверхности, сколько климатомъ; тѣмъ не менѣе, грады дюнъ, края гамады, отдѣльные скалы встрѣчаются и въ этомъ поясѣ степей, между лѣсной областю и пустынями Сахары.

Западнымъ скатомъ горъ Марракъ страна Форъ или Дарфуръ принадлежитъ къ бассейну, центръ которого занимаетъ озеро Цаде; но хотя еще ни одинъ путешественникъ не

изучалъ гидографию страны къ югу отъ боль-шой караванной дороги, можно, однако, съ большой вѣроатностью предполагать, что воды, спускающіяся съ этихъ горъ, не достигаютъ,— развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ,— рѣки Шари и ея озерного расширения. Уади Азумъ и его притоки соединяются въ постоян-ный потокъ только во время харифа, то-есть периода дождей, да и тогда малый уклонъ почвы, выступы рельефа, прерывающіе ея по-катость, задерживаютъ потокъ, заставляютъ его разливаться по сторонамъ, въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ водныхъ площадей, подвер-гающихся сильному испаренію. Другіе уади остаются совершенно изолированными и не связаны съ гидографической сѣтью страны; они оканчиваются въ лощинахъ «рахадами» или «биркетами», т. е. небольшими лужами, сходными по способу образованія съ борнуан-скимъ внутреннимъ моремъ. Изъ этихъ долинъ, запертыхъ при входѣ каменистымъ по-рогомъ, самая значительная—долина Бата, по которой идетъ историческій путь Уадая: начинаясь въ горахъ Тирдзе, она направляется на юго-западъ, затѣмъ на западъ и образуетъ въ своей оконечности циркъ Фитри, заключа-ющей внутри то простую лужу, то настоящее озеро, смотря по обилію изливающейся туда воды. Земля, лежащая по серединѣ этого озера, бываетъ поперемѣнно то островомъ, то полуостровомъ.

Гораздо болѣе обширна, чѣмъ эти рахады Уадая, водная поверхность, разстилающаяся на необозримое пространство въ самой низкой впадинѣ равнинъ королевства Борну. Въ языкѣ прибрежныхъ жителей, владѣвшихъ этой стра-ной до кануріевъ, Цаде значитъ «Большое скопленіе воды»; имя Коло или Кулу, упо-требляемое обитателями острововъ, іединами, кажется, имѣть то же значеніе. Старое на-звание, распространенное арабскими купцами, одержало верхъ въ географической номенклатурѣ, и когда вся карта сѣверной Африки къ югу отъ Триполи представляла еще сѣтку линій, проведенныхъ почти наугадъ, озеро Чадъ, Цадѣ или Цаде занимало уже въ центрѣ континента дѣйствительно принадле-жащее ему мѣсто, хотя приписываемые ему размѣры были сильно преувеличены. Бур-хардъ первый указываетъ эту водную площадь съ нѣкоторой точностью. Всѣ арабскіе купцы, допуская тождество рѣкъ Каира, Томбукту, Борну, воображали озеро Чадъ либо общимъ резервуаромъ всѣхъ африканскихъ «Ниловъ», либо внутреннимъ моремъ большаго централь-наго нагорья, откуда воды изливаются во всѣхъ направленияхъ на окраины чернаго ма-терика. Со временеми Денгама, который первый изъ европейскихъ путешественниковъ-исслѣдователей собственными глазами видѣлъ озеро Чадъ,—названное имъ Ватерлооскимъ,—про-

изведены были точная измѣрение, доказавшія ошибочность этихъ географическихъ понятій¹⁾. Теперь известно, что это озеро занимаетъ одну изъ самыхъ низменныхъ частей Африки, такъ какъ поверхность его водъ, по Фогелю и Нахтигалю, только на 250—270 метровъ выше уровня моря: гидрографическая роль его ограничивается собираемъ водъ бассейна незначительного протяженія въ сравненіи съ пространствомъ всего континента. Впрочемъ, невозможно еще опредѣлить, даже приблизительно, размѣры этого бассейна, такъ какъ неизвѣстны ни истоки, ни сѣть притоковъ, питающихъ главный притокъ озера, рѣку Шари. Даже величина площади самого озера не опредѣлена въ точности: Нахтигаль исчисляетъ ее приблизительно въ 27.000 кв. километровъ; по Рольфсу, общая поверхность водъ въ сухое время года никакъ не больше 11.000 кв. километровъ; но въ большихъ разливы она превышаетъ 50.000 кв. километровъ. Смерть застигла Овервега прежде, чѣмъ онъ составилъ описание своего плаванія вокругъ Чада. Нахтигаль, объѣхавшій почти все озеро, отъ восточнаго Канема до Борну и отъ Борну до уадайской дороги, даетъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ внутреннемъ морѣ Судана.

Если по протяженію Чадъ можно сравнить съ большими озерами Нильскаго бассейна, съ Байкаломъ, съ громадными резервуарами Сѣверной Америки, если въ ряду озерныхъ бассейновъ по величинѣ площади онъ слѣдуетъ непосредственно за озеромъ Эри, то его далеко нельзя поставить въ параллель съ этими огромными впадинами земной поверхности по глубинѣ и массѣ водъ. По рассказамъ прибрежныхъ жителей, наибольшая толщина воды между побережьемъ въ сосѣдствѣ города Кука и устьемъ рѣки Шари не превышаетъ «двойнаго человѣческаго роста», и на островъ Сейорумъ, который, однако, удаленъ отъ берега на двадцать слишкомъ километровъ, можно добраться на лошади. Овервегъ, поѣтившій, впрочемъ, не всѣ области озера, нашелъ только 6 метровъ въ самой глубокой его части. Этотъ обширный резервуаръ есть не столько озеро, сколько постоянное наводненіе: онъ въ сущности ничѣмъ не отличается, кроме величины, отъ безчисленныхъ лужъ, разсѣянныхъ въ Борну и образующихся вслѣдствіе того, что потоки, не находя для себя правильнаго русла, разливаются по сторонамъ въ углубленіяхъ равнины. Между большими озерами Чадъ всего болѣе напоминаетъ Балкашъ, который кажется внутреннимъ моремъ по своимъ огромнымъ размѣрамъ, въ действительности же есть не что иное, какъ тощкая

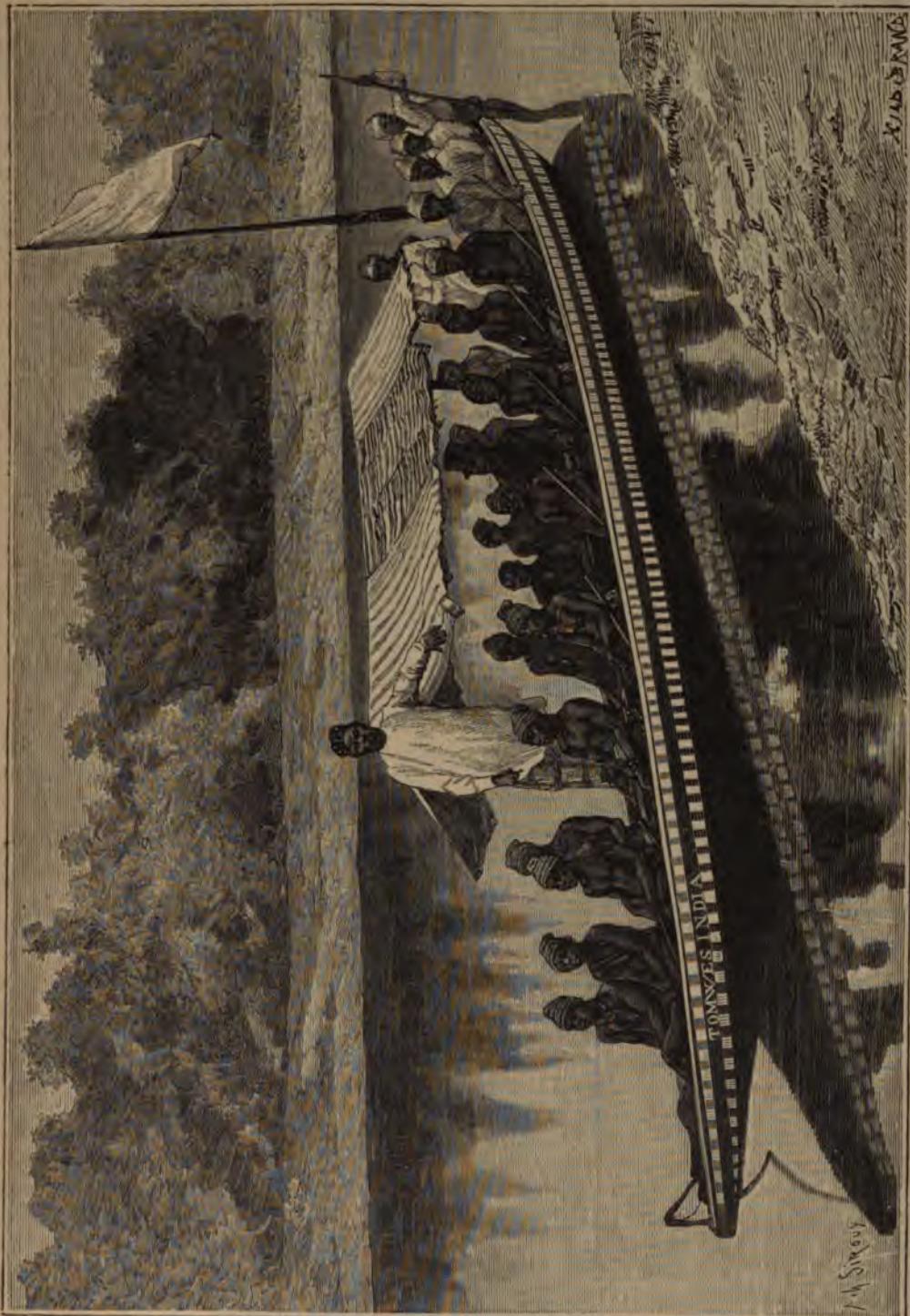
водная площесть, разливаемая теченіемъ рѣки Или.

Чадъ имѣеть вполнѣ опредѣленные берега только около сѣверной своей оконечности, въ вершинѣ большого неправильнаго треугольника водъ. Въ этомъ мѣстѣ песокъ, наносимый пасатными вѣтрами, образовалъ высокіе бугры или дюны, основание которыхъ, на подобіе мыса, выдвинуто въ озеро: съ вершины этихъ подвижныхъ горокъ видишь передъ собой безпредѣльную никъ буль или «блѣющую воду», то-есть гладкую скатерь водъ, разстилающуюся на необозримое пространство безъ промежуточныхъ острововъ, безъ камышей или другихъ водяныхъ растеній, какъ тѣ поросли, которыя наполняютъ никъ циллии, или «черную воду» прибрежья. Почти на всей остальной окружности можно идти цѣлые часы по направлению озера, не зная, гдѣ кончается земля, гдѣ начинается озерная площесть. Пройдя длинный рядъ болотистыхъ потоковъ, извилистыхъ рукавовъ и лагунъ, большихъ и малыхъ лужъ, путешественникъ ожидаетъ увидѣть наконецъ разстилающуюся безпредѣльную поверхность открытаго моря, но взорамъ его представляются только поросли тростника, лѣса папируса, поля лотоса, полосы водяного салата (*pistia stratiotes*), «травы безъ родины», плавающія сплошными лугами, болѣе зелеными, чѣмъ степи сосѣдняго берега. Къ востоку отъ устьевъ Шари весь юго-восточный уголъ озера и далѣе на сѣверъ вся сосѣдняя съ берегомъ Канема часть заняты островами и островками, которые, по словамъ Нахтигала, въ совокупности составляютъ по меньшей мѣрѣ треть поверхности Чада. Въ этихъ областяхъ нѣть озера въ собственномъ смыслѣ, а только лабиринтъ проливовъ между безчисленными островами. Путешественники, отправляющіеся изъ Багирми въ Канемъ, не подозрѣваютъ даже, что переходятъ черезъ озеро, и только жалуются на дурное состояніе дорогъ, беспрестанно прерываемыхъ топкими болотами, гдѣ рискуешь потерять лошадей и вынужденныхъ животныхъ. Южный архипелагъ, собраніе пригорковъ, разсѣянныхъ въ болотѣ, называется землей Карка. Окончательно осушеннная, эта область имѣла бы приблизительно такой же видъ, какъ Канемъ,сосѣдняя твердая земля, гдѣ зеленѣющіе холмы, цвѣтущіе лѣски чередуются съ безлѣсными пространствами.

Эти стоячія воды, болота, острова, перешейки не позволяютъ опредѣлить истинную форму озера, которая, впрочемъ, сильно измѣняется въ разныя времена года, вслѣдствіе колебаний уровня, производимыхъ разливами и испареніями. Зная, какъ незначительна бываетъ глубина воды въ періодъ самого низкаго уровня, можно съ большой вѣроятностью допустить, что жидкая масса этого резервуара измѣняется на половину своего объема отъ

¹⁾ Denham and Clapperton, цитиров. сочиненіе; — Jackson, "Account of the empire of Marocco"; — Karl Ritter, "Africa" etc.

одного сезона до другого. Изъ разсказовъ путешесственниковъ известно, что огромныя пространства озерной окружности бывають по-перемынно то затоплены, то обнажены; во обращенномъ къ степамъ и пустынѣ, нѣть проточной воды, кромѣ временныхъ ручьевъ, по западной покатости, обнимающей собственно Ворну, проходить двѣ рѣчки или комоду,

Барка на Калабарѣ.

многихъ мѣстахъ цѣлые дни ходьбы отдѣляютъ зимній берегъ отъ лѣтняго. Кромѣ дождей, начинающихся въ концѣ іюня, Чадъ получаетъ излишекъ водъ бассейна, приносимый ему рѣками. На сѣверо-восточномъ берегу,

которая въ сухое время года состоять лишь изъ ряда лужъ, но въ періодъ дождей, то-есть впродолженіи по крайней мѣрѣ четырехъ мѣсяцевъ, представляютъ непрерывный потокъ, настолько быстрый и глубокій, что для пере-

правы съ одного берега на другой принуждены употреблять лодки или плоты, поддерживаемые кожаными мѣшками или выдолбленными внутри тыквами. Ieu (Iobe по Нахтигалию, Baubé по Барту), носящая разныя имена въ орошаемыхъ ею мѣстностяхъ,—весьма значительная рѣка, по крайней мѣрѣ по длини теченія. Верхніе ея притоки берутъ свое начало далеко въ Гауссѣ, въ 800 километрахъ къ западу отъ озера Чадъ; весь западный Борну принадлежитъ къ ея бассейну, и даже изъ земли Бабиръ, на границахъ провинціи Адамауа, она получаетъ притокъ, текущій частію въ подземной галлереѣ¹⁾. Нужно удивляться, что русло истеченія столь обширнаго бассейна не бываетъ постоянно наполнено водой; вѣроятно, воды Ieu во время наводненій изливаются въ Гамзайги и въ другія озера сѣверо-западнаго Борну, которыхъ впервые были обслѣдованы, слишкомъ поздняка тому назадъ, англійскими путешественниками Денгамомъ и Клаппертономъ.

Наибольшую часть жидкой массы, изливающейся въ озеро Чадъ, доставляютъ горы южнаго хребта, обильно орошаеыя ливнями экваторіальныхъ штилей. Рѣки, берущія начало въ территории Мандара,—какъ, наприм., «комодугу» Мбулу,—широко разливаются въ равнинѣ, по недостатку ската, и образуютъ водяныя площиади, которая тянутся на необозримое пространство черезъ лѣса и саванны, и, представляя изъ себя какъ бы движущіяся озера, медленно спускаются къ внутреннему морю; въ некоторыхъ округахъ сообщенія совершенно прекращаются на цѣлья недѣли и мѣсяцы; отъ Чада до Бенуа, черезъ озеро Тубури, эти водяныя площиади слѣдуютъ одна за другой безъ перерыва; замѣчательно, что вмѣсто того, чтобы разливаться въ видѣ болотъ, они обыкновенно наполняютъ каналы съ высокими берегами, имѣющіе форму рѣчныхъ русель²⁾. Фактъ этотъ какъ бы указываетъ на существование въ прежнее время сѣти потоковъ еще болѣе обширной, чѣмъ какою она является въ наши дни. Рѣка Шари, главный истокъ которой находится около середины южнаго берега Чада, въ периодъ разлива не представляетъ отдаленныхъ рукавовъ и устьевъ; тогда общее русло соединяется всѣ ея вѣтви въ одинъ огромный потокъ, шириной около 50 километровъ; въ мѣстныхъ языкахъ слово Шари имѣеть тотъ же смыслъ, что и Чадъ, означая «Скопленіе воды». Тогда какъ въ первую половину дождливаго сезона, въ июль и въ августъ, уровень озера понижается, вслѣдствіе испаренія, или слабо возрастаетъ, несмотря на выпадающую атмосферную влагу, прибытие рѣчного наводненія тотчасъ же измѣняетъ режимъ озера.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Africa“.

²⁾ H. Barth, цитирован. сочиненіе.

Когда Шари вносить свою могучую струю разлива, вода во внутреннемъ морѣ Судана быстро поднимается, и къ концу ноября достигаетъ своего высшаго уровня.

Шари, въ отношеніи которой озеро Чадъ есть, такъ сказать, лишь конечное расширение русла, принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Африки, благодаря дождямъ, правильно выпадающимъ лѣтней порой во всѣхъ частяхъ ея бассейна. Вопросъ объ истокахъ этой рѣки еще не решенъ окончательно, и предположеніе, высказанное Швейнфуртомъ, что рѣка Уэлле, протекающая по территории Монбутту и Намь-Намъ, принадлежитъ къ бассейну озера Чадъ черезъ Шари, еще можетъ быть поддерживаемо, такъ какъ нѣтъ прямаго доказательства противаго; однако, большинство географовъ склоняются теперь къ тому мнѣнію, что Уэлле слѣдуетъ считать притокомъ рѣки Конго; верхніе притоки Шари, найдалѣе выдвинутые къ востоку, вѣроятно, берутъ начало на разстояніи болѣе 1,000 километровъ отъ истоковъ Уэлле въ южныхъ массивахъ Дарфура и Уадая. Но верховья этихъ рѣкъ еще не были обслѣдованы ни однимъ европейскимъ путешественникомъ. Нахтигаль могъ собрать кое-какія свѣдѣнія только о нижнемъ теченіи Шари. По рассказамъ туземцевъ, развѣтвленія дельты этой рѣки начинаются уже въ 600 километрахъ выше впаденія ея въ озеро Чадъ: тамъ Шари или Бахаръ-Эль-Арде («Рѣка Земли») дѣлится будто бы на два ба или главныхъ рукава, изъ которыхъ лѣвый называется ба-Бай или Логонъ, а правый—ба-Бассо или собственно Шари. Однако, большая разница въ колебаніяхъ количества приносимой воды между этими потоками заставила Нахтигала усомниться въ точности единогласнаго показанія жителей страны относительно бифуркаціи Шари. Какъ бы то ни было, восточная рѣка получаетъ притокъ, именуемый Бахаръ-Эль-Абіадомъ, или «Бѣлой рѣкой», и приходящій изъ территории Банда, затѣмъ выдѣляетъ изъ себя боковой рукавъ, ба-Бачикамъ («рѣка Листьевъ»), съ которымъ снова сливается, пройдя около 250 километровъ. Ниже главная рѣка соединяется съ рѣкой Логонъ, но уже передъ тѣмъ выпускаетъ изъ себя нѣсколько боковыхъ рукавовъ, которые развѣтвляются въ аллювіальной равнинѣ и наконецъ изливаются измѣнчивыми руслами въ озеро Чадъ. Нигдѣ воды Шари не соединены въ одинъ потокъ; даже, быть-можетъ, часть воды бассейна теряется въ другихъ впадинахъ, кроме озера Чадъ, если правда, что рукавъ ба-Бачикамъ получаетъ изъ Уадая половину Бахаръ-Эсъ-Саламата, и что другая половина этой рѣки въ периодъ половодья изливается въ длинный болотистый ровъ, направляющійся на сѣверо-востокъ къ озеру Фитри.

Не претендую не то что на точность, но даже на достаточно приблизительное значеніе

оихъ цифры, Нахтигаль исчислялъ годовой бетъ Шари въ 60 миллиардовъ кубич. метровъ, чѣдѣ составить, въ среднемъ, около 2.000 кубич. метровъ въ секунду. Приносимое этой ской количествомъ жидкой массы по крайней мѣрѣ въ два раза превышаетъ объемъ воды, сиаемый всѣми другими притоками вмѣстѣ, дождевыя воды, падающія непосредственно въ бассейнъ. Когда подобная масса, удвоенная и утроенная разливомъ, расплывается по берной плошади, размѣры Чада быстро возрастаютъ на сотни и тысячи квадр. километровъ; къ поверхности этого резервуара сразу прибавляются пространства, въ десять, въ двадцать разъ превосходящія Женевское озеро, и морень поднимается по меньшей мѣрѣ на 6

трой, которая составляетъ даже предметъ весьма дѣятельной торговли во всей странѣ. Правда, Шари, воды которой почти исключительно питаютъ этотъ бассейнъ, протекаетъ по одной изъ самыхъ бѣдныхъ солью областей земного шара; но если бы Чадъ было озеро древняго образованія, наполняющее свой теперешній водоемъ впродолженіи ряда геологическихъ вѣковъ, то трудно было бы понять, какимъ образомъ соляные молекулы, какъ бы ни былоничтожно ихъ содержаніе въ прѣсной водѣ притоковъ, могли ускользнуть въ приемномъ резервуарѣ отъ постояннаго дѣйствія испаренія и концентраціи. Изъ этого заключаютъ, что Чадъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ озеро недавнаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ бас-

Ба-Буссо, восточная вѣтвь р. Шари у Мискина, къ юго-востоку отъ Догона.

метровъ выше нуля, соотвѣтствующаго низкому поянію водѣ: по словамъ Рольфса, наблюдали даже разность около 10 метровъ между уровнями мелководья и половодья. Городъ Кука, то планируемый при исключительно большихъ разбражахъ, лежитъ, говорятъ, слишкомъ на 7 метровъ выше средняго зимняго уровня озера. Вода въ озерѣ Чадѣ, какъ и въ рѣкѣ Шари, прѣспая. Фактъ исключительный въ исторіи земли, что замкнутый бассейнъ, содержащий чистительный объемъ жидкой массы, которая постоянно испаряется и постепенно концентрируетъ растворенные въ ней соли, заключаетъ себѣ столь малую долю этихъ соляныхъ частицъ, что присутствіе ихъ даже неощущительно и вкусъ. Явленіе это кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что въ Канемѣ многіе колодцы имѣютъ солоноватую воду, и что въ восточномъ архипелагѣ многіе острова изобилуютъ сели-

сейнъ его совершаются безпрестанныя перемѣны. Прежде оно, кажется, было гораздо обширнѣе, судя по дюнамъ сѣверо-западнаго берега, которыхъ, повидимому, образовались на счетъ бывшаго дна озернаго резервуара¹⁾. Въ наши дни это озеро, состоящее, такъ сказать, изъ одной только поверхности и почти не имѣюще глубины, подвергается всѣмъ капризамъ Шари. Наносы этой рѣки, образовавши дельту протяженіемъ около сотни километровъ, выступающую полукругомъ въ южныя воды озера, постепенно съуживаются размѣры бассейна и заставляютъ его настолько же расширяться на противоположныхъ берегахъ, особенно на западномъ. По единогласному свидѣтельству путешественниковъ, дорога между Канемомъ и Борну годъ отъ году удлиняется,

¹⁾) G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

вслѣдствіе увеличенія контура, вдоль котораго она слѣдуетъ. Округу Кука постоянно угрожаютъ наводненія; въ 1873 г. городъ этого имени былъ затопленъ, и шейхъ проектировалъ постройку новаго города гораздо западнѣе, чтобы обеспечить себя отъ вторженій озера. Многіе другіе города, между прочимъ, Ниггми, въ сѣверо-западномъ углу озера, принуждены были перестроиться по той же причинѣ. При этомъ замѣчается любопытное явленіе: въ то время, какъ воды озера устремлялись къ западу и сѣверо-западу, восточная оконечность бассейна обнажалась, и Бахръ-Эль-Газаль, «Море или Рѣка Газелей», находящійся, однако, на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ водная площасть Чада, мало-по-малу высыхалъ. Фактъ этотъ объясняется расположениемъ восточныхъ острововъ въ формѣ послѣдовательныхъ, лежащихъ одна надъ другой, запрудъ. Каждый изъ безчисленнаго множества проливовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ между Бѣлой водой Чада и его заливомъ Бахръ-Эль-Газаль, имѣеть свой баръ, который и замедляетъ истеченіе водъ; эти послѣднія даже въ периоды наводненія изливаются медленно и, постоянно подвергаясь испаренію, въ концѣ концовъ изсягаютъ, тогда какъ озерная поверхность продолжаетъ повышаться въ центрѣ резервуара.

Когда европейскіе географы въ первый разъ услыхали о Бахръ-Эль-Газалѣ, какъ о потокѣ, сообщающемся съ озеромъ Чадъ, они вообразили себѣ, по аналогіи, что этотъ бахръ есть рѣка, подобная другому Бахръ-Эль-Газалю, соединяющему свои воды съ водами Нила, и произвели ее въ притокъ великаго суданскаго озера. Однако, англійскіе изслѣдователи Денгамъ и Клаппертонъ узнали уже отъ жителей Борну, что озеро Чадъ прежде изливало свои воды въ Бахръ-Эль-Газаль: это истеченіе прекратилось, будто бы, только вслѣдствіе убийства одного святаго человѣка. Путешественникъ Бартъ, слышавшій отъ туземцевъ тотъ же разсказъ, отказывался, тѣмъ не менѣе, признать это «невѣроятное» явленіе постепенного ската истеченія между Чадомъ и впадинами Бахръ-Эль-Газала¹⁾). Но со временемъ путешествія Нахтигала по тѣмъ краямъ пришлося покориться очевидности и допустить, что «Рѣка Газелей» есть истокъ, а не притокъ огромнаго Суданскаго резервуара. Въ самомъ дѣлѣ, случается, по крайней мѣрѣ въ годы исключительно большихъ наводненій, что воды Чада спускаются въ Бахръ-Эль-Газаль. Во времена пребыванія Нахтигала въ Борну это явленіе происходило на его глазахъ: потокъ, выливавшійся изъ внутренняго моря, проникалъ верстъ на 80 въ низменную равнину Бахръ-Эль-Газала, и караваны, до того

времени ходившіе прямо изъ Канема въ Багирми, черезъ камыши и лужи, принуждены были сдѣлать длинный обходъ къ востоку, въ направлѣніи Уадая. Преданіе указываетъ на вторую половину прошлаго столѣтія какъ на эпоху, когда Бахръ-Эль-Газаль пересталъ быть каналомъ правильнаго истеченія для озера Чадъ, послѣ чего вода высохла въ его ложѣ; но естественно задать себѣ вопросъ, не продолжается ли медленное истеченіе въ глубинахъ, такъ какъ среди пустыни, между безводными террасами, возвышающимися по обѣ стороны Бахра, достаточно разрыть землю на 1 или на 2 метра, чтобы найти воду. Замѣчательно, что большинство колодцевъ и фонтановъ въ этой мѣстности содержать значительную пропорцію соляныхъ веществъ. Эта солоноватость дна Бахръ-Эль-Газала даетъ натуралистамъ драгоценное указаніе. Если воды Чада остались прѣсными, то не объясняется ли это тѣмъ, что эта озерная площадь была просто проходнымъ бассейномъ, и что ея жидкая масса еще недавно изливалась въ низменность Бахръ-Эль-Газала? Тамъ она испарялась, оставляя на почвѣ соляные осадки. Подобное же явленіе можно наблюдать въ Южной Америкѣ, где большое озеро Титикаха, прѣсноводное, какъ и Чадъ, имѣеть свой соляной бассейнъ въ маленькомъ второстепенномъ резервуарѣ Пампа - Аульягасъ, американскомъ Бахръ-Эль-Газалѣ.

Предварительная карта, составленная Нахтигalemъ, на основаніи произведенныхъ имъ изслѣдований, показываетъ, что бывшій рѣчной рукавъ Газелей, соединяющійся съ озеромъ Чадъ на восточной его сторонѣ, направляется сначала къ востоку, затѣмъ, повернувъ на сѣверо-востокъ, тянется по прямой линіи на пространствѣ около 500 километровъ и оканчивается у основанія горныхъ хребтовъ страны Борку долиной Боделе; самое низкое мѣсто, найденное тамъ Нахтигalemъ, лежитъ на 100 метровъ ниже уровня озера Чадъ; во всей центральной Африкѣ нѣть болѣе глубокой впадины земной поверхности. Къ западу отъ Боделе, другая широкая долина, Эгай, или Эгей, тоже лежащая, по барометрическимъ измѣреніямъ, ниже уровня Чада, образуетъ какъ бы большую бухту, отдѣленную отъ Бахръ-Эль-Газала цѣпью песчаныхъ бугровъ. Лощины частію покрыты дюнами, въ 10—15 метровъ высоты, которыя, подъ напоромъ пассата, располагаются вообще въ направлѣніи отъ сѣверо-востока къ юго-западу и движутся по большей части съ значительной скоростью: одинъ туземецъ, изъ племени даза, часто посѣщавшій съ дѣтства пастибища той мѣстности, показывалъ Нахтигalu одну дюну, которая на его глазахъ образовалась въ 16 километрахъ сѣвериѣ. Тамъ, где первоначальная почва озернаго дна не покрыта песками, сна-

¹⁾ Reisen und Entdeckungen in Nord und Central-Afrika, 3-er Band, Anhang.

усъяна несметнымъ множествомъ рыбыхъ скелетовъ, такъ хорошо сохранившихся, что по нимъ натуралистъ удобно могъ бы изучать ихтиологическую фауну Суданскаго внутрен-

водой и растеніями,—обѣгованная земля для верблюдоводовъ, и въ степяхъ его, безъ со- мнѣнія, бродили бы безчисленныя стада, если бы грабители ауладъ-слиманы не опустошили

Видъ на берегахъ озера Чадъ.

ниаго моря. Берега и контуры земель, бывшихъ вѣкогда островами и островками, окаймлены растительностью, среди песковъ разсыпаны полосы зелени, обширныя пространства покрыты травянымъ ковромъ. Этотъ край, богатый

его своими частыми набѣгами. Кочевники дазы приписываютъ почвѣ Эгая такую чудодѣйственную силу, что, приходя туда, первымъ дѣломъ сбрасываютъ съ себя все одѣяніе, чтобы кататься въ пескѣ, убѣжденные, что это

благотворное соприкосновеніе съ тамошней землей предохранить ихъ тѣло отъ голода и жажды. Теперь въ долинахъ, образующихъ систему «рѣки Газелей», нѣтъ ни воздѣланныхъ земель, ни постоянныхъ деревень, но на одномъ бывшемъ островѣ Нахтигаль видѣль остатки города, и сенусіанскіе миссіонеры давно уже возвѣщали вѣрующимъ различныхъ расъ о своемъ намѣреніи поселиться на дорогѣ изъ Боделе въ Борку, въ сосѣдствѣ обильного источника Галакка, достаточнаго для орошенія садовъ и пальмовыхъ насажденій.

Климатъ въ Борку много ровнѣе, чѣмъ въ Сахарѣ; краиности тепла днемъ, холода ночью тамъ гораздо меныше, и часто разность температуръ между различными часами дня не превышаетъ одной пятой градуса; между самымъ жаркимъ и самымъ холоднымъ мѣсяцемъ она не достигаетъ 10 градусовъ по Цельсію. Оттого жители, привыкшіе къ постоянно одинаковой температурѣ, очень забываютъ, когда темплота атмосферы опустится ниже 25 градусовъ.

Средняя температура года въ Кукѣ, по Денгаму— $28^{\circ},7$ Ц.; средняя температура самаго теплаго мѣсяца (апрѣля)— $33^{\circ},5$ Ц.; средняя температура самаго холоднаго мѣсяца (декабря)— $24^{\circ},4$ Ц.; средняя температура самаго холоднаго мѣсяца, по Нахтигалю— $23^{\circ},5$ Ц.

По наблюденіямъ Нахтигала, барометрическое давленіе также представляетъ гораздо меныше колебаній въ этой части Судана сравнительно съ Сахарой. Вѣтры тоже отличаются замѣчательной правильностью въ своемъ чередованіи. Большую часть года господствуетъ пассатъ, дующій то съ сѣверо-востока, то параллельно экватору; но когда солнце вступаетъ въ зенитъ, приводя за собой въ сѣверный тропическій поясъ всю сопровождающую его систему вѣтровъ, появляется легкій муссонъ, происходящій изъ Атлантическаго океана. Дуя съ запада или съ юго-запада, онъ приносить въ изобилии водяные пары, и на горизонтѣ образуются кучевые облака. Завязывается борьба между двуми нормальными вѣтрами, пассатомъ и муссономъ, и когда первый снова одержитъ верхъ, онъ быстро нагоняетъ облака, и дожди льютъ, какъ изъ ведра, въ сопровожденіи грома и молніи; особенно въ началѣ сезона грозы разражаются съ необычайной силой; тогда ни одинъ дождь не проходить безъ того, чтобы небо не казалось объятымъ пламенемъ.

Съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ страны весь климатический порядокъ быстро измѣняется. Дожди тѣмъ обильнѣе, чѣмъ данная мѣстность ближе къ Бенинскому заливу. Въ бассейнѣ р. Шари дождливый сезонъ продолжительнѣе, и каждый изъ ливней сильнѣе, нежели въ Канемѣ; точно также количество

выпадающей атмосферной влаги постепенно возрастаетъ отъ Уадая къ западнымъ равнинамъ Борку: въ послѣднихъ есть большія рѣки, тогда какъ Уадай бѣденъ даже источниками. Въ этомъ бассейнѣ наибольшую долю дождей получаетъ гористая территорія Мандара, гдѣ сырой сезонъ продолжается цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, а иногда и дольше. Въ Борку, который представляетъ почти среднюю климатическихъ условій бассейна, этотъ сезонъ, въ который, по Барту, выпадаетъ болѣе метра дождевой воды, обнимаетъ четыре мѣсяца, съ июня по сентябрь; виѣ этого периода атмосферная влага является только въ формѣ росы или тумана. Зима—единственное время года въ Борку, имѣющее вполнѣ определенный характеръ. Остальные восемь мѣсяцевъ дѣлятся на прохладный сезонъ, слѣдующій за дождями, и жаркій сезонъ, предшествующій имъ. Огнь жаровъ, палиющихъ почву, къ дождямъ, ее оплодотворяющимъ, переходъ очень быстрый: вдругъ видишь всходящія растенія, распускающіеся цветки, вездѣ появляется новая зелень; земледѣльцы спѣшатъ запашкой и посѣвомъ, и сырой сезонъ еще не прошелъ, какъ уже можно собирать плоды.

Отъ безводной и бесплодной Сахары къ сильно орошаемымъ и плодороднымъ равнинамъ Судана переходъ совершается постепенно, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва совершенно ровная или имѣетъ нечувствительную покатость въ томъ или другомъ направленіи. Дюны слѣдуютъ за дюнами, скалы за скалами, но въ атмосферѣ и на землѣ замѣчаются маленькия перемѣны, одна за другой. Восточный вѣтеръ уже не дуть съ такимъ неуклоннымъ постоянствомъ; по временамъ чувствуется вѣяніе южной бризы, приносящей болѣе влажный воздухъ и нагоняющей полосы бѣлыхъ облачковъ, на подобіе баухромы изъ пѣни, катящейся передъ морской волной; роса становится обильнѣй, перепадающіе дожди смачиваютъ почву въ периодъ муссона. Появляется какое-нибудь новое растеніе, затѣмъ другое, третье; кустарники имѣютъ менѣе полезный, приземистый видъ; далѣе показываются деревья, сначала по одиночкѣ; еще южнѣе они соединяются въ группы, образуютъ рощицы, лѣски; наконецъ, степь покрывается тамъ и сямъ настоящими лѣсами. Однако, преобладаютъ еще древесныя породы съ рѣдкой листвой, не нуждающейся въ большой влажности воздуха, каковы акаціи, господствующій видъ которыхъ проходитъ черезъ весь континентъ, отъ береговъ Атлантики до береговъ Краснаго моря. Земля еще не настолько плодородна, чтобы человѣкъ могъ съ успѣхомъ воздѣлывать почву, но травяная растительность очень обильна. Въ этой промежуточной полосѣ между Сахарой и Суданомъ животная жизнь отличается изумительнымъ богатствомъ и разнообразiemъ:

антилопы, газели мириадами бѣгаютъ по равнинѣ; страусы, которыхъ всегда встрѣчаются въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ водится антилопа монгольская, такъ же многочисленны въ этомъ природномъ паркѣ, какъ были и когда-въ алжирскихъ плоскогоріяхъ, по другую сторону пустыни; жирафы разгуливаютъ стадами; слоны, въ правильномъ боевомъ порядке, самцы въ и малыши въ центрѣ, ежедневно совершаютъ походы съ пастицами къ водопою и обратно; въ сосѣдствѣ озера и проточныхъ водъ каждый лѣсъ камышей скрываетъ въ своей чащѣ бегемотовъ. Когда туземные музыканты ударяютъ въ свои тамтамы, со всѣхъ сторонъ сбѣгаются толстокожія чудовища, привлеченные звуками оглушительной музыки¹). Нѣть недостатка, въ этой области, и въ крупныхъ хищникахъ, львахъ и гіенахъ. Каждое дерево, каждая горка построенная термитами, имѣетъ свою колонію пернатыхъ; птицы-ткачи привѣшиваютъ свои мѣшкообразныя гнѣзда на гибкихъ вѣтвяхъ, а лужи усыпаны паппями, аистами, пеликанами, гусами и утками. При малѣшемъ дождикѣ почва кашитъ мелчайшимъ животными, словно выростающими изъ земли; змѣй здѣсь очень много; стоножки выползаютъ изъ своихъ норокъ процессіей, попадая подъ ноги верблюдовъ, которые немилосердно давятъ ихъ; иногда, точно чудомъ, появляются миллиарды маленькихъ красныхъ пауковъ: туземцы воображаютъ, что европейскій бархатъ фабрикуется изъ этихъ паучковъ, плотно прикладываемыхъ другъ къ другу²).

На югъ отъ этого краеваго пояса пустыни, гдѣ дикия животная находится въ такомъ большомъ числѣ, но гдѣ человѣкъ почти отсутствуетъ, простирается область, усеянная человѣческими жилищами, но гдѣ свободная фауна имѣетъ сравнительно очень мало представителей: присутствіе человѣка измѣняетъ первоначальное равновѣсие природы, замѣняя дикихъ звѣрей домашними животными. Подобная же перемѣна происходитъ во флорѣ, но въ менѣшей степени, и въ цѣломъ растительность увеличивается въ мощи и разнообразіи, по мѣрѣ того, какъ подвигаемся въ южномъ направлении къ экваторіальному поясу обильныхъ дождей. Въ саваннахъ начинаетъ показываться пальма думъ, еще слабая и приземистая; во внутреннемъ Борну она является во всей своей силѣ, въ перемежку съ цѣльмой дебелѣ; въ Багирми и въ территории Мандара она не переходитъ за предѣлы области равнинъ. Поясь пальмы думъ совпадаетъ съ пояскомъ тамаринда, огромнаго вѣтвистаго дерева, подъ которымъ любятъ отдыхать караваны; затѣмъ, идя далѣе къ югу, все чаще и чаше встрѣчаешь около деревень громадные баоба-

бы, съ толстыми вѣтвями, нѣрѣдко совершенно оголенными, такъ какъ листва ихъ идетъ въ пищу людямъ и животнымъ. Однако, центральный Борну нигдѣ не представляеть дѣственаго лѣса, образующаго одну сплошную масу зелени, съ непроницаемой сѣтью ліанъ.

Наконецъ, въ южномъ Багирми высокая древесная растительность захватываетъ всю страну, даже вдали отъ проточныхъ водъ и прудовъ; акаціи, изъ которыхъ, въ сосѣдствѣ Сахары, состоялъ весь лѣсъ, представлены здѣсь лишь рѣдкими видами; лугъ утратилъ всякое сходство со степью, трава большую часть года сохраняетъ зелень и свѣжесть. Отдѣльные деревья отличаются большими размѣрами и болѣе величественнымъ видомъ; появляются новыя древесные породы, свойственная экваторіальному поясу. Къ числу этихъ великолѣпныхъ деревьевъ юга принадлежитъ, между прочимъ, бавольникъ, длинный, горизонтальный вѣтви которого расположены ярусами вокругъ ствола и увѣшаны плодами, имѣющими форму веретена; изъ стручка выдѣляется пухъ, не менѣе нѣжный, чѣмъ гагачий, и употребляемый для набивки подушекъ, матрацевъ, нагрудниковъ; онъ имѣетъ то достоинство, что никогда не сбиваются въ комки. Менѣе красиво, но еще болѣе полезно въ экономіи этого края, какъ и въ экономіи области верхняго Нигера, масляное дерево (*butygo* *spregtum* или *bassia Parkii*), столь драгоцѣнное въ странѣ, гдѣ домашнія животныя даютъ очень мало молока; нѣкоторые европейскіе путешественники предпочитаютъ масло, изготовленное изъ плодовъ этого дерева, животному маслу, которое хозяїки въ Борну имѣютъ обыкновеніе обрабатывать помошью коровьей мочи. Другое характеристическое дерево южного Багирми—паркія (*parkia biglobosa*), стручки которой, висящіе въ вѣтвяхъ гроздьями, содержатъ бобы, которые туземцы сушатъ и размалываютъ въ муку; приготовляемая изъ этой муки кашица очень пріятна на вкусъ, но слишкомъ питательна; ее употребляютъ почти исключительно какъ лѣкарство при желудочно-кишечныхъ болѣзняхъ. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ на озерѣ Чадъ, гдѣ лѣтомъ, по обычаямъ арабскихъ постуховъ, выжигаютъ траву, деревья, слишкомъ богатыя сокомъ, слишкомъ сырья, чтобы воспламениться, нисколько не страшны отъ пожара. Какъ степи съверной Европы, эти равнинны центральной Африки по временамъ бываютъ покрыты облакомъ Ѣдкаго дыма, происходящаго отъ сожиганія низкихъ растеній на обширныхъ пространствахъ¹).

Поясу съверныхъ степей, столь богатому дикими животными, соответствуетъ другой подобный поясъ на югѣ, гдѣ, благодаря рѣдкости заселенныхъ и воздѣланыхъ земель, снова

¹⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord und Central-Africa“.

¹⁾ Vogel, „Zeitschrift fr Erdkunde“, 1856.

появляется первобытная фауна, собакоголовый обезьяны, львы и другие представители кошачьего рода, слоны, бегемоты и носороги. Встрѣчающійся въ южномъ Уадаѣ абукоръ или «отецъ роговъ», въ которомъ хотѣли было признать сказочнаго «единорога»¹⁾, есть просто носорогъ о двухъ рогахъ, расположенныхъ одинъ за другимъ на мордѣ животнаго²⁾. Въ Багирми міръ мелкихъ животныхъ представляетъ большое множество видовъ. Бартъ и Наатигаль описываютъ это королевство, какъ страну насѣкомыхъ по преимуществу: скorpіоны, муравьи, термиты, черви кишатъ тамъ обильнѣе, чѣмъ во всякой другой части Африки. Муха цепе или какой-то другой подобный ей видъ является настоящимъ бичемъ въ нѣкоторыхъ округахъ, и путешественники, проѣзжающіе черезъ эти мѣстности, обыкновенно теряютъ всѣхъ своихъ лошадей. Тамъ нерѣдко можно встрѣтить *моткумы* (постройки терmitovъ), пирамидальныя массы которыхъ, похожія на жилища носороговъ, но болѣе солидныя, вѣками противостоять дѣйствію солнца и проливныхъ дождей; Бартъ видѣлъ пирамиды, воздвигнутыя этими насѣкомыми, до 12 метровъ (болѣе 5 съ половиной саженъ) въ высину и до 60 метровъ (28 саж.) въ окружности. Путники на привалѣ ничѣмъ не могутъ защитить себя отъ нападеній термитовъ, какъ только окруживъ все становище кольцомъ ядовитыхъ растеній, чрезъ которыя не осмѣливаются переползать грозныя насѣкомыя. Въ сезонъ дождей термиты, окрылившіеся, неуклюже летаютъ вокругъ родимыхъ пирамидъ, тогда жители, особенно дѣти, убиваютъ ихъ миллиардами, для употребленія въ пищу; точно также во время голодовокъ туземцы разрываютъ ихъ галлереи, чтобы пользоваться сложенными тамъ запасами зерна³⁾. Современемъ натуралисты, безъ сомнѣнія, дадутъ намъ точную классификацію многисленныхъ муравьевыхъ породъ, обитающихъ въ Багирми: тамъ можно встрѣтить муравьевъ всевозможной величины, отъ мельчайшихъ, почти неуловимыхъ для простаго глаза, до гигантовъ въ два сантиметра длиной; есть муравьи черные, сѣрые, зеленые, коричневые, красные, бѣлые, и въ этомъ мірѣ насѣкомыхъ, какъ въ Европѣ, существуютъ всѣ формы государственного устройства, военные аристократіи и демократическая республики, всѣ равно трудолюбыя, такъ что туземцы называютъ ихъ кида-кида, т. е. «трудъ-трудъ». Муравьевы (огустегорис *aethiopicus*) дѣлаютъ раскопки въ муравьевыхъ горкахъ своей

страшной мордой, пожирая съ каждымъ глоткомъ сотни ихъ обитателей.

Фауна озера Чадъ, какъ кажется, очень богата; къ сожалѣнію, описанія ея, сдѣланныя Овервегомъ, частью потерялись, частью не могли быть дешифрированы. Островное населеніе озера живеть главнымъ образомъ рыбой и даже во внутреннемъ Борну, жители которого питаются преимущественно растительной пищей, рыба привозится въ значительныхъ количествахъ и получила название *буни*, т. е. «кормъ», какъ пища по преимуществу. Между рыбами, о которыхъ упоминаютъ путешественники-изслѣдователи, особенно замѣчательна одна, которую туземцы очень боятся по причинѣ ея страшной силы и плотоядныхъ инстинктовъ. Въ водахъ озера и его притоковъ водится также электрическая рыба (*malacopterigus*), очень опасная, такъ какъ ей достаточно одного разряда, чтобы оглушить на нѣсколько минутъ человѣка, нечаянно до нея дотронувшагося. Подобно морю, Чадъ и его притокъ Шари имѣютъ китообразныхъ млекопитающихъ, именно одинъ видъ ламантинъ или маната (*travоядного кита*), называемаго *manatus Vogelii*, въ память путешественника, который первый далъ его описание. Въ сосѣдствѣ береговъ воды населены крокодилами: на южной сторонѣ рѣкъ тѣнъ священныхъ деревьевъ, говорятъ, защищаетъ отъ этихъ животныхъ женщинъ и дѣтей, приходящихъ наполнять свои кувшины.

Роды земледѣльческой культуры у прибрежныхъ жителей озера Чадъ и его притоковъ тѣ же, что въ долинѣ Нила. Ихъ главныя хлѣбныя растенія—дохнъ и дурра, которые они сѣютъ, первый—въ песчаныхъ земляхъ сѣвера, вторую—въ болѣе плотной почвѣ юга. Посѣвъ производится не разбрасываниемъ зерна горстью, какъ въ Европѣ, а такимъ образомъ, что мужчина, идя по бороздѣ, дѣляетъ въ пашнѣ сажальнымъ коломъ на равныхъ разстояніяхъ ямки, на которыхъ слѣдующая позади женщина кладетъ сѣмена. Кроме этихъ зерновыхъ хлѣбовъ, служащихъ для приготовленія повседневной похлебки, жители Борну и ихъ сосѣди воздѣливаютъ также маистъ (кукурузу), ристъ, кунжутъ, земляные фисташки; едва лужи сдѣлаются доступными, какъ въ грязи сѣютъ уже особый сортъ сорго. Поля, засѣянныя пшеницей и ячменемъ, можно встрѣтить только въ сосѣдствѣ городовъ: эти хлѣба введены здѣсь недавно, также какъ деревья фиғовое, лимонное и гранатовое. Деревья эти достигаютъ необычайныхъ размѣровъ, но плоды ихъ не такъ хороши, какъ въ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря.

Что касается домашнихъ животныхъ, то въ этомъ отношеніи замѣчается меньше разницы, чѣмъ можно бы было ожидать, между этими тропическими областями Судана и берегами

¹⁾ Fulgence Fresnel, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1849;—d’Escayrac de Lauture, „Mémoires sur le Sudan“.

²⁾ G. Nachtigal, „Petermann’s Mittheilungen“, Heft VI, 1874.

³⁾ H. Barth, цитиров. сочиненія.

Берберія. Лошади и коровы, ослы, овцы и козы находять для себя вполне благоприятные условия въ прибрежныхъ мѣстностяхъ озера Чадъ; не взирая на запретъ ислама, жители Куки держать также стада свиней, которыхъ, совмѣстно съ хищными птицами, очищаютъ улицы отъ падали и всякихъ отбросовъ. Верблюдовъ въ Борну мало, если исключить находящуюся въ сѣверной его части землю племени койамовъ, которымъ удалось акклиматизировать одну разновидность этихъ животныхъ: въ другихъ мѣстностяхъ они быстро чахнутъ, и потому приходящіе съ сѣвера купцы спѣшатъ отправить своихъ верблюдовъ обратно въ Фецданъ. Когда Бартъ, первый изъ европейцевъ, проникъ въ провинцію Адамауа, во всѣхъ деревняхъ, черезъ которыхъ онъ проходилъ, народъ сбѣгался посмотретьъ, какъ на нѣкое чудо, на бѣлого человѣка и всего больше дивился диковиннымъ звѣрямъ—верблюдамъ. Быки составляютъ нѣсколько различныхъ породъ, изъ которыхъ одна отличается огромными рогами въ формѣ лиры, имѣющими до 50 сантиметровъ въ окружности основанія; есть также порода съ мясистымъ горбомъ на спинѣ, какъ у зебу, и съ короткими подвижными рогами, качающимися при каждомъ шагѣ животнаго¹⁾). Лошади, которыхъ были приведены изъ сѣверной Африки въ первыя времена мусульманской пропаганды, почти не переродились въ Борну; однако, въ среднемъ, онъ нѣсколько мельче варварійской породы и не такъ стройны, хотя не уступаютъ ей въ выносливости, живости, быстротѣ; рѣдкія изъ нихъ знаютъ другой аллюръ, кроме длиннаго шага и галопа. Эти животные пользуются самыми заботливыми уходомъ со стороны своихъ хозяевъ: конюши всегда содержатся очень опрятно и защищены отъ «дурнаго глаза» высокими стѣнами, украшенными разными амулетами.

II. У А Д А Й.

Въ бассейнѣ озера Чадъ политическое преобладаніе принадлежитъ нынѣ Уадаю или Боргу, хотя ни по численности населенія, ни по богатству онъ далеко не можетъ претендовать на первенство между тамошними государствами. Собственно Уадай—небольшая область, лежащая на западѣ отъ горной цѣни Тирдае, но площадь завоеванной территоріи по крайней мѣрѣ вдесятеро обширнѣе, и земли, занимаемыя вассальными племенами, не считая земель Канема и Багирми, продолжаютъ на сѣверъ и на югъ владѣнія тамошняго султана до неизслѣдованныхъ пространствъ. Уадай—одно изъ тѣхъ государствъ африканского кон-

тиента, которымъ имѣютъ наиболѣе точныя границы. На востокѣ онъ официально соединяется съ Дарфуромъ, отъ которого не отдѣленъ никакой естественной границей, но лежащая между ними промежуточная полоса или марка занята кочевыми населеніями. На сѣверъ и сѣверо-западѣ переселенія вассальныхъ народцевъ съ пастища на пастище даютъ Уадаю подвижную границу въ направленіи къ пустынѣ; на западѣ войны и разбойничіи экспедиціи часто измѣняютъ пограничную черту; на конецъ, съ южной стороны неизвестно, докуда простираются территоріи покоренныхъ племенъ: тамъ начинаются области еще неизслѣдованныя, составляющія пробѣлъ на картахъ Африки. Поэтому пространство Уадая можно пока опредѣлить только по сѣткѣ градусовъ. Совокупность подвластныхъ ему земель по протяженію почти равна Франціи, но плотность ихъ населенія, включая сюда и кочевниковъ, въ пятнадцать разъ меньше, по исчисленіямъ Нахтигала. Этотъ путешественникъ приблизительно опредѣляетъ пространство Уадая въ 444.550 кв. километровъ, а народонаселеніе въ 260.000 душъ, таѣ что, въ среднемъ, приходится по 6 жителей на квадратный километръ.

Почти всѣ попытки путешественниковъ-изслѣдователей посѣтить Уадай имѣли печальный исходъ. Кюни, Беурманъ погибли, пытаясь проникнуть въ эту страну, одинъ съ востока, другой съ запада. Въ 1855 году Фогель, болѣе счастливый, добрался до Уадая и прожилъ нѣкоторое время въ его столицѣ; но выйти оттуда ему не было суждено: фанатики-мусульмане зарѣзали его, чтобы изгладить слѣды его шаговъ, осквернившихъ почву ихъ родины, и вскорѣ послѣ его смерти о немъ стали распространять самые нелѣпые слухи: говорили, что этотъ христіанинъ имѣлъ злое намѣреніе навлечь бѣду на край своимъ колдовствомъ. Когда Нахтигаль проникъ въ Уадай, въ 1873 году, онъ былъ упрежденъ крайне незавидной репутацией, которой пользуются въ центральной Африкѣ вообще всѣ европейцы, благодаря рассказамъ арабскихъ купцовъ и негритянскихъ пилигримовъ. Туземцы ожидали увидать въ немъ каннибала, обладающаго искусствомъ магіи, при помощи которого бѣлая раса достигла промышленного и политического могущества. Но этотъ путешественникъ, по счастію, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые смотрятъ серьезно на свою роль цивилизатора, и его скромное поведеніе, его гуманное обращеніе со всѣми вскорѣ доставило ему многочисленныхъ друзей среди мѣстного населенія. Тѣ самые люди, которые въ первые дни убѣгали отъ него съ ужасомъ, произносили стихи фаты, какъ формулу заклинанія, теперь охотно вступали съ нимъ въ сношенія и радостно удивлялись, что не находить у этого чужестранца никакихъ недостатковъ, кроме одного—что онъ не повторяетъ вмѣстѣ

¹⁾ G. Nachtigal, цитированное сочиненіе.

сь иими: «Аллахъ есть Аллахъ, а Магометъ его пророкъ!» «Да ты лучше насть, говорили они ему, ты добрый и сострадательный, никогда не лжешь, говоришь и читаешь по-арабски, не пьешь даже пива, какъ мы, и ходишь прямо въ путяхъ твоихъ». Благодаря, можетъ быть, этому счастливому вліянію, новые изслѣдователи, Маттеучи и Массари, могли явиться въ Уадай, въ 1879 году, чтобы продолжать дѣло Нахтиала; но они должны были быстро пройти страну, подъ надзоромъ сопровождавшихъ ихъ соглядатаевъ, и измѣнить заранѣе начертанный маршрутъ, такъ какъ война въ Суданѣ прервала сообщенія съ побережьемъ Средиземного моря¹⁾.

Пропорціонально, арабы или по крайней мѣрѣ «арабизованные» гораздо болѣе многочисленны въ Уадай, чѣмъ въ другихъ частяхъ Судана, удаленныхъ отъ Нильского бассейна; однако, не имъ принадлежитъ политическое господство: туземные расы сохранили за собой преобладающую роль, и одна нигриційская группа племенъ, Маба, присвоиваетъ себѣ титулъ благородныхъ по преимуществу. Эти мабасы, составляющіе, по Нахтиалю, около седьмой части населенія, обитаютъ въ собственномъ Уадай, къ сѣверу отъ рѣки Бетеха, до сліянія ея съ другой рѣкой, называемой Бата; кромѣ того, болѣе многочисленные народы, родственные по расѣ, но не пользующіеся привилегіей родовитости, живутъ южнѣе въ долинѣ Баты. Присвоившее мабасами родовое достоинство благородныхъ людей приписывается давности ихъ обращенія въ исламъ: они приписываютъ себѣ заслугу распространенія новой вѣры въ странѣ. Впрочемъ, ихъ расѣ дѣйствительно принадлежитъ первое мѣсто между населяющими Уадай племенами: особенно прославляются военные подвиги кодоевъ или «горцевъ», живущихъ въ сѣверо-восточной скалистой области, которыхъ арабы обыкновенно называютъ «бусенунъ», т. е. «отцы зуба», за красноватый цветъ ихъ зубовъ, происходящій отъ особаго свойства воды ихъ горъ. Дialectъ мабасовъ, *бора-мабангъ*, общий всѣмъ племенамъ этой расы, очень распространенъ и у другихъ народцевъ, какъ общепринятельный языкъ торговли. Бартъ собралъ полный словарь этого нарѣчія.

Абу-шарибъ, или «отцы усовъ», также говорящіе особымъ языкомъ, живутъ, главной своей массой, къ югу и къ юго-востоку отъ мабасовъ, отдѣленные отъ своихъ одноименниковъ, тамасовъ, которые обитаютъ въ горахъ Тама, на сѣверо-востокѣ отъ Уары, бывшей столицы королевства. Тамасы славятся храбростью, подобно своимъ соображеніямъ кодоямъ, и долгое время отставали свою независимость

противъ мабасовъ. Массалиты,nomады, кочующіе въ восточной пограничной территории между Уадаемъ и Дарфуромъ, тоже оставались свободными отъ всякаго ига до недавней эпохи; ихъ обвиняли въ варварскихъ обычаяхъ, и нѣкоторыя изъ ихъ племенъ, на границахъ Дарфура, слыши за людоѣдовъ¹⁾). Другую группу могущественныхъ народцевъ образуютъ кукасы и буналы, населяющіе нижнюю долину рѣки Бата и основавшіе государство Фитри, пользующееся еще нѣкоторой автономіей и управляемое султаномъ, который хотя состоить въ вассальной зависимости отъ уадайскаго султана, но тѣмъ не менѣе считается выше его по происхожденію. Горцы массива Медого или Мидаго²⁾, близъ озера Фитри, тоже почти независимы, благодаря кручамъ ихъ естественной цитадели изъ скаль и окружающимъ ее обширнымъ лѣсамъ. Кукасы играли известную роль въ общемъ движеніи, которое часто увлекало на западъ восточныхъ завоевателей, и воины ихъ не разъ опустошали сельскія мѣстности Багирми. На сѣверѣ отъ собственного Уадая, зогавы, которые тоже нѣкогда были завоевателями, представлены нѣсколькоими племенами, также какъ ихъ соплеменники, дазы и теды.

Почти всѣ сѣверные народы, прямо или косвенно подвластные султану Уадая, составляютъ часть великой семьи ислама и отличаются большой ревностью къ вѣрѣ. Уадай является центромъ мусульманской пропаганды, такъ что мабасы почти всѣ поголовно присоединились къ сектѣ сенусіевъ: султанъ ихъ сдѣлался союзникомъ, чуть не слугой гросмайстера этого ордена, имѣющаго пребываніе въ базисѣ Фаредга, между Египтомъ и Триполи. Иммигранты Уадая, фулы и другіе, и всѣ тѣ, которыхъ обозначаютъ общимъ именемъ такруръ или такариръ, подобно жителямъ Метамеха, на границахъ Абиссиніи, и тукулерамъ Сенегала, стараются вербовать прозелитовъ вокругъ себя; однако, большинство покоренныхъ или вассальныхъ племенъ южнаго Уадая остались идолопоклонниками или по крайней мѣрѣ сдѣлались магометанами только по имени. Такъ, кути, принадлежащіе къ той же расѣ, какъ рунга мусульмане, ихъ соображенія на сѣверо-востокѣ, сохранили обряды шаманства; они походить на язычниковъ Багирми, своихъ западныхъ соображеній на пространствѣ двухсотъ или трехсотъ километровъ. Южнѣе, въ области съ неопределенными границами, известной подъ названіемъ даръ-Банда, обитаютъ другіе народы *кафиръ* (невѣрные), различного происхожденія и языка. Жители Банды, соображенія которыхъ, часто называемые тѣмъ же именемъ, такие же людоѣды, какъ и эти послѣдніе;

¹⁾ Della Vedova, „Pellegrino Matteucci ed il suo diario inedito“; — „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“.

²⁾ Barth;—Nachtigal, цитированное сочинение.
Matteucci, „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, 1881.

они поклоняются богинѣ Уамба, которой при- обязаны принести въ даръ богинѣ бусы и со-
носить пиво и первую добычу звѣриного лова; ли, прежде чѣмъ начать торговлю¹). По сло-

Видъ на берегахъ Шари.

передъ ея идоломъ они произносятъ клятвы и совершаютъ обрядъ благословенія своихъ дѣтей и рабовъ; купцы, даже изъ мусульманъ,

вамъ туземцевъ этотъ, край ограниченъ на югѣ

¹⁾ G. Nachtigal, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin“, 1875.

большой рекой, бахръ-Кута, «населенной крокодилами и бегемотами», которая будто бы не уступить Шари по размѣрамъ и объему жидкой массы, и течетъ въ направлении съ востока на западъ, какъ Бахръ-аль-Абайдъ, но не принадлежитъ къ его бассейну. Рѣдкіе мусульманскіе путешественники, рассказывавшіе Нахтигалию объ этомъ потокѣ, говорили, что онъ спускается «къ странѣ феллатовъ». Новѣйшіе изслѣдованія даютъ большой вѣсъ гипотезѣ, принимающей эту реку за продолженіе Уэлле или какого-нибудь другаго изъ главныхъ притоковъ Конго.

Арабы Уадая известны подъ именемъ «арамка», а не подъ именемъ «шоа», какъ арабы Борну и Багирми. Самое многочисленное изъ ихъ племенъ, поселившееся въ странѣ слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ,—махамиды, очень богатые верблюдами и другимъ скотомъ; становища ихъ сосредоточены главнымъ образомъ въ сѣверныхъ долинахъ Уадая и въ степяхъ, простирающихся далеко по направлению къ Борку и къ Тибести. Другие арабы, болѣе или менѣе смѣшанные съ нубійцами, живутъ отдельными племенами во всѣхъ частяхъ Уадая, и почти всѣ они пастухи-кочевники. Ихъ дѣлять на двѣ группы, по цвету кожи. Самые темные называются сурукъ, т. е. «черные»; самые свѣтлые—гомръ, т. е. «красные». Арабскій элементъ представленъ также у джеллабовъ или айяль-аль-бахръ, т. е. «дѣтей реки»: это торговцы, возящіе товары и продукты между Уадаемъ и «Рѣкой», т. е. Ниломъ. Организуемые ими караваны проникаютъ на западъ въ Суданъ, на югъ—въ даръ-Банда, на юго-востокъ—въ Рѣчную область: они вывозятъ главнымъ образомъ нѣвольниковъ, слоновую кость, страусовья перья, мѣдь, ввозятъ—соль и разные товары европейскаго изданія. Дорога изъ пустыни къ Бенгази, которой стали довольно часто пользоваться съ тѣхъ поръ, какъ война заперла путь по долинѣ Нила, дала имъ возможность ввозить оружіе и боевые припасы, покупаемые въ большомъ количествѣ туземцами со временемъ освобожденія ихъ изъ-подъ власти египетскаго правительства.

Абешръ или Абеше, нынѣшняя столица Уадая, лежитъ въ даръ-Маба, или «землѣ племени маба», недалеко отъ караванной дороги, ведущей изъ Хартума въ Куку черезъ Кордофанъ и Дарфуръ. Это городъ новый, основанный въ 1850 году тогдашнимъ султаномъ, которому въ прежней его резиденціи постоянно угрожали набѣги горцевъ. Хотя построенный въ мѣстности, очень бѣдной водой, Абешръ приобрѣлъ нѣкоторую важность, какъ военный центръ страны и какъ очагъ религіозной пропаганды. Уара, бывшая столица, развалины которой находятся километрахъ въ сорока къ сѣверу отъ Абешра, была покинута жителями: отъ нея остались только кирпичная мечеть съ

многограннымъ минаретомъ, да на вершинѣ скалы священная хижина, где султанъ, по обычаю, долженъ провести недѣлю при восшествіи на престолъ; говорятъ, Фогель за то и былъ преданъ смерти, что осмѣлился проникнуть въ этотъ священный домикъ¹). Отъ султанскихъ дворцовъ сохранились лишь безформенные развалины стѣнъ; только одна убогая деревушка, Гавдигинъ, обитаемая нѣсколькоими семьями несчастныхъ, юится теперь въ углу амфитеатра песчаныхъ холмовъ, отъ которыхъ городъ получилъ, въ семнадцатомъ столѣтіи, свое имя Уара, означающее «запертый городъ». На западъ отъ Уары, городъ или, вѣриѣ, большое мѣстечко Нимро есть центръ колоніи джеллабовъ, но не главный складочный пунктъ товаровъ этихъ караванщиковъ, обходящихъ страну по всѣмъ направлѣніямъ. Въ Уадаѣ почти нѣтъ городовъ въ собственномъ смыслѣ, а только мѣстечки въ нѣсколько сотъ домовъ; самое большое изъ нихъ—Кодогусъ, лежащий въ 200 километрахъ къ югу отъ Абешра, въ краѣ, населенномъ арабами и абу-ширабами. На сѣверо-западѣ въ горахъ, мѣстечко Гаміентъ славится своими теплыми ключами. На берегахъ озера Фатри, городъ Яуа слытъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Судана: это столица племени булала²). Недостатокъ воды часто былъ причиной голодовокъ въ странѣ; во времена одного большаго неурожая жители принуждены были пытаться сердцевиной деревьевъ и вырубили всѣ пальмы деревьевъ въ долинѣ реки Бата.

Султанъ Уадая, происходящій изъ нубійского племени гемиръ, властивуетъ непосредственно только надъ сѣверной частью государства. Эта часть дѣлится, какъ Дарфуръ, на провинціи, называемыя по странамъ свѣта и управляемыя намѣстниками, или кемакель, которые имѣютъ право жизни и смерти надъ своими подданными, подъ условіемъ исправной уплаты султану обычной дани. Но арабскія племена этихъ провинцій имѣютъ каждое особаго старшину, на обязанность котораго возлагается собираніе налога, деньгами или натурой. Смотря по роду промысловъ и прежде бывшимъ примѣрамъ, подати бываютъ разныя: иные деревни должны доставлять нѣвольниковъ, другія посыпаютъ лошадей или рогатый скотъ, медь или хлѣбъ. Тайный совѣтъ, или фашерь, помогаетъ султану въ управлѣніи страной, а улемы или факихи являются истолкователями закона, т. е. Корана и его комментаріевъ, хотя мѣстный обычай не всегда согласный съ предписаніями этой священной книги, еще очень часто соблюдаетъся. Армія, около 7.000 человѣкъ, употребляется главнымъ образомъ для экспедицій: отряды войска обходятъ вассальныя земли, Багирми,

¹⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

²⁾ D'Escaugac de Lauture, „Mémoire sur le Soudan“; — Matteucci, цитированное сочиненіе.

Фитри, восточный Канемъ, дарь-Рунга, чтобы собрать насильно налогъ, который не былъ бы присланъ добровольно.

III. Канемъ.

Въ обширномъ смыслѣ, какъ область Судана, Канемъ есть страна въ 75.000 или 80.000 квадр. километровъ, ограничиваемая: на юго-западѣ — неопределеннымъ берегомъ озера Чадъ, на юго-востокѣ — долиной Бахръ-эль-Газали, на западѣ — большой караванной дорогой изъ Борну въ Триполи, на сѣверѣ — линией колодцевъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на рубежѣ между степью и пустыней. Но въ большѣ тѣсномъ значеніи собственно Канемъ есть треугольное пространство, основаніе котораго составляетъ озерное побережье, а вершину пересѣченіе двухъ ливій, параллели и меридiana, проведенныхыхъ изъ двухъ угловъ озера, на сѣверѣ и юго-востокѣ. Пространство это обнимаетъ область лѣсовъ и возвѣтанныхъ земель,—область, где поселились, въ числѣ около сотни тысячъ, всѣ жители Канема. На сѣверѣ простираются, едва пересѣченныя, равнинныя Манга, которыя уже представляютъ степь, но еще не пустыню.

Очагъ магометанской пропаганды съ начала десятаго вѣка, королевство Канемъ впродолженіи пятисотъ лѣтъ было могущественнѣйшимъ государствомъ средней Африки; затѣмъ, около 1500 года, центръ могущества передвинулся въ Борну, подъ напоромъ завоевателей, пришедшихъ съ востока, булавовъ, народа, родственного по расѣ кануріямъ. Съ той поры Канемъ не вернулся себѣ независимости: онъ принадлежалъ послѣдовательно булавамъ, кануріямъ Борну, дазамъ; въ настоящее время онъ повинуется арабамъ. Эти арабы, изъ племени ауладъ-слиманъ, господствующіе теперь въ Канемѣ, и храбрость которыхъ внушаетъ страхъ всѣмъ соѣднимъ народамъ, далеко за предѣлами этой страны, составляютъ, однако, весьма незначительную часть населенія королевства. Въ 1871 году Нахтигаль исчислялъ ихъ соединенные силы въ тысячу человѣкъ, изъ нихъ половина наѣздниковъ. И тѣмъ не менѣе эта малочисленная группа воинственныхъ клановъ, подчасъ раздѣленныхъ внутренними ссорами изъ-за дѣлежа добычи, успѣла терроризировать всѣ народы страны, заключающейся между Борну, Аиромъ и Уадаэмъ: у дазовъ и другихъ украинныхъ народцевъ сѣвернаго Судана они извѣстны подъ именемъ миннемине, т. е. «пожирателей». Это мѣткое прозвище дано имъ, говорятъ, за ихъ обжорство, но его можно употреблять также и въ переносномъ смыслѣ: они дѣйствительно пожирали землю, на которой разбивали свои шатры; во многихъ мѣстахъ проходъ ихъ отмѣченъ

полнымъ опустошеніемъ: не осталось ни жителей, ни стадъ, ни полей. Ауладъ-слиманы происходять изъ прибрежныхъ степей Большаго Сирта, гдѣ и теперь еще живутъ нѣсколько арабскихъ племенъ ихъ крови; зимой и весной они кочевали со своими стадами вблизи Средиземнаго моря, но въ началѣ лѣта поднимались вверхъ по долинамъ уади и проникали въ оазисы Феццана, гдѣ владѣли нѣсколькими пальмовыми рощами; затѣмъ, тотчасъ послѣ сбора плодовъ, опять спускались къ морскому берегу. Всѣдѣствіе продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ съ турками Триполи, большинство ауладъ-слимановъ принуждены были покинуть родныя степи и искать убѣжища въ окружающихъ странахъ; нѣкоторые членобитчики пробрались даже ко двору Мегемета-Али. Главная масса прогнанныхъ турками племенъ бросилась въ южномъ направлѣніи, черезъ Феццанъ, не затѣмъ, однако, чтобы смиренно просить себѣ прѣюта у суданскихъ населеній, но, напротивъ, чтобы жить грабежемъ на счетъ туземцевъ, мирныхъ земледѣльцевъ или пастуховъ. Сначала они поселились въ Борку, краѣ, изобилующемъ пальмовыми рощами; но тамъ имъ показалось слишкомъ далеко отъ караванной дороги и отъ рынковъ Судана, и, продолжая свой исходъ изъ родной страны, они водворились, наконецъ, въ Канемѣ, непосредственно къ сѣверу отъ озера Чадъ и въ близкомъ сосѣдствѣ естественнаго пути соединяющаго рынки Судана съ триполійскими портами. Оазисы Куарь и солончаки Бильма, обязательныя мѣста привала для каравановъ и рынки всѣхъ сахарскихъ племенъ, сдѣлались главнымъ театромъ ихъ разбойничихъ подвиговъ, и рассказываютъ, что впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ они захватили тамъ болѣе пятидесяти тысячъ верблюдовъ. Но въ своихъ военныхъ экспедиціяхъ они не разъ сталкивались съ туарегами, и послѣдніе рѣшились отомстить имъ: въ 1850 году нѣсколько тысячъ туареговъ, почти исключительно изъ аирскаго племени кель-ови, на коняхъ и верблюдахъ, пустившись въ цогоню за ауладъ-слиманами, настигли ихъ въ 800 километрахъ отъ горъ Аира, и окружили въ одной узкой долинѣ. Едва десятка два арабовъ избѣгли смерти отъ руки туареговъ, и можно было думать, вмѣстѣ съ Бартомъ, что роль ауладъ-слимановъ навсегда покончена въ центральной Африкѣ; но менѣе, чѣмъ въ двадцати лѣтъ могущество этихъ неукротимыхъ грабителей возстановилось: къ пережившимъ побоище присоединились новые выходцы изъ Триполи, орфеллы и другіе; туземцы, пытавшіеся было свергнуть съ себѣ иго, снова стали просить пощады, и грабежи возобновились по всей странѣ, простирающейся на сѣверѣ и на востокѣ отъ озера Чадъ. Даже султаны Борну и Уадаи добивались союза съ этими грабителями, и жи-

тели многихъ оазисовъ въ Борку не осмѣливались прикасаться къ созревшимъ плодамъ своихъ собственныхъ финиковыхъ пальмъ: они ждали, когда ауладъ-слиманы придутъ собирать финики; что оставляя гостини, какъ негодное, тѣмъ и должны были довольствоваться трепещущіе отъ страха собственники пальмъ. Тщетно сенусианскіе миссіонеры грозили хищникамъ мукаами ада, если они не перестанутъ грабить и убивать единовѣрцевъ: они не соблюдали миръ ислама, потому что не знаютъ другаго промысла, кромѣ войны; трудъ считается у нихъ постыднымъ. «Правда,—говорили они Нахтигалю,—правда, что мы живемъ въ беззаконіи и грѣхѣ, но чтобы добывать иначе средства существованія, намъ нужно бы было трудиться. Наші отцы никогда не дѣлали ничего своими руками, и было бы позоромъ, измѣнѣй не подражать ихъ примѣру. При томъ, зачѣмъ проклятые язычники и существуютъ на землѣ, какъ ве затѣмъ, чтобы работать вместо людей болѣе благородной расы?» Эти «язычники», о которыхъ они говорятъ, почти всѣ магометане, по крайней мѣрѣ по имени; они отличаются отъ ауладъ-слимановъ толькорасой, а никакъ не религіей, и даже въ отношеніи этническаго происхожденія разница между ними мало-по-малу изглаживается, такъ какъ сыны арабскихъ завоевателей берутъ себѣ въ супруги женшинъ всякаго рода и племени, изъ Канема и Борну, изъ Эннеди, Уадая и Багирми. Вѣроятно, что «Соломоново» племя (ауладъ-слиманъ), постепенно видоизмѣняясь подъ вліяніемъ скрещиваній и климата, утратить мало-по-малу ту первоначальную энергию, которая позволила ему создать себѣ обширное царство въ 1.600 километрахъ по прямой линии отъ родныхъ долинъ. Послѣдаѣ разсказы, принесенные изъ тѣхъ странъ купцами и сенусианскими миссіонерами, заставляютъ предвидѣть, что господство ауладъ-слимановъ въ Канемѣ въ концѣ концовъ уступитъ мѣсто владычеству Уадая.

Мгарбы, выходцы изъ Феццана, бывшіе прежде наслѣдственными врагами ауладъ-слимановъ, но потомъ примирившіеся съ ними, чтобы «пожирать» коренныхъ жителей Канема, кочуютъ обыкновенно на востокѣ, въ сосѣдствѣ степей Манга. Кромѣ того, въ разныхъ частяхъ этой страны поселились другіе арабы,—имя, подъ которымъ, впрочемъ, понимаютъ берберскую или берберизованныя племена, которыхъ теперь вторично видоизмѣняются отъ примѣси негритянской крови. Самая значительная группа, превосходящая даже кланы ауладъ-слимановъ по численности,—тунджу или тундзеръ (туницы), которые подвинулись до юго-восточныхъ предѣловъ края, между озеромъ Чадъ и Бахръ-эль-Газалемъ. Это тотъ же народъ, который встрѣчаемъ также въ Уадаѣ и особенно въ Дарфурѣ. Прибыть въ страну уже съ дав-

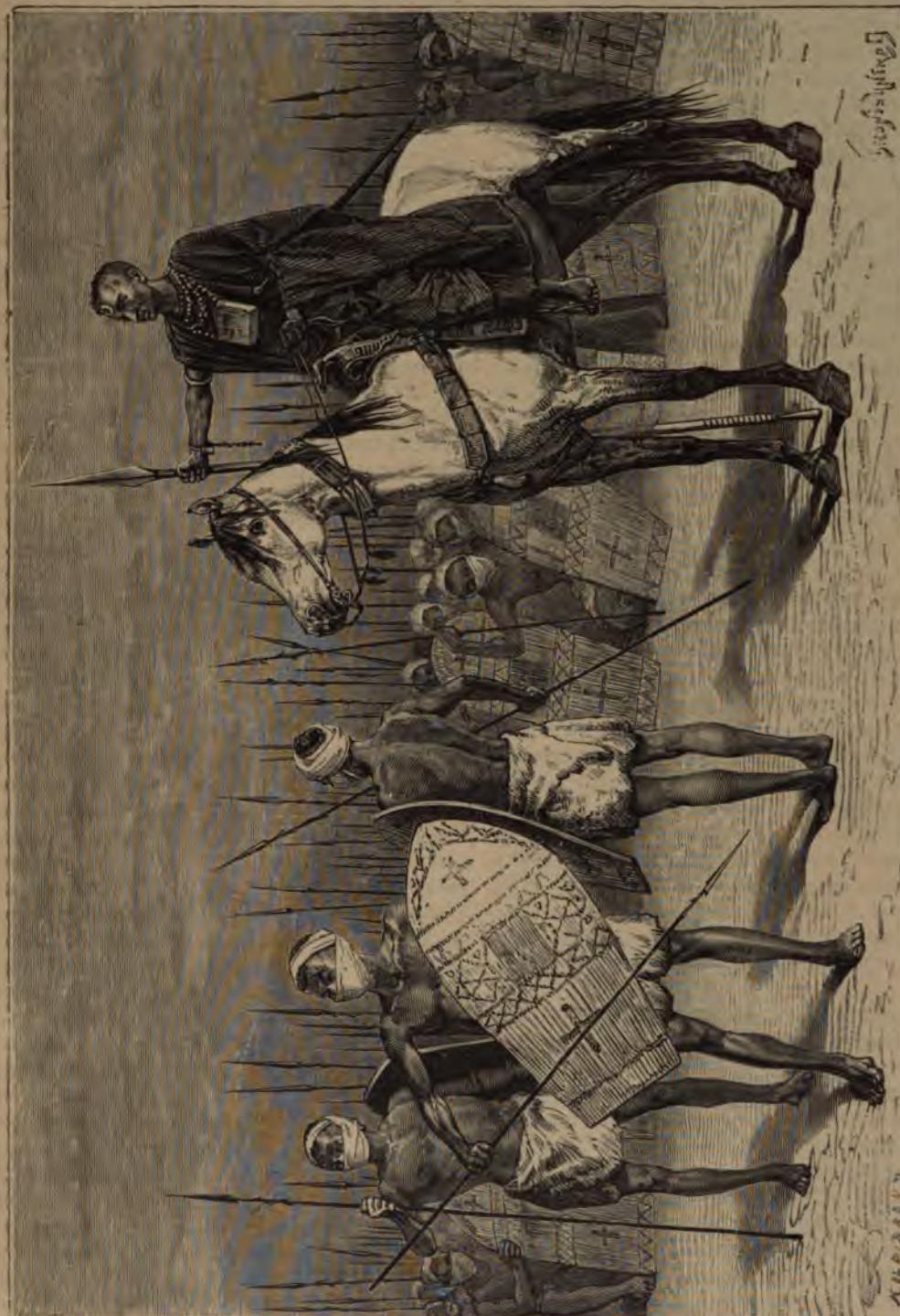
ниго времени, они успѣли приспособиться къ климату и нравамъ Канема лучше, чѣмъ другіе арабы, и вѣкоторые изъ ихъ учрежденій не отличаются отъ учрежденій народа канемъ-бу. Одна изъ ихъ деревень носить имя Туниса, въ память города, изъ окрестностей котораго пришли ихъ предки.

Прежніе владѣтели страны, канемъ-бу—т. е. «люди Канема»,—тоже пришли въ неизвѣстную отдаленную эпоху съ сѣвера: на это указываетъ самое имя ихъ, такъ какъ слово Канемъ значитъ «Южный край», и если жители такъ называли его, то это, очевидно, потому, что у нихъ сохранилось воспоминаніе о болѣе сѣверной землѣ, бывшей ранѣе ихъ родиной. Точно также у различныхъ племенъ даза, населяющихъ сѣверъ Канема, и среди которыхъ разсѣяны становища ауладъ-слимановъ, существуетъ единогласное преданіе, что предки ихъ были выходцы изъ сѣверныхъ странъ: родственныя тедамъ или тиббусамъ, на которыхъ они походятъ наружностью, не обладая, однако, той же красотой формъ, стройностью и гибкостью тѣла, они обитали, вмѣстѣ съ ними, въ оазисахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на югъ отъ Барки; тысячи дазовъ и теперь еще живутъ у подошвы горъ Тибести, бокъ-о-бокъ съ тиббусами, и языки этихъ двухъ народовъ принадлежать къ одной и той же семье. Общее движеніе населенія Канема совершается, подъ давленіемъ кочевниковъ, въ направлении съ сѣвера на югъ. Тѣснѣмые ауладъ-слиманами и мгарбами, канемъ-бу должны были по большей части покинуть «Южный край»: большое число ихъ направились въ Борну, и ихъ многочисленныя колоніи доходятъ до окрестностей города Кука; другіе, чтобы вѣрнуть избѣгнуть нападеній грабителей, поселились на болотистыхъ полуостровахъ Чада или даже въ арchipелагахъ этого озера; но самое благородное племя, кубури, охраняемое, можетъ-быть, воспоминаніями о его былой славѣ, удержалось на твердой землѣ, недалеко отъ сѣверной оконечности суданскаго внутренняго моря. Большинство дазовъ и канемъ-бу, населяющихъ еще Канемъ, были пощажены, какъ земледѣльцы и пастухи:nomады ауладъ-слиманъ, неспособные ни къ какому труду и живущіе единственno войной, принуждены были щадить немногого тѣхъ изъ своихъ сосѣдей, которые занимаются хлѣбопашествомъ и пасутъ стада рогатаго скота. Если бы всѣ трудящіеся оспѣлые народы покинули страну, кочевникамъ поневолѣ пришлось бы послѣдовать за ними далѣе на югъ. Впрочемъ, можно задать вопросъ, не есть ли перемѣна климата главная, хотя и несознаваемая самими жителями, причина, которая побуждаетъ ихъ постепенно подвигаться къ югу. Если правда, какъ допускаютъ многіе учёные, что дожди уменьшились въ Сѣверной Африкѣ и почва стала изсыхать, то, очевидно,

площадь земледѣлія должна была соразмѣрно тому съузиться, и хлѣбопашцы отступили къ югу, вмѣстѣ съ пахатной землей.

Въ сравненіи со своими единоплеменниками

гибкости походки, изящной тонкости движений. Въ отдаленныхъ деревняхъ они не носятъ никакой одежды, кромѣ кожанаго передника, съ ожерельями и браслетами, и покрываютъ го-

Группа племени канемъ-бу

тиббусами, канемъ-бу имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи, и во влажной атмосфѣрѣ озерной области они сдѣлались выше ростомъ и дороднѣе; но имъ недостаетъ грацій, тонкости, чистоты типа, благородства и пріятности черть,

лову высокой фуражкой, привязываемой на нижней части лица бѣлой лентой, въ которой можно видѣть остатокъ лицама туареговъ птиббусовъ. Оружіе у нихъ такое же, какъ уnomadovъ пустыни, за исключеніемъ шангор-

мангара, или метательного железа. По историческимъ преданіямъ, канемъ-бу— старшіе браты кануріевъ Борну: послѣдніе въ началѣ были лишь передовой колоніей «людей Канема»; благодаря жительству въ странѣ болѣе торговой и болѣе цивилизованной, они далеко опередили своихъ канемскихъ соотечественниковъ, но сами называютъ себя людьми менѣе благородной расы, и во всякомъ случаѣ они стали менѣе чистокровными со временемъ своего смышенія съ суданцами всякаго происхожденія.

Междуди всеми народами Канема, нгиджемы и даноасы пользуются привилегіей независимости: они никогда не покорялись ауладъ-слиманамъ. Однако, они принуждены были перемѣститься, чтобы продолжать съ успѣхомъ борьбу, и въ это послѣднее время признали себя вассалами Уадая. Даноасы, извѣстные у ихъ сосѣдей да-зовъ и арабовъ подъ именемъ «кузнецъ», хотя ни преданія этихъ туземцевъ, ни ихъ искусство въ обработкѣ металловъ не объясняютъ этого названія, живутъ, въ числѣ около шести тысячъ душъ, въ юго-восточной части Канема; главная ихъ группа поселилась въ мѣстечкѣ Нгури и въ его окрестностяхъ, среди лѣсовъ, находящихся километрахъ въ сорока отъ береговъ озера Чадъ. По наружности даноасы не отличаются отъ канемъ-бу и, также какъ эти послѣдніе, говорятъ языкомъ канури; но ихъ предавіе приписываетъ имъ другое происхожденіе, указывая на сродство ихъ съ мангами, значительнымъ племенемъ, обитающимъ западнѣе, въ Борну, на берегахъ рѣки Іеу: дѣйствительно, у этихъ двухъ народцевъ, хотя живущихъ далеко одинъ отъ другого, замѣчается полное сходство въ способѣ постройки селеній, которыхъ они окружаютъ плетнемъ; оружіе у нихъ тоже одинаковое—лукъ и стрѣла. Когда появляется непріятель, даноасы убѣгаютъ въ прилегающій къ селенію лѣсъ и, укрываясь за деревьями,пускаютъ въ нападающихъ стрѣлы, отравленныя ядовитымъ сокомъ молочая или ластовни (calotropis procera). Изъ всѣхъ племенъ Канема одни только даноасы употребляютъ для своей обороны отравленное оружіе.

Островитяне озера Чадъ, хотя принадлежащіе по большей части къ другимъ расамъ, чѣмъ жители твердой земли, связаны по крайней мѣрѣ географически съ населеніями Канема. Измѣнчивый архипелагъ острововъ, лежащий въ сосѣдствѣ восточного берега, довольно доступенъ, такъ что бѣглецы всегда могутъ найти себѣ убѣжище на какомъ-нибудь пустынномъ островкѣ, а съ другой стороны онъ довольно хорошо защищенъ водами и болотами отъ нападений непріятеля. Многочисленныя семьи канемъ-бу, да-зовъ и другихъ бѣглыхъ изъ Канема занимаются тамъ скотоводствомъ, либо временно, либо осѣдо; сотни арабовъ, извѣстныхъ подъ именемъ ассала, живутъ уже въ теченіе

ряда поколѣній въ бухтѣ между дельтой Шари и истокомъ Бахръ-эль-Газаль; говорять, не-рѣдко бывали случаи, что низвергнутые сultаны Уадая переходили проливъ озера Чадъ, чтобы спастись отъ своихъ враговъ.

Кури, занимающіе около пятнадцати острововъ на сѣверѣ отъ входа «рѣки Газелей», слывутъ за аборигеновъ: это первоначальные владѣтели края, и ни одно преданіе не указываетъ эпохи, когда они жили на твердой землѣ. Эти туземцы отличаются очень темнымъ цветомъ кожи, высокимъ ростомъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ: очень мало развѣщіе отъ племени макари, на южномъ берегу суданскаго моря, кури говорятъ особымъ нарѣчіемъ языка этого племени и ведутъ довольно дѣятельную торговлю съ жителями материкового побережья. Вслѣдствіе смышенія съ другими островитянами, арабами и канемъ-бу, кури различно видоизмѣнились въ этнографическомъ отношеніи и въ наиболѣе отдаленныхъ отъ Бахръ-эль-Газала архипелагахъ образовали подрасу іедини или буддума. Около шестидесяти острововъ населены этими варварами, численность которыхъ Нахтигаль опредѣляетъ приблизительно въ пятнадцать тысячъ душъ, что составить половину общей цифры островитянъ этого озера. Скотоводы, рыболовы, звѣроловы, лодочники и торговцы, іедины, сгруппированные въ маленькая вольныя общины, бывають также при случаѣ пиратами, и хотя называютъ себя для формы вассалами сultана Борну, дабы имѣть доступъ на рынокъ его столицы, не стѣсняются, однако, грабить вѣкоторыя деревни, обитаемыя подданными ихъ мнимаго сюзерена; но есть селенія, которыхъ они никогда не трогаютъ, въ силу традиціонной дружбы или спеціальныхъ полюбовныхъ соглашеній¹⁾). Послѣ большихъ дождей, когда воды озера затаплюютъ поля и луга архипелага и проникнуть далеко въ русла притоковъ и болотистыя впадины побережья, іедины привуждены посыпать домашнюю птицу, лошадей и коровъ на твердую землю Канема; но это переселеніе не всегда обходится безъ убытковъ, и іедины иногда стараются возмѣстить свои потери, дѣлая нападенія на прибрежныя деревни: высокій уровень воды позволяетъ имъ пробраться ночью въ самое селеніе, и, сильные числомъ, они убиваютъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей уводятъ въ пленъ. Государи Борну не догадались еще построить хоть какой-нибудь флотъ для преслѣдованія грабителей въ лабиринтѣ острововъ, которые служатъ имъ убѣжищемъ. На водахъ озера Чадъ часто происходятъ настоящія морскія баталии, но только между іединами и кури; иной разъ въ такой битвѣ участвуетъ до двухсотъ большихъ лодокъ. Эти безпрестанные войны уменьшаютъ населеніе, которое отъ ес-

¹⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

тественного прироста возрастило бы чрезвычайно быстро, какъ у большинства населеній, питающихся преимущественно рыбой: не рѣдкость встрѣтить семьи, имѣющія до десятка дѣтей. Кури, представляющіе собою цивилизованный элементъ архипелага, всѣ магометане; іедины же магометане только по имени, и многія языческія обрядности имѣ болѣе любы, чѣмъ религиозныя церемоніи, введенныя исламомъ: жрецъ, или «стражъ вѣры», заботливо хранить тыквенный сосудъ, камень и священный мечъ, которые онъ употребляетъ для исцѣленія отъ болѣзней, безплодія, дурнаго глаза, и которыми онъ орудуетъ при своихъ воззваніяхъ къ Наджикенему или Великому Духу, производящему волны на озерѣ и разбивающему лодки; они почитаютъ также духа озера, котораго они представляютъ себѣ въ видѣ исполинскаго змѣя. Когда іединъ умираетъ на твердой землѣ, его родные заботятся о томъ, чтобы тѣло его было привезено съ материика и похоронено на родномъ островкѣ; но чужакъ, скончавшійся въ архипелагѣ, бросается въ воду, изъ опасенія, чтобы кости его не осквернили священной земли.

Долины Бахръ-эль-Газала менѣе населены, нежели архипелаги суданскаго внутренняго моря: общее число ихъ обитателей едва-ли превышаетъ десять-двѣнадцать тысячъ. Въ этихъ узкихъ, со всѣхъ сторонъ открытыхъ набѣгамъ, ложбинахъ живутъ только бродячіе арабы племени ауладъ-гамедъ, да пастухи языка даза, народцы сакерда и креда: это послѣднее имя сдѣлалось синонимомъ «язычника» въ устахъ ауладъ-слимановъ, потому, что при такомъ значеніи слова всякое насилие надъ этими несчастными считается позволительнымъ. Когда эпизоотіи уничтожили почти весь рогатый скотъ, составлявшій единственное богатство кредасовъ, большинство послѣднихъ принуждены были приваться за обработку почвы; но изъ опасенія быть ограбленными и даже обращенными въ рабство ауладъ-слиманами, они покинули край, чтобы поселиться восточнѣе, подъ болѣе дѣйствительное покровительство уадайскаго султана. Правда, что, по политической фикціи, верховная ленная власть этого султана простирается далеко за рѣку «Газелей», въ предѣлахъ Канема, но ауладъ-слиманы признаютъ это притязаніе только тогда, когда чувствуютъ себя слабѣе, и потому мирныя племена, какъ племя креда, стараются выбирать себѣ място жительства подальше отъ этихъ опасныхъ грабителей.

Мао, городъ Канема, гдѣ имѣеть пребываніе болѣе или менѣе дѣйствительный представитель уадайскаго султана, лежитъ въ восточной части «королевства». Въ 1871 году это была группа около полутораста хижинъ, съ соломенными крышами, построенныхъ при входѣ въ большую равнину; группа эта недавняго

происхожденія; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда имя Уадая менѣе уважалось окрестными населеніями, губернаторъ долженъ былъ устроить себѣ временную резиденцію въ шести или семи километрахъ къ сѣверо-западу, въ позиціи, довольно хорошо защищенной отъ нападеній. Мао находится почти въ центрѣ исторической области Канема; и вокругъ этого мѣстечка, въ пятидесяти-верстномъ районѣ, расположены всѣ значительныиія городская поселенія страны. Нджими, бывшая столица государства въ эпоху его могущества, до настѣнія булавъ, находилась въ одномъ днѣ ходьбы на сѣверо-востокъ отъ Мао; далѣе, въ однодневномъ переходѣ къ западу, стоять городъ Гала, который прежде былъ населенъ благороднымъ кланомъ Кубури. Въ нѣсколько менѣе разстояніи къ югу находится красавая деревня Яггубери, лучше построенная, чѣмъ Мао, и обитаемая, какъ и эта столица, туземцами языка канури; окрестная мѣстность слыветъ «житницей» Канема. Километрахъ въ двадцати на юго-востокъ отъ Яггубери стоитъ арабскій городъ Мондо, населенный тунджерами; это самое значительное городское поселеніе въ Канемѣ: тамъ насчитывается свыше тысячи жителей. На полпути между Мондо и берегами озера Чадъ слѣдуютъ одна за другой двѣ столицы, принадлежащія къ общимъ, сохранившимъ независимое существованіе: Игрури, городъ племени даноа, и Дибелончи, городъ племени нгиджемъ. Недалеко отъ мѣстечка Мао погибъ путешественникъ - изслѣдователь Беурманъ, въ 1863 году: считая его неуязвимымъ для желѣза и свинца, убийцы удавили его глухой петлей.

IV. Борну.

По мѣнію туземцевъ, которые претендуютъ на знакомство съ литературой, но для которыхъ этимологія есть не болѣе, какъ игра ума, истинное имя этой страны — Баръ Ноа, т.-е. «Ноева земля»: такое название дано-де ей мусульманскими миссионерами за изумительное плодородіе почвы. Затѣмъ легенда овладѣла этимъ словомъ, чтобы повѣдать, что тутъ находится място, гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ послѣ всемирного потопа. Но гдѣ же этотъ африканскій Аракатъ въ обширной равнинѣ Борну? На южномъ берегу озера Чадъ стоитъ уединенный утесъ, Хаджаръ-Теусъ, изсѣченный въ видѣ колоннъ, обелисковъ причудливыхъ формъ: этотъ камень Судана и оспариваетъ у колосса Арменіи и у многихъ другихъ горъ честь принятія на свою вершину предковъ человѣческаго рода¹⁾.

¹⁾ Denham and Clapperton, „Wanderings and Discoveries“.

Предѣлы королевства точно обозначены только на востокѣ—озеромъ Чадъ и теченіемъ ѿки Шари. На сѣверѣ не можетъ быть границы, такъ какъ переходъ между степной областью и пустыней постоянно мѣняется подъ влияніемъ вѣтровъ, дождей и другихъ явленій климата, а также потому, что грабители, ауладъ-слиманы или тауреги, часто вынуждаютъ мирныхъ земледѣльцевъ отступать къ югу. Южныя границы тоже очень неопределены, по причинѣ почти непрерывной войны между мусульманскими населеніями и языческими народами гористой области. На западѣ раздѣльная черта между двумя цивилизованными государствами, Борну и Гауссой, довольно ясно отмѣчена, но мѣстная революція часто изменяетъ ее. Поэтому невозможно указать действительные размѣры пространства этого королевства: приблизительно Нахтигаль опредѣляетъ это пространство въ 140.000 квадр. километровъ. Что касается вародонаселенія, то Бартъ полагаетъ, что оно превышаетъ пять миллионовъ душъ, и Нахтигаль, который имѣлъ возможность подробнѣе изучить страну, тоже принимаетъ эту цифру, какъ наиболѣе вѣроятную. Слѣдовательно, плотность населения въ Борну почти вдвое менѣе населенности Франціи.

Жители Борну, берауны, очень смыщанного происхождения, представляют удивительное разнообразие в отношении цвета кожи, роста и черты лица; в этой области, где в течение веков встречались люди различных рас для торговых сношений или сталкивались в битвахъ, где они медленно перемещались, вследствие набеговъ хищническихъ племенъ, не сохранилось никакого определенного типа; нужно идти къ полу-независимымъ населениемъ, живущимъ въ отдаленныхъ, захолустныхъ местностяхъ, чтобы найти болѣе или менѣе многочисленные группы, члены которыхъ имѣютъ сходство между собою по характеристическимъ чертамъ тѣлосложения, черепа и лица. Съ точки зреія физической красоты, нельзя сказать, что это смыщеніе до безконечности различныхъ этническихъ элементовъ выгодно отразилось на обитателяхъ Борну. Отличаясь, въ большинствѣ, среднимъ ростомъ, они неуклюжи, лишены естественного равновѣсия въ своихъ движеніяхъ, и ихъ татуированные физиономіи, черного цвета, впадающего въ красный или сѣрый, никогда не имѣютъ той правильности чертъ, какая замѣчается у ихъ сосѣдей, туббусовъ и канем-бу. Обыкновенно женщины еще уродливы, чѣмъ мужчины, и чрезмѣрная полнота отъ излишка жира крайне безобразитъ ихъ фигуру.

Имя «канури», которое носят уже несколько въковъ жители Бориу, не есть название расы: оно означает просто цивилизован-

ныхъ резидентовъ, съ которыми мало-по-малу сливаются разнородные этнические элементы, приведенные въ страну торговлей, невольничествомъ, войной или мирной эмиграціей. Смысль этого слова неизвѣстенъ, хотя сами канури, при помоши одного изъ тѣхъ выгодныхъ для себя толкованій, которая всегда легко найти ради самовосхваленія, производятъ это имя отъ арабскаго *нур*, «свѣтъ», и называютъ себя ка-нури, или «людьми свѣта», именемъ, заслуженнымъ, какъ они думаютъ, ихъ миссіей просвѣтителей въ темномъ мірѣ язычества. Правда, что фанатики фулы подыскали другую этимологію, производимую отъ *нард*, «огонь», и называютъ жителей Борну, вообще не очень горячихъ мусульманъ, именемъ ка-нари или «людьми огня», т. е. «осужденными на огнь вѣчный зда». Быть-можеть, имя канури имѣть связь съ именемъ Канема, страны, откуда пришло большинство эмигрантовъ. Движеніе съ востока на западъ, обнаружившееся въ Канемѣ, распространилось также въ Борну. Гауссанцы, нынѣ вытѣсненные въ бассейнъ Бенуэ, кажется, жили прежде на берегахъ озера Чадъ, судя по тому, что дазы и теперь называются обитателей этой страны коллективнымъ именемъ аусса, которое оправдывается только преданіемъ.

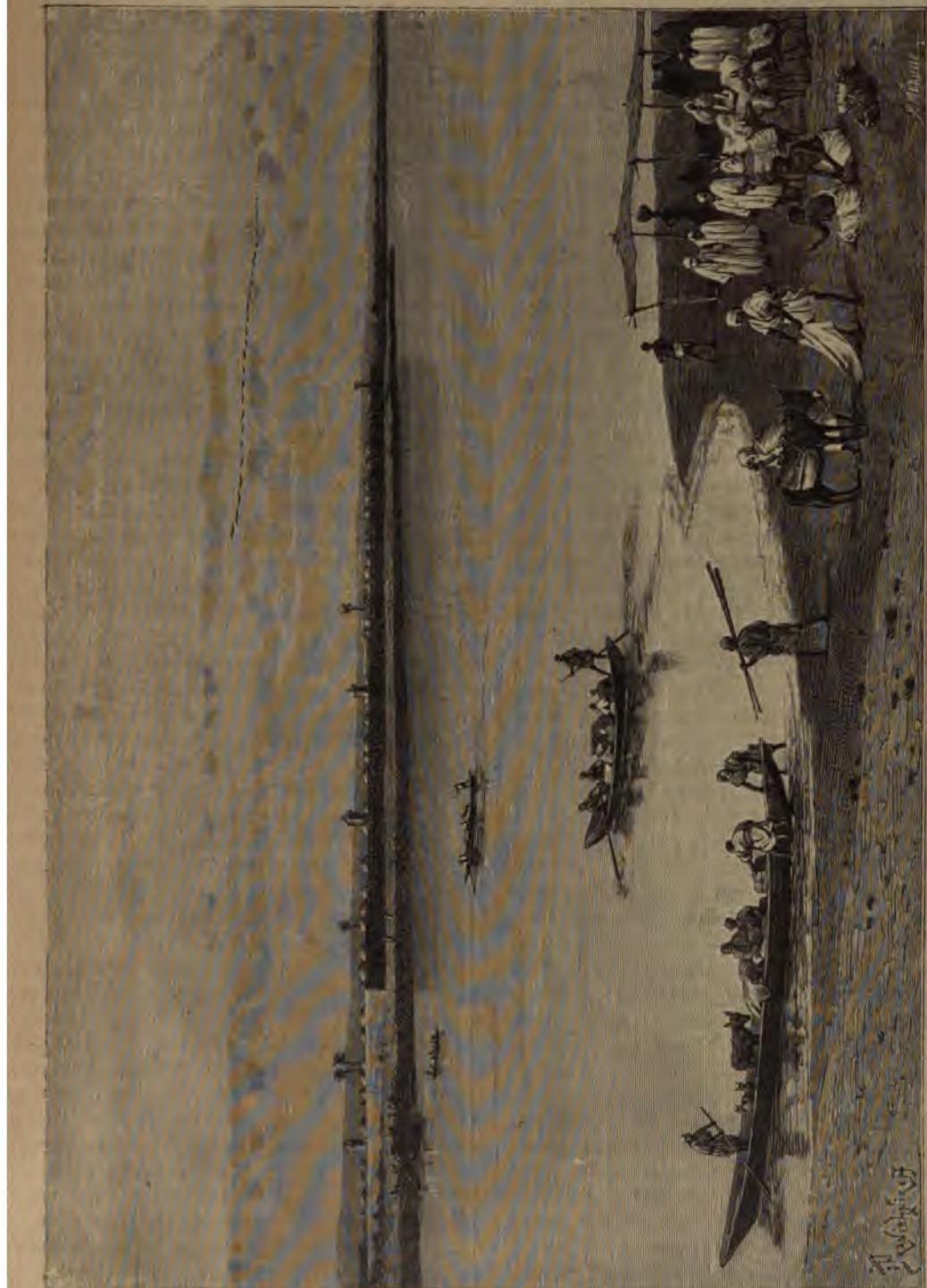
Повинуясь эмиграционному движению, продолжавшемуся изъ вѣка въ вѣкъ, различныя племена канемь-бу, дазовъ, тиббусовъ проникаютъ въ Борну, чтобы тамъ мало-по-малу раствориться въ канурійскомъ населеніи. Таково племя магоми, живущее на юго-западѣ отъ столицы. Будучи благородной расы и называя себя происходящими отъ того же рода, какъ древняя фамилія, царствовавшая около тысячи лѣтъ надъ Канемомъ и Борну, магомы въ силу своего происхожденія обязаны были быть первыми въ бою: они составляли авангардъ арміи, но взамѣнъ того освобождались отъ всякихъ податей и налоговъ. Сюда же принадлежать племена сугости и томагера, обитающія въ прибрежныхъ болотахъ озера Чадъ, и племя коямъ, западные сосѣди города Кука, которые одни между эмигрантами, пришедшими изъ степей сѣверо-востока, сохранили верблюда, какъ домашнее животное. Что касается древнихъ обитателей страны, племени со, то они тоже должны были раствориться въ массѣ канурійского населенія: очтившись между двухъ огней, между переселенцами изъ Канема и другими завоевателями, пришедшими съ юга, племенемъ макари, они легко были побѣждены и быстро исчезли, какъ особый элементъ, отличающейся языкомъ и нравами. Керибины,—маленький народецъ, обитающій на лѣвомъ берегу нижней Шари,—считаются наименѣе смѣшанными потомками древней націи. Это звѣроловы, презираемые остальнымъ населеніемъ, по причинѣ ихъ крайней бѣдности.

ти: хотя магометане, они безъ угрозенія со-
стѣти питаются мясомъ дикихъ кабановъ, сра-
женныхъ ихъ стрѣлами.

Юго-восточная часть страны, къ западу отъ

мому, и по умственнымъ способностямъ стоять
ниже другихъ негровъ Борну, но они отли-
чаются настойчивостью въ труда, какъ земле-
дѣльцы, ремесленники и рыболовы, и произве-

Дагонь Бирни.

уѣки Шари, занята той націей котоко или ма-
кари, которая помогла кануріямъ раздавить
коренные населенія. Еще болѣе неуклюжіе,
тѣмъ кануріи, чаше имѣющіе одутловатое ли-
це и цвѣтомъ кожи чернѣе, макари, повиди-

денія ихъ промышленности представляютъши-
рокій стиль, по которому ихъ работу легко
узнать между тысячами подобныхъ предме-
товъ на рынкахъ Судана. Мирное племя ка-
мергу, живущее недалеко отъ южной оконеч-

скій языкъ, несмотря на специальный авторитетъ, который даетъ ему обладаніе «священ-
ной книгой», не сдѣлалъ въ Суданѣ преобла-
дающимъ; въ сравненіи съ канури болѣе гиб-
кимъ, болѣе способнымъ къ обновленію, но не
имѣющимъ еще своей особой азбуки, арабскій—
языкъ мертвый, уважаемый, но вышедший изъ
употребленія. Так же какъ народъ, который имъ
говорить, онъ утратилъ свое влияніе въ той
части суданскаго міра, где озеро Чадъ зани-
маетъ центральную впадину. При сultанскомъ
дворѣ, въ Кукѣ, арабская рѣчъ перестала быть
офиціальнымъ языкомъ, и даже тѣ, кто знаетъ
ее, притворяются непонимающими по-арабски
и прибѣгаютъ къ помощи толмача ¹⁾.

Народъ канури отличается многими замѣча-
тельными качествами. Берауны, или борнуане,
очень трудолюбивы, и у нихъ, за исключеніемъ,
развѣ высшихъ классовъ, не встрѣтишь съ
такимъ явленіемъ, чтобы мужья или отцы сва-
ливали бремя труда на женщины или неволь-
никовъ. Почти всѣ единобрачные, земледѣльцы
въ Борну работаютъ въ полѣ каждый со своей
женой; точно также въ ремесленномъ или ку-
старномъ промыслѣ мужъ и жена вмѣстѣ зани-
маются тканьемъ, крашеньемъ или гончар-
нымъ производствомъ. Женщины считаются
равными мужчинѣ, но онѣ имѣютъ право на
всякую предупредительность съ его стороны:
имъ подобаетъ первое привѣтствіе. Трезвость—
общая добродѣтель; въ этомъ отношеніи обращенные
въ магометанство гораздо строже со-
блюдаютъ предписанія ислама, чѣмъ сами обрати-
тели. Дома свои канури держатъ въ несрав-
ненно большей чистотѣ и опрятности, нежели
арабы; полѣ въ жильѣ всегда тщательно вы-
метенъ, и подстилка у скота часто мѣняется.

Образованіе болѣе распространено у канури,
чѣмъ у ихъ сосѣдей, жителей Канема, Гауссы,
Багирми; въ городахъ открыты школы для
мальчиковъ, а въ столицѣ, Кукѣ, имѣется даже
библиотека (частная), самая обширная, какая
существуетъ въ Суданѣ, на востокѣ отъ Том-
букута. Вообще борнуане слывутъ самыми циви-
лизованнымъ народомъ средней Африки, и
произведенія ихъ промышленности высоко цѣ-
няются на тамошнихъ рынкахъ. Въ металлур-
гическихъ производствахъ они очень искусны,
умѣютъ даже лить пушки; но до сихъ поръ
ими ничего не сдѣлано для улучшенія есте-
ственныхъ путей сообщенія; для перевозки че-
резъ рѣки у нихъ имѣются только лодки и
плоты изъ связокъ тростника, поддержива-
емыхъ на водѣ выдолбленными внутри тыквами,
какъ танкауа абиссинцевъ. Недостаткомъ
дорогъ и происходящей отъ того дороговизной
товаровъ объясняется существование нѣкото-
рыхъ промысловъ, которые, при болѣе дѣятель-
ной торговлѣ, должны быстро исчезнуть; такъ,

на берегахъ озера Чадъ жители многихъ дре-
ревѣвъ занимаются исключительно тѣмъ, что
жгутъ корни извѣстныхъ растеній, особенно
сіуака (*capparis sodata*), для полученія ихъ
золы, употребляемой вмѣсто поваренной соли.

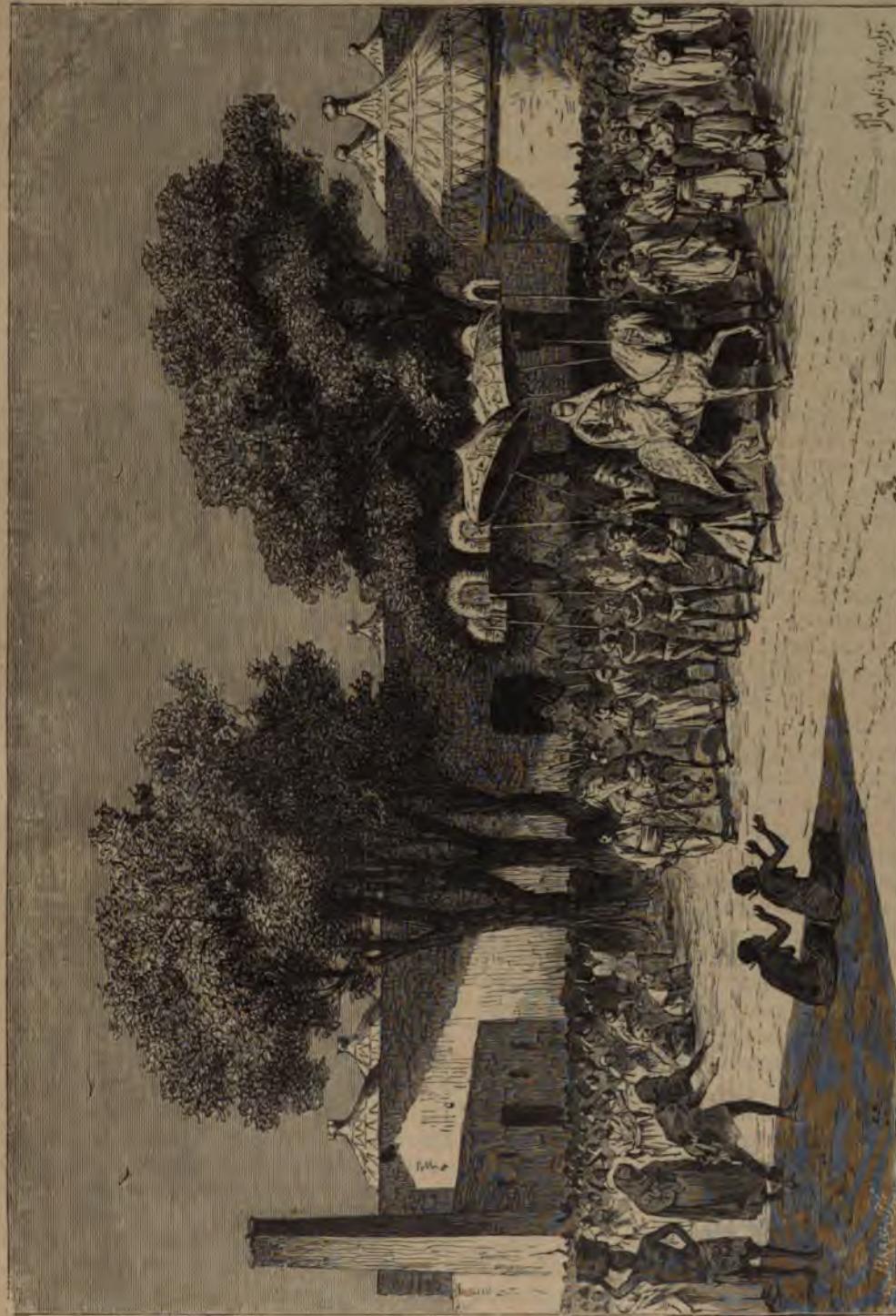
Въ низменныхъ мѣстностяхъ Борну самая
обыкновенная и самая опасная болѣзнь—от-
равленіе болотными испареніями. Лихорадки,
вызываemыя маляріей, господствуютъ въ се-
зонъ дождей; ни одинъ иностранецъ не избѣ-
гаетъ этой болѣзни, которая уносить много
жертвъ; сами туземцы страдаютъ отъ ядови-
тыхъ міазмовъ, хотя у нихъ лихорадка пред-
ставляетъ вообще менѣе серьезный характеръ;
нѣкоторыя же лудочно-кишечныя болѣзни, ко-
торымъ никогда не подвергаются чужеземцы,
но которыхъ очень обыкновены у кануровъ,
повидимому, порождаются маляріей, такъ какъ
учащеніе ихъ совпадаетъ съ влажностью воз-
духа и почвы. Глазныя болѣзни также сильно
распространены среди населенія Борну; под-
кожная глиста, такъ называемый струнецъ
«медицинскій» или «гинейскій», появленіе ко-
торой наблюдается тоже въ періодъ дождей,
очень опасна въ низменныхъ мѣстностяхъ: осо-
бенно слѣдуетъ опасаться, говорятъ, сосѣдства
лужъ, осѣненныхъ нильской акаціей. Въ цѣ-
ломъ, страна, въ одно и то же время жаркая и
сырая, которая простирается на югъ отъ обла-
сти степей, имѣть нездоровы климатъ, и въ
движеніи ея народонаселенія значительная
рождаемость едва уравновѣшиваетъ смертность.
Болѣе половины дѣтей умираютъ уже на пер-
вомъ году жизни. Животныя тоже много страда-
ютъ отъ маляріи, и во время сильныхъ дож-
дей повальная болѣзнь часто истребляли
большую часть скота. Послѣ эпизоотій цѣлые
населенія принуждены были перейти отъ па-
стушескаго состоянія къ земледѣльческому.

Столица этой области часто мѣняла мѣсто.
Насколько необходимо, въ силу мѣстныхъ усло-
вій, именно пересѣченія естественныхъ путей,
существованіе значительного городского посе-
ленія въ этой обширной и плодоносной равни-
нѣ, где совершается переходъ между двумя
климатами, двумя природами, двумя расами; и
гдѣ дорога съ Нигера на Ниль перерѣзыва-
етъ дорогу отъ Средиземнаго моря къ заливу
Біафрѣ, настолько же безразлично, въ какомъ
пунктѣ равнинны будеть находиться этотъ го-
родъ: почва вездѣ плодородна, и проторенныя
дороги всегда легко доступны для движенія
каравановъ, развѣ только въ періодъ дождей,
когда ручьи разливаются и почва покрыта лу-
жами. Первая столица, Касръ-Эггомо или
Бирни, т. е. «Резиденція», была расположена
въ среднемъ бассейнѣ рѣки Іеу и въ сосѣдствѣ
озера, на границахъ терраторіи племени ман-
га: съ вершины окрестныхъ холмовъ она пред-
ставляетъ странный видъ: внутренность ея
овальной ограды поросла травой и кустарни-

¹⁾) G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

комъ, тогда какъ снаружи эту стѣну со всѣхъ сторонъ обстушили высокія деревья густаго лѣса, такъ что внутреннее безлѣсное пространство походитъ на громадный ипподромъ. Не-

рійскомъ Версалѣ, построенному на берегу рѣки Іеу, въ очень плодородной мѣстности, которую и теперь еще называютъ «садомъ Борну», и гдѣ сохранились остатки султан-

Дворецъ султана Массены.

далеко оть суданскаго Парижа, который, по Денгаму и Клаупертону, вмѣщалъ въ себѣ не менѣе 200.000 жителей, хотя ограда имѣть всего только 10 километровъ въ окружности, сultаны имѣли пребываніе въ Гамбуру, кану-

скихъ прудовъ. Въ 1809 или 1810 году фелатскіе завоеватели стерли съ лица земли оба эти города, и сultанъ, бѣжавшій къ озеру Чадъ, долженъ былъ построить себѣ новую столицу, которая называлась Кафилой или

Бирни-эль-Джебитъ, т. е. «Новая резиденция» но она просуществовала только нѣсколько лѣтъ, и жители ея переселились въ сосѣдній городъ Нгорну, городъ «Благословенія», построенный у юго-западнаго угла озера Чадъ. Затѣмъ перемѣна династіи повлекла за собой основаніе новой резиденціи, названной Кукою, отъ баобаба, стоявшаго на выбранномъ мѣстѣ. Имя Кука, употребляемое въ западномъ Суданѣ, на языкѣ канури значить «Два баобаба».

Кука, одинъ изъ большихъ городовъ внутренней Африки, имѣеть, по Нахтигалю, отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ жителей, не считая пилигримовъ, купцовъ, авантюристовъ, приходящихъ сюда изъ всѣхъ частей Судана и магометанскаго міра, отъ Марокко до Месопотаміи; вмѣстѣ съ окрестностями, населеніе его, вѣроятно, превышаетъ сто тысячъ. Городъ состоитъ изъ двухъ отдельныхъ частей, двухъ правильныхъ параллелограммовъ, окруженыхъ стѣнами, въ сосѣдствѣ которыхъ разсѣяны группы хижинъ, съ окружающей равниной, которая простирается къ юго-западному берегу озера Чадъ, городъ едва примѣтенъ: его можно принять скорѣе за лѣсъ, такъ какъ каждое жилище обсажено деревьями. Западный городъ, представляющій правильный четырехугольникъ, пространствомъ около 4 квадр. километровъ,—самая многолюдная половина Куки: главная его площадь или дендалъ всегда полна народа: тутъ толпятся покупатели и продавцы, снуютъ бѣдные студенты, выправившіе подаяніе, гарцуя горды наѣздники въ яркихъ мантіяхъ, медленно прогуливаются молодые щеголи въ вышитыхъ разноцвѣтными шелками рубашкахъ, съ шалью, обмотанной вокругъ бедеръ, концы которой волочатся по землѣ на манеръ трэна. Восточный городъ, гдѣ обыкновенно живетъ султанъ и большинство придворныхъ, сравнительно имѣеть пустынныій видъ, и рѣдкіе прохожіе теряются въ обширной аллѣе дендаля. Въ дождливый сезонъ бульвары и улицы изображаютъ изъ себя болота, среди которыхъ извиваются тропинки; образуются даже пруды, и во время пребыванія тамъ Нахтигаль въ одной изъ лужъ поселился маленькій крокодилъ, жившій кухонными отбросами, которыми его любезно угощали обитателисосѣднихъ домовъ: страшное зловоніе распространяется отъ этихъ клоакъ, которая служатъ главнымъ источникомъ болѣзней, опустошающихъ городъ. Дома вѣльможь представляютъ кубическая массы изъ глины, очень низкія, безъ оконъ, безъ наружныхъ украшеній, которая приходится поправлять каждый годъ, при первыхъ дождяхъ, потому что крыша отъ жары трескается во всѣхъ направленияхъ; чтобы спасти матеріи и всякие дорогіе предметы отъ дождя, ихъ защищаютъ въ кожаные мѣшкі, или, у богатыхъ людей, въ чеподаны, привозимые караванами

изъ Триполи. Хижины женщій, имѣющія форму колокола или головы сахара, строятся проще; остовъ изъ древесныхъ вѣтвей, обшивка изъ соломы или тростника—и жилище готово; на верхушкѣ конуса торчитъ палочка, украшенная струсовыми яйцами,—обѣщаніе плодовитости для обитательницъ дома. Эти женскія хижины гораздо болѣе непромокаемы и менѣе вредны для здоровья, нежели постройки изъ битой глины: ихъ можно омѣбливать вполнѣ, и въ каждой такой хатѣ тыквенные сосуды, разныя принадлежности хозяйства, кухонная утварь развѣшаны по стѣнамъ или разставлены на полу.

Къ двумъ городамъ-близнецамъ, образующимъ борнуанскую столицу, и къ пригороднымъ деревнямъ прибавляется, разъ въ недѣлю, другой городъ, устраиваемый изъ вѣтвей и парусины: это станъ большаго рынка, гдѣ собирается, среднимъ числомъ, свыше десяти тысячъ человѣкъ. Своимъ коммерческимъ процвѣтаніемъ Кука обязана безусловной свободѣ торговыхъ сдѣлокъ: иностранцы и туземцы привозятъ и вывозятъ всякие продукты и товары, не платя никакихъ пошлинъ или сборовъ; никогда свобода торговли не практикуется болѣе искренно¹⁾. Ярмарочное поле находится за западнымъ городомъ, въ самой высокой части почвы, поднимающейся надъ уровнемъ исключительныхъ наводненій. На этомъ полѣ сходятся люди всѣхъ африканскихъ расъ, и проходятся произведенія всѣхъ странъ: рядомъ съ дамасскими коврами и стамбульскими кафтаницами разложены европейскіе товары, представляемые главнымъ образомъ итальянской промышленностью. Иголки въ огромномъ спросѣ; Бартъ, у котораго былъ съ собой большой запасъ этого товара, стяжалъ себѣ громкую славу во всемъ Борну подъ именемъ «Игольного принца». Путешественники удивляются, находя на рынкѣ Куки драгоценныія вещи по очень низкой цѣнѣ, что объясняется тѣмъ фактомъ, что большинство этихъ товаровъ уже были въ употребленіи; суданская ярмарка есть нечто въ родѣ «Тампли» для матерій, купленныхъ изъ вторыхъ рукъ и привезенныхъ изъ Египта и Малой Азіи. Но изъ всѣхъ предметовъ торговли, обращающихся на рынкѣ Куки, самая ходовая статья—это товаръ человѣческій: невольники, евнухи, придворные карлики. Въ 1870 году Нахтигаль видѣлъ, какъ изъ этого города отправлялся караванъ, уводившій 1.400 невольниковъ, изъ которыхъ около трети предназначались для Египта; остальныхъ предлагалось продать въ Ратѣ и въ Триполи. Рольфъ разсказываетъ о другомъ караванѣ, который увелъ 4.000 плѣнниковъ: уходя послѣдовательными отрядами, онъ употребилъ двѣ недѣли на выступленіе изъ Куки. Источ-

¹⁾ G. Rhoif, цитированное сочиненіе.

никами для снабжения этого рынка невольниками служить, во-первыхъ, экспедиціи, снаряжаемыя борнуанскимъ правительствомъ въ окрестныя непокоренные земли, далѣе дань, уплачиваемая вассалами султана въ натурѣ, и, наконецъ, закупки живаго товара, дѣлаемыя купцами въ Гауссѣ, Адамауа и особенно въ Багирми. Нѣть сомнѣнія, что ослабленіе и, рано или поздно, совершенное прекращеніе неготорговли будетъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе важности и размѣровъ торгового обмѣна на рынке Кукѣ; точно также можно предвидѣть, что слоновая кость, которую Триполи получаетъ еще отсюда ежегодно въ количествѣ отъ 20.000 до 25.000 килограммовъ¹), цѣнностью на полмилліона франковъ, пойдетъ другимъ, болѣе удобнымъ путемъ—по теченію Бенуэ и Нигера. Караваны, перевозящіе слоновые бивни, употребляютъ до пяти мѣсяцевъ на переходъ, при чѣмъ ежедневный трудъ навьючиванія и развязыванія верблюдовъ соста-няетъ накладной расходъ, поглощающій почти треть цѣны товара. Однако, какъ ви зна-чительны потери, которымъ подвергается тор-говля Кукѣ, пока не будетъ устроено желѣзно-дорожное сообщеніе съ побережьемъ Средизем-наго моря, но, тѣмъ не менѣе, географическое положеніе столицы Борну обезпечиваетъ за нею одно изъ первыхъ мѣсть въ движениіи тор-говаго обмѣна средней Африки. Для купцовъ представляется еще та выгода, что въ Кукѣ они находятъ населеніе всегда мирное и цивилизованное, не чуждающееся иностранцевъ; никогда здѣсь порядокъ на базарахъ не нарушается спорами и криками. Кроме того, въ этомъ городѣ торgovый людъ давно уже пользуется однимъ важнымъ удобствомъ, ко-тораго недостаетъ большинству другихъ африканскихъ рынковъ: это существованіе денежной единицы. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія былъ установленъ султанскимъ повелѣніемъ, какъ представитель цѣнностей, серебряный талеръ или *гурсъ*, съ изображеніемъ императрицы Маріи Терезіи, или съ колонками, на подобіе испанскаго дуро. Мелкой размѣрной монетой служитъ каури: во время путешесвія Нахтигала четыре тысячи этихъ ра-ковинъ представляли цѣнность гурса.

Второй, по числу жителей, городъ собствен-наго Борну, называемый Нгоруну, стоитъ вер-стахъ въ тридцати къ юго-востоку отъ Кукѣ, на самомъ берегу озера, которое затопляетъ его въ періодъ дождей. Иногда двѣ трети города бывають залиты, и вслѣдствіе размыванія, со-вершающагося изъ года въ годъ на западномъ берегу, хижины должны постепенно перемѣщаться: городъ мало-по-малу отодвигается на западъ, какъ и всѣ прибрежныя селенія. Одна-

изъ пристаней столицы, Мадуари, куда вѣльмъ себя перенести путешественникъ Овервегъ, чтобы умереть въ виду озера, которое онъ объѣхалъ первый изъ европейцевъ, тоже отступаетъ постепенно къ западу, и во время пребыванія Нахтигала въ Борну поговаривали о перенесеніи Куки на болѣе возвышенное мѣсто, недосыгаемое для вторженій озера. Къ опасности наводненія присоединяется еще, для жителей Нгорну, постоянная опасность раз-бойниччьихъ набѣговъ. Женщины, невольники, работающіе въ садахъ, должны каждую мину-ту бояться, что грабители єдины выско-чатъ откуда-нибудь изъ засады, чтобы схватить ихъ и скованныхъ бросить на дно своихъ барокъ. Города Кауа и Баруа тоже, подобно Нгорну, подвергаются внезапнымъ нападеніямъ этихъ пиратовъ. Городамъ съвернаго побережья по-стоянно грозитъ другая напасть—набѣги туа-реговъ или ауладъ-слимановъ: приходится пла-тить двойную или тройную дань, чтобы удов-летворить въ одно и то же время сузерена и его враговъ. Нгигми, въ съверо-западномъ углу озера,—одинъ изъ тѣхъ городовъ которые сущес-твуютъ только благодаря терпимости; ему гро-зить опасность исчезнуть съ лица земли, какъ исчезъ Лури, существовавшій еще во время посѣщенія края Денгамомъ, какъ исчезъ Види, нѣкогда знаменитый городъ, мѣстоположеніе котораго указываетъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще пальмъ; рвы и ямы, которые выкапываютъ канури въ мѣстахъ перехода, чтобы прегра-дить дорогу туарегамъ,—слишкомъ наивныя средства обороны. Нгигми считается погранич-нымъ городомъ Борну на дорогѣ къ Феццану и морю; однако, путешественники, приходящіе съ съвера, не тамъ останавливаются, чтобы возвѣстить о своемъ прибытіи султану и испро-спить разрѣшеніе на дальнѣйшее слѣдованіе: эта формальность исполняется въ Іеу, у пере-хода черезъ рѣку того же имени.

Въ западномъ Борну, орошающемъ комодогу Іеу и его притоками, города многочисленны, и многіе изъ нихъ, по свидѣтельству Клашпер-тона, Барта, Рольфса, имѣютъ свыше десяти тыс. жит. Недалеко отъ Старой Бирни или Касръ-Эггомо находится деревня Нгурутуа, т. е. «Бе-гемотовая», где путешественникъ Ричардсонъ умеръ отъ утомленія, въ 1851 году: Бартъ посѣтилъ его могилу, къ которой негры относятся съ уваженіемъ. Далѣе, въ западномъ направле-ніи, слѣдуютъ одинъ за другимъ города Сурри-коло, Борсари, Хадеджа, Бунди (т. е. городъ «Дикихъ звѣрей»), Машена, доминируемый ве-личественой скалой, Гуммель, Бирменауа; два послѣдніе города, лежащіе на границѣ госу-дарства, населены афунусами, т. е. гауссанами, хотя принадлежащими Борну. Гуммель—очень дѣятельный торgovый центръ, и рынокъ его, содержащий до трехсотъ лавокъ, посыпается купцами изъ Нуэ. Съверо-западный уголъ

¹⁾ Westendorp, „Der Elfenbeinhandel in Afrika“, Aus-land, 21 декабря 1885 г.

султаната занимаетъ вассальное государство Синдеръ или Зиндеръ, обогащаемое торговлей съ туарегами, по часто также опустошающее тѣми же туарегами; здѣсь существуетъ маленькая колонія привившихъ исламъ евреевъ, выходиевъ съ береговъ Средиземного моря¹⁾. Столица этого государства, построенная у основанія большой скалы, заслужила название «Воротъ Судана», благодаря разносчикамъ туарегской соли, устроившимъ свои становища у городскихъ воротъ: дорога, ведущая въ Синдеръ, чаще посѣщается, чѣмъ дорога въ Фецанъ. Городъ состоять изъ землянокъ, хижинъ, покрытыхъ рогожками, и палатокъ, разбросанныхъ въ беспорядкѣ. Въ горахъ Муню, врѣзывающихся клиномъ въ смежныя съ пустыней степные пространства, есть нѣсколько значительныхъ городскихъ поселеній, какъ-то: Гуре, Бушекъ, производящій въ большомъ количествѣ зерновые хлѣба, и южнѣ—Буле и Судери; въ сосѣствѣ послѣдняго находится натроновое озеро, поверхность которого покрыта бѣлонѣжными кристаллами углекислаго натра. Другое озеро, Магаджири, состоить изъ двухъ сообщающихся бассейновъ, изъ которыхъ одинъ наполненъ прѣсной, а другой сильно соленою водой²⁾). Города горной цѣни Муню по характеру архитектуры напоминаютъ города Мавританіи.

Къ юго-западу отъ Куки, на дорогѣ, ведущей къ нижнему Бену, одинъ изъ главныхъ этаповъ—Магоммери, резиденція одного изъ первыхъ сановниковъ государства; Рольфъ видѣлъ тамъ страусника, вѣроятно, единственный существующій въ Суданѣ; но не рѣдкость встрѣтить домашнихъ страусовъ, слѣдующихъ за караванами или расхаживающихъ на птичныхъ дворахъ. Далѣе идутъ города Могодомъ, окруженный плантациями хлопчатника, и Гуджба, населенный частью язычниками; почти во всѣхъ городахъ, обнесенныхъ стѣной, живутъ исключительно цивилизованные, причисляющіе себя къ послѣдователямъ ислама. Еще далѣе, въ горахъ терроріи Бабиръ, по слухамъ, существуетъ значительный городъ, называемый Біу и тоже начинаящий подпадать магометанскому вліянію.

Южная оконечность озера Чадъ, которую огибаетъ историческая дорога изъ Уадай въ западный Борну, есть одна изъ наиболѣе богатыхъ городами частей государства. Городъ Іеди, расположенный близъ берега полукруглого залива, считается родиной островитянъ, принявшихъ имъ іедину, и эти грабители, движимые патріотическимъ чувствомъ, воздерживаются отъ набѣговъ на сосѣднее побережье. На юго-востокѣ, городъ Марте, окруженный, подобно Іеди, развалившіейся стѣной, лежитъ почти на

этнографической границѣ между кануріями, макаріями и арабами. Эти три расы представлены и въ населеніи Марте, которое вызываетъ у другихъ борнаунцевъ чувство отвращенія однимъ изъ любимыхъ его блюда. Обитатели этого мѣстечка охотятся на полевыхъ крысы и ёдятъ эту дичь, когда она приобрѣтеть душокъ. Далѣе, на дорогѣ въ Уадай, лежитъ городъ Миссене, уже утратившій характерную физіономію городовъ канурійской терроріи: въ немъ не видно болѣе соломенныхъ хижинъ, и каждый домъ имѣеть двери, внизу узкія, а сверху расширяющіяся. Нгала, слѣдующій за Миссене городъ въ восточномъ направлении, находится въ мѣстѣ, подверженномъ наводненію во время разливовъ озера Чадъ; но обитатели его, болѣе предусмотрительные, чѣмъ прибрежные жители Луары и Рона, догадались построить свой городъ и крѣпость на искусственной террасѣ, недосягаемой для воды озера. Прежде Нгала, вѣроятно, была населена неграми племени со, бывшими владѣтелями края; въ сосѣствѣ города показываютъ нѣсколько могилъ, некрополь государей древней династіи. Далѣе, въ дельтѣ реки Шари, островные города Афаде и Гуфей, окруженные стѣнами, стоятъ поперемѣнно то надъ моремъ безъ видимыхъ предѣловъ, то среди зеленѣющихъ равнинъ. Другой городъ, Эльфъ (Альфу), какъ говорятъ, старѣйшій между городами страны по времени основанія, замѣчательнѣй, что туземные путешественники всегда стараются обойти его стороной, пугаемые чародѣйской силой, которую молва приписываетъ его обитателямъ. Сосѣдъ его, Кала-Кафра, обнесенъ крѣпкой оградой. Главный городъ терроріи Логонъ, Логонъ-Карнакъ, стѣны и башни котораго тянутся по краю высокаго берега реки, где причаливаютъ барки и сушатся рыболовныя сѣти, есть важнѣйший пунктъ страны, какъ мѣсто переправы и торгового обмѣна между Борну и Багирми; султанъ, магометанскаго вѣроисповѣданія, платить дань обоимъ сопредѣльнымъ государствамъ.

Въ бассейнѣ реки Мбулу, далеко отъ озера, вассальное или недавно покоренное государства тоже имѣютъ значительные города. Ди-коа, укрѣпленный городъ, по преданію основаній туарегами, слыветъ во всей Центральной Африкѣ мѣстомъ, где говорить самымъ чистымъ языкомъ канури; онъ часто былъ резиденціей борнаунскихъ султановъ, и дворецъ его обсаженъ пестрѣющими деревьями. Ткачи его очень искусны въ выѣлѣ хлопчато-бумажныхъ матерій. Городъ Ала, лежащий недалеко отъ Ди-коа, тоже былъ еще не такъ давно столицей. Около южныхъ горъ, но все еще въ равнинѣ, стоятъ городъ Май-дугъ-эри, населенный неграми племени гамергу, хижины которыхъ тысячами разсыпаны подъ вѣтвями деревьевъ. Въ терроріи Удже города Мабани и Кускула замѣча-

¹⁾ Richardson, „Mission to Central Africa“.

²⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

тельны, какъ больши́е рынки, гдѣ сходятся, для обмѣна своихъ произведеній, цивилизованные сѣверине и язычники южане. Далѣе, у подошвы горъ показывается городъ Долоо, раздѣленный на двѣ половины извилистой рѣчкой и частю построенный амфитеатромъ по скатамъ холма; это большой городъ, столица государства Мандара, теперь состоящаго въ вассальной зависимости отъ Борну; онъ окруженъ укрѣпленіями новой конструкціи; путешественникъ Фогель пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ въ плѣну, и нѣсколько разъ жизнь его висѣла на волоскѣ. Къ юго-западу отъ Долоо, на крутыхъ склонахъ скалы, возвышающейся на 200 слишкомъ метровъ, видныются развалины прежней столицы, Мора, которая господствовала надъ выходомъ ущелья, у сѣверной оконечности котловины, бывшаго озера, превратившагося въ бассейнъ зелени; всѣ горы этого обширнаго амфитеатра увѣнчаны деревнями.

Главные города государства Борну, приблизительное населеніе которыхъ указано путешественниками въ разныя эпохи:

Собственно Борну. Кука, съ предмѣстьями, по Рольфсу—120.000 жит., Кука, въ 1873 г., по Нахтигалю—60.000 жит., Нгорну, въ 1857 г., по Рольфсу—20.000 жит., Гуджба—20.000 жит. Нгала, по Нахтигалю—7.000 жит., Сулери, по Барту—5.000 жит., Кала-Кафра, по Нахтигалю—4.500 жит., Магоммери, по Рольфсу—4.000 жит., Марте, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.500 жит., Йеди, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.000 жит., Машена, въ 1851 г., по Барту—12.000 жит., Хадеджа—12.000 жит., Гумель—12.000 жит., Синдеръ—10.000 жит., Кауа, въ 1857 г., по Рольфсу—10.000 жит., Гуре, въ 1851 г., по Барту—9.500 жит., Вушекъ—9.500 жит., Бунди—8.500 жит., Борсари, въ 1851 г., по Барту—7.500 жит., Май-ду-гери, въ 1851 г., по Барту—7.000 жит., Миссене—3.000 жит., Баруа, по Рольфсу—1.500 жит., Нгигми—1.500 жит.

Вассальные земли. Карнакъ-Логонъ, въ 1821 г. (Дентамъ)—15.000 жит., Дикоа, по Рольфсу—15.000 жит., Долоо—30.000 жит., Ала—3.500 жит.

Май или султанъ страны Борну, обыкновенно именуемый шейхомъ,—название «палатнаго мэра», низвергнувшаго предыдущую династию,—есть самодержавный государь, «Левъ, Побѣдитель, Мудрость!» Однако, онъ удостовѣряетъ выслушивать мнѣнія совѣта, въ составъ котораго входятъ не только члены его фамиліи, но также кокеная, то есть начальники войска и офиціальные представители различныхъ расъ, населяющихъ государство: кануріи, канемъ-бу, тибусы, арабы имѣютъ своихъ наследственныхъ делегатовъ въ совѣтъ государя, при чемъ у численно преобладающей націи, кануріевъ, всего меныше защитниковъ передъ трономъ; напротивъ, самая малочисленная на-

ція, арабы, имѣеть больше кокеная, чѣмъ другіе жители: такимъ образомъ охраной и покровительствомъ пользуются преимущественно интересы меньшинства населенія. Высшия должности въ государствѣ заняты по большей части невольниками, такъ какъ султанъ естественно склоненъ довѣряться скорѣе людямъ, которые ему принадлежать, какъ собственность, нежели лицамъ, гордящимся своимъ происхожденіемъ; при прежней династіи даже главнокомандующій войсками, который въ правительственной іерархіи занималъ рангъ выше наслѣдника престола, всегда былъ изъ невольниковъ. Постоянная армія довольно многочисленна, и въ то время, какъ парадное войско остается въ столицѣ при особѣ султана, для возвышенія его блеска и могущества въ глазахъ толпы подданныхъ, многочисленные отряды разставлены вдоль границы. У шейха имѣется нѣсколько пушекъ, и отборное войско вооружено ружьями. Нѣкоторыя роты даже одѣты по-европейски, но безъ соблюденія однообразія: покрои и цвета мундировъ представляютъ необыкновенную пестроту. Конница носить еще латы, какъ въ средніе вѣка: у однихъ—это кольчуга, у другихъ—ватное одѣяло, окутывающее кавалериста съ головы до ногъ; лошади покрыты такой же броней. Подъ этой военной сбруей животныя и люди едва могутъ двигаться: нужно выбирать самыхъ сильныхъ лошадей, которая могли бы выдержать грузъ всадниковъ, и эти послѣдніе всегда имѣютъ при себѣ пѣшаго оруженосца, который, въ случаѣ паденія наѣздника, поспѣшно высвобождаетъ его изъ покрывала или кольчуги и помогаетъ защищаться или удирать. Во всей арміи насчитывается около тысячи этихъ кавалеристовъ, болѣе страшныхъ съ виду, нежели дѣйствительно опасныхъ. Войска, состоящія подъ непосредственнымъ командинемъ султана, заключаютъ въ своихъ рядахъ около 3.000 человѣкъ; кромѣ того, 4.000 солдатъ размѣщены небольшими отрядами подъ начальствомъ кокеная. Солдаты не получаютъ никакого жалованья, но при отставкѣ, то есть когда они становятся негодны къ службѣ, имъ даютъ клочекъ пахатной земли; высшіе сановники, военные и гражданскіе, вознаграждаются за службу помѣстями.

Административное дѣленіе королевства не отличается той правильностью, которую представляютъ въ этомъ отношеніи даръ-Форъ и Уадай: непосредственно подвластныя провинціи, большія и малыя, переплетаются съ вассальными государствами, связанными на различныхъ условіяхъ съ государствомъ сюзереннымъ. Въ большинствѣ этихъ второстепенныхъ королевствъ государи по-прежнему распоряжаются жизнью своихъ подданныхъ и дѣлаютъ облавы за собственный счетъ у окрестныхъ язычниковъ. Знаки покорности, оказываемые манда-

раскому сultanu, превосходить даже изъявленія преданности и благоговѣнія, должны хам, повелителю Борну: ни одинъ савовникъ не смѣеть сѣть передъ нимъ лицомъ прямо къ его лучезарному лицу; изъ боязни быть осѣщеннымъ, всѣ должны поворачиваться къ нему спиной, наклоняясь къ землѣ. Когда онъ путешествуетъ, при аккомпанимейтѣ непрерывнаго концерта барабановъ и трубъ, царедворцы бѣгутъ впереди, извѣщаючи своего владыку громкими криками о всѣхъ случайностяхъ дороги. Нигдѣ нѣть болѣе строгаго и болѣе рабски исполненаго церемоніала, чѣмъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Долоо.

V. Багирми.

Подъ Багирми въ собственномъ смыслѣ поникаютъ равнины, частію болотистую, которая заключается между низами течениемъ рѣки Шара, северомъ Чадь, горами, населенными племенемъ сокоро, и скалами, ограничивающими изъ запада озеро Фатри. Это пространство занимаетъ площадь въ 50.000 квадр. километровъ, т. е. разумѣя приблизительно десятой части Франціи; но къ нему, кромѣ того, причисляютъ, какъ политически зависимыя отъ Багирми, окружавшія области, обитаемыя языческими народами, которые платятъ дань, или у которыхъ дѣлаются облавы для пополненія запаса незольниками: такимъ образомъ территорія Багирми выходитъ на картахъ болѣе, чѣмъ утроенной. По свидѣтельству арабскихъ писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми отъ двухъ словъ багтаръ мія или «сто коровъ», потому что первые державцы назначили дань въ сто головъ рогатаго скота на каждый изъ подвластныхъ народцевъ. Сами себя туземцы называютъ бармаге.

Населеніе Багирми, со включеніемъ данныхъ, оцѣнивалось Бартомъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, приблизительно въ полтора миллиона душъ; по Нахтигали, кровопролитныя войны съ Уадаэмъ, голодовки, облавы, бывшия ихъ слѣдствіемъ, сократили по крайней мѣрѣ на треть число бармаге, такъ что теперь оно, вѣроятно, не превышаетъ миллиона. Цивилизованные жители страны, въ собственномъ Багирми, подобно кануріямъ въ Борну,—люди смѣшанной расы, имѣющіе въ числѣ своихъ предковъ макари, со и другихъ аборигеновъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ, а также арабовъ и фуловъ: введеніе ислама и новой цивилизациіи создало мало-по-малу этническій контрастъ между жителями Багирми и окружающими народами. По свидѣтельству лѣтописей и преданий, арабы, основавши это государство, пришли изъ Аравіи, можетъ-быть, изъ Медины въ или въ началѣ XVI столѣтія; во чѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что

они были уроженцы востока. Въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, эмиграціонное и завоевательное движение совершалось по направлению отъ востока къ западу.

Отличаясь очень смѣшаннымъ происхожденіемъ, подобно своимъ соѣдямъ борнуанцамъ, жители Багирми много превосходятъ послѣднихъ тѣлесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты ихъ не имѣютъ того отталкивающаго безобразія, которое такъ часто встрѣчаешь у кануріевъ; особенно женщины Багирми отличаются пріятнымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, съ прямымъ носомъ, съ чуть замѣтно выступающими губами; волосы у нихъ гладкіе, но по бокамъ они украшаютъ ихъ растительными волокнами, сплетенными въ формѣ колосьевъ. Черный цветъ кожи довольно рѣдокъ: у большинства багирмайцевъ она имѣетъ красноватый, почти металлическій отливъ. Эти негры вообще очень смѣшены, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: особенно хвалять ихъ талантъ къ тканью и окраскѣ матерій, къ сѣдельному и позументному мастерству; въ 1871 году, когда султанъ уадайскій овладѣлъ столицей Багирми и возвращался оттуда побѣдителемъ въ свою страну, онъ забралъ съ собой въ плѣнъ лучшихъ мастеровъ, каменщиковъ, ткачей, портныхъ, кралицыльщиковъ, чтобы водворить ихъ у себя колоніями и употреблять въ качествѣ руководителей работы: тридцать тысячъ ремесленниковъ изъ Багирми были такимъ образомъ насильно переселены въ Уадай; въ то же время багирмайцы было воспрещено носить ткани высшаго сорта. Вследствіе этого, мѣстная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было бы построить такой дворецъ изъ кирпича, какимъ обладаетъ султанъ въ Массенѣ. Но несмотря на эту замѣчательную способность къ мирнымъ профессіямъ, багирмайцы до такой степени привыкли, поколѣніями, къ военному ремеслу, что солдатчина глубоко вкоренилась въ ихъ нравы: пренебреженіе честнымъ трудомъ составляетъ у нихъ первое условіеуваженія, грубость, даже жестокость считаются похвальнымъ бачествомъ: послѣдній государь тщеславился произвищемъ Абу-Секкинъ, или «Отецъ Ножа», приобрѣтеннымъ имъ за поголовное избѣженіе гостей, которымъ онъ клялся въ вѣрности и дружбѣ. Багирмайцы презираютъ кануріевъ Борну и мабасовъ Уадай, какъ низшихъ въ сравненіи съ ними по военной храбрости; однако они не создали, какъ тѣ, могущественнаго государства, и въ политическомъ отношеніи они всегда находились въ положеніи вассальной зависимости, болѣе или менѣе замаскированной; теперь они платятъ дань уадайскому султану, отъ которого ихъ государь получила инвеституру. Вырочемъ, не имѣть тѣхъ выгодъ, какими

Борну, какъ историческій путь для торговли Центральной Африки: въ отношеніи своего торговаго обмѣна онъ зависитъ отъ рынка Куки, этапнаго пункта между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.

Кромѣ багирмайцевъ, всѣ окрестныя расы представлены въ цивилизованномъ населеніи городовъ: колоніи кануріевъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ территоріи; на западѣ макари, на сѣверѣ кукинцы и булагасы живутъ въ большомъ числѣ въ округахъ, граничащихъ съ ихъ землями; арабы, принадлежащіе къ племенамъ ассела, саламатъ, хозамъ, дебаба, ауладъ-муса, шоа, обрабатываютъ почву, преимущественно въ сѣверной части Багирми; наконецъ, фулы, частію потомки тѣхъ феллатовъ, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Шари съ пятнадцатаго столѣтія, встрѣчаются въ особенности въ южныхъ областяхъ страны: они вообще живутъ въ большой дружбѣ съ арабами, по причинѣ сходства нравовъ и несмотря на различіе происхожденія и языка. Тѣ изъ нихъ, съ которыми встрѣчался Нахтигаль, называли его «родственникомъ», говоря, что ихъ предки прашили, какъ и онъ, съ береговъ Средиземного моря. Владѣя стадами крупнаго рогатаго скота, фулы ведутъ полу-кочевой образъ жизни и отличаются отъ другихъ мусульманъ Багирми, по большей части довольно равнодушныхъ къ вѣрѣ, сильнымъ религіознымъ рвениемъ. Въ 1857 году одинъ феллатскій мауди, «руководимый Аллахомъ», какъ позднѣйшій лже-пророкъ, сокрушившій египетское господство въ Кордофанѣ и Хартумѣ, увлекъ часть населенія Багирми въ странствованіе къ гробу Магомета, восторжествовавъ надъ сultанскимъ войскомъ въ правильной битвѣ. Послѣ кровопролитныхъ побоищъ, государство съ трудомъ было восстановлено въ прежнемъ видѣ.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народы южныхъ и восточныхъ областей по большей части родственны багирмайцамъ по языку и походить на нихъ физическими чертами: это соплеменники, которымъ, для полной ассимиляціи съ собственно жителями Багирми, недостаетъ только двухъ условій: называться магометанами и говорить языкомъ багрима. Народы эти распадаются на безчисленное множество племенъ и клановъ, такъ какъ дикая жизнь естественно ведеть къ дробленію до безконечности: каждый округъ населенъ особымъ народцемъ, и каждая голововка, каждое наводненіе, каждая облава негро-торговцевъ разбиваетъ его населеніе на второстепенные группы и роды. Большинство этихъ чернокожихъ дѣлаютъ себѣ три порѣза на вискахъ, другіе отличаются татуировками на лбу, на носу или на щекахъ; габери,

вущіе въ ба... междуурѣчиемъ, выдер-
вверху, другой

внизу; сарасы, еще болѣе южное племя, подпиливаютъ и заостряютъ зубы, подобно многимъ племенамъ Нильскаго бассейна. Куфусы, составляющіе часть націи сара, протыкаютъ себѣ губы и вѣдаются въ отверстія палочки, образующія гарнитуру вокругъ рта.

Культъ деревьевъ еще сохранился у некоторыхъ народцевъ. Сомраи, сосѣди габерисовъ, клянутся надъ корой акаціи, и эта клятва такъ же священна для нихъ, какъ клятва надъ Кораномъ для араба. Всѣ туземцы этихъ областей вѣруютъ въ верховное существо, голосъ котораго слышится въ видѣ грома, и которое возсѣдаетъ на престолѣ изъ облаковъ: ихъ богъ — по преимуществу «громовержецъ». Этому богу они приносятъ кровавыя жертвы — пѣтуховъ и козъ. Въ особой хижинѣ, куда воспрещенъ входъ женщинамъ и дѣтямъ, помѣщается колъ, вырѣзанный изъ священнаго дерева, который кропить кровью жертвъ: часть добычи звѣрина лова, кусокъ мяса изрубленнаго врага привязываются къ этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародѣи, истолковываютъ народу вѣльнія божества: они объясняютъ прорицанія, читаемыя ими въ крови жертвъ, въ ихъ предсмертныхъ судорогахъ, въ положеніи труповъ. Они оговариваютъ злыхъ колдуновъ, своихъ соперниковъ по тайному могуществу. Когда у сомраевъ умираетъ молодой человѣкъ, два «мудреца» берутъ его тѣло, которое, по ихъ словамъ, влечетъ ихъ силой къ хижинѣ убийцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь дѣлить съ потерпѣвшей семьей имущество предполагаемаго виновника смерти. У сарасовъ пучекъ травы или зеленыхъ листьевъ, положенный на голову «мудреца», приводить его въ религіозный экстазъ: онъ раскачивается изъ стороны въ сторону, скачеть взадъ и впередъ, шатается, какъ пьяный, и, наконецъ, падаетъ передъ однимъ изъ присутствующихъ, что обрекаетъ этого несчастнаго на смерть. Погребальные обряды указываютъ на существование у язычниковъ Багирми смутной вѣры въ загробную жизнь. Трупъ кладутъ на подстилку изъ рогожъ, и подлѣ него помѣщають зарѣзанную козу, сосуды съ медомъ и пивомъ; въ ротъ покойнику вставляютъ маленькую полую тыкву, наполненную раковинами каури, чтобы ему было чѣмъ заплатить за путешествіе на тотъ свѣтъ: это напоминаетъ намъ оболь, который въ Европѣ умершій давалъ лодочнику Харону за перевозъ въ царство тѣней. Говорятъ, что у нѣллемовъ, на правомъ берегу Шари, при погребеніи главарей зарываютъ въ могилу живыми молодыхъ непорочныхъ дѣвушекъ. Эпилептики умерщвляются, какъ одержимые бѣсомъ.

Многоженство составляетъ общераспространенный обычай у богатыхъ людей въ верхнемъ

расскому султану, превосходить даже изъявленія преданности и благоговѣнія, должны маю, повелителю Борну: ни одинъ савовникъ не смѣеть сѣсть передъ нимъ лицомъ прямо къ его лучезарному лицу; изъ боязни быть ослѣпленными, всѣ должны поворачиваться къ нему спиной, наклоняясь къ землѣ. Когда онъ путешествуетъ, при аккомпаниментѣ непрерывнаго концерта барабановъ и трубъ, даредворцы бѣгутъ впереди, извѣщаючи своего владыку громкими криками о всѣхъ случайностяхъ дороги. Нигдѣ нѣть болѣе строгаго и болѣе рабски исполняемаго церемоніала, чѣмъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Долоо.

V. Багирми.

Подъ Багирми въ собственномъ смыслѣ понимаютъ равнину, частію болотистую, которая заключается между нижнимъ теченіемъ рѣки Шари, озеромъ Чадъ, горами, населенными племенемъ сокоро, и скалами, ограничивающими на западѣ озеро Фитри. Это пространство занимаетъ площадь въ 50.000 квадр. километровъ, т. е. равную приблизительно десятой части Франціи; но къ нему, кроме того, причисляютъ, какъ политически зависимыя отъ Багирми, окружающія области, обитаемыя языческими населеніями, которыхъ платятъ дань, или у которыхъ дѣлаются облавы для пополненія запаса невольниковъ: такимъ образомъ территорія Багирми выходитъ на картахъ болѣе, чѣмъ утроенной. По свидѣтельству арабскихъ писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми отъ двухъ словъ багарь мія или «сто коровъ», потому что первые державцы наложили дань въ сто головъ рогатаго скота на каждый изъ подвластныхъ народцевъ. Сами себя туземцы называютъ бармаге.

Населеніе Багирми, со включеніемъ данниковъ, оцѣнивалось Бартомъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, приблизительно въ полтора миллиона душъ; по Нахтигалю, кровопролитныя войны съ Уадаэмъ, голодовки, облавы, бывшия ихъ слѣдствіемъ, сократили по крайней мѣрѣ на треть число бармаге, такъ что теперь оно, вѣроятно, не превышаетъ миллиона. Цивилизованные жители страны, въ собственномъ Багирми, подобно кануріямъ въ Борну,—люди смѣшанной расы, имѣющіе въ числѣ своихъ предковъ макари, со и другихъ аборигеновъ всѣхъсосѣднихъ племенъ, а также арабовъ и фуловъ: введеніе ислама и новой цивилизаціи создало мало-по-малу этническій контрастъ между жителями Багирми и окружающими населеніями. По свидѣтельству лѣтописей и преданій, арабы, основавши это государство, пришли изъ Аравіи, можетъ-быть, изъ Медины въ концѣ XV или въ началѣ XVI столѣтія; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что

они были уроженцы востока. Въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, эмиграціонное и завоевательное движеніе совершалось по направлению отъ востока къ западу.

Отличаясь очень смѣшаннымъ происхожденіемъ, подобно своимъ сосѣдямъ борианцамъ, жители Багирми много превосходятъ послѣдніхъ тѣлесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты ихъ не имѣютъ того отталкивающаго безобразія, которое такъ часто встрѣчаешь у кануріевъ; особенно женщины Багирми отличаются пріятнымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, съ прямымъ носомъ, съ чуть замѣтно выступающими губами; волосы у нихъ гладкіе, но по бокамъ они украшаются ихъ растительными волокнами, сплетенными въ формѣ колосьевъ. Черный цветъ кожи довольно рѣдокъ: у большинства багирмійцевъ она имѣеть красноватый, почти металлическій отливъ. Эти негры вообще очень смыслены, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: особенно хвалятъ ихъ талантъ къ тканью и окраскѣ матерій, къ сѣдельному и позументному мастерству; въ 1871 году, когда султанъ уадайскій овладѣлъ столицей Багирми и возвращался оттуда побѣдителемъ въ свою страну, онъ забралъ съ собой въ плѣнъ лучшихъ мастеровъ, каменщиковъ, ткачей, портныхъ, красильщиковъ, чтобы водворить ихъ у себя колоніями и употреблять въ качествѣ руководителей работы: тридцать тысячъ ремесленниковъ изъ Багирми были такимъ образомъ насильно переселены въ Уадай; въ то же время багирмійцамъ было воспрещено носить ткани высшаго сорта. Вслѣдствіе этого, мѣстная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было построить такой дворецъ изъ кирпича, какимъ обладаетъ султанъ въ Массенѣ. Но несмотря на эту замѣчательную способность къ мирнымъ профессіямъ, багирмійцы до такой степени привыкли, поколѣніями, къ военному ремеслу, что солдатина глубоко вкоренилась въ ихъ нравы; пренебреженіе честнымъ трудомъ составляетъ у нихъ первое условіеуваженія, грубость, даже жестокость считаются похвальнымъ качествомъ: послѣдній государь тщеславился произвѣщемъ Абу-Секкинъ, или «Отецъ Ножа», приобрѣтеннымъ имъ за поголовное избѣженіе гостей, которымъ онъ клялся въѣрности и дружбы. Багирмійцы презираютъ кануріевъ Борну и мабасовъ Уадая, какъ низшихъ въ сравненіи съ ними по военной храбрости; однако они не создали, какъ тѣ, могущественнаго государства, и въ политическомъ отношеніи они всегда находились въ положеніи вассальной зависимости, болѣе или менѣе замаскированной; теперь они платятъ дань уадайскому султану, отъ которого ихъ государь и получилъ инвеституру. Впрочемъ, Багирми не имѣеть тѣхъ выгодъ, какими пользуется

Борну, какъ историческій путь для торговли Центральной Африки: въ отношеніи своего торговаго обмѣна онъ зависить отъ рынка Куки, этапнаго пункта между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.

Кромѣ багирмайцевъ, всѣ окрестныя расы представлены въ цивилизованномъ населеніи городовъ: колоніи кануруевъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ территоріи; на западѣ макари, на сѣверѣ кукинцы и булагасы живутъ въ большомъ числѣ въ округахъ, граничащихъ съ ихъ землями; арабы, принадлежащіе къ племенамъ ассела, саламатъ, хозамъ, дебаба, ауладъ-муса, шоа, обрабатываютъ почву, преимущественно въ сѣверной части Багирмии; наконецъ, фулы, частію потомки тѣхъ феллатовъ, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Шари съ пятнадцатаго столѣтія, встрѣчаются въ особенности въ южныхъ областяхъ страны: они вообще живутъ въ большой дружбѣ съ арабами, по причинѣ сходства нравовъ и несмотря на различіе происхожденія и языка. Тѣ изъ нихъ, съ которыми встрѣчался Нахтигаль, называли его «родственникомъ», говоря, что ихъ предки пришли, какъ и онъ, съ береговъ Средиземнаго моря. Владѣя стадами крупнаго рогатаго скота, фулы ведутъ полу-кочевой образъ жизни и отличаются отъ другихъ мусульманъ Багирмии, по большей части довольно равнодушныхъ къ вѣрѣ, сильнымъ религіознымъ рвніемъ. Въ 1857 году одинъ феллатскій мауди, «руководимый Аллахомъ», какъ позднѣйшій лже-пророкъ, сокрушившій египетское господство въ Кордофанѣ и Хартумѣ, увлекъ часть населенія Багирмии въ странствованіе къ гробу Магомета, восторжествовавъ надъ султанскимъ войскомъ въ правильной битвѣ. Послѣ кровопролитныхъ побоищъ, государство съ трудомъ было возстановлено въ прежнемъ видѣ.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народы южныхъ и восточныхъ областей по большей части родственны багирмайцамъ по языку и походить на нихъ физическими чертами: это соплеменники, которымъ, для полной ассимиляціи съ собственно жителями Багирмии, недостаетъ только двухъ условій: называться магометанами и говорить языкомъ багрима. Народы эти распадаются на безчисленное множество племенъ и клановъ, такъ какъ дикая жизнь естественно ведеть къ дробленію до безкоечности: каждый округъ населенъ особымъ народцемъ, и каждая голововка, каждое наводненіе, каждая облава негро-торговцевъ разбиваетъ его населеніе на второстепенные группы и роды. Большинство этихъ чернокожихъ дѣлаютъ себѣ три порѣза на вискахъ, другіе отличаются татуировками на лбу, на носу или на щекахъ; габери, живущіе въ багирмайскомъ междуурѣчи, выдергиваютъ себѣ два рѣзца, одинъ вверху, другой

внизу; сарасы, еще болѣе южное племя, подпиливаютъ и заостряютъ зубы, подобно мнозиимъ племенамъ Нильскаго бассейна. Куфусы, составляющіе часть націи сара, протыкаютъ себѣ губы и вѣваютъ въ отверстія палочки, образующія гарнитуру вокругъ рта.

Культъ деревьевъ еще сохранился у нѣкоторыхъ народцевъ. Сомраи, соуди габерисовъ, клянутся надъ корой акаціи, и эта клятва такъ же священна для нихъ, какъ клятва надъ Кораномъ для араба. Всѣ туземцы этихъ областей вѣруютъ въ верховное существо, голосъ котораго слышится въ видѣ грома, и которое воѣдѣаетъ на престолѣ изъ облаковъ: ихъ богъ — по преимуществу «громоверхецъ». Этому богу они приносятъ кровавыя жертвы — пѣтуховъ и козъ. Въ особой хижинѣ, куда воспрещенъ входъ женщинамъ и дѣтямъ, помѣщается коль, вырезанный изъ священнаго дерева, который кропить кровью жертвъ: часть добычи звѣрина лова, кусокъ мяса изрубленного врага привязываются къ этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародѣи, истолковываютъ народу вѣлѣнія божества: они объясняютъ прорицанія, читаемыя ими въ крови жертвъ, въ ихъ предсмертныхъ судорогахъ, въ положеніи труповъ. Они оговариваются злыхъ колдуновъ, своихъ соперниковъ по тайному могуществу. Когда у сомраевъ умираетъ молодой человѣкъ, два «мудреца» берутъ его тѣло, которое, по ихъ словамъ, влечетъ ихъ силой къ хижинѣ убийцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь дѣлить съ потерпѣвшей семьей имущество предполагаемаго виновника смерти. У сарасовъ пучекъ травы или зеленыхъ листьевъ, положенный на голову «мудреца», приводить его въ религіозный экстазъ: онъ раскачивается изъ стороны въ сторону, скачать назадъ и впередъ, шатается, какъ пьяный, и, наконецъ, падаетъ передъ однимъ изъ присутствующихъ, что обрекаетъ этого несчастнаго на смерть. Погребальные обряды указываютъ на существование у язычниковъ Багирмии смутной вѣры въ загробную жизнь. Трупъ кладутъ на подстилку изъ рогожъ, и подлѣ него помѣщаютъ зарѣзанную козу, сосуды съ медомъ и пивомъ; въ ротъ покойнику вставляютъ маленькую полую тыкву, наполненную раковинами каури, чтобы ему было чѣмъ заплатить за путешествіе на тотъ свѣтъ: это напоминаетъ намъ оболь, который въ Европѣ умершій давалъ лодочнику Харону за перевозъ въ царство тѣней. Говорятъ, что у пѣллемовъ, на правомъ берегу Шари, при погребеніи главарей зарываютъ въ могилу живыми молодыхъ непорочныхъ дѣвушекъ. Эпилептики умерщвляются, какъ одержимые бѣсомъ.

Многоженство составляетъ общераспространенный обычай у богатыхъ людей въ верхнемъ

Багирми. Отецъ проданной женщины получаетъ въ обмѣнъ лошадь, рабовъ, откормленныхъ собакъ, но, въ случаѣ безплодія его дочери, онъ долженъ взять ее обратно, или уступить ее другому мужчинѣ, который возмѣщаетъ мужу уплаченный калымъ, или позволить разжаловать ее въ невольницы. Съ другой стороны, когда жена сдѣлалась въ пятый разъ матерью, она получаетъ полную свободу и можетъ вернуться, если пожелаетъ, въ родительскій домъ. Кое-какіе остатки матріархальнаго быта сохранились еще до сихъ поръ въ странѣ. Такъ, одно изъ маленькихъ государствъ въ области верховьевъ Шари, лежащее ниже слиянія ба-Буссо и Бахръ-эль-Абіада, известно подъ именемъ Беледъ-эль-Мра или «Женское царство», потому что правленіе тамъ всегда вѣрится королевѣ.

Хотя магометане по имени, багирмайцы не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки къ распространенію ислама между языческими населеніями юга и даже очень косо смотрятъ на религіозную пропаганду фуловъ: это объясняется тѣмъ, что земные выгоды побуждаютъ ихъ всегда видѣть ненавистныхъ язычниковъ въ народахъ, которые служатъ имъ источникомъ для набора и комплектованія ихъ стадъ рабовъ. Нужно ли уплатить дань Уадаю или Борну, построить сultанскую резиденцію, наполнить государственную казну выгодной продажей,—тотчасъ, же снаряжается экспедиція негропромышленниковъ въ южныя земли. Соединившись, населенія, угрожаемыя работоговцами, конечно, легко отразили бы всякия нападенія этихъ разбойниковъ; но, разрозненныя, несвязанныя никакими общими интересами, они стараются отвратить грозящую опасность, направляя ее на другаго: сами дикари служатъ ищейками общему врагу противъ другихъ дикарей, а эти, въ свою очередь, помогутъ впослѣдствии напасть на нихъ врасплохъ и захватить ихъ въ пленъ. Запасы молодыхъ парней и девушекъ для рынка собираются главнымъ образомъ среди инородцевъ націи сара; обыкновенно всю эту расу называютъ презрительной кличкой «подлые невольники». Чтобы избѣгнуть визита багирмайцевъ, многіе платятъ полюбовно дань, опредѣленную въ «сто головъ» въ годъ, и чтобы добыть эту сотню головъ, они ведутъ войну за собственный счетъ. Когда нападающіе снабжены ружьями противъ людей, вооруженныхъ только стрѣлами, дротиками или топорами, то охота всегда удачна. На хтигалю пришлось быть невольнымъ зрителемъ осады, затѣмъ штурма двухъ эріодендроновъ, на которыхъ укрылись нѣсколько семей туземцевъ изъ племени габери. Сраженные пулями, защитники, занимавшіе посты на вершинахъ дерева, какъ на марсѣ корабля, свалились на землю сквозь вѣтви, послѣ чего атакующимъ только оставалось вѣзть

на деревья, чтобы забрать женщинъ, дѣтей, домашнихъ животныхъ, группировавшихся на помостѣ, который поддерживался вторымъ ярусомъ вѣтвей. Впрочемъ, есть племена, хорошо защищенные своей позиціей, которыхъ до сихъ поръ бравировали всѣ усилия торговцевъ невольниками. Такова нація сокоро, многисленная мелкая вольная община которой пріотились на крутыхъ скалахъ, въ естественныхъ крѣпостяхъ, на которыхъ не осмѣливаются нападать воины равнины.

Какъ почти всѣ другія правительства Центральной Африки, правительство Багирми не имѣеть другаго руководящаго правила, кроме могущества соперниковъ; но чтобы устранить опасныхъ враговъ въ своей собственной фамилии, сultантъ, вступая на престолъ, велитъ вырвать по глазу у каждого изъ своихъ братьевъ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы глава государства не имѣть тѣлесныхъ недостатковъ. Отъ государя неограниченная власть исходитъ къ его многочисленнымъ евнухамъ и ко всѣмъ чиновникамъ, которые налагаютъ подать и грабить деревни, когда и сколько хотятъ. Подданные держать себя очень униженно предъ властителями. Вступая въ домъ сultана, каждый долженъ обнажить свой бюстъ, спустить одежду ниже пояса, стать на колѣни, наклонить туловище впередъ и соединить руки. Только музыканты, какъ люди королевской крови, да нѣкоторые главари сокоронскихъ племенъ, пріобрѣвшіе военнымъ подвигами право считаться стоящими выше общаго закона, освобождены отъ этого придворного этикета. Одинъ изъ придворныхъ невольниковъ постоянно махаетъ передъ королемъ экраномъ изъ красной шелковой матеріи, усаженнымъ по краямъ страусовыми черными перьями: это *риш*, эмблема державства; что касается королевскаго копья, надъ которымъ прежде приносили присягу, какъ надъ божественной вещью, то оно было захвачено сultаномъ Уада, который хранить у себя этотъ символъ королевской власти.

Столица Багирми, Массеня или Массеніа, городъ «Тамаринда», основанный слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, стоитъ въ обширной равнинѣ нижней Шари, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Бачикама. Кромѣ города, стѣны ограды охватываютъ обширное пространство незастроенной земли, платанціи, ярмарочные поля и даже временное озеро почти токого же вида, какъ озеро въ Кано, и такъ же сильно заражающее воздухъ своимъ зловещіемъ. Когда сultанъ уадайский предпринялъ осаду Массеніи въ 1870-и въ 1871 годахъ, онъ не могъ обложить городъ со всѣхъ сторонъ и проникъ туда лишь посредствомъ подкопа. Массеня не только столица и резиденція, но и самый многолюдный городъ въ Багирми; до осады онъ имѣть не менѣе

20.000 жителей. Бугоманъ, на лѣвомъ берегу Шари, по Настигалию, вчетверо менѣе населенъ, но этотъ городъ занимаетъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ рѣчнаго течения, которые предпочтительны выбиравшимъ караванами для перевозки; Бугоманъ и его сосѣдъ, городъ Короче, доставляютъ столицѣ почти все количество зерновыхъ хлѣбовъ, питающихъ ея рынокъ.

Къ востоку оть Багирми, городъ Канга, стоящій на одномъ изъ сѣверныхъ мысовъ горъ Гере, населенъ независимыми сокоросами, но тѣмъ не менѣе багирміцы считаютъ

его въ нѣкоторомъ родѣ метрополіей, такъ какъ тамъ, будто-бы, получила свое происхожденіе королевская династія. На югъ протираются еще неизслѣдованныя страны, по которымъ протекаютъ верхніе притоки Шари, и которыхъ поднимаются либо къ истокамъ Уэлле, либо къ водораздѣльной возвышенности между бассейномъ озера Чадъ и бассейномъ рѣки Конго. Тамъ находится область Центральной Африки, гдѣ путешественниковъ ожидаютъ важнѣйшія открытія, какія еще остаются сдѣлать въ географіи чернаго континента.

КОНЕЦЪ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIII.

Южная Африка: Южный Атлантическій Океанъ.—Камерунъ.—
Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—
Мозамбикъ.—Занзібаръ.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,

дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подьяческая, 39.

султаната занимаетъ вассальное государство Синдеръ или Зиндеръ, обогащаемое торговлей съ туарегами, но часто также опустошающее тѣми же туарегами; здѣсь существуетъ маленькая колония принявшихъ исламъ евреевъ, выходцевъ съ береговъ Средиземного моря¹). Столица этого государства, построенная у основанія большой скалы, заслужила название «Воротъ Судана», благодаря разносчикамъ туарегской соли, устроившимъ свои становища у городскихъ воротъ: дорога, ведущая въ Синдеръ, чаще посѣщается, чѣмъ дорога въ Фецданъ. Городъ состоять изъ землянокъ, хижинъ, покрытыхъ рогожами, и палатокъ, разбросанныхъ въ беспорядкѣ. Въ горахъ Муніо, врѣзывающихся клиномъ въ смежныя съ пустыней степные пространства, есть нѣсколько значительныхъ городскихъ поселеній, какъ-то: Гуре, Бушекъ, производящій въ большомъ количествѣ зерновые хлѣба, и южнѣ—Буле и Сулери; въ сосѣдствѣ послѣднаго находится патроновое озеро, поверхность которого покрыта бѣлонѣжными кристаллами углекислаго натра. Другое озеро, Магаджири, состоить изъ двухъ сообщающихся бассейновъ, изъ которыхъ одинъ наполненъ прѣсной, а другой сильно соленой водой²). Города горной цѣпи Муніо по характеру архитектуры напоминаютъ города Мавританіи.

Къ юго-западу отъ Куки, на дорогѣ, ведущей къ нижнему Бенузу, одинъ изъ главныхъ этаповъ—Магоммери, резиденція одного изъ первыхъ сановниковъ государства; Рольфъ видѣть тамъ страусникъ, вѣроятно, единственный существующій въ Суданѣ; но не рѣдкость встрѣтить домашнихъ страусовъ, слѣдующихъ за караванами или расхаживающихъ на птичныхъ дворахъ. Далѣе идутъ города Могодомъ, окруженный плантациями хлопчатника, и Гуджба, населенный частью язычниками; почти во всѣхъ городахъ, обнесенныхъ стѣной, живутъ исключительно цивилизованные, причисляющіе себя къ послѣдователямъ ислама. Еще далѣе, въ горахъ территории Бабиръ, по слухамъ, существуетъ значительный городъ, называемый Біу и тоже начинаящий подпадать магометанскому вліянію.

Южная оконечность озера Чадъ, которую огибаетъ историческая дорога изъ Уадая въ западный Борну, есть одна изъ наиболѣе богатыхъ городами частей государства. Городъ Іеди, расположенный близъ берега полукруглого залива, считается родиной островитянъ, принявшихъ имя іедина; и эти грабители, движимые патріотическимъ чувствомъ, воздерживаются отъ набѣговъ насосѣднее побережье. На юго-востокѣ, городъ Марте, окруженный, подобно Іеди, развалившіейся стѣной, лежитъ почти на

этнографической границѣ между кануріями, макаріями и арабами. Эти три расы представлены и въ населеніи Марте, которое вызываетъ у другихъ борнаунцевъ чувство отвращенія однимъ изъ любимыхъ его блюдъ. Обитатели этого мѣстечка охотятся на полевыхъ крысы и ёдятъ эту дичь, когда она приобрѣтѣть душокъ. Далѣе, на дорогѣ въ Уадай, лежитъ городъ Миссене, уже утратившій характерную физіономію городовъ канурійской территории: въ немъ не видно болѣе соломенныхъ хижинъ, и каждый домъ имѣеть двери, внизу узкія, а сверху расширяющіяся. Нгала, слѣдующій за Миссене городъ въ восточномъ направлѣніи, находится въ мѣстѣ, подверженномъ наводненію во время разливовъ озера Чадъ; но обитатели его, болѣе предусмотрительные, чѣмъ прибрежные жители Луары и Рона, догадались построить свой городъ и крѣпость на искусственной террасѣ, недосягаемой для водъ озера. Прежде Нгала, вѣроятно, была населена неграми племени со, бывшими владѣтелями края; въ сосѣдствѣ города показываютъ нѣсколько могилъ, некрополь государей древней династіи. Далѣе, въ дельтѣ реки Шари, островные города Афаде и Гуфей, окруженные стѣнами, стоятъ поперемѣнно то надъ моремъ безъ видимыхъ предѣловъ, то среди зеленѣющихъ равнинъ. Другой городъ, Эльфъ (Альфу), какъ говорятъ, старѣйшій между городами страны по времени основанія, замѣчателенъ тѣмъ, что туземные путешественники всегда стараются обойти его стороной, пугаемые чародѣйской силой, которую молва приписываетъ его обитателямъ. Сосѣдъ его, Кала-Кафра, обнесенъ крѣпкой оградой. Главный городъ территории Логонъ, Логонъ-Карнафъ, стѣны и башни котораго тянутся по краю высокаго берега реки, где причаливаютъ барки и сушатся рыболовныя сѣти, есть важнѣйший пунктъ страны, какъ мѣсто переправы и торгового обмѣна между Борну и Багирми; сultанъ, магометанскаго вѣроисповѣданія, платить дань обоимъ сопредѣльнымъ государствамъ.

Въ бассейнѣ реки Мбулу, далеко отъ озера, вассальное или недавно покоренное государства тоже имѣютъ значительные города. Ди-коа, укрѣпленный городъ, по преданію основанійный туарегами, слытъ во всей Центральной Африкѣ мѣстомъ, где говорять самыми чистыми языками канури; онъ часто былъ резиденціей борнаунскихъ сultановъ, и дворецъ его обсаженъ тѣнистыми деревьями. Ткачи его очень искусны въ выѣлѣ хлопчато-бумажныхъ матерій. Городъ Ала, лежащий недалеко отъ Ди-коа, тоже былъ еще не такъ давно столицей. Около южныхъ горъ, но все еще въ равнинѣ, стоятъ городъ Май-дугъ-эри, населенный неграми племени гамергу, хижины которыхъ тысячами разсыпаны подъ вѣтвями деревьевъ. Въ территории Удже города Мабани и Кусукула замѣча-

¹) Richardson, „Mission to Central Africa“.

²) H. Barth, цитированное сочиненіе.

тельны какъ большия рынки, гдѣ сходятся, для обмѣна своихъ произведеній, цивилизованные сѣверяне и язычники южане. Далѣе, у подошвы горъ показывается городъ Долоо, раздѣленный на двѣ половины извилистой рѣчкой и частю построенный амфитеатромъ по скатамъ холма; это большой городъ, столица государства Мандара, теперь состоящаго въ вассальной зависимости отъ Борну; онъ окруженъ укрѣпленіями новой конструкціи; путешественникъ Фогель пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ въ плѣну, и нѣсколько разъ жизнь его висѣла на волоскѣ. Къ юго-западу отъ Долоо, на крутыхъ склонахъ скалы, возвышающейся на 200 слишкомъ метровъ, видны развалины прежней столицы, Мора, которая господствовала надъ выходомъ ущелья, у сѣверной оконечности котловины, бывшаго озера, превратившагося въ бассейнъ зелени; всѣ горы этого обширнаго амфитеатра увѣнчаны деревнями.

Главные города государства Борну, приблизительное населеніе которыхъ указано путешественниками въ разныи эпохи:

Собственno Борну. Кука, съ предмѣстьями, по Рольфсу—120.000 жит., Кука, въ 1873 г., по Нахтигалю—60.000 жит., Нгорну, въ 1857 г., по Рольфсу—20.000 жит., Гуджба—20.000 жит. Нгала, по Нахтигалю—7.000 жит., Сулери, по Барту—5.000 жит., Кала-Кафра, по Нахтигалю—4.500 жит., Магоммери, по Рольфсу—4.000 жит., Марте, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.500 жит., Іеди, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.000 жит., Машена, въ 1851 г., по Барту—12.000 жит., Хадеджа—12.000 жит., Гумель—12.000 жит., Синдеръ—10.000 жит., Кауа, въ 1857 г., по Рольфсу—10.000 жит., Гуре, въ 1851 г., по Барту—9.500 жит., Вушекъ—9.500 жит., Бунди—8.500 жит., Борсари, въ 1851 г., по Барту—7.500 жит., Май-ду-гери, въ 1851 г., по Барту—7.000 жит., Миссене—3.000 жит., Баруа, по Рольфсу—1.500 жит., Нгигми—1.500 жит.

Вассальные земли. Карнакъ-Логонь, въ 1821 г. (Денгамъ)—15.000 жит., Диока, по Рольфсу—15.000 жит., Долоо—30.000 жит., Ала—3.500 жит.

Май или султанъ страны Борну, обыкновенно именуемый шейхомъ,—название «палатнаго мэра», низвергнувшаго предыдущую династію,—есть самодержавный государь, «Левъ, Побѣдитель, Мудрость!» Однако, онъ удостоиваетъ выслушивать мнѣнія совѣта, въ составѣ котораго входятъ не только члены его фамилии, но также кокенауа, то есть начальники войска и офиціальные представители различныхъ расъ, населяющихъ государство: кануріи, канемъ-бу, тибусы, арабы имѣютъ своихъ наследственныхъ делегатовъ въ совѣтъ государы, при чмъ у численно преобладающей націи, кануріевъ, всего менше защитниковъ передъ трономъ; напротивъ, самая малочисленная на-

ція, арабы, имѣть больше кокенауа, чмъ другіе жители: такимъ образомъ охраной и покровительствомъ пользуются преимущественно интересы менышинства населенія. Высшія должности въ государствѣ заняты по большей части невольниками, такъ какъ султанъ естественно склоненъ довѣряться скорѣе людямъ, которые ему принадлежать, какъ собственность, нежели лица, гордающимся своимъ происхожденіемъ; при прежней династіи даже главнокомандующій войсками, который въ правительственной іерархіи занималъ рангъ выше наслѣдника престола, всегда былъ изъ невольниковъ. Постоянная армія довольно многочисленна, и въ то время, какъ парадное войско остается въ столицѣ при особѣ султана, для возвышенія его блеска и могущества въ глазахъ толпы подданныхъ, многочисленные отряды разставлены вдоль границы. У шейха имѣется нѣсколько пушекъ, и отборное войско вооружено ружьями. Нѣкоторыя роты даже одѣты по-европейски, но безъ соблюденія однообразія: покрои и цвета мундировъ представляютъ невообразимую пестроту. Конница носить еще латы, какъ въ средніе вѣка: у однихъ—это кольчуга, у другихъ—ватное одѣяло, окутывающее кавалериста съ головы до ногъ; лошади покрыты такой же броней. Подъ этой военной сбруей животныя и люди едва могутъ двигаться: нужно выбирать самыхъ сильныхъ лошадей, которые могли бы выдержать грузъ всадниковъ, и эти послѣдніе всегда имѣютъ при себѣ пѣшаго оруженосца, который, въ случаѣ паденія наѣзника, поспѣшно высвобождаетъ его изъ покрывала или кольчуги и помогаетъ защищаться или удирать. Во всей арміи насчитывается около тысячи этихъ кавалеристовъ, болѣе страшныхъ съ виду, нежели дѣйствительно опасныхъ. Войска, состоящія подъ непосредственнымъ командованіемъ султана, заключаютъ въ своихъ ридахъ около 3.000 человѣкъ; кромѣ того, 4.000 солдатъ размѣщены небольшими отрядами подъ начальствомъ кокенауа. Солдаты не получаютъ никакого жалованья, но при отставкѣ, то-есть когда они становятся негодны къ службѣ, имъ даютъ клочекъ пахатной земли; высшіе сановники, военные и гражданскіе, вознаграждаются за службу помѣстями.

Административное дѣленіе королевства не отличается той правильностью, которую представляютъ въ этомъ отношеніи даръ-Форъ и Уадай: непосредственно подвластныя провинціи, большія и малыя, переплетаются съ вассальными государствами, связанными на различныхъ условіяхъ съ государствомъ сюзереннымъ. Въ большинствѣ этихъ второстепенныхъ королевствъ государи по-прежнему распоряжаются жизнью своихъ подданныхъ и дѣлаютъ облавы за собственный счетъ у окрестныхъ язычниковъ. Знаки покорности, оказываемые манда-

расскому султану, превосходятъ даже изъявленія преданности и благоговѣнія, должны маю, повелителю Борну: ни одинъ сановникъ не смѣеть сѣть передъ нимъ лицомъ прямо къ его лучезарному лицу; изъ боязни быть ослѣпленными, всѣ должны поворачиваться къ нему спиной, наклоняясь къ землѣ. Когда онъ путешествуетъ, при аккомпаниментѣ непрерывнаго концерта барабановъ и трубъ, царедворцы бѣгутъ впереди, извѣщаючи своего владыку громкими криками о всѣхъ случайностяхъ дороги. Нигдѣ нѣтъ болѣе строгаго и болѣе рабски исполняемаго церемоніала, чѣмъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Долоо.

V. Багирми.

Подъ Багирми въ собственномъ смыслѣ понимаютъ равнину, частію болотистую, которая заключается между нижнимъ теченіемъ рѣки Шари, озеромъ Чадъ, горами, населенными племенемъ сокоро, и скалами, ограничивающими на западѣ озеро Фитри. Это пространство занимаетъ площадь въ 50.000 квадр. километровъ, т. е. равную приблизительно десятой части Франціи; но къ нему, кроме того, причисляютъ, какъ политически зависимыя отъ Багирми, окружающія области, обитаемыя языческими населеніями, которая платятъ дань, или у которыхъ дѣлаются облавы для пополненія запаса невольниковъ: такимъ образомъ территорія Багирми выходитъ на картахъ болѣе, чѣмъ утроенной. По свидѣтельству арабскихъ писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми отъ двухъ словъ баггаръ мія или «сто коровъ», потому что первые державцы наложили дань въ сто головъ рогатаго скота на каждый изъ подвластныхъ народцевъ. Сами себя туземцы называютъ бармаге.

Населеніе Багирми, со включеніемъ данниковъ, опѣнивалось Бартомъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, приблизительно въ полтора миллиона душъ; по Нахтигалю, кровопролитныя войны съ Уадаэмъ, голодовки, облавы, бывшия ихъ слѣдствіемъ, сократили по крайней мѣрѣ на треть число бармаге, такъ что теперь оно, вѣроятно, не превышаетъ миллиона. Цивилизованные жители страны, въ собственномъ Багирми, подобно кануріямъ въ Борну,—люди смѣшанной расы, имѣющіе въ числѣ своихъ предковъ макари, со и другихъ аборигеновъ всѣхъсосѣднихъ племенъ, а также арабовъ и фуловъ: введеніе ислама и новой цивилизаціи создало мало-по-малу этническій контрастъ между жителями Багирми и окружающими населеніями. По свидѣтельству лѣтописей и преданій, арабы, основавши это государство, пришли изъ Аравіи, можетъ-быть, изъ Медины въ концѣ XV или въ началѣ XVI столѣтія; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что

они были уроженцы востока. Въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, эмиграціонное и завоевательное движеніе совершалось по направленію отъ востока къ западу.

Отличаясь очень смѣшаннымъ происхожденіемъ, подобно своимъ сосѣдямъ борнуанцамъ, жители Багирми много превосходятъ послѣднихъ тѣлесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты ихъ не имѣютъ того отталкивающаго безобразія, которое такъ часто встрѣчашь у кануріевъ; особенно женщины Багирми отличаются пріятнымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, съ прямымъ носомъ, съ чуть замѣтно выступающими губами; волосы у нихъ гладкіе, но по бокамъ они украшаютъ ихъ растительными волокнами, сплетенными въ формѣ колосьевъ. Черный цветъ кожи довольно рѣдокъ: у большинства багирмайцевъ она имѣеть красноватый, почти металлическій отливъ. Эти негры вообще очень смѣшлены, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: особенно хвалять ихъ талантъ къ тканью и окраскѣ матерій, къ сѣдельному и позументному мастерству; въ 1871 году, когда султанъ уадайскій овладѣлъ столицей Багирми и возвращался оттуда побѣдителемъ въ свою страну, онъ забралъ съ собой въ плѣнъ лучшихъ мастеровъ, каменщиковъ, ткачей, портныхъ, красильщиковъ, чтобы водворить ихъ у себя колоніями и употреблять въ качествѣ руководителей работъ: тридцать тысячъ ремесленниковъ изъ Багирми были такимъ образомъ насильно переселены въ Уадай; въ то же время багирмайцамъ было воспрещено носить ткани высшаго сорта. Вслѣдствіе этого, мѣстная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было построить такой дворецъ изъ кирпича, какимъ обладаетъ султанъ въ Массенѣ. Но несмотря на эту замѣчательную способность къ мирнымъ профессіямъ, багирмайцы до такой степени привыкли, поколѣніями, къ военному ремеслу, что солдатчина глубоко вкоренилась въ ихъ правы; пренебреженіе честнымъ трудомъ составляетъ у нихъ первое условіеуваженія, грубость, даже жестокость считаются похвальнымъ качествомъ: послѣдній государь тщеславился произвѣщемъ Абу-Секкинъ, или «Отецъ Ножа», приобрѣтеннымъ имъ за поголовное избѣженіе гостей, которымъ онъ клялся въѣрности и дружбы. Багирмайцы презираютъ кануріевъ Борну и мабасовъ Уадая, какъ низшихъ въ сравненіи съ ними по военной храбрости; однако они не создали, какъ тѣ, могущественнаго государства, и въ политическомъ отношеніи они всегда находились въ положеніи вассальной зависимости, болѣе или менѣе замаскированной; теперь они платятъ дань уадайскому султану, отъ которого ихъ государь и получилъ инвеституру. Впрочемъ, Багирми не имѣеть тѣхъ выгодъ, какими пользуется

Борну, какъ историческій путь для торговли Центральной Африки: въ отношеніи своего торговаго обмѣна онъ зависитъ отъ рынка Куки, этакнаго пункта между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.

Кромѣ багирмайцевъ, всѣ окрестныя расы представлены въ цивилизованномъ населеніи городовъ: колоніи кануріевъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ территоріи; на западѣ макари, на сѣверѣ кукинцы и булагасы живутъ въ большомъ числѣ въ округахъ, граничащихъ съ ихъ землями; арабы, принадлежащіе къ племенамъ ассела, саламатъ, хозамъ, дебаба, ауладъ-муса, шоа, обрабатываютъ почву, преимущественно въ сѣверной части Багирми; наконецъ, фулы, частію потомки тѣхъ феллатовъ, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Шари съ пятнадцатаго столѣтія, встрѣчаются въ особенности въ южныхъ областяхъ страны: они вообще живутъ въ большой дружбѣ съ арабами, по причинѣ сходства нравовъ и несмотря на различіе происхожденія и языка. Тѣ изъ нихъ, съ которыми встрѣчался Нахтигаль, называли его «родственникомъ», говоря, что ихъ предки прішли, какъ и онъ, съ береговъ Средиземнаго моря. Владѣя стадами крупнаго рогатаго скота, фулы ведутъ полу-кочевой образъ жизни и отличаются отъ другихъ мусульманъ Багирми, по большей части довольно равнодушныхъ къ вѣрѣ, сильнымъ религіознымъ рвениемъ. Въ 1857 году одинъ феллатскій мауди, «руководимый Аллахомъ», какъ позднѣйшій лже-пророкъ, сокрушившій египетское господство въ Кордофанѣ и Хартумѣ, увлекъ часть населенія Багирми въ странствованіе къ гробу Магомета, восторжествовавъ надъ сultанскимъ войскомъ въ правильной битвѣ. Послѣ кровопролитныхъ побоищъ, государство съ трудомъ было возстановлено въ прежнемъ видѣ.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народы южныхъ и восточныхъ областей по большей части родственны багирмайцамъ по языку и походить на нихъ физическими чертами: это соплеменники, которымъ, для полной ассимиляціи съ собственно жителями Багирми, недостаетъ только двухъ условій: называться магометанами и говорить языкъ багрима. Народы эти распадаются на безчисленное множество племенъ и клановъ, такъ какъ дикая жизнь естественно ведеть къ дробленію до бесконечности: каждый округъ населенъ особымъ народцемъ, и каждая головка, каждое плавдненіе, каждая облава негро-торговцевъ разбиваетъ его населеніе на второстепенные группы и роды. Большинство этихъ чернокожихъ дѣлаютъ себѣ три порѣза на вискахъ, другіе отличаются татуировками на лбу, на носу или на щекахъ; габери, живущіе въ багирмайскомъ междурѣбье, выдергиваютъ себѣ два рѣзца, одинъ вверху, другой

внизу; сарасы, еще болѣе южное племя, подпиливаютъ и заостряютъ зубы, подобно многимъ племенамъ Нильскаго бассейна. Куфусы, составляющіе часть націи сара, протыкаютъ себѣ губы и вѣдаются въ отверстія палочки, образующія гарнитуру вокругъ рта.

Культь деревьевъ еще сохранился у нѣкоторыхъ народцевъ. Сомраи, сосѣди габерисовъ, клянутся надъ корой акаций, и эта клятва такъ же священна для нихъ, какъ клятва надъ Кораномъ для араба. Всѣ туземцы этихъ областей вѣрютъ въ верховное существо, голосъ котораго слышится въ видѣ грома, и которое возсѣдаетъ на престолѣ изъ облаковъ: ихъ богъ — по преимуществу «громовержецъ». Этому богу они приносятъ кровавыя жертвы — пѣтуховъ и козъ. Въ особой хижинѣ, куда воспрещенъ входъ женщинамъ и дѣтямъ, помѣщается колъ, вырѣзанный изъ священнаго дерева, который кропятъ кровью жертвъ: часть добычи звѣрнаго лова, нусокъ мяса изрубленаго врага привязываются къ этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародѣи, истолковываютъ народу вѣльня божества: они объясняютъ прорицанія, читаемыя ими въ крови жертвъ, въ ихъ предсмертныхъ судорогахъ, въ положеніи труповъ. Они оговариваются злыхъ колдуновъ, своихъ соперниковъ по тайному могуществу. Когда у сомраевъ умираетъ молодой человѣкъ, два «мудреца» берутъ его тѣло, которое, по ихъ словамъ, влечетъ ихъ силой къ хижинѣ убийцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь дѣлитъ съ потерпѣвшей семьей имущество предполагаемаго виновника смерти. У сарасовъ пучекъ травы или зеленыхъ листьевъ, положенный на голову «мудреца», приводитъ его въ религіозный экстазъ: онъ раскачивается изъ стороны въ сторону, скачетъ взадъ и впередъ, шатается, какъ пьяный, и, наконецъ, падаетъ передъ однимъ изъ присутствующихъ, что обрекаетъ этого несчастнаго на смерть. Погребальные обряды указываютъ на существование у язычниковъ Багирми смутной вѣры въ загробную жизнь. Трупъ кладутъ на подстилку изъ рогожъ, и подлѣ него помѣщають зарѣзанную козу, сосуды съ медомъ и пивомъ; въ ротъ покойнику вставляютъ маленьку полую тыкву, наполненную раковинками каури, чтобы ему было чѣмъ заплатить за путешествіе на тотъ свѣтъ: это напоминаетъ намъ оболь, который въ Европѣ умершій давалъ лодочнику Харону за перевозъ въ царство тѣней. Говорятъ, что у нѣллемовъ, на правомъ берегу Шари, при погребеніи главарей зарываютъ въ могилу живыми молодыхъ непорочныхъ дѣвушекъ. Эпилептики умерщвляются, какъ одержимые бѣсомъ.

Многоженство составляетъ общераспространенный обычай у богатыхъ людей въ верхнемъ

Багирми. Отецъ проданной женщины получаетъ въ обмѣнъ лошадь, рабовъ, откормленныхъ собакъ, но, въ случаѣ безплодія его дочери, онъ долженъ взять ее обратно, или уступить ее другому мужчинѣ, который возмѣщаетъ мужу уплаченный калымъ, или позволить разжаловать ее въ невольницы. Съ другой стороны, когда жена сдѣлалась въ пятый разъ матерью, она получаетъ полную свободу и можетъ вернуться, если пожелаетъ, въ родительскій домъ. Кое-какіе остатки матріархального быта сохранились еще до сихъ поръ въ странѣ. Такъ, одно изъ маленькихъ государствъ въ области верховьевъ Шари, лежащее ниже сланія ба-Буссо и Бахръ-эль-Абіада, известно подъ именемъ Беледъ-эль-Мра или «Женское царство», потому что правление тамъ всегда вѣряется королевѣ.

Хотя магометане по имени, багирміцы не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки къ распространению ислама между языческими населеніями юга и даже очень косо смотрятъ на религіозную пропаганду фуловъ; это объясняется тѣмъ, что земные выгоды побуждаютъ ихъ всегда видѣть ненавистныхъ язычниковъ въ народахъ, которые служатъ имъ источникомъ для набора и комплектованія ихъ стадъ рабовъ. Нужно ли уплатить дань Уадаю или Борну, построить сultанскую резиденцію, наполнить государственную казну выгодной продажей,—тотчасъ, же снаряжается экспедиція негропромышленниковъ въ южныя земли. Соединившись, населенія, угрожаемыя работоговцами, конечно, легко отразили бы всякия нападенія этихъ разбойниковъ; но, разрозненныя, несвязанныя никакими общими интересами, они стараются отвратить грозящую опасность, направляя ее на другаго: сами дикари служатъ ищейками общему врагу противъ другихъ дикарей, а эти, въ свою очередь, помогутъ впослѣдствіи напасть на нихъ врасплохъ и захватить ихъ въ пленъ. Запасы молодыхъ парней и дѣвушекъ для рынка собираются главнымъ образомъ среди инородцевъ націи сара; обыкновенно всю эту расу называютъ презрительной кличкой «подлые невольники». Чтобы избѣгнуть визита багирміцевъ, многіе платятъ полюбовно давъ, опредѣленную въ «сто головъ» въ годъ, и чтобы добыть эту сотню головъ, они ведутъ войну за собственный счетъ. Когда нападающіе снабжены ружьями противъ людей, вооруженныхъ только стрѣлами, дротиками или топорами, то охота всегда удачна. Наихигало пришлось быть невольнымъ зрителемъ осады, затѣмъ штурма двухъ эріодендроновъ, на которыхъ укрылись исколько семей туземцевъ изъ племени габери. Сраженные пулями, защитники, занимавшіе посты на вершинѣ дерева, какъ на марсѣ корабля, свалились на землю сквозь вѣти, послѣ чего атакующимъ только оставалось влѣзть

на деревья, чтобы забрать женщинъ, дѣтей, домашнихъ животныхъ, группировавшихся на помостѣ, который поддерживался вторымъ ярусомъ вѣтвей. Впрочемъ, есть племена, хорошо защищенные своей позиціей, которыя до сихъ поръ бравировали всѣ усилия торговцевъ невольниками. Такова нація сокоро, многисленная мелкая вольная община которой пріотились на крутыхъ скалахъ, въ естественныхъ крѣпостяхъ, на которыхъ не осмѣливаются нападать воины равнины.

Какъ почти всѣ другія правительства Центральной Африки, правительство Багирми не имѣеть другаго руководящаго правила, кроме могущества соперниковъ; но чтобы устранить опасныхъ враговъ въ своей собственной фамиліи, сultантъ, вступая на престолъ, велитъ вырвать по глазу у каждого изъ своихъ братьевъ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы глава государства не имѣлъ тѣлесныхъ недостатковъ. Отъ государя неограниченная власть исходитъ къ его многочисленнымъ евнухамъ и ко всѣмъ чиновникамъ, которые налагаютъ пошать и грабить деревни, когда и сколько хотятъ. Подданные держать себя очень униженно предъ властителями. Вступая въ домъ сultана, каждый долженъ обнажить свой бюстъ, спустить одежду ниже пояса, стать на колѣни, наклонить туловище впередъ и соединить руки. Только музыканты, какъ люди королевской крови, да и некоторые главари сокоронскихъ племенъ, пріобрѣвшіе военными подвигами право считаться стоящими выше общаго закона, освобождены отъ этого придворного этикета. Одинъ изъ придворныхъ невольниковъ постоянно махаетъ передъ королемъ экраномъ изъ красной шелковой матеріи, усаженнымъ по краямъ страусовыми черными перьями: это *риши*, эмблема державства; что касается королевскаго копья, надъ которымъ прежде приносили присягу, какъ надъ божественной вещью, то оно было захвачено сultаномъ Уада, который хранитъ у себя этотъ символъ королевской власти.

Столица Багирми, Массеня или Массеніа, городъ «Тамаринда», основанный слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, стоитъ въ обширной равнинѣ нижней Шари, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Бачикама. Кромѣ города, стѣны ограды охватываютъ обширное пространство незастроенной земли, платанціи, ярмарочные поля и даже временное озеро почти токого же вида, какъ озеро въ Кано, и такъ же сильно заражающее воздухъ своимъ зловонiemъ. Когда сultантъ уадайский предприянялъ осаду Массеня въ 1870-и въ 1871 годахъ, онъ не могъ обложить городъ со всѣхъ сторонъ и проникъ туда лишь посредствомъ подкопа. Массеня не только столица и резиденція, но и самый многолюдный городъ въ Багирми; до осады онъ имѣлъ не менѣе

20.000 жителей. Бугоманъ, на лѣвомъ берегу его въ нѣкоторомъ родѣ метрополіей, такъ какъ тамъ, будто-бы, получила свое происхожденіе королевская династія. На югъ протираются еще неизслѣдованные страны, по которымъ протекаютъ верхніе притоки Шари, и которые поднимаются либо къ истокамъ Уэлле, либо къ водораздѣльной возвышенности между бассейномъ озера Чадъ и бассейномъ рѣки Конго. Тамъ находится область Центральной Африки, где путешественниковъ ожидаютъ важнѣйшія открытия, какія еще остается сдѣлать въ географіи чернаго континента.

Къ востоку оть Багирми, городъ Канга, стоящій на одновъмъ изъ сѣверныхъ мысовъ горъ Гере, населенъ независимыми сокоросами, но тѣмъ не менѣе бигирмійцы считаютъ

КОНЕЦЪ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIII.

Южная Африка: Южный Атлантический Океанъ.—Камерунъ.—
Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—
Мозамбикъ.—Занзибаръ.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительного члена ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подьяческая, 39.

ЮЖНАЯ АФРИКА.

Глава I.

Южный Атлантический океанъ и его острова.

I. Гвинейское море.

Воды, омывающія западные берега южной Африки, могутъ быть рассматриваемы какъ особое море, отличающееся формою ложа, особенностями въ теченіяхъ и выдигающимися изъ него пучинъ островами. Благодаря промѣрамъ и изслѣдованіямъ морскаго дна,—которые вблизи береговъ материка и острововъ производились на довольно близкихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, а южнѣе, по направленію къ антарктическимъ землямъ, на разстояніяхъ, все болѣе и болѣе взаимно отдаляющихся,—подводный рельефъ Гвинейского моря уже напечень на карты; и хотя получившееся, такимъ образомъ, его изображеніе не можетъ быть признано строго точнымъ, но, тѣмъ не менѣе, оно настолько приближается къ дѣйствительности, что общія черты его могутъ считаться уже известными. Оказалось именно, что подводный горный краѣнь, пересѣкающій въ косвенномъ направленіи, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, часть океана, заключающуюся между берегами Либеріи и берегами Бразиліи, измѣняетъ свое направленіе, не доходя приблизительно пяти градусовъ до берега материка на уровне Пальмового мыса. Книзу отъ этой области, самая высокая часть дна океана—прикрываемая, однако же, въ среднемъ, толщею воды отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ—направляется какъ-разъ прямо съ сѣвера на югъ и разобщаетъ, такимъ образомъ,

пучины океана, прилегающія къ Африкѣ, отъ еще болѣе глубокихъ безднъ морей около Южной Америки. Эта-та водораздѣльная гряда—на которой, надъ поверхностью океана, высятся пикъ Вознесенія и острова Тристанъ-д'Акуны и Гонзало-Альварецъ—и составляетъ срединную границу между двумя половинами Южнаго Атлантическаго океана. Всѣ моря, лежащія отъ нея къ востоку, принадлежать къ области африканскаго материка, при чемъ западную границею ихъ служить прямая линія, проведенная въ направленіи меридіана отъ Сьерра-Леоне къ Тристанъ-д'Акунѣ и проходящая черезъ самыя высокія точки сейчасть описанного водораздѣла между Гвинейскимъ и Бразильскимъ морями.

Область океана, четыреугольной формы, заключающаяся между раздѣльнымъ порогомъ и берегами Африки, отъ мыса Пальмового до мыса Доброй Надежды, не вездѣ имѣеть одинаковую глубину. Она распадается на два бассейна, пучины которыхъ углубляются болѣе, чѣмъ на 5.000 метровъ ниже поверхности моря. Изъ этихъ котловинъ одна, продолговатая по формѣ, простирается съ запада на востокъ, параллельно берегамъ Золотому и Невольничему, а наиболѣе углубленная часть другой котловины, по формѣ почти овальной, находится къ юго-востоку отъ острова Св. Елены. Въ этой впадинѣ африканскихъ морей наиболѣшая найденная до сихъ поръ глубина 5.840 метровъ. Совокупность морскаго пространства противъ южной Африки, глубина котораго превышаетъ 4.000 метровъ, равна приблизи-

телью семи миллионамъ квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ вдвое пре-
восходитъ поверхность Средиземного моря. Къ югу отъ линіи, соединяющей устье р. Оранже-
вой съ о-вомъ Тристанъ д'Акуньей, простирается другая котловина, глубиной тоже въ 4.000 метровъ, ограничивающая на югѣ под-
водными каменными грядами, на гребнѣ которыхъ стоитъ островъ Бувэ (Bouvet) и которыи поднимаются полого къ берегамъ антарктическихъ земель.

Въ этомъ обширномъ какъ-бы котлѣ африканскихъ морей воды находятся въ вѣчномъ движении, при чѣмъ средняя равнодѣйствующая всѣхъ перемѣнныхъ или даже противоположныхъ теченій выражается въ томъ поступательномъ движениѣ водъ, которое въ началѣ, на протяженіи отъ мыса Доброй Надежды до мыса Лопецъ, направляется параллельно берегу, затѣмъ поворачиваетъ на западъ, къ берегамъ Нового Свѣта, и, наконецъ, для завершения всего этого громаднаго водоворота, возвращается снова къ югу и къ востоку. Это кругообращеніе водныхъ массъ въ южной части Атлантическаго океана соотвѣтствуетъ тому круговороту ихъ въ сѣверной его области, западно вѣтву котораго является Гольфстримъ, но, въ сравненіи съ послѣднимъ, оно совершается, во-первыхъ, въ противоположномъ направлениѣ, а, во-вторыхъ—благодаря общей конфигураціи того водоема, въ которомъ выполняется болѣе правильными оказываются также и его очертанія. Средній діаметръ этого потока можетъ быть исчисленъ въ 4.000 метровъ. Что же касается его скорости, то она весьма измѣнчива, но, при отсутствіи вліянія зыби, обыкновенно незначительна. Такъ, корабль «Gazelle»—совершилъ свой переходъ между островами Зеленаго мыса и устьемъ Конго, при чѣмъ путь его лежалъ чрезъ островъ Вознесенія,—опредѣлилъ, что, къ югу отъ экватора, часть экваторіального потока движется къ западу со скоростью 2.906 метровъ въ часъ, тогда какъ большинство наблюдений указываютъ скорость менѣе одного километра въ часъ, или даже только около 150 метровъ. Во многихъ мѣстахъ этихъ областей океана даже во все неѣ ощущительныхъ скоростей; вся масса водъ лишь медленнымъ поступательнымъ движениемъ совершаетъ свой обширный круговоротъ и только кое-гдѣ къ главному потоку присоединяются второстепенные теченія, обусловливаемыя либо вдающимися въ море выступами береговъ (мысами и т. п.), либо мѣстными вѣтрами, и происходящія въ направлениихъ противоположныхъ главному теченію.

Самымъ сильнымъ изъ этихъ отливныхъ теченій, т. е. устремляющихся отъ береговъ, оказывается теченіе, направляющееся вдоль берега материка, между Пальмовымъ мысомъ и бухтою Камерунъ, со среднею скоростью не-

много большею, чѣмъ одинъ километръ въ часъ, при чѣмъ, однако, около Пальмового мыса, въ болѣе открытомъ морѣ—мористѣе, по выраженію моряковъ, скорость этого теченія можетъ достигнуть въ часъ 6 километровъ или въ день почти 150. Моряки даютъ этому потоку название «Гвинейскаго теченія», и такъ-какъ оно врѣзывается между двумя половинами экваторіального потока, направляющагося отъ береговъ Стараго Свѣта къ берегамъ Новаго, то корабль, плывущій параллельно экватору, въ направленіи ли къ западу или обратно, къ востоку, можетъ, отдавшись теченію, или противотечению, значительно ускорить свой ходъ¹). «Гвинейское теченіе» перемѣщается соотвѣтственно временамъ года, и въ сентябрѣ занимаетъ болѣе половины ширины океана къ югу отъ архипелага Зеленаго мыса. Какая причина этого перемѣщенія водъ въ томъ же направленіи, какъ движется и земля, т. е. съ запада на востокъ? Рассматривать этотъ вопросъ отдѣльно—нельзя, такъ какъ онъ связанъ съ тою великою проблемою о круговоротѣ океаническихъ водъ, разрѣшеніе которой принадлежитъ еще будущему времени. Какая въ этихъ движеніяхъ доля зависить отъ обращенія земного шара вокругъ своей оси? Поскольку они, затѣмъ, обусловливаются: вліяніями вѣтровъ, различiemъ температуры на поверхности моря или на его днѣ, а также взаимно противоположностью и смышеніемъ неодинаково соленыхъ водъ? Воззрѣнія относительно всѣхъ этихъ вопросовъ различны, и ни одно изъ предположеній не оказывается достаточнымъ для объясненія всѣхъ явлений, наблюдавшихся метеорологами, еще слишкомъ малочисленными, которые посѣщали тѣ моря. Вообще полагаютъ, что Гвинейское теченіе есть боковой водоворотъ, «компенсаціонное теченіе», производимое отливомъ экваторіальныхъ водъ: однако, непосредственному дѣйствию вѣтра нельзя приписывать направленіе Гвинейскаго противо-теченія съ запада къ востоку, такъ какъ оно совершенно не совпадаетъ съ направленіемъ пассатовъ и муссоновъ, дующихъ въ этихъ отдалѣхъ океана; даже мористѣе устьевъ Нигера и Камерунской бухты—тамъ, где гвинейскій потокъ направляется спачала къ юго-востоку, затѣмъ поворачивается къ югу, чтобы слиться съ экваторіальнымъ теченіемъ,—поступательное движеніе водъ совершается какъ-разъ обратно среднему направленію вѣтровъ²). Не составляетъ ли это теченіе, направляющееся противъ бризы (т. е. берегового вѣтра) и оттесняемое въ сторону другимъ морскимъ потокомъ, устремляющимся

¹⁾ Philippe de Kerhallet;—Fran ois, „Instructions nautiques“.

²⁾ „Путешествие на корабль Gazelle“, Hydrographische Mitteilungen, 1874. Annales Hydrographiques, 1-ії Trimestre, 1876.

въ ротивоположномъ направлени—причину того грозного напора волнъ, который образуетъ «бару», дѣлая столь затруднительной, а иногда и столь опасной высадку на пляжи Гвинеи, между Пальмовымъ мысомъ и Камеруномъ? Противъ устья Конго, во второстепенномъ водоворотѣ, которой образуется вслѣдствіе встречи Гвинейскаго теченія съ другимъ потокомъ, идущимъ съ юга, параллельно берегамъ Португальской Африки, кружится небольшое «саргассовое море», гдѣ «тропической виноградъ» плаваетъ такими же длинными полосами, какъ и въ «саргассовомъ морѣ» около Антильскихъ острововъ.

Относительно вѣтровъ анометрическія карты Brault и другихъ моряковъ-наблюдателей показываютъ, что въ африканской части Южнаго Атлантическаго океана они дуютъ вообще съ большою правильностью. Собственно бури тамъ чрезвычайно рѣдки, и «общіе вѣтры», т. е. юго-восточные пассаты, дуютъ тамъ столь правильно, что экипажи парусныхъ судовъ могутъ, особенно въ эпохи солнцестояній, исчислять съ весьма большой вѣроятностью продолжительность своихъ переходовъ въ этой части океана. Однако, такое постоянство въ направлениі вѣтра существуетъ только въ открытомъ морѣ; вблизи же береговъ, воздушныя теченія изгибаются къ внутренности материка: такъ, надъ южными владѣніями англичанъ, германцевъ и португальцевъ, а также и надъ приморскими областями Конго и Огоу, вѣтры дуютъ съ юго-запада или даже прямо съ запада; на берегахъ же, находящихся западнѣе Камеруна, они приходятъ съ юга. Эти-то притоки морскаго, насыщенаго парами воздуха, и приносятъ прибрежнымъ странамъ дожди; горы Камеруна наводняются ими во всякое время года; значительное число ливней приходится на долю также и другихъ приморскихъ країй; въ открытомъ же морѣ, между выдающимися частями Африки и Южной Америки, цѣлый поясъ—представляющій измѣнчивыя очертанія и заключающій въ себѣ двѣ области пассатныхъ вѣтровъ, сѣверо-восточного и юго-восточного,—есть одинъ изъ тѣхъ отдельловъ океана, гдѣ дожди выпадаютъ въ наиболѣшемъ изобилии: штиль воздуха останавливаетъ облака, приносимыя со всѣхъ сторонъ пассатами; пары сгущаются, и образующіяся, вслѣдствіе этого, частицы воды ниспадаютъ въ находящійся внизу океанъ цѣлыми потоками. Во многихъ мѣстахъ эта выпадающая изъ атмосферы прѣсная вода, разливаясь, въ силу своего меньшаго удѣльного вѣса, по поверхности соленыхъ водъ, образуетъ слои настолько толстые, что моряки проходящихъ кораблей могутъ черпать ее.

Соленость водъ Южно-Атлантическаго бассейна, не смотря на безостановочное перемѣшиваніе ихъ и воздушными, и морскими тече-

ніями, оказывается различно, и не только на разныхъ мѣстахъ поверхности океана, но также и на различныхъ его глубинахъ. Наибольшую соленостью обладаютъ воды, омывающія островъ Св. Елены: удѣльный вѣсъ ихъ равняется 1.0285; во всемъ Гвинейскомъ теченіи,—воды котораго прибываютъ вслѣдствіе ливней, ниспадающихъ въ области безвѣтряя,—соленость уже меньше; затѣмъ, во всей сѣверо-восточной части Гвинейскаго моря, т. е. въ тѣхъ отдельахъ его, гдѣ потоки Нигера и Конго, этихъ двухъ самыхъ большихъ рѣкъ Африки, примѣшиваются свои массы прѣсной воды къ водѣ соленой, степень солености менѣе двухъ и даже трехъ тысячныхъ; и наконецъ, въ южныхъ областяхъ Атлантическаго океана соленость меньше, чѣмъ вокругъ острова Св. Елены, вслѣдствіе таянія ледяныхъ глыбъ и полей, приплывающихъ изъ областей антарктическихъ. Эти ледяные массы спускаются наилѣпѣ къ сѣверу въ мѣсяцы юнь, юль и августъ, когда въ южныхъ полярныхъ морахъ господствуютъ холода; въ это время года, кристальные куполы, башни и обелиски,—измѣняющіе, вслѣдствіе безпрерывнаго перемѣненія центра тяжести, какъ свои основанія, такъ и очертанія,—виднѣются даже въ моряхъ, соединенныхъ съ мысомъ Доброй Надежды, около 36° и даже 35° южной широты; а южнѣе тѣхъ обломки ледовитаго материка непрерывно движутся другъ за другомъ цѣлыми мириадами. Взорамъ путниковъ на корабляхъ, огибающихъ Африку, представляется на западѣ дефилированіе, въ причудливыхъ процессіяхъ, какъ-бы безконечнаго города, состоящаго изъ дворцовъ, храмовъ и колоннадъ, искривленныхъ подъ лучами заходящаго солнца.

Уменьшая соленость воды, льдины эти значительно понижаютъ также температуру водныхъ массъ, текущихъ отъ экватора къ югу. Такъ, начиная отъ Камерунской бухты и до мыса Доброй Надежды, на поверхности моря наблюдаютъ постепенное уменьшеніе тепла, соответствующее уменьшению теплоты и въ слояхъ атмосферы. Съ $+28^{\circ}$ на Невольничемъ берегу до -15° около южной оконечности континента, изотермы слѣдуютъ одна за другой довольно правильно; но вслѣдствіе притока водъ изъ антарктическихъ морей въ постепенно служающую воронку, которую представляетъ Атлантический океанъ,—въ глубокихъ слояхъ уменьшеніе температуры, въ направлениі отъ поверхности ко дну океана, обнаруживаетъ замѣчательныя противоположности. Въ этомъ отношеніи, всего болѣе поражаетъ сравнительно низкая температура экваторіальныхъ водъ. Такъ, если взять среднюю температуру всей массы жидкости, находящейся подъ экваторомъ между Африкою и Америкою, то окажется, что эта уравнительная температура между водами: теплой—на поверхности моря, и

холодной—на его днѣ, равняется 4.8° , т. е. она теплѣе всего лишь на одну десятую градуса тѣхъ массъ воды, которая находится подъ 33° южной широты; съ другой стороны, эти же самыя экваторіальныя воды окажутся на 2.5° холоднѣе водъ умѣренаго сѣвернаго пояса подъ 33° сѣв. широты. Эта поразительная противоположность между сѣверной и южной половинами Атлантическаго океана, свидѣтельствующая о большомъ перевѣсѣ антарктическаго теченія надъ арктическимъ, можетъ быть наблюдаема также и въ толщѣ каждого изотермического слоя воды: на однѣхъ и тѣхъ же глубинахъ океана температуры оказываются совершенно различныя. Такъ, лотъ длиною въ 914 метровъ попадаетъ подъ 33° сѣв. широты въ воду въ 10° , а подъ 33° южной широты онъ встрѣчаетъ слой лишь въ 4° : такимъ образомъ, разница между двумя соответствующими другъ другу широтами опредѣлится въ 6° ¹⁾. Что касается температуры воды вблизи береговъ, то она нѣсколько уменьшается вслѣдствіе прилива водъ изъ открытаго моря, такъ какъ онъ приноситъ съ собою отчасти и воды изъ болѣе глубокихъ слоевъ; для нѣкоторыхъ изъ прибрежныхъ водныхъ пространствъ констатирована, между водами вблизи берега и водами въ открытомъ морѣ, разница въ два градуса²⁾.

Колебанія въ температурѣ слоевъ южныхъ атлантическихъ водъ опредѣлаютъ также границы областей жизни животной, и, смотря по временамъ года, очертанія этихъ областей измѣняются. При этомъ, если виды, проживающіе въ глубокихъ водахъ, въ холодныхъ пучинахъ съ однообразною низкою температурою, могутъ разселяться далеко, на пространствѣ между обоими полюсами земли, то нельзя сказать того же относительно тѣхъ видовъ, которые обитаютъ въ поверхностныхъ слояхъ водъ, каковы китообразныя, рыбы и другія животныя. Такъ, «южные киты», будучи весьма многочисленны въ моряхъ, простирающіеся къ западу и къ юго-западу отъ Мыса Доброй Надежды, вплоть до западной стороны небольшаго архипелага Тристанъ-д'Акунья,—не достигаютъ широты острова Св. Елены: здѣсь, по выраженію Мори, они задерживаются теплыми водами тропическихъ морей, точно огненной стѣной. Животныя, обитающія въ водахъ около Испаніи и Португаліи, а также и въ Средиземномъ морѣ, постепенно исчезаютъ въ направлѣніи къ югу. То же самое наблюдалось и относительно тѣхъ видовъ, которые держатся около Антильскихъ острововъ, хотя большое число ихъ еще и встрѣчается даже около острова Вознесенія, въ самомъ центрѣ Южнаго

Атлантическаго океана³⁾). Въ сравненіи съ открытымъ моремъ, животная жизнь около устьевъ рѣкъ гораздо обильнѣе. Такъ, по мѣрѣ приближенія къ лиману р. Конго, число рыбъ въ поверхностныхъ слояхъ воды увеличивается, а вмѣстѣ съ этимъ, несмотря на уменьшеніе солености въ водѣ, усиливается по ночамъ и фосфоресценція волнъ.

II. АФРИКАНСКІЕ ОСТРОВА ЮЖНОГО АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА; ТРИСТАНЪ-Д'АКУНЬЯ.

Гвинейскія моря бѣдны островами, хотя вплоть до новѣйшаго времени карты и оказывались усыпанными тѣми призрачными землями, которая создавало воображеніе моряковъ, принимавшихъ облака на горизонѣ за острова и каменные рифы; существовало даже предположеніе, будто-бы области океана, разсѣкаемыя кораблями на пути изъ Португаліи въ Индію, ограничиваются на югѣ берегами материка. Предположеніе Птоломея о существованіи «великой южной земли», соединяющей Африку съ восточными продолженіями Азіи, было воспринято картографами XVI го вѣка, хотя, конечно, и подверглось измѣненіямъ, собразно съ открытиями позднѣйшихъ мореплавателей. По ихъ представленію, эта южная земля начиналась къ югу отъ Америки и отъ всей окружности земного шара. Долгое время на картахъ видѣлся и берегъ этого материка; но, по мѣрѣ открытій въ южныхъ областяхъ океана, онъ начинать распадаться уже на отдельныя части: такъ на картѣ Ноттапп'a, изданной въ 1722 г., обозначена какая-то «Земля Жизни», съ архипелагомъ островковъ впереди ея, какъ граница Южнаго Атлантическаго океана въ тѣхъ широтахъ, где мореплаватели открыли островъ Гонзalo-Альварецъ²⁾. Новѣйшія изслѣдованія отодвинули далѣе къ югу эти воображаемые или дѣйствительные берега, превратившіеся нынѣ въ «Антарктическій материкъ», и Бувэ, открывъ, въ 1739 году, островъ и небольшой архипелагъ изъ островковъ, носящіе нынѣ его имя, назвалъ ихъ мысомъ Обрѣзанія, предполагая, что эти сѣжныя скалы не что иное, какъ выдающіяся части полярнаго материка. Но въ этихъ областяхъ, между 54° и 55° южной широты, мы находимся уже далеко за предѣлами африканскихъ водъ, въ моряхъ, которая своими ледяными полями составляютъ, такъ сказать, продолженіе сплошныхъ льдовъ и сѣжныхъ земель ледовитаго пояса.

Подобно тому, какъ исчезла изъ Южнаго

¹⁾ Промѣры кораблей „Challenger“ и „Gazelle“.

²⁾ Von Dusenbach, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 2 отд. 1886 г.

³⁾ Guanther, „Shore Fishes“; Schmarda, „Geographisches Jahrbuch“ 1882.

²⁾ „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, 1886.

Атлантического океана «Земля Жизни», пропали изъ этихъ морей и многіе другіе острова, въ существованіи которыхъ прежде не сомнѣвались, благодаря обстоятельнымъ повѣствованиямъ наблюдатели тщетно розыскивали. А между тѣмъ, нѣкій монахъ, командаю эскадрою изъ семи парусныхъ судовъ, приставалъ въ 1525 году къ этому острову и пробылъ на

Тристанъ д'Акунья.

ніямъ мореплавателей. Изъ такихъ острововъ долгое время на карты наносился, къ юго-западу отъ мыса Трехконечного и въ двухъ съ половиною градусахъ къ югу отъ экватора, островъ Св. Матвѣя, который, однако, новѣй-

немъ въ теченіе двухъ недѣль. Но такъ какъ даваемое имъ описание вполнѣ подходитъ къ острову Аннобонъ, то вѣроятно, что въ действительности онъ и посетилъ эту землю, но при этомъ ошибся на тысячу километровъ,

исчисляя ходъ своего корабля, чѣдь не представлять ничего ненормального въ исторіи мореплаванія той эпохи¹). Градусахъ въ десяти къ западу отъ о-ва Св. Матвѣя, значился на картѣ еще и другой островъ—Санта-Круцъ, или Св. Креста, хотя повѣствованіе объ его открытии не встрѣчается ни у одного изъ путешественниковъ. Возможно, что тутъ произошло простое смыщеніе этого названія съ «Землею Св. Креста», какъ впервые были названы берега Бразиліи.

Въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ самою отдаленною отъ материка Африки землею можетъ считаться островъ Гонзало-Альварецъ, названный такъ открывшимъ его въ первые годы XVI вѣка кормчимъ; считаться же принадлежащимъ къ африканскимъ морямъ этотъ островъ можетъ потому, что находится около южной оконечности подводного раздѣльного порога, называемаго кряжемъ Челлендже-ра. Название этого острова тоже подвергалось видоизмѣненіямъ: такъ, вслѣдствіе сокращенія написанія словъ Гонзало-Альварецъ: «*I de go Alvarez*», его стали называть островомъ Диего Альварецъ; а съ 1713 г. онъ также вносился на карты и по имени англичанина Gough'a, который, посѣтивъ его въ этомъ году, полагалъ, что островъ не былъ извѣстенъ раньше. Островъ Гонзало-Альварецъ представляетъ скалистый массивъ, самая высокая вершина котораго достигаетъ 1.300 метровъ, а берега острова, составляя въ общемъ наружность приблизительно въ тридцать километровъ, изрѣзаны узкими бухточками въ перемежку съ утесами и кряжами. Этотъ главный островъ окруженъ на сѣверо-востокѣ тремя скалистыми островками, изъ которыхъ одинъ: «Утесь-церковь» (Church-rock) походитъ на такъ называемый въ церковной архитектурѣ главный, продольный, нефъ, фланкируемый своею колокольнею. Маленькия бухточки, защищенные этими островками, позволяютъ высаживаться на главный островъ, а нѣсколько плодоносныхъ небольшихъ долинъ и склоновъ, одѣтыхъ густымъ низкимъ кустарникомъ, также такъ и воды, изобилующія рыбой, манятъ поселенцевъ; но, несмотря на все это, островъ лишь по временамъ посѣщался кое-кѣмъ изъ американскихъ рыболововъ для ловли тюленя въ окрестныхъ пространствахъ океана. Земледѣльцы эти рыбаки не занимались, а промышляли рыбой и птицами, которыхъ привлекали, разводя большие огни на мысахъ. Нынѣ же о пребываніи мореходцевъ на этой затерянной въ океанѣ землѣ свидѣтельствуютъ лишь камни надъ ихъ могилами.

Километрахъ въ четырехстахъ къ сѣверо-западу отъ острова Гонзало-Альварецъ вы-

сится надъ уровнемъ моря другая гористая группа, какъ бы служащая бакеномъ на пути отъ мыса Доброй Надежды къ устью Ла-Платы при чемъ эта группа приходится на разстояніи около трехъ тысячъ километровъ отъ мѣста отправленія и четырехъ тысячъ километровъ отъ мѣста прибытія. Это—островной массивъ Тристанъ-д'Акунья, названный такъ въ честь мореплавателя, «имя котораго, по словамъ Камоенса, не изгладится никогда въ моряхъ, омывающихъ южные острова». Открытие этого архипелага совершилось въ 1506 году, и съ того времени, даже до правильного изслѣдованія его голландцами, въ 1697 году, Тристанъ-д'Акунья часто былъ посѣщаемъ мореплавателями, такъ какъ онъ находится къ югу отъ пояса правильныхъ юго-восточныхъ вѣтровъ, въ тѣхъ областяхъ океана, где моряки встрѣчаютъ уже сильные западные бризы, пособляющіе имъ при огибаніи мыса Доброй Надежды Главный островъ, имѣнуемый специально Тристанъ-д'Акунѣй, примѣтенъ уже съ разстоянія слишкомъ 150 километровъ по правильному конусу его вулкана, покрытаго снѣгомъ и возвышающагося, по однимъ—на 2.300, а по другимъ—на 2.539 метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ Неприступный, лежащий въ 32 километрахъ къ юго-западу отъ Тристанъ-д'Акунѣи, оправдываетъ свое наименованіе отвѣсностью своихъ кручъ, взираясь на которыхъ возможно лишь по узкимъ водомоинамъ; на вершинѣ его находится бугристое плато, часто скрывающееся въ облакахъ. Найтингель, или Соловинный островъ, находящійся въ 20 километрахъ къ юго-востоку отъ о-ва Неприступнаго, есть не что иное, какъ большая скала съ двумя вершинами, окаймленная островками и подводными каменными рифами. Вулканическія земли всей этой группы составляютъ площадь въ 8.000 гектаровъ, при чемъ болѣе трехъ четвертей этой площади принадлежать главному острову. Онъ цѣликомъ состоять изъ лавъ, или изъ сплошныхъ, или уже розломившихся на безчисленное множество кусковъ, или же превратившихся въ черноватую и плодородную массу. Высшій пикъ на Тристанъ-д'Акунѣи, на который уже многіе всходили, оканчивается, подобно вулканическимъ конусамъ другихъ острововъ, кратеромъ, заключающимъ въ себѣ голубое озеро. Къ сѣверо-западу, осыпавшейся кучи лавы приняли видъ обширной морены и спустились до самого моря, которое является на протяженіи нѣсколькихъ километровъ обнесеннымъ своимъ рода естественною оградою изъ глыбъ. Быть-можеть, это—слѣды древняго ледникового периода.

Нынѣ снѣгъ остается лежать только на высотахъ, и хлопья его лишь изрѣдка доносятся бурами до мѣстностей вблизи моря. Кли-

¹⁾ O. Mac Carthy, „Iles de l'Afrique“, collection de l'Univers.

матъ—очень мягкий, но очень сырой, и, несмотря на ограниченность поверхности небольших географическихъ бассейновъ, узкихъ разефлинъ по сторонамъ горы, во многихъ мѣстахъ виднѣются сверкающіе на солнцѣ обильные каскады, доставляющіе влагу для тѣхъ облаковъ, которая скапливается на высокихъ склонахъ. По показаніямъ миссіонера Тэйлора, термометръ вообще держится лѣтомъ на 20° , а зимой на 14° и 15° , и даже по ночамъ лишь изрѣдка опускается до 4° ниже нуля. Господствующіе вѣтры, столь благопріятные для парусныхъ судовъ, направляющихся къ Южной Африкѣ или къ Австралии,—западные или сѣверо-западные; но въ теченіе антарктической зимы, въ особенности въ августѣ и въ сентябрѣ, часто по нѣсколькимъ днямъ и съ чрезвычайной силой дуютъ южные вѣтры, которые разводятъ громадное волненіе въ океанѣ, порою усиливаемое внезапными шквалами. На песчаные берега вскатываются, особенно во время затишья, громадные валы, называемые англійскими мориками «rollers», а французами «rouleurs»; выше всего эти волны вздымаются и съ наибольшимъ рокотомъ низвергаются въ декабрѣ, который представляетъ одинъ изъ самыхъ благородстворенныхъ мѣсяцевъ въ году. Гигантскія водоросли, называемыя *Macrocystis pyrifera*, образуютъ вокругъ острова настоящій поясъ, имѣющій въ ширину приблизительно 600 метровъ; въ этомъ водорослевомъ лѣсу растенія длиною въ 50 или 60 метровъ весьма обыкновенны; встрѣчаются даже экземпляры, стволъ которыхъ достигаетъ толщины бочонка, а общая длина такого каната простирается до 300 метровъ; менѣе прочныя водоросли разрывались бы при прибоѣ волнъ къ подводнымъ рифамъ. Эти водоросли, выисpusкая свои корни въ глубину, въ среднемъ, отъ 25 до 27 метровъ, значительно ослабляютъ волненіе, чѣмъ и облегчаютъ морикамъ высадку на берегъ.

Представляя независимую океаническую землю, вѣроятно, никогда не сообщавшуюся перешейкомъ съ материковыми массами, островъ Тристанъ-д'Акунья имѣть и свою особенную флору: это центръ родины тѣхъ особыхъ растительныхъ формъ, которыхъ снова встрѣчаются и по другую сторону африканского материка, приблизительно на 100° долготы болѣе къ востоку, на островахъ Св. Павла и Амстердама. Эти любопытныя растенія, область произрастанія которыхъ столь обширна, суть папоротники, одинъ видъ плауна, а изъ другихъ травянистыхъ растеній—колючій злакъ (*startina arundinacea*), который произрастаетъ по всемъ низменнымъ склонамъ, образуя рощицы изъ плотно переплетающихся другъ съ другомъ растеній, такъ что во многихъ мѣстахъ невозможно проникнуть вглубь чащи. Единственное дерево

во этой островной флорѣ—особый видъ крушинъ, *phylica arborea*, которая кое-гдѣ достигаетъ въ высоту шести и даже болѣе метровъ, но которая обычно стелется по землѣ свой искривленный стволъ; на обширныхъ пространствахъ, эти переплетающіяся другъ съ другомъ деревья образуютъ непроходимую сѣть изъ покрытыхъ мохомъ стволовъ и вѣтвей. Вмѣстѣ съ сплавнымъ лѣсомъ съ восточныхъ береговъ, *phylica* составляетъ единственное на Тристанъ-д'Акунью дерево, пригодное для топлива. Что касается растеній изъ умѣренныхъ странъ Европы и Нового Свѣта, то они отлично удаются въ защищенныхъ долинахъ. Овощи, разные виды капусты, свеклы, рѣпы, лука и тыквы произрастаютъ удивительно, и сборы ихъ бываютъ настолько обильны, что жители могутъ снабжать ими даже приходящіе корабли; прежде сѣяли также кукурузу и пшеницу, но отъ производства этихъ хлѣбовъ пришлось отказаться, такъ какъ ихъ поѣдали мыши. Произведенія плодовыхъ садовъ: груши, персики и виноградъ—превосходны

Киты, преслѣдуемые американскими китоловами, стали рѣдки въ этихъ областяхъ океана. За исключеніемъ этихъ морскихъ звѣрей, рыбъ и посѣщающихъ островъ разнообразныхъ породъ птицъ: чаекъ, буревѣстниковъ, пингвиновъ, албатросовъ, а также канскіхъ цесарокъ, на Тристанъ-д'Акунью нѣть никакихъ туземныхъ животныхъ. Не находили тамъ также ни пресмыкающихся, ни насѣко-мыхъ. Дикия свиньи, встрѣчаемыя на островѣ,—очевидно, европейскаго происхожденія, хотя и нельзя определить времени ихъ привоза на Тристанъ-д'Акунью; то же самое слѣдуетъ сказать и о козахъ, который нѣкогда виднѣлись въ большомъ числѣ на скалахъ, но которыхъ недавно, по неизвѣстной причинѣ, исчезли. Домашняя кошка выродилась на волѣ въ одну изъ породъ дикихъ кошекъ, иногда съ успѣхомъ отбивающейся отъ собакъ и производящую большія опустошенія на птичьихъ дворахъ. Стада крупного рогатаго скота, овецъ и свиней, вмѣстѣ съ кроликами и съ домашнею птицею, составляютъ главное богатство жителей: немного этого скота Тристанъ-д'Акунья вывозить и на островъ Св. Елены. Животные,пущенные на о-въ Неприступный, прижились также и тамъ, и два нѣмецкихъ колониста въ теченіе двухъ лѣтъ единственно прокармливались охотою за ними.

Тристанъ-д'Акунья обитаемъ съ 1811 года. Въ этомъ году, американский матросъ Джонастонъ Ламбертъ поселился тамъ съ двумя товарищами и началъ распашку почвы. Затѣмъ въ 1816 году, англійское правительство, опасаясь, чтобы не организовалась какая-нибудь тайная экспедиція для освобожденія пленника острова Св. Елены, помѣстила на островѣ Тристанъ-д'Акунья военную стражу. Въ 1821 году оттѣ

небольшой гарнизонъ, какъ уже бесполезный, былъ удаленъ; но нѣсколько солдатъ пожелали остаться, и съ тѣхъ поръ образовавшаяся такимъ образомъ колонія поддерживается, то увеличиваясь лицами, потерпѣвшими отъ кораблекрушений, то уменьшаючись вслѣдствіе эмиграціи молодыхъ людей, или же и цѣлыхъ семействъ, пожелавшихъ освободиться изъ этой узкой океанической тюрмы. Въ 1863 г., во время междуусобной войны въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, одинъ американскій каперъ высадилъ на островъ сорокъ пѣтниковъ, не позаботясь объ ихъ дальнѣйшемъ продовольствіи; въ другихъ случаяхъ мореплаватели насильственно запасаются провизіею въ убогомъ поселеніи колонистовъ, которымъ уже неоднократно доводилось благородно отмщать за это, подавая помощь многочисленнымъ кораблямъ, потерпѣвшимъ крушеніе въ этихъ водахъ океана. Благодаря превосходному климату, маленькое общество, будь оно предоставлено самому себѣ, нашло бы, вѣроятно, достаточно въ себѣ силъ и для самосохраненія, и для дальнѣйшаго развитія. Говорить, будто въ семьяхъ тамъ никогда дѣти не умираютъ въ раннемъ возрастѣ: такимъ образомъ, вслѣдствіе избытка въ рожденіяхъ, естественный приростъ населенія весьма значителенъ, и туземцы, происшедшіе отъ европейцевъ, американцевъ и голландцевъ изъ Капской Земли, поженившись наmetisкахъ съ острова Св. Елены, а также изъ Южной Африки, образовали породу, типъ которой отличается замѣчательной граціозностью и гармоніей формъ. Въ 1886 году населеніе состояло изъ 112 индивидовъ; но жестокая бури сразу погубила пятнадцать человѣкъ взрослыхъ, чѣмъ составить приблизительно одну четверть общаго числа способныхъ къ труду жителей.

Языкъ этихъ островитянъ—англійскій. Какъ государство, они составляютъ республику, патріархомъ или «президентомъ» которой бываетъ глава семьи, имѣющей наибольшее число дѣтей, но они признаютъ сузеренитетъ Великобританіи, которая иногда дѣлаетъ кое-какіе подарки своей вассальной колоніи.

III. ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ.

Несмотря на то, что островъ Св. Елены находится въ тропическомъ поясѣ, на 2.350 километровъ ближе къ экватору, чѣмъ Тристанъ-д'Акунья, между 15° и 16° южной широты, онъ былъ открытъ всего лишь четырьмя годами ранѣе, именно въ 1502 году, уроженцемъ испанской Галиціи, Жуаномъ-де-Нова, который потерялъ около его берега одинъ изъ своихъ кораблей. Но, можетъ-быть, эту землю видѣлъ кто-либо изъ мореплавателей и раньше, такъ

какъ берега ея нанесены уже на плоскошаріе Жуана-де-ла-Коза, которое было окончено въ 1500 году. Находясь среди морей, гдѣ правильно дуть юго-восточные пассаты, островъ Св. Елены занимаетъ счастливое положеніе на возвратномъ пути парусныхъ судовъ, плывущихъ изъ Индійскаго океана въ сѣверную Атлантику; отъ ближайшаго берега материка,—на которомъ находится португальская провинція Моссамедесъ,—островъ этотъ отстоитъ почти на 1.300 километровъ.

Превосходя пространствомъ (около 12 тысячъ гектаровъ) почти вдвое Тристанъ-д'Акунью, островъ св. Елены представляеть лишь ядро того, чѣмъ онъ былъ нѣкогда. Современные крутые берега острова, во многихъ мѣстахъ представляющіе отвесные утесы высотою до 600 метровъ, окаймлены кругообразною террасою, имѣющею, въ среднѣмъ, отъ 3 до 4 километровъ въ ширину и на 100 или 200 метровъ прикрытою водою. Эта, погруженная въ воду, платформа, сразу поднимающаяся изъ морскихъ пучинъ, есть цоколь древней вулканической массы, отъ которой остался лишь обломокъ. Имѣя большии диаметръ, островъ и вздымался также на болѣе значительную высоту; но, одновременно съ тѣмъ, какъ морскія волны подтачивали его основу и нивелировали окаймляющую его террасу, дожди размывали горы и увлекали отдѣляющіяся при этомъ ихъ частицы. Такое двойное размываніе, продолжавшееся съ незапамятныхъ временъ, должно было совершаться съ большою медленностью, такъ какъ лавы вообще отличаются особенною прочностью: Мелиссъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ изучавшій процессъ разложенія горныхъ породъ прибрежья, вычислилъ, что для разрушенія иного мыса, отъ которого къ настоящему времени остались лишь подводные рифы, было бы необходимо слишкомъ 44 тысячи лѣтъ. Всѣ находмыя на Св. Еленѣ горныя породы: базальтъ, пущоланъ (вулканический туфъ), пемза, вещества превратившіяся въ стекло или вспучившіяся—происхожденія вулканическаго; до сихъ поръ не открыли никакого иного камня, осадочнаго или кристаллическаго, который оправдывалъ бы высказываемое此刻о предположеніе, что островъ этотъ былъ нѣкогда соединенъ съ материковою массою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова, между прочимъ, въ Gregory's Valley, базальтовыя скалы пронизаны другими, значительно болѣе твердыми базальтами, излившимися изъ глубины при какомъ-либо землетрясеніи. И въ то время, какъ остатки каменистой основы острова оказываются изъѣденными до большой глубины, эти базальтовые взбросы (dykes), перекрещивающіеся въ разныхъ направлѣніяхъ, высятся словно стѣны какого-то громаднаго разрушенаго зданія, при чемъ иллюзію въ осо-

бенности усиливаютъ суставы колоннъ, напоминающіе работу каменщиковъ.

Изученіе рельефа Св. Елены показало, что центръ изверженія находился въ той мѣст-

тонами. Но вокругъ этого центральнаго кратера развертывается, въ видѣ величественнаго амфитеатра, другой полу-кратеръ, край котораго образованъ самыми высокими пиками

Общий видъ Джеметауна.

ности южнаго берега, которая нынѣ называется Sandy-bay, или Песчаною бухтою. Кратеръ виденъ еще—правильный полукругъ, куда проникаютъ волны съ открытаго моря, окаймляя черный пляжъ своими бѣлыми фес-

острова. Нѣкоторые выступы на этой иззубренной окраинѣ походятъ на гигантскія колонны: таковы колонны Лота и Жены Лота, которые, находясь на южной части этой вулканической ограды, высятся на 90 и 80

метровъ; на вершинѣ же ея, на подобіе ковѣ въ теченіе 140 дождливыхъ дней достигаетъ 685 миллиметровъ для Джемстаунскаго порта, гдѣ атмосфера относительно еще суха; но въ горахъ, въ Лонгвудѣ, средній дождь превышаетъ одинъ метръ и 20 сантиметровъ въ годъ; тамъ травы почти непрерывно купаются во влажномъ туманѣ, а съ листьевъ деревьевъ ниспадаютъ капли. Большия ливни бываютъ главнымъ образомъ въ мартѣ и апрѣль, т. е. въ началѣ южной зимы. Грозы въ областяхъ океана, окружающихъ Св. Елену, крайне рѣдки: иногда поколѣнія отходить въ вѣчность, ни разу не слыхавъ грома. Поэтому, громоотводы оказываются бесполезными на островѣ, и ихъ не помышлаютъ даже надъ пороховыми заводами. Такъ называемая толчая, по-бѣломорски суда¹⁾, возникающая у сѣверо-западныхъ береговъ, происходитъ преимущественно въ январѣ и въ февралѣ, при прекрасной погодѣ и slabomъ вѣтрѣ; природа затихаетъ, какъ бы для того, чтобы созерцать этотъ грозный прибой морскихъ валовъ.

Изгрызенный временемъ, развѣнчанный, лишенный своихъ эруптивныхъ конусовъ, островъ Св. Елены не имѣть съ сѣверной стороны того величественнаго вида, какой являются другіе вулканическіе острова. Онъ представляется въ видѣ груды черныхъ и красноватыхъ скалъ, при чѣмъ крутые берега и откосы на его окружности кажутся какъ бы поверхностями излома; во надѣ прибрежными оврагами, выше ихъ, профиль острова представляеть уже мало разнообразія; и только на востокѣ глубокая вырѣзка отдѣляетъ вдающійся въ океанъ мысъ отъ остальной массы острова. Многія изъ высотъ превышаютъ 600 метровъ, а самая высокая изъ нихъ, пикъ Діаны, достигающій 825 метровъ, господствуетъ надѣ панорамою всего острова, съ его хребтами и долинами, съ его щицами и прибрежными оврагами. Въ то время, когда островъ Св. Елены только-что нашли, онъ казался темнымъ отъ покрывавшихъ его лѣсовъ, а вверху надѣ его берегами видѣлись нависшія надѣ краемъ морской бездны деревья. Нынѣ уже не то: пять шестыхъ острова лишены всякой зелени, и почти всѣ встрѣчающіяся на немъ деревья—иностранныго происхожденія, будучи ввезены изъ Европы, Африки, Нового Свѣта и даже изъ Австралии¹⁾.

Мягкій климатъ благопріятствуетъ разведенію этихъ иноземныхъ растеній. Хотя о. Св. Елены находится въ такъ называемомъ «жаркомъ поясѣ», тѣмъ не менѣе, лѣтніе жары тамъ не сильнѣе, чѣмъ въ Англіи: сѣверо-восточные вѣтры и прохладная вода антарктическаго теченія безпрерывно понижаютъ нормальную температуру, а облака, скопляющіяся вокругъ возвышеностей, защищаютъ низменныя долины отъ солнечныхъ лучей. Въ теченіе года число облачныхъ дней вдвое болѣе безоблачныхъ; средняя разница между холодами зимою (12°) и жарами лѣтомъ (29°) всего лишь 17° . Дожди весьма обильны: такъ, годичное выпаденіе атмосферныхъ осад-

ковъ въ теченіе 140 дождливыхъ дней достигаетъ 685 миллиметровъ для Джемстаунскаго порта, гдѣ атмосфера относительно еще суха; но въ горахъ, въ Лонгвудѣ, средній дождь превышаетъ одинъ метръ и 20 сантиметровъ въ годъ; тамъ травы почти непрерывно купаются во влажномъ туманѣ, а съ листьевъ деревьевъ ниспадаютъ капли. Большия ливни бываютъ главнымъ образомъ въ мартѣ и апрѣль, т. е. въ началѣ южной зимы. Грозы въ областяхъ океана, окружающихъ Св. Елену, крайне рѣдки: иногда поколѣнія отходить въ вѣчность, ни разу не слыхавъ грома. Поэтому, громоотводы оказываются бесполезными на островѣ, и ихъ не помышлаютъ даже надъ пороховыми заводами. Такъ называемая толчая, по-бѣломорски суда¹⁾, возникающая у сѣверо-западныхъ береговъ, происходитъ преимущественно въ январѣ и въ февралѣ, при прекрасной погодѣ и slabomъ вѣтрѣ; природа затихаетъ, какъ бы для того, чтобы созерцать этотъ грозный прибой морскихъ валовъ.

Народясь вдали отъ всякаго материка, островъ Св. Елены имѣть нѣкогда и свою совершенно отличную отъ другихъ флору; но многіе изъ туземныхъ видовъ, въ томъ числѣ черное дерево, исчезли, будучи либо вырваны человѣкомъ, либо сѣдены овцами и свиньями, либо заглушены ввезенными растеніями; такимъ образомъ, въ теченіе настоящаго столѣтія, одна часть первоначальныхъ растеній погибла, а другая сохраняется пока еще въ садахъ, и ботаники опасаются, что скоро не будутъ имѣть ихъ иначе, какъ въ своихъ гербаріяхъ. На всю флору, состоящую изъ 746 явнобрачныхъ растеній, увеличившуюся нынѣ приблизительно 300-ми видами, Дарвинъ насчиталъ всего 52 туземныхъ вида, въ числѣ коихъ находятся красивый древовидный папоротникъ и верески; Мелисъ же перечисляетъ 77 этихъ «представителей древняго міра», которые почти всѣ нашли себѣ убѣжище на пикѣ Діаны и на окрестныхъ гребняхъ; растенія эти сѣроваты и не окрашены въ яркіе цвета²⁾). Дубъ, сосна, европейскій кипарисъ прижились превосходно, а между промышленными и пищевыми растеніями наблюдаются другъ возлѣ друга занесенные какъ изъ жаркаго пояса, такъ и изъ умѣренного; но воздѣльваніе хиннаго дерева было оставлено. Кофейное дерево, даже чайный кустъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, индигоносница, ананасовая растенія, гуава и бананъ процветаютъ въ однихъ и тѣхъ же садахъ рядомъ съ яблонями, грушами и виноградомъ; картофель растѣтъ рядомъ съ

¹⁾ Joseph Hooker, "Nottingham meeting of the British Association", 1886.

²⁾ По-англійски: race, tide-gate, по-французски: газ де матрѣ—есть особенное волненіе, а также и возвышеніе воды, которое независимо отъ вѣтра образуется мгновенно у нѣкоторыхъ береговъ и часто бываетъ причиной большихъ несчастій.

³⁾ Mrs Gill, "Six Months in Ascension".

бататомъ и дюскорею. Завладѣли полями Св. Елены также и сорные травы различныхъ странъ, и ежевика, дикий тернъ и дрокъ до-того вредили воздѣлываемымъ растеніямъ, что пришлось, въ видахъ общественной пользы, предпринять всеобщее ихъ искорененіе.

Первоначальная фауна острова равнымъ образомъ отличалась отъ фауны обоихъ ближайшихъ материковъ; она заключала въ себѣ даже одну птицу (*charadrius ressicares*), неизвѣстную на всѣхъ другихъ островахъ. Кромѣ того, островъ Св. Елены служить мѣстомъ остановки и роздыха для морскихъ птицъ дальнаго полета, каковы «блѣлая» птица и фрегатъ, который, по выражению Мишле (*L'oiseau*), есть какъ-бы одно только крыло и «который спитъ на бурѣ». Дикия козы, довольно многочисленная въ первое время колонизаціи, но неоднократно осужденная декретомъ на истребленіе, уже почти исчезли, и нынѣ свободная фауна заключаетъ въ себѣ только лишь кроликовъ и крысъ, наносящихъ много вреда земледѣльцамъ. Не существуетъ и пресмыкающихся, если не считать тысячевожекъ и скорпионовъ, попавшихъ на островъ, повидимому, по недосмотру. Изъ 96 видовъ мотыльковъ половина сомобытные, тогда какъ другія формы встрѣчаются также либо на африканскомъ материкѣ, либо на островахъ Атлантическаго океана, вплоть до Азорскихъ¹). Изъ наземныхъ раковинъ на о. Св. Елены живутъ еще 11 туземныхъ видовъ, которые походить на моллюсковъ, обитающихъ на островахъ Сейшельскихъ и въ Океаніи, но не тождественны съ ними. На высотахъ находять много и другихъ видовъ, но уже въ «подъискоемомъ» состояніи, т. е. погибшихъ въ недавнюю эпоху, послѣ уничтоженія на островѣ лѣсовъ²). Что касается хлѣва и птичника, то обитатели ихъ тѣ же самыя, какъ и въ Европѣ: это—лошади, коровы, овцы, козы, фазаны, цесарки и прочая домашняя птица; всѣ они завезены первыми колонистами острова, португальцами и голландцами; затѣмъ многочисленный разновидности привезены и англичанами. Въ числѣ завоевателей острова находится также и воробей, большой врагъ посѣвовъ. Нѣкоторыя насѣкомыя, и въ томъ числѣ пчела, не могли приспособиться къ климату и исчезли спустя немногое времени послѣ занесенія; но другія, напротивъ, черезъ-чуръ размножились: таковъ, именно, термитъ, по недосмотру занесенный въ 1840 г. изъ Бразиліи. Уже пять лѣть спустя, городъ Джемстаунъ оказался разрушеннымъ на половину, точно отъ землетрясенія; для исправленія разрушеній, причиненныхъ этимъ насѣкомымъ, понадобилось полтора миллиона франковъ. Нѣкогда часто посѣщали

смежный съ Св. Еленою области океана также ламантинъ (манаты), прозванные островитянами «морскими коровами»; послѣдняго изъ нихъ видѣли въ 1810 г. Но рыбами, особенно тунцами, окружающая островъ воды изобилуютъ.

Поселенцевъ островъ Св. Елены сталъ получать въ первые же годы послѣ его открытия; такъ, въ 1513 году туда были высажены португальские солдаты, осужденные Альбукеркомъ за побѣгъ; съ ними вмѣстѣ были свезены на берегъ также вѣсколько рабовъ изъ негровъ, домашнія животныя и провиантъ; обрабатывать эти колонисты стали ту долину, гдѣ находится нынѣ столица острова, Джемстаунъ. Впослѣдствіи, однако, наступилъ періодъ, когда островъ оказался покинутымъ совершенно; въ 1651 году португальскимъ поселенцамъ наслѣдовали голландцы, а имъ, въ свою очередь, англичане, между которыми было много семействъ, разорившихся послѣ большаго пожара въ Лондонѣ въ 1666 году. Были привозимы на островъ также негры и другіе новольники изъ Африки, а съ 1810 года послѣдовалъ ввозъ земледѣльцевъ изъ Китая и съ Малайскихъ острововъ. Образовавшаяся такимъ образомъ изъ столь различныхъ элементовъ раса далеко не представляетъ той розоватой блѣзны кожи, которую отличаются англичане метрополіи, но граціозность тѣла и красота чертъ составляютъ общий отличительный признакъ островнаго населенія. За пятнадцать лѣтъ до уничтоженія рабства въ другихъ англійскихъ колоніяхъ, на островѣ Св. Елены, въ день Рождества 1818 года, была провозглашена свобода дѣтей, рожденныхъ отъ женщинъ-рабынь; а въ 1822 году были освобождены также и послѣдніе, еще остававшіеся въ рабстве 614 человѣкъ.

Имя этого маленькаго острова Южнаго Атлантическаго океана прогремѣло въ исторіи Франціи, а также и всего міра: здѣсь Наполеонъ, плѣнникъ Англіи, провелъ къ ссылкѣ послѣднія шесть лѣтъ своей жизни, и въ теченіе этого періода мира, смѣнившаго эпоху волнений и войнъ, всѣ взоры были устремлены «на этотъ подводный камень, о который ударила жалобная волна», на эту недавно безвѣстную глыбу лавы, гдѣ умиралъ завоеватель. Съ островомъ Св. Елены связаны также многозначительныя воспоминанія и въ исторіи науки. Такъ, вершина горы Галлея, возвышающейся въ центрѣ острова на 741 метръ, была избрана въ 1676 году астрономомъ того же имени для устройства обсерваторіи, имѣвшей задачею составить каталогъ южныхъ звѣздъ и наблюдать прохожденіе Меркурия; другая вершина была избрана въ 1840 г. Сабиномъ для магнитной обсерваторіи; наконецъ, на Св. Еленѣ производили свои, капитальной важности, изслѣдованія какъ надъ распределеніемъ

¹) T. Vernon Wollaston, „Testacea Atlantica“.
²) Darwin; — Melis и др.

растительныхъ видовъ, такъ и въ области физической географіи, Дарвінъ и другіе ученые.

Этотъ знаменитый островъ имѣеть въ міровомъ хозяйствѣ лишь весьма небольшое значеніе. Въ прежнее время, когда путешестіе вокругъ земного шара или вокругъ континентовъ были не часты, островъ Св. Елены служилъ мѣстомъ остановки для кораблей, и въ теченіе долгаго времени онъ былъ почтовою станціею для плавающихъ въ Атлантическомъ океанѣ: такъ, еще до сихъ поръ сохраняется та глыба лавы, подъ которой проходашія суда клали свои депеши¹⁾. Замѣна парусныхъ судовъ пароходами повлекла за собою измѣненіе въ обычаяхъ, а прорытіе Суэзскаго перешейка уменьшило посѣщеніе судами южныхъ морей. Торговая дѣятельность на островѣ въ 1894 г. выразилась слѣдующими цифрами: движеніе судоходства по приходу и отходу судовъ—81.161 тонна; ввезено товаровъ на 31.777, а вывезено на 14.717 фунт. стерл. Островъ потерялъ почти всякое значеніе какъ якорная стоянка и мѣсто запаса провизіею; самъ онъ не вывозить почти ничего, кромѣ добываемыхъ американскими китоловами продуктовъ (ежегодная цѣнность улова—около 2.000 фунт. стерл.); острогитяне, привыкшіе жить на счетъ посѣщающихъ ихъ иностранцевъ, а также получать и денежныя вспомоществованія отъ британскаго правительства, не обладаютъ необходимымъ починомъ для возмѣщенія путемъ земледѣлія тѣхъ доходовъ, которые они нѣкогда извлекали изъ торговли; къ тому же, большая часть землевладѣльцевъ, будучи обременена долгами, должна была продать свои земли городскимъ купцамъ, и послѣдствіемъ монополіи явилась нищета. Подумывали было о расширеніи поселей, засѣваемыхъ новозеландскимъ льномъ, объ увеличеніи табачныхъ плантацій и другихъ промышленныхъ растеній; но всѣ эти благіе помыслы не возымѣли послѣдствій, и населеніе острова значительно уменьшилось, вслѣдствіе эмиграціи, по преимуществу на мысъ Доброй Надежды. Въ 1861 году число жителей достигло 6.860 человѣкъ, двадцать лѣтъ спустя оно равнялось уже 5.060, а въ 1891 г., состояло уже только изъ 4.116 душъ, хотя народное здравіе оставалось превосходнымъ, и рождаемость значительно превышала смертность. Такъ, въ 1893 году рождаемость составляла 26,9, а смертность 13,8. Доходы колоніи въ 1894 г.: 9.152, расходы—7.874 фунт. стерл. Въ 1891 г. было 11 начальныхъ школъ, съ 822 учащихся. Хотя, благодаря здоровости климата, на островѣ Св. Елены и поселяются, на болѣе или менѣе долгое пребываніе, иностранцы, но они немногочисленны.

Единственный городъ Св. Елены, Джемста-

унъ, расположень на западномъ берегу, или «подъ вѣтромъ»; въ другомъ мѣстѣ его нельзя было построить, такъ какъ судамъ почти никогда невозможно приставать къ бухточкамъ противоположнаго берега, гдѣ волны, гонимыя пассатами, съ яростью разбиваются о каменъя. Мѣстоположеніемъ городу служить треугольная выемка между откосами крутыхъ береговъ; окружающіе ихъ дома и сады занимаютъ исходный конецъ долины, съуженной въ своей верхней части и расширяющейся къ устью; иногда, послѣ большихъ дождей, массы воды, стекая чрезъ это ущелье, уносятъ въ море скотъ, древесные стволы и обломки строеній. Къ западу отъ Джемстауна, откосы повышаются и образуютъ Ladder-hill, или «Лестничную гору», имѣющую 183 метра высоты иувѣнчанную укрѣпленіями и военными постройками; своимъ наименованіемъ гора обязана лѣстницѣ въ 700 ступеней, которая по прямой линіи ведетъ къ ея вершинѣ изъ города. Тоже къ западу отъ города, дорога, поднимающаяся косвенно на холмъ Руперта, ведетъ къ домику въ Лонгвудѣ, въ которомъ жилъ Наполеонъ. Неподалеку оттуда находится «долина могилы»: похороненное тамъ, подъ группою ивъ, тѣло этого изгнаника было перевезено, въ 1840 году, въ Домъ Инвалидовъ въ Парижѣ.

Жители острова Св. Елены не имѣютъ никакихъ представительныхъ учрежденій: островъ, до 1834 г. принадлежавшій Остѣ-Індской Компаніи, составляетъ нынѣ «коронную колонію», и администраторы его назначаются лондонскимъ правительствомъ.

IV. Островъ Вознесенія.

Этотъ островъ—тоже «земля англійской короны»—быть открытъ въ томъ же году, какъ и о. Св. Елены и тѣмъ же мореплавателемъ, Жуаномъ-де-Нова. Онъ лежитъ почти на срединной линіи атлантическаго бассейна, а поддерживающій его цоколь поконится на подводномъ крижѣ Челленджера, который отдѣляетъ африканскія пучины отъ еще болѣе глубокихъ безднъ бассейна, омывающаго Новый Свѣтъ. Островъ Вознесенія находится приблизительно въ 2.200 километрахъ отъ бразильскихъ береговъ, именно отъ Пернамбуко; отъ береговъ же Африки, находящихся подъ тою же широтою, именно отъ Анголы, онъ отдаленъ въ сколько болѣе, хотя отъ ближайшаго къ нему континентальнаго мыса, Пальмового, онъ, по направленію къ юго-западу, отстоитъ всего лишь на 1.550 километровъ. Подобно Св. Еленѣ, островъ Вознесенія лежитъ въ области юго-восточныхъ пассатовъ: около него наблюдаются точно такія же явленія морской зыби, вслѣдствіе чего его южный берегъ превращается почти въ неиступный, и суда бываютъ вы-

¹⁾ Melliss, „Saint-Helens, physical, historical and topographical description“.

нуждены причаливать «подъ вѣтромъ» къ берегу съверному; что касается внезапно набѣгающихъ огромныхъ волнъ (*raz de maree* или

островъ Св. Елены. Иногда это величественное зрѣлище продолжается цѣлые дни и недѣли: но случается также, что достаточно какихъ-

Водопадъ Бли-бею на Гоа Гранде.

«rouleurs»), которыя, даже въ тихую погоду, особенно въ періодъ съ декабря по апрѣль, обрушиваются на плоскіе берега, то, быть-можеть, здѣсь онѣ еще болѣе грозны, чѣмъ на

нибудь десяти минутъ, чтобы поднялись громадные валы въ 8 или 10 метровъ высотою и, затѣмъ, все снова успокоилось. Эвансъ приписываетъ образованіе этихъ валовъ паденію гро-

мадныхъ массъ льда, отрывающихся отъ крутыхъ береговъ антарктическихъ земель и сразу погружающихся въ море¹⁾.

Пространствомъ островъ Вознесенія меньше Святой Елены, такъ какъ занимаетъ всего лишь 90 кв. километровъ; по формѣ же онъ болѣе правильный, при чемъ очертанія его представляютъ сферический треугольникъ, а круче всего та изъ его поверхностей, которая обращена къ пассатнымъ вѣтрамъ; въ центрѣ острова возвышается въ 850 метровъ конусъ, съ которого у его же подножія видныются множество кратерообразныхъ холмиковъ, нѣкогда извергавшихъ пепель или лаву: геологи насчитываютъ на островѣ сорокъ одинъ угасшій вулканъ. Съ высоты центральной горы, Дарвинъ убѣдился, что всѣ пепельные холмики имѣютъ болѣе продолговатый склонъ со стороны юго-востока, откуда дуетъ пассатный вѣтеръ, и что наиболѣе значительная кучи обломковъ были выбрасываемы на противоположную сторону, гдѣ и образовали крутой откосъ; большая часть кратеровъ, подъ влияніемъ воздушного теченія, срѣзаны наискосокъ²⁾, но почти всѣ внутренніе цирки представляютъ большую правильность, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ наименование *Riding school*, или «манежъ». На протяженіи острова, повидимому, уже не чувствуются подземные толчки; однако, мореплаватели рассказываютъ о землятрясеніяхъ, ощущавшихся въ экваторіальныхъ моряхъ, къ сѣверу отъ острова Вознесенія³⁾.

Вокругъ жерлъ изверженія разсыпаны вулканическія бомбы, а въ массѣ окалинъ оказываются заключенными глыбы другихъ породъ, именно сіенита и гранита. За исключеніемъ этихъ извергнутыхъ изъ недръ земли обломковъ, островъ Вознесенія, красная и кальцинированная масса, представляетъ лишь формациіи огненнаго происхожденія, базальты, пемзу, пущдоланъ или глину, и только по окружности острова кучи изломанныхъ раковинъ, кораллы и вулканический песокъ оказываются сплоченными въ такую известковую породу, что ее можно употреблять на постройки. Нѣкоторыя разновидности этой породы достигаютъ плотности и бѣлизны мрамора; другія, отлагаясь прозрачными и почти кристаллическими слоями, на подобіе эмали покрываютъ подводные камни, омываемые водами приливовъ и отливовъ. Это обволакивание естественнымъ цементомъ совершается столь быстро, что вылупляющіяся въ пескѣ изъ яицъ черепашки охватываются и замуровываются въ этой массѣ.

Температура, когда бриза не обновляетъ воздуха, очень тягостна, такъ какъ островъ Воз-

несенія находится къ югу отъ экватора всегдь лишь въ 900 километрахъ ($7^{\circ} 57'$). Средня годовая температура, въ мѣстѣ якорной стоянки, 29° по Ц., тогда какъ на тѣхъ плато, которыя освѣжаются правильнымъ дуновеніемъ пассатовъ, термометръ колеблется между 20 и 21° и спускается даже до 15° . Хотя въ 1823 году эпидемія желтой лихорадки похитила треть гарнизона, однако климатъ Возвесенія несмотря на его высокую температуру, считается исключительно здоровымъ; поэтому островъ служить санитарною станціею для европейцевъ, проживающихъ на берегахъ Африки. Дожди, будучи значительно изобильнѣе, чѣмъ на Св. Еленѣ, не достаточны, однако, для потребностей жителей: вслѣдствіе этого, заболившо охраниются малыши ключи, между которыми называются и одинъ родничекъ, открытый, въ 1761 году, Дампіеромъ, во времъ претерпѣннаго имъ кораблекрушенія; вершинѣ одной горы пробуравили даже туннелемъ толко для того, чтобы струю воды, сбѣгавшей по противоположному откосу, направить къ мѣсту якорной стоянки. Рѣдкіе ливни, приносимые облаками, почти полностью поглощаются тепломъ, который покрываетъ большую часть острова⁴⁾. И только остроконечныя вершины, купающіяся порою въ туманахъ самаго верхняго пояса, получаютъ немного влажности относительной зелени своихъ склоновъ центральный конусъ и обязанъ наименованіемъ «*Green Mountain*» (Зеленої Горы). Впрочемъ въ 1836 году, во времъ посѣщенія острова Дарвиномъ, на этой горѣ не было уже ни одного дерева.

Съ 1860 года, на высотахъ острова стала дѣлать уже попытки къ обѣспенію ихъ вновь и эти опыты удались превосходно. Въ туземной флорѣ насчитывается всего шестнадцати видовъ явнообразныхъ растеній, и между нимъ одно полукустарное деревцо, называемое *hedysarum Ascensionis*; ввезенныхъ же растеній изъ считаются сотнями. Одинъ изъ ботаниковъ Bell, превратилъ высокіе склоны въ обширный опытный садъ, и народившіеся вскорѣ изъ акацій, чилійскихъ сосенъ, каучуковыхъ деревьевъ, сосенъ, можжевельника и зикаліптовъ измѣнили, приблизительно на пространствѣ 160 гектаровъ, виѣшний обликъ вулканическихъ холмовъ. При этомъ, не только посаженные растенія нашли въ окружавшемъ воздухъ необходимую для себя влагу, но отъ тумановъ, прежде уносившихся въ тромъ безъ увлажненія почвы, теперь на листьяхъ деревьевъ осѣдаетъ излишокъ влаги, медленно стекающей и собираемой подъ деревьями не только для водопоя животныхъ, въ даже и для удовлетворенія потребностей человѣка. Такимъ образомъ, прямымъ опытомъ

¹⁾ Mrs Gill, упом. соч.

²⁾ Ch. Darwin, „Geological observations on the Volcanic Islands“.

³⁾ „Comptes rendus de l'Académie des sciences“, 1838,— „Nautical Magazine“, 1838.

⁴⁾ Lyell, „Principles of Geology“.

было доказано, что, по крайней мѣрѣ въ этихъ жаркихъ климатахъ, насажденія растеній въ состояніи въ нѣкоторой степени увеличивать осажденіе влаги изъ атмосферы, при чмъ водяные пары облаковъ превращаются въ капельно-ожидкое состояніе ¹⁾.

Подобно флорѣ, и фауна острова—за исключениемъ птицъ дальнаго перелета и морскихъ животныхъ—по своему происхожденію чужеземная. Такъ, издавна уже одичавшія козы, превратившіяся въ хищныхъ звѣрей кошки, крысы и собаки занесены изъ Европы; то же самое слѣдуетъ сказать какъ о фазанахъ въ лѣсахъ на вершинахъ, такъ и о домашней птицѣ въ птичникахъ; цесарки, впрочемъ, были привезены съ африканскаго материка. Змѣи неизвѣстны на этой океанической землѣ; но островъ Вознесенія представляетъ одинъ изъ тѣхъ острововъ океана, на которыхъ практикуется ловля черепахъ: съ декабря по май изъ океана выходятъ для кладки въ песокъ своихъ яицъ большія *chelonia*; въ сравненіи съ черепахами Антильскихъ острововъ, эти животныя оказываются громадными, но любители поѣсть цѣнить ихъ мясо менѣе. Подстерегающіе ихъ охотники сначала переворачиваютъ ихъ на спину, затѣмъ переносятъ въ садки, наполняющіеся водою при приливѣ. Большая часть этихъ животныхъ вѣсить отъ 200 до 250 килограммовъ, но порою бывали находмы также и такія черепахи, которыя вѣсили до 400 килограммовъ; общее число пойманыхъ такимъ образомъ животныхъ въ исключительные годы доходило прежде до 2.500, а нынѣ оно, въ среднемъ, не превышаетъ 300. Чтобы, во время этой кладки яицъ, не напугать робкихъ черепахъ, не дѣлаютъ выстрѣловъ ни съ кораблей, ни съ фортовъ, а также не зажигаютъ огней и на морскихъ берегахъ. Никогда не наблюдала, чтобы на островъ выходила черепаха-самецъ. Что же касается молодыхъ черепахъ, то по выходѣ изъ яицъ, онѣ дѣлаются днемъ добычею птицъ, кружящихся надъ побережьемъ.

Единственное населеніе острова Вознесенія составляютъ солдаты, матросы, чиновники и поставщики на гарнизонъ. Въ политическомъ отношеніи островъ Вознесенія рассматривается какъ военное судно, а его жители—какъ экипажъ. Губернаторъ острова, подобно капитану судна, есть вполнѣправный властелинъ; никто не вступаетъ на островъ безъ особеннаго разрѣшенія лордовъ адмиралтейства, а въ случаѣ высадки получаетъ содержаніе отъ государства ²⁾. Военный постъ англійское правительство помѣстило тамъ въ 1815 году, съ цѣлью сторожить Наполеона; но и съ 1821 года постъ этотъ былъ сохраненъ, благодаря

тому, что островъ представляетъ какъ-бы каравулку въ центрѣ Атлантическаго океана и находится на половинѣ пути между двуми материками; проходящіе пароходы находять въ Джорджтаунѣ, поселеніи на островѣ, запасъ угля и вѣкоторой провизіи, но воду имъ отпускаютъ только въ случаѣ крайней необходимости.

V. Острова Гвинейскаго залива.

Эти четыре острова отличаются отъ груды лавы, приподнявшихся надъ уровнемъ Южнаго Атлантическаго океана, если не способомъ образованія,—такъ какъ всѣ они тоже вулканическаго происхожденія,—то по крайней мѣрѣ своимъ мѣстонахожденіемъ въ сравнительномъ неглубокомъ заливѣ и въ сосѣдствѣ материка. Въ Гвинейскомъ заливѣ дно повсюду углублено менѣе, чмъ на 1.000 брассъ (т. е. саженей въ 6 англ. футовъ), и даже островъ Фернандо-По выступаетъ одною изъ своихъ сторонъ съ части морскаго ложа, имѣющей менѣе 100 метровъ глубины. Острова эти составляютъ естественную принадлежность Африки, какъ по своему положенію на наклоненномъ днѣ, на которомъ они покоятся, такъ и потому, что образуютъ прямолинейный рядъ кратеровидныхъ горъ, которыя на материкѣ продолжаются другимъ вулканомъ, пикомъ Камерунъ; нѣтъ поэтому никакого сомнѣнія, что какъ эти островные массивы, такъ и тотчасъ упомянутая континентальная группа, находятся на одной и той же разсѣянѣ вулканическаго изверженія. Можеть-быть, принадлежащимъ къ этому же ряду долженъ считаться также и островъ Св. Елены; однако, онъ настолько отдаленъ, подверженъ столь отличнымъ климатическимъ условіямъ и разобщенъ съ материкомъ столь глубокими морями, что, въ дѣйствительности, составляетъ какъ бы особенный мірокъ. Рассматриваемые же четыре острова, размѣщенные въ Гвинейскомъ заливѣ на одной и той же линіи, протягивающейся съ юго-запада къ сѣверо-востоку, представляютъ также особую географическую группу, земли которой правильно отстоять одна отъ другой на разстояніяхъ приблизительно въ 200 километровъ. Въ политическомъ отношеніи эти острова распределены между двумя европейскими державами: два внутреннихъ, св. Оомы и Принсипе, принадлежать Португалии; два же крайнихъ, Аннобонъ и Фернандо-По, съ 1778 г. составляютъ земли испанскія.

Аннобонъ, *Alpo Bon*, или «Добрый Годъ»,—названный такъ открывшими его 1-го января португальцами Эскобаромъ и Сантаремъ,—есть самый малый изъ острововъ Гвинейскаго залива; поверхность его равняется всего лишь

¹⁾ Bell, „Gardener's Chronicle“, апрѣль 11, 1874 г.
²⁾ Mrs. Gill, упом. соч.

17-ти квад. километрамъ. Это не что иное, какъ гора изъ потрескавшейся лавы, возвышающая свой центральный пикъ, Пико-до-Фого, на 990 метровъ и окруженнная нѣсколькими боковыми холмами, сплошь покрытыми лѣсомъ; вблизи вершины, небольшой кратеръ превратился въ озеро, отражающее въ своихъ голубыхъ водахъ листву апельсиновыхъ деревьевъ; нижняя часть острова составляетъ къ густымъ лѣсамъ внутренности поясь изъ болѣе нѣжной зелени, образуемой пальмовыми и банановыми деревьями. Около береговъ Аннобона находятся нѣсколько островковъ, съ островерхими горами. Зеленѣющая наружность острова свидѣтельствуетъ о значительно большемъ количествѣ дождей, чѣмъ на островахъ Св. Елены и Вознесенія; но, по сравненію съ дожливостью сѣверныхъ острововъ, дождей здѣсь все-таки менѣе. Будучи менѣе сырымъ, чѣмъ острова Фернандо-По и Принципе, Аннобонъ, вслѣдствіе этого, оказывается и значительно болѣе здоровымъ; экваторіальное теченіе, въ началѣ котораго онъ находится и которое питается сравнительно холодными водами, притекающими параллельно берегу изъ антарктическихъ морей, способствуетъ своими сѣжими водами очищению атмосферы. Тѣмъ не менѣе, островъ не сдѣлался европейскою колоніею. Всѣ жители, числомъ приблизительно до 3.000, суть негры или цвѣтнокожіе, потомки либо моряковъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, либо невольниковъ, сопровождавшихъ португальцевъ, впервые овладѣвшихъ островомъ; по вѣроисповѣданію, это ревностные католики, по крайней мѣрѣ въ отношеніи исполненія обрядовъ. Главное селеніе этой маленькой чернокожей республики, Санть-Антоніо-да-Прайя, расположеннное на южномъ берегу острова, продаѣтъ проходящимъ судамъ воду, дрова и плоды, и между послѣдними въ особенности—превосходные апельсины.

Островъ св. Фомы, имѣющій овальную форму, какъ и другіе острова Гвинейскаго залива, значительно больше острова Вознесенія, такъ какъ поверхность его равняется 929 квадратнымъ километрамъ. Будучи тоже образованъ изъ оставшихъ лавъ, островъ этотъ имѣлъ, по-видимому, нѣсколько центровъ вулканическихъ изверженій, ибо профиль его показываетъ не одинъ господствующій вулканъ, но нѣсколько массивовъ съ островерхими вершинами, каковы: пикъ Санта-Анна-Шавесть, по срединѣ острова, и пикъ Св. Фомы, неподалеку отъ его западнаго берега. По сравненію съ С. Анна-Шавесть, пикъ Св. Фомы нѣсколько выше, достигая высоты 2.142 метровъ; на склоны его проникали—сквозь лѣса, низкіе кустарники и скатывающіеся камни—ботаникъ Мюллеръ и другіе путешественники; а къ сѣверу и къ востоку отъ него находится, расположенный полуокру-

гомъ, высокій гребень, относительно котораго полагаютъ, что онъ—часть кратера; называютъ его Кордильерою Св. Фомы¹). Существуютъ и другія островерхія вершины, менѣе высокія, но болѣе поражающія смѣлостью своихъ контуровъ и представляющія бурые или черные утесы, возвышающіеся надъ зеленою лѣсовъ; таковы пикъ Прайя-Ланса и пики двухъ «Собакъ»: Канъ Гранде и Канъ Пекено, находящіеся на южной оконечности цѣли изъ этихъ вершинъ. Вблизи крутыхъ береговъ острова выступаютъ изъ воды нѣсколько островковъ, изъ которыхъ самые большие суть: на сѣверѣ, островъ дасъ-Кабрасъ, или Козлиній, а на югѣ, островъ дасъ-Роластъ, или островъ Горлицъ; этотъ островокъ составляетъ частную собственность и отдѣляется отъ большаго острова экваторомъ. Бухточки, врѣзывающіеся въ берега неглубоко, представляютъ для кораблей лишь весьма ненадежное пристанище, а мѣстами рокочущія волны проникаютъ даже и въ глубокіе гроты.

Экваторіальный потокъ, омывающій Аннобонъ, касается обыкновенно и южной оконечности острова Св. Фомы; иногда же, въ періодъ лѣта сѣвернаго полушарія, когда вся система вѣтровъ и теченій устремляется къ сѣверу, широкій водный потокъ, увлекаемый съ востока на западъ, вполнѣ опоясываетъ островъ и, благодаря своей относительной сѣжести, уменьшаетъ температуру. Это и составляетъ причину того, что даже низменныя мѣстности острова Св. Фомы значительно здоровѣе другихъ острововъ, лежащихъ въ глубинѣ залива и вблизи болотистыхъ областей материка; такимъ образомъ, тогда какъ мѣсяцы іюнь, йоль и августъ самые нездоровыя на берегу континента и на островѣ Фернандо-По,—на островѣ Св. Фомы, они, напротивъ, менѣе всего неблагоприятны для здоровья европейцевъ; но они опасны для негровъ, которые страдаютъ въ теченіе ихъ отъ холода и заболѣваютъ ревматизмами. Вообще, европейцы безъ затрудненій могутъ акклиматизироваться на высотахъ острова, гдѣ жаръ менѣе силенъ въ сравненіи съ берегами; тамъ каждая возвышенная плантация становится и санаторіей. А это уже весьма важный фактъ въ виду такихъ областей Африки, каковы: Калабаръ, Камерунъ и Габонъ, гдѣ до сихъ поръ такъ мало удавались попытки бѣлыхъ къ акклиматизації. Со всѣмъ тѣмъ, хотя и менѣе нездоровыя, чѣмъ берегъ материка, прибрежья острова Св. Фомы считаются вообще весьма опасными для иностранцевъ. Островъ лежить почти на границѣ перехода океаническаго климата въ климатъ тропической Африки; количество дождей на немъ значительно; такъ, по J. A. Henriquez, среднее

¹) Greff, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, тетр. IV.

количество ихъ въ долинѣ Св. Фомы, съ 1877 по 1881 годъ, равнялось 1 метру и 8 миллиметрамъ; вслѣдствіе этого, каждая долина имѣеть свою гіебеіга, несущуюся съ скалы на скалу; между этими рѣками наибольшою извѣстностью пользуется, благодаря городу, находящемуся при ея устьѣ, рѣка Агоа-Гранде, на сѣверо-восточной покатости острова; при водопадѣ Блю-Блю, ея кристальная воды низвергаются въ сады, орошая своими брызгами листья банановъ.

Разстояніе острова Св. Фомы отъ ближайшаго берега материка, именно мыса Лопецъ, всего лишь около 250 километровъ, и потому флора этого острова, въ которой насчитывается 430 различныхъ растеній, большимъ числомъ своихъ видовъ походить на флору смежной суши; а между тѣмъ нѣкоторые естественно-исторические факты заставляютъ думать, что островъ никогда не находился въ связи съ Африкою; такъ, изъ 18 видовъ наземныхъ моллюсковъ только одинъ оказывается общимъ ему и материку; только на островѣ водится одна изъ летучихъ мышей (*sypouysteris stramineus*); также точно только въ его лѣсахъ живеть одинъ видъ обезьяны (*cercopithecus albicularis*)³). Ядовитая змѣя, *cobra negra*, дѣлаетъ опасными работы по расчисткѣ нови, а крысы часто пожираютъ жатвы.

Уже съ конца 15-го столѣтія, на островѣ Св. Фомы были колонисты европейцы, плантаторы, обрабатывавшіе свои поля при посредствѣ рабовъ. Однако, эти владѣтели острова, португальцы, не всегда имѣли возможность мирно пользоваться своими помѣстьями. Въ 1567 году, французскіе корсары принудили жителей укрыться въ глубь лѣсовъ; а спустя нѣсколько лѣтъ негры изъ Анголы, приставъ, вслѣдствіе кораблекрушенія, къ острову, поселились въ его юго-западной части и отсюда повели войну съ сѣверными собственниками. Часто они сожигали жилища и опустошали жатвы; такая война между бѣглыми неграми и блокожими продолжалась болѣе, чѣмъ стодѣтіе, пока наконецъ, въ 1693 г., одинъ «капитанъ лѣсовъ» не заставилъ негровъ покориться. Эти-то ангольцы, въ числѣ приблизительно полутора тысячъ, до сихъ поръ еще владѣютъ большою частью западнаго берега, при чѣмъ ревностно сохраняютъ свои обычай; будучи дровосѣкками, солеварами, садовниками, разводителями птицъ и свиней, они сами производятъ все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей и держатся въ сторонѣ отъ остальныхъ островитянъ. Нарѣчие *bounda*, которымъ они говорятъ, исказилось лишь немногого²). Во времена первой половины этого столѣтія, островъ Св. Фомы потерялъ было свою экономическую важность, вслѣдствіе переселенія

многихъ изъ его обитателей въ Бразилію; однако, съ 1876 года—времени освобожденія рабовъ—онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе богатыхъ колоніальныхъ владѣній Португалии; число обработанныхъ земель увеличилось, и съ низменныхъ, лишь слегка наклонныхъ къ сѣверу, мѣстностей плантаціи распространились уже по склонамъ и даже заняли верхнія долины. Въ первое время колонизаціи воздѣлывали въ особенности сахарный тростникъ, ввезенный съ Мадеры, и годичное производство сахара достигло 2.000 тоннъ. Но въ садахъ острова произрастаетъ также большое число и другихъ тропическихъ растеній; такъ, въ настоящее время, между 600 и 1.400 метрами высоты, распуть до миллиона хинныхъ деревьевъ; однако благосостояніе острова зависитъ на разведеніи деревьевъ кофейного и шоколадного; продукты съ нихъ почти исключительно вывозятся въ Лиссабонъ, где они весьма цѣнятся и считаются въ числѣ лучшихъ сортовъ, значительно превосходя кофе и какао съ Антильскихъ острововъ. Такъ, при общемъ торговомъ балансѣ въ 1881—82 году въ 5.519.640 франковъ, въ теченіе 1882—83 податнаго года вывезено въ килограммахъ: кофе—1.893.608, а какао—505.338. Воздѣлываются вся низменная и вся средняя области сѣверной части острова; южная же половина его находится почти повсюду въ состояніи первобытномъ.

Плантаторы острова Св. Фомы, лишившись труда своихъ прежнихъ рабовъ,—которые нынѣ либо воздѣлываютъ свои собственные поля, либо занимаются въ городѣ и въ селахъ мелкою торговлею,—нанимаютъ для полевыхъ работъ негровъ съ материка, по преимуществу изъ Анголы; въ числѣ пришлыхъ рабочихъ есть также нѣсколько круменовъ и кабиндцевъ, но большая часть этихъ переселенцевъ нанимаются на суда въ матросы. Впрочемъ, земледѣльцы плохо вознаграждаются; по минованіи двухъ или пяти договорныхъ лѣтъ, ангольцы или другіе работники нанимаются у плантаторовъ уже по полюбовному соглашенію. Въ довольно большомъ числѣ прибыли также колонисты изъ Бразиліи, привезя съ собою растенія и животныхъ изъ своихъ областей; между прочимъ, по недосмотру, ими же занесена нигва (*rufex penetrans*), наскѣкомое, котораго такъ боится расчищатели почвы подъ пашни. Послѣдствіемъ увеличенія площади воздѣлываемыхъ земель было значительное возрастаніе населенія. Такъ, въ 1855 году, число жителей— свободныхъ, рабовъ и ссыльныхъ—равнялось 8.072; а въ 1878 году оно поднялось до 18.260 человѣкъ, изъ которыхъ 1.200 было бѣлыхъ илиmetisovъ. Образованіе распространено пока весьма незначительно; въ годъ переписи насчитали умѣющихъ читать и писать островитянъ только 261, чѣмъ составить около одной семидесятой части населенія.

¹⁾ Greeff, „Zoologischer Anzeiger“, 1883.

²⁾ Greeff, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, тетр. IV.

Столица острова, называющаяся Сидадэ, что значит «городъ», красиво расположилась, утопая въ зелени, по окраинѣ полукруглой бухты Анна-де-Шавесь, находящейся на съверо-восточномъ берегу. Ручей Агоа-Гранде дѣлить городъ на двѣ половины, при чемъ въ сосѣдствѣ залегаютъ солончаки и нездоровыя болотистыя мѣстности. Въ этомъ городѣ имѣютъ пребываніе губернаторъ и комендантъ португальскаго гарнизона.

Островъ до-Принсипе, или «островъ принца», прозванъ такъ вслѣдствіе того, что спустя 30 лѣтъ послѣ своего открытия, въ 1471 году, былъ отданъ въ удѣлъ наслѣдному принцу; онъ въ шесть разъ меньше острова Св. Фомы, такъ какъ занимаетъ всего лишь 151 кв. километръ. Довольно низменный въ съверной части, островъ этотъ поднимается въ южной своей половинѣ, гдѣ высится и главный, въ 825 метровъ, пикъ, окруженный другими вершинами, усыпанными утесами въ формѣ шпицевъ. Изобилыи дожди, выпадающіе на островѣ, этомъ «садѣ Африки», одѣли склоны горъ густыми лѣсами и избороздили ихъ столькими же потоками, «сколько дней въ году»¹⁾). На о. Принсипе воздухъ болѣе нездоровыи, чѣмъ на южныхъ островахъ: Св. Фомы и въ особенности Аннобонѣ; зависить это отъ того, что экваторіальное теченіе, съ своими водами сравнительно болѣе освѣжающими, чѣмъ воды Гвинейскаго потока,—никогда не простирается настолько къ съверу, чтобы омывать берега Принсипе. Воздѣлываемый руками рабовъ—съ самыхъ первыхъ лѣтъ занятія его португальцами,—островъ Принсипе, подобно острову Св. Фомы, имѣть большія плантациіи сахарного тростника; но въ особенности онъ игралъ важную роль въ торговлѣ, благодаря своимъ депо негровъ, откуда они и вывозились въ Новый Свѣтъ. Нынѣ его торговля ничтожна; вывозятся лишь небольшія количества кофе и какао, добываемыя съ плантаций на съверной половинѣ острова. Народонаселеніе острова, почти исключительно состоящее изъ чернокожихъ, именующихъ себя португальцами и католиками, значительно уменьшилось съ половины этого столѣтія: такъ, будучи въ то время почти пятитысячнымъ, оно свелось нынѣ приблизительно къ половинѣ этого числа. Именно, въ 1878 году, оно развилось всего лишь 2.262 ч. Почти всѣ островитяне пребываютъ на съверо-восточномъ берегу, въ городѣ Св. Антонія, расположенному по окраинѣ хорошо защищенной бухты, въ водахъ которой качаетъ нѣсколько гребныхъ судовъ.

¹⁾ F. Travassos Valdez, „Six Years of a Traveller's Life in Western Africa“.

Изъ всей цѣни вулкановъ, дѣлящихъ на двое Гвинейскій заливъ, островъ, сохранившій имя открывшаго его португальца, Fernâo do Poo, или, по испански, Фернандо-По, есть самый большой и самый красивый; въ начальонѣ былъ прозванъ островомъ Формозою, (Прекраснымъ), каковое наименование дѣйствительно вполнѣ заслуживаетъ. Поверхность его равняется 2.071 кв. километру; но изъ этого пространства на долю равнинъ приходится весьма немногого, такъ какъ островъ представляеть лишь горы, постепенно возвышающіяся отъ его окружности къ центру, гдѣ и высится, скрытый въ облакахъ, пикъ, почти постоянно называемый англичанами: Кларансъ-пикъ, а испанцами: пико Санта-Изабелла. Высота этого пика можетъ быть принята приблизительно въ 3.000 метровъ, такъ какъ исчисленія ея неоднаковы: по Буртону, она равняется 3.261 метру, а на морскихъ картахъ показывается различно: въ 2.900, въ 3.108 и въ 3.500 метровъ. По формѣ, островъ представляеть параллограммъ, удлиненный въ направленіи отъ съверо-востока къ юго-западу и оканчивающійся на всѣхъ четырехъ фасахъ крутыми берегами, которые лишь въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ мѣстахъ прерываются отлогими покатостями, спускающимися къ закругленнымъ бухтамъ. Отъ африканского материка островъ отдѣляется проливомъ всего въ 30 километровъ. Мореплаватели, вступающіе въ этотъ проливъ, при ясной погодѣ, созерцаютъ одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ, какія встрѣчаются на нашей землѣ. Съ одной стороны, массивъ Камерунъ, съ его лѣсистыми холмами, его лысыми горами, его конусомъ, пестрѣющимъ полосами снѣга, съ другой, островъ Фернандо-По, съ его высокими берегами, его зеленыющими отъ подошвы до маковки склонами, его геометрически правильными вулканомъ,—образуютъ величественный порталъ. Этотъ великолѣпный входъ внутрь Гвинейскаго залива былъ бы одною изъ мѣстностей, пользующихся, за красоту пейзажа, всемирной известностью, если бы онъ, какъ Гибралтарский проливъ или Босфоръ, вѣль въ оживленное плавающими судами море или въ многолюдный городъ, а не къ пустыннымъ или окаймленнымъ убогими деревеньками морскимъ берегамъ.

Фернандо-По—не океанический островъ, какъ другія земли Южнаго Атлантическаго океана: съверной своей половиной онъ покоятся на цоколѣ, образующемъ окружность материка Африки, и который моряки называютъ «промѣрочнымъ плато». Самая большая глубина пролива между берегами Камеруна и Фернандо-По равняется 88 метрамъ, и отсюда морское дно въ обѣ стороны быстро приподнимается къ песчанымъ берегамъ. На востокъ и на западъ отъ острова промѣрочное плато сохраняется до нѣкотораго разстоянія, за-

тѣмъ море вдругъ становится глубокимъ, а отдалами соотвѣтствуютъ два углубленія береговъ острова: на западѣ—глубокая бухта Санть-Карлосъ, а на востокѣ—бухта Зачатія. Такимъ образомъ, четыреугольникъ острова начало океанскихъ пучинъ; такъ, на небольшомъ разстояніи отъ Фернандо-По къ югу,

отдалами соотвѣтствуютъ два углубленія береговъ острова: на западѣ—глубокая бухта Санть-Карлосъ, а на востокѣ—бухта Зачатія. Такимъ образомъ, четыреугольникъ острова

Видъ съ подошвы горы Камерунъ.

глубина океана переходитъ уже за тысячу метровъ. Островъ расположенъ, такъ сказать, паискось, при чемъ одна его часть поконится на морскомъ днѣ, а другая на откосѣ африканскаго материка. Границѣ между этими двуми

оказывается раздѣленнымъ на двѣ половины, при чемъ упомянутымъ выемкамъ въ берегахъ соотвѣтствуетъ также форма рельефа острова: именно, между двумя сейчасъ названными заливчиками проходитъ невысокое ущелье, от-

орехи. Ихъ инъяловыя поля содержатся съ такою же тщательностью, какъ овощныя грядки у европейскихъ огородниковъ.

Къ какому изъ африканскихъ племенъ должны быть причислены буби по ихъ религиознымъ воззрѣніямъ—неизвѣстно. Ихъ Великій Духъ или Умо, есть существо, которое никто не можетъ видѣть, но которое проявляется въ ослѣпительномъ блескѣ и въ пещерномъ голосѣ, исходящемъ изъ нѣдѣ земли. Когда туземецъ желаетъ себѣ вымолить прощеніе, или узнать свое будущее, онъ проникаетъ чрезъ узкую щель въ пещеру, въ которой пребываетъ жрецъ и, идя ощупью, кладетъ свое приношеніе. Тотчасъ изъ отверстія въ сводѣ грота показывается снопъ лучей, и предстаєтъ жрецъ, обожаемый божественнымъ свѣтомъ. Ему предлагаютъ вопросы, онъ же передаетъ Умо молитвы, и вскорѣ пещера оглашается звуками: голосъ самого бога, кажущійся исходящимъ изъ бездны, отвѣчаетъ своимъ вѣрюшимъ¹⁾). Подобно этому Великому Духу, и «могущественный царь», пребывающій вблизи восточного берега, при бухтѣ Зачатія тоже не допускаетъ къ себѣ приближенія, по свою исполнительную власть передаетъ обществу, называемому *буля*, которое и дѣйствуетъ отъ его имени; со времени своей коронаціи, онъ затворяется въ гротѣ, для общенія, при посредствѣ змѣй, съ діяволомъ²⁾). Второстепенные же царьки племенъ, сосѣднихъ съ Санта-Изабеллой, ничѣмъ не отличаются отъ большей части своихъ подданныхъ. Что касается женщинъ, то онѣ еще довольно порабощены обычаемъ: передъ замужествомъ, невѣstu запираютъ въ хижинѣ, гдѣ ее и откармливаютъ до свадьбы; затѣмъ, послѣ совершенія брака, она снова возвращается въ свою лачугу, гдѣ остается годъ или болѣе, если только рожденіе ребенка не возвратить ей свободу равѣ³⁾); съ своей стороны, женихъ долженъ подчиниться нѣкоторому роду искуса, даромъ работая въ теченіе двухъ лѣтъ родителямъ своей будущей жены. Неизлѣчимыхъ больныхъ относятъ въ лѣсъ, кладутъ около нихъ немнога пищи и заѣмъ предоставлютъ ожидающей ихъ участіи.

Населеніе прибрежья Фернандо-По, сосредоточивающееся въ Санта-Изабеллѣ, на сѣверномъ берегу, и въ нѣсколькихъ деревушкахъ, въ большей сїей части состоится также изъ чернокожихъ, похожихъ на буби; но это—потомки рабовъ, освобожденныхъ или англійскими крейсерами, или ихъ испанскими владѣльцами. Европейскіе торговцы привезли съ собой или поставили своими замѣстителями, для веденія ихъ дѣлъ, негровъ изъ Лагоса, Кашь-

Коста, Сиerra-Леоне и съ острова Св. Фомы, которые представляютъ наиболѣе цивилизованную часть чернокожаго населенія и доставляютъ преобладаніе англійскому языку надъ испанскимъ. Изгнанники съ Кубы, недавно находившіеся на Фернандо-По въ числѣ двухсотъ, болѣе всего содѣствовали развитію промышленности и торговли острова; имъ принадлежитъ честь введенія плантаций шоколаднаго дерева, сахарнаго тростника и табаку; ими же начато выдѣлываніе прославленныхъ санта-изабельскихъ сигаръ; но, по отбытии наказанія, большая часть этихъ ссыльныхъ возвратились на родной островъ и никѣмъ не замѣнены въ ихъ занятіяхъ.

Торговля Фернандо-По, также какъ и Аннобона, другаго испанскаго острова въ Гвинейскомъ заливѣ, находится въ рукахъ англійскихъ и португальскихъ купцовъ. Впрочемъ, она незначительна и даже въ послѣднее время уменьшилась. На этомъ «Прекрасномъ» островѣ господствуетъ система крупнаго землевладѣнія: земля подѣлена на обширныя помѣстія, поля которыхъ обрабатываются руками круменоў; но эти временные рабочіе, часто подвергаясь дурному обращенію, неохотно возвращаются на островъ, и потому иногда плантаторамъ не хватаетъ рукъ для сбора ихъ произведеній⁴⁾).

Единственный городъ острова, Санта-Изабелла (Санта-Изабель), англичанами именуемый Кларанстаунъ, представляетъ скопленіе деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ каждый верандою и сплошь утопающихъ въ зелени, въ тѣни драевъ и индійскихъ роівъ сіапа ру!чerrгіма, съ пышными блестящими цвѣтами. Терраса, на которой стоитъ городъ, простирается по гладкой равнинѣ, при подошвѣ зеленѣющихъ холмовъ и по берегу хорошо защищенной бухты, похожей на половину кратера; съ песчанаго же берега взоръ, переходя съ вершины на вершину, достигаетъ до высотъ внутри острова и, при ясной погодѣ, на горизонѣ сѣвера виднѣется подернутая фіолетовой дымкой очертанія «горы боговъ». Лавки въ городѣ насчитываются сотнями, но въ нихъ производится лишь мелочной торгъ съ рабочими съ плантаций и съ туземцами. Собственно торговое движеніе совершается въ резиденціи большей части бѣлокожихъ, въ портѣ, гдѣ англичане и американцы содержатъ свои суда съ запасомъ угля и гдѣ качаются на волнахъ понтоны. Общее число жителей города, включая и гарнизонъ, около 1.300, бѣлыхъ же въ этомъ числѣ только 50 человѣкъ. Климатъ Фернандо-По есть одинъ изъ самыхъ нездоровыихъ въ экваторіальномъ поясѣ: землю эту называли «островомъ смерти». Въ

¹⁾ Rogozinski;—Janikowski, и т. д.

²⁾ Hutchinson;—Bastian, упом. соч.

³⁾ Rogozinski;—Baikie, "Narrative of an exploring voyage up the rivers Kwira and Binue".

⁴⁾ Hugo Zoller, „Kamerun“.

1862 году, четвертая часть бѣлого населенія, состоящаго изъ 250 человѣкъ, была похищена желтою лихорадкою. Три кладбища, на которыхъ покоятся тѣла знаменитыхъ путеше-ственниковъ, въ томъ числѣ Ричарда Лендера, занимаютъ обширное пространство земли близъ города. Съ 1859 года Фернандо-По обладаетъ санаторией, первой изъ устроенныхъ въ тропическихъ странахъ бѣлыми. Это—селеніе Basileh, расположеннное на высотѣ 300 метровъ, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Санта-Изабеллы и вблизи деревни племени буби; главныя плантациі хинного дерева раз-ведены по сосѣдству съ этимъ возвышеннымъ пунктомъ.

Фернандо-По былъ уступленъ съ 1778 года Португалией испанцамъ, которые, однако, вско-рѣ покинули островъ, какъ весьма нездо-ровый; между тѣмъ англичане исподоволь за-

мѣщали испанцевъ, не заявляя, впрочемъ, правъ на обладаніе островомъ, а въ 1827 г., во время своихъ преслѣдований судовъ негро-торговцевъ, основали тамъ одну изъ своихъ главныхъ станцій, Кларансъ, расположенный въ сосѣдствѣ «Невольничаго берега» Но Испанія, опасаясь, чтобы Англія не завладѣла этимъ островомъ совершенно—съ которымъ, однако, сама ничего не дѣлала,—въ 1845 го-ду снова и окончательно взяла его въ свое владѣніе. Нынѣ небольшой гарнизонъ зани-маетъ форты, испанскіе миссіонеры обра-щаютъ въ христіанство чернокожихъ, и часто на островъ ссылаются политическіе преступ-ники. Губернаторъ назначается на два года и, въ виду угрожающихъ ему опасностей со стороны климата, получаетъ весьма значи-тельное содержаніе.

Г л а в а II

Камерунъ.

Португальское название «Самагаос», что означаетъ «Креветты», было первоначально дано мореплавателями главному лиману, находя-щемуся въ глубинѣ Гвинейскаго залива; но это наименование, видоизмѣненное въ различ-ныхъ европейскихъ языкахъ, Samargones по-испански, Samaroons, по-англійски, Kamerun по-нѣмецки, въ этой нѣмецкой своей фор-мѣ сдѣлалось общеупотребительнымъ въ по-слѣднее время. Вмѣстѣ съ этимъ, подъ назва-ніемъ Камерунъ стали разумѣть не только ту область, которая обнимаетъ собственно бас-сейнъ Камерунской рѣки, но также распро-странили его, во-первыхъ, на всѣ визменные равнины по сосѣдству съ лиманомъ, и во-вто-рыхъ, на величественный массивъ вулкановъ, которыми на материкѣ продолжается цѣль острововъ, простирающаяся отъ Аннобона до Фернандо-По; напослѣдокъ оно было распро-странено на всю ту Гвинейскую территорию, которую германцы отграничили на картѣ, какъ должна состоять ихъ владѣніе въ этой части экваторіальной Африки. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что главной горѣ и со-сѣднимъ съ нею берегамъ португальцы давали название «Terra Amboses», а на старинныхъ французскихъ картахъ она обозначалась подъ именемъ «Terre des Zambous ou d'Ambois», и, въ видѣ остатка отъ этого наименования,

одинъ изъ острововъ залива называется даже и понятѣile d'Ambras.

Извѣстно, какъ, послѣ долгихъ дипломати-ческихъ препирательствъ,—Германія сдѣла-лась сузереномъ этого обширнаго края. Ан-глійскіе миссіонеры уже издавна имѣли свою станцію при подошвѣ Камерунской горы, ан-глійскій языкъ сдѣлался общеупотребитель-нымъ между жителями приморскихъ береговъ, и даже британское знамя развѣвалось надъ многими селеніями внутри страны. Съ другой стороны, германскіе нѣгоціанты тоже имѣли свой факторіи на морскомъ берегу и приобрѣ-тали въ собственность земли на склонахъ горы. Съ теченіемъ времени между агентами обѣихъ націй стали возникать столкновенія, пра-вительства начали обмѣниваться рѣзкими но-тами, и, наконецъ, всѣ эти распри завершились тѣмъ, что въ 1885 г. Великобританія отозвала своихъ миссіонеровъ и консуловъ, отказав-шись отъ всякихъ претензій на Камерунскій массивъ.

Въ иномъ положеніи находился лежащій южнѣе лимана морской берегъ, который че-резъ рядъ бухточекъ тянется по направлению къ Габону. Эту приморскую полосу, раздѣлен-ную на множество небольшихъ владѣніицъ, посѣщали многочисленные моряки и торговцы, принадлежащіе къ различнымъ націямъ, при

чемъ все они заключали договоры съ царыками, у которыхъ, за нѣсколько ружей и боченковъ дрянной водки, и приобрѣтали себѣ помѣстья. Старинные документы, затерявшіеся въ архивахъ, удостовѣрили, что иной мысъ, иное рѣчное устье принадлежать Испаніи или Франціи. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда европейскими правительствами овладѣла бѣшеная страсть къ приобрѣтеніямъ, весь южный берегъ Камеруна оказался раздѣленнымъ на цѣлую массу небольшихъ землицъ, чередующихся, точно клавиши въ клавіатурѣ, и присваиваемыхъ—одиѣ Францію, а другія—Германіей¹). Всѣ эти распри, въ свою очередь, были урегулированы тоже въ 1885 году, когда, въ силу особаго договора, гвинейскія концессіи были уступлены Германской имперіи, въ замѣнь нѣмецкихъ факторій, расположенныхъ на «Южныхъ рѣкахъ», которая отнынѣ уже составляютъ часть Французской Сенегамбіи.

Обширная область, центромъ которой является Камерунскій лиманъ, занимаетъ великобѣльное географическое положеніе, и понятны тѣ старанія, которыя географъ Нахтигаль,—уполномоченный вести переговоры съ туземными начальниками,—приложилъ къ тому, чтобы приобрѣсти это побережье для своего отечества. Возможно, что массивъ Камерунскихъ вулкановъ, возвышающійся надъ равнинами и нездоровыми протоками-каналами, образующими побочныя устья рѣкъ, со временемъ превратится въ область, пригодную для заселенія ея бѣлыми; но даже если бы этой территории суждено было обрабатываться руками только однихъ чернокожихъ, то и тогда, ране или поздно, она не преминеть приобрѣсти существенную важность, какъ мѣсто сліянія великихъ путей сообщенія на материкѣ. Такъ, между прочимъ, не можетъ не продолжиться до Камерунскаго залива и та желѣзная дорога отъ Триполи къ озеру Чадъ, вопросъ о которой столь часто возникалъ при проектированіи дальнѣйшаго устройства Африки.

Нынѣ границы германской территории, по морскому прибрежью, опредѣлены точно. Именно, на сѣверѣ эта территорія ограничивается отъ англійскихъ владѣній Нигера при посредствѣ Мемэ или Rio-дель-Рей; на югѣ же, отъ французской колоніи, она отдѣляется посредствомъ Этамбэ или Rio-дель-Кампо; и въ общемъ, все это поморье—не вводя въ исчисление тысячу незначительныхъ углубленій въ берегѣ—имѣетъ отъ лиманообразнаго устья Rio-дель-Рей до мѣста впаденія Rio-дель-Кампо приблизительно около 500 километр. длины. Въ глубь же материка, къ сѣверо-востоку, границы территории еще не опредѣлены.* Со стороны британскихъ владѣній на Нигерѣ граница Камеруна, по трактатамъ съ Англіей отъ 14

¹) Hugo Zoller, упом. соч.

апрѣля и 15 ноября 1893 г., идетъ отъ устья Rio-дель-Рей, къ Іолѣ, обходя полукругомъ этотъ городъ, и продолжается къ южному берегу озера Чадъ (14° вост. долготы отъ Гринвича). На востокѣ и югѣ колонія эта трактатами съ Франціей отъ 24 декабря 1885 г. и 15 марта 1894 г. ограничена такимъ образомъ, что отъ озера Чадъ къ Багирми границу составляетъ р. Шари до 10° сѣв. широты, вдоль котораго граница слѣдуетъ къ западу до $14^{\circ} 20'$ вост. долготы, затѣмъ она тянется до 15° , вдоль котораго слѣдуетъ до 4° южн. широты, потомъ направляется на югъ къ р. Санга, откуда вообще параллель $2^{\circ} 15'$ южн. широты и р. Кампо образуютъ южную границу. Въ этихъ предѣлахъ пространство германской колоніи Камерунъ 493.600 кв. километр., а населеніе нынѣ исчисляется въ 3.500.000 душъ*.

Гора Камерунъ,—возвышающаяся, насупротивъ Фернандо-По, на тысячу метровъ болѣе, чѣмъ пикъ на этомъ островѣ,—представляетъ одну изъ наиболѣе величественныхъ вершинъ на земной поверхности. Правда, вершина эта не самая большая на африканскомъ материкѣ, высотою она уступаетъ Кеніи, Кили-манджаро и главнымъ вершинамъ Симена, въ Эсіопіи, возможно, затѣмъ, что существуютъ соперники ей и въ Марокскомъ Атласѣ, но, тѣмъ не менѣе, благодаря своему положенію на берегу моря, виѣшность этой горы величественнѣе всѣхъ названныхъ горъ, начиная съ приподошвенныхъ заливчиковъ, кругообразно углубляющихся между покрытыми лѣсомъ мысками, взоръ сразу окидываетъ гору во всю ея высоту въ 3.960 метровъ, вплоть до ея трехъ остроконечныхъ главъ, которыя стяжали вершинѣ наименование «Трехъ Сестеръ». Смѣняются на склонахъ горы также и климаты, о разнообразіи которыхъ свидѣтельствуетъ нахожденіе: внизу горы—лѣсной растительности; выше—луговъ, а ближе къ вершинѣ—оголенныхъ пластовъ пепла и лавы, пестрѣющихъ, порою, даже и снѣгомъ. Колоссъ этотъ казался туземцамъ столь страшнымъ, что они прозвали его Монго-ма-Лоба, т. е. «горой боговъ». И въ былое время, когда бѣлые не совершили еще восхожденій на пикъ, негры не осмѣливались даже приближаться къ самымъ высокимъ пикамъ, опасаясь быть схваченными и замученными злыми духами. Нынѣ вѣра въ чародѣйственную силу горы подорвана. Въ 1847 году, Меррикъ поднимался уже до луговъ на высокихъ хребтахъ; но полное восхожденіе совершено въ 1861 году группою путешественниковъ, состоявшую изъ Буртона, Кальво и ботаника Манна, которые обследовали уже и среднія области горы. Съ того времени многіе путешественники также поднимались до края самого верхняго кратера Камеруна.

По своему происхождению, Монго-ма-Лоба—хотя вполнѣ она еще и не изслѣдована—принадлежитъ, несомнѣнно, къ горамъ вулканическимъ. Восходившіе на нее видѣли на ея

ства разрыхлѣвшей лавы вовсе не одѣлись еще растительностью; по сторонамъ главной горы десятками высятся боковые конусы, настолько высокіе, что ихъ называютъ пиками и горами,

Главная улица города Викторіи.

склонахъ только конусы изъ пепла, потоки лавъ и конусы изверженія, а между грудами выброшенныхъ изъ нѣдра горы окалинъ нѣкоторыя казались даже недавнаго происхожденія; на многихъ мѣстахъ обширная простран-

при чмъ одинъ изъ нихъ, на юго-западѣ, называемый Монго-ма-Этиндехъ, т. е. «Отдѣльная гора», или Малый Камерунъ, съ нѣкоторыхъ мѣсть кажется соперникомъ главнаго пика. Во времена восхожденія Буртона, ода-

изъ трещинъ большого кратера свѣтилась; острогитиане съ Фернандо-По неоднократно рассказывали о поднимавшемся въ видѣ спиралей дымѣ съ горы боговъ; отблески клокочущей лавы окрашивали въ красный цветъ небо надъ кратеромъ, въ 1868 году. Эта гора Камерунъ, по мнѣнію Буртона и большинства другихъ комментаторовъ, и есть та «колесница боговъ», которую, двадцать пять столѣтій назадъ, видѣли карабагенецъ Ганнонъ и его спутники, рассказывавши о громадномъ пожарѣ, увѣличивавшемъ вершину. Какъ бы то ни было, наѣшній видъ горы, съ ея второстепенными конусами, при чемъ изъ каждого изъ нихъ совершились изверженія и исходили потоки лавы, свидѣтельствуетъ о длинномъ рядѣ годовъ дѣятельного состоянія горы: весь массивъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ громадный вулканъ, покоящійся на основаніи приблизительно въ двѣ тысячи квадратныхъ километровъ. Отовсюду онъ вполнѣ отдѣленъ: съ юга и съ запада онъ омыается водами, а съ сѣвера и съ востока окруженъ наносными землями. Комберъ, путешествовавший въ 1878 году, исчисляетъ высоту равнины, простирающейся на сѣверной сторонѣ основанія горы и отдѣляющей ее отъ другихъ возвышеностей континентального рельефа, всего лишь въ триста метровъ¹⁾). Наклонъ того цоколя, на которомъ поконится Фернандо-По, продолжается правильно къ сѣверу, подъ гору Монго-ма-Лоба.

Лѣсь, опоясывающій основаніе вулкана, сохраняетъ характеръ тропического лѣса вплоть до высоты приблизительно въ двѣ тысячи метровъ. Воздѣлываемыя растенія: кокосовый деревья, бананы и масличная пальмы исчезаютъ послѣдовательно, и выше тысячи метровъ—границы обитанія негровъ—ихъ не видно и вовсе; но большія деревья, eriodendron и bombax, поднимаются по склонамъ горы и выше, сплетаясь другъ съ другомъ своими мицестыми и украшенными гирляндами изъ ланъ-вѣтвями. Подъ высокими вѣтвями деревьевъ воздухъ всегда влаженъ и тепелъ, такъ что проходящій подъ ними путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы въ теплицѣ между листвою древовидныхъ напоротниковъ. Близи верхней окраины лѣсона, деревья по своему наружному виду походятъ на деревья европейскихъ лѣсовъ, съ тою лишь разницей, что гнѣздящіяся на нихъ паразитныя растенія, образуя густую сѣть, сплетаютъ другъ съ другомъ сосѣднія деревья. Такъ какъ лѣсистый поясъ быстро, безъ всякаго перехода, смѣняется луговымъ, то путешественникъ, идущій лѣсомъ, вдругъ попадаетъ въ полосу пробивающагося сквозь листву яркаго солнечнаго свѣта,

и взорамъ его открываются поросшіе травой хребты, скалистыя кручи, откосы изъ осипавшихся обломковъ, вздымающіеся къ конечному пику горы. Выше раздѣльной линіи между поясомъ лѣсовъ и поясомъ низкихъ травъ, путешественникъ встрѣчаетъ деревья только въ хорошо защищенныхъ небольшихъ долинахъ; но здѣсь они уже вообще разсѣяны группами или порознь, на подобіе того, какъ разсаживаются деревья въ паркѣ; затѣмъ, выше двухъ тысячъ метровъ вовсе неѣтъ даже и одиночныхъ деревьевъ. Близи вершинъ все голо, какъ-бы сдружились въ прогалинахъ пріютиться кое-какія ползучія растенія. Обликъ растеній въ верхніхъ областахъ такой же, какъ и въ Европѣ; кромѣ того, встречаются нѣкоторыя изъ растительныхъ формъ, свойственныхъ Эфиопіи и Макарейскому островомъ; но нельзя сказать, чтобы на Камерунѣ,—подобно другимъ высокимъ горамъ тропического пояса,—находилась «въ резумѣ вся земная флора»; алпійскія растенія тамъ рѣдки, чтѣ, несомнѣнно, зависѣть отъ сравнительной молодости вулкана, образованнаго изъ безчисленныхъ, напластованныхъ другъ надъ другомъ, слоевъ лавы и пепла. Изъ млекопитающихъ животныхъ на высотахъ встрѣчается только одинъ видъ антилопъ; въ лѣсахъ же низкихъ склоновъ водятся слоны, буйволы, обезьяны и леопарды.

Около верхней границы деревьевъ находятся по отлогостямъ горы также и послѣдніе изъ родниковъ. Источникъ Манна вытекаетъ на высотѣ 2.200 метровъ, недавно открытый источникъ Левина—на высотѣ 2.740 метр. Эта рѣдкость родниковъ удивляла первыхъ путешественниковъ, такъ какъ въ Африкѣ вообще мало такихъ областей, где бы дожди выпадали въ такомъ изобилии, какъ на скатахъ Камерунской горы; объясняется же это явленіе ноздреватостью почвы, на которой, какъ и на почвѣ Этии, дождевые и снѣговые воды уходятъ немедленно въ глубь и уже не пробиваются снова наружу на склонахъ. Поэтому и санаторіи для европейцевъ могли бы быть устраиваемы только въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, где таится необходимая для нихъ вода. Одну изъ такихъ оздоровляющихъ станцій уже пытались учредить шведы Вальдау и Кнунгсонъ, а послѣ нихъ и миссионеръ Томсонъ; избранная ими мѣстность находилась около источника Манна, и вокругъ дома былъ разведенъ даже и садъ; однако, продержаться въ этомъ жилищѣ они смогли только вѣскользко мѣсяцевъ, такъ какъ оно оказалось выставленнымъ слишкомъ влажнымъ вѣтрамъ, дующимъ съ моря; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что на другихъ склонахъ горы нашлись бы болѣе подходящія мѣстности. Впрочемъ, пребываніе на высокихъ склонахъ Камеруна дѣлаютъ довольно тягостнымъ также и жесто-

¹⁾ „Proceedings of the Royal Geographical Society“, апрѣль, 1879.

кія бури: такъ Комберъ разсказываетъ, что на краю большаго кратера его съ одной стороны пронизывалъ леденящій вѣтеръ, а съ другой—жгло палиющее солнце. Съ этихъ высотъ, доминирующими остроконечной горой Альберта (Альбертъ-Пакъ), можно созерцать на громадномъ пространствѣ нижнія террасы, океанъ и побочныя долины. По направлению къ съверу Буртонъ видѣлъ на горизонтѣ, какъ ему показалось, другія коническая массы, служащія, быть-можетъ, продолженіемъ того ряда вулкановъ, которые начинаются южнѣе, на Анноонѣ.

Горы и дѣйствительно существуютъ въ этой области: когда, въ 1885 году, Шварцъ и Кнутсонъ углубились слишкомъ на 120 километровъ внутрь страны, они увидѣли, что съверный горизонтъ ограниченъ рядомъ пиковъ, весьма отличающихся другъ отъ друга по формѣ и опоясанныхъ вокругъ своихъ подошвъ лѣсами. Высота этихъ горъ казалась имъ колеблющеюся между 2.500 и 3.000 метровъ; называютъ же ихъ Ба-Фарами, по имени того племени, которое обитаетъ на ихъ склонахъ. Вопросъ о томъ, не вулканическаго ли происхожденія эти горы, лежащія на продолженіи, къ съверо-востоку, той оси, на которой находятся вулканы Камерунъ и Фернандо-По, могутъ разрѣшить лишь будущія изслѣдованія; пока же извѣстно, что въ обширномъ проломѣ между Камеруномъ и Ба-Фарами,— занятымъ широко раскинувшимися равнинами,— во многихъ мѣстахъ нагромождены скалы изъ лавы. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта послѣдняя цѣнь не представляется, въ противоположность «горѣ боговъ», островнаго характера; напротивъ того, она поконится на плоскогоріи, южные откосы котораго, около пятаго градуса широты, имѣютъ уже въ высоту 259 метровъ. Къ съверо-западу отъ Камеруна возвышается другой массивъ горъ, приблизительно въ 900 метровъ высоты, называемый Румби и господствующій надъ низменными землями, раздѣленными на полуострова побочными устьями Ріо-дель-Рей.

Къ востоку отъ Камерунскаго лимана ни одинъ путешественникъ не проникалъ еще такъ далеко, чтобы видѣть внутри страны другія высокія горы; тѣ же, которыхъ были усмотрѣны Джонстономъ на съверо-западѣ, были, повидимому—судя по мѣстонахожденію и расположению—уже упомянутыми выше горами Ба-Фарами.

Что же касается высотъ, лежащихъ къ югу, то онѣ находятся не вдалекѣ отъ берега моря. Первые кряжи показываются къ югу отъ устья Такундже, приблизительно въ 80 километрахъ къ юго востоку отъ мыса Суелаба; а за этой невысокой цѣпью съ моря виднѣется еще второй рядъ, унизанный конусами и остроконечными пиками. Самая высокая изъ вершинъ

въ этой области есть гора, называемая туземцами Муди, а европейцами Слоновою горою; возвышается она, будучи въ 15 километрахъ отъ берега, всего на 520 метровъ, но, несмотря на то, никто еще не всходилъ на нее до верху. Также не вступала нога бѣлага и на массивъ, называемый «Перси», на «пикъ Жаворонка» (1.041 метръ) и на горы «Сѣдло» и «Столь»—хотя всѣ онѣ одинаково находятся въ небольшомъ разстояніи отъ прибрежныхъ факторій. Такъ какъ виѣшнія предгорія, нѣсколько небольшихъ второстепенныхъ цѣпей и господствующія вершины—единственные высоты, видимыя съ моря, то можно сказать, что орографія этой части африканскаго материка остается пока еще «невѣдомою землею». Въ общемъ же, сообразуясь съ нѣкоторыми показаніями путешественниковъ, большая часть картографовъ считаютъ рельефъ этой области состоящимъ изъ краеваго кряжа, разчленяющагося на нѣсколько параллельныхъ цѣпей, ограничивающихъ на востокѣ землями, которыхъ полого спускаются къ бассейну Конго и которыхъ въ изобилии орошаются протекающими тамъ рѣками.

Камерунскій массивъ почти совершенно окруженнъ либо морскими, либо рѣчными водами. На западѣ, въ обширный лимантъ, называемый Ріо-дель-Рей, вливается рѣка Мемэ, многочисленные притоки которой зарождаются въ равнинѣ Ба-Кунду, причемъ истоки этихъ притокъ перемѣшиваются съ истоками рѣки Мунго, которая огибаетъ Камерунскую гору уже съ востока; въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ водораздѣломъ этихъ рѣкъ находится каменистый водоемъ, представляющій озеро, которому Комберъ далъ название озера Риккарда, и которое изобилуетъ рыбой; изъ него потокъ воды низвергается каскадомъ, и возможно, что въ дождливый сезонъ, вслѣдствіе переполненія водоема, образуется и другой потокъ, спускающійся по направлению къ Мунго; во всякомъ случаѣ, Вальдау удостовѣрился, что въ сезонъ жаровъ, водоемъ этотъ не имѣть истока; тогда воды его мутны, вонючи и негодны для питья. Возможно, что это озеро,—имѣющее въ окружности около десяти километровъ,—было нѣкогда кратеромъ: въ центрѣ бассейна высится дикий, кое-гдѣ одѣтый деревьями, утесъ, представляющій древнюю остроконечную вершину изъ лавы, и служацій нынѣ мѣстонахожденіемъ поселенію Баломб-ба-Котта, имѣющему нѣсколько сотень жителей. Будучи защищены отъ внезапнаго нападенія окружающими ихъ громадными пространствами болотистыхъ водъ, эти поселяне каждый день отправляются возлѣливать свои шоли на рѣчныхъ берегахъ, а на ночь возвращаются снова въ свои хижины. Но вечерамъ же на деревьяхъ острова рѣзвятся миллионы попугаевъ—птицы, священной въ глазахъ туземцевъ, вѣты деревьевъ тогда

сплошь усыпанными, и въ воздухѣ стоять нешумъ отъ драки за обладаніе мѣстомъ для на-
сѣста. Утромъ эти птицы тучами снимаются съ деревьевъ и, въ поискахъ за пищею, разлета-
ются по всевозможнымъ направленіямъ¹⁾.

Другое озеро, болѣе обширное, расположено въ шестидесяти километрахъ, по направленію къ сѣверо-востоку. Оно называется обыкновенно Баломби-ма-Мбу, или обычнѣ Мбу, а иногда также и «озеромъ слоновъ». Уподобляясь, по формѣ, кратеру вулкана, оно овально, а высокія, огневаго происхожденія, скалы служатъ то тѣсное ущелье, чрезъ которое избытокъ этихъ озерныхъ водъ изливается въ сторону рѣки Мунго. Первое плаваніе по этому озеру совершилъ въ 1883 году Томчекъ. И онъ же, вмѣстѣ съ Рогозинскимъ, за нѣсколько недѣль до этого, поднялся до той же самой широты также и по рѣкѣ Мунго. Въ этомъ мѣстѣ рѣка—верхнія воды которой глубокими ущельями проходятъ сквозь Ба-Фарамайскія горы—достигаетъ берега скалистой террасы и, будучи шириной до тридцати метровъ, низвергается посредствомъ семи послѣдовательныхъ уступовъ съ высоты, въ общемъ равняющейся 20 или 25 метрамъ. Приближаться къ этому водопаду туземцы отваживаются рѣдко, будучи увѣрены, что около него бродить злые духи²⁾. Во многихъ мѣстахъ сосѣднихъ лѣсовъ, на восточномъ склонѣ бассейна, Рогозинскій встрѣчалъ днища древнихъ болотистыхъ озеръ, нынѣ высохшихъ и замѣчательныхъ своимъ внѣшнимъ видомъ: именно, по выходѣ изъ чащи сплетенныхъ другъ съ другомъ деревьевъ, сразу попадаешь на окраину кругообразныхъ бассейновъ, гдѣ деревья уступили мѣсто высокимъ травамъ; затѣмъ, послѣ труднаго перехода чрезъ это море зелени, разстояніемъ въ одинъ или два километра, снова вступаешь въ темный лѣсъ.

Мунго становится судоходно для лодокъ въ двадцати километрахъ книзу отъ водопада. Въ этомъ мѣстѣ, рѣка, шириной въ 80 метровъ, равномѣрно течетъ по песчаному дну, межъ большихъ деревьевъ, свѣшившихъ свои вѣтви съ крутыхъ береговъ. На протяженіи всего нижнаго теченія, длиною приблизительно около 120 километровъ, Мунго имѣеть до нѣкоторой степени опасные подводные камни только въ одной мѣстности; повсюду глубина ея не менѣе полу-метра, и обыкновенно она достаточна для того, чтобы слоны могли пройти въ бродъ, погрузившись въ воду по самыи уши, которыхъ они, въ видѣ опахала, выставляютъ надъ водой. Однако, рѣка эта непосредственно не втекаетъ въ море. Еще вдалекѣ отъ него, она широко расплывается по иллистымъ наносамъ, скаплиющимся около корней ризофоръ. Архипелагъ

необитаемыхъ островковъ тянется вдоль морскаго берега, который перерѣзанъ безчисленными извилистыми потоками, наполненными грязью, съ полосками пѣны, водою. Самый широкій изъ потоковъ-каналовъ, называемый «рѣкою Бимбію»,—потому что онъ ведеть къ факторіи этого имени,—направляется къ юго-западу и, омывъ подошву цѣпи лѣсистыхъ холмовъ, соединяется съ океаномъ посредствомъ широкой и глубокой гавани, въ которую могутъ проникать самыи большія суда. Въ южномъ и юго-восточномъ направленіи открываются другіе каналы-протоки, не практикуемые судами; главный потокъ, за которымъ сохранилось наименование Мунго, дѣлаетъ поворотъ къ востоку и вливается не въ море, а въ лиманъ рѣки Камерунъ, выше бара (мелководія предъ входомъ въ рѣку или въ гавань). Такимъ образомъ, Мунго находится къ переходному состоянію; нѣкогда она изливалась непосредственно въ море, нынѣ же, вслѣдствіе увеличенія поверхности материка, прошедшаго отъ отложенія ила, приносимаго мутными водами, превратилась въ простой притокъ другой, болѣе значительной рѣки.

Рѣка Камерунъ (Rio-dos-Camaraos, или «рѣка Креветокъ»), средний между нѣсколькими сливающимися во-едино потоками, еще не была обслѣдованна на столь же значительной длинѣ теченія, какъ Мунго. Джонстонъ, восходившій на Килиманджаро, поднимался, въ 1886 году, по рѣкѣ Камерунъ на сотню километровъ отъ начала бара, довольно далеко, слѣдовательно, отъ пляжей, покрытыхъ корнепусками (*Rhizophorae*). Въ этомъ мѣстѣ, Камерунская рѣка, извѣстная подъ именемъ Вури, течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, между гнейсовыми скалами, и только-что спустилась водопадомъ съ тѣхъ внутреннихъ террасъ, которыя, въ этой области Африки, повидимому, образуютъ какъ бы лѣстницу, ведущую къ окружности континента. Въ нижнемъ своемъ теченіи, Вури сначала дѣлится на два рукава, обходящіе съ обѣихъ сторонъ большой островъ; затѣмъ принимаетъ въ себя съ сѣвера рѣку Або или Абіянгъ, истоки которой находятся недалеко отъ мѣста низверженія Мунго. Вплоть до самого слиянія Вури съ Або ощущителенъ морской приливъ, а далѣе книзу рѣка постепенно преобразуется въ лиманъ. По берегамъ же ея, лѣсные деревья смѣняются панданами, пальмами *raphia*, тростниками растеніями, а затѣмъ начинаются корнепуски, свѣшивающіе свои густыя вѣтви на тѣ паносы ила и тины, которые дважды въ день покрываются водою на два или на три метра; на конецъ, лиманъ вступаетъ въ широкій вѣшній, т. е. соединяющійся съ моремъ, заливъ, въ который, на подобіе аллей, изливается множество другихъ рѣчекъ: такъ, съ сѣвера и съ сѣверо-запада несутся воды тѣхъ протоковъ дельты, которые

¹⁾ „Deutsche Geographische Blätter“, 1886. I.

²⁾ Rogozinski, „Petermann's Mittheilungen“, IV, 1884.

сообщаются съ Мунго; на востокѣ, извилистые каналы-протоки соединяютъ заливъ съ рѣкою Лунгази; на юго-востокѣ, дельта Донга и рѣчка Куа-куа проникаютъ внутрь земель, а на югѣ

ныя рѣчные устья, выдаются два низкихъ мыса: на съверо-западѣ— мысъ Камерунъ, окруженный песчаными мелями, а на юго-востокѣ— мысъ Суеллаба, своею удлинненностью походя-

Камни-фетиши на берегу Огуэ.

протокъ Молимба отѣкаетъ лѣсистый островъ того же имени, нѣкогда уступленный французскимъ мореплавателямъ его жителями, называющими тоже молимба. Впереди этого залива, командинаго надъ входами въ многочислен-

пій на наконечникъ копья. Самое близкое разстояніе между этими двумя низменными мысами, во время прилива, равняется приблизительно двѣнадцати километрамъ.

Къ югу отъ Камерунскаго залива, между

нимъ и мысомъ Сенъ-Жанъ, изливаются въ море также многія другія рѣки, между которыми есть и такія, которая по массѣ своихъ водъ не уступятъ Мунго и Вури. При этомъ, всѣ эти потоки сходны другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что русло ихъ еще не установлено: именно, на различномъ разстояніи отъ моря ихъ прерываются водопады, низвергающіеся съ окраинъ первой континентальной террасы, въ которой эта стекающая вода еще не успѣла промыть для себя углубленіе. Устья этихъ рѣкъ также представляютъ одно постоянное явленіе: всѣ они замаскированы покрытымъ кориепусками выступомъ налосной земли; выступъ этотъ протянулся съ юга на сѣверъ и заставляетъ отклоняться въ томъ же направлениѣ и рѣку; очевидно, причину такого удлиненія берега въ направлениѣ къ сѣверу слѣдуетъ искать во вліяніи прибрежнаго морскаго теченія¹⁾). Наиболѣе сѣверная изъ рѣкъ этой части берега есть Эдея, по которой судно даже съ килемъ болѣе одного метра можетъ плавать на протяженіи 56 километровъ отъ поморья²⁾; рѣка эта сообщается посредствомъ боковыхъ притоковъ съ Молимба и Куа-куа, т. е. съ Камерунскимъ заливомъ, а посредствомъ своего раздвоенного устья—съ моремъ. Затѣмъ слѣдуетъ Моанія, т. е. «Большая вода», по которой до водопада, находящагося въ 40 километрахъ отъ ея устья, первымъ поднялся Целлеръ. Эта рѣка, имѣя въ ширину 150, а въ глубину отъ 4 до 8 метровъ, судоходна на протяженіи всего нижняго теченія, и небольшіе пароходы, поддерживаляемые волнами прилива, могли бы доходить до подошвы пяти гранитныхъ островковъ, оставшихся среди водопада. Во время посѣщенія рѣки упомянутымъ немецкимъ изслѣдователемъ, въ серединѣ сухаго сезона, водопадъ, низвергаясь тремя послѣдовательными прыжками, въ общемъ имѣлъ около десяти метровъ высоты; въ дождливое же время года, форма каскада должна быть совершенно иная, такъ какъ уровень водъ поднимается тогда на несколько метровъ и оба берега затопляются на большое разстояніе. По словамъ туземцевъ, Моанія судоходна кверху отъ водопада на всемъ томъ ея протяженіи, которое нынѣ известно; однако, этимъ путемъ передвиженія жители пользуются очень рѣдко.

Другой потокъ Камеруна еще болѣе славится въ странѣ, за красоту его водопада: это—Лобэ, или «Большая Ба-Танга» мореплавателей,—небольшая рѣка, какъ кажется, питаемая преимущественно избыткомъ дождей, выпадающихъ на Слоновую гору. Водопадъ этотъ виденъ даже съ моря, и мореплавателямъ онъ представляется какъ бы серебряною нитью. Близъ же, это широкая поверхность

воды, низвергающаяся одною цѣльною струею съ высоты 15 метровъ, при чемъ изъ нѣдра блокочущихъ водъ выдвигаются два гранитныхъ утеса, съ деревомъ и сотнею кустовъ на вершинѣ одного изъ нихъ; въ 700 метрахъ ниже, рѣка впадаетъ въ море между двумя песчаными мелями, по которымъ разбросаны гранитные камни¹⁾.

Германская территорія Камеруна—съ исключениемъ «горы Боговъ», составляющей особый мірокъ—отличается отъ Невольничаго берега и низменныхъ земель Нигера лишь отѣнками въ отношеніи климата, флоры и фауны. Подобно сосѣднимъ областямъ тропического пояса, дожди выпадаютъ въ изобиліи въ то время года, когда въ сѣверномъ полушаріи бываетъ лѣто, когда землю освѣщаютъ вертикальные лучи солнца; при этомъ, будучи сильными уже въ маѣ, ливни увеличиваются въ іюль и въ августъ, а къ концу сентября обыкновенно прекращаются. Порывистый вѣтеръ, такъ называемый торнадо, часто бываетъ въ ноябрѣ; но съ особенной яростью,—хотя и не съ такой силой, какъ циклоны,—онъ дуетъ въ апрѣль и въ маѣ, въ періодъ смѣны одного времени года другимъ. Пары образуются въ такомъ изобиліи, что, даже съ берега моря, у подошвы вулкана, вершину можно бываетъ разглядѣть только утромъ и вечеромъ, если, впрочемъ, не дуетъ такъ называемый харматанъ, т. е. сухой сѣверо-восточный вѣтеръ.

Столь же сильно нагрѣваемый солнечными лучами и въ такомъ же изобиліи орошаляемый, какъ и находящаяся западнѣе прибрежная область,—Камерунскій край представляетъ ту же самородную растительность: это кориепуски—на приморскихъ болотистыхъ пространствахъ, панданы и пальмы *raphia*—на незатопляемыхъ низменныхъ земляхъ, а выше—лѣса изъ высокихъ деревьевъ, сплетенныхъ въ одну волнистую массу сѣтями ліанъ. Равнымъ образомъ и негры воздѣлываютъ тѣ же самые роды древесныхъ и травянистыхъ растеній какъ-то: пальмы кокосовая, масличная и винные, бананы, инъямъ, арахиды (земляные фисташковые орѣхи), пататы, маниокъ, и въ особенности *colocasia* (*caladium esculentum*, *agrum acaule*, и т. д.), одно изъ клещевинныхъ растеній (*agoideae*), которое называется «коко» въ камерунскихъ поселеніяхъ, и которое не что иное, какъ таро океанійцевъ.

Хотя область эта пока еще была посѣщена лишь небольшимъ числомъ естествоиспытателей, да и тѣ не переступали за черту приморской полосы, тѣмъ не менѣе известно, что фауна Камеруна весьма богата. Такъ, на берегахъ Або, Бухгольцъ нашелъ около сорока видовъ

¹⁾ Hugo Zöller, упом. соч.

²⁾ George Grenfell, „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1882.

¹⁾ Hugo Zöller, упом. соч. — Langhans, „Petermann's Mittheilungen“, 1887, тетр. III.

змѣй и ящерицъ какъ ядовитыхъ, такъ и безвредныхъ; правда, что для того, чтобы собрать столь великолѣпную зоологическую жатву, у него былъ опытный «заклинатель», который, посредствомъ мелодичныхъ и часто повторяемыхъ подсистываній, умѣлъ вызывать упомянутыхъ пресмыкающихся изъ ихъ норокъ¹). Этотъ же германскій естествоиспытатель нашелъ въ Камерунѣ и новые виды чепрачъ, хамелеоновъ, лягушекъ, жабъ и рыбъ. Доказано также, что какъ рѣка Камерунъ, такъ и сосѣдніе лиманы, періодически, чрезъ четыре года, переполняются въ августѣ или въ сентябрѣ маленькими желтоватыми креветками (принадлежащими къ *tha'assina*), прежде неизвѣстными для зоологовъ: вслѣдствіе изобилия этихъ раковъ, ихъ собираютъ корзинами. Въ время охоты за ними, которая, смотря по числу образовавшихся отмелей, длится отъ трехъ до пятнадцати дней, всѣ другія работы прерываются; даже между селеніями, ведущими междоусобную войну, наступаетъ перемирие, и живущіе по берегамъ жители становятся друзьями. Эти-то креветки, которыхъ коптятъ миллиардами для отсылки внутрь страны, жителямъ плоскогорій, вѣроятно, и дали поводъ для наименованія главной рѣки края по ихъ имени. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Камеруна чрезвычайно богатъ также и міръ насѣкомыхъ; часто бабочекъ бываетъ такъ много, что въ воздухѣ стоитъ какъ-бы густой туманъ, а жуки усѣваютъ почву рубинами и изумрудами. Одинъ изъ видовъ *glossinae*, — почти не отличающійся отъ настоящей мухи цеце, — жужжитъ около людей и животныхъ; но уколъ этого насѣко-маго, не влекущий за собою никакой опасности, даже не очень болѣзнь. Пауки представлены лишь весьма малымъ числомъ видовъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что здѣсь они могли бы найти для себя обильную пищу.

Большія млекопитающія мало-по-малу удаляются отъ приморскаго берега, уже часто посѣщаемаго бѣлыми, съ ихъ мѣткими ружьями и разрывными пулами. Ламантинъ стали рѣдкими въ лиманахъ; обезьяны еще многочисленны въ прибрежныхъ лѣсахъ, но пока еще ни одинъ натуралистъ не встрѣчалъ тамъ ни шимпанзе, ни горилль, хотя, по словамъ миссіонеровъ, эти породы обезьянъ не подвергались истребленію. Что касается слоновъ, то нѣкоторые изъ запоздавшихъ изъ нихъ еще остались вблизи моря; но чтобы проникнуть въ ту область, где они еще водятся массами, слѣдуетъ подняться по Мунго уже на сотни километровъ: тамъ эти представители древней фауны на нѣкоторое время все еще остаются властелинами лѣсовъ. Комберъ, Рогозинскій, и Томчекъ разсказываютъ объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, желая незамѣтно

¹⁾ Reinhold Buchholz, „Reisen in West-Afrika“.

проскользнуть между стадами слоновъ, и какъ имъ часто приходилось измѣнять направление своего пути, чтобы не пересѣчь дороги, протертой слонами. Въ равнинахъ, пересѣкаемыхъ Мунго, туземцы не осмѣливаются охотиться за этимъ животнымъ, которое, при видѣ человѣка, приходитъ въ ярость; но, разсказываютъ, будто-бы, горцы съ Ба-Фарами не опасаются, собравшись въ весьма большомъ числѣ, нападать на слона, и хотя часто они теряютъ по нѣсколько человѣкъ, но, въ концѣ концовъ, животное, подвергшись тысячу пораженій пулами, дротиками и копьями, становится добычею нападающихъ²). Защищаются Камерунскіе слоны довольно толстыми, темно-коричневыми бивнями³). При извѣстныхъ обстоятельствахъ и, быть-можетъ, въ случаѣ болѣзни слонъ можетъ освобождаться отъ этихъ своихъ огромныхъ клыковъ, подобно тому, какъ олень сбрасываетъ свои рога; по крайней мѣрѣ таѣ говорятъ куницы, которые также увѣряютъ, будто-бы, судя по всему бивня, можно распознать: былъ ли слонъ здоровъ или боленъ³).

Почти всѣ туземцы территоріи, принадлежащей Германіи, причисляются этнографами къ неграмъ банту, т. е. относятся ими къ семейству южно-африканскихъ народовъ, типическими представителями которыхъ являются кафры. Только къ сѣверо-западу отъ Камерунской горы, племена, родственныя племенамъ Старого Калабара и тоже говорящіе на языкахъ, называемыхъ эфиѳъ, занимаютъ часть областей, простирающихся по лѣвому берегу Мамэ, главного притока Ріо-дель-Рей. Помимо этихъ народцевъ — которые исчисляются приблизительно въ 20 тысячъ человѣкъ⁴) — въ обслѣдованной доселѣ европейцами Камерунской области не знаютъ другихъ, говорящихъ на такихъ негритянскихъ нарѣчіяхъ, которая представляли бы нѣкоторое сходство съ горами, слышанными вдоль Нигера. Правда, что научное изслѣдованіе этой территории едва началось, и что изъ племенъ, проживающихъ внутри си, многія извѣсты только по имени. Поэтому определеніе границъ глюссологическихъ областей можетъ быть дѣлаемо лишь предположительно. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что весь приморскій берегъ — за исключениемъ болотистыхъ или очень сырыхъ земель, вслѣдствіе незддоровости климата необитаемыхъ — населенъ сравнительно цивилизованными туземцами, говорящими на нарѣчіяхъ, родственныхъ съ тѣми, которыхъ господствуютъ во всей южной Африкѣ; однако, нужно замѣтить, что сходство языковъ вовсе не предпо-

¹⁾ Bernhard Schwarz, упом. соч.

²⁾ Westendorp, „Ausland“, 12 дек. 1885.

³⁾ Hugo Züller, упом. соч.

⁴⁾ Koss, „United Presbyterian Mission Record“, авг. — сент. 1877.

лагаетъ общности происхожденія самыхъ племенъ. Отъ устьевъ Нигера до Камеруна и до Мозаніи, переходы въ обликѣ жителей почти нечувствительны. Черты и окраска кожи одинъ и тѣ же; что же касается до достоинства, съ которымъ они держать себя, то оно зависитъ не отъ расы или языка, а отъ степени свободы, которую данное племя пользуется.

Если бы нужно было подыскать колективное название для жителей этой территории, то имъ можно было бы просто дать имя камерунскихъ банту, такъ какъ ни одно изъ обитающихъ тамъ племенъ не оказывается ни настолько многочисленнымъ, ни настолько могущественнымъ, чтобы его можно было рассматривать какъ націю-представительницу; при томъ-же многія изъ нихъ представляютъ большія отличія другъ отъ друга. Главныя племена суть слѣдующія: ба-кишь, или «люди» земли Кишь, на лѣвомъ берегу Мамэ; ба-фарами, при подошвѣ и въ долинахъ горъ того же имени; ба-кунду, въ равнинахъ, простирающіхся къ сѣверу отъ «Горы Боговъ»; ба-мбуку, на западномъ склонѣ того же массива; ба-кури и изубу, на югѣ, около бухты Амбаскай; ба-лонгъ и муфунду, на Мунго; дуалла, або, вури, будиманъ, въ предѣлахъ бассейна рѣки Камерунъ и, южнѣе, басса, ба-коко, банико, ба-пуко и ибея. Многія изъ этихъ племенъ воюютъ между собою и, вслѣдствіе взаимной боязни, между ихъ селеніями остаются небитаемыя полосы, посѣщеніе которыхъ не безопасно.

Наиболѣе известно, въ западной части территории, племя ба-кури, которое владѣетъ селеніями въ сосѣдствѣ съ факторіями Викторія и Бимбія, и черезъ землю которого нужно пройти для восхожденія на «Гору Боговъ»; европейцы часто проживали у этихъ туземцевъ мѣсяцами и годами. По собственному ихъ преданію, ба-кури пришли съ востока, увлекаемые тѣмъ общимъ стремленіемъ къ переселенію, которое побуждаетъ народы материка направляться, слѣдя движенью солнца, съ востока на западъ. «Люди кустовъ»—таково значеніе ихъ наименованія—вообще ростомъ нѣсколько выше своихъ сосѣдей, жителей равнинъ, но въ особенности велика разница у нихъ между обоями полами, такъ какъ большая часть женщинъ замѣчательно малорослы; цвѣтомъ же кожи они свѣтлѣе своихъ сосѣдовъ. Ба-кури, раздѣленные, по числу своихъ селеній, на шестьдесятъ общинъ,—смѣлые охотники и мужественные воины¹). Они обладаютъ живымъ умомъ и въ своихъ совѣщательныхъ собрaniяхъ,—предсѣдательствуемыхъ отвѣтственнымъ старшиной, называемымъ «королемъ», и состоящихъ изъ всѣхъ женатыхъ мужчинъ,—

бакури выказываютъ истинный ораторскій талантъ страстью рѣчи, мѣткостью и картиностю образовъ, удачнымъ выборомъ выражений. Въ вечерніе отдыхи, они импровизируютъ разсказы и пѣсни, при чёмъ отличаются своимъ музыкальнымъ вкусомъ; ихъ тріо пріятны даже и для уха europейца¹). Выраженіе ихъ отеческой или сыновней любви трогательно, и рассказываютъ даже о случаяхъ помышленства и самоубійства, вызванныхъ потерей ребенка. Затѣмъ, у ба-кури чувство взаимной общности интересовъ не ограничивается своимъ семействомъ. Охотникъ изъ племени, принеся дичь, никогда не преминеть подѣлиться ею и съ своими сосѣдями; бутылка водки, данная носильщику, тотчасъ же распивается сообща всѣмъ обществомъ. Когда старѣшины налагаютъ на кого-нибудь штрафъ и наказанный не въ состояніи его уплатить, то друзья складываются и этимъ предотвращаютъ изгнаніе бѣдняка изъ племени. Но въ случаяхъ убийства, вольного или невольного, обычай неумолимъ. «Кровь за кровь!»—таковъ законъ въ странѣ «кустовъ». До объявленія шведскими поселенцами приказа туземцамъ жить въ мирѣ, между многими селеніями происходили беспрестанныя войны, если—что, впрочемъ, бывало рѣдко,—обиженное село не удовлетворялось вознагражденіемъ, въ видѣ известнаго количества скота. Часто путешественники и торговцы должны бывали дѣлать большие обходы, такъ какъ ихъ носильщики не могли, вслѣдствіе междуусобій деревень, проходить по той или другой местности.

Кодовство влечетъ, однако, къ еще большему взаимному истребленію, чѣмъ кровавая месть: обвиненія въ чародѣйствѣ, возбуждаемыя фетишерами противъ безплодной женщины, или, всего чаще, противъ личного врага, прежде бывали весьма часты; на цѣлыхъ территоріи налагалось табу, и жители бывали принуждены покидать свои села; островъ Амбасъ, въ небольшомъ заливѣ того же имени, около Викторіи, обратился въ совершенную пустыню, такъ какъ большинство его жителей отравили другъ друга, а послѣдне, оставшееся въ живыхъ, сами покинули островъ, изъ боязни того воздуха, которымъ они дышали, и того моря, которое ихъ окружало; благодаря продѣлкамъ и мщенію чародѣевъ, племя изубу, проживавшее на южномъ склонѣ горы, было почти совершенно истреблено²). Жизнь каждого изъ ми-кури напередъ урегулирована предписаніями чародѣевъ. Такъ, ни одинъ изъ начальковъ не могъ бы, подъ опасеніемъ смертной казни, спуститься къ морю. Тѣ или другія мясные блюда и плоды воспрещены ему—подъ опасеніемъ дурнаго рока либо собственнымъ

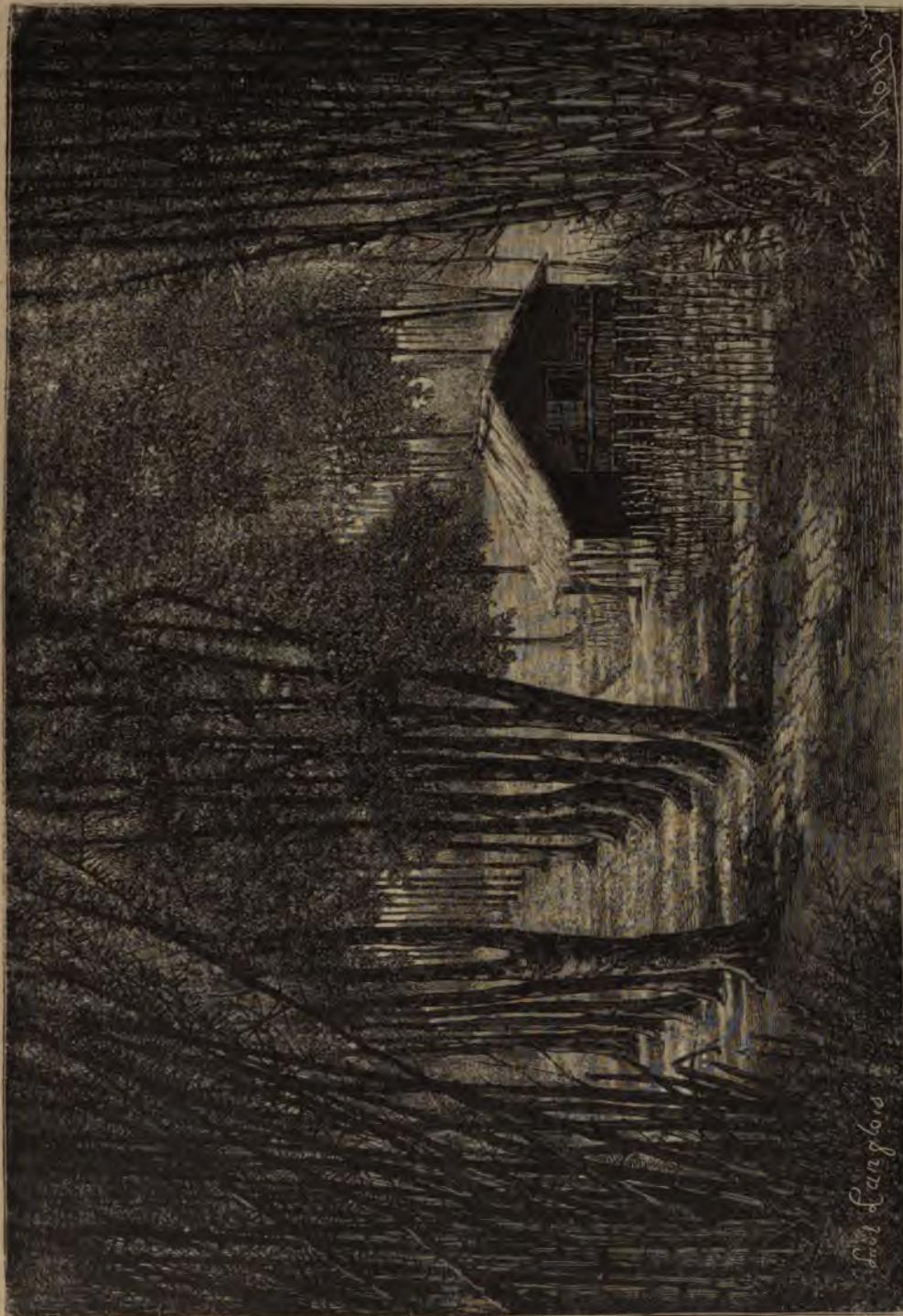
¹) Rogozinski, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1885.

²) Bernhard Schwarz, упом. соч.

²) Saker; — Cust, „Modern Languages of Africa“; — Hugo Zöller, упом. соч.

его отцомъ, либо фетишеромъ. Ни одна женщина не должна ъсть яицъ или домашней птицы. Во многихъ мѣстностяхъ баранина можетъ быть употребляема въ пищу только въ празднич-

вращали съ просьбою не заграждать болѣе догоъ такими чародѣйствами¹). Клятва, произнесенная надъ книгою, считается самой страшной, въ особенности если это Библія,

Хижина племени мпонгугэ.

ные дни: ъсть ее въ будни значить совершать преступление, наказуемое смертью. Когда европейцы впервые проникли въ страну, то каждая брошенная ими бумажка считалась предметомъ, сулящимъ несчастіе, и ее торжественно воз-

указанная миссионерами туземцамъ, какъ «самая важная изъ всѣхъ книгъ»²). Обрѣзаніе

¹⁾ Buchho z, упом. соч.

²⁾ Valhau, „Deutsche geographische Blätter“, т. IX, тетр. 1, 1886.

совершается у мо-кури точно такимъ же образомъ, какъ и у большей части негровъ-язычниковъ въ Западной Африкѣ. Мертвые, какъ и у племенъ Нижняго Нигера, погребаются въ ихъ хижинахъ, и во время траура женщины обязаны, въ знакъ печали, прогуливаться нагими. Религія, не выражаясь въ определенныхъ догматахъ, въ сущности есть кульпъ предковъ. Въ случаѣ смерти короля, ему, по обычаямъ, приносить въ жертву одного изъ пленныхъ, и въ прежнее время трупъ этого пленника дѣлился, для похоронной трапезы, между мертвевдомъ и живыми. Боги, добрые и злые, господствуютъ на землѣ; богъ лѣсовъ и богъ горъ считаются особенно грозными. Для горцевъ Камеруна, «мѣстопребываніе бога»—то же самое, что самъ богъ: «полу-камень, полу-человѣкъ», онъ облекается въ белую одежду, въ снѣгъ вершинъ, каждый разъ, когда для вѣрующихъ въ него приуготовляется какое-либо важное, суящее счастье или несчастье, событие.

Какъ это замѣчается въ большинствѣ областей африканского поморья, наиболѣе цивилизованные племена Камеруна—не тѣ, которые обитаютъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ берега. Эти прибрежные народцы по большей части состоять изъ разсѣянныхъ и обѣдневшихъ бѣглецовъ, потерявшихъ, при своемъ переселеніи, часть своей первобытной культуры и приходившихъ затѣмъ въ соприкосновеніе съ европейскими матросами и торговцами, которые развратили ихъ своими пороками и отравили своею водкою. Западный склонъ горы, принадлежащей племени ба-мбуку, почти необитаемъ; но на сѣверѣ, ба-кунду, занимающіе большую часть равнинъ и террасъ, расположенныхъ между Камерунскимъ массивомъ и горами Ба-Фарами, весьма многочисленны; по своимъ промысламъ, они значительно превосходятъ ба-кури, хотя отъ природы въ умственномъ отношеніи и не кажутся выше ихъ. Физически они отличаются выдающимися нижнею губою. Ихъ хижины—не простыя плетенки изъ вѣтвей или тростника, какъ въ приморскихъ поселеніяхъ, но настоящіе, построенные изъ камня и тщательно обмазанные, дома; нѣкоторые дома даже разрисованы грубыми фресками, изображающими животныхъ или людей. «Дворцы» королей украшены изваянными фетишами; но особенно проявляютъ свой талантъ ба-кундскіе артисты въ украшениіи тѣхъ зданій, въ которыхъ собираются представители племени, и которые, кроме того, служатъ бойнями¹⁾. Воинъ, убивший врага, женщина, родившая сына, выкрашиваютъ себя въ красный цветъ, для засвидѣтельствованія своей славы предъ всѣми. Предметы изъ плетенія, цыновки и

корзины, дѣлаются съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, и умѣло окрашиваются въ различные яркіе и прочные цвета. Будучи весьма искусными дубильщиками, ба-кунду приготовляютъ замѣчательно мягкая кожа. Главное занятіе жителей—плетеніе сѣтей и витѣе веревокъ, при помощи которыхъ они окружаютъ обширныя пространства въ лѣсу, чтобы запереть дичь, загоняя ее загонщиками; когда животныхъ ослаблютъ отъ голода, ихъ атакуютъ охотники, вооруженные ружьями, дротиками и ножами.

Многими своими обычаями ба-кунду приближаются къ племенамъ, населяющимъ внутренность Африки: такъ, въ знакъ доброго расположения, они предлагаютъ своимъ гостямъ орѣхи кола¹⁾. Къ тому же они состоятъ въ частыхъ сношеніяхъ съ сѣверными племенами, а чрезъ эти племена знакомы съ арабами и фулами. Почти всѣ ихъ рабы покупаются по другую сторону горъ Ба-Фарами: въ среднемъ, болѣе высокіе и сильные, чѣмъ ихъ владѣльцы, а также болѣе храбрые и равные имъ по уму, эти невольные эмигранты оказываются слугами только по имени: они скорѣе колонисты-дольниги, чѣмъ рабы, хотя владѣльцы все-таки считаются сохраняющими относительно ихъ право жизни и смерти. Эти рабы не живутъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ съ ба-кунду, такъ какъ ихъ владѣльцы не безъ основанія опасаются, чтобы рабы не стали вскорѣ предписывать имъ законы; населяемыя же рабами деревни, или батанга, расположены по плантациямъ въ лѣсу, которыхъ почти всѣ столь же тщательно обработаны, какъ хороши сады въ Европѣ²⁾. Независимость ихъ общины полная, и во многихъ мѣстахъ они совершенно освободились отъ всякаго поземельного оброка. Многія изъ невольничихъ деревень образуютъ самостоятельный республики, имѣя своихъ начальниковъ и свои совѣщательные представительства; и случается, что въ важныхъ дѣлахъ, уполномоченные рабы, на равныхъ правахъ, заставляются съ своими минимыми властелинами, съ ба-кунду. По словамъ миссіонера Ричардсона, много лѣтъ прожившаго въ этой странѣ, можно ожидать перехода политической власти къ «рабамъ»; вмѣстѣ съ этимъ возможно также, что и господствующимъ языккомъ перестанетъ быть нарѣчіе банту, такъ какъ между собою колонисты говорятъ на языкѣ нигерійскаго происхожденія.

Власть фетишеровъ почти не менѣе сильна у ба-кунду, чѣмъ у ба-кури. Быть цыпленка запрещено подъ страхомъ смерти: одинъ молодой человѣкъ, провинившійся въ томъ, что Ѳѣль его за столомъ у миссіонера, былъ самъ

¹⁾ Rogozinski, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, т. IV.

²⁾ Valdaу, упом. соч.

съеденъ своими сотоварищами. Видь ночной совы сулить большія бѣды, и когда эта птица сядеть на какомъ-нибудь домѣ, женщины бросаются съ мольбами къ ней избрать себѣ другой насыть. Туземцы эти страшатся привидѣній, въ особенности привидѣній враговъ и, безъ сомнѣнія, приписываютъ имъ вкусы вампировъ, такъ какъ въ случаѣ смерти мо-кунду, ему вырываются двѣ могилы, одну въ его хижинѣ, а другую въ лѣсу, съ цѣлью сбить съ толку злыхъ духовъ и не дать имъ возможности узнать, гдѣ погребенъ трупъ; однако эта предосторожность оказывается, повидимому, недостаточною, такъ какъ, по минованіи извѣстнаго времени, трупъ вырываются и переносятъ въ отдаленный гротъ. Церемонія похоронъ становится въ особенности таинственными, когда приходится скрыть трупъ короля или одного изъ членовъ тѣхъ тайныхъ обществъ, которые почти у всѣхъ африканскихъ племенъ косвенно властствуютъ посредствомъ террора. Случается, однако, что страхъ передъ злыми духами въ концѣ концовъ неревѣшаются тщеславиемъ королей: такъ, во многихъ мѣстахъ страны, населенной племенемъ кунду, находять могильные курганы, прочно облицованы камнемъ по окружности и покрыты сѣтками изъ сплетенныхъ травъ; предполагается, вѣроятно, что эти препятствія должны предотвратить ночное посѣщеніе привидѣній.

Къ востоку отъ ба-кунду живутъ ба-лонги, на берегахъ Мунго, и або на берегахъ Ябянга: оба эти племена ревностно соперничаютъ другъ съ другомъ въ качествѣ судовщиковъ и торговцевъ. Впрочемъ, ба-лонги изъ всѣхъ народовъ Камерунскаго края менѣ всего увлекаются стремлениемъ къ личной наживѣ: доходы каждого изъ нихъ суть въ то же время доходы общины. Нѣкоторыя изъ ихъ жилищъ настолько велики, что могутъ укрыть населеніе цѣлой деревни: въ нихъ проживаютъ вмѣстѣ до пятисотъ лицъ; для совмѣстнаго проживанія въ одномъ большомъ помѣщеніи собираются также и мельчай группы, семейства въ десять. Напротивъ, або проживаютъ отдельными семействами, каждое въ своей хижинѣ, достаточно удаленной отъ другихъ; при этомъ, даже въ селеніяхъ на низинахъ, хижины возводятся на искусственныхъ холмикахъ и окружаются каналами, въ которыхъ и собираются воды при наводненіи; во время половодій каждый домикъ представляется отдельнымъ островкомъ¹⁾.

Изъ всѣхъ пародовъ-банту Камерунской территории наиболѣе извѣстенъ — благодаря положенію своихъ поселеній на берегахъ лимана и постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ нѣмцами и англичанами — народъ, назы-

ваемый дуалла. Численность этого племени, по Нахтигалю и Цѣллеру, равняется 28 тысячамъ; по своему же типу оно изъ всѣхъ негританскихъ племенъ Камеруна наиболѣе приближается къ типу европейцевъ и семитовъ, хотя цветъ его кожи столь же теменъ, какъ и у сосѣднихъ племенъ. Женщины покрываютъ свое тѣло рисунками, но мужчины татуируютъ себѣ только лицо, да и то весьма осторожно, проводя лишь нѣсколько геометрическихъ линий; есть, впрочемъ, и такие, у которыхъ на лицѣ нѣтъ ни одного значка²⁾). Здѣсь слѣдуетъ, кстати, замѣтить, что у большинства племенъ, въ особенности же у племени молимба, и мужчины, и женщины имѣютъ привычку вытаскивать себѣ рѣчицы³⁾). Дуалла прекраснаго тѣлосложенія, а развитіе ихъ икръ доказываетъ, какъ ошибоченъ взглядъ тѣхъ писателей, которые въ этой анатомической чертѣ видятъ характеристической расовый признакъ для западныхъ арийцевъ. Дѣти растутъ быстро, и въ возрастѣ девяти или десяти лѣтъ это уже маленькие мужчины, которые женятся и продаютъ свое пальмовое масло, какъ настоящіе торговцы. Ни въ одной странѣ Африкѣ женщины не считаются столь общепринятыми простыми предметами торговли, какъ здѣсь. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія, маленькая дѣвочка бываетъ уже продана какому-нибудь богачу, который воспитываетъ ее съ цѣлью либо превратить ее впослѣдствіи въ свою жену, либо уступить кому-либо другому; такимъ образомъ, каждый король можетъ торговать цѣлыми сотнями своихъ подданныхъ женского пола, которые въ то же время составляютъ также его движимую собственность. Даже разбогатѣвшіе рабы бываютъ иногда владѣльцами многочисленнаго гарема, содержимаго въ большомъ подчиненіи. Но женщины, съ виду лишенныя всякихъ правъ, рабыни, которыхъ можно обмѣнивать и продавать, умѣютъ — благодаря взаимной поддержкѣ — добиваться, въ важныхъ случаяхъ, нѣкоторой свободы. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ женщины племени акуа ушли въ отдаленную деревню, отказываясь, если имъ не будетъ дана справедливость, возвращаться въ дома своихъ мужей⁴⁾). Дѣтей у женщинъ обыкновенно бываетъ мало, двое или самое большое трое, и свободное населеніе возрастаетъ медленно; наибольшую часть жителей въ странѣ составляютъ рабы. Дуалла весьма ревниво охраняютъ чистоту своей крови, и еще недавно они убивали мулатовъ, какъ какихъ-нибудь уродовъ, безчестияхъ племя своимъ отѣнкомъ кожи⁴⁾.

¹⁾ Carl Passavant, „Craniologische Untersuchung der Neger und der Negervölker“.

²⁾ Buchholz, „Reisen in West-Africa“. — Rabenhorst, „Ausland“.

³⁾ Pauli, „Petermann's Mittheilungen“, 1885, тетр. I.

⁴⁾ Hugo Züller, упом. соч.

¹⁾ Grenfell, „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1882.

Всѣмъ африканскимъ племенамъ извѣстенъ барабанъ или тамъ-тамъ; этотъ инструментъ употребляется ими при танцахъ, во время церемоний и въ битвахъ; но дуалла, вмѣстѣ съ своими соѣднами: ба-кури, ба-лонгъ, або, вури, басса и донга, составляютъ единственную группу негровъ, которые пользуются барабаномъ не только для призыва къ войнѣ или къ празднованію, но также и для подробной передачи новостей¹⁾). Эта своеобразная телефонія,—изобрѣтеніе которой, конечно, свидѣтельствуетъ о столь же большомъ остроуміи, какъ и изобрѣтеніе идеографического письма,—состоитъ въ томъ, что съ различною силой и звучностью ударяютъ по барабану, при чемъ различнымъ комбинаціямъ этихъ ударовъ соответствуютъ или слоги, или отдельныя слова. Это настоящій языкъ, для пониманія которого требуется весьма изощренный слухъ и который посвященные умѣютъ воспроизводить, бормоча губами; ба-кури, кромѣ того, переговариваются также при помощи особаго рожка, звукъ которого несетъся отъ одной горы къ другой. При этихъ переговорахъ, всѣ посвященные въ дѣло, услыша бой барабана, должны тотчасъ же повторять его, и такимъ образомъ новости передаются вплоть до самыхъ границъ края, «на подобіе того, какъ по водѣ распространяются круги отъ брошенного въ нее камня»²⁾). Рабы не имѣютъ права учиться языку барабана; также весьма мало женщинъ, которыхъ его понимаютъ; съ другой стороны, до сихъ поръ еще ни одинъ туземецъ не открылъ секрета относительно этого языка кому-либо изъ европейскихъ путешественниковъ. Понятно, какое важное политическое значеніе имѣть это средство переговариваться на протяженіи всей страны. При существованіи такого способа взаимнаго обмѣна свѣдѣніями, стоитъ только путешественнику появиться въ какомъ-нибудь селеніи, какъ тотчасъ же объ его прибытии сообщается съ этапа на этапъ, и всѣ тѣ, которыхъ ему предстоитъ посѣтить, бываютъ уже ранѣе предувѣдомлены о предстоящемъ его прибытии къ нимъ.

Людоѣдство, какъ религіозный обрядъ, существовало еще въ недавнее время; такъ, при торжественныхъ случаяхъ расчленяли тѣло одного мужчины, и четыре главные начальника получали каждый по четвертой части. Убийство предшествовало всякому вступлению во власть, такъ какъ, не обагривъ руки въ крови, король не имѣлъ права повелѣвать своими подданными³⁾). Королевская власть—по сравненію съ большою частью другихъ камерунскихъ племенъ—сильнѣе всего у дуалла.

¹⁾ Рогозинскій;—Büchner;—Zöller;—Langhans;—Reichenow и т. д.

²⁾ Buchholz, упом. соч.

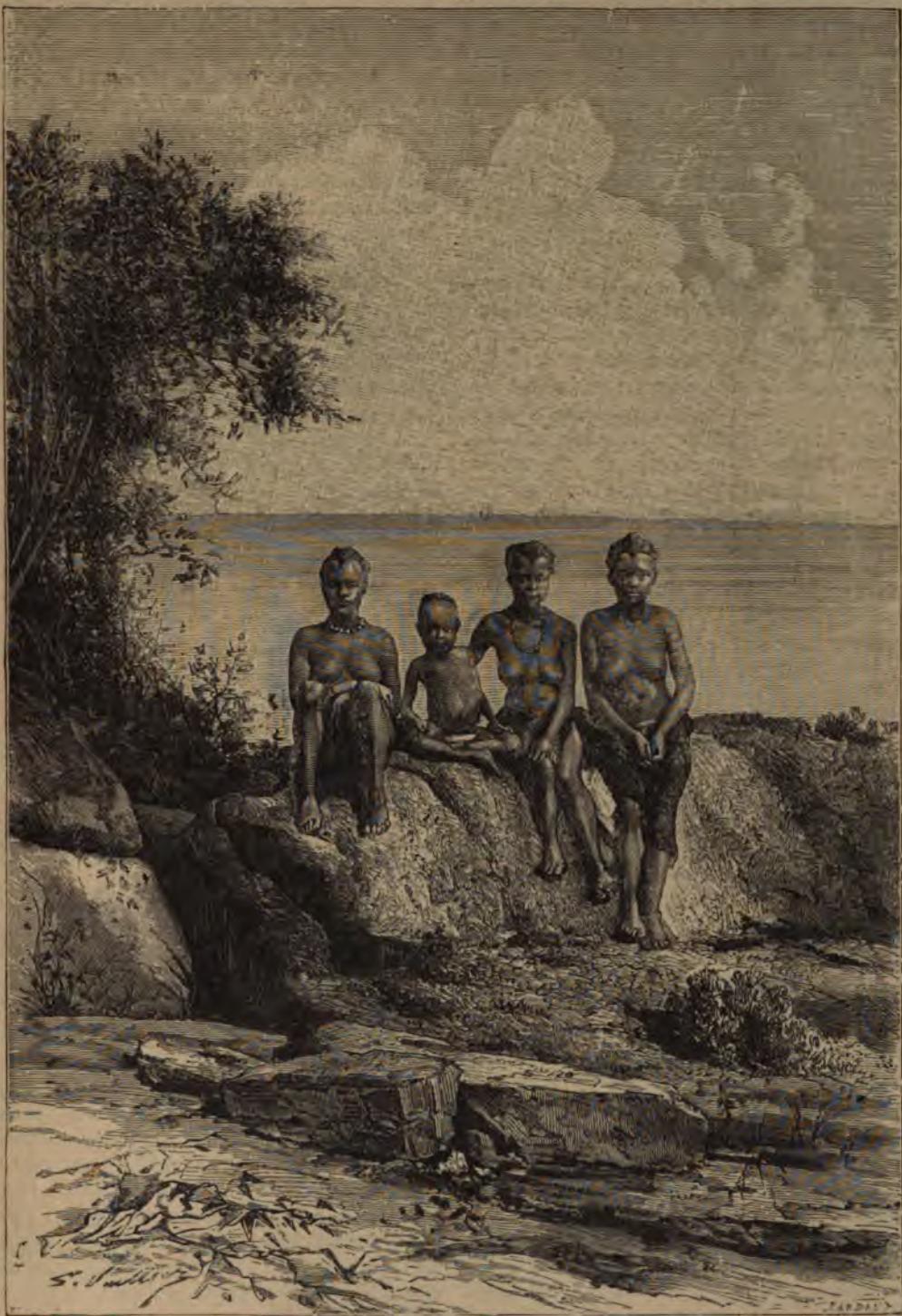
³⁾ Buchholz, упом. соч.

Объясняется это большинъ вліяніемъ, которое доставили властелинамъ этой страны выгоды отъ торговли: богатство ихъ далеко разносить славу ихъ имени. Одинъ изъ этихъ царьковъ есть несомнѣнно одинъ изъ богатѣйшихъ людей во всей Африкѣ, и даже въ Европѣ онъ былъ бы въ числѣ крупныхъ капиталистовъ. Пріобрѣтаютъ эти значительныя богатства начальники дуалла путемъ посредничества, такъ какъ вся мѣновая торговля между внутренностью страны и приморскими факторіями идетъ черезъ ихъ руки. Въ качествѣ же носильщиковъ, охранителей и складчиковъ товаровъ, въ этой торговой монополіи участвуютъ также и всѣ дуалла, а потому и между ними есть весьма много богатыхъ «дженльтменовъ», которые съ важностью прогуливаются передъ своими домами, играя, висящіе у нихъ на животѣ, связкою ключей, свидѣтельствующею объ ихъ богатствѣ. Нравственно испорченные своимъ ремесломъ паразиты, дуалла съ боязнью взираютъ на попытки европейцевъ проникнуть въ глубь страны, и всѣми имѣющимися у нихъ средствами стремятся отвратить ихъ отъ этого. Эта торговая зависть и составляетъ главную причину, которая до сихъ поръ препятствовала изслѣдованію этой части Африки. Путешественники, перешедшіе за предѣлы приморской полосы, задерживаются всевозможными препятствіями: проводники отказываются ихъ сопровождать; носильщики скрываются или покидаютъ свою ношу на половинѣ дороги; быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже приѣзжали къ отравленію, чтобы охладить рвение этихъ бѣлыхъ, вѣчно жаждущихъ новыхъ открытій. Даже когда прибрежные складчики товаровъ и допускать организоваться экспедиціямъ, они все-таки находятъ средства остановить ихъ на недалекомъ разстояніи отъ мѣста отправленія, раньше чѣмъ такие піонеры бѣлыхъ успѣютъ завязать непосредственный торговыя сношенія. Въ свою очередь, и бѣлые стремятся обезпечить за собою монополію. Еще не такъ давно восемь домовъ, англійскихъ и германскихъ, оспаривали другъ у друга привилегію мѣновой торговли съ камерунскими племенами: нынѣ политическое обладаніе страны рѣшило споръ въ пользу торговцевъ Гамбурга.

Также какъ на устьяхъ Нигера и на западномъ берегу, въ Камерунѣ главный предметъ вывоза составляютъ пальмовые орѣхи и масло. Если же негоціанты и предпочитаютъ заниматься торговлею слоновою костью, то это лишь благодаря легкости торговыхъ сдѣлокъ и большой прибыли, доставляемой этимъ драгоценнымъ товаромъ; но, въ общемъ оборотѣ, эта «благородная» торговля оказывается значительно менѣе важною, чѣмъ пачкотливая возня съ масломъ; наконецъ, торговль слоновою костью, по мѣрѣ сокращенія стадъ толсто-

кожихъ, благодаря употреблению огнестрельного оружія,—предстоитъ изъ года въ годъ уменьшеніе. Далѣе, камерунскіе негоціанты

бывають изъ одного вида ліавъ, обвивающихъ лѣсныя деревья; ліана эта, называемая *landolphia florida*, имѣеть въ длину отъ 50 до 60

Женщины и ребенок племени пагуанъ.

вывозять также некоторые красильные деревья, а въ послѣднее время прибавился еще одинъ продуктъ—каучукъ, который шведы, поселившіеся на склонахъ главнаго пика, до-

метровъ, и самый лучшій продуктъ даетъ на высотѣ между 900 и 1.000 метр. надъ уровнемъ моря. Ротангъ (*calamus rotang*), эбено-вое дерево (*аспалатъ, aspalatus arboreus*, *бръз-*

евенус) и небольшое количество кофе—дополняют грузъ судовъ, а, въ обмѣнъ, бѣлые доставляютъ туземцамъ: гибельную водку, подъ громкимъ именемъ рома, табакъ, ткани, оружіе, бусы и разные предметы роскоши и омеблированія. При этомъ, двѣ трети цѣнности всего ввоза приходятся на долю спиртныхъ напитковъ¹⁾). Продажа доброкачественного пороха и хорошихъ ружей воспрещена купцамъ закономъ. Употребленіе девегъ еще не распространилось въ краѣ, и цѣнность товаровъ исчисляются на фиктивныя монеты, при чёмъ данное число ихъ приравниваютъ къ тому или другому количеству товара, которое, въ свою очередь, различно, смотря по тому, ближе или дальше отъ факторій совершается торговая сдѣлка. * Съ 1886 г. въ Камерунѣ господствуетъ германская имперская валюта*.

Хотя съ 1885 года Камерунъ числится германской «колоніею», по колонистовъ въ краѣ еще неѣть, если не считать таковыми нѣсколькихъ шведскихъ охотниковъ и торговцевъ, которые, какъ упомянуто, занимаются на склонахъ горъ добываніемъ каучука. Проживающихъ же на приморскомъ берегу нѣгоціантовъ или миссіонеровъ изъ бѣлыхъ такъ мало, что на всю территорію они насчитываются только десятками, и многие изъ торговыхъ домовъ управляются не европейцами, а либо нѣграми, либо цвѣтнокожими, изъ которыхъ послѣдніе обнаруживаютъ такой большой навыкъ къ торговлѣ, что еще неизвѣстно: не кончать ли они присвоеніемъ себѣ и монополіи занятія єю? Непосредственное пользованіе богатствами почвы вокругъ факторій еще незначительно: нѣсколько аллей изъ пальмовыхъ деревьевъ, нѣсколько украшающихъ мѣстность растений—вотъ пока все, чѣд, съ точки зрѣнія культуры, дало присоединеніе Камеруна къ Германской имперіи. Впрочемъ, въ Гамбургѣ образовалось общество для разведенія плантаций, при чёмъ сдѣланный имъ выборъ мѣстности для нихъ, естественно, упалъ на южный склонъ «Горы богоѧ».

Впрочемъ, хотя бы даже климатъ расчищаемой подъ культуру мѣстности оказался не слишкомъ неблагопріятнымъ для европейцевъ, все-таки они могутъ поселиться въ краѣ лишь въ весьма незначительномъ числѣ, такъ какъ трудъ, который потребуется для плантаций, несомнѣнно, приметъ форму воздѣлыванія почвы руками плохо оплачиваемыхъ негровъ, а организація собственности выразится въ созданіи большихъ помѣстій. Такимъ образомъ, собственно колонизація окажется невозможна.

Въ лиманѣ Ріо дель-Рей, составляющемъ границу Камерунской территории, европейцы не имѣютъ факторій; впрочемъ, камышевые земли въ этой части берега дотого нездоро-

вья, что тамъ не основалось даже ни одного поселенія негритянского; самыя близкія къ морю хижины находятся на разстояніи 50 километровъ. На западномъ же берегу собственно Камерунской возвышенности, первымъ поселеніемъ является деревня Бибуни, населенная рыбаками, отваживающимися пускаться на узкихъ лодочкахъ въ открытое море даже на разстояніе десяти километровъ отъ берега. Эта деревня Бибуни служитъ портомъ для большаго поселенія Бомана, расположеннаго на пятнадцать километровъ дальше внутри страны. Германскіе нѣгоціанты предполагаютъ устроить въ этомъ пунктѣ складъ тѣхъ товаровъ, которые идутъ съ верховьевъ р. Оіоно (Кроссь) и которые доставляются нынѣ въ англійскій факторіи Старого Калабара.

Главная станція Камеруна, Викторія, основана въ 1858 году миссіонерами-баптистами, удаленными съ острова Фернандо-По тогдашнимъ его губернаторомъ; при этомъ, отошедшая подъ станцію терріторія, вмѣстѣ съ соѣдними островами, была приобрѣтена отъ туземцевъ всего лишь за нѣсколько боченковъ солонины и сухарей. Викторія находится въ одной изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ, у покрытой лѣсомъ подошвы «Горы богоѧ» и на берегу залива, устьянаго островами: такъ, на западѣ и на югѣ, передъ взорами наблюдателя развертываются зеленѣющія крутизны берега, а на юго-западѣ, два красивыхъ островка: Амбасскій (Ambozes и Amboise) и Мандолэ—выдѣляются своею темною зеленою на туманномъ фонѣ острова Фернандо-По, съ его конусомъ, окруженнымъ облаками. Какъ морская станція, Викторія представляетъ нѣкоторыя удобства: сбывающая съ горъ вода чиста и изобильна, а суда, средняго водоизмещения, безъ труда становятся на якорь въ рейдѣ, къ сѣверу отъ острововъ; кромѣ того, глубокая бухта, именуемая «Мап-оф-Вар», что значитъ «военное судно», глубоко вдается внутрь той части берега, который приносится къ Викторіи, и эту, созданную природою, гавань было бы легко соединить съ городомъ посредствомъ короткой дороги или даже канала, прорытаго въ илистой почвѣ. Въ настоящее время въ Викторіи проживаютъ лишь ба-кури, выселившіеся изъ Боніонго, Мапувіи и другихъ горныхъ деревень, да нѣсколько бѣглецовъ, которымъ грозить мщение или преслѣдованіе какого-нибудь фетишера; но, несомнѣнно, городъ этотъ современемъ получить важное значеніе, какъ портъ западной гористой области и какъ центръ плантаций деревьевъ шоколадного и кофейного; предлагали перенести сюда столицу всей терріторіи. Политическая перемѣна повлекла за собою перемѣну и въ религіи жителей, населяющихъ страну; именно, миссіонеры-баптисты, проживавшіе въ Викторіи, были принуж-

¹⁾ „Afrique explorée et civilisée”, июль 1886.

дены продать какъ свое заведеніе, такъ и патронатъ надъ сосѣдними землями, а на ихъ мѣсто германское правительство привлекло миссионеровъ изъ Базеля, которымъ поручено обучать туземцевъ нѣмецкому языку и пріучать ихъ къ повиновенію новымъ владѣльцамъ края.

Къ востоку отъ лѣсистаго мыса, которымъ оканчивается весь вулканическій массивъ Камерунскихъ горъ, находится другой портъ: гавань Бимбія, отчасти защищеннная отъ морскаго волненія островомъ Николь (Nichols); но входъ въ нее извилистой и труденъ, а во время дождливаго сезона волны яростно разбиваются на бары. Три деревни, образующія почти непрерывный рядъ домовъ и извѣстныя подъ собирательнымъ именемъ Бимбіи, оноясываютъ бухту, но проживающіе въ нихъ рыбаки настолько боязливы, что не отваживаются пускаться въ открытое море; ловить же они рыбу, устанавливая свои тростниковые снасти по дну. Бимбія является естественнымъ портомъ для наиболѣе населенныхъ бакуирійскихъ селеній: Сопа, Лиссока, Буасса, Буэ или Беа, расположенныхъ приблизительно на высотѣ тысячи метровъ, посреди лѣсовъ и пастбищъ, надъ которыми господствуетъ съ запада, въ видѣ высокаго вала, одно изъ нагроможденій скаль на горѣ Монго-ма-Лоба. Буэ—подобно всѣмъ другимъ деревнямъ, или нбука, горцевъ—состоитъ изъ уединенныхъ хижинъ, разбросанныхъ на болыномъ разстояніи одна отъ другой по небольшимъ долинамъ. Жители, самые сильные и отважные между ба-куирійцами,—смѣлые охотники, проводящіе цѣлые недѣли въ горахъ; они любятъ купаться въ холодной водѣ потоковъ и, подобно швейцарскимъ горцамъ, часто предаются состязаніямъ въ силѣ и ловкости. Ихъ коровы пасутся стадами на сосѣднихъ лугахъ и своюю силой и красотою масти впечатываютъ швейцарскій скотъ.

Въ бассейнѣ Мунго, входный портъ и главный рынокъ, неподалеку отъ большаго мѣстечка Мбинга, сообщается съ Бимбіею глубокимъ каналомъ—протокомъ, представляющимъ при своемъ устьѣ превосходные рейды для судовъ. Выше по рѣкѣ находится городъ Бакунду-ба-Намбелэ: онъ лежитъ, какъ это видно изъ его названія, въ землѣ племени ба-куанду и представляетъ тамъ единственный городъ, въ которомъ проживали бѣлые люди, именно американскіе миссионеры; хорошо проторенная дорога соединяетъ его съ его пристанью на р. Мунго, которая протекаетъ въ нѣсколькоихъ километрахъ къ востоку. Другой городъ отчасти того же имени, Бакунду-ба-Мусака, группируетъ свои домики къ западу отъ озера Rickards'a, Баламби-ма-Мбу, вблизи западнаго берега озера Мбу; Мококуэ, Кумба или Бафонъ, Кименди—слѣдующіе одинъ за другимъ съвернѣе, на дорогѣ къ горамъ Ба-

Фарами,—пока еще были только мимоходомъ посѣщены европейскими путешественниками, ис, тѣмъ не менѣе, и они входять въ кругъ притяженія торговли Камеруна. Кумба—большой рынокъ рабовъ и пальмового масла; по Шварцу, въ немъ около четырехъ тысячъ жителей. Городъ этотъ содержитъ въ образцовой чистотѣ; каждый день отрядъ рабочихъ чистить улицы и вырываетъ сорныхъ травы.

Города съ именемъ Камерунъ собственно не существуетъ, но это собирательное наименование даютъ дюжины деревень, расположенныхъ вдоль высокой глинистой террасы, на восточномъ берегу лимана, и имѣющихъ вмѣстѣ до двѣнадцати тысячъ жителей: это—«города» королей племенъ бель, акуа, дидо. Досюда поднимаются суда средняго водоизмѣщенія; суда же, глубоко сидящія въ водѣ, останавливаются при входѣ на рейдъ. Нѣсколько понтоновъ стоятъ на якорѣ передъ факторіями; но большая часть торговцевъ пребываѣтъ на суши, въ хорошо вентилируемыхъ домаѣхъ новѣйшей конструкціи. Кроме того, въ Камерунѣ есть нѣсколько зданій, соотвѣтствующихъ его рангу столицы: таковы, между прочимъ, таможня и тюрьма. Дворецъ губернатора стоитъ на вершинѣ отлогой террасы, на томъ мѣстѣ, где находилась негритянская деревня, разрушенная въ 1885 г. бомбами германской флотиліи. Высота эта, обвѣваемая вѣтромъ съ моря,—самая здоровая мѣстность въ Камерунѣ; но санаторія, въ которой обыкновенно проживаютъ высшіе чиновники, находится на оконечности мыса Суеллаба, на плоскомъ песчаномъ берегу, на который съ открытаго моря вкатываются волны; въ сосѣднемъ лѣсу, превращенномъ въ паркъ, змѣйками извиваются аллеи. Поселокъ, въ которомъ устроены купальни, названъ нѣмцами странно звучащимъ въ Африкѣ именемъ: Kaiser Wilhelm's Bad. Внѣшняя торговля Камеруна въ 1896 г., по цѣнности оборотовъ: привозъ—5.377.943, вывозъ—4.323.656 германск. марокъ. Главные предметы вывоза (въ тысячахъ марокъ): пальмовые орѣхи—1.282, каучукъ—1.074, пальмовое масло—988, слоновая кость—562, какао—159.

Между многочисленными деревнями, разбросанными на берегахъ верхней Вури, Або и другихъ рѣкъ, владающихъ въ Камерунскую бухту, вѣтъ ви одной, носящей имя Бафры, показанное на большей части новѣйшихъ картъ, даже тѣхъ, которые были составлены португальцами, и присвоенное, кроме того, половинѣ Гвинейскаго залива, заключающейся между вулканическими островами отъ Анно-бона до Фернандо-По. Слѣдовательно, это имя, относящееся къ какому-то воображаемому королевству или главному городу, не имѣть болѣе причины бытія и должно быть включен-

нuto изъ географического словаря. По мнѣнію португальскихъ авторовъ, это слово обязано своимъ происхожденiemъ просто недосмотру переписчика. Именно, первымъ мореплавателямъ была известна гора Мафра (Mafra mons), расположенная на съверо-востокѣ залива и, съ ихъ словъ, это название и было нанесено на одну изъ Страсбургскихъ картъ, изданную въ 1513 году; впослѣдствіи же это наименование превратилось въ Біафра, Біафаръ и Біафара¹). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на первыхъ картахъ положение горы Мафра или Біафра вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію горы Ба-Фарами, и потому, возможно, что смѣщеніе этихъ наименованій другъ съ другомъ произошло не случайно.

По берегу, простирающемуся къ югу отъ Камерунскаго лимана, слѣдуютъ одна за другой многочисленныя факторіи, вокругъ которыхъ группируются также и деревни негровъ. Три такихъ факторіи находятся на косѣ, которая загибается спереди устья рѣки Моанія; называются же эти факторіи конторами «Малыхъ» или Съверныхъ Ба-танговъ. Далѣе отъ берега, возвышеніѣ, лежитъ большое селеніе Джаванджа; на рѣкѣ оно расположено какъ разъ въ томъ мѣстѣ, до которого достигаетъ верхняя граница прилива; служить это селеніе центромъ мѣстной торговли и является пунктомъ соприкосновенія болѣе цивилизованныхъ ба-танговъ низовья рѣки съ жителями внутренней страны, извѣстными подъ именемъ ба-коко; оба эти народа проживаютъ другъ съ другомъ въ мирѣ и уже сливаются въ одну расу. Отличаются отъ ба-танговъ ба-коки первобытностью своего оружія и украшеніями: мужчины носятъ небольшіе браслеты изъ слоновой кости; кромѣ того, они завиваются свои бороды по-ассирійски, въ космы, расположенные вертикально и, для придания себѣ болѣе важности, въ свои волосы вплетаютъ также и волосы животныхъ; усы же совсѣмъ выщипываютъ; у женщинъ къ ушамъ подвѣшиваются толстые деревянные кружки, а юнѣе женщины изъ племени ба-ноко прокалываютъ себѣ также носовой хрящъ и пропускаютъ черезъ него косточку изъ скелета животныхъ²). Подъ общимъ именемъ «большихъ» ба-танга обозначаютъ два племени: ба-пуко, живущее къ съверу отъ Слоновой горы, въ прибрежномъ окружѣ, называемомъ Плантацией, и ба-ноко, живущее у подошвы этой горы, въ мѣстности, называемой Криби, и еще южнѣе, вплоть до устья Rio-дель-Кампо. Эти малоизученные племена часто воюютъ другъ съ другомъ; но войны эти—не что иное какъ кровавая месть, которая и прекращается, какъ только съ обѣихъ сторонъ окажется одинако-

вое число убитыхъ; недавно одна изъ такихъ войнъ между ба-пуко и ба-ноко, продолжавшаяся четыре года, окончилась, благодаря вмѣшательству европейскихъ купцовъ, принесеніемъ въ жертву одного изъ мужчинъ того племени, которому довелось отрѣзать болѣе головъ; по достижениѣ же такого уравненія долей обѣихъ сторонъ, устроенъ былъ роскошный примирительный пиръ. Изъ всѣхъ африканскихъ народовъ, большиe ба-танга наиболѣе интересуются религию; у нихъ нѣть изъ фетишизма, ни фетишъ, и вся ихъ религія сводится къ неопределенному чествованію предковъ и страху предъ мертвѣцами. Въ противоположность нигерскимъ племенамъ и банту, у ба-танга дѣтей не обрѣзываютъ³). Хотя матери очень привязаны къ своимъ младенцамъ, однако, имъ удается сохранить жизнь не болѣе пятой части своихъ дѣтей: такъ велика смертность въ младенческомъ возрастѣ⁴).

Ба-коко, также какъ съверные и южные ба-танга, суть самые искусные на всемъ материкѣ Африки строители лодокъ. Они спускаются на Моанію большія, вмѣщающія по пятнадцати гребцовъ, военные суда, съ которыми не можетъ состязаться въ скорости ни одно европейское гребное судно. На тѣхъ же берегахъ, где проживаютъ южные или большиe ба-танга, этихъ лодокъ уже не видно, и скользить лишь утлы, поразительно легкие, челночки, сравниваемые Цѣллеромъ съ рыбкою-конькомъ (*hipposatrus*). Это нѣчто въ видѣ выдолбленныхъ поплавковъ, длиною въ два метра, шириной въ 30 сантиметровъ, глубиною въ 15 сантиметровъ и вѣсомъ отъ 4 до 8 килограммовъ; садятся въ нихъ какъ-бы верхомъ, высевая за борты направо и налево ноги, которыми или весломъ и гребутъ; а такъ какъ каждый пѣнистый гребень волны до половины заливаетъ челнокъ, то одною рукою пловецъ все время отливаетъ изъ него черпакомъ воду. Когда же плавающіе на такихъ причудливыхъ судахъ взираются на бортъ настоящаго корабля, то свои челночки они берутъ подмышку, при чемъ, можетъ-быть, ими сохраняется эта старая привычка просто съ той цѣлью, чтобы похвастаться своею ловкостью. Любо смотрѣть, какъ эти утлыя челны скользятъ по гребнямъ волъ, едва погружаясь въ воду, вздымаясь съ каждымъ ударомъ весла и, легкіе какъ на сѣкомыя, разсѣкая тѣ грозные прибои волнъ на барахъ, къ которымъ гребцы европейскихъ лодокъ подходить не безъ волненія. Пускаться далеко въ открытое море ба-танги, однако, не любятъ, опасаясь, впрочемъ, не волъ, а акуль⁵).

¹⁾ Hugo Zöller, упом. соч.

²⁾ Beyrich, „Petermann's Mittheilungen“, 1885.

³⁾ Hutchinson, „Ten Years Wandering among the Ethiopians“;—Wilson;—Zöller.

⁴⁾ „Atlas de Santarem“;—Carlos de Mallo, рукопись замѣтки.

⁵⁾ Wilson, „Western Africa“.

Факторії южныхъ ба-танга сохранили, въ двухъ мѣстахъ, къ сѣверу и югу отъ рѣки Германской Гвинеѣ, наиболѣе важное значение по торговлѣ слоновой kostью. Туземцы, приносящіе изъ лѣсовъ Внутренней Африки эти клыки, принадлежать къ «народу кустовъ», ибеа или ма-бее, и говорять на языкѣ, отличномъ отъ языка болѣе развитыхъ жителей поморья, хотя, вѣроятно, языкъ этотъ также принадлежитъ къ семейству языковъ банту. Эти ибеа, также какъ фаны или пагуини, слѣдующіе за ними, постоянно подвигаются впередъ въ направлениіи съ востока на западъ; подобно дуалла и бакуиря, они пришли съ востока, тѣсня предъ собою приморскія племена. Нынѣ ибеи достигли берега моря уже въ

Лобэ, гдѣ они образуютъ помѣси съ племенами, поселившимися тамъ раньше. Надо пройти черезъ ихъ землю, чтобы, по ту сторону прибрежныхъ плоскогорій и предполагаемаго горнаго кряжа, Сіерра Геррѣйра, проникнуть въ тѣ внутреннія области, которыя простираются до верховьевъ У-Бангі и Хари, и гдѣ находится «Озеро» или Ляба, часто упоминаемое туземцами. Дѣйствительно ли это обширная водная площадь или большая рѣка, быть можетъ, самая У-Бангі—пока не известно. Вообще, изъ всѣхъ неизвѣданныхъ странъ Африки, эта область всего лучше хранитъ свои тайны.

Глава III Габонія.

Испанскія, французскія и португалскія Владѣнія.

До недавняго времени наибольшая часть африканскаго поморья, простирающагося приблизительно на пространствѣ 1.500 километровъ, между устьями Ріо-дель Кампо и Конго или Заирю, была оставлена ея туземнымъ чернокожимъ обитателямъ, и европейскія государства ограничивались занятіемъ только нѣсколькихъ пунктовъ на берегу, какъ-то: Кориско, Либревилля, Кабинды. Но теперь вѣни одного пустыннаго пляжа, ни одной рощицы корнепусковъ (*rizophorae*), на которые не заявлялось бы притязанія какъ на нераздѣльную часть чьего-либо политическаго владѣнія, и даже въ глубинѣ еще неизслѣдованныхъ или по крайней мѣрѣ мало извѣстныхъ странъ уже проведены воображаемыя границы этимъ владѣніямъ европейскихъ державъ. Если бы первенство открытия страны составляло единственное основаніе для права обладанія ею, то нельзя было бы оспаривать притязаній португальцевъ, ибо уже съ 1470 года лузитанскіе мореходы, слѣдя берегомъ Африки, переплывали экваторъ, а многіе изъ мысовъ и бухтъ африканскаго поморья еще и по-нынѣ носятъ или настоящія, или исковерканныя португальскія наименованія. Такъ, наиболѣе выдвинутый мысъ этого поморья, мысъ Лопецъ, напоминаетъ имя корчаго Лопе Гонзальвеса, а нѣсколько южнѣе этого

песчанаго выступа, названъ по имени португальскаго же мореплавателя, Фернанда Ваца, и одинъ изъ лимановъ. Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ поморья португальцы пребывали въ теченіе долгаго времени; такъ, напр., на находящемся посреди Габонскаго лимана островѣ Коникѣ найдены остатки ихъ зданій и цопорченныя пушки. Однако, со временемъ открытия этихъ береговъ, европейцы, въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій, занимались тамъ только одною торговлею рабами; при этомъ, негроторговцы старались всячески вести втихомолку свои прибыльныя операции, и чѣмъ болѣе процвѣтала ихъ гнусная торговля, тѣмъ менѣе слышалось объ ихъ факторіяхъ.

Дѣло изслѣдованія габонской области началось, собственно говоря, лишь съ половины XIX столѣтія, послѣ приобрѣтенія Франціею полосы земли на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, какъ продовольственнаго пункта для экипажей крейсеровъ. Первый постъ былъ основанъ въ 1842 году, и вскорѣ послѣ того моряки эскадры изучили весь лиманъ; затѣмъ посылались развѣдоочныя экспедиціи вверхъ по двумъ рѣкамъ, впадающимъ въ заливъ, Комо и Рамбоз, а дю-Шалью совершилъ нѣсколько охотничихъ экскурсій внутри материка и своими рассказами о гориллѣ, страшномъ «лѣсномъ человѣкѣ», привлекъ всеобщее вниманіе къ этимъ странамъ. Послѣ того бассейнъ большой рѣки Огоу (Огова) открылся передъ изслѣдователями, и Braouzezec, Serval, Griffon du Bellay, Aymès, de Compiègne и Marche под-

нимались вверхъ по рѣкѣ и ея притокамъ и только сѣтью градусовъ. Въ этомъ отношеніи, описали рѣчную долину, съ ея жителями и продуктами. Англичанъ Walker принялъ участіе въ этихъ открытіяхъ, равно какъ и австріецъ Ленцъ, начавшій изслѣдованіемъ Огоуа свои большія путешествія для перехода черезъ весь континентъ Африки, столь прославившія его имя. Съ 1875 года начались слѣдующія одна за другою экспедиціи, руководимыя Браццой и направленныя къ изслѣдованію страны въ географическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Благодаря его усиленіямъ, а также и усиленіямъ многочисленныхъ его со-трудниковъ: Ballay, Jaques de Brazza, Guiral, de Chavannes, Ponel, Fourneau, Cordier, Doulisie, Mizon, Rouvier и другихъ, почти вся треугольная область, ограниченная съ востока и съ юга—Конго, а съ сѣвера—Габонскимъ лиманомъ и экваторомъ, уже известна въ главныхъ чертахъ, а астрономическое опредѣленіе многочисленныхъ пунктовъ сдѣлало возможнымъ также начертаніе и подробныхъ картъ. Съ своей стороны, испанскіе путешественники: Iradier, Montes-de-Oca и Ossorio, въ разныхъ направленіяхъ изслѣдовали также всю ту часть области, которая, къ сѣверу отъ Габона, простирается до Ріо-дель-Кампо; при этомъ, внутрь страны они углублялись километровъ на двѣстіи. Такимъ образомъ, остается лишь посѣтить нѣкоторыя части сѣверо-восточной области, орошаемой притоками Конго, и тогда весь этотъ край—въ силу дипломатическихъ договоровъ, отошедшихъ, въ тропическомъ поясѣ африканского материка, къ тому или другому изъ европейскихъ государствъ—окажется предварительно уже изслѣдованнымъ.

Такъ какъ путешествія съ цѣлью изслѣдованія часто сопровождались покупками у туземныхъ начальниковъ земель, то непосредственное завладѣніе начиналось на части территоріи, где находились эти купленные земли. Въ настоящее время наибольшая часть края принадлежитъ Франціи, которая владѣтъ областями, находящимися въ предѣлахъ бассейновъ Габона, Огоуа, Куилу и притоковъ Конго до У-Банги. Испаніи, кромѣ острова Кориско и двухъ островковъ Флобей, принадлежитъ на материкѣ лишь небольшая полоса; на долю же Португаліи приходится мѣстность, ограниченная на сѣверѣ рѣкою Массаби, а на востокѣ и югѣ тѣми геометрическими линіями, которыя отдѣляютъ ее отъ нового Конгскаго государства. Поверхность португальскихъ владѣній можетъ быть исчислена приблизительно въ 2.400 кв. километровъ, а число жителей, принимая во вниманіе относительно густую населенность территорій, по крайней мѣрѣ въ 30 тысячъ. Что же касается французскихъ и испанскихъ владѣній, то для исчисленія ихъ пространствъ остается воспользоваться пока

только сѣтью градусовъ. Въ этомъ отношеніи, объ «экваторіальной Франції» можно лишь сказать, что она имѣть свыше шести сотъ тысячи квадратныхъ километровъ и пространствомъ превосходить европейскую Францію. Относительно границъ политической области Испаніи слѣдуетъ замѣтить, что на сѣверѣ Габона они не определены; пространство же области, по показаніямъ испанскихъ картографовъ, исчисляется слишкомъ въ двадцать пять тысячъ квадр. километровъ, между тѣмъ какъ по другимъ документамъ оно едва ли составить и два десятка кв. километровъ. Что касается населенія Габоніи вообще, то путешественники, пересѣкавшіе страну въ различныхъ направленіяхъ, сильно противорѣчатъ другъ другу: по берегамъ многихъ рѣкъ деревни слѣдуютъ другъ за другомъ такъ тѣсно, что составляютъ какъ-бы одинъ непрерывный городъ; но зато, въ обширныхъ лѣсахъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, охотничіе семейства разсѣлены далеко одно отъ другаго. Приблизительно, все населеніе края, включая также и склонъ къ Конго, нужно считать не менѣе двухъ миллионовъ; а если принять предлагаемую Бэмомъ и Вагнеромъ цифру для средней плотности населенія въ экваторіальныхъ областяхъ, т. е. 12 человѣкъ на одинъ квадратный километръ, то получится около семи миллионовъ¹). По мнѣнію Браццы, наиболѣе вѣроятная цифра—пять миллионовъ²).

Всю совокупность французскихъ владѣній въ этой части континента называли «Африканскимъ Западомъ». Однако, было бы весьма желательно, чтобы это наименованіе, гораздо болѣе пригодное для Сенегамбіи, было оставлено раньше, чѣмъ оно войдетъ во всеобщее употребленіе. На весь этотъ край гораздо лучше распространить название «Габонія», имѣя въ виду, что въ данномъ португальскимъ мореплавателямъ наименованій «Gabão или Gabon» подразумѣвался не только тотъ лиманъ, надъ которымъ нынѣ господствуетъ Либревиль, но что оно также распространялось и на весь берегъ, простирающійся отъ мыса Сентъ-Жанъ, иногда даже отъ самаго Камерунскаго лимана до Лоанго³). Этотъ же терминъ «Габонъ» встрѣчается, между прочимъ, также на картѣ Жуана-де-ла-Коза, относящейся къ концу 15-го столѣтія⁴).

Габонійская область, въ предѣлахъ между моремъ и р. Конго, высокихъ горъ не имѣть. Наиболѣе возвышающейся вершины не превосходятъ полутора тысячъ метровъ, да немного

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, Ergänzungshefte, № 62 и 69.

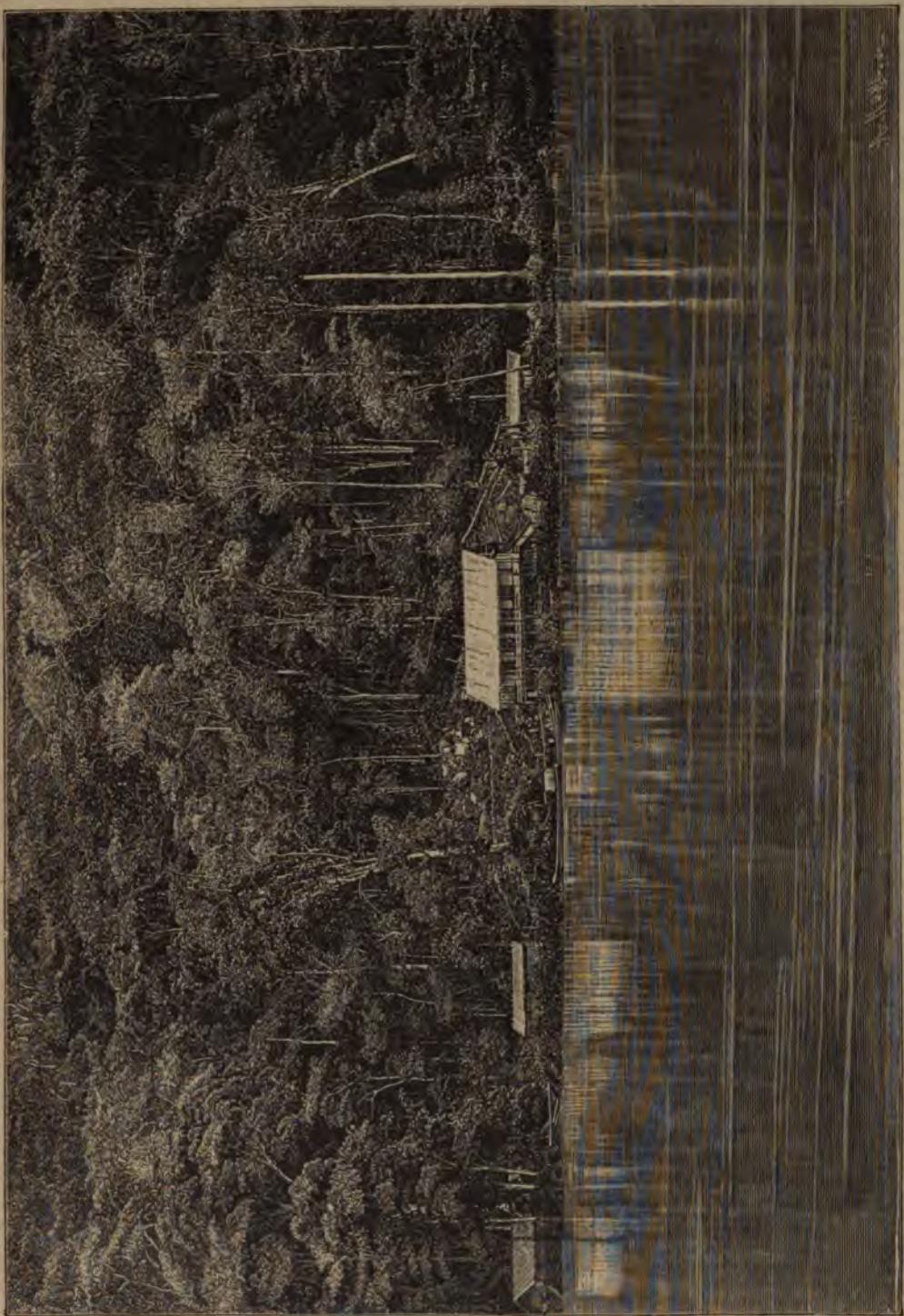
²⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, assemblée du 21 janvier 1889.

³⁾ Richard Burton, упом. соч.;—Wilkes, „Western Africa“.

⁴⁾ Atlas de Santarem; —Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

и такихъ, которые были бы выше тысячи метровъ. На сѣверѣ больше всего бросается въ глаза морякамъ гора Батта, представляющая башню, возвышающуюся надъ близкими другъ

листаго и лѣсистаго мыса Сенъ-Жанъ, и на хребтѣ которой находятся остатки укрѣпленій, возведенныхъ, вѣроятно, португальцами¹⁾,— соединяется, при посредствѣ Сиерры Палювиоль

Американская миссія на берегу Огуа.

къ другу холмами. По ту сторону ея, къ востоку, протягиваются параллельныя горы, называемыя по-испански *Siete sierras*, т. е. «Семь Кряжей». Гора Митры (1.201 метръ),— раздвоенная вершина которой виднѣется со ска-

сь наибoлье возвышенными кряжами области, въ быылая времена называвшимися *Serra-do*

¹⁾ Hugo Zöller, „Mittheilungen der Afrikanischen gesellschaft in Deutschland“. T. IV. 1883—1885.

*

Crystal: тамъ именно и высятся вершины, превосходящія 1.400 метровъ. Къ югу отъ Огоуэ, самый высокій—господствующій надъ приморскимъ склономъ Сетте-Кама—пунктъ, называемый Игумби-Иделѣ, достигаетъ лишь 1.097 метровъ надъ морскимъ уровнемъ, а горы, господствующія надъ верховьями Кіуду, не поднимаются и на тысячу метровъ. Въ общемъ, рельефъ габонійского края представляетъ большую правильность: онъ состоить изъ параллельныхъ берегу возвышеностей, въ формѣ окаймленныхъ гористыми гребнями террасъ, слѣдующихъ отъ запада къ востоку, и составляетъ продолженіе орографической системы восточной части Камерунской территории. При этомъ, центральная терраса—на которой виднѣются самыя живописныя скалы, въ формѣ башенъ,—состоитъ изъ гнейса, къ массамъ которого на востокѣ примыкаютъ кварцъ, слои слюды и талька, и, наконецъ возвышенная песчаная равнина, съ гладкой, точно озеро, поверхностью¹⁾; къ западу простираются пласти мѣла и юрскія образования²⁾, профили которыхъ, съ нѣкоторыми перерывами, виднѣются на незначительномъ разстояніи отъ поморья; во многихъ мѣстахъ они прикрыты тѣмы латеритами, или распавшимися на глинистые слои скалами, которая покрываютъ столь большую часть Африки, въ видѣ сѣрыхъ, желтыхъ, синеватыхъ, чаще всего темно-красныхъ утесовъ, кряжей и остроконечныхъ вершинъ. Наконецъ, тамъ и сямъ на террасы вылились также и лавы³⁾, а первые путешественники разсказывали даже объ «огнедышащихъ» горахъ, Онінко и Отомби, которая, будто бы, находятся въ сѣверной части бассейна Огоуэ, приблизительно—съ высоты птичьего полета—въ 200 километрахъ отъ моря. Новѣйшія изслѣдованія показали, что эти «горы-фетиши» не вулканы, и что окутывающіе ихъ вершины пары суть облака, приносимыя муссонами. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и въ этой части Африки совершились великие геологическіе перевороты: о значительномъ видоизмѣненіи въ относительномъ рельефѣ моря и суши свидѣтельствуетъ и самая форма поморья. Разрывы берега, видимые между мысами Сенъ-Жанъ и Лопецъ, напоминаютъ вторженія морскихъ водъ, имѣвшія мѣсто къ югу отъ мыса Бѣлаго, въ Сахарѣ, и къ югу отъ р. Казаманки, въ Сенегамбіи. Кривая берега, довольно правильная къ сѣверу отъ мыса Сенъ-Жанъ и имѣющая почти геометрический профиль къ югу отъ мыса Лопецъ, прерывается между этими двумя пунктами глубокой вырѣзкой, и берегъ образуетъ

три залива: бухту Кориско, Габонъ и бухту Назаретъ. Самый островъ Кориско есть лишь отломокъ отъ прежняго берега. Къ югу отъ мыса Лопецъ многочисленныя мертвыя, т. е. несообщающіяся съ моремъ, лагуны суть остатки отъ прежнихъ рѣчныхъ потоковъ, перемѣстившихъ свои ложа; быть-можеть, даже слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Пешуэль-Леше, видѣть въ большой приморской лагунѣ Банія остатокъ устья р. Конго.

Область, заключающаяся между Камеруномъ и Конго, будучи орошаема изобильными дождями, прорѣзывается также и большимъ числомъ рѣкъ, имѣющихъ многочисленные вѣтвистые притоки. Изъ нихъ Rio-дель-Кампо или Этамбуа, служаща южною границею для германскихъ владѣній,—одна изъ наименѣе значительныхъ. Эйо туземцевъ, Sao-Bento (Санть-Бенито) португальцевъ, изливающаяся въ море приблизительно въ 60 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ мыса Сенъ-Жанъ, представляетъ уже рѣку болѣе вѣличественную; она судоходна на пространствѣ 35 километровъ, вплоть до своего первого водопада, называемаго Йоба, т. е. «могучія воды»⁴⁾; выше слѣдуетъ рядъ другихъ водопадовъ: всѣ потоки, спускающіеся съ краеваго кряжа континента, до своего вступленія на наносныя равнини приморскаго берега, запружены такимъ образомъ скалами и камнями. Такъ, и Rio-Муви—Angra на португальскихъ картахъ, и Danger англійскихъ моряковъ—изливающаяся въ бухту Кориско, на супротивъ двухъ островковъ Элобей, тоже прерывается мощными каскадами при своемъ проходѣ чрезъ горные валы изъ красноватаго песчаника. Данное ей туземцами название «Муни», что значитъ «берегись!», объясняется страхомъ, который имѣть внушила эта рѣка.

Къ югу отъ Муни, узкій и усѣянный островами заливъ, ограничиваемый съ запада полуостровомъ мыса Эстейрасъ, получилъ название Rio-Мунда, какъ будто здѣсь и въ самомъ дѣлѣ протекаетъ рѣка; въ дѣйствительности же это не что иное какъ лиманъ, въ который изливаются простые ручьи. То же самое слѣдуетъ сказать и о другой, слѣдующей за нимъ, выемкѣ въ морскомъ берегу, о Габонѣ, которому дали название «гіо» не только первые посѣтители гвинейскихъ морей, но который даже и во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка разсмотрѣвали какъ одну изъ ияти великихъ рѣкъ Африки, приравнивая его къ Нилу, Нигеру, Конго и Замбезе, при чемъ истокъ его искали даже въ великихъ восточныхъ озерахъ⁵⁾. Въ дѣйствительности же Габонъ есть собственно лиманъ, лишь углубляющійся на 70 километровъ внутрь суши. Нѣкогда весьма посѣщаемый негро-торговцами, этотъ заливъ—на берегу которого ны-

¹⁾ Giacomo de Brazza, „Bollettino della societa italiana“. 1887.

²⁾ Ossorio, „Rivista de Geographia comercial“, julio-septiembre 1884.

³⁾ Oscar Lenz, „Geologisches von Africa“; — „Petermann's Mittheilungen“, 1882. Тетр. I.

⁴⁾ Guiral, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“. Seance du 8 mai 1883.

⁵⁾ Heimbürger, „Petermann's Mittheilungen“, 1858.

и находитъ главный городъ французскихъ владѣній, лежащихъ между моремъ и Конго—сообщилъ свое имя также и сосѣднему берегу. Что же касается происхожденія этого названія, то слѣдуетъ замѣтить, что португальское слово *gabão*, однозначущее съ французскимъ *саван*, т. е. матросская шинель для прикрытия отъ непогоды, было дано португальскими моряками заливу вслѣдствіе сходства его формы съ формою такой шинели, матросского зипуна. Заливъ Габонъ, по своимъ очертаніямъ и всему режиму, напоминаетъ лиманъ Жирондскій съ его «междудуморьемъ» (*Entre-deux-Mers*), косой Амбезъ, отмелями, протоками и съуженнымъ устьемъ; приблизительно онъ имѣеть тѣ же размѣры, какъ и заливъ французскій; но, въ среднемъ, Габонъ несолько шире и глубже, хотя, при промѣрѣ, въ его днѣ и не найдены впадины, схожія съ тѣми, которыхъ потокъ Жирондскихъ водъ выдолбилъ около мыса де-Гравъ. Габонъ, какъ и Жиронда, загражденъ при входѣ песчаными отмелями, требующими тщательной бализації, т. е. обстановленія ихъ вѣхами, баканами и буями; но съ открытымъ моремъ онъ сообщается четырьмя проходами, имѣющими отъ 8 до 10 метровъ глубины при спавшей водѣ; приливъ, смотря по времени года, увеличивается еще на одинъ или два метра эту толщину слоя воды. Въ верхней своей части лиманъ доступенъ только тѣмъ судамъ, которые сидятъ въ водѣ не болѣе какъ на четыре метра. Равнымъ образомъ и сходны по формѣ своихъ устьевъ съ Дордонью и Гаронною двѣ главныя втекающія въ заливъ рѣки: Комо и Рамбоз, а также и многіе изъ ихъ притоковъ — тоже проходимы для судовъ съ неглубокою осадкою. Изъ двухъ сейчасъ названныхъ потоковъ болѣе значительна рѣка Комо, которая, подобно Муни, беретъ свое начало въ высокихъ долянахъ Кристалного кряжа (*Serra-do-Crystal*).

Въ сотнѣ километровъ къ юго-западу отъ Габонскаго лимана, изливается въ море самая мощная изъ двухъ рѣкъ между Нигеромъ и Конго—Огоуз¹). Первые изслѣдователи ея дельты полагали, что это одна изъ главныхъ рѣкъ Африки, и даже когда Ливингстонъ открылъ Луа-Лаба, въ которой онъ ошибочно признавалъ Верхній Ниль, многіе географы полагали, что каналъ истеченія большихъ озеръ Казембѣ изгибається къ западу, для соединенія съ рѣкою Огоуз; это-то предположеніе и было побудительной причиной путешествій, предпринятыхъ въ область этой рѣки Ленцомъ и другими изслѣдователями. Конечно, роль Огоузъ очень скромная въ сравненіи съ той, какую ему приписывали: онъ не собирается, какъ думали, болѣе половины водъ центральной Африки; тѣмъ не менѣе по его руслу пробѣгає значительно

¹⁾ Ого-Уай, Ого-ваи Оговай, Оговэ и Огуэ другихъ авторовъ. Такж: Оканда—по Walker'у, Авенго—по Робертсону и т. д.

большая масса воды, чѣмъ по Рейну, Ронѣ или какой-либо другой рѣкѣ Западной Европы. Говорили даже,—вѣроятно, ошибочно,—что debris Огоузъ половодье составляетъ отъ 45.000 до 50.000 кубич. метр. въ секунду ¹). Какъ бы то ни было, невозможно допустить, чтобы онъ катилъ, въ среднемъ, болѣе 10.000 куб. метровъ, предполагая даже, что четыре пятыхъ атмосферной воды, вышадающей въ его бассейнъ—обнимающій триста тысячъ квадратныхъ километровъ—достигаютъ, въ концѣ концовъ, моря. Разворнутая длина его теченія приблизительно равняется 1.200 километровъ.

Первые его воды вытекаютъ на поверхность земли менѣе, чѣмъ въ 200 километрахъ къ западу отъ Конго, въ странѣ племени ба-теке: небольшая лужа, посѣщенная Браццой въ 1882 году, есть начало главной рѣки бассейна. Огоузъ описывается большую дугу къ западу, и къ сѣверу, идя на соединеніе съ Пассою, послѣ чего образуетъ съ этимъ притокомъ уже настолько сильный потокъ, что, по крайней мѣрѣ во время дождей, онъ судоходенъ для пирогъ. Кверху отъ слиянія этихъ рѣкъ, объемъ имъ приходится пробѣгать чрезъ цѣлый рядъ уступовъ каскадами, изъ которыхъ иные имѣютъ отъ 12 до 15 метровъ высоты, вслѣдствіе чего торговыя тропы переходятъ Пассу по висячимъ мостамъ изъ сплетенныхъ ліанъ. Книзу отъ соединенія, Огоузъ течетъ излучинами, сначала къ западу, затѣмъ къ сѣверу, при чѣмъ мѣстами рѣку прерываютъ наклонныя плоскости, а мѣстами даже настоящіе водопады, гдѣ пироги, влекомыя бичевою изъ ліанъ, испытываютъ большой рискъ опрокинуться; да и вообще, на протяженіи всего своего средняго теченія, Огоузъ есть не что иное, какъ одинъ «длинный порогъ». Около каскада Думэ, рѣка круто поворачиваетъ къ западу и, послѣ несколькихъ новыхъ отклоненій вправо и влево, подходитъ къ экватору, параллельно которому и слѣдуетъ, направляясь на западъ, какъ-бы для впаденія въ Габонскій лиманъ. Кверху отъ водопада Боузъ, къ главной рѣкѣ присоединяется большой притокъ Ивиндо, истокъ котораго, какъ полагаютъ, находится по сосѣдству съ У-Бангі. Воды въ рѣкѣ теперь уже весьма большая масса, но потокъ—прерываемый мѣстами скалистыми порогами, составляющими продолженіе по-перечныхъ горныхъ кряжей—снова бѣжитъ неровнымъ ходомъ между утесами и «камни-фетишами», разбитъ о которые свой челнокъ страшится пловецъ и которые онъ, проплывая мимо, окропляетъ концомъ своего весла. Даѣще, отклоняясь отъ экватора, рѣка дѣлаетъ новую излучину къ юго-западу, и отсюда-то и начинается нижнее ея теченіе, уже доступное пароходамъ. Изъ нѣдръ клоочущихъ водъ

¹⁾ F. Czarny, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“.—J. Chavanne, „Africa's Strömen und Flüsse“.

высятся два утеса, и потокъ, въ тѣснинѣ канала, имѣющаго не болѣе ста метровъ въ ширину, несется между крутыми берегами со скоростью, при половодіи, въ десять слишкомъ километровъ въ часъ. Длина теченія отъ поста Нжолэ, находящагося книзу отъ послѣднихъ пороговъ, до бухты Назарета, равняется 350 километрамъ¹⁾.

На этомъ нижнемъ теченіи ширина рѣки весьма значительна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она суживается до 500 метровъ, тогда какъ въ другихъ имѣеть не менѣе трехъ километровъ въ ширину; во время же половодій, ея красноватыя воды разливаются по состоящимъ изъ наносныхъ почвъ берегамъ вглубь лѣсовъ такъ далеко, что очертанія береговъ становятся уже неуловимы для глаза. Многочисленные острова усѣеваются рѣку, при чемъ одни изъ нихъ скрѣплены корнями деревьевъ, а другіе—простыя песчаныя отмели, на которыхъ задерживаются громадными пластами весомыя волнами травы и сучья, исподволь превращающіяся впослѣдствіи въ перегной; во многихъ мѣстахъ образуются даже пловучіе острова изъ всякаго рода рѣчныхъ выкидокъ, зацѣпившихся за длинныя растенія, поднимающіяся со дна рѣки: лодки могутъ находить себѣ защиту, укрываясь за этими островами, но ного ступить на нихъ было бы опасно. Рѣдко случается, чтобы плывущее вверхъ или внизъ по рѣкѣ судно не сѣло на мель; но подобная приключенія обыкновенно влекутъ за собою только потерю времени, такъ какъ дно состоитъ изъ чистаго песка, который легко перемѣщается подъ опорнымъ якоремъ килемъ²⁾; канонерка, сидящая въ водѣ на одинъ метръ, можетъ подняться, въ сезонъ мелководья, болѣе чѣмъ на 300 километровъ отъ устья. До недавнаго времени бѣлыя не могли переступать за «Мысъ-Фетишъ», находящійся при сланий рѣки съ самыиѣ большими ея притокомъ, съ Нгунье, по которому гребныя суда могутъ подниматься на сотню километровъ къ югу, до водопадовъ Замба, гдѣ высота воды, даже въ половодье, едва достигаетъ одного метра.

Книзу отъ впаденія Нгунье, Огоуа, на подобіе Сенегала, развѣтывается на побочные потоки (маріго), получающіе излишekъ водъ разлива, и даже соединяется съ обширными озероподобными и болотистыми резервуарами, усѣянными островами. Таково и то большое озеро—элива или либа—которое обычно называютъ Зоненге и которое прославилось между туземцами, какъ своимъ священнымъ островомъ, мѣстопребываніемъ могущественнаго фетишера, такъ и миражами, въ которыхъ отражающіеся, въ дождливое время года, ко-

рабли въ морѣ даютъ поводъ туземцамъ принимать ихъ за суда, плывущія на небо¹⁾. Цѣлый архипелагъ изъ нѣсколькихъ островковъ со скалистыми берегами усѣеваеть—по преимуществу южную часть этого озера—горами и группами зелени; въ самыхъ впадальныхъ мѣстахъ дна оно достигаетъ глубины 13 метровъ. Вся же поверхность этой массы водъ—не менѣе пятисотъ квадратныхъ километровъ. Съ Огоуа озеро сообщается тремя судоходными каналами, при чемъ при посредствѣ двухъ изъ нихъ шлетъ свои воды въ озеро рѣка, а третій вытекаетъ изъ озера въ рѣку. Западающе, и все на томъ же южномъ берегу, другая элива, Аナンг²⁾, тоже получаетъ излишekъ высокихъ водъ; наконецъ, къ сѣверу отъ Огоуа, берега одного изъ его развѣтвленій окаймляются большими лужами, заслуживающими названія озеръ: при этомъ въ сухое время года, на обнажившемся днѣ одной изъ лужъ, именно Азинго, находять куски копаловой камеди, происходящіе отъ прибрежныхъ деревьевъ³⁾.

Собственно дельта начинается противъ озера Аナンг, при чемъ два ея главныхъ развѣтвленія: нижний Огоуа, или сѣверная рѣка, и Уанго, или южная рѣка, охватываютъ пространство приблизительно въ 4.800 квадратныхъ километровъ, считая въ этомъ числѣ и островъ съ мысомъ Лопеца, который далеко вдается въ море. Эта область во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываются перемѣнчивыми побочными потоками и каналами, сѣть которыхъ еще не изслѣдована вполнѣ; проникнуть же въ нее, во время половодій, можно по крайней мѣрѣ по тремъ устьямъ, именно: на сѣверѣ,—бухтой Назаретской, имѣющей глубину отъ 6 до 9 метровъ, или бухтой мыса Лопеца, на югѣ—бухтой Фернандо Ваца. Кромѣ того, къ югу отъ пояса дельты находится большая лагуна Нкоми, берега которой, въ свою очередь, изрѣзаны тысячами бухточекъ и въ которую изливаются: съ сѣвера—Уанго, вытекающій изъ Огоуа, а съ юга—самостоятельная рѣка, или рембо, Овенга, истоки которой находятся въ горахъ, возвышающихся къ югу отъ озера Зоненге. Въ этой еще неопредѣленной области между землею и моремъ перемѣшиваются другъ съ другомъ рѣки, лагуны и морскія воды: иное устье рѣки одновременно является также и морскимъ проливомъ. Такъ, прибрежный морской потокъ, проникнувъ чрезъ проливъ Мексасъ къ югу отъ острова Лопеца и прослѣдовавъ по цѣлой сѣти каналовъ-протоковъ, въ концѣ концовъ, черезъ бухту Лопеца снова вливается въ море, къ востоку отъ ея конечнаго мыса. Отъ такого изобилия материковыхъ

¹⁾ Griffon de Bellay, „Revue Maritime et Coloniale“. Septembre, 1863.

²⁾ То же имя, какъ и Зоненге. Пишуть, кроме того, такъ: Ионенга, Олангюэ, Джованго и т. д.

³⁾ Trivier, упом. мемуаръ.

¹⁾ Trivier, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“, 1886, № 4.

²⁾ E. Daboc, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

водъ, на весьма большое разстояніе поверхность моря покрыта слоемъ прѣсной воды.

Другія лагуны продолжаютъ на юго-востокъ

горного кряжа, чтобы излиться въ море, ограждивъ себя отъ морскаго потока посредствомъ длиннаго песчанаго пляжа; ни въ какомъ

Въ тростникахъ озера Бангугаэло.

полу-затопленную прибрежную область, затѣмъ другая рѣка, Ніанга—истоки которой недавно открыты путешественникомъ Мизономъ—вырываетъ изъ ущелей окаймляющаго область

другомъ мѣстѣ габонійскаго берега не бываетъ такъ сильна морская зыбь, или калема, при чёмъ часто бури совершенно измѣняютъ очертанія берега. Вообще всѣ рѣки этого края, за

исключениемъ Луэмма, изгибаютъ на-подобіе Ніанги, свое устье къ сѣверо-востоку, параллельно какъ теченію въ морѣ, такъ и среднему направлению морской зибы: задерживаемыя при своемъ изліяніи морскими волнами, онѣ разливаются кверху отъ бара, образуя лагуны. Что же касается Луэмма, то наблюдаемый въ ея устьѣ изгибъ къ югу объясняется присутствіемъ скалистыхъ отмелей, измѣняющихъ направление даже и самаго прибоя волнъ¹⁾). Воздѣйствію на берегъ прибоя морскихъ волнъ, привносящихъ съ юга песокъ, должна быть приписана также и форма тѣхъ бухтъ, которыя, на-подобіе зарубокъ, уступами, какъ бы пилообразно, врѣзываются въ низменные берега поморья.

Куилу (Нгюэлла), называемая въ ея верхнемъ теченіи Ніяди или Ніяри, представляетъ самую многоводную рѣку въ области, заключающейся между Огоуа и Конго, при чемъ длина ея равняется приблизительно 600 километрамъ. О названіи этой рѣки слѣдуетъ замѣтить, что въ бассейнѣ Конго то же самое наименование «Куилу» дается многимъ потокамъ воды, и что въ этихъ случаяхъ оно, вѣроятно, употребляется какъ родовое обозначеніе «рѣки» вообще. Подобно Огоуа, съ которымъ она представляетъ некоторый параллелизмъ, р. Куилу описывается большую дугу къ сѣверу, затѣмъ, соединившись съ однимъ значительнымъ своимъ притокомъ, Лалли, а также съ притокомъ, послыаемымъ къ ней рѣкою Ніанга, проходить, рядомъ дефилей съ крутыми поворотами, область сланцевыхъ горъ. Подниматься отъ устья рѣки вверхъ паровые барказы могутъ лишь на 60 километровъ, къ такъ называемымъ «воротамъ», гдѣ вертикальныя скалы возвышаются на 30 метровъ надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ: здесь могущественный фетишъ, хотя и держитъ ворота открытыми, но туземцы опасаются, чтобы, разсердясь, онъ когда-нибудь не заперъ ихъ, мгновенно сблизивъ, на-подобіе челюстей дракона, оба крутыя берега рѣки. За этимъ узкимъ проходомъ, вверхъ по рѣкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ еще болѣе величественные ущелья, и въ одномъ изъ нихъ, рѣка — имѣющая въ нижней своей долинѣ отъ 300 до 700 метровъ разстоянія отъ одного берега до другаго — низводится къ ширинѣ всего въ шесть метровъ. Вообще, въ этой области прохода рѣки черезъ горы, пороги и водопады смѣняются одинъ другими²⁾). Тѣмъ не менѣе въ цѣломъ, долина Куилу оказывается — по сравненію съ долиною Огоуа — менѣе загроможденною скалами, а общій наклонъ отдаленныхъ участковъ ея дна къ берегу моря болѣе пологимъ; при пробѣгѣ же рѣки по плоскогорію рѣка, впрочемъ неглубокая на этомъ

плесѣ, не имѣеть на разстояніи двухсотъ километровъ ни одного порога¹⁾). Возможно, что, вслѣдствіе этихъ преимуществъ, дѣлающихъ рѣку Куилу болѣе доступною для судовъ, ей суждено стать однимъ изъ бойкихъ африканскихъ торговыхъ путей сообщенія, по крайней мѣрѣ на большей части своего протяженія. Поднимаясь по ея долинѣ, можно, съ одной стороны, достигнуть, въ разстояніи менѣе чѣмъ сто километровъ отъ Конго, области, которая, какъ говорять, изобилуетъ мѣсторожденіями мѣди и свинца, а съ другой стороны, при посредствѣ естественного прохода черезъ горное плато, — проникнуть въ другую долину, спускающуюся къ Конго, книзу отъ озера Нкуна, Stanley-Pool европейскихъ путешественниковъ, т. е. къ тому пункту, съ котораго начинается лѣстница водопадовъ, дѣлающая невозможнымъ судоходство по этой части Конгской рѣки. Такимъ образомъ, желѣзная или даже обыкновенная дорога сдѣлала бы возможную — минуя тягостный путь черезъ рядъ водопадовъ — перевозку товаровъ съ берега моря непосредственно къ среднему теченію Конго. Это-то обстоятельство и было причиной того большаго оживленія въ спорахъ представителей Франціи и государства Конго, когда предстояло решить, кому должна принадлежать эта многообѣщающая долина.

Колебанія въ прибыли или убыли воды въ рѣкахъ обнаруживаются въ общихъ чертахъ и явленія климата. Такъ, уровень воды въ Огоуа начинаетъ подниматься въ сентябрѣ и къ срединѣ декабря достигаетъ своего максимума; затѣмъ, до конца января вода убываетъ: сезонъ зимнихъ дождей — обусловливаемыхъ перемѣщеніемъ, вслѣдъ за солнцемъ, къ югу также пояса экваторіальныхъ штилей и облаковъ — оканчивается, и наступаетъ кратковременный сухой сезонъ. Вслѣдъ за нимъ начинается сезонъ большихъ дождей; при этомъ, уровень рѣки представляетъ колебанія, соответственно изобилию или рѣдкости дождей, — но, въ среднемъ, повышается до первыхъ дней мая, когда достигаетъ наибольшей высоты. Послѣ второго дождливаго сезона, вода правильно убываетъ съ 15 мая до сентября: это — сезонъ большой засухи, такъ какъ солнце увлекло весь поясъ облаковъ къ сѣверу. Нужно замѣтить, что геометрический экваторъ не совпадаетъ въ этихъ областяхъ съ экваторомъ метеорологическимъ; вслѣдствіе этого, Габонъ, хотя и лежитъ подъ равноденственной линіей, съ точки зрѣнія климата находится въ дѣйствительности въ южномъ полушаріи, и переходъ изъ одной половины земного шара въ другую совершается въ 250 километровъ сѣвериѣ, около устья Риодель-Кампо²⁾). Отъ этой части поморья до мы-

¹⁾ Pechuel-Lösch, „Die Loango-Expedition“.

²⁾ Paul Güssfeldt, „Loango-Expedition“. — Peschuel-Loesche, „Petermann's Mitteilungen“, 1877, тетр. I.

¹⁾ Jos Chavanne, „Afrika's Ströme und. Flüsse“.

²⁾ Hugo Züller, упом. соч.

са Лопецъ и отъ послѣдняго до португальской съ моря поднимаются съ одиннадцати часовъ утра и продолжаются во время послѣобѣднѣе; такимъ образомъ, для кораблей время входа въ заливы, а также и выхода изъ нихъ, уже заранѣе опредѣлено воздушными теченіями. Но, кромѣ береговыхъ вѣтровъ, массы атмосферного океана увлекаются также общими вѣтрами, южными и юго-западными; вѣтры эти настолько сильны, что парусные суда, идущія отъ Камеруна къ Габону, слѣдовательно, и противъ вѣтра, и противъ теченія, употребляютъ втрое болѣе времени, чѣмъ на обратное путешествіе, которому благопріятствуетъ и водное, и воздушное теченіе¹). Что касается торнадосовъ, то они бываютъ преимущественно въ тѣтъ періодъ дождей, который приходится на первые мѣсяцы года, при чёмъ почти всегда разражаются вечеромъ, между восемью и десятью часами вечера. Торнадосы вообще такъ часты, что Понель насчиталъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ на мысъ Лопецъ только двадцать два дня, въ которые не слышался громъ. Этихъ вѣтровъ особенно не боятся, а по причинѣ приносимаго ими освѣженія воздуха европейцы Либривилля привѣтствуютъ ихъ даже съ радостью. Гибельное влияніе климата чрезвычайно усиливается для бѣлыхъ тѣмъ испареніями, которая поднимаются изъ болотъ. Пребываніе на берегахъ Огоуѣ не считается столь же нездоровыемъ, какъ пребываніе въ Габонѣ, несмотря на то, что около береговъ рѣки имѣется много побочныхъ каналовъ (марги) и обширныхъ, но не глубокихъ разливовъ рѣки по низинамъ. Причина этого иммунитета заключается въ томъ, что и ложе рѣки, и окрестная почва состоять изъ песка: кверху отъ дельты иль и тина встрѣчаются рѣдко, а міазмы, по преимуществу, исходить изъ тинистаго дна. Со всѣмъ тѣмъ, число изслѣдователей, скончавшихся въ бассейнѣ Огоуа, уже довольно велико, такъ какъ климатъ этой страны не таковъ, чтобы, подвергая себя всѣмъ опасностямъ, можно было безнаказанно изнурять себя работой. Опасна для европейца, по словамъ туземцевъ, между прочимъ, и вода рѣки Комо: обладая даже прекраснымъ здоровьемъ, выкупавшійся въ ней европеецъ выходитъ изъ воды съ кожею, покрытою прыщами²). Вообще, въ Габонѣ нѣть ни одного бѣлага, который бы виолѣ ускользнулъ отъ лихорадки или отъ язвъ на голеняхъ. Часто эти болѣзни чередуются другъ съ другомъ. У нѣкоторыхъ же европейцевъ, изѣденныхъ язвами голени, покрываясь струпьями, становится столь же черными, какъ у негровъ.

Годичная температура колеблется въ Габонѣ между 25° и 26° Ц.: въ періодъ самыхъ жаркихъ дней, въ мартѣ и апрѣлѣ, колебанія термометра совершаются между 26° и 34° , а въ періодъ сравнительно холодныхъ юльскихъ и августовскихъ дней—между 23° и 30° : разница между крайними мѣсячными температурами не достигаетъ и 11° . Крайнія температуры въ промежутокъ двухъ лѣтъ оказались: для Чинчочо (подъ 10 град. и 9 мин. южн. шир.) maxимум $38,2^{\circ}$, минимум $14,8^{\circ}$; и для Сикангѣ (0 град. 30 мин. сѣв. шир.): максимум $34,4^{\circ}$ и минимум $17,4^{\circ}$ ³). Такимъ образомъ, въ Габонѣ надо бояться не жаровъ, а содержащагося въ атмосфѣрѣ большаго количества паровъ воды. Бризы съ берега и съ моря чередуются съ большой правильностью; именно: вѣтры съ берега начинаются около одиннадцати часовъ вечера или съ полуночи и дуютъ въ утреннее время; вѣтры же

1) Vincent;—Griffon du Bellay;—Rey, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“. 1878.
2) Richard Burton, „Two Trips to Gorilla Land“.
3) Süssfeldt;—Hann, „Handbuch für Meteorologie“.

1) Hugo Zöller, упом. соч.
2) Trivier, упом. мемуаръ.

Флора не представляетъ ни того богатства, ни того разнообразія формъ, которыхъ можно было бы предположить въ области, находящей-

ся въ экваториальной Африкѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ территории, обширныя пространства даже вовсе лишены деревьевъ. И вообще, растительность, столь пышная на глубокихъ и жирныхъ земляхъ другихъ тропическихъ странъ, умѣрается здѣсь песчаною почвою. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ Габона, гдѣ имѣются лѣсныя чащи, надъ всѣми окружающими деревьями господствуютъ своими пирамидальными вѣтвями громадныя драцены. Различные виды пальмовыхъ деревьевъ—за исключеніемъ шоколадного, несвойственнаго туземной флорѣ—высятся по берегамъ водь, и всѣ промышленныя растенія другихъ странъ жаркаго пояса безъ труда были разводимы миссіонерами въ ихъ садахъ, но пока не дали практическихъ результатовъ. Впрочемъ, и лѣсныя растенія, питавшія торговлю въ первые годы занятія страны, понизились, во-первыхъ, въ своей относительной цѣнности, а, во-вторыхъ, обходятся нынѣ торговцамъ дороже, такъ какъ съ объединеніемъ приморскаго берега лѣсами, идущіе въ торговлю продукты этихъ растеній необходимо доставлять уже издалека. Между прочимъ, не вывозятъ уже больше краснаго дерева (*varphia nitida*), нѣкогда имѣвшаго большую цѣну и въ нѣкоторыхъ своихъ разновидностяхъ предпочтавшагося въ красильномъ дѣлѣ такимъ же деревьямъ изъ Бразилии: нынѣ плавающіе около Габона пароходы употребляютъ это дерево на топливо. Туземцы продаютъ купцамъ немногого зеленаго и чернаго зебноваго дерева (*diospyros*), а также доставляютъ имъ каучукъ; но ліана, производящая гуммиластикъ, становится рѣдкостью вблизи поселеній, такъ какъ чернокожіе имѣютъ обыкновеніе срѣзать самый стебель растенія, вмѣсто того, чтобы дѣлать на немъ надрѣзы. Съѣдобными растеніями туземная flora не богата. Однако, одно изъ племенъ, проживающихъ въ бассейнѣ Огоуэ, называемое окота, питается почти единственно довольно крупнымъ зеленымъ плодомъ, имѣющимъ приблизительно вкусъ какао: это—ягода въ изобиліи находящаяся въ ихъ лѣсахъ растенія *дика*¹⁾. Растенія же зерновыя, плодовыя, корнеплодныя и съѣдобныя клубневыя—какъ и на остальномъ берегу—происхожденія иностранного. Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія, въ Лоанго картофель назывался *bala n'Poutou*, т. е. «европейскимъ карнемъ»²⁾, а шоколадное дерево—*banga n'Rou-tou*, т. е. «европейскимъ орѣхомъ». На берегахъ Габона шоколадное дерево было посажено сосланными туда преступниками лишь въ 1852 году³⁾.

¹⁾ Marche et de Compiègne, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, septembre, 1874.

²⁾ Proyart, „Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique“ 1776.

³⁾ Marche et de Compiègne,—Ponel,—рукописныя замѣтки.

Габонійская область прославилась своими крупными четверокими. Къ югу отъ рѣки Огоуэ,—въ лѣсахъ, окаймляющихъ мариго и озера вблизи рѣкъ,—встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ тѣ приматы съ страшнымъ лицомъ, на которыхъ перевесли название «гориллы», данное Ганнономъ и его кареагенскими спутниками первоначально волосатымъ женщинамъ съ африканскаго берега; туземцы зовутъ этихъ обезьянъ: нжина или жина. Полоса земли, обитаемая этимъ животнымъ, простирается отъ Сень-Бенито до Лоанго; на верховьяхъ Огоуэ оно весьма рѣдко, и его никогда не встрѣчали на берегахъ Конго¹⁾, хотя, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, его, будто-бы, находили въ землѣ Ніамъ-Ніамъ²⁾. Объ этомъ звѣрѣ имѣлись лишь смутные рассказы чернокожихъ³⁾, пока, въ 1847 году, американскій миссіонеръ Savage не нашелъ на Габонѣ черепа гориллы, который имъ былъ данъ бостонскимъ анатомамъ для изученія⁴⁾. Лѣтъ двѣнадцать спустя, путешественникъ дю-Шалью встрѣчалъ и охотился за этими ужасными обезьянами въ ихъ родныхъ лѣсахъ; однако, опьяненный своимъ триумфомъ, дю-Шалью видѣлъ въ этомъ животномъ болѣе страшное созданіе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ: не повторяя басенъ негровъ о томъ, что, будто-бы, гориллы нападаютъ на слова и иногда вступаютъ въ правильныя сраженія съ жителями деревень,—дю-Шалью описалъ младшаго брата Неандертальскаго человѣка чудовищемъ въ шесть футовъ высоты, которое смѣло идетъ на человѣка, грубо переваливаясь своимъ огромнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ, разъѣваетъ пасть, чтобы показать свои страшныя челюсти, затѣмъ вдругъ останавливается на нѣсколько секундъ, чтобы, подъ ударами своихъ кулаковъ, заставить звучать свою грудь на подобіе барабана, и заревѣть могильнымъ и произительнымъ голосомъ, слышнимъ на пять километровъ въ окружности! Горе противнику, если чудовище не будетъ убито первымъ выстрѣломъ! Звѣрь бросается на охотника, однимъ ударомъ зубовъ разбиваетъ въ дребезги оружіе, а руками разрываетъ или переламываетъ ему позвоночникъ⁵⁾. Однако, путешественники, посѣшившіе прибрежья Огоуэ послѣ дю-Шалью, не описываютъ уже «царя лѣсовъ» такимъ грознымъ созданіемъ. Въ дѣйствительности горилла—которую легко приручить, если поймать совсѣмъ молодою⁶⁾ и если она не уморить се-

¹⁾ Ponel, рукописныя замѣтки.

²⁾ Th. von Heuglin, „Petermann's Mittheilungen“, 1864.

³⁾ Bowdich, „A mission to Ashantee“, 1819.

⁴⁾ Wyman, „Journal of Natural History“, Boston, 1887. — Savage, „Proceedings of the Zoological Society“, February 22, 1848.

⁵⁾ Paul B. du Chaillu, „Explorations and Adventures in Equatorial Africa“; — A Journey to Ashango-Land.

⁶⁾ Marche et de Compiègne, упом. соч.

бя голодомъ — представляетъ грусливую обезьяну, бѣгущую передъ человѣкомъ и не отваживающающа пускатъ въ ходъ свои мощные мышцы; средній ростъ ея, повидимому, около Боя, одну гориллу, ростъ которой былъ не менѣе 1 метра и 724 миллиметровъ. Изъ большей части тѣхъ лѣсовъ, въ которыхъ гориллу находили первые охотники, она исчезла:

Видъ на западномъ берегу озера Танганійки.

равняется полутора метрамъ; однако тотъ экземпляръ гориллы, который дю-Шалью доставилъ въ Англию, по измѣренію Оуэна, имѣлъ 1,676 миллиметровъ,—ростъ, превосходящий средній ростъ европейца; а Понель видѣлъ,

ее уже не видятъ на островѣ мыса Лопеца. Во время пребыванія германской экспедиціи въ Чинчочо, животное это не переступало на югъ за Лоангскіе лѣса.

Шимпанзе тоже обитаетъ въ Габонії, осо-

бенно въ южномъ бассейнѣ Огоуа и въ бассейнѣ Куилу, но онъ весьма рѣдко встрѣчается по сосѣству съ жилищами людей и ловится гораздо труднѣе гориллы, такъ какъ весьма ловко лазить по деревьямъ и, для скрытия отъ взоровъ охотниковъ, взирается на маковки деревьевъ; однако онъ любить держаться около лѣсныхъ лужаекъ. Ручьютъ молодые шимпанзе, какъ и другія обезьяны этого семейства, весьма легко. *Nchsego mbooue* (*troglobioides calvus*) представляетъ менѣе рослое, чѣмъ шимпанзе и горилла, животное, съ лысою головою и меланхолически - кроткимъ выраженіемъ лица. Эта обезьяна устраиваетъ себѣ изъ вѣтокъ и листьевъ гнѣзда, которыя, при помощи силененныхъ ліанъ, крѣпко привязываетъ къ толстымъ сучьямъ. Дю-Шалью открылъ еще одну разновидность троглодита, называемую кула или кулу; это животное, очень рѣдкое, отъ габонийскихъ человѣкообразныхъ отличается болѣе значительной емкостью черепа въ сравненіи съ своимъ ростомъ, менѣе прогнатическимъ лицомъ, болѣе высокимъ лбомъ, возвышающимся надъ менѣе выпуклыми надбровными дугами, и ушами, едва отличимыми отъ ушей человѣка. Изъ всѣхъ обезьянъ, троглодитъ кула, быть-можетъ, всего болѣе приближается къ типу человѣка, такъ какъ, конечно, разстояніе между первой изъ обезьянъ и послѣднимъ изъ людей менѣе велико, чѣмъ между двумя крайними представителями человѣческаго рода. Жанъ де-Браца тоже открылъ въ бассейнѣ Огоуа одиный новый видъ обезьяны: *colobus tholoni*.

Льва не встрѣчаются въ лѣсахъ западной Габоніи, но леопардъ и другіе виды изъ большихъ животныхъ семейства кошачихъ тамъ водятся, хотя на человѣка они нападаютъ рѣдко. Слонъ, который, по словамъ дю-Шалью, составлялъ будто-бы особую разновидность, стальныи довольно рѣдокъ; онъ удалился къ плоскогоріямъ внутри Африки и, какъ и въ Камерунской области, бивни слона стали уже въ торговлѣ скорѣй рѣдкимъ предметомъ роскоши, чѣмъ предметомъ правильного обмѣна. Изъ дикихъ звѣрей туземцы всего болѣе боятся осо-бой породы буйоловъ, которые съ поразитель-ною быстротою проходять въ подлѣсьѣ, и кабановъ съ белымъ лбомъ (*potamochoerus albusfrons*), которые однимъ прыжкомъ перескакиваютъ чрезъ ручьи въ нѣсколько метровъ шириной: эти животные одомашнены въ нѣко-торыхъ частяхъ центральной Африки ¹⁾), но не въ Габоніи. Носороги еще довольно многочисленны въ рѣкахъ, и ихъ встрѣчаются даже въ соленыхъ лиманахъ около мыса Лопецъ; такимъ образомъ оказывается, что это громадное толстокожее привыкло къ морской водѣ въ этой области Африки такъ же хорошо, какъ и

въ морскихъ пространствахъ архипелага Бис-сагосъ ²⁾). Говорятъ, будто ламантинъ поднимается также и въ боковые потоки Огоуа; по Зюссфельдту, онъ не рѣдокъ въ лагунахъ Ло-анго, гдѣ также весьма обычень крокодиль и гдѣ онъ никогда не нападаетъ на человѣка. Въ лѣсахъ многочисленные грызуны живутъ рядомъ съ обезьянами: замѣчательнѣе изъ нихъ: кендо, самая маленькая изъ блокъ, и мбоко, т. е. «грызущій слоновую кость» (*sciurus eborivorus*), зубамъ котораго въ самомъ дѣлѣ доступны слоновыи бивни ³⁾).

Кромѣ млекопитающихъ, и остальной живот-ный мірь—птицы, рыбы, пресмыкающіяся и настыкомъ доставилъ—естествоиспытателямъ большое число новыхъ формъ, хотя въ этомъ отношеніи страна оказалась менѣе богатою, чѣмъ другія части африканскаго материка. Натуралисты ловятъ тамъ привлекательную золотистую кукушку (*chrysococcyx smaragdi-neus*), окрашенную сплошь въ золотисто-желтый цвѣтъ, съ изумруднымъ отблѣскомъ; металлическаго дроуда, не менѣе красиваго, какъ и дроудъ сенегальскій; сумангу (*souimanga magnificus*) и сѣраго попугая съ краснымъ хвостомъ, одного изъ тѣхъ, которые легче всего дрессируются ⁴⁾). Одна изъ рыбъ Огоуа, шондо, оказывается умѣющею весьма искусно вырывать своимъ роговыи рѣломъ—для кладки яицъ—геометрически правильныхъ кругообразныхъ ямки, располагая ихъ, для выигрыша мѣста на песчаныхъ отмеляхъ, косыми рядами ⁵⁾). Островъ Кориско, въ своихъ лужахъ, пропитываетъ одну разновидность протея ⁶⁾), а электрическія рыбы живутъ въ водахъ Куилу. Изъ змѣй, по большей части ядовитыхъ, Компьенемъ изучены тридцать видовъ. Представители муравьевъ настолько грозны, что жители страны съ полнымъ правомъ опасаются ихъ болѣе, чѣмъ слоновъ и леопардовъ; въ особенности свирѣпыми оказываются башикуэ. Случается видѣть ихъ полчища, въ которыхъ, между двумя рядами наблюдающихъ за порядкомъ офицеровъ, двигаются миллионы индивидовъ, и всякое животное существо, не посторонившее передъ ними, обречено на неминуемую гибель; не заботясь о своей собственной жизни и заранѣе обрекши себя въ жертву для торжества своей общины, они съ яростью набрасываются на свою добычу; когда они проникаютъ въ какую-нибудь хижину, то живущіе въ ней люди спѣшатъ ее покинуть, а возвратясь уже не находятъ ни грызуновъ, ни насѣкомыхъ, ни гадовъ: очистка произведена полная. Но башикуэ очень боятся бле-

¹⁾ Du Chaillu; — Dufourcq; — Trivier, упом. мемуаръ.

²⁾ Du Chaillu, упом. соч.

³⁾ Du Compiegne, упом. соч.

⁴⁾ Griffon du Bellay, „Revue Maritime et Coloniale“, Septembre, 1863.

⁵⁾ R. Burton, упом. соч.

⁶⁾ R. Hartmann, „Nigritier“.

стящаго свѣта: такъ, если, слѣдя въ избранномъ ими направлениі, имъ доводится идти при непосредственномъ освѣщениі солнцемъ, то подъ озаренною его лучами частью пути они вырываютъ галлерей и продолжаютъ свое движение въ темнотѣ¹⁾). Другіе муравьи живутъ въ деревьяхъ, которыхъ они окруждаютъ красиво скроенными покрывалами; иные, обитаю на равнинахъ, возводятъ себѣ тамъ изъ глины жилища, которыхъ походяютъ на совершенно правильные гигантскіе шампиньоны, съ голубоватой кожицею: наконецъ, есть также красные муравьи, живущіе въ сообществѣ съ термитами въ ихъ муравейникахъ, похожихъ на колоколенки²⁾). Что касается пауковъ, почти неизвѣстныхъ въ Камерунѣ, то, по словамъ Компьеня, въ Габоніи ихъ «невѣроятное число видовъ»; моллюски, напротивъ, чрезвычайно рѣдки. Великимъ бичемъ для страны является нарывающая блоха, *rufex penetrans*, завезенная изъ Бразилии.

Населеніе Габоніи, также какъ въ Камерунѣ и областяхъ по Нигеру, состоить, повидимому, въ большей своей части, изъ прибывшихъ съ востока негритянскихъ племенъ. Подобно тому, какъ волны морского прибоя, прежде чѣмъ широко разлиться по прибрежью, набѣгаютъ одна на другую, такъ и различныя по происхожденію и по языку племена, отъснявъ все болѣе и болѣе своихъ предшественниковъ къ морскимъ берегамъ, послѣдовательно надвигались другъ на друга въ направлениі къ западу, при чѣмъ такое поступательное движение ихъ оканчивалось или тѣмъ, что они истребляли встрѣченныя племена, или же сливались съ ними и образовывали новые народы. Такимъ образомъ, переселенія слѣдовали за переселеніями, до безконечности видоизмѣненія географическое распределеніе семействъ и племенъ и дѣлая, поэтому, невозможнымъ всякое раздѣленіе расъ. Именъ народцевъ, разсѣявшихся между моремъ и нижнимъ течениемъ Конго, насчитываютъ сотни; но между этими разобщившимися другъ съ другомъ группами сколько сходства въ физическихъ чертахъ, характерѣ и нравахъ, свидѣтельствующаго о нѣкогда существовавшихъ сосѣдскихъ или родственныхъ связяхъ между этими племенами!

Съ точки зрѣнія привычекъ и промысловъ, де-Браца дѣлить всѣ эти народы на двѣ группы: на «людей кустовъ» или лѣсныхъ, и на «людей прирѣчныхъ». Изъ нихъ, прибрежные, будучи потомками негроторговцевъ и складчиками товаровъ, считаютъ себя болѣе цивилизованными, но зато люди кустовъ, при всей своей меньшей внѣшней выложенности,

умнѣе и менѣе развращены, въ сравненіи съ племенами, проживающими около моря и рѣкъ.

Племена, наиболѣе извѣстныя и говорящія на языкѣ, наиболѣе изученномъ миссіонерами и лингвистами, суть мпонгуза, м'понгуза, понгуз или понго. Разселены эти племена по берегамъ Габона, но языкъ ихъ—самый распространенный во всей приморской области; именно, по Компьеню, на немъ постоянно говорятъ восемь племенъ, понимають его одиннадцать другихъ племенъ, а нѣкоторые изъ его словъ извѣстны почти на протяженіи всего края. Этотъ языкъ, первый лексиконъ котораго появился уже въ 1840 году, представляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ типовъ общирнаго семейства нарѣчій бantu, и знакомые съ нимъ признаютъ, что изъ всѣхъ языковъ на материкѣ только онъ одинъ и отличается какъ благозвучностью, такъ и логичностью своихъ формъ: на немъ—благодаря точности и совершенству правилъ, управляющихъ соединеніемъ корней и приставокъ—можно съ удивительною ясностью выражать всѣ идеи, а словарь языка, не подвергаясь запутанности, можетъ увеличиваться до безконечности¹⁾. На этомъ языкѣ миссіонеры были въ состояніи переводить Евангеліе и писать религіозныя сочиненія, не заимствуя ни одного иностраннаго слова. Мпонгуз—называющіе себя также айого, что значитъ «мудрые»,—обладаютъ большимъ количествомъ пѣсенъ, басенъ и преданій, которыхъ они и пересказываютъ въ часы вечерняго досуга; кроме того, у старѣйшинъ ихъ имѣется также тайный языкъ, называемый ими: «сокровенные слова», которыхъ, можно думать, составляютъ остатокъ древняго языка, сдѣлавшагося, по преданію, священнымъ. Переходъ отъ языка мпонгуза къ другимъ языкамъ довольно рѣзокъ; но, тѣмъ не менѣе, родственность между языками африканскихъ склоновъ къ Атлантическому и Индійскому океанамъ сохранилась: именно, пятая часть словъ языка мпонгуза встрѣчается, въ свою очередь, и въ языкѣ сауахили на восточномъ берегу Африки²⁾.

Должно, однако, замѣтить, что нынѣшніе мпонгузы—въ собственномъ смыслѣ этого слова—представляютъ лишь слабые отпрыски нѣкогда значительной націи, такъ какъ мало-малу они сливаются съ тѣми чернокожими, которые надвигаются извнутри страны. Семейства, называющія себя «дочерями почвы» и отличающіяся красотою, постепенно исчезаютъ, уносимыя эпидемическою оспою, легочную чахоткою, золотухою и послѣдствіями незадержной жизни. Многіе изъ туземцевъ курятъ листья ліамбы (растенія вродѣ кононги), и отъ такого куренія впадаютъ, подобно

¹⁾ Du Chaillu, упом. соч.;—de Compiegne, „l'Afrique équatoriale“.

²⁾ Ponel, рукописная замѣтка.

¹⁾ F. Ricard, „Le Sénégal“, Etude intime.

²⁾ Wilson, „Grammar of the Mpongwa Language“;—K. W. Cust, „Modern Languages of Africa“

восточнымъ народамъ отъ гашиша, сначала въ неистовство, а затѣмъ въ отупленіе: вообще эта пагубная привычка приводитъ ихъ къ преждевременному увиданію. Затѣмъ, все увеличивающееся вымираніе расы обусловливаютъ также и весьма частые искусственные выкидыши. Наконецъ, многіе габонійцы—не желая отбывать натуральную повинность по содержанию дорогъ и набережныхъ въ Либревилль—переселяются на островъ Кориско, на которомъ они занимаются рыболовствомъ¹⁾. Такимъ образомъ, на берегахъ лимана представителей племени мпонгуэ осталось лишь весьма немного, да и тѣ уже утратили свои первоначальные нравы; одни изъ нихъ, группируясь около католическихъ или протестантскихъ миссионеровъ, называютъ себя христианами; а другіе, сохранивъ своихъ фетишій, выпрашиваютъ крестики у европейцевъ и продаютъ своихъ, выстраганныхъ изъ дерева, боговъ за боченки съ водкою. Будучи осторожными, эти мпонгуэ отличаются непостоянствомъ, тщеславiemъ и болтливостью, вслѣдствіе чего для работъ по управлению ихъ приходится замѣнять нанятыми людьми изъ племени кру или изъ сенегальцевъ.

Чтобы видѣть туземцевъ, еще не утратившихъ характеристическихъ чертъ своей расы, надо идти далеко отъ Габона, къ племенамъ: *мбута*, на берегахъ бухты Кориско, *булу*, на р. Комо, *инини* и *галоа*, около озера Зоненге. Всѣ эти племена вообще сильны и хорошо сложены, кожу имѣютъ отливающую прозрачнымъ бронзовымъ цвѣтомъ, лобъ высокий, глаза блестящіе, лицо умное. Женщины изъ племени галоа считаются даже самыми красивыми во всей Габоніи, вслѣдствіе чего начальники сосѣднихъ племенъ стараются обзавестись, частью путемъ похищенія, частью же путемъ покупки, возможно большими количествомъ дѣвушекъ изъ того края. Вообще продажа бѣлымъ или чернокожимъ иностранцамъ своихъ женщинъ составляетъ послѣ сбыта въ Либревилль домашней птицы и цыновокъ, главный промыселъ мѣстныхъ жителей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые проживаютъ по состоянию съ мысомъ Лопецъ, гдѣ никогда находился одинъ изъ главныхъ приютовъ неготорговцевъ на африканскомъ берегу. Однако, хотя женщины и считаются просто товаромъ, тѣмъ не менѣе ониѣ находятъ средства для самозащиты: именно, въ каждочъ племени основались по образцу мужскихъ франкмасонскихъ обществъ, женскія тайны общества, и при помощи хитрости и чаръ этимъ сообществамъ удается приобрѣтать иногда большую власть, участвующія въ нихъ женщины устраниваютъ свои собранія въ лѣсахъ,

вокругъ мѣдного котла, наполненного травами-фетишами; и къ этому священному мѣсту ихъ совѣщаній никогда не осмѣлитса приблизиться ни одинъ мужчина, какъ равно женщины никогда не дерзнули бы произнести магическое слово «ясси». Употреблять которое имѣютъ право только мужчины: такое преступленіе повлекло бы за собой смертную казнь. Чтобы устранить дурной рокъ, женщины расцарапываютъ себѣ кожу, прикрываютъ голову *моганою*, присоединяю къ убранствамъ въ причесѣ, къ ожерельямъ и кольцамъ изъ бусъ, которыми онѣ украшаютъ себѣ грудь и шею.

Селеніямъ, какъ и жителямъ ихъ, покровительствуютъ фетиши, вслѣдствіе чего входъ въ главную аллею села—находящуюся между двумя рядами хижинъ—защищаютъ отъ злыхъ духовъ либо вѣтвями деревьевъ и лоскутами тканей, либо очистительнымъ огнемъ. Бещами, которымъ приписываются охранительные свойства, окружаютъ также и могилы; но, для большѣй действительности охраненія мѣстъ погребенія начальниковъ племени, прибѣгаютъ къ утаиванію отъ постороннихъ ихъ могилъ, которые и вырываются близкими друзьями покойныхъ въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ. Что касается самого погребенія, то, вмѣстѣ съ трупами, кладутъ также и пищевые припасы, необходимые для дальн资料 путешествія; нѣкогда, вмѣстѣ съ покойниками, зарывали также и ихъ рабовъ, для доставленія умершимъ на томъ свѣтѣ собесѣдниковъ; также склали женъ, чтобы у нихъ сохранилось воспоминаніе о проявленной обществомъ печали по покойномъ; но нынѣ эти обычай, сопровождавшіеся, кромѣ того, людоѣствомъ, покинуты. Ежегодно мпонгуэ чествуютъ празднікъ мертвыхъ; они сжигаютъ траву на кладбищахъ и приносятъ на могилы бананы и мясо, которые и отвѣдываютъ сами, чтобы наглядно показать усопшимъ, что принесенные кушанья не отравлены. Если затѣмъ къ слѣдующему утру пища исчезнетъ, то все племя радуется, такъ какъ такое исчезновеніе свидѣтельствуетъ о принятіи жертвы; напротивъ, если кушанья на могилахъ окажутся нетронутыми, то праисителямъ угрожаютъ великія бѣдствія, для предотвращенія которыхъ снова приготовляютъ погребальный яства, которая, конечно, рано или поздно и будутъ съѣдены лѣсными животными и птицами. Галоа полагаютъ, что умерший оживаетъ въ формѣ животнаго, и обыкновенно въ формѣ бабочки²⁾. Исламъ еще не проникъ въ Габонію; и хотя обрѣзаніе дѣтей и обыденно у известныхъ племенъ, а у нѣкоторыхъ справляется даже съ большими торжествами, но это лишь древній обычай принигерскихъ народцевъ, установившійся значительно раньше появленія Магомета.

¹⁾ Ponel, упом. соч.

²⁾ De Compiègne, „Afrique equatoriale“.

По словамъ de-Brazza, у племени *ма-дума* обрѣзаніе совершается лишь въ юношескомъ возрастѣ, между 18 и 20 годами.

Негры *бенга* или *мбенга*, живущіе на небольшомъ испанскомъ островѣ Кориско, говорять на языкахъ одного происхожденія и одного строя съ языками мпонгузѣ; но, тѣмъ не менѣе, различія между этими обоими языками настолько значительны, что позволяютъ предположить отсутствіе всякихъ сосѣдскихъ сношеній между этими племенами даже и въ недавнее еще время. Повидимому, ни одинъ изъ островитянъ, имѣвшихъ въ 1855 году преклонные годы, не былъ рожденъ на Кориско: всѣ они прибыли съ материка, изъ той области, которая расположена къ сѣверу отъ Муни. Области же распределенія двухъ языковъ перемѣщались другъ съ другомъ столь причудливо, что, вѣроятно, натискъ переселенцевъ съ востока былъ крайне стремителенъ, и бѣгущія передъ ними племена разсѣивались направо и налево. Между одиннадцатью племенами, которыхъ, по Comptiegne'ю, говорять на языкахъ бенга или на весьма близкихъ къ нему нарѣчіяхъ, есть и такія, какъ напримѣръ племя *шекіані*, главная масса которыхъ обитаетъ къ югу отъ Габонскаго лимана, затерявшись между племенами, родственными съ мпонгузѣ: такимъ образомъ вражескія нашествія раздѣлили народъ на доли, разсѣявшіяся по разнымъ областямъ. Однако, къ сѣверу отъ Муни, племена языка бенга сплочены въ одну цѣльную этническую группу: *кумбэ*, *мусседжи*, *эгра*, *ба-туко*, *ба-ноко* и *ба-тнга* принадлежатъ къ тому семейству, которое занимаетъ морской берегъ вплоть до страны племени дуалла, находящейся уже въ германскихъ владѣніяхъ. Такъ какъ въ горахъ поименованныхъ племенъ встрѣчается довольно большое число португальскихъ словъ, то это свидѣтельствуетъ о долгомъ пребываніи этихъ народовъ на морскомъ берегу, къ которому они были отброшены племенемъ фанъ, т. е. «людьми кустовъ»¹⁾. Другими указаніями на продолжительность сношеній этихъ туземцевъ съ европейцами служить ихъ сравнительное равнодушіе къ фетишизму и колдовству. И вообще, посѣщаляемые миссионерами чернокожіе—даже и въ томъ случаѣ, когда они не обратились въ новую вѣру—оказываются, изъ поколѣнія въ поколѣніе, все болѣе и болѣе поколебленными въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ. Санть начальника у этихъ туземцевъ передается не по наслѣдству, а по избранію. Главное занятіе бенга и ихъ сосѣдей на морскомъ берегу—торговля: прирожденные торговцы, они безъ устали бродятъ вокругъ факторій, чтобы только совершить мѣновую сдѣлку. Въ этой области всѣ служащіе въ факто-

ріяхъ—изъ ихъ племени; крумени, занимающіе подобныя же мѣста въ торговыхъ учрежденіяхъ Камеруна, здесь уже не встречаются. Бенга также опытны и предпріимчивы и въ рыболовствѣ.

Весьма близки къ бенга, по языку, ба-калэ²⁾,—племя, еще не достигшее моря и обитающее во внутреннихъ лѣсахъ большей части той, параллельной морскому берегу, полосы, которая простирается между Муни и Сетте-Камма. Главный колѣнѣ этого племени находятся къ югу отъ Огуэ: по Вильсону, численность его можно принять въ сто тысячъ человѣкъ; но, подобно мпонгузѣ, ба-калэ быстро уменьшаются въ числѣ. Вслѣдствіе оттѣсненія ихъ къ западу племенами, направляющимися изънутри страны: такъ, за время одного поколѣнія уже исчезли цѣлые кланы. Говорить, будто ба-калэскія женщины мало плодовиты, а междуусобная война, процессы по обвиненію въ колдовствѣ и въ особенности насильственная перемѣщенія, обусловливаемая вторженіемъ племени фанъ, увеличиваются къ тому же и естественную смертность. Подвигаясь съ юго-востока вдоль р. Нгуні³⁾, ба-калэ разсѣяли передъ собою племя шекіані; въ свою очередь, и сами они были разъединены другими завоевателями и должны были разселиться по разнѣ, частями, между другими народами. Впрочемъ, перемѣна мѣстожительства не очень затрудняетъ ба-калэ; будучи отъ природы весьма склонны къ кочевой жизни, они зачастую покидаютъ свое селеніе, даже не убравъ вполнѣ и жатву съ своихъ полей. Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ переселеніямъ служить чрезвычайный страхъ смерти: когда два человѣка умираютъ другъ за другомъ въ промежутокъ нѣсколькихъ дней, то ба-калэ воображаютъ, что деревня ихъ заколдована, а потому и сігѣшать ее покинуть⁴⁾. Если, разсказывается по этому же поводу дю-Шалью, у престарѣлого отца нѣть сына, который могъ бы за него заступиться, то старика выгоняютъ изъ села, чтобы онъшелъ умирать въ лѣсъ и не навлекалъ бы злосчастія на голову своихъ согражданъ.

Ба-калэ держать рабовъ лишь въ небольшомъ числѣ; пѣнниковъ же своихъ они продаютъ. Какъ и въ большей части другихъ племенъ Габоніи, молодые люди осуждены на экзагамію: добывать себѣ женъ они должны не только въ своихъ селеніяхъ, но, если возможно, даже въ своего клана или колѣна; и только въ случаяхъ наслѣдованія, сынъ получаетъ

¹⁾ А-Келазу Ленца, ба-калеу большинства французскихъ авторовъ. А-кале—название въ единственномъ членѣ, ба-калэ—во множественномъ (Ponel), рукописный вариантъ.

²⁾ Oscar Lenz, „Mitteilungen des geographischen Gesellschaft in Wien“, 1878.

³⁾ Paul de Brazza, „Tour du Monde“, 1887.

⁴⁾ Duloup, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“.

себѣ въ супруги женъ своего отца, за исключениемъ, однако, своей собственной матери. У ба-калэ законъ о наследствѣ иной, чмъ у сопредѣльныхъ съ ними племенъ: именно у ба-кала отцу наслѣдуетъ сынъ, между тѣмъ, какъ у сосѣдей—брать, а если брата нѣть, то племянникъ. Подобно габонийскимъ женщинамъ, и у ба-калэ женщины составляютъ общества для взаимной защиты; при этомъ мѣстомъ для ихъ собраній и совершения мистерій служитъ хижина, входить въ которую мужчинамъ воспрещено. Законъ о возмездіи строго соблюдается въ землѣ ба-кала, но порою онъ примѣняется очень страннымъ способомъ, свидѣтельствующимъ о весьма слабомъ развитіи идеи справедливости. Такъ, если у кого-либо похитили барана, то обокраденный беретъ скота съ украденнымъ бараномъ изъ какого-нибудь другого стада; за этою второю кражею слѣдуетъ, въ свою очередь, третья, уже со стороны обокрашенаго при второмъ похищениіи, а, затѣмъ, похищенія слѣдуютъ одно за другимъ до тѣхъ поръ пока, наконецъ, община не возмутится и не возстановить справедливости. Если въ какомъ-нибудь селѣ одинъ изъ его обитателей будетъ убить постороннимъ селенію человѣкомъ, то за кровь должно отплатить также кровью; но если убийца принадлежитъ къ настолько могущественному клану, что тронуть его опасно, то обиженные ссыкиваютъ себѣ жертву въ другомъ какомъ-нибудь колѣнѣ. Однако, истиннымъ виновникомъ втораго преступленія считается все-таки первый убийца, какъ зacinщикъ всего зла, и поэтому оба оскорблѣнныя колѣна соединяются противъ того, которое дало убѣжище первому, теперь уже двойному, убийцѣ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ область р. Огоузъ стала часто посѣщаться бѣлыми, ба-калэ измѣнили свой образъ жизни. Прежде они были по преимуществу воины и охотники, а нынѣ стали торговцами, разнощиками и гребцами. Имъ принадлежитъ монополія перевозки товаровъ на протяженіи одной части нижняго теченія рѣки. Ихъ нарѣчие, ди-калэ, стало, въ смыденіи съ языкомъ мпонгуэ, посредствующимъ торговымъ языкамъ между прирѣчными населеніями вплоть до первыхъ водопадовъ. Они перестали вырабатывать желѣзо и мѣдь, такъ какъ необходимую для себя утварь и оружіе получаютъ, при мѣновомъ торгѣ, уже изъ Европы. Наконецъ, они перестали уже строить деревни на-подобіе небольшихъ крѣпостей, какія кое-гдѣ еще встрѣчаются въ лѣсу, защищенные крѣпкими воротами на обоихъ концахъ единственной улицы, на которую выходятъ фасады хижинъ.

Между племенами, населяющими берега

Огоузъ кверху отъ деревень ба-кала, Сомбрѣгне упоминаетъ только объ одномъ, говорящемъ на томъ же нарѣчіи: это племя ба-нгуэ (бангуэ), живущее въ сотни километровъ къ востоку отъ водопадовъ, у которыхъ оканчивается среднее теченіе рѣки. Остальные же народы, за исключениемъ племени фанъ, всѣ принадлежатъ, по языку, къ этническимъ группамъ мпонгуэ или мбенга. Негры ивили, на нижнемъ Огоузѣ—родственны племени ба-вили, обитающему въ верховьяхъ Нгуніэ—смиренные и трудолюбивые люди, пришедшіе съ юга и непрерывно возрастающіе въ числѣ на счетъ своихъ сосѣдей; повидимому, они другой расы, чмъ мпонгуэ, но усвоили языкъ послѣднихъ; на этомъ же нарѣчіи говорятъ также пдэсумба, прибрежные жители озера Азинго. Что же касается племенъ апаніи, ишого, ялибонго, окота, оканда, адума или ма-дума, ауанши и обамба, то ихъ нарѣчіе съ трудомъ можно отличить отъ говора негровъ, живущихъ на испанскомъ островѣ Кориско. Ба-нгуэ—обладающіе коммерческимъ духомъ, подобно своимъ сородичамъ ба-кала, но меѳе развращенные соприкосновеніемъ съ торговцами поморья и менѣе подвергшіеся гибельному дѣйствію водки—кажется, также ведутъ болѣе осѣдлый образъ жизни. Старинные нравы у нихъ еще сохранились, удержался, между прочимъ, и обычай укрѣплять свои деревни. Женщины ба-нгуэ—по большей части одаренные богатырской силой—отличаются отъ женщинъ другихъ племенъ рельефною татуировкою на груди. Бангуэ, подобно своимъ сосѣдямъ оканда, имѣютъ чрезвычайную страсть къ соли, которую и ъдятъ полными горстями, если, впрочемъ, соль не запрещена имъ фетишеромъ, ибо въ Габоніи, также какъ въ Камерунѣ и многихъ другихъ странахъ земного шара, религіозные предписанія строго регулируютъ пищу, при чмъ одно кушанье бываетъ разрѣшено, а на другое, напротивъ, наложено табу. Ерунда, т. е. запрещеніе какой-нибудь пищи, бываетъ временнымъ для однихъ и постояннымъ для другихъ, и отъ прикосновенія къ запрещенной вещи должны воздерживаться не только цѣлыя семьи, но даже цѣлыя колѣна и племена. Для женщинъ племени оканда, ерунда обнимаетъ всѣ виды мяса; кроме овощей, плодовъ и зерна, онѣ могутъ есть только че-репаху, которая въ глазахъ окандскихъ фетишеровъ есть существо сомнительное, «ни рыба, ни мясо». Женщина—будучи рабыней, такъ какъ она покупается—все-таки, опираясь на поддержку другихъ женщинъ, обладаетъ нѣкоторыми средствами самозащиты. Въ колѣнахъ племени апинки она можетъ заставить уступить ее другому мужу, подъ условіемъ, чтобы этотъ второй мужъ выплатилъ всю стоимость покупки. Равнымъ образомъ слуги могутъ мѣнять своихъ господъ; когда же рабъ убить

¹⁾ Winwood Reade, „Savage Africa“;—P. du Chaillu, упом. соч.

свободнаго человѣка, то вмѣстѣ съ рабомъ долженъ умереть и его владѣлецъ, ибо только свободный человѣкъ можетъ искупить свободнаго.

такъ и переселившіеся. Во время утвержденія французовъ на берегахъ Габона, имя фановъ было еще почти не известно въ странѣ, хотя Bowdich и упоминаетъ о нихъ уже въ 1819 го-

У-Банга. Видъ съ поста Нкунджа.

Къ востоку отъ Габона и къ сѣверу отъ Огоуэ, большая часть территории занята племенемъ *фан*, отѣснившимъ передъ собою, въ направлении съ сѣверо-востока къ юго-западу, всѣ остальные племена, какъ аборигенные,

ду, подъ названиемъ Paamways, характеризуя ихъ, какъ расу фула¹⁾). Передовыя селенія ихъ

¹⁾ Sketch of Gabon;—R. Burton, „Two trips to Gorilla Land“.

еще находились въ глубинѣ страны, на гористыхъ плоскогоріяхъ, къ сѣверу отъ притоковъ Огоуа. Нынѣ же они живутъ на берегахъ Комо, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ поселеніями мпонгуз около Гласса и Либревилля; къ сѣверу они граничатъ съ племенемъ батанга; къ югу отъ Габона ихъ развѣдчики достигли уже во многихъ мѣстахъ моря; одно изъ ихъ колѣнь, *сїнке*, занимаетъ полосу пороговъ въ верховьяхъ Ивиндо, а *осіэба* переправились на плотахъ чрезъ среднее теченіе Огоуа и даже проникли въ области дельты, до Рембо-Овенго. Внушая страхъ всѣмъ другимъ народцамъ, они—на восходѣ своего могущества, и повсюду, гдѣ ни появляются, становятся безспорными властелинами. Численность ихъ только въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ проникали европейцы, предполагается равняющеся двумъ стамъ тысячамъ, при чемъ съ средины текущаго столѣтія народъ этотъ устроился не только вслѣдствіе непрерывной иммиграціи, но благодаря также избытку рожденій, такъ какъ франційки женщины, позднѣе выходя замужъ, оказываются и болѣе плодородными, въ сравненіи съ женщинами сосѣднихъ племенъ, именно мпонгуз и мбенга. Будущее французскаго вліянія въ краѣ зависитъ по преимуществу отъ тѣхъ отношеній, которая установляется между бѣлыми и этими грозными завоевателями, такъ какъ другія племена, вслѣдствіе своего крайнаго дробленія, не въ состояніи противопоставить европеїзамъ серьезныхъ затрудненій.

«Фанъ», то есть «люди», известны также и подъ многими другими наименованіями ¹⁾: такъ, французы въ Либревилль обычно называютъ ихъ *пагунами*, и тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ предѣлахъ Габонской территоріи, дѣлять въ двѣ главныя группы: *ма-кама* на верховьяхъ Огоуа и *ма-зунг*—по сосѣдству съ Габономъ; эти группы говорять на разныхъ нарѣчіяхъ и ведутъ другъ съ другомъ кровопролитныя войны; многие ма-зуна имѣютъ около угла лѣваго глаза особый голубой звѣздачекъ, какъ-бы клеймо ²⁾). Кромѣ этихъ подраздѣленій рассматриваемой расы, существуютъ также и другія; таковы *мбакши*, на сѣверѣ, у которыхъ, по словамъ ихъ сосѣдей, ноги, будто-бы, имѣютъ «форму лошадинаго копытца» ³⁾). По нѣкоторымъ авторамъ, фаны—потомки тѣхъ джагга, которые опустошили королевство Конго въ 17-мъ вѣкѣ; однако, изъ словарей, составленныхъ Wilson'омъ, Lenz'омъ и Zoller'омъ, видно, что языкъ фановъ того же корня, какъ и языки оттѣсненныхъ ими племенъ; онъ тоже принадлежитъ къ нарѣчіямъ

банту, хотя произношеніе въ немъ чрезвычайно гортанное, и иностранцы не въ состояніи ему подражать; въ частности же, онъ гораздо менѣе отличается отъ говора мбенга, чѣмъ отъ нарѣчія мпонгуз. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ изученіе языка пагуанъ, а также и тѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ центральныхъ областяхъ материка, дастъ возможность распознать истинное родство этихъ завоевателей Габоніи. Пока же между антропологами господствуетъ мнѣніе о принадлежности пагуановъ къ тому же самому семейству, какъ и племя *ніамъ-ніамъ* страны Рѣкъ и областей Верхней Уэллз; и хотя эти части Африки отстоятъ отъ нынѣшняго мѣстообитанія пагуановъ на полторы тысячи километровъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки возможно, что населяющая ихъ племена родственны пагуанамъ. Послѣдніе сходны съ *ніамъ-ніамами* въ физическомъ отношеніи—оттѣнкомъ цвѣта кожи, становъ, чертами и осанкою; подобно *ніамъ-ніамамъ*, они также подпиливаютъ себѣ рѣзцы, заплетаютъ волосы въ одну толстую и въ нѣсколько отдельныхъ косы, прикрываютъ голову корою деревьевъ и разрисовываютъ себѣ тѣло красящими травами; начальники ихъ тоже одѣваются въ шкуру леопарда и употребляютъ тѣ же дротики, снаженные нѣсколькими остріями для разрыванія мяса; синія бусы и раковина сургае *moneta* одинаково употребляются для украшенія какъ пагуанами, такъ и *ніамъ-ніамами*; одна и та же порода собакъ сопровождаетъ охотниковъ въ обонихъ племенахъ; наконецъ, оба эти народца—людоѣды, и на языкѣ обоихъ слово *ниа* значить одно и то же, именно: «Есть». Такимъ образомъ, фаны—это западные *ніамъ-ніамы* ¹⁾.

Цвѣтомъ кожи пагуаны свѣтлѣе своихъ сестрѣй на морскомъ берегу и по рѣкѣ Огоуа, а волосы у нихъ менѣе курчавы, вслѣдствіе чего нѣкоторые черезъ-чуръ рьяные классификаторы хотѣли выдѣлить пагуановъ въ отдельную отъ всѣхъ остальныхъ негровъ расу. Мужчины, единственное занятіе которыхъ состоить въ ношениі своего оружія да въ хожденіи по лѣсамъ въ погонѣ за дичью, вообще стройны и худощавы, хотя съ сильно развитыми мускулами; ходятъ они поступью твердою, взглядъ имѣютъ увѣренный, открытый, чѣмъ рѣзко отличаются отъ габонійцевъ, имѣющихъ рабскій обликъ и понуро смотрящихъ въ землю ²⁾).

Напрѣтивъ, пагуинская женщины, будучи обречены на всѣ тяжелыя работы по домашнему хозяйству и по воздѣлыванію растеній, по большей части, тотчасъ же по минованіи первой молодости, становятся неуклюжими и некрасивыми; въ большинства изъ нихъ—ухватки

¹⁾ Ба-фанъ, м'фанъ, па-муз, м-пагуз, пагуз и т. д. Не сюда-ли должно быть причислено также и имя *банду*?

²⁾ Ponel, рукописная замѣтка.

³⁾ Ossorio, „Rivista de geografia commerciale“. Іюль-Сентябрь. 1886.

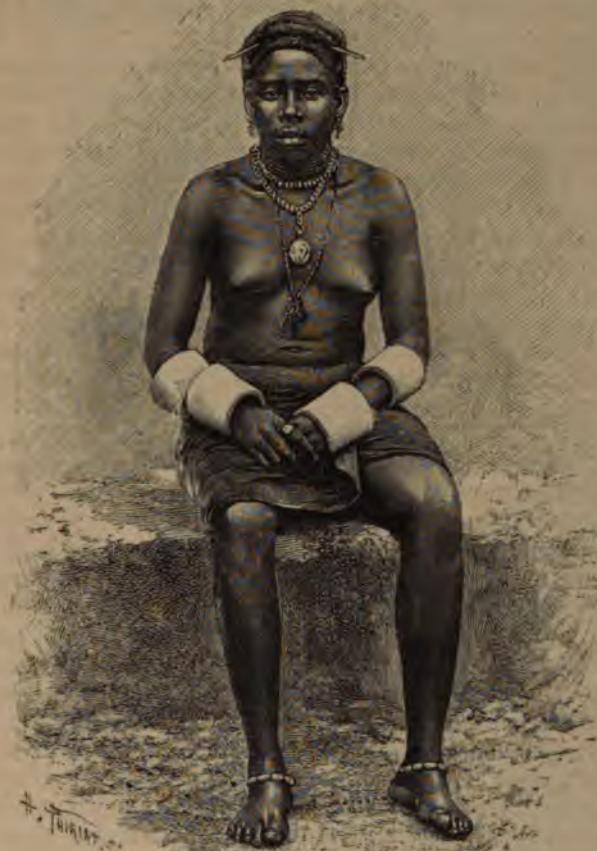
¹⁾ Schweinfurth, „Au coeur de l'Afrique“.—De Compiegne, упом. соч.

²⁾ P. de Brazza, „Tour du Monde“. 1888. Ponel, рукоп. замѣтки.

дикихъ звѣрей. Характеристично и для мужчинъ, и для женщинъ чертой является выпуклость лба, который въ видѣ полушара выдается надъ бровями. Что касается украшений, то между африканскими племенами мало найдется такихъ, у которыхъ молодые парни и девушки болѣе бы любили украшать свое тѣло, чѣмъ у нѣкоторыхъ колынъ пагуиновъ. Къ татуировкѣ они прибавляютъ разрисовываніе; волосы на головѣ убираютъ жемчугомъ, травами и перьями, шея и станъ увѣшивается гирляндами изъ бусъ, раковинъ каури и фар-

желтою или зеленоватою глиною, которая и придаетъ имъ кожѣ оттенокъ трупа. Метисы бѣлыхъ, впрочемъ не многочисленные, у пагуиновъ считаются фетишами и подобно имъ и чествуются¹).

Людоѣство — о существованіи котораго единогласно свидѣтельствовали всѣ первые путешественники — повидимому, уже болѣе не практикуется вблизи морскаго берега. Но внутри страны еще єдятъ мясо взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ, при чѣмъ такая трапеза носить, однако, религіозный характеръ: именно, въ священной

Женщина племени пагуинъ.

форовыхъ пуговицъ, а лодыжки отягощаются мѣдными кольцами, браслетами, схожими съ тѣми, которыя употребляютъ восточные африканцы: такимъ образомъ, нѣкоторыя женщины оказываются разукрашенными какъ фетиши и изъ-за тяжести украшений не могутъ даже ходить¹). Однако, когда женщины приходится оплакивать смерть начальника или кого-либо изъ родственниковъ, то онѣ должны снять съ себя всѣ ткани, всѣ убранства и оставаться виолинъ голыми или же прикрытыми одною листвою; тѣло же свое онѣ должны вымазать

хижинѣ, вдали отъ взоровъ женщинъ и дѣтей, воины съѣдаютъ мясо, которое должно къ ихъ храбрости прибавить также храбрость и ихъ врага²). Говорять, будто-бы, такимъ же образомъ съѣдаются колдуны, и будто при многихъ обстоятельствахъ были приносимы въ жертву и обмѣниваемы между деревнями для торжественныхъ празднествъ также и рабы³). Какъ бы тамъ ни было, людоѣство становится у пагуиновъ все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, и должно быть разсматриваемо въ особенности какъ остатокъ ихъ древнаго культа;

¹⁾ Jardin, "Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort". T. V, № 8, 1884.

²⁾ Ponel, рукоп. замѣтки.

³⁾ Richard Burton, "Two Trips to Gorilla Land".

³⁾ Winwood Reade, "Savage Afrika".

у некоторыхъ племенъ имѣютъ право на человѣческое мясо только одни старики; для всѣхъ остальныхъ оно есть фетищъ¹). Какъ и у другихъ сосѣднихъ племенъ, трупы начальниковъ погребаются тайно, чтобы ихъ не могли найти злые духи и чтобы они не были осквернены врагами-чародѣями, могущими воспользоваться ими для приготовленія ядовъ или любовныхъ напитковъ. Хоть и завоеватели, пагуины должны, однако, по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу и соприкосновенія при этомъ съ иноплеменниками, измѣнять свои нравы, въ виду новыхъ условій среды. Изъ звѣролововъ они принуждены превращаться въ земледѣльцевъ, лодочниковъ и торговцевъ. Впрочемъ, практикуемый ими способъ охоты приводить къ совершенному истребленію лѣсныхъ животныхъ. При помощи ліанъ и кольевъ, они огораживаютъ обширныя пространства лѣса и загоняютъ туда всѣхъ встрѣчающихся имъ звѣрей, ставя имъ въ загоны для птицъ пироги съ отравленной водою. Когда же загонъ наполнится животными, его запираютъ, и послѣ этого приступаютъ къ убієнію, по мѣрѣ надобности, отуманиенныхъ отравою слоновъ; перебивъ съ теченіемъ времени всѣхъ животныхъ въ одной мѣстности, пагуины переселяются въ другую, въ которой повторяютъ тотъ же охотничій приемъ.

Изъ всѣхъ народовъ Габоніи, фаны—самое дѣятельное и самое промышленное племя. Они искусные кузнецы и изобрѣтательные оружейники, придумавшіе—для охоты за пугающими ружейныхъ выстрѣловъ обезьянами и антилопами—лукъ изъ эбенового дерева, стрѣлы котораго обмакиваются въ весьма тонкій ядъ, называющейся онаи. Славятся пагуины также и какъ горшечники, а изъ племенъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ европейцами, они лучшіе садоводы; вообще, они—надежда колоніи. Одни они во всемъ краѣ знали употребленіе монеты, которую у нихъ служили маленькие желѣзные кружечки, ванизованные, какъ у китайцевъ, на веревочку. Пагуане, живущіе по берегамъ рѣки Комо—находясь нынѣ въ переходномъ состояніи отъ кочеваго къ осѣдлому быту, отъ прежніихъ условій жизни свободнаго воина къ условіямъ жизни поставщика припасовъ для французовъ, живущихъ въ Либривилль—всегда устроиваютъ себѣ по два селенія, удаленныхъ одно отъ другаго. У нихъ есть селеніе прирѣчное, выгодно помѣщенное въ торговомъ отношеніи, но выставленное нападеніемъ военныхъ шлюпокъ, и селеніе лѣсное, куда жители, извѣщенные объ опасности звуками тамъ-тама или рога изъ слоновьяго клыка, вѣремя и уѣгаютъ; при этомъ, если ихъ деревню на берегу рѣки выжгутъ, то это не важно: драгоценныя вещи сохраняются въ

тѣхъ жилищахъ, которыхъ расположены въ лѣсу, а что касается сожженнѣхъ хижинъ, то ихъ можно восстановить въ нѣсколько дней¹). Всѣ деревни располагаются такимъ образомъ, что внезапное нападеніе невозможно и, кромѣ того, сторожа, съ обѣихъ концовъ улицы, оберегаютъ село постоянно, и днемъ и ночью. Такъ называемая совѣщательная хижина, въ которую собираются воины для обсужденія общихъ дѣлъ, а также и въ торжественныхъ случаяхъ (при приемѣ, напр., путешественниковъ и торговцевъ), находится въ центрѣ села, и всякий, кто можетъ носить оружіе, имѣеть право требовать, чтобы былъ выслушанъ его совѣтъ.

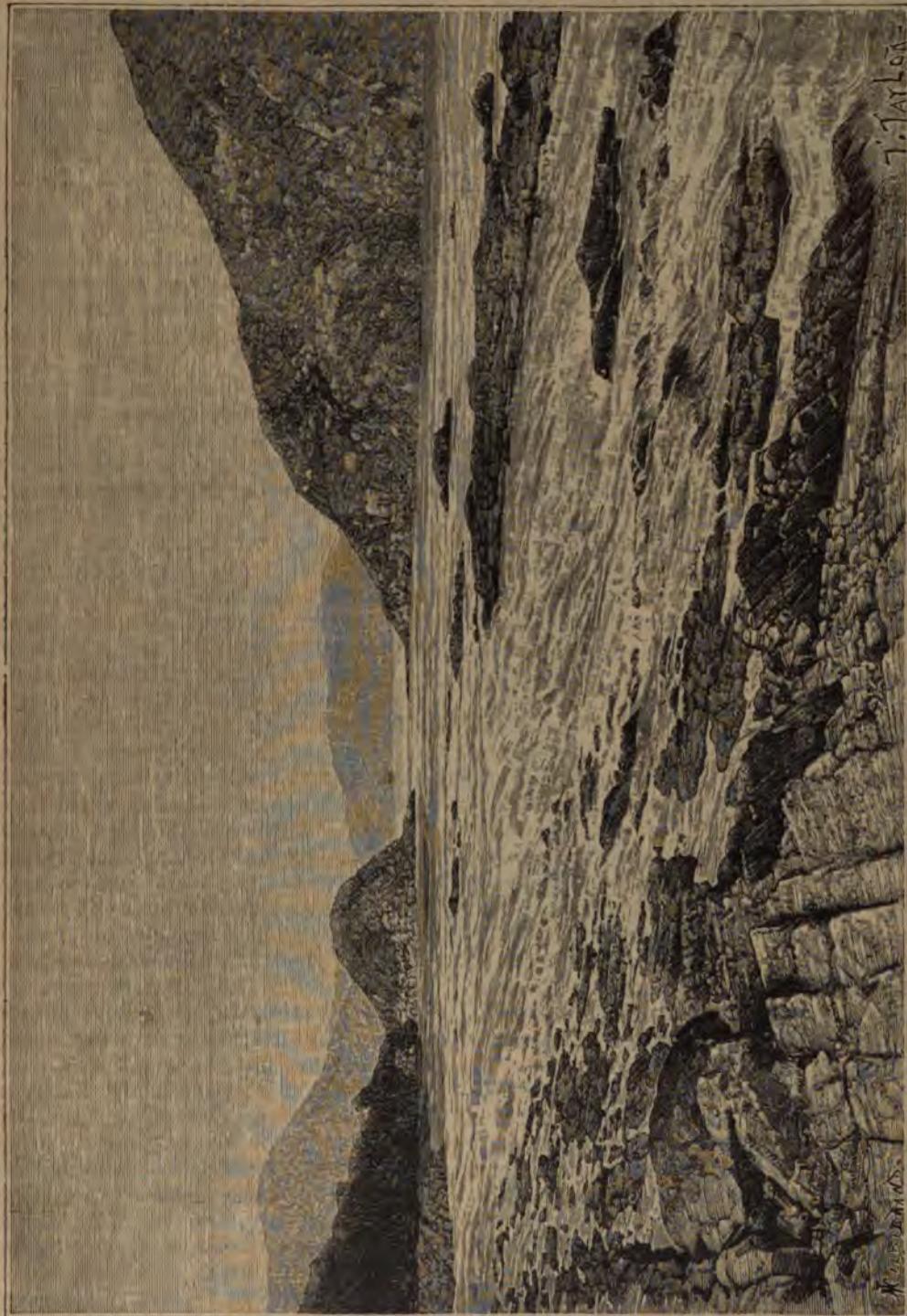
Къ востоку отъ плоскогорій, населенныхъ фанами, къ Конго спускается склонъ, обитаемый племенами, въ этническомъ отношеніи принадлежащими къ группѣ народцевъ великой рѣки; но къ югу отъ Огоуа, на морскомъ берегу и на горахъ внутри страны, проживаютъ различныя племена, по своему языку приближающіяся къ народцамъ Габоніи. Таковы: камма, гумба или ма-гумба, поселенія которыхъ находятся по сосѣдству съ моремъ, лиманами и рѣчными притоками между Огоуа и Ніангой; далѣе, на берегахъ Ніанги основались ба-гумбо, ба-яка и ба-пуно; южнѣе, вдоль каналовъ-протоковъ, живутъ ба-вили, а еще далѣе ма-юмбо занимаютъ область нижняго теченія Куилу и прирѣчныхъ земель. Наконецъ, въ томъ гористомъ краѣ, гдѣ берутъ свое начало верхніе притоки Огоуа, Ніанги и Куилу, обитаютъ а-шанто, родственные племенамъ ашандо, и а-шира на рѣкахъ Нгуніа и Рембо. По словамъ дю-Шаллю, экскурсіи которого были совершены въ 1858 и 1865 годахъ,—а-шира, которые цвѣтомъ кожи чернѣтъ своихъ сосѣдей, принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ и самыхъ умныхъ народовъ Африки: грація а-ширскихъ женщинъ и есть, будто-бы, даже одна изъ причинъ быстраго уменьшенія численности этого племени, такъ какъ ба-кала и другіе народцы покупаютъ за дорогую цѣну, или же просто воруютъ а-ширскихъ девушки въ возрастѣ невѣсть. Но главныя причины обезлюдненія а-ширского края, вѣроятно,—оспа, много разъ страшно свирѣпствовавшая, и употребленіе конопли или ліамбы, которая мало-по-малу ослабляетъ и губить а-шировъ. Изъ а-ширской земли и сѣверныхъ племенъ добываютъ себѣ это губительное снадобье, составляющее, вмѣстѣ съ водкою или алуго, «великое цивилизующее средство» во всей Габоніи. А-ширы и смѣжные народцы: ба-пунго и а-шанго имѣютъ привычку вырывать у себя по два верхніхъ рѣзца и подпиливать остальные зубы; что касается ихъ шевелюры, то, обработываемая съ удивительной тщатель-

¹) Decazes, „Soci  t   de G  ographie de Paris“. 1887.

¹) Trivier, упом. соч.

ностью, она, подъ рукой артистовъ, принимаетъ самыя причудливыя формы. Такъ, а-ширскія женщины придаютъ ей видъ генеральской шляпы, съ галунами, бахромой и развѣвающими перьями.

пугливому народцу, питавшемуся корнями, ягодами и дичью; это о-коа или а-коа, описанные Маршемъ¹⁾, ба-бонго, видѣнныи Фалькенштейномъ въ Лоанго. По словамъ дю-Шалью, а-бонго—желтоватаго цвѣта, съ низкимъ, убѣ-

Пороги Іеллала

Группы лиственныхъ хижинъ, разсѣянныя по лѣсамъ среди поселеній а-шонго и восточнѣе, около большой рѣки, даютъ убѣжище семействамъ малорослыхъ людей: а-бонго (*обонго*),

гающимъ кзади лбомъ, выдающимися складами, боязливымъ взоромъ и мелкими курчавыми за-

¹⁾ „Trois voyages dans l'Afrique occidentale“.

витками на головѣ; въ сравненіи съ общою длиною ихъ тѣла, ноги у нихъ коротки. Изъ десяти измѣренныхъ путешественникомъ¹⁾ женщинъ, самая рослая, почти исполинъ между остальными, была высотою въ 1 метръ и 53 сантим., а самая маленькая всего лишь 1 метръ и 32 сант.; молодой же, достигшій полнаго развитія, мужчина не превышалъ 1 м. и 37 сант.; о-коа, видѣнныя Маршемъ въ предѣлахъ верхняго теченія Огоу, были, въ среднемъ, на десять сантиметровъ выше. У а-бонго вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ не только двоюродные, но даже и родные братъ и сестра; объясняется это малочисленностью разсѣянныхъ колѣнъ этого племени, проживающаго вдали не только отъ селеній, но даже и въ сторонѣ отъ торныхъ тропинокъ; около ихъ хижинъ легко пройти мимо, даже и не примѣтивъ ихъ,—дотого скрытно юятся они въ углубленіяхъ почвы и между скалами и утесами: по словамъ дю-Шалью, эти, сплетенные изъ вѣтвей, хижинъ имѣютъ и въ высоту, и въ ширину не болѣе 1 метра 30 сантиметровъ. О-бонги поспѣшили хоронить своихъ мертвцевъ, либо въ дуплахъ деревьевъ, либо на днѣ ручьевъ, отведя на-время воду. Слѣдуетъ замѣтить, что сосѣди ихъ, а-шонги, обращаются съ ними очень ласково, почти съ нѣжностью, и когда а-бонгскія женщины приходятъ на рынокъ, ихъ одариваютъ бананами и другими плодами. Хотя и весьма мало смѣшиваясь съ сосѣдними племенами, о-коа съ верховьевъ Огоу малопомалу усвоиваются ихъ нравы. Въ предѣлахъ обитанія племени оканда, о-коа любятъ лакомиться мясомъ питона [изъ сем. удавовъ], за которымъ они охотятся съ копьями и предварительно зажегши траву. Маршу довелось посѣтить, между прочимъ, одну деревню о-коа, начальникъ которой обладалъ могущественнымъ фетишемъ, предотвращающимъ смерть дѣтей въ раннемъ возрастѣ: вслѣдствіе этого, къ нему отовсюду присыпали въ пансионъ женщинъ и дѣтей.

Различные народы, живущіе по сосѣдству съ берегомъ моря, къ югу отъ Ніанга,—очень смѣшанного происхожденія, хотя ихъ и называютъ общимъ именемъ *ба-лумбо* или *ба-вили*. Такъ какъ эта часть морскаго берега находится между рынками Габона, съ одной стороны, и рынками португальскихъ факторій около устья Конго, съ другой, то многіе изъ бѣглыхъ невольниковъ, ускользавшихъ отъ негро-торговцевъ на сѣверѣ и на югѣ этой области, нѣкогда укрывались на здѣшнихъ опасныхъ пляжахъ, защищаемыхъ бурunami, болотами и лѣсами. Смѣшиваясь съ туземцами, эти бѣглецы образовали новыя группы, которыхъ, однако, не отличаются по своимъ обычаямъ и нравамъ отъ сосѣдняго съ ними, живущаго глубже въ

странѣ, племени *ба-яка*, столь замѣчательного по своему гармоническому и ласкающему слухъ выговору; какъ и это племя, ба-вили обвертываютъ своихъ мертвцевъ и подвѣшиваютъ ихъ, при помощи перевязей, къ деревьямъ; и у ба-вили тоже имѣются могущественные фетиши, которые, совсѣмъ запрещая женщинамъ есть мясо козы и домашней птицы, предписываютъ имъ заниматься обработкою полей и во всемъ слушаться своихъ мужей. Татуировка и обмазываніе тѣла не имѣютъ такой важности въ ихъ глазахъ, какъ у негровъ, живущихъ внутри страны; однако, и между ними встрѣчается еще много туземцевъ, которые по-прежнему татуируются и обмазываются. Поморскіе ба-вили и ба-лумбо избѣгаютъ сношеній съ европейскими торговцами, такъ какъ воспоминанія о времени торговли неграми вовсе не такого свойства, чтобы возбуждать любовь къ бѣлымъ. Къ тому же, ба-вили нѣтъ надобности и вести торговыя сношенія съ бѣлыми: вмѣстѣ съ бананами и другими плодами своихъ платаній, они въ изобиліи имѣютъ необходимую пищу, благодаря мариго, который тянутся паралельно морскому берегу и которыя усыпаны устричными мелами; берега этихъ каналовъ-протоковъ покрыты кухонными остатками, свидѣтельствующими о томъ, какую громадную пользу приносятъ моллюски въ дѣлѣ питанія данныхъ племенъ. Главный промыселъ ба-вили и ба-лумбо заключается въ добываніи соли. Но, при этомъ, они не ждутъ, подобно жителямъ Средиземнаго моря, того времени, когда солнце испарить воду изъ лужъ и когда на днѣ этихъ послѣднихъ осядутъ солинные пласти, а добываютъ соль при помощи искусственного нагреванія. Въ каждой хижинѣ имѣется глиняный горнъ, который наполняютъ морской водою и подъ которымъ поддерживаютъ сильный огонь; отлагающуюся соль упаковываютъ въ цилиндрические коробы и продаютъ ба-яскимъ маклерамъ, предпочитающимъ еї соли европейской¹⁾). Прежде для добыванія соли исключительно употребляли мѣдные тазики, которые нынѣ считаются предметами роскоши, и изъ которыхъ вырезываются также пластинки для украшения ружей и ножей.

Ма-ломбе, обитающіе на р. Куилу и въ португальскихъ владѣніяхъ, подраздѣляются, какъ и всѣ другіе народы этой области, на большое число республикъ различной величины: отъ одной лишь деревни до союза изъ нѣсколькихъ общинъ. Эти негры уже цѣлые вѣка находятся въ сношеніяхъ съ португальскими торговцами, вслѣдствіе чего, какъ ихъ дома, такъ и сараи для складовъ, по способу постройки, напоминаютъ европейскіе; также и въ нарѣчіе ихъ вошло множество выражений изъ языка Камоенса. Однако, съ углублениемъ

¹⁾ „A Journey to Ashango-Land“.

¹⁾ Paul Gussfeldt, „Die Loango-Expedition“.

внутрь страны, къ востоку, по ту сторону пограничныхъ горъ, перейденныхъ изслѣдователями лишь очень недавно, вліяніе цивилизациі бывшихъ быстро исчезаетъ. И какихъ только диковинокъ не рассказывали ма-йомбе о своихъ восточныхъ сосѣдяхъ: ба-кунія, ба-камба и другихъ! Одни изъ нихъ, будто бы, сущіе карлики, другіе—великаны; въ нѣкоторыхъ племенахъ всѣ люди имѣютъ-де только по одной рукѣ или по одной ногѣ; люди съ хвостами, прежде чѣмъ сѣсть, вырываются-де ямки для своихъ хвостовъ. Возможно, однако, что между этими легендами есть и такія, въ

составляющіе переходную ступень между банту габонскими и банту конгскими: ихъ расовое имя *ба-фюотъ* или *ба-фюортъ*, а языкъ ихъ почти не отличается отъ того языка, на которомъ говорятъ прирѣчные жители португальской Конгской провинціи. Какъ известно, въ XVI столѣтіи и въ первой половинѣ XVII, весь край, ограничиваемый на сѣверѣ рѣкою Куилу, составлялъ часть имперіи «великаго отца» или мфума, короля Конго; но представителями власти монарха являлись его намѣстники, *муэне* или *мани-фума*, и эти вице-короли мало-по-малу сдѣлались независимыми.

Негръ племени кабинда.

основѣ которыхъ лежитъ правда: такова, напр., легенда о королѣ, который не иначе поднимался съ мѣста, какъ вонзивъ по копью въ грудь двумъ несчастнымъ, осужденнымъ на смерть!

Что касается племенъ, обитающихъ въ южной части территории, въ предѣлахъ тѣхъ небольшихъ рѣчныхъ бассейновъ, которые находятся между рѣками Куилу и Конго, то они смотрятъ на себя какъ на обладающихъ высшую цивилизациею и ни-за-что не хотять быть уподобленными варварскимъ сѣвернымъ племенамъ. Впрочемъ, они и на самомъ дѣлѣ принадлежать къ другой этнической группѣ и

такъ образовались: Королевство Лоанго—первое по значенію—и два другія государства: Каконго и Нгойо, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись еще на автономныя провинціи, имѣвшія каждая своего начальника, съ состоящими при немъ министрами и совѣтомъ старѣшинъ. Послѣ смерти короля всегда выжидали нѣсколько лѣтъ съ его похоронами, а въ теченіе этого междуцарствія власть вручали ма-бома или «господину страха». Легенда гласить, будто при послѣдней смѣрти монарха, подвластныя ему племена не оказались настолько богатыми, чтобы, даже выждавъ установленное количество лѣтъ, устроить своему

великому королю похороны, достойная его могущества, и оттого совсѣмъ отказались его хоронить: поэтому онъ считается все еще живущимъ, а нынѣшние начальники, официально лишь его уполномоченные, суть не болѣе какъ *mansi*, или вице-короли; это, однако, не препятствуетъ имъ окружать себя такимъ же величиемъ, какъ если бы они сами были императорами, и въ сношенияхъ съ подданными придерживаться самаго церемонialнаго этикета. Многіе изъ нихъ носятъ португальскія имена, а титулы и должности окружающихъ ихъ лицъ напоминаютъ о томъ вліяніи, которое нѣкогда здѣсь имѣли представители лиссабонскаго двора. Въ прежнее время эти вице-короли могли прикасаться изъ заморскихъ вѣщей только къ оружію, металламъ и издѣліямъ изъ дерева и слоновой кости; взглядъ на всякую европейскую ткань былъ имъ воспрещенъ¹).

Равнымъ образомъ, еще не исчезли совершенно изъ религіи ба-фіотовъ и слѣды обрядовъ, преподанныхъ имъ португальскими доминиканцами. Въ концѣ XVIII столѣтія, значительнымъ «христіанскимъ» центромъ было поселеніе Мангюэнзо, находящееся въ восточной части Коконго²). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приморскіе поселяне еще совершаютъ крестные ходы, а дѣтей крестятъ, но, по достижениію юношескаго возраста, все-таки подвергаютъ обрѣзанію³). У большинства ба-фіотовъ главный богъ, Нзамби, есть существо женское, смышиваемое ими съ Са-Мануалу, Пресвятою Дѣвою Маріею, и съ «землею, матерью всего»: ораторы, которымъ предстоитъ произнести торжественную рѣчь, никогда не преминутъ прежде всего призвать имя богини, а жрецы обращаются къ ней съ молитвами, стоя на пирамидѣ изъ костей животныхъ⁴). У ба-фіотовъ богослововъ существуетъ также идея о нѣкоторомъ родѣ Божественной Троицы: Нзамби, мать Конго, присоединила къ себѣ своего сына для управления вселеною, а третье лицо—наименованіе котораго, Deisos, очевидно португальскаго происхожденія—принимаетъ участіе въ правленіи міромъ. Представителемъ богини является фетишъ, болѣе уважаемый, чѣмъ другіе, и наказывающій смертью тѣхъ нечестивцевъ, которые ёдятъ запрещенное мясо: быть-можеть, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть воспоминаніе предписаній о постѣ. Каждая молитва, обращенная къ фетишу, подкрепляется вколачиваніемъ гвоздя въ чурбанъ, изображающей священный ликъ богини: ибо для того, чтобы богиня помнила о мольбѣ ея смиренного поклонника, необходимо, чтобы впечатлѣніе отъ моленія

¹) R. E. Dennet, „Seven Years among the Fjord“.

²) Proyart, упом. соч.

³) Herman Soyaux, „Aus der West-Africa“.

⁴) Adolf Bastian, „Die Deutsche Expedition an der Loango-Küste“.

было глубоко и даже болѣзнино¹); поэтому же, прежде всякой приговоръ, для получения действительной силы, долженъ быть подкрепляться жестокимъ ударомъ, наносимымъ преступнику. Въ цѣломъ, религія ба-фіотовъ есть такъ называемый культъ *мкисси-бома*, или «фетиша ужаса», одновременно и доброго, и злого духа, которому поклоняются и котораго страшатся. Человѣческія жертвы при погребеніи короля приносились еще въ 1870 году, а одна вѣдьма была сожжена передъ факторіями бѣлыхъ въ Кабиндѣ въ 1877 году. Какъ и сенегамбійскіе и сѣрра-леонскіе негры, ба-фіоты имѣютъ своихъ блестителей общественной нравственности, *ба-дуно* или *папасаріосъ*, которые являются въ села ночью—замаскированные, одетые въ листву и вооруженные деревянными мечемъ—для наказанія невѣрныхъ женъ, указанія воровъ, а также и для воровства, производимаго уже ими самими, при чемъ они требуютъ себѣ все то, къ чему прикоснется ихъ деревянная сабля. Мѣста, предназначенные для поклоненія домашнимъ богамъ, представляютъ обыкновенно пространства, покрытые травою и цветами и окруженныя безплодною зоной: здѣсь, по словамъ легенды, нѣкогда и опочили сыновья короля Конго, послѣ того, какъ они прибыли въ страну для управления ею отъ имени своего отца. Но кто же этотъ богъ Конго, такъ прославляемый ба-фіотами? Вероятно, они видѣть въ немъ въ одно и то же время духа великой рѣки, которая течетъ на югъ ихъ территоріи, и душу того императора, котораго подданными были ихъ предки.

Ба-фіоты, называемые португальцами кабинда или кабенда—по имени торгового городка, расположеннаго на берегу бухточки, въ шестидесяти километрахъ къ сѣверу отъ устья Конго—славятся какъ искусные лодочники и моряки: они сами строятъ пальяботы, т. е. прочныя гребныя суда, на которыхъ и совершаютъ каботажъ по Конго и морскимъ и рѣчнымъ берегамъ Африки на протяженіи отъ Габона до Моссамедеса. Подобно племени кру, ба-фіоты временно эмигрируютъ на борты судовъ или въ факторіи бѣлыхъ: къ югу отъ Камеруна, всѣ факторіи, гдѣ не можетъ быть примѣненъ трудъ мѣстныхъ негровъ, принимаютъ къ себѣ кабиндовъ. Они также весьма искусные каменщики, повара и портные, и вообще въ южныхъ португальскихъ владѣніяхъ кабинды составляютъ большую часть ремесленного сословія. Несомнѣнно, что кабиндовъ, проживающихъ вдали отъ своего отечества, несравненно больше, чѣмъ остающихся у себя на родинѣ.

Въ Кабиндѣ и у соседнихъ племенъ время

¹) Adolf Bastian, „Zeitschrift f. Ethnologie“ T. VI, 1874.—Donnet, упом. соч.

не дѣлится на періоды, состоящіе изъ семи дней, какъ въ странахъ христіанскихъ и мусульманскихъ. У нихъ каждый четвертый день посвящается относительному покою: такъ, въ этотъ день не выходить на работу въ поляхъ¹). Женщины у кабиндъ вообщѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ у другихъ негритянскихъ племенъ Габона и Огоуэ; напр., наслѣдство передается по женской линіи, и часто молодая дѣвушка имѣеть право избрать себѣ мужа; бракъ считается заключеннымъ, даже вопреки волѣ родителей, если дѣвушка приготовила два блюда для своего избраннаго и если онъ съѣль ихъ въ ея хижинѣ²). Замѣчательенъ также одинъ фактъ, который ставить кабиндъ, а также и всѣхъ ба-фютовъ весьма высоко въ средѣ народовъ, и который заключается въ томъ, что смертность дѣтей равняется почти нулю; семьи здѣсь не многочисленны, но зато матери не теряютъ своихъ грудныхъ питомцевъ, которые растутъ не зная рахитизма, ни другихъ многочисленныхъ болѣзней, столь обыкновенныхъ въ цивилизованныхъ краяхъ. Между кабиндами нѣть ни хворыхъ, ни плѣшивыхъ: ихъ голова узкая и высокая и всегда покрыта густыми волосами³).

Вѣроятно, пройдутъ еще долгіе годы, прежде чѣмъ другіе негры области, лежащей между Гвинейскимъ моремъ и р. Конго, окажутся способными принимать участіе въ промышленномъ и торговомъ труде съ тою же ревностью и съ такимъ же умѣніемъ, какъ и кабинды; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ бѣлые прошли по ихъ территоріи въ разныхъ направленіяхъ, среди нихъ совершилась настоящая революція; они уже болѣе не отгорожены узкими предѣлами своихъ мѣстообитаній, изъ которыхъ имъ доводилось выходить только въ качествѣ захватчиковъ или въ видѣ просащихъ убѣжища. Еще не такъ давно гребцы различныхъ племенъ наталкивались на не-преоборимыя преграды на р. Огоуа, и даже европейцы въ теченіе долгаго времени принуждены были останавливаться около мыса Фетиша, находящагося за сліяніемъ Нгуніе съ главною рѣкою. И хотя эту святую святыхъ духи постоянно охраняютъ и понынѣ, но теперь они довольствуются каплею водки и листкомъ табаку, ввергнувъ которые, въ видѣ жертвы, въ рѣку, путешественникъ уже безпрепятственно можетъ совершать свой дальнѣйшій путь. Такъ, Брацца, въ 1883 году, могъ уже подняться по рѣкѣ съ флотиліей, состоявшей изъ 58 пароходъ, на которыхъ помѣщались 60 тоннъ товаровъ и 900 людей самаго разнообразнаго происхожденія: бѣлыхъ, сенегальцевъ, круменовъ, габонійцевъ и прирѣчныхъ обитателей Огоуэ. Съ тѣхъ поръ, какъ туземецъ,

сдѣлавшійся солдатомъ и изучившійся владѣть оружиемъ, включительно до перевозчика и чернорабочаго, могущаго нести тюкъ въ теченіе семи дней, около семи тысячъ человѣкъ снують вверхъ и внизъ по рѣкѣ, перенося и перевозя различные товары, при чѣмъ, примѣняясь къ новому порядку вещей, позабываютъ свои старинные обычай. Теперь въ Габоніи нѣть ни одного племени, которое бы заграждало путь чрезъ всю страну и такимъ образомъ препятствовало бы торговлѣ. А между тѣмъ въ былое время требовалось болѣе года, чтобы какой-нибудь ножъ или ожерелье могли съ берега моря достичь до средняго теченія Конго.

Отнынѣ внутреннія области открыты для бѣлага человѣка, и народы, не принимавшіе до сихъ поръ никакого участія въ міровой торговлѣ, теперь могутъ, въ свою очередь, обмѣнивать камедь и бивни слона на европейскіе товары; но въ то время, какъ для этихъ, еще недавно совершенно изолированныхъ населеній открывается новая эра, возникаетъ вопросъ: готовы ли уже приморскія племена совершить въ своемъ промышленномъ развитіи соотвѣтственный прогрессъ, который долженъ выразиться въ переходѣ отъ простаго сбора плодовъ къ земледѣлію? Безъ правильнаго пользованія почвою, Габонія не можетъ имѣть никакого экономического значенія; ей придется оставаться лишь мѣстомъ для содержанія гарнизона, якорною стоянкою и передаточнымъ пунктомъ между морскимъ побережьемъ и внутренностью страны, небольшою группою факторій и миссій. А между тѣмъ—кромѣ исподволь совершающейся замѣнѣ мпонгуэ болѣе работающими и болѣе смышленными пагунами — не существуетъ еще указаній на большія перемѣны въ Габонѣ. Помимо мѣноваго торга, съ сопутствующими ему обманами и пороками, попытки къ цивилизації были столь малозначительны, что почти все еще предстоитъ совершить въ будущемъ. Правда ли, что цивилизаторскія попытки относительно племенъ, обитающихъ по сторонамъ дороги отъ Огоуэ до Конго, чрезъ Алиму, совершаются нынѣ съ благородствомъ и добросердечностью? Сколько дикарей, которые описывались первыми путешественниками какъ свирѣпныя существа, будто недоступны никакому прогрессу, превратились—благодаря справедливому и благожелательному обращенію съ ними — въ преданныхъ друзей и людей, стремящихся къ приобрѣтенію познаній! Болѣе же всего, по словамъ Брацца, слѣдуетъ остерегаться вмѣшательства силы въ это дѣло, подготовляемое терпѣніемъ и крѣстостью,—иначе десятилѣтніе труды будутъ разрушены въ одинъ день.

Къ сѣверу отъ Габонскаго лимана, на континентѣ нѣть городовъ, есть лишь вѣсколько

¹⁾ Bastian;—Dennett, упом. сочиненія.

²⁾ Hermann Sayaux, упом. соч.

³⁾ Paul Gussfeldt, упом. соч.

факторій и місіонерськихъ становъ при устьяхъ Сенъ-Беніто и другихъ рѣкъ. Наибо-бѣ значительная группа чернокожаго населе-нія скучена на испанскомъ островѣ Кориско, иначе называемомъ также «Островомъ Молніи», по причинѣ грозы, которая наблюдалась на немъ первыми мореплавателями. Это—по-чи плоская, приблизительно въ 14 кв. кило-метровъ, земля, составляющая продолженіе—впереди бухты Ріо-Муни—того полуострова, на которомъ находится мысъ Нинже или Сень-Жанъ. Изъ тысячи мбенга, которые проживаютъ въ нѣсколькихъ построившихъ на островѣ деревняхъ, болѣе четверти умѣютъ читать и писать, благодаря поселившимся между ними католическимъ и протестантскимъ місіонерамъ. Изъ европейскихъ купцовъ, од-нако, на островѣ не пребываетъ постоянно ни одинъ: попытки голландцевъ, въ 1879 г., превратить этотъ островъ въ торговую коло-нию были неудачны, и мбенгские землевла-дѣльцы такъ и остались единственными его обладателями. Оставленнымъ въ пользованіе однимъ туземцамъ оказывается также и островокъ Большой Элобей,—находящійся къ сѣверо-востоку отъ Кориско, въ глубинѣ бухты; и только островъ Малый Элобей,—поверх-ностью всего въ одинъ квадратный километръ, лежащій почти напротивъ устья Муни—за-нять иностранными торговцами. Отсюда они могутъ наблюдать за своими факторіями на берегу материка и сообщаться съ ними во всякое время, такъ какъ въ этой тихой бухтѣ, защищенной отъ вѣтровъ и волнъ островами Кориско и Большімъ Элобеемъ, не бываетъ бу-руновъ (прибоя), и потому можно вовсякое время нагружать и разгружать товары, не опасаясь аварій. На этомъ островкѣ вѣтъ другихъ жи-телей, кромѣ европейскихъ купцовъ, съ ихъ агентами и служителями изъ племени кру, при чемъ необходимые жизненные припасы имъ ежедневно доставляютъ мбенги съ Боль-шого Элобея. Европейского стиля домики, снаб-женные широкими верандами—на которыхъ вволю можно дышать морской бризой, имѣютъ очень привлекательную наружность, и пребы-ваніе тамъ относительно даже благопріятно для здоровья, вслѣдствіе чего Малый Элобей составляетъ санаторію для живущихъ на бѣ-регу материка. Хотя главный административ-ный центръ испанскихъ владѣній на этомъ берегу континента, городокъ на островѣ Малый Элобей не имѣеть, однако, другихъ торговыхъ домовъ, кромѣ дома негоціантовъ изъ Гамбур-га, не платящихъ Испаніи ни налоговъ, ни торgovыхъ пошлинъ. По довольно распространенному мнѣнію, разногласіе между Франціей и Испаніей относительно границъ ихъ владѣній на материкѣ въ предѣлахъ Габоніи ста-рательно поддерживается тою европейскою державою, подданные которой уже и теперь

являются почти единственными извлекателями пользы изъ местной торговли. Официально острова бухты подчинены губернатору, упра-вляющему островомъ Фернандо-По; но еще въ 1885 году эта политическая зависимость ихъ была фактической, и ни одинъ испанскій сол-датъ не представлялъ на Маломъ Элобеѣ су-веренной державы.

Главный пунктъ французскихъ владѣній, Либревиль (Либрвиль), названный такъ по-селившимся тамъ въ 1849 г. освобожденными неграми,—расположенъ на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, при основаніи и на верши-нѣ террасы, надъ которой высится съ сѣвера горы Буэ и Боденъ, достигающія приблизи-тельно двухсотъ метровъ; центральную часть города обыкновенно называютъ «плато», и по-мѣщающееся на немъ массивное, съ правиль-ными очертаніями, зданіе правительствен-ныхъ учрежденій господствуетъ надъ осталь-ными домиками и хижинами. Почва этого плоскогорья—желѣзистая и доставляетъ камень, употребляемый на постройку зданій и для гидравлическихъ сооруженій. Имѣя всего толь-ко около полутора тысячи жителей, францу-зовъ и другихъ бѣлыхъ, сенегальцевъ, крумен-новъ и мпонгуэ¹),—Либревиль раскинулся, однако, вдоль рейда на пространствѣ прибли-зительно семи километровъ: внизу около про-ѣзжей дороги, находятся дома, окруженные садами; а въ кустарникахъ, подъ сѣнью высо-кихъ драценъ, ютятся бамбуковые хижины, обитаемы мпонгуэ. Западнѣе отъ «плато», на взморье, ближайшее заведеніе принадле-житъ католической місії, гдѣ обучается болѣе сотни дѣтей различнымъ ремесламъ и воздѣлыванію обширныхъ плантацій деревьевъ: шеколадного, масличной пальмы и другихъ, при чемъ эти плантаціи служатъ опытнымъ садомъ и древеснымъ питомникомъ для всей той области Африки, которая заключается межъ устьями Нигера и Конго; такъ, отсюда, между прочимъ, было заимствовано и воздѣ-лываніе ванили, введенное на островѣ Св. Єомы. На другомъ концѣ Либревилля, назы-ваемомъ Барака, находится станція амери-канскихъ місіонеровъ, которымъ отныне предписано вести преподаваніе на француз-скомъ языке, сдѣлавшимся официальнымъ. Близко оттуда находится факторія Глассъ, почти всѣ принадлежащія иностраницамъ и представляющія гораздо болѣе значенія, чѣмъ факторіи французскія: такимъ образомъ, и на Габонѣ, какъ на Маломъ Элобеѣ, въ рукахъ германцевъ находится наибольшая доля тор-

¹) Къ 1 юня 1885 г. всѣхъ европейцевъ въ Габо-ниѣ было 391 человѣкъ. Изъ нихъ европ. гарнизонъ Либревилля и эскадры—186 ч.; въ самомъ Либревилль—140 и по Огоуэ—29 человѣкъ. Въ теченіе 1884 года, у европейцевъ не было ни рожденій, ни браковъ; умерло же 9 человѣкъ.

гового движенія, Въ концѣ 1873 года эвакуація этого поста, занимаемаго ротою сенегальскихъ стрѣлковъ, была почти рѣшена, при чемъ охотно готовы были промѣнять его ан-

эта далеко еще отъ того, чтобы доставлять доходъ Франції: и налоги, и ввозныя пошлины не возмѣщаются и четвертой части годичныхъ расходовъ. Такъ, въ 1887 году, въ быв-

Бангла. Станція независимаго Конгскаго государства.

гличанамъ на Гамбію; и только со времени пріобрѣтенія французами бассейна Огоуз, а также для образованія Конгскаго государства, Либревиль снова получилъ дѣйствительную политическую важность. Однако,

жетъ Габоніи исчислялось во франкахъ: доходовъ на 482 тысячи, а расходовъ—на 2 мил. 434 тысячи.

Либревиль не имѣть порта, а лишь моль, подъ защитою котораго лодки и могутъ при-

факторій и місіонерськихъ становъ при устьяхъ Сенъ-Беніто и другихъ рѣкъ. Наибо-
бѣ значительная групса чернокожаго населе-
нія скучена на испанскомъ островѣ Кориско,
иначе называемомъ также «Островомъ Молніи»,
по причинѣ грозъ, которыхъ наблюдались
на немъ первыми мореплавателями. Это—по-
ти плоская, приблизительно въ 14 кв. кило-
метровъ, земля, составляющая продолженіе—
впереди бухты Ріо-Муни—того полуострова,
на которомъ находится мысъ Нинже или
Сентъ-Жанъ. Изъ тысячи мбенга, которые
проживаютъ въ нѣсколькихъ построившихся
на островѣ деревняхъ, болѣе четверти умѣютъ
читать и писать, благодаря поселившимся
между ними католическимъ и протестантскимъ
місіонерамъ. Изъ европейскихъ купцовъ, од-
нако, на островѣ не пребываетъ постоянно
ни одинъ: попытки голландцевъ, въ 1879 г.,
превратить этотъ островъ въ торговую коло-
нію были неудачны, и мбенгскіе землевла-
дѣльцы такъ и остались единственными его
обладателями. Оставленнымъ въ пользованіе
однимъ туземцамъ оказывается также и
островокъ Большой Элобей,—находящійся къ
сѣверо-востоку отъ Кориско, въ глубинѣ бух-
ты; и только островъ Малый Элобей,—поверх-
ностью всего въ одинъ квадратный километръ,
лежащий почти напротивъ устья Муни—за-
нять иностранными торговцами. Отсюда они
могутъ наблюдать за своими факторіями на
берегу материка и сообщаться съ ними во
всякое время, такъ какъ въ этой тихой бухтѣ,
защищенной отъ вѣтровъ и волнъ островами
Кориско и Большімъ Элобеемъ, не бываетъ бу-
руновъ (прибоя), и потому можно вовсякое время
нагружать и разгружать товары, не опасаясь
аварій. На этомъ островѣ яѣть другихъ жи-
телей, кромеъ европейскихъ купцовъ, съ ихъ
агентами и служителями изъ племени кру,
при чемъ необходимые жизненные припасы
имъ ежедневно доставляютъ мбенги съ Боль-
шого Элобея. Европейскаго стиля домики, снаб-
женіе широкими верандами—на которыхъ
вволю можно дышать морской бризой, имѣютъ
очень привлекательную наружность, и пребы-
ваніе тамъ относительно даже благопріятно
для здоровья, вслѣдствіе чего Малый Элобей
составляетъ санаторію для живущихъ на бѣ-
регу материка. Хотя главный администратори-
вый центръ испанскихъ владѣній на этомъ
берегу континента, городокъ на островѣ Малый
Элобей не имѣетъ, однако, другихъ торговыхъ
домовъ, кромеъ дома нѣгоціантовъ изъ Гамбур-
га, не платящихъ Испаніи ни налоговъ, ни
торговыхъ пошлинъ. По довольно распростран-
енному мнѣнію, разногласіе между Франціей
и Испаніей относительно границъ ихъ владѣ-
ній на материкѣ въ предѣлахъ Габоніи ста-
рательно поддерживается тою европейскою
державою, подданные которой уже и теперь

являются почти единственными извлекателями
пользы изъ местной торговли. Официально
острова бухты подчинены губернатору, управ-
ляющему островомъ Фернандо-По; но еще
въ 1885 году эта политическая зависимость
ихъ была фактической, и ни одинъ испанскій сол-
датъ не представлялъ на Маломъ Элобѣ су-
веренной державы.

Главный пунктъ французскихъ владѣній,
Либревиль (Либрвиль), названный такъ по-
селившимся тамъ въ 1849 г. освобожденными
неграми,—расположенъ на сѣверномъ берегу
Габонскаго лимана, при основаніи и на верши-
нѣ террасы, надъ которой высится съ сѣвера
горы Буз и Боденъ, достигающія приблизи-
тельно двухсотъ метровъ; центральную часть
города обыкновенно называютъ «плато», и по-
мѣщающееся на немъ массивное, съ правиль-
ными очертаніями, зданіе правительствен-
ныхъ учрежденій господствуетъ надъ осталь-
ными домиками и хижинами. Почва этого
плоскогорья—желѣзистая и доставляетъ камень,
употребляемый на постройку зданій и для
гидравлическихъ сооруженій. Имѣя всего толь-
ко около полутора тысячи жителей, францу-
зовъ и другихъ бѣлыхъ, сенегальцевъ, крумен-
новъ и мпонгуа¹),—Либревиль раскинулся,
однако, вдоль рейда на пространствѣ прибли-
зительно семи километровъ: внизу около про-
ѣзжей дороги, находятся дома, окруженные
садами; а въ кустарникахъ, подъ сѣнью высо-
кихъ драценъ, ютятся бамбуковые хижины,
обитаемы мпонгуа. Западиѣ отъ «плато»,
на взморѣ, ближайшее заведеніе принадле-
житъ католической місії, гдѣ обучается болѣе
сотни дѣтей различными ремеслами и
воздѣлыванію обширныхъ плантацій деревьевъ:
шоколадного, масличной пальмы и другихъ,
при чемъ эти плантаціи служатъ опытнымъ
садомъ и древеснымъ питомникомъ для всей
той области Африки, которая заключается
межу устьями Нигера и Конго; такъ, отсюда,
между прочимъ, было заимствовано и воздѣ-
лываніе ванили, введенное на островѣ Св.
Фомы. На другомъ концѣ Либревилля, назы-
ваемомъ Барака, находится станція амери-
канскихъ місіонеровъ, которымъ отныне
предписано вести преподаваніе на француз-
скомъ языкѣ, сдѣлавшимся официальнымъ.
Близко оттуда находится факторіи Глассъ,
почти всѣ принадлежащія иностранцамъ и
представляющія гораздо болѣе значенія, чѣмъ
факторіи французскія: такимъ образомъ, и на
Габонѣ, какъ на Маломъ Элобѣ, въ рукахъ
германцевъ находится наибольшая доля тор-

¹) Къ 1 июня 1885 г. всѣхъ европейцевъ въ Габо-
ніи было 391 человѣкъ. Изъ нихъ европ. гарнизонъ
Либревилля и эскадры—186 ч.; въ самомъ Либревилѣ—
140 и по Огоу—29 человѣкъ. Въ теченіе 1884 года, у
европейцевъ не было ни рожденій, ни браковъ; умерло
же 9 человѣкъ.

гового движенья. Въ концѣ 1873 года эвакуація этого поста, занимаемаго ротою сенегальскихъ стрѣлковъ, была почти рѣшена, при чёмъ охотно готовы были промѣнять его ан-

та далеко еще отъ того, чтобы доставлять до ходъ Франціи: и налоги, и ввозныя пошлины не возмѣщаются и четвертой части годичныхъ расходовъ. Такъ, въ 1887 году, въ бюд-

Бангла. Станція независимаго Конгскаго государства.

гличанамъ на Гамбію; и только со времени пріобрѣтенія французами бассейна Огоу, а также для образованія Конгскаго государства, Либревиль снова получилъ дѣйствительную политическую важность. Однако,

жетъ Габоні исчислялось во франкахъ: доходъ на 482 тысячи, а расходовъ—на 2 мил. 434 тысячи.

Либревиль не имѣеть порта, а лишь моль, подъ защитою котораго лодки и могутъ при-

ставать безъ опасенія: волненіе съ открытаго моря рѣдко проникаетъ на рейдъ. Хотя вынѣ торговыя сношения Либревилля и слабы, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что рано или поздно онъ сдѣлается болѣшимъ торговымъ центромъ. Онъ не только естественное складочное мѣсто для всѣхъ колониальныхъ товаровъ, идущихъ изъ бассейновъ Комо и Рамбоз, но чрезъ эту послѣднюю рѣку,—воды которой зараждаются между холмами на юго-востокъ,—Либревилль является также пунктомъ, командающимъ надъ путемъ по р. Огоуз: поэтому, съ проведеніемъ рельсоваго пути или даже обыкновенной дороги, доступной для проѣзда экипажей, весь торговый грузъ, плывущій по Огоуз кверху и книзу отъ мѣста соединенія этой рѣки съ Нгуніа, долженъ направиться къ Габонскому лиману. Слѣдя этому пути, Серваль и открылъ въ 1862 году среднее теченіе р. Огоуз, обойдя при этомъ область нижняго ея теченія, поднявшись по которому не дозволяли ему прирѣчныя племена. Какъ только установится чрезъ французскія владѣнія правильный торговый путь съ запада на востокъ, Либревилль несомнѣнно превратится въ исходный пунктъ, какъ для бассейна р. Огоуз, такъ даже и для областей р. Конго. Но пока все это совершился, небольшой городокъ на берегу Габона, если и имѣть какое-либо значеніе, то только какъ главный военный постъ. Кромѣ садовъ католической миссіи, существуетъ лишь одна большая плантaciя въ окрестностяхъ Либревилля, именно кофейная плантaciя Сибангэ, основанная въ 17 километрахъ сѣвернѣе отъ «плато» однимъ германскимъ домомъ. О состояніи торговли могутъ свидѣтельствовать слѣдующія данныя: въ 1884 г., въ Либревилль ввезено изъ Франціи товаровъ на сумму 314.615 фр., вывезено же изъ Габона на 112.950 фр. Торговля Габона съ иностранцами: ввезено на 3.905.521 фр., вывезено на 4.929.410 фр., всего же оборота было на 8.834.931 фр. Въ общемъ, торговля Габона съ Францией и другими странами составила 9.262.476 фр., а съ контрабандою приблизительно до 14 милл. фр. Всѣхъ судовъ, прибывшихъ и отошедшихъ, въ 1883 году было 318, съ вмѣстимостью въ 99.400 тоннъ; изъ нихъ: французскихъ 36, съ вмѣстимостью въ 8.700 тоннъ, а иностранныхъ 282, съ вмѣстимостью въ 90.500 тоннъ.

Торговцами посѣщаются также и нѣкоторыя деревни на берегахъ лимана и впадающихъ въ него рѣкъ. Главное изъ этихъ селеній есть Нангэ-Нангэ на р. Комо; но чтобы найти поселеніе, гдѣ пребываютъ европейцы постоянно, нужно изъ Габонскаго залива отправиться къ мысу Лопеца, отстоящему отъ Либревилля на 150 километровъ. На этомъ песчаномъ мысѣ, выставленномъ морскимъ вѣтрамъ и брызгамъ набѣгающихъ волнъ, находятся склады товаровъ, предназначаемыхъ для распродажи вдоль

Огоуз: это—начальная станція той цѣпи постовъ, которые де-Бразза основалъ на всемъ протяженіи отъ берега моря до р. Конго. Кверху отъ дельты, одна изъ первыхъ гаваней на рѣкѣ, обладающая постояннымъ дено для товаровъ, портъ Лашбарэн, находится въ мѣстѣ скрещенія естественныхъ путей, направляющихся, въ одну сторону — къ долинѣ р. Нгуніа, а въ другую — къ Габонскому лиману; тамъ есть также нѣсколько факторій и станъ католическихъ миссионеровъ. Выше, кверху отъ американской миссіи и по сосѣдству съ первыми водопадами, на одномъ изъ островковъ находится селеніе, называемое Нжолэ: это главный постъ на Огоуз, охраняемый чернокожими солдатами и уже имѣющій вокругъ себя факторіи. Выше этого селенія прежде находилась граница свободной торговли, такъ какъ подниматься по рѣкѣ вверхъ запрещалось всѣмъ путешественникамъ, кроме офицеральныхъ изслѣдователей. Затѣмъ, еще выше по рѣкѣ, слѣдуютъ поселенія: Обота, Обомби и Ашукѣ, лежащая близъ Лопэ, пункта, въ которомъ бываетъ посѣщаемая во множествѣ туземцами ярмарка, но въ обычное время совершенно пустующаго, Боуэ, Бунджи и Ластурвилль; послѣдній постъ названъ такъ въ память умершаго тамъ изслѣдователя этой мѣстности. Ластурвилль окружены рощами масличной пальмы. Здѣсь же строятся пироги и составляются рѣчные караваны, направляющіеся внизъ—къ Нжолэ, вверхъ—къ Франсевиллю; при этомъ, почти всѣ гребцы набираются между племенемъ а-дулла, такъ какъсосѣднія племена: окота, апинжи и оканда, находятся уже на пути къ своему исчезновенію¹⁾). Недавно около Ластурвилля основалась католическая миссія.

Далѣе, миновавъ постъ Думэ, находящійся въ дивномъ краю веселыхъ а-дума и вблизи одного изъ сопименныхъ ему водопадовъ, и водопадъ Ма-Поко, находящійся вблизи богатой деревни и имѣющій выше себя еще нѣсколько пороговъ,—путешественникъ покидаетъ долину Огоуз и слѣдуетъ уже долиною ея притока, рѣки Пасса, которая и приводить къ центральной станціи всей изслѣдованной территории, къ Франсевиллю. Этотъ пунктъ находится неподалеку отъ селенія Нгилли, расположенного по другую сторону р. Пасса. Въ будущемъ изъ Франсевилля создастся городъ, а нынѣ это лишь небольшая группа домовъ и хижинъ, вокругъ которой ютятся хижины носильщиковъ, лодочниковъ и бѣлыхъ рабовъ, право которыхъ на свободу признается, благодаря покровительству Франціи, сосѣдними племенами; въ саваннахъ, разстилающихся по берегамъ Пасса, а также вдоль Огоуз или Либани, пасутся стада. Изъ Франсевилля идеть дорога, протяженіемъ въ

¹⁾ Fourneau, рукописная замѣтка.

83 километра, къ судоходной рѣкѣ Алимѣ, че-резъ волнистое плато, скаты которого усыпаны деревьями; въ Франсевиллѣ можно набрать въ теченіе недѣли изъ приписанныхъ къ рѣчному округу жителей болѣе тысячи носильщиковъ и гребцовъ, для транспортированія товаровъ съ р. Огоуэ къ р. Конго черезъ станціи Алима, Діэлэ, Лекети и Помбо, въ землѣ племени мбаші.

Къ югу отъ мыса Св. Екатерины до устья рѣки Конго, по берегу моря идеть рядъ (болѣе пятидесяти) факторій. Изъ нихъ, къ сѣверу отъ Loango, значительнѣе всѣхъ факторія Ма-Юмба, расположенная на песчалой косѣ, между моремъ и мариго Банія; группирующаяся около этой станціи негры племенъ ба-вили, ба-лумбо и ба-яка приносятъ главнымъ образомъ камедь, собираемую въ соѣдніхъ лѣсахъ. При каждомъ рѣчномъ устьѣ или лиманѣ есть тор-говый постъ. Такой постъ имѣется и при устьѣ рѣки Куилу, именно островъ Рейсъ, а находящійся на лѣвомъ ея берегу сарай-навѣсъ для товаровъ называются уже городомъ, такъ какъ, по мнѣнию изслѣдователей, послыавшихся Африканской Международной Ассоціаціей, этотъ товарный складъ на нижнемъ теченіи Куилу долженъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ пути между моремъ и р. Конго чрезъ станціи, которыхъ, если и не существуютъ въ дѣйстви-тельности, то, по крайней мѣрѣ, уже намѣчены на картахъ. Три главныхъ поста, основанные французами, суть Ніарп-Бабузандѣ—на верх-немъ теченіи Куилу, Ніари Лу-Дима—при слія-віи этого притока, и Нгуту—въ области водопадовъ, на возвышенномъ крутомъ берегу. Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ путь этотъ получить важное торговое значеніе, но только не раньше, чѣмъ сдѣлается проѣзжимъ для товаровъ, такъ какъ сама Куилу не судоходна. Недавно Шолз доказалъ, что съ морскаго бе-рега до Браццавилля, находящагося на р. Кон-го, можно достичь въ теченіе двадцати пяти дней.

Нынѣ мѣстомъ ввоза и вывоза товаровъ для этой области служить портъ Loango или Buala, старинный городъ, принадлежавшій нѣкогда Португалии, а теперь отошедший къ Франціи; говорить, будто, во время своего процвѣтанія, будучи главнымъ пунктомъ одной изъ провин-цій Конгской имперіи, этотъ городъ имѣлъ 15 тысячъ жителей; въ наши-же дни это соб-ственно не городъ, а скорѣе группа факторій, окруженнная шимбеками, хижинами, выстроен-ными изъ стволовъ дерева *raphia* и «лоанг-скихъ травъ» или папируса. Въ Loango мор-ской берегъ такъ изгибається къ западу, что нижній край образующейся при этомъ бухты, вслѣдствіе присутствія выступа, впадающаго въ море нѣсколько выше, защищаетъ рейдъ отъ господствующихъ вѣтровъ и морскаго волненія; такимъ образомъ, нагрузкa и отправка

товаровъ можетъ совершаться здѣсь съ боль-шою легкостью, чѣмъ въ другихъ пунктахъ побережья, что и было причиной основанія на этомъ защищенномъ пляжѣ факторій порту-гальскихъ, испанскихъ, французскихъ, англій-скихъ, голландскихъ и германскихъ. Неподалеку отъ Loango, въ селеніи Loangiri, вид-нѣется некрополь древнихъ королей, нѣкогда окруженный оградою изъ слоновыхъ бивней. Некрополь государей, въ Lubu, обставленъ фетишами, выточенными изъ дерева. И никог-да тѣ, которымъ придется быть здѣсь погребея-ными, не должны провинкать сюда при жизни: такое посѣщеніе было бы преднаменованіемъ близкой смерти.

Понта Негра, или «Черный мысъ», находясь тридцатью километрами южнѣе, представляетъ расположение берега, подобное существующему въ Loango: и здѣсь также берегъ изгибается полукругомъ около тихой бухты, чѣмъ и восполь-зовались многочисленные торговцы, устроивъ свои склады. Затѣмъ, еще южнѣе, стѣдуютъ факторія Массаби—первые на португальской террито-рії и постъ Шиншо, служившій главною квартирой для германскихъ путешес-твенниковъ во времена Loangoской экспедиціи. Чтобы охранить свои магазины отъ нападеній воровъ, прибрежные негоціанты объявили ихъ фетишами и увѣрили туземцевъ, что за бо-ченками съ водкою и за тюками бумажныхъ тканей скрывается грозный богъ бѣлыхъ¹⁾.

Гавань Ландана, въ двухъ километрахъ къ югу отъ устья р. Shi-Loango или Малой-Loango, находится уже въ португальскихъ владѣніяхъ, вкрапленныхъ между владѣніями фран-цузскими, на сѣверѣ, и Конгскимъ государствомъ на югѣ. Мѣсто это очаровательно: красноватые береговые утесы, возвышающіеся посреди зе-лени, обвалы изъ каменныхъ глыбъ у ихъ подошвы, осѣняемые пальмами домики, барки, лежащія на пляжѣ или качающіеся на волнахъ, дѣлаютъ изъ Ландана одинъ изъ прелестнѣй-шихъ пейзажей африканского берега. Вокругъ католической миссіи разстилаются великолѣпные сады и самая лучшая оранжерея экваторіаль-ной Африки; къ несчастію, вслѣдствіе суще-ствованія въ Ланданѣ болотистаго потока, хотя нынѣ и обсаженного эвкалиптовыми дѣ-ревьями, климатъ въ этой мѣстности нездоро-вый. Также какъ поселенія на «Масляныхъ рѣкахъ» (Oilrivers) къ востоку отъ Нигера, Ландана и ея соѣдника, Малемба (Молембо), торгуютъ преимущественно масломъ и пальмо-выми орѣхами; каучукъ же, этотъ главный продуктъ болѣе сѣверныхъ факторій, доста-вляется въ Ландану лишь въ незначительныхъ количествахъ. Въ этомъ окружѣ прежде, пока слоновыи бивни не сдѣлались рѣдкостью, про-цвѣтала скульптура изъ слоновой кости, отли-

¹⁾ Paul Gussfeldt, упом. соч.

чавшася большимъ вкусомъ. Большая часть рѣзныхъ изображеній, вьющихся спиралью, на-подобіе барельефовъ Траиновой колонны,— представляютъ процесіи, войны, сцены заключенія мира. Между этими произведениями негритянской культуры есть очень любопытныя, гдѣ фигурируютъ блѣдые люди различныхъ народностей, воспроизведеніе съ большимъ талантомъ наблюдательности и тонкой насыщенности.

Кабинда, живописная не менѣе Ланданы и располагающая болѣе обширной бухтой, гдѣ корабли находятъ защиту отъ южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, хотя и не лежитъ, подобно своей соперницѣ, при устьѣ рѣки, но тѣмъ не менѣе также стала весьма оживленнымъ торговымъ пунктомъ, благодаря самодѣятельности ее обитателей, самыхъ промышленныхъ на всемъ морскомъ побережїѣ. Благодаря же дорогамъ, проложеннымъ отъ нея внутрь страны, она сдѣлалася даже однимъ изъ складочныхъ мѣстъ области нижняго теченія Конго; хотя она лежитъ въ 60 километрахъ къ сѣверу отъ устья Конго, тѣмъ не менѣе по своей торговлѣ она уже принадлежитъ къ бассейну этой рѣки. Главная ея факторія является центромъ всей англійской торговли на протяженіи отъ Габона до Лоанды. Самое большое поселеніе въ португальскихъ владѣніяхъ, Пово Гранде, раскинулось вдоль пляжа, къ югу отъ Кабинды, между банановыми рощами и садами: одинъ изъ поселковъ этой деревни былъ нѣ-

когда столицею королевства Нгойо. Часть мѣновой торговли находится въ рукахъ ма-вумбу, серьезныхъ и осанистыхъ людей, съ умнымъ выраженіемъ глазъ, прямымъ и даже орлинымъ носомъ, и вообще съ столь сильно выраженіемъ семитическимъ типомъ, что португальские писатели называютъ ихъ *judeos pretos*, т. е. «черные евреи». Эти ма-вумба также весьма искусны какъ горшечники и кузнецы¹). Конечно, въ нихъ слѣдуетъ видѣть негровъ съ отчасти израилитскимъ происхожденіемъ, если правда, какъ это говорить Бастианъ²), что они соблюдаютъ субботній день, и даже съ такою строгостью, что воздерживаются въ этотъ день отъ всякихъ разговоровъ; вѣроятно, мѣсто происхожденіе ихъ слѣдуетъ искать на острѣ въ св. Фомы, такъ какъ въ концѣ XV столѣтія на этотъ островъ отвозили еврейскихъ дѣтей, отнятыхъ у родителей. По мнѣнію туземцевъ, ма-вумбу созданы Богомъ въ наказаніе другимъ людямъ, которыхъ они убивали.

Въ административномъ отношеніи, португальская владѣнія, расположенные къ сѣверу отъ Конго, причислены къ провинціи Ангола и, вмѣстѣ съ территоріями, находящимися южнѣе устья Конго, вплоть до Амбреза, составляютъ особый округъ, двумя сѣверными участками которого являются, такимъ образомъ, Кабинда и Ландана, при чмъ самый городъ Кабинда есть административный центръ этого округа.

Глава IV.

Конго.

I. Общий взглядъ.

Рѣчной потокъ, воды котораго на дальнѣе разстояніе румянѣтъ море передъ берегами Кабинды, зарождается въ нѣсколькихъ тысячахъ километровъ отъ мѣста своего изліянія въ океанъ, такъ какъ источи его верховьевъ находятся гораздо ближе къ Индійскому морю, чмъ къ Атлантическому океану. На своемъ громадномъ пути, эта рѣка называется весьма различно, хотя всего вѣроятнѣе, что всѣ даваемыя ей наименованія означаютъ или «море въ движеніи», или «великую воду». «Podoroso», т. е. «Могучій», первыхъ мореплавателей, этотъ потокъ впослѣдствіи сталъ именоваться по туземному Заирю (Нзади), какъ вообще

онъ называется португальцами и по-сейчасъ. Стэнли, совершивъ свое замѣчательное путешествіе черезъ материкъ Африки, предложилъ было называть эту рѣку по имени своего знаменитаго предшественника, Ливингстона; но это предложеніе не привилось, и нынѣ въ географической номенклатурѣ всѣми принято называть ее «Конго». Такъ же именовалось и то королевство, которое въ XVI столѣтіи занимало часть западнаго бассейна этой рѣки. Наконецъ, это же наименованіе дано и недавно учрежденному новому государству, границы котораго проведены частью по предполагаемому направленію водораздѣльныхъ крижей, или по теченію главной рѣки и ея при-

¹) Paul Güssfeldt, уп. соч.;—Hermann Soyaux, „Aus West-Afrika“.

²) „Die deutsche Expedition an der Loango-Küste“.

токовъ, частью же по меридіанамъ и градусамъ широты; но эту громадную территорію, такъ отграниченную на картѣ Африки, предстоитъ еще открыть въ большей части ея протяженія; даже теченіе рѣки, отъ которой новое государство получило свое наименованіе, стало извѣстно лишь очень недавно.

В продолженіи трехъ столѣтій, слѣдовавшихъ за ихъ первыми открытиями на африканскомъ побережїи, португальцы нѣсколько подробнѣе ознакомились лишь съ областью, соединеною съ берегомъ. Впрочемъ, посыпались экспедиціи и внутрь материка, съ цѣлью подчинить тамошнихъ жителей власти португальскаго короля и найти золото, а также и отыскать того знаменитаго пола Ивана, котораго тщетно искали въ глубинѣ Азіи. Благодаря этимъ путешествіямъ и показаніямъ туземцевъ, узнали, что рѣка Заира начинается въ глубинѣ Африки и что въ области ея истоковъ находятся великія озера¹⁾). Однако, начертаніе подробной карты рѣки, соответственно открытиямъ изслѣдователей, было невозможно въ ту эпоху, и потому въ наносимыхъ на глобусъ чертежахъ пытались согласовать точныя данія португальскихъ путешественниковъ съ африканскими легендами и съ классическими преданіями Птоломея. Такъ Joao de Barros утверждалъ, какъ несомнѣнныи фактъ, будто Заира выходитъ изъ самаго обширнаго во всей Африкѣ озера, служащаго въ то же время также и «таинственнымъ началомъ Нила». То же происхожденіе приписывалъ этимъ двумъ великимъ рѣкамъ и Duarte Lopez. Эти описибочные географическія представленія удерживаются на картахъ вплоть до 18-го столѣтія, хотя уже въ 1541 году Меркаторъ правильно разграничилъ рѣчные бассейны, соответственно гребнямъ водораздѣловъ²⁾).

Эра научныхъ изслѣдований въ области верхняго теченія Конго началась съ конца XVIII столѣтія, именно со времени экспедиціи Ласерды (José de Lacerda e Almeida). Въ 1798 году этотъ путешественникъ, отправившись изъ Мозамбика, проникъ въ самую область великихъ озеръ; но на обратномъ пути былъ убитъ, и кромѣ краткихъ свѣдѣній объ его путешествіи, все погибло—путевыя замѣтки, планы, астрономическія наблюденія. Въ 1806 году была совершена болѣе счастливая экспедиція чрезъ материкъ, съ береговъ Атлантическаго океана къ берегамъ Индійскаго; этотъ подвигъ выполнили rombeiros или «начальники каравановъ», но точный маршрутъ ихъ экспедиціи не извѣстенъ; извѣстно только что по ту сторону Куанго—одного изъ главныхъ западныхъ притоковъ великой рѣки—

они прошли бассейнъ Конго по южному склону и, для спуска къ Замбезе въ области озеръ, вышли на дорогу Ласерды. Въ 1843 г., португалецъ Graça, отправившись съ западнаго берега, проникъ, чрезъ высокую долину Кассаи, въ землю племени муата-ямбо; но это, капитальной важности, путешествіе было почти забыто¹⁾). Первымъ по истинѣ рѣшающимъ изслѣдованіемъ страны, принадлежащей къ Конго по направлению ея водъ, было путешествіе Burton'a и Speke'a въ 1857 и 1858 гг. въ прибрежныя области озера Танганьика; но путешественники не перешли этого внутренняго моря и не могли решить вопроса о принадлежности его къ какому-нибудь изъ рѣчныхъ бассейновъ. Даже, когда Ливингстонъ, въ своихъ замѣчательныхъ путешествіяхъ между 1869 и 1872 годами, посѣтилъ, по ту сторону Танганьики, другія озера и цѣлую сѣть рѣкъ, направляющихся къ сѣверу, и онъ не зналъ, къ какой нокатости принадлежать тѣ воды, по теченію которыхъ ему приходилось слѣдовать. Онъ воображалъ даже, что эти рѣки нисходятъ къ Нилу, и такимъ образомъ—подобно стариннымъ писателямъ—сводилъ все къ великой рѣкѣ Египта; затѣмъ, изліяніе въ Средиземное море большихъ озеръ внутренней Африки—отъ Баагуэоло до М'утанъ-Н'циге включительно—стали признавать, вторя Ливингстону, и многие другіе географы. Между тѣмъ, имѣвшіяся уже свѣдѣнія о рельефѣ материка, о времени разлива различныхъ рѣкъ и о сравнительной величинѣ ихъ водныхъ массъ—должны были привести людей науки къ признанію, что рѣки, открытые Ливингстономъ, на самомъ дѣлѣ суть притоки верхняго теченія Конго. Такъ, Lya-Labá²⁾—таково название Верхней Конго—течеть въ области менѣе возвышенной, чѣмъ то плескогоріе, впадины котораго вмѣщаютъ Ніанцу и другія озера Верхняго Нила; ея разливы, обусловливаемые дождями южнаго тропического пояса, достигаютъ своего наивысшаго уровня въ январѣ, между тѣмъ какъ повышенія уровня водъ въ Верхнемъ Нилѣ совершаются какъ-разъ въ противоположномъ временіи года: въ августѣ и сентябрѣ; и наконецъ, исчисленный Ливингстономъ объемъ водныхъ массъ, изливаемыхъ Lya-Labою въ периодъ засухи, въ три раза превосходитъ объемъ тѣхъ водъ, которыхъ катитъ Ниль книзу отъ сланія Барь-эль-Джебеля и Барь-эль-Гхазала. Такимъ образомъ, мягкіе о соединеніи Lya-Labы съ Ниломъ нельзѧ было бы поддерживать даже и въ томъ случаѣ, если бы о такой невозможности не существовало и прямыхъ свидѣтельствъ путешественниковъ. Тѣ же самыя соображенія не позво-

¹⁾ Luciano Cordeiro, „L'hydrographie au treizième siècle“.

²⁾ „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik“. Мартъ 1887 г.

¹⁾ Desborough Cooley, „Petermann's Mittheilungen“, 1856 г., № 2.

²⁾ Лу, ля, ло и ру суть слова языка банту и называются „рѣку“.

ляютъ, затѣмъ, находить связи между Луа-Лабою и Хари; а Огоуэ—которую тоже некоторые авторы считали возможнымъ истечениемъ рѣчной сѣти, открытой англійскими путешественниками,—слишкомъ незначительна выше своихъ пороговъ, чтобы можно было долго останавливаться на предположеніи о томъ, будто именно она-то и составляетъ нижнее теченіе Луа-Лабы. Поэтому, оставались только два предположенія: или, что рѣчной потокъ, видѣнныій Ливингстономъ, теряется въ какомъ-то обширномъ, никуда не изливающемся, внутреннемъ, морѣ — неизвѣстномъ, кстати, ни одному путешественнику и ни одному начальнику каравановъ; или же, что онъ соединяется съ Заирою. Между тѣмъ, изобиліе воды, наклоненіе мѣстности и совпаденіе периода половодій оправдывали утвержденіе тѣхъ географовъ, которые заранѣе отождествляли Луа-Лабу съ Конго. Вообще, эта проблема сравнительной географіи, оставленная неразъясненою даже такимъ путешественникомъ, какъ Ливингстонъ, могла быть разрѣшена учеными даже на основаніи имѣвшихся книгъ и картъ¹⁾.

Наконецъ, Стэнли—за пять лѣтъ передъ тѣмъ отыскавший на берегу озера Танганьики Ливингстона, считавшагося уже погибшимъ,—предпринялъ, въ сопровожденіи цѣлой флотиліи изъ занзибарцевъ и арабовъ, плаваніе внизъ по течению Луа-Лабы, въ 1876 году. Спустя девять мѣсяцевъ онъ приплылъ къ устью Конго. Такимъ образомъ великая географическая проблема была рѣшена, но цѣною какихъ усилий и опасностей! Путешествіе, по выходѣ изъ Занзибара, длилось 999 дней, а разстояніе, пройденное караваномъ при различныхъ изслѣдованіяхъ, предпринимавшихся какъ въ областяхъ великихъ озеръ, такъ и въ предѣлахъ самой Конго, равнялось 11.663 километрамъ; приходилось спускаться по быстринаамъ на порогахъ, обходить водопады, взрывать скалы, переносить пироги черезъ лѣса и овраги, подвергаться голоду и лихорадкѣ и — иногда съ весьма короткими промежутками — выдерживать, одна за другою, тридцать двѣ битвы съ туземцами. Изъ четырехъ бѣлыхъ, бывшихъ въ экспедиціи, избѣжалъ смерти лишь одинъ Стэнли, а изъ 356 сопровождавшихъ экспедицію негровъ достигли противоположнаго берега материка только 115 человѣкъ. Послѣ этого достойнаго удивленія подвига, свидѣтельствовавшаго о замѣчательной отвагѣ и энергіи того, кто его совершилъ, о неослабной настойчивости, чрезвычайномъ нравственномъ превосходствѣ и о первостепенномъ военномъ гenii, оставалось лишь проѣбрить подробности совершенного дѣла, исправить суммарное начертаніе,

нѣ, данное рѣкѣ ея первымъ изслѣдователемъ и связать этотъ основной маршрутъ со всѣми новыми маршрутами, пройденными въ области Конго и ея притоковъ. Этюю работою занимается нынѣ цѣлый легіонъ путешественниковъ, и результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи въ первое же десятилѣтіе со времени геройскаго перехода «черезъ черный континентъ», были поистинѣ поразительны.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что западный склонъ озера Танганьики былъ посѣщенъ весьма большимъ числомъ бѣлыхъ путешественниковъ, купцами и миссионерами, учеными и промышленниками; даже дамы странствовали тамъ въ паланкинѣ¹⁾). На берегахъ озера имѣются уже дома европейской постройки, а одно паровое судно разсѣкаетъ его воды. Къ юго-западу отъ Танганьики географическій изслѣдованія доставили менѣе важныя данныя, но со всѣмъ тѣмъ пути, которымъ слѣдовалъ Ливингстонъ, уже пересѣчены маршрутами путешественниковъ Giraud, Böhme'a и Reichenbach'a; на западѣ, Camerон — открывшій въ 1874 году истокъ Танганьики въ сторону верховьевъ Конго — изслѣдовалъ также и другія изъ верхнихъ рѣкъ, и, чтобы достигнуть въ Бенгугаулѣ атлантическаго берега, онъ прошелъ по линіи водораздѣльныхъ вершинъ между Конго и Замбезе. Wissmann, Gleegir и Oscar Lenz прослѣдовали по бассейну Конго отъ одного моря до другаго, при чемъ на западномъ склонѣ проникали почти во всѣ притоки Конго на всемъ протяженіи ихъ судоходности. Mechow, Büttner, Terpenbeck и Massari изслѣдовали бассейнъ Куанго; Wissmann, de-François и Grenfell изучали ту часть Конго, которая называется Кассан и которая, съ своимъ притокомъ Санкуру и подпритокомъ Ло-Мами, составляетъ наиболѣе прямую дорогу изъ предѣловъ Нижнаго Конго къ области ея верховьевъ; Riege de Brazza открылъ судоходность Алимы, и, благодаря ему, эта рѣка сдѣлалась часто посѣщаемымъ торговымъ путемъ; Jacques de Brazza, Dolisie, Ponel, van-Géle и Grenfell изслѣдовали съ разныхъ сторонъ бассейны Нкени, Ли-Куалла, Бунга и У-Банги; тѣтъ же Гренфель, маршруты которого найдутся и во всѣхъ другихъ частяхъ бассейна, поднимался по Чуапа, Икелемба, Лу-Лонго, Мунгала и Итимбири. Менѣе всего извѣстной остается пока сѣверо-восточная часть конгскаго бассейна, которая, однако, является самою интересною областью въ географическомъ отношеніи и, вѣроятно, получить современемъ весьма важное значеніе въ исторіи, такъ какъ именно въ ея предѣлахъ и находится водораздѣлъ между бассейнами Нила и Конго. Но, хотя до сихъ поръ этотъ край

¹⁾ Behm, „Petermann's Mittheilungen“, 1872, тетр. XII.

¹⁾ Mrs. Annie B. Hore, „To Lake Tanganyika in a bath-chair“.

Африки и не сталъ еще центромъ сѣти маршрутовъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе р. Уэллэ, совершенное Юнкеромъ, по меньшей мѣрѣ на протиженіи двухсотъ километровъ по прямой

средствѣ я откроется путь также и къ Бахръ-эль-Абіаду.

Благодаря путешествіямъ Юакера, нынѣ можно, съ нѣкоторыми шансами на приблизи-

Рѣка Лу-Куга.

лини, параллельно съ долиною бассейна Конго, позволяетъ съ полной увѣренностью утверждать, что и Уэллэ принадлежитъ къ тому же бассейну, и что рано или поздно, при по-

тельную вѣрность, отважиться даже и на исчисленіе поверхности资料ного рѣчного бассейна. По исчислению Льва Мечникова, она равна 4 милл. 75 тысячамъ квадр. километровъ,

такъ что площади, дренируемой р. Конго, должно отвести второе мѣсто между площадями великихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Что же касается численности населенія этой громадной территории, превышающей въ восемь разъ Францию, то по отсутствію данныхъ для его исчислѣнія точной цифры привести пока нельзѧ; но путешественникамъ много разъ приходилось проѣзжать по густо населеннымъ областямъ, и ихъ сравнительная описанія позволяютъ сказать, что для совокупности населенія на всемъ протяженіи бассейна число въ двадцать миллионовъ душъ было бы ниже дѣйствительности. Станцы останавливаются, какъ на наиболѣе вѣроятномъ исчислѣніи, на цифре въ 29 миллионовъ.

Относительно истоковъ рѣки Конго прежде всего слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе удалены отъ ея устья и которые, следовательно, и должны быть рассматриваемы какъ образующіе самую многоводную вѣтвь рѣки, зарождаются на южномъ склонѣ горъ Тшингамбо, на половинѣ разстоянія между озеромъ Танганьика и озеромъ Ньясса, а по прямой линіи всего лишь въ семистахъ километрахъ отъ Килоа, ближайшаго города на Индійскомъ морѣ. Посѣщена эта область истоковъ Верхняго Конго въ 1879 году Томсономъ и Стюартомъ, а въ 1886 году Ленцомъ. Эти начальные ручьи, зарождаясь на высотѣ приблизительно 1.800 метровъ, текутъ сначала по слегка наклоненному плоскогорію, которое, конечно, не можетъ представить препятствія для проведения дороги, проѣзжей для экипажей; затѣмъ они образуютъ небольшую рѣку, Чази, которая ниже называется Чамбези, при чёмъ, вѣроятно, это наименованіе однозначуще съ названіемъ большой рѣки Замбезе, которая течетъ на четыреста километровъ южнѣ. Къ тому же, рѣка Чамбези даже и направляется съ сѣверо-востока на юго-западъ, какъ будто бы она и на самомъ дѣлѣ впадала въ сейчасъ называемый могучий притокъ Индійскаго океана, и ея истоки отдѣлены отъ притоковъ Замбезе лишь незначительнымъ возвышеніемъ почвы. Далѣе рельефъ водораздѣльного гребня становится, однако, все выпуклѣе и даже образуетъ горную цѣпь, Мушинга, находящуюся на югѣ той долины, которую Чамбези, соединяясь съ другими рѣками и истоками обширныхъ болотъ, вливается въ озеро Бемба или Бангузоло, самую южную изъ тѣхъ большихъ водныхъ поверхностей, которая принадлежать къ гидографической системѣ Конго¹⁾.

Озеро Бангузоло,—открытое Ливингстономъ въ 1868 г. и увидѣнное имъ снова спустя пять лѣтъ, но для того чтобы умереть на его

берегахъ,—представляетъ весьма неправильную водную поверхность, раздѣленную островами и полуостровами на многочисленные бассейны. Высота, на которой оно находится, исчислена Ливингстономъ въ 1.124, а Гиранд въ 1.300 метровъ; что же касается протяженія собственно озернаго водоема, то—следствіе тростниковыхъ зарослей, занимающихъ большую часть этого углубленія, въ которомъ озеро находится—въ немъ трудно дать себѣ отчетъ. Поверхность свободной воды или «море» на сѣверной оконечности озера представляется въ видѣ обширнаго, необъятнаго для взора овала, простирающагося въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу на сотни километровъ; въ центрѣ озера поднимается самый высокій островъ архипелага, Кисси, возвышающійся метровъ на двадцать надъ зеленѣющими водами съ тинистымъ дномъ. Ни въ какой части Бангузоло нѣть глубины, превышающей пяти или шести метровъ; а на востокѣ и въ южной части бассейна оно не что иное, какъ тростниковая пурпурная или затопленный лугъ. Да и сама Чамбези, на протяженіи всего своего нижняго теченія, теряется среди болотъ: плывя по ней, можно цѣлыми днями пробираться по тинѣ, среди тростника, который и придастъ равнинѣ видъ огромнаго луга. Впрочемъ, деревья настолько многочисленны, что тамъ и сямъ группируются въ небольшіе перелѣски, но всѣ они ростутъ надъ муравейниками, подошву которыхъ омыаетъ уже вода. Стезинки для пирогъ обозначаются теряющимися изъ вида канавками между склоненнымъ тростникомъ, а рукава собственно рѣки, медленно змѣящіеся среди болотъ, окаймляются лишь слегка выступающими изъ воды краями береговъ. Больше, чѣмъ на половинѣ своей окружности—на востокѣ, на югѣ и западѣ—озеро Бангузоло отдѣляется отъ прибрежныхъ болотъ лишь стѣною изъ тростника, который въ два раза выше роста человѣка. Путь чрезъ этотъ, скрывающій видъ на озеро, камышъ приходится прокладывать топоромъ, а когда, наконецъ, свободныя воды и будутъ достигнуты, то цѣлые дни надо плыть вдоль однообразнаго берега, окаймленнаго склонившимъ свои головки тростникомъ, подводная часть котораго достигаетъ метровъ четырехъ, а высящаяся надъ водою—трехъ.

Въ юго-восточной оконечности озера, обѣстѣны тростника сближаются, и озерная водная поверхность превращается въ рѣку; это—Луа-Пула, истокъ Бангузоло. Этотъ потокъ, глубиною въ шесть, а шириной въ 70 метровъ, змѣится безпрестанными излучинами, при чёмъ протяженіе той его части, которая пробѣгає чрезъ громадное болото, заканчивающее на югѣ озеро Бангузоло, равняется, быть можетъ, не менѣе, какъ двумстамъ

¹⁾ Stewart, Proceedings of the R. Geographical Society^a. 1880, VII.

километрамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта рѣка, преграждаемая растеніями, разливается широкими травянистыми лужами, по которымъ лишь съ трудомъ скользять пироги. На пространствѣ всей этой низменной области есть только одинъ островъ, да и тотъ представляется, скорѣе, выдающуся изъ воды отмель, которая пригнѣтна съ большаго разстоянія по растущему на ней, единственному во всемъ краѣ, дереву, простирающему свои вѣтви надъ группою хижинъ. При слѣдованіи рѣчнымъ потокомъ далѣе, справа и слѣва начинаютъ показываться за тростникомъ непросвѣтлѣе лѣсомъ холмы; затѣмъ, тростникъ совершенно прекращается, и рѣка вступаетъ въ долину, которая сначала направляется къ югу и къ юго-западу, а послѣ того дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на сѣверо-западъ. На этомъ протяженіи рѣка сначала быстро течетъ между своими береговыми откосами, затѣмъ устремляется среди скалъ по наклонной плоскости и наконецъ низвергается широкимъ водопадомъ, называющимся Момбірима или Момбутту.

Кажду отъ этого опаснаго ущелья, ни одинъ европеїйскій путешественникъ не слѣдовалъ по теченію Луа-Пула; но, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что рѣка дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу и затѣмъ впадаетъ въ озеро Моэро или Мэрү. На этомъ пути, составляющемъ приблизительного триста километровъ, число каскадовъ должно быть весьма значительно, такъ какъ, по Жиро, разница въ уровнѣ между озерами Бангузоло и Моэро равняется 450 метрамъ. Само же озеро Моэро лежитъ на высотѣ, по Ливингстону, 1.040, а по Жиро, всего лишь 850 метровъ. Это озеро, будучи немнogo меныше озера Бангузоло, представляеть, однако, одну изъ самыхъ обширныхъ поверхностей свободной воды: оно протянулось приблизительно на пространствѣ 150 километровъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, при чемъ отъ южнаго конца озера Танганьики отдѣляется перешейкомъ, имѣющимъ въ ширину тоже 150 километровъ. Къ югу, гдѣ Луа-Пула вливается въ Моэро, низкіе берега рѣки не расходятся въ болота, простирающиися по равнинамъ на необозримое пространство, но въ другихъ мѣстахъ вода въ рѣкѣ повсюду глубокая и чистая. Ливингстонъ, дважды посетившій берега озера Моэро, удостовѣрился, что разница между высокимъ и низкимъ уровнемъ его водь достигаетъ по крайней мѣрѣ шести метровъ. Половодія увеличиваются поверхность озера на сотни, вѣроятно, даже на тысячи квадратныхъ километровъ, при чемъ въ это время рыбы изъ рода сомовъ, именно *claris capensis*, разселяясь по прибрежнымъ мѣстностямъ, пожираютъ, вѣтъ съ мелкою рыбешкою, также и насѣкомыхъ, пресмыкающихся и другихъ животныхъ, под-

хваченныхыхъ поднявшимся водою; затѣмъ, когда воды спадутъ, то различнаго рода преграды препятствуютъ уже этимъ сомовиднымъ рыбамъ возвратиться въ ложе рѣки, пользуясь чѣмъ туземцы и наавливаютъ себѣ ихъ тысячами. Туземцы назвали Ливингстону тридцать девять видовъ рыбъ, живущихъ въ озерѣ и поднимающихся по большому его восточному притоку. Калонгози. Въ средней части озера разсѣяно нѣсколько острововъ, а на сѣверѣ этотъ водоемъ, окаймляемый возвышающимися съ обѣихъ сторонъ холмами и даже горами: Руа—на западѣ, и Кома—на востокѣ, принимаетъ видъ альпійскаго озера расположеннаго между высокими откосами и лѣсистыми склонами: вообще, изъ всѣхъ внутреннихъ морей Африки, Моэро—самое живописное ¹⁾.

Сближаясь другъ съ другомъ, двѣ горныя цѣпи съединяютъ озеро, заостряютъ его сѣверную оконечность, и воды его, становясь все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ, выливаются изъ него, образуя рѣку Лу-Вуа или, иначе, Луа-Лаба, при чёмъ это послѣднее наименование весьма мало разнится отъ названія Луа-Пула, присвоенного, какъ уже упомянуто, верховой рѣкѣ между озерами Бангузоло и Моэро; Ливингстонъ называлъ Луа-Вуа «рѣкою Уэбба (Webb's river). Воды этой рѣки—прозрачныя, хотя и черноватыя—устремляются къ сѣверо-западу между покрытыми лѣсомъ горами, пробѣгаютъ между скалами отъ одного порога до другаго и изливаются въ третье большое озеро, Лавджи, которое, судя по рассказамъ туземцевъ, слѣдуетъ считать скорѣе постояннымъ наводненіемъ: многочисленные островки его лежатъ вровень съ водою. Однако, въ этомъ именно резервуарѣ п зарождается самая рѣка Конго, такъ какъ, съ одной стороны, въ него съ востока впадаетъ Лу-Куга, истокъ о. Танганьики, а съ другой—въ небольшомъ разстояніи кверху, а можетъ-быть, и въ самомъ озерѣ, оканчивается теченіе западной Лу-Лаба или, иначе, Комоландо. Этотъ западный бассейнъ, ограниченный съ юга горами, составляющими гребень водораздѣла между Конго и Замбезе, представляетъ значительную сѣть рѣкъ или лу: Лу-Бури, Лу-Фула, Лу-Лаба и Лу-Фира; всѣ эти рѣки катятъ большое количество воды, а Лу-Фира мѣстами образуетъ красивые каскады, изъ которыхъ водопадъ Джоу низвергается съ высоты 25 метровъ и своею бѣлою массою рѣзко отличается отъ горизонтальныхъ слоевъ красноватаго песчаника ²⁾). Что касается центральной долины, по которой змѣится Луа-Лаба, она то оказывается усыпаною озерами, при чёмъ въ верховой долинѣ уединено ле-

¹⁾ Victor Giraud, "Tour du Monde", 1886.—Capello e Jeville, "De Angola à Contra-o-esta".

²⁾ Reichard, "Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin". Февраль, 1887.

житъ самое большое изъ нихъ, Ло-Хемба, а на протяженіи нижняго теченія рѣки они слѣдуетъ другъ за другомъ на-подобіе жемчужинъ въ ожерельи. По Рейхарду—который перевивался черезъ западную Луа-Лаба въ 200 километрахъ выше ея слиянія съ Восточною Луа-Лабою—наибольшое количество воды катить Луа-Лаба западная, которую, не за длину ея ложа, а за массу ея водъ, и слѣдовала бы считать главною вѣтвью Конго¹⁾. Вытекающая изъ о. Танганьика рѣка Лу-Куга доставляетъ воды немногого, а когда путешественники увидѣли эту рѣчку въ первый разъ, то русло ея было совсѣмъ сухое, такъ какъ вода уже успѣвала испариться еще до своего выхода изъ обширнаго водоема самаго озера.

Озеро Танганьика было известно португальцамъ и арабамъ издавна: подъ различными наименованіями о немъ упоминаютъ многочисленные документы послѣднихъ вѣковъ, но при этомъ его обыкновенно смѣшиваютъ съ другими озерами и въ особенности съ о. Ньясса; изъ трехъ бассейновъ: Ньясса, Танганьика и Ніанца составляли даже одно внутреннее море, простирающееся съ сѣвера на югъ на протяженіи слишкомъ тринацати градусовъ широты; называли этотъ водоемъ озеромъ У-Ніамези, и, соотвѣтственно сейчасъ приведенному представлению о немъ, онъ изображенъ даже на относящейся ко второй половинѣ XIX вѣка картѣ Эрхардта и Ребманна²⁾). Однако путешествие Burton и Speke'a, въ 1858 году, а затѣмъ изслѣдованія Ливингстона и Стенли привели къ раздѣленію этого внутренняго моря на три составныя его части. Нынѣ изъ всѣхъ озерныхъ бассейновъ Центральной Африки, озеро Танганьика оказывается известнымъ лучше другихъ, а сравненіе карты Ливингстона съ картою, начертанію послѣ точныхъ измѣрѣй новѣйшихъ изслѣдователей, убѣждаетъ въ томъ, что это озеро было тщательно обслѣдовано уже и первыми путешественниками. Площадью озеро Танганьика меньше Ніанцы, но превосходитъ другіе бассейны. Отъ бухты Памбэтэ, находящейся въ самой южной оконечности озера, до впаденія, въ самомъ сѣверномъ его заливчикѣ, рѣки Ру-Сизи, разстояніе 630 километровъ, такъ что, слѣдовательно, длина Танганьики превосходитъ длину Ла-Маниша, отъ Кала до Сорлингейскихъ острововъ. Впрочемъ, эта громадная водная поверхность сравнительно узка: самая большая ширина озера равняется 90 километрамъ, а средняя не превышаетъ и 50-ти. Форма озера правильна; во многихъ отдѣлахъ его, выступы на одномъ берегу соотвѣтствуютъ углубленіямъ другаго берега, и въ общемъ оно отъ одной своей оконечности до другой

¹⁾ „Mittheilungen der Deutschen Afrikanischen Gesellschaft“. Т. IV, маѣ, 1885.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1856, Таблица I.

сохраняетъ одно и то же направлѣніе, именно съ юго-юго-востока на сѣверо-сѣверо-западъ. Только въ сѣверной его части, отъ западнаго, самаго гористаго берега отдѣляется длинный полуостровъ У-Буари, относительно котораго прежде Burton полагалъ, что это островъ, отдѣленный отъ суши проливомъ въ 12 километровъ. Затѣмъ, нѣсколько прибрежныхъ островковъ находятся также вблизи горъ. Озеро Танганьика, одинъ изъ верхнихъ резервуаровъ р. Конго, удивительно походитъ на озеро Ньясса, составляющее, въ свою очередь, озеро-притокъ рѣки Замбазе. Оба эти водоема имѣютъ одинаковую форму, одинаковое направлѣніе, сходный вицѣшний видъ, и своимъ происхожденіемъ, очевидно, обязаны однимъ и тѣмъ же геологическимъ вліяніямъ. Озера Ньясса, Танганьика, промежуточное между ними озеро Рикуа, а также лежащія сѣвернѣе, Мута-Н'цига и М'вутань-Н'цига—какъ будто наполняютъ днища разверзшихъ щелей въ треснувшей земной корѣ: такъ именно образуются трещины во всякомъ вязкомъ веществѣ, когда оно подвергается осѣданію или усышкѣ. Какъ бы то ни было, Танганьика совершенно отличается, по способу своего образования, отъ озера Бангудоло, которое есть не что иное, какъ постоянное наводненіе, происходящее вслѣдствіе отлива водъ кверху отъ встрѣченной преграды; Танганьика, напротивъ, представляетъ естественный бассейнъ въ геологическомъ строеніи материка: его воды почти повсюду глубоки въ непосредственномъ сосѣдствѣ береговъ. Въ 1.850 метрахъ отъ мыса Кабого, на свободной водѣ, Стенли не могъ достать два линемъ въ 365 метровъ; приблизительно въ тѣхъ же самыхъ отдѣлахъ озера Ливингстонъ тоже не ощущилъ дна озера, хотя и спустилъ веревку длиною въ 550 метровъ¹⁾; Жиро-же, на свободной водѣ, около Каремы, намѣрилъ 647 метровъ. Въ 1862 году, по свидѣтельству арабовъ племени У-Джиджи, озеро закипало и извергало пары, а на другой день берегъ былъ усыпанъ кусками вещества, схожаго съ горючою смолою. Многіе изъ этихъ кусковъ собраны Ноге'мъ²⁾). Около южныхъ береговъ бываютъ горячіе ключи.

Название этого озера, означающее «соединеніе водъ»³⁾, вѣроятно въ смыслѣ «большаго скопленія жидкости», оправдывалось бы также и въ томъ случаѣ, если бы оно выражало идею о взаимной встрѣтѣ многочисленныхъ притоковъ. Хотя въ Танганьику впадаетъ много рѣкъ, но большинство ихъ имѣютъ небольшую длину. Самая значительная изъ этихъ рѣкъ—Малагарази: образующіе ее ручьи берутъ свое

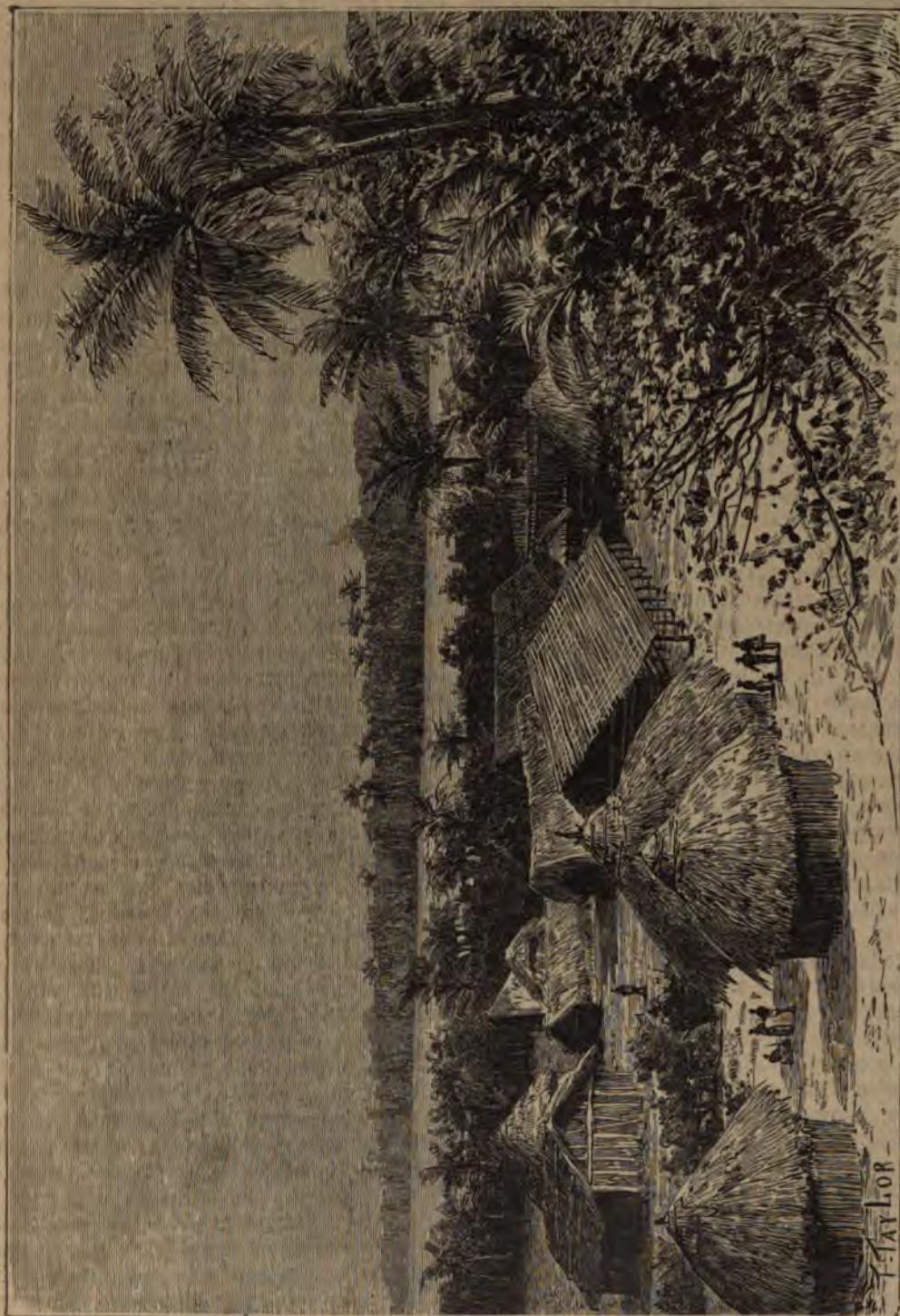
¹⁾ Stanly, „Through the dark Continent“.

²⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“. Янв. 1892.

³⁾ Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

начало въ наиболѣе отдаленой области; во время половодій ширина ея при устьѣ дости-
гаетъ 1.400 метровъ, а сѣроватыя ея волны на
далекомъ разстояніи грозятъ зеленыя воды

въ небольшомъ озерѣ, въ разстояніи 560 кило-
метровъ отъ восточного моря: это ближайшій
къ Индійскому океану истокъ рѣки Конго. Дру-
гая рѣка, менѣе обильная, чѣмъ Малагарази,

Видъ съ рѣки Уджиджи

озера: въ сухое же время года это лишь потокъ, изъ содержащій небольшое количество воды, хотя, впрочемъ, его нигдѣ нельзя перейти въ бродъ. Что касается притоковъ самой Малагарази, то наиболѣе отдаленный изъ нихъ зарождается

изслѣдована путешественниками очень тща-
тельно: это Ру-Сиза, изливающаяся въ сѣвер-
ную оконечность Танганьики. Долина этой
рѣки находится какъ разъ на оси большого
озерного бассейна, и прежде предполагали,

что излишняя вода самаго озера изливаются чрезъ этотъ проломъ въ горахъ для сліянія съ Верхнимъ Ниломъ. Однако, Burton, а впослѣдствіи и Стэнли доказали, что въ дѣйствительности этого нѣть, и что Ру-Сизи есть та-
кой же притокъ, какъ и Малагараси.

Такъ какъ притоки Танганыки проходятъ черезъ области мало воздѣлываемыя, жители которыхъ никогда не заботились объ упорядоченіи своихъ рѣкъ, то, вмѣстѣ съ водою, плавутъ также островки, образующіе изъ на-
носныхъ древесныхъ вѣтвей и пловучихъ ра-
стеній (такъ называемые плавы). Въ нѣкото-
рыхъ мѣстахъ рѣки, сплошь отъ одного берега до другаго, бываютъ запружены скопленіями
растеній, которыя, непрерывно увеличиваясь, превращаются, наконецъ, въ такія густыя и плотныя массы, что путешественники отваживаются ступить на нихъ: сплетеніе корней при-
даетъ всему напосу одиваковую плотность съ почвою; на немъ укореняются кустарники, начинаятъ рости даже деревья и, потому, даже караваны рѣшаются переходить черезъ такой плав. Нѣкоторые же изъ этихъ пловучихъ островковъ кончаютъ тѣмъ, что гдѣ-либо такъ крѣпко застреваютъ и укрѣпляются, что рѣкѣ приходится пролагать себѣ другое ложе; впрочемъ, чаще случается такъ, что нижніе слои такого напоса растворяются, половодья разры-
ваютъ самые плавы и въ видѣ островковъ увле-
каютъ ихъ по направлению къ озеру; сущест-
вуетъ даже разсказъ, будто однажды были поглощены и люди, и животныя при переходѣ каравана по одному изъ такихъ травяныхъ мостовъ, въ то время, когда онъ сталъ уже сдвигаться¹⁾). Прибылые воды часто заносятъ эти пловучіе острова даже въ самое озеро. Cameron видѣлъ такие острова, которые были покрыты мхомъ и поросли деревьями: увлека-
емыя теченіемъ, эти зеленые поверхности, ши-
риною въ нѣсколько сотенъ метровъ, носятся на подобіе плотовъ до тѣхъ поръ, пока, подъ дѣйствіемъ волнъ, совершенно не расползутся.

Бури рѣки на озерѣ Танганыка; но иногда случается, что восточные вѣтры, внезапно нарушая правильное вѣяніе пассатовъ или обычную смѣну вѣтровъ съ озера на берегъ и обратно, порывисто устремляются съ восточныхъ высотъ и взводновываютъ озерныя воды. При этомъ наиболѣе сильнымъ волненіе обыкновенно оказывается во время засухъ: во время дождей волна бываетъ менѣе высо-
ка, но особенно опасны внезапныя бури. Часто повышенія и пониженія уровня воды въ озерѣ смѣняютъ другъ друга: это, очевидно, такъ называемое seiches, наблюдаемое также и на швейцарскихъ озерахъ²⁾; од-
нако арабы говорятъ о нихъ, какъ о правиль-

ной смѣнѣ между приливомъ и отливомъ. Перевозчики на озерѣ сильно боятся бушеваній; огибая его мысы, они, въ особенности въ періодъ сильныхъ юго-восточныхъ пассатовъ, никогда не преминуть совершиТЬ воз-
ліяніе вина и принести жертвы тѣмъ «благороднымъ бѣсамъ», которые обитаются на этихъ мысахъ. «Горе, горе тому—говорили арабы миссіонерамъ Эрхардту и Ребманну—кто, при перѣѣздѣ черезъ озеро, не взвалъ къ демону горы Кабого! Не принесшіе ему въ жертву чернаго баражка или бѣлой курицы не возвратятся никогда; они будутъ поглощены тѣмъ жестокимъ вѣтромъ, который сизойдетъ съ этой горы³⁾».

Междуда тѣмъ этаъ высящіяся надъ восточнымъ берегомъ мысъ Кабого, какъ равно и множество другихъ мысовъ, господствующихъ надъ зеленѣющей каймо берега, а также кручи изъ краснаго песчаника, стѣны изъ бѣлой извести и гранитные куполы и башни, разнообразя видъ озера, дѣлая его одновременно и величественнымъ, и очаровательнымъ. Прозрачныя воды озера изобилуютъ различными породами рыбъ, между прочими, сингой, составляющей большое подспорье для прибрежныхъ жителей, которые очень любятъ ея жирное мясо⁴⁾). Всего болѣе замѣчательна конхіологическая фауна этого бассейна, половина видовъ которой уже не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ; нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно представляютъ морскія формы и, по сходству признаковъ, должны быть причислены къ ископаемымъ видамъ верхней мѣловой формациі Европы и Сѣверной Америки⁵⁾.

Вода въ Танганыкѣ совершено прѣсная, и уже этаъ одинъ фактъ позволяетъ предвидѣть существованіе отлива водъ изъ этого озера. Но такъ какъ изливающаяся изъ одного конца озерного бассейна вода течетъ, почти во всѣхъ озерахъ, по направлению главной оси долины, а Burton, между тѣмъ, доказалъ, что рѣка Ру-Сизи вовсе не уносить къ Нилю избытка водъ Танганыки и, следовательно, водоотлива не оказывалось въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится, повидимому, для него было бы всего естественнѣе, то, вообще, усомнились въ его существованіи и заключили, что испареніе съ поверхности озера вполнѣ уравновѣшиваетъ прибыль воды изъ его притоковъ. Между тѣмъ вскорѣ обнаружилось, что уровень воды въ озерѣ можетъ постепенно подниматься, затопляя прежнія низины, наводненія лѣса и покрывая грани скалъ болѣе тѣмъ на три метра въ сравненіи съ прежнею высотою стоянія озерной воды. Это явленіе, въ свою очередь, казалось, лишь доказывало, что

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1856, I.

²⁾ V. Giraud, „Tour du Monde“, 18 июня 1887.

³⁾ Leopold Tausch, „Sitzungsberichte der Academie der Wissenschaften“, 1894.

⁴⁾ Verney Lowet Cameron, „Through Africa“.

⁵⁾ Richard Burton, упом. соч.

у бассейна нѣть истока: такъ предполагалъ и Самегон, какъ вдругъ ему довелось проникнуть въ рѣку Лу-Куга, этотъ дѣйствительный истокъ озера. Въ то время этотъ каналъ, въ мѣстѣ входа въ него, имѣлъ около двухъ километровъ ширины, но въ большей своей части былъ загражденъ песчаною отмелю. Ниже, берега мало-по-малу сближались, а въ разстояніи восьми километровъ отъ входа, плавы образовали запруду, и несущіяся по теченію деревья скрывались подъ нее. По другую сторону этой преграды рѣка текла опять въ-явь, но затѣмъ новая запруды снова побуждала ее течь скрытно, подъ плавами. Три года спустя Стэлли также посѣтилъ входъ въ Лу-Кугу, и ему показалось, что на этомъ входѣ все и останавливается: выходного потока изъ него примѣтить было нельзя, и даже движеніе воды совершилось въ обратномъ направлениі; такимъ образомъ, въ это время года озерная вода не достигала высоты даже порога своего истока. Но вслѣдствіи Норе и Thomson снова увидѣли Лу-Кугу и могли убѣдиться, что воды ея быстро устремлялись изъ озера, производя около береговъ обширные водовороты. Тростниковый преграды уже не было, а на томъ мѣстѣ, где она нѣкогда находилась, рѣка неслась черезъ пороги, и отважиться пройти черезъ нихъ не могло бы ни одно гребное судно¹⁾. Норе, во время высокаго стоянія воды въ году, не могъ проплыть далѣе девяти километровъ²⁾. Благодаря образовавшемуся истоку, уровень воды въ озерѣ понизился къ январю 1882 года на 3 метра 16 сантиметровъ, а къ 1886 году на 4^{1/2} метра³⁾. Туземцы страшно испугались, видя, что вода уходитъ изъ озера; боялись, чтобы чуждыя волшебники, бросая снадобья въ Лу-Кугу, не спустили бы всю воду изъ этого водоема⁴⁾. «Смотрите—говорилъ путешественнику Жиро одинъ изъ туземныхъ начальниковъ про европейцевъ—смотрите, вотъ они переѣзжаютъ черезъ озеро, а съ ними утекаетъ и вода!» Невѣдѣніе туземцевъ относительно прежняго водослива изъ озера, повидимому, доказываетъ, что пока воды не отыскали для себя новаго стока, озерный резервуаръ оставался закрытымъ въ теченіе долгаго времени. Недавно, слѣдовательно, въ этой части Африки усилились также и дожди, и если, какъ утверждаютъ, они уменьшаются въ другихъ частяхъ континента, то, въ предѣлахъ озернаго бассейна, они, напротивъ, возросли.

Исчисленія высоты положенія Танганыки сильно расходятся: по Burton'у она равна—

¹⁾ J. Thomson, «Proceedings of the R. Geographical Society», 1880.

²⁾ Edw. Coode Hore, тотъ же сборникъ, январь, 1862.

³⁾ «Proceedings of the R. Geographical Society», апрѣль, 1887.

⁴⁾ „Missions catholiques“.—Exploration, 1880.

564; по Ливингстону—800; по Стэлли—1.128 и затѣмъ—840; по Самегону'—826; по Виссманну—814; по Thomson'у—795 и 798 метрамъ; но можно, вмѣстѣ съ поздѣйшими изслѣдователями принять, что она превышаетъ 800 метровъ: паденіе ложа Лу-Куги или Лу-Имби, на протяженіи около 250 километровъ, между озерами Танганыка и Ланджи, приблизительно равняется одному метру на километръ. До сихъ поръ долиною этой рѣки слѣдовалъ только одинъ путешественникъ, Томсонъ, именно въ 1879 году; но, пройдя почти треть разстоянія, онъ долженъ быть свернутъ къ юго-западу, такъ какъ носильщики отказались сопровождать его въ направлениі къ Конго. На протяженіи всей своей верхней части Лу-Кугу течеть весьма быстро, хотя и не имѣть водопадовъ, свергающихся съ большихъ высотъ; что же касается окрестностей рѣки, то вообще мало найдется долинъ столь же красивыхъ, какъ та, по которой несутся пѣнистые воды Лу-Куги: съ обѣихъ сторонъ ея надъ лугами, по которымъ разсыпаны деревья и пасутся антилопы и буйволы, господствуютъ покрытые лѣсомъ холмы, высотою отъ 200 до 600 метровъ.

Книзу отъ озера Ланджи, Луа-Лаба или скорѣе Конго течеть на протяженіи сотни километровъ по такой области, которая до сихъ поръ еще не была изслѣдована путешественниками; но книзу отъ своего слиянія съ Лу-Ама, которая приноситъ ему воды съ горъ, окаймляющихъ Танганыку, Конго уже извѣстенъ географамъ на всемъ своемъ остальномъ течениѣ вплоть до впаденія въ Атлантическій океанъ. Послѣ слиянія съ Лу-Ама, Конго является уже могучею рѣкою, слишкомъ въ километръ ширины, величественнымъ потокомъ съ глубиною, въ среднемъ, въ нѣсколько метровъ. Сначала рѣка течеть въ сѣверо-восточномъ направлениі, а потомъ въ сѣверномъ, то соединяя свои мутныя воды въ одинъ каналъ, то дѣля ихъ на нѣсколько рукавовъ, огибающихъ лѣсистые острова и песчаныя отмели. Вливаются въ нее и значительные притоки, при чѣмъ одни, лѣвобережные, несутъ воды преимущественно съ юго-запада, а другіе, правобережные, болѣе изобильные, зарождаются въ восточныхъ краяхъ. Книзу отъ двухъ ея притоковъ, изливающихся почти другъ противъ друга, Лу-Фу и Канкоры, слышится шумъ водопада. Рѣка, скатая между глыбами бѣлаго гранита, несетъ по непроходимымъ для лодокъ порогамъ; за этимъ водопадомъ слѣдуетъ второй, третій и такъ далѣе до седьмого включительно, вслѣдствіе чего перевозчики принуждены переносить черезъ лѣса свои лодки отъ одного тихаго плеса до другаго. При этомъ, болѣе всего сжимается рѣка береговыми скалами въ предѣлахъ послѣдняго порога: въ этой мѣстности разстояніе между бе-

реками не превышает 1.200 метровъ, изъ которыхъ около 700 заняты островомъ. Эти семь водопадовъ, совпадающіе съ прохождениемъ Конго подъ экваторомъ и съ поворотомъ рѣчной долины въ направлении къ западу, названы Stanley-Falls, «Водопадами Стэнли», въ честь открывшаго и перешедшаго ихъ путешественника.

Книзу отъ водопадовъ, рѣка, текущая на высотѣ 430 метровъ, разливается широкимъ спокойнымъ потокомъ, уже не дѣлящимся вплоть до соединения съ Атлантическимъ океаномъ и не представляющимъ болѣе препятствий для судоходства. Къ ней присоединяются другія рѣки: съ юга — Лу-Билахъ, Лу-Лами или Ло-Мами, рождающаяся въ продолженіи долины другой Ло-Мами, впадающей, чрезъ рѣку Санкуру, въ Кассаи; а съ сѣвера — Арахуими, вторая Конго по массѣ своихъ водъ, зарождающихся въ горахъ, расположенныхыхъ къ западу отъ озера Мута-Нциге. Объ Арахуими Стэнли первоначально полагалъ, что она есть продолженіе рѣки Уэлле, открытой Швейнфуртомъ въ области Ніамъ-Ніамъ; но послѣдующія путешествія Бондорфа, Луптона, Казати и Юнкера показали, что бассейнъ Уэлле простирается къ сѣверу отъ бассейна Арахуими и соединенъ рѣкъ. По Юнкеру, верховьемъ Арахуими слѣдуетъ признать рѣку Непоко, видѣнную имъ къ югу отъ страны племени Монбутту¹⁾. Ниже впаденія этого большаго притока въ широкое русло р. Конго, представляющіеся почти озеромъ, вливаются съ сѣвера два другихъ притока, менѣе обильныхъ: Лойка, или Итимбири, и Мо-Нгала. Путешественники поднимались и по этимъ притокамъ вплоть до запружающихъ ихъ скалъ, но теченіе въ обоихъ слишкомъ слабо, чтобы можно было отождествить ихъ съ р. Уэлле. Водопады Луби на р. Лойкѣ были самыми близкими къ Судану пунктомъ, до котораго достигали путешественники, до послѣдней экспедиціи Стэнли.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Непоко, Юнкеръ прослѣдилъ теченіе Уэлле, или «Рѣки», до разстоянія около 180 километровъ къ сѣверу отъ рѣки Конго, далеко за предѣлы того градуса широты, подъ которымъ находится притокъ Арахуими; но остается еще узнать, въ какомъ мѣстѣ Уэлле, — рѣка, однако, весьма значительная, — вливается или въ Конго или въ одинъ изъ его притоковъ. Тамъ, где Юнкеръ долженъ былъ повернуть назадъ, въ сезонъ мелководья, Уэлле или Макуа, усыпанные островами, имѣть столь большую ширину, что русскій изслѣдователь не могъ даже составить себѣ о ней приблизительнаго понятія; кромѣ того, въ восьми дняхъ пути внизъ по рѣкѣ, въ Уэлле вли-

вается могучій потокъ, Мбомо, усиливаемый, въ свою очередь, водами р. Шіку, и относительно котораго возможно предположеніе, что это Кута Lupton'a и Баръ-аль-Кута арабскихъ информаторовъ. Куда же дѣвается вся эта масса жидкости? Пока еще ни одинъ изъ изслѣдователей не видѣлъ ни на протяженіи самого Конго, ни на одномъ изъ его притоковъ — ни одного такого рѣчного устья, которое можно было бы отождествить съ потокомъ, исходящимъ изъ страны Ніамъ-Ніамъ. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы во влажномъ климатѣ столь значительная рѣка могла цѣликомъ теряться въ какомъ-либо резервуарѣ испаренія. Слѣдуетъ поэтому, думать что Уэлле, книзу отъ своего слиянія съ Мбомо, продолжаетъ сначала течь съ востока на западъ, затѣмъ делаетъ — параллельно Конго — излучину къ юго-западу, и — приблизительно въ 400 километровъ отъ того мѣста, где Юнкеръ прекратилъ свое изслѣдованіе вдоль ея береговъ, — соединяется съ У-Банги²⁾). Правда, рѣка У-Банги была изслѣдована Grenfell'емъ, къ сѣверу отъ 4-го градуса сѣверной широты, далеко за предѣлами тогтась упомянутаго пункта соединенія ея съ Уэлле, но путешественникъ этотъ слѣдовалъ западнымъ берегомъ, и къ тому же въ первое, развѣдоочное, путешествіе могутъ ускользнуть отъ изслѣдователя многія, даже важныя географическія черты: покрытые лѣсомъ острова, прибрежныя озера, крутыя излучины могутъ замаскировать устье. Плавая по этимъ громаднымъ потокамъ, усыпаннымъ островами и вереницами плавучихъ травъ, такъ легко ошибиться, что Grenfell, полагая, что онъ все плыветъ по Конго, вошелъ, однако, въ У-Банги и въ своемъ недосмотрѣ уѣхалъ не раньше, какъ проплылъ такимъ образомъ 180 километровъ²⁾). * По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Уэлле есть название, въ одной части ея теченія, рѣки Убанги (Мобангі), которая впадаетъ въ Конго подъ 0,9° южной широты и 17,41° восточн. долготы (отъ Гринвича), простираясь на 180 километровъ.

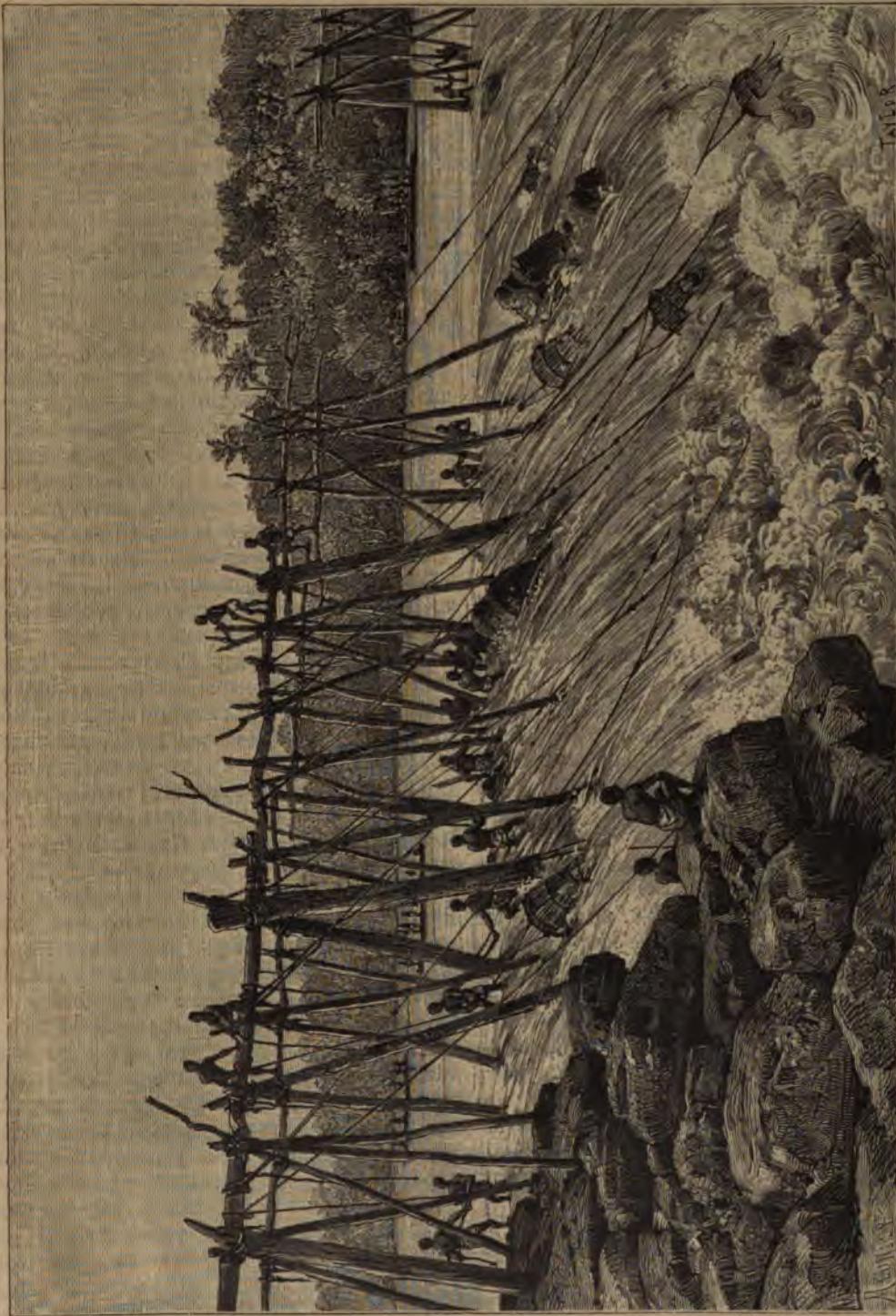
Развѣтвляясь на безчисленное множество рукавовъ, которые мѣняются при каждомъ половодье и даютъ всей рѣкѣ въ совокупности ширину въ 20 километровъ, Конго, прививъ справа Итимбири, направляется къ западу, а пройдя 400 километровъ, начинаетъ течь на юго-западъ. Въ этой именно части теченія рѣки къ ея темнымъ водамъ присоединяются мутные или прозрачныя, какъ кристалль, воды самыхъ мощныхъ ея притоковъ. Именно съ востока подходитъ глубокая Лу-Лонга, усиливаемая, въ свою очередь, притоками Ба-Ринга

¹⁾ Wauters, „Mouvement gеographique“, 1885, 1886 и 1887.

²⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, октябрь 1886.

и Лопори; съ той же стороны спускаются р.р. Икелемба, затмъ Руки (Бо-Руки) или «Черная»; по всѣмъ этимъ рѣкамъ Grenfell поднимался вплоть до того мѣста, до которого онъ судоходны.

скогорій, горъ и водораздѣльныхъ країжей, простирающагося отъ истоковъ Шари до истоковъ нильскихъ рѣкъ въ землѣ Ніамъ-Ніамъ; это тамъ, вѣроятно, изливаются *Нача*, зарождающаяся на одномъ съ Бенузѣ водораздѣль-

Рыбная ловля на седьмомъ порогѣ Стэнли.

Какъ ни многоводны сейчасъ перечисленныя рѣки, онъ уступаютъ могучей У-Банги, которая течетъ съ сѣвера на югъ, вбиная въ себя воды, вѣроятно, съ громаднаго полукруга пло-

номъ хребтѣ, и воды *Люи*, или «великаго озера», о которомъ столько путешественниковъ слышали въ Камерунѣ, на Бенузѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, но достичь до котораго всѣ

пока пытались тщетно. По Франсуа, расходъ воды въ У-Бангі, при средней высотѣ ея уровня, равняется восьми тысячамъ кубическихъ метровъ: такимъ образомъ, по количеству движущейся массы водъ, У-Бангі была бы вторымъ Дунаемъ и превышала бы Ниль; однако, слѣдуетъ замѣтить, что Ponel'ю, прожившему одиннадцать мѣсяцевъ на нижнемъ течениі У-Бангі, въ Нкунджі, такое исчленіе кажется весьма преувеличеннымъ. Такъ, въ сухое время года русло рѣки,—имѣющее въ ширину 3.250 метровъ и заграждаемое песчаными отмелами,—далеко не заполняется водою, а средняя глубина, не достигая даже и одного метра, оказывается недостаточною для судоходства; зато, въ половодіе, именно съ сентябрь по ноябрь, объемъ воды въ рѣкѣ становится громаднымъ, въ періодъ же самой сильной прибыли водъ, уровень ихъ на 4 метра и 30 сантиметровъ превышаетъ уровень въ меженное время ¹⁾). Первые пороги, прерывающіе теченіе У-Бангі, находятся въ 500 километрахъ отъ входа въ нее, около Цонго, и въ 1886 году, несмотря на періодъ высокихъ водъ, они остановили экспедицію van-Gele; однако, за два года до этого, Grenfell прошелъ таки чрезъ нихъ. Въ нижней части теченія У-Бангі—гдѣ она почти параллельна Конго—прибылья воды отливаютъ изъ нея на востокъ, въ боковые каналы (мариго) и въ озеро Нгири, а при посредствѣ этихъ перемѣнчивыхъ каналовъ также и въ Конго ²⁾.

Весьма вѣроятно, что въ одну изъ предшествовавшихъ геологическихъ эпохъ, когда ложе Конго было еще заграждено скалами, и уровень водъ, оттекавшихъ вслѣдствіе этого назадъ, былъ высокъ, потоки Конго, У-Бангі и рѣкъ, которая почти непосредственно книзу развѣтвляются нынѣ дельтообразно, сливались вмѣстѣ, образуя замкнутое море: и теперь еще существуютъ обширныя озера, въ которыхъ излившая масса жидкости отливается въ половодія. Таково озеро Матумба, измѣнчивая поверхность которого далеко простирается въ область лѣсовъ на лѣвомъ берегу, книзу отъ слиянія двухъ главныхъ потоковъ: Конго и У-Бангі. Возможно, что и озеро Матумба, въ періодъ половодій, сообщается, при посредствѣ каналовъ-протоковъ, съ другимъ, еще болѣе обширнымъ озеромъ, названнымъ Стэнли «озеромъ Леопольда II» и изливающимъ свои воды въ одинъ изъ южныхъ притоковъ Конго; впрочемъ, Grenfell тщетно искалъ этотъ соединительный каналъ между двумя данными громадными поверхностями водъ. Ничто также не доказываетъ и того, чтобы цѣль озеръ, болотъ и мариго на востокѣ представляла остатокъ одного изъ рукавовъ Конго, охва-

тывавшаго вмѣстѣ съ рѣчнымъ потокомъ на западѣ, т. е. съ нынѣшнимъ Конго, низменный островъ съ поверхностью въ пятьдесятъ тысячъ километровъ.

Имя У-Бангі—одно изъ тѣхъ, которыя чаще всего упоминались въ документахъ, относящихся къ Конго, такъ какъ по сосѣдству съ У-Бангі, политическая граница между французскими владѣніями въ Экваторіальной Африкѣ и владѣніями Конгскаго государства долгое время оставалась неопределенной. Также точно въ дипломатическихъ документахъ значатся и имена рѣкъ: Санга, Бунга, или Секоли, и Ликона, которая протекаютъ западиѣ У-Бангі. При этомъ Ликона есть просто верхній притокъ большой рѣки, называемой, по Массари, Ликуалла (Ликульна), а по свѣдѣніямъ первыхъ французскихъ изслѣдователей: Моссака или Боссака. Jaques de Brazza и Pecile проплыли по Ликонѣ на протяженіи слишкомъ 300 километровъ ¹⁾), а къ Конго она присоединяется тотчасъ ниже впаденія Бунги, въ мѣстѣ большаго скопленія острововъ, отмелей и рѣчныхъ потоковъ. Въ эту же самую лабиринтъ каналовъ извергается и значительный, тоже правосторонній, притокъ Алима, раздѣляющій на нѣсколько рукавовъ. Алима обязана своимъ значеніемъ въ особенности направленію орошающей ею долины, которая представляется если не самую короткую дорогу съ береговъ средняго теченія Конго къ морю, то по крайней мѣрѣ одну изъ менѣе трудныхъ. Книзу отъ Алимы, къ Конго присоединяется другая рѣка, Нкени, которая нисходитъ съ тѣхъ же самыхъ плоскогорій, съ которыхъ къ западу спускается рѣка Огузъ; въ той же области зарождается и Лефени, находящаяся книзу отъ Нкени. Почти напротивъ устья Лефени открывается другая долина, вмѣщающая самый большой восточный притокъ Конго, Куа, со всѣми его развѣтвленіями. Теченіе Куа, или «Рѣки», продолжаемой къ юго-востоку рѣками Кассаи, Санкуру и Ло-Мами, составляетъ продолженіе той попечерной впадины, которую образуютъ Габонъ, Огузъ и Лефини: это путь, предуказываемый для будущей торговли между Атлантическимъ океаномъ и областью верхнихъ истоковъ Конго. Когда наступитъ время строить въ Южной Африкѣ чрезматериковыя желѣзныя дороги, то магистральнымъ путемъ будетъ, вѣроятно, путь изъ Габона къ тѣмъ портовымъ городамъ, которые лежать насупротивъ Занзибара, если, конечно, политическая соперничество и духъ спекуляціи не рѣшать дѣла иначе.

Такое же важное значение въ гидрографическомъ отношеніи, какъ У-Бангі въ сѣверной части бассейна, представляетъ, къ югу отъ Конго, рѣка Куа-Кассаи. Самые верхніе истоки

¹⁾ Ponel, рукописная замѣтка.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1887, тетр. VI.

¹⁾ „Bolletino della societ  de geografia Italiana“, 1887.

этой рѣки родятся въ небольшомъ разстояніи оть Куавзи и западныхъ притоковъ Замбезе; водораздѣльный гребень, на которомъ начинается Кассаи, находится какъ-разъ подъ той же самой широтой, какъ и самая южная часть р. Конго, по выходѣ ея изъ озера Бангузоло. Кассаи сначала течетъ въ восточномъ направлѣніи, между лѣсистыми холмами, откуда получаетъ многочисленные ручьи съ чистою водою, исходящіе изъ водныхъ площадей, образующихся, путемъ просачиванія подъ плоскогорѣмъ. Затѣмъ, по мінованіи двухсотъ километровъ оть своего начала, Кассаи выходитъ на болотистую равнину, где къ ней присоединяется Ло-Танбуа, рѣка, текущая медленно и покрытая папирусомъ, тростникомъ и лотусомъ. Во время дождей эта рѣка затопляетъ свои берега, а истокомъ ей служить небольшое, лежащее въ 25 километрахъ къ югу оть Кассаи, озеро Диоло, другой истокъ котораго, тоже называемый Ло-Танбуа, впадаетъ уже въ Лоба или Замбезе. Такимъ образомъ, двѣ большихъ рѣки—одна на востокѣ, другая на западѣ—образуютъ непрерывный водный путь чрезъ весь материкъ, и Африка представляеть, вслѣдствіе этого, примѣръ такого изліянія рѣчныхъ водъ на два противоположныхъ другъ другу склона, которое можетъ быть сравнено съ раздвоеніемъ Кассиквіаре въ Южной Америкѣ. Что же касается озера Диоло, или «Скорби» (названо такъ на основаніи легенды объ исчезновеніи деревень, поглощенныхъ болотомъ), то оно лежить, по Ливингстону, приблизительно на высотѣ 1.200 метровъ.

Непосредственно противъ того кряжа, на которомъ совершаются упомянутое раздвоеніе, Кассаи поворачиваетъ къ сѣверу и, спустившись изъ области плоскогорїй, начинаетъ прорывать для себя долину, параллельную какъ долинѣ большой восточной рѣки, Лу-Луа, такъ и долинамъ всѣхъ остальныхъ потоковъ, зарождающихся въ южной части бассейна. Достигнувъ же центрального углубленія, иѣогда бывшаго внутреннимъ моремъ, Кассаи, превратясь уже въ большую рѣку, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и получаетъ изъ каждой долины по новому притоку; затѣмъ, около водопадовъ Мбимби, она снова принимаетъ сѣверное направлѣніе, которому и слѣдуетъ вплоть до своего сліянія съ главной восточной рѣкою бассейна, съ Лу-Луа. Эта послѣдняя, по видимому, и должна бы считаться главнымъ русломъ рѣки, не по массѣ водъ и не по длини теченія, но по причинѣ расположения ея долины на оси всего нижнаго теченія Кассаи.— Затѣмъ къ Кассаи присоединяются: съ востока—могучая Санкуру (Санкуллу), долина которой, продолжаемая вверху долиною Ло-Мами, представляетъ самый короткій путь въ область великихъ озеръ; и съ юга: сбѣгающая

съ плоскогорїй Ло-Ангэ или Тенда. Ниже этихъ впаденій, Кассаи, уже собравъ въ единое русло развѣтвленія всѣхъ своихъ верхнихъ притоковъ, получаетъ еще и другіе сильные потоки, исходящіе съ южныхъ плоскогорїй, и, кромѣ того, конечно, всѣ тѣ воды, которыхъ стекаютъ въ нее при наводненіяхъ послѣ дождей. Наконецъ, Кассаи соединяется еще съ другимъ величественнымъ потокомъ, имѣвшимъ наиболѣе важное значеніе въ исторіи Африки: это—Куанго (Куа-Нго), Изади, Заира или Зезера туземцевъ, которую португальскіе купцы часто смѣшивали съ Кассаи, иначе называемую тоже Заиро¹⁾ и которую они считали истинной главной рѣкою²⁾, говоря, что она вытекаетъ изъ «неизмѣримо глубокаго» озера, одной изъ «матерей Нила»³⁾. Даже и въ текущемъ столѣтіи на картахъ изображали Заиро-Куанго выходящею изъ большаго озера Аквилонда.

Куанго зарождается, подобно Кассаи, на высотѣ приблизительно 1.600 метровъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ истоками этой рѣки; во, вмѣсто того, чтобы свернуть къ востоку, она сбѣгаетъ съ области плоскогорїй болѣе короткимъ путемъ: ея долина, представляющая весьма удлиненную кривую, слѣдуетъ вдоль восточной подошвы западныхъ краевыхъ горъ. Крутость уклона на протяженіи тѣхъ пяти градусовъ, которые, въ верхнемъ своемъ теченіи, Коанго пробѣгаєтъ отъ плоскогорїй до равнины, дѣлаетъ эту рѣку неудобною для судоходства. Ее прерываются пороги и водопады, и изъ нихъ одинъ, Капаранга, свергается не менѣе, какъ съ 50 метровъ; зато послѣдній, Жингунши, ниспадаетъ съ высоты не болѣе одного метра и быть-можетъ, проходить для барокъ. Книзу же рѣка судоходна для пароходовъ вплоть до своего устья, на протяженіи приблизительно 300 километровъ. Нижняя часть Куанго приближается къ Конго, который протекаетъ по другую сторону сланцевыхъ гребней, всего лишь въ 35 километрахъ разстоянія; но оба потока движутся въ различныхъ направленихъ: Куанго—съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а Конго—съ сѣверо-востока на юго-западъ⁴⁾. Описавъ же свою большую дугу къ западу, Куанго направляется къ востоку чрезъ лѣса и, въ двѣнадцати километрахъ оть своего устья, получаетъ соперничающій съ нею потокъ, называемый Джумою. Grenfell не могъ распознать, которая рѣка многоводнѣе: Куанго или Джума? Почти напротивъ впаденія Куанго, въ Кассаи вли-

¹⁾ Wissmann, „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers“, 1885.

²⁾ Ladislas Magyar, „Petermann's Mittheilungen“, 1857, тетр. IV и V.

³⁾ „Mission evangelica al regno de Congo de la Serafica religion de los Capuchinos.“

⁴⁾ Büttner, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“, 1886, тетр. I.

вается другой рѣчной потокъ, доступный для судовъ: Мфими или Мфини, исходящій изъ озера Леопольда и составляющій продолженіе рѣки Лу-Кеніа, текущей параллельно Санкуру; должно, однако, замѣтить, что половодія часто измѣняютъ очертанія дннныхъ водныхъ поверхностей и ихъ едва выдающихся береговъ: такъ, Стэнли, проникая въ озеро Леопольда, не видѣлъ мѣста впаденія въ него рѣки, а Kund и Tappenbeck, спускаясь по рѣкѣ, не видѣли того озера, чрезъ которое рѣка пролагала себѣ путь¹⁾.

Книзу отъ своего слиянія съ Куангомъ и съ Мфими, Кассап, или Ква (Ква), соединяетъ свои воды въ узкій и глубокій каналъ, вырытый между скалистыми холмами, которые нѣкогда разобщили Кассап отъ Конго; теченіе въ этомъ каналѣ чрезвычайно быстро и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 12 или 13 километровъ въ часъ; однако, онъ еще не смылъ всѣхъ скалъ, которыхъ загромождаютъ ложе рѣки, и потому кое-гдѣ судоходству все еще угрожаютъ опасности. Въ тѣснинахъ рѣчной долины не намѣриваются отъ берега до берега болѣе 400 метровъ, т. е. шестой части ширины Кассапа кверху отъ ущелья, но зато глубина потока такова, что лотъ, длиною въ 36 метровъ, не достигаетъ каменистаго dna. Вступая въ Конго, теченіе котораго Кассап усиливаетъ мощною массою своихъ, «имѣющихъ цвѣтъ чая», водъ, притокъ этотъ не шире 640 метровъ²⁾.

Такъ же какъ и Кассап кверху отъ слиянія, Конго, имѣя ширину отъ двухъ до четырехъ километровъ, течеть вдоль холмовъ, которые, господствуя надъ его лѣвымъ берегомъ, усѣяны у своихъ подошвъ полевошпатовыми скалами, торчащими изъ воды. Затѣмъ, по мѣрѣ наихожденія рѣки къ юго-западу, цѣпи высотъ, справа и слѣва, становясь все выше и выше, образуютъ, наконецъ, порталъ въ двѣ тысячи метровъ, по минованіи котораго рѣка вступаетъ въ почти круглое озеро, приблизительно въ 60 метровъ глубины: это Нкуна, болѣе извѣстное подъ именемъ «Stanley-Pool'я», «пруда Стэнли»; оно оживляется проточной водой и занимаетъ большое пространство, равняющееся, по словамъ недавнихъ изслѣдователей, 210 квадратнымъ километрамъ. По этому водоему разсыпаны многочисленные острова, между прочимъ, одинъ сплошь покрытый лѣсомъ и протянувшійся какъ-разъ по оси рѣки, вслѣдствіе чего теченіе ея раздваивается. На правомъ берегу, въ сторонѣ сѣвера, размывающее гѣиствие воды превратило скалы въ кручи съ вершинами, покрытыми травами, и такъ какъ первымъ, изслѣдователямъ они напомнили крутые

берега Англіи, то ихъ и прозвали: Dover-cliffs, Дуврскими утесами.

Всего въ нѣсколькихъ километрахъ разстоянія отъ пруда Стэнли начинается лѣстница изъ водопадовъ, которая дѣлаетъ вполнѣ невозможнымъ всякое сообщеніе водою между среднимъ и нижнимъ теченіями Конго и которая названа Стэнли «Ливингстоновыми водопадами». Отъ станціи Брацавиль до станціи Матади—на протяженіи приблизительно 275 километровъ—тридцать два водопада и многочисленные пороги смыняютъ другъ друга, при чемъ общая высота уклона рѣчного ложа равняется почти 255 метрамъ. Изъ этихъ водопадовъ одни слѣдуютъ другъ за другомъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ километровъ, или же соединяются между собою при посредствѣ обращенныхъ другъ къ другу отлогихъ спусковъ, соприкасающихся своими основаніями, вслѣдствіе чего вода сливается съ одного спуска и взбѣгаєтъ на другой, смежный, въ формѣ длинныхъ клюкочущихъ волнъ; другіе раздѣлены значительными пространствами, не представляющими примѣтнаго для глаза уклона, вслѣдствіе чего рѣчные воды и текутъ съ спокойною величавостью. Во многихъ мѣстахъ р. Конго, будучи сжата между береговыми холмами, имѣть лишь отъ 300 до 400 метровъ ширины, а въ одной тѣснинѣ, книзу отъ Иссангиля, ширина ея вѣ болѣе 225 метровъ¹⁾; въ другихъ мѣстахъ она округляется, образуя обширные «котлы», въ которыхъ ея воды кружатся въ скалистомъ циркѣ. Видъ рѣки мѣняется безпрестанно: въ ущельѣ повсюду внезапные повороты; водопады, толчey водъ, клюкочущіе водовороты, стремительно сбѣгающія водяные массы, спокойная бухты, затѣмъ новая паденія въ пѣняющуюся бездну—слѣдуютъ непрерывной чередой. Переbrasывающаяся отъ одной стороны къ другой между гранитными утесами, рѣка, когда смотришь на нее съ высоты прибрежныхъ холмовъ, кажется похожею на горный ручей, но какой могутъ ручей! Сдавленная въ тѣснинѣ, она наверстываетъ потерю въ ширинѣ глубиною и скоростью теченія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она несетъ съ быстротою болѣе 13-ти метровъ въ секунду, а дно ея ложа углубляется болѣе, чѣмъ на 90 метровъ отъ поверхности воды. На протяженіи всей этой области ущельй, Конго получаетъ съ юга, съ плоскогорій, лишь малозначительные притоки: Лу-Лу, Нкисси, Куилу, Лу-Фу и Мпозо; а съ сѣверного склона—одни лишь простые ручьи.

Иеллала—послѣдний водопадъ, но еще и книзу отъ него, километровъ на пятьдесятъ, долина сохраняетъ видъ ущелья, размывавшагося долгою работою водъ. Кручи, съ гранитами происшедшими какъ-бы отъ распила,

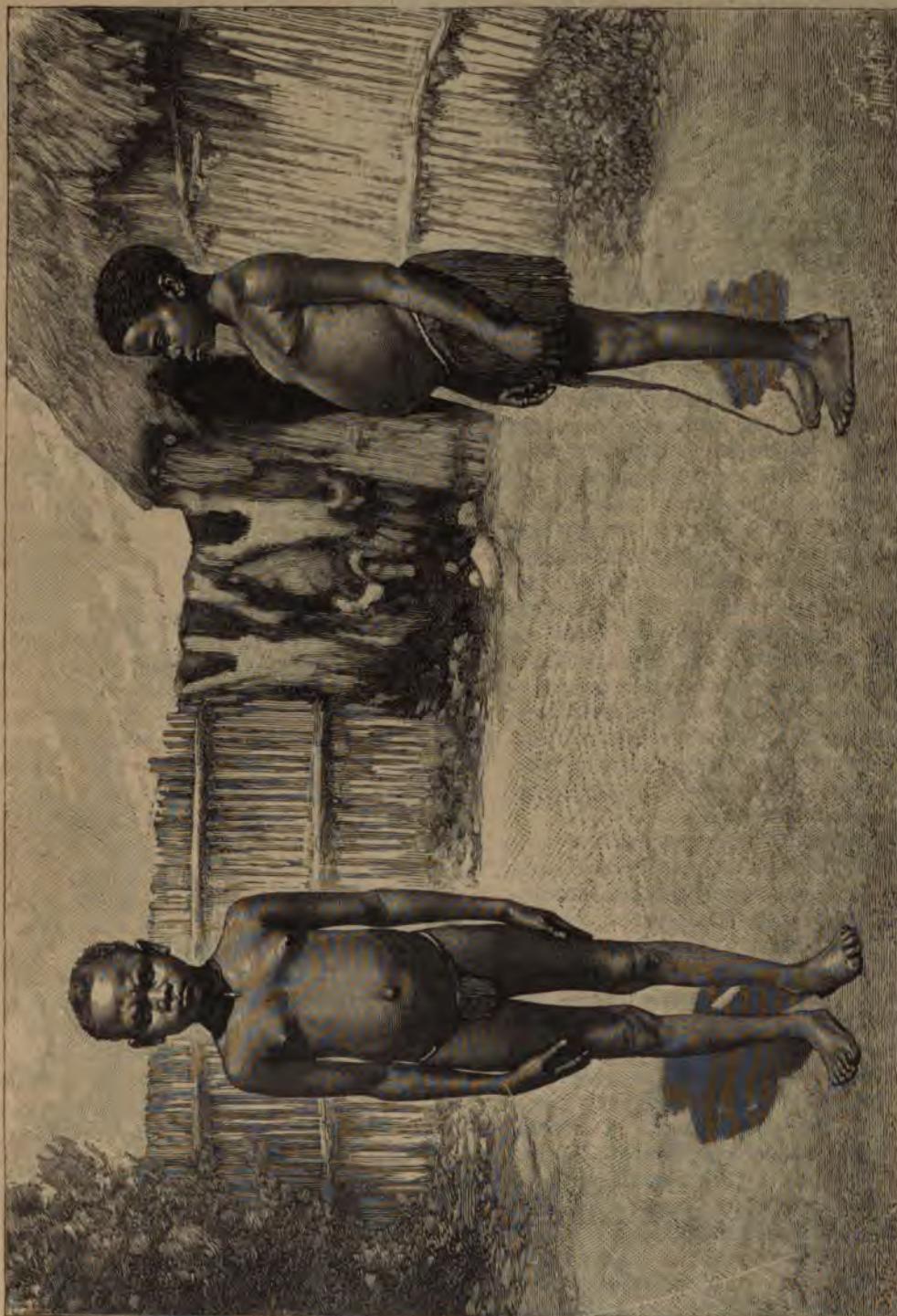
¹⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“, томъ VІ, май 1880.

²⁾ Grenfell, „Proceedings of the R. Geographical Society“, октябрь 1886.

¹⁾ Meddlycott и Wood, «Petermann's Mittheilungen». 1877, тетр. VIII.

возвышаются надъ рѣкой съ той и другой стороны болѣе, чѣмъ на 100, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 300 метровъ; кое-гдѣ вода проносится черезъ пороги; наконецъ, на од-

жатся въ ней непрерывно, образуя меныши водовороты съ радиусомъ, однако, въ два метра и съ углубленіемъ въ 4 или 5 сантиметровъ¹).

Мужчина и женщина племени акка.

номъ внезапномъ поворотѣ своего ложа рѣка вырыла для себя въ циркѣ красной земли пропасть съ отвесными стѣнами и глубиною въ 120 метровъ; пропасть эта называется «Котломъ дьявола», и водныя массы кру-

затѣмъ, по минованіи одного острова—который издали кажется совершенно пре-

¹) Carlos de Magelhaes, „Boletin da Sociedade de Geographia de Lisboa“. 1885, № 3.

граждающимъ потоку путь,—вдругъ видишь передъ собой раскинувшійся лиманъ, усѣянный большими островами и мелями, лиманъ, при началѣ котораго гранитный холмикъ, въ формѣ обелиска, называемый «Бембанбекъ», или также «Утесъ Молніи»—на правомъ берегу, и стѣна другой гранитной же кручи, «Камня Фетиша»—на лѣвомъ, обозначающую предѣль, который долго не переходили морскія суда. Что касается Камня Фетиша, Pedra de Feitiço, то нѣкогда онъ и на самомъ дѣлѣ былъ украшенъ фетишами, при чемъ во время экспедиціи Tuckey, въ 1816 году, отшлифованная поверхность этого утеса была покрыта барельефами изъ горшечной глины, изображающими людей и животныхъ; съ теченіемъ времени скала выщербилась, и теперь эти изображенія уже не видны. Одинъ изъ острововъ, находящійся посерединѣ рѣки, къ сѣверо-западу отъ Камня Фетиша, Тшіонго, окаймленъ съ востока громадными глыбами гранита, принадлежащими къ той же самой формациі, какъ и глыбы Бембандека и Камня-Фетиша. Вслѣдствіе этого, Chavanne полагаетъ, что этотъ островъ нѣкогда былъ соединенъ съ Утесомъ Фетиша, и что рѣка Конго, держась сѣвернѣе отъ этого прохода, направлялась на сѣверо-западъ, быть-можетъ, идя на соединеніе, къ сѣверу отъ Куилу, съ прибрежною лагуною, называемою Баняя¹⁾). Но гипотеза эта, повидимому, не оправдывается видомъ мѣстности. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣка часто перемѣщала свое ложе, и нѣгоціанты въ Бананѣ опасаются, чтобы она не вздумала отвернуться отъ ихъ города и не бросилась бы къ Кабинду чрезъ рѣку «Крокодиловъ»²⁾.

Около середины залива, который въ одно и то же время рѣчной—по теченію его водъ, и океаническій—по морскому приливу, разстояніе между берегами превышаетъ 17 километровъ. Но, приближаясь къ морю, лиманъ суживается, и главный его рукавъ, въ среднемъ, не шире шести километровъ, хотя наполняемые при приливѣ боковые притоки съ обѣихъ сторонъ и развѣтвляются тысячу каналовъ, направляющихся внутрь побережья. На ливії впаденія въ океанъ ширина устья рѣки между мысами превышаетъ 11 километровъ, а глубина мѣстами достигаетъ 300 метровъ. Что касается порога при Бананскомъ входѣ, имѣющаго при отливѣ шесть метровъ, а при приливѣ слишкомъ семь метровъ глубины, то онъ тянется наискось рѣки, въ направлѣніи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, составляя продолженіе двухъ песчаныхъ стрѣлокъ: на сѣверѣ—полуострова Банана, а на югѣ—мы-

са Акулы (Shark-point), или мыса св. Антонія. Если на большей части новѣйшихъ картъ и обозначаютъ мысъ Padrao, какъ выступъ, наиболѣе выдающійся на юго-западѣ морскаго побережья, то это ошибка; этотъ знаменитый пляжъ совпадаетъ со стрѣлкою Акулы¹⁾), которой такое название далъ мореплаватель Diogo Cam, открывшій въ 1485 году Конго и помѣстившій на упомянутой стрѣлкѣ «патрона» или мраморную колонну въ знакъ завладѣнія этой областью Португаліей. Говорить, будто этотъ столбъ былъ въ 1645 году низвергнутъ голландцами²⁾; но недавно Schwerin разыскалъ отъ него обломки, превращенные туземцами въ «камней-фетишей» и чествуемые ими³⁾.

Самая форма устья доказываетъ, что рѣчной потокъ продолжается и въ открытомъ морѣ; но, будучи отбрасываемы морскимъ теченіемъ, движущимся вдоль побережья съ юга на сѣверъ, эти Конгскія воды устремляются по преимуществу въ направлѣніи къ сѣверо-западу. Въ то время какъ южный берегъ рѣки далеко выступаетъ за линію выхода ея въ океанъ, сѣверный, напротивъ, размывается потокомъ ея водъ, отторгающій отъ него частицы на всемъ протяженіи берега до самого Краснаго Мыса, отстоящаго отъ устья на 40 километровъ къ сѣверо-западу. Впрочемъ, рѣчной потокъ даетъ себя чувствовать и гораздо дальше этого предѣла: моряки辨认出他, по измѣненію цвѣта и по меньшей плотности воды, уже за нѣсколько дней до появленія на горизонте африканскаго материка. Уже на разстояніи 450 километровъ, воды принимаютъ темноватый оттенокъ, а болѣе чѣмъ за 350 километровъ часто встречаются также и несущіяся деревья и плавы, покрытые кустарникомъ, вѣтви котораго сплетаются другъ съ другомъ; эти плавы видѣли даже передъ мысомъ Лопецъ и даже на песчаныхъ берегахъ острова Аннобона⁴⁾). Въ 64 километрахъ отъ устья вода желтовата; а въ 22 кил.—она вполя прѣсна на поверхности океана. Справа же и слѣва рѣчного потока, несущагося въ открытый Атлантическій океанъ, образуются противотеченія, и вслѣдствіе противоположнаго направлѣнія ихъ, судно, на протяженіи всѣхъ кабельтовъ, т. е. нѣсколькихъ стодвадцати-саженныхъ разстояній, можетъ отыскать для себя теченіе, либо отдаляющее его отъ входа въ рѣку, либо, наоборотъ, приближающее къ нему. А такъ какъ вдоль Кабиндскаго побережья зыбь разбивается водами Конго, то судамъ, идущимъ

¹⁾ Ernesto de Vasconcellos, рукою симъ замѣтки.

²⁾ Pechuel-Lösché, „Loango-Expedition“, З-е отдѣленіе.

³⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“. Июль 1887.

⁴⁾ Philippe de Kerhallet et Legras, „Instructions nautiques sur la côte orientale d’Afrique“.

¹⁾ Pechuel-Lösché, „Loango-Expedition;—Josef Chavanne, Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongostaat“.

²⁾ H. Johnston, „The river Congo“.

около берега, для облегчения маневрирования, надо только держаться внутри течения изъ реки. Пограничную линию между водами рѣчными и морскими обозначают скоплениемъ тѣхъ плавающихъ разнообразныхъ венцей, которая рѣчнымъ потокомъ отодвигаются въ сторону отъ него, а морскимъ течениемъ, напротивъ, возвращаются обратно въ теченіе рѣчное: такие подвижные берега безпрѣрывно разрушаются, но, зато, безпрѣрывно же и восстанавливаются¹). Однако, подъ этими измѣнчивыми берегами существуютъ другіе, открытые лотомъ корабля Биссанея на днѣ моря. Оказалось, именно, что за перемѣщающимся баромъ Конго долина рѣки продолжается между двумя, явственно выраженными берегами: такъ, въ 22 километрахъ мористѣе Бананы, морское дно этой долины находится на глубинѣ 360 метровъ, а надъ погруженными въ воду ся берегами глубина моря достигаетъ всего лишь 180 метр., дальнѣйшая же разница между дномъ ложа и его берегами составляетъ уже 1.640 метровъ. Эта морская впадина, составляющая продолженіе долины Конго, простирается въ морѣ на 480 километровъ, при чёмъ справа и слѣва ее окаймляютъ возвышенія, очевидно, состоящія изъ тѣхъ венцествъ, которая отлагаются рѣчнымъ течениемъ при его столкновеніи съ морскими водами²): образуется, слѣдовательно, не «дельта», какъ говорили, но подводный, находящійся на днѣ океана, заливъ. Такимъ же образомъ, при посредствѣ лота, были открыты и обаймленныя аллювіальными берегами продолженія рѣчныхъ долинъ на озерахъ Женевскомъ и Констанцскомъ, где продолжателями явныхъ Рейна и Ровы являются Рейнъ и Рова, скрытые подъ водой³).

Но если прѣсныя воды Конго уносятся далеко въ море, то и соленые воды проникаютъ также въ лиманъ. На рейдѣ въ Банана, какъ равно и на протяженіи всего бассейна устья, поверхностная вода всюду принадлежитъ рѣкѣ, а глубокая—морю, о чёмъ свидѣтельствуетъ степень солености жидкой массы. Тогда какъ плотность верхневодной площиади превышаетъ удѣльный вѣсъ дистиллированной воды всего только въ предѣлахъ отъ 4 до 9 тысячныхъ, соленость слоеvъ около дна колеблется между 24 и 27 тысячными: а эти нижние слои создаются благодаря той соленой волнѣ, которая устремляется въ воронку рѣки далеко подъ прѣсныя воды, развивающіяся на поверхности бассейна на подобіе выпущенного на воду масла. Поэтому, когда по лиману плыветъ пароходъ, то отъ бортовъ его винта на поверхности

струи за кормой виднѣются темно-зеленая полоса: это и есть морская вода, тѣснѣмая съ обѣихъ сторонъ мутными водами Конго, которыя, послѣ отброса винтомъ, стремительно возвращаются обратно и въ своей темной массѣ скоро вскрываютъ показавшуюся на мигъ свѣтлую океаническую воду. Судно, подводная часть которого окажется одновременно въ толще слоевъ обоихъ течений, перестаетъ слушаться своего руля, и кормчому не легко бываетъ дать себѣ отчетъ въ равнодѣйствующей двухъ противоположныхъ силахъ. И когда, при такой случайности, нельзя бываетъпустить корабль по вѣтру, то можетъ грозить серьезная опасность. Кверху отъ Понта-да-Леня и глубокая вода становится уже вполнѣ прѣсною.

Приливъ, проникающій въ Конгскій лимапъ вплоть до самого лабиринта острововъ, задерживаетъ рѣчной потокъ и повышаетъ его уровень, но не заставляетъ его течь обратно; оттого на берегахъ Конго почти совершенно отсутствуютъ кориепуски, разростающіеся въ экваторіальныхъ областяхъ, па-подобіе изгородей, по берегамъ всѣхъ тѣхъ рѣкъ, въ которыхъ ощущается морской приливъ. Масса прѣсной воды, паденіе которой, къ тому же, между началомъ залива, въ Бома, и поверхностью Атлантическаго океана равняется $12\frac{1}{2}$ метрамъ, слишкомъ значительна и обладаетъ слишкомъ большою скоростью, чтобы во всякой часѣ имѣть для себя выходъ. Опредѣлить объемъ этой жидкости пытались уже со времени экспедиціи Тискуея¹, и первое исчисление замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ исчислѣніями, сдѣланнными въ наши дни. Такъ, Тискуе находилъ, что средній расходъ воды въ рѣкѣ равняется въ секунду сорока восьми тысячамъ кубическихъ метровъ²), а тѣ опыты, возлѣ Stanley-Poel'я, на которыхъ предѣдѣтствовалъ Стенли, опредѣлили для первыхъ дней марта, при мелководіи, истеченіе равнымъ въ секунду 40.776 куб. метрамъ, для периода же дождей, судя по отмѣткамъ на скалахъ, вычислили 71.642 куб. метра³). Съ тѣхъ порь были произведены многочисленныя исчислѣнія, изъ которыхъ одни опубликованы безъ подкрепляющихъ ихъ документовъ и гласятъ, будто данный расходъ равняется ста и даже ста двадцати тысячамъ кубическихъ метровъ; а по другимъ выкладкамъ, данными которыхъ известны, онъ, между Ноки и устьемъ, колеблется въ предѣлахъ отъ 36 до 55 тысячъ метровъ³). Эти различія объясняются перемѣнами въ уровнѣ рѣки, наблюдаемыми даже въ периоды средняго стоянія

¹⁾ Von Shleinitz, "Voyage de la Gazelle". Hydrographische Mittheilungen" 1874.

²⁾ Ernesto da Vasconcellos, "Boletino da Sociedade de Geographia de Lisboa". 1886, № 1.

³⁾ Höralmann;—F. Forel, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Narrative of an Expedition to explore the river Zaïre.

²⁾ Stanley, "Cinq ann閑s au Congo".

³⁾ Josef Chavanne, "Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongo-Staate".

водъ, а также и трудностью полученія точнаго профиля столь широкой рѣки, которая, во-первыхъ, усѣяна островами, а во-вторыхъ, воды которой скользятъ по поверхности подводного морскаго потока. Что касается осадковъ, приносимыхъ рѣкою въ море, то, по Chavanne'у, годовое количество ихъ достигаетъ приблизительно 350 миллионовъ кубическихъ метровъ, и, следовательно, осадковъ этихъ достаточно для образованія на днѣ океана острова, основаніемъ въ одинъ квадратный километръ и высотою въ триста метровъ.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ рѣкъ Африки Конго катить самую большую массу воды и даже во всемъ Старомъ Свѣтѣ не имѣть себѣ соперника: воды Ганга и Брахмапутры, взятыя вмѣстѣ, составили бы лишь двѣ-трети средняго количества водъ въ Конго. Единственная рѣка въ мірѣ, превосходящая Конго объемомъ своихъ водъ, есть рѣка Амазонская, которая, какъ и Конго, рождается въ экваторіальной полосѣ и, также какъ онъ, вzdувается отъ дождей изъ области безвѣтряй: такимъ образомъ, одинаковый климатъ придалъ одинаковый режимъ этимъ двумъ великимъ потокамъ. У обоихъ замѣчается смѣна половодій и мелководій, соответствующихъ колебаніямъ уровня въ главныхъ притокахъ, а прибыль и убыль въ притокахъ, въ свою очередь, разнообразно урав-

новѣшиваются въ общемъ ложѣ низовья рѣки и сообщаютъ равномѣрность ея истечению; тѣмъ не менѣе, въ тѣсинахъ водопадовъ разность уровней достигаетъ девяти метровъ, а въ Вини, книзу отъ послѣдняго водопада, она превышаетъ четыре метра. На протяженіи своего устья Конго представляеть въ году два периода повышенія и два периода пониженія, при чёмъ самые высокіе уровни выпадаютъ на долю декабря и мая, а самые низкіе на—мартъ и августъ. Очевидно, оба разлива слѣдуютъ за дождливыми временами года: зимнимъ—когда облачный поясъ спускается къ экватору, и весеннимъ—когда онъ снова поднимается въ сѣверное полушаріе; возвышение уровня въ нижнемъ теченіи Конго совершается тогда отъ прибыли воды изъ притоковъ праваго берега, каковы Аракуми, У-Банги и Алима. Предварительныя наблюденія, сдѣланныя въ устьяхъ многочисленныхъ притоковъ рѣки, уже даютъ приблизительное понятіе о сравнительномъ значеніи каждого изъ нихъ въ общемъ питаніи рѣки; но для точнаго опредѣленія доли каждого притока въ общемъ движениіи водъ бассейна, необходимъ еще долгій и кропотливый трудъ.

Вотъ числовыя данныя для оцѣнки сравнительного значенія каждого изъ главныхъ притоковъ Конго:

	Н а з в а н і е .	Длина рѣки въ километрѣ.	Длина обслѣдованнаго су- доходнаго русла рѣки и ея притоковъ. въ килом.	Расходъ воды въ рѣкѣ въ куб. метрахъ въ секунду.
Притоки пра- вые .	Конго	3.765?	2.626	50.000
	Мпуру.	?	100 (Wester).	
	Аракуми	?	150 (Stanley).	
	Итимбири	?	200 (Grenfell).	
	Ма-Нгала	450?	350 (Baert.).	700 (Grenfell, д. 1884 г.)
	У-банги	2.500?	700 (Grenfell).	8.000 (Francois).
	Буга	1.500?	210 (Grenfell).	1.800 (Francois).
	Ликуалла	600?	300 (Giac de Brazza).	1.000 (Grenfell).
	Лима	500	350 (Ballay).	1.000 (Grenfell).
Притоки лѣвые .	Нкени	250	175 (Ponel).	120 (Grenfell).
	Лефини	250	150 (P. de Brazza).	
	Лу-Лаба	1.000	400 (Reichard).	
	Лу-Билахъ	700	250 (Grenfell).	1.000 (Grenfell, ф. 1885 г.)
	Лу-Конго	1.110	960 (Francois).	1.400 (Francois).
	Икелемба	450	225 (Grenfell).	
	Тшуана	1.200	1.130 (Francois).	
	Иребу	200	150 (Grenfell).	
	Кассан-Куанго	1.940	3 064	9.000
	Бассейнъ Конго	4 280	11.240	50.000

Различныя наименования главныхъ притоковъ и подпритоковъ Конгскаго бассейна, на протяженіи отъ верховьевъ до устья:

Аракуми: Би-Иерра, У-Бинджи, Непоко (?). Куа: Кассаи, Кассаби, У-Бума, Изаре, Заире. Куанго: Ибари-Нкуту, Заире. Ликуалла: Ликольна, Боссака, Моссака. Лойка: Итимбири. Лу-Билахъ: Ло-Мами, Лу-Калла, Бо-Локо. Лу-Кені: Лу-Катта, И-Катта. Луа Пула: Луа-Вуа, Webb's river. Луа-Лаба: Комолондо,

М'Колуа. Нкени: Мкені. Сонга: Бунга, Сэко-ли. У-Банги: Мо-Банги, Либоко, Уэллз-Макуа (?).

Судоходные пути, открывавшіеся для человѣческой промышленности въ бассейнѣ Конго, громадны и уступаютъ только такимъ же путемъ рѣки Амазонской. Правда, эта цѣнь каналовъ отдѣлена отъ моря гранитною лѣстницей, при посредствѣ которой низвергаются конгскіе водопады, но караваны пѣшеходовъ

поштучно переносять кузова и машины пароходовъ въ озеро Станли, представляющее великолѣпный входной бассейнъ для всѣхъ путей къ сѣверу, востоку и югу Внутренней

между водопадами Ливингстона и Станли, свободный путь въ 1.700 километровъ длиною; кроме того, болѣе чѣмъ на тысячу километровъ она судоходна также и на протяженіи

Женщины племени ніамъ ніамъ.

Африки. Уже сама главная рѣка, длина которой исчисляется различно—отъ четырехъ до слишкомъ четырехъ съ половиною тысячъ километровъ — представляетъ, на протяженіи

тѣхъ ея отдельовъ, которые приходятся на области ея устья и истоковъ; Кассай, продолжаемая къ востоку рѣками Санкуру и Ломами, доступна для пароходовъ на протяже-

ни 3.000 километровъ, которые въ мечтахъ будущаго представляются продолженными, при посредствѣ канала, также до самыхъ высокихъ верховьевъ Конго; кромѣ того, на сотни и сотни километровъ проходимы для пароходовъ и пирогъ также У-Банги, Тшуапа, Лу-Лонго, Алима и другія рѣки, почти всѣ носящія такъ много различныхъ названій, что возможны даже и смышленія ихъ другъ съ другомъ. Затѣмъ, общее число всѣхъ судоходныхъ линій станетъ неисчислимымъ, если къ рѣкамъ присоединить также прибрежные каналы-протоки, озера и боковые рукава; нѣтъ, вѣроятно, ни одного мѣста на пространствѣ бассейна, которое, по словамъ Grenfell'я, «находилось бы въ разстояніи больше 160 километровъ отъ какой-нибудь пристани, достичемой со стороны воды». Но эти громадныя облегченія для путешествія внутрь останутся до тѣхъ поръ безъ примѣненія, пока области средняго теченія Конго не будутъ соединены съ поморемъ хорошими подъѣздными путями. Затрудненія при переноскѣ таковы, что тонна товаровъ, доставляемая изъ Антверпена въ устье Конго за 38 франковъ, раньше своего достижениія до мѣста сліянія Конго съ Арахуми, обременяется дополнительными расходами по перевозкѣ въ нѣсколько сотень и даже тысячъ франковъ. Нельзя, слѣдовательно, серьезно помышлять о пользованіи богатствами бассейна раньше, чѣмъ желѣзная дорога дастъ возможность обходить пороги.

Рельефъ континента въ бассейнѣ Конго объясняется направленіе и характеръ теченія рѣкъ. Горы возвышаются не въ центральныхъ областяхъ, а въ сопѣдствѣ съ океаномъ. Къ востоку отъ краевыхъ щепей, тянущихся вдоль Атлантическаго океана на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, простирается центральная низменность, которую въ общихъ чертахъ можно рассматривать какъ ограниченную: съ запада и съ сѣвера, вверхъ отъ пруда Стэнли,—рѣкою Конго и ея большою излучиной вплоть до водопадовъ Стэнли; съ юга—ложами рѣкъ Кассаи и Санкуру, и съ востока—горами побережья Танганьики. Это обширное пространство, по происхожденію, вѣроятно, озерное, позволяетъ р. Конго развернуться къ сѣверу полуокругомъ громадной длины, а воды ея сбѣгаютъ къ этому центральному бассейну со всѣхъ сторонъ съ замѣчательною правильностью, обусловливаемою общимъ наклономъ почвы. Къ сѣверу отъ озера Ланджи, притоки Верхняго Конго спускаются съ горъ въ направленіи съ востока на западъ; на югъ—всѣ притоки Санкуру-Кассаи текутъ съ юга на сѣверъ; а въ западъ—рѣки, находящіяся во французскихъ владѣніяхъ, устремляются на соединеніе съ Конго, змѣясь въ направленіи къ востоку. Всѣ эти соединенные воды встрѣчаютъ препятствіе въ краевыхъ горахъ, вслѣд-

ствіе чего уровень рѣки поднимается къ верховью, и потокъ изливается послѣдовательнымъ рядомъ каскадовъ въ бреши скаль, еще недостаточно вырытой размывающею силою воды.

Цѣни высотъ, возвышающіяся параллельно берегу на сѣверѣ Конго, продолжаются въ томъ же самомъ направленіи также и къ югу отъ этой рѣки. Это тоже скалы изъ гранита, гнейса и древнихъ сланцевъ, гребни вершинъ которыхъ расположены въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Средняя высота ихъ всего 700 метровъ. Когда взойдешь на одну изъ вершинъ, господствующихъ съ юга надъ долиной Конго, то на всемъ кругѣ горизонта едва-ли увидишь какую-либо другую вершину, превышающую избранную для восхожденія¹⁾; вся поверхность страны перерѣзана глубокими ущельями, въ которыхъ змѣйками извиваются рѣки; весь край представляетъ обширное плоскогоріе, поверхность котораго мѣстами, вслѣдствіе климатическихъ невзгодъ, разрушена и лишена тѣхъ почвенныхъ слоевъ, которые пригодны для прозибанія растеній. Однако, съ приближеніемъ къ югу, горы мало-по-малу становятся все выше: уже къ западу отъ средняго теченія Куанго, нѣкоторыя вершины превосходятъ тысячу метровъ, а въ области верховьевъ Конго, само плоскогоріе, т. е. тотъ цоколь, который служитъ подножіемъ для вершинъ, достигаетъ высоты въ 1.600 метровъ; впрочемъ, сами вершины не высоки, и къ востоку поверхность почвы на взглядъ кажется почти горизонтальною. И вотъ здѣсь-то именно и находится та обширная озерная водораздѣльная поверхность, воды съ которой стекаютъ на обѣ стороны: въ Атлантическій океанъ, при посредствѣ Кассаи, и въ Индійское море, при посредствѣ Замбэзе. Большая часть западной области горъ и плоскогорій покрыта толстымъ пластомъ латерита, образовавшагося отъ разложенія глинистыхъ сланцевъ и другихъ поверхности лежащихъ камней. По видѣнію виду этотъ латеритъ походить на разноцвѣтный песокъ: красный, коричневый и желтоватый; дождевая вода просачивается чрезъ него быстро, какъ чрезъ решето, и затѣмъ пробивается наружу уже у подошвы высотъ; но по краямъ плоскогорій дожди отторгаются отъ этихъ слоевъ громадные отломки, и тогда устоявшая масса, въ видѣ красноватыхъ утесовъ, высится надъ вѣтвистыми деревьями, тѣснящимися у ихъ подошвъ.

На востокѣ бассейна рельефъ менѣе правильнъ, чѣмъ на западѣ; краевые кряжи уже отличаются меньшей правильностью формъ и меньшою прямолинейностью хода, но, зато, въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ они достигаютъ боль-

¹⁾) Stanley, „Cinq ann閑s au Congo“;—I. I. Chavanne, „Petermann's Mittheilungen“, 1887 тетр. IV.

шой высоты. Надъ амфитеатромъ горъ—возвышающимся къ югу отъ озера Бангуро и своими предгоріями оттесняющимъ рѣку Луа-Пула въ направленикъ съверу—господствуютъ вершины хребта Локинги, имѣющія, какъ говорятъ, отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ высоты. Локинга же, при посредствѣ боковыхъ предгорій, соединяется съ террасами горъ Віано, чрезъ которыхъ протекаетъ Луа-Лаба и которые продолжаются на съверо-востокъ, по направлению къ Танганьикѣ, прерываясь на извѣстныхъ разстояніяхъ притоками Конго въ верхнемъ его теченіи. Къ югу отъ этихъ террасъ, горы Локинги мало-по-малу понижаются въ направленикъ съверо-востоку и кончаютъ слияніемъ съ высокими равнинами, по которымъ, все отдаляясь, змѣевидно извиваются: *Луа-Нгуа*, притокъ Замбезе, и *Чисси-Чимбози*, главная вѣтвь верхняго теченія Запры. Эти равнинны, или *пурі*, устьянныя небольшими группами деревьевъ, тянутся на необозримое пространство, и на поверхности ихъ не видно никакихъ возвышеній почвы, кроме горокъ, построенныхыхъ терmitами. Во многихъ мѣстахъ эти равнинны, подобно торфяникамъ съверныхъ областей Европы и Съверной Америки, на большихъ пространствахъ пропитываются водою, становятся полужидкими и мѣстами содержать колодцы, постоянно наполненные прозрачной водою. Левингстонъ называлъ эти пространства «губками». Во время засухъ, на нихъ образуются длинныя разсѣлины, углубляющіяся вплоть до слоя бѣлаго песка, на которомъ залегаетъ болотистая равнина, потомъ, въ періоды дождей, трещины эти закрываются. Воду свою эти губки отдаютъ рѣкамъ лишь весьма медленно, чѣмъ по мѣсяцамъ и поддерживаютъ въ нихъ нормальное теченіе¹⁾.

Посредствомъ холмистыхъ плоскогорій, несущихъ на себѣ неодинаковой высоты горные кряжи и гряды, область водораздѣла между Конго и притоками Индійскаго моря продолжается также и къ востоку отъ озера Танганьики. Именно: восточнѣе отъ него, между нимъ и озеромъ Рикуа, высятся горы въ двѣ и болѣе тысячи метровъ, а съвернѣе, въ У-Ніамези, даже простыя повышенія плоскогорья имѣютъ слишкомъ тысячу двѣсти метровъ высоты; къ западу же отъ Танганьики, гора Миримби достигаетъ 1.500 метровъ, а гора Мисози поднимается на 1.730 метровъ надъ уровнемъ моря, почти на тысячу метровъ надъ поверхностью самого озера, воды которого омышаютъ ея подошву. Своимъ величественнымъ видомъ эти горы обязаны обширной поверхности воды, представляющей контрастъ съ ихъ крутыми выступами; но, по высотѣ, онѣ уступаютъ другимъ вершинамъ, слѣдующимъ одна

за другой на перешейкѣ, который ограничиваютъ озера: на востокѣ—Ніянца, а на западѣ—Мута-Нзиге; продолжаясь въ этомъ узкомъ пространствѣ, плато У-Ніамези соразмѣрно повышается и увѣличивается гребнемъ высокихъ вершинъ. Тамъ высятся три конуса Мфумбіро, съ которыхъ нисходять къ югу, къ востоку и къ съверу многочисленныя притоки р. Ка-гера, главной вѣтви Нила. Далѣе къ съверу, высятся массивы Кибанга и Гамбарагара, которые Стэнли и другіе путешественники видѣли издали, и высоту которыхъ они опредѣляютъ въ три тысячи метровъ. Такимъ образомъ, раздѣльная возвышенность, дающая озеро Танганьика бассейну рѣки Конго, продолжается также и къ востоку отъ озера Мута-Нзиге, какъ бы для пріобщенія и его въ географическомъ отношеніи къ тому же Конгскому бассейну: и дѣйствительно, по общему наклоненію почвы, Мута-Нзиге къ этому бассейну и принадлежитъ, но, по своему мѣстонахожденію, а также, вѣроятно, и по существованію соединительной долины, оно составляетъ часть области Нила. Нѣкоторые географы полагаютъ даже, что въ съверо-восточной оконечности Мута-Нзиге находится сточный каналъ, направляющійся въ озеро Альберта; однако, известно, что первый изслѣдователь, Гесси, тщетно отыскивалъ предположенную имъ рѣку, а Масонъ-бей убѣдился лишь въ существованіи, въ юго-восточномъ углу озера, потока красноватой воды, теченіе которой было преграждено растеніями въ одномъ часѣ разстоянія кверху отъ его устья²⁾). Также и рѣка, недавно открытая Эминъ-беемъ, признается имъ не за истокъ озера, а за бурный потокъ, нисходящій съ тѣхъ восточныхъ горъ, которые образуютъ кряжъ У-Сонгора³⁾). Если Мута-Нзиге дѣйствительно изливается въ съверное озеро, какъ это полагаетъ Кирхгофъ⁴⁾ и какъ это утверждали путешественники арабы изъ племени Типпо-Тиль изслѣдователю van-Gele⁵⁾), то не совершается ли это изливаніе посредствомъ такого канала, теченіе въ которомъ, на подобіе Луа-Лабы, по временамъ прекращается, либо вслѣдствіе заторовъ изъ растеній, либо по причинѣ пересыханія канала, вслѣдствіе убыли воды въ самомъ озерѣ Мута-Нзиге? Вѣдь, изъ бѣлыхъ путешественниковъ его воды видѣть только одинъ Стэнли; да и онъ самъ не проинкалъ къ нимъ, а пославши имъ туземцы возвратились съ сообщеніемъ, что въ данной мѣстности высокая круча воспрепятствовала имъ спуститься къ озеру: такъ, по словамъ этихъ туземцевъ, мышки съ

¹⁾) „Bulletin de la Société Khediviale de Géographie du Caire“, № 5, съ мая 1877 по февраль 1878.

²⁾) Письмо Эминъ-бей къ Falkin'yu⁶⁾: Scottish geographical Magazine, 1887.

³⁾) Petermann's Mittheilungen, 1887, тетр. IV.

⁴⁾) „Mouvement géographique“, 1883, № 13.

*.

солью они были принуждены втаскивать до самой вершины скалъ при посредствѣ веревокъ.* Впослѣдствіи Стәнли и Эминъ-паша нашли, что Мвутанъ-Нзиге, иначе озеро Альберта-Эдварда, есть крайнее юго-западное озеро-истокъ Нила, что оно соединяется чрезъ р. Семлики съ сѣвернымъ о. Альберта, но не имѣть никакого сообщенія съ о. Танганьика. Южный и западный берегъ его были изслѣдованы, въ 1891 г., Эминъ-пашей и Штульманомъ, при чемъ было установлено, что озеро это достигаетъ лишь 0,45 южн. шир. и лежитъ на высотѣ 875 метр. надъ уровнемъ моря*.

На сѣверо-востокѣ водораздѣлъ между Конго и «Страною Рѣкъ», родящихъ Нилъ, едва обозначенъ нѣсколькими возвышеніями почвы, уединенными горами, имѣющими до 500 метровъ высоты надъ порогомъ¹), а также равнинами съ неопределеннымъ уклономъ. Вероятно, то же самое существуетъ между склономъ рѣки Конго и склономъ Шари, и въ такомъ случаѣ впадина Центральной Африки, значитъ, продолжается отъ древняго Конгскаго озера къ еще существующему озеру Чадъ, этому остатку нѣкогда болѣе значительного внутренняго моря. Но—соединяется или нѣть область обоихъ бассейновъ при посредствѣ промежуточныхъ равнинъ—не подлежить сомнѣнію, что часть даннаго пространства занимаютъ массивы: или уединенные, какъ Мендиѳъ, или непрерывные, какъ другія менѣе высокія горы. Такъ, къ югу отъ Уэлле возвышается группа уединенныхъ высотъ, которыми путешественникъ Potagos далъ название горъ Георга; а рѣка У-Банги ската въ стѣнахъ горъ, которыхъ, если смотрѣть на нихъ съ низовьевъ этой рѣки, по своей вѣшности походятъ на Пиренеи, видимыя съ равнинъ Гасконіи²). Вообще, самый неровный и разнообразный рельефъ Конго представляетъ въ области своихъ верховыхъ притоковъ,—этой обыкновенно наилучше ограничивающей части рѣчныхъ бассейновъ; напротивъ, въ сторонѣ выхода рѣки, препятствіе, образованное краевыми кряжами, первоначально состояло изъ преграды однообразной и сплошной. Задерживающие этою запрудою воды должны были пребывать на громадныхъ равнинахъ Внутренней Африки въ теченіе весьма долгаго времени, а взвѣшенія въ нихъ твердыхъ частицы имѣли возможность выдѣлиться въ видѣ значительной толщины слоевъ осадочныхъ земель: и дѣйствительно, можно цѣлыми недѣлями путешествовать по берегамъ Кассаи, Санкуру, Лу-Кеніѣ, Чуапы, какъ и по другой сторонѣ Конгскаго бассейна, по берегамъ Алимѣ, Бунги и У-Банги, не находя ни одного камешка³.

¹⁾ Schweinfurth, упом. соч.

²⁾ Ponel, рукописные замѣтки.

³⁾ Tappenbeck, *Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien*, 1886.

Рѣдкія же каменные глыбы, видимыя на берегахъ рѣкъ, кажутся какъ-бы затерившимися островами посреди моря.

Экваторіальный климатъ области Конго видоизмѣняется въ различныхъ частяхъ территоріи, смотря по формѣ и направленію возвышеностей—краевыхъ кряжей или плоскогорій. Средняя температура, — понижаемая вдоль поморья влажнѣемъ берегового океаническаго теченія, направляющагося съ юга,— никогда не бываетъ чрезмѣрною, такъ какъ въ самые жаркие мѣсяцы: январь, февраль, мартъ и апрѣль, она рѣдко превышаетъ 33° Ц.; поэтому трудно переносится климатъ европейцами скорѣе изъ-за влажности въ атмосферѣ, чѣмъ изъ-за высоты ея температуры. Съ другой стороны, холода сравнительно чувствительны, такъ какъ въ долинѣ Нижняго Конго въ іюль мѣсяцѣ наблюдали пониженіе температуры до 12°; годовая разница, слѣдовательно, оказывается равною 21°. Но на плоскогоріяхъ она еще значительнѣе, и путешественники жалуются какъ на жары, поднимающіеся въ мартѣ до 36°, такъ и на сѣмьну дневнаго зноя ночью стужею. Тогда какъ Камеронъ видѣлъ на плоскогоріяхъ, около истоковъ Кассаи, образованіе ночью льда, Ponel констатировалъ на У-Банги температуру раскаленной печи, достигавшую 43°.

Такъ какъ весь анометрическій режимъ передвинутъ къ сѣверу отъ экватора, вслѣдствіе преобладанія суши въ сѣверномъ полушаріи, то бассейнъ рѣки Конго всецѣло находится въ поясѣ юго-восточныхъ пассатовъ. И дѣйствительно, эти атмосферныя теченія господствуютъ внутри материка тамъ, гдѣ горы не нарушаютъ ихъ нормального хода, но въ южной части бассейна—гдѣ долины правильно расположены въ видѣ параллельныхъ бороздъ, направляющихся съ юга на сѣверъ, и вѣтры слѣдуютъ этому же направленію. На западномъ берегу до сліянія съ У-Банги, въ землѣ Ба-Нгала¹), пассаты, уклоняясь отъ своего направленія, превращаются въ муссоны, становятся вѣтрами юго-западными и дуть даже и прямо съ запада. Господствуютъ эти вѣтры,—обыкновенно довольно сильные—главнымъ образомъ въ сухое время года, достигая своей наибольшей силы въ сентябрѣ и въ мартѣ, именно передъ началомъ сырьихъ сезоновъ. Что касается грозъ въ собственномъ смыслѣ слова, то наиболѣе часты грозы, приходящіе съ востока, при чемъ сильнѣе всего тѣ, которыхъ собираются на сѣверо-востокѣ. Такимъ образомъ, въ западной части материка грозы идутъ изъ внутреннихъ областей къ приморскому берегу²); въ восточной области, къ востоку отъ Верхняго Конго, грозы зарождаются на

¹⁾ Coquilhat, рукоп. замѣтки.

²⁾ Wissmann;—von Danckelmann, „Deutsche Colonial-Zeitung“, 15 окт. 1855.

западѣ, слѣдовательно, и здѣсь онѣ тоже не-
сутся къ берегу изъ глубины континента.

Времена года едва разграничиваются другъ
отъ друга въ предѣлахъ верхняго теченія
р. Конго; но на ея низовьяхъ, засухи и дожди
правильно чередуются между собою; именно,
какъ и въ Габонії, короткая зима—съ октября
по конецъ декабря—предшествуетъ недолгому
сухому времени, съ января до середины фе-
враля; затѣмъ слѣдуетъ періодъ сильныхъ
дождей, продолжающійся вплоть до мая; а во
всѣ остальные мѣсяцы года, съ мая по сен-
тябрь, стоитъ большая сушь, во время которой
не выпадаетъ ни одной капли воды. О распре-
дѣленіи собственно дождей извѣстно, что они
быстро уменьшаются къ югу отъ устья Конго
и увеличиваются отъ низовьевъ рѣки къ ея
истокамъ, отъ поморья въ глубь материка; въ
акваторіальной же области рѣки, въ поясѣ
затишья, дождь идетъ круглый годъ, хотя
періодъ долговременной влажности совпадаетъ
именно съ зимними мѣсяцами. По характеру
дожди здѣсь почти всегда—сильные ливни, при-
носимые грозами: въ декабрѣ 1882 г., выпа-
деніе воды, совершившееся въ одну изъ этихъ
бурь, равнялось 102 миллиметрамъ, при чемъ
дождь шелъ всего лишь три часа. Дожди на
низовьяхъ Конго доставили слой воды, рав-
нявшійся: въ Виви, съ сентября 1880 г. по
августъ 1881 г.—867 миллим.; а въ Понта-
да-Ленъя, съ сентября 1882 г. по августъ
1883 г.—739 миллим.²). Въ теченіе гибель-
ныхъ 1872 и 1874 годовъ, количество атмо-
сферной воды, полученнное полями, не достигло
даже 200 миллиметровъ, и голодъ былъ по-
слѣдствиемъ этой чрезвычайной сухости³). Но,
помимо дождей, слѣдовало бы принимать въ
разсчетъ влажность росы и ту, которую расте-
ніямъ доставляютъ утреніе туманы, *касимбо*
португальцевъ. Особенно въ іюль бываютъ
густые туманы между пятью и семью часами
утра, а иногда и въ теченіе всего дня⁴): въ
такое время рѣдко бываетъ возможно разли-
чить вершины горъ, и завѣса скрываетъ гори-
зонтъ. Свѣтлая ночи рѣдки, и вообще пре-
красное звѣздное небо становится видимымъ
только послѣ того, какъ сильные ливни про-
мокнутъ атмосферу.

Въ затуманиваніи неба принимаетъ участіе
также и дымъ отъ сжиганія травянистыхъ рав-
нинъ, обыкновенно практикуемаго какъ въ
низовой области Конго, такъ и на гористыхъ
плоскогоріяхъ на югѣ⁴). Von Danckelmann
исчислилъ, что количество сожигаемой травы
составляетъ на квадратный километръ массу

¹⁾ Von Danckelmann, „Petermann's Mittheilungen“, 1885.

²⁾ Josef Chavanne, упом. соч.

³⁾ Ponel, рукоп. замѣтки

⁴⁾ Cameron;—Monteiro;—Pechuel-Lösche;—Böhm и Kaiser;—von Danckelmann и т. д.

въ 80 тоннъ. А такъ какъ эти выжиганія травъ
ежегодно простираются на многія и многія
десятки тысячъ квадратныхъ километровъ, то,
слѣдовательно, миллионами тонъ приходится
исчислять то количество топлива, которое въ
видѣ стеблей, кустарниковъ и сухихъ дре-
ревьевъ предается пламени и большою своею
частію разсыпается въ атмосферѣ. Надъ гром-
адною горящую поверхностью образуются
густые кругловатые клубы дыма, которые, въ
концѣ концовъ, разостлавшись сѣроватыми
туманами, однообразно и сплошь заволаки-
ваютъ небо и доставляютъ парамъ воды
твѣрдыхъ частицы, на поверхности которыхъ
и сгущается влага. Ночью, горѣніе высокихъ
травъ представляеть великолѣпное зрѣлище,
при чемъ пламя либо вѣбѣгаетъ вверхъ по
склонамъ, либо громаднымъ потокомъ спу-
скается съ откосовъ горъ. Несясь по поверх-
ности холмовъ, пламя безпрерывно мѣняеть
свои очертанія, въ одномъ мѣстѣ стремительно
взираясь кверху, а въ другомъ мало-по-малу
угасая, пока новый порывъ вѣтра не раздуетъ
его вновь. Эти перебѣгающіе огни не опасны:
травы сгораютъ слишкомъ быстро для того,
чтобы полны соковъ деревья могли бы заго-
рѣться при пробѣгѣ огня; малый ручей
останавливаетъ распространеніе пожара, и
потушить огонь можно даже ударами вѣтвей
съ густой листвой.

Существование этихъ луговыхъ, высокотрав-
ныхъ степей на холмистыхъ пространствахъ
около Конго слѣдуетъ, однако, относить не къ
выжиганію растеній, а къ климату. Въ этихъ
областяхъ воздухъ не настолько богатъ влагою,
чтобы питать лѣса: тогда какъ изобильные
дожди въ Габонії приводятъ къ тому, что
все пространство однообразно покрывается
такою лѣсною растительностью, что охотникъ
съ трудомъ прокладываетъ чрезъ нее тропу,—
луговые стѣпи становятся все многочисленнѣе
по мѣрѣ удаленія къ югу, а по ту сторону
рѣки Конго всѣ вершины изборожденного пло-
скогорія оказываются уже лишенными большихъ
деревьевъ. Зато долины, по которымъ текутъ
ручьи, полны зеленою, и на днѣ каждой изъ
нихъ виднѣется узкая полоса деревьевъ, изви-
вающаяся между сѣроватыми стѣнами ущелья.
Эта же противоположность между высотами и
долинами наблюдается также и къ востоку отъ
краевыхъ горъ португальской территории, на
сѣверномъ склонѣ водораздѣльного плоскогорія
между Заирою и Замбезе. Объясняется это
тѣмъ, что хребты, тянущіеся между двумя па-
раллельными долинами, немедленно послѣ
дождя лишаются ниславшей на нихъ влаги:
дождевая вода быстро удаляется книзу по
тѣмъ глубокимъ бороздамъ, которыя дожди же
промываютъ справа и слѣва по склонамъ дан-
ныхъ хребтовъ, и осущеніе, такимъ образ-
зомъ, утесы высотъ оказываются способными

пронитать не деревья и кусты, а лишь кое-где торчащую низкорослую поросль, почти лишенную даже и листьевъ. На некоторыхъ изъ нихъ виднѣются, затѣмъ, одни рѣдкія травы, а есть и такие, которые совершенно оголены: эти хребты туземцы называютъ квіанами. Впрочемъ, большую часть холмовъ покрываютъ травы дотого высокія, что пѣшеходъ скрывается въ нихъ, какъ въ чащѣ тростника: эти высокія саванны—напоминающая по росшіи альфой равнини Берберіи—въ томъ случаѣ, если бы состоять изъ злаковъ, снабженныхъ острыми рѣжущими влагалищами, португальцы называютъ саріт или саріт de fasa, «травами съ ножами». Деревья встрѣчаются только въ долинахъ, гдѣ они окаймляютъ берега непрерывною массою растительности, переплетенной сѣтями изъ ліанъ: заросли, шириной всего въ несколько метровъ, называются muchitos¹⁾. Во многихъ мѣстахъ они чередуются съ болотистыми почвами, на которыхъ не видно даже и низкорослой поросли.

Но у выхода параллельныхъ долинъ южного склона вода, равномерно распределенная по равнинѣ, вполне достаточна для поддержания богатой растительности: снова встрѣчаются группы пальмъ, громадные баобабы, а вскорѣ начинается лѣсъ, далеко простирающійся не только вдоль рѣкъ, но также и по промежуточнымъ пространствамъ между вими. Почти весь полуокругъ, ограниченный съ сѣвера большою дугой р. Конго, а на югѣ рѣками Кассаи и Санкуру, представляется какъ-бы громаднымъ лѣсомъ, который мѣстами прерываются болота, луговые степи и лужайки около деревень: такимъ образомъ, дно древняго озера покрылось мощною тропическою растительностью. Гористая восточная область, равно какъ и западная, имѣютъ сплошные лѣса только въ ложбинахъ, гдѣ соединяются воды, исходящія съ высотъ, да въ тѣхъ частяхъ тропического пояса, гдѣ дожди выпадаютъ въ большомъ изобилии. Далѣе къ югу увидишь уже только луга, по которымъ деревья разсѣяны или группами, на-подобіе англійскихъ парковъ, или въ видѣ аллей, окаймляющихъ ручьи съ ихъ развязленіями, или же, наконецъ, луговые степи оказываются лишенными всякой древесной растительности. Природа здѣсь вовсе не является того богатства и разнообразія въ флорѣ, которыхъ можно было бы ожидать подъ одною широтою съ Явою и южными берегами Суматры и Борнео. Тогда какъ многія области даннаго бассейна, каковы: страна племени ма-ньема, земли, пересѣкаемыя Лу-Кугою и Лу-Лабою, равнинны, обитаемыя племенами шамъ-шамъ и монбутту, Луида У-руа и весь тотъ

рай, гдѣ Кассаи сливается съ своими большими притоками, описываются баснословно плодородными и могущими превратиться въ обширные сады, если уже не превращенные²⁾, иѣкоторые другія части конгскаго бассейна—таковы въ особенности пур и «губки» въ восточныхъ округахъ³⁾, и сухія латеритовая плоскогорія на западѣ³⁾, представляютъ чрезвычайно монотонный и унылый видъ: кажется, неѣ никакой надежды завоевать ихъ когда-нибудь для культуры.

Въ цѣломъ, бассейнъ Конго, хорошо ограниченный кругомъ горъ, плоскогорій и возвышенныхъ пороговъ, является замѣчательное единство въ своихъ растительныхъ и животныхъ видахъ. Объясняется это тѣмъ, что, несмотря на громадность территории, климатическая условія остаются одними и тѣми же: и къ сѣверу и къ югу отъ рѣки Конго, а также и отъ экватора, повторяются одни и тѣ же явленія, хотя и въ обратномъ порядкѣ временъ года. Съ другой стороны, границы бассейна во многихъ его отдѣлахъ совпадаютъ съ границами областей распространенія растеній. Швейнфуртъ и Юнкеръ доказали, что горный хребеть, раздѣляющій въ странѣ шамъ-шамовъ воды Нила отъ водь Конго, въ то же время составляетъ и рѣзкую раздѣлительную линію для весьма большаго числа видовъ: къ сѣверу отъ этой границы уже не встрѣчаются ни пальмы, дающія масло или саго, ни панданы—растенія, характеризующія данный пейзажъ; о масличной пальмѣ слѣдуетъ прибавить, что границами ей служатъ: на югѣ одинъ изъ водораздѣловъ, а въ долинѣ Нижняго Конго—первые склоны плоскогорій Анголы. Для многихъ растеній естественною границею ихъ распространенія является нижнее теченіе р. Конго, а если они и переступаютъ ее, то благодаря лишь вымышленству человека. Равенство климата, придающее одинъ и тотъ же характеръ туземной флорѣ во всѣхъ областяхъ бассейна, дозволило также и жителямъ вводить почти повсюду одни и тѣ же культурные растенія: маніокъ (manioc), просо, колокасію (египетскіе образки) и бананы. Табакъ, кофия, ананасъ и сахарный тростникъ также встрѣчаются въ различныхъ областяхъ окрестъ Конго. Въ лѣсахъ центральной области, на берегахъ Конго и Кассаи, путешественники видѣли дикое кофейное дерево, а также виноградъ и померанцы.

Фауна рассматриваемаго рѣчнаго бассейна—та же, что и на атлантическомъ поморѣ, въ Габонѣ и Камерунѣ. Слонъ, ставшій рѣдкостью въ мѣстностяхъ, гдѣ на него охотятся,

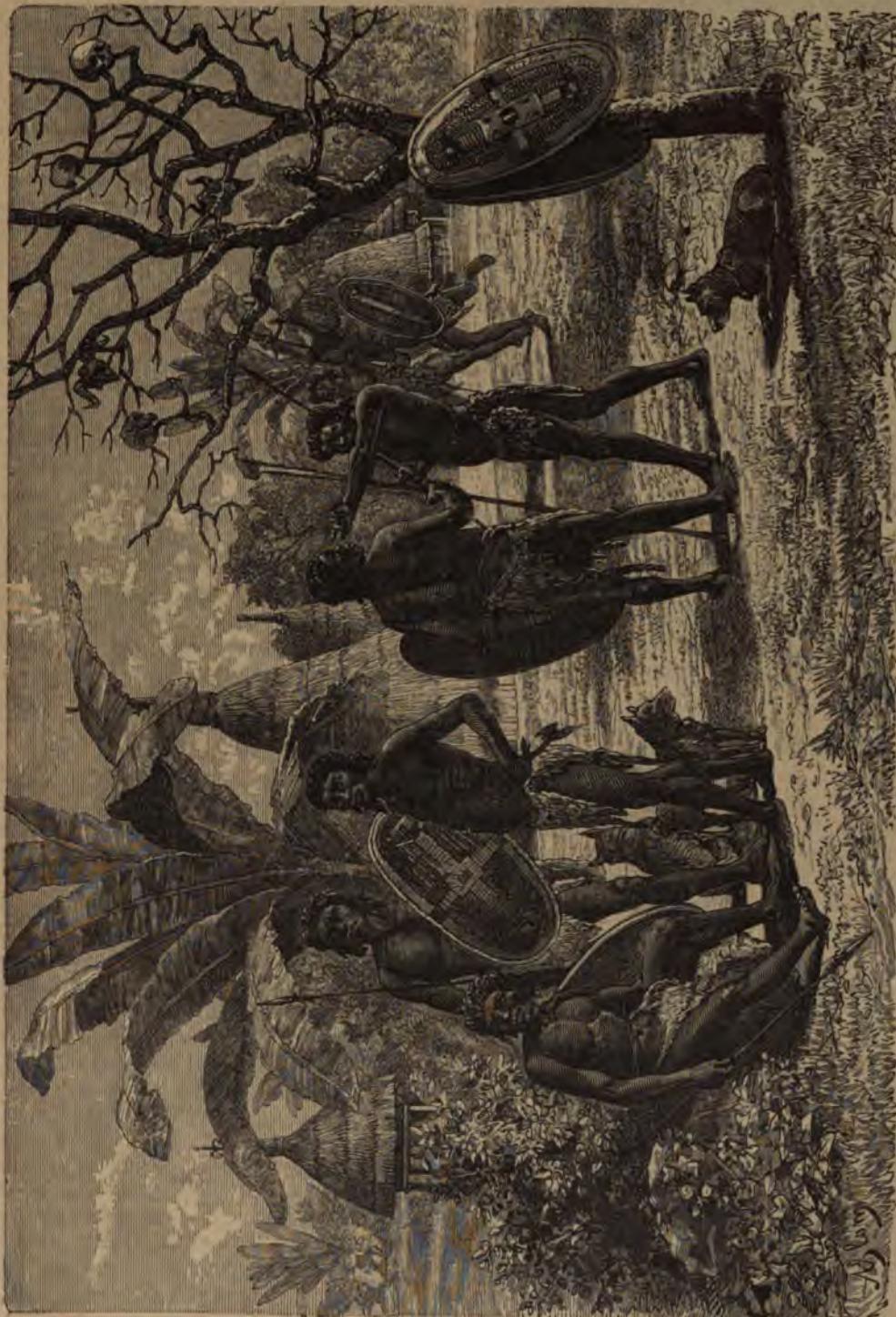
¹⁾ Livingstone;—Schweinfurth;—Cameron;—Stanley;—Wissmann, и т. д.

²⁾ Victor Giraud, "Tour du Monde", 1886 и 1887.

³⁾ Pochuel-Lösch;—Chavanne, и т. д.

еще весьма часто встречается въ большей части данной страны; ламантинъ показывается въ низовьяхъ Конго, а бегемотъ во множествѣ населяетъ главную рѣку и ея притоки; Мас-

ють судоходство. Шимпанзе обитаетъ въ лѣсахъ по берегамъ Конго, но къ сѣверо-востоку границы его распространенія тѣ же, какъ и для пальмы саговой и масличной;

«Воины племени намъ-намъ».

сори за одинъ разъ видѣлъ ихъ въ водахъ Куанго въ количествѣ болѣе пяти сотъ головъ¹⁾); во многихъ рѣкахъ они даже стѣсня-

не проникая въ бассейнъ Нила, онъ также не переправляется и чрезъ Нижний Конго для проникновенія къ югу, въ территорию Анголы. Наблюдаемыя противоположности въ фаунѣ зависятъ въ особенности отъ

¹⁾ „Monument Géographique“, 7 ноября, 1886.

мѣстныхъ условій. Тогда какъ западный саваны, часто опустошаемыя пожарами, почти совершиенно лишены животныхъ, и въ нихъ не встречаются ни четвероногихъ, ни пресмыкающихся, ни птицъ,—природные парки на той высотѣ, гдѣ луговая степь перемѣшиваются съ группами деревьевъ, населены до чрезвычайности; такъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, еще не опустошенныхъ человѣкомъ, лагеря путешественниковъ бывали окружены стадами слоновъ, буйволовъ и антилопъ.

Бассейнъ Конго принадлежитъ къ областямъ, населеннымъ племенами, говорящими на языкахъ банту, за исключениемъ нѣкоторыхъ вкрашенныхъ между другими пространствомъ, на которыхъ проживаютъ побѣжденные аборигены, а также и сѣверо-восточной области, населенной ніамъ-ніамами, монбутту и другими племенами, относимыми къ африканцамъ нубийской расы: съ другой стороны, глоссологическая область языка банту, простирающаяся къ югу вплоть до Капской колоніи, переступаетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ границы также и Нильского бассейна, такъ какъ на областныхъ нарѣчіяхъ этого языка говорять по всей окружности озера Ніанза. Однако, хотя населеніе около Конго и родственны между собою по языку, тѣмъ не менѣе по виѣнѣному виду и нравамъ они представляютъ большія различія: поэтому и описывать ихъ слѣдуетъ отдельно другъ отъ друга. Хотя большая часть племенъ банту (ба-нту, а-ба-нту), т. е. «людей», рассматриваются какъ рѣзко отличающіеся отъ негровъ оттѣнкомъ цвѣта кожи, формою черепа, чертами и походкою, тѣмъ не менѣе въ области Конго, несмотря на большія мѣстныя различія между племенами, переходы въ общемъ весьма постепенны. Чистый типъ не встречается. Совершающіяся нынѣ непрерывныя смѣшанія постепенно видоизмѣняютъ расу, сохраняя одинъ лишь языкъ. Даже въ исторической періодѣ народы-завоеватели проходили по странѣ, покоряя другіе народы и сливаюсь съ ними. Затѣмъ переселеніе племенъ и новыя этническія смѣшанія часто обусловливались также временами голода, наводненіями и экспедиціями продавцевъ невольниковъ; наконецъ, и браки у многихъ народцевъ заключаются виѣ своего племени. Повидимому, наименѣе смѣшаннойрасою слѣдуетъ признать расу аборигеновъ, т. е. тѣхъ низкорослыхъ людей, которыхъ называютъ акка, тикъ-тикъ, вуа-туа, и которые обычно отличаются малостью своихъ размѣровъ. Не предкамъ ли этихъ маленькихъ людей слѣдуетъ приписать какъ тѣ каменные орудія, которыхъ были отысканы Ноге'мъ на берегахъ Танганики¹⁾ такъ

равно и тѣ, которыя недавно найдены на берегахъ Нижняго Конго²⁾?

Въ своемъ сочиненіи о новѣйшихъ языкахъ туземцевъ Африки, Cust перечисляетъ для конгскаго бассейна сорокъ два различныхъ нарѣчія, принадлежащихъ, однако, къ одному и тому же корню языковъ банту; затѣмъ, къ этому перечню англійскаго автора другіе писатели присоединяютъ еще нѣсколько языковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ настоящее время филологи вполнѣ признавая взаимную родственность этихъ языковъ, не въ состояніи, относительно ихъ классификациіи, представить ничего другаго, кромѣ предположеній; только небольшое число изъ данныхъ языковъ и нарѣчій изучены настолько, что оказалось возможнымъ составленіе ихъ грамматикъ или словарей; для остальныхъ же имѣются лишь одни неполные перечни словъ, а относительно нѣкоторыхъ племенъ путешественниками сообщены только по одному слову привѣтствія или угрозы. Не полонъ, наконецъ, и самый перечень племенъ, въ который, къ тому же, вкрались и многочисленныя смѣшанія наименованій, при чемъ либо одному и тому же племени даются различныя наименованія, либо, наоборотъ, весьма различныя племена окрещиваются однимъ и тѣмъ же наименованиемъ. Существующее предположеніе, будто приставки въ именахъ народовъ: ба, ма, ава, вуа, м, ту и му, указываютъ на извѣстное родство между обозначаемыми такимъ образомъ племенами—довольно вѣроятно; но для того, чтобы отважиться на составленіе даже приблизительной классификациіи—одного подобного указанія не достаточно. Въ виду всего этого, всякая попытка группировать конгскіе языки, а также и говорящіе на нихъ народы, имѣть значеніе лишь временное, преходящее.

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ этническомъ хаосѣ племенъ можно, все-таки, выдѣлить тѣ изъ нихъ, которыя значительнымъ образомъ повлияли на исторію страны, или же которыя отличаются своею торговою или военною дѣятельностью въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи, въ качествѣ посредниковъ торгового обмѣна между восточными склонамиъ Африки и бассейномъ Конго, слѣдуетъ упомянуть о ніамези, проживающихъ къ востоку отъ озера Танганики, и руа, разселившихся къ западу отъ этого озера. Затѣмъ, между р. Конго и озеромъ Мута-Нзига, весьма обширную территорію, вплоть до мѣстообитаній племенъ монбутту и ніамъ-ніамъ, занимаетъ племя регга. Къ западу отъ Верхняго Конго и къ югу отъ большой дуги, которую эта рѣка описываетъ къ сѣверу отъ экватора, встречаются, на большомъ пространствѣ, по берегамъ всѣхъ лѣво-

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, январь, 1882.

²⁾ Dupont, „Mouvement Géographique“, 24 апрѣля 1887.

стороннихъ притоковъ,—ба-лоло. Ту-шилонжэ, гордящіеся своею образованностью, занимаютъ область выступлений рѣкъ Лу-Луа и Кассаи на заросшія лѣсомъ равнинѣ; въ той области, гдѣ южные притоки проложили параллельная долины, господствуетъ племя лунда; затѣмъ, выше, въ сосѣдствѣ съ горными хребтами, на которыхъ родятся сказанные притоки, проживаютъ кіоко—отважные странствователи, предпринимающіе путешествія между Атлантическимъ океаномъ и страною великихъ озеръ. По рѣкѣ Конго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она начинаетъ поворачивать къ юго-западу, обитаютъ ба-нгала, обладающіе наибольшою воинскою энергию; также весьма могущественны ба-банги, живущіе нѣсколько ниже, по рѣкѣ того же имени; при этомъ, одно изъ ихъ колѣнъ, ба-фуру (апъ-фуру), живущее по берегамъ рѣкѣ: Бунга, Ликуалла и Алима, превратилось изъ грознаго соперника въ драгоценнаго союзника французскихъ изслѣдователей. Ба-тэѣ, населяющіе прибрежныя мѣстности по теченію Конго кверху отъ озера Стэнли, оказываются большое политическое влияніе на окрестныя племена, а убума, на нижнемъ течении Кассаи, стали сотоварищами бѣлыхъ по переносу товаровъ. Наконецъ, ба-фіоты, болѣе известныя подъ именемъ конго или конголэ—по имени одного изъ ихъ колѣнъ, ба-конго,—проживаютъ на берегахъ Нижняго Конго и издавна находятся въ торговыхъ сношеніяхъ съ европейскими народами. У всѣхъ этихъ негрскихъ племенъ наблюдается на всемъ протяженіи отъ востока къ западу возрастающая любовь къ амулетамъ и фетишамъ, при чѣмъ восточные племена предпочитаютъ украшенія на всемъ тѣлѣ, а западные—болѣе головные уборы.

Хотя многіе писатели и утверждаютъ, будто одинъ изъ существенныхъ контрастовъ между неграми и другими расами Старого Свѣта заключается въ неспособности первыхъ группироваться въ значительная политическая общество, однако, племена банту основывали большія государства, а нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ племенъ являли этому примѣръ также и въ предѣлахъ Конгскаго бассейна. Въ этомъ отношеніи, въ концѣ XV-го столѣтія, времени появленія въ данной странѣ португальцевъ, вся территорія низовой рѣки, а также и большая часть южнаго плоскогорія признавали власть государя, пребывавшаго въ томъ городѣ, который и въ наши дни еще носить португальское наименование Санть-Сальвадора: всѣ окрестные начальники племенъ регулярно уплачивали ему дань; а внослѣдствіи и для португальскихъ правителей, въ видахъ превращенія этой африканской имперіи въ португальское вице-королевство въ Африкѣ, не оставалось ничего иного, какъ исподволь также подчиниться этому

туземному владѣтелю. Въ области, орошающей притоками Кассаи, политическое преобразованіе принадлежитъ племени лунда, и ихъ королю, муата Ямво (муата—титулъ короля), платить подати сотни клановъ, разбросанныхъ по территоріи, столь же обширной, какъ и Франція. Около истоковъ Луа-Пулы находится другое государство, управляемое королемъ Казембэ, бывшее нѣкогда независимымъ и, какъ кажется, обладавшее, къ концу прошлаго столѣтія, верховною властью надъ сосѣдними государствами. Къ сѣверу отъ Казембэ, верхніе бассейны рѣкъ Луа-Лабы и Лу-Фирѣ состоятъ владѣнія самаго могущественнаго государя, Мсирі. Еще сѣвернѣе, въ области слѣянія тотчасъ названныхъ рѣкъ для образованія Конго, племена въ политическомъ отношеніи группируются подъ общимъ верховнымъ главенствомъ короля Кассонго. Кроме того, нѣкоторыя племена народовъ, говорящихъ на языкахъ банту, образовали и другія государства, ввѣ бассейна Конго. Понятно, впрочемъ, что въ этихъ обширныхъ краяхъ, гдѣ сообщенія весьма трудны и гдѣ племена безъ труда могутъ перемѣщаться съ поляны на поляну, даже перемѣнить долину или рѣчной бассейнъ, политическая связь слаба. Внѣ периодовъ за воеваній, когда многочисленныя орды, обученные военному ремеслу, насильственно налагаютъ свое господство на мирныхъ земледѣльческія населенія, племена соединяются между собой лишь по добровольному согласію: они образуютъ скорѣе союзы небольшихъ автономныхъ республикъ, чѣмъ монархическія государства. Кое-какіе подарки, обѣщанія да изложенія преданности—вотъ все, что главаріи народовъ или родовъ, вассальныхъ или подвассальныхъ, удѣляютъ своему сюзерену.

Прибытие europейцевъ и арабовъ на берега Африки, естественно, должно было способствовать процессу паденія, который мало-по-малу преобразуетъ внутреннія государства. Привыкаютъ обращать взоры къ новымъ господамъ, и прежнее равновѣсіе разрушается. Такъ, вмѣшательство португальцевъ, въ концѣ-концовъ, привело къ паденію конгской имперіи, несмотря на то, что въ политическомъ отношеніи она являла значительную устойчивость: войны во имя религіозной пропаганды одновременно съ экспедиціями негроторговцевъ возбуждали область противъ области, и каждое племя возвращало себѣ свою независимость. Въ этихъ историческихъ преобразованіяхъ, происходящихъ отъ присутствія иностранцевъ на морскомъ берегу, польза разнообразно перемѣнивалась съ вредомъ. Такъ, если одни племена, за которыми охотились негроторговцы, впали въ еще большую нищету и варварство сравнительно съ прежнимъ ихъ состояніемъ, то, въ общемъ, жители Конгской земли богатѣли. Вслѣдствіе развитія между ними земледѣлія;

они научились воздѣлывать кукурузу, маніокъ и другія иноземныя растенія, входящія нынѣ такою значительною долею въ составъ ихъ пиши, что исчезновеніе этихъ растеній могло бы повлечь за собою гибель почти всѣхъ туземцевъ. Это введеніе питательныхъ растеній составляетъ одно изъ великихъ благодѣйствій европейцевъ и въ общемъ балансѣ болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ продажу ружей, пороха и крѣпкихъ напитковъ. Четыре вѣка тому назадъ конгскія племена могли существовать только охотясь за лѣсными звѣрями, даже за самимъ человѣкомъ, а также благодаря рыбной ловлѣ и земледѣлію въ самой зачаточной формѣ; нынѣ они требуютъ своей пищи уже отъ воздѣланного поля, и народонаселеніе можетъ покинуть звѣроловство, не опасаясь быть обманутымъ со стороны плодородной почвы. Ткани, инструменты и мебель доставляются ему также изъ Европы, и хотя вѣроятно, что это только счастливое совпаденіе, но все-таки можно задать вопросъ, не повлиялъ ли примѣръ португальцевъ на способъ постройки домовъ на пространствѣ большей части западныхъ конгскихъ областей, до низовьевъ Итимбири и кверху отъ Арахуми? Всѣ эти дома расположены въ формѣ продолговатаго четырехугольника, съ крышею на европейскій манеръ и съ нѣкотораго рода верандою: вообще, отъ хижинъ многихъ европейскихъ странъ они отличаются только материаломъ, который взять для ихъ постройки. Въ области же Верхняго Конго, а также въ странѣ великихъ озеръ, жилища, хотя чрезвычайно различны въ архитектурномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, почти повсюду круглы, а крыши ихъ—коническая¹⁾.

Если бы европейское вліяніе было представлено въ областяхъ р. Конго одними только торговцами изъ Европы, оно всегда оставалось бы въ исторіи Африки значительно ниже вліянія купцовъ арабскихъ. Тогда какъ до перехода Станли черезъ черный материкъ европейскія факторіи не проникали за черту низовьевъ лимана, занзибарскіе арабы свободно путешествовали по странѣ къ западу отъ озера Танганьики, въ центрѣ самаго материка, въ 1.500 километрахъ отъ Индійскаго океана. Къ ихъ содѣйствію въ дѣлѣ проникновенія къ чернокожимъ племенамъ должны были прибѣгать какъ Станли и Камеронъ, такъ и многіе другие европейскіе путешественники: безъ арабскихъ торговцевъ Конгскій бассейнъ еще и до сихъ поръ оставался бы невѣдомою страною. Такъ, когда Станли рѣшился, слѣдя вдоль береговъ р. Конго, пройти къ западу, то его сопровождалъ вплоть до водопадовъ арабъ Типпо-Типъ, начальникъ отряда въ семьсотъ человѣкъ; затѣмъ, благодаря содѣйствію этого же торговца рабами, Станли могъ предпринять

экспедицію и къ верховьямъ Нила. Это арабамъ въ особенности принесли пользу открытия европейцевъ во всей области Верхняго Конго, и караваны ихъ побѣдоносно проникаютъ повсюду, отъ большихъ нильскихъ озеръ до рѣки Ло-Мами. Колоніи этихъ торговцевъ, агентства которыхъ разсѣяны по всей странѣ, не довольствуются покупкой слоновой кости и другихъ цѣнныхъ припасовъ, но преимущественно промышляютъ торговлею рабами; пользуясь всѣми мелкими войнами между племенами и даже возбуждая эти распри, купцы заставляютъ уступать себѣ пѣнныхъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и перепродаютъ часть своей добычи на рынкахъ внутри материка и даже въ приморскихъ областяхъ; юношей, однако, они оставляютъ у себя, вооружаютъ ружьями и превращаютъ такимъ образомъ въ боевую дружину, непреодолимую для мелкихъ племенъ. Отсюда весьма значительное материальное преимущество арабовъ въ ихъ торговой борьбѣ съ европейцами, которые, для составленія своихъ каравановъ, должны обращаться къ людямъ свободнымъ, отдающимъ имъ своихъ рабовъ уже въ-наймы, отчего европейцамъ весьма дорого обходятся ихъ транспорты. Про занзибарскихъ арабовъ можно даже сказать, что въ дѣйствительности ими основана въ области Верхняго Конго новая имперія, простирающаяся на нѣсколько сотъ тысячъ квадратныхъ километровъ; впрочемъ, официально эта имперія не могла занять мѣста въ ряду остальныхъ государствъ, такъ какъ въ торговомъ отношеніи она зависѣла отъ Занзибара. Ей недоставало свободного выхода къ Индійскому океану, который ей необходимъ, такъ какъ, прервясь ея торговля слововою костью съ Бомбеемъ, прекратилось бы и ея существованіе. Но если проживающіе внутри материка арабы являются въ торговомъ отношеніи вассалами занзибарскаго султана, то и самъ этотъ султанъ, въ свою очередь, находится подъ наблюденіемъ европейскихъ дипломатовъ и пребываетъ на своемъ островѣ какъ-бы въ плену: отважиться на увеличеніе своей страны онъ уже не въ силахъ. Ему приходится лишь получать приказанія отъ державъ, которая опредѣляютъ границы его владѣй, а остальную территорію дѣлить между собою: державы эти, при посредствѣ Станли, сдѣлали изъ главнаго торговца рабами внутри материка одного изъ главныхъ сановниковъ независимаго государства Конго, и онъ же указали ему, для вывоза слоновой кости, другой путь, именно чрезъ низовье Конго и Атлантический океанъ.

Извѣстно, что послѣдствіемъ перехода Станли черезъ материкъ, въ 1878 году, было образованіе, подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго короля, комитета для изученія Верхняго Конго, и что комитетъ этотъ вскорѣ превратился въ «Международную Конгскую Ассоціа-

¹⁾ Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

цию», задавшуюся обширною миссиею: «разсѣять вдоль береговъ рѣкъ и озеръ цивилизованныя учрежденія, мирнымъ путемъ завладѣть краемъ, придать ему новый обликъ, гармони-

бы изгнаны убийство и торговля рабами»¹). Эта миссія далеко не была выполнена, и ассоціація, не дожидаясь ея достижениія, такъ сказать, короновалась въ 1884 году, преобразо-

Станція Стенлі-Пуль.

рующій съ новѣйшими идеями, и основать тамъ такія государства, въ пѣдрахъ которыхъ европейскій торговецъ побратался бы съ чернымъ торговцемъ Африки, и откуда навсегда были

вавшись въ монархію, въ пользу основавшаго ассоціацію короля. Эта новая имперія, назван-

¹) Henry M. Stanly, „Cinq ann閑s au Congo“.

ная «Независимымъ Конгскимъ государствомъ» (*Etat indépendant du Congo*), ограничена на югѣ: южнымъ берегомъ лимана, затѣмъ геометрическою линіею, проведеною до р. Куанго, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ шестаго градуса южной широты, и наконецъ совпадаетъ съ параллелью этого градуса вплоть до Лу-Билахъ или Верхней Санкуру. Около р. Лу-Билахъ, эта фиктивная граница, проведенная черезъ еще вовсе неизслѣдованныя или же мало известныя области, изгибается къ югу, для того, чтобы подняться по рѣчной долинѣ вплоть до того плоскогорія, на которомъ зарождаются источники этой рѣки; далѣе, граница сливается съ водораздѣльнымъ кряжемъ Конго и Замбэе; слѣдуетъ по западному берегу озера Бонгуро и долиною Луа-Пулы; захватываетъ половину озера Моэро и прямою линіею направляется къ бухтѣ Камеронъ, откуда слѣдуетъ вдоль берега озера Тинганьики вплоть до бухты Ру-Сизи. Отсюда новая фантастическая линія проводится на картѣ такимъ образомъ, что, обойдя справа озеро Мута-Нзигэ, она опредѣляетъ границу Конгскаго государства вплоть до четвертаго градуса сѣверной широты, параллель котораго и признана за его сѣверный рубежъ. На сѣверо-западѣ и на западѣ, теченіе У-Банги, а затѣмъ правый берегъ Конго до городка Маніанга отдѣляютъ новое государство отъ французскихъ владѣній. А около низовьевъ Конго, извилистая линія, проходящая южнѣе истоковъ Ніари и ея притоковъ, направляется къ линіи поморья между Кабиндою и Банана, чѣмъ и заканчивается обширная окружность данной территории. Въ общемъ, Конгское государство обнимаетъ поверхность въ 2,252.780 квадратныхъ километровъ, или около половины Конгскаго бассейна; однако, единственными занятыми пунктами на пространствѣ этой громадной области являются лишь нѣсколько постовъ по берегамъ рѣкъ, въ родѣ Ба-Нгала на правомъ берегу Конго; пость эта находится въ странѣ народа того же имени. Въ главной рѣки существуетъ только одинъ пость: Лулуабургъ, на р. Лу-Луа, притокѣ Кассаи.

Остальная части Конгской покатости также распределены между европейскими державами. Такъ, Германія завладѣла, если не на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ принципѣ, всею тою частью Восточной Африки, которую охраняютъ озера: за сѣверѣ—Ніанца, на югѣ—Ніасса, на западѣ—Танганьика, при чѣмъ изъ этого обширного стратегического стана она одновременно командуетъ верховыми бассейнами Нила, Замбезе и Конго. Франція обладаетъ тою частью конгскаго склона, которая находится между Верхнею У-Банги и городомъ Маніанга; наконецъ, Португалія официально завладѣла, къ югу отъ Конгскаго государства, всею тою территорію, которую орошаютъ притоки Нижнаго

Конго и Куанго; кромѣ того, она предположительно считаетъ себя «протекторомъ» Лундскаго королевства, будущимъ обладателемъ той южной части бассейна, которая еще не раздѣлена между властителями Европы. Впрочемъ, вся конгская государства, а также и то, которое находится на склонѣ къ Индійскому океану, между Замбезе и пятымъ градусомъ сѣверной широты, объявлены свободными для торговли всѣмъ и каждому. «Всѣ флаги, безъ различія національности, имѣютъ свободный доступъ какъ къ морскимъ берегамъ данныхъ территорій, такъ и къ берегамъ тѣхъ рѣкъ, которыхъ эти территоріи орошаютъ. Всякое дифференціальное обложение судовъ воспрещено, а ввозимые товары освобождены какъ отъ ввозныхъ, такъ и отъ транзитныхъ пошлинъ».

II. Бассейны Луа-Пулы и Луа-Лабы.

Эта область, на протяженіи которой верховыя притоки, образующіе Конго, спускаются болѣе, чѣмъ съ половины всего рѣчного ската, именно съ 1.500 до 600 метровъ, была, съ конца восемнадцатаго столѣтія, посѣщена лишь однимъ европейцемъ, Ласердою, но никакихъ документовъ не уцѣлѣло отъ этого окончившагося гибельно изслѣдованія. Другія путешествія, совершенныя португальцами, почти не обратили на себя вниманія географовъ, и страна оставалась въ неизвѣстности вплоть до замѣчательныхъ экспедицій Ливингстона. За этимъ пионеромъ африканскихъ земель слѣдовали другіе преданные наукѣ люди, и такимъ образомъ, съ каждымъ десятилетіемъ петли маршрутныхъ сѣтокъ становились все мельче и мельче¹⁾.

Плоскогоріе, наклоненное къ югу и дающее начало притокамъ Чамбези, рѣки, которая впослѣдствіи становится Конго, населено главнымъ образомъ племенами бембе (ба-емба, му-емба, ло-емба, вуа-емба). Ихъ деревни, состоящія изъ круглыхъ хижинъ, окруженныхъ палисадами и рвами, разсѣяны по громадной равнинѣ, лежащей на высотѣ приблизительно 1.400 метровъ и покрытой лѣсомъ изъ рѣдко растущихъ древьевъ, который мѣстами прерываютъ болота и саванны. Въ 1884 году, во время прохода чрезъ страну путешественника Жиро, имперія бемба простидалась къ сѣверу—до Танганьики, къ востоку—до Ніасса, а къ западу—до Бавгуро и Моэро; ей было подчинено все междуозерное пространство къ

¹⁾ Съ пѣдью изслѣдований бассейновъ Луа-Пулы и Луа-Лабы совершили путешествія: Ласердъ, въ 1798; караванщики или помѣйоры, Ж. А. Baptista и А. Jos , въ 1806; Gamitto и Monteiro, въ 1832; Ливингстонъ, въ 1869—1873; Cameron, въ 1874; Giraud въ 1884; B hm и Reichard въ 1883—84; Capello и Ires, въ 1885 годахъ.

съверу отъ горъ Уа-Биза, и даже король Казамбэ, потомокъ государей, которые въ прошломъ вѣкѣ господствовали надъ племенами столь же большой части Центральной Африки, долженъ быть согласиться на плату дани королю племени бемба. Так же нѣкогда могущественная нація Уа-биза, обладавшая территоіею къ югу отъ Чамбези, была, по выражению туземцевъ, «съѣдена»: независимыми оставались лишь племена, проживающія на островахъ о. Бангвэоло, нѣкоторыя изъ племенъ, разсѣянныхъ по горамъ, и часть націи, занимающей покатость р. Замбезе. Столица имперіи бембовъ расположена на равнинѣ, къ съверу отъ болотъ, чрезъ которыхъ протекаетъ Чамбези. Въ 1884 году она состояла изъ четырехъ или пятисотъ хижинъ, и хотя, вслѣдствіе своей обширности, не могла быть окружена укрѣпленіями, на-подобіе другихъ деревень, тѣмъ не менѣе три бомы, или частокольная ограды, защищали семейства и казну вліятельныхъ лицъ; эти же ограды, въ случаія нападенія, могли служить убѣжищемъ также всему остальному населенію.—Деревнямъ, въ этихъ краяхъ, названія даются по именамъ ихъ начальниковъ; такъ, въ 1884 году, главный городъ бембовъ назывался Кетимкуру, нынѣ же его называютъ Марукуту. По умершему королю въ этихъ краяхъ трауръ всеобщій. При этомъ, трупъ государя остается въ королевской хижинѣ, гдѣ нѣсколько старшинъ стерегутъ его до полнаго разложения; зато остальные жители убѣгаютъ отъ сосѣдства съ мертвѣцомъ такъ быстро, что не имѣютъ времени даже собрать жатву съ своихъ полей. Часто деревни покидаются окончательно, а новый начальникъ, покоривъ всѣхъ остальныхъ своихъ сооперниковъ, закладываетъ свою бому на мѣстѣ, удаленномъ отъ крѣпости своего предшественника ¹⁾). Безпрерывныя войны въ большей части обезлюдили страну; группы хижинъ рѣдки, а въ нѣкоторыхъ округахъ, вслѣдствіе близости разбойниковъ, жить даже опасно; бѣдные земледѣльцы устраиваютъ свои лагерныя стоянки между муравейниками, укрѣдко обрабатываютъ почву и, собравъ жатву, убѣгаютъ; когда же у нихъ не остается болѣе хлѣба, они пытаются отваренными грибами, кореньями, корою деревьевъ и листьями.

Безпокойны и свирѣпыя, благодаря своему политическому состоянію, бемба, въ физическомъ отношеніи, являются однимъ изъ красивѣйшихъ народовъ племени банту. Большею частью высокіе ростомъ, они одарены длинными и тонкими ногами, хорошо приспособленными для бѣга посреди высокихъ травъ п по наводненной почвѣ. Тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи покупить себѣ у арабскихъ купцовъ ткани, прикрываются кожами

и издѣліями изъ лыка; кокетство ихъ заключается въ изборожденіи кожи своего тѣла изящными татуировками и въ убранствѣ головы спицами, коронами и стрѣлами, при чёмъ въ волосы вплетается также и глина. Между ними есть искусные ремесленники, кузнецы, во-лочильщики проволоки и ткачи; хотя воины ихъ употребляютъ еще лукъ и стрѣлы, но исподволь это оружіе начинаетъ уже замѣняться ружьемъ. Военное положеніе, въ которомъ живутъ эти населенія, даетъ огромную власть ихъ королямъ, которые изъ-за пустяковъ подвергаютъ балѣченію какъ рабовъ, такъ и свободныхъ людей; окружавшія короля толпы музыкантовъ почти цѣликомъ состоять изъ евнуховъ, слѣпыхъ и однорукихъ; при входѣ въ каждую деревню на длинныхъ шестахъ развѣшены черепа. Церемоніалъ поклоненія развѣ въ немногихъ изъ африканскихъ областей свидѣтельствуетъ о большемъ уничиженіи: приближающіеся къ королю опрокидываютъ сначала на спину, хлопая въ ладоши, затѣмъ ложатся на животъ и ползаютъ передъ своимъ властелиномъ, прежде чѣмъ осмѣливаться обратиться къ нему съ словомъ. Знакомъ королевской власти служать красныя бусы, покрывающія грудь, животъ и ноги государя. Доставляютъ эти украшенія купцы изъ Ніамези, которые въ обмѣнѣ покупаютъ мѣстную слоновую кость, состоящую хотя и изъ небольшихъ бивней, но зато отличающихся «несравненною мелкозернистостью». Эти приходящіе съ востока купцы ввели между жителями страны много различныхъ арабскихъ обычаевъ.

Племена уа-биза и иала, удержавшіяся, несмотря на нападенія бембовъ, на своихъ, окруженныхъ болотами, островахъ и полуостровахъ озера Бангвэоло, а также и въ суровыхъ горныхъ долинахъ, составляютъ небольшія республики; смиренные и добродушные люди, они всегда на-сторожѣ, опасаясь появленія непріятеля. Между этими крохотными государствами есть одно, именно государство Синга, территорія которого—не что иное, какъ лугъ, едва выдающійся изъ тростника. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ этой прэріи, подъ большимъ деревомъ, раскинулась рыбачья деревенька, двадцать пять человѣкъ жителей которой и около тридцати собакъ и составляютъ все населеніе Синги; но зато нигдѣ не увидишь такой массы дикихъ животныхъ, какъ въ сосѣдствѣ этой деревни. «Въ 800 метрахъ къ югу, говоритъ Жиро, горизонтъ застился стадомъ антилопъ въ нѣсколько тысячи головъ». По ночамъ эти животные приближаются къ хижинамъ, собаки окружаютъ нѣсколькихъ изъ нихъ, и туземцамъ остается лишь прикончить ихъ ударами копий. Къ югу отъ болотъ, составляющихъ продолженіе бассейна Бантъ-Бангвэоло, наход-

¹⁾ Victor Giraud, «Tour du Monde». 1886.

дится, въ землѣ племени илала, село Читамбо, въ которомъ 1-го мая 1873 года скончался Ливингстонъ. Извѣстно, съ какимъ трогательнымъ уваженіемъ негры его каравана отнесли тѣло своего друга за 2.200 километровъ, въ Занзибаръ, при чемъ приложили все стараніе, чтобы пройти съ покойникомъ чрезъ ту самую рѣку Луа-Пула, до которой, будучи живымъ, Ливингстонъ такъ стремился достичь: великий путешественникъ продолжалъ, такимъ образомъ, благодаря преданности своихъ сотоварищъ, дѣлать открытия и послѣ своей смерти. Сограждане же его устроили ему торжественная похороны въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, не предоставивъ ему, съдовательно, «того мѣста упокоянія въ тишинѣ большаго лѣса, гдѣ бы никто никогда не потревожилъ его костей», чтѣ, именно, Ливингстонъ и предпочиталъ всякому ивому погребенію.

Ко времени возвращенія каравана Ливингстона, западные берега озера Бангвузоло (Бангвеоло) были заняты племенемъ уа-биза; но уже и въ то время край подвергался грабительскимъ набѣгамъ вуа-усси, племени, пришедшаго съ юга; нынѣ же вуа-усси сдѣлялись уже обладателями сѣрвы, и прежніе жители или изгнаны, или платить имъ дань. И подобно тому, какъ бемба на восточныхъ равнинахъ, усси основали военную имперію въ гористыхъ областяхъ запада, при чемъ, однако, не могли побѣдить вуа-киссинго, націи, извѣстной своей доблестью, живущей на сѣверныхъ берегахъ озера и энергически защищающей свою ротную землю какъ отъ усси, такъ и отъ бемба. Въ одной части территоріи, оспариваемой другъ у друга этими племенами, въ предѣлахъ восточныхъ притоковъ Луа-Пулы, находятся мѣдные рудники, разрабатываемые съ позапамятныхъ временъ туземцами. Однако, въ 1885 году, во время своего путешествія внутрь Африки, Capello и Ivens тщетно пытались перейти черезъ Луа-Пулу и проникнуть въ эту область рудниковъ: вуа-усси преграждали имъ путь. На западъ же отъ рѣки португальские путешественники проходили лишь чрезъ обширныя пространства опустошенной страны, при чемъ въ течевіе тридцати дней они должны были добывать себѣ пищу охотою въ безконечныхъ лѣсахъ Капонды, по счастью, изобиловавшихъ крупною дичью: слонами, носорогами, лосями и антилопами. Весьма многочисленны тамъ также львы¹⁾.

Земля Лунда—простирающаяся къ югу отъ озера Моэро, и которую не надо смѣшивать съ другой территоріей Лунда, составляющей имперію муата Ямво, въ бассейнѣ Кассаи,—также была въ половинѣ XIX столѣтія центромъ обширнаго королевства, которое простипалось

очень далеко въ направленіи къ западу. Въ Лундѣ имѣлъ пребываніе муата Казембѣ, т. е. «императорскій правитель», наслѣдникъ древнихъ королей Морупуз, считавшихся, съ шестнадцатаго столѣтія, самыми могущественными властелинами южной Африки. Но въ 1731 году, когда Монтеиро и Гамитто представлялись ко двору этого муата, онъ потерялъ уже всякую власть надъ своими восточными сѣдѣями, бембами. Въ 1867 году, во время посѣщенія Ливингстона, отъ его королевства оказались отложившимися многія другія области, и если бы даже самъ Казембѣ пожелалъ предпринять, по обычаю своихъ предшественниковъ, ежегодное пилигримство къ священной рѣкѣ Луа-Лабѣ, въ 400 километрахъ къ западу отъ своей столицы²⁾, то мятежныя племена навѣрно преградили бы ему путь. Нынѣ онъ не болѣе, какъ вассалъ своихъ прежнихъ подданныхъ, бемба. Однако, если Казембѣ не сохранилъ былое всемогущество, то онъ удержалъ весь сложный церемоніаль своего прежняго двора, съ министрами, придворными и тѣлохранителями. Красная митра, окруженная плюмажемъ, украшаетъ его голову, а разноцвѣтныя стеклянныя бусы блестятъ на его груди. Передъ его палаткою стоитъ вся окрашенная въ красный цветъ пушка, великий фетишъ, которому проходящіе уплачиваютъ дань³⁾. Отрубленные головы на кольяхъ королевской ограды и многочисленные изуродованные люди въ свитѣ самого государя предваряютъ его подданныхъ о необходимости приближаться лишь со страхомъ и трепетомъ. Ни король, ни лица его свиты не Ѣдятъ публично: считаясь стоящими выше обыденныхъ потребностей человѣка, они могутъ насыщаться лишь втайне отъ другихъ. Нѣкогда столица мѣнялась съ каждымъ новымъ царствованіемъ. Резиденція того Казембѣ, котораго въ 1798 году посѣтилъ Ласерда, находилась, по словамъ Ливингстона, къ сѣверу отъ Мофуз, южного продолженія озера Моэро; нынѣшний же городъ, обычно называемый, какъ равно и государь, Казембѣ, находится на югъ отъ озера Моэро, на оконечности одного острова, на которомъ проживаетъ племя мессира, не смѣшившееся съ другими потомками древняго народа, покореннаго предками Казембѣ: по словамъ Гамитто, они разъ въ году представляются ко двору муата. Въ сосѣдствіи съ Казембѣ, въ Ншицида, или Люсенда португальскихъ путешественниковъ, скончался, въ 1798 году, путешественникъ Ласерда, одинъ изъ первыхъ миссіонеровъ науки, проникавшихъ вглубь Африки.

Нынѣ самое могущественное въ области Верхнаго Конго государство есть королевство Мсири

¹⁾ H. Capello & R. Ivens, „De Angola a Contracosta“, T. II

²⁾ Monteiro & Gamitto, „O Muata Cazemba“.
³⁾ Livingstone, „Dernier journal“. „Tour du Monde“, T. XXX.

(Мусири), главы віамезійской расы, семейство которого недавно пріобрѣло верховную власть надъ всѣми племенами верхняго теченія Луа-Лабы. Государство Мусири, или Гарангая, об-нимающее всю часть бывшей имперіи Казембэ, расположеннную между Луа-Пула и Луа-Лаба, простирается къ сѣверу—вплоть до озера Кассали или Киконджа, находящагося подъ восьмымъ градусомъ южной широты, а къ югу—до мѣстообитаній племенъ и-рамба или уа-рамба, жителей горъ Мюксинга, отда-ляющихъ Конгскій бассейнъ отъ бассейна Замбезе; эта область водораздѣла—въ сред-немъ, имѣющая 1.260 метровъ высоты и до-минируемыхъ лѣсистыми горами, направляю-щимися съ сѣверо востока на юго-западъ,—представляетъ живописную и здоровую стра-ну, которой, можетъ-быть, предназначено превратиться въ санаторію для европейскихъ путешественниковъ¹⁾. Нѣмецъ Рейхардъ и португальцы Capello и Ivens посѣтили рези-денцію Мусири, Бункейя (Ункеа или Кимпата), большой рынокъ слоновой кости, расположенный на небольшомъ западномъ притокѣ Лу-Фирѣ; однако, эти путешественники были при-няты съ недовѣріемъ. Рейхардъ, вопреки своему желанію, не могъ подняться до исто-ковъ Луа-Лабы и долженъ былъ возвратиться, сражаясь и бера приступами деревни для того, чтобы достать съѣстныхъ припа-совъ и проводниковъ. Другіе изслѣдователи были настолько счастливы, что избѣжали борьбы, но по своимъ же слѣдамъ должны были возвратиться на югъ. Мусири, проживающій во дворцѣ, окруженному черепами, располагаетъ двумя слишкомъ тысячами стѣлковъ, которыхъ онъ употребляется для войны съ своими врагами, въ особенности же съ руа (вуа-руа, у-руа), могущественною націею, за-нимающею на сѣверѣ всю ту область, кото-рая простирается между восточными берегами озера Ланджи и западными берегами озера Танганьики. Многія изъ жень Мусири—смѣ-шанной расы и носятъ португальскія имена, вслѣдствіе чего считаютъ себя высшими су-ществами; самъ король тоже называетъ себя Maria Segunda. Онъ весьма жестокій человѣкъ, хотя, впрочемъ, менѣе, чѣмъ его братъ, правитель Капонды, дворецъ которого замѣтенъ былъ издали по горкамъ изъ человѣ-ческихъ головъ. Многочисленные черные тор-говцы изъ Анголы,—называемые, однако, ту-земцами «бѣлыми»,—путешествуютъ по странѣ.

Населеніе королевства Гарангая, состоя-щее изъ разнородныхъ элементовъ, безраз-лично именуется ба-іокэ или ба-іонго. У этого народа, въ противоположность тому, что мы видимъ у большинства африканскихъ

племенъ, женщины—не рабыни, а госпожи; онѣ управляютъ домашнимъ хозяйствомъ, зе-мледѣльемъ, даже экспедиціями, и часто при-нимаютъ непосредственное участіе въ сраже-ніяхъ. Многочисленное потомство у тамош-нихъ женщинъ — чрезвычайная рѣдкость: большую частью онѣ имѣютъ лишь по два ре-бенка, потому ли, что обычай запрещаетъ имѣть имъ болѣе, или, можетъ быть, и по не-плодовитости ихъ отъ природы. Мужчины, бу-дучи, вслѣдствіе изобилія въ странѣ дичи, страстными охотниками, одѣты всегда въ шкуры, такъ какъ одѣянія изъ тканей бы-стро рвались бы въ лѣсной поросли. Они пользуются огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое покупаютъ у караванщиковъ изъ Анголы, а также и копьями, острия которыхъ обдѣлы-ваются мѣдною проволокою. Этотъ металль, весьма распространенный въ краѣ, обыкно-венно добывается изъ малахита, встрѣчаю-щагося или въ видѣ отдѣльныхъ глыбъ, или въ видѣ рудныхъ жилья. Главныя копи, имен-но въ Катанга, находятся въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ Бункейя; также чрезвычайно богаты этимъ минераломъ и другія мѣстности, расположенные на востокѣ и на западѣ, въ го-рахъ, но Мусири запретилъ ихъ разрабатывать. Копи въ Калиби, посѣщенныя Capello и Iven-s'омъ, были покинуты вслѣдствіе обвала. Зо-лота, однако, вопреки разсказамъ арабовъ Стэнли, въ области копей не встрѣчается; зато, сѣристые источники бываютъ тамъ въ изобиліи.

Ливингстонъ много говоритъ о странѣ пле-мени руа; однако, сообщаемыя имъ о ней свѣдѣнія баснословны, а географическій рельефъ ея оказывается совершенно инымъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Путешественники, шедши по слѣдамъ этого пionera Верхняго Конга, удо-стовѣряютъ, что отдѣльного озера Камолондо, черезъ которое, будто бы проходитъ Луа-Пула, не существуетъ, но что рядъ озеръ, об-разуемыхъ Луа-Лабой, составляетъ въ сово-купности Камолондо, которое ограничивается на востокѣ страну племени руа. Самегон пе-ресѣкъ съ сѣвера на югъ эту территорію, которая оказалась управляемою, на—подобіе государства Мусири, королемъ по имени Ка-сонго. Имперія его, носящая то же имя, за-нимаетъ въ направленіи съ юга на сѣверъ все пространство, находящееся между коро-левствомъ Мусири и тою областью къ сѣверу отъ озера Ланджи, въ которой главенствуютъ арабы; границею владѣнія Касонго на западѣ служить рѣка Ло-Мами, а на востокѣ—берега о. Танганьики. Негры у-самбе (у-самби), жи-вущие къ западу отъ Ло-Мами,—не поддан-ные государя племени руа, но платятъ ему лишь дань, какъ равно и своему сосѣду на западѣ, муато Ямво: этимъ путемъ они по-купаютъ себѣ миръ, хотя все-таки не изба-вляются отъ вторженій негроторговцевъ изъ

¹⁾ H. Capello & K. Ivens, уп. соч.

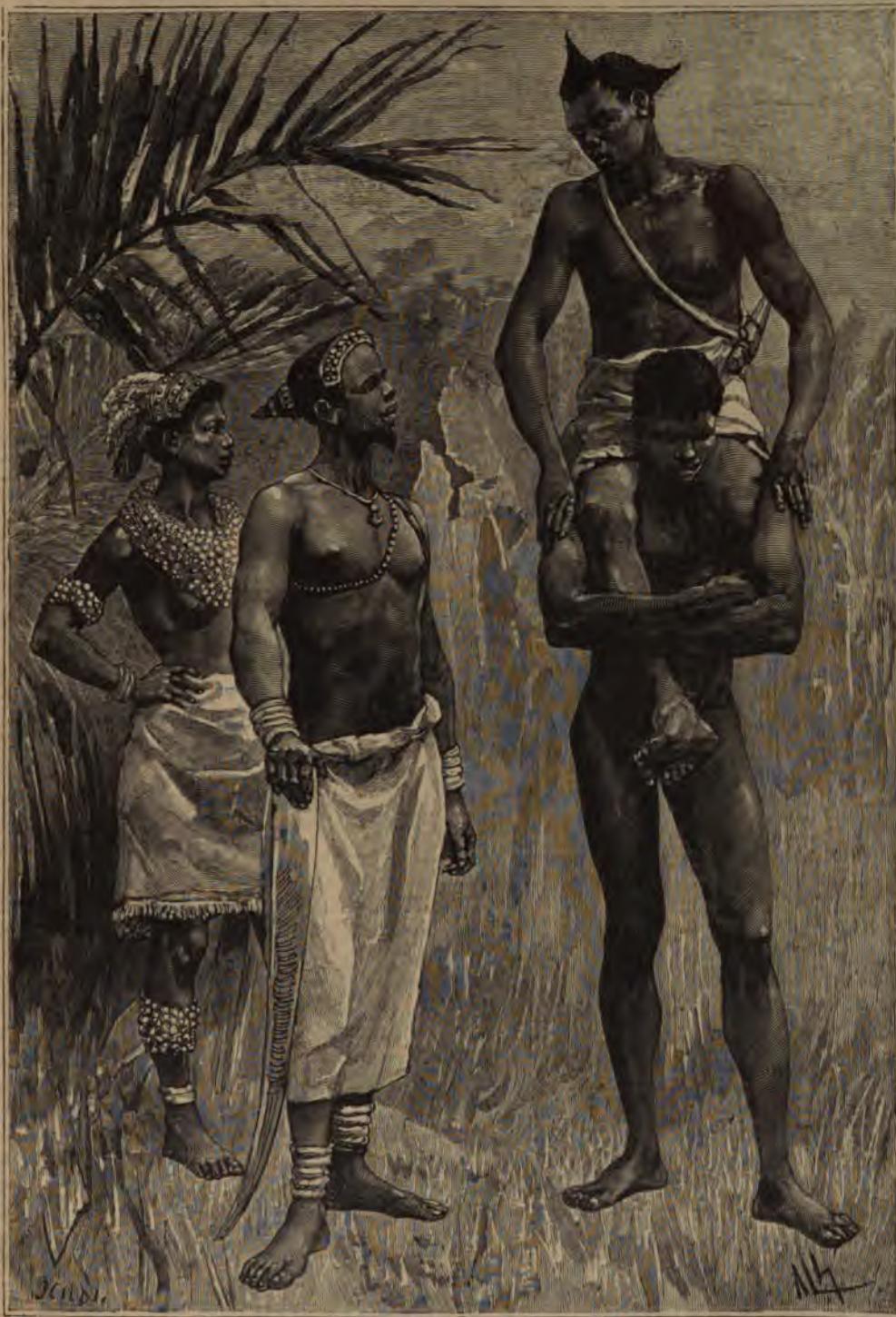
арабовъ или португальскихъ негровъ, которые воруютъ у нихъ женщинъ и сжигаютъ деревни Королевство племени руа раздѣлено на округи, управляемые каждый отдельнымъ *чиколо*, или начальникомъ, наследственнымъ или назначаемымъ только на срокъ четырехъ лѣтъ: при этомъ, если король доволенъ ихъ службою, то они назначаются и на слѣдующіе сроки; если же не доволенъ, то они изувѣчиваются, такъ какъ въ этомъ государствѣ королевскіе нравы не менѣе жестоки, чѣмъ и въ сосѣднихъ краяхъ. Въ странѣ племени у-руа прибѣгаютъ только къ двумъ казнямъ: изуродованію и умерщвленію, почему предъ жилищами короля находятся кладовыя, наполненные отрубленными головами. Государь почитается богомъ, и самый высшій предметъ почитанія, всемогущій фетишъ, представляетъ основателя династіи. Этотъ фетишъ находится въ лѣсу, доступъ въ который запрещенъ всѣмъ, даже чародѣямъ; женою фетиша считается сестра государя, и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ только она одна, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, имѣть право спрашивать совета у фетиша. Въ силу своей божественности, государь руа считается мужемъ каждой женщины въ своемъ королевствѣ, за исключеніемъ лишь своей матери. Когда у него рождается сынъ, то онъ обертываетъ его въ обезьяную шкуру и жалуетъ правомъ пользоваться сѣствыми припасами и тканями изъ хижинъ земледѣльцевъ: въ силу королевской крови, принцу разрѣшается грабить, сколько ему вздумается. Король считаетъ себѣ стоящимъ выше потребностей человѣческой жизни и могъ бы, говорить онъ, обходиться безъ ёды и питья; если же ему вздумается поѣсть, то онъ дѣлаетъ это тайкомъ отъ другихъ. Большинство подданныхъ подражаютъ ему въ этомъ и не допускаютъ смотрѣть на нихъ во время ёды: несомнѣнно, что они опасаются рокового вліянія чьего-либо дурнаго глаза, въ особенности же глаза женщины, которая всегда полуподозрѣвается въ колдовствѣ. Однако, въ отсутствіе государя, вмѣсто него, всегда управляетъ его первая жена. Въ случаѣ ея смерти, супругъ ея долженъ въ теченіе нѣсколькихъ дней оставаться на ложѣ, рядомъ съ трупомъ. Когда же умираетъ самъ король, то жены его уже не ограничиваются обниманіемъ его трупа—необходимо, чтобы извѣстное число ихъ сопровождало его и въ могилу. При этомъ, яма вырывается на дѣлѣ отведенного на времія ручья; затѣмъ зарываются, прежде всего, вторую жену покойника, которая должна бодрствовать у его ногъ; послѣ этого устилаются дно могилы живыми женщинами, и на нихъ помѣщаются трупъ. Далѣе, закопавъ могилу, убиваютъ на ней множество рабовъ, и, наконецъ, сновапускаютъ по прежнему руслу воду ручья, которо-

рая и должна навсегда скрыть послѣднее пристанище великаго властелина. Человѣческія жертвы приносятся также и при погребеніи второстепенныхъ начальниковъ; что же касается простаго класса людей, то ихъ трупы бросаются въ кусты, а иногда, по словамъ Сатегон'a, сажаютъ въ ямы, при чемъ указательный палецъ правой руки приподнимаютъ къ небу.

Край племени руа—одинъ изъ самыхъ багатыхъ во Внутренней Африкѣ. Почва необычайно плодородна; въ горахъ находять мѣсторожденія желѣза, киновари, серебра и даже каменнаго угля; въ нѣкоторыхъ долинахъ, нѣкогда бывшихъ озерами, просачивается соленая вода, изъ которой руа и добываютъ то драгоценное вещество, которое составляетъ главный предметъ торговли во всей центральной Африкѣ. Кромѣ того, большая часть туземцевъ отличаются смѣшленностью и ловкостью въ работѣ: такъ, Сатегон описываетъ хижину, построенную однимъ м'руа, которую даже въ Европѣ признали бы художественнымъ произведеніемъ. Геометрически-правильный конусъ ея крыши ниспадаетъ на всей окружности жилища, такимъ образомъ выгадывается мѣсто для устройства круговой веранды, которую поддерживаютъ правильной формы колонки; надъ двухстворчатой раскрашенной и выточенной дверью выведенъ готическій портикъ, кривизны которого согласованы съ кривыми линіями крыши. Артистическія способности руа обнаруживаются также и въ ихъ причудливыхъ прическахъ, въ каждой изъ которыхъ проглядываетъ какая-нибудь оригинальность, отличающая одного человѣка отъ другаго. Костюмъ руа состоитъ лишь изъ кожанаго передника; но, затѣмъ, у каждого клана есть какое-нибудь отличительное животное, изъ шкурокъ котораго дѣлаются торжественные одежды, въ которыхъ члены этого клана являются передъ своимъ государемъ. Какъ и въ сосѣднихъ краяхъ, у-руа умѣютъ также дѣлать одежды изъ луба дерева *мюмбо*.

Столица земли У-Руа, Килемба, называемая также Куихама или Муссамба, подобно всѣмъ королевскимъ «резиденціямъ», расположена въ равнинѣ, на притокѣ озера Касали, одного изъ тѣхъ четкообразныхъ озеръ, чрезъ которыхъ протекаетъ Луа-Лаба. Килемба представляеть изъ себя большую деревню, защищенную крѣпкимъ частоколомъ. Въ этой странѣ, подверженной постояннымъ набѣгамъ со стороны второстепенныхъ начальниковъ племенъ, самого короля и негроторговцевъ, большая часть деревень скрыта въ чащѣ лѣса, при чемъ проникнуть въ нихъ возможно, лишь проползши на колѣняхъ по длинной (изъ скрещенныхъ вѣтвей) галлерѣ, приводящей къ двери, снабженной рогатками. Охотно из-

бираемыми местами убежища служать также и привязываются подъ хижинами между озера. На водахъ небольшаго озера Мория, сваями. На большомъ озерѣ Кассали польдлежащаго километрахъ въ сорока къ сѣверо-зуются плавучими островами (плавами), кото-

Группа изъ племени ка-лунда.

западу отъ Килемба, находятся многочисленные озерные поселки, жители которыхъ сходятся только для обработки своихъ полей и для привода козъ на пастбища;

рые скрываютъ при посредствѣ настилки изъ бревенъ и хвороста: на эту настилку насыпаютъ слой земли, разсаживаютъ бананы, и люди живутъ тамъ, вмѣстѣ съ своими курами.

ми и козами. Между плавучимъ лугомъ и берегомъ, въ видахъ предотвращенія набѣговъ, прорѣзываютъ каналы, а порою, для увеличенія ширины пролива, плавучій островъ притягиваютъ къ сваямъ, вколоченнымъ посреди озера, и уже на глубокой водѣ укрѣпляютъ островъ на якорѣ. Поля на берегу обрабатываются женщинами, мужчины же становятся на часы на опушкѣ лѣса, для подачи сигнала къ бѣгству въ случаѣ нападенія. Наконецъ, въ горахъ Митумбо и Кунде-Ирунде, господствующихъ съ запада и востока надъ долиной Лу-Фира, тысячи руа обитаютъ въ обширныхъ пещерахъ, имѣющихъ въ длину до 36 километровъ: пещеры эти, съ ихъ тысячами проходовъ, образуютъ обширные подземные города, где проживаетъ цѣлый народъ, вмѣстѣ со своими домашними животными; чрезъ одну изъ пещеръ пробѣгаютъ даже ручей. На случай осады, для возобновленія сѣтственныхъ припасовъ или для обхода непріятеля въ тылъ, у проживающихъ въ такихъ пещерахъ троглодитовъ имѣются многочисленные выходы¹⁾.

III. Область озеръ Танганьика и Мута-Н'зиге.

Къ востоку отъ озера Танганьика, изливающагося въ Конго чрезъ р. Лу-Куга, самое обширное и чаще всего упоминаемое въ современной исторіи Африки государство есть У-Ніамези [У-Ніамуэзи]; о немъ, подъ именемъ Мунемуги, т. е. «Страны Луны», упоминаютъ, съ конца шестнадцатаго столѣтія, португальцы и Пигафетта²⁾. Оно занимаетъ наибольшую часть областей, орошаемыхъ р. Малагарази и ея притоками, и, простираясь на сѣверъ и сѣверо востокъ по гребню плоскогорій, захватываетъ также покатость о. Ніанца. Это одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Африки. По невысокимъ и красиво очерченнымъ холмамъ разсѣяны деревни и луга; деревни, довольно многочисленныя, окружены садами, рисовыми плантациими и хорошо обработанными полями; козы, овцы и горбатые, въ родѣ индійскихъ, быки стадами пасутся на склонахъ; лишь на западѣ простираются болота и сырья земли, въ перемежку съ озерами и трясинами, около которыхъ выстроено большинство деревень и присутствіе которыхъ и дѣлаетъ край нездровымъ, въ особенности, когда дуютъ восточные вѣты, насыщенные міазмами, вслѣдствіе испареній послѣ сезона дождей. Самый важный и наиболѣе извѣстный округъ государства

¹⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, T. IV.

²⁾ Krapf;—Rebmann;—Burton;—Speke;—Livingstone;—Grant и т. д.

У-Ніамези есть У-Ніамбіэмбѣ, чрезъ который протекаетъ рѣка Гомба, главный притокъ Малагарази; чрезъ него же проходитъ и большая часть каравановъ, двигающихся между берегами моря и озеромъ Танганьика. Speke, Burton, Grant, Stanley, Сашегон и, со временемъ этихъ пionеровъ-наслѣдователей Африки, также и другие многочисленные путешественники прослѣдовали чрезъ У-Ніамбіэмбѣ, проживая тамъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ; также основались тамъ и духовные миссіонеры, и вѣть сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ тамъ появятся также и политические администраторы, представители Германіи, какъ сузеренной державы.

Вуа-Ніамези—имя собирательное, подъ которымъ подразумѣваются племена различныхъ наименований, населяющія страву, и, повидимому, одного происхожденія съ жителями Гарангая въ королевствѣ Мсипи¹⁾—издавна состоять въ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами, которымъ и обязаны значительнымъ превосходствомъ своей цивилизациіи въ сравненіи съ сосѣдними неграми. Тѣмъ не менѣе большинство изъ нихъ сохранило прежнюю татуировку, черты которой—черная у мужчинъ, голубая у женщинъ—различаются, смотря по племенамъ: обычно татуируются лобъ и щеки. Женщины вырываютъ по два рѣзца изъ нижней челюсти, между тѣмъ какъ мужчины лишь стачиваютъ внутренніе углы срединныхъ рѣзцовъ, вслѣдствіе чего посреди чистой бѣлизны ихъ зубовъ виднѣется небольшой черный треугольникъ. Вуа-Ніамези обезображиваются также мочки ушей, вдѣвая въ нее тяжелыя вещи, деревянныя кружки, куски слоновой кости или раковины. Большинство бреютъ часть головы, а остатокъ волосъ на ней закручиваютъ въ видѣ многочисленныхъ остроконечій, которыхъ къ тому же еще удлиняются при посредствѣ лучинокъ. Нѣкогда туземное одѣяніе также дѣлалось изъ коры, но нынѣ эта грубая ткань почти повсюду замѣнилась тканями, доставляемыми съ морскаго берега; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ богатые люди носятъ арабскій костюмъ, а также и тюрбанъ. Мѣдные проволоки для наручной и набедренниковъ въ большомъ употребленіи у вуа-ніамези, равно какъ и стеклянные бусы; начальники ко всему этому присоединяютъ еще широкіе браслеты изъ слоновой кости, которые надѣваются на предплечія, и въ которые ови ударяютъ во время битвъ для возбужденія храбрости въ своихъ воинахъ.

Хотя браки представляютъ простую куплю-продажу и хотя женщины считаются: дѣвушки—собственностью отца, а замужнія—собственностью мужа, но, тѣмъ не менѣе, они пользуются большою материальною свободою. До-

¹⁾ Broun;—Cust, „The Modern Languages of Africa“.

стигнувъ возмужалости, дѣвшкисоединяются въ группы для постройки общей хижинь, въ которой и проводять свои дни и ночи, принимая всякаго, кто полюбится; однако, если дѣвшка забеременѣеть, то любовникъ долженъ купить ее у отца Послѣ брака, мужъ поселяется у своей жены, но также часто случается, что оба лица, сочетавшися бракомъ, проживаются и отдельно другъ отъ друга; вмѣстѣ они никогда не Ѣдятъ, и даже ребенокъ, достигнувъ такихъ лѣтъ, что можетъ жить между взрослыми, стыдится быть застигнутымъ за трапезою съ своею матерью. Въ большой части деревень рядъ хижинь оканчивается на каждомъ концѣ общемъ домомъ, *ихуани*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ исключительно женщинамъ, а другой—мужчинамъ; въ мужскомъ общемъ домѣ принимаютъ также и иностранцевъ. Въ веденіи домашнихъ дѣлъ наблюдается полное раздѣленіе труда: мужчина занимается стадами и птичьимъ дворомъ, а женщина воздѣлываетъ сады и поля; однако, свою долю табака каждый изъ нихъ выращиваетъ самъ. Родить женщина должна одна, въ кустахъ; въ случаѣ двоенъ одинъ изъ близнецонъ, въ нѣкоторыхъ окружахъ, убивается, но вмѣсто него мать пеленаетъ тыквенную бутылку и кладетъ ее въ колыбель рядомъ съ ребенкомъ, оставшимся въ живыхъ. Отцу наслѣдуется не племянникъ, какъ это практикуется у тѣхъ многочисленныхъ племенъ, у которыхъ частію сохранились нравы матріархата; здѣсь наслѣдство передается дѣтямъ по прямой линіи, но незаконнѣй дѣти имѣютъ всегда преимущество, такъ какъ семейная солидарность считается залогомъ успѣха, съ избыткомъ вознаграждающимъ всѣ остальные преимущества богатства¹⁾.

Страна земледѣльческая и торговая, У-Ніамези часто бывала предметомъ соперничества для завоевателей. Въ 1871 году, во время первого путешествія Стэнли, «арабы» были еще вссыма могущественны, и у нихъ сохранились еще воспоминанія отъ того времени, когда они могли проходить все пространство между моремъ и большимъ озеромъ «безо всякихъ другаго оружія, кроме посоха путешественника»; но такъ какъ они стали злоупотреблять своей силой, въ цѣляхъ порабощенія сосѣдей, то и возбудили противъ себя повсюду восстанія. Будучи же разобощены своими торговыми интересами и опираясь только на рабовъ и наемниковъ, они были побѣждены, при чёмъ усилиями главаря Мирамбо, или «Дѣлателя Труповъ»²⁾. «Чернаго Бона-парта»—военный геній котораго восхваляютъ всѣ путешественники—въ У-Ніамези создалась

¹⁾ Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

²⁾ Jérôme Becker, „La vie en Afrique“.

негрская имперія. Теперь, однако, она уже раздѣлена и половина у-ніамезійскихъ деревень принадлежитъ покровительствуемому арабами державцу. За полученіемъ прохода чрезъ страну исследователи и купцы обращались къ Мирамбо, а одинъ швейцарскій негодіантъ, съ цѣлью получить возможность оспаривать у арабовъ управление караванами, даже добился чести стать заемщикомъ Мирамбо: такимъ образомъ, руга-руга, т. е. «разбойники», столько разъ нападавшіе на торговые караваны, стали охранителями ихъ, въ свою очередь. Тѣмъ не менѣе, превосходство иностранцевъ въ умѣніиести торговое дѣло сохраняетъ за ними роль главныхъ посредниковъ въ торговле между моремъ и областью великихъ озеръ. Нѣкоторые изъ этихъ «арабовъ» и по расѣ, и по языку, и по религіи,—настоящіе семиты съ азіатского полуострова; но большинство—уроженцы Омана, выходцы смѣшанной крови изъ Маската или Занзибара, а охраняющіе ихъ наемники—солдаты «белучи», привозимые изъ Азіи: въ 1872 году, во время путешествія Самегопа, такихъ белучей было болѣе тысячи, а во всѣхъ вообще гарнизонахъ, оплачиваемыхъ арабами, находилось около трехъ тысячъ человѣкъ всякаго рода и племени. Понятно, что при наличности подобныхъ элементовъ населеніе оказывается вссыма смѣшаннымъ: большая часть туземцевъ, живущихъ вдоль торговыхъ дорогъ, говорить на трехъ языкахъ: банту, арабскомъ и ки-суахили (изъ Занзибара). Переселенцы же съ востока, вуакимбу, населяютъ особыя деревни, предоставленные имъ обладателями края. Нѣкоторыя изъ колынь вуа-ніамезіецъ занимаются лишь своимъ полями или скотомъ, между тѣмъ какъ другія преимущественно предаются торговле. Цѣлые деревни оказываются населенными одними наемниками, съ дѣствомъ привыкшими идти повсюду за купцомъ, туземцемъ, арабомъ или европейцемъ, и поговорка «кто видѣлъ свѣтъ, у того голова не пустая» повторяется ими чаще всего. Такихъ наемниковъ встречаются не только въ той области Африки, которая находится между моремъ и озерами, но также и на большихъ разстояніяхъ въ направлениі къ западу, въ собственно такъ называемомъ Конгскомъ бассейнѣ. Въ этихъ, столь удаленныхъ отъ ихъ отечества мѣстностяхъ, они поосновали постоянныя колоніи; тѣмъ не менѣе, безъ надежды на возвратъ они рѣдко уходятъ изъ своей страны, съ которой, какъ равно и съ своими присными, они поддерживаютъ непрерывныя сношенія. Встрѣчаясь на пути съ караваномъ, возвращающимся въ ихъ возлюбленную землю, они останавливаются для чествованія вмѣстѣ национальныхъ праздниковъ и часто позволяютъ даже увлечь себя къ возврату на родину, при чёмъ оставляютъ заработанныя тяжкимъ трудомъ деньги на-

чальнику *кафилага*; но, убъгая, они честно оставляют ту ношу, которая была имъ до вѣреиа. Когда же одинъ изъ караванщиковъ умираетъ въ пути, то, при погребеніи, его товарищи обращаютъ его лицомъ къ родной деревнѣ¹⁾.

Мѣстечко, или вѣрнѣе группа деревень, чаще всего упоминаемая въ разсказахъ путешественниковъ и миссионеровъ, есть Табора, названная первыми англійскими изслѣдователями Казегомъ, т. е. резиденцію: здѣсь сходятся всѣ караванныя дороги между морскимъ берегомъ и великими озерами; арабы называютъ этотъ пунктъ «Земземъ», въ воспоминаніе обѣ источниковъ въ Меккѣ. Табора расположена на высотѣ 1.242 метровъ, т.-е. всего лишь нѣсколькими метрами ниже гребня водораздѣльного хребта, въ обширной равнинѣ, лишь кое-гдѣ представляющей группы лѣсныхъ деревьевъ, но покрытой воздѣланными полями, бататами, иньамомъ, рисомъ, кукурузою и другими хлѣбами; этимъ - то полямъ округъ Таборы и обязанъ своимъ наименованіемъ: У-Ніамбіамбэ, или «страна мотыкъ»²⁾. Главное село заключаетъ въ себѣ нѣсколько оградъ изъ частокола, и вѣтъ этихъ бомъ—многочисленныя скопленія хижинъ. Стэнли исчисляетъ все населеніе Таборы въ пять тысячъ человѣкъ,—ніамезіецъ, арабовъ, занзибарцевъ и белуджей. Нѣкоторые изъ домовъ, обитаемыхъ богатыми купцами, представляютъ пышныхъ жилища, съ украшенными скульптурою дверями, съ обширной барза, т. е. пред назначенными для приема гостей сѣнами, выходящими на веранду, гдѣ стоять вооруженные тѣлохранители; сады, апельсинные или банановые рощи, группы гранатовыхъ деревьевъ, виноградники, даже пальмовые рощи, окружаютъ эти темѣ арабовъ.

Въ окружающей равнинѣ, къ югу и къ юго-западу отъ Таборы, разсѣяны и другія деревни: изъ нихъ Куи-куру, или «деревня короля», окруженная пятью концентрическими оградами, есть резиденція мтеми, господствующаго въ У-Ніамези и пользующагося покровительствомъ арабскаго уали въ Таборѣ. Деревни въ У-Ніамези, состоящія изъ хижинъ, выстроенныхъ очень тщательно и содржимыхъ съ замѣчательною опрятностью, окружены либо по-старинному, т. е. изгородью изъ древовидныхъ молочайныхъ растеній, содержащихъ ядовитый сокъ, либо, по новой модѣ, обведены толстого стѣною. Въ послѣднее время въ Таборѣ и въ мѣстечкахъ: У-Юни, на сѣверо-востокѣ, и У-Рамбо, на сѣверо-западѣ, появились также европейская постройки: это дома, школы, капеллы, построенные католическими и протестантскими миссионерами; по Вильсону, за крѣпкою оградою

¹⁾ Richard Burton, упом. соч.

²⁾ "A l'assault des Pays Nègres. Journal des Missionnaires d'Algier".

У-Юни ютиится отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ¹⁾; У-Рамбо быль—на чтѣ указываетъ и самое его название—резиденцію Мирамбо (Ми-Рамбо); Серамбо, на сѣверо-западѣ, на одномъ изъ притоковъ Малагарази, представляетъ, по Стэнли, тоже «большой городъ», приблизительно съ пятью тысячами жителей. Что же касается религіи жителей данныхъ мѣстъ, то—подобно тому, какъ въ большей части другихъ областей Африки, въ которыхъ магометанство и христіанство оспариваютъ другъ у друга обращеніе туземцевъ въ свои исповѣданія—магометанство оказываетъ больше влиянія какъ на нравы, такъ и на идеи, хотя число собственно приписавшихся къ нему новообращенныхъ не велико, и хотя арабскіе купцы не прилагаютъ никакихъ заботъ къ обращенію туземцевъ въ свою вѣру. Религіозные обряды вуа-ніамезіецъ не многочисленны и большою частью относятся къ покойникамъ; каждый кладеть свой камень въ томъ мѣстѣ, гдѣ окончилъ дни его другъ, а также насыпаетъ немного песку и тамъ, гдѣ кто-нибудь изъ носильщиковъ изнемогъ подъ своею ношою; иногда онъ бросаетъ что-нибудь—траву, вѣтку или листья—на останки льва или слона, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, видить, по уму и храбрости, братерьевъ человѣка. Пѣснями и молитвою вуа-ніамезіецъ привѣтствуетъ новую луну, а отправляясь изъ своей деревни въ путешествіе, онъ, для «доставленія землѣ пищи» и пріобрѣтенія ея благорасположенія, посыпаетъ на тропинку немного муки и чертить на ней геометрические знаки²⁾). Во время же самаго пути, внимательно прислушивается къ крику маленькой птички, видя въ ней свою покровительницу и извѣстительницу обѣ угрожающей опасности³⁾.

Къ юго-западу отъ Табора, въ области У-Гунда, германцы учредили постъ, который они надѣялись, рано или поздно, превратить въ центръ дѣйствительного господства надъ всѣмъ краемъ къ востоку отъ Танганики. Свою первую бому они основали въ 1881 году, около деревни Какома, въ области Вуа-Галла; однако, вскорѣ центръ своей дѣятельности они перенесли отсюда въ У-Гунда, на станцію Гонда, расположенную, подобно Какомѣ, на пурі, или гладкой равнинѣ, съ разсѣянными тощими деревьями, весьма нездоровой въ дождливое время. За небольшое количество пороха судтанша У-Гунды подѣлилась съ ними властью, предоставивъ имъ право налагать натуральные повинности, приговаривать къ смерти и решать вопросъ о мирѣ и войнѣ⁴⁾; однако,

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1880.

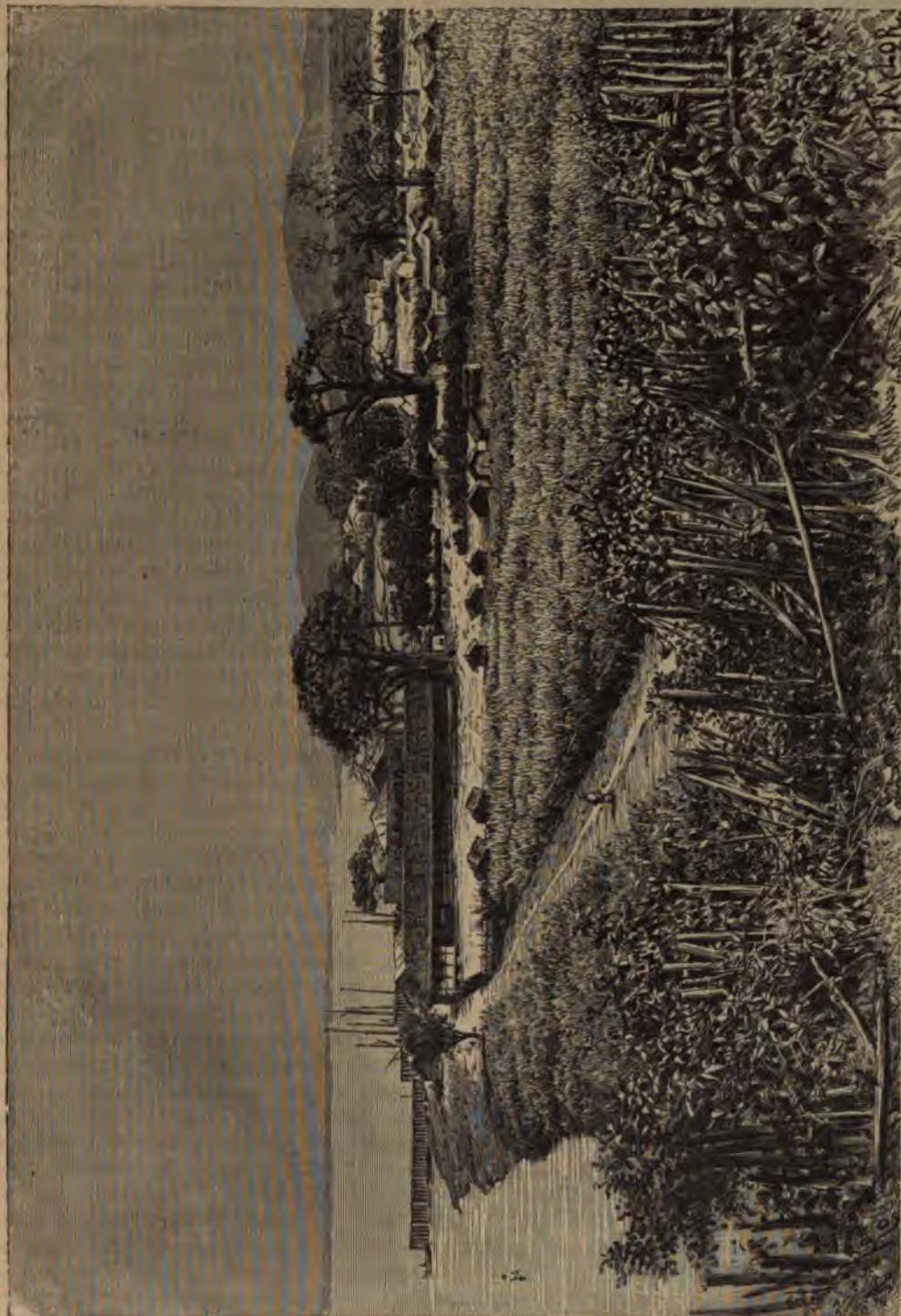
²⁾ „A l'assault des Pays Nègres“.

³⁾ Guillet, „Annales de la Propagation de Foi“, Janvier, 1883.

⁴⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, 1881—1883.

германцамъ не удалось воспрепятствовать привнесенію человѣческихъ жертвъ на могилахъ начальниковъ, и, въ концѣ концовъ, они покинули и самую станцію. Область У-Гунда,

зуются дурной славой, какъ грабители кара-
вановъ, вслѣдствіе чего купцы заботливо об-
ходять ихъ селенія и направляются къ Ка-
гуэ стѣвернѣ, чрезъ населенный городъ Серам-

Бома. Общий видъ.

одна изъ самыхъ хлѣбородныхъ, есть житница страны У-Ніамези.

Къ западу отъ У-Ніамези, въ побочныхъ долинахъ р. Малагарази, обитаютъ многочисленные народы, изъ которыхъ вуа-тутаполь-

бо. Племя, повидимому, господствующее надъ обширной территоріей между У-Ніамези и Танганыкою, называется вуа-хха, и область разселенія его, У-Хха, простирается отъ нижняго теченія рѣки Малагарази до тѣхъ го-

ристыхъ мѣстностей, иь которыхъ зарождается Ниль-Александра или Кагера. Это—пастухи, перегоняющіе, съ копьемъ въ рукѣ, свои стада по обширнымъ болотистымъ равнинамъ; будучи самыми цивилизованными изъ пегровъ озерной области, они отличаются также красотою своихъ чертъ, открытымъ и умнымъ взоромъ, хорошимъ вкусомъ при выборѣ украшений и изяществомъ татуировки; между прочимъ, они приготовляютъ превосходное масло, которое не горкнетъ, какъ масло другихъ пастушескихъ племенъ, и которое находитъ хорошій сбытъ въ У-Ніамези. Между сестрными народцами бродятъ также пастухи вуа-тузи, о которыхъ полагаютъ, что они прибыли съ євера и что они одного происхожденія съ у-хума береговъ озера Ніанцы: высокіе, стройные, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и съ свѣтлымъ оттенкомъ кожи, они походятъ на галласовъ Эсіоши; нѣкоторые писатели полагаютъ, что, по происхожденію, они могутъ быть уподоблены племени вуа-хха. Однако, словаря ихъ языка мы еще не имѣемъ, а кочевой образъ жизни удаляетъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ европейскими исследователями страны; подобно нуэрамъ береговъ Нила, они по цѣлымъ часамъ держатся на одной ногѣ, на манеръ птицъ-рыболововъ. До соединенія всѣхъ племенъ банту въ данномъ краѣ въ одну империю, что совершилось при Мирамбо, всѣ признавали политическое преобладаніе племени вуа-тузи, какъ вслѣдствіе ихъ близкихъ связей съ остальными племенами, такъ и вслѣдствіе превосходного знанія ими края; однако, изъ этого положенія господѣ они превратились въ слугъ¹⁾; многіе изъ нихъ предпочли даже слѣдовать за Мирамбо въ качествѣ добровольныхъ рабовъ, чѣмъ покинуть свои стада: по крайней мѣрѣ они не разлучались со своими животными²⁾. Нынѣ арабы изъ Таборы довѣряютъ имъ уходъ за своими стадами, предоставляемъ въ вознагражденіе за это половину добываемыхъ отъ животныхъ продуктовъ³⁾.

Нижнюю долину рѣки Малагарази занимаютъ области: на лѣвомъ берегу—У-Винца, на правомъ—У-Карага, или «страна земляныхъ фисташковыхъ орѣховъ». У-Винца славится своими солончаками, которые снабжаютъ солью весь край между южными берегами Танганики, Верхнимъ Конго и озеромъ Ніанца. При этомъ, обширнымъ рынкомъ соли, слоновой кости, рабовъ и товаровъ, ввозимыхъ изъ Занзибара и Европы, является портъ Каухэлэ или Кавела, болѣе извѣстный по имени своего округа, У-Джиджи (Ужизи). Нѣкогда и Танганика называлась озеромъ или моремъ У-Джиджи, по имени деревни, въ которой со-

вершался торговый обмѣнъ сырыхъ продуктовъ центральной Африки на товары, идущіе съ береговъ Индійского океана. Со всѣмъ тѣмъ, это знаменитое мѣсто, на которое на берегу озера впервые ступила нога europейца,—не городъ, а группа хижинъ, расположенныхъ на юномъ берегу полуострова; при чемъ посреди этихъ жилищъ вуа-джиджи, стоять нѣсколько домовъ арабовъ и высокія хижины мунтуали, или «тріумвировъ», управляющихъ краемъ: свои приговоры они произносятъ отъ имени султана, которому воспрещается видѣть «море», т.-е. озеро. Съ пляжа У-Джиджи открывается великолѣпный видъ на красные крутые берега, лѣсистые холмы, группы пальмовыхъ деревьевъ, на разсѣянный поселенія; въ теченіе половины года можно видѣть на другомъ берегу озера горы области У-Гомы, съ низвергающимися съ нихъ и блистающими на-подобіе серебряныхъ пластинокъ водопадами. У-Джиджи—мѣсто нездоровое: пребываніе тамъ было гибельно для многихъ европеїцевъ, но до сихъ поръ его не могли замѣнить какъ центръ мѣновой торговли и продовольствія. Торговля жизненными припасами и произведеніями мѣстной промышленности: тканями, маслами и продуктами рыболовства на рынкѣ У-Джиджи совершаются ежедневно. Торгуютъ тамъ много и рабами, но со временемъ прибытія въ страну бѣлыхъ, этотъ торгъ уже не производится явно: рабовъ привозятъ и увозятъ по ночамъ, а содержать на отдельныхъ дворахъ⁴⁾.

Негры вуа джиджи—судостроители и съ гордостью указываютъ на большія гребныя пайдубны лодки, которыя они строили для арабовъ и которыя первенствовали на озерѣ до появленія на немъ европеїскаго парохода. Подъ руководствомъ европеїцевъ, эти туземцы хорошо изучили берега своего озера, и между ними стало уже возможно набирать кормичихъ, которые, сдѣлавшись опытными моряками, менѣе приносятъ передъ мысами въ жертву курьи козы и менѣе обмазываются бѣлой глиной. Около У-Джиджи видѣется, въ одной изъ глинистыхъ кручъ, громадное углубленіе, образовавшееся оттого, что матросы здѣсь запасались земле-фетишемъ⁵⁾. Мало-по-малу уменьшаются также и трудности путешествія между У-Джиджи и морскимъ берегомъ, а слѣдовательно, приближается къ океану и озеро Танганика. Такъ, еще въ 1880 году высчитывали, что на такое путешествіе каравану пришлось бы потратить шесть мѣсяцевъ времени и десять тысячъ франковъ для переносочныхъ токаровъ, при чемъ, правда, въ упомянутую сумму включались потери, происходящія какъ отъ грабежей и побѣговъ, такъ и отъ раз-

¹⁾ Cast, „The modern languages of Africa“.

²⁾ Jérôme Becker, „La vie en Afrique“.

³⁾ „A l'assaut des Pays H  res“.

⁴⁾ Edw. Coode More, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Janvier, 1882.

⁵⁾ Stanley, „Voyage à la recherche de Livingstone“.

ныхъ приключений въ самомъ пути. Нынѣ же то разстояніе въ тысячу километровъ, которое отдѣляетъ по прямому направлению, съ высоты птичьяго полета, У-Джиджи оть моря, можетъ быть пройдено путешественникомъ въ сорокъ пять дней, если только сопровождающая его кладь не тяжела. Главное неудобство заключается въ томъ, что муха цепе наводняетъ часть пути, препятствуя проходу животныхъ: такимъ образомъ, нельзя пользоваться повозками, если не прибѣгнуть къ повторенію тѣхъ, дорого стоящихъ опытовъ, при которыхъ, въ качествѣ выночнаго скота, были употреблены индійскіе слоны.

Къ югу оть У-Винца, еще двѣ страны: У-Галла—на рѣкѣ того же имени, и У-Кахуэндэ—на восточномъ берегу озера Танганьика, принадлежать еще къ бассейну Малагарази. Въ этихъ областяхъ, видимыхъ Станли, Камерономъ, Бэмомъ и Рейхардомъ, нѣть ни густо населенныхъ деревень, ни большихъ рынковъ; но южнѣе, на берегу Танганьики, находится европейская станція Карема, основанная въ 1879 году Международною Африканской Ассоціаціею, а затѣмъ уступленная католическимъ миссіонерамъ, подъ эвентуальнымъ сюзеренитетомъ Германской имперіи. Станція эта, будучи расположена на небольшомъ—господствующемъ надъ бухтою р. Ифульмэ—холмѣ изъ слюдяного сланца, уже занесла свое имя въ географическую исторію материка, благодаря тѣмъ изслѣдователямъ, которые ее основали и которые сдѣлали ее центромъ своихъ экспедицій. Неприступная для окрестныхъ негровъ, эта крѣпость окружена низинами, которые во время массика, т.-е. въ періодъ дождей, превращаются въ болота. Во времія построенія форта, волны озерныхъ водъ еще разбивались о подошву холма; но послѣ углубленія ложа истока озера, т. е. р. Лу-Куги, на нѣсколько сотенъ метровъ къ западу отступило также и самое озеро; выдавшіяся же, при этомъ, изъ-подъ воды земли покрыты нынѣ уже чащами растеній. Карема—мѣсто не торговое, и караваны узнали къ ней дорогу только послѣ прибытія бѣлыхъ; со временемъ же отступленія озера, она перестала быть также и портомъ, вслѣдствіе чего, для избѣженія береговыхъ отмелей, суда бросаютъ якорь въ озерѣ на глубокой водѣ; въ водахъ Каремы, туземцы даже не ловятъ рыбы, хотя она водится тамъ въ изобилиї. Пососѣдству со станціей, въ трехъ километрахъ оть озера, основалась туземная деревня Вуа-Кахунджа, состоящая изъ тѣсно скученныхъ соломенныхъ хижинъ. На склонахъ холма, а также и на окружающихъ его низинахъ, белыгійцами разведены сады и древесные насажденія. До недавняго времени въ смежныхъ съ этими поселеніями заросляхъ водились во множествѣ львы, которыхъ, однако, неочень боятся, такъ какъ тамъ это—животнія тру-

сливны, обыкновенно убѣгающія отъ человѣка, даже будучи ранеными. Туземцы даже бываютъ довольно присутствіемъ этого краснаго звѣра вблизи деревень, такъ какъ отъ охоты львовъ на буйволовъ и газелей на долю людей остается та часть этой дичины, которую левъ покидаетъ, удовлетворивъ первый голодъ¹⁾. Въ схваткахъ львовъ съ буйволами иногда случается, что побѣдителями остаются не львы, а буйволы.

Къ югу оть негостепріимнаго пляжа, въ берегъ врѣзываются многочисленныя бухты, изъ которыхъ многія могли бы быть превосходными портами. Такъ, въ 75 километрахъ южнѣ Каремы, находится бухта Кирандо, которая хорошо защищена отъ волнъ озера архицелагомъ островковъ; окружающія ее деревни многолюдны, а вдали равнинны видныются обширныя рисовые поля. Эта часть восточнаго берега озера принадлежитъ племени вуа-фиба, весьма значительному вслѣдствіе своей численности, населяющему также горы Ліамба и берега озера Рикуа. Долина рѣки Катума или Мкафу, зарождающейся къ востоку оть Каремы и впадающей въ озеро Рикуа, дѣлится между двумя краями: У-Кононга на сѣверѣ и У-Фиба (У-Фила) на югѣ. Это послѣднее государство—одно изъ самыхъ населенныхъ въ восточной Африкѣ. Жители его—всѣ моряки, и на своихъ крѣпкихъ, широкихъ ширдгахъ плаваютъ далеко по озеру, при чемъ, производя внезапные набѣги на прибрежныя села, овладѣваютъ множествомъ рабовъ²⁾. Подъ общей границы двухъ странъ: Капонго и Фибы, находится небольшое государство Мфимбуэ, столица которого защищена съ запада горами Ліамба, а съ востока—степями, далеко продолжающимися по равнинѣ. Около города бываютъ два теплыхъ источника, изъ которыхъ у одного температура колеблется между 46 и 47° Ц.; воды этихъ источниковъ наполняютъ водоемъ, въ которомъ туземцы и купаются на разсвѣтѣ дня: дѣйствіе этой воды, по ихъ словамъ, весьма ощущительно и придаетъ красный оттѣнокъ ихъ зубамъ³⁾. Мфимбуэ, разрушенное въ 1880 г. войсками Мирамбо, впослѣдствіи восстановилось неподалеку оть прежняго своего мѣстонахожденія; между двумя баобабами показываютъ мѣсто, где, во времія битвы, были убиты агенты Африканской Ассоціації: Сагтер и Саденхед.

Самый лучшій портъ на всемъ озерѣ Танганьика находится неподалеку оть южной его оконечности, въ странѣ У-Рунгу; туземцы называютъ его, какъ и самое озеро, Ліамба, что значитъ «озеро». И дѣйствительно, Ліамба представляетъ круго-образной формы озерный бас-

¹⁾ Gambier, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, T. II. 1880—1881.

²⁾ V. Giraud, „Tour du Monde“, 1887.

³⁾ Keiser, „Mitth. der Afrik. gesellschaft“. T. IV, 1883—85.

сейнъ, на-подобіе кратера вулкана; полуостровъ Мпэтэ вполнѣ защищаетъ его съ юга и съ запада; а на востокѣ высятся откосы плоскогорія. Въ этомъ своего рода циркѣ, оживляемомъ лишь бегемотами да миріадами водяной птицы, можно вообразить себя отрѣзаннымъ отъ всячаго сообщенія съ остальнымъ міромъ. Деревня Катэтэ, господствующая съ высоты 600 метровъ надъ замкнутымъ Ліэмбескимъ портомъ, есть резиденція султана, называемой «Добрый Начальникъ» и командующей южными вуа-рунгами; дорога, ведущая изъ порта въ деревню, представляеть безконечную каменную лѣстницу, извивающуюся въ тѣни большихъ деревьевъ. Другимъ важнымъ поселеніемъ въ У-Рунгѣ является мѣстечко Цомбэ, представляющее весьма трудную для нападенія крѣость изъ нѣсколькихъ частокольныхъ оградъ; переходя черезъ городокъ, приходится пройти подъ нѣсколькими укрѣплленными воротами. Цомбэ, лежащий на 700 метровъ выше озера, слѣдовательно, на высотѣ болѣе, чѣмъ 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря, представляеть мѣстность весьма здоровую, съ почти европейскимъ климатомъ; муха цепе сюда не проникаетъ, вслѣдствіе чего можно разводить и скотъ; луга вокругъ Цомбэ составляютъ зоологическую энклаву для рогатаго скота, какою не обладаютъ окружающія территории. Женщины въ Цомбѣ—большія мастерицы выдѣлывать ткани какъ изъ хлопка, такъ и изъ волоконъ саговой пальмы.

Южнымъ портомъ Танганьики еще недавно была деревня Памбэтэ, расположенная въ столь нездоровой мѣстности, что протестантскіе миссионеры должны были ее покинуть послѣ тщетныхъ стремленій сдѣлать изъ нея свое главное складочное мѣсто, а также и верфь для всей южной части озера. Пришлось перенести станъ западнѣе, на мысъ Йамбэ, приходящійся между бухтою Памбэтэ и устьемъ рѣки Ло-Фу. Постъ этотъ не преминетъ сдѣлаться важнымъ въ торговой географіи края, такъ какъ къ нему должна подойти большая проѣзжая дорога, которую Стефенсонъ строитъ между озерами Ньясса и Танганьика. Когда же эти два обширныхъ озерныхъ бассейна соединятся называемымъ путемъ, существующимъ имѣть въ длину 450 километровъ, то, вмѣстѣ съ рѣками Ширэ и Замбезе, а также съ побочными дорогами, создастся такой путь, по которому отъ устья Замбезе можно будетъ проникнуть внутрь материка на 2.000 километровъ, при чемъ двѣ трети всего этого протяженія окажутся доступными для паро: такимъ образомъ, рано или поздно, этотъ путь приобрѣтетъ значеніе также и большой торговой дороги. Долина Лі-андуэ, на берегахъ р. Ло-Фу (Ка-фу), находящаяся къ западу отъ конечной пристани на озерѣ, недавно еще была весьма населеною областью, при проходѣ черезъ которую путеш-

шественникъ въ теченіе многихъ дней ходьбы только и видѣлъ кругомъ себя что воздѣланыя поля, но охотники на невольника, арабы и другіе, обезлюдили этотъ край. Ноге тщетно пытались подняться по рѣкѣ выше извилистыхъ озеръ ея устья: чаши изъ папируса и скоплевія пловучихъ травъ останавливали его гребное судно. Впослѣдствіи одинъ англійскій путешественникъ посѣтилъ истокъ Ло-Фу и нашелъ его очень обильнымъ и образующимъ въ мѣстѣ своего появленія наружу небольшое озеро.

На западномъ склонѣ бассейна, между устьями Ло-Фу и Ло-Фуко, обитають племена итауа и ма-рунгу или уанія-ругу, братья по расѣ и языку вуа-рунгамъ восточной покатости. Эта область густо населена, и нѣкоторыя изъ ея горъ покрыты нивами и жилищами вплоть до ихъ верхушекъ. На мысѣ, господствующемъ съ юга надъ устьемъ р. Ло-Фуко, Международная Африканскія Ассоціація основала станцію Мпала, которая расположена насупротивъ Каремы, на противоположномъ берегу озера, и, повидимому, лучше помѣщена съ точки зрѣнія здоровости климата и торговли; охрана ея была ввѣренна католическимъ миссионерамъ Каремы. Долина Ло-Фуко представляеть въ этой мѣстности самый легкій путь также и къ озеру Моэро и къ Луа-Пула; ма-рунгу и вуа-руа здѣсь приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и мѣняются своими продуктами. Ма-рунгу принадлежать къ числу наименѣе красивыхъ негровъ: челюсть у нихъ выдается впереди, носъ приплюснутъ, туловище очень длинное, а ноги короткія; однако, по деревьямъ и скаламъ они лазятъ съ проворствомъ обезьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ данного края встрѣчаются много зобатыхъ¹⁾. Въ землѣ ма-рунговъ Reichard нашелъ человѣкообразную обезьяну,—соко или сако на языкѣ туземцевъ,—приближающуюся къ шимпанзѣ, а не къ гориллѣ, какъ пишетъ Ливингстонъ, видѣвшій соко также и въ странѣ племени ма-ньемовъ. Эти большія обезьяны, ростомъ метръ слишкомъ, живутъ колоніями посреди деревьевъ, на которыхъ и устраиваютъ свои логовища. Туземцы боятся соко больше, чѣмъ львовъ; они боятся также ихъ взгляда, «возвѣщающаго смерть».

Гранитный массивъ У-Гуа, возвышающійся къ югу отъ той бухты, изъ которой вытекаетъ р. Лу-Куга, занимаетъ, какъ показываетъ и его наименование, богатое племя вуа-гуа, родственное своимъ западнымъ сосѣдямъ, неграмъ руа. Вуа-гуа отличаются отъ другихъ народцевъ своею высокую прическою, для возведенія которой они прибѣгаютъ къ цѣлому сплетенію изъ желѣзныхъ проволокъ и палочекъ, уbrane-

¹⁾ Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1880,—Reichard, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, т. IV, 1881—1885.

ныхъ раковинками, стеклянными бусами и металлическими шарами. Они одѣваются въ ткани, сотканныя изъ волоконъ рафи, добываемыхъ ими изъ страны племени у-ру; богатые же къ этому одѣянію присоединяютъ еще передники изъ обезьяньей или леопардовой шкуры. Мало найдется африканскихъ областей, где существовала бы болѣе дѣятельная промышленность, чѣмъ у племени у-гу, которое занимается выдѣлываніемъ глиняной посуды, плетеніемъ рогожъ, корзинъ и другихъ вещей, приготовленіемъ орудій, оружія и украшеній изъ желѣза и мѣди. Столица Руанда расположена на равнинѣ, ограничивающей съ юга р.

тей, будущихъ защитниковъ племени ¹⁾). О чистоплотности и ремесленности туземцевъ свидѣтельствуютъ также и другія поселенія въ У-Гуа. Съ 1885 года, на островѣ Кавала,— находящемся на сѣверѣ небольшаго архипелага, расположенного вдоль берега, къ сѣверу отъ мыса Кахангуга—возникло и европейское поселеніе: англійскіе миссіонеры избрали этотъ постъ за здоровый климатъ той мѣстности, выставленной очищающему дуновенію пассатовъ, а также по причинѣ превосходной гавани, находящейся тамъ между островомъ и материкомъ. На острова эти часто временно выселяются и туземцы, гонимые войнами. Нынѣ Ка-

Фетиши племени ма-рунгу.

Лу-Кугою: это сравнительно большой городъ, состоящій по меньшей мѣрѣ изъ четырехъ-сотъ хижинъ, правильно, въ линію, расположенныхъ вдоль широкихъ улицъ и содержащихъ въ большой чистотѣ; по улицамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены столбы, на вершинахъ которыхъ помѣщены двуглавыя человѣческія фигуры, должнаствующія напоминать жителямъ, что слѣдуетъ одинаково направлять свои мысленные взоры какъ къ прошедшему, такъ и къ будущему, что надо почитать отошедшихъ въ вечность предковъ, духовъ-покровителей данной мѣстности, и въ то же время любить ихъ дѣ-

вала есть верфь и станція бѣлыхъ на озерѣ Танганыки; съ туземцами здѣсь ведется довольно дѣятельная мѣновая торговля.

Эта станція Кавала составляетъ и послѣдній на западномъ берегу Танганыки, по направлению къ сѣверу, пунктъ, принадлежащий англійскимъ миссіонерамъ. Далѣе слѣдуютъ многочисленные народцы, изъ которыхъ иные еще не были посѣщены бѣлыми: вуа-гома (говорящіе на одномъ и томъ же языке съ вуа-гуа), вуасималунго, вуа-сонга, вуа-комбэ, на хребтѣ водораздѣльной области между Танганыкою и

¹⁾ Edw. Coode Нога, упом. соч.

притоками Конго. Вуа-санзи, живущие на берегахъ большой бухты Буртона, къ западу отъ полуострова У-Буари, представляютъ племя путешественниковъ, странствующихъ между моремъ и Конго, а также между озеромъ Бангудзодо и страною ніамъ-ніамовъ. Католические миссионеры, поселившіеся въ ихъ краѣ, въ прибрежной деревнѣ Ру-Уэуа (Млуэуа) и въ Кибанга, говорятъ, что мужчины племени вуа-санзи, гордясь своимъ знакомствомъ съ отдаленными народами, отказываются говорить на своемъ собственномъ нарѣчи, принадлежащемъ къ языкамъ банту: выражаться на немъ они предоставляютъ женщинамъ, а сами говорять на языкѣ, составившемся изъ словъ языка ки-саухили, и речений, заимствованныхъ отъ со-сѣднихъ племенъ¹⁾). Въ послѣднее время, эта территорія завоевана арабами, которые проложили чрезъ нее и область Ма-Ньема новыи путь къ р. Конго²⁾). Деревни племени вуа-санзи занимаютъ равнины и входы въ побочные долины; племя же вуа-бембэ обитаетъ на склонахъ горъ. По словамъ Стэнли, эти первобытные дикари—людоѣды; когда между рабами проходящаго каравана есть умирающій, то они просятъ продать его имъ, предлагая въ обмѣнъ зерновой хлѣбъ и овощи. Еще сѣвернѣе находятся территоріи племенъ: вуа-вира, искусственныхъ горшечниковъ, и вуа-рунди, превосходныхъ земледѣльцевъ, покрывающихъ своими нивами и усѣявшими многочисленными, окружеными древовидными молочайными растеніями, деревнями всю нижнюю долину р. Ру-Сизи и двухъ противоположныхъ береговъ на оконечности озера. Вуа-сига, на сѣверо-восточномъ берегу Танганьики, еще болѣе многочисленны. Нигдѣ въ центральной Африкѣ нельзя встрѣтить лучшеихъ стадъ овецъ, какъ въ области У-Рунди. Тамошніе рыбаки отваживаются пускаться по озеру на плотахъ.

Къ сѣверо-западу отъ этихъ областей показатель о. Мута-Нзиге и водораздѣль между Ниломъ и Конго принадлежать другимъ народамъ, известнымъ, однако, лишь по наслышкѣ. Ни одинъ путешественникъ не проходилъ чрезъ восточную территорію племени вуа-регга, и единственныи дикари изъ этой страны, видѣнныи бѣлыми, были добытыи отсюда рабы; но на западѣ, нѣсколько колѣнь изъ племени регга спустились въ обширные лѣса по прибрежьямъ Конго, гдѣ и живутъ уединенно, наподобіе стадъ шимпанза. Ихъ постройки показываютъ, что здесь мы находимся уже въ поясѣ атлантической покатости: это—удивительныи прямоугольныи хижины, съ остроугольными высокими крышами. Утварь въ этихъ жилищахъ сравнительно многочисленна и свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ вкусѣ. У каж-

даго мѣррга есть свой выточенный табуретъ, снабженный спинкою; кроме того, въ хижинѣ имѣется длинная скамейка, вырѣзанная вся изъ цѣльнаго дерева, и сплетенная изъ тростника постель, на которой могутъ разсѣсться или разлечься по нѣсколько человѣкъ. Въ подвѣшаныхъ къ стѣнамъ сѣткахъ находится деревянная посуда, а другія домашнія вещи размѣщены по полкамъ или висятъ подъ брусьями крыши³⁾). Вуа-регга Стэнли и другихъ, посѣтившихъ верхній бассейнъ Конго, путешественниковъ—вѣроятно, тотъ же самый народъ, который Швейцарія называетъ ма-огго, а Бакеръ—ма-лелла. Къ сѣверу же отъ территоріи вуа-регга, сосѣдями ихъ являются племена: ніамъ-ніамъ, монбутту и мади.

IV. Берега Конго, отъ озера Ланджи до сліянія съ У-Банги.

Верхній бассейнъ собственно Конго, книзу отъ сліянія главныхъ рѣкъ: Луа-Лабы, Луа-Пулы и Лу-Куги, представляетъ, по словамъ Ливингстона, великолѣпную страну, которая принадлежитъ главнымъ образомъ племенамъ націи вуа-маньема, или «Фокамъ мяса», націи, нѣкогда внушиавшей страхъ своимъ западнымъ сосѣдямъ, вслѣдствіе своей привычки къ людѣству. Такъ, Стэнли разсказываетъ обѣ, одной изъ деревень ма-нѣмовъ, изъ конца въ конецъ изукрашенной черепами «лѣсныхъ людей», о которыхъ ему говорили такъ: «Они похищаютъ наши бананы, мы за ними охотимся, убиваемъ ихъ и—сѣѣдаемъ». Самъ Стэнли, становясь соучастникомъ такихъ «охотниковъ за мисомъ», предлагалъ одному изъ начальниковъ людѣдовъ, за сотню ужовокъ (маленькихъ раковинъ), доставить ему «живымъ или мертвымъ одно изъ этихъ (т. е. лѣсныхъ) существъ»; однако, выждать доставленія этого гнуснаго подарка Стэнли времени не имѣлъ²⁾). Впрочемъ, народы ма-нѣмовъ, старающіеся добывать себѣ человѣческое мясо, не многочисленны: обыкновенно ограничиваются пожираниемъ людей или убитыхъ въ сраженіи, или умершихъ отъ болѣзни, при чѣмъ такие трупы вымачиваются въ водѣ; по словамъ этихъ людѣдовъ, мужское мясо значительно вкуснѣе женскаго³⁾). Эти отталкивающіе нравы не препятствуютъ, однако, ма-нѣмамъ отличаться отъ большей части другихъ окружающихъ ихъ народцевъ благодушіемъ и кротостью. Равнѣнь образомъ они замѣчательны стройностью и красотою чертъ лица; ихъ женщины, весьма прѣніиы арабами, имѣютъ гибкій станъ, bla-

¹⁾ Stanley, „Through the Dark Continent“.

²⁾ Stanley, упом. соч.—См. „Tour du Monde“. Второй семестръ, 1878 г., стр. 112.

³⁾ Cameron, упом. соч.

¹⁾ R. N. Gust, упом. соч.

²⁾ „Afrique explorée et civilisée“, іюнь, 1885.

городную поступь, а нѣкоторыя изъ нихъ главнымъ образомъ пускаютъ въ ходъ глину, изъ которой вылѣпляютъ рога, иглы, пластинки, чешуи и перья. Болѣе одѣтые, чѣмъ женщины, мужчины носятъ передники изъ анти-

Видъ береговъ рѣки Данго.

негритянокъ; волосы эти онъ распускаютъ по плечамъ, а лобъ украшается діадемою, сплетеною изъ тростника. Мужчины тоже прилагаютъ много стараний относительно украшенія своей причесок и бороды, но, при этомъ, они

лоповой кожи, а старѣшины одѣваются даже по-арабски, въ бѣлыхъ просторныхъ тоги; убившие же человѣка присвоиваютъ себѣ право прикрываться кожею циветты или нгауа¹⁾.

¹⁾ Livingstone, „Last Journals“.

Ма-ньемы вооружены тяжелымъ, навареннымъ сталью, копьемъ и короткой саблею, которую они носятъ въ деревянныхъ ножнахъ, украшенныхъ колокольчиками. Такія произведенія ихъ индустріи свидѣтельствуютъ обѣ ихъ искусствѣ, какъ ремесленниковъ; они умѣютъ также выдѣлывать изъ травъ весьма прочныя ткани, которыми и окрашиваютъ въ великолѣпіе цвѣта; ихъ дома, такие же прямоугольные, какъ дома племени вуа-регга и всѣхъ жителей вдоль собственно Конго, также весьма хорошо выстроены изъ дерева и глины; наконецъ, при посредствѣ ліанъ, ма-ньемы умѣютъ устраивать столь прочные висячіе мосты, что они еле колеблются подъ ногами пѣшеходовъ. Рабы изъ племени ма-ньемовъ весьма цѣняются и, будучи употребляемы арабами для работъ въ предѣлахъ самой страны, рѣдко вывозятся по ту сторону Танганьики. По словамъ Стэнли, арабы проникли въ данный край только въ 1866 году; здѣсь они сильно нажились, скупивъ большую количества скелетной кости, а затѣмъ вскорѣ сдѣлались и властелинами страны. Вдоль торговой дороги образовались многочисленныя поселенія занзибарскихъ арабовъ, окруженныя полями кукурузы, ма-ньока и дурры; туземцы же, во избѣженіе порабощенія, должны были бѣжать въ горы¹⁾.

Другие народы, отличающіеся отъ ма-ньемовъ наружностью и обычаями, живутъ восточнѣе, вдоль верховыхъ притоковъ Конго и въ водораздѣльной области. Таковы: вуа-хія, съ подшипенными зубами и правильной татуировкою, и вуа-винза—повидимому, не одного происхожденія съ одноименнымъ имъ племенемъ, живущимъ по другую сторону Танганьики. Вуа-буджуа, баджуа Самегонъа, говорять на одномъ и томъ же языке съ вуа-руа и, повидимому, принадлежать къ той же расѣ; но бѣдные между ними, содержимые въ унизительныхъ условіяхъ, суть, вѣроятно, аборигены, подавшие подъ власть завоевателей, пришедшихъ издалека; женщины носятъ на головѣ украшеніе, имѣющее видъ коровы, составленной изъ отдѣльныхъ досечекъ, а въ верхней своей губѣ продѣлываютъ щель, которую малопомалу увеличиваютъ, влагая въ нее древесные и каменные диски, на три или четыре сантиметра выдающіеся надъ отверстиемъ рта: такое обезображивающее ихъ украшеніе мѣшааетъ имъ отчетливо выговаривать слова; лицо у мужчинъ и женщинъ испещрено чернными, какъ-бы изъ сажи, пятнами, кажущимися проишшедшими отъ какой-либо болѣзни, сопровождающейся высыпью. Между всѣми населеніями Верхняго Конго разсѣяны мелкими группами вуа-туа, негры, проживающіе въ кустахъ, люди робкіе и рѣдко отваживающіеся появляться

на рынкахъ соѣдніхъ, болѣе цивилизованныхъ племенъ. Большая часть этихъ пугливыхъ дикарей представляютъ изъ себя низкорослыхъ людей, съ большимъ животомъ и съ тонкими ногами и руками; некоторые изъ нихъ—настоящіе карлики, какъ, напримѣръ, акка въ области обитанія племени монбуту.

Еще до совершеннаго Стэнли перехода че-резъ материкъ Африки, арабы изъ Омана и Занзибара поосновали торговыя колоніи на берегахъ Конго, а ихъ караваны уже проходили по такимъ областямъ, куда еще не проникали европейцы. Арабы эти оказываются наибольшее влияніе на туземцевъ своею религіею и своими нравами: такъ, около каждого араба группируются сотни болѣе или менѣе арабизованныхъ туземцевъ, знающихъ по нѣсколько арабскихъ словъ и выполняющихъ кое-что изъ религіозныхъ предписаній ислама. Самая южная изъ такихъ арабскихъ станцій въ области Верхняго Конго есть село Кассонго, расположеннное на небольшомъ разстояніи къ западу отъ р. Конго, неподалеку отъ пороговъ, прерывающихъ судоходство: въ этой-то живописной и здоровой мѣстности Гамедъ бенъ-Могаммѣдъ или Типпо-Типъ, «Собиратель Богатствъ»,—наслѣдуя прежнему негрскому царьку, оставилъ свое имя также и данной группѣ жилищъ,—и основалъ столицу своего «королевства»; въ центрѣ ея возвышается крѣпость, которую этотъ арабъ горделиво прозвалъ «Лондономъ». Въ Кассонгѣ—девять, тысячи жителей, рабовъ и носильщиковъ¹⁾. Сѣверо-западнѣе лежитъ двойной городъ Ніангуга, размѣстившійся на высокой горѣ и раздѣленный оврагомъ на двѣ части; этотъ городъ пріобрѣлъ также большое значеніе въ торговлѣ Центральной Африки: по Gleerup'у, въ немъ не менѣе десяти тысячъ жителей, и на протяженіи всей р. Конго это—самый большой изъ прибрежныхъ городовъ. Верхній, т. е. лежащий выше по рѣкѣ, отдалѣ города занимаютъ арабскіе старѣшины и ихъ слуги; а въ низовомъ кварталѣ обитаютъ другіе иммигранты съ востока, по преимуществу люди съ береговъ Индійскаго океана; дома окружены банановыми и рисовыми плантациями. Ніангуга—главный торговый постъ для всего Верхняго Конго; въ то же время, вмѣстѣ съ Табора и У-Джиджи, это одинъ изъ трехъ большихъ восточныхъ эстантовъ, которые служатъ какъ-бы вѣхами пути че-резъ материкъ между океанами Индійскимъ и Атлантическимъ. Пока еще въ Ніангуга не поселился ни одинъ европеецъ. Городъ этотъ—чисто мусульманскій, и окрестные жители не осмѣливаются вводить въ него своихъ свиней²⁾.

За племенами ма-ньема и вуа-регга слѣ-

¹⁾ Oscar Lenz, „Proceedings of the R. Geographical Society“, апрѣль 1887.—Gleerup, „Ymer“, 1886.

²⁾ Gleerup, „Ymer“, 1887.

²⁾ Oscar Lenz, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, Ноябрь, 1886.

дуютъ, книзу отъ Ніангуа, другіе народы—людоѣды, тоже состоящіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами. Вообще берега р. Конго весьма населены, а нѣкоторыя изъ деревень имѣютъ даже по нѣсколько тысячъ жителей; однако, съ тѣхъ поръ, какъ арабы посѣтили страну, всѣ почти жители перемѣнили мѣста: поэтому-то путешественники и находить лишь небольшое число изъ тѣхъ деревень, о которыхъ упоминаетъ Стэнли. Во время его путешествія главнымъ мѣстечкомъ было поселеніе Иконду, расположеннное на лѣвомъ берегу Конго, въ небольшомъ разстояніи кверху отъ впаденія р. Лира, нисходящей съ восточныхъ горъ. Это двойной рядъ хижинъ, продолжающейся, съ короткими промежутками, на протяженіи болѣе чѣмъ трехъ километровъ. По описанію Стэнли, дома, расположенные по обѣимъ сторонамъ безконечной улицы, состоять изъ двухъ красивыхъ и прочныхъ рѣшетчатыхъ хижинъ, прикрытыхъ одною общею крышею; промежуточное между хижинами пространство служитъ для обѣихъ семействъ мѣстомъ какъ для работы, такъ и для приема посетителей. Ниже на томъ же берегу и въ мѣстѣ впаденія въ Конго значительной рѣчки находится мѣстечко Риба-Риба, гдѣ у арабовъ имѣются склады товаровъ. Наконецъ, кверху отъ порога Стэнли, на правомъ берегу Конго, торговецъ Кибонго основалъ городъ, который и называлъ своимъ именемъ: здѣсь нѣсколько тысячъ арабовъ, занзибарцевъ и негровъ занимаются торговлей слоновой kostью и воздѣлываніемъ риса. Ленцъ встрѣтилъ здѣсь также одного выходца съ острова Майотты, бѣгло говорившаго по-французски. Большая же часть туземцевъ предусмотрительно удалилась въ чащу лѣсовъ.

Въ области пороговъ необходимо должно была образоваться станція для склада какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и товаровъ. И действительно, послѣ того какъ Стэнли, поборовъ препятствія со стороны природы, а также и враждебность жителей, прошелъ черезъ пороги,—этими новымъ путемъ сначала стали пользоваться арабы, а затѣмъ и Международная Африканская Ассоціація избрала мѣстомъ для своего ближайшаго къ верховьямъ Конго поста островъ на правомъ берегу рѣки, книзу отъ седьмаго и послѣдняго порога. Выборъ этотъ весьма удаченъ, такъ какъ здѣсь, во-первыхъ, край-

няя граница свободнаго судоходства по среднему теченію Конго; во-вторыхъ, здѣсь Конго мѣняетъ свое направление, поворачивая къ западу вмѣсто того, чтобы по-прежнему течь на сѣверъ; и въ третьихъ, здѣсь же, не-вдалекѣ, съ широко разливающимся Конго соединяется значительный его притокъ, Лу-Кабу или Мбуру, несущій съ горъ и окаймленный по своимъ берегамъ большими селами. Этотъ постъ извѣстенъ подъ английскими названіями: *Fall-Station* или *Stanley-Falls*. Извѣстно, однако, что недавно нѣсколько европейцевъ, которые находились тамъ съ небольшимъ гарнизономъ, составленнымъ изъ негровъ племенъ: гаусса и бангалла, были умерщвлены или разогнаны арабами; такъ, Capuillhat нашелъ бѣжавшаго начальника станціи въ 75 километрахъ ниже пороговъ, въ деревнѣ Ярэмби. Послѣ этого приходится вновь завоевывать военный путь, который намѣтило чрезъ свои владѣнія Конгско-правительство. Стэнли, сознавая слабость европейцевъ въ этомъ краѣ, въ которомъ они оказываются лишь посѣтителями, не имѣющими связей съ окрестными племенами, желалъ заключенія военнаго союза, при чѣмъ самому богатому изъ арабскихъ купцовъ, т. е. Типпо-Типу, передавалась бы забота о защитѣ поста у «Пороговъ» отъ другихъ арабовъ. Но очевидно, что новое Конгское государство, еще лишь создающееся, должно быть предусмотрительнымъ относительно своего опаснаго союзника, бывшаго негроторговца, уже основавшаго въ центрѣ Африки, въ сильной стратегической позиціи. Этотъ союзникъ уже обладалъ укрѣпленнымъ складомъ на одномъ островѣ, расположеннымъ кверху отъ порога и вообще извѣстномъ подъ его (т. е. Типпо-Типа) именемъ. Почти всѣ гребцы въ области пороговъ принадлежать къ неустранимому племени уэнья (уа-женія); они также весьма искусны въ рыболовѣ, и за исключениемъ мѣсяцевъ половодія: февраля, марта и апрѣля, рѣка въ изобилии доставляетъ имъ необходимую пищу.

Небольшой европейскій постъ Ба-Соко, на берегу Арахуми, при слияніи ея съ Конго, былъ покинутъ, не вслѣдствіе нападеній арабовъ или туземцевъ, но въ виду экономическихъ соображеній. Прибрежныя населенія храбры, какъ въ этомъ убѣдился, къ своей бѣдѣ, Стэнли во время своего памятнаго путешествія

ТИППО-ТИПЪ.

«чрезъ Черный Материкъ», и какъ это должны были призывать, въ свою очередь, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, также и арабы Типпо-Типа¹); но сколько отомщеній, сколько разоренныхъ деревень, сколько избѣгній совершило этими работоговцами, ставшими союзниками бѣлыхъ! ²) Для настоящаго покровительства торговлѣ было бы безусловно необходимо поддерживать тамъ гарнизонъ, и у Стэнли и былъ тамъ лагерь для обезпечения его сообщеній съ Конго на время экспедиціи въ Уаделай. Вблизи этой станціи находилась та деревня, въ которой Стэнли расхитилъ знаменитый «храмъ изъ слоновой кости», коническая крыша котораго, покоясь на тридцати-трехъ слоновыхъ бивняхъ, прикрывала большаго идола, выкрашенаго въ красную краску. Племя ба-соко или ба-сонго—давшее свое имя и европейской станціи—хорошие ремесленники: ихъ инструменты, оружіе и убранство свидѣтельствуютъ о ихъ превосходствѣ надъ большою частью окружающихъ племенъ. Ихъ города, изъ которыхъ одинъ, Ямбумба, имѣеть, по словамъ Стэнли, не менѣе восьми тысячъ жителей, отличаются отъ другихъ своими крышами, выведенными на-подобіе шляпокъ грибовъ-поганокъ и приподнятыхъ на двойную высоту надъ окружной стѣнкой хижиной. Красивое зрѣлище представляютъ и ихъ воинскія лодки, украшенныя перьями на носу: по бокамъ такой барки пятьдесятъ гребцовъ мѣрно ударяютъ выточенными веслами, а посреди двухъ рядовъ ихъ размѣщаются воины, прикрывающіеся окрашенными въ яркіе цвета щитами и размахивающіе дротиками; всѣ они, и воины, и гребцы, увѣнчаны красными перьями и носятъ по браслету изъ слоновой кости. Эти дикари не вышли еще изъ периода людоѣдства: человѣческіе черепа украшаютъ ихъ хижину, а обглоданные кости выбрасываются въ кухонные остатки. Wester разсказываетъ объ одномъ королѣ этой страны, съѣвшемъ девять своихъ женъ³.

Станція, проектированная въ Упото, обѣщаетъ со временемъ получить въкоторое значеніе. Мѣстность для нея выбрана на правомъ берегу рѣки, у подошвы холмовъ Упото и неподалеку отъ наибольшей изогнутости той дуги, которую Конго описываетъ къ сѣверу отъ экватора. Слѣдующая станція, основанная изслѣдователями, принадлежавшими къ Африканской Международной Ассоціаціи, находится на главномъ поворотѣ рѣки,—тамъ, где Конго принимаетъ окончательное направление къ юго-западу,—и называется Ба-Нгалою

(Бангала), по имени народа, который обитаетъ въ этомъ краѣ и который храбро защищалъ свою страну при проходѣ чрезъ нее экспедиціи Стэнли; нынѣ этотъ городъ поставляетъ рекрутовъ для небольшой арміи Конгскаго государства. Нѣкоторыя изъ нгальскихъ деревень весьма значительны; хижины тянутся вдоль рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ; промежутки же между рядами домовъ, занятые обыкновенными болотистыми протоками, не превышаютъ 200 или 300 метровъ. Такимъ образомъ, нгальскій городъ, часть资料а и составляющая вышеупомянутая станція Ба-Нгало, тянется на пространствѣ 35 километровъ. Со стороны лѣса, передъ деревнями находятся мѣста, покрытыя утолщенной,битой глиной и обсаженныя бананами, пальмами или окаймленныя садами: тутъ и происходятъ семейныя собранія, приемы гостей и различные церемоніи. Число ба-нгалійцевъ, проживающихъ на берегахъ Конго, Grenfell исчисляетъ въ сто десять тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ семьдесятъ-семь тысячъ находятся на лѣвомъ берегу; Coquillhat же насчитываетъ между станціями Ба-Нгалою и Экваторилемъ, на обоихъ берегахъ—сто тридцать семь тысячъ⁴.

Эти «Дѣти Рѣки» — ибо таково значеніе слова Ба-Нгало — несомнѣнно, названы такъ вслѣдствіе ихъ проживанія на берегахъ и остовахъ р. Конго; они, кромѣ того, называются также и по имени одного верхового притока, Мо-Нгала (Монгала), посѣщенаго Grenfell'емъ, Coquillhat и Baerg'омъ, вплоть до границы судоходства, въ странѣ племени се-би, вырабатывавшаго желѣзо. Въ общемъ ба-нгалійцы — красивые, широкоплечіе люди, и на взглядъ европейцевъ они казались бы привлекательными, если бы не имѣли привычки вырывать себѣ бровей, рѣсницъ и стачивать въ острѣ зубовъ. Недавно они дѣлали себѣ костюмы изъ пальмовыхъ волоконъ; но нынѣ начинаютъ замѣнять эти одежды европейскими тканями. Женщины ихъ вытатуируютъ себѣ на икрахъ гирланды изъ листьевъ. Ба-нгало очень умны и, подобно цивилизованнымъ европейцамъ, часто позволяютъ своимъ страстьмъ увлекать себя или до энтузіазма, или до отчаянія: случаи самоубійства между ними не рѣдки. Grenfell и Comber видѣли, какъ, на похоронахъ одного изъ старѣйшинъ, ба-нгалійскія женщины и дѣти разыгрывали, при посредствѣ пѣнія и танцевъ, настоящія драмы, изображая смерть и воскресеніе. Большинство жителей — рабы; число знатныхъ людей не велико, но они пользуются обширною властью и изъ своей среды избираютъ какъ начальника деревни, такъ и главу цѣ-

¹⁾ O. Baumann, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“; Декабрь. 1886.

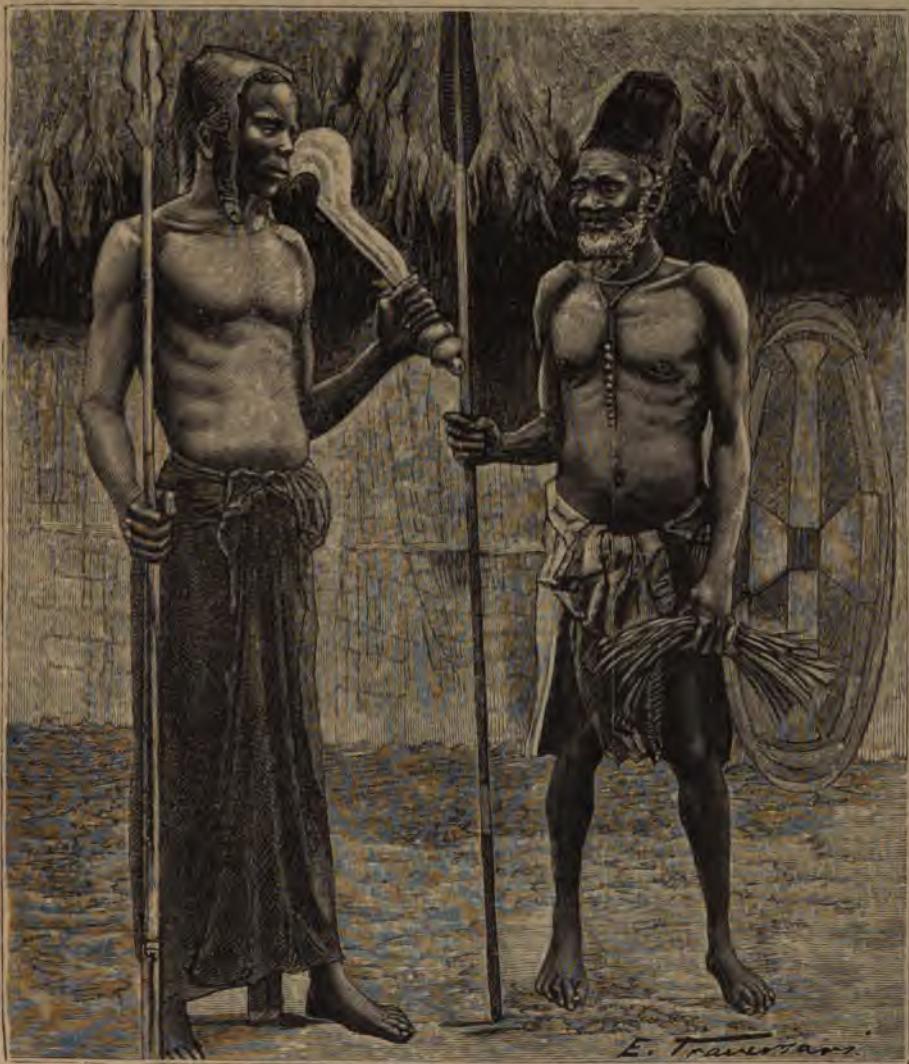
²⁾ Stanley, „Cinq ann閑s au Congo“.

³⁾ Imer, „Tidskrift utgivne af Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi“, 1886.

⁴⁾ „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers“, 1886.

лаго союза. По словамъ преданія, первымъ отечествомъ ба-нгалійцевъ былъ болотистый край Нгiri, находящійся между Конго и У-Банги¹⁾) Къ съверу отъ племени ба-нгала, проживаютъ дикие нгомбэ, наводящіе ужасъ тауировкою своихъ лицъ. Къ югу отъ ба-нгала, вдоль восточнаго берега и въ бассейнѣ рѣки Лу-Лонго, скученныи деревни принадлежатъ

между двумя досками черепъ у дѣтей и такимъ образомъ придаютъ ему причудливое очертаніе, съ прямолинейными плоскостями²⁾). Въ бассейнѣ Лу-Лонго находится также и малорослое, карликовое племя ба-путу, у котораго, по словамъ туземцевъ, кожа имѣеть бѣловатый оттѣнокъ, а ростъ колеблется между 1 метромъ 40 сантиметрами и полутора,

Начальникъ племени ба-нгала и его помощникъ.

народцу у-ранга, воинственный кликъ которого «йя-ха-ха-ха!», по словамъ Стэнли, похожъ на ржаніе коней; подобно племени себи, у-ранги—весьма искусные кузнецы. Восточнѣе, все еще въ бассейнѣ той же рѣки, но на берегахъ ея большаго правосторонняго притока Лопури, живутъ нгунзи, которые отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей формою головы: подобно «плоскоголовымъ» съверной Америки, они сжи-

метрами. Наконецъ, племя марунга, на верховьяхъ, живетъ, во многихъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ, выстроенныхъ, на-подобіе жилищъ древнихъ озерныхъ обитателей, на сваяхъ²⁾.

Станція Лу-Лонго или У-Ранга, надзиравшая за большимъ городомъ того же имени и за окрестными дикарями, была покинута; но къ югу отъ нея, Экваторвилль еще существуетъ. Экваторвилль заслуживаетъ свое на-

¹⁾ Coquilhat, „Chez les Bangala, sur le haut Congo“. „Revue de Belgique“, 1886.

²⁾ Coquilhat, „Mouvement Géographique“, 1887.
²⁾ Grenfell et von François, „Afrique explorée et civilisée“. Февраль, 1886.

менование, такъ какъ овъ дѣйствительно расположено въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ равноденственной линіей, на возвышенномъ плоскогоріи, господствующемъ надъ слияниемъ рѣкъ: Конго и Черной, иначе называемой также Джуапа. Рядомъ съ этой станціей основались также протестантские миссіонеры. Берега рѣки Икелембы—впадающей въ Конго двумя километрами выше впаденія Черной рѣки и имѣющей тоже черноватую воду—населены довольно плотно; деревни многочисленны и защищены частоколами и глубокими рвами. Вѣроятно, во всей Африкѣ не существуетъ народовъ, которые столь обезображивали бы себя при посредствѣ татуировки, какъ жители береговъ Икелембы: производя нарывы и перетяжки и пользуясь ядами, они усѣиваютъ свои лица наростами въ видѣ горошинъ и шишекъ, различныхъ у большинства отдельныхъ лицъ и придающихъ имъ устрашающую наружность. Молодая девушка, видѣнная Grenfell'емъ, имѣла съ каждой стороны носа по шишкѣ, величиною съ яйцо голубя, препятствующее ей смотрѣть передъ собою: чтобы видѣть кого-нибудь, девушка должна была настолько наклонять голову, чтобы взглянуть ея проходилъ надъ этими «шишками красоты».

Въ этихъ областяхъ среднаго теченія Конго европейскимъ изслѣдователямъ удалось познакомиться только съ берегами рѣки и ея притоковъ: ни одинъ караванъ не проникалъ вглубь данныхыхъ странъ для проживанія среди туземцевъ, изученія ихъ характера, правовъ и промышленности; къ тому же дремучий лѣсъ, въ которомъ господствуетъ копаловое дерево, а затѣмъ низменная и отчасти болотистая почва дѣлаютъ научное изслѣдованіе этого края весьма затруднительнымъ, и потому обитающія въ немъ племена извѣстны лишь по имени. Судя по говорамъ, весьма схожимъ между собой на протяженіи всего пояса, ограниченаго громаднымъ кольцомъ р. Конго, различные народы, слѣдующіе одицъ за другимъ между станціей «Пороги Стэнли» и Экваторилемъ, принадлежать къ одному и тому же семейству расы банту. Семейству этому можно было бы дать коллективное имя балоло, въ виду того, что такъ называется самое многочисленное и самое могущественное изъ составляющихъ его племенъ. Затѣмъ, въ этихъ областяхъ, какъ и въ областяхъ Верхнаго Конго, подъ властью племенъ господствующихъ, проживаютъ также угнетенные аборигены вуа-туа, низкорослые и боязливые люди, убѣгающіе въ лѣса для избѣжанія, подобно обезьянамъ, сосѣдства охотниковъ.

V. Бассейнъ Уэллэ, страны племени монбутту и ніамъ-ніамъ.

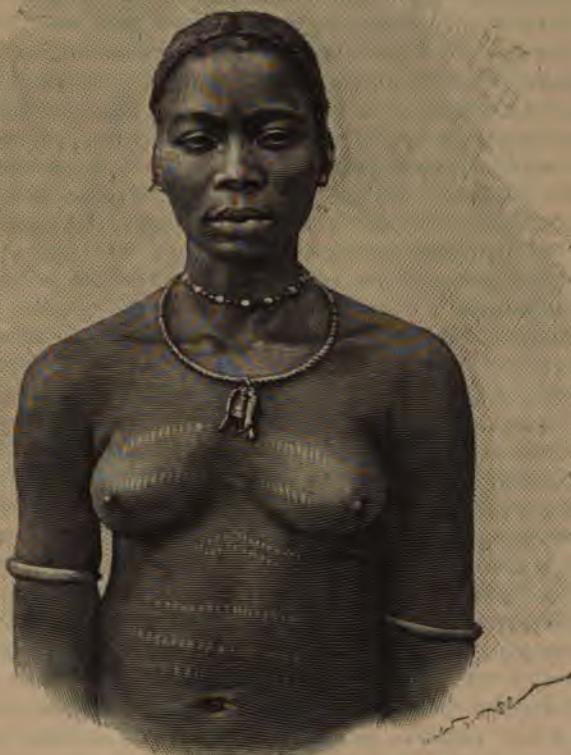
Эта часть покатости Конго, пока еще не связанныя маршрутами изслѣдователей съ главнымъ теченіемъ рѣки, но несомнѣнно принадлежащая къ нему, какъ это установили релянции Юнкера, есть одна изъ тѣхъ областей, которые въ будущемъ должны получить весьма важное экономическое значеніе, какъ мѣсто перехода отъ бассейна Конго къ бассейну Нила. Съ этнической точки зренія, страна эта есть также мѣсто перехода отъ народовъ Нигера къ племенамъ банту, такъ какъ обитающіе на данномъ водораздѣльѣ народы, хотя и составляютъ вполнѣ отличное отъ другихъ семейство, но, тѣмъ не менѣе, сходствуютъ своими обычаями съ обѣими расами. Съ полнымъ правомъ называть этотъ край «сердцемъ Африки» первый проникший въ него европейскій путешественникъ, Швейнфуртъ, такъ какъ здѣсь, дѣйствительно, перекрещиваются диагонали, проведенные по материку Африки между устьемъ Конго и дельтою Нила, между заливами Гвинейскимъ и Аденскимъ. Но до сихъ поръ этотъ вершинный поясъ водораздѣльного нагорья извѣстенъ еще весьма недостаточно. Послѣдовавшія за столь замѣчательнымъ путешествіемъ Швейнфурта изслѣдованія Бондорфа, Lupion'a, Potagos'a и Casati доставили свѣдѣнія лишь второстепенныхъ и неравнаго достоинства; зато недавнее опубликованіе путешествій Юнкера было, по истинѣ, громаднымъ географическимъ событиемъ по отношенію къ познанію этой части материка. Затѣмъ слѣдовала экспедиція Стэнли, препринятая для проложенія пути между Конго и верховьями Нила, а также для освобожденія египетскихъ войскъ Эмина-паші, находившихся въ Уаделѣ и отрѣзанныхъ отъ пути на сѣверъ.

Рѣка, называемая Уэллэ племенемъ ніамъ-ніамъ, Номайо—племенемъ монбутту и Бахръ-эль-Макуа—арабами, зарождается, подъ именемъ Кибали, въ горахъ, ограничивающихъ съ запада озеро М'вутанъ-Нзиге, и сначала протекаетъ по такимъ областямъ, которыхъ еще не посѣщалъ бѣлый человѣкъ, но затѣмъ вступаетъ въ край, уже прославленный описаніями Швейнфурта, именно въ область племенъ монбутту и мангъ-бату. Край этотъ—одинъ изъ тѣхъ уголковъ Африки, которые отличаются самой роскошной растительностью и прелестью сельского пейзажа; это по-истинѣ—«земной рай». Находясь приблизительно на высотѣ отъ 760 до 850 метровъ и представляя волнистую поверхность, съ холмами въ сто и болѣе метровъ высоты, край этотъ пользуется умѣреннымъ климатомъ, несмотря на близость къ экватору; живыя воды змѣются по всѣмъ ложбинамъ, осенен-

ныя высокими деревьями съ переплетающимися вѣтвями; хижины повсюду окружены зеленью банановъ и элаисъ (масляной пальмы). Хотя городовъ нѣть, но населеніе тѣмъ не менѣе очень густое. Швейнфуртъ исчисляетъ его въ одинъ милліонъ; такимъ образомъ, принявъ, что поверхность страны равна десяти тысячамъ квадратныхъ километровъ, получимъ по сто жителей на одинъ километръ, чѣмъ на одну четверть превысило бы даже и среднюю населенность Франціи.

Рѣзко отличаясь отъ своихъ сосѣдей, монбутту имѣютъ почти семитическія черты лица:

да эта красивыми складками облегаетъ вокругъ бедръ и стана, оканчиваясь остриемъ между лопатками; придерживается она опояскою изъ ремешковъ, изукрашенныхъ мѣдью. Женщины, прикрывающіяся значительно менѣе мужчинъ, носятъ лишь по одному простому переднику; въ нѣкоторыхъ же округахъ имъ запрещено даже и всякое одѣяніе¹⁾; но онъ замѣняютъ его красивой татуировкой, состоящей изъ соединенія геометрическихъ линій; чаще всего онъ разрисовываютъ себѣ все тѣло мелкими черными узорами, правильно расположеннымъ и изображающими кресты, звезды, пчелъ, цветы,

Женщина племени монбутту.

у многихъ изъ нихъ носъ даже совершенно орлиный. Цвѣтъ кожи у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у ніамъ-ніамовъ и окрестныхъ негровъ; борода длиннѣе, чѣмъ у большей части африканцевъ, тысячи индивидовъ имѣютъ блѣлокурые волосы, впрочемъ, курчавые, какъ и у другихъ негровъ, и почти блѣлую кожу; нигдѣ нѣть столь значительной пропорціи албиносовъ. Конечности у монбутту длиннѣе и тонкія, но торсъ сильно развитый; ловкость ихъ изумительна. Оставаясь вѣрными костюму своихъ предковъ, мужчины носятъ одѣяніе, сработанное изъ лыка смоковницы, которое съ течениемъ времени пріобрѣтаетъ видъ муаре; одеж-

различные арабески, зеброобразныя полоски и мушки. Къ каждому празднику изготавливается новое живописное украшеніе, которое кокетки умѣютъ видоизменять до безконечности. Мужчины ограничиваются окрашиваніемъ своего тѣла въ однообразный красный цвѣтъ. Что касается причесокъ, то она одинакова у мужчинъ и у женщинъ: именно, волоса подбираются подъ цилиндрическую шапку изъ тростниковой плетенки, при чемъ иногда на затылкѣ такая шапка спускается на пол-метра ниже, чѣмъ на лбу; у знатныхъ лицъ ее украшаютъ

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda“.

многочисленными красными перьями и подъёмами изъ мѣди. Обычай прокалывать ухо для введенія туда палочекъ пересталъ уже быть всеобщимъ, хотя монбутту за эту моду получили отъ арабовъ прозвище гуру-гуру т. е. «проколотые».¹⁾

Монбутту расчистили и засадили растеніями большую часть своей области, не заслуживъ, однако, чрезъ это наименованія земледѣльцевъ, такъ какъ они не даютъ себѣ труда ни разрыхлять, ни полоть почвы: заботу объ урожайности своихъ плантаций они всесѣло возлагаютъ на благость природы. За исключеніемъ кукурузы, которая, однако, встречается только въ садахъ, они не воздѣлываютъ никакихъ хлѣбныхъ злаковъ; растительная ихъ пища состоить главнымъ образомъ изъ банановъ, сладкихъ пататовъ, иньи, маніока, колоказіи—все, слѣдовательно, изъ такихъ плодовъ, которые превосходно рождаются и безъ всякихъ заботъ со стороны земледѣльца; монбутту обладаютъ также двумя видами съѣдобныхъ пасленовыхъ растеній, неизвѣстныхъ вовсе въ Европѣ. Больше же всего заботъ монбутту прилагаются къ культурѣ слѣдующихъ растеній: сезама (кунжута), земляного фисташковаго орѣха и виргинскаго табака или тоббу, отличающагося отъ табака туземнаго, воздѣлываемаго въ странѣ Рѣкѣ, на нильской покатости. У каждой хижинки птичникъ кишитъ живностью; но, за исключеніемъ куръ, затѣмъ собакъ, мясо которыхъ весьма цѣнится, и полууприрученныхъ кабановъ, туземцы домашнихъ животныхъ не разводятъ, убойный скотъ они добываютъ, грабя окрестныя негритянскія племена; они ёдятъ также муравьевъ, примѣшивая ихъ къ кукурузѣ; кипятъ самцовъ терmitovъ, они добываютъ масло, съѣтное и блестящее, «вкусъ котораго безупреченъ». Будучи искусствами охотниками, монбутту убиваютъ слоновъ, буйволовъ и антилопъ, а также, для своихъ пиршествъ, попугаевъ и другихъ птицъ; но они постоянно воюютъ съ своими сосѣдями, и главнѣйшее дичью для нихъ служитъ человѣкъ. Изъ всѣхъ африканскихъ народовъ-людоѣдовъ, у монбутту, какъ и у ихъ соплеменниковъ, манг-банга, человѣческое мясо, повидимому, входитъ самою болѣе долю въ обычный составъ ихъ пищи. Окруженные племенами, которыхъ они безразлично обзываютъ презрительнымъ словомъ: «монг-ву» и которыхъ они преслѣдуютъ какъ простую охотничью дичь, выкрикивая: «пишио, пишио», т. е. мясо, мясо!—монбутту избиваютъ на поляхъ битвъ по возможности больше враговъ, тотчасъ же коптятъ ихъ мясо и уносятъ его съ собою уже въ качествѣ пищи, заготовленной въпрокъ; что же касается пленниковъ, то они ихъ уводятъ, приберегая для удовлетворенія своихъ

будущихъ потребностей. У каждого семейства имѣется свой запасъ человѣческаго мяса, а человѣческий жиръ—самый употребительный. Швейнфуртъ легко могъ собрать болѣе двухсотъ череповъ, но большая часть ихъ были расколоты съ цѣлью болѣе легкаго извлечения мозга. Зубы же вырываются у черепа изъ луночекъ его челюстей и нанизываются въ видѣ ожерелья. Монбутту не продаютъ невольниковъ, они ихъ съѣдаются.

И, однако, несмотря на свое людоѣдство, монбутту во многихъ отношеніяхъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между африканскими населеніями: это люди, слово которыхъ вѣрно, а дружба—прочна. У нихъ есть чувство национальной солидарности, и они храбро защищаются отъ чужеземца. Въ 1866 году, когда нубійцы, вооруженные ружьями, проникли первый разъ въ страну, монбутту, предводимые женщиною, надѣвшою мужское платье и взявшею дротикъ и щитъ, доблестно отразили врага и принудили его просить мира. Въ домашнемъ быту, жена почти сравнена въ правахъ съ мужемъ; она имѣеть свою долю въ собственности, свою личную волю и признанныя права. Къ тому же, какъ и у окрестныхъ негровъ, большая часть работъ выполняется женщинами, за исключеніемъ кузнечнаго дѣла, которое выпадаетъ на долю мужчинъ; женщины исполняютъ всѣ тяжелыя работы, какъ земледѣльческія, такъ и промышленныя; ими же, отчасти, изготавливаются разныя художественные издѣлія по части плетенія и ваянія; но на музыкальныхъ инструментахъ они не играютъ вовсе.

Промышленность, сравнительно, весьма развита у монбутту. Какъ горшечники, рѣзчики, строители судовъ и каменщики, они не имѣютъ себѣ соперниковъ въ области между Ниломъ и Конго. По четвероугольной формѣ ихъ домовъ, архитектура монбутту примыкаетъ къ архитектурѣ западныхъ племенъ, но она превосходитъ строительное искусство этихъ народовъ размѣрами, придаваемыми зданіямъ, величиюю пролетовъ, искусствомъ расположения частей и богатствомъ украшений. Недавно разрушенный прѣмный залъ короля западныхъ монбутту напоминалъ по своей формѣ нефы большихъ железнодорожныхъ станцій. Сводъ, цѣликомъ сложенный изъ искусно соединенныхъ черенковъ рафи, имѣлъ въ длину болѣе 30, въ ширину 15, а въ высоту 12 метр.; красиво изогнутый, онъ покоялся на трехъ рядахъ колонокъ изъ лоснищаго дерева; трехцвѣтные рисунки, ярко краснаго, желтаго и бѣлого цветовъ, украшали стойки и папели тысячами геометрическихъ фигуръ; полъ изъбитой глины былъ гладокъ, какъ паркетъ. Дома монбутту кажутся тѣмъ болѣе красивыми, что они вѣсно уточняютъ въ зелени; за исключениемъ столицы, остальная поселенія со-

¹⁾ Schweinfurth;—Chaillé-Gong, „Afrique centrale“.

стоять изъ ряда отдельно стоящихъ хижинъ, слѣдующихъ одна за другой по извилистымъ долинамъ; чѣмъ населеніе мѣстности, тѣмъ гуще тамъ и растительность.

До недавняго времени, монбутту не имѣли никакихъ торговыхъ сношеній съ своими соѣдами. Лишь въ 1867 г., спустя годъ послѣ того, какъ арабы и нубійцы тщетно пытались завоевать этотъ край, самый могущественный изъ королей монбутту послалъ одному арабскому купцу приглашеніе поселиться подъ его мѣстопребываніемъ, съ запрещеніемъ, однако, подвигаться далѣе, къ народцамъ монъ-бу въ южныхъ территоріяхъ. Тщетно пройти впередъ пытался также и Швейнфуртъ: владѣтель монбутту желалъ сохранить только для одного себя выгоды отъ непосредственной торговли съ арабами; во, въ свою очередь, и ему пришлось преклониться передъ чужестранными наемниками—абутуркъ, т. е. «отцомъ турка», какъ арабовъ называютъ туземцы. Самыми цѣнными предметами обмѣна являются: слоновая кость, со стороны монбутту, и красная мѣдь, доставляемая чужеземцами. Кольца и швыроковые дротики дѣлаются изъ чистой мѣди. Доспѣхи короля Мунцы, искусно расположенные позади его трона, блестали на солнѣцѣ, какъ пламя. Украшеніями же изъ мѣди покрытъ былъ и весь этотъ повелитель: блистающій налобникъ оттѣнялъ глаза; ожерелье изъ мѣдныхъ пластинокъ блестѣло на груди: кольцами изъ латуни покрыты были руки и ноги, а мѣдные блюда и сосуды помѣщались у его ногъ. Какъ и у всѣхъ западныхъ, до Сенегалии включительно, державцевъ, подъ рукою у короля монбутту были всегда орѣхи кола, которыми онъ лакомился въ присутствіи своихъ подданныхъ, а также предлагалъ и посѣтителямъ; но трапезы его всегда совершились втайне, при чемъ зарывались въ землю всѣ остатки отъ его стола для того, чтобы никто не зналъ, чѣмъ онъ питается. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ обычай остался еще отъ того времени, когда король имѣлъ притязаніе считать себя богомъ, существомъ, стоявшимъ выше обычныхъ потребностей человѣка.

Во время путешествія Швейнфурта, земля племени монбутту дѣлилась на два королевства, одно, не большое,—на востокѣ, другое, болѣе обширное,—на западѣ. Владѣтель западныхъ монбутту былъ весьма могущественная особа; кромѣ монополіи слоновой кости и вывоза мѣди, онъ взималъ налоги со всѣхъ произведеній почвы. Тѣлохранители повсюду его сопровождали, чиновники во всѣхъ областяхъ королевства были представителями его власти. Въ особенной оградѣ находились двадцать четырѣ дома, въ каждомъ изъ которыхъ проживала одна изъ его женъ; эти дома окружали королевскій дворецъ, а виѣ ограды проживали еще сотни женщинъ, такъ какъ король былъ

также мужемъ какъ вдовъ своего отца, такъ и своихъ свояченицъ; вообще королевскій гаремъ по своей обширности могъ бы образовать цѣлый городъ. Въ странѣ монбутту умеръ, между прочимъ, путешественникъ Міани.

Другой народъ, который тоже былъ посѣщенъ Швейнфуртомъ, повидимому, принадлежитъ къ той же расѣ монбутту: это племя а-бенга (а-банга или ма-банга), живущее также въ бассейнѣ р. Уэллэ, на одномъ изъ сѣверныхъ ея притоковъ и, послѣ недавнихъ переселеній, въ большей части замѣнившее монбутту къ сѣверу отъ рекъ Уэллэ и Бомо-Конди¹⁾. Подобно монбутту, а-бенга одѣваются въ издѣлія изъ лыка, а воинское одѣяніе и оружіе у нихъ такая же, какъ и у монбутту; къ нимъ гораздо болѣе, чѣмъ къ монбутту, подходило бы прозваніе гуру-гуру, или «проколотые», такъ какъ почти у всѣхъ изъ нихъ ушная мочка прокалывается для вложенія въ нее палочки. Изъ всѣхъ народовъ Африки а-бенга, вѣроятно, самый ловкий: нельзя удержаться отъ сравненія ихъ съ обезьянами, види, какъ они взираются на деревья, вѣзая не только по стволу, но скользя также и по гибкимъ вѣтвямъ, и какъ, перекидываясь, цѣпляясь за гирлянды ліанъ, съ вѣтки на вѣтку, они, на-подобіе лазающихъ по снастямъ матросовъ, забираются на самую верхушку дерева. Людоѣдство у а-бенга составляетъ всеобщій законъ: каждый умирающій сѣдается. Дѣти, правда, не насыщаются тѣломъ своего отца, но они его продаютъ или обмѣниваютъ на другой трупъ; а такъ какъ на большую часть естественныхъ смертей смотрѣть какъ на дѣло чьихъ-нибудь чаръ, то вслѣдъ за чьему-либо смертью возникаютъ процессы, убийства и новыя погребальные ширшества. Однако, не взирая на эти убийства, край а-бенговъ весьма населенъ, и жители его сравнительно не дикари. Женщины у нихъ пользуются большимъ уваженіемъ.

А бармбо или а-баромбо, обитающіе въ лѣсахъ по р. Уэллэ, къ западу отъ монбутту, принадлежатъ къ одной съ ними расѣ; но, бывъ нѣкогда могущественнымъ народомъ, они нынѣ разсѣяны и во многихъ мѣстностяхъ пребываютъ въ рабствѣ у ніамъ-ніамовъ.

Мангъ-баллэ, живущіе на правомъ берегу реки, говорять на особомъ языке, но и они также соплеменники монбутту.

Между монбутту, и въ особенности между негрскими племенами или банту, живущими южнѣе, разсѣяны многочисленными группами семейства другой расы, именно акка, быть можетъ, потомки аборигеновъ, населявшихъ страну до нашествія племенъ банту, какъ виата на верхнемъ Конго. Одна провинція къ югу отъ р. Уэллэ, говорятъ, еще и нынѣ за-

¹⁾ Jenker, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, Heft. III.

нита этими туземцами, которые, вѣроятно, тоже самое, что бакка-бакка португальскихъ писателей XVII вѣка, и родственны бадіасамъ У-Ньоро¹⁾, въ области верховьевъ Нила. Изъ всѣхъ африканскихъ «карликовъ», этихъ акка ученые считаютъ по преимуществу представителями «маленькихъ людей», упоминаемыхъ Геродотомъ по поводу путешествія Назамоновъ. И, дѣйствительно, аккасы—и сами называющіе себя этимъ именемъ—весьма малы ростомъ: такъ, тѣ изъ нихъ, которыхъ Міані прислали, въ 1873 году, въ Италію, были въ 1 метръ 30,40 сантиметровъ; самый большой изъ видѣнныхъ Швейнфуртомъ имѣлъ всего полтора метра, а изъ двухъ другихъ туземцевъ, находившихся уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, ростъ одного равнялся 1 метру 34 сантиметрамъ, а другаго 1 метру 24 сантиметрамъ. Что касается тѣхъ нѣсколько болѣе высокихъ индивидовъ, которыхъ встрѣчали между аккасами, поселенными королемъ монбутту въ сосѣдствѣ съ своею резиденцією, то это, очевидно, были метисы, происшедши отъ брака между членами двухъ расъ. Чистые аккасы—брахицефалы; отличительные ихъ признаки: большая голова на короткой шѣ; сильно выдающаяся впередъ челюсть, съ подбородкомъ, подавшимся назадъ, ротъ почти всегда открытъ, но губы не столь толсты, какъ у большинства негровъ; скулы выдавшіяся, а щеки въ морщинахъ; носъ маленький и отдаленъ отъ лба глубокой впадиной, уши большія; глаза тоже большие и широко открыты, чтѣ придаетъ имъ видъ птицы. Цвѣтъ темной кожи свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ негровъ. Тѣло у акка очень неуклюжее и, по Эмин-бѣю, издается особенный, очень рѣзкій запахъ. Вслѣдствіе чрезмѣрной развитости лопатокъ, спина представляется сгорбленаю, между тѣмъ какъ волосатая грудь плоска и сдавлена съ боковъ; животъ вздутъ, какъ у дѣтей негровъ; конечности длинны и худы, руки очень тонкія, колѣни толстыя, а ступни поверочены внутрь; походка съ неуклюжимъ перевальцемъ. Со всѣмъ тѣмъ проворство и юркость ихъ движений несравненны: въ травѣ аккасы прыгаютъ «какъ кузнечики», а ловкость ихъ настолько велика, что они не боятся нападать на слона, вонзая ему въ глазъ стрѣлу, или же, какъ разсказываютъ нубійцы,—проскальзываю у слона подъ брюхомъ, прокалываютъ ему копьемъ животъ. Какъ охотники, они отличаются искусствомъ изобрѣтать и разставлять западни, нападать врасплохъ и преслѣдовывать дичь; благодаря именно этимъ талантамъ, аккасы живутъ въ мирѣ съ своими могущественными сосѣдями, которымъ они доставляютъ слоновую кость, а также конвоируютъ караваны съ солью, этимъ столь

дорого цѣняющимся, внутри Африки, жизненнымъ припасомъ. Но какъ ни велика хитрость аккасовъ въ дѣлѣ охоты и торговли, они, повидимому, не очень понятливы въ отношеніи всего, что чуждо ихъ обычному образу жизни: они не способны выучиться языку тѣхъ націй, гдѣ которыми приходятъ въ соприкосновеніе¹⁾. Швейнфурту разсказывали, будто для того, чтобы заучить одно иностранное слово, аккасъ нуждается въ нѣсколькихъ недѣляхъ; однако два индивида этого племени, присланыя въ Европу Міані, легко выучились бѣгло писать по-итальянски и по-арабски. Наконецъ, и съ нравственной точки зрѣнія, аккасы являются весьма непріглядное качество: подобно злымъ дѣтямъ, они любятъ видѣть страданіе²⁾.

Къ западу и съверо-западу отъ территоріи манбутту, область водораздѣла между Ниломъ и Конго занята значительною нацією зандехъ или а-зандехъ, болѣе извѣстной подъ именемъ ніамъ-ніамъ, какъ и племя шангала на нигерской покатости; націю эту называютъ также бабунгера и каракака. Водораздѣльный кряжъ—который между «Страною Рѣкъ» и склономъ къ Уэллѣ направляется съ юго-востока на съверо-западъ—чрезъ землю зандеховъ проходитъ почти по-срединѣ, образуя собою здоровую область, находящуюся приблизительно на уровне девятисотъ метровъ надъ моремъ, а съ этой высоты красиво-волнистая поверхность почвы спускается въ обѣ стороны до возвышения надъ моремъ всего лишь на семьсотъ метровъ. Что же касается распространенія расы зандеховъ, то, вѣроятно, что на съверо-западѣ она проникаетъ также и въ верхній бассейнъ Хари, притокъ Чада; затѣмъ, большое сходство въ нравахъ и обычаяхъ, наблюданное между пагуинами Габоніи и ніамъ-ніамами, позволяетъ думать, что послѣдніе распространяются также на весьма большое разстояніе и въ направленіи къ западу. Эта родственность обѣихъ расъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятною, что, выйдя изъ одного общаго для обоихъ племенъ центра, они, при своихъ переселеніяхъ, направились въ противоположныя стороны: въ то время, какъ пагуини говорятъ о своемъ пришествіи на западъ съ востока, ніамы-ніамы разсказываютъ о появленіи ихъ предковъ на востокѣ съ запада. Какъ бы тамъ ни было, часть Центральной Африки, уже извѣстная, какъ принадлежащая ніамъ-ніамамъ, исчисляется Швейнфуртомъ приблизительно въ 150 тысячъ квадратныхъ километровъ, а судя по числу индивидовъ, которыхъ различны, уже посѣщенные путешественниками, племена могутъ выставить вооруженными, общее число жителей, принадлежащихъ къ семиъ зандеховъ или къ населеніямъ

¹⁾ Emin-bey, „Scottisch Geographical Magazine“, июнь, 1887.

²⁾ Marchesetti, „Bollettino delle Scienze naturali“, Годъ № 2. III.
²⁾ Schweinfurth, „Au coeur de l’Afrique“.

союзнымъ, вассальнымъ или порабощеннымъ, одной части исследованной имъ страны тридмѣжно считать въ два миллиона¹⁾; при этомъ густо населенные пространства чередуются съ областями пустынными, раздѣльными пояс-

вать пять независимыхъ начальниковъ, изъ которыхъ у многихъ имѣются воспоминанія о взаимопролитой крови. По Кеапѣ'у, слѣдовало

Пейзажъ въ окрестностяхъ Куиссами.

сами между враждебными княжествами. Ніамъ-ніамы не имѣютъ национального единства; такъ, Швейнфуртъ насчиталъ лишь въ

бы въ особенности различать между ніамъ-ніамами племена: банда—въ сѣверо-восточной области; беланда—въ центральномъ округѣ, на сѣдловинѣ двухъ склоновъ, къ Нилу и къ Конго; и «блѣлыхъ» ніамъ-ніамовъ, живущихъ

¹⁾ Junker, упом. соч.

южнѣе другихъ, вплоть до пространствъ за Уэллс; эти «блѣлые» ніамъ-ніамы наиболѣе цивилизованны. Изъ другихъ ніамъ-ніамовъ племя иддіо занимаетъ гористый край, находящійся къ западу отъ о. М'вутанъ-Нзинге. На нарѣчія занедхскія, повидимому, повѣли языки банту, хотя бы только въ смыслѣ образования именъ народовъ съ мѣстоименными приставками. Племя, среди которого долго прожилъ Юнкеръ, и которое группируется вокругъ города Ндорума, резиденціи короля того же имени,—одно изъ самыхъ могущественныхъ, оно одновременно господствуетъ надъ двумя склонами: однимъ къ Нилю—на высокихъ долинахъ, исходящихъ къ Бахръ-эль-Джуру, и другимъ, къ Конго—къ притокамъ Верхней Уэллс¹). Въ этой водораздѣльной области, леопарды чрезвычайно опасны, и болѣе для людей, чѣмъ для животныхъ. По Юнкеру, каждое колѣно ежегодно теряетъ по крайней мѣрѣ человѣкъ по двадцать отъ зубовъ этого звѣря.

Молва о ніамъ-ніамахъ уже издавна была распространена вѣтъ ихъ края, между нубійцами и арабами; но превратное, вслѣдствіе отдаленности, представление о нихъ приписывало этому таинственному народу странные обычаи и дѣлало изъ него даже особую расу людей, нечто въ родѣ высшаго вида обезьянъ. Пресловутые «люди съ хвостами», которыхъ путешественники, будто-бы, встрѣчали по ту сторону областей Верхняго Нила, были не кто иной, какъ ніамъ-ніамы, хотя они и не пріѣзжали, на-подобіе племени боаго, къ своему поясу бычачьяго хвоста, который издали могъ бы, дѣйствительно, быть принятъ за естественный приданокъ: шкуры звѣрей, которыя ніамъ-ніамы надѣваютъ на спину, гораздо менѣе способны породить иллюзію. Но прозвище ніамъ-ніамъ, т. е. «ѣдоки»—прилагаемое, впрочемъ, нубійцами и ко многимъ другимъ, отличнымъ отъ занедховъ, племенамъ—относительно заслужено ими, по крайней мѣрѣ, известнымъ числомъ ихъ колѣнъ. Piaggio, первый путешественникъ, прошедший съ 1863 по 1865 г. страну ніамъ-ніамовъ въ области склона къ Нилю, могъ за эти два года удостовѣриться лишь въ одномъ случаѣ людоѣства, при чѣмъ побѣдители раздѣлили между собою останки павшаго врага. Несомнѣнно, что, взятые въ массѣ, занедхи предаются людоѣству менѣе, чѣмъ монбутту; но въ большей части ихъ колѣнъ распространено преданіе, гласящее о сѣданіи какъ плѣнныхъ, такъ и тѣхъ, кто умираетъ, не оставляя друзей: при этомъ, все трупы, за исключеніемъ труповъ людей, страдавшихъ какою-либо болѣзнью кожи, признаются годными для стола. Даже и тѣ, которые не єдятъ человѣческаго мяса, все-таки весьма

плотоядны: они пытаются въ особенности домашнею птицею, собаками и дичью, хотя домашнаго скота и не разводятъ: тогда какъ у нихъ сосѣдей, бонго, народа, существенно земледѣльческаго и питающагося растительною пищею, одно и то же слово означаетъ «сорго» и «ѣсть», у ніамъ-ніамовъ, какъ равно и у пагуиновъ, одно и то же выраженіе употребляется въ смыслѣ словъ: «говядина» и «нища»¹).

Голова у ніамъ-ніамовъ круглая и большая; носъ прямой, съ большими ноздрями, губы оттопыренныя, щеки полныя; въ общемъ лицо круглое, почти женское. Впечатлѣніе женственности увеличивается также и вслѣдствіе прически. Волосы, курчавые, какъ у сосѣднихъ негровъ, замѣчательны своею длиною: некоторые ніамъ-ніамы носятъ косы, ниспадающія до пояса; у многихъ борода густая, значительно болѣе длинная, чѣмъ у остальныхъ негровъ. Прическа у ніамъ-ніамовъ проще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, которые, болѣе прихоралившись, проводятъ цѣлые дни въ завиваніи своихъ пуклей, въ приданиі волнистости своимъ космамъ и чищеніи своихъ головныхъ повязокъ, уборовъ. Большинство зачесываетъ свои волосы со лба на затылокъ, располагая ихъ правильными возвышенными рядами, наподобіе рядовъ на поверхности дыни; у другихъ на верхушкѣ лба треугольная косма дѣлить волосы на два свитка, изъ-подъ которыхъ висятъ косички, обрамляющія лицо; есть и такие, которые, при посредствѣ кругообразной рамы, прикрепленной около головы, придаютъ своей причесѣ видъ вѣнца. Туловище же, въ противоположность сложной прической, почти лишено украшеній. Ніамъ-ніамы презираютъ стеклянныя украшенія, столь любимыя большинствомъ другихъ негровъ; они ограничиваются нѣсколькими украшеніями изъ голубыхъ бусъ и раковины ужовки; наѣкаютъ на животъ крестъ или какіе-либо другіе знаки: черточки, квадратики или треугольники, а также, какъ знакъ своей национальности, располагаютъ на лицѣ прямоугольникъ нѣсколько татуировальныхъ точекъ. Звѣриная шкура препоясываетъ ихъ туловище, а начальники украшаютъ мѣхомъ леопарда также и свою голову. Всѣ спиливаютъ рѣзы, превращая ихъ въ остроконечія. Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на мягкую окружность ихъ лица и стана, а также и на щегольство женственностью прической, ніамъ-ніамы отличаются между всѣми африканцами благородствомъ походки: можетъ-быть, туловище ихъ, сравнительно съ ногами, нѣсколько и длинно, но, тѣмъ не менѣе, ніамъ-ніамы удивительно подвижны. Они умѣютъ владѣть своимъ оружіемъ: копьемъ и желѣзнымъ дротикомъ съ опасной ловкостью.

¹) „Encyclopædia Britannica“.

¹) G. Schweinfurth, упом. соч.;—Ed., penel, рукоп. замѣтки.

Отличительную черту зандеховъ составляетъ сильная привязанность между супружами. Въ этомъ краѣ женъ не покупаютъ, какъ это въ обычай почти у всѣхъ африканскихъ народовъ; но молодой человѣкъ, желающій жениться, обращается къ начальнику округа, который и выбираетъ ему подходящую невѣсту. И, однако, несмотря на эту авторитарную форму брака, считающую лишнимъ справляться съ волею самихъ вступающихъ въ супружество, несчастные браки рѣдки: жены, вообще вѣрныя своимъ супругамъ, держать себя неприступно въ отношеніи чужихъ мужчинъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ полный контрастъ между ними и женщинами изъ племени монбутту. Въ свою очередь, и ніамъ-ніамы страстно любятъ своихъ женъ; поэтому во время войнъ, враги прежде всего стараются забрать въ пленъ женщинъ и тѣмъ побудить мужчинъ просить пощады и предложить дань. Бродячіе зандескіе пѣвцы, весьма схожіе съ гріо сенегамбійцевъ, воспѣваютъ въ своихъ пѣсняхъ столькоже любовь, сколько и дѣла войны. Большеіе артисты, ніамъ-ніамы пламенно любятъ музыку: они цѣлые часы проводятъ въ игрѣ на мандолинѣ, впадая иногда въ истинное опьяненіе¹⁾.

Подобно монбутту, ніамъ-ніамы предоставляютъ женщинамъ заботу воздѣлывать сады; растительную пищу въ особенности доставляетъ одинъ родъ хлѣбныхъ злаковъ, *elevina kogokana*, изъ которой приготавляется пиво, потребляемое въ краѣ въ весьма большомъ количествѣ. Ніамъ-ніамы воздѣлываютъ также маниокъ, бататы, инъамъ и египетскіе образки; въ сѣверной же части края бананы рѣдки, и вѣ видно ни сахарного тростника, ни масличной пальмы. Ловкость руки и вкусъ ніамъ-ніамовъ проявляются въ ихъ промышленныхъ работахъ: горшечномъ производствѣ, плетеніи, бондарномъ ремеслѣ и обработкѣ желѣза. Дома и житницы—круглой формы, соотвѣтственно типу, господствующему въ Восточной Африкѣ,—выстроены съ большою тщательностью; вокругъ дверей выложены изъ деревяннаго багета геометрическіе рисунки; крыши, въ видѣ колокола совершенно правильной формы, увѣнчаны шпилями рѣзной работы. Увѣренные въ своей силѣ, ніамъ-ніамы живутъ не деревнями, огороженными палисадомъ,—хижинъ ихъ разсѣяны посреди садовъ; рѣдко поселки содержатъ болѣе двухъ или трехъ хозяйствъ.

Начальники ніамъ-ніамовъ гнушаются всяклиъ вѣйшимъ блескомъ: кроме леопардовой шкуры, они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ подданныхъ; тѣмъ не менѣе, они пользуются громадною властью. Они—владыки, и про нихъ рассказываютъ, что иной разъ, когда имъ не

представилось случая наказать за преступление или за сопротивленіе ихъ власти, они нацидаются на кого-либо изъ безвинныхъ людей и собственноручно обезглавливаютъ такого несчастливца, для того только, чтобы ихъ право располагать жизнью и смертью своихъ подданныхъ оставалось неоспоримымъ. Какъ и въ европейскихъ монархіяхъ, верховную власть наслѣдуетъ старшій сынъ. Доходы королей состоятъ изъ слоновой кости и половины мяса слоновъ, убитыхъ въ королевствѣ. Кромѣ того, королямъ присвоены большія имѣнія, почву въ которыхъ воздѣлываютъ ихъ жены и рабы. Въ западныхъ округахъ, посещаемыхъ негроторговцами изъ Дар-Фора, начальники заставляютъ платить себѣ дань юношами и молодыми девушкиами, которыхъ, затѣмъ, продаютъ чужестранцамъ. При этомъ въ качествѣ вознагражденія, часть вырученныхъ денегъ уступается семействамъ проданныхъ. Въ южныхъ королевствахъ Канна, расположенныхъ на югъ отъ Уэллэ, могила государя стережется двадцатью пятью девственницами-весталками, которая, подъ страхомъ смертной казни, должны поддерживать священное пламя подлѣ надгробнаго камня.

Среди племенъ ніамъ-ніамъ, а также и на правомъ берегу Уэллэ, отдѣляющей ніамъ-ніамовъ отъ а-барандо, проживаютъ въ многочисленныхъ деревняхъ а-манди которые, хотя и говорятъ на языкѣ, отличномъ какъ отъ языка зандеховъ, такъ и отъ всѣхъ нарѣчій въ краѣ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки походятъ на ніамъ-ніамовъ: только кожа у нихъ чернѣе, да черепъ почти брахицефалическій; волосы они заплетаютъ косичками на лбу, и почти всѣ, подобно неграмъ а-бенга¹⁾, имѣютъ по палочкѣ въ ухѣ. Даѣе, въ области сліянія Уэллэ съ Бомоканди, находится территорія племени эмбата, которое, благодаря своимъ ладьямъ, живетъ въ гордой независимости: при малѣйшей опасности, эмбата переплываютъ на другой островъ или на противоположный берегъ и оттуда бравируютъ своего врага. По расѣ и по языку—это братья монбутту.

Къ югу отъ территоріи ніамъ-ніамовъ, въ прибрежныхъ странахъ Конго и ея притоковъ, простирается область тѣхъ народовъ банту, которые еще не изучены европейскими путешественниками и которые известны пока лишь по имени. Изъ нихъ, два, повидимому, могутъ быть сочтены за племена, въ этническомъ отношеніи, переходныя; таковы: або-буя, т. е. «собаки», и нгомбэ, т. е. «коровы»; обитаютъ они въ верховыхъ бассейнахъ притоковъ Конго, между Арахуми и У-Банги. Одно изъ наиболѣе значительныхъ націй, по численности и поверхности занимаемыхъ ею земель, являются могущественные у-банги,

¹⁾ Piaggio;—Schweinfurt.

²⁾ Junker, „Petermann's Mittheilungen“, 1883, Heft III.

давшее имя и большому притоку Конго; но этот народъ живеть не только въ предѣлахъ у-бангійского бассейна; онъ далеко переходить за его границы, и почти вся область «французского Конго», орошаемая рѣками Ликуалла и Алима, принадлежитъ ему. Здѣсь то у-банги и были впервые встрѣчены путешественниками-ислѣдователями.

VI. Французская территорія Конго.

Изъ предыдущаго уже известно, что восточная часть французскихъ владѣній Габоніи имѣть наклонъ къ долинѣ рѣки Конго. Чрезъ эту область протекаютъ многія судоходныя рѣки, открывая такимъ образомъ путь между побережьемъ океана и берегами средняго течения Конго, сверху отъ пороговъ. Бунга и ея многочисленные притоки: Ликуалла, Алима, Нкени, Лефини — превратятся со временемъ въ торговые пути между Огоузомъ и Габономъ, и страна, нынѣ географически несплошенная, въ концѣ концовъ, будетъ составлять однородное цѣлое; даже болѣе: р. У-Банги, правый берегъ которой сдѣлался собственностью Франціи, сдѣлается дорогой въ верхнюю долину Нила и къ центральнымъ равнинамъ, занимаемымъ низменностью озера Чадъ. Однако эта громадная территорія, къ которой недавно заключенная конвенція съ Конгскимъ государствомъ прибавила еще пространство, быть можетъ, въ сто тысячъ квадратныхъ километровъ, останется безъ всякаго значенія до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ сѣть тропинокъ, по которымъ туземцы проводятъ свои караваны¹⁾, пока проѣзжія дороги не соединятъ другъ съ другомъ судоходныя рѣки, и пока сами населенія, проживающія въ дикомъ обособленіи, не сблизятся между собою общностью интересовъ. Нынѣ изслѣдователи той части конгскаго склона, которая принадлежитъ Франціи, ограничиваются пока лишь изученіемъ этой области; самый край присоединенъ къ Франціи только по имени, а его вѣнчанная торговля, о которой заранѣе объявлялось, какъ обѣ источникѣ обогащенія для французскихъ торговцевъ, не даетъ еще, какъ и въ первые свои дни, ровно ничего; и только географическое изслѣдованіе страны пополнилось изученіями флоры и фауны и народовъ, ея населяющихъ²⁾. Такимъ образомъ, дѣйствительное присоединеніе края и приданіе ему цѣнности—пока еще въ будущемъ.

Рѣка У-Банги, по которой Grenfell, этотъ «чародѣй въ очкахъ», поднялся вплоть до области за порогами Конго, известна лишь въ ея нижнемъ теченіи. Къ сѣверу отъ водопа-

довъ, пароходъ, желавшій проникнуть выше, встрѣтилъ уже стрѣлы туземцевъ, засѣвшихъ въ воздушныхъ селеніяхъ, на помостахъ, поддерживаемыхъ вѣтвями бавольника: такимъ образомъ, въ этой части конгскаго бассейна, мы снова встрѣчаемъ права населеній верхняго теченія Хари¹⁾). Ниже, въ земляхъ, прилегающихъ къ восточному берегу рѣки, значительно гуще населенныхъ, проживаютъ племена: бо-ати, мо-ніембо, мбонджо и мутумби, села которыхъ такъ же сближены между собою, какъ и поселенія племени бангала на р. Конго. По утрамъ, когда мужчины отправляются къ своимъ рыболовнымъ снастямъ, столь же искусно сработаннымъ, какъ и снасти туземцевъ, обитающимъ около пороговъ Станли, или когда они сопровождаютъ женщинъ и дѣтей на прирѣчные поля,—иногда можно видѣть до двухъ или трехсотъ лодокъ, которымъ предшествуетъ нечто въ родѣ адмиральского корабля: съ этой лодки раздается бой военного барабана. Берега Нгери, между У-Банги и Конго, не менѣе многолюдны: деревни, банановая и пальмовая рощи безъ перерыва следуютъ на пространствѣ 170 километровъ. Къ западу отъ р. У-Банги, ба-лохи (ба-лон), которыхъ по силѣ и мускалатурѣ можно сравнить съ Фарнезскими Теркулесами разсѣяны въ лѣсахъ, на поворотахъ рѣки. Всѣ эти племена на берегахъ У-Банги замѣчательны своей силой и красотой тѣла; другъ отъ друга они отличаются татуировкою и прическою. Людоѣство — общевсѣмъ имъ; всѣ плѣнныя съѣдаются²⁾. Мбонджо одѣваются въ листву и въ рыболовные сѣти.

Населенія французского Конго, по численности оспаривающія первенство у пагунновъ бассейна Огоузъ, принадлежать къ племени бубанги, обитающему на берегахъ рѣки того же имени. De-Chavannes полагаетъ, что число этихъ негровъ расы банту достигаетъ по крайней мѣрѣ миллиона, включая сюда также и тѣ племена, которыхъ, нося и другія наименованія, каковы: аль-фуру, на р. Алимѣ, и ба-яви, или ба-нанзи, на лѣвомъ берегу Конго, принадлежать, несомнѣнно, къ одной и той же націи, такъ какъ у нихъ одинаковые нравы, одинаковая отличительная татуировка и одинъ и тотъ же языкъ. Въ земль у-банговъ не рѣдко можно встрѣтить селенія въ двѣ или три тысячи человѣкъ. По преданію, бубанги пришли, будто-бы, съ сѣвера, въ концѣ XVIII столѣтія, и подвинулись до береговъ р. Лефини, гдѣ были остановлены королемъ племени ба-така, который, послѣ трехдневной битвы, и побѣдилъ ихъ. Еще и нынѣ бубанги не могутъ спускаться на пирогахъ до

¹⁾ Ed. Ponel, рукописные замѣтки.

²⁾ „Exposition de la mission Brazza au Museum“. „Revue Scientifique“, 1886.

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ Van Gele, „Mouvement Géographique“, 8 мая 1887.

пруда или озера Стэнли, не уплативъ пошлины за проходъ ба-такайскому чиновнику, «начальнику надъ рѣкой»¹). Однако, ихъ переселенческое движение къ югу продолжается; впрочемъ, они вообще встречаютъ хороший приемъ, такъ какъ являются торговыми посредниками между различными племенами; они весьма предприимчивы, смѣлы въ дѣлахъ и большие выставщики новостей: стоитъ имъ прийти въ село, какъ вокругъ нихъ собирается толпа любопытныхъ. При томъ же въ нихъ видятъ распространителей моды, такъ какъ они весьма искусны въ заплетаніи волосъ въ косички, въ выкручиваніи изъ нихъ остроконечий, въ расписываніи тѣла, въ по-

мночисленныхъ въ боковыхъ каналахъ-протокахъ рѣкъ Конго и У-Банги. Бу-банги, будучи прирожденными торговцами, обзавелись настоящей монетной системой, примѣняемой на всемъ протяженіи рѣки, отъ пороговъ Стэнли до пруда Стэнли; такъ, известное число раковинъ составляетъ одну микату, имѣющую форму спирали изъ туземной мѣди; а десять микатъ, представляемыхъ полоскою изъ европейской латуни, составлять одно митако¹). Въ отдаленныхъ областяхъ страны, куда еще не проникала власть бѣлыхъ, начальники бу-банговъ не иначе могутъ переселяться въ другой міръ, какъ въ сопровождении многочисленныхъ рабовъ и нѣсколькоихъ изъ своихъ женъ;

Мужчина и женщина племени куиссама.

крытии его татуировкою и мясистыми валиками, которыхъ они добиваются при посредствѣ двухъ бамбуковыхъ палочекъ, образующихъ заволоку; женщины ихъ обрекаютъ себя на муку ношения сдѣланныхъ изъ массивной мѣди ожерельевъ и набедренниковъ: нѣкоторые изъ знатныхъ дамъ съ трудомъ двигаются подъ тяжестью драгоценностей, вѣсящихъ въ общемъ до 50-ти и даже до 60-ти килограммовъ. Большая ладьи бу-банговъ весьма красивы, а сидящіе въ нихъ гребцы расписаны и разукрашены перьями. На носу сидѣть ребенокъ, а на кормѣ одинъ изъ мужчинъ и отбиваетъ ногою тактъ для гребцовъ; другой звонить въ колокольчикъ для того, чтобы распугивать гиппопотамовъ, весьма

при этомъ, первая жена оказывается вооруженою страшною властью опредѣленія тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыхъ должны послѣдовать за умершимъ мужемъ въ могилу: жены покойного, одѣтая въ трауръ и посыпанная пепломъ, безмолвно ожидаютъ этого рокового призыва²). Постъ Нкуанджіа, учрежденный было французами въ краѣ бу-банговъ, уже покинутъ ими, такъ какъ находясь на лѣвомъ берегу У-Банги, онъ, вмѣстѣ съ этимъ берегомъ, по недавней конвенціи, отошелъ къ Конгскому государству. Большими рынкомъ въ краѣ, территоріальной области независимаго государства, служить группа деревень, называемая Иребу (Илебу),

¹⁾ Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

²⁾ Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

на рекѣ, вытекающей изъ озера Монтумба и владающей въ Конго почти насупротивъ устья У-Банги.

Въ верхнихъ бассейнахъ рекъ Бунга и Ликуалла, находящихся къ западу отъ У-Банги, обитаютъ народы: джамби, окота, оканга, умбэ и бамбу, известные лишь по именамъ, такъ какъ Jaques de Brazza и Pecile, проходившіе чрезъ ихъ территорію, не могли пробыть у нихъ долго, и къ тому же были приняты съ недовѣріемъ. Въ низовой части этихъ рекъ, какъ равно и на р. Алимѣ, мы слова вступаемъ въ страну бу-балговъ, называющихся, впрочемъ, иначе, именно—апъ-фуру; известны они также и подъ именемъ ба-фуру; подобно своимъ сородичамъ, они, прежде всего, разносчики товаровъ: такъ, между ними встречаются цѣлые семейства, члены которыхъ и родились на пирогѣ, и на ней же умрутъ. Во многихъ мѣстностяхъ пловучія деревни болѣе многочисленны и болѣе населены, чѣмъ группы хижинъ на сунгѣ. Ба-тѣкѣ верхняго теченія Алимы продаютъ маніокъ, а судовщики изъ племени апъ-фуру превращаютъ его въ муку и загѣмъ развозятъ по селеніямъ низовья. Ежедневное количества такого маніока, продаваемаго апъ-фурами прибрежнымъ племенамъ Алимы и Конго, исчисляютъ въ десять тысячъ тоннъ¹⁾.

Благодаря этому торговому движению, Алима изъ всѣхъ французскихъ рекъ конгскаго склона пріобрѣла наибольшую важность въ стратегическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что, зарождаясь въ одномъ и томъ же съ р. Огоузъ по-перечномъ углубленіи материка, Алима продолжаетъ, слѣдовательно, путь, намѣченный этою рекою между двумя половинами Габоніи, съверной и южной. Къ одному изъ береговъ притока Алимы примыкаетъ также и дорога, проведенная по водораздѣльному плоскогорю къ востоку отъ Франсевилля. Здѣсь, на известныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, учреждены посты для найма носильщиковъ и для экспедиціи товаровъ. Ближайшая къ истокамъ Алимы станція, Дѣэле, расположена на рекѣ того же имени; ниже по теченію находится станція Алима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ слиянія рекъ Дѣэле и Гомбо образуется и самая река Алима. Затѣмъ слѣдуетъ станція Лекети, расположенная при впаденіи въ Алиму еще одного притока. Станція Помбо или Мбоши—основанная главнымъ образомъ для того, чтобы доставлять «солому» и «бамбукъ» или стволы рафіи прибрежнымъ постамъ на Конго—выстроена въ той мѣстности, гдѣ Алима соединяется съ главной рекою.

Племя мбоши, давшее свое имя станціи на низовья Алимы, представляетъ одинъ изъ

наиболѣе дикихъ народовъ конгской области: очень жадные къ наживѣ, упрамые и недовѣрчивые, они крайне неудобные союзники для ба-тѣкѣ и апъ-фуру; также и французскій постъ не безъ труда могъ удержаться на ихъ территоріи. Въ физическомъ отношеніи, мбоши велики, рослы, широкоплечи, но у нихъ нѣтъ ни изящества ба-тѣкѣ, ни скульптурной красоты апъ-фуру. Вероятно, происхожденія они смѣшанного, и такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые живутъ на берегахъ реки, женятся предпочтительно на дѣвушкахъ изъ чужихъ племенъ, то смѣшанія рась продолжаются и понынѣ. Преданные фетишерамъ, которые въ то же время знахари, суды и палачи, мбоши прилагаются большое стараніе къ отстраненію злого рока, проводя для этого себѣ вокругъ глазъ, а также и на известныхъ частяхъ лица, многоцѣпѣнія черточки, при чѣмъ бѣлый цветъ предохраняетъ отъ утопленія, красный—избавляетъ отъ ранъ, а желтый—защищаетъ отъ огня. По равнодушію къ красивымъ бездѣлушкамъ и украшеніямъ, мбоши—почти единственные между неграми; они презираютъ туалетъ, заботы о которомъ большинство нигритянъ и банту отдаютъ большую часть своего своего существованія. Мбоши совсѣмъ не артисты. Сенегальская поговорка: «какъ только сидѣть солнце, вся Африка пускается въ плясъ» не примѣнима къ мбоши: онъ не пляшетъ и не бѣть въ барабанъ иначе, какъ въ важныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ национальный интересъ. Но онъ очень заботится о красотѣ своей хижины, и когда ему приходится ее перемѣстить, онъ съ благоговѣніемъ переносить материалы, изъ которыхъ она была сработана, и съ большою церемоніею восстанавливаетъ свое жилище на новомъ мѣстѣ. Прежде оружіемъ ему служили копья изъ твердаго дерева, но нынѣ онъ употребляетъ оружіе изъ желѣза и ружье. Рвы, замаскированные зеленью и утыканые отравленными колышками, защищаютъ деревни; при проходѣ чрезъ страну мбошей, слѣдуетъ тѣмъ болѣе быть на-сторожѣ, что въ большей части случаевъ временемъ для нападенія избирается ночь. Мбоши воздѣлываютъ почву, а промышленность ихъ пока самая первобытная, ограничивающаяся обработкой желѣза и тканьемъ передниковъ. Размѣстясь на низовьяхъ Алимы, между областю плоскогорій и Конго, мбоши прежде всего торговцы и продавцы военно-плѣнныхъ, а также украденныхъ женщинъ и дѣтей. Когда умираетъ замужняя женщина, то родители возвращаютъ мужу ея покушную стоимость, но, съ своей стороны, мужъ обязанъ доставить столько рабовъ, сколько покойная жена родила ему сыновей и дочерей. Иногда, для расплаты съ долгами, отцы продаютъ и собственныхъ дѣтей¹⁾.

¹⁾ Ch. de Chavannes, „Bulletin de la Société de Géographie de Lyon“. Февраль—мартъ, 1886.—De Brazza, упом. соч.

¹⁾ Ed. Ponel, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“. 3-ій триместръ.—Также и рукописная заметка.

Племя ба-тэ́кэ населяет прибрежный мѣстности вдоль верхняго теченія Алимы, а также плоскогорія, служащія водораадъломъ; эти плоскогорія во многихъ мѣстахъ бѣлизною своихъ песковъ походятъ на солончаковыя пространства. Нѣкоторыя изъ батэ́кайскихъ племенъ проникли на западѣ — въ бассейнъ Огоуз, а на югѣ — въ страну, по которой протекаютъ рѣки Нкэнни и Лефини; ба-тэ́кэ переходятъ и за Конго, на лѣвый берегъ, занимая его къ югу отъ устья р. Куа или Кассаи: такимъ образомъ, территорія ихъ не меныше терріоріи, занимаемой племенемъ бу-банги; однако, различныя колъна ихъ весьма отличаются другъ отъ друга. Ба-тэ́кэ плоскогорій разнствуютъ отъ

маніока, составляютъ лакомое блюдо для ба-тэ́кэ; любятъ ба-тэ́кэ и копченыхъ жабъ ¹⁾; однако всѣмъ явствамъ они предпочитаютъ жареныхъ личинокъ нѣкоторыхъ видовъ мотыльковъ. Къ людоѣству ба-тэ́кэ еще прибегаютъ въ военное время, сбѣда какъ пленныхъ, такъ и трупы непріятеля.

Несмотря на скучное питаніе, ба-тэ́кэ — рѣйные работники. У нихъ мужчины не взваливаютъ воздѣлыванія почвы на однѣхъ женщинъ; однако, это онѣ преимущественно обрабатываютъ поля подъ маніокъ, просо, кукурузу, сахарный тростникъ, земляные фисташки и табакъ. Будучи весьма уважаемы, женщины имѣютъ голосъ на совѣтѣ, и въ важныхъ случаяхъ

Усохшіе пальмовые стволы.

бу-банговъ какъ виѣшностью, такъ и нравами. Они слабѣе, малорослѣе, менѣе мясисты: большинство изъ нихъ до того худощавы, что ихъ прозвали «ходячими скелетами». Ба-тэ́кэ удивительно умѣренны въ пищѣ. Немного маньока, насыкомыхъ, гусеницъ, — которыхъ они собираютъ на ходу, — достаточно для того, чтобы ихъ напитать. Женщины, вооружась длинными палками съ ключкомъ кудели на одномъ концѣ, ловятъ кузничиковъ, которыхъ, поэтому, и называютъ: «мясомъ ба-тэ́кэ» ¹⁾; для того же, чтобы удобнѣе было пѣнить этихъ насыкомыхъ, поджигаютъ травы. Всѣ эти животинки, съ гарниромъ изъ катышковъ

ничего не рѣшаются прежде, чѣмъ высказутся также и жены, которая дѣлаютъ это съ тою же умѣлостью въ сужденіяхъ и выраженій, какъ и ихъ мужья. Каждая группа жилищъ, весьма опрятныхъ и расположенныхъ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ, имѣть свою пальмовую рощицу, высота которой свидѣтельствуетъ о давности основанія деревни. Листья этихъ пальмъ служатъ для изготавленія туземныхъ передниковъ, а также и тѣхъ болѣе широкихъ тканей, въ которыхъ облекаются начальники племени. При сборѣ листьевъ, ихъ оставляютъ только на макушкѣ деревьевъ. Пальмы элаисъ даютъ масло, а пальмы думъ — вино. Однако, при такомъ обращеніи съ деревьями мѣстные туземцы, подобно племенамъ бу-банги и ба-

¹⁾ A. Pecile, „Bolletino della Societa Geografica Italiana“, Іюнь, 1887.

¹⁾ Léop Gairal, рукописная замѣтка.

язни, кончаютъ тѣмъ, что умерщвляютъ растеніе, которое, будучи лишено листьевъ и припаянъ тусклостерый цветъ, становится похожимъ на коль съ утолщенной верхушкой, вслѣдствіе чего усохшія пальмовыя рощицы кажутся какъ-бы-группами столбовъ¹). Образовавъ караваны въ триста или четыреста человѣкъ, и будучи сопровождаемы маленькими собачками — которыхъ часто хозяева несутъ на рукахъ и съ которыми они дѣлятъ свою умѣренную трапезу — ба-тѣкѣ отправляются торговать ко всѣмъ сосѣднимъ племенамъ: вымѣнивая рабовъ на соль, они на сѣверъ достигаютъ земли племени оканга, на рекѣ Салинъ, притокѣ Ликуаллы, а на юго-западѣ доходятъ до страны племени ма-йомбѣ, на берегу оксана²). Ба-тѣкѣ охотно нанимаются и какъ носильщики: они нагружаютъ въ свои корзины (плетухи) клади отъ 25 до 30 килограммовъ и скорымъ шагомъ идутъ цѣлый день, безъ остановки, до вечера. Вообще, транспортную службу между Франсевиллемъ и Алимою исполняютъ почти исключительно ба-тѣкѣ, которымъ платить за ихъ трудъ тканями, бусами, раковинами, солью и порохомъ.

Къ югу отъ Алимы, на берегахъ Нкени обитаютъ а-бома, гордые туземцы, единственные въ конгской области, не курящіе конопли, и куйя — рыболовы, очень суевѣрные относительно своей пищи и изрекающіе «ерунда» надъ большей частью блюдъ. Куйя очень уважаютъ своихъ мертвцевъ; наслѣдники вступаютъ во владѣніе выпадающимъ на ихъ долю имуществомъ не иначе, какъ въ годовщину смерти и послѣ того, какъ черепъ умершаго, извлеченный изъ могилы и обернутый въ красную ткань, будетъ помѣщенъ подъ очагъ той хиживы, которая принадлежала покойному. Плоскогоріе, съ котораго нисходитъ река, занято племенемъ аши-куйя, также принадлежащимъ къ конфедерациѣ ба-тѣкѣ, при чемъ главный начальникъ ихъ, Нгіа-Комуагири, раздѣляетъ свѣтскую власть съ Макоко, владельцемъ въ Нгантшу. По словамъ Jaques de Brazza, аши-куйя — самые искусные ткачи во всемъ французскомъ Конго³). Львы и леопарды весьма многочисленны на берегахъ Нкени, но они рѣдко нападаютъ на людей, между тѣмъ какъ на берегахъ У-Банги эти звери весьма опасны. Цапли, птицы-фетиши, гнѣздятся во множествѣ на деревьяхъ по берегамъ реки.

Книзу отъ устья Нкени, на французскомъ берегу Конго находится нѣсколько прирѣчныхъ станций. Изъ нихъ постъ Нгантчу, на скалистомъ мысѣ, важень тѣмъ, что находится на небольшомъ разстояніи книзу отъ слиянія Кас-

са и Конго, насупротивъ мѣстечка Мсуата, на лѣвомъ берегу: эти деревни господствуютъ надъ обширною судоходною сѣтью. Нгантчу — портъ небольшаго королевства, государь котораго, или Макоко, приобрѣлъ известность своими сношеніями съ de-Brazza, а также трактатомъ о вступленіи въ вассальный отношеніи къ Франціи, подписывая который, онъ призвалъ свидѣтели своего главнаго фетиша и своихъ домашнихъ боговъ. Взявъ щепоть своей земли и положивъ ее въ ящикъ, этотъ великий фетишъ произнесъ слѣдующія слова: «Возьми эту землю и отнеси ее главѣ бѣлыхъ; она будетъ ему напоминать о томъ, что мы принадлежимъ ему». Вотъ какимъ образомъ ба-тѣкѣ и сосѣднія племена: а-бома, асиры и ба-лялли — на которыхъ распространяется нѣкоторое религіозное верховенство Макоко — поддали подъ французскій протекторатъ; однако, другіе вассалы должны были признать суверенитетъ Конгскаго государства, и по трактату французы отказались отъ своихъ притязаній на эти территории. Деревня Мбейз, въ которой пребываетъ главный начальникъ, также известна, равно какъ и онъ самъ, подъ именемъ Макоко или «Начальника надъ рекою», — родовое название, прилагаемое къ всѣмъ королямъ данной династіи⁴). Старинные португальскіе авторы называютъ шіоссъ этихъ державцевъ земли ба-тѣкѣ, которыхъ тогда обозначали наименованіемъ «Анзико»⁵).

Главное поселеніе во французскомъ Конго получило название Брацавиль, по имени того отважнаго, неутомимаго и кроткаго человѣка, который завоевалъ эти территории для географіи. Неподалеку отъ этой именно мѣстности, de-Brazza «похоронилъ» войну между черными и бѣлыми фалла, или «французами». При этомъ была вырыта яма, въ которую побросали пули, патроны, ружейные кремни и порохъ; въ насыпь же надъ всѣмъ этимъ посадили дерево. «Мы погребаемъ войну такъ глубоко, что ни мы, ни наши дѣти не будуть въ состояніи ее откопать; а то дерево, которое распустится здѣсь, пусть свидѣтельствуетъ о союзѣ между бѣлыми и черными». Такъ говорили начальники племенъ, которымъ, съ своей стороны, Brazza отѣтилъ: «Пусть миръ продолжается до тѣхъ поръ, пока на деревѣ не вырастутъ пули, патроны или порохъ». Завладѣли же постомъ Мфуа — названнымъ впослѣдствіи Брацавилемъ — французы въ 1880 году, пятнадцатью мѣсяцами раньше, чѣмъ на противоположномъ берегу Конго основались другіе европейцы. Два года спустя французы очистили-было эту мѣстность, но въ 1883 году заняли ее снова. Образовались тамъ также двѣ фак-

¹) Ed. Ponel, рукописныя замѣтки.

²) Giacomo di Brazza, «Bollettino della Societ  Geografica Italiana», апрѣль, 1887.

³) Ed. Ponel, рукописныя замѣтки.

⁴) Léon Guiral, рукописныя замѣтки.

⁵) D'Anville. Карта, напечатанная въ сочиненіи Labat-объ Эзекіїліи. — Luciano Cordeiro, „Bolletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“.

торії, одна—французская, другая—голландская. Нынешняя деревня возвышается на тридцать метровъ надъ рѣкою, будучи расположена на глинистомъ холмѣ, съ которого

которою начинается путь къ Атлантическому океану чрезъ долину Ньяри-Куилу, присоединяется къ Конго къ югу отъ Брацавильского плоскогорія. Такимъ образомъ, эта станція

Общий видъ города Сантъ-Паоло-де-Лованда.

открывается обширный видъ какъ на озеро Стэнли, такъ и на амфитеатръ окрестныхъ горъ; въ небольшомъ разстояніи книзу по рѣкѣ начинается рядъ пороговъ, которыми рѣка спускается въ область поморья; рѣчка же Джуз,

занимаетъ перворазрядное географическое мѣсто положеніе, находясь въ точкѣ соединенія, несомнѣнно, весьма важной въ будущемъ континентальной дороги съ естественнымъ путемъ, который рѣка Конго представляетъ и

томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Стэли образуетъ начальный портъ для обширной судоходной сѣти вглубь Африки. Неподалеку отсюда находился городъ Канкобелла, о былой славѣ котораго рассказываютъ старинные авторы. Въ окрестностяхъ находятся мѣдные рудники, разрабатываемые туземцами, а плодородныя почвы даютъ изобильные урожаи маніока. Во всѣхъ деревняхъ, въ своей совокупности составляющихъ Браццавиль, насчитывается около пяти тысячъ жителей¹⁾.

Туземцы этой части французскаго Конго, ба-ляли,—крови смѣшанной съ кровью племени ба-тѣкѣ. Пока они еще людоѣды и поѣдаютъ трупы невольниковъ и караванщиковъ, умершихъ въ предѣлахъ ихъ страны; по прибытии европейцевъ, они сѣтовали на пришельцевъ за то, что тѣ погребаютъ своихъ покойниковъ, тогда какъ могли бы промѣнивать ихъ на барановъ, бананы и маніокъ²⁾. Впрочемъ, тѣла свободныхъ людей они возвращаютъ землѣ, сопровождая это причудливыми обычаями. Такъ, по смерти кого-либо изъ мо-лялли, его тѣло помѣщаются въ длинный деревянный цилиндръ и затѣмъ держать въ теченіе мѣсяца посреди хижины покойного, какъ будто бы жизнь все еще не покинула трупъ. Когда же наступитъ день похоронъ, то на цилиндръ ставятъ фетишъ; украшаютъ его перьями, листьями и лентами, а затѣмъ друзья наматываютъ на цилиндръ ткани, вслѣдствіе чего объемъ его увеличиваются по крайней мѣрѣ вдвое. Высокій катафалкъ, съ сокрытымъ въ немъ гробомъ, прикрывается послѣ этого къ стержню, подъ который подводятся три длинныхъ параллельныхъ жерди. Носильщики берутся за эти жерди, по вмѣсто того, чтобы идти со своею ношкою степенно, они, съ цѣлью испугать злого духа, начинаютъ кружиться, бѣгая вокругъ разукрашенного цилиндра, который подпрыгиваетъ на шипахъ; такимъ образомъ они наконецъ достигаютъ того мѣста, гдѣ вырыта яма, такая же цилиндрическая, какъ и гробъ. Здѣсь, каждый отбираетъ суженныя имъ ткани, и затѣмъ тѣло въ одномъ лишь цилиндрѣ опускается въ могилу; зарывая гробъ, оставляютъ надъ ртомъ покойника дыру, чрезъ которую и вливаютъ пальмовое вино къ похороненному, считающемуся постояннымъ сотрапезникомъ стоявшимися въ живыхъ.

Въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы на юго-западъ отъ Браццавиля, пососѣству съ порогами, католическіе миссионеры основали станъ Ливзоло, получившій важное значеніе, какъ образцовая ферма и какъ центръ акклиматизаціи растеній и животныхъ умѣреннаго климата.

¹⁾ De Chavannes, упом. соч.

²⁾ Jaques de Brazza, „Correspondance, publiée par Napoléon Ney“.

VII. Бассейнъ р. Кассаи.

Эта обширная и многолюдная область, изобилующая проточными водами и плодородными долинами, уже раздѣлена, съ политической точки зрѣнія, между Конгскимъ государствомъ и Португаліею; но присужденными этимъ государствами странами предстоить еще овладѣть, а между тѣмъ путешественники еще такъ недостаточно обошли край, что въ сѣти ихъ мартшрутовъ встречаются пространства болѣе, чѣмъ въ десять тысячъ квадратныхъ километровъ, куда еще не проникалъ ни одинъ изслѣдователь. До сихъ поръ въ территории Кассаи основался всего одинъ европейскій постъ, именно кверху отъ сланія р. Кассаи съ Куанго; также весьма рѣдки и такія деревни, въ которыхъ поселился какой-нибудь купецъ-негръ, именующій себя португальцемъ и вымѣнивающій ткани на слоновую кость. Страна почти вся раздѣлена на маленькия княжества, изъ которыхъ одни вполнѣ независимы, а другія болѣе или менѣе подчинены могущественному государю. Составленная такимъ образомъ большая имперія съ неопределеннymi границами, именно имперія Муата-Ямво, занимаетъ значительную часть территории.

Восточный рѣки даннаго бассейна, родящіяся въ болотистыхъ областяхъ вершинной гряды водораздѣла—гдѣ также берутъ начало притоки рѣкъ Луа-Лабы и Замбезе—орошаютъ области, соприкасающіяся съ имперіей Мспри и обитаемыя, проживающими другъ подъ друга, племенами руа и лунда. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эти племена даже и перемѣшиваются другъ съ другомъ, при чемъ бѣдными оказываются вуа-лунда, одѣтые лишь въ передникъ изъ кожи или лыка, да въ овечье руно, покрытое обмазкою изъ жира и глины, а богатыми—вуа-руа, сравнительно цивилизованные, какъ и тѣ вуа-руа, которые живутъ на берегахъ Луа-Лабы. Находящіяся въ этой области мѣдные коли были разрабатываемы уже во времена путешествія Самегон'a.

Холмистый край—который раздѣляетъ рѣки Лу-Билахъ и Ло-Мами, въ той части ихъ русль, гдѣ обѣ эти рѣки направляются къ сѣверо-западу для сланія другъ съ другомъ и образованія р. Санкуру—занять племенами басонжѣ, ба-санжѣ и другими народами одного и того же языка. Къ западу отъ р. Лу-Билахъ, эти туземцы известны подъ именемъ ба-луба, между тѣмъ, какъ еще далѣе, на берегахъ Лу-Луа и Кассаи, ихъ называютъ ту-шиланжѣ или ба-шиланжѣ¹⁾. Ба-сонжѣ, между неграми, самые сильные и самые красивые, хотя лицо

¹⁾ Büchner;—Pogge;—Wissmann;—Wolf;—Châtelain.

ихъ и напоминаетъ морду дуга¹); они очень смыслены и искусны въ обработкѣ желѣза и мѣди, глины и дерева, изготавляютъ горшечные издѣлія, ткани и различные предметы изъ плетенія, которые, затѣмъ, со вкусомъ украшаютъ. Въ противоположность большинству остальныхъ африканскихъ народовъ, мужчины племени ба-сонжэ занимаются сами полевыми работами, а на долю своихъ женъ оставляютъ ремесленные занятія и хлопоты по хозяйству. Ба-сонжэ—искусные охотники, и ихъ религиозные обычай иногда сопровождаются людьми.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ба-сонжэ остановились въ всяко го сношенія, не только съ европейцами, но также и съ торговцами изъ негровъ западныхъ португальскихъ провинцій; также и арабы, при своихъ торговыхъ экспедиціяхъ, не проникали далѣе земли племени калебуа, на лѣвомъ берегу Ло-Мами. Поэтому, когда, въ 1881 году, Wissmann и Pogge проходили чрезъ данную страну, около нихъ собирались толпы любопытныхъ, какъ будто привлечь были чудовища или боги. Въ караванѣ бѣлыхъ людей все было ново для ба-сонжэ: никогда они не видали ни выючныхъ воловъ, ни огнестрѣльного оружія, ни тысячи тѣхъ любопытныхъ предметовъ, которые эти невиданные люди принесли для обмѣна на слоновую кость и жизненные припасы. Въ западныхъ округахъ, гдѣ еще не видѣли арабовъ, бѣлые были приняты хорошо; но на востокѣ, гдѣ торговья экспедиція арабскихъ купцовъ уже побывали, всѣ поселяне въ ужасѣ убѣгали или укрывались за свои частоколы; они доходили даже до того, что убивали свой скотъ, если не были въ состояніи быстро угнать его подальше отъ чужеземцевъ. Думая о тѣхъ купцахъ, которые вслѣдъ за нимъ придутъ къ этимъ людямъ, еще не имѣвшимъ никакого соприкосновенія съ такъ называемой цивилизацией, представителями которой являются по преимуществу порохъ и водка,—Wissmann спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли ему радоваться открытию этого народа, столь замѣчательного своей гордою красотою, прирожденнымъ умомъ и, безъ сомнѣнія, болѣе счастливаго, чѣмъ голодные пролетарии въ Европѣ? И не лучше ли было бы, для человѣчества, если бы отравленная стрѣла прикончила его путешествіе, служащее предвѣстіемъ будущаго завоеванія? Такое душевное настроеніе этого путешественника вполнѣ понятно; но можно надѣяться, что блѣднолицые не все же будутъ вносить только пороки и болѣзни: они научатъ новымъ ремесламъ, повѣдаютъ истины, остававшіяся неизвѣстными и, быть-можетъ, когда-либо приведутъ къ болѣе возвышенному пониманію справедливости и свободы.

¹) Pogge, „Mittheilungen der Africanischen Gesellschaft“, т. IV. 1883—1885.

Ба-сонжэ весьма многочисленны: населенность края не уступитъ даже и тѣмъ странамъ Европы, въ которыхъ жители скучены весьма сильно. На каждомъ изъ продолговатыхъ отрывковъ бывшаго прежде сплошнымъ плоскогорія, упльвшихъ между рѣками, тянутся нескончаемыя деревни, которыхъ можно сравнить съ «черными гусеницами, ползущими по травѣ прарѣї». Двѣ или три параллельныхъ улицы, окаймленныхъ домами и садами, извибаются змѣйками по длинному хребту; и если бы не форма хижинъ, то можно было бы подумать, что находишься въ Верхней Нормандіи, между ея долинами, спускающимися къ Ла-Маншу: впрочемъ, ба-сонжскія села больше поселений страны Ко (Саух), и германскіе путешественники употребляли не менѣе пяти часовъ, чтобы пройти изъ конца въ конецъ какое-либо изъ большихъ мѣстечекъ. Wolf исчисляетъ населеніе наиболѣе обширныхъ сель приблизительно въ пятнадцать тысячъ жителей, такъ какъ путешественниковъ, при вступленіи въ такое мѣстечко, старѣйшины встрѣчаютъ во главѣ болѣе, чѣмъ тысячи воиновъ. Каждое изъ этихъ жилищъ образуетъ небольшую самоуправляющуюся республику, граждане которой признаютъ, однакоже, верховную власть короля, пребывающаго въ краѣ Кото, на лѣвомъ берегу р. Лу-Билахъ. А этотъ король есть въ то же время великий фетишеръ, которому повинуются изъ страха передъ вѣдомымъ ему колдовствомъ; однако, въ лицѣ Pogge и Wissmann'a, онъ встрѣтилъ болѣе страшныхъ фетишеровъ: именно, когда Pogge и Wissmann'у было отказано въ пропускѣ, то они, прибѣгнувъ ночью къ стрѣльбѣ изъ ружей, пусканію ракетъ и сожиганіюベンгальскихъ огней, вселили такой страхъ въ этого государя, что онъ послѣдилъ ихъ не задерживать. Какъ и между маньемами, среди племени ба-сонжэ проживаютъ, гнѣздясь въ убогихъ деревняхъ, нѣкоторыя колѣна тѣхъ низкорослыхъ и робкихъ ба-туа (вуа-туа), въ которыхъ видать остатокъ древнихъ аборигеновъ и которые, между прочимъ, воспитываютъ особую породу охотничьей собаки, похожую на левретку¹). Другіе народцы, обитающіе по берегамъ Ло-Лами, скрываютъ свои хижины въ густой чащѣ вѣтвистыхъ исполинскихъ деревьевъ. Въ лѣсахъ этой области сѣрый попугай живеть миріадами. На берегахъ рѣкъ Лу-Билахъ, Санкуру и Лу-Кеніа, эта птица, при закатѣ солнца, поднимается цѣлыми тучами, застилающими небо.

Лу-Вуа, Кассаи и другія рѣки верхняго бассейна орошаютъ главнымъ образомъ территорію племени ка-луида, націи, значительной по своей численности и носящей то же самое имя, какъ и южные прибрежные жители озера Мон-

¹) Pogge;—Wissmann, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, томъ III и IV.

эро: возможно даже, что и тѣ, и другіе принадлежать къ одному и тому же этническому корню. Ка-лунда области Кассаи составляютъ главную часть народа того государства, которымъ управляетъ муата Ямво, при чемъ это же наименование иногда дается и данному негрскому государству, самому обширному изъ всѣхъ, находящихся въ Центральной Африкѣ. Племя ка-лунда занимаетъ къ западу отъ Лубилахъ всю область источниковъ Лу-Луа и Кассаи, вплоть до Замбезе; подъ именемъ балуа, они населяютъ тѣ мѣстности, где р. Лу-Луа выходитъ изъ возвышенныхъ узкихъ долинъ для вступленія на равнину; а по ту сторону Кассаи они обитаютъ также на большой части промежуточной полосы между высотами и низменнымъ пространствомъ. Ка-лунда ростомъ и силою превосходитъ негровъ португальскихъ владѣній западнаго берега; цвѣтъ ихъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, а губы у нихъ менѣе толсты; ихъ знатныя лица привыкли сжимать голову своимъ дѣятаніемъ такимъ образомъ, что задняя часть черепа становится уродливою. Женщины татуируютъ себѣ грудь, животъ и руки, спиливаютъ два верхнихъ рѣзца и вырываютъ два нижніе; они бреютъ голову, между тѣмъ какъ мужчины сохраняютъ всѣ свои волосы и весьма заботятся объ искусствѣ причесыванія ихъ. Обыкновенно мужчины прикрыты болѣе женщинъ: такъ, со времени установленія сношеній съ португальскими купцами, мужчины одѣваются въ хлопчато-бумажныя ткани, прикрывающія ихъ отъ пояса до лодыжекъ; одѣяніе же женщинъ не спускается ниже половины бедръ, при чемъ бѣдрыя между ними довольствуются передникомъ изъ лыка, кожею съ какого-нибудь животнаго или даже гирляндой листьевъ. Какъ и въ большей части странъ Восточной Африки, наиболѣе цѣнныя уборы состоятъ изъ латунныхъ проволокъ, которая навертываются вокругъ рукъ и ногъ.

Будучи гораздо менѣе свѣдущими въ ремеслахъ, по сравненію съ ба-сонжами, ка-лунда много зависятъ отъ своихъ сосѣдей въ отношении необходимыхъ для нихъ вещей. Съ юго-запада племя кіоко доставляетъ имъ ткани и желѣзо; южная и юго-восточная племена продаютъ имъ мѣдь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ нѣтъ даже соли, и замѣнять ее приходится золою травъ. Ихъ жилища, послѣ хижинъ вуа-туа,—самая уборгія во всей Внутренней Африкѣ; можно сказать, это—простыя кучи сѣна, въ два—три метра высоты. Никакого украшенія на крышѣ, которая не доходитъ до земли всего лишь на нѣсколько сантиметровъ и позволяетъ, слѣдовательно, проникать внутрь жилища только кое-какому отраженному свѣту; двери всегда низки, будучи просто отверстіями менѣе метра въ высоту; самъ король не можетъ войти въ свое жилище иначе, какъ ползкомъ. Хижины служатъ и могилами, при чемъ

живые уступаютъ свое мѣсто мертвымъ. Деревни, вообще легко отстраиваемыя, перемѣщаются при малѣйшемъ поводѣ къ этому; такъ, въ десять лѣтъ муата Ямво перемѣнилъ три раза свою резиденцію. Скотъ, за исключеніемъ козъ, весьма рѣдокъ вокругъ деревень; въ 1876 году король имѣлъ всего лишь одну корову; все стадо, скопленное его предшественникомъ, было съѣдено во время перемѣны царствованія. Однако, въ общемъ, туземцы, привыкшіе къ растительной пищѣ, имѣютъ жизненные припасы въ изобилии: плодородіе страны таково, что о запасахъ даже и не помышляютъ. Житницъ у балуа не существуетъ, и въ своихъ хижинахъ они сохраняютъ про запасъ лишь нѣсколько кучекъ фасоли, земляныхъ фисташекъ и кукурузы. Въ дождливое время года недостатка нѣтъ ни въ чёмъ, а во время засухъ они ёдятъ умбрениѣ, но у нихъ все таки остается маніокъ¹⁾.

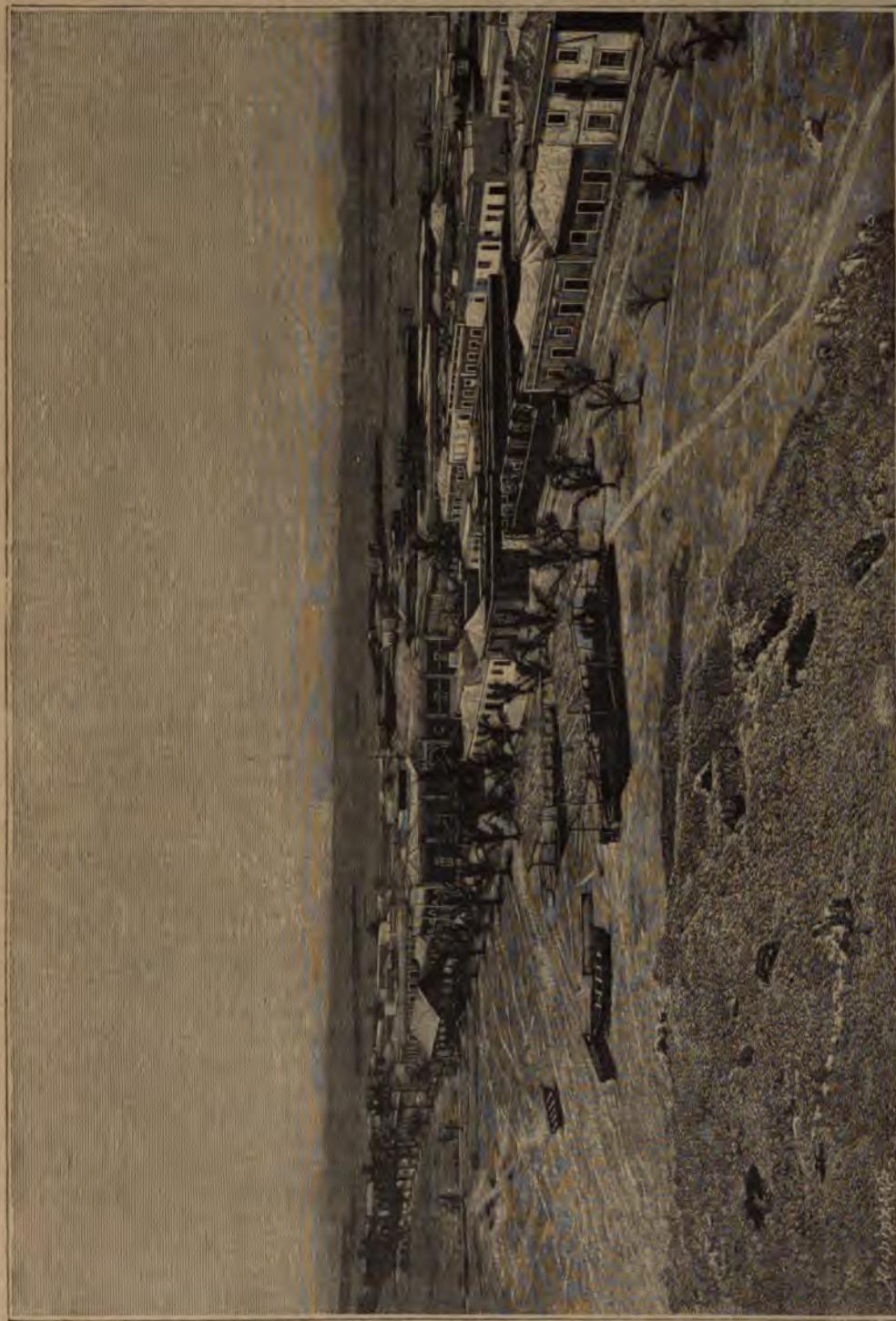
Ка-лунды гостепріимны, доброжелательны, миролюбивы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ окружахъ, которыхъ не посещаютъ чужеземные торговцы, изощрившіеся въ обманѣ и обучающіе туземцевъ хитрости и лжи. Нравственной порочностью населенія въ сосѣдствѣ съ королевской резиденціей способствуетъ также и паразитизмъ, такъ какъ государство муаты Ямво представляеть истинную феодальную имперію, въ которой всѣ вассалы должны платить дань. Различные начальники, мони и муэнзы, обязаны повиновеніемъ государю, муата, и правильно уплачиваютъ дань, удѣляемую изъ того, что имъ доставляютъ ихъ собственные подчиненные. Налоги не опредѣлены, но разнообразятся въ зависимости отъ тѣхъ продуктовъ, которые доставляются данными краемъ: такъ, одинъ несетъ бивень слона или убитое животное, другой—шкуру льва или леопарда, третій—шлоды, маніокъ, зерновой хлѣбъ, ткани или соль. Столь же не выяснено строго и время уплаты дани: оно мѣняется, смотря по тѣмъ разстояніямъ, рѣкамъ или болотамъ, которыя предстоитъ пройти данникамъ, чтобы добраться до своего сюзерена, а также находится въ зависимости и отъ начала и продолжительности дождливаго времени. Обыкновенно караваны отдѣленныхъ данниковъ представляются ко двору государя ежегодно по разу, начальники же сосѣднихъ колѣнъ, подчиненные болѣе дѣйствительнымъ образомъ власти сюзерена, являются къ нему съ дарами въ рукахъ нѣсколько разъ въ годъ. Часто случается и такъ, что вассалы изъ отдѣленныхъ провинцій, почувствовавъ себя настолько сильными, что могутъ порвать свою зависимость отъ муата Ямво, не радѣютъ о присылкѣ своей дани. Вообще, со времени царствованія династіи государей изъ племени лунда, границы имперіи не

¹⁾ Pogge, „Im Reiche des Muata Jamwo“.

перестаютъ измѣняться, а сами эти государи никогда не знаютъ истиннаго пространства своихъ владѣній.

При перемѣнѣ царствованія, новый муата

«сынъ государства», «сынъ оружія» и «поваръ государства»; вирочемъ, и ихъ выборъ долженъ получить утвержденіе «матери королей и народа», называемой Лукокеша. Въ свою

Моссамедесъ.

не наслѣдуетъ по праву своему отцу: онъ избирается между сыновьями одной изъ двухъ главныхъ женъ умершаго короля, при чёмъ четырьмя великими избирателями будущаго своего повелителя являются: первый и второй

очередь, эта особа, являющаяся тоже королевою и обладающая многими округами во всей полнотѣ царской власти, избирается между дочерьми двухъ главныхъ женъ четырьмя главными министрами, а ихъ рѣшеніе становится

окончательнымъ послѣ одобренія короля. Это установлѣніе «всеобщей матери», повидимому, указывающее на древній матріархатъ, тѣмъ болѣе любопытно, что въ племени лунда отцу наслѣдуетъ непосредственно сынъ, а не племянникъ со стороны сестры — дядѣ, какъ у кіоко. Изъ всѣхъ жителей страны, только Лу-кокеша превыше законовъ, только она одна ускользаетъ отъ власти муата Ямво: мать всѣхъ, она не имѣеть и мужа, а ея избранникъ просто называется ея любимымъ рабомъ; равнымъ образомъ, она не должна имѣть и дѣтей, и потому когда она родить, то ея плодъ умерщвляютъ.

Тотчасъ послѣ своего избрания муата Ямво получаетъ знаки царскаго достоинства: желѣзный серпъ, корону изъ перьевъ попугая, браслетъ изъ слоновой кости, ожерелье изъ жемчуга и металла, большой имперскій коверъ и орденъ *лукано*, соотвѣтствующій орденамъ, учрежденнымъ европейскими государями. Затѣмъ, муата располагается лагеремъ на одну ночь около рѣки Каланжи для того, чтобы, вдыхая вольный воздухъ и омывшись въ священныхъ волнахъ, пріобрѣсть силу для возобновленія моши государства. Но это еще не все; онъ долженъ стать творцомъ, возжечь новый огонь, отъ котораго отнынѣ зажгутся всѣ очаги: и, дѣйствительно, треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева, онъ заставляетъ всыхнуть пламя, чтѣ и служитъ доказательствомъ его божественности. Послѣ этого онъ уже богъ, неограниченный властелинъ надъ свободою и жизнью всѣхъ своихъ подданныхъ; онъ назначаетъ на всѣ должности, возвышаетъ или понижаетъ кого захочетъ и завладѣваетъ всѣмъ, чѣму ему понравится. Преданіе воспрещаетъ ему курить и напиваться пьянымъ; но также воспрещено и каждому изъ подданныхъ, подъ страхомъ смерти, видѣть, какъ король есть, а также и беспокоить его, когда онъ удалится въ потайныя убѣжища королевской хижинѣ. Кромѣ четырехъ великихъ избирателей, существуетъ цѣлый дворъ министровъ и слугъ, поваровъ и чародѣевъ, кузнецovъ и врачей, причесывателей, музыкантovъ и палачей. Во времена большихъ народныхъ собраній онъ даруетъ право слова *килоло*, т.-е. важнымъ чинамъ и знатнымъ лицамъ въ королевствѣ; но разъ онъ провозгласилъ свою волю—всѣ уже должны тотчасъ ему повиноваться. Народу онъ является, вѣсѣдая или на носилкахъ или на плечахъ раба. Ежегодно, во время засухъ онъ наряжаетъ военную и грабительскую экспедицію въ сосѣдніе края; кромѣ того, многочисленныя орды во всякое время опустошаютъ селевія непокорныхъ и дѣлать свою добычу съ королемъ. Чужестранные караваны принимаются муата Ямвою, при чѣмъ онъ назначаетъ имъ мѣсто для лагеря, опредѣляетъ срокъ пребыванія и, не стѣсняясь, пользуется для

своихъ нуждъ ихъ товарами. Тѣхъ бѣлыхъ, а также и тѣхъ мнящихъ себя португальцами съ берега океана, которые, либо управляя караванами, либо только сопровождая ихъ, прибываютъ въ страну племени ка-лунда, властитель этой страны считаетъ принадлежащими къ одной и той же расѣ съ европейцами: онъ признаетъ ихъ могущество какъ чародѣевъ и хвастается, что и самъ раздѣляетъ его съ ними.

Резиденція, или муссамба, перемѣщается при каждомъ новомъ воцареніи; однако, мѣстность для этого всегда избирается на пространствѣ большой равнины, которая разстилается между восточными притоками Лу-Луа, рѣками Каланжи и Лу-Иза, такъ какъ столицу полагается всегда строить въ сосѣдствѣ съ святымъ мѣстомъ, гдѣ проживалъ первый изъ муата Ямво, именно около праваго берега Каланжи и кладбища, или ензай, на которомъ погребены тѣла четырнадцати государей, смѣнившихъ другъ друга на королевскомъ коврѣ. Во времена путешествія Pogge, въ 1876 году, муссамба была въ Кизимэмѣ, въ лѣвомъ берегу Каланжи; четыре года спустя, когда, въ свою очередь, засвидѣтельствовалъ почтеніе къ муата явился Bichner, резиденція, Кауэнда, была перенесена километровъ на двадцать къ юго-западу, въ мѣстность, находящуюся приблизительно на равномъ разстояніи отъ обѣихъ рѣкъ. Хижини города разсѣяны на большомъ пространствѣ, при чѣмъ однѣ сгруппированы какъ попало, другія окружены прямоугольнымъ палисадомъ изъ колъевъ, вбиваемыхъ въ землю при началѣ дождливаго времени года; вскорѣ затѣмъ, эти колы пускаются корни и впослѣдствіи быстро разростаются въ большія деревья; Pogge насчитывалъ отъ 8 до 10 тысячъ жителей, жившихъ, на протяженіи до двухъ километровъ, вокругъ королевской ограды. Переселенцы изъсосѣднихъ колѣнь стремятся въ резиденцію; однако, по Pogge, городское населеніе увеличивается не вслѣдствіе избытка рожденій надъ смертностью, такъ какъ почти всѣ дѣти, видимыя вокругъ землянокъ,—маленькие рабы, наворованные во время военныхъ походовъ. Для женщинъ муссамбы было бы большой честью имѣть много дѣтей, но большинство изъ нихъ не плодовиты.

На сѣверъ отъ страны, которую муаты Ямво избрали для своей резиденціи, ихъ королевство не простирается на большое разстояніе; съ этой стороны, берега рѣки Лу-Луа и ея притоковъ заняты дикимъ племенемъ ка-уанда, которое до сихъ поръ храбро сопротивлялось всякой попыткѣ къ его завоеванію. Разсказываютъ, будто ихъ стрѣлки напитываются остріемъ своихъ стрѣлъ весьма сильнымъ ядомъ, незвѣстнымъ остальнымъ племенамъ; ка-уанда, будто-бы, отравляютъ даже колючки на тропинкахъ, въ предположеніи, что чужестранцы наткнутся на нихъ. Въ ихъ территорію не

проникалъ еще ни одинъ европейскій путешественникъ. Въ томъ же бассейнѣ Лу-Луа, но съвернѣе, проживаютъ ту-бинди и ба-бинди, которые также остались въ сторонѣ отъ маршрутовъ изслѣдователей; но за ними начинается край племени ба-луба, занимающихъ обширную страну между Кассаи и Ло-Мами и даже земли на правомъ берегу послѣдней: это братья и соуди племени ба-сонжэ и, подобно имъ, кажутся одаренными умомъ и предназначеными для быстрого приближенія къ правамъ и цивилизациіи бѣлыхъ. Pogge и Wissmann были первыми изъ европейцевъ, посѣтившими этотъ народъ, въ 1881 году. Съ тѣхъ порь населенный ими край былъ пройденъ и другими путешественниками, которые, благодаря господствующимъ среди туземцевъ идеямъ о метемпсихозѣ, были хорошо принимаемы: именно, въ нихъ видѣли полководцевъ и родственниковъ короля, которые, послѣ своей смерти, вновь проявлялись по ту сторону великой воды и возвращались въ свое отечество, побѣдивъ отъ пребыванія въ дальнихъ краяхъ. Имъ дали тѣ имена, которыхъ они яко-бы нѣкогда носили, а родственники и жены приходили засвидѣтельствовать имъ о радости по поводу ихъ возвращенія; затѣмъ ихъ возстановили даже во владѣніи тѣмъ имуществомъ, которымъ они нѣкогда обладали. Равнымъ образомъ и многие изъ купцовъ-негровъ отдаленныхъ племенъ были сочтены за возвратившихся съ того свѣта и потому признаны за соотечественниковъ. Не убиваютъ туземцы также и обезьянъ, очевидно, полагая, что въ этихъ перерожденныхъ животныхъ скрыты ихъ родственники. Многочисленныя семейства племени ба-луба не дотрогиваются тоже и до мяса собаки, опасаясь сѣсть себѣ подобного¹⁾. Тѣмъ не менѣе, кажется, что въ не очень отдаленную эпоху всѣ ба-луба были людоѣдами.

По преданіямъ ба-луба, они пришли съ юго-востока, т. е. изъ долинъ Верхняго Конго или Лу-Лабы. Въ сѣверо-западной области, въ которую они пришли прежде всего, они приняли имя ту-шилангэ или ба-шилангэ, которое, кажется, принадлежало древнимъ аборигеннымъ населеніямъ, слившимся нынѣ съ завоевателями. Впрочемъ, различія во вѣнчности, нравахъ и въ политическомъ состояніи весьма велики между различными колѣнами ту-шилангэ; одни изъ нихъ еще дикари, тогда какъ другіе уже достигли нѣкоторой степени цивилизациіи. Самая важная область ихъ края какъ по своей населенности, такъ и по своей торговлѣ, та, въ которой поселились также и европейскіе изслѣдователи, извѣстна подъ наименіемъ Лубуку,—слово, означающее «дружбу». Около 1870 г., жители страны, еще не получавшей этого прекраснаго наименованія,

отказывались вступать въ сношенія съ иностранцами: ни одна изъ торговцевъ не имѣла права проникать въ ихъ территорію. По этому поводу возникъ споръ между молодыми и старыми, при чёмъ молодежь желала измѣнить прежнее положеніе дѣлъ, а старики настаивали на сохраненіи запрета торговли иноzemцамъ. Король и его сестра приняли сторону молодыхъ, вслѣдствіе чего возникла междуусобная война; множество старииковъ, мужчинъ и женщинъ, были перебиты, а большая часть тѣхъ изъ нихъ, которые пережили эту расплюю, бѣжали на правый берегъ Лу-Луа, гдѣ они и проживаютъ въ отдѣльныхъ деревняхъ¹⁾.

Политическій переворотъ былъ въ то же время религіознымъ и соціальнymъ. Такъ, въ краѣ введенъ новый культъ, за который туземцы получили прозвище Бенія-Рамбія или «Сыны конопли»: по новой религіи, всѣ курильщики ріамбы (ріамба въ восточномъ Конго то же самое, чтѣ ламба въ Огоуѣ) называютъ себя друзьями и даже воспрещаютъ себѣ употребленіе въ своихъ деревняхъ оружія; они обязаны оказывать другъ другу гостепріимство; каждый одѣвается, какъ кому угодно; процессы о колдовствѣ болѣе возбуждать не должно, и молодые девушки отныне не продаются своими родителями; запрещается также быть козь, какъ эти животные напоминаютъ о времени, когда молодые люди были обязаны приносить ихъ въ качествѣ свадебнаго подарка до увода своей жены. Отныне религіозныя церемоніи состоять просто изъ ночныхъ собраний для куренія сообща конопли. И ужасающе зрѣлище представляютъ всѣ эти нагіе и татуированные люди, когда они, надышавшись изъ большой тыквенной бутылки дыма конопли, подъ вліяніемъ наркотического вещества судорожно кашляютъ, завываютъ, бѣснуются, проповѣдуютъ или остаются погруженными въ оцепенѣніе. Ріамба, соединяя друзей, наказываетъ также и виновныхъ. Почти всѣ прежнія наказанія, а также и испытанія ядомъ, замѣнены ріамбой, выхать дымъ которой осужденный долженъ до тѣхъ порь, пока не впадетъ въ безсознательное состояніе; когда же онъ очнется, то лобъ и грудь ему помазываютъ болѣю глиною, для засвидѣтельствованія прощенія его преступленія, и какъ знакъ принятія его снова въ собраніе друзей. Для удовлетворенія громаднаго потребленія конопли, ею засѣваются обширныя пространства около деревень бенія-рамбій; однако, такое потребленіе ріамбы для религіозныхъ целей не проходить безнаказанно: именно, въ краѣ распространились грудные болѣзни, а также помѣшательство²⁾.

¹⁾ Ludwig Wolf, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1887. № 2.—Wissmann;—Pogge, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“, т. IV, 1883—85.

²⁾ Ludwig Wolf, упом. соч.

Нельзя не пожалеть что ба-луба подвергаютъ себя дѣйствію вещества, ведущаго ихъ къ гибели, такъ какъ среди другихъ африканскихъ народовъ они отличаются своею разумною любознательностью и размыслиющимъ складомъ ума: Wissmann идетъ даже такъ далеко, что называетъ ихъ «народомъ мыслителей». «Почему?— слово, столь рѣдко слышащееся въ серьезномъ его значеніи между африканскими племенами — не сходить съ языка у ба-лубовъ, и они считаютъ себя удивительными, только получивъ отвѣтъ и вполнѣ уразумѣвъ его. Весьма храбрые, а также удивительно умѣлые въ отыскиваніи слѣдовъ звѣра, они были бы превосходными солдатами-разведчиками во время войны. Они гнушаются рутиною и при своихъ празднествахъ всегда изобрѣтаютъ что-либо оригинальное и неожиданное. Главныи ихъ церемоніи совершаются при прѣмѣ каравановъ: ба-луба встрѣчаютъ ихъ пляской и кликами, барабаннымъ боемъ и трескомъ ружейного огня; всѣ одѣваются въ самыи красивыи свои платья, а купцы хвастаются наиболѣе драгоценными предметами изъ привезенного ими обыкновенно плохаго товара. Когда же появляется караванъ данниковъ, то къ прѣму его примѣшиваются также и жестокія продѣлки; такъ, прежде чѣмъ войти въ село, и мужчины, и женщины обязаны выкупаться сообща въ сосѣднемъ ручью, послѣ чего они бывакомъ проводятъ ночь на открытомъ воздухѣ; на слѣдующее утро они еще разъ очищаются, уже въ другомъ потокѣ, и только теперь, достойные предстать предъ своимъ повелителемъ, они идутъ, нагими, преклониться передъ нимъ и получить помазаніе глиною на груди и на лбу. Но и это еще не все; толна завладѣваетъ ими: въ глаза пускаютъ иль по несколько капель жгучаго настоя краснаго индійскаго перца и въ то же время ихъ подвергаютъ исповѣди, серьезной или шутливой. Наконецъ, ихъ освобождаютъ и посредствомъ подарковъ и пиршествъ, стараются заставить позабыть причинившыя имъ непріятности прѣмѣ.

Ба-луба сохранили обычай «братанія кровью», который встрѣчается также у многихъ африканскихъ народцевъ, какъ и между европейскими славянами, но который не извѣстенъ въ племени лунда. Послѣ того, какъ молодые люди испили крови другъ друга, ихъ собственность дѣлается достояніемъ почти общимъ, такъ какъ они могутъ взаимно, и безъ всякаго вознагражденія, брать другъ у друга все, что пожелаютъ: это право взаимно дѣлится имуществомъ распространяется даже на членовъ ихъ семействъ. Духъ добросердечія, одушевляющій ба-лубовъ, отражается даже и на формѣ ихъ полей. Такъ, вмѣсто того, чтобы заводить себѣ отдельныи плантаціи и работать въ нелюдимомъ особнячествѣ, земледѣльцы любятъ

оставаться вмѣстѣ и сообща мотыжитъ поля, которыи, тѣмъ не менѣе, состоять все-таки изъ отдельныхъ участковъ: иная площадь мазинока — въ сборѣ съ которой есть доля каждого изъ жителей села — тянется на пространствѣ болѣе десяти гектаровъ въ одной мѣкѣ, безъ границъ ямъ и рубежей. «Сыны конопли» — почти исключительно земледѣльцы; на слоновъ охоты въ ихъ краѣ уже нѣтъ, такъ какъ, съ введеніемъ огнестрѣльного оружія, это животное истреблено. Каучукъ, вообще хорошаго качества, составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ торговли; Pogge ввелъ между ними также воздѣлываніе риса, который быстро поспѣваетъ. Ремесла были прежде рѣдки между ба-лубами, которые ограничивались тѣмъ, что ткали матеріи изъ пальмовыхъ волоконъ и извлекали соль изъ золы одного растенія, произрастающаго въ солоноватой водѣ, на берегахъ Лу-Луа. Почти всѣ потребнія для нихъ издѣлія, ткани, утварь и оружіе доставлялись изъ страны племени кіоко, ихъ наставниковъ въ цивилизації¹⁾; нынѣ ба-луба носятъ панталоны и жакетки, дѣлаютъ купетки и складные стулья; научились даже и вязать. Каждая работа отдается ба-лубами покровительству одного изъ предковъ, такъ какъ, по ихъ понятію, жизнь продолжается также и за могилою, и духи вмѣшиваются въ управление міромъ.

Территорія «Дружбы» дѣлится на два главныхъ государства, которыи обыкновенно называются по имени ихъ королей: Муленгэ, сузеренъ, и Джингенгэ (Чикенгэ), вассалъ. Обѣ столицы также носятъ эти же названія. Король беніа-ріамбовъ — собственникъ всей земли, но растенія на воздѣланной почвѣ принадлежатъ тому, кто своимъ трудомъ взростиль ихъ. Четвертая часть каждой тунши, убитой въ его имперіи, принадлежитъ ему по праву; кромѣ того, свою долю онъ отбираетъ также и отъ всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ караванами. Будучи въ дѣловыхъ сношеніяхъ со всѣми окрестными начальниками и съ португальскими купцами, онъ пожелалъ войти въ общеніе и съ государями Европы, и при посредствѣ Pogge писалъ «владѣтелю по ту сторону водъ, повелителю всѣхъ народовъ» письмо, въ которомъ просилъ многочисленныхъ подарковъ, между прочимъ, какое-нибудь лѣкарственное средство, «чтобы воспрепятствовать смерти людей». Большой нововводитель, онъ уничтожилъ многіе изъ обычавъ своихъ предковъ и свободно єсть передъ подданными. Когда же, сопровождая Pogge и Wissman'a до Ніангуга, онъ увидѣлъ дома, выстроенные арабскими купцами, то, пораженный удивленіемъ, повелѣлъ построить и себѣ дворецъ въ этомъ

¹⁾ Marinel, „Bulletin de la Société Belge de Géographie“, 1887.

жъ стилъ, но подъ своимъ, весьма неискуснымъ, руководствомъ; впослѣствіи, однако, мѣстные каменщики наловчились, и потому есть уже нѣсколько домовъ очень хорошей вѣйшности. Послѣ короля, самою главною личностью въ государствѣ является одна изъ его сестеръ, жрица религіи конопли. Преданіе требуетъ, чтобы, при обращеніи къ толпѣ, она совлекала съ себя всѣ свои одежды.

Маленькая республика тѣхъ ба-лубовъ, которые не признаютъ верховной власти «короля Дружбы» и не исполняютъ обрядовъ «религіи конопли», большинствомъ полуцивилизованныхъ ту-шилангѣ считаются живущими въ дикомъ состояніи, такъ какъ у нихъ не встрѣчаются ни мелкихъ стеклянныхъ подѣлокъ, ни ружей, ни европейскихъ товаровъ. Эти ба-луба—люди почти нагіе, украшенные только скромною татуировкою и яркими разрисовками; голова у нихъ бритая или убрана въ мелкія косички. Въ каждой деревнѣ, подъ сѣнью большихъ деревьевъ, стоятъ фетиши съ человѣческимъ лицомъ, окрашенные въ красный цвѣтъ. Женщины должны рожать въ глухомъ лѣсу, въ присутствіи лишь повивальныхъ бабокъ. Какъ и у всѣхъ сосѣднихъ племенъ, юноши подвергаются обрѣзанію; но въ то время какъ исполненіе этого обряда не служить въ странѣ беніа-ріамбовъ поводомъ къ празднествамъ, у остальныхъ ба-луба обрѣзаніе сопровождается публичными торжествами. Какъ и въ Сенегамбіи, обрѣзанные дѣти должны въ теченіе нѣсколькихъ недѣль оставаться въ кустахъ, въ уединеніи и одѣтыя въ тростниковую юбку. При возвращеніи же въ деревни, имъ предшествуютъ танцовщики, а затѣмъ начинаются и празднества.

Прибыть въ страну племени ба-луба, первые изслѣдователи поняли, что въ этомъ столь богатомъ краѣ, среди умнаго ту-шилангійскаго населенія, самое подходящее мѣсто для европейской станціи. Въ 1884 году Wissmann основалъ пость Лулубургъ, на высотѣ 533 метровъ и въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Муленгѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, давшій и самое наименованіе новому поселенію. Эта станція, не смотря на трудность снабженія ея сѣйственными припасами, сохранена и расширена Конгскимъ государствомъ, и въ 1886 году тамъ проживали двое бѣлыхъ, въ томъ числѣ одинъ миссіонеръ, и болѣе пятидесяти туземцевъ, солдатъ и рабочихъ, а также около тридцати женщинъ, изъ которыхъ лежитъ уходъ за садами, птичникомъ и небольшимъ стадомъ домашней скотины¹). Не извѣстно еще положительно, не былъ ли Лулубургъ,—въ нарушеніе недавняго трактата, по которому границы Конгскаго государства обозначены шестымъ градусомъ южной широты,—основанъ

южнѣе этого рубежа, въ поясѣ, официально еще не присвоенномъ какой-либо европейской державѣ? Большое неудобство Лулубурга заключается въ томъ, что онъ основанъ въ той области теченія рѣки, которая не находится на продолженіи непрерывной навигаціонной линіи къ Кассаи и къ Конго: во многихъ мѣстахъ книзу, вплоть до сланія Лу-Луа съ Лу-Эбо, пороги прерываютъ ея теченіе. Въ мѣстѣ соединенія сейчасъ названныхъ рѣкъ, приблизительно въ 200 километрахъ отъ Лулубурга, учрежденъ укрѣпленный постъ Лу-Эбо, въ которомъ пароходы Конгскаго государства находять для себя пристань. Выше, именно въ 600 метрахъ на одной и въ 1.000 метрахъ на другой изъ обѣихъ рѣкъ, находятся пороги и водопады, прерывающіе судоходство.

Упомянутая область сланія рѣкъ принадлежитъ племени ба-куба, народу, вполнѣ отличающемуся отъ ба-луба языкомъ и нравами, и о которомъ нѣкогда рассказывали, будто онъ подчиненъ могущественному чародѣю, приговаривающему къ смерти всѣхъ чужеземцевъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1885 году, путешественникъ Wolf все-таки проникъ въ ба-кубскую территорию. При этомъ ба-кубы сами оказались испуганными приходомъ Вольфа съ его спутниками, которыхъ они приняли за волшебниковъ; съ опасеніемъ взирали они также на вычунаго вола и собакъ путешественника. Весьма многочисленные, ба-куба обитають къ сѣверу отъ Лу-Луа, въ прогалинахъ лѣсовъ, простирающихся къ Санкуру: съ ба-луба они сообщаются лишь透过 посредство ихъ вассаловъ, ба-ката, прибрежныхъ жителей р. Лу-Луа. По преданіямъ, ба-куба пришли, будто бы, съ сѣверо-запада, тогда какъ ба-луба—выходцы изъ юго-восточныхъ областей. Между ба-кубами, и въ добромъ согласіи съ ними, проживають многочисленные аборигены, ба-туа, уединенные въ деревняхъ, разбросанныхъ посреди лѣсовъ. Ростъ измѣренныхъ Вольфомъ индивидовъ обоихъ половъ колебался между 130 и 144 сантиметрами, и хотя подвергавшіеся изслѣдованию экземпляры были малорослы, по сложенію вполнѣ пропорціонально; ихъ кожа—смуглого-желтоватая—гораздо свѣтлѣе кожи пѣсѣдѣй; подобно племени акка, они удивительно подвижны. Ба-туа этихъ окрестовъ не занимаются земледѣліемъ и живутъ охотою; необходимые же для нихъ манюкъ, оружіе, стрѣлы, мечи и ножи они добываютъ въ обмѣнъ на убитую ими дичь.

Верхній бассейнъ Кассаи не получилъ еще въ исторіи центральной Африки той важности, которая, повидимому, ему должна принадлежать, и которую онъ въ свое время не преминеть пріобрѣсти. Водораздѣль между притоками его и Замбезе, будучи параллеленъ его верховой долинѣ, уже напередъ указанъ какъ

¹) „Mouvement Géographique“, 27 марта 1887.

главный путь между при-атлантическою областью Бенгуэлы и страною великихъ конгскихъ озеръ: по этой дорогѣ уже не разъ проходили португальскіе караваны и ею же слѣдовали Ливингстонъ, Самегонъ, Саррелло и Йенс въ своихъ переходахъ чрезъ Африку; всѣ эти путешественники хвалить плодородіе края, а также мирное настроеніе его жителей. Какъ и верхній бассейнъ Лу-Луа, верхняя территорія Кассаи принадлежитъ въ особенности племени ка-лунда, при чемъ управлѣніе племенами находится въ рукахъ вассаловъ муата Ямво: одинъ изъ нихъ—князь территоріи Кабанго или Муанзанза, при чемъ столица его находится на Чихумбо, большомъ западномъ притокѣ Кассаи; другой же начальствуетъ въ Ка-хунголо—городѣ, построенному на притокѣ, изливающемся значительно ниже. Въ области, сосѣдней съ фиктивной южной границей Конгскаго государства, племя ба-куба также представлено могущественными народами; уже сбросившими съ себя иго племени лунда; при этомъ одному изъ нихъ, именно народцу бена-маи, или «сыны Маи», удалось даже основать независимое государство около большихъ гороговъ Кассаи, въ Маи-Мумэнз.

Въ юго-западной части группы долинъ притоковъ Кассаи, страна населена предпримчивымъ племенемъ кюко—или, вѣрнѣе, чибоко¹⁾—которому, повидимому, предназначено пріобрѣсти, рано или поздно, преобладающее значеніе между племенами, живущими къ югу отъ р. Конго. Во время путешествія Ливингстона въ бассейнъ Кассаи, племя кюко еще не проникало туда; нынѣ же во многихъ мѣстностяхъ оно уже господствующее, хотя и находится въ нѣкоторой зависимости отъ муата Ямво. Изъ единогласнаго свидѣтельства ихъ сосѣдей видно, что мѣстомъ происхожденія ихъ была южная область: территорія, которую они прежде занимали, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ вѣковъ, есть область плоскогорій между истоками рекъ Куанза и Куанго, изъ которыхъ послѣдняя составляетъ одинъ изъ главныхъ притоковъ Замбезе; они жили рядомъ съ племенемъ гангуэлла, на которыхъ сильно походить языкъ и нравами, и, повидимому, имѣютъ также нѣкоторое сходство съ племенемъ лунда, которое однако не равно имъ ни по уму, ни по инициативѣ. Какъ розыскиватели звѣриныхъ слѣдовъ—они удивительно искусны, что объясняется ихъ почти кочевой жизнью. Путешествуютъ же они ордами, перекочевывая все болѣе и болѣе къ сѣверу, при чемъ, въ видѣ торговыхъ колоній, основываютъ свои поселенія между племенами лунда. Они страстные охотники, не прекращающіе преслѣдованіе одного и того же животнаго въ

теченье цѣлыхъ дней: поэтому-то въ постоянно обитаемыхъ ими лѣсахъ и луговыхъ степяхъ оказывается истребленною вся дичь, до крысъ и мелкихъ пташекъ включительно. Впрочемъ, кюко весьма миролюбивы, что доказывается тѣмъ, что средствъ для своего существованія они ищутъ въ трудѣ, а не въ войнѣ. Ремесленники изъ кюко, въ особенности кузнецы и корзинщики, весьма искусны; на всемъ протяженіи бассейна Кассаи также весьма цѣнится и выдѣляемое кюками оружіе. Люди этого трудолюбиваго племени менѣе кокетливы, въ сравненіи съ ихъ лѣнивыми со-сѣдями: прическа у нихъ простая, хотя всегда въ порядкѣ; лицо, однако, они расписываютъ красною краскою, что придаетъ ему странное выраженіе. Большая часть кюко малы, худощавы и нервны: такимъ образомъ, уже ихъ внѣшность свидѣтельствуетъ о присущей имъ энергіи¹⁾.

Главный рынокъ въ пограничной полосѣ между племенами кюко и лунда есть городъ Кимбуанду, расположенный на высотѣ 1.230 метровъ, на лѣвомъ берегу реки Лу-Во, притокѣ Лу-Нга, большой рекѣ, текущей параллельно Кассаи. Въ 1876 году, Кимбуанду былъ большою деревнею, имѣвшей нѣсколько домовъ или навѣсовъ европейской постройки, принадлежащихъ португальскому купцу; однако, съ тѣхъ поръ торговля перемѣстилась далѣе въ направлѣніи къ р. Кассаи. По населенности Кимбуанду уступаетъ деревнямъ окружающихъ маленькихъ государствъ, служащимъ резиденціей ихъ мона, т.-е. начальниковъ.

Къ сѣверу отъ территоріи племени ба-куба, реки Кассаи и Лу-Нга протекаютъ чрезъ земли шенде, ба-конго и другихъ народцевъ разы банту, извѣстныхъ только по имени. Далѣе, по другую сторону р. Санкуру, проживаютъ ба-сонго мило, или «зубатые сонго», прозванные такъ по причинѣ подпиливанія ими всѣхъ рѣзцовъ. Народцевъ этихъ очень боятся, считая ихъ людоѣдами; однако, они отрицаютъ свое людоѣдство, и путешественникъ Wolf, посѣтившій ихъ въ 1886 году, не видѣлъ рѣшительно ничего, что бы могло оправдать взводимое на нихъ сосѣдями обвиненіе. Ба-сонга и ба-куту, живущіе ниже, прислѣяніи рекъ Санкуру и Кассаи,—высоки и стройны, чѣмъ рѣзко отличаются отъ людей племени ба-куба, которые коренасты, широкоплечи; ба-куту слытутъ негостепріимными, и купцы дѣлаютъ болѣе крюки, чтобы не проходить чрезъ ихъ территорію. Наконецъ, далѣе къ сѣверу, между реками Кассаи и Лу-Кенз, Kund и Tappenberg посѣтили туземцевъ ба-сенгэ, живущихъ весьма большими селами, съ улицами, длиною въ нѣсколько километровъ,

¹⁾ Capello e R. Jvens, „De Benguella as Terras de Jacca“.

¹⁾ Otto H. Schütt, „Beiträge zur Entdeckungsgeschichte Afrikas“ . Тет. IV.

обставленными домами со фронтонами, уютно устроенными, съ постелями и кухонными очагами. Нѣкоторыя изъ этихъ деревень, выстроеныя на расчищенныхъ изъ-подъ лѣса зем-

торсъ сравнительно короткій, поконится на длинныхъ ногахъ; волосы заплетены въ косы, обвитыя подъ подбородкомъ. Ба-сенгэ на кориѣ носа дѣлаютъ себѣ по три нарѣзки, чѣмъ и

Видъ Вальфишской (Китовой) бухты.

ляхъ, имѣютъ по нѣсколько тысячи жителей. Ба-сенгэ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивати ни съ ба-сонгэ, ни съ ба-сангэ, имѣютъ особый типъ, еще не встрѣчавшійся у другихъ чернокожихъ народовъ. Они высоки ростомъ;

ограничиваютъ свою татуировку; украшеніями гнушаются, и весь костюмъ ихъ состоитъ изъ узкаго передника. У многихъ изъ нихъ лица вполнѣ европейскія, и именно такихъ европейцевъ, которые предаются умственнымъ тру-

дамъ: яигдѣ не увидишь глупаго лица, но часто встрѣтишь физиономію саркастическую. Столица этого замѣчательнаго народа, называющаися, по имени короля, Га-коко, представляетьъ большой городъ, выстроенный, какъ и всѣ остальны, на полянѣ въ дѣственномъ лѣсу. Kund и Tappenbeck не нашли у ба-сэнгэ никакихъ слѣдовъ людѣства. Умершіе почитаются; погребаютъ ихъ у выхода изъ деревень, вдоль дорогъ¹⁾.

VIII. Бассейнъ Куанго.

Хотя эта рѣка принадлежитъ къ бассейну Кассан, она протекаетъ чрезъ область, совершенно отличную отъ страны Лунда по исторической роли. Извѣстная португальцамъ съ XVI-го столѣтія, Куанго есть истинная Запра, имя которой и понынѣ присвоено низовью рѣки. Тогда какъ края, орошаємы Кассан и ея восточными притоками, были завоеваны для географіи лишь въ новѣйшую эпоху, долина р. Куанго была посѣщаема, по крайней мѣрѣ въ ея средней части, уже въ теченіе трехъ столѣтій португальскими купцами, при чемъ ея рѣвки служили посредниками между приморскими городами и дикимъ населеніемъ внутри страны. Однако нижнее теченіе Куанго, въ португальскихъ владѣній, до недавниго времени терялось въ невѣдомыхъ странахъ.

Въ области истоковъ Куанго, господствующею расою является племя кюко, то самое, которое населяетъ верховья долины Кассан. Съвернѣе на обоихъ берегахъ рѣки, и къ западу на водораздѣлѣ между Куанго и притоками Куанзы, обитаетъ племя минунго. Раздѣленные на множество мелкихъ колѣнь безъ всякой политической связи, минунго—алчные грабители, обѣднѣвшіе отъ своихъ войнъ и мало склонные къ промысламъ, рослые и сильные, но неуклюжіе, съ тупымъ выраженіемъ лица; большинство ихъ продѣваютъ въ перегородку носа палочку или есть диковата, вслѣдствіе чего ноздри расширяются. Свои волосы они намазываютъ такимъ большими количествомъ масла, смѣшаннаго съ красною глиною, что, приближись къ нимъ, рискуешь замараться; но въ другихъ отношеніяхъ они содержатъ себѣ въ чистотѣ, и ихъ круглые хижини тщательно подметаются. Находясь подъ отдаленнымъ влияніемъ португальскихъ католиковъ, они не ограничиваются только одними фетишами въ видѣ грубоизѣченныхъ орловъ и быковъ, или старыхъ горшковъ, содержащихъ какія-то таинственная снаදобъя: они также почитаютъ покупаемые у португальскихъ торговцевъ деревянные или мѣдные кресты, и даже Распятія,

которыми и пользуются для освященія своихъ путей. Трупы своихъ королей они не погребаютъ, но оставляютъ подъ надзоромъ трехъ рабовъ, а сами удаляются для постройки, подъ руководствомъ нового начальника, новой деревни. Сидящіе же около умершихъ невольники обязаны тщательно собирать всѣхъ червей, падающихъ съ кипящаго ими трупа и класть ихъ въ сосудъ¹⁾; затѣмъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда отъ трупа остается лишь одинъ скелетъ, всѣ остатки бросаютъ въ кусты. То же самое продѣливается и у многихъ другихъ сосѣднихъ народцевъ, между прочимъ, у ма-шиндзѣ, обитающихъ на востокѣ отъ Куанго.

Нація, носящая имя ба-нгала—которое принадлежитъ также многимъ другимъ группамъ населенія въ Конгскомъ бассейнѣ—обитаетъ на западномъ склонѣ долины, внизу отъ большихъ пороговъ на рѣкѣ и отъ земли племени минунго. Эти ба-нгала, или «люди рѣки», живутъ земледѣліемъ, торговлею и, на берегахъ рѣки Луи, добываніемъ на солончакахъ соли; съ необыкновенною строгостью требуютъ они таможенныхъ пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ португальскими купцами. Находясь издавна въ союзеніяхъ съ португальцами, они умѣютъ строить обширные, хорошо провѣтряваемые, дома съ фронтонами и высокими крышами. Они погребаютъ своихъ начальниковъ съ большой пышностью и на ихъ костякахъ насыпаютъ курганы, вокругъ которыхъ прокладываются широкую дорогу, съ тою цѣлью, чтобы, при поджогѣ травы въ степи, огонь прошелъ бы мимо. Эти могильные холмы покрываются тканями и прежде опрыскивались кровью; нынѣ, для сопровожденія господина въ другую жизнь, уже не убиваютъ рабовъ, но главный начальникъ, родственникъ умершаго, долженъ бодрствовать подъ могилы. Наслѣдникомъ собѣ, или бангальскихъ главарей, всегда назначается старший сынъ старшей сестры, но онъ имѣть право лишь на имущество, власть же принадлежитъ часто другимъ. Яга или кассавжѣ, главный начальникъ племени ба-нгала, бываетъ обязанъ своей властью избранію не народа, а четырехъ главныхъ сановниковъ. Эти сановники не могутъ стать начальниками сами, а также не могутъ сдѣлать свой выборъ въ извѣстныхъ трехъ семействѣ; но, во время междуцарствій, имъ принадлежать знаки королевскаго достоинства, и они же произносятъ и тѣ таинственные слова, при посредствѣ которыхъ избранный начальникъ превращается въ божественное существо; по словамъ португальскихъ изслѣдователей данного края, эти избиратели, будто бы, подмѣщиваются въ напитокъ, даваемый ими по-

¹⁾ „Mitttheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“ 1883—1886.

) Schütt, упом. соч.—Lux, „Von Loandana nach Kimbundu“.

вому королю, какой-то тонкий ядъ, который исподволь подрывает здоровье яги и уносить его въ могилу ранѣе истечения полныхъ трехъ лѣтъ со временемъ избрания. Поэтому, вынѣшний государь, по получении скіпетра, надѣляющаго его властью, самовольно отложилъ всю остальную церемонію, удовлетворяясь тѣмъ, что стала властелиномъ на дѣлѣ, не будучи имъ вполнѣ по праву. Столица страны называется, равно какъ и главный начальникъ, Кассанжэ, но португальцы часто называютъ ее также «Фейра», т. е. мѣсто «ярмарки», на которой совершаются обмѣнъ между приморскими купцами и торговцами цлеменъ кюко и лунда. До 1860 года, португальцы, господствовали въ Кассанжэ, въ яга былъ ихъ вассаломъ, но въ этомъ году вспыхнулъ бунтъ; магазины были разграблены, и изъ двадцати одного купца съ болѣшимъ трудомъ спаслись отъ смерти только семеро. Впрочемъ, впослѣдствіи верховное главенство Португаліи было признано снова.

Къ сѣверу или къ востоку отъ края племени бангала, бассейнъ Куанго цѣликомъ занять такъ называемыми дикими племенами, имѣющими съ приморскими португальцами только косвенныя торговыя сношенія. Ма-шиндже восточнаго склона, говорящіе на нарѣчіи бантуту, едва лишь отличающемся отъ нарѣчія племени кюко, сходны съ ними также и вправами. Холло, проживающіе на полуостровѣ, ограниченномъ съ востока р. Куанго, а съ запада ея притокомъ, Камбо,—мирные земледѣльцы: въ 1880 году они весьма хорошо приняли путешественника Мехова, хотя старинные разсказы изображали ихъ страшными грабителями. Сѣверные кверху отъ водопадовъ, оба берега судоходной рѣки заселены племенемъ ма-якка, обыкновенно называемымъ муяту кіамво, т. е. «люди Кіамво», особы, пребывающей на небольшомъ восточномъ притокѣ рѣки: Кіамво извѣстенъ также и подъ титуломъ муэвѣ Путу Кассонго, и то же название носить и его столица, которая представляетъ скопленіе тысячи хижинъ, окаймляющихъ правильныя улицы и окруженнѣй общимъ высокимъ частоколомъ. Негры этого края, также какъ и ихъ западные сосѣди: баконго и чи-конго, помбо и пумбо—люди промышленные; вообще, по мѣрѣ удаленія отъ берега, гдѣ туземцы имѣютъ, однако, передъ глазами примѣръ бѣлыхъ, замѣчаешь, что хижинны строятся съ большою тщательностю, и что оружіе и инструменты находятся въ лучшемъ состояніи; этихъ туземцевъ сбзываютъ дикими, потому что они едва одѣты; но въ дѣйствительности они стоять выше приморскихъ населеній¹⁾, и это въ центрѣ материка, у ба-сенга, ту-шиланга, лунда,—которые до

недавнаго времени даже не слыхали объ европецахъ,—находятся самые цивилизованные люди. Ма-якка сдѣлались страстными курильщиками конопли. Они не вырываютъ и не подпиливаютъ себѣ верхнихъ рѣзцовъ, чтобы дѣлаютъ большинство прирѣчныхъ жителей Конго. Моды, которымъ слѣдуютъ на берегахъ Конго, имъ совершенно не извѣстны, такъ какъ между средней долиной Куанго и европейскими станціями Квамутъ и Стэнлі-пуль не существуетъ никакихъ торговыхъ сношеній. Собираемые ма-якка каучукъ и табакъ, будучи передаваемы отъ одного посредника къ другому, направляются прямо на зашадѣ, къ португальскимъ рынкамъ. Не имѣютъ ли эти якка какой-либо связи, потомственной или родственной, съ тѣмпиджагга, которые вѣкогда разрушили Конгскую имперію?

Въ области слѣянія рѣкъ Куанго и Кассаи, господствующее племя—ба-тѣкѣ, какъ и во французскихъ владѣніяхъ конгскаго бассейна; но въ этой области многія села принадлежать также другому народцу—уа-бума. Эти уа-бума, тѣ же самые, что и а-бома, обитающіе въ предѣлахъ французскаго Конго,—торговцы и лодочники, спускающіеся изъ Кассаи или Куа до Стэнліева пруда и передающіе свои товары носильщикамъ, доставляющимъ ихъ на вилловъя Конго; флотилии ихъ пирогъ причаливаютъ къ пристанямъ въ Кинишасса или въ другихъ деревняхъ вдоль Стэнліева озера, гдѣ у нихъ имѣются временные помѣщенія для остановокъ на берегу. Уа-бума, вмѣстѣ съ ба-игала привадлежать къ числу тѣхъ рѣдкихъ туземцевъ конгскаго бассейна, которыхъ европейцы успѣли пріобрѣсть къ своимъ трудамъ по водворенію самихъ себя въ странѣ; они умны, трудолюбивы, услужливы и всегда веселы; села ихъ кишатъ дѣтьми. Высший начальникъ у племени уа-бума—женщина; пребываетъ она на высокой кручь праваго берега р. Куа, въ городѣ Мбони, имѣющемъ около трехъ тысячъ жителей и состоящемъ изъ многочисленныхъ поселковъ, расположенныхъ другъ подъ друга на протяженіи, въ общемъ, пяти километровъ. На мысѣ, господствующемъ надъ слѣяніемъ двухъ большихъ рѣкъ, Кассаи и Конго, находится станція, носящая англійское название Квамутъ, или «устье Куа», данное въ то время, когда еще не знали, какое громадное рѣчное развѣтвленіе присоединяется въ этой мѣстности къ главному руслу Конго.

Станціи Нгомба, Луколела, Болобо, слѣдующія одна за другой на красноватыхъ утесахъ лѣваго берега рѣки, кверху отъ Квамута, были покинуты конгскимъ правительствомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ остаются еще часто посѣщаемыи пристанями. Этотъ берегъ между устьями рѣкъ У-Банги и Куа-

¹⁾ Wolf, „Mittheilungen der deutschen Africainischen Gesellschaft“. Томъ IV. 1883—1885.

Кассаи, насупротивъ многочисленныхъ притокъ, прорѣзывающихъ Французскій Конго, представляеть, повидимому, страну, самую населенную во всемъ бассейнѣ. Болобо, напримѣръ, вмѣстъ съ своимъ предмѣстіемъ Моуд, оказывается городомъ, имѣющимъ болѣе пяти тысячи жителей, а по Стэнли,—даже и десять тысячъ; расположенъ онъ вдоль рѣки и на склонахъ холма. Чумбира, въ пятнадцати километрахъ кверху отъ Квамута, — тоже многолюдный городъ. Прибрежную націю составляетъ племя ба-янзи или ба-ньянзи, родственное племени бу-бангіевъ, обитающему на противоположномъ берегу: въ городахъ обычай человѣческихъ жертвоприношеній, а также оргіи сдѣлали ихъ злыми, наглыми, склонными къ предательству, но нельзя не удивляться ихъ остроумію и живости, вкусу и искусству, съ которымъ они украшаютъ свои инструменты, горшечный паздѣлія и дома. Имѣя сами мало дѣтей, они часто усыновляютъ рабовъ, запечатлѣвая это нанесеніемъ на ихъ лица национального герба, состоящаго изъ ряда шишекъ, простирающихся поверхъ лба отъ одного до другого уха; они даже выдаютъ замужъ за этихъ невольниковъ своихъ собственныхъ женъ и дочерей. Въ противоположность имъ,aborигены края, ба-нуну и батенде, имѣютъ семейства гораздо болѣе многочисленныя¹⁾) Говорять, что около Болобо имѣются мѣсторожденія топазовъ²⁾.

IX. Низовья рѣки Конго.

Хотя «независимое» Конгское государство занимаетъ на картѣ обширное пространство, именно болѣе половины того рѣчного бассейна, отъ котораго оно заимствовало свое наименование, тѣмъ не менѣе торговая и политическая дѣятельность европейцевъ почти вся сосредоточена въ двухъ мѣстностяхъ: около Стэнлиева озера, кверху отъ водопадовъ и пороговъ, и на низовьяхъ Конго, между водопадомъ Іеллала и устьемъ Конгскаго лимана. Безъ сомнѣнія, конгская территорія громадна (пространство ея: 2.252.780 кв. километровъ), и занимающе ее населеніе (по новѣйшему приближительному исчислению, 14.100.000 душъ) равно превосходитъ въ населеніи могущественныхъ государствъ; однако, исчислить его можно, лишь опираясь на болѣе или менѣе согласующіяся впечатлѣнія путешественниковъ; что же касается бѣлыхъ, то они лишь едва ступили ногою на эту землю. Приготовительный періодъ будущаго присоединенія только-что начался; но правительство, на долю котораго выпала эта задача, располагаетъ лишь малоп-

¹⁾ Grenfell, „Proceedings of the R. Geographical Society“ 1885.—„Afrique explorée et civilisée“, Февраль 1885.

²⁾ Johnston, „The River Congo“.

численнымъ персоналомъ, къ тому же ежегодно еще уменьшающимся отъ болѣзней, а также не особенно значительнымъ бюджетомъ, обремененнымъ долгами. Къ 31 декабря 1886 г., общая численность европейскаго населенія въ Конгскомъ государствѣ достигала 254 человѣкъ (въ концѣ 1896 года насчитывалось 1.474 европейца, изъ нихъ 882 бельгійца), и вотъ въ этой-то небольшой кучѣ, разсѣянной по всей территории, несущей, при неиздоровомъ климатѣ, усиленные труды, и часто на одну десятую уменьшающей вслѣдствіе болѣзней¹), выпали на долю: географическое и торговое изслѣдованіе края, основаніе, содержаніе и защита постовъ, наборъ солдатъ, лодчиковъ и носильщиковъ, управление и умиротвореніе туземцевъ. (Изъ 254 человѣкъ бѣлага населенія Конго къ 31 декабря 1886 года было: португальцевъ, почти всѣ торговые агенты—70; бельгійцевъ, офицеровъ и чиновниковъ — 46; голландцевъ, негоціантовъ—39; англичанъ—34; разныхъ національностей: шведовъ, французовъ и т. д.—65). Первая половина труда—изслѣдованіе бассейна—съ успѣхомъ выполнена для большей части судоходного развѣтвленія рѣки и ея притокъ, и въ дѣлѣ географического познанія территории можно удивляться громадности результатовъ, достигнутыхъ съ 1875 года; но относительно остальной части задачи пришлось ограничить усилия низовьями Конго. Впрочемъ, пріобщеніе этихъ низовьевъ къ европейскому миру преслѣдуется сразу тремя государствами, такъ какъ свободное Конгское государство, на своей западной оконечности, владѣть лишь лѣвымъ берегомъ кверху отъ Маріанга и правымъ берегомъ вплоть до Но-ки, а затѣмъ сюзеренами являются на одномъ берегу Франція, а на другомъ—Португалія.

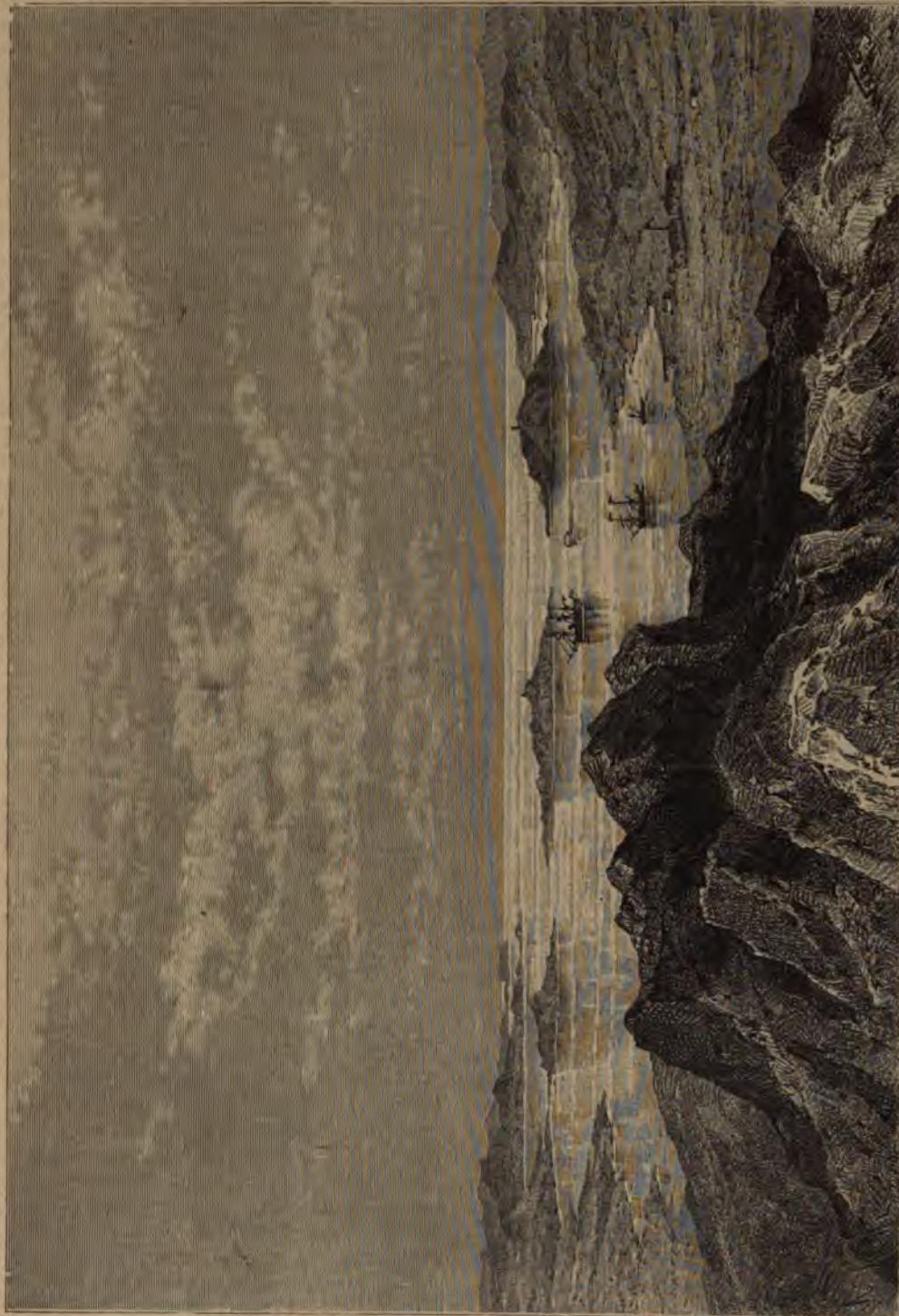
Берега Стэнли-Пуля (пруда или озера Стэнли), какъ и берега вверхъ по рѣкѣ населены народами ба-тэка, отнынѣ уже подвластными бѣлымъ; однако, еще недавно, остроги озера относились враждебно къ иностранцу²). Нигдѣ въ бассейнѣ Конго не совершилось перемѣнъ, столь быстрыхъ, какъ въ этой области, перемѣнъ, впрочемъ, оправдываемыхъ важнымъ значеніемъ Стэнли-Пуля, представляющаго общій привозный портъ для всѣхъ судоходныхъ путей вверхъ

¹⁾ Смертность: 1) въ миссіи Brazza въ 1884, 1885 и 1886 г. равнялась 12 человѣкъ изъ 41. (Ed. Ponel, рукоп. заметки). 2) Въ Конгской миссіи (Congo Island Mission): съ 1878 по 1885 гг. умерло 12 изъ 50 миссіонеровъ. 3) Шведовъ и датчанъ, служившихъ въ Международной Ассоціаціи до 1886 года, умерло 10 изъ 33. 4) Экспедиціи Ассоціаціи въ Бельгіи: съ 1879 по 1885 гг. изъ 263 парослыхъ 48 умершихъ, при чёмъ 25 вслѣдствіе случайностей.

²⁾ Comber, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Февраль 1884.

по рекѣ вплоть до сосѣдства съ озеромъ Танганыкою. Главный городъ этой области, Леопольдвилль, построенъ на плоскогорії, господствующемъ надъ западною оконечностью

ба-тэкѣ, оставшихся подъ верховнымъ покровительствомъ Франціи. Рядомъ съ Леопольдвиллемъ находятся казармы солдатъ изъ племенъ хаусса и ба-нгала и дома англійскихъ

Ангра-Пекена.

озера и тою грядою, которая заставляетъ Конго измѣнить свое направленіе; городъ этотъ находится также не подалеку отъ Нтамо, столицы тѣхъ ба-тэкѣ, которыхъ конг ское правительство отдало отъ сѣверныхъ

и американскихъ миссіонеровъ; вокругъ этихъ разсѣянныхъ зданій простираются плодовые сады и огороды, обрабатываемые работниками изъ кафровъ. Промышленная и торговая дѣятельность сосредоточивается въ особен-

ности на берегу озера, въ поселеніи Киншаса, служащемъ портомъ и верфью для Леопольдвилля; здѣсь главный рынокъ для мѣстныхъ продуктовъ, и здѣсь же собираются и снаряжаются тѣ пароходы, которые въ разобранномъ видѣ были принесены съ низовьевъ рѣки на спинѣ человѣка. Основались въ Киншассо, рядомъ съ торговцами, также и миссионеры. Наконецъ, около восточной оконечности озера, въ Кимпоко, создалась еще одна станція, въ одно и то же время религіозная и земледѣльческая, гдѣ водой ручья пользуются для орошенія и для промышленности. Вокругъ же этихъ европейскихъ поселеній группируются и туземная хижина. И вообще равнина, простирающаяся къ югу и ограничивающаяся полукругомъ горъ, густо населена, а изъ скопленія хижинъ въ Кимбанса, Лемба и Микунга создались настоящіе города. Schwerin прошелъ по этой равнинѣ и взбирался на вершину, высотой въ шестьсотъ метровъ, господствующую надъ равниной съ юга и названную никомъ-Мансъ (*le r e Meuse*), въ честь одного леопольдвилльского врача. Подобно Дуврскому-Утесамъ, на противоположномъ берегу Конго всѣ скалы упомянутаго цирка состоять изъ отвердѣвшаго, блестящей бѣлизны, песка и высятся въ видѣ утесовъ, унизанныхъ остроконечными вершинами¹⁾.

Клизу отъ озера Стэнли, тропинки, которыми слѣдуютъ носильщики, удаляются отъ рѣки, трохочущей между своими скалистыми стѣнами; большинство селъ расположено въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Конго, при чемъ они размѣстились либо въ боковыхъ долинахъ, либо на мысахъ прибрежныхъ холмовъ. Главный мѣста остановокъ на пути, огибающемъ водопады и пороги, находятся приблизительно на половинѣ дороги между Леопольдвиллемъ и Матади, въ мѣстности, гдѣ рѣка является менѣе быстрое теченіе между двумя главными лѣстницами пороговъ. Въ Лутетѣ—станція англійскихъ миссионеровъ, на лѣвомъ берегу рѣки—носильщики, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сelaхъ, иногда останавливаются на нѣсколько дней для отдыха и торговли; король ея—въ то же время крупный торговецъ, которому доставляютъ слоновую кость изъ Моала, города, расположенного восточнѣе, посреди банановыхъ рощъ, въ долинѣ Нкисси. Ниже Лутетѣ, по обѣ стороны рѣки, другъ противъ друга расположены два мѣстечка Маньянга; затѣмъ, на лѣвомъ берегу, слѣдуетъ станція Лукунгу, почва которой оказывается наиболѣе пригодною для опыта съ воздѣливаніемъ промышленныхъ растеній. Станція Лукунгу избрана правительствомъ Независимаго Конгскаго государства какъ

продовольственный центръ между Леопольдвиллемъ и столицею. Ниже, на томъ же берегу, находится станція Воонда или Ваунесвилль, основанная миссионерами. Верхняя долина рѣки Куилу представляетъ одну изъ наиболѣе плодородныхъ и населенныхъ долинъ данной области и заключаетъ въ себѣ два города: Банза-Макута и Тунгуга. Первый изъ нихъ, мѣстопребываніе короля,—мануфактурный и торговый городъ, главный рынокъ между озеромъ Стэнли и Амбразомъ; Тунгуга, состѣдъ Банза-Макута,—тоже большой рынокъ слоновой кости; это—самое многочисленное мѣстечко на всемъ Конгскомъ Низовыи (около двухъ тысячъ жителей)¹⁾.

Въ той части долины р. Конго, которая заключается между станціею Маньянга и городомъ Бона, господствующимъ, къ сѣверу отъ рѣки, племенемъ являются ба-сунди. энергические и гордые люди, считающіе себя не ниже бѣлыи и часто сражавшіеся противъ войска Конгскаго государства. Многочисленны деревни ихъ скучены на берегахъ рѣки, благодаря привлекающему жителей обилию рыбы въ водоахъ между порогами и водопадами. Оба берега рѣки на протяженіи между Маньянга и Изангила населены рыбаками, работающими преимущественно по ночамъ, при чемъ зажженные на пѣвѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга громадные огни отражаются въ быстрыхъ рѣки, освѣщающей черные образы людей и сѣти, отливающія серебристымъ отблескомъ чешуи рыбъ. Рыбная ловля, а порою и война—вотъ единственная занятія мужчинъ племени ба-сунди. Женщины же воздѣливаютъ поля, ткѣтъ матеріи, плетутъ корзины, лѣпятъ горшечныя издѣлія, и на нихъ же лежитъ продажа и покупка товаровъ. Какъ торговки, они весьма умѣлы, и, благодаря имъ, пойманная мужчинами рыба отправляется на большія разстоянія къ племенамъ Внутренней Африки. Главный рынокъ въ этой области Низовьевъ Конго находится на правомъ берегу рѣки въ сосѣдствѣ съ Маньянга: это наиболѣе посѣщаемый между Стэнли-Пулемъ и моремъ рынокъ для мѣновой торговли; выше по Конгской долинѣ купцы изъ приморскихъ негровъ уже не поднимаются. Сходятся на торгъ въ Маньянга изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, даже за нѣсколько дней пути; при этомъ, самый торгъ бываетъ каждый восьмой день, такъ какъ у конгскихъ племенъ, вплоть до края племени ба-янзи²⁾, годъ дѣлится не на мѣсяцы и недѣли, но на луны и на періоды времени по четыре дня въ каждомъ. Между двумя торговыми, слѣдовательно, проходитъ два такихъ періода³⁾.

¹⁾ Comber, "Proceedings of the R. Geographical Society", April 1879.

²⁾ Wester, "Ymer" 1876.

³⁾ Nipperday, "Zur Bedeutung der Wochenm rkte am Congo". "Revue Coloniale Internationale". 1887.

Станція Изангала, окруженнія стѣнами п рвами, помѣщается на вершинѣ высокой горы, подошва которой подтачивается теченіемъ р. Конго. Въ этой мѣстности рѣка низвергается вертикально съ высоты приблизительно пяти метровъ, затѣмъ описываетъ большую излучину къ югу, чтобы рядомъ ушелій спуститься по послѣднимъ ступенямъ пороговъ; кромѣ того, долина рѣки Лу-фу направляется на юго-востокъ, къ плоскогорью, на которомъ стоитъ Санть-Сальгадоръ, бывшая столица Конгскаго королевства; а въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу, начинаются овраги, несущіе свои временные потоки уже въ русло рѣки Ши-Лоанго. Такимъ образомъ, Изангала представляетъ одну изъ наиболѣе выбранныхъ станцій въ предвидѣніи будущей торговли, но, пока, она еще ожидаетъ дорогъ, которыя связали бы ее съ другими прибрежными постами на Конго, а также и съ приморскими городами: Кабиндою, Ланданою и Loango.

Другая станція, Виви или М'Виви, бывшая столицей Независимаго Конгскаго государства, была покинута, послѣ двукратнаго перемѣщенія: первоначально, для мѣстопребыванія правительства, Станци избралъ вершину плоскогорія, которое, господствуя надъ правымъ берегомъ рѣки, находится на небольшомъ разстояніи книзу отъ послѣдняго порога; онъ надѣялся, что высота мѣста обезпечитъ европейской станціи чистый и здоровый воздухъ; однако, опытъ не оправдалъ этого ожиданія, и европейскіе чиновники основали себѣ другую резиденцію восточнѣе, на другомъ болѣе широкомъ возвышеніи, менѣе каменистомъ и болѣе подходящемъ для постройки города. Однако же, и второй Виви оказался не здоровѣе первого, представляя въ то же время одинаковое съ первымъ неудобство въ томъ отношеніи, что находился на большой высотѣ надъ портомъ, къ которому суда приставали не безъ опасности, вслѣдствіе водоворотовъ и стремительности рѣчного потока. Такимъ образомъ, подобно первой, опустѣла и вторая столица. Но если правительство Конгскаго государства и было вынуждено переселиться къ низовью рѣки, то мѣстность, гдѣ начинается судоходное теченіе Нижнаго Конго, чтобы безпрепятственно продолжаться уже вплоть до моря, представляеть жизненный пунктъ, слишкомъ важный въ исторической географіи континента, чтобы тамъ не основались многочисленныя посты, скромные начатки будущихъ городовъ. Первую станцію на лѣвомъ берегу, книзу отъ водопада Іеллала, недавно былъ портъ Мпозо (т. е. «буйвол»), при устьѣ одноименной съ нимъ рѣки, текущей изъ португальскихъ владѣній; но въ этой мѣстности теченіе еще весьма стремительно для того, чтобы парохо-

ды могли подниматься туда легко; поэтому, большая часть судовъ останавливается въ портѣ Матади (т. е. «камня»), тоже расположенному на лѣвомъ берегу рѣки, книзу отъ водоворота около старого Виви. Затѣмъ, на томъ же берегу слѣдуютъ одинъ за другимъ посты Фука-Фука, Нкала-Нкала, портъ стана миссіонеровъ, называемаго Тундува или Ундерхилль, Уанго-Уанго и Ноки, маленький португальскій городокъ съ бѣлыми домами, насупротивъ Нконго. Затѣмъ, на южной сторонѣ рѣки — факторіи Муссеко, а на сѣверной — факторіи Мбинга, расположились между Ноки и Бома (М'бома, Эмбома), новымъ главнымъ городомъ Независимаго Конгскаго государства.

Бома, городъ «великой змы» или «ужаса»¹⁾, бывшій главнымъ невольничимъ рынкомъ для всей области Запры, еще до 1876 года не былъ переиденъ европейскими купцами. Это двойной городъ, состоящій изъ «гавани» и «мѣстечка», соединенныхъ другъ съ другомъ двумя дорогами: обыкновенною и желѣзною легкой постройки. Бургъ, воззышающійся метровъ на сто надъ правымъ берегомъ рѣки, на видъ весьма красивъ, съ его бѣлыми домами и галереями, садами и плантациями деревьевъ и большихъ баобабовъ въ окрестностяхъ. Внизу, хижины чернокожихъ тѣснятся вокругъ факторій различныхъ европейскихъ национальностей: девять туземцевъ, носящихъ еще титулъ короля и охраняющихъ себя отъ черніи посредствомъ самого строгаго этикета, хотя, подобно своимъ подданнымъ, и питаются шикуангомъ, или хлѣбомъ изъ маніока, но, тѣмъ не менѣе, все еще претендуютъ на право владѣнія бомскими землями, и каждый мѣсяцъ являются въ факторіи за получениемъ «обычнаго», т. е. арендной платы²⁾. Плантации сахарного тростника окаймляютъ одну часть берега, а на самой рѣкѣ разсыпано нѣсколько острововъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ находится много деревень, полей земляныхъ фисташекъ и пальмовыхъ рощицъ: отсюда поставляется для Бома и весь дровянной лѣсъ; но вообще воздѣлываніе «нищевыхъ растений» въ большомъ небреженіи, такъ что случаются настоящія голодашки, и туземцы вынуждены есть мясо гипопотама, которымъ прежде брезговали. На одномъ изъ острововъ вверхъ по рѣкѣ, именно на Острѣ Государей, находятся могилы бомскихъ королей, а также могилы сотоварщицъ Тискейя, умершихъ во время бѣдственной экспедиціи 1816 г. Самое мѣстоположеніе этой столицы, на Конгскомъ лиманѣ, при входѣ на громадную территорію, простирающуюся вплоть до великихъ озеръ, указываетъ на нахожденіе жизненнаго центра имперіи все еще

¹⁾ Paul Gussfeldt: — Bastiou, цитиров. сочиненія.

²⁾ Trivier, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“ 1896 — 1897.

по сю сторону области водопадовъ и пороговъ. Правда, что Бома, какъ въкогда Петербургъ, городъ Петра Великаго, долженъ стремиться, прежде всего, не къ занятію политического центра своихъ владѣній, но къ тому, чтобы оставаться въ частыхъ и легкихъ сношеніяхъ съ Европою, откуда къ нему приходить люди, финансовые ресурсы, новости и цивилизациѣ.

Сношения Конгскихъ портовъ съ Европою уже часты и теперь: пять пароходныхъ линій поддерживаютъ правильное сообщеніе между рѣкою Конго и городами: Лиссабономъ, Ливерпулемъ, Гуллемъ, Роттердамомъ и Гамбургомъ. На самой р. Конго пароходы ходятъ взадъ и впередъ между Баваною и Матади; затѣмъ, нѣсколько пароходовъ, перенесенныхъ въ разобранномъ видѣ, плаваютъ кверху стъ пороговъ; но между Матади и Стэнли-Пулемъ, располагаются только носильщиками для экспедиціи товаровъ, при чемъ на путь между этими пунктами, протяженіемъ въ 280 километровъ, приходится тратить восемнадцать дней, а стоимость переноса одной тонны достигаетъ тысячи франковъ¹⁾). Пытались разводить выючныхъ быковъ, выведенныхъ изъ Моссамедеса и области Дама-ра, но до сихъ поръ бычачья порода не акклиматизировалась лучше породъ лошадиной и ослиной; стада въ факторіяхъ большою частью погибаютъ къ концу сухаго времени года. Было бы, следовательно, безусловно необходимо соединить обѣ судоходныя части Конго; необходимость этого великаго дѣла сознана уже со времени совершенного Стэнли перехода, вдоль Конго, черезъ материкъ Африки, но пока оказалось возможнымъ выполнить лишь одни предварительныя изысканія. Если бы область низовьевъ Конго принадлежала не нѣсколькимъ государствамъ, то, конечно, желѣзный путь былъ бы проведенъ по сѣверному берегу. Начинаясь отъ города Бома, столицы, желѣзная дорога могла бы направляться почти по прямой линіи къ сѣверо-востоку, слѣдя по водораздѣлу между короткими притоками Конго и водами, несущимися къ Ши-Лоанго и къ Няди-Куилу; но въ такомъ случаѣ путь долженъ былъ бы пройти чрезъ территоію, присоединенную къ французскимъ владѣніямъ, и конечною станцію явился бы постъ Брацлавиль, на озерѣ Стэнли, если бы мостъ — устроенный, согласно предположенію Glenfell'я, чрезъ которое-нибудь изъ узкихъ ущельевъ въ области пороговъ — не перевелъ бы пути на лѣвый берегъ Конго, книзу отъ города Маньянга. А такъ какъ Конгское государство желаетъ, чтобы проникающая чрезъ его владѣнія линія всецѣло находилась на его территоії, то оно и благопріятствуетъ въ осо-

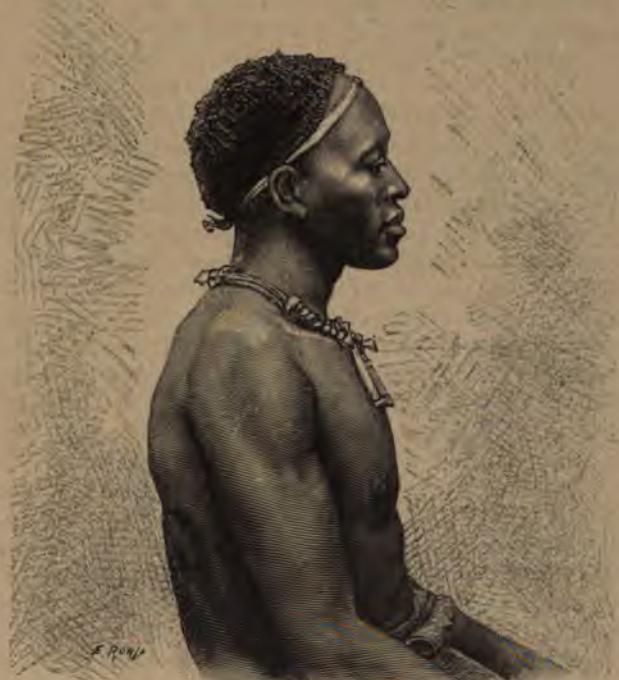
бенности направленію дороги по лѣвому берегу, отъ Матади, около португальской границы, къ станціи Киншасса, кверху отъ пороговъ и водопадовъ. При этомъ направленіи, которое, впрочемъ, обслѣдовано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, предполагая, что желѣзный путь будетъ имѣть ту же длину, какъ тропа носильщиковъ, средній подъемъ его выразился бы уклономъ меньшимъ даже, чѣмъ одинъ метръ на километръ; но то, что известно о мѣстностяхъ, чрезъ которыхъ должна бы была пройти желѣзная дорога, не позволяетъ надѣяться на возможность осуществленія столь постепеннаго поднятія въ гору. Весьма дорого бы стоило проведеніе линіи вдоль всѣхъ рѣзкихъ поворотовъ и крутыхъ гранитныхъ выступовъ берега рѣки, и еще дороже обошлись бы, при удаленіи пути отъ берега, послѣдовательный подъемъ и спускъ чрезъ всѣ промежуточные кряжи, раздѣляющіе глубокія параллельныя долины, врѣзывающіяся къ толщу плоскогорія. Такимъ образомъ, построеніе желѣзного пути было бы крайне затруднено, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, пришлось бы привозить издалека и рабочихъ, именно съ Нигера и Сенегамбія. Къ затрудненіямъ техническаго характера присоединились бы, слѣдовательно, трудности акклиматизаціи всего чужеземнаго, бѣлаго и чернаго, рабочаго персонала. Затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ: возмѣстились ли бы, при нынѣшихъ условіяхъ, увеличеніемъ торговли тѣ значительныя затраты, которые пришлось бы сдѣлать для постройки желѣзной дороги? А между тѣмъ, если желѣзный путь проложенъ не будетъ, то «все Конгское государство, какъ бы ни были необъятны его богатства, не стоитъ и двушилинговой монеты». Такъ выразился Стэнли, первый изслѣдователь Конго¹⁾). Будущей концессіонерной компаніи обеспечены большія выгоды. Государство дарить полтораста тысяч гектаровъ земли въ видѣ, во-первыхъ, полосы въ двѣсти метровъ съ каждой стороны рельсовъ и, во-вторыхъ, въ правъ избрания гдѣ угодно въ территоії по полторы тысячи гектаровъ на километръ пути. Зараже, такимъ образомъ, вводится въ краѣ такое земельное устройство, которое покоятся на крупной собственности. Что же касается торговли, то она уже monopolизирована нѣсколькими большими компаніями, встрѣчающими, однако, себѣ истинныхъ соперниковъ между мелкими негрскими королями низовьевъ Конго, располагающими даровымъ трудомъ своихъ многочисленныхъ рабовъ. Теперь строится желѣзная дорога, соединяющая Матади съ Идоло, близъ о. Стэнли-Пуль. Длина всей линіи будетъ 385 километровъ, изъ которыхъ къ 1 августа 1897 г. были готовы 264 километра.*

¹⁾ "Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschapte Amsterdam". 9 октября 1886.

¹⁾ "Proceedings of the R. Geographical Society". Октябрь 1886.

Книзу отъ Бома, главная станція нижняго лимана носить португальское наименование: Понта-да-Ленъя, т. е. «Лѣсной Мысъ», хотя станція и расположена не на одномъ изъ прибрежныхъ полуострововъ, а на островѣ. Она названа такъ по причинѣ густаго лѣса, въ которомъ топоръ проложилъ широкія просѣки для факторій; рощи апельсинъ—весма цѣнящагося плода—замѣнили уже дикія деревья вокругъ прибрежныхъ складовъ. Выше, по лиману островъ Матеба уступленъ одному промышленнику, который вывозитъ оттуда кукурузу, фисташки и табакъ; но недавно у него начались распри съ туземцами му-соронго по вопросу о задѣльной платѣ, и онъ сжегъ ихъ три деревни. Книзу отъ Понта-да-Ленъя,—которую мало-по-малу размываетъ рѣчной потокъ,—нѣть

ду, сильная калема разрѣзала полуостровъ на-двоє: голландскимъ торговцамъ пришлось поспѣшино заполнять размытъ барками, нагруженными камнями¹⁾). Портъ, по глубинѣ достаточный для самыхъ большихъ кораблей, образованъ русломъ самой рѣки и защищенъ отъ западныхъ вѣтровъ длиною Бананской стрѣлкою, усыпаною бѣлыми домами. Европейское населеніе Бананы къ 31 дек. 1886 года равнялось 85 человѣкамъ, изъ которыхъ голландцевъ было 30, португальцевъ 18 и т. д. Такъ какъ внутренность Конгскаго государства еще не связана желѣзною дорогою съ другими приморскими областями, то въ портъ Банана сосредоточивается почти все торговое движение, при чемъ привозъ и вывозъ товаровъ оцѣнивается приблизительно въ сорокъ миллио-

ТИПЪ ПЛЕМЕНИ КАКОНГО.

болѣе европейскихъ плантацій вплоть до входа въ заливъ, до города Банана. Этотъ городъ—неудачно названный, такъ какъ около него не видно ни одной банановой рощицы—находится уже на конечномъ полуостровѣ праваго берега, между моремъ и входомъ въ лиманъ. Здѣсь голландскія факторіи, самыя важныя во всей области Конго,—ближайшія къ мысу полуострова; далѣе, по направлению къ лѣсу, слѣдуютъ остальные торговыя поселенія: французскія, англійскія и португальскія; факторіи же, основанныя государствомъ Конго, находятся посрединѣ полуострова. Отъ размыванія берегъ и постройки защищены сваями; тѣмъ не менѣе, во время бурь случается, что почва Бананы покрывается лужами; такъ, въ 1872 го-

дь, изъ которыхъ около пятнадцати приходится на долю вывоза; главнымъ образомъ вывозится: каучукъ, слоновая кость и пальмовое масло и орѣхи. Изъ предметовъ ввоза половину составляетъ болѣе или менѣе неподѣльная водка.

Торговая дѣятельность трехъ станцій: Бананы, Понта-да-Ленъя и Бомы, существовавшихъ еще до изслѣдованія Конго Станли, учетверилась со времени этого географическаго события. Передовыя станціи, основанныя внутри области, увеличили притягательную силу европейскихъ факторій; кромѣ того, прибытие и

¹⁾ Chavanne, „Reisen und Forschungen im altem und neuen Kongo-Staate“.

отбытіе на берега Конго бѣлыхъ: чиновниковъ, миссіонеровъ и купцовъ создало, помимо торговли съ негрскими населеніями, также и специальное торговое движение. Это для нихъ, для бѣлыхъ, ходить посыльщики, строятся суда, дѣйствуетъ почта. Почтовое движение въ 1896 году выразилось такимъ образомъ: внутренняя корреспонденція—74.526, а международная—207.156 писемъ закрытыхъ и открытыхъ. Конгскіе негры, несмотря на свою склонность къ торговлѣ, по обычаямъ настолько разнятся отъ посѣщающихъ ихъ бѣлыхъ, что всѣ попытки ввести монету, какъ мѣновой знакъ, нигдѣ не удались, кроме Бананы и Бомы¹⁾; негры отвергаютъ деньги, берутъ же исключительно либо товары, либо удостовѣренія (муканда) о будущей уплатѣ²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ Бельгіи недавно отчеканили новую монету для надобностей конголезцевъ, соотвѣтствующую монетѣ латинскаго монетнаго союза (декретомъ короля Леопольда отъ 27 июля 1887 г. введена французская валюта).

Къ сѣверу отъ Банана, на той части берега, которая принадлежитъ Конгскому государству, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько прекрасныхъ плантаций; между ними находится плантациія Моанды и Виста, славящіяся своими манговыми деревьями: такъ, изъ Висты ежегодно вывозится около тридцати тоннъ приносимаго этимъ деревомъ плода, — мангі. Плантациія Виста служить также дачною мѣстностью для бананскихъ жителей. Затѣмъ, на ней, какъ и на Моандѣ, разводятъ большія стада воловъ для доставленія мяса бѣлымъ, проживающимъ на визовьяхъ Конго. Внутрення области, т. е. Конго и Нгуао, извѣстны весьма мало; со временемъ миссіонеровъ XVIII вѣка, Schwerin былъ единственнымъ путешественникомъ, проникшимъ въ край, простирающійся къ сѣверу отъ Конгскаго лимана. А между тѣмъ край этотъ принадлежитъ самыемъ плодоноснымъ странамъ и усыпанъ деревнями, которая по своей обширности могли бы быть названы городами; таковы: Чимь-Буанда, которую называютъ Томбукту области Нгуао; Конго-Сонго, старая столица, окруженнага лѣсами-фетишами; Н'Леллэ—славящаяся горшечными издѣліями; Чоа, вокругъ которой поля фасоли простираются такъ далеко, что теряются изъ вида³⁾.

Конгское правительство было прозвано туземцами «Була Матади»; также называли и самого Станли. Такое наименование—обозначающее собственно «разбивающій камни», и происхожденіе котораго объясняется молотами и пороховыми минами, къ которымъ Станли прибѣгалъ для взрыванія скаль, мѣшавшихъ

ему двигаться далѣе,—удержалось и впослѣдствіи, какъ символическое выраженіе, впослѣдствіе непреклонной волей первого управляющаго Африканской Международной Ассоції; впослѣдствіи, отъ Станли оно перешло къ его преемникамъ, чиновникамъ Конгскаго государства и, наконецъ, ко всему королевству¹⁾. Извѣстно, что бельгійскій король, покровитель большинства изслѣдователей, которые отправлялись послѣ Станли въ области Конгскаго бассейна, кончилъ тѣмъ, что перемѣнилъ свой титулъ протектора Ассоціаціи на титулъ державнаго короля Конго. Прежний президентъ общества людей, принадлежащихъ ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ, сдѣлался главою африканскаго государства, которое официально считается непимѣющимъ никакого исключительнаго отношенія къ бельгійскому королевству: соединеніе двухъ коронъ есть чисто личная упія. Между тѣмъ, въ силу вещей, оказывается, что во многихъ отношеніяхъ новое государство,—бывъ прежде, подъ управлениемъ Станли, почти англійскимъ,—очутилось нынѣ въ зависимости отъ Бельгіи; такъ, три главныхъ администратора: внутреннихъ дѣлъ, финансъ и иностраннѣхъ дѣлъ, составляющіе при королѣ конгское министерство,—бельгійцы; изъ бельгійцевъ же состоитъ большая часть другихъ чиновниковъ, управляющихъ Конгскимъ государствомъ, либо пребываю на станціи береговъ рѣки, либо даже и не покидая Брюсселя; равнымъ образомъ, и офицеры, начальствующіе различными службами, взяты изъ бельгійской арміи; общества, образующіяся для пользованія естественными богатствами Конго, имѣютъ свое пребываніе въ Бельгіи; вопросы о налогахъ и лотерсихъ, относящихся до бюджета нового государства, обсуждаются въ бельгійскомъ парламентѣ; а въ конвенціи съ Франціею, присоединеніе Конго къ Бельгіи уже прямо предвидѣно. Мало-по-малу на Конго начинаютъ смотрѣть не какъ на колонію для бельгійскихъ переселенцевъ—чего, за исключеніемъ, быть-можетъ, нѣсколькоихъ внутреннихъ округовъ, не дозволяетъ климатъ,—но какъ на мѣсто быстраго движенія по службѣ для молодыхъ бельгійцевъ, принадлежащихъ къ арміи, администраціи, къ торговому миру. Даже католическая миссія, прежде управлявшаяся французскими священниками, нынѣ, чрезъ посредство духовныхъ властей Мехельнской епархіи, зависятъ отъ Бельгіи.²⁾ Король передаетъ, послѣ своей смерти, Бельгіи всѣ свои державные права на независимое государство Конго, по завѣщанію отъ 2 августа 1899 г.; конвенція, заключенная 3 июля 1890 г. между государствомъ Конго и Бельгіей, обеспечиваетъ послѣдней право присоединить къ своимъ вла-

¹⁾ Coquillat, рукоп. замѣтки.

²⁾ Nipperdey, упом. отчетъ.

³⁾ „Mouvement Géographique“, 19 июня 1887.

¹⁾ Oscar Lenz, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“. Январь, 1887.

дѣніямъ это государство, по истеченіи десяти лѣтъ, со всѣмъ имуществою, правами, пре-имуществами и обязательствами, присвоенными его державности; территорія государства объявлены неотчуждаемыми приписью отъ 21 іюля 1890 г. къ сказанному духовному завѣщанію*.

Конгскимъ государствомъ на мѣстѣ управляетъ генераль-губернаторъ, при содѣйствіи совѣщательного комитета, состоящаго изъ инспектора, секретаря, аппеляціоннаго суды и одного или нѣсколькихъ директоровъ, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ; въ случаѣ отсутствія генераль-губернатора, его замѣняетъ главный инспекторъ. Знамя новаго государства—то же самое, какое было и у древней туземной Конской имперіи: золотая звѣзда по голубому полю¹). Офиціальный языкъ—французскій. Территорія дѣлится на округа, во главѣ которыхъ поставлены специальные комиссары, обязанные поддерживать общественной порядокъ и располагающіе военною силой государства, состоящею (1895 г.) изъ 6.120 человѣкъ, не считая европейскихъ кадровъ. Продажа усовершенствованнаго оружія туземцамъ строго воспрещена. Войсками и флотилію изъ двадцати паровыхъ судовъ командуютъ бельгійскіе офицеры. До недавниго времени большая часть негровъ, употреблявшихся для службы агентами новаго государства, были чужеземцы: хаусса, крумены, даже зулусы изъ Наталя; ввезены были въ страну также и нѣсколько китайцевъ. Чиновники не покупаютъ рабовъ, хотя и пользуются трудомъ негровъ, нанимаемыхъ на нѣсколько лѣтъ; они не вмѣшиваются въ отношенія между начальниками племенъ и ихъ пѣнниками съ цѣлью возстановленія ихъ свободы, и даже побояются союзнымъ царькамъ при отысканіи бѣжавшихъ рабовъ²); однако, собственникамъ факторій предложено было освободить своихъ рабовъ, и большая часть послѣднихъ остались изъ качествѣ служащихъ на жалованіи у своихъ господъ, купившихъ ихъ въ былое время³). Благодаря трактатамъ, заключеннымъ съ туземцами, Конское государство владѣть обширными собственными землями, которая уже и кадастрируются, по крайней мѣрѣ въ той части страны, которая находится книзу отъ водопадовъ и пороговъ⁴). Но эти земельныя имущества (домены) еще мало приносятъ дохода, и

¹⁾ Moynier, „Academie des Sciences morales et politiques“. Засѣданіе 20 авр. 1887.

²⁾ Fr. de Winton, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Октябрь 1886.

³⁾ Chavannes, „Reisen u. Forschungen im alten u. neuen Kongo-Staate“.

⁴⁾ „Mouvement Géographique“. 30 авр. 1887.

бюджетъ въ значительной части пополняется ежегодными авансами, дѣлаемыми государствомъ. Доходы государства составляются изъ сборовъ: за регистрацію, почтовыхъ и изъ небольшихъ пошлинъ съ вывозимыхъ предметовъ; на ввозимые же товары нельзѧ, въ силу международныхъ конвенцій, налагать никакихъ пошлинъ, а когда на берлинской конференціи было сдѣлано предложеніе о воспрещеніи въ бассейнѣ Нигера торговли водкой, то—чтобы не нанести ущерба интересамъ гамбургскихъ купцовъ—этотъ назойливый вопросъ поспѣшили устранить* (съ 1892 г. въ государствѣ Конго снова введена ввозная пошлина). Бюджетъ 1897 г.: приходъ—9.369.300 фр. (въ томъ числѣ: авансъ бельг. казны—2.000.000, взносъ короля—1.000.000, таможенный сборъ—2.020.000, доходъ отъ доменовъ, подати и налоги натурой—3.500.000 фр.); расходы—10.141.871 фр.*

Въ настоящее время дѣло идетъ о созданіи для новаго Конского государства нормального бюджета при посредствѣ займа въ сто пятьдесятъ миллионовъ, который позволилъ бы ожидать того времени, когда—благодаря постройкѣ дорогъ, плантаций и промышленнѣй предпріятій—будутъ, такъ сказать, вызваны къ жизни ресурсы самой страны. Области, орошаемыя Заирою, получили наименование Африканской Индіи, но трудъ еще не вызвалъ къ жизни спящихъ богатствъ этой Индіи. Конечно, они хранятся въ запасѣ внутри Африки, но еще далеко неизвѣстны въ цѣломъ. Однако, были уже попытки составить имъ инвентарь. Такъ, Стэнли считаетъ, что въ области Конго живѣтъ двѣsti тысячъ слоновъ, раздѣленныхъ на пятнадцать тысячъ стадъ; если же, въ среднемъ, бивни каждого слона вѣсятъ двадцать пять килограммовъ, то, слѣдовательно, имущество государства, въ видѣ слоновой кости, представляетъ цѣнность въ 125 миллионовъ франковъ! Но, что бы ни говорили, продажа слоновой кости не увеличилась со времена открытия Конского бассейна для европейской торговли, и даже нѣсколько уменьшилась, такъ какъ охотникамъ приходится все дальше и дальше углубляться въ лѣса. Такъ, по Vestendorg'u, изъ Конго вывезено слоновой кости въ килограммахъ: съ 1875 до 1879 г.—441.000, а съ 1879 до 1884 г.—421.000; стоимость же послѣднаго количества равнялась пятнадцати миллионамъ франковъ (въ 1896 г. слоновой кости вывезено на сумму 4.853.000 франк.). Впрочемъ, эти мелкие вопросы, касающіеся торговли, маловажны въ сравненіи съ капитальнымъ фактотъ открытия цѣлаго материка и введенія въ мірь исторіи цѣлой расы людей, прежде невѣдомыхъ.

Глава V.

Ангола, отъ рѣки Конго до рѣки Кунэнэ.

Побережье Африки, простирающееся к югу отъ Заиры, стало считаться принадлежащимъ португальскому королевству съ того времени, когда португальские изслѣдователи перешли экваторъ, а Діого Камъ положилъ въ 1485 году къ югу отъ Конгского лимана камень, въ знакъ овладѣнія данною землею, и съ 1574 года, со времени основанія небольшой лузитанской колоніи на островѣ Лоанда, сношенія между Лиссабономъ и берегомъ Анголы уже не прекращались никогда. Впервые на Ангольскій берегъ вступили семьсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Пауло Діаза, внука того Діаза, который открылъ мысъ Доброй Надежды; но семь бѣлыхъ основались лишь 21 годъ спустя, послѣ прибытія первыхъ португалокъ. Тогда какъ во многихъ вновь открытыхъ странахъ проходили поколѣнія безъ того, чтобы за первымъ появленіемъ бѣлыхъ слѣдовало дѣйствительное господство ихъ надъ туземцами,— португальцы, въ этой области поморья, не переставали имѣть болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ вѣковъ, если не подвластныхъ имъ народовъ, то, по крайней мѣрѣ, племена союзныя. Даже въ 1641 году, когда голландцы завладѣли было приморскими портами, португальцы все-таки оставались въ краѣ, поддерживая этимъ преданіе о прежнемъ сузеренитетѣ муаты Поту, т. е. «португальскаго короля», или скорѣе, муэнъ Мпоту, т. е. «короли моря»¹⁾). Впрочемъ, имъ не пришлось долго ждать, такъ какъ прибывшая вскорѣ изъ Бразилии эскадра отвоевала у голландцевъ эту колонію обратно.

Начальными пунктами для колонизаціи португальцевъ, ватурально, служили мѣста якорныхъ стоянокъ. Отсюда ихъ могущество постепенно распространялось вглубь страны, и несмотря на альтернативы успѣховъ и неудачъ, движенія впередъ и отступленія, вливаніе португальцевъ, представителей европейской цивилизации, въ концѣ концовъ, проникло чрезъ горы и плоскогорія гораздо далѣе, чѣмъ въ низменности, по которой протекаетъ Конго. Это объясняется тѣмъ, что сообщенія отъ племени къ племени были гораздо легче на склонахъ и на высокихъ равнинахъ юга, чѣмъ въ узкомъ ущельѣ съ клокочущими водопадами и порогами на протяженіи рѣчного потока Конго.

Правда, путешествіе Стэнли круто измѣнило существовавшее на материкѣ равновѣсіе, и нынѣ уже въ областяхъ Конгскаго рѣчного бассейна совершаются главная открытия, и подготавляются великія событія общественнаго и политического преобразованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и Португалия, почувствовавшая уколъ своему самолюбию, удвоила свои усилия въ дѣлѣ познанія той обширной области, которая выпала на ея долю, и которую отныне ей обезпечили международные договоры; недавнія путешествія Capello и Ivens'a, а также Serga Pinto, свидѣтельствуютъ о той важности, которую португальцы придаютъ изслѣдованію ихъ великой африканской колоніи; въ значительной степени географическому изученію Анголы содѣйствуютъ также и американскіе миссіонеры, поселившіеся въ Бихѣ. Только до лѣтаго берега Куанго, и не бера въ разсчетъ небольшой провинціи, которая находится къ сѣверу отъ Заиры, пространство португальской территории приблизительно исчисляется въ семьсотъ тысячъ квадратныхъ километровъ. Что же касается до *населенности* этой территории, то въ той ея части, въ которой бываютъ суммарныя народныя переписи, она достигаетъ четырехсотъ сорока тысячъ жителей; но если прибавить сюда и племена независимыя или же находящіеся въ болѣе или менѣе крѣпкой вассальной зависимости отъ Португалии, то окажется, что общая численность жителей края, ограниченного на востокѣ рѣкою Куанго, по всей вѣроятности, достигаетъ двухъ миллионовъ. По исчисленіямъ Chavannes'a, населенность сѣверной области, между Амбрізомъ и Конго, превышаетъ семь жителей на квадратный километръ, такъ что, слѣдовательно, общее число жителей португальской территории простирается до пяти миллионовъ. Всей странѣ сохранено наименование Ангола (Нгола), хотя первоначальная границы этой провинціи, лежащей къ востоку отъ Лоанды, между рѣками Куанза и Бенго, уже давно перейдены. Нѣкоторые царьки внутри края еще и понынѣ носятъ имя нгола²⁾). По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, пространство Анголы, вмѣстѣ съ Лоандой, Амбрізомъ, Бенгуэлой, Моссамедесомъ и округомъ Конго, равняется 1.315.460 кв. километрамъ,

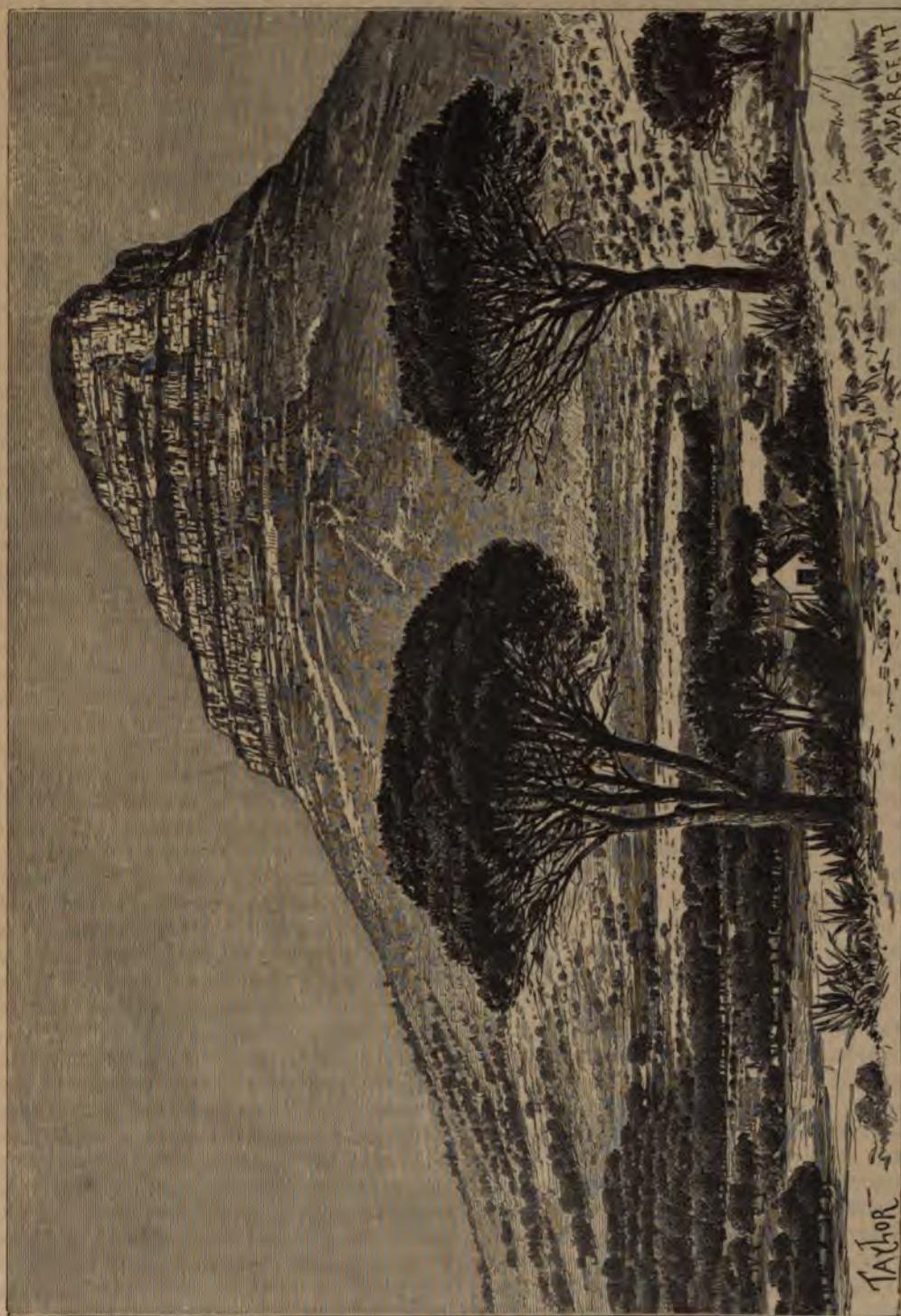
¹⁾ H. H. Johnston, „The River Congo“.

²⁾ Capello e Ivens, „De Benguella as Terras de Jacca“.

а населеніе опредѣляютъ приблизительно въ 12.400.000 душъ*.

Провинцію Ангола часто сравнивали съ Бразиліею, обширною страною, лежащей насупро-

ниже своей могущественной соперницы по пространству, естественнымъ богатствамъ, числу жителей, экономической цѣнности и общему значенію въ цивилизациі. Однако, между гео-

Скала «Львиная голова».

тивъ, на другомъ берегу тропической части Атлантическаго океана; но африканскія Бразилія — въ политическомъ отношеніи еще не отдѣлившаяся отъ европейской земли, изъ которой вышли ея первые колонисты—гораздо

графическимъ устройствомъ Анголы и Бразиліи существуетъ дѣйствительное сходство. Съ обѣихъ сторонъ океана, на сѣверѣ равнинъ и плоскогорій протекаетъ по великой рѣкѣ; съ обѣихъ сторонъ рельефъ страны представляеть

ступенчатыя террасы, отдѣляемыя одна отъ другой грядами горъ, параллельными морскому побережью. Положеніе подъ соотвѣтственной широтою обусловливаетъ сходство климата и культуры, и оно же позволяетъ жителямъ объихъ странъ мнѣять свое мѣстопребываніе, не встрѣчая большихъ затрудненій въ акклиматизаціи. Если Бразилія могла населиться двадцатью миллионами людей: бѣлыхъ, черныхъ и помѣсей, то ничто не препятствуетъ и Ангольской территории тоже стать отечествомъ цѣлаго народа, имѣющаго національную связь, а не состоящаго только, какъ вынѣ, изъ колоній, разсѣянныхъ посреди враждебныхъ населеній. Правда, что въ теченіе почти трехъ столѣтій торговля невольниками обезлюднивала Анголу, чтобы заселить бразильскія плантаціи.

Въ сѣверной части Анголы, ограниченной рѣками: съ сѣвера—Конго, съ востока—Куанго и съ юга—Куанзой¹⁾, отрывокъ плоскогорія, имѣющій слишкомъ тысячу метровъ высоты, занимаетъ лишь половину восточной полосы и состоитъ изъ гнейса и слюдяного сланца, сложившихся въ продолговатыя возвышенности, глубоко изрытыя ручьями; при этомъ, въ общемъ, западный склонъ, обращенный къ сторонѣ Атлантическаго океана, представляется болѣе пологимъ, чѣмъ склонъ восточный, откосы котораго нисходятъ въ долину Куанго. Куанза и ея мощный притокъ, Лукалла, прерываютъ гряды высотъ, которыхъ прямолинейно тянутся съ сѣвера на югъ и вновь появляются по другую сторону этихъ рѣкъ. Непрерывность гористаго рельефа существуетъ только въ юго-восточной части плоскогорія, гдѣ краевая цѣпь Талла-Манонго раздѣляетъ верхнія теченія притоковъ Куанго и Куанзы и невысокими волнообразными повышеніями и пониженіями почвы соединяется съ водораздѣломъ между рѣками Кассаи и Замбезе.

Къ югу отъ Куанзы, три параллельныхъ ступени, удерживаясь, въ среднемъ, на разстояніи двухсотъ километровъ отъ океана, слѣдуютъ одна за другой въ направлѣніи отъ моря до той горной цѣпі, которая образуетъ остовъ страны. Возвышенныя вершины господствуютъ надъ сѣдовинами этого срединнаго плоскогорія, разсѣкаемаго рѣчками на нѣсколько второстепенныхъ цѣпей. Гора Ловили, подъ 12° южн. широты, достигаетъ 2.370 метровъ; къ юго-западу отъ этого пика, другая гора, Элонга, возвышается на 2.600 метровъ, и нѣсколько почти столь же высокихъ вершинъ видныются тамъ и сямъ по окрестнымъ грядамъ; въ цѣпи Джамба, или Андрадѣ Корво, образующей восточную окраину плоскогорія, нѣсколько конусовъ переходятъ за двѣ тысячи метровъ. Большинство выпуклостей рельефа протянулись въ

видѣ цѣпей, доминируемыхъ пиками или хребтами; впрочемъ, нѣкоторыя вершины, или *амба*, кажутся совершенно уединенными, на-подобіе пирамидъ посреди равнины. Такова, напр., Хамби (2.200 метровъ) — громадная скала, треснувшая по срединѣ: про нее можно бы сказать, что это металлическая глыба, раскололвшаяся при охлажденіи²⁾. Около восточной подошвы горъ Джамбы, разстилается степь Булумъ-Булу, траву которой вѣтеръ волнуетъ на-подобіе морскихъ водъ²⁾.

Въ цѣломъ, эти цѣпи, массивы и высокія равнины—чрезъ которые проходитъ главный торговый трактъ изъ Бенгуэлы въ Бихѣ—составляютъ саму выдающуюся выпуклость Анголы. Къ югу плоскогоріе значительно понижается, при чемъ самыя высокія его вершины не достигаютъ 1.800 метровъ; на западѣ, вершины, имѣющія своею подошвою поколь нижняго плоскогорія восточной террасы, не достигаютъ уже высоты пика Ловили и сосѣднихъ съ нимъ возвышенностей; тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ кажутся весьма высокими, благодаря своей уединенности и крутизѣ своихъ стѣнъ: таковы, наприм., скалы въ формѣ обелисковъ, которыя находятся въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Бенгуэлы; караваны, останавливающіеся у подошвы этихъ *міл*, прозвали ихъ *Binga-Yam-Bambi*, т. е. «рогами газели». По Maguyag'у, онѣ превышаютъ 1.000 метровъ. Сосѣдняя же вершина, Оломбинго, достигаетъ, будто бы, даже 1.500 метровъ. Что касается гребней, приближенныхъ къ морскому побережью, то, покоясь на послѣдней ступени плоскогорія, спускающейся къ морю, они, по высотѣ, различны, колеблясь между 200 и 600 метрами; и такъ какъ подножія ихъ обрѣзаны весьма круто, то во многихъ мѣстахъ они кажутся горами: между тѣмъ большая часть береговыхъ холмовъ—простые столообразные утесы, превосходящіе террасы по высотѣ лишь на сотню метровъ; окружены они осыпавшимися откосами, а похожіе на долины овраги въ толщи плоскогорія позволяютъ на нихъ взбираться длинными зигзагами.

Въ южной области территории Анголы, высокія земли внутри страны повсюду початы и глубоко размыты притоками Куанзы и другими потоками, направляющимися къ морю; къ востоку же отъ Моссамедеса высится уединенный мощный массивъ Шелла, называемый также *Serra de Neve*, или «Снѣговыя горы»; нѣкоторыя изъ вершинъ этой сьерры не ниже 1.900 метровъ, а свое название она получила отъ тѣхъ бѣлыхъ полосъ, которыя послѣ большихъ дождей, приносимыхъ холодными южными вѣтрами, иногда видныются въ разсѣлинахъ ея вершинъ. Эти горы, откуда

¹⁾ Въ областяхъ, колонизованныхъ португальцами, практичеcъ всего придерживаться и португальской орографіи.

²⁾ Cameron, "Across Africa".

²⁾ Ladislas Magyar, „Reisen in Sd-Afrika.“

въ изобилии текутъ воды, повидимому, составляютъ такую область Анголы, которая рано или поздно будетъ имѣть весьма важное значение для колонизации, такъ какъ климатъ въ этомъ краѣ португальскихъ владѣній въ Африкѣ болѣе всего приближается къ климату южной Европы. Среднее возвышение этихъ долинъ надъ уровнемъ моря почти такое же, какъ и всей Анголы, т. е. приблизительно около 1.018 метровъ¹⁾.

Высокія земли Ангольского края состоятъ изъ гнейса и другихъ кристаллическихъ породъ, а также и изъ налегшихъ на эти породы древнихъ сланцевъ. Породы эти, образующія первоначальный остовъ страны, начинаются, въ среднемъ, въ 20 или 25 километрахъ отъ берега моря²⁾. Береговые пласти и, во многихъ мѣстахъ внутри страны, пласти, раздѣляющіе гнейсовые массивы, принадлежать къ вторичнымъ и третичнымъ образованиямъ: это песчаники, конгломераты, известняки, глины и пески, расположенные въ общемъ чрезвычайно правильно. Мѣловые слои, простирающіеся параллельно морскому берегу и одѣвающіе въ округѣ Бенгуэлы наружные склоны горъ, весьма богаты ископаемыми, тождественными съ ископаемыми, находимыми въ сходственныхъ напластованияхъ въ Португалии³⁾. На обширныхъ пространствахъ, геологические слои скрыты подъ латеритами новѣйшаго происхожденія,—блѣмы, желтыми или красными,—образовавшимися вслѣдствіе разложенія поверхностныхъ слоевъ тѣхъ породъ, которыхъ находятся подъ ними. Кромѣ того, воды, катящія и сглаживающія осипавшиеся камни, усыпали аллювиальными землями какъ внутренніе бассейны, такъ и приморскую полосу. Известняковыя скалы изрыты во многихъ мѣстахъ глубокими пещерами, гдѣ находить узкіе, еще неизмѣренные колодцы, породивши, у дикарей, множество легендъ. Тешіе источники бываютъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи, но, за исключеніемъ сѣверной части страны, вулканическихъ скаль не встрѣчаются нигдѣ; нѣсколько гнѣздъ базальтовыхъ лавъ—воть, повидимому, все, къ чему свелась здѣсь эруптивная дѣятельность. Въ своихъ путевыхъ разсказахъ Владиславъ Мадьяръ упоминаетъ, правда, о вулканѣ, но не прибавляетъ ни слова о томъ, что самъ посѣтилъ его, и все заставляетъ думать, что этотъ путешественникъ былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, а можетъ быть даже и романическимъ описаніемъ путешествія, совершенного Дувиллемъ⁴⁾.

¹⁾ Manuel Ferreira Riberro, „A Colonisação Luso-Africana“.

²⁾ Jose de Anchieta, „Boletim de Sociedade de Geographia de Lisbon“, 1885 № 9.

³⁾ P. Choffat, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ J. B. Douville, „Voyage au Congo et dans l’interieur de l’Afrique équinoxiale“.

Эта огнедышащая гора, называемая Мулондо-Замби, или «гора Геніевъ», стоитъ, будто-бы, въ краѣ Либолло, въ пятидесяти километрахъ къ югу отъ Куанзы. Изъ самаго верхняго кратера, господствующаго надъ окрестными обнаженными вершинами, извергаются, будто-бы, съ промежутками отъ трехъ до четырехъ часовъ, дымъ и пламя, и распространяется сѣрный запахъ. Туземцы не осмѣливаются приблизиться къ этой горѣ, на которой, по ихъ мнѣнію, обитаютъ духи ихъ предковъ. Вѣроюта, однако, что изверженія горы Геніевъ рано или поздно найдутъ себѣ объясненіе въ какомъ-либо метеорологическомъ явленіи, подобно тому, какъ это случилось съ воображаемымъ вулканомъ Отумблѣ, въ Габонії.

Ограниченнія съ востока теченіемъ Куанго, Ангольская территорія пересѣкается многочисленными рѣками, русла которыхъ, въ видѣ глубокихъ ущелій, прорѣзываютъ либо только одну или двѣ террасы плоскогорія, либо, какъ Куанза и Кунзенѣ, всѣ высокія земли по всей ихъ ширинѣ. Въ сѣверной области терроріи, гдѣ годовое выпаденіе дождей сравнительно значительное, чѣмъ въ южныхъ странахъ, въ каждой долинѣ есть свой постоянный водный потокъ, при чемъ, однако, расположение склоновъ не позволяетъ всѣмъ этимъ рѣчкамъ соединиться въ одинъ могущественный рѣчной бассейнъ; большая часть водъ не изливается даже непосредственно въ море, а несется либо—къ Куанго, либо—къ Заирѣ, Куллу, Лу-Фу и Мпозо. Рѣки, изливающіяся непосредственно въ Атлантический океанъ: Лелунда, Мбришъ и Ложе, протекаютъ параллельно другъ другу въ направлѣніи съ востока на западъ, и при впаденіи въ океанъ загромождены непроходимыми для судовъ барами, такъ что плавать въ этихъ мѣстахъ ихъ устьевъ возможно лишь ва небольшихъ плоскодонкахъ. Мбришъ вытекаетъ съ горъ Зомбо, находящихся къ востоку отъ Санть-Сальвадора; на своемъ пути, онъ образуетъ—въ общемъ на протяженіи 130 метровъ—цѣлый рядъ водопадовъ и пороговъ, при чѣмъ первый водопадъ низвергается съ высоты 45 метровъ. Рѣки Данѣ и Бенаго, судоходныя кверху отъ ихъ баровъ, являются важными путями для внутренней торговли и для плантацій, окаймляющихъ ихъ лѣсистые берега.

Самая большая изъ Ангольскихъ рѣкъ и одна изъ наиболѣе многоводныхъ между второстепенными рѣками всей Африки есть Куанза, долина которой образуетъ при-атлантическую часть поперечнаго углубленія, продолжающагося, при посредствѣ бассейна Замбезе, къ юго-востоку вплоть до Индійскаго океана. Главные истоки Куанзы рождаются въ областяхъ, непосредственно подчиненныхъ португальскому владычеству, а зачатки ихъ переплетаются съ зачатками Замбезе и Ку-Банго,

на плоскогорії, средняя высота которого не мене 1.650 метровъ. Небольшое озеро Муссомбо—въ 1.200 километрахъ отъ моря, если слѣдоватъ къ нему по извилинамъ рѣчной долины—является началомъ этого большого потока водъ, который, описывая въ цѣломъ обширный полукругъ, течеть сначала на сѣверо-востокъ и на сѣверъ, затѣмъ устремляется на сѣверо-западъ и западъ, и, наконецъ, посредствомъ излучины, послѣдней предъ впаденiemъ въ океанъ, направляетъ низовыя свои воды на юго-западъ. Больше половины своего пути рѣка протекаетъ къ востоку отъ тѣхъ гористыхъ террасъ, которыхъ образуютъ оставъ Анголы. Тамъ, судя по ея направленію, она, казалось бы, должна была стать притокомъ Конго; но, встрѣтивъ на своемъ пути барьеръ изъ горъ, которая ее отдѣляютъ отъ морскаго берега, она, катя уже значительную массу водъ, прорываетъ эти горы, образуя цѣлый рядъ водопадовъ и пороговъ. Послѣдний водопадъ, Камбамба, низвергающейся съ высоты 21 метра, называется также «водопадъ Ливингстона», хотя великий путешественникъ никогда и не былъ здѣсь; образуетъ же этотъ водопадъ сланцевая запруда, надъ которой справа и слѣва высится почти вертикальныи стѣны. Во время половодій, ущелье во всю свою ширину бываетъ наполнено клокочущими водами, между тѣмъ какъ въ сухое время года гряды камней раздѣляютъ потокъ на нѣсколько неравныхъ, какъ бы межилюзныхъ пространствъ. На боковыхъ утесахъ, смачиваемыхъ брызгами пѣны, ковромъ разстилаются растенія, имѣющія толстые просвѣчивающіе стволы и густо усыпанныя бѣлыми цвѣточками (*angolaea fluitans*) ¹⁾.

Тотчасъ книзу отъ водопадовъ, Куанза становится судоходною для пароходовъ: никакое препятствіе не задерживаетъ суда вплоть до моря, на разстояніи приблизительно 200 километровъ, хотя общій уклонъ рѣки на всемъ этомъ пространствѣ и достигаетъ около ста метровъ. Скалистое ущелье продолжается километровъ на пятнадцать книзу отъ пороговъ между вздымающимися красными, бѣлыми и голубоватыми кручами, къ разноцвѣтности которыхъ присоединяютъ бесконечное разнообразіе своихъ красокъ также и ползучія растенія, группы деревьевъ и пелены мха. Книзу отъ послѣдней запруды, значительный притокъ, Мукозо, вливается въ рѣку со стороны сѣверного берега, а затѣмъ, все съ того же берега, низвергаетъ свои воды могучая Лу-калла (Лу-Калла), самый большой изъ притоковъ Куанзы, зарождающейся, подобно ей, къ востоку отъ горной оси Анголы, и, подобно ей же, проходящей чрезъ скалистые массивы

цѣлымъ рядомъ ущелій, въ которыхъ образуется нѣсколько водопадовъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Ліанзундо, низвергается съ высоты не мене 30 метровъ. Подобно Куанзѣ, Лу-калла описываетъ на своеемъ пути обширный полукругъ, но какъ-разъ въ противоположномъ направленіи, такъ какъ она родится въ сѣверной части португальскихъ владѣній, неподалеку отъ тѣхъ рѣкъ, которая несутся къ Конго по противоположному склону. По соединеніи съ Лу-каллой, Куанза содержитъ уже весь объемъ воды, который должна нести въ море: она не получаетъ болѣе притоковъ и даже, напротивъ, разливается направо и налево по многочисленнымъ каналамъ-протокамъ, боковымъ резервуарамъ, которые переполняются въ половодія и почти совершенно высыхаютъ во время низкихъ водъ. По мѣрѣ движения рѣки къ назовью прибрежные холмы все болѣе и болѣе отступаютъ отъ долины; однако на извѣстныхъ разстояніяхъ, по берегамъ рѣки все еще высятся крутые утесы: одинъ изъ нихъ, господствующій надъ лѣвымъ берегомъ, есть знаменитый *Pedra das Feiticeiros*, т. е. «камень фетишевъ», съ которого племя кунссама низвергало своихъ несчастныхъ согражданъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ. Входъ въ Куанзу загражденъ трудно-проходимымъ баромъ, чрезъ который лоцманы пускаются на плоту, или, вѣрнѣ, на доскѣ изъ дерева *herminiera*, имѣющей самое большое два метра въ длину и около одного метра въ ширину. Стоя на колѣнъ на этомъ, такъ сказать, обломкѣ, они управляютъ имъ при посредствѣ простаго весла и такимъ образомъ отправляются къ пароходамъ, бросающимъ якорь иногда въ двухъ километрахъ отъ берега.

Къ югу отъ Куанзы и вплоть до Куэнзѣ, рѣки, зарождающіяся на наружномъ склонѣ горъ или въ ихъ западныхъ долинахъ, не могутъ достичь значительного развитія и не служатъ для судоходства; къ тому же и количество дождя, питающее ихъ, меньше выпадающаго на сѣверѣ Анголы; многие же потоки водъ совершенно иссякаютъ во время засухъ: получаются какъ-бы такъ называемыя уади—Африки сѣверной и умарамба—южной. Главныи изъ постоянныхъ рѣкъ суть: Луга, параллельная Нижней Куанзѣ, Куво (Кева), Велья, Байлombo, Катумбелла и Копороло. Изъ всѣхъ этихъ небольшихъ потоковъ наиболѣе извѣстна рѣчка Катумбелла, благодаря своему съѣству съ городомъ Бенгуэла, при чемъ въ 12-ти километрахъ отъ моря потокъ этотъ образуетъ красивый водопадъ Упа, водная масса котораго заключена въ поперечную долину, имѣющую по меньшей мѣрѣ восемь метровъ въ ширину.

Куэнзѣ, не уступающая на Ангольской территоріи въ важности Куанзѣ, получила исключительное политическое значеніе, какъ погра-

¹⁾ Joachim John Monteiro, „Angola and the river Congo“.

ничная линія между португальскими владык-
ями и краями, присоединенными къ колониаль-
ной имперіи германцевъ. Подобно Куанзѣ, она
родится на востокѣ горѣ и течеть сначала по
склону къ внутренней Африкѣ, вмѣстѣ съ Ку-
Банго и съ восточными притоками Замбезе; затѣмъ,
вырвавшись изъ первоначального бас-
сейна, она тоже описываетъ большую дугу къ
западу и для своего изліянія въ Атлантиче-
кій океанъ пересѣкаетъ скалистые массивы.
Длина ея теченія не менѣе 1.200 километровъ,
а площадь орошаемаго пространства исчи-
слается въ 272 тысячи квадратныхъ километ-
ровъ. Зарождаясь въ горахъ Джамбы, болѣе
чѣмъ на четыре градуса съвериѣ своего устья,
Кунэнэ течеть на югъ и юго-западъ вдоль под-
ножія высокихъ земель, принимая справа и
слѣва большое число притоковъ. Въ Китеевѣ
(Quiteve)—деревни, расположенной въ 400 ки-
лометрахъ отъ истоковъ, на берегу рѣки,—
Capello и Ivens, въ юнѣ, въ сухое время года,
нашли ширину въ 150 метровъ, а среднюю
глубину въ два съ половиною метра; рѣка те-
четъ, между лѣсистыхъ круговыхъ береговъ,
быстро, но безъ водопадовъ. Въ дождливое
время года, хорошенъкая рѣчка превращается
въ могучій потокъ, по справедливости заслу-
живающій свое наименование: Кунэнэ (Ку-
Ненэ), т. е. «великая рѣка». Выйдя изъ береговъ,
она разливается по равнинѣ на необо-
зримую ширь. На пространствѣ нѣсколькихъ
сотенъ квадратныхъ километровъ простирает-
ся озеро, въ которомъ теряются, какъ въ об-
ширномъ бассейнѣ испаренія, прибылые воды
верхняго теченія Кунэнэ. Послѣ половодій, не-
большія озера и лужи усѣиваютъ долину,
тростники *arundo phragmites* занимаютъ или-
стое дно, а на кустахъ вышележащихъ земель
развѣшены, на высотѣ болѣе метра надъ поч-
вою, пуки злаковыхъ растеній, приносимыхъ
рѣчнымъ потокомъ¹⁾. Широкая рѣка Каку-
ловаръ (Какуло-Балэ или «Старое Балэ»), со-
бирающая въ свой бассейнъ воды, сбывающія
съ Снѣговой сьерры и съ цирка Гуилла, при-
соединяется къ Кунэнэ на обширной равнинѣ,
бывающей то озеромъ, то болотомъ. По едино-
гласному свидѣтельству путешественниковъ, а
также и лицъ, постоянно проживающихъ въ
краѣ, эта столь болотистая область, однако, не
нездорова, что объясняется, можетъ-быть, анти-
септическимъ дѣйствиемъ мха, разростающаго-
ся на стоячихъ водахъ, а можетъ-быть также
и высотою положенія края. Capello и Ivens
исчисляютъ высоту равнинъ въ мѣстѣ сліянія
Кунэнэ съ Какуловаромъ въ 1.067 метровъ;
другой путешественникъ, Дюфуръ, опредѣлилъ
высоту берега около деревни, находящейся
вблизи упомянутаго сліянія, даже въ 1.144
метра.

¹⁾ H. Capello e R. Ivens, „De Angola à Contra-Costa“.

Эта озерная область имѣть, однако, и дру-
гие водосливы, кромѣ Кунэнэ. По крайней
мѣрѣ три водныхъ потока, извѣстныхъ подъ ро-
довымъ наименованіемъ умарамба, отдѣляются
отъ лѣваго берега рѣки чрезъ широкіе про-
ломы въ береговыхъ кручахъ и, держась юга
и юго-востока, направляются чрезъ земли пле-
мени Ова-Мпо къ большому солончаковому бо-
лоту, Этоша, расположенному въ 250 кило-
метрахъ отъ рѣки и болѣе чѣмъ на сто
метровъ ниже ея уровня¹⁾). Такимъ образ-
омъ, Кунэнэ представляетъ рѣдкій примѣръ
недоразвившейся дельты; по своимъ боковымъ
потокамъ рѣка эта принадлежитъ къ системѣ
такихъ водъ, которая, подобно р. Ку-Банти,
теряются въ углубленіяхъ пустыни. Теченія
Кунэнэ не знали еще даже въ половинѣ и-
сторіи столѣтія, и на карте Лопеца-де-
Лимы, на которой сведены всѣ географическія
данныя того времени, эта рѣка представлена
направляющеюся на востокъ и впадающею въ
Индійскій океанъ. Нынѣ извѣстно, что она
изливается въ Атлантическій океанъ, про-
рѣзывъ область горъ; говорятъ даже, что она об-
разуетъ одинъ большой и затѣмъ цѣлый рядъ
меньшихъ водопадовъ; впрочемъ, невозможно
допустить, чтобы не существовали болѣе вое-
водопады въ этой части теченія рѣки, такъ
какъ на 300 километрахъ протяженія,
между прорывомъ горъ и устьемъ, паденіе водъ
составляетъ около тысячи метровъ. Изслѣдова-
ніе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, было
сдѣлано пока только въ нижней части долины.
Въ 1824 г., англійское судно «Espiègle» при-
стало къ берегу около устья Кунэнэ, которую
и называли тогда Nurse-river; въ слѣдующемъ
году, однако, Owen напрасно отыскивалъ это
устье, безъ сомнѣнія, потому, что оно было
зашерто баромъ, и рѣка пересохла на боль-
шомъ разстояніи кверху. Обслѣдовано устье
было лишь въ 1854 году, и тогда же по рѣч-
ной долинѣ поднялись километровъ на сорокъ
вглубь страны. За исключениемъ времени съ
декабря по апрель, т. е. сезона разливовъ,
«Великая Рѣка» не сообщается съ моремъ;
воды, столь обильныя, что производятъ даже
наводненія въ верхнемъ бассейнѣ, почти со-
вершенно испаряются въ обширныхъ озерныхъ
водоемахъ верховья, и для нижней долины
остается лишь струйка, теряющаяся въ пескахъ.

Территорія Анголы, простирающаяся съ сѣ-
вера на югъ болѣе чѣмъ на 1.200 километ-
ровъ, отъ шестаго до шестнадцатаго гра-
дуса южной широты, и образующая рядъ
уступовъ до 2.000 метровъ возвышенія, пред-
ставляетъ натуально весьма различные кли-
маты: метеорологическія условия и всѣ отно-
сящіяся сюда явленія мѣняются соотвѣтствен-
но географической широтѣ и высотѣ положенія

¹⁾ Duperquet, „Voyage en Cimbabamie“.

данной местности. Однако, въ отношеніи крайнихъ температуръ, разница между этими различными поясами не велика: путешественники такъ же страдаютъ отъ солнечнаго зноя на высокихъ плоскогоріяхъ внутри страны, какъ и на низменныхъ равнинахъ. Термометрическая различія между сезонами, между жарами и стужею, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ удаленіе мѣстности отъ экватора и отъ моря; и эти зависящія отъ условій мѣста и времени климатическая измѣненія весьма ощутительны и наиболѣе опасны для иностранцевъ. Въ некоторыхъ областяхъ плоскогорій морозить, какъ въ Европѣ. Даже на высотѣ тысячи метровъ, на восточномъ склонѣ горъ, Capello и Evans страдали отъ пониженія по ночамъ до точки замерзанія температуры, которая днемъ поднималась до 28 и 30° Ц.

Наиболѣе послѣдовательная метеорологическая наблюденія сдѣланы въ Лоандѣ, столицѣ страны. Они показываютъ, что въ этомъ городѣ, расположенному, однакоже, лишь на одну тысячу километровъ къ югу отъ экватора, самый сильный лѣтній зной—имѣя въ виду шестимѣсячный промежутокъ—слабѣе жаровъ, въ Лиссабонѣ: именно, наибольшая температура мѣсяца февраля, самаго жаркаго въ Лоандѣ, ниже наибольшей температуры мѣсяца августа въ Португалии. Путешественники, отправляющіеся изъ Лиссабона лѣтомъ въ Ангольскую территорію, бывають удивлены сравнительной свѣжестию кламата этихъ тропическихъ областей. Средняя температура въ Лоандѣ не превышаетъ +23° Ц., а годичная разница между крайними температурами каждого мѣсяца, въ среднемъ, не выше 12°; но разница между самымъ большимъ холодомъ и самымъ сильнымъ жаромъ, 14° (въ августѣ) и 31,7° (въ ноябрѣ), въ 1879 году выразилась приблизительно 18°¹); на плоскогоріяхъ же внутри страны, подъ одною и тою же широтою и на 1.599 метрахъ высоты, разница эта вдвое больше: именно, крайніе ея предѣлы колеблются между 1° и 37°²). Въ Моссамедесѣ—городѣ на берегу моря и отличающемся, по сравненію со всѣми остальными городами, ровнымъ климатомъ—годовая температура колеблется между 20 и 22°, вслѣдствіе чего въ этой приморской гавани акклиматизація европеицѣвъ и совершаются при наименѣе гибельныхъ для нихъ условіяхъ.

Свѣжесть климата зависитъ отъ направлениія морскихъ вѣтровъ, дующихъ вообще изъ умѣренныхъ южныхъ областей. Въ данныхъ морскихъ пространствахъ, береговое теченіе, распространяющееся изъ антарктическаго по-

яса, оказываетъ вліяніе, достаточное для значительного пониженія нормальной температуры водъ и находящихся вадъ ними слоевъ воздуха; отсюда и наименованіе мыса къ югу отъ Куненѣ: Cabo Frio, т. е. «холодный мысъ», а также исосѣдней бухты: Angra Fria, т. е. «холодная бухта». Этотъ морской потокъ, хотя и въ меньшей степени, освѣжаетъ берегъ также и къ сѣверу отъ Куненѣ; известно, что его вліяніе ощущается даже вплоть до острова Св. Фомы. Мористѣе Loанды, его средняя скорость равняется приблизительно 1.800 метрамъ въ часъ; но иногда случается, что сильные сѣверо-западные вѣтры совершенно останавливаютъ это теченіе, или же мѣстами заставляютъ его воды даже поворачивать назадъ Южные вѣтры преобладаютъ надъ вѣтрами сѣвера на всемъ протяженіи береговъ. Пассаты на нихъ рѣдко ощущаются въ ихъ нормальномъ направленіи съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ: они почти всегда отклоняются разрѣженнымъ воздухомъ, поднимающимся съ жаркихъ областей материка, и вслѣдствіе этого, превращаются въ юго-западные и даже въ западные муссоны. По Рибейро, соотношеніе между атлантическими и континентальными вѣтрами выразилось бы немного болѣе, чѣмъ отношеніемъ 5 къ 2. Наблюденія, правильно производимыя въ Маланжѣ, находящемся болѣе чѣмъ въ трехстахъ километрахъ отъ моря, показали, что въ этой области—однако, значительно удаленной отъ пояса береговыхъ бризъ (*viraçao*, или бриза съ моря, и *terral*, или бриза съ берега)—между восточными и западными вѣтрами устанавливается извѣстная очередь: такъ, по Непп'у, восточные вѣтры дуютъ въ особенности утромъ, а западные послѣ полудня; слѣдовательно, восточное теченіе приходитъ съ той стороны неба (страны сѣга), на которой находится солнце.

Подъ вліяніемъ муссоновъ, насыщенныхъ парами, влажность воздуха всегда весьма значительна. Такъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, именно въ 1879, 1880 и 1881 годахъ, относительная влажность выразилась слѣдующими цифрами: Средняя 82, 42; наименьшая 76, 69; наибольшая 87, 69; разность 10, 84⁴).

Съ мая по сентябрь, воздухъ часто бываетъ почти насыщенъ парами: въ это время туманы, сасимбо, скрываютъ отдаленные горизонты. Однако, на низменностяхъ дожди сравнительно рѣдки; вѣтры увлекаютъ водяные пары вплоть до откосовъ горъ, гдѣ дожди правильно выпадаютъ въ теченіе сезоновъ: съ октября по январь («малые дожди») и съ апрѣля по май («большіе дожди»). Въ Лоандѣ годичное выпаденіе представляетъ большія колебанія: среднее число дождливыхъ дней тамъ иногда не болѣе 15, тогда какъ въ другие годы оно

¹) Manuel Ferreira Ribeiro, „A colonisação Luso-Africana“.

²) Въ Маланжѣ (1.150 метровъ высоты и 9°27' южн. широты) средняя температура = 19,5°, въ крайнія; 4,3° въ маѣ и 32° въ октябрѣ.

⁴) G. Gomes Caelho Ribeiro, упомян. сочиненіе.

учетверяется. Такъ, въ этомъ городѣ наблю-
денія дали слѣдующіе результаты:

Иногда въ благопріятные сезоны дождевой
воды выпадало болѣе полуметра, а въ дру-

Видъ береговъ Лимпопо въ Трансваалѣ.

Дождл. дней.	Атмосферѣ. осадки.
1879 г. — 52	0,571 метр.
1880 " — 34	0,248 "
1881 " — 15	0,134 "
Среднее 34	0,318 метр. ¹⁾ .

¹⁾ Ribeiro, упом. соч.

гихъ случаяхъ собирали всего лишь четверть метра, а то и еще менѣе. Внутри края по-слѣдствіемъ недостатка дождей неоднократно бывали неурожаи и даже голодовки, которыя влекли за собою обезлюдненіе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе самопродажи изъ-за

куска хлѣба ¹). Въ сѣверныхъ округахъ первые дожди всегда вредны для здоровья; воздухъ оказывается тогда зараженнымъ зловонными газами, которые, насыщая пористую, загрязненную растительными остатками почву, подъ напоромъ воды сразу выдѣляются наружу ²). Количество дождей, выпадающихъ на береговой полосѣ, прогрессивно уменьшается въ направлениі съ сѣвера на югъ: такъ, будучи изобильными въ Санть-Сальвадорѣ, гдѣ, по von Dardckelmann'у (*Missions Catholiques*), напр., въ 1884 г., въ теченіе 63 дней выпало 880 миллиметровъ атмосферной воды,—они незначительны въ Лоандѣ и совсѣмъ преображаются въ Моссамедесѣ и въ области нижняго теченія Кунэнѣ; правда, здѣсь уже какъ бы начало пустыни, но зато здѣсь же и самая здоровая область Анголы, благодаря сухости воздуха и почвы, а также и сравнительной свѣжести температуры. Уже на плоскогоріяхъ, ограничивающихъ съ юга теченіе Нижней Кунанзы, туземцы изъ племени куниссама вынуждены сохранять дождевую воду въ дуплахъ баобабовъ ³), откуда, впрочемъ, ошибочно, заключили, будто португальское наименование послѣднихъ, *imbondeiro*, означаетъ бочарное дерево ⁴).

Современи изслѣдований Welwitsch'a въ Анголѣ флора этой страны известна въ общихъ чертахъ, и остается изучать лишь ея подробности. Вполнѣ поэтому справедливо, что имя этого ученаго ботаника присвоили самому любопытному растенію этой части материка,—вельвичії (*welwitschia mirabilis*). Это дерево—хотя оно походитъ скорѣе на грибъ странной формы—произрастаетъ въ области Моссамедеса: къ сѣверу оно не переходитъ за устье уезда св. Николая, а къ югу отъ Кунэнѣ встречается въ области Дамара; говорить, будто оно можетъ жить цѣлое столѣтіе. У этого растенія, въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ землею, стволъ, достигающій 3 или 4 метровъ въ окружности, сразу оканчивается горизонтальною поверхностью, которую Welvitch сравниваетъ съ «круглымъ столомъ», несмотря на то, что эта поверхность бываетъ расщепленная и потрескавшаяся во всевозможныхъ направлениихъ. Отъ наружныхъ ея краевъ отдѣляются два толстыхъ, приблизительно до двухъ метровъ длины, листка, похожихъ на два кожаныхъ диска: это первые листья растенія, сохранившіеся со времени проростанія и развивающіеся соразмѣрно росту самого дерева ⁵). Концы же этихъ листьевъ раздѣляются на множество змѣящихъ ремешковъ, похожихъ на оконечности полиновъ.

¹⁾ J. Chatannes, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, Heft. IV.

²⁾ Pechuel-Lösch, „Loango-Expedition“.

³⁾ J. J. Monteiro, упом. соч.

⁴⁾ E'Escayrac de Lauture, „Soudan“.

⁵⁾ Orpen Bower, „Nature“, Ноябрь, 10. 1880.

Въ сѣверныхъ частяхъ Анголы флора пѣтъ не отличается отъ растительности на низовьяхъ Конго. Древовидныя молочайныя, эріодендроны, баобабы и хлопчатники составляютъ характеристическую растенія тамошняго пейзажа. Въ нѣкоторыхъ небольшихъ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ морского вѣтра и обильно орошаемыхъ, тропическая растительность является во всемъ своемъ разнообразіи большихъ деревьевъ, паразитныхъ растеній въ лавѣ; на плоскогоріяхъ же, съ которыхъ вода стекаетъ вскорѣ послѣ своего выпаденія изъ атмосферы, и которая покрыты лишь тонкимъ слоемъ растительной земли,—простираются безконечныя степи: здѣсь сарії, трава саванъ, скрывающая подъ своею волнующею необыкновенно поверхностью дичь, если только степь не подвергается такъ называемымъ *queimadas*, или периодическимъ пожарамъ, которые и лишаютъ край всей его фауны, до наскокомыхъ включительно. Въ общемъ же, богатство растительности въ странѣ уменьшается въ направлениі съ сѣвера на югъ, соразмѣрно съ уменьшеніемъ дождей: тогда какъ единственныя лѣса спускаются до самаго моря около мыса Падрао,—къ югу отъ факторіи Кабесаде-Кобра ¹) онъ мало-по-малу отдаляется вглубь страны, а затѣмъ вблизи морского берега лѣсовъ не существуетъ и вовсе; къ югу же отъ Моссамедеса вѣтъ даже и отдалено стоящихъ деревьевъ. Тамъ лѣса можно встрѣтить только вдали отъ берега, позади первыхъ террасъ, въ пустыняхъ *sertão*. По мѣрѣ уменьшенія съ сѣвера на югъ растительности, нѣкоторыя изъ растеній начинаютъ замѣняться другими: такъ, напр., *hyphaene guineensis*, столь обыденная отъ устья Конго до Амбриза, вовсе не встречается на болѣе южномъ морскомъ берегу; въ области же Моссамедеса наблюдается переходъ отъ флоры тропического пояса къ флорѣ замкнутыхъ бассейновъ Южной Африки. Такъ, въ этой южной провинціи, большихъ молочайныхъ растеній не видно вовсе, тогда какъ гумминосныя растенія въ ней встрѣчаются.

Ботаническій инвентарь Вельвича насчитываетъ для всей Анголы 3.227 видовъ, изъ которыхъ 1.890—растенія явнобрачные. Изъ этого значительного числа многія формы принадлежать специально данной области: таковы кактусы, о которыхъ прежде думали, будто они встрѣчаются только въ Новомъ Свѣтѣ; *растутъ эти виды на хребтахъ плоскогорій, отдаленныхъ отъ морского берега и отъ всякаго центра колонизаціи* ²). Изъ растеній многія очень цѣняются дикарями за ихъ, будто-бы, чудодѣйственныя свойства; таковы въ особенности: ядовитое дерево (*erythrophlaeum guineense*), кора или *akassa* котораго употреб-

¹⁾ H. H. Johnston, „Congo“.

²⁾ „Annals de Conselho Ultramarino“, дек. 1858.

ляется для испытаний на судѣ, и кустарникъ *ndoui* (*decamera Joyis tonantis*), вѣтви кото-
рого навѣшиваются надъ хижинами въ каче-
ствѣ громоотвода. На южныхъ пескахъ, на
корняхъ молочайныхъ растеній, произрастаетъ
весьма любопытное чужеядное растеніе изъ
рода *hydnora*, которое остается подъ землею
въ теченіе большей части своего существованія,
затѣмъ вдругъ выпускаетъ на божій свѣтъ
цвѣточную ножку, на которой и выростаетъ
большой красный цвѣтокъ, издающій запахъ
гнилого мяса. По мнѣнію туземцевъ, это ра-
стеніе обладаетъ многими свойствами: они упо-
требляютъ его сокъ для приданія большей крѣ-
пости лесамъ своихъ удочекъ и сѣтямъ, а въ
особенности пользуютъ имъ отъ различныхъ
болѣзней. Значительно меньше числомъ тѣ туз-
земныя растенія, плоды которыхъ идутъ въ
пищу. Въ ангольской флорѣ насчитывается,
напр., не менѣе 32 видовъ винограда, а между
тѣмъ едва лишь въ вѣсколькихъ мѣстно-
стяхъ негры либо употребляютъ его въ видѣ
гроздей, либо добываютъ изъ него небольшое
количество вина ¹⁾). Однакоже, кофейное де-
рево, *shigiambambe* по-туземному, произраста-
ющее въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ внутри
страны, доставило плантаторамъ первые са-
женцы для искусственного разведенія; въ анг-
ольскихъ лѣсахъ Вельвичъ нашелъ также
либерийскій видъ этого растенія, и нынѣ ара-
війское кофейное дерево на весь остальной африкан-
ской страны, они были завезены или изъ Азии,
или изъ Нового Свѣта. Одно изъ этихъ вве-
зенныхъ растеній — удающееся, впрочемъ, пре-
восходно — именно манговое дерево, въ нѣко-
торыхъ округахъ, на берегахъ Куанзы, встрѣ-
чается рѣдко: существуетъ повѣре, будто его
тѣнь приносить несчастіе.

Подобныя же, какъ во флорѣ, преобразо-
ванія совершаются и въ ангольской фаунѣ.
Какъ аборигенные растенія исчезаютъ передъ
иностранными видами, такъ и дикие звѣри бѣ-
гутъ передъ бѣлымъ человѣкомъ, собакамъ и
другими домашними животными. Не видно
уже слоновъ по сосѣству съ морскимъ бере-
гомъ, хотя съ полвѣка тому назадъ они еще
приходили къ берегу океана: такъ, въ 1854
году, первые изслѣдователи Куанзы встрѣчали
слоновъ въ такомъ большомъ числѣ, что явля-
лось предположеніе назвать Куанзу «рѣкою
слоновъ»; нынѣ прогнаны съ равнинъ, сло-
ны удалились въ горы и въ серру Шелла,
гдѣ они и пасутся по высокимъ склонамъ и
вершинамъ ²⁾). Часто посѣщали по ночамъ ули-

цы приморскихъ городовъ также и львы; при
этомъ особенно многочисленны они бывали
послѣ дождливаго времени года, когда выхо-
дили изъ глубины страны, изъ саваннъ и
лѣсовъ, преслѣдуя антилопъ, являвшихся па-
стись на свѣжую травку; часто нападали львы
и на людей, а нѣкоторые изъ нихъ, привык-
нувъ къ человѣческому мясу, предпочитали
хватать пастуховъ вместо животныхъ изъ ихъ
стадъ; туземцы считали львовъ фетишами, и
никогда дикарь не осмѣился бы говорить о
львѣ, не придавъ ему титула: «нганы», т. е.
«господинъ». Нынѣ эти представители ко-
шачьяго рода появляются рѣдко, и по при-
морскимъ дорогамъ можно путешествовать уже
безбоязненно. Но еще очень обыкновенны
пантеры и въ особенности разнаго рода гиены.
Ламантинъ, или «рыба-женщина» (*reixe ti-
lheg*), повидимому, исчезъ изъ ангольскихъ
рѣкъ, за исключеніемъ верхней части сред-
няго теченія Куанзы, а гиппонотамъ удалился
въ боковые потоки рѣкъ. *Jacag s*, или кроко-
дилы, еще населяютъ многія изъ рѣкъ стра-
ны, а акулы, столь многочисленныя въ сѣ-
веру отъ Заирѣ, не встрѣчаются на берегахъ
юга ¹⁾). Въ южныхъ частяхъ страны водится
нѣсколько такихъ видовъ животныхъ, кото-
рыхъ нѣть на сѣверѣ отъ Куанзы: такъ, зебръ
встрѣчается только по окраинамъ большихъ
южныхъ саваннъ, какъ равно и нѣкоторыя
антилопы, принадлежащи къ поясу бассейновъ
рѣкъ Оранжевой и Замбезе. Вероятно, одну
изъ такихъ антилопъ путешественникъ Бро-
шадо и принялъ ошибочно за дромадера ²⁾).
животнаго, котораго никогда не ввозили въ
этую страну.

Миръ птицъ представленъ въ Анголѣ боль-
шимъ числомъ видовъ: значительная торговля
шѣвчими птицами ведется съ Лиссабономъ.
Мѣстные негры твердо вѣрятъ въ предзначе-
нія, исходящія изъ пѣнія или полета
птицъ. Встрѣча съ *quioсo* (*telephonus egyp-
tiorpterus*) всегда сулитъ благо. *Corythrix rap-
ina*, хорошенькая птичка, кормящаяся пре-
имущественно зернами плодовъ, слышать
страшнымъ чародѣемъ, и ся крикъ вселяеть
ужасъ. Хижины, даже деревни покидались жи-
телями потому только, что эта птичка, при-
сѣвъ на сосѣднее дерево, испускала свою злѣ-
вѣщую нотку; охотники, ловящіе ее въ лѣсахъ
для продажи португальскимъ купцамъ, вся-
чески стараются, неся свою добычу, избѣгать
деревень изъ опасенія, чтобы туземцы не об-
винили ихъ въ умыслѣ колдовства. Птичка эта
замѣчательна и въ другомъ отношеніи: именно,
блестящая красная окраска ея крыльевъ рас-
творима въ водѣ, при чёмъ въ растворѣ ока-
зывается нѣкоторое количество мѣди ³⁾). Почти

¹⁾ Monteiro, упом. соч.

²⁾ „Annals do Concelho Ultramarino“, ноябрь 1885.

³⁾ Monteiro, упом. соч.

¹⁾ Conde de Ficalho, „Plantas uteis da Africa Portugueza“.

²⁾ H. H. Johnston, „The Kilima Njaro Expedition“.

повсюду въ лѣсахъ внутри страны обитаетъ также *cuculus indicator*, птичка, которая, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, приводить искателей меда къ улью, а затѣмъ терпѣливо ожидаетъ, усѣвшись на сосѣднее дерево, своей доли. Разсказываютъ также, что иногда эта птица, проникая въ самую густую чащу, сводила охотника лицомъ къ лицу съ слономъ или львомъ¹⁾). Змѣи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, рѣдки, но между ними есть весьма опасны; такова, напр., *cuspydeiro* или «плевака», которая, будучи раздражена, брызгаетъ ѳдкою и ядовитою слюною; проникновеніе этой слюны въ глазъ угрожаетъ слѣпотою. Насѣкомыя, за исключеніемъ муравьевъ и москитовъ, относительно рѣдки на атлантическомъ склонѣ Анголы. Во все продолженіе сасашбо ихъ почти не видно; появляются же они только на нѣсколько недѣль или даже дней въ жаркое время года. Рыбою изобилиуютъ сосѣднія моря необычайно: порою вода кажется какъ будто массою живаго мяса,— до такой степени она переполнена рыбами, простирающимися на нѣсколько квадратныхъ километровъ въ видѣ движущихся мелей. Ангольские туземцы ѡдятъ одинъ мелкій видъ акулы, равно какъ и *ringo*, рыбу-шѣвунью, дрожащія, нѣжныя, какъ звуки флейты, нотки которой выходятъ изъ тихихъ водъ. Въ рѣкахъ и въ особенности въ лужахъ послѣ разлива водъ по равнинамъ, ловятъ пимелода, изъ сомовидныхъ, достигающаго двухъ метровъ длины и по цѣлымъ часамъ остающагося живымъ также и на сушѣ.

Огромное большинство ангольскихъ негровъ принадлежитъ къ группѣ народовъ банту; но, вѣроятно, между ними, какъ и между населеніями Конго и Огове, находятся также потомки тѣхъ расъ, которыхъ господствовали въ предшествующую эпоху цивилизациіи, когда Африка еще не получила питательныхъ растеній изъ Азіи и Нового Свѣта, и когда населяющіе ее народы, живя лишь охотою, рыбной ловлѣ и сборомъ дикорастущихъ ягодъ и плодовъ, бродили по лѣсамъ²⁾). Эти первобытныя племена, отброшенныя на окраины пустынныхъ саванъ южной части Ангольской области, отличаются еще и понынѣ отъ своихъ завоевателей какъ образомъ жизни, такъ и языкомъ. Но и сами завоеватели, хотя родственные между собой какъ по происхожденію, такъ и по языкамъ, представляютъ нѣсколько слоевъ послѣдовательныхъ нашествій, изъ которыхъ каждое влекло за собою измѣненіе политического равновѣсія страны. Послѣднее изъ такихъ вторженій совершиено джагами въ срединѣ 16-го столѣтія, когда, въ

свою очередь, и португальскіе мореплаватели уже показались около морскихъ береговъ края; это вторженіе пронеслось по странѣ подобіе урагана, разрушая государства и сметая народы, при чемъ самихъ завоевателей обыкновенно считаются единоплеменниками кафровъ и зулусовъ изъ южныхъ странъ Африки. Въ наши дни этническія перемѣны совершаются болѣе постепенно, но сила ихъ воздействиѳ гораздо значительна: не врагами являются кабиндскіе негры, бразильскіе переселенцы и португальскіеmetis, но влияние ихъ тѣмъ легче воспринимается. Для жителей Анголы этимъ путемъ начинается новая цивилизациѣ¹⁾.

Различные сѣверные племена Анголы принадлежать, подобно народамъ, проживающимъ между Конго и Шилонго, къ группѣ ба-фютовъ: ихъ также, какъ и ту рѣку, около которой они обитаютъ, называютъ вообще племенами конго. Они-то нѣкогда и основали конгское государство, которое прославилось какъ союзомъ съ португальцами, такъ и успѣхами миссіонеровъ, крестившихъ новообразованныхъ сотнями тысячъ. Государство это существуетъ еще и теперь, но оно очень ослаблено, и большая часть ба-фютскихъ племенъ уже не входить въ его составъ. Му-соронго, браты живущихъ къ сѣверу отъ Заирѣ, му-шонконго, ба-конго, бамба, муйоло и другіе народы фютской расы слѣдуютъ другъ за другомъ къ югу отъ Нижнаго Конго вплоть до бассейна р. Мбришъ, оставаясь лишь въ воображаемой вассальной зависимости отъ пребывающаго въ Санть-Сальвадорѣ короля и весьма слабо испытывая на себѣ авторитетъ португальцевъ. Страну этихъ сѣверныхъ народовъ удавалось поѣтить, къ тому же, немногочисленнымъ путешественникамъ лишь цѣною большихъ опасностей и тяжкихъ трудовъ. Что касается негровъ сонво, живущихъ на полуостровѣ между Конгскимъ лиманомъ и берегомъ моря, то они не имѣютъ никакого отношенія къ своему прежнему спозерену въ Санть-Сальвадорѣ: возстаніемъ ихъ начальника, или киламбы—«графа де Соньо» португальскихъ хроникъ—и началась въ концѣ XVII-го столѣтія дезорганизація имперіи. Возстанія, соперничества миссіонеровъ, захватъ торговыхъ дорогъ кабиндами, и въ особенности продажа туземцевъ въ рабство, совершаемая либо самими монахами, либо португальскими или иноземными негроторговцами—привели къ совершенному разстройству стариинное конгское государство, которое, если еще и сохраняется, то подобно «священной римской имперіи» въ средніе вѣка, лишь въ силу мистической моши преданія.

Негры, обитающіе къ западу отъ Санть-Саль-

¹⁾ *Levailant;*—*Spartman;*—*Livingstone;*—*Magyar;*—*Houb;*—*Serpa Pinto;*—*Capella e Ivens* и т. д.

²⁾ *Conde de Ficalho*, упомян. соч.

¹⁾ *Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa*, 1882 № 7.

вадора, именно племена: му-соронго, му-ши-конго и бамба, хотя и находятся вблизи Конго, а также посещаютъ и факторіи бѣлыхъ, подверглись иностранному вліянію лишь въ весьма слабой степени; такъ, они остались чистыми послѣдователями фетишизма, безъ примѣси какихъ бы то ни было церемоний, заимствованныхъ у католиковъ; они

внушающимъ страхъ. Миръ духовъ управляетъ живущими. Часто женщины, остающіяся долго бесплодными, или потерявшія своего первого ребенка, даютъ обѣтъ посвятить своихъ новорожденныхъ служенію фетишамъ, и тогда съ малыхъ лѣтъ будущіе жрецы обучаются, подъ руководствомъ великихъ фетишеровъ, бить въ волшебный барабанъ, произносить заклинанія,

Женщина племени му-соронто.

всегда обуваютъ своихъ покойниковъ по-европейски, въ башмаки или сапоги, конечно, для облегченія имъ путешествія въ невѣдомый миръ¹). Му-шиконго, т. е. «рожденные отъ деревьевъ», хотя и не имѣютъ домашнихъ идоловъ, тѣмъ не менѣе считаютъ «фетишами» почти все предметы въ природѣ, а все необъяснимое признаютъ либо чудомъ, достойнымъ обожанія, либо дѣломъ волшебника,

производить судороги для вызова духовъ, напускать болѣзни или, напротивъ, изгонять ихъ. У бамба посвященіе въ таинства вслѣдъ за обрѣзаніемъ требуетъ много времени: именно, обрѣзанные мальчики удаляются въ лѣса, гдѣ, живя совершенно отдѣльно отъ остальныхъ членовъ и составляя времененную республику, учатся познавать волшебные свойства травъ, деревьевъ и животныхъ и приготовлять «мѣшокъ съ лѣкарствами», которыхъ они должны сохранять въ теченіе всей своей жизни для

¹) Monteiro, упом. соч.

предохраненія себя отъ несчастія; домой, въ село они возвращаются не раньше, какъ запасшись этими мощными амулетами. Говорять, что король племени бамба, предокъ которого былъ нѣкогда генералиссимусомъ Конгскаго императора, въ настоящее время является хранителемъ великаго фетиша, живущаго въ священномъ деревѣ, недоступномъ для иностранцевъ. Однако, это таинственное существо остается невидимымъ даже и для своихъ поклонниковъ; будучи смертно, оно, правда, умираетъ, но затѣмъ «этотъ богъ» снова возрождается изъ костей, собранныхъ его жрецами отъ трупа предыдущаго фетиша. Рассказываютъ, будто-бы и всѣ члены племени также должны пройти чрезъ такъ называемую «временную смерть»: именно, когда жрецъ потрясааетъ своею тыквенной бутылкою, наполненной талисманами, то всѣ молодые люди впадаютъ въ каталептическій сонъ и валяются какъ трупы. Только спустя три дня они возрождаются къ жизни, которую съ этого времени и посвящаютъ служению воскресившаго ихъ фетиша; однако, существуютъ и такие, которые просыпаются отупѣвшими, и воспоминаніе о предыдущемъ существованіи у которыхъ возвращается лишь медленно. Но каковы бы ни были пріемы бамбаскихъ чародѣевъ, повидимому, правдоподобно, что имъ дѣйствительно удается ввергать молодыхъ людей въ такой сонъ, который походить на состояніе послѣ смерти. Тѣ изъ нихъ, которые не подвергались процедурѣ «новаго рожденія», всѣми презираются, и имъ воспрещена пляска¹⁾). Среди му-шиконго проживаютъ ма-умбу, вполнѣ схожіе своюя наружностью съ другими ма-умбу, встрѣчающимися къ сѣверу отъ рѣки, въ сосѣдствѣ съ Лоанго, и тоже узнаваемы по ихъ семитическому типу²⁾. По ихъ преданіямъ, южные ма-умбу, принадлежащіе всѣ къ могущественнымъ семействамъ, пребываютъ въ краѣ съ незапамятныхъ временъ.

Къ югу отъ племенъ, составляющихъ группу Конго, и вплоть до провинціи Моссамедесъ, простирается гlosсологическая область племени бунда (бундо, бондэ), иногда называемаго, какъ и вообще вся территорія, анголою. Название «бунда», по одному этимологическому истолкованію его, впрочемъ, мало вѣроятному, означаетъ «людей поражающихъ» или побѣдителей; въ такомъ случаѣ, оно дѣйствительно напоминало бы о послѣдовательныхъ вторженіяхъ этой расы и объ ея побѣдахъ надъaborигенами³⁾). Но, кажется, что данное наименование скорѣе означаетъ «семейство, потомство, происхожденіе»⁴⁾), заключая въ

себѣ такимъ образомъ указаніе на существованіе у говорящихъ на этомъ общемъ языѣ сознанія объ ихъ родствѣ. Бунда или *lingua geral* (общій языкъ) Анголы представляеть одинъ изъ языковъ, наиболѣе распространенныхъ въ Африкѣ, а также одинъ изъ тѣхъ языковъ, которые, не будучи вполнѣ изучены, извѣстны, однако, уже издавна; такъ, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Лиссабонѣ была уже издана грамматика ангольскаго языка, а также писались на этомъ языкѣ и религіозныя сочиненія, кромѣ того, уже болѣе двухъ столѣтій, какъ на языѣ бунда говорятъ европейцы⁵⁾). Гlosсологическая область этого языка, начинающаяся, по Monteiro, непосредственно книзу отъ рѣки Дандэ, простирается далеко за предѣлы Анголы: если на бундскомъ языѣ не говорятъ, то по крайней мѣрѣ его понимаютъ тѣ многочисленныя племена внутри страны, которыхъ состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ бундскими караванщиками. Такимъ образомъ, жители Анголы распространяютъ употребленіе своего «франкскаго языка» вплоть до бассейновъ Конго, Ку-Банго и Замбезе не въ качествѣ «побѣдителей», а въ качествѣ купцовъ. Въ португальскихъ владѣніяхъ, языѣ этотъ представляеть два нарѣчія, настолько различающіяся, что ихъ даже классифицировали какъ два особые языка: бунда въ собственномъ смыслѣ или ангола, на которомъ говорятъ къ сѣверу отъ Куанзы, и бунда южное, господствующее во всей области между Бенгузлою и краемъ Бихэ⁶⁾). Что же касается португальскихъ словъ, то они проникли во всѣ языки внутри Африки, вплоть до Кассані.

Такимъ образомъ бунда, а-бундо или бианъ-бундо раздѣляются на двѣ группы: сѣверную или южную; но и эти группы, не образующія сплоченнаго или національнаго союза, подраздѣляются, въ свою очередь, на большое число племенъ, достигшихъ весьма различныхъ степеней цивилизациі: такъ, одни, подвергающіяся влиянию бѣлыхъ, въ сосѣдствѣ съ морскимъ побережьемъ или въ плантаціяхъ внутри страны—сравнительноцивилизованные; другія же, живущія на плоскогоріяхъ или въ глухихъ долинахъ горъ, остались въ дикомъ состоянії. При этомъ, лучше сохранилась чистотарасы, а также и прежніе обычай, у тѣхъ бунда, которые называются банио, или «люди горъ» и которымъ могутъ быть противупоставлены ба-буэро, или «люди равнинъ»⁷⁾; впрочемъ, Nogueira распространяетъ наименование ба-бано или нанно на всю данную національную группу. Сопо-

¹⁾ Кипъ-бунда у Magyar'a; hem-boundo у Pinto; am-bunda у Sanders'a.

²⁾ Ladislas Magyar, упом. соч.;—Sanders, цитирующий Cust'омъ.

³⁾ A. F. Nogueira, „A. Raça Negra“.

⁴⁾ Adolf Bastian, упомян., соч.

⁵⁾ Chavannes, упом. соч.

⁶⁾ Cannecatim, „Diccionario de lingua bunda“.

⁷⁾ Cust, упом. соч.

ставляя преданія тѣхъ бунда, которые живутъ въ области горъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Куанзы, Мадьярь говоритъ, что эти племена пришли съ сѣверо-востока около половины XVI-го вѣка. Предки этого народа, свирѣпые людоѣды, постоянно воевали съ окрестными племенами, добывая этимъ путемъ человѣческое мясо, а когда для битвъ не находили враговъ, то устремлялись другъ на друга. Эти непрестанныя убийства уже начинали угрожать истребленіемъ всей расы, когда, по словамъ легенды, образовалось тайное общество *epucasceiras'ovъ*, или охотниковъ на буйволовъ, которые рѣшили не єсть другаго мяса, кроме мяса лѣсныхъ звѣрей; хвостъ буйвола, обвязанный вокругъ головы, а также кольца изъ его кишечка на рукахъ и ногахъ, служили отличительными признаками членовъ этого сообщества. Наконецъ, союзники сдѣлались настолько могущественными, что открыто возмущались противъ людоѣдовъ, оставшихся вѣрными стариннымъ обычаямъ; однако, имъ пришлось покинуть край и перейти верхнюю Куангусу, въ направлениі къ западу, и основаться въ краѣ Байлундо и въ сосѣднихъ территоріяхъ, гдѣ мало-по-малу они научились обрабатывать почву и сдѣлались вѣрными союзниками португальцевъ, которые уже во времена первыхъ своихъ «черныхъ войнъ» имѣли около себя орды стрѣлковъ изъ лука, набиравшіяся между этими *epucasceiros'ami* и достигавшія иногда тридцати тысячъ человѣкъ. Съ другой стороны, тѣ бунда, которые остались къ востоку отъ Куанзы, ослабѣвъ послѣ выселенія *epucasceiros'ovъ* настолько, что не могли уже господствовать надъ другими народами страны, будто бы постепенно сливались съ ними, и хотя еще остались дикими, но нравы ихъ все-таки значительно смягчились.

Какую бы, однако, цѣну ни придавать этимъ разсказамъ, гдѣ легенда перемѣшана съ исторіей¹⁾, несомнѣнно, что человѣческія жертво-приношенія и остатки людоѣства сохранились въ религіозныхъ церемоніяхъ по крайней мѣрѣ до половины текущаго столѣтія. По свидѣтельству Владислава Мадьяра,—который былъ зятемъ короля Бихэ, а, слѣдовательно, и однѣмъ изъ князей главнаго племени бунда,—обычай требовалъ, чтобы трупъ начальника былъ орошенъ кровью рабовъ, а воцареніе новаго властителя не могло совершиться иначе, какъ послѣ охоты на человѣка, во время которой кандидатъ на власть долженъ былъ завладѣть по одному индивиду изъ каждой профессіи, такъ какъ для того, чтобы всѣ ремесла процвѣтали подъ его управлениемъ, необходимо, чтобы отъ каждого изъ нихъ была

принесена жертва; кромѣ того, молодыя девушки и даже беременная женщина обрекались на смерть, для обеспеченія плодородія въ теченіе будущаго царствованія, а дѣти, оторванные отъ груди матери, служили для фабрикаціи элексира долгой жизни. При перемѣнѣ царствованія предавали смерти кого-нибудь изъ доблестныхъ воиновъ, дабы король могъ съѣсть его сердце; но такъ какъ такой витязь долженъ пасть во время полнаго обладанія своими силами и въ радостномъ состояніи духа, то его убивали неожиданно во время исполненія воинскаго танца. Горе всякому чужеземцу, который встрѣтился бы на пути по-гребальной процессіи! Его тотчасъ же поволокли бы силой и убили бы на могилѣ. Впрочемъ, обычай разрѣшалъ убийство въ теченіе семи дней между смертью одного короля и воцареніемъ другаго, и регулярные солдаты постоянного войска, «сыны слона», пользовались этимъ для того, чтобы грабить и убивать по произволу. Но въ обыденное время приносили въ жертву только животныхъ: воинъ приносилъ фетишерамъ черную козу или чернаго же цвѣта телку; а женихъ—какое-нибудь животное, но совершенно бѣлое, безъ пятнышка.

Бунда, въ особенности племя нано, или «люди изъ высокой страны»,—вообще красивы, съ высокой осанкой и открытымъ лицомъ: не рѣдки между ними и лица съ голубыми глазами, хотя такой цвѣтъ вовсе не цѣнится туземцами. У большей части племенъ женщины вытатуировываются на себѣ рисунки, изображающіе цвѣты и арабески; головы ихъ остаются непокрытыми, тогда какъ мужчины навертываютъ на себѣ тюрбана себѣ на волосы, или же зашлѣстаютъ ихъ въ множество косичекъ, убранныхъ шариками изъ глины, замѣняющими кораллы. Къ тканямъ одежды главари, или *saba*, прибавляютъ, что, впрочемъ, дѣлается начальниками племени въ Африкѣ почти повсюду,—шкуру пантеры или другаго свирѣпаго животнаго: эта шкура служитъ символомъ того страха, который они должны вселять. Нѣкоторые изъ народцевъ совершаютъ обрѣзаніе, между тѣмъ какъ у другихъ оно неизвѣстно; есть и такие, у которыхъ обрѣзаны только начальники, при чемъ этой операциѣ они должны подвергнуться раньше, чѣмъ накинуть себѣ на плечи тигровую шкуру¹⁾. Большею частью бунда очень способные: подъ руководствомъ бѣлыхъ они скоро научаются чтенію, письму и музыкѣ; въ нѣсколько мѣсяцевъ они выучиваются правильно говорить по-португальски и становятся превосходными рабочими; каждая община имѣеть资料 своего кузнеца, который въ то же время и оружейникъ, своего плотника, ткача,

¹⁾ Travassos Valdez, „Six Years of a Travellers's Life“.

¹⁾ Ladislas Magyag, упом. соч.

горшечника, охотника, засѣдающихъ въ общественныхъ собранияхъ по порядку старшинства. Главнымъ же образомъ бунда отличаются, какъ торговцы: это они управляютъ дѣлами португальскихъ купцовъ внутри страны, при чемъ часто превосходятъ своихъ учителей торгою сметкою. Называемые Ливингстономъ мамбари, бунды плоскогорій сопровождаютъ караваны купцовъ во внутреннюю Африку; ихъ называютъ также *rombeiros*, по причинѣ ихъ пришествій въ страну кустовъ (кусть по-туземному называется *rombe*, по-португальски—*sertão*). Нѣкоторые изъ этихъ каравановъ состояли изъ трехъ тысячъ человѣкъ и иногда превращались въ грабительскія арміи. Многіе изъ бунда посылаютъ своихъ дѣтей въ приморскіе города для получения европейскаго образованія.

Области, занимаемыя племенами бунда, дѣлятся на начальничества, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ весьма населены; однако, каждая деревня составляетъ независимую общину, самоуправляющуюся въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не касаются всѣхъ остальныхъ поселеній. Впрочемъ, сограждане обсуждаютъ свои дѣла вовсе не на правахъ равенства, такъ какъ привилегированныхъ лицъ весьма много, и создаются привилегіи частью по праву наследства, а частью по назначению государя; кроме того, болѣе половины народонаселенія—рабы. Войны доставляютъ пленныхъ, голодъ побуждаетъ несчастныхъ продаваться, а за долги расплачиваются также и свободою; случалось даже, что для уплаты издережекъ по погребенію продавали собственныхъ дѣтей покойника. Съ другой стороны, почти всѣ рабы женятся на свободныхъ женщинахъ, съ цѣлью свалить свой трудъ на менѣе счастливыхъ пленныхъ и обеспечить свободу своимъ дѣтямъ, такъ какъ сыновья и дочери всегда наслѣдуютъ званіе матери. Часто жизнь раба считается столь же цѣнною, какъ и жизнь свободного человѣка, именно—въ тѣхъ случаяхъ, когда, чрезъ женитьбу, онъ родится съ кѣмъ—либо изъ начальниковъ; его трупу, какъ и трупамъ другихъ бунда, колдуны задаютъ вопросы о томъ, не причинена ли ему смерть какою-либо порчею и кто изъ чародѣевъ повиненъ въ этомъ? Задаются же эти вопросы въ силу повѣрья, будто бы души неумиротворенныхъ мертвцевъ не преминаютъ снова явиться на землю и стануть беспокоить живыхъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ воздана справедливость.

По ту сторону верхняго теченія Куанзы, населенія, живущія къ юго-востоку отъ племенъ бунда, хуамба и квимбанда,—разсѣянныхъ въ долинахъ плоскогорья союзныхъ племенъ, состоящихъ изъ кузнецовъ и искателей меда,—известны подъ именемъ гангузала; название это, означающее «глупцовъ, людей безъ ума», будто-

бы свидѣтельствуетъ о томъ преарѣніи, которое питали къ этимъ туземцамъ, при чемъ, въ доказательство тупоумія гангузаловъ, приводили тотъ фактъ, что они, будто бы, смотрѣли на водку какъ на ядъ и умертвили первыхъ купцовъ, привезшихъ это губительное снадобье. Собирательное название «гангузала» прилагается къ многочисленнымъ племенамъ, говоры которыхъ примыкаютъ: въ востокѣ—къ нарѣчіямъ племени лобале, а въ западѣ—къ нарѣчіямъ племени вано; однако несмотря на разницу въ соціальномъ состояніи этихъ націй, кажется, что ониѣ одного и того же происхожденія, и репутація варваровъ не мѣшаетъ гангузаламъ быть въ торговомъ дѣлѣ людьми смѣтливыми и предпримчивыми; по *Vatianu*, это между ними слѣдуетъ искать потомковъ древнихъ завоевателей Конго¹⁾, тѣхъ джигасовъ, которыхъ другіе писатели находятъ между фуллами, галласами или кафрами. Сонго, занимающіе водораздѣльную область между реками Куанза и Куанго, болѣе гангузаловъ подверглись вліянію португальцевъ; и, однако же, мало странъ, где судь посредствомъ испытанія ядомъ изъ коры *nkassa* былъ бы столь же распространенъ, какъ въ этомъ краѣ. Къ нему прибѣгаютъ даже по существу пустякамъ, при чемъ спорящія стороны бываютъ представлены либо толпой дѣтей, либо стаей собакъ. И тѣмъ, и другимъ ядовитый отварь дается настолько слабый, что не угрожаетъ большою опасностью для жизни, и на чьей сторонѣ впервые послѣдуетъ изверженіе яда, та сторона и выигрываетъ²⁾.

На низовьяхъ Куанзы, жители южнаго берега представляютъ болѣе отличій отъ типа племени бунда. Нарѣчія банту, которымъ они говорятъ, много разнятся отъ господствующаго языка въ Анголѣ³⁾. Племя либалло, территорія которого ограничена съ востока небольшою рекою Конго, состоитъ изъ людей добрыхъ и мирныхъ, искусно воздѣлывающихъ свою почву. Либолло—наслѣдственные враги своихъ западныхъ сосѣдей, киссама, живущихъ въ полуостровномъ пространствѣ, ограниченномъ съ востока и съвера болѣюю излучиной Нижней Куанзы, а съ запада и съ юго-запада—морскимъ побережьемъ. Киссама до сихъ поръ сохранили свою полную независимость, хотя и легко было бы присоединить ихъ территорію, почти цѣлкомъ вкрапленную въ португальскія владѣнія. Во времена одной голодовки, постигшей край, бундскіе негопіанты воспользовались этой нуждою и продавали киссамамъ жизненные припасы въ обмѣнъ на свободу большого числа голодающихъ. Въ наказаніе за эту гнусность киссамы отомстили имъ слѣдую-

¹⁾ *Enthnologische Forschungen*.

²⁾ Paul Pogge, „Im Reiche des Muata Jamwo“.

³⁾ Monteiro, упом. соч.

щемъ же году, пѣнивъ бундскихъ торговцевъ съ португальскимъ рынкомъ, они вынуж-
и подвергнувъ ихъ пыткѣ и жженію каленымъ дены переходить за Куазну. Туда они
желѣзомъ. Поэтому племя бунда охотно вы-
звалось бы пособить португальскому прави-
продуктъ — соль въ брускахъ въ полметра

Станъ бушменовъ.

тельству въ завоеваніи киссамскаго края. Весьма черные, малые ростомъ, почти всегда грязные, киссама держатся особнякомъ отъ всѣхъ другихъ туземцевъ; однако, для продажи своихъ произведеній въ мѣстахъ

длиною, которые отправляютъ внутрь материка и которые замѣняютъ монету въ большой ча-
сти континента. Торговцы, запасшись фети-
шами, которые служать имъ какъ-бы охран-
ными грамотами, проникаютъ, въ свою оче-

редь, въ киссамскія деревни, доставляютъ европейскіе товары, между прочимъ, стеклянныя подѣлки, которыя киссамскими женщинами употребляются на украшеніе костюма. Ихъ прически, съ короною изъ растительныхъ волоконъ въ видѣ вѣнца, украшаются бусами въ перемежку съ нитями изъ луба; онъ носятъ также платье, изготовленное изъ луба баобаба и покрытое сзади, у богатыхъ, шкурой антилопы, на которую нацѣплены раковинки, поступающія другъ о друга при каждомъ шагѣ, вслѣдствіе чего, по шуму отъ этихъ раковинъ на костюмѣ, уже издали слышно приближеніе женщины. Киссама—весьма вѣжливы и церемонны¹⁾.

Къ югу отъ либолло и киссама живутъ амбозлла, народъ бантскій, носящий то же самое имя, какъ и многочисленный къ той же расѣ принадлежащія племена, основавшіяся на юго-востокѣ, на берегахъ Ку-Банго и по верхнему течению Замбезе. Сели или му-сели, на морскомъ берегу, около Ново-Редондо, были нѣкогда людоѣдами и при своихъ религіозныхъ церемоніяхъ приносили человѣческія жертвы, при чемъ голова и сердце убитаго доставались королю. Южне, дикие му-ндомбѣ, покоренные лишь въ 1847 году,—кочующій пастушескій народецъ, отличающейся независимостью, но не злобномъ, характеромъ. Они одѣваются въ шкуры и намазываютъ тѣло прогорклымъ растительнымъ или коровьимъ масломъ, черни его угольнымъ порошкомъ. Единственные между обитателями Анголы, они носятъ сандаліи изъ бычачьей кожи. Въ ихъ деревняхъ хижини, или кубата, въ которыхъ съ трудомъ можно стоять, похожи на стоги сѣна и имѣютъ форму правильнаго полушара; находящіяся въ нихъ кровати—не что иное какъ массы глины, выравненные на поверхности и смазанные коровьимъ масломъ. Когда му-ндомбѣ женится, садятъ рожицу банановъ, и если молодая жена не забеременѣтъ къ тому времени, когда дерево станетъносить плодъ, то она можетъ требовать развода²⁾. Обыкновенно му-ндомбѣ не єдятъ другаго мяса, кромѣ дичи; они сильно воздерживаются отъ убоя своего скота, если только не случится смерть начальника, которая служитъ сигналомъ большаго пиршества, во время которого быки пожираются уже сотнями. Во время этихъ чудовищныхъ поминокъ, которыя длятся отъ десяти до пятнадцати дней, съѣдаются всю тушу цѣликомъ: мясо едва поджаренное, кровь, внутренности и даже кожу, опаленную на яркомъ пламени; остаются только кости да рога³⁾.

Между Бенгуэллою и Моссамедесомъ, примор-

¹⁾ Héli Châtelin, „Afrique explorée et civilisée“. Mai, 1887.

²⁾ Capello e Ivens, De Benguella as terras de Jacca.

³⁾ Monteiro, упом. соч.

ская область занята племенами ба-куандо¹⁾ и ба-куиссе, народами, которыхъ считаютъ принадлежащими къ какой-то примитивной расѣ, находящейся уже на пути къ исчезновенію. Это люди малаго роста, съ желтовато-черною окраскою кожи, выдающимися скелетами, приплюснутымъ носомъ, вздутыми губами, выдвинутую впередъ челюстью и большимъ животомъ на весьма слабыхъ ногахъ. Отъ нихъ убѣгаютъ, точно это опасные люди, а между тѣмъ они и сами-то не что иное, какъ бѣглецы: проживая въ пещерахъ и въ разсыпанныхъ горъ, они покидаютъ одно за другимъ свои пристанища, передъ бѣлыми или чернокожими другой расы; европеецъ въ ихъ глазахъ—почти божественное существо, которому они никогда не осмѣлились бы сопротивляться. Крадучись и прячась отъ иноплеменника, пребираются они къ морю для сбора тѣхъ животныхъ и обломковъ, которые выкинутъ имъ волны, или же отваживаются пускаться на поиски за рыбью, пригнанную къ берегу морскимъ прибоемъ: другой пищи они не єдятъ, такъ какъ вовсе не имѣютъ оружія для охоты за дичью. Общественная группировка не преступаетъ у нихъ за предѣлы семейства, и они кочуютъ, подъ предводительствомъ старшаго въ родѣ²⁾). Другие пугливые народцы, ба-кубали (кабаэ) и ба-корока, вѣроятно, смѣшанной расы, находятся на западномъ склонѣ горъ и тоже слишкомъ слабы, чтобы противопоставить хотя-бы малѣйшее сопротивленіе бѣлымъ или чернымъ завоевателямъ. На противоположномъ склонѣ, ба-канкала, малорослые, пузатые и желтоватые, также представляютъ, вмѣстѣ съ ба-куандо и ба-куиссе, бушменскую расу между племенами банту³⁾). Въ южной области Анголы больше всего еще сохранилось потомковъ аборигеновъ; но и тамъ народы банту завоевали землю, и языки бунда сдѣлался преобладающимъ. Главнымъ племенемъ на правомъ берегу Кувэнзя является ба-симба (ба-ксимба), *cimberas* многихъ этнографовъ⁴⁾.

Верхній бассейнъ Какуловара, главного притока р. Кунэнз, принадлежитъ различнымъ племенамъ народа ба-нанека, а берега самой Кувэнз, въ ея верховьяхъ, заселены племенемъ ба-икомби; въ общемъ, численность этихъ двухъ націй, по Nogueira, простирается до ста сорока тысячъ человѣкъ. Всѣ они говорятъ на бундскомъ языке, и очевидно, по расѣ, это братья сѣвернымъ бунда; изъ преданій ихъ явствуетъ, что они жили нѣкогда въ области верхнаго теченія Куанзы и были изгнаны от-

¹⁾ Mu-куандо, по Ladislas Magyar.

²⁾ Ladislas Magyar, упом. соч.—Nogueira. „A Raça Negra“.

³⁾ Nogueira, „Exploration du fleuve Cunéné“. Рукоп. замѣтки

⁴⁾ Duparquet, „Voyage en Cimbébasie“.

туда племенемъ ба-вано. Ихъ обычай, въ особенности обычай племени ба-нкомби, сходны съ арабскими: они бреютъ себѣ голову, оставляя одинъ пучекъ волосъ, и, входя въ домъ къ кому-либо изъ друзей, почтительно разуваются¹⁾; группы ихъ хижинъ походятъ на дуары и управляются тѣмъ же порядкомъ. Большая часть этихъ народцевъ независимы, и даже тѣ изъ нихъ, которые платятъ небольшую дань своимъ сюзеренамъ, во всѣхъ внутреннихъ своихъ дѣлахъ свободны. Хам-ба, или начальникъ, т. е. тотъ, «кто болѣе, чѣмъ человѣкъ», не можетъ, однако, диктовать свою волю: онъ окружены советниками, которые обсуждаютъ съ нимъ всѣ важные дѣла и часто навязываютъ ему свой взглядъ. Когда охотникъ убьетъ слона, то одинъ изъ бивней доставляетъ имъ хам-бѣ, но никакихъ другихъ налоговъ нѣтъ, если только спорящія стороны не захотятъ обратиться къ суду «отца». Рабство существуетъ, но самаго слова «рабъ» избѣгаютъ, замѣняя его словомъ «сынь» или «двоюродный братъ»; и действительно, когда въ семействѣ нѣтъ законнаго наследника, т. е. сына единогубрѣнныхъ сестры или брата, то самый старшій рабъ получаетъ наследство, въ ущербъ даже дѣтямъ покойнаго; женщины не наследуютъ.

На разспросы миссіонеровъ, ба-нанека и ба-нкомби говорять о верховномъ богѣ, а объ умершихъ выражаются, «что Богъ приказалъ имъ прийти къ себѣ»; однако, поклоненія этому богу они никакого не совершаютъ и смишиваются съ солнцемъ. Будучи пастухами и земледѣльцами, они въ особенности чутуть животныхъ, змѣю, ползающу въ ихъ хижинахъ, и быка, неизмѣнно сопровождающаго ихъ при переходѣ съ одного пастбища на другое. У каждого му-нанека есть свой любимый быкъ, и когда му-нанекъ умираетъ, то его останки, приведенные, посредствомъ варенія, въ родѣ тѣста, и хоронятся въ кожѣ его любимца²⁾. Великій праздникъ, именно праздникъ изобилия, имѣеть символомъ бѣлого или чернаго, но безъ малѣйшаго пятнышка, быка, который шествуетъ подъ начальствомъ музне-хамбо, или «старшаго пастуха», и за которымъ слѣдуетъ корова, называемая «хозяйкой дома»³⁾. По окончаніи жатвы, все племя отправляется процессію, въ предшествіи священныхъ быковъ, въ мѣстопребываніе начальника, чтобы погадать о судьбѣ и приготовиться къ работамъ наступающаго года. Въ дни праздника, радость должна быть всеобщая: не разрѣшается оплакивать даже мертвыхъ; преступленія—весьма, впрочемъ, рѣдкія во время этого периода взаимнаго благоволенія,—считаются не совер-

шившимися; розыскивать ихъ виновниковъ воспрещено. У народцевъ, проживающихъ въ области р. Кунэнэ, всѣ молодые люди обрѣзаны; только подъ этимъ условиемъ они считаются *тиба*, т. е. равными; всѣхъ же необрѣзанныхъ, или *бі-сuto*, преслѣдуетъ общественное презрѣніе. Кандидаты на равенство должны подвергаться этой операциі, стоя и опершись на лукъ; въ племенахъ этихъ храбрыхъ воиновъ страдать должно молча. Nogueira, прожившій одиннадцать лѣтъ между туземцами р. Кунэнэ, съ удивленіемъ говорить объ ихъ достоинствахъ и гражданскихъ добродѣтеляхъ. Помимо преступленій, совершаемыхъ, какъ и во всѣхъ странахъ, ради династическихъ распрай, не бываетъ нападеній ни противъ жизни, ни противъ собственности, хотя каждый носитъ оружіе и никакая полиція не виѣшиается въ отношеніи между гражданами. Развратъ, споры, насилия и бѣдность внесли въ страну португальцы⁴⁾. Какъ почти во всѣхъ странахъ, гдѣ европейцы вступаютъ въ сношенія съ туземцами, дѣло ихъ имѣть гибельное начало: они развращаютъ населенія, вместо того, чтобы нравственно улучшать ихъ, а иногда истребляютъ ихъ отчасти, или даже вполнѣ. Прежде, слѣдовательно, чѣмъ совершился единеніе расы и прогрессъ каждого народа послужить на пользу всѣмъ, протекаетъ periodъ вражды, во время которой слабые побѣждаются сильными.

Полуцивилизованные негры Анголы однобразно называются *pretos'ami*, между тѣмъ какъ туземцы, оставшіеся въ португальского влиянія, обозначаются словомъ *negros*, которое часто произносится съ презрѣніемъ. *Претосы*, подвергаясь влиянію европейцевъ, а также и переселенцевъ изъ Кабинды, которыхъ, наравнѣ съ бѣлыми, слѣдуетъ считать истинными цивилизаторами жителей Анголы, населяютъ въ особенности приморскіе порты и принадлежащіе къ нимъ городскіе округа: къ нимъ же должны быть также причислены: бунда, на берегахъ нижнаго течения Куанзы; амбакосы, или жители округа Амбака, въ бассейнѣ р. Лу-Калла, и, наконецъ, бихеносы, или населенія на плоскогоріи Бихэ, гдѣ находится водораздѣлъ между реками Куанза, Кунэнэ, Ку-Банго и Куандо. Между этими полуцивилизованными неграми не рѣдки люди образованные: изъ нихъ вербуется большинство служащихъ по торговой части, а также и вѣкоторые изъ чиновниковъ въ колоніальной администрації; многіе изъ нихъ завѣдуютъ или даже и владѣютъ плантациями. Впрочемъ, раса этихъ претосовъ стала уже значительно смѣшанною, вслѣдствіе чего въ ней встрѣчаются люди со всѣми оттенками кожи: отъ чисто чернаго цвѣта до свѣтлого настолько, что такихъ ту-

¹⁾ Capello e Ivens, „De Angola a Contra-Costa“.

²⁾ Capello e Ivens, упом. соч.

³⁾ Nogueira, упом. соч.; — João de Andrade Corvo, „Provinzias ultramarinas“.

⁴⁾ Nogueira, упом. соч.

земцевъ причисляютъ уже къ бѣлымъ. Постепенно эти ангольскіе негры сливаются съ португальцами, на языкѣ которыхъ они говорятъ и идеи которыхъ раздѣляютъ. И, однако же, многое изъ обычаевъ этихъ претосовъ, живущихъ въ пригородахъ, напоминаетъ о прежнемъ варварствѣ. Владиславъ Мадьяръ разсказываетъ объ одномъ изъ этихъ обычаевъ, который до половины текущаго столѣтія сохранился среди му-ндолмбѣ въ окрестностяхъ Бенгуэллъ, хотя «цивилизованные» негры и не желаютъ, чтобы ихъ смѣшивали съ дикими му-ндолмбѣ изъ внутренней страны. Это—*vikuni*, т. е. продажа съ аукціона, на одну ночь, тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, родители которыхъ не въ состояніи, по бѣдности, оплатить расточительные свадебныя пиршества. Сопровождаемая женщинами своего участка и въ предшествіи знаменъ и цимбаловъ, невѣста переходитъ отъ однѣхъ дверей къ другимъ и отдается тому, кто предложитъ большую цѣну. На слѣдующій день та же процесія матровъ отводить невѣсту къ ея будущему мужу; такимъ-то путемъ, оба семейства, и женино, и мужнино, избѣгаютъ срама сыграть свадьбу безъ пира. Этотъ обычай до сихъ поръ также повсемѣстно соблюдаются какъ у оставшихся дикими му-ндолмбѣ, такъ и въ племени куиссами¹⁾). Въ деревняхъ внутри страны, невѣста должна совершать свою свадебную прогулку совершенно голая, но съ ногъ до головы покрытая мастикою изъ бѣлой глины, считаемою знакомъ благоденствія.

Въ Анголѣ бѣлыхъ сравнительно немного. Именно, на всю громадную территорію приходится около четырехъ тысячъ европейцевъ, да и тѣ почти всѣ явились сюда съ надеждою возвратиться на родину, въ метрополію. Поселяются въ Анголѣ изъ португальцевъ и другихъ бѣлыхъ либо купцы и промышленники, желающіе быстро нажиться, либо чиновники и военные, для которыхъ пребываніе на службѣ въ отдаленныхъ краяхъ засчитывается вдвое. Поэтому не удивительно, что терраторіи между «берегомъ», т. е. берегомъ на Атлантическомъ океанѣ, и «противо-берегомъ», т. е. берегомъ на океанѣ Индійскомъ, между устьями Зaire и Замбезе, остаются въ большей своей части невѣдомыми; и хотя на португальскихъ картахъ онѣ и показываются составляющими какъ-бы одну лузитанскую область, но только немногіе путешественники проходили черезъ нихъ отъ океана до океана. Рѣдко встрѣтишь въ этой области между европейцами истинного переселенца, навсегда основавшагося на африканской почвѣ. Объясняется это тѣмъ, что даже для самихъ португальцевъ попытки къ акклиматизаціи въ тропическомъ поясѣ угрожаютъ опасностями. Конечно, можно привести

много примѣровъ того, что бѣлые проводили половину долгой жизни въ прибрежныхъ торговыхъ городахъ или на плантацийхъ внутри края, но рѣдко случалось, чтобы они обнаруживали ту же энергию къ труду, какъ ихъ соотечественники, остающіеся въ Европѣ; къ тому же чтобы жить, оставаясь здоровыми, имъ необходимо воздерживаться отъ работы на солнцѣ; всѣмъ имъ приходится передвигаться не иначе, какъ въ *tiroya*, т. е. въ паланкинѣ, на висящемъ гибкомъ пальмовомъ шестѣ, опирающемся на плечо двухъ негровъ — скороходовъ. Вообще можно сказать, что бѣлый, и въ особенности прибывшій изъ Сѣверной Европы, лишь въ исключительномъ случаѣ можетъ акклиматизироваться среди Португальской Африки; къ сѣверу отъ Моссамедеса европейская раса не акклиматизируется вовсе; семейства могутъ сохраняться не иначе, какъ только возвратившись въ свое отчество; основавшія же тамъ колоніи кончили гибелью. Въ противоположность этому, переселенцы изъ Португалии или съ о. Мадеры въ округѣ Моссамедеса, находящемся на 1.700 километровъ къ югу отъ экватора, дышать въ этой полосѣ сравнительно свѣжимъ и гораздо менѣе влажнымъ воздухомъ, чѣмъ въ Лоандѣ и въ Бенгуэллѣ: поэтому, случаи акклиматизаціи, не только отдельныхъ лицъ, но и семействъ, тамъ многочисленны. Многіе португальцы по рождению съ гордостью показываютъ тамъ свои дѣтей, крѣпышей, съ розовыми щеками; и, хотя до сихъ поръ смертность между бѣлыми обыкновенно превышала рождаемость, тѣмъ не менѣе европейская раса тамъ продолжается; тотъ фактъ, что въ Моссамедесѣ встречается мало молодыхъ дѣвушекъ, объясняется переселеніемъ ихъ въ другіе приморскіе города, вслѣдствіе замужества. Такимъ образомъ, климатъ, «губитель» на сѣверѣ Анголы, является «ассимиляторомъ», «усвоителемъ» въ этой части страны¹⁾). А если семейства бѣлыхъ уживаются на приморскомъ берегу этого округа, то тѣмъ болѣе противостоять климату могутъ тѣ изъ нихъ, которые проживаютъ въ возвышенныхъ долинахъ внутри страны. Вообще, неправильная линія, очерчивающая весь бассейнъ Кунэнза, вилотъ до плоскогорія, отдѣляющаго этотъ бассейнъ отъ склоновъ рѣкъ Куанзы и Куанго, ограничиваетъ ту часть португальскихъ владѣній, которая уже и нынѣ въ слабой степени является колонизованнымъ краемъ. Но къ сѣверу отъ этого водораздѣла, терраторіи не предназначено, собственно говоря, стать колоніею: она можетъ быть только лишь областью для эксплоатации естественныхъ богатствъ.

Но не одни португальцы ищутъ для себя

¹⁾ Lux, „Von Loanda nach Kimbunda“.

¹⁾ Manuel Ferreira;—Ribeiro, „A Colonisação Luso-Africana“.

новое отечество въ южной части Анголы. Къ переселеню съ сѣвера присоединяется и другое этническое движение, идущее съ юга. Буры (boers)—по происхожденю голландцы, съ не-

съ этапа на этапъ, они выдвинули свои перво-
довые колоніи такъ далеко, что завладѣли и
тѣми плоскогоріями, которыи прорѣзываетъ рѣ-
ка Кунэнэ въ верхнемъ своемъ теченіи. И боль-

Общий видъ города Каптоуна.

шою примѣсью французскихъ кальвинистовъ—изгнанниковъ—при посредствѣ своихъ развѣдчиковъ продолжили вплоть до Анголы свое поступательное движение которое они начали два вѣка тому назадъ, въ Столовомъ заливѣ:

не подлежать сомнѣнію, что, несмотря на трудности первого поселенія, несмотря на столкновенія, имѣвшія слѣдствіемъ обратное движение иммигрантовъ, буры укоренятся въ португальскихъ владѣніяхъ и будуть содѣйство-

вать ихъ заселенію и цивилизаціі. Но это еще не все: для завладѣнія Анголой при посредствѣ европейскихъ идей, нравовъ и промышленности, нужно разсчитывать также на переселенцевъ изъ Нового Свѣта, бразильцевъ, которые тоже португальцы по происхожденію, языку и сношenіямъ. Только большинство изъ нихъ принадлежать, вслѣдствіе смѣшенія крови, къ двумъ расамъ. Достовѣрная генеалогія, ими, семейная преданія дѣлаютъ ихъ европейцами, но по матери или по своимъ предкамъ они также и африканцы, и такимъ образомъ являются естественной переходной расой отъ бѣлыхъ къ чернокожимъ, отъ колонистовъ къ туземцамъ. Индусскиеmetis изъ Гоа или «канарцы», прозванные такъ вслѣдствіе своего происхожденія изъ страны Канары, имѣютъ въ Анголѣ своими представителями священниковъ, счетоводовъ и учителей и, слѣдовательно, также участвуютъ въ распространеніи цивилизациіи въ Африкѣ.

Экономическая и соціальная условия Анголы совершенно измѣнились въ эти послѣдніе годы. Въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій завладѣнія краемъ, факторіи на морскомъ берегу, между устьями рѣкъ Заиры и Куненѣ, только и служили, что для торговли рабами: это были складочные мѣста для тѣхъ несчастныхъ, которыхъ купцы съ острова св. Фомы—потомки евреевъ, сосланныхъ туда въ концѣ XV столѣтія¹⁾—покупали внутри страны и вывозили на бразильскія плантации. При посредствѣ этихъ *sabanejos*²⁾ морского побережья, Африка обезлюдилиась въ пользу Нового Свѣта, и не удивительно поэтому, что Ангола осталась такъ далеко позади американской имперіи. Используютъ, что съ начала XVI-го столѣтія такимъ образомъ былъ вывезенъ изъ Анголы по крайней мѣрѣ миллионъ негровъ, и что для полученія возможности продать этотъ миллионъ людей, негроторговцы погубили—во времи своихъ набѣговъ съ цѣлью захвата негровъ и при форсированныхъ, затѣмъ, маршахъ съ плѣнными—по крайней мѣрѣ еще втрое или вчетверо больше людей. Правда, что передъ отплытиемъ они испрашивали благословеніе церкви для своего груза негровъ, и еще во время путешествія Бастіана въ Лоандѣ можно было видѣть мѣсто того камня, съ высоты которого епископъ простирадъ руки къ отплывающимъ кораблямъ, для преподанія плѣннымъ своей апостольской благодати. Впослѣдствии—когда эта торговля поуменьшилась, а затѣмъ, когда, около половины текущаго столѣтія, она прекратилась совершенно—Ангольскій край пересталъ быть территорію охоты на человѣка и страна получила возможность снова постепенно заселяться; но торговля человѣче-

скимъ мясомъ продолжалась по плантациямъ, какъ это дѣлается и въ наши дни по ту сторону Куанго, во внутреннихъ негритянскихъ королевствахъ, и вся система эксплоатации почвы, весь колоніальный режимъ, поконились на подневольномъ трудѣ рабовъ въ тѣхъ громадныхъ вотчинахъ, которыхъ были дарованы государствомъ. Только въ 1878 году въ португальскихъ владѣніяхъ было уничтожено вполнѣ рабство, и негровъ уже перестали привозить къ работѣ на непринадлежащемъ имъ полѣ; однако, порядокъ землевладѣнія не измѣнился, и мелкая собственность, опора благосостоянія крестьянина, не смѣнила крупнаго землевладѣнія, на которомъ поконится могущество земельной аристократіи. Впрочемъ, нельзя допустить, чтобы соответственно такой значительной перемѣнѣ, какъ освобожденіе негровъ, не воспослѣдовалъ внутренній переворотъ въ способѣ труда. Равнымъ образомъ не можетъ быть, чтобы возрастающая важность Анголы въ политическомъ равновѣсіи Африки не имѣла слѣдствіемъ дарованія ей большаго самоуправления и избавленія ея отъ нахожденія въ полной зависимости отъ министерскихъ распоряженій изъ Лиссабона.

Хотя португальцы торжественнымъ актомъ и признаны владѣтелями лѣваго берега Конго на протяженіи всего низовья этой рѣки, отъ Ноки до мыса Падранъ, но на всемъ этомъ теченіи у нихъ вѣтъ пристаней, посыпаемыхъ торговцами. Почти все торговые суда, либо привозящія товары изъ-за границы, либо грузящія мѣстными произведеніями, останавливаются на Нижней Заирѣ въ Бананѣ, въ Понта-да-Леня или въ Бомѣ, на правомъ берегу рѣки, принадлежащемъ «свободному» Конгскому государству. Португальскій берегъ остается почти пустыннымъ. Воды здѣсь, въ среднемъ, менѣе глубоки и, слѣдовательно, менѣе благоприятны для судоходства; также и прибрежныя населенія здѣсь болѣе враждебно относятся къ иностранцамъ. Постъ Санто-Антоніо, запищенный съ запада полуостровомъ мыса Падранъ,—пока только сторожевая станція, лишенная всякаго торгового значенія. Киссама, пышной растительностью которой прѣѣжаютъ любоваться торговцы изъ Бома, обладаетъ тремя факторіями и плантациями, произведенія которыхъ могутъ, однако, помѣститься на вѣсколькихъ плоскостяхъ. Конгская пристань на португальской територіи, гдѣ больше всего останавливаются кораблей,—это пость Ноки (*Noqui*), или Луканго по туземному; расположена она около границы, книзу отъ водопадовъ и пороговъ, и приставать къ нему могутъ суда съ вмѣстимостью до пятисотъ тоннъ. Благодаря перемѣщенію торговли слоновою костью съ приморскаго побережья, изъ порта Амбиза, на берега Конго, въ Ноки, рынокъ послѣднаго вѣ-

¹⁾ Bistian, „Besuch in San-Salvador“.

²⁾ Сабанеж употреблено здѣсь авторомъ въ смыслѣ „темной коморки въ тюрьмѣ“ Littré et Beaujean (Перев.).

сколько оживился. Затѣмъ Ноки служить также отправнымъ пунктомъ для путешественниковъ, направляющихся на юго-востокъ, къ Санть-Сальвадору, столицѣ Конгскаго королевства, вассала того «Короля моря», который пребываетъ въ Лиссабонѣ. Пока еще не существуетъ большой дороги, которая прямо соединяла бы этотъ историческій городъ, т. е. Санть-Сальвадоръ, съ портами морскаго побережья.

Амбасси, негритянскій городъ, который португальцы называютъ Санть-Сальвадоромъ, занимаетъ господствующее положеніе, какъ это и подобаетъ главному городу имперіи, нѣкогда простиравшемся отъ Габона до Куанзы. Онъ выстроенъ на вершинѣ плоскогорія, имѣющаго эллиптическую форму и развертывающагося съ сѣвера на югъ на протяженіи почти двухъ съ половиною километровъ въ длину и одного километра въ ширину. Къ югу, извилистая долина рѣки Лузжи, протекающей болотистыми мѣстами посреди травы и папируса, описываетъ полуокругъ около откосовъ плоскогорія; а къ востоку и къ западу ручьи, съ перекинутыми черезъ нихъ висячими мостами изъ лавы, текутъ въ узкихъ ущельяхъ на глубинѣ болѣе сотни метровъ отъ верхнихъ террасъ надъ ними; изобильные источники чистой воды бываютъ изъ-подъ гранита, служащаго подножіемъ изолированному холму Санть-Сальвадора и окруженного со всѣхъ сторонъ древними известняками.

«Великій фетиши» Санть-Сальвадора—слава о которомъ была распространена далеко по Ангольскому краю—потерялъ свое обаяніе, и обряды культа, преподаянаго миссионерами изъ португальскихъ доминиканцевъ и итальянскихъ капуциновъ, недавно были позабыты совершенно. Лишь у нѣкоторыхъ изъ главарей сохранились Распятія, которыхъ они считали знаками своей власти, да король сохраняетъ, какъ эгиду, хоругви, освященную папой Иннокентіемъ VIII; существуетъ въ столицѣ также нѣсколько иконъ, и иногда, въ праздники, ихъ носятъ въ пышныхъ процесіяхъ, сопровождая крестный ходъ колѣнопреклоненіями и молитвами, въ которыхъ изъ прежней литургіи остались лишь слѣды. Священники изъ негровъ, пребывающіе въ Лоандѣ, неоднократно посѣщали свою паству въ Санть-Сальвадорѣ, для поддержанія вѣнчанаго единенія этихъ католиковъ съ остальной церковью, и имена такихъ миссионеровъ выгравированы на священномъ деревѣ, возвышающемся посреди города. Въ это послѣднее время снова возсоединила Санть-Сальвадоръ съ католическимъ міромъ учрежденная тамъ постоянная міссія. Миссионеры-баптисты также стараются, хотя и съ малымъ успѣхомъ, вербовать прозелитовъ, особенно между дѣтьми-невольниками, выкупаемыми у купцовъ сосѣднихъ племенъ. Подъ влияніемъ этихъ ино-

странцевъ, нѣкоторые изъ стариныхъ обычаевъ исчезли, между прочимъ, испытаніе ядомъ¹⁾, но многоженство еще обще всѣмъ начальникамъ племенъ.

Порядокъ наслѣдованія—который миссионеры нѣкогда пытались измѣнить въ смыслѣ римскаго права—совершается отъ дяди къ племяннику, какъ и у большей части африканскихъ племенъ. Во время междуцарствія власть принадлежитъ грозному сановнику, который и называется ма-бома, т. е. «внушитель ужаса»; поэтому-то смерть короля считается вдвоеѣ національнымъ бѣдствіемъ. Страна облекается въ глубокій трауръ; повсюду царить безмолвіе, не слышно болѣе пѣсенъ, не видно пляски. Негры не выходятъ изъ своихъ хижинъ; не моются, едва ёдятъ и даже не ходятъ обрабатывать свои поля. Въ теченіе мѣсяцевъ трупъ сохраняется въ хижинѣ, которую помѣщають передъ дворцомъ; ее украшаютъ символическою фигурою умершаго государя и передъ нею ежедневно благоговѣйно ставятъ тѣ кушанья, которыхъ онъ єѣлъ при жизни. Послѣ высыханія конечностей, которая предварительно переламываются, тѣло покрываютъ глиной, а затѣмъ обертываютъ въ шелковую ткань и въ куски хлопчато-бумажныхъ тканей, при чемъ каждый приносить свой кусокъ, и вскорѣ мумія приобрѣтаетъ такой объемъ, что заполняетъ почти всю хижину. Послѣ этого тѣло относится къ мѣсту погребенія, и такъ какъ, при этомъ, должно непремѣнно идти по прямой линіи, то всѣ встрѣчающіеся на пути хижини разрушаются¹⁾. У му-соронго король официально погребался не ранѣе какъ по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со дня смерти, какъ будто подданные не хотѣли вѣрить, что ихъ верховный начальникъ пересталъ жить.

Санть-Сальвадоръ, послѣ вступленія его въ сферу европейской цивилизациіи, посѣщался весьма многими путешественниками. Донъ-Педро V, пребывающій въ этомъ стариинномъ городе, сталъ, какъ и его предки, вассаломъ лиссабонскаго правительства; рядомъ съ королевскимъ жилищемъ основались французскія, португальскія и голландскія факторіи, а миссионеры, почти столь же почитаемые, какъ и король, превратили Санть-Сальвадоръ въ центръ пропаганды, для вторичнаго привлеченія населенія въ лоно католической церкви; въ 1885 году, по Chavannes'у, они насчитывали уже около двухъ тысячъ обращенныхъ. Однако, столица не многолюдна; въ 1885 году, тамъ проживало постоянно около семисотъ человѣкъ, изъ которыхъ девять было европейцевъ; многія сотни посѣтителей были привлекаемы туда временно, торговыми дѣлами, и носильщики безпрерывно сновали взадъ и впередъ по ок-

¹⁾ J. Chavannes, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, тетр. IV.

²⁾ Ad. Bastian, „Ein Besuch in San-Salvador“.

крестнымъ дорогамъ¹⁾). Въ округѣ Санть-Сальвадора, китанда Лембело,—находящаяся въ мѣстѣ перекрещиванія многихъ дорогъ, является главнымъ рынкомъ для каучука, который доставляется изъ доступной для свободной торговли области, къ югу отъ Конго: одинъ или два раза въ мѣсяцъ, посредники между торговцами являются туда потолковать о своихъ дѣлахъ и помѣняться товарами. Большая, осѣняемая деревьями, площадь въ центрѣ этого рывка нѣкогда служила мѣстомъ казней, и на вѣтвяхъ деревьевъ бѣльютъ и до сихъ поръ черепа. Рассказываютъ по этому поводу, что послѣ обезглавленія какого-нибудь несчастливца члены его семейства были обязаны сѣсть, по нѣсколько кусковъ изъ руки его трупа²⁾.

Къ югу отъ мыса Падранъ, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько факторій, окруженныхъ плодовыми садами и плантациями: Манг-Пекано, Кабеса-де-Кобра и Манг-Гранде, въ которыхъ въ особенности воздѣлываются кунжутъ, и гдѣ можно добыть самыхъ красивыхъ фетишъ Западной Африки, изготовленныхъ мастерами изъ племени му-сонго. Мокулла и Амбизеттъ, расположенные у устья рѣки, спускающейся изъ края племени му-шиконго, были нѣкогда значительными приморскими портами по вывозу слоновой кости; нынѣ изъ Амбизетта вывозится соль, добываемая изъ окрестныхъ солончаковъ. Далѣе, къ югу, горделивая пирамида «Пиларъ» по-португальски, холмы, усыпанные гранитными глыбами, изогрызенными атмосферой и похожими издали на стѣны, башни, столбы и обелиски возвышаются морякамъ о близости Муссеры, нѣкогда цвѣтущаго города, который его могущественный фетишъ, называемой «матерью воды», не защитилъ ни отъ осипы, ни отъ сомноза (мѣстной болѣзни, поражающей африканскихъ негровъ и выражавшейся, между прочимъ, въ наклонности ко сну, не выходя изъ котораго больной и умираетъ). Сомнозъ появился къ югу отъ Заиры только въ 1870 году и лишь въ одномъ городѣ Муссера, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ поглотилъ двѣсти жертвъ; остальные жители, устрашенные этой болѣзнью, покинули свои жилища и основали другой городъ въ сосѣдствѣ. Муссерскіе рыбаки налавливаютъ въ сезонъ касимбо, т. е. съ июня до августа, большія количества поющей рыбы, пунго, соленое мясо которой расходится далеко по плоскогоріямъ. Пускаясь на воду, они пользуются попарно соединенными челноками, въ которые садятся такимъ образомъ, что одна нога находится въ одномъ челнокѣ, а другая въ другомъ. По словамъ туземцевъ, чрезъ сосѣдніе съ Муссеромъ смолистые песчаники просачиваются асфальтъ, накопляющейся

въ небольшихъ лужицахъ, но посыпать ихъ бѣльемъ не разрѣшено¹⁾.

Амбизѣ, или, скорѣе, Мбрішѣ, называемый такъ по имени сосѣдней рѣки, представляетъ единственную торговую пристань на берегу моря на протяженіи между устьемъ Заиры и Лоандою; португальцы онъ занѣтъ съ 1855 года, но сосѣдній рейдъ Куиссембо и территоія, простирающаяся къ сѣверу, были предоставлены туземцамъ, и не-лузитанскіе купцы торговали тамъ, не платя пошлинъ. Амбизѣ, различные кварталы котораго, или sensala, разсѣяны по высокому кругому берегу, вовсе не имѣть порта, и все его приспособленіе къ принятію кораблей состоить изъ мола, къ которому въ тихую погоду и пристаютъ суда открытый рейдъ защищены низменною стрыкою только отъ вѣтровъ съ юга и съ юго-востока; по счастію, на этой части приморскаго берега никогда не бываетъ бурь. Въ прежнее время Амбизѣ посыпалъ многочисленные караваны изъ области Санть-Сальвадора, при возившіе слоновую кость; теперь изъ него вывозится этого товара лишь небольшое количество; тѣмъ не менѣе торговля Амбиза весьма возросла, такъ какъ, несмотря на нахожденіе его въ конгскаго бассейна, онъ все-таки лежитъ въ области свободныхъ торговыхъ союзій со всему Ангольскою страною, ограниченную съ юга рѣкою Ложа. Изъ него вывозятъ въ особенности кофе, идущій съ юго-восточныхъ плантаций и привлекаемый къ этому порту таможенными льготами; земляные фисташки, каучукъ и лыко съ баобаба, изъ котораго приготовляютъ писчую бумагу, составляютъ также предметы выгодной вывозной торговли: амбизскіе купцы продаютъ иностранцамъ этихъ товаровъ на сумму отъ четырехъ до пяти миллионовъ. Такъ, въ теченіе финансового 1884—85 года торговыя обороты въ Амбизѣ достигали 4.147.990 франковъ. Въ Амбизѣ была завезена, въ 1872 году, изъ кораблѣ «Thomas Mitchell», нарывная бразильская блоха (*pilex peregrinus*), которая распространилась затѣмъ и по материку Африки.

Амбизу недостаетъ хорошихъ дорогъ въ направлѣніи къ области плоскогорій, именно къ Куи-балла, южному мѣстечку въ краѣ му-шиконго, и къ Бембѣ. Бембѣ—населенный городъ, расположенный на высотѣ 770 метровъ, на плоскогорії, и отдѣленный отъ остроконечной горы глубокою долиною, въ которой въ большомъ количествѣ находяться малахитовые глыбы, быть-можетъ, принесенные туда водою. Нѣкогда туземцы продавали ихъ амбизскимъ купцамъ ежегодно тоннъ по двѣсти или по триста; но затѣмъ англійская компания разорилась на попыткахъ эксплуатировать эти мѣсто-рожденія минераловъ, а изъ привезенныхъ

¹⁾ Chavannes, упом. соч.

²⁾ Barroso;—Chavannes.

¹⁾ J. J. Monteiro, упом. соч.

для этого изъ Коравалиса чернорабочихъ почти всѣ умерли по истечениіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Главный военный постъ внутри страны, винуающій страхъ туземцамъ, вслѣдствіе нахожденія тамъ штрафныхъ солдатъ, которыхъ туда посылаютъ умирать отъ лихорадки, составляетъ небольшая крѣпость Санъ-Жозэ или дасъ-Педрасъ-де-Энкожэ, господствующая съ своего нещеристаго утеса

негрскаго царька, которому, по этому поводу, на плечѣ начертали португальскій гербъ. Подвергшійся этой неизгладимой татуировкѣ герцогъ гордился ею, и говорить, что этотъ же знакъ investitury былъ полученъ въ концѣ прошлаго столѣтія еще однимъ изъ моссульскихъ герцоговъ¹).

Въ долинѣ р. Данда, служащей границею ба-фютскихъ и бундескихъ поселеній, были

Король Конго.

надъ высокою долиною Ложэ и надзирающая за границами Конгскаго королевства. Окрестныя лѣса доставляютъ большое количество дикаго кофе. Къ юго-востоку отъ Амбиза, склонъ къ морю, вплоть до Данда, занятъ краемъ Моссульскимъ, изобилующимъ копаловою камедью. Эта область еще мало известна, хотя португальскіе сузерны нѣкогда и возводили ей въ «герцогство» для одного

найдены мѣсторожденія нефти, но разработка ихъ не сопровождалась успѣхомъ. Уже нѣсколько поколѣй негровъ этого края перестали покоряться, и бѣлыне не осмѣливались основывать тамъ факторій²); на верхнемъ теченьи Данда территорія племени дем-бось еще полу-независима.

¹⁾ Adolf Bastian, „Reise nach San-Salvador“.

²⁾ Charles Jeannest, „Quatre ans au Congo“.

Лоанда — или полностью: Санть-Паоло-да-Ассумпсань-де-Лоанда — есть столица Ангольской территории и представляет первый городъ, основанный португальцами на морскомъ берегу, а также и городъ, наиболѣе пригодный, по своему положенію, для торговли; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, Лоанда превратилась въ сравнительно столь населенный центръ, что болѣе чѣмъ на протяженіи пяти тысячъ километровъ по береговой линіи между Лагосомъ и Капомъ стала самымъ большимъ городомъ. Раздѣленная на верхній и нижній городъ, Лоанда развертывается амфитеатромъ на склонѣ террасы, которую съ юга ограничиваетъ скалистый мысъ, съ крѣпостью на немъ во имя Савъ-Мигуэля. Отъ вѣтровъ открыто моря бухту защищаетъ узкая песчаная полоса, составляющая, въ свою очередь, продолженіе косы, начинающейся километровъ тридцать южнѣе, на самомъ выдающемся къ западу мысѣ Аングольского берега: косу эту создало восходящее съ юга на сѣверъ морское теченіе вдоль побережья, и она, ставъ какъ бы вѣшнимъ берегомъ материка, сопровождаетъ на нѣкоторомъ разстояніи дѣйствительный его берегъ, превращающійся такимъ образомъ уже въ берегъ внутренній. Образовавшійся при этомъ прудъ, затонъ, соединяется съ моремъ только при посредствѣ протока, называющагося баромъ Коримба; протокъ этотъ прорѣзываетъ косу на срединѣ ея протяженія, и чрезъ него небольшія гребныя суда могутъ проникать въ бухту. Вслѣдствіе присутствія этого протока, сѣверная оконечность косы или стрѣлки превращается въ островъ, столь измѣненный, что во время бурь его берега часто подвергаются затопленію; на этомъ-то островкѣ Лоанды португальцы, еще не осмѣливаясь въ то время строить факторій на материкѣ, и основали, въ 1576 году, свои первыя заведенія. Къ тому же, этотъ островокъ, на которомъ находились семь деревень, или *libata*¹⁾, былъ мысомъ чрезвычайной важности для туземцевъ, какъ ихъ сокровищница или казначейство: на немъ именно они собирали ту раковинку (*surgaea moneta*), которая имъ служила монетой. Эти лоандскія раковинки цѣнились гораздо болѣе бразильскихъ, привозимыхъ изъ Бахіи, но, въ свою очередь, онѣ уступали раковинкамъ съ Маледивскихъ острововъ. Описанная выше острововидная стрѣлка, осѣняемая кокосовыми пальмами, утилизируемыми для выѣлки канатовъ и для плетенія различныхъ предметовъ, населена приблизительно тремя тысячами человѣкъ, изъ которыхъ шестьсотъ — рыбаки, потомки древнихъ мушилоанды²⁾. На этой же стрѣлкѣ португальское правительство построило арсеналъ для своего

флота, а на сей наружный, морской, берегъ отправляются купаться въ открытомъ морѣ жители Лоанды.

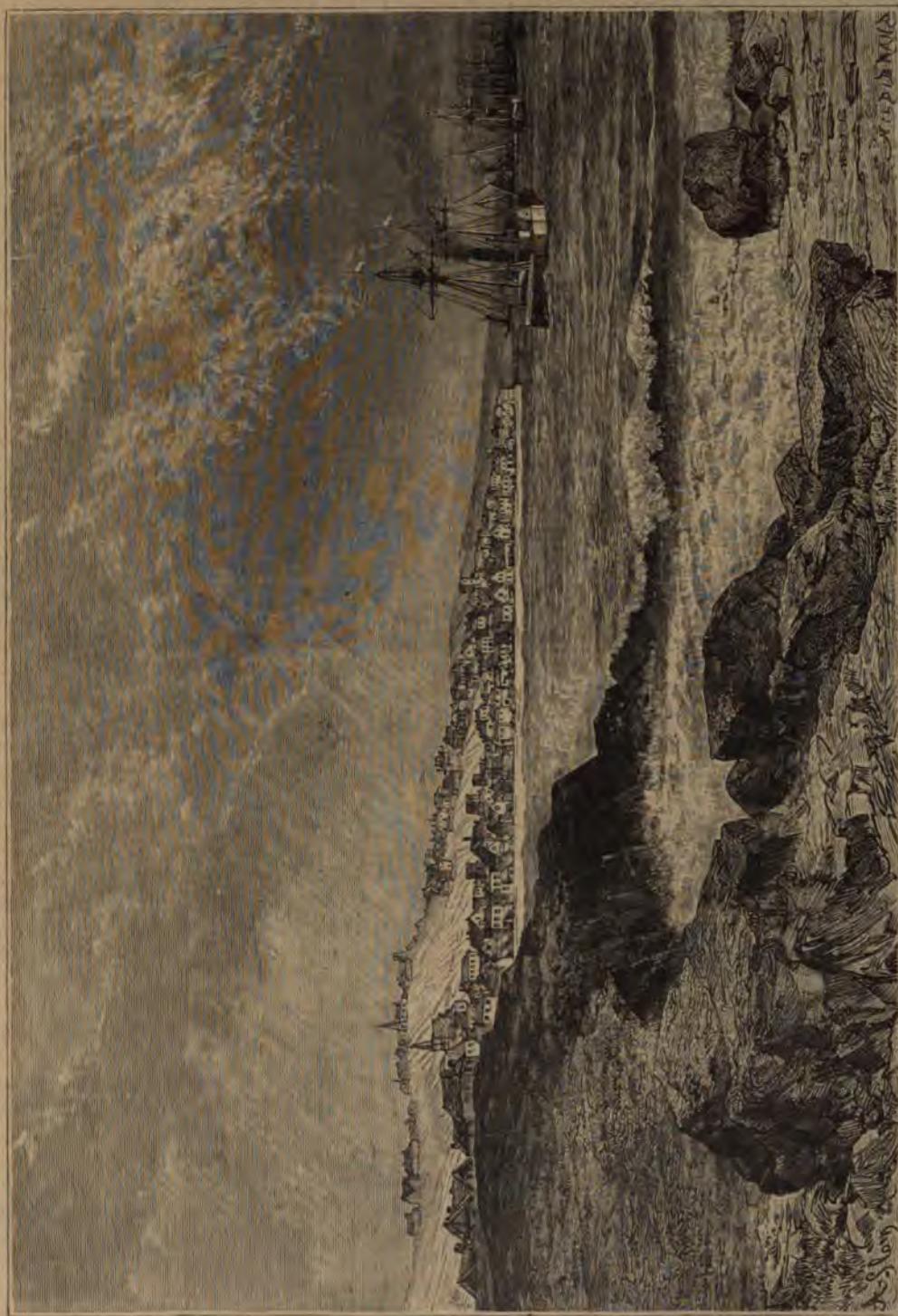
Годъ спустя послѣ образования факторія на островѣ, Пауло-Діазъ-де-Новаэзъ, внукъ мореплавателя, впервые обогнувшаго мысъ Доброй Надежды, основался на сосѣднемъ морскомъ побережїѣ, и союзы, а затѣмъ также и удачные войны обеспечили португальцамъ обладаніе территоріею. Лоанда же, въ качествѣ центра торговли неграми между Африкою и Бразиліею, стала городомъ богатымъ и населеннымъ; иногда тамъ виднѣлось въ портѣ по 12 и 15 судовъ, ожидавшихъ нагрузки рабами. Однако, когда эта торговля неграми, причинившая застой во всѣхъ остальныхъ торговыхъ отрасляхъ, прекратилась, то Лоанду постигло разореніе; населеніе ея уменьшилось; многія зданія были покинуты; всякий трудъ прекратился, и рѣдкіе обитатели, плохо снабжаемые провіантомъ, рисковали умереть съ голодомъ; проходили мѣсяцы, а на рейдѣ не показывалось ни одно бразильское или португальское судно. Уже плантаторы начинали предсказывать, что совершенное прекращеніе рабства приведетъ въ концѣ концовъ къ разрушенію Лоанды, а вмѣстѣ съ этимъ къ потерѣ и всей территоріи. Однако, предсказаніе это не оправдалось. Число жителей, которыхъ въ срединѣ текущаго столѣтія было приблизительно около двѣнадцати тысячъ, увеличилось; городъ, о которомъ выражались какъ о подвергшемся бомбардировкѣ, расширился и украсился; развалины монастырей и церквей были удалены и замѣнены бульварами; улицы выпрямлены, а дома, по большей части выстроенные изъ бразильского дерева, не подвергеннаго нападенію термитовъ, стали просторными и чистыми; все дома обзавелись верандами и окрасились въ свѣтлые цвета: желтый, розовый или нѣжно-голубой; виллы, или муссеки, разсыпаны по всѣмъ окрестнымъ холмамъ, подъ тѣнью баобабовъ и другихъ рѣдкихъ растеній, произрастающихъ на малоплодородной почвѣ. Городъ, однако, все еще весьма нездоровъ, и не такъ еще давно жители терпѣли отъ недостатка въ водѣ: колодезь и нѣсколько цистернъ могли доставлять воду лишь въ небольшомъ количествѣ, и потому ежедневно приходилось снаряжать цѣлую флотилію изъ *talaveiras*'овъ для наполненія бочонковъ водою изъ рѣки Бенго. Нынѣ каналъ, которымъ разсчитываютъ воспользоваться также и для орошенія, приноситъ въ городъ цѣлый потокъ чистой рѣчной воды. Начата также постройка желѣзной дороги, которая чрезъ долину р. Бенго (называемую въ верхнемъ своемъ теченіи Зенгою) проникнетъ внутрь страны и рано или поздно достигнетъ станціи Амбака, служащей товарнымъ складомъ для при-конгскихъ племенъ.

¹⁾ Duarte Lopez, „La Relation du Congo“.

²⁾ R. Burton, „A Trip to Calumbo“.

Этотъ желѣзный путь составляетъ первое звено той линіи, которая современемъ должна соединить, пройдя чрезъ всю Португальскую Африку, берега Атлантическаго и Индійскаго океановъ.

въ Лоандскомъ портѣ перебывало 122 судна, изъ которыхъ 94 были пароходы. Вмѣстительность этихъ судовъ равнялась 95.755 тоннамъ. Цѣнность же товаровъ, будучи, въ общемъ, равна 10.514.500 франкамъ, распадалась на

Портъ Елизаветы.

Въ Лоандскомъ портѣ сосредоточивается болѣе половины ангольской торговли, такъ какъ чрезъ него ввозятся почти всѣ мануфактурныя издѣлія изъ Европы. Въ 1886 году,

4.489.800 фр. для вывоза и 6.024.800 фр. для ввоза. Правда, сами лоандскіе жители оплачивать этотъ ввозъ могутъ только мѣстными рабами; но зато извнутри страны доста-

вляются въ Лоанду продукты въ изобилии, въ особенности кофе и каучукъ. Пароходы, посыщая правильно Лоандскій рейдъ, возбуждаютъ торговую дѣятельность; но, къ сожалѣнію, портъ недостаточно для лизъ глубокъ; въ началѣ текущаго столѣтія самыя большія суда еще останавливались въ разстояніи нѣсколькохъ кабельтовъ отъ берега; но пространство, годное для якорной стоянки, постепенно уменьшилось, вслѣдствіе занесенія иломъ дна и увеличенія отлогости берега на счетъ бухты; эскадренныя суда и трансатлантическіе пакетботы должны уже останавливаться болѣе, чѣмъ въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ города, подъ защитою песчаной стрѣлки.

Въ ожиданіи, пока желѣзная дорога непосредственно соединитъ Лоанду съ внутренними плантациами, самымъ полезнымъ путемъ сообщенія является нижнее теченіе Куанзы. Береговые пароходы, обогнувъ съ запада стрѣлку Пальмеринхасъ и пересѣкши баръ, проникаютъ въ рѣку, по которой и поднимаются вплоть до города Донго. На этомъ пути, одною изъ первыхъ пристаней на правомъ берегу является Калумбо, которую можно рассматривать какъ рѣчной портъ Лоанды, расположенный на сѣверо-западъ всего въ 34 километрахъ и соединяющейся съ рѣкою при посредствѣ хорошей, проѣзжей для экипажей, дороги; также было проектировано и прорѣтіе соединительного канала¹⁾, о чѣмъ помышляли уже голландцы, владѣвшіе Лоандо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ²⁾. Почти всѣ плантации богатой долины р. Куанзы окаймляютъ правый берегъ, самый низкій и самый плодородный, на которомъ тропическая растительность влажныхъ земель является во всей своей мощи и красѣ, но на которомъ зато и наводненія, производимыя рѣкою, наиболѣе опасны: часто оградительные береговыя плотины уносились вмѣстѣ съ тѣми культурами, которыхъ они ограждали; богатое помѣстіе Bom Jesus, гдѣ сотни рабочихъ заняты превращеніемъ сахарного тростника въ водку, часто подвергалось наводненію. На лѣвомъ берегу Куанзы находится единственный постъ Муксима, который господствуетъ надъ этимъ берегомъ, будучи выстроено на вершинѣ известковаго холма, откуда видъ простирается далеко на землю дикихъ киссама; внизу откоса, посреди группы хижинъ, находится церковь, которую туземцы считаютъ болѣшими «фетишемъ».

Массангано, кверху отъ сліянія Куанзы съ Лу-каллой, представляетъ торговый постъ, благодаря сосѣдству съ кофейными плантациями Казенго; однако, центръ торговли находится въ Дондо, расположенному при на-

чалѣ свободнаго судоходства по Куанзы. Этотъ недавно основанный городъ находится на правомъ берегу, въ циркѣ, надъ которымъ господствуютъ лѣсистые холмы; воздухъ обновляется въ немъ рѣдко: поселившіеся тамъ португальские купцы называютъ его «пекломъ» Анголы, и причиняющими лихорадками смертность между ними очень велика; въ Дондо выдѣлываются пористы амфоры, а кузнецы работаютъ на желѣзѣ изъ Европы, хотя окрестныя горы весьма богаты желѣзною рудою. Въ небольшомъ разстояніи кверху, около пороговъ Куанзы и негритянской деревни Камбамба, которая въ прежнєе время была главнымъ городомъ округа, въ когда разрабатывали также и серебряные рудники. Первая попытка овладѣть этими рудниками была сдѣлана въ 1595 году, но изъ двухсотъ человѣкъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, спаслись бѣгствомъ только семь: всѣ остальные были перебиты.

Наиболѣе богатый, по производству кофе, край въ Анголѣ есть бассейнъ р. Лу-каллы, параллельный бассейну Куанзы, кверху отъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ. Кофейное дерево ростеть въ дикомъ состояніи въ мѣстныхъ лѣсахъ, и чтобы имѣть весьма производительную естественную плантацию, туземцамъ во многихъ мѣстностяхъ стоять только очистить почву вокругъ деревьевъ отъ поросли. Однако, большія плантации въ Казенго, въ ГолунгоАльто и въ сосѣднихъ округахъ были созданы португальцами и бразильцами, которые для этого прибѣгали сначала къ труду рабовъ, нынѣ получающихъ уже задѣльную плату. Первый *fazendeiro*, основавшійся въ Казенго, въ 1837 году, прибылъ изъ Бразилии. Восемь лѣтъ спустя, онъ собралъ восемь тоннъ кофе, а въ 1880 году вывозъ изъ одного только Казенгскаго округа достигалъ уже 2.500 тоннъ¹⁾. Въ бассейнѣ Лу-каллы воздѣлываются также хлопчатникъ, и во времена междусобной войны въ Америкѣ эта культура сулила хорошую будущность; но нынѣ она мало прибыльна для плантаторовъ. Область эта весьма богата минеральными залежами; однако, разрабатываются только желѣзную руду, прославившуюся съ незапамятныхъ временъ превосходнымъ качествомъ тѣхъ продуктовъ, которые туземцы умѣютъ выдѣлывать изъ нея; между прочимъ, употребляемые ими раздувальныя мѣхі двойнаго дѣйствія совершаю одинаковы съ изображенными въ подземныхъ храмахъ египтянъ²⁾. Въ пескахъ ГолунгоАльскихъ ручьевъ находять также золотой песокъ, но пока въ столь небольшомъ количествѣ, что добываніе его было бы невыгодно.

Область р. Лу-каллы, одна изъ наиболѣ

¹⁾) „Relatarios das Obras Publicas das Provincias Ultramarinas“. Angola 1877—1880.

²⁾) R. Burton, упом. соч.

¹⁾) J. P. Oliveira Martins, „O Brazil e as Colônias Portuguesas“.

²⁾) J. J. Monteiro, упом. соч.

богатыхъ въ Анголѣ, прежде до такой степени была лишена путей сообщенія, что носильщикамъ приходилось, вплоть до приморскихъ городовъ, пробираться по колючимъ лѣснымъ тропинкамъ: большая часть туземной торговли приняла даже направление къ Амбизу, будучи привлекаема туда хорошимъ мѣновымъ рынкомъ. Нынѣ, въ ожиданіи того времени, когда желѣзный путь привлечетъ продукты края непосредственно къ Лоандѣ, вся вѣшняя торговля вдоль р. Лу-каллы совершается при посредствѣ пароходовъ на Куанзѣ; къ самымъ же пристанямъ на рѣкѣ кофе все еще приносится на спинѣ человека. Вычислено, что изъ одиннадцати тысячъ тоннъ, выражавшихъ всю мѣновую торговлю на Куанзѣ, на долю бассейна Лу-каллы приходится 5.600 тоннъ; принимая же, что, въ среднемъ, каждый носильщикъ въ состояніи перенести грузъ въ 45 килограммовъ, окажется, что сто двадцать тысячъ носильщиковъ ежегодно совершаютъ тягостное путешествіе между внутренними плантациями и пристанями на Куанзѣ. Недавно проложена дорога въ 57 километровъ, соединяющая Дондо съ главнымъ пунктомъ округа Казенго, мѣстечкомъ Какулло, расположеннымъ около истоковъ Лу-инха, сѣверного притока Лу-каллы. На этомъ пути, позволяющемъ пользоваться, для доставленія грузовъ, уже иными средствами, чѣмъ трудъ носильщика, черезъ два рукава Лу-каллы будетъ перекинутъ желѣзный мостъ, представляющій самое замѣчательное во всей Ангольской территории произведеніе строительного искусства¹⁾.

Памба, городъ, предназначенный стать пунктомъ прибытия будущей желѣзной дороги между Лоандою и округомъ Амбакка, расположенье не на самой Лу-каллѣ, но въ восьми километрахъ къ западу отъ нея, на утесѣ изъ сланцевъ и песчаника, у подножія которого извивается рѣка Памба, одинъ изъ небольшихъ притоковъ Лу-каллы; обыкновенно, этому посту даютъ одно и то же наименование съ округомъ, въ которомъ онъ находится, именно: Амбакка. Въ 1879 году, когда инженеры уже окончательно трасировали на картахъ будущую, въ 150 километровъ, желѣзную дорогу между Дондо и Амбакка, этотъ послѣдній городъ состоялъ всего изъ одной улицы съ тремя домами и дюжиною соломенныхъ шалашей; жители, одѣтые во все черное, казались печальными и несчастными, а рѣдкіе путешественники, посѣвшіе край, удивлялись странной мысли избрать именно этотъ поселокъ для связи желѣзнымъ путемъ въ 350 километровъ съ столицею португальскихъ владѣній²⁾. Однако, такою привилегіею онъ

обязанъ своимъ рангомъ главнаго администра-
тивнаго пункта, плантациемъ табака и фисташекъ, покрывающихъ часть окрестностей, своимъ положеніемъ на большой дорогѣ кара-
вановъ, направляющихся въ королевство
муата Ямво, а также, можетъ-быть, обаяніемъ
своего прошедшаго. Амбакка нѣкогда былъ
городомъ многолюднымъ и цвѣтующимъ: это
было главное складочное мѣсто, откуда тор-
говцы отправлялись во всѣ концы края на
поиски новыхъ рынковъ. Амбаканцы слави-
лись во всѣхъ португальскихъ владѣніяхъ
свою предприимчивостью и своимъ богат-
ствомъ: оттого бѣдные чиновники добивались
назначенія на едва оплачиваемый жало-
ваньемъ постъ, въ надеждѣ легкой наживы.
И они дѣйствовали такъ успѣшно, что жители
повыселись, въ особенности въ Пунго-Ндонго,
а торговля стала направляться другими путя-
ми; поэтому нынѣ амбаканцы болѣе много-
численны въ пограничныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ
у себя на родинѣ. Желѣзная дорога не за-
медлитъ заселить край снова и дать ему воз-
можность утилизировать свои вынѣ лежащія
втуны богатства.

Въ верхней долинѣ Лу-каллы городовъ не существуетъ. Дуке-де-Браганса, или просто Дуке, самый передовой на сѣверо-востокѣ Анголы португальскій постъ, есть не что иное, какъ *presidio*, пребываніе въ которомъ очень опасно, такъ какъ рѣка, текущая на востокѣ отъ плоскогорія крѣпости, разливается по не-
здравовымъ болотамъ. Поэтому сюда только и присылаютъ что солдатъ, подлежащихъ испра-
вленію (дисциплинарныхъ), которые живутъ
здѣсь путемъ незаконныхъ поборовъ, подъ-
видомъ налоговъ, послѣдствиемъ чего было,
какъ и въ Памбѣ, обезлюдеяніе страны. И хотя
отъ природы этотъ край весьма плодороденъ
и въ немъ можно воздѣлывать табакъ, хлоп-
чатникъ, земляные фисташки, а благодаря
высотѣ положенія (слишкомъ тысяча метровъ),
въ немъ могутъ произрастать всѣ европейскія
овощи и плодовыя деревья, тѣмъ не менѣе,
все добываемое тамъ нынѣ можетъ умѣститься
въ нѣсколькихъ мѣшкахъ. Незадолго до про-
хода чрезъ страну изслѣдователей Сарелло и
Ivens'a, племя джинга, кочевавшее въблизи
форта, удалилось въ направлениѣ къ западу,
чтобы избѣжать отображенія у него солдатами
домашняго скота.

Бассейнъ главной рѣки, Куанзы, не пред-
ставляетъ такого важнаго значенія, какое
склону Лу-каллы придаютъ его кофейная
плавтациі; но зато онъ болѣе посѣщается,
будучи путемъ торговыми. Дондо, первая при-
стань на рѣкѣ, дополняется на востокѣ горо-
домъ Пунго-Ндонго («фетишъ Ндонго»), глав-
нымъ складочнымъ мѣстомъ для купцовъ,
ведущихъ торговлю съ внутренней Африкой,
и однимъ изъ историческихъ городовъ Ан-

¹⁾ *As Colônias Portuguezas*, мартъ 31, 1887.

²⁾ B. Capello et R. Ivens, *De Benguella as terras de Jacca*.

голы: здесь пребывали государи, сообщившие свое имя стране; португальцы же окончательно вдоворились въ немъ въ 1871 году. Этотъ городъ, на высотѣ болѣе тысячи ста метровъ, расположено въ очень живописной мѣстности. Посреди обширной равнины, простирающейся на югъ къ Куанзѣ, поднимаются на высоту отъ ста до двухсотъ метровъ скалы изъ конгломератовъ и другихъ формаций, сланцевъ, гнейсовъ, порфировъ самой разнообразной формы: одни походить на обелиски, другіе на куполы; большинство расположены въ видѣ вертикальныхъ башенокъ, раздѣляемыхъ узкими разсѣлинами, примѣтными издалека по заполняющему ихъ кустарнику съ темною листвою. Въ нѣкоторыхъ долинахъ, являющихся раемъ для ботаниковъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія ихъ растительности, деревья совершенно скрыты подъ растеніями паразитными, которыя, переходя съ одного утеса на другой, въ видѣ громаднаго покрываля, распространяются подъ вѣтвями: въ сезонъ цвѣтнія, сѣть переплетающихся ланъ, скрываясь подъ миріадами цвѣточныхъ вѣничковъ блестящаго красного цвѣта, разстилается словно пурпурное море, окаймленное оградою¹⁾). Эти чудныя скалы Пунго-Ндонго обыкновенно называютъ Pedras Negras, т. е. «черными камніями», хотя въ теченіе большей части года они не заслуживаютъ такого названія. Къ концу сухаго сезона, камень бываетъ скорѣе сѣроватымъ; но въ декабрѣ, когда образовавшіяся отъ дождей небольшія озера собираются въ водоемахъ между скалъ, на вертикальныхъ стѣнкахъ ихъ оградъ замѣчаются черноватыя полосы, которыя, мало-по-малу расширяясь и ползя вверхъ, достигаютъ сначала подошвы утесовъ, а затѣмъ кончаютъ совершеннымъ покрытиемъ ихъ боковъ, какъ-бы лакомъ. Эта обмазка состоитъ изъ миріадъ небольшихъ водорослей рода *scytonema*, развивающихся въ сырости; но съ возвращеніемъ сухаго времени года водоросли чахнутъ, начинаютъ отлупливаться, наконецъ, отпадаютъ, и поверхность скаль снова становится сѣроватою²⁾). На одномъ изъ обелисковъ Черныхъ Камней стоитъ крѣпость, а внизу, въ неровномъ циркѣ, группируются хижины Пунго-Ндонго, окруженныя апельсиновыми рощами и садами, которые орошаются канавами съ прозрачною водою, и гдѣ плодовая деревья Антильскихъ острововъ ростутъ въ перемежку съ деревьями европейскими; надъ одною изъ сторонъ небольшой улицы простираются вѣтви громаднаго баобаба, съ которымъ связаны первыя преданія города: здесь именно находился дворъ королевы Гинги, одной изъ могущественныхъ властительницъ Африки. Скалы также имѣютъ

свои легенды: на нихъ показываютъ мнимые слѣды человѣческихъ ступней и гроты, галлерей которыхъ служили, будто-бы, подступами въ подземные города. День въ Пунго-Ндонго короче, чѣмъ въ другихъ ангольскихъ городахъ: высокіе утесы скрываютъ восхожденіе солнца и ускоряютъ наступленіе сумрака, а туманы часто цѣлыми часами по утрамъ заволакиваютъ самыя кручи скаль.

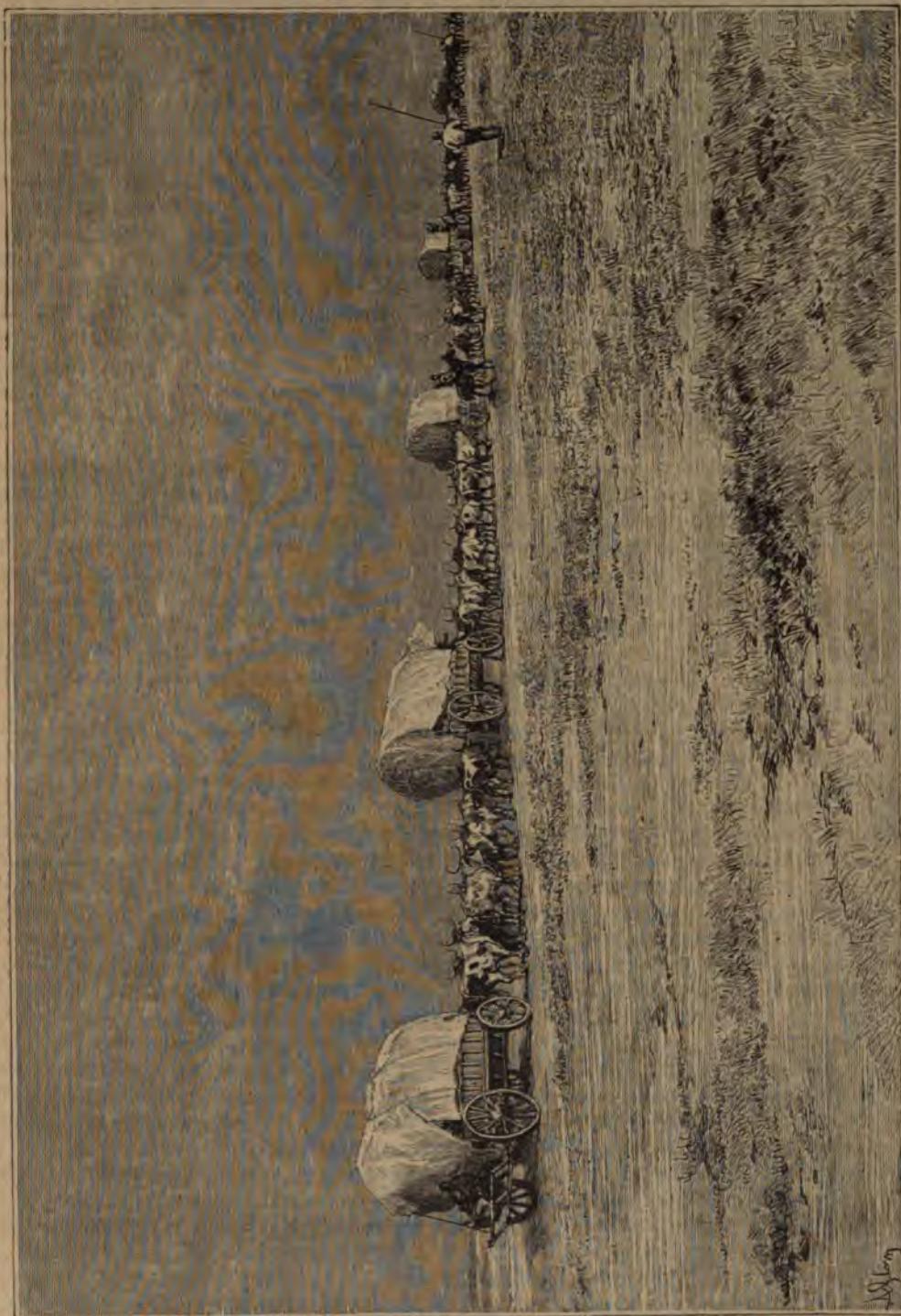
Къ востоку отъ Черныхъ Камней, аванпостъ торговли Лоанды съ внутренними областями служить мѣстечко Маланжѣ, расположеннное на обширной, покрытой злаковыми растеніями, равнинѣ, походящей въ дождливое время года на громадную ниву; на сѣверѣ же простирается нѣсколько болотъ, которыхъ легко было бы осушить, и откуда исходить ручьи, изливающіеся въ Куанзу, книзу отъ великолѣпныхъ водопадовъ. Занимаемый небольшимъ гарнизономъ, Маланжѣ является все-еще португальскимъ городомъ: тамъ поселилось нѣсколько бѣлыхъ торговцевъ, которые употребляютъ и свою національную монету; но, чтобы идти далѣе, нужно уже обмѣнить ее на ткани и другіе предметы торга. Здесь окончательно организуются *quibuscas*'ы, т. е. караваны, купцовъ, *aviados*, или коммиссіонеры, и носильщиковъ; отсюда они пускаются по ту сторону Куанго, для торговли съ дикими племенами вплоть до области великихъ озеръ, приобрѣтая слоновую кость, каучукъ и воскъ. Южная торговая дорога, идущая отъ Бенгуэллы, въ 500 километрахъ отъ Лоанды, также имѣеть, какъ аванпостъ со стороны внутренней Африки, станцію, лежащую въ области бассейна Куанзы, но гораздо южнѣе Маланжа, на возвышенной равнинѣ, гдѣ соединяются первыя воды этой реки. Постъ этотъ, Бельмонте, не занятъ войскомъ; здесь имѣть пребываніе знаменитый португальскій путешественникъ *Silva Porto*, одинъ изъ рѣдкихъ изслѣдователей, прошедшихъ черезъ весь материкъ и, кроме того, посѣтивший большое число весьма мало известныхъ внутреннихъ странъ. Деревня Бельмонте, равно какъ и *libata* Кагомбѣ, гдѣ царствуетъ могущественный соба, вообще называется Бихѣ (Біз), при чёмъ это наименование дается всему плоскогорію, приблизительно имѣющему 1.600 метровъ высоты, гдѣ происходитъ раздѣлъ водъ: къ сѣверу—къ Куанзѣ, а къ югу—къ Лу-Банго. По *Cappello* и *Ivens*'у, бихеносы, численностью до двадцати тысячъ, не представляютъ никакого особенного типа. Происходя отъ всякаго рода людей, которыхъ война, рабство или торговля соединили на этомъ плоскогоріи, и позанимствовавъ, кроме того, во время своихъ путешествий, самые разнообразные обычай, бихеносы не являются никакихъ общихъ имъ всѣмъ, характерныхъ чертъ, кроме навыка къ торговлѣ и любви къ наживѣ; большое число между ни-

¹⁾ J. J. Monteiro, упом. соч.

²⁾ Welwitsch, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, тетр. VII.

ми научились читать и писать. Португальскому купцу необходимо обладать самому весьма большимъ лукавствомъ, чтобы извлечь какиа-либо выгоды изъ торговыхъ сношений съ дѣль-

ладаетъ чрезвычайнымъ плодородiemъ, и въ дождливое время года растенія, можно сказать, развиваются на глазахъ: такъ, Capello и Ivens, организовавшіе свою экспедицію около Бельмон-

Переселенцы.

цами изъ Бихэ: почти вся прибыль обыкновенно выпадаетъ на долю бихеносовъ. Край этотъ, обогащаемый торговлею, могъ бы стать также одною изъ житницъ Африки, такъ какъ красноватая, глинисто-кремнеземная почва об-

те, по истечениі двухъ мѣсяцевъ послѣ разведенія сада на вновь расчищенной почвѣ, могли уже собрать изобиліные урожаи. Путешественники, возвращающіеся изъ дикихъ *sertões* внутренней Африки, расхваливаютъ, какъ рай

земной, этот прекрасный Бихейский край, въ которомъ послѣ долгихъ дней голоданія они находятъ въ изобилии превосходные овощи и плоды. Объ этой плодоносной области поговоривали какъ о мѣстѣ будущаго переселенія для крестьянъ Португалии; но въ дождливое время года лихорадки здѣсь не менѣе опасны, чѣмъ и на низменныхъ земляхъ, и, кромѣ того, здѣсь много встрѣчается зобатыхъ¹⁾). Недавно въ странѣ поселились также американскіе миссіонеры, но главный станъ ихъ находится на западѣ, въ краѣ Байлундо, который Ladislas Magyag называетъ «сердцемъ бундского края».

Главнымъ предметомъ мѣноваго торга, совершаемаго при посредствѣ бихеносовъ съ внутренними племенами Африки, служитъ fazenda, бумажная ткань, одноцвѣтная или полосатая, англійского производства и вообще дурнаго качества. Так же почти всѣмъ племенамъ въ большомъ количествѣ поставляется гибельная гамбургская водка, болѣе или менѣе подмѣшанная всякими снадобьями и разбавленная водою. Бихеносскіе караванщики продаютъ имъ также: пластинки соли, ружья, порохъ и боевые патроны, латунную проволоку, бѣлый и красный фарфоровыя бусы и стеклянныя подѣлки, идущія, хотя и при посредствѣ Англіи, главнымъ образомъ изъ Богеміи; также весыма цѣняются въ королевствѣ муаты Ямво и въ пограничныхъ краяхъ зонтики и ночные колпаки; наконецъ, купцы запасаются коврами, мундирями, вышивками и другими цѣнными вещами, которыми они дарятъ начальниковъ племенъ, при полученіи разрѣшенія на торговлю съ простымъ народомъ. Взамѣнъ же перечисленныхъ европейскихъ товаровъ, купцы получаютъ слоновую кость, каучукъ, воскъ и медъ, пальмовое масло и шкуры краснаго звѣря. Носильщики нанимаются либо на весь путь, либо на часть его, и грузъ каждого изъ нихъ никогда не бываетъ менѣе 45 килogr., а иногда превышаетъ даже 60 килogr.; вообще вѣсъ тюка мѣняется, смотря по времени года и трудности пути. Часто также носильщикъ замѣняетъ себя туземцемъ; а иногда, будучи и самъ торговцемъ, отправляется въ путь въ сопровожденіи одной или нѣсколькихъ женщинъ, которыхъ несутъ какъ жизненные его припасы, такъ и предметы торговли, купленные при отбытіи въ путешествіе. Услуги носильщика оплачиваются впередъ или полностью или только отчасти, но начальникъ племени, въ присутствіи котораго опредѣляются условія найма, отвѣтствуетъ въ случаѣ бѣгства носильщика съ пути слѣдованія каравана. Со своей стороны, главный торговецъ отвѣчаетъ за всѣ проступки или преступленія, совершенные его людьми въ томъ краѣ, который посѣ-

тилъ караванъ: малѣйшее нарушеніе обычаевъ является поводомъ къ безконечнымъ препирательствамъ, которыя всегда оканчиваются уплатою штрафа, налагаемаго на чужеземца.

Купцы, путешествующіе изъ края въ край, въ большинствѣ случаевъ бываютъ снабжены такъ называемою «*imperial*», т. е. паспортомъ, который пишется не на пергаментѣ и не на бумагѣ, но рисуется на тѣлѣ. Въ мѣстѣ отбытія каравана, купцы являются къ начальнику, излагаютъ ему проектъ своего путешествія и подносятъ традиціонный подарокъ: тогда приносятъ въ жертву животное, въ крови котораго и обмакиваются тряпочки. Такую тряпочку путешественникъ долженъ, затѣмъ, хранить какъ драгоцѣнныи талисманъ, а разнымъ образомъ также и тотъ кусочекъ мяла, при посредствѣ котораго государь начерчиваетъ кабалистические знаки ему на лбу, на груди и на плечѣ; когда же эти знаки сотрутся, то ихъ подрисовываютъ вновь, опасаясь, однако, измѣнить са-мые очертанія¹⁾.

Къ югу отъ р. Куавзы, въ полосѣ приморскаго побережья, заселеннаго племенемъ киссама, а также и другими, еще независимыми неграми,—нѣть города, и на пространствѣ приблизительно въ 200 километровъ существуетъ только нѣсколько небольшихъ мѣновыхъ постовъ. Крѣпостца Бенгуэлла Велья, т. е. «Старая Бенгуэлла», построенная въ XV столѣтіи на мысѣ, господствующемъ съ сѣвера надъ устьемъ р. Куво, покинута, а городъ Ново-Редондо, который долженъ ее замѣнить и который находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья Куво къ югу, есть не что иное, какъ группа хижинъ, расположенныхъ на утесѣ, почти неприступномъ со стороны моря; у подножья этихъ кручъ и крѣпости, основанной въ 1769 году, течетъ небольшая рѣка Гунза, осѣняемая пальмовыми рощами и запруженая при устьѣ песчанымъ баромъ. По Ladislas Magyagу, въ нѣкоторомъ разстояніи внутри страны, будто-бы, находятся залежи сѣры; но онъ столь же мало разрабатываются, какъ и мѣдные жилы въ Сумбѣ-Амбела, около входа въ р. Куво. Кикомбо, къ югу отъ Ново-Редондо, представляетъ группу факторій и продовольствіенный пунктъ. Эгито или Лусито, на половинѣ пути между Ново-Редондо и Бенгуэллою, населенъ еще менѣе, чѣмъ Ново-Редондо: это просто военный постъ при устьѣ рѣки того же имени; недавно его, такъ сказать, подвергали осадѣ туземцы. По крайней мѣрѣ два раза въ годъ немногочисленному гарнизону приходилось заниматься въ крѣпостцѣ и отстрѣливаться отъ нападающихъ.

Бенгуэлла, главный городъ средней провинціи Анголы, менѣе Лоанды, главнаго города провинціи сѣверной; но, тѣмъ не менѣе,

¹⁾ Capello e R. Ivens, „De Benguella as Terras de Jaccá“.

¹⁾ Ladislas Magyag, упом. соч.

онъ красивъ, благодаря постройкѣ амфитеатромъ на скатахъ утесистаго холма. Его низкие и широкіе дома, заключающіе въ себѣ обширные patios и окруженные садами, занимаютъ значительное пространство, а обсаженные деревьями аллеи, мѣста для прогулокъ, еще болѣе увеличиваютъ обширность города. На мысѣ, выдающемся къ юго-западу, стоитъ основанная въ 1617 г. цитадель Санъ-Филиппе, по имени которой официально назывался и городъ Бенгуэлла; ручей Кавако, совершенно высыхающій въ сухое время года и представляющій тогда песчаное ложе, течетъ къ сѣверу отъ города, а нѣсколько километровъ далѣе, впадаетъ рѣчка Катумбелла, надъ которой господствуетъ одноимянный съ нею фортъ, и которая, во время половодій, омываетъ набережную небольшаго, начинающаго развиваться города. Вокругъ Бенгуэллы, холмы покрыты лѣсомъ, въ былое время—когда между пребывающими въ городѣ португальцами было мало охотниковъ—изобиловавшимъ дикими звѣрями; для защиты отъ опустошившихъ плантаций слоновъ приходилось даже прибѣгать къ артиллеріи¹). Былое населеніе отчасти состоять изъ согланныхъ преступниковъ: что же касается до чернокожихъ обитателей, то здѣсь сходятся всѣ расы Португальской Африки: бихеноны съ кабиндцами, амбаканцы съ кіоками. И когда караваны изъ сѣверныхъ внутреннихъ областей прибудутъ въ городъ, то наблюдатель можетъ подумать, что попалъ въ какую-нибудь Ibata, принадлежащую муатѣ Ямво. Многіе изъ не-гоціантовъ построили свои виллы вблизи города, на побережныхъ низинахъ, значительно выдающихся въ море, гдѣ, вслѣдствіе бризъ, климатъ гораздо здоровѣе. Ежегодное торговое движение въ Бенгуэллѣ выражается приблизительно пятью—шестью миллионами франковъ.

Торговая тропа, направляющаяся на востокъ долиною р. Катумбеллы, соединяетъ Бенгуэллу съ плоскогорiemъ Бихѣ; но двѣ другія дороги, болѣе длинныя, направляются на югъ, одна долиною Кавако и чрезъ деревню Сана, другая же чрезъ бассейнъ, по которому проходитъ рѣка Капороро. Рѣка эта, отдѣляющая округъ Домбѣ-Пекено, на сѣверѣ, отъ округа Домбѣ-Грандѣ, на югѣ, орошаеть въ свою нижнюю течевіи обширныя плантациіи сахарного тростника, идущаго на приготовленіе водки; когда же лѣтній зной высушить рѣку, то песчаное ложе ея русла засѣвается кукурузою и маньокомъ, дающими обильные урожай, и изъ которыхъ приготовляется мука, тысячами мѣръ отправляемая въ Бенгуэллу и на пристань бухты Куio, въ которую изливается рѣка Капороро. Хотя эта рѣка и течетъ въ-явь только въ дождливое время года, но тѣмъ не менѣе переходъ вблизи моря чрезъ ея ложе опасенъ:

¹⁾ Carlos de Mallo, рукописныя замѣтки.

тамъ существуютъ глубокія ямы и лагуны, а мѣстами и оживляемые подземнымъ теченіемъ грязевые намывы, въ которыхъ путешественникъ рискуетъ увязнуть. Оба округа Домбѣ важны по своимъ руднымъ мѣсторожденіямъ. Такъ, гнейсъ по сосѣдству съ бухтою Куio содержитъ вкраеплины богатой мѣдной руды, также какъ и среброноснаго свинца. Гипсовые холмы, образующіе въ направленіи къ Бенгуэллѣ оставъ края, содержать массы чистой сѣры. Monteiro видѣлъ пригородъ, который показался ему состоящимъ изъ сѣры цѣликомъ; кроме того, въ селенитовыхъ пластахъ онъ нашелъ превосходный гипсъ, одинаковый съ добываемымъ въ Парижскомъ бассейнѣ.

Въ области своихъ истоковъ, Капороро, известная подъ именемъ Калунга, пересѣкаетъ богатую долину Quillengues, въ которой пребываетъ могущественный соба. Этотъ верховой бассейнъ, находясь на высотѣ отъ 800 до 1.000 метровъ, обладаетъ еще тропическою растительностью; однако, среди лѣсовъ виднѣются также и обширныя луговины, на которыхъ пасутся стада крупнаго рогатаго скота. Чтобы запастись такимъ скотомъ, часто на долину Quillengues дѣлаютъ набѣги дикие банды изъ сѣверныхъ окраинъ. Рассказываютъ, что для того, чтобы заставить животныхъ слѣдоввать за собою, имъ вовсе не надо ихъ тащить, а стоитъ только въ тактъ ударять другъ о друга деревицами и отъ времени до времени повторять призывающія слова. Сьерра Виссекуа, которую слѣдуетъ пересѣчь на востокѣ отъ Quillengues для того, чтобы спуститься въ бассейнъ Кунэнэ, довольно трудна для восхожденія: хребетъ, который предстояло перейти изслѣдователямъ Capello и Ivens'у, имѣлъ высоту въ 1.830 метровъ.

Къ югу отъ Бенгуэллы и Домбѣ, первый центръ населенія на морскомъ побережїѣ есть новый и цветущій городъ Моссамедесь, давшій свое имя также и одной изъ провинцій Анголы. Уже въ 1785 году бухта Ангра-до-Негро, Little Fish-bay англичанъ, получила название Моссамедеса, въ честь одного генерала, но только въ 1840 году основалась тамъ первая португальская станица. Эта новая колонія стала развиваться гораздо быстрѣе прежнихъ мѣстечекъ или факторій Ангольскаго побережья. Не имѣя титула «города», Моссамедесь, однако, превосходитъ Бенгуэллу числомъ жителей, и въ португальскихъ африканскихъ владѣніяхъ уступаетъ по населенности только Лоандѣ. Въ 1884 году сюда прибыло 350 человѣкъ выходцевъ съ Мадеры. Вообще бѣлыхъ въ Моссамедесѣ, относительно, гораздо больше, чѣмъ на другихъ пунктахъ берега, и въ то время какъ въ другія мѣста переселенцы изъ Европы и Бразиліи большей частью являются безъ семействъ, въ Моссамедесѣ они поселяются съ женами и дѣтьми; од-

нако, смертность здѣсь между бѣлыми превышаетъ рождаемость. Одна изъ причинъ сравнительного процвѣтанія этого южнаго города заключается въ томъ, что, въ противоположность Бенгуэлѣ и Лоандѣ, онъ никогда не былъ притономъ для торговли рабовладѣльцевъ. Онъ былъ по преимуществу мѣстомъ рыбной ловли и торговли земледѣльческими продуктами.

Портъ Моссамедеса, глубокій и хорошо защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ, позволяетъ большимъ судамъ бросать якорь на небольшомъ разстояніи отъ пляжа; но, войдя въ бухту, напротивъ этого берега, устьянаго дюнами, песчаными равнинами, крутыми скалами, окружающими городъ съ его бѣлыми домами и рядами пальмовыхъ деревьевъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, чѣмъ можетъ доставить эта безплодная земля торговль, которая, впрочемъ, едва достигаетъ полутора миллиона франковъ въ годъ. Такъ, въ 1884 году въ Моссамедесѣ перебывало всего 55 кораблей въ 50.850 тоннъ вмѣстимости. Море по крайней мѣрѣ щедро, такъ какъ кишитъ животными; рыбаки насылаютъ тысячами большихъ рыбъ, похожихъ на треску, и въ изобиліи добываютъ тресковый жиръ для вывоза. Затѣмъ, если окружающимъ Моссамедесъ полямъ недостаетъ годной для растительности почвы и воды, то ложбины уади, извиающихся между холмами, весьма плодородны; сады, плантации хлопчатника, сахарного тростника, банановья и апельсиновая роща тянутся тамъ непрерывнымъ рядомъ, образуя геликолѣпный поясъ зелени; переселенцами изъ Пернамбуко тамъ устроены и сахарные заводы. Въ особенности *hortas* по рѣкамъ Беро и Жироль, въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ Моссамедеса, даютъ превосходные урожаи, а окрестны мѣстности богаты домашнимъ скотомъ, который и вывозятъ въ Габонъ и въ Капскую землю; тамъ же, какъ въ землѣ Кафровъ и въ голландскихъ республикахъ Южной Африки, разводятъ быковъ, годныхъ подъ сѣдо (bos-cavallos). Такимъ образомъ, по нравамъ своихъ жителей, южная провинція Анголы уже находятся въ связи съ Капскими областями.

Съ восточными склонамиъ береговыхъ горъ Моссамедесъ сообщается дорогою, которая своимъ проложеніемъ обязана не единственно природѣ: въ мѣстахъ, трудныхъ для подъема, вмѣшился и человѣкъ, сдвигая съ пути камни и уменьшая уклоны; нѣкоторые выступы, прежде непроходимые для выночнаго скота, нынѣ преодолѣваются при посредствѣ тропы, проложенной зигзагами на бокахъ скалъ; теперь фургоны южныхъ голландскихъ переселенцевъ могутъ переходить гору Шелла и спускаться къ Моссамедесу. Самою важною станціею на западномъ склонѣ горъ является укрѣпленный постъ Капангомбо, где можно запа-

саться провизіею и мѣновыми товарами. Иногда во время пути недостаетъ воды; однако, въ углубленіяхъ гранитныхъ скалъ обыкновенно существуютъ водохранилища. Одинъ изъ такихъ природныхъ резервуаровъ, Педра Гравде, стоящій уединенно посреди равнинъ огромный камень, выдолбленъ внутри совершенно правильно, словно высѣченъ рукой человѣка. Въ небольшихъ долинахъ, имѣющихъ родникъ или ручей, разсѣяно нѣсколько плантаций. Кровля Шеллскаго водораздѣла представляеть прекрасное, поросшее травой плато, где пропиваются наружу ручьи, и где португальские плантаторы недавно стали воздѣлывать сахарный тростникъ и кофейное дерево¹⁾; высота этого плато надъ уровнемъ моря около 1.650 метровъ.

Бассейнъ р. Куэнэ, въ который спускается дорога послѣ перевала чрезъ Сьерру Сиѣговъ, заключаетъ, въ своей верхней части, нѣсколько маленькихъ центровъ португальского господства, которые обѣщаютъ современемъ приобрѣти важное значеніе, какъ притягательные фокусы для переселенцевъ, но которые до сихъ поръ остались скромными деревнями. Даже военный постъ Каконда, расположенный на равнинѣ, чрезъ которую протекаетъ одинъ изъ западныхъ притоковъ верхней Куэнэ, теперь почти совершенно покинутъ торговлей: караваны гангуэлловъ доставляли туда лишь немного слоновой кости и воска. Туземцы—племена наано, хуамбо и гангуалла—ушли далеко, чтобы избѣгнуть вымогательствъ начальниковъ, являющихся представителями португальской власти; собы, предшественники которыхъ постоянно присягали на вѣрность португальскому королю, отказывались даже отъ подданства ему²⁾; обширная и плодородная равнина, которая легко могла бы прокормить миллионы жителей, имѣла ихъ всего лишь не болѣе восьми тысячъ. Со всѣмъ тѣмъ не возможно допустить, чтобы столь богато-надѣленный край не сдѣлался населеною и воздѣланною областью. На этой высотѣ—1.650 метровъ, въ среднемъ,—температура умѣренна, и край, хотя и не избавленъ, какъ о немъ рассказывали, вполнѣ отъ лихорадокъ, но, сравнительно, все-таки здоровъ; рядомъ съ растительностью субтропического климата тамъ отлично произростаютъ всѣ растенія умѣреннаго пояса; безъ сомнѣнія, удалось бы и воздѣлываніе кофейного дерева, судя по тому, что въ тамошнихъ лѣсахъ встрѣчается дикий видъ его, *ciango*. Вообще, по своей растительности, своимъ проточнымъ водамъ и теплому климату, Каконда, находящаяся на высотѣ 1.676 метровъ, является обѣтованною землею, и уже буры изъ Трансвала приходятъ изу-

¹⁾ O. von Diwitz, „Deutsche Kolonial-Zeitung“, 1 марта 1887 г.

²⁾ Serga Pinto, „How I crossed Africa“.

чать край въ видахъ основанія тамъ колоній; португальцы, большою частью изъ сосланныхъ, владѣютъ тамъ нѣсколькими садами, разведенными вокругъ крѣпостцы, основанной въ XVII вѣкѣ. Администрація португальская занимается улучшеніемъ троицъ, направляющихъся къ сѣверо-западу изъ Каконды и отъ верховьевъ Кунэнэ къ Бенгуэлль.

Станція Гуилла, находящаяся у восточной подошвы Сьерры Снѣговъ, въ недавнее время пріобрѣла большую важность, чѣмъ Каконда, благодаря сравнительной близости морскаго побережья и прибытию нидерландскихъ колонистовъ изъ Трансвала. Католическая миссія, управляемая французами, также водворилась въ Буиллѣ, при чѣмъ священники миссіи учредили тамъ училище для сыновей побережныхъ купцовъ. Сады, съ европейскими растеніями, окружаютъ жилища, а аллеи, обсаженные евкалиптомъ, тянутся вдоль потока, соединяющагося съ Какуловаромъ, главнымъ притокомъ Кунэнэ. Главная колонія буровъ, Санть-Жануаріо, которой сохранили название Гумпата, принадлежащее и всему округу, основана къ сѣверу отъ Гуиллы на террасѣ плоскогорія: тамъ разсыпаны чистеньки деревянныя хижини, крытыя соломою, построенные голландцами по образцу трансвальскихъ домовъ. Переселенческое путешествіе этихъ голландцевъ длилось не менѣе семи лѣтъ. Гона передъ собою свои стада, перекочевывая съ пастибища на пастибище, оставаясь по цѣлымъ мѣсяцамъ въ мѣстности, благопріятной для отдыха уставшихъ животныхъ, но также подвергаясь непогодамъ и совершая усиленные переходы по безводной пустынѣ,—буры много переиспытывали во время этого продолжительного trek'a, или путешествія въ изгнаніе¹⁾). Большое число ихъ перемерло, не вынеся тягости пути, и были даже слухи, будто погибли всѣ. Къ концу 1880 года, только четыреста или пятьсотъ человѣкъ достигли обѣтованной земли, отдѣясь на двѣ тысячи километровъ отъ своего отечества; однако, и тамъ, въ благодатномъ климатѣ Моссамедеса, судьба преслѣдовала ихъ: появилась оспа и истребила многихъ между прибывшими; затѣмъ, почти всѣ лошади, которыхъ они привезли съ собой, къ ужасу туземцевъ, погибли отъ истощенія; исчезли всѣ стада овецъ и пало до двухъ третей изъ крупнаго рогатаго скота. Отчаяніе овладѣло многими колонистами, которые и отправились моремъ въ Капскую землю; другіе пошли обратно въ Трансваль; третьи, продолжая свое странствіе съ этапа на этапъ, поднялись дальше въ бассейнъ Кунэнэ и въ область плоскогорій; но были и такіе, которые устояли противъ ударовъ судьбы.

¹⁾ „Deutsche Kolonial-Zeitung“, 1887;—„Petermann's Mittheilungen“, 1887, тетр. V.

Нынѣ поля въ Гумпатѣ воздѣланы, тщательно орошены при посредствѣ хорошо проведенныхъ каналовъ и доставляютъ жителямъ жизненные припасы въ достаточномъ количествѣ; кромѣ того, буры ухаживаютъ за остатками своего скота и стремятся расплодить его; будучи охотниками, они преслѣдуютъ слона и гиппопотама, изъ жира которыхъ приготавливаютъ мыло; они сдѣлались также рудокопами для добыванія желѣза изъ руды и золота изъ рѣчного песка; наконецъ, они стали и торговцами, отправляясь за товарами въ бухту Вальфишъ, въ странѣ Дама-ра и выполняя службу конвоировъ между Гуилой и портомъ Моссамедесь; завоевать вновь нѣкоторое благосостояніе имъ помогла индустрия, которая обеспечиваетъ долговѣчность ихъ колоніи; со времени прибытія ихъ въ страну, мѣновая торговля между обоими склонами удвоилась. Хотя очень недовѣрчивые къ своимъ сосѣдямъ португальцамъ, которые говорятъ на другомъ языке и исполнѣдаютъ другую вѣру, буры приспособились, тѣмъ не менѣе, къ этимъ людямъ чуждой имъ расы и защищаютъ ихъ отъ грабежей различныхъ племенъ, которымъ дается родовое наименование «готтентотовъ»; бываютъ даже браки между португальцами и дѣвшуками угара, —мѣстное наименованіе переселенцевъ изъ Трансвала. Впрочемъ, со стороны португальского правительства, которое въ Гумпатѣ представляеть только одинъ приставъ, до сихъ поръ требуется отъ переселенцевъ лишь теоретическое признаніе португальского главенства; затѣмъ, въ своихъ общинныхъ дѣлахъ буры сохранили полное самоуправленіе¹⁾.

Отъ этихъ первыхъ переселенческихъ группъ отѣлились уже рои, которые и направились къ другимъ пунктамъ страны; что же касается германского переселенческаго движения, которое пытались повернуть въ направлениіе къ бассейну верхней Кунэнэ, то оно туда еще не проникло. Въ 1884 году, путешественникъ Dewitz пріобрѣлъ большое количество колонизаціонной земли въ краѣ Luceque, при слияніи Катапи и Кунэнэ, но земледѣльцы не откликнулись на его призывъ. Къ востоку и къ югу отъ Гуилы, другие военные и духовные посты, каковы Гамбосъ и Гумбе (Кумби), окружены лишь хижинами, обитаемыми неграми, а бѣлое населеніе на протяженіи этой болотистой окраины средняго теченія Кунэнэ представляютъ лишь одинокіе рыбаки, привлеченные сюда неимовѣрно большимъ количествомъ рыбы. Равнымъ образомъ и морской берегъ, простирающійся къ югу отъ Моссамедеса вплоть до Кунэнскаго бара, политической границы Анголы, остается еще пустыннымъ,

¹⁾ P. J. Van der Kellen, „Tijdschrift van het Nederlandsch aardrijkskundig Genootschap“, 1855.

несмотря на превосходные качества двухъ гаваней, слѣдующихъ одна за другой на этой части берега: Бахіа-Пинда, или Портъ-Александъръ, и Бахіа-досъ-Тигресъ, одинаково образовавшихъ вслѣдствіе отложенія песка параллельно континентальному пляжу и вслѣдствіе соединенія южныхъ оконечностей этихъ песчаныхъ мелей, при посредствѣ поперечной плотины, съ твердою землею. На высокомъ мысѣ Кабо Негро, господствующемъ надъ входомъ въ Портъ-Александъръ съ сѣвера, видны остатки столба или *padrao*, воздвигнутаго въ 1485 году Diogo Саш'омъ въ память его открытий. Другой воспоминательный столбъ стоитъ на мысѣ Санта-Марія, между Домбэ-Грандэ и Моссамедесомъ¹⁾.

Несмотря на плодородіе своихъ долинъ и плоскогорій, Ангола все еще одна изъ тѣхъ странъ Африки, где сборъ дикорастущихъ плодовъ и охота почти столько же важны, сколько и земледѣліе; впрочемъ, иначе и быть не можетъ въ краѣ, который вѣкогда былъ обезлюдніваемъ неготорговлей, и побережье котораго, превратившееся, вслѣдствіе этого, почти въ пустыню, представляетъ лишь небольшое число плантаций и садовъ. Къ тому же бѣгство животныхъ внутрь страны, а также истребленіе лѣсовъ на берегу все болѣе и болѣе уменьшаютъ естественные богатства почвы и придаютъ продуктамъ человѣческаго труда сравнительно большую цѣнность. Слоновая кость, бывшая вѣкогда въ Анголѣ наиболѣе цѣннымъ, послѣ рабовъ, товаромъ, стремится исчезнуть, а та, которая вывозится изъ внутреннихъ областей, направляется къ бассейну р. Конго. Какъ на примѣръ отношеній торга рабами къ другимъ отраслямъ торговли, можно указать на доходы провинціи Анголы въ 1834 году, когда отъ продажи негровъ было выручено 446.220 франковъ, или $\frac{4}{5}$, а на долю другихъ доходовъ пришлось 106.560 франковъ, или $\frac{1}{5}$ всего итога²⁾. Точно также количество каучука, котораго ангольскіе негоціанты ежегодно отправляютъ на сумму отъ 3 до 4 миллионовъ франковъ, уменьшился, когда доставляющія его ліаны будуть срѣзаны во всѣхъ сосѣднихъ съ берегомъ областяхъ. Уже лакмусовой ягель, красильный мохъ, который въ вадѣ берега виситъ на вѣтвяхъ баобаба и другихъ большихъ деревьевъ, сталъ гораздо менѣе распространеннымъ растеніемъ. Копаль, вывозимый изъ ангольскихъ портовъ ежегодно, принадлежитъ къ товарамъ еще изобильнымъ въ приморской области, а воскъ дикии приносить постоянно въ большихъ количествахъ. Кромѣ того, новѣйшая индустрия обнаружила пользу многихъ другихъ естественныхъ продуктовъ Анголы, прежде ос-

тававшихся безъ употребленія. Пальмы доставляютъ масло, волокна и плоды, акacia—смолу, молочайное растеніе—сокъ, *olmeidin*; а съ баобаба идетъ кора и лубъ, служащіе для изготавленія веревокъ, тканей и бумаги. А сколько встрѣчается въ лѣсахъ еще растеній, деревомъ, листьями, сокомъ или плодами которыхъ можно было бы воспользоваться для цѣлей врачебныхъ или индустриальныхъ! Между этими деревьями есть и такія, которыхъ противостоять термитамъ. Ангола обладаетъ также и минералами, въ особенности мѣсторожденіями мѣди.

Главный земледѣльческій культуры—пищевые растенія, потребляемыя въ самой странѣ. Въ сѣверной части Анголы воздѣлываются въ особенности маніокъ, въ южной же — манісъ, просо и сорго. Европейскіе овощи и плоды, а также китайскій чайный кустъ, ввезены въ край и преуспѣваютъ, по крайней мѣрѣ въ высокихъ долинахъ. Съ 1840 года, картофель сталъ воздѣлываться бихеносами, въ области водораздѣла между Куанзоу, Куанго и Куэнзѣ²⁾. Приморскіе города окружены садами, каковы въ Лоандѣ — тѣнистая *arimos*, а въ Моссамедесѣ — плодородная *hortas*; насадили даже виноградную лозу. Табакъ, хлопчатникъ и земляные фисташковые орѣхи также находятся въ числѣ произведений данной страны. Моссамедесѣ производить тростниковый сахаръ, изъ котораго главнымъ образомъ приготавляется водка, но изъ промышленныхъ культуръ самая важная — культура кофейного дерева. Съ половины текущаго столѣтія эта индустрия развивалась быстро и не только въ области Казенго, но также и во всемъ бассейнѣ р. Лукаллы и ее притоковъ. Такъ, въ 1883 году изъ Анголы вывезено кофе на 2.943.342 франка.

Скотоводство въ прибрежной области имѣеть весьма незначительное экономическое значеніе: между рѣками Конго и Куанза иѣтъ во все рогатаго скота; во многихъ мѣстностяхъ напрасно пытались разводить быковъ, лошадей или муловъ; чахнуть и теряютъ чутѣ тамъ даже собаки; въ Бембѣ кошекъ въ нѣсколько мѣсяцевъ поражаетъ параличъ³⁾. Для снабженія мясомъ приморскихъ жителей, убойный скотъ пригоняется изъ возвышенныхъ мѣстностей. Но почти во всей той части Анголы, которая съ сѣвера ограничена р. Куанзоу, разведеніе скота удается весьма хорошо: страшная муха цеце, наводняющая столь большое пространство Восточной Африки, не известна въ Анголѣ, а эпизоотіи тамъ менѣе опасны, чѣмъ въ бассейнахъ Замбезе и Лимпопо.

Гибельное наслѣдство, оставшееся отъ времени рабовладѣльчества, заключается въ режимѣ крупной поземельной собственности. Почти всѣ вотчины плантаторовъ весьма обширны,

¹⁾ J. Codine, "Découverte de la côte de l'Afrique".

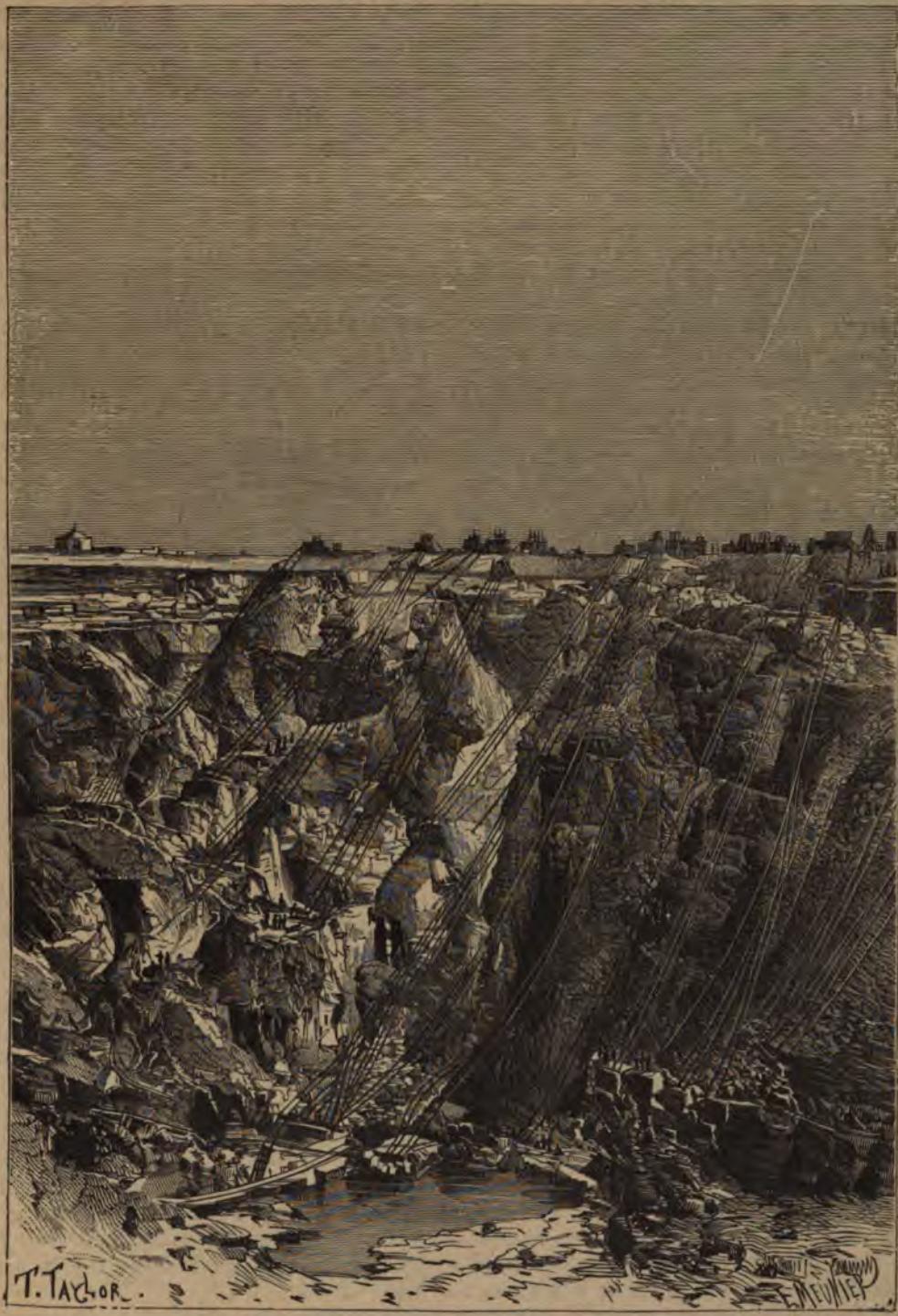
²⁾ João de Andrade Corvo, "Estudos sobre as Províncias Ultramarinas".

³⁾ Ladislas Magyar, упом. соч.

³⁾ Monteiro упом. соч.

заключая въ себѣ сотни и даже тысячи гектаровъ. И это еще не все: рѣдко, а въ нѣкоторыхъ округахъ нѣтъ даже ни одного при-

са, въ которомъ поземельная собственность болѣе раздроблена и известное число плантаторовъ проживаютъ среди своихъ рабочихъ: тамъ

Кемберлійскія алмазныя копи.

мѣра, чтобы собственникъ пребывалъ вмѣстѣ съ семействомъ на своей плантаціи. Счастливую противоположность въ этомъ отношеніи другимъ округамъ является округъ Моссамеде-

уступаемые въ пользованіе участки въ земельской области окрестъ города не должны превышать пятидесяти гектаровъ. Зато, въ сѣверной Анголѣ и въ центрѣ ея обширныхъ по-

земельных владений управляются почти какъ во времена рабства негровъ: въ большей части плантаций рабочіе состоятъ изъ такъ называемыхъ *contratados*¹⁾, т. е. временно прикрепленныхъ къ землѣ туземцевъ, работающихъ подъ управлениемъ португальского надсмотрщика¹⁾. Рабство, правда, уничтожено, но договоры на долгій срокъ сохранены; негровъ набираютъ даже и для отсылки на два года или на пять лѣтъ на плантациіи острова Св. Оомы. Къ тому же большинство рабочихъ въ такомъ долгу у своихъ патроновъ, что вовсе не могутъ разсчитывать на возможность дѣйствительно свободной жизни. Заработка плата ничтожна, а монета, которую расплачиваются съ неграми, менышеї цѣнности, чѣмъ монета, ходящая между бѣлыми: находящіяся въ рукахъ негровъ *reis fracos* представляютъ лишь три пятыхъ *reis fortes* законного курса. Для примѣра незначительности задѣльной платы, можно указать на плантациіи Bom Jesus, гдѣ, среднимъ числомъ, дневной заработокъ равняется 45 сантимамъ, изъ которыхъ 15 уплачивается монетою, а 30 припасами²⁾). Внѣ плантаций, между неграми рабство существуетъ, вопреки закону: рабу не безъизвѣстно, что онъ могъ бы въ какомъ-нибудь португальскомъ городѣ потребовать своего освобожденія, но господствующіе нравы удерживаютъ его въ рабствѣ. Правда, раба, подобно собственному ребенку рабовладѣльца, называютъ «сыномъ», однако, это не «сынъ утробы», а «сынъ промѣна или торга» или «сынъ ткани»³⁾.

Индустрия въ собственномъ смыслѣ этого слова находится еще въ зачаточномъ состояніи въ Анголѣ; однако, уже есть фабрики или мастерскія, гдѣ рабочіе изъ негровъ пользуются европейскими инструментами и машинами. Такъ, около Лоанды существуетъ значительное производство кирпича; въ долинѣ Куанзы — многочисленныя мануфактуры цыновокъ; въ приморскихъ городахъ много винокуренныхъ заводовъ и сигарныхъ фабрикъ, а въ самомъ Моссамедесѣ имѣется прядильная и ткацкая мастерская, учрежденная однимъ эльзасцемъ. Локомотивъ уже появился въ Лоандѣ на желѣзной дорогѣ, строющейся по направлению къ Амбаккѣ; телеграфъ вѣтвится вилоть до кофейныхъ плантаций внутри страны, а пароходы плаваютъ по Куанзѣ; хороши проѣзжія дороги соединяютъ Лоанду съ берегами двухъ сосѣднихъ рѣкъ, а города: Дондо — съ р. Лу-Калла, Домбэ-Грандэ — съ р. Кую, Катумбеллу — съ Бенгуэллою, и Моссамедесъ — съ различными колоніями въ округѣ. Однако, несмотря на такое увеличеніе всевозможныхъ средствъ для промышленной

дѣятельности, внѣшняя торговля Анголы не увеличивается столь быстро, какъ это можно было бы предполагать; въ послѣдніе годы она даже уменьшилась, такъ какъ значительная часть мѣновой торговли перемѣстилась: таможенные пошлины слишкомъ увеличены, и естественно, что купцы стремятся вывозить свои товары чрезъ свободную окраину на сѣверъ Анголы. Даже торговцы съ Кунэнѣ и изъ Гумпата предпочитаютъ направлять свои повозки чрезъ болота и горы къ бухтѣ Вальфишѣ, удаленной на 900 километровъ по прямой линіи, чѣмъ посыпать ихъ въ сосѣдній портъ, въ Моссамедесѣ. Больѣ двухъ третей ангольской торговли совершаются съ Великобританіею, такъ какъ почти все ввозимые въ край ткани производства англійскаго. Португальскіе негоціанты участвуютъ въ ангольской торговлѣ лишь въ весьма малой долѣ, такъ какъ пять седьмыхъ торговыхъ сношеній этого края приходится на долю другихъ рынковъ, а не Лиссабона или Опорто: вслѣдствіе этого, правительство метрополіи говорятъ, что въ Ангольскомъ краѣ оно выполняетъ лишь роль береговой стражи, охраняющей чужеземную торговлю¹⁾). Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя о торговомъ движеніи въ Анголѣ: обороты внѣшней торговли составляли: въ 1823 году — 3.219.000 фр.²⁾; въ 1847 — 9.706.950 фр.; въ 1873—1874 гг. — 28.216.202 фр.; въ 1886—1887 гг. — 21.070.031 фр.; въ 1891 г.: привозъ — 2.870.000, вывозъ — 3.250.000 мильрейсовъ. Судовъ въ ангольскихъ портахъ въ 1896 году было въ приходѣ 286, съ вместимостью въ 431.000 тоннъ.

Народное просвѣщеніе гораздо болѣе развито въ Анголѣ, чѣмъ обѣ этомъ можно было бы заключить по числу школъ, которыхъ въ 1884 г. было: 32 съ учителями и 8 безъ учителей; учащихся же въ школахъ насчитывалось 1.178, при чѣмъ пять шестыхъ приходилось на долю мальчиковъ. Однако, тысячи негровъ, будучи потомками уже обученныхъ миссіонерами, начинаются читать въ своихъ семействахъ, проживающихъ за сотни лье отъ всякаго общественнаго учебнаго заведенія. На болѣе высокій уровень образованія, по сравненію съ краями, имѣющими больше школъ, указываютъ, во-первыхъ — движение почтовое, при чѣмъ въ 1883 году всѣхъ почтовыхъ пересылокъ было 263.558, а телеграммъ въ 1884 году — 8.900; и во-вторыхъ, сравнительное развитіе печати: такъ въ 1886 году въ Анголѣ было газетъ и журналовъ — 19³⁾.

Португальская провинція Ангола, иногда называемая также «королевствомъ», находится

¹⁾ Relatorios das Obras Pùblicas Provincias Ultramarinas. Angola 1877—1880.

²⁾ Chatelain, „Deutsche Kolonial-Zeitung“, 1 июня 1887 г.

³⁾ Chavannes, упом. соч.

¹⁾ Oliveira Martins, „O Brazil e as Colônias Portuguesas“.

²⁾ Joao de Andrade Corvo.

³⁾ Brito Aranha, „História do Jornalismo nas Províncias Ultramarinas“.

въ совершенной зависимости оть Лиссабонского правительства. Въ ней иѣть ни избираемыхъ совѣтовъ, ни другихъ депутатовъ, кромѣ посланныхъ въ кортесы въ Лиссабонѣ, при чемъ избирателей въ Анголѣ въ 1884 году было 26.598, а могущихъ быть выбранными 3.261. Ангола должна лишь повиноваться распоряжениямъ, исходящимъ изъ Португалии и передаваемымъ ей при посредствѣ губернатора, пребывающаго въ Лоандѣ. Этотъ политический режимъ опеки, который не можетъ не задерживать колониального развития, объясняется, впрочемъ—хотя и не оправдывается—небольшимъ числомъ европейцевъ, разсѣянныхъ по громадной территории и состоящихъ исключительно изъ негоціантовъ, чиновниковъ (которыхъ въ 1882 году въ Анголѣ было 3.140 человѣкъ) и ссыльныхъ—все людей, имѣющихъ свои самые важные интересы или свои духовныя связи все еще въ метрополіи. Торговцы и торговые агенты стремятся быстро вожиться или по крайней мѣрѣ пріобрѣсть такое состояніе, которое позволило бы имъ возвратиться въ Европу; чиновники и военные продолжаютъ свою карьеру за границею въ надеждѣ быстраго повышенія по возвращеніи въ отчество; наконецъ, ссыльные, *degredados*, путемъ долгаго пребыванія въ колоніяхъ могутъ возстановить свои гражданскія права. Переселенцевъ же, въ теченіе десяти лѣтъ, только и насчитывалось, что 3.348 человѣкъ. Что касается туземцевъ, то они сохранили свой первобытный правительственный строй повсюду, кромѣ мѣстъ близкаго сосѣдства съ городами и плантаціями, гдѣ традиціонныя связи среди извѣстнаго народа или племени ослабѣли или порвались вовсе. Обыкновенно, негры все еще либо избираютъ своихъ *siba*, либо признаютъ ихъ, согласно существующему у данного племени обычая наслѣдованія: непосредственно отъ отца къ сыну, или непосредственно отъ брата къ брату, или отъ дяди къ сыну сестры; однако, рядомъ съ собою, права почина которого уменьшаются или увеличиваются соразмѣрно съ удаленіемъ отъ португальскихъ военныхъ постовъ, въ край пребываютъ еще *chefes*, назначаемые лоандскимъ губернаторомъ, которые имѣютъ право

вмѣшиваться, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, во внутреннія дѣла племени и занимаются въ особенности увеличеніемъ поступлений налоговъ, болѣе, впрочемъ, для своихъ личныхъ пользъ, чѣмъ для португальской казны. Прежде они могли, въ силу декретовъ, заставлять работать негровъ и обращали ихъ такимъ образомъ въ рабовъ, принуждая переносить тюки съ товарами: по собственному произволу они опредѣляли, которые изъ людей должны имѣть безвозмездно служить въ качествѣ *cirregadores*. Однако, это несправедливое право принуждать къ исполненію повинности натурою, къ барщинѣ, было уничтожено въ 1856 году.

Такъ какъ дѣйствительное господство Португалии проявляется лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ, и такъ какъ племена негровъ состоять изъ людей въ большинствѣ весьма покорныхъ, то для выполненія гарнизонной службы или для военныхъ экспедицій губернатору достаточно имѣть лишь нѣсколько сотенъ солдатъ. Бюджетъ почти цѣликомъ имѣеть въ виду администрацію, и расходы отчасти покрываются таможенными доходами. Нынѣ бюджетныхъ доходовъ достаточно для покрытия расходовъ (бюджетъ 1894—95 г.: приходъ — 1.645.000, расходъ — 1.533.000 мильрейс.). Прежде эти заморскія владѣнія постоянно были въ тягость метрополіи, какъ, впрочемъ, это всегда и бываетъ съ большою частью колониальныхъ земель, не принимающихъ никакого участія въ своей собственной администраціи.

Территорія распределена на четыре округа, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на *concelhos* (уѣзды), довольно обширные; между *concelhos*'ами есть населенные такимъ незначительнымъ числомъ полуцивилизованныхъ людей, что учрежденіе тамъ правильной администраціи еще невозможно. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены наименованія *concelhos*'овъ Анголы, съ указаніемъ ихъ географическаго положенія и населенія ихъ главныхъ городовъ. Лишь два между этими городами считаются въ разрядѣ собственно *cidades*, т. е. городовъ, именно: Лоанда и Бенгуэлла. Всѣ остальные суть *villas*.

Округъ.

Concelhos.

Главные города.

Заира.	Сантъ-Антоніо де Соњо. Лѣвый берегъ Нижнаго Санто-Антоніо. Конго. Санть-Сальвадоръ. Бассейнъ Мпозо. Делегація Куиссанги и Коки на Конго. Энкожэ. Верховой бассейнъ Ложэ.	
		Санть-Сальвадоръ. 750 жителей.
		Энкожэ.
Лоанда	Амбризъ. Верховой бассейнъ Альто Данде. Низовой " { р. Ложэ. Барро до Данде. Верховой " { р. Бенго. Голунго Альто. Плоскогоріе истоковъ Бенго. Зенза до Голунго Низовой бассейнъ { р. Бенго. Икола въ Бенго Средай " { р. Бенго. Барра де Бенго. Низовой " Лоанда, столица и предмѣстья.	Амбризъ. 3.000 жителей.
		Лоанда, 16 т. жителей.

Округъ.	Concelhos.	Главные города
Лоанда.	Дуке-де Браганца. Верховой бассейнъ Амбака. Средний " р. Лукалла. Казенго. Низовый.	Лукеде—Браганца. Памба. Какулло.
	Тала-Могонго. Водораздѣль между Куанза и Куангро. Маланж. Верховой бассейнъ Куанзы. Пунго-Ндого. Прав. берегъ средней Куанзы. Камбамбэ.	Маланж. Пунго-Ндого. 1.300 жителей. Дондо. 2.880 жителей.
	Массанганго. Берега Низовой Куанзы. Мукенма. Калумбо. Кассанджа. Верховой бассейнъ р. Куангри. Ново-Редондо. Морской берегъ къ югу отъ Куово. Эгито.	Массанганго. Мукенма. Калумбо. Кассанджа. Ново-Редондо. Эгито.
Бенгуэлла.	Бенгуэлла. Поморье. Домбэ Грандэ. Quillengues. Верховой бассейнъ р. Капороро. Каконда. " р. Куэнэз. Моссамедесъ. Поморье. Гумпата.	Бенгуэлла. Домбэ-Грандэ, 4.000 жителей. Quillengues. Каконда. Моссажедесъ, 5.000 жителей. Гумпата.
Mossamedes.	Гуила. Гамбось. Бассейнъ р. Кукуловара. Хумбэ.	Гуила. Гамбось. Хумбэ.

Остальная часть территории, населенная такъ называемыми вассальными племенами—въ дѣйствительности, однако, независимыми—не представляетъ другихъ подраздѣленій, кроме перемѣнчивыхъ границъ мѣстопребыванія племенъ. Биха и Байлундо иногда считались составными частями округа

Бенгуэлла. Concelhos, расположенные къ сѣверу отъ Заира, принадлежатъ къ одному и тому же округу съ Санъ-Сальвадоромъ и со всемъ полосою лѣваго берега рѣки. Кабонда—главный городъ двухъ областей, которыи отдѣляютъ рѣку и территорію отъ Независимаго Государства Конго.

Глава VI.

Страны Дама-ра и Нама-Куа.

Области между рѣками Куэнэ и Оранжевой.

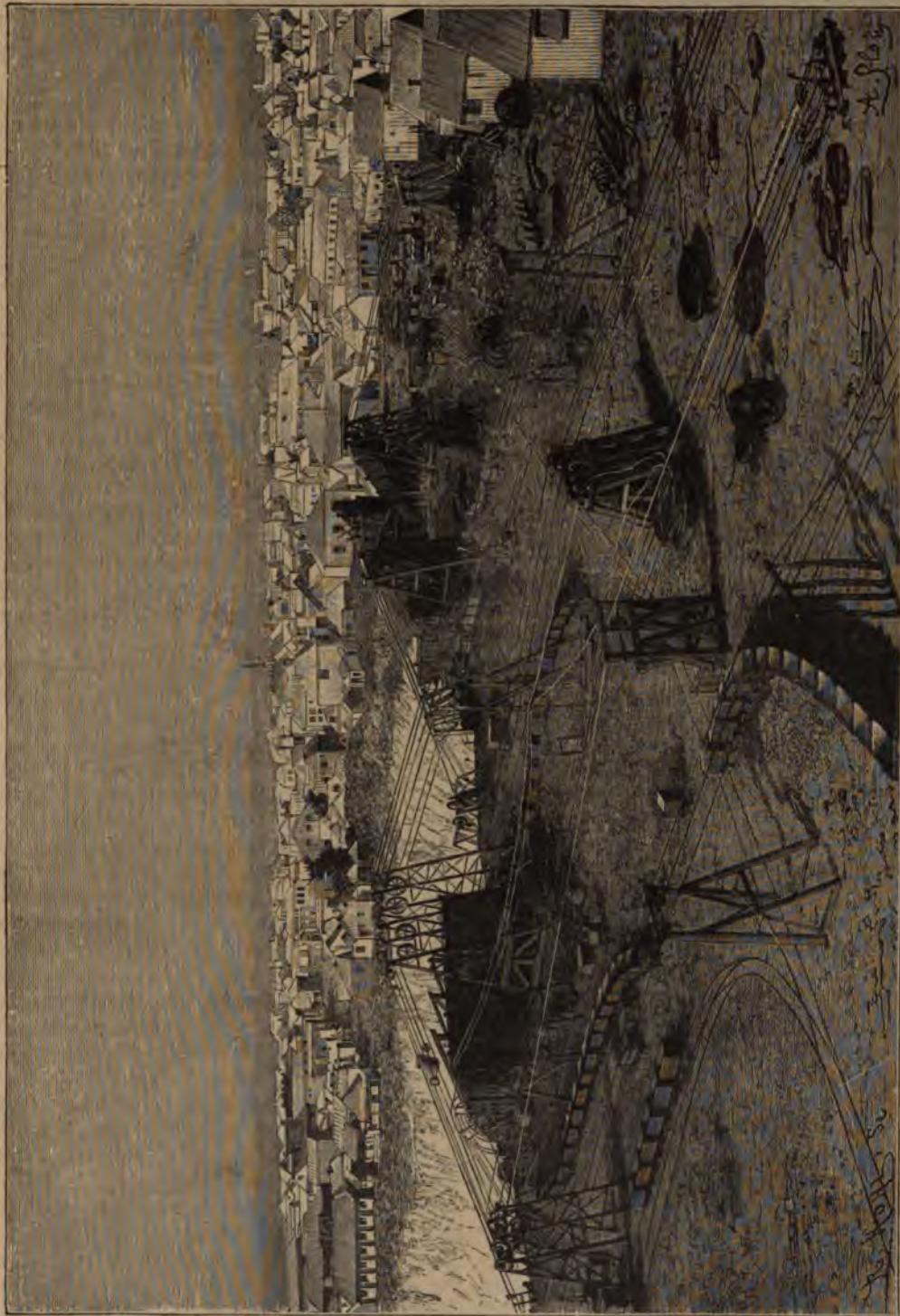
Часть африканского побережья, простирающаяся за югъ отъ Анголы вплоть до бара Оранжевой рѣки, на протяженіи по берегу приблизительно 500 километровъ, съ 1884 г. объявлена германской территоріею, хотя германцамъ не пришлое ее завоевывать: официально она зовется Südwest-Afrikz, т. е. «Юго-западная Африка». Прежде она называлась Lüderitzland, по имени того негоціанта, который приобрѣлъ ее посредствомъ договоровъ, заключенныхъ съ начальниками какъ тѣхъ рѣдкихъ племенъ, которыхъ проживаютъ на берегу, такъ и племенъ внутри страны, находившихся подъ влияниемъ прирейнскихъ миссіонеровъ.

Раньше того времени, когда какъ бы по

мановенію волшебного жезла, край оказался подавшимъ подъ протекторатъ Германской имперіи, подразумѣвалось, что верховное владычество Великобританіи распространяется и на эти страны, вплоть до мыса Фріо, хотя въ дѣйствительности англичане владѣли только однимъ постомъ, на берегу бухты Вальфишъ, или Китовой. Въ началѣ, какъ только германские дипломаты звали рѣчъ относительно станцій, основанныхъ германскими подданными, англійское министерство заявило, что «всякое появление какой-нибудь иностранной державы въ данной области было бы нарушеніемъ правъ Великобританіи»; также и правительство Капской Земли вотировало о формальномъ завладѣніи спорною территоріею, но было уже поздно. И послѣ обмѣна депешами, которыхъ со стороны Германіи приняли почти угрожающій тонъ, «край Людерица», за исключениемъ бухты Вальфишъ, былъ признанъ

землею германскою; кромъ того, германскіе дипломаты заключили трактатъ и съ Португалией, обеспечивающій Германіи владѣніе территоіею, простирающейся къ сѣверу отъ мыса

ности самой Германской имперіи, явилась первою, по времени приобрѣтенія, въ ряду тѣхъ странъ, изъ которыхъ въ Африкѣ и въ Полинезіи образовались обширныя герман-

Городъ Кимберлей.

Фріо вплоть до устья рѣки Кунэнэ. Область «Юго - Западной Африки», простирающаяся вглубь до 20° восточной долготы отъ Гринвичского меридіана, или до $17^{\circ} 40'$ отъ меридіана Парижскаго, и равняющаяся поверх-

скія колоніальная владѣнія; тотъ же, кто пріобрѣлъ эту область для своей родины, какъ-то таинственно исчезъ въ одной изъ бухтъ южного берега. Однако, если о завладѣніи страною официально и оповѣщено, то

на дѣлѣ оно еще далеко отъ осуществленія. Для охраны купцовъ воинской силы еще не назначено, превращеніе туземцевъ въ германскихъ подданныхъ остается пока въ области предположеній и вовсе не мѣшаетъ грабителямъ забирать скотъ германского комисара у самыхъ дверей его жилища. Начальниками, которымъ лучше повинуются, въ центральной и южной областяхъ являются протестантскіе миссіонеры; основавшись въ Дама-ра въ 1848 году, они обладаютъ нынѣ болѣе, чѣмъ двадцатью станами между рѣками Кунэнѣ и Оранжевой.* Въ послѣднее время въ этой колоніи организовано охранное войско, которое въ 1897 г. состояло изъ 25 офицеровъ, 710 бѣлыхъ и 150 цвѣтныхъ солдатъ*.

Благодаря миссіонерамъ, охотникамъ, разысквателямъ рудъ и купцамъ, проникавшимъ отъ одного склона края до другаго, новое колоніальное владѣніе Германской имперіи уже хорошо известно въ своихъ главныхъ чертахъ. Даже сѣверная часть этого края, наиболѣе удаленная отъ Каптауна, центра изслѣдованій Южной Африки, была посыпана Galton'омъ, Anderson'омъ, Baines'омъ, Smuts'омъ, Green'омъ, Hahn и Rath'омъ, Hertley'емъ, Coates'омъ, Palgrave'омъ, Du-raguet, а со временемъ превозглашенія новаго политическаго строя въ эти края отправляются германскіе путешественники десятками, какъ для изученія его географіи, такъ въ особенности для ознакомленія съ его экономическими условіями. Отпечатаны уже специальная карты портовъ и минеральныхъ за- лежей, составлены проекты шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ: однимъ словомъ, официальное присоединеніе края ускоряетъ и дѣлаетъ всесторонняго знакомства съ нимъ.

Въ общемъ, рельефъ страны тотъ же, что и въ Анголѣ: поверхность постепенно повышается вплоть до кровли берегового плоскогорія, а затѣмъ на востокѣ начинаетъ спускаться по направлению къ бассейнамъ рѣкъ. Весь край, отъ Кунэнѣ до Оранжевой рѣки, представляетъ продолговатую, правильной формы, возвышенность, ось которой параллельна оси морскаго берега; кроме того, это удлиненное приподнятіе почвы вполнѣ уединено: тогда какъ плоскогорія Анголы соприкасаются на востокѣ съ возвышенностью водораздѣла между рѣками Конго и Замбезе, плоскогорія Дама-ра и Нама-куа ограничены съ востока глубокими впадинами, на протяженіи которыхъ разстилается пустыня Калахари и извибаются Ку-Банго и верховые притоки Оранжевой рѣки. Будучи отдѣлены отъ горъ Сѣверной Сьерры ущельями, въ которыхъ протекаетъ Кунэнѣ, каменистая высоты края Дама-ра, называемая Каоко, вначалѣ представляются не особенно значительными, но мало-по-малу,

къ югу отъ известковыхъ горъ Отави, они становятся все выше и выше, и многія изъ нихъ достигаютъ и даже превышаютъ 1.000 метровъ. А къ сѣверо-востоку и къ востоку отъ бухты Вальфишъ группируются свои куполообразныи вершины и столоидныи скалы *uas* и настоящій массивъ. Оматако, самая высокая изъ вершинъ этой области, имѣетъ въ высоту 2.300 метровъ; нѣсколько другихъ горъ, болѣе низкихъ, группируются около этой величественной вершины. Южнѣе, срединный хребеть снова понижается и не достигаетъ даже и тысячи метровъ; во многихъ мѣстахъ исчезаютъ всякия значительные возвышенія, и видны только отдельныи группы холмовъ, покоящіяся на общемъ цоколѣ, имѣющемъ форму щита; тамъ и сямъ утесы возвышаются въ видѣ башенъ и пирамидъ. На юго-германской территории, въ странѣ племени нама-куа, возвышаются другія непрерывныи гряды горъ: такъ, дорога, пересѣкающая горный хребеть къ востоку отъ Ангры Пекены, на пути въ Бетанію, проходить около возвышенности въ 1.600 метровъ¹⁾. Остовъ горъ состоить главнымъ образомъ изъ гнейса, слюдяныхъ сланцевъ, кристаллическихъ известняковъ, съ вкрапленнымъ гранитомъ, порфиромъ и другими вулканическими породами; встрѣчались, будто-бы, и базальтовыи массы.

Срединная ось высокихъ земель проходить параллельно берегу, въ среднемъ, на разстояніи отъ него приблизительно двухсотъ километровъ; что же касается пространства между самымъ берегомъ и первыми скатами, то во многихъ мѣстностяхъ ширина его значительна. Къ востоку отъ бухты Вальфишъ, это промежуточное пространство образуетъ равнину Наміебъ, называемую голландцами *vlaakte* или *veld*, а англійскими колонистами просто *plain*; также можно было бы сравнить ее съ *hamada* въ Аравіи и въ Сѣверной Африкѣ. Наміебъ по наружному виду равнина, но если стать пересѣкать ее въ направлениѣ къ востоку, то окажется, что незамѣтно она все болѣе и болѣе повышается, такъ что въ ста километрахъ отъ бухты высота ея достигаетъ уже шестисотъ метровъ, и если смотрѣть на *veld* съ берега моря, то она заслонить и профиль горъ, возвышающихся отъ нея къ востоку, между тѣмъ, при всходѣ на гребни дюнъ кажется, будто поверхность равнины совсѣмъ горизонтальна. Путешественникъ Stapff полагаетъ, что Наміебъ — древнее море; по виду же она походитъ на обширную бетонную поверхность, отѣвѣчивающую всѣми отѣнками, отъ темнаго до бѣловатаго. Въ сухое время, т. е. почти въ теченіе цѣлаго года, по ней можно ходить какъ по мостовой; но во время

¹⁾) „Petermann's Mittheilungen“, 1835.

дождей поверхностный слой известковой или гипсовой глины разжижается, набираетъ въ себя песку, и тогда движение бываетъ весьма затруднено: колеса оставляютъ такія глубокія колеи, что онѣ могутъ сохраняться цѣлые годы. Въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ на равнинѣ скапляются дождевыя воды, которыхъ мало-помалу испаряются, оставляя послѣ себя налеты гипса или соли: salt-pans англійскихъ колонистовъ. По сосѣдству съ горами видныяются обломки и остатки скаль: кварцевыхъ, гнейсовыхъ или сланцевыхъ, которыхъ, повидимому, разрушились подъ влияніемъ воздуха, а на поверхности почвы оставили пятна различныхъ цветовъ. На нѣкоторыхъ же сохранившихся глыбахъ поверхность оказывается отполированою тѣми песчинками, которыхъ проносятся вѣтромъ.

Скать Наміеба простирается вплоть до моря, но нижняя часть равнины покрыта песками, изъ которыхъ образуются дюны на пространствѣ отъ нѣсколькихъ тысячъ метровъ до сотни километровъ. Нѣкоторая изъ этихъ дюнъ поднимаются почти до ста метровъ въ высоту, уподобляясь въ этомъ отношеніи дюнамъ на ландахъ Гасконского залива; такія дюны отдѣляются другъ отъ друга ледами, т. е. промежуточными долинами, по которымъ разсыпаны бугорки и холмики. Къ югу отъ Вальфишской бухты должно послѣдовательно перейти чрезъ шестнадцать песчаныхъ гребней, при чемъ западный склонъ горокъ, обращенный къ морскому вѣтру, почти твердъ, между тѣмъ какъ противоположный склонъ, на который отлагаются несомыя вѣтромъ песчинки, гораздо болѣе подвиженъ; немногіе травы и кустарники съ стелющимися корнями произрастаютъ на этихъ песчаныхъ холмахъ и на извѣстное время уплотняютъ ихъ почву. Вѣроятно, что эти дюны происходятъ отъ древнихъ песчаныхъ, выступившихъ изъ моря, мелей; что же касается дюнъ внутри страны, то онѣ образовались на мѣстѣ, вслѣдствіе нуипленія гнейса подъ влияніемъ солнечного жара. Внутренняя подъемлющая сила дѣйствуетъ подъ этой частью морского побережья, повидимому, и въ наши дни: на высотѣ до двадцати метровъ надъ современнымъ уровнемъ моря наблюдаются обширные солончаки, покрытые раковинами, схожими съ раковинами тѣхъ животныхъ, которыхъ и понынѣ живутъ въ сосѣднихъ пространствахъ океана; отъ берега же на разстояніи отъ 30 метровъ до одного километра встречаются даже цѣлые скелеты китообразныхъ животныхъ, нѣкогда выкинутыхъ волнами¹⁾. На одномъ изъ пляжей, къ сѣверу отъ бухты, видныяются валеты сѣры, перемѣшивающіеся съ пескомъ и гипсомъ, а съ земли поднимается тамъ запахъ сѣристаго водорода. Вѣроятно,

выдѣленіями этого газа и должна быть объясняема та скоропостижная смертность рыбъ въ бухтѣ, которую наблюдали нѣсколько разъ, между прочимъ, въ 1883 году. При низкомъ уровнѣ воды въ морѣ, говорятъ, видѣли даже нѣчто въ родѣ кратеровъ, образовавшихся вслѣдствіе вспутиванія плоскаго берега⁴⁾.

Отъ устройства берега зависятъ отчасти и климатическія явленія. Южные и юго-западные вѣтры, чаще всего дующіе на берегу, приносятъ съ собою дожди лишь весьма г҃ѣдко, а съверо-восточные шквалы, дующіе съ мая по юнь въ направленіи, противоположномъ господствующимъ вѣтрамъ, содержать влаги еще меньше. Въ теченіе года на берегахъ бухты Вальфишъ насчитываютъ, среднимъ числомъ, отъ пяти до шести дождей, а на берегахъ Ангры-Пекены всего одинъ дождь: къ этому ливню и къ ночнымъ росамъ, иногда весьма изобилійнымъ, и сводится весь дождливый сезонъ, нормальный періодъ котораго упадаетъ на начало года, когда, слѣдовательно, солнце поднимается къ сѣверу. Но если низменный берегъ не увлажняется, то морскіе вѣтры низвергаютъ свои ноши дождей на вершины внутри страны; на Норе-mine, въ 1886 году, было семнадцать дождливыхъ дней и, по измѣреніямъ, вышавшей воды оказалось болѣе сорока миллиметровъ; предвѣстниками дождя почти всегда бывають вихри, поднимающіе, въ видѣ движущихся колоннъ, песокъ, и дамарцы такъ и называютъ эти песчаные круговороты «приносителями дождя»²⁾. Вслѣдствіе такого выпаденія атмосферной влаги, плоскогорья покрыты сплошнымъ травянымъ ковромъ, тогда какъ внизу, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Као-ко—сравнительно хорошо орошаемаго,—весь край остается безплоднымъ или же усѣяннымъ только колючими кустарниками, и лишь кое-гдѣ, вокругъ родниковъ, видныяются оазисы. Собаки мрутъ тамъ отъ голода; растенія увядаютъ; и такъ какъ тамъ почва повсюду пропитана на глубинѣ полуметра или даже еще менѣе солью, то взростить кустарниа деревья было бы очень трудно³⁾. Хотя, благодаря дождямъ на вершинахъ, въ верховыхъ оврагахъ текутъ ручьи, но они не сливаются вмѣстѣ для образования рекъ и не доходятъ до океана, развѣ только въ случаѣ исключительно изобильныхъ ливней. Потоки являются простыми уади, которые служатъ дорогами и на протяженіи ложа которыхъ путники вырываютъ колодцы, въ надеждѣ, что въ нихъ скопится немного воды. Деревья осѣняютъ откосы крутыхъ береговъ, заимствую необходимую влагу изъ глубокихъ песковъ, но увя-

¹⁾ Staph., „Verhandlungen der Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin“. № 1, 1887.

²⁾ Charles John Andersson, „Ngami-river“.

³⁾ A. de Smidt, „Petermann's Mittheilungen“. Октябрь, 1866.

даніе растеній по берегамъ потоковъ заставляетъ думать, что страна становится все суще и суще: такъ, хотя и случается, что послѣ внезапного разлива, на береговыхъ кручахъ всходитъ множество новыхъ стеблей, но вскорѣ стебли эти увядаютъ, такъ какъ ихъ корни не успѣваютъ достаточно углубиться въ почву въ поискахъ за влагою. Впрочемъ, жители изъ племени хереро пробили на многихъ мѣстахъ, сосѣднихъ плоскогорій глубокія скважины въ известковыхъ утесахъ вплоть до живой воды¹⁾. Одинъ изъ отысканныхъ, такимъ образомъ, источниковъ въ горахъ Отави—на сѣверѣ края—оказался настоящимъ подземнымъ озеромъ, изобилующимъ рыбами и не измѣняющимъ своего уровня²⁾.

Изъ всѣхъ уади страны самый изобильный—Омаруру: воды его сохраняются дольше, чѣмъ въ другихъ рѣчныхъ ложахъ, а окружающая его растительность менѣе рѣдка; горячій источникъ Омбуру пробивается у подошвы базальтовыхъ камней изъ-подъ песка вверху уади, и теченіе ручейка продолжается на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Изъ всѣхъ потоковъ страны больше всего боковыхъ развѣтвлений и наиболѣе длинное русло имѣть Тсоахубъ или Свакопъ: длина его теченія превышаетъ четыреста километровъ. Онъ начинается къ востоку отъ главнаго массива Дамарскихъ горъ, пересекаетъ плоскогоріе, пробѣгая по глубокимъ ущельямъ, и впадаетъ въ море непосредственно на сѣверѣ Вальфишской бухты. Приблизительно на равномъ разстояніи отъ рѣкъ Кунэнѣ и Оранжевой, эта попечная Тсоахубская борозда дѣлить територію на двѣ почти равныя половины: на сѣверѣ—область Дама-ра,—на югѣ—область Нама-куа. Хозиѣ или Куизипъ, вырвавшій себѣ русло глубиной въ 200 метровъ въ толщѣ равнинны Наміебъ, также изливается или, правильнѣе, изливался въ Вальфишскую бухту круто поворачивающей излучиной, которая на востокѣ граничитъ съ длиннымъ песчанымъ полуостровомъ мыса Пеликанъ; въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, предшествовавшихъ 1878 году, въ Хозиѣ не было воды ни разу³⁾. Къ югу отъ этихъ двухъ временныхъ рѣкъ, другіе уади прекращаются уже на востокѣ отъ дюнъ, даже не образуя доходящихъ до моря русль, но умарамба, или потоки восточного склона, идущіе на соединеніе съ рѣкой Ку-Банго или съ Оранжевой, или же теряющіеся далеко въ пустынѣ, въ ея солончакахъ,—рѣки настоящія, если не по массѣ воды или правильности рѣчного ложа, то по крайней мѣрѣ по длине того углубленія, по которому онѣ протекаютъ.

Южная часть германской территории, состо-

ящая въ большой части изъ скаль, твердыхъ глинъ и сыпучихъ песковъ, не можетъ имѣть земледѣльческаго значенія; тѣмъ не менѣе германцы присоединили ее первою и таѣ имено основали свои поселенія; однако къ югу отъ Тсоахуба, разведенны миссіонерами по цѣлинѣ сады и огороды не составляютъ, быть-можетъ, въ совокупности даже четырѣ гектаровъ. Но въ сѣверныхъ округахъ, въ именно въ долинѣ Кунэнѣ, простираются обширныя поля, походящія на португальскія области Гуилла и Гумпата: расположенные въ одиомъ и томъ же бассейнѣ, представляя совершенно одинаковую почву, они имѣютъ также существенно одинаковый климатъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что дожди здѣсь менѣе обильны въ воздухѣ немнogo суще; однако, влажности здѣсь достаточно для произрастанія и размноженія деревьевъ въ лѣсахъ. Здѣсь можно еще видѣть гигантскій баобабъ, а вплоть до двадцатаго градуса широты встрѣчаются также и нѣкоторыя пальмовые деревья. Край Ова-Мбо, съ его рощами и полянами, во многихъ мѣстностяхъ имѣетъ видъ безконечнаго парка; жители занимаются тамъ главнымъ образомъ воздѣлываніемъ почвы и разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ⁴⁾). Тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы благоенствовать также и европейскіе работники, хотя ихъ потребности много превышаютъ потребности черныхъ туземцевъ; трансаальскіе буры, впрочемъ, тамъ уже и поселились. Сотни этихъ эмигрантовъ,—тѣ самые, которые впослѣдствіи направились въ португальскій Моссамедесскій округъ,—основали колонію въ гористой области Каоко; во тамъ, какъ и Гумпатѣ, они занимались болѣе разведеніемъ скота, чѣмъ воздѣлываніемъ почвы, довольствуясь полученіемъ такого только количества хлѣбныхъ растеній, которое было имъ необходимо для годичнаго запаса.

Вообще, ввѣ прибрежныхъ равнинъ по р. Кунэнѣ и особо благопріятныхъ для земледѣлія небольшихъ долинъ, скотоводство является мѣстнымъ промысломъ, сущимъ болѣе всего выгодъ. Обширныя травянистые плоскогорія превращаютъ край въ пастушескую область. Дикия животныя—за исключеніемъ различныхъ видовъ антилопы, нѣсколькихъ представителей кошачаго рода, шакаловъ и грызуновъ,—истреблены; даже страусъ, котораго разводятъ въ южныхъ англійскихъ колоніяхъ, здѣсь безпощадно преслѣдуется и около морскаго берега уже болѣе не водится. Въ умарамба, выходящихъ изъ Кунэнѣ, находять еще крокодиловъ; змѣи, ящерицы и кузнеци имѣютъ многочисленныхъ представителей; одинъ видъ ужевидныхъ гадовъ, водившихся въ этомъ краѣ, есть страшный *cuspedeiro*, или «плевака» ангольскихъ португальцевъ; это

¹⁾ Bahn und Rath, „Petermann's Mittheilungen“, 1859.

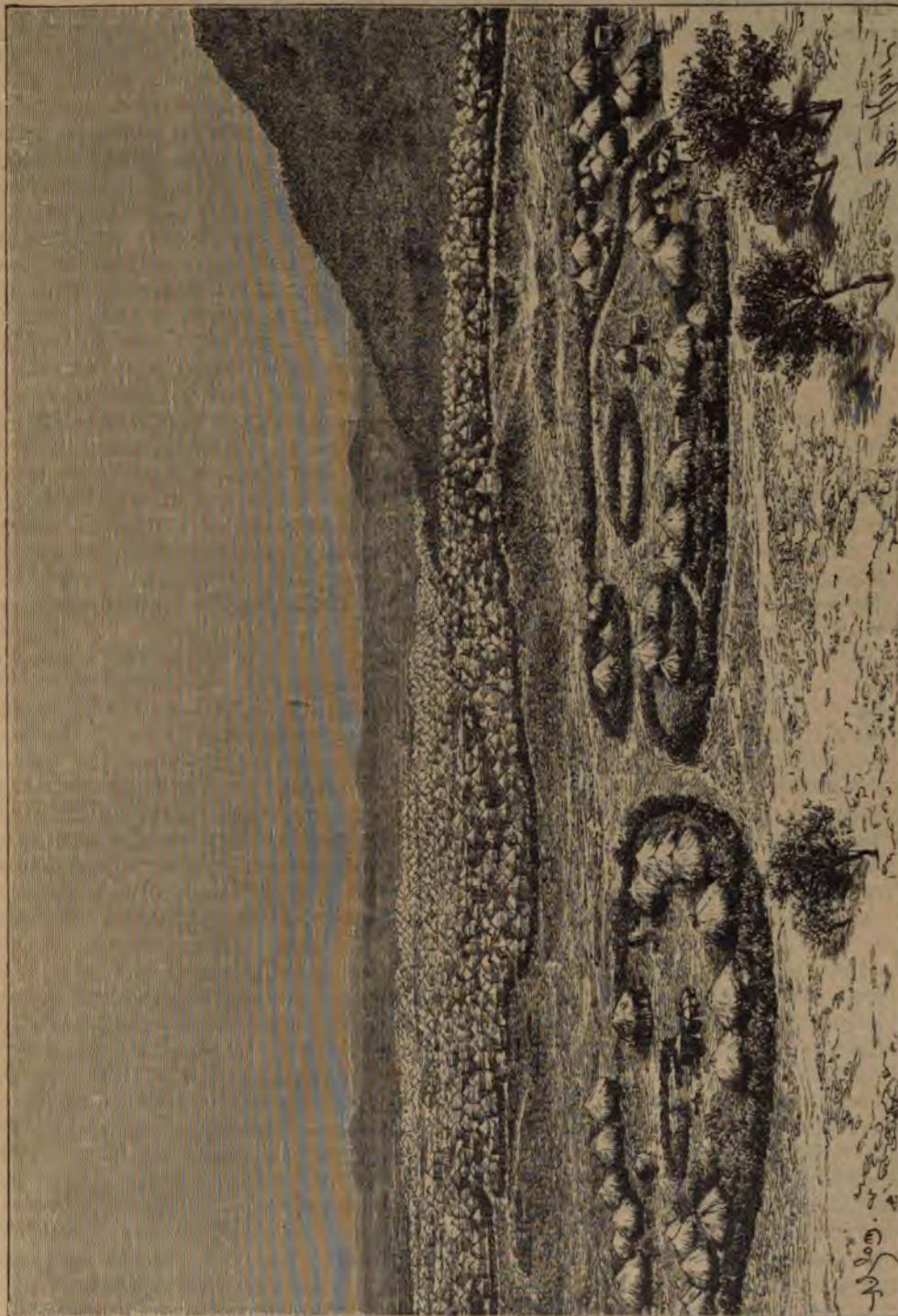
²⁾ Duparquet, „Voyage en Cimbabasie“.

³⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1878, тетр. VIII.

⁴⁾ Duparquet, „Missions Catholiques“, 1880.

пресмыкающееся достигает иногда восьми метровъ въ длину, и нѣкогда мѣстные чародѣи обладали искусствомъ заговаривать его, при чмъ приманивали его даже къ ложу больныхъ.

возникала мысль о введеніи въ полупустынныя области, часть которыхъ составляетъ страна Людерица, также и верблюда, но драгоцѣнная порода употребляющагося въ Южной Африкѣ вычного быка вполнѣ удовлетворяетъ потреб-

Шатонгъ. Столица племени бу-маганато.

Животныя, водящіяся нынѣ по пастбищамъ на вершинахъ, принадлежать къ животнымъ домашнимъ, вывезеннымъ изъ Европы; это— быки и коровы, лошади, овцы и козы. Часто

поставъ перевозки, и, кромъ того, разница въ покупной цѣнѣ и въ содержаній дѣлаетъ пользованіе вычнымъ быкомъ болѣе экономнымъ. Впрочемъ, въ глазахъ новыхъ обладателей

края, важность пріобрѣтенія данной колоніальной территории заключается вовсе не въ богатствѣ ея скотомъ: кромѣ испытываемаго ими чувства удовлетворенности вслѣдствіе завладѣнія краемъ, котораго прежде домогались кап-скіе англичане, они разсчитываютъ на тѣ минеральныя сокровища, которые таятся въ горахъ страны. Мѣдныя руды въ особенности встрѣчаются въ многочисленныхъ мѣстностяхъ плоскогорій и даже предгорій, и, несмотря на затрудненія, встрѣчаемыя при перевозкѣ, добываніе руды уже началось на многихъ пунктахъ. Къ югу отъ Ангры Пекены нашли также серебряную руду; впрочемъ, отчеты инженеровъ заставляютъ опасаться, какъ бы первоначальная надежда негоціантовъ не оказалась обманчивыми¹⁾). Когда удобная дороги прорѣзутъ край, онъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ нѣкоторую важность какъ рудная область и привлечетъ промышленное населеніе.

Понятно, что жители должны быть весьма рѣдки въ подобной области, гдѣ недостаетъ воды и культурной почвы, и гдѣ путникамъ грозить опасность умереть отъ жажды или голода. Во многихъ округахъ края Нама-куа можно идти цѣльми недѣлями, не встрѣчая ни одной группы хижинъ; по въ сѣверной области, гдѣ горы выше, склоны ихъ болѣе травянисты, а ложа ручьевъ часто бываютъ оживлены журчаніемъ воды, населеніе болѣе плотно: въ каждой долинѣ есть или деревня, или пастушки хижины. Общее число жителей опредѣляетъ приблизительно въ двѣсти тысячъ, и изъ этого числа огромное большинство приходится на ту половину края, которая расположена къ сѣверу отъ Вальфишской бухты. Въ отношеніи же ко всей поверхности Дамарской и Намакуаской территоріи (830,960 кв. километр.) численность жителей не достигаетъ даже и одного человѣка на четыре квадратныхъ километра.

Что касается расъ, то присоединенная къ Германиі террорія представляетъ переходную страну. Правда, вся южная часть терроріи принадлежитъ расѣ хоинъ-хоинъ; но эти готтентоты чистой и смѣшанной крови повсюду находятся въ такомъ соприкосновеніи съ племенами банту, господствующими къ сѣверу отъ большого горнаго массива, который пересекается Тсоахубомъ, что между ними нельзя провести определенной границы. Приблизительно можно считать, что по крайней мѣрѣ три четверти края заняты племенами готтентотскими, составляющими болѣе одной пятой населения. Впрочемъ, многія племена принадлежатъ къ смѣшанной расѣ, а что касается европейской крови, то она имѣть своихъ представи-

телей какъ въ метисахъ или *bastaards*ахъ, такъ и въ странствующихъ по краю бурахъ, португальскихъ *rombeiros*ахъ и англійскихъ и нѣмецкихъ купцахъ.

Племена банту, населяющія лѣвый берегъ Кунэнѣ, кверху отъ тѣхъ поперечныхъ долинъ, при посредствѣ которыхъ эта рѣка изливается къ морю, обыкновенно обозначаются именемъ ова-мбо, которое дано имъ ихъ юго-западными соседями, племенемъ хереро; но сами они такъ себя не называютъ, хотя не имѣютъ и другаго какого-либо родового наименованія для обозначенія всѣхъ своихъ колѣнъ. Они примыкаютъ къ шибикасамъ Шельскихъ горъ и къ населеніямъ по ту сторону Кунэнѣ, называемымъ ба-симба (*му-ксимба*), т. е. «прирѣчными людьми», которыхъ давніе документы именуютъ также симбебасами: отсюда и самое название «Симбебазія», до сихъ поръ еще употребляющееся для обозначенія области, по которой проходитъ Кунэнѣ, а также и для всего Дамарскаго края. Большая часть этихъ туземцевъ великорослы, сильны, очень смыслены, искусны въ мастерствахъ. Ихъ языкъ лишь немногимъ отличается отъ языка хереро, а, по *Duparcq*, онъ представляетъ большое сходство также въ языкомъ ба-фіотовъ; истинное же мѣсто этого нарѣчія въ ряду языковъ банту опредѣлять грамматическія изысканія, производимыя миссионерами.

Территорія племени мбо распределена между двумя племенами, поселившихся въ особенности по берегамъ тѣхъ умарамба, которыхъ спускаются отъ Кунэнѣ къ озеру Этоша, въполнѣ отдѣленныхъ другъ отъ друга поясами разграничающихъ ихъ необитаемыхъ лѣсовъ. Почти всегда находясь въ войнѣ, эти народы—уважающіе, однако, собственность среди своего клана—весьма гордятся воровствомъ скота: такъ, молодые люди отправляются по ночамъ чрезъ промежуточные лѣса для захвата непріятельскихъ стадъ и, если ихъ вѣ-время замѣтятъ, поспѣшно уѣгаютъ во-свои; чрезъ нѣсколько дней племя, подвергшееся нападенію, старается отплатить имъ той же монетой. Этимъ по большей части и ограничиваются столкновенія племенъ между собою; однако, бываютъ также и настоящія войны, вслѣдствіе чего политическое равновѣсіе въ средѣ народовъ ова-мбо часто нарушалось. Изъ всѣхъ племенъ, общую численность которыхъ *Pельгрэзъ* опредѣляетъ приблизительно въ сто тысячъ, а *Duparcq*—въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, самое могущественное то, которое населяетъ Куанхаму (*Окуанъаму*) или «Край мяса»; наименование это, повидимому, предполагаетъ существование у этого племени въ давнѣе времена привычекъ людоѣства, нынѣ уже исчезнувшихъ¹⁾; но собачье мясо они їдятъ, чтѣ, по-

¹⁾ Pohle, „Petermann's Mittheilungen“. 1886, тетр. VIII.

¹⁾ Hugo Hahn, „Petermann's Mittheilungen“, 1875, т. III.

видимому, считаются некоторыми изъ ихъ со-
сѣдей не менѣе омерзительнымъ. Край этотъ
очень богатъ крупнымъ рогатымъ скотомъ,
козами, овцами, свиньями и курами, а годныя
къ культурѣ земли могли бы пропитать весьма
значительное населеніе: самое наименование
жителей «ова-мбо» или правильнѣе «ова-амбо»,
означаетъ будто бы «людей зажиточныхъ»¹⁾;
это истинные земледѣльцы, воздѣлывающіе
весьма тщательно свои земли, каждый въ сво-
ей фермѣ, и употребляющіе даже удобрение;
служителей въ краѣ много, но бѣдныхъ со-
всѣмъ нѣтъ. Куанхама, ограничивающая на
западѣ р. Кунэнэ, кверху отъ ея сліянія съ
Какуловаромъ, простирается къ востоку вплоть
до сосѣдства съ р. Ку-Банго; управляетъ эта
страна самодержавнымъ королемъ, котораго
обычай побуждаетъ откармливаться, чтобы
стать жирнымъ. Онъ весьма страшенъ для
своихъ подданныхъ, и силу своего могущества
даетъ чувствовать даже и бѣлымъ, рѣдко удо-
стоивая аудіенціей тѣхъ европейскихъ купцовъ,
которые проникаютъ въ его королевство; его
солдаты уже хорошо вооружены усовершен-
ствованными ружьями²⁾. Въ этомъ государ-
ствѣ, какъ равно и въ другихъ краяхъ племе-
ни мбо, наслѣдникъ престола всегда назна-
чается при жизни своего предшественника; но
держать его въ отстраненіи, почти какъ
узника.

Послѣ Каухамы, самое могущественное
государство—Ондонга, или Ндонга, при чемъ
нѣкоторые географы распространяютъ это на-
именование на всю группу націй мбо. Это госу-
дарство, посѣщенное Galtonомъ, а съ тѣхъ
поръ и многими другими путешественниками,—
самое южное во всей группѣ и находится на
протяженіи одного изъ сосѣднихъ съ озеромъ
Этоша каналовъ-протоковъ. Сильно пострадавъ
однажды отъ набѣга готтентотовъ, Ндонга
сдѣлалось снова цвѣтующимъ, и нынѣ оно, чрезъ
посредство находящихся тамъ англійской фак-
торіи и стана финляндскихъ миссионеровъ,
оказываетъ наибольшее вліяніе на постепенное
измѣненіе нравовъ въ краѣ; между его тузем-
цами имѣются горшечники, мѣдники, кузнецы
и фабриканты курильныхъ трубокъ. Одно изъ
незначительныхъ по своей численности племенъ
данной страны: южные омбланду—называемые
также «людьми съ деревьевъ», вслѣдствіе обычая
ихъ искать себѣ убѣжища на деревьяхъ
при нападеніи врага,—отличается отъ другихъ
своимъ республиканскимъ строемъ, а примѣ-
ровъ такого политического устройства въ мірѣ
чернокожихъ весьма мало. Послѣдний король
ихъ, доведя до крайности свой деспотизмъ и
свои причуды, былъ, наконецъ, растерзанъ подъ
собственою своею кровлею своими же поддан-

¹⁾ Schinz, „Proceedings of the R. Geographical Society“, October. 1886.

²⁾ Capello e Ivens, „De Angola a Contra-Costa“.

ными, которые и постановили: «не имѣть впередь
властелина»; слово они свое сдержали до сихъ
поръ и, оставаясь бѣдными и немногочислен-
ными, тѣмъ не менѣе спасли свою независи-
мость отъ притязаній на нее окрестныхъ ко-
рольковъ. Одному изъ восточныхъ племенъ,
именно окафима, тоже удалось защитить свою
свободу отъ племени куанхима, укрываясь,
по первому сигналу, цѣлымъ племенемъ въ
укрѣпленной оградѣ. Нѣсколько разсѣянныхъ
группъ бушменовъ, называемыхъ португаль-
цами *ма-куан-калла*, проживаютъ въ состояніи
рабовъ по сосѣдству съ банту: они-то и достав-
ляютъ ова-мбо желѣзную руду и слоновую
кость; часто они служатъ имъ и какъ солдаты.
На всемъ протяженіи равнинъ, населенныхъ
племенемъ ова-мбо, проведены прекрасныя
дороги, по которымъ снуютъ повозки какъ
европейцевъ, такъ и туземцевъ, которые уже
отлично усвоили употребленіе экипажей¹⁾. А
когда экипажи эти туземцы увидѣли въ первый
разъ, то падали ницъ и терлись своими лбами
о ту пыль, на которой видѣлся слѣдъ отъ
колесъ. По Palgrave’у (въ 1876 г.) и по
Duparquet (въ 1880 г.), ова-мбо состояли изъ
следующихъ племенъ:

Аварэ—2.500 чел.; окафима или окафина—
1.500 чел.; ова-куаньима или куанхама—30.000
чел. (Palgrave), 60.000 чел. (Duparquet); ова-
мбарапу или омбланду—4.000 чел.; большие и
малые омбанджа—15.000 ч.; окарути или окуа-
луди—6.000 ч.; ова-куамби или окуамби—5.000
ч. (Palgrave),—7.500 ч. (Duparquet); ова-нган-
джера или ганжера—10.000 ч.; ова-мбо въ Он-
донга—20.000 ч. (Palgrave), 15.000 ч. (Duparquet);
остальные—4.000 чел.

Въ началѣ 1884 года, пятнадцать семействъ
голландскихъ *trekkers*’овъ, поселившіяся въ
области Ондонга, вблизи одного большого
источника, «Groot-Fontain», зарождающагося
къ востоку отъ лагуны Этоша, основали «респу-
блику», которую и назвали, въ честь одного
политического дѣятеля Капской колоніи, Упинг-
тоніей. Новое государство обнимало, по край-
ней мѣрѣ на картѣ, пространство въ пятьдесятъ
тысячъ квадратныхъ километровъ и было раз-
дѣлено на участки по двѣ тысячи четыреста
гектаровъ. Къ заселенію этихъ участковъ были
уже приглашены колонисты, но насильствен-
ная смерть главы этого дѣла и возникшія за-
трудненія съ туземцами побудили эту группу
буровъ отиться подъ покровительство Гер-
маніи²⁾.

Племя ова-хереро, т. е. «веселые, радост-
ные»³⁾, а также иногда называемыя «дамарами
равнинъ» или «дамарами-скотоводами», тоже

¹⁾ Duparquet, „Cimbobasie“.

²⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1887.

³⁾ Josaphat Hahn, „Zeitschrift der Gesellschaft für
Erdkunde“. 1869.

принадлежащее къ нації банту, подвигнулось далеко къ югу въ готтентотскій край; по ихъ преданіямъ, они обитали, въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія, исключительно въ гористой области Каоко, и только въ 1775 году, когда вода была болѣе обильна въ краѣ, большая часть ихъ колѧзъ эмигрировала въ направлениѣ къ югу; нѣкоторыя же изъ нихъ, однако, остались въ Каоко, гдѣ перемѣшились съ бушменами и, подобно имъ, обѣдвѣли. Благодаря трудамъ германскихъ и англійскихъ миссіонеровъ, основавшихся между херерами и напечатавшихъ грамматики, а также и разныя религіозныя сочиненія,—языкъ херерскій нынѣ хорошо извѣстенъ и оказывается чистымъ языкомъ банту, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ окружахъ, гдѣ хереро проживаютъ безъ примѣса другихъ расъ, такъ какъ по сосѣдству съ готтентотами образовались мѣстные говоры, гдѣ смѣшаны слова обоихъ языковъ, либо съ префиксами языка банту, либо съ суффиксами готтентотскими¹⁾). Съ тѣхъ поръ, какъ хереро покинули Каоко, они часто враждовали съ другими народами. Въ началѣ имъ удалось побѣдить «настоящихъ дамаровъ» или «дамаровъ горныхъ», которыхъ они почти всѣхъ и поработили; но, затѣмъ, съ первой половины текущаго столѣтія, они стали подвергаться нападеніямъ намакуаскихъ готтентотовъ и бастардовъ, при чемъ тысячи ихъ погибли или были обращены въ рабство. Не имѣя ружей, съ которыми они могли бы противостоять за воевателямъ, прекрасно вооруженнымъ и находящимся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Капской землею, хереро, казалось, были обречены на истребленіе, и Galton, путешествовавший въ этомъ краѣ въ 1850 году, предвидѣлъ уже день, когда нама-куамъ, съ ихъ ненавистью къ чернокожимъ и съ характеризующею ихъ расу настойчивостью, удастся, наконецъ, сокрушить своихъ наслѣдственныхъ враговъ²⁾). Однако, опасенія эти не оправдались. Болѣе многочисленными и болѣе подвижными, чѣмъ ихъ противники, херерамъ, кроме того, посчастливилось получить помощь въ лицѣ шведскаго путешественника Андерсона, который, вслѣдствіе одного кровопролитнаго столкновенія, былъ тоже вовлеченнымъ въ войну; кончилось тѣмъ, что хереро восторжествовали, и, хотя партизанская война продолжалась еще долгіе годы, тѣмъ не менѣе, области распространенія обѣихъ враждующихъ расъ не измѣнились съ половины текущаго столѣтія. Нынѣ территорія племени хереро простирается, къ западу отъ племени ова-мбо, вплоть до моря, а къ югу за предѣлы того большого массива, съ котораго нисходитъ Тсоахубъ; но политическія владѣнія не разграничены. «Земля при-

надлежить всѣмъ: каждый дама или нама можетъ раскинуть свой станъ, гдѣ ему вздумается; въ языкѣ хереро вовсе нѣть слова для выраженія понятія о «границѣ», нѣть его равнѣмъ образомъ и для понятія обѣ «государствъ»¹⁾). Общая численность «дамаровъ-скотоводовъ», по Palgrave'у, достигаетъ восьми-десети пяти тысячъ, и приблизительно эту же цифру показываютъ и миссіонеры, основавшіеся въ краѣ; самый главный начальникъ ихъ, пребывающій въ Отиимбинге, имѣетъ тридцать тысячъ подданныхъ. По количеству скота, выгоняемаго на пастбища, легко вычислить—конечно, приблизительно,—и число людей. А такъ какъ каждый начальникъ знаетъ число своихъ животныхъ, то отсюда можно вывести число пастуховъ и ихъ семействъ; при этомъ, въ среднемъ, считаются по триста человѣкъ на *werft*, т. е. становъ для скота, съ принадлежащими къ нему пастбищами.

Въ физическомъ отношеніи, хереро — одни изъ красивыхъ африканскихъ расъ: они высоки ростомъ, хорошо сложены, хотя въ дѣйствительности и не столь сильны, какъ можно бы думать, судя по великодѣйному развитію ихъ мышцъ; черты лица правильны, почти классическая; физіономія — открытая и веселая, но они вспыльчивы, и гибкъ придаетъ лицу ихъ свирѣпое выраженіе. Нѣкогда тѣ изъ нихъ, которые не жили подъ надзоромъ миссіонеровъ, были едва одѣты. Для костюма, какъ и подобаетъ пастушескому народу, имъ почти исключительно служитъ выдѣланная кожа: вокругъ бедеръ у нихъ, въ видѣ баҳрамы, навѣшено столько тонкихъ ремешковъ, что они, будучи приложены концами другъ къ другу, вытянулись бы болѣе чѣмъ на сотню метровъ. Кроме того, они носятъ желѣзные, цинковые и мѣдные браслеты, перстни и ожерелья, и, подобно большинству сѣверныхъ банту, заплетаютъ свои волосы въ косы, которымъ придаютъ нѣкоторую жесткость при посредствѣ жира и красной глины. Женщины прикрываютъ себя тоже украшеніями, ремнями, пуговицами или бумажными тесемками и браслетами, раковинами, а на голову надѣваютъ кожаную шапку, съ тремя высокими ушами, блистающими вслѣдствіе наведенія на нихъ слоя жирной глины. Обыкновенно считается, что приправа соли къ пище безусловно необходима, а между тѣмъ хереро доказываютъ противное: они никогда не покупаютъ соли и не собираютъ ее въ прибрежныхъ лужахъ. Равнѣмъ образомъ и скотъ ихъ не ходить лизать глыбы каменной соли²⁾). Остатки матріархата еще сохранились у хереро; жена почти свободна и можетъ развестись во всякое время по своему желанію; при самой большой клятвѣ клянутся «слезами сво-

¹⁾ R. N. Lust, упом. соч.

²⁾ Francis Galton, „Journal of the R. Geographical Society of London“, 1852.

¹⁾ Büttner, „Ausland“, 1882, № 42.

²⁾ Galton, „Narrative of an Explorer in Tropical South Africa“.

ей матери»¹); въ былое время случалось не-рѣдко, что, въ случаѣ смерти матери еще моло-дою, съ ней вмѣстѣ зарывали и ея ребенка. Всѣ хереро, за исключениемъ окрещенныхъ дѣтей, обрѣзаны; религіозная же церемонія всѣ имѣютъ въ виду обезпеченіе благополучія ихъ скота: коровій каль употребляется при всѣхъ церемоніяхъ, и каждая окраска живот-наго, каждая отмѣтина или отгѣнокъ въ масти имѣютъ въ ихъ глазахъ таинственное значеніе. Дочь начальника, будучи хранительницей свя-щенного огня, кропить скотинъ очистительной водою, а при перемѣнѣ становья, идетъ впереди стадъ съ свѣточемъ въ рукѣ. Большая деревья считаются херерами предками людей, и Galton и Andersson упоминаютъ о многихъ та-кихъ «растеніяхъ-матеряхъ», къ которымъ хереро приходятъ для засвидѣтельствованія своего благоговѣнія.

Нѣкогда эта нація дѣлилась на племена или скорѣе на касты, *энда*, образовавшіяся, вѣ-роятно, изъ потомствъ извѣстнаго семейства и заимствующія свои наименованія отъ звѣздъ, деревьевъ и явлений въ природѣ; такъ, одно колѣно представляло «дѣтей солнца», другое—«дѣтей дождя» и т. д.²; теперь эти названія уже исчезаютъ. Нынѣ у этихъ пастуховъ все сводится къ количеству скота. Начальники—располагающіе, впрочемъ, лишь слабою вла-стью—суть собственники скота; и когда они богатѣютъ животными, то, соотвѣтственно при-росту ихъ стадъ, увеличивается также и число ихъ подданныхъ; напротивъ, когда бѣднѣютъ, уменьшается также и численность ихъ народа. Богатство властелина составляетъ единствен-ную связь колѣнъ, хотя хереро превосходно сознаютъ общность своего національного проис-хожденія. Часто мѣняются также и политиче-скія группировки; но что не мѣняется, такъ это центры населенія, при чѣмъ жизнь племе-ни всегда тяготѣеть къ мѣсту водопоя. Владѣнія каждого начальника хереро, подобно вла-дѣніямъ маленькихъ корольковъ ова-мбо, отдѣ-лены отъ другихъ пограничными кустарника-ми и скалами, вступать въ предѣлы которыхъ сосѣднія племена отваживаются только въ случаѣ нападенія; но въ этихъ-то внушающихъ страхъ окраинахъ и гнѣздятся разбойники, готтентоты или бantu, всегда подстерегающіе отбившихся отъ стадъ животныхъ. Между хе-реро есть также и пролетаріи, не имѣющіе скота и не связавшіе своей участіи съ фортуною какого-нибудь богатаго скотовладѣльца; жи-вутъ такие хереро охотою или чѣмъ случится; таковы, наприм., ова-тжимба, соплеменники ба-симбовъ или симбэбовъ, кочующіе большую частью въ сѣверо-восточныхъ округахъ, со-сѣднихъ съ ова-мбо. Относительно владѣнія

землею нравы здѣсь—чисто коммунистические. Продавать почву у хереровъ не дозволяется, и если католическіе миссионеры были, въ 1879 г., изгнаны изъ края, то это слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ неблагоразумнымъ стремленіямъ къ покупкѣ земель, чѣмъ поискамъ ихъ проте-стантскихъ собратій¹). Впрочемъ, хереро, изъ примѣра колоній, знаютъ, что тамъ, гдѣ во-дворяются бѣлые, чернокожіе вскорѣ перестаютъ быть господами у себя; но, несмотря на всѣ предосторожности хереро, имъ все-таки не избѣжать своей судьбы. Такъ какъ отнынѣ германцы стали ихъ сюзеренами, то они не избѣгнутъ нового порядка землевладѣнія, ко-торый въ концѣ концовъ лишить ихъ собствен-ности въ пользу чужеземцевъ.

Ова-зороту, или «дамары горъ», такъ на-званы бурами для отличія ихъ отъ «дамаровъ равнинъ»; и дѣйствительно, племена, остав-шіяся свободными, населяютъ вершины пло-скогорій, въ особенности же тѣ столоидныя естественные крѣпостцы, крутые откосы кото-рыхъ уединяютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. По Galton'у, эти дамары называютъ себя хау-да-монъ, т. е. «дамарами истинными», или же хау-хонинъ, т. е. «истинными хоннами» или готтентотами; но принадлежать ли они къ этой расѣ? Galton, напротивъ, видѣтъ, въ нихъ единоплеменниковъ ова-мбо, на которыхъ они походятъ своими чертами и образомъ жизни, хотя бѣдность и рабство значительно при-гнели имъ. Если же большинство между ними и говорять на готтентотскомъ парѣчіи, то это слѣдуетъ приписать нахожденію ихъ среди ихъ прежнихъ господъ хоннской расы; нынѣ онѣ принадлежать уже другимъ властителямъ, чѣмъ какъ-бы оправдывается наименование ихъ *dama*, которое, по толкованію многихъ писателей, значить: «побѣженные». Невысо-кие, худощавые и слабосильные, они живутъ обработкой почвы, которая, однако, даетъ имъ довольно скучные урожаи. Нѣкоторые изъ ихъ колѣнъ группируются около миссій; большая же часть ихъ находится на службѣ у скотовладѣльцевъ и проживаетъ по сосѣд-ству съ ихъ становьями или *werften*. Числен-ность ихъ опредѣляютъ различно: отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ; отъ разногласій въ этомъ отношеніи авторамъ нельзя и уберечься, такъ какъ многія колѣна сомнительного проис-хожденія причисляются къ различнымъ ра-самъ. Горные дамары имѣютъ замѣчательную способность къ музыѣ; хоромъ они поютъ звучными голосами и совершенно правильно²).

Нама-куа, т. е. «люди нама», занимаютъ къ югу отъ Тсаахуба и Клюзипа, почти всю южную часть германской территории: подъ име-немъ же малыхъ нама-куа, одно изъ этихъ

¹⁾ Galton; — Andersson; — Hahn, и т. д.
²⁾ Charles John Andersson, „The Lake Ngami“.

¹⁾ Büttner, упом. соч

²⁾ Hugo Hahn, „Petermann's Mittheilungen“. 1867.

племенъ имѣть свои станицы къ югу отъ нижняго течения Оранжевой рѣки, при чемъ обитаемая ими мѣстность стала однимъ изъ округовъ Капской колоніи. И тѣ, и другіе, будучи разсѣяны по безводной территории, не многочисленны; именно около средины текущаго столѣтія ихъ насчитывали приблизительно до пятидесяти тысячъ человѣкъ, которые составляли слабые остатки сотенъ тысячъ нама, обитавшихъ нѣкогда въ Южной Африкѣ¹); по Palgrave'у, ихъ нынѣ не болѣе даже двадцати тысячъ, изъ которыхъ семнадцать приходится на долю большихъ нама-куа и три тысячи на долю малыхъ нама-куа. Они—готтентоты, и въ былое время ихъ считали самыми чистыми представителями расы: тѣ, которыхъ называютъ «красною націею», гейкусами гористой области, лежащей къ юго-востоку отъ бухты Вальфишъ—есть готтентоты или хоини по преимуществу; они чваниются тѣмъ, что были первыми завоевателями края, а въ настоящее время исчисляются приблизительно въдвъ съ половиной тысячи. Тоннаары, т. е. «болѣе высокие», или «первые», сгруппировавшіеся главнымъ образомъ на англійской территории бухты.—въ настоящее время значительно поуменьшились въ числѣ и, вообще, это самые выродившіеся изъ нама-куа²). Другіе, напротивъ, и именно урламы,—которымъ ихъ первоначальное наименование, орангъ-лами, т. е. «старые знакомые» было, будто-бы, дано капскими моряками³),—образовались изъ большаго или меньшаго смѣшанія различныхъ элементовъ, и у нихъ можно отыскать даже нѣкоторые слѣды европейской крови; въ теченіе XIX столѣтія они ожесточенно сражались съ хереро. Будучи всѣ воинами и пастухами, и проживая въ полусферическихъ хижинахъ, устроившихъ изъ вѣтвей и древесной коры, нама-куа знаютъ лишь самыеrudimentарныя ремесла, подходящія къ ихъ образу жизни: острять и насаживать на рукоятки оружіе, мастерить деревянныя чашки для храненія молока и ключевой воды.

Отыскавшая себѣ пригодныя пастбища и вслѣдствіе этого бродя съ мѣста на мѣсто, большие нама-куа живутъ отдѣльными кланами, имѣющими каждый своего начальника и свой совѣтъ изъ двѣнадцати старѣйшинъ. Власть же такого царька тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе родъ, изъ котораго онъ происходить, и чѣмъ болѣе онъ одержалъ побѣдъ. Однако, съ тѣхъ поръ какъ капскіе колонисты и пришедши съ востока буры окружили ихъ территорію, съ тѣхъ поръ какъ крупные тор-

¹⁾ Josaphat Hahn, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, 1889.

²⁾ Coates Palgrave, „Reports of a Mission to Damaraland and Great Namaqualand in 1876“.

³⁾ Grundemann, „Missions Bibliothek, Africa“.

говцы разѣзжаютъ по ихъ горамъ, для закупки скота, а германскіе рудокопы принѣлись за изученіе ихъ скалъ съ цѣлью отысканія жилья металловъ,—власть начальниковъ, превратившихся номинально въ христіанъ, стала постепенно умаляться; ихъ страшатся уже не соразмѣрно числу ихъ воиновъ, ихъ уважаютъ только за богатство скотомъ. Повидимому, обречена на исчезновеніе и самая раса, такъ какъ численность ея слишкомъ уменьшилась для того, чтобы противостоять разлагающимъ ея условіямъ. Малые нама-куа уже не говорятъ по-готтентотски; миссионеры, основавшіеся среди большихъ нама-куа, перестали изучать ихъ языки, а съ 1882 года уже прекратились и религіозныя изданія на этомъ языкѣ; бесполезно, вѣдь, писать книги на языкахъ вымирающихъ, который завтра перестанутъ понимать и который уже замѣненъ голландскимъ языккомъ, какъ однимъ изъ тѣхъ двухъ языкковъ, при посредствѣ которыхъ распространяется цивилизациѣ въ Южной Африкѣ¹). Намское нарѣчіе, бывшее самымъ чистымъ изъ готтентотскихъ діалектовъ, скоро присоединится къ другимъ говорамъ того же происхожденія, отъ которыхъ теперь остались одни лишь имена горъ и рѣкъ, къ тому же почти вѣдъ искаженные. Обломки намскихъ племенъ, живущіе въ восточныхъ равнинахъ, сливаются съ презираемыми бушменами.

До сихъ поръ сѣверная часть морскаго берега отъ р. Кунэнѣ до бухты Вальфишъ не имѣть ни одного порта, посѣщаемаго кораблями. Къ сѣверу отъ песчанаго выступа материка, называемаго cabo Frio, или «Холоднымъ мысомъ», находится alanga Fria или «Холодная бухта», но это лишь небольшой заливчикъ, не доставляющій никакой защиты отъ волненія въ морѣ и отъ обычныхъ здѣсь юго-западныхъ вѣтровъ. Хотя двумя стами километрами южнѣе, каралловые рифы Огдана и образуютъ прекрасный, спокойный и обширный водоемъ, кишащий миріадами рыбъ, но сосѣдній берегъ пустыненъ, а потому пустуетъ и эта гавань. Входнымъ портомъ всей территории дамаровъ и нама-куа является превосходная и широкая Китовая (Вальфишъ) бухта, расположенная на половинѣ разстоянія между устьями рѣкъ Кунэнѣ и Оранжевой, и дающая доступъ къ двумъ главнымъ рѣчнымъ ложамъ страны: Тсоахубъ и Куизипъ. Въ эту бухту могутъ безъ труда пройти, фарватеръ глубиной въ 7 метровъ—даже большія суда, которая, затѣмъ, становятся на якорь въ вѣсковыхъ кабельтахъ отъ берега, на глубинѣ семи или восьми метровъ. Здѣсь они прекрасно защищены отъ непогодъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда

¹⁾ R. N. Cust, упом. соч.

дуютъ сѣверные или сѣверо-западные вѣтры. Китовую бухту—обязанную своимъ наименованиемъ китамъ, нѣкогда весьма многочислен-

материика и при отливѣ иногда остаются за- пертыми въ лужахъ. Нѣкогда чрезъ посредство этого порта производилась большая тор-

Мужской и женский типы кафровъ.

нымъ въ этихъ водахъ, посѣщаютъ еще дельфины-великаны, и она не потеряла еще своего рыбнаго богатства: приливы приносятъ цѣлые стаи рыбъ, которыя поднимаются далеко внутрь

говля слоновою костью и страусовыми перьями; такъ, изъ Китовой бухты было вывезено слоновой кости: въ 1875 г.—17.000 килограммовъ, въ 1885 г.—700 килограммовъ; страу-

совыхъ перьевъ: въ 1875 г.—3.000 килограм., въ 1885 г.—1.500 килограм. Затѣмъ, уже издавна купцы изъ Капштадта являются для закупки убойного скота для своего города. Поэтому-то, правительство Капской колоніи и позаботилось обезпечить за собою обладаніе этимъ жизненнымъ для колоніи пунктомъ па берегу дамаръ и нама-куа; а германцы, за-владѣвая дамарскою территоріею, вынуждены были не посягать на эту англійскую энклаву, пространствомъ въ 1.761 квадр. километровъ. Но, съ своей стороны, и англичане, опасаясь, чтобы новые пришельцы въ край не устроили гдѣ-либо на берегу другаго порта и не отвлекли бы къ нему торговли, объявили Китовую бухту свободною: всѣ продукты страны изъ бухты вывозятся безпошлино и равнымъ образомъ безпошлино же всѣ товары изъ Европы и изъ Капской земли направляются къ внутреннимъ пунктамъ, каковы: Омаруру — который шведскій негоціантъ, преемникъ Андерсона, обратилъ въ главный рынокъ для хереро; Отъихбингуз — на рѣкѣ Тсаахубѣ; Окаханджа и Отъиканго или Ней-Барменъ, на той же самой рѣкѣ, но выше; и наконецъ, Ребоботь — на одномъ изъ притоковъ Куизипа. Нѣсколько сотенъ тоннаровъ, которымъ запрещено продавать водку, имѣютъ свои становища на сосѣднихъ съ бухтою дюнахъ.

Но если бы когда-либо англійское правительство и вздумало какъ-нибудь препятствовать торговлѣ въ Китовой бухтѣ, то въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею могли бы устроить свой портъ также и германцы, именно въ бухтѣ, называемой на англійскихъ картахъ гаванью Сандвича, а вообще именуемой Порто-до-Ильео. Бухта эта, хотя она меньше Китовой и подвержена заносу лескомъ, представляеть ту выголу, что защищена отъ всѣхъ вѣтровъ и, кромѣ того, въ прибрежныхъ пескахъ содержитъ прѣсную воду; тогда какъ въ Китовую бухту, находящуюся въ 56 километрахъ отъ ближайшаго колодца, судамъ приходится привозить воду изъ Капштадта, здѣсь, т. е. въ Порто-до-Ильео, стоить только разрыть на небольшую глубину песокъ, чтобы добыть воды въ изобиліи. Нынѣ на берегу этой бухты находятся хижины небольшой готтен-тотской деревни Анишабъ.

Портъ южного округа, Ангра Пекена, что значитъ по-португальски «малая бухта», и побудилъ Германію — послѣ приобрѣтенія его купцомъ Людицемъ — къ дипломатическимъ переговорамъ съ Англіей и къ овладѣнію цѣлою страною въ восемьсотъ тридцать тысячъ квадратныхъ километровъ между рѣками Кунэнэ и Оранжевой. Вопреки своему наименованію, это вовсе не незначительное изслѣдованіе въ морскомъ побережье, такъ какъ, развѣтвляясь направо и налево, эта бухта продолжается болѣе чѣмъ на восемь километровъ къ югу отъ своего

входа. А такъ какъ входъ имѣть въ ширину отъ 13 до 14 метровъ, то бухта доступна и для большихъ кораблей; якорная стоянка на ней превосходна: волненіе распространяется только до ея половины, да и то при сѣверныхъ вѣтрахъ. Чего не достаетъ порту Ангра Пекена, какъ равно и Китовой бухтѣ, такъ это хорошаго запаса прѣсной воды, хотя такъ называемый рѣчной потокъ, оврагъ «Little Orange'a», и впадаетъ въ бухту; и здѣсь также — въ ожиданіи, когда возрастающее значеніе порта побудить къ вырытию на пляжѣ цистернъ, въ которыхъ стекала бы вся вода съ дюнъ — торговцамъ приходится запасаться водою, привозимою на судахъ изъ Капштадта. Какъ торговое мѣсто, Ангра Пекена до сихъ поръ не оправдала еще надеждъ своихъ обладателей: скотъ, рыба и нѣкоторые минералы — вотъ все, что изъ нея вывозится; германскіе торговцы даже совершенно покинули въ 1887 году свою факторію.

Находящіеся въ сосѣдствѣ съ портомъ драгоценные острова съ гуаномъ, именно: Ишабоз, расположенный въ 1.200 метрахъ отъ побережья, къ сѣверо-западу отъ входа въ портъ; Галифаксъ, около полуострова, ограничивающаго портъ съ запада, и другіе издавна считаются принадлежащими къ Капской Землѣ, а самый вывозъ гуано находится на откупу у англійскихъ купцовъ. Эти острова, гдѣ съ октября по ноябрь проживаютъ временно мириады пингвиновъ, баклановъ и другихъ птицъ, въ былое время были покрыты слоемъ гуано толщиной въ нѣсколько метровъ; спекуляторы поспѣшили соскести всю эту массу вплоть до камня, вслѣдствіе чего около половины текущаго столѣтія острова оказались совершенно оголенными. Нынѣ сборъ гуано упорядоченъ: во время кладки аицъ и высиживанія изъ нихъ птенцовъ доступъ на острова воспрещенъ, и птицы полныы ихъ хозяева; только по окончаніи вывода молодыхъ появляются собиратели помета, за который въ 1884 году выручили сумму въ пол-милліона франковъ. Въ этихъ пространствахъ океана рыбаки преслѣдуютъ тюленей, которые во множествѣ плаваютъ вокругъ острововъ и рифовъ. На пляжахъ острова Possession, находящагося къ югу отъ Ангры Пекена, въ бухтѣ Елизаветы, мореплаватель Морелль нашелъ въ громадномъ количествѣ кости китовъ, по его разсчету болѣе миллиона штукъ; происхожденіе этихъ скелетовъ онъ объясняетъ темъ, что песчаный смерчъ врасплохъ захватилъ громадную стаю этихъ животныхъ и сразу поглотилъ ихъ¹).

Внутри Дамарской области самая большая деревня состоять изъ нѣсколькихъ дюжинъ хатъ,

¹⁾ Philippe de Kerhallet et Grass, „Instructions nautiques sur la côte occidentale d'Afrique“.

да и такія поселенія въ большинствѣ лишь временные. Главными городами являются миссіонерскіе станицы: Вармбадъ (Nissbett's bath), на одномъ изъ уади, притокѣ Оранжевой рѣки; и Бетаніенъ (Вісанія), въ гористой области, которая простирается къ востоку отъ Ангры Шекеніи. Бетаніенъ считается столицей всего края племени нама-куа, и въ 1884 г. въ немъ было четыре кирпичныхъ зданія:

домъ миссіонеровъ, церковь, дворецъ для начальника и магазинъ торговца. Затѣмъ, Штолъценфельсъ представляетъ зачатокъ земледѣльческой колоніи, недавно основанной на берегу Оранжевой рѣки, на границѣ съ английской территоріей: надѣются, что обводнительные каналы, проведенные изъ рѣки, превратятъ въ сады тамошнія безплодныя пустоши.

Г л а в а VII.

Бассейны рѣкъ Оранжевой и Лимпопо.

Англійскія колоніи на Мысѣ Доброй Надежды и въ Натаle.—Земли зулусовъ, ба-сuto и бе-чуановъ.—Голландскія республики и Португальская территорія Лоренсу-Маркезъ.

I. Общій взглядъ.

Три великия географическія события послужили вступленіемъ въ новѣйшую эру: открытие пути на востокъ чрезъ южныя моря, прибытие каравеллъ Колумба въ Новый Свѣтъ и кругосвѣтное плаваніе Магеллана. Изъ этихъ трехъ фактовъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ исторіи планеты, первый совершился въ 1486 г., когда Вароломею Діазу посчастливилось обогнать Мысъ Бурь, который, по этому поводу, и былъ переименованъ въ Мысъ Доброй Надежды. Нѣсколько лѣтъ спустя «добрая надежда» уже осуществилась: Васко-де-Гама достигъ береговъ Индіи; два моря, Западное и Восточное, слились въ одинъ океанический бассейнъ, и человѣкъ научился измѣрять Землю, которая нѣкогда казалась ему безграничною.

Однако берега, вдоль которыхъ первые португальскіе корабли переплывали изъ одного моря въ другое, долгое время не привлекали къ себѣ вниманія изслѣдователей. Привлекаемые богатствами Индіи, Восточной и Западной, мореплаватели не думали останавливаться на землѣ, которая не сулила имъ быстрого обогащенія ни путемъ торговли, ни путемъ добычи; прошло болѣе полутора вѣка, прежде чѣмъ европейцы высадились на эту часть африканскаго материка, съ цѣлью остаться на ней и предаться воздѣлыванію ея почвы. Что касается сожалѣній португальскихъ писателей о томъ, что ихъ предки, въ вѣкъ великихъ географическихъ открытій, не обратили вниманія на эти берега, то такія сожа-

лѣнія напрасны; португальцы были слишкомъ малочисленны для того, что обнять весь міръ, чтобы одновременно заняться завоеваніемъ эльдорадъ Индіи, Зондскихъ острововъ и Америки, и медленной эксплоатацией годныхъ къ культурѣ мѣстностей въ Южной Африкѣ, между рѣками Заирю и Замбезе. Со всѣмъ тѣмъ, долженъ быть настать, наконецъ, день, когда и въ этихъ областяхъ Южной Африки переселенцы обрѣли гораздо больше того, что могли имѣть дать рудники Голконды и пряности Инсулинда; страна, въ которой они поселились, была, вѣдь, новою Европою, съ климатомъ, лишь немного отличающимся отъ климата ихъ родины, съ почвою, на которой воздѣлываются тѣ же самыя растенія и пасутся тѣ же самые животныя; среда въ которую они попадали, оказалась довольно схожею съ ихъ родимыми мѣстами для того, чтобы, на разстояніи многихъ тысячъ лье и въ другой атмосферѣ, они могли бы сохранить свои привычки и свои нравы. Населеніе европейскаго корня развивалось въ мѣстѣ своего пребыванія медленно, но и такой незначительный приростъ его былъ все-таки достаточенъ для постепеннаго увеличенія занятой имъ площади; съ того же времени, какъ возрастанію числа жителей стало содѣйствовать также и правильное переселеніе, колонисты начали постепенно по-всюду завладѣвать землями туземныхъ населеній, и нынѣ они уже господствуютъ во всей Южной Африкѣ на пространствѣ между рѣками Оранжевой и Лимпопо.

Какъ центръ заселенія и цивилизациіи, европейская колонія на Мысѣ Доброй Надежды съ ея дополненіями, Наталемъ и голланд-

скими республиками, оказывает уже свое собственное влияние, независимо отъ ресурсовъ, которые ей доставляютъ ея сношения съ метрополіей. Капъ (Капстадтъ, Кэптаунъ) является средоточиемъ какъ для снабженія сѣбѣстными припасами, такъ и для изысканій по изслѣдованию Южной Африки: изъ этого города исходило почти столько же, сколько и изъ Европы, почина относительно научныхъ работъ и промышленного пользованія окрестными странами; вмѣстѣ съ своимъ окружомъ и со смежною полосою побережья, Капъ является какъ-бы отрывкомъ Европы, постепенно увеличивающимъ и замѣщающимъ африканскій міръ. Часто Капскую колонію сравнивали съ Алжиромъ, который находится на другомъ концѣ материка, и который по своей промышленности, политической и общественной жизни уже сталъ какъ-бы частью Европы. Однако, во многихъ отношеніяхъ превосходство на сторонѣ Алжира. Хотя гораздо меньше пространствомъ, чѣмъ европейскія государства Южной Африки, взятая въ совокупности, Алжиръ болѣе населенъ, и даже тѣ изъ его жителей, которые принадлежатъ къ бѣлой расѣ, вѣсколько многочисленнѣе бѣлаго населенія Южной Африки; также многочисленнѣе и ежегодное число переселенцевъ въ Алжирѣ, и, наконецъ, хотя онъ и не обладаетъ ни золотомъ, ни алмазами, но, тѣмъ не менѣе, торговля его все-таки значительна торжествахъ оборотовъ Капской Земли. Объясняется это выгодами географического положенія: Алжирія прибрежная страна Средиземного моря и лежитъ насупротивъ Франціи, Испаніи и Италии; всего чрезъ вѣсколько часовъ пути можно изъ ея портовъ достичь до европейскаго материка. Однако, она представляетъ ту невыгоду, что непроходимыя пустынныя пространства вполнѣ уединяютъ ее отъ остального материка: она какъ-бы отрѣзана отъ Африки. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находятся южныя африканскія колоніи; хотя и они также прилегаютъ къ пустынѣ, но сношения ихъ чрезъ это не прерываются и, при посредствѣ морского побережья, народы, съ той или другой стороны, остаются въ связи другъ съ другомъ. Но на югъ Мысъ Доброй Надежды, обращенъ къ пустому пространству, такъ какъ омывающее его негостепримное море теряется въ антарктическихъ льдахъ. Затѣмъ, для частыхъ сношений съ цивилизованнымъ міромъ, капскіе колонисты должны пересѣкать необъятый океанъ: куда не обратиться, въ сторону ли Великобританіи, или къ Индіи, или къ Австралии— повсюду промежутокъ въ тысячи километровъ. Ближе всего оконечность Южной Америки и, однако, разстояніе до нея равняется 5.400 километровъ. Тасмания же, третій выступъ континентальныхъ земель по направленію къ южному

полюсу, оказывается уже въ десяти тысячахъ километровъ къ востоку.

Вотъ нѣкоторыя числовыя данныя для сравненія пространства и населенности Алжиріи, съ пространствомъ и населенностью европейскихъ государствъ Южной Африки:

Алжирія: (Территорія гражданская и военная). Поверхность—478.855 кв. километровъ. Европейское населеніе — 500.000 человѣкъ. Населеніе туземное — 3.320.000 человѣкъ. Средняя населен. на одинъ кв. килом. 8 человѣкъ. Морская торговля—560.000.000 франковъ (1882).

Южная Африка: Поверхность—1.116.270 кв. километровъ. Европейское населеніе 480.000 человѣкъ. Населеніе туземное 20.650.000 человѣкъ. Средняя населен. на одинъ кв. килом. 3 человѣка. Морская торговля—273.000.000 франковъ (1886).

Орографія южныхъ территорій напоминаетъ своими главными чертами орографію всей Африки. А на этомъ материкѣ, рассматриваемомъ въ его цѣлости, цѣли горъ возвышаются, главнымъ образомъ, по его окружности, при чемъ самые высокіе кряжи и самыя гордые вершины находятся на его восточномъ берегу. То же самое наблюдается и на южной его оконечности: выдающіяся части рельефа протянулись параллельно морскому побережью, оставляя внутри материка обширныя равнинны; восточные горы достигаютъ наибольшаго вышенія и стоять на болѣе широкомъ доколѣ изъ плоскогорій. Съ этой стороны главные вершины приближаются къ тремъ съ половиною тысячамъ метровъ высоты.

Прерываемая Оранжевой рѣкой, закраина горъ и плоскогорій, идущая вдоль берега въ землѣ Большихъ Нама-куа, снова проявляется въ области Малыхъ Нама-куа, хотя уже и не достигаетъ прежней высоты. Съ террасы на террасу мѣстность становится все выше, направляясь къ кровлѣ гранитнаго плоскогорія, на которомъ разсыпаны горные массивы; горделивые со стороны запада, откуда ихъ можно созерцать во всю ихъ высъ, они имѣютъ болѣе скромный видъ со стороны востока, где ихъ основаніе теряется въ однообразномъ гнейсовомъ нагорье, называемомъ Большими Бушмен-ландомъ: средняя высота ихъ не менѣе тысячи метровъ. Къ югу отъ области племени нама-куа, горный кряжъ, размытый водами, распадается на отдѣльныя расходящіяся цѣпи, изъ которыхъ одинъ направляются на соединеніе съ восточными горами, тогда какъ другія продолжаются въ видѣ параллельныхъ кряжей къ югу, при чемъ каждый такой кряжъ или *rand* образуетъ какъ бы стѣну между приморскими низменностями и высокими равнинами внутри страны. Самаго большаго возвышенія эти валы достигаютъ къ югу отъ рѣки Олифантъ; такъ, Кедровыя горы самою высшую

вершиною имѣютъ *Sneeuw-kop*, т. е. Снѣговой пикъ, въ 1.831 метровъ, а цѣль Олифантъ вздымается на 2.085 метровъ своей вершиной *Winter-hoek*, т. е. Зимній пикъ; и дѣйстви-

Продолжаясь къ югу, цѣль Олифантъ оканчивается мысомъ *Hang-Klip*, находящимся насупротивъ мыса Доброй Надежды. Что касается этого знаменитаго мыса, выдвинувша-

Портъ Наталь и Дурбанъ.

тельно, въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году жители Кэптоуна видятъ, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, эту гору убѣленною полосами снѣга, а порою даже прикрытою снѣговой шапкой.

гося западающе, въ видѣ серпа, то онъ принадлежитъ къ краевой цѣпи, отъ которой нынѣ остались только отрывки, и которая образуетъ выступъ за черту континентальнаго берега. между заливомъ Св. Елены и бухтою Фальсъ

или Симонсъ. На своей съверной оконечности эта цѣпь состоитъ лишь ихъ небольшихъ холмовъ; но къ югу она вдругъ сильно повышается и окаймляетъ Капскую бухту полукруглой оградою, состоящею изъ нѣсколькихъ вершинъ. Изъ нихъ, мощная Столовая гора вздымается на 1.091 метръ свою громадную, зачастую скрытую въ облакахъ, песчаниковую плиту надъ почти вертикальными стѣнами и крутыми откосами, изборожденными оврагами, въ которыхъ произрастаютъ дубъ и сосна; гранитные основы горы покрыты зеленью. Затѣмъ, по направленію къ востоку, этотъ горный циркъ оканчивается остроконечной вершиной, называемой «Чертовымъ пикомъ», Devil's peakъ, а по направленію къ западу — длинными крупами Льва, повернувшагося спиной къ городу и взирающаго на море своей величавой головой. По другую сторону Столовой горы, холмы постепенно понижаются въ направленіи къ мысу Доброй Надежды.

На востокъ отъ параллельныхъ горныхъ барьеровъ, тянувшихся вблизи Атлантическаго океана, въ направленіи съ съвера на югъ,— возвышенія почвы, располагаясь на-подобіе складокъ по краю ткани, продолжаются уже въ восточномъ направленіи, почти параллельно берегамъ южнаго океана; однако, по отношенію къ профилю побережья, эти цѣпи расположены немного косвенно къ берегу, такъ какъ всѣ онѣ теряются въ тѣхъ мысахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ къ востоку отъ мыса Агулья, или «Игольного», составляющаго самую южную оконечность материка. Нѣкогда эти горные хребты непрерывно продолжались отъ запада къ востоку; нынѣ же они разрѣзаны на отрывки разной величины потоками, которые открыли себѣ выходыя клюзы въ слабыхъ пунктахъ древнихъ породъ, вдоль съверной подошвы которыхъ они текутъ. Эти глубокія ущелья, прорытыя между параллельными цѣпями горъ, придаютъ данной области большое разнообразіе, въ особенности вблизи моря, гдѣ горные склоны большою частью покрыты лѣсомъ. Самая высокая изъ этихъ перерѣзанныхъ потоками цѣпей находится отъ океана дальше всѣхъ остальныхъ. Нѣкоторыя вершины *Groote Zuurberg*, или Большихъ Черныхъ Горъ, переходятъ за 2.200 метровъ, а по направленію къ восточной оконечности хребта, на съверо-западѣ бухты Альгоа, гора Cockscombъ, называемая также *Groot Winterhoek*, достигаетъ 1.818 метровъ.

Къ съверу отъ цѣпей, скученныхъ вблизи побережья, другая цѣпь, отстоящая, въ среднемъ, въ двухстахъ километрахъ отъ моря, тянется извилистой линіей, подъ различными наименованіями, по направленію съ запада на востокъ. Такъ, на своей западной оконечности, около при-атлантическихъ береговыхъ

горъ, она называется Комсбергъ, а затѣмъ принимаетъ наименование Нивевельдъ, при чёмъ слово *veld* указываетъ на большую пологость ея скатовъ въ сравненіи съ крутыми откосами *bergen*. Еще далѣе цѣпь, повидимому, понижается почти до уровня равнинъ; но въ Снѣговыхъ горахъ, *Sneeuw-bergen* она снова поднимается и образуетъ вершину Компасъ въ 2.738 метровъ, которая представляетъ самую высшую точку Капской области въ собственномъ смыслѣ слова. За этимъ массивомъ цѣпь раздваивается; при этомъ, вѣты, направляющаися на юго-востокъ, сначала прерываются однимъ изъ притоковъ Большой Рыбной реки, Great-Fish-river, а затѣмъ снова возвышается въ *Groot Winter-berg* (Большая Зимняя гора) до 2.378 метровъ; послѣ этого она направляется къ устью реки Кей, составляющей западную границу Кафрапии; другой кряжъ горъ, образуя водораздѣлъ между бассейномъ Оранжевой реки и бассейномъ Great Fish-river, извивается сначала къ съверу, а затѣмъ къ востоку, идя на соединеніе съ тою высокой цѣпью, которая отдѣляетъ Кафрапию и Наталь отъ области племени ба-сuto. Его восточная оконечность, известная подъ именемъ *Stormberg*, или Бурныхъ Горъ, прославилась въ экономической исторіи Каплэнда своими богатствами топливомъ. Стормбергскій каменный уголь, тоцій и слоистый, главнымъ образомъ встречается на съверныхъ склонахъ горной цѣпи и простирается далеко въ направленіи къ съверу; однако, вслѣдствіе дороговизны выкапыванія его, а также и затрудненій въ перевозкѣ, его употребляютъ собственно лишь въ тѣхъ деревняхъ, который находятся по сосѣдству съ копами. Въ Бурныхъ горахъ видны еще древніе вулканы, съ явственными кратерами, повидимому, потухшіе со временемъ триасовой эпохи.

Усыпанная кустами, волнистая равнина, известная подъ именемъ Большой Кару (готтентотское слово кару означаетъ безплодную почву), простирается съ востока на западъ между краевыми цѣпями и горами водораздѣла. На съверѣ, по направленію къ Оранжевой рекѣ, другія возвышенныя равнинны тамъ и сямъ прерываются небольшими массивами, по большей части состоящими изъ вулканическихъ скаль, трапповъ и долеритовъ, образующихъ монументальная природныя колоннады. Эти высокія равнинны суть тоже кару (kagoo), и на всемъ своемъ протяженіи представляютъ такое же геологическое строеніе; нѣкогда онѣ были покрыты на обширныхъ пространствахъ болотистыми водами, въ которыхъ проживали миріады позвоночныхъ пресмыкающихся, дицинодонтовъ и другихъ, подобныхъ которымъ уже нѣть на нашей планѣтѣ, и которыя, вѣроятно, вымерли передъ окончаніемъ триасовой эпохи. По Ричарду

Оуэну, эти громадные ящеричные животные были травоядными и, повидимому, имѣли права амфибій. Какъ на протяженіи главной кару, такъ и на кару второстепенныхъ, простирающихся къ сѣверу вплоть до Оранжевой рѣки, разсѣяны многочисленныя углубленія, въ которыхъ скопляются дождевые воды, а по испаренію этихъ водъ обнажаются отложения соли.

За Бурными горами, изгибъ главной цѣпіи въ направлении къ сѣверо-востоку соотвѣтствуетъ параллельному изгибу берега океана. Цѣпь Дракенбергъ, или Драконовыхъ горъ, также называемыхъ Куатламбою, развертывается на разстояніи, въ среднемъ, приблизительно 200 километровъ отъ моря, а въкоторыя изъ ея куполовъ и остроконечій достигаютъ высоты въ три тысячи метровъ. Продолжая водораздѣлъ между Атлантическимъ и Индійскимъ океанами, эта возвышенная мѣстность походитъ на горный хребетъ только со стороны востока, гдѣ крутыми уступами она нисходитъ къ морю; по другую же сторону, цѣпь оказывается лишь валомъ, окаймляющимъ плоскогоріе, на которомъ высятся другие параллельные выступы рельефа. Срединное пространство между Драконовыми горами и Индійскимъ океаномъ занято тремя террасами или уступами, которые представляютъ большія неправильности въ рельефѣ и которые во многихъ мѣстностяхъ замаскированы поперечными кряжами, возвышающимися между рѣками. Самая высокая терраса, простирающаяся вдоль подножія Драконовыхъ горъ, имѣть въ среднемъ тысячу метровъ въ высоту; уступъ, образующій срединную полосу Кафраїи и Наталя, колеблется между шестьюстами и семьюстами метрами; а береговая платформа, раздѣляемая ложами потоковъ на множество отрывковъ, возвышается надъ изгибами береговъ на триста метровъ.

Къ сѣверу отъ вершины, увѣнчанной вертикальными пластами плитняка и имѣющей видъ крѣпости въ развалинахъ,—откуда и имя этой вершины въ 2.944 метра: *Giant's Castle*—вѣтвь, сохранившая направление оси Дракенбергена, мало-по-малу понижается; преобладаніе уже принадлежитъ тому параллельному ряду высотъ, который пересекаетъ территорію ба-сuto, подъ именемъ *Blaubergen* (Голубыхъ Горъ), или, по туземному, Малути, т. е. никовъ. Далѣе къ сѣверу, горная цѣпь снова начинаетъ именоваться Дракенбергеномъ: горы эти, хотя состоящія изъ песчаника, какъ «столбы» большей части другихъ горныхъ цѣпей Южной Африки, оканчиваются иззубренными вершинами. Боковая цѣпь—главная вершина которой, Шампань-кастель или Каткинъ, достигаетъ 3.160 метровъ—соединяетъ Драконовы горы съ Малути. Тамъ, гдѣ эти цѣпи сливаются, массивъ предста-

вляетъ обширную, въ формѣ плоскогорія, гору, покрытую пастицами: ба-сuto называютъ ее Бута-Бута или Потонгъ, т. е. гора автилонъ; но обыкновенно она известна подъ именемъ Горы Источниковъ: такъ прозвали ее протестантскіе миссіонеры Арбуссе и Дома ¹⁾, вслѣдствіе того, именно, что главныя вѣтви Оранжевой рѣки, а также и многіе другіе водные потоки нисходять съ нея къ Индійскому морю; надъ цоколемъ окрестныхъ высокихъ земель она господствуетъ приблизительно на четыреста метровъ; общая же ея высота, по Stow'y, равняется 3.050 метрамъ; впрочемъ, по высотѣ ее превосходятъ большія вершины боковой цѣпи Малути, на которой снѣгъ пребываетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ: это Альпы Южной Африки. Одна изъ вершинъ этой цѣпи, которую миссіонеръ Jacottet называлъ Горою Гамильтона ²⁾, достигаетъ 3.480 метровъ, а проходить, чрезъ который ба-сuto переваливаются изъ высокой долины Оранжевой рѣки въ долину ея большаго притока Сенкувіанэ, лежить ниже горы Гамильтона всего лишь на шестьдесятъ метровъ.

Еще далѣе къ сѣверо-востоку, горная цѣпь, называемая Рандбергъ, т. е. Окраинною Горою, но также, на-подобіе южныхъ горъ, именуемая и Дракенбергеномъ,—принимаетъ характеръ огромнаго утеса: съ одной стороны цѣпи разстилается волнистая равнина, съ другой—крутые откосы и низины, почву которыхъ размываютъ и уносятъ въ море проточныя воды. Общее направление окраинной цѣпи параллельно берегу, но протекающія чрезъ нее воды расчленили ее такимъ образомъ, что она превратилась въ стѣну весьма неправильнаго вида: такъ, будучи на одной части своего протяженія циркомъ, она въ другихъ своихъ отѣлахъ выступаетъ въ видѣ мысовъ, изъ которыхъ одинъ и составляетъ мысъ Каапъ (Капъ), прославившійся своими золотыми рудниками. Вѣковая работа родниковъ и ручьевъ постепенно отодвигаетъ къ западу эту стѣну, пробитую тамъ и сямъ притоками Индійского океана. На сѣверѣ, склонъ плоскогорія мало-по-малу понижается въ направлении къ рѣѣ Лимпопо: послѣднюю возвышенность, поднимающуюся на двѣ тысячи метровъ на окраинѣ высокихъ земель, представляетъ вершина Bauch'e, названная такъ въ честь изслѣдователя, открывшаго золотоносныя розсыпи въ этой области; впрочемъ, вслѣдствіе рѣзкаго ниспаденія своихъ откосовъ въ долину Лимпопо, внушительный видъ имѣть также и конечный массивъ, называемый Zoutpansbergen, или Солеными горами. На юго-западѣ, нѣсколько цѣпей холмовъ

¹⁾ „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap de Bonne-Espérance“.

²⁾ Edouard Jacottet, „Bulletin de la Société de Géographie“.

и бугровъ разсѣяно по высокимъ землямъ, полого спускающимся къ пустынѣ Калахари; однако, эти приподнятія почвы не производятъ большаго впечатлѣнія, вслѣдствіе сравнительно значительной высоты ихъ общаго цоколя. Наиболѣе возвышенныя изъ нихъ находятся около столицы Южно-Африканской республики, Преторіи, и называются Магалибергенъ.

На протяженіи всей Южной Африки, Капской колоніи, Кафраріи, Наталя и странъ илеменъ ба-сuto и зулусовъ, гранитныя массы составляютъ то общее основаніе, на которое налегли другія формациі; потоки водъ, размывая свои берега, повсюду обнажили нижнія массы гранита и осадочные пласты, залегающіе на первичной породѣ; какъ говорилъ Ливингстонъ, гранитный остовъ хотя и скрытъ, но тамъ и сямъ онъ проглядываетъ сквозь одѣвающую его оболочку. Жилы весьма бѣлаго кварца пронизываютъ во всѣхъ направленіяхъ гранитъ и почти повсюду сопровождаются золотоносными прожилками; однако, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ рѣдкихъ окружей, разработка ихъ не окупила бы затраченаго труда. Залежи кристаллической извести покрываютъ гранитъ на протяженіи всей береговой полосы, а затѣмъ внутрь простираются каменоугольная напластованія и девонскія формациі, увѣнчиваются песчаниками. Нѣкоторые геологи указываютъ на груды камней, перемѣщенныхъ и исчерченныхъ, какъ на доказательство существованія древняго ледникового периода на восточномъ склонѣ Драконовыхъ горъ. Большинство наблюдателей говорятъ также, что морскіе берега данной части материка Африки находятся въ периодѣ постепеннаго выхожденія изъ-подъ воды: такъ, на всемъ протяженіи отъ мыса Доброй Надежды до пляжей Наталя видны прежнія линіи поднявшихся впослѣдствіи береговъ, покрытыхъ устричными и коралловыми мелями; между прочимъ, около южной границы Наталя эти мели лежатъ приблизительно на четыре метра выше уровня высокихъ приливовъ¹⁾.

Главная рѣка Южной Африки и одна изъ наиболѣе значительныхъ на всемъ материкѣ—если не по массѣ водъ, то по крайней мѣрѣ по длинѣ и по обширности бассейна—есть Гаррипъ готтентотовъ, *Groote-river* буровъ, или, съ 1770 года, Оранжевая, названная такъ нидерландскимъ офицеромъ Гордономъ, болѣе въ честь королевскаго дома въ Голландіи, чѣмъ за цвѣтъ ея воды. Восточная ея вѣтвь, Сенку—считаемая главной рѣкою, хотя по длинѣ ее превосходить другая вѣтвь, Вааль,—зарождается въ высокой долинѣ, на южномъ склонѣ Каткина, и течетъ къ юго-западу между Малути и Дракенбергеномъ; и такъ какъ

въ этой части ея теченія воды ея имѣютъ тѣній цвѣтъ, то мѣстно она и называется Черною рѣкою. По соединеніи съ Сенкуньяве или Малою Сенку, она принимаетъ въ себя р. Малитеуньяиэ, которую ей посылаютъ высокія горы на западѣ, и которая низвергается съ вертикальной высоты въ 181 метръ въ труднодоступную пропасть: это—самое величественное зрѣлище, представляемое горами Малути²⁾. По выходѣ изъ гористой области, Оранжевая рѣка сливается съ *Kornet-spruit'omъ* и съ другимъ, почти равнымъ ей, потокомъ, Каледономъ: обѣ эти рѣки зарождаются въ верховыѣ оврагахъ горы Источниковъ и текутъ въ широкихъ ложахъ по песку изъ блестящей слюды. Книзу отъ сліянія, Оранжевая рѣка, извинаясь затѣмъ въ направлѣніи къ западу и къ сѣверо-западу, принимаетъ въ себя нѣсколько рѣчекъ или скорѣе уади, сбѣгающихъ съ горы Каапа, а также притокъ Зекоа, спускающейся съ Снѣговыхъ горъ; но всѣ эти притоки едва уравновѣшиваютъ потери, производимыя испареніемъ. Единственнымъ значительнымъ притокомъ средняго теченія Оранжевой рѣки является рѣка Вааль, или Сѣрая, русловая вѣтвь которой, Намагари, родится, какъ и Каледонъ, въ массивѣ горы Источниковъ, между тѣмъ какъ самый отдаленный истокъ находится на плоскогоріяхъ, господствующихъ надъ побережьемъ Индійскаго океана, къ юго-западу отъ Луренсо-Маркеза. По длинѣ своей долины, Вааль—настоящая рѣка; но такъ какъ большую частью ему приходится протекать по пустыннымъ равнинамъ, представляющимъ высохшія озера предыдущаго геологическаго периода³⁾, то къ мѣсту сліянія онъ прходитъ обычно почти изсѣкшимъ. Подобно другимъ рѣкамъ даннаго бассейна, и у Ваала бывають внезапные разливы, возобновляющіеся по нѣсколько разъ въ периодѣ времени между концомъ ноября и срединою апрѣля и превращающіе его въ грозную рѣку. Оранжевую рѣку, Каледонъ и Вааль можно почти всегда переходить въ бродъ; во время же половодій, прибрежные жители, пока не были выстроены мосты и віадуки, переправлялись черезъ эти рѣки на плотахъ.

Оранжевая рѣка уже прошла три четверти всего своего теченія, но все еще змѣится по имѣющему восемьсотъ метровъ высоты плоскогорію; затѣмъ рядъ водопадовъ, пороговъ и каскадовъ—известныхъ подъ именемъ пороговъ Анграби или Ставодопадовъ—сразу понижаетъ русло ея водъ болѣе чѣмъ на 120-метровъ. На пространствѣ приблизительно 26 километровъ, рѣка усѣяна безчисленными подводными каменными грядами, островками и даже островами, изъ которыхъ одни низмен-

¹⁾ Griesbach, "Quarterly Journal of the Geological Society", май 1871.

²⁾ E. Jacottet, упом. соч.
³⁾ John Shaw, "Quarterly Journal of the Geological Society", февраль 1872.

ны и на поверхности ровны, а другое унизаны скалами, въ формѣ башенъ. Во время низкихъ водъ, рѣка превращается въ цѣлый лабиринтъ потоковъ, озеръ, водоемовъ и струй, и все это, описавъ всевозможные извилины, наконецъ, сливается въ узкомъ и глубокомъ ущельѣ, либо присоединяясь къ большому водопаду, либо низвергаясь съ боковой стѣнки. Въ эпоху половодій, многочисленные каскады, ниспадающіе въ видѣ сноповъ съ верхушки утесовъ и превращающіеся въ пыль на пути въ прошастіе, сливаются въ одну мощную водную поверхность, Ниагару, которая и здѣсь такъ же, какъ и американская рѣка, описывается обширный полукругъ, но низвергается въ два раза болѣе глубокое ущелье. Изъ второстепенныхъ каскадовъ есть такие, которые, выбиваясь изъ-подъ хаоса обрушившихся глыбъ, кажутся выходящими изъ живой скалы; одинъ водопадъ бываетъ изъ трещины скалы въ видѣ огромнаго снопа; послѣдній каскадъ называется *Diamond's fall*, т. е. «Алмазнымъ» имъ это далъ ему Фарони, нашедшій въ пескѣ у его подножія нѣсколько алмазовъ¹⁾.

Книзу отъ Ста Водопадовъ, въ Оранжевую рѣку впадаетъ, если не рѣка, то по крайней мѣрѣ развѣтвленіе уади, который, по пространству своего бассейна, превосходитъ даже и самыи Вааль: это Хигапъ, образуемый Убомъ и Нозобомъ, или Близнецами, такъ какъ ихъ параллельные ложа часто соединяются другъ съ другомъ; иногда же немного воды Хигапу приносятъ также: Молопо, Куруманъ и другіе овраги. Площадь, съ которой Хигапъ собираетъ воды послѣ ливней, равняется по крайней мѣрѣ четыремстамъ пятидесяти восьми тысячамъ квадратныхъ километровъ; рѣдко, однако, ему приходится течь непрерывно, такъ какъ въ то время, какъ одинъ изъ его притоковъ переполняется водою, другой оказывается высохшимъ; обыкновенно на его протяженіи встрѣчаются только болота или же просто сырья мѣста, и путешественники принуждены выкапывать ямы въ ложѣ Хигапа, чтобы получить немного воды, просачивающейся въ пескахъ. Къ тому же отсутствіе наклона на поверхности Калахари не позволяетъ ся водному бассейну собираться во-едино: послѣ дождей, большое количество выпавшей воды скапливается въ углубленія, не имѣющія водослива, въ небольшіе замкнутые водоемы, влага изъ которыхъ впослѣдствіи исподволь испаряется. Смотря по времени года, эти углубленія являются или лагунами, пуститься по которымъ не отваживается охотникъ, или топами, или оголенными равнинами. Одни изъ нихъ, имѣя пористое дно, покрываются растительностью послѣ испаренія прѣсной воды: это

eleuens голландскихъ путешественниковъ. Другія же, съ глинистымъ дномъ, непроницаемымъ для влаги, становятся въ теченіе лѣта еще болѣе пустынными, чѣмъ окружающія ихъ сравнительно возвышенныя земли; по испареніи воды, они являются бѣлыми отъ налета соли, отчего и получили наименование: *salt-pans*, или «соланныхъ лозанокъ».

Въ нижней части своего теченія, Оранжевая рѣка уже не получаетъ постоянныхъ притоковъ. Ущелья, открывающіеся справа и слѣва ея ложа въ крутыхъ кварцевыхъ берегахъ, оказываются лишь извилистыми песчаными оврагами. Приближаясь къ морю, рѣка уменьшается въ объемѣ; и хотя во время высокихъ водъ глубина ея и равняется тринадцати метрамъ, чѣмъ не менѣе ее можно переходить въ бродъ въ теченіе почти цѣлаго года въ тѣхъ мѣстахъ, где лощины, соотвѣтствуя другъ другу на обоихъ берегахъ, образуютъ проходъ, пересѣкающій рѣку поперекъ. Однако, въ той глубокой клюзѣ, въ которую проникаетъ Оранжевая рѣка для прохода чрезъ береговую цѣпь, ея берега почти не приступны: во многихъ мѣстахъ карнизы прибрежнаго плоскогорія высятся на сотни метровъ надъ водою, и путешественники могли бы умереть, не находя ни разсыпнины, ни скалистой лѣстницы, которая дозволили бы имъ спуститься для утоленія жажды водою, которую они видятъ у себя подъ ногами. Рѣка мечется отъ одной скалы къ другой, дѣлаетъ рѣзкие повороты между гранитными откосами и прежде чѣмъ получить возможность излиться въ море, устремляется, параллельно послѣдней изъ своихъ преградъ, въ направленіи къ югу. Кверху же отъ бара, ея воды скапливаются въ большое озеро, надъ которымъ кружатся мириады птицъ. Часто случается, что это озеро оказывается совершенно отдѣленнымъ отъ моря песчаною косой; а во время высокихъ водъ, рѣка хотя и изливается въ море широкимъ устьемъ, но подводная отмели—образующіяся на тѣхъ скалистыхъ плоскогоріяхъ, о которыхъ непрерывно разбиваются морскія волны—препятствуютъ проникать въ это устье кораблямъ; вслѣдствіе этого, моряки, желая пристать къ землѣ, принуждены спускаться къ югу отъ устья, въ маленькую бухту мыса Вольтасъ. Такъ кончаетъ великая рѣка, протекающая на разстояніи не менѣе 2.140 километровъ и воспринимающая воды съ бассейна, который обнимаетъ миллионъ двѣсти семьдесятъ пять тысячъ квадратныхъ километровъ.

Къ югу отъ Оранжевой рѣки, на склонѣ къ Атлантическому океану, а также и по другую сторону мыса Доброй Надежды, на южномъ склонѣ Капской колоніи, рѣки, нисходя съ горъ, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи отъ морскаго берега, не могутъ имѣть большаго протяженія, и, несмотря на сравнительное изобилие дождей, потоки ихъ водъ незначительны.

¹⁾) „Through the Desert of Kalahari“; — „Tour du Monde“, 1886.

Главный изъ этихъ потоковъ на западномъ берегу представляетъ Olifant-river, или Слоновая рѣка. На южной покатости, Breee-river, или Широкая рѣка, уносить воды, выпадающія на сестднія съ Каптауномъ горы, и изливается въ море устьемъ, доступнымъ для судовъ вмѣстимостью до 150 тоннъ: такимъ образомъ, Широкая рѣка, будучи однимъ изъ незначительныхъ водныхъ потоковъ Каапской колоніи, оказывается тѣмъ не менѣе единственнаю изъ рѣкъ, имѣющихъ на своемъ берегу морской портъ. Восточнѣе отъ Широкой рѣки впадаетъ въ океанъ Groote-river, или Большая рѣка, называемая также Гауритсъ; развѣтвленія ея похожи на вѣти широко распостершагося дуба. Затѣмъ Гамтоа или Гамтоесъ—зарождающейся, какъ и Гауритсъ, на равнинѣ Большой Кару и тоже текущій черезъ грозныя клюзы при проникновеніи сквозь параллельныя цѣпи горъ, порою совершенно высыхаетъ на своемъ пути къ впаденію въ океанъ, которое совершается въ бухтѣ Санъ - Франциско. Далѣе слѣдуютъ Sunday-river и Great Fish-river, изливающіяся въ Индійский океанъ около того мѣста, где начинается восточный берегъ африканскаго материка. Здѣсь уже обнаруживаются вліянія другаго климата: рѣки, будучи короче, чѣмъ на южномъ берегу, катятъ, однако, большія количества воды.

Рѣка Кей, т. е. «Великая», вытекающая изъ массива Стормбергенъ и горъ Куатламба, получила важное политическое значеніе, составляя давнюю границу сначала готтентотскихъ племенъ, а затѣмъ и англійскихъ владѣній: по ту ея сторону начинаются кафрскія территории Трансека, нѣкогда бывшія независимыми. Кей, при весьма быстромъ теченіи, образуетъ превосходные каскады и змѣится въ величественныхъ ущеліяхъ; однако, изъ всѣхъ рѣкъ побережья Кафраріи самая красивая — Умъ-Зимбубу, Saint-John's - river англичанъ. При входѣ это широкая рѣка, имѣющая шестьсотъ метровъ между своими берегами, но, затѣмъ, мало-по-маду она съуживается въ высокомъ скалистомъ портальѣ. И съ той, и съ другой стороны ея возвышаются покрыты деревьями откосы, надъ которыми господствуютъ вертикальные кручи террасы, а надъ этой террасою, въ свою очередь, возвышаются другія каменные стѣны, верхнія поверхности которыхъ имѣютъ форму столовъ; затѣмъ, съ обоихъ береговъ долины виднѣются двѣ горы: Sullivan и Thesiger—одинаковыя по размѣрамъ и по величественности; вся же эта мѣстность получила отъ англичанъ наименованіе Gate или Portъ Сентъ-Джонъ. Для большихъ судовъ входъ въ рѣку преграждаетъ барь; но малыя морскія суда, при содѣствии приливной волны, могутъ подниматься по рѣкѣ километровъ на двадцать, вплоть до начала пороговъ.

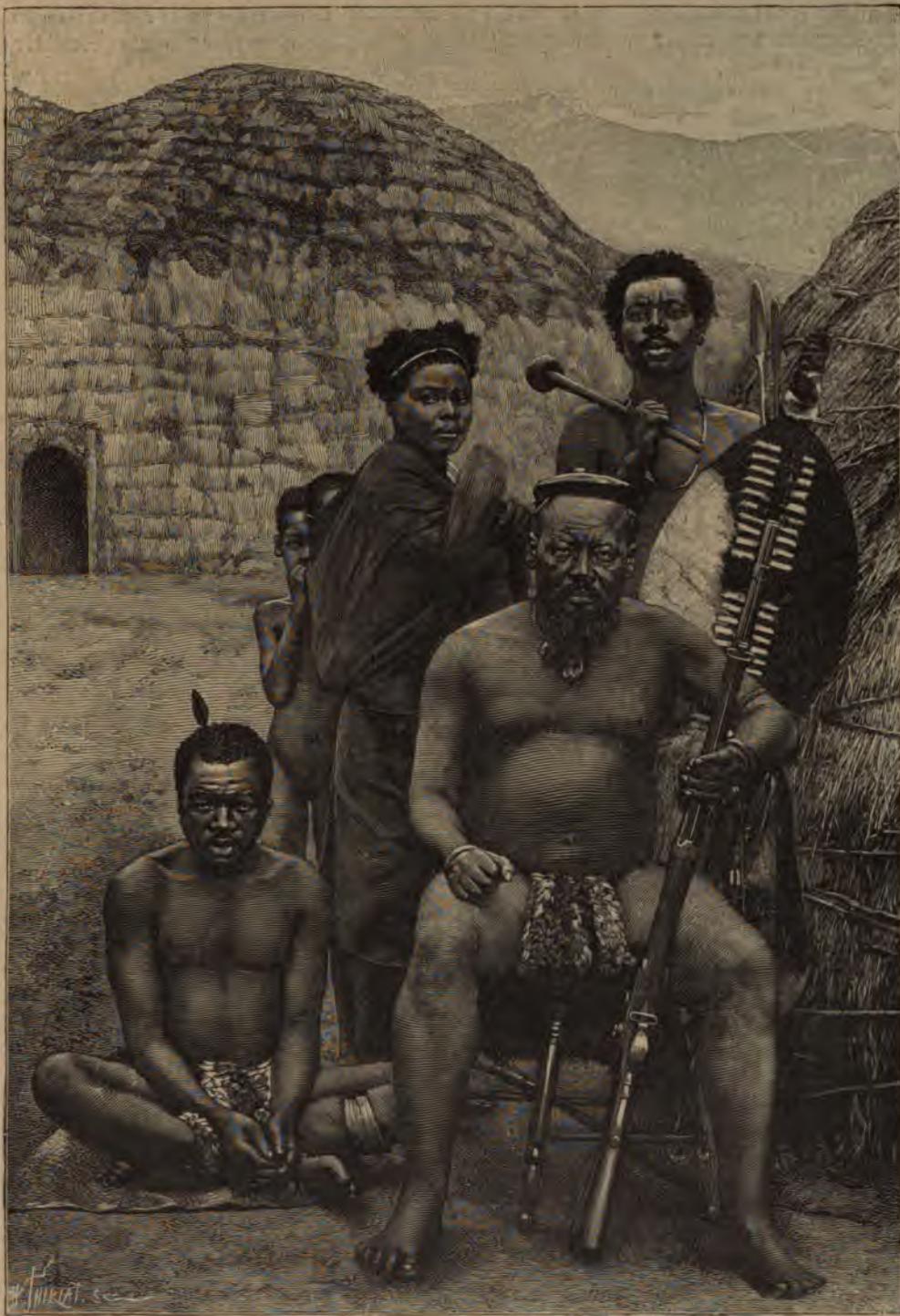
Склонъ колоніи Наталь прорѣзываютъ парал-

лельные ложбины, по каждой изъ которыхъ протекаетъ изобилующая водою рѣка, пересѣкаемая каскадами. Умъ-Зимкулу, Умъ-Комалзи, Умъ-Лази, Умъ-Жени, а также и другие умы, т. е. потоки, слѣдуютъ одинъ за другимъ вплоть до могучей рѣки Тугела, главная вѣтвь которой зарождается, подобно Каледону и Валу, въ верховыхъ оврагахъ горы Источниковъ и образуетъ сѣверную границу колоніи со стороны зулусовъ. По ту сторону Тугела мы находимся рельефъ морскаго побережья, а вслѣдствіе этого, также и характеръ теченія рѣкъ: берега ихъ уже не скалисты, горы оставляютъ между ними и моремъ широкую плоскую полосу, а самыя рѣки, извиваясь по равнинѣ, направляются къ сѣверу. На почти прямолинейномъ пространствѣ, приблизительно въ триста километровъ, морское побережье представляеть песчаную низину, покрытую дюнами и отдѣленную отъ моря большими лагунами съ каналами-протоками; наиболѣе обширную изъ этихъ громадныхъ водныхъ поверхностей—нѣкогда составлявшихъ часть моря, а нынѣ отдѣленныхъ отъ него—представляетъ лагуна, прозванная бухтою Св. Люсіи: длина ея приблизительно равна ста, а ширина, въ среднемъ, двадцати километрамъ. Она занимаетъ южную часть полосы низменныхъ земель; сѣверная же оконечность этой области содержитъ потоки въ лагуны, соединяющіеся съ большою бухтою Делагоа или Лоренсу-Маркезъ. Береговой валъ хорошо ограниченъ: на югѣ—протокомъ, вѣдущимъ въ бухту Св. Люсіи, а на сѣверѣ—рукаромъ моря, проникающимъ въ заливъ Делагоа.

Южная бухта, Санта-Люсія, при выходѣ въ море заграждена баромъ, около которого держатся ненасытныя акулы, часто набрасывающіеся даже на весла и на лоды моряковъ. Въ 1865 году, когда эти пространства океана подвергались изслѣдованіямъ, производимымъ съ корабля *Nassau*, протокъ, соединяющій море съ бухтою, былъ совершенно загроможденъ песчаною стрѣлкою; даже во время высокихъ водъ, опасный входъ въ бухту представляеть судамъ ненадежное убѣжище. Однако, какъ издурна эта гавань, все-таки она была-бы драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для лишенныхъ выхода въ море голландскихъ республикъ, и потому понятно то стараніе — пока, впрочемъ, безплодное — которое прилагаютъ трансаальскіе буры къ возвращенію себѣ этой области побережья отъ Англіи. Сѣверная бухта, т. е. бухта Делагоа, гораздо важнѣе. Широко открываясь къ сѣверу, она имѣеть въ глубину до двадцати метровъ, и самыя большия суда могутъ далеко входить въ нее чрезъ хорошо защищенный фарватеръ. Поэтому англійское правительство и оспаривало обладаніе этой драгоценной якорною стоянкою у португальцевъ, сильныхъ своими вѣковыми правами и

данную бухту; въ особенности англичане обнаруживали стремление къ завладѣнію острѣвомъ Иныкъ, находящимся при входѣ въ бух-

ратиль Португали свободное пользованіе всѣми прибрежными землями Делагоаской бухты, этого самою судьбою предопределеннаго исход-

Группа зулусовъ.

ту и составляющимъ продолженіе полуострова Ама-Тонга; однако, приговоръ, произнесенный въ 1875 году президентомъ Французской Республики, въ качествѣ третейскаго суды, воз-

наго пункта для торговли тѣхъ государствъ, которыхъ образовались на сюднѣмъ плоскогоріи. Между бухтами Св. Люсіи и Лоренсу-Маркезъ, форма окаймленнаго побе-

режья, какъ и форма удлиненныхъ въ томъ же направлении лагунъ, а также ходъ всѣхъ рекъ, которая бросаются къ сѣверу, повидимому, указываютъ на дѣйствіе берегового противо-течения, совершающагося съ юга на сѣверъ въ направлении, противоположномъ Мозамбикскому течению, и веномошествуемаго зыбию, которую юго-восточные пассаты гонятъ на берегъ. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, и образовалось виѣшие побережье, которое состоить изъ длиннаго ряда песчаныхъ стрѣлокъ, тянущагося впереди низкихъ водъ морскаго берега и истиннаго материкового берега. Къ сѣверу отъ бухты Лоренсу-Маркезъ, наблюдается обратное явленіе: водоворотъ возвращаетъ теченіе въ направлении къ югу, и река Маниssa, вмѣстѣ того, чтобы по прямой линіи спуститься къ морю, изгибаетъ свое низовье параллельно пляжу, вслѣдствіе чего она долго течетъ въ направлении къ югу, прежде чѣмъ смыть свои воды съ водами бухты.

Къ этому бассейну, т. е. къ бухтѣ Делагоа, направляется нѣсколько рекъ: съ юга течетъ Мапута, образующаяся изъ многочисленныхъ потоковъ, несущихся изъ края зулусовъ и изъ земель племени суази; на западѣ, въ лиманѣ, на берегу которого расположень городъ Лоренсу-Маркезъ, соединяются реки Темби и Умь-Бомзи; а съ сѣвера въ него вливается большая река Маниssa. Благодаря приливу и естественной глубинѣ ложа, суда могутъ подниматься весьма далеко во всѣ эти притоки бухты; по Маниссѣ, называемой англичанами King George river, мореплаватель Hilliard могъ подняться кверху отъ ея устья на разстояніе, превышающее двѣсти двадцать километровъ, при чѣмъ ни разу не встрѣтилъ глубины менѣе одного метра и восьми сантиметровъ. Такимъ образомъ эта река представила бы пре-восходный путь къ золотоноснымъ краямъ внутри страны, если бы во многихъ мѣстностяхъ вдоль ея береговъ не существовали болота, дѣлающія воздухъ нездоровыи. Долгое время полагали, что Маниssa составляетъ нижнее теченіе реки Лимпопо, родящейся на западѣ Трансваальской республики; но теперь долина Маниссы хорошо известна, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно также и то, что всѣ свои воды она получаетъ съ восточнаго, обращеннаго къ морю склона береговыхъ горъ.

Лимпопо—извѣстный также и подъ многими другими наименованиями, каковы: Рѣка Крокодиловъ, Мети, Ури, Бэмба, Ленапа, Лебемба, при устьѣ же Иаха-Мпура, а также и Оира на древнихъ португальскихъ картахъ—представляетъ одну изъ большихъ рекъ Южной Африки, если не по массѣ водъ, то по крайней мѣрѣ по своей длинѣ. Его первые источники зарождаются на томъ плоскогоріи, на которомъ буры выстроили Преторію, столицу Южно-Африканской республи-

ки, въ 520 километрахъ отъ Индійского океана, но, если слѣдовать по всѣмъ извилинамъ долины, то разстояніе это втрое больше. Лимпопо въ началѣ течетъ на сѣверо-западъ, какъ бы для того, чтобы спуститься въ долину, дно которой занято озеромъ Нгама и другими соляными озерами: чрезъ разѣльи онъ переходитъ горную цѣнь Магалисбергеръ, пробирается еще нѣсколькими клюзами и, спускаясь по наклонной плоскости высокой южно-африканской террасы, поворачиваетъ сначала къ сѣверо-востоку, а затѣмъ прямо къ востоку. Протекая по глубокимъ ущельямъ, онъ переходитъ величественнымъ водопадомъ Толо-Азима послѣдній гранитный барьеръ, противополагаемый ему горами Зутшансбергенъ, спускается отъ клюзы къ клюзъ и наконецъ вступаетъ въ равнину; здесь онъ направляется сначала на юго-востокъ, а затѣмъ на югъ, сливаясь съ своимъ главнымъ притокомъ, Слоновью рекою, или Olifant-river; иже онъ соединяется съ почти всегда безводнымъ, длиннымъ уади, развѣтвляющимся къ сѣверу по португальской территории. Несмотря, однако, на большое число и длину своихъ притоковъ, Лимпопо—не большая река; онъ теряетъ часть своихъ водъ въ тѣхъ болотахъ, которые и справа и слѣва окаймляютъ его низовье, а въ море изливается устьемъ, имѣющимъ приблизительно триста метровъ ширину и далеко загромождаемъ широкими отмелями¹). Шаддокъ поднялся по Лимпопо на пароходѣ на 130 километровъ кверху отъ устья.

Находясь почти цѣликомъ въ умѣренной южной полосѣ, бассейны Оранжевой и другихъ рекъ Каплэнда, Наталя и голландскихъ республикъ имѣютъ климатъ, представляющій тѣ же противоположности по временамъ года, какъ и климатъ Западной Европы, съ тѣмъ только отличиемъ, что капская зима соотвѣтствуетъ лѣту въ сѣверномъ полушаріи. Хотя по своей географической широтѣ берегъ Южной Африки почти вполнѣ соотвѣтствуетъ берегу Мавританіи, Кипра и Сиріи, средняя температура его значительно менѣе возвышенна; она одинакова съ температурою тѣхъ городовъ сѣвернаго міра, которые находятся на нѣсколько сотъ километровъ далѣе отъ экватора. Вотъ сравнительные среднія температуры соотвѣтствующихъ географическихъ широтъ въ обоихъ полушаріяхъ:

Кантанъ—($33^{\circ}56'$ южн. ш.), $16,5^{\circ}$; Бейрутъ—($34^{\circ}53'$ сѣв. ш.), $20,5^{\circ}$; Дурбанъ—($29^{\circ}50'$ южн. ш.), $19,9^{\circ}$; Каиръ (30° сѣв. ш.) $21,9^{\circ}$.

Равные температуры въ различныхъ географическихъ широтахъ въ обоихъ полушаріяхъ:

¹) Saint Vincent Erskine, "Journal of the Geographical Society", 1869.

Кэптаунъ—(33°55' южн. ш.), 16,5°; Константинополь (41° сев. ш.), 16,3°; Дурбанъ—(29°50' южн. ш.), 19,8°; Тунись—(36°48' сев. ш.), 19,6°.

Въ общемъ равновѣсии климатовъ, съверное полушаріе обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что получаетъ гораздо большую сумму тепла, такъ какъ, благодаря неравному распределенію суши и воды, воздушная и морская теченія, имѣющія болѣе высокую температуру, встрѣчаются другъ съ другомъ въ съверной тропической полосѣ. Но есть и другая причина охлажденія оконечности Южной Африки въ сравненіи съ соответствующими ей по географической широтѣ Средиземно-приморскими областями: причина эта заключается въ томъ, что Южная Африка обращена къ антарктическимъ льдамъ, и отдаляющая ее отъ нихъ область океана часто приноситъ къ ея берегамъ цѣлья вереницы сплошного льда и ледяныхъ глыбъ.

Морская теченія, идущія вдоль береговъ, весьма различны въ своемъ ходѣ, и на двухъ сторонахъ мыса Доброй Надежды представляютъ любопытный контрастъ, выражающійся въ разницѣ между ихъ соотвѣтственными температурами. Полярное антарктическое теченіе съ юга направляется къ западу отъ мыса Доброй Надежды и продолжается по западному берегу вплоть до Конгскаго лимана и Габоніи. Съ другой стороны, Мозамбикское теченіе, исходящее изъ Индійскаго океана, направляется вдоль Наталя и Кафраріи, проникаетъ въ южныя капскія бухты и огибаетъ оконечности материка, откуда и произошло мѣстное наименованіе его «теченіе Агульясъ, или Игольное». Лѣтомъ—когда антарктическое холодное теченіе, гонимое правильными южными вѣтрами, быстрѣе всего устремляется къ съверу, температура его колеблется между 10 и 11 градусами, между тѣмъ какъ непосредственно на востокѣ отъ Капа, въ False-bay, вода, приносимая восточнымъ теченіемъ, теплѣе на 9 градусовъ, а въ океаническихъ пространствахъ около Игольного мыса достигаетъ

26,6°. Вследствіе этой противоположности въ водахъ, омывающихъ Кэптаунъ и Симонстаунъ—которые отдѣлены другъ отъ друга только ножкою перешейка,—эти города имѣютъ различный климатъ, при чемъ Симонстаунъ, несмотря на свое большее приближеніе къ полюсу, пользуется однако воздухомъ, болѣе теплымъ на полтора градуса.

Правильные вѣтры на берегахъ Южной Африки симѣняютъ другъ друга такимъ образомъ, что уменьшаютъ противоположности временъ года: годовая колебанія, въ среднемъ, значительно менѣе сильны въ Капской колоніи, чѣмъ въ областяхъ съ соответствующимъ климатомъ въ съверномъ полушаріи. Такъ, юго-восточные пассаты, будучи холодными вѣтрами, дуютъ главнымъ образомъ лѣтомъ, ослабляя его жары; напротивъ, возвратные вѣтры, т. е. воздушная теченія съ съверо-запада, дуютъ на берегъ во время зимняго сезона, когда вся система пассатовъ бываетъ, увлечена къ съверу вслѣдъ за солнцемъ. Къ тому же, эти нормальные вѣтры часто бываютъ отклонены къ плоскорѣямъ тепловыми фокусами. Вотъ почему на восточныхъ берегахъ пассатный вѣтеръ иногда направляется прямо на западъ, тогда какъ на южномъ побережїи онъ дуетъ на съверъ, а на атлантическомъ берегу несется на востокъ. Когда, въ теченіе теплого времени года, съверные вѣтры дуютъ послѣ своего пробѣга черезъ пустынныя плоскогорія, то можно сказать, что воздухъ какъ бы обжигаетъ, и тогда-то, именно, болѣе всего страдаютъ отъ жары, въ особенности въ области высокихъ земель, вдали отъ умѣряющаго вліянія океана. Вообще, по мѣрѣ удаленія отъ морскаго берега внутрь страны, климатъ оказывается болѣе крайнимъ, т. е. не только болѣе холоднымъ во время зимы—что объясняется возрастаніемъ высоты мѣста,—но также и болѣе теплымъ во время лѣта.

Вотъ нѣкоторыя данныя о температурѣ въ различныхъ городахъ Южной Африки, заимствованныя изъ учебника метеорологии Напп'a:

Мѣсто	Южн. ш.	Высота мѣста.	Средняя темпера- тура.	Крайнія среднія темпе- ратуры.	Разница между ними.	Число лѣтъ набл.
Симонстаунъ	34°12'	15	17,9°	33,8° и 6,6°	27,2°	4
Кэптаунъ	33°56'	12	16,8°	32,9° > 4,3°	28,6°	14
Портъ Елизаветы	33°57'	73	17,6°	35,1° > 5,9°	29,2°	5
Грээмстонъ	33°20'	550	17, °	39,2° > 1,2°	38,0°	9
Графтъ-Рейнетъ	32°16'	770	18, °	39,5° > -0,9°	40,4°	3
Блумфонтейнъ	28°56'	1370	16 2°	34,5° > -5,2°	39,7°	3
Дю-Туатъ-Панъ	28°45'	1220	17,8°	40,2° > -4,7°	44,9°	2
Прегорія	25°45'	1360	19,4°	33,5° > -0,5°	38,5°	3
Портъ-Дурбанъ	29°50'	76	19,8°	0 > 0	0	0
Питеръ-Марицбуръ	29°30'	639	17,5°	35,2° > -0,4°	34,8°	10

Влажность воздуха значительно менѣше, чѣмъ въ Западной Европѣ, если не брать въ расчетъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстностей, каковы Симонстаунъ и Питеръ-Мариц-

бургъ; особенно сухъ онъ на плоскогоріяхъ. Между прочимъ, о сухости нижняго воздушного слоя также свидѣтельствуетъ слѣдующее любопытное явленіе, часто наблюдалось въ тѣ-

чение лѣта на Столовой горѣ: здѣсь юго-восточные вѣтры, ударяясь объ эту громадную глыбу песчаника, поднимаются кверху по юго-восточнымъ склонамъ, при чмъ ихъ пары, уплотняясь въ холодномъ воздухѣ вершины, стелются бѣловатымъ слоемъ по плоскогорью. Однако, эта, на языкѣ моряковъ, «скатерть» не прекращается рѣзко на окраинѣ скалы, но, при спускѣ вѣтра по направлению къ городу, увлекается этимъ вѣтромъ на двѣстѣ или на триста метровъ книзу въ видѣ великолѣпныхъ каскадовъ тумана, которые сначала колышатся на-подобіе занавѣса, затѣмъ разрываются и, наконецъ, растворяются въ воздухѣ: принесенная пассатомъ влажность оказывается, слѣдовательно, поглощеною; во все же времена, пока длится это явленіе, дымится только одна гора; а вся страна остается освѣщеною солнцемъ, блестающимъ на чистомъ небѣ. Затѣмъ зимою, когда господствуютъ сѣверо-западные вѣтры, наблюдается обратное явленіе: тогда широкія полосы облаковъ, спускающіяся съ высоты горы, развертываются со стороны Симонстауна.

Дожди распредѣляются весьма неравнomoно по берегамъ рѣки и внутри Южной Африки; но, въ общемъ, количество выпадающей влаги сравнительно не велико: оно значительно меньше, чмъ въ Западной Европѣ; дожди обильны только въ небольшомъ числѣ привилегированныхъ мѣстностей—таковы склоны Столовой горы, гдѣ рельефъ почвы побуждаетъ облака разряжаться ливнями. Годъ въ этихъ областяхъ Африки не дѣлится, какъ въ экваторіальной полосѣ, на рѣзко разграниченные сезоны: одинъ—дождливый, а другой— вполнѣ сухой; дожди наблюдаются во всѣ мѣсяцы, даже и на плоскогорьяхъ внутри страны, но обыкновенно они распредѣляются довольно правильно въ теченіе всего года. Такъ, на атлантическихъ берегахъ влажность приноситъ возвратные вѣтры, слѣдовательно, и самые обильные дожди выпадаютъ зимою, съ мая по августъ, и въ особенности въ теченіе мѣсяца июля. На остальной части побережья, отъ False-bay до страны зулусовъ, почву орошаютъ юго-восточные пассаты, а такъ какъ они дуютъ лѣтомъ, то самое большее количество дождей приходится между декабремъ и февралемъ. Такъ какъ атмосферная влага доставляется въ особенности Индійскимъ океаномъ, то лѣтомъ во время преобладавія пассатовъ, получаются свои, вообще весьма рѣдкіе, дожди и внутрення плоскогорія, Кару, и высокія земли голландскихъ республикъ. На берегахъ Наталя сильное дуновеніе пассатовъ иногда сопровождается «морскими дождями», которые, однако, выпадаютъ только вблизи побережья, между тѣмъ какъ обыкновенные дожди суть большою частью грозовые ливни, падающіе на склонахъ горъ. Наименьшее ко-

личество дождя получаютъ слѣдующія области: Большая Кару, бассейнъ Оранжевой рѣки и пустыня Калахари; въ этихъ областяхъ дожди не представляютъ правильности, но когда они выпадаютъ, то происходитъ внезапный потопъ. Въ этомъ Dorst-veldѣ, т. е. «Полѣ Жажды», обширныя пространства покрыты песками, располагающимися въ видѣ дюнъ, похожихъ на морскія волны и часто покрытыхъ растительностью. Родники рѣдки и въ нѣкоторыхъ областяхъ отстоятъ другъ отъ друга на сотню километровъ; однако бушмены умѣютъ пользоваться влажными мѣстами, какъ для утоленія своей жажды, такъ и для водопоя своимъ стадамъ. Втыкая въ песокъ, на глубину приблизительно одного метра, тростникъ, снабженный на нижнемъ концѣ губкою, они втягиваютъ ртомъ воду, накопляющуюся въ губкѣ, и наполняютъ тыквенные бутылки. Къ тому же, животныя, пасущіяся по Калахари, привыкли пить мало; племя бе-туа водить на водопой свой скотъ не иначе, какъ черезъ два или три дня. Козы проводятъ цѣлые мѣсяцы безъ питья, а о нѣкоторыхъ антилопахъ рассказываютъ, будто онѣ никогда не посѣщаются родниковъ¹). Вотъ нѣкоторыя числовыя данныя относительно распределенія дождей въ Южной Африкѣ:

Симонстаунъ,—0 м. 68 сант., Кэптаунъ—0 м. 68 сант.; Блумфонтейнъ—0 м. 58 сант.; Дю-Тоатсъ-Панъ,—0 м. 40 сант.; портъ Елизаветы,—0 м. 60 сант.; Грээмстаунъ,—0 м. 72 сант.; Граафъ-Рейнетъ,—0 м. 36 сант., Преторія,—0 м. 60 сант.; Портъ-Дурбанъ,—1 м. 09 сант.; Питеръ-Марицбургъ,—0 м. 77 сант.

Часто повторяли, что Южная Африка изыхаетъ. Большинство путешественниковъ согласно высказываютъ, что край племени бечуана, а также и сосѣднихъ племенъ, проживающихъ между Оранжевой рѣкой и озеромъ Нгами, потерялъ свои постоянные ручьи, и что воздѣльываемыя земли должны были, вслѣдствіе этого отодвинуться къ горамъ²). Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нынѣшній геологіческій періодъ, часть влаги значительно уменьшилась въ южной полосѣ Африки, а превращенная въ солончаки прежнія озера, равно какъ и сухія ложбины на мѣстѣ бывшихъ рѣчныхъ ложъ могутъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ словъ, повторяемыхъ бечуанами: «Край умеръ! Бышній умертвилъ страну!»³) Но наблюденія, сдѣланныя въ этихъ областяхъ пребывающими тамъ миссіонерами и проѣзжими по краю путешественниками, недо-

¹⁾ Mackenzie, „Ten Years Nord of the Orange-river“.

²⁾ Livingston, „Last Journal“;—Anderson, „Lake Ngami“;—Chapman, „Travels into the interior of South Africa“;—James Fox Wilson, „Journal of the Geographical Society of London“. 1865.

³⁾ Th. Baines, „Explorations in South West Africa“.

статочно точны и не обнимаютъ настолько обширную территорію, чтобы было можно рѣшить: послѣдовало ли дѣйствительно уменьшение влаги въ этомъ вѣкѣ? или же режимъ

лисъ переселенцы, а также и поджоги травы, совершаеыя пастухами, должны были повести къ тому, что ручьи стали неправильнѣе въ своемъ течениіи, и изъ постоянныхъ преврати-

Пейзажъ на восточной границѣ Трансваала.

водъ сталъ только болѣе неровнымъ, такъ что влажные периоды сменяются продолжительными засухами? Послѣднее предположеніе кажется вѣроятнымъ, такъ какъ истребленіе лѣсовъ, происходящее повсюду, гдѣ водвори-

лись въ spruits или уади; вслѣдствіе этого, вмѣсто тихихъ водъ, струившихся змѣйкою по хорошо проторенному ложу, «дикая вода» внезапно изливаются на равнины, производя обширнія затопленія ихъ, при чемъ, по-

слѣ стока такихъ водь, ложи потоковъ оказываются сухими; лишенная травы земля, уплотненная солнцемъ, не поглощаетъ уже болѣе дождевой воды, которая тотчасъ же и сбѣгаетъ, не содѣствуя прозибанію растеній. Не подтверждаютъ уменьшенія дождей, по крайней мѣрѣ въ прибрежной полосѣ, и тѣ правильныя наблюденія, которыя въ теченіе полуѣвка производились на Капѣ и на нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Южной Африки¹⁾. На плоскогоріяхъ прежде многія фермы терпѣли недостатокъ въ водѣ, тогда какъ нынѣ, благодаря каптажу источниковъ, цѣлые города въ той же самой мѣстности находятъ воду въ изобилиї.

Капская колонія и сопредѣльные страны составляютъ одну изъ наиболѣе здоровыхъ областей Земли, и не только для туземцевъ, но также и для европейскихъ переселенцевъ: акклиматизація совершается безъ затрудненій и часто съ выгодой. Даже во внутреннихъ округахъ, гдѣ лѣтнія жары иногда бываютъ очень сильны, европейцы могутъ работать днемъ, все равно, какъ-бы и въ своемъ отечествѣ. Эпидеміи появляются рѣдко и никогда не бываютъ такъ серьезны, какъ въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ: ни холера, ни желтая лихорадка не посѣщали Капа. Грудныя болѣзни очень рѣдки; самыя обыкновенные болѣзни—ревматизмъ и невралгія. До открытия Сuezскаго канала, большая часть чиновниковъ и офицеровъ, возвращавшихся изъ Индіи, проживали въ окрестностяхъ Капа съ цѣлью возстановить свое здоровье; нынѣ легкость совершенія путешествія побуждаетъ ихъ направляться въ Англію. Рѣдкіе слабые здоровье людіи, пріѣзжающіе пользоваться климатомъ Южной Африки—въ видахъ ли выздоровленія или только для облегченія своихъ недуговъ—прибывають прямо изъ Великобританіи: встрѣтить ихъ можно въ Каптаунѣ, Грэгемстаунѣ и въ Блумфонтенѣ. Но если чистый воздухъ этихъ областей изцѣляетъ нѣкоторыхъ больныхъ, то свойство его особенно благодѣтельно отражается на здоровыхъ, укрѣпля и улучшая ихъ расу. Семейства процвѣтаютъ столь же хорошо въ англійскихъ колоніяхъ, какъ и въ голландскихъ республикахъ. Не будь даже и переселеній, все-таки населенность страны увеличивалась бы вслѣдствіе избытка рожденій: такъ, не рѣдки села, гдѣ рождаемость втрое превосходитъ смертность.

Флора, развившаяся въ счастливомъ климатѣ Южной Африки,—одна изъ богатѣйшихъ на Землѣ: словно всѣ растительныя формы, предназначенные для разселенія въ умѣренномъ поясе на пространствѣ цѣлаго полушарія, столпились здесь, вслѣдствіе факта съуженія афри-

канского материка; многія растительныя облысти какъ-бы сдвинуты одна возлѣ другой въ узкомъ пространствѣ. По Armitage'у, въ Капской области насчитывается приблизительно не менѣе двѣнадцати тысячъ видовъ, т. е. вдвое или втрое болѣе, чѣмъ въ Европѣ во всѣхъ областяхъ распределенія ея растительности; на одной только горѣ, возвышающейся около РаагГіа, къ сѣверо-востоку отъ Каптауна, Drège насчиталъ, весною, 750 сосудистыхъ растеній въ цвету, расположенныхъ такимъ образомъ, что на каждомъ вертикальномъ пространствѣ въ 325 метровъ составъ флоры мѣнялся вполнѣ. Типы растеній Капа и Австраліи весьма схожи другъ съ другомъ; но хотя поверхность Австраліи вчетверо больше и хотя своими сѣверными берегами Австралія проникаетъ въ жаркій поясъ, тѣмъ не менѣе ея флора лишь немногимъ значительнѣе флоры Южной Африки. Въ громадномъ разнообразіи Капскихъ растительныхъ формъ, эндемическихъ, т. е. принадлежащихъ собственно растительной области Капа, насчитывается около 450.

Ботаническая область, начинающаяся по атлантическому берегу на равнинахъ Clanwilliam и р. Олифантъ, и обнимающая береговыя горы юго-запада материка, вплоть до бухты Альгоа, является хорошо ограниченной. Подобно Средиземно-приморской области, она отличается своими *maki*¹⁾; почти повсюду видны деревянистые растенія, имѣющія въ высоту отъ одного до двухъ метровъ и покрытые темною или голубоватою зеленью: это—*boschje* или *boschjedsweld* голландскихъ колонистовъ, *bush* англичанъ, среди которыхъ и кочующія дикия племена, бушмены или «люди кустовъ». И хотя въ первое время колонизации такія чащи были большімъ препятствіемъ для путешествій, тѣмъ не менѣе переселенцы могли пролагать чрезъ нихъ путь своими повозками, запряженными волами; по лѣсамъ же имъ приходится или только щѣхать верхомъ на лошади, или же проходить ихъ пѣшкомъ. Лѣсная растительность рѣдка въ области Капа, за исключениемъ южнаго склона тѣхъ горъ, которыхъ господствуютъ надъ моремъ между бухтами Моссель и Св. Франциска. Большинство туземныхъ деревьевъ ются въ оврагахъ и вышина ихъ не превышаетъ восьми или десяти метровъ; подтроиковыя же формы еще имѣютъ своихъ представителей здѣсь, на берегахъ Южнаго океана, въ видѣ малорослой финиковой пальмы, алоэ и сагоподобныхъ растеній. На Кедровыхъ горахъ, въ юго-западной области страны, нѣкогда росли виды «кедровъ», имѣвшіе у основанія слишкомъ десять метровъ въ окружности²⁾. Одну же изъ наиболѣе характеристич-

¹⁾ Maquis, по—итальянски *macchia*, въ Корсикѣ и Сардиніи называются чащи кустарниковъ, каковы жиртовы, лавровы и т. д. (Littré et Beaussan).

²⁾ Alexander, „Expedition of Discovery into the interior of Africa“.

ныхъ древесныхъ породъ Капской полосы представляеть серебряное дерево или *silver-tree* (*leucadendron argenteum*), листья, вѣтви и стволъ котораго дѣйствительно имѣютъ металлический блескъ, напоминающій блескъ серебра; порою можно подумать, что эти деревья, съ артистически разрѣзанными вѣтвями, суть произведенія серебрянника, какъ тѣ деревья, которыхъ украшали сады Великихъ Моголовъ.

Верески, которыхъ въ Капскихъ кустарникахъ насчитываются болѣе четырехсотъ видовъ, преобладаютъ между деревянистыми растеніями: вмѣстѣ съ *rhenoster*^{омъ}, или *деревомъ носорога* (*elytropappus rhinocerotis*)—растеніемъ отъ одного до двухъ футовъ высоты и приближающимся къ нимъ своею формою—верески обусловливаютъ главный характеръ флоры страны: часто случается, во время цвѣтенія, что горы, покрытыя вересками, представляются отъ подошвы до маковки окрашенными въ однообразно розовый цвѣтъ; иридеи, гераніумы и пеларгоніи также весьма обыкновенны въ Капской области, между тѣмъ какъ мареновыя растенія—имѣющія такое большое число представителей въ другихъ частяхъ Земли,—въ Южной Африкѣ составляютъ менѣе одной сотой всей ея флоры. Ложа ручеевъ и рѣкъ переполнены камышемъ (*acorus palmita* или *prionium*), растеніемъ съ длинными, углубляющимися въ землю корнями и сжатыми стеблями, конечные листья которыхъ образуютъ такие густые зонтики, что сквозь нихъ не видна прикрываемая ими вода, которая, будучи, такимъ образомъ, защищена отъ солнца, можетъ сохраняться вполнѣ до середины лѣта: кромѣ того, тысячи мелкихъ запрудъ, образуемыхъ чащами камыша, обуславливаютъ замедленіе въ стокѣ водъ на мно-гія недѣли и даже мѣсяцы. Тогда какъ приносимая ливнями вода, попавъ на какое-нибудь каменистое ложе, тотчасъ же и утекаетъ, обнажая, спустя нѣсколько часовъ послѣ грозы, камень.—воды, достигшія запруженаго камышемъ ручья, остаются тамъ на долгое время и изливаются лишь медленно; въ такихъ долинахъ нечего бояться, какъ въ ложбинахъ потоковъ Эвропы, быть вдругъ застигнутымъ жи-дкою лавиною¹⁾.

Хотя климатъ Капской земли умѣренный, соотвѣтствующій климату Западной Европы, тѣмъ не менѣе Капская флора представляетъ замѣчательный контрастъ съ аналогичными формами противоположного полушарія: періодъ съя покоя упадаетъ на теплое время года, а не на холодное. Листьевъ растенія бываютъ лишены въ сухое время года, съ марта по май; затѣмъ, какъ только начнутъ выпадать дожди, то даже и во время холода температура бываетъ достаточна для того, чтобы растеніе пробудилось, пустило листья и расцвѣло. Эти

же самыя свойства стали проявлять также и растенія, вывезенные изъ другихъ краевъ; число такихъ растеній, по Bolus'у, приблизительно равняется ста шестидесяти видамъ; происхожденія они большою частью европейскаго, хотя есть между ними также и вывезенные изъ Америки и Индіи. Рѣдко случается встрѣтить этихъ чужестранцевъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ дорогъ и домовъ; внутри страны ихъ почти нѣтъ, и можно сказать, что въ общемъ они обнаруживаются лишь весьма слабое вліяніе на физіономію всей флоры: туземныя растенія успѣшно противостоятъ растеніямъ переселяющимся, и, будучи представлены самимъ себѣ, они, вѣроятно, кончили бы тѣмъ, что вновь отвоевали бы всю территорію. Только два растенія изъ сѣверного полушарія нашли въ южной Африкѣ климатъ и почву, которыхъ вполнѣ удовлетворяютъ ихъ: это смоковница, распространяющаяся по неплодороднымъ пространствамъ, и *pinus pinea*, которая постепенно завладѣваетъ многими каменистыми склонами. Юго-западные города окружены весьма красивыми дубовыми аллеями. Что же касается видовъ, вывезенныхъ изъ Капа въ Европу, то почти всѣ они принадлежатъ къ растеніямъ декоративнымъ: ихъ насчитываютъ сотнями, и они-то и составляютъ славу тѣхъ теплицъ, въ которыхъ воспитываются растенія изъ умѣренныхъ климатовъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго, Капскія растенія пѣнились болѣе всего: мода дѣлала ихъ царями садовъ. Голландскимъ же любителямъ растенія съ Капа доставлялись ограбвшими мысъ Доброй Надежды моряками еще до колонизаціи страны, именно половины семнадцатаго столѣтія²⁾.

Около бухты Алъгоа растительность на приморскомъ склонѣ постепенно меняетъ свой характеръ; капскіе виды исчезаютъ и замѣщаются растеніями, принадлежащими къ восточнымъ берегамъ Африки: изрѣдка только можно увидѣть кое-какіе папоротники; не болѣе представлены также и гераніумы²⁾. Здѣсь начинается уже береговая полоса Индійскаго океана, климатъ котораго теплѣе и влажнѣе климата атлантическихъ береговъ. Нѣкоторые тропическіе виды, каковы кипрейныя растенія, видныются вполнѣ до склоновъ горъ въ бассейнахъ рѣкъ Great Fish-river и Great Kei. Страна все болѣе и болѣе становится зеленѣющею съ удаленіемъ берега въ направленіи къ сѣверо-востоку, къ Кафраріи и Наталю. Растенія дѣлаются объемистѣе, вѣтвистѣе, и большинство ихъ отличаются блескомъ листьевъ и богатствомъ цвѣтовъ: въ Наталѣ цвѣты есть въ каждое время года. Два пальмовыхъ дере-

¹⁾ Harry Bolus, „Sketch of the Flora of South Africa“.

²⁾ Armitage; —Khapman, „Travels into the interior of South Africa“.

¹⁾ Heinrich Lichtenstein, „Reisen im Sdlichen Afrika“.

ва: *phoenix reclinata* и одинъ видъ *hyphaene*, корни которой обдѣлываются какъ растительная слоновая кость, тамъ и сямъ прямѣшаются къ чащамъ много-цвѣтистыхъ деревьевъ. Великолѣпная *zamia cycadifolia* выдвигаетъ кверху свои загибающіеся листья, которые походятъ на перья страуса: такимъ образомъ, хотя данная область и находятся очень далеко отъ тропиковъ, но флора ихъ уже не походить на флору умѣренного пояса.

По ту сторону приморскихъ горъ, тамъ, гдѣ начинаются бесплодныя плоскогорія, рѣдко орошаляемыя дождями, наружный видъ растительности внезапно мѣняется; начинается ботаническая область пустыни Кару. Будучи хорошо ограничена со стороны юга и юго-востока, она уже менѣе рѣзко отдѣляется на западѣ и съверо-западѣ по направлению къ плоскогорію племени нама-куа, а также и на съверѣ по направлению къ тѣмъ пустынямъ, по которымъ протекаетъ Оранжевая река. Область Кару не имѣть другихъ деревьевъ и кустарниковъ, кромѣ одного вида акаціи, *dornbush*, т. е. «колючаго дерева» голландскихъ колонистовъ (*acacia horrida*); въ видѣ шпалернаго растенія, эта акація растетъ по крутымъ или высокимъ берегамъ уади. Ни верески, ни многія другія семейства, характеристичныя для Капской флоры, не проникли въ Кару; бобовый растенія тамъ весьма рѣдки; но варварійское фиговое дерево, завладѣвъ полями Кала, завоевываетъ также высокія земли и на съверѣ: тщетно пытаются искоренять его вокругъ нѣкоторыхъ фермъ. Область эта весьма богата колючими видами, которые всѣ можно было бы назвать по имени одного изъ нихъ: *wait-a-bit*, т. е. «подожди немногого» (*acacia dotinens*), такъ какъ путешественникъ часто раздираетъ свои одежды объ ихъ колючки. Капская растенія—которымъ, благодаря сочности своихъ корней, стеблей или листьевъ, удалось приспособиться въ области Кару къ суности климата—представляютъ приблизительно третью флору. Обыкновенно наружный видъ равнинъ и господствующихъ надъ ними холмовъ—однообразно сѣрый, но послѣ дождей природа внезапно хорошѣеть: повсюду распускаются цвѣты, земля становится желтою, пурпуровою, голубою и испещряется до безконечности; впрочемъ, эта ласкающая взоръ декорація сохраняется не долго, и вскорѣ растительность принимаетъ свои пепельные цвѣта. Многочисленны растенія односѣмянодольныя, но они, однако, не цвѣтутъ по цѣлымъ годамъ, такъ какъ для ихъ расцвѣта необходимы уже вполнѣ благопріятныя условія въ отношеніи влажности, тепла и свѣта.

Къ съверу отъ горъ, которыя ограничиваютъ Кару и флора которыхъ замѣчательно богата сложноцвѣтными,—растенія эти составляютъ четвертую часть туземныхъ видовъ,—прости-

рается поясь саваннъ и пустынь, вообще называемый поясомъ Калахари, хотя она начинается по сю сторону пустынь этого имени, къ югу отъ Оранжевой реки. При этомъ, тѣ пространства Калахари, которыя плодородны, имѣютъ видъ саванны, покрытой высокими, растущими въ видѣ пучковъ, травами, а также кое-гдѣ усыпанной деревцами. Съверная полоса Калахари занята рѣдкими лѣсами, деревья которыхъ почти всѣ состоять изъ аз-пій, вооруженныхъ страшными иглами. Среди песковъ произрастаютъ нѣкоторыя съѣдообразныя растенія, позволяющія путешественникамъ отваживаться на переѣзды чрезъ пустыню; таковъ бушменскій картофель, клубень которого нѣсколько горекъ на вкусъ, но оставляетъ послѣ себѣ пріятное ощущеніе во рту, а широкіе, зеленые, испещренные темными пятнами, листья переполнены водою; также весьма цѣнится тугемцами одинъ видъ лука, съ бѣлыми цвѣтками, доставляющій калахарскимъ обезьянамъ ихъ главную пищу; но главный ресурсъ для людей и животныхъ составляетъ *nara* или *sama* (*acanthosicyos horrida*), также называемая *дикою дынено*; это—тыквенное растеніе, действительно похожее на садовыя дыни и содержащее одновременно вкусную мякоть и освѣжающій сокъ; плодъ этотъ можно сберечь въ пескѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Такая дыня произрастаетъ также въ странѣ племени нама-куа и на плоскогоріяхъ, обитаемыхъ племенемъ хереро. Незамѣтные переходы связываютъ флору Калахари съ флорами: Анголы—на съверо-западѣ, равнинъ верхняго течения Замбезе—на съверѣ, и верхняго бассейна Лимпопо—на востокѣ. Горы же Магали, надъ Преторіей, можно рассматривать какъ границу, отдѣляющую область растительности Калахари отъ области склона къ Индійскому морю.

Что касается животныхъ, то, въ противоположность богатству собственными растительными формами, Капская область не обладаетъ аборигенными животными: по своей фаунѣ она лишь простое продолженіе тропической Африки. Столъ рѣзкую противоположность между флорою и фауною можно встрѣтить только въ Тибетѣ, гдѣ почти не существуетъ эндемической флоры, но откуда вышло столько животныхъ видовъ. Однако, если Южная Африка весьма бѣдна своими собственными животными типами, то она была недавно,—и есть еще донынѣ къ съверу отъ Оранжевой реки,—удивительно богатой особями видовъ, прибывшихъ съ сѣвера; еще въ началѣ этого вѣка съверные области колоніи заслуживали наименование «Охотничьяго парка Земли»; никогда не встречали большихъ млекопитающихъ въ такомъ поразительномъ множествѣ; стада антилопъ можно было сравнивать «съ тучами саранчи»¹⁾.

¹⁾ Delegorgue;—Gordon Cumming, „A Hunter's Life in South Africa“.

Охотничьи сочинения составляют даже большую часть литературы о Капской земле. Однако, каждое преуспѣваніе въ заселеніи края влекло за собою отодвиганіе къ сѣверу прежнихъ обитателей страны, какъ людей, такъ и животныхъ; уже *непопотамъ*, останки которого найдены въ намывныхъ земляхъ Каледона¹), съ незапамятной эпохи пересталъ жить въ бассейнѣ верхняго теченія Оранжевой рѣки. Одновременно съ бушменомъ, съ морскаго побережья удалились слоны, носороги, бизоны, антилопы, обезьяны и страусы. Скоро уже два вѣка, какъ въ округѣ города Кэптауна не видно этихъ животныхъ; нынѣ дикая фауна отброшена по ту сторону горъ и даже за Оранжевую рѣку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отсталыхъ животныхъ, каковы: павань и гіена, шакаль и дикая собака, которая превратились въ сотрапезниковъ человѣка, бродя вокругъ фермъ и овечьихъ загоновъ. Сельские жители называютъ всѣхъ этихъ хищниковъ вообще «волкомъ». Говорятъ, будто сторожевые собаки превосходно сознаютъ свое родство съ дикими собаками, и, даже будучи спущены на послѣднихъ, онѣ уклоняются отъ схватки, или боятся нападать на нихъ. Леопарды, хотя на нихъ и устраиваютъ облавы, все еще тамъ и сямъ скрываются въ густыхъ чащахъ овраговъ, даже по близости Кэптауна. Это самые опасные хищники въ Южной Африкѣ: ихъ страшатся даже болѣе, чѣмъ львовъ.

Эти послѣдніе нѣкогда были настолько многочисленны по сосѣдству съ Кэптауномъ, что, по словамъ старинныхъ хроникъ, первые голландскіе поселенцы опасались, какъ бы въ одну прекрасную ночь львы «не взяли приступомъ форта». Нынѣ въ предѣлахъ колонизованной области ихъ уже нѣть; однако, къ югу отъ Оранжевой рѣки, на высокихъ равнинахъ области бушменовъ, путешественники еще встрѣчаютъ льва. Впрочемъ, это уже не «царь» пустыни, страшный ревъ которого заставлялъ трепетать человѣка и животныхъ. Сдѣлавшись болѣе робкимъ и лукавымъ, онѣ уже не стремится пугать своимъ ужаснымъ голосомъ, а старается захватить свою жертву втихомолку: охотники единогласно свидѣтельствуютъ, что, вблизи дорогъ и жилищъ, левъ нынѣ превратился въ животное молчаливое.

Тогда какъ крупные хищные звѣри удалились на окраины пустыни, слоны и буйволы, оставившіе въ географическихъ наименованіяхъ колоній столько свидѣтельствъ своего прежняго пребыванія, избрали своимъ послѣднимъ убѣжищемъ, въ области морскаго побережья, густые лѣса Кийсны, окаймляющіе бухту Плеттенбергъ и нѣкоторыя чащи, сосѣднія съ Снѣговыми горами: въ этихъ энклавахъ запрещено охотиться на нихъ. На островѣ Цейлонѣ, гдѣ

для слоновъ имѣется въ изобиліи и вода, и пища, бивнями снабжено только небольшое число этихъ животныхъ, тогда какъ въ Южной Африкѣ бивни есть у всѣхъ слоновъ, и они ими пользуются, какъ для того, чтобы разрывать песокъ безводного ложа ручьевъ до подземного слоя воды¹), такъ и для того, чтобы сдирать со стеблей акацій и другихъ деревьевъ кору, которую они затѣмъ медленно и пережевываютъ. Что касается носороговъ, которыхъ существовало и, можетъ-быть, существуетъ еще въ Южной Африкѣ четыре отличныхъ другъ отъ друга вида, то къ югу отъ Оранжевой рѣки они болѣе не водятся. Гиппопотамы лучше изѣжали преслѣдованія человѣка: ихъ еще встрѣчаютъ въ водахъ нижняго теченія Гарипа и, вмѣстѣ съ крокодилами, въ рѣкахъ Кафрапіи и страны зулусовъ; въ половинѣ текущаго вѣка, нѣсколько представителей этой старой фауны еще рѣзвились въ водахъ Great Fish - river. Жирафъ, зебра, квагга, буйволъ, гну и большая часть двадцати семи видовъ антилопъ, нѣкогда жившихъ въ колонизованной нынѣ части Южной Африки, откочевали въ сѣверныя области, въ Калахари, страну племени нама-куа и Трансвааль. Грациозная кама (*dorcus*), самая красивая изъ антилопъ, называемая бурами «лосемъ» куду (*strepsiceros*), черная антилопа и большая часть ихъ сородичей уже не встрѣчаются къ югу отъ Оранжевой рѣки. Страусъ сохранился въ дикомъ состояніи въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ колоніи и въ Калахари; по Andersson'у, существуетъ два различныхъ вида этой птицы - великана, которые оба отличаются отъ мавританского страуса. Изъ другихъ птицъ Капской земли, естествоиспытатели въ особенности описали *philhetaerus*'а, или республиканца, колоніи которого обитаютъ въ громадныхъ гнѣздахъ, защищенныхъ нѣкоторымъ подобиемъ крыши, и секретаря или змѣяда (*serpentarius reptilivorus*), который, схвативъ змѣю, умерщвляетъ ее или ударами крыльевъ, или подбрасывая кверху, вслѣдствіе чего у змѣи, при паденіи на землю, переламываются позвонки; охотиться запрещено также и за эту птицею. Миръ пресмыкающихся имѣетъ многочисленныхъ представителей, въ числѣ которыхъ есть ядовитыя змѣи: кобра, змѣя-подвязка, змѣя-галстукъ и страшная гадюка (*ruff-adder*), которая, къ счастью для прохожихъ, движется медленно. Приморскія бухты также населены многими видами электрическаго ската и рыбъ, опасныхъ своимъ отравленнымъ остроконечіемъ рыла или своимъ ядовитымъ мясомъ.

Болѣе половины туземныхъ жителей Южной Африки, къ югу отъ рѣкъ Кунэнѣ и Замбезе,

¹) Christol, „Afrique explorée et civilisée“. 1884.

¹) Alexander, „An Expedition of Discovery into the interior of Africa“.

принадлежить къ большой семье банту. Вообще можно сказать, что линия, проведенная с юга на север чрезъ бухту Альгоа, служить западною границею для народовъ банту, отдѣляя ихъ отъ проживающихъ на атлантическомъ побережье готтенготовъ. Восточные склоны горъ, долины верхняго течения Оранжевой рѣки, Наталь и весь бассейнъ рѣки Лимпопо составляютъ часть той обширной этнической области «Людей» по преимуществу, которая занимаетъ въ Африкѣ южную тропическую полосу и простирается даже по ту сторону экватора, вплоть до Камерунскаго залива. Подобно тому, какъ растительные виды экваториальныхъ областей постепенно завоевывали морское побережье, будучи увлекаемы, такъ сказать, теплымъ береговымъ течениемъ, которое переносило ихъ съ пляжа на пляжъ, подобно тому, какъ сѣверная животная расширилась вдоль Индійскаго океана вплоть до южной оконечности Африки,—такъ точно и пришедшія съ сѣвера побѣдоносныя племена банту продолжали свои завоеванія отъ берега до берега до тѣхъ поръ, пока не очутились въ виду океана, простирающагося вдали, къ области антарктическихъ льдовъ.

Банту англійскихъ и голландскихъ владѣй въ Африкѣ извѣстны подъ именемъ кафръ, которое дано имъ португальцами во время открытія страны и есть не что иное, какъ название «кафиръ», прилагаемое арабами ко всѣмъ «невѣрнымъ» Африки, т. е. къ язычникамъ и не-мусульманамъ. Впрочемъ, это родовое наименование потеряло столь обширное значеніе, и его стали примѣнять лишь къ банту Южной Африки, а въ частности къ различнымъ туземнымъ племенамъ той области, которая заключается между Капскою колоніею и Наталемъ. Ихъ братья по расѣ, живущіе сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Тугела и вплоть до португальскихъ владѣй, болѣе извѣстны, съ начала текущаго столѣтія, подъ именемъ зулусовъ. Жителей того гористаго плоскогорія, на которомъ зарождаются рѣки Оранжевая и Каледонъ, называютъ ба-сuto; племя ба-чуана занимаетъ край, простирающійся къ западу отъ Баала, а племя ба-калахари кочуетъ по пескамъ, саваннамъ и лѣсамъ той страны, отъ которой оно восприняло свое наименование. Другія, менѣе значительныя группы племенъ, населяющія различныя государства или округи восточной территоріи, различаются другъ отъ друга степенью цивилизации, нравами и политическимъ строемъ, но все онѣ сохранили нариція корня банту, столь гармоничныя и столь логическія по своей конструкції, что даже самый малый ребенокъ не можетъ ошибиться, говоря на этихъ языкахъ¹⁾.

Западная часть Капской колоніи, на склонѣ

къ Атлантическому и Южному океанамъ, вплоть до бухты Альгоа, первоначально принадлежала расѣ санъ, слабые остатки которой извѣстны европейцамъ подъ именемъ *bosjettapen* или бушменовъ (*boesman* на мѣстномъ говорѣ буровъ); наименование это означаетъ не столько «людей кустовъ», сколько низшихъ существъ, полу-людей по формѣ, но скотоподобныхъ по природѣ²⁾; впрочемъ, слово башиманъ у племени ба-сuto значитъ: «необразованный, презрѣнійный»²⁾. Такъ называются не только бушменовъ по расѣ, но также людей бродачихъ, грабителей и бѣглецовъ, какого бы они ни были происхожденія: саны, готентоты или даже и кафры. Истинные саны—которымъ самимъ не извѣстно какое-либо ихъ общее наименование и которые вовсе не сознаютъ единства своей расы—суть, по крайней мѣрѣ въ южной части ихъ этнической области, люди низкаго роста, съ относительно свѣтлой кожей, похожие на всѣхъ другихъ «пигмеевъ» Центральной Африки: акка, ба-туа, а-куа, или а-бонго, разсѣянныхъ мелкими племенами между населеніями негритинскими или бантускими вплоть до бассейна Нила. По мнѣнію многихъ антропологовъ, эти разсѣянные различные народы происходятъ отъ первыхъ обладателей Африки; завоеватели—предки тѣхъ населеній, которыхъ, въ свою очередь, стали обладателями страны—постепенно истребили или оттеснили ихъ въ лѣса, въ горныхъ ущелья и пустыни; но преимущества древности происхожденія сановъ признаютъ, однако, и сами побѣдители: такъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда другие южно-африканцы принимаютъ сановъ въ сотоварищи по охотѣ, они всегда удѣляютъ имъ часть дичи болѣе значительную, чѣмъ доля своихъ собственныхъ начальниковъ, повидимому, считая эту привилегію принадлежащею по праву первоначальнымъ собственникамъ африканской земли. Въ бушменахъ видѣли «остатки человѣческаго рода, предшествовавшаго нынѣшнему человѣчеству». Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство авторовъ, писавшихъ о санахъ, подъ влияниемъ предразсудковъ расы и нравовъ видѣли въ этихъ несчастныхъ, гонимыхъ туземцахъ существа болѣе непохожія на остальныхъ людей, чѣмъ они есть въ действительности. Между ними ожесточенными врагами колонисты—буры заходили такъ далеко, что даже отрицали существование у бушменовъ членораздѣльной рѣчи.

Измѣнія, произведенныя вѣкоторыми учеными, не настолько еще многочисленны, чтобы можно было узнать средній ростъ бушменовъ; къ тому же индивидами для этихъ измѣнений

¹⁾ G. Fritsch, „Die Eingeborenen SÃd-Afrikas at their graphic und anatomisch beschrieben;—Drei Jahre in SÃd-Africa“.

²⁾ Eugène Casalis, „Les Bassontos“.

служили почти лишь одни обитатели юго-западной области, въ которой иностранныхъ колонистовъ больше всего и въ которой аборигенная раса живеть въ самыхъ несчастныхъ условіяхъ, на - подобіе преслѣдуемой лѣсной дичи. Возможно, поэтому, задать себѣ такой вопросъ: не могли ли повліять на уменьшеніе нормального роста сановъ въ этихъ краяхъ родъ ихъ жизни, зимніе холода и въ особенности отсутствіе достаточной пищи? Вѣдь, въ пустынѣ Калахари, на границахъ края плѣмени бе-чуана, около озера Нгами и на окружающихъ его солончакахъ, въ бассейнѣ р. Замбезе, наконецъ, на плоскогоріяхъ, занятыхъ племенами нама-куа и хереро, гдѣ многія колѣна бушменовъ или ба-роа живуть въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и племена другихъ расъ, вовсе не замѣчаютъ этой разницы въ ростѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ саны даже превосходятъ другихъ какъ своею ростомъ, такъ и силою и ловкостью¹⁾. «Самые красивые люди», которыхъ видѣлъ миссіонеръ Mackenzie во всей Южной Африкѣ, были маденессана, живущіе на востокѣ отъ Нгами; но эти туземцы—которыхъ по ихъ чертамъ, языку, образу жизни и обычаямъ признавали за бушменовъ—въ дѣйствительности были, будто бы, по словамъ Holub'a, бѣ-чуанами, перенѣшавшими свою кровь съ кровью негровъ изъ-за р. Замбезе. Какъ бы то ни было, невзрачная наружность южныхъ бушменовъ отчасти могла бы быть объяснена условіями той убогой жизни, на которую они себя обрекли, чтобы оставаться свободными. Тѣ же изъ нихъ, которые жили въ довольствіи въ независимомъ состояніи, или которые, закрѣпостясь у кафровъ или готтентотовъ, могли быть досыта, имѣть и потомковъ съ нормальными размѣрами²⁾; «нама-куа, говорить Гольтонъ, это—измѣльчавшіе бушмены», а нама-куа, вѣдь, самые рослые изъ готтентотовъ. Но что касается южныхъ бушменовъ, нѣсколько жалкихъ представителей которыхъ бродятъ еще къ югу отъ Гарипа, то, конечно, они составляютъ одну изъ наиболѣе малорослыхъ расъ на землѣ: на основаніи десяти измѣреній, произведенныхъ Fritsch'емъ, средній ростъ ихъ немногимъ больше 144 сантиметровъ; и это ростъ самый большой, такъ какъ цифры другихъ ученыхъ еще меньше; напр., по опредѣленіямъ Vigchel'a и Lichtensteina, онъ равняется всего лишь 122 сантиметрамъ. Такимъ образомъ, если принимать въ разсчетъ даже самыя благопріятныя измѣренія, все-таки оказалось бы, что бушмены Гарипа на шесть сантиметровъ ниже лопарей. Желтоватый цвѣтъ кожи бушменовъ, особенно въ южныхъ областяхъ, наи-

болѣе удаленныхъ отъ экватора, напоминаетъ окраску страдающихъ желтухой европейцевъ, или здоровыхъ монголовъ¹; да саны и во многихъ другихъ отношеніяхъ походить на этихъ жителей азіатскихъ плоскогорій: подобно имъ, они отличаются малостью блестящихъ глазъ, шириной и выпуклостью скулъ, очертаніемъ рта и подбородка, бѣлизною и правильностью зубовъ. Между лбомъ и корнемъ носа впадина у бушмена всегда широка и глубока, такъ что, въ общемъ, профиль представляеть скорѣе линію вогнутую, чѣмъ выдающуюся. Лобъ, вмѣсто того, чтобы какъ у монголовъ подаваться кзади, выпуклъ вверху, а черепъ, покрытый бугорками, величиной «съ перечное зерно»,—очень продолговатый (73°,03'); что же касается вмѣстимости черепа, то, сравнительно, она, говорятъ, очень мала (1.220 куб. сантиметровъ); однако, физіономія у бушменовъ далеко не лишена ума; напротивъ, она свидѣтельствуетъ о замѣчательной проницательности, и, конечно, умъ у сановъ долженъ постоянно бодрствовать для того, чтобы они могли успѣшно приспособляться къ средѣ и успѣшно бороться съ нуждой, стихіями и врагами. Одною изъ отличительныхъ чертъ южныхъ сановъ, даже молодыхъ, является множественность морщинъ: кожа лица и тѣла, слишкомъ широкая для прикрытия исхудалаго индивида, образуетъ тысячи складокъ; зато, съ улучшеніемъ питанія и образованіемъ жира, она быстро растягивается. Наконецъ, известно, что бушмены, п въ особенности женщины, даже и въ дѣствѣ, весьма склонны къ стеатопигії (ожирѣнію сѣдалища).

Языкъ сановъ не единицъ среди африканскихъ нарѣчій; онъ сходенъ съ говоромъ готтентотовъ и, очевидно, происходитъ отъ одного съ нимъ корня, хотя нынѣ значительно отличается отъ готтентотскаго въ синтаксическомъ отношеніи; корни именъ существительныхъ одни и тѣ же въ обоихъ языкахъ, а образование новыхъ словъ совершаются при посредствѣ суффиксовъ: неоконченный словарь Bleck'a долженъ быть содержать одиннадцать тысячъ словъ. Это богатство запаса словъ, въ связи съ родствомъ между языками сановъ и хойнъ-хойновъ, служить указаніемъ, что въ племени санъ должно скорѣе видѣть націю, хотя уже и лишившуюся своей мощи, но все-таки принадлежащую къ одному и тому же корню съ своими соѣдѣями, чѣмъ представителей какой-то расы, почти отличной отъ остального человѣчества. Подобно южнымъ готтентотамъ и кафрамъ, въ говорѣ у бушменовъ есть специальная согласная, «clics» или прищелкиванія, воспроизвести которыхъ европейцу весьма трудно и которая, однако, въ

¹⁾ Alexander, „Expedition of Discovery into the interior of Africa“.

²⁾ John Mackenzie, „Ten years North of the Orange-river“.

¹⁾ Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

меньшей степени встречаются также и въ языкахъ другихъ языкахъ. У некоторыхъ колынъ сановъ такихъ звуковъ счетомъ до восьми; но только четыре изъ нихъ считаются фундаментальными: щелканіе зубное, звукъ котораго напоминаетъ такъ называемое «*baiser de pourrice*»; прищелкиваніе небное, напоминающее ударъ клюва дятла по стволу дерева; прищелкиваніе церебральное, похожее на шумъ вылетающей пробки, и прищелкиваніе боковое, которое, если и можно сравнивать съ чѣмъ-нибудь, то, по Th. Hahn'у, «развѣ съ крикомъ утки или гуси». Впрочемъ, эти прищелкиванія, такъ сказать, присущи данной территории, такъ какъ ихъ встречаются не только въ языкахъ бушменовъ и готтентотовъ, но также въ языкахъ южныхъ кафровъ, за исключениемъ говоровъ: *se-tlapu* (языкъ племени ба-тляпи) и *se-rolong* (языкъ племени ба-ролонгъ¹⁾); присоединяютъ эти причудливые согласные къ некоторымъ словамъ своего собственного языка также и буры²⁾. Азбуки, введенныя миссионерами, изображаютъ эти прищелкиванія восклицательными знаками, крестами и нотными черточками. Такимъ образомъ, какъ и въ китайскомъ языке, слова въ языкахъ сановъ и хойнъ-хойновъ имѣютъ различныя значенія, смотря по тому, болѣе или менѣе высокъ тонъ, которымъ они произносятся³⁾.

Кочевая жизнь сановъ не позволяетъ имъ, конечно, заниматься какою-либо промышленностью. Въ округахъ, гдѣ не завелись еще ружья, они пользуются луками и отравленными стрѣлами съ наконечниками изъ желѣза, заостренныхъ камней, стекла и осколковъ кремня. Саны прикрываютъ свое тѣло недостаточно; богатые между ними ограничиваются овчиною, называющейся *kaross*; но всѣ они любятъ украшать тѣло и лицо ожерельями изъ косточекъ, стрѣль и страусовыхъ перьевъ; у племени калахари въ перегородку носа вставляются палочки. Большинство сановъ не имѣютъ хижинъ: живутъ они въ пещерахъ или ямахъ, вырытыхъ животными; ночи проводятъ въ тепломъ пеплѣ отъ костра, а отъ вѣтра защищаются рогожами, растянутыми на колыньяхъ. Впрочемъ, такая полная приключеній жизнь развиваетъ у нихъ особенную смѣтливость и тѣ, изъ нихъ, которые были пленены въ молодости и затѣмъ одомашнились, легко научаются всему, что имъ показываютъ; они становятся умѣлыми рыбаками и незамѣнимыми пастухами; но сколько разъ они покидали тѣ цивилизованныя жилища, въ которыхъ у нихъ была по крайней мѣрѣ въ доро-

¹⁾ Coillard, „Bulletin de la Société languedocienne de Géographie“^a, 1885.

²⁾ R. N. Cust, упом. соч.

³⁾ W. Bleck, „A Comparative Grammar of South African Languages“.

статкѣ пещера, и все для того, чтобы возвратить себѣ дикую независимость, отдаться снова превратностямъ судьбы и нищенству! Впрочемъ, въ какой бы нуждѣ они ни оказывались, у нихъ все-таки обнаруживается болѣе живучести, чѣмъ у ихъ сосѣдей: они находятъ возможность предаваться танцамъ, пѣнию и импровизаціи; они даже и художники, такъ какъ на камняхъ ихъ пещерь во многихъ мѣстностяхъ находили нарисованные красной охрой или даже и разными цветами изображенія животныхъ, охотничихъ сценъ, сраженій и схватокъ съ ненавистными бурами. Такимъ образомъ жизнь этихъ бушменовъ—которыхъ до недавняго времія всякий, кафръ или готтевтотъ, голландецъ или англичанинъ, считалъ въ правѣ убивать, какъ дикихъ животныхъ,—не протекаетъ безъ идеала. Сокровищница ихъ басенъ, сказокъ и мифовъ такъ богата, что удивляетъ изслѣдователей¹⁾. Разсѣянные отдаленными группами, безъ всякой національной связи, они, тѣмъ не менѣе, питаютъ симпатію другъ къ другу и, при случаѣ, оказываются одинъ другому услуги; послѣ общихъ охотъ не возникаетъ никакихъ споровъ при дѣлѣ добычи, хотя ни одинъ начальникъ и не главенствуетъ при этомъ. Не существуетъ ни политической, ни соціальной организаціи, нѣтъ также и правильнаго семейства, а между тѣмъ чувства естественнаго влеченія все-таки весьма сильны. Прежде, когда хотѣли овладѣть бушменкою, стоило только украдь ея ребенка: мать уже всегда, сама собою, являлась для разделенія судьбы маленькаго пѣнника.

Если бы судить по бушменамъ «колоніи» къ югу отъ Оранжевой реки, то можно было бы сказать, что ихъ раса должна вскорѣ исчезнуть, такъ какъ въ предѣлахъ этой колоніи за ними охотились все равно, какъ за дикими звѣремъ, и большая часть изъ тѣхъ, которыхъ еще не истребили, спаслась бѣгствомъ въ сѣверные пустыни. Sparrmann разсказываетъ, что переселенцы подманивали бушменовъ, оставляя въ кустахъ переднюю или заднюю часть убитой скотины, и не щадили ни беременныхъ женщинъ, ни грудныхъ младенцевъ, если не находили нужнымъ увеличивать ими числа своихъ рабовъ. Гдѣ бы ни завидѣлъ бѣлый бушмена, онъ тотчасъ стрѣлялъ по нему и пускалъ въ погоню верхомъ и съ собаками²⁾. Самая доблѣсть сановъ часто сулила имъ гибель, такъ какъ не было примѣра, чтобы они покидали мертвыхъ или раненыхъ: оставаясь же около павшихъ, они позволяли убивать также и себя. Къ сѣверу отъ Оранжевой реки, на границахъ голландскихъ республикъ и бѣ-чанскихъ мѣстностей, за бушменами также охотились; но въ Калахари и сѣвериѣ, по направленію къ Зам-

¹⁾ W. Bleck, „A brief Account of Bushman Folk-lore“.

²⁾ „Voyage du Cap de Bonne Espérance“.

безе, многія изъ оставшихся свободными ихъ колѣнъ, повидимому, не уменьшились въ числѣ. Въ областяхъ племень хереро и намакуа, бушменовъ приблизительно насчитываютъ отъ четырехъ до пяти тысячъ; число же всѣхъ ихъ соплеменниковъ въ Южной Африкѣ, вѣроятно, вдесятеро больше.

Готтентоты—которые ко времени прибытия европейцевъ занимали почти всю западную часть «нынѣшней колоніи»—еще довольно многочисленны и, не считая метисовъ, составляютъ седьмую часть населенія. Ихъ имя, повидимому, есть не что иное, какъ обидная кличка, данная имъ голландскими и фрисландскими поселянами, такъ какъ приблизительно оно означаетъ: «бормотунъ, лепетунъ», и возникло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе страннаго выговора готтентотовъ¹). Въ обыденной же рѣчи полное ихъ наименование сократилось и превратилось въ «тоты». Самыи они не имѣютъ общаго имени для обозначенія всей своей расы, но слово *хойнъ* (*khoin*), т. е. «люди», встрѣчающееся во многихъ наименованіяхъ ихъ колѣнъ, было распространено и на всю ихъ націю: нынѣ готтентоты, такимъ образомъ, называются *хойхойнами*, т. е. «людьми изъ людей».

Будучи значительно выше ростомъ, чѣмъ южные бушмѣны, и отличаясь отъ нихъ болѣе цивилизованнымъ образомъ жизни, готтентоты сходны въ другихъ отношеніяхъ съ бушменами: у нихъ тотъ же оттѣнокъ кожи, та же долихоcefалическая форма черепа; у ихъ женщинъ такая же наклонность, и даже, можетъ-быть, въ еще большей степени, къ стеатопигии; нѣкогда они пользовались на охотѣ и въ сраженіяхъ такими же отравленными стрѣлами и точно такими же, какъ у бушменовъ, лукомъ; у нихъ одни и тѣ же музикальные инструменты; одинакимъ образомъ оба эти племени расписываютъ свое тѣло и украшаютъ его бездѣлушками; наконецъ, и языки, на которомъ говорить между собой тѣ изъ нихъ, у которыхъ обычной рѣчью не сдѣлался еще англійскій или голландскій діалектъ, очевидно, происходить отъ одного и того же корня, какъ и языки сановъ; только онъ гораздо богаче, гибче и менѣе варварскій по своимъ звукамъ и формамъ. Въ этомъ языке—три числа и три рода; при посредствѣ же агглютинаціи его односложныхъ корней, на немъ можно выражать какъ отвлеченные идеи, такъ и различные оттѣнки чувства и мысли. Тогда какъ у племенъ банту слова образуются при помощи мѣстоименныхъ приставокъ, у готтентотовъ частицы присоединяются всегда къ концу корней: ихъ языкъ, слѣдовательно, «суффиксо-прономинальный». Онъ подраздѣляется на большое число говоровъ, которые довольно схожи между собою, несмотря на отдаленность другъ отъ друга мѣсть

обитанія различныхъ колѣнъ этого этническаго семейства; говоры племени нама-куа, повидимому, наименѣе смѣшанные

Въ тѣхъ округахъ, где готтентоты и по языку, и по нравамъ не превратились въ простыхъ объевропѣвшихся пролетаріевъ, они живутъ въ такъ называемыхъ *as'ахъ*—*kraal'яхъ* на языкѣ голландскихъ переселенцевъ, отъ португальскаго *corral'*, т. е. «скотский паркъ»; это—группы полуширообразныхъ хижинъ, походящихъ издали на гробы, расположившіеся въ видѣ круга посреди прѣріи¹); самыя же хижины выстроены довольно плотно, для того, чтобы въ нихъ не могла проникать дождевая вода; однако, пользоваться ими можно только для укрытия отъ непогоды; стоять въ нихъ нельзя, такъ какъ обычна высота, на которой выводится крыша, не превышаетъ одного метра и тридцати сантиметровъ. Костюмъ для готтентотовъ служать: кожанный передникъ, нѣсколько больший и нѣсколько болѣе разукрашенный у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; затѣмъ плащъ изъ овчинъ, волосомъ наружу или внутрь, смотря по времени года; у богатыхъ, верхъ *«karrgos'a* бываетъ разукрашенъ вышивками и мѣхомъ. Обыкновенно готтентоты пытаются по преимуществу молокомъ и масломъ: мясо они ёдятъ только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; однако, рѣшившись убить своихъ животныхъ, они наѣдаются мясомъ до крайняго предѣла вмѣстимости ихъ желудка, и чтобы посодѣйствовать своему пищеваренію катаются по землѣ и растираютъ животъ. При своихъ экспедиціяхъ они носятъ мѣшечки, наполненные высушеннымъ мясомъ, превращеннымъ въ порошокъ. Готтентоты—страстные курильщики табаку или конопли (*dakha*), дымъ которыхъ они проглатываютъ; но иногда случается, что для того, чтобы наказать себя за проступокъ или для умилостивленія судьбы въ видахъ осуществления какого-нибудь изъ своихъ желаній, они на нѣкоторое время приговариваютъ себя къ воздержанию отъ наркотическихъ веществъ. Мясо зайца, свини и курицы считается ими нечистымъ.

О сверхчувственномъ мірѣ представлениія у готтентотовъ были въ прежнее время столь ничтожны, что путешественники, даже и не руководясь предвзятыми идеями, могли повторять, что у этихъ народовъ не существуетъ никакой религіи; однако, ихъ первый темпераментъ столь легко возбудимъ, что міссіонеры изъ методистовъ часто могли повергнуть ихъ въ религіозный экстазъ. По Bleck'у, тѣ готтентоты, которые пребываютъ въ язычествѣ даже и до сихъ поръ, признаютъ по крайней мѣрѣ двухъ высшихъ существъ, изъ которыхъ одно, быть-можетъ, представляетъ олицетвореніе луны²),

¹⁾ Th. Hahn;—R. N. Cust, упом. соч.

¹⁾ Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Sd-Africa“.

²⁾ Pierre Kolbe, „Description du Cap de Bonne-Espérance“.

такъ какъ оно периодически умираетъ и воскресаетъ. Амулеты, фетиши рѣдки у готтентотовъ, но все-таки существуютъ и большою частью относятся къ культу мертвыхъ; готтентоты приписываютъ большую власть своимъ предкамъ, какъ для дарованія благъ, такъ и для причиненія зла, и въ важныхъ обстоятельствахъ жизни взываютъ къ нимъ: наименование «Тсу-Гаобъ», употребляемое миссіонерами для перевода слова «Богъ», вѣроятно, прилагается готтентотами къ какому-нибудь герою древнихъ временъ¹). Погребенія совершаются съ большою торжественностью, и послѣ помѣщенія мертвца въ пещеру, при чемъ преимущество отдается логовищу дикобраза, надъ могилою складываютъ кучу камней. Поестественному высокимъ могильнымъ холмамъ, воздвигнутымъ надъ мѣстами погребенія, а также по обѣданнымъ камнямъ, употреблявшимся готтентотами, и узнаютъ объ ихъ пребываніи или проходѣ въ различныхъ областяхъ восточнаго склона, который въ наши дни населены иммигрантами изъ расы банту.

Каждое племя готтентотовъ имѣть своего главаря, по крайней мѣрѣ вѣнѣ англійскихъ владѣній и республикъ буровъ; впрочемъ, эти начальники не обладаютъ большою властью, и всѣ важныя дѣла обсуждаются въ совѣтѣ изъ всѣхъ членовъ племени, въ томъ числѣ юношей; часто даже голосъ юношей оказывается преобладающимъ. Но въ европейскихъ колоніяхъ всякое политическое группированіе готтентотовъ было расторгнуто. Такъ, въ Капской территоріи англійская администрація смѣстила послѣднаго начальника готтентотовъ въ 1810 году, замѣнивъ его судебнымъ чиновникомъ изъ европейцевъ²). Къ тому же, всѣ туземцы, подвластные европейцамъ, жили въ состояніи рабства: ихъ насильно забирали въ военную службу, заставляя розыскивать и преслѣдовать братьевъ своей же расы, или работать на постройкѣ мостовъ и дорогъ; признаніе за ними правъ свободныхъ людей было совершено англійскимъ правительствомъ только въ 1828 году, къ большому соблазну переселенцевъ, которые видѣли въ этомъ освобожденіи прѣрѣнныхъ желтыхъ покушеніе на ихъ наследственные привилегіи и обстоятельство, угрожающее разрушеніемъ колоніи. Многіе изъ переселенцевъ предпочли покинуть край, чѣмъ оставаться рядомъ съ прежними рабами, официально уравненными въ правахъ съ ними.

Но прежде, чѣмъ все это случилось, сколько, въ теченіе полутора вѣковаго сосѣдства съ бѣлыми, было уже истреблено готтентотскихъ племенъ и скорѣе оружіемъ, чѣмъ оспою³! Чтосталось съ племенемъ кора-на, которое

проживало на берегахъ Столовой бухты, когда первые европейскіе колонисты основались въ краѣ, а также и съ племенемъ грикуа, которое кочевало вблизи бухты Св. Елены? Многіе другіе народы, каковы: гаури, сантъ, ати, хайссе, сусси, дама, дунъ, ширигри тоже исчезли, оставивъ послѣ себя лишь названія, даннія рѣкамъ и горамъ. При этомъ, избавившіе готтентотовъ считали себя исполнителями великій рока, почти что судіями праведными, объявляя, что этимъ низшимъ расамъ суждено умереть, оставляя свое наслѣдство бѣлому человѣку. Да и понынѣ еще общераспространенное мнѣніе таково, что хойнъ-хойнъ находятся на пути къ быстрому исчезновенію; однако, статистика опровергаетъ эти предвыѣты идеи. Правда, число туземцевъ какъ будто уменьшается, но это только такъ кажется, потому, что число бѣлыхъ увеличивается въ гораздо болѣе быстрой пропорціи и въ особенности потому, что перемѣна въ нравахъ малопомалу вовлекаетъ туземцевъ въ кругъ притяженія бѣлыхъ, превращая ихъ въ слугъ и ремесленниковъ, уже одѣтыхъ по-европейски, говорящихъ на языкахъ переселенцевъ и приспособляющихся къ ихъ идеямъ, культу, предразсудкамъ и образу жизни. Кроме того большое число готтентотовъ, непокорившихся англійской цивилизациѣ, выселились, слѣдуя въ обратномъ направленіи по тому же самому пути, по которому шли ихъ отцы, когда они спустились съ сѣвера, по словамъ легенды, «несомые въ большомъ коробѣ». Въ краѣ на-ма-куа и вплоть до земли племени хереро, *oerlat*, т. е. готтентоты, вышедшие изъ «колоніи», часто достигали политического преобладанія, а по ту сторону рѣки Кунэнза они, въ сосѣдствѣ Гумпата, слѣдовали за эмиграціоннымъ движениемъ буровъ. Нынѣ, сгруппированными въ племена готтентоты остались лишь къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки; таковы племена: гау-хойнъ и на-ма-куа, гри-куа и кора-на. Готтентоты въ европейскихъ округахъ, хотя и смѣшились съ остальной массою населенія, тѣмъ не менѣе при народныхъ переписахъ считаются отдельно. Въ 1798 г. въ четырехъ округахъ, составлявшихъ тогда всю колонію: Капскомъ, Стелленбошкомъ, Свеллендамскомъ и Графъ-Рейнетскомъ, на населеніе въ 32 тысячи изъ считывалось 13 тысячъ готтентотовъ. Въ 1865 г., во всей колоніальной территоріи хойнъ-хойновъ было 81.600 человѣкъ; десять лѣтъ спустя ихъ насчитывалось уже 98.560. Правда, что большая часть изъ нихъ, будучи уже смѣшанной расы, являются готтентотами по происхожденію только отчасти, но кровь хойнъ-хойновъ встречается и у 86.540metisовъ, перечисленныхъ въ той же переписи. Готтентоты на западѣ по большей части составляютъ такъ называемыхъ *гона-куа*, т. е. пограничныхъ готтентотовъ, происходящихъ отъ смѣшанія съ

¹⁾ Th. Hahn;—Büttner и т. д.

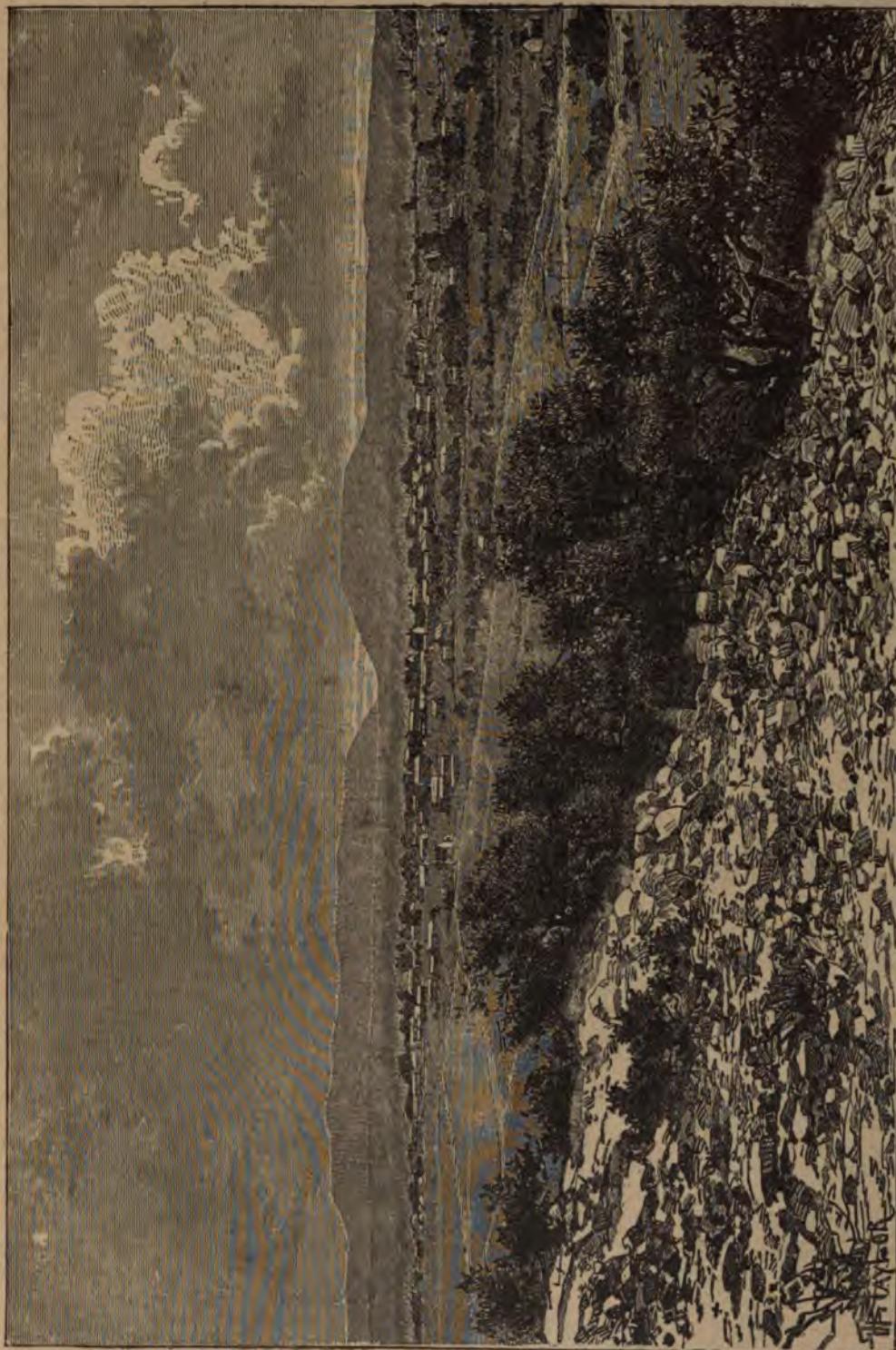
²⁾ Petermann's *Mittheilungen*, тетр. IV.

³⁾ Trunberg, „Travels“;—Napier, „Excursions in South Africa“.

кафрами¹⁾). Гри-куа, живущіе къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки съ начала текущаго столѣтія—

вое прозваніе они приимаютъ съ гордостью, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ ихъ родствѣ съ бѣлыми: говорять, они болѣе походять

Общий видъ Претории.

тотами были запрещены закономъ—по большей части называются «bastaards'ами», како-

на своихъ матерей — готтентотовъ, чѣмъ на отцовъ—европейцевъ.

¹⁾ Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

Нѣть другой страны въ Африкѣ, гдѣ хри-

стіанские місіонеры были бы болѣе дѣятельны и болѣе счастливы, чѣмъ въ Капской области. Моравскіе братя поселились между готтетотами въ 1836 году, и съ тѣхъ порь къ хойнъ-хойнамъ, санамъ и бѣ-чуанамъ сотнями посылаютъ своихъ представителей пятнадцать другихъ религіозныхъ обществъ. Исповѣдуютъ же христіанство уже около двухсотъ тысячъ туземцевъ въ Капской колоніи и приблизительно триста пятьдесятъ тысячъ въ тѣхъ областяхъ Африки, которыхъ граничать на сѣверѣ съ р. Замбезе¹⁾). Преобладаніе европейскаго элемента имѣло послѣдствіемъ увеличеніе разовыхъ смѣшаній и все возрастающее вступленіе метисовъ въ среду бѣлыхъ. Такимъ образомъ Капская колонія счастливо отличается отъ Тасманіи и британскихъ государствъ въ Австралии, въ которыхъ переселенцы дѣйствовали до сихъ порь путемъ истребленія туземцевъ. Здѣсь, т. е. въ Капской колоніи, туземная расы, будучи болѣе многочисленными и болѣе энергичными, умѣютъ и лучше защищаться, а, съ другой стороны, переселенцы, являясь въ край малыми группами, принадлежа къ націямъ, различнымъ по языку, происхожденію и нравамъ, не всегда принимались методически, подобно австралійскимъ англичанамъ, очищать мѣсто для себя. Мало-по-малу, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ своего господства они приспособились къ новой средѣ, привыкли терпѣть присутствіе прежнихъ владѣтелей земли и даже, въ извѣстной мѣрѣ, соединились съ ними въ одну новую націю, въ жилахъ которой смыкаются двѣ крови: европейская бѣлая и африканская желтая.

II. Капская колонія.

Официально Капская колонія занимаетъ нынѣ пространство слишкомъ въ два раза большее, въ сравненіи съ тѣмъ, которое ей принадлежало въ 1870 году; но въ своихъ прежніхъ границахъ она составляетъ географически цѣлое, имѣющее также и свою особую исторію. Занимая всю южную оконечность материка, эта территорія имѣеть своими естественными границами: море съ трехъ сторонъ и Оранжевую рѣку; на востокѣ она отдѣлена отъ страны Кафровъ небольшою рѣкою Тессъ, притокомъ Оранжевой рѣки, и рѣками Иандве и Гретъ-Кей, изливающимися въ Индійский океанъ. Поверхность Капской области превышаетъ площадь Франціи, но населена она въдвадцать разъ менѣе, хотя ежегодный приростъ жителей и значителенъ. Пространство собственно Капской колоніи: 746.333 кв. километровъ, населеніе (по исчислению въ концѣ 1896 г.):

1.821.551 чел.; среднее число жителей на 1 км.
километръ: 2,5.

Прошло болѣе полутора вѣка послѣ открытия мыса Доброй Надежды, а европейцы все еще не основывались на немъ окончательно. Моряки, правда, приставали къ нему, и вскорѣ же затѣмъ покидали его; въ 1620 году англичане завладѣли имъ именемъ короля Якова I, но ничего не сдѣлали для укрѣпленія за собой этого приобрѣтенія; временныхъ поселенцевъ, свободныхъ или ссылочныхъ, португальцевъ или англичанъ, сталъ получать также и небольшой островъ Тюленей, Robben-island, въ Столовой бухтѣ, который съ тѣхъ порь почти всегда и былъ мѣстомъ ссылки. Піонеры колонизаціи на южной оконечности материка появились лишь въ 1652 году. Первый губернаторъ, посланный «Голландской компаніею Восточныхъ Индій», Ванъ-Рибель, въ сопровожденіи своего семейства и сотни солдатъ, присталъ къ подошвѣ Столовой горы и началъ построеніе форта; первые бараки были сгруппированы на томъ мѣстѣ, где нынѣ возвышаются зданія Каптауна, и тутъ же стали разводить садики и воздѣлывать поля. Несмотря на большія затрудненія вначалѣ, Компаніи все-таки удалось достигнуть прѣслѣдуемой ею цѣли, состоявшей въ облегченіи снабженія провіантомъ голландскихъ судовъ во время пути ихъ въ Индію. Лагерь исподволь превратился въ колонію, а въ 1654 году изъ Амстердама стали посыпать туда дѣтёшекъ-сиротъ для того, чтобы земледѣльцы могли обзавестись семьями. Солдаты и матросы покидали службу, чтобы начать обработку почвы въ качествѣ свободныхъ *burgnеговъ*, подъ условіемъ продавать свои урожаи непосредственно Компаніи и не торговать съ готтетотами; мало-по-малу число ихъ увеличивалось, и нарождающейся городъ окружился деревнями и полями. Такъ какъ колонисты чувствовали себя еще слабыми для того, чтобы завладѣть землями безъ вознагражденія, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они ихъ покупали; впослѣдствіи же, достаточно усилившись, они стали просто отнимать земли у готтентотовъ, или же, завладѣвая землею, обращали въ рабовъ бывшихъ ея владѣльцевъ, заставляя ихъ работать на себя. Однако, туземцы, привыкшіе лишь къ пастьбы скота, а вовсе не къ обработкѣ почвы, не могли, конечно, пособить голландскимъ фермерамъ въ воздѣлываніи полей подъ зерновой хлѣбъ, въ обработкѣ виноградниковъ и апельсиновыхъ и помѣранцевыхъ рощъ; вслѣдствіе этого, въ 1658 году, на рейдѣ Капа прибылъ первый грузъ съ червокожими рабами, и вскорѣ затѣмъ на платаціяхъ число невольниковъ уже стало пре-восходить число свободныхъ людей. Послѣдствія же этого порядка вещей были и для Южной Африки тѣ же, какъ и для странъ

¹⁾ J. Car.yle, „South Africa and its Missionary Fields“.

тропическихъ: именно, на счетъ малоземельныхъ собственниковъ создались громадныя помѣстья, бѣлые привыкли считать трудъ безчестіемъ, переселеніе свободныхъ людей совершалось лишь медленно, и процвѣтаніе колоніи часто задерживалось вслѣдствіе недостатка инициативы и индустріи. Къ тому же ввозъ негровъ постепенно уменьшался въ теченіе XVIII-го столѣтія, и когда, наконецъ, въ 1834 году, совершилась отмѣна рабства, число подлежащихъ освобожденію людей не достигало даже и тридцати тысячъ. Впослѣдствіи эти освобожденные негры потерялись въ массѣ метисовъ.

Въ 1680 году, двадцать восемь лѣтъ спустя послѣ прибытія первыхъ осѣдлыхъ переселенцевъ, европейская колонія состояла изъ шести сотъ лицъ, включая сюда чиновниковъ и солдатъ, набиравшихся въ сѣверной Европѣ, отъ Фландріи до Даніи. Но вскорѣ къ этимъ переселенцамъ присоединился еще одинъ новый этническій элементъ. Французскіе протестанты, покинувшие свое отечество послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, и нѣкоторые піемонтцы изъ вальденскихъ долинъ обратились къ Голландской компаніи Восточныхъ Индій, которая и послала ихъ въ свои Капскія владѣнія. Въ числѣ приблизительно трехсотъ лицъ, считая женъ и дѣтей, они прибыли въ 1687 и 1688 годахъ въ колонію и были надѣлены землями въ долинахъ горъ, окружающихъ городъ. За ними послѣдовали и другіе: будучи въ большинствѣ случаевъ людьми энергичными, такъ какъ ради сохраненія своей вѣры они обрекли себя на изгнаніе и нищету,—французскіе гугеноты оказали большое вліяніе на развитіе колоніи, и имъ именно и обязано своимъ преуспѣяніемъ африканское виноградарство. Въ капскихъ лѣтописяхъ насчитывается девяносто пять фамилій французскихъ семействъ, изъ которыхъ одни исчезли, а другія были передѣланы на голландскій ладъ¹⁾; тысячи и тысячи буровъ любятъ вспоминать о своемъ происхожденіи отъ гугенотовъ, а на картѣ Южной Африки наименованія мѣстъ, напоминающія о переселеніи гугенотовъ, встрѣчаются на всемъ протяженіи отъ береговъ океана до береговъ Лимпопо. Относительно говоря, буры французскаго происхожденія возростали въ числѣ быстрѣ, чѣмъ другіе, такъ какъ они прибыли въ страну со своими семействами; напротивъ, большая часть голландцевъ, чиновниковъ или солдатъ, пріѣзжали холостыми и женились на мѣстныхъ женщинахъ: отъ нихъ-то по преимуществу и народились «bastaardsъ», т. е. метисы. Однако, французскіе переселенцы были не настолько многочисленны, чтобы могли сохранить родной

¹⁾ Changuion, „Geschiedenis der Franche Flugtelingen“; — G. Mac Call Theal, „Compendium of the History and Geography of South Africa“.

языкъ въ средѣ своихъ семействъ, когда, по распоряженію Компаніи, въ 1724 году, публичное употребленіе его было запрещено въ церквахъ и школахъ. Да-Кайлль, посѣтивъ колонію въ 1751 году, встрѣтилъ лишь небольшое число французовъ, которые еще говорили на языкѣ своихъ отцовъ; а Левальянъ въ 1780 году видѣлъ всего одного такого француза.

Мало-по-малу въ теченіе XVIII-го столѣтія, колонія распространялась на востокъ, по ту сторону горъ, наперекоръ Компаніи, по мнѣнію которой Капъ долженъ быть оставаться лишь пристанью и продовольственнымъ пунктомъ, и наперекоръ губернаторамъ, которые, ревнуя о своихъ прерогативахъ, желали, чтобы все колонисты были подчинены ихъ власти, подвергаясь правиламъ суровой дисциплины и нелѣпому этикету. Часто они издавали приказы, воспрещающіе фермерамъ выходить за предѣлы дарованныхъ имъ земель и проникать внутрь края, угрожая за это «тѣлеснымъ наказаніемъ или даже смертью, а также конфіскаціею ихъ собственности». Но на дѣлѣ эти приказы не могли быть осуществляемы, такъ какъ у губернаторовъ не было гарнизоновъ, укрѣпленныхъ мѣсть и даже опредѣленныхъ границъ въ странѣ готтентотовъ, и буры продолжали свои *trekken*, т. е. переселенія съ этапа на этапъ, вмѣстѣ съ семьями, невольниками и стадами. Это, продолжающееся и до нашихъ дней, медленное движеніе, увлекающее голландскихъ колонистовъ до земель по ту сторону р. Куунэ, стало неудержимымъ, и Капское правительство, вопреки своему желанію, должно было провозгласить присоединеніе обширныхъ территорій. Въ 1745 году, официально граница колоніи была рѣка Гамтоесъ; въ 1786 году ею была уже Groot-Visch-river (Great Fish-river), т. е. Большая Рыбная рѣка. Изъ края готтентотовъ граница была перенесена въ область Кафровъ, и болѣе многочисленнымъ и болѣе привыкшимъ къ военному дѣлу бурамъ приходилось уже состязаться съ болѣе сплоченными и болѣе опасными бандами.

Тѣмъ временемъ и англійское правительство приготовлялось къ захвату Капской колоніи, этой центральной пристани между морями, оказавшейся почти безусловно необходимой англичанамъ для обеспеченія своей собственной Ост-Індской компаніи окончательнаго завладѣнія Гангскимъ полуостровомъ. И, действительно, въ 1780 году англійскій флотъ отправился къ мысу Доброй Надежды, намѣреваясь захватить Капскую крѣпость и плѣнить ея гарнизонъ; однако у архипелага Зеленаго Мыса онъ неожиданно для себя встрѣтился съ французскою эскадрою, которую командовалъ Suffren; англичане были разбиты, и болѣе двухъ тысячъ французовъ высадилось въ Симонской бухтѣ для подкѣпленія своихъ

голландскихъ союзниковъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ случай былъ упущенъ. Но въ 1795 году онъ представился снова, когда французы овладѣли Голландіей и буры внутри страны объявили себя независимыми. Вновь англійскій флотъ отправился въ Капу, съ цѣлью восстановить тамъ порядокъ именемъ принца Оранского и занять колонію именемъ короля Великобританіи. Для южной Африки начался новый политический порядокъ, который продолжается и до сего времени. За исключеніемъ трехлѣтнаго перерыва, бывшаго результатомъ Амьенскаго мира, Капская колонія не переставала принадлежать Англіи и, хотя медленно, но постоянно продолжала возрастать какъ въ численности населенія, такъ и въ своемъ значеніи.

Когда край перешелъ подъ владычество Англіи, число европейцевъ въ немъ равнялось приблизительно 25 тысячамъ, властивавшимъ надъ 20 тысячами рабовъ изъ готтентотовъ и надъ 30 тысячами рабовъ изъ негровъ. При этомъ, благодаря общности языка, всѣ колонисты, какъ голландскаго, такъ и французскаго происхожденія, считались составляющими одну націю. Что касается переселенцевъ англійскаго языка, то вначалѣ ихъ было весьма мало, такъ какъ въ первые годы увеличеніе на Капѣ англійского населенія совершалось лишь въ лицѣ чиновниковъ и солдатъ. Однако, англійскіе губернаторы подготовляли денационализацию буровъ, и съ этой цѣлью уже съ 1809 года официальная прокламація рекомендовала изученіе англійскаго языка; въ судахъ, впрочемъ, пользовались пока языккомъ голландскимъ. Потомки старинныхъ колонистовъ все еще продолжали считать себя истинными властителями и ни во что не ставили указовъ, издаваемыхъ Капскими губернаторами; въ 1815 году они произвели даже открытое восстаніе, но оно было подавлено съ безпощадною жестокостью. Прибытие англійскихъ переселенцевъ началось лишь съ 1820 года, да и то благодаря пособіямъ, отпущенныемъ для этого парламентомъ. Около девяноста тысячъ человѣкъ вызвались отправиться для воздѣлыванія тѣхъ земель, которыхъ постепенно отнимались у кафровъ во время пограничныхъ войнъ. Изъ этой толпы охотниковъ эмиграціонные агенты выбрали болѣе четырехъ тысячи колонистовъ, которыхъ правительство и перевезло, на счетъ націи, въ Портъ Елизаветы, въ бухту Альгоа, для поселенія внутри страны, въ окрестностяхъ Грагамстауна. Несмотря на неопытность въ земледѣліи большинства этихъ колонистовъ и на всякаго рода ошибки, присущія такому значительному предпріятію, оно удалось, благодаря превосходному климату и плодородію земель. Англійская колонія быстро увеличивалась и далеко перешла за предѣлы, которые ей были начертаны

первоначально. Рядомъ съ Голландскою Африкою на западѣ развилась Англійская Африка изъ востокѣ, которая, благодаря поддержкѣ правительства, скоро стала почти столь же могущественною, какъ и ея соперница, и относительной которой часто возникалъ вопросъ объ ее обособленіи и дарованіи ей преимуществъ. Съ этого времени два языка подѣлили территорію, и губернаторы стремились обеспечить преобладаніе того изъ нихъ, на которомъ говорилъ сами. Голландскіе властители запретили официальное употребленіе французскаго языка; въ свою очередь, англійскіе господа запретили употребленіе голландскаго языка; съ 1825 года англійскій языкъ сдѣлался официальнымъ языккомъ администраціи, а съ 1827 года также и въ судахъ; однако, позже, послѣ учрежденія колоніального парламента, жители, говорящіе на голландскомъ языкѣ, вновь пріобрѣли законное право для своей рѣчи, и, съ тѣхъ поръ, ихъ уполномоченные употребляютъ голландскій языкъ при обсужденіи общественныхъ дѣлъ.

Это еще не все: военные триумфы Трансваля возвысили политическое значеніе голландцевъ колоніи, и *африкандеры* — т. е. бывшіе уроженцы африканскаго материка, при чьемъ голландскаго происхожденія ихъ, вѣроятно, до двухъ третей¹⁾ — разсчитываютъ на близкое завладѣніе властью, тѣмъ болѣе, что женщины буровъ вообще плодовитѣе англичанокъ²⁾. Хотя принадлежащіе къ различнымъ политическимъ тѣламъ, голландскіе африкандеры, состоящіе почти всѣ въ родствѣ между собой, отъ Столовой бухты до р. Лимпопо, составляютъ одно великое семейство, обладающее крѣпкой связью: это симпатія родныхъ и друзей на Капѣ, можетъ-быть, еще больше, чѣмъ храбрости своихъ солдатъ, Трансвальская республика обязана отвоеваніемъ своей независимости. Эта солидарность между южными и сѣверными голландцами объщаетъ имъ въ будущемъ созданіе ихъ национального единства. Но возрастающее вліяніе африкандеровъ не мѣшаетъ тому, что голландскій языкъ, хотя и гораздо болѣе распространенный между туземными чернокожими, изъ-года въ-годъ теряетъ свое относительное значеніе въ интеллектуальномъ развитіи Капскаго населенія. Доказывается это тѣмъ, что съ половины текущаго столѣтія численная разность между периодическими изданіями на двухъ языкахъ безостановочно увеличивается; такъ, уже въ 1875 году англійская печать численно въ шесть разъ превосходила печать на голландскомъ языке.

Выселеніе буровъ въ направлениі къ сѣвернымъ республикамъ, совпадавшее съ иммиграціей новыхъ англійскихъ колонистовъ, усилило

¹⁾ E. von Weber, „Vier Jahre in Africa“.

²⁾ De Hübner, „A travers l'Empire Britannique“.

на время вліяніе британского элемента въ Капской территории. Большой *trek* буровъ къ странамъ, простирающимся на съверь отъ Оранжевой рѣки, совершился въ 1834 году, во время отмѣны невольничества. Лишенные труда своихъ рабовъ, за которыхъ имъ присудили только двѣ-пятыхъ ихъ рыночной цѣны, при чёмъ и эти двѣ-пятыхъ уменьшились еще отъ лихомства чиновниковъ, фермеры направились къ съвернымъ пустынямъ, чтобы имѣть возможность «по своему усмотрѣнію» распоряжаться своею живою «собственностью»: людьми и стадами. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, они покинули, въ бассейнахъ рѣкъ Гамтоесъ и Греть-фишъ-риверь, обширный терриоріи пастбищъ и полей, которые вслѣдъ затѣмъ и были заняты английскими колонистами.

Но на восточной границѣ этимъ новопришельцамъ приходилось сражаться со своими сосѣдями-кафрами, у которыхъ очи исподволь и стали захватывать ихъ земли. Съ обѣихъ сторонъ набѣги для кражи скота были безпрестанны; къ концу же 1834 года, времени великаго *trek'a*, война сдѣлалась всеобщую. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вся пограничная область была завоевана кафрами, фермы сожжены, стада, въ числѣ 250 тысячъ головъ, забраны, а запоздавшіе бѣглецы перерѣзаны. Тотчасъ же губернаторъ Урбанъ собралъ всѣ свои воинскія силы и устремился на границу: отмѣтка была ужасна, а затѣмъ къ колонії была присоединена новая терриорія; тѣмъ не менѣе, всякаго рода несправедливости, совершившейся въ отношеніи туземцевъ, были столь очевидны, что англійское министерство, уступая давленію общественного мнѣнія, отказалось санкционировать дѣйствія губернатора, объявивъ, съ рѣдкимъ въ исторіи правительству прымодушіемъ, что поведеніе кафровъ « вполнѣ оправдывается», что они имѣли «несомнѣнное право» противостоять захватамъ своихъ сосѣдей и «силою исторгнуть себѣ то удовлетвореніе, котораго они не могли достичь другими средствами; что, слѣдовательно, самая элементарная справедливость была на сторонѣ побѣженныхъ, а не побѣдителей». Отнятая у кафровъ терриорія была имъ возвращена, но—только на время. Политика захватовъ, набѣговъ, угона стадъ, завладѣнія лугами и полями началась съизнова въ предѣлахъ спорной пограничной области, и въ 1846 году война возгорѣлась вновь по поводу тѣхъ кровавыхъ дѣяній, которыхъ послѣдовали за покражею топора. Эта «война изъ-за топора (*war of the axe*)» началась неудачно для колонистовъ; но, по минованіи двухъ лѣтъ военныхъ дѣйствій, сраженій и убийствъ, побѣженныя племена оказались въ полной власти англичанъ, которые и приступили къ новому выправлению границъ. Британская терриорія увеличилась пространствомъ приблизительно въ 200 километровъ въ

ширину, между рѣками Большой Рыбной и Кей; при этомъ, восточная часть этого нового пріобрѣтенія, къ западу отъ Кейскаммы, временно была предоставлена туземцамъ, хотя и подъ верховнымъ владычествомъ англичанъ. Но перемирие продолжалось всего два года. Въ 1850 году, военные станицы, учрежденныя вдоль границъ, были атакованы кафрами, вслѣдствіе учиненнаго англійскими солдатами оскверненія кладбища; англичане снова должны были очистить спорную терриорію, и сила увѣнчала ихъ притязанія не раньше, какъ по минованіи двухъ лѣтъ новой безпощадной войны. Послѣ этого всякое сопротивленіе со стороны туземцевъ стало уже невозможнымъ.

Тогда совершился одинъ изъ самыхъ необычайныхъ актовъ, о какихъ только повѣстуетъ исторія націй. Чувствуя себя неспособными побѣдить завоевателей своего края естественными средствами, кафры, охваченные повальнымъ безумiemъ, вообразили, что могутъ достигнуть успѣха при помощи чуда. Силь у живыхъ не хватало, а потому надежда была возложена на мертвыхъ. Пророкъ, по имени *М.слаказа*, ходилъ по странѣ, возвѣщая своимъ соплеменникамъ ама-коза, что въ извѣстный близкій день всѣ умершіе воины, вѣтъ прославленные легендами герои выйдутъ изъ своихъ могилъ, и что и сами они преобразятся въ этотъ день, сдѣлавшись юными, красивыми, сильными и несокѣдимыми. Но для того, чтобы приготовиться къ побѣдѣ, слѣдовало представить доказательство непоколебимости вѣры, пожертвовавъ, за исключеніемъ оружія, всѣмъ своимъ имущество; слѣдовало перебить свой скотъ, сжечь зерновой хлѣбъ, не обрабатывать полей, оставаться нагими и голодными, ожидая сигнала, послѣ которого зарѣзанныя стада возродятся снова, но уже болѣе красивыми и болѣе многочисленными, а превосходные хлѣба покроютъ поля. Большинство ама-козовъ повѣрили требованіямъ пророка: скотъ перебили, хлѣбное зерно сожгли, приготовивъ, однако, обширные хлѣвы и риги для будущихъ братствъ; но многія тысячи ихъ — 25 тысячъ, по однимъ сказаніямъ, 50 тысячъ, или треть націи, по другимъ — умерли отъ голода, въ ожиданіи возвѣщенаго дня. День этотъ не насталъ. Отчаяніе овладѣло оставшимися въ живыхъ кафрами; изъ прежнихъ воиновъ они сдѣлались нищими; ихъ мечта жить свободными — была разбита. Вскорѣ обезлюдѣніе края очистило мѣсто для колонистовъ, и Капское правительство ввело болѣе двухъ тысячъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ свободныя земли Кафрапіи, окончательно, вплоть до р. Кей, присоединенной къ Капской колоніи. Съ этого времени, завоеваніе края уже не испытывало остановокъ, и присоединенія, отынѣ легкія, дѣлались уже административнымъ путемъ: доста-

точно было приказаній совѣта, чтобы они были исполнены.

Такимъ образомъ, Капская колонія въ наши дни хорошо обеспечена отъ всякаго возстанія туземцевъ. Правда, государство въ действительности увеличилось тѣми обширными территоріями, которыхъ лежатъ вдоль берега Индійскаго океана вплоть до Наталя, и что въ этихъ вновь присоединенныхъ краяхъ почти исключительными собственниками земли являются все еще туземцы; но вся старая колоніальная область, между рѣками Оранжевой и Кей, повсюду плотно населена бѣлыми; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, именно въ городскихъ округахъ, число бѣлыхъ даже преобладаетъ; въ тѣхъ же округахъ, гдѣ бѣлыхъ сравнительно мало, европейцы, будучи организованными, вооруженными и защищаемыи полиціею и всѣмъ административнымъ и военнымъ механизмомъ, не имѣютъ никакихъ оснований опасаться туземцевъ, обѣднѣвшихъ и лишенныхъ взаимной связи; впрочемъ, въ общемъ числѣ жителей колоніи они представляютъ уже цѣлую третью. Можно, поэтому, удивляться, что отъ громадной рѣки британской эмиграціи ежегодно отклоняется столь небольшой потокъ по направлению къ землямъ южной оконечности Африки, землямъ, однако, столь обширнымъ и плодороднымъ, что онъ могутъ дать хлѣбъ многимъ миллионамъ людей. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ общежителномъ инстинкѣ британскихъ эмигрантовъ. Покидая Англію, они хотятъ отправиться въ другую Англію, походящую на первую языккомъ и нравами, связью этническою, если не политическою. Они предпочитаютъ Содѣдиненные Штаты, Австралію и Новую Зеландію Капской колоніи, гдѣ они очутились бы въ соприкосновеніи съ голландцами, готтентотами, кафрами, съ чернокожими и желтокожими всѣхъ расъ; хотя они и политическіе властители, но имъ не нравится составлять со своими единоплеменниками лишь слабое меньшинство, едва шестую часть всего народонаселенія.

По расамъ, подвергающеся переписи населенія собственно Капской колоніи распредѣлялось въ 1891 г. слѣдующимъ образомъ: европейцевъ или бѣлыхъ—382.198, малайцевъ—13.918, готтентотовъ—51.850, негровъ—(финго, кафры и бечуаны)—841.238, метисовъ и проч.—250.756.

Кэптаунъ (Капитадъ), столица колоніи и всей Южной Африки, есть древнѣйший городъ, основанный европейцами къ югу отъ Бенгуэллы; но, не будучи еще большимъ городомъ, онъ уже давно превзошелъ населенностью и значенiemъ тѣ города, которые португальцы раньше основали на западномъ берегу. Извѣстно, что съ моря Кэптаунъ имѣетъ грандиозный видъ, благодаря величественному амфитеатру окружающихъ его горъ и въ особенности внушительной массѣ

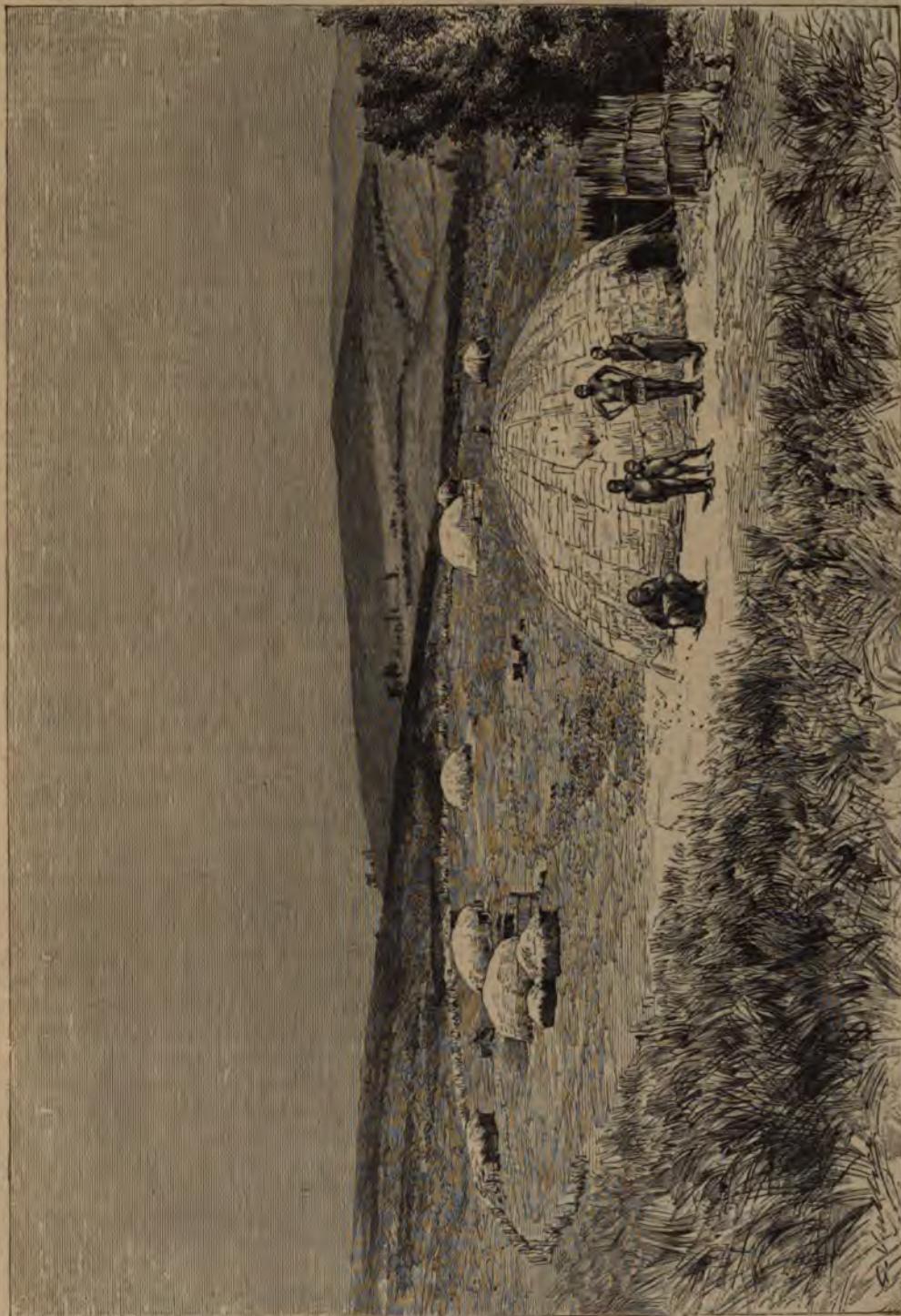
Столовой горы. Къ западу отъ города, за Льва далеко вдаются въ море, защищая рѣдъ отъ сильнаго волненія изъ открытаго океана; моль, причалы и набережная огибаются за скалы, и тамъ открывается обширный бассейнъ, гдѣ ошвартовываются суда. Городъ, раздѣленный на правильные квадраты, поднимается полого къ основанию горъ и усыпываетъ домами передовые холмы; на востокѣ, посреди обширной прадїи, которая была болотомъ, на которой первые колонисты построили свою крѣпостцу, видаются низкія постройки «замка», составляющаго собственность англійского правительства и символъ британского влади-чества; далѣе по окружности бухты тянется, вплоть до устья извилистой Salt-river (Соляной рѣки), предмѣстье; красивые сады и парки окружаютъ городъ и проникаютъ въ долину горы. Въ 1887 году начали постройку укреплений, которыя должны превратить Капскую крѣпость во второй Гибралтаръ.

Сдѣлавшись англійскимъ городомъ, Кэптаунъ сохранилъ лишь небольшое число зданій, относящихся ко времени голландцевъ; главная улица не дополняется уже каналомъ, окаймленнымъ деревьями, какъ проспекты Амстердака; однако лица, языки и имена еще напоминаютъ о нидерландскомъ происхожденіи половины европейцевъ. Къ бѣлымъ примыкаются люди всякаго цвета кожи: негры, потомки рабовъ, готтентоты, кафры, малайцы, представляющіе всѣ отг҃енки между чернымъ, кирпично-краснымъ и желтымъ цветами; сѣроватые bastards'ы и бронзовоокрашенныеmetisys съ острова Св. Елены. Между малайцами, сыновьями тѣхъ рабовъ, которыхъ голландцы привезли съ Зондскихъ острововъ, нѣкоторые носятъ тюрбанъ и длинные развѣвающіеся плащи: это меккскіе пилигриммы, съ презрѣніемъ смотрящіе на толпу невѣрныхъ, черныхъ и бѣлыхъ, въ ихъ глазахъ заслуживающихъ одинаковое наименование «кафровъ». Будучи центромъ распространенія цивилизаціи въ Южной Африкѣ, городъ Мыса обладаетъ музеемъ, драгоценной библіотекой,—въ которой имѣются не только всѣ изданія, относящіяся къ колоніи, но также и рѣдкія книги и рукописи,—ботаническимъ садомъ, занимающимъ площадь въ шесть гектаровъ, гдѣ собраны представители всей туземной флоры и тысячи растеній чужестранныхъ. Вслѣдствіе своего нахожденія вблизи оконечности африканскаго материка, Кэптаунъ является одною изъ наиболѣе важныхъ станций на нашей планетѣ для геодезическихъ изслѣдований. Съ 1685 года, французскіе астрономы учредили тамъ временный постъ для наблюденія надъ небесными свѣтилами; въ 1751 году, La Caille произвелъ тамъ свои достопамятныя изысканія для измѣренія градуса меридiana и опредѣленія параллакса луны; въ 1772 году, во время второй экспедиціи Кука,

англійскіе астрономы возобновили снова эти изученія; Maclear и Herschel составили въ Капской обсерваторіи каталогъ звѣздъ антарктическаго неба: нынѣ тамъ сосредоточиваются

ренія меридіана Африки, на протяженіи отъ береговъ южнаго океана до порта Александріи. Нынѣшняя обсерваторія помѣщается въ пяти километрахъ къ востоку отъ города, въ Mowbray.

Крааль зулусовъ.

работы по продолженію тріангуляціі морскаго побережья на плоскогоріяхъ Кару и по ту сторону Оранжевой рѣки, въ Бечуаналендѣ, вплоть до р. Замбезе. По проекту астронома Gill предполагается достигнуть такимъ образомъ измѣ-

Соединенный желѣзной дорогой съ восточными округами колоніи и съ голландскими республиками и мѣющій надъ другими портами преимущество большей близости къ Европѣ, Кэптаунъ не играетъ, однако, первенствующей роли во вѣт-

ней торговлы страны; въ этомъ отношеніи онъ далеко превзойденъ рынкомъ бухты Альгоа, Портомъ Елизаветы, который, въ срединѣ текущаго столѣтія, былъ лишь группою хижинъ, но который находится по соображенію съ болѣе плодородными землями и представляетъ исходный пунктъ для кратчайшихъ путей, направляющихся къ странамъ золота и алмазовъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей сравнительно значительной населенности, своей роли столицы и мореходнымъ выгодамъ своего порта, Кэптаунъ сохранилъ высокое мѣсто въ ряду торговыхъ городовъ Африки, въ особенности по вывозу шерсти. Изъ Кэптауна вывозятъ также и лучшій африканскій вина, добываемыя съ виноградниковъ на восточныхъ склонахъ Столовой горы. Въ 1892 г. въ портъ Кэптауна было въ приходѣ 374 парохода въ 851.742 тонны и 319 парусныхъ судовъ въ 142.457 т. Обороты внѣшней торговли въ томъ же году: привозъ—2.835.458, вывозъ—656.879 футстера.

Городъ дополняется многочисленными дачами, разсѣянными въ окрестныхъ долинахъ. Негоціанты и богатые чиновники живутъ въ деревняхъ и въ городѣ являются только по дѣламъ; лѣтомъ, почти все бѣлое населеніе, въ сопровождѣніи торговцевъ съѣстными припасами и слугъ, направляется къ морскимъ купаньямъ и тѣнистымъ склонамъ горъ: пригородная желѣзная дорога работаетъ столь же дѣятельно, какъ и около большихъ европейскихъ городовъ. Къ сѣверу отъ города находится мѣстечко Seapoint: его виллы тинутся вдоль пляжа, на который набѣгаютъ атлантическія волны; къ востоку, ожерелье изъ деревень окружаетъ Пикъ Дьявола и затѣмъ продолжаетъ городъ на тридцать километровъ, вплоть до морскихъ купаленъ Kalk-bau. Одну изъ наиболѣе красивыхъ группъ домовъ, въ граціозной долинѣ, соединяющей бухты Table-bau съ Kalk-bau, и надъ которой съ запада господствуютъ горделивые склоны Столовой горы, представляетъ деревня Wijnberg, на половину скрытая въ зелени дубовъ и сосенъ. Неподалеку отъ нея, къ югу, находится усадьба Констанція, давшая свое имя самому прославленному вину въ южной Африкѣ. На югѣ оконечности Африки находятся отличающійся правильной формой заливъ False-bay, въ водахъ западной бухты котораго, Simon's bay, отражается городъ Симонстаунъ: въ немъ англійское правительство содержитъ укрѣпленные магазины и арсеналы. Симонстаунъ занимаетъ одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстоположеній южной Африки, на серповидномъ полуостровѣ, имѣющемъ на своей оконечности маякъ Мыса Доброй Надежды.

Нѣсколько городовъ, принадлежащихъ къ обширному округу Кэптауна, разсѣяны по небольшимъ долинкамъ, на атлантическомъ склонѣ тѣхъ горъ, которая ограничиваются съ вос-

току горизонтомъ Столовой бухты. Стелленбошъ (*Stellenbosch*), соединенный съ Кэптауномъ желѣзною дорогою,—послѣ столицы самый древній городъ колоніи: это «Аенны» южной Африки—такъ много въ немъ школъ; въ окрестностяхъ его, именно въ амфитеатрѣ горъ Fransche Hoek'a, т. е. французскаго квартала, поселилась, въ концѣ XVII вѣка, большая часть эмигрантовъ гугенотовъ. Парль (*Paarl*), село, длиною въ двѣнадцать километровъ, окаймляетъ дорогу около подошвы горъ Draken-sten; оно тоже было заложено въ первыя времена колонизации, и сады, апельсиновая роща и бесѣдки, окружающіе этотъ «Перль»—названный такъ отъ гранитной глыбы, лежащей на скалѣ, какъ жемчужина на корнѣ,—дѣлаютъ изъ него одно изъ очаровательнѣйшихъ загородныхъ мѣсть; окрестности Paarl'я составляютъ самый значительный въ Капской области винодѣльческий округъ. Болѣе къ сѣверу лежать тѣнистое мѣстечко Веллингтонъ, за которымъ желѣзная дорога, прощающая внутрь страны, описываетъ большую дугу и, пользуясь горнымъ проходомъ, долгаго, въ долинѣ Breedie-river, покатости Южнаго океана. Оба, и Парль, и Веллингтонъ, находятся въ верховомъ бассейнѣ рѣки Бретъ-Бергъ, которая, принявъ притоки, исходящіе изъ плодородного округа Тулъбагъ и «Двадцати-Четырехъ Рѣкъ», изливается въ Атлантическій океанъ, въ бухтѣ Св. Елены. Правильный полукругъ почти постоянно волнующагося залива Св. Елены ограничивается на сѣверо-западѣ мысомъ Св. Мартина. Къ югу отъ залива Св. Елены открывается бухта, или скорѣе озеро, Салданья, названное такъ по имени одного португальскаго адмирала, имя котораго нѣкогда прилагалось также и къ Столовой бухтѣ: здѣсь, неподалеку Васко де Гама былъ раненъ въ 1497 году готтентотами, а Францискъ д'Альмеида, вмѣстѣ съ своими спутниками, убитъ въ 1508 году. Входъ въ бухту легокъ, ея воды глубоки, а многочисленны природные бассейны, защищаемыя естественными гранитными молами, представляютъ превосходную якорную стоянку для судовъ. Но этою великолѣпною гаванью,—которая во время господства голландцевъ была сборнымъ мѣстомъ для ихъ военныхъ кораблей и центромъ почтоваго сообщенія между Соединенными Провинціями и Восточной Индіей,—нынѣ едва пользуются: на берегахъ ея находится всего лишь нѣсколько фермъ и стоянокъ рыболововъ. Тамъ пѣть даже ни одной деревни, ближайшее мѣстечко, Мальмсбери, находится болѣе чѣмъ въ 50 километрахъ на юго-востокѣ внутрь страны, посреди обширныхъ полей пшеницы. Кэптаунъ отвлекъ всю торговлю отъ бухты Салданья.

Къ сѣверу отъ долины р. Great Berg, мѣстность, безводная на большей части своего

протяженія, весьма слабо населена; уѣздные города Пикетбергъ, Кланвильямъ, «печь» Капа, Кальвинія—просто села, въ которыхъ сосѣдніе пастухи приходятъ запасаться про- визіей. Кальвинія, расположенная на высотѣ тысячи метровъ, въ высокой долинѣ горъ, между *Koggeveld'omъ* и *Hantam'omъ*, еще соединяется при посредствѣ большой дороги съ цивилизованными областями Капа; но по ту сторону, къ сѣверу, простираются пустыни Бушменленда, на которыхъ, по берегамъ лагунъ, обитаютъ лишь саны въ небольшомъ числѣ. Округъ малыхъ нама-куа—занимающій сѣверо-западную оконечность территоріи колоніи между Атлантическимъ океаномъ и нижнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки—былъ бы, вѣроятно, тоже оставленъ во владѣніеaborигенамъ, если бы эта гористая область не была столь богата мѣдною рудою. По сосѣдству съ главною вершиною, *Vogel-Klip*, т. е. Утесомъ Птицы (1.324 метра), англійская компанія, обладающая территоріею въ 54 тысячи гектаровъ, разрабатываетъ, съ 1863 года, «исистощимые» рудники *Ookier'a*, которые ежегодно доставляютъ отъ десяти до двадцати тысяч тоннъ руды, содержащей въ себѣ три десятыхъ чистой мѣди, болѣе плавкой, чѣмъ мѣдь изъ Чили. Главная шахта, уже вырытая болѣе, чѣмъ на 150 метровъ глубины, еще богаче металломъ, чѣмъ поверхностныя залежи; рудокопами, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, служатъ готтентоты и херero, руководимые англичанами изъ Корнваллиса и тюригенцами. Хотя лежащіе на высотѣ 960 метровъ, рудники *Ookier* связаны съ моремъ желѣзнымъ путемъ, въ 144 километровъ длины, движущую силою на которомъ служатъ мулы. Небольшая гавань, изъ которой вывозится руда, *Port-Nolloth*, нѣкогда посыпалась американскими китоловами. Мѣдной руды изъ *Port-Nolloth'a*, въ 1886 году, было вывезено на 13.987.025 франковъ.

На востокѣ отъ Капа и залива *False-bay*, часть территоріи, выдвинувшаяся къ югу отъ горъ, по направлению къ Игольному мысу, этой южной оконечности материка, представляеть частбищную область, на протяженіи которой находятся лишь два незначительныхъ мѣстечка: Кaledонъ и Бредасдорпъ; но бассейнъ р. *Breede*, верхніе притоки которой зарождаются къ сѣверу отъ приморскихъ горъ, болѣе населенъ, благодаря большему обилию дождей, орошающихъ данную мѣстность. Главный городъ высокой долины, Ворчестерь, расположенный на главномъ пути сообщенія въ краѣ, на той желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ Кентаунъ съ Кимберлеемъ; отъ Ворчестера и начинается подъемъ на плоскогоріе: проникая въ боковую долину р. Нех или «Вѣдьмы», дорога зигзагами поднимается вплоть до кровли тѣхъ террасъ, которыхъ господствуютъ надъ полями Ворчестера, на вы-

сотѣ 600 метровъ; самый же высокій пунктъ линіи, въ 124 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Ворчестера, находится на высотѣ 1.094 метровъ. По сосѣдству съ Ворчестеромъ бываетъ изъ земли обильный источникъ теплой воды. Книзу, р. *Breede* протекаетъ по полямъ города Робертсона, а затѣмъ по полямъ Свеллендама (*Swellendam*), одного изъ старинныхъ городовъ колоніи, такъ какъ онъ былъ основанъ уже въ половинѣ XVIII столѣтія; отъ этого городка расходятся луцеобразно дубовыя аллеи, направляясь къ *kloofs'амъ*, т. е. къ дикимъ оврагамъ, проникающимъ въ сердце горы. Село Портъ-Бофорть, расположеннное на лѣвомъ берегу рѣки, кверху отъ бара, принимаетъ въ свое мѣсто портъ нѣсколько небольшихъ судовъ: изъ всѣхъ гаваней, официально открытыхъ вѣнчайшей торговлѣ колоніи, Портъ-Бофортомъ пользуются всего менѣе.

Обширный бассейнъ р. Гауритса, который, на востокѣ, слѣдуетъ за бассейномъ р. Бреде, заключаетъ въ себѣ много второстепенныхъ городовъ колоніи. Бофорть-Вестъ — главная станція желѣзной дороги между Капомъ и берегами Оранжевой рѣки, на высотѣ 893 метровъ—собираетъ первыя воды, стекающія съ горъ *Nieuwe-veld'a*, и распредѣляетъ ихъ по своимъ садамъ. Село Принцъ-Альбертъ въ безводной области Большаго Кару, также лежить на одномъ изъ уади, спускающихся къ Гауритсу; затѣмъ къ югу отъ высокаго вала, образуемаго Черными горами (*Zwarte-bergen*), на притокахъ Гауритса расположены два мѣстечка: Ледисмитъ и Оудтгорнъ, изъ которыхъ послѣднее славится своимъ табакомъ, произрастающимъ на лучшихъ земляхъ колоніи, все еще плодородныхъ, несмотря на охоту лѣтъ непрерывной культуры. Къ сѣверу отъ *Oudtshoorn'a*, въ высокой боковой долинѣ открываются гроты Канго: сталактитовая галлерея, которая еще не эксплуатируется полностью и въ которыхъ проникли на разстояніе почти двухъ километровъ. На нижнемъ теченіи Гауритса, извижающагося въ узкихъ ущельяхъ, нѣ ни городовъ, ни сель. Риверсдаль, расположенный посреди частбищъ Грасвельда, находится въ пятидесяти километрахъ къ западу отъ Гауритса, въ небольшой долинѣ, воды которой текутъ непосредственно къ морю. Аливаль (*Alical-South*), приморскій портъ данной области, выстроенъ на защадномъ берегу бухты *Mossel-bay*, при началѣ скалистаго полуострова мыса *Saint-Blaise'a*, который защищаетъ его отъ южныхъ вѣтровъ; въ портѣ этого города торговое движение довольно дѣятельно, и по значенію это четвертый портъ колоніи. Въ 1886 году общая цѣнность ввезенныхъ и вывезенныхъ изъ порта товаровъ равнялась 3.887.350 франкамъ; вошло же въ портъ и вышло изъ него по 187 судовъ, или, въ общемъ, 374 судна, вмѣстимостью въ

665.724 тонны На востокѣ, въ прибрежной полосѣ, находишь нѣсколько мѣстечекъ, у подошвы горъ, которыхъ Троллопъ сравниваетъ съ Западными Пиренеями, и гдѣ, по его словамъ, находятся самыя живописныя мѣстоположенія въ Южной Африкѣ. Хорошенькое мѣстечко Джорджъ прячется въ зелени; Мельвилль глядится въ золотистыя волны р. Кинснъ, вытекающей изъ лѣсистыхъ *Outeniqua*, и впадающей въ глубокій лиманъ, куда могутъ входить большия суда; Гумансдорпъ окружено амфитеатромъ тоже лѣсистыхъ горъ. Во внутреннихъ долинахъ приморскихъ горъ расположены уѣздные города Юніондэль и Виллоуморъ. Еще далѣе къ сѣверу, въ безводной полосѣ Кару, но все еще на склонѣ къ Южному океану, находятся два административныхъ центра: Абердинъ и Муррейсбургъ.

Бассейнъ р. Сэндэ, хотя одинъ изъ наименѣе обширныхъ бассейновъ колоніи, принадлежитъ къ числу наилучше воздѣланныхъ и самыхъ богатыхъ областей, благодаря своему положенію въ сравнительно влажной полосѣ, обращенной къ Индійскому океану, и прорѣзывающимъ его путамъ сообщенія: съ одной стороны, въ направленіи къ Оранжевой рѣкѣ и къ Голландскимъ республикамъ, а съ другой—въ направленіи къ странѣ кафровъ. Графъ-Рейнетт (*Graaf-Reinet*), голландский городъ, существующій уже болѣе столѣтія, раскинулся свои низкія постройки по берегу зарождающейся тамъ рѣки, которая дѣлится на каналы, проведенные по аллеямъ и садамъ; контрастъ между безводными плоскогоріями запада и этой долиною доставилъ ей прозвище «Алмазъ Пустыни». Города *Jansenville* и *Uitenhage*, слѣдующіе одинъ за другимъ на дорогѣ къ Портъ-Елизаветы, какъ показываютъ ихъ имена, были основаны голландцами; однако *Uitenhage* принялъ вполнѣ физиономію англійского города, что объясняется тѣмъ, что въ 1820 году въ немъ поселилось весьма много британцевъ; нынѣ этотъ городъ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія удалившихся отъ дѣлъ негоціантовъ, а въ праздничные дни его посѣщаются толпы гуляющихъ, для отдыха подъ сѣнью деревьевъ, на берегу текучихъ водъ. Впрочемъ, Уитенгаге—также городъ промышленный: въ разсѣянныхъ по долинкамъ маленькихъ заведеніяхъ, чернокожие рабочіе, почти все кафры, занимаются промывкою на машинахъ тѣхъ рудъ, которыхъ миллионы доставляются изъ восточныхъ пастбищъ колоніи.

Портъ-Елизаветы, находящійся въ 32 километрахъ къ юго-востоку отъ Уитенгаге, на западомъ берегу бухты Альгоа,—самый оживленный портъ всей Южной Африки, хотя городъ основанъ всего лишь въ 1820 году; за время одного поколѣнія онъ превзошелъ Кэнттаунъ торгою важностью, хотя мореходныя

выгоды его рейда уступаютъ качествамъ рейда въ Столовой бухтѣ; даже правильные изкѣтботы идутъ изъ Англіи прямо въ Портъ-Елизаветы, не заходя въ Кэнттаунъ; но, зато, вся торговля ведется при посредствѣ пароходовъ: рѣдкія парусные суда рискуютъ заходить въ его портъ. Онъ менѣе населенъ, чѣмъ столица, но хвалится, будто имѣть болѣе красивыя зданія, лучше устроенъ и болѣе снабженъ средствами новѣйшей цивилизациі. Въ колоніи, это городъ англійской по преимуществу, и при малѣйшемъ поводѣ его жители считаютъ долгомъ громко заявлять о своей «лойальности». Въ Портъ-Елизаветѣ постройки покрываютъ обширный продолговатый холмъ съ отлогимъ спускомъ, а главная его улица тянется, параллельно пляжу, на пространствѣ слишкомъ четырехъ километровъ; его разростающіяся предмѣстія простираются вдоль дорогъ внутрь края, а вѣтъ верхняго города, на обнаженномъ плоскогоріи, группируются палатки, въ которыхъ проживаютъ кафры, временно прибывшіе въ городъ для заработковъ въ портѣ. Недавно Портъ-Елизаветы былъ лишенъ воды, и потому вокругъ его виллъ имѣлись лишь жалкіе сады; но, благодаря водопроводу, протяженiemъ въ пятьдесятъ километровъ, несущему къ городу родниковую воду, богатая земельнъ украсила плоскогоріе, ботаническій садъ сталъ великолѣпенъ, а густые парки рѣзко отличаются блескомъ своей листвы отъ окружающихъ городъ печальныхъ пажитей съ рѣкою и тощую травою.

Торговля Портъ-Елизаветы, которая въ послѣднее время весьма пострадала вслѣдствіе бѣшеной спекуляціи, состоить въ особенности въ вывозѣ шерсти и страусовыхъ перьевъ, и въ привозѣ мануфактурныхъ изделий изъ Англіи. Въ 1893 году общая цѣнность ввоза составляла 5.162.753, вывоза — 1.908.241 фунтовъ стерлинговъ; судовъ прибыло 551 (изъ нихъ 419 паровыхъ), съ общей вмѣстимостью 1.195.864 тонны. Рейдъ бухты Альгоа запищенъ вблизи города стрѣлкою мыса, который до сихъ поръ носить португальское наименованіе *Recife*; но въ лѣтие мѣсяцы, съ октября по апрель, т. е. когда правильно дуютъ южные и юго-восточные вѣтры, морская волна разбивается на плоскихъ берегахъ съ необычайной силой, и матросы должны неусыпно заботиться о безопасности своихъ судовъ. Укрыться за моломъ въ триста метровъ длиною могутъ только суда съ небольшою вмѣстительностью. По бухтѣ разсѣяны острова и подводные рифы: одинъ же изъ нихъ, о. Св. Креста (*Santa-Cruz*), около котораго кружатся стаи птицъ, былъ посыпанъ Вареоломеемъ Діазомъ, во время его достопамятного путешествія для открытій изъ югъ Африки: на этой землѣ, гдѣ нога европейца впервые попирала берегъ Австралии,

наго океана, Діазъ воздвигъ столбъ въ честь Св. Григорія для засвидѣтельствованія факта завладѣнія островомъ. Два бьющіе на этомъ островкѣ ключа доставили ему также наименование *Fountain-rock* («скала съ фонтанами»).

Портъ-Елизаветы сообщается съ внутренней страной посредствомъ двухъ желѣзныхъ дорогъ: линіей, соединяющей его съ г. Графъ-Рейнетъ, и болѣе важнымъ путемъ, раздваивающимся впослѣдствіи, съ одной стороны, въ направленіи къ областямъ, лежащимъ по ту сторону Оранжевой рѣки, съ другой — къ Греэмстауну и Кафрапіи. Греэмстаунъ (*Graham's town*) уступаетъ порту Елизаветы, какъ своею величиною, такъ и размѣрами торговли, но, по своему рангу, отъ выше его, будучи столицею на восточной области Капленда, мѣстопребываніемъ главныхъ административныхъ, судебныхъ и духовныхъ властей восточныхъ округовъ; въ 1878 году, когда федералисты пытались укрѣпить могущество метрополіи путемъ соединенія англійскихъ провинцій и голландскихъ республикъ въ единое государство, на Греэмстаунъ указывалось какъ на главный городъ въ политическомъ отношеніи, городъ союзныхъ колоній. Этотъ честолюбивый городъ не обладаетъ выгодой нахожденія на берегу моря, и чрезъ него протекаетъ лишь мелкій ручей; расположень онъ на высотѣ 527 метровъ, въ циркѣ, окруженному голыми холмами; однако, во всѣхъ улицахъ города заботливо насаждаются деревья; вообще это чистенький и красивый городъ, и между городами колоніи, которые почти всѣ отличаются здоровымъ климатомъ, Греэмстаунъ можетъ считаться наиболѣе здоровымъ, благодаря умѣренности лѣтнихъ жаровъ и небольшой разницы въ зимней температурѣ; много больныхъ поселяются въ немъ съ цѣлью продлить свою жизнь. Основанный въ 1812 г., Греэмстаунъ получилъ важное значеніе только съ 1820 года, со временемъ иммиграціи англичанъ, но тогда онъ сдѣлался главнымъ военнымъ постомъ во время «кафрскихъ войнъ» и часто служилъ убѣжищемъ пограничнымъ колонистамъ. Нынѣ ему уже не угрожаетъ ничто, казармы его обращены въ помѣщевія для административныхъ службъ, а окрестные кафры превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ или въ трудолюбивыхъ ремесленниковъ. Бѣлое населеніе Греэмстауна и его округа по преимуществу состоитъ изъ англичанъ; овцеводство было нѣкогда его главнымъ промысломъ, но такъ какъ область, называемая *Zuur veld'om*, производитъ лишь «кислую» траву, не пригодную для стадъ, то во многихъ мѣстностяхъ овецъ замѣнили страусами. Здѣсь именно съ наибольшимъ успѣхомъ практиковалось разведеніе этихъ птицъ и приготовленіе страусовыхъ перьевъ.

Греэмстаунъ зависитъ во вѣнчаній своей торговлѣ отъ Порта-Елизаветы. Но, такъ какъ ему хотѣлось имѣть и свой собственный портъ, то на ближайшемъ къ нему пункѣ морского берега, въ устьѣ небольшой рѣки *Koosie*, были предприняты обширныя работы по прорытию бара и устройства складовъ; и отныне в易于 въ рѣку и разгрузиться на набережной нового порта, названного Портъ-Альфредъ, могутъ уже корабли съ водонизмѣщениемъ болѣе двухъ съ половиной метровъ. Греэмстаунъ соединенъ съ Портъ-Альфредомъ желѣзною дорогою, которая проходитъ чрезъ земледѣльческое мѣстечко Батурстъ (*Bathurst*). Въ 1886 году, вошедшихъ въ Портъ-Альфредъ и вышедшихъ изъ него кораблей было 117, а общая вмѣстимость ихъ равнялась 214.292 тоннамъ. Лѣтомъ на сосѣднѣхъ пляжахъ около порта видныются многочисленные купающіеся. Мысъ, находящійся на западѣ и ограничивающій вырѣзку бухты Альгоа, называется «сар *Pardone*», безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что португальцы, какъ это дѣлали и на многихъ другихъ мысахъ морского побережья, нѣкогда воздвигли «padrao» (колонну) и на немъ. Около этого мыса находится также новое село Александрия.

Бассейнъ Большой Рыбной рѣки (*Great Fish-river*), извиающейся къ востоку отъ холмовъ Греэмстауна, начинается на хребтѣ высокихъ сѣверныхъ горъ, по сосѣдству съ Оранжевой рѣкой, и дѣлится на нѣсколько избирательныхъ округовъ. Миддельбургъ, расположенный на одномъ изъ верховыхъ притоковъ рѣки, находится уже на томъ подъемѣ, по которому желѣзная дорога изъ Порта Елизаветы вѣзется на Босвортскій перевалъ, лежащий на высотѣ 1.580 метровъ,—слѣдовательно, выше, чѣмъ перевалы желѣзныхъ дорогъ въ Альпахъ,—а затѣмъ снова спускается въ прибрежныя равнини Оранжевой рѣки. Городъ Крадокъ на томъ же берегу *Great Fish-river*, также какъ и Таркастадъ на одномъ изъ я притоковъ, есть одинъ изъ рынковъ колоніи по вывозу шерсти; въ окрестностяхъ *Cradock'a* еще водится нѣсколько паръ квагги, которую нынѣ охраняетъ законъ объ охотѣ¹⁾. *Somerset* и *Bedford*—также земледѣльческие центры, тогда какъ *Fort-Beaufort* сохранилъ еще кое-что изъ своего прежняго военного вида; онъ былъ передовымъ постомъ въ краѣ кафровъ, и въ 1851 году отразилъ нѣсколько яростныхъ штурмовъ туземцевъ. Округъ, простирающійся къ сѣверу, на южномъ склонѣ *Eland-berg'a*, называется нынѣ Стоккенстромъ (*Stockenstrom*): это была колонія на р. *Kat-river*, до войны 1851 года принадлежавшая исключительно готтентотамъ; но такъ какъ земли тамошнія плодородны и хорошо оро-

¹⁾ Holub, „Sieben Jahre in Sued-Afrika“.

шаются р. Катъ-риверъ, то бѣлые и напали обычные предлоги для ихъ захвата; нынѣ посреди прежней готтентотской энклавы находится мѣстечко Сеймуръ, обитаемое англичанами. Южнѣе, мѣстечки *Lovedale*, центръ миссій и школъ, и *Alice* лежать въ долинѣ рѣки Кейскамма (*Keiskamma*); недалекъ оттуда, бывшій военный постъ *Fort-Peddie*, сталъ главнымъ мѣстечкомъ той «нейтральной полосы», которую нѣкогда ограничивала съ одной стороны Большая Рыбная рѣка, а съ другой Кейскамма.

На востокѣ пограничная область, оспаривавшаяся у туземцевъ еще позднѣе, тоже имѣетъ свои колоніи бѣлыхъ. Столицею этой завоеванной территории служить *King-Wiliam'stown* (городъ короля Вильяма), вообще извѣстный просто подъ именемъ Кинга: это— большой складочный пунктъ и главный посредникъ въ торговлѣ между англійскою колоніею и кафрами. Почти всѣ фермы по берегамъ протекающей черезъ этотъ городъ рѣки Буффало (*Buffalo-river*), разсѣянныя по окрестностямъ, населены вѣмцами, потомками солдатъ англо-германского легіона, распущенаго послѣ Крымской войны; Берлинъ, Потсдамъ, Брауншвейгъ, Франкфуртъ—таковы наименованияселеній въ этой странѣ. Подобно *Graham'stown'y*, King пожелалъ имѣть свой портъ: посредствомъ желѣзной дороги онъ соединенъ съ одною изъ наиболѣе опасныхъ на южномъ берегу пристаней—Восточнымъ Лондономъ (*East London*), подойти къ которой часто нельзя бываетъ по нѣсколько дній подрядъ. И хотя предпринимались большія работы, устраивались набережныя и молы, углублялся входъ въ портъ, но все это оказалось безуспѣшнымъ: прежде р. *Buffalo*, изливающаяся здѣсь въ море, иногда, при своихъ внезапныхъ разливахъ, смывала также свой баръ, и тогда въ портъ могли входить суда съ осадкой въ шесть метровъ; нынѣ же баръ укрѣпился, и покрывающій его слой воды не бываетъ толще двухъ съ половиной метровъ. Въ южной Африкѣ сложилась даже поговорка, что Восточный Лондонъ — одинъ изъ портовъ, предпочтительнѣе избираемыхъ тѣми арматорами, которые хотятъ погубить свое судно—вмѣстѣ съ экипажемъ, конечно,—чтобы получить страховую премію¹⁾) Тѣмъ не менѣе, *East-London*—второй портъ колоніи по вывозу шерсти. Такъ, въ 1886 г., шерсти было вывезено изъ Истъ-Лондона — 7.088.500 килограммовъ. Вошло въ портъ 277 судовъ, съ вмѣстимостью въ 525.968 тоннъ; вышло 377, съ вмѣстимостью въ 527.238 тоннъ. Общая цѣнность товарооборота равнялась 29.929.900 франкамъ. *Въ

это послѣднее время гавань его, при помощи землечерпалыхъ машинъ, значительно улучшена; такъ что суда съ осадкой въ 5 метровъ могутъ приставать къ набрежнымъ р. Буффало^{2)*}.

King William's town, подобно главнымъ городамъ запада, соединенъ съ долиною Оранжевой рѣки желѣзной дорогой, взирающейся за горы. Она идетъ на *Stutterheim*, *Cathcart* и *Queenstown*, по хорошо орошенной области, нѣкогда принадлежавшей кафрамъ племени тамбуки, затѣмъ огибаетъ пирамидальную масу *Hang-Klip* и переваливаетъ черезъ гребень Стормбергена на значительной высотѣ 1.702 метра, т. е. на 240 метровъ выше Пюи-де-Дома. Спускаясь, затѣмъ, эта желѣзная дорога пересѣкаетъ каменноугольный пояс Мольтено, доставляющій уголь для желѣзодорожной сѣти колоніи; послѣ этого, достигнувъ равнины, она направляется на *Burghers* и подходитъ къ берегу Оранжевой рѣки на станціи *Aliwal-North*; на этой станціи производится весьма дѣятельная торговля съ Оранжевой республикой, территорія которой начинается по ту сторону рѣки. Соединяетъ *Aliwal-North* съ предмѣстьемъ на противоположномъ берегу мостъ въ 260 метровъ. На востокѣ область, заключающаяся между рѣками Оранжевою и Толле и гребнемъ горы Куатламба, причисляется еще къ Капской колоніи. Главный села въ этомъ альпійскомъ краю: *Neitschel*, выстроенное на лѣвомъ берегу Оранжевой рѣки, и *Barkly*, расположенное въ горной долинѣ, близъ р. Крааль, впадающей въ Оранжевую рѣку въ небольшомъ разстояніи кверху отъ *Aliwal-North'a*.

На западѣ, полоса колоніальной территоріи, принадлежащая къ бассейну Оранжевой рѣки, постепенно расширяется, но на этихъ высокихъ равнинахъ, нѣкогда обитаемыхъ миріадами большихъ млекопитающихъ, а нынѣ предоставленныхъ пастьбищъ скота, города и селы рѣдки. Городъ Кольсбергъ (*Colesberg*), соединенный желѣзной дорогою съ Портомъ Елизаветы, служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, предназначенныхъ для Оранжевой республики: международный мостъ пересѣкаетъ здѣсь рѣку въ тридцати километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города. Два другихъ моста слѣдуютъ заnimъ на сѣверо-западѣ, между территоріею колоніи и ея новымъ пріобрѣтеніемъ, *Griqua-land-Wes'*омъ; одинъ изъ этихъ мостовъ находится на желѣзной дорогѣ, направляющейся изъ Каптауна въ страну Алмазовъ; а другой, находящійся около города Норптаунъ, представляетъ самое замѣчательное изъ построекъ этого рода въ предѣлахъ Капской колоніи: общая длина его равняется 427 метрамъ. Гоптаунъ (*Hopetown*), находится на разстояніи болѣе, чѣмъ тысячи километровъ отъ Атлантическаго океана, является

¹⁾ Anthony Trollope, „South-Africa“; — De Hubner, „A travers l'Empire Britannique“.

послѣднимъ изъ прибрежныхъ городовъ на Оранжевой рѣкѣ; книзу отъ него есть только отдаленные фермы, краали готтентотовъ, миссионерскіе станы, германскія «колоніи Штольценфельсъ» и становища бушменовъ. Дальше внутрь, къ подошвѣ горъ, находятся нѣсколько деревень, служащихъ рынками для окрестныхъ пастуховъ: таковы: *Hanover, Richmond, Victoria-West, Fraserburg и Carnarvon*.

По переписи 1891 г., главнѣйшие города Капской колоніи имѣли слѣдующее число жителей: Кэптаунъ (Капстадтъ) — 51.000 жит. (съ предмѣстьями — 84.000); Кимберлей — 29.000; Портъ-Элизабетъ — 23.000; Греемстонъ — 10.000; Биконс菲尔дъ — 10.000; Наарль — 8.000; Кингъ-Вильямстаунъ — 7.000; Восточный Лондонъ (Истъ-Лондонъ) — 7.000; Графъ-Рейнеть — 7.000; Ворчестър — 6 000; Уитенгаге — 5.000 жит.

Населеніе колоніи быстро увеличивается вслѣдствіе избытка рожденій; семейства весьма многочисленны: указываютъ такихъ патриарховъ, семьи которыхъ заключаютъ болѣе двухсотъ еще живущихъ потомковъ¹⁾). Тѣмъ не менѣе, число жителей еще очень мало въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ территоріи, пригодной для пользованія. Южная Африка, по крайней мѣрѣ во всей ея приморской области, пользуется такимъ климатомъ, который позволяетъ воздѣлывать почву, и каждый фермеръ считаетъ честью производить въ своей оградѣ одновременно «зерно и вино, мясо и шерсть». Продажная цѣна земли еще не велика, если только помѣстъ находится не вблизи городовъ или не въ очень хорошо орошающей мѣстности, гдѣ преобладаетъ уже спекуляція; въ среднемъ, цѣнность хорошихъ земель колеблется между 30 и 100 франками за гектаръ; въ округахъ же съ безводною почвою за эту цѣну можно купить участокъ въ квадратный километръ. Большая часть пахатной земли колоніи находится уже въ рукахъ частныхъ собственниковъ; но также существуютъ и обширные кустарники и нѣкѣмъ не занимаемая земли, которыми владѣетъ «корона» и которая, послѣ кадастрированія ихъ, поступаютъ въ продажу. Покупщикъ обязуется или уплачивать ежегодно двадцатую часть оцѣночной стоимости, или же вносить всю цѣну сразу. Въ восточныхъ округахъ, прежнихъ «выгонныхъ» территоріяхъ капскихъ пастуховъ, большая пространства конфискованныхъ у непріятеля земель были подѣлены на участки, величиной отъ 320 аровъ до 200 гектаровъ, а въ большинствѣ даже и на меньшія доли; эти земли продавались, однако, только такимъ покупателямъ, которые не были еще собственниками именій, превышающихъ

200 гектаровъ. Такимъ путемъ хотѣли создать мелкую земельную собственность, и въ этой области дѣйствительно земля весьма раздроблена: англичане, германцы, готтентоты и кафры живутъ тамъ другъ подлѣ друга въ качествѣ мирныхъ земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ болѣе къ западу и въ особенности въ пастушескихъ краяхъ преобладаетъ крупное землевладѣніе; въ среднемъ, концессіонеры завладѣли пространствомъ, вчетверо превышающимъ октроированное имъ правительствомъ¹⁾). Даже по сосѣдству съ Кэптауномъ не рѣдки имѣнія въ тысячу и болѣе гектаровъ; Южная Африка, подобно Великобританіи, имѣеть, слѣдовательно, и свою земельную аристократію. Къ 31 декабря 1886 года частно-владѣльческихъ земель состояло 36.356.808 гектаровъ, и оставалось еще подлежащихъ продажѣ — 18.977.930 гектаровъ*. Къ 31 декабря 1894 г. общая площадь состоящихъ во владѣніи колонистовъ земель составляла 417.594 кв. километр., изъ которыхъ въ одномъ только 1894 г. было приобрѣтено колонистами 10.427 кв. килом., въ 1.269 участкахъ; при этомъ состояло еще 165.301 кв. килом. въ распоряженіи казны, которая владѣла также 1.390 кв. килом. лѣсныхъ дачъ*.

Хлѣбные злаки приносятъ урожай весьма удовлетворительные для вознагражденія трудовъ земледѣльца; но, тѣмъ не менѣе, въ колонію ежедневно ввозится мукою и зерномъ хлѣба на сумму отъ 7 до 15 миллионовъ франковъ. Шпеницу сѣютъ въ особенности въ сосѣдствѣ двухъ главныхъ городовъ, на востокѣ и на западѣ, а также и въ сѣверо-восточныхъ округахъ,сосѣднихъ съ Кафрапіею и Оранжевою республикою. Маисъ и просо являются предпочтительными хлѣбными растеніями въ восточныхъ округахъ, юго-западныхъ съ Кафрапіею; но тамъ, какъ и повсюду въ колоніи, хорошо удаются и всѣ питательные растенія умѣренной полосы Европы. Табакъ въ особенности воздѣлывается въ долинѣ рѣки Олл-Фантъ, восточного притока Гауритса: годичный сборъ табачного листа достигаетъ приблизительно полутора миллиона килограммовъ (въ 1894 г. — 2.406 тоннъ), которые всецѣло и потребляются въ предѣлахъ колоніи Южной Африки. Извѣстно также, что виноградная лоза представляетъ одно изъ первыхъ европейскихъ растеній, введенныхъ колонистами Капа; эмигранты-гугеноты выкалывали ее изъ садовъ, чтобы развести настоящіе виноградники, и округи, гдѣ гугеноты поселились, еще и до сихъ поръ болѣе всего славятся въ колоніи качествомъ своихъ винъ. Климатъ юго-западной оконечности материка удивительнымъ образомъ благопріятствуетъ разведенію винограда, и возможно, что въ этомъ отношеніи

¹⁾ De Huber, „A travers l'Empire britannique“.

¹⁾ G. Mac Coll Theal, упом. соч.

не существует другой области на земной поверхности, которая находилась бы въ столь же благопріятныхъ условияхъ: за весенними дождями, способствующими развитию побѣговъ и гроздѣй, слѣдуютъ лѣтніе жары, хотя и содѣйствующіе созреванию ягодъ, но, благодаря нормальной влажности атмосферы, все-таки не изсушающіе ихъ. Поэтому, годичная производительность виноградниковъ превосходитъ производительность ихъ въ другихъ странахъ свѣта; эта разница между ними такъ велика, что можетъ показаться «невѣроятной» большинству виноградарей: въ то время, какъ въ различныхъ краяхъ, производящихъ виноградъ, продуктивность гектара колеблется между 14 и 15 гектолитрами (во Франціи, напр., въ особо благопріятномъ 1875 году она равнялась 30, въ среднеурожайный 1883 годъ—18, а въ несчастливый 1885 г. всего лишь 14 гектолитрамъ), въ приморскомъ округѣ Капа она достигаетъ 86 гектолитровъ, а во внутреннихъ округахъ, отъ Worcester'a до Oudtshorn'a, количество продукта, получаемое съ гектара, доходитъ до 173 гектаровъ¹⁾). Несмотря, однако, на такую чрезвычайную продуктивность, въ западной части колоніи воздѣлываютъ подъ виноградники лишь довольно небольшую часть изъ пригодныхъ для этого земель: такъ, хотя эта культура изъ года въ годь все и возрастаетъ, но тѣмъ не менѣе въ 1886 году подъ виноградниками не насчитывалось еще и десяти тысячъ гектаровъ. Въ 1894 г. во всей Капской колоніи насчитывалось 85.706.974 лозы, которые дали 207.019 гектолитр. вина, 62.855 гектол. водки и 717.244 килограм. изюма. Правда, уборка винограда обыкновенно совершається неразумно, а большая часть винъ, дурно приготовленныхъ и подмѣшанныхъ водою, не нравится любителямъ. Вообще, прославленность каспскихъ домашнихъ винъ, весьма значительная въ первую половину текущаго вѣка, съ тѣхъ поръ значительно поуменьшилась; пѣкоторые виноградари, однако, трудятся надъ возстановленіемъ этой утерянной славы. Пострадали каспкие виноградники, въ свою очередь, также и отъ oidium'a, а въ 1886 году, въ пѣкоторыхъ участкахъ около столицы была обнаружена даже и phylloxera.

Скотоводствомъ и связанными съ нимъ промыслами занимается, какъ полагаютъ, третья часть жителей колоніи (по исчислению, относящемуся къ концу 1895 г., земледѣлемъ, вмѣстѣ съ скотоводствомъ, заняты 672.458 лицъ). Порода лошадей—происшедшія отъ производителей, привезенныхъ съ La-Платы и улучшенная, затѣмъ, прымѣсью арабской и англійской крови—обладаетъ рѣдкими качествами въ отношеніи силы, ловкости и выносливости, и у конно- заводчиковъ есть уже «золотая книга»

съ прозваніями прославившихся скакуновъ; число лошадей въ колоніи въ 1894 г. около 340.000. Крупный рогатый скотъ далеко превышаетъ численность лошадей (въ 1894 г.—1.930.800 головъ); происходит онъ отчасти отъ тѣхъ длиннорогихъ животныхъ, которыхъ имѣлись у готтентотовъ ко времени прибытия первыхъ колонистовъ; съ тѣхъ поръ порода въ теченіе долгаго времени видоизмѣнялась, вслѣдствіе скрещивания съ животными, привозимыми изъ Англіи и Голландіи. Сотни тысячъ быковъ употребляются единственно для перевозки людей и товаровъ въ округа колоніи и въ сѣдніе края, еще не пересѣченные желѣзными путями; пѣкоторыи формеры специально занимаются разведеніемъ быковъ подъ выюкъ и подъ гоньбу: Южная Африка—единственная страна въ свѣтѣ, въ которой имѣется этотъ промыселъ, унаследованный отъ готтентотовъ и кафровъ. Но, съ другой стороны, молочныхъ коровъ сравнительно весьма не многочисленны: собраніе молочныхъ скоповъ и приготовленіе масла производится фермерами только по сѣдству съ большими городами. Отъ эпизоотій часто исчезали цѣлые стада.

Нынѣ главное богатство колоніи заключается въ стадахъ овецъ. Когда голландцы поселились въ странѣ, они нашли тамъ овцу съ жирнымъ хвостомъ и жесткою шерстью, встречающуюся въ большей части африканскаго материка; такихъ животныхъ насчитываютъ у бѣлыхъ и желтыхъ фермеровъ колоніи въ понынѣ около миллиона головъ; недавно число ихъ даже увеличилось, такъ какъ мясо этой породы весьма цѣнится; вслѣдствіе этого, ее преимущественно и разводятъ для убоя на мясо. Первые европейскія овцы съ тонкой шерстью были привезены только въ 1790 году, и въ 1830 году вывозъ шерсти съ Капа не превышалъ еще и пятидесяти тоннъ: тканье шерсти было не извѣстно въ краѣ, и даже о-съ пору въ старинныхъ семействахъ голландскихъ буровъ не найдется ни одной женщины, которая умѣла бы держать прылку и связывать пару чулокъ. Производство шерсти стало значительнымъ только около средины текущаго вѣка; затѣмъ, оно быстро возростало, и въ 1872 году промыселъ этотъ достигъ наибольшей степени процвѣтанія. Послѣ этого, онъ значительно уменьшился, вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ и, вѣроятно, также вслѣдствіе того, что шерсть изъ Оранжевой республики, пѣкогда вывозимая чрезъ Капскую колонію и считавшаяся каспкою и по происхожденію, нынѣ вывозится чрезъ Наталь. Впрочемъ, изъ Капа въ 1896 году вывезено шерсти на сумму 1.875.000 фунт. стерл. Въ 1894 г. насчитывалось 15.154.753 овцы, изъ нихъ 13.631.011 мериносовъ. Каспіе бараны и овцы были, благодаря своему руну, главными дѣятелями по разсеянію растительныхъ видовъ; новы-

¹⁾ D. Hahn, „John Noble's Cape of Good Hope“.

ду, куда они ни проникаютъ, они приносятъ съ собою также и сѣмена тѣхъ странъ, гдѣ паслись; выѣшній видъ растительности во многихъ мѣстностяхъ странъ, находящихся къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, вполнѣ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ тамъ стали заниматься овцеводствомъ. Съ половины текущаго столѣтія капскіе скотоводы стали акклиматизировать въ своемъ краѣ также ангorskую козу, и существуетъ мнѣніе, будто «могеръ» — т. е. козья шерсть, происходящая изъ Южной Африки, превосходить такую же шерсть изъ Малой Азіи тонкостью и нѣжностью, хотя, однако, не можетъ сравняться съ нею своимъ блескомъ. Въ 1896 году вывезено козьей шерсти изъ капской колоніи на сумму 572.000 фунт. стерл. Въ паркахъ колоніи пасутся тысячами различные виды одомашненныхъ антилопъ, главнымъ образомъ породы, называемой *boule-boks*.

До 1864 года страусъ былъ для капскихъ колонистовъ лишь дичью и преслѣдовался такъ усердно, что предвидѣли уже время, когда онъ долженъ быть совершенно исчезнутъ изъ Южной Африки. Однако, два фермера, въ различныхъ мѣстахъ колоніи, занялись приученіемъ страусовъ и замѣною охоты на этихъ птицъ ихъ разведеніемъ: послѣдствіемъ этого и былъ тотъ фактъ, что, при сельско-хозяйственномъ кадастрованіи въ 1855 году, въ живомъ инвентарѣ колоніи насчитывалось уже 80 страусовъ, доставлявшихъ для вывоза около пятидесяти килограммовъ перьевъ, впрочемъ, менѣе красивыхъ, чѣмъ перья дикихъ варварийскихъ страусовъ. Приученіе мало-по-малу измѣнило характеръ этого дикаго животнаго, столь пугливаго и столь яростнаго, и безъ большой опасности уже можно было воспитывать молодыхъ цыплятъ; но значительное развитіе промыселъ получилъ только послѣ введенія на фермахъ искусственного высиживанія. Число птицъ быстро увеличилось, и въ 1882 году оно достигло приблизительно полутораста тысячъ; при этомъ, количество вывозимыхъ перьевъ равнялось 114.000 кил., а общая ихъ цѣнность достигла 27.350.000 франковъ; охотно платили по 250 франковъ за вылупившагося изъ яйца страусика, а взрослые птицы съ красивымъ опереніемъ цѣнились въ тысячи и тысячи франковъ. Однако, съ 1883 года, страусоводство перестало быть такимъ выгоднымъ; болѣзни уменьшили надежды на выходъ цыплятъ; издержки возросли; и — еще болѣе важное обстоятельство — непостоянство моды убавило болѣе чѣмъ на половину цѣнность страусовыхъ перьевъ: такъ, средняя стоимость килограмма ихъ на Капѣ достигала въ 1860 году 446 франковъ, а въ 1884 году она уже равнялась всего лишь 228 франкамъ; сдѣлавшись менѣе рѣдкими, эти великолѣпные уборы перестали уже счи-

таться неопѣнимыми. Со вѣмъ тѣмъ, Капская колонія до сихъ поръ сохранила за собою виртуальную монополію на этотъ родъ торговли: попытки одомашнить страуса въ Алжирѣ, Триполи, Австраліи, на берегахъ Ла-Платы и въ Калифорніи не увенчались успѣхомъ, а для воспрепятствованія вывоза этого животнаго, Капское правительство установило вывозную пошлину въ 2.500 франковъ за каждого страуса и въ 125 франковъ за каждое его яйцо. Въ 1894 году страусовъ насчитывалось 240.191; перьевъ было вывезено въ 1896 г. на сумму 520.000 фунт. стерл.

Для разведенія животныхъ, а также и для земледѣлія въ собственномъ смыслѣ этого слова, необходимо большое количество воды, а между тѣмъ сильно бывающіе ключи и постоянные ручьи рѣдки; отсюда является забота земледѣльцевъ о задержаніи дождевыхъ водъ и о предотвращеніи ихъ растраты. Оросительныя канавы распредѣляются по прибрежнымъ полямъ оплодотворяющую воду большей части рѣкъ; кромѣ того, рѣчная вода и прямо накачивается при посредствѣ насосовъ и водоналивныхъ машинъ. Но тамъ, гдѣ не бываютъ ключи, а также не протекаютъ и рѣки, приходится обнаруживать присутствіе скрытыхъ водъ, рыть колодцы въ тѣхъ ложбинахъ, по которымъ проходятъ глубокія струи, а также и вдоль образуемыхъ скалами запрудъ, задерживающихъ потоки водъ на ихъ подземномъ пути. Пастухи пустыни Кару весьма опыты въ распознаваніи, по растительности на поверхности, тѣхъ скопленій воды, которые образуются въ глубинѣ. Большая часть собственниковъ, въ помѣстьяхъ которыхъ имѣются овраги или наклонъ поверхности, воспользовались этимъ для возведенія плотинъ, передъ которыми и собираются дождевые воды: нѣкоторыя изъ такихъ искусственныхъ озеръ имѣютъ по нѣсколько километровъ въ окружности и содержать, поѣтъ дождей, миллионы кубическихъ метровъ воды. Благодаря этимъ водохранилищамъ, видоизмѣнились также и многія области Кару: большія деревни, плодовые сады и зеленые луга видныются тамъ, гдѣ прежде находились только безплодныя земли, съ разсѣянными по нимъ колючими кустарниками. Пожирающія траву туши саранчи появляются послѣ долгихъ промежутковъ времени, лѣтъ черезъ 15 или 20.

До недавнаго времени капскіе англичане и голландцы ограничивались лишь пользованіемъ почвою и отсылкою въ Европу своего сырья; ихъ мѣстные, немногочисленные промыслы состояли лишь въ выѣлѣкѣ вещей, самыхъ необходимыхъ въ повседневномъ обиходѣ. Нынѣ уже не то: колонія научается обходиться безъ великобританскихъ произведений, и для содѣствія развитію своей собственной промышленности она стала принимать даже и запрети-

тельная мѣры. У Капа уже имѣются свои винокурни, пивоварни и мукомольные мельницы, скорняжни и мыловарни, мастерскія для производства мебели, повозокъ и машинъ; уже существуютъ попытки ткать шесть и приготовлять сукна; Канская колонія снабжаетъ Англію всякаго рода консервами и вареньями, тайвою приготовленіемъ которыхъ еще недавно обладали голландскія хозяйки. Капъ—также край и горно-промышленный, и между прибывающими туда искать счастья переселенцами есть также многочисленные рудокопы изъ Корнуоллса, удалившіеся изъ своей родины, вслѣдствіе обѣднѣнія англійскихъ рудъ. Разработка мѣдной руды въ области племени намакуа и каменноугольныхъ копи въ горахъ Стормбергенъ составляютъ главные горные промыслы колоніи; кроме того, методически собирается гуано на островахъ западнаго берега и соль какъ въ тѣхъ приморскихъ бухтахъ, дно которыхъ выступаетъ изъ-подъ воды, такъ и въ низинахъ Кару и бассейна Оранжевой рѣки. Канская соль, превосходная для соленій, употребляется и на вѣкоторыхъ тоняхъ, заготовляющихъ соленую рыбу, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза въ Англію. Въ 1884 году Канская рыболовная флотилія состояла изъ 335 судовъ, съ экипажемъ въ 1.800 человѣкъ. Соленой рыбы было вывезено 1.234.000 килограммовъ на сумму 405.150 франковъ.

Торговля колоніи, возрастающая съ каждымъ десятилѣтіемъ и гораздо быстрѣе, чѣмъ число ея жителей, однако, временно сократилась съ тѣхъ поръ, какъ засухи, биржевыя спекуляціи, перемѣны модъ и соперничество уменьшили вывозъ шерсти и страусовыхъ перьевъ; но, и при этомъ уменьшенніи, вѣнчая торговля, при раскладкѣ цѣнности ея на каждого жителя—блѣаго, желтаго и чернаго—окажется равнou заграничной торговлѣ Франціи. Такъ, въ очень благопріятный 1882 годъ, балансъ Канской торговли равнялся 466.965.485 франкамъ; въ 1886 году было ввезено на 94.981.526 франковъ и вывезено на 178.133.900 франковъ, или вмѣстѣ на 273.115.425 фр., что составить около 200 франковъ на человѣка. *Въ 1896 г., специальная торговля колоніи выразилась слѣдующими цифрами: по привозу—17.347.000, по вывозу—16.700.000 фунт. стерл. *Почти вся канская торговля и въ особенности вывозная ведется съ Соединеннымъ Королевствомъ; затѣмъ, изъ того незначительного остатка, который приходится на всѣ остальные страны, болѣе одной трети выпадаетъ на долю другихъ британскихъ колоній.

Распределеніе виѣшней торговли колоніи по странамъ: въ 1896 г (въ тысячахъ фунт. стерл.):

Съ Великобританію—29.015; съ другими англійскими колоніями—913; съ Соединенны-

ми Штатами—1.730; съ Германіей—1.082; съ Бельгіей—335; съ Бразиліей—324; съ прочими странами—593*.

Прямой торговли Франціи съ Канскоj колоніj почти не существуетъ. Для привоза и вывоза всѣхъ товаровъ служатъ почты только одни англійскія суда: такъ, изъ 5.447.217 тоннъ общей вмѣстимости судовъ, бывшихъ въ 1885 году въ портахъ Канскоj колоніи, на долю британскихъ пришлось 5.140.000 тоннъ. *Движеніе судоходства въ портахъ колоніи: въ 1896 г.: въ приходѣ—2 384 судна, вмѣстѣ 6.029.097 тоннъ; въ отходѣ—2.361 судно, вмѣстим. 6 012.618 тоннъ*. Хотя прорытъ Суэзскаго перешейка, такъ оказать устравио Капъ, удаливъ его отъ главной дороги между Западной Европой и Индіей, тѣмъ не менѣе, оно посвѣщается нынѣ гораздо большимъ количествомъ судовъ, чѣмъ въ то время, когда Красное море еще было отѣлено отъ моря Александрийскаго. При этомъ должно также замѣтить, что, благодаря успѣхамъ въ механикѣ, пакетботы между Англіею и Австралиею получили возможность, не заходя въ канские порты за провизіе и углемъ, проплыть вдали береговъ Южной Африки. Та доля британской торговли, которая совершаются при посредствѣ судовъ, огибающихъ мысъ Доброї Надежды, но не пристающихъ къ Африкѣ, исчисляется въ 1.250 миллионовъ франковъ въ годъ. Телеграфный кабель, соединяющій другъ съ другомъ порты западнаго берега Африки, также связываетъ Капъ съ телеграфною сѣтью Европы и Нового Свѣта.

Сѣть путей сообщенія внутри края возростаетъ быстро. Извѣстно, какъ нѣкогда дѣлались здѣсь путешествія, какъ голландскіе буры совершили свои *reisen* изъ прибрежныхъ областей въ края по ту сторону горъ. Дорогъ не было; приходилось держаться измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ прежнихъ проѣздовъ, пробираясь между песками и грязью, кустарниками и каменьями. Повозки, которыми пользовались при подобныхъ путешествіяхъ, строились изъ упругаго и крѣпкаго дерева, скрипѣвшаго при каждомъ толчкѣ; имъ придавали большую ширину, дабы онѣ не могли опрокинуться на косогораѣ, а внутри эти повозки дробились на отдѣленія для помѣщенія тамъ сѣбѣстныхъ припасовъ, хозяйственныхъ принадлежностей, товаровъ и постелей; прочая парусина защищала отъ вѣтра, пыли и дождя путешественниковъ, расположившихся въ этой катящимся домѣ. Обычно семейства переселялись по нѣскольку вмѣстѣ для оказанія взимной помощи во время бури, а также и при нападеніяхъ дикарей или зѣрей: шесть, десять повозокъ тянулись слѣдомъ одна за другою, будучи запряжены каждой нѣсколькими парами воловъ въ ярмо, но безъ возжей; возжатый понукалъ воловъ голосомъ, подкрѣпляя

по временамъ свои понуканія ударами хвостинъ длиною въ нѣсколько метровъ. Почти всегда передъ первою парою воловъ шелъ молодой парень, заставляя ее поворачивать направо или налево, а при переправѣ черезъ рѣки даже плылъ передъ животными, воодушевляя ихъ своимъ пріемомъ и препятствуя имъ останавливаться, такъ какъ, иначе, теченье могло бы опрокинуть всю упряжку. Хотя грузъ каждой повозки не превышалъ одной тонны, но при поднятияхъ на скалы обычная упряжка оказывалась недостаточной; приходилось припрагать еще нѣсколько животныхъ и такимъ образомъ десять, двѣнадцать паръ воловъ перетаскивали чрезъ трудное мѣсто одну телѣгу, а затѣмъ возвращались назадъ за вторую, третью и слѣдующими повозками. Иногда приходилось даже разбирать повозки и переносить ихъ поштучно чрезъ скалистыя мѣста. Часто животные падали мертвыми отъ изнеможенія, и тогда путешественники располагались становъ въ пустынѣ, въ ожиданіи, пока гонцы не добудутъ подкѣплений. И, однако, несмотря на всѣ опасности, на всѣ трудности подобныхъ путешествий, объ нихъ всегда вспоминали съ радостью, а возобновляли ихъ съ удовольствіемъ. Ввечеру повозки располагали кругомъ, зажигали большия костры, чтобы отогнать дикихъ звѣрей, свѣтящіяся глаза которыхъ порою блестали въ кустахъ, и до поздней ночи развлекались отъ дневныхъ трудовъ музыкою и танцами.

Нынѣ уже не совершаютъ этихъ длительныхъ путешествій по Капской колоніи; телѣги служатъ только для проѣзда и доставленія товаровъ въ отдаленные деревни. Сѣть большихъ, проѣзжихъ для экипажей, дорогъ избрала терріторію во всѣхъ направленияхъ, смѣло выбираясь даже и на горы; путевые сооруженія, проложенные чрезъ проходы Montagne и Soutiheu, въ юго-западной области колоніи, и Catberg, между Оранжевой рѣкой и Грэмстономъ,—составляютъ славу инженеровъ колоніи; колонисты съ гордостью показываютъ ихъ иностранцамъ. Всѣхъ большихъ дорогъ въ колоніи въ 1885 году было 13.500 километровъ. Желѣзныя дороги, идущія изъ Каптауна, Портъ-Елизаветы, Щортъ-Альфреда и East London'a, проникаютъ далеко внутрь, переваливая чрезъ горы и преграды, высотою въ нѣсколько сотенъ, а иногда даже и свыше тысячи метровъ, и такимъ образомъ достигая до Оранжевой рѣки или же переступая и чрезъ нее. *Въ концѣ 1896 г. желѣзныхъ дорогъ въ Капской колоніи было 4.024 километра, въ томъ числѣ 3.626 километр. казенныхъ. Телеграфная сѣть колоніи состояла изъ линій общей длиной 10 308 километр. въ теченіе 1896 года телеграммъ было переслано 2.279.668. Доходы отъ этихъ общеполезныхъ учрежденій составляютъ значительную часть

бюджета. Капиталъ, затраченный на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, составлялъ, въ 1893 г., 16.686.750 фунт. стерл.; валовой доходъ, въ 1893 г., равнялся 2.559.542, расходъ—1.560.946 ф. стерл.; перевезено, въ 1892 г.: пассажировъ—4.771.600, товаровъ—713.500 тоннъ*.

Въ продолженіе всей первой половины XIX столѣтія Капская колонія была простою принадлежностью, собственностью «Короны»; губернаторы управляли отъ имени королевы, въ первые годы единолично, затѣмъ, при содѣствіи совѣтовъ: исполнительнаго и законодательнаго, члены которыхъ назначались непосредственно англійскимъ правительствомъ. Колоніальный парламентъ существуетъ только съ 1853 года; но назначеніе губернатора и его замѣстителя по-прежнему принадлежитъ коронѣ, которая сохранила также право veto. По конституціи, скопированной въ большей своей части съ британскаго образца, парламентъ дѣлится на двѣ палаты: «нижнюю», или «собраніе» (House of Assembly) и «верхнюю или законодательный совѣтъ». Первая состоитъ изъ 76 членовъ, избранныхъ на periodъ въ пять лѣтъ и вознаграждаемыхъ 25 франковъ за каждое засѣданіе; вторая же имѣеть только 22 члена, получающихъ титулъ «почтенныхъ» и избираемыхъ на семь лѣтъ между богатыми, имѣющими по крайней мѣрѣ на 50 тысячъ франковъ недвижимости или на 100 тысячъ франковъ собственности движимой. Избирателями въ обѣ палаты являются всѣ британские подданные, безразлично бѣлые или черные, собственники имѣнія, приносящаго доходъ по крайней мѣрѣ въ 625 франковъ, или получающіе жалованія не менѣе 1.250 франковъ, безъ пищи, или 625 франковъ, со столомъ и кровомъ. Въ 1886 году избирателей было 88.525; но недавно колоніальное правительство издало постановленіе о лишеніи права подачи голоса тѣхъ чернокожихъ, которые состоятъ собственниками сообща съ другими мѣстными уроженцами. Весьма малое число бѣлыхъ и огромное большинство туземцевъ оказываются, такимъ образомъ, исключенными изъ пользованія избирательныхъ правомъ; вирочемъ, избиратели вообще мало интересуются баллотировкою; изъ чернокожихъ обыкновенно подаютъ голоса лишь тѣ, которыхъ завербовываются партии для проведения своихъ кандидатовъ. Собрание избираетъ своего президента и свое бюро; что же касается совѣта, то въ немъ по праву предсѣдательствуетъ chief-justice (главный судья), избранный центральнаго правительства. Министры, избираемые губернаторомъ между депутатами законодательнаго корпуса, отвѣтственны передъ палатами; это: главный казначай, онъ же и первый министръ, секретарь колонії, генераль-прокуроръ (attor-

пей general) или министр юстиции, комиссаръ публичныхъ работъ и земель, и секретарь по дѣламъ туземцевъ. Подъ предсѣдательствомъ одного изъ ихъ среди министры образуютъ кабинетъ.

Отправление правосудія зависитъ еще отъ англійского правительства: оно назначаетъ field-cornets (veld-korner), т. е. сельскихъ судей, и мировыхъ судей; оно избираетъ также членовъ судовъ: окружныхъ, апелляціонного и верховнаго, и въ важныхъ случаяхъ, можетъ переносить рѣшеніе дѣлъ за предѣлы Капской колоніи, въ тайный совѣтъ самой королевы. Англійское правительство равнымъ образомъ принимаетъ участіе въ управлении военными силами, но оно содержитъ лишь небольшое число солдатъ въ Каптаунѣ и въ Симонстаунѣ. Колоніальная армія, оплачиваемая изъ африканского бюджета, состоитъ изъ полка конныхъ стрѣлковъ (riflemen), при чьемъ къ этому постоянному войску изъ 820 человѣкъ въ 1886 году были присоединены 4.392 волонтера всѣхъ оружій. Кроме того, всѣ здоровые мужчины, въ возрастѣ между 18 и 60 годами, могутъ быть завербовываемы въ случаѣ войны или революціи, и составляютъ фиктивный резервъ болѣе, чѣмъ въ 120 тысячъ солдатъ.

Недавно Церковь еще была соединена съ государствомъ, но не всѣ вѣроисповѣданія пользовались благодѣяніями бюджета. Съ 1875 г. провозглашенъ принципъ отдѣленія церкви отъ государства; и вѣрующіе должны уже сами заботиться о поддержаніи своихъ церквей; правительственное содержаніе сохранено только тѣмъ членамъ духовенства, которые были назначены ранѣе вступленія въ силу закона о вышеупомянутомъ отдѣленіи; такимъ образомъ, церковный бюджетъ уменьшается изъ года въ годъ путемъ своего истощенія. Въ 1887 году онъ обнималъ всего лишь 216.825 франковъ. Самыя значительныя церковныя общины бѣлыхъ суть тѣ, которая были искогда привилегированными, именно: голландскихъ реформаторовъ и англичанъ; однако, обнаруживаются гораздо большую дѣятельность между туземцами миссіонерами-методисты, и большая часть готтентотовъ и кафровъ Капской колоніи присоединяются къ ихъ вѣроисповѣданію. Малайцы остались магометанами и пріобрѣтаютъ даже послѣдователей: Каптаунъ и Портъ-Елизаветы имѣютъ мечети. По вѣроисповѣданіямъ, населеніе колоніи, подвергшееся переписи въ 1891 г., распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (безъ территоріи бечуановъ): протестантовъ—723.047; католиковъ—17.275; евреевъ—3.009; магометанъ—15.009; другихъ сектъ—1.394; язычниковъ и проч.—758.400.

Между тѣмъ, какъ церковный колоніальный бюджетъ постепенно уменьшается, бюджетъ народнаго просвѣщенія возрастаетъ, хотя посвѣщеніе школы и не обязательно для дѣтей.

Изъ дѣтей бѣлыхъ посвѣщали школы въ 1886 году 70%. И хотя школьнія учрежденія зависятъ преимущественно отъ муниципій, содержатся главнымъ образомъ на счетъ добровольныхъ взносовъ, тѣмъ не менѣе правительство содѣйствуетъ развитию школъ прі посредствѣ: стипендій для бѣдныхъ учениковъ, снабженія книгами, картами и инструментами, а также назначенія и жалованія учителямъ. Изъ общаго бюджета на народное просвѣщеніе въ 1885 году въ 5.098.450 франковъ, на долю правительства выпало 2.291.575 франковъ, и на долю мѣстныхъ бюджетовъ 2.807.875 франковъ. Первоначальныя школы дѣлятся на три группы, смотря по происхожденію воспитанниковъ: расовые предразсудки—господствующіе въ Церкви и распредѣляющіе вѣрующіхъ по различнымъ зданіямъ, сообразно цвету ихъ кожи—перенесены также въ школьную систему, и законодатели прилагаютъ заботы къ тому, чтобы сыновья малайцевъ и готтентотовъ не сидѣли рядомъ съ ихъ дѣтьми и не участвовали въ однѣхъ и тѣхъ же играхъ. Публичныя школы бѣлыхъ дѣтей, основанныя въ городахъ и въ деревняхъ, управляются мѣстными комиссіями; школы для дѣтей читовъ въ городахъ и въ промышленныхъ округахъ находятся подъ надзоромъ религиозныхъ обществъ; наконецъ, школы для первенцевъ (аборигеновъ) остались на попеченіи обществъ тѣхъ миссій, которыя ихъ основали; большую частью это ремесленныя училища, въ которыхъ обучаются по преимуществу плотническому дѣлу и мастерствамъ: столярному, экипажному, переплетному и печатному. Большое число учителей набирается изъ туземцевъ. Колонія обладаетъ также высшими школами или коллегіями, приготовляющими молодыхъ людей къ либеральному профессіямъ, подъ контролемъ университетскаго корпуса, экзаменующаго и присуждающаго дипломы. Несмотря на всѣ облегченія, дѣласмыя для народнаго просвѣщенія, пропорція учениковъ весьма низка въ сравненіи съ тою пропорціею, которая наблюдается у сѣверныхъ цивилизованныхъ націй: приходится, именно, всего лишь одинъ учащійся въ школѣ на тридцать капскихъ жителей. Въ 1892 году, въ Капской колоніи начальныхъ школъ было 1.809, съ 61.770 учащихся; высшихъ школъ (колледжей) 4, съ 237 воспитанниками.

Колоніальное правительство уже имѣетъ государственный долгъ, равняющійся шестизѣтнимъ доходамъ. Пошлины въ таможняхъ, судъ при полученіи наслѣдства, гербовый и иѣкоторые другіе сборы пополняютъ болѣе половины бюджета; остальная же часть покрывается доходами отъ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфовъ и мостовъ, а также отъ продажи земель и минеральныхъ мѣсторожденій. Окончательный счетъ финансового 1895—96 года

показалъ приходъ въ 6.803.802, расходъ въ 6.360.404 фунт. стерл. Государственный долгъ къ 31 декабря 1896 г. составлялъ 27.396.805 фунт. стерл.

Нижеслѣдующая таблица указываетъ раздѣленіе собственно колоніи на семь провинцій, подраздѣляющихся на 66 финансовыхъ и 69 судебныхъ округовъ, не считая Walvisch-bay; число округовъ возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія.

Провинціи.	Судебные округи.
Западная (Western).	Cape-town, Cape-division, Wunberg, Simon'stown, Stellenbosch, Paarl.
Сѣверо-Западная (North-Western).	1. Malmensbury. 2. Piquetberg. 3. Namaqua-land. 4. Porth-Nolloth. 5. Clanwilliam. 6. Calvinia. 7. Worcester. 8. Tulbagh. 9. Ceres.
Юго-Западная (South-Western).	1. Swellendam. 2. Roberston. 3. Riversdale 4. Ladysmith 5. Caledon. 6. Bredasdorp. 7. Oudtshoorn. 8. George. 9. Uniondale. 10. Mossel-Bay. 11. Knysna
Центральная (Midland).	1. Graaf-Reinet. 2. Murrasburg. 3. Aberdeen. 4. Beaufort. 5. Prince-Albert. 6. Willowmore. 7. Victoria-West. 8. Prieska. 9. Fraserburg. 10. Sutherland. 11. Carnarvon. 12 Richmond. 13. Hopetown.
Юго-Восточная (South-Eastern).	1. Albany. 2. Bathurst. 3. Victoria-East. 4. Peddie 5. Uitenhage. 6 Jansenville. 7. Humansdorp. 8. Alexandria. 9. Port Elizabeth.
Сѣверо Восточная (North-Eastern.)	1. Fort-Beaufort. 2. Stockenstrom. 3. Albert. 4. Somerset-East. 5. Bedford. 6. Gradoek. Steynsburg, 8. Colesberg. 9. Na-nover. 10. Middelburg.
Восточная (Eastern).	1. King William'stown. 2. Stutterheim. 3. Komgha. 4. East-London 5. Queenstown. 6 Cathcart. 7. Tarka. 8. Alival-North. 9 Herschel. 10 Wodehouse. 11. Barkly-East.

III. Западная территорія Гри-Куа. (Griqua-land-West).

Эта провинція, окончательно присоединенная къ Капской колоніи съ 1877 года, а съ 1880 года ставшая нераздѣльной составной частью одного и того же политического тѣла, была бы еще предоставлена ея стариннымъ туземнымъ обладателямъ и фермерамъ изъ голландской или смѣшанной расы, если бы открытие въ ней алмазовъ не сдѣлало его драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для капскихъ англичанъ. Въ 1871 году, спустя годъ послѣ распространенія слуховъ о замѣчательныхъ находкахъ, правительство пригласило начальника племени гри-куа, бушмена по имени

Waterboer¹⁾, просить о британскомъ созерцаніетѣ, при чмъ послѣшло и согласиться на такую просьбу. Поведеніе англичанъ въ этомъ дѣлѣ было полно «наглаго цинизма, и никогда, можетъ-быть, въ колоніальной исторіи Англіи не было болѣе безчестной сдѣлки»²⁾. Къ этому времени рудокопами уже была образована независимая республика «Адамантъ»; но этотъ совершившійся фактъ не былъ принятъ во вниманіе; съ другой стороны Свободное Оранжевое государство считало эту территорію принадлежащею ему, но въ концѣ концовъ восторжествовалъ, конечно, болѣе сильный изъ соперниковъ, и въ 1877 году буры «Vrijstaat'a» («свободного государства») согласились на уступку Англіи спорной области за 2.250.000 франковъ.

Отыныѣ условная линія, проведенная чрезъ плоскогоріе праваго берега Оранжевой рѣки къ лѣвому берегу Ваала, отдѣляетъ отъ голландской республики треугольное пространство, находящееся между тѣтчастой упомянутыми двумя рѣками кверху отъ сліянія, и пространство это входитъ уже въ составъ Капской колоніи. Къ нему, затѣмъ, присоединили—и тоже подъ фирмой британскаго протектората — также часть гористаго плоскогорія, простирающагося къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки въ направлениі къ Калахари и къ странѣ племени ба-чуана. Такимъ образомъ, въ своихъ настоящихъ границахъ, провинція Griqua-land-West занимаетъ площадь въ 39.358 квадр. километровъ, съ населеніемъ (по переписи 1891 года) 83.375 душъ, чтд составить по 2,1 жителя на 1 квадратный километръ. Провинція эта имѣеть здоровый климатъ, несмотря на лихорадки между рудокопами, и число европейцевъ возрастаетъ тамъ вслѣдствіе избытка рожденій, какъ и въ южной колоніи. Средняя высота страны равняется приблизительно 1.000 метрамъ; хотя общій наклонъ поверхности ея—съ востока на западъ, по течению Оранжевой рѣки, но самыя возвышенныя мѣстности находятся въ западной части; тамъ многие холмы превышаютъ 1.400 метровъ, а становище Daniels-Kuil находится даже на высотѣ 1.616 метровъ, тогда какъ самая низкая часть терроріи, на берегу Оранжевой рѣки, имѣеть высоту около 900 метровъ надъ уровнемъ океана. Цѣни холмовъ, на плоской возвышенности, въ большей части случаевъ, направляются съ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно течению Ваала; по формѣ, эти холмы притуплены, округлены, а съ виду сѣры и однообразны. Въ углубленіяхъ долинъ, находящихся между двумя рѣками, разсыпаны многочисленные pans, имѣющіе почти всѣ кругообразную форму и въ

¹⁾ J. Mackenzie, „Ten Years North of the Orange-river“.

²⁾ James Anthony Froude, „Oceana“.

дождливое время года настолько глубокие и обширные, что въ нихъ можно охотиться въ лодкѣ на дикихъ утокъ; въ остальное же время года, они высыхаютъ или замываются слоемъ соли. По пастбищамъ разсѣяны группы мимозовыхъ растеній.

Племя гри-куа, по имени которого называется и самыи край, обыкновенно обозначается голландскими бурами названіемъ «*bastards*»: и действительно, они—метисы, происшедши отъ бѣлыхъ колонистовъ и различныхъ готтентотскихъ племенъ, въ началѣ текущаго вѣка прибывшихъ въ страну съ южнаго берега Оранжевої рѣки. Въ этомъ смѣшномъ населеніи встрѣчаются всѣ типы, отъ типа бушмена до типа кафровъ и европейца. Въ среднемъ, однако, большая часть индивидовъ мужественны и ловки, отважны и настойчивы; они превосходятъ аборигеновъ силой и ростомъ, и отличаются отъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ: «и въ добродѣтеляхъ, и порокахъ»¹⁾). Какъ среди «*Bois-brûlés*» Сѣверной Америки, между африканскими «*Bastardsами*» встрѣчаются самые отважные люди, наиболѣе умные піонеры и самые смѣлые охотники; но зато между ними же встрѣчаются и самые опасные преступники. Въ 1839 году, они мужественно защищали свою территорію отъ угрожавшихъ проникнуть чрезъ Оранжевую рѣку мантати или ба-сuto, и отбросили ихъ къ сѣверу, гдѣ эти побѣженные, въ свою очередь, превратились въ славныхъ завоевателей, подъ именемъ ма-коло²⁾). Бѣлое населеніе *Griqua-land*—составленное большою частью изъ рудокоповъ всѣхъ націй, англичанъ изъ Корнваллиса и Ланкашира, францевъ съ Гарца, піемонтцевъ, американцевъ изъ Калифорніи, и австралийцевъ—тоже самое энергичное, предпріимчивое и независимое изъ всѣхъ жителей Южной Африки; не разъ оно приходило въ столкновеніе съ правительствомъ и заставляло его отмѣнять непопулярныи распоряженія.

Фермеры на берегахъ Оранжевої рѣки уже давно находили драгоценныи камни, но цѣну имъ узнали лишь въ 1867 году, послѣ того, какъ два торговца подѣлили между собою деньги, вырученныи за «первый капской алмазъ», отнятый у одного молодаго бушмена. Два года спустя, одинъ изъ жителей племени гри-куа нашелъ другой алмазъ, прелестный камень въ 83 карата, прозванный «Южною Звѣздою» и проданный почти за триста тысячъ франковъ. Тотчасъ же искатели алмазовъ поспѣшили направиться въ Hopetown'скій округъ, гдѣ были сдѣланы эти первыи находки,—и гдѣ, однако, до сихъ поръ не открыли залежи,—затѣмъ, приступили къ изслѣдованию

¹⁾ Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Sѣd-Africa“.

²⁾ J. Meckenzie, „Scottisch Geographical Magazine“, 1881, 1887.

рѣчного песка какъ на протяженіи Оранжевої рѣки до сліянія ея съ Вааломъ, такъ по берегамъ и самого Ваала, гдѣ, наконецъ, въ разстояніи 160 километровъ отъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ и добрались до высоколежащихъ алмазоносныхъ мѣстностей, представляющихъ, вѣроятно, дно бывшихъ озеръ: съ этого момента и началась погоня за счастіемъ. Искатели приключений бросились толпою въ аллорадо, въ которомъ въ то время почти не было вовсе жителей: солдаты, моряки, дезертиры, чернорабочіе, служители бѣлые и чёрные, прибывали толпою, и каждый корабль привозилъ въ Капъ новый контингентъ албанскихъ людей, рудокоповъ и торговцевъ, которые и устремлялись чрезъ пустыни Кару за розыски «золотаго дна»; дрянныи телѣжки въ нѣсколько дней доставляли по тряскимъ дорогамъ достаточныхъ людей къ этимъ розыскамъ, между тѣмъ какъ бѣдные, пускаясь въ путь пѣшкомъ, шли днями и ночами, разузвавая дорогу у фермеровъ и готтентотскихъ пастуховъ; однако доходили не всѣ: сотни голодающихъ путниковъ, больныхъ или сбившихся съ дороги, умирали на протяженіи этого длиннаго, болѣе чѣмъ въ тысячу километровъ пути, и дикие звѣри пожирали ихъ трупы. Въ свою очередь, смертность свирѣпствовала и въ изг҃еряхъ рудокоповъ: отсутствіе удобствъ, дурная пища, чрезмѣрный трудъ и ньянство порождали эпидеміи тифа или «лихорадки рудокоповъ», и каждая нарождающаяся деревня тотчасъ же обзаводилась и кладбищемъ.

Пніель—мѣстность, гдѣ начались первыи промыски алмазовъ—находится на лѣвомъ берегу Ваала; однако, она уже перестала быть центромъ наиболѣшаго притяженія для искателей богатствъ: розыски обѣднѣли, и правительство, въ виду небольшаго числа просьбы о разрѣшеніи раскопокъ, нашло возможнымъ даже увеличить размѣры отводимыхъ искателямъ участковъ земли или *claims*. Две изъ три сотни рудокоповъ, черныхъ и бѣлыхъ, работаютъ врознь, не будучи еще поработочены монополіею большой акціонерной компаніи. Городъ *Balkly*, бывшій *Klip-drift*, находящійся насупротивъ Пніеля, по другую сторону Ваала, служить весьма оживленнымъ рынкомъ для всѣхъ «*diggers*», т. е. копателей, разрабатывающихъ прибрежную землю на протяженіи болѣе сотни километровъ. Ежегодная выручка отъ Ваальскихъ «промырокъ» превышаетъ въ настоящее время миллионы франковъ, съ 1870 года по 1886 изъ Ваальскихъ алмазоносныхъ песковъ добыто драгоценныхъ камней слишкомъ на пятьдесятъ миллионовъ³⁾). Алмазы изъ этого округа отличаются самой чистой водой и наибольшимъ блескомъ; обык-

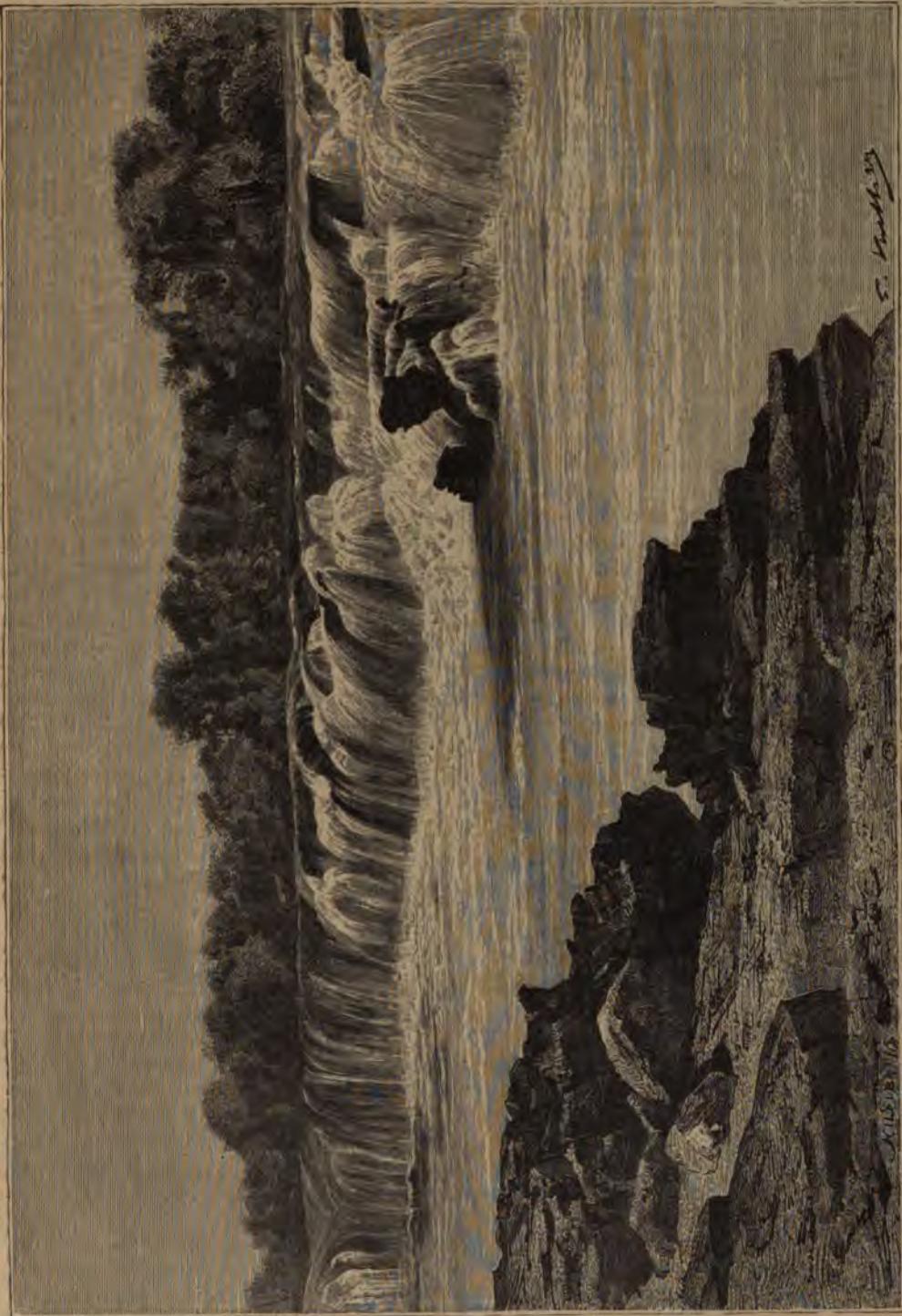
³⁾ A. Moule, Mémoire sur la Géographie générale et les mines de diamants de l'Afrique du Sud».

новенно ихъ находять въ соединеніи съ другими кристаллами: гранатами, агатами, кварцами и халцедонами.

Въ концѣ 1870 года вдругъ разнеслась

фермеры должны были продать свои земли и, какъ бы по волшебству, появились сотни палатокъ и хижинъ, и скромные начатки того города, который по степени важности въ Юж-

Замбезе. Водопады Гонъэ.

молва, что розсыпи алмазовъ найдены на плоскогорії, вдали отъ рѣчныхъ намывовъ, приблизительно въ сорока километрахъ къ юго-востоку отъ Пніеля. Тотчасъ же къ этимъ сокровищамъ повалилъ народъ; голландскіе

ной Африкѣ, нынѣ превосходятъ только Каптаунъ и Портъ-Елизаветы. Изысканія геоловъ установили, что въ области плоскогорія почва—будучи однообразно покрыта слоемъ краснаго песка, налегшаго на пластъ извест-

коваго туфа—скрываетъ въ своихъ глубинахъ мелафировыя горнокаменные породы, прорѣзанные колодцами, или *pipes*, еще не изслѣдованными далѣе 300 метровъ глубины. Думаютъ, что эти колодцы, окруженные базальтовою стѣною, суть не что иное, какъ древніе кратеры; земля, выполнняющая ихъ, есть именно алмазоносная формаций, вытолкнутая на поверхность напоромъ газовъ и ставшая желтою и рыхлою въ верхнихъ частяхъ, тогда какъ въ глубинахъ, куда не проникало дѣйствіе атмосферы, сохранившая голубой цвѣтъ и плотность: еще и нынѣ тамъ находяться, особенно по сосѣдству съ каменистыми стѣнами, скопленіе взрывчатыхъ газовъ, довольно опасныхъ при работѣ въ подземныхъ галлереяхъ¹⁾. На базальтахъ лежать пласты каменного угля, почему у геологовъ и возникаетъ вопросъ: не былъ ли доставленъ необходимый для образованія алмаза углеродъ именно этими пластами? ²⁾ На пространствѣ около 18 километровъ въ окружности находится четыре такихъ отверстій подземныхъ кратеровъ, наполненныхъ землею, гдѣ алмазы распределены въ нѣкоторомъ порядкѣ, известномъ опытнымъ рудокопамъ. Эти четыре алмазоносныя шахты называются: Bultfontein, de Beer, du Toit's Pan и Kimberley. Изъ нихъ послѣдняя, рядомъ съ которой стоитъ городъ того же имени,—самая богатая, какъ на Каїфъ, такъ и на всемъ земномъ шарѣ. Геологъ Moulle высказалъ предположеніе, что *pan* одного происхожденія съ этими четырьмя кратерами алмазовъ; но они еще не изучены настолько въ своихъ глубинахъ, чтобы убѣдиться, что тамъ находятся алмазоносныя розсыпи. Chartrapп описываетъ одну изъ такихъ лужъ Saul's kuil, какъ вполнѣ правильный разломъ, выполненный конгломератомъ, въ которомъ блестятъ безчисленные агаты.

Въ первое время разработки рудниковъ, поверхность представляла правильную шахматную доску, между дѣленіями которой были проведены дороги для прохода рабочихъ и провоза выкопанной земли: около пятисотъ углубленій, въ которыхъ рылись тысячи десять рабочихъ, придавали руднику видъ громаднаго муравейника. Но съ той и другой стороны рудокопы, въ поискахъ за алмазами, захватывали и самыя дороги, который впослѣдствіи обваливались, такъ что ихъ пришлось замѣнять мостами. Такъ какъ провалъ слѣдовала за проваломъ, то рѣшили очистить всю внутренность копи, которая день-отъ-дня углублялась въ формѣ кратера. Для выноса земли на поверхность вокругъ всей образовавшейся пропасти, на протяженіи болѣе шестисотъ метровъ, возвели въ нѣсколько этажей лѣса,

сообщающіеся съ каждымъ участкомъ пропомощи безконечнаго ремня, замѣняемаго, при случаѣ, канатомъ изъ желѣза или стали; кабестаны, приводившіеся въ движение сначала силой человѣка, впослѣдствіи силой пары, вытаскивали на рудоразборный помостъ изъ вучинъ какъ рабочихъ, такъ и рудоподъемныхъ лады. Изъ большихъ человѣческихъ сооруженій ни одно не представляло болѣе страннаго вида, чѣмъ эта громадная яма, окруженнай сѣтью блестающихъ проволочныхъ канатовъ, гдѣ качались грузы, и надъ которой стоялъ немолчный гулъ, въ которомъ человѣческие голоса сливались со скрипомъ машинъ. Вскорѣ, однако, вѣнчайший видъ рудника перемѣнился. Осыпи съ окраины, увлекая мусоръ и разбитую руду, большую частью прикрывшіе собою днища выемокъ; а во время сильныхъ дождей рудникъ часто дотого переполнялся водою, что издергки на откачиваніе ея поглощали почти всѣ доходы отъ разработки. Пришлоось снова измѣнить способъ работы, рѣзть шахты сквозь вывалившіеся камни, добираться до «голубой» земли подъ покрывающими ее грудами и проводить подземные галлереи внутри алмазоносной массы: словомъ, изъ каменоломни подъ открытымъ небомъ, Кимберлейская яма превратилась въ рудникъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Самый удачный 1881 годъ доставилъ алмазовъ на сто четыре миллиона франковъ; затѣмъ доходъ отъ промысла нѣсколько уменьшился, вслѣдствіе того, что, по причинѣ меньшей рѣдкости алмазовъ, понизилась и ихъ цена. Въ общемъ, однако добыча превысила миллиардъ франковъ: вѣроятно, къ концу 1887 г., она составляла около семи тоннъ алмазовъ, общей стоимостью въ одинъ миллиардъ двѣстѣ пятьдесятъ миллионовъ франковъ, т. е. значительно болѣе, чѣмъ въ теченіе полутора вѣка было добыто алмазовъ въ Бразилии¹⁾. Состоящую изъ алмазовъ оказывается, однако, всего только одна восеми-миллионная часть вырываемой земли.

Для воспрепятствованія кражи камней приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ мерамъ, и тюрьмы Кимберлея переполнялись не рѣдко; происходили тамъ, какъ и въ рудникахъ Европы, стачки, которыя жестоко подавлялись. Въ концѣ-концовъ и въ Кимберлеѣ пре-возмогла крупная собственность: такъ, если въ первые годы никто не имѣлъ права владѣть болѣе чѣмъ двумя участками, то впослѣдствіи акціонерныя общества стали скупать ихъ, а съ 1887 года синдикатъ, пребывающій въ Лондонѣ и въ Парижѣ и располагающій капиталомъ въ 375 миллионовъ франковъ, сдѣлался собственникомъ двухъ главныхъ кратеровъ: Кимберлея и де-Беера: все населеніе рудоко-

¹⁾ Moulle, упом. сот.

²⁾ Dunn;—Kamsay, „Quarterly Journal of the Geological Society“^a. Ноябрь. 1881.

^{a)} Cohen, „Ausland“, 1883.

попъ состоять изъ рабочихъ или служащихъ. Въ 1883 году рабочихъ на рудникахъ Кимберлея было 1.578 бѣлыхъ и 11.800 негровъ и метисовъ. Вначалѣ владѣніе участками было запрещено чернокожимъ, а нынѣ оно доступно только для миллионеровъ. Въ частности, добыча отъ сухихъ рудниковъ (dry diggings)»

Рудники.	Поверхность.	Глубина.	Количество извлеченої земли.	Стоимость добытыхъ алмазовъ.
Кимберлей	11,5 гект.	137 метровъ.	8.500.000 куб. метровъ.	525.000.000 франк.
De Beerp.	5,6 "	162 "	8.800.000 "	245.000.000 "
Bultfontein	10,5 "	90 "	7.200.000 "	150.000.000 "
Du Toit's Pan.	12,1 "	88 "	7.500.000 "	155.000.000 "

Главный городъ округа, Кимберлей, вы-
строенный рядомъ съ самою глубокою про-

Гриква-лэндъ-Веста—доставившая съ 1870 по конецъ 1886 года 1.085.000.000 франковъ, не считая контрабанды, оцѣниваемой ежегодно отъ 12 до 15 миллионовъ франковъ въ годъ—распредѣлялась между отдѣльными рудниками слѣдующимъ образомъ:

ковъ¹⁾; онъ освѣщается уже электричествомъ;

подобно своему сосѣду Биконсфильду, по-

Машинѣ для поднятія алмазоносной земли.

пастью, образовавшуюся при раскопкѣ, пред-
ставляетъ нынѣ большой городъ, соединенный
съ Каптауномъ желѣзною дорогою въ 1.042 ки-
лометра, и мало-по-малу наверстывающій, въ
качествѣ центра торговли колоніи съ Оран-
жевой и Трансваальской республиками, уте-
рянное имъ со времени пониженія алмазовъ
въ цѣнѣ. Благодаря водѣ изъ Ваала—прове-
денной, съ большими издержками, на безвод-
ное прежде плоскогорье—улицы и площади
Кимберлея оказалось возможнымъ обсадить де-
ревьями, а мѣста рудокопныхъ свалокъ пре-
вратить въ сады. Народясь всего лишь вчера,
этотъ африканский городъ уже не какой-ни-
будь *tin-town*, т. е. не «городъ изъ жести»,
выстроенный изъ обивки товарныхъ ящи-

строенному около рудника Du Toit's Pan, онъ превзошелъ многие старинные европейскіе го-
рода количествомъ машинъ, индустриальными
ресурсами, богатствомъ своихъ магазиновъ и
роскошью своихъ зданій. Населеніе его, боль-
шую частью измѣнчивое, равняется 29.000 че-
ловѣкъ.

Къ востоку отъ Ваала, самое населенное мѣ-
стечко называется Грикуатаунъ: основаніе ему
дѣйствительно было положено племенемъ гри-
куа въ 1802 году, во время великаго исхода
этихъ голландскихъ и готтентотскихъ мети-
совъ. Нѣкогда Грикуатаунъ былъ столицею

¹⁾ E. von Weber, „Vier Jahre in Afrika“;—Farini, „Huit mois au Kalahari“.

территоріи Гри-куа; нынѣ же онъ лишь главный городъ одного изъ четырехъ избирательныхъ и административныхъ округовъ (Кимберлей, Barkly-West, Herbert и Upper-Haу или Griqua-town) ¹⁾.

IV. Страна бе-чуановъ.

(Bechuana-Land).

Страна, простирающаяся къ съверу и къ съверо-западу отъ Griqua-Land West'a вплоть до пустыни Калахари и состоящая изъ обширныхъ равнинъ и покрытыхъ лѣсомъ гранитныхъ массивовъ, также находится подъ владычествомъ Великобританіи. Когда голландскіе колонисты Южно-Африканской Республики вторглись на земли своихъ сосѣдей, бе-чуановъ, съ цѣлью основанія двухъ маленькихъ государствъ: Stella-Land (Stille-Land, т. е. Тихая страна) и Goosen (Coshen), предназначенныхъ присоединиться впослѣдствіи къ Трансвалю, то англійское правительство поспѣшило вмѣшаться, чтобы защитить территорію туземцевъ, и завладѣло ею само. Область, окончательно присоединенная къ владѣніямъ колоніи, составляетъ лишь часть страны бе-чуановъ, ограничиваемую: на югѣ—Оранжевою рекою; на западѣ—почти всегда сухимъ русломъ Хигана, а на съверѣ—долиною его притока Молопо. Трактать, заключенный съ Германіею, обеспечиваетъ Великобританіи право на обладаніе всею областью, граничащею на западѣ стъ 20° вост. долг. отъ Гринв. мерид. (или 17° 40' отъ Парижскаго), а къ съверу стъ 20° южн. широты. Эта террорія составляетъ «Протекторатъ», въ который официальна включена также и узкая полоса земли, простирающаяся къ востоку между р. Лимпопо и 22° южн. шир., вплоть до границы португальскихъ владѣній ²⁾. Впрочемъ, вышеупомянутая фиктивная линія на съверѣ уже перейдена, такъ какъ, въ силу специальнай конвенціи, подъ протекторатомъ британскаго правительства находится также и бе-чуанско королевство Хама. Даже вѣкоторые документы говорять уже о рекѣ Замбезе, какъ объ истинной съверной границѣ англійскихъ владѣній въ южной Африкѣ. Вслѣдствіе такой неопределенноти границъ, нельзя въ точности исчислить поверхность области протектората: въ ея официальныхъ предѣлахъ, проведенныхъ по градусамъ, она приблизительно обнимаетъ четыреста тысячъ квадр. километровъ. Народонаселеніе этой терроріи, уже хорошо известной, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, вѣроятно, превы-

шаетъ цифру въ 475 тысячъ человѣкъ; южная часть страны бе-чуановъ, къ югу отъ р. Молопа, имѣеть 160 тысячъ жителей ¹⁾). По вѣйшимъ свѣдѣніямъ, южная часть страны бе-чуановъ, составляющая коронную колонію, имѣеть пространство въ 181.980 кв. километр., съ 60.000 жит. (1891 г.), а «протекторатъ», т. е. съверная часть этой страны, занимаетъ площадь въ 320.000 кв. килом. и съ 1889 г. принадлежитъ къ Британской Замбезіи ²⁾.

Эти туземцы расы банту,—которые, какъ гласить ихъ предавія, пришли будто бы въ Южную Африку позже другихъ кафровъ—еще недавно переживали періодъ вынужденного переселенія. Убѣгая отъ буровъ съ Оранжевой республикой и Трансваля, многія племена должны были броситься на западъ, и, до вмѣшательства англичанъ, между голландцами и туземными племенами велась ожесточенная пограничная война. Нынѣ западные бе-чуаны отдѣлены терроріей голландскихъ республикъ отъ ба-сун и другихъ братьевъ по расѣ: подобно грекамъ, бе-чуаны должны были раздѣлиться на три группы, уже не имѣющія связи между собою. Но, хотя и раздѣлены, эти племена созываютъ общность своего происхожденія и на пространствѣ между Оранжевой рекою и Замбезе вѣдимо считаютъ себя родственниками, классифицируя отдельныя племена даже по порядку старшинства: именно, съ общаго согласія, самыми старшими въ бе-чуанской семье должны считаться ба-харутса, живущіе къ западу отъ зарождающейся реки Лимпопо, на съверо-западной границѣ Южно-Африканской республики. Что касается имени бе-чуана или бе-шуана, то Arbusset полагаетъ, что оно,ѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ ошибкѣ вѣкоторыхъ путешественниковъ, которыхъ въ отвѣтъ на ихъ разспросы о различнѣхъ проживающихъ въ странѣ народахъ, говорили «ба-шуана», т. е. «они схожи другъ съ другомъ». У самихъ же бе-чуановъ, въ различныхъ діалектахъ ихъ языка, не существуетъ общаго этническаго наименованія.

Бе-чуаны принадлежать къ наиболѣе красивымъ кафрамъ: всѣ они рослы, сильны, хорошо сложены; правда, что въ вѣкоторыхъ племенахъ всегда избавляются отъ хилыхъ дѣтей ²⁾). Альбиносы, глухіе и нѣмые бросаются пантерамъ; слѣпорожденныхъ задушають; грудной младенецъ, въ случаѣ смерти его матери, закапывается, у вѣкоторыхъ колѣнъ, рядомъ съ нею, такъ какъ для него не нашлось бы другой кормилицы ²⁾). Обычай обрѣзанія обширно распространенъ у бе-чуановъ—язычниковъ. Возрастъ же, въ который обрѣзаніе совершается, не опредѣленъ: иногда выждаются за-

¹⁾ E. von. Weber, „Vier Jahre in Afrika“;—Farini, „Huit mois au Kalahari“.

²⁾ John Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“. Июнь, 1887.

¹⁾ Jeppe, „Transvaal Book Almanac for 1881“.

²⁾ „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap de Bonne Espérance“.

³⁾ Arbusset, упом. соч.

ступлениј юношества; однако, дѣти, рожденныя до обрѣзанія ихъ отца, объявляются не имѣющими права на полное наслѣдованіе¹). Обыкновенно этой операциіи молодые люди подвергаются между восемью и четырнадцатью годами, при чемъ одновременно ихъ сѣкутъ пletью, а порою подвергаютъ даже пыткамъ²), послѣ чего претерпѣвшихъ все это признаютъ уже равными съ остальными мужчинами даннаго колѣна и достойными носить щитъ и метать дротикъ. Съ своей стороны, молодыя девушки подвергаются вырѣзанію и, подъ руководствомъ пожилыхъ женщинъ, проводять въ деревень нѣчто въ родѣ новиціата, для ознакомленія съ своими обязанностями будущихъ женъ и прежде всего для пріученія себя къ безусловному повиновенію. При этомъ, въ видѣ послѣдняго испытанія, имъдается въ руки горячій брускъ желѣза, который онъ и должны продержать нѣкоторое время, не закричавъ. Послѣ этого ихъ объявляютъ женщинами: тѣло ихъ намазывается жиромъ, а волосы на головѣ смѣсью изъ коровьяго масла и скры; затѣмъ, разодѣтая и убранныя, какъ жены, онѣ могутъ ждать уже и покуки ихъ женихами.

Обрѣзаніе вовсе не составляетъ религіознаго обычая, а есть лишь символъ вступленія въ гражданскую жизнь, и вообще, когда протестантскіе миссіонеры прибыли въ край, то, по ихъ словамъ, они тщетно искали у бѣчуановъ какой-нибудь церемоніи, свидѣтельствующей объ ихъ вѣрѣ въ сверхъестественный міръ: у туземцевъ не было ни бога, ни идоловъ, они не собирались для совершенія молитвъ, и даже не вызывали духовъ, не страшились душъ своихъ покойниковъ. Со всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые изъ обычаевъ оставались бы необъяснимыми, если бы не были внушены желаніемъ предотвратить дѣйствіе силъ невѣдомаго міра и добиться ихъ благорасположенія. Такъ, когда громъ разбивалъ дерево, то зарѣзывали домашнюю скотину; то же самое дѣлали, желая дожда или выздоровленія больного. При погребеніи мертвыхъ,—которыхъ выносятъ изъ хижинъ, проламывая стѣну—садить въ могилѣ на корточки и лицо обращаютъ прямо на сѣверъ, въ ту сторону горизонта, откуда пришли предки жителей; затѣмъ, въ могилу бросаются вѣтку акаціи, отрывки муравейниковъ и куски дерна, какъ символы охотничьей жизни въ лѣсу; на могильномъ курганѣ кладутъ оружіе усопшаго и сѣмена питательныхъ растеній. Однако, въ самое послѣднее время, боязнь доставить—не желая этого—въ руки чародѣевъ черепа умершихъ, побудила многія

колѣна погребать мертвцовъ въ самой ихъ хижинѣ, подъ ногами у оставшихся живыхъ¹).

Послѣ каждой церемоніи, всѣ присутствующіе умываютъ себѣ руки и ноги въ большой лохани воды и призываютъ дождь словами: «пула! пула!» Часто также чародѣи претендуютъ на способность привлекать облака и заставлять ихъ разрѣзаться благодѣтельнымъ дождемъ: если случай поблагопріятствуетъ имъ, они пріобрѣтаютъ великую власть; напротивъ, если предсказаніе ихъ не оправдается, они рисуютъ быть зарѣзанными. «Дѣлатели дождя» практикуютъ даже настоящій культъ, претендуя на способность предотвращать колдовство зловреднаго существа, *Мо-ри-мо*, живущаго въ разселинѣ скалы; оттого и миссіонеры, желая держаться въ нѣкотораго рода религіозномъ преданіи, приняли это наименование *Мо-ри-мо*, или «Вышній», для обозначенія Бога христіанъ²). Боязливое почитаніе невѣдомаго обнаруживается у бѣчуанъ также въ томъ, что у нихъ есть извѣстныя вещи, къ которымъ запрещено прикасаться, и въ томъ, что обычай запрещаетъ имъ нѣкоторыя яства. Помѣдо большинству краснокожихъ Сѣверной Америки, каждое племя бѣчуановъ чтитъ какое-нибудь національное животное: крокодила, обезьяну, хищнаго звѣра или рыбу, совершаючи честь его танцы; племя ба-калахарь строго воздерживается отъ охоты на старыхъ львовъ, въ особенности когда у нихъ развился вкусъ къ человѣческому мясу: когда старый левъ ворвется въ крааль, было бы преступленіемъ оказать ему сопротивленіе; самое большое, что можно сдѣлать—это попытаться испугать его криками³). Почитаютъ также и домашній скотъ, какъ равно и колючія вѣтви акаціи (*acacia detinens*), служащія для сооруженія загоновъ для домашнаго скота.

Каждое племя управляетъ начальникомъ или королемъ, который передаетъ свою власть старшему сыну. Впрочемъ, монархія у бѣчуанъ не абсолютна: обычай всемогущи и уважаемы, и потому всѣ второстепенные начальники, а иногда даже и всѣ свободные люди, могутъ, въ важныхъ обстоятельствахъ, составлять *питето*, родъ парламента для обсужденія общенародныхъ интересовъ, подачи совѣтовъ королю, порицанія или одобренія его поведенія, объявленія его дѣйствій согласными съ обычаями или противными имъ. Но питето не судили преступленій. До того времени, какъ англичане стали отчасти вводить свои законы въ краѣ,—кражи, убийства и прелюбодѣянія не считались такими фактами, которые интересуютъ все племя. Забота объ отмщенніи принадлежала обиженному: на кражу онъ отвѣ-

¹⁾ Robert Maffat, „Vingt-trois ans de sÃ©jour dans le sud de l'Afrique“.

²⁾ Mackenzie, „Ten Years north of the Orange river“;—Casalis, „Les Bassoutos“.

¹⁾ Gustav Fritsch, „Drei Jahre in SÃ¤d Africa“.

²⁾ Robert Moffat, упом. соч.

³⁾ Livingstone, „Travels“;—Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Afrika“.

чаль кражею, на убийство и прелюбодействие убийствомъ, если его гибель нельзя было успокоить известнымъ количествомъ скота. Но съ тѣхъ порь, какъ въ главныхъ деревняхъ бечуанского края основались миссионерства, въ туземныхъ нравахъ произошли, по крайней мѣрѣ съ вѣнѣшней стороны, большія перемѣны. Европейскій костюмъ сталъ преобладать во всѣхъ племенахъ, соѣдніихъ съ границею, и племя ба-тлапи имѣетъ даже выкраивать изъ кожъ дикихъ животныхъ панталоны и пальто¹⁾; почти въ каждой деревнѣ есть школа, капелла и новые дома английской постройки, вокругъ которыхъ группируются круглые хижины съ коническими крышами, населенныя бѣдными²⁾; во всѣхъ племенахъ встречаются туземцы, говорящіе по-голландски. Воскресеніе есть день отдохновенія, даже и у тѣхъ бечуанъ, которые не имѣютъ притязанія быть обращенными въ христіанство; у христіанъ же изъ нихъ, въ случаѣ отсутствія миссионера, начальникъ прочитываетъ літургію и поетъ псалмы въ мѣстахъ общихъ соборій. Обладающій живымъ умомъ, во прежде всего склонный къ подражанію, мо-чуана желаетъ походить на europейца, и порою это вполнѣ удается ему. Во время этого соприкосновенія бѣлыхъ и черныхъ, соприкосновенія, продолжаютъся уже въ теченіе почти трехъ поколѣній и начавшагося грабежемъ и убийствомъ, менѣе сильная раса окончила тѣмъ, что приспособилась къ формамъ цивилизациіи, принесенной завоевателями.

Бе-чуаны вѣсъма привѣтливы и всегда говорить другъ съ другомъ уважительно. Вообще, они миролюбивы по природѣ; тѣмъ не менѣе, прежде войны бывали часты, и почти постоянно вызывались кражею скота: «О быки! наши отцы теряли жизнь, гонясь за вами, а теперь и мы находимъ смерть, сторожа вѣст!» пѣли недавно молодые ба-мангуато³⁾). Но въ послѣднее время большинство бе-чуанъ отказалось отъ военныхъ экспедицій; изъ кочующихъ пастуховъ и охотниковъ, они все болѣе и болѣе становятся осѣдлыми земледѣльцами: каждый мужчина, каждый юноша, даже каждая дѣвушка имѣетъ свою воздѣлываемую землю; уже съ самыхъ вѣжныхъ лѣтъ дитя научается обрабатывать почву⁴⁾). Еще въ началѣ текущаго столѣтія бе-чуаны предавались религіозной антропофагіи. Храбрецы, убившіе во время войны врага, приносили по куску изъ его трупа, пупокъ съ частицею кожи съ живота; затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ чародѣя, собирались для празднованія своей побѣды, при чемъ, сидя на корточкахъ вокругъ большаго

огня, они спекали мясо надъ горячею золою и пожирали его, въ видахъ удвоенія своей храбости при посредствѣ храбрости врага. Наконецъ, для доказательства презрѣнія гѣстраданію, каждый изъ нихъ выставлялъ свое оголенное бедро: жрецъ однимъ ударомъ острія копья проводилъ между бедреннымъ суставомъ и колѣномъ длинный надрѣзъ, достаточно глубокій, для того, чтобы остался неизгладимый шрамъ; однако, воины, несмотря на такое пораненіе, должны были предаваться плясѣ вплоть до раннаго утра⁵⁾.

Самое южное изъ бе-чуанскихъ племенъ—племя ба-тларо, живущее на сѣверо-западной границѣ Гриквалэндъ-Веста; впрочемъ, въ большей своей части оно слилось съ племенемъ ба-тлапи⁶⁾, т. е. «людьми рыбы», у которыхъ национальною эмблемою дѣятельно служитъ рыба, и которые никогда не трогаютъ этого священнаго животнаго. Они занимаются на сѣверѣ алмазоносной страны гористую область, близкую къ Ваалу, и были также въ числѣ тѣхъ государствъ, которыхъ оспаривали другъ у друга обладаніе алмазныхъ рудниками. Ба-тлапи представляютъ одну изъ многочисленныхъ бе-чуанскихъ націй: число ихъ, вмѣстѣ съ ба-тларо, опредѣляютъ приблизительно въ тридцать тысячъ человѣкъ. Они также и самые цивилизованные изъ своей расы, благодаря частымъ сношеніямъ съ бѣлыми, англичанами или голландцами, и уже во многихъ деревняхъ оттѣнокъ кожи у дѣтей свидѣтельствуетъ о смѣшаніи расъ. Ба-тлапи имѣютъ очень веселый характеръ и прежде обладали большою сокровищницей пѣсень, которыя нынѣ затерялись, будучи замѣнены религіозными гимнами⁷⁾). Въ ба-тлапскихъ садахъ, въ которые проведена питающая ихъ землю вода, въ изобилии произрастаютъ всѣ европейскіе овощи и плоды; на поляхъ видны чернокожихъ, идущихъ за плугомъ. Нѣкоторы изъ мѣстечекъ ба-тлапскаго края хорошо извѣстны, какъ мѣста для торга и остановокъ на большой дорогѣ, ведущей отъ Оранжевой рѣки къ Зембезе. И тѣ изъ нихъ, въ которыхъ пребываютъ начальники, обыкновенно вѣсъма населены, при чемъ жители соединяются въ такую сплоченную массу въ цѣляхъ защиты. Въ 1801 году Truter и Somervillie исчислили въ 15 тысячъ человѣкъ населеніе Латақу (Латаку), города, основаннаго союзными племенами ба-тлапи и ба-ролонгъ на берегу источника Такунъ. Когда же эти два племена раздѣлились, то Куруманъ, новая столица ба-тлапа, быстро стала настоящимъ городомъ приблизи-

¹⁾ Ed. von Weber, упом. соч.

²⁾ J. Mackenzie, "Blue Book." С. 3841—1884.

³⁾ Chapman, "Travels into the interior of South Africa".

⁴⁾ J. Mackenzie, "Scottisch Geographical Magazine". Іюнь, 1887.

⁵⁾ H. Lichtenstein, "Reisen im sÃ¼dlichen Afrika in den Jahren 1803, 1804, 1805 und 1806".

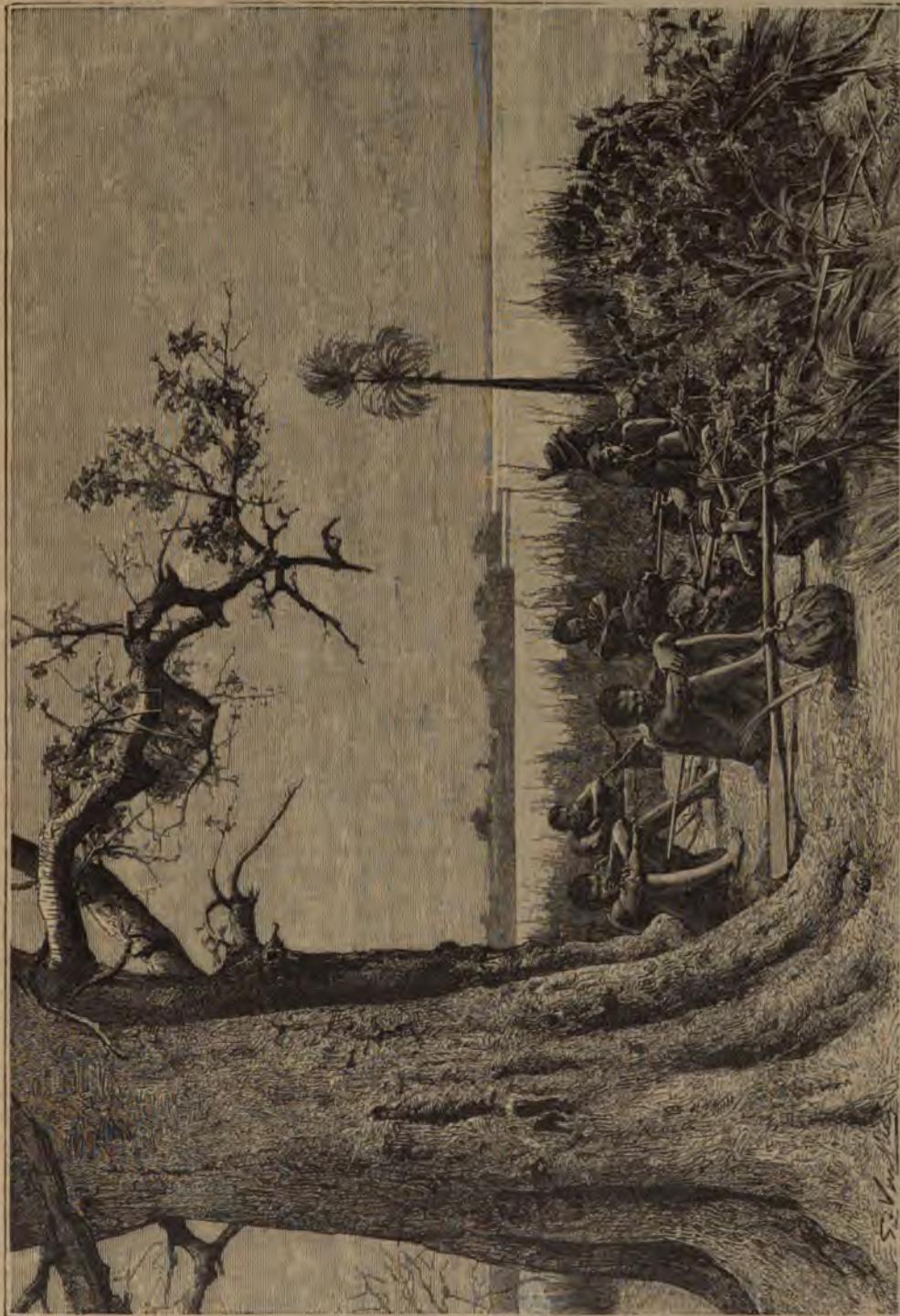
⁶⁾ "Maatjaping, Bachapin, Matchapees, Battaping, Ba-Hlapi" различныхъ авторовъ.

⁷⁾ John Mackenzie, упом. соч..

тельно съ 600 домами и съ населенiemъ въ пять тысячъ человѣкъ.

Королевскія резиденціи, смѣнившія Куруманъ: Таунгъ, расположенная на правомъ бе-

леку отъ его сліянія съ Вааломъ, и находящіяся въ нынѣшней провинціи Гриквалэндъ-Вестъ, — были или суть и понынѣ населенные мѣстечки; ибо въ этомъ краѣ поселенія пере-

Сліяніе Замбезе съ Тшоба.

регу р. Катонгъ или Гартъ при выходѣ одного уади; Мамуза, выстроенная въ сотни километровъ кверху на лѣвомъ берегу той же рѣки; Ликатлонгъ, равнымъ образомъ группирующій свои хижины на берегахъ Катонга, не пода-

мѣщаются весьма легко: каждый новый король считаетъ честью дать свое имя какой-нибудь новой резиденціи. Колыа изъ дерева акаціи, глина и травы для крыши, какъ материалы, находятся повсюду въ изобилии; а алмазные

рудники, въ 1887 году открытые въ этой области, около *Vrijburg'a*, бывшей столицы *Stella-land*, породить и еще новые города. Самая главная религиозная миссия находится въ Куруманѣ: ея зданіе выстроено посреди садовъ и зелени, около восточной подошвы одного изъ песчаниковыхъ холмовъ, откуда можно созерцать обширное пространство плоскогорія, испещренного лѣсомъ; миссионеры являются собственниками большихъ обработанныхъ пространствъ, которыхъ они сдають въ аренду только тѣмъ изъ туземцевъ, у которыхъ по одной женѣ. Рѣчка Куруманъ, на берегу которой выстроено мѣстечко того же имени, имѣетъ свой истокъ всего лишь въ нѣсколько километрахъ къ юго-востоку. Изъ одной пещеры, открывающейся у подошвы утеса въ нѣсколько метровъ высоты, вода изливается съ такимъ изобилиемъ, что по потоку могло бы плавать судно; рядомъ съ главною пещерою, галереи, украшенныя сталактиками, позволяютъ проникать весьма далеко вглубь утеса по скользкимъ камнямъ; туземцы рассказываютъ, что въ пещерѣ проживаетъ священная змѣя, покровительница источника, и что какъ только она будетъ умерщвлена, такъ тотчасъ же иссякнетъ и самый родникъ¹⁾). Въ началѣ текущаго столѣтія львы были такъ дерзки въ этихъ областяхъ, что многіе изъ бѣ-чуанъ спали въ тѣсныхъ хижинкахъ, устроиваемыхъ на вѣтвяхъ большихъ деревьевъ и подпerteхъ кольями. Миссионеръ Моффа разсказываетъ объ одномъ деревѣ въ окрестностяхъ Латтаку, на которомъ было семнадцать такихъ жилищъ.

Ба-ролонги, старинные союзники племени ба-тлапи, раздѣленные нынѣ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга колѣнь, обитаютъ въ сѣверной части специально протежируемой территорії, т. е. въ области, находящейся между ложами почти всегда сухихъ: рѣки Молопо и притоковъ Курумана; большая же часть ихъ главныхъ деревень, каковы: Мафекингъ (*Mafeking*)—резиденція англійскаго коммисара, Шуба, Пьетсани, Морокуана, находятся вблизи источниковъ Молопо, гдѣ овраги доставляютъ достаточное количество воды для орошения полей этихъ поселеній. Въ общемъ ба-ролонговъ насчитываютъ до восемнадцати тысячъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые образовались изъ помѣсей ихъ съ чуждыми элементами. Между ихъ областью и землею, обитаемою племенемъ ба-тлапи, проживаютъ, въ числѣ пяти тысячъ, остатки одного племени готтентотовъ коро-на, смѣшившіеся съ бѣ-чуанами различныхъ колѣнь. *Bastards'*, отброшенные къ сѣверу при вторженіи англичанъ въ Гриквалэндъ, тоже поселились на бечuanской

территоріи и живутъ тамъ маленькими республиканскими общинами¹⁾.

Ба-харутсэ (ба-хурутсэ), живущіе еще на границахъ Трансвала и Британскаго Протектората, въ области верхняго теченія Лимпопо, представляютъ тоже пришедшую въ упадокъ націю, хотя нѣкогда она была, между бѣ-чуанами, самою могущественною: еще недавно сыновья другихъ королей отсылались къ нимъ, въ качествѣ посланниковъ, для изученія исторіи ихъ расы, ознакомленія съ обычаями и пріобрѣтенія хорошихъ манеръ: каждое изъ окрестныхъ колѣнь должно было посыпать начальнику ба-харутсэ первинки своихъ урожаевъ. Часть націи, поселившаяся въ округѣ Марико, подчиненному Трансвалю, тоже можетъ претендовать на первенство по своимъ успѣхамъ въ земледѣліи: въ 1882 году она обладала уже болѣе, чѣмъ двумя стами плуговъ. Одному изъ харутскихъ колѣнь удалось убѣжать къ сѣверу отъ Протектората, въ болотистыя равнины, простирающіяся на востокъ отъ Нгами, и тамъ скрываться въ такихъ убѣжищахъ, отважиться проникнуть въ которыхъ завоеватели не рѣшаются. Шлемена; ба-катла—национальнымъ символомъ или такъ называемымъ «тотемомъ» которыхъ служить обезьяна и столица которыхъ, небольшой городъ Гамсохона, расположена на лѣсистомъ плоскогоріи, по которому протекаетъ одинъ изъ притоковъ Лимпопо; ба-уанкетси—группирующаяся, въ числѣ отъ шести до семидесяти человекъ, вокругъ города Ханіе, построенаго на гранитной возвышенности; и наконецъ, ба-куэну, или «люди крокодила», обитающіе немного сѣвернѣе, тоже въ верхнемъ бассейнѣ Лимпопо,—всѣ очень ослабѣли во время войнъ съсосѣдними голландцами и часто бывали принуждены менять свою резиденцію. Городъ Колобенгъ, гдѣ Ливингстономъ была основана миссія, нынѣ представляетъ лишь развалины. Городъ Литейави равнымъ образомъ былъ покинутъ въ 1846 году, не вслѣдствіе нападенія какого-либо врага, но по причинѣ сосѣдства лѣса изъ гигантскихъ алоэ, мясистые листья которыхъ, отваливаясь и сгнивая на землѣ, превращали край, въ сезонъ дождей, въ неиздоровый. Ему наследовалъ городъ Моруакхомо, а нынѣшняя столица, называемая Лепелоле или Молонолэ, расположена въ той же самой области, у подошвы длинной ограды изъ скалистыхъ холмовъ съ лѣсистыми склонами. Эта страна, къ которой, такъ сказать, тяготѣютъ метрополіи ба-куэновъ, болѣе всего прославляется въ легендахъ бѣ-чуанъ. Вблизи Лепелоле находится глубокій гротъ, въ который Ливингстонъ отважился проникнуть первымъ, а неподалеку оттуда въ

¹⁾ J. Mackenzie, упом. соч.

¹⁾ A. A. Anderson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1884.

скалѣ выдолбленъ котель исполина, откуда, по传说ю, изошли всѣ животныя; та же пропасть породила и самихъ бечуанъ, и на камнѣ до сихъ поръ еще показываютъ отпечатки слѣдѣ первого шага, который сдѣлалъ первый человѣкъ, выходя изъ этой бездны¹⁾.

Нація ба-мангуато—занимающая, къ западу отъ Лимпопо, сѣверную часть Британского Протектората, и даже по ту сторону его болотистыя равнины, простирающіяся по направлению къ Замбезе—находится нынѣ въ периодѣ возвышенія и составляетъ одну изъ могущественныхъ имперій Южной Африки. Прежде ба-мангуато составляли одну группу племенъ съ ба-кузна и съ ба-уанкетсі; въ недавнюю же, хотя точно и не опредѣляемую преданіемъ, эпоху эти племена раздѣлились, и ба-мангуато избрали своимъ символическимъ животнымъ антилопу. Затѣмъ сами они распались на двѣ націи: собственно ба-мангуато и батоана, изъ которыхъ послѣдняя обитаетъ въ равнинахъ, находящихся къ сѣверу отъ озера Нгами, въ общей первоначальной родинѣ. Большое число бѣглецовъ—принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, оттѣсненнымъ къ западу страшными завоевателями ма-табелэ—обратились съ просьбою обѣ убѣжищѣ къ ба-мангуато и сливаются съ ними въ одну национальную общину, гдѣ отдѣльные типы мало-малу смѣшиваются. Шошонгъ, столица, представляеть нынѣ—внѣ англійскихъ колоній—самый большой городъ Южной Африки: по Holub'у и Mackenzie, въ немъ было не менѣе тридцати тысячъ жителей, и къ этой же городской агломераціи слѣдовало бы причислить также многочисленныя подгородныя деревни, расположенные въ видѣ круга какъ загороди для скота; послѣдовавшая, затѣмъ, одна за другою войны значительно уменьшила населенность Шошонга, такъ что въ 1880 году въ немъ было не болѣе шести тысячъ жителей²⁾; но съ тѣхъ поръ городъ разросся снова. Расположенный на высотѣ 1.026 метровъ и не на утесистомъ холмѣ, какъ большая часть бечуанскихъ столицъ, а на обширной равнинѣ, городъ построился по обоимъ берегамъ почти всегда сухаго ручья, надъ которыми съ сѣвера господствуетъ гранитная гора, длиною около 20 километровъ; параллельно этой гранитной горѣ тянется на югѣ базальтовая возвышенность, а промежуточное пространство между ними занято хорошо воздѣланными садами, по которымъ разсыпаны поселки. Ба-мангуато, подвергаясь уже издавна вліянію англійскихъ міссіонеровъ, большую частью стали христіанами; продажа водки и производство пива воспрещены въ ихъ ко-

ролевствѣ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій: именно, ста фунтовъ стерлинговъ штрафа для чужестранного торговца, англичанина или бура, и изгнанія для туземца. Двѣ большихъ торговыхъ дороги бѣ-чуанскаго края,—одна, направляющаяся на сѣверъ, къ Замбезе, другая—на сѣверо-западъ, къ Нгами,—раздѣляются въ Шошонгѣ. Къ югу общий стволъ этихъ двухъ торговыхъ путей направляется вдоль границы голландскихъ республикъ, проходя—за исключеніемъ лишь одного пункта—по Британскому Протекторату. Въ общемъ итогѣ вѣтшняя торговля бѣ-чуанскаго края исчисляется въ два съ половиною миллиона франковъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, бечуаны, еще не участвовавшіе въ торговлѣ, не знали моря, и когда слышали о немъ отъ путешественниковъ, то называли его «метсехула», т. е. водою, которая приходить попастись, покормиться; такое название дается морю по тому, что его волны, при приливѣ, далеко проникаютъ на поверхность земли, а затѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ снова покидаютъ береговыя низины³⁾.

Одно изъ покоренныхъ племенъ, живущихъ въ горахъ на сѣверо-востокѣ отъ Шошонга, прославилось своимъ умѣньемъ обдѣливать жѣлѣзо: это—ба-шуапенги. Добывая руду въ окрестныхъ мѣсторожденіяхъ, они сами изготавливаютъ изъ жѣлѣза употребляющіяся въ край орудія; они знаютъ также, какія изъ деревьевъ доставляютъ лучшій уголь, а изъ тѣхъ кусковъ жѣлѣза, которые всего дольше оставались въ соединеніи съ углемъ, приготовляютъ самыя оstryя сѣкиры: такимъ образомъ, имъ была известна сталь еще раньше появленія europейцевъ въ здѣшнемъ краѣ²⁾). На востокѣ отъ Шошонга и неподалеку отъ рѣки Лимпопо живетъ въ состояніи гордой независимости другое племя, именно ба-силика, которое своею свободою обязано какъ уединенности своего сильнаго города на трудно-доступномъ утесѣ, такъ и благодаря въ особенности той защитительной полосѣ, которую создаетъ вокругъ цитадели этого города муха тsetsetsa. Сами ба-силики держать свой скотъ въ небольшихъ долинахъ, куда не проникаетъ это страшное насѣкомое; но къ нимъ прибыть со стадами не возможно: нельзя было бы съ пользою также и красть ихъ собственныхъ животныхъ, такъ какъ скотъ перемеръ бы при прогонѣ его чрезъ полосу, наводненную мухою.

Бѣ-чуаны весьма рѣдки въ западной области Протектората, гдѣ родники не часты, а русла рѣкъ узнаются въ теченіе большей части года только по полосамъ земли, покрытымъ пескомъ.

¹⁾ Livingstone, „Last Journals“.

²⁾ Emil Holub, „Deutsche Rundschau fr Statistik und Geographie“, 1880.

³⁾ J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“, Іюнь, 1887.

²⁾ J. Mackenzie, „Ten years north of the Orange-river“.

Рѣдкія семейства, встрѣчаемыя въ этомъ краѣ, называются по его же имени: это ба-калахари, именуемые также ба-лала, т. е. «бѣдные». Во многихъ мѣстностяхъ они смишались съ бушменами, но между ними есть и такие, которые въ чистотѣ сберегли свою расу и сохранили свои нравы пастуховъ и земледѣльцевъ. Большая часть ихъ не могутъ разводить другихъ животныхъ, кромѣ козъ, которыхъ они поятъ, собирая воду капли по капль въ скучныхъ ключахъ. Они упорно обрабатываютъ свои садики, хотя бы изсохшая земля не приносila имъ ничего, кромѣ тыквъ и дынь. Бродящіе окрестъ ихъ краалей львы часто являются желанными гостями, благодаря тѣмъ на-половину обѣденнымъ трупамъ, которые они оставляютъ охотникамъ. Чистокровные ба-калахари, хотя и бѣдные, считаются людьми свободными и въ отношеніи къ другимъ бѣ-чуанамъ состоять лишь вассалами; но смишавшіеся съ бушменами и называемыя ма-саруа, т. е. «дурные люди», признаются рабами, и добыча ихъ на охотѣ и при сборѣ плодовъ принадлежитъ тѣмъ бечуанскимъ племенамъ, которыхъ проживаютъ ближе всего къ становищамъ этихъ ма-саруа. Два или три раза въ году ма-саруа должны являться въ села ихъ господъ, но имъ не дозволено входить туда днемъ, они должны останавливаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хижинъ и терпѣливо ожидать, пока начальникъ соблаговолитъ ихъ привять. Однако, эти «дурные люди» вообще болѣе сердечно относятся къ своимъ женамъ, чѣмъ большая часть бѣ-чуанъ, а также оказываются и болѣе привязанными къ своимъ собакамъ, преданнымъ сотоварищамъ на охотѣ, между тѣмъ какъ у другихъ народцевъ съ собаками почти всегда обращаются гнусно¹⁾.

Фарини сообщаетъ о найденныхъ имъ остаткахъ построекъ въ краѣ ба-калахари, свидѣтельствующихъ о прежнемъ существованіи въ этихъ областяхъ какого-то народа, имѣвшаго цивилизацію, отличную отъ цивилизациіи бѣ-чуанъ нашего времени²⁾.

V. Истоки Оранжевой рѣки, Край племени Ба-Суто.

(Басуто-лэндъ).

До нашествія голландскихъ буровъ въ края, лежащіе къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, западные и восточные бѣ-чуаны жили бокъ-обокъ по смежнымъ пастбищамъ. Но клинъ постепенно врѣзывался въ сердце дуба. Колонисты бѣлой расы, поднявшись по берегамъ Оранжевой рѣки и Каледона, а затѣмъ достиг-

нувъ, на сѣверѣ, водораздѣла между рѣками Оранжевой и Вааломъ, мало-по-малу захватывали пастбища и скотъ и принудили коренныхъ обитателей земли раздѣлиться такимъ образомъ, что западные бѣ-чуаны перешли черезъ Вааль, а восточные племена той же расы, известныя подъ колективнымъ именемъ ба-сuto, т. е. «пузатые», или «опоясанные»¹⁾, были на нѣсколько градусовъ отброшены въ верховья долины горныхъ цѣпей Малути и Дракенбергентъ. Послѣ учрежденія своей Оранжевой республики, земля которой первоначально принадлежала ба-сутамъ, буры, конечно, кочевали бы тѣмъ, что отняли бы у туземцевъ изъ послѣднія убѣжища въ горахъ, ибо пограничная война шла постоянно, прерываясь лишь короткими перемириями; однако, въ дѣло не замѣдили вмѣшаться, въ свою очередь, англичане, въ началѣ для «обеспеченія независимости ба-сутовъ», а затѣмъ и для конфискованія этой независимости въ свою пользу. Война возгорѣлась между покровителями и покровительствуемыми; покровители требовали обезоруженія горцевъ, а горцы не одинъ разъ геройски отражали англійскія войска; вообще метрополіи война стоила болѣе сотни миллионовъ франковъ. Ле-Суто или Басуто-лэндъ—хорошо ограниченный съ юго-востока, съ востока и съ сѣверо-востока главнымъ країнемъ южно-африканскихъ горъ, а съ сѣверо-запада и съ запада теченіемъ рѣки Каледонъ—нынѣ присоединенъ къ колоніальной территории, хотя и управляетъ непосредственно особымъ резидентомъ, котораго назначаетъ англійское правительство. Бѣлыхъ въ данной области еще немногі, приблизительно сотень пять. Пространство края исчисляется въ 31.490 квадрилометровъ и по сравненію съ другими краями Южной (австральной) Африки, населенность довольно велика: въ 1894 году цифра населенія достигла 250.000 душъ, что составить 8 человѣкъ на квадратный километръ. Изъ этого общаго числа жителей нѣсколько тысячъ приходится на ба-ролонговъ, покиравшихъ Оранжевую республику.

Ба-сuto—наилучше изученные представители бѣ-чуанского семейства, такъ какъ уже съ 1833 года между ними поселились французскіе протестантскіе миссионеры, которые описали ба-сутскіе нравы и содѣствовали ихъ измѣненію. Вкрапленные между территориями, принадлежащими европейскимъ переселенцамъ, Капскою колонію, Трансвалемъ и Наталемъ,—ба-сuto должны были приспособляться къ новой средѣ, и они съумѣли это сдѣлать замѣчательно разумно. Тогда какъ въ другихъ краяхъ соцріосновеніе бѣлыхъ и другихъ расъ приводило къ обѣданію, упадку и вымиранию туземцевъ, ба-сuto счастливо

¹⁾ Mackenzie;—Holnb.

²⁾ „Huit mois aux Kalahari“.

¹⁾ Retzius, „Petermann's Mittheilungen“, 1858, тетр. I.

пережили ассимиляционный кризис; выиграва въ знаніяхъ и въ промышленности, они въ то же время быстро увеличивались въ численности; край, полстолѣтія тому назадъ почти пустынныій, сталъ нынѣ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ въ Африкѣ. Цивилизациѣ у ба-сuto не только вѣнчаная и не состоитъ единственно въ замѣнѣ кожанаго каросса одеждой изъ шерсти и бумаги, ввозимыми изъ Англіи, и въ постройкѣ домиковъ изъ кирпича или камня, вмѣсто хижинъ изъ вѣтвей. Благодаря школамъ, содержаніе которыхъ составляетъ главный расходъ націи, они пользуются уже среднимъ образованіемъ, превышающимъ образованіе многихъ европейскихъ населеній, и на экзаменахъ многіе ба-сuto выдерживаютъ испытанія гораздо лучше, чѣмъ ученики изъ бѣлыхъ. Тысячи между ба-сутами говорятъ по-англійски и по-голландски; они читаютъ бѣ-чуанская книги и газеты, и хотя почти всѣ христіане—приблизительно одна шестая часть націи—ученики міссионеровъ (парижская протестантская міссія содержитъ 137 школъ, съ 6.937 учащихся, въ 1895 г.), тѣмъ не менѣе, они не ограничиваются рабскимъ повтореніемъ услышанного; есть между ба-сутами и такие, которые размышляютъ, обсуждаютъ идеи и слѣдуютъ своимъ личнымъ путемъ¹⁾. Наконецъ, различные племена перестали сражаться другъ съ другомъ: непрерывная война уже не ведется; пастухи, лишенные своихъ стадъ, не возвратились, однако, къ людоѣству, которое прежде «существовало повсюду»²⁾, и чернокожіе съ тѣмъ же ужасомъ, какъ и бѣлые, взираютъ на нынѣ покинутыя «пещеры людоѣдовъ». Чувство национальной связи смѣнило взаимную вражду деревень, и именно благодаря этому духу солидарности, подкрепленному геройствомъ въ сраженіяхъ, ба-сuto и могли отстоять большую часть своей политической самостоятельности противъ посагательствъ англійского сюзеренитета. Въ былое время горцы вступали въ браки между родственниками, чтѣ казалось омерзительнымъ приморскимъ кафрамъ, которые всѣ придерживались экзогамического брака, отказываясь даже брать себѣ жену въ чужомъ семействѣ, носящемъ прозвище одинаковое съ прозвищемъ семьи жениха.

Гораздо болѣе богатые скотомъ, чѣмъ полвѣка тому назадъ, когда хищные звѣри бродили еще вокругъ ихъ стадъ, ба-сuto все еще считаются уходъ за рогатымъ скотомъ и за вновь приобрѣтеннымъ ими животнымъ, лошадью, самымъ достойнымъ занятіемъ для человѣка: сыновья начальниковъ должны проводить извѣстную часть своей юности въ качествѣ пасту-

ховъ, и даже сами короли покидаютъ свои дворы, отправляясь охранять стада и вести ихъ на новые паства; въ деревняхъ, центральное пространство, находящееся рядомъ съ кхотла или резиденцію короля, всегда оставляется для скота. Однако, къ этому своему национальному промыслу, первому источнику своего благосостоянія, ба-сuto присоединили также и разумно понятую ими культуру своихъ полей; уже многія тысячи плуговъ введены въ долинахъ Лс-Суты, жители которой не ограничиваются, какъ прежде, сѣяніемъ сорго, своего предпочтительного хлѣбного растенія; они воздѣлываютъ всѣ хлѣба, всѣ плоды европейскаго происхожденія и своимъ вывозомъ ежегодно содѣйствуютъ пропитанію жителей Капской колоніи; плодовые сады окружаютъ нынѣ всѣ ихъ деревни. Плодородіе почвы, всегда хорошо орошаемой, превращаетъ ба-сутскій край въ одну изъ естественныхъ житницъ Южной Африки, и до сихъ поръ не произошло скопленія въ немногихъ рукахъ земли, которое, конечно, раздѣлило бы націю на богатыхъ и бѣдныхъ: пропитывающая ба-сутовъ почва принадлежитъ всей общинѣ¹⁾. Лишь самъ работающій имѣеть право на продукты поля; переставая, въ случаѣ переселенія въ другое мѣсто, обрабатывать данный участокъ земли, онъ долженъ возвратить его начальнику, который отъ имени общины и ссужаетъ ее другому земледѣльцу. Въ хорошие годы, стоимость продуктовъ, продаваемыхъ ба-сuto въ Капскую колонію и въ алмазоносную страну, достигаетъ пяти слишкомъ миллионовъ франковъ; въ 1896 г. вѣнчаная торговля Ба-сутоленда: привозъ—104.858, вывозъ (хлѣбъ, скотъ, шерсть)—139.495 фунт. стерл. Подобно савоярамъ и овернцамъ, ба-сuto ежегодно посылаютъ въ сосѣднія области молодыхъ эмигрантовъ, которые рано или поздно возвращаются въ свое отчество, съ накопленными деньжонками: такъ какъ они неутомимы въ трудѣ, и мнѣніе обѣ ихъ честности установлено уже издавна, то вообще имъ легко найти себѣ занятіе; однако, когда имъ не отдаютъ условленной платы, то они угояютъ скотъ у своихъ должниковъ: отсюда частыя затрудненія съ Оранжевой республикой, въ которой большинство ба-сутскихъ выходцевъ работаютъ. Нѣсколько хорошихъ дорогъ проникаютъ вглубь долинъ, склоны горъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе подвергаются обработкѣ, и малопомалу создается провинциальный бюджетъ для содержанія путей сообщенія и для основанія школъ. Рудники въ краѣ не особенно разработываются, хотя они и довольно богаты; платиновые мѣсторожденія весьма многочислены въ ле-сутскихъ горахъ²⁾.

¹⁾ Letourneau, „Physiologie des Passions“,—Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie“, 1884.

²⁾ Arbousset et Dumas, „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap“.

¹⁾ E. Caenlis, „Les Bassouto, vingt-trois années de sÃ©jour et d'observations au sud de l'Afrique“.

²⁾ Arbousset et Dumas, упом. соч.

Главный городъ ба-сутского края, Таба Боссиго (Таба Боссиу), т. е. «гора ночи», расположены на высотѣ болѣе чѣмъ 1.500 метровъ, у подошвы столоиднаго утеса, господствующаго надъ долиной одного изъ притоковъ Каледона; съ высоты этой скалы славный король Мошешъ—т. е. «брільщикъ», такъ какъ онъ кончилъ тѣмъ, что «сбрить всѣхъ своихъ сооперниковъ»—отражалъ нападенія зулусовъ, скатывая на нихъ каменные глыбы; затѣмъ онъ съумѣлъ и поладить съ обращенными въ бѣгство врагами, пославъ имъ скотъ и предложивъ свою дружбу. Большая часть другихъ мѣстечекъ Лерибе, Береа, Виезда, также были резиденціями царьковъ и станами миссіонеровъ; городокъ Масеру, неподалеку отъ лѣваго берега Каледона, въ округѣ Таба-Боссиго, служить мѣстопребываніемъ англійскаго комиссара. — Административныхъ округовъ въ ба-сутскомъ краѣ шесть: 1. Лерибе (50 т. жителей); 2. Береа (25 т. жителей) и 3 и 4. Габа-Боссиго (60 т. жителей)—всѣ къ востоку отъ Каледона; 5. Kornet-Spruit (30 т. жителей), между Kornet-spruit или Makhaleng и Оранжевой рѣкой; и 6. Quithing, между верхнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки и горами Дракенбергенъ (12 т. жителей).

Главари ба-сутовъ теперь не болѣе какъ подчиненные европейскихъ судей: на приговоры ихъ можно апеллировать къ англійскому суду, рѣшенія котораго считаются уже окончательными. Для обсужденія же дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ, ежегодно собирается общее вѣче или *нитии*. Законы о бракѣ измѣнились, и многоженцы могутъ зарегистрировать уплату скотомъ только при покупкѣ своихъ первыхъ женъ; послѣдующихъ браковъ законъ уже не признаетъ¹⁾. Налогъ, какъ и у кафровъ восточного склона горъ, опредѣленъ въ 10 шиллинговъ съ хижины. Въ бюджетъ ба-сутского края за 1895 годъ доходы составили 46.000, а расходы—43 000 фунт. стерл. Употребленіе спиртныхъ напитковъ официально запрещено, но контрабанда между ба-сутскимъ краемъ и Оранжевою республикою производится дѣятельно. Даже и до нынѣшнаго режима главнымъ начальникамъ было запрещено употребленіе пива; въ качествѣ судей, они постоянно должны сохранять полную ясность ума.

VI. Кафрарія.

Съ 1885 года, восточный склонъ горной цѣпи, заключающейся между рѣками Кей и Умь-Фумовна, цѣликомъ присоединенъ, какъ и край басутовъ, къ Капской колоніи; но англійскіе переселенцы и торговцы не отваживаются по-

сѣять эту область иначе, какъ съ соблюденіемъ предосторожностей, а въ иѣкоторыхъ округахъ пребываніе имъ даже и воспрещено. Резиденты, пребывающіе въ странѣ рядомъ съ главарями, представляютъ сюзеренную власть колоніи и въ то же время блудутъ, чтобы изъ соотечественники не завладѣвали землями, оставленными кафрамъ. Однако непрерывное движение впередъ, которое началось со времени первой высадки голландцевъ у подошвы Столвой горы, продолжается добровольно или вынужденно, и двѣ колоніи: Капская и Наталь постоянно стремятся сблизиться другъ съ другомъ чрезъ Кафрскій край, чтобы образовать сплошной поясъ европейскаго населения. Этническое давленіе тѣмъ сильнѣе, что Кафрарія очень лакомый кусокъ, такъ какъ это край самый здоровый, самый живописный и самый плодородный изъ всѣхъ странъ Южной Африки. Въ 1877 году, двадцать лѣтъ спустя послѣ безуспѣшной попытки колонизаціи, англійскіе переселенцы были приглашены брать земельные «концессіи» въ Транскей, между рѣками Кей и Кога, а недавно одна европейская компанія приобрѣла одну изъ лучшихъ мѣстностей Кафрарія,—территорію, по которой р. Сент-Джонъ (Умъ-Зимвубу) течетъ къ своему устью, и которая рано или поздно должна сдѣлаться главнымъ коммерческимъ портомъ между Капомъ и Наталемъ; съ 1887 года англичане проявляютъ тамъ непосредственно свою власть въ политическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, небольшія спорадические колоніи подготавливаютъ будущее завладѣніе страной. Но, хотя кафры болѣе уже политически и не властствуютъ въ краѣ, который ихъ преды отвоевали у варварскихъ племенъ, употреблявшихъ каменные орудія и оружіе²⁾, тѣмъ не менѣе они составляютъ почти все его населеніе, а, благодаря миру, господствующему между племенами, годичный приростъ жителей значителенъ: хотя точныхъ статистикъ еще не существуетъ, но большинство проживающихъ въ странѣ европейцевъ согласно свидѣтельствуютъ, что постоянное увеличеніе численности кафровъ, обусловливаемое преобладаніемъ рожденій надъ смертностью, представлять безпримѣрное явленіе³⁾. Изъ всѣхъ областей Южной Африки, Кафрарія населена плотнѣе всего. Пространство Кафрарія—36.953 кв. километр., а населеніе (по переписи 1891 г.)—486.572 душъ (10.312 бѣлыхъ, 470.624 кафровъ и 5.636 готтентовъ), что составляетъ болѣе 13 жителей на одинъ квадратный километръ. Спрашивается, поэтому, не случится ли и здесь рано или поздно, что туземцы постепенно возьмутъ перевѣсъ надъ бѣлыми, подобно

¹⁾ John Saaderson, „Stone Implements of Natal in Anthropological Review“.

²⁾ G. Mac Call Theal, „History of the Boers in South Africa“.

³⁾ „Journal des Missions Evangeliques“, 1886.

тому, какъ это уже произошло въ Центральной Америкѣ и въ одной части Америки Южной.

Въ великой семье народовъ банту, кафры занимаютъ первое мѣсто по физической красотѣ, силѣ, мужеству и умственнымъ способностямъ. Во многихъ этнографическихъ изданіяхъ, гдѣ изображены различные типы человѣческаго рода, европейскіе бѣлые представлены въ видѣ боговъ и богинь, скопированныхъ съ античныхъ статуй; въ то время какъ блородный «каказецъ», сынъ Прометея, является въ идеальной формѣ, созданной воображеніемъ великихъ художниковъ, люди другой расы: черные, желтые или красные представлены намъ, въ этихъ сборникахъ, красивыми или безобразными, старыми или молодыми, здоровыми и немощными, но всегда такими, какими они являлись передъ объективомъ фотографа, а иногда и подъ карандашемъ карикатуриста. Очевидно, этотъ способъ изображенія типовъ не справедливъ по отношенію къ такъ называемымъ низшимъ расамъ. Нѣть сомнѣнія, если бы художникъ сталъ воспроизводить всѣхъ случайно встрѣтившихся ему лицъ, будуть ли это европейцы или кафры, то оказалось бы, что именно между кафрами онъ нашелъ бы болѣе всего индивидовъ, приближающихся къ совершенной красотѣ, по благородству черты и по равновѣсію формъ. Превосходство принадлежитъ европейскимъ бѣлымъ только по отборнымъ индивидамъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, оказываются самыми красивыми тѣ, которые болѣе цивилизованы: между двумя типами замѣчается такая же разница, какъ между дикимъ звѣремъ и животнымъ, облагороженнымъ путемъ воспитанія. Кафрами съ болѣе совершенными формами оказались бы, именно, тѣ, которые живутъ по соцѣдству съ бѣлыми и подъ ихъ влияніемъ, такъ какъ вообще «только цивилизаций можетъ сдѣлать людей совершенными»¹⁾. Черты лица никогда не имѣются у кафровъ той тонкости, которую представляютъ красивыя европейскія лица: губы у нихъ почти всегда слишкомъ толсты; зато кафры, а также и готтентоты, обыкновенно превосходятъ европейцевъ чрезвычайно остротою зрѣнія; дальтонизмъ не извѣстенъ у туземцевъ Африки²⁾. О томъ же, каковы у кафровъ мужество и въ особенности сила сопротивленія, англичане уже знаютъ какъ по войнамъ, которыя имъ приходилось вести противъ этого племени, такъ и по той дикой энергіи, которую ама-коза проявили во время страшного года добровольного голода. Наконецъ, всѣ занимавшіяся обученіемъ кафрскихъ дѣтей свидѣтельствуютъ о живости и проницательности ихъ ума. Духовная жизнь кафровъ даже слишкомъ напряжена, какъ объ

этомъ можно судить по большому числу встрѣчающихся между ними сумасшедшихъ³⁾). Нравы кафровъ, первоначально походившіе на нравы ихъ братьевъ по расѣ и по языку, бѣчуанъ, нынѣ уже сильно видоизмѣнились, вслѣдствіе соприкосновенія этихъ туземцевъ съ бѣлыми. Прежде кафры—заимствовавшиѳ нѣкоторыя свои религиозныя понятія отъ сосѣднихъ націй—давали Богу название тико (отъ готтентотскаго слова ути-ко), т. е. «существо, причиняющее зло»⁴⁾.

Фингосы, амамъ-фингу, т. е. «бродячіе»—которые жили прежде гораздо съвернѣе, въ долинѣ р. Тугела, и которые были прогнаны оттуда зулусскимъ завоевателемъ Тшака—нынѣ принадлежать къ кафрамъ только по имени. Послѣ своего бѣгства, они попали въ зависимость отъ племени ама-коза, которое мало-помалу превратило ихъ въ совершенныхъ рабовъ и присвоило имъ племенное название «собакамъ». Отсюда смертельная вражда между двумя націями, а для англійскихъ колонистовъ благопріятный случай для вмѣшательства. Воспользовавшись предложеніемъ земель, сдѣланнѣи ихъ сосѣдями изъ колоніи, фингосы массами эмигрировали, чтобы поселиться на берегахъ Большой Рыбной рѣки (Great-Fish-river); тамъ, уплачивая подворный налогъ въ десять шиллинговъ, они по крайней мѣрѣ становились собственниками обрабатываемой ими земли; затѣмъ, они соединились съ англичанами противъ своихъ прежнихъ властителей, и, благодаря ихъ содѣйствію, ама-козы должны были, наконецъ, признать себя побѣженными и поступиться, къ востоку отъ р. Кей, обширными территоріями, которыя и были, въ большей части, переданы тѣмъ «собакамъ», изъ которыхъ ама-козы такъ неблагоразумно создали авангардъ бѣлыхъ. Нынѣ кафры племени финго, впрочемъ, сильно перемѣшившіеся съ колонистами европейскаго происхожденія, исчезаютъ приблизительно въ сто тысячъ душъ, въ собственно колоніальной территоїи и въ Транскей; они носятъ тотъ же костюмъ, какъ и бѣлые; употребляютъ плугъ, какъ англійскіе и нѣмецкіе земледѣльцы; посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, содержимыя на ихъ же добровольные сборы; издаютъ газеты, переводятъ европейскія аріи и полагаютъ свои пѣсни на музыку⁵⁾; почти всѣ они называютъ себя христіанами и составляютъ насту пролетаріевъ въ восточныхъ областяхъ южно-африканской колоніи. Два главныхъ городка въ краѣ финговъ, въ предѣлахъ собственной Кафрапіи, къ востоку отъ р. Кей: *Natalqua* и *Butter-*

¹⁾ *Journal des Missions Evangeliques*, 1845;—*Elie Recles, "Revue d'Anthropologie"*, 1884.

²⁾ *Robert Moffat, "Vingt-trois ans de sejour dans le sud de l'Afrique"*.

³⁾ *G. Mac Call Theal, upom. соч.*

⁴⁾ Gustav Fritsch, „Die Eingeborenen Sued-Africa's“.

⁵⁾ „Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschap.“ Іюль, 1882.

worth—расположены оба на восточныхъ притокахъ этой рѣки.

Племя ама-коза, коса, или кеоза, которое еще недавно господствовало надъ финесами, а затѣмъ было вынуждено предоставить имъ западные земли Трансека и долины, лежащія вплоть до Большой Рыбной рѣки,—изъ всѣхъ кафскихъ племенъ наиболѣе пострадало отъ ненависти бѣлыхъ: будучи ближайшими сосѣдями англичанъ, ама-коза первые напали на нихъ и были первыми же изъ побѣжденныхъ англичанами; такимъ образомъ, съ нихъ и началось дѣло искорененія туземцевъ. Гордась свою былою славою, ама-козы считаютъ себѣ самыми благородными между кафрами и, дѣйствительно, сосѣдія съ ними племена признаютъ ихъ первенство. Впрочемъ, отъ другихъ кафровъ они, если и отличаются чѣмъ, то только особенностями своего группированія и своими политическими преданіями, ибо языкъ ихъ едва разнствуетъ отъ тѣхъ нарѣчий, которыхъ употребляются вплоть до бухты Делагоа, а ихъ наименованіе не имѣть этническаго значенія, такъ какъ большинство кафскихъ племенъ, и въ особенности племя коза, получили свои прозванія по имени какого-нибудь прославившагося въ исторіи націи государя; такъ, по имени знаменитыхъ начальниковъ называны и главныя подраздѣленія ама-козовъ: галека и гайка. Впрочемъ, какъ отдельная группа, отрасль *тайки* почти исчезла: будучи выселены, въ 1851 году, на западъ отъ р. Кей въ территорію, которая давно уже была захвачена английскими колонистами, гайкасы разсѣялись по фермамъ и предмѣстіямъ городовъ въ качествѣ рабочихъ, земледѣльцевъ и домашней прислуги, вслѣдствіе чего они исподволь и сливаются съ другими жителями. Что касается отрасли, именуемой галека, то она занимаетъ свою собственную область, которая составляетъ почти половину территоріи, находящейся между рѣками Кей и Бashi (Bashee). Въ 1875 году галекасы представляли сплошное населеніе почти въ семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ общемъ итогѣ, группы племени коза составляютъ болѣе ста тысячъ кафровъ.

Большинство галекасовъ сохранили свои древніе обычай. Женихъ еще покупаетъ свою невѣstu, уплачивая за нее известнымъ количествомъ скота, самое же число женъ зависить отъ богатства. Въ противоположность бечуанскому обычаемъ, въ Кафраї доять коровъ молодые мужчины; ни одна женщина не имѣть права войти въ ту священную загородь, въ которой содержится скотъ¹⁾: присутствіе женщины осквернило бы ее. Женщина—раба и презирается: произносить имя мужчины изъ своего семейства ей воспре-

щено; равнымъ образомъ она не въправъ произносить звуки аналогичные звукамъ именъ: она должна изобрѣсти новый языкъ, отличный отъ языка ея мужа. Неудачній ребенокъ убивается; хорошо-сложеннымъ дѣтамъ дѣлается вѣсколько уколовъ въ разныя мѣстахъ тѣла, и небольшой защитительный амулетъ вводится подъ кожу; затѣмъ такого ребенка, какъ равно и его мать, натираютъ красною глиною¹⁾). Главари—важныя персоны, стоящія выше законовъ, обязательныя для остальныхъ людей. Они имѣютъ право конфискаціи имущества у своихъ подданныхъ, и даже ихъ сыновья имѣютъ право воровать и грабить людей изъ ихъ племени, при чёмъ пострадавшіе должны считать себя пользующимися выборомъ и капризомъ своихъ владельцевъ. Прежде погребались только начальники, трупы же подданныхъ бросались въ кусты; иногда даже не выждавъ самой кончины умирающихъ, ихъ тѣло протаскивали сквозь землю сдѣланный проломъ въ рѣшетчатой стѣнѣ хижинъ. Когда же смерть постигла большаго начальника, то національная церемонія длилась по цѣлымъ недѣлямъ; другимъ бодрствовали вокругъ его могилы, защищая ее отъ воздушныхъ духовъ и отъ непогоды. Иногда это бодрствованіе длилось цѣлый годъ, и охранители становились священными въ глазахъ своихъ соотечественниковъ; въ оградѣ могилы вводились коровы, которыхъ, считались тоже освященными и признавались геніевъ покровителей, вслѣдствіе чего ихъ нельзя было уже ни есть, ни продавать; эта же ограда была также неприкосненнымъ мѣстомъ убѣжища, святилищемъ, на рубежѣ котораго должны были останавливаться вѣщи мишеніе, такъ и правосудіе. Можно было бы подумать, что народъ, окружающій личность своего начальника такими знаками суевѣрія, гопочитанія, лишенъ общественного самосознанія; и однако же, ама-козы умѣютъ, когда нужно, защищать свои обычныя права противъ посагательствъ своихъ начальниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда являясь доказательствомъ большой семейной солидарности. Тамъ, бѣднякъ, приговоренный къ уплатѣ штрафа скотомъ, можетъ разсчитывать на помощь своихъ родныхъ, которые и платятъ за него.

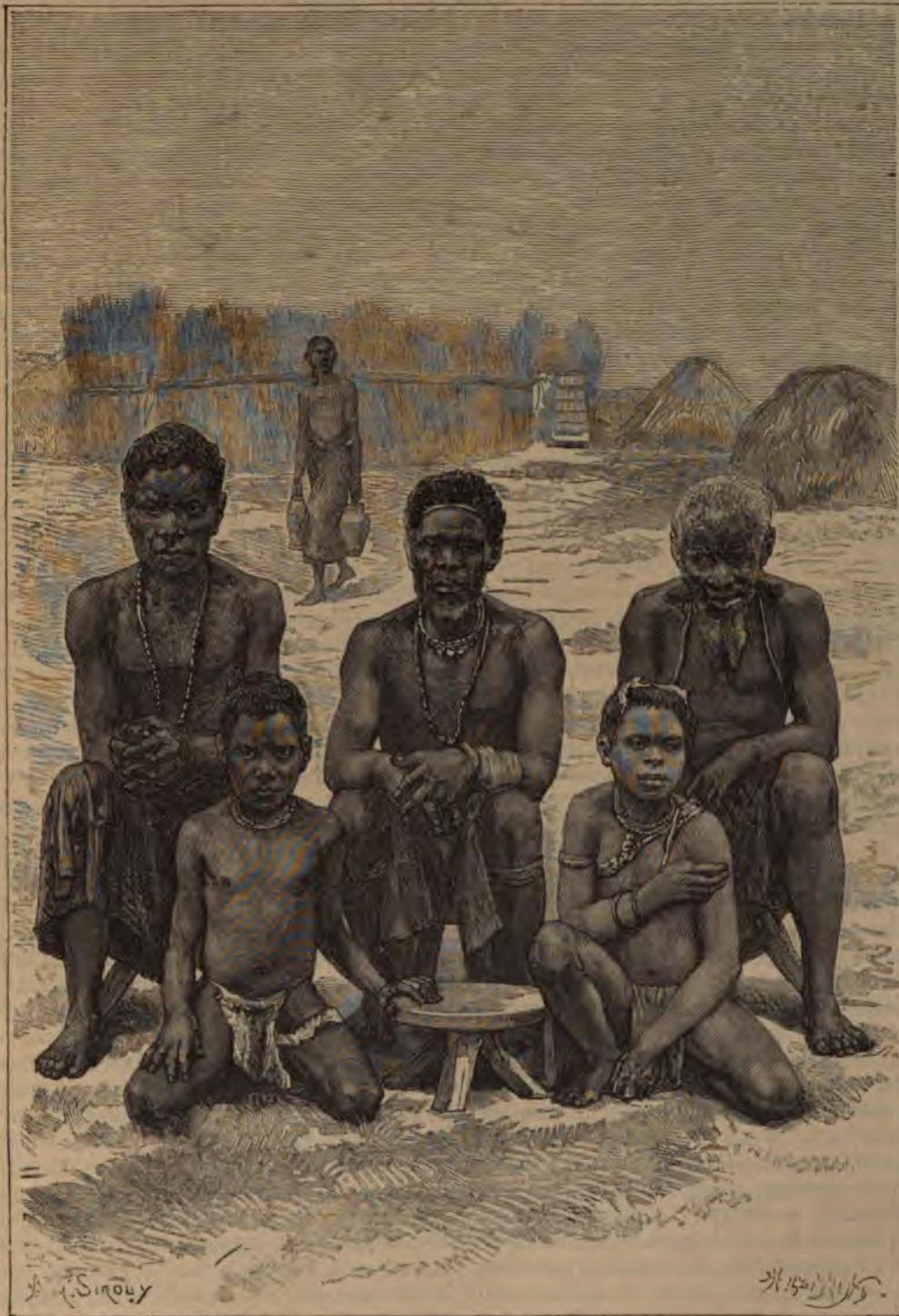
Край, обитаемый племенемъ тембу, Тембландъ, простирается полукругомъ къ сѣверу и къ востоку отъ территоріи фингосовъ и галекасовъ: начинаясь у горъ Куатламба и заключая въ себѣ многихъ изъ высокихъ долинъ притоковъ рѣки Кей, край этотъ продолжается на юго-востокѣ той частію прибрежной полосы, которую ограничиваютъ рѣки Бashi и Умь-Тата. Называемые обыкновенно тамбуки (*tambookies*), эти тембусы, или аба-тембу, со-

¹⁾ J. Mackenzie, „Scottisch Geographical Magazine“. Іюнь, 1887.

¹⁾ Elie Reclus, упом. соч.

ставляютъ народецъ въ сто тысячъ душъ, и превратности войнъ много разъ заставили ихъ перемѣщаться съ своими стадами,

ны линіи пересѣкаютъ ихъ территорію; дѣлаются приготовленія къ разработкѣ залежей угля въ ихъ горахъ, и въ ихъ краѣ основался

Группа племени ба-ротсэ.

они сравнительно мало пострадали отъ перенесенныхъ постепеннымъ нашествиемъ бѣлыхъ, и довольно терпѣливо признаютъ власть британскихъ судей. Дороги и телеграф-

даже настоящій городъ, Умтата, расположенный на восточномъ крутомъ берегу рѣки того же имени и кверху отъ прелестныхъ каскадовъ. Племя бомвана, обитающее, въ числѣ

отъ 15 до 20 тысячъ душъ; въ приморской области, заключающейся между рѣками Баши и Умъ-Тата, осталось въ круга торгового про-тяженія англичанъ, и область его разселенія мало извѣстна.

Территорія націи пондо, Пондоленда, зани-
маетъ около половины поморья Кафраїи,
между рѣками Умъ-Тата и Умъ-Тафуна, изъ
которыхъ послѣдняя служить границею съ
Наталемъ. Благодаря разстоянію, отдѣляюще-
му ихъ отъ Капской колоніи, эти туземцы могли
безъ труда удержаться въ своихъ богатыхъ
долинахъ: въ числѣ около двухсотъ тысячъ,
они постепенно и безъ потрясеній переходятъ
изъ независимаго состоянія въ вассальное. Пон-
досы подраздѣляются на многія племена: ама-
конгво, ама-конгвела, ама-кобала, ама-квера,
ама-ньянти, ама-бала, ама-яли и другія, имѣющія,
каждое, своего начальника и не соединяющіяся
другъ съ другомъ въ какой-либо федератив-
ный союзъ; однако, они не признаютъ сузе-
ренство Великобританіи, представительницею
которой недавно была вдова одного міссионера:
къ ней всѣ приходили за советами. Многія
мѣстечки, предназначенные для постепенного
превращенія въ англійскіе города, уже усѣ-
ваютъ поверхность страны, а также на терри-
торіи Пондо, при устьѣ р. Сентъ-Джонъ, осно-
вался и портъ, единствующій стать современ-
немъ главнымъ рынкомъ всего поморья
между городами East-London и Durban. Паль-
мерстонъ—міссионерскій станъ, постепенно пре-
образовывающійся въ мѣстечко и обѣщающій со
временемъ сдѣлаться многолюднымъ городомъ.

Сѣверо-западная часть Кафраїи отдѣлена
отъ края ба-сутовъ Дракенбергенскимъ кря-
жемъ, ограничена съ сѣверо-востока колоніею
Наталь, съ юго-востока и юга Пондо-лендомъ и
Тембу-лендомъ; официально она извѣстна
подъ именемъ *East-Griqua-land*, т. е. «зем-
ля восточныхъ гри-куа», хотя на этой тер-
риторіи по преимуществу проживаютъ различ-
ные племена разнообразного происхожденія;
здѣсь обитаютъ также кафры, именно племе-
на пондомази, ама-бака, ама-кресиба, и даже
фингосы въ небольшомъ числѣ. Гри-куа—дав-
шіе наименованіе самому краю, хотя ихъ все-
го только отъ двухъ до трехъ тысячъ на
семьдесятъ тысячъ жителей,— жили прежде
вмѣстѣ съ другими гри-куа *bastaards'ami*, на
плоскогоріяхъ, по которымъ протекаетъ Оран-
жевая рѣка; но послѣ продолжительныхъ переселеній въ разныхъ направленіяхъ, они отдѣ-
лились отъ остальной націи, и, подъ предводи-
тельствомъ главаря, носящаго голландское
имя Адамъ Кохъ, отправились въ 1862 году
на восточный склонъ Драконовыхъ горъ, гдѣ
и заняли территорію, долгое время извѣст-
ную подъ именемъ *No man's Land*, т. е.
«ничья земля», и которую вѣрно было бы
назвать «всеобщей землей», по причинѣ мно-

жества поселившихся на ней эмигрантовъ
всякаго племени. Дорога изъ Капа въ Наталь
пересѣкаетъ эту страну (состоящую та же
подъ верховной властью Англіи), направ-
ляясь вдоль границы Пондоленда и проход-
чрезъ главный городокъ, голландскій Коистадъ,
расположенный на высотѣ 1.500 метровъ, и
одномъ изъ притоковъ рѣки Сентъ-Джонъ.
Другое большое поселеніе, Мататіэль, на-
ходится въ западномъ гористомъ окружѣ, и
мѣстѣ встрѣчи многихъ тропинокъ, исходи-
ющихъ съ водораздѣльного хребта. Многочи-
сленныя семьи ба-сутовъ, вслѣдствіе тѣсноты
въ своеемъ kraѣ, перевалили черезъ горы, дѣ-
лая путь своихъ стадъ въ высокихъ долинахъ
восточнаго склона. Пространство восточнаго
Грикуленда (*East-Griqua-land*) — 19.668 кв.
километровъ; населеніе, по переписи 1891 г.—
152.609 душъ (4.114 бѣлыхъ, 144.621 бал-
тусовъ, 3.874 готтентотовъ). Пространство
Пондоленда — 10.740 кв. километр., населе-
ніе — 150.000 душъ.

VII. Наталь.

Капъ обязанъ своимъ именемъ Вореоломою
Діазу; Наталь получила свое название отъ
еще болѣе знаменитаго мореплавателя, отъ
Васко-де-Гама, который увидѣлъ зеленѣющій
мысъ этой страны въ день Рождества Хри-
стова, въ 1497 году (по-португальски Рождѣ-
ство—Natal). Прошло, однако, болѣе трети
столѣтій прежде, чѣмъ этимъ мѣстомъ остано-
вокъ на океанической дорогѣ изъ Европы въ
Індію стали пользоваться постояннымъ образ-
омъ. Правда, португальские моряки заходили
сюда много разъ съ цѣлью запастись провизіею;
также и голландцы, впослѣдствіи завладѣвшіе
даннымъ моремъ, неоднократно пытались ос-
новаться въ Портъ-Наталѣ; но всѣ эти па-
пытки не удавались, и лишь въ 1824 году,
спустя болѣе 330 лѣтъ послѣ открытия страны,
человѣкъ двадцать англичанъ съ Капа осно-
вали на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится го-
родъ Дурбанъ, первый центръ европейской ко-
лонізациі. Въ это время данная террриторія,
разоренная страшнымъ зулускимъ королемъ,
по имени Тишака, была почти совершенно
опустошена. Туземныя племена были искоре-
рены или принуждены къ переселенію на югъ
отъ моря и до горъ пустыня была полна.
Нынѣ эта колоніальная террриторія, поверх-
ность которой немного больше поверхности
Швейцаріи, имѣетъ свыше полу-милліона жи-
телей, при чёмъ ежегодный приростъ населе-
нія значителенъ. Пространство Наталіи:
42.920 кв. километровъ; населеніе (1895 г.):
584.326 душъ, что составить, среднимъ чи-
сломъ, 14 жителей на одинъ квадратный ки-
лометръ.

Хотя английские колонисты первые основали свои жилища въ Наталь, но можно было думать, что голландцы будуть имѣть здѣсь численный перевѣсъ, какъ и на другомъ скатѣ Драконовыхъ горъ, и что они образуютъ новое государство въ свою пользу. Эмиграционное движение, увлекшее столько буровъ изъ Капской колоніи въ неизвѣстныя внутреннія области, продолжалось все далѣе и далѣе, и въ 1834 году, на хребтахъ здѣшнихъ горъ показались ихъ первые піонеры, которымъ, благодаря ихъ энергіи и терпѣнію, и удалось перевалить чрезъ горный кряжъ, съ своими упряжками; къ концу 1837 года уже около тысячи голландскихъ повозокъ перешли чрезъ порогъ цѣни Дракенбергенъ, чтобы спуститься въ долины восточного склона. Но король зулусовъ, Dingaan, вначалѣ благопріятствовавшій вступленію колонистовъ на обезлюденную его братомъ территорію, испугался при видѣ этой все увеличивающейся волны чужеземцевъ и, пригласивъ въ свой станъ буровъ, будто бы на празднество по поводу уступки имъ земель, перерѣзъ имъ. Отсюда возникла безпощадная война, при чемъ первая встрѣча воюющихъ произошла на берегахъ одного изъ южныхъ притоковъ рѣки Тужела; сраженіе было несчастно для голландцевъ, и около семисотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей были перебиты; мѣсто, где совершилось избѣженіе, еще и до сихъ поръ носитъ название «Ween», т. е. «слезы». Однако, оставшіеся въ живыхъ голландцы, укрывшись за ограду изъ своихъ повозокъ и стрѣляя оттуда изъ-за прикрытий, въ концѣ концовъ отбили окружившія ихъ шайки нападающихъ, пули восторжествовали надъ дротиками, и вскорѣ бѣлые перешли даже и чрезъ Тужелу, чтобы атаковать зулусовъ въ ихъ деревняхъ. Въ 1840 году перевѣсъ на сторонѣ голландцевъ былъ полный, они низложили Dingana, замѣстивъ братомъ его, Павдою, сдѣлавшимся съ этого времени ихъ союзникомъ, и основали свободную республику Наталію, подъ каковыми наименованіемъ этотъ край обозначается трансвальскими голландцами и до сихъ поръ. Столицѣ же своей, Питеръ-Марицбургу, они дали название, соединивъ имена двухъ главныхъ піонеровъ иммиграціи, Питера Ретифа и Геврита Марица.

Но Капское правительство не захотѣло признать новое государство и поспѣшило послать войска, чтобы завладѣть имъ отъ имени Англіи. И какъ бываетъ обыкновенно въ дѣлахъ присоединенія новыхъ земель, подъ покровомъ гумманности скрывались честолюбивые военные замыслы: англичане овладѣли Наталемъ во имя «філантропіи», съ цѣлью оказанія покровительства голландцамъ противъ зулусовъ, а зулусамъ противъ голланд-

цевъ¹⁾). Между тѣмъ голландцы не просили ни о какомъ покровительствѣ. Въ первомъ сраженіи они разбили захватчиковъ; но имъ все-таки пришлось уступить численности англичанъ и удалиться въ высоколежащія долины. Нѣкоторые изъ буровъ остались и мало-по-малу слились съ британскимъ населеніемъ; но большинство главъ семей, возмущенные тѣмъ, что завоеванный имъ кровью край у нихъ отнятъ, запрягли своихъ воловъ для нового trek'a и, взобравшись снова на склоны Дракенбергена, отправились на соединеніе съ своими соотечественниками въ Трансвааль. Нынѣ отъ голландцевъ остались лишь наименованія мѣсть въ нѣкоторыхъ центральныхъ округахъ и въ сѣверной оконечности территории: повсюду уже колонисты говорятъ англійскимъ языкомъ, который употребляется также въ судахъ и школахъ, и на которомъ говорятъ сть туземцами.

Туземцы эти не переставали притекать въ колонію, которая, послѣ истребительной войны, представляла столько пустопорожніхъ земель для ихъ стадъ. Съ трехъ тысячъ въ 1824 г., времени первого появленія англичанъ, число туземцевъ къ 1848 году возросло приблизительно до ста тысячъ человѣкъ. Съ тѣхъ поръ оно участвовало, и не только вслѣдствіе значительного избытка рожденій въ сравненіи съ числомъ смертей, но также и вслѣдствіе новыхъ переселеній въ данный край. Впрочемъ, такъ какъ статистика рождаемости и смертности не ведется еще въ племенахъ, то численность кафрского населенія опредѣляется лишь приблизительно; ведутся записи только бракамъ, да для сбора податей исчисляются хижины. Кафры принадлежать къ весьма большому числу племенъ; но иммиграционное движение шло по слѣдамъ завоеванія, въ направленіи съ сѣвера на югъ, а потому большую частью новыми британскими подданными явились чернокожіе зулускаго типа и языка. Эти туземцы группируются еще въ кланы, но безъ всякой политической связи, а администрація много приложила стараній для раздробленія ихъ на множество различныхъ народцевъ: такъ, въ 1886 году насчитывалось въ Наталѣ не менѣе 173 главарей, при чемъ около половины ихъ числа были назначены непосредственно правительствомъ, безъ всякаго наслѣдственного на это права. Сами же эти начальники находятся въ непосредственной зависимости отъ англійской администраціи, которая допускаетъ соблюденіе туземныхъ обычаевъ, «если они не причиняютъ какой-либо явной неправды и не противорѣчатъ установленнымъ принципамъ и естественной справедливости». Со временемъ смерти Dingana

¹⁾ Anthony Trollope, „South Africa“.

никакая война между бѣлыми и черными не обагряла почвы въ Наталіи. Изъ христіанскихъ міссіонеровъ больше всего имѣли вліянія на кафровъ методисты или веслеяне, которыми основана третья міссіонерскихъ становъ, 58 на 160.

Иммиграція бѣлыхъ непосредственно изъ Европы получила нѣкоторое значеніе только около половины текущаго столѣтія, когда группа англійскихъ фермеровъ изъ Іоркскаго графства поселилась въ Натальской колоніи. Отводимыя казной земли вблизи порта стали брать также нѣмецкіе крестьяне; затѣмъ возрастанію бѣлага населенія содѣйствовали равнымъ образомъ норвежскіе колонисты и креолы съ острівовъ Маврикія и Соединенія. Однако, несмотря на климатическую выгоды, представляемая краемъ—если, впрочемъ, переселяющіеся не принадлежать къ людямъ нервнымъ и апоплексикамъ¹⁾—вольная ежегодная иммиграція никогда не переступала цифры въ нѣсколько сотенъ человѣкъ, и даже происходитъ эмиграціонное движеніе изъ Наталіи въ Австралию и въ Новую Зеландію. Причины, почему англійские эмигранты относительно пренебрегаютъ этой колоніей, многоразличны. Въ Наталіи преобладаетъ порядокъ земельной крупной собственности, и, слѣдовательно, концессіонеры земель сами не работаютъ; они употребляютъ руки людей другихъ расъ, а лично трудящіеся бѣлые подвергаются съ ихъ стороны презрѣнію; кромѣ того, бѣлыхъ переселенцевъ обезкураживаетъ большое численное превосходство кафровъ. Но эта огромная численная разность между расами пугаетъ и самихъ англійскихъ собственниковъ, такъ что даже основались общества для привлеченія въ колонію ремесленниковъ, рабочихъ и прислуги изъ Европы, которымъ, при заключеніи условія найма на болѣе или менѣе долгій срокъ, предоставлялся даровой проѣздъ. Изъ такихъ приглашенныхъ переселенцевъ, въ теченіе семи лѣтъ, съ 1878 по 1884 годъ, корабли доставили 4.526 человѣкъ, или по 646 человѣкъ въ годъ; эти-то лица и содѣйствуютъ постепенному образованію класса людей изъ бѣлыхъ, средниго между туземцами и крупными землевладѣльцами. Такъ какъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, то послѣдній быстро выходятъ замужъ; старыхъ дѣвъ въ Наталіи совсѣмъ нѣть, и населеніе правильно возрастаетъ вслѣдствіе избытка рожденій. Именно, съ 1880 по 1884 годъ, увеличеніе числа жителей, вслѣдствіе избытка въ рождаемости и переселеніи, равнялось 2.472 въ годъ. Въ частности, въ 1884 году, между бѣлыми въ Наталіи зарегистрировано: браковъ 392; рожденій 1.342, смертныхъ случаевъ 466; такимъ образомъ, избытокъ рожденій равнялся 876.

По переписи 1891 г., въ колоніи насчитывалось 37.390 бѣлыхъ (буровъ, англичанъ, нѣмцевъ) и 33.480 индійскихъ куліевъ.

Для обработки своихъ земель англійские собственники въ Наталіи преимущественно прѣбываютъ къ индусамъ, куліямъ изъ провинціи Калькутты и Мадраса. Прежде они пробовалъ употреблять на полевые работы кафровъ, и во многихъ мѣстностяхъ обстоятельства заставляютъ ихъ набирать себѣ рабочихъ между туземцами; но вообще обѣ стороны такъ ненавидятъ другъ другу, что какъ только срокъ годового или двухгодового найма окончится, то кафры спѣшатъ возвратиться къ себѣ домой; иногда же они отзываются своими начальниками даже въ раньше срока. Вообще они работаютъ для хозяина неохотно: у большинства изъ нихъ есть хижина, маисовое поле, немного скота, и когда европеецъ предлагаетъ имъ трудиться изъ-за жалованья, то они гордо отвѣчаютъ, предлагая и съ своей стороны европейцу поступить къ нимъ на службу. Натальскіе плаватели ищутъ, поэтому, рабочихъ между менѣе независимыми людьми: такъ они заводятъ себѣ рабочихъ изъ готтентотовъ и людей изъ сѣверныхъ племенъ, но самыми подходящими для нихъ работниками оказываются покорные индузы. Колоніальное правительство ссужаетъ средства, необходимыя для набиранія этихъ азіатовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, распредѣляются по плантациямъ по порядку запроса; работать для одного и того же хозяина они должны по десяти лѣтъ; взамѣнъ же своего ежедневнаго труда съ восьми часовъ утра до десяти вечера куліи получаютъ убогое одѣяніе, безусловно необходимое количество съѣстныхъ припасовъ и деньгами 15 франковъ въ мѣсяцъ. Тѣ, которые отработаютъ такимъ образомъ срокъ своего найма, вольны, затѣмъ, либо возвратиться въ свое отечество, либо начать продавать свои руки по обычнымъ рыночнымъ цѣнамъ. Большая часть ихъ остается въ краѣ и женятся на одной изъ своихъ соотечественницъ, такъ какъ ввозители куліевъ должны привозить также и по сорока женщинъ на сто мужчинъ. Нѣкоторые изъ отработавшихъ становятся огородниками или мелкими землевладѣльцами вблизи городовъ; другіе заводятъ мелочныя лавочки, и, благодаря своей чрезвычайной умѣренности, успѣшико конкурируютъ съ европейскими купцами, сильно жалующимися на привозъ этихъ опасныхъ соперниковъ. Если же присчитать къ европейцамъ и индусамъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, малайцевъ, китайцевъ и, наконецъ, полукровныхъ метисовъ, то окажется, что общее число наталійцевъ экзотического происхожденія составляетъ приблизительно шестую часть всего населенія. Почти всѣ они имѣютъ какое-либо специальное ремесло, соотвѣтственно своему происхожденію: такъ, переселенцы съ острова Св. Елены служатъ кучерами; нѣмцы — земле-

¹⁾ Bleek, „Petermann's Mittheilungen“, 1856.

дъльцы и приказчики; голландцы — пастухи, а норвежцы — рыбаки.

Колоніальное правительство обладает еще обширными землями, пригодными для воздѣлыванія или для пастьбы скота. Изъ пространства въ 4.856.000 гектаровъ, правда, со включеніемъ скалъ, осипей и нѣсколькихъ бесплодныхъ вершинъ, еще оставалось въ 1885 году 1.110.000 гектаровъ пригодныхъ либо для продажи, либо для сдачи въ аренду; находились эти земли преимущественно въ южной части терроріи,сосѣдніе съ Пондолендомъ; что же касается полей, обрабатываемыхъ европейцами, то они не превышали 36.000 гектаровъ, т. е. приблизительно сотой доли того, чѣмъ европейцы владѣютъ. Земли же, утвержденныя за кафрами, въ общности, представляютъ пространство въ 800.000 гектаровъ. Размѣры участковъ, продаваемыхъ или оброчныхъ, колеблются, смотря по направлению колоніальной политики. Такъ, первые голландскіе колонисты присвоили каждый по 2.400 гектаровъ или даже больше, такъ что, слѣдовательно, двѣ тысячи собственниковъ могли бы прибрать къ своимъ рукамъ весь край; съ тѣхъ поръ размѣры участковъ уменьшились, хотя все еще было много такихъ, которые содержатъ по нѣсколько сотенъ или даже по тысячѣ гектаровъ; вблизи городовъ земельная собственность, однако, мало-по-малу раздробляется.

Главное воздѣлываемое въ Наталь растеніе — маисъ или *mealie*. Это хлѣбное растеніе даетъ въ изобиліи пищу кафрамъ, индусамъ и ихъ домашнимъ животнымъ, а также питаетъ значительную вывозную торговлю. Всѣ другія европейскія хлѣбные растенія тоже воздѣлываются въ странѣ, и каждый городъ, каждое селеніе окружаютъ плодовые сады, смѣнившіе прежнія, почти совершенно истребленныя топоромъ и огнемъ, лѣсныя убранства земли; почти повсюду искоренены также и приморскіе корнепусты, такъ какъ ихъ нетѣхнное дерево особенно цѣнилось въ плотничьемъ дѣлѣ. Въ 1880 году въ Наталь было лѣсовъ 66.360 гектаровъ, а количествъ кустарниковыхъ, съ преобладаніемъ видовъ мимозы, 736.400 гектаровъ. Благодаря полутропическому климату, въ Наталь произрастаютъ также и такія растенія, которыхъ не встрѣчаются въ умѣренной Европѣ. Прежде здѣсь были обширныя плантации кофейного дерева, но съ 1872 года, вслѣдствіе заболѣванія этого деревца, разведеніе его почти прекратилось. Пытались замѣнить его чайнымъ кустомъ; но въ 1885 году пространство, занимаемое чайными плантациями, не превышало 160 гектаровъ, а вывозъ чая достигалъ всего лишь 14 тысячѣ килограммовъ. Также воздѣлываются коноплю, *rhombium* тепах и другія прядильныя растенія. На большихъ приморскихъ плантацияхъ воздѣлывается главнымъ образомъ сахарный тростникъ, введенный въ 1851 году.

Въ 1884 году, поверхность сахарныхъ плантацій — на которыхъ, между прочимъ, обитаются питоны, безвредные для человѣка, но охотящіеся за обыкновенными и лѣсными мышами — равнялась 11.625 гектарамъ; изъ получаемаго продукта (въ 1892 г. 26.111 тоннъ) болѣе трети вывозится *over-berg*, т. е. «по ту сторону горъ», въ голландской республики; кромѣ того, плантаторы выдѣлываютъ болѣе десяти тысячѣ гектолитровъ рома. Разведеніе *крупнаго рогатаго скота*, составлявшее единственный промыселъ въ первыя времена занятія страны голландцами, съ 1855 года сравнительно уменьшилось, такъ какъ въ это время вслѣдствіе эпизоотій погибали до 95 штукъ изъ 100 животныхъ, пораженныхъ болѣзнью; однако, введеніе прививокъ, новыхъ породъ и лучшей гигиены восстановили стада настолько, что въ 1893 году крупнаго рогатаго скота насчитывалось: у европейцевъ — 205.542, у туземцевъ — 518.578 головъ, а такое количество должно считаться громаднымъ, такъ какъ оно значительно превосходитъ число жителей; кромѣ того, въ Наталь насчитывалось лошадей: у европейцевъ — 26.942, у туземцевъ — 38.085; овецъ: у европейцевъ — 924.920, у туземцевъ — 21.075. Впрочемъ, на натальскихъ пастбищахъ овцы иногда бродятъ миллионами, такъ какъ голландскіе пастухи съ плоскогорій Оранжевой республики и Трансваля пасутъ свои стада, смотря по сезону, лѣтомъ — въ высокихъ западныхъ долинахъ, а зимою — спускаются на умѣренныя равнинны Наталя. Добываемую ими шерсть они также вывозятъ чрезъ портъ англійской колоніи. Изъ Портъ-Наталя въ 1892 г. было вывезено шерсти 9.278.000 килограммовъ. Овцеводы ввели въ свои стада также и ангorskихъ козъ; но разведеніемъ одомашненнаго страуса почти не занимались, такъ какъ сравнительная неудача ихъ капскихъ сосѣдей не могла, конечно, дѣйствовать ободрительно. Въ Наталь есть мѣсторожденія мѣди, золота и графита, но доходъ отъ разработки этихъ рудъ и розсыпей такъ малъ, что на нихъ не стоитъ и тратиться. Богатъ же Наталь желѣзомъ и углемъ, которые находятся въ сѣверной части колоніи, преимущественно на обоихъ склонахъ горной цѣли Биггарсбергъ, около города, названного Ньюкастлемъ, какъ бы въ предвидѣніи, что когда-нибудь онъ станетъ соперничать съ одноименнымъ ему каменноугольнымъ городомъ Великобританіи. Поверхность, пригодная для разработки, равняется 3.500 квадр. километрамъ, а толща нѣкоторыхъ пластовъ превышаетъ даже три метра; принимая въ разсчетъ только тѣ горизонтальные пласти, которые определены неособенно глубокими развѣдками и лишь на британскомъ склонѣ Дракенбергена, инженеръ Нортъ нашелъ, что изъ нѣдѣль земли могутъ быть извлечены два миллиарда тоннъ угля хорошаго

качества. Однако, до недавняго только времени его употребляли лишь кузнецы, и со времени проникновенія желѣзной дороги въ эти области, уголь стали брать также и для локомотивовъ. Разработка каменноугольныхъ копей несомнѣнно будетъ возрастать съ увеличеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ заведеній, сахарныхъ и рафинировочныхъ заводовъ, кузницъ и инструментальныхъ фабрикъ (добыча угля въ 1893 году: 129.672 тонны).

Натальскія желѣзныя дороги, которая всѣ принадлежатъ правительству, въ 1897 г. имѣли общую длину 676 километровъ. Главная линія идетъ отъ Портъ-Наталя на сѣверо-западъ, чрезъ Питеръ-Маритцбургъ и Ледисмитъ, къ Ньюкастлю; вѣтвь изъ Ледисмита проникаетъ въ Оранжевую республику. Строятся желѣзные пути въ Наталѣ со всевозможной экономіею: крутые подъемы превосходятъ три сантиметра на метръ, самыя крутыя закругленія не имѣютъ даже и ста метровъ въ радиусѣ, и весь путь ведется только въ одну узкую колею. Дорога взирается послѣдовательно на всѣ поперечныя цѣни склона: около деревни Весттаунъ она проходить на высотѣ 1.570 метровъ, а на возвышенности въ 1.676 метровъ пересѣкаетъ гребень Дракенбергена и вступаетъ на землю Оранжевой республики. Колесная дороги, дополняющія сѣть путей сообщенія въ Наталіи, также проведены съ большою смѣлостью по откосамъ овраговъ и бокамъ горъ, и поднимаются до закраины плоскогорія Оранжевой республики. Почти вся нынѣшняя торговля края ведется чрезъ Портъ Наталь.

Южная часть страны, между реками Умъ-Тавуна и Умъ Зимкулу—одна изъ наименѣе населенныхъ, и болѣе еще разсѣяны рѣдкими группами между зулусами и пондо. Недавно тамъ основана норвежцами земледѣльческая колонія Марбургъ, находящаяся приблизительно въ девяти километрахъ отъ небольшаго порта Shepstone, образуемаго лиманомъ реки Умъ-Зимкулу, проникнуть въ который часто бываетъ трудно. Да же, на поморѣ, которое по прямой линіи направляется на сѣверъ, находятся избѣгаляемые моряками яко бы «порты»: въ устьѣ Умъ-Зумби—портъ Гардингъ, и въ устьѣ Умъ-Памбиніони—портъ Скоттъ. Единственная часть наталійскаго берега, представляющая широкій бассейнъ для кораблей—это та вырѣзка, которую въ 1497 году обслѣдовалъ Васко-де-Гама, и въ которой возникъ портъ Наталь. Въ этомъ меѣстѣ скалистая цѣпь, приблизительно въ 80 метровъ средней высоты, идущая параллельно первоначальному берегу и соединенная нынѣ съ материикомъ поднявшимися изъ воды землями, оканчивается на сѣверѣ «bluff», т. е. крутымъ утесомъ, который и защищаетъ отъ вѣтровъ и волненія широкую

бухту, представляющую остатокъ прежнаго пролива. У входа въ эту бухту, волны мало-малу образовали песчаную стрѣлку, которая, прилегая къ низменному берегу на сѣверѣ бухты, направляется на юго-востокъ, на вѣтру вышеупомянутой крутой грядѣ, и отдѣляется отъ нея лишь узкимъ проходомъ для кораблей; порогъ при входѣ въ этотъ проливъ мѣняетъ свое положеніе и глубину, сообразно съ приливами и съ бурями. Въ прежнее время, толща воды колебалась, при сплавѣ водѣ, между $2\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ метрами, и суда, сидяши въ водѣ болѣе трехъ метровъ, рѣдко отваживались проходить чрезъ баръ. Моль, примыкающей къ песчаной стрѣлѣ и направляющейся на сѣверо-востокъ, способствуетъ увеличенію размывающей силы отлива, вслѣдствіе чего баръ понизился на 60 сантиметровъ и, кроме того, сталъ менѣе подвижнымъ при перемѣнахъ, наступающихъ въ воздухѣ и на водѣ.

Городъ, построенный на берегахъ Портъ-Наталя, основанъ въ 1846 году, въ лѣсной чащѣ, по которой бродили слоны: его окрестили именемъ Дурбанъ (d'Urbang), въ честь одно-го изъ капскихъ губернаторовъ. Онъ состоять изъ двухъ различныхъ городовъ, соединенныхъ желѣзною дорогою: изъ морскаго квартала, Портъ-Наталя, съ его пристанями, магазинами и дѣло, и изъ гражданскаго квартала на холмѣ, Дурбана, съ его широкими, обсаженными деревьями улицами и великолѣпными садами съ тропическою растительностью, банановыми рощами, бамбукомъ и фиговыми деревьями. На западъ отъ города и отъ бухты тянется лѣсистый холмъ Береа, усыпанный дачами, съ прекраснымъ видомъ на бухту, ее островки и берега: здѣсь, именно, и проживаетъ большая часть богатыхъ купцовъ изъ города; къ западу отъ лимана находится мѣстечко Конжелла, гдѣ первые голландскіе переселенцы основали свой лагерь. Дурбанъ, по населенности, первый городъ въ Наталѣ; благодаря своей значительной колоніи изъ зулусовъ, а также и людей съ востока: индусовъ, арабовъ и китайцевъ, онъ превзошелъ и саму столицу. По переписи 1891 г., въ Дурбанѣ было 17.920 жителей (на половину кафровъ и индусовъ). Островъ Салисбюри, на рейдѣ, населенъ слишкомъ двумястами индусовъ, которые почти исключительно занимаются рыбной ловлею и соленіемъ рыбы, поступающей затѣмъ на Дурбанскій рынокъ. Другіе индузы, огородники и садоводы, снабжаютъ городъ овощами и плодами. Хорошей воды въ Дурбанѣ нетъ, и потому недавно выстроенъ водопроводъ, который изъ-за 13 километровъ ежедневно привносить въ городъ громадное количество воды, именно, не менѣе 1.100.000 литровъ.

Благодаря своему порту и своимъ желѣзнымъ дорогамъ, которые направляются на югъ—къ Изипинго и его плантациямъ сахар-

наго тростника, на съверь—къ мѣстечку Ве-
руламъ, тоже окруженному сахарно-тростнико-
выми полями, и на съверо-западь—къ Питеръ-
Маритцбургу,—Дурбанъ представляетъ торго-
вой центръ для всей Наталіи; чрезъ него же
идетъ также и значительная часть торговли
голландскихъ республикъ, хотя у нихъ есть
выходы: Портъ-Елизаветы и рейдъ Кептауна,
и хотя они, при посредствѣ желѣзной дороги,
подготавливаютъ себѣ путь въ португальскую га-
вань Лоренсо-Маркесъ, которой и предстоитъ
превратиться въ складочное мѣсто для Индій-
ского океана. Въ Портъ-Наталѣ, слѣдователь-
но, торговое движение значительно превосход-
ить собственно всю торговлю одной лишь
Натальской колоніи; но его торговля дол-
жна значительно уменьшится, какъ только
двѣ республики Overberg а, т. е. «загорные»,
будутъ имѣть свой прямой путь чрезъ порту-
гальскую территорію. Оживленная дѣятельность
въ Портъ-Наталѣ уже нѣсколько уменьшилась
также и со времени спекуляцій, возбужденныхъ
было находками золота и алмазовъ; однако, не
взирая на эти временные заминки, возрастаніе
торговли за десятилѣтніе періоды весьма зна-
чительно. Слѣдующія статистические цифры
даютъ понятіе о торговой дѣятельности въ
Портъ-Наталѣ:

1880 г. (годъ самой бойкой торговли). Вве-
зено на—58.414.000 франковъ; вывезено на—
22.271.850 франковъ; итогъ оборотовъ—
80.686.450 франковъ.

1885 годъ. Ввезено на—37.963.925 фран-
ковъ; вывезено на—21.937.075 франковъ; итогъ
оборотовъ—59.901.000 франковъ.

Торговое движение съ 1846 по 1875 годъ,
въ среднемъ, выражалось цифрою 2.705.425
франк., а съ 1876 по 1885 г.—цифрою
62.943.997 франк. Въ 1892 г.: привозъ—
3.165.249, вывозъ—1.480.606 фунт. стерн.

Число пришедшихъ судовъ въ Портъ-На-
талѣ въ 1892 году: 542, вмѣстимостью въ
582.752 тоннъ; изъ нихъ 415 было паровыхъ
съ вмѣстимостью въ 527.738 тоннъ.

Самую значительную торговлю съ Наталемъ
ведеть Великобританія, затѣмъ слѣдуетъ Ав-
стралия, которая шлетъ ему муку; Калская
колонія, хотя и значительно ближе къ Ната-
лю, однако въ своей торговлѣ съ нимъ уступ-
аетъ Индіи, Соединеннымъ Штатамъ и Бра-
зилии. Небольшая торговля въ розницу съ инду-
сами и туземцами почти вся монополизирована
арабскими и восточными купцами, пребываю-
щими въ Дурбанѣ.

На пути изъ Дурбана въ Питеръ-Мариц-
бургъ, единственное мѣстечко, претендующее
на имя города, есть *Riverton*, центръ нѣмец-
каго населенія въ Наталѣ; одна изъ сосѣднихъ
миссій называемая Новою Германіею, и непо-
далеку отъ нея трапписты, въ большинствѣ
нѣмцы, основали земледѣльческое поселеніе.

Питеръ-Маритцбургъ, или, короче, Мариц-
бургъ, столица Наталіи, расположенъ очень
удобно, на высотѣ 625 метровъ, въ равнинѣ,
которую орошаютъ южный притокъ Умъ-Жени
и которую со всѣхъ сторонъ окружаютъ холмы
съ красивымъ очертаніемъ. Это одинъ изъ
самыхъ чистыхъ и самыхъ пріятныхъ афри-
канскихъ городовъ: растительность его садовъ
и рощицъ скорѣе походитъ на растительность
умѣренной Европы, чѣмъ на флору тропиче-
скихъ областей. Въ Маритцбургѣ менѣе жите-
лей, чѣмъ въ Дурбанѣ, но гораздо больше чи-
новниковъ и офиціальныхъ лицъ; кромѣ того
здѣсь же находится и лагерь главнаго отряда
войскъ, квартирующихъ въ Наталѣ. Будучи
въ центрѣ края и рядомъ съ губернаторскимъ
дворцомъ, эта маленькая армія можетъ пере-
двигаться непосредственно къ тѣмъ мѣстно-
стямъ, которымъ угрожаетъ опасность. Земле-
дѣльческая колонія, основанная пососѣдству
съ Маритцбургомъ, быстро богатѣетъ, зани-
маясь культурою раннихъ растеній. Въ 1891 г.
въ Маритцбургѣ было 12.317 жителей, въ томъ
числѣ 4.000 кафровъ и 800 куліевъ. На съ-
верѣ, по другую сторону цѣли Zwaart-kop,
протекаетъ р. Умъ-Жени, прославившаяся
своими великолѣпными каскадами. Одинъ изъ
нихъ, около мѣстечка Ховикъ, падаетъ съ ба-
зальтовой стѣны, представляя цѣльную пѣни-
стую массу, низвергающуюся, по однимъ, съ
высоты 85, а, по другимъ, 98 метровъ; ниже
рѣка дѣлится на нѣсколько рукавовъ, а новые
водопады, разобращаясь при посредствѣ скаль-
и группъ деревьевъ, вытягиваются длиннымъ
рядомъ вдоль стѣнъ крутой выси.

Къ съверу отъ Маритцбурга, городокъ
Лиджеттаунъ находится, подобно столицѣ и
Ховику, въ бассейнѣ Умъ-Жени; «голланд-
скій» Грейтонъ расположены на верхнемъ тек-
ченіи Умъ-Воти; затѣмъ всѣ остальные города
принадлежать къ склону р. Тугелы, главному
рѣчному потоку въ Наталѣ. Estcourt и Weenen,
городъ «слезъ», стоять на лѣвомъ берегу рѣки
Bushman; Colenso былъ основанъ на самой
рѣкѣ, а Ледисмитъ на сѣ притокѣ, Klip-river;
наконецъ, Ньюкастль (на высотѣ 1.250 метровъ),
въ съверной оконечности колоніи, находится
на небольшомъ притокѣ рѣки Buffalo (Buffalo-river), въ свою очередь, пред-
ставляющей самый значительный притокъ
р. Тугелы. Къ съверу отъ Ньюкастля въ томъ
клину, которымъ натальская территорія врѣ-
зывается между республиками Оранжевой и
Трансвальской, возвышается утесистый холмъ
Мажуба (Ама-Джуба), прославленный побѣдо-
носнымъ приступомъ буровъ, напавшихъ здѣсь
въ 1881 году на англійскихъ солдатъ, укрѣ-
пившихся на вершинѣ. На этихъ высокихъ
земляхъ, гребни, столы или куполы горъ едва
возвышаются надъ длинными волнобразными
повышеніями и пониженіями плоскогорія; се-

ления укрываются здѣсь отъ вѣтра въ углубленіяхъ покрытой травами почвы.

Кромѣ Дурбана и Маритцбурга, только три города Наталіи: Веруламъ, Ледисмітъ и Нью-кастль были въ 1886 году настолько значительными, что могли образовать изъ себя муниципії.

Наталь—не автономная колонія, самоуправляющаяся, сама назначающая своихъ министровъ и заботящаяся о своей защитѣ. Это «коронная колонія», еще зависящая отъ британского правительства, хотя и пытающаяся уже добиться нѣкоторой независимости. Губернаторъ Натала назначается королевою, равно какъ и исполнительный совѣтъ, состоящій изъ *chief justice* (главнаго судьи), начальника войскъ, колоніального секретари, казначея, генерального адвоката, секретаря по дѣламъ туземцевъ и главнаго инженера, къ которымъ присоединены два члена законодательного совѣта. Недавно половина этого собранія также назначалась короною; нынѣ же двадцать три изъ тридцати членовъ назначаются голосованіемъ избирателей; пять засѣдаются въ совѣтѣ въ силу своихъ высокихъ административныхъ должностей и двое—по назначенію губернатора. Избирателями въ Наталѣ могутъ быть всѣ владѣющіе земельной собственностью по крайней мѣрѣ въ 1.250 франковъ, а также всѣ платящіе 250 франковъ аренды за землю или имѣющіе доходъ въ 2.400 франковъ. Официально никто не лишенъ права голоса изъ-за цвѣта своей кожи, изъ-за своего происхожденія или изъ-за религіи; но, вмѣсто открытаго отстраненія массою отъ выборовъ африканцевъ и азіатовъ, того же самаго достигли при помощи слѣдующихъ юридическихъ ухищреній. «Въ списокъ избирателей не можетъ быть записанъ никто изъ принадлежащихъ къ классу людей, находящихся, въ силу специального законодательства, подъ вѣдѣніемъ специальныхъ судовъ или подлежащихъ дѣйствію специальныхъ законовъ и трибуналовъ». Честнѣ, конечно, было бы прямо высказать, что «подаивать голосъ на выборахъ могутъ только одни бѣлые».

Правительство назначаетъ судей верховнаго судилища, судей-резидентовъ и *field-cornets*, надѣлающихъ за различными округами. Оно же назначаетъ администраторовъ и чиновниковъ, и даже избираетъ большинство профессоровъ и учителей, такъ какъ школы въ большей своей части зависятъ отъ колоніального бюджета. И въ Дурбанѣ, и въ Питеръ-Маритцбургѣ есть по высшей школѣ (*high school*), стипендіаты которыхъ могутъ быть посланы въ британскіе университеты. Всѣ большія мѣстечки имѣютъ начальные училища, содержимыя на колоніальные средства; кромѣ того, правительственные пособія, деньгами или зе-

млями, получаетъ также большое число частныхъ школъ, особенно принадлежащихъ миссіямъ. Изъ послѣднихъ, главнымъ центромъ пропаганды, осуществляемой посредствомъ воспитанія и образования миссіонерами-методистами,—служитъ Эдендалъ, около Питеръ-Маритцбурга. Особые инспектора производятъ экзамены въ различныхъ школахъ. Въ 1885 г. правительственные школы было: для бѣлыхъ—51, съ 3.922 учениками; для зулусовъ—64, съ 3.817 учениками, и для индусовъ—25, съ 1.480 учениками (въ 1891—92 г.г. всѣхъ начальныхъ школъ было 220, съ 13.700 учащихся). Относительное число туземныхъ дѣтей, учащихся читать, въ сравненіи съ общей ихъ численностью, еще весьма ничтожно; изъ дѣтей же бѣлыхъ не училось только 200, т. е. приблизительно одна двадцатая часть дѣтей школьного возраста.

Важный вопросъ о защите колоніи служить причиною нахожденія Натальской колоніи еще и донынѣ въ непосредственной зависимости отъ англійского правительства: колонисты еще не чувствуютъ въ себѣ настолько силы, чтобы охранять самихъ себя. Они окружены такими населеніями, давняя враждебность которыхъ могла бы легко ожити; таковы: на юго-западѣ—пондо; на западѣ—ба-сuto; на сѣверо-западѣ—буры; на сѣверо-востокѣ—зулусы, а въ самой странѣ колонистамъ могла бы представиться необходимость подавлять восстаніе чернокожихъ. Въ виду столькихъ опасностей, они нуждаются въ содѣйствіи метрополіи. Маленькая британская армія, съ небольшимъ въ тысячу человѣкъ,—раздѣленная на три отряда, стоящіе въ Маритцбургѣ, Эсткортѣ и Грейтонѣ—охраняетъ колонію; кромѣ того, она же служить и образцомъ для формированія колоніальныхъ войскъ, состоящихъ изъ отряда конной поліціи въ 280 человѣкъ и изъ полка волонтеровъ, болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ. Въ каждомъ городѣ между бѣлыми учреждены стрѣлковыя общества, которымъ покровительствуетъ и правительство, назначая награды; съ другой стороны, продажа туземцамъ боеваго оружія и патроновъ строго воспрещена. Съ 1856 года, подъ опасеніемъ штрафа или тюрьмы, запрещена какъ продажа, такъ и раздача туземцамъ также и водки. Однако, этотъ законъ часто нарушается, въ особенности продавцами изъ индусовъ.

Бюджетъ колоніи, питаемый главнымъ образомъ таможенными пошлинами и подворной податью съ туземцевъ, въ 1895 г. представлялъ слѣдующія цифры: приходъ—1.170.000, расходъ—1.148.000 фунт. стерл.; долгъ равнялся 8.054.000 фунт. стерл. Бѣлые въ колоніи не платятъ никакого прямаго налога. Почты, телеграфъ и желѣзныя дороги стоятъ государству гораздо больше, чѣмъ даютъ дохода. Еже-

годное внесение въ бюджет статьи для оказания пособия переселяющимся въ Натальский край британцамъ пришлось отмѣнить.

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ графствъ Наталіи, съ ихъ административными дѣленіями, главными городами и численностью бѣлаго населенія къ 1 января 1885 г.

Графства.	Отдѣлы.	Число бѣлья.	Главные го- рода.
Pieter - Ma- ritzburg...	City	8.474	Pieter-Ma- ritzburg.
	Um-Geni ...	2.519	York.
	Lion's-river ..	1.048	Howick.
	Upper Um- komanzi ...	754	Richmond.
Durban.....	Ixopo	571	Springvale.
	Borough	8.543	Durban.
	Um-Lazi	2.873	PineTown.
Victotia	Inanda	1.341	Verulam.
	LoverTugela	812	Stanger.
Um Voti.....		1.172	Greyton.
Klip-river	Klip-river	1.008	Ledysmith.
	Newcastle ...	2.016	Newcastle.
	Um-Zinga	721	Helpmakaar.
Weenen		1.770	Weenen.
Alfred.....		665	Harding.
Alexandra		567	Alexandra.
Всего.....		35.453	

VIII. Страна зулусовъ (Zulu-Land).

Англійскіе и голландскіе сосѣди страны зулусовъ неоднократно заключали съ этими туземцами трактаты, которыми имъ обезпечивалось владѣніе территорію, находящуюся между границами Наталіи, окаймляющими материкъ горами и португальскими владѣніями; но и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ Южной Африки, официальная конвенція не мѣшиала тому, что между бѣлыми и черными была постоянная вражда, порою открытая война или происходили время отъ времени вооруженные набѣги, обыкновенно простые захваты земли и скота. Территорія зулусовъ мало-по-малу все болѣе и болѣе сокращалась: буры, спускаясь съ плоскогорій, забирали пастище за пастищемъ, а вмѣстѣ съ этимъ создавалась и «Новая Республика» голландцевъ, пред назначенная, казалось, вскорѣ стать приморскою провинціею Трансвала. Однако, всѣ эти стремленія голландцевъ встрѣтили противодѣйствіе со стороны англичанъ, и чтобы воспрепятствовать голландскимъ колонистамъ распространить свою политическую область вплоть до моря, а чрезъ это освободиться также и отъ торговой зависимости отъ капскихъ и натальскихъ англичанъ, — британское правительство послѣшило занять приморскую территорію зулусовъ для себя. Вслѣдствіе этого, вся береговая полоса,

отъ устья р. Тугелы до р. Мапуты, впадающей въ бухту Лоренсо-Маркезъ, отныне принадлежитъ Великобританіи, а высокіе приморскіе склоны краевыхъ горъ вошли въ составъ Южно - Африканской республики. Поверхность этой нынѣ раздѣленной территоріи, на которой господствуютъ три племенные группы: зулусы, тонго и суази, исчисляется въ 50 тысячъ километровъ, съ населеніемъ приблизительно въ двѣsti тысячи; отдѣлья ея, подъ наименіемъ «Новой Республики», присоединенный къ Трансвалю, обнимаетъ пространство въ 7.392 квадр. километра; а площадь Британскаго Зулулэнда, отныне находящагося подъ управлѣніемъ натальского губернатора, равняется 27.970 квадр. километрамъ, съ населеніемъ (1895 г.) 166.000 душъ.

Зулусовъ (ама-зулусовъ) гораздо менѣе въ томъ краѣ, гдѣ они нѣкогда были независимы, чѣмъ въ Натальской колоніи, въ которой надзоръ за ними хотя и строгій, но въ которой они зато хорошо могутъ устроить свою жизнь путемъ труда; въ краѣ, ограничивающемся съ юга р. Тугелой, ихъ насчитываютъ не болѣе сотни тысячъ; правда, что безпрестанныя войны, за которыми слѣдовало чужестранное нашествіе, долгое время обагрили кровью зулусскую территорію и обратили въ пустыню цѣлую провинцію. Послѣдняя большая борьба, въ которой зулусы осмѣлились помѣриться съ англичанами, была въ 1879 году. И несмотря на низкое состояніе дисциплины и вооруженія, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ зулусы оказались побѣдителями, какъ, напримѣръ, при Изандхлуанѣ, въ мѣстности, расположенной вблизи лѣваго берега Buffalo-river, къ востоку отъ ея соединенія съ Bloed-river, т. е. «рѣкою крови». Здѣсь находится одинъ бродъ, Borke's drift, часто оспаривавшійся какъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктовъ страны. Англичане, овладѣвъ имъ, заняли было и восточная террасы долины, какъ вдругъ, захваченный въ расплохъ ихъ авангардъ, привужденъ былъ поспѣшно отступить; нѣкоторые изъ англичанъ остались въ кустарникахъ, пронзенные дротиками, между прочими, и наследникъ Наполеоновъ, который не хотѣлъ, чтобы о немъ позабыли, и который надѣлся, что его военные подвиги противъ зулусовъ доставятъ ему впослѣдствіи господство надъ французами¹⁾. Однако, первыя неудачи авангарда были вскорѣ поправлены, и зулусская армія потерпѣла пораженіе на берегахъ р. Умъ-Волози, какъ-разъ въ той самой мѣстности, гдѣ, по преданию, народилось въ незапамятное время семейство Зулу, родоначальника племени. Сдѣлавшись властителями въ краѣ, англичане раздѣлили его на триадцать «покровительствуемыхъ» ими начальничествъ, а впослѣдствіи,

¹⁾ De Hubner, „A travers l'Empire Britannique“.

когда эти мелкие государства поистошились въ междуусобныхъ расприхъ, передѣлили страну и еще разъ.

Ама-зулу, или «люди Зулу», т. е. «Небеснаго», не представляютъ какого-либо отличнаго типа въ ряду другихъ кафровъ восточнаго слова Африки. Народъ зулусский, сдѣлавшійся могущественнымъ путемъ войны со времени завоеваний короля Тшака, жившаго въ началѣ текущаго столѣтія, въ дѣйствительности состоить изъ всѣхъ племенъ, которыхъ послѣдовательно были «поглощены». Однако, при этомъ пожираніи «Великимъ львомъ» различныхъ народцевъ, они вполнѣ не искоренялись; обыкновенно «Великий левъ» щадилъ женщинъ и дѣтей, обращая ихъ въ собственность наци-побѣдительницы; что же касается молодыхъ людей, то они забирались въ войско. Первобытныя племена были обречены на тѣмъ болѣе быстрое исчезновеніе въ массѣ побѣженныхъ, что Тшака запретилъ бракъ своимъ воинамъ; только ветераны могли брать себѣ жену, и даже не одну, а столько, сколько они перебили сражавшихся¹⁾). Чтобы устранить у солдатъ всякое чувство состраданія, какъ могущее повліять смягчающимъ образомъ въ ихъ жестокомъ дѣлѣ разрушенія, Тшака приказалъ убивать новорожденныхъ; для примѣра, онъ не праздновалъ, какъ бы слѣдовало по стариннымъ обычаямъ, ни одной свадьбы и приказывалъ умерщвлять всѣхъ своихъ дѣтей тотчасъ послѣ ихъ рожденія: въ качествѣ короля, онъ видѣлъ въ каждомъ рождающемся у него сынѣ будущаго врага и предпочиталъ уничтожить его заранѣе. Этотъ свирѣпый властитель, создавая изъ своего народа какъ-бы военную машину, жертвовалъ всѣми другими государственными интересами дѣлу завоеванія. Его столица представляла только лагерь, а другіе лагери были разсѣяны по всей территории. Въ селеніяхъ, окружавшихъ краали воиновъ, женщины и рабы накопляли провіантъ для войска, которое питалось исключительно мясомъ животныхъ: молоко, пища мирныхъ, было запрещено въ войскѣ. Зулусы, страшные въ особенности своей манерой сражаться, покинули дрогтикъ, метаемый издали, и приняли, какъ оружіе, короткое охотничье копье, которымъ колютъ непріятеля вблизи. Банды воиновъ не бросались въ битву въ безпорядкѣ. Расположенный на-подобіе «льва быка», войска мало-по-малу обходили противниковъ, которыхъ атаковали сначала однимъ рогомъ, затѣмъ другимъ, при чёмъ исподволь отбрасывали непріятельское войско на центральный корпусъ, который уже и совершилъ окончательное избѣженіе²⁾). Послѣ побѣды устремлялись въ особенности къ захвату скота, угонявшагося пастухами подальше отъ мѣста бит-

вы; но зулусы умѣютъ научить своихъ быковъ также къ внезапнымъ отступленіямъ въ полномъ порядкѣ.

Чисто военная организація націи роковымъ образомъ должна была привести ее къ гибели. Война создала имперію, война же ее и испровергла: ударившись объ ограды изъ повозокъ, за которыми укрѣплялись буры, зулусы, не будучи въ силахъ достигнуть искорененія бѣлыхъ, съ остервенѣніемъ повели ужасныя войны другъ противъ друга. Однако, «небесные» гордятся этимъ прошлымъ, полнымъ завоеваний и битвъ, которое погубило ихъ и сдѣлало же ихъ способными, путемъ труда, выдерживать борьбу за существованіе. Образованные изъ столь различныхъ элементовъ, зулусы не выдѣлялись среди кафровъ какой-либо иной отличительной чертой, кромеъ своихъ воинскихъ нравовъ, составлявшихъ послѣдствіе полученного воспитанія. Но, сыны отборныхъ людей, они вообще красивы, высоки, стройны и сильны, ловки во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ и держатся съ достоинствомъ: въ нихъ столько природной граціи, что къ нимъ идетъ всякий костюмъ. Тщеславясь своими физическими преимуществами, они стараются усилить ихъ, красиво драпируясь въ свою тогу, украшая руки, ноги и грудь браслетами и ожерельями, а голову убирая султанами и цвѣтами. Женатые люди имѣютъ привычку выдѣлывать изъ своихъ волосъ нечто въ видѣ короны, смазывая при этомъ волосы камедью или смѣсью изъ глины и охры. Доброжелательные и веселые, они, по-видимому, не пытаются злобы къ своимъ побѣдителямъ, бѣлымъ; но учиненной имъ личной несправедливости они никогда не прощаются. Прежде главными ихъ фетишами были—копье и щитъ; путешественники предыдущаго поколѣнія описываютъ съ некоторымъ ужасомъ пляски и воинскія процессы, во время которыхъ зулускіе воины, украшенные бычачими рогами и хвостами, проходили передъ своимъ королемъ, распѣвая «повѣсть о копѣ». Необходимость жить мирно подъ угрозою другихъ фетишъ, ружья и пушки бѣлыхъ, конечно, измѣнить ихъ суевѣрія, и хотя по большей части не внимающіе рѣчамъ миссионеровъ, они, безъ сомнѣнія, скоро перестанутъ видѣть душу своихъ предковъ въ безвредныхъ змѣяхъ, живущихъ въ ихъ домахъ. Подобно наталійскимъ зулусамъ, зулусы затугельскіе, переставъ быть воинами, превращаются въ земледѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали развиваться у нихъ и неизѣстнныя имъ прежде обыденныя ремесла и промыслы. Впрочемъ, ихъ кузнецы уже издавна выковывали желѣзо, болѣе твердое, чѣмъ металль, ввозимый англичанами, а ихъ ювелиры умѣли отливать подѣлки изъ мѣди, покупаемой у португальцевъ Лоренсо-Маркеза.

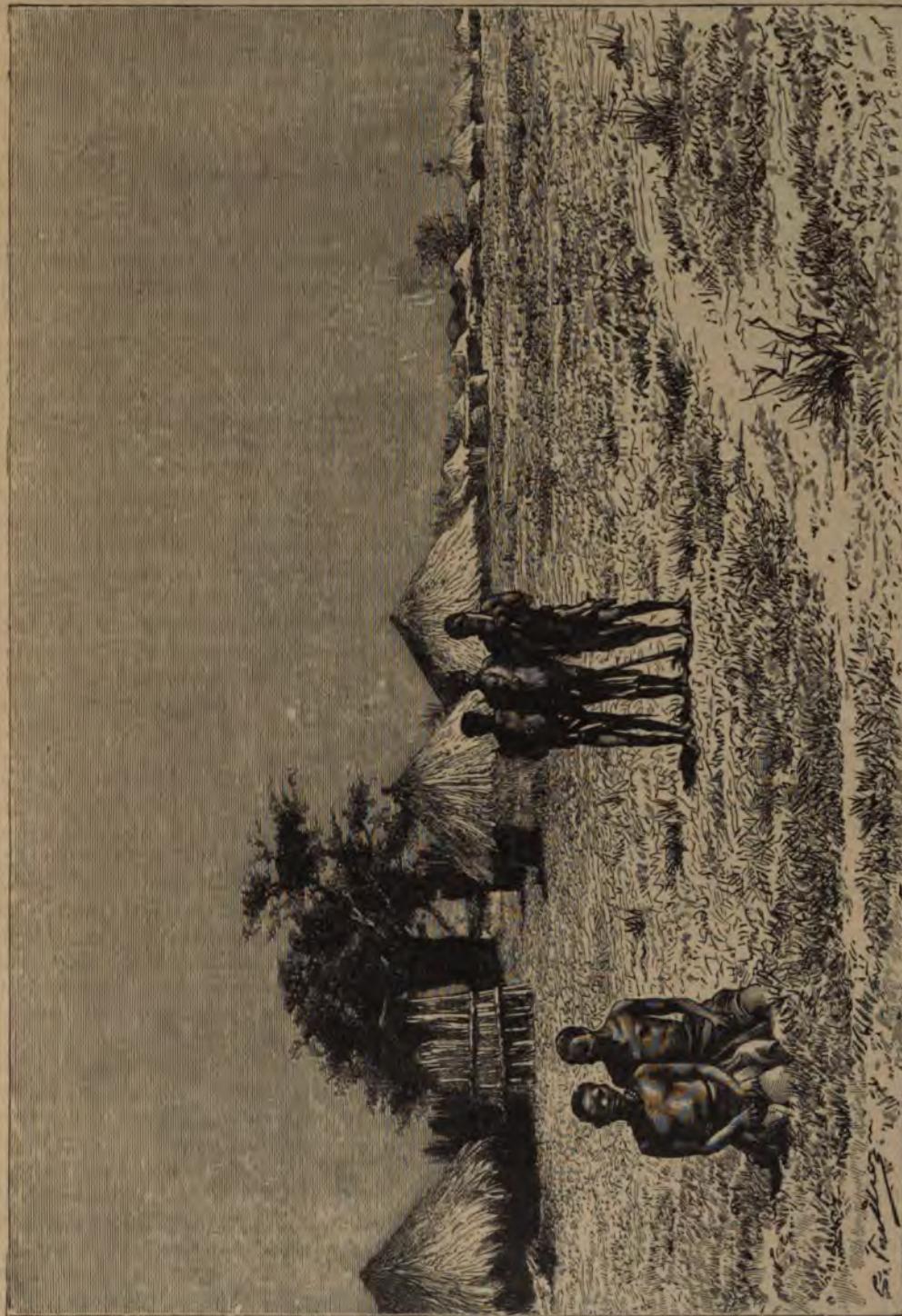
¹⁾ „Journal des Missions Evangélique“;— Elie Recus,
„Revue d'Anthropologie“, т. VII. 1886.

²⁾ Wilmot, „History of the Zulu War“.

Болѣе удаленные отъ наталійской границы

ама-тонгасы, мирные земледельцы, живущие на берегахъ бухты Св. Лючіи и приморскихъ лагунъ, и ими которыхъ напоминаетъ о прежнемъ подчиненіи ихъ зулусамъ-завоевателямъ, долѣе

та-Лючіи. На западѣ, страна племени амасуази, Суазилендъ, угрожаемая болѣе серьезно, чѣмъ область Ама-Тонга, какъ мѣсто перехода между воздѣланными плоскогоріями и

Сешеки, Столица племени ба-ротсэ.

избѣгнуть вліянія европейцевъ, благодаря нездоровости низменныхъ земель, на которыхъ они обитаютъ; однако, нѣмецкій ногоціантъ Людерицъ, пріобрѣтя Ангру Пекену, пытался также завладѣть прибрежной территоріею Сан-

бухтою Делагоа, и въ особенности какъ рудная область. Бурскіе паствуhi часто проникаютъ въ этотъ край, чтобы воспользоваться своими мнимыми правами на пастьбу; при чѣмъ для охраненія этихъ правъ являются и вооружен-

ными. Съ своей стороны, съ цѣлью противодѣйствія этимъ, спускающимся съ плоскогорій, захватчикамъ, канскіе и натальскіе англичане требовали назначенія британскаго агента къ особѣ короля племени суази. Англійскіе миссіонеры основались у суази съ 1822 года; и хотя эти піонеры были умерщвлены, но впослѣдствіи другимъ евангельскимъ миссіонерамъ удалось учредить свои станы на ихъ террито-ріи. Ама-суази, т. е. «сыны прута», въ числѣ, какъ полагаютъ, 80.000 человѣкъ, названы такъ въ воспоминаніе одного изъ ихъ начальниковъ, возсѣдавшаго, въ 1843 году, на шкурѣ льва; прежде они назывались, по имени другаго начальника, ба-ратуза. Примѣто для племени суази служитъ вырѣзка на ушномъ хрящѣ. Государь этой страны сталъ однимъ изъ самыхъ багатыхъ лицъ Южной Африки съ тѣхъ поръ, какъ образовались многочисленныя компаніи для разработки золотыхъ розсыпей на его террито-ріи. Его доля въ каждой разработкѣ должна быть не менѣе 7.500 франковъ въ годъ ¹⁾). По договору отъ 14 февраля 1895 г., Англія передала Южно-африканской республикѣ управление Суазидендромъ, который, однако, не включенъ въ составъ этой республики, какъ нераздѣльная ея часть*.

Пока въ террито-ріи зулусовъ европейскаго населенія почти не существуетъ; къ тому же бѣлымъ тамъ временно воспрещена какъ покупка земель, такъ и основаніе плантаций: миссіонеры, нѣсколько пастуховъ, розыскивателей золота и два или три купца по сосѣдству съ морскимъ берегомъ—вотъ и всѣ колонисты въ Зулуландѣ. Въ немъ нѣтъ и какихъ-либо европейскихъ построекъ, кромѣ небольшихъ укрѣпленій въ стратегическихъ пунктахъ, а также небольшаго числа часовенъ и школъ, могущихъ служить зародышами будущихъ деревень и городовъ. Естественный центръ края находится въ области сліянія обоихъ русъ рѣки Умъ-Волози: здѣсь прежде находилась столица зулусского королевства, Унодуенго, которую смѣнилъ Улунди, городъ, состоявшій изъ тысячи хижинъ, расположенныхъ въ формѣ укрѣпленнаго кольца вокругъ площади, въ нѣсколько километровъ въ окружности, служившей для сгона скота. Въ свою очередь, Улунди былъ разрушенъ, и отъ него остался лишь незначительный kraal. Равнымъ образомъ, по образцу загона для скота, устроены и другія «городскія» поселенія, какъ у зулусовъ, такъ и у ама-суази.

IX. Оранжевая республика. (Oranje Vrij-staat.)

Свободное Оранжевое государство, меньшее изъ двухъ голландскихъ республикъ по про-

¹⁾ „Afrique explorée et civilisée“, Octobre, 1887.

странству и населенію, ограничено на протяженіи двухъ третей своей окружности британскими территоріями: на западѣ оно прилегаетъ къ Грикв-лэндъ-Весту; на югѣ—соприкасается съ Капскою колоніею, а на востокѣ сопредѣльно съ краемъ племени ба-сuto и съ Наталіей. Дѣ открытія алмазныхъ розсыпей, большая энзіза овальной формы, составлявшая террито-рію Свободного Оранжеваго государства, была хорошо отграничена со всѣхъ сторонъ естественными рубежами: высокая цѣнь Дракенбергъ отдѣляетъ ее отъ Наталя, между истоками Ваала и Каледона; эта послѣдняя рѣка, затѣмъ предгорья составляютъ границу Басутоленда; изъ югѣ границею служатъ излучины Оранжевої рѣки, сообщившей свое имя и республике; изъ западѣ же и на сѣверо-западѣ раздѣльной линіей было избрано теченіе Ваала; однако полуостровное пространство между рѣками Оранже-вой и Вааломъ, кверху отъ ихъ сліянія, было отторгнуто отъ республики, и имъ, вмѣстѣ съ его алмазными розсыпями, завладѣла Англія. Въ цѣломъ, страна представляетъ плоскогоріе изъ бугроватыхъ пастбищъ, высотою, въ среднемъ, отъ 1.300 до 1.400 метровъ, съ нечув-ствительнымъ скатомъ съ сѣверо-востока на юго-западѣ и съ плодородными землями только въ со-сѣднихъ съ горами восточныхъ областяхъ. Пространство государства исчисляется въ 131.070 квадратныхъ километровъ, чѣд составить одну пятую поверхности Франціи; однако, эта гро-мадная террито-рія пока еще слабо населена: по переписи 31 марта 1890 г., насчитали 207.503 жителя.

Начатки голландской колоніи относятся къ 1837 году: въ этомъ году первый *trekker*, побѣнувшись англійскую канскую колонію, переправился со своимъ семействомъ, стадами и пожитками чрезъ Оранжевую рѣку, съ цѣлью попытать счастья между кочующими населеніями. За из-раваномъ этихъ піонеровъ слѣдовали другіе, и мало-по-малу создалось новое государство между рѣками Оранжевой и Вааломъ. Въ свою очередь, англійскіе чиновники устремились вслѣдъ за этими колонистами, ушедшими отъ власти, и въ 1848 году послѣдовало провозглашеніе британскаго «суверенитета» также и къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки. Боеры ¹⁾ или буры, воспротивились этому и, какъ и въ Наталѣ, сначала имѣли успѣхъ; но, не будучи въ силахъ продолжать борьбу противъ англійскихъ войскъ и ихъ союзниковъ, гри-куа,—должны были или бѣжать, или подчиниться. Одни, не желая подчиняться англичанамъ, продолжали свой *trekking* далѣе на сѣверъ, гдѣ и основали новую республику, Трансвальскую, а другіе остались въ краѣ, гдѣ они сдѣлались его главными санов-никами. Но, создавъ новое колоніальное владѣ-

¹⁾ Boers, въ мѣстномъ нарѣчіи, есть обыденное на-менование голландскихъ африканцевъ; орографически правильнѣе слѣдовало бы писать: Boer(en), буры.

ніе, англичане унаслѣдовали также и войны съ ба-сутами и съ другими туземцами; вслѣдствіе этого, годовой бюджетъ метрополіи оказался настолько обремененнымъ значительными издержками, что пришлось расплачиваться въ присоединеніи данной области къ Англіи, почему британское правительство кончило тѣмъ, что предложило голландскимъ бурамъ возвратить имъ политическую самостоятельность, подъ условіемъ принятія обязательства о невозстановленіи рабства. Голландцы приняли эти условия, и Свободное Оранжевое государство такимъ образомъ въ 1854 г. возстановилось. Съ тѣхъ поръ оно стало процветать, населеніе его возросло вицеро.

Буры, пользующіеся политическимъ господствомъ въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, принадлежать къ потомкамъ ревностныхъ кальвинистовъ, и большинство изъ нихъ еще исповѣдуютъ религию своихъ отцовъ; остальная христіанская исповѣданія имѣютъ своихъ представителей въ англійскихъ переселенцахъ. Въ 1890 году, бѣлое населеніе Оранжеваго Свободного государства, по вѣроисповѣданіямъ, распадалось слѣдующимъ образомъ: голландскихъ реформатовъ 68.940; англиканъ 1.353; методистовъ 753; римскихъ католиковъ 466; евреевъ 113; лицъ другихъ исповѣданій 1.809; лицъ, религії коихъ неизвѣстна, 3.970,— всего 77.716. Не имѣя въ теченіе двухъ вѣковъ другой книги, кромѣ Библіи, буры охотно сравнивали себя съ избраннымъ народомъ. Странствуя, подобно евреямъ, въ поискахъ Обѣтованной Земли, они не сомнѣвались, что все туземные населенія созданы для служенія имъ: это тѣ же, заранѣе обреченные на рабство или смерть «хананеяне, аморреяне или іевуссеяне». Поэтому, за исключеніемъ воинственнаго народа ба-ролонгъ, который, изъ ненависти къ ба-сутамъ, сдѣлался союзникомъ голланцевъ, все остальные племена готтентотскія или бантусскія, находившіяся на территоріи Оранжевой республики, подверглись со стороны буровъ или истребленію, или изгнанію. Буры обезлюдливали передъ собою страну, разрушая всякую политическую организацію туземцевъ, и допускали ихъ существованіе не иначе, какъ въ видѣ своихъ слугъ, лишенныхъ національной связи. Чернокожихъ, правда, гораздо, больше, чѣмъ бѣлыхъ въ предѣлахъ республики (къ 31 марта 1890 года, изъ 207.503 жителей было: бѣлыхъ 77.716, а чернокожихъ 129.787), но это почти все — скучно оплачиваляемые иммигранты, кафры, бечуаны, готтентоты илиmetis съ острова Св. Елены. Законъ воспрещаетъ имъ подавать голосъ на выборахъ, носить оружіе и быть собственникомъ хотя бы малѣйшаго клочка земли; обычай же возбраняетъ имъ жить рядомъ съ бѣлыми.

Привыкшіе, если не всегда къ труду около земли, то по крайней мѣрѣ къ надзору за по-

левыми работами, буры вообще заслуживаютъ своего имени (боеген по-голландски — «крестьяне») по солидности своего тѣлосложенія и тяжеловѣсности своей походки. Они сильны и отважны, но не красивы и не грациозны; въ ихъ костюмѣ нѣтъ ничего изящнаго, а убранство жилищъ безвкусно. Они обладаютъ качествами земледѣльца — любовью къ порядку, бѣрежливостью, настойчивостью. Почти всѣ семейства отличаются многочисленностью: избытокъ рождаемости надъ смертностью всегда значителенъ. Поэтому, ихъ численное превосходство, повидимому, обеспечено еще надолго, по крайней мѣрѣ до наступленія такихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, которыя способны совершенно нарушить равновѣсіе въ существующемъ отношеніи населеній. Но если англичане и оказываются между бурами въ меньшинствѣ, то тѣмъ не менѣе они являютсяносителями высшей цивилизаціи; ихъ языкъ совершился въ обыденной рѣчи съ языкомъ офиціальнымъ и далеко опередилъ голландскій какъ орудіе просвѣщенія. Такъ какъ большинство учителей англичане или шотландцы, то ихъ языкъ становится языкомъ школы; онъ также — и языкъ городовъ, такъ какъ тамъ именно поселяются иммигранты, купцы и лавочники, прибывающіе изъ Портъ-Елизаветы и другихъ городовъ англійскихъ колоній. Медленно, но вѣрно, совершается замѣна одного языка другимъ подъ вліяніемъ тысячи интимныхъ перемѣнъ, происходящихъ ежедневно въ нѣдрахъ общества.

Богатство Свободного Оранжеваго государства доставляется ему главнымъ образомъ его пастбищами, такъ какъ поверхность воздѣлываемой почвы не превышаетъ 50 тысячъ гектаровъ. Территорія раздѣлена на большия имѣнія, приворовленныя преимущественно для пастбищъ: слишкомъ пять миллионовъ овецъ бродятъ по такимъ землямъ. Больѣе, чѣмъ девять десятыхъ шерсти, вывозимой англійскими купцами изъ Дурбана, доставляются этими стадами «изъ-за горъ». Скотоводы *Vrijstaat*'а разводятъ также немного и страусовъ. При переписи 1890 года, въ Оранжевой республике оказалось: лошадей 131.594; воловъ 147.436, племяннаго скота 404.575 головъ, мериносовъ 5.056.301, капскихъ овецъ 131.846, англорскихъ козъ 426.535, простыхъ козъ 247.489, свиней 13.227, ословъ и муловъ 4.117 и страусовъ 2.253. Земледѣліе тоже получило дѣйствительную важность въ Оранжевой республикѣ, именно въ восточныхъ округахъ, орошаемыхъ водами Кaledона и его притоковъ; во внутреннихъ и западныхъ областяхъ, где воды рѣдки, собственники земель прилагаютъ большія старанія для задержки ихъ при посредствѣ плотинъ; не пропадаетъ ни одна капля, и посреди сѣрыхъ пастбищъ зеленѣющіе сады и рощицы

украшают подъездные пути къ фермерскимъ постройкамъ. Это земледѣльцы Свободнаго Оранжеваго государства и Басутоленда и прокармливали искателей алмазовъ въ то время, когда «алмазная горячка» привлекла тысячи переселенцевъ въ негостепріимныя земли Грикуленда. Въ Оранжевой республикѣ тоже есть въ небольшомъ количествѣ алмазоносныя глины, содержащіяся, подобно такимъ же землямъ въ Кимберлеѣ, въ ямахъ, повидимому, представляющихъ потухшіе кратеры вулкановъ. Но утилизированіе промышленныхъ ресурсовъ страны стало возможнымъ лишь со временеми соединенія ея съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Южной Африки. Въ концѣ 1896 г. общая длина построенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Оранжевой республикѣ составляла 1.000 километровъ, а строящихся и проектированныхъ — 568 километр.

Единственный «городъ» Республики, дѣйствительно заслуживающій это наименованіе, есть столица, Блюмфонтейнъ, расположенная посреди безлѣсныхъ равнинъ, на высотѣ 1.370 метровъ и на берегу ручейка, почти постоянно безводнаго, спускающагося къ р. р. Моддеръ и Вааль, и имѣющая около 6.000 жителей (по переписи 1892 г.: 3.115 бѣлыхъ и 2.702 чернокожихъ). Съ небольшаго холма, нѣкогда укрѣпленаго, городъ виденъ какъ на ладони, съ его правильными улицами, обставленными черными и бѣлыми домами; около резиденціи бѣлыхъ группируются болѣе скромные домики деревни Wragy-Hook, въ которой всѣ туземцы изъ города должны проводить ночь. Блюмфонтейнъ, мѣстопребываніе высшей школы, центръ политической и торговой жизни Оранжевой Республики, представляетъ и другія выгоды для иностранцевъ: это, по преимуществу, здоровый городъ, весьма рекомендуемый врачами Южной Африки какъ санаторія для чахоточныхъ, и дѣйствительно туда пріѣзжаетъ много бѣлыхъ изъ Капа и даже изъ Европы.

Къ востоку отъ Блюмфонтейна находилась небольшая туземная территорія, недавно независимая и врѣзавшаяся въ голландскую республику клиномъ, точно также, какъ само Оранжевое государство вкраплено въ другія южноафриканскія государства; территорія эта — земля ба-ролонговъ. Пятнадцать тысячъ изъ нихъ мирно проживали на пространствѣ своей территоріи, а болѣе шести тысячъ группировались въ оградѣ единственного города, Тхаба-Ншо, занимавшаго вершину и склоны холма. Однако, постановление Блюмфонтейнского народнаго совѣта покончило, въ 1884 году, съ самостоятельностью маленькой туземной республики, и сотни ба-ролонговъ, раздраженные недовѣремъ къ нимъ бѣлымъ, покинули свой край и попросили себѣ убѣжища у своихъ, нѣкогда враждовавшихъ съ ними, восточныхъ

сосѣдей. у ба-сотовъ¹⁾; Тхаба-Ншо пересталъ быть самымъ значительнымъ городскимъ поселеніемъ во всей той не-британской территоріи, которая заключается между Вааломъ и Оранжевой рѣкою. Различные провинциальные административные центры Республики по большей части суть лишь скромныя деревни, что не мѣшаетъ имъ, однако, быть хорошо снабженными рынками для удовлетворенія потребностей богатыхъ фермъ, разбросанныхъ окрестъ ихъ. Ледибрандъ (Ladybrand), къ сѣверо-востоку отъ Тхаба-Ншо, важенъ какъ центръ самой плодородной провинціи свободнаго государства, отвоеванной у ба-сотовъ; Смит菲尔дъ (Smithfield), на низовьяхъ Каледонъ, и Руксвиль (Rouxville), близъ Оранжевой рѣки, почти напротивъ англійского города Альвалль-Нортъ, служатъ земледѣльческими газдоными мѣстами; Бетюли (Bethulie), основанный французскими миссіонерами, сталъ, благодаря построенію чрезъ Оранжевую рѣку мосту, однимъ изъ главныхъ мѣстъ перехода между Капской колоніей и Свободнымъ государствомъ; Филипполисъ (Philippolis) привлекаетъ пассажировъ и грузы товаровъ, подвозимыхъ Портъ-Елизаветской желѣзной дорогой къ станціи Colberg, находящейся на другомъ берегу рѣки; Форсмітъ (Fauresmith), лежащий неподалеку отъ рѣки, посреди мало-плодородныхъ плоскогорій, обязанъ своимъ званіемъ нахожденію тамъ алмазныхъ копей: такъ, въ Jagersfonteinъ ежегодно добывается алмазовъ приблизительно на 1.250.000 фракковъ. Въ Jagersfonteinъ былъ найденъ самый большой африканскій алмазъ, вѣсомъ въ 500 каратовъ, но весьма несовершенный, какъ замѣнѣ²⁾. Оранжевая территорія обладаетъ также и каменноугольными пластами, главнымъ образомъ на западѣ, въ округѣ Kroonstadъ.

Въ сѣверной части республики самое важное мѣстечко — Гаррисмітъ (Harrismith), расположеннное на одномъ изъ верховыхъ притоковъ Ваала, около прохода Van-Reenen, чрезъ который спускаются къ Индійскому океану по Наталійскому склону. Harrismith — южныя ворота республики. Между этимъ мѣстечкомъ и Блюмфонтейномъ, главнымъ этапнымъ пунктомъ служить Wijndburg, находящейся въ самой неровной мѣстности территоріи.

Управляются Оранжевая республика одновременно палатою, *Volks-raad*, т. е. «народнымъ совѣтомъ», состоящимъ изъ шестидесяти членовъ, по одному представителю отъ главнаго города провинціи и по одному же представителю отъ каждого сельскаго округа (*veld-kornelij*). Собрание избирается на четыре года, но каждые два года

¹⁾ "Blue Book", 1887.

²⁾ Th. Rennert; — John Hoble's, "Cape of Good Hope".

половина членовъ выходить, чѣмъ и достигается его обновление. Во время сессий члены собрания получаютъ содержание по 25 франковъ въ день. Они сами избираютъ себѣ предсѣдателя, рядомъ съ которымъ засѣдаеть, съ правомъ совѣщательного, но не решающаго голоса, президентъ республики, которого тоже выбираютъ всенароднымъ голосованиемъ на пять лѣтъ и который можетъ быть вновь выбранъ. При президентѣ республики, какъ главы исполнительной власти, состоять совѣтъ изъ 5 членовъ, изъ которыхъ двое чиновники. Избирательное право принадлежитъ всѣмъ бѣлымъ, рожденнымъ въ предѣлахъ государства, прожившимъ въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ, а также тѣмъ, которые послѣ годового пребыванія удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ ценза какъ собственники или рантьеры; по достижениіи 18-ти лѣтъ, каждый гражданинъ можетъ подавать голосъ при избраніи *veld-kor-net*, т. е. уѣзднаго судьи; но пользованіе политическимъ голосомъ, т. е. избраніемъ членовъ *volks-raad*а или президента республики, присвоено только лицамъ, которымъ исполнился 21 годъ. Суды, или *lans-driest*, засѣдаеть въ каждомъ изъ округовъ и судить второстепенные проступки и преступленія; кроме того, трибуналъ изъ трехъ судей обѣзжаетъ, въ качествѣ ассизнаго суда, различные округи государства. Всѣ бѣлые—солдаты и обязаны по два раза въ годъ собираться для воинскихъ упражненій.

Бюджетъ покрывается главнымъ образомъ ввозными пошлинами (республика съ 1 июля 1889 г. вступила въ таможенный союзъ съ Капской колоніей), налогомъ на фермы и крѣпкие напитки, гербовымъ сборомъ, платежемъ за промысловый свидѣтельства. Значительная часть бюджета расходуется на народное просвѣщеніе; субсидии получаютъ равнымъ образомъ и кальвинистскія церкви. Въ 1897 году доходы равнялись 776.910, а расходы 857.100 фунтовъ стерл. (система мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ республикѣ — англійская). Государственный долгъ къ 1 марта 1897 г. составлялъ 40.000 ф. стерл. Новый заемъ въ $1\frac{1}{4}$ миллиона употребленъ на приобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ, которая теперь почти всѣ принадлежатъ государству.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ находится перечень округовъ Оранжевої Республики, расположенныхъ по относительному ихъ значенію, и съ показаніемъ бѣлаго и туземнаго населеній, по даннымъ народной переписи 31 марта 1880 года.

Округи.	Бѣлы.	Туземцы.	Всего.
Bloemfontein	7.353	5.921	13.274
Harrismith	4.164	14.254	18.418
Wijnburg	6.950	9.268	15.858
Kroonstad	6.201	7.976	14.177

Округи.	Бѣлы.	Туземцы.	Всего.
Ladybrand	5.232	6.306	11.538
Fauresmith	4.444	5.993	10.437
Boshof	4.485	4.829	9.684
Heilbron	4.460	4.652	9.112
Rouxville	5.051	3.058	8.089
Bethlehem	4.445	2.397	6.842
Smithfield (Caledon-river).	3.426	2.167	5.593
Philippolis	1.181	2.504	4.385
Bethulie	1.904	2.175	4.079
Jacobsdal	1.036	996	2.032
Всего	61.022	72.496	133.518

Кромѣ того, недавно присоединенная территорія ба-ролонговъ или тхабо-вишо имѣла въ 1886 году около 10.000 жителей.

Х. Трансваль, или Южно-Африканская республика.

(Zuid-Afrikaansche Republiek).

Официально названная Южно-Африканской республикою—въ предвидѣніи будущей конфедерациіи съ другими республиканскими государствами этой части материка,—Трансвальская республика гораздо обширнѣе Свободнаго Оранжеваго государства: она занимаетъ площадь, втрое болѣе значительную. Но колонизованная позже южной области, она до недавняго времени была занята лишь весьма незначительнымъ числомъ бѣлыхъ. Различіе это между обоими государствами стало быстро исчезать съ тѣхъ поръ, какъ толпы переселенцевъ направились къ золотымъ пріискамъ; и благодаря совершенно здоровому климату, а также плодовитости женщинъ, бѣлое населеніе, прежде почти терявшеся между чернокожими, уже составило внушительное меньшинство: въ обѣ республики, Оранжевую и Трансваль, переселилось много-много что десять тысячъ буровъ; нынѣ же бѣлое населеніе франко-голландского происхожденія въ этихъ государствахъ уже значительно превышаетъ триста тысячъ человѣкъ. Недавно государственная территорія Трансвала возросла, вслѣдствіе присоединенія къ ней также и «Новой Республики», составляющей часть прежнаго края зулусовъ. Нынѣ пространство Южно-Африканской республики составляетъ 308.560 кв. километр., а населеніе въ 1896 г. исчислялось въ 867.940 душъ (245.397 бѣлыхъ, 622.544 чернокожихъ жит.), такъ что на одинъ кв. километръ приходится около 2,8 жителей.

Болѣе, чѣмъ на половинѣ своей окружности Южно-Африканская республика имѣеть естественные границы. На югѣ, она отдѣлена отъ Свободнаго Оранжеваго государства сначала однимъ изъ притоковъ Ваала, а затѣмъ и самимъ Вааломъ; на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ, со стороны края племени ма-тебелѣ, ея терри-

торю ограничивает рѣка Лимпопо; наконецъ, одну часть ея восточной границы составляетъ гребень горъ Лобомбо, склонъ которыхъ къ морю принадлежитъ Португалии; на юго-востокѣ, отъ Натальской колоніи, ее отдѣляетъ верхнее теченіе р. Буффало. Въ этихъ промежуткахъ между вышеупомянутыми рѣками или горами, республиканская территорія значительно расширилась на счетъ сосѣднихъ странъ: такъ, между Наталіей и португальской территоріей она увеличилась частью долинъ, занятыхъ зулусами и суази, а на западѣ она возросла на счетъ края бѣ-чуановъ. Въ 1870 году, англичанами была проведена къ западу отъ горъ Макуази, въ округѣ Potchefstroom, граница, которую буры не должны были переступить. Однако, это запрещеніе не останавливало ихъ, и когда сами англичане временно завладѣли территоріею республики, то, въ свою очередь, и они воздержались отъ возвращенія туземцамъ того округа, занятіе которого было ими запрещено бѣлымъ голландского происхожденія. Съ тѣхъ поръ послѣдовали и еще новые захваты: въ силу конвенціи, заключенной въ 1884 году съ Великобританіей, территорія Южно-Африканской республики простирается вплоть до восточной торговой дороги, соединяющей низовья Ваала съ Замбезе чрезъ городъ Шошонгъ и чрезъ край племени ма-тебелѣ. Слѣдя этой дорогой, торговцы коснутся Трансвальской земли только въ одномъ пунктѣ.

Зачатки этого голландского государства были очень трудные. Въ 1837 году, когда первые *trekkers*'ы переправились чрезъ Ваалъ, чтобы поселиться въ той части территоріи, где находится нынѣ городъ Почекстромъ, они столкнулись съ грознымъ властелиномъ племени ма-тебелѣ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ дѣйствовавшихъ въ то время въ Южной Африкѣ «пожирателей народовъ». Большая часть голландскихъ переселенцевъ была истреблена, но оставшимся въ живыхъ, тѣмъ не менѣе, удалось прогнать туземцевъ и удержать занятыхъ земли. Затѣмъ, каждый годъ къ нимъ прибывали все новые *trekkers*'ы, и мало-по-малу создалась небольшая республика, составившаяся изъ бродячихъ искателей приключений, проживавшихъ подъ шатромъ или въ сплетенной изъ вѣтвей хижинѣ, и передвигавшихся, всегда съ ружьемъ въ руки, вслѣдъ за своими стадами. Въ 1848 г., послѣ сраженія при Voortplaats'ѣ, вслѣдствіе котораго Свободное Оранжевое государство временно потеряло свою политическую независимость, многочисленные бѣглецы изъ него явились просить убѣжища у своихъ за-ваальскихъ братьевъ; въ отвѣтъ на это, предводитель ихъ, Преторіусъ, голову котораго англичане оцѣнили въ 50 тысячъ франковъ, былъ избранъ въ президенты новой республики. Затѣмъ, спустя четыре года, имен-

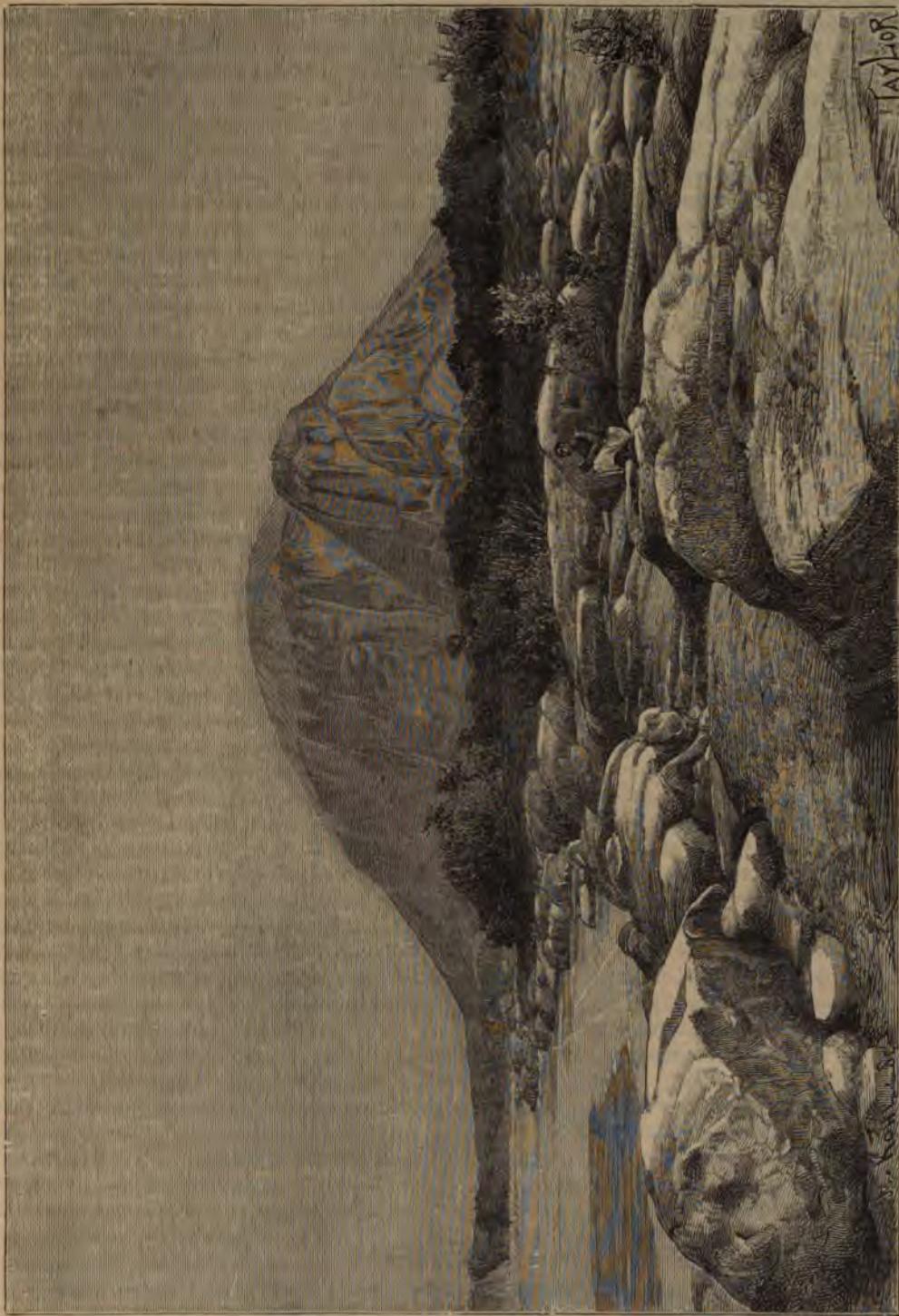
но въ 1852 году, независимость Трансваля была признана уже и самою Великобританіею.

Но война между бурами и туземцами въ прекращалась, сопровождаемая иногда жестокой рѣзней, массовыми истребленіями: каждый шагъ впередъ бѣлыхъ по направлению къ сѣверу покупался кровью. Въ предлогахъ въышательству, въ качествѣ посредниковъ, не было недостатка у англійскихъ союзей Трансваля, въ особенности послѣ открытия золотыхъ рудъ на территоріи республики; однако, англичане не довольствовались однимъ лишь предложеніемъ своихъ добрыхъ услугъ, и въ 1877 году, въ Преторіи, столицѣ государства, совсемъ неожиданно появился британскій комисарь въ сопровождении тридцати вооруженныхъ людей и отъ своего собственнаго имени провозгласилъ присоединеніе Трансваля къ колоніальной территоріи Великобританіи. Буры сначала не сопротивлялись, такъ какъ позади этихъ тридцати полицейскихъ видѣли англійскую державу съ ея неистощимыми средствами. Однако, господство иностранца было принято бурами не безъ протестовъ, и недовольство увеличилось, когда выяснилось, что дѣло доходитъ до запрещенія голландского языка въ судахъ и въ школахъ. Въ Лондонѣ, поэтому, была отправлена депутація съ просьбою о сохраненіи мѣстныхъ обычаевъ, администраціей самостоительности и права официальности употреблять голландскій языкъ. Это посольство было дурно принято, и всѣ буры почувствовали себя оскорблѣнными вмѣстѣ съ нею. Они приготовились къ борьбѣ, не пытая, впрочемъ, большой надежды на побѣду, и желая лишь путемъ сопротивленія, обезпечить себѣ уваженіе побѣдителей. Къ общему, однако, удивленію, въ трехъ послѣдовательныхъ стычкахъ буры восторжествовали надъ англійскими войсками, и война уже грозила превратить всю Южную Африку въ поле битвы, какъ вдругъ канскій губернаторъ получилъ изъ Лондона депешу, какихъ очень мало зарегистрировано въ исторіи: «Мы обидѣли буровъ. Заключите миръ». Вслѣдствіе этого, несмотря на превосходство своихъ войскъ, готовившихся побороть всякое сопротивленіе, англійскіе генералы должны были отступить, не одержавъ побѣды, и Трансвальская республика снова приобрѣла политическую независимость, уже укрепленную тяжкимъ испытаніемъ. Экзальтированные удовлетвореніемъ, которое было дано ихъ национальному чувству, буры стали гораздо сильнѣе, чѣмъ были до войны, и теперь покуситься на ихъ независимость было бы со стороны англичанъ уже опасно.

Трансвальские буры, болѣе удаленные отъ центровъ цивилизациіи, чѣмъ ихъ братья Свободного Оранжеваго государства, менѣе, поэтому, цивилизованны, такъ что англійскіе и даже голландскіе путешественники изъ Капа

называют ихъ варварами Еще около половины текущаго столѣтія многіе изъ нихъ, подобно кафрамъ, одѣвались въ шкуры животныхъ; лишенные всякихъ удобствъ городской

ры, имѣли переходящую по наслѣдству Библию, которую многіе изъ нихъ не умѣли даже и читать. Одна изъ причинъ такого дикаго обособленія буровъ заключалась въ чрезмѣрномъ про-

Сливіе Ро-Вумы съ Лу-Дженою.

жизни, буры не чувствовали въ нихъ и потребности: по цѣлымъ недѣлямъ полевали они подъ открытымъ небомъ, не имѣли никакой мебели въ своихъ лачугахъ, довольствовались самыми простыми яствами и, вмѣсто всей литерату-

странствѣ тѣхъ вотчинъ, которыхъ они себѣ присвоили въ первыя времена овладѣнія краемъ. *Plaats*, т. е. поверхность земли, которую каждое семейство колонистовъ признавало своею, равнялось 3.000 моргенамъ или при-

близительно 2.400 гектарамъ, и, такъ какъ между этими владѣніями точныхъ границъ не существовало, то многіе изъ буровъ заняли пространства, значительно превосходящія даже установленный размѣръ. Тотъ изъ буровъ, который не обладалъ такимъ громаднымъ имѣніемъ, считалъ уже себя обездоленнымъ, подобно своему отцу, покидалъ край и шелъ основывать вдали маленькое королевство по своему праву: такимъ-то, именно, образомъ, отъ одного этапа до другаго и продолжалось по направленію къ р. Замбезе то великое переселенческое движение, которое началось съ береговъ Столовой бухты. Это изъ Трансвала вышли тѣ треккеры, которые, странствуя отъ Лимпопо къ Нгами, отъ Нгами къ Кунэнэ, страдая въ пути отъ голода и жажды,—похитившихъ много жертвъ изъ ихъ среды,—кончили, однако, тѣмъ, что послѣ путешествія, длившагося пять лѣтъ, достигли округа Гуилла. Большая часть этихъ эмигрантовъ принадлежала къ сектѣ допперовъ, ревностныхъ кальвинистовъ, хранящихъ нравы и даже костюмъ своихъ предковъ, и въ глазахъ которыхъ новыи идеи, вводимыи въ ихъ край газетами и книгами, представляютъ одну лишь гнусность. Люди «практическіе», буры презираютъ все, что не содѣйствуетъ материальному благосостоянію ихъ семействъ: они игнорируютъ музыку, искусство и литературу. Несмотря на ихъ многочисленныи *trekken*, участіе ихъ въ научномъ изслѣдованіи края равно почти нулю. Воспитаніе дѣтей и журнальная дѣятельность сосредоточены главнымъ образомъ въ рукахъ англичанъ.

Уединенная жизнь съ своимъ семействомъ и съ своими невольниками или работниками въ имѣніи съ границами, теряющимися за горизонтомъ окружающихъ холмовъ,—таково было нормальное существование голландского патріарха. Нѣсколько прохожихъ, бродячихъ кафровъ, да иногда соѣдній собственникъ на рубежѣ своего *plaats*—вотъ единственныи человѣческіе образы, которые ему доводилось видѣть въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Но четыре раза въ годъ этимъ отшельникамъ требовалось зрелице толпы. Тогда буры надѣвали сбрую на своихъ коней, запрягали повозки и, со всѣхъ сторонъ, мужчины, женщины и дѣти, отправлялись къ часовнѣ, которая служила центромъ ихъ громадного церковнаго прихода, въ двадцать или въ пятидесятъ лѣтъ въ диаметрѣ. Въ день, назначенный для *nachtaal*, т. е. причащенія, поселяне толпятся вокругъ храма, на ярмарочномъ полѣ; въ небольшой церкви службы слѣдуютъ одна за другою: супруги причащаются, обрученные вѣнчаются, молодые люди принимаются въ члены церкви, дѣти крестятъ. Въ окружающихъ кирку лавкахъ дѣлаются покупки; сводятся счеты между заимодавцами и должниками; барышники тор-

гаются съ продавцами; затѣмъ, мало-по-малу площадь пустѣеть, суматаха утихаетъ, и каждая семейная группа удаляется во-своиаси, чтобы снова погрузиться въ уединеніе и тишину средь безконечныхъ равнинъ.

Но силой вещей постепенно совершающееся соціальное преобразованіе. Земли дробится, буры, увеличившись въ числѣ, стали жить ближе другъ къ другу. Всѣ молодые люди переженились, у всѣхъ женщинъ по многу дѣтей, и имѣнія раздѣлились: многіе изъ земледѣльцевъ уже жалуются, что у нихъ всего лишь половина или четверть *plaats'a*, хотя при тщательной обработкѣ почвы и тысячной доли этого пространства было бы достаточно для прокормленія одной семьи. Съ другой стороны приходить чужие иммигранты, и если и не находятъ сразу продажныхъ земель, чтобы поселиться въ качествѣ колонистовъ, то все-таки случается, что современемъ вѣкоторое число имѣній, цѣнныхъ или подѣлленыхъ на участки, мнѣаютъ владѣльца, при чемъ весьма часто покупщики оказываются европейцы или «африканеры» не голландскаго происхожденія. Почти не было примѣра, чтобы буры поселялись въ городахъ или въ деревняхъ въ качествѣ ремесленниковъ и лавочниковъ: снискивать себѣ пропитаніе этимъ промысломъ англичанъ и нѣмцы, при чемъ многіе изъ нихъ, сдѣлавшись богаче окрестныхъ голландскихъ земельныхъ собственникомъ, покупаютъ у нихъ часть ихъ имѣнія. Такимъ образомъ ряды земельной аристократіи мало-по-малу пополняются элементами, чуждыми первоначальному классу буровъ. Изъ числа прибывающихъ въ страну бѣлыхъ, болѣе всего неудовольствія въ голландцахъ Южной Африки возбуждаютъ ихъ браты по расѣ и по языку—нидерландцы изъ метрополіи. Отдаленная симпатія соединяетъ эти два народа, о чёмъ свидѣтельствуетъ и современная литература; но вблизи воспоминаніе обѣ общемъ происхожденіи уступаетъ мѣсто нѣкоторому отвращенію. Буръ очень обидчивъ; онъ не любить, когда цивилизованный голландецъ смеется надъ африканскими нравами, или съ аффектацией отвѣчаетъ на чистый языкѣ на вопросъ, сдѣланній на испорченномъ жаргонѣ поселянъ на берегахъ Ваала или Лимпопо.

Что касается туземцевъ, то въ южныхъ округахъ они уже не группируются въ племена и, такъ же, какъ въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, лишь терпимы въ качествѣ слугъ и работниковъ; но въ западныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ провинціяхъ они живутъ еще въ видѣ отдѣльныхъ народцевъ. Племена ба-ролонгъ, ба-тлапи, ба-катла, ба-манела, ба-злока, ба-вenda и ба-соэтла—всѣ приваджать къ великому семейству ба-сuto; иногда ихъ также обзываютъ презрительной кличкой *Vaalpens*. Краевая цѣнь Дракенбергенъ этъ-

ляеть этихъ туземцевъ отъ ба-рока, жителей предгорій и равнинъ, которые, повидимому, одинакового происхождения съ зулусами и матебелэ. Вообще, трансваальскія племена не состоять изъ клановъ, родственныхъ по происхождению: это скопленіе людей различныхъ племенъ, подпавшихъ подъ иго какого-либо завоевателя. Сообразно случайностямъ войны, они увеличиваются или уменьшаются въ численности, разсѣиваются или снова группируются, до безконечности измѣняя свои этническіе элементы. Къ тому же ни одно изъ этихъ племенъ не имѣло времени ость на какой-либо территории и пробыть на ней въ теченіе значительного числа лѣтъ. Переселенческому движенію буровъ соотвѣтствовали у туземцевъ движенія въ обратномъ направлениі, иногда сопровождавшіяся даже и наступательными возвратами; вообще населенія здѣсь перемѣщаются безпрестанно, подобно водамъ, кружасимся въ водоворотѣ.

Между чернокожими долинъ притоковъ р. Лимпопо, которые не всѣ еще покорены, и изъ которыхъ некоторые заставляютъ сосѣднихъ буровъ даже платить имъ дань¹⁾, повидимому, дальше всего пребываютъ въ краѣ ма-гуамба, т. е. «люди дьявола», названные такъ своими сосѣдями, потому что прокляты, очень частыя въ ихъ устахъ, всѣ содержать воззваніе къ демону²⁾. Судя по ихъ языку они ближе къ зулусамъ, чѣмъ къ бѣ-чуанамъ. Первые голландскіе колонисты называли этихъ туземцевъ *knob-niizen* или *knob-noses*, т. е. «прищавные носы», такъ какъ посредствомъ надрѣзовъ, ма-гуамба выращивали у себя мясистыя бородавки съ горошину, располагая ихъ въ рядъ по направлению отъ корня носа кверху, черезъ лобъ, до волосъ; однако, эта мода теперь почти исчезла, и людей, заслуживающихъ названія *knob-niigen*, можно встрѣтить развѣ только между стариками. Къ сѣверу отъ Лимпопо, раса гуамба называется ба-хленгуз или ба-хлоекуа, и людей, говорящихъ тѣмъ же языкомъ, встречаютъ вплоть до береговъ озера Ньянса.

Изъ всѣхъ южно-африканскихъ областей Трансвальская республика, повидимому, обладаетъ самыми благопріятными условиями для того, чтобы рано или поздно сдѣлаться весьма производительнымъ краемъ. Плодородная почва оказывается годна для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній повсюду, гдѣ только плугъ прошелъ борозду, при чѣмъ продукты всегда получаются высшаго качества. Хотя засѣвается лишь весьма незначительная часть территоріи, тѣмъ не менѣе урожаевъ достаточно какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза въ Наталію. Трансваальский табакъ — отличного

качества и весьма цѣнится въ Южной Африкѣ. Всѣ воздѣлываемыя въ Европѣ растенія удаются въ Трансвалѣ, и хотя полутропический климатъ болѣе пригоденъ для лимона и апельсина, чѣмъ для сѣверныхъ фруктовъ, однако, яблоки и груши очень хороши въ провинціи Преторіи.

Но для скотоводства Трансвалъ не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія имѣются въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, и въ сѣверной части территоріи есть даже много округовъ, куда человѣкъ не можетъ проникнуть съ своими быками или лошадями: царящая въ этихъ мѣстностяхъ муха цеце препятствуетъ прохожденію домашнихъ животныхъ. Долина р. Лимпопо, на всѣмъ ея нижнемъ и среднемъ теченіи, вплоть до сѣверо-запада отъ Преторіи, служить приблизительно границею распространенія этого бича; роковая область простирается по сю сторону рѣки, въ различномъ разстояніи отъ послѣдней, отъ 10 до 130 километровъ; передъ вступлениемъ въ эту полосу путешественники выпрягаютъ воловъ и слѣзываются съ лошадей, чтобы отослать ихъ обратно на южная плоскогорія. Въ пограничныхъ съ этой полосою мѣстностяхъ, слоны отлично знаютъ, что, для избѣженія погони за ними всадниковъ, стоитъ только отдаться подъ покровительство мухи цеце: поэтому слоны и убѣгаютъ въ при-лимпопскія области, гдѣ человѣкъ долженъ преслѣдовывать ихъ либо пѣшкомъ, либо на лошади, одѣтой въ холстъ такой толщины, чтобы сквозь него не могло пройти жало мухи¹⁾. Полагаютъ, что цеце исчезнетъ изъ края вмѣстѣ съ крупною дичью, въ особенности съ буйволомъ и съ извѣстными видами антилопъ, которыхъ она всегда сопровождаетъ. Путешественники приводятъ примѣры округовъ, откуда это страшное насѣкомое такимъ образомъ уже было изгнано. Вероятно, поэтому, что, съ возрастаніемъ численности населенія и распространеніемъ воздѣлыванія земель, наступить, наконецъ, день, когда на берега Лимпопо человѣкъ будетъ имѣть возможность привести за собою также и своихъ домашнихъ животныхъ. На восточной покатости, разница въ климатѣ между обращенными къ океану долинами и высокимъ плоскогоріемъ Трансвала настолько значительна, что нельзя изъ одного края въ другой переводить крупный рогатый скотъ и лошадей, не рискуя подвергнуть ихъ опасности: этимъ и объясняется дорогая цѣна, которую караванщики платятъ за животныхъ «просоленныхъ», т. е. привыкшихъ къ обоимъ климатамъ²⁾. Плевропневмонія, очень обыкновенная на плоскогоріяхъ, лѣчится прививкою и ампутацией хвоста.

¹⁾ „Afrique explorée et civilisée“, 1883.

²⁾ Berthoud, „Afrique explorée et civilisée“; — „Proceedings of the R. Geographical Society“.

¹⁾ John Mackenzie, „Ten Years North of the Orange-river“.

²⁾ A. Harriet Roche, „On Trek in the Transvaal“.

Въ минеральномъ отношеніи, Южно-Африканская республика богата не менѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ. Если алмазныя залежи, разрабатываемыя въ сосѣднихъ южныхъ территоріяхъ, продолжаются въ Трансвалѣ лишь скучными полосками, не представляющими экономической цѣнности, то каменный уголь и металлы находятся тамъ въ изобилии. Пласти угля, разрабатываемыя въ сѣверной части Наталіи, продолжаются и на голландской территоріи, и фермеры уже употребляютъ это топливо, которое горить свѣтлымъ пламенемъ и не оставляетъ пепла. Въ разныхъ мѣстностяхъ страны добываютъ руды, дающія: желѣзо, кобальтъ, мѣдь и среброносный свинецъ. Золото находится во множествѣ въ жилахъ бѣлаго кварца. Въ 1867 году геологъ Маунтъ открылъ этотъ драгоценный металль на берегахъ Тати, текущей въ землѣ племени ма-калака, виѣ Трансвала, и, чрезъ р. Шаша, соединяющейся съ Лимпопо выше ея изгиба къ юго-востоку. Четыре года спустя, Button констатировалъ существованіе другихъ золотыхъ рудъ, при томъ уже на территоріи самой республики, около *Eersteling'a*, въ девонскихъ холмахъ Макапана, находящихся приблизительно въ 200 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Преторіи. Въ 1873 году, послѣдовали новыя открытія золота въ горахъ *Lijdenburg*, которыми заканчивается на сѣверѣ краевая цѣнь Дракенбергентъ; въ 1885 году, богатыя находки въ особенности привлекли рудокоповъ къ восточнымъ террасамъ, которая вплоть до Суазиленда, мысообразно прорѣзываются рѣчками, впадающими въ р. Манисусу; теперь все-го яростнѣе разрабатываютъ высоты *Witwatersrand'a*, находящіяся на плоскогоріи между Преторіей и Почекстромомъ (*Potschef-stroom*). По официальнымъ свѣдѣніямъ, золота вывезено изъ Трансвала: въ 1893 г. на сумму 5.472.997, въ 1894 г.—на 7.370.058, въ 1895 г.—на 8.179.260 ф. стерл. (въ томъ числѣ изъ Витватерсранда—на 7.840.779 ф. стерл.). Добыча золота въ Трансвалѣ въ 1896 году—2.275.428, въ 1897—3.034.674 унцій.

Самыми богатыми изъ недавно открытыхъ мѣсторожденій золота оказались восточные, извѣстныя подъ названіемъ рудниковъ Каар'а, по имени горы, которая надъ ними господствуетъ, и долины, которая ихъ пересѣкаетъ, и въ особенности мѣсторожденія *Witwatersrand'a* или просто *Rand'a*; но приобрѣтать ихъ могутъ только бѣлые, такъ какъ горное дѣло дозволено чернокожимъ не иначе, какъ въ качествѣ рабочихъ, при чемъ, подъ страхомъ тюремы и бича, воспрещено имъ также получение золотомъ и платы¹⁾; что ка-

сается индусовъ и китайцевъ, то они могутъ быть допускаемы не иначе, какъ по уплатѣ за право пребыванія 625 франковъ²⁾). Въ рудникахъ Каар'а, формациѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ аспиднаго сланца, пещаницы и конгломерата, мѣстами пронизанныхъ гранитомъ, кварцемъ и породами огненнаго происхожденія. Рудники *Witwatersrand'a* открыты въ особаго рода конгломератѣ, которому даютъ мѣстное наименование «*nougat*»; золотоносные слои (*reefs*) повсюду направляются съ востока на западъ. Песокъ съ самородками золота рѣдокъ, и для извлечения металла приходится употреблять для дробленія камни многосильная машины; поэтому, въ Трансваалѣ нѣть отдельно работающихъ рудокоповъ; разработка ведется въ пользу богатыхъ компаний, правленія которыхъ пребываютъ въ Наталѣ, въ Преторіи, въ Кимберлеѣ и въ Лондонѣ.

Рядомъ съ копями и рудниками создаются населенные города; среди африканского міра основываются новые центры европейской культуры; появляется индустрия, въ особенностіи, однако, представленная водочными заводами. Большую экономическую выгоду представляютъ главные рудники въ томъ отношеніи, что они находятся на пути или въ небольшомъ разстояніи отъ прямой дороги, которая соединяетъ *Potchefstroom* и столицу бухты Делагоа. Желѣзная дорога, безъ которой всякое торговое движеніе республики можетъ развиваться лишь медленно, предложена въ такомъ направленіи, что она будетъ взбираться на плоскогорія, ведущія къ золотоноснымъ горамъ; между Преторіей и Барбертономъ, главнымъ пунктомъ восточныхъ рудниковъ, она должна подняться на 1.950 метровъ высоты. Существенно важный вопросъ о прямомъ соединеніи центральныхъ областей республики съ моремъ былъ уже обсуждаемъ законодателями еще до того времени, какъ англичане завладѣли было Трансваалемъ; съ цѣлью этой постройки были сдѣланы уже значительные займы и выгружены даже рельсы для будущей дороги. Но войны, неопределеннное политическое состояніе, разорительная спекуляція и проявленное англичанами, во время ихъ господства, желаніе направить всю торговлю Трансвала чрезъ Наталь и Капъ—сдѣлали первыя издержки бесполезными, и теперь для осуществленія этого, безусловно—необходимаго для процвѣтанія края, дѣла, приходится принимать уже новые расходы. * Въ послѣднее время желѣзодорожная сѣть республики достигла уже значительного развитія: въ концѣ 1897 года общая длина открытыхъ для движения рельсовыхъ

¹⁾ Законъ 25 июня 1885 г.—„Blue-Book“ С. 1384, 1894.

²⁾ Eimrich, „Petermann's Mittheilungen“, 1887, тетр. V.

путей составляла 1.152 километра, а длина строющихся линий — 434 километра*.

Южная полоса Трансвальской территории, вдоль границы с Оранжевой республикой, еще принадлежит к бассейну Ваала. Небольшой город Стандертон, расположенный в области источников реки, вблизи угольных копей, и Гейдельберг, выстроенный западнее, у подошвы пика Жаннеты (высотою в 1.191 метр), но еще в гористой местности, на высоте больше, чем 1.500 метров, — не пользуются уже полутропическим климатом, какъ съверная плоскогория: здесь уже не культивируют апельсинного дерева, воздѣлываемаго въ другихъ частяхъ Трансвала. Почекстромъ (Potchefstroom), въ 150 километрахъ западнѣе и на высотѣ 1.316 метровъ на Мои, т. е. «прекрасной рекѣ», небольшомъ притокѣ Ваала, — находится уже въ области гораздо менѣе холодной: здесь воздѣлываются главнымъ образомъ майсъ и табакъ. Почекстромъ, бывшій въ первыя времена главнымъ городомъ республики Трансваль, а по числу жителей долго еще сохранивший первенство и послѣ того, какъ, вмѣсто него, столицей стала Преторія, — городъ очень пріятный; плакучія ивы, привезенные, по разсказамъ, съ острова Св. Елены, осѣняютъ улицы, а живыя изгороди съ цветущими розами окружаютъ всѣ сады. Во время цвѣтенія растений, трансвальскіе города представляютъ вообще прелестный видъ. Рѣчка Мои, выходящая изъ пещеристаго известняка, на своемъ пути во многихъ мѣстахъ то выбивается наружу, то исчезаетъ, а затѣмъ снова появляется на днѣ гротовъ: чудеса Wonder-fontein'a, т. е. «чудеснаго фонтана», напоминаютъ дивное зрѣлище, представляемое гротами Каринтии¹.

Нынѣшний главный городъ республики, названный Преторіей, въ честь бѣглеца, за голову котораго англичанами была назначена большая цѣна, лежитъ на высотѣ 1.356 метровъ, въ пологой равнинѣ, окруженнѣй холмами со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ съверной, гдѣ чрезъ горы Магали, или «Чернаго носорога», прорывается одинъ изъ верхнихъ притоковъ Лимпопо; ручейки орошаютъ улицы Преторіи, бѣгутъ по садамъ, а остатокъ своей воды изливаютъ въ русло, еще узкое, рѣчки. Выстроенная по весьма обширному плану, при чмъ улицы и бульвары перекрещиваются другъ съ другомъ подъ прямыми углами, Преторія долгое время оставалась въ періодѣ перехода между деревнею и городомъ: общимъ своимъ видомъ она походила на большой садъ, въ которомъ тамъ и сямъ виднѣлось нѣсколько низкихъ домовъ.

¹⁾ Holub, „Sieben Jahre in Sd-Afrika“.

Географія Реклю т. XIII.

Съ тѣхъ же поръ, какъ черезъ нее стали проходить направляющіеся на съверъ, къ золотоноснымъ полямъ, рудокопы, она превратилась въ оживленный городъ; дома стали уже тѣснить другъ друга въ центральномъ кварталѣ, а рынки привлекали значительныя толпы; нынѣ поселеніе ее достигло уже восьми тысячъ человѣкъ. На окружающихъ городъ горахъ виднѣются еще остатки лѣсовъ, а одно изъ деревьевъ, называемое «деревомъ-чудомъ», далеко простираетъ свои вѣтви. Такимъ образомъ, если у Potschefstroom'a есть Wonder-fontein, то у Преторіи имѣется Wonder-boon.

Къ западу отъ Преторіи, небольшіе города Рустенбургъ и Зеерустъ въ провинціи Марико, этомъ «саду Трансвала», находятся также на верхнѣхъ притокахъ Лимпопо, какъ равно и Нильстромъ (Nijlstrom), названный такъ потому, что основавшій его буръ полагалъ, что имъ будуть найдены здѣсь источники Нила; ручей, вливающійся въ Лимпопо кверху отъ большаго водопада, доселѣ сохраняетъ данное ему название «Ниль», которое, между прочимъ, напоминаетъ также о большомъ честолюбіи передовыхъ треккеровъ (voortrekkers) изъ буровъ, шествовавшихъ въ Палестину. Между этимъ Ниломъ (Nijl) и рѣкою Олифантъ, вблизи золотыхъ залежей и Digerbeerg'a, т. е. «желѣзной горы», находится горно-промышленный городъ Эрстелингъ (Eersteling), за которымъ слѣдуетъ другой городокъ Марабастадъ (Maraba's stad); но къ съверу, численность бѣлаго населенія быстро уменьшается: какъ по ту сторону мѣстечка Заутшансбера, основаннаго въ 1834 году около разрабатываемыхъ соленыхъ озеръ, представителями европейцевъ на склонѣ къ рѣкѣ являются лишь миссионеры и нѣкоторые изъ торговцевъ; тамъ же гдѣ рѣка, проникаетъ въ область мухи цепе, ея берега почти еще не изслѣдованы. Встрѣчаются лишь нѣсколько становищъ туземцевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на большихъ расстояніяхъ; что же касается самой рѣки, то на всемъ протяженіи той части своего теченія, которое ограничиваетъ территорію съ съвера, а также и тамъ, гдѣ рѣка изгибается къ востоку отъ приморскихъ горъ, она течетъ по пустынамъ. Бѣлое населеніе не спускается съ плоскогорій, окраины которыхъ мысообразно изрѣзаны рѣками, стекающими въ низовья Лимпопо; оно скучено около городовъ Миддельбурга и Лайденбурга, въ верхнемъ бассейнѣ р. Олифантъ, соединяющейся съ Лимпопо въ 200 километрахъ къ верху отъ ея устья, а также въ верховыхъ долинахъ р. Маниссы (Нкомати) и ея притоковъ: здѣсь, именно, и создались новые города Барбертонъ (2.000 ж.) и Эврека, являющіеся такими же центрами горнопромышленной области Каар'a, какъ и Йоганнесбургъ для копей Witwaters-rand'a. Еще

въ 1887 году, этотъ городъ, уже населенный десятью тысячами жителей, не былъ нанесенъ ни на одну изъ картъ. Построеніе же желѣзной дороги, спускающейся къ порту Лоренсо-Маркезъ, удесятерило какъ поселеніе (въ 1896 г. въ Іоганнесбургѣ насчитывалось уже 103.000 жителей), такъ и торговлю этой части территоріи республики, столь богатой какъ плодородіемъ почвы, такъ и минеральными сокровищами. Виѣшняя торговля Трансвала въ 1897 году: привозъ—около 360 миллионовъ франк.; главные предметы вывоза (точная цифра цѣнности которого неизвѣстна): золото, шерсть, скотъ, хлѣбъ, кожи, фрукты, табакъ, масло, водка, страусовая перья и слоновая кость.

Къ югу отъ области золотоносныхъ породъ простирается, вдоль закраинъ высокихъ плоскогорій, территорія New Scotland, т. е. Новая Шотландія, которая, повидимому, весьма богата каменнымъ углемъ, и на протяженіи которой, кромѣ того, находится обширное озеро Chrissie, остатокъ внутренняго моря, которое вѣкогда покрывало большую часть нагорья. Каменноугольная формация продолжается и далѣе къ югу чрезъ провинціи Ваккерстромъ и Уtrechtъ, идя на соединеніе съ каменноугольными копями, разрабатываемыми въ Ньюкестлѣ, въ Наталии. На востокъ отъ плоскогорія, въ энклавѣ Зулусской территоріи, область рѣчныхъ скатовъ двухъ Умъ-Волози: Бѣлой и Черной, въ 1885 г. было всего лишь отъ шести до семисотъ колонистовъ изъ буровъ, преимущественно группировавшихся въ небольшомъ мѣстечкѣ Vrijheid (Свобода), расположенному на небольшомъ притокѣ Бѣлой Умъ-Волози.

Южно-африканская республика, подобно Свободному Оранжевому государству, представляетъ страну, въ которой бѣлые присвоили всѣ политическія права: старинные собственники края могутъ отъ своихъ нынѣшнихъ властелиновъ ожидать только милость или терпимость. Бѣлые—граждане по рождению, или натурализованные послѣ пребыванія въ краѣ въ извѣстное число лѣтъ и уплаты 625 франковъ—единственные избиратели какъ представителей въ Volks-raad (народный совѣтъ), такъ и президента республики; при этомъ, избранными могутъ быть только лица, имѣющія не менѣе тридцати лѣтъ, родившіяся въ Трансвалѣ или пробывшія тамъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, исповѣдующія протестантскую религию и имѣющія поземельную собственность въ предѣлахъ государства. Отъ каждого округа въ собраніи заѣдаются по три уполномоченныхъ; кромѣ того, каждый горно-промышленный округъ имѣетъ въ парламентѣ своего представителя, избираемаго синдикатомъ рудокоповъ¹⁾; лишены были права за-

нимать общественные должности, а также избирательного права, всѣ подписавши прошбу о присоединеніи Трансвала къ Англіи. Официальный языкъ парламента—голландскій. Президентъ республики избирается на пять лѣтъ и имѣеть при себѣ совѣтъ изъ пяти членовъ: государственного секретаря, командующаго войсками, ministra по горному дѣлу и двухъ уполномоченныхъ, избираемыхъ Volks-raadомъ.

Сюзеренство Великобританіи относительно виѣшнихъ дипломатическихъ сошеній республики—лишь номинальное. Къ тому же конституція, часто измѣнявшаяся со временемъ провозглашенія «Тридцати статей» въ 1849 году,—лишь временная: голландскіе патріоты Южной Африки надѣются, что обѣ республики: Оранжевая и Трансвальская—сблизившись другъ съ другомъ сначала при посредствѣ таможеннаго объединенія—соединятся въ одну Африканскую Голландію, а можетъ быть даже въ гораздо болѣе обширную федерацію, въ составъ которой войдутъ всѣ «африканеры», отъ мыса Доброй Надежды до рѣки Замбезе; голландскія семейства, имѣющіяся въ каждомъ городѣ Южной Африки, составляютъ, не взирая на политическія гравипы, какъ бы одну великую націю. Часто уполномоченные обѣихъ сопредѣльныхъ республикъ уже и обсуждали будущій договоръ о союзѣ (17 марта 1897 года между этими республиками действительно заключенъ оборонительный и наступательный союзъ). Нынѣ Volks-rad Южно-Африканской республики, раздѣляющейся на двѣ половины, состоитъ изъ 58 членовъ, избираемыхъ на четыре года и черезъ каждые два года обновляемыхъ на половину. Немногочисленный отрядъ артиллеріи составляетъ всю постоянную армию государства; въ случаѣ же войны, всѣ здоровые граждане должны взяться за оружіе. Трансвальский бюджетъ, по преимуществу составлявшися изъ доходовъ отъ продажи земель, таможенныхъ пошлинъ, подворной подати съ туземцевъ и пошлины, уплачиваемыхъ рудокопами, съ 1880 года болѣе чѣмъ утроился. Въ финансово 1896 году доходы составили 4.462.193, а расходы 4.816.657 фунт. стерл. Государственный долгъ въ 1896 году равнялся 2.690.579 фунт. стерл., изъ которыхъ 156.662 фунт. стерл. должно уплатить Англіи въ видѣ вознагражденія.

Территорія республики дѣлится на 16 провинцій или округовъ, которые большею частью носятъ название своихъ главныхъ городовъ и управляются *land-dros*омъ, имѣющимъ весьма обширные права надъ чернокожимъ населеніемъ. До чрезвычайного развитія горнаго дѣла и присоединенія Новой республики, округовъ было двѣнадцать, именно: Влоембо,

¹⁾ Scott Keltie, „Statesman's Year book for 1888“.

Potschefstroom, Heidelberg, Wakkerstroom, (гл. городъ Wesselstroom), Utrecht, Marico (гл. городъ Zeerust), Rustenburg, Pretoria, Middelburg, Lijdenburg, Waterburg (гл. городъ Nijlstroom), Zoutpansberg (гл. городъ Maraba's-stad).

Въ *Nieuw-Republiek*, т. е. «Новой Республике», недавно присоединенной къ Трансвальской территории, главный городъ Vrijheid (Свобода).

XI. Бухта Делагоа, владѣнія Португалии къ югу отъ р. Лимпопо.

Бухта Делагоа или, скорѣе, da Lagoa, т. е. «бухта Лагуны» названная такъ не потому, будто бы, какъ утверждали, что въ нее заходили португальскія суда, направлявшіяся въ Гоа, а по причинѣ сходства ея съ озеромъ¹⁾), обѣщаетъ со временемъ получить весьма важное значеніе, какъ морскія ворота всего бассейна р. Лимпопо и государства нагорья Южной Африки. Форма побережья, глубина хорошо защищенныхъ водъ бухты, въ которую изливаются рѣчки, судоходныя для небольшихъ гребныхъ судовъ, придаютъ этому владѣнію Португаліи первостепенное значеніе, оцѣнить которое капскіе и ватальскіе купцы могли тѣмъ лучше, что къ югу отъ этого великолѣпного залива всѣ порты неудобны. Въ качествѣ наследниковъ старинныхъ голландскихъ мореплавателей, приставшихъ къ данному краю въ 1720 году, и въ качествѣ обладателей прибрежной территории, приобрѣтной капитаномъ Owen'омъ въ 1823 году, они, дѣйствительно, не преминули заявить свои притязанія на эту якобы принадлежащую имъ бухту, которая была бы для нихъ столъ полезна и которая обеспечила бы ихъ неоспоримое экономическое и политическое господство надъ государствами внутри материка. Извѣстно, что этотъ вопросъ пришлось предоставить въ 1875 году рѣшенію третейского суда, и что маршаль Макъ-Магонъ, президентъ французской республики, избранный въ суды лондонскимъ и лиссабонскимъ правительствами, рѣшилъ дѣло въ пользу Португаліи, вслѣдствіе чего Делагоаская бухта и возвратилась къ Мозамбикской провинціи. Можно сказать, что, съ торговой точки зренія, приговоръ былъ произведенъ въ пользу Трансвальской республики, такъ какъ бухта Делагоа служить естественнымъ выходомъ къ океану, и интересъ Португаліи заключается въ привлечении всей торговли плоскогорій къ доставшемуся ей порту. Однако, не обладая еще портовыми сооруженіями и располагая лишь случайными, не-

прочными сообщеніями съ слабо населеннымъ, едва затронутымъ культурою краемъ, этотъ портъ имѣть, такъ сказать, только надежды на будущее процвѣтаніе, а пока вся территорія, для которой онъ служилъ главнымъ городомъ, и которая простирается отъ р. Мапута до р. Лимпопо, есть не что иное, какъ дикая страна, покрытая отчасти дѣственными лѣсами, саваннами и болотами. Португальская территорія Лоренсо-Маркезъ, къ югу отъ р. Лимпопо, занимаетъ площадь въ 39 тысячъ квадр. километровъ, съ 80 тысячами жителей (по Machado); слѣдовательно, на одинъ кв. километръ приходится по два жителя.

Лоренсо-Маркезъ (Лоренсу-Маркесъ), главный городъ одной изъ двухъ провинцій португальского «восточно-африканского свободного государства» (прежде «колонія Мозамбикъ»)—основанный въ 1867 году на мѣстѣ деревни, носившей то же имя и въ 1823 году захваченной племенемъ ва-туа или зулу—названъ такъ въ память мореплавателя, который на берегахъ бухты Делагоа основалъ, въ 1544 году, первую португальскую факторію; воды эти были уже ранѣе изслѣдованы Педро Кваресмой¹⁾. Низкіе дома, выстроенные изъ камня вдоль прямолинейныхъ аллей, имѣютъ красивый видъ; но почва, на которой они стоять, окружена болотистыми протоками, служащими рвами для защиты крѣпости, неприступной для окрестныхъ кафровъ, вслѣдствіе охраняющихъ ее батарей. Нахожденіе Лоренсо-Маркеза на нѣмыхъ земляхъ дѣлаетъ его неадоровъмъ въ сезонъ жаровъ, и нынѣ заботятся объ осушкѣ—посредствомъ дренажа и эвкалиптовыхъ насаждений—тѣхъ самыхъ болотъ, которые прежде казались представляющими выгоду для зарождавшагося города. Впрочемъ, по состоянию есть болѣе возвышенная мѣста, и мало-по-малу создается, обитаемый въ особенности негоціантами, верхній городъ, расположенный надъ нижнимъ, населеннымъ моряками.

Лоренсо-Маркезъ расположенье не на самомъ берегу бухты Делагоа, а на сѣверномъ берегу лимана, находящагося на сѣверо-западѣ обширной поверхности спокойныхъ делагоаскихъ водъ; лиманъ этотъ образуется устьями трехъ рѣчекъ, впадающихъ въ этотъ небольшой рукавъ моря. Въ настоящемъ своемъ состояніи портъ недоступенъ для очень большихъ судовъ; въ среднемъ, глубина его колеблется между 5 и 6 метрами, увеличиваясь на 2—3 метра при высокихъ приливахъ; но гавань эта, простирающаяся отъ востока къ западу на 13 километровъ, вполнѣ пригодна для судовъ средней вместимости. Зато въ сосѣдней бухтѣ могли бы стоять на якорѣ сотни самыхъ большихъ судовъ, такъ какъ глубина ея колеблется меж-

¹⁾ Paiva Manso, „Memorio sobre Lourenço Marques“.

¹⁾ M. L. Ribeiro, „As Colônias Portuguezas“, 1887.

ду 12 и 36 метрами, а входный каналъ, ширину въ двадцать километровъ, при 16-ти метровой глубинѣ, далъ бы доступъ цѣлому флоту. Желѣзная дорога, начинающаяся на самомъ берегу лимана, на южной сторонѣ города, и защищаемая прибрежной плотиной, обходить городъ и направляется на сѣверо-западъ къ р. Манисѣ, которой она достигаетъ въ той мѣстности, где эта рѣка, выходя изъ ущелья Лобомбскихъ горъ — первой краевой цѣпи плоскогорія — становится восточную границею португальской территоії; дорога эта соединяетъ Лоренсо-Маркесъ съ Преторіей. Грунтовыя дороги, которыми слѣдуютъ эмигранты, со своими животными, между Трансвалемъ и рѣками, текущими къ порту Лоренсо-Маркесъ, имѣть ту большую невыгоду, что проведены по низинамъ, которая обыкновенно бываютъ наводнены мукою цепе; иногда эту полосу удается пройти благополучно; но часто случалось, что путешественники, потерявъ на пути всѣхъ своихъ выючныхъ животныхъ, принуждены бывали покидать и свои товары. Сады въ пригородномъ округѣ Лоренсо-Маркеса производить сахарный тростникъ и тропические плоды; есть также нѣсколько плантаций кофейного дерева; въ бухтѣ ловятъ много черепахъ.

Торговля бухты Делагоа,—въ которой негociанты изъ Марсели и баніаны изъ Діу принимаютъ большее участіе, чѣмъ португальские купцы,—значительно возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ: при этомъ, вывозъ преимущественно состоитъ изъ кожи и руды, а ввозъ — изъ водки и боеваго оружія. Въ 1891 году въ портѣ Лоренсо-Маркесъ привозъ составилъ, по цѣнности, 497.533, вывозъ — 895 фунт. стерл.; судовъ въ приходѣ и отходѣ было 208, вмѣстимостью 290.318 тоннъ. Португальская таможня взимаетъ лишь по 3% съ тѣхъ товаровъ, которые проходить транзитомъ и предназначаются для Трансvalя. Покупка слоно-

вой кости прекратилась; съ 1845 года изъ Лоренсо-Маркеса не вывозятъ болѣе рабовъ¹⁾; но добровольная эмиграція чернокожихъ въ Наталь весьма значительна: пребывающій въ Лоренсо-Маркесѣ агентъ разсылаетъ подарки начальникамъ племенъ, а они, взамѣнъ этого, даютъ позволенія на эмиграцію известному числу молодыхъ людей, которые затѣмъ, по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ, возвращаются въ край съ небольшою суммою денегъ²⁾.

Къ югу отъ бухты, территоія населена племенемъ ама-тонга, входящимъ въ составъ той же самой группы, какъ и прибрежные жители лагунъ Санта-Лючи и, не взирая на проведенные дипломатами границы, признающій тѣхъ же начальниковъ. Европейскихъ поселеній на южномъ берегу бухты не существуетъ. На сѣверѣ берега бухты окаймлены дюнами въ опасны для судовъ, а устья рѣкъ Манисы (Нкомати) и Лимпопо трудно доступны; однако, нѣсколько индусовъ баніановъ, занимающихся по преимуществу ввозомъ водки, основали свои поселки на обѣихъ рѣкахъ, и барки подавляются вплоть до ихъ факторій. На Лимпопо такая факторія основана въ Манджобѣ, на южномъ пункѣ судоходства по рѣкѣ; крааль Манджоба отстоитъ отъ моря на разстояніи 130 километровъ, и до этого мѣста доходитъ морской приливъ. Торговцы вывозятъ въ особенности кожу, каучукъ и пчелиный воскъ³⁾. Европейцы не основали ни одного поселенія ни на рѣкѣ, ни на сосѣднемъ морскомъ берегу, единственными жилищами, разсѣянными по лѣсамъ и саваннамъ, являются краали туземцевъ племенъ ма-гуамба или ма-лойо. Эти туземцы, принадлежащіе къ великому семейству ама-тонга или ба-тонга, весьма искусны въ разныхъ ремеслахъ, и тѣ ихъ общины, которые избѣгли набѣговъ зулусовъ, свидѣтельствуютъ о высокой степени самородной цивилизаціи. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что на лойо большие курильщики конопли.

Глава VIII Инхамбанэ, Софала, страна Газа.

Португальська владѣнія между рѣками Лимпопо и Замбезе.

Береговые бассейны, слѣдующіе одинъ за другимъ съ юга на сѣверъ, между устьемъ Лимпопо и устьемъ Замбезе, не особенно обширны. Самый большой изъ нихъ, бассейнъ р. Саби, вдается, однако, внутрь материка

слишкомъ на 500 километровъ; но дальше, за этимъ бассейномъ, притоки Лимпопо и притоки Замбезе переплетаются своими истоками, такъ какъ покатости этихъ второстепенныхъ рѣкъ лимпопского и замбесского бассейновъ

¹⁾ D. Fernando das Neves, „Hunting Expedition to the Transvaal“.

²⁾ De Hubner, „A travers l'Empire Britannique“.

³⁾ Chaddock, „Exploration du Limpopo, Societ e Sechaloteoise de G ographie“, 16 мая 1885 г.

только отчасти разграничены гористымъ водораздѣломъ. Пространство этого берегового пояса до горъ въ странахъ Ма-Тебалэ и Ма-Шона, можетъ быть приблизительно исчислено въ 280.000 квадр. километровъ; что же касается числа жителей, то путешественники, хотя и не приводятъ положительныхъ данныхъ въ доказательство истины своихъ словъ, но тѣмъ не менѣе согласно показываютъ, что вѣроятное населеніе этой страны, юго-восточной части бывшей имперіи Моноцотапа, достигаетъ 500 тысячъ человѣкъ. Не считая португальскихъ офицеровъ и купцовъ, посѣдавшихъ внутренніе округа ранѣе девятнадцатаго вѣка, изъ числа изслѣдователей страны Газа и сосѣднихъ областей должны быть упомянуты: Mauch, Erskine, Vood, Kuss, Cardoso, Paiva d'Andrade, d'Almeida, Browne и O'Donnell. Но за этими отважными пionерами толпой слѣдовали другие путешественники въ большомъ числѣ. Нынѣ экспедиціи, отправляющіеся изъ горно-промышленныхъ городовъ Трансваля, обходять край Газа во всѣхъ направлениихъ, изучая его горы и рѣки, разыскивая песчинки золота какъ въ кварцевыхъ породахъ, такъ и въ наносныхъ земляхъ плоскихъ береговъ, чтобы узнать, насколько вѣрны португальская преданія о металлическихъ скопищахъ страны ¹⁾.

Горы, образующія въ Наталь, въ странѣ зулусовъ и въ португальской провинціи Лоренсо-Маркестъ, закраину плоскогорія на западѣ прибрежной области, не продолжаются отъ Лимпопо на сѣверъ правильною цѣпью. Подъемъ прибрежья къ высокимъ внутреннимъ землямъ не прерывается вдругъ каменнымъ валомъ, но совершается незначительными уступами, или даже нечувствительно черезъ степи и лѣса. Нѣсколько уединенныхъ массивовъ высятся среди равнинъ: таковъ массивъ, около которого рѣка Саби описываетъ обширный полукругъ и который кафрскій властитель Газы избралъ крѣпостью для основанія своего края. На этой группѣ горъ, называемой Утаби новѣйшими изслѣдователями ²⁾, высятся три главныя вершины: Убири, Сипумгамбили и Силинди, представляющая утесы изъ порфира, траппа и базальта, и имѣющія около 1.200 метровъ высоты. Проточная воды, вырывшія себѣ русло въ живой скалѣ, разрѣзали массивъ на нѣсколько отрывковъ, къ которымъ во многихъ мѣстахъ весьма труденъ доступъ, по причинѣ крутизны стѣнъ и густой высокой травы, чрезъ которую лишь съ большимъ трудомъ можно проложить путь. Однако, три высшихъ пика одѣты лѣсами, гдѣ можно легко проходить по газону между стволами деревьевъ.

¹⁾ H. E. O'Neill, "Proceedings of the R. Geographical Society", Августъ, 1887.

²⁾ Browne and O'Donnell, "Scottish Geographical Magazine". Ноѣбрь, 1887.

По Erskine'у, верховыи долинамъ р. Бузи, берущей свое начало въ этихъ горахъ, суждено современному стать центромъ европейской колонизаціи и культуры: воздухъ тамъ превосходный, и вполнѣ подходящую почву находить для себя какъ сахарный тростникъ, такъ и кофейное дерево.

На сѣверѣ эти горы прислоняются къ плоскогорію изъ краснаго и бѣлаго песчаника, высотою приблизительно въ 1.000 метровъ, а при посредствѣ нѣсколькихъ высотъ соединяются съ краемъ Сота Тонга, вершины котораго достигаютъ, вѣроятно, 1.500 метровъ: одна изъ нихъ, остроконечная, названа туземцами Гунда-Иньянга, т. е. «задѣвающая луну». Къ западу отъ р. Саби, гранитныя горы, покоясь на болѣе возвышенномъ плоскогоріи, средняя высота котораго превосходитъ 1.200 метровъ, имѣютъ менѣе величественную виѣшность: большую частью это лишь простыя приподнятія почвы, отдѣленныя одно отъ другаго широкими углубленіями, въ которыхъ воды скопляются въ озера и болота: тѣмъ не менѣе и тамъ, въ цѣпи Матоппо, виднѣются гранитные куполы высотой въ 1.700 метровъ, и нѣкоторые изъ гребней причудливо разрѣзаны на пирамиды и обелиски. Далѣе, возвышенные массивы, расположенные по линіи водораздѣла между притоками Лимпопо и Замбезе, тянутся къ сѣверу отъ истоковъ Саби и въ косвенномъ направлениѣ къ побережью округа Софала. Самый высокій изъ этихъ массивовъ, надъ которымъ господствуетъ гора Доэ, достигающая по Kuss'у 2.400 метровъ высоты, похожъ болѣе на плоскогоріе, чѣмъ на группу горъ: это—область Маника (Manica), прославившаяся своими золотыми рудниками. Средняя высота ея гранитной массы не менѣе 2.000 метровъ, а командующія надъ этой массою вершины образуютъ лишь холмы или куполы, съ отлогими откосами. Къ востоку отъ горъ Маника, водораздѣль между Замбезе и небольшими потоками, весущими свои воды въ море, представляется въ видѣ однообразной равнины, прерываемой на извѣстныхъ разстояніяхъ нѣсколькими гранитными куполами, круто поднимающимися среди равнины; затѣмъ, къ югу отъ водораздѣльной линіи, возвышается, на-подобіе цитадели, сіerra Горонгоза, виѣшние склоны которой чрезвычайно круты: самая высокая ея гора, Миранга, превышаетъ двѣ тысячи метровъ. Этотъ уединенный массивъ, состоящий какъ и массивъ Маники, изъ гранита, покрытъ въ своей верхней части великколѣпными лѣсами, являющими рѣзкій контрастъ съ окрестными пространствами, усыпанными тощимъ кустарникомъ ³⁾.

Самая большая рѣка страны Газа, Саби,

³⁾ Kuss, "Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 2-й trimestръ, 1882.

собираетъ свои воды съ обширной пло-
щади, простирающейся съ юго-запада на съ-
веро-востокъ, отъ горъ Ма-Тебеле до массива
Маники. Главный ея истокъ находится въ
землѣ племени машона, на высотѣ тысячи ме-
тровъ. Первые верховыя воды рѣки направ-
ляются сначала на югъ; но затѣмъ, пройдя
область возвышеностей, она, въ разстояніи
болѣе трехсотъ километровъ отъ океана, тек-
четь по равнинѣ прямо на востокъ. Въ сезонѣ
дождей Саби представляетъ мощный потокъ
воды: ея ложе простирается въ ширину на два
или на три километра, а теченіе столь стре-
мительно, что суда не могутъ подниматься
вверхъ. Съ наступленіемъ же сезона жаровъ,
уровень на рѣкѣ понижается, и ложе ея бы-
стро съуживается: ширина рѣка становится
всего метровъ въ тридцать, а глубина по сре-
динѣ русла бываетъ не болѣе полуметра. И,
однако, дельта Саби весьма значительна; даже
безъ протоковъ соединихъ рѣкѣ, на югъ—Га-
булу, на съверѣ—Горонгози, которые можно
разсматривать какъ принадлежащіе къ той же
гидрографической системѣ,—морская кривая
дельты протянулась по крайней мѣрѣ на сто
километровъ, а площадь всей территории, по
которой развѣтвляются ея рукава, превышаетъ
двѣ тысячи кв. километровъ. Въ сухое время
года эти рукава превращаются въ морскіе
каналы: солености ихъ воды свидѣтельствуютъ
корнепуски, произрастающіе на обоихъ берегахъ.
Рѣка Бузи, изливающаяся въ океанъ въ
небольшомъ разстояніи къ съверу отъ Софалы,
не столь многоводна, какъ Саби; тѣмъ не менѣе,
неглубоко сидящія барки могутъ подни-
маться болѣе, чѣмъ на сто километровъ отъ
устыя¹⁾). Рѣка Пунгве или Аруангва, проте-
кающая еще съвериѣ, въ своемъ нижнемъ
теченіи тоже судоходна для судовъ съ осад-
кою въ два метра; но многіе другіе рѣчные
потоки страны, питаемыя ручьями, бѣгущими
съ горъ, не достигаютъ океана: песчаные бары
запираютъ входъ въ ихъ устья.

Большое «Мозамбикское теченіе», выходящее
изъ Индійского океана между Мадагаскаромъ
и материкомъ, чтобы направиться къ антарк-
тическимъ морямъ, ударяется о наидалѣе вы-
двинутый мысъ, вполнѣ заслуживающей свое
португальское наименование: cabo das Correntes,
такъ какъ касающійся берега въ этомъ
мѣстѣ потокъ постоянно движется на юго-юго-
западъ со скоростью отъ 1.800 метровъ до
 $3\frac{1}{2}$ километровъ въ часъ. Но, подобно тому,
какъ къ югу отъ упомянутаго мыса, вдоль
берега Тонгаленда, къ востоку отъ пляжей
Санта-Лючіи и бухты Делагоа, происходитъ
противотеченіе, такъ точно обратное теченіе,
водъ касается берега материка и къ съверу
отъ мыса Correntes; на существованіе его

¹⁾ Browne and O'Donnell, „Scottish Geographical Magazine“, ноябрь 1887.

здесь указываетъ форма песчаныхъ стрѣлъ
и прибрежныхъ острововъ, которые вѣ
удлинены по направлению къ съверу или съ
съверо-съверо-востоку, въ обратномъ напра-
влении къ тому теченію, которое движется мо-
ристѣ, въ Мозамбикскомъ каналѣ. Въ не-
глубокихъ бухтахъ, отдѣляющихъ материкъ
отъ ряда острововъ, называемыхъ Базаруто,
туземцы ловятъ жемчужныхъ раковинъ, кото-
рыхъ они заставляютъ раскрываться, подо-
грѣвая ихъ на огнѣ; отъ такого приема же-
чужины портятся, и цѣнность ихъ уменьшаетъ-
ся. На берегахъ края Газа проявляютъ свою
дѣятельность также полипы; коралловый мелъ
во многихъ мѣстахъ побережья дѣлаютъ плав-
аніе опаснымъ, и большинство острововъ хотя
покрыты дюнами, придающими имъ гористый
видъ, покоятся на коралловомъ фундаментѣ.

Климатъ Газского края не одинаковъ въ
низменной приморской его полосѣ и на терра-
сахъ внутри материка. Вѣтры, дующіе почти
всегда съ моря—съ съверо-востока, съ восто-
ка, съ юго-востока или съ юга¹⁾—не приво-
сять дождей на приморскую область; густыя
облака, поднимающіяся съ водъ въ сезонѣ
дождей, т. е. когда солнце близко къ зениту,
съ ноября по мартъ, разбиваются только тогда,
когда ударяются о выступы внутреннихъ воз-
вышеностей. Рѣдко дожди выпадаютъ во вре-
мя вѣянія нормального юго-восточного вѣтра,
но какъ только это правильное воздушное
течение смынется другимъ вѣтромъ, столкнове-
нія теченій имѣютъ слѣдствіемъ грозу и силь-
ные ливни²⁾). На этихъ высотахъ измѣненія
температуры весьма рѣзки: жары, въ особен-
ности передъ сезономъ дождей, невыносимы;
но южные вѣтры приносятъ также холода, и
иногда приходится испытывать на протяженіи
нѣсколькихъ часовъ разность температуръ, до-
ходящую до 30° или даже 35° Ц.

Благодаря изобилию водъ, область плоского-
рій весьма плодородна, и тамошніе лѣса пред-
ставляютъ большое разнообразіе древесныхъ
породъ, тогда какъ въ равнинѣ растительность
рѣдка; флора тамъ гораздо менѣе богата, чѣмъ
фауна. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ юга, дѣ-
ревья, мелкія и рѣдко стоящи, всѣ, живыя и
мертвые, подернуты сѣрымъ мхомъ, придав-
шимъ имъ фантастический видъ³⁾). Въ нѣкото-
рыхъ газскихъ лѣсахъ, также какъ по бер-
егамъ средняго теченія Замбезе, преобладаетъ
мопане, большое дерево съ пахучими сѣмена-
ми, дающее мало тѣнѣ путникамъ, таѣзъ какъ
его листья приподняты въ видѣ крыльевъ
бабочки въ покой⁴⁾). Приморскій берегъ въ
собственномъ смыслѣ этого слова представляетъ

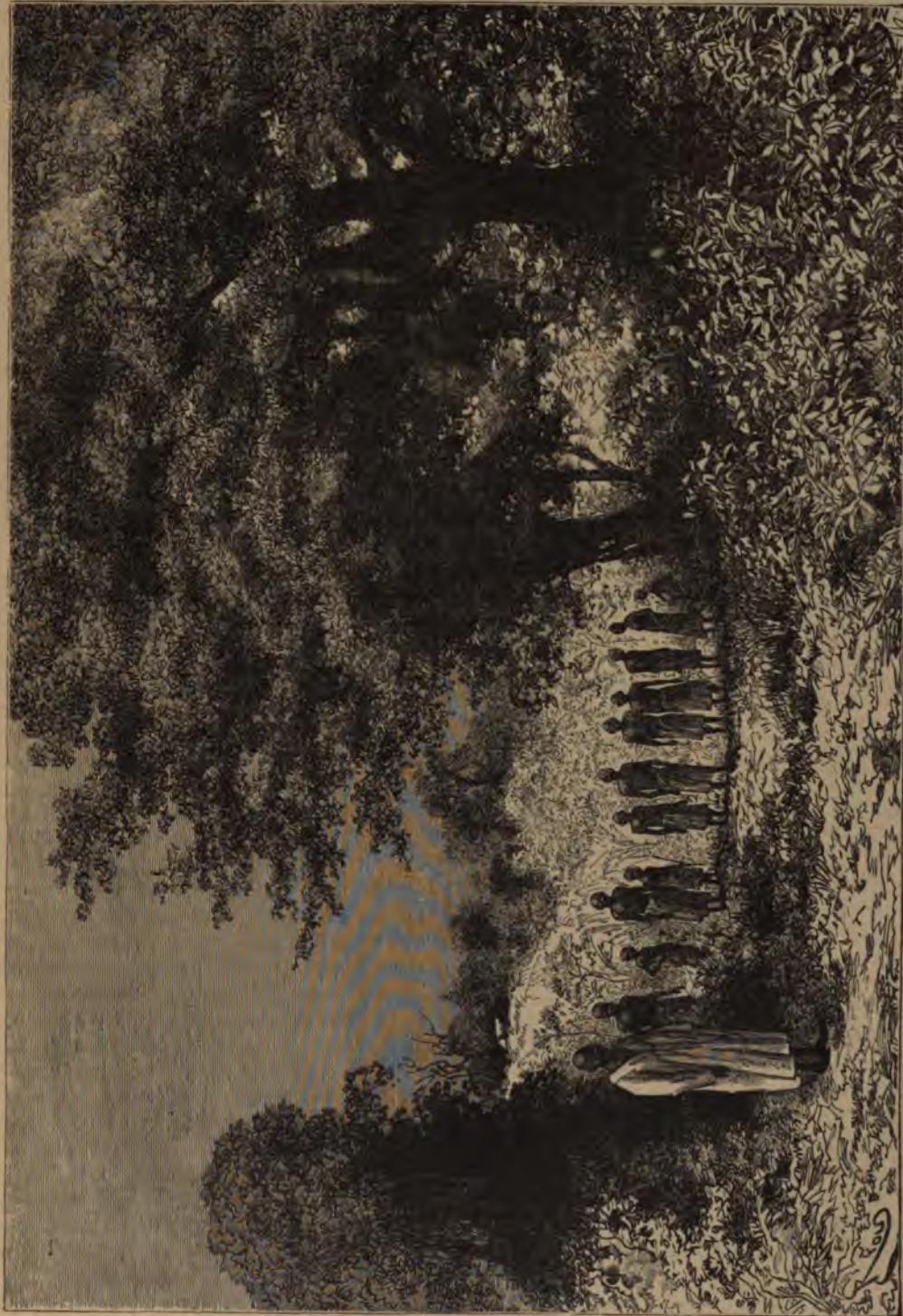
¹⁾ L. Braut „Mer des Indes. Cartes de la direction et de l'intensit  probable des vents“

²⁾ Thomas, „Eleven Years in Central South Africa“.

³⁾ Richards, „Afrique explor e et civilis e“, April 1885.

⁴⁾ Coillard; Holub и т. д.

безплодную песчаную полосу; внутри страны, почва, состоящая изъ красноватаго песка, болѣе плодородна и на хорошо-орошеныхъ земляхъ даетъ прекрасные урожаи; впрочемъ, такой странѣ жители должны бы селиться по берегамъ рѣкъ, гдѣ есть необходимая для воздѣлываемыхъ растеній вода, а между тѣмъ берега пустыны: большая часть племенъ, же-

Пейзажъ въ бассейнѣ Лу-Дженнѣ.

такія мѣстности рѣдки, а лужи, скопляющіяся въ углубленіяхъ почвы во время проходящихъ дождей, вскорѣ изсыхаютъ. Почти на всемъ пространствѣ равнинъ саванны чередуются съ кустарникомъ и колючими деревьями. Въ

лая избѣжать слишкомъ частыхъ посыщений своихъ зулусскихъ властелиновъ, удалились въ глухія трудно-доступныя мѣстности. Такъ какъ туземцамъ приходится испытывать недостатокъ въ водѣ, то они пріобрѣли большой на-

въкъ въ отысканіи малъйшаго резервуара, гдѣ бы просачивалось иѣсколько капель; они знаютъ всѣ лѣсныя растенія, ягоды или листья которыхъ водянисты; въ особенности ими пѣнится каучуковая ліана, *inbounga*, плодъ которой утоляетъ жажду. Какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Африки — наприм. въ Фазоглѣ, въ нильскомъ бассейнѣ, и на плоскогоріи, населенномъ племенемъ квиссама, на западномъ морскомъ берегу Африки, — въ Газскомъ краѣ тщательно пользуются для образованія цистернъ дуплами въ стволѣ баобаба. Эти дупла расширяютъ и углубляютъ при помощи топора и огня, такъ что весь стволъ дерева превращается какъ бы въ наземный колодезь; но для наполненія такихъ колодцевъ не всегда бываетъ достаточно зимнихъ дождей; вода въ нихъ мало-по-малу портится и, наконецъ, изсякаетъ; въ такихъ случаяхъ жителямъ приходится покидать свои тайники и отправляться на кочевку по берегамъ рѣкъ.

Тамъ, гдѣ населеніе рѣдко, фауна, избавленная отъ человѣка, ея врага по преимуществу, богата видами и особенно животныхъ. Слоны еще весьма многочисленны въ Газскомъ краѣ; гиппопотамы во множествѣ рѣзвятся въ рѣкахъ; крокодилы изобилуютъ; антилопы пасутся въ долинахъ, а буйволы, стадами, живутъ въ гористой области. Гиены и въ особенности леопарды весьма страшатъ пастуховъ. Erskine проѣзжалъ по мѣстностямъ, гдѣ леопарды до того дерзки, что женщины едва осмѣливаются работать въ своихъ садахъ даже среди бѣла дня; хижины же приходится ограждать снаружи при посредствѣ колъевъ, переплетенныхъ ліанами. Что касается льва, то онъ вообще не нападаетъ на человѣка; туземцы, къ тому же, не очень жалуются на его присутствіе, такъ какъ отъ его присутствія часто перепадаютъ остатки въ видѣ половины буйвола или антилопы. Во многихъ округахъ самыми опасными животными оказываются всякаго рода терmitы, которые нападаютъ на растительность и дѣлаютъ невозможной какую-либо культуру: приходится предоставлять край въ ихъ владѣніе. Домашнія животные не могутъ совершать переходы чрезъ низменныя равнинны, либо потому что тамъ свирѣпствуетъ муха цеце, либо по причинѣ присутствія какого-то «таинственного яда» въ воздухѣ¹⁾). Путешественники, желающіе проникнуть со своими животными на плоскогорія Газского края, должны прибывать въ него съ западной стороны, чрезъ территорію племени ма-тебэлэ или ма-шона.

Берега около Софалы, быть-можетъ, были посѣщаемы уже древними мореплавателями:

¹⁾ Saint-Vincent Erskine, „Journal of the R. Geographical Society“, 1875.

флоты финикианъ, какъ полагаютъ, доходили до этихъ пространствъ восточныхъ морей Африки. Здѣсь именно, по мнѣнію многихъ авторовъ, находился тотъ Офиръ, откуда Соломуону привозили золото, драгоценныя деревья и жемчугъ; но, по мнѣнію другихъ истолкователей Библіи, Индія, острова Индійскаго океана тоже были Офиромъ: такъ какъ о мѣсто-нахожденіи этой земли золста не существуетъ никакихъ географическихъ свѣдѣній, то можно поддерживать всякія гипотезы. Какая бы изъ нихъ ни оказалась вѣрной, несомнѣнно, что Газскій край посѣщался цивилизованными чужестранцами уже гораздо раньше прибытія португальцевъ на восточный берегъ Африки, такъ какъими, т. е. португальцами, были найдены тамъ развалины построекъ, по своей архитектурѣ значительно превосходящихъ туземное строительное искусство: въ воображеніи португальцевъ эти зданія казались остатками тѣль магазиновъ, которые были возведены царицей Савской для храненія золота, предназначенаго на уплату дани Соломуону. О существованіи этихъ памятниковъ не забыли со временемъ первыхъ португальскихъ путешественниковъ, однако, многие исследователи ихъ искали тщетно: первый, кому удалось (въ 1871 г.) отыскать эти знаменитыя развалины, былъ геологъ Carl Mauch. Развалины оказались расположенными около западнаго притока Саби, въ 300 километрахъ къ западу отъ города Софала, и представляютъ остатки двухъ крѣпостей, построенныхъ изъ гранита на двухъ холмахъ, лежащихъ вблизи другъ друга: изъ крапивы выступаетъ еще башня, вышиною около 10 метровъ. Mauch полагаетъ, что эти военные постройки охраняли окрестный копи. Название «Zimbaoé», данное имъ португальцами, и «Zimbabyé», употребляемое туземцами донынѣ, означаетъ «королевскую резиденцію». Рисунки, начертанные ромбы, изъ гранитѣ развалинъ и изображающіе круги, параллельныя линіи и цвѣтки, довольно схожи съ украшеніями на кафской мебели. Возможно, слѣдовательно, что между нынѣшними обладателями Газскаго края и строителями Zimbabyé существовало вѣкоторое расовое родство; но, съ другой стороны, единогласно высказываемое туземцами преданіе гласить, что въ «Резиденціи» обитали «умѣющіе все дѣлать» бѣлые люди. Можетъ-быть, знаменитый Беноматапа, т. е. императоръ Мономотапа, или, другими словами, муэнэ Мотапа, т. е. «священный правитель» — повелѣвавшій всѣмъ народамъ въ странѣ во времена прибытія португальцевъ на восточный берегъ Африки — былъ преемникомъ тѣхъ королей, которые возвели форты Zimbabyé и другія постройки, разбросанные по плоскогорію, посреди лѣсовъ; возможно также, что жертвы, которыхъ окрестные чернокожіе приносятъ духамъ въ оградѣ

развалинъ, представляютъ лишь традиціонное продолженіе тѣхъ великихъ празднествъ, которыя вѣкогда справлялись могущественнымъ государемъ: Mauch—который, впрочемъ, не присутствовалъ на этихъ церемоніяхъ—полагаетъ, будто можно найти большія сходства между этими жертвоприношеніями и празднествами евреевъ. Нѣкоторыя изъ развалинъ гранитныхъ стѣнъ, около Zimbabuѣ, называются и нынѣ «алтарями»¹). Всѣ постройки, открытые въ этой области впослѣдствіи, находятся вблизи золотыхъ рудниковъ²).

Съ половины 16-го столѣтія, португальцы имѣли поселенія на этомъ берегу моря, провольственные пункты для кораблей на ихъ долгомъ пути изъ Лиссабона въ Гоа. Много разъ предпринимались ими экспедиціи также и внутрь страны, именно въ горно-промышленную область Маники, о каковомъ пребываніи ихъ вдали отъ поморья свидѣтельствуютъ производившіяся ими рудокопныи работы. Правда, что эта дѣятельность португальцевъ со временемъ все уменьшалась: недавно сфера ихъ вліянія ограничивалась окрестностями городовъ Инхамбана, Шилоана и Софала; но нынѣ они снова дѣятельно занялись территоію, присужденную имъ общимъ согласіемъ европейскихъ государствъ, и нѣть никакого сомнѣнія, что дѣятельность ихъ увѣнчается успѣхомъ, благодаря косвенному содѣйствію, доставляемому имъ переселенцами, миссіонерами, купцами и искателями золота. Однако, истиннымъ властителемъ страны все еще является кафрскій король Газы, принадлежащий къ семейству зулусского воина Маникусса, который, вмѣстѣ съ 30 тысячами товарищѣй, избѣгъ въ 1830 году покоренія грознымъ Тшакой и, бѣжавъ, подобно племени ма-табелѣ, въ направлениі къ сѣверу, основалъ тамъ новую державу. Территорія, жители которой платятъ дань Газскому королю, ограничена съ юга, не-подалеку отъ Лоренсо-Маркеса, рѣкою Нкомати, притокомъ Маниссы, хотя часто Нкомати и смѣшивали съ самою Маниссой; на сѣверъ территоія продолжается вплоть до Замбезе, а на западъ—до королевства племени ма-табелѣ. Политическій центръ государства находится въ цитадели тѣхъ горъ, где зарождается р. Бузи. Недавно крааль, въ которомъ пребывалъ король, былъ въ Тшама-тшама, въ верхней долинѣ Умъ-Суэлизы или Верхней-Бузи; съ тѣхъ поръ, королевскій дворъ уже два раза перемѣщался въ другія области горъ.

Газскіе зулусы обыкновенно называются: умгони—южными населеніями, и ландинами—португальцами. Имѣя свои становища вблизи королевской резиденціи, они образуютъ пра-

вильное войско, раздѣленное на батальоны и полки, содержимые въ строгости вождями, или индуана, пытающимися сохранить предавія той тактики, которой слѣдовали ихъ побѣдоносные предки. Однако, это войско изъ главенствующаго племени, будучи безконечно слабо числомъ въ сравненіи съ численностью подвластныхъ ему племенъ, можетъ господствовать только посредствомъ страха; и, дѣйствительно, появляясь то тамъ, то сямъ, оно опустошаетъ поля и забираетъ припасы и скотъ. Какъ всегда, такое завоеваніе влечетъ за собою обѣднѣніе края и упадокъ цивилизаціи. Скипетромъ государей уже не служить, какъ это вѣкогда было у императора Мономотапа, мотыка¹); они повелѣваютъ нынѣ посредствомъ мечта. Племена, вѣкогда бывшія осѣдлыми, превратились въ орды кочевниковъ, покидающія свои поселки и воздѣланныя поля, какъ только приближается королевское войско. Разработка копей имъ запрещена, дабы они не обогатились²), а охота на слона не дозволяется потому, что это—благородное занятіе, и рабы не должны равняться съ своими владыками. Нѣкоторыя изъ племенъ перестали держать скотъ; племя ма-нданда, населяющее равнину къ югу и къ юго-востоку отъ горъ резиденціи, стало разводить собакъ съ тою цѣлью, чтобы угнетатели оставляли бы имъ хотя это презираемое мясо. Недавно политика короля по отношенію къ европейцамъ была крайне опасливая: онъ разрѣшалъ имъ охоту или торговлю, но опредѣлялъ, по какимъ дорогамъ они должны проходить и изъ какихъ мѣстахъ останавливаться, а также вымогалъ подарки; въ 1872 году онъ заставилъ англичанина Erskine'a два съ половиною мѣсяца ожидать аудіенціи, хотя этотъ путешественникъ былъ политическимъ посломъ отъ Натальскаго правительства, и о присылкѣ его просилъ самъ же Газскій король. Въ наши дни, образъ дѣйствія этого государя измѣнился: неминуемость опасности побуждаетъ его къ большей снисходительности къ посламъ, миссіонерамъ и рудокопамъ. Не чувствуя себя уже довольно сильнымъ для того, чтобы не бояться того, кто вскорѣ станетъ его властелиномъ, онъ—правда, послѣ попытки къ сопротивленію—сталъ формальнымъ вассаломъ португальского правительства и обязался исполнять приказанія резидента, назначаемаго лиссабонскими министрами.

Первонасельники этой страны обыкновенно известны подъ именемъ тонга, хотя они и отличаются отъ ама-тонговъ поморья, обитающихъ къ югу отъ бухты Делагоа. Въ большинствѣ они, кажется, родственны ба-сутамъ, на которыхъ походить наружностью, нравами,

¹) Carl Mauch, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 37.

²) J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“, Іюнь, 1887.

¹) Adolf Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

²) „Petermann's Mittheilungen“.

миролюбивымъ характеромъ; они, какъ и басуты, склонны къ земледѣлю и скотоводству, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько имъ это позволяютъ умгони; говорятъ они языкомъ, близко подходящимъ къ ба-сускому. Всѣ эти презираемые тонги отличаются большой смѣшленностью и любознательностью; какъ только имъ удается освободиться отъ тирани зулусовъ, они тотчас же снова принимаются за воздѣльваніе почвы и за свои промышленные занятія. Большиѣ враги воинской дисциплины, они обсуждаютъ между собою свои дѣла и управляются совѣтомъ старѣйшихъ и мелкихъ начальниковъ. Ихъ круглые хижины, состоящія изъ соединенныхъ ланами кольевъ, промежутки между которыми заполнены глиною, вообще выше и лучше строятся, чѣмъ хижины зулусовъ и южныхъ кафровъ.

Тшоби, или чоби, т. е. «стрѣлки»—самые южные ба сuto въ Газскомъ краѣ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по сосѣдству съ Лимпопо, вдоль приморскихъ дюнъ, поработлены зулусами; сѣвернымъ же тшоби, также называемы португальцами миндонгами, удалось сохранить свою независимость, благодаря поддержкѣ, оказанной имъ гарнизономъ города Инхамбанэ; эти сѣверные тшоби и есть тѣ «Boa Gente», т. е. «хорошіе люди», о которыхъ говорить Васко де Гама¹⁾. Эти туземцы страшно обезображиваютъ себя, создавая на своемъ лицѣ три ряда прыщей: одинъ отъ верхнаго края лба къ корню носа, и два другихъ отъ одного уха до другаго, при чемъ одинъ рядъ проходитъ чрезъ верхнюю губу, а другой чрезъ подбородокъ; въ этомъ они походятъ на Трансваальскихъ knobnuzen'овъ. Женщины одѣваются въ родѣ тоги изъ лыка. На сѣверо-западѣ отъ тшоби, по равнинамъ кочуютъ ма-куакуа; однако, занимаемую ими территорію можно проѣхать во всѣхъ направленихъ, не примѣтивъ ихъ становищъ, спрятанныхъ въ кустарникѣ; Erskine, напр., нашелъ на пространствѣ сотни километровъ только одни покинутые краали. Несчастные ма-куакуа, оставшіе еще въ краѣ, не осмѣиваются даже воздѣльвать садовъ: до такой степени они стращатся посѣщеній своихъ братьевъ по расѣ, зулусовъ; однако, они заботливо ухаживаютъ за своими винными пальмами, небольшими деревьями, высотою всего только отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 метровъ, но дающими весьма большое количество напитка. Ма-гуаза, живущіе на западѣ и на сѣверо-западѣ отъ ма-куакуа, на берегахъ Лимпопо и его притоковъ, избѣгли посѣщеній зулусскихъ солдатъ: поэтому, они весьма многочисленны и владѣютъ большими, хорошо обработанными садами, а въ мѣстностяхъ, не наводненныхъ мукою цеце, также и стадами²⁾.

¹⁾ João de Andredo Corvo, „Estudos sobre os Provin- cias Ultramarinas“.

²⁾ Richards, „Afrique explorée et civilisée“. Аирѣль, 1885.

Ма-лонгуз или ма-ронгун, живущіе къ сѣверу отъ ма-куанца, обитають въ хижинахъ изъ коры; а за ними, по направлению къ дельтѣ Саби, край принадлежитъ племени била-кулу. Племя хленга, гораздо болѣе многочисленное, занимаетъ, на извѣстномъ разстояніи отъ по-морья, область равнинъ, простирающихся вънутри материка между долинами рѣкъ Лимпопо и Саби. Хленга—народъ лѣсной; не будучи въ состояніи воздѣльывать почву по причинѣ отсутствія воды и вслѣдствіе сосѣдства зулусовъ, они вынуждены жить исключительно сборомъ дикорастущихъ плодовъ и охотой: они отыскиваютъ дичь по слѣдамъ, на-подобіе собакъ, а, ранивъ животное, выслѣживаютъ его изо дня въ день, не упуская изъ виду ночную на кровяномъ слѣду. Они изучаютъ природу и вопрошаютъ полетъ ястребовъ, за которыми и слѣдуютъ, въ разсчетѣ принять участіе въ парашетѣ найденою ястребами мертвичною. Они весьма искусны въ разставленіи ловушекъ и, несмотря на запрещеніе всемъ тонгамъ охотиться на слова, находить средство спрятать заостренный колышекъ подъ листеннымъ покровомъ въ той мѣстности, где должно пройти животное: въ случаѣ раненія, острыя боль препятствуетъ ему продолжать путь и выдаетъ его охотнику³⁾.

Къ сѣверу отъ Саби, племена тонга, будучи подъ непосредственнымъ надзоромъ зулусовъ, ведутъ жалкую жизнь рабовъ: таковы мандада и ма-ндоуа, которые, повидимому, никогда были весьма могущественны, а нынѣ причутся въ кустарникахъ, одѣтые въ длинныя тоги, смастеренные изъ коры баобаба. Что касается туземцевъ племени ки-теви, гуа-теви или азатеви, живущихъ сѣвернѣ, неподалеку отъ горы Маника, то не представляютъ ли они потомковъ того народа китеве (Quiteve), о которомъ говорить доминиканскій монахъ Сантосъ, какъ о значительной націи, образующей центральное ядро имперіи Мономотата? Традиціи этикета, соблюдаемыя при дворѣ короля племени умгони, кажется, по большей части унаследованы отъ китеевскаго государя. Между туземцами разсѣяны группы ба-лемпа, обрѣзанныхъ негровъ, которыхъ Mandch сравниваетъ по чертамъ лица и образу жизни съ евреями: у большинства изъ нихъ глаза красные и вѣки воспалены, какъ у польскихъ евреевъ. Они живутъ въ отдаленныхъ деревняхъ и занимаются ростовщичествомъ и мелочной мѣновой торговлей, а также выдѣлываютъ желѣзную проволоку для украшений.

Въ южной части территоріи, португальцы основали лишь одинъ городъ, носящий кафровое наименованіе: Инхамбанэ⁴⁾. Городъ этотъ

³⁾ Saint-Vincent Erskine, упом. соч.

⁴⁾ Для слова inha, которыми начинаются многие наименования мѣстъ въ восточной португальской Африкѣ,

расположенъ на восточномъ берегу большой бухты, свободной отъ каменныхъ подводныхъ рифовъ и походящей на бухту Лоренсо-Маркесъ, хотя и съ меньшими удобствами для мореплавателей. Въ южной своей части заливъ этотъ съживается въ каналъ, соединяющій море съ гаванью: здѣсь-то и находится портъ, доступный лишь для судовъ съ осадкою отъ 3 до 4 метровъ. Городъ, построенный довольно хорошо, возвышается на продолговатомъ холмѣ, который при высокомъ приливѣ почти со всѣхъ сторонъ бываетъ окруженъ морскою водою. Около двухъ тысячъ жителей: бѣлыхъ, черныхъ и мѣднокрасныхъ, христіанъ, магометанъ, баніановъ и огнепоклонниковъ—населяютъ Инхамбанѣ; будучи центромъ пропаганды ислама между окрестными неграми, онъ, на-ряду съ христіанскими храмами, имѣеть также и мечеть; въ сотнѣ километровъ къ сѣверу отъ Инхамбанѣ, на прибрежномъ островѣ, видныются развалины бывшей арабской деревни. Вывозъ рабовъ и слоновой кости, нѣкогда бывшихъ единственными товарами, смѣнился отправлениемъ за границу воска, каучука, копала, орѣха коко и земляныхъ фисташекъ; въ обмѣнѣ же за эти продукты, инхамбанскіе торговцы доставляютъ туземцамъ желѣзо въ полосахъ и въ прутахъ. Пальмовая плантациі, простирающіяся болѣе, чѣмъ на 400 гектаровъ, содержать около 180 тысячъ кокосовыхъ деревьевъ; въ послѣднее время также разведены плантациі тростниковаго сахара, чайного и хиннаго деревьевъ. Весьма важно развивать земледѣльческую культуру въ окрестностяхъ Инхамбанѣ и получать продукты для созданія мѣстной торговли, такъ какъ Инхамбанскій портъ, будучи окруженъ пустынями, оказывается на гораздо большемъ, чѣмъ Лоренсо-Маркесъ, разстояніи отъ земледѣльческихъ и горно-промышленныхъ областей внутри страны, отъ которыхъ его отдѣляютъ долина р. Лимпопо и обширная, почти необитаемая равнина, гдѣ муха цеде умерщвляетъ скотъ. Въ 1834 году Инхамбанѣ былъ взятъ кафрами или ландинами, и даже недавно можно было ожидать новыхъ нападеній.

Къ сѣверу отъ бухты Инхамбанѣ, небольшіе португальскіе порты охраняютъ морское побережье; одинъ на островѣ Базаруто, гдѣ производится ловъ, впрочемъ, незначительный, перламутровыхъ раковинъ и голотурій, а другой на островѣ Шилоанз, мѣстѣ ссылки, въ болотистой дельтѣ р. Саби: здѣсь окрестные солоноватые каналы-протоки населены гиппопотамами. Въ прежнее время, чаще всего посыпаемая газская гавань находилась въ рѣчнаго бассейна, на низменномъ берегу залива, далеко вдающагося внутрь земель: это рейдъ

представляютъ просто ту согласную, которую испанцы изображаютъ буквою п. („Boletim da Sociedade de Moçambique“. 1881. № 5).

города Софала, къ сожалѣнію, недоступныій для судовъ съ большою водоизместимостью. Португальцы, основавшіе въ этихъ мѣстностяхъ свое первое поселеніе между рѣками Лимпопо и Замбезе, полагали этимъ возстановить соломоновскій городъ Офиръ и произвели отъ этого имени название своей крѣпости, отъ которой одна башня сохранилась еще до сихъ поръ; точно также рѣка Саби была названа, по ихъ мнѣнію, въ честь царицы Савской. Раньше открытія превосходнаго порта Банггу—образуемаго устьемъ р. Понгуга или Аруангуа¹⁾—Софала, центръ нынѣ уже слабѣющей торговой дѣятельности, представлялъ ту выгоду, что былъ ближайшимъ приморскимъ портомъ какъ къ массиву горъ, гдѣ проживали умгони, такъ и къ плоскогорью Мавики, прославившемуся своими золотыми розсыпями; песчинки золота находили даже въ пескѣ пляжа около города Софала.

Геологи, посѣтившіе Манику, еще не открыли ни скалъ гранитнаго массива, гдѣ находится золотоносная жила, ни залежей драгоценныхъ камней, откуда женщины добываютъ себѣ чудныя вставки для серегъ. Долина, пески которой эксплоатируютъ путемъ промыванія, находится въ южной части горъ: буровыя скважины, глубиною отъ 5 до 6 метровъ, вырытыя въ наносныхъ земляхъ и превосходно сохранившіяся, напоминаютъ о португальскихъ разработкахъ, которымъ, впрочемъ, предшествовали еще болѣе раннія работы, принесынныя преданіемъ какому-то «блѣому народу, съ длинными черными волосами»²⁾; около мѣстечка Массикесса, которое было столицею провинціи, также видны кое-какія развалины древняго города, уже покинутаго въ концѣ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе «справедливыхъ репрессалій» возставшихъ туземцевъ³⁾, и разрушенаго, затѣмъ, зулусами. Послѣдніе перебили большую часть жителей и запретили возобновленіе горнопромышленныхъ работъ. Для разработки снова этихъ копей, а также для возстановленія имѣвшій важное значеніе «Маникской ярмарки», проходившей въ Массикессѣ, составилась «Офирская компания»; но, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, пески долины Маники содержать золота немного—въ среднемъ, на кубическій метръ не болѣе полуграмма⁴⁾. Будущее богатство края заключается въ плодородіи его долинъ, такъ какъ ни въ какой области Южной Африки нѣть земель, лучше орошеныхъ и болѣе плодородныхъ. «Въ Маникѣ не извѣстны ни засухи, ни плохіе урожаи».

¹⁾ C. Paiva de Andrade, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landus“.

²⁾ Chauncy Maples; — L. Cordeiro, — O’Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1887.

³⁾ Fr. Maria Bordal, „Ensaios sobre a Estatistica das Possessões Portuguezas no Ultramar“.

⁴⁾ Kuss, упом. соч.

Regulo, т. е. «царекъ» негритянскій, пребываетъ въ Мулассѣ, на сѣверо-западѣ массива; будучи вассаломъ португальского правительства, онъ находится подъ наблюденiemъ сартао-тога, который помѣстилъ свой маленький гарнизонъ въ природной крѣпости Маскарѣ, расположенной на громадномъ, съ вертикальными стѣнками, утесѣ, доступномъ только по головокружительной тропинкѣ. Три тысячи ландиновъ тщетно пытались взять ее приступомъ: на нихъ скатывали большие камни, которые и раздавили большое число нападавшихъ¹⁾. Главный городъ обширного округа, называемаго Маника и Китеве, недавно основанъ въ горахъ сьерры Горонгозы, въ семнадцатомъ году Инхангу, называемомъ *Villa Gonçalo* по имени, которое туземцы даютъ *capitão* тогу. Нѣкогда окрестныя горы были совершенно пустыни; нынѣ онѣ заселяются, и роты дисциплинированныхъ ландиновъ правительство употребляетъ уже для защиты этого нового приобрѣтенія Португалии отъ ихъ же соотечественниковъ. Кромѣ того, бывшее королевство Баруэ, завоеванное цѣликомъ «капитанъ-майоръ» Маники, стало его личною собственностью, и все выгоды отъ мѣстной торговли вскому и другими продуктами принадлежатъ исключительно ему²⁾.

Глава IX

Бассейны рекъ Замбезе и Ку-Банго.

I. Общий взглядъ.

По длине теченія, пространству своего бассейна и объему своей жидкой массы, Замбези или Замбезе—четвертая река Африки, послѣ Конго, Нигера и Нила. Но какъ ни значительна эта река, она, вѣроятно, есть лишь остатокъ прежняго гораздо болѣе могучаго потока водь. Изливавшіяся въ нее, на западѣ и юго-западѣ, многоводныя реки уже перестали его достигать; между центральнымъ и второстепенными бассейнами выступили водораздѣльные пороги; образовались водные площади, которыя уже не имѣютъ истока, а только испаряются. Однако, если съ гидрологической точки зрѣнія единства страны уже не существуетъ, то въ геологическомъ отношеніи, оно тѣмъ не менѣе очевидно, такъ какъ Ку-Банго и Замбезе принадлежатъ къ одной и той же покатости, какъ это было давно уже доказано португальскими изслѣдованіями, предшествовавшими изысканіямъ Ливингстона. Но виѣ Португалии эти путешествія оставались неизвѣстными большинству географовъ, такъ что собственно открытиемъ верхняго теченія Замбезе мѣръ обязанъ Ливингстону. По его слѣдамъ ходили многие другіе путешественники, особенно португальцы, Серна Пинто, Britto Capello и Ivens, Hermengildo Capello, усердно занимались изслѣдованіемъ этой страны, которая, въ раздѣлѣ Африки, заранѣе присваивается ихъ

отечеству, отъ «берега до берега», т. е. отъ Атлантическаго океана до Индійскаго, и которая на картахъ этихъ путешественниковъ изображается,—быть-можетъ, на очень значительномъ протяженіи—какъ будущая Африканскія Португалия³⁾.

Научное завладѣніе данными странами, предшествовавшее политическому ихъ присоединенію, совершилось отчасти путемъ Замбезе; но эта река,—менѣ глубокая, менѣ широкая, чѣмъ Конго, и въ особенности болѣе преграждаемая въ своей средней долинѣ водопадами,—можетъ служить дорогой для изслѣдователей только въ небольшой части своего теченія; равнымъ образомъ гораздо незначительнѣе, по сравненію съ Заирою, и развитіе судоходства, пути для которого доставляютъ притоки Замбезе. Замбескій бассейнъ уступаетъ также бассейну великой экваторіальной реки и естественными богатствами; въ немъ менѣ воды, растительность менѣ разнообразна, населеніе сравнительно малочисленнѣе, хотя, конечно, есть отдельныя плодородные округи, густо населенные. Въ общемъ, бассейны Замбезе Ку-Банги и другихъ рекъ той же покатости представляютъ область, равную приблизительно двумъ миллионамъ квадратныхъ километровъ. Что же касается численности ея населенія, то, по произведеніямъ, далеко, впрочемъ, не точнымъ, она достигаетъ четырехъ или пяти миллионовъ человѣкъ, между которыми бѣлыхъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ *As colonias Portuguezas*, 1885.

²⁾ А. А. d'Olivera, *Carta da Africa meridional Portugueza*. 1886. Escala 1:6.000.000.

проживающими въ Quelimane, быть-можеть, наберется до двухъ тысячъ Обезлюдение этихъ богатыхъ странъ, гдѣ было бы привольно даже и двумъ стамъ миллионамъ людей, объясняется тѣми истребительными войнами, которыя велись во многихъ округахъ даннаго края. Вотъ относящіяся сюда приблизительныя числовыя данныя:

	Поверхность.	Вѣроятное кв. кил.	Нас. из населеніе.	1 килом.
Бассейнъ Замбезе.	1.235.000	4.000.000	3,2	
Ку-Банго и озеръ	785.000	500.000	0,6	
Всего .	2.102.000	4.500.000	2,1	

Восточная покатость Африки, въ сопредѣльныхъ бассейнахъ рѣкъ Ку-Банго и Замбезе, начинается въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ Атлантическаго океана; верхніе истоки Ку-Банги или Окованги находятся всего лишь въ 400 километрахъ къ востоку отъ порта Бенгуга, между тѣмъ какъ до Индійскаго океана отъ нихъ по прямой линіи 2.500 километровъ. Ку-Банго, зарождающаяся въ краѣ Бихѣ (Bihé), на южномъ склонѣ горъ, которая по другую сторону даютъ начало притокамъ Куанзы, сначала течеть по направлению къ югу параллельно Кунзенѣ и оси приморскихъ горъ Анголы; поэтому многіе путешественники, въ томъ числѣ и Ladislas Magyar, полагали,—основываясь на показаніяхъ туземцевъ,—что Ку-Банго представляетъ притокъ Атлантическаго океана, изливающійся въ него чрезъ рѣку Кунзенѣ. Неподалеку отъ своего начала, Ку-Банго скрывается подъ скалами, потомъ мѣстами снова появляется, опять пропадаетъ и окончательно выходитъ на поверхность только въ десяти километрахъ отъ мѣста своего первого исчезновенія¹⁾; послѣ этого она змѣится въ узкой долинѣ между холмами, покрытыми травою и лѣсомъ; затѣмъ исподволь поворачиваеть къ юго-востоку и, увеличиваясь на пути отъ впаденія въ нее тѣхъ рѣчекъ, которыхъ спускаются по параллельнымъ съ нею и направляющимся съ сѣвера на югъ долинамъ: Ку-Эйо, Ку-Атиръ и Луа-Тута. Въ мѣстности, гдѣ Capello и Ivens переправились чрезъ рѣку, 10 июля, т. е. по миновании полутора-мѣсячной засухи, рѣчной потокъ имѣлъ въ ширину сорокъ метровъ, при глубинѣ, среднимъ числомъ, въ три метра, и при скорости въ два съ половиною метра въ часъ. Куда же дѣвается эта масса жидкости, сильно возрастающая въ сезонъ дождей и болѣе чѣмъ удвоивающаяся отъ сліянія съ рѣкою Ку-Ито, которая зарождается на поперечномъ водораздѣлѣ Африки, къ югу отъ Куангы и Кассай, и имѣть не менѣе 800 километровъ длины? Два только-что названные португаль-

скіе изслѣдователи высказываютъ предположеніе, что соединенный рѣки Ку-Банго и Ку-Ито текутъ прямо на востокъ, изливая въ Замбезе, чрезъ Куа-Ндо или Чобе, значительную часть своихъ водъ. Таково же мнѣніе и другихъ путешественниковъ, подкрѣпляемое рассказами туземцевъ. Andrews Anderson, объѣхавшій эту страну во всѣхъ направленияхъ, указываетъ въ этомъ мѣстѣ только болотистую область, въ которой происходитъ, по крайней мѣрѣ въ сезонъ дождей, медленное перемѣщеніе рѣчныхъ водъ, если не теченіе въ собственномъ смыслѣ слова²⁾. Какъ бы тамъ ни было, почти совершенная горизонтальность равнинъ, по которымъ протекаетъ Ку-Банго книзу отъ той мѣстности, гдѣ она приближается къ Куа-Ндо, и обусловливаетъ наблюдавшія тамъ обратныя теченія водъ. Кажется даже, что Кунзенѣ иногда бываетъ въ сообщеніи съ Замбезе чрезъ умарамби озера Этосха и сѣти потоковъ, изливающихся на востокъ³⁾. Благодаря именно этимъ времененнымъ, порожденнымъ наводненіями, потокамъ, гипопотамы и могли переселяться изъ лагуны въ лагуну вплоть до восточной подошвы горъ Хереро⁴⁾. Съ этихъ горъ спускаются потоки, изъ которыхъ, по свидѣтельству Андерсона, одинъ никогда не высыхаетъ, даже въ срединѣ лѣта. Одинъ изъ главныхъ источниковъ, который едва можно примѣтить сквозь густую листву растений, вытекаетъ у подошвы Ватерберга, т. е. «водяной горы», обширнаго песчаниковаго плоскогорья, въ которое просачиваются дожди⁵⁾.

Древнее озеро, наполнившее эту область Африки между прибрежными высотами Лимпопо и горами Дама-ра, до образования ущелій р. Замбези, чрезъ которыхъ опорожнился этотъ обширный бассейнъ, еще вполнѣ не исчезло: остались разбросанные пруды, которые перемѣщаются, увеличиваются или уменьшаются въ размѣрахъ, смотря по обилию или рѣдкости дождей и по количеству осѣдающихъ или стыхъ частицъ. На то, что данины воды долго пребывали въ обширномъ внутреннемъ морѣ, указываетъ не только горизонтальность почвы, но также и образование озерныхъ отложенийъ. Вся равнина какъ бы вымощена тумфомъ, болѣе или менѣе мягкимъ, смотря по тому, выставленъ ли онъ дѣйствію воздуха, или прикрытъ обломками и наносами; повсюду при раскопываніи почвы, находить рѣчные раковины, подобная тѣмъ, которыя встрѣчаются въ р. Замбезе и поныаѣ⁶⁾. Ло-

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“. January, 1884.

²⁾ Duparcquet, „Cimbébasie“. — „Bulletin de la Société de Géographie“. 2 semestre, 1880.

³⁾ Charles John Anderson, „Lake Ngami“.

⁴⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1878, Heft. VIII.

⁵⁾ Livingstone, „Explorations dans l'Afrique austral“.

⁶⁾ Ladislas Magyar, упом. соч.

же Ку-Банги и рѣчекъ, спускающихся изъ области Дама-ра и затѣмъ развѣтвляющихся въ большой равнинѣ, окаймлены углубленіями, въ которыхъ, въ сезонъ дождей, скопляются воды, образуя временные озера; кромѣ того, эти рѣчки выдѣляютъ изъ себя вѣти (*molol-lé* или *laagten* по-голландски), въ которыхъ изливается излишокъ водной массы, но гдѣ воды текутъ въ обратную сторону и въ сезонъ засухи возвращаются въ главный потокъ: движение воды тамъ мѣняетъ направление въ зависимости отъ годичныхъ измѣненій въ климатѣ. Такими мололами, съ нормальнымъ или обратнымъ течениемъ воды, окаймлена рѣка Тонка, Тонка или Тюжэ, получающая излишнюю воду изъ низовой Ку-Банго, но по-рою совершенно высыхающая, и ложе которой, перерѣзанное нѣсколькими порогами, служить дорогою для бушменовъ. Обыкновенно Тонка изливается послѣ дождей, въ озеро Нгами; но съ 1886 года она измѣнила свое направление и стала теряться въ обширномъ болотѣ, воды которого, при посредствѣ различныхъ рукавовъ, направлялись на соединеніе на востокѣ и юго-востокѣ съ ложами рѣкъ Чобе и Зуги¹). Каждый изъ проникающихъ въ эти пустыни путешественниковъ иначе изображаетъ очертанія озерныхъ поверхностей и развѣтвленія ихъ притоковъ или истоковъ²).

Озеро Нгами, Нагаби или Нааби, т. е. «вода по преимуществу»³), или «озеро жирафа», по Чампану, представляетъ одинъ изъ этихъ бассейновъ съ измѣнчивыми берегами, подобныхъ шоттамъ Берберіи: каждый путешественникъ рисуетъ его очертанія различно. Наиболѣе постояннымъ изъ его береговъ оказывается южный, такъ какъ земная поверхность въ этой мѣстности приподнята; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера существуетъ даже возвышенность, Маккаполо, пре-восходящая уровень въ озерѣ на 365 метровъ, а по другимъ исчислѣніямъ, на 807 или даже на 893 метра. Нгами, открытое Ливингстономъ къ 1849 году, показалось ему тогда имѣющимъ около сотни километровъ по протяженію съ востока на западъ; въ ширину же оно было гораздо меньше, такъ что съ южного берега можно было видѣть сѣверный. Туземцы исчисляли окружность Нгами тремя днями пути; но объѣхать озеро въ лодкѣ было бы затруднительно, такъ какъ мѣстами оно до того мелко, что лодочники не могутъ пользоваться веслами и должны проталкивать шестами свои челноки или тростниковые плоты. Самаго высокаго уровня озеро это обыкновенно достигаетъ въ апрѣль и юль; тогда его воды, избавившись отъ излишка чрезъ вытекающіе

изъ него ручьи, становятся прѣсными; между тѣмъ, во время убыли, по мѣрѣ того, какъ уровень озера понижается, а окружность суживается, вода становится соленою, при чёмъ кристаллы соли отлагаются даже и на прибрежномъ тростникѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окаймляетъ озеро полосою въ нѣсколько метровъ ширины. Въ уровнѣ Нгами наблюдаются частыя колебанія, что, конечно, зависитъ какъ отъ разницы въ барометрическомъ давлѣніи на этотъ бассейнъ съ плоскимъ дномъ, такъ и отъ разницы въ приносѣ и уводѣ водъ Тонкою и другими рѣчками. Правильно смѣняющіе друга друга утреннѣе и вечернѣе вѣтры перемѣщаются озеро; такъ, утромъ восточная бриза гонитъ его воды къ западу, а затѣмъ, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ изъ небѣ солнца, вѣтеръ мѣняется, и вечернія бризы увлекаютъ озерные воды снова на востокъ: «Каждый день озеро отправляется на пастбище, а затѣмъ возвращается въ овчарню»⁴). По Ливингстону, озеро Нгами питается не только видимыми рѣчками, но также и подземными водами, исходящими изъ-подъ холмовъ на югъ, гдѣ пористые песчаники покоятся на пластѣ изъ водонепроницаемой горной породы. Во многихъ мѣстностяхъ почва довольно хорошо орошается, для того, чтобы древесная растительность могла проявить богатство и блескъ, подобные растительности изъ наносныхъ земляхъ низовьевъ Замбезе; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, видныются лишь кулючія деревья, кустарники, или даже угрюмыя, покрытыя пескомъ пространства.

Въ теченіе большей части года Нгами изливаетъ свои воды на востокъ, чрезъ посредство рѣчки Зуги, которая сначала течетъ на востокъ, потомъ на югъ и затѣмъ опять на востокъ, направляясь на соединеніе съ обширнымъ солончакомъ Макаракара (Макаракара, т. е. «миражемъ», содержащимъ порою лишь немного перемѣщающейся по вѣтру воды. Отъ Нгами до Макаракара, на пространствѣ не менѣе четырехсотъ километровъ отъ зада къ востоку, измѣренія Андерсона не обнаружили почти никакой разницы въ уровнѣ: колебаніе въ нѣсколько сантиметровъ—такова вѣроятная денивелляція дна древнаго озернаго бассейна. Оттого малѣйшее препятствіе, малѣйшее измѣненіе въ барометрическомъ давлѣніи, малѣйшая симѣна сухости и влажности воздуха, появленіе небольшой поросли тростника—достаточны для того, чтобы бродяція по равнинѣ «Тысячи озеръ» воды перемѣнили свое теченіе⁵). Страна повсюду усыпана рѣчными ложами, содержащими воду, или высохшими лужами и солончаками, которые часто мѣняютъ мѣсто и очертанія. Раз-

¹⁾ „Peterman's Mittheilungen“ 1886 Heft X.

²⁾ B. Capello e R. Ivens; — Ch. L. Anderson; — A. Anderson. упом. соч.

³⁾ „Petermann's Mittheilungen“ 1889.

⁴⁾ Chapman, „Travels into the interior of Africa“.

⁵⁾ Chapman, упом. соч.

вѣтвленіе laagteg'овъ до такой степени перепутано, что въ эпоху высокихъ водъ, когда туземцы отваживаются пускаться на лодкахъ по несущимся по равнинѣ потокамъ, они часто сбиваются съ пути и затѣмъ розыски-

віе своего теченія: такъ, выходя въ апрѣль и въ маѣ изъ Нгами, она течетъ въ него обратно въ слѣдующіе два мѣсяца. Въ периодъ высокихъ водъ, вѣты Зуги, Мабаба, направляетъ свое теченіе на сѣверъ, и между тѣмъ, какъ

Типы племени у-загара.

ваютъ его по цѣлымъ днямъ. Даже Зуга—Сединиственная рѣка на равнинѣ, имѣющая воду во всѣ времена года¹⁾,—мѣняетъ направле-

одна часть ея водъ теряется среди песковъ, другая достигаетъ р. Чобе, притока р. Замбезе. Такимъ образомъ, гидрологическая система Ку-Банги временно бываетъ въ соединеніи съ системою Замбезе, и сляніе водъ въ од-

¹⁾ Emil Holteb, „Proceedings of the R. Geographical Society“. March, 1880.

номъ и томъ же рѣчномъ бассейнъ возстановляется¹). Красивыя лѣса, тамъ и сямъ высоко вздымающія свои кроны стройныя пальмы, стоящіе одиноко исполинскіе баобабы, господствуютъ надъ необозримымъ пространствомъ равнины; нѣсколько холмовъ, принимающихъ видъ горъ, разсѣяны островками въ архипелагами среди африканскаго моря. Окружность равнины въ большой части состоитъ изъ вулканическихъ формаций²).

Рѣка Куа-Ндо (Куандо) или Чобе, нижнее теченіе которой соединяетъ Ку-Банго съ Замбезе, зарождается, какъ и Ку-Банго и Замбезе, на южномъ склонѣ поперечного водораздѣла, который протягивается отъ Бихѣ до области великихъ восточныхъ озеръ. Она просачивается ручейкомъ изъ болота, образовавшагося въ углубленіи между двумя холмами; по Серга Pinto, истокъ ея находится на высотѣ 1.362 метровъ. Куа-Ндо течетъ сначала на юго-востокъ, затѣмъ получаетъ цѣлый пучъ другихъ потоковъ, превращающихъ ее въ настоящую рѣку, судоходную на большей части теченія, хотя мѣстами загражденную лѣсами тростника. Въ этой области, Куа-Ндо отдѣляется едва замѣтнымъ водораздѣломъ отъ восточнаго бассейна, т. е. отъ бассейна Замбезе въ собственномъ смыслѣ; однако, она сохраняетъ свое независимое теченіе и, параллельно главной рѣкѣ, спускается на югъ, чтобы вступить въ обширную аллювіальную равнину, куда изливаются также воды Ку-Банго. Иногда, во время исключительныхъ разливовъ, Куа-Ндо, соединяясь съ Ку-Банго, поворачиваетъ къ востоку и образуетъ извилистое озеро, Чобе, которое во многихъ мѣстахъ походить на рѣку: когда по ней плаваль Ливингстонъ, потокъ, въ среднемъ, имѣлъ отъ 4 до 5 метровъ глубины; однако, въ виду крутыхъ поворотовъ рѣки, пароходъ не могъ бы подняться вверхъ по теченію. Съ Замбезе сліяніе Куа-Ндо совершается при посредствѣ многочисленныхъ протоковъ, образующихъ настоящій лабиринтъ; въ числѣ земель, въ промежуткахъ между этими протоками въ области сліянія, находится одинъ островъ вулканическаго происхожденія³). Какъ и всѣ другіе потоки въ данной области, Чобе прорылъ свое ложе, съ вертикально поднимающимися берегами, въ слоѣ мягкаго известковаго туфа, отложившагося нѣкогда на днѣ средиземнаго озера. Во время половодій, продолжающихся съ декабря или января по мартъ, возвышенія почвы исчезаютъ подъ всегда прозрачною, обширною поверхностью воды двухъ соединившихся рѣкъ. Годичная разница между

высокими и низкими водами колеблется между 6 и 7 метрами.

Хотя Ку-Банго и Куа-Ндо зарождаются изъ весьма далекомъ разстояніи отъ Индійскаго океана, но за истинную Замбезе принимаютъ небольшую рѣчку, начинающуюся гораздо ближе отъ океана, Либу (Liba), вытекающую изъдалеку отъ истоковъ Лу-Луа, мощнаго притока Кассан; одинъ изъ притоковъ верхней Лубы есть Ло-Тембуа, выходящій изъ открытаго Ливингстономъ, раздѣляющаго два бассейна, озера Дилоло. Большое число другихъ «дѣтей» — такъ называютъ туземцы притоки Либы — сливаются, затѣмъ, съ «матерью», которая вскорѣ становится Ліа-мбаи или Замбезе (Замбези), т. е. «рѣкою по преимуществу»⁴). Но большая часть дождевыхъ водъ, выпадая на совершенно ровную почву, не можетъ достигать рѣки и остается въ видѣ лужъ посреди покрытыхъ тростникомъ равнинъ, издалека походящихъ на безграничную прэрію: лишь кое-гдѣ виднѣются на этомъ болотистомъ пространствѣ нѣсколько покрытыхъ лѣсомъ островковъ. Между рѣчками съ постояннымъ теченіемъ, гдѣ гипопотамы рѣзвятся въ теченіе цѣлаго года, — главною является Лу-Эна, бассейнъ которой простирается на большое разстояніе къ западу; затѣмъ, въ сотни километровъ отъ той мѣстности, гдѣ Замбезе становится судоходной, она соединяетъ свои черноватыя воды съ желтоватыми водами притока, который Ливингстонъ считалъ главной рѣкой, но который уступаетъ Замбезе по длине и по массѣ жидкости: это — рѣка Кабомпо, изслѣдованныя Capello и Ivens'омъ.

Книзу отъ этого сліянія, Замбезе увеличивается, вслѣдствіе впаденія въ нее рѣки Луа-Нго-Нбунго, которая зарождается по сосѣдству съ истоками Куа-Ндо, а затѣмъ протекаетъ чрезъ обширныя равнини Лобали, представляющія, смотря по времени года, то травянистыя болота, то безводныя степи. Книзу отъ владенія Луа-Нго-Нбунго, видъ мѣстности не менѣется: соединенный потокъ течетъ прямо за югъ по лишенной наклона равнинѣ, по которой, во время дождей, наводняющіе ее потоки распространяются въ видѣ необъятныхъ водныхъ поверхностей. Волны увлекаютъ съ собой также и травянистые острова, отрываемые отъ мѣстъ своего прикрытия. Въ сухое же время года, рѣка изъ безбрежнаго озера превращается въ правильнаго вида каналъ, текущій между вертикально поднимающимися землистыми берегами, состоящими изъ земли, смѣшанной съ пескомъ и разноцвѣтной глиной, гдѣ щурки и зимородки свидаютъ свои гнѣзда. Рѣка быстро, но равномѣрно течетъ на пространствѣ болѣе, чѣмъ 300 километровъ; затѣмъ, она менѣяетъ направленіе и, миновавъ

¹) A. A. Anderson, уп. соч.

²) Emil Holub, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“. Aug. 1886.

³) D. Livingstone, упом. соч.

⁴) „Рѣка рѣбъ или дичи“, по Desborough Cooley.

лѣсистые острова, несется на юго-востокъ между скалами, которыхъ постепенно сближаются, такъ что вскорѣ между ними остается разстояніе не болѣе 60 — 100 метровъ. Сжатая въ этомъ каналѣ, вода, поднимающаяся во время разливовъ на 15 — 18 метровъ, такъ сильно бурлитъ и клокочетъ, что всякое судоходство становится невозможнымъ; но, кверху отъ быстринъ, называемыхъ «порогами Гоніэ», гребные суда, которымъ со временемъ будуть смынены пароходами, имѣютъ свободного про странства болѣе, чѣмъ на протяженіи 400 километровъ, вплоть до того водораздѣла, на которому зарождаются притоки Кассаи. Книзу отъ Гоніэскихъ пороговъ, перерывы теченія довольно часты: гряды скалъ пересекаютъ рѣку, соединяя другъ съ другомъ береговые утесы. Каждый порогъ, каждый водопадъ отличается отъ другихъ видомъ: иной рифъ тянется на одинаковой высотѣ и безъ перерыва, отъ одного берега до другаго, и вода скатывается съ него ровной скатертью, словно съ искусственной запруды; въ другомъ, напротивъ, есть проломы, черезъ которые вода уѣгааетъ какъ-бы чрезъ ворота въ шлюзѣ; въ иномъ мѣстѣ ряды скалъ прерываютъ потокъ рѣки въ косвенномъ направлении, а между клокочущими шлюзами разсыпны острова. На протяженіи двадцати километровъ, Голубъ насчиталъ сорокъ шесть пороговъ и водопадовъ, изъ которыхъ иные опасно переходить или обходить. Было бы даже не возможно отваживаться на это, если бы не то обстоятельство, что крокодилы держатся на извѣстномъ разстояніи отъ каскадовъ: поднимающіеся вверхъ по рѣкѣ лодочники могутъ приблизиться къ скаламъ, сложить свои товары на какомъ-нибудь выдающемся пункѣ подводнаго рифа, втащить лодку въ верхній плесъ, быстро вѣзть въ нее и снова поплыть черезъ ряды плавающихъ на глубокой водѣ крокодиловъ. Послѣдній водопадъ называется Катима-Молело. Книзу отъ него, Замбезе свободна отъ всякаго препятствія на протяженіи 200 километровъ вплоть до сѣти потоковъ, которая разѣвается на югъ по направлению къ озерамъ Чобэ, выше большаго водопада.

Водопадъ *Mosi oa-Touputa*, т. е. «громящій дымъ»¹⁾, чрезъ который вылилось внутреннее море, маленькимъ остаткомъ котораго является озеро Нгами, представляетъ единственное въ мірѣ зрелице. Есть много рѣкъ, которыхъ низвергаются одною струею на большую глубину, или у которыхъ обрушивающаяся масса водѣ является болѣе величественный видъ; но нигдѣ не видано, какъ на водопадѣ Замбезе, чтобы рѣка цѣликомъ виспадала въ узкую пропасть, дно которой остается скрытымъ подъ кружающимися клубами паровъ, и откуда бурлящая масса

вырывается чрезъ трещину, которую нельзя даже разглядѣть, развѣ только съ какого-нибудь опаснаго мыса: кажется, будто Замбезе вдругъ погрузилась въ бездну и исчезла въ преисподнихъ земляхъ. Выше водопада, рѣка, шириной болѣе одного километра, тихо катить свои воды между лѣсистыми берегами; острова, покрытые богатою растительностью, состоящую изъ перевитыхъ ліанами пальмъ и густолиственныхъ деревьевъ, разсыпаны по рѣкѣ, и одинъ изъ нихъ есть тотъ прославленный *Garden-island* Ливингстона, садъ котораго уже давно разорили бегемоты. Но вотъ расположившійся наперекъ рѣки рядъ скалъ и острововъ вызываетъ рибъ на гладкой поверхности водѣ; рѣка вдругъ наклоняется и нѣсколькими струями низвергается съ общей высоты около 120 метровъ²⁾; темно-бурая стѣна, возвышающаяся по другую сторону разсыпнины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отстоитъ не далѣе 35 метровъ отъ лицевой стороны каскада. Лѣсь изъ пышныхъ деревьевъ, покрывающій утесъ въ разстояніи шырка камнемъ отъ водопада, постоянно купается въ парахъ; вода струится съ листьевъ и снова падаетъ съ утеса, но, будучи остановлена на половинѣ высоты своего паденія токомъ воздуха, который поднимается вверхъ изъ ущелья, дробится на мельчайшія частицы и превращается въ пыль, уносящуюся кверху въ видѣ пара. Не находитъ себѣ мѣста въ той скалистой расщелинѣ, въ которую низвергается огромный столбъ воды, жидкіе споны ударяются о противоположныя стѣны и превращаются въ пѣнистыя массы; пары воды взлетаютъ кверху и кружатся надъ каскадомъ метровъ на 350 отъ земли: такимъ образомъ, смотря по измѣненіямъ, производимымъ временемъ года въ напорѣ воды въ рѣкѣ, то пять, то десять или даже болѣе столбовъ водяныхъ паровъ поднимаются изъ ущелья, клубясь къ голубому небу въ видѣ правильныхъ спиралей или же несясь по вѣтру въ ту или другую сторону. По словамъ Голуба, эти столбы различны порою уже съ разстояніемъ 80 километровъ. Издалека извѣщаешь о водопадѣ также и непрерывный громъ. Ливингстонъ — первый изъ europейцевъ описавшій этотъ величественный водопадъ, который, впрочемъ, до него созерцали также и другие путешественники — назвалъ его водопадомъ Викторіи (*Victoria-falls*), и разсказываетъ, что живущіе по сосѣдству съ нимъ туземныя племена не осмѣливаются къ нему приближаться; грохотъ сталкивающихся тамъ другъ съ другомъ водѣ страшитъ ихъ, и въ этомъ рокотѣ имъ чудится божій голосъ.

Узкій каналъ, чрезъ который изливается вся масса низринувшейся воды, имѣеть, при своемъ началѣ, въ ширину не болѣе 30 метровъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ ширинѣ рѣки кверху

¹⁾ «Дымящій котель», по Ливингстону; «Большая вода» (?) по Серга Пінту.

отъ водопада; затѣмъ, то расширяясь, то съуживаясь до первоначальныхъ размѣровъ, каналъ дѣлаетъ быстрые повороты въ клюзѣ между мелафировыми утесами, направляясь сначала на западъ, а затѣмъ на востокъ, и повторяетъ повороты вплоть до выхода изъ дефилэ и до постепенного возвращенія рѣки къ своей нормальной ширинѣ. Глубокіе овраги изрѣзываютъ стѣны ущелья, а деревья произрастаютъ во всѣхъ его извилинахъ; террасы же походятъ на висячие сады: отсюда название «Семирамидинъ утесь», данное Голубомъ восточному мысу, господствующему надъ входомъ въ клюзъ. Въ геологически недавнюю эпоху, т. е. ранѣе, чѣмъ Замбезе, проломавъ преграду, задерживавшую озерныя воды, открыла для себя это ущелье, она текла на болѣе высокомъ уровне въ боковой долинѣ; сѣверный ея притокъ, Леконѣ, течетъ тамъ и теперь, катя свои воды въ направленіи, противоположномъ прежнему потоку¹⁾.

Книзу отъ «Гремящаго Дыма», Замбезе продолжаетъ течь въ восточномъ направленіи, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, а впослѣдствіи направляется снова на востокъ. Теченіе ея все еще не успокоилось: оно образуетъ пороги Кансало и проходитъ ущельемъ, называемымъ Хариба, затѣмъ принимаетъ въ себя большой притокъ Кафукуз или Кафуз, приходящій прямо съ запада и, какъ говорятъ, имѣющій только одинъ каскадъ, «на разстояніи дnia ходьбы отъ главной рѣки». Кверху же отъ этого каскада, Кафакуз не представляетъ препятствія для судоходства вплоть до соединенія съ водораздѣломъ между Замбезе и Конго²⁾: на долину Кафакуз уже заранѣе указываютъ какъ на лучшее направленіе будущей желѣзной дороги между атлантическимъ и индійскимъ берегами Африки. Еще ниже по теченію, могучая Лоа-Нгэ приноситъ Замбезе воды съ водораздѣла между озерами Ньянса и Танганьика, и главная рѣка ииѣть уже почти всю массу своихъ водъ, когда ударяется о подножіе горъ, направляющихся съ сѣвера на югъ, т. е. поперекъ ея теченію. Водопады Чикаронго, затѣмъ пороги Кебрабаса отмѣчаются то мѣсто, откуда Замбезе поворачиваетъ на юго-востокъ, не мѣняя уже этого направленія до самой дельты, если не считать небольшихъ излучинъ. Въ этой части своего теченія, которою начинается низовье рѣки, вода въ Замбезе, смѣшиваясь съ прибрежною грязью и обломками растеній, теряетъ свою прозрачность: она мутная и красновато-коричневая, тогда какъ кверху отъ быстринъ и каскадовъ сохранила относительную прозрачность, даже во время разлива; зависить это отъ того, что какъ берега рѣки, такъ и прирѣчные земли

покрыты густою травою, чрезъ которую потокъ фильтруется, оставляя въ ней всѣ свои напоны; скрѣпляемый корнями растеній, берегъ не осыпается, и воды рѣки остаются чистыми¹⁾.

Ущелье, въ которое проникаетъ Замбезе для прохода чрезъ горы, составляющія сѣверное продолженіе массива Маники, прославилось въ исторіи африканской географіи: преданіе описывало его какъ проходъ между чрезвычайно высокими мраморными стѣнами, покрытыми на вершинѣ снѣгомъ. Самое имя «Лупата», т. е. «клюза или дефилей»²), истолковывалось въ смыслѣ «Хребта Mира (Spina Mundi)», такъ какъ въ этихъ горахъ видѣли остовъ материка. Между тѣмъ господствующая надъ этой тѣсниной скалы ниже многихъ утесовъ въ клюзахъ Европы и въ сапогахъ Америки: западная стѣна, самая высокая, вертикально поднимается на высоту двухсотъ метровъ, обнаруживая пласти кремнистаго сланца, расположившіяся во всевозможныхъ направленіяхъ; восточный же склонъ, весьма отлогий и покрытый лѣсами, постепенно повышается по направленію къ горамъ, обрисовывающимся на востокѣ. Рѣка, шириною отъ двухсотъ до трехсотъ метровъ въ ущельѣ и всего около сорока метровъ въ самой узкой части тѣснинѣ³⁾, повсюду имѣеть глубину въ 20 метровъ и свободна отъ рифовъ: пароходы, слѣдовательно, могли бы подниматься здесь легко. При выходѣ рѣки изъ ущелья Лупата, имѣющаго болѣе семнадцати километровъ въ длину, двѣ коническія порфировыя горы образуютъ родъ портала; затѣмъ потокъ широко разливается между своими берегами, и памывные острова слѣдуютъ одинъ за другимъ посреди водъ. Ниже рѣка раздвоится, и сѣверный рукавъ, Зіу-Зіу, чрезъ низкія земли и болота, соединяется съ р. Ширэ. Гребныя суда обыкновенно избираютъ этотъ путь, не только для того, чтобы достигнуть верхняго теченія Ширэ, но также и для прохода къ низовьямъ Замбези. Большой треугольный островъ Иланга-Нгома (Инья-Нгома) раздѣляетъ двѣ рѣки, но и самъ онъ разрѣзанъ на множество второстепенныхъ острововъ потоками и ложными рѣкамъ, въ тростникахъ которыхъ суда часто сбиваются съ пути; эти различные потоки извѣстны подъ названіемъ rios de Senna, по имени ближайшаго города. Замбези въ этой области обыкновенно называются Куамо (Сипата).

Тогда какъ озера въ верховыхъ Замбези перестали существовать, обратившись въ болота и солончаки, р. Ширэ получаетъ еще воды изъ обширнаго озера, принадлежащаго къ системѣ внутреннихъ морей Восточной Афри-

¹⁾ Livingstone, упом. соч.

²⁾ Gamito, „O Muta Cazembe“.

³⁾ Affonso Moraes Sarmento, „Boletim da Sociedade de Moçambique“, 1881, 5.

ки: озеро это—Нъясса (Нъянжа) т. е. просто «озеро», такъ какъ ему не дали особенного наименования ни туземцы, ни посыпавшіе его европейцы, назвавшіе Викторіей озеро Нъянца, откуда выходитъ Нилъ. Прежде, когда озеро Нъясса было извѣстно только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя доставлялись обѣ Африкѣ португальскими миссіонерами и офицерами, его называли Марави, какъ и жителей, населяющихъ его берега, и извѣстно, какія различныя формы придавали этому Magavi или Nha-pa Misigo на картахъ Африки, распространяя его почти на всѣ тѣ области, которыхъ еще оставались неизвѣстными внутри материка⁴⁾. Только въ 1859 году, благодаря Ливингстону, о Нъяссе было присоединено къ научно-изслѣдований поверхности земли. Съ того времени оно было пройдено во всѣхъ направлѣніяхъ другими путешественниками, и бѣлый человѣкъ уже поселился на его берегахъ.

Между Танганькою и Нъяссою много сходства. Оба бассейна по длинѣ расположены почти въ одномъ и томъ же направленіи, только ось Нъяссы ближе къ меридіану; и то, и другое озеро, повидимому, наполняютъ дно разрывовъ почвы, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же напоромъ подземныхъ силъ; но разсѣяна Нъясса занимаетъ болѣе низкую часть континента, такъ какъ уровень воды въ ней находится лишь на высотѣ 480 метровъ. Нъясса, какъ и Танганька, представляетъ видъ широкой долины, извилины которой соотвѣтствуютъ на той и на другой сторонѣ; однако, оно представляетъ и нѣсколько съуженій; въ двухъ мѣстахъ, гдѣ его берега сближаются болѣе всего, оно имѣетъ ширину только въ 24 километра, между тѣмъ какъ въ другихъ своихъ частяхъ оно почти вчетверо шире; общая его длина, не считая извилинъ по срединной линіи, болѣе пяти градусовъ, т. е. приблизительно болѣе 600 километровъ, а, по самымъ новѣйшимъ картамъ, вся поверхность озера равняется приблизительно тридцати тысячамъ квадратныхъ километровъ. Мѣсто Нъяссы въ ряду какъ другихъ большихъ африканскихъ озеръ, такъ и самыхъ обширныхъ озеръ другихъ континентовъ, видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія величинъ ихъ поверхностей.

Нъянца-Керевэ—66.500 кв. килом.; Танганька—39.000; Нъясса—30.000; Верхнее Озеро (С Амер.)—83.000; Байкалъ (Азія)—34.925; Ладожское (Европа)—18.130 кв. кил.

Что касается глубины озера, то она значительна: въ 300 метрахъ отъ берега, Young доставалъ дно лишь на 128 метрахъ отъ поверхности; въ другихъ мѣстахъ веревка развертывалась до 179 метровъ у самого берега; почти повсюду въ нѣкоторомъ разстояніи отъ

береговъ, линъ въ сто брассовъ (въ брассѣ—пять французскихъ футовъ) не доходилъ до дна. Около съверо-восточной оконечности озера, надъ его водами господствуютъ горы, образуя кручи, стѣны которыхъ отвѣсно спускаются въ пучину воды; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каскады, блистающіе на бокахъ утесовъ, словно серебряные пластинки, примѣщиваются свою пѣну къ цѣнѣ волнъ. Мели рѣдки; за исключеніемъ нѣкоторыхъ водныхъ пространствъ на западѣ озера, можно плыть цѣлыми днями по сосѣдству съ берегомъ, не видя ни пляжей, ни тростниковыхъ зарослей; но нѣкоторые бухты усыпаны островками, которые посыпаются бегемоты, переплывая проливы. Вода въ Нъяссе совершенно чистая: обшивка судовъ, доставленныхъ на озеро англійскими миссіонерами, не загрязняется по нѣсколько лѣтъ, а въ пароходныхъ котлахъ не находятъ почти никакого осадка.

Бури, разражающіяся надъ Нъяссою, поднимаютъ такія громадныя волны, что моряки сравниваютъ ихъ съ волнами въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ и около Игольного мыса¹⁾; и хотя прибрежье озера и обладаетъ многочисленными бухтами и хорошиими стоянками, въ особенности около острововъ, тѣмъ не менѣе плававшіе по озеру европейцы много разъ подвергались большой опасности; съ большою же безопасностью плавать стало возможно лишь послѣ того, какъ на съверной оконечности озера былъ найденъ легко доступный каналъ-протокъ, р. Ромбахъ. Достаточно 48 часовъ, чтобы подъ парами пройти отъ одного конца озера до другаго, между тѣмъ первые путешественники тратили на этотъ же самый переходъ отъ десяти до пятнадцати дней. Туземцы не отваживаются пускаться вдали отъ береговъ; они пользуются лодками изъ цѣльнаго дерева, изготовленными при помощи огня и съ краями, загибающимися наружу, направо и налево, вслѣдствіе чего лодка и приобрѣтаетъ устойчивость. Порою случается, что надъ озеромъ разстилается тонкій серебристый туманъ, скрывающій изъ виду горы и затѣняющій блескъ солнца: туманъ этотъ, или *koungou*, образуется изъ мошекъ съ бѣлыми крыльями; падая на палубу судовъ, онѣ покрываютъ ее на-подобіе хлопьевъ снѣга. Прибрежные туземцы собираютъ этихъ мошекъ въ корзину и приготовляютъ изъ нихъ пироги.

Будучи расположено, какъ и Танганька, въ разсѣяніи земли, Нъясса окружено горами почти на всей своей окружности, и горы эти не просто вѣнчіе откосы плоскогорія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ образуютъ настоящія цѣпи; съверо-восточный берегъ озера окаймляютъ даже альпы, вздымающія свои вершины на высоту болѣе двухъ тысячъ ме-

⁴⁾ Gamito, „O Maata Cazemba“;—Jose de Lacerda, „Reply to Dr. Livingstone's accusations and misrepresentations“.

¹⁾ Young, „Nyassa. A Journal of Adventures.“ *

тровъ; по словамъ же нѣкоторыхъ путешественниковъ, эти горы, названныя, въ честь открывшаго Ньянсу великаго путешественника, горами Ливингстона, превосходятъ даже три тысячи метровъ. Наблюдаемыя съ озера, онъ оканчиваются на сѣверѣ величественной пирамидою, тогда какъ къ югу онъ продолжаются параллельно оси озера, въ видѣ сравнительно невысокихъ горъ и холмовъ, прерываемыхъ многочисленными проходами, чрезъ которые и проникаютъ изъ озернаго бассейна въ долины притоковъ Ро-Вумы. На восточномъ берегу, горная цѣнь представляетъ мѣстами лишь незначительный рельефъ и быстро теряется въ отлого-спускающемся плоскогорії⁴⁾. Въ области истоковъ р. Ро-Вума, господствующуюю горою является Мтонія, возвышающаяся надъ южнымъ берегомъ озера болѣе чѣмъ на полторы тысячи метровъ.

На западномъ берегу Ньянсы нѣть такихъ горъ, которыхъ можно было бы сравнить съ цѣпью Ливингстона, и даже нѣкоторыя изъ нихъ едва возвышаются надъ плоскогоріями; но нѣкоторые уединенные массивы имѣютъ внушительный видъ; таковъ массивъ Чомбе, которому англійскіе миссіонеры дали имя *Waller*, и который господствуетъ на западѣ надъ одною изъ наиболѣе узкихъ частей озера, вблизи бухты Флоренсъ; это—пирамида, состоящая изъ сѣрыхъ и черноватыхъ пластовъ песчаника и поднимающаяся на 1.664 метра. Другія, меньшей высоты, горы тянутся вдоль берега, между озеромъ и плоскогоріемъ, и соединяются съ горами Моломо, которыхъ выступаютъ, въ видѣ мыса, между рѣками Замбези и Ширэ. По сосѣству съ горой Вальтеръ въ долинахъ найдены пригодныя для разработки залежи каменнаго угла.

Окруженное возвышеностями, озеро Ньянса не получаетъ большихъ притоковъ. На сѣверной его оконечности, на оси озернаго бассейна, тамъ, гдѣ изслѣдователь *Young* предполагалъ присутствіе большаго выходнаго потока, существуютъ лишь незначительные ручейки, спускающіеся съ водораздѣльныхъ горъ между озерами Ньянса и Танганика. Самая обильная рѣка нисходитъ съ западнаго склона, т. е. того, который представляетъ самый низынокий рельефъ. На восточномъ склонѣ озера, водораздѣльная линія между Индійскимъ океаномъ и Ньянсою идетъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ вдоль берега и порождаетъ лишь незначительные потоки, низвергающіеся въ видѣ небольшихъ каскадовъ. Имѣя, сравнительно съ своимъ пространствомъ, лишь весьма узкій пріемный бассейнъ, озеро Ньянса представляетъ въ своемъ уровиѣ незначительный годичный колебанія, именно менѣе

одного метра; по сообщенію миссіонеровъ, изъ немъ наблюдалось, съ 1875 по 1880 годъ, пониженіе водъ. На своей южной оконечности, Ньянса оканчивается, какъ и Танганика, только болѣе явственно, въ видѣ «лошадиаго копыта», и образуетъ двѣ бухты, постепенно съуживающіяся.

Изъ болѣе длинной бухты, именно восточной, выливается выходной потокъ, рѣка Ширэ, вначалѣ широкая и текущая медленно; вскорѣ, однако, она образуетъ небольшое озеро, Памаломбэ, берега которого повсюду скрыты въ тростникахъ; затѣмъ Ширэ направляется къ югу и достигаетъ края террасы, съ которой и низвергается, направляясь къ Замбезе и образуя цѣлый рядъ каскадовъ, называемыхъ водопадами Мурчансона: здѣсь пристанавливается уже всякое судоходство, какъ на гребныхъ судахъ, такъ и на пароходахъ. Книзу отъ водопадовъ судоходство опять возобновляется, и затѣмъ, вплоть до баровъ, заграждающихъ устья Замбезе, препятствіями для него являются лишь скопленія водяныхъ растеній (нимфейныхъ и тростниковыхъ, *risia stratiotes*, *alfasiinha* или *laitue* португалцевъ), чрезъ которыхъ часто бываетъ трудно пройти на веслахъ, въ особенности въ маѣ и въ юнѣ, во время самаго сильнаго ихъ произрастанія. Къ югу отъ впаденія въ Ширэ рѣчки Руо или Луо—которая бѣжитъ съ горъ, называемыхъ *Blantyre*, и по которой гребныя суда подвигаются на 80 километровъ—находится почти уединенная и покрытая лѣсомъ гора, воздвигающая среди болотъ свою громаду, достигающую 1.220 метровъ высоты: это—Морамбала, т. е. «гора-часовой», имѣющая въ окружности сто километровъ и служащая пристанищемъ для лодочниковъ съ низовьевъ Замбезе. По разсказамъ, изъ ея подошвы бьютъ ключи теплыхъ цѣлебныхъ водъ.

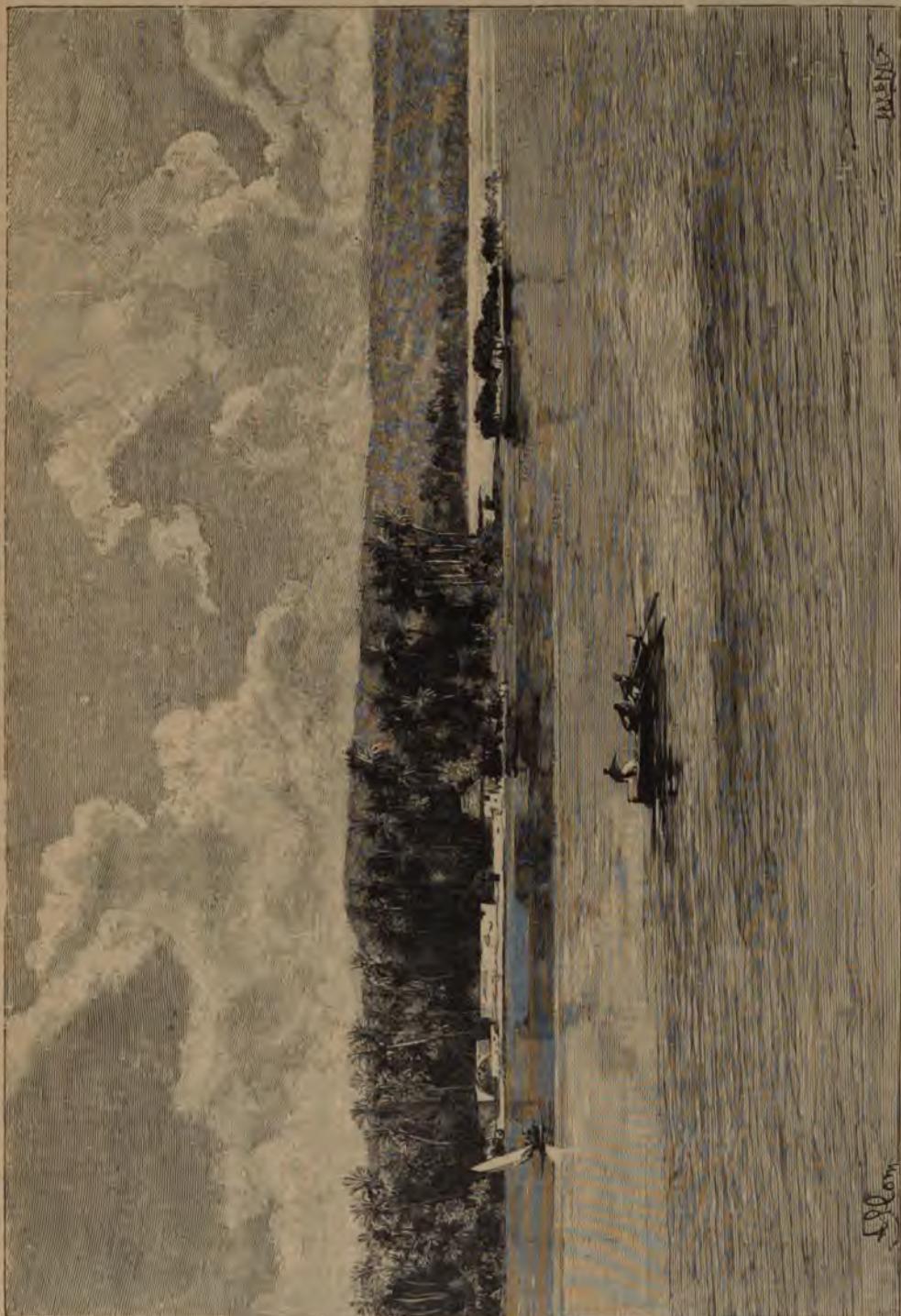
Соединенный потокъ двухъ рѣкъ,—Замбези и Ширэ,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣеть отъ берега до берега не менѣе 13 километровъ¹⁾ и книзу отъ мѣста сліянія течетъ изъ юго-востокъ, затѣмъ спускается на югъ, еще разъ поворачиваетъ на юго-востокъ, прежде чѣмъ раздѣлиться на вѣтви для образованія такъ называемой «гусиной лапки» дельты. Устьевъ у Замбези много, на югѣ—Меламба, на сѣверѣ—Інхамисенго или Конгови, Лу-Эбо восточный, Катарина или Музелло, Інхаміара и другія. Луасса же или Западное Лу-Эбо—каналъ-протокъ, открывающійся на югѣ дельты—принадлежитъ къ Замбези только во время высокихъ водъ. Наибольшая масса воды проходить чрезъ рукавъ восточный Лу-Эбо, истинный Замбези или Куама; баръ Інхамисенго,—гдѣ бываетъ, соответственно вре-

¹⁾ J. Thomson, "Proceedings of the R. Geographical Society". Май, 1881.

"Griesbach, "Jahrbuch der Geologischen Reichsanstalt", 1870.

менамъ года, а также приливамъ, отъ 3 до 7 метровъ воды,—избирается судами чаще всего¹). Впрочемъ, входы въ Замбези часто меняются во время бурь, и по обѣ стороны дель-

тившіеся въ извилистые ручьи, которые или совсѣмъ отдѣлены отъ Замбези или же соединяются съ нею только во время большихъ разливовъ. Морскія суда легко могутъ поднимать-

Линди.

ты видны прежніе протоки, бывшіе нѣкогда

устьями блуждающей рѣки, а нынѣ превра-

тся по Замбези вплоть до подошвы Морамбаль,

при чёмъ они встрѣчаютъ себѣ помошь со стороны восточного вѣтра, обыкновенно

дующаго въ этихъ водныхъ пространствахъ.

Геологіческій данныя свидѣтельствуютъ, что

¹) Augusto de Castilho, „Relatorio а cerca das Boeas do Zambeze“.

прежде дельта была значительно обширнѣе, чѣмъ она оказывается въ наши дни. Можно сказать, что она начинается почти тотчасъ книзу отъ впаденія р. Ширэ. Ряды лужъ и ложныхъ рѣчекъ—остатокъ древняго потока—наполняющіяся водою во время разливовъ, отдаляются мало-по-малу отъ Замбези въ направлениі къ востоку и идутъ на соединеніе съ медленно текущимъ потокомъ, гдѣ Muto, который прежде сообщался съ лиманомъ Квелимане (Quellimane), но который наносы и водяныя растенія совершенно заградили ¹⁾). Лодочникамъ пришлось искать другого выходнаго пути и спускаться ниже по Замбези до того волока, который приводить къ Барабаундѣ, чаще называемой Куа-Куа, или «рѣчкою барщины», такъ какъ туземцы были обязаны ее углублять. Эта каналь направляется къ Квелимане и, пройдя 120 километровъ, изливается въ предѣлахъ порта того же имени: пароходы съ водоизмѣщеніемъ въ два метра могутъ плавать по этой рѣчкѣ болѣе, чѣмъ на протяженіи половины ея длины кверху отъ порта. Во время половодія въ Замбези, ся рѣчныя воды, выйдя изъ своихъ береговъ, соединяютъ главный потокъ съ рѣчкою Квелимане при посредствѣ сѣти болотистыхъ низинъ. Кромѣ того, Замбези недавно перемѣстила свое ложе на двѣнадцать километровъ къ сѣверу и приблизилась, такимъ образомъ, къ своему периодическому истоку; прежній же протокъ ея, превратившійся теперь въ кольцеобразное озеро, виденъ еще и понынѣ. Размывающая работа продолжается въ направлениі къ сѣверу, вслѣдствіе чего «Компания африканскихъ озеръ» была вынуждена покинуть свое зданіе, которое недавно находилось въ 800 метрахъ отъ берега, и поселиться на одинъ километръ далѣе. Если Замбези будетъ постоянно отклоняться въ томъ же направлениі, то она и Куа-Куа сольются, и первоначальная дельта будетъ возстановлена на всемъ своемъ пространствѣ. Впрочемъ, легко было бы установить постоянное сообщеніе между Замбези и Квелимане при посредствѣ канала, прорытаго чрезъ низменныя земли. На югѣ, Замбези сообщается во время половодія также со многими рѣчками Газского края посредствомъ одной лагуны своего нижняго притока Zangue и цѣпи каналовъ-протоковъ, продолжающихся вплоть до гдѣ Pungue, впадающей въ океанъ на берегу Софалы ²⁾.

Въ бассейнѣ, столь обширномъ, какъ бассейнъ двухъ рѣкъ Ку-Банго и Замбези, климатъ, конечно, представляетъ болѣе контрасты, соотвѣтственно удаленію отъ моря, положенію мѣста и его возвышенню надъ уровнемъ

¹⁾ J. C. Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras do Changamira“.

²⁾ J. C. Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landins“.

немъ океана. Въ области истоковъ данныхъ рѣкъ,—составляющей часть того плоскогорія, на которомъ зарождаются также рѣки Куанса и Кассаи,—климатъ тотъ же, какъ и въ Верхней Анголѣ: привносимые западными вѣтрами дожди обильны, но крайнія температуры холода и тепла порою быстро смѣняются другъ друга. Равнымъ образомъ, стужи чередуются съ сильными жарами также и на пространствѣ того однообразнаго плоскогорія, по которому протекаетъ Низовая Ку-Банго, но по причинѣ сухости воздуха дожди выпадаютъ тамъ рѣдко; эти страны составляютъ продолженіе Большаго Кару и Калахари; климатическая явленія въ нихъ тѣ же самыя. Восточнѣе, область средней Замбези продолжаетъ собою Трансвальскій край, а полоса морскаго побережья, изобильно орошенная и подверженная правильному дѣйствію пассатовъ и бризъ съ моря, принадлежитъ къ Тропической Африкѣ; ураганы, столь спустошительные въ открытомъ океанѣ, неизвѣстны на этомъ морскомъ берегу. Лучше всего изслѣдована изъ всего бассейна область Ньянсы, такъ какъ тамъ европейскіе миссіонеры пребываютъ уже многіе годы. Такъ, въ Бандаузѣ, на западномъ берегу Ньянсы, подъ $11^{\circ}4'$ южной широты:

Средняя температура въ полдень, въ самомъ жаркомъ мѣсяцѣ (ноябрь): $29,4^{\circ}$. Средняя температура въ полночь, въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ (май): $15,6^{\circ}$. Крайняя т-ра тепла: $37,7^{\circ}$. Крайняя т-ра холода: $12,2^{\circ}$. Разность: $25,5^{\circ}$ ¹⁾.

Дожди, начинаясь на берегахъ Ньянсы въ декабрѣ и продолжаясь вплоть до апрѣля или мая, довольно обильны: въ одинъ изъ сравнительно сухихъ годовъ, въ Бандаузѣ выпало дождевой воды 2 м. 18 сантиметровъ. По направлению къ югу, количество дождя постепенно уменьшается. Въ Тете же, на Замбези, оно достигаетъ всего лишь 85 сантиметровъ. Здѣсь, въ Тете ($16^{\circ}11'$ южн. ш.), средняя т-ра разнится $16,7^{\circ}$, при чѣмъ самая теплая, въ ноябрѣ: $28,7^{\circ}$, а самая холода, въ маѣ: $22,5^{\circ}$ ²⁾.

Растительностью богата приморская полоса, которой различные виды пальмовыхъ деревьевъ придаютъ наружность экваторіальныхъ лѣсовъ, и гдѣ встрѣчаются даже «дерево съ влагами», одинъ видъ смоковницы-баньянъ; внутри же страны флора обильна только на тѣхъ мѣстахъ, которымъ благопріятствуютъ дожди или природное орошеніе: таковы, напр., вершины кручь, постоянно увлажняемыя брызгами каскада Mosi-оа-Тоупуа. Въ общемъ, бассейнъ Замбези, находящійся цѣлкомъ въ тропической полосѣ, обладаетъ флорой болѣе южной, чѣмъ бассейнъ Конго, но состоящей изъ формъ,

¹⁾ Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Май. 1884.

²⁾ Hann, „Handbuch der Meteorologie“.

самыхъ обыкновенныхъ въ этой ботанической области; однако, нѣкоторые изъ Капскихъ видовъ проникли въ эту область, перейдя на сѣверѣ тропикъ Козерога: однимъ изъ такихъ переселенцевъ, встрѣчающихся на Верховой Замбези, оказывается серебристое дерево (*Leucadendron argenteum*); большое число растений, принадлежащихъ къ Капской флорѣ, также встречаются и на прибрежныхъ горахъ около озера Ньяссы, которая достигаютъ высоты отъ 1.500 до 2.000 метровъ¹⁾). Южныя границы бассейна Замбези приблизительно совпадаютъ съ границами области произрастанія баобаба.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ области Замбези фауна еще удивительно богата. Во время путешествія Ливингстона, когда вооруженный ружьемъ бѣлый еще не проникалъ въ страну, по прибрежнымъ саваннамъ бродило несмѣтное множество животныхъ, при чемъ эти животные спокойно насласились, довѣрчиво подиуская къ себѣ человека: слоны, буйволы и кабаны еще не помышляли о бѣгствѣ; вѣтви деревьевъ гнулись отъ сотенъ садившихся на нихъ цесарокъ. По словамъ Голуба, естествоиспытателя, тщательнѣе всего изслѣдовавшаго бассейнъ Замбези, въ этомъ краѣ, столь изобилующемъ дикими животными, было семь видовъ носорога, четыре вида льва и три вида слона²⁾). Еще не такъ давно Capello и Ivens описывали прибрежныя мѣстности Либы, какъ громадный «зоологическій садъ», въ которомъ охотнику стоитъ лишь выбрать любую дичину на обѣдъ каравану. Въ нѣкоторыхъ округахъ львы до такой степени многочислены, что по ночамъ они осаждаютъ деревни; ревъ ихъ раздается непрерывно; но въ другихъ частяхъ рѣчного бассейна охотники уже совершили свое истребительное дѣло: львы смолкли; бегемоты, которые, бывало, шумно фыркали, и хриплое дыханіе которыхъ слышалось за километръ, научились задерживать свое выдыханіе: они плаваютъ втихомолку или же, засвѣдя пирогъ, скрываются въ тростникѣ. Послѣ введенія огнестрѣльного оружія, нѣкоторыя млекопитающія уже исчезли изъ охотничихъ краевъ. Бѣлый носорогъ, мирное и довѣрчивое животное, былъ искорененъ быстро; что же касается весьма свирѣпаго чернаго носорога, то эта порода еще сохраняется вдали отъ бойкихъ дорогъ. На сѣверной покатости Замбези не видно ни жирафовъ, ни страусовъ; этихъ двухъ животныхъ, повидимому, остановила рѣка, такъ какъ они многочисленны къ югу въ краѣ племени ма-шона и въ пустынѣ Калахари. По Освело и Ливингстону, дикія животныя Южной Африки постепенно мельчаютъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. По

мѣрѣ приближенія къ экватору антилопы становятся все мельче и мельче. Такоже уменьшается и рослость слоновъ, между тѣмъ, какъ размѣры ихъ бивней увеличиваются. Наблюдаются также большую разницу въ ростѣ домашнихъ животныхъ обѣихъ областей: скотъ у бѣ-чуановъ гораздо крупнѣе и сильнѣе скота у племени ба-тока на р. Замбези. Кпрочемъ, существуютъ исключенія изъ этого правила.

Вдоль нѣкоторыхъ изъ притоковъ Верхней Замбези и, вѣроятно, также въ Кафукуэ, живетъ одинъ любопытный видъ антилопъ, широкія ступни котораго лучше приспособлены къ плаванію, чѣмъ къ бѣганію. Эти животныя, называемыя жителями Виха *quichobos*, проводятъ почти всю свою жизнь въ водѣ, и часто ихъ видятъ плавающими, выставивъ изъ-подъ воды только два своихъ кривыхъ рога: ночью же они выходятъ попастись на берегъ. Если *quichobos* не встречаются болѣе въ низовьяхъ Замбези, то это по причинѣ присутствія тамъ многочисленныхъ крокодиловъ, отличающихся рѣдкою свирѣпостью³⁾). Другой видъ антилопы, почти земноводный, *nakong*, обитаетъ въ грязныхъ болотахъ, въ которыхъ изливается вода изъ Чобе: громадная стопа этого животнаго, не менѣе 30 сантиметровъ вплоть до оконечности конька, позволяетъ ему держаться, не проваливаясь, на трясинахъ. Оно пасется по ночамъ, а на день скрывается въ камыши; при погонѣ же, бросается въ воду и, плывя, выставляетъ только свои кривые рога и кончикъ морды. Туземцы поджигаютъ тростникъ для того, чтобы заставить наконга выйти изъ болота: рассказываютъ, что она даетъ сгорѣть своимъ рогамъ, прежде чѣмъ рѣшится выскочить изъ воды, чтобы продолжать свое бѣгство²⁾.

За исключениемъ верховьевъ Замбези, гдѣ животная жизнь сравнительно рѣдка, рыбы весьма многочисленны въ рѣкѣ и въ прибрежныхъ болотахъ. Небольшая рыбка, *toscheba*, населяющая воды средняго теченія Замбези, летаетъ на-подобіе океаническихъ долгоперовъ (*exoceti*). Послѣ прохода пирогъ, она бросается въ струю за кормою и, поддерживаемая своими грудными плавниками, можетъ оставаться на воздухѣ на протяженіи нѣсколькихъ метровъ. Орель-рыболовъ (*cincuta vocifer*) уничтожаетъ громадное количество рыбы, гораздо большее, чѣмъ можетъ сѣсть: обычно онъ довольствуется лишь частью спинки рыбы. Порою этотъ орель самъ даже и не ловить, а завидѣвъ пеликанъ, набившаго рыбой свой мышокъ, стремительно спускается къ нему и хлопаетъ крыльями: пеликанъ со страха поднимаетъ голову, широко раскрываетъ клювъ, а орель въ мгновеніе ока и выхватываетъ от-

¹⁾ Thomson, „Nature“, Октябрь, 21. 1880.

²⁾ Bulletin de la Société de Géographie⁴⁾, 1887, 1-er semestre.

³⁾ Serpa Pinto, „Comment j'ai traversé l'Afrique“.

⁴⁾ D. Livingstone, „Explorations dans l'Afrique australe“. Traduction de H. Loreau.

туда рыбу¹). Въ болотистыхъ областяхъ, водные птицы живутъ столь же многочисленными стаями, какъ пингвины и чайки на иѣкоторыхъ островахъ океана: одинъ изъ этихъ рыболововъ, *parra africana*, обладаетъ столь широкими лапами, что можетъ пускаться по рѣкѣ на листѣ лотоса, никакъ его не колебля; такимъ образомъ, онъ ходить по водѣ, какъ по сушѣ. Крокодилы также населяютъ воды Замбези, и, никогда не нападая на человѣка во многихъ другихъ рѣкахъ, весьма опасны въ этой южно-африканской рѣкѣ: каждый годъ можно слышать разсказы въ прирѣчныхъ деревняхъ о захваченныхъ вблизи берега дѣтяхъ и женщинахъ, а также и объ умерщвленныхъ или изувѣченныхъ путешественникахъ. Говорятъ, будто на Низовой Замбези ежегодно пожираются крокодилами около 250 туземцевъ. У иѣкоторыхъ прибрежныхъ народцевъ раненый крокодилъ считается нечистымъ, и дабы чрезъ него не приключилось бѣды и всѣмъ остальнымъ, его изгоняютъ изъ племени.

II. Народы, обитающіе по берегамъ Ку-Банги, Нгами и верхней Замбези, королевство Ба-Роце.

Водораздѣльная область, дающая начало верховымъ притокамъ Ку-Банги и Замбези, не представляя границы для животныхъ, не служить также рубежемъ и для населеній. Съ обѣихъ ея сторонъ находимъ племена одной и той же расы и одного и того же языка, спускающіяся съ той или другой покатости, смотря по превратностямъ общественной жизни. Нынѣ переселенческое движение совершается въ направлении съ сѣвера на югъ. Племя кюко, захватывающее на другомъ склонѣ земли лундовъ, вторгается также на югъ въ территорию племенъ гангузлла, лушазз и амбоэлла. Кюкосовъ можно встрѣтить даже въ равнинахъ нижней Ку-Банги. Тогда какъ въ бассейнѣ Кассаи торговля мало-по-малу увлекаетъ кюко за ихъ прежніе предѣлы,—по другую сторону водораздѣла ихъ гонить къ югу постепенное уменьшеніе дичи въ мѣстахъ охоты²).

Высокія долины рѣкъ Ку-Банго и Ку-Ито заняты въ особенности племенемъ гангузлла, родственнымъ Ангольскимъ гангузлламъ: племя это подраздѣляется на множество народцевъ, лишеннныхъ политической связи. Племя лушазз, обитающее въ верховыхъ Ку-Ито, говорить также однимъ изъ нарѣчий гангузлльского языка; это земледѣльцы и ремесленники, весьма искусные въ изготавленіи желѣзныхъ

инструментовъ, корзинъ и тканей. Гораздо менѣе кокетливые насчетъ причесокъ, чѣмъ ихъ сосѣди, лушазз одѣваются въ звѣринца шкуры и въ балахона изъ древесной коры. Другая нація, родственная гангузлламъ, разсѣяла свои колѣна на пространствѣ по крайней мѣрѣ пятьсотъ километровъ съ запада на востокъ, по тѣмъ областямъ съ умѣреннымъ климатомъ, чрезъ которыхъ рѣки Ку-Банго, Ку-Ито и Ку-Ндо проходятъ до своего вступленія въ равнину: нація эта—амбоэлла. Эти пугливые туземцы избѣгаютъ открытой мѣстности; большая часть ихъ живутъ на островахъ по рѣкамъ или на болотистыхъ берегахъ; ихъ тростниковые, хижини,—не содержащія никакой утвари, кроме тыквенныхъ бутылокъ, служащихъ для разнообразного употребленія,—всѣпостроены на сваяхъ и защищены либо потокомъ, либо трясинами и топями. Хотя большая часть ихъ территории занята великотѣпными пражами, и муха цепе тамъ не водится, у амбоэлловъ нѣть скота, нѣсколько птицъ—единственная ихъ домашня животныя. Но они—отличные земледѣльцы: кукуруза, фасоль, сладкіе пататы, земляные фисташки, тыквы, хлопчатникъ, клещевинное масло—таковы ихъ главные произведения, и, благодаря плодородію почвы, ихъ житницы всегда полны. Весьма привѣтливые и гостепріимные, они устраиваютъ празднества для посѣтившихъ ихъ чужеземцевъ, чествуютъ ихъ игрою на музыкальныхъ инструментахъ и простираютъ свою услужливость даже до уступки своихъ женъ заѣхавшимъ къ нимъ гостямъ¹).

Переселенческому движению, увлекающему въ бассейнъ Замбези многочисленны сѣверны племена, соотвѣтствуетъ движеніе въ противоположномъ направлениѣ бушменовъ и готтентотовъ племенъ въ область Ку-Банго, къ гангузлламъ и амбоэлламъ. Главный народецъ—му-кассекеръ, боязливые люди, живущіе въ лѣсахъ и всегда готовые уѣжать: не пять даже хижинъ, они бивуакируютъ у подножія деревьевъ; питаются же ягодами, корнями и тѣми животными, которыя проходятъ на разстояніи, до котораго можетъ достигнуть ихъ стрѣла; порою они ведуть кое-какую мѣновую торговлю съ амбоэллами, мѣная слоновые бивни и воскъ на маніокъ и другіе жизненные припасы. Въ иѣкоторыхъ окрестахъ они обращены въ рабство; въ другихъ мѣстахъ ихъ преслѣдуютъ, какъ дикаго звѣря, и обвиняютъ во всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ противъ нихъ самихъ. Южне, по равнинамъ, слившимся съ Калахари, бродятъ другія племена бушменовъ, питающіяся корнями и дичью; земную же ихъ ёду составляютъ крупныя лягушки и ящерицы; они даже заставляютъ удава

¹) D. Livingstone, упом. соч.

²) Serpa Pinto, упом. соч.

¹) Serpa Pinto, упом. соч.

На низовьяхъ Ку-Банги и въ равнинѣ «Тысячи озеръ» обитаютъ многочисленныя племена: дарико, ба-вико, мукоссо и ра-нажоа. Они, вмѣсто хижинъ, устраиваютъ рѣшетчатыя каморки на высокихъ кольяхъ, между которыми разводятъ огонь для того, чтобы отогнать москитовъ. Это—бечуаны, какъ и ихъ западные соседи, ба-тоана, которые около начала текущаго столѣтія отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ ба-мангуато и отправились кочевать на берега озера Нгами. Хотя довольно малочисленные, они, тѣмъ не менѣе, стали обладателями края; но, основавшись, прежде всего, на восточномъ берегу озера, они должны были перенести свою главную резиденцію на нижнее теченіе Ку-Банги, среди болотъ, чтобы избѣгнуть нападеній племени ма-табелэ ²). Первоначальное населеніе края, говорящее языккомъ бantu, называется ба-куба, т. е. «рабы»; но сами себя они называютъ ба-се, т. е. «люди». По Chapman'у, число ихъ достигаетъ двухсотъ тысячъ. Это люди мирные, честные и работящіе, занимающіеся охотою, рыбною ловлею и добываніемъ соли; привыкшіе бродить по водамъ, они не любятъ удаляться отъ своихъ болотъ и укрываютъ свои поселенія среди тростника. Будучи весьма суевѣрными, они взываютъ, подобно людямъ изъ племени дама-ра, къ «деревьямъ-матерямъ» ³). У нихъ, какъ и у большинства соѣдніхъ племенъ, чужестранецъ долженъ избрать себѣ друга, который отвѣчаетъ за него передъ другими жителями, и который, въ обмѣнъ на его товары, даетъ ему пищу, быка и женщину ⁴).

Къ востоку отъ края племени амбоэлла, вся Лобалэ, т. е. мѣстность, поперемѣнно бывающая равниной и болотомъ, а также и верхній бассейнъ Замбези, населены племенемъ ба-лунда, братьями ка-лунда конгскаго бассейна и официаль-но признающими сюзеренитетъ муато Ямво, хотя ихъ начальники въ дѣйствительности независимы. Правы приблизительно одни и тѣ же по объему сторонамъ водораздѣла между Замбези и Конго. Такъ, южные ба-лунда подпиливаютъ себѣ зубы и татуируютъ животъ, какъ и ба-лунда сѣверные. Равнымъ образомъ они почти голы и вымазываютъ себѣ тѣло клемешевиннымъ масломъ или другими маслянистыми веществами растительного происхождѣнія, такъ какъ скота у нихъ нѣть, и только изрѣдка случается, что трупъ быка доставить драгоценный жиръ ихъ начальникамъ. Какъ и на берегахъ Кассая, главнымъ украшениемъ у туземцевъ, проживающихъ по верхнему те-

ченію Замбези, служить латунная проволока, и влиятельныя лица, появляясь въ публикѣ, имѣютъ въ изобиліи этотъ металль на ногахъ; мода предписываетъ сильно наклоняться на ходу сначала на одинъ бокъ, а затѣмъ на другой, показывая этимъ, что поднять ногу можно лишь съ трудомъ. У ба-лунда этикетъ весьма строгъ. Встрѣтившій начальника или вообще высшее лицо спѣшить стать на колѣни и потираетъ себѣ пыль руки и грудь; передъ королями же, возсѣдающими на тронѣ, съ опахаломъ отъ мухъ, изготовленнымъ изъ хвостовъ гну,—припаданію къ стопамъ нѣть конца. Начинаютъ также входить въ употребленіе въ краѣ занесенные купцами привѣтствія мусульманскія и христіанскія: такъ, ба-лунда, встрѣчаясь съ иностранцами, кланяются и произносятъ слова: ave-ria, происшедшія отъ сокращенія словъ Ave-Maria; другие же при встрѣчѣ выражаютъ свое удивленіе восклицаніемъ «Аллахъ» ¹).

Благодаря плодородію своихъ всегда хорошо орошеныхъ земель, ба-лунда имѣютъ жизненные припасы въ изобиліи и охотно снабжаютъ ими своихъ посѣтителей. Очень гостепріимны, они въ то же время мирны и добродушны. У нихъ не замѣтно ни слѣда людоѣдства, и они не зарѣзываютъ ни женъ, ни рабовъ для сопровожденія главарей на тотъ свѣтъ. Ба-лундскія женщины пользуются сравнительно большой свободою, жены старѣшинь участвуютъ въ совѣщаніяхъ объ обществен-ныхъ дѣлахъ, и многія племена управляются королевами: когда королева умираетъ, то село, бывшее ея резиденціей, покидается, и туземцы строятъ себѣ хижины и разводятъ сады на другомъ мѣстѣ. Хотя невѣдомые географамъ, ба-лунда уже издавна торговали, чрезъ посредство бихеносовъ, съ португальцами на западномъ берегу Африки: воскъ, вывозимый изъ Лоанды и Бенгуалы, въ большой части происходитъ изъ ба-лундскихъ лѣсовъ, гдѣ его собираютъ въ лубяныхъ ульяхъ, подвѣшенныхъ на деревьяхъ и защищенныхъ отъ хищности мадлеровъ фетишами.

Различныя племена, населяющія долину Замбези въ собственномъ смыслѣ, книзу отъ слиянія ея съ рѣками Либа и Кабомпо, и строящія свои хижины на едва замѣтныхъ водораздѣлахъ, раздѣляющихъ долину, были соединены въ одно государство, известное у народовъ Южной Африки подъ именами Ба-роце, Унгенге, Луи или Луина. Основатель этой имперіи, Себитуани, былъ ба-сутскій завоеватель, предводительствовавший фалангой воиновъ, которая побѣдоносно прошла чрезъ всю область между рѣками Оранжевой и Замбези, забирая въ свое войско молодыхъ людей тѣхъ племенъ, которыхъ побѣждались на этомъ три-

¹) Chapman, „Travels into interior of South Africa“.

²) „Afrique explorée et civilisée“, юль, 1887.

³) Tb. Baines, „Explorations in South-West Africa“.

⁴) C. Chapman, упом. соч.

¹) D. Livingstone, упом. соч.

умфальномъ походѣ. Достигнувъ сланія Замбези съ Чобе, Себитуани и его ма-кололо основались въ этой полуостровной области, защищенной обширными болотами, и превратили ее въ центръ своего королевства, имѣвшаго не менѣе трехсотъ тысячъ жителей¹⁾). Здѣсь посѣтилъ ихъ Ливингстонъ, и столица королевства, Линьянти,—городъ съ 15 тысячнымъ населеніемъ, расположенный на сѣверномъ берегу Чобе,—сдѣлался центромъ его экспедицій въ область Замбези. Но следовавшіе за Ливингстономъ миссионеры были менѣе счастливы, и когда многіе изъ нихъ умерли, отчасти отъ вліянія климата, отчасти отъ яда, распространился слухъ, что ма-кололамъ грозитъ бѣда. И дѣйствительно, катастрофа подготавлялась. Собственно такъ называемые луины, или ба-роце, нетерпѣливо переносили иноземное господство. Неожиданно напавъ на ма-кололо, они поперебили ихъ, и говорятъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, были пощажены на всемъ полуостровѣ только двое мужчинъ. Устрашенные вѣстью о погромѣ, ма-кололо, жившіе къ югу отъ Чобе, бѣжали на западъ, где и попросили себѣ убѣжища у племени ба-тоана, поселившагося на берегахъ Нгами. Ба-тоаны приняли ихъ, повидимому, дружелюбно, но когда просители безъ оружія вступили въ ограду королевской резиденціи, ба-тоанскіе воиныбросились и перебили ихъ. Такъ погибла нація ма-кололо. Женщинъ раздѣлили между побѣдителями, а дѣти были, подъ другими именами, воспитаны въ селеніяхъ и станахъ ба-ротцевъ²⁾.

Несмотря на перемѣну властителей, королевство ма-кололовъ продолжало существовать, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Чобе. Ба-роце не осмѣливались переступить черезъ линію, защищенную болотами; но къ сѣверу отъ этой границы они смѣнили ма-кололовъ, въ качествѣ властителей, и вскорѣ затѣмъ присоединили всю страну племени ма-бунда (мамбунда), королева котораго была слишкомъ слаба, чтобы удержаться на тронѣ. Когда Голубъ посѣтилъ, въ 1875 году, королевство Ба-роце, то 18 большихъ племенъ, подраздѣленныхъ на 83 меньшихъ колѣна³⁾), имѣли своихъ делегатовъ при особѣ государя и регентши, его сестры; кромѣ того, въ краѣ проживали и платили дань большое число бѣглцовъ изъ другихъ племенъ, каковы ма-тебела, ба-магуато и ма-калала. Отъ мѣста сланія двухъ рѣкъ, Замбези и Чобе, до сѣверныхъ границъ королевства насчитывалось отъ 15 до 20 дней пути, а общая поверхность его превышала 250.000 квадратныхъ километровъ, на пространствѣ которыхъ, можетъ-

быть, проживало, до миллиона людей. Каждое изъ племенъ этой громадной державы говорить на своемъ языке, но при взаимныхъ сношеніяхъ, а также и въ официальной рѣчи, прибегаютъ къ языку ба-суго, т. е. языку истребленныхъ прежнихъ властителей страны. Такимъ образомъ, ма-кололо, хотя и исчезли, но наслѣдство ихъ осталось и, благодаря имъ, глюссологическая область се-сую пространственно удеснѣрилась. Правительственная іерархія въ королевствѣ Ба-роце представляеть также, по крайней мѣрѣ отчасти, нѣчто завѣщанное ма-кололами; но нравы тамъ—самые кровожадные: «люди въ этой странѣ не состариваются!» По Серго Пінту, при королѣ состоять совсѣмъ изъ трехъ министровъ: военнаго и двухъ по иностраннымъ дѣламъ, одного для запада—сносящагося съ Португалией, и другаго для юга—сносящагося съ капскими англичанами и голландцами южноафриканскихъ республикъ. Регентша, сестра или мать государя, носить, какъ и король, титулъ «льва», выходить за-мужъ, за кого желаетъ, при чёмъ ея мужъ получаетъ титулъ «зять націи»⁴⁾. Европейцы только терпимы въ странѣ и могутъ переправляться чрезъ Замбези лишь въ одномъ пункѣ⁵⁾; тѣмъ не менѣе, вліяніе ихъ значительно. Европейскій костюмъ носить уже большинство туземцевъ, и имъ замѣнено прежнее одѣяніе, состоящее изъ кожаныхъ юбокъ или бахоновъ.

Собственно такъ называемые ба-роце наслѣдуютъ берега Замбези между устьемъ Кабомпо и устьемъ Чобе: они искусные лодочники и обладаютъ, по сравненію съ нижними конечностями, сильно развитою грудью и плечами; но между ними сильно распространена проказа. Рѣка доставляетъ имъ пищу въ изобилии, рыбу и бегемотовъ, мясо которыхъ они очень любятъ; особые охотники, поселенные вдоль рѣки и съ ея боковыхъ притоковъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, обязаны поставлять эту дичь къ столу государя⁶⁾. Измѣнная почва береговъ оказывается самой плодородною во всей долинѣ и даетъ великолѣпные урожаи; стада скота пасутся въ пріаяхъ, надъ которыми господствуютъ, на востокѣ и на западѣ, откосы плоскогорія. Общая ширина бассейна, населенного ба-роце, равняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятидесяти километрамъ, и въ этой области «голодъ неизвѣстенъ»⁷⁾. Чтобы избѣгнуть ежегодныхъ наводненій, оплодотворяющихъ почву и превращающихъ ее во второй Египетъ, туземцы должны были выстроить свои деревни на ис-

¹⁾ Chapman, упом. соч.

²⁾ Mackenzie, „Ten Years in South Africa“;—Holub, „Sieben Jahre in Sued-Africa“.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ Голубъ перечисляетъ 104 колѣна, подчиненныхъ племени ба-роце.

⁴⁾ „Journal des Missions Evangeliques“, 1886.

⁵⁾ Emil Holub, „Deutsche Rundschau fü r Geographie und Statistik“, Октябрь. 1887.

⁶⁾ Holub, „Sieben Jahre in Afrika“.
⁷⁾ D. Livingstone, упом. соч.

кустистыхъ холмахъ, которые являются островами, разбросанными по внутреннему морю, во время разливовъ. Ма-бунда, раздѣляющіе съ ба-роце господство въ королевствѣ, живутъ на высокихъ террасахъ, ограничивающихъ съ сѣвера прибрежныя равнины Замбези. Ба-роце—весьма религіозные люди: они взываютъ къ солнцу, поклоняются новой лунѣ, спрашиваютъ тризну на могилахъ. Вѣра въ воскресеніе изъ мертвыхъ—всеобщая: злые возрождаются въ видѣ низшихъ животныхъ, а добрые появляются въ болѣе облагороженныхъ формахъ; но «никто снова не желаетъ стать человѣкомъ». Къ будущему переселенію душъ можно приготовиться и въ этой жизни, употребляя въ пищу мясо того животнаго, съ которымъ желаешь породниться, и подражая его походкѣ и голосу. Иногда случается слышать, какъ какой-нибудь мо-роце рычать по-льви-ному, подготовляясь къ загробной жизни¹⁾.

Изъ другихъ народцевъ королевства, одни прямо порабощены, и состояніе ихъ не лучше невольничества; другіе же остаются независимыми въ своемъ внутреннемъ управлѣніи, но платятъ дань, либо хлѣбомъ, плодами, плетенками членоками или другими сработанными вещами, либо бивнями слоновъ, или лѣсными продуктами: медомъ, воскомъ и каучукомъ. Ма-сулія—рабы, ловящіе рыбу и охотящіеся, для ба-роце въ области сланія, между Чобе и Замбези. Южнѣ живутъ маденасана: это—нація смѣшанного происхожденія, походящая ростомъ и формою тѣла на бечуановъ, а чертами—на негровъ Центральной Африки. Они—тоже порабощенные охотники и земледѣльцы, также какъ и ма-нанза, услуги которыхъ оспариваютъ другъ у друга два со-сѣднихъ народа, ма-тебелэ и ба-роце. Еще болѣе значительное покоренное племя ба-тока занимаетъ сѣверный берегъ рѣки, къ сѣверу отъ большаго водопада. Всѣ ба-тока, и мужчины, и женщины, достигнувъ возмужалости, вырываются себѣ изъ верхней челюсти рѣзцы, и это вырываніе зубовъ, совершающееся втайне, какъ обрѣзаніе у со-сѣднихъ народцевъ, носить религіозный характеръ. Тѣмъ, кто спрашивается ба-тока о происхожденіи этого обычая, они отвѣчаютъ, что цѣль ихъ—походить на быковъ. Восточные да-мары, еще не принявшие христіанства, поступаютъ точно такимъ же образомъ и въ объясненіе обычая ссылаются на тотъ же поводъ²⁾. Зубы нижней челюсти, не встрѣчая для себя препятствія въ челюсти верхней, удлиняются и выпячиваются губы кпереди, что придаетъ туземцамъ некрасивое очертаніе лица, характеризующее стариковъ.

Къ сѣверу отъ племени ба-тока, въ бассейнѣ Кафукуэ живутъ ба-шукуломпо (укулом-

буэ), нагіе люди, о которыхъ разсказываютъ, что они воздѣлываютъ землю мотыками изъ затвердѣвшаго дерева¹⁾). Они отличаются прическою отъ всѣхъ остальныхъ африканскихъ народцевъ, у которыхъ, однако, встрѣчаютъ удивительное разнообразіе въ манерѣ убирать свои волосы. Присоединяясь къ своему руну, намазанному коровьимъ масломъ, волосы различныхъ животныхъ, они изъ всего этого заплетаютъ различной величины конусы, либо наклоненные кпереди, либо торчащіе кверху, вертикально. Ливингстонъ видѣлъ одного начальника, у которого митра изъ волосъ, завершавшаяся на верху палочкою, поднималась на цѣлый метръ отъ черепа. Изъ европейскихъ путешественниковъ въ край ба-шукуломпо проникли только Silva Pinto и Holub. По счастью, Голубъ путешествовалъ вмѣстѣ съ своею женой, которую изумленные туземцы сочли за сверхъестественное существо: одно племя провозгласило ее королевою, и ея присутствіе не разъ спасало экспедицію отъ совершенной гибели. Къ востоку отъ края ба-шукуломпо простирается Сѣверная Маника, королевство, отличное отъ Маники по ту сторону Замбези. Этотъ край, сопредѣльный съ краемъ Мсири, въ верхнемъ бассейнѣ Конго, управляется королемъ, который, подобно многимъ другимъ государямъ негритянскихъ странъ, «никогда не єсть», т. е. ни одинъ подданный не допускается въ хижину короля во время его трапезы. Въ день же его похоронъ, многихъ изъ его женъ зарѣзываютъ и погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ королевствѣ Ба-роце встрѣчаются первыя агломераціи жителей, представляющія какое-либо значеніе въ торговомъ или политическомъ отношеніи; однако, большая часть этихъ городовъ перемѣщается вмѣстѣ съ перемѣнами царствованія: всякое общественное несчастіе приписывается гибельному вліянію почвы, и отысканіемъ болѣе благопріятной местности стараются отвратить дѣйствіе злого духа. Наводненія Замбези также разрушили много городовъ, размывая искусственные насыпи, на которыхъ они построены: такъ именно прекратилось существованіе Набіэлэ, прежней столицы Ба-роце; теперь это—незначительный поселокъ. Либонта, городъ, гдѣ имѣли пребываніе королевы, тоже развѣнчана, и проѣзжавшій по сосѣдству съ нею Серпа Пинто уже не упоминаетъ о ней. Въ 1878 году, когда этотъ путешественникъ проходилъ долину страны Ба-роце, королевская резиденція была въ Ліалуи, въ двадцати километрахъ къ востоку отъ Замбези, виѣ той низменной полосы, которую затопляютъ воды въ сезонъ дождей. Книзу отъ водопадовъ и стремнинъ Намбуэ, новый городъ Сешекэ (Киссекэ, Шип-

¹⁾ Jeanmairet, „Afrique explorée et civilisée“. Septembre. 1886.

²⁾ Ch. Anderson,—Holub.

⁴⁾ B. Capello et R. Ivens, упом. соч.

шакэ), наследовавший другому Сешакэ, сгоревшему въ 1878 году, сталъ, въ свою очередь, столицей имперіи, или скорѣе мѣстомъ свиданія для начальниковъ и ихъ приближенныхъ, между тѣмъ какъ Линьянти, нѣкогда метрополія королевства Ма-кололо, потеряла свое значеніе, превратясь въ группу бѣдныхъ хижинъ, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Чобе, посреди лабиринта болотъ. Въ 1853 году, когда Линьянти посѣтилъ Ливингстонъ, это былъ, къ сѣверу отъ Шошонга, самый большой внутренний рынокъ Южной Африки; нынѣ главнымъ городомъ на Чобе, но въ верхней части рѣки, является городъ, названный по имени его начальника Матамбянга. Часть торговли Линьянти перешла къ деревни Мпалера (Импалера, Мпарира, Эмбарира), расположенной на песчаномъ островѣ, при слияниіи Замбези и Чобе, къ верху отъ «Гремящаго Дыма»; невдалекѣ оттуда, на тряской прѣріи, бѣть обильный теплый источникъ, который бываетъ покрытъ водами разлива въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году¹⁾. Пандама-Тенка, рынокъ, находящійся въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ водопада, въ слабо населенной области, представляетъ мѣсто, въ которомъ обыкновенно, на пути отъ Лимпопо къ Замбези, останавливаются южные англійскіе купцы, ма-мбари, португальцы смѣшанной расы и европейскіе миссіонеры. Тамъ іезуитами была основана миссія, которую они, однако, недавно должны были покинуть.

III. Страна племени ма-тебелэ и населеніе на среднемъ течениіи Замбези.

Съ ущельемъ «Гремящаго Дыма» сопредѣльны три державы. Именно, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, находится королевство Ба-ропе; на югѣ, равнины, простирающіяся по направлению къ пруду Макарикари, принадлежащіе королевству Ба-мангуато; на юго-востокѣ, бассейны рѣкъ: Гуай, Саньяти, Раньямэ и Мозоэ, зарождающихся на кристаллическихъ горахъ Матоппо и спускающихся къ Замбези, сами эти горы и весь противоположный склонъ вплоть до Лимпопо—составляютъ королевство племени ма-тебелэ или ама-нде-бели, т. е. «людей, которыхъ не видно»; прозваны же они такъ потому, что ихъ дѣятельно почти не видно изъ-за ихъ громадныхъ щитовъ. Для снабженія себя солью, они путешествуютъ какъ повелители вплоть до береговъ Нгами.

Эти ма-тебелэ, несмотря на ихъ собирательное имя народа, до недавнаго времени бы-

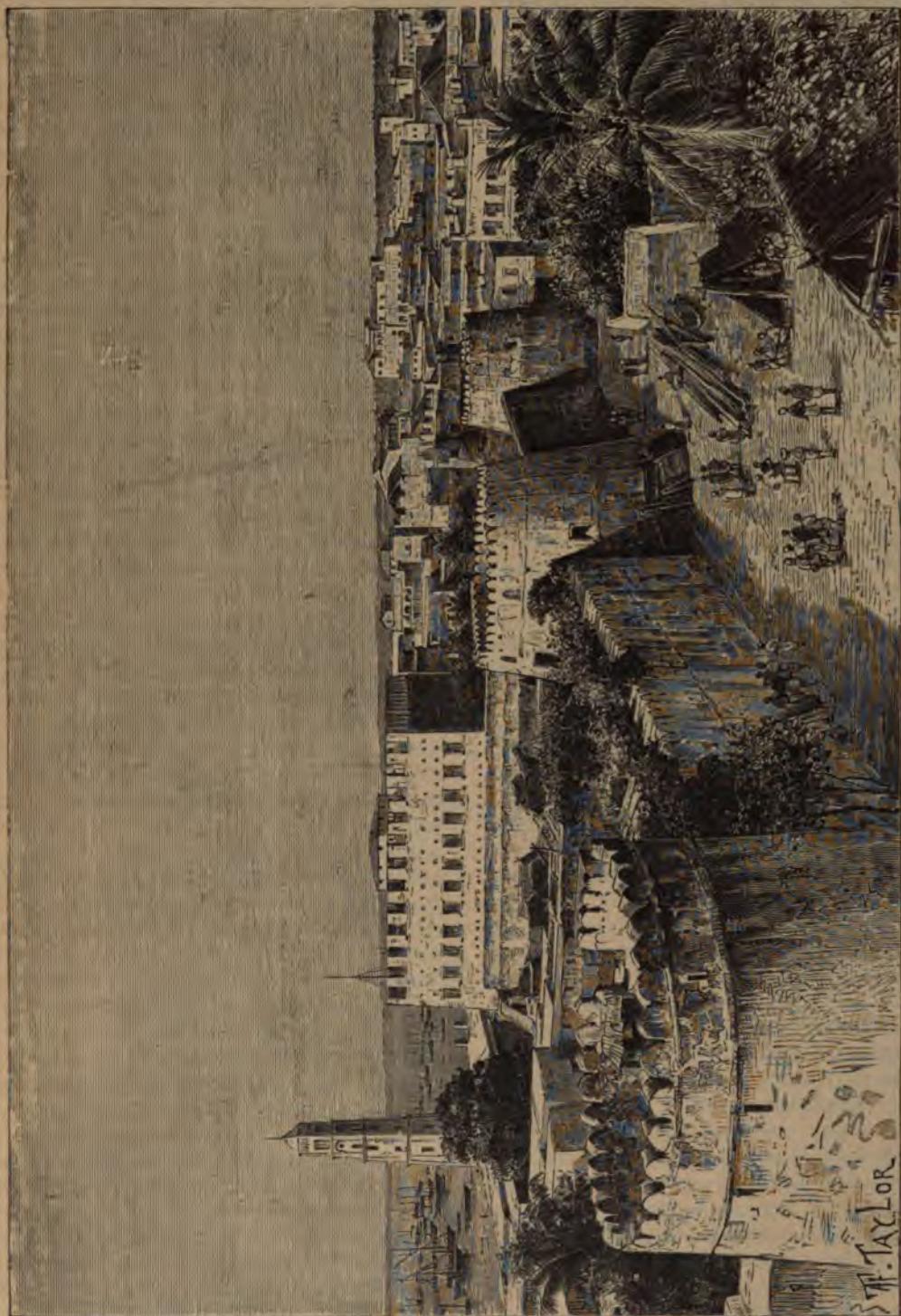
ло не что иное, какъ войско. Будучи простыи отрядомъ зулусовъ, которые и сами были воинами изъ различныхъ племенъ, банда племени ма-тебелэ, предводимая грознымъ Мусселекатси, пополнилась на своемъ пути рерутами изъ молодыхъ людей всѣхъ порабощаемыхъ или истребляемыхъ расъ. Въ 1864 г., когда миссіонеръ Макензи посѣтилъ короля ма-тебелэ, почти всѣ пожилые мужчины, видѣнныи имъ въ его арміи, были аба-занзи, т. е. кафры, уроженцы Наталя и края зулусовъ; затѣмъ воины въ цѣлѣтѣ лѣтъ были изъ различныхъ колынъ бе-чуановъ, которыхъ Мусселекатси покорилъ въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія на территоріи, нынѣ превратившейся въ Трансвалъ; и, наконецъ, самые молодые солдаты были ма-калака и изшуана, уроженцы водораздѣльной области между Лимпопо и Замбези, которая и составляетъ нынѣ королевство Ма-тебелэ. Всѣ эти военные люди начали свою службу въ качествѣ пѣщихъ: вначалѣ они только и дѣлали, что стерегли скотъ короля; затѣмъ, во время какого-нибудь похода, слѣдовали, для испытанія, за солдатами, неся ихъ оружіе и жизненные припасы; въ концѣ концовъ, привыкнувъ къ виду крови, становились, въ свою очередь, воинами и умерщвляли мужчинъ и женщины такимъ же образомъ, какъ были убиты ихъ собственные отцы и матери. Пока ихъ мечи не «испили крови», они считались чужеземцами и рабами, а даваемую имъ говядину предварительно натирали пескомъ: только послѣ первого убийства ихъ начинали признавать за мужчинъ. Какъ и зулусамъ Чаки, имъ было воспрещено жениться: они не могли воспитывать дѣтей; великая военная семья пополнялась только пѣщими. Лишь насильственная смерть считалась почетною; больные сносились въ укромное мѣсто и отдавались подъ надзоръ врача, который либо снова приводилъ ихъ, по выздоровленіи, въ лагерь, либо бросалъ ихъ трупы въ кусты; старики побивались каменями. Выдрессированные изъ охотѣ за дачью-человѣкомъ, ма-тебелэ были весьма искусны въ своемъ ремеслѣ истребителей. Слѣдуя «великому закону» короля, они никогда не должны были отступать, вслѣдствіе чего цѣлые полчища позволяли избѣгать себя непріятелю, превосходившему ихъ численностью; по приказанію властителя, воины съ однимъ дротикомъ въ рукахъ бросались на льва или буйвола и добывали его живымъ¹⁾). Гордясь своими ранами и своими побѣдами, ма-тебелэ, однако, унижались передъ своимъ государемъ, которого привѣтствовали криками: «Великий король! Пойдатель людей!» По странному контрасту, этотъ царекъ, изъ титуловъ котораго самымъ славнымъ считался

¹⁾ Bradshaw, "Proceedings of the R. Geographical Society". Апрѣль, 1881.

¹⁾ G. Fritsch, "Drei Jahre in Sd-Afrika"

титуль «людоѣда», оказывался весьма чувствительною особою: видѣть мученія ему было непріятно; въ присутствіи его, волопасы должны были воздерживаться отъ бичеванія своихъ

ватель, какъ походами, часто возобновляемыми: для снабженія себя жизненными припасами у нея не было другаго средства, кромѣ грабежа, а для своего пополненія—кромѣ захвата плен-

Общий видъ Занзибара.

животныхъ и, довольствуясь лишь длинными хворостинами, ласками понукали скотину ¹⁾.

Подобная армія не могла иначе существо-

выхъ, хотя страна этого племени—одна изъ самыхъ плодородныхъ въ свѣтѣ. Война была единственнымъ промысломъ ма-табелэ; они даже не ждали приказаний короля, а отправлялись по собственному почину опустошать окрест-

¹⁾ J. Mackenzie, упом. соч.

ныя земли, убивать мужчинъ и захватывать въ пленъ женщинъ, дѣтей и скотъ. Такъ какъ всѣ преданія были порваны вслѣдствіе ухода изъ отечества и лагерной жизни, то матабела не знали уже ни пѣсень, ни поговорокъ, ни вѣрованій тѣхъ рась, изъ которыхъ они происходили: правда, въ краяхъ, черезъ которые они проходили, они позволяли туземнымъ чародѣямъ совершать жертвоприношенія или заклинанія, но сами въ этихъ дѣяніяхъ не участвовали. Однако, между этими людьми всевозможного происхожденія, подконецъ установилось нѣчто вродѣ национальной связи, и въ то же время состояніе непрерывной войны должно было уступить мѣсто роду жизни, сходному съ жизнью окрестныхъ племенъ. Уже въ послѣдніе годы царствованія Мусселекатса, законы, воспрещающіе бракъ, перестали соблюдаться; образовались семейства, и воины превратились въ земледѣльцевъ, но сохраняютъ вокругъ обширной гонзуры прическу изъ склеенныхъ волосъ, какъ символъ мужественности. Вліяніе миссіонеровъ и купцовъ заставило открыть торговыя дороги черезъ матебельскую территорію, а сосѣдство дисциплинированного войска англичанъ и голландцевъ обязываетъ наслѣдовавшаго завоевателю короля къ большой осторожности. Ему надо опасаться, какъ бы богатство его королевства мѣсторождениями золота не привлекло чужеземцевъ, которые стали бы властвовать надъ нимъ. Когда посланецъ трансвальской республики явился къ Мусселекатсу съ просьбою дать разрешеніе европейскимъ рудопамъ на разработку копей, то онъ на-отрѣзъ отказалъ въ этомъ, произнесъ слѣдующія слова: «Возьмите эти камни и нагрузите ими свои повозки, но я не желаю, чтобы сюда привели голландскую женщину, корову, овцу или козу, а также, чтобы понастроили домовъ въ моей странѣ».

Нѣкоторое число народцевъ — давниковъ обитаютъ довольно далеко отъ мѣстопребыванія короля, или достаточно защищены устройствомъ поверхности своего края для того, чтобы имѣть возможность сохранить себѣ нѣкоторую политическую независимость. Одну изъ такихъ группъ племенъ представляютъ ба-ньяи, занимающіе южный склонъ долины Замбези, кверху отъ устья Кафакуэ, и общины которыхъ обыкновенно выбираютъ себѣ жилищемъ естественный крѣпости изъ скаль. Ба-ньяи вообще красивые люди: они рослы и сильны и тщеславятся сравнительно свѣтлымъ цветомъ своей кожи. Весьма чистоплотные, — чѣмъ рѣзко отличаются отъ большинства своихъ сосѣдей,— они также заботятся о своей причесѣ, при чемъ волосы раздѣляются на маленькия косички, обивая ихъ, затѣмъ, лыкомъ, окрашеннымъ въ красный цветъ; эта прическа изъ твердыхъ косичекъ напоминаетъ куафюру, которую носили египтяне три-

тысячи лѣтъ тому назадъ. Отправляясь въ путь-дорогу, ба-ньяи приподнимаютъ всѣ эти косички кверху и связываютъ ихъ надъ головою въ узелъ. Нравы у этого племени не такѣе раболѣпные, какъ у ихъ сосѣдей: своихъ вачальниковъ они избираютъ. Правда, избранный государь обыкновенно сынъ сестры умершаго; но часто случалось, что избиратели, не удовлетворяясь этимъ кандидатомъ, искали себѣ короля у другихъ народцевъ. Когда объ избраціи извѣстятъ выбраннаго, то сначала онъ отказывается, какъ будто на него налагали черезъ чурь тяжелое бремя; но это не болѣе какъ конституціонная фикція: власть все-таки остается вѣренно ему, а вмѣстѣ съ нею къ нему же переходитъ также имущество, жены и дѣти его предшественника¹⁾. Нѣтъ африканского племени, у котораго бы женщины пользовались такимъ большимъ влияніемъ, какъ у ба-ньяи: во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ рѣшающій голосъ принадлежитъ женѣ. Когда молодой человѣкъ сватается къ дѣвушкѣ, то онъ обращается къ ея матери, и если не послѣдуетъ отказа, то покидаетъ свое семейство и идетъ жить къ своей тещѣ, при чемъ дѣлается ея слугою и долженъ оказывать ей величайшее почтеніе: такъ, напр., вместо того, чтобы сѣсть, онъ становится передъ ней на колѣни, опускаясь на корточки, такъ какъ, показавъ ей свои ступни, онъ сильно бы ее обидѣлъ. Дѣти принадлежатъ матери. Если же мужъ сочтетъ для себя тягостнымъ такое состояніе служительства, то можетъ возвратиться къ себѣ, но долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ родительскихъ правъ, если только не купить ихъ путемъ даренія извѣстнаго числа коровъ и козъ.

Племена ма-калака и ма-шона — прежніе владѣльцы этой страны, гдѣ въ наши дни господствуютъ ма-табелэ,— въ большинствѣ истреблены, а незначительные ихъ остатки проживаютъ въ рабствѣ. При этомъ, болѣе пострадали ма-калака. Оттѣсненные завоевателями частію къ Замбези, частію къ Лимпопо или къ равнинамъ Калахари, они позабыли даже свой языкъ и говорять теперь лишь на зулусскомъ жаргонѣ²⁾. Нѣкогда прекрасные земледѣльцы и умѣлые кузнецы, они принуждены вынѣти изъ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возвратиться къ первої жизни, довольствоваться сборомъ дикорастущихъ плодовъ и охотою, или же предаваться грабежу. Они снова впаali въ рабство и не умѣютъ уже строить хижинъ. Со всемъ тѣмъ ма-калака по-прежнему выгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей строгостью супружескихъ правовъ; они уважаютъ своихъ женъ и клянутся именемъ своихъ матерей³⁾. Съ самаго дѣтства, женщины подвергаются различ-

¹⁾ D. Livingstone, упом. соч.

²⁾ C. Mauch, „Petermann's Mittheilungen“, 1870, тетр. I.

³⁾ J. Mackenzie, упом. соч.

нымъ операциямъ татуировки, крайне жестокимъ¹⁾: на одной только груди и животѣ имъ дѣлаютъ болѣе четырехъ тысячъ порѣзовъ, расположая ихъ въ видѣ тридцати параллельныхъ линій, и если кожа не покроется достаточно обозначенными рубцами, то операция повторяется. У ма-калака есть гроты для некрополей, но иностранцамъ они не позволяютъ погребать своихъ мертвцевъ въ предѣлахъ калакской земли: товарищи двухъ изслѣдователей страны, Oates'a и Grandy, умершихъ среди ма-калакъ, должны были вывезти ихъ трупы за предѣлы ма-калакской области²⁾. Что касается ма-шоно, составляющихъ основу населения на склонѣ горъ къ Замбези, то они не такъ сильно пострадали отъ натиска ма-тебелэ, благодаря тому, что знаніе ими ремесла дѣлаетъ ихъ незамѣнимыми для ихъ желастителей; хотя тоже пришедшіе въ упадокъ и обзвыкаемые ма-тебелями: «ма-шолэ», т. е. «рабами»,—это они, ма-шона, воздѣлаютъ рисовыя плантациіи, дѣлаютъ мебель, ткуть хлопчатобумажныя ткани, шьютъ и вышиваютъ кожаные щиты, выковываютъ и оттачиваютъ дротики и мечи. Оспа часто производить между ними большія опустошенія, и они такъ боятся этой болѣзни, что часто бросаютъ заболѣвающихъ оспою въ кусты. Нѣкоторые народцы ма-шона, защищенные гористымъ устройствомъ поверхности своей страны, могли сложиться въ независимыя республики; но они живутъ въ постоянномъ страхѣ, убѣгая каждый вечеръ, съ своимъ небольшимъ проворнымъ скотомъ, на уединенные утесы, единственная тропа на которые преграждена сильными палисадами; вѣзть же въ ихъ, устроенные надъ землею, хижины можно только при помощи пшестовъ съ зарубками³⁾). Между бродячими царями, встречающимися въ странѣ ма-тебелэ, есть такие, которыхъ, какого-бы они ни были происхожденія, называютъ бушменами и готтентотами. Ама-зизи, костоправы и врачи, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ происходятъ отъ готтентотовъ. Нѣкоторые туземцы, называемые португальцами *pandoros*, пріобрѣли большую власть надъ остальными чернокожими, благодаря своимъ чародѣйствамъ: между прочимъ, они часто удаляются въ лѣсъ для воспріятія своего настоящаго облика дикихъ звѣрей, но показываться людямъ они благоволятъ только въ видѣ людей же!⁴⁾

Центръ государства Ма-тебелэ — населенность котораго исчисляется различно, въ 200

¹⁾ Carl Mauch, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 37.

²⁾ E. Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Мартъ, 1880.

³⁾ Montagu Kerr, „Afrique explorée et civilisée“. Маѣ, 1886.

⁴⁾ Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras do Changamira“.

тысячъ и до 1 мил. 200 тысячъ¹⁾)—находится въ бассейнѣ великой рѣки, около источниковъ р. Умъ-Кози, которая, подъ другимъ именемъ, впадаетъ въ Замбези въ ста слишкомъ километрахъ кверху отъ большаго водопада. Королевская резиденція, Губулувайо, была расположена пососѣдству съ гранитнымъ водораздѣломъ между Замбези и Лимпопо. Подобно большей части городовъ внутри Южной Африки, и этотъ городъ перемѣнялъ свое мѣсто, хотя и на небольшомъ пространствѣ. Единственный домъ европейской постройки, именао домъ короля, возвышается на холмѣ въ центрѣ села; онъ окружены хижинами, въ формѣ улья, сбнесенными частоколомъ для защиты; жилища же торговцевъ разсыпаны въ окрестностяхъ. Кромѣ купцовъ, вдоворившихся вокругъ столицы, многие торговцы присоединились къ свитѣ короля, для удовлетворенія потребностей окружающихъ его чиновниковъ и воиновъ, и сопровождаются его въ частыхъ поѣздкахъ его въ Иньяти и другія мѣстечки на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ, въ горахъ Матоппо. Католические и протестантскіе миссіонеры также проникли въ страну Ма-тебелэ, а теперь туда вторглись, наконецъ, и долго не пускаемые рудокопы. Съ другой стороны, большое число временныхъ эмигрантовъ ежегодно выходить изъ края въ сосѣднія англійскія и голландскія государства въ разсчетѣ зашибить тамъ деньги²⁾). Копи въ Тати, первыя изъ открытыхъ въ бассейнѣ Лимпопо, разрабатываются одною компаніею изъ Капа. Тамъ видны также слѣды древнихъ раскопокъ, сдѣланныхъ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ³⁾.

Къ сѣверу отъ страны племени ма-тебелэ и ма-шона, въ очень гористой области, откуда быстрые потоки стремительно бѣгутъ къ Замбези, многочисленныя селенія принадлежать племени ма-корикори. Люди, не менѣе ма-шонъ промышленные, ма-корикори особенно искусны въ обработкѣ мѣди, изъ которой они вытягиваютъ проволоку, плетутъ изъ нея украшенія. Ихъ женщины прокалываютъ себѣ верхнюю губу и вводятъ въ нее латунное кольцо, иногда украшенное нѣсколькими жемчужинами. Сѣвериѣ, въ долинѣ Замбези, живутъ мтанда, женщины которыхъ также пронизываютъ себѣ верхнюю губу и вѣзаютъ туда *jaja*, кольцо изъ слоновой кости или изъ дерева. Здѣсь—область мухъ пеще; женщины сушатъ ихъ, стираютъ въ порошокъ съ корою одного корня и примѣшиваютъ это снадобье къ корму своихъ домашніхъ животныхъ: козъ, овецъ и собакъ⁴⁾. По ту сторону, на лѣвомъ берегу Замбези, раз-

¹⁾ Peterson, „Proceedings of the R. Geographical Society“. August, 1879.

²⁾ Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landins“.

³⁾ J. Mackenzie, упом. соч.

⁴⁾ Montagu Kerr, упом. соч.

валины указывают на границу той территории, которую португальцы никогда занимали внутри Африки: эти остатки принадлежат древнему мѣстечку Зумбо, бывшему скопищу мѣстомъ для ярмарки, чѣмъ городомъ; въ сезонъ сюда сходились тысячи туземныхъ купцовъ для закупки европейскихъ товаровъ¹). Съ 1836 по 1863 г. Зумбо было совершенно покинуто португальцами²). Съ 1863 г., его заняли вновь, нынѣ тамъ пребываетъ *capitão* тог, и различныхъ рась купцы, бѣлые и цвѣтные, ведутъ въ немъ торговлю съ туземцами племени ба-сенга. Какъ мѣсто для рынка, Зумбо выбрано весьма хорошо, находясь при сліяніи, кверху отъ Кафакуа, рѣкъ Луа-Нгуэ и Замбези, и будучи расположено въ плодородномъ и богатомъ лѣсами краѣ, окруженному живописными горами; нѣть никакого сомнѣнія, что оно опять пріобрѣтетъ довольно важное значение, когда португальцы оснутютъ новые фактории на берегахъ Верхней Замбези и когда они начнутъ разрабатывать каменноугольныя, желѣзныя и золотоносныя коши въ окрестностяхъ Зумбо.

Тете, послѣдній городъ, которымъ бѣлые или *mzungos* обладаютъ нынѣ вдали отъ моря, построены на склонѣ холма, на правомъ берегу Замбези; всѣ европейскіе дома заключены въ оградѣ, подъ защитою пушекъ форта; вокругъ стѣнъ этой ограды расположены предмѣстія туземцевъ, состоящія изъ хижинъ, построенныхъ изъ глины и древесныхъ вѣтвей. Этотъ, никогда процвѣтавшій, португальскій городъ вель большую торговлю золотомъ, слоновою костью, хлѣбнымъ зерномъ и индиго. Торгъ неграми привелъ его въ упадокъ, такъ какъ не стало рабочихъ ни для обработки почвы, ни для сбора плодовъ; въ наши дни, Тете представляетъ лишь кучку мазанокъ, и его значеніе обусловливается главнымъ образомъ принадлежащей ему политическою ролью, какъ господствующаго надъ краемъ пункта и какъ мѣстопребыванія гарнизона; иногда, вслѣдствіе набѣговъ ландиновъ, онъ бывалъ совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ моремъ. Въ его окрестѣ нѣть муhi цце или *pêço*, какъ ее называютъ въ Замбези; однако, скотоводы не пользуются этимъ громаднымъ преимуществомъ. Земли по лѣвому берегу особенно плодородны, и прежде тамъ богатые землевладѣльцы имѣли свои виллы. Округъ Тете, къ сѣверу и къ югу отъ Замбези, въ свое время станетъ одною изъ самыхъ важныхъ горнопромышленныхъ областей Африки. Онъ обладаетъ обширными залежами каменного угля, желѣзными копями, которыми пользуются кузнецы изъ племенъ ба-сенга и ма-калака, и золотоносными землями. На сѣверѣ, сьерра Максинга, уединенно высящаяся посреди пустынь или *sertão*, нѣкогда

да была разрабатываема португальскими рудокопами; горная порода, въ которой содержится металлъ, говорить, столь хрупка, что, передъ промывкою, женщины раздробляютъ ее между двумя кусками дерева¹). Къ югу отъ Тете, у ма-корикори, и главнымъ образомъ въ долинахъ рѣки Мозоэ и ея притоковъ, также находятся золотоносныя мѣстности. *Paiva de Andrade* упоминаетъ, какъ о будущемъ Эльдорадо, о краѣ Шангамира, который *Mauch* уже раньше называлъ «Копиями императора Вильгельма». Въ этой странѣ золота мѣстами разсѣяны развалины памятниковъ. Кюсъ разсказываетъ, что туземцы имѣютъ обыкновеніе закапывать въ землю самородки золота, въ уверенности, что отъ нихъ народятся огромныя количества, «цѣлыхъ жатвы» золотыхъ блестокъ.

«Умирающая» Сenna или *São-Marçal*—лежащая на правомъ берегу Замбези, у подошвы высокаго утеса и насупротивъ судоходного протока Зіу-Зіу, сообщающаго Замбези съ Ширѣ,—еще менѣе процвѣтаетъ, чѣмъ Тете: часто городокъ Сенна бываетъ вынужденъ уплачивать дань своимъ сосѣдямъ, кафрамъ умгони или ландинамъ, а по ночамъ баррикадироваться отъ львовъ²). Воздухъ, которымъ тамъ приходится дышать, переполненъ зловонными парами, поднимающимися съ застаивающихся водъ Замбези, которая постепенно перемѣщается по направлению къ сѣверу. Существуетъ мысль о перенесеніи города на лѣвый берегъ, подмыаемый, однако, рѣчнымъ потокомъ³).

IV. Бассейнъ озера Ньясса и рѣки Ширѣ.

Южнѣе рѣки Замбези, банды кафрскихъ воиновъ, пришедшихъ съ юга, основали два королевства: Газа (*Gaza*) и Ма-тебелѣ; къ сѣверу отъ этой рѣки, завоеватели того-же происхожденія тоже заняли обширныя территории въ западномъ склонѣ озера Ньясса, но, раздѣленные на банды безъ национальной связи, они не создали большой державы. Эти кафры, называемые ма-вити или ма-зиту, упоминаются Гамитто подъ названіемъ *minhaes*; ихъ также называютъ ма-нгонз, каковое наименование почти тождественно съ умгони, завоевателями области между Замбези и Лимпопо. Дѣйствительно, они очень походятъ на зулусовъ, и, вѣроятно, находились въ сосѣдствѣ съ ними въ еще не очень отдаленную эпоху; въ ихъ языкѣ имѣется также «прищелкиваніе», похожее на прищелкиваніе нарѣчія южныхъ кафровъ⁴). Воины причесываютъ свои волосы,

¹) Küss, упом. мемуаръ.

²) Augusto de Castilho, „O Zambeze“; — *Paiva de Andrade*, „Relatorio de uma Viagem as Terras dos Landins“.

³) „Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa“, 1882, № 1.

⁴) Chaung Marles, „Proceedings of the Geographical Society“, October, 1885.

¹) J. Nogueira de Andrade, „Descripção da Capitania de Mossambique“. 1790.

²) Capello et Ivens, упом. соч.

при помощи камеди или глинистой охры, такъ, что они образуютъ кругъ въ видѣ ореола; такую же прическу носятъ и зулусские воины. Весьма хорошо дисциплинированные, ма-вити бросаются на врага, не отвѣчая на ружейную пальбу или настрѣлы, и, сойдясь съ непріятелемъ атакуютъ его дротикомъ или мечемъ. Впрочемъ, ма-вити не составляютъ отдельной націи завоевателей, которые проникли наилѣвѣ въ направлениі къ сѣверу, ибо грозные вұтута изъ У-Ніамэзи, на восточномъ берегу Танганьики, также пришли изъ Наталя, и большинство историковъ Африки признаютъ другихъ южныхъ кафровъ въ тѣхъ джага, которые въ концѣ XVII-го столѣтія ниспровергли Конгское королевство. Ма-вити съ береговъ Ньяссы совершили свое дѣло разрушенія ужающимъ образомъ. Появясь приблизительно въ половинѣ текущаго столѣтія къ сѣверу отъ Замбези, они прошли чрезъ области племенъ ро-вума, затѣмъ ру-фиджи, сожигая села, избивая людей въ зрѣломъ возрастѣ, забирая молодыхъ въ войска и продавая женщинъ торговцамъ рабами. Однако, будучи отброшены внутрь, банды ма-вити кончили тѣмъ, что во-дворились на западъ озера Ньясса, въ холмистыхъ областяхъ, которая простирается въ направлениі къ истокамъ Луа-Нгуа, а отсталые изъ нихъ, покинутые въ земляхъ на востокѣ отъ озера, постепенно слились съ туземными племенами. Тѣ изъ ма-витскихъ воиновъ, которые не разбрелись, произвели, несмотря на свою ослабленность, большія опустошенія между прибрежными жителями озера Ньясса, племенами: уа-тшуングу, ма-римба или ма-нганыя. Вслѣдствіе этого, одни изъ жителей этой области, въ видахъ защиты отъ ма-витскихъ набѣговъ, окружили свои поселки двойными или тройными частоколами, а другіе построили свои хижинны посреди озерныхъ водъ на сваяхъ или же укрѣпились на узкихъ полуостровахъ¹). Специальный трактать устанавливаетъ известную связь между ма-вити и англичанами, и обязываетъ ма-вити уважать станціи бывшихъ. Уже некоторые обряды ислама проникли къ этимъ кафрамъ. Погребеніе у ма-вити всегда совершается по мусульманскому обряду, и могилы постоянно располагаются по направлению къ Меккѣ. Трупы же рабовъ и преступниковъ выбрасываются въ кусты, гдѣ ихъ и пожираютъ вѣдьмы, въ образѣ гіэнъ²). Мелкихъ народцевъ, различающихся нравами и нарѣчіями, весьма много: такъ, на западномъ берегу озера насчитываются не менѣе семи различныхъ языковъ³).

¹⁾ James Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society“ May, 1879.

²⁾ Hayes, „African Times“. „Afrique explorée et civilisée“, octobre, 1887.

³⁾ J. Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society“. May, 1881.

Ма-кололо, обитающіе на рѣкѣ Ширэ, между Ньясса и Замбези, представляютъ замѣчательный примѣръ образованія племенъ внутри Африки. Если бы ихъ исторія не была хорошо известна, то можно было бы подумать, что они братья по расѣ другимъ ма-кололо, живущимъ на р. Чобе, этому обреченному на несчастіе и почти совершенно истребленному народу. Но, хотя ма-кололо рѣки Ширэ и не принадлежать къ одной и той же группѣ съ только что упомянутыми своими тѣзками, тѣмъ не менѣе они сохранили общее для обоихъ ихъ наименование. Въ 1859 г., начальникъ западныхъ ма-кололо, Секелету, отправилъ съ уѣзжавшимъ Ливингстономъ около двадцати молодыхъ людей, которымъ поручено было идти до морскаго берега и принести оттуда одно сильно дѣйствующее лѣкарство отъ проказы, которою онъ страдалъ. Изъ этой небольшой группы, къ ма-кололо принадлежали, по крови, только двое; остальные же, подобно большей части воиновъ, набиравшихся начальниками ма-кололо, были изъ различныхъ побѣженныхъ племенъ: ротсэ, тока и селэа. Вся эта группа не пожелала возвратиться къ своему властелину и, поселясь на правомъ берегу Ширэ, кверху отъ водопадовъ, члены ея избрали изъ своей среды себѣ начальника; такимъ образомъ, они превратились, въ свою очередь, въ завоевателей, при чёмъ сохранили наименование ма-кололо, которымъ гордились. Множество бѣглецовъ изъ другихъ племенъ поспѣшили отаться подъ ихъ покровительство. Находясь еще подъ вліяніемъ Ливингстона, они не предались, какъ это дѣлали ихъ сосѣди, торговлѣ рабами, и безопасность, которою пользовались люди, подчинившіеся имъ управлению, вскорѣ привлекла къ нимъ значительное число другихъ народцевъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ періодъ одного поколѣнія создалось могущественное племя ма-кололо на рѣкѣ Ширэ: во время путешествія Young'a, въ 1876 году, всѣ прирѣчные поселенія, расположенные между послѣднимъ водопадомъ и притокомъ Руо, находились подъ ихъ главенствомъ; и во всѣхъ этихъ поселеніяхъ национальнымъ привѣтствиемъ стало англійское *«good morning»*, въ воспоминаніе знаменитаго миссіонера, подъ вліяніемъ котораго основатели нового государства перемѣнили свое отчество⁴). Young свидѣтельствуетъ о совершенной честности и трудовой энергіи этихъ ма-кололо. Когда ему пришлось переносить пароходъ *«Илала»*—первый, который плавалъ на водахъ этого озера,—онъ долженъ былъ нанять цѣлую армию носильщиковъ (около 800 человѣкъ), которыхъ, безъ всякаго надзора, исполнили свою работу по дорогѣ, допускавшей всякую случайность, и, однакоже, къ концу этого длиннаго перехода въ сто кило-

⁴⁾ Young „Nyassa, A Journal of Adventures“.

метровъ, всѣ части разобраннаго парохода были доставлены въ цѣлости, до послѣдняго болта включительно. Люди были довольны, ни одинъ изъ нихъ не пытался улизнуть отъ тяжелаго труда, за который имъ пришлось получить всего лишь по нѣсколько аршинъ миткаля!

Главная масса націи кололо состоитъ изъ чернокожихъ ма-ганьянскаго происхожденія. Эти туземцы, наименование которыхъ означаетъ «люди озера», живутъ еще отдельными народцами въ горахъ, расположенныхъ на полуостровномъ пространствѣ между Замбези и Ширѣ. Смѣшиваемые съ народцами, нѣкогда прославившимися подъ названіемъ ма-рави, ма-ганья отличаются, вообще, менѣе своею храбростью, чѣмъ умомъ. Они весьма искусны въ плетеніи, кузничномъ ремеслѣ и ткачествѣ и гораздо тщательнѣе обрабатываютъ землю, при чемъ мужчины, женщины и юноши вмѣстѣ занимаются пахотою, а дѣти играютъ подъ тѣнью сосѣднихъ деревьевъ. Раздѣлку нови ма-ганья совершаютъ на-подобіе американскихъ піонеровъ: срубивъ топоромъ деревья, они сваливаютъ въ кучу сучья, сжигаютъ ихъ и разсыпываютъ золу по будущей нивѣ; затѣмъ сѣютъ, не корчуя пней; когда же доводится поднимать лугъ, то, снявъ поверхностный слой почвы, они сжигаютъ его вмѣстѣ съ травами въ видахъ удобренія. Ма-ганья сѣютъ по преимуществу сорго или *mapira*; впрочемъ, имъ извѣстны почти всѣ остальная питательная растенія Центральной Африки, а также табакъ, конопля и два вида хлопчатника: *каdfa* и *manga*, т. е. «туземецъ» и «чужестранецъ». Пелеле, иначе жажа—т. е. дискъ или кольцо, вѣщающее въ верхнюю губу—носить всѣ красавицы ма-ганьскія, если только онѣ не въ траурѣ. Деревянное у бѣдныхъ, оловянное или изъ слоновой кости у богатыхъ, кольцо это у иныхъ достигаетъ огромной окружности въ 15 или 16 сантиметровъ: при смѣхѣ, губа приподымается, оба глаза скрываются, тогда какъ носъ видѣется въ отверстіе кольца, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и весь рядъ подплененныхъ зубовъ¹⁾. Женщины племени ма-ганья очень проворны: въ играхъ бѣганья онѣ всегда получаютъ призы за скорость.

Въ бассейнѣ озера Ньянсы нѣть ни одного португальскаго поста: самый сѣверный изъ встрѣчаемыхъ на Ширѣ, Широпаки, находится книзу отъ устья Руо. Къ сѣверу отъ этого поста, починъ въ предпріятіяхъ принадлежалъ англійскимъ миссіонерамъ, за которыми слѣдуютъ и торговцы той же націи. Они воспользовались рѣкой и озеромъ для созданія правильнаго торгового пути, который на сѣверной оконечности продолжается хорошо устроенной дорогой, ведущей къ мѣстечку Чунда и къ

озеру Танганьика; въ ста километрахъ отъ озера Ньянсы, основанъ въ Муннимуанга миссіонерскій станъ. Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ дороги, мѣстечко Каронга есть центръ самого плотнаго населенія на всемъ побережїи озера; но обширныя болота и равнины, покрывающіяся водою во время дождей, дѣлаютъ эту мѣстность весьма нездоровой. Поселенія въ долинѣ р. Рикуру пользуются болѣе здоровымъ воздухомъ, и санаторія шотландскихъ миссіонеровъ, Вомбера, находится въ верховыхъ этой долины. Насупротивъ, на восточномъ берегу Ньянсы, слѣдуютъ одна за другой многочисленныя деревни, выстроенные, на-подобіе жилищъ древніхъ озерныхъ обитателей, на сваяхъ. Въ этой части озера, наиболѣе защищеннымъ портомъ является Бампа или Мбакапа: островки и полуостровъ хорошо охраняютъ его отъ южныхъ вѣтровъ. Около середины западнаго берега, большое поселеніе Бандагу, близъ котораго шотландскіе миссіонеры основали свою главную станцію, природной гаваніи не имѣть; однако съ небольшими издержками тамъ легко было бы устроить портъ; пунктъ этотъ имѣть нѣкоторое значеніе, какъ находящійся въ такой мѣстности, гдѣ правильно совершаются переѣзды съ одного берега озера на другой, при чемъ гребныя суда туземцевъ пристаютъ для отдыха во время пути около двухъ острововъ: Шизимодо и Дикомо. На восточномъ берегу перевозныя суда причаливаютъ къ селенію Читези, хотя оно находится на пляжѣ, выставленномъ всей силѣ волнъ. Лиссеуа также одна изъ пристаней на этомъ берегу.

На всей окружности озера наиболѣе часто посѣщаемый портъ, центръ торговли, недавно бывшій также большими невольничими рынкомъ, есть Кота-Кота, расположенный на западномъ берегу, болѣе чѣмъ въ двухстахъ километрахъ отъ южной оконечности Ньянсы: это почти закрытая бухта, въ которую проникаютъ арабскія шлюпки, благодаря своей небольшой водозимѣстимости. Поселившихся въ этой деревнѣ занзибарскихъ купцовъ такъ много, что господствующимъ языкамъ въ Кота-Кота стала ки-суахэли. Одну изъ выгодъ этой арабской колоніи составляетъ присутствіе въ сосѣдствѣ источниковъ теплой воды, по почва края безплодна, и—на пространствѣ болѣе, чѣмъ ста километровъ въ направлениі къ югу — побережье озера совершенно не обитаємо. Что касается первой изъ основанныхъ христіанскими миссіонерами станцій на берегахъ Ньянсы, Ливингстоніи, то въ началѣ полагали, будто тамъ соединены всѣ необходимыя условія для образованія современемъ большаго города: географическое положеніе, хорошо защищенный портъ и плодородіе почвы; однако, оказалось, что воздухъ возобновляется тамъ недостаточно, вслѣдствіе чего миссіонеры должны были по-

¹⁾ M-rs Pringle, „Towards the Mountains of the Moon“.

кинуть свои постройки, живописно расположенные на оконечности полуострова, раздѣляющаго южный конецъ озера и превращающаго его, такимъ образомъ, въ двѣ большия бухты.

Центръ европейской дѣятельности внутри бассейна Замбези представляетъ городъ Блантиръ, выстроенный въ 150 километрахъ къ югу оть Ньассы, въ одной изъ долинъ «Высокихъ Земель Ширэ»; географическое положение его было опредѣлено 1.600 астрономическими наблюденіями путешественника O'Neill'a, и этотъ городъ уже вошелъ въ сѣть маршрутовъ между Замбези и Танганьюкою. Названъ онъ былъ Блантиромъ, въ 1876 году, по имени того шотландского мѣстечка, въ которомъ родился Ливингстонъ. Находясь на высотѣ болѣе тысячи метровъ, Блантиръ является сравнительно здоровымъ мѣстомъ для европейцевъ, которые могутъ заниматься тамъ ручнымъ трудомъ, соблюдая извѣстную осторожность. Группа миссіонеровъ была усиlena въ краѣ купцами и даже плантаторами, которые воздѣлываютъ кофейное дерево и сахарный тростникъ; другие европейцы замѣстили главарей въ управлении племенами. Несятъ на отдаленность оть озера Ньасса, Блантиръ, или, скрѣпѣ, сосѣднее мѣстечко, Мандала, стало также мѣстопребываніемъ правленія «Общества Африканскихъ озеръ», торговой компаніи, которая, основавшись въ 1878 году, для оказанія помощи миссіонерамъ, одновременно съ этимъ ведеть также торговлю въ своихъ собственныхъ интересахъ; торговля этой компаніи весьма значительна и распространяется до верховаго бассейна Конго; между Квелимане и Танганьюкою компанія имѣеть двѣнадцать фабрикъ; уставъ ея воспрещаетъ ей продажу водки. Черезъ Блантиръ проходитъ «дорога миссій», которую составляетъ волокъ въ 120 километровъ, для обхода пороговъ Мурчисона, находящихся на Ширѣ между пунктами Матопо и Катонга, къ которымъ пристаютъ пароходы. Другія проѣзжія дороги, обсаженные эвкалиптовыми плантациями, соединяютъ Блантиръ съ главными окрестными деревнями и съ нѣкоторыми изъ станцій, сгруппировавшихся вокругъ города-метрополіи. Хотя Блантиръ находится на той границѣ, которую часто оспаривали другъ у друга племена аньясса и яо или аджауа, и хотя данную область часто опустошали также ма-вити, тѣмъ не менѣе самъ Блантиръ ни разу не подвергался нападеніямъ со-сѣднихъ племенъ; окружающая мѣстность, находящаяся подъ его покровительствомъ, по большей части населена невольниками, убѣжившими отъ арабскихъ торговцевъ: Блантиръ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ—подобно «свободнымъ городамъ» среднихъ вѣковъ—тому гостепріимству, которое онъ оказывалъ несчастнымъ и преслѣдуемымъ. Одною изъ наиболѣе здоровыхъ станцій въ краѣ оказывает-

ся, лежащая на 125 метровъ выше Блантира, деревня Зомба: она расположена на 50 километровъ сѣвернѣе, на склонѣ горы, которая господствуетъ съ одной стороны надъ водами Ширэ, а съ другой—надъ блистающею поверхностью озера Ширэ. Шотландскіе плантаторы владѣютъ тамъ значительными пространствами, на которыхъ разводятъ сахарный тростникъ, кофе и маслянистые сѣмена; при этомъ сто тысячъ деревьевъ на кофейныхъ плантацияхъ были разведены всего лишь отъ одного деревца изъ Эдинбургскаго ботаническаго сада. Въ окрестныхъ горахъ насаждены также и хинныя деревья.

На западъ оть Блантира высится гора Чоро, на которой обитаетъ могущественный духъ; къ нему-то, отъ имени народа, и обращается, въ случаѣ національныхъ несчастий, его же супруга, избираемая изъ самыхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ въ странѣ¹⁾.

V. Низовая Замбези и Квелимане.

Населенія въ области дельты Замбези—очень смѣшанное, а трехвѣковое вліяніе бѣлыхъ измѣнило первоначальные нравы туземцевъ. По Замбези португальцы имѣютъ военные и торговые посты, къ которымъ и тяготѣтъ политическая и соціальная жизнь прирѣчныхъ жителей. Правда, что недавно лузитанскоѳ могущество значительно ослабѣло: поселенія внутри страны были покинуты, важные станціи превратились въ развалины, и часто завоеватели изъ кафровъ, умгони или ма-вити, извѣстные у португальцевъ подъ именемъ ландиновъ—ама-ланди т. е. «бѣгуны»²⁾—прерывали сообщенія между бѣлыми внутри страны и бѣлыми на побережїѣ. Тѣмъ не менѣе торговля и взаимныя сношенія между расами никогда не прекращались; мамбари, т. е. португальцы смѣшанной крови, не переставали проникать во всѣ внутренніе области³⁾, и теперь Португалия снова обратила вниманіе на свои отдаленныя колоніи на берегахъ Замбезе. Вниманіе это простирается также и на области зарожденія рѣкъ, при чемъ, при помощи развѣдочныхъ экспедицій, подготавливается проложеніе дороги, которая должна соединить Моссамедесъ съ Квелимане. Но португальцы не единственные изслѣдователи и разрабатыватели богатствъ страны. Возрастаніе населенія Южной Африки увлекаетъ въ направлениѣ къ сѣверу купцовъ, колонистовъ, рудокоповъ и миссіонеровъ, и въ области средней долины Замбези европейцы уже намѣтили

¹⁾ M-rs Pringle, упом. соч.

²⁾ E. Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society“ March. 1880.

³⁾ D. and Ch. Livingstone, „Narrative of an Expedition to the Sambesi“.

пригодныя для нихъ мѣстности. Однимъ изъ такихъ пунктовъ является Сешека, столица королевства Ба-роце, въ центрѣ бассейна, образуемаго сливиемъ Замбези и Чобе, кверху отъ большаго водопада; другой замбезійскій край, къ которому направлены стремления европейцевъ, представляемыхъ по преимуществу английскими миссіонерами, есть бассейнъ озера Ньяssa, будущая дорога отъ Танганьики и Конго.

Въ округахъ Низовой Замбези, португальское правительство проявляетъ свою власть не непосредственно. Край раздѣленъ на большій вотчины, *prazos da soga*, изъ которыхъ поверхность нѣкоторыхъ, истинныхъ королевствъ по величинѣ, доходитъ до 50 тысячъ кв. километровъ и которые эксплуатируются откупщиками на правахъ государей. Они получаютъ, обыкновенно натурою, налогъ (*mussoco*) приблизительно въ 4'/ $\frac{1}{2}$ франка съ каждой туземной хижиной и обязуются возможно лучше использовать ресурсы своихъ громадныхъ фермъ. При установлении этого порядка, *prazos da soga* были уступлены на срокъ трехъ поколѣній, и порядокъ наслѣдованія долженъ быть совершаться по женской линіи, подъ условіемъ, что мужьями этихъ женщинъ будутъ европейцы. Такимъ путемъ надѣялись привлечь переселенцевъ въ край; но собственники *prazos*овъ, сдѣлавшись могущественными сатрапами, стали продавать въ рабство своихъ собственныхъ подданныхъ, и весь край обезлюдили¹⁾). Официально учрежденіе *prazos*овъ уничтожено въ 1854 году, но оно удержалось подъ другой, малоотличающейся, формою, и Замбезія по сю пору все еще предоставлена нѣсколькоимъ могущественнымъ сеньорамъ, платящимъ въ казну ничтожный оброкъ.

Низовая Замбези, книзу отъ ея сліянія съ Шира, не особенно населена. Однимъ изъ главныхъ поселеній, на правомъ берегу, является Шупанга, около которой, подъ сѣнью громаднаго баобаба, находится могила г-жи Ливингстонъ, умершей въ 1862 году, во время той роковой «Замбезской экспедиці», которая стоила жизни столькимъ отважнымъ сотоварищамъ Ливингстона. Туземцы заботятся о могилѣ, выпалывая растенія, которыхъ густымъ ковромъ покрываютъ ее послѣ каждого новаго дождя²⁾). Неподалеку покоятся останки другихъ изслѣдователей, которые сопровождали Овен-а во время его путешествія на низовья Замбези. Книзу отъ Шупанги, на лѣвомъ берегу рѣки, мѣстечки Монеа и Мазаро, на половину скрыты подъ густою листовой манговыхъ деревьевъ, имѣютъ нѣкоторое значеніе какъ пристани для пароходовъ и какъ стражи волока между Замбези и Куа-Куа (Кюа-Кюа) или рѣ-

кою Квелимане. Недавно португальское правительство уступило земли площадью въ 50 тысячъ гектаровъ, на лѣвомъ берегу Низовой Замбези, одной «компаниіи для разведенія опума», которая надѣялась стать соперницей английскімъ производителямъ этого гибельнаго продукта въ Индіи. Эта компанія пользовалась также значительными привилегіями, между прочимъ, правомъ собирать съ туземцевъ мусоко. Однако обществу этому не повезло, и оно прекратило свое существование, отчасти вслѣдствіе возстанія туземцевъ въ 1884 году. Луабо, старинный португальский городъ, выстроенный около одного изъ устьевъ Замбези, мало-по-малу былъ смытъ рѣчнымъ потокомъ. Съ тѣхъ поръ, главный факторіи въ этой части рѣки были заводимы уже при устьѣ Инхамиссенго.

Квелимане—хотя и расположено къ сѣверу отъ устьевъ Замбези, на лиманѣ, сообщающемся съ рѣкою только посредствомъ неопределенныхъ протоковъ—представляетъ, тѣмъ не менѣе, торговый портъ бассейна; еще болѣе значенія оно получить послѣ проведения дороги, предположенной между лиманомъ и озеромъ Ньяssa. Будучи основанъ назадъ тому три съ половиною вѣка, Квелимане не сдѣлался, однако, значительнымъ городомъ и не только по причинѣ своего нездороваго климата, но также и вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергалась торговля: до 1853 года, портъ не былъ открытъ для иностранной торговли, и главною отраслью его торга была продажа рабовъ, вывозимыхъ въ Бразилию. Бѣлое его населеніе состояло преимущественно изъ португальскихъ преступниковъ, высылаемыхъ изъ метрополіи. Изъ Квелимане отправился также и Ласерда для совершенія своего достопамятнаго путешествія въ центръ Африки.

Квелимане—или *São Martinho* по официальному наименованію, и Чуамбо по туземному—представляетъ портъ, трудно доступный; баръ, чрезъ который безъ опасности не могутъ отваживаться проходить корабли, сидящіе въ водѣ глубже трехъ съ половиною метровъ, запираетъ узкій входъ въ лиманъ; но воды внутри бара представляютъ превосходную якорную стоянку, простирающуюся вплоть до самого города, расположенного въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ взморья, на сѣверномъ берегу р. Куа-Куа. Кафры составляютъ главную массу городского населения и группировались въ многочисленныхъ селахъ вокругъ города, чтобы пользоваться защитой его небольшаго португальскаго гарнизона. Говорить, будто климатъ Квелимане благопріятенъ для страдающихъ грудью; къ несчастию, пребывающіе въ городѣ не располагаютъ санаторіей, проживая въ которой они могли бы избѣжать нездороваго воздуха съ болотъ и рисовыхъ плантаций. Торговля этого порта, производимая

¹⁾ Sá de Bandeira;—João de Andrade Corvo, „Estudos sobre as Colônias Ultramarinas“.

²⁾ Young, „Nyassa, A journal of Adventures“.

преимущественно съ Бомбеемъ, и обороты которой съ 1876 по 1885 годъ утроились,— находятся отчасти въ рукахъ баньянъ и арабовъ; главною причиною возрастанія торговли были предпріятія англичанъ на берегахъ Ньяссы. Въ 1884 году общій торговый балансъ въ Квелимане достигъ 4 456.890 франковъ, изъ которыхъ на долю ввоза приходилось: 2.558.200, а на долю вывоза: 1.898.690 франковъ. Квелимане заняло мѣсто порта Мозамбикъ по вывозу слоновой кости, которую ему доставляютъ пароходы съ Замбези, между тѣмъ какъ никогда

этотъ торгъ совершился при посредствѣ каравановъ¹). Вообще же, съ восточного берега Африки вывозится вдвое болѣе слоновой кости, чѣмъ съ берега западнаго. Такъ, съ 1879 по 1883 годъ африканской слоновой кости вывезено всего 848 тысячъ килограмовъ, изъ которыхъ на западный берегъ приходилось 284 тысячи, а на восточный 564 тысячи. Общая стоимость этой кости достигала 20 миллионовъ франковъ, а самая кость представляла бренные останки 65 тыс. слоновъ²).

Г л а в а X.

М о з а м б и къ.

Отъ Замбези до Ро-Вума.

Территорія, принадлежаща Португаліи, простирается къ сѣверу отъ Замбези вплоть до долины р. Ро-Вумы, а къ западу отъ морскаго побережья въ направлениіи къ озеру Ньясса; однако, португальское владычество еще довольно далеко отъ того, чтобы чувствовалось на протяженіи всей этой обширной области. Даже вліяніе лицъ, послыаемыхъ изъ Лиссабона, теряется во многихъ мѣстностяхъ уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ берегомъ моря, а страны, изображенныя на картѣ принадлежащими «благочестивѣшему» королю, извѣстны имъ лишь по наслышкѣ. Еще недавно, вся торговля въ этой области сводилась къ торгу невольниками; также ревниво охранялись торговцами и дороги, и никто, кроме нихъ, не смѣлъ пускаться внутрь страны, которую они опустошали на-подобіе края, обитаемаго свирѣпыми ордами людоѣдовъ. Постъ Мозамбикъ, точка опоры португальцевъ на юморѣ, расположень на островѣ, а «еще невѣдомая» земля уже начиналась въ небольшомъ разстояніи отъ противоположнаго берега. Подобно другимъ портамъ африканскаго берега, за исключениемъ Софалы, Мозабикомъ пользовались только для остановокъ на пути въ Индію; какъ отправный пунктъ для изслѣдованія материка онъ не избирался, и португальцы въ теченіе трехъ вѣковъ оставались въ немъ, не знакомясь ни съ сосѣдними странами, ни съ сосѣдними народами, хотя посѣщеніе и тѣхъ и другихъ было легко. Путешествія сначала Ласерды, а затѣмъ Гамитто, были первыми серьезными

географическими экспедиціями, но по ту сторону Ньяссы; затѣмъ Рошерь, Johnson, Last, Cardozo, и въ особенности O'Neill, въ теченіе послѣдней половины этого вѣка, прошли по Мозамбикскому краю во всевозможныхъ направлениихъ, при чемъ окончательное присоединеніе этого края къ извѣстному миру совершилось, именно, со временемъ путешествій O'Neill, который, при посредствѣ путевниковъ, тщательно измѣренныхъ и въ общемъ равняющихся 7.000 километровъ, установилъ связь между берегами р. Шира и озера Ньясса, съ одной стороны, и приморскими портами, съ другой. Не было бы, поэтому, по словамъ одного англійскаго автора, несправедливостью дать этому краю и наименованіе O'Neill's Land (страны О'Нейля), въ видѣ признанія, что этимъ изслѣдователемъ впервые были нанесены на карту истинныя очертанія страны, ея горъ и бассейновъ, озерныхъ и рѣчныхъ³). Недавно приобрѣтенная, такимъ образомъ, для науки область обнимаетъ пространство почти въ 350 тысячъ квадратныхъ километровъ, а ея населеніе исчисляется приблизительно въ одинъ миллионъ жителей.

Возвышающіяся внутри страны горы направляются на соединеніе съ «Высокими землями Шира» и съ прибрежными цѣпями озера Ньясса. Къ западу отъ Мозамбика, самыми возвышенными оказываются горы Намули, представляющія почти уединенный массивъ, о которомъ недавно думали, будто онъ возвышается до линіи вѣчныхъ снѣговъ, и который во

¹⁾ „Geographische Nachrichten“, 15 april 1887.

²⁾ Westendorp, „Geographentag zu Munchen“, 1885.

³⁾ Cust, „Proceedings of the R. Geographical Society“. July, 1885.

всякомъ случаѣ образуетъ великолѣпную группу, господствующую какъ надъ равнинами, такъ и надъ долинами расходящихся въ разныя стороны рѣкъ. Средний уровень области, на которой покоится эта мощная масса, равняется приблизительно 600 метровъ; болѣе высокіе и болѣе обрывистыя на южномъ склонѣ, наружные откосы массива достигаютъ семисотъ или восьмисотъ метровъ надъ полями и ограничиваются неровнымъ цоколью, изрѣзанный узкими ущельями, надъ которыми виднѣются высокіе конусы, между прочимъ, двуглавый пикъ Намули, отъ которого заимствовано наименование и всѣхъ данныхъ высотъ вообще, съ Намули, по преданію, снізошла и человѣческая раса. По словамъ путешественника Last'a, высота этого пика надъ уровнемъ моря равняется 2.440 метровъ, а послѣ грозъ, слои града придаются ему порою видъ снѣговой горы. На западѣ, Намули отдѣленъ отъ другого пика глубокимъ ущельемъ, съ почти вертикальными стѣнками въ пѣськоѣ сотень метровъ: съ другихъ сторонъ, склоны его менѣе грозны, но гладкія, словно отполированные скалы, на которыхъ путешественникъ O'Neill видѣлъ слѣды ледниковаго периода ¹⁾, не позволили английскому изслѣдователю взобраться на вершину. Ручьи, весьма обильные въ сезонъ дождей, низвергаются въ видѣ каскадовъ съ верхнихъ плоскогорий и образуютъ многочисленныя рѣки, почти совершенно исчезающія подъ тѣнью деревъ; вилотъ до высоты 1.800 метровъ тамъ встрѣчаются деревни, окруженныя зеленѣющими массивами. Вслѣдствіе богатства растительностью, а также и вслѣдствіе красоты пейзажей, горы Намули представляютъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ областей Африки. Второстепенные горные массивы, прилегающіе къ Намули, которые тянутся отъ запада къ востоку, постепенно понижаясь и, наконецъ, превращаясь въ террасу надъ равнинами морскаго побережья, представляютъ, покрывающими ихъ лѣсами, контрастъ съ равнинами у ихъ подножія. Къ западу отъ Намули, высоты отчасти размыты и снесены рѣчками; однако, все-таки уцѣлѣло еще нѣсколько группъ горъ съ мощнымъ рельефомъ: таковы горы Миланджи, возвышающіяся къ юго-востоку отъ города Блантира и къ югу отъ того углубленія, въ которомъ помѣщается озеро Шириа. Въ южной части территории, по направлению къ Замбези, простираются обширныя равнини, съ разсыпанными уединенными горами; таковы Шиперони и Канга, которыхъ видны отовсюду съ большаго разстоянія. Въ южной области возвышенія почвы поднимаются надъ плоскогоріемъ незначительно, отъ 100 до 400 метровъ, но откосы ихъ круты, и по многимъ

изъ нихъ трудно подняться ²⁾). Что касается той полуостровной полосы, которую ограничиваютъ рѣка Ро-Вума и ея притокъ Лу-Дженда, то надъ нею господствуютъ побочныя гряды прибрежныхъ горъ озера Ньянсы. Въ горы, общий видъ края печенѣтъ и однообразенъ ³⁾). Между Замбези и Ро-Вума, главныя рѣки начинаются или на горахъ Намули или на сѣдинахъ массивахъ. Такова р. Уалага, которая подъ различными наименованіями направляется сначала къ юго-востоку, а затѣмъ къ югу, и изливается въ Индійское море къ сѣверу отъ Замбесской дельты. Лигони, впадавшая въ море на половинѣ разстоянія между Квелимане и Мозамбикомъ, и Лу-Ріо, пересекающая страну Ломуэ и впадающая въ бухту въ 200 километрахъ къ сѣверу отъ столицы, также получаютъ свои первыя воды съ горъ Намули. Многочисленные потоки, менѣе обильные, зарождаются въ предгорьяхъ и изливаются въ бухты прибрежья.

Ро-Вума, ограничивающая на сѣверѣ Мозамбикскую территорію, представляетъ значительную рѣку, бассейнъ которой обнимаетъ почти весь восточный склонъ прибрежныхъ горъ озера Ньянсы; ея первые притоки зарождаются даже къ югу отъ этого озера, образуя рѣку Лу-Дженда или Ліэнда, которая по длини течеія могла бы считаться главной рѣкой. Недавно даже полагали, что она беретъ свое начало на сотню километровъ южнѣе, въ горахъ Миланджи, и проходитъ чрезъ открытое въ 1859 году Ливингстономъ озеро Килуа или Шириа, Shirwa англичанъ. Но это не вѣрно, потому что Шириа—независимый резервуаръ, безъ водослива; но, кажется, геологически это озеро принадлежитъ къ тому же углубленію, какъ и долина Лу-Дженда, и вѣроятно, въ предшествующую эпоху непрерывность между водами озера и рѣки существовала. Порогъ, ограничивающій съ сѣвера озерной бассейнъ, имѣть всего только отъ $4\frac{1}{2}$ до 9 метровъ высоты; впрочемъ, онъ находится болѣе чѣмъ въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ озера, и отъ одного конца до другаго покрытъ болѣпими деревьями, свидѣтельствующими объ осушеніи почвы по крайней мѣрѣ вѣкъ тому назадъ; однако, возможно, что въ годы исключительныхъ дождей воды Килуа наполняютъ также болотистые потоки, находящіеся на его сѣверо-западной оконечности, и соединяются изъ сѣвера съ истоками р. Лу-Дженды, огибая порогъ древняго высокаго берега озера; въ этой мѣстности уровень равнини почти горизонталенъ. По словамъ стариковъ, сліяніе водъ, черезъ эту измѣненную равнину, прежде часто случалось, но въ текущій периодъ уровень Килуа не переставалъ понижаться, такъ что бас-

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, July 1885.

²⁾ Augusto Cardozo, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 11 dez. 1889.

³⁾ Chancery Maples;—O'Neill и т. д.

сейнъ этотъ превратился въ резервуаръ, не имѣющій водослива и подвергающійся только испаренію, и воды его, нѣкогда прѣсныя, нынѣ

метровъ, площадь, приблизительно, около 1.800 квадр. километровъ; но оно не глубоко, и съ восточнаго берега можно далеко идти по его

Вершина Килима - Нджара.

стали совершенно солеными. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи озеро имѣть почти четырехугольную форму: длина его около 60 километровъ, ширина, въ среднемъ, около 30 кило-

водамъ въ бродъ. Самая углубленная часть озера находится тамъ, гдѣ, съ запада, надъ нимъ господствуютъ откосы горы Чикала, круто поднимающейся на 600—300 метровъ надъ

озеромъ, которое само лежить на высотѣ 593 метровъ надъ уровнемъ океана. Два скалистыхъ острова, Кизи и Китунгуз, круто вздымаются изъ средины водь и указываютъ на присутствіе подводной гряды, которая пересѣкаетъ озеро въ направлениі съ сѣверо-востока на юго-западъ, и которая, быть-можетъ, современемъ выступить изъ-подъ воды, какъ выступилъ порогъ, у подошвы которого сѣверный берегъ теряется въ тростникахъ. Нѣсколько болотъ, ручейковъ и недавно открытое небольшое озеро, Лимби, питаютъ озеро Килуа.

Послѣ того, какъ Килуа перестало быть верховьмъ бассейномъ рѣки Лу-Дженда, истокомъ этого главнаго притока Ро-Вумы стали болотистая мѣстность Мторанденга и еще одно болото, по выходѣ изъ которыхъ Лу-Дженда, мѣня нѣсколько разъ свое наименованіе, послѣдовательно проходить чрезъ два продолговатыхъ озера: Чута и Амарамба. Только по выходѣ изъ озера Амарамба—берега котораго окаймлены хижинами на сваяхъ, служащихъ житницами и мѣстами убѣжищъ для при-озерныхъ жителей,—рѣчной потокъ принимаетъ имя Лу-Дженда. Въ этой мѣстности онъ представляеть ручей, текущій ровной и быстрою волною между высокими крутыми берегами. Здѣсь начинается одна изъ наиболѣе красивыхъ и наиболѣе плодородныхъ долинъ Внутренней Африки. Высокіе острова, не затопляемые разливами, слѣдуютъ одинъ за другимъ, покрытые высокими деревьями, съ гирляндами изъ ланъ. По берегамъ потока чередуются луга, воздѣланныя поля и рощицы; вдали виднѣются вершины голубыхъ горъ.

Лу-Дженда, усиливаемая всѣми потоками, которые шлютъ ей прибрежныя горы Ньянсы, течеть безъ крутыхъ излучинъ въ направлениі къ сѣверо-востоку, затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу и, низвергаясь водопадами, сливается съ Ро-Вумою. Эта послѣдняя, зарождаясь въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Ньянсы, исходитъ съ высотъ, имѣющихъ гораздо болѣе крутой уклонъ, въ сравненіи съ тою мѣстностью, по которой течетъ Лу-Дженда. До слиянія съ Лу-Джендою, Ро-Вума проходитъ чрезъ клюзу между гранитными утесами, при чѣмъ на протяженіи потока разсѣяны громадныя глыбы, а куполы утесовъ, виднѣющіеся между проломами въ крутыхъ берегахъ, столь же оголены, какъ и эти прибрежные утесы; едва можно примѣтить лишь кое-гдѣ кусты въ расщелинахъ скалы. Хотя здѣсь и область экватора, но пейзажъ имѣть видъ ущелья сѣверныхъ странъ, исчерченныхъ ледниками и устьянныхъ моренами¹⁾. По выходѣ изъ этихъ ущелій начинается область равнинъ: двѣ главныя вѣтви, Ро-Вума и Лу-

Дженда, всего лишь на высотѣ 222 метровъ соединяются другъ съ другомъ, при подошвѣ одной гладкостѣнной горы. Ниже этого места слиянія рѣка изливается во время половодія часть своей жидкой массы въ два озера, прилегающихъ къ правому берегу, Лидеди и Нганда, которая, во время спада водь, шлютъ свои струи обратно въ Ро-Вума¹⁾. Въ той мѣстности, где рѣка, переставъ извиваться между островами и вѣтвиться въ низменностяхъ, попадаетъ въ тѣснину между двумя плоскогоріями, господствующими надъ ея нижнимъ теченіемъ, уровень ея ложа не превышаетъ сотни метровъ. Ливингтонъ поднялся по Ро-Вумѣ приблизительно на триста километровъ отъ устья: былъ октябрь, сезонъ низкихъ водъ, и его гребное судно часто задѣвало за дно; между тѣмъ, во время половодія достаточная глубина повсюду нашлась бы даже и для пароходовъ. Изливаясь въ широкую бухту, Ро-Вума не имѣть бара передъ своимъ входомъ; тѣмъ не менѣе, проникая изъ моря въ рѣку, лодки подвергаются опасности, по причинѣ водоворотовъ, образующихся отъ столкновенія водъ²⁾.

Часть морскаго берега, приблизительно въ пятьсотъ километровъ, тянущаяся почти параллельно меридіану, отъ бухты Мокамбо къ устью Ро-Вумы, представляетъ рѣзкую противоположность съ пляжами, которые, въ направлениі съ юго-запада на сѣверо-востокъ, простираются отъ бухты Софала къ дельтѣ Замбези и къ Мозамбикскому побережью. Тогда какъ на югъ берега низменные, не имѣющіе гаваней, на сѣверѣ побережье глубоко изрѣзано заливами и бухтами, а расчлененные полуострова, продолжающіеся рядами островковъ, далеко выдвигаются въ глубокія морскія воды. Причины этой противоположности: направленіе Мозамбикскаго теченія и дѣятельность поливовъ. Къ югу отъ Ро-Вумы, океаническая рѣка, т. е. Мозамбикское теченіе, проходить весьма близко къ берегу, задѣвая подошву грунта, ударяясь въ мысы и въ видѣ водоворотовъ вливаясь въ каждую изъ вырѣзокъ поморья. Такимъ образомъ, изъ бухтъ вымываются отлагающіеся въ нихъ осадки. Въ то время, какъ океанический потокъ совершає это свое дѣло, маленькая животная, производящія кораллы, выводятъ свои постройки на глубокой водѣ насупротивъ берега. Но между этими новыми образованіями и волнами мора происходитъ непрерывная борьба. Здѣсь подводные рифы преобразуются въ острова; тамъ потокъ проламываетъ менѣе плотные изъ коралловыхъ массивовъ, промываетъ узкіе проходы, чрезъ которые морскіе приливы и отливы, съ быстротою рѣчного потока, вкатываются, а затѣмъ обратно сбегаютъ съ пороговъ

¹⁾ Josef Thomson, "Proceedings of the R. Geographical Society", July, 1881.

²⁾ Sailing directions, "Instructions nautiques".

рѣки. Къ югу отъ Мозамбика морской потокъ перестаетъ прымкать къ берегу, несется мористѣе, и прибрежныя бухты вслѣдствіе этого постепенно заносятся иломъ. По наблюденіямъ моряковъ, Мозамбикское теченіе совершаются правильно, т. е. въ направленіи съ ѿвера на югъ, девятнадцать дней изъ двадцати; но по-рою оно задерживается, даже простоянавливается, а въ вѣкоторые исключительные дни наблюдали въ немъ обратное движеніе къ ѿверу¹⁾.

Между Квемане и Мазамбикомъ кораллы образуютъ цѣлую цѣпь подводныхъ рифовъ и островковъ, расположенныхъ вдоль берега на разстояніи отъ 20 до 30 километровъ и оставляющихъ между собою и твердою землею узкій проходъ, въ которомъ хорошія якорныя стоянки многочисленны: въ этой морской аллѣ, внутрь отъ подводныхъ рифовъ Страймейры и Аноши, природные порты-убѣжища слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ. Но въ той мѣстности, гдѣ берегъ принимаетъ направление съ юга на ѿверъ, виѣшніе рейды смыкаются портами, вырытыми въ формацияхъ самого побережья. Портъ Мокамбо, обширный бассейнъ, въ которомъ могли бы помѣститься цѣлые флоты, почти повсюду имѣть глубины отъ 18 до 27 метровъ. Мозамбикъ съ своего визмененного острова сторожитъ цѣлый лабиринтъ внутреннихъ портовъ. Бухта Кондуція прилегаетъ къ немъ на ѿверъ; за нею слѣдуетъ великолѣпная группа якорныхъ стоянокъ въ бассейнѣ Гер-піао Vellozo или Masasima. Бухты: Мемба, Муамби, Монтепесъ, Ибо, Масимбуа, Майапа—не считая всѣхъ хорошихъ рейдовъ, образуемыхъ островами поморья—дѣлаютъ изъ этого берега одну изъ привилегированныхъ земель для судоходства. Правда, что подводные рифы на глубокой водѣ и набѣгающія на нихъ теченія обязываютъ корабли къ большой осмотрительности. Даже въ сотнѣ километровъ отъ берега, мористѣе острова Ибо, существуетъ значительное приподнятіе морскаго дна, банка Св. Лазаря, гдѣ суда садились на мель, но почти на всемъ своемъ протяженіи она покрыта слоемъ воды отъ 12 до 36 метровъ.

На Мозамбикскомъ берегу пассатные вѣтры не сильны и часто отклоняются отъ своего нормального направленія тепловыми фокусами, образующимися то на западѣ, то на востокѣ, на берегу материка или на большомъ островѣ Мадагаскарѣ. Кромѣ того, широкий, направляющійся съ ѿверо-востока на юго западъ, Мозамбикский проливъ представляетъ легкій для прохожденія воздушныхъ теченій путь, которымъ они обыкновенно и слѣдуютъ въ томъ или въ другомъ направленіи, къ экватору

или, наоборотъ къ полюсу: подобно тому, какъ это наблюдается въ горныхъ долинахъ, вѣтры здѣсь чередуются, то нисходить, то восходятъ. При этомъ, болѣе всего пассатные вѣтры чувствуются въ холодную половину года, съ апрѣля по сентябрь, когда солнечные лучи вертикально падаютъ на ѿверъ отъ экватора; тѣмъ не менѣе, даже и въ это время года, вѣтры обыкновенно отклоняются къ ѿверу: они огибаютъ съ юга громадную массу острова Мадагаскара и, несясь надъ Мозамбикскимъ проливомъ, устремляются прямо на ѿверъ, къ морскимъ пространствамъ около Занзибара. Съ октября по мартъ, когда солнце находится надъ южнымъ полушаріемъ и когда вся система воздушныхъ потоковъ передвинулась на югъ, господствующими вѣтрами на Мозамбикскомъ берегу являются вѣтры ѿверо-восточные; они дуютъ параллельно поморью, въ томъ же самомъ направленіи, которому, внизу, въ проливѣ, слѣдуетъ водный потокъ, несущійся съ среднею скоростью отъ 3 до 7 километровъ въ часъ. Въ этихъ морскихъ областяхъ ураганы весьма рѣдки: сорокъ лѣтъ прошло безъ потрясенія атмосферы бурями этого рода передъ тѣмъ, какъ въ январѣ 1841 года разразился циклонъ, вззволновавшій Мозамбикскія воды до самаго дна, вырвавшій якоря и выкинувшій суда на берегъ. Въ слѣдовавшіе затѣмъ два года, и въ тотъ же самый мѣсяцъ, было еще по урагану.

Количество дождей, выпадающихъ въ предѣлахъ бассейна Ро-Вумы и другихъ прибрежныхъ рѣкъ, къ ѿверу отъ Замбези, не настолько значительно, чтобы могло питать густолиственную и многовѣтвистую растительность; поэтому высокорослые деревья, сплоченыя, при посредствѣ обвивающихъ ихъ ліанъ, въ единую, непроницаемую массу, встрѣчаются лишь по берегамъ проточныхъ водъ. Но, хотя въ прибрежной области лѣса только и встрѣчаются, что на орошеныхъ земляхъ, тѣмъ не менѣе весьма трудно проникнуть и чрезъ чащи на террасахъ: кусты и деревца дотого переплетаются другъ съ другомъ, что можно идти по террасѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и ни разу не ступить на самую почву. Караваны, которымъ случается прокладывать путь чрезъ эти заросли, подвигаются впередъ лишь весьма медленно; носильщики бывають вынуждены прорубать галлерей подъ вѣтвями деревьевъ, обходить выдающіеся изъ-подъ земли многочисленные корни, а порою и проползать подъ сѣтями перепутавшихся ліанъ. Къ западу отъ этихъ чащей приморскихъ террасъ, внутренняя долина еще бѣдѣе водою, и для растительнаго убранства ихъ имѣются только травы да колючія мимозы: лѣса въ собственномъ смыслѣ этого слова виднѣются только на склонахъ горъ, выставленныхъ всей силѣ вѣтровъ, ко-

¹⁾ O'Neil, „Proceedings of the R. Geographical Society, June“, 1885.

торые тамъ отлагаютъ свою ишу оплодотворяющихъ землю дождей ¹⁾). Копаловое дерево и доставляющая каучукъ лана произростаютъ только въ поясѣ кустарника.

Мозамбикская фауна удивительно богата; область верховой Лу-Дженды и равнина, по которой Ро-Вумы протекаетъ къ низу отъ сіянія съ своимъ главнымъ притокомъ,—такіе края для охоты, какихъ мало въ Южной Африкѣ: различные виды антилопъ, гну, буйволы, квагги и зебры водятся тамъ миріадами; равнымъ образомъ, многочисленны тамъ и великорослый животный изъ семейства кошачихъ: львы, леопарды и гіены. Но это обиліе животныхъ объясняется малочисленностью людей.

Въ еще близкую къ намъ эпоху, долина Ро-Вумы была густо населена; въ наши же дни на сотню километровъ книзу отъ сіянія Ро-Вумы съ Лу-Дендою видны не деревни, а только многочисленны развалины, окруженны покинутыми банановыми рощами; край опустошенъ, и нынѣ, когда не осталось уже ничего болѣе для разрушенія, дикия животная снова завладѣли долиною. Единственные туземцы, разсѣянныя стада которыхъ еще встрѣчаются на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, суть ма-тамбуэ, защищенные отъ своихъ враговъ рукавами рѣки: въ сухое время года они проживаютъ на островахъ Ро-Вумы, но въ разливѣ, когда ихъ хижины и поля скрываются подъ водой, они устраиваются на крутизнахъ праваго берега ²⁾). Нѣкоторыя семейства ма-тамбуэ проживаютъ, въ качествѣ гостей, а то и рабовъ, у тѣхъ могущественныхъ колѣнъ, которыя дали имъ убѣжище. Въ глухихъ поселкахъ, въ области сіянія Ро-Вумы и Лу-Денды, укрываются группы туземцевъ ма-пьянда, боязливыхъ дикарей, родственныя племени ма-тамбуэ.

Опустошителями края были ма-гуангугара (маконгуара, по Augusto Cardoso), которые кочевали къ сѣверу отъ Ро-Вумы, по сѣверо-восточнымъ берегамъ Ньяссы и въ предѣлахъ области истоковъ Ру-Фиджи. Къ этимъ ма-гуангугарамъ присоединялись другіе хищники, которыхъ вообще называютъ ма-вити, какъ и кафровъ изъ-за Ньяссы; однако, присвоеніе имъ этого прозвища не справедливо, такъ какъ эти воображаемы ма-вити суть уа-нинди, изъ честолюбія стремящіеся продолжать дѣло тѣхъ завоевателей, которые, убивая и сожигая, проходили нѣкогда по ихъ территории, и у которыхъ они позаимствовали какъ воинское одѣяніе, оружіе, обычай, тактику, такъ даже и самое имя зулусовъ. Въ краѣ этихъ чернокожихъ, Porter слышалъ только о двухъ инди-

видахъ, которые дѣйствительно были изъ кафровъ ¹⁾). Покинувъ свои деревни, находившіяся къ сѣверу отъ Ро-Вумы, уа-нинди превратили въ пустыню весь край ма-тамбуэ; долгіе годы всѣ рынки на морскомъ берегу были переполнены сотнями и тысячами продаваемыхъ ими рабовъ, и цѣна человѣка стала ниже стоимости козы или барана. Нынѣ уже не то: уа-нинди возвратились въ свои становья и снова предались обработкѣ почвы. Имъ нечего уже было опустошать въ то время, когда запи-барскій сultанъ вмѣшался съ цѣлью остановить ихъ хищничества.

Ма-куа занимаютъ обширную территорію на западъ отъ Мозамбикской бухты вплоть до горъ Намули и до тѣхъ озеръ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Лу-Денда. Они подраздѣляются на многочисленные народы, къ которымъ принадлежатъ также медо и михавані; почти всѣ они враждуютъ другъ съ другомъ, хотя и весьма близки между собою по нравамъ и языку; однако, способомъ прически, татуировкою лица и стачиваніемъ зубовъ каждое колѣно отличается отъ остальныхъ. Междусобныя войны ослабили расу въ теченіе шо-слѣднихъ десятилѣтій; развалины деревень и покинутые плодовые сады и поля видны во многихъ мѣстностяхъ; значительныя пространства превратились въ пустыни; массивъ горъ Намули, нѣкогда столь плодородный, нынѣ совершенно обезлюдѣлъ. Культь духовъ всеобщій, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, между прочимъ, и въ Mpассу, по дорогѣ изъ Квемане въ Блантиръ,—у каждого домика имѣются свои украшенія, принесенные въ даръ духамъ; передъ каждымъ селомъ навалены кучами приношенія, пища и товары, должны привлечь благосклонный взоръ боговъ ²⁾). Last посѣтилъ недавно на южнѣ склонахъ горъ Намули и на берегахъ рѣки Лу-Кугу одно колѣно племени ма-куа, воинамъ котораго еще и теперь пытаются человѣческимъ мясомъ. Это—ма-уа: они съѣдаютъ по-рою своихъ собственныхъ мертвцевъ, затѣмъ пѣнныхъ, а часто также рабовъ и людей, втайне осужденныхъ изъ-за ихъ волшебства или изъ-за дородности. Жертва не должна знать объ участіи, которая ее ожидаетъ: за какомъ-нибудь праздникѣ она упивается пивомъ рядомъ съ своими палачами, которые, затѣмъ, внезапно ее схватываютъ и убиваютъ.

Подобно своимъ сестрамъ въ племенахъ ма-ганья, ма-виха и другихъ, женщины изъ племени ма-куа носятъ пелеле. Они считаютъ себя равными мужчинамъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ принадлежитъ даже первенство. Ихъ право имѣть собственность при-

¹⁾ Josef Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“. February, 1882

²⁾ J. T. Last, „Proceedings of the R. Geographical Society“, August, 1887;—Thomson, упом. отчетъ.

¹⁾ „Journal of the Manchester Geographical Society“, July—Dec. 1886.

²⁾ Rankin, „Proceedings of the R. Geographical Society“, October 1886.

знается вполнѣ; онъ имѣютъ хозяйства, хижины и нивы и могутъ располагать ими по произволу; въ случаѣ развода, земля и дѣти принадлежать женѣ. Со всѣмъ тѣмъ, жены гла-варя становятся передъ нимъ на колѣни и привѣтствуютъ его по командѣ, хлопая въ ладоши; одна изъ нихъ сопровождаетъ его и подаетъ ему мечъ. Часто, вмѣстѣ съ трупомъ какого-нибудь могущественного лица, зарывали въ той же могилѣ и живыхъ его женъ. Впрочемъ, обычаи весьма различны въ каждомъ изъ колѣнъ, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. обрѣзаніе, имѣющее столь существенное значение у большей части народцевъ, у ма-куа представляется на волю каждого. Каждое маленькое королевство управляетъ начальникомъ и совѣтомъ старѣшинъ, засѣдающихъ въ теченіе почти цѣлаго дня въ публичномъ зданіи, увѣшанномъ кожами леопардовъ. Ма-куа весьма умѣлые говоруны, и при всѣхъ празднествахъ, которыя ихъ сосѣди справляютъ, танцуютъ и распѣвавъ пѣсни, они предаются состязаніямъ въ спорѣ. Каждаго оратора сопровождаетъ другой, держащійся, на-подобіе древняго флейтища, позади, для регулированія, съ своей стороны, переливовъ голоса мелодіею гармоническихъ слоговъ, заполненія музыкою пробѣловъ между періодами, придавая патетическимъ фразамъ большей трогательной задушевности, усиленія конца рѣчи подобіемъ отдаленнаго раскаты грома и завершенія всего ораторствованія замирающимъ рокотомъ, на-подобіе теряющагося въ отдаленіи эхо¹⁾.

Ломуа, которые, по O'Neill'ю, принадлежать къ тому же самому корню, какъ и ма-куа, живутъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ Лу-Ріо, къ сѣверу отъ Намули и горь, которая про-должаютъ этотъ массивъ къ востоку. Обыкно-венно въ нихъ видятъ лишь простой отпрѣскъ ма-куа, но они рѣзко отличаются своимъ язы-комъ и, кромѣ того, сами считаютъ себя осо-беннымъ народомъ. Раньше, чѣмъ ихъ край подвергся изслѣдованію, ломуа считались од-нимъ изъ самыхъ страшныхъ племенъ: каждый иностранецъ, рассказывали про нихъ, долженъ былъ ожидать отъ совѣта начальниковъ особен-наго приглашенія для вступленія на террито-рию даннаго племени; иначе смерть его была неминуема. Пустынныя пограничныя области охранялись, будто бы, охотниками на слоновъ, и каждый вступившій на эти земли убивался ими, если принадлежалъ къ другой расѣ или къ другому племени. Эти рассказы не вѣрны. Ломуа—люди мирные и боязливые, преслѣду-емые, напротивъ, своими соѣдями ма-куа, и которымъ грозить исчезновеніе, если въ этихъ странахъ не возстановится миръ, подъ влія-ніемъ европейскихъ купцовъ и миссіонеровъ²⁾.

¹⁾ O'Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April, 1882.

²⁾ O'Neill, упом. соч.

По понятливости и промышленности, первое мѣсто въ Мозамбикской области принадлежитъ уа-хіяо или просто яо, называемымъ также аджауа. Эти туземцы—нѣкогда составлявшіе весьма значительную націю, но также много терпѣвшіе отъ набѣговъ ма-вити и другихъ бандъ, носившихъ это имя,—главнымъ образомъ обитаютъ въ верховой долинѣ Лу-Джен-ды; ихъ встрѣчаютъ также, въ большей или меньшей смѣси съ другими племенами, на бе-регахъ Ньясы и Ро-Вумы, и почти повсюду, гдѣ они поселились, они преобладаютъ въ по-литическомъ отношеніи. Они не обезображи-ваютъ черть своего лица татуировкою, и же-ны ихъ не носятъ пелеле; весьма чистоплот-ные какъ въ одеждѣ, такъ и въ жилищахъ, они охотно свыкаются съ чужеземцами и вы-дѣляются духомъ предпримчивости: ихъ мож-но было бы прозвать мозамбикскими вуа-ніа-мэзи. Они превосходные земледѣльцы. Яо долины Лу-Дженда превратили ее въ громадный садъ, въ которомъ земляные фисташки, слад-кіе пататы, тыквы, фасоль и мѣстами рѣсь произрастаютъ рядомъ съ маисомъ и сорго, т. е. съ хлѣбными растеніями, главнымъ образомъ служащими пищею для мѣстного насе-ленія. Въ верхнихъ долинахъ притоковъ Ро-Вумы, они поселились на горахъ съ крутыми подошвами, гдѣ они обезопашены отъ нападе-рій ма-гуангуръ: верхніе склоны этихъ есте-ственныхъ крѣпостей усѣяны хижинами. Въ мѣстечкѣ Унь-янго Johnson насчиталъ ихъ по крайней мѣрѣ девять тысячъ; вершина горы кишитъ дѣтьми, которыя бѣгаютъ по террасамъ и взираются на скалы съ ловкостью обезьянъ. Другая скалистая цитадель, Чіагулу, насе-лена почти такъ же густо, какъ и Уньянго³⁾. Яо часто песящіеся арабскими торговцами; однако, они остались язычниками, и погре-бальный жертвоприношенія, трапезы изъ чело-вѣческаго мяса, хотя и тайно, но все еще практикуются ими начальниками. Молодыя дѣвушки и слуги зарываются живыми въ мо-гилиы ихъ главныхъ начальниковъ: рассказы-ваютъ, что если кому-нибудь изъ обреченныхъ жертвъ случится чихнуть во время погребаль-наго шествія, то его тотчасъ же выпускаютъ на свободу, такъ какъ этимъ чиханьемъ духъ смерти выразилъ нежеланіе принять его въ число сотоварищей умершаго⁴⁾. Недавно, яо обнаруживали свою предпримчивость въ осо-бенности въ качествѣ продавцовъ невольни-ковъ; это при посредствѣ ихъ направлялись почти всѣ караваны съ пѣнными въ Килоа и въ остальные порты морскаго побережья. И этотъ торгъ еще не прекратился совершенно: такъ, Thomson исчислилъ приблизительно въ двѣ тысячи число рабовъ, продаваемыхъ яо

³⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, Sep-tember, 1884.

каждый годъ на поморъ. Вообще, бассейнъ Ро-Вумы есть, быть-можеть, та африканская страна, гдѣ очевиднѣе всего ужасныя послѣдствія торговли рабами; поля запущены, деревни повыжжены, а жители разсѣяны. Въ начальѣ этого вѣка каждый годъ рабовъ вывозилось отъ 4 до 5 тысячъ. Вообще, мозамбикскіе негроторговцы были настолько могущественны, что устроили восстаніе, когда Португалія провозгласила отмѣну торга неграми.

Благодаря трудности доступа въ ихъ края, ма-виха или ма-хиба, живущіе въ обнесенныхъ крѣпкими частоколами деревняхъ, расположенныхъ по поморью на защищенныхъ чащами кустарника полянахъ, могли ускользать отъ торговцевъ, но только при условіи, съ одной стороны, удаленія своихъ поселеній отъ торговыхъ путей, а съ другой, запрещенія арабамъ вступать въ свои деревни. Однако, покупщики копала и каучука въ концѣ концовъ проникли къ нимъ, и они исподволь втянулись въ кругъ торгового тяготѣнія къ португальскимъ гаванямъ. Ма-виха замѣчательны граціозностью своего тѣла и изяществомъ манеръ держаться, но они обезображиваются себѣ проведеніемъ надрѣзовъ на кожѣ, и не только женщины, но даже и мужчины носятъ пелеле на верхней губѣ. Для жены пелеле изготавливается самъ мужъ, при чемъ этотъ предметъ становится символомъ любви и вѣрности, на-подобіе кольца у европейскихъ супруговъ. Когда жена умираетъ, то мужъ благоговѣйно сохраняетъ ея пелеле и никогда не позабудетъ взять его съ собою, идя посѣтить могилу и возлить на нее пиво¹⁾). O'Neill полагаетъ, что ма-виха принадлежать къ той же расѣ, какъ и ма-конде изъ-за Ро-Вумы: нравы у нихъ одни и тѣ же, и прибрежные жители смышиваются ихъ подъ одинакъ и тѣмъ же наименованіемъ. И у той, и у другой націи женщины имѣютъ право выбора себѣ мужей.

Пристани прибрежья, гдѣ поселились европейцы и азіаты для торговли съ неграми внутри материка, не многочисленны, и ни одна изъ нихъ не превратилась еще въ большой городъ. Правда, что въ отдаленныхъ отъ океана областяхъ станы миссіонеровъ являются небольшими колоніями, гдѣ туземныя населенія приходятъ въ соприкосновеніе съ новою цивилизациею.

Къ сѣверо-востоку отъ Квелимане первый посѣщаемый портъ—Ангошъ, бывшее пристанище негроторговцевъ; но начальнымъ пунктомъ телеграфного кабеля и пристанью для срочныхъ пакетоотовъ служить тотъ знаменитый островъ, которымъ португальцы овладѣли въ началѣ семнадцатаго столѣтія и на кото-

ромъ, спустя семь лѣтъ, они основали столицу всѣхъ своихъ владѣній въ Восточной Африкѣ. Островъ Мозамбикъ былъ уже большинъ арабскимъ рынкомъ и торговалъ съ Индіей, когда въ 1498 году къ нему присталъ Васко-де-Гама, и португальцамъ осталось лишь построить укрѣпленіе для того, чтобы обеспечить за собою обладаніе главной пристанью по дорогѣ къ Гоа. Островъ этотъ, каралловый утесъ въ нѣсколько сотенъ метровъ въ ширину и въ три километра въ длину, на половину закрываетъ входъ въ большую бухту Моссориль, представляющую вполнѣ безопасное уѣзжаніе для тѣхъ судовъ, которыхъ во время юго-восточного муссона отстаиваются въ Мозамбикѣ и который находяться въ Моссорильской бухтѣ якорные стоянки съ углубленіемъ отъ 7 до 13 метровъ; однако, къ востоку отъ острова простирается другой портъ, хорошо защищенный отъ морского волненія каралловыми отмелями, визменными островами и мысомъ Кабесейра, вдающимся въ океанъ къ сѣверо-востоку отъ Мозамбика и соединяющимся съ твердою землею при посредствѣ лѣсистаго перешейка. Городъ Мозамбикъ—въ которомъ нѣтъ уже и слѣда арабского господства—обладаетъ нѣсколькими портдочными зданіями португальской постройки; защищаютъ эти зданія пушки крѣпости Санть-Себастьянъ, помѣщающейся на южной оконечности острова, а хижини «чернаго города» тѣснятся въ южной части Мозамбика, около форта Санть-Лоренсо. На этомъ безводномъ островѣ дождевая вода собирается самымъ тщательнымъ образомъ и весьма дорого продается проходящимъ мимо кораблямъ. Недавно пришедший было въ упадокъ вслѣдствіе уменьшенія торговли, этотъ португальскій городъ снова поднялся въ послѣднее время, какъ административный центръ провинціи, предназначеннай къ политическому сліянію съ Анголою, и торговое движеніе опять усилилось. Въ 1893 году въ Мозамбикѣ было въ приходѣ и отходѣ 137 судовъ съ вместимостью 155.982 тонны. Что касается цѣнности товаровъ въ этомъ году, то на долю ввоза приходилось 607.165, а на долю вывоза 401.127 мильрейсовъ. Вывозять въ особенности гумму и слоновую кость; вывозъ каучука начался всего лишь въ 1873 году, и въ шесть лѣтъ продажа этого продукта возросла для Мозамбикскаго порта уже на 1.250.000 франковъ; однако, она такъ же быстро скратилась, вслѣдствіе опустошеннія цѣлыхъ лѣсовъ; также и слоны къ востоку отъ Нынесы почти истреблены. Направленіе торговли, производимой почти исключительно съ Англіей и Франціей, находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ бѣлыхъ, португальцевъ изъ Гоа, цѣнныхъ людей и банджановъ; ввозъ же тканей какъ сюда, такъ равно и въ порты Ибо и Квелимане, почти цѣликомъ производится ве-

¹⁾ J. T. Last, "Proceedings of the R. Geographical Society". August, 1887.

гоцантами изъ Бомбей. Главную массу населения составляютъ чернокожіе магометане, родомъ изъ различныхъ поморскихъ племенъ, но уже потерявшіе свои первоначальныя привычки и отличительные признаки, и исподволь превращающіеся въ такихъ же пролетаріевъ, какіе наполняютъ европейскіе порты; говорить они на весьма испорченномъ жаргонѣ языка ма-куа, одного изъ тѣхъ нарѣчій Восточной Африки, которая наилучше изучены миссіонерами. Мозамбикъ, имѣющій (1887 г.) слишкомъ 7.000 жителей, представляеть одну изъ тѣхъ рѣдкихъ мѣстностей на восточномъ побережїи Африки, которая обладаютъ «ученными» обществами—между прочимъ обществомъ географическимъ—и гдѣ также издаются газеты и книги. На одной изъ сосѣднихъ съ городомъ низменностей собираютъ соль, которую свѣдущіе люди сравниваютъ съ сетувальской, лучшей въ Европѣ¹⁾.

Естественную принадлежность Мозамбика составляютъ также *Terras Firmes*, или «твѣрдые земли» на берегахъ бухты, съ выстроившимися на нихъ деревнями; въ одной изъ нихъ, называемой Москориль, находятся дачи губернатора и европейскихъ ногоцантовъ. Деревня эта лежить, километрахъ въ десяти къ сѣверо-западу отъ города, около основанія полуострова Кабесейра, раздѣляющаго бухты Москориль и Кондусія. Этими великоглѣдными природными гаванями: Мокамбо, на югѣ, и Кондусія на сѣверѣ отъ Мозамбика, не пользуются какъ по причинѣ рѣдкости прибрежныхъ жителей, такъ и вслѣдствіе отсутствія дорогъ во внутреннія области. Даже чудная группа портовъ, которую находятъ корабли къ сѣверу отъ Кондусія, въ заливѣ Фернандо Велозо (*Veloso*), если не безъизвѣстна морякамъ, то по крайней мѣрѣ не утилизируется ими; но туземцы хорошо знаютъ ей цѣну, такъ какъ прозвали этотъ заливъ «Мозазима», т. е. «Пре-восходное убѣжище». Онъ проникаетъ километровъ на десять внутрь земель и на своей оконечности дѣлится на два весьма глубокихъ и защищенныхъ отъ всякихъ вѣтровъ порта. Сѣверо-западный портъ, называемый *Nihueix*, *Belmore-harbour* англичанъ, имѣеть на порогѣ передъ входомъ въ него слой воды толщиной въ 20 метровъ; Икала, юго-западный портъ, хотя и менѣе глубокъ на протяженіи узкаго канала, посредствомъ котораго онъ сообщается съ моремъ, но, тѣмъ не менѣе, и въ немъ достаточно воды для самыхъ большихъ судовъ и даже для цѣлыхъ флотовъ²⁾. Восточный берегъ этого великоглѣдного бассейна, развѣтвляющагося на нѣсколько второстепенныхъ портовъ, вздымаестся въ видѣ кручъ и мысовъ, высотою отъ 30 до 60 ме-

тровъ; повидимому, мѣстность эта имѣеть здоровыій климатъ и была бы пригодна для европейской колонизаціи. Западный берегъ низменъ, но тамъ въ море изливаются нѣсколько небольшихъ потоковъ, и наносная почва могла бы производить рисъ, табакъ и сахарный тростникъ. Въ 1870 году эта область была обитаема; нынѣ же она совершенно опустѣла, такъ какъ туземныя племена удалились къ сѣверо-востоку, на полуостровъ Муамхакома, спасаясь отъ притѣсненій царька племени куа.

Въ трехстахъ километрахъ къ сѣверу отъ португальской столицы находится другая торговая гавань, портъ Ибо или Уибо. Островъ, на которомъ построенъ этотъ городокъ, главный пунктъ округа Кабо Дельгадо,—больше Мозамбикского рифа, а при низкой водѣ онъ соединяется на югѣ также съ другимъ островомъ, Кверимба; но портъ, впрочемъ, вполнѣ защищенный отъ вѣтровъ и волненія, гораздо мельче, чѣмъ оба порта столицы. Въ 1754 году португальцы, издавна уже основавшіе въ Кверимбо, укрѣпили островъ Ибо, гдѣ условія защиты противъ пиратовъ были болѣе благоприятны; однако, возрастаніе населенія и торговли шло весьма медленно, такъ какъ коралловые острова, находящіеся вдоль морскаго побережья, представляютъ бесплодные утесы, а ближайшая внутренняя область, именно территорія племени ма-биха, населена весьма слабо и къ тому же слишкомъ свирѣпыми людьми, чтобы съ ними могла установиться правильная торговля. На берегу Ибо часто набирались туземные рабочіе для плантацій французского острова Носси-бз. Въ общемъ торговля въ Ибо въ 1884 году достигала суммы въ 610 тысячъ франковъ, изъ которыхъ 374 тысячи приходились на долю ввоза, а 236 тысячи на долю вывоза.

Между многочисленными островами, рядъ которыхъ тянется на сѣверъ вплоть до мыса Дельгадо, многіе, между прочимъ, Матемо, имѣютъ небольшія группы такого населенія, къ которому уже прикоснулась цивилизація, а нѣкоторыя изъ деревень находятся даже подъ непосредственнымъ управлѣніемъ португальскихъ чиновниковъ. Такова деревня Мазимбуа (Мюсимба), въ бухтѣ того же имени и въ сотнѣ километровъ къ югу отъ устья Ро-Вумы. Извѣстно также, что въ недавнюю эпоху португальцы возвратили себѣ силу оружія областіе бухтою Тунгце, которая обеспечивалась за ними какъ прежними трактатами, такъ и конвенцію, заключенною ими въ 1886 году съ Германіею, но которую занзибарскій султанъ嘗тался оснаривать у португальцевъ, подстрекаемый арабскими ногоцантами, управлявшими даннымъ округомъ и въ силу тѣхъ географическихъ изслѣдований, которыхъ были произведены въ краѣ отъ его имени. Сила

¹⁾ „As Colônias Portuguezas“.

²⁾ Augusto de Castilho, „O Zimboco“

осталась на сторонѣ европейской державы и ея канонерокъ. Но если эта держава и стала сюзереномъ для всего поморья, то представителей ея тамъ пока еще слишкомъ мало. Въ 1857 году прямо изъ Португалии была прислана группа эмигрантовъ для колонизации, къ югу отъ Ибо, береговъ бухты Муамби или Немба, одной изъ наиболѣе безопасныхъ на поморье. Этихъ эмигрантовъ бесплатно снабдили землями, скотомъ, провизію и оружіемъ; но, взамѣнъ всего этого, ихъ подвергли строгой дисциплинѣ, личному надзору и наблюдению въ религіозномъ отношеніи. И упадокъ колоніи, не взирая на сравнительно здоровое мѣстоположеніе ея, послѣдовалъ быстро. На супротивѣ Ибо, на твердой землѣ, находится деревня Кизанга, представляющая небольшой портъ въ бухтѣ Монтепесъ (Montepes), въ которую впадаетъ рѣчка Мтепуэзи.

Управление Мозамбикомъ, считавшимся нѣкогда простою пристанью на пути въ Индію, зависѣло до половины XVIII столѣтія отъ Гоа. Съ 1752 года, онъ непосредственно присоединенъ къ Португалии. Такъ же, какъ Ангола, онъ управляетъ генералъ-губернаторомъ, при которомъ состоитъ совѣтъ изъ высшихъ чиновниковъ. Кроме того, провинциальный совѣтъ разсматриваетъ и утверждаетъ мѣстные бюджеты, равно какъ вѣдаеть и дѣла второстепенной важности. Специальная комиссія завѣдуетъ финансами, публичными работами и гигіеною. Во всѣхъ этихъ комиссіяхъ и совѣтахъ провинція не имѣть своихъ избранныхъ представителей, но прямую подачею голосовъ ея жители выбираютъ двухъ депутатовъ въ кортесы въ Лиссабонѣ. Мозамбикскій бюджетъ, всегда дающій дефицитъ, утверждается центральнымъ правительствомъ. Въ финансовомъ 1894—95 году доходы простирались до 1.335.800, а расходы доставили 1.555.238 мильрейсовъ. Доходы доставляются, главнымъ образомъ, таможнями и поголовною податью въ 8 фр. 60 сантимовъ съ каждого главы туземного семейства. Народное образованіе весьма слабо развито въ провинції. Такъ, въ учебномъ 1882—83 году начальныхъ училищъ въ Мозамбикѣ было: для мальчиковъ 13, для девочекъ 8; всѣхъ же учащихся было 385¹⁾). По почтѣ въ 1883 году переслано 117.829 предметовъ, изъ которыхъ 79.796 было писемъ. Телеграммы переслано 25.166.

Епархія Мозамбикская, еще и до сихъ поръ подчиненная архіепархіи въ Гоа, имѣетъ свою паству только въ лицѣ португальцевъ и цветныхъ людей изъ торговыхъ заведений. Хотя первая миссія іезуитовъ, выѣхавшая изъ Гоа, направилась въ «Мономотапу» для «просвѣтленія невѣрныхъ», столь же черныхъ

душио, какъ и тѣломъ», и хотя, позже, вѣт военные экспедиціи были сопровождаемы миссионерами, которые должны были «покорять туземцевъ ученіемъ Христа, какъ солдаты покоряли ихъ мечемъ»²⁾), однако, различныя племена внутри страны не сдѣлались христіанами. Споры іезуитовъ съ доминиканцами, присылка священниковъ, осужденныхъ за гражданскія преступленія или за симонію³⁾, и въ особенности торговля невольниками, язычниками или христіанами, привели къ исчезновенію большинства приходовъ, основанныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ приморскихъ городовъ, и церкви превратились въ развалины: остатки ихъ, возбуждающіе суевѣрійный страхъ у туземцевъ, еще и до сихъ поръ видны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ 1862 году торговля рабами еще производилась между Мозамбикомъ и островомъ Кубою: только въ этомъ году она была окончательно запрещена на большомъ испанскомъ островѣ. Въ Мадагаскарѣ съ африканского берега привозилось такъ много рабовъ, что сакалавы и ховасы такъ и называли ихъ: «мозамбиками». Окончательно исчезло рабство въ португальскихъ владѣніяхъ на морскомъ берегу только въ 1878 году.

Провинція дѣлится на округи, управляемые губернаторомъ, который облекаетъ свои полномочіями, въ сelaхъ или племенахъ, либо туземныхъ главарей, либо капитанъ-майоровъ (capitãos-mors). Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны десять округовъ провинціи, ихъ наименование и исчисленное или предполагаемое населеніе нѣкоторыхъ изъ окружныхъ городовъ, со включеніемъ также и зависящихъ отъ нихъ предмѣстій, населенныхъ чернокожими.

Округи.	Главные города.	Число жителей.
Кабо Дельгадо	Ибо .	
Мозамбикъ	Мозамбикъ	7.000
Анготъ	Анготъ .	
Квелимане и Сева	Квелимане	7.000
Софала	Софала	2.000
Шилоанѣ и База- руто	Шилоанѣ .	
Маника	Вилла Гувейза .	
Инхамбанѣ	Инхамбанѣ	6.000
Лоренсо Маркесь	Лоренсо Маркесь .	1.200
Тете и Зумбо	Тете	4.000

¹⁾ „Annuario estatistico do Portugal“.

²⁾ Francisco Maria Bordalo, „Província de Moçambique, Ensaios sobre a Estatística das Possessões Portuguezas“

³⁾ „A África Portugueza“

Глава XI.

Занзибаръ.

Германский протекторат въ Восточной Африкѣ.

I.

Область поморья, простирающаяся къ сѣверу оть Ро-Вумы вплоть и даже по ту сторону Момбаза, нѣкогда принадлежала, подобно Мозамбикскому берегу, португальцамъ; благодаря торговымъ сношениямъ, ихъ власть распространилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже на нѣкоторое разстояніе оть берега внутрь материка; но въ концѣ XVII вѣка, возстанія чернокожихъ, поддерживаемыя нападеніями арабовъ, побудили бѣлыхъ очистить свои крѣпости, и весь берегъ твердой земли, находящійся насупротивъ Занзибара и двухъ соѣдніхъ острововъ, подпалъ подъ власть Маскатскаго султана. Въ продолженіе полутора вѣка, этотъ государь поддерживалъ свою власть, въ качествѣ «короля моря», оть Персидскаго залива до мыса Дельгадо; затѣмъ, въ 1856 году, имперія распалась, и африканские берега, на протяженіи приблизительно 1.500 километровъ, достались на долю одного изъ сыновей Маскатскаго повелителя; династія этого нового государя, благодаря совѣтамъ и почти нахожденію подъ протекторатомъ Великобританіи, стала могущественною: имя занзибарскаго султана уважалось во всей Восточной Африкѣ вплоть до Танганьики, въ бассейнѣ Конго; благодаря, именно, его поддержкѣ, путешественники и могли приводить къ благополучному окончанію изслѣдованія, которымъ они производили къ западу отъ занзибарскихъ владѣній, внутри материка. Затѣмъ вліяніе Англіи смынилось вліяніемъ Германіи, и занзибарскій султанъ превратился въ простаго вассала.

Германцы — известные между туземцами подъ именемъ *ма-дучи*—впервые направили свои стремленія къ приобрѣтенію территорій на восточномъ берегу Африки въ 1884 году и, по минованіи всего трехъ лѣтъ, область ихъ господства стала весьма значительна; въ той части материка, которая находится насупротивъ Занзибара, между двумя рѣками Кингани и Ру-Фу, эта область обнимаетъ пространство въ 55,660 квадр. километровъ; и однако, это лишь небольшая часть той громадной колоніальной державы, къ постепенному созданію которой вплоть до о. Танганьики,

истока Конго, и до о. Ніанца, истока Нила, стремилась Германія. Въ завладѣніи страною, германскіе торговцы, увѣренные въ поддержкѣ своего правительства, дѣйствовали съ рѣдкимъ благоразуміемъ и рѣшительностью. Переодѣтые бѣдными переселенцами, они высадились въ Саадави, и семь дней спустя ими уже былъ подписанъ первый присоединительный трактатъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали и многіе другіе. Имъ надо было поскорѣе опереться на совершившіеся факты, и въ слѣдующемъ году они получили отъ берлинского правительства сначала «охранную грамоту», а затѣмъ императорскую хартію, и съ этого момента они были уже вполнѣ увѣрены въ томъ, что отнынѣ ихъ интересы будутъ охраняемы противъ занзибарскаго султана и Великобританіи. Германскій флотъ появился передъ резиденціей, и подъ жерломъ пушекъ султанъ призналъ, что всѣ территории материка, возврата себѣ которыхъ онъ еще требовалъ, перестали уже принадлежать ему: даже два еще оставшихся у него главныхъ порта на морскомъ побережїи онъ отдалъ агентамъ германской таможни, поступившись, такимъ образомъ, и ключами отъ своей казны. Въ 1886 году, специальная конвенція, заключенная съ Англіей, признала не только уже сдѣланнія германцами присоединенія, но даже и тѣ, которая могутъ совершиться впослѣдствіи: условная линія, проведенная въ направлениі къ юго-востоку отъ края Кавирондо (на восточномъ берегу Ніанцы) къ побережью Индійскаго океана, и проходящая къ сѣверу отъ колосса африканскихъ горъ, вѣчно-снѣжнаго Килима-Нджаро, разграничиваетъ отнынѣ «поясы вліянія», или скорѣе тѣ соответственныя территоії, которыя Германія и Англія присоединять къ своимъ колоніальнымъ имперіямъ послѣ того, какъ утверждаются въ первоначальныхъ своихъ пріобрѣтеніяхъ. На югѣ будущее владѣніе Германіи ограничено рѣкою Ро-Вума. За предѣлами узкой прибрежной полосы, фиктивно признанной принадлежащею занзибарскому султану, область, изображаемая на картахъ германской, занимаетъ поверхность въ 350 тыс. квадр. километровъ, а народонаселеніе ея исчисляется приблизительно въ три миллиона.

Упроченное такимъ путемъ съ политической точки зрења финансовое товарищество, заключившее первые трактаты, могло преобразоваться въ болѣе могущественную компанію, располагающую значительными капиталами. Ему служить также персоналъ ученыхъ изслѣдователей, которые изучаютъ минеральная, земледѣльческія и торговыя богатства края, указываютъ мѣстности, подлежащи занятію, и обозначаютъ направлени¤ тѣхъ дорогъ, которыя соединять внутреннія станціи съ прибрежными гаванями. Многочисленные посты уже основаны въ долинахъ рѣкъ Кингани, Уами и Ру-Фу, при чёмъ плантаторы уже расчистили нови въ ихъ окрестностяхъ, для посадки кофейного дерева, хлопчатника, табака и европейскихъ и африканскихъ овощей. Германскіе миссіонеры, какъ протестанты, такъ и католики, отправились для поселенія въ этихъ новыхъ колоніяхъ и основанія тамъ церквей и школъ. Благодаря вмѣшательству папы, издавна пребывавшіе въ краѣ французскіе миссіонеры были замѣнены германцами. Но, какъ бы ни были дѣятельны «протекторы» племенъ, проживающихъ между Занзибарскимъ проливомъ и Танганыкою, имъ все-таки еще предстоитъ ознакомиться съ большимъ пространствомъ присоединенной территории. Наилучше изслѣдованная область въ данной части материка—это полоса караванныхъ дорогъ, перекрещивающихся линіи которыхъ извиваются чрезъ У-Гого и У-Ніамези, между берегами, съ одной стороны, Индійского океана, а съ другой, озера Танганыки: этотъ край пройденъ Burton'омъ и Speke'мъ, Ливингстономъ, Стенли и Самегон'омъ, а со временеми этихъ пионеровъ науки также цѣлою толпою другихъ европейскихъ путешественниковъ, торговцевъ, миссіонеровъ или солдатъ. Часть этой территории была даже тщательно снята при помощи астрономическихъ наблюдений: первая карта окрестностей Кондоа, въ долинѣ Уами, основана на серезной тріангуляції¹⁾). Но по обѣ стороны большихъ торговыхъ путей, къ югу и къ сѣверу, обѣ обширныхъ пространствахъ имѣются лишь смутныя свѣдѣнія, исходящія отъ туземцевъ, и каждый путешественникъ иначе чертить ихъ карты.* По трактату 1 июля 1890 г., Германія уступила Англіи Виту и всѣ лежащи сѣвериѣ владѣнія, въ обмѣнѣ на о. Гельголандъ, но получила признаніе своего суверенитета надъ всей притязаемой ею областю, отъ морскаго берега до трехъ большихъ озеръ внутри континента; занзибарскій султанъ уступилъ принадлежавшую ему береговую полосу за 4 миллиона марокъ, а 1 января 1891 г. было провозглашено германское господство. Нынѣ германская

Восточная Африка занимаетъ пространство въ 941.100 кв. километр., съ 3.000.000 жителей.

II.

Приморскую область, недавно обозначавшуюся общимъ именемъ «Занзибарскаго берега», орошаютъ рѣки Ру-Фиджи, Ру-Фу и Уами, природныя границы бассейновъ которыхъ во многихъ мѣстностяхъ еще недостаточно определены. На юго-западѣ, высокая цѣпь горъ Ливингстона раздѣляетъ первые истоки Ру-Фиджи и тѣ стремительные потоки, которые низвергаются въ озеро Ньянса. Изъ другихъ горъ массивъ Йоматема и плоскогорія продолжаютъ водораздѣль въ направленіи къ сѣверу; но мало-по-малу они понижаются и, на пути каравановъ, въ У-Гого, изъ области верхнихъ притоковъ Конго, чрезъ Малагарази, неизбѣжно переходить въ предѣлы притоковъ Индійскаго океана. Область перехода представлять обширное плоскогоріе, съ средней высотою отъ 1.100 до 1.200 метровъ, а въ самыхъ высшихъ пунктахъ даже въ 1.300 метр. Кое-гдѣ показываются гранитные конусы, выдающіеся изъ средины песчаниковъ и пластовъ красноватаго латерита. На сѣверѣ, горизонтъ ограничивается столоидными горами, на которыхъ проживаетъ племя уа хума: издали эти горы кажутся возвышающимися на нѣсколько сотень метровъ надъ уровнемъ плоскогорія.

Горы въ собственномъ смыслѣ этого слова профилюютъ свои вершины внутри береговыхъ бассейновъ, между водораздѣльными равнинами и побережьемъ океана. Burton называлъ ихъ «африканскими гатами (ghat)», уподобивъ гатамъ индійскимъ, составляющимъ вѣнцы окраины высокихъ земель Декана; однако, возвышенности У-Сагары заслуживаютъ даже имъ наименование не только по приморскому ихъ склону; хотя и въ менѣшей степени, они тоже горы и по своему континентальному скату, такъ какъ и съ этой стороны они поднимаются круто надъ поддерживающимъ ихъ цоколемъ. Связанныя съ при-ньянскими горами Ливингстона при посредствѣ слегка наклоненного плоскогорія, которое перерѣзываютъ террасообразно верхніе притоки Ру-Фиджи и на которомъ находятся гребни не менѣе двухъ тысяч метровъ въ высоту,—горы У-Сагара дѣлятся на двѣ параллельныя цѣпи, которая тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ и континентальный берегъ къ сѣверу отъ Занзибара. Однако, на своемъ протяженіи, эти цѣпи представляютъ большія неправильности; во многихъ мѣстахъ отъ нихъ отходятъ попеченные гряды, и въ хаосѣ вершинъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ горизонты, первоначальное направленіе уже трудно распознать. Горы Рубехо, образующія водораздѣльный кряжъ между притоками Ру-Фиджи и

¹⁾ Bloyet, „Bulletin de la Société de Géographie“. 1836, 3-е trimestre.

притоками Уами, представляютъ въ цѣломъ видъ цѣпи, направляющейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На югѣ, въ долинѣ Ру-Фиджи, простираются каменноугольныя залежи, про-

ники и сланцы. Главныя вершины превышаютъ двѣ тысячи метровъ: проходъ Рубехо, чрезъ который прослѣдовали въ 1858 году Burton и Speke, оказался на высотѣ 1.737 метровъ. Эти

Женщины племени масай.

мышленная цѣнность которыхъ различно исчисляется изслѣдователями.

Горы У-Сагара состоятъ главнымъ образомъ изъ гранита, но тамъ видны также діориты и другія вулканическія породы, какъ равно песча-

путешественники прозвали его «Страшнымъ проходомъ», по причинѣ неприступности откосовъ и нагроможденія глыбъ, взбираться на которыя имъ, истощеннымъ лихорадкой, было очень трудно. По крайней мѣрѣ эти высокія

области купаются въ здоровомъ воздухѣ, и европейцы, ослабленные вслѣдствіе пребыванія въ болотистыхъ равнинахъ побережья, могли бы основать тамъ санаторій для возстановленія своихъ силъ въ климатѣ, который походитъ на климатъ ихъ отечества. Большая часть деревень У-Сагары выстроена надъ долинами, на выдающихся горныхъ террасахъ^{1).}

Нѣсколько небольшихъ рѣкъ изливаются въ море къ сѣверу отъ Ро-Вумы, но лишь въ 300 километрахъ отъ нея находится большая рѣчная дельта, именно дельта р. Ру-Фиджи или Лу-Фиджи. Что касается самой рѣки Ру-Фиджи, то она выходитъ не изъ озера Ньянса, какъ сообщалъ Ливингстонъ со словъ туземцевъ, но самые отдаленные ея притоки зарождаются къ западу отъ этого озерного бассейна. Въ общемъ, развѣтвленія притоковъ Ру-Фиджи занимаютъ—по обѣ стороны горъ, окаймляющихъ плоскогоріе—весьма обширное пространство, исчисляемое приблизительно въ 1.500 квадратныхъ километровъ. По южной, главной вѣтви, называемой Лу-Уэго или Лу-Ву, до ея истока не поднимались, да кому же она и не судоходна; вѣроятно, она зарождается въ Ливингстоновыхъ горахъ и течеть въ сѣверо-западномъ направлениіи вплоть до сланія съ рѣкою У-Ранга, которая подходитъ съ запада, низвергаясь между гранитными стѣнами и образуя цѣлый рядъ водопадовъ; въ судоходныхъ частяхъ У-Ранги, достигающей въ сезонъ дождей ширины порою до двухъ тысячъ метровъ, солнами виднѣются членки, выдолбленные изъ стволовъ деревьевъ. По соединеніи, двѣ рѣки: Лу-Уэго и О-Ранга принимаютъ наименование Ру-Фиджи, которая, въ нѣсколькихъ сотняхъ километровъ, спускается между гранитными утесами рядомъ пороговъ и водопадовъ, извѣстныхъ подъ названиемъ: «Каскадъ Шугули». Кверху отъ этихъ пороговъ, на протяженіи обѣихъ сливающихся рѣкъ находятся скалистые острова, служащіе убѣжищами для туземцевъ. Книзу отъ сланія Лу-Уэго и У-Ранга, Лу-Фиджи течеть на сѣверо-востокъ по продолженію долины р. Лу-Уэго. На извѣстныхъ разстояніяхъ есть судоходные плесы на Ру-Фиджи, но скалы, песчаныя мели и пороги во многихъ мѣстахъ останавливаютъ лодки дикарей. Препятствія эти умножаются кверху отъ сланія съ Ру-Ха, широкою рѣкою, которая течеть съ запада и бассейнъ которой обнимаетъ весьма большое пространство, въ направлениіи отъ У-Пори къ У-Гого. Ру-Ха тоже не судоходна²⁾, несмотря на то, что въ сезонъ дождей несетъ такую мощную массу водъ, что на то время превращается въ главную рѣку данного бассейна; напротивъ, въ сухое время года она менѣе обильна, чѣмъ Ру-Фиджи.

Теперь главная рѣка собрала уже всѣ свои

¹⁾ Pfeil, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, т. XII.

²⁾ Guyot, „Comptes rendus de la Société de Géographie“, 1883, № 2.

приточныя воды, и ей остается лишь перейти преграду, которую представляютъ навѣсѣ выдвинувшіяся ей навстрѣчу предгорія приморскихъ цѣпей. Этотъ рядъ холмовъ протягивается съ сѣвера на югъ, а такъ какъ рѣка течеть съ запада на востокъ, то она прямо и узряется въ нихъ, образуя такъ называемыя водопады Пангани: рельефъ горъ, гораздо болѣе значительный на восточномъ склонѣ, чѣмъ на западномъ, позволяетъ предположить, что въ денивелaciѣ водъ въ рѣкѣ тоже весьма значительна, но до сихъ поръ уклонъ рѣки еще не измѣренъ. За порогами, въ приморской полосѣ или Мримѣ, Ру-Фиджи судоходна вплоть до моря, въ пространствѣ приблизительно двухсотъ километровъ; но, для избѣжанія отмелей изъ песка или изъ ила, образующихъ и перекишающихся при каждомъ разливѣ, необходимо плавать съ осмотрительностью. Въ этой части рѣчного потока прорылся даже новый рукавъ, который змѣится къ югу отъ покинутой водою рѣки. Ниже, въ дельтѣ, рукава Ру-Фиджи измѣняются постоянно: вслѣдствіе перемѣщевія водами наносныхъ земель, ежегодно измѣняется развѣтленіе притоковъ, а съ другой стороны, съ моря, работа полиніаковъ измѣняетъ также очертанія и самаго побережья дельты. Оно весьма обширно, такъ какъ ограничивающая его пляжи кривая имѣетъ около 90 километровъ, а поверхность всей дельты составляетъ не менѣе 1.500 квадратныхъ километровъ. На этомъ пространствѣ дельту перерѣзываютъ около десятка мто, или ламановъ, изъ которыхъ нѣкоторые находятся въ соединеніи съ рѣкою не всегда, а только въ течение большей части года, когда въ ихъ руслѣ смѣшивается соленая вода съ прѣсной. Наѣльшую часть рѣчныхъ водъ катить сѣверные рукава: Бумба или Мсала, Кюмбони, Симба-Уранга и Кибуны, въ которые при приливѣ приливаютъ и барки. Каботажныя суда особенно часто посѣщаются Симбу-Урангу, запасаясь на его берегахъ лѣсомъ для постройки домовъ въ Занзибарѣ. Вблизи моря густыя чащи кориепусковъ окаймляютъ берега притоковъ; по илистымъ же отмелямъ, на сваяхъ возвышаются рѣдкія жилища туземцевъ. Выше, гдѣ земля уже не столь влажна, деревьевъ не видно: почву покрываютъ высокія травы, и земледѣлецъ собираетъ обильные урожаи риса.

Въ сравненіи съ Ру-Фиджи, остальная изъ впадающихъ въ Занзибарское море рѣкѣ менѣе значительны. Кингани, по которой Holthwood поднялся приблизительно на двѣsti километровъ, называется также Мто, Мбази или Ру-Фу, при чемъ всѣ эти названія означаютъ «рѣку»; она зарождается въ долинахъ восточного склона, къ востоку отъ горъ У-Сагара. Уами, изливающаяся равнымъ образомъ на супротивъ острова Занзибара, собираетъ свои воды гораздо западнѣе, въ краевыхъ горахъ плоско-

горія. Но въ пространствѣ между бассейнами этихъ рѣкъ и покатостью Танганыки, разсыпанными ложбинами, въ которыхъ скаплиются воды, не имѣющія истока. Самый большой изъ этихъ резервуаровъ, къ западу отъ тѣхъ высотъ, где главный вѣтвь Ру-Фиджи берутъ свое начало, представляется озеро Рикуа, Ликуа или Хикуа, открытое Томсономъ въ 1880 г. и видѣнное затѣмъ Catteril'гемъ и Kaiser'омъ. Съ высотъ горъ Ліамбы, опоясывающихъ его съ сѣверо-запада и отдѣляющихъ отъ Танганыки, Рикуа кажется выполняющимъ какъ бы правильную долину, направляющуюся съ сѣверо-востока на юго-востокъ, параллельно оси озеръ Танганыки и Ньяссы, и въ архитектурѣ материка представляющую часть одной и той же системы углубленій. Высота его положенія исчислена въ 780 метровъ, т. е. метровъ на тридцать ниже уровня Танганыки; вѣроятная длина равняется километрамъ ста, а ширина колеблется между 25 и 30 километрами. Оно получаетъ много притоковъ на обѣихъ своихъ оконечностяхъ, и даже довольно большую рѣку, Катума или Мкафу, берущую свое начало къ сѣверу отъ Каремы, въ прибрежныхъ горахъ величаго озера; но всѣ эти приносы прѣсной воды, испаряющейся затѣмъ изъ бассейна, оставляютъ въ озерномъ водоемѣ осадокъ соляныхъ веществъ; по словамъ туземцевъ, вскѣсъ его водъ — селитряный.

Горы У-Сагара, возвышающіяся между плоскогоріемъ и морскимъ побережьемъ, составляютъ главную причину противоположностей въ климатѣ, а, слѣдовательно, и всѣхъ зависящихъ отъ него явлений, до явлений, совершающихся въ текучихъ и въ стоячихъ водахъ включительно. Среднее направление вѣтра, въ этой области Африки, можетъ быть изображено перпендикулярною линіею къ берегу: дуютъ ли преимущественно юго-восточные пассаты, что бываетъ въ теченіе большей части года; преобладаютъ ли сѣверо-восточные вѣтры, какъ въ январѣ, когда солнце увлекло къ югу всю атмосферную систему; или же ходъ вѣтра опредѣляется притяженіями изнутри материка, — всегда воздушные теченія устремляются въ направленіи къ морскому побережью, при чѣмъ расположенные внутри страны горы задерживаютъ эти потоки воздуха, при ихъ проходѣ, вмѣстѣ съ облаками и дождями. Такжѣ и ежедневная бриза чувствуется только на склонѣ къ морю. Противоположные же склоны и защищенные отъ вѣтра плоскогорія, простирающіеся по ту сторону приморскихъ возвышеностей, тоже оказываются удаленными отъ влиянія моря гораздо болѣе, чѣмъ бы это слѣдовало въ виду геометрическаго разстоянія между ними.

Массика, т. е. сезонъ, въ теченіе котораго приходится оставаться «заточеннымъ» въ своей хижинѣ, начинается обыкновенно, въ

приморской полосѣ, въ январѣ, въ эпоху, когда восточные вѣтры уступаютъ свое мѣсто сѣверо-восточному муссону; однако, большиіе дожди устанавливаются только въ мартѣ или въ апрѣлѣ; по минуваніи мѣсяца они уменьшаются, съ тѣмъ, чтобы возобновиться въ сезонъ *вули*, который продолжается съ середины октября до конца года. Сентябрь — мѣсяцъ наименѣйшей влажности; тѣмъ не менѣе и въ сентябрѣ бываютъ еще ливни. Въ нѣкоторыхъ долинахъ внутри страны, не защищенныхъ отъ доступа дождливыхъ вѣтровъ, дождь идетъ въ теченіе всего года, за исключеніемъ дней пятнадцати въ сентябрѣ; массика же проявляется гораздо раньше, чѣмъ на морскомъ берегу; кромѣ того, и туманы часто заволакиваютъ горы. Общее выпаденіе дождя несомнѣнно превышаетъ три метра на океаническомъ склонѣ горъ У-Сагара. Существующая около оконечности Южной Африки противоположность между побережьемъ Индійского океана и побережьемъ Атлантическаго сохраняется еще и въ этихъ тропическихъ пространствахъ, между 10 и 6 градусами южной широты. Такъ, на равномъ разстояніи отъ экватора, дождей больше на восточномъ берегу континента; также гораздо выше тамъ и температура; по Hahn'у разница между температурами восточного и западнаго береговъ, подъ 10-мъ градусомъ широты, т. е. соотвѣтственно устьямъ рѣкъ Ро-Вумы и Куанзы, равняется четыремъ съ половиною градусамъ, такъ какъ температура западнаго берега $22,2^{\circ}$, а восточнаго $26,7^{\circ}$. Контрастъ этотъ зависитъ отъ направленія вѣтровъ и береговыхъ морскихъ теченій. Тогда какъ муссоны на атлантическомъ берегу дуютъ почти постоянно изъ южной области, принося свѣжесть изъ австралийскихъ морей, — на восточномъ берегу, наиболѣе частые вѣтры несутся съ востока, т. е. изъ океаническихъ пространствъ, нагреваемыхъ вертикальнымъ солнцемъ. Режимъ морскихъ теченій на обоихъ берегахъ разнится еще рѣзче, такъ какъ вдоль атлантическихъ береговъ, съ юга на сѣверъ, восходитъ рѣка холодной воды, а изъ большаго центральнаго бассейна Индійскаго моря, устремляясь чрезъ Мозамбикскій проливъ къ югу, изливается потокъ воды теплой.

Бугристыя плоскогорія, расположенные на пути вѣтра съ горъ У-Сагара, представляютъ безводную землю, подобно капскимъ Кару. Во многихъ округахъ воды нѣть почти совсѣмъ, и туземцы принуждены вырывать глубокіе колодцы въ храшѣ для сбора въ небольшомъ количествѣ той влаги, которая просачивается въ подпочву. Въ этихъ краяхъ сезонъ *вули* проходитъ, не принося правильныхъ ливней, а массику иногда прерываютъ изсушающіе вѣтры, предвестники голода. Тѣ же самыя воздушныя теченія, которые приносятъ дождь *

на склонъ къ морю, часто похищаютъ необходиимую влагу у плоскогорія. Къ сухости воздуха присоединяются дневной жаръ и ночной холодъ; часто смерчи изъ пыли образуются на высокихъ равнинахъ, и ихъ наблюдаютъ несущимися на нивы, при чмъ въ свой круговоротъ они увлекаютъ крупный песокъ, а иногда даже и булыжники. «Seis mezes de polvo—seis mezes de lodo!», т. е. «шесть мѣсяцевъ пыли и шесть мѣсяцъ грязи!», говорятъ испанцы про Филиппинскіе острова, и Burton повторяетъ эту же поговорку относительно У-Гого. Что касается морскихъ тумановъ на океаническомъ берегу, вслѣдствіе которыхъ по ночамъ выпадаетъ сильная роса, то они не распространяются далеко по высокимъ внутреннимъ землямъ. Въ Занзибарѣ средняя температура, выведенная изъ четырехъ-лѣтніхъ наблюдений, оказалась равною 26,7°; въ самый жаркий мѣсяцъ, мартъ, было 29,1°, а въ самый холодный, юль, 25,2°; дождливыхъ дней—120 и количество выпавшаго дождя—1 метръ и 549 милли.; но въ 1859 году оно достигло 4 метровъ и 24 сантиметровъ¹).

Богатство растительности соотвѣтствуетъ изобилію дождей. Приморскія равнины, орошаemыя достаточно, повсюду покрыты травами или лѣсами. Къ сѣверу отъ Ро-Вумы, на террасѣ, обитаемой племенемъ ма-конда, видъ края тотъ же самый, какъ и по другую сторону рѣки, на томъ скалистомъ цоколѣ, на которомъ разселились ма-вихи, кустарники и деревца перемѣшиваются тамъ въ такую густую массу, что проложить себѣ путь можно только съ топоромъ въ рукѣ. Въ разныхъ мѣстностяхъ приморской полосы, простирающейся сѣвериѣ, растительность, столь же густая и болѣе вѣтвистая, состоитъ изъ большихъ деревьевъ: по выходѣ изъ сель, тотчасъ же вступаешь въ галлереи, по которымъ носильщики, задерживаемые вѣтвями, съ трудомъ прокладываютъ себѣ путь²). Въ другихъ мѣстахъ, деревья либо стоять особнякомъ, либо группируются въ живописныя рощицы; по сосѣдству же съ болотами, камыши и злаковыя растенія образуютъ рощи, высотою въ четыре метра, въ которыхъ воры поджидаютъ путниковъ, и куда прокрадываются бѣглые рабы. Кошаловое дерево или *жандарузи*, дающее лучшую изъ извѣстныхъ купцамъ смолу, очень распространено на берегахъ Низовой Ру-Фиджи, въ разстояніи километровъ шестидесяти отъ моря³). Что касается горъ, то онѣ покрыты въ особенности мимозами и другими мало возвышающимися деревьями; но

тамъ же видны также большія тамаринды, смоковницы съ такими громадными вѣтвями, что подъ ними могли бы пріютиться цѣлыя эскадроны, и тыквенники, въ выдолбленныхъ стволахъ которыхъ нашлось бы помѣщеніе для цѣлаго семейства. Горы У-Сагара весьма богаты древесными растеніями съ благоухающими цветками, или съ плодами пріятнаго вкуса, хотя эти растенія еще не усовершенствованы путемъ культуры. Въ предгоріяхъ часто проходишь такими лѣсистыми пространствами, что можно подумать, что этому лѣсу и конца нѣть, а между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься впередъ, деревья все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, и вскорѣ открывается саванна. По другую сторону горъ, въ У-Гого деревья видныются только на орошеныхъ земляхъ, и во многихъ округахъ чувствуется такой недостатокъ въ топливѣ, что приходится жечь коровий калъ, какъ въ пустыняхъ американского «дальніго запада». Высокое дерево, всего чаще встрѣчающееся въ этихъ областяхъ,—тыквенное (*crescentia latifolia*); въ другихъ мѣстахъ на близость жилищъ указываетъ баобабъ съ далеко распушертыми вѣтвями: гигантскіе молочай служатъ также пристанищами для каравановъ. Но если лѣсная растительность рѣдка, то тѣмъ не менѣе большія животные водятся въ изобиліи, въ особенностіи вдали отъ торговыхъ дорогъ слонъ, носорогъ, жирафъ, буйволъ и страусъ бродятъ еще въ нѣкоторыхъ частяхъ плоскогорія, и еще недавно львы были такъ многочисленны, что, во избѣженіе опаснаго сосѣдства съ ними, перемѣщались цѣлыми деревніями.

Многія изъ племенъ, живущихъ въ сѣверной части бассейна Ро-Вумы, едва отличаются по языку и по нравамъ отъ народцевъ на юномъ склонѣ; нѣкоторыя изъ нихъ часто меняютъ свои мѣста и производятъ набѣги съ одного берега рѣки на другой. Такъ уанинди и ма-гуантуара или ма-кондэ—которые, прикрываясь грознымъ именемъ ма-вити, для устрашения своихъ робкихъ сосѣдей, опустошили столько странъ и поработили столько населеній къ югу отъ Ро-Вумы,—основали свои главныя становища на противоположномъ склонѣ. Две группы племенъ, смотрящихъ другъ на друга съ высоты своихъ террасъ, съ обоихъ береговъ Низовой Ро-Вумы, весьма схожи между собою, и несмотря на различіе въ наименованіи этихъ народцевъ, языкъ у нихъ одинъ и тотъ же. На югѣ—это ма-виха, на сѣверѣ—ма-кондэ; послѣдніе крайне безобразны, благодаря порѣзамъ на лицѣ и тѣлѣ, порѣзамъ, которые они время отъ времени возобновляютъ для того, чтобы образовались выпуклые шрамы; всѣ женщины носятъ также пелеле, которое издали придаетъ имъ верхней губѣ форму па-

¹⁾ John, Robb, „Meteorological Society in London“. 1880.

²⁾ Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

³⁾ „Geographical Magazine“. August 1, 1874.

баныаго рыла. У ма-кондэ женщины не покупаютъ, и родители не присвоиваютъ себѣ право выдавать своихъ дочерей въ замужество: выборъ супруга принадлежитъ всецѣло самимъ девушкиамъ. Когда между женихомъ и невѣстою состоится согласіе, то девушка входитъ въ хижину своего жениха, подметаетъ полъ и приводить всѣ вещи въ порядокъ; затѣмъ является женихъ и ставить свое ружье у двери,—воть и всѣ брачныя церемоніи. Брачные союзы очень уважаются; о прелюбодѣяніи рѣдко можно услышать въ странѣ этого племени, а если такой грѣхъ и случится, то онъ всегда наказывается изгнаніемъ виновнаго. Послѣ разрѣшения отъ бремени, жена живеть отдельно отъ мужа и возвра-

тъшомъ количествѣ въ ихъ странѣ, ма-кондэ стали очень горды и допускаютъ къ себѣ чужеземцевъ съ недовѣремъ. Англійскіе миссіонеры, основавшіеся въ краѣ Мазази, на западной оконечности территории ма-кондэ, не могли завязать постоянныхъ сношеній съ этими туземцами. Когда, въ 1887 году, Chauncy Maples проникъ въ одну изъ деревень кондэ, то жители, никогда не видѣвшіе европейцевъ, приняли его за выходца съ того свѣта; однако, согласились дать ему пищу¹⁾.

Край Мазази принадлежитъ одному могущественному племени тѣхъ макуа, которые южнѣе, занимаютъ Мозамбікскія страны. Яо, Ньяссскихъ горъ представлены въ большомъ числѣ въ этой части бассейна Ро-Вумы; тамъ

ТИПЫ МА-ВИХА. НАЧАЛЬНИКЪ И МОЛОДОЙ МУЖЧИНА СЪ ПЕЛЕЛЕ.

щается въ его хижину только послѣ того, какъ ребенокъ станетъ говорить; иначе, несчастіе постигло бы семью. Когда же настанетъ день соединенія, то мать приносить своего младенца къ раздвоенію двухъ тропинокъ, символизующихъ пути въ жизни, затѣмъ натираетъ масломъ свое дитя и передаетъ его отцу: общая жизнь между супружами начинается снова¹⁾). Послѣ смерти кондэ, все принадлежащее ему зерно тотчасъ же претворяется въ пиво, для угощенія всей общинѣ, и пиршество продолжается до тѣхъ поръ, пока весь напитокъ не будетъ распитъ. Разбогатѣвъ вслѣдствіе торговли кондоловою смолою и каучукомъ, добываемыми въ весьма

встрѣчаются также уа-муэра, слабые остатки нѣкогда значительного племени, которое ма-вити истребили почти совсѣмъ: нѣкогда они были весьма многочисленны по сосѣдству съ морскимъ побережьемъ, около Килоа. Уа-гиндо или уа-гиндо, которые ихъ замѣстили на сѣверѣ или на сѣверо-востокѣ террасы, занятой ма-кондэ, принадлежать къ тѣмъ воинственнымъ народамъ, которые претендуютъ на имя ма-вити и которые приняли воинскій кличъ, оружіе и права этихъ страшныхъ братьевъ зулусовъ: иногда ихъ зовутъ уали-хуху, въ подражаніе ихъ воинскому клику. Равнымъ образомъ и ма-хенжэ—охотники, населяющіе преимущественно сѣверъ бассейна Ру-Фиджи, между рѣками У-Ранга и

¹⁾ Joseph Thomson, "Proceedings of the R. Geographical Society", February, 1882.

¹⁾ Тотъ же сборникъ, июнь, 1880.

Руа-Ха—тоже пытаются заставить другія племена страшиться ихъ, хотя и сами они трепетали передъ завоевателями. Племя уа-ніаканыка низведено ими на положеніе рабовъ¹⁾.

Къ востоку отъ племени ма-хенжэ, въ бассейнѣ Ру-Фиджи, страна принадлежитъ уа-ніонэ или уа-донди, за которыми слѣдуютъ, въ области между Ру-Фиджи и низовьями Кингани, — уа-зарамо, а затѣмъ суа-хели, т. е. «поморяне». Уа-зарамо большею частью люди средняго роста, но рѣдкой физической силы. Будучи сѣмьшанного происхожденія, они представляютъ большое разнообразіе типовъ; нѣкоторые путешественники были поражены большимъ числомъ альбиносовъ, встрѣчающихся въ ихъ странѣ. По ихъ территоріи, съ половины текущаго столѣтія проходили какъ арабскіе купцы, такъ и европейскіе путешественники; оттого нынѣшня описанія ихъ сильно разнятся отъ повѣствованій, оставленныхъ первыми посѣтителями ихъ страны. Нынѣ они заимствуютъ костюмъ отъ арабовъ, покупаютъ оружіе, ружья и украшенія у купцовъ и не практикуютъ уже многихъ свирѣпыхъ обычаевъ прежняго времени. Но въ отдаленныхъ округахъ еще и понынѣ можно видѣть уа-зарамо, по лицу которыхъ проведены отъ уха ко рту большие надрезы; все одѣяніе состоить изъ травяныхъ юбокъ; прическѣ, при помощи глины, придана форма крыши, а все еще примѣняемыя и сокращающіяся въ тщательно отдѣланномъ колчанѣ стрѣлы—отравлены. Смерть на костѣ была не рѣдкостью у уа-зарамо. Они сжигали волшебника, его жену и дѣтей; бросали въ кусты новорожденныхъ, у которыхъ зубы прорѣзывались не по признанному правилу; та же участъ иногда постигала близнецовыхъ и тѣхъ, которые рождались въ дни съ дурнымъ предзнаменованіемъ; даже достигнувъ извѣстнаго возраста, дѣти избивались въ тѣхъ случаихъ, если скрежетали зубами во снѣ, или если у нихъ обнаруживался какой-нибудь другой физической недостатокъ, долженствующій навлечь несчастіе на ихъ семью. Съ другой стороны, мать, потерявшая свое дитя вслѣдствіе какой-нибудь случайности или болѣзни, считалась отвѣтственною за это: она должна была покинуть деревню, вымачивать свое лицо землею и безропотно выслушать брань, которой ее подвергали²⁾. Уа-зарамо не совершаютъ обрѣзанія, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ они уже подпали подъ влияніе приморскихъ магометанъ. Большая часть изъ нихъ столь же хорошо говорить на языкахъ суахѣлі, какъ и на своемъ собственномъ; для праздничнаго одѣянія начальники

¹⁾ Porter, "Journal of the Manchester Geographical Society". July to Dec., 1886.

²⁾ Horner;—Burton;—Thomson и т. д.

употребляютъ арабскій длинный плащъ, эфель и тюрбанъ; женщины тоже одѣты по-мусульмански, но лица не закрываютъ. Жильца богатыхъ людей сравнительно раскошны: это—домики почти европейской наружности.

Родственный уа-зарамъ племена уа-куэрз, уа-камы и уа-хуту, обитающія западнѣе, въ горной странѣ верхнихъ источниковъ Кингани, менѣе тронуты цивилизаціей: туземцы эти едва одѣты въ кое-какія ткани изъ лыка и живутъ въ берлогахъ: процессы о колдовствѣ, оканчивающіеся сожженіемъ обвиняемаго на костѣ, еще часты въ ихъ землѣ. Ихъ сосѣди на сѣверномъ склонѣ горъ, уа-зегуха или уа-зегура, населяющіе вмѣстѣ съ родственными имъ по языку и расѣ уа-игуру, мало-плодородныя долины, по которымъ протекаетъ Нижняя Уами, болѣе цивилизованы и, благодаря сосѣдству суахѣлі и арабовъ, почти всѣ приняли исламъ. Обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ сдѣлало изъ нихъ страстныхъ охотниковъ на невольниковъ. Уа-зегуха—почти единственные въ этихъ областяхъ Восточной Африки, непризнающіе наслѣдственной вѣсти у своихъ главарей: они отдаются самому сильному или самому великодушному, и безпрерывныя войны свирѣпствуютъ между соперниками. Иногда и ихъ сосѣди вовлекаются въ эту борьбу между племенами: такъ, одно изъ мѣстныхъ племенъ, уа-доэ, почти цѣлкомъ исчезло во время опустошившихъ край войнъ, а бѣглецы изъ этой націи разсѣялись по сѣверу вплоть до сосѣдства съ экваторомъ¹⁾). Такъ какъ уа-доэ были людѣдами, то путешественники обходять стороной ихъ территорію. Мужчины и женщины обозривали себя, проводя широкіе красные шрамы между висками и низомъ подбородка; два верхнихъ рѣзца вырывались, а костюмъ состоялъ изъ шкуръ, окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ. Когда умиралъ свободный человѣкъ, то съ нимъ зарывали двухъ живыхъ рабовъ, женщину, чтобы она поддерживала голову во время долгаго сна, и мужчину, вооруженнаго топоромъ для приготовленія огня въ сырой и холодной землѣ²⁾). Начальники деревень, старающіеся придать себѣ страшный видъ и обрѣзывающіе свои ногти въ формѣ когтей льва, избѣгаютъ встрѣчаться другъ съ другомъ, такъ какъ ихъ взглядъ, говорятъ они, смертеленъ для соперничествующихъ о власти. Когда имъ приходится соѣщаться объ общихъ дѣлахъ, то они назначаютъ свиданія въ хижинѣ, раздѣленной на особы помѣщенія; каждый приходитъ съ своего конца, и соѣщаніе совершается透过 перегородку³⁾).

¹⁾ Richard Burton, упом. соч.;—Richard Brenner „Petermann's Mittheilungen“, 1867.

²⁾ Horner, „Voyage à la côte orientale d'Afrique“.

³⁾ Baur, „Annales de la Propagation de la Foi“. 1882.

Область горъ, между приморской покатостью и нагорьемъ, занята различными кланами племени уа-сагара, изъ которыхъ одни еще такие же варвары, какъ и уа-хуту, а другіе, вслѣдствіе сношений съ суахели, арабами и бѣлыми путешественниками, уже нѣсколько цивилизовались. Ихъ языкъ, подраздѣляясь на нѣсколько нарѣчий, одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ: имъ говорятъ нѣкоторые народы даже въ состояніи Момбаза. Уа-загара вообще болѣе бородаты, чѣмъ ихъ соѣдни различные племена. Уа-хехэ, на югѣ, въ бассейнѣ Руа-Ха; уа-меги и уа-катуру, а также уа-жеджа, на сѣверѣ, на границахъ Мазаи,—принадлежать къ группѣ сагарскихъ націй. Отличительный признакъ этихъ туземцевъ составляетъ продырвленное ухо, и такъ какъ въ дыру эту вводятъ деревянные, металлические и роговые диски, то нижняя доля ушной раковины оттягивается зачастую до плеча: часто этою дырою пользуются для подвѣшиванія ящичковъ, табакерокъ и инструментовъ. У уа-хехэ,—которые говорятъ языкъ комъ, весьма близкимъ къ языку ки-суахели,—лицо совершенно безволосое¹⁾). Они поработили племя уа-бена, мирныхъ людей, прославившихся искусствомъ, съ которымъ они вырѣзываютъ и оттачиваютъ мечи изъ зебенового дерева²⁾). Ихъ территорія,—гористое плато въ двѣ слишкомъ тысячи метровъ высотою,—представляетъ страну суровую, по которой разгуливаютъ холодные вѣтры.

Уа-гого, населяющіе области плоскогорія вплоть до раздѣла Уа-Ніамэзи, были нѣкогда страшными грабителями. Рассказываютъ, что когда первый арабскій караванъ появился въ ихъ краѣ, то уа-гого были до такой степени поражены дородностью его начальника, что приняли его за бога и взывали къ нему о ниспосланіи дождя; но такъ какъ мольбы ихъ немедленно услышаны не были, то они хотѣли убить чужеземца, котораго, по счастью, спасъ случившійся ливень³⁾). Однако они слышутъ наименѣе сувѣрными между народами Восточной Африки: чародѣевъ у нихъ немнogo, да имъ они и не особенно довѣряютъ. Большая часть путешественниковъ, проходившихъ чрезъ территорію уа-гого, были поражены малостью ихъ черепа въ сравненіи съ шириной лица, и отдаленностью другъ отъ друга ушей, продырвленныхъ, какъ и у племени уа-сагара; Burton говоритъ, что уши у нихъ похожи на ушки, приделанные съ двухъ сторонъ шара. Въ этой части Африки, продырвленные уши считаются признакомъ свободного состоянія: рабы не имѣютъ права ихъ просверливать и не могутъ привѣшивать къ нимъ украше-

нія. Почти все уа-гого вполнѣ одѣты; даже дѣти носятъ рубашки. По сравненію съ языккомъ соѣднихъ племенъ, языкъ уа-гого гораздо жестче, и обыкновенно они говорятъ звонко и повелительно, а иногда и нѣсколько грубо, такъ какъ гордится своею численностью и господствомъ, издавна проявляемымъ надъ робкими торговцами.

Но все народы внутри страны, даже самые могущественные, подчиняются вліянію языка, на которомъ говорятъ эти презрѣнныe торгаши. Ки-суахели, нарѣчие «людей Суахеля», т. е. «прибрежныхъ», распространяется все болѣе и болѣе между всѣми туземцами этой части материка. А между тѣмъ племена, распространяющія это нарѣчіе, не сильнѣе и не многочисленнѣе другихъ; напротивъ, они даже отдельно и не существуютъ. «Прибрежники» происходятъ отъ различныхъ племенъ, и къ нимъ примѣшались выходцы изъ соѣднихъ провинцій: соединяеть ихъ въ особое населеніе, отдельное отъ другихъ банту,—магометанская религія, которую они болѣе или менѣе ревностно исповѣдуютъ; кромѣ того, арабскій элементъ весьма способствовалъ видоизмѣненію нравовъ и превращенію общинъ земледѣльцевъ въ группы торговцевъ. Ки-суахали въ наибольшей своей чистотѣ слышится къ сѣверу отъ Момбаза и Малинди: нарѣчие въ этихъ областяхъ, известное подъ именемъ ки-нгози, сохранило свои архаическія формы, и стихотворцы употребляютъ его преимущественно передъ всѣми другими. Распространяясь же постепенно въ направленіи къ югу, по морскому побережью и по островамъ вплоть до Мозамбика, «поморскій языкъ» все болѣе и болѣе смѣшивался съ арабскими, индусскими, персидскими и португальскими словами: въ особенности сильно арабизировался онъ въ Занзибарѣ, и всѣ его отвлеченные слова—происхожденія семетического; однако бантуская основа сохраняется, и построеніе фразы остается вполнѣ африканскимъ. Изъ приморскихъ портовъ, торговыхъ центровъ для всей Восточной Африки, ки-суахели распространился также и по внутреннимъ областямъ, и подобно языкамъ: бунда въ Анголѣ и въ соѣднихъ областяхъ, и се-сuto—между горами Дракенбергеномъ и Замбези—сталъ однимъ изъ тѣхъ «общихъ» языковъ, которые, во многихъ мѣстностяхъ, уже замѣнили туземныя нарѣчія. И хотя материнскимъ языкомъ ки-суахели является только для одного миллиона людей, тѣмъ не менѣе Cust включаетъ его въ число двѣнадцати великихъ языковъ міра, которые болѣе всего употребляются при сношенияхъ людей различныхъ национальностей. Cameronъ разсказываетъ, что, пересѣкъ Африку по направлению съ востока на западъ, онъ находилъ въ каждомъ изъ

¹⁾ Joseph Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“ Febr. 1880.

²⁾ Pfeil, упом. соч.

³⁾ Richard Burton.

внутреннихъ племенъ по одному или по нѣскольку лицъ, говорящихъ на этомъ языкѣ поморья. Сравненіе ки-суахелійскихъ словъ со словами языка банту въ Западной Африкѣ и въ Кафраріи и побудило, въ 1808 году, Лихтенштейна высказать предположеніе—внѣсльствіе подтверждавшееся—о единствѣ расы народовъ банту, отъ бухты Альгоа до Момбаза и Габона. Суахелійская литература сравнительно богата. На суахелійскомъ языкѣ есть не только, какъ на большинствѣ негрскихъ нарѣчій, переводы Библии и другихъ книгъ духовнаго содержанія, но также и сборники пословицъ, легендъ и стихотвореній; и въ этихъ литературныхъ работахъ принимаютъ участіе не только миссіонеры, но также и туземцы. Арабская азбука, нѣкогда употреблявшаяся въ суахелійскомъ языке, нынѣ замѣнена римскими буквами. Какое же изъ нарѣчій слѣдовало бы окончательно признать за языкъ литературный—пока еще писателями не решено: весьма вѣроятно, что побѣда останется за «унгугай» т. е. за языкомъ, которымъ горютъ на островѣ Занзибарѣ.

Идеи и обычай приморскихъ народовъ постепенно овладѣваютъ здѣшними внутренними краями при посредствѣ не солдатъ, а торговцевъ. Многолюдныя деревни, изъ которыхъ самая большая имѣютъ едва по двѣ или по три сотни хижинъ¹⁾, слѣдуютъ одна за другой на дорогахъ, соединяющихъ приморскіе порты съ портами великихъ озеръ; но еще многія благопріятно расположенные гавани почти отрѣзаны отъ вскихъ сношеній съ внутренними областями войнами и облавами, или не имѣютъ иной торговли, кромѣ торга пленными, приводимыми, послѣ какого-нибудь набѣга, побѣдителями. Приморскіе порты между устьями Ро-Вумы и Ру-Фиджи все еще, несмотря на надзоръ крейсеровъ, служатъ посредниками въ торговлѣ человѣческимъ мясомъ.

Микиндани, одинъ изъ первыхъ портовъ, которые встрѣчаемъ къ сѣверу отъ Ро-Вумскаго лимана, представляетъ прекрасную якорную стоянку между многими другими портами, въ которыхъ корабли могли бы находить для себя убѣжище; однако, онъ мало посещается, и вся его торговля находится въ рукахъ банды индусовъ, которые вымѣниваютъ ткани, стеклянныя подѣлки и оружіе на копаль, слоновую кость и рисъ. Къ сѣверо-западу, бухта Линди, въ которую изливается рѣчка Укереди, имѣетъ на своихъ берегахъ настоящій городъ, населенный приблизительно двумя тысячами человѣкъ; торговля царства Линди, тоже производимая при посредствѣ банды и арабовъ, заключается главнымъ образомъ въ каучукѣ: лѣсь, въ которомъ каучуковая

ліана обвивается вокругъ деревьевъ, завѣмаетъ вдоль морскаго берега полосу, въ среднемъ, шириной отъ 30 до 35 километровъ. На одномъ изъ утесовъ, неподалеку отъ оконечности лимана, видны остатки португальской крѣпости. Поднявшись долиною р. Укереди, вступаемъ въ край Мазази, въ которомъ англійскіе миссіонеры владѣютъ важной станицею, центромъ культуры и акклиматизаціи европейскихъ растеній въ области племенъ ма-куа и ма-конда; многочисленныя колоніи въ этомъ краѣ имѣютъ также яо, люди бывалые и считающіе себя выше честныхъ ма-куа²⁾. Деревня миссіи расположена на чѣмь большомъ сѣверномъ притокѣ Ро-Вумы, въ очень плодородной полянѣ, окруженной холмами, покрытыми высокими деревьями. Мазази лежитъ на высотѣ 560 метровъ и представляеть одно изъ наиболѣе здоровыхъ для европейцевъ мѣстъ въ Африкѣ; путешественникъ Chauncy Maples полагаетъ, что линія отъ Линди къ верхнему течению Ро-Вумы чрезъ Мазази была бы самымъ лучшимъ направлениемъ для дороги между морскимъ побережьемъ и озеромъ Ньянса.

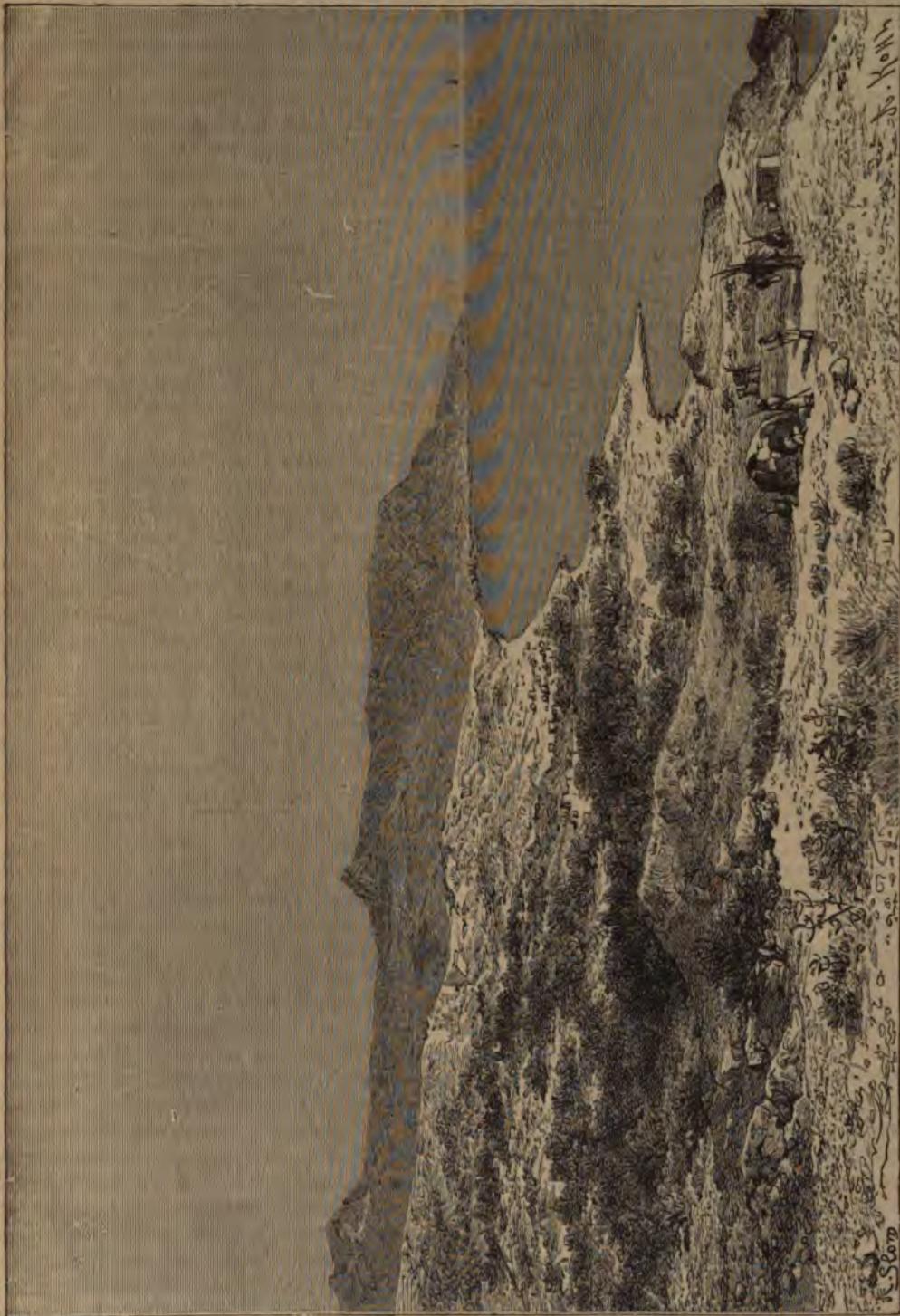
За Линди, на томъ же берегу, окаймленномъ коралловыми рифами съ крутыми террасами, слѣдуютъ и другіе порты. Одна изъ вырѣзокъ берега, защищеннаго островомъ и островками, образуетъ бухту Килоа-Кизуани, проникающую километровъ на двадцать къ сѣверо-западу внутрь зелель и представляющую глубокую якорную стоянку для кораблей. Однакоже этимъ удивительнымъ портомъ, который уже посѣщали персы изъ Шираза въ десятомъ столѣтіи, едва пользуются; его значеніе въ особенности уменьшилось съ XV-го столѣтія. Въ ту эпоху значительный городъ, Килоа (Quiloa) португальцевъ, былъ резиденціею зенджскихъ султановъ, которые царствовали на всемъ поморье, отъ мыса Дельгадо до Момбаза. Въ первой половинѣ XIV-го вѣка, Ибнъ-Батута посѣтилъ этотъ большой городъ, который онъ называетъ Кулуа, и которымъ управлялъ мусульманскій государь, «чрезвычайно великодушный относительно факировъ и ревностный соблюдать священной войны противъ невѣрныхъ»³⁾; въ городѣ имѣлось, будто бы, до «трехсотъ мечетей». Въ 1505 году, послѣ кровопролитной осады, эскадра Франциска д'Альмеида овладѣла крѣпостью; но лихорадки вскорѣ начали губить побѣдителей, и городъ мало-по-малу пришелъ въ упадокъ и въ торговомъ отношеніи. Въ 17-мъ вѣкѣ, вмѣстѣ съ остальной частью приморскаго берега, онъ подпалъ подъ власть маскатскаго имама, затѣмъ принадлежалъ занзибарскому султану, нынѣ же входитъ въ составъ германской Восточной Африки.

¹⁾ Chauncy Maples, „Proceedings of the R. Geographical Society“. June, 1880.

²⁾ L. Marcel Devic, „Le Pays des Zendjs“.

Нѣсколько банджанъ и арабовъ проживаютъ на островѣ, въ небольшой деревнѣ Килоа-Кизіуани, т. е. «Килоа на островѣ», надъ которою господствуютъ старинный замокъ и развалины зубчатыхъ стѣнъ.

и хижины втораго, перемѣшанные съ развалинами, группируются въ тѣни кокосовыхъ деревьевъ; болота, параллельныя морской кручѣ, помѣщали проведенію дороги внутрь страны. Килоа-Кивиндажэ, населенная приблизительно

Мысъ Гвардафуй.

Главное торговое движение перенеслось на тридцать километровъ въ сѣверо-западу, въ гораздо менѣе благопріятный портъ, Килоа-Кивинда, т. е. «Килоа на материкѣ», домики

трремя тысячами человѣкъ, была недавно главнымъ приморскимъ центромъ по вывозу рабовъ, и хотя въ принципѣ такой торгъ и запрещенъ, но въ соседнихъ заливчикахъ еще

и до сихъ поръ совершаются кое какія нагрузки невольниковъ на суда негроторговцевъ. Дороги, которыми торгующіе слоновою костью слѣдуютъ между Килоа и озеромъ Ньясса, всегда весьма опасны, такъ какъ они проходить по территоріямъ племенъ уа-нгандо, уанианъ и ма гуангугара, а эти народы все живутъ грабежомъ и мало дорожатъ жизнью своихъ гостей. Къ сѣверу отъ Килоа, болѣе безопаснай дорога идетъ вдоль побережья и пересѣкаетъ Ру-Фиджи вверху отъ развѣтвлений дельты. Въ 1880 г. Beardell видѣлъ не менѣе двадцати семи большихъ судовъ, употребляемыхъ для транспорта каравановъ въ деревню Нья-Нтумбо, которая тогда была проходнымъ пунктомъ¹). Другая весьма важная пристань на берегахъ Ру-Фиджи есть Корогеро, расположенная книзу отъ водопадовъ и ущелей, пробѣгающихъ рѣкою, въ пунктѣ встрѣчи торго- выхъ дорогъ, идущихъ отъ Килоа, Даръ-э-Салаама и промежуточныхъ портовъ. Однако, этотъ жизненный пунктъ для торговли подвергается набѣгамъ людей изъ племени уа-махен-жи, которые время отъ времени появляются, чтобы сжечь нѣсколько деревень и плѣнить рабовъ. По этому-то, туземцы, собравъ свои жатвы, укрываются на острова рѣки, подъ защиту водъ, населенныхъ крокодилами.

Даръ-э-Салаамъ, лежащий къ сѣверу отъ Ру-Фиджи, есть главный городъ германской Восточной Африки; арабское имя его значить: «домъ мира», но, на языкѣ суахели, настоящее название его—Дари-Салама, т. е. «надежный кровь»²). Портъ его—одинъ изъ лучшихъ на томъ берегу: проникнуть туда можно не иначе, какъ черезъ длинный узкій каналъ между коралловыми рифами, который приводитъ въ бассейнъ, вдающійся на восемь километровъ внутрь материка и предоставляющей кораблямъ пригодное для якорной стоянки пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ; и какъ бы море ни бушевало вѣнч входного канала, внутри порта воды всегда спокойны. Городъ и большая сосѣдняя деревня Мжимуэма выстроены на кругомъ берегу, который нѣкогда былъ коралловымъ рифомъ, господствовавшимъ надъ прежнимъ морскимъ каналомъ, превратившимся въ лиманъ³). Германскіе чиновники, водворившіеся въ Даръ-э-Салаамъ, старались направить къ этому порту часть ввозной торговли, которая прежде устремлялась къ Занзибарскому рейду, и отчасти въ этомъ и успѣли. Даръ-э-Салаамъ представляетъ, къ сѣверу отъ Лоренсо Маркезъ, единственную на морскомъ берегу Вос-

точной Африки мѣстность, гдѣ начали прокладывать внутрь страны проѣзжую дорогу. Эта большая дорога пересѣкаетъ сначала низменныя земли, часто наводняемыя во время дождливаго сезона: затѣмъ, она взирается на холмы и, достигнувъ, въ разстояніи 51 километра отъ Даръ-э-Салаама, деревни Кола (Kola), начинаетъ спускаться на западъ къ долинѣ р. Кингани. Въ Колѣ произойдетъ и раздвоеніе пути: къ Танганьикѣ и къ Ньяссѣ; при этомъ, дорога къ Танганьикѣ направится къ западу чрезъ долины и горы У-Сагары и У-Гого, а дорога къ Ньяссѣ приметъ измѣненіе юго-западное, чрезъ волнистыхъ равнин У-Зарамо, ущелья Ру-Фиджи и долину Лу-Уаго. Хотя Даръ-э-салаамскій путь представляетъ разныя несовершенства, тѣмъ не менѣе на немъ и теперь уже происходитъ значительное движеніе, и прибрежные земледѣльцы уже настолько убѣдились въ его пользу, что провели къ нему нѣсколько подъѣздныхъ дорогъ, соединяющихъ съ главною дорогою удаленный отъ нея деревни.

Городъ Багамойо не имѣть порта, подобнаго даръ-э-салаамскому: онъ построенъ на пляжѣ, который полого спускается подъ воду, и большимъ судамъ приходится бросать якорь болѣе, чѣмъ въ трехъ километрахъ отъ берега, во эта часть залива,—которой называютъ: Бага-Мойо, т. е. «дно сердца», указываетъ на положеніе въ центрѣ углубленія морскаго побережья—представлять ту выгоду, что находится какъ-разъ напротивъ Занзибара, отстоящаго всего въ 45 километрахъ; здесь именно всего удобнѣе сообщеніе чрезъ проливъ между Занзибаромъ и материкомъ; кроме того, Багамойо расположена въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ устья р. Ру-Фу или Кингани и, слѣдовательно, господствуетъ надъ выходомъ изъ густо населенной долины, которая спускается съ горъ У-Сагара, составляюща стратегический центръ края. Багамойо—большой африканскій городъ, въ которомъ, въ сезонъ набора караванныхъ носильщиковъ, собирается до десяти тысячъ жителей; какъ въ Занзибарѣ и въ арабскихъ городахъ, въ немъ есть базарь, а многія изъ его зданій уже европейской постройки; впрочемъ, окрестныя земли низки и неадоровы; улицы и площади засорены всякими зловонными отбросами: на пляжѣ разлагаются на солнѣ остатки рыбы, составляющей главную пищу мѣстнаго населенія, называемаго уа-рима, т. е. «номорянѣ»; наконецъ, иногда циклоны проносятся надъ городомъ, сметая съ лица земли хижинъ и вырывая деревья. Арабы менѣе многочисленны въ городѣ Багамойо, чѣмъ на большомъ сосѣднемъ островѣ; индузы же всевозможныхъ касть составляютъ тамъ могущественную колонію: въ ихъ рукахъ сосредоточена торговля, и они же располагаютъ и носильщи-

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“. Nov. 1881.

²⁾ Le Roy, „Missions Catholiques“. 1886. „Séances de la Société de Géographie“. 20 mai 1887.

³⁾ Keith Johnson, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Juli 1879.

ками изъ племени у-ніамези. Къ сѣверу отъ Багамойо возвышаются многочисленныя зданія католической миссіи, главного пункта всѣхъ другихъ миссіонерскихъ постовъ въ Восточной Африкѣ. Около шестисотъ дѣтей, купленныхъ большою частью у продавцовъ невольниковъ, учатся тамъ различнымъ ремесламъ и воздѣлываютъ въ окрестностяхъ плодовые сады и садъ акклиматизаціонный; даже ставъ взрослыми, они остаются подъ «бдительною и благоразумною опекою»¹⁾ миссіонеровъ и трудятся въ теченіе пяти дней въ недѣлю для общини. Окружающій миссію лѣсь изъ 160.000 кокосовыхъ деревьевъ доставляетъ такое количество продуктовъ, которое достаточно для удовлетворенія нуждъ колоніи.

Городъ Саадани, въ пятидесяти километрахъ къ сѣверу, занимаетъ мѣстоположеніе, сходное съ положеніемъ Багамойо. Онъ также построенъ на берегу пролива насупротивъ Занзibара, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ изливается въ море рѣка Уами. Однако, его рейдъ посѣщается гораздо менѣе; мѣстное населеніе не превышаетъ двухъ тысячъ, и мало въ немъ организуется также и каравановъ, за исключеніемъ, впрочемъ, каравановъ англійскихъ путешественниковъ, которые находятъ себѣ содѣйствіе въ основавшейся въ этомъ городѣ бритавской миссіи.

Извѣстно, что все торговое движеніе съ морскаго берега къ У-Ніамези и къ озеру Танганьика совершаются при посредствѣ носильщиковъ или пагази, изъ которыхъ каждый несетъ на головѣ тюкъ вѣсомъ, въ среднемъ, въ 27 килограммовъ. Большая часть людей, набираемыхъ въ приморскихъ городахъ, принадлежатъ къ племенамъ у-ніамези или у-скукуру; и хотя по имени они свободны, но, въ дѣйствительности, это—рабы арабскихъ или индусскихъ негоціантовъ, держащихъ ихъ въ вѣчной кабалѣ посредствомъ выдачи впередъ заработной платы и ростовщичества. Аскари, конвойные солдаты, которые обыкновенно несутъ половинный грузъ, тоже состоять на жалованыи у купцовъ Даръ-эсъ-Салаама или Багамойо, которымъ въ концѣ концовъ и достаются всѣ барышни отъ экспедицій за слоновою костью. Караваны, состоящіе вообще изъ многихъ сотенъ, а иногда даже изъ тысячъ индивидовъ, проходятъ чрезъ территорію наподобіе армій: командуемые *киронози*, или капитаномъ, они дѣлится на бригады, имѣющія каждая своего майора или *ньямпара*; порядокъ сѣдованія устанавливается каждый день: авангардъ предшествуетъ главному корпусу, арьергардъ слѣдуетъ за нимъ, и развѣдчики обергаютъ фланги войска, «рысая въ травахъ»²⁾; женщины и дѣти имѣютъ свои опредѣленныя

мѣста какъ во время самого перехода, такъ и въ лагеряхъ. Въ пустыняхъ Мгууда-Мкхами чрезъ кусты проложены три параллельныя тропы, на разстояніи метровъ двадцати одна отъ другой. По средней тропинкѣ идутъ женщины, дѣти и носильщики, согнувшись подъ тяжелыми ношами; по боковымъ же тропамъ слѣдуютъ менѣе обремененные пагази и вооруженные люди¹⁾. Рѣдко, однако, караванщикамъ приходится отбивать нападенія; имъ скрѣе надо бояться, чтобы мѣстные жители не разбѣжались при приближеніи каравана, вслѣдствіе чего невозможно было бы раздобыться необходимыми жизненными припасами; имъ нужно также опасаться вымогательствъ со стороны царьковъ, которые, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, могутъ потребовать болѣе высокой противъ обыкновенія, *хоню* или платы за проходъ; кроме того, они должны приготовиться къ тысячѣ случайностей на долгомъ пути: къ лихорадкамъ, эпидеміямъ, наводненіямъ и высыханіямъ рѣкъ и родниковъ.

Благодаря опытности, пріобрѣтенной со временемъ первыхъ экспедицій Burton'a, Ливингстона и Стэнли, продолжительность путешествія между Багамойо и берегами Танганьики уменьшилась на три четверти. Можно въ полтора мѣсяца пройти данное пространство, равняющееся приблизительно тысячѣ километрамъ; но попытки замѣнить на этомъ пути носильщиковъ выручными животными или повозками до сихъ поръ не удались. Лошадьми нельзѧ пользоваться вслѣдствіе того, что въ десяти дняхъ ходьбы отъ поморья начинаются области, наводненная мухою цеце; ослы лучше переносить уколы этого насѣкомаго, но они также въ концѣ концовъ погибаютъ. Пытались употреблять выручныхъ быковъ, и Roger Price хотѣлъ было, по примѣру капскихъ торговцевъ, перевозить товары въ фурахъ, запряженныхъ волами; но всѣ эти попытки потерпѣли неудачу, и горцамъ У-Сагары достались повозки, покинутыя около Кондоа или Мкондоа—станціи, основанной въ 1881 году французскимъ комитетомъ Африканской ассоціаціи. Въ 1879 году разрѣшилъ задачу полагали возможнымъ, привезъ изъ Индіи четырехъ хорошо дисциплинированныхъ слоновъ. Дѣйствительно, доблестныя животныя безъ всякой помѣхи прошли одну треть пути: отъ Даръ-эсъ-Салаама до Мпуапуа ихъ не задерживали ни рѣки, ни болота, ни горы, а для пищи они довольствовались только листвою: подвергались въ теченіе двадцати трехъ дней уколамъ цеце, они не казались сильно страдающими отъ этого. Полагали уже, что опять удастся, какъ вдругъ одно животное пало, безъ видимой болѣзни. Вскорѣ затѣмъ погибли и другіе слоны, отчасти ли вслѣдствіе перемѣнъ пищи и кли-

¹⁾ Horner Riklin, „La Mission catholique du Zanguebar“.

²⁾ Giraud, „Tour du Monde“, 1887, 1-er semestre.

¹⁾ Jérôme Becker, упом. соч.

мата, или же скорѣе, быть-можеть, также и отъ чрезмѣрной усталости: именно, по этимъ труднымъ горнымъ дорогамъ, имъ пришлось нести тяжести въ 700 или 800 калограммовъ¹). Съ тѣхъ порь, уже не возобновили дорогостоющаго опыта, и остановились на проектѣ постройки желѣзной дороги, которая мало-помалу проникла бы внутрь материка и такимъ образомъ избавила бы торговцевъ отъ необходимости искать содѣйствія людей или животныхъ.

На перемѣнчивыхъ дорогахъ, ведущихъ отъ поморья къ Таборѣ, городовъ не существуетъ: деревни часто перемѣщаются, и многіе изъ посѣщенныхъ первыми путешественниками столицъ небольшихъ государствъ нынѣ представляютъ однѣ лишь развалины. Мѣстами остановокъ для возобновленія запасовъ про-визіи караваны чаще всего избираютъ станціи миссіонеровъ, каковы, напр. Мамбоя и Мшуапуа: обѣ онѣ расположены на западѣ горъ, на плоскогоріи, гдѣ зарождаются верховные притоки Уами, и гдѣ питательная европейская растенія удаются на диво; находятся эти станціи приблизительно на половинѣ пути между Багамою и Таборою. Непосредственно за ними начинается область кустовъ, акацій и камедистыхъ деревьевъ, называемая Маренга-Мхали, которую путешественники торопятся миновать, что бы поскорѣй достигнуть области разселенія племени у-гого, деревни котораго разсѣяны въ кустарникѣ. Ограниченнага съ востока пустынами Маренга-Мхали, область У-Гого прилегаетъ на западѣ къ другой необитаемой полосѣ, Мгуида-Мхали, т. е. «поле огня». Это—страшная пустыня, для перехода черезъ которую прежде требовалось не менѣе пятнадцати дней но нынѣ распашка нови постепенно сокращаетъ время, потребное для перехода²). Мгуида-Мхали представляетъ покрытую кустарникомъ равнину, по которой можно идти цѣлыми часами, ни примѣчая ни малѣйшаго измѣненія пейзажа; булыжники, принесенные сюда нынѣ пересохними потоками, покрываютъ почву. Въ нѣкоторыхъ областяхъ « поля огня», между кустами возвышаются массы гранита или сіенита, при чемъ однѣ изъ нихъ окружены на-подобіе такъ называемыхъ *roches toulonnées*³), а другія выдаются въ видѣ гладкихъ или истрескавшихъ башень, уединенныхъ или же сгруппированныхъ сотнями, расположенныхъ аллеями, нагроможденныхъ на-подобіе террасъ и возвышающихся въ видѣ порталовъ. Главное мѣсто остановки посреди этой пустыни представляетъ Джуз-ля-Мкоа, т. е. «деревня у круглой горы»; названа она

такъ вслѣдствіе находящагося здѣсь, высотою болѣе чѣмъ въ 60 метровъ, холма изъ сіенита, у подножія котораго и ются нѣсколько деревень туземцевъ.

III.

Островъ Занзибаръ, центръ торговой дѣятельности и религиозной пропаганды, распространяющейся съ поморья вглубь восточной Африки,—земля небольшая; по своему образованію онъ примыкаетъ къ двумъ другимъ островамъ, расположеннымъ также на небольшомъ разстояніи отъ побережья, тоже покоящимся на коралловыхъ рифахъ. Острова Мафія, Занзибаръ и Пемба суть обломки или единительные звенья большой земли, образующей рядомъ съ внутреннимъ побережьемъ, т. е. съ окраиною материка, также другое побережье, почти повсюду представляющее рѣзкіе крутизны, о которыхъ и разбиваются волны открытаго моря. Эти три острова расположены въ томъ же направлении, какъ и побережье Африканскаго материка, находящееся насупротивъ нихъ: ось Мафіи проходить съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно соѣднemu берегу, между дельтою р. Ро-Вумы и толчею воды около Муамба-Мку; Занзибаръ ориентированъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, параллельно твердой землѣ между Даръ-эс-Салаамомъ и Саадани; островъ Пемба протянулся, соответственно противолежащему берегу материка, въ направленіи съ юга на сѣверъ, при легкомъ уклоненіи къ востоку. Большія глубины въ океанѣ начинаются только мористѣе отъ этихъ трехъ острововъ. На западѣ, со стороны материка, рифы весьма многочисленны, при чемъ одни, при спавшей водѣ, усѣиваютъ море, словно остатки «путы гигантовъ», а другіе постоянно находятся подъ водою и своими опасными, скрытыми камнями окаймляютъ извилистые проходы для кораблей. Опаснѣе всего здѣсь судоходство между островомъ Мафія и дельтою Ру-Фиджи, таъ какъ мутныя воды рѣки, простираясь по поверхности болѣе тяжелыхъ массъ морской воды, препятствуютъ лоцманамъ видѣть рифы. Поэтому по ночамъ вовсе не пытаются проходить этимъ путемъ, а вообще большинство судовъ огибаетъ островъ восточнѣе, по глубокимъ водамъ открытаго моря. Занзибарскій фарватеръ шире и глубже фарватера Мафіи, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ съуживается до 7.400 метровъ, т. е. приблизительно до одной пятой всего разстоянія между обоими его берегами. Посреди фарватера, суда могутъ бросать якорь на глубинѣ 45 метровъ.

Южный островъ, Мафія, иначе Мояфія, пль всѣхъ трехъ—самый малый по величинѣ, населенности и богатству. Эта бывшая коралл-

¹⁾ L. K. Bankin, „Proceedings of the B. Geographical Society“. Mai, 1882.

²⁾ R. Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

³⁾ „Бараны лбы“, по Кугортѣ, „Ест. Ист. земл. корм“., стр. 387.

вая мель, пространствомъ въ 423 квадр. километра, покрыта на всемъ своемъ протяженіи плодородною почвою, осѣняемою кокосовыми пальмами. Къ югу отъ этого острова простирается обширный подводный рифъ, съ высящимися изъ-подъ воды утесами: на одномъ изъ нихъ и находится столица Мафіи, деревня Чобе, бывшая резиденція арабскаго губернатора (нынѣ островъ этотъ входитъ въ составъ германской Восточной Африки) и нѣсколькоихъ арабскихъ и индусскихъ торговцевъ. Окрестные берега хорошо обработаны, но не доставляютъ продуктовъ въ количествѣ, достаточномъ для большой торговли. Къ тому же бухточка Чобе едва доступна при спавшей водѣ, и корабли бросаютъ якорь на юго-западъ отъ нея, приблизительно въ 15 километрахъ разстоянія.

Занзибаръ, Унгуйя туземцевъ, т. е. «станція», представляетъ единственную въ Восточной Африкѣ землю, по своему обычному имени напоминающую о народѣ зенджѣ, обитавшемъ, по свидѣтельству средневѣковыхъ арабскихъ писателей, въ той части поморья, которая продолжается къ югу отъ мыса Ароматовъ вплоть до невѣдомыхъ морей. Наименование: «берегъ Зангвебара», недавно прилагавшееся къ поморью между Момбазомъ и Килоа и нынѣ примѣняемое, въ искаженной формѣ, къ острову Унгуйя, не имѣть другого значенія, кромѣ какъ «берегъ Зенджевъ»: Зангъ-баръ, находящійся насупротивъ Инду-бара, т. е. «берега индусовъ», обозначалъ весь край, ограничивающій Индійскій океанъ. Арабы дали ему название: Биладъ-эзъ-Зенджъ. Вѣроятно, про африканскій берегъ говорить и Марко Поло, когда упоминаетъ объ «островѣ Занзибарѣ, который тянется на пространствѣ около двухъ миль», и на которомъ «производится большая торговля»¹⁾.

Островъ Занзибаръ покоится на коралловомъ цоколѣ, но онъ состоять не единственно только изъ остатковъ полипниковыхъ: на немъ есть также холмы изъ красноватой и желѣзистой глины, возвышающіеся волнообразно надъ полями, и во многихъ мѣстахъ прерываемые оврагами и разрѣзанные на колоннады удивительной правильности; въ южной части острова, самые высокіе холмы не превышаютъ 137 метровъ, но на сѣверо-западномъ берегу, рядъ высотъ, протягивающихся параллельно берегу, достигаетъ 315 метровъ: здѣсь-то и находится самая высокая часть острова. Почти вся поверхность Занзибара, исчисляемая въ 1.691 квадратный километръ, подвергается обработкѣ. Всѣдѣствіе этого, и населеніе его весьма значительно, именно, около двухсотъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ около половины проживаютъ въ главномъ городѣ: относительно, Занзибаръ гуще населенъ, чѣмъ Франція. Во

время же сѣверо-восточного муссона, населенность, какъ говорятъ, увеличивается еще 30-ю тысячами человѣкъ: арабами, островитянами съ Коморскихъ острововъ, индусами и персами.

Флора острова одинакова съ сосѣднимъ материкомъ, и специально ему принадлежащими растеніями можно считать развѣ нѣсколько орхидей¹⁾, если только и эти виды рано или поздно не отыщутся на противоположномъ поморѣ. Плодородная почва Занзибара производить въ изобилии всѣ плоды тропической области: американские виды встрѣчаются тамъ наравнѣ съ растеніями инсулиндскими. Она дасть въ годъ двѣ жатвы зерновыхъ хлѣбовъ и четыре сбора маніока, крахмальная мука которого служить главною пищею островитянъ²⁾. Изъ пальмъ господствуетъ кокосовая, образующая громадные лѣса и доставляющая туземцамъ: пищу, напитокъ, строительное дерево, веревки, масло для вывоза за границу и для выѣлки мыла. Финиковая пальма также произрастаетъ на островѣ, но такихъ хорошихъ плодовъ, какъ на оазисахъ пустынь, она не производить. Манговая деревья, миртовидныя, гуайавы, померанцы, лимоны и хлѣбное дерево перекрещаются свои вѣтви съ мангустаномъ и съ дуріономъ (*durio zibethinus*), этими зондскими деревьями, плодъ которыхъ, оставляя во рту ощущеніе какъ бы отъ лука и остраго сыра, кажется, не имѣть себѣ соперника по изысканности своего вкуса. Занзибаръ производить также пряности Индіи и Инсулина: корицу, мускатъ, перецъ и въ особенности, съ 1830 года, гвоздику, при чёмъ ежегодный сборъ гвоздики достигаетъ нѣсколькоихъ миллионовъ килограммовъ. Такъ, въ 1884 году въ Занзибарѣ ея было собрано 7.875.000 килограммовъ, на сумму 5.250.000 франковъ. Страшный ураганъ 1872 года разрушилъ почти совершенно плантациіи гвоздичныхъ и кокосовыхъ: четыре пятыхъ этихъ деревьевъ были вырваны съ корнями, и Занзибаръ временно былъ разоренъ.

Составляя продолженіе африканскаго материка, частью котораго онъ, вѣроятно, и былъ въ предыдущій периодъ, Занзибаръ имѣть въ своей фаунѣ животныхъ съ сосѣдней большой земли, но лишь въ маломъ количествѣ, такъ какъ для большей части видовъ островъ оказался тѣснъ, а съ другой стороны многіе виды были истреблены земледѣльцами. Около 1865 года, одинъ гипопотамъ переплылъ рукавъ имѣющій въ ширину болѣе 50 километровъ и отдѣляющій африканскій материкъ отъ Занзибарскихъ пляжей; въ теченіе многихъ мѣсяцевъ его видѣли рѣзвящимися въ прибрежныхъ водахъ³⁾, но свѣдѣній о подобныхъ же поѣщеніяхъ слона или носорога не имѣется. Больш-

¹⁾ Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition“.

²⁾ Grant, „A Walk across Africa“.

³⁾ Young, „Nyassa. A Journal of Adventures“.

шинство занзибарскихъ четвероногихъ принадлежитъ къ малорослымъ животнымъ; таковы: антилопа карликъ (*panatragus*), полуобезьяна (*otolicinus*), циветта, иѣкоторыя изъ кошачьихъ, каковы: серваль и дикия кошка; гѣна не водится, есть крысы, изъ которыхъ европейскія привезены на корабляхъ. Миръ птицъ представленъ болѣшимъ количествомъ видовъ, такъ какъ ширина пролива не можетъ утомить крылья обыкновенныхъ птицъ; занзибарская же цесарка, изъ которой хотѣли создать особый видъ, вѣроятно, одинакова съ живущей на материкѣ. Однако, натуралисты нашли также и такихъ животныхъ,—между прочимъ, лемура и ящерицу,—которыя, повидимому, представляютъ особые виды, принадлежащіе къ самобытной туземной фаунѣ острова. Еще недавно Занзибаръ обладалъ, также какъ и о. Пемба, граціозною обезьянкою, *colobus Kirkii*, но въ эпоху, когда ученые дали описание ея, она становилась уже весьма рѣдкою, а съ той поры, по свидѣтельству *Jonhston'a*, ее совершенно истребили.

На восточномъ берегу Занзибара проживаютъ еще иѣсколько группъ первоначальниковъ, не смѣшившихся съ переселенцами: это—уахадиму, которыхъ бантускій языкъ, болѣе или менѣе видоизмѣненный, сталъ языкомъ почти всѣхъ островитянъ; по вѣроисповѣданію они—мусульмане. Масса жителей состоять изъ негровъ, невольниковъ или свободныхъ, но рабскаго происхожденія, которые первоначально пришли изъ различныхъ мѣстностей материка и слились въ почти однородное народонаселеніе, съ однимъ и тѣмъ же языкомъ и съ одними и тѣми же правами; изъ привычекъ, между прочимъ, весьма распространено между занзибарскими жителями обыкновеніе есть жирную глину. Арабы—господствующіе политически и насчитывающіе между собою иѣсколько чистокровныхъ семействъ, преисполненныхъ презрѣнія къ своему государю, который смѣшанной крови—представляютъ главныхъ собственниковъ на островѣ, и иѣкоторые изъ нихъ живутъ сеньорами на своихъ плантaciяхъ. Они, затѣмъ европейскіе негociанты, также американцы, португальцы изъ Гоа, выходцы съ Канарскихъ острововъ, и наконецъ индузы—сосредоточиваются въ своихъ рукахъ крупную торговлю, которая состоить главнымъ образомъ въ вывозѣ слоновой кости, каучука, копала, лакмусового лишайника и кожи, доставляемыхъ съ противоположнаго берега, и во ввозѣ финиковъ и европейскихъ товаровъ, особенно хлопчато-бумажныхъ тканей, называемыхъ американы и служащихъ ходячю монетою въ сношеніяхъ съ неграми внутри материка; на островѣ же законная монета—индійская рупія. Первый торговый трактатъ съ Занзибаромъ былъ заключенъ американцами, именно въ 1735 году; благодаря

полученнымъ при этомъ привилегіямъ, торговля американцевъ долгое время превосходила торговлю другихъ націй. Что касается европеїцевъ, то большинство ихъ либо свезлияты, либо проѣзжіе моряки: въ качествѣ негociантовъ, имъ трудно конкурировать съ восточными купцами, ведущими торгъ съ Индию и африканскимъ материкомъ. Въ Занзибаръ направляется также много политическихъ личностей, благодаря возникшимъ между европейскими державами соперничествамъ о вліяніи. Съ 1873 года, занзибарскіе купцы уже не могутъ предаваться торговлѣ рабамъ; раньше же каждый годъ въ порты Аравіи и Персидскаго залива вывозили изъ Занзибара отъ 12 до 15 тысячъ негровъ.

Переселенцами изъ Индіи являются парсы, инди (магометане шіиты), кхожа и вхора изъ Бомбея и Сурата, прибывающіе вмѣстѣ съ своими женами, и наконецъ банджаны. Эти послѣдніе, населяющіе отдельный кварталъ въ Занзибарѣ, и которыхъ также встрѣчаются въ портахъ континентальнаго берега, по происхожденію почти все съ полуострова Катча, гдѣ находятся ихъ патроны или однообщинники. Они никогда не удаляются изъ отечества вмѣстѣ съ семьями и потому постоянно стремятся возвратиться къ нимъ, чтобы на всей свободѣ предаться культу и нравамъ родной земли: каждый годъ они отсылаютъ въ Индию прибыль отъ своей торговли и оставляютъ у себя лишь то количество денегъ, которое безусловно необходимо для веденія дѣлъ. Они строго соблюдаютъ предписанія религіознаго преданія: бреютъ бороду и голову, оставляя лишь усы, бакенбарды и небольшую косму волосъ надъ лбомъ; головнымъ уборомъ имъ служитъ красный тюрбанъ, а одѣваются они въ одинъ или два куска бумажной ткани, красиво облекающихъ ихъ станъ. Весьма воздержные, они только и пытаются, что мучными и молочными кушаньями, овошами и плодами, такъ какъ все исходящее отъ животнаго, наземнаго, воздушнаго или проживающаго въ водѣ,—имъ безусловно запрещено. Чтобы быть увѣренными, что никакая нечистая птица не примѣщаются къ ихъ блюдамъ, они выписываютъ со своей родины масло и сами приготовляютъ пищу; если чужеземецъ дотронется до ихъ риса или сыра, то они уже отказываются ихъ есть; воду для питья они черпаютъ или изъ родника или изъ цистерны и остерегаются мірской, оскверненной посуды; пищу же кладутъ на древесные листья. Корова—ихъ священное животное; съ благоговѣніемъ они вымазываютъ себѣ лицо коровьимъ каломъ, а въ дни празднествъ приготовляютъ для сосѣднихъ коровъ настоящія пиршества изъ пшеницы и кукурузы. Своихъ мертвцевъ они всегда сжигаютъ на морскомъ берегу. Обрядъ этотъ начинается съ вколачиванія толстыхъ

гвоздей въ черепъ трупа для того, чтобы онъ треснула подъ влияниемъ огня; затѣмъ трупъ кладутъ на костеръ изъ столькихъ полѣнъ, сколько баньянъ явилось для отданія почестей мертвцу¹⁾; послѣ сожженія пепель разбѣгаются по вѣтру. Нравы, столь отличные отъ арабскихъ и суахельскихъ, навлекаютъ на баньянъ насмѣшки и оскорбления; смиренные и печальные, они все переносятъ безропотно и мстить лишь тѣмъ, что обогащаются на счетъ покупщика. По крайней мѣрѣ они не занимались, какъ арабы, торговлей рабами. Увеличеніе численности баньянъ въ какомъ-нибудь приморскомъ портѣ и уменьшеніе, при этомъ, арабовъ—знакъ добрый. Хотя на самомъ островѣ и запрещена негро-торговля, но рабы не были освобождены, и гражданское состояніе дѣтей обусловливается званіемъ ихъ матери. Говорить, будто бы семейства этихъ пленниковъ вообще весьма малочисленны²⁾. * Въ 1897 г. послѣдовала отмѣна невольничества, чрезъ что около 140.000 невольниковъ на островахъ Занзибарѣ и Пембѣ получили свободу; однако, рабство само по себѣ можетъ существовать и далѣе, такъ какъ свободу получаетъ только тотъ невольникъ, который самъ того пожелаетъ*.

Городъ Занзибаръ—расположенный около середины западнаго берега острова, къ сѣверо-западу отъ своего аванъ-порта на материкѣ, т. е. отъ Багамою,—самый большой африканскій городъ на побережье Индійскаго моря: чтобы найти соперника Занзибару по населенности, нужно обогнуть на югѣ и западѣ Африки двѣ ея трети, до самаго Алжира. Съ моря Занзибаръ представляетъ красивый видъ, благодаря блеску его обширныхъ бѣлыхъ домовъ, казармъ и фортовъ, съ ихъ толстыми пузатыми башнями, въ формѣ бочекъ; но позади этихъ лучезарныхъ фасадовъ скрываются кучи лачугъ, между которыми извиваются кривыя и грязныя улицы; однако, недавно построенный водопроводъ снабжаетъ городъ чистою водою, къ большой выгодѣ въ смыслѣ чистоты и оздоровленія. Поэтому, въ Занзибарѣ уже не такъ опасно жить, какъ было прежде. Лагуна съ соленою водою, высыхающая при спаденіи водъ и переходимая при посредствѣ двухъ мостовъ, отдѣляетъ собственно городъ, называемый Шангани, отъ его восточнаго предмѣстія, обитаемаго суахели, рабами и продавцами рыбы. При входѣ въ эту лагуну находятся причалы для арабскихъ шлюпокъ, а большиѳ пароходы, пакетботы и военные суда останавливаются мористѣе передъ городомъ, на глубинѣ 14 метровъ. Нѣсколько правильныхъ пароходныхъ линій подходятъ къ Занзибару, связывая его съ портами на берегу мате-

рика, съ Суэзскимъ каналомъ, Индіей, Маскаренскими островами и Мадагаскаромъ; у самого султана есть около дюжины торговыхъ судовъ и одинъ военный корабль. Что касается движенія судоходства въ Занзибарскомъ портѣ (съ 1892 г. порто-франко), то въ 1895 г. въ приходѣ было 214 судовъ, съ общей вмѣстимостью 331.805 тоннъ. Обороты внѣшней торговли въ 1895 г.: привоз—21,7, вывоз—19,8 миллионовъ рупій.

Занзибаръ уже располагаетъ средствами для высшей промышленности: въ немъ есть мастерская для почивки судовъ, снарядъ для дистилляціи морской воды, и его портъ уже освѣщается электрическими огнями. Миссионерскія учрежденія, католическія и протестантскія, дополняются большими школами для мальчиковъ и девочекъ, а также и мастерскими для техническаго обученія туземцевъ. Въ другихъ частяхъ острова, вмѣстѣ съ разбросанными прекрасными сельскими домами арабскихъ собственниковъ, находится также нѣсколько заводовъ для производства сахара и кокосового масла; одинъ изъ наиболѣе значительныхъ заводовъ устроенъ въ Кокотони, на берегу гавани того же имени; отъ Занзибара онъ отстоитъ километровъ на сорокъ къ сѣверу и превосходно защищенъ отъ волнъ открытаго моря островомъ Тумбату; большія суда бросаютъ тамъ якорь на глубинѣ отъ 7 до 16 метровъ.

Островъ Пемба, третій въ группѣ, съ поверхностью въ 964 квадр. километра, т. е. приблизительно равняющейся двумъ-третямъ поверхности Занзибара, имѣть, однако, не болѣе десяти тысячъ жителей, хотя почва его плодородна вплоть до вершинъ холмовъ и хотя его часто обозначаютъ подъ именемъ «Зеленаго» острова или острова «Овощей». Его продукты тѣ же, что и на Занзибарѣ: головки гвоздики и кокосовые орѣхи; крупные арабскіе собственники на островѣ отсылаютъ ихъ на рынкисосѣднаго города. Главный городъ Пембы, Шаки-Шаки, находится на западномъ берегу, у бухты, недоступной при низкой водѣ: даже небольшія барки должны выжидать наступленія прилива, чтобы достичь до пляжа. Напротивъ, въ портѣ Киши-Киши, на сѣверной оконечности острова, глубина достаточна, и большія суда нашли бы тамъ превосходное убежище, но фарватеръ входнаго канала, узкаго и опаснаго, еще не обставленъ баканами. Глава арабской аристократіи на островѣ Пембѣ—скорѣе вассалъ, чѣмъ подданный занзибарскаго султана—пребываетъ въ Киши-Киши. Болѣе половины населения Пембы состоятъ изъ невольниковъ.

* Султанатъ Занзибаръ нынѣ состоитъ подъ протекторатомъ Великобританіи. Султанъ, или сенда, получаетъ на содержаніе своего двора около 300.000 рупій и имѣть лейбъ-гвардію

¹⁾ Horner, „Voyage à la côte orientale d'Afrique“.

²⁾ Richard Böhm, „Von Sansibar zum Tanganjika“.

въ 150 челов. Прочія войска: 1.050 регулярныхъ, 1.500 иррегулярныхъ, состоять подъ командой англійского офицера. Флотъ состоитъ изъ 1 корвета, 1 канонерки и 7 торговыхъ

пароходовъ, принадлежащихъ султану. Доходы и расходы въ 1894 г. составляли по 493,000 рупий *.

Глава XII

Килима-Нджаро, Кенія, берега Момбаза и Малинди.

Приморская область, простирающаяся къ сѣверу отъ территории, находящейся насупротивъ Занзибара, и ограничиваемая портами: на югѣ—Пангани, а на сѣверѣ—Тана, находится въ политическихъ условіяхъ, аналогичныхъ съ условіями тѣхъ странъ, которые лежатъ южнѣ ея. И здѣсь также эта прибрежная, недалеко простирающаяся внутрь материка полоса, была недавно подчинена власти или по крайней мѣрѣ сузеренитету султана; нынѣ же порты принадлежать чужеземнымъ торговцамъ, а проживающія внутри племена, будучи въ дѣйствительности независимы, предоставлены, по трактату, европейскому вліянію: германцы сдѣлались властителями въ бассейнѣ р. Пангани, а сѣверный склонъ страны находится уже во владѣнії англичанъ. Подобно тому, какъ относительно другой стороны чернаго континента часто разсуждали о существующемъ современемъ осуществиться соединеніи Алжира съ Сенегаліей посредствомъ желѣзного пути чрезъ Сахару, такъ точно англійские политики предвидѣть тотъ день, когда возможно будетъ прослѣдовать по сѣверо-восточной Африкѣ, отъ Александріи до Момбаза, не сходя все время съ территории, всецѣло принадлежащей англо-саксамъ. Однако, между двумя подлежащими завладѣнію территоріями: одной на западѣ, другой на востокѣ Африки,—противоположность велика. Между плоскогоріями Варваріи и берегами Сенегала простирается еще неизвѣстная и почти непроходимая пустыня, между тѣмъ какъ на пространствѣ отъ Египта до горъ У-Самбара слѣдуютъ одна за другой страны, частью безплодныя и пустынныя, частью плодоносныя и населенныя, но уже всѣ пройденныя бѣлымъ человѣкомъ. Наиболѣе прославленная историческая рѣка на материкѣ, самое большое озеро и одинъ изъ двухъ самыхъ высокихъ массивовъ Африки—принадлежать къ этой территоріальной полосѣ, обѣ оконечности которой находятся уже въ рукахъ Англіи; не избѣг-

нетъ присвоенія ею и средняя полоса, если экспедиція Стэнли удастся возвратить подъ европейское вліяніе весь верхній бассейнъ Ніанзы такимъ образомъ зайти въ тылъ новому королевству дервишъ въ Хартумѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это имѣлось въ виду въ то время, когда Великобританія, посредствомъ трактата, завладѣла, хотя только предположительно, территорію, которая отъ Момбазскаго берега поднимается къ тѣмъ высокимъ плоскогоріямъ, где находится озеро Ніанза. Такъ какъ эта территорія пока еще точно ограничена только въ своей восточной части, вдоль моря, то и нельзя привести данныхъ о величинѣ ея поверхности; также отсутствуютъ и свѣдѣнія для достовѣрного исчисленія ея населенности. Можно лишь сказать, что область, прямоугольной формы, заключающаяся между Индійскимъ океаномъ, восточною окраиною плоскогорія, наклоненного къ западу, въ направлении къ Ніанзѣ, и двумя параллельными линіями, изъ которыхъ одна проходитъ къ сѣверу отъ Килима-Нджары и У-Самбара, а другая направляется отъ Кеніи вплоть до лимана Таны, представлять площадь приблизительно въ 135 тысячъ квадр. километровъ. По даннымъ же Кгарга, Fischer'a, Томсона, Джонстона и другихъ изслѣдователей, населеніе этой территоріи должно быть исчисляемо приблизительно въ два миллиона человѣкъ.

Въ 1883 году, путешественникъ Фишеръ прослѣдовалъ вдоль восточного подножія той водораздѣльной горной цѣпі, которая ограничиваетъ на востокѣ бассейнъ Ніанзы, при чемъ уѣдился, что эта цѣпь, составляя вѣнчаніе крутой обрывъ плоскогорія, развивается съ большою правильностью съ юга на сѣверъ. Вероятно, что этотъ обрывъ есть древнее побережье исчезнувшаго средиземнаго моря: внизу высотъ разстилаются пруды, озера и солончаки, напоминающіе о быломъ существованіи внутренняго моря, нынѣ испарившагося.

Вулканические конусы, размытые въ извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга на окраинѣ плоскогорія, суть отдушины подземныхъ огней, материалъ для которыхъ нѣкогда доставлялся химическими ингредиентами, вырабатывавшимися въ глубинахъ подъ удлиненнымъ озернымъ бассейномъ. Низменности, въ которыхъ содержатся упомянутые остатки прежнихъ жидкихъ массъ, находятся на весьма большой глубинѣ по отношенію къ окраинѣ плоскогорія, среднее возвышеніе котораго достигаетъ приблизительно двухъ тысячъ метровъ; одно только изъ озеръ лежитъ на высотѣ 640 метровъ. Такимъ образомъ, родъ желоба безъ водослива отдѣляетъ высокія западныя равнини отъ возвышенаго цоколя, на которомъ вздымаются Калима-Нджаро и другія горы, составляющія ея свиту.

На южной оконечности владыны, первое озеро съ соленою водою—Маньяра, о которомъ имѣются одни только рассказы туземцевъ. Въ ста километрахъ къ сѣверу отъ этого «натроваго озера», находится другое, надъ которымъ господствуетъ: съ юга—угасшій вулканъ, именуемый Дуньэ-Нга, т. е. «небесная гора» (2.150 метровъ), а съ востока—огромная гора Гелей, превышающая предыдущую почти вдвое, такъ какъ высота ея равняется 4.200 метровъ; говорятъ, будто «минаретъ», т. е. конечный конусъ горы Дуньэ-Нга, не перестаетъ викогда куриться: даже въ совершенно ясную погоду черное облако окутываетъ его вершину, а громъ и какъ-бы отдаленная канонада слышится постоянно; лава уже не изливается, но пары около верхушки красны въ ночное время¹⁾; горячія воды, въ которыхъ караванщики варятъ свою пищу, выбиваются изъ нѣдѣрь земли у подножія горы и по берегамъ озера.

Къ сѣверу простирается, пасколько только хватаетъ глазъ, солончаковая степь, сохраняющая горизонтальность своего ложа, нѣкогда выровненного озерными наплывами: это пустыня Догилани, усыпанная кусками обсидіана, «походящими на черепки отъ бутылокъ». Къ западу отъ нея возвышаются черноватые откосы плоскогорія, обозначаемые въ этой мѣстности именемъ May, а на востокѣ видныются не менѣе грозныя плоскогорія Каптэ и Кикубу: между этими крупными утесами открываются бухты, гдѣ бесплодная—уже давно вышедшая изъ-подъ воды—почва бывшаго дна со-ставляетъ рѣзкій контрастъ съ богатою зеленою на возвышеніяхъ. Величавые вулканы прерываютъ правильныя грани плоскогорій: таковъ Дуньэ-ла-Ньюки, съ большимъ жерломъ и съ длинными склонами, на которыхъ выступаютъ другіе вулканы-паразиты. Таковъ также

Дуньэ-Лонгонокъ, т. е. «гора Большаго колодца», съ широкимъ усѣченнымъ конусомъ, очень красивой формы.

Путешественникъ Томсонъ восходилъ на этотъ послѣдній вулканъ, кругообразное возвышеніе котораго, доминирующее боковымъ пи-комъ, имѣть 2.500 метровъ въ высоту и 5.500 метровъ въ окружности. Внутренняя котловина не имѣть нормальной формы опрокинутаго конуса: она, какъ показываетъ самое наименование горы, представляетъ колодезь съ вертикальными стѣнками; ровное дно этого колодца скрыто подъ лѣсомъ акацій, который съ вершины кажется мшистымъ лугомъ; по словамъ туземцевъ, изъ одной сосѣдней съ вулканомъ пропасти, будто-бы, исходятъ пары, убивающіе всѣхъ проходящихъ вблизи животныхъ: вѣроятно, это трещины, испускающія углекислоту. Съ вершины Лонгонока, видишь у себя подъ ногами, на сѣверо-восточной сторонѣ, блестающую поверхность озера Найваша, усыпанного островами, окруженными камышами и лугами. Мириады водяныхъ птицъ кружатся надъ бассейномъ, а въ окрестностяхъ зебры пасутся эскадронами. Озеро это, лежащее на высотѣ 1.850 метровъ, представляетъ неглубокій, путемъ наводненія наполняющейся водоемъ, въ который стекаетъ много рѣчекъ, при чмъ приносимая ими жидкая масса уравновѣшивается испареніемъ; вода въ озерѣ прѣсная, чтѣ, повидимому, указываетъ на недавнее происхожденіе этого озернаго водоема: образоваться онъ могъ отъ загражденія его сточнай долины потоками лавы и грудами пепла, накопившимися на сѣверѣ и на востокѣ, и, такимъ образомъ, отдѣлившими равнину отъ верховаго бассейна Таны. Въ озерѣ Найвашѣ рыба не водится, и быть можетъ, она истреблена выдѣлявшимися изъ его нѣдѣрь газами¹⁾.

Вулканическая дѣятельность проявляется также и къ сѣверо-востоку отъ о. Найваша. Тамъ возвышается Дуньэ-Буру, т. е. «гора паровъ», высотою въ 2.800 метровъ, съ жерлами, изъ которыхъ черезъ короткіе промежутки вылетаютъ струи горячихъ газовъ. Туземцы изъ племени мазай приближаются къ этимъ отверстіямъ съ благоговѣніемъ и бросаютъ туда пучки травъ съ цѣлью добиться благосклонности «духовъ Земли»; также съ благочестіемъ собираютъ они красную глину отъ разложившихся горныхъ породъ и вымазываютъ ею свое тѣло для предотвращенія злой судьбы. Гора эта, кратеръ которой часто перемѣщался, потеряла типическую форму вулкана: многочисленные конусы, которые сначала другъ возлѣ друга поднимались, а затѣмъ опускались, слились въ неправильную массу. Углубленіе, дно котораго занято о. Найваша, на сѣверѣ ограничено бугристою равниной, на которой

¹⁾ Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society“, February. 1887.—December, 1882.

¹⁾ Joseph Thomson, „Through Masai Land“.

извержения тоже оставили груды окалинь; про-исшедшее впоследствии трещины и разломы расчленили все эти образования на многоугольные массы, и во многихъ мѣстахъ можно по-думать, что видишь передъ собой валы и рвы военныхъ укреплений. Тысячи сухихъ деревьевъ торчатъ изъ всѣхъ разсыпинъ. Чѣмъ было причиною ихъ гибели? Выдѣленіе ли зловонныхъ газовъ или, скорѣе — какъ полагаетъ Томсонъ — уменьшеніе дождей, обусловленное медленными измѣненіями въ климатѣ?

Къ сѣверу отъ этой печальной области голыхъ скалъ и разсыпинъ, другія озера, Эль-метейта, Накуро, наполняютъ углубленія долины, затѣмъ рѣка, направляющаяся — подобно всей разсыпинѣ, идущей вдоль водораздѣльной гряды — съ юга на сѣверъ, извивается между двумя параллельными плоскогорьями и впадаетъ въ озеро Мбаринго или Баринго, которое прежде считали сѣверо-восточнымъ заливомъ о. Ніанца. Нынѣ известно, что Баринго занимаетъ замкнутый бассейнъ, приблизительно въ пятьсотъ квадр. километровъ. Хотя оно не имѣетъ видимаго истока, его изобилующія рыбой воды не содержать ни малѣшаго слѣда солености. Томсонъ, первый изъ посѣтившихъ берега Баринго европейцевъ, удивляется, что озеро это не увеличивается въ объемѣ, хотя оно получаетъ, даже въ сухое время года, значительное количество воды: самая большая разница въ озерномъ уровне, между однимъ и другимъ сезонами, не превышаетъ шестидесяти сантиметровъ. По Томсону, такое незначительное годичное колебаніе въ уровне и отсутствие соли въ озерной водѣ могло бы быть объяснено существованіемъ подземного истечения, однако это невѣроятное предположеніе не можетъ быть серьезно обсуждаемо до тѣхъ поръ, пока не будутъ измѣрены количества приносимой и испаряемой влаги. Посреди озера высится обитаемая земля, Кируанъ, т. е. «островъ», обломокъ бывшаго вулкана, и легкія шлюпки снуютъ между озерными берегами. Въ еще неизслѣдованныхъ областяхъ къ сѣверо-востоку отъ Баринго, разсыпина въ землѣ, по показаніямъ туземцевъ, продолжается на пространствѣ нѣсколькохъ сотенъ километровъ вплоть до обширнаго солончака Замбуру, окруженного пастбищами, по которымъ кочуютъ пастухи изъ племени галла¹). Къ этому-то конечному углубленію, т. е. къ Замбуру, и направляется рѣка Уэй - Уэй, истоки которой Томсонъ видѣлъ къ западу отъ озера Баринго.

Къ востоку отъ той части описанной вулканической разсыпины — на протяженіи которой, отъ Маньяра до Замбуру, следуютъ одно за другимъ озера соленой или прѣсной воды — земли, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разсыпанныхъ солончаковъ, всецѣло принадлежать къ

покатости Индійскаго моря. Даже съ обращенной внутрь материка западной стороны Килима-Нджаро часть водь изливается въ Занзибарскій проливъ. Но эта покатость весьма гориста, и высоты, начинающіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ, постепенно достигаютъ, въ Килима-Нджаро, границы вѣтвей снѣговъ.

Первые возвышенія, видимыя съ моря, суть горы У-Самбара; это — почти уединенный гранитный массивъ, нѣкоторыя вершины которого, округленныя на верхушкѣ, достигаютъ 1.500 метровъ въ высоту: изъ города Булуга, построеннаго на вершинѣ одной горы, видныяются, въ разстояніи около ста километровъ, очертанія зеленѣющаго берега съ его заливами и мысами. Къ сѣверо-западу отъ этихъ горъ тянется горная цѣль Парэ, затѣмъ хребетъ У-Гоно, господствующій съ запада надъ красивымъ озеромъ Джепэ, и къ сѣверу отъ котораго высятся мощная масса африканскаго колосса. Въ постепенно поднимающихся равнинахъ, которая простирается отъ Момбасскаго берега къ Килима-Нджаро, разсыпаны гранитные пики, имѣющіе отъ 1.200 до 1.600 метровъ высоты и во многихъ мѣстностяхъ расположенные въ видѣ правильныхъ рядовъ. Килибази или Килимабази, т. е. «одинокая гора»¹), затѣмъ усѣченный конусъ Казигао, выщербленная вершина Монту — стоять одиноко, на-подобіе рифовъ посреди моря. У болѣе удаленной отъ берега Ндары, называемой также Килама-Кибуру, т. е. «большая гора», имѣется цѣлая свита менѣе возвышенныхъ горъ, а на западъ отъ нея, господствуя надъ простирающимся по направлению къ Килима-Нджаро равниною, видны, болѣе сближенные и потому представляющіеся въ видѣ цѣпи, массивы, называемые горами Бура. Второстепенные вершины, одинокія или скученные вмѣстѣ, высятся на нѣкоторомъ разстояніи со всѣхъ сторонъ — на югѣ, сѣверѣ и западѣ — вокругъ Килима-Нджаро, исподища африканскихъ горъ.

Эта «Гора Величія», или скорѣе, по Томсону, «Бѣлая гора», а по Фишеру, «Гора Дьявола», достигаетъ высоты 5.745 метровъ (по Маугігу — 6.004, а по Томсону даже 6.120 метровъ); такимъ образомъ, она превышаетъ на 1.554 метра Камерунъ и на 1.145 метровъ Сименъ въ Эаюпі; она также гораздо выше находящейся въ странѣ Галла горы Вошо, которой Antoine d' Abbadié приписываетъ высоту въ 5.000 метровъ; соперникомъ ей является только гора Кенія, которая, по Томсону, возвышается на 5.600 метровъ. Однако, Килима-Нджаро, повидимому, не была извѣстна древнимъ, если, впрочемъ, они не смѣшили ее съ одною изъ «Лунныхъ горъ». Впервые объ

¹⁾ J. Thomson, упом. соч.

¹⁾ Summa de Geographia, на которую ссылается Расселль и Джонстонъ.

этой горѣ упоминаетъ,— очевидно, со словъ португальскихъ посѣтителей Момбаза,— испанскій географъ Encizo; называетъ онъ ее «Олимпомъ Эзіоні» и говоритъ, «что она богата золотомъ, населена дикими кабанами и людьми, питающими саранчей». Въ 1848 году, миссионеръ Ребманнъ былъ первымъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, созерцавшимъ эту величественную, блестящую снѣгами, гору; однако, ученые географы, въ родѣ Desborough Cooley—уже начертавшіе, не видавъ дѣйствительной, воображаемую Внутреннюю Африку—оспаривали это открытие, утверждая, что видимое Ребманномъ было либо миражъ, либо плодъ воображенія. На слѣдующій годъ послѣдовало, однако, подтвержденіе со стороны другаго миссионера, Крапфа, который чрезъ цѣль Бура спустился къ самой подошвѣ великой горы. Въ 1861 и въ 1862 гг., изслѣдователи фонъ-деръ-Декенъ и Торntonъ подвинулись еще далѣе: именно, они восходили на южные склоны Килима-Нджаро вплоть до высоты 3.200 метровъ, далеко, впрочемъ, не достигнувъ еще нижней границы снѣговъ. Съ тѣхъ поръ New, Fischer, Thomson и Johnston посѣщали прославленную гору, а Meyer въ 1887 году достигъ высшаго ея купола и даже края кратера, посвятивъ на это восхожденіе пять дней; однако, онъ не могъ взобраться на покрытый льдомъ выступъ, находившійся метровъ на пятьдесятъ выше. Гора эта не преминеть вскорѣ стать однимъ изъ главныхъ притягательныхъ центровъ для африканскихъ путешественниковъ, такъ какъ отнынѣ она включена въ германскія владѣнія, и если не легкіе пути сообщенія, то во всякомъ случаѣ хорошо известныя троцінки и продовольственныя пункты соединяютъ ее съ Момбазомъ и съ другими портами восточнаго берега Африки.

Громадная масса этого вулкана имѣть не менѣе ста километровъ въ направленіи съ востока на западъ и километровъ пятьдесятъ въ попечникѣ; въ окружности же гора достигаетъ приблизительно двухсотъ семидесяти километровъ, т. е. вдвое болѣе окружности Этны, могучей горы, нижніе склоны которой прокармливаютъ населеніе, превышающее триста двадцать тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности Килима-Нджаро состоить изъ двухъ соединенныхъ вмѣстѣ вулкановъ: Кібо — центрального купола и самого высокаго пункта; и Кимаузені (4.973 метра), остроконечный пики котораго, видимый съ восточнаго подножія массива, закрываетъ остальную часть горы. На западѣ, съверѣ и востокѣ, Килима-Нджаро правильно вздымаютъ свои склоны вплоть до высшихъ откосовъ; но на югѣ, у подошвы массива, зияютъ многочисленныя жерла, изливавшіяся изъ которыхъ лава образовала широкую террасу въ 1.200 до 1.800 метровъ высоты, разрѣзанную горными потоками на параллель-

ные отрывки, и которая въ видѣ землистыхъ мысовъ спускается къ равнинамъ. Эта обширная подпирающая гору платформа, выдающаяся километровъ на двадцать кнаружи отъ правильного склона вулкана,—есть единственная плодородная и обитаемая часть всей громадной окружности горы; называется она Чага.

Вершины—близнецы Килима-Нджаро покрыты снѣгомъ во всякое время года, либо въ видѣ сплошной однообразной мантіи, либо въ видѣ бахромы и полости; видъ горы менѣется каждое время года, каждый день, даже въ періодъ засухъ. Прежде сухари думали, что этотъ снѣгъ состоять изъ серебра, и не разъ на кручи горы предпринимались экспедиціи за драгоценнымъ металломъ, который, однако, превращался въ воду въ рукахъ профановъ¹⁾). Ниже всего снѣгъ спускается обыкновенно въ октябрѣ, и главнымъ образомъ на западномъ склонѣ, на косогорѣ въ 4.250 метровъ надъ уровнемъ моря; въ іюль же и въ августѣ нижняя граница инея поднимается всего выше, на склонахъ вершинъ. Восхожденіе на гору—вообще весьма тягостное во всякое время года — легче всего можетъ быть совершено въ тѣ менѣе сѣѧцы, когда падаетъ снѣгъ, такъ какъ въ это время года менѣе всего тумановъ и, по странному контрасту, холода тогда менѣе рѣзокъ²⁾). Рѣдко гора бываетъ совершенно безоблачна: когда сѣѣжій куполъ, покажется надъ густымъ туманомъ, блестая на солнцѣ, онъ представляется тѣмъ величественнѣе, что кажется отдѣленнымъ отъ земли океаномъ паровъ: «это Нгажэ Нгай,—Божій домъ», говорятъ мазаи; обыкновенно же они называютъ ее просто: Дунъэ Эборъ, т. е. «блѣдая гора».

Слоны Килима-Нджаро представляютъ замѣчательную противоположность. Всѣ ручьи, сбывающіе по проталинамъ въ снѣгу вершинъ, текутъ по южному склону. Правда, нѣсколько потоковъ зарождаются на востокѣ и западѣ, но лишь у подошвы горы: вверху, нигдѣ не видно каскадиковъ. Что же касается сѣвернаго склона, то его поверхность совершенно суха: ни одинъ потокъ не свергается съ нея, и долина Нжиди, простирающаяся съ этой стороны у подошвы горы,—не что иное, какъ пустыня; но и тамъ выбирается нѣсколько родниковъ, питаящихъ соленые лагуны и пруды; очевидно, что это отверстія подземныхъ ручьевъ, затерявшихся въ пеплѣ вулкана. Пруды на Нжиди—не единственные замкнутые бассейны на окружности горы: такие бассейны встрѣчаются и у юго-восточной подошвы. Одинъ изъ этихъ бассейновъ, Чала, наполняетъ кратеръ, почти вертикальныя стѣнки котораго окружены короною изъ зелени; вода въ немъ прѣсная и прозрачная. Преданіе мазаевъ гла-

¹⁾ Krapf, „Reisen in Ost-Afrika“.

²⁾ H. H. Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition“.

сить, будто одна изъ ихъ деревень была взорвана при вспышкѣ вулкана, и, какъ во многихъ другихъ вулканическихъ странахъ, мѣстнымъ жителямъ кажется, будто по временамъ они слышатъ мычанье коровъ, блеяни овецъ и крики пастуховъ, доносящіеся изъ глубины пропасти, на-подобіе отдаленного эхо. Безъ сомнѣнія, иллюзія эта просходитъ отъ шума, производимаго водяными птицами и повторяющаго многократнымъ эхомъ¹⁾.

Къ западу и къ сѣверо-западу отъ «Бѣлой горы», на цоколѣ плоскогорія стоять многіе другіе массивы вулканическаго происхожденія, при чемъ вѣкоторые изъ нихъ также достигаютъ значительной высоты. Массивъ Муру—отдѣленный отъ Килима-Нджаро равниною Сижира, лежащею, въ среднемъ, на высотѣ 1.200 метровъ,—является почти соперникомъ Килима-Нджаро, такъ какъ его конечный конусъ возвышается приблизительно на пять тысячъ метровъ, и въ маѣ мѣсяца иногда на разсвѣтѣ замѣчаютъ поверхностия полосы снѣга, разставающія вскорѣ подъ лучами солнца; однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда скалистая вершина вулкана вѣ бываетъ окутана облаками, на горизонтѣ она представляется черною; вслѣдствіе этого, въ противоположность Бѣлой горѣ, мазаи дали ей наименование: Дунъэ Эрокъ-ля-Сижира, т. е. «Черная гора Сижира». На сѣверо-западѣ отъ Килима-Нджаро, по плоскогорью разсѣяны, на-подобіе пирамидъ, также и другіе Дунъэ-Эроки, изъ которыхъ одинъ достигаетъ четырехъ тысячъ метровъ высоты.

Выступы рельефа, которыми усыпаны возвышенности къ сѣверу отъ Килима-Нджаро, представляютъ во многихъ мѣстностяхъ видъ настоящихъ горныхъ цѣпей. Горы Кіулу и Улу, гдѣ зарождаются притоки рѣки Сабаки, составляютъ длинную гряду, направляющуюся съ юго-востока на сѣверо-западъ, затѣмъ изгибающуюся къ сѣверу, параллельно тѣмъ горамъ, которыя окаймляютъ на востокѣ и на западѣ водораздѣльную разсѣянину. Сѣверная оконечность горъ Улу обращена прямо къ горѣ Кенія, второй въ Африкѣ по высотѣ. Окружность Кеніи весьма значительна, благодаря длинѣ склоновъ: истеченіе лавы совершалось по покатости въ 10—12 градусовъ до подошвы самой горы, до цоколя, средняя высота котораго около 1.790 метровъ. Въ центрѣ черноватаго цоколя вѣдьмается высшій пикъ, правильная пирамида метровъ въ тысячу, до такой степени крутая, что во многихъ мѣстахъ снѣгъ не въ состояніи удерживаться на утесахъ. Конусъ этотъ—скорѣе сѣроватый, чѣмъ бѣлый: отсюда мазайское наименование его Дунъэ-Эгеря, т. е. «Сѣрая гора»; однако, по словамъ

фонъ-деръ-Декена, ее называютъ также и Бѣлою горою. Кенія, черезъ склоны которой проходитъ, къ сѣверу отъ главнаго пика, экваторъ и которая лежитъ въ трехстахъ километрахъ отъ Килима-Нджаро, находится въ одинаковыхъ съ послѣднимъ климатическихъ условіяхъ; она также весьма часто бываетъ окутана водяными парами; обыкновенно облака скрываютъ ее въ теченіе дня, и она показывается только либо вечеромъ, при закатѣ солнца, либо утромъ, при первыхъ лучахъ его восхода. О существованіи Кеніи узнали въ Европѣ только въ 1849 году, благодаря миссионеру Крапфу; однако, ни одинъ изъ путешественниковъ еще не всходилъ на нее; даже Томсонъ, приближившійся къ ней болѣе всего, видѣлъ только ея восточный фасъ. Подобно Килима-Нджаро, Кенія изливаетъ гораздо большее количество воды своими южными долинами, чѣмъ другими сторонами своей обширной окружности.

Къ западу отъ Кеніи, другія горы, цѣпи и массивы, смыкаютъ другъ друга вплоть до береговъ Ніанзы и Нила. Одинъ рядъ высокихъ горъ, которымъ Томсонъ далъ наименованіе горъ Абердаре, тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ, въ томъ же самомъ направленіи, какъ и общая ось возвышеностей края Мазаи. Равнымъ образомъ, надъ озеромъ Баринго господствуютъ высокія вершины, вздымающіяся съ каждой стороны этой обширной вулканической разсѣянинѣ. Наконецъ, къ сѣверо-востоку отъ Ніанзы виднѣется величавый конусъ Эльгонъ или Лигони, имѣющій не менѣе 4.200 метровъ: подобно большей части горъ этой страны, онъ тоже прежде былъ вулканомъ. Въ его стѣнахъ изъ туфа, между двумя слоями твердой лавы, видны глубокіе гроты, высѣченные или по крайней мѣрѣ увеличенные рукою человѣка и заключающіе въ своихъ галереяхъ цѣлыя деревни и загоны для скота. Снаружи пещерная часть горы представляетъ цѣлый рядъ отверстій, походящихъ на отверстія голубятни и на одномъ и томъ же уровне продолжающихся по всей окружности вулкана. Нынѣ большая часть этихъ пещеръ покинута²⁾.

Рѣка Пангани получаетъ свои первыя воды съ горъ Муру и Килима-Нджаро. Изъ всѣхъ этихъ горныхъ потоковъ самый восточный, Луми, начинающійся у подошвы Кимаузини, течетъ сначала на югъ и образуетъ у подошвы откосовъ У-Гоно, продолговатое озеро, Джипа. Лежитъ это озеро всего лишь на высотѣ 737 метровъ; однако, равнина, простирающаяся къ югу отъ террасы Килима-Нджаро, еще пізменѣнѣе, такъ какъ одна вытекающая изъ озера рѣчка устремляется въ сѣверо-западномъ направленіи, къ самой подошвѣ вулкана. Что касается Пангани, то

¹⁾ A. Wray, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1887.

²⁾ J. Thomson, уок. соч.

по выходѣ изъ о. Джипе и по соединеніи съ слѣдуютъ другіе, вплоть до самаго низовья, Ру-By и другими притоками, она является вслѣдствіе чего Пангани становится судоходною всего лишь въ сорока километрахъ отъ уже значительной рѣкой: въ мартѣ мѣсяцѣ Фишеръ нашелъ ширину ея превышающей сто

Филиппъ и Фишеръ нашелъ ширину ея превышающей сто

Типы племени Сомали.

метровъ, а глубину—достигающею почти одного метра. Затѣмъ книзу, почти не получая притоковъ, рѣка сначала течетъ на югъ, затѣмъ на юго-востокъ и переходитъ порогами и водопадами рядъ скаль. За этими водопадами

коралловаго происхожденія. Во время отлива, на барѣ Пангани, гребныя суда находять глубину приблизительно лишь въ два метра.

Две другихъ большихъ рѣки данного края зарождаются въ западныхъ долинахъ плоско-

горя. Сабаки, т. е. «лесная река», получаетъ одинъ изъ своихъ притоковъ, Цаво, со склона Килима-Нджаро, между тѣмъ какъ главные истоки находятся въ горахъ Кіулу и Улу, а также съвериѣ, въ окаймляющей плоскогоріе цѣпи, около озора Найваша. Тана, все среднєе теченіе которой еще не изслѣдовано, равнымъ образомъ начинается въ сейчасъ упомянутой цѣпи, чѣмъ объясняется и ея наименование Килима-нси, т. е. горная река; однако, мощнымъ потокомъ воды она становится лишь къ югу отъ Кеніи, которая посылаетъ ей многочисленные потоки съ своего южного склона. На съверѣ этой области текутъ другія весьма обильныя реки, изъ которыхъ одна, Уруру, т. е. «громъ», такъ названа вслѣдствіе имѣющагося на ней большаго водопада, посыпанаго Томсономъ и описанного имъ какъ низверженіе воды «съ нѣсколькихъ сотенъ футовъ» въ мрачную пропасть. Уруру и другія реки, текущія на съверо-западъ и на съверъ отъ Кеніи, соединяются вмѣстѣ для образованія Гуазо-и-Эрока, т. е. «Черной реки», относительно которой еще неизвѣстно: продолжаетъ ли она течь, къ востоку отъ Кеніи, въ направленіи къ Джубѣ, или же, не поворачиваетъ ли къ юго-востоку, для соединенія съ Таною? Въ Масса—самомъ высокомъ пункѣ долины, гдѣ проживали братья Денгардъ,—Тана представляеть собой реку, шириной, въ среднемъ, метровъ въ пятьдесятъ; ея глубина колеблется между 4 и 10 метрами; а русло содержитъ лишь небольшое число мелей, покрытыхъ водой по крайней мѣрѣ на одинъ метръ, скорость же ея превосходитъ шесть километровъ въ часъ. Подобно большинству рекъ этой части материка, Тана не получаетъ притоковъ на протяженіи нижняго теченія: напротивъ, въ оба ежегодныя половодія она разливается направо и налево и образуетъ временные болота, простирающіяся по низменнымъ равнинамъ на необозримое пространство. Прирѣчные жители, уа-пакомо, возводятъ вдоль реки небольшія, высотою едва въ метръ, плотины съ открывающимися на извѣстныхъ разстояніяхъ оросительными каналами, развѣтвляющимися по рисовымъ полямъ; когда же воды въ Танѣ спадутъ, то, чрезъ приподнятыя заставки (шлюзы), въ реку начинаютъ обратно сбѣгать потоки изъ лужъ, образовавшихся при наводненіи. Случается, что нѣкоторыя изъ этихъ боковыхъ водныхъ площадей, будучи углублены проточными водами, превращаются въ судоходные каналы, которые сообщаются съ такими же каналами съдниихъ плотинъ, сближая такимъ образомъ концы излучинъ реки; а такъ какъ порою въ эти каналы устремляется и вся вода изъ русла реки, то ложе ея мало-по-малу превращается въ болото. Подходя къ морю, Тана раздѣляется: главный рукавъ ея, Мто-Тана, те-

четь на югъ, въ бухту Унгана, *bahia Fozmeza* португальцевъ, а другой рукавъ, неглубокій каналъ, идетъ на сляніе, на востокѣ, съ устьемъ реки Ози, «Черной реки» галласовъ. Этотъ рукавъ скоро оказался бы запруженнымъ тростникомъ, если бы прибрежные жители время отъ времени не вырубали его для прохода ихъ судовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ ручей Белезони или Болондзони, не имѣть и одного метра ширины: туземцы даже перепрыгиваютъ черезъ него. А такъ какъ почва здѣсь только намывная, то было бы весьма легко превратить его въ широкій судоходный каналъ; равнымъ образомъ стоило бы только слѣдовать указаніямъ природы, чтобы соединить воды Таны съ водами двухъ рекъ, текущихъ болѣе къ югу: Килики и Сабаки. Туземцы говорятъ, что во время большихъ водъ река пересыпаетъ озеро и изливается на югъ въ наносныя земли, образуя столь глубокія водные пространства, что барки, держась внутренняго края приморскихъ дюнъ, могутъ пробираться изъ одной реки въ другую, т. е. изъ Таны въ Сабаки¹⁾; равнымъ образомъ поперечное судоходство возможно и къ югу отъ Сабаки, по тѣмъ озерамъ, которымъ образуются во время половодій. По словамъ Томсона, вдоль всего поборья видны слѣды поднятія материка: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коралловая терраса приподнялась метровъ на 15—20, а внутри даже на 40—60. Однако, въ бухтѣ Тангата наблюдали признаки явленія противоположнаго: вслѣдствіе ли пониженія почвы, или вслѣдствіе размыва береговъ, тамъ исчезли многія деревни, съ ихъ пальмовыми рощами²⁾.

Внѣ горъ, вся эта область, простирающаяся отъ моря къ верхнимъ бассейнамъ рекъ Пангани, Сабаки и Тана, можетъ быть сравнена, въ цѣломъ, съ ковромъ, по однообразному фону которого реки проложили свои различные рисунки. Это ровное дно страны есть Ныка, т. е. «дикій край», на протяженіи которого воды не достаточно для поддержанія дѣятельной растительности: безводная почва производить только низкія травы, колючіе кустарники, да кое-гдѣ мало-рослия деревья. Ныка не что иное, какъ *veld* и, конечно, такъ бы ее и называли голландцы Южной Африки. Племя уа-ныка воображаетъ, что дождь принадлежитъ племени суахели, такъ какъ суахели обладаютъ Кораномъ, книгой великой божественной магіи, и Крапфъ разсказываетъ, что посланцы отъ племенъ изънутри страны являются къ губернатору въ Момбазъ, съ просьбою прислать нѣсколько дождей. Вдоль океаническаго берега, на про-

¹⁾ Clemens Denhardt, „Petermann's Mittheilungen“, 1881, тетр. I.

²⁾ Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Febr. 1879.

странствіе шириной менѣе 20 километровъ, поля, оплодотворяемыя морскими парами, одѣты богатою тропическою растительностью. Внутреннія горы, гдѣ задерживаются облака, прерываютъ поверхность Ныки зеленою своихъ склоновъ, а сбывающія съ нихъ рѣки змѣйками проводятъ чрезъ страну лѣса своихъ береговъ. Кокосовые деревья, которыхъ встречаютъ обыкновенно только въ приморской полосѣ, распространяются внутрь вплоть до склоновъ Ндары, на 120 километровъ отъ моря¹⁾.

Растительность, окружающая подошву Килима-Нджаро, вплоть до тысячи метровъ высоты, кажется тѣмъ красивѣе и тѣмъ разнообразнѣе, что она составляетъ противоположность съ растительностью Ныки, пустынной, безводной и почти бесплодной. Однако, лѣса этихъ предгорій не имѣютъ тропической вѣнчности; они напоминаютъ скорѣе физіономію лѣсовъ Западной Европы. Дикий зеопскій бананникъ, *musa ensete*, населяетъ долины на высотѣ отъ 900 до 1.800 метровъ; древовидные папоротники, примѣшивающіеся къ растеніямъ низкихъ отлогостей, высится на склонахъ, находящихся на высотѣ 2.400 метровъ; затѣмъ, нѣсколькоими сотнями метровъ выше появляются верески, въ видѣ кустарника, и сѣроватыя бороды лакмусового ягеля, разѣсившіяся по вѣтвямъ большихъ деревьевъ; кое-гдѣ въ оврагахъ произрастаютъ исполинскіе крестовники, открытые Johnston'омъ и издали напоминающіе юкку: ихъ находятъ еще на высотѣ 4.360 метровъ, въ тѣхъ высокихъ областяхъ, гдѣ иногда уже показываются снѣга. Виды высокой полосы близко подходить къ видамъ горъ Дракенбергъ и Эдоціи; кромѣ того, Johnston нашелъ такие виды, которые приближаются къ формамъ тропической Африки и которые, повидимому, мало-по-малу видоизмѣнялись для приспособленія къ новымъ условіямъ жизни на высокихъ уровняхъ надъ моремъ; наконецъ, два вида изъ найденныхъ на Килима-Нджаро еще не встрѣчались ни въ одной странѣ. Великолѣпные капскіе калодендроны, о которыхъ недавно думали, будто въ направленіи къ сѣверу они не переступаютъ Наталя, оказываются очень обыкновеннымъ растеніемъ на массивахъ Килима и Кенія.

Нѣкоторые виды птицъ, проживающихъ въ лѣсахъ Килима-Нджаро, новы для науки, а въ окружающихъ гору равнинахъ найденъ особый видъ страуса, *struthius danaoides*. Что касается млекопитающихъ, то относящіяся сюда животные не отличаются отъ тѣхъ, которыхъ населяютъ смежныя страны; но удивительно, что нѣкоторые виды встрѣчаются на такой большой высотѣ по скло-

намъ горъ. Такъ, слонъ бродитъ по долинамъ и утесамъ до высоты четырехъ тысячъ метровъ. Левъ и леопардъ поднимаются менѣе высоко, но и ихъ можно встрѣтить еще на высотѣ 2.400 метровъ. Обезьяны, въ особенности бабуины, весьма многочисленны; большую частью онѣ держатся въ сосѣдствѣ плантаций и живутъ въ довольно хорошемъ согласіи съ туземцами; что же касается *colobus'a*, великолѣпный черный съ блѣдымъ мѣхомъ кото-раго служить украшеніемъ у мазаскихъ воиновъ, то обыкновенно онъ избѣгаетъ человѣка; также весьма рѣдко случается охотнику встрѣтить дикую собаку, отличную отъ шакала, но, подобно ему, выходящую изъ берлоги только по ночамъ. Гиппопотамы, нѣкогда весьма обыкновенные въ рѣкахъ, удалились въ прибрежныя лагуны внутри страны. На окружающихъ Кенію равнинахъ Томсонъ видѣлъ стада верблюдовъ, захваченныхъ у галласовъ, но мазаи не пользуются ими ни подъ верхъ, ни подъ выюкъ: держать ихъ они только для мяса. Муха цеце, столь опасная для домашняго скота, наводняетъ нѣкоторые округи; въ другихъ же мѣстностяхъ господствуетъ другая муха, дондеробо, укусы которой смертельны для ословъ¹⁾). Большая часть поморья избавлена отъ бича москитовъ.

Распредѣленіе расы совершается въ этихъ областяхъ на-подобіе распредѣленія деревьевъ: тогда какъ мазаи, подобно своимъ соплеменникамъ галласамъ, пастухи и воины, бродятъ въ особенности по травянистымъ и кустарниковымъ или бесплоднымъ равнинамъ, лѣсистыя страны заняты земледѣльцами банту, сородичами банту Южной Африки²⁾). Эти земледѣльческія племена многочисленны, но для того, чтобы избѣжать нападеній своихъ сосѣдей, они часто бывають вынуждены перемѣщаться, и нѣкоторыя обширныя области обезлюдили, такъ какъ мирная обработка земли стала тамъ совершенно невозможной.

Банту, живущіе южнѣе, по сосѣдству съ р. Пангани, известны подъ различными наименованіями: суахели зовутъ ихъ уа-шензи, т. е. «побѣженные»³⁾), между тѣмъ какъ уа-самбора, живущіе на расположенныхъ на западѣ горахъ, называютъ ихъ просто уа-бондей, т. е. «люди долины». Впрочемъ, они сильно перемѣшились съ другими порабощенными племенами и мало-по-малу сливаются съ мусульманскимъ населеніемъ поморья, образовавшимся изъ весьма различныхъ элементовъ. Уа-самбара, населяющіе «Африканскую Швейцарию», значительно отличаются отъ сосѣднихъ народцевъ своимъ образомъ жизни. Особенно оригинальны церемоніи при бракосочетанії: жениха и

¹⁾ Gissing, тогъ же сборникъ, октябрь, 1884.

²⁾ Otto Kersten von der Decken, упом. соч.

³⁾ H. H. Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition“.

⁴⁾ R. Krapf, упом. соч.

невѣсту помѣщають въ одной хижинѣ, по обѣ стороны большого огня, и оставляютъ ихъ такимъ образомъ въ теченіе пяти дней, безъ всякой пищи, позволяя только, если они ослаѣбѣютъ, пить теплую воду на пятый день имъ даютъ немного полужидкой кашицы, чтобы они были въ силахъ принять участіе въ свадебной процессіи, которая направляется къ хижинѣ тещи. Дружка, одѣтая мужчиной и вооруженная ружьемъ и мечемъ, предшествуетъ жениху и невѣстѣ¹⁾). Но, однако, съ тѣхъ поръ, какъ, вслѣдствіе торговли, уа-самбара, беспрестанно приходять въ соприкосновеніе съ суахели, первобытные нравы исчезаютъ, а общимъ языккомъ мало-по-малу становится суахелійскій. На ки-суахели говорятъ и имъ пользуются при обученіи также и англійские миссіонеры, поселившіеся въ Мажила, въ восточной области массива У-Самбара. Магометанство же проникло гораздо дальше въ горы деревни; впрочемъ, для обращенія въ новую вѣру достаточно какогонибудь вѣнчанаго признака. Такъ, плѣнныи магометанинъ, будучи приневоленъ къ употребленію въ пищу свинины, становится язычникомъ; а язычникъ, которому обреютъ волосы, превращается въ магометанина. Уже въ 1848 году, когда Крапфъ проходилъ этой страною, два сына короля были обращены въ исламъ, научившись въ то же время читать и писать, и вообще слова «магометанство» и «цивилизациѣ» въ этомъ краѣ считались однозначющими. Султанъ, титуловавшійся «львомъ пустыни», имѣлъ гаремъ, на-подобіе султановъ на морскомъ берегу. Его жены, въ числѣ нѣсколькихъ сотень, прикрывались, подобно магометанкамъ, вуалью, и никто не смѣлъ восходить на тотъ холмъ, гдѣ находились ихъ жилища, окруженныя садами или chambasами, которые воздѣльвали приставленные къ женамъ плѣнники. Многие изъ обычавшіе въ краѣ напоминаютъ арабскіе нравы. Такъ, четыре святыя деревни, въ которыхъ пребывають чародѣи страны, считаются не-прикосновенными мѣстами убѣжища. Ни одинъ чужеземецъ не будетъ туда допущенъ, но убѣйцы изъ племенъ уа-самбара или уашензи находять тамъ для себя пристанище; равнымъ образомъ тѣ, кто прикоснется къ одѣянію короля, становятся послѣ этого священными. Становятся свободными тоже и рабы, перешагнувшіе порогъ королевскаго жилища; но въ такомъ случаѣ первоначальный продавецъ долженъ вернуть покупную цѣну этихъ освободившихся рабовъ послѣднему ихъ собственному.

Король земли У-Самбара—государь могущественный, и, по Крапфу, число его под-

данныхъ простирается до полу-милліонаъ: уа-самбара, уа-шензи и другихъ; его держава, заключающаяся между моремъ, долиною Пангани и горами Парэ,— одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ Африкѣ. Недавно она обнимала также большую часть края племени уа-зегуха, къ югу рѣки, и область Парэ; но передовыя уа-самбарскія племена были постепенно отѣснены, и пограничные народы объявили себя независимыми. Кроме того, бѣлые негры образовали маленькия республики въ тѣхъ легкозащищаемыхъ заросляхъ, которыя окружаютъ горы У-Самбара. Всѣ земледѣльцы и пастухи въ краѣ обязаны отдавать ежегодно королю десятую часть своихъ сборовъ съ полей и со стадъ, и этой десятинѣ достаточно для поддержанія, при посредствѣ приморскихъ портовъ, значительной торговли жизненными припасами съ Занзібаромъ и даже Аравіей. Женщины въ королевствѣ все считаются собственностью государя: онъ можетъ выбирать любую, не платя выкупа. «Онъ властитель, онъ богъ!» Всѣ же населяющіе его государство—его рабы, какъ они себя называютъ²⁾).

Междуди племенами уа-самбара и уа-зегуха, на островахъ рѣки Пангани живутъ уа-руву, т. е. «люди рѣки», племя, отличающееся отъ своихъ соудѣй нарѣчіемъ и нравами. Эти «рѣчные» люди поселились въ этихъ природныхъ крѣпостяхъ для того, чтобы избѣгнуть нападеній мазаевъ, бродящихъ по обширнымъ равнинамъ, которая простираются къ югу въ направленіи къ У-Гого; пастухи, овцы и козы переходятъ на островъ по тяжущимся мосткамъ, крупный же скотъ пускается черезъ рѣку вплавь. Уа-руву слытуть у своихъ соудѣй фетишерами, умѣющими околовывать крокодиловъ, и мусульманскіе караванщики, не довольствуясь возваніемъ къ Аллаху обѣ устраниеніи этихъ животныхъ, также обращаются къ уа-рувскимъ чародѣямъ, которые бросаютъ въ рѣку какое-то весьма сильно дѣйствующее «лѣкарство», чѣмъ и превращаютъ ея обитателей въ неспособныхъ вредить. Говорятъ, будто никогда караванъ, сопровождаемый уа-рувскимъ проводникомъ, не терпѣлъ несчастій при перевѣзѣ черезъ рѣку; разсказываютъ, будто бы крокодилъ по слову чародѣя выпускаетъ изъ пасти уже схваченное имъ домашнее животное²⁾). Кверху отъ Макрамо, острова рѣки не обитаемы: ихъ населеніе укрылось въ горы. Племя уа-парэ, состоящее изъ земледѣльцевъ и пастуховъ, до такой степени боится нападеній мазаевъ, что не выгоняетъ даже свой скотъ на пастбища; откармливаются икъ животныхъ въ хлѣву, но и это часто не спасаетъ.

¹⁾ Krapf, упом. соч.

²⁾ G. A. Fischer, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hambourg“, 1882–83. Тетр. I.

ихъ отъ увода грабителями. У-агоно, жители горъ, господствующихъ къ западу отъ озера Джи-
на, менѣе подвержены нападеніямъ хищниковъ.

Немногочисленный народъ у-тавета скры-
вается, къ юго-востоку отъ Килима-Нджаро, въ узкой полосѣ лѣсовъ, окаймляющихъ рѣ-
ку Лу-Ми и продолжающихся вплоть до озе-
ра Джипа: сохраненіемъ своей независимости
у-тавета обязаны большими деревьями. По-
селенія окружены частоколами, за которыми
туземцы не боятся мазаевъ, вооруженныхъ
короткими мечами. У-тавета, родственные
своимъ сѣвернымъ и восточнымъ соудѣямъ:
у-чага и у-тента, говорятъ на dialectѣ,
близкомъ къ ихъ нарѣчу. Но у-таветская
раса теперь уже очень смѣшанная, вслѣдствіе
скрещиваній съ племенемъ у-куафи, прибыв-
шимъ просить себѣ убѣжища и земель¹). Тѣ
же изъ этихъ иносплеменниковъ, которые со-
хранили свой типъ въ чистотѣ, имѣютъ про-
филь болѣе правильный, чѣмъ профиль у-
таветовъ, скуды болѣе выдающіяся и физіо-
номію болѣе оживленную; многие изъ нихъ со-
хранили также и свой национальный костюмъ;
но, за исключеніемъ обрѣзанія, которое они
практикуютъ еще по мазайскому обряду,—
они усвоили себѣ всѣ обычай своихъ хозяевъ;
они обрабатываютъ почву, не скитаются болѣе
вокругъ деревень для похищенія женщинъ
и дѣтей, и не превращаютъ войны въ реме-
сло. Въ общемъ, жители края Тавета отличаются
добродушіемъ, веселостью и привѣтли-
востью. Поэтому-то ихъ городъ сталъ глав-
нымъ мѣстомъ отдыха и запаса жизнен-
ными продуктами для каравановъ, направ-
ляющихся съ поморья въ край мазаевъ и об-
ратно; суахелийские купцы выстроили въ соудѣ-
ствіи главнымъ мѣстечкомъ деревню изъ
древесныхъ вѣтвей, въ которой заводятъ свои
временные хозяйства. Благодаря этимъ посѣ-
тителямъ съ поморья, у-тавета сравнительно
образованы и почти всѣ говорятъ по-ки-суа-
хелийски столь же хорошо, какъ и на своемъ
нарѣчіи банту. Но они не перенили отъ арабовъ
обычай носить платѣ: большая часть изъ
нихъ ходятъ нагишомъ, развѣ изъ кокетства
или для защиты отъ холода набрасываютъ на
плечи мѣхъ или кусокъ сукна.

Государство управляетъ совѣтомъ изъ
пяти старѣшинъ или *uazi*, избираемыхъ
обыкновенно между семействами туземной расы;
но общественное мнѣніе могущественно,
и оно-то и диктуетъ тѣ решения, которыхъ по-
становляются совѣтомъ. Править, собственно,
по преданіямъ. Законы брака не строги, но
строги обычай, сопровождающіе сватовство.
Молодая дѣвушка, купленная только отчасти,
не можетъ уже болѣе выходить изъ дома ве-
черомъ; ей запрещено разговаривать съ мужчи-
нами.

¹⁾ Charles New;—Joseph Thomson и т. д.

юю, даже если это будущій ея мужъ—до
тѣхъ поръ, пока вся стоимость ея, въ
видѣ коровъ или воловъ, не будетъ сполна
уплачена. Женщина, беременная первымъ ре-
бенкомъ, прогуливается передъ жилищами
своихъ друзей въ предшествіи пожилой замуж-
ней женщины и разукрашенная всѣмъ, что
есть лучшаго въ ея нарядахъ: покрываломъ
изъ желѣзной проволоки, бусами, цѣпочками,
кольцами и браслетами. Ревностно выполняются
также и погребальные обычай. Трупъ сна-
чала зарываютъ въ сидячемъ положеніи, при
чемъ одна рука поконится на колѣнѣхъ, а другая
рука подпираетъ голову. Когда же отъ
трупа останется одинъ только скелетъ, то бе-
рутъ черепъ—по крайней мѣрѣ если онъ при-
надлежалъ главѣ семейства или его главной
женѣ—и помѣщаютъ его подъ драцену, по-
среди полей, которыя онъ и долженъ будетъ
защищать отъ злыхъ духовъ²).

Народецъ у-чага, раздѣленный на многія
мелкая монархическая государства, населяетъ
тѣ вулканическія террасы области Чага, кото-
рыя прикрываютъ съ юга громадную массу
Килима-Нджаро: по нарѣчу эти туземцы—
родственны племени у-самбара. Самое зна-
чительное изъ королевства, Матшамэ, не до-
вольно, однако, могущественно для того, чтобы
обезопасить себя отъ нападеній мазаевъ,
которые тѣснятъ его съ юга и съ запада;
вслѣдствіе этого, совершенно опустѣли такія
обширныя, плодоносившія области, которыхъ
могли бы пропитать сотни тысячъ жителей.
Но какими бы убийствами ни сопровождались
битвы между мазаями и у-чага, женщины
обѣихъ націй всегда уважаются: они ходятъ
между сражающимися, какъ будто миръ и не
нарушался³). Наконецъ и единственность уса-
дебъ свидѣтельствуетъ о древнихъ мирныхъ
правахъ, весьма различныхъ отъ правовъ
нынѣшнихъ: каждое семейство проживаетъ
въ чащѣ банановыхъ деревьевъ отдельно, въ
группѣ хижинъ, окруженнѣхъ высокимъ плет-
немъ. Едва-ли можно признать—слѣдя пред-
положенію Duveyrier—въ у-чагахъ, обитате-
ляхъ Килима-Нджаро, остатокъ той завоева-
тельной націи джага, которая разрушила въ
XVI вѣкѣ Конгскую имперію⁴). Подобно ко-
ролямъ у-самбара, главари у-чага полно-
властны: всѣ люди—ихъ рабы; всѣ родящіяся
дѣти уже заранѣе обрекаются на то или дру-
гое служеніе, и какъ только они приобрѣтутъ
необходимую силу, ихъ тотчасъ употребляютъ
для «работъ на короля»: на копаніе защититель-
ныхъ рвовъ, оросительныхъ каналовъ, моты-
женіе почвы и изготавленіе оружія. Король
рѣшаеть также и о томъ времени, когда дѣ-

¹⁾ J. Thomson;—H. H. Johnston. упом. соч.

²⁾ J. Thomson, упом. соч.

³⁾ „Bulletin de la Societ  de G ographie de Paris“.
Fevrier 1873.

вункамъ вступать въ бракъ: онъ надѣваетъ невѣстѣ на палецъ брачное кольцо и называетъ въ то же время имя ея будущаго супруга. Браки значительно менѣе ранни, чѣмъ у большинства остальныхъ африканцевъ; физическая зрѣлость супруговъ, вѣроятно, и есть главная причина того, что раса уа-чагская—одна изъ самыхъ красивыхъ въ Африкѣ. Благородствование климата, правильность земледѣльческихъ правовъ, умѣренность въ пищѣ и превосходное качество плодовъ также содѣствуютъ тому, что уа-чаги имѣютъ превосходство надъ своими соѣдями въ силѣ и здоровью. Они ёдять по преимуществу молочныя кушанья, и чаши съ молокомъ ставятъ также на могилахъ, тогда какъ жители равнинъ приносятъ жертвы своимъ мертвѣцамъ изъ риса и пальмового вина. Бу碌чи весьма хорошиими земледѣльцами, уа-чаги выращиваютъ превосходный горохъ, различные овощи, шпеницу, и «бананы такого отмѣнного вкуса, что съ ними могли бы сравняться только плоды съ Сейшельскихъ острововъ»¹⁾). Промышленности у нихъ почти не существуетъ: они не умѣютъ даже ткасть, но какъ кузнецы они не имѣютъ себѣ соперниковъ въ Восточной Африкѣ: копья, метательные дротики, палицы чагскаго образца и разрисованные и расшитые щиты—образцовый произведенія искусниковъ-чаговъ. Они ведутъ также дѣятельную торговлю съ поморемъ, запасаясь въ его портахъ одеждой и произведеніями европейской мануфактуры; между ввозимыми къ нимъ предметами есть особый родъ земли съ южныхъ равнинъ, ешвала, которую они растворяютъ въ водѣ и которая служить имъ вмѣсто соли. Благодаря отсутствію цепе во всей долинѣ Пангани, за исключеніемъ береговъ Таветы, караванщики могутъ употреблять ословъ для перевозки своихъ товаровъ въ край У-Чага,—важная выгода, которая обезпечивала бы за путемъ по Пангави преимущество надъ южными дорогами, если бы мазаи часто не нападали на караваны. Мѣстная преданія гласятъ, будто португальцы издревле посѣщали данную страну, поднимаясь при этомъ по Пангани. Около начала XVIII-го столѣтія, въ край являлись для поселенія также и магометане, которые и основали тамъ династію; однако культь ихъ всчезъ совершенно²⁾).

Къ сѣверу отъ долины Пангани, представителями расы банту являются въ особенности уа-нъики, т. е. «люди долины», которые подраздѣляются на двѣнадцать колънъ: они населяютъ, въ числѣ около 50.000 душъ, весь тотъ край, который простирается по отлогому склону отъ берега Момбаза внутрь материка до возведенія надъ уровнемъ моря приблизительно

¹⁾ Otto Kersten, „Von der Decken's Reisen in Ost-Afrika“.

²⁾ Krapf, упом. соч.

въ шестьсотъ метровъ. Ихъ языкъ, ки-нъика, мало отличается отъ ки-суахели, но онъ не испещренъ арабскими словами. Одно только земледѣльческое племя уа-диго, обитающее въ приморской области, расположенной къ югу отъ Момбаза, заключаетъ въ себѣ приблизительно тридцать тысячъ человѣкъ; другой народецъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія, благодаря сѣдству миссий, называется уа-дурума. У нѣнъика время дѣлится на періоды изъ четырехъ дней, какъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Африки¹⁾. Солнце—ихъ богъ. У нѣнъическихъ жрецовъ есть таинственный инструментъ, муавза, звуки которого порою слышатся въ лѣсахъ, но видѣть который не можетъ, по словамъ легендъ, никто изъ непосвященныхъ, не будучи пораженъ смертью. Становясь взрослыми мужчинами, молодые люди, для «обновленія своей крови» и для доказательства своей храбрости, должны надѣлать себѣ на груди большие порѣзы. Сыновья же начальниковъ должны подвергнуться другому испытанію: они должны проживать въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока каждому изъ нихъ не удастся убить человѣка: только тогда они могутъ возвратиться въ отцовскія хижини и объявляются достойными наслѣдовать своимъ отцамъ. Прибывшіе съ сѣверо-запада уа-камба, поморскіе суахели въ другіе переселенцы проживаютъ между нѣнъика: такъ, въ ихъ краѣ многочисленныя колоніи основаны магометанами, шейхи которыхъ постепенно начинаютъ соперничать съ нѣнъическими корольками. Значительными станціями въ нѣнъискомъ краѣ обладаютъ также и христіане; такъ, между прочимъ, въ срединѣ текущаго столѣтія Крапф и Ребшапп основали постъ Рабай, на одномъ изъ холмовъ вблизи Момбазы; съ вершины этого возвышенія, приблизительно въ триста метровъ, взорамъ открывается обширный видъ на поля, острова и рифы.

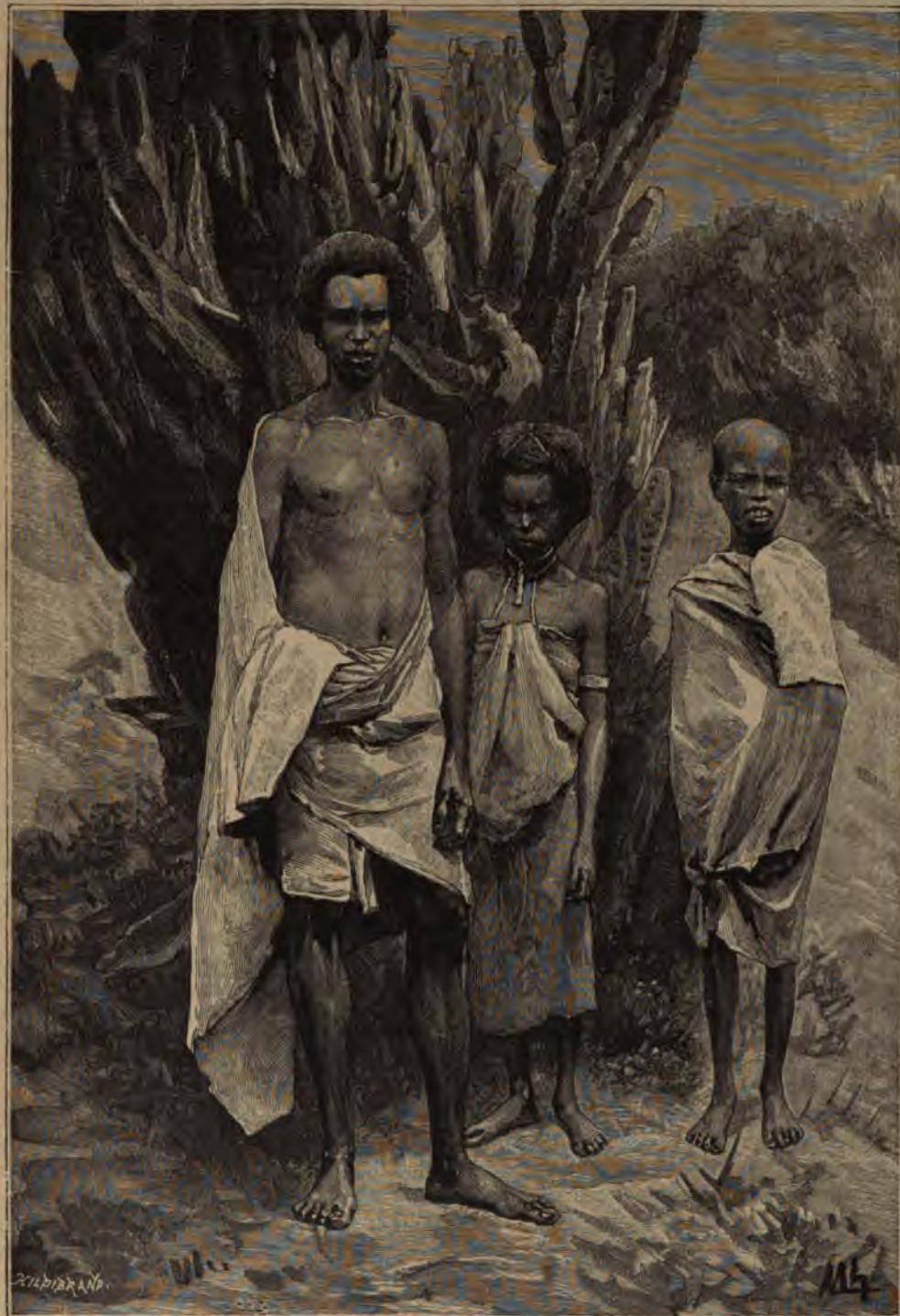
Горы Тейта, на пути между Момбазомъ и Килима-Нджаро, также населены банту, по Ребшапп'у, приблизительно въ числѣ полутора тысячи человѣкъ; говорятъ эти банту наialectѣ, близкомъ къ ки-суахели. Уа-тейта—племена республиканскія, и часто изъ-за своихъ скалъ отбивали стрѣлами нападенія мазаевъ. Они сохранили обычай похищать себѣ женъ, хотя эта процедура и продѣлывается только для видимости. Женихъ и его друзья насильно переносятъ невѣсту въ будущую ея хижину, послѣ чего новобрачные остаются заключенными въ ихъ жилищѣ въ теченіе трехъ сутокъ безъ всякой пищи. Однако, такому похищенію предшествуетъ одареніе родителей невѣсты скотомъ, при чѣмъ число коровъ обыкновенно бываетъ столь значительно, что жениться могутъ только богатые;

¹⁾ Krapf;—A. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

много, поэтому, браковъ заключается, вслѣд-
ствіе бѣдности, между братьями и сестрами.
Теитскія женщины пользуются большою сво-

тейты погребаютъ своихъ покойниковъ, но по
истечениіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ погре-
бенія, отрѣзываютъ мертвому голову и помѣ-
щаютъ ее въ костянникъ, куда чародѣй при-
ходитъ совѣщаться съ нею. Хотя теиты бога-
ты скотомъ, но єдять они только животныхъ,
околѣвшихъ вслѣдствіе болѣзни.

Къ сѣверу отъ Момбаза, племена дакало,

Типы племени галласовъ.

бодою, и оскорблена жена покидаетъ своего мужа, который не въ правѣ этому противиться. Преобладающая между женщинами мода заключается въ вырываніи себѣ рѣсицъ¹).

¹) J. Thomson, упом. соч.; - Gissing, упом. мемуаръ

щаютъ ее въ костянникъ, куда чародѣй приходитъ совѣщаться съ нею. Хотя теиты богаты скотомъ, но єдять они только животныхъ, околѣвшихъ вслѣдствіе болѣзни.

порабощенные галласами, а также бони и усанэхи, основавшиеся на берегахъ бухты Формозы, принадлежать къ тому же этническому корню; однако, число ихъ сильно уменьшилось, и мало-по-малу они сливаются съ галлассами, на языке которыхъ и говорятъ. У убони весьма обыденно производство выкидыша, и такъ какъ, по ихъ словамъ, зародыши превращаются въ обезьяньи, то охотники изъ этого племени всегда щадятъ павановъ въ своихъ лѣсахъ¹⁾). Путешественникъ Denhardt считаетъ ихъ принадлежащими къ группѣ галлассскихъ націй²⁾). Что же касается покомо, прибрежныхъ жителей рѣки Покомони или Таны, составляющихъ авангардъ націи банту въ приморской полосѣ Восточной Африки, то они до сихъ поръ сохранили свои отличительные национальные черты. Правда, что на берегахъ низовьевъ рѣки, покомо приходится платить слишкомъ много налогъ, удовлетворять заразъ многихъ угнетателей: галласовъ, сомали и суахели; фактически они—рабы, хотя ими не торгуютъ, и они могутъ оставаться въ своемъ отечествѣ. Но, кверху отъ аллювіальныхъ областей, оставшись независимыми и гордыми, покомо являются съ своими природными качествами: честностью, прямотою и добродушіемъ. Нѣть въ Африкѣ другого народа, который принималъ бы болѣе ласково иностранца и который отличался бы большей скромностью и сердечностью; въ этомъ отношеніи, братья Денгардт видѣть въ покомо образцовое племя. Въ числѣ 25—30 тысячъ человѣкъ, покомо обитаютъ нынѣ на берегахъ Таны, но кажется, что прибыли они съ сѣвера, и отъ Килима-Нджаро вплоть до ихъ нынѣшней резиденціи, многія наименованія мѣсть напоминаютъ о прежнемъ пребываніи ихъ тамъ. Занимаемая ими нынѣ область была, по мнѣнію Кагарга, первоначальнымъ отечествомъ истинныхъ суахели.

Высокіе ростомъ и сильные, покомо имѣютъ также привлекательныя или даже красивыя черты; но какъ и большая часть ихъ сосѣдей, они стремятся разукрасить свое тѣло также и татуировкою; кромѣ того, ихъ женщины вымазываютъ себя такъ называемой игойей, т. е. привозимой изъ Индіи красною глиною, къ которой прибавляютъ коровье масло или жиръ дикихъ животныхъ. Ни мужчины, ни женщины не причесываютъ волосы и не носятъ обуви; единственное ихъ одѣяніе — передникъ изъ хлопчато-бумажной ткани. Образованіе не всеобще: каждый кланъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи своимъ обычаямъ. Когдѣ жена разрѣшается отъ бремени, мужъ долженъ удалиться; повитуха предъявляетъ ему ребенка только по молованіи трехъ сутокъ со дня разрѣшенія, а

войти въ супружескую хижину онъ можетъ лишь по истеченіи полныхъ пяти мѣсяцевъ: въ теченіе всего этого времени жена остается изолирована и можетъ выходить только ночью, въ сопровожденіи своихъ сестеръ и родителей. Дѣти воспитываются съ большимъ тщаніемъ въ самаго нѣжнаго возраста пріучаются къ работѣ; вплоть до замужества девушки остаются при своихъ материахъ; но мальчики, достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, начинаютъ уже выполнять своей новиціатъ и живутъ съ другими молодыми людьми въ большой хижинѣ. Погребенія совершаются съ весьма строго соблюденіями церемоніями, мѣняющимися сообразно полу и возрасту; каждый годъ торжествуютъ национальный праздникъ въ честь мертвыхъ: «день всѣхъ святыхъ» у покомо—самый торжественный, и для приготовленія убранствъ въ одѣждѣ и совершенія пиршествъ въ этотъ великий день, они дѣлаютъ сбереженія.

Покомо—земледѣльцы: всѣ одинаково участвуютъ въ полевой работѣ, состоящей въ особенности въ воздѣлываніи риса и маиса. Нѣкоторые молодые люди занимаются также охотою и рыбною ловлею; но хотя покомо и весьма работящи, у нихъ, однако, не существуетъ никакой обработывающей промышленности: они не прядутъ, не ткутъ и не куютъ; всѣ необходимые для нихъ предметы они покупаютъ на морскомъ берегу, откуда ввозятъ все, за исключеніемъ своихъ хижинъ и судовъ. Изъ ихъ общинъ организованы небольшія соединенные республики. Каждая изъ такихъ групп управляетъ мсэ, т. е. старѣйшиною, вмѣстѣ съ которымъ засѣдаютъ въ совѣтъ также и другіе патріархи, обладающіе при этомъ исполнительной властью. У покомо есть свой обычный кодексъ, въ основу которого положено возмездіе.

Къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Килима-Нджаро, надалѣ выдвинувшейся племенемъ суть уа-камба и уа-кикуйу; миссіонеръ Wakefield упоминаетъ также обѣ одномъ племени одинакового происхожденія съ первыми, о мѣ или дхайтшо, которое населяло равнину, расположенная на сѣверо-востокѣ отъ горы Кенія. Уа-камба, или уа-римангао, живущіе къ югу отъ Кеніи и исчисляемые Кагаромъ въ семьдесятъ тысячъ душъ, раздѣлены на столько же республиканскихъ общинъ, сколько находится и деревень. Этимъ предпріимчивымъ людямъ пришлось выдержать много битвъ съ мазаями и галласами; но восторжествовать въ этихъ столкновеніяхъ имъ удалось лишь благодаря той естественной защите, которую представляютъ ихъ горный и покрытый кустарниками край. Однако, одно изъ племенъ должно было, въ 1882 году, выселиться; мужчины, женщины и дѣти, покинувъ опасное сосѣдство съ мазаями, добрались до территории У-Сагара, из-

¹⁾ Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1888, Heft. X.

²⁾ „Zeitschrift d. Gesell. f. Erdkunde zu Berlin“, 1884.

ходящейся въ пятистахъ билометрахъ къ югу, въ верховомъ бассейнѣ р. Уами¹). Уа-камба привычны къ путешествіямъ: они-то и служатъ торговыми посредниками въ области между о. Ньянца и берегомъ Момбаза; большинство называемыхъ сухадійскими купцами носильщики—уроженцы области У-Камба. Эти тузымы пьютъ молоко своихъ коровъ, предварительно смѣшавъ его съ кровью, выпущенной изъ шеи быковъ²).

По ту сторону плоскогорія вулкановъ, на склонѣ къ Ньянза, мы снова вступаемъ въ полосу языковъ банту; горцы кавирондо, весьма отличные отъ тѣхъ кавирондо, которые проживаютъ на берегахъ озера, говорятъ на языке, принадлежащемъ къ бантуской семье и столь близкомъ къ ки-сухадію, что поморяне понимаютъ ихъ безъ всякаго затрудненія³).

Кромѣ банту, годная къ культурѣ гористыя, лѣсистыя и аллювіальная области, говорятъ, имѣютъ также и другихъ обитателей, другихъ потомковъ первобытныхъ расъ: таковы ала, укрывающіеся въ лѣсахъ, между горами У-Самбара и Пере, и уа-силикомо, или «карлик», которыхъ ошибочно помышляли на западъ отъ Килима-Нджаро; однако, ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ еще не могъ ихъ посѣтить, и даже ихъ существованіе, какъ отдельной расы, осталось подъ сомнѣніемъ. Борьба за преобладаніе происходитъ нынѣ только между народами банту—этими земледѣльцами по преимуществу — и представителями зеюнской расы: мазаями и галласами, главнымъ образомъ пастухами и воинами. Уа-куафи—хотя они и одного происхожденія съ мазаями—могутъ быть рассматриваемы какъ образующіе переходъ между двумя упомянутыми тотчасъ этническими группами, такъ какъ большинство ихъ племенъ покинуло бродичную жизнь и перемѣшалось съ земледѣльческими и осѣдлыми народами. Эти уа-куафи разсѣяны по громадной территории: одни изъ нихъ встречаются, подъ именемъ хумба, по сосѣдству съ Мамбой, станицей миссіонеровъ въ У-Самбара; другіе живутъ въ семистахъ километрахъ къ сѣверу, на нижнихъ склонахъ Кеніи; но главная часть націи осѣла въ иѣкоторыхъ частяхъ вулканической и озерной низменности, раздѣляющей два плоскогорія, а также на западной террасѣ, наклоненной къ Нянци. Въ 1830 году, уа-куафи были также властелинами въ области, границы которой составляютъ: на западѣ—У-Гоно и Пере, на востокѣ—Тейта, а на югѣ—У Самбара; но цѣлый рядъ несчастій обрушился на ихъ головы: предпринятые съ цѣлью грабительства набѣги оказались неудачными; саранча поѣла ихъ жатвы; стада переколѣли, а затѣмъ воины ок-

рестныхъ мазаевъ, устремясь на голодающихъ, большую часть ихъ перерѣзали. Тѣ же, которые остались въ живыхъ, принуждены были просить себѣ убѣжища у сосѣднихъ горныхъ народовъ банту: у тавеита, тейта, парэ, гено, самбара и зегуха; тамъ они основали земледѣльческія и торговыя станціи, и нравственныя послѣдствія этой перемѣны жизни были самыя счастливыя. Именно, иѣкогда столь устрашавшіе другихъ, восточные уа-куафи—принадлежать нынѣ къ числу самыхъ честныхъ, трудолюбивыхъ и гостепріимныхъ племенъ въ краѣ.

Собственно мазаи, присвоивающіе себѣ это наименование и сами, кромѣ того, называющіе себя и своихъ братьевъ по расѣ уа-куафи именемъ иль-уакобъ, т. е. «люди», «храбрецы» («властители земли», по Ficher'у: «свободные», по Leon des Ayanchess'у), считаютъ себя, подобно многимъ другимъ народамъ, избранною націею и рассказываютъ въ своихъ легендахъ, что они происходятъ отъ бога, спящаго на облакахъ, на горѣ Кеніи. Также какъ и уа-куафи, они различнымъ образомъ перемѣшались съ народами банту; но обитаемы ими пространства находятся южнѣ земель уа-куафи. Занимая почти всю ту территорію равнинъ, которая отдѣляетъ верхнее течение Пангани отъ У-Гого, они весьма многочисленны и въ вулканической впадинѣ между плоскогоріями; треугольная область Догилани, къ югу отъ озера Найваша, принадлежитъ имъ цѣликомъ; впрочемъ, добровольная переселенія, бѣгства, нападенія и неурожай часто побуждаютъ ихъ менять свои места обитанія. Численность мазаевъ опредѣляютъ въ иѣсколько сотъ тысячъ, но, если къ ихъ расѣ причислить уахумба, сосѣдей у-гого, и уа-хума въ У-Ніамези и на берегахъ Нянци, то ихъ окажется болѣе миллиона.

Мазайскій типъ—одинъ изъ самыхъ чистыхъ и самыхъ благородныхъ въ Африкѣ. Люди чистокровныхъ племенъ имѣютъ, по Thomson'у, ростъ въ 1 метръ 80 сант.: они вообще стройны и удивительно приспособлены къ бѣгу; ихъ черты часто походятъ на черты европейцевъ, лобъ широкій, носъ тонкій и прямой; но верхніе рѣзцы обыкновенно выдаются кпереди, въ особенности у женщинъ, почему у многихъ лишь съ трудомъ губы могутъ быть сведены одна съ другою. У большинства мазаевъ скулы очень выдающіяся, а глазные щели скосены, какъ у монголовъ. Черепъ, долихокефалическій и хорошо развитый, покрытъ у молодыхъ людей волосами иѣсколько менѣе курчавыми, чѣмъ волосы негровъ, а иногда даже и совершенно гладкими; всѣ же женатые мужчины и всѣ замужнія женщины старательно бреютъ себѣ голову. Равнымъ образомъ, всѣ мазаи продѣрываютъ и удлиняютъ нижнюю долю уха, сначала для вдѣванія палочки, а затѣмъ,

¹⁾ R. L. Cust, „Modern Languages of Africa“.

²⁾ Krapf, упом. соч.

³⁾ J. Thomson, упом. соч.

для привыкания тяжелыхъ серегъ изъ жѣлѣзной или мѣдной проволоки. Мазайскіе пастухи часто цѣлыми часами держатся, опираясь на лукъ или копье, на одной ногѣ, помѣстивъ на ея икру другую ногу.

Какъ народъ пастушескій, мазай ведутъ постоянно кочевую жизнь. Ихъ обычай приспособлены къ пастушеской жизни; при многихъ обстоятельствахъ, они обнаруживаютъ почитаніе своихъ коровъ; уважаютъ даже ту траву, которая служить повседневно пищею для ихъ животныхъ, и не позволяютъ себѣ срѣзать ее ни для своей постели, ни для покрытия своихъ хижинъ; не предаютъ они ее и пламени: она—священное растеніе. Ни одна торговая сдѣлка не заключается, если торгующіе не держать пучка травы въ рукѣ; ни одна военная экспедиція не можетъ удастся, если травинки муравы не были брошены по направленію той страны, которую предстоитъ завоевать. Для избѣженія дурной судьбы, мазай вымазываетъ коровымъ каломъ себѣ лобъ и щеки; чувствуя же приближеніе смерти, онъ приказываетъ отнести себя къ своимъ коровамъ, среди которыхъ, въ святомъ мѣстѣ, и оканчиваетъ свои дни. Пища мазая—почти исключительно животная: онъ пьетъ молоко своихъ коровъ, есть мясо своихъ быковъ и бычковъ, но было бы преступленіемъ поѣсть въ одинъ и тотъ же день и молока, и мяса: необходимо, чтобы мазай промылъ себѣ желудокъ сильнымъ чистительнымъ прежде, чѣмъ ввести въ него священный напитокъ. Рѣдко мазай соглашаются дать или продать молока чужеземцамъ. Принятие пищи строго упорядочено, особенно въ то время, когда молодые люди, мальчики и девочки, приготовляются къ обрѣзанію и, позже, когда они выполняютъ свой новиціат передъ военными походами. Тогда, чтобы «возможно больше запастись мышцами и яростью», юноши наѣдаются до отвала бычачимъ мясомъ и прямо изъ жилы пьютъ бьющую оттуда кровь. Табакъ и всякий спиртный напитокъ имъ строго воспрещенъ, такъ какъ национальный опытъ свидѣтельствуетъ, что и то, и другое являются причинами физического и нравственного ослабленія.

Мазайское общество подраздѣляется на воиновъ и на мирныхъ людей, на эльмурана и эльморуа, при чѣмъ оба эти наименованія приближаются къ ильмѣ-орма, каковое название даютъ себѣ галласы; повидимому, сходство этихъ наименованій свидѣтельствуетъ также и о родственномъ происхожденіи обоихъ этихъ народовъ¹⁾). Сыновья семействъ, обладающихъ большими количествомъ скота, обыкновенно оказываются въ числѣ мирныхъ; тѣ же, у которыхъ стадо не велико,—а такихъ гораздо

больше,—рѣшаются раздобыться имъ посредствомъ грабежа. Въ такомъ случаѣ они живутъ отдельно—вдали отъ тѣхъ становищъ, въ которыхъ пребываютъ люди семейные—но въ сообществѣ съ молодыми дѣвушками, которыя блодутъ стада, занимаются заготовленіемъ припасовъ и военныхъ костюмовъ. Такіе хищники отправляются для нападенія врасплохъ на мирныхъ жителей часто за сотни километровъ: они прокрадываются между ближайшими къ нимъ племенами,—которые держатся на сторожѣ, затѣмъ, захвативъ тѣ стада, на которыхъ зарились, возвращаются другими дорогами къ себѣ домой; сѣдѣютъ прибавить, что они такъ умѣютъ заставить скотину слѣдовать за собою, какъ если бы она была заколдована. Выбирая своими начальниками только такихъ товарищѣй, къ которымъ имѣютъ полное довѣріе, они соблюдаютъ во время похода строгую дисциплину и весьма искусны въ хитростяхъ, обманахъ и въ обходныхъ движеніяхъ; сражаются они, соблюдая тишину, безъ барабановъ и безъ воинственныхъ криковъ. Воинъ, оказавшійся трусомъ, изрѣзывается въ куски своими товарищами; не принесшій же домой мечъ или плащъ «брата» по оружію—съ которымъ его соединила выпитая одна и та же кровь—обращается на презрѣніе: онъ уже не найдетъ себѣ друга.

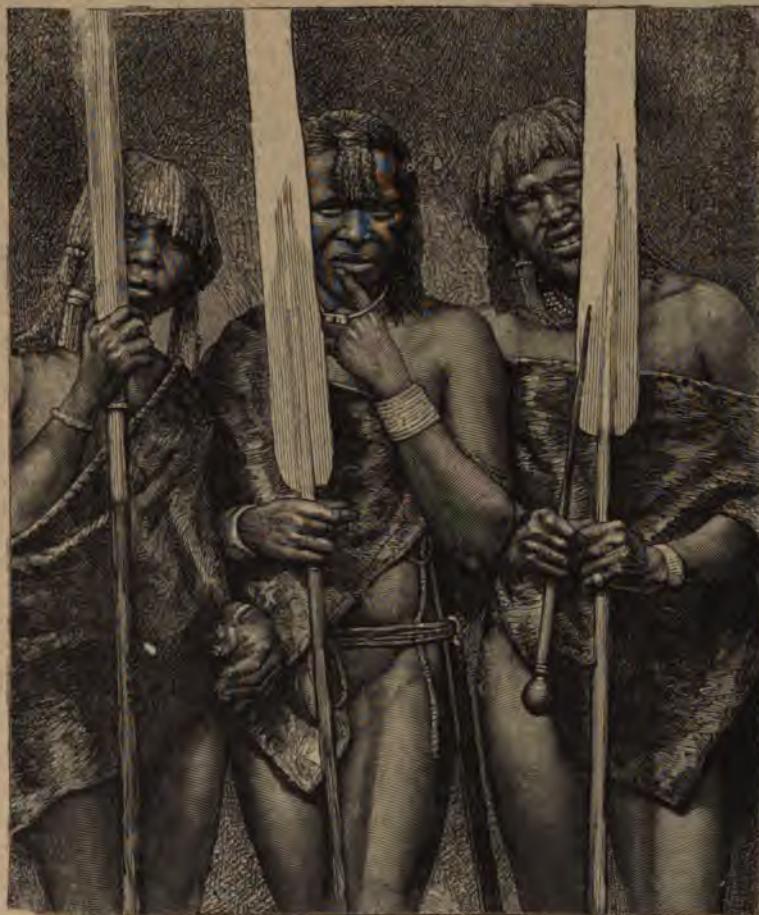
Какъ и всѣ воинственные народы, кафры, ма-тебэла, зулусы,—мазай стараются отличить себя пышностью костюма. Они любятъ окрашивать свое тѣло въ красный цвѣтъ. Накидка изъ бумажной матеріи, съ каймою или полосами яркаго цвѣта, развѣвается на спинѣ, завязанная на шеѣ на-подобіе *ronchо* мексиканцевъ; вокругъ овала своего лица они навѣшиваютъ мѣдную полоску, которую украшаютъ гривою зебры, кисточками изъ кабаньей щетины, или черными перьями страуса; пучки же бѣлыхъ перьевъ колышатся надъ головою; иногда они удлиняютъ свою прическу при помощи лыка. Роговое кольцо и спираль изъ латунной проволоки защищаютъ ихъ руки; изъ икры нацѣплены бѣлые гривки *colobus guereza*, а колокольчики позвзываютъ на пятахъ. Короткій мечъ заткнутъ за поясъ кожаной юбочки; въ одной руцѣ—длинное копье, а другая опирается на щитъ, на которомъ различными цвѣтами разрисованы геральдическія фигуры. Женщины одѣваются менѣе роскошно: обыкновенно на нихъ только одно одѣяніе изъ дубленой кожи, оставляющее открытыми одну изъ рукъ и половину бюста; но онѣ обременены металлическою проволокою, которую обматываютъ вокругъ рукъ, икры и около шеи. Надо удивляться, что, нося такія тяжести изъ жѣлѣза и мѣди, онѣ могутъ выполнять столь работы, ухаживать за своими мужьями и дѣтьми, доить коровъ, заниматься хозяйствомъ и торговаться съ чужеземцами путешественниками.

¹⁾ H. Duveyrier, "Bulletin de la Société de Géographie", Fevrier, 1873.

Менѣ же жестокія и менѣ падкія на добычу, онъ часто защищали гостей отъ своихъ братьевъ и мужей.

Обыкновенно существовавіе войною и хищничествомъ прекращается для эльмуранъ, когда они задумаютъ жениться, разбогатѣть настолько, что могутъ, въ видѣ приданаго, преподнести невѣстѣ добытыхъ ими животныхъ. Жениясь же, молодой человѣкъ носить въ теченіе мѣсяца костюмъ той дѣвушки, на которой женился, очевидно, для того, чтобы, такимъ образомъ, выразить, что любовь его поработила:

подаетъ голосъ при избраніи лайгонані, т. е. «говорящаго отъ его имени», который и представляетъ его во время важныхъ совѣщаній. Всегда гордый и высокомерный, онъ принимаетъ торговцевъ какъ вельможи и снисходитъ даже до того, что, въ доказательство своего благорасположенія, плюетъ на нихъ; сердечно встрѣчаетъ друзей, при чемъ гостепримство налагаетъ на него обязанность уступить даже свою жену. Лично онъ не работаетъ и не знаетъ никакого промысла: все необходимое дѣлаютъ женщины, а затѣмъ, различными ре-

Мазайскіе воины.

это африканскій Геркулесъ, сидящій у ногъ Омфалы. Обычай требуетъ, чтобы супруги первый лунный мѣсяцъ питались молокомъ; но позже имъ возвращается свобода: прежний воинъ, ставъ мирнымъ человѣкомъ, уже не ограничивается питаніемъ молокомъ и бычачимъ мясомъ; онъ можетъ есть овощи, зерна и плоды; ему уже не запрещенонюхать или жевать табакъ, а также появляются у него въ домѣ и бродящіе, т. е. спиртуозные напитки. Съ этого времени онъ занимается местной политикою, принимаетъ участіе въ собраніяхъ, на которыхъ совѣщаются объ интересахъ общины,

меслами занимаются порабощенные племена; таковы уа-ндороббо, которые приготовляютъ для воиновъ оружіе, а для женщинъ котлы, также охотятся на буйвола и слона. Своими чертами, языкомъ и костюмомъ, эти ремесленники походятъ на мазаевъ; но рабство ихъ приизило. Крапфъ видѣть въ нихъ братьевъ тѣхъaborигеновъ, называемыхъ ала, которые бродятъ по долинамъ племени у-самбара. Они разсѣяны по деревнямъ въ лѣсахъ, по склонамъ Кеві и по горамъ Кикуйу и питаются мясомъ дикихъ животныхъ.

У мазаевъ нѣтъ определенного культа, хотя,

будучи поражены чѣмъ-нибудь или устрашены, они часто взываютъ къ сверхъестественному существу, называемому Нгай и смѣшиваемому ими съ воздушными пространствами, солнцемъ, снѣгами горъ, звукомъ грома и блескомъ молний. Лайбоны, или чародѣи, многочисленны: они истолковываютъ полетъ птицъ, всѣ явленія въ одушевленной природѣ, благословляютъ скотъ, отвращаютъ болѣзни и заговориваютъ стихіи. Великий чародѣй, *mbatin*, считающейся самымъ ученымъ разъяснителемъ судебъ, — самая богатая особа въ краѣ; онъ обладаетъ громадными стадами и, подобно всѣмъ остальнымъ мазайскимъ пророкамъ, долженъ свидѣтельствовать о своемъ рангѣ тучности: съ трудомъ лишь, поэтому, онъ можетъ двигаться. Въ некоторыхъ округахъ, мазаи, какъ и уаныка, имѣютъ вѣчно въ родѣ культа гіену, какъ животнаго, которое пожираетъ тѣла, брошенныя въ кусты; они называютъ гіену: «отецъ гіена»¹⁾, и когда находить трупъ этого животнаго, то цѣлое племя должно облечься въ траур: гіена считается патрономъ данной расы, а смутное вѣрованіе въ переселеніе душъ гласитъ, что духи предковъ внѣдрились въ этихъ хищныхъ животныхъ²⁾). Однако въ южныхъ областяхъ края Fischer не видѣлъ никакого слѣда этого культа: тамъ наиболѣе честуемымъ у мазаевъ животнымъ является особый видъ аиста, который также раздираетъ трупы и слѣдуетъ за воинами въ ихъ грабительскихъ экспедиціяхъ³⁾). Мертвые не закапываются, такъ какъ помѣщеніе труповъ въ землю влекло бы за собою ея оскверненіе; поэтому мертвыхъ кладутъ подъ деревья. Проходящіе караваны увозятъ своихъ мертвцевъ и обыкновенно скрываютъ ихъ въ тюкѣ съ тканями, чтобы мазаи не опасались загрязненія ихъ почвы⁴⁾.

Въ бассейнѣ р. Таны, родичи мазаевъ, галласы — за которыми слѣдовали сомали — оттѣснили къ югу народцевъ расы банту. Они раздѣляются на двѣ главныя группы: барретта, живущіе на правомъ берегу Таны, и кокауз — обитающіе на лѣвомъ; впрочемъ, послѣдніе почти совершенно истреблены сомалими. Въ 1878 году оставалось только четыре деревни племени кокауз. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ галласы исчезли бы въ этомъ округѣ, если бы суахели и арабы не заступились за нихъ передъ ихъ наследственными врагами: приморскіе торговцы, хотя были очень рады видѣть униженіе наглыхъ галласовъ, но не желали, однако, потерять эту клиентелю покупателей. Лишенные своихъ стадъ, галласы

этого края должны были обратиться къ охотѣ, земледѣлію и торговлѣ. Ихъ кланы управляются начальникомъ, избираемымъ изъ членовъ одного изъ знатныхъ семействъ; въ свою очередь, этотъ начальникъ, называемый *heou*, подчиненъ другому, который тоже избирается, но только на семь лѣтъ. Будучи, въ направлѣніи къ югу, авангардомъ націи илмъ-ори, эти галласы не забываютъ общности своего происхожденія съ зеопами, и иногда, какъ говорятъ, посылаютъ къ нимъ своихъ пословъ¹⁾.

Къ сѣверо-заходу отъ озера Барингто, на верхней долинѣ р. Уей-Уей, спускающейся къ сѣверу по направлѣнію къ Замбуру, обитаютъ соплеменники мазаевъ, уа-камазія и уа-эльгейо, люди мирные и трудолюбивые, не походящіе на своихъ соудѣй образомъ жизни. Весьма искусные въ раздѣленіи ручьевъ на тысячу небольшихъ струй, они орошаютъ свои поля очень тщательно, почитая благодѣтельную воду какъ великое божество. Рѣдко туземецъ проходитъ чрезъ водяной потокъ, не плюнувъ, въ знакъ уваженія, на пучекъ злаковыхъ растеній и не бросивъ его, затѣмъ, въ струи ручья²⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ португальцы были вынуждены покинуть крѣпости, которыми они владѣли на восточномъ берегу Африки, къ сѣверу отъ Занзибара, арабы и суахели сдѣлались единственными посредниками въ торговлѣ между внутренними областями и приморскими портами. Хитрецы эти любятъ хвастаться умѣлостью въ дѣлахъ: «Развѣ мы не суахели?» спрашиваютъ они, когда кто-нибудь выразитъ сомнѣніе въ успѣхѣ ихъ предприятій³⁾). До недавняго времени ни одинъ европейскій купецъ не поселялся на этой части берега: единственными бѣлыми въ краѣ были миссионеры въ Мажила (въ У-Самбара), въ Frere-town и Rabat (около Момбаза). Но это перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ пароходы, ходящіе между Занзибаромъ и Аденомъ, стали приставать и къ этой части африканского побережья. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ тѣ приморскіе города, изъ которыхъ выходятъ караваны въ направлѣніи къ о. Ньянца, сдѣлаются очагами европейскаго вліянія и центрами самостоятельной торговли, не зависящей отъ занзибарскихъ товарныхъ складовъ.

Груша деревень, расположенная на лѣвомъ берегу р. Пангани, вблизи ея устья, составляетъ настоящій городъ, именуемый тоже Пангани: болѣе тысячи суахели, уа-зегуха и негровъ-метисовъ возвели тамъ свои хижини на низменной землѣ, окаймленной со стороны

¹⁾ Krapf, упом. соч.

²⁾ Fischer, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1884.

³⁾ Hildebrandt, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1874, № 2.

⁴⁾ Thomson;—Fischer и др.

¹⁾ Cl. Denhardt, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, 1884.

²⁾ Thomson, упом. соч.

³⁾ Krapf, „Reisen in Ost-Afrika“.

моря опушкою изъ коринпуксовъ; напротивъ, на правомъ берегу, деревня Буани пріоютилась у почти вертикальной горы въ 60 метровъ. До того случая, въ 1878 году, когда вышедший изъ этого города караванъ пропалъ, Пангани, т. е. «городъ въ Яминѣ», былъ такимъ мѣстомъ на берегу моря, въ которомъ почти исключительно составлялись торговые караваны, отправлявшіеся въ область Килима-Нджаро и въ край южныхъ мазаевъ; нынѣ его таможня управляетъ германскими чиновниками. Недавно, арабы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не принимали почти никакого участія въ панганийской торговлѣ. Они гораздо многочисленнѣе въ Тангѣ (Муоа), городѣ, расположенному на южномъ берегу небольшаго, хорошо защищенаго порта, къ которому ведетъ глубокій узкій каналь-проливъ между двумя стѣнами изъ рифовъ. Изъ всѣхъ городовъ на твердомъ берегу къ сѣверу отъ Пангани, Танга, описанная кокосовыми деревьями, можетъ доставить болѣе всего жизненныхъ принасовъ для мореплавателей. Изъ Занзибара въ нее ввозится большая часть его убойнаго скота; рыбью же, овощами и плодами она изобилуетъ. Въ Тангѣ путешественникъ фонъ-деръ-Декенъ составилъ свой караванъ для изслѣдованія Килима-Нджаро. Муоронго, въ бухтѣ Тангата, между Пангани и Тангою, представляетъ также портъ, посѣщаемый судами. Въ окрестностяхъ его видны многочисленныя развалины и могилы¹⁾.

Момбазъ, Момбаса арабовъ, Мвита суахели, городъ, воспѣтый Камоенсомъ, былъ уже прославленъ раньше португальскихъ мореплавателей: въ XIV вѣкѣ онъ уже былъ резиденціею короля племени зенджъ и «большимъ городомъ, къ которому приставали корабли»²⁾. Вазко-де-Гама обслѣдовалъ входъ въ Момбазскій портъ, при чмъ сильно рисковалъ быть захваченнымъ въ плѣнъ. Однако, прибытие португальцевъ не только не увеличило торговли города, но, напротивъ, послужило началомъ его разоренія. Въ 1500 году Pedro Alvares Cabral снова появлялся въ этихъ морскихъ пространствахъ, а пять лѣтъ спустя Francisco d'Almeido предалъ городъ пламени. Въ 1522 году, европейцы снова поселились въ Момбазѣ, затѣмъ потеряли было его, но еще до исхода XVI-го столѣтія завладѣли имъ опять. Они-то и возвели тамъ ту грозную крѣость, которая еще виднѣется къ югу, расположенная на небольшомъ возвышеніи коралловаго утеса; на входныхъ ея воротахъ можно прочесть и цифру «1635», высѣченную португальскими архитекторами. Однако, въ 1660 году, маскатскій имамъ овладѣлъ цитаделью, а въ 1698 году португальцы были из-

гнаны окончательно, и арабы, ставъ властелинами въ городѣ, разрушали церкви, для постройки своихъ дворцовъ. Въ XVIII столѣтіи велись новыя войны, но «король моря» вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Нынѣ арабы не болѣе какъ торговые дѣльцы, подъ протекторатомъ Великобританіи; самый же городъ почти разоренъ. Недавно онъ пересталъ быть даже и отправнымъ пунктомъ для каравановъ внутрь страны; три экспедиціи, вышедшия изъ него для слѣдованія чрезъ край мазаевъ въ Кавирондо, потеряли болѣе сотни носильщиковъ; купцы, поэтому, не отваживались уже болѣе посыпать караваны этимъ опаснымъ путемъ, который въ 1882 и 1883 годахъ былъ даже совершенно покинутъ. «Арабы ушли изъ Момбаза, какъ крысы съ тонущаго корабля»³⁾.

Момбазъ расположень на восточномъ берегу коралловаго острова, выступающаго изъ-подъ воды болѣе, чмъ на 12 метровъ надъ уровнемъ моря. Нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежащихъ арабамъ и баянамъ, и кучи хижинъ, осѣняемыхъ кокосовыми пальмами, составляютъ городъ. Большия корабли бросаютъ якорь въ томъ узкомъ каналѣ-проливѣ, который вдоль острова направляется съ востока: это превосходный портъ, прекрасно защищенный, но весьма узкій для значительного флота. Правда, что на западной сторонѣ острова открывается другой портъ, глубокій и надежный, Килиндіни, который вѣтвится къ сѣверу и образуетъ другіе бассейны, въ которыхъ могли бы бросать якорь суда даже съ весьма большой вмѣстимостью. Въ томъ мѣстѣ, где заливъ почти совсѣмъ загроможденъ песчаными мелями, шоссе соединяетъ островъ съ твердою землею, къ сѣверу отъ Момбаза. На сѣверо-востокъ отъ города, на противоположномъ берегу канала-прохода, осѣняемаго мангустановыми деревьями, находится англійская станція Frere-town, названная такъ по имени той политической личности, которая занималась колонизаціею африканской земли, пользуясь для этого освобожденными рабами. На западѣ, на возвышенности, деревня Рабай, занятая съ половины текущаго вѣка миссионерами, также пріоютила многочисленныя бѣглецовъ изъ внутреннихъ областей. Недалеко отъ этой станціи находятся высокіе куполы горъ, различаемые моряками еще въ открытомъ морѣ и указывающіе на близость порта. Португальцы называли ихъ: согба de Mombaça, т. е. корона Момбаза.

Порты, слѣдующіе другъ за другомъ къ сѣверу отъ только-что описаннаго древнаго города, вплоть до устья Таны, — еще менѣе важны. Килефи (Келифа), въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ рѣки того же имени,

¹⁾ Horner, „Voyage à la côte occidentale d'Afrique“.
²⁾ Marcel Devic, „Au pays des Zendjs“.

³⁾ Joseph Thomson, „Au pays des Massai“.

имѣть лишь низменный берегъ, гдѣ часто садятся на мель арабскія шлюпки; великолѣпныи гавани въ окрестностяхъ совершенно покинуты, и Тангаунку, бывшійъ большімъ городомъ въ XVIII столѣтіи, нынѣ не болѣе какъ становище рабовъ, разсѣянныхъ по кустарникамъ. Далѣе къ сѣверу открываются рейды Малинди, знаменитые въ исторіи мореходства: здѣсь присталъ Васко-де-Гама послѣ того, какъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды, и здѣсь же принялъ онъ ва бортъ и индійскихъ лоцмановъ; въ воспоминаніе же своего прохода, онъ километрахъ въ шести къ сѣверу отъ нынѣшняго города, приказалъ поставить padrao или

столбъ, который существуетъ понынѣ, и на которомъ въ португальскомъ гербѣ виднѣется крестъ: это единственный памятникъ, напоминающій на этомъ берегу о времени лузитанскаго могущества. Всѣ надписи, открытая въ прішедшемъ въ упадокъ городъ, гдѣ еще недавно отваживались появляться ночью слови¹⁾, происхожденія персидскаго или арабскаго: и дѣйствительно, по преданіямъ, этотъ городъ основали персы изъ Шираза. Въ Зенджскія времена онъ славился чародѣями и очаровывателями змѣй. Въ эти послѣдніе годы Малинди стала вновь заселяться.

Глава XIII

Страна сомалей и восточныхъ галласовъ.

Эта восточная область Африки, выступающая изъ остальной массы материка настолько, что ограничивается на югѣ Аравійскій заливъ почти на протяженіи тысячи километровъ, есть одна изъ странъ, представляющихъ наиболѣе единства, какъ по географическому расположению, такъ и по населяющимъ ее народамъ. Въ цѣломъ Сомалія или Сомаль представляетъ страну треугольной формы, ограничивающую на сѣверѣ—Аденскимъ заливомъ, на востокѣ и юго-востокѣ—рифами и пляжами Индійскаго моря вплоть до устья р. Таны, а на западѣ—горной цѣпью, посѣщенной лишь въ немногихъ мѣстахъ, которая образуетъ виѣшнюю окраину плоскогорій, отъ Кенія до Воши и до Анкоберскихъ горъ. Это пространство, площадь которого превосходитъ миллионъ квадратныхъ километровъ, населено племенами, представляющими большое этническое сходство на всѣмъ его протяженіи и, повидимому, не измѣнившимися съ тѣхъ временъ, о которыхъ повѣствуютъ памятники древніаго Египта.

Хотя Сомалія принадлежитъ къ исторіи уже не сколько тысячелѣтій, она почти совершенно осталась въѣвъ европейскаго вліянія, преобладающаго нынѣ почти во всѣхъ странахъ, омываемыхъ океанами. Далеко не окончено даже географическое изслѣдованіе территории: такъ, не известны ни маршруты Jorge'a de-Abgea, въ 1525 г. сопровождавшаго зеюпекскую армию къ берегамъ озера Зуай, ни маршруты Antonio Fernandez'a, проѣзжавшаго чрезъ край спустя столѣтіе¹⁾. Маршруты путешественниковъ,

проникавшихъ далѣе всего внутрь страны: Gruttenden'a, Burton'a, James'a, von der Decken'a, Brenner'a, Menges'a, Révoil'a, Paulischke, Mokhtar-beuy'a — останавливаются на большомъ разстояніи отъ тѣхъ горъ, которыхъ ограничиваютъ плоскогоріе галласовъ, и не соединяются съ маршрутами посѣтителей Эзо-пії: Abadie, Avanchess'a, Cecchi и Traversi; сѣти дорогъ еще не перекрещиваются, какъ въ большей части другихъ странъ африканской территории. Къ тому же, современное политическое состояніе сомалскаго края дѣлаетъ его изученіе труднымъ, опаснымъ и дорого-стоимымъ, такъ какъ, вслѣдствіе раздѣленія племенъ на небольшие отдельные кланы, путешественники при каждой остановкѣ вынуждены уплачивать, хотя и подъ видомъ подарковъ, за право прохода²⁾. Затѣмъ чужеземцамъ, какъ и во всей тропической Африкѣ, приходится приспособляться къ опасному климату, хотя, благодаря своей сухости онъ менѣе гибельенъ, чѣмъ климатъ въ другихъ знойныхъ областяхъ; многие изъ путешественниковъ не вынесли трудностей пути и скончались, а цинѣ даже были убиты. Вообще, известнымъ въ своемъ цѣломъ краи этотъ сдѣлаются только послѣ того, какъ въ приморскихъ городахъ поселятся европейцы и какъ имъ удастся—изъ качествъ ли союзниковъ, или въ качествѣ взаимителей—проложить торговыя дороги внутрь страны. Уже въ правленіе хедива Измана, когда египтяне овладѣли верхнимъ бассейномъ

¹⁾ Ravenstein, "Proceedings of the R. Geographical Society". May, 1884.

²⁾ Joseph Menges, "Petermann's Mittheilungen". 1885. Tetr. XII.

Нила вплоть до границъ У-Ганды, они пытались основать свое могущество и на Сомальскомъ берегу, и флотъ ихъ появлялся передъ некоторыми портами на этомъ побережье;

кобританія и Германія. Германцы официально присоединили южный берегъ, на которомъ они уже и окрестили одинъ изъ портовъ Но-henzollern-hafen'омъ; англичане же властствуютъ

Видъ Джебель-Карона.

однако, вмѣшательство Англіи воспрепятствовало новымъ фараонамъ присоединить къ своей державѣ также «страну благоуханій». Нынѣ взаимно соперничающими въ утвержденіи своего вліянія являются въ особенности Вели-

въ сѣверныхъ областяхъ края, расположенныхъ насупротивъ ихъ могущественной крѣпости, Адена. Островъ Сокотра, который, находясь въ самомъ углу материка, стережетъ одновременно оба берега, также считается

англичанами принадлежащимъ къ британской территории.

Относительно оси горъ, направляющихся отъ Кеніи къ эзопскому массиву, можно высказать лишь одни предположенія; не извѣстно, пока, гдѣ оканчивается окаймленная вулканами низменность, которая, въ краѣ мазаевъ, раздѣляетъ двѣ половины плоскогорія между Ніанцией и склономъ къ океану. Судя по рассказамъ туземцевъ, кажется вѣроятнымъ, что эта великая разсѣлина не переходитъ границъ озерной равнинѣ Замбуру, и что къ сѣверу отъ этого бассейна, горы, ориентированные съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и параллельный побережью Индійского океана, расположены въ видѣ послѣдовательно повышающихся одна надъ другой цѣпей, какъ уступы нагорья. Въ одной изъ этихъ цѣпей высится гора Вонго, которую Аббади видѣлъ съ разстояніемъ 200 километровъ. Далѣе, къ сѣверу, Cecchi и Chiarini — перейда, въ 1879 году, краевые горы, достигающія здѣсь, въ среднемъ, высоты отъ 2.800 до 3.000 метровъ, — спустились съ плоскогорія, на которомъ возвышается Уариро, а затѣмъ, чрезъ горный проходъ, проникли и на нижнія террасы, изливающія свои воды въ бассейнъ р. Уэби¹). На сѣверѣ, двѣ параллельные цѣни угасшихъ вулкановъ ограничиваются углубленіемъ, на которомъ находятся три озера, видѣнныя путешественниками издали: самое сѣверное изъ нихъ, Зуай, лежитъ на высотѣ 1.840 метровъ; о немъ прежде полагали, будто оно притокъ Ауаша, тогда какъ, напротивъ, оно само получаетъ нѣсколько притоковъ съ сѣвера, и, между прочимъ, «огромную» рѣку Катару (Katara); затѣмъ, по словамъ туземцевъ, оно издѣвается на югъ во второе озеро, Хогга; возможно, что одинъ истокъ изъ этихъ резервуаровъ направляется къ югу на соединеніе съ р. Джуба²). На сѣверѣ, Ауашъ прорѣзываетъ также гору, образуя глубокую клюзю, за которую виднѣются профили горныхъ вершинъ страны Шоа.

Междуду краевой цѣпью нагорья и берегомъ океана, склонъ страны не представляется однообразнымъ: Guillain, Wakefield, James и другие изслѣдователи упоминаютъ о существованіи какъ уединенныхъ пиковъ, такъ и возвышеностей въ видѣ цѣпей и массивовъ, которые прерываютъ однообразіе равнинъ. Въ сѣверной же части Сомальского края наблюдается приподнятіе поверхности въ видѣ неправильныхъ горъ, въ цѣломъ тянущихся параллельно побережью Аденского залива, и по своей формациіи походящихъ на тѣ аравійскія цѣпи, которые находятся насупротивъ, по ту сторону этого рукава моря: такимъ образомъ, вулкани-

ческіе массивы на обоихъ берегахъ соотвѣтствуютъ другъ другу¹). Группа Харрарскихъ горъ — окружающихъ величественнымъ амфитеатромъ городъ того же имени — можетъ быть рассматриваема какъ западный предѣлъ этой береговой цѣпи. Одна изъ тамошнихъ вершинъ, находящаяся къ юго-западу отъ города Харрара, Мулата, имѣть около 3.000 метровъ высоты; другая, Хама, на сѣверо-западѣ отъ одноименнаго съ нею города, достигаетъ 2.263 метровъ, а остальная вершины переходятъ за двѣ тысячи метровъ. Къ востоку отъ этихъ гранитныхъ горъ, водораздѣль между склонами къ Аденскому заливу и къ Индійскому океану выравнивается и представляетъ лишь незначительныя возвышенія; онъ простирается даже въ видѣ обширной, почти непрерывной стѣни, сѣверная окраина которой постепенно понижается въ направленіи къ сѣверному побережью моря; Burton называлъ эту стѣну «преріей» Марарской. Это плоскогоріе, огу по-сомальски, прорѣзанное оврагами, почти всегда сухими, рѣзко оканчивается кручами и откосами *бора* (*bor*), т. е. береговой горной цѣпи; эти кручи и откосы состоятъ изъ гранита съ прожилками бѣлаго кварца, а вершины ихъ покрыты песчаниками и известняками; потоки, образующіеся изъ дождей, брошающіе высоты, сносятъ растительную землю въ овраги, въ которыхъ и виднѣются кое-какія, имѣющія блѣдную листву, акаціи, похожія на захлѣвшія оливковыя деревья; клюзы, по которымъ, послѣ ливней, сбѣгаютъ ручьи, открываются въ видѣ разсѣянъ въ скалахъ *бора*, а внизу простирается приморская равнина *daban*, съ ея уади, ея поперемѣнно болотистыми и солончаковыми углубленіями, дюнами и пляжами.

Къ югу отъ Берберы высится вершины приморскихъ горъ, изъ которыхъ одна, Ганъ Либашъ, или Торо, съ двойнымъ лѣсистымъ пикомъ, превышаетъ двѣ тысячи метровъ (по Haggengiacherу 2.895 метровъ)²; узкий проходъ между двумя склонами къ морю находится на высотѣ 1.350 метровъ. Затѣмъ, по направлению къ востоку, хребетъ все болѣе и болѣе приближается къ морскому побережью: высокія вершины, какъ-то: Голисъ, Анкоръ (1.130 метровъ), пирамида Хаисъ (1.880 метровъ), гора Айренситъ (1.590 метровъ), вблизи прохода Яффарь, въ среднемъ, находятся не болѣе, какъ въ тридцати километрахъ отъ поморья; скалистые откосы слѣдуютъ одинъ за другимъ между гребнемъ горъ и плоскими песчаными берегомъ, и лишь мѣстами виднѣются узкія зеленѣющія равнинѣ около устьевъ овраговъ. Окончательность выступа африканскаго материка разрѣзана глубокими брешами —

¹) A. Cecchi, „Da Zeila alle frontiere del Caffa“.

²) Traversi, „Bulletino della Societa Geografica Italiana“, 1887, 4.

¹) G. Révoil, „La Vallée du Darror“.

²) „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 47.

отдѣльные плоскогорія, большие четырехугольные массивы, на которыхъ виднѣются тамъ и самъ уединенный вершины. Такимъ образомъ восточный выступъ материка явственно ограниченъ на югѣ оврагомъ Тогуэні, нисходящимъ по направлению къ Аденскому заливу, и другимъ, спускающимся къ Индійскому морю. Около окраинъ этого известковаго плоскогорія возвышаются: на западѣ—Джебель Ка-рома (Курмо), высотою въ 1.220 метровъ, еще и понынѣ носящая лишь едва измѣненное наименование «горы благоуханій (аромата)», нѣкогда данное ей греческими мореплавателями¹⁾; на востокѣ—Горъ-Али, имѣющая ту же высоту, и еще одна вершина около мыса Гвардафуй, достигающая 760 метровъ.

Самый мысъ—прославленный «мысъ благоуханій», рась Ассиръ, т. е. «Невольничий мысъ», Джардъ-Хафунъ арабовъ, Гирдиѳъ, Гирдиѳо или Ярдафъ по сомальски, и Гвардафуй европейскихъ мореплавателей—представляетъ почти вертикальную стѣну, господствующую на 275 метровъ надъ тѣми волнами, которая катится у его подножія. Корабли могутъ огибать этотъ мысъ около самой скалы; однако, несмотря на глубину около него моря, мало найдется морскихъ пространствъ, гдѣ бы, сравнительно, кораблекрушеній было больше, или гдѣ бы кораблямъ приходилось бросать лотъ съ большою осторожностью для избѣженія несчастія: поэтому большинство моряковъ, вопреки этимологіи, объясняютъ наименование мыса происходящимъ отъ итальянского слова *guarda*, употребляемаго въ французскомъ языке въ смыслѣ «берегись!» Во время юго-западнаго муссона, море обыкновенно находится въ волненіи, погода пасмурна, и горизонт скрывается въ густотѣ туманѣ; кроме того, теченія въ морѣ весьма стремительны и быстро менѣются по сосѣдству съ землею, направляясь то къ берегу, то въ открытое море; вотъ отчего, очутясь посреди этихъ мощныхъ спорныхъ теченій, мореплаватели начинаютъ чувствовать себя въ безопасности лишь на глубинѣ шестидесяти метровъ. Если же суда оплошаютъ, то увлекающее ихъ теченіе сноситъ ихъ всегда къ югу отъ мыса, къ берегамъ хорошо изѣстной бухты, гдѣ ихъ и поджидаютъ люди, пользующіеся кораблекрушеніями²⁾). Въ 150 километрахъ къ югу отъ мыса Гвардафуй, въ морѣ вдается другой опасный мысъ, Расъ-Хафунъ или Медуду. Въ дѣйствительности, это—обрывистый четырехугольный островъ, верхнее плоскогоріе котораго усыпано холмами, высотою отъ 120 до 185 метровъ. Низменный перешеекъ, длиною приблизительно въ двадцать километровъ, покрытъ скучнымъ кустарникомъ, соединяетъ ос-

тровъ Расъ-Хафунъ съ твердою землею, разграничивая, такимъ образомъ, двѣ бухты: южную и сѣверную, въ которыхъ, попеременно, смотря по тому или другому направлению муссона, арабскія гребныя суда и бросаютъ якорь. Owen упоминаетъ объ одномъ преданіи, которое гласить, будто португальцы начинали прокапывать каналъ между двумя бухтами, съ цѣлью превратить островъ въ неприступную крѣпость³⁾). Возможно, что приподнятіе песчаной стрѣлки Расъ-Хафуна надъ водою произошло вслѣдствіе общаго измѣненія въ уровнѣ земель и морей, такъ какъ во многихъ мѣстахъ видны прежніе, усыпанные раковинами, пляжи, далеко вдающіеся внутрь континента⁴⁾). Вся эта часть берега, за исключеніемъ устьевъ дождевыхъ потоковъ, скалистая. Къ югу отъ Расъ-Хафуна, на протяженіи болѣе 500 километровъ, морское побережье называется Барръ-эль-Хассайнъ, т. е. «суровая земля», «земля скаль»: можетъ-быть, говорить Owen, наименование «Хассайнъ» тождественно съ именемъ «Azania», уже употреблявшимся греками, и съ именемъ «Земля Ажанъ», означеннымъ на старинныхъ картахъ. Высота прибрежныхъ утесовъ колеблется между 60 и 120 метрами, а прорѣзывающіе ихъ овраги ведутъ къ каменистымъ степямъ, валуны которыхъ во многихъ мѣстностяхъ прикрыты черноватымъ кремнистымъ слоемъ, усыпаннымъ желѣзистыми «комками». Эти высокія равнины напомнили Révoil'ю видъ провансальской Сгаи. На берегу полоса вышедшихъ изъ-подъ воды каралловъ, шириной въ нѣсколько километровъ, повидимому, свидѣтельствуетъ о поднятіи земель или о пониженіи моря въ этихъ морскихъ пространствахъ: цѣль дюнъ, указывающая прежнее побережье, находится въ нѣкоторомъ разстояніи внутри материка⁵⁾.

Самою значительною изъ рѣкъ сомальского края—какъ по обилию водъ, такъ и по длине—должна быть признана та рѣка, которая зарождается въ самомъ сердцѣ Эфиопіи, подъ именемъ Гугзы (Gougsa), и въ началѣ описывается большую кривую къ сѣверу, востоку и юго-востоку Каффскихъ горъ, какъ будто идя на соединеніе, на западѣ, съ рѣкою нильской системы—Собать. Такое именно предположеніе и высказывалъ Antoine Abbadié, видѣвшій въ этой рѣкѣ южную дружку Голубаго Нила, которая, посредствомъ подобной же дуги, описываемой въ обратномъ направлении, идетъ на соединеніе съ Бѣлымъ Ниломъ. Но, хотя ни одинъ путешественникъ еще не видѣлъ долинъ и клюзъ, которыми Гугза—называемая въ этой части своего теченія также Умо—вы-

¹⁾ G. Révoil, „La Vallée du Darror“.

²⁾ Owen, „Narrative of Voyages to explore the shores of Africa, Arabia and Madagascar“.

³⁾ Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1868. Тетрадь X.

⁴⁾ G. Révoil, „Voyages au cap des Aromates“.

⁵⁾ G. Révoil, рукописныя замѣтки.

ходитъ изъ области Эсопскихъ Альпъ, однако показанія туземцевъ согласно свидѣтельствуютъ, что, обогнувъ на югъ массивъ Вошо, рѣка, чрезъ проломъ въ краевой цѣпи, убѣгаеть на востокъ и течетъ по странѣ галласовъ; называется же она прибрежными пастухами и земледѣльцами Дауа или Дурка, а также Уэби (Веби), при чмъ послѣднее наименование едва отличается отъ «Абай», т. е. Верхній Ниль, и также означаетъ «рѣку» или «текущую воду». Соединясь со многими другими Уэби, эсопская рѣка принимаетъ, наконецъ, направленіе съ сѣвера на югъ и впадаетъ, километрахъ въ сорока къ югу отъ экватора, въ Индійское море; это Джуба (Джебъ, Джубъ) арабовъ, и гіо dos Fuegos древнихъ португальскихъ мореплавателей.

Масса воды, несомой Джубою, не настолько обильна и сильна, чтобы глубоко размывать баръ, образующійся при устьѣ, вслѣдствіе чего морякамъ лишь съ большимъ трудомъ удается проводить свои небольшія гребные суда надъ этимъ порогомъ при входѣ; въ 1798 году, англійскій военный корабль производилъ было изслѣдованіе водъ около устья Джубы, но шлюпка, пытавшаяся проникнуть чрезъ баръ, опрокинулась, и весь экипажъ ея погибъ, либо утонувъ въ Джубѣ, либо подвергшись смерти отъ руки прибрежныхъ сомалей. Въ 1865 году, изслѣдователь фонъ-дерть-Декенъ также проникъ въ рѣку, но вскорѣ затѣмъ въ ея порогахъ потерпѣлъ крушеніе. Въ 1873 году, американецъ Chaille Long, посланный хедивомъ, проникъ чрезъ баръ и поднялся вверхъ по рѣкѣ на 278 километровъ; не будь онъ, затѣмъ, отозванъ, онъ могъ бы плыть и дальше, такъ какъ Джуба достаточно глубока. Воды рѣки, будучи задерживаемы при устьѣ цѣпью красныхъ дюнъ, окаймляющихъ берегъ, перемѣщаются, параллельно побережью, къ юго-западу, въ одномъ и томъ же направленіи съ прибрежныхъ теченіемъ въ морѣ. Въ этомъ же направленіи расположены, кверху отъ устья, боковые озера и болота, въ которыхъ изливается избытокъ воды при наводненіяхъ. Рѣка Шери, рождающаяся въ этой болотистой области и извивающаяся въ направленіи къ юго-западу, въ углубленіе, параллельное плоскому берегу и грядѣ его дюнъ—повидимому, есть не что иное, какъ прежній рукавъ Джубы, хотя между устьями ихъ обоихъ и оказываетъ разстояніе въ 130 километровъ. Южное изъ этихъ устьевъ, т. е. устье Шери—называемое по-суахелиски Мто-Бубаши, а по-англійски Портъ Дурнфордъ,—нынѣ окрещено германцами именемъ «Гогенцоллернскага гавань»; это превосходный портъ, въ которомъ самые большие корабли могутъ становиться на якорь въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ кверху отъ бара. Цѣпь рифовъ—образующійся будущій берегъ—протягивается впереди нынѣш-

шихъ пляжей; всѣ же физическія черты шо-морья: подводные рифы, берега, дюны и теченіе въ рѣкѣ ориентированы въ одномъ и томъ же направленіи.

Рѣка Уэби, подобно другой Уэби, начинающейся въ Каффскихъ горахъ, имѣть свой главный истокъ тоже въ Эсопіи, но въ Гураге и на предгоріяхъ краевой цѣпи, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Ауаша. Эта Уэби, т. е. «рѣка», не имѣть особаго наименования въ географической номенклатурѣ; пытаютъ ее воды, собирающіяся съ весьма большого бассейна. Къ ней устремляются всѣ потоки на пространствѣ отъ Гураге до Харрара, но не всѣ они достигаютъ ея, особенно въ сезонъ суши, и многие теряются въ солончакахъ. Подобно Нилу, Уэби выходить изъ своихъ береговъ, ороша богатыя равнины Огадена, этого «райа Сомали». Въ нижнемъ своемъ теченіи, она, какъ и Джуба, поворачиваетъ къ югу; но, подходя къ морю, она уже не имѣть достаточно силы, чтобы проложить себѣ путь чрезъ валъ изъ дюнъ; поэтому, пройдя по прямой линіи вдоль внутренняго фаса вала на протяженіи приблизительно 275 километровъ, Уэби теряется въ болотѣ, не докативъ, такимъ образомъ, своихъ водъ до Джубы. Это любопытное явленіе, что могучій потокъ тщетно усиливается пробить себѣ дорогу сквозь песчаный валъ и слѣдуетъ вдоль подошвы этой ограды, образуя какъ бы широкій ровъ въ военному укрѣплению. Туни,—коса, отдѣляющая сейчась описанную часть нижняго теченія Уэби отъ океана—имѣть, въ среднемъ, километровъ двадцать въ ширину. Ядромъ этой пѣни дюнъ служатъ нѣсколько скалистыхъ массивовъ, которые образовались изъ тѣхъ же рифовъ, выступившихъ изъ-подъ воды.

Другая рѣка, текущія къ сѣверу отъ Уэби, по той области Сомальского края, которая постепенно съуживается къ сѣверо-востоку,—достигаютъ до моря только послѣ исключительно обильныхъ дождей; по крайней мѣрѣ влагою ихъ песчанаго ложа пытаются прибрежные кустарники. Самая большая изъ этихъ рѣкъ, зарождавшаяся непосредственно къ востоку отъ Уэби въ Харрарскихъ горахъ, пропадаетъ, подъ именемъ Тугъ-Фагъ, въ болотѣ области Гауя. Другой тунъ или уади, беря свое начало къ югу отъ горъ Бербера, теряется въ области Миджертинъ, болѣе, чмъ въ двухстахъ километрахъ отъ моря. Послѣдній тунъ на океаническомъ берегу—это Тугъ-Дарроръ т. е. «ручей тумана», устье долины котораго открывается между Расъ-Гафуномъ и Гвардафуемъ. На склонѣ Аденскаго залива, русла потоковъ представляютъ лишь короткіе овраги въ толщи утесовъ: въ нихъ вода течеть столь же рѣдко, какъ и въ ущельяхъ противоположнаго, Аравійскаго, берега.

Климатъ Сомальского края походитъ на кли-

матъ Занзибара—въ южныхъ областяхъ, на климатъ Аравіи—на склонѣ Аденскаго залива, а на западѣ, на террасахъ и на предгоріяхъ Эсіопіи, онъ приближается къ климату Шоа. Правда, что, въ цѣломъ, территорія сомалей находится въ сферѣ сѣверо-восточныхъ пассатовъ, но подъ влияніемъ измѣненій барометрическаго давленія и температуры, въ направленіи этихъ вѣтровъ часто наблюдаются уклоненія, при чёмъ вѣтры начинаютъ уже дуть внутрь материка, либо Африки, либо Аравіи. Съ наибольшою правильностью дуютъ пассаты, въ направленіи юго-запада, параллельно Сомальскому берегу, въ теченіе мѣсяцевъ сѣверной зимы, съ октября по мартъ; въ теченіе же лѣтнихъ мѣсяцевъ, нормальный вѣтеръ держится въ обратномъ направленіи: муссонъ несетъ къ сѣверо-западу и даже въ сѣверу; иногда частные скачки увлекаютъ этотъ атмосферный потокъ, вмѣстѣ съ облаками и влагою, также и на западъ. Средняя температура зимы колеблется между 24° и 26°, а лѣтомъ она приблизительно держится на 30°; по Менгесу, крайняя температуры, наблюдаемыя на берегу Берберы, представляютъ лишь разницу въ 12°; ночью съ 28 на 29 ноября было 19,8°, а днемъ 2 апреля 31,8°. Правильные зимніе дожди, впрочемъ, не обильны и сопровождающіеся легкими грозами, приносятся сѣверо-восточными пассатами, съ декабря по мартъ; но обыкновенно небо чисто въ это время года, или же затемняющія его облака проходятъ надъ берегомъ, не разражаясь дождемъ. Периодъ влажности бываетъ во время южного муссона, съ апреля по юль или августъ: тогда сѣверныя бури разражаются надъ поморьемъ, ливни переполняютъ кратковременные потоки и степь снова зацвѣтаєтъ. За этимъ сезономъ дождей, га или гуги по-сомальски, слѣдуетъ хага, облачное, но сухое время, въ продолженіе которого земля опять становится бесплодною; послѣ этого наступаетъ дайръ, т. е. сезонъ дождей, и джилалъ—мѣсяцъ суши, предшествующій большими дождямъ. Эти различные сезоны запаздываютъ въ направленіи съ востока на западъ, т. е. отъ поморья къ плоскогоріямъ, но дождевыя облака, удерживаляемыя на склонахъ горъ, изливаютъ тамъ гораздо большее количество воды: годичную высоту слоя дождя, выпадающаго на Шоа, исчисляютъ въ одинъ метръ⁴⁾.

Въ низменной области, мало орошаемая почва, конечно, неплодородна; рѣдки такія привилегированыя мѣстности, гдѣ растительность походитъ по богатству и блеску на растительность индійскихъ побережий подъ тою же широтою: скудные дожди и ручьи, переполняющіеся солоноватою водою, могутъ питать

⁴⁾ Brault;—Haggenmacher;—Julius Haup, „Handbuch der Klimatologie“,—Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“. 1885, тетрадь XII.

только тощія и не густо растущія растенія. На берегу моря видныются только солинки (*salso-lae*) и другія растенія солонцоватыхъ земель, если вблизи неѣть уади, берега которыхъ, въ такомъ случаѣ, окаймлены зеленѣющими деревьями; на холмахъ и горахъ видны камедистыя акаціи, мимозы, молочай, росно-ладанная терминалія, деревья, приносящія ладанъ и мирру,—все растенія съ рѣдкою и мелкою листвою; *olibanum* или *boswellia* произрастаютъ даже на обнаженныхъ скалахъ, къ которымъ ихъ бѣлые корни прикрепляются на-подобіе пластиры¹⁾. Однако, въ направленіи къ югу, вѣтвистыя и густо-лиственные деревья становятся все многочисленнѣе и многочисленнѣе. Финиковыя пальмы показываются группами только по соображенію съ приморскими городами, но плоды ихъ не достигаютъ зрѣлости, такъ какъ сомали не научились оплодотворять женскія деревья, а торгующіе финиками арабы упорно воздерживаются отъ обученія ихъ этому²⁾. Пальма думъ произрастаетъ тамъ и сямъ, но банановыя деревья существуютъ только въ приморскихъ садахъ. Въ горахъ внутри страны, ботаники собрали большое число новыхъ видовъ. Нѣкоторые хорошо орошеніе склоны горъ, каковы, напр., на Гантъ-Либахѣ, покрыты роскошной растительностью, не менѣе красавою, чѣмъ растительность эсіопскихъ горъ. Натуралистъ Менгесъ нашелъ тамъ гигантскій можжевельникъ и великолѣпную джибару, выносящую свою цѣтовую стрѣлку на вѣсъ метровъ въ высоту. Кофейныя деревца процвѣтаютъ на предгоріяхъ массивовъ Шоа. Центральная область края, Огаденъ, возвышение которой, въ среднемъ, достигаетъ девятисотъ метровъ, представляетъ, по Sottiro, обширное степное пространство: послѣ дождей она становится моремъ высокихъ травъ, прерываемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистыми полями³⁾.

Что касается фауны, то она такая же, какъ и на землѣ галласовъ въ эсіопскихъ горахъ, съ тою только разницей, что, по мѣрѣ приближенія къ морскому побережью, она все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Слоны и другія большія животныя водятся лишь въ южныхъ и западныхъ частяхъ страны, которая обильнѣе всего орошается и которая обладаетъ самою богатою растительностью; стада этихъ массивныхъ толстокожихъ взираются на откосы Гантъ-Либаха, уже весьма трудно доступные и для человѣка; они населяютъ также степи Огадена и отходить къ берегамъ Уэби, чувствуя приближеніе смерти. Въ лѣсахъ, кустарникахъ и каменистыхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ областей водятся различные ви-

¹⁾ G. Révoil, „La Vallée du Darror“.

²⁾ G. Révoil, рукописная замѣтка.

³⁾ Arthur Rimbaud, „Comptes rendus des sÃ©ances de la Société de Géographie“. № 3, février.

ды обезьянъ, особенно павианы; левъ рыскаетъ въ кустарникахъ Огадена, леопарды, гепарды, шакалы, гиены и другія животныя изъ семействъ кошачьихъ охотятся тамъ на живыхъ звѣрей или же питаются трупами; страусы и стада дикихъ ословъ, газелей и антилопъ, между которыми Менгесъ открылъ новый видъ, пасутся на плоскогоріяхъ; зайцы и другіе грызуны обыденны въ приморскихъ областяхъ; *macroscelide* e, которыхъ Revoil называетъ «крысами съ хоботомъ», сидятъ на скалахъ на-подобіе блокъ, моются передними лапками и моментально подскакиваютъ, чтобы схватить какое-нибудь насѣкомое. Между ящерицами есть одна, *agama Rueppellii*, которая мѣняется цветъ, когда ее пытаются схватить; другая, *igromas'ix batilliferus*, укрывается въ щель скалы и выставляетъ оттуда своему преслѣдователю хвостъ, усаженный колючками. Къ фаунѣ страны принадлежитъ также очень красивый видъ цесарокъ, *astugilium vulturinum*; у него голова коршуна и въ большей части также и повадки этой хищной птицы, такъ какъ онъ питается не только зернами, но также маленькими звѣрьками и падалью¹⁾). Натуралисты, посѣтившие Сомальский край, между прочими, фонъ-деръ-Деккенъ и Ревуаль, нашли много новыхъ видовъ моллюсковъ и насѣкомыхъ²⁾), и между послѣдними новый видъ термита, возводящій свои муравейники въ формѣ обелисковъ³⁾). Въ сосѣднихъ моряхъ, рыбаки налавливаютъ много акулъ, мясо которыхъ вывозятъ въ Запзібаръ, а плавники въ Китай, где эта слизистая синька считается лакомствомъ.

Сомали африканской оконечности, называвшейся тогда Пунть, были известны древнимъ египтянамъ: въ одномъ изъ храмовъ Фивъ, Дейръ-эль-Бахари, путешественники Dümichen и Mariette нашли замѣчательную стѣнную живопись, изображающую уплату дави камедью, роснымъ ладаномъ и миррою, полагаемыми передъ египетской царицей жителями Пунта, которые, изъ картинъ, одѣты въ костюмъ вынѣшнихъ сомалійцевъ и имѣютъ такую же наружность. Такъ какъ эти древние обитатели Пунта уже обладали металлами, то слѣдовательно найденные во многихъ мѣстностяхъ края орудія изъ кремния принадлежать къ эпохѣ, предшествовавшей по крайней мѣрѣ на тридцать шесть вѣковъ⁴⁾). Однако, большинство сомалей, не зная своего настоящего происхожденія и въ то же время заботясь, въ качествѣ ревностныхъ мусульманъ, о томъ,

чтобы въ числѣ ихъ предковъ были святые, имѣютъ претензію считать себя происходящими изъ одного семейства арабскихъ Корейшитовъ: подобно данакилямъ, они именуютъ себя близкими родственниками пророка, а въ Меккѣ показываютъ и домъ своихъ предковъ⁵⁾). Развалины, открытые въ Сомальскомъ краѣ,—совершенно безформенные, такъ что невозможно определить по характеру ихъ архитектуру, въ какой цивилизациѣ: египетской, ассирийской или персидской—принадлежали древніе обитатели края; однако, нашли тысячу предметовъ, которые свидѣтельствуютъ о значительной торговлѣ со всѣми тѣми приморскими областями, которая соединяетъ периодическое движеніе муссона: эмальированныя и стеклянныя вещи, лакированные чаши, каменные и алебастровые вазы, драгоценныя жемчужины и самоцвѣтные камни доказываютъ, что предки сомалей были въ то время въ сношеніяхъ съ промышленными и богатыми восточными народами; внезапное разрушеніе какого-нибудь торгового города на поморѣ не дало бы случая раскопывателямъ отыскать въ мусорѣ развалинъ столько замѣчательныхъ остатковъ, сколько представляютъ руины городовъ, разрушенныхъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Сомальского края многочисленны также могильные курганы, относящіеся къ этимъ отдаленнымъ временамъ; они вообще представляютъ пирамидальную нагроможденіе камней, съ разбросанными по низу раковинами, костями рыбъ и инструментами изъ послѣдовательныхъ periodовъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзного⁶⁾). Могилы, которые были разрываемы въ окрестностяхъ Зейлы, повидимому, галласкаго происхожденія, а по сосѣдству туземцы показываютъ кладище «огромнаго города», который будто бы, тоже принадлежалъ галласамъ; однако, ближайшая деревня галласкаго племени находится нынѣ въ двухстахъ километрахъ разстоянія отъ Харрарского края. Происходили, слѣдовательно, великія переселенія, перемѣщавшія народы и расы; но слѣдуетъ замѣтить, что исходы и перемѣны отечества продолжаются и въ наше время, и столь дѣятельно, какъ никогда раньше.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, взятые въ цѣломъ, сомали родственны своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, данакилямъ, а также сѣдѣдямъ западнымъ и южнымъ, галласамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ трудно установить национальность переходныхъ населеній, съ неопределеннымъ типомъ. Къ тому же наименование «сомали» не имѣетъ точнаго значенія, которое безъ колебанія могло бы быть прилагаемо ко всѣмъ обитателямъ края, простирающагося

¹⁾ Otto Kersten, von der Decken, упом. соч.

²⁾ Hartmann, „Abyssinien und die Ostkuste Afrikas“.

³⁾ Joseph Menges, „Petermann's Mittheilungen“, 1884. Heft XI.

⁴⁾ Revoil, „Bulletin de la Société Normande de la Géographie“, 1884.

⁵⁾ G. Revoil, „Bulletin de la Société Langue docicane“, 1880.

⁶⁾ Gouillon;—G. Revoil;—Paulitschke, и т. д.

между заливомъ Таджурахъ и рѣкою Джубою. По Гильдебранду, это этническое наименование означаетъ «черный», «смуглый»; однако, такое толкованіе не приложимо ко всѣмъ сомалиямъ, хотя вообще у нихъ цвѣтъ кожи болѣе темный, чѣмъ у данакиловъ и галласовъ. Другіе этимологи полагаютъ, что слово *сомаль* означаетъ «маловѣръ» или же «свирѣпый»; сами сомали не берутся объяснять его смыслъ. Галласы зовутъ ихъ «тумръ». Арабы называютъ этотъ край: Баръ-эсъ-Сомаль, т. е. «жилище сомалей»; но границы этого мѣстообитанія

не границы области проживанія сомалей совершаются въ одинаковомъ направленіи съ прибрежнымъ теченіемъ въ морѣ и съ пассатнымъ вѣтромъ, т. е. въ направленіи съ сѣвера на югъ.

Общаго для сомалей типа не существуетъ: вслѣдствіе разницы въ образѣ жизни, въ климатѣ и этическихъ скрепчиваніяхъ велико также и различіе какъ между племенами, такъ и между отдельными людьми. Однако, вообще можно сказать, что сомали, походя на данкали, превосходятъ ихъ ростомъ (по Paulitschke,

Женщина изъ племени сомали.

точно не опредѣлены. На югѣ сомали быстро распространяются по землямъ сопредѣльныхъ населеній галласскаго или бантусскаго происхожденія. Еще недавно рѣка Джуба указывалась какъ южная граница территоріи сомалей, но въ послѣдніе годы они выдвинулись вплоть до р. Таны, километровъ на 450 къ югу; они даже перешли эту рѣку, какъ бы для того, чтобы подать руку другимъ завоевателямъ, грознымъ мазаямъ. Напротивъ, на противоположной оконечности своего мѣстообитанія, на берегахъ Аденскаго залива, сомалиямъ пришлось податься передъ напоромъ данакилей. Такимъ образомъ, можно сказать, что колеба-

ростъ племенъ: хабръ-ауаль—1 метръ 85,3 сант.; исса—1 м. 66,5 сант.; гадибурей—1 м. 66,1 сант.), зато сомали менѣе сильны, хотя становъ болѣе стройны, наружность имѣютъ болѣе воинственную и оттѣнкомъ кожи болѣе темны; сомали кажутся тѣмъ выше ростомъ, что, сравнительно съ тѣломъ, голова у нихъ мала. Хворые почти не встрѣчаются у сомалей, хотя старѣютъ эти туземцы быстро: человѣкъ въ двадцать лѣтъ кажется имѣющимъ сорокъ; сорока-лѣтній же походить на старика¹⁾. Между сомалиями—и даже такими, у

¹⁾ Album. Paulitschke.

которыхъ лицо совершенно черное,—а таковы сомали изъ Шаллука или Уолофа,—часто можно наблюдать такихъ индивидовъ, у которыхъ черты лица столь же правильны и столь же тонки, какъ у самыхъ красивыхъ европеицевъ. Многія женщины — сомали возбуждаютъ удивление гармоніею чертъ лица и благородствомъ поступи, а также вѣжностью и очаровательностью своего голоса. Правда, чрезмѣрный трудъ старить вообще женщину ранѣе тридцатаго года, а стеатопигія, рѣдкая у молодыхъ девушки, становится довольно общую у женщинъ послѣ первой беременности. Образцы красоты, часто встрѣчаемые между сомалиями, полагали возможнымъ объяснить скреплениемъ ихъ съ не-африканскими народами, особенно съ семитами. Конечно, эти смѣшанія существовали, особенно въ тѣ вѣка, когда торговое движение совершилось весьма дѣятельно на морскомъ берегу; въ видоизмененіи первоначального сомальского типа могло имѣть нѣкоторую долю и арійское влияніе, въ лицѣ персовъ и грековъ; однако, известно также, что и многие негры Внутренней Африки тоже отличаются почти классическимъ очертаніемъ лица. Походящихъ на арабовъ сомалей—какъ физиономіей, такъ и нравами—больше всего въ приморской области. Западные сомали, особенно исса, болѣе близкие къ галласамъ, представляютъ также большое число индивидовъ съ типомъ своихъ соѣдей; именно они отличаются отъ другихъ сомалей болѣе широкимъ лицомъ и болѣе грубыми чертами. На югѣ же, чаще всего встрѣчается у раЫа-нуинскихъ завоевателей типъ негра, т. е. плоское лицо и выдающіяся скулы.

Языкъ сомальскій, нынѣ уже известный по словарямъ, грамматикамъ и сборникамъ пословицъ, указываетъ,—также какъ физической типъ и преданіе,—на родство этой націи съ данакилями и галласами; тѣмъ не менѣе, частыя сношенія сомалей съ арабами—установившіяся послѣ распространенія ислама во всемъ краѣ между равнинами и предгоріями, между моремъ и зеюпскими горами—ввели въ сомальскій языкъ большое число арабскихъ терминовъ и оборотовъ, а тѣ рѣдкіе сомали, которые умѣютъ писать, пользуются буквами, употребляемыми ихъ учителями изъ Азіи. Они заимствовали отъ нихъ также многія изъ учрежденій, а приватіе корана видоизмѣнило также и ихъ нравы. Сѣверные сомали, болѣе всего приближенные къ Аравіи, строго сообразуются съ религиозными предписаніями; въ городахъ, где только есть лачуга, носящая название мечети, они аккуратно посѣщаются ею, для принесенія въ опредѣленные часы молитвъ; муадзинъ ихъ сзываетъ, а арабскіе муллы прочитываютъ священные молитвы. Отправляющійся въ дорогу не выйдетъ изъ дома безъ того, чтобы не взять съ собою деревянный сосудъ, предназначенный для наполненія водою въ видахъ совершеннія омовеній. Взрослые люди бреютъ себѣ голову по-мусульмански, и ихъ костюмъ едва отличимъ отъ арабскаго одѣянія.

Но внутри земель и въ южной части края сомали сохранили свои анимистическія суевія и родъ жизни, схожій съ жизнью данакилей и беджа. Мужчины еще клянутся каменьями и благоговѣютъ передъ большими деревьями. Они носятъ передникъ и нѣчто вродѣ тоги изъ бѣлой хлопчатобумажной ткани; въ эту тогу они задрапированы право плечо обнаженнымъ. Въ пути они обуваютъ сандалии. Обыкновенно они обмазываютъ свои густые волосы на головѣ тѣстомъ изъ извести и глины, которое защищаетъ ихъ отъ солнечныхъ лучей, а также освобождаетъ отъ паразитовъ; чтобы не портить своей причесѣ, они спятъ, кладя шею на деревянный изголовья, въ родѣ тѣхъ, какія можно видѣть въ Японіи и у большинства народцевъ Внутренней Африки. У большей части сомалей нижняя доля уха широко продыряшивается на-подобіе того, какъ это дѣлаютъ народы банту, но украшенія—дерево, перламутръ, слоновую кость или металлы—они вѣдѣваютъ въ уши рѣдко; на шеѣ же носятъ шарики (бусы) изъ янтаря или изъ коралловъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще татуируютъ руки, грудь или животъ, но, въ противоположность большей части южныхъ племенъ, у нихъ эти знаки не имѣютъ уже символического или отличительного значенія. Подобно племени беджа, сомали расчесываютъ свои волосы на головѣ вычеканеннымъ скребкомъ и часто употребляютъ зубочистку, сдѣланную изъ благовоннаго дерева: зубы у нихъ всегда ослѣпительной бѣлизны. Женщины, одѣтны въ красную юбку и бѣлую тогу, перехваченную цѣвѣннымъ поясомъ, обыкновенно разражены болѣе мужчинъ; всѣ они носятъ серьги, ожерелья, цѣпочки, на рукахъ кольца, браслеты и амулеты. Обычай предписываетъ совершасть обрѣзаніе у мальчиковъ въ возрастѣ трехъ лѣтъ; въ шесть лѣтъ девочки подвергаются болѣе жестокой операци—вырѣзываюю и инфибуляцію. Случается иногда во времена эпидеміи, особенно когда свирѣпствуетъ оспа, что больныхъ выкидываютъ въ пустыню, на сѣденіе львамъ и гіенамъ.

Смотря по обстоятельствамъ, сомали—какъ и большая часть народовъ, подвергающихся голодовкамъ,—поперемѣнно бывають то большими обжорами, то образцами воздержанія. За исключеніемъ приморскихъ рыболововъ, никто изъ сомалей не дотрогивается до рыбы, равнѣмъ образомъ они не їдятъ ни домашней птицы, ни яицъ; также воздерживаются отъ мяса животныхъ, воспрещенныхъ Кораномъ; антилопъ же и газелей предоставляютъ паріямъ.

Какъ напитокъ, кофе не употребляется въ краѣ сомалей, но часто его ёдятъ такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ галласы, т. е. превративъ въ порошокъ и смѣшавъ съ коровьимъ масломъ; эту же смѣесь употребляютъ и для натирания тѣла. Употребленіе спиртныхъ напитковъ не допускается, за исключеніемъ Огадена, где изъ молока верблюды приготавливаютъ бродящій напитокъ. Табакъ не курятъ, но его нюхаютъ и жуютъ, смѣшавъ съ золою; наконецъ, подобно харрари, сомали собираются по вечерамъ, чтобы жевать листья растенія катть (*Celastrus edulis*), что позволяетъ имъ удлинять посидѣлки. Крайне любопытный, сомали выкаетъ мечъ у входа въ свою деревню, чтобы преградить дорогу иноземцу, и пропускаетъ его только послѣ того, какъ разспросить о событияхъ въ отдаленныхъ странахъ¹⁾.

Страну сомалей опустошаютъ непрерывныя войны. «Единственная нива, которую тамъ воздѣльваютъ—говорить въ восточномъ стилѣ Ревуаль—есть нива смерти». Раздѣленные на большое число мелкихъ государствъ, почти всѣ сомали пребываютъ въ борьбѣ другъ съ другомъ. Каждый подозрѣваетъ своего ближняго. Воинъ никогда не выходитъ безъ оружія: у богатаго есть ружье, купленное въ одномъ изъ приморскихъ *bender'*овъ; у бѣднаго же—копье и дротикъ, иногда большой ободоострый ножъ и палица для размеженія головы поверженному на землю врагу. Обычная поза сомальскаго воина, какъ и мазайскаго,—это стоять опершись на копье и поднявъ правую ногу, на подобіе голенастыхъ птицъ. Убить человѣка—считается большой славой, и убийца никогда не преминетъ воткнуть себѣ въ волосы страусовое перо или надѣть себѣ на руку браслетъ изъ слоновой кости. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, друзья воздвигаютъ около могилы сомали столько камней, сколько рука умершаго поразила жертвъ²⁾. Но если сомали не задумывается лишить жизни своего противника, то и самъ онъ не боится смерти: будучи ранены, онъ страдаетъ, не жалуясь, и стоически протягиваетъ руку своему товарищу, который ее прижигаетъ либо раскаленнымъ желѣзомъ, либо держа надъ племенемъ. Впрочемъ, благодаря климату, сомали обыкновенно выживаютъ отъ такихъ ранъ, которыхъ были бы смертельны для европейцевъ. Но если почетно умерщвлять, то вовсе не почетно грабить, конечно, если это не явная война: никто не воруетъ въ мирное время, «такъ какъ всѣ сомали—братья», и никто, поэтому, и не запираетъ своего дома. Но противъ иностранца все позволительно, и онъ не можетъ проникнуть въ страну, пока не найдетъ себѣ, за деньги,

абана, т. е. покровителя. Когда корабль разбивается около берега, то сомали присвоиваютъ себѣ право на выкидки, и хищники сбываются изъ-за сотни верстъ: на полуостровѣ Гвардафуй нѣть ни одной хижины, въ которой не нашлось бы вещей, принадлежавшихъ европейцамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Graves разсказываетъ, что одному шейху, жившему вблизи мыса Гвардафуй, было поручено иконочно молить Аллаха о ниспосланіи кораблекрушений христіанскимъ судамъ.

Приморскіе сомали, именно миджертины, считали бы униженіемъ для себя обрабатывать землю. Они пастухи, лодочники или купцы. Нѣкоторые изъ нихъ даже отважные моряки, и на своихъ лодкахъ, вмѣстимостью отъ 4' до 50 тоннъ, путешествуютъ до Бомбея или Занзибара¹⁾. Большое число—полукочевники и бродятъ, слѣдя за своими стадами, по травянистымъ областямъ внутри края. Промышленность, главнымъ образомъ состоящая изъ производства рогожъ, почти всецѣло находится въ рукахъ женщинъ, которая всѣ весьма работящи. Немногія изъ племенъ пользуются лошадью;ѣроятно, что это животное введено въ край всего лишь нѣсколько столѣтій: ей сохранено и ея арабское наименование *faras*²⁾. Въ Огаденѣ, каждая деревня, говоритъ Сотиро, обладаетъ нѣсколькими дюжинами стравусовъ, пасущихся отдельно подъ надзоромъ дѣтей и спящихъ по ночамъ въ хижинѣ; при переселеніяхъ, они шествуютъ въ караванахъ позади верблюдовъ. И, однако, имъ не даютъ плодиться въ неволѣ: подновляютъ стада одомашненныхъ стравусовъ, наливая дикихъ.

Рабство неизвѣстно у сѣверныхъ сомалей³⁾; людей убиваютъ, но не продаютъ и не покупаютъ. Но въ центральныхъ и южныхъ областяхъ поступаютъ иначе: тамъ часть населенія порабощена, и съ рабами обращаются съ необыкновенной жестокостью. Почти у всѣхъ этихъ несчастныхъ на ногахъ кольца, которые соединяются желѣзною цѣпью; кормятъ ихъ одними отбросами, и тѣмъ не менѣе они должны каждый день тащиться на поле и работать подъ томительнымъ зноемъ палящаго солнца; каждая ошибка искупается муками; не рѣдки, поэтому, случаи, когда рабы налагаютъ на себя руки, чтобы избавиться отъ своей горькой доли. Во многихъ областяхъ сомальскіе воины предаются охотѣ на человѣка, и монетная единица выражается въ плѣненыхъ: на рынкѣ такой товаръ цѣнится отъ 120 до 150 талари⁴⁾. Часты также случаи продажи сомалиями въ рабство членовъ своихъ семействъ. «Если ты не презираешь жену, ре-

¹⁾ R. Burton, „First footsteps in East Africa“.

²⁾ R. Burton, упом. соч.

³⁾ Toni, „Explorazione“, febbrajo.

²⁾ Cruttenden;—Burton, и т. д.

³⁾ Ph. Paulitsche, „Beiträge zur Ethnographie und Anthropologie der Somâl, Galla und Harâr“.

⁴⁾ G. Révoil, „Tour du Monde“, 2 semestre, 1885.

бенка и слугу, то они тебя будут презирать», гласить одна изъ сомальскихъ поговорокъ. По Burton'у, новобрачный, по приводѣ къ нему его жены, беретъ въ руки бичъ и начинаетъ порядкомъ ее хлестать, чтобы показать этимъ свои права господина; однако, женщины свободно ходятъ въ деревняхъ. Какъ и въ другихъ магометанскихъ краяхъ, мужъ отсылаетъ отъ себя жену, когда ему вздумается, а въ случаѣ его смерти, его жена поступаетъ въ наследство оставшемуся въ живыхъ брату. Большинство такихъ разведенныхъ или покинутыхъ женъ поступаютъ на службу въ караваны для песянія козырьковъ съ водою.

Не имѣя никакой національной связи, сомали раздѣляются и подраздѣляются на большое число клановъ, *ger* или *fakida*, которые соединяются и разъединяются, сообразно съ превратностями войнъ и союзовъ. Тѣмъ не менѣе, признаютъ существованіе трехъ главныхъ этническихъ семей или группъ племенъ: рахануины на югѣ, хауиа въ центрѣ и хашія на сѣверѣ. Рахануины—находящіеся постоянно въ войнѣ съ галласами и банту, и постепенно отѣснившіе ихъ даже къ югу отъ Таны—менѣе всего известны изъ сомалей: не знаютъ даже названій большей части клановъ этой воинственной націи. На берегахъ Уэби, где они занимаютъ южный берегъ, ихъ называютъ гобронъ; южне, въ узкомъ полуостровѣ между р. Уэби и морскимъ берегомъ бенадировъ, проживаютъ туни, самые мирные изъ сомалей, носящіе палку вместо копья¹⁾). По Paulitschke, агалы—живущіе къ сѣверу отъ рѣки, свирѣпые враги всѣхъ и кое-гдѣ еще сопротивляющіеся исламу—также должны быть причислены къ рахануинамъ. Эти *fakida* почти постоянно ведутъ войну съ факидами хауиевъ.

Хауи, господствующіе въ большомъ центральномъ государствѣ страны, въ Огаденѣ, по своему могуществу—«первый народъ между сомалиями». По свѣдѣніямъ Ревуала, они менѣе воинственны, чѣмъ остальные представители расы, но фанатичнѣе и опаснѣе для иностранца; они не принадлежать къ одной и той же магометанской сектѣ, и ихъ обычай приближаютъ ихъ къ вагабитамъ; по свѣдѣніямъ, собраннымъ Соттиро, они сильно смѣшились съ галласами²⁾); цветомъ кожи они менѣе черны, чѣмъ сомали на поморѣ. Во внутреннихъ областяхъ, большинство ихъ осѣдлые земледѣльцы, чтѣ зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ болѣе возвышенного положенія края, лучшаго орошенія и большаго плодородія въ сравненіи съ приморскою полосою; въ Огаденѣ, краѣ травянистомъ и скотоводственномъ, все они—номады. Во многихъ округахъ своей области, хауи находятся въ меньшинствѣ:

они составляютъ высшую касту; большинство же жителей—презираемые плебеи, принадлежащіе къ другимъ племенамъ или даже къ покореннымъ расамъ. Такъ, адои, въ Южномъ Огаденѣ, вполнѣ отличаются отъ сомалей; нравы и языкъ позволяютъ помѣстить ихъ въ число народовъ банту; нарѣчіе ихъ весьма близко къ ки-суахели на поморѣ³⁾). Две касты: іебиръ и томаль—гадальщики и кузнецы—считаются также иного происхожденія, чѣмъ хауи. Іебиры—нѣсколько чародѣи; они приготовляютъ амулеты, очаровываютъ змѣй, заговариваютъ болѣзни, могутъ и сглазить и устранить дѣйствіе дурнаго глаза, принимаютъ участіе въ церемоніяхъ и въ празднествахъ. Томали или хандады выковываютъ наконечники копий, и хотя, въ качествѣ такихъ ремесленниковъ, они безусловно необходимы для общины, тѣмъ не менѣе, будучи въ то же время напустителями порчи, они должны держаться въ деревень и могутъ вступать въ бракъ только въ своей средѣ. Мидганы, называемые также рами, т. е. «стрѣльцами изъ лука», еще болѣе презираются: это послѣдніе изъ послѣднихъ. Они обожаютъ деревья и змѣй, їѣдать всѣ виды запрещенного мяса, рыбу, домашнюю птицу, яйца, зайцевъ и газелей; будучи неустрешими охотниками, они нападаютъ на льва и слона, которыхъ и умерщвляютъ своими отравленными стрѣлами. Подобно іебирамъ, они также знахари и весьма искусные костоправы. По словамъ сомальской легенды, низшая касты произошли отъ абиссинскихъ женщинъ, оплодотворенныхъ злыми духами; происхожденіе же мидганъ еще менѣе благородно: ихъ предки были, будто-бы, рабами этихъ збіопскихъ женщинъ.

Сѣверные сомали или хашія, чаще называемые аджи, имѣютъ въ своихъ жилахъ болѣе всего арабской крови. Въ отношеніи къ нимъ, вышеупомянутое преданіе отчасти справедливо, и хашіи могутъ до известной степени вводить свою генеалогію до корейшитскаго семейства хашимовъ, одинъ изъ членовъ котораго, воинъ, по имени Арабъ, переселился, будто-бы, въ Африку къ концу двѣнадцатаго столѣтія, т. е. спустя шестисотъ лѣтъ послѣ эгіры: его резиденція, ставшая столицею могущественной державы, находилась, по ихъ сказаніямъ, въ Зейтѣ или въ ее окрестностяхъ²⁾). Эти хашійскія колюща подраздѣляются на двѣ группы, обозначаемыя по именамъ двухъ правнуковъ Араба: Тарудъ, т. е. «изгнанники», и Ишакъ. При этомъ, къ потомству Таруда принадлежитъ племя миджертинь, самая прославленная хашійская нація, состоящая изъ тридцати племенъ, подъ общимъ главствомъ *boghor'a*, т. е. султана; къ потомкамъ

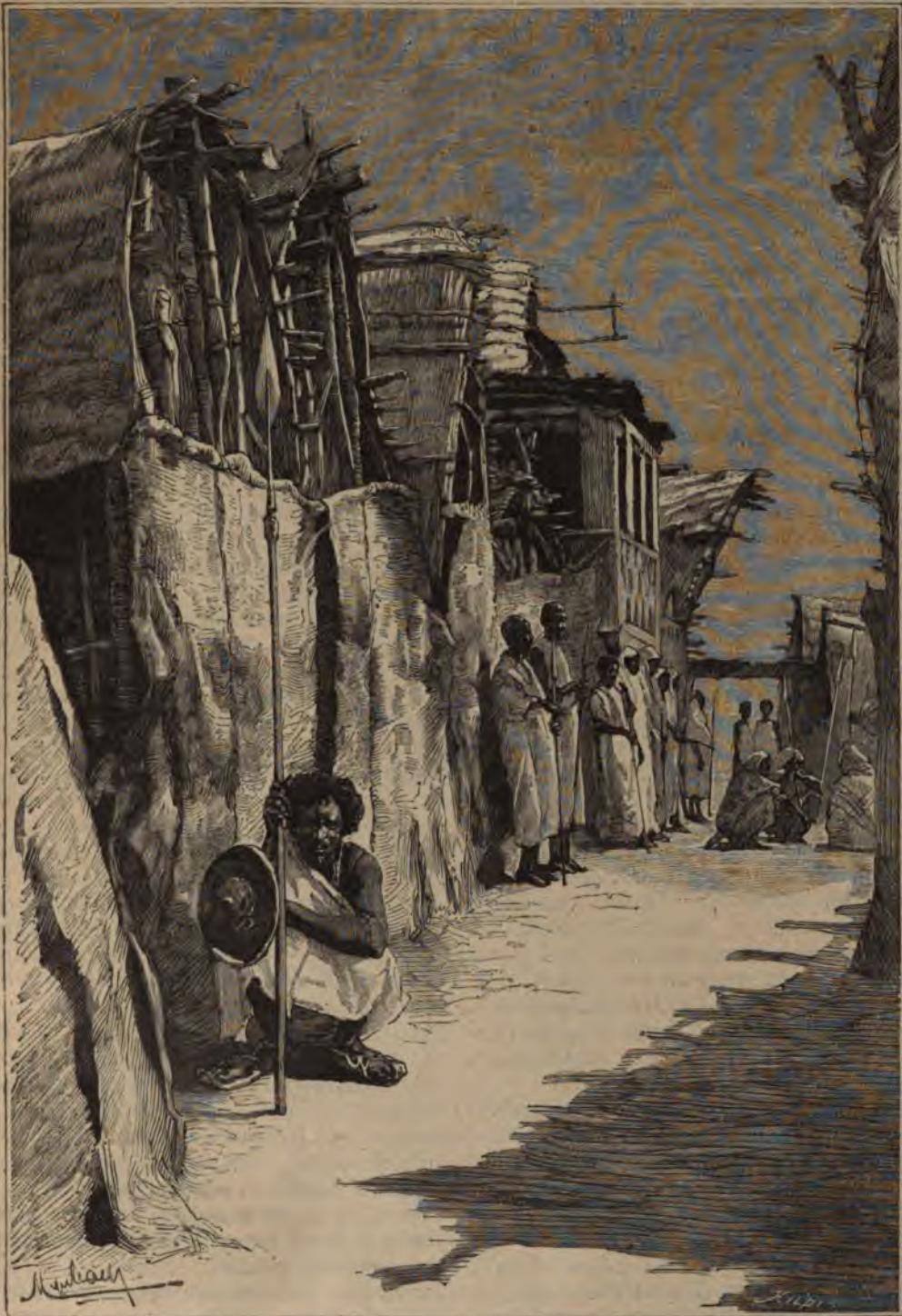
¹⁾ G. Révoil, „Voyages au cap des Aromates“.

²⁾ Arthur Rimbaud, „Comptes rendus des s閙ances de la Soci t  de G ographie“, № 3, 1 fevrier, 1884.

³⁾ James, „Proceedings of the R. Geographical Society“. October, 1885.

⁴⁾ Paulitschke, уп. соч.

е Ишака относятся: исса (или лучше ейсса) хабръ-харъ-хаджи, хабръ-ауаль. Слово *habr* гадибурсы; эти сомали лучше всего извѣ- означаетъ на сомальскомъ языкѣ «бабушка, ны европейцамъ, какъ прибрежные жители почтенная женщина», и, повидимому, напоми-

Улица въ Берберѣ

алива Таджурахъ и сосѣди портовъ Зейлы и берберы. Къ этой же группѣ присоединяются тѣ племена, наименование которыхъ пред- ставляетъ слово *halr*, таковы: хабръ-толь,

наѧть о томъ прежнемъ общественномъ строѣ, когда придавали большое значеніе происхождению по женской линіи, единственному признавшемуся у большинства африканскихъ

языкъ¹⁾). Борани или вуорана, встречающиеся къ югу вплоть до самого сосѣдства съ горою Кенія, представляютъ также весьма значительную галласскую націю, достигающую, по Брениперу, ста пятидесяти человѣкъ и находящуюся въ борьбѣ съ сомалами и мазаями; борани — неутомимые ъздоки верхомъ. Будучи религіозными, борани почитаютъ верховное существо, которому приносятъ — передъ черными камнями или же у подножія высокихъ деревьевъ, уединенно стоящихъ на равнинѣ, — черныхъ же животныхъ, козъ или быковъ. Они не татуируются, но грудь ихъ покрыта рубцами отъ тѣхъ порѣзованъ, которые они себѣ на-

носятъ во время воинскихъ танцевъ. Мертвыхъ они погребаютъ въ сидячемъ положеніи, придавая имъ видъ человѣка размышающаго, такъ какъ, говорятъ они, «человѣкъ не умираетъ, а только погружается въ грезы»¹⁾. Говорятъ, что борани раздѣляются на двѣ главныя группы: я и юль; но въ этихъ областяхъ, заключающихся между берегомъ Сомали и нѣкоторыми странами Южной Эфиопіи, большая часть племенъ еще неизвѣстны.

Слѣдующая таблица содержитъ наименование и приблизительную численность главныхъ націй въ странѣ сомалей и западныхъ галласовъ:

Націи.	Численность.																						
Сомали.																							
Раханунам	<table border="0"> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Калабда.</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Туни, Элаи, Барауа</td><td style="text-align: right;">20 т. (Брениперъ).</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Джику</td><td style="text-align: right;">25 ^т (онъ же).</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Уаданъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Адгалъ</td><td></td></tr> </table>	Калабда.		Туни, Элаи, Барауа	20 т. (Брениперъ).	Джику	25 ^т (онъ же).	Уаданъ		Адгалъ													
Калабда.																							
Туни, Элаи, Барауа	20 т. (Брениперъ).																						
Джику	25 ^т (онъ же).																						
Уаданъ																							
Адгалъ																							
Хауйя	<table border="0"> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Гургатэ.</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Хабаръ Гадеръ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Караплэ</td><td></td></tr> </table>	Гургатэ.		Хабаръ Гадеръ		Караплэ																	
Гургатэ.																							
Хабаръ Гадеръ																							
Караплэ																							
Сыны Таруда	<table border="0"> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Миджертины</td><td style="text-align: right;">104 т. (Graves).</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Уаръ-Сенжели</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Долбохантъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Огадеевъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Мареханъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Юзуфъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Тенадэ</td><td></td></tr> </table>	Миджертины	104 т. (Graves).	Уаръ-Сенжели		Долбохантъ		Огадеевъ		Мареханъ		Юзуфъ		Тенадэ									
Миджертины	104 т. (Graves).																						
Уаръ-Сенжели																							
Долбохантъ																							
Огадеевъ																							
Мареханъ																							
Юзуфъ																							
Тенадэ																							
Хашійя	<table border="0"> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Хабръ Гахръ-Хаджи</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Хабръ-Ауаль</td><td style="text-align: right;">50 т. (Graves).</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Хабръ-Толь</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Хабръ-Толь-Джаллехъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Хабръ-Юнисъ</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Исса (Ейса)</td><td style="text-align: right;">70 т. (Graves).</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Гадибурси</td><td style="text-align: right;">25 т. (онъ же).</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Гхири</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Бертири</td><td style="text-align: right;">12 т. (Burton)</td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Бабили</td><td></td></tr> <tr> <td style="vertical-align: top; padding-right: 10px;">Берсубъ</td><td style="text-align: right;">20 т. (онъ же).</td></tr> </table>	Хабръ Гахръ-Хаджи		Хабръ-Ауаль	50 т. (Graves).	Хабръ-Толь		Хабръ-Толь-Джаллехъ		Хабръ-Юнисъ		Исса (Ейса)	70 т. (Graves).	Гадибурси	25 т. (онъ же).	Гхири		Бертири	12 т. (Burton)	Бабили		Берсубъ	20 т. (онъ же).
Хабръ Гахръ-Хаджи																							
Хабръ-Ауаль	50 т. (Graves).																						
Хабръ-Толь																							
Хабръ-Толь-Джаллехъ																							
Хабръ-Юнисъ																							
Исса (Ейса)	70 т. (Graves).																						
Гадибурси	25 т. (онъ же).																						
Гхири																							
Бертири	12 т. (Burton)																						
Бабили																							
Берсубъ	20 т. (онъ же).																						
Галласы.																							
Джарсо, полэ, ала, эннія, арусси, аруссса, борани.																							

Южная оконечность Сомальского берега представляетъ ту область, въ которой совершили свои первыя попытки къ присоединенію германскіе негоціанты, вынѣ сдѣлавшіеся концессіонерами всего побережья до Джебель-Карома, а вмѣстѣ съ этимъ и «протекторатами» населяющихъ побережье жителей; это также одна изъ тѣхъ африканскихъ областей, которые обѣщаютъ широко открыться для торговли, такъ какъ долина р. Таны, впадающей въ предѣлахъ этой области въ море, представляетъ естественную дорогу къ бассейну Верхняго Нила. Въ 1885 году, братья Денхардтъ — за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уже

обѣхавшіе страну, — побудили султана Виту, Ахмеда, прозваннаго Симба, т. е. «Левъ», уступить имъ территорію, пространствомъ около 1.200 кв. километр., ограничиваемую на югѣ р. Ози, и постали подъ сюзеренитетъ Германіи весь данный край. Тщетно занзибарскій султанъ протестовалъ во имя давнихъ своихъ правъ и даже подготовлялъ военную экспедицію: подъ угрозою германскихъ пушекъ онъ былъ вынужденъ признать совершившійся фактъ. Населеніе земли Виту и сосѣднаго архипелага — одно изъ самыхъ смѣшанныхъ въ Восточной Африкѣ. Сюда переселились толпами галласы и южные банту, тѣ ау-дуэ, которые недавно считались людоѣдами; равнымъ

¹⁾ Ravenstein, „Proceedings of the R. Geographical Society“, мая, 1884.

¹⁾ Krapf, упом. соч.

образомъ, со всѣхъ концовъ поморья тысячиами сбѣгались сюда невольники, увѣренные въ томъ, что найдутъ здѣсь для себя пріютъ и земли. Наконецъ, чтобы доставить вновь прибывшимъ также и женщины, «Левъ» привлекъ въ свое королевство бантусовъ различныхъ племенъ уа-покомо и уа-бони. Португальскій элементъ также представленъ въ Виту нѣсколькими семействами смѣшанной крови¹⁾.

Многочисленныя развалины, видимыя на морскомъ берегу, вблизи устьевъ Таны, свидѣтельствуютъ о важномъ торговомъ значеніи, которое нѣкогда имѣла эта страна. Около двухъ маленькихъ городковъ Шагга и Кишини, покинутыя, осаждаемыя песками, древкия постройки походятъ на разрушенныя зданія Мелинды; онѣ относятся, по мнѣнію Денхардта, къ XV или XVI столѣтіямъ. Новый городъ Кипини, основанный въ 1868 году, развивается быстро, благодаря торговлѣ: спустя десять лѣтъ послѣ своего основанія, онѣ имѣть уже двѣ тысячи жителей, и занзибарскій султанъ прислалъ туда вали и учредилъ тамъ таможню. Кверху по рѣкѣ, другой маленькой городокъ, Кау, расположенный тоже на лѣвомъ берегу рѣки Ози, населенъ суахелійскими купцами, которыхъ очень боятся за лукавство, и которые желѣзною рукою управляютъ несчастными земледѣльцами изъ племени покомо, обрабатывающими область дельты. Городъ Виту, резиденція отдавшагося подъ покровительство Германіи «Льва», находится не на берегу моря: хижины его группируются на берегахъ небольшой рѣки, впадающей въ Ози передъ Кау. Портомъ на Индійскомъ морѣ для Виту служить Ламу, представляющій открытый узкій каналъ-проливъ между двумя островами, Лама и Манда; надъ этимъ портомъ командуетъ большой фортъ, на которомъ нѣкогда развивалось знамя занзибарскаго султана. Ламу—по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, населенный пятнадцатью тысячами жителей,—представляетъ пристань для паровыхъ пакетботовъ, ходящихъ вдоль восточного берега Африки; дюны грозятъ поглотить часть города. Рейды другихъ превосходныхъ портовъ, каковы Манда и Патта, развѣтвляются подъ защитою острововъ приморскаго архипелага: развалины, окаймляющія эти внутреннія гавани, напоминаютъ о давнихъ временахъ прибытія португальцевъ: происходя отъ арабскихъ крѣпостей и персидскихъ и индусскихъ построекъ, эти развалины внушаютъ страхъ сомалийцамъ, галласамъ и суахели, считающимъ ихъ мѣстопребываніемъ злыkhъ духовъ. Особенно Патта нѣкогда была очень многолюдна. Нигдѣ лучше нельзя на-

блюдать, какъ къ сѣверу отъ этого острова и залива, Мто-Бубаши, явленіе двойственности морскаго побережья, т. е. существованія на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега материка еще ряда коралловыхъ рифовъ. Въ этихъ водахъ каждый проливъ даетъ доступъ къ прекрасному природному порту.

Кизмай или Кизимай представляеть, въ области сомалей, послѣдою въ направлениі къ мысу Гвардафуй, якорную стоянку, которая заслуживала бы название порта; но такъ какъ въ этихъ морскихъ пространствахъ движение торговыхъ судовъ еще незначительно, то пока Кизмай служить только портомъ-убѣжищемъ, гдѣ укрываются суда въ непогоду. Однако, Кизмай — естественный исходный пунктъ обширнаго бассейна рѣки Джубы, изливающейся въ море въ двадцати километрахъ къ сѣверо-востоку. До 1869 г. этого города не существовало; только въ этомъ году сомальскіе переселенцы — прибывшіе съ верховьевъ рѣки, особенно изъ окрестностей Бардеры, иначе Баль-Тира, главнаго рынка внутри страны—поселились въ этой благопріятной приморской мѣстности и основали тамъ заведеніе для непосредственной торговли съ Занзибаромъ; впослѣдствіи миджертины, самые дѣятельные изъ приморскихъ торговцевъ, увеличили собою населеніе въ Кизмай, которое въ 1873 г. достигло 8.600 жителей¹⁾; арабскіе торговцы и небольшой гарнизонъ изъ белутши являлись въ этомъ городѣ представителями сузеренства занзибарскаго султана. Въ 1870 году, одинъ торговый домъ Марсели поднялъ-было въ Кизмай французское знамя, но, послѣ Седанской битвы, султанъ послѣдний возстановить свою власть. Бардера населена мусульманами, хотя не вахабитами, но по крайней мѣрѣ столь же ревностными, какъ и эти сектанты: они не курятъ и нелюхаютъ табаку и насильно обращаютъ окрестныхъ сомалей въ исламъ. Послѣдствіемъ этого являются восстанія, убийства и переселенія племенъ²⁾. Въ 1843 г., Бардера была совершенно разрушена: мужчины были перебиты, а женщины и дѣти были проданы въ рабство. Однако, нѣкоторымъ бѣглецамъ удалось прорвать цѣль осаждавшихъ, и они основали, въ землѣ Ганаане, на лѣвомъ берегу Уэби, городъ, ставшій мѣстомъ значительной торговли. Такимъ образомъ Бардера возродилась изъ пепла. Тамъ, въ 1865 году, были убиты два путешественника: фонть-деръ-Декентъ и Линкъ. Судно, на которомъ плыли эти изслѣдователи, сомали вытащили изъ пороговъ и обратили въ паромъ, на которомъ и переправлялись съ одного берега на другой.

¹⁾ Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, тетр. I.

²⁾ Krapf, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, тетр. II.—R. Brenner, тотъ же сборникъ, тетр. VII.

¹⁾ R. Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, Heft X.

Къ востоку отъ бѣгущаго параллельно океану потока Низовой Уэби, берегъ материка описываетъ вогнутую кривую, которой арабы дали название эль-Бенадеръ, т. е. «порты», хотя расположенные на берегу деревни представляютъ лишь вѣшніе, часто опасные рейды. По имени же берега, т. е. бенадерами или бенадерами, часто называются также и прибрежные жители племенъ: бималь, туви, абагаль и уаданъ. Первый изъ этихъ рейдовъ, Брава или Барэуа, гдѣ небольшая ладь и находить нѣкоторое укрытие позади цѣпи скалъ, имѣть то преимущество, что обладаетъ, по крайней мѣрѣ, въ изобилии водою; тамъ поднимающіяся къ мысу Гвардафуй корабли находить для себя эгваду, т. е. мѣсто запасенія прѣсной водою. Брава можно считать пристанью Низовой Уэби, такъ какъ эта рѣка, раньше, чѣмъ потеряться въ болотахъ и въ пескахъ, протекаетъ по сосѣству съ городомъ, всего лишь въ 12-ти километрахъ, по ту сторону горной цѣпи, возвышающейся на 120 — 130 метровъ въ видѣ бастіоновъ и башенъ, словно городская стѣна. Въ Бравѣ, посреди сомалей поселились также нѣсколько арабскихъ и суахелійскихъ семействъ. Хотя магометане, жители Бравы, представляющіе помѣсь сомалей съ галласами, — не особенно фанатичны; ихъ женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ, а волосы зачесываютъ со лба на затылокъ и затѣмъ распускаютъ по спинѣ.

Мерка, на скалистомъ мысѣ, есть бандаръ или «портъ», всего лучше оправдывающій наименование этой части берега. Въ его хорошо защищенну отъ сѣверо-восточныхъ пассатовъ бухту приходить арабскія ладыи за кожами, слоновой костью и копаломъ; полуразрушенная, нѣсколько наклоненная башня напоминаетъ о португальской оккупации въ XVI столѣтіи¹). Къ сѣверу отъ Мерки слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ въ развалинахъ, затѣмъ на берегу стоитъ большой четыреугольный фортъ, господствующій надъ домами съ террасами города Магдошу²). Это тотъ прославленный городъ, которому Ибнъ-Батута приписывалъ огромные размѣры, и имя котораго, возвеличенное молью, въ концѣ концовъ, было присвоено и острову Мадагаскар. Марко Поло, рассказывая о чудесахъ міра, описалъ въ видѣ острова и берегъ «Zanqnebag»; то же самое онъ сдѣлалъ и съ Магдошу или Madeigascag'омъ³), который, дѣйствительно, въ видѣ острова изображенъ на атласѣ Мартина Бехайма: по словамъ Грандидье, это именно и есть та земля, относительно которой португальцы полагали, будто бы она была открыта ими послѣ того, какъ они обо-

гнули Мысъ Доброй Надежды и прибыли въ великую страну, обитаемую мальгашами. Въ наши дни Магдошу уже въ упадкѣ: развалины, засыпаемыя пескомъ и кое-гдѣ подтачиваемыя волнами, покрываютъ обширныя пространства; нѣсколько мечетей, окруженныхъ лачугами, напоминаютъ о славномъ зодчествѣ древняго города; на одномъ изъ этихъ зданій означенъ 636 годъ геждры, соотвѣтствующій 1238 году послѣ Р. Х.

Магдошу дѣлится на два квартала: Хамаргунь и Шингани. Хамаргунь, почти покинутый, постепенно превращается въ развалины, такъ что большинство жителей, въ числѣ около пяти тысячъ, сгруппировано въ Шингани; въ промежуткѣ между обоими кварталами возвышается правительственный дворецъ. Въ городѣ живутъ нѣсколько арабскихъ семействъ, между которыми есть шеурба, т. е. «потомки пророка», затѣмъ немного индуистъ, и одна или двѣ тысячи сомалей; двѣ же трети населения составляютъ абеши, происходящіе отъ освобожденныхъ рабовъ, и на которыхъ лежитъ почти вся работа. Главная промышленность Магдошу — производство хлопчатобумажныхъ тканей: до переполненія африканскихъ рынковъ мануфактурными продуктами Европы и Америки магодушскія ткани вывозились далеко вглубь материка, также въ Аравію и даже на берега Персіи; нынѣ число покупщиковъ ихъ значительно уменьшилось. Другіе промышленные продукты страны, обувь и цыновки, также находятъ лишь незначительный сбытъ. Будущее Магдошу зависитъ отъ торговаго обмѣна, который разъется между заграницею и бассейномъ Уэби вплоть до края галласовъ, въ Харрарѣ и въ Эфиопіи. Всего только около сорока километровъ отдѣляютъ Магдошу отъ его рѣчнаго порта, Гелиди, города съ коническими рѣшетчатыми хижинами, въ которомъ умеръ отравленнымъ, въ 1869 году, изслѣдователь Кинцельбахъ. Арабскіе авторы среднихъ вѣковъ говорятъ о рѣкѣ, текущей къ западу отъ Магдошу, какъ о второмъ Нильѣ, подобномъ египетскому; нынѣ же въ Гелиди, ширина Уэби не превышаетъ тридцати метровъ, и сомали переплываютъ рѣку на небольшихъ паромахъ, двигающихся при помощи веревокъ изъ лавъ⁴).

Деревня Уаршекъ (Уарришаръ), гавань которой непригодна для судовъ во время сильного вѣтра, представляетъ послѣдній, въ сѣверномъ направлѣніи, прибрежный пунктъ, относительно котораго занзибарскій султанъ могъ бы требовать возстановленія своихъ правъ. Далѣе простирается область недавно независимыхъ сомальскихъ племенъ, а нынѣ присвои-

¹⁾ George Rivoil, „Voyages au cap des Aromates“.

²⁾ Магдошу, Мадиша, Магадиша. На португальскихъ картахъ онъ называнъ Магадоско.

³⁾ Jule, „The Book of sir Marko Polo“.

⁴⁾ G. Rivoil, „Proceedings of the Geographical Society, 1883.“

ваемыхъ Германію въ силу трактата, заключенного съ султаномъ Опіи, мнимымъ «начальникомъ всѣхъ сомалей». Это становище Опія—которое вдругъ преобразилось въ столицу, во къ которому никогда не направится эмиграционный потокъ, такъ какъ въ окрестностяхъ иѣть воды, а въ сосѣднемъ морѣ иѣть пристанища,—расположено на высокомъ мысѣ, между территоріями гаїевъ и меджертиновъ. Изъ этихъ племенъ, меджертини—самые могущественные изъ націи хашія,—населяютъ всю сѣверную часть морскаго берега вплоть до Аденскаго залива; въ наиболѣшемъ числѣ они собираются на Расть эль-Хайлъ, т. е. «лонгшиномъ мысѣ» близъ вырѣзки побережья, въ которую, въ сезонъ дождей, изливаются воды уади Ногал: по Graves'у, на рынкѣ Расть эль-Хайлъ иногда собирается до двѣнадцати тысячъ сомалей; на половину арабскимъ, на половину португальскимъ наименованіемъ Бендеръ-Агоа—обозначается то мѣсто, къ которому пристаютъ гребныя суда. Въ 1881 г., во время путешествія Ревуали, султанъ меджертинской націи пребывалъ въ Бергелѣ (Berghel), поселкѣ изъ сорока хижинъ, надъ которыми господствуютъ на сѣверѣ песчаные склоны и высокіе контрафорсы Джебель-Каромы, оканчивающіеся мысомъ Гвардафуй. Въ окрестностяхъ этой убогой столицы видныются древнія могилы и остатки становища.

Окаймляющая Аденскій заливъ часть Сомальскаго берега изрѣзана большимъ числомъ второстепенныхъ заливовъ, которымъ даютъ наименование: Бари или Махаръ, если это восточные порты, и Дальбедь или Да-биръ, когда дѣло идетъ о гаваняхъ западныхъ. Нѣсколько пристаней слѣдуютъ одна за другой на этомъ берегу, находящемся насупротивъ Аравіи; торговыя сношенія на этой части поморья гораздо легче, чѣмъ на той, которая обращена къ открытому морю, а близость травянистыхъ горъ, съ ихъ стадами и древесными рощами, доставляютъ прибрежнымъ жителямъ болѣе продуктовъ. На самомъ сѣверномъ пункѣ поморья, между двумя песчаными стрѣлками, находится бендеръ Аллула (Халулехъ, Лулехъ), надъ которымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ развѣвалось египетское знамя. Затѣмъ, по направленію къ юго-западу, возвышается мысъ Расть-Филукъ, т. е. «мысъ Слона», испещренные утесы котораго, видимые съ запада, въ самомъ дѣлѣ походять на голову этого громаднаго толстокожаго¹⁾). Протокъ, схожій съ протокомъ Аллула, пересѣкаетъ на югѣ песчаный пляжъ мыса и образуетъ небольшой портъ, бендеръ Филукъ (Фелекъ), за которымъ слѣдуетъ бендеръ Мерайя, принадлежащій еще меджертинамъ и часто избираемый имъ султанами для резиден-

ція. Чрезъ эту пристань вывозится большое количество мирры и ладана, собираемыхъ женщинами. Въ первые дни марта дѣлаютъ надрѣзки на всѣхъ деревьяхъ, а спустя три мѣсяца смолы оказываются уже годными для снятія.

Бендеръ Хоръ или Боттіала отличается отъ остальныхъ своимъ положеніемъ на лиманѣ: морской приливъ распространяется здѣсь километровъ на десять внутрь земель, въ ущелье между горами, чрезъ которое про текаетъ рѣчка Такуина; слѣдя по ней, арабскія суда подплываютъ къ домамъ Боттіали, приотившимъся у подножія глинобитныхъ башенъ, имѣющихъ форму усѣченныхъ пирамидъ. Новый городъ, Гандала, надъ которымъ также господствуютъ оборонительныя башни, живописной наружности, виднѣется, къ сѣверо-востоку отъ Боттіали, на пляжѣ, недавно выступившемъ изъ-подъ воды; въ сосѣднихъ съ нимъ откосахъ горъ, находятся залежи каменной соли. Гандала заимствовала свое имя отъ дерева ганда, произрастающаго въ окрестныхъ лагунахъ; сомали остерегаются къ нему прикасаться: «стоить сломать вѣтку, чтобы потерять кого-нибудь изъ своихъ родныхъ»¹⁾.

Далѣе показывается, защищенный четырьмя фортами, Боссасса или бендеръ Гхаземъ, главный рынокъ всего меджертинского побережья: племена уаръ-сангели и доляхонты длинными караванами приходятъ сюда изнутри страны, для обмена своихъ продуктовъ на европейскіе товары. Съ этимъ бендеромъ Гхаземъ соперничаетъ расположеннное въ сотни километровъ къ западу, по ту сторону мыса Расть Хадада, мѣстечко Ласъ-Горэ, служащее портомъ для націи уаръ-сангели, обитающей къ югу отъ горъ Альмедо; султанъ пребываетъ въ приморскомъ городѣ, защищенномъ двумя глинобитными башнями.

Еще западнѣе находится портъ племени Хабръ-харь-хаджи, Майетъ (Мехеть), въ которомъ, какъ гласитъ преданіе, умеръ шейхъ Ишакъ, предокъ всѣхъ племенъ хабръ или «бабушки», которыхъ принадлежать къ большому роду хашія. Нѣкогда престарѣлые сомали собирались отовсюду изъ окрестностей къ священной могилѣ Ишака для того, чтобы быть погребенными рядомъ съ костями этого святаго. Городъ группировалъ всѣ свои хижины около этой могилы; нынѣ онъ перемѣстился къ западу, къ устью одного потока. Островоркъ, виднѣющійся къ сѣверо-востоку отъ Майета и по причинѣ чернаго цвѣта его лавъ прозванный англійскими моряками *Burnt-island*, т. е. «горѣлый островъ», покрытъ гуано: это Джебель-Тіуръ, т. е. «гора птицъ». Арабы

¹⁾ „Esploratore“, anno terzo, 1879.

¹⁾ G. Révoil, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, mars 1884.

изъ порта Макаллы, въ Хадрамаутѣ, являютъся на островокъ ежегодно и нагружаютъ лодокъ сорокъ этимъ тукомъ для удобренія своихъ табачныхъ плантаций.

Къ западу отъ Майета, слѣдуютъ одна за другую пристани: Хейсъ, Анкоръ, Керемъ, принадлежащія націи хабръ-толъ; затѣмъ показывается расположенный въ глубокой вырѣзкѣ побережья, портъ Бербера, единственная на всемъ этомъ берегу хорошо защищенная гавань, а, слѣдовательно, и торговое мѣсто, существовавшее въ самой отдаленной древности: въ названіи города сохранилось давнѣе южному берегу залива греческое наименование *Barbaria*. И однако, несмотря на свои выгоды въ мореходномъ отношеніи, эта привилегированная мѣстность обратилась было въ пустыню: въ 1870 году война между сомалиями, гадибурсами и долбохантами заставила всѣхъ жителей Бербера побинуть городъ¹⁾. Подъ владычествомъ Великобританіи, завладѣвшей краемъ въ качествѣ наследницы Египта, Бербера стала значительнымъ торговымъ городомъ: такъ, она имѣть маякъ, пристани, склады и водопроводъ, изобильная вода въ которомъ, горячая въ своемъ родникѣ, проводится изъ-за 12 километровъ. Къ сѣверо-западу отъ Бербера, на низменныхъ земляхъ полуострова Тамаръ видны развалины города Бендеръ-Аббаса, предшествовавшаго Берберу. Бербера—будучи расположена на 265 километровъ къ югу отъ Адена и находясь почти на одной и той же съ нимъ долготѣ—раздѣляетъ съ другимъ, принадлежащимъ Англіи портомъ, съ Зейлою, мѣновую торговлю въ западной части залива. Въ 76 километрахъ къ западу, на морскомъ пляжѣ Булхарѣ, находится ярмарочное поле, на которомъ берберскіе купцы встречаются съ караванами, идущими изъ Харрара и изъ всѣхъ сомальскихъ и галласкихъ краевъ, съ юга и съ запада. На этомъ рынке, съ января по октябрь, иногда толпятся тысячи пятнадцать людей; затѣмъ, когда мѣна продуктами окончится, палатки складываются, вереницы верблудовъ расходятся по всѣмъ направлениямъ, на ладяхъ поднимаются паруса, и песчаный берегъ становится пустыннымъ. Торговые обороты Бербера и Булхара въ 1885 году достигали $6\frac{1}{2}$ миллионовъ франковъ. Сомали предпочитаютъ Булхарскій рынокъ главному городу, вслѣдствіе того, что находять въ его окрестностяхъ пастбища для своихъ стадъ, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Бербера лишь кое-гдѣ виднѣется

стелющійся кустарникъ; затѣ порта въ Булхарѣ не существуетъ, и на рокочущемъ и пынящемся берегу виднѣются остаты отъ многихъ судовъ, потерпѣвшихъ крушение. Изслѣдователи, отваживающіеся вступить на плоскогорія, встрѣчаютъ тамъ могилы и большія развалины.

Дорога, направляющаяся на юго-западъ, къ городу Харрару, начинается въ Булхарѣ, но инженеры проектировали установить въ Самауанакѣ или въ Дунгаротѣ начальный пунктъ того желѣзного пути, который, рано или поздно, направится, чрезъ территорію племени гадибурса, къ большому городу Верховой Уэби, къ восточному аванпосту королевства Шоа: поэтому-то Франція и Англія недавно и оспаривали другъ у друга обладаніе этимъ будущимъ портомъ на материкѣ. Обладаніе имъ въ концѣ концовъ осталось за англичанами, но взамѣнъ этого признано полное господство Франціи надъ другими воротами Африки—надъ заливомъ Таджура (Таджура).

Такъ завершается, на окружности материка, цѣль завоеваній, посредствомъ которыхъ европейскія державы постепенно присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ громадныя страны, населенные чернокожими. Съ каждымъ годомъ кругъ этихъ приобрѣтеній все болѣе и болѣе съуживается, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются свѣдѣнія какъ о земляхъ, такъ и о народахъ материка. Осталось лишь небольшое число африканскихъ областей, въ которыхъ не осмысливаются вступать бѣлые, предшествуемые дурной славой благодаря той молвѣ, которую создалъ имъ торгъ неграми. Въ качествѣ мирныхъ путешественниковъ, они проникаютъ нынѣ вплоть до центра Африки, и научные разведчики достигли истоковъ Нила, Занзы и Замбези. Европеецъ уже отрѣшился отъ жестокаго предразсудка, будто рабство составляетъ нормальное состояніе для негра; онъ удостоиваетъ видѣть въ немъ человѣка, а взамѣнъ этого негръ приближается къ намъ и становится нашимъ другомъ. Хотя порою и любятъ повторять, будто африканцы обречены на вѣчное дѣтство, тѣмъ не менѣе факты свидѣтельствуютъ о преуспѣяніи, совершившемся на протяженіи полутора столѣтія и, можетъ-быть, сравнительно, превзошедшемъ успѣхи, которыхъ европейцы достигли въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ; иной недавно предававшійся людоѣству народъ, какъ, напр., ба-сuto, превосходитъ нынѣ и по материальной цивилизациѣ, и по образованію многихъ изъ отсталыхъ европейскаго міра. Бѣлые и черные, нѣкогда различныя и враждебныя другъ другу расы, начинаютъ понимать, что они принадлежать къ одному и тому же человѣческому роду.

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1873.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ двѣнадцатый.

Западная Африка: Атлантические Архипелаги.—Сенегамбія и Западный Суданъ.

А.

Абананконъ, государство, 469.
Абеокута, республика, 445, 480, 488.
Абетифи, городъ, 438, 444.
Абешръ, городъ, 643.
Або-дрангъ-по, колонія, 467.
Абомей (Агбоме), городъ, 473, 488.
Абуджа, территорія, 576.
Абура (Абуде), деревня, 432.
Абури, городъ, 442.
Абу-шарібъ, племя, 639.
Аватиме, городъ, 439, 444.
Авеквомы, народъ, 399.
Авонъ, озеро, 447.
Авуна, провінція, 442.
Аганта, провінція, 442.
Агаэте, мѣстечко, 123.
Аграви, городъ, 439, 442.
Агни, племя, 400.
Арома, рѣка, 469.
Аготимэ, племя, 425.
Агула, водопадъ, 131.
Агуна, городъ, 414.
Агуэ, область, 445, 468, 487.
Адамауа, страна, 506, 588, 589, 599, 637, 660.
Адангбе, городъ, 464, 487.
Адангмэ, провінція, 442.
Аданси, горы, 408, 413, 427.
Адаръ (Тадгаръ), провінція, 559.
Адафудія, городъ, 571.
Аdda, портъ, 439, 442.
Аделе, провінція, 426, 444.
Адо, городъ, 606.
Адо, королевство, 478.
Аджаманти, горы, 413.
Аду, страна, 399.
Аэрэ, пристань, 264.
Ажуда, область, 443, 450, 488.
Азорская Атлантика, 5—21.
Азорскіе острова, 21—61.
Азорское море, 17.
Азорды, народъ, 37, 41.
Азумъ, юди, 617.

Аиръ, оазисъ, 546, 554.
Акасса, деревня, 607.
Акба (Комоз), рѣка, 397.
Акванемъ, горы, 418, 413, 445.
Акванемъ, область, 415, 433, 442.
Аке, городъ, 484.
Акемфо, пристань, 432.
Акимъ, племя, 414, 424.
Акимъ, страна, 431, 442.
Акокинъ, деревня, 605.
Акора, городъ, 603.
Акпосо, провінція, 444.
Акра, городъ, 432, 442.
Акра, горы, 415.
Акра, племя, 425.
Акра, страна, 433, 442.
Акропонгъ, городъ, 433, 442.
Аксимъ (Эсемъ), городъ, 366, 427, 442.
Акуаму, городъ, 439, 442.
Акуба, городъ, 444.
Акумъ, городъ, 603, 612.
Ала, городъ, 673.
Алабаши, городъ, 602.
Алагоа, городъ, 48, 61.
Алантика, гора, 507.
Алегранса, островъ, 110.
Алкалауа, городъ, 472.
Альбани, городъ, 426, 442.
Альби, заливъ, 398.
Альдеа-Санъ-Николао (Альдеа), мѣстечко, 123.
Алькатрасъ, скала, 315.
Альмади, скала, 261.
Альто-де-Гарафонай, пикъ, 130.
Альто-де-Мальпасъ, гора, 88.
Аманахія, провінція, 442.
Анага, горы, 128.
Анага, мысъ, 125.
Анамабоз, пристань, 432, 442.
Ангвое, городъ, 439.
Ангвое, провінція, 442, 444.
Анагодо, горы, 603.
Ангра, округъ, 61.
Ангра, портъ, 52.
Андони, племя, 596.
Аниако, племя, 440.
Анкобра, область, 409.
Анно-Бомъ, островъ, 507.
Ансонго, гора, 502.
Ануимъ, городъ, 439.
Ануимъ, провінція, 444.
Аньши, пристань, 601.
Ановинъ, страна, 427.
Аодуа, деревня, 428.
Аполлонія, городъ, 442.
Арабы, народъ, 662.
Аргага, ущелье, 131.
Аргинекинъ, городъ, 123.
Аргунская мель, 256.
Аргунинъ, островъ, 172, 255.
Ардра, городъ, 470.
Арибінда (Гурма), берегъ рѣки Нигеръ.
Арибінда, горы, 535.
Аро, городъ, 606.
Аррезифе, городъ, 113, 139.
Артенара, деревня, 123.
Арухазъ, деревня, 123, 139.
Архипелагъ Зеленаго Мыса, 149 — 168.
Ассаба, городъ, 605.
Ассафуда, городъ, 571.
Ассела, племя, 677.
Ассерхарбу, гора, 500.
Ассини, деревня, 403.
Ассини, область, 398.
Ассини, озеро, 397, 402.
Ассини, область, 442.
Ассинъ, племя, 414.
Ассинъ-Данкира, провінція, 442.
Ассуавикъ, племя, 531.
Атагара, городъ, 567.
Атакпаме, городъ, 464.
Атактоне, мѣстечко, 483.
Атеобу, городъ, 439, 442.
Атиджере, область, 480.
Атжуая, городъ, 603.
Атлантида, 1—5.
Атлантика, 5—19.
Атласъ, горы, 1.
Ауладъ-гамеды, племя, 653.
Ауладъ-муса, племя, 677.
Ауладъ-слиманы, племя, 646, 647, 653.
Аусса, берегъ Нигера, 500.

Аүэллимиденъ, племя, 536.
 Афаде, городъ, 572.
 Афо, племя, 603.
 Афрамъ, река, 437.
 Ахагтаръ, горы, 503.
 Ахагтары, племя, 537.
 Ачати, провинція, 443.
 Ашанті, королевство, 422, 429, 442.
 Ашантіи, народъ, 415, 422, 434, 456.
 Ашамть, племя, 307.

Б.

Бабиръ, племя, 661.
 Бабиръ, страна, 617, 671.
 Ба-Буссо, река, 624.
 Багасы, племя, 337—339.
 Багеде, гора, 599.
 Багида, деревня, 467.
 Багнита, порогъ, 524.
 Багирмайцы, народъ, 675, 676, 679.
 Багирми, страна, 675—682.
 Бадагри, городъ, 443, 445, 477, 488.
 Бадамиджо, городъ, 599.
 Бади, деревня, 300.
 Бадумбѣ, постъ, 271, 285.
 Балоты, племя, 229, 307.
 Бакель, уѣздъ, 285.
 Бакель, форть, 200, 230, 250, 265, 280, 299.
 Бакъ и Дучи, горы, 584.
 Балааты, племя, 149, 319.
 Бальмаду, провинція, 303.
 Бамаку, область, 246, 493.
 Бумаку, форть, 285, 524, 532.
 Бамбай, мѣстечко, 344.
 Бамбара (Бамбарасы), племя, 232, 270, 517—520, 527, 531.
 Бамбукъ, страна, 286, 287, 300.
 Банамба, городъ, 527.
 Бангаси, городъ, 272.
 Бандасума, городъ, 366.
 Бандіагара, городъ, 533.
 Банжіары, племя, 307.
 Бансуколо, река, 349.
 Баньюны, племя, 307, 319.
 Баоль, область, 213, 286.
 Баоль, племя, 210.
 Бапоро, городъ, 386.
 Бапоро, область, 390.
 Бараикеръ, городъ, 488.
 Барлинъ, племя, 378.
 Барра-Кунда, скала и водопадъ, 277, 289, 300.
 Баруа, городъ, 670.
 Басса, племя, 379.
 Бассама, народъ, 589.
 Бассикуну, городъ, 534.
 Баторъ, городъ, 439, 442.
 Батта, племя, 589.
 Батурстъ, городъ, 296—300.
 Бауре, городъ, 395.
 Бауле, ручей, 185—271.
 Баучи, городъ, 599.
 Баучи, провинція, 583, 586.
 Бафингъ, область, 272, 287.
 Бафингъ, река, 176, 185, 189, 288, 332, 357.
 Бафулаобе, воен. постъ, 219, 271, 272, 285.
 Бахорма, городъ, 366.
 Бахой, река, 528.
 Бахръ-эль-Газаль, река, 496.
 Бахръ-Эсъ-Саламата, река, 624.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Бахуну, область, 517, 537.
 Бачикамъ, река, 624.
 Базле, племя, 662.
 Беари, городъ, 577.
 Бегенъ, городъ, 427.
 Беторо, городъ, 442.
 Бедде, племя, 661.
 Беква, городъ, 431.
 Беква, провинція, 443.
 Беле, племя, 587.
 Беле-дугу, провинція, 185, 268, 513, 517, 519, 525.
 Беледъ-эль-Мра, государство, 679.
 Белемъ, городъ, 599.
 Белери, племя, 524.
 Бени-гауара, племя, 103, 134.
 Бенинъ, городъ, 480.
 Бенинъ, река, 508.
 Бенуэ, река, 493, 506, 508, 548, 578, 581, 584—586, 587—589, 597, 601, 602.
 Бенъ-баширъ, племя, 102.
 Верберы, народъ, 104, 168, 204, 391, 398.
 Бермудские острова, 21.
 Веруаны, народъ, 655.
 Бесса, городъ, 385.
 Бетанкурія, городъ, 117.
 Біа, река, 398.
 Біассе, деревня, 464.
 Біу, городъ, 671.
 Біафары, племя, 323, 324.
 Бігъ-Нінго, деревня, 433.
 Біда, городъ, 551, 574, 577.
 Бізасма - Каифаль, городъ, 388, 390.
 Бильбастъ, островъ, 191.
 Бильма, соловчакъ, 646.
 Биргимъ, река, 430.
 Бирго, село, 282, 271.
 Биркамъ, городъ, 304.
 Бирменау, городъ, 670.
 Бирни-н' Гуари, городъ, 576.
 Бирни-н' Кебби, городъ, 504, 568, 577.
 Бирни-эль-Джебидъ (Кафила), городъ, 667.
 Бирри, горный проходъ, 601.
 Биссагостъ, архипелагъ, 178, 180, 315—318, 323, 329.
 Биссанду, городъ, 521.
 Биссао, городъ, 327, 328.
 Бобовуса, островъ, 427.
 Боджехъ, городъ, 387.
 Бокайна, проливъ, 115.
 Боке, деревня, 344.
 Боккаса, область, 338, 390.
 Болама, портъ, 328.
 Боленъ, мѣстечко, 390.
 Болосы, племя, 586.
 Большая Басса, бухта, 369.
 Большая Скарсія, река, 350, 358, 361.
 Большой Басса (Бокаванъ), область, 389, 380.
 Большой Басса, портъ, 389.
 Большой Бассамъ, деревня, 403.
 Большой Бассамъ, область, 395.
 Большой Буту, поселеніе, 389.
 Большой Нитонъ, гора, 80.
 Большой Попо, городъ, 469.
 Бомпата, городъ, 431, 442.
 Бона-Виста, островъ, 141, 147, 156, 160.
 Бонду, государство, 223, 267, 270, 286, 288, 300.
 Бонни, лиманъ, 509, 578, 588, 595, 607, 612.
 Бонтуку, городъ, 443.
 Борада, провинція, 443.
 Борту, островъ, 446.
 Боре, мѣстечко, 533.
 Борку, городъ, 646.
 Борну, страна, 654—675.
 Боро, село, 573.
 Борсари, городъ, 670.
 Боссе (Ламга), область, 286.
 Боссо, река, 503.
 Бофера, факторія, 346.
 Воху, городъ, 346.
 Воэмъ, государство, 444.
 Брава, островъ, 141, 148, 166, 167.
 Бракна, племя, 171, 218, 264.
 Бракна, террорія, 287.
 Брамея, река, 332.
 Брамы, племя, 319.
 Бронгъ, городъ, 412, 434.
 Брассу, провинція, 333.
 Брассъ, ставція, 607.
 Буби, золотые пріски, 388.
 Бугомантъ, городъ, 681.
 Будіе, провинція, 303, 304.
 Бужаго, племя, 323, 325.
 Була, племя, 589.
 Буласасы, племя, 677.
 Булагы, племя, 640, 644.
 Булемане, городъ, 267.
 Булломы, народъ, 347, 355.
 Бумба, мѣстечко, 365.
 Бумбади, мѣстечко, 365.
 Бунди, городъ, 670, 673.
 Буне, городъ, 671.
 Бунса, городъ, 565.
 Бунунъ, река, 192.
 Бурбури, племя, 404.
 Бургу, земля, 532.
 Буре, область, 523.
 Бурумъ, округъ, 500.
 Бу-сба, племя, 255.
 Бусенупъ, племя, 639.
 Бусса, городъ, 492, 504, 571.
 Бусса, государство, 571.
 Буссамъ-Оче, озеро, 408.
 Бусси, племя, 377, 388.
 Буссо, страна, 436, 442, 444.
 Буссусасы, племя, 562.
 Бусумъ-Пра, озеро, 408.
 Бѣлый мысъ (Бланко), 177, 256.
 Бѣлый островъ (Бранко), 148, 159.
 Ба, городъ, 464.

В.

Вакарія, городъ, 345.
 Вальверде, городъ, 138, 139.
 Вансвахъ, факторія, 387.
 Вассавъ, племя, 414.
 Вассау, провинція 412, 427, 442.
 Веи, племя, 356, 378, 386.
 Веми, река, 448, 472.
 Венегуэръ, долина, 96.
 Верблюжій мысъ, 193.
 Вергобо, гора, 136.
 Вилла-да-Прайя, городъ, 164.
 Вилла-до-Порта, городъ, 43.
 Виллафранка, городъ, 48.
 Виннеба, пристань, 432.
 Виннебахъ, городъ, 412.
 Волуй островъ, 116.
 Вольта, река, 408, 410, 413—415, 433, 435, 446, 448.

Врасо, городъ, 432.
Вуди, городъ, 670.
Вукари, городъ, 612.
Вукхахъ, горы, 388.
Вурно, городъ, 567, 577.
Вурно, королевство, 559.
Вуруку, племя, 586, 578, 598.
Вушекъ, городъ, 671, 673.

Г.

Габери, племя, 677.
Га-дугу, река, 271.
Гала, городъ, 654.
Галаба, городъ, 521.
Галака, источникъ, 631.
Галинаси, племя, 356, 357, 378
Галинъясъ, островъ, 315.
Гальдаръ, городъ, 123, 139.
Гамарауа, провинція, 589.
Гамберу, городъ, 665.
Гамбійцы, народъ, 291.
Гамбія, колонія, 300.
Гамбія, река, 288, 289, 291, 297, 332.
Гамергу, племя, 672.
Гамінь, мѣстечко, 644.
Гана, королевство, 539.
Гангарантъ, область, 287.
Гангарантъ, река, 271.
Гандіоль, кантонъ, 193, 254, 284.
Ганда (Бакура), река, 567.
Гандигинъ, деревня, 644.
Гандо, городъ, 551.
Гандо, королевство, 559.
Гандонъ, уѣздъ, 284.
Гаражоной, островъ, 88.
Гарперъ, городъ, 390.
Гару, городъ, 546.
Гассауа, городъ, 562, 277.
Гассаны, племя, 205.
Гаусса, государство, 511, 534, 543, 551, 559, 562, 577, 655.
Гауссанцы, народъ, 554, 558, 656, 661.
Гауссуа, племя, 587, 662.
Газ, мѣстечко, 264.
Гвія, городъ, 139.
Гвидали, крѣп., 328.
Гвинея, страна, 316, 319, 326.
Геба, река, 174, 311, 318, 323, 504.
Гере, городъ, 615, 616.
Герки, городъ, 566, 577.
Гіамамъ (Гаманъ), государство, 427, 433, 443.
Гіеръ (Панієфуль, Мерингемъ), озеро, 192.
Гидимаха, земля, 287.
Гінги, река, 573.
Гинье, городъ, 531.
Гирабо, городъ, 433.
Гладжебо, пристань, 572.
Гле, озеро, 395, 399.
Глебо, племя, 399.
Глехуз, см. Ажуда.
Гоберасы, племя, 536, 562.
Гоберь, область, 554, 566.
Гого, городъ, 537, 546.
Годоме, деревня, 477.
Голасы, племя, 377.
Голеа, мѣст., 247.
Гомба, городъ, 493, 534.
Гомба, деревня, 569.
Гомбать, провинція, 443.
Гомбе, городъ, 600, 612.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Гомбори, гора, 535, 538.
Гомера, островъ, 124, 130, 131, 139.
Гонфуде, мѣстечко, 272.
Гореа, область, 196, 199, 212, 241, 246, 260–262, 282, 283.
Горта (Хорта), городъ, 58, 59, 282, 283.
«Горы́й берегъ», 112.
Госсенако, городъ, 562.
Грань-Канарія (Большая Кана-рия), островъ, 88, 96, 100–106, 108, 115, 118, 123, 139.
Градюза, островъ, 23, 32, 53, 61, 110.
Гребо, племя, 378.
Гуандіова, территорія, 435.
Гуанчи, племя, 103–106, 126.
Гуджба, городъ, 617, 671, 673.
Гумаръ, городъ, 129.
Гумбу, городъ, 531.
Гуммель, скала, 670.
Гумо, долина, 433.
Гундумп, область, 567.
Гупуй, поселение, 528.
Гурамъ, городъ, 534.
Гуре, городъ, 570.
Гуринъ, городъ, 598, 512.
Гуфей, городъ, 672.

Д.

Да, река, 430.
Даба, земля, 287.
Дабу, факторія, 403.
Дагана, городъ, 264, 285.
Дагано (Уало), область, 284.
Дагомба, королевство, 422, 436, 442, 444.
Дагомей, королевство, 414, 445, 451, 463, 454, 456, 471.
Дагомейцы, народъ, 458, 474.
Даза, племя, 628, 645, 651.
Дакалипо, племя, 208.
Дакаръ, городъ, 285.
Дакаръ, область, 210, 233, 236, 250.
Дакаръ, округъ, 285.
Дала, скала, 565.
Дамга, провинція, 230.
Дамергу, территорія, 561.
Дамиа, гора, 408.
Дамфари, страна, 287, 530.
Даніасси, провинція, 443.
Данкама, городъ, 563.
Данкира, племя, 414.
Данкира, страна, 412, 422, 447.
Дарфоръ, страна, 222, 617, 638.
Даура, городъ, 562.
Двіранса, мѣстечко, 431.
Двонгъ, городъ, 444.
Дебаба, племя, 677.
Дебена, мѣстечко, 522.
Дебо, озеро, 496, 532, 534.
Дела-Крунъ, гора, 132, 134.
Де-лос-Мучачосъ, гора, 132, 134.
Дель-Зедро, гора, 132, 134.
Демса, область, 593, 599.
Дендини, провинція, 569.
Деніанке, племя, 231.
Джаалла-Кота, деревня, 300.
Джааллаху, гора, 474.
Джаллонке, народъ, 221, 279, 291, 358.
Джалонъ-Дугу, область, 171.
Джара, городъ, 270.

Джеджи, племя, 451.
Дженди, земля, 408, 435.
Дженне, городъ, 532, 533.
Джигуши, племя, 307.
Джое, островъ, 301.
Джоква, городъ, 442.
Джолиба, река (Нигеръ), 521.
Джолафъ, область, 210, 213, 286.
Джонни-крикъ, река, 385.
Джордж-тоувъ, факторія, 299.
Джуабимъ, городъ, 431.
Джуабинъ, провинція, 413.
Джункъ, река, 369, 389.
Діабе-дугу, область, 287.
Діавара, племя, 269, 520.
Діагну, долина, 304.
Діака, городъ, 532.
Діала, мѣстечко, 270.
Діаласфаръ, область, 270.
Діангпрте, городъ, 270.
Діафарабе, мѣст., 532.
Дію, область, 251, 287.
Діаубохо, провинція, 270.
Дібелончи, городъ, 654.
Діди, деревня, 523.
Дікій острів (Брава), 152, 156.
Дікоа, городъ, 673.
Діксковъ, городъ, 442.
Дімарь, провинція, 230, 264, 286.
Дімма, гора, 289.
Дінгірай, городъ, 272.
Дірэ, мѣстечко, 534.
Ділоо, городъ, 673.
Домасы, племя, 590.
Дора, городъ, 547.
Дуабугу, селеніе, 528.
Дуашъ, область, 287.
Дуашъ, племя, 208.
Дугассу, городъ, 528.
Дуку, городъ, 601, 162.
Дучи, городъ, 552, 566.
Дуэнца, городъ, 534.
Дъега, городъ, 569.
Дюбайя, городъ, 365.
Дю-кокт, пристань, 264.
Дюкъ-таунъ, городъ, 608.

Ж.

Жандія, река, 521.
Жандія, полуостровъ, 116, 117.
Жанубіо, озеро, 89.
Желѣзная гора (Годейе), 369.
Желѣзный островъ (Ферро), 183.
Жережъ, факторія, 299.
Жирано, гора, 64.
Жоаль, городъ, 263, 283, 286.

З.

Загоши, городъ, 572.
Зеленаго мыса, острова, 141, 142, 146, 147, 152, 153.
Зеленый мысъ, 140, 173, 177.
Зенгъ-Нуми, городъ, 474.
Зибу, городъ, 588.
Зига-Пора-Зуз, территорія, 388, 390.
Загиншора, территорія, 302, 310.
Зогавы, племя, 640.
Зоглогбо, городъ, 474.
Золотая река, см. Сенегаль.
Золу, городъ, 388.
Зу-Зу, городъ, 388.
Зхиру, река, 601.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

I.

Іебу, племя, 460.
Іеди, городъ, 671, 673.
Іелу, городъ, 563.
Іенди, городъ, 444.
Іеу, рѣка, 504, 562, 566, 628, 651, 666, 670.
Іола, городъ, 598, 599, 612.
Іола, племя, 307.
Іоруба (Яриба), племя, 451—461, 463.
Іоруба, страна, 444, 484, 485, 573, 591, 592.

II.

Ібаданъ, городъ, 485.
Ібадавъ, государство, 488.
Іби, пристань, 601.
Ібосы, племя, 591, 592.
Ігаовт, деревня, 484.
Ігарри (Ігалла), народъ, 590.
Ігбенгбе, деревня, 604.
Ігбидо, городъ, 576.
Ігбигра, государство, 604.
Ідафе, скала, 134.
Ілла, городъ, 590, 605, 612.
Іджайе, городъ, 485.
Ідраренъ-Деренъ, гора, 1.
Ікодъ-де-лось-Винесъ, городъ, 129, 139.
Ікораду, озеро, 447.
Ікту, племя, 460.
Ікунгъ, городъ, 570.
Ілоринъ, городъ, 551, 572, 574, 577.
Інквантанъ, провинція, 430, 431, 443.
Інсудамъ, городъ, 431.
Інсугта, провинція, 443.
Ірлабе, область, 286.
Іслетъ, полуостровъ, 101, 105.

K.

Каарта, страна, 232, 269, 270, 513, 517, 519, 520.
Кабалла, городъ, 365.
Кабауа, племя, 519.
Кабба, рѣка, 365.
Кабиль, племя, 307.
Кабинда, племя, 608.
Кабрасъ, островъ, 52.
Кавалла, рѣка, 369, 390.
Каддера, рѣка, 583, 601.
Каде, мѣстечко, 329.
Кадуна (Лифумъ), рѣка, 505, 574.
Казаманка, рѣка, 301—310.
Кайарнъ (Хомакъ), озеро, 191.
Кайесть, городъ, 251, 252, 268.
Каймуты, племя, 307.
Кайоръ, область, 210, 213, 286.
Кайоръ, озеро, 264.
Каканда, племя, 576.
Какрима, рѣка, 288, 332.
Какулума, гора, 335.
Кала, городъ, 532.
Калабугу, пригородъ, 528.
Калаканди, государство, 571.
Кала-кафра, городъ, 580, 673.
Каламъ, королевство, 583, 600.
Кальдвелль, деревня, 387.
Кальдер-да-Санта-Барбара, го-
ра, 24.

Кальдера-де-Бандама, островъ, 119.
Кальдера-де-лось-Мартелесь, островъ, 119.
Кальдера-де-Техеда, горн. циркъ, 119
Камалле, гора, 616.
Камація, городъ, 566.
Камбари, племя, 569.
Камергу, племя, 662.
Камерунскія горы, 597.
Камерунъ, гора, 507.
Камане, гора, 566, 577.
Кана, городъ, 488.
Канарайцы, народъ, 110.
Канараки острова, 81—139.
Канга, городъ, 681.
Кангаба, городъ, 524.
Канемъ, страна, 645—654.
Канемъ-бу, племя, 648—650, 656, 662.
Канкантъ, область, 521, 522.
Канкарэ, деревня, 523.
Каво, городъ, 564, 577.
Кано, область, 575.
Кантакора, городъ, 577.
Кантичъ, мысъ, 21.
Кануріи, народъ, 587, 600, 662, 677.
Канылбакъ, островъ, 315, 316.
Каолакъ, округъ, 263, 286.
Карашское море, 16, 20.
Кардовъ, горы, 117.
Карпентера, скала, 363.
Касасокобули, городъ, 345.
Касръ-Энгоме (Бирни), городъ, 664.
Кассанга, племя, 304.
Кассини, лимантъ, 288, 315, 317.
Кассо, королевство, 270, 286.
Кассокано, городъ, 571.
Кассонке, племя, 221.
Катагумъ, городъ, 566, 577.
Катако, рѣка, 331.
Катаинга, городъ, 573.
Кая, городъ, 669.
Кауена, городъ, 555, 562, 577.
Кацена, область, 573.
Кашео, городъ, 320.
Кайлѣ, мѣстечко, 528.
Ква, племя, 596, 611.
Ква-ква, племя, 399.
Кванзампо (Тинтипо), городъ, 433, 434, 443.
Квеа, рѣка, 369.
Кветта, городъ, 442.
Кветта, лагуна, 410.
Кебби, область, 568.
Кебби, рѣчка, 506.
Кеза, островъ, 504.
Кель-ова, племя, 648.
Кеніеба, деревня, 268.
Кеніера, городъ, 512, 523.
Керибины, племя, 656.
Керри-Керри, племя, 661.
Керри-Керри, страна, 617.
Кете, городъ, 436, 444.
Кеффи (Кеффи-Абдъ-эсъ-Сенга), городъ, 603, 604, 612.
Кіеби, городъ, 412.
Кингъ-Унъямъ-таунъ, поселение, 379.
Кинджабо, городъ, 402.
Киротачи, городъ, 548.
Кисси, племя, 515.
Кита, гора, 272.

Кита, городъ, 189, 252, 272, 280, 286.
Ко, болото, 473.
Коба, государство, 330.
Кобитай, государство, 330.
Коболіа, городъ, 386.
Коге, городъ, 270.
Кодогусъ, мѣстечко, 643.
Кокороче, городъ, 681.
Кокофу, провинція, 431, 443.
Комбо, область, 298.
Комменда, городъ, 442.
Компони, рѣка, 330.
Кона, колонія, 533.
Конакри, деревня, 346.
Конго, государство, 615.
Конго, рѣка, 624, 682.
Конгро, озеро, 45.
Конгъ, городъ, 433, 522, 528.
Конгъ, горы, 395, 547.
Ково, племя, 356.
Констаки, городъ, 570.
Конча, городъ, 598.
Копеллать, мѣстечко, 49.
Кораба, рѣка, 497.
Коранца, провинція, 434, 443.
Корбелъя, островъ, 315.
Корво, островъ, 21, 23, 59—61, 138.
Коро, городъ, 386.
Коромантинъ, пристань, 601.
Коссу, племя, 357.
Котону (Аппи), портъ, 476.
Коямъ, племя, 656, 662.
Кландо, городъ, 439, 444.
Клонгъ, городъ, 439, 442.
Кракіе, городъ, 476, 444.
Кракіе, область, 444.
Красная гора (Монтанья Бер-меха), 126, 129.
Красный мысъ (Рохо), 177, 178.
Креда, племя, 653.
Креши, племя и городъ, 611, 612.
Кробо, государство, 439, 440, 442.
Кробо, племя, 425.
Кру, область, 389.
Крумены, народъ, 379—383, 608.
Кру-баръ, мѣстечко, 379.
Куампаниса, городъ, 571.
Куана, городъ, 584.
Куаръ, оазисъ, 646.
Кука, городъ, 615, 625, 637, 659, 663, 667, 673.
Кукасы, народъ, 640.
Кукинцы, племя, 677.
Кукуруку, племя, 590.
Куликоро, воен. постъ, 251, 285, 524, 525.
Кульфо, городъ, 570.
Кумаву, городъ, 431.
Кумасси, провинція, 429—432, 443.
Кумбре, портъ, 135.
Кунду, военный постъ, 272, 285.
Куніакари, городъ, 270.
Куніакари (Тараколе), рѣка, 186, 268.
Курайе, городъ, 487, 501.
Куранко, племя, 357, 358, 515.
Кури, народъ, 652.
Куромбо (Трибу), провинція, 444.
Куррефи, городъ, 560.
Кусукула, городъ, 672.
Кута, рѣка, 643.
Кути, племя, 640.
Куфусы племя, 677.

Кенъ-Кость, городъ, 442.
Кенъ-Кость, колонія, 408, 426,
428, 442.

Л.

Лабе, городъ, 289, 329.
Лагенсь, городъ, 56.
Лагобе, племя, 556.
Лагость, городъ, 441, 445, 480, 488.
Лагось, островъ, 478.
Лагу, рѣка, 394, 396.
Лагуна, городъ, 91, 92, 139.
Лагува, горы, 125.
«Лагуна Комаровъ», 192.
Лангдонъ, гора, 395.
Ландуманы, народъ, 339.
Ланзаротъ, островъ, 32, 83, 84, 87,
89, 91, 92, 104, 112, 122.
Лас, область, 286.
Лась-Пальмасъ, городъ, 120, 139.
Лахобе, племя, 303.
Леке, деревня, 479.
Либерія, страна, 365—392.
Либтако, провинція, 536, 547.
Лимба, племя, 356, 361.
Литль-Кру, поселеніе, 379.
Литль-Кепъ-Маунтъ-Риверъ, рѣка,
387.
Логозахи, городъ, 474, 488.
Логонъ, область, 672.
Логонъ, рѣка, 506, 624.
Логонъ-Корвакъ, городъ, 672.
Локко, портъ, 364.
Локоджа, городъ, 612.
Ломе, деревня, 467.
Лось, архипелагъ, 335, 346.
Лось-Льяносъ, городъ, 139.
Лось-Саузесъ, мѣстечко, 136.
Львиная, гора, 363.

М.

Маба, племя, 639, 643.
Мабани, городъ, 672.
Мавры, народъ, 207, 257.
Магаджири, озеро, 671.
Магарь, гора, 616.
Маги, область, 445.
Магинъ, округъ, 479.
Магони, племя, 655.
Магомери, городъ, 671, 673.
Мадера, архипелагъ, 64—80.
Мадина, городъ, 385.
Мадуари, городъ, 670.
Мазо, мѣстечко, 36.
Май-ду-гери, городъ, 673.
Майо, островъ, 140, 147, 156, 163,
166, 167.
Макадамъ-бугу, пость, 272.
Макари, племя, 675, 677.
Макъ-Иверъ, гора, 584.
Макъ-Карта, островъ, 299.
Малая Скарсия, рѣка, 335, 339,
353, 365.
Мали, городъ, 534.
Мали, королевство, 537.
Малый-Бассамъ, бухта, 396.
Малый-Буту, скала, 389.
Малый-Питочъ, гора, 80.
Малый-Попо, округъ, 415, 468,
487.
Мампонгъ, провинція, 431, 443.
Манга, племя, 651, 661, 662.
Манга, страна, 613, 645
Мандара, племя, 662.

Мандара, страна, 632, 633.
Мандиги, народъ, 180, 209, 283,
291—293, 297, 319, 388, 415, 521.

Манеа, рѣка, 335.

Маніана, племя, 316.

Мансу, городъ, 428, 430, 444.

Манюэль, мысъ, 261.

Мао, городъ, 653, 654.

Марабуты, народъ, 212.

Марали, городъ, 566.

Марали, рѣка, 567.

Марги, племя, 660—662.

Маррахъ, гора, 615, 617.

Марте, городъ, 671, 673.

Марфа, рѣка, 377.

Маршалъ, портъ, 389.

«Масляная рѣка», лимавы, 607.

Массалиты, племя, 639.

Масса-си, племя, 520.

Массеня, городъ, 680.

Массина, провинція, 513.

Матаконгъ, островъ, 335.

Матамъ, островъ, 264.

Маутъ («Мысъ Горы»), 385.

Махамиды, племя, 643.

Махи, провинція, 474.

Машена, городъ, 670, 673.

Мбиджемъ, округъ, 285.

Мбулу, рѣка, 672.

Мбумъ, племя, 589.

Мгарбы, племя, 647.

Медина, округъ, 199, 246, 269, 285.

Медого, гора, 6° 6'.

Мезурадо, графство, 392.

Мезурадо, мысъ, 369.

Мелла-Корея, рѣка, 180, 280, 340,

346, 350.

Менди, племя, 356.

Медифъ, горы, 61° 5'.

Мериландъ, графство, 392.

Мерингенъ, округъ, 284.

Мессаура, округъ, 499.

Мило, рѣка, 521.

Мина, племя, 425.

Минасы, племя, 452.

Минделло, архипелагъ, 158.

Миннеминне, племя, 645.

Мирикъ, мысъ, 192.

Миссене, городъ, 672.

Миши (Мичи), племя, 589.

Могодомъ, городъ, 671.

Моинсанъ, провинція, 443.

Моке-Форе, племя, 339.

Монбутту, племя, 223.

Монбутту, страна, 624.

Монровія, городъ, 371, 377, 386,

387, 390.

Монтанья-Бланка, гора, 112.

Монтапья-Клара, гора, 99, 110.

Монте-Верде, гора, 147.

Монте-Гордо, гора, 160.

Монте-Фамара, гора, 88, 111.

Мора, городъ, 673.

Моребія, рѣка, 335.

Морину, гора, 584.

Морро-Гранде, гора, 23.

Морро-до-Бразиль, вулканъ, 52.

Морфиль, островъ, 187, 191, 264.

Моссії, племя, 548.

Мпаль, городъ, 240, 285.

Музарду, террорія, 388, 390.

Мунію, городъ, 671.

Мурдія, городъ, 601.

Мури, горы, 584, 586.

Мусло, племя, 659.

Мысъ св. Павла, 445, 448.

Н.

Накуамачъ (Бамаши), государство, 570.

Налумы, племя, 323, 325.

Налусы, племя, 339.

Нана-Кру, поселеніе, 379.

Нглаа, городъ, 672, 673.

Нгаундере, городъ, 506, 598.

Нгигми, городъ, 627, 670.

Нгиджены, племя, 651, 654.

Нгорну, городъ, 667, 670, 673.

Нгурни, городъ, 654.

Нгурутуа, деревня, 670.

Ндацъ, городъ, 259.

Ндаръ, округъ, 285.

Нажими, городъ, 654.

Ндаго, кантонъ, 284.

Ндамбургъ, террорія, 285.

Нданге, округъ, 285.

Нлони, рѣка, 606.

Невольничій берегъ, 443—488.

Нела, деревня, 521.

Немъ-немъ (Емъ-емъ), племя, 586,
587.

Нерико, рѣка, 287.

Ніагассола, пость, 251, 271, 285.

Ніаконго, городъ, 533.

Ніанингъ, городъ, 263.

Ніогомера, городъ, 270.

Ніоро, городъ, 270.

Нігеръ, верхній, рѣка, 511—534.

Нігеръ, средній, рѣка, 534—548.

Ніки, королевство, 571.

Ніпро, мѣстечко, 644.

Нифу, племя, 379.

Неконіа, провинція, 444.

Ніранчъ, городъ, 432.

Новый Калабарь, городъ, 607,
609.

Новый Казабарь, рѣка, 516.

Нохуз, озеро, 448, 477.

Нта-фуфу (Гуандьюва), провинція,
443.

Нунъ, мысъ, 82.

Нунъ, рѣка, 508, 592.

Нуне, городъ, 577, 590.

Нуне, государство, 572, 574.

Нъелемы, племя, 679.

Намъ-Намъ, террорія, 578, 624.

О.

Область «рѣкъ Юга», 329—346.

Обомошо, городъ, 486, 488.

«Огненная гора», 112.

Огунъ, рѣка, 478, 481, 485.

Оде, пристань, 479.

Одумаси, городъ, 439, 442.

Ойбо, этапъ, 486.

Ойоно, рѣка, 510, 612.

Океаданъ, королевство, 478.

Окпара, рѣка, 478.

Окріка, городъ, 608.

Окуа, рѣка, 603.

Окуаго-Дюкоманга, пристань, 414.

Окуаго-Кодсабе, пристань, 444.

Окуріке, лиманъ, 612.

Ольдъ-таунъ, деревня, 611.

Оніча, городъ, 605, 612.

Оравго (Гараагъ), осгрювъ, 315.

Оротава, городъ, 128, 139.

Орфеллы, племя, 647.

Ослиный, мысъ, 503.

Осомарі, пристань, 606.

Осса, островъ, 478.
 «Острова Блаженыхъ», 81.
 «Острова на вѣтрѣ», 168.
 «Острова подъ вѣтромъ», 168.
 Оши, рѣка, 573.

П.

Пакао, провинція, 303.
 Пальма, деревня, 479.
 Пальма, островъ, 88, 89, 96, 100,
 105, 107, 132, 139.
 Пальмовый, мысъ, 389, 391, 397,
 403.
 Пами, деревня, 435, 444.
 Панда, городъ, 604.
 Панель, племя, 149, 320, 326.
 Пауль-да-Серра, ланда, 6^и.
 Пеки, городъ, 438.
 Перечный берегъ, 375.
 Песси, племя, 377.
 Пико, островъ, 23, 24, 56.
 Пико-Альта, гора, 24.
 Пико-да-Вара, гора, 24, 44, 59,
 61.
 Пико-да-Эспиранца, гора, 24.
 Пикъ, гора, 54, 55.
 Пикъ-де-Тейде (Эчайде), гора, 16,
 88, 91, 96, 126.
 Пикъ Короны, гора, 157.
 Пикъ-Креста (Пико-де-ла-Круцъ),
 гора, 46, 88.
 Пого, область, 443.
 Подоръ, округъ, 285.
 Позо-де-ла - Ніеве, островъ, 88,
 112.
 Поке, городъ, 427.
 Покра, королевство, 478.
 Понта, островъ, 315.
 Понта-Дельгада, городъ, 43, 48.
 Понта-Дельгада, округъ, 61.
 Порто-Гранде, городъ, 156.
 Порто-Ново, городъ, 445, 574, 576
 Порто-Санто, островъ, 67, 70, 72
 80.
 Портюдаль, округъ, 263, 286.
 Пра, рѣка, 439.
 Прайа, городъ, 53, 142.
 Прампрамъ, деревня, 433.
 Прасу, городъ, 430, 442.
 Принсиш, островъ, 507.
 Пунта де-ла-Дегеса, мысъ, 137.
 Пустынныи о-ва, 67, 72.
 Пуэрто-де-Кабрасъ, городъ, 117.
 Пуэрто-де-ла-Луцъ, портъ, 110.
 Пуэрто-де-ла-Санть-Ніевесь, пристань,
 123.
 Пуэрто-де-Наосъ, портъ, 113.
 Пуэрто-де-Оротава, городъ, 89, 90,
 129.
 Пуэрто-Рико, бухта, 129.

Р.

Рабба, городъ, 572, 573.
 Разо (Гладкій о-въ), 159.
 Раута, городъ, 600, 612.
 Рей-Буба, городъ, 598.
 Ріо-Гранде (Комба), рѣка, 174,
 288, 312, 314, 317, 318, 328.
 Ріо-дель-Рей, рѣка, 510, 597.
 Ріо-Кашео, рѣка, 302, 309, 311,
 327.
 Ріо-Нуньецъ, рѣка, 173, 174, 180,
 330, 331, 336.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Ріо-Понго, рѣка, 331, 336, 340,
 346, 360.
 Ріо-Сантъ-Педро (рѣка св. Петра),
 369.
 Ріо-Форкалость, рѣка, 509.
 Ріобаго, городъ, 599, 612.
 Рибейра-Брава, портъ, 160.
 Рибейра-Гранде, городъ, 49, 61,
 158, 164.
 Риверсайдъ, деревня, 439.
 Ригимъ, горы, 583.
 Робертсортъ, городъ, 385, 390.
 Роганъ-Кото, мѣстечко, 603.
 Рокель, рѣка, 173, 349, 353, 363.
 Рококо, гора, 486.
 Россъ, кантонъ, 284.
 Руиво (Красная гора), 67.
 Русвурмъ, островъ, 389.
 Рѣка св. Иоанна, 194.
 Рѣка св. Павла, 368, 375, 378, 388.
 Рюфисъ, городъ, 262, 285.

С.

Сабакано, городъ, 571.
 Сабрина, островъ, 47, 48.
 Сабусире, деревня, 269.
 Савалу, городъ, 474.
 Сави, деревня, 472.
 Сай, городъ, 493, 503, 534, 546,
 547.
 Сакерда, племя, 653.
 Салага, городъ, 435, 443.
 Салага, страна, 408.
 Саламатъ, племя, 598, 662, 677.
 Салумъ, трава, 213, 286, 372.
 Саль (Соляной о-въ), 141, 147, 156,
 160, 167.
 Сальде, округъ, 232, 264, 285.
 Сальморе, скалы, 138.
 Сальрей, городъ, 163.
 Самбаткила, мѣстечко, 522.
 Сананкоро, городъ, 521.
 Сангара (Сантарасы), племя, 340,
 575.
 Сангареа, рѣка, 330, 332.
 Санго-Катабъ, мѣстечко, 576.
 Сангомарь, островъ, 195.
 Сани, племя, 589, 660.
 Сансандинъ, городъ, 530, 531, 496.
 Сансане-Аисса, крѣость, 566.
 Санта-Барбара, котловина, 51.
 Санта-Круцъ, городъ, 53, 89, 90,
 108, 127, 139.
 Санта-Люція, островъ, 159.
 Санта-Марія, островъ, 22, 23, 28,
 43, 61.
 Санта-Урсула, гора, 128.
 Сану-Холе, рѣка, 242.
 Санъ-Винцентъ, островъ, 151—155,
 158, 166, 167.
 Санъ-Винцентъ, портъ, 157.
 Санъ - Кристовалъ (Бона - Виста),
 островъ, 163.
 Санъ-Мигуэль, островъ, 21, 23, 33,
 35, 39, 44—47, 61.
 Санъ-Мигуэль-де-Тегизе (Тегиза),
 городъ, 112.
 Санъ-Педро, рѣка, 394.
 Санъ-Себастіанъ, городъ, 131, 139.
 Санъ-Томе, островъ, 507.
 Санъ-Филиппе, островъ, 165.
 Сане, племя, 338.
 Сараки, городъ, 573, 577.
 Саранда, горы, 583.

Сарасы (Сара), племя, 678, 679.
 Сараколе (Сонинке), племя, 209,
 219—221, 232, 253, 516, 517, 527,
 531.
 Сарау, городъ, 598, 612.
 Саргассовое море, 21.
 Сардинасъ, портъ, 123.
 Саузаль, городъ, 128.
 Сафой, провинція, 443.
 Сафроко, племя, 356.
 Сахви, провинція, 427, 443.
 Св. Антонія, островъ, 141, 147,
 155—157, 167.
 Св. Георгія, мысъ, 63.
 Св. Георгія, островъ (Санъ-Жорже),
 23, 36, 54, 61.
 Св. Іакова, островъ (Сантъ-Іаго),
 140, 142, 148—150, 151—155, 163,
 167.
 Св. Креста (Санта-Круцъ), мысъ
 64.
 Св. Лаврентія, мысъ, 64, 67.
 Св. Николая, островъ, 155, 156, 159—
 160.
 Сегала, городъ, 530.
 Сегу, городъ, 527, 528.
 Сегу, область, 232, 513.
 Сегу-Сикоро, городъ, 528.
 Сегу-Коро, городъ, 528.
 Сегу-Кура, городъ, 528.
 Сегъ-Сегъ, городъ, 555.
 Сегъ-Сегъ (Capia, Co-Co), область,
 575.
 Седіу, пость, 301, 302, 308.
 Сельвагенъ, скалы, 80.
 Сенегаль, рѣка, 169, 171, 174, 179,
 180, 183, 190, 193—203, 206—209,
 219—223, 232, 236, 237, 240, 243,
 245, 246—282, 287.
 Сенегамбія, страна, 167—287.
 Сентъ-Андре, гора, 395.
 Сентъ-Бері, островъ, 296, 297.
 Сену-дебу, пость, 268 285.
 Сенъ-Жозефъ, крѣость 268.
 Сенъ-Жозефъ-Ніасобиль, мѣстеч-
 ко, 263.
 Сенъ-Жоржъ, пость, 309.
 Сенъ - Луи, округъ и городъ, 199,
 210, 211, 233—236, 244—246, 248,
 250, 252—255, 259, 279—282, 284,
 297.
 Сенъ-Пьеръ, крѣость, 268.
 Сереры, племя, 215—217, 283, 284,
 298.
 Сестра-Кру, поселеніе, 379.
 Сефуй, провинція, 443.
 Сефуръ, деревня, 274.
 Сіаде, провинція, 436, 444.
 Сієрра-Леоне, страна, 345—365.
 Сиби, деревня, 524.
 Сибила, городъ, 532.
 Сіндеръ, городъ, 546, 673.
 Сіндеръ, страна, 671.
 Сину, графство, 214, 286, 392.
 Сисильбе (Силлебау), племя, 556
 568.
 Скарси, рѣка, 174.
 Со, племя, 661.
 Соадра, городъ, 431.
 Согирма, городъ, 493, 577.
 Согорантъ (Джауамбѣ), 556.
 Соко, провинція, 443.
 Соколо, городъ, 532.
 Сокоро (Сокоросы), 675, 680.
 Сокото, городъ, 567, 570.
 Сокото, область 556—559.

- Сокото, река, 493, 505, 548—553.
569.
Сокоторо, пригородъ, 273.
Солнычи, племя, 358.
Сомено, деревня, 528.
Сомрап, народъ, 678.
Сонгай, племя, 547, 548, 559, 569.
Сангрогу, река, 302, 304.
Старый Калабарь, городъ, 609.
Старый Калабарь, страна, 578, 591,
596.
Столовая гора, 369.
Сублумъ, городъ, 387.
Сулери, городъ, 671, 673.
Сумата, мѣстечко, 365.
Суна, провинція, 308.
Сунго, река, 602.
Сунъ-ду-мали (Судумали), гора.
175.
Сурникио, городъ, 670.
Су-Су, горы, 333.
Су-Су, племя, 334—344, 358, 361,
515, 539.
Суфискъ, городъ, 235.
“Счастливые” острова, 81, 138.
Съверный Беле-дугу, область, 287.
Съверный Копоръ, область, 286.
Сюрии, городъ, 566, 567.

T₁

- Табачная гора, 369.
 Тадемаки, племя, 535.
 Тадниъ, горы, 507.
 Таккоронте, мѣстечко, 128.
 Талико, городъ, 365.
 Тама, горы, 639
 Тамасы, племя, 639.
 Тамба, мѣстечко, 272.
 Тамбакка, племя, 365.
 Тамбайу, область, 287.
 Тамбаура, городъ, 242.
 Тамбура, гора, 176.
 Тангала (Тангаласы), племя, 586, 587.
 Тангала, гора, 584.
 Танкиссо, см. Бафингъ.
 Танлія, лагуна, 214.
 Тантафора, деревня, 521.
 Тануэ, рѣка, 397, 409, 414.
 Тарабинъ, рѣка, 503.
 Тарква, городъ, 428, 442
 Тафассасеть, рѣка, 503.
 Тебула, мѣстечко, 600
 Тельде, городъ, 123, 139.
 Темби, рѣка, 494, 495.
 Тенда, терригорія, 287
 Тене, рѣка, 187, 274.
 Тенерифъ, островъ, 83, 89, 91, 97,
 104, 105, 108, 109 - 121, 125, 139,
 140.
 Теніахе, озеро, 191
 Тероръ, городъ, 123.
 Терсейра, острогъ, 25, 61.
 Тессая, городъ, 562.
 Тесси, деревня, 433.
 Тіапи, племя, 229
 Тіесъ, оврагъ, 259, 285
 Тиббусы, племя, 656, 661
 Тилли, городъ, 569.
 Тимбо, городъ, 272, 274
 Тиме, мѣстечко, 522
 Тинини, племя, 312, 353 - 354.
 Тинглингъ, гора, 583.
 Тинъ, округъ, 133, 593
 Тирдзэ, гора, 615, 618, 637

y.

- Уадай, страна, 637—645.
 Уалата (Бирю), городъ, 544.
 Уалата, оазисъ, 531, 535.
 Уало, область, 210, 213, 264.
 Уангара, страна, 506.
 Уандала, горы, 616.
 Уара, городъ, 639, 643.
 Уарп, деревня, 606.
 Уархоръ, деревня, 263.
 Уассулу, страна, 512, 516.
 Уассуусы, нація, 516, 519
 Убаку, городъ, 570.
 Удени, городъ, 603, 612.
 Удже, провинція, 672.
 Уладъ-Махмуд, племя, 530
 Уладъ-Мбарекъ, племя, 530.
 Уладъ-Тиннитъ, племя, 530.
 Уладъ-Уалата, племя, 530.
 Уладъ-эль-халиж, племя, 208.
 Уллан, государство, 299.
 Умонъ, лиманъ, 612
 Умъ-эръ-Гбіа, река, 184.
 Уолофы, народъ, 81, 149, 203, 208,
 210, 212, 214, 229—231, 244, 260,
 298
 „Уши Осма“, гора, 117.
 Узунъ, река, 586, 624, 682.

10

- Фа-луту, территорія, 287, 527.
 Фантазія, остронь, 23, 33, 56, 61.
 Фантазія, ріка, 333.
 Фантазія, ріка, 523.
 Фантазія, ріка, 533.
 Фантом, ріка, 187, 189, 201, 211,
 330, 343, 367, 368, 388, 392.
 Фантазія, плем'я, 587, 589.
 Фантазія, народъ, 411, 423.
 Фантазія, провинція, 403, 414, 442.
 Фарібоди, місечко, 268, 483.
 Фара-буту, городъ, 532.
 Фараніна, місечко, 521.
 Фаринці, городъ, 327.
 Фаріонеси, маси, 111.
 Фаре, ріка, 306, 507.
 Фе-гаты, народъ, 603.

x.

- Хабу, область, 301.
 Хабунке, деревня, 303.
 Хадеджа, городъ, 670, 673.
 Хайджаръ-Теусъ, уголь, 654.
 Халидагъ («Вѣчныи»), острова, 72.
 Халинъ-Ангамъ, гора, 177.
 Хамера, еграва, 287.
 Хандія, гора, 117.
 Харааревіе пороги, 503.
 Хассакъ, рѣка, 254.
 Хахо, озеро, 447.
 Хозамъ, племя, 677.
 Холмы Сестеръ, гора, 396.
 Христіанеборгъ, шорть, 411, 432,
 442.
 Хубусы, племя, 357, 358.
 Хума, кантонъ, 285.

୪

- Чадъ (Цале), озеро, 439, 507, 535,
548, 581, 613, 617—619, 625, 626,
628, 634, 637, 651, 654, 656, 661,
663, 667, 682.
Чамба, городъ, 598.
Чарко-Верде, источникъ, 136.
Чаро, городъ, 601.
Часна ссленіе, 129.
Черепашы (Галаагостъ), острова,
35.
Чипуде, ссленіе, 131.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Шама, городъ, 422, 628, 442.
 Шари, река, 615, 619, 624, 636, 655, 657, 662, 672, 678.
 Шерборо, островъ, 177, 178, 347, 360.
 Шифауа (Сифауа), городъ, 568.
 Ша, племя, 602, 643, 677.
 Шонга, пристань, 573, 577.
 Шугарь-Лофь, гора, 348.
- Θ.
- Эбо, городъ, 606, 612.
 Эбріе, лагуна, 397, 400, 403.
 Эгай, долина, 628.
- Эгба, племя, 460.
 Этга, городъ, 576, 577.
 Этобби, городъ, 575, 577.
 Эйо, племя, 595.
 Элефантъ-Айлендъ, островъ, 299.
 Эльмина, городъ, 412, 429, 430, 442.
 Эльфъ, городъ, 672.
 Эль-Холз, территорія, 530, 531.
 Эпе, городъ, 479.
 Эссемаку, городъ, 422.
 Эуэ, племя, 451—453, 463.
 Эуэме, страна, 451.
 Эфинъ, племя, 579, 612.
 Эффонъ (Шеби), племя, 577.

Ю.

Южный - Беле - дугу, территорія
287.

Я.

- Я, мѣстечко, 575.
 Якоба, городъ, 599, 600, 612.
 Якоба, область, 586.
 Ямина (Ньямина), городъ, 527.
 Ямина, деревня, 299.
 Яссинъ, провинція, 303, 304.
 Яуа, городъ, 644.
 Яури, провинція, 569, 570.
 Яхіа-бенъ-отмаръ, племя, 255.
-

А Л Ф А В И Т Н Й У К А З А Т Е Л Ь.

Томъ тринадцатый.

Южная Африка: Южный Атлантический океанъ.—Камерунъ.—Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—Мозамбикъ.—Занзибаръ.

А.

Аба-занзи, племя, 616.
А-барибо (а-баромбо), племя, 246.
Аба-тембу, племя, 521.
Абгали, племя, 743, 755.
Абенга, племя, 246.
Абердаре, горы, 696.
Абеши, племя, 756.
Або-буа, племя, 254.
А-бома, племя, 263, 264.
А-бонго, племя, 122.
Або (Абиянгъ), рѣка, 56.
Авера, племя, 398.
Агоа-Гранде, рѣка, 35.
Агульасъ («Игольный», мысъ, 415).
Аджумба, племя, 112.
АЗинго, озеро, 92, 112.
Айренситъ, гора, 728.
Аккасы, племя, 246, 247.
Ала, племя, 713, 750.
Алима, рѣка, 137, 175, 225, 259.
Алима, станція, 137, 259.
Аллула, страна, 757.
Альбертъ-Пикъ, гора, 53.
Альгоа, бухта, 415, 436, 438.
Ама-зиди, племя, 621.
Ама-коза, племя, 519, 520.
Ама-лавди, племя, 630.
Ама-пдебели, племя, 615.
А-манди, племя, 254.
А-марамба, озеро, 639.
Ама-суази, территорія, 542.
Ама-Тонга, полуостровъ, 425.
Ама-тоигасы, племя, 543.
Амбака, округъ, 342.
Амбака, станція, 356, 361.
Амбаканы, народъ, 342, 356.
Амбасскій островъ, 76.
Амбасси (Санъ-Сальвадоръ), городъ, 349.
Амбоэлла, племя, 339, 607.
Амбизеттъ, факторія, 351.
Амбризъ (Мбришъ), городъ, 352.

Ананге, озеро, 92.
Ангола, провинція, 307.
Ангошъ, округъ, 652.
Ангошъ, шортъ, 647, 652.
Ангра-Шекена, портъ, 407, 408.
Анкоръ, гора, 728.
Анкоръ, пристань, 759.
Аннобонъ, островъ, 10, 30, 31.
Аньясса, племя, 629.
Ананги, племя, 112.
Апинжи, племя, 112.
Апп-Фуру, племя, 256, 259, 260.
Арабы, народъ, 683.
Арахуми, рѣка, 159, 175.
Ассины, племя, 264.
Ассири, мысъ, 729.
Ауанши, племя, 112.
Ауашъ, рѣка, 727.
Ашанго, племя, 120.
Ашира, племя, 120.
Ашука, селевіе, 137.

Б.

Ба-ати, племя, 256.
Ба-банги, племя, 193.
Ба-бинди, племя, 276.
Ба-буэро, племя, 333.
Ба-вико, племя, 609.
Ба-вилы, племя, 112, 120, 124, 137.
Багамойо, городъ, 675, 676.
Базоруто, округъ, 652.
Ба-іёке (ба-іонго), племя, 206.
Байлундо, край, 333, 383.
Ба-яика, племя, 137.
Ба-калахари, племя, 443, 502, 511.
Ба-калз, племя, 110, 120.
Ба-камба, племя, 125.
Ба-канкала, племя, 340.
Ба-катла, племя, 508.
Бакишъ, племя, 63.
Бакоко, племя, 63, 79, 80.
Ба-конго, племя, 193, 284, 289.
Ба-куандо, племя, 340.
Ба-куба (байеуэ), племя, 282, 284.

Ба-кубалэ, племя, 340.
Ба-куирри, племя, 63, 64, 68, 71.
Ба-куиссы, племя, 340.
Ба-куанду, племя, 68.
Ба-куанду, равнина, 63.
Бакунду-ба-Мусака, городъ, 77.
Бакунду-ба-Намбела, городъ, 77.
Ба-куния, племя, 125.
Ба-куэна, племя, 508.
Баланби-ма-Мбу, городъ, 77.
Ба-доло, племя, 193, 239.
Ба-лонги, племя, 63, 69.
Ба-юхи, племя, 256.
Ба-луба, племя, 268, 277, 280.
Ба-лумбо, племя, 123, 124.
Ба-лунда, племя, 609.
Ба-мангута, племя, 509, 609, 612.
Бамба, племя, 328, 330.
Бамбу, племя, 259.
Бамбуку, племя, 63.
Бампа, портъ, 628.
Банана, городъ, 301, 302.
Банана, полуостровъ, 173.
Ба-нанека, племя, 340.
Ба-нано, племя, 333.
Ба-нгала, племя, 193, 239, 240.
Бангала, станція, 235.
Ба-ягуэ, племя, 112.
Бангулло, озеро, 147, 180, 199.
Банда, племя, 250.
Бардауэ, городъ, 604, 628.
Банза-Макута, городъ, 296.
Ба-никомби, племя, 340.
Ба-ноко, племя, 63, 79, 109.
Банту, народъ, 69, 191, 396, 443, 500.
Банья, лагуна, 121.
Ба-њип, племя, 619.
Баньянны, народъ, 684, 685.
Ба-шуко, племя, 63, 79, 109.
Ба-пунго, племя, 120.
Ба-путу, племя, 238.
Барапетта, племя, 719.
Барбертонъ, городъ, 562.
Бардера, городъ, 754.

- Ба-Риага, рѣка, 160.
 Баривго, озеро, 696, 720.
 Ба-ролонги, народъ, 307, 547, 550, 556.
 Бароце, королевство, 614, 615.
 Баръ-эль-Хайссанъ, побережье, 730.
 Ба-сенга, племя, 623.
 Ба-силика, племя, 510.
 Ба-симба, племя, 340, 396.
 Басоко, пость, 234.
 Басонжэ, племя, 268, 270, 284.
 Басса, племя, 53, 71.
 Ба-сунди, племя, 296.
 Ба-сую, племя, 416, 443, 512—516, 536.
 Бусуто-лэндъ, страна, 511—515.
 Ба-тавга, племя, 79, 80.
 Ба-теке, племя, 193, 259—261, 290, 292, 294.
 Ба-тлаши, племя, 503.
 Ба-тларо, племя, 504.
 Ба-тоана, нація, 509, 609, 612.
 Ба-тока, племя, 613.
 Батта, гора, 85.
 Батуа, племя, 282.
 Бауанкетси, племя, 508, 509.
 Бафарами, горы, 77.
 Бафарами, племя, 63.
 Ба-фють, племя, 126, 128, 193.
 Ба-фур, племя, 193.
 Ба-харутса, племя, 500, 508.
 Бахіа-дость-Тигресъ, гавань, 375.
 Бахіа-Пинда, гавань, 375.
 Ба-шупаленги, племя, 510.
 Ба-шуколомпо, племя, 613, 614.
 Ба-яка, племя, 120, 124.
 Ба-янзи, племя, 256, 291.
 Беджа, племя, 740.
 Беланда, племя, 250.
 Бельмонте, пость, 364.
 Бемба, племя, 200, 201.
 Бембанбекъ («Утесъ Молні»), холмъ, 171.
 Бенга, народъ, 109, 110.
 Бенго, порогъ, 314.
 Бенгузулла, городъ, 369.
 Бенгузулла-Вельхъ, крѣость, 368.
 Бендеръ-Аббасъ, городъ, 759.
 Бендеръ-Агоа, пристань, 757.
 Бендеръ-Хоръ, портъ, 758.
 Бенберъ, портъ, 759.
 Береа, округъ, 515.
 Берегъ Малинди, 687.
 Берегъ Момбаза, 687.
 Бетапіенъ, страна, 409.
 Бетума, племя 432.
 Бечуана-лендъ, страна, 499—511.
 Бечуаны, народъ, 500, 509, 510, 609.
 Бибуанди, деревня, 76.
 Била-кулу, племя, 580.
 Бималь, племя, 755.
 Бимбія, гавань, 56, 77.
 Бихеноси, народъ, 342.
 Бихз, область, 364, 383.
 Блантиръ, городъ, 629.
 Блумфонтейнъ (Блюмфонтейнъ) городъ, 435, 547.
 Бодентъ, горы, 132.
 Бодобо, станція, 290, 291.
 Большая Ба-Тавга, рѣка, 59.
 «Большая Кару», равнина, 416.
 Большой Элобей, островъ, 131, 132.
 Бона, городъ, 298, 303.
- Бомвана, племя, 522.
 Бони, племя, 711.
 Борани, племя, 751.
 Боуза, пость, 136.
 Борфоръ-Весть, станція, 470.
 Брава, рейдъ, 755.
 Брацдавиль, городъ, 264.
 Буасса, селеніе, 77.
 Буангги, племя, 256, 258.
 Буби, племя, 41, 42.
 Буба, островъ, 3.
 Будиманъ, племя, 63.
 Бузи, рѣка, 570, 571.
 Булу, племя, 107.
 Булуа, городъ, 792.
 Булумъ-Булу, степь, 412.
 Булхарь, городъ, 759.
 Бумба, рѣка, 660.
 Бунга, рѣка, 255, 259.
 Бунда, племя, 331, 334, 342.
 Бунджи, пость, 136.
 Бура, горы, 692.
 «Бурныя горы», 416, 417.
 Буры, народъ, 536, 545, 552, 555.
 Бухта Зачатія, 37.
 Бушменлэндъ, страна, 412, 462.
 Бушмены, народъ, 445, 447.
 Буз гора, 132.
 Буз, деревня, 77.
 Бэмба, городъ, 352.
 Бя-лалли, племя, 264, 267.
- В.**
- Ваалъ, рѣка, 419, 420, 492, 512.
 Вальфишъ, бухта, 388.
 Вармбадъ, городъ, 409.
 Ватербергъ, гора, 586.
 Веллингтонъ, мѣстечко, 468.
 Веруламъ, городъ, 535.
 «Вершина Компастъ», гора, 416.
 Викторія, станція, 70.
 Вилла-Гувейя, городъ, 652.
 Виту, городъ, 752.
 Волтасъ, мысъ, 422.
 Ворчестеръ, городъ, 470.
 Восточная Лу-Эбо, рѣка, 600.
 Восточные галласы, народъ, 724, 725.
 Восточные племя-орма, народъ, 748.
 Вонша, гора, 627.
 Вуа-бужуэ, племя, 231.
 Вуа-бэмба, племя, 227.
 Вуа-вина, племя, 231.
 Вуа-вира, племя, 227.
 Вуа-Галла, область, 216.
 Вуа-гома, племя, 226.
 Вуа-гуга, племя, 224.
 Вуа-Кахундже, деревня, 222.
 Вуа-климу, племя, 214.
 Вуа-киссинго, племя, 203.
 Вуа-комбэ, племя, 226.
 Ву-куири, племя, 76.
 Вуа-маньема, племя, 228, 231.
 Вуа-ніамези, племена, 212, 213.
 Вуа-регга, племя, 227, 228.
 Вуа-руа, племя, 224.
 Вуа-руида, племя, 227.
 Вуа-сиге, племя, 227.
 Вуа-сімалунго, племя, 226.
 Вуа-сонго, племя, 226.
 Вуа-санзи, племя, 227.
 Вуа-туа, племя, 191, 231.
 Вуа-тузи, племя, 219.
 Вуа-тута, племя, 217.
- Вуа-усси, племя, 203.
 Вуа-фіба, племя, 222.
 Вуа-хійя, племя, 231.
 Вуа-хха, племя, 218.
 Вури, племя, 63, 71.
 Вури, рѣка, 56, 78.
- Г.**
- Габовія, страна, 81—139.
 Габонъ, бухта, 88, 89.
 Габонъ, область, 32, 97.
 Габонъ, рѣка, 98, 99, 106, 132.
 Гадибурсы, племя, 760.
 Газаландъ, страна, 567—583.
 Гайка, племя, 519.
 Га-Коко, городъ, 287.
 Галека, племя, 519.
 Галифаксъ, портъ, 408.
 Галласы, народъ, 719.
 Галоа, племя, 107.
 Гамбарагара, гора, 182.
 Гамбось, городъ, 383.
 Гамсохона, городъ, 508.
 Гамтоа (Гамтоесь), рѣка, 423.
 Гангузала, племя, 283, 335, 372, 607.
 Гандала, городъ, 758.
 Ганъ-Либахъ, горы, 734.
 Ганъ-Либашъ, горы, 728.
 Гауритис («Большая рѣка»), рѣка, 423, 470.
 Гвардафуй, мысъ, 729.
 Гвинейское море, 1.
 Гайдельбергъ, городъ, 561.
 Гелей, гора, 689.
 Гелиди, городъ, 754.
 Глассъ, фактория, 132.
 Голистъ, гора, 728.
 Голубыя горы, 417.
 Голуаго-Альто, область, 360.
 Гомбэ, рѣка, 212.
 Гора-куа, племя, 452.
 Гонсало-Альварецъ, островъ, 11.
 Гора боговъ, 60, 63, 5, 776.
 Гора Гамильтона, 418.
 Гора Источниковъ, 418.
 Гора Митры, 85.
 Гооравхай, королевство, 205.
 Горы Ливингстона, 599, 656.
 Готтеноты, народъ, 449, 450—452.
 Греэмстаунъ, городъ, 473, 474.
 Гретъ-Кей, рѣка, 455.
 Грикваландъ-Весть (Грикуалендъ-Весть), страна, 504.
 Грикуа, племя, 452, 453, 491.
 Грикуастаунъ, мѣстечко, 499.
 Гратгемстаунъ, городъ, 435.
 Гуазо-и'Эрока, рѣка, 699.
 Гуей, рѣка, 615.
 Гуа-теви (аба-теви), племя, 580.
 Губулувайо, городъ, 622.
 Гугса (Гугза), рѣка, 730.
 Гумба, городъ, 383.
 Гумба, племя, 120.
 Гунди-Иньянга, гора, 570.
 Гунза, рѣка, 368.
 Гхаземъ, фортъ, 758.
- Д.**
- Да-мары, страна, 383—409.
 Даидэ, рѣка, 314, 354.
 Данкили, племя, 736.
 Дарико, племя, 609.

Дарь-эсъ-Салаамъ, городъ, 675.
Дасъ-Карбасъ, островъ, 32.
Дасъ-Роласъ, островъ, 32.
Де-Беерь, рудникъ, 497.
Делагоа, бухта, 565—568.
Джаванджа, селеніе, 79.
Джагга, племя, 115.
Джамба, гора, 311, 312.
Джамби, народъ, 259.
Джарсо, племя, 650.
Джебель-Тіуръ, островъ, 758.
Джемстоунъ, городъ, 23.
Джидда, племя, 750.
Джингене, государство, 280.
Джипо, озеро, 696.
Джуапа («Черная»), рѣка, 239.
Джуба, рѣка, 731, 737.
Джума, рѣка, 166.
Джуо, водопадъ, 150.
Джуэ, рѣка, 265.
Джуэ-ли-Мкоа, деревня, 680.
Дикомо, островъ, 628.
Дилоло, озеро, 165, 592.
Діэле, станція, 137.
Догилани, пустыня, 689.
Докало, племя, 710.
Долбоахты, племя, 758.
Домбэ-Грандэ, округъ, 369, и го-
родъ, 384.
Домбэ-Пекено, округъ, 369.
Донга, племя, 71.
Донго, городъ, 359.
Дондо, городъ, 359, 360, 362.
Доз, гора, 570.
Дракенбергенъ(Драконовы горы),
горы, 417.
Дуалла, племя, 63, 70, 72.
Дуке, городъ, 362.
Дума, пость, 136.
Дунгарета, портъ, 760.
Дунье-Буру, гора, 690.
Дунье-Лонгонокъ, гора, 690.
Дунье-ла-Ньюки, гора, 689.
Дунье-Нгэ, гора, 689.
Дунье-Эборъ, гора, 694.
Дунье-Эгеръ, гора, 695.
Дунье-Эрокъ-ля-Сижиари, гора,
695.
Дурбанъ, городъ, 532.
Дъэле, рѣка, 259.

3.

Замбезе (Замбези), рѣка, 583—607.
Зандехъ, раса, 78, 251, 253.
Занзибаръ, городъ, 685, 686.
Занзибаръ, островъ, 653—687.
Западная территорія Грикуа,
489—499.
Зеерустъ, городъ, 562.
Зейла, портъ, 759.
Зекоз, рѣка, 420.
Зіу-Зіу, рѣка, 588, 596.
Зоненте, озеро, 107.
Зуай, озеро, 727.
Зуги, рѣка, 587.
Зулусы, народъ, 443, 536, 538, 539,
540, 582.
Зумбо, мѣстечко, 623.

И.

Ибеа, племя, 63, 81.
Ибо, городъ, 650, 652.
Ибо, островъ, 641.

Ивили, племя, 112.
Ивиндо, рѣка, 90, 115.
Игумби-Иделэ, гора, 87.
Илдю, племя, 251.
Изангила, станція, 297.
Изубу, племя, 63, 64.
Икалемба, рѣка, 161, 176.
Иконду, мѣстечко, 233.
Илала, племя, 202, 203.
Иль-уакобъ, племя, 714.
Ильмъ-орма, племя, 747.
Индве, рѣка, 455.
Иннинга, племя, 107.
Инхамбанэ, страна, 567—583.
Инхамиссенго, рѣчн. устье, 600,
632.
Инхаміара, рѣка, 600.
Инха-Нгома, островъ, 596.
Ихангу, селеніе, 584.
Иньякъ, островъ, 425.
Йоматема, гора, 656.
И-рамба, племя, 205.
Исса, племя, 739.
Итайя, племя, 224.
Итимбира, рѣка, 176.
Итту, племя, 750.
Ифульма, рѣка, 221.
Ишабоз, островъ, 408.
Ишого, племя, 112.
Иэмба, мысъ, 223.

I.

Іелала, водопадъ, 168.

K.

Кабеса-де-Кобра, факторія, 351.
Кабесейра, мысъ, 648.
Кабинда, городъ, 140, 297.
Кабинды, племя, 129.
Кабого, мысъ, 152, 156.
Кабо-Дельгадо, округъ, 652.
Кабомпо, рѣка, 592.
Кабонда, городъ, 384.
Кабо-Нгеро, мысъ, 375.
Кавала, островъ, 226.
Кавирондо, край, 654, 713.
Кагерь, рѣка, 182.
Казембэ, государство, 194, 205.
Казенго, область, 360.
Казигао, гора, 692.
Каконго, область, 303.
Каконго, племя, 303.
Каконго-Сонго, городъ, 303.
Каконда, область, 384.
Какунаварь, рѣка, 317, 340.
Калабартъ, область, 33.
Каланжи, рѣка, 276.
Калахари, пустыня, 387, 440, 449.
Каледонъ, мѣстечко, 469.
Каледонъ, рѣка, 420, 443, 512.
Калибази, горы, 692.
Калидини, портъ, 722.
Калумбо, портъ, 359.
Калунда, племя, 271, 272, 283.
Кальвінія, городъ, 469.
Камбамба, водопадъ, 315.
Камбо, рѣка, 289.
Камеронъ, бухта, 3, 199.
Камерунъ, гора, 48.
Камерунъ, городъ, 78.
Камерунъ, мысъ, 58.
Камерунъ, рѣка, 56, 63.
Камерунъ, страна, 45—81.
Камма, племя, 120.

Камоландо (Западная Луа-Лаба),
рѣка, 150, 206.
Канга, гора, 635.
Канкобелла, городъ, 267.
Канкора, рѣка, 158.
Кансало, пороги, 595.
Кант-Гранде, гора, 32.
Кант-Пекено, гора, 32.
Каоко, область, 387, 399.
Каипороро, рѣка, 369, 374.
Капская, колонія, 455—580.
Кантз, плоскогорье, 689.
Кантз (Каштадътъ, Кэнтаувъ)
городъ, 463, 477.
Карагуз, область, 218.
Карема, станиця, 221.
Кару, область, 439.
Кассаи, рѣка, 165, 167, 175, 183,
187, 193, 268, 270, 282—284.
Кассали, озеро, 210.
Кассонго, село, 232.
Катару, рѣка, 727.
Катума, рѣка, 661.
Катумбелла, округъ, 316, 383.
Катумбелла, рѣка, 369.
Катумъ (Мкафу), рѣка, 222.
Кау, городъ, 753.
Ка-уанди, племя, 276.
Кафрарія, страна, 515—524.
Кафры, народъ, 517, 518.
Кафукуэ (Кафуэ. Кафакуэ), рѣка,
595, 606, 613, 620, 623.
Кахавгуа, мысъ, 226.
Кахунголо, городъ, 283.
Кахузэ, портъ, 219.
Квемане, городъ, 603, 630, 633
641, 647.
Кверимба, островъ, 650.
Квимбанди, племя, 335.
Кебрабаса, пороги, 595.
Кедровыя, горы, 412, 436.
Кей, рѣка, 416, 423, 464, 516, 520.
Кенія, гора, 687, 695, 696.
Керемъ, пристань, 759.
Кетимкуру, городъ, 201.
Кибонги, горы, 182.
Кибо, гора, 693.
Кибонго, городъ, 233.
Кибуны, рѣка, 660.
Кизанга, деревня, 651.
Кизи, островъ, 639.
Кизмай (Кизимай), портъ, 754.
Киконджа (Кассали), озеро, 205.
Кикуйу, плоскогорье, 689.
Кимемба, городъ, 208.
Кизефу, портъ, 722.
Килама-Кибуру, гора, 692.
Килами-Нджаро, гора, 654, 687,
692, 694, 701, 706.
Килима-иси, рѣка, 699.
Килоа-Кивиндже, портъ, 673.
Килоа-Кизиуани, деревня, 673.
Килюа, рѣка, 639.
Кимауэнзи, гора, 693.
Кимберлей, городъ, 495.
Кимберлей, округъ, 427.
Кимбуналу, городъ, 284.
Кименди, озеро, 78.
Кимпоко, область, 295.
Кингани, рѣка, 653, 660.
Кингвильямстаунъ, городъ, 475.
Киншасса, поселеніе, 295.
Кинини, городъ, 753.
Кирандо, бухта, 222.
Киранунъ, островъ, 691.
Кисси, островъ, 148.

Ки-тева, племя, 578.
 «Китовая бухта», 404.
 Китунгуэ, островъ, 639.
 Киши-Киши, портъ, 686.
 Кюко, племя, 193, 271, 283.
 Кюмбони, горы, 660.
 Кіулу, горы, 695.
 Клаанстанаут, городъ, 44.
 Кинсна, рѣка, 471.
 Кога, рѣка, 516.
 Кокавуэ, племя, 719.
 Кокотони, городъ, 686.
 Коистадъ, городъ, 524.
 Колобенгъ, городъ, 508.
 Комо, рѣка, 89, 107, 115, 119.
 Комсбергъ, гора, 416.
 Конагомба, мѣсто-ко, 383.
 Конго, государство, 291, 306, 384.
 Конго, область, 139, 306
 Конго, племена, 328.
 Конго, рѣка, 139—267.
 Кондусін, гавань, 649.
 Корана, племя, 451.
 Кориско, островъ, 88, 104, 107, 109.
 Корогеро, приставь, 675.
 Кота-Кота, портъ, 628.
 Кото, край, 270.
 Кристальный кряжъ, гора, 89.
 Кру, племя, 128.
 Куа, рѣка, 164, 175.
 Куа-Куа (Барабуавда), рѣка, 603, 632.
 Куа-куа, рѣчка, 57.
 Куама, см. Замбезе
 Куанго, рѣка, 166, 175, 189, 283, 287—291.
 Куавза, рѣка, 311, 314, 315, 379.
 Куа-Ндо (Тшобэ), рѣка, 586, 592.
 Куанхама, край, 397.
 Ку-Атиръ, долина, 585.
 Куатламба (Драконовы горы), 417.
 Ку-Банго, область, 532.
 Куи-балла, мѣстечко, 352.
 Куизипъ, область, 391.
 Куи-Киру, деревня, 215.
 Куилу, рѣка, 95.
 Кунссама, племя, 336, 339, 343.
 Кун-Ито, рѣка, 607.
 Куо, бухта, 370.
 Куйя, племя, 263.
 Кумба, городъ, 78.
 Кумба, племя, 109.
 Кунде-Ирунде, гора, 211.
 Кунене, рѣка, 342, 372, 374, 383, 391, 392.
 «Куполъ Льва», гора, 415.
 Куруманъ, городъ, 505.
 Куруманъ, рѣка, 505.
 Ку-Эбо, долина, 585.
 Кэнтаунъ, городъ, 435, 447, 463, 467, 477, 485.
 Кэнтаунъ, округъ, 467.

Л.

Дакундже, рѣка, 53
 Далли, рѣка, 95.
 Ламу, островъ, 753.
 Ландана, гавань, 188, 297.
 Ланджи, озеро, 150, 228.
 Лашбарэнэ, портъ, 136.
 Ластурвиль, пость, 136.
 Лась-Гора, мѣстечко, 758.
 Латаку, городъ, 504.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Ледисмитъ, городъ, 531, 334, 535.
 Лекети, станція, 137.
 Лекони, рѣка, 595.
 Лелунда, рѣка, 314.
 Леопольдия, городъ, 293, 294.
 Лепелоле (Молополе), городъ, 508.
 Лерибо, округъ, 515.
 Лефини, рѣка, 164, 175, 255, 256.
 Либа, рѣка, 592.
 Либолло, племя, 336.
 Либривиль, городъ, 132.
 Ливингстонъ, станція, 628.
 Лигонья, рѣка, 636.
 Лидеди, озеро, 640.
 Ликатлонгъ, рѣка, 505.
 Ликона (Ликуалла), рѣка, 164.
 Ликуалла, рѣка, 255, 259.
 Лимби, озеро, 639.
 Лимпопо, рѣка, 409, 427, 443, 508, 551, 563—565, 567, 568.
 Линди, бухта, 671, 672.
 Линзоло, станція, 267.
 Ливьянти, городъ, 611, 615.
 Лиссеуа, приставь, 628.
 Лиссока, мѣстечко, 77.
 Ліамба, горы, 661.
 Ліанзуудо, водопадъ, 316.
 Ліэмба, озеро, 222.
 Ліендзэ, долина, 223.
 Ло-Ангэ, рѣка, 166.
 Лоангри, селеніе, 138.
 Лоанго, королевство, 126.
 Лоанго, портъ, 297.
 Лоа-Нгуа, рѣка, 595.
 Лоанда, городъ, 319, 320, 355, 356, 359, 379, 384.
 Лобблэ, равнина, 592, 609.
 Лобомбо, горы, 551.
 Лоба, рѣка, 82.
 Ловили, гора, 311.
 Ложе, рѣка, 314, 352.
 Лойка, рѣка, 159, 175.
 Логинга, гора, 181.
 Ло-Мами, рѣка, 206, 268.
 Лопори, рѣка, 236.
 Лопури, рѣка, 247.
 Лоренсо-Маркезъ, территорія и городъ, 566, 652.
 Ло-Танбуа, рѣка, 165.
 Ло-Тембуа, рѣка, 592.
 Ло-Фу, рѣка, 223, 224.
 Ло-Фуко, долина, 224.
 Ло-Хемба, озеро, 147.
 Луабо, городъ, 632.
 Лу-Ама, рѣка, 158.
 Лу-Лаба (Верхняя Конго), рѣка, 158, 175, 181, 200, 228.
 Лу-Нге, рѣка, 284.
 Лу-Нгуа, рѣка, 181, 623, 625.
 Лу-Шула, рѣка, 149, 199, 200, 203, 228.
 Луассэ (Западная Лу-Эбо), рѣка, 600.
 Лу-Тута, рѣка, 585.
 Лу-Билахъ, рѣка, 159, 175, 199.
 Лу-Бури, рѣка, 150.
 Лу-Во, рѣка, 284.
 Лу-Дженда, рѣка, 636—645.
 Лу-Иза, рѣка, 276.
 Лу-Кала, рѣка, 316, 360—362.
 Лу-Кеніэ, рѣка, 167, 175.
 Лу-Колсла, станція, 290.
 Лу-Куга, рѣка, 150, 151, 157, 158, 228, 644.
 Лу-Кэбу (Мбуру), рѣка, 234.
 Лу-Лами, рѣка, 159.

Мангюэизо, поселение, 127.
 Манда, островъ, 753.
 Мандала, мѣстечко, 629.
 Ма-назда, племя, 578, 580.
 Манджобъ, мѣстечко, 568.
 Мандза, островъ, 76.
 Ма-ндоуа, племя, 580.
 Маника, округъ, 571, 582, 652.
 Манисса, рѣка, 427, 559, 562, 568.
 Маніанга, городъ, 199.
 Мансъ, гора, 295.
 Мань-банга, племя, 243.
 Ма-Ньема, область, 227.
 Ма-илемы, племя, 187.
 Манынджа, племя, 643.
 Маньяра, озеро, 689.
 Мапута, рѣка, 427, 537.
 Ма-рави, племя, 627.
 Маракуту, см. Кетимкуру.
 Маара, степь, 728.
 Маренга-Мхали, область, 679.
 Ма-римба (ма-иганья), племя, 625.
 Марихо, округъ, 508.
 Ма-ронгти, племя, 580.
 Ма-рунгу, племя, 224.
 Масаруа, племя, 511.
 Масеру, городъ, 515.
 Масимбуа, бухта, 641.
 Массаби, факторія, 138.
 Массантано, городъ, 359.
 Массара, племя, 511.
 Массикесса, мѣстечко, 502.
 Ма-сунії, племя, 613.
 Матади, портъ, 297.
 Ма-тамбуа, племя, 643.
 Матамбана, городъ, 615.
 Мататіель, поселение, 524.
 Матеба, островъ, 301.
 Ма-тебела (Матабеле), племя, 509, 551, 557, 615, 616, 624.
 Матабеленде (Матабелендъ), территорія, 615.
 Матемо, островъ, 650.
 Матошпо, горы, 570, 615.
 Матумба, озеро, 163.
 Матшаме, королевство, 706.
 Мау, плоскогорье, 689.
 Мафія, островъ, 680.
 Мафра, горы, 79.
 Ма-хенджэ, племя, 675.
 Ма-шона, страна, 569—620.
 Ма-шиндже, племя, 288, 289.
 Машона, племя, 621.
 Ма-яка, племя, 289, 290.
 Мбакши, племя, 115.
 Мбаривго, озеро, 691.
 Мбенга, племя, 115, 131.
 Мбо, племя, 396.
 Мбомо, рѣка, 140.
 Мбондже, племя, 256.
 Мбоши, племя, 259.
 Мбришъ, рѣка, 314, 352.
 Мбу, озеро, 55.
 Мбойз, деревня, 264.
 Мвутань-Нзинге, озеро, 152, 240.
 Мгунда-Мхами, пустыня, 678.
 Медо, племя, 644.
 Мексіасъ, проливъ, 92.
 Меламбъ, устье, 600.
 Мельвиль, мѣстечко, 471.
 Мель св. Лазаря, 641.
 Мемба, бухта, 641.
 Мема, рѣка, 54, 62.
 Мендиғъ, гора, 183.
 Мерка, портъ, 755.

Мессира, племя, 205.
 Мжитумса, деревня, 675.
 Мидильбургъ, городъ, 562.
 Миджертини, племя, 742, 757.
 Мисови, гора, 181.
 Микиндани, портъ, 671.
 Минувто, племя, 287.
 Миранга, гора, 570.
 Миримби, гора, 181.
 Митумбо, горы, 211.
 Михавані, племя, 644.
 Моала, городъ, 295.
 Моанія, рѣка, 59.
 Мозамбікский проливъ, 641.
 Мозамбікское теченіе, 640.
 Мозамбікъ, городъ и портъ, 633, 641, 648, 649.
 Мозамбікъ, колоніальн. владѣніе, 633—652.
 Мозамбікъ, островъ, 648.
 Мозоз, рѣка, 615, 624.
 Мокамбо, бухта, 640.
 Мокамбо, портъ, 641, 650.
 Мококуэ, озеро, 79.
 Мокулла, городъ, 351.
 Мокуирри, племя, 67.
 Мололо, притокъ, 421, 499, 507.
 Момбазъ, городъ, 721, 722.
 Момбера, санаторія, 628.
 Монбути, племя, 187, 191, 288, 231, 240—245, 251.
 Мо-Нгала, рѣка, 159, 206.
 Монго-ма-Лоба, гора, 48, 51.
 Монго-ма-Этивехъ, городъ, 50.
 Монгу, гора, 694.
 Монеа, мѣстечко, 631.
 Моніембо, племя, 256.
 Монтесье, бухта, 641, 651.
 Монъ-ву, народецъ, 245.
 Морамбала, гора, 600.
 Моріа, озеро, 211.
 Моруаххомо, городъ, 508.
 Моссамедесь, городъ, 344, 368.
 Моссамедесь, округъ, 371, 383.
 Москориль, бухта, 648.
 Моуз, предмѣстье, 291.
 Мозро, озеро, 149, 199, 201.
 Мозеру, гора, 695.
 Мпала, станція, 224.
 Мпозо, портъ, 297.
 Мпозо, рѣка, 168.
 Мпонгуэ, племя, 106.
 Мпуануа, станція, 679.
 Мпуре, рѣка, 175.
 Мпэтэ, полуостровъ, 223.
 Мсири, королевство, 200, 206.
 Мсуата, мѣстечко, 264.
 Мтандэ, племя, 622.
 Мтепуази, рѣка, 651.
 Мтонія, гора, 599.
 Мторанденга, мѣстность, 639.
 Мто-Тана, рѣка, 700.
 Муамби, бухта, 641, 650.
 Муамхакома, полуостровъ, 650.
 Мутата-Йиво, имперія, 268.
 Муйоло, племя, 328.
 Му-кассекэрэ, племя, 608.
 Мукенге, государство, 280.
 Мукозо, рѣка, 375.
 Мукоссо, племя, 609.
 Муксима, пость, 359.
 Муксингъ, область, 205.
 Муласса, городъ, 583.
 Мулата, гора, 728.
 Мулондо-Замби, гора, 314.
 Мунго, рѣка, 55—57, 63, 69, 77.

Му-ндомба, племя, 339, 343.
 Муни, рѣка, 88.
 Муннимуанта, городъ, 628.
 Муди, гора, 54.
 Мусоронго, племя, 328, 329.
 Мусседжи, племя, 109.
 Муссера, городъ, 351.
 Муссомбо, озеро, 315.
 Мута-Нзинге, озеро, 152, 13, 192, 199, 211.
 Мутумби, племя, 256.
 Муфуду, племя, 63.
 Мушиконго, племя, 328, 329.
 Мфимбуа, государство, 222.
 Мфими, рѣка, 167.
 Мфуа, пость, 264.
 Мфумбіро, гора, 182.
 Мшоби, городъ, 290.
 Мысь Обрѣзанія, 8.
 Мысь «Пеликанъ», 391.
 Мысь «Фетишъ», 91, 129.
 Мерайя, округъ, 757.

Н.

Набілэ, городъ, 614.
 Наганди, рѣка, 640.
 Назаретъ, бухта, 88, 91.
 Найваша, озеро, 690.
 Накуро, озеро, 691.
 Намагари, рѣка, 420.
 Нама-куа, страна, 383—407.
 Наміебъ, равнина, 388.
 Намули, горы, 634, 635, 644.
 Нанге-Нангэ, селеніе, 135.
 Нано, племя, 334.
 Наталь, страна, 524—537.
 Нгами, озеро, 587, 588, 607.
 Нганчу, пость, 263.
 Нгилл, селеніе, 136.
 Нгіри, озеро, 256.
 Нгомба, племя, 237, 253.
 Нгомбэ, станція, 290.
 Нгуао, область, 303.
 Нгунзи, племя, 237.
 Нгуніе, рѣка, 101, 136.
 Нджири, долина, 694.
 Ндорума, городъ, 251.
 Нжолэ, селеніе, 136.
 Николь, островъ, 77.
 Нинже, см. Сент-Жанъ.
 Ніамбамба, округъ, 212.
 Ніамези, племя, 192.
 Ніанга, рѣка, 93.
 Ніангугэ, городъ, 239.
 Ніанца (Ніанза), озеро, 151, 182.
 Ніамъ-Ніамъ, область, 240—255.
 Ніамъ-Ніамы, племя, 187, 191, 228, 240.
 Ніари-Бабуэндэ, пость, 137.
 Ніари-Лу-Дима, пость, 137.
 Ніевзвельдъ, см. Комсбергъ.
 Ніуту, пость, 137.
 Нкала, портъ, 649.
 Нкени, рѣка, 161, 171, 263.
 Нкисси, рѣка, 168.
 Нкомати, рѣка, 577.
 Нкоми, племя, 107.
 Нкуна («Прудъ Стэнли»), 167.
 Нкунджія, пость, 258.
 Н-Леллэ, деревня, 303.
 Ново-Редондо, городъ, 384.
 Ноки, портъ, 348.
 Нолэ, племя, 750.
 Нтамо, городъ, 293.
 Ншинда, городъ, 204.

Нынка, край, 700.
Ньюкастль, городъ, 535.
Нъя-Нтумбо, деревня, 675.
Нъисса, озеро, 597—599, 604, 624—633.

О.

Обамба, племя, 112.
Обомби, поселение, 136.
Ова-Зороту, островъ, 402.
Ова-иганджера (ганижера), племя, 398.
Ова-куамби (окуамби), племя, 398.
Ова-куныама (куанхама), племя, 398.
Ова-мбараанду (омбланду), племя, 398.
Ова-Мбо, острова, 392, 398.
Ова-Мпо, племя, 318.
Овенга, рѣка, 92.
Огаденъ, область, 734.
Огуз, область, 5, 111.
Огуз, рѣка, 89—93, 104, 112, 113, 133, 143.
Оерлами (см. Готтентоты).
Ози, рѣка, 700, 752.
Оканга, племя, 112.
Окарутхи (окуалуди), племя, 398.
Окафима (оакафина), племя, 398.
Окоа, племя, 123.
Оконга, племя, 263.
Окота, племя, 112, 259.
Окота, поселение, 136.
Олифантъ, рѣка, 436, 562.
Оломбинго, гора, 312.
Омаруру, уади, 391, 407.
Оматако, гора, 388.
Омбанджи, племя, 398.
Омбланду, племя, 397.
Омбуру, ключъ, 391.
Ондонга (Ндонга), государство, 397.
Оніико, гора, 87.
Ошій, городъ, 756.
Оранжевая республика, 543—550.
Оранжевая рѣка, 408—524.
Орунгу, племя, 107.
Оруssi, племя, 750.
Осізба, племя, 115.
Островъ Вознесенія, 24—30.
Островъ Горлицъ, см. Дасъ-Ро-лассъ.
Островъ до-Принсипе, 35.
Островъ Молвії, см. Кориско.
Островъ «Неприступный», 12.
Островъ Санта-Круль, 11.
Островъ св. Елены, 15—24.
Островъ св. Матвія, 9.
Островъ св. Єомы, 32—34.
Островъ Тюленей, 456.
Отави, гора, 388.
Отомби, горы, 87.
Отьимбинге, миссионерск. станъ, 400.

П.

Пагуане, вародъ, 116—119.
Пальмовый мысъ, 1, 3.
Памаломбо, озеро, 600.
Памба, городъ, 361.
Памба, рѣка, 361.
Памбэтэ, бухта, 441.
Памбэтэ, деревня, 223.

Пангани, городъ, 687, 721.
Пангани, рѣка, 687, 696, 698, 707.
Панда-ма-Генка, мѣстечко, 615.
Паншалы, племя, 750.
Пасса, рѣка, 136.
Патта, островъ, 753.
Пемба, островъ, 686.
Пенда, племя, 284.
Перль, село, 468.
Перси, гора, 54.
Пикъ-Девиль, гора, 415.
Пикъ Льявола, гора, 467.
Пикъ Жаворонка, гора, 54.
Пикъ Жаннеты, 561.
Питеръ-Марицбургъ, городъ, 534—536.
Пинель, мѣстность, 492, 493.
Пово-Гранде, селеніе, 139.
Покомани, рѣка, 711.
Покомо, племя, 712.
Помбо, станція, 137.
Пондо, племя, 523.
Пондрозъ, территорія, 523.
Понта-да-Ленха (Понта-да-Ленья), станція, 301, 302.
Понта-Негра, мысъ, 138.
Пороги „Стэнли“, станція, 239.
Порт-до-Ильео, бухта, 407.
Портъ-Бофоръ, колонія, 470.
Портъ Гардингъ, 531.
Портъ Елпазеты, городъ, 471, 472, 473.
Портъ-Наталь (Дурбанъ), 532, 533.
Портъ-Скоттъ, 531.
Прайя-Ланса, гора, 31.
Преторія, городъ, 561, 562.
Пунго-Ндонго, городъ, 362—363.

Р.

Рабай, пость, 708.
Рамбоз, рѣка, 136.
Ра-нахоя, племя, 609.
Рандебергъ, гора, 418.
Ранъямъ, рѣка, 615.
Расъ-Филюкъ, мысъ, 757.
Расъ-Хафундъ, мысъ, 729.
Рахануини, нація, 743, 751.
Ретта, племя, 192.
Республика „Адаманта“, 490.
Риба-Риба, мѣстечко, 233.
Ривердейл, городъ, 470.
Рику, озеро, 152.
Рикуру, рѣка 628.
Ріо-дель-Рей, рѣка, 53, 54, 75.
Ріо-Муни, бухта, 131.
Ро-вума, племя, 625.
Ро-Вума, рѣка, 633, 636, 640, 642, 643, 653, 654, 664.
Ротс, племя, 626.
Руанда, городъ, 225.
Руа, племя, 192, 205, 206, 208, 268.
Ру-ха, рѣка, 659.
Рубехо, горы, 656.
Руки (Черная), рѣка, 161.
Румби, гора, 53.
Руо (Луо), рѣка, 600.
Ру-Сизи, рѣка, 151, 155, 156, 199, 227.
Рустенбургъ, городъ, 562.
Ру-Фиджи, племя, 625.
Ру-Фиджи, рѣка, 659, 660, 661.
Ру-Фу, рѣка, 653, 655.
Рѣка «Вѣдьмы», 469.
Рѣка «Крокодиловъ», 171.

С.

Саандани, городъ, 653, 677.
Сабаки, рѣка, 696, 699, 700.
Саби, рѣка, 567, 570, 580.
Салданъя, озеро, 468.
Самауанака, портъ, 759.
Санкуру (Санкулу), рѣка, 165, 187, 270.
Саны, племя, 446.
Санта-Анна-Шавесь, гора, 35.
Санта-Изабелла, гора, 36.
Санта-Люcia, бухта, 424.
Сантъ-Жануаріо, колонія, 373.
Сантъ-Жозе, крѣпость, 353.
Сантъ-Карлосъ, бухта, 38.
Сантъ-Сальвадоръ, городъ, 297, 350.
Саныти, рѣка, 615.
Себи, племя, 236.
Себитуани (Зебитуани), государство, 610.
Сели (му-сели), племя, 339.
Селза, племя, 626.
«Семь крижей», горы, 86.
Сена, округъ, 652.
Сенку, рѣка, 356, 420.
Сенкуніана, рѣка, 418.
Сенна, городъ, 624.
Сентъ-Жанъ, мысъ, 86, 87, 131.
Серамбо, городъ, 216, 218.
Сешока, городъ, 614, 631.
Сижирари, гора, 595.
Силинди, гора, 569.
Симба, рѣка, 660.
Симонстаунъ, городъ, 467.
Синга, государство, 202.
Сипумгамили, гора, 569.
Слоновая гора (см. Муоди), 60, 79.
Слоновая рѣка, 423, 428.
Собать, рѣка, 731.
Соляные горы, 418.
Соловинный островъ, 12.
Сомали, народъ, 735—741, 752.
Сомалія (Сомаль), страна, 723.
Сонго, племя, 336.
Сонъо, племя, 328.
Сопа, селеніе, 77.
Сота-Тонга, гора, 570.
Софала, городъ, 575, 582, 640, 652.
Софала, округъ, 652.
Стандертонъ, городъ, 561.
«Сто Водопадовъ», 421.
Столовая гора, 415, 456.
Столь, гора, 54.
Стэнли-Пулы, озеро, 248.
Суелаба, мысъ, 53, 58.
Сѣверная Маніка, страна, 614.
Сѣдло, гора, 54.

Т.

Табора, мѣстечко, 215.
Таджурахъ (Таджура), заливъ, 760.
Такунъ, источникъ, 504.
Талло-Манонго, гора, 311.
Тана, портъ, 687, 699, 700.
Танга (Муоа), городъ, 721.
Танганика (Танганика), озеро, 151—157, 181, 192, 199, 211—228.
Тангата, бухта, 700.
Тангаунку, городъ, 723.
Тати, рѣка, 559.
Тейта, гора, 708.
Тете, городъ, 604, 628, 652.
Тетэ и Зумбо, округъ, 652.

Типпо-Типъ, 182, 234.
Тока, племя, 626.
Токуина, река, 758.
Тонка, 587.
Тонта, племя, 578, 580.
Топнаары, племя, 403.
Трансвааль, республика, 557, 559.
Тристанъ д'Акунья, островъ, 2, 8,
 12—15.
Тсоакхуба, мѣстечко, 392.
Тубинди, племя, 277.
Тугела (Тужела), река, 424, 443,
 534, 538.
Тумбату, островъ, 686.
Тунгга, городъ, 296.
Туни, коса, 732.
Туви, племя, 743, 755.
Тушиловиц, племя, 193.
Тхаба-Боссиго, округъ, 515.
Тхаба-Нішо, городъ, 548.
Тхабо-нишо, племя, 550.
Тшама-Тшама, село, 577.
Тшіонго, камень, 171.
Тшоби, племя, 579.

У.

Уа-бена, племя, 669.
Уа-бизы, племя, 202, 203.
Уа-гого, племя, 669.
Уа-гово, племя, 705.
Уаданы, племя, 755.
Уадиго, племя, 708.
Уа-доэ, племя, 668.
Уа-дурума, племя, 708.
Уа-дуэ, племя, 752.
Уа-жеджа, племя, 669.
Уа-зарамо, племя, 667.
Уа-зегуха, племя, 668.
Уа-кагуру, племя, 669.
Уа-каммазія, племя, 720.
Уа-камба, племя, 708, 712, 713.
Уа-ками, племя, 668.
Уа-кикуй племя, 712.
Уа-куафи, племя, 713, 714.
Уа-куэрэ, племя, 668.
Уа-кхуту, племя, 668.
Уилага, река, 636.
Уали-хуху племя, 666.
Уа-меги, племя, 669.
Уами, река, 655, 656, 660.
Уа-муара, племя, 666.
Уа-нгивдо, племя, 666, 675.
Уанго, река, 92.
Уа-нгуру, племя, 668.
Уа-нинди, племя, 644.
Уа-нія-канька, племя, 667.
Уа-ніка, племя, 700, 707.
Уньянго, мѣстечко, 646.
Уа-пакомо, племя, 699.
Уа-парэ, племя, 704.
Уа-рима, племя, 676.
Уариро, гора, 727.
Уа-руву, племя, 704.
Уаршекъ деревня, 756.
Уарь-сангели, племя, 758.
Уа-сагара, племя, 669.
Уа-самбара, племя, 702.
Уа-саніахи, племя, 711.
Уа-силикомо, племя, 713.
Уа-тавета, народъ, 705.
Уа-тишунгу, племя, 625.
Уа-гита, племя, 708.
Уа-хехе, племя, 669.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Уа-хіло (ю), племя, 646.
Уа-хума, племя, 656.
Уа-эльгейо, племя, 720.
У-банги, племя, 255.
У-банги, река, 80, 160, 164, 175,
 176, 183, 199, 255, 259.
У-бири, гора, 569.
У-Буари, полуостровъ, 227.
У-бума, племя, 193.
У-Винца, область, 219.
У-Галла, страна, 221.
У-Гого, область, 220, 656, 664, 679.
У-Гома, область, 220.
У-Гоно, гора, 692.
У-Гуа, скала, 224.
У-Гунда, страна, 216.
У-Джиджи, округъ, 219.
У-Самбара, горы, 692, 704.
У-Самба, племя, 206.
У-Карага, область, 219.
У-Кахунда, страна, 221.
У-Кереди, река, 671.
У-Кононга, государство, 222.
Улу, горы, 695.
Улунди, городъ, 543.
Умбэ, племя, 299.
Умгони, племя, 577.
Уитата, городъ, 522.
Умъ-Волози, река, 538, 543.
Умъ-Джени, река, 534.
Умъ-Зимбубу, река, 423.
Умъ-Зимбулу, река, 531.
Умъ-Зумон, река, 531.
Умъ-Кози, река, 622.
Умъ-Памбивони, река, 531.
Умъ-Тавуна, река, 531.
Умъ-Тата, река, 523.
Унгана, бухта, 701.
Унгенге, племя, 610.
У-Ніамези, государство, 212, 213.
У-Ніамези, озеро, 451.
У-Ніамези, племя, 217.
Унодуенго, городъ, 543.
У-ндороббо, племя, 718.
Упото, горы, 335.
У-Рамбо, городъ, 216.
У-Рангга река, 659, 660.
У-Руа, племя, 188, 205.
У-Рунгу, страна, 222.
У-Рунда, область, 227.
Уруру, река, 699.
У-Сагара, племя, 669.
У-Самбара, гора, 703.
У-Самбара, область, 703.
У-Сонгора, гора, 182, 222.
У-таби, горы, 569.
Утесь птицъ, 469.
У-Фиба, государство, 222.
У-Хха, область, 218.
Уэби, река, 727, 732, 748.
Уэй-Уэй, река, 691, 720.
Уэлле, река, 240—255.
Уэнья, племя, 234.
У-Юун, мѣстечко, 215.

Ф.

Фанъ, племя, 115.
Фернандо-Веллозо, заливъ, 649.
Фернандо-По, островъ, 30, 32, 36—
 45.
Финго (аманъ-фингу), племя, 518.
Франсевиль, станція, 136.
Фріо, бухта, 404.

Х.

Хабръ-ауаль, племя, 789, 752.
Хабръ-тахръ - хаджи, племя, 752,
 758.
Хабръ-толъ, нація, 752, 759.
Хаист, гора, 728.
Хариба, ущелье, 595.
Хари, река, 82, 248.
Харрарь, городъ, 760.
Хауїя, народъ, 743, 751.
Хама, гора, 728.
Ханіе, городъ, 508.
Хашійя, племя, 743.
Хаусса, племя, 305.
Хейсь, пристань, 759.
Хереро, горы, 586.
Хереро, племя, 400, 401.
Хиганъ, река, 421, 499.
Хленга, племя, 580.
Хогга, озеро, 727.
Холло, племя, 289.
Хойнъ-хойны, племя, 452.
Хумпата, см. Санъ-Жануаріо.

Ц.

Цаво, река, 699.
Цомбэ, деревня, 223.

Ч.

Чага, область, 706.
Чази, река, 147.
Чала, бассейнъ, 694.
Чамбезе, река, 148, 200.
Чикала, гора, 638.
Чикаронго, водопадъ, 595.
Чимѣт-Бванда, городъ, 303.
Читамбо, село, 203.
Чихумба, река, 283.
Чиагулу, цитадель, 646.
Чіута, озеро, 638.
Чоя, городъ, 303.
Чобэ, озеро, 591 (Куа-Нда).
Чомбэ, гора, 630.
Чуамбо, портъ, 632.
Чумбира, гора, 291.

Ш.

Шагга, городъ, 753.
Шаки-Шаки, городъ, 686.
Шампань-кэстль, гора, 418.
Шангамира, страна, 624.
Шангани, городъ, 686.
Шаша, река, 559.
Шекіани, племя, 109.
Шелла, горы, 312.
Шизимодо, островъ, 628.
Ши-Лоанго, река, 138.
Шилоанз, островъ, 581.
Шиншошо, честь, 138.
Шиперони, горы, 635.
Широкая, река, 423.
Широнжи, городъ, 627.
Шируа, озеро, 635.
Ширэ, река, 624—630.
Шіуку, река, 160.
Шошонгъ, городъ, 509, 510, 551.
Штолъценфельсъ, колонія, 410.
Шупанга, мѣстечко, 631.
Шэри, река, 731, 732.

*

Э.

- Эгара, племя, 109.
Эгито, городъ, 326.
Эдендалъ, городъ, 536.
Эдэя, река, 59.
Экваториальный, городъ, 238.
Элобей, островъ, 88.
Элонга, гора, 311.

Эльгонъ, гора, 696.

Эльметейта, озеро, 691.

Эмбата, племя, 254.

Энниа, племя, 747.

Эстейрась, мысъ, 88.

Этоша, солончакъ, 318.

Ю.

Юль, племя, 750.

Я.

- Я, племя, 750.
Яблинга, река, 69.
Янбонго, племя, 112.
Ямбумбу, городъ, 235.
Ямво, королевство, 367.
Яо (аджауа), племя, 629.
Яффаръ, горн. проходъ, 728.

